

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ СXXXVIII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХХХVIII.

1914

ПЕТРОГРАДЪ

Тип. Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время», Эртелевъ, 13

1914

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ.

ОКТАБРЬ 1914 г.

С РАЧ.

Славянскіе орлы. Стихотвореніе. **И. Соколова**. V

Историческая лѣтопись. VII—LXV

Иллюстраціи: 1) Его величество императоръ Японіи Юшихито.—2) Министръ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ.—3) Морской министръ адмиралъ Иванъ Константиновичъ Григоровичъ.—4) Начальникъ главнаго штаба генераль-отъ инфантеріи Николай Петровичъ Михневичъ.—5) Командующій морскими силами въ Балтійскомъ морѣ адмиралъ Н. О. фонъ Эссенъ.—6) Начальникъ штаба дѣйствующей арміи генераль Н. Н. Янушкевичъ.—7) Генералиссимусъ французскихъ войскъ генераль Жофрр.—8) Главнокомандующій англійской арміей лордъ Китченеръ.

Къ читателямъ. XLV

Отчетъ о пожертвованіяхъ на лазаретъ, оборудованный «Историческимъ Вѣстникомъ». XLVI

- I. На родной почвѣ. (Романъ). Часть вторая. XIX—XXIV. (Продолженіе). **М. Г. Веселковой-Гильштетъ**. 1
- II. Изъ воспоминаній стараго эриванца. (1832—1839 гг.). (Продолженіе). **А. Ф. Рукевича**. 39
- III. За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). **В. Б. Бергесона**. 53
- IV. Тѣни прошлаго. **І. І. Яеинскаго-Бѣлинскаго**. 87
- V. Вильгельмъ II въ собственномъ освѣщеніи. **О. О. Трозиера**. 94
- VI. Ужасы города. (Изъ повседневныхъ исторій). (Продолженіе). **В. В. Уманова-Каплуновскаго**. 113
- VII. Война въ жизни и творчествѣ Лермонтова. **С. В. фонъ-Штейна**. 135
- VIII. Забытый писатель. **И. И. Гурвича**. 152
Иллюстрація: 1) Д. И. Стахѣвъ.
- IX. «Культура» и «битва народовъ». (Объ историческомъ элементѣ на лейпцигской выставкѣ «печати и графики»). **А. Е. Евгеньева**. 179
- X. Анна Васильевна Гоголь. (Мое знакомство и переписка съ нею). (Окончаніе). **А. М. Черницкой**. 189
Иллюстрація: 1) Анна Васильевна Гоголь.
- XI. Прологъ русско-японской войны. (Архивные матеріалы). XLVIII. (Продолженіе). **Б. Б. Глинскаго**. 227
- XII. Городъ св. Николая. **Н. О. Акаѣмова**. 235
Иллюстраціи: 1) Старинный планъ Бари.—2) Базилика св. Николая съ западной стороны.—3) Главный входъ въ базилику св. Николая. По сторонамъ колонны на львахъ. Надъ дверью—икона св. Николая, закрытая щитомъ съ итальянскимъ гербомъ.—4) Базилика св. Николая съ южной стороны. Справа видны окна «крыты».—5) Крыта базилика св. Николая. Справа за рѣшеткой—колонна, перенесенная, по преданію, чудеснымъ образомъ изъ мирликійскаго храма.—6) Алтарь, подъ которымъ покоятся мощи св. Николая.—7) Нижняя часть алтара, подъ которымъ покоятся мощи св. Николая. Посрединѣ—дверцы, дающія доступъ подъ алтарь.—8) Древняя икона св. Николая въ базиликѣ.—9) Внутренній видъ базилики св. Николая.—10) Византійская икона въ базиликѣ св. Николая.—11) Памятникъ королевѣ Вонѣ въ храмѣ св. Николая. Посрединѣ—епископскій тронъ епископа Илія.—12) Видъ замка и новаго порта.
- XIII. Изъ записной книжки историка. (Россія и Австро-Венгрія.—Война и «нейтральная» державы: Румынія и Болгарія). **Е. Шумигорскаго**. 261

XIV. Критика и библиографія.

1) Les prémices de l'alliance franco-russe. Deux missions de Barthélemy de Lesseps à Saint-Petersbourg 1806 — 1807 d'après sa correspondance inédite.—Par commandant Jean de la Tour. Paris. 1914.—(Зачатки франко-русского союза. Дѣя мисси Вартеlemi Лессепса въ Петербургъ въ 1806—1807 г.г. Составилъ по его неизданной перепискѣ. Жанъ-дела-Туръ. Парижъ. 1914). 2) Н. П. Черепнинъ. Императорское воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ. Историческій очеркъ. 1764—1914. Томъ первый. Петроградъ. 1914. И. Г. Р.—3) И. Кирилловъ. Третій Римъ. Очеркъ историческаго развитія идеи русскаго мессіанизма. М. 1914. Ним. Ефимова.—4) И. Г. Прыжковъ. Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа. Казань. 1914. А. Фаресова.—5) В. А. Евреиновъ. Крестьянское дѣло по положенію 19 февраля 1861 г. Историческій очеркъ. Петроградъ. 1913. В. ш.—6) В. И. Симановъ. Сборникъ деревенскихъ частушекъ Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской губерній. Съ приложеніемъ нотъ и подробнаго библиографическаго указателя литературы. Ярославль. 1918. В. Данилова.—7) Историческая библиотека. Памятники русской литературы. А. Н. Аванасьевъ. Народныя русскія легенды. Подъ редакціей И. П. Кочергина. Съ приложеніемъ портрета и воспоминаній А. Н. Аванасьева и двухъ статей. А. Н. Пыпина. Казань. 1914. А. м.—на.—8) Н. Квашнинъ-Самаринъ. Княжя пѣснь. Историческая поэма въ 428 пѣсняхъ. Часть I. Петроградъ. 1914. Л. л.—9) Дмитріевъ, Н. Национальная школа. Петроградъ. 1913. Я. Бирюнова.—10) «Quo vadis, Австрія». Романъ отчаянія. Переводъ съ нѣмецкаго. Петроградъ. 1914. Сергѣя Фоль-штейна.—11) Н. А. Лапо-Данилевская. Княжна Мара. Романъ. Петроградъ. 1914. Д. м.—но. 12) «Столица и Усадьба». Журналъ красивой «жизни». Петроградъ. 1914.—аго.—12) Фантомъ. (Г. Т. Сѣверцевъ). По старинному «Заморскому» пути. Путевыя замѣтки по Сѣверу, встрѣчи, итоги и впечатлѣнія. Петроградъ. 1914. ж.—13) Памятная книжка сенатскаго архива. Петроградъ. 1913. ж.

XV. Новости исторіи. Обзорѣніе журналовъ. А. А. Измаилова. 288

XVI. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника». 296

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи. 299

1) Ренанъ о будущемъ Франціи, Германіи и славянства.—2) Принцъ де-Линь.—3) Убиство шведскаго короля Густава III.—4) Обращеніе Вальгельма I съ плѣнными.—5) Георгъ V.—6) Трагическая кончина императора Максимилиана.—7) Фейерверкъ въ стариной Франціи.—8) Покушеніе Орсини на Наполеона III.

XVIII. Смѣсь. 322

1) Молитва о раненыхъ.—2) Постановленія 131-й славянской трапезы. 7-го августа.—3) Постановленія 132-й славянской трапезы 14-го августа.—4) Постановленія 133-й славянской трапезы 21-го августа.—5) Постановленія 134-й славянской трапезы 28-го августа.—6) Декларация литовцевъ.—7) Воззваніе эвзарха Грузіи.—8) Протестъ противъ нѣмецкихъ звѣрствъ и вандализма.—9) Протестъ московскихъ архитекторовъ противъ германскаго вандализма.—10) Въ союзъ драматическихъ и музыкальныхъ писателей.—11) Воззваніе чешскаго комитета.—12) Собраніе галицко-русскаго общества.—13) Резолюція партій реальной политики и національ-демократіи.—14) Къ чехамъ и словакамъ въ Варшавѣ.—15) Поляки.—16) Дѣятельность всероссійскаго земскаго союза.—17) Отъ совѣта императорскаго вольнаго экономическаго общества.—18) Къ обществу.—19) Организация помощи.

XIX. Некрологи. 339

1) Бартенева, Е. Г.—2) Волховской, Ф. В.—3) Горбуновъ, Г. А.—4) Дружининъ, К. И.—5) Кедровъ, С. И.—6) Кнорозовскій, И. М.—7) Паренсовъ, П. Д.—8) Семеновъ, Н. В.—9) Съдовъ, Г. Я.—10) Трахтенбергъ, В. О.

XX. Замятки и поправки. 348

1) По поводу статьи Е. С. Шумигорскаго. Засл. проф. И. Т. Тарасова.—2) Отвѣтъ, И. Т. Тарасову. Е. С. Шумигорскаго.—3) По поводу статьи «Ревнитель просвѣщенія (памяти П. Г. Шелапутина)». И. И.—4) По поводу некролога архіепископа Стефана. К. С. Добролювскаго.

Приложенія: 1) Портретъ М. Г. Черняева.—2) Пятая труба. Историческій романъ Поля Бертрама. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. VII. (Продолженіе).

Будучи оми отираде идеграфички, засткози были
до соплбика и в обисовки перса Клеанки
я келз бы кониз кровит вакива силе дил
того знобке вилитва в форму ташкеджи
внорва и маса оулкие вий иск. стител в
кон катрадеи дудовкева силе

М. Сергиев

СЛАВЯНСКІЕ ОРЛЫ.

*Подъ грозной тучей, что легла
Надъ Вислой, Припятью и Бугомъ,
Средь блеска молній, два орла
Нежданно встрѣтились другъ съ другомъ:
«Здорово, братецъ!»*

«Здравствуй, братъ»!

— *«Откуда?»*

«—Путь держу далекій:

*«Съ родныхъ холмовъ чрезъ Днѣпръ широкій,
«Туда, все дальше, на закатъ!
«Лечу вослѣдъ казачьей лавъ,
«Героямъ-витязямъ вослѣдъ,
«Навстрѣчу ихъ великой славъ,
«Громамъ неслыханныхъ побѣдъ!
«А тамъ, гдѣ сѣверъ хмуритъ дали,
«Отъ стоговъ царственной рѣки
«Мои глаза считать устали
«Неисчислимыя полки;
«Они идутъ и днемъ и ночью,
«Все ближе, строже, все грознѣй...
«О, если бѣ видѣлъ ты воочью
«Всю силу родины моей!
«Орлинымъ сердцемъ гордо чую
«Паденье вражескихъ преградъ,*

«Туда стремлюсь, туда лечу я!..

«А ты откуда?»

«— Отъ Карпатъ!

«Отъ страдныхъ гнѣздъ на старой грани

«Тебѣ родныхъ издревле мѣсть,

«Гдѣ покоренные славяне

«Несутъ отъ вѣка тяжкій крестъ;

«Гдѣ звонъ цѣпей и мракъ темницы,

«Весь гнетъ и ужасъ бытія,

«Гдѣ Стрый и Львовъ, и Черновицы,

«Гдѣ Русь Червонная моя!

«Но пробилъ часъ, и въ тюремъ своды

«Проникъ желанный лучъ зари:

«Въ защиту правды и свободы

«Пришли твои богатыри!

«Несу я вѣсть отъ Буковины,

«Отъ Сана топкихъ береговъ:

«Что богатырскія дружины

«Сметаютъ полчища враговъ,

«Что путь открытъ на Пешть, на Краковъ,

«На Вѣну... и со вѣсѣхъ сторонъ

«Лишь гулъ побѣдъ твоихъ юнаковъ

«И слава стѣверныхъ знаменъ!..»

«— Такъ будемъ вмѣстѣ съ этой славой!..»

.....

И тамъ, гдѣ тучь рѣдѣла мгла,

При блескѣ солнца, два орла

Слилися вдругъ въ одинъ—двухглавый!

ИВ. СОКОЛОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЛѢДУЮЩЕЕ сообщеніе отъ штаба верховнаго главнокомандующаго, рисующее наше положеніе на австрійскомъ театрѣ войны, появилось 22-го августа:

«Главныя силы австрійцевъ развернулись на фронтѣ Завихость—Яновъ—Бѣлгорай—Томашовъ—Бельзъ для наступленія на фронтѣ Люблинь—Холмъ. Для прикрытія этой операціи со стороны кievскаго военнаго округа въ районѣ къ востоку отъ Львова собиралась вторая австрійская армія, въ составѣ, 3-го, 11-го и 12-го корпусовъ и пяти кавалерійскихъ дивизій. Ко времени нашего перехода въ наступленіе, сосредоточеніе австрійскихъ армій еще не было закончено, и обстановка вынудила непріятели усилить эту армію еще частями 7-го, 13-го и 14-го корпусовъ, всего до состава двѣнадцати пѣхотныхъ дивизій и нѣсколькихъ бригадъ ландштурма. Наши войска въ предѣлахъ кievскаго округа, сосредоточившись въ районѣ Луцкъ—Дубно—Проскуровъ, 7-го августа перешли границу и двинулись въ направленіи на Львовъ, чтобы разбить высланный сюда австрійскій заслонъ и дѣйствовать во флангъ и тылъ главнымъ силамъ австрійцевъ. Наступленіе затруднялось тѣмъ, что всѣ дороги пересѣкались многочисленными лѣвыми притоками Днѣстра. Сверхъ того, на Днѣстрѣ непріятели располагали рядомъ предмостныхъ укрѣпленій Залещики—Нижніовъ—Галичь—Миколаевъ, откуда непрерывно грозилъ нашему лѣвому флангу и сообщеніямъ съ Россіей. Съ 4-го по 21-ое августа наше лѣвое крыло прошло 220 верстъ, находясь съ 7-го по 21-го августа въ непрерывномъ бою съ противникомъ. Главныя силы непріятели укрѣпились на сильной позиціи Каменка—Галичь, гдѣ и были на голову разбиты въ упорныхъ бояхъ 18-го и 19-го августа; только въ районѣ нижняго теченія Гнилой Липы, гдѣ непріятельское расположеніе

было прорвано 18-го августа, противник потерялъ около 20.000 убитыми и ранеными. Отступление австрійской арміи послѣ сраженія у Львова обратилось въ бѣгство и въ наши руки попало около 200 орудій, обозы и масса плѣнныхъ, число коихъ еще не приведено въ извѣстность, но выражается въ десяткахъ тысячъ. Остатки второй австрійской арміи временно потеряли всякую боевую силу. Верки Галича, представляющіе двустороннее предмостное укрѣпленіе на Днѣстрѣ, оставались въ рукахъ австрійцевъ до 21-го августа, когда мы овладѣли ими. Уже 20-го августа наши войска подошли на пушечный выстрѣлъ къ Львову, форты коего не остановили нашего натиска, 21-го августа, въ 11 часовъ утра Львовъ былъ охваченъ нашими войсками и взятъ. вмѣстѣ съ нимъ въ наши руки попала большая военная добыча. Всѣ дома въ городѣ завалены ранеными австрійцами, брошенными при отступленіи. Помимо огромнаго значенія Львова, какъ важнѣйшаго политическаго и административнаго центра Галиціи, взятіе его имѣетъ особенно большое оперативное значеніе, какъ важнѣйшаго узла путей къ Сану и Днѣстру и въ тылъ австрійскимъ арміямъ, удержаннымъ нами на фронтѣ Ополе—Замостье—Бельзь. Взятіе Львова даетъ нашимъ войскамъ возможность еще энергичнѣе развить свой натискъ на врага».

22-го августа начался переходъ въ общее наступленіе нашихъ войскъ на фронтѣ между Вислой и Бугомъ.

Приказомъ верховнаго главнокомандующаго занятія русскими войсками мѣстности Австріи и Германіи включены были въ театръ военныхъ дѣйствій, причемъ изъ послѣдняго въ Австро-Венгріи образовано особое генералъ-губернаторство, во главѣ котораго поставленъ графъ I. A. Бобринскій.

Русская конница произвела развѣдки у Алленштейна. Нашими войсками была отражена вылазка кенигсбергскихъ частей вражескаго войска. Въ Восточной Пруссіи уже были замѣчены германскія войска, перевезенныя съ франко-германскаго фронта.

Нѣмцы бомбардировали Малинъ; въ Лувенѣ ими были разстрѣляны ректоръ университета, бургомистръ и совѣтники городского магистрата.

Французскій флотъ разрушилъ укрѣпленія Катарро.

23-го августа французское военное министерство сообщило, что на лѣвомъ флангѣ германцы пытались, оставивъ Парижъ въ сторонѣ, продолжить свое обходное движеніе. Нѣмцы дошли до Фертэ-су-Жуарръ, прошли Реймсъ и продвинулись къ западу отъ Аргонскаго лѣса. На правомъ флангѣ въ Лотарингіи и Вогезахъ упорные бои продолжались съ перемѣннымъ успѣхомъ. Мобежъ, сильно бомбардируемый непріателемъ, продолжалъ оказывать энергичное сопротивление.

На бельгійскомъ театрѣ жаркій бой происходилъ между Аlostомъ и Термондомъ.

Въ Сербіи всѣ слои населенія устраивали грандіозныя восторженныя манифестаціи по поводу взятія Львова.

По сообщенію штаба верховнаго главнокомандующаго: горячіе бои шли на люблинскомъ и холмскомъ направленіяхъ. 10-й австрійскій корпусъ, пытавшійся прорваться между ними, былъ отброшенъ; при преслѣдованіи его русскими было взято пять тысячъ плѣнныхъ и перехвачены

документы, въ которыхъ австрійскіе генералы просили скорѣйшей помощи германскихъ войскъ. Въ Галиціи мы захватили 30 паровозовъ и громадное количество вагоновъ. Львовская станція оказалась забитой подвижнымъ составомъ съ грузами большой цѣнности, боевыми припасами, динамитомъ, санитарнымъ матеріаломъ и бензиномъ. Наши войска ворвались на станцію на

Его величество императоръ Японіи Іошихито.

плечахъ отступавшихъ австрійцевъ и захватили поѣзда подъ парами и три автомобиля. У Зволена былъ подстрѣленъ германскій аэропланъ, летчики захвачены. Германскій блиндированный поѣздъ изъ Александрова пытался бомбардировать Влоцлавскъ, но былъ отбитъ нашими войсками.

24-го августа при попыткѣ германцевъ отрѣзать Антверпенъ со стороны морского побережья они попали въ ловушку. Бельгійцы открыли шлюзы и затопили окрестности Малина, вслѣдствіе чего германскія войска очутились

въ водѣ. Трудно было вытащить орудія, а въ это самое время бельгійская артиллерія производила страшныя опустошенія въ германскихъ рядахъ.

Германскія войска покинули Брюссель и направились къ сѣверо-западу.

Французскія войска, выдвинутыя для обороны Парижа, вступили въ сраженіе съ пѣмцами, закончившееся успѣшно. Германскія войска продолжали свое обходное движеніе, направляясь къ юго-востоку. Черногорцы отразили австрійскую атаку у Грахова; въ Сербіи австрійскія войска никакихъ активныхъ выступленій не производили.

Россия, Франция и Англія подписали декларацію, которой обязуются не заключать отдѣльнаго мира въ теченіе нынѣшней войны.

25-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о новыхъ побѣдахъ русскаго оружія:

22-го августа на всемъ фронтѣ сраженія съ австрійцами мы продвинулись впередъ. Особенно разстроены были непріятельскій центръ. Въ районѣ къ западу отъ Красностава нами были окружены и сдались 45-й австрійскій полкъ, въ составѣ командира, 44 офицеровъ и 1000 солдатъ. Германская дивизія, шедшая на помощь австрійцамъ, атакована была на лѣвомъ берегу Вислы. Наши войска заняли Стрый. Наша конница появилась уже на перевалахъ Карпатскаго хребта. На восточно-прусскомъ фронтѣ происходили только мелкія стычки.

Въ Англіи былъ опубликованъ слѣдующій списокъ потерь въ судовомъ составѣ боевыхъ флотовъ у воюющихъ державъ съ начала войны:

Германскій флотъ:

Погибли суда: минный заградитель «Королева Луиза»—уничтоженъ англійскимъ флотомъ, подводная лодка «№ 15»—уничтожена англійскимъ флотомъ, миноносецъ (наименованіе неизвѣстно)—уничтоженъ германской миной загражденія, крейсеръ «Кайзеръ Вильгельмъ Великій»—уничтоженъ англійскимъ флотомъ, крейсеръ «Магдебургъ»—уничтоженъ русскимъ флотомъ, крейсеръ «Майнцъ»—уничтоженъ англійскимъ флотомъ, крейсеръ «Кельнъ»—уничтоженъ англійскимъ флотомъ, крейсеръ «Ариадна»—уничтоженъ англійскимъ флотомъ. Два эскадренныхъ миноносца—уничтожены англійскимъ флотомъ.

Англійскій флотъ:

Погибло судно: крейсеръ «Амфіонъ»—уничтоженъ германской миной загражденія.

Австрійскій флотъ:

Погибли суда: крейсеръ «Зента»—уничтоженъ французскимъ флотомъ, миноносецъ «№ 19»—уничтоженъ австрійской миной загражденія, эскадренный миноносецъ (наименованіе неизвѣстно)—уничтоженъ англійскимъ флотомъ.

Русскій флотъ:

Потерь въ судовомъ составѣ нѣтъ.

Французскій флотъ:

Потерь въ судовомъ составѣ нѣтъ.

Французы официально сообщили объ отступленіи германской арміи подъ напоромъ союзныхъ франко-англійскихъ войскъ. Лѣвое крыло союзныхъ армій пришло въ соприкосновеніе при хорошихъ условіяхъ съ правымъ крыломъ непріятеля на берегахъ Гранъ-Моренъ.

На французскомъ центрѣ и на правомъ крылѣ, въ Лотарингіи и Вогезахъ, бои продолжаютъ; никакихъ измѣненій не произошло.

Подъ Парижемъ бой, завязавшійся вчера, между выступавшимъ гарнизономъ и флангомъ праваго крыла германской арміи, принялъ болѣе обширные размѣры. Французы продвинулись до Урка, не встрѣтивъ сопротивленія. Въ общемъ, положеніе союзныхъ армій было благопріятнымъ.

Крѣпость Мобекъ продолжала оказывать героическое сопротивленіе. Генеральное сраженіе началось на линіи, проходящей черезъ Нантейль-Ле-Годуэнь, Ме, Сезаннь, Витри-ле-Франсуа, простирающейся до Вердена. Благодаря весьма энергичнымъ дѣйствіямъ французскихъ войскъ и сильной поддержкѣ англійской арміи, нѣмцы, которымъ удалось было продвинуться вплоть до окрестностей Куломье и Лаферто Гоше, принуждены были къ отступленію. Нѣмцы очистили Лилль и окрестные города. Значительныя части англійской морской пѣхоты заняли Остенде и его окрестности.

На балканскомъ театрѣ австрійцы несутъ пораженія; по свѣдѣніямъ изъ Цетинья отъ 23-го августа, черногорцы, подъ командою военнаго министра генерала Вукотича, разбили австрійскія силы у Болянича, въ Герцеговинѣ, захвативъ при этомъ всѣ военные и жизненные припасы. Австрійцы оставили на полѣ битвы многочисленныхъ убитыхъ и раненыхъ. Кромѣ того, генераломъ Вукотичемъ австрійцы отражены были близъ Чайницы, куда оны вошелъ, найдя городъ отчасти подожженнымъ и разграбленнымъ. Кровавые бои продолжались. Большія силы австрійцевъ, превосходящія по численности черногорцевъ, пытались занять Грахово.

По сообщенію штаба верховнаго главнокомандующаго, 23-го августа нами были взяты сильныя укрѣпленія Миколасва, имѣвшія фланговую оборону рововъ, вооруженіе въ бронекупольныхъ установкахъ и окруженныя тройнымъ рядомъ искусственныхъ препятствій, захвачено было 40 орудій и большіе запасы. Въ районѣ Равы Русской шли серьезные бои. Австрійская армія, дѣйствовавшая на холмскомъ направленіи, отступала подъ натискомъ нашихъ войскъ. Нами взяты были плѣнные, орудія, парки, въ одномъ изъ захваченныхъ госпиталей оказалось пятьсотъ австрійскихъ солдатъ, больныхъ дизентеріей, которая опустошаетъ непріятельскіе ряды. На германскомъ фронтѣ происходило только мелкія стычки.

26-го августа союзныя арміи перешли въ наступленіе и, тѣсня германцевъ, принудили ихъ къ отступленію въ сѣверо-восточномъ направленіи. По официальномъ сообщенію изъ Парижа, на лѣвомъ флангѣ союзныя арміи произвели нѣсколько наступательныхъ движеній, которыя не встрѣтили значительнаго сопротивленія со стороны противника. Въ центрѣ района Вердена союзныя арміи, наступая въ однихъ мѣстахъ, отступали въ нѣкоторыхъ другихъ. Никакихъ перемѣнъ не произошло на правомъ флангѣ вогезскаго театра войны, гдѣ французы имѣли нѣсколько частичныхъ успѣховъ. Войска, защищающія передовыя укрѣпленія Парижа, имѣли въ окрестностяхъ Урка нѣсколько столкновеній съ непріятелемъ, закончившихся въ пользу французовъ. Союзныя войска подъ начальствомъ генерала Френча одержали большую побѣду въ Прессисюръ-Уазъ, въ 25 миляхъ къ сѣверу отъ Парижа. Французскій флотъ очистилъ отъ минъ воды между Антивари и Дульциньо. Опасаясь, что въ Черногоріи можетъ обнаружиться недостатокъ продовольствія, французы отравили черно-

горцамъ большое количество зерна и муки. Сербы продолжали свое наступленіе къ Вышеграду, 26-го августа сербская армія продолжала наступленіе по направленію къ Вышеграду.

26-го августа сербскія войска перешли австрійскую границу. Наступленіе продолжалось на всѣхъ остальныхъ пунктахъ съ успѣхомъ. На западѣ австрійцы были отброшены на лѣвый берегъ Дрины. Австрійцы обстрѣливали съ 10 часовъ вечера до утра разныя части города и причинили большіе убытки. Западныя позиціи у Вѣлграда обстрѣливались усиленно, но безрезультатно.

По сообщенію штаба верховнаго главнокомандующаго, положеніе дѣлъ на русскомъ театрѣ войны находилось въ слѣдующемъ видѣ: 24-го августа бои велись на всемъ австрійскомъ фронтѣ. Въ центрѣ продолжалось отступленіе австрійской арміи. Въ районѣ Равы Русской имѣли мѣсто упорные бои съ большими австрійскими силами. Наши войска атаковали сильно укрѣпленную позицію у Городка. На лѣвомъ берегу Вислы наше наступленіе продолжалось успѣшно.

27-го августа получены были извѣстія, что на лѣвомъ крылѣ союзныя арміи, включая части выдвинутыхъ оборонительныхъ силъ Парижа, продолжали продвигаться впередъ на линіи отъ рѣки Уркъ до района Монмираль. Германцы отступали въ направленіи рѣки Марны. Между Мо и Сезаномъ франко-англійскія войска захватили много плѣнныхъ, въ томъ числѣ цѣлый батальонъ пѣхоты, одну пулеметную роту, много зарядныхъ ящиковъ. Въ центрѣ имѣли мѣсто ожесточенные бои между Феръ-Шампенуазомъ и Витри-ле-Франсуа, у южной оконечности Аргонскаго лѣса. Нигдѣ союзныя войска не были отгѣснены, германцы же отступили нѣсколько вблизи Витри-ле-Франсуа, гдѣ отступленіе обозначилось вполнѣ отчетливо. На правомъ крылѣ французскихъ силъ германская дивизія атаковала ихъ войска на линіи Шаго-Саленъ—Нанси, но была отброшена къ сѣверу отъ Шампенуазскаго лѣса. На востокъ французы вновь захватили горную вершину Мандрэ и горный перевалъ Фурно.

Въ Эльзасѣ положеніе оставалось безъ перемѣнъ.

На лѣвомъ флангѣ германскія войска, пройдя при своемъ отступленіи черезъ рѣку Пти-Моренъ, предприняли затѣмъ, въ дѣляхъ обезпеченія своихъ сообщеній, рядъ сильныхъ, но безплодныхъ атакъ противъ французскихъ войскъ, занимавшихъ правый берегъ рѣки Уркъ. Англійская армія продолжала свое наступательное движеніе въ направленіи рѣки Марны. На возвышенностяхъ къ сѣверу отъ Сезана французскія войска продвигались впередъ, но съ большимъ трудомъ. Въ центрѣ продолжались бои съ перемѣннымъ успѣхомъ. На правомъ флангѣ за Нанси и въ Вогезахъ положеніе оставалось благоприятнымъ для французовъ.

На Сѣверномъ морѣ германскія рыбачьи лодки подъ видомъ бельгійскихъ разбрасывали мины. Англійская канонерская лодка захватила германскій минный заградитель.

Термондъ почти совершенно сожженъ германскими войсками, которыя предварительно выпили все, что имѣлось въ мѣстныхъ кафе, изнасиловали женщинъ, забрали драгоценности и деньги.

Министръ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ.

Три колонны черногорскихъ войскъ заняли послѣ сраженія важныя позиціи къ югу отъ Сараева и захватили Фочу. Японское правительство присоединилось къ деклараціи Россіи, Франціи и Англии. Получено было извѣстіе, что знаменитый летчикъ штабсъ-капитанъ П. Н. Нестеровъ, увидѣвъ въ районѣ Жолкіева летящій надъ нашимъ расположеніемъ аэропланъ, собирающійся бросить въ наши войска бомбу, атаковалъ непріятеля и протаранилъ чужой аппаратъ. Уничтоживъ австрійскаго летчика и предотвративъ жертвы въ нашихъ войскахъ отъ бомбы, Нестеровъ самъ погибъ смертью героя.

На русском театре войны, по сообщению штаба верховного главнокомандующего, наши дела обстояли в таком виде:

23-го и 24-го августа мы атаковали томашовскую австрийскую армию с северо-запада от Замостья, с северо-востока от Грубешова и с юго-востока—от Равы Русской. Австрийская армия, преследуемая нами, отступала в полном беспорядке. У Фрамполя наша конница врзалась в большие неприятельские обозы. На люблинских направлениях австро-германские войска были сбиты с укрепленной позиции и отступили на юг. Колонны обозов, отходившие по шоссе Юзефов—Аннополь, были разбиты нашей артиллерией с левого берега Вислы. Большие бои шли на фронте от Равы Русской до Днестра, где разбитая у Львова австрийская армия получила подкрепления. Части четырехтысячного тирольского корпуса близ Равы Русской пытались атаковать нас ночью на 25-е августа, но на следующий день, оставив нам знамя и 500 пленных, были отбиты. У Замостья нами взят был германский аэроплан. В Восточной Пруссии имели место только небольшие стычки. Успех, достигнутый нашими войсками 27-го августа в боях с краснической австро-германской армией, продолжал развиваться. На фронте от Томашова и Равы Русской до Днестра шли упорные бои. Перевезенные с запада германские войска сосредоточились в Восточной Пруссии на реке Алле. 27-го августа началось их наступление, причем значительные колонны направились через Мазурские озера. Наши передовые части, задерживая наступление противника, отходили в восточном направлении. Германия продолжала спешную перевозку на западный фронт подкреплений в виде ландвера и ландштурма. Главнокомандующим вооруженными силами Германии на этом фронте назначен был германский кронпринц.

На французском театре войны 28-го августа германцы отступали по всей линии; попытки их прорвать линию на левом фланге французских войск на реке Урк закончились неудачей. Германские войска, ожидавшие в Беллелем потребованной от Гента контрибуции, спешно отправились во Францию; туда же для подкрепления германского правого крыла, потерпевшего очень крупные потери, направилась через Бельгию армия немцев в количестве шестидесяти тысяч человек.

28-го августа после кровопролитного сражения сербские войска в четыре часа утра заняли Землин. 700 индийских владетельных князей предложили Англии свои личные услуги, а также все средства их государств; вообще английские колонии, не обязанные поддерживать метрополию во время ее войны, предложили Англии свои услуги и вооруженными силами, и деньгами, и жизненными и военными припасами.

29-го августа штаб верховного главнокомандующего сообщил следующее:

«Овладев приступом укрепленной позицией Ополе—Туробинь, наши войска 28-го августа преследовали неприятеля, причем некоторые войсковые части прошли с боем свыше тридцати верст. Наша конница работала в тылу противника. Томашов взят после упорного боя. Упорные бои между Рава-Русская и Днестром продолжались. На восточно-прусском фронте неприятель продолжал наступать. Главные усилия неприятеля развивались в

районъ Мазурскихъ озеръ. Близъ Мышинца и Хоржеле наши войска отбросили съ тяжелыми потерями германскія войска».

Великобританское адмиралтейство сообщило, что англійскія многочисленныя эскадры и флотиліи произвели полный осмотръ Сѣвернаго моря до Гельголандской бухты, въ которую онѣ заходили. Германскій флотъ скрывался въ авани и не сдѣлалъ попытокъ помѣшать движеніямъ англійскаго флота. На морѣ не было замѣчено ни одного германскаго судна. Въ Сѣверномъ морѣ погибъ пароходъ «Ottawa», наскочившій на мину. Англійскія боевыя суда захватили въ Ламаншѣ и Атлантическомъ океанѣ нѣмецкій пароходъ «Ugania» и угольное судно.

По официальному сообщенію французскаго правительства, положеніе дѣлъ на французскомъ театрѣ войны обстояло въ такомъ порядкѣ:

«На лѣвомъ флангѣ англо-французскія войска перешли Марну, между Фертэ-су-Жуаръ, Шарли и Шато-Тьерри, преслѣдуя отступающаго непріятеля. При своемъ наступленіи англійская армія захватила много плѣнныхъ и пулеметы. Въ этомъ районѣ театра военныхъ дѣйствій союзныя войска продвинулись болѣе, чѣмъ на шестьдесятъ километровъ впередъ. Между Шато-Тьерри и Витри-ле-Франсуа, прусская гвардія была отброшена къ сѣверу отъ Сенъ-Гонскихъ болотъ. Упорные бои продолжались въ районѣ между лагеремъ Малъи и Витри-ле-Франсуа. Въ центрѣ и на правомъ флангѣ, на рѣкѣ Орнъ и въ области Аргонскаго лѣса положеніе оставалось безъ перемѣнъ; здѣсь противники продолжали удерживать свои позиціи. У Нанси непріятель медленно продвигался впередъ по дорогѣ къ Шато-Салень. Зато мы продвинулись впередъ въ Шампенуазскомъ лѣсу. Потери обѣихъ сторонъ достигали значительныхъ размѣровъ. Состояніе духа и санитарное состояніе французскихъ войскъ попрежнему было превосходное».

Раненъ младшій сынъ германскаго императора принцъ Іоахимъ и палъ въ бою принцъ Эрнестъ Мейнингенскій.

Бельгія атаквали арріергардъ германскихъ войскъ, направившихся во Францію. Новый папа римскій, Бенедиктъ XV, обратился съ энцикликой къ христіанамъ, призывая воюющія страны начать мирныя переговоры.

30-го августа германскія войска продолжали отступленіе къ рѣкамъ Эну и Уазѣ; лѣвое крыло армій фонъ-Клука и фонъ-Бюлова отходили подъ напоромъ французовъ, одержавшихъ также побѣду на возвышенностяхъ Сезана. Англичане перешли черезъ рѣку Уркъ, преслѣдуя отступавшихъ нѣмцевъ. Между бельгійскими войсками и германскимъ арріергардомъ происходилъ большой бой; нѣмцы очистили районъ Антверпена, Лимбурга и часть Фландріи.

31-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ населеніе о рѣшительной побѣдѣ русскихъ надъ краснической и томашовской австро-венгерскими арміями:

«Наступая за отходящей австрійской арміей, наши войска приближаются къ рѣкѣ Сану.

«Сила участвовавшихъ въ Галиційской битвѣ австрійскихъ войскъ опредѣляется свыше 40 пѣхотныхъ и 11-ти кавалерійскихъ дивизій съ многочислен

Морской министръ адмираль Иванъ Константиновичъ
Григоровичъ.

продолжавшаяся семнадцать дней Галиційская битва заканчивается. Преслѣдованіе ведется».

Главное управление генеральнаго штаба добавило къ этому еще слѣдующія данныя о нашей побѣдѣ:

«Наши войска одержали полную побѣду надъ красникской и томашовской австро-германскими арміями, отброшенными за рѣку Сань. Большіе успѣхи достигнуты также противъ австрійцевъ, дѣйствовавшихъ къ западу и сѣверо-

«истор. вѣстн.», октябрь 1914 г., т. сxxxviii.

и

западу отъ Львова. Нами взято свыше 200 офицеровъ, до 30 тысячъ плѣнныхъ, много орудій, пулеметовъ и матеріальной части».

31-го августа, по официальному сообщенію изъ Парижа, положеніе на французскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій вырисовывалось въ такомъ видѣ: на лѣвомъ флангѣ общее отступленіе германцевъ продолжалось подъ натискомъ англо-французскихъ войскъ, достигшихъ средняго течения рѣки Эна. Центръ германской арміи продолжалъ отступать; французы перешли Марну между Эпернэ и Витри-ле-Франсуа. Правое крыло нѣмцевъ также отступало, очищая области Нанси. Французы заняли Люневиль.

Генераль Жоффръ прислалъ военному министру Мильерану слѣдующую телеграмму:

«Наша побѣда все болѣе и болѣе подтверждается и становится полной. Непрiятель повсюду отступаетъ, оставляя раненыхъ и военные матеріалы. Послѣ героическихъ усилій во время грандіозной борьбы, происходившей съ 23-го по 30-е августа, всѣ наши арміи, воодушевленные выпавшимъ на ихъ долю успѣхомъ, производятъ безпримѣрное по линіи протяженія преслѣдованіе непрiятеля. На лѣвомъ флангѣ мы прошли рѣку Энъ, ниже Суассона, продвинувшись, такимъ образомъ, въ теченіе шести дней болѣе ста километровъ впередъ. Въ центрѣ мы уже находимся къ сѣверу отъ Марны. Въ Лотарингіи и Вогезахъ мы достигли границы, и войска наши находятся въ Селль. Сюзники наши выше похвалъ по стойкости и отвагѣ. Мы будемъ продолжать наступленіе со всей энергіей. Правительство республики можетъ гордиться арміей, которую оно подготовила».

Бельгійцы заставили германскія войска отступить и вновь заняли Малингъ и Аршотъ.

Англичанами занятъ городъ Гербертсгэе на островѣ Новая Померанія въ Архипелагѣ Бисмарка; германскій гарнизонъ сдался безъ сопротивленія. Сербы продолжали наступленіе вдоль лѣваго берега рѣки Савы. Черногорскія войска вытѣснили австрійцевъ изъ укрѣпленныхъ позицій на лѣвомъ берегу Дрины близъ Фочи, взявъ много плѣнныхъ и военныхъ припасовъ. Германскій посоль въ Вашингтонѣ обратился къ сѣверо-американскому правительству съ запросомъ, не приметъ ли оно на себя роль посредника для переговоровъ о мирѣ. Статсъ-секретарь Брайанъ неофициально освѣдомился, что въ настоящій моментъ Франція и Англія отнеслись бы къ выступленію Штатовъ отрицательно.

1-го сентября, по сообщенію отъ штаба верховнаго главнокомандующаго, на нашемъ театрѣ войны дѣла обстоили въ такомъ порядкѣ:

Необходимость удѣлить главное вниманіе галиційскому театру военныхъ дѣйствій, гдѣ развитіе нашихъ успѣховъ энергично продолжалось, временно помѣшала намъ имѣть достаточныя силы въ Восточной Пруссіи для продолженія успѣшно начатаго вторженія въ нее. Вслѣдствіе этого въ 20-хъ числахъ августа наша армія генераль-адъютанта Ренненкампа остановилась на линіи Гердауэнь—Лабіау. Съ 25-го августа началось повсемѣстное движеніе германцевъ, какъ на востокъ противъ генерала Ренненкампа, такъ и на югъ къ нашей границѣ. Пересѣченная мѣстность Мазурскихъ озеръ затрудняла точное опредѣленіе силъ, собравшихся въ нихъ. Только 28-го августа ясно об-

наружился глубокой обход лѣваго фланга арміи генерала Ренненкампа. Обходъ этотъ вынудилъ нашу армію начать отступленіе. 29-го августа, съ цѣлью приостановить наступленіе непріятеля, на нѣкоторыхъ участкахъ мы перешли къ активнымъ дѣйствіямъ, выяснившимъ, однако, что численность наступавшихъ германцевъ была значительной. Бои на этомъ фронтѣ продолжались. На всемъ австрійскомъ фронтѣ нами было захвачено громадное количество пулеметовъ. Конница захватила много парковъ. Въ Галиціи мы захватили 2,000 вагоновъ. Железнодорожное движеніе въ Восточной Галиціи восстановлено, причемъ эксплуатація этихъ дорогъ передана обществу Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ.

1-го сентября королевское бельгійское правительство опубликовало слѣдующее сообщеніе:

«Послѣ четырехъ дней упорныхъ боевъ въ треугольникѣ Брюссель—Лувень—Малинь бельгійскія войска отступили къ фортамъ Антверпена передъ превосходными силами непріятеля. На брюссельской дорогѣ германцы имѣли сильно укрѣпленныя позиціи. Чтобы сохранить ихъ, они привлекли всѣ свои свободныя силы, имѣвшіяся въ Бельгіи, и, кромѣ того, два корпуса, предназначавшихся для отправки во Францію. Потери бельгійцевъ значительны, но потери германцевъ еще болѣе велики. Главная цѣль вылазки, заключающаяся въ томъ, чтобы отвлечь на насъ германскія силы, направлявшіяся во Францію, вполне достигнута».

Генераль фонъ-дерь-Гольцъ выѣхалъ въ Антверпенъ съ цѣлью предложить бельгійскому правительству условія соглашенія, но бельгійское правительство отказалось даже ознакомиться съ содержаніемъ этихъ предложеній. Союзныя войска продолжали наступленіе, поддерживая непрерывное соприкосновеніе съ германцами; на лѣвомъ флангѣ союзники перешли рѣку Энь. Нѣмецкій крейсеръ «Нела» потопленъ миной, выпущенной англійской подводной лодкой. Нью-йоркскіе банкиры заявили о невозможности для Германіи реализовать хотя бы только часть предполагаемаго ею къ выпуску займа въ 250 милліоновъ долларовъ. Китайское правительство отвѣтило отказомъ на протестъ Германіи и Австріи по поводу нарушенія нейтралитета японцами.

По сообщенію штаба верховнаго главнокомандующаго отъ 2-го сентября ходъ русскихъ военныхъ дѣйствій находился въ слѣдующемъ положеніи:

На австрійскомъ фронтѣ наши войска переправлялись черезъ рѣку Санъ, на самой позиціи у Равы Русской нами было взято тридцать орудій, болѣе восьми тысячъ пѣхотныхъ, огромные склады огнестрѣльныхъ и продовольственныхъ припасовъ. Въ болотахъ въ районѣ Бѣлгорая отыскивались новыя завязшія въ нихъ австрійскія батареи. Армія генерала Брусилова, противъ которой австрійцы произвели послѣдній отчаянный натискъ, при конечномъ переходѣ въ наступленіе взяла много пѣхотныхъ, орудій и парковъ. Генераль Брусильовъ свидѣтельствуетъ, что войсками было проявлено высшія напряженіе, стойкость и доблесть. Командиры корпусовъ твердо и невозмутимо спокойно руководили войсками, не разъ вырывая въ критическія минуты побѣду. Особенно генераль Брусильовъ отмѣтилъ выдающуюся дѣятельность генерала Радко Дмитріева. На правомъ берегу Днѣстра австрійцы были отгнаны

къ Дорогобычу. Главный городъ Буковины Черновицы и весь прилегающій районъ заняты были нами безъ боя. Быстрое и энергичное наступленіе арміи генералъ-адъютанта Ренненкампа въ Восточную Пруссію и рѣшительные успѣхи надъ миллионной австрійской арміей вынудили германцевъ оттянуть значительную часть ихъ силъ съ западной границы. Съ 15-го по 25-е августа нѣмцы непрерывно подвозили подкрѣпленія на свой восточный фронтъ. Устроившись, они повели наступленіе черезъ Мазурскія озера, на хорошо извѣстной имъ мѣстности, представляющей рядъ озерныхъ и лѣсныхъ дефиле, заходя правымъ плечомъ впередъ и угрожая развернуть значительныя силы на фронтѣ Норденбургъ—Гольдапъ—Сувалки. Этотъ маневръ, , встрѣтилъ сопротивленіе со стороны нашихъ боковыхъ прикрывающихъ частей, которыя самоотверженно остановили непріятельскій натискъ.

Къ 1-му сентября, послѣ боевъ, дорого стоившихъ непріятелю, наши войска, въ полномъ составѣ заняли исходныя позиціи для дальнѣйшихъ операцій.

Согласно официальному французскому сообщенію, лѣвое крыло французской арміи пришло въ соприкосновеніе не только съ арріергардомъ, но даже и съ главными силами непріятеля. Французскія войска вступили въ Амьень, покинутый германскими войсками. Непріятель, повидимому, занялъ оборонительную позицію на рѣкѣ Энѣ. По всѣмъ признакамъ и центръ пытается оказать сопротивленіе на возвышенностяхъ къ сѣверо-западу и къ сѣверу отъ Реймса. Между Аргонской возвышенностью и рѣкою Маасомъ непріятель продолжаетъ отходить. На правомъ флангѣ въ области Веберъ французамъ удалось освободить фортъ Труайонъ, который за послѣдніе дни нѣсколько разъ подвергался ожесточеннымъ атакамъ. Въ Лотарингіи отряды французскихъ войскъ продолжали преслѣдованіе. Духъ французской арміи и ея санитарное состояніе попрежнему были отличны.

На лѣвомъ крылѣ германцамъ пришлось покинуть оборонительную линію, которую они подготовили на сѣверъ отъ рѣки Эна, между Компьеномъ и Суассономъ. Ихъ отряды въ Амьенѣ отступили на линію Перронъ—Сень-Кантенъ. Въ центрѣ имъ не удалось удержаться на оборонительной позиціи, занятой ими позади Реймса. Въ Аргонахъ они отступили за лѣсъ къ сѣверу отъ Трикура. На правомъ флангѣ происходило общее отступленіе германцевъ отъ Нанси къ Вогезамъ.

Къ концу 31-го августа французская территорія съ этой стороны была совершенно эвакуирована германскими войсками.

Бельгійскія войска заставили германцевъ отойти отъ Алоста и заняли городъ. Японцы заняли Пиндао въ сорока миляхъ отъ Циндао. Англійскія войска напали врасплохъ на германскій отрядъ въ Намавакландѣ и заставили его сдаться.

Русскія войска на переправахъ черезъ нижнее теченіе Сана не встрѣтили сопротивленія со стороны безостановочно отступающаго разбитаго непріятеля. Овладевъ Городокской позиціей и достигнувъ Мосциска, наши войска приблизились на одинъ переходъ къ Перемышлю. На восточно-прусскомъ фронтѣ 1-го сентября боевъ не было.

Начальникъ главнаго штаба генераль-отъ-инфантеріи
Николай Петровичъ Михневичъ.

Генераль Радко-Дмитріевъ за отличие въ дѣлахъ противъ непріятеля награжденъ орденомъ Георгія Побѣдоносца 4-ой степени.

3-го сентября получены были слѣдующія официальные извѣстія о положеніи дѣлъ на франко-германскомъ театрѣ войны. На французскомъ лѣвомъ флангѣ германцы оказали 1-го сентября сопротивленіе къ сѣверу отъ рѣки Эна по линіи Лэглъскій лѣсъ—Краоннъ. Въ центрѣ линія ихъ сопротивленія

1-го сентября проходила къ сѣверу отъ Реймса и Шалонскаго лагеря, упираясь въ Вьеннъ-ла-Вилль, на западномъ склонѣ Аргонской возвышенности. Германскія войска, которыя занимали южныя Аргоны, отступили, проходя между Аргонами и Маасомъ. Къ концу 1-го сентября ихъ фронтъ простирался отъ Варенна до Консанвуа. На французскомъ правомъ флангѣ германцы отступили на линію Мецъ—Дельмъ—Шато-Саленъ. Положеніе французскихъ войскъ въ Вогезахъ и въ Эльзасѣ оставалось безъ перемѣнъ. Бельгійская армія продолжала дѣйствовать у Антверпена, нанося непріятелю серьезный уронъ.

Другое сообщеніе, изданное вслѣдъ за предыдущимъ, говорило, что лѣвое крыло французскихъ армій находилось въ постоянномъ соприкосновеніи съ непріятелемъ по всему фронту, протянувшемуся по высотамъ къ сѣверу отъ рѣки Эна, а также къ западу и сѣверу отъ Реймса. Въ центрѣ наступленіе французовъ между Аргонскимъ лѣсомъ и Маасомъ продолжалось. Совершенно не вѣрно, будто армія кронпринца осаждастъ и бомбардируетъ крѣпость Верденъ, какъ объ этомъ сообщало нѣсколько разъ берлинское офиціозное агентство Вольфа. Верденъ не подвергался нападенію и только фортъ Тройонъ-сюръ-Мезъ, принадлежащій не къ крѣпости Вердену, а къ укрѣпленіямъ на верхнемъ теченіи Мааса, подвергался нѣсколько разъ бомбардировкѣ; однако яростныя атаки на него не увѣнчались успѣхомъ и съ 1-го сентября фортъ былъ освобожденъ.

На правомъ крылѣ положеніе оставалось безъ перемѣнъ.

На южномъ австрійскомъ театрѣ войны сербы и черногорцы одержали рядъ побѣдъ надъ австрійцами, о которыхъ офиціальное сообщеніе было слѣдующее:

1-го сентября черногорская армія, оперировавшая въ окрестностяхъ Курилова, въ районѣ Красничъ—Гацко, нанесла пораженіе австрійскимъ войскамъ. Сербскія войска послѣ упорнаго боя овладѣли Вышеградомъ и продолжали съ успѣхомъ свое наступленіе, подвигаясь по лѣвому берегу Дрины вглубь Босніи. Упорные бои продолжались въ районѣ Крупаньи. Стратегическое положеніе сербскихъ войскъ становилось все болѣе благоприятнымъ. На фронтѣ Лозницы сербскія войска лишили непріятеля, перешедшаго Дрину и Кураицы, возможности развернуть свои силы. Непріятельскія войска были притиснуты сербскими силами къ самому берегу Дрины. На фронтѣ Лешница—Раца непріятель сдѣлалъ попытку перейти Дрину у Курченины, но былъ отброшенъ съ значительными потерями, причѣмъ были уничтожены цѣлыя роты. Въ этомъ бою сербы взяли въ плѣнъ офицера и пятьдесятъ солдатъ. На сѣверномъ фронтѣ, по ту сторону Савы, несмотря на успѣшныя дѣйствія сербскихъ войскъ, они были вынуждены отступить, вслѣдствіе численнаго превосходства врага.

Австрійскіе мониторы дважды пытались подойти къ Бѣлграду, но оба нападенія ихъ были отражены. Черногорцы, перейдя на лѣвый берегъ Дрины, выбили австрійцевъ изъ укрѣпленныхъ позицій и преслѣдовали ихъ по направленію къ Калиновику; черногорцамъ досталось много плѣнныхъ и военныхъ припасовъ.

Черногорскія войска заняли Горажду, между Фочей и Вышеградомъ, и продолжали наступленіе въ западномъ направленіи.

Главнокомандующимъ турецкими военно-морскими силами назначенъ германскій адмираль Сушонъ.

Японцы съ аэроплановъ бросали бомбы въ германскія казармы Циндао; германцы, въ свою очередь, бомбой съ аэроплана въ Циндао убили сорокъ японцевъ. Германское правительство вторично выразило протестъ Китаю по поводу нарушенія его нейтралитета. Государь Императоръ 3-го сентября пожаловалъ бельгійскому королю Альберту и сербскому престолонаслѣднику Александру орденъ св. Георгія 4-й степени.

4-го сентября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ о ходѣ нашихъ военныхъ событій:

Бои съ австрійскими аррьергардами продолжались съ полнымъ успѣхомъ на всемъ флангѣ. Свѣдѣнія о захватѣ плѣнныхъ, орудій и обозовъ продолжали поступать отъ всѣхъ армій. На лѣвомъ берегу Сана нами успѣшно атакваны были отступающія австрійскія войска. Несмотря на всѣ усилія германцевъ на восточно-прусскомъ фронтѣ окружить часть нашихъ войскъ, планъ ихъ не осуществился.

Верховный главнокомандующій обратился къ народамъ Австро-Венгрии со слѣдующимъ воззваніемъ, напечатаннымъ на десяти языкахъ народовъ, населяющихъ двуединую имперію:

«Народы Австро-Венгрии!

«Вѣнское правительство объявило Россіи войну за то, что Россія, вѣрная своимъ историческимъ завѣтамъ, не могла оставить беззащитной Сербію и допустить ея порабощеніе.

«Народы Австро-Венгрии!

«Вступая во главѣ русскаго войска въ предѣлы Австро-Венгрии, именемъ великаго русскаго Царя объявляю вамъ, что Россія, не разъ уже пролившая свою кровь за освобожденіе народовъ отъ иноземнаго ига, ничего иного не ищетъ, кромѣ возстановленія права и справедливости. Вамъ, народы Австро-Венгрии, она также несетъ теперь свободу и осуществленіе вашихъ народныхъ вождедѣній.

«Австро-венгерское правительство вѣками сѣяло между вами раздоры и вражду, ибо только на вашей розни зиждилась его власть надъ вами.

«Россія, напротивъ, стремится только къ одному, чтобы каждый изъ васъ могъ развиваться и благоденствовать, храня драгоцѣнное достояніе отцовъ— языкъ и вѣру, и, объединенный съ родными братьями, жить въ мирѣ и согласіи съ сосѣдями, уважая ихъ самобытность.

«Увѣренный, что вы будете всѣми силами содѣйствовать достиженію этой цѣли, призываю васъ встрѣчать русскія войска, какъ вѣрныхъ друзей и борцовъ за ваши лучшіе идеалы.

«Верховный главнокомандующій генераль-адъютантъ *Николай*».

Германскія войска отступили около рѣки Эна подъ натискомъ союзныхъ войскъ. Германскій генераль-губернаторъ фонъ-деръ-Гольцъ заявилъ о предстоящемъ очищеніи Брюсселя. Нѣмцы стали укрѣплять Кельнъ, Дюссельдорфъ, Везель и Дуисбургъ, приготавлиаясь къ оборонѣ. Въ Германіи сильно вздорожало зерно и вообще ощущается большой недостатокъ въ кормовыхъ

средствахъ. Между русскимъ, французскимъ, английскимъ и германскимъ правительствами состоялось соглашеніе объ обмѣнѣ списками плѣнныхъ. Сербы продолжали свое наступленіе вглубь Босніи; въ районѣ Крупань продолжались ожесточенные бои.

5-го сентября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что наши войска, продолжая преслѣдованіе, одержали большіе успѣхи надъ австрійскими арріергардами по всему фронту. Нами были взяты Сандомиръ; сильныя укрѣпленія предмостной позиціи у Кржешова были взяты нами съ налета, причемъ нашъ батальонъ перешелъ по мосту черезъ Санъ на плечахъ бѣжавшихъ австрійцевъ. Въ районѣ Яворова мы захватили обозы VI и XIV австрійскихъ корпусовъ, свыше 30 орудій, 5,000 плѣнныхъ и огромное количество огнестрѣльныхъ припасовъ.

На восточно-прусскомъ фронтѣ имѣли мѣсто только небольшіе бои.

Въ дополненіе къ объявленнымъ уже свѣдѣніямъ о пораженіяхъ австро-германскихъ армій въ Галиціи получены были слѣдующія данныя: преслѣдованіе разбитыхъ австрійскихъ армій продолжалось. Нѣкоторые австрійскіе корпуса были нами совершенно уничтожены. Русскія войска стали переходить рѣку Санъ. На востокъ наши отряды подходили къ Перемышлю. Быстрота движенія исключала возможность выясненія австрійскихъ потерь, достигшихъ колоссальныхъ размѣровъ. По полученнымъ свѣдѣніямъ, австрійцы потеряли убитыми и ранеными около 250,000 человекъ. Число плѣнныхъ превысило 100,000. Нами было взято 400 австрійскихъ орудій и много знаменъ. Дороги всюду были загромождены парками, обозами, брошеннымъ оружіемъ и транспортами съ припасами. Мы захватили тысячи повозокъ и множество зарядныхъ ящиковъ. На Вислѣ нами были захвачены матеріалы для постройки мостовъ и уничтожено нѣсколько австрійскихъ пароходовъ, въ томъ числѣ одинъ бронированный. Нельзя не отмѣтить отчаяннаго усилія нѣмцевъ спасти отъ разгрома австрійскую армію. Участіе нѣмецкихъ корпусовъ было обнаружено въ разныхъ частяхъ австрійскаго фронта. На туробинскихъ позиціяхъ нами было взято 36 тяжелыхъ германскихъ орудій и пять тысячъ германскихъ плѣнныхъ. Кромѣ того, на фронтахъ другихъ армій мы также захватили нѣсколько десятковъ тяжелыхъ германскихъ орудій, причемъ нѣкоторые изъ нихъ не успѣли даже принять участіе въ бою. Германская помощь не спасла австрійцевъ отъ полнаго пораженія и только увеличила общіе итоги русской побѣды.

Среди русскихъ войскъ въ пограничныхъ мѣстностяхъ различными способами, главнымъ образомъ съ аэроплановъ, распространялась слѣдующая безграмотная прокламація:

«Солдаты! У австрійской границы русская армія разбита и отступаетъ, много русскихъ солдатъ остались на полѣ сраженія.

«Въ Польшѣ мятежъ. Въ Москвѣ и Одессѣ революція и скоро распространится на всю Россію. *Чтобы* Вы не сдавались въ плѣнъ, Вамъ начальство говоритъ, что мы мучаемъ русскихъ плѣнныхъ. Не *стыте* этой клеветѣ да гдѣ нашлись бы палачи, чтобы убивать стотысячную армію русскихъ плѣнныхъ. Ваши плѣнные теперь спокойно

проживаютъ внутри нашей страны вмѣстѣ съ французами, *белгійцами* и англичанами: они очень, очень довольны.

«Не стоить умирать за потерянное дѣло, живите для женъ и дѣтей Вашихъ, для Вашего родного края, для новой и счастливой *Россій*»...

Адмиралъ Н. О. фонъ-Эссенъ.

Прокламація была напечатана крайне небрежно и изготовлена, повидимому, на литографскомъ камнѣ.

Верховнымъ начальникомъ нашей санитарной и эвакуаціонной части назначенъ генераль-адъютантъ генераль-отъ-инфантеріи его императорское высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій.

На франко-германскомъ театрѣ войны положеніе дѣлъ было въ такомъ видѣ:

Сопротивленіе германцевъ на высотахъ къ сѣверу отъ рѣки Эна продолжалось, хотя въ нѣкоторыхъ пунктахъ оно уже начало ослабѣвать. Сраженіе

продолжалось по всему фронту между Маасомъ и Уазой. Германцы занимали хорошо защищенныя позиціи, снабженныя тяжелой артиллеріей.

Французское движеніе впередъ было медленно, по ихъ войска, ободренныя нравственно наступательнымъ движеніемъ, мужествомъ и отвагой, побѣдоносно отражали непріятельскія контръ-атаки, производившія днемъ и ночью.

4-го сентября сраженіе продолжалось на всемъ фронтѣ Уазь—Вевръ безъ значительныхъ перемѣнъ въ какомъ-либо пунктѣ. Германцы три раза пытались перейти въ наступленіе противъ англійской арміи, но потерпѣли неудачу. Французы продвинулись впередъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ. На высотахъ къ сѣверу отъ рѣки Эна французы отразили энергичныя ночныя контръ-атаки между Кроаномъ и Реймсомъ, а также попытку наступленія противъ Реймса. Отъ Реймса до Аргонъ германцы произвели значительныя фортификаціонныя работы, принявъ исключительно оборонительное положеніе. Въ Лотаринги и Вогезахъ они также заняли оборонительныя позиціи близъ границы. Положеніе въ Аргонахъ и Веврѣ оставалось безъ перемѣнъ. Черногорскія войска вошли въ соприкосновеніе съ сербами на рѣкѣ Дринѣ и побѣдоносно вступили въ Боснію. Австрійская эскадра бомбардировала Антивари. У Принцевыхъ острововъ турецкій султанъ произвелъ смотръ своему флоту, въ составѣ котораго находились бывшія германскія суда «Гебенъ» и «Бреслау». Въ чрезвычайномъ засѣданіи французскаго генеральнаго совѣта въ Бордо председатель совѣта г. Монисъ привѣтствовалъ союзныя державы: Россію, Англію, Бельгію, Сербію и Японію.

6-го сентября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ: къ четвертому сентября на восточно-прусскомъ фронтѣ генераль Ренненкамифъ окончательно задержалъ наступленіе германцевъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ замѣчены были ихъ отходъ и перемѣщенія. На австрійскомъ фронтѣ продолжалось преслѣдованіе. Наши войска приблизились къ укрѣпленіямъ Сяявы, Ярослава и Перемышля.

Сербскія войска продолжали углубляться въ Боснію по фронту Любовія—Зворникъ—Лозница. Черногорская армія послѣ занятія Фочи, Горажды и Рогатицы находилась уже всего въ 15 километрахъ отъ Сараева. Въ общемъ положеніи франко-германскаго театра никакихъ перемѣнъ не было, за исключеніемъ лѣваго фланга, гдѣ французскія войска продвигались впередъ. Великобританское министерство иностранныхъ дѣлъ опубликовало нижеслѣдующее сообщеніе:

Изъ британскаго генеральнаго штаба поступилъ слѣдующій обзоръ военныхъ событій за время отъ 28-го по 31-е августа включительно.

Съ четверга 28-го августа британская армія, дѣйствуя совмѣстно съ французской арміей, непрерывно и съ успѣхомъ тѣснила непріятеля, въ районѣ, расположенномъ передъ британскими войсками, пока не началось наступленіе въ прямомъ направленіи на Лаонъ. Путь наступленія британскихъ войскъ пересѣкался шестью рѣками, на каждой изъ которыхъ можно было ожидать сопротивленія германцевъ. Рѣки эти: Марна, Уркъ, Вель, Энъ, Элеттъ и Уаза. Войска непріятеля стояли на Марнѣ, черезъ которую наши войска перешли 27 го августа, причѣмъ эта переправа явилась чисто-аррьергардною операціею. Нашъ переходъ черезъ Уркъ, который въ этомъ мѣстѣ течетъ почти прямо въ направленіи съ востока на западъ, не встрѣтилъ сопротивле-

нія. Рѣка Вель охранялась лишь слабо. Рѣшительный характеръ носило и все еще носитъ сопротивленіе германцевъ какъ французскимъ, такъ и британскимъ войскамъ на рѣкѣ Энѣ.

Въ пятницу 29-го августа британскія войска встрѣтили сопротивленіе въ нѣкоторыхъ пунктахъ своего фронта. День прошелъ въ наступленіи, причемъ мы разсѣяли отдѣльные непріятельскіе отряды. Съ наступленіемъ ночи наши силы достигли линіи къ сѣверу отъ рѣки Уркъ. Въ этотъ день общее наступленіе французскихъ силъ закончилось значительнымъ успѣхомъ по всему фронту. Четвертая армія герцога Альбрехта Юртембергскаго была отброшена за рѣку Соль, причемъ захвачена вся артиллерія одного германскаго корпуса съ нѣсколькими германскими знаменами.

«Въ субботу 30-го августа британскія войска подошли къ линіи непріятеля, занимавшаго чрезвычайно сильныя позиціи въ сѣверу отъ рѣки Энъ при Суассонѣ. Непріятель занималъ оба берега рѣки и окопы на холмахъ, идущихъ къ сѣверу. Третій британскій армейскій корпусъ занялъ возвышенность къ югу отъ рѣки Энъ, господствующую надъ долиною рѣки Энъ къ востоку отъ Суассона. Здѣсь артиллерійская перестрѣлка происходила большую часть дня. Непріятель располагалъ большимъ количествомъ тяжелыхъ гаубицъ, поставленныхъ на хорошо замаскированныхъ позиціяхъ. Движеніе этого армейскаго корпуса производилось въ коопераціи съ корпусомъ шестой французской арміи, находившейся на нашемъ лѣвомъ флангѣ и подошедшей къ городу въ теченіе ночи. Второй армейскій корпусъ не переходилъ черезъ рѣку Энъ. Первый армейскій корпусъ переправился черезъ рѣку Вель, къ югу отъ рѣки Эна, близъ города Брэна. Первая кавалерійская дивизія съ частью нашей пѣхоты овладѣла городомъ къ полудню, отбросивъ непріятеля къ сѣверу. Нѣсколько сотъ плѣнныхъ были захвачены около Брэна. Германцы побросали большое количество снарядовъ полевой артиллеріи въ рѣку. На нашемъ правомъ флангѣ французы подошли къ рѣкѣ Вель. Вдоль рѣки Эна завязалось сраженіе, до сихъ поръ еще не законченное.

«31-го августа союзныя войска встрѣтили чрезвычайно сильное сопротивленіе по всему фронту, на протяженіи 15 миль. Съ наступленіемъ ночи части всѣхъ трехъ корпусовъ переправились черезъ рѣку, а кавалерія вернулась на южную сторону нашего лѣваго фланга. Французы перешли въ наступленіе, но артиллерійскій огонь германцевъ помѣщавъ имъ соорудить понтонный мостъ подъ Суассономъ. Тѣмъ не менѣе, большое количество пѣхоты переправилось на другую сторону рѣки черезъ желѣзнодорожный мостъ, на которомъ уцѣлѣла одна перекладина. Въ теченіе послѣднихъ 3—4 дней въ лѣсахъ, позади нашей линіи, были обнаружены многочисленныя мелкіе отряды германскихъ солдатъ, которые, повидимому, охотно сдавались намъ. Ниже сообщаются подробности объ образѣ дѣйствій непріятельскихъ войскъ въ трехъ небольшихъ городкахъ къ сѣверу отъ Парижа. Въ Санлисѣ, какъ говорятъ, браконьеръ выстрѣлилъ въ германскаго солдата, когда германскія войска вступали въ городъ. Начальникъ отряда вытребовалъ мэра города и пять именитыхъ гражданъ и заставилъ ихъ стать на колѣни передъ уже вырытою могилою. Германцы потребовали доставки различныхъ жизненныхъ припасовъ; затѣмъ упомянутые шесть гражданъ Сансила, а по провѣренному свидѣтельству многихъ независимыхъ другъ отъ друга лицъ, еще 24 человекъ, включая женщинъ и дѣтей, были разстрѣляны. Городъ былъ разграбленъ и подожженъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Полагаютъ, что кафедральный соборъ не пострадалъ, но многіе дома были разрушены. Крейль также былъ преданъ разграбленію и многіе дома въ немъ сожжены. Въ Крепи 21-го августа отъ жителей потребовали доставки различныхъ товаровъ подъ угрозою штрафа въ 100.000 франковъ за каждый пропущенный день. 21-го августа непріателемъ былъ занятъ Реймсъ; французскія дойска заняли его вновь 31-го августа послѣ упорнаго боя. Наканунѣ, 30 августа, по всему городу были расклеены объявленія, въ которыхъ указывалось, что въ цѣляхъ огражденія безопасности германскихъ войскъ и для поддержанія спокойствія среди населенія города Реймса по распоряженію главнокомандующаго германскою арміею такія-то лица (перечисленные въ объявленіи) арестованы въ качествѣ заложниковъ. Эти заложники будутъ повѣшены при малѣйшей попыткѣ вызвать безпорядки, причемъ самъ городъ будетъ цѣ-

ликомъ или частью сожжёнъ, а жители, виновные въ нарушеніи настоящаго распоряженія, будутъ повѣшены. Въ объявленіи перечислены были 81 именитый обыватель Реймса, въ томъ числѣ 4 духовныхъ лица».

7-го сентября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что мы овладѣли укрѣпленіями Синявы и Самбора. Австрійскіе арріергарды были нами отброшены съ рѣки Вишны за Санъ. На участкѣ Радымно—Медыка непріятель уничтожилъ мосты на Санѣ. Пожаръ охватилъ городъ Ярославъ. 2-го сентября въ районѣ Сандомиръ—Радомысль нами было взято свыше 1.000 плѣнныхъ и 10 орудій. Въ Немировѣ и ближайшихъ окрестностяхъ мы захватили 3.000 повозокъ съ артиллерійскими припасами. Въ занятыхъ нами районахъ бродить много одиночныхъ непріятельскихъ солдатъ, постепенно сдающихся въ плѣнъ. На германскомъ фронтѣ боевъ не было.

Штабъ главнокомандующаго юго-западными арміями сообщилъ:

«Осмотръ оставшихся за нами полей сраженій подтвердилъ имѣвшіяся изъ разныхъ источниковъ свѣдѣнія о губительномъ дѣйствиіи нашей артиллеріи. Козырьки и другія приспособленія въ окопахъ не спасаютъ противника; потери его отъ артиллерійскаго огня огромны, что свидѣтельствуетъ о могуществѣ и хорошемъ управленіи нашей артиллеріей. Бывшія мѣста непріятельскихъ батарей явно обозначаются брошенными лафетами, разбитыми гаубичными снарядами и трупами прислуги, погибшей отъ шрапнельнаго огня. Взаимодѣйствіе пѣхоты и артиллеріи въ минувшихъ рѣшительныхъ бояхъ въ Галиціи и на югѣ Люблинской и Холмской губерній не оставляетъ желать лучшаго. Пѣхота восторженно отзывалась о сопровождавшей ее артиллеріи. Спокойная стройная работа въ послѣдней обезпечивалась и облегчалась способностью пѣхоты своевременно въ связи съ дѣйствиємъ артиллеріи производить свой натискъ на противника. Внутренняя спайка разныхъ родовъ войскъ была одной изъ главныхъ причинъ нашихъ тактическихъ успѣховъ на всемъ фронтѣ.

«Мелкій, но характерный случай: 12-го августа во время отхода нашихъ изъ района Красника подъесаулъ Ткачевъ производилъ воздушную развѣдку. При возвращеніи онъ былъ обстрѣлянь, пуля пробила бакъ съ масломъ. Ткачевъ ногой заткнулъ дыру и продолжалъ полетъ съ большимъ напряженіемъ и рискомъ, чтобы долетѣть до своихъ отступавшихъ цѣпей пѣхоты. Ткачеву удалось спланировать между своими и непріятельскими цѣпями. Не желая бросить свой аппаратъ, летчикъ съ помощью нѣсколькихъ людей изъ нашей цѣпи раздобылъ двуколку и, привязавъ къ ней подъ огнемъ насѣдавшихъ австрійцевъ аэропланъ, на глазахъ ихъ благополучно вывелъ аппаратъ».

Государь Императоръ разрѣшилъ употребленіе въ частномъ быту новыхъ флаговъ, изображающихъ единеніе Царя съ народомъ. Въ лѣвомъ боку обычнаго флага, на бѣломъ и синемъ полѣ помѣщенъ императорскій флагъ съ двумя главными орломъ на желтомъ полѣ.

Пришедшія въ Петроградъ иностранныя газеты содержатъ полный текстъ деклараціи социаль-демократической партіи германскаго рейхстага. Съ этой деклараціей выступилъ лидеръ социаль-демократовъ, депутатъ Гаазе, въ засѣданіи германскаго рейхстага 5-го августа:

«Отъ имени моей партіи я выступаю со слѣдующей деклараціей:

«Мы живемъ въ отвѣтственное время, когда рѣшается вопросъ нашей жизни или смерти. Политика воинствующаго имперіализма явилась причиной того, что весь міръ стоитъ подъ ружьемъ и что всѣ народы бросаются одинъ на другой, заливая Европу обильными потоками крови. Тяжелое бремя отвѣтственности за это тяготѣ-

Пачальникъ штаба дѣйствующей арміи генераль Н. Н. Янушкевичъ.

еть всецѣло на защитникахъ этой политики. Соціалъ-демократы никогда не падали своихъ силъ въ борьбѣ противъ политики имперіализма и въ настоящей моментъ борются съ ней въ полной солидарности со своими въ интересахъ сохраненія мира. Наши усилія потерпѣли полную неудачу. Мы находимся въ состояніи войны и подъ угрозой непріятельскаго нашествія. Теперь не время углубляться въ причины этой войны. Нашимъ прямымъ долгомъ является изысканіе наилучшихъ средствъ защиты нашей границы. Но мы имѣемъ полное право предаваться тягостному раздумью объ участи миллионовъ нашихъ соотечественниковъ, вовлеченныхъ, вопреки своей волѣ, въ это катастрофическое бѣдствіе.

«Это на нихъ обрушатся всё ужасы войны. Всё наши помыслы и наилучшія пожеланія сопровождаютъ нашихъ солдатъ. Но мы не можемъ не думать о несчастныхъ матеряхъ, разлученныхъ со своими сыновьями, о женахъ и дѣтяхъ, которыя внезапно лишились всякой поддержки и которымъ предстоятъ ужасныя страданія нищеты и голода. Завтра мы увидимъ тысячи инвалидовъ и раненыхъ. Мы считаемъ своимъ долгомъ облегчить ихъ страданія и поддержать ихъ».

Депутатъ Гаазе кончилъ изъявленіемъ готовности бороться вмѣстѣ съ правительствомъ, но подѣ условіемъ, что германское правительство постарается при первомъ удобномъ случаѣ заключить почетный миръ и положить конецъ европейской войнѣ.

8-го сентября на лѣвомъ крылѣ французскія войска заняли всё высоты на правомъ берегу рѣки Эна, на правомъ крылѣ армія кронпринца отступала. Германцы бомбардировали соборъ въ Реймсѣ. Снаряды произвели въ соборѣ пожаръ и отъ знаменитаго историческаго памятника остались однѣ развалины. Разрушеніе Реймскаго собора вызвало единодушный взрывъ негодованія и ужаса среди культурныхъ людей всего міра, исключая, конечно, нѣмцевъ и австрійцевъ. Многіе дипломаты и представители нейтральныхъ государствъ выразили французскому правительству чувства глубокаго соболѣзнованія по поводу акта вандализма германцевъ. Французы продвинулись впередъ на правомъ берегу Уазы. Австрійцы заняли Землинъ, отъ котораго два дня тому назадъ отступили сербы. Сербскій королевичъ Георгій раненъ.

Въ Вѣнѣ и Инсбрукѣ произошли безпорядки. Толпа кричала: «Долой Австрію! Долой Германію!» Между австро-венгерскимъ Краснымъ Крестомъ, русскимъ и сербскимъ состоялось соглашеніе объ обмѣнѣ списками плѣнныхъ. Японскій отрядъ, высадившійся въ Лаончанъ-Ванѣ, атаковалъ укрѣпленную позицію. Нѣмцы отступили. Австрійскіе арріергарды, пытавшіеся задержать наше наступленіе въ районѣ Барановъ—Ранишовъ, отброшены были нами съ большими потерями. Тяжелая артиллерія обстрѣливала укрѣпленія Ярославла. Завязались боевыя дѣйствія съ гарнизономъ Перемышля, крѣпостная артиллерія коего открыла огонь. При прохожденіи войскъ въ лѣсахъ были обнаружены брошенные австрійцами батареи.

Управленіе перемышль-ярославскимъ укрѣпленнымъ райономъ возложено на коменданта крѣпости Перемышль генерала Зарембу. Линія Ярославъ—Краковъ стала усиливаться фортификаціонными сооруженіями.

Штабъ главнокомандующаго арміями юго-западнаго фронта сообщилъ 8-го сентября слѣдующее:

«26-го августа одна изъ нашихъ армій сбила противника съ сильно укрѣпленной позиціи Войцеховъ—Леонинъ, Леонинъ—Пушно, Годовское—Годовъ-Лѣсъ. У Козанчанина австрійцы и часть нѣмецкаго корпуса генерала Вейерца начали отступать къ югу. На правомъ флангѣ нами было взято 6 гаубицъ и 6 легкихъ орудій, въ центрѣ нѣсколько орудій и пулеметовъ и около 1.000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 15 офицеровъ, на лѣвомъ флангѣ—2 горныхъ орудія и пулеметы, 25 офицеровъ и 2.000 нижнихъ чиновъ. Въ ночь съ 26-го на 27-го августа упорный бой на лѣвомъ флангѣ продолжался. Взяты еще 30 офицеровъ, 600 солдатъ, горныя орудія и пулеметы. Лѣвый флангъ австрійцевъ не могъ уже

оправиться от нанесенного ему удара, и 27-го августа продолжал отступать къ югу, оказывая лишь слабое сопротивленіе. Въ центрѣ на правомъ флангѣ австрійцы зацѣпились за высоты, ранѣе укрѣпленные ими. 27-го августа здѣсь завязался упорный бой, продолжавшійся цѣлый день. Къ вечеру австрійцы были сбиты. На этотъ разъ, видимо, они понесли уже такія потери, что части совершенно разстроились. Отступление сдѣлалось безостановочнымъ. Правда, аррьергарды дѣлали слабыя попытки сдержать преслѣдованіе на нѣкоторыхъ выгодныхъ рубежахъ, но безуспѣшно; каждый разъ нашъ натискъ, отбрасывая австрійцевъ и такимъ образомъ увеличивая послѣдствія отхода ихъ главныхъ силъ. 29-го и 30-го августа наши войска, продолжая преслѣдованіе, перешли государственную границу. Съ этого момента война на всемъ австрійскомъ фронтѣ перенеслась на территорію противника. Необходимость прикрыть переправы черезъ рѣку Санъ заставила австрійцевъ попытаться задержать насъ передъ этой рѣкой, но и этотъ разъ попытка ихъ не увѣчалась успѣхомъ. Австрійцы были опрокинуты. Интересный эпизодъ разыгрался у деревни Липы. Передовыя части наши, наступавшія на эту деревню, при выходѣ на западную опушку у деревни Липы были встрѣчены сильнымъ огнемъ. Авангардъ развернулся, завязалась горячая перестрѣлка. Австрійцы стали обходить нашъ правый флангъ, на на нихъ въ это время обрушилась часть, заблаговременно высланная въ обходъ. Въ результатъ, несмотря на упорное сопротивленіе, австрійцы были опрокинуты и въ безпорядкѣ бросились бѣжать въ восточномъ направленіи, такъ какъ естественный путь былъ уже отрѣзанъ нашей конницей. Часть австрійцевъ была уничтожена, часть загнана въ болото и утонула. Лишь жалкіе остатки, пользуясь наступившей темнотой, пробрались къ рѣкѣ Сану. Здѣсь захвачено болѣе 20 пулеметовъ. Передовыя части нашего праваго крыла въ тотъ же день достигли рѣки Сана и 31-го августа правофланговая часть арміи съ боемъ овладѣла одной изъ переправъ. Затѣмъ центръ и лѣвый флангъ достигли рѣки и начали подготовку къ переправѣ. На лѣвомъ берегу рѣки Вислы наши конныя части, продолжая продвигаться къ югу, достигли Сандомира, прочно занятаго нашей пѣхотой и артиллеріей. Крайне интересно наблюденіе о способахъ веденія войны нашими войсками, сдѣланное штабомъ одной изъ австрійскихъ дивизій и найденное въ захваченныхъ нами документахъ: 1) пѣхота примѣняетъ совершенно закрытыя позиціи, широко и искусно пользуется мѣстностью для достиженія перекрестнаго огня въ такой мѣрѣ, что возвышенность, которую, судя по картамъ, слѣдовало бы, несомнѣнно, причислить къ оборонительной линіи, не была занята. Однако, когда вошла австрійская пѣхота, то она попала подъ сильный перекрестный огонь; 2) превосходное пользованіе пулеметами; 3) атакующихъ принимаютъ въ окопахъ на штыки; 4) конница—ловко и широко развитое исползованіе огневого боя, а также широкое примѣненіе пулеметовъ, большая лихость въ отдѣльныхъ эпизодахъ боя, очень хорошая постановка развѣдочной службы; 5) въ артиллеріи примѣненіе совершенно открытыхъ позицій и отличный выборъ наблюдательныхъ пунктовъ. Первые выстрѣлы русской артиллеріи показали хорошее знаніе дѣла этимъ родомъ войскъ.

8-го сентября официально изъ Парижа было сообщено, что на дѣвомъ флангѣ,

расположенномъ на правомъ берегу Уазы, французы продвинулись впередъ до высотъ Лассиньи и къ востоку отъ Ноайона. Германцы вновь проявили активность на востокъ отъ Уазы и на сѣверѣ отъ Эна, гдѣ произошли жестокія схватки въ штыки. Непрiятель всюду былъ отброшенъ съ большими потерями. Въ районѣ Реймса нѣмцы продолжали обстрѣливать французскій фронтъ изъ орудій крупнаго калибра, но пѣхотныхъ атакъ не производили. Въ Шампаньи и Аргонѣ французы овладѣли, кромѣ Суэна Мениль, ле-Гюрлюсомъ и Массижемъ. Въ Веврѣ непрiятель все еще занималъ округъ Тюкуръ и обстрѣлялъ Атоншатель. Въ Лотарингіи не произошло ничего новаго. Нѣмцы продолжали укрѣпляться въ Вогезахъ близъ Дельма и къ югу отъ Шато-Салэна.

Получены были слѣдующія подробности о дѣйствіяхъ германцевъ подъ Реймсомъ. 8-го сентября германская артиллерія продолжала бомбардировать Реймсъ. Отъ собора осталось только нѣсколько стѣнъ, ратуша, музей, суб-префектура, а также госпитали и сосѣдніе съ этими зданіями частные дома большею частью разрушены. Германская артиллерія съ намѣреніемъ разстрѣливала главные зданія города. Убито было нѣсколько жителей Реймса, въ томъ числѣ помощникъ мэра.

Англійское военное судно «Пегасъ» потопило германскую канонерку «Моewe» и разрушило Даресаламъ въ германской Африкѣ. «Пегасъ» былъ выведенъ изъ строя германскимъ крейсеромъ. Произошелъ рядъ морскихъ дѣйствій у береговъ Африки и Америки. Черногорцы заняли городъ Прачу въ 20 километрахъ отъ Сараева. Попытка австрійцевъ перейти черезъ Саву у Скелы была энергично отражена Сербамъ. Японцы произвели успѣшную ночную атаку на Люшутай; германцы отступили. Отступившія австрійскія войска, поддержанныя нѣсколькими прусскими корпусами, сгруппировались въ четырехугольникъ Перемысль—Ярославъ—Ряшевъ—Дынувъ.

Верховный главнокомандующій послалъ слѣдующую телеграмму генералу Иванову:

«Государь Императоръ повелѣлъ мнѣ передать молодецкимъ войскамъ юго-западныхъ армій его горячее спасибо за проявленную ими старорусскую удачу. Счастливъ исполнить волю нашего обожаемаго Вождя и сердечно поздравляю наши войска съ высокомилостивой оцѣнкой.»

«Генераль-адъютантъ *Николай*».

9-го сентября въ Лондонѣ официально было сообщено, что британскіе крейсера «Abukir», «Hogue» и «Cressy» потоплены германскими подводными лодками въ Сѣверномъ морѣ; значительная часть состава экипажей потопленных британскихъ крейсеровъ была спасена крейсерами, миноносцами, траулерами и другими судами.

Германцы проявили на всемъ протяженіи фронта Уаза — Вевр нѣкоторую активность, но не добились существенныхъ результатовъ. На правомъ берегу Уазы германцы отступили подъ натискомъ французскихъ атакъ. Въ Веврѣ германцы повели энергичную атаку на высоты на правомъ берегу Мааса, но не

смогли укрѣпиться на нихъ. Значительный успѣхъ также имѣли французы между Реймсомъ и Аргонской возвышенностью.

Японцы высадились въ бухтѣ сѣвернѣ Циндао. На фронтѣ Любовія—Зворникъ—Лозница австрійцы отступили къ Дринѣ; на фронтѣ Митровица—Ша-

Генералиссимусъ французскихъ войскъ генераль Жоффриъ.

баць сербы воспрепятствовали непріятелю развернуть фронтъ на сербской территоріи.

10-го сентября штабъ верховнаго главнокомандующаго оповѣстилъ о новой побѣдѣ русскаго оружія: русскія войска заняли сильно укрѣпленный Ярославъ, своими предмостными укрѣпленіями прикрывавшій важную переправу черезъ рѣку Сань и господствовавшій надъ находящейся въ 2 верстахъ желѣзнодорожной переправой на линіи отъ Равы-Русской. Кромѣ того, въ Ярославѣ находились значительные военные склады и широко развитая станція на линіи Краковъ—Львовъ.

На франко-германскомъ театрѣ войны положеніе дѣлъ было таково: лѣвое крыло французской арміи продолжало продвигаться впередъ на правомъ берегу Уазы въ районѣ Лассиньи, гдѣ происходили ожесточенные бои. Положеніе оставалось безъ перемѣнъ на лѣвомъ берегу Уазы къ сѣверу отъ рѣки Эль. Въ центрѣ между Реймсомъ и Маасомъ также не произошло значительныхъ перемѣнъ. Германцы произвели жестокія атаки къ сѣверо-востоку отъ Вердена и въ направленіи Муи и Дампьера, но были отброшены. На югѣ Вевра германцы занимали линію Ришекуръ—Сейшопруа—Лерувиль, за предѣлы которой они не выступали. На правомъ флангѣ въ Лотарингіи и Вогезахъ они очистили Номени и Арракуръ и обнаружили мало дѣятельности въ районѣ Домеврѣ.

Англійскій крейсеръ захватилъ въ сѣверной части Атлантическаго океана германскій вооруженный грузовой пароходъ «Spreewald». Сербскія войска отбросили Австрійцевъ на Савѣ и воспрепятствовали переправѣ ниже Смедерева. Австрійцы бомбардировали Бѣлградъ 24 сантиметровыми гранатами, какъ полагають, изъ Батайницы. Въ Берлинѣ ежедневно на стѣнахъ появляются плакаты съ надписями: «Долой войну» и «Долой Гогенцоллерновъ». Болгарскій св. синодъ пожертвовалъ 15 тысячъ франковъ на помощь раненымъ и больнымъ русскимъ и ихъ семьямъ.

Закрѣплено пассажирское и грузовое движеніе въ Восточной Пруссии и на линіи Штеттинъ—Берлинъ и Данцигъ—Берлинъ.

11-го сентября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на юго-западномъ фронтѣ палъ Ярославъ, преслѣдованіе австрійцевъ продолжалось. На сѣверо-западномъ фронтѣ положеніе оставалось безъ перемѣнъ. Продолжая преслѣдованіе австрійцевъ, наши войска достигли Вислоки. У Перемышля дѣйствія развивались успѣшно. На германскомъ фронтѣ наши войска находились въ близкомъ соприкосновеніи съ неприятелемъ, но боевыхъ столкновений не было. Главное управленіе генеральнаго штаба дало слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія о нашихъ боевыхъ дѣйствіяхъ:

«8-го сентября наши войска взяли приступомъ правобережныя укрѣпленія Ярослава и, захвативъ въ нихъ 20 орудій, продолжали наступленіе, которое противникъ тщетно пытался остановить взрывомъ моста черезъ рѣку Санъ. Вскорѣ наши войска овладѣли Ярославомъ. Двумя днями ранѣе былъ занятъ городъ Старое Мѣсто. Развивая успѣшныя дѣйствія, наши войска заняли Пржеворскъ и Ланцутъ. Наша конница слѣдовала по пятамъ послѣднихъ отступающихъ австрійскихъ аррьергардовъ, взрывающихъ мосты. Притокъ плѣнныхъ и захваченныхъ орудій нами не прекращался. Начавшееся въ войскахъ противника разложеніе выражается грабежами, увеличивающими безпорядочность его отступленія. Плѣнные единогласно свидѣтельствовали, что въ австрійскихъ рядахъ почти не осталось офицеровъ. Доблестно сражался противъ австрійцевъ рядомъ со старыми, заслуженными, войсковыми частями, недавно сформированные наши полки окрѣпили въ побѣдоносныхъ бояхъ и многіе изъ нихъ уже приобрѣли въ арміи громкую славу».

Положеніе на французскомъ театрѣ войны обрисовывалось такъ: «На лѣвомъ флангѣ между Соммой и Уазой французскія войска продвинулись впередъ въ направленіи къ Руа. Пероннъ былъ занятъ французскимъ отрядомъ и удержанъ

имъ, несмотря на энергичныя атаки противника. Между Уазой и рѣкой Энормъ германцы продолжали сохранять большія силы, прочно окопавшіяся. Французскія войска незначительно продвинулись впередъ на сѣверо-востокъ отъ Берри-о-Бакъ. Въ центрѣ между Реймсомъ и Аргоной не произошло никакихъ измѣненій. Къ востоку отъ Аргоны и на правой сторонѣ Мааса нѣмцы продолжали атаки съ особенной энергіей. Сраженіе продолжалось, чередуясь съ отступленіями на однихъ пунктахъ и наступленіями на другихъ. На правомъ флангѣ положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ. Въ районѣ Нанси и Вогезовъ нѣсколько нѣмецкихъ отрядовъ пытались снова проникнуть на французскую территорію, причѣмъ имъ удалось отѣснить незначительное прикрытіе. Но наступленіе непріятеля было вскорѣ приостановлено.

На балканскомъ театрѣ успѣхъ склонялся на сторону славянъ. Происходили ожесточенныя бои на фронтѣ Зворникъ—Лозница и фронтѣ Митровица—Шабаци, причѣмъ общее положеніе было болѣе благоприятно для сербовъ. Австрійцы обстрѣливали Скеланскъ и Сабрежъ; попытки ихъ перейти Дунай потерпѣли неудачу. Черногорцы начали штурмовать Сараево, успѣхъ на сторонѣ черногорцевъ.

Въ Антивари французскій флотъ уничтожилъ нѣсколько батарей крупныхъ артиллерійскихъ орудій съ командами. Англійскіе морскіе аэропланы сбросили бомбы въ ангары нѣмецкихъ цеппелиновъ въ Дюссельдорфѣ. Японцы окружили Циндао; сообщеніе осажденной крѣпости съ внѣшнимъ міромъ поддерживается при помощи голубей.

Настроеніе германскихъ социалистовъ рѣзко измѣнилось, вслѣдствіе чего правительствомъ приостановлены социалистическія изданія. Начались преслѣдованія и католиковъ, раздраженныхъ оскверненіемъ католическихъ церквей германцами. Во взаимныхъ отношеніяхъ германскихъ и австрійскихъ войскъ стало все чаще наблюдаться острое взаимное охлажденіе.

12-го сентября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщалъ слѣдующее: «На юго-западномъ фронтѣ нами была взята укрѣпленная позиція Чижки—Фульстинъ, которая прикрывала Хыровъ и укрѣпленія въ районѣ Радымно, съ находившейся въ нихъ артиллеріей. Гарнизонъ Перемышля очистилъ селеніе Медыка и на восточномъ секторѣ отѣсненъ нами къ линіи фортовъ. На германскомъ фронтѣ боевыхъ столкновеній не было».

Германцы возобновили бомбардировку Реймса и Реймскаго собора. На лѣвомъ флангѣ французскихъ войскъ между Соммой и Уазой продолжалось упорное сраженіе; въ центрѣ французы продвинулись до Берри—Моренвилье. Командующій австрійскими войсками въ Землинѣ потребовалъ сдачи Бѣлграда, на что Сербы отвѣтили артиллерійскимъ огнемъ по австрійскимъ мониторамъ. Австрійскія войска заняли главный городъ германской Новой Гвиней—Фридрихъ-Вильгельмъ.

13-го сентября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что 10-го сентября мы отбили попытку германскаго авангарда продвинуться къ востоку въ предѣлахъ Сувалкской губерни. Въ районѣ Щучина и Винцента происходили удачныя для насъ столкновенія передовыхъ частей. Въ Западной Галиціи круп-

ных боевъ не было, вытѣсненная изъ Хырова австрійская армія продолжала отступать.

Изъ Берлина сообщили въ Копенгагенъ, что состояние здоровья раненаго въ одной изъ битвъ шрапнелью въ ногу младшаго сына Вильгельма Іоахима очень серьезное. Не исключается возможность ампутаціи ноги. Принцъ Іоахимъ лежитъ въ госпиталѣ въ Могунцѣ. Въ брусельскомъ госпиталѣ скончался принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ, принцъ Адальбертъ прусскій (третій сынъ императора Вильгельма) и принцъ Карлъ Вюртембергскій.

Положеніе на франко-германскомъ театрѣ имѣло слѣдующій видъ: «На лѣвомъ флангѣ продолжалось ожесточенное сраженіе между Соммой и Узой. Между Узой и Суассономъ французскія войска слегка продвинулись впередъ. Непрiятель не дѣлалъ попытки перехода въ атаку. Между Суассономъ и Реймсомъ не произошло серьезныхъ измѣненій. Въ центрѣ, между Реймсомъ и Верденомъ, положеніе оставалось безъ перемѣнъ. Въ Веврѣ непрiятель оказался въ состояннiи перейти черезъ Маасъ въ районѣ С.-Міэль, но предпринятое французами наступательное движеніе уже отбросило большую часть его къ рѣкѣ. На югѣ Вевра наступленіе французовъ продолжается. 14-й германскій корпусъ отступилъ, потерпѣвъ большія потери. На правомъ флангѣ въ Лотарингіи и Вогезахъ численность германскихъ войскъ, повидимому, уменьшилась. Отдѣльныя части, которымъ удалось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оттѣснить французскіе аванпосты, были, въ свою очередь, отброшены введенными въ дѣло французскими резервами. Вечернее официальное сообщеніе отъ 13-го сентября сообщило, что непрiятель произвелъ атаки по всему фронту, но повсюду былъ отраженъ. На лѣвомъ флангѣ французская армія продвигается впередъ. На правомъ берегу Мааса положеніе безъ измѣненія. Въ Веврѣ французы продолжаютъ продвигаться впередъ.

Въ происходившихъ бояхъ на фронтѣ Лозница—Рача и Рарашница—Бѣлградъ австрійцы были всюду оттѣснены. Албанскія разбойничьи шайки сдѣлали нападеніе на Сербію. Англо-французскій флотъ обстрѣлялъ входы въ Катаррскую бухту и разрушилъ крѣпость Пелагоза.

14-го сентября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ районѣ Сопоцкина и Друскеники 12-го сентября начался бой съ германскими войсками. Австрійская армія отходила на западъ, широко пользуясь желѣзными дорогами на Краковъ. Отбросивъ два гонведныхъ полка, наши войска заняли Турка.

На французскомъ лѣвомъ флангѣ продолжалось сраженіе, сопровождавшееся значительнымъ успѣхомъ для французовъ. На весьма растянутомъ фронтѣ между Узой и Соммой и Реймсомъ германцы въ нѣсколькихъ мѣстахъ произвели ожесточенныя атаки, но были отброшены. Линіи французскихъ и германскихъ траншей во многихъ мѣстахъ удалены другъ отъ друга не болѣе, чѣмъ на нѣсколько сотъ. Въ центрѣ между Реймсомъ и Суэномъ прусская гвардія безуспѣшно предприняла энергичное наступленіе и была отброшена въ районѣ Берри и Ножанъ-Лабесъ. Между Суэномъ и Аргоной непрiятель 12-го утромъ успѣшно произвелъ атаку между дорогой Соммепи—Шалонъ-сюръ-Марнъ и желѣзнодорожной вѣтвью Сень-Менеху—Вузъэ. Къ концу дня, однако, француз-

скія войска снова заняли уступленную площадь. Между Аргоной и Маасомъ непріятель не проявилъ активности. На правомъ берегу Мааса положеніе оставалось безъ перемѣнъ. Въ южномъ Веврѣ германцы занимали фронтъ, проходящій черезъ Сень-Міэль къ сѣверо-востоку на Понтамуссонъ. Въ Лотарингіи, Вогезахъ и Эльзасѣ не произошло значительныхъ перемѣнъ.

Главнокомандующій англійской арміей лордъ Китченеръ.

Великобританское военное министерство сообщило о весьма энергичныхъ дѣйствіяхъ со стороны непріятеля по всей линіи. Сильными контръ-атаками непріятель былъ отброшенъ съ большими потерями. Германскій аэропланъ пролетѣлъ надъ Парижемъ и сбросилъ нѣсколько бомбъ близъ Эйфелевой башни. Сербско-черногорскія войска, наступавшія на Сараево, достигли горы Романія. Войска бѣлградскаго гарнизона вытѣснили непріятеля съ острововъ Ада-Цыганлія и Ада-Мала. Французская канонерка «Surprise» заняла Кок-

бичъ въ части Конго, уступленной Франціей въ 1912 году Германіи. Уступленная территория возвращена Франціи. Южно-африканскія войска заняли Людеррихбухтъ. Японцы начали атаковать первую оборонительную линію Циндао.

По сообщенію штаба верховнаго главнокомандующаго отъ 15-го сентября, бои у Сопочкина и Друскеникъ закончились отступленіемъ германцевъ. Непріятель, приблизившись съ сѣвера къ Оссовцу, началъ артиллерійскій бой съ крѣпостью. Въ Галиціи мы заняли Дембицу. Большая колонна, отступавшая по шоссе отъ Перемышля къ Саноку, обстрѣливалась съ высотъ нашей артиллеріей и бѣжала, бросивъ паркы, обозъ и автомобили. На перевалѣ Ужокъ мы разбили непріятельскій отрядъ, взяли его артиллерію и много плѣнныхъ и, продолжая преслѣдовать, вступили въ предѣлы Венгріи.

На французскомъ театрѣ войны дѣла, согласно официальному сообщенію, развертывались въ такомъ порядкѣ: съ ночи 12-го на 13-е сентября вплоть до 14-го сентября германскія войска непрерывно производили на всемъ фронтѣ необычайно ожесточенныя атаки съ явной цѣлью прорвать французскія линіи, причемъ общій планъ ихъ дѣйствій обнаружили полученіе германской арміей отъ высшаго начальства приказанія добиться рѣшительнаго результата. Однако это не только не удалось нѣмцамъ, но, наоборотъ, во время этихъ боевъ французы взяли знамя, орудія и захватили много плѣнныхъ. Знамя было отбито у непріятеля 24 полкомъ колониальной пѣхоты. Всѣ командующіе войсками свидѣтельствовали, что, несмотря на крайнее утомленіе, вызываемое непрерывнымъ боемъ, духъ арміи оставался прекраснымъ, и что они едва въ состояніи были удерживать войска, стремившіяся ринуться на непріятеля, находившагося подъ прикрытіемъ оборонительныхъ сооружений.

Послѣ упорнаго боя сербы отбросили австрійцевъ и заняли главнѣйшія землинскія позиціи.

Бельгійское королевское правительство опубликовало третій отчетъ спеціальной слѣдственной комиссіи для разслѣдованія германскихъ звѣрствъ. Французское правительство постановило считать недѣйствительными всѣ договоры между французами съ одной стороны и германцами и австро-венгерцами съ другой. Собраніе представителей всѣхъ академій художествъ, научныхъ и просвѣтительныхъ учреждений Италіи выразило протестъ противъ разрушеній, произведенныхъ нѣмцами въ Лувенѣ, Малинѣ и Реймсѣ. Китайское правительство заявило передъ японскимъ посланникомъ протестъ противъ занятія японцами станціи Вейсянь.

16-го сентября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ Августовскихъ лѣсахъ наши войска съ боемъ спѣшно продвигались впередъ. Въ артиллерійской борьбѣ у Осовца принимали участіе тяжелые калибры. Съ ранняго утра 14-го сентября огонь достигъ здѣсь значительнаго напряженія. Попытка германской пѣхоты продвинуться ближе къ крѣпости была отражена. Непріятель на силезскомъ фронтѣ значительно усилился и проявилъ большую дѣятельность. Вылазки гарнизона Перемышля оставались безуспѣшными. При продолжавшемся отступленіи австрійцевъ обнаруживалось полное перемѣшиваніе ихъ частей, нами были захвачены новыя партіи плѣнныхъ, орудія и прочая матеріальная часть.

17-го сентября была напечатано слѣдующее правительственное сообщеніе:

«Рядъ извѣстій, полученныхъ за послѣднія сутки изъ Константинополя, опредѣленно свидѣтельствуетъ о томъ, что турецкое правительство, окончательно подпавъ подъ вліяніе германцевъ, желаетъ во что бы то ни стало создать такую обстановку, при которой державы тройственнаго согласія считали бы себя вынужденными прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ воздѣйствія на Турцію. Представители тройственнаго согласія въ Константинополѣ, по свѣдѣніямъ министерства иностранныхъ дѣлъ, до сихъ поръ старались игнорировать отдѣльныя распоряженія турецкаго правительства, которыя носили безусловно вызывающій характеръ, надѣясь, что голосъ благоразумія подскажетъ въ послѣднюю минуту турецкимъ государственнымъ дѣятелямъ всю пагубность ихъ политики въ отношеніи тройственнаго согласія. Съ самаго начала войны турецкому правительству дано было понять, что только вполнѣ лояльнымъ и неукоснительнымъ соблюденіемъ нейтралитета Порты можетъ охранить Европейскую Турцію отъ серьезной опасности и завоевать благожелательное отношеніе великихъ державъ. Тѣмъ не менѣе турецкое правительство продолжало дѣйствовать по внушеніямъ военнаго министра Энверъ-паши и его сторонниковъ явно во вредъ державамъ тройственнаго согласія. Цѣлый рядъ такихъ дѣйствій вынудилъ въ концѣ концовъ великобританскаго посла въ Константинополѣ еще разъ подтвердить великому визирю, что всякая новая демонстрація Турціи противъ державъ тройственнаго согласія будетъ сочтена актомъ враждебнымъ съ неизбежными послѣдствіями такого.

«На это спокойное предостереженіе турецкое правительство отвѣтило распоряженіемъ о закрытіи Дарданеллъ для всѣхъ иностранныхъ судовъ. Хотя въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ еще не получено официальнаго донесенія объ этомъ русскаго посла, тѣмъ не менѣе сообщеніе представителя Петроградскаго телеграфнаго агентства не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что вышеуказанная мѣра примѣнена въ дѣйствительности. И если въ ближайшее время не выяснится, что она носитъ временный характеръ и вызывается чрезвычайными обстоятельствами, то тройственное согласіе естественно приметъ эту мѣру какъ рѣшительное выступленіе Турціи противъ него. Едва ли оправдается при этомъ расчетъ турецкаго правительства увѣрить турецкое общественное мнѣніе, что Турція находилась въ опасности, и что предпринятая мѣра вызвана соображеніями государственной обороны».

Штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ, что 15-го сентября бои съ германцами развивались въ районѣ Оссовецъ—Друскеники—Симно. Новая попытка непріятели переправиться черезъ Нѣманъ была нами отражена. Энергичный бой продолжался за сѣверные выходы изъ Августовскихъ лѣсовъ. Въ Западной Галиціи, близъ Даклы, былъ сбитъ австрійскій арріергардъ. Отступавшая черезъ Фриштакъ колонна бросила орудія и свыше 400 повозокъ. Въ районѣ Красно нами было взято 200 плѣнныхъ, принадлежащихъ 22 различнымъ полкамъ, изъ шести разныхъ корпусовъ. Дороги за Санокъ были усѣяны брошенными ружьями, патронами и повозками.

По официальному сообщенію изъ Парижа, въ общемъ положеніи на французскомъ театрѣ войны перемѣнъ не произошло. На части фронта было сравнительное затишье. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ, въ особенности между рѣкой Эномъ и Аргонами, германцы пытались производить новыя ожесточенныя атаки, которыя были отражены французами.

Наступавшія на Антверпенъ германскія войска были отброшены; Аlostъ вновь заняли бельгійцы. Бельгійцы разрушили желѣзнодорожное сообщеніе между Монсомъ и Брюсселемъ. Сербскія и черногорскія войска подошли къ

Сараеву. Сербь снова заняли Землинъ. На фронтѣ Дрина—Шабачъ сербы отбили атаки непріятели, заняли въ Босніи Ханпесакъ. Англо-французская экспедиція высадились въ Камерунѣ, главный городъ котораго Дуала сдался безъ всякихъ условій. Японцы заняли укрѣпленную позицію Гушань.

18-го сентября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ: 15-го сентября наши войска овладѣли, послѣ упорныхъ боевъ, германскими позиціями у Августова и Копціево. 16-го сентября нами были взяты проходы въ озерахъ на фронтѣ Симно—Серее—Лейпуны. Непрїатель отброшенъ въ районъ Сувалки—Сейны—Маріамполь. Наступленіе продолжалось. Германская осадная артиллерія безуспѣшно продолжала бомбардировку Оссовца. Въ Щучинскомъ районѣ и близъ Андреева имѣли мѣсто только небольшія столкновения.

По официальнымъ даннымъ отъ 15-го сентября: на лѣвомъ крылѣ французовъ донесенія о положеніи были благопрїятны. Въ центрѣ французскія войска успѣшно выдержали новыя и весьма ожесточенныя атаки. На правомъ берегу Мааса французскія войска продвинулись впередъ. Въ Веврѣ густой туманъ фактически прекратилъ операціи. На правомъ крылѣ, въ Лотарингіи и на Вогезахъ положеніе оставалось безъ переменъ.

16-го сентября на лѣвомъ французскомъ флангѣ къ сѣверу отъ Соммы и между Соммой и Уазой нѣмцы ночью и въ теченіе дня пытались произвести нѣсколько атакъ, но были отражены. Къ сѣверу отъ рѣки Эна не произошло никакихъ измѣненій. Въ Шампани и къ югу отъ Аргонъ непрїатель ограничился сильной канонадой. Въ Аргонахъ и на Маасѣ французскія войска нѣсколько продвинулись впередъ, несмотря на сильныя позиціи германцевъ. На правомъ берегу Мааса, въ Веврѣ, Лотарингіи и Вогезахъ не произошло значительныхъ измѣненій. Общая линія расположенія французскихъ войскъ проходила фронтомъ отъ Понтамуссона на Апремонъ и Маасъ въ районѣ Сень-Міэля, далѣе по высотамъ къ сѣверу отъ Спады и вдоль праваго бенега Мааса къ юго-востоку отъ Вердена. Между Верденомъ и Реймсомъ фронтъ пролегалъ черезъ районъ Варенна, по линіи къ сѣверу отъ Суэна по Римскому шоссе на Реймсъ, дорогой отъ Реймса къ Верди-о-Баку, высотами, называемыми «Дамской дорогой» на правомъ берегу рѣки Эна и до района Суассона. Между Суассономъ и Эгльскимъ лѣсомъ фронтъ проходилъ по плоскогорью на правомъ берегу рѣки Эна. Между Уазой и Соммой линія фронта идетъ черезъ Рибекуръ, занятый французами, Лассиньи, занятый германцами, Руа, занятый французами и Шольнъ, занятый германцами. Къ сѣверу отъ Соммы фронтъ тянулся по плоскогорью между Альбертомъ и Комблемъ. 15-го сентября было взято большое число плѣнныхъ, главнымъ образомъ 7-го корпуса и 10-го, 12-го, 15-го и 19-го резервныхъ корпусовъ.

Союзныя англо-японскія войска, оперирующія противъ Циндао, выбили германцевъ изъ ихъ позицій, выдвинутыхъ на четыре километра, и заняли всю территорію, господствующую надъ главной оборонительной линіей нѣмцевъ.

19-го сентября штабъ верховнаго главнокомандующаго донесъ, что отступление германской арміи изъ предѣловъ Сувалкской и Ломжинской губерній продолжалось подъ натискомъ нашихъ войскъ. Особенно горячій бой шелъ въ районѣ къ западу отъ Симно. Атаковавшія Оссовецъ войска послѣпно стали ухо-

дить на сѣверъ. Въ западныхъ уѣздахъ Петроковской и Кѣлецкой губерній находились значительныя силы германцевъ, большую часть коихъ составляли войска, перевезенныя съ запада. Наша кавалерія и передовыя части вели въ этомъ районѣ дѣятельную развѣдку и частыми энергичными атаками затрудняли дальнѣйшее продвиженіе непріятели.

По официальнымъ свѣдѣніямъ отъ 17-го сентября, на французскомъ театрѣ войны общее положеніе продолжало оставаться удовлетворительнымъ. На фронтѣ не произошло никакихъ значительныхъ измѣненій за исключеніемъ области южнаго Вевра, гдѣ французами былъ занятъ Сешпрей и гдѣ они продвинулись до рѣки Рюптдемадь. По тѣмъ же свѣдѣніямъ отъ 18-го сентября, на лѣвомъ флангѣ, къ сѣверу отъ рѣки Соммы, бой продолжалъ развиваться все опредѣленнѣе въ сѣверномъ направленіи. Между рѣками Узой и Эномъ германцы произвели сильную атаку противъ Траси-ле-Мона, расположеннаго къ сѣверо-востоку отъ Эгльскаго лѣса, но были отброшены съ большими потерями. Въ центрѣ наблюдалось затишье на всемъ фронтѣ, простирающемся отъ Реймса до Мааса. Между Аргонской возвышенностью и Маасомъ французы продвинулись впередъ. Въ области Вевръ происходили ожесточенные бои; здѣсь французскія войска подвинулись впередъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ и, между прочимъ, на востокъ отъ Сень-Міэля. На правомъ флангѣ въ Лотарингіи и Вогезахъ положеніе оставалось безъ перемѣнъ.

Германцы бомбардировали городъ Льеръ и обратили его въ развалины. Въ Компіенѣ германцы разграбили дворецъ и вывезли цѣнности въ трехъ вагонахъ подъ флагами Краснаго Креста. Германскій крейсеръ «Эмденъ» потопилъ на Индійскомъ океанѣ пять британскихъ пароходовъ и захватилъ одинъ угольщикъ. Сербско-черногорскія войска въ Босніи послѣ ожесточеннаго боя заняли господствующія позиціи Важеница, Игриште и Кралева-Гора. Японскія войска заняли первую линію укрѣпленій Циндао и приблизились къ главнымъ фортамъ на 10 верстъ. Въ Бордо открылся русскій лазаретъ.

20-го сентября появились слѣдующія правительственныя сообщенія:

I.

Вносимое румынскимъ правительствомъ на обсужденіе народнаго собранія предложеніе объ объявленіи страны на военномъ положеніи не знаменуетъ собою, конечно, рѣшенія правительства активно выступить противъ той или другой группы воюющихъ державъ, а свидѣтельствуеетъ лишь разъ о томъ, что вся страна переживаетъ тревожное время и находится наканунѣ важныхъ событій. Возможно, конечно, что возгласъ: «за Карпаты», столь часто раздающійся и изъ манифестирующей толпы, и со столбцовъ большинства румынскихъ газетъ, можетъ стать всенароднымъ лозунгомъ и заглушить отдѣльные голоса, настаивающіе на необходимости сохраненія Румыніею строжайшаго нейтралитета до конца европейской войны. Повидимому, либеральное министерство г. Братіану учитываетъ значеніе этого состоянія умовъ въ странѣ и склонно уступать давленію общественнаго мнѣнія, требующаго консервативнаго министерства. Въ послѣднемъ случаѣ пребываніе въ кабинетѣ г. Братіану зависѣть будетъ, главнымъ образомъ, отъ г. Таке-Ионеску, который уже однажды находился въ сотрудничествѣ съ консерваторами, а потому и теперь можетъ по условіямъ политическаго момента образовать консервативный кабинетъ.

II.

Болгарская миссія въ Петроградѣ объясняетъ послѣдовавшее въ Салоникахъ воспрещеніе русско-подданнымъ проѣзда черезъ территорию Болгаріи соображеніями чисто санитарнаго свойства и полагаетъ, что воспрещеніе носило временный характеръ, впредь до отвѣта софійскаго правительства на запросъ салоницкаго консула.

Штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ: «Сраженіе на восточно-прусскомъ фронтѣ продолжалось. Бой въ районѣ Маріамполя еще не рѣшенъ. Германскія позиціи у Красно, западнѣ Симно, окончательно были захвачены нами ночной атакой. Отступленіе непріятеля отъ Лейпуны на Сувалки совершалось подъ нашимъ энергичнымъ натискомъ. На шоссе Сейны—Сувалки движеніе германцевъ, подъ ударами нашей конницы и обстрѣломъ артиллеріи, временами обращалось въ безпорядочное отступленіе. Въ районѣ Сувалокъ шель упорный бой. Германскія подкрѣпленія, переброшенные по желѣзнымъ дорогамъ къ Марграбову для выручки отступающихъ частей, переходили въ наступленіе на фронтѣ Августовъ—Сувалки. Близъ Рачки германцы ночью переходили въ штыковую атаку, но потерѣли въ ней жестокій уронъ убитыми и плѣнными. Августовъ бомбардировался съ сѣверо-запада тяжелой артиллеріей до двухъ часовъ дня 18-го сентября, когда наша пѣхота, перейдя въ рѣшительное наступленіе, отбросила совершенно противника изъ этого района. Изъ Щучина и Граева противникъ былъ выбитъ, и наши войска здѣсь перешли на германскую территорию. Часть обоза и автомобилей непріятельскаго отряда, дѣйствовавшаго противъ Осовца была нами захвачена. Въ районѣ Млавы непріятель предпринялъ демонстративное наступленіе, отраженное нашими войсками.

По официальному сообщенію французскаго правительства отъ 19-го сентября, на лѣвомъ флангѣ продолжались весьма ожесточенные бои, особенно въ районѣ Руа, гдѣ германцы сосредоточили, повидимому, весьма значительныя силы. Сраженіе постепенно распространилось къ сѣверу, причемъ боевая линія тянулась до района на югъ отъ Арра. На Маасѣ германскія войска пытались въ окрестностяхъ Сэнъ-Міэля перебросить мостъ, который, однако, былъ разрушенъ въ ту же ночь. Въ области Вевръ наступленіе французскихъ войскъ продолжалось. Они подвигались медленно впередъ, главнымъ образомъ въ районѣ между Апремономъ и Сэнъ-Міэлемъ. На всемъ остальномъ фронтѣ лишь незначительныя операціи предпринимались, какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Британское адмиралтейство сообщило, что 1-го октября нов. ст. судно его величества «Кумберлендъ» захватило девять германскихъ коммерческихъ судовъ на рѣкѣ Камерунъ. Суда были въ отличномъ состояніи, и большинство изъ нихъ имѣли на себѣ грузы и значительные запасы угля. Также захвачена была канонерская лодка «Соденъ». Пловучій докъ и «Герцогиня Елизавета» были потоплены.

Германскій цепелинъ сбросилъ нѣсколько бомбъ на форты Антверпена, не причинивъ имъ, однако, особеннаго вреда. Черногорская армія въ Босніи за-

няла и прошла через Романина планина, Ягорина планина, Черный Верхъ и Бореvu Главу. Сербская армія завладѣла Власеницей, чѣмъ отрѣзывается путь отступленія австрійскимъ войскамъ у Крупани. Японцы бомбардировали форты Циндао и затопили германскій контръ-миноносець. Влизь Мешеда, въ Персіи, былъ обстрѣлянъ казачій разъѣздъ; трое русскихъ были ранены, одинъ скончался. Въ Сѣверномъ морѣ наскочилъ на мину и затонулъ пароходъ «Selby». Въ Вашингтонѣ было подписано русско-американское соглашеніе о третейскомъ разбирательствѣ.

20-го сентября было опубликовано слѣдующее официальное сообщеніе французскаго правительства: 9-го сентября германскіе крейсера «Scharnhorst» и «Gneisenau» подошли къ городу Папеете, на островѣ Таити, и потопили небольшую канонерскую лодку «Zélé», разоруженную съ 1-го сентября, и, слѣдовательно, не имѣвшую уже ни артиллерійскаго вооруженія, ни экипажа. Затѣмъ германскіе крейсера бомбардировали Папеете, являющійся незащищеннымъ городомъ, послѣ чего ушли въ море. Въ виду того, что всѣ порты въ океанѣ заняты англо-французскими вооруженными силами, снабженіе германскихъ крейсеровъ припасами сдѣлается вскорѣ невозможнымъ.

19-го сентября на французскомъ лѣвомъ флангѣ одинъ изъ отрядовъ, продвигавшійся отъ Арра, слегка отступилъ на востокъ и къ сѣверу отъ этого города. На сѣверѣ Соммы французскія войска продвинулись впередъ по направленію на Альберъ. Между Руа и Лассиньи германцы пытались произвести нѣсколько энергичныхъ атакъ, которыя, однако, разбились объ упорное сопротивленіе французскихъ войскъ. На всемъ остальномъ фронтѣ было затишье. Установлено, что въ окрестностяхъ Сень-Міэля на лѣвомъ берегу Мааса германцевъ больше нѣтъ.

20-го сентября на лѣвомъ флангѣ продолжался жестокой бой, особенно въ районѣ Руа, гдѣ французы отразили всѣ атаки непріятеля, хотя войска послѣдняго получили здѣсь подкрѣпленія, взятая изъ центра его расположенія. Въ центрѣ на протяженіи отъ Реймса до Аргонъ не произошло ничего существеннаго. Въ Аргонахъ 16-й германскій корпусъ, входящій въ составъ арміи кронпринца, пытался пройти лѣсомъ Нагори, но былъ оттѣсненъ къ сѣверу отъ дороги въ Варренъ—Вьень—Лавиль. Въ Веврѣ и на правомъ берегу Мааса французы продолжали медленно наступать. Въ Бельгіи германцы бомбардировали крѣпость Антверпенъ съ юго-восточнаго фронта. Пока германцы не достигли замѣтныхъ успѣховъ. Нѣсколько атакъ, произведенныхъ лѣхотой противъ укрѣпленій, были отбиты.

Его Величество Государь Императоръ изволилъ отбыть 20-го сентября изъ Царскаго Села въ дѣйствующую армію.

По сообщенію штаба верховнаго главнокомандующаго отъ 21-го сентября, 19-го сентября Августовское сраженіе продолжало развиваться съ крайнимъ упорствомъ. Непріятель оборонялся на позиціяхъ къ сѣверу отъ озера Вигры и велъ ожесточенныя атаки отъ Рачки и Боржимена, стремясь захватить западные выходы изъ Августовскихъ лѣсовъ. На шоссе Лодзее—Шиплишки первая германская кавалерійская дивизія пыталась остановить наступленіе нашей конницы. Бой происходилъ уже въ темнотѣ. Германскіе эскадроны, не принявъ

наших конных атакъ, бросились назадъ и, понеся большія потери, разсыпались, увлекая за собою и поддерживавшую ихъ пѣхоту. Райгродъ, Кальварія, Маріамполь были заняты нами. На лѣвомъ берегу Вислы имѣли мѣсто небольшіе бои въ районѣ Кѣлецъ. Въ Карпатахъ наши войска спустились въ долину Надъ-Ягъ. Австрійскій отрядъ у Микулице былъ нами отброшенъ съ потерей орудій и пулеметовъ.

21-го сентября на лѣвомъ французскомъ флангѣ французскія войска, отбивъ всѣ непріятельскія атаки, перешли въ нѣкоторыхъ пунктахъ, въ свою очередь, въ наступленіе. Въ другихъ мѣстахъ боевой линіи французамъ удалось вполне сохранить всѣ свои позиціи. Въ центрѣ вплоть до Аргонъ ничего серьезнаго не произошло. Въ области Аргонъ непріятель былъ французами отброшенъ къ сѣверу. Въ районѣ южнаго Вевра французскія войска продвигаются впередъ, хотя и очень медленно. На французскомъ правомъ флангѣ въ Лотарингіи и въ Вогезахъ никакихъ перемѣнъ не произошло.

Бельгійскій гарнизонъ Антверпена на востокъ отъ Сенны послѣ пятидневнаго сопротивленія долженъ былъ отступить до Нэты. Затонулъ пароходъ «Тромзе», шедшій изъ Арендаля, наткнувшись на мину. Президентъ Пуанкаре выѣхалъ въ Бордо съ цѣлью посѣтить французскую армію и принести ей свои поздравленія. Французскій посолъ въ Италіи обнародовалъ десять документовъ о систематической жестокости нѣмцевъ.

Турецкіе курды напали на сотню казаковъ въ Уранѣ. По прибытіи артиллеріи изъ Урміи курды, разграбивъ всѣ христіанскія поселенія, перешли границу Турціи.

22-го сентября штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о новой важной побѣдѣ русскаго оружія: «Августовское сраженіе закончилось 20-го сентября побѣдой. Пораженіе германцевъ полное, и они въ настоящее время находятся въ беспорядочномъ отступленіи къ границамъ Восточной Пруссіи. Наши доблестныя войска энергично преслѣдуютъ противника, бросающаго по пути своего отступленія повозки, орудія, снаряды и оставляющаго своихъ раненыхъ.

«Какъ уже извѣстно, Августовское сраженіе началось 12-го сентября обстрѣломъ германской тяжелой артиллеріей района Сопочкина, сопровождавшимся наступленіемъ противника на названную позицію. Одновременно нѣмцы неоднократно пытались у Друсkenикъ прорвать наше расположеніе на рѣкѣ Нѣманѣ.

«13-го сентября они повели наступленіе также на крѣпость Оссовецъ, однако всюду германцы встрѣтили упорное сопротивленіе и были вынуждены къ отступленію.

«Не ограничиваясь должнымъ отпоромъ, наши войска 14-го сентября перешли въ наступленіе и послѣдовали за отступавшимъ противникомъ. Нѣмцы, несмотря на проявленное ими упорство, не смогли остановить нашего наступленія. Наши беззавѣтно храбрыя войска постепенно овладѣвали позиціями противника. Разстроенные такими дѣйствіями, нѣмцы дрогнули и нынѣ спѣшно отходятъ изъ нашихъ предѣловъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отступленіе нѣмцевъ переходитъ въ бѣгство. Преслѣдованіе ихъ ведется энергичнымъ образомъ.

«По общимъ отзывамъ начальниковъ, наши войска въ Августовскомъ сраженіи выказали особенное геройство и присущую имъ доблесть. Нѣкоторыя части вели бой непрерывно, въ теченіе почти недѣли, причемъ съ достоинствомъ выходили изъ самыхъ суровыхъ испытаній. Особенно тяжелыми оказались бои въ окрестностяхъ Сувалокъ, къ которымъ были стянуты большія силы нѣмцевъ.

«Заранѣе укрѣпивъ позиціи у этого города, непріятель здѣсь упорно сопротивлялся. Нашимъ войскамъ неоднократно приходилось выбивать противника изъ окоповъ штыковыми атаками. Потери нѣмцевъ подъ Сувалками, по показаніямъ плѣнныхъ, столь велики, что въ нѣкоторыхъ ихъ частяхъ осталось не болѣе 20 человѣкъ на роту. Весь путь отступленія нѣмцевъ усыянъ ихъ трупами.

«Такимъ образомъ, вторженіе нѣмцевъ изъ Восточной Пруссіи въ предѣлы Россіи завершилось для нихъ полной неудачей и, въ настоящее время, они окончательно покидаютъ предѣлы Сувалкской и Ломжинской губерній».

На лѣвомъ берегу Вислы и въ Галиціи положеніе оставалось безъ особыхъ переменъ.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Сотрудники «Историческаго Вѣстника» рѣшили отъ имени редакціи журнала прійти на помощь раненымъ воинамъ организаціей небольшого лазарета, въ коемъ больные могли бы найти себѣ отдыхъ, медицинскую помощь и тотъ покой, который необходимъ для восстановления здоровья. Устроенныя въ сихъ видахъ кровати приняты подъ Высокое покровительство Его Императорскимъ Высочествомъ великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ, удостоивающимъ журналъ «Историческій Вѣстникъ» своимъ неизмѣннымъ сотрудничествомъ.

Фондомъ на содержаніе кроватей намѣчены пожертвованія (единовременныя и ежемѣсячныя) сотрудниковъ и издателей журнала. Но если бы кто изъ постоянныхъ читателей «Историческаго Вѣстника» пожелалъ и своею посильной лептою отозваться на начинаніе сотрудниковъ и издателей журнала, то таковая можетъ быть направлена на имя редактора журнала Бориса Борисовича Глинскаго по адресу: Петроградъ, 2-я Рождественская ул., д. 19, кв. 17 (телефонъ 129—32).

О ходѣ помощи раненымъ и объ организаціи сотрудниками всего дѣла въ свое время на страницахъ журнала будутъ даваемы отчеты, какъ равно здѣсь же будутъ печатаемы и списки жертвователей.

Уполномоченные сотрудниковъ:

*В. Б. Бертенсонъ,
М. Г. Веселкова-Кильштетъ,
Б. Б. Глинскій.*

Поступленія отъ читателей «Историческаго Вѣстника» на лазареть для раненыхъ воиновъ, организованный «Историческимъ Вѣстникомъ»¹⁾.

до 25-го сентября.

Отъ NN	5 р. — к.
» Троицкаго	5 » — »
» А. В. Мейнардъ	5 » — »
» А. А. Лачиновой	5 » — »
» А. А. Залогина (Москва)	50 » — »
» Благороднаго собранія гор. Чернигова	30 » — »
» А. Н. Ханькова (Новгородской губ.).	30 » — »
» Кн. Е. Л. Голицыной	5 » — »
» NN	1 » — »
» присутствовавшихъ на 136-й славянской трапезѣ	142 » 35 »
<hr/>	
Итого	278 р. 35 к.

¹⁾ Въ настоящемъ отчетѣ помѣнены только поступленія деньгами отъ читателей журнала, отозвавшихся до 25-го сентября на обращеніе къ нимъ со стороны уполномоченныхъ «Историческаго Вѣстника».

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ

и продается во всѣхъ книжныхъ ма-
газинахъ изданіе журнала
«Историческій Вѣстникъ»

„ВОЙНА“

Хроника и отклики съ 20 иллюстраціями.

Цѣна 1-го выпуска 50 коп.

Чистая выручка съ изданія поступить
въ пользу лазарета для раненыхъ вои-
новъ, устроеннаго журналомъ «Истори-
ческій Вѣстникъ». (Складъ изданія въ
книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Су-
ворина—«Новое Время».

НА РОДНОЙ ПОЧВѢ ¹⁾,

(Романъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ²⁾.

ХІХ.

Листы пожелтѣлые старой тетради,
Вы точно на вѣткахъ осеннихъ листы!
Храните вы грезы о вымершемъ садѣ,
О прожитомъ счастьѣ—мечты...

(«Листы пожелтѣлые» М. К.).

Изъ Марусиной тетради.

МНОГИХЪ существуютъ дневники,—но эта тетрадь не дневникъ... Я просто записываю въ ней все, что накопилось за мѣсяцы полной отрѣзанности отъ прежняго привычнаго и нынѣ навѣки прошлаго, чѣмъ не съ кѣмъ подѣлиться здѣсь... Мнѣ хочется, мнѣ необходимо разобратъ въ хаосѣ новыхъ и все болѣе смущающихъ мыслей.

Теперь вечеръ. По календарю—весна, и близка Пасха, а на дворѣ метель. Мой охранитель, хромой сторожъ Хрисанфычъ, уже завалился спозаранку въ своемъ чуланчикѣ, подавъ самоваръ и истопивъ на ночь печи, благо теперь мы дровами богаты. Насколько возможно, я привела въ приличный видъ обѣ мои кютки. Я ими довольна. Я вообще начгну сживаться со школою, но какъ трудно было въ началѣ! Уѣзжая отъ Симы, я никакъ не думала, что придется вынести такъ много и такъ скоро ради того, что у людей именуется свободой, волей, независимостью.

¹⁾ Продолженіе. «Истор. Вѣстникъ», т. СХХХVII, стр. 737.

²⁾ Настоящая часть романа по не зависящимъ отъ автора причинамъ выходитъ въ сокращенномъ видѣ и появится полностью въ отдѣльномъ изданіи.

Мѣсто мнѣ выпло вовсе не въ Горскомъ уѣздѣ и не по протекціи Нерадова: о той школѣ были одни разговоры,—Петру Андросвичу, повидимому, дѣла нѣтъ ни до чего входящаго въ кругъ его обязанностей. Эта въ сосѣдней губерніи, и устроила меня въ ней Лампуша черезъ свое прежнее начальство. И отлично,—чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Порваны всѣ связи. Я пишу только дѣду и то не въ Колычево, а въ Горскѣ. Даже почеркомъ не хочу напоминать матери о себѣ...

Милый мой, бѣдный дѣдуся! Онъ былъ у меня два раза, пока я жила въ Пневкѣ у Симы... Нѣтъ, о немъ писать не буду, больно. Я знаю, онъ понимаетъ меня и понялъ, что не хотѣла я вернуться съ нимъ, а не могла. Я пишу ему и Данилѣ Михайловичу въ Петербургъ, но ни одному изъ нихъ ни словомъ пока не обмолвилась, въ какомъ отчаяніи прожила здѣсь въ Липовкахъ первые мѣсяцы. Пусть объ этомъ знаетъ только эта тетрадь!

Получивъ извѣщеніе, что школа за мною, я, послѣ сутокъ ѣзды по ужасной дорогѣ, на ямской парѣ прикатила въ село и, по указаніямъ мужиковъ, подѣхала къ волостному управленію. Оказалось, школа стоитъ еще безъ оконъ и дверей, хотя и должна была быть уже оборудована къ Покрову. Куда же ѣхать? Гдѣ остановиться?

— Да, должно, къ управляющему имѣньемъ, а то къ попечителю!—былъ отвѣтъ старшины, равнодушно почесывавшаго бороду.

Ѣду къ управляющему на великолѣпный барскій дворъ, черезъ который иду пѣшкомъ, такъ какъ не рѣшаюсь на грязномъ тарантасѣ вѣхаться черезъ рѣшетчатые съ золочеными пиками ворота. Меня заставляютъ ждать добрыхъ три четверти часа въ прихожей флигеля, чтобы объявить: «Школа земская и усадьба въ ней никакого участія не принимаетъ. Обратитесь къ попечителю, онъ живетъ на хуторѣ недалеко, всего въ двѣнадцати верстахъ» (!!)

— А батюшка?

— Можно къ батюшкѣ, если онъ благополученъ, но въ эту пору и батюшка и матушка обыкновенно не въ добромъ здоровьѣ,—шелкнулъ себя по галстуку управляющій, даже не предложившій мнѣ присѣсть.

— Быть можетъ, у кого въ избѣ переночевать можно? Вы, можете быть, укажете, куда обратиться, вѣдь ужъ темно становится?

— Не знаю... Я мужиковъ не касаюсь. Попробуйте, а только врядъ ли пустятъ. Народъ здѣсь подозрительный, живутъ грязно, воздухъ въ избѣ—хоть топоръ вѣшай. Лучше не теряйте времени, поѣзжайте къ Лѣснову, къ попечителю. Онъ обязанъ вывести васъ изъ затрудненія.

Возвращаюсь къ ямщику. Тотъ отказывается, говоритъ, станція не ихъ. Обѣщаю ему трехрублевку, благо въ карманѣ еще двадцать пять, насильно навязанные дѣдомъ изъ доходовъ съ дома въ Горскѣ.

Поѣхали. Двѣнадцать верстѣ плелись битыхъ три часа по невозможной дорогѣ и въ часъ ночи пріѣзжаемъ на спящій хуторъ. Сторожъ, заспанный, а потому и весьма сердитый, не впускаетъ сперва, но двугривенный его смягчаетъ, и онъ будитъ заспанную и растрепанную прислугу, а та не менѣе заспаннаго хозяина, который ведетъ со мной переговоры черезъ запертую дверь.

Зѣвая такъ, что даже пѣтухи просыпаются, онъ извиняется, что не выходитъ самъ встрѣтить меня, и предлагаетъ переночевать въ гостинной, гдѣ мнѣ та же заспанная кухарка тотчасъ же и стелеть постель.

Я падаю на диванъ и засыпаю мертвымъ сномъ, но среди ночи вдругъ просыпаюсь отъ страшнаго холода. Не только застыли ноги, но все внутри сжимается и дрожитъ. Неужели я простудилась и заболѣю у чужихъ людей? Или... придется вернуться въ Колычево и сознаться: «Я не приспособлена къ жизни, мой удѣлъ сидѣть, сложа руки, за печкой и вѣкъ свой спрашивать разрѣшеніе выйти изъ комнаты?»

Подъ эти мысли разсвѣло. Оказалось, я провела ночь при разбитомъ окнѣ, о которомъ всѣ спросонья забыли. Бодрость вернулась. Приведа себя въ порядокъ, я вошла въ столовую, гдѣ за самоваромъ меня ждала молодая хозяйка и ея старуха-мать величественной красоты, полонившая меня сразу.

Три дня провела я на хуторѣ и сошлась съ Зинаидой Алексѣевной Соцкой, прекрасно по старинному образованной, съ прекрасными аристократическими манерами и чудной музыкантшей вдобавокъ. Но ея дочь Татьяна Павловна другою склада. Она очень косо смотрѣла на меня, пока ея мужъ, Петръ Ивановичъ, объяснял мнѣ мои будущія обязанности и развивалъ свои взгляды на роль земства въ жизни Россіи.

— Пьеръ убѣжденный земець,—насмѣшливо заявила она, едва вышелъ Лѣсновъ:—но, я убѣждена, ничего изъ его начинаній не выйдетъ.

— Почему?—спросила я.

— Потому что ничего этого мужикамъ не нужно. Цѣль и интересъ всей ихъ жизни—пьянство. За сороковку они не то что общественную жатку и вѣялку сбудутъ, но и мать родную и дочь продать готовы. Кричатъ, что у нихъ земли мало, а на что имъ она, если при первой возможности они бросаютъ ее и бѣгутъ въ городъ или на фабрики. Ни въ какіе земскіе идеалы я не вѣрю.

— Ты только при мужѣ этого не высказывай! Своимъ критиканствомъ ты ему жизнь отравляешь,—мягко замѣтила мать.—Ты видѣла, какое удовольствіе ему доставила твоя гостя тѣмъ, что такъ внимательно выслушивала его!

Черезъ три дня Лѣсновъ привезъ извѣстіе, что школа готова, и мы поѣхали осматривать ее. За селомъ, у конца кладбища, на выгонѣ стояло убогое зданіе. Въ немъ оказалось пять комнатъ:

передняя съ чуланомъ для сторожа, два класса, побольше и поменьше, и двѣ каютки для меня. Стѣны были буквально мокрыя. Струйками стекала по штукатуркѣ вода и собиралась въ лужицы по угламъ. Отъ топки печей стоялъ синій угаръ. Меня опять охватило ужасъ, а Лѣсновъ сконфузился.

— Пока школа не просохнетъ, вамъ жить въ ней нельзя. Погостите еще у насъ, а я тѣмъ временемъ выхлопочу вамъ у генерала Маусова помѣщеніе въ усадьбѣ. Долженъ же помѣщикъ хоть чѣмъ-нибудь отозваться на нужды населенія,—сказалъ онъ.

Никогда не забыть мнѣ выраженія лица Татьяны Павловны при извѣстїи, что я еще буду гостить у нея... А вечеромъ изъ отведенной мнѣ гостиной я ясно разслышала:

— Никакого подвига не усматриваю. Сбѣжала изъ дому, чтобы на свободѣ пашни заводить съ мужчинами.

— Таня!—остановилъ мужъ.

— Знаю, что Таня... Правда глаза колетъ, да и у меня они не слѣпы.

Я на другое же утро пристала къ Лѣснову, чтобы онъ поскорѣе выхлопоталъ мнѣ помѣщеніе у генерала, и еще черезъ день съ облегченнымъ сердцемъ уѣхала изъ дома приревновавшей меня женщины. Она даже на радостяхъ хотѣла расцѣловаться со мною, но я уклонилась, зато искренно обняла ее мать, сказавшую мнѣ на прощанье:

— Къ Рождеству я перекочую къ себѣ въ Троицкое. Это за пятнадцать верстъ; помните, если соскучитесь, мой домъ всегда открытъ для васъ...

Квартира моя въ усадьбѣ оказалась въ домикѣ, расположенномъ въ глубинѣ отлично содержимаго парка. Несмотря на глубокую осень, всѣ дорожки были подметены, но все-таки я была совершенно удалена отъ дома. Ясно, хозяева не желали имѣть со мною ничего общаго. Комната была большая, но запущенная и съ какимъ-то страннымъ запахомъ. Я устроила постель на жесткомъ клеенчатомъ диванѣ. Вечерѣло, но спать мнѣ еще не хотѣлось, и я сѣла за письмо Данилѣ Михайловичу. Едва я окончила первую фразу, за стѣною раздался вой и лай, прерываемый грубыми окриками мужчины. Шумъ этотъ то стихалъ, то снова поднимался. Всю ночь я не сомкнула глазъ. Собаки выли и визжали, мужчина оралъ и хлопалъ арапникомъ. Оказалось мнѣ отвели помѣщеніе на псарнѣ.

Настало утро, пришлось подумать о ѣдѣ. Псарь Ерема посоветовалъ обратиться къ экономкѣ Пелегей Вадимовнѣ, и я снова пошла въ тотъ же флигель на барскій дворъ и поклонилась благообразной, но какой-то слишкомъ приторно благообразной женщиной въ коричнево-мъ платѣ и пышномъ чепцѣ. За тридцать капеекъ въ днь она взялась кормить меня, а по вечерамъ я сверхъ того должна была читать ей вслухъ переводные французскіе романы,

которыми она увлекалась до самозабвенія... Въ промежутокъ между главами, когда я отдыхала, она посвящала меня въ романы Маусовскаго дома, и вскорѣ я знала всю подноготную и объ отставномъ генералѣ, и о его супругѣ, проживавшей съ дочерью тамъ, куда переводили какого-то преосвященнаго, для котораго дочь писала даже проповѣди, и объ обоихъ сынкахъ, не спѣшившихъ съ окончаніемъ образованія, потому что и такъ жилось недурно. Очень тонко выпрашивала она и меня, но я ни въ какія откровенности не пускалась, хотя по ея настояніямъ ночевала у нея на короткомъ полукругломъ диванчикѣ.

Съ нетерпѣніемъ ждала я открытія школы, назначеннаго на 20-е ноября. Кажется, никогда въ жизни не молилась я горячѣе, чѣмъ на молебнѣ въ сыромъ и пахнущемъ дымомъ классѣ, гдѣ толпились восемьдесятъ учениковъ, ихъ родители и сельскія власти.

Лѣсновь обратился къ дѣтямъ съ рѣчью на тему: «ученье свѣтъ, а неученье—тьма», и назвалъ меня «свѣтильникомъ, отъ котораго зажгутся лампы ихъ дѣтскаго ума».

Особаго одобренія этому я въ родительскихъ глазахъ не прочла, и только священникъ, подавая мнѣ крестъ для цѣлованія, сказалъ:

— Да укрѣпитъ тебя Господь десницею Своею и да озаритъ свѣтомъ истины сердце твое.

Можетъ быть, онъ и слабый человѣкъ и бываетъ «не въ добромъ здоровьѣ», но у меня отъ его словъ дрогнула душа. Тутъ появился и управляющій Маусовыхъ и вручилъ мнѣ свертокъ съ надписью: «Бога бойтесь,—Царя чтите». Это были скатанныя въ трубку—довольно грубая олеографія Государя и попорченная молью вышитая икона Божьей Матери. То и другое писарь наколотилъ гвоздиками на сыроватые стѣны, и школа была открыта.

На другой день прислали отъ земства и мебель: восемь лавокъ, четыре стола, двѣ табуретки и классную доску, а также и пособія: двадцать букварей, двадцать хрестоматій, передвижную азбуку, полсотни аспидныхъ досокъ, двѣ дюжины тетрадей и двѣ пачки карандашей.

Я растерялась. Какъ рассадить восемьдесятъ человѣкъ, если едва по пяти помѣщается на каждой скамьѣ? Чѣмъ занять остальныхъ сорокъ?

Но ребятамъ очень хотѣлось учиться. «Мы и на полу посидимъ!»—утѣшали они.

Съ отчаянія я вновь толкнулась къ управляющему.

— Школа земская и генерала не касается!—былъ снова отвѣтъ.

Лѣсновь опять сконфузился и пробормоталъ: «Потерпите»...

И мы терпѣли, мы учились. Пусть лица родителей были равнодушными на молебнѣ, но зато дѣтскіе глазки свѣтятъ моей душѣ путеводными звѣздочками. Такъ напрягаются губы, выговаривая слоги и складывая слова, такъ весело мелькаютъ улыбки при удач-

номъ рѣшенія задачи, такъ старательно высовывается подчасъ кончикъ языка, пока грифель, визжа по доскѣ, выводитъ буквы, что у меня съ каждымъ разомъ становится спокойнѣе на сердцѣ и кажется, наконецъ-то моя жизнь получила смыслъ и цѣль. Пусть приходилось тогда, раздѣливъ ребятъ на двѣ смѣны, нести двойной трудъ,—я не жалѣла силъ. А онѣ убывали съ каждымъ днемъ.

Жить при школѣ все еще было опасно. Я продолжала кормиться у Пелагеи Вадимовны, но ночевала на псарнѣ. Собаки привыкли ко мнѣ, я къ ихъ лаю и вою. Утромъ, пока грѣлось на керосинкѣ молоко, я слышала подъ окномъ гулъ голосовъ. Это дѣти приходили за мною, чтобы провожать по парку и по селу свою «учительшу», и я любила эти трехверстныя прогулки въ кругу ихъ милыхъ мордашекъ. О чемъ, о чемъ не переговорили со мной фигурки, укутанныя въ шитые не по росту зипуны и тулупы! Онѣ сообщали мнѣ свои мечты и желанія, свои наблюденія, а я рассказывала обо всемъ на свѣтѣ, что сама знала, и съ сокрушеніемъ сознавала, что знаю слишкомъ мало.

Когда въ эту зловѣще-безспѣжную зиму выпалъ, наконецъ, на три дня снѣгъ, дѣти, замѣтивъ, что мелкія галоши плохо защищаютъ мнѣ ноги, привозили салазки и по очереди мчали меня духомъ въ школу и катали послѣ занятій съ горки.

Но даже эти усиленные движенія на свѣжемъ воздухѣ не могли прогнать все увеличивавшейся слабости. Я возвращалась домой съ вѣчной головной болью и сердцебіеніемъ, и обѣдъ, принесенный Еремой отъ Пелагеи Вадимовны, часто цѣликомъ доставался ему, а я бросалась на постель и засыпала страннымъ прерывчатымъ сномъ. Вдобавокъ въ моей комнатѣ появились крысы, такъ какъ раньше она была застойной, а теперь ихъ привлекли оставшіяся крошки. Пришлось завести котенка. Онъ и развлекалъ меня и охранялъ, но, чуя его, собаки бѣсновались по почамъ.

И вотъ въ одну изъ такихъ ночей я проснулась въ холодномъ поту. Мнѣ казалось, что кто-то душилъ меня. Я хотѣла крикнуть, горло перехватило... Все-таки я вскочила и бросилась, накинувъ капоть, къ двери, чтобы позвать Ерему, но поскользнулась и упала, ударившись объ острый уголъ стола. До утра пролежала я безъ сознанія... Пришли дѣти... постучались... я не отозвалась. Они заглянули въ окно и, увидавъ меня распростертую на полу и въ крови, такъ какъ она пошла у меня носомъ и залила капоть, забили тревогу. А я слышала ихъ голоса, но была такъ слаба, что не могла двинуть пальцемъ.

За дверью шель разговоръ.

— Убита...—говорилъ Ерема.

— Не наложила ли ужъ руки на себя?—сказалъ управляющій.

— И то, отравилась! Говорятъ, изъ дома убѣжала, съ сосѣдомъ спуталась,—сообщила Пелагея Вадимовна:—съ такой станется!..

Что я чувствовала?.. Наконецъ дверь вскрыли. Надо мной наклонилось незнакомое бородатое лицо, и за пульсъ взяла мужская рука. Я открыла глаза.

— Живы?.. Какъ вы себя чувствуете?

Я шевелила губами, но голосъ не возвращался.

Меня подняли и уложили на постель. Бородатый человѣкъ окинулъ комнату злобыными глазами и рѣзко повернулся къ управляющему.

— Скажите, господинъ Маусовъ заходилъ хоть разъ сюда? Знаетъ онъ, гдѣ помѣщена эта барышня?

— Его превосходительство сами назначили ей квартиру, такъ какъ же имъ не знать,—грубо отвѣтилъ тотъ.

— А? отлично!—отвѣтилъ докторъ.

Онъ влилъ мнѣ въ ротъ какихъ-то капель и выслушалъ сердце. Горячее молоко согрѣло меня, я хотѣла говорить, но онъ натянулъ мнѣ на плечи одѣяло и приказалъ: «Молчите! мы поговоримъ потомъ!» а самъ сѣлъ рядомъ и считалъ пульсъ. Я заснула.

Проснулась я подъ вечеръ. У постели сидѣла экономка и другая женщина.

— Ну, вотъ и слава Богу! открыли глазки!—сказалъ приторный голосъ, говорившій утромъ: «изъ дома убѣжала, спуталась съ сосѣдомъ».

Мнѣ эта Пелагея стала окончательно противна.

Другая женщина подошла и протянула ложку съ лекарствомъ.

— Кто вы?—спросила я.

— Фельдшерница изъ земской больницы. Меня докторъ Горбушовъ, Гаврило Матвѣичъ, прислали. Я на ночь пришла.

Черезъ три дня въ удобной закрытой коляскѣ за мной изъ Троицкаго пріѣхала сама Зинаида Алексѣевна. Я поселилась у нея на цѣлый мѣсяцъ. Лѣсновъ навѣщалъ меня. Пріѣзжала и Татьяна Павловна. Я была удручена и равнодушна ко всему на свѣтѣ.

Докторъ поднялъ цѣлую бучу въ земствѣ. Благодаря ему, на Рождествѣ школу привели въ блестящій видъ, и когда я вернулась, не только были сколочены полы, высушены стѣны и переложены печи, но даже каютки мои обставлены необходимой мебелью.

Оказалось, что отъ постоянного угара и сырости вернулась та болѣзнь сердца, которой я страдала послѣ отъѣзда дяди Леши и тети Оли.

Написала эти имена и себѣ не вѣрю. Господи, сколько прошло! Цѣлыя главы жизни, которыя не вернутся. И эта послѣдняя болѣзнь—тоже новая глава.

У меня явилось непреодолимое желаніе оправдаться передъ Гаврииломъ Матвѣевичемъ, я не могла перенести клеветы на себя и все ему чистосердечно рассказала. Въ отвѣтъ я услышала:

— Честная дѣвушка и не смѣла бы поступить иначе. Если узелъ затянуть и мѣшаетъ двигаться, его рубятъ. И вы хорошо сдѣлали, что разрубили его и порвали съ деспотизмомъ родныхъ. Пора переоцѣнить жизнь. Многое отжило и обломками загромаждаетъ доступъ къ лучшему. Надо убирать обломки прочь. Поменьше сентиментализма и побольше трезвой дѣйствительности. Пора жить, а не мечтать лишь о жизни.

Зинаида Алексѣевна ухаживала за мной, какъ родная. Ей я тоже все рассказала, но она меня не одобряетъ.

— Дѣвушка не должна быть рѣзкою. Нужно было взять съ вашей маманъ мягкостью. Она тоже много перенесла и теперь, вѣрно, страдаетъ отъ мысли, что вотъ пришли праздники, а васъ нѣтъ, и ей особенно тяжело и пусто эти дни. Подумайте о ней. Поищите хорошенько, не найдется ли у васъ для нея добраго слова, иначе вы не были бы женщиной. Напишите ею. Этимъ вы доставите ей огромную радость.

Но, вѣрно, это доброе слово запрятано у меня слишкомъ глубоко, или я не женщина,—я ничего не написала.

Отъ дѣдуси и отъ Данилы Михайловича были письма. Обоимъ посланы отвѣтныя эпистоли объ аркадскомъ блаженствѣ липовецкой учительши. Ни слова объ утарѣ и пребываніи на псарнѣ, хотя до сихъ поръ стоятъ въ ушахъ окрики Еремы и взвизги собакъ.

Теперь пребываніе въ чужихъ усадьбахъ тоже прошлое. Зинаида Алексѣевна въ Москвѣ у сына, а я живу при школѣ.

Кстати. Гаврила Матвѣевичъ написалъ статью о случаю со мною. Она произвела эффектъ въ редакціи мѣстной газеты, но напечатана не была. Генеральство имѣетъ слишкомъ сильный ореолъ въ провинціи.

Лѣсновъ называетъ доктора: «Говорила Мотовѣичъ», но кто изъ нихъ говорить и мотаеъ, сузу по фактамъ. Пока не вмѣшался Горбушовъ, стѣны въ школѣ текли и мы учились, сидя на полу, а теперь дровъ цѣлый сарай и скамеекъ достаточно.

Черезъ три дня по моемъ возвращеніи, была объявлена война. Мика оказался правъ. Дай Богъ, чтобы онъ не былъ правъ и въ другомъ,—будто война будетъ несчастна для него... Боже... Боже... Боже!.. Ты все видишь, Ты все понимаешь!.. Я молюсь за него... Я помню свое обѣщаніе...

.....

Неужели даромъ Гаврила Матвѣевичъ твердитъ: чѣмъ хуже,—тѣмъ лучше! Но развѣ лучше достигается лишь кровавыми жертвами? Странно думать, что прошло не шесть лѣтъ, а только

шесть мѣсяцевъ, какъ Мика пророчилъ войну? Пока, слава Богу, ни въ числѣ убитыхъ, ни раненыхъ его имени нѣтъ... А въ настоящую минуту?..

Боже!.. Боже!.. Боже!..

XX.

Священный духъ Японіи,
Ты вѣшь надъ страной,
Какъ вишень благовоніе,
Разлитое весной.

О, жизнь отдать готовя
Сердца солдатъ вдали!
Стальные и махровыя,
Вы пышно расцвѣли.

Чѣмъ вѣнчикъ раскрывается
Душистѣй и полнѣй,
Тѣмъ легче отрывается
Отъ вѣтки онъ своей.

Чуть вѣтра дуновеніе,—
Нигдѣ ни лепестка...
Такъ смерть солдатъ въ сраженіи
Блаженна и легка!

Такъ приблизительно пѣли въ то время въ Японіи всѣ школь-
ныя дѣти, и вишни, воплощая духъ народной любви къ родинѣ,
цвѣли цѣлыми шапками повсюду на склонахъ горъ, и въ до-
линахъ, и въ садахъ, разливая тонкое, похожее на миндаль
благоуханіе... ¹⁾

Прошло четыре мѣсяца съ начала войны.

Май былъ дождливымъ и холоднымъ. Вишни въ Липовкахъ
цвѣли тоже, но точно черезъ силу. Даже грунтовые сараи не обѣ-
щали урожая. Генераль Маусовъ видѣлъ въ этомъ новый подвохъ
судьбы. Эта судьба преслѣдовала его уже пятый годъ. Прежде
всего—разошлась свадьба Нелѣпе...

— Чортъ возьми!.. а вѣдь ей уже минуло вчера тридцать три...—
думалъ онъ, позвякивая шпорами, идя въ сопровожденіи пѣмца-
садовника по фруктовому саду.—Мальчишки оба дьявольскихъ
денегъ вскочили... И Поль опять на другой факультетъ перешелъ.
Кажется, это уже третій?.. Выгодно... Я въ его годы поручикомъ
былъ... Женихомъ... безъ реверса жениться могъ...

Волна крови ударила въ голову. Карьера шла, хотя и не на
курьерскихъ. Чины мелькали не какъ верстовые столбы мимо глазъ
фельдъегерей во времена оны, но все-таки въ пятьдесятъ лѣтъ былъ
генераломъ, а тамъ... Чортъ знаетъ... Застрѣлъ, потому что ужъ
очень выгодно было... Мѣсто—у Христа за пазухой, не очень да-
леко, но и не слишкомъ близко... хозяйственное... Доходовъ?..
Имѣніе первое куплено съ переводомъ дома... перепродано... вто-
рое обмѣнено на домъ... домъ на земли по сосѣдству съ городомъ...
черезъ нихъ проведена была неожиданно желѣзная дорога... По-
томъ виноградники въ Крыму... тоже продалъ не въ убытокъ!..—

¹⁾ Въ Японіи вишни считаются священными деревьями, а ихъ аромат во-
площеніемъ духа «Ямато Дамасіи». т. е. любви къ родинѣ.

Онъ даже усмѣхнулся. Прямо везло (квадратная сажень пошла чуть не за то, что плачено за десятину было), пока наконецъ лавина благополучія не докатилась до Липовокъ. По старымъ планамъ имѣніе называлось Горками, но онъ переименовалъ его въ Липовки, потому что село зовется тоже Липовки, и одинаковое имя усадьбы звучить не по благопріобрѣтенному, а по родовому... Золотое дно... Липовые лѣса... Хозяйство поставлено образцово... все на широкую ногу... Домъ, садъ, постройки, конскій заводъ, пчельники теперь первые въ губерніи. Но карьера сорвалась... Прозѣвалъ цензъ... Надѣялся на благоволеніе и протекцію... Предѣльный возрастъ!.. Давно бы попросилъ бригаду... тамъ можно было бы шагнуть дальше, а теперь на-те... генераль-лейтенантъ съ мундиромъ и пенсіей въ три тысячи...

Очень нужны ему эти три тысячи... Сыновья втрое стоятъ... Жена у Энгбертса счетъ за годъ не меньше имѣеть... За Нелѣне въ сорокъ разъ готовъ дать... Не берутъ... «Мордоре рожанъ...» называютъ ее за спиной братцы... Два раза уже просватана была... Одинъ женихъ еще неразведеннымъ супругомъ оказался... второй, когда невѣста уже одѣтая къ вѣнцу въ ожиданіи шафера сидѣла, письмо прислалъ о внезапномъ отъѣздѣ къ больной матери... Чортъ его дери!.. Скандаль на всю столицу... Отправилъ съ матерью въ Дрезденъ... Она чуть въ католички не перешла... Привезли въ Россію,—четыре года шатается по монастырямъ... Биготка..

Онъ шелъ по саду, а вишневья вѣтки роняли крупныя слезы на сѣрую тужурку съ красными отворотами.

— Мы имѣемъ опять пехъ,—говорить садовникъ.—Петрушъ на войну зовутъ, экселенцъ.

— Петрушку на войну?—хмурить кусты бровей его превосходительство.—На кой чортъ?

«Война...—мелькаетъ въ умѣ.—Антоша Фрагецейхенъ по газетамъ важное назначеніе получилъ... въ тылу... безопасно... На два года моложе, а съ владимирской звѣздой щеголяетъ давно... Съ Бѣлымъ Орломъ въ отставку выйдетъ и полнымъ генераломъ»...

— Надо новаго искать,—прибавляетъ онъ.

— Искать можно, находить нелься...—фыркаетъ нѣмецъ.—Нихто иттить не шелайтъ...

— Не желаетъ—выпишемъ... За деньги пойдутъ...—рѣшаетъ генераль и киваетъ нѣмцу на прощанье.

Громко звенятъ шпоры по каменнымъ плитамъ крытой веранды съ вычурной плетеной мебелью. Кресла и берсезы пустуютъ. Съ остриженныхъ туй на уступахъ стекаетъ струйками вода. Вѣтеръ треплетъ фестоны маркизъ. Сквозь запертыя окна видна гостиная. По срединѣ круглый столъ заваленъ бѣлыми свертками полотна. Жена, дочь и экономка заняты питьемъ... Оба сына въ студенческихъ тужуркахъ валяются въ креслахъ. При проходѣ отца оба

переглядываются. Дѣло въ томъ, что въ кабинетѣ среди почты-есть подозрительный конвертъ. Рука слишкомъ знакома. Опять вексель... Чортъ знаетъ чей?.. Если Иванова—еще время терпитъ, а Науготу—не отвертись... Начнутъ попреки и ламентациі... Лелька отлично могла бы помочь,—какія-нибудь восемьсотъ рублей... Чѣмъ по монастырямъ деньги распихивать, лучше бы братьямъ дала.

— Не понимаю, на что намъ Портъ-Артуръ и Дальній, когда у насъ и свои города—одна мерзость заустѣнія!—говоритъ Поль, закуривая для успокоенія новую папиросу.—Мостовая въ Пустежѣ—рядъ капкановъ. Я опять напоролся на стекло, и шина къ чорту. Матап... дайте мнѣ въ долгъ двѣсти рублей... Я не хочу говорить рара...—прибавляетъ онъ по-французски, ради экономки.

Hélène при имени нечистаго крестится.

— Поль!—строго останавливаетъ мать.—Ты не въ казармахъ. Хоть сестры поцеремонься!

— Ахъ, pardon!—обращается онъ, комично кланяясь, къ Hélène:—я забылъ, что ты избѣгаешь знакомства съ этимъ барининомъ.

Экономка невольно улыбается и бросаетъ косой взглядъ на жердеобразную дѣвицу. Та нервно теребитъ не желающую вырваться наметку.

— Позвольте, барышня, я помогу вамъ.

— Удивительно,—говоритъ дѣвица, глядя, какъ быстро мелькаетъ иголка въ рукахъ Пелагеи Вадимовны, сметывая новый шовъ:—когда гляжу, какъ работаютъ другіе, мнѣ кажется, это такъ просто; а у меня ничего не выходитъ.

— Это съ непривычки-съ!—утѣшаетъ экономка.

— Сколько, матап, еще осталось «ихъ»?..—спрашиваетъ дочь.

— «Ихъ» еще четыре пары, а рубашекъ девять.

Поль въ эту минуту развертываетъ готовую работу, и въ воздухѣ колеблются невѣроятной длины и ширины двѣ вмѣстѣ сшитыя полотняныя трубы.

— Для кого это?—удивляется онъ.

— Vous êtes indécent!—вырываетъ у него работу мать

— Но вѣдь это даже не на слона, а на цѣлаго мамонта.

— La critique est aisée!

— Но во имя этого «aisée» нельзя же творить нелѣпости,—вмѣшивается младшій братъ Илья.—То вы обѣ томились, что наша семья ничѣмъ не выражаетъ своего патриотизма, и даже мотивы изъ Гейши считаете кощунствомъ, а теперь пьете на войну какія-то пугала. Затѣмъ тратить даромъ столько времени и матерьяла?

— Намъ прислали образцы, и по нимъ мы и шьемъ,—высокомерно заявляетъ сестра.

— Что дѣлать, ваше превосходительство, мужчины всѣ критиканы,—позволяетъ себѣ вмѣшаться Пелагея Вадимовна.—Вчера я доктору Гаврину Матвѣвичу-съ показываю рубашки наши

съ тесемочками, знаете, что на въ руку раненыхъ, а они вдругъ говорятъ-съ: «И охота была генеральшѣ трудиться ихъ 48 штукъ пришивать! Развѣ у сестеръ есть на войнѣ время ихъ завязывать? Вырвать рукавъ и такъ и надѣнуть рубаху-съ»..

— Понятно!—весело хохочетъ Илья.

— Богъ мой! неужели мы все лѣто тутъ киснуть будемъ?— зѣваетъ Поль.

— Будь я на твоемъ мѣстѣ,—колко поджимаетъ губы сестра:— я бы бросила сейчасъ же университетъ и пошла бы въ волонтеры. Можетъ быть, тогда неудачи кончатся. А то все равно изъ тебя и на этомъ факультетѣ толка не будетъ...

— Мерси боку!.. Иди сама въ сестры милосердія... Ah... c'est une idée!.. Многія тамъ, какъ это говорится, судьбу находятъ... Можно, знаешь, такого обрѣсти... ну, кривого на одинъ глазъ... qui ne voit pas trop juste.

Въ дверяхъ появляется лакей.

— Его превосходительство просятъ Илью Галактионовича пожаловать къ нимъ въ кабинетъ.

— Ça y est!—думаютъ оба. Илья, стараясь изобразить полное равнодушіе, неторопливо отправляется къ отцу.

Минуту спустя, черезъ запертыя двери изъ-за нѣсколькихъ комнатъ начинаютъ доноситься громовые раскаты генеральскаго баса.

Нéлène стучитъ машиной. Поль глядитъ въ окно и радостно заявляетъ: «Гости»...

— Господа Дрябины!—докладываетъ лакей.

— Владимиръ Николаевичъ! ахъ, pardon... Николай Владимировичъ... Агрипина Артемьевна!—встрѣчаютъ гостей обѣ хозяйки.— Сколько лѣтъ, сколько зимъ... Ахъ, да... читали... Тюренчень... священникъ впереди... музыканты подъ ручки... C'est touchant...

Раздается болтовня, и пересуды военныхъ новостей. Генеральбасъ умолкаетъ и тужурка съ отворотами и шпоры вновь оживляютъ гостиную.

— А я еще вамъ матерьяла привезла,—говоритъ Дрябина.

— Но мы и съ этимъ не справились...

— Ничего... возьмите... Подумайте, Осокины на Кавказъ поѣхали и всю порцію свою, такъ и не начатую, мнѣ вернули, а тутъ еще новый запасъ изъ Краснаго Креста приходитъ. Душенька, выручите! У васъ много рукъ!—проситъ, умоляюще сложивъ свои горбатые отъ ревматизмовъ ручки, маленькая, худенькая Агрипина Артемьевна.

— Гдѣ же у меня столько рукъ?—пожимаетъ плечами хозяйка.—Я приглашала къ себѣ по понедѣльникамъ и четвергамъ пріѣзжать и шить всѣхъ окрестныхъ дамъ, звала и кое-кого изъ города,—никто не является...

— Но вѣдь и погода!—оправдываетъ Дрябинъ.

— А вы позовите мѣстныхъ!—предлагаетъ его супруга.

— Кого это?.. Какія же тутъ дамы?..

— Ну, не дамы, а вотъ матушка попадья, дьяконица, ваша учительница изъ школы...

— Развѣ ихъ... но только не учительницу. Про нее такіе слухи ходятъ. Она,—Елена Владиславовна понижаетъ голосъ,—говорятъ, съ какимъ-то сосѣдомъ сбѣжала, а у меня, вы знаете, сышовья... Я все, знаете, людямъ извиняю, но не красныя идеи!..

Поль настораживается.

— Учительница? Хорошенькая?.. а я и не зналъ! Цѣлую недѣлю здѣсь, и никто о ней не заикнулся!..

Агриппина Артемьевна кокетливо бьетъ его своей горбатой лапкой.

— Неисправимъ!.. Ахъ, всё они такіе!.. И мой Володька тоже. Подумайте, вдругъ на Пасхѣ ему приходитъ новая блажь: m-me Трынина племянницу изъ института взяла... Ну, мой въ Катиншъ эту и вторился и по воскресеньямъ подъ именемъ кузена ей конфеты теперь возить. Пристааетъ, чтобы я ее непременно на капшуклы сюда гостить пригласила... Ахъ, молодежь... молодежь!.. Да... но вотъ насчетъ этой учительницы. Ее очень важно привлечь. Она, знаете, можетъ раздать работу въ деревнѣ. Вѣдь очень многія дѣвушки и бабы отзовутся. Да, наконецъ, и дѣти... У нихъ, навѣрно, уже начались каникулы и имъ рѣшительно дѣлать нечего. Пусть потрудятся!..

— А вы знаете, Чеховъ умираетъ!—возвѣщаетъ вдругъ Дрябинъ.

— Чеховъ?.. Который? онъ по артиллеріи или пѣхотный?..—спрашиваетъ генеральскій бась...

— Антонъ Чеховъ!—говоритъ съ удареніемъ Дрябинъ.

— Это писатель, пра! Неужели вы не знаете!—возмущается Нелѣпе...

Въ окна, вдали за цвѣтникомъ видны вишневая вѣтки съ чахлыми и рѣдкими гроздьями цвѣтовъ. Вѣтеръ сердито пытается оборвать розоватыя, вымоченные дождями лепестки, и въ шумѣ его ясно слышится:

«Чтобы начать жить въ настоящемъ, надо сначала искупить прошлое, а искупить его можно только страданіемъ, только необычайнымъ, непрерывнымъ трудомъ»¹⁾...

¹⁾ «Вишневый садъ» А. Чехова.

XXI.

Звѣздочки бѣлыхъ черемухъ
Въ старыя окна глядятъ.
Пусто въ безлюдныхъ хоромахъ,
Вздохомъ плыветъ ароматъ.
Сладко мечтають портреты:
Если бъ ожить имъ, ожить,

Бѣлыя вѣтви въ букеты
Крѣпко связала бы нить.
Тихо въ безлюдныхъ хоромахъ,
Тихъ и безмолвенъ погостъ.
Сыплется съ бѣлыхъ черемухъ
Дождь отпѣвающихъ звѣздъ.

(«Листы пожелтѣлы». М. К.).

«Чего это я имъ понадобилась?—ломала себѣ голову Маруся Яшнева, читая элегантныя, громадныя, прямыя и все-таки неразборчивыя буквы, выражавшія желаніе видѣть ее «по неотложному и крайне необходимому дѣлу», и даже стухнула слегка. Кажется, ничѣмъ я противъ Маусовыхъ не провинилась? Въ паркѣ ногой не была. Развѣ не поблагодарила тогда за вышивку и портретъ?.. Такъ вѣдь не мнѣ же они ихъ прислали!..»

Приведа въ порядокъ все то же синее шевіотовое платьѣ и надѣвъ простенькое сапnotier, она отправилась въ назначенный часъ въ усадьбу.

Поль, похожій въ ботфортахъ и кителѣ издали на офицера, стоялъ на крыльцѣ, передъ которымъ конюхъ гонялъ на кордѣ его любимаго верхового жеребца.

Увидѣвъ изящную и по модѣ одѣтую барышню, онъ приложилъ по военному руку къ козырьку.—«Какая милашка! Кто это?»

— Радон, вамъ кого? Дмитрій, останови!

Конюхъ перехватилъ поводъ, и остановленный на бѣгу конь, давъ легкаго козла, заигралъ на мѣстѣ.

— Не бойтесь, лошадь смиренная! Пожалуйте.. вы, вѣрно, къ сестрѣ? Павелъ Маусовъ!—шелкнулъ онъ шпорами.

— Яшнева!—кивнула ему головою Маруся, но руки не подала.— Я получила записку отъ г-жи Маусовой. Мнѣ назначено быть здѣсь въ часъ.

— А! это, конечно, по поводу солдатъ. Пожалуйте въ гостиную. Сестра сейчасъ выйдетъ.

Звеня шпорами, онъ скрылся. Черезъ открытое окно изъ сада вскорѣ донеслось:

— Прехорошенькая... блондинка... настоящая пастель Альбера... Beaucoup de grâces.. Vous avez beau faire la moue... Elle est très comme il faut.

Маруся невольно оглядѣла себя въ зеркалѣ. Впервые ей пришлось подслушать о себѣ мнѣніе мужчины. Но прошло еще съ четверть часа—никто не показывался. Она успѣла рассмотреть портреты по стѣнамъ, рѣзбу на спинкахъ мебели изъ краснаго дерева, высокіе канделябры на подставкахъ съ золотыми обрѣзами, замѣтила игру обсушившихся вѣтвей вишенъ, и что-то близкое и родное

пахнуло съ нихъ и вползло въ сердце. Только одѣтъ оливковую штофную мебель чехлами да подпереть столбами потолокъ. Какъ наяву нарисовалась колычевская гостиная. Знакомые портреты пристально слѣдятъ за нею, а веселый молодой голосъ шепчетъ: «Дайте обѣ руки... вотъ такъ... и глядите на меня...» Качнулись вѣтки вишенъ, полетѣли по вѣтру лепестки... Это не лепестки... Это иней на черемухахъ стараго погоста, и тотъ же милый голосъ говорить: «Знаете, я ужасно радъ, что мы стоимъ вмѣстѣ на этой могилѣ»...

— Госпожа?..—сухо и вопросительно раздается съ порога.

Маруся вздрогнула и узнала генеральскую дочку, которую видѣла издали въ церкви.

— Я—Марья Васильевна Яшнева, учительница мѣстной школы,—отрекомендовалась она.

— А!.. очень пріятно. Садитесь. Мама сейчасъ выйдетъ. Paul, sortez! Vous n'avez rien à chercher ici.

— J'y suis et j'y reste!—отвѣчаетъ братъ и, вынимая изъ кармана брюкъ усаженный бутылочками и вензелями портсигаръ, обращается къ Марусѣ:

— Вы позволяете?

— Пожалуйста!—наклоняетъ она голову.

Генеральская дочь некрасивыми безбровыми глазами высокомерно окидываетъ ее съ ногъ до головы и замѣчаетъ воротникъ и манжетки изъ настоящаго point d'Alençons.—«Откуда? у этой нищей? Или неужели такое совершенство поддѣлки?»

— Вотъ видите ли,—начинаетъ она вслухъ:—намъ изъ Краснаго Креста прислали цѣлый транспортъ матеріи и нужно поскорѣе сшить его. Мы думали, что вы можете помочь. Но вотъ и мама...

Маруся кланяется. Граціозный поклонъ, нарядъ, манеры—вовсе не соотвѣтствуютъ представленію генеральши о социалисткѣ-учительницѣ.

Она оглядывается въ гостиной.—Et la maîtresse d'école?

— A vos ordres, madame!—кланяется вторично Маруся.

Эффектъ полный...

Сразу по ея уходѣ начинается оживленный обмѣнъ мнѣній.

Мужчины, съ генераль-басомъ во главѣ, поютъ дифирамбы, женщины недовольны. Сельская учительница должна быть сельской учительницей, а не говорить безукоризненно по-французски и носить настоящія, несравненные по рисунку кружева.

— Надѣюсь, вы, мама, или по крайней мѣрѣ Леля отдадите ей визитъ?—заявляетъ Польш.

— Вы, кажется, мой милый, съ ума сошли!—вспыхиваетъ сестра.

— Или ты можешь быть, поручишь это мнѣ?—продолжаетъ онъ невозмутимо.

— Я попрошу тебя воздержаться и отъ этихъ шутокъ и тѣмъ болѣе отъ приведенія ихъ въ исполненіе,—строго парируетъ мать.— Съ меня довольно и твоихъ прошлогоднихъ походовъ. Кто бы ни была эта дѣвушка, ее ты оставишь въ покоѣ.

... Маруся была очень рада работѣ. Занятія въ школѣ кончились до осени, и она скучала. Чтеніе?.. но всѣ ея книги были уже перечитаны по многу разъ, а новыхъ достать было неоткуда. Горбушовъ не показывался, Зинаида Алексѣевна проводила лѣто на Кавказѣ съ Лѣсновыми, а матушка уѣхала тоже къ дочери-попадѣ въ Пустежъ на родину.

Сторожъ Хрисанфычъ спалъ цѣлыми днями. Маруся напрасно убѣждала его развести маленькій огородикъ, хоть въ двѣ грядки, подъ окнами школы.

— Все равно, скотина вытопчетъ!—рѣшилъ онъ безповоротно.

Съ тѣхъ поръ, какъ межи одѣлись травой, какъ звенѣли надъ ними, несмотря на ненастье, невидимые жаворонки,—душу охватывало все возрастающее чувство сиротства.

Школа стояла на краю выгона. За нимъ разстилалась равнина, обрѣзанная косогоромъ, по которому полосами сбѣгала крестьянская запашка. Съ крылечка было видно кладбище съ церковью и село, а небосклонъ скрывала зеленая стѣна господскаго парка и лѣса. Казалось, ею былъ заслоненъ весь остальной міръ.

Иногда лишь оттуда появлялся номеръ газеты, гдѣ подъ буквами «М. К.» красовались стихи. Сердце билось тогда усиленно. На душѣ прояснялось. Мысль, что ея мысли, облеченныя въ слова, перелетѣли черезъ верхушки запретнаго парка и прочтены въ широкомъ родномъ просторѣ, можетъ быть, тысячею-другою людей, волновала и радовала. И паспій стадо на топкомъ концѣ выгона у ручья дѣдъ Назаръ съ вѣчнымъ пучкомъ лыка подъ мышкой, и подпасокъ Андрюшка съ обвитымъ вокругъ плеча длиннымъ кнутомъ, и трехногая ихъ спутница овчарка Журавка глядѣли тогда вслѣдъ дѣвушкѣ, слѣшно уходившей за косогоръ, чтобы тамъ въ облюбованной на берегу того же ручья заросли ольхи прочесть на свободѣ шестнадцать-двадцать короткихъ строкъ.

Часть гонорара высылалась переводомъ, остальное шло на Красный Крестъ. Брала она эти деньги на себя, потому что восемнадцати рублей жалованья въ мѣсяцъ не хватало. Вещей изъ дома было взято въ обрѣзъ, и многое приходилось добавлять. Недавно она съѣздила въ Пустежъ и купила все необходимое на лѣто. Теперь какъ разъ были дошиты и три блузки, и юбка, отдѣлана шляпа, починено бѣлье, и Маруся цѣлыми днями вертѣла тамбурный крючокъ. Петля за петлею вырисовывался рисунокъ, и въ лады имъ складывались стихи. Въ нихъ выливалась дѣвичья дума о тѣхъ, кто далеко за тысячами такихъ косогоровъ и равнинъ готовъ на краю свѣта сложить жизнь за славу родины.

«Но всё мы—русскіе, и всё любимъ Россію. Вѣдь и тѣ за границей, которые такъ брали ея, тоже любили. А что обидно терпѣть пораженія,—объ этомъ развѣ можно спорить?» и она писала полныя скорби строчки, и сквозь эту скорбь сквозила надежда, звучала увѣренность, что невзгоды временны и преходящи, какъ послѣдніе гнѣвные взметы зимнихъ вьюгъ передъ весною.

«Надо вѣрить самой, чтобы вливать эту вѣру въ другихъ», было ея стимуломъ.

Но отсутствіе людей, съ которыми можно было бы подѣлиться этими надеждами, съ каждымъ днемъ становилось тяжелѣе. Тоска по Колычеву все чаще подкрадывалась въ одиночествѣ. Зеленая стѣна Маусовскаго парка, аромать черемухи, а потомъ и спрени дразнили и рисовали родной колычевскій садъ, съ каждымъ его кустикомъ, съ каждой вѣткою. Падающій съ неба дождь превращался въ звонъ струи въ гротѣ, и бѣлый фавнъ спрашивалъ нараспѣвъ: «Гдѣ ты?.. я жду?.. Мнѣ такъ скучно!..» «Да, если бы не мать!.. Пусть она дѣлаетъ первый шагъ».

«Ну, вотъ и нашлось дѣло», думала зато теперь Маруся.

За нею лакей несъ огромный свертокъ холста и бязи. У нея въ рукахъ былъ пакетъ съ катушками и тесемками. Она привлечетъ къ работѣ бабъ и дѣвочекъ. Чѣмъ слоняться и грызть сѣмечки, нянча дѣтей и передавая деревенскіе слухи и сплетни, она заставить ихъ шить, а порученныхъ имъ дѣтишекъ можно будетъ собрать въ малый классъ подъ очередной надзоръ двухъ постарше.

Но, кромѣ этихъ пріятныхъ мыслей о хорошемъ и полезномъ дѣлѣ, было еще что-то, отъ чего ея губы складывались въ шаловливую забытую улыбку. Это были слова, сказанныя о ней похожимъ на офицера красивымъ студентомъ. Тѣшило и впечатлѣніе, произведенное ею на дамъ, и поджатая губы экономки, передававшей своей бывлой нахлѣбницѣ матерьялъ и явно пораженной почтительностью къ ней баловней-сынковъ и самого генерала, сыпавшаго французскими комплиментами.

«Непремѣнно напишу объ этомъ Данилѣ Михайловичу!..» и улыбка стала серьезной.

Когда Маруся думала о своемъ женихѣ, она не улыбалась шаловливо. Эта улыбка являлась у нея прежде, когда она въ дѣтствѣ мечтала о Микѣ... А теперь ея женихомъ былъ Данила... а имя молодого Нерадова вызывало такую боль въ душѣ, что хотѣлось не улыбаться, а крѣпко-крѣпко сжать руки и шептать:

— Боже!.. Боже... Боже!..

И въ этомъ трижды повторяемомъ «Боже» выливалось все, что нельзя и не надо было чувствовать, но что могло бы сдѣлать жизнь неизъяснимо прекрасной.

Лакей донесъ свертокъ и получилъ двугривенный. Онъ поднялъ брови и одну секунду подумалъ отказаться: «Сама учительница,

жалованья, поди, меньше моего получаетъ...»—но видъ учительши, давшей на чай, былъ такой горделивый, что онъ скинулъ картузь и, промолвивъ почтительно: «благодарствую», повернулъ обратно.

Черезъ нѣсколько минутъ Маруся уже прикидывала выкройки и смѣло орудовала ножницами, сокращая разросшіеся въ неумѣлыхъ рукахъ объемы до надлежащей мѣрки.

Вечеромъ она обошла избы и показала спитую ею рубаху. На ея приглашеніе откликнулись. Видъ бѣлья, посылаемаго туда, куда угнали всему селу знакомыхъ Прокла Савинова, Евстигнея Картохина и Ваньку Демина, произвелъ впечатлѣніе. Жены обоихъ первыхъ и мать послѣдняго взялись шить по парѣ рубахъ и кальсонъ, остальные бабы согласились отпускать дѣвчонокъ въ школу.

— И дѣло, умно, барышня, надумали!—закивала головою старостиха.—Чѣмъ дѣвченокамъ подошлы трепать по завалинкамъ, пушай трудятся, а за ребятенками и бабки доглядятъ.

Но когда выяснилось, что «няньки» могутъ и ребятенковъ брать съ собою, то проектъ учительши получилъ еще «пущее» одобреніе.

Школа за зиму полюбилась. Недовѣріе смѣнилось надеждой, что обучающееся въ ней поколѣніе получитъ льготу въ солдатахъ.

Бязь и холстъ, сшитые по-деревенски ровными ручными стежками, день за днемъ собирались въ стопки рубахъ и кальсонъ. Многія бабы стали жертвовать и свои концы домотканыхъ новинъ. Полотенца и простыни рубились въ четыре руки подъ деревенскія пѣсни. Маруся тоже то читала вслухъ для развлечения извѣстія изъ своей газеты, то выдержки изъ любимыхъ книжекъ, то свои стихи, не раскрывая тайны завѣтныхъ буквъ, и на ея посидѣлки стали приходиться не однѣ только дѣвочки. Часто подъ окнами и у дверей толклись и ихъ братья.

Дѣдъ Назаръ, услыжавъ, въ чемъ дѣло, явился однажды съ парой лаптей.

— Возьми ихъ, матушка, и отошли на войну, авось пригодятся...—перекрестился онъ, кладя ихъ на окошко.

Мальчуганы тотчасъ обступили его.

— Научи и насъ, дѣдка, мы тоже будемъ на войну лапти ковырять...

Черезъ двѣ недѣли паръ восемь новыхъ съ оторочками лапотковъ украшали Марусины запасы. Но когда ея дружлая всѣмъ бабьимъ міромъ работа была закончена и она, записавъ имена жертвовательницъ, связала узлы и вызвала желающихъ отнести ихъ на барскій дворъ, произошло недоразумѣніе.

— Это къ чему же, напимѣрь?—спросила жена Картохина.— Я не на помѣщиковъ шла, а за мужа, такъ сказать.

— Ну, да,—отвѣтила Маруся:—и не ты одна. Всѣ ради кого-нибудь работали. Вотъ я Маусовымъ все и снесу. Я отъ нихъ вѣдь матеріаль получила.

— Такъ чего же ты сразу не сказала?—налетѣла Демиха.— Нешто стала бы я для нехристей иглой махать? Давай мои порты и рубаху. Ни въ жисть имъ не отдамъ! Маво Ваньку взяли, а ихніе гультяи зря болтаются?..

Она протиснулась впередъ и стала развязывать бѣлье.

— Ироды этакіе!..

— И мои отдай! Вишь тоже, лиса хитрая! На помѣщиковъ работать засадила! Эй, дѣвоньки, бери, что каждая шила! Тащи въ избу! Не отдавайте волею.

— Стойте, Бога ради! Что вы дѣлаете?—останавливала Маруся.—Вѣдь не все ли равно, черезъ кого вещи пойдутъ? Развѣ помѣщики ихъ себѣ возьмутъ? На что имъ? Они такого холста носить не стануть!

— Разказывай! Знаемъ ихъ: съ живого и мертвого деруть. За каждую потрапу да сучокъ поломанный штрафину плати... А мы работой имъ?

— Колодець оттягали... Скотъ выгнать некуда... Лѣсъ огородили... Льновъ въ сажалкахъ мочить не даютъ...—перечисляли бабы обиды отъ помѣщиковъ, выдергивая изъ узловъ рубахи и простыни, сшитыя изъ такъ охотно пожертвованныхъ новинъ.

— Ну, хорошо! Берите свое, но того, что изъ Краснаго Креста прислали, не трогайте!—молила растерявшаяся Маруся.—Манька, Лизутка, кладите кальсоны назадъ... вѣдь они изъ бязи... я отвѣчаю за нихъ!..

— Такъ и отвѣчай, а мы не отвѣтчицы! Сами отправить сумѣемъ!—грубили матери, выталкивая изъ школы дочекъ и унося все, что успѣли захватить.

— Хрисанфычъ, да что жъ это такое?—развела Маруся руками надъ растерзанными и разбросанными по полу остатками стройныхъ недавно стопокъ бѣлья.

— Эхъ, барышня! Не въ свое дѣло ввязались. Нешто учительшина забота между мужикомъ и помѣщикомъ становиться? У насъ господь этихъ Маусовыхъ кажинную осень жечь собираются. И сожгутъ... Потому эти Липовки, пока ихъ Горками звали, во сколькихъ рукахъ ни перебивали, а все гречихинскія времена еще памятны... Такая госпожа у насъ еще въ крѣпостные годы была... не госпожа, а андель... Могилка ея у самой паперти... Чать видѣли? А теперь дьяволовъ судьба послала... Окромѣ обиды ничего посейчасъ не видѣли отъ нихъ... горсти гверзды съ ручья взять даромъ не позволять... А вы тоже поосторожнѣе будьте. Даве этотъ оболтусъ ихній тутъ на жеребцѣ гарцоваль... про васъ спрашиваль, когда однѣ дома бываете... Тоже сахаръ! Дѣвка-то дьячихина съ чего въ прошломъ году утопилась? Самъ ихъ вдвоемъ на псарнѣ видаль!

— На псарнѣ?—вспыхнула Маруся.

— Ну, да! Гдѣ вамъ фатеру отвели. Чать, какъ заболѣли, у насъ и то болтали, что это Дунька съ ревности васъ во снѣ душишь приходила извести хотѣла. Осторожнѣе будьте... Хватъ онъ, Павлинька-то ихній.

У Маруси окончателно подкосились ноги.

Когда наконецъ она пришла въ себя и пересчитала бѣлье, оказалось доброй трети не было налицо. Она послала Хрисанфыча за старостой. Тотъ былъ уже вполне освѣдомленъ о случившемся и объявилъ важно:

— Коли госпожѣ учительницѣ до насъ дѣло имѣется, пушай сама пожалуетъ, а мнѣ на гульбу къ ней времени слободнаго не отпущено!

Скрѣпя сердце, тѣсно сжимая челюсти, поплелась Маруся. Путь лежалъ черезъ половину села. На улицѣ играли ребятишки, еще утромъ такъ тепло относившіеся къ ней. Увидавъ ее, они бросились врасыпную, и теперь изъ каждой пріотворенной двери высовывалась бѣлесая головенка, или сверкали сквозь тряпки на окнахъ любопытные глаза.

— Чего надоть?—обратился высококомѣрно Доснеей Макаровъ, заложивъ персты за низко сползшій кушакъ, когда Маруся поднялась на крыльцо.

— Нельзя ли приказать бабамъ вернуть сшитыя изъ присланной матеріи вещи. Онѣ должны быть сданы въ Красный Крестъ.

— Ни о чемъ такомъ намъ неизвѣстно,—отозвался староста, чувствуя себя воплощеніемъ власти надъ заплаканной молодой дѣвушкой и давая ей понять все ея ничтожество и зависимость отъ его собственной лѣвой пятки, которой ему ничего не стоитъ придавить жалкую учительницу.—Намъ ниоткедова ничего не присылали, и мы ничего сдавать не обязаны. А вотъ какъ вы, сударыня, безъ нашего разрѣшенія ребятъ въ школу загоняете, когда по округу отъ начальства тому приказа не было, это въ вашемъ отвѣтѣ. И руку помѣщиковъ тоже противу міра и общества тянете съ чьего, скажите на милости, позволенія? Съ нашихъ крохъ сыты, нашими деньгами оплачены, такъ нашею слугою и будьте, а вы бабъ и дѣтей на барщину посадили, а теперь управы требуете? Сами господамъ услужить взялися, сами и отвѣчайте, а я вамъ ничьихъ женъ и дочекъ въ обиду брать не позволю. Напрасно и обращаться трудился!

Отецъ Патрикѣй, услыхавъ о самоуправствѣ Демихи и ея товарокъ, посоветовалъ Марусѣ махнуть рукою.

— Какъ же быть? Будь возможно, я бы купила матеріалъ и пополнила потасканное.

— Напишу женѣ, она вышлетъ изъ Пустежа,—согласился батюшка.—А вы, милая барышня, все же не обижайтесь на нашихъ мужичковъ. Темны... о-охъ, какъ темны! Да и взаправду обижены

отъ господъ Маусовыхъ. Барышня ихъ хоть и всѣ службы на колѣняхъ отстаиваетъ, а гордости ея предѣлу нѣтъ... Тоже и молодцы ихъ... Остерегайтесь... Падки до дѣвиць... Лучше всего уѣхать бы вамъ отсюда пока.

Черезъ три дня Маруся сидѣла за работой. На счастье отецъ Патрикѣй одолжилъ ей швейную машинку жены. До глубокой ночи шла теперь цѣлые дни дѣвушка, сидя въ одной изъ своихъ каютокъ за спущенной занавѣской... Горько было на сердцѣ. Уѣхать?! Куда? Конечно, это было бы самое лучшее, потому что не только надо дать улечься недоброму чувству, но и оградить себя дѣйствительно отъ маусовскихъ сынковъ, не перестававшихъ проѣзжать ежедневно по нѣскольکو разъ мимо школы. Но Хрисанфычъ куриль на порогѣ, а дѣдъ Назаръ подь окномъ плелъ лапти.

Больно было, глядя на бѣлье, и за тѣ недавніе дни, гдѣ ей казалось, что она всецѣло слилась съ селомъ, гдѣ такъ дружно шла хорошая работа на хорошее дѣло подь народныя пѣсни, подь чтение любимыхъ авторовъ, когда казалось, что уже начинало брезжить утро для глядящей въ непроглядную тьму деревенской ночи бѣлой русской дѣвушки. . Сиротство еще сильнѣе щемило душу. Никого, никого рядомъ, къ кому бы прижаться, чью шею обвить бы руками, на чьемъ плечѣ выплакаты слезы, что собрались у горла въ комокъ и не хотятъ пролиться...

И вспомнилось вдругъ, какъ во время грозы она прятала лицо на плечѣ Данилы, какъ бережно держалъ онъ ее, какъ нѣжно улыбался и старался оправдать этотъ непростительный съ общественной точки зрѣнія приличій проступокъ.

Съ Пасхи на ея имя въ сберегательной кассѣ лежали внесенные дѣдомъ 150 рублей съ дома. Маруся ни за что не хотѣла сперва брать этихъ денегъ, но теперь, вспомнивъ о нихъ, перекрестилась.

— Поѣду въ Петербургъ. Ничего не напишу, а прямо нагряду,—рѣшила она, дошивая предпоследнюю рубашу.

XXII.

Въ эти хмуро-ненастные, скорбные дни,
Гдѣ душа изнываетъ тоскою,
Гдѣ все чаще въ церквахъ за огнями огни
Зажигаются новой рукою,
Въ этой черной толпѣ матерей и отцовъ,
Этихъ женъ, этихъ сиротъ печальныхъ
До земли поклониться имъ каждый готовъ
За ихъ близкихъ и нынѣ столь дальнихъ...

(«Въ скорбные дни» М. К.).

Данила былъ не въ духѣ.

Прежде всего, войдя въ студию, онъ никакъ не могъ пайти на полу отмѣтинъ своего табурета и, какъ ни прилаживался, получался невѣрный ракурсъ модели.

— Чортъ знаетъ! Опять Кузьма мѣтины отскоблилъ!

— А что же, полы вечеръ мыли, такъ нешто можно пятна оставить?—огрызнулся жукообразный малый въ синей косовороткѣ и черномъ сюртукѣ.—Какой же вы художникъ, коли перспективы поймать не умѣете? Глазу нѣтъ, а Кузьма виноватъ!..

— Ты опять дерзишь?—остановилъ его Василий Петровичъ Гусевъ, помощникъ профессора, остававшійся лѣтомъ во главѣ школы.—Уходи и закрой двери.

Онъ помогъ Данилѣ найти точное положеніе, полюбовался его смѣлымъ и правильнымъ рисункомъ и весело шелкнулъ по картону.

— Не я буду, коли вы, Евграфовъ, не пройдете. И хочется придраться и не къ чему. Бицепсъ такъ и лѣпится, хоть ощупывай. Превосходно... Отдѣлывайте детали... Ну-съ,—обратился онъ къ сосѣду:—а ваши дѣла?

И, сѣвъ на мѣсто вскочившаго ученика, вытеръ ситникомъ половину нарисованной руки.

Кругомъ шла бесѣда. Ученики,—ихъ было всего четырнадцать человекъ, готовившихся и въ гражданскіе инженеры, и въ академію,—дѣлились впечатлѣніями вчерашняго вечера. Нѣкоторые стоваривались ѣхать въ Крестовскій, двое собирались въ «Буффъ» на борьбу и спорили о достоинствахъ чемпионовъ, но Данилу это вовсе не занимало. Деньги у него теперь водились, онъ получилъ, благодаря Гусеву, отличный заказъ и копировалъ въ музеѣ Александра III картины для изданія открытокъ, но его не тянуло никуда... Несмотря на пасмурное лѣто, съ непривычки было тяжело въ городѣ, а всѣ эти чахлые сады, гдѣ было больше людей, чѣмъ листьевъ на деревьяхъ, раздражали.

Вообще онъ никогда не помнилъ себя такимъ раздражительнымъ, какъ теперь. Вотъ и вчера. Онъ былъ у Евлампіи Матвѣевны Тереховой, и у него произошла цѣлая баталія съ ея подругой курсисткой Сивковой. Терехова заступилась, а онъ обѣимъ наговорилъ массу рѣзкостей, и теперь было неловко.

Хотя... развѣ можно было не отчитать ихъ и не взбѣситься отъ набившаго оскомину «чѣмъ хуже,—тѣмъ лучше!»

Неужели нѣтъ чего-нибудь посвѣжѣе, помягче, чего-нибудь болѣе соотвѣтствующаго русскому чувству и сроднаго женскому сердцу?

«Маруся вонъ не радуется!—вспомнилъ онъ.—Она дѣйствительно страдаетъ и даетъ половину гонорара на раненыхъ»

Это умиляло и радовало его. Чѣмъ чаще видѣлся онъ съ обѣими курсистками, тѣмъ желаннѣе казалась ему его невѣста, тѣмъ сильнѣе вставала потребность взглянуть на нее и отдохнуть на ея женственности отъ авторитета Тереховой и распущенности Сивковой.

Онъ снова вызвалъ въ памяти ея черты, и среди слѣпковъ и набросковъ, украшавшихъ стѣны студіи, вдругъ, какъ живая, вы-

ступила дѣвушка у окна, глядящая на изумрудную звѣзду въ розовыхъ облакахъ... Обидно... вѣдь картина такъ и осталась въ подвалѣ... Но онъ помнитъ ее наизусть. Гм... не написать ли ѳею для Ришара?.. Вотъ удивится Маруся, когда получитъ открытку съ собственнымъ изображеніемъ!

— Васъ тамъ барышня спрашивасть!—доложилъ Кузьма.

«Ну, конечно! Гдѣ же Тереховой остаться за флагомъ! Последнее слово должно быть ея. Опять пришла звать къ себѣ... Ну еей!»

Данила съ досадой отодвинулъ стулъ и прищурился на рисунокъ.

— А вѣдь, пожалуй, и дѣйствительно недурно!..—Въ чемъ дѣло, Евлампія Матвѣевна?—началь онъ, войдя въ прихожую, и покачнулся.

Изъ-подъ прямыхъ полей соломенной шляпки улыбались каріе, знакомые и безконечно милые глаза.

— Вы... вы...—у Данилы захватило духъ, краска болѣзненно ударила въ лицо.—Марья Васильевна... Маруся...

Она, хмурясь и улыбаясь, глядѣла на него. Онъ казался еще выше, грубѣе и прозячнѣе, чѣмъ она рисовала его себѣ въ Липовкѣ, но привычнымъ усиленіемъ воли она взяла себя въ руки и спросила весело:

— Рады? не ожидали?..

— Еще бы!

Кузьма возился за стеклянной переборкой, гдѣ стояла его кровать.

— Поди и уברי мой рисунокъ. Я ухажу!—приказаль ему Данила.

«Ишь обрадовался,—думаль выдавшій виды Кузьма.—Еще бы! Эта понастояще будетъ, не то, что та холера, мамзель на модель...»

Данила притянулъ обѣ ручки въ перчаткахъ и сталъ цѣловать ихъ по очереди:

— Милая... Хорошая!...

— А вы думали, это Лампуша?—спросила Маруся.—Развѣ она часто заходитъ сюда? Развѣ она не у брата?

— Когда вы приѣхали? Зачѣмъ?—допрашиваль онъ, не отвѣчая на вопросъ.

— Просто соскучилась въ Липовкѣ. Захотѣлось посмотрѣть Петербургъ... и васъ,—добавила она почти шаловливо.

Онъ вспыхнулъ еще радостнѣе:

— Пойдемте, здѣсь неудобно разговаривать. Сейчасъ пять часовъ и кончаютъ.

Онъ накиннулъ пальто, выбралъ изъ груди на окошкѣ свою широкополую шляпу, и они вышли. На первомъ же поворотѣ лѣстницы Данила остановился и, схвативъ дѣвушку въ объятія, жадно сталъ

цѣловать безотвѣтныя губы ея. Но наверху скрипнула дверь, и они снова стали спускаться по крутымъ ступенькамъ.

— Куда же теперь? Гдѣ вы остановились?

Маруся сказала адресъ и пожаловалась на дороговизну.

— Конечно, тамъ и далеко, и дорого. Надо поискать въ частной семьѣ,—и дешевле, и удобнѣе. Погодите... я знаю одну хозяйку здѣсь на Острову.

— Можетъ быть, поселиться съ Лампушей?—предложила Маруся.

— Нѣтъ... тамъ вамъ не понравится... Это свое царство, и вы будете не ко двору... Да и вообще держитесь ея подальше.

— Это почему? Отчего такое разочарованіе? Вы ей такъ симпатизировали всегда?

— Я объясню вамъ потомъ. Вѣдь не на одинъ же день вы пріѣхали?

— Нѣтъ! Мнѣ хочется остаться подольше, пока хватитъ денегъ.

— Однако, надо подумать и объ обѣдѣ... Зайдемте въ церковь и подождите меня тамъ, пока я приведу себя въ болѣе человѣческой образъ.

— Но развѣ я не могу подождать у вашей хозяйки?

— Нѣтъ! для васъ это не годится!

— Данила Михайловичъ, вы ужасно, какъ бы сказать, излишне оберегаете меня... Того нельзя, это не годится. Я увѣрена, что Лампушѣ все бы годилось.

— Если хотите—да... Но вы—вы, и въ васъ я люблю именно васъ, которой многое, годное Евлампіи Матвѣевнѣ, не годится. Они оба разсмѣялись и вошли въ Андреевскій соборъ.

Вечерняя уже кончилась, но публика еще не расходилась. На середину праваго притвора два сторожа выносили черный бархатный поминальный столикъ.

— Вотъ кстати и панихида!—довольно громко заявилъ Данила и, поцѣловавъ руку невѣсты, вышелъ.

Марусю покорило. Чужое горе, горе вотъ этой одѣтой въ трауръ заплаканной дамы, этихъ двоихъ мужчинъ, утѣшавшихъ ее, очевидно, мужа и сына, кстати, потому что ей, совершенно имъ посторонней Марусѣ Яшневой удобнѣе ждать не въ пустой церкви тоже совершенно имъ чужого человѣка?.. Вдругъ они слышали?..

При первыхъ же словахъ панихиды она опустилась на колѣни.

«Помолюсь!» и вся похолодѣла.

«... Душу во брани убиеннаго новопреставленнаго раба Твоего Михаила!» читалъ батюшка, помахая кадиломъ.

«Михаиль... конечно, не Мика... но зачѣмъ такое совпаденіе?—думала Маруся, слѣдя, какъ лучи солнца, падая изъ верхнихъ оконъ, снопами пронизывали сизый дымъ ладана, и, словно въ отвѣтъ ей, мать зарыдала на всю церковь:

«Мика... Мика... Мика!...»

Ее бросились успокаивать. Сторожъ принесъ воду. Она стучала зубами о стекло стакана, и распухшія губы не втягивали ни капли.

Отпивъ наконецъ глотокъ, она страстнымъ движеніемъ обхватила сына и забилаь на его груди окутанной креповой вуалью головою.

Живо представилось Марусѣ горе Ольги Львовны, случись что съ Микой. Живо нарисовалось, какъ прильнула бы она къ младшему его брату Лепѣ, оплакивая старшаго, такъ долго единственнаго.

Чужая дѣвушка на чужой панихидѣ горячо молилась за далекаго товарища дѣтства, да отвратить отъ него Господь всякую бѣду, да сохранить его, не ради нея, — что была она ему? — а ради той, кто когда-то обидѣла ихъ семью, и ради дѣтей человѣка, разбившаго жизнь ея собственной матери.

Тихонько отворилась церковная дверь. Нищенка поклонилась уже, какъ знакомому, вошедшему Данилѣ. Грузно, по-отцовски, ступая на носки и весело улыбаясь, направился онъ къ невѣстѣ и замеръ, не дойдя. Нѣжная, сложенная въ крестное знаменіе рука застыла у лба, и полны слезъ были милые, только что сіявшіе радостью глаза.

«Какой я остолопъ! Вѣдь она такъ впечатлительна... Лучше было обождать ей въ скверѣ», выругалъ онъ себя.

— Въ чемъ же дѣло съ Лампушей? — пристала снова къ жениху Маруся, когда послѣ обѣда въ скромномъ ресторанѣ они шли по набережной, вдоль подплясывавшей мелкими волнами сѣро-голубой Невы: — почему ея общество такъ нежелательно для меня?

Данила оглянулся. Съ самаго Николаевского моста сзади нихъ шелъ господинъ съ тросточкой, въ котелкѣ и гороховомъ пальто «Неужели за мною слѣдить?» думалъ Евграфовъ.

Но гороховый кавалеръ какъ разъ перешелъ къ памятнику Петра Великаго и замелькалъ на дорожкахъ Александровскаго сада.

— Видите вонъ это чучело гороховое? — указалъ на него Данила. — Это сыщикъ, и я вовсе не хочу, чтобы онъ ходилъ за вами.

— Сыщикъ?

— Да!.. Одну минуту я боялся, что его сопутствіе относится ко мнѣ. Но за мной слѣдить нечего, а вотъ за Евлампію Матвѣевну не поручусь, что она не намѣчена уже въ черномъ списокѣ.

— Развѣ Лампушка — революціонерка? — шопотомъ и озираясь спросила Маруся.

— Во всякомъ случаѣ близка къ тому и болтаетъ слишкомъ много вздора, за который по головкѣ не гладятъ... Ну да, Христось съ ней... Я изъ этого выросъ... Бросимъ думать о другихъ и да-

вайте наслаждаться. Поѣдѣте на Острова. Я давно не бывалъ въ зелени, да и каждому знатному иностранцу ихъ непременно показываютъ въ первый же вечеръ его пребыванія въ сѣверной Пальмирѣ.

Вечеръ былъ прохладный, но закатъ ясный. Данила съ Марусей сидѣли на Стрѣлкѣ. Художникъ не сводилъ глазъ со взморья, обмелѣвшаго и издававшаго запахъ прѣлой тины, а его дама слѣдила за толпой, двигавшейся взадъ и впередъ и пѣшкомъ, и въ экипажахъ, медленно и дѣлanno равнодушно.

Эти расфранченные люди казались ей баловнями судьбы. Ея глаза сами собою схватывали и фасоны шляпокъ и манто, и сочетаніе цвѣтовъ на нарядныхъ женщинахъ, и позы кавалеровъ на мягкихъ сидѣньяхъ ладо, догкартовъ и шарабановъ, и граціозно выгнутыя шеи кровныхъ лошадей, снисходительно покорныхъ толстымъ, бородастымъ кучерамъ въ разноцвѣтныхъ кушакахъ и русскихъ кафтанахъ, и бритымъ въ англійскихъ ливреяхъ. Чѣмъ-то знакомымъ вѣяло отъ нихъ. Въ памяти вставали аллеи заграничнаго парка, а дробный, не умолкавшій стукъ копытъ, доносившійся съ настила елагинскихъ мостовъ, воскрешалъ звонъ подковъ нерадодской пары о гранитныя плитки нѣмецкаго городка.

Ей вспомнились дѣтскія мечты имѣть такой же экипажъ и сидѣть въ немъ улыбающейся и нарядной, кивая знакомымъ изъ-подъ шляпки съ богатыми перьями.

Она невольно перевела глаза на свой скромный костюмъ, на мѣшковатое пальто своего кавалера, на его короткія брюки съ выпятившимися колѣнами, и краска ударила ей въ лицо.

«Глупо... ложный стыдъ... Онъ прекрасный человѣкъ... и вотъ этотъ франтъ, который такъ дерзко оглядываетъ насъ, навѣрно, ему и въ подметки не годится», думала она и все-таки сказала:

— Пойдемте... Довольно... я устала съ дороги!..

Онъ оторвался отъ серебристой глади, куда скатывалось красно-золотое огромное ядро, и радостно улыбнулся. Завтра оно взойдетъ снова, а онъ прѣснется съ сознаниемъ, что его счастье не за тридевять земель, а тутъ въ получасѣ ходьбы его быстрыми и крупными шагами. Надо еще ближе устроить ее и, главное, оградить отъ вліянія тѣхъ. Завтра у Тереховой опять собраніе.

Придутъ всѣ эти черномазые Леви, Фильберги и К^о, Сивкова и ея наперсница, массажистка Лютовская, и будутъ опять жевать и пережевывать все тѣ же вопросы: какъ измѣнить жизнь, какъ отнять отъ этихъ праздныхъ, катающихся на собственныхъ лошадяхъ людей ихъ средства и ими облагодѣтельствовать другихъ, трудящихся... Для чего? Да для того въ концѣ концовъ, говоря искренно, чтобы самимъ, а въ крайнемъ случаѣ потомкамъ, тоже лежать въ такихъ же коляскахъ, любоваться этимъ закатомъ. Борьба за существованіе!.. Полно... такъ ли?..

На возвратномъ пути, благодаря тѣснотѣ на пароходѣ, Маруся касалась плечомъ его руки, и горячая волна заживавшейся крови то прилиwała, то отлиwała въ сердцѣ. Стоило незамѣтно откинуть эту руку и можно было обнять дѣвичій гибкій станъ. Соблазнъ былъ неодолимъ. Онъ неловко и робко коснулся ея. Маруся, почувствовавъ его объятіе, рѣзко отодвинулась и вспыхнула. Такая фамиллярность рѣзанула по нервамъ.

— Извините,—сконфузился Данила.—Тутъ такъ тѣсно...

«Это вѣдь его право!—снова мелькнуло у Маруси:—и я же ѣхала за его лаской и сочувствіемъ...»

Но сразу стало вновь сиротливо на душѣ, а когда онъ доведетъ ее и позвонилъ у подъѣзда меблированныхъ комнатъ, гдѣ она остановилась, ей было опять стыдно за его внѣшность передъ швейцаромъ, окинувшимъ ихъ обоихъ откровенно изумленнымъ взглядомъ.

XXIII.

Я не увижу васъ, тѣнистыя аллеи,
Я не приду къ тебѣ, завѣтная скамья,
И не услышу вновь, какъ громче и смѣлѣе
Все будетъ щебетать пернатая семья.
Но здѣсь въ глухихъ стѣнахъ пріюта го-
родского,

При грохотѣ колесъ по пыльной мостовой,
Всѣ грезы и мечты переживу я снова,
Что шепчешь, садъ ты вѣковой.

(М. К.)

Уже четыре недѣли Маруся жила у Фанни Карловны Артигъ на чистомъ, обсаженномъ деревьями дворѣ въ одной изъ линій Васильевскаго острова. Когда-то самъ Данила жилъ у нея, но, послѣ студенческихъ исторій и нѣсколькихъ арестовъ ея жильцовъ, почтенная остзейка наотрѣзъ отказывалась сдавать комнаты учащейся молодежи и предпочитала служащихъ дѣвиць.

Кормила она сносно, держала все въ величайшей чистотѣ, а потому свободныхъ помѣщеній у нея почти и не бывало. Только на лѣто освобождалась временно какая-нибудь комната, и на счастье Данилы такъ оно случилось и нынче.

— Можете быть спокойны,—заявила она:—фрейлейнъ будетъ, какъ у Абрама въ колѣняхъ,—перевела она буквально съ нѣмецкаго и крикнула звонко и нараспѣвъ:—Ак-кулине!

Съ помощью явившейся прислуги Фанни Карловна собственно-ручно втащила Марусины вещи и, ласково оглянувъ молодыхъ людей, вздохнула всей грудью.

Марусѣ дѣйствительно было по душѣ въ нарядной комнатѣ, разгороженной драпировкой на спальню и будуарчикъ съ низкой мебелью въ кретоновыхъ чехлахъ и маленькимъ письменнымъ

столомъ, который заботливая рука хозяйки украшала дешевенькими букетами съ Андреевскаго рынка. Весело было просыпаться и читать висѣвшій надъ кроватью вышитый бисеромъ стихъ:

«Sei getreu bis in den Tod, so will Ich Dir die Krone des Lebens geben» ¹⁾).

И ей казался вѣщимъ этотъ стихъ изъ Апокалипсиса. Да, надо держать данное слово до гроба, тогда только наладится жизнь и увѣнчается успѣхомъ всякій трудъ.

За эти недѣли она не только осмотрѣла, но и изучила Петербургъ. Теперь все достопримѣчательное было уже знакомо, и Маруся сама могла бы служить проводникомъ другимъ въ огромномъ городѣ. Деньги тратились, благодаря фрау Артигъ, очень экономно, потому что она не на шутку приняла невѣсту «Herrn Eugraf» подъ крыло и руководила ея покупками, да и стихи печатали охотно, такъ что до конца августа дѣвушка рѣшила пробыть въ Петербургѣ, который ей все больше и больше начиналъ нравиться, особенно благодаря окрестностямъ.

«Herr Eugraf» тоже прифрантился и даже носилъ перчатки и былъ если не элегантенъ, то хоть допустимъ, и все-таки бывали минуты, гдѣ становилось опять такъ тоскливо, такъ скучно, что вдругъ среди бѣлаго дня хотѣлось выбѣжать на площадь, сжать руки и крикнуть: «Боже... Боже... Боже...» Но Маруся не давала себѣ распускаться и находила дѣло. Теперь она ходила въ Публичную библиотечку по совѣту Данилы и рылась въ книгахъ и журналахъ.

Впечатлѣніе отъ исторіи съ бабами улеглось, и учительскія обязанности снова казались интересными.

— Знаете,—заявила она какъ-то жениху:—я чувствую себя далеко не на высотѣ. Никакихъ сельскохозяйственныхъ познаній гимназія мнѣ не дала, а, по-моему, они куда нужнѣе всякому, чѣмъ тригонометрія. Спасибо еще дѣдусѣ, онъ сильно подвинулъ меня по естественнымъ наукамъ. Не выйди у меня этой глупой исторіи съ бѣльемъ, я бы кое-чему могла бы научить и ребятъ лѣтомъ, показать имъ полезныя травы и вредныхъ насѣкомыхъ и ихъ истребителей-птицъ.

— Чтобы васъ же обвинили тѣ же бабы въ знахарствѣ и старости, наговоривъ грубостей, выкурилъ бы окончательно изъ школы? Вотъ ввести въ чтеніе полезныя свѣдѣнія—другое дѣло. Займитесь-ка созданиемъ такой хрестоматіи, гдѣ понятнымъ каждому языкомъ будетъ рассказана польза травосѣянія и многополья, а не идиотскія сказки объ отцѣ, нашедшемъ подкову и купившемъ вишни, или объ «Оси и чекѣ»... Это и займетъ и разовьетъ васъ, да и заработокъ, пожалуй, создастъ.

¹⁾ Будь вѣренъ до смерти, и я дамъ тебѣ вѣнецъ жизни.

Съ тѣхъ поръ каждое утро Маруся отправлялась въ Публичную библіотеку. Фрау Артигъ вздыхала и уходила за провизіей, чтобы къ пяти часамъ приготовить обѣдъ помолвленными, такъ какъ остальные ея жилицы, служившія продавщицами въ магазинахъ, возвращались только въ девять. У нихъ у всѣхъ были тоже женихи, но позже девяти часовъ мужчины не допускались, во избѣжаніе дурной славы, и такимъ образомъ Негг Eugraf могъ быть спокоенъ и съ этой стороны за свою Libchen, которую нѣмка цѣнила особенно за прекрасное знаніе ея родного нѣмецкаго языка и посвящала во всѣ тайны кулінаріи и домоводства. Въ шутку она называла свою жилицу—Eugräfin, находя графскими ея манеры и обращеніе.

Для Данилы эта дружная, почти совмѣстная жизнь съ любимой дѣвушкой была полна такого очарованія, что все чаще приходила мысль, зачѣмъ прерывать ее? Для чего ѣхать и вновь зарываться Марусѣ въ глушь, когда можно остаться и понемногу подготавливаться къ медицинскимъ курсамъ? Неужели съ ея знаніемъ языковъ не заработать настолько, чтобы прожить въ Петербургѣ? О свадьбѣ онъ заговаривать пока не хотѣлъ. Теперь на очереди для него былъ вопросъ о поступленіи въ академію.

Лампуша не появлялась. На другой же день по приѣздѣ Маруси она забѣгала къ нему въ школу и звала къ себѣ, онъ отказался подъ предлогомъ спѣшности заказа. Черезъ нѣсколько дней на квартирѣ онъ нашелъ отъ нея записочку съ приглашеніемъ принять участіе въ двухнедѣльной экскурсіи вглубь Финляндіи, интересную для него прежде всего, какъ художника, и на которое тоже отвѣтилъ «сжалѣніемъ, что не можетъ урваться». На это пришла открытка отъ Сивковой: «И наплевать!..»

Данила былъ въ восторгѣ. Очевидно, его оставили въ покоѣ. Онъ даже показалъ эту элегантную дѣвичью эпистолю Марусѣ.

— А я,—отвѣтила его невѣста,—все-таки очень жалѣю, что вы отстранили отъ меня Лампушу. И знаете, когда она вернется, я пойду къ ней непремѣнно. Меня очень интересуютъ ихъ общество.

— Одно пустозвонство!—пожалѣ плечами женихъ.

— Ну, вотъ, я и хочу сама въ этомъ убѣдиться... Пойдемте!..

— Послушайте,—онъ взялъ ее за руку, они сидѣли рядомъ на диванчикѣ послѣ обѣда:—когда вашъ дѣдъ ѣхалъ со мною къ вамъ въ Пневку, онъ исповѣдалъ меня. И я говорилъ съ нимъ совершенно откровенно, я не скрывалъ отъ него своихъ убѣжденій, но я далъ честное слово, что васъ я въ свою вѣру совращать не стану. Теперь же я самъ утратилъ эту вѣру, т. е. не въ догмы, а въ ея исповѣдниковъ. И тѣмъ болѣе боюсь за васъ.

— Чего бы боитесь?

— Вы не сумѣете разобраться въ томъ, что ими выдается за истины. Вы какъ разъ стряхнули съ себя домашнія путы... вы на перепутьѣ, не знаете еще сами хорошенько, куда итти и что дѣлать.

А тамъ стимуль—свобода, во имя которой все разрѣшено и позволено. Но разъ вы ступите на эту отмежеванную почву ихъ свободнаго царства,—возврата уже не будетъ. Вы утратите свое лицо. Вы надѣнете ярмо кружковщины и подпадете подъ еще болѣе тяжелую дисциплину. Вся ихъ свобода только въ семи буквахъ, а на дѣлѣ эти позолоченныя воображеніемъ буквы лишь семь замковъ, за которыми будутъ держать васъ нисколько вамъ не сочувствующіе люди. Придетъ и день, гдѣ ваша душа стоскуется по прошлому, гдѣ вы убѣдитесь, что васъ приманило ложное марево, вамъ захочется вернуться къ завѣтамъ дѣтства и юности,—отпускной вы не получите. Вамъ прочтутъ отходную... васъ заставятъ или остаться въ вѣчномъ рабствѣ, или вамъ вынесутъ смертный приговоръ. Не хватить силъ самой наложить на себя руки, во имя дисциплины и блага партіи прикончатъ другіе.

Маруся поблѣднѣла.

— Неужели?

— А вы не знали?

— Но какъ же вы сами!..

— Я?.. я не членъ ихъ партіи. Евлампія Матвѣевна всю зиму обрабатывала меня, но я наотрѣзъ объявилъ: я политикой не интересуюсь. Для меня есть одна цѣль въ жизни—вы, и ради утопій я жертвовать своимъ счастьемъ не стану. Да! только бы пройти въ академію!

— Пройдете!..—улыбнулась Маруся.

— По конкурсу пройду, я и самъ не сомнѣваюсь, за мной достаточно практики, но пройду ли по «благонадежности»? Касается ли запрещеніе поступать въ высшія учебныя заведенія и академіи,—я не знаю. Боюсь и поднимать вопросъ. Вотъ если бы вышелъ какой-нибудь высочайшій манифестъ,—тогда другое дѣло.

— По поводу какой-нибудь побѣды?

— Да мало ли по какому поводу.

Отъ Игнатія Львовича давно уже не было писемъ. Въ послѣдній разъ Маруся писала ему:

«Я влюблена, дѣдуся! влюблена въ Петербургъ. Пусть онъ весь разрытъ и даже трудно бываетъ дышать отъ извѣстки и дыма асфальтовыхъ котловъ, но въ немъ столько чудесъ, и я счастлива. Исполнилось мое самое завѣтное желаніе, и снова спасибо тебѣ за твои сто пятьдесятъ рублей, благодаря которымъ я брожу по улицамъ и чувствую себя очень богатой. Ей-ей! Вѣдь я—русская, значить, и я имѣю право и на Казанскій, и на Исаакіевскій соборы, и на статую Петра, и на всѣ сады, скверы, площади съ ихъ памятниками, на всѣ картины въ музеяхъ и книги въ библіотекѣ, а также на чудную и всегда новую Неву съ удивительно красивыми облаками надъ нею, и рѣшительно не понимаю, за что бранятъ «Петра творенье»?.. А окрестности? Гдѣ же за границей такіе дворцы и

парки? Ахъ, какіе мы богачи русскіе, и сами, кажется, этого не сознаемъ. Одно мнѣ тутъ не по вкусу—садовые рестораны. Ты не думай, что мы бываемъ въ нихъ часто. Напротивъ, мы были разъ всего въ Крестовскомъ саду и больше не поѣдемъ. Знаешь, на меня онъ произвелъ кошмарное впечатлѣніе. Хористки, которыя такъ весело пѣли на эстрадѣ, бродили въ антрактахъ между столами и глядѣли печальными и жадными глазами на ѣвшихъ и пившихъ. Были и другія женщины, ярко разряженныя, ярко раскрашенныя. Съ ними сидѣли мужчины. Онѣ пили и смѣялись, но мнѣ казалось, имъ вовсе не весело. Мнѣ чудилось, что тѣ деньги, которыя тратились тутъ,—грустныя и гадкія деньги. И мнѣ было грустно и стыдно. Не знаю, понимаешь ли ты меня. Я просила Данилу Михайловича больше не ѣздить въ эти сады. Я знаю, что изъ-за насъ ихъ, конечно, не закроютъ. Но все-таки, неужели это «увеселеніе» можетъ дѣйствительно разсѣять, если не веселить? Я знаю, что разсуждаю по-ребячески, но, мнѣ думается, есть и другіе, которые со мною согласны въ душѣ...»

Наконецъ около половины іюля пришелъ и отвѣтъ отъ дѣда.

Марусю кинуло въ жаръ, когда она увидѣла штемпель Горска, и обдало холодомъ отъ почерка письма. Видно было, что перо не только дрожало, но прыгало въ знакомыхъ и милыхъ мохнатыхъ пальцахъ.

«Радуюсь, моя дѣвочка, моя златокудрая царевна, что ты такая богачиха, которой принадлежать всѣ сокровища Санктъ-Петербурга. Веселись въ немъ, гуляй, смотри и поучайся. Постарайся побольше набратъ впечатлѣній. Чѣмъ полнѣе такой запасъ у человѣка, тѣмъ легче ему старость съ ея неизбѣжнымъ одиночествомъ, когда судьба отнимаетъ одно за другимъ. Помни только свое обѣщаніе, ты сама дала его, моя ласточка,—не уготовь ты мнѣ того горя, что разъ уже пришлось пережить мнѣ,—не попадись ты въ петли лихихъ людей, мертвыя то петли... И безъ того...» тутъ мѣсто было такъ неразборчиво и размазано, что приходилось перескочить черезъ нѣсколько строкъ. «А Бунтикъ твой сталъ цѣлымъ бунтомъ волкодава противъ дворяниги, но песь размѣровъ съ теленка и сторожъ на отличку. Когда поѣдешь обратно, извѣсти,—выѣду повидаться съ тобою въ Москву. Въ остальномъ—все по старому, и по старому крѣпко цѣлую тебя и горячо молю Бога, да пошлетъ Онъ тебѣ все счастье, которое отнято было Имъ отъ всѣхъ тебѣ близкихъ. Потому что за это долженъ же быть хоть кто-нибудь вознагражденъ? Иначе...»

«Прощай. Твой старый Дѣдуся».

Маруся получила письмо уже въ передней, отправляясь въ бібліотеку, и прочла его въ медленно ползшей по мосту конкѣ. Придя въ читальный залъ и получивъ со стойки свою стопку книгъ, она только для вида развернула толстый томъ «Сельскаго Хозяина», но ея мысли были вовсе не о плугахъ-самолетахъ.

«Все по старому... Значить, мать не изъявляет ни малѣйшаго желанія примириться съ нею, иначе дѣдъ написалъ бы, и это и гнететь его... оттого такъ и тряслась у него рука. А, можетъ быть, его заботятъ тѣ на Востокѣ? Вѣдь, по словамъ Мики, они жили въ Дальнемъ, а Дальній уже взятъ японцами. Удалось ли имъ бѣжать? Какъ справилась Ольга Львовна съ большимъ мужемъ... вѣдь дядя Леша все же мужъ ей, хоть и гражданскій... и какъ трудно ей было съ дѣтьми! А Мика былъ такъ близко въ Портъ-Артурѣ, по могъ ли помочь? Неужели его не отпустило начальство помочь матери въ такую трудную минуту?..

«Ничего не скажу Данилѣ Михайловичу о письмѣ дѣдуси Незачѣмъ»... А сердце ныло и рвалось туда въ Колычево. О, какъ хотѣлось прижаться къ небритой, пахнувшей сигарою щекой и плакать въ объятіяхъ мохнатыхъ рукъ о томъ, что нельзя быть счастливой, какъ мечталось ему и матери и Кирилловнѣ, когда они любовались ею и тѣмъ, отъ котораго она сама отказалась, ради никому не желаннаго.

Слезы закапали на страницы журнала. Она закрывалась отъ сосѣдей, погруженныхъ за тѣмъ же длиннымъ столомъ въ чтеніе и замѣтки, и перевертывала страницы.

«Надо успокоиться... стыдно выходить такой заплаканной».

Наконецъ справилась съ собою и сдала книги.

— Еще оставляете?—спросилъ дежурный, ставя штемпель на ея листкѣ.

— Да, я завтра приду!

Маруся свернула на Невскій и пошла не торсясь по широкому тротуару мимо Гостиного двора. Обыкновенно ей доставляли удовольствіе витрины, и невольно вспомнилась привычка дѣтства останавливаться и любоваться вещами, но сегодня было не до того. Подъ арками мелькали суетливыя дачницы, пріѣхавшія за покупками, и какіе-то кавалеры, но на широкой обсаженной деревьями плитняковой дорожкѣ было пусто. Маруся была совершенно одна, и только навстрѣчу шла какая-то очень нарядная барышня. Привычный глазъ безсознательно схватилъ и причудливый бантъ на шляпкѣ, и ловко скроенный сѣрый тальеръ, и такія же ботинки. Дама шла улыбаясь и дѣлая кому-то знаки обтянутой кружевною митэнкой рукою въ кольцахъ.

«Кому это? Надѣюсь, не мнѣ!—подумала Маруся и, сдѣлавъ строгое лицо, гордо миновала красавицу.

— *L'exactitude est la politesse des rois!*—услышала она сзади женскій голосъ.

— *Et pour cette fois—des amants!*—весело отозвался кто-то удивительно знакомымъ баритономъ, о которомъ тщстно пытался забыть ея обостренный слухъ.

Маруся обернулась. Что это такое? Цѣлуя руку только что встрѣченной жепщицѣ, вполоборота стоялъ морякъ, очень напоминавшій Мику, но повыше его, какъ будто, и съ бородкой... Сходство?.. Галлюцинація?.. Онъ или нѣтъ?.. Не обернувшись, онъ рядомъ со своей дамой пошелъ черезъ Невскій на Садовую... Она хотѣла побѣжать за ними... убѣдиться... Что-то ее удержало...

«Des amants!..» Это не могъ быть Мика. Онъ еще въ октябрѣ долженъ былъ уѣхать въ Портъ-Артуръ. Мало ли похожихъ людей, особенно если одѣты одинаково. Мундиръ всѣхъ равняетъ. И что ему дѣлать здѣсь, когда его мать въ Дальнемъ? Просто у нея перетянуты нервы.

Она дошла до Адмиралтейства. На снѣгъ небѣ рѣзко вырисовывался золотой шпигъ, увѣнчанный окрыленнымъ парусами кораблемъ. И вдругъ ей неудержимо захотѣлось зайти въ это зданіе съ бѣлыми колоннами и статуями и спросить для полного успокоенія себя: на какомъ кораблѣ Мика? Тамъ навѣрно знаютъ.

Дверь подъезда была открыта. Швейцаръ подметалъ ступени.

— Мнѣ нужно справиться объ одномъ родственникѣ,—начала, храбрясь, Маруся:—онъ на войнѣ.

— Завтра пожалуйста... въ правый подъездъ... а сегодня присутствіе уже кончилось,—отвѣтилъ усачъ, энергично царапая прутьями гранитныя плиты.

XXIV

Исчезли старые кумиры,
И обновленъ высокій храмъ.
Опять струится омѣамъ,
Сливаясь съ ароматомъ мирры.

Другимъ богамъ другой алтарь
Воздвигнуть въ новомъ, лучшемъ блескѣ,
И не глядѣть со стѣнъ, какъ встарь,
Годами вытертыя фрески.

(«Кумиръ». М. К.).

Устало поднималась Маруся по лѣстницѣ въ школу къ Данилѣ. Эта лѣстница всегда возмущала ее. Она служила однимъ входомъ во всѣ квартиры и вовсе не вязалась съ представленіемъ объ искусствѣ и мастерской художника. Пахло кошками и изъ открытыхъ ради жары дверей несло чадомъ.

Молодая дѣвушка остановилась у окна, чтобы перевести духъ, какъ вдругъ снизу раздались быстрые и энергичные шаги и промелькнула высокая и очень тонкая фигура въ странно знакомомъ жакетѣ.

— Лампуша!..

— Ты откуда?—обомлѣла пріятельница.

— Изъ Публичной библіотеки.

— Вотъ какъ! Ты давно въ Питерѣ?..

— Почти мѣсяць.

— А! такъ вотъ оно что значитъ. Это ты закрѣпостила Данилу Михайловича? Такъ-съ! Ну, что жъ!—совѣтъ да любовь.

истор. вѣстн., октябрь 1914 г., т. сxxxviii.

3

— Мы еще не женаты,—вспыхнула Маруся,—и твое пожеланіе преждевременно.

— Отчего же? оно и помолвленнымъ не лишнее. Ну, а когда свадьба?

— Не знаю еще.

— Маленькинаго благословенія добиваться будешь, чтобы по всѣмъ правиламъ съ придаными сундуками прибыть и окончательно закабалить человѣка?

— Слушай, Лампуша,—улыбнулась невольно Маруся:—ты такъ язвись, что я начинаю думать, ужъ не перебила ли я тебѣ дорогу.

Лампуша даже ротъ раскрыла и на секунду обратилась въ статую.

— А, вотъ что! Ты думаешь, я ревную, какъ женщина? Ошибаешься, мнѣ не до ухаживаній и флирта.

Онѣ говорили на площадкѣ третьяго этажа, а на поворотѣ ко второму стоялъ разносчикъ съ корзиной. Лампуша перегнулась черезъ перила.

— Это что? Чѣмъ ты торгуешь?

— Провизія въ четвертый номеръ.

— Такъ это совсѣмъ не здѣсь. Это изъ-подъ воротъ налѣво.

Парень буркнулъ что-то подъ носъ, Лампуша презрительно улыбнулась.

«Господи! даже слѣжки порядочной устроить не умѣютъ. Прямо слѣпому видно. Вчера съ тросточкой за мной шлялся, сегодня разносчикомъ вырядился... Идіотъ... Главное—изъ пушки по воробью», подумала она и обратилась къ подругѣ:

— Ну-съ, чтобы тебя убѣдить, какъ мало я тебя ревную, передай Данилѣ Михайловичу, что, если онъ хочетъ, пусть захватить и тебя. Завтра у насъ будетъ читать Леви о Бебелѣ, а оппонируетъ Фрухтъ.

— Нѣтъ, ты сама передай ему, я тоже не желаю, чтобы ты меня подозрѣвала въ ревности. Тѣмъ болѣе, что я очень обязана тебѣ за твои хлопоты о мѣстѣ въ Липовкѣ. Большое тебѣ спасибо.

— Не за что!.. Что же, еще не надоѣло? справляешься?

Наверху хлопнула дверь. Быстро сбѣжали двое учениковъ и оглядѣли обѣихъ барышень.

— Смотри-ка, обѣ сразу. Вотъ ужъ тихій омутъ эта верста!..

Слѣдомъ появился и самъ Данила.

Увидавъ Лампушу, онъ смутился, но та спокойно протянула ему руку и передала приглашеніе.

— Ну, а теперя я ходу. Не буду мѣшать вамъ. Воркуйте на здоровье.

— Напротивъ, мы тебя не отпустимъ. Я очень рада, что наконецъ мы встрѣтились. Пойдемъ, пообѣдай съ нами. У хозяйки, навѣрно, найдется лишняя порція.

Лампуша слегка поломалась. Однако, послѣ повторнаго приглашенія, подтвержденнаго и Данилою, пошла съ ними. Разносчикъ, съ надѣтою на голову корзинною, шель въ нѣкоторомъ разстоянїи по противоположной линїи и проводилъ ихъ до самыхъ воротъ.

Фанни Карловна окинула критическимъ окомъ гостю и сразу поставила ее въ разрядъ тѣхъ, кому никогда не сдавала комнату, во избѣжаніе знакомства съ полиціей.

Лампуша презрительно оглядывала салфеточки и букеты, вязанныя занавѣски и картинки, а, заглянувъ за драпировку, тыкнула въ шитое бисеромъ изреченіе и спросила:

— Это еще что за мани-фекель-фаресъ такой? Чего ты его не сорвешь?

За обѣдомъ она замолчала, ѣла съ аппетитомъ и даже удостоила похвалы поданную по-шведски землянику со сбитыми сливками.

— Однако ты и устроилась! Нашему брату такіе лукулловскіе шiry не по карману. Съ насъ и колбасы съ ситникомъ хватить,—заявила она, откинувшись въ креслѣ, и лѣниво потянулась.— А знаете, Евграфовъ, вы мудро вѣдь поступили, что отъ экскурсіи отказались! Прескучно и преглупо вышло.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Поѣхали мы и заѣхали. Попали и сами не знаемъ, туда ли. Леви хвастался, что по-шведски умѣетъ, а насъ занесло, гдѣ не только никто по-шведски не понимаетъ, но и понимать не хочетъ. Онъ говоритъ, а они ему кулаками подъ самое лицо. Лопочуть по-чухонски что-то. И только, когда мы по-русски между собою ругаться начали, къ намъ смилостивились и ѣсть дали. Подумайте! есть еще мѣста, гдѣ русскій престижъ въ Финляндіи надъ шведскимъ стоитъ. А, впрочемъ, что мы дураки и сами виноваты въ презрѣнїи къ намъ чухонъ, я убѣдилась на обратномъ пути блестящимъ образомъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Ыхали мы обратно во второмъ классѣ, потому что возвращались въ воскресенье и уже отъ Выборга ни одного мѣстшка въ третьемъ не было. Съѣли мы въ Перкъярви и съ нами вмѣстѣ еще трое франтовъ, и среди нихъ какой-то фертъ съ галунами. На каждой остановкѣ, смотримъ, выльзаютъ и все въ буфетъ, а потомъ вернутся и хохочутъ. Наконецъ въ Бѣлоостровѣ, оказывается, они какого-то чухну накачиваютъ русской водкой, а тотъ имъ анекдоты въ благодарности по-русски рассказываетъ. Напоили они его, и себя, конечно, не забывали, да любятъ, какъ онъ на четверенькахъ по лѣсенкѣ въ свой вагонъ карабкается, но никто изъ нихъ ему не помогаетъ, а только потѣшаются. Особенно этотъ съ галунами. Не проѣхали мы и десяти минутъ—стопъ!.. остановились и покатали обратно, и опять стопъ среди поля... Что такое? Оказалось, тотъ на четверенькахъ

сорвался съ лѣсенки, и мы его пополамъ переѣхали. Что тутъ было! Какъ одинъ человѣкъ возстали всѣ. Отъ фѣрта въ галунахъ мокро бы осталось, не отбери отъ него ѣхавшій тутъ же офицеръ билета. Громкую фамилію какую-то назвалъ. Потомъ въ Петербургѣ протоколъ составили, всѣ такъ карточки и даютъ жандарму, готовы быть свидѣтелями... Вѣдь это же позоръ!.. Нигдѣ вести себя не умѣютъ...

— Да, великій позоръ!—тихо подтвердила Маруся,— у нея сердце остановилось.

Лампуша потянулася.

— Итакъ, вы помолвлены официально? И благословеніе получено.

— Нисколько!—отвѣтила Маруся.

— На какія же средства ты такъ жуируешь? Съ учительскаго жалованья не больно раскутишься! По себѣ знаю.

Маруся рассказала про доходъ съ дома.

— Значитъ, ты въ перепискѣ съ дѣдомъ?

— Конечно!

— И послѣднія новости изъ Горска тоже знаешь?

— Какія?

— Во-первыхъ, что наша штабсъ-капитанша Татьяна Михайловна овдовѣла. Мужа ея подъ Тюренченомъ укокошили.

Данила такъ и вскочилъ.

— Зятя? Аполлона Платоновича?

— Чортъ возьми! Вѣдь вотъ какъ я съ непривычки отъ сытнаго обѣда осовѣла! Подумайте, я забыла, что она вамъ сестра, а это зять вашъ,—пожала плечами Лампуша.

— Жаль его... Это былъ чудный человѣкъ.. Царство ему небесное! Сестрѣ будетъ очень трудно безъ него, особенно, если женится отецъ.

— Ну, пока это не страшно. Супругъ его нынѣшней душеньки, Анютки Агафоновой, раненъ, и его, братъ пишетъ, скоро на родину доставятъ. Тятенька вашъ рветъ и мечетъ, а она удила закусила и хочетъ разводъ требовать. А вотъ у земскаго Петра Андреевича такъ ужъ совсѣмъ Иліада съ Одиссеей. За эту зиму онъ къ Шемаевымъ въ домъ втерся и, говорятъ, ихъ Глашеньку совсѣмъ съ ума свелъ. Ее тутъ изъ Москвы фабрикантъ богатый сваталъ, какъ его?.. Ну, забыла, все равно... а она матери въ отвѣтъ: «кромѣ Петра Андреевича, другого мужа не хочу!» Съ бабушкой ея, Прасковьей Марковной, ударъ былъ, параличомъ разбило, а дѣвица и ухомъ не ведеть. «Если, молъ, ему жена развода не дастъ, все равно уйду. Онъ мнѣ ужъ давно свободную любовь предлагаетъ...» И умно сдѣлаетъ! чего киснуть!

Марусю кинуло въ жаръ. Если Ольга Львовна получитъ разводъ, она сейчасъ же обвиняется съ Алексѣемъ Игнатьевичемъ.

Ничего, что онъ боленъ. Вѣнчаютъ и на смертномъ одрѣ. Хотя какая-нибудь радость будетъ для дѣда. Онъ такъ любитъ ее, что, навѣрно, и тѣ внуки будутъ ему дороги. Она раздумянулась и только что хотѣла подробнѣе распросить Лампушу, какъ та снялась съ мѣста и отозвала Данилу къ окну.

— Одну минуточку,—обратилась она безцеремонно къ Марусѣ:—мнѣ надо кстати передать кое-что Данилѣ Михайловичу.

Маруся не хотѣла подслушивать, но невольно ея тонкое ухо улавливало отдѣльныя фразы.

...— Отнесла къ Лавровой, та передастъ Виленусъ... къ ней побоятся... отецъ тайный совѣтникъ... Увидите, не сегодня—завтра. Куопіо... еще не сорганизовано... безъ Бобрикова легче...—говорила Лампуша шепотомъ.

Данила стоялъ, равнодушно барабани по стеклу. Маруся ушла за перегородку и, сѣвъ къ другому окну, заткнула уши и стала читать.

— Евлампія Матвѣевна,—сказалъ наконецъ Евграфовъ:—я еще разъ повторяю: не посвящайте меня въ это! Я не доносчикъ, но я отошелъ отъ всего и меня ваши дѣла не касаются. Пока были теоріи и разсужденія, я могъ имъ сочувствовать, но разъ они претворяются въ бомбы и въ чужую кровь,—простите, я вамъ не товарищъ.

— Такъ и передать прикажете?—вскипѣла Лампуша.

— Да, такъ и передайте!

— И вы не боитесь, что будете причтены къ провокаторамъ?

— Къ кому угодно! Я не навязывался... напротивъ, я отстранялся, насколько могъ.

— Вы не имѣете права отходить... Помните, вы сами говорили, что получали субсидію въ ссылкѣ.

— Я о ней не просилъ, да и возмѣщу ее при первомъ же удобномъ случаѣ.

— Напрасно... дѣло не съ деньгахъ... но вы не имѣете возможности уйти... вы знаете слишкомъ много.

— И опять въ этомъ не виновать. Повторяю,—вы сами почему-то считали нужнымъ посвящать меня.

— Потому что не считала васъ способнымъ на ренегатство. И я знаю, почему вы измѣнились, почему, вернувшись изъ ссылки, были совсѣмъ другимъ. Это виновато подлое знакомство... Да! да! подлое... вы подъ башмакомъ... вы уже не вы, не свободная высокая и свѣтлая личность, а закабаленный навѣки, влюбленный въ полное ничтожество рабъ. Вы—съ вашими силами, съ вашими способностями, вы промѣняли идеи на призраки буржуйнаго счастья... Но вы не найдете его!.. И будетъ день, когда вы горько раскаетесь, что повѣрили имъ и этой кисявкѣ...

У нея ходуномъ ходили руки. Она стала разыскивать шляпу и жакетку, шитую въ прошломъ году Марусею.

— Прощайте!—крикнула она:—я уйду... но...

Маруся, добросовѣстно затыкавшая уши, все-таки услышала этотъ послѣдній грозный окрикъ и вышла изъ своей засады.

— Что это? ты уходишь?

— А что мнѣ тутъ дѣлать? Любоваться вашимъ воркованьемъ?—просишла Терехова.—У меня дѣла и поважнѣе, и поинтереснѣе найдутся... А тебѣ я все-таки совѣтую: если ужъ такъ хочется мужской любви, справься о лигѣ свободнаго материнства, потому что, на мой взглядъ, твой выборъ тебѣ вовсе не по плечу. Ужъ очень вы не подходите другъ къ другу... ни въ нравственномъ, ни въ физическомъ отношеніи...

Она даже не протянула руки огорошенной подругѣ на прощанье.

— Что такое? Что сказала она вамъ?—спросилъ по ея исчезновеніи Данила.

— Не знаю... какая-то лига свободнаго материнства... Что это такое?

— Что за мерзость!—густо покраснѣлъ Данила.

— Въ чемъ дѣло?—спросила Маруся, удивленная злобнымъ выраженіемъ его лица.

— Въ чемъ дѣло? Это ея Сивкова и Лютковская проповѣдуютъ естественный подборъ людей по Дарвину,—свободу каждой дѣвушки выбирать и сходиться ради потомства съ мужчиною, не по любви, а только изъ-за его выдающихся физическихъ или нравственныхъ качествъ, а потомъ воспитывать изъ этихъ незаконныхъ дѣтей на общественный счетъ идеальныхъ гражданъ. Находятъ, что нынѣшнее поколѣніе сплошь неврастеники и склонны къ вырожденію, такъ, видите ли, надо влить новые и здоровые соки въ слѣдующее, совершенно отстранивъ дѣтей отъ вреднаго вліянія семьи, и такимъ образомъ обновить не только кровь, но и душу народную. Однимъ словомъ, переоцѣнка цѣнностей и развратъ, извиняемый высшими гражданскими соображеніями.

У Маруси даже горло перехватило. Никогда еще въ жизни не приходилось испытать столь глубокое омерзѣніе... къ чему?.. она не умѣла сказать. Она повернулась къ Данилѣ и тихо, но отчетливо произнесла:

— Къ чему вы меня посвящаете въ эту грязь? Я думала, вы меня больше уважаете.—Она сжала виски ладонями.—У меня болитъ голова. Я устала и хочу прилечь.

Онъ виновато поцѣловалъ ей руку и вышелъ. А она зарыла лицо въ подушки, стараясь холодомъ свѣжей наволочки остудить горячую волну дѣвичьяго стыда, ударившую въ голову.

М. Веселкова-Кильштеть.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ)

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРАГО ЭРИВАНЦА¹⁾,

(1832—1839 гг.)

III.

Блестящее состояніе Эриванскаго полка.—Полковые командиры.—Свѣтлѣйшій князь А. Л. Дадіани.—Лагодехская катастрофа 1830 года.—Разрывъ куначества съ Грузинскимъ полкомъ.—Женитьба князя Дадіани на баронессѣ Розенъ.—Хозяйственныя операціи.—Служба въ канцеляріи.—Секретарство у князя Дадіани.—Княгиня Лидія Григорьевна Дадіани.—Пріѣздъ семьи главнокомандующаго на Манглись.—Выступленіе въ «свѣтъ».—Игуменія Митрофанія.

О СИХЪ поръ я еще ничего не сказалъ о нашемъ полковомъ командирѣ флигель-адъютантѣ полковникѣ свѣтлѣйшемъ князѣ Дадіани, а между тѣмъ онъ представлялъ собою довольно интересный типъ, сотканный изъ смѣси хорошихъ и дурныхъ чертъ. Лично я ему обязанъ многимъ, но безпристрастіе меня вынуждаетъ сказать, что время его командованія полкомъ должно быть отмѣчено мрачными красками.

Эриванскій полкъ, послѣ счастливаго подбора ряда выдающихся начальниковъ: патріархальнаго Ладинскаго, умнаго Н. Н. Муравьева, рыцарски-честнаго барона Фредерикса—находился въ блестящемъ состояніи и могъ бы справедливо считаться по строевому образованію, по богатству хозяйственныхъ заведеній однимъ изъ первыхъ полковъ не только на Кавказѣ, но и въ Россіи. Н. Н. Муравьевъ сумѣлъ привлечь въ полкъ самыхъ образованныхъ офицеровъ того времени, даже съ университетскимъ образованіемъ. Помню я, напримѣръ, такихъ выдающихся «стол-

¹⁾ Продолженіе. «Истор. Вѣстн.», т. СXXXVII, стр. 789.

«Бовъ» полка, какъ капитаны Кирилловъ, Жилинскій и многихъ другихъ ¹⁾. Они были хранителями лучшихъ завѣтовъ полка и поставителями молодежи въ правилахъ рыцарской честности и доблести. Я глубоко убѣжденъ, что эти черты перешли отъ офицеровъ къ солдатамъ, и поэтому-то среди послѣднихъ я встрѣтилъ такой высокой нравственный уровень. Во истину можно сказать: «каковъ попъ, таковъ и приходъ».

И вотъ такой-то полкъ получилъ этотъ баловень судьбы, молодой, еще достигшій тридцатилѣтняго возраста флигель-адъютантъ князь Александръ Леонтиевичъ Дадіани. Казалось, все улыбалось этому избраннику судьбы. Отецъ его, потомокъ владѣтельныхъ князей, выселился изъ Грузіи въ Россію въ концѣ XVIII столѣтія и составилъ себѣ карьеру женитьбой на богатой аристократкѣ Нарышкиной. Сынъ, Александръ, получилъ прекрасное домашнее воспитаніе и, кажется, окончилъ пажескій корпусъ, откуда былъ выпущенъ въ Преображенскій полкъ. Ведя широкій образъ жизни, онъ разстроилъ свои денежныя дѣла и для поправленія ихъ и полученія награды, по примѣру многихъ, перевелся на Кавказъ адъютантомъ къ Паскевичу. Тотъ его выдвинулъ, произвелъ въ полковники и назначилъ командиромъ Эриванскаго полка. Такимъ образомъ, изъ командировъ взвода или, самое большое, полуроты Дадіани очутился вершителемъ судебъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ солдатъ и болѣе сотни офицеровъ, изъ которыхъ большинство ему годилось въ отцы. Въмѣсто того, чтобы учиться и впитать самому часть того геройскаго духа, которымъ отличалась кавказская армія, онъ сталъ рѣзко, враждебно относиться ко всякому возраженію, мало-мальски напоминавшему совѣтъ, и думалъ надменностью прикрыть свое незнаніе жизни и отсутствіе боевого опыта. Такимъ образомъ, то единеніе, которое всегда существовало на Кавказѣ между подчиненными и команднымъ персоналомъ, было рѣзко нарушено. Все лучшее офицерство отшатнулось отъ Дадіани, и многіе даже вынуждены были перевестись въ другія части. Взамѣнъ ихъ переведены были новые офицеры, умѣвшіе льстить и потакать ему во всемъ. Какъ всѣ слабые, безхарактерные люди, онъ не замѣчалъ своего подчиненія болѣе властнымъ, а такимъ сдѣлался полковой адъютантъ поручикъ З—въ, этотъ злой геній князя.

Многое простилось бы Дадіани, если бы онъ проявилъ какую-нибудь заботу о солдатѣ, о подчиненныхъ. Но этого-то и не было. Во всякой фразѣ, во всякомъ приказаніи его проглядывала надменность, горделивое пренебреженіе. Онъ будто не сознавалъ, что громадная власть предоставлена ему закономъ не для личнаго пользованія, что солдаты не его крѣпостные, а такіе же воины, какъ

¹⁾ Въ рукописи отца приведено, но неразборчиво еще нѣсколько другихъ фамилій.
Р—ъ.

и онъ самъ. Чуткіе солдаты отлично его понимали, и тотъ же Клинишенко охарактеризовалъ его такъ:

— Пустой человѣкъ!.. Отъ своихъ грузинъ отсталъ, а къ нашимъ не присталъ... На насъ, солдатъ, смотреть, какъ на рабочихъ скотовъ... Ему бы только ротой командовать, да и то осмотрясь, а не полкомъ... Самостоятельности никакой въ немъ нѣтъ,—кто половчѣе, тотъ и помыкать имъ можетъ. А пѣтушиться куда какъ любить...

Слѣдующій эпизодъ, передаваемый мною со словъ участниковъ солдатъ, много содѣйствовалъ непопулярности Дадіани. Въ 1830 году полкъ находился на Лезгинской линіи въ Лагодехахъ, гдѣ производилъ вырубку садовъ, необходимую въ тактическихъ цѣляхъ. Командиры нашихъ батальоновъ подполковники Кашутинъ и Ключенау, извѣстные своею боевою опытностью и отвагой, указывали на необходимость, въ видахъ осторожности, раздѣлить отрядъ на порубщиковъ и охранную часть, которую слѣдовало выставить впередъ цѣпью, но Дадіани въ крайне рѣзкой формѣ отказался отъ совѣта и приказалъ:

— Я знаю, что дѣлаю... Я распоряжаюсь, я и отвѣчаю... Дѣлать такъ, какъ я приказывалъ: выставить впередъ пикетъ изъ полувзвода, а остальныхъ людей на рубку...

Нераспорядительность эта немедленно сказалась. Выставленный впередъ пикетъ изъ пятнадцати человѣкъ, подъ начальствомъ поручика Харитона Потебни, былъ вырѣзанъ подкравшимися джарцами. Но этотъ жестокій урокъ не образумилъ Дадіани,—онъ продолжалъ настаивать на своемъ. Тогда Кашутинъ распорядился, чтобы люди не составляли ружей въ козлы, а носили бы ихъ при себѣ на ремняхъ во время рубки. Солдаты такимъ образомъ не были безоружны. Пріѣхавшій на работы князь Дадіани, однако, отмѣнилъ и это распоряженіе, при этомъ страшно раскричался:

— Что вы мнѣ людей напрасно морите?.. Какъ имъ рубить съ ружьями за плечами и топорами въ рукахъ... Людей не жалѣете!.. Сами попробовали бы... Составить ружья въ козлы!..

Но эта забота о людяхъ и привела къ новой, еще болѣе ужасной катастрофѣ. Въ тотъ моментъ, когда роты, сложивъ ружья въ козлы, углубились въ чащу виноградниковъ, джарцы, очевидно, только и ждавшіе какой-нибудь оплошности съ нашей стороны, охватили безоружныхъ рубщиковъ съ тыла и перерѣзали буквально, какъ барановъ, нѣсколькихъ офицеровъ и 360 нижнихъ чиновъ...

Не знаю, какъ это дѣло описано въ реляціи, составленной самимъ Дадіани, но привожу его со словъ тѣхъ, которые участвовали въ этомъ несчастномъ бою и какимъ-то чудомъ спаслись отъ масакра... Они ставили въ вину Дадіани глупое упрямство и нежеланіе понять особенность кавказской боевой обстановки. Кавказцы не жалѣли жертвъ, когда являлась дѣйствительная необходимость, но не прощали даромъ пролитой крови.

Къ этому же времени относится разрывъ пріятельскихъ отношеній, искони существовавшихъ между Эриванскимъ полкомъ и Грузинскимъ, который тоже находился въ Лагодехахъ. Еще на походѣ, а затѣмъ на стоянкѣ Дадіани сдѣлалъ рядъ безтактностей по отношенію грузинцевъ и на замѣчаніе, что это наши «кунаки», т. е. пріатели, очень грубо выразился о нихъ... Грузинцы обидѣлись, и явилось охлажденіе, которое сказалось въ день описанной выше катастрофы. Грузинцы рубили сады въ полуверстѣ отъ насъ и когда донеслись до нихъ выстрѣлы, крики и шумъ боя, то они не прибѣжали на выручку. Весьма возможно, что они и не могли этого сдѣлать, сами были въ разбросѣ по лѣсу, наконецъ не подозрѣвали о размѣрахъ катастрофы, но, какъ бы то ни было, Дадіани, самъ первый нарушившій священный обычай куначества, теперь упрекалъ въ этомъ грузинцевъ, и пріязнь между этими одинаково славными, одинаково достойными полками была нарушена и потомъ длилась много, много лѣтъ при мнѣ и послѣ меня... Всѣ знали впоследствии объ этихъ счетахъ, даже высшее начальство много разъ пыталось примирить стороны, устраивались, какъ я слышалъ, даже примирительные обѣды, но охлажденіе все оставалось. Очевидно, это недоразумѣніе, начавшееся въ бою, не могло быть искуплено застольными рѣчами, а лишь открытымъ самопожертвованіемъ въ бою же. Можетъ быть, нѣкоторые схоластики назовутъ подобное злопамятство вреднымъ для военнаго дѣла, но, по-моему, оно служить лучшимъ доказательствомъ, какъ кавказскія части дорожатъ своимъ прошлымъ, своими традиціями...

Относительно же этого братанія или куначества, отъ черкесскаго слова кунакъ—пріатель, другъ,—считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ. Совмѣстные продолжительные походы, одновременное участіе въ кровопролитныхъ бояхъ порождали между частями особую дружбу, называвшуюся куначествомъ. Законы его нигдѣ не были писаны, но тѣмъ не менѣе считались обязательными и нарушенія ихъ могли повести къ серьезнымъ недоразумѣніямъ. Зародившись въ какомъ-нибудь совмѣстномъ бою или въ тяжеломъ походѣ, куначество потомъ закрѣплялось грандіознымъ, гомерическимъ кутежомъ; иной разъ длившимся нѣсколько дней подъ рядъ, и потомъ поддерживалось обмѣнами привѣтствій въ дни праздниковъ, болѣе или менѣе цѣнными подарками въ дни юбилеевъ, въ паѣздахъ цѣлыми группами другъ къ другу въ гости и т. п. Рыцарство при этомъ доходило до того, что, напримѣръ, въ реляціяхъ, представлявшихъ о боевыхъ дѣлахъ, принято было особенно восхвалять дѣйствія своихъ кунakovъ.

Эта дружба, начавшись обыкновенно среди офицеровъ, переходила потомъ къ нижнимъ чинамъ и благотѣльно вліяла на укрѣпленіе связи между частями войскъ, на сплоченіе кавказской арміи въ одну тѣсную семью.

Общность и взаимная поддержка не ограничивались только застольными рѣчами, а переносились и въ частную жизнь. Я помню нѣсколько характерныхъ случаевъ. Въ одномъ кавалерійскомъ полку узнали, что командиръ кунацкой батареи проигралъ семнадцать тысячъ казенныхъ денегъ и его бригадный, сухой, пунктуальный формалистъ-нѣмецъ, выѣхалъ уже на ревизію. Командиръ кавалерійскаго полка по тревогѣ созвалъ своихъ офицеровъ, сообщили имъ грустную вѣсть о сосѣдѣ, и тутъ же все общество единогласно постановило выручить кунака. Черезъ часъ изъ штаба выѣхали два офицера,—одинъ съ семнадцатью тысячами къ командиру батареи, другой въ Тифлисъ, чтобы вынуть изъ банка деньги и пополнить занятую изъ казеннаго ящика сумму. Черезъ мѣсяцъ или два артиллеристъ вернулъ деньги, получивъ ихъ изъ Россіи.

Конечно, тутъ, собственно говоря, цѣлый рядъ правонарушеній съ точки зрѣнія закона: растрата, заимствование изъ казеннаго ящика, покрытіе преступленія и т. п. Но у кого поднимется рука обвинить людей, что они безъ всякаго ущерба для казны спасли отъ суда отмѣнно храбраго и вполне честнаго человѣка, только неосмотрительно поступившаго.

Другой случай произошелъ на моихъ глазахъ. Одинъ изъ молодыхъ, но уже въ порядочныхъ чинахъ «фазановъ»,—такъ назывались новички, прилетавшіе изъ Россіи на Кавказъ «для ловли счастья и чиновъ»,—позволилъ себѣ въ застольной бесѣдѣ отозваться свысока и даже пренебрежительно объ одномъ полкѣ. Сидѣвшій тутъ же сѣдой капитанъ, самый старшій изъ насъ, всталъ и сказалъ своимъ внушительнымъ басомъ:

— Вы, господинъ штабсъ-капитанъ, слишкомъ молоды, чтобы судить о части, знамена которой изрѣшечены неприяТЕЛЬскими пулями... Это наши закадычные друзья, наши кунаки... Прошу васъ отказаться отъ вашихъ словъ...

Молодой человѣкъ заупрямился. Состоялась дуэль, и обидчикъ былъ раненъ въ плечо. Уже потомъ онъ имѣлъ благородство сознать свою вину и принесть извиненія.

Вотъ этимъ куначествомъ и пренебрегъ князь Дадіани, нисколько не дорожа тѣми традиціями, которыя исторически сложились въ бытѣ кавказскихъ войскъ. Ему, какъ пришельцу, можетъ быть, были смѣшны эти сантиментальные обычаи, но они были дороги всякому старому кавказцу, скрашивая суровую обстановку и даже нѣсколько поэтизируя ее... Въ командование Дадіани эриванцы потеряли многихъ кунаковъ, и впоследствии мнѣ пришлось участвовать во многихъ пирахъ въ честь возобновленія «прерванной» дружбы...

А между тѣмъ Дадіани былъ въ сущности совсѣмъ не злой, очень мягкій, доброжелательный человѣкъ, но только податливый на всякое стороннее, большею частью скверное вліяніе. Правду Кли-

нишенкѣ говорилъ: «ему ротой, а не полкомъ командовать». Онъ не могъ вмѣстить въ себя всю огромную власть, сопряженную со званіемъ командира полка, и дѣлалъ то явныя послабленія, то вопіющія превышенія. И при этомъ умѣлъ особенно рѣзко вызвать непріязнь во всѣхъ окружающихъ и въ начальникахъ.

Мнѣ удавалось видѣть его иногда мирно, добродушно бесѣдовавшимъ со своими домашними, но какъ только показывался кто-нибудь изъ офицеровъ, не изъ числа приближенныхъ, онъ мгновенно преобразался, принималъ небрежную позу, тонъ его становился рѣзкимъ, властнымъ. Многіе говорили, что онъ имитировалъ въ этомъ случаѣ своего бывшего начальника князя Паскевича, вообще не отличавшагося привѣтливостью.

Всѣ эти отрицательныя качества особенно усилились послѣ его женитьбы въ 1834 году на дочери барона Розена Лидіи Григорьевнѣ. Это близкое родство съ главнымъ начальникомъ края придавало особенную смѣлость его дѣйствіямъ. И безъ того надменный, теперь онъ сталъ положительно неприступенъ, окруживъ себя штатомъ льстецовъ, чаявшихъ поживиться милостями сильнаго человѣка. Злымъ его гениемъ былъ адъютантъ поручикъ З—ъ.

Можно съ нѣкоторою вѣроятностью предположить, что, насытившись властью, Дадіани со временемъ сгладилъ бы шероховатости своего характера и изъ него могъ выйти сносный начальникъ; по крайней мѣрѣ у него были къ этому задатки, въ видѣ сознанія въ излишней своей рѣзкости, въ желаніи улучшить свои отношенія къ офицерамъ и т. п. Это я могу утвердительно сказать, потому что, какъ я объясню ниже, мнѣ пришлось стать довольно близко къ самому Дадіани и къ его семьѣ. Но, повторяю, гибельное вліяніе нѣкоторыхъ лицъ влекло его совсѣмъ не на путь исправленія.

Дѣло въ томъ, что денежныя дѣла его совершенно разстроились. Нужно думать, что приданое за женой было небольшое, такъ какъ, по слухамъ, баронъ Розень лично ничего не имѣлъ, кромѣ содержанія. Расходы же князя, особенно съ женитьбой, увеличились значительно, и вотъ тогда-то поручикъ З—ъ явился со своимъ предложеніемъ взять подрядъ по поставкѣ провіанта въ свой же полкъ. Князь вначалѣ колебался и за совѣтомъ обратился къ своей тещѣ баронессѣ Розень (урожденной графинѣ Зубовой). Въ ней онъ встрѣтилъ большую поддержку и даже содѣйствіе. Справочныя цѣны, благодаря ея сильному вліянію, поднялись чрезвычайно и подрядъ остался за княземъ. Предпріятіе обѣщало громадныя выгоды. Поручикъ З—ъ и штабсъ-капитанъ Несмачный (произведенный въ офицеры изъ гвардейскихъ фельдфебелей) дѣятельно принялись за организацію хозяйства, задуманнаго на самыхъ широкихъ началахъ. Такъ, въ виду крайней дороговизны ржаной муки, привозимой изъ Россіи и обходившейся значительно дороже пшеницы, они рѣшили сами сѣять рожь, для этого арендовали казенныя и частныя

земли; началась распашка, посѣвы, заготовка фуража, заводились воловьи и даже верблюжьи транспорты для будущей перевозки хлѣба. З—ть, Несмачный и самъ Дадіани совсѣмъ погрузились въ обширное хозяйство и въ полку ихъ совсѣмъ не было видно... Но не въ этомъ заключалась бѣда, а въ томъ, что все это создавалось даровымъ трудомъ солдатъ, которые на первое время, казалось, даже довольны были отдѣлаться отъ солдатчины, рассчитывая что-нибудь заработать на этомъ трудѣ, на самомъ же дѣлѣ имъ ничего не платили и, кромѣ того, ради экономіи, одѣвали во всякую рвань и кормили плохо. Все это совершалось на глазахъ офицеровъ, но они не обнаруживали этихъ явныхъ злоупотребленій отчасти потому, что доносы вообще не были въ традиціяхъ кавказскихъ войскъ, а съ другой стороны—какъ, въ самомъ дѣлѣ, было донести или пожаловаться на «жену цезаря», въ данномъ случаѣ зятя командующаго войсками...

Однако все въ концѣ концовъ обнаружилось и привело князя Дадіани къ полному крушенію его карьеры, такъ блестяще начатой и такъ жалко оконченной... Описывая эту катастрофу, я, конечно, рискую повторить извѣстные въ исторической литературѣ факты, но, можетъ быть, мои воспоминанія внесутъ что-нибудь новое, ибо нѣкоторыя обстоятельства мнѣ пришлось узнать не съ официальной стороны.

Однако я забѣжалъ слишкомъ впередъ и мнѣ придется вернуться къ тому времени, когда меня изъ лѣсу вытребовали въ полковую канцелярію.

Я всегда боялся этого непріютнаго зданія съ его бойкимъ, развязнымъ населеніемъ, комплектовавшимся изъ кантонистовъ, изъ дворовыхъ, отданныхъ въ солдаты за разныя художества, и городскихъ мѣщанъ... Они всѣ подавляли насъ, строевиковъ, своимъ гордымъ величіемъ и подпускаемыми иногда для фору ученыхъ словечками, очень смущавшими простыхъ солдатъ. Бывало, не дай Богъ кому-нибудь обратиться въ канцелярію за нужной справкой. Прежде, чѣмъ дать отвѣтъ, самый поганый писарекъ наломается, «нафордыбачится», какъ говорили тогда, и ужъ потомъ сдѣлаетъ снисхожденіе... Досаднѣ всего было то, что при начавшейся строевой и хозяйственной разрухѣ въ періодъ властвованія Дадіани эти господа дѣйствительно начали играть какую-то роль. Въ этомъ я самъ убѣдился, видя, какъ вѣчно занятой, углубленный въ совсѣмъ инныя соображенія З—ть бывало буркнетъ неопредѣленно: «назначить, кто тамъ на очереди» или «командировать кого-нибудь», а очередныхъ списковъ не велось и все зависѣло отъ усмотрѣнія писаря, назначавшаго офицера или даже роту по своимъ симпатіямъ.

Полковая канцелярія рѣзко дѣлилась на два отдѣла: хозяйственный и строевой. Мнѣ посчастливилось попасть во второй, гдѣ

работы было меньше, да послуживцы какъ-то чище и моложе; въ хозяйственномъ же отдѣлѣ сидѣли многоопытные кикиморы въ очкахъ, «крючкотворы», какъ ихъ называли. Особенно одинъ съ бугристымъ сизымъ носомъ славился, какъ умница и знатокъ всякихъ отписокъ и уловокъ. Его бы давно произвели въ чиновники, если бы не несчастная страсть къ вину, заставлявшая этого господина иногда пропивать даже казенное имущество, до рубашки включительно. Особенная милость начальства только и спасла его отъ суда. Впослѣдствіи у меня съ нимъ вышло прискорбное столкновение.

Всею канцеляріей долженъ былъ вѣдать, какъ адъютантъ, поручикъ З—ъ, но, будучи моложе въ чинѣ казначея и квартирмейстера, предоставилъ имъ все распорядки, а самъ показывался въ канцеляріи лишь для подписи бумагъ и приказовъ. Кромѣ того, онъ все время пропадалъ либо у полкового командира, либо ѣздилъ по порученіямъ князя, посясь на своемъ чистокровномъ бѣломъ арабѣ, конѣ рѣдкой красоты и выносливости. Нужно отдать справедливость З—у,—онъ могъ состязаться съ любимъ кавалеристомъ въ неистомчивости и умѣніи ѣздить верхомъ.

Подъ очень тяжелымъ впечатлѣніемъ я вступилъ въ мѣсто моего новаго служенія. Меня удивило то довольство, въ которомъ жили писаря по сравненію съ строевыми. И кормились они значительно лучше, и одѣты были чище, и спали теплѣе. У всѣхъ имѣлись кровати, перьевыя подушки, одѣяла, сшитыя изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ кусочковъ слободскими кумушками, особенно мирволившими къ ловкимъ, изящнымъ писарямъ... Объ этой роскоши я за четыре года пребыванія въ строю забылъ даже мечтать... Какъ же я долженъ былъ стыдиться моего убогаго ранца съ двумя-тремя смѣнами бѣлья и однимъ еще уцѣлѣвшимъ носовымъ платкомъ... «Когда-то,—съ грустью думалъ я,—удастся мнѣ сколотить такую уйму денегъ, чтобы купить себѣ все нужное и не краснѣть передъ этими аристократами»... Но меня выручилъ случай на романтической, между прочимъ, подкладкѣ. Въ канцеляріи я встрѣтилъ одного знакомаго юнкера, снѣшно уѣзжавшаго въ Россію. Встрѣтивъ меня, онъ обрадовался и торопливо, нѣсколько разсѣянно сталъ просить меня пересылать приходящія на его имя письма.

— А нѣтъ ли у васъ подушекъ и одѣяла?—спросилъ я совершенно случайно.

— Есть... и представьте, какая досада! Приходится бросать тутъ въ ротъ. Не хотите ли взять ихъ у меня?..

Я колебался. Были у меня деньги,—два завѣтныхъ полуимперіала, которые я берегъ на черный день, и мнѣ теперь было очень жаль разстаться съ ними. Но, представивъ себѣ ироническую улыбку моихъ новыхъ сослуживцевъ, когда, ложась на голыя доски, я буду прикрываться одною шинелью, я рѣшилъ, что черный день насталь.

— Сколько же вы хотите за вашу постель?..

— Да все равно этимъ вещамъ пропадать, такъ берите уже за десять ассигнацій...

Это было что-то около трехъ рублей на серебро, слѣдовательно, въ предѣлахъ моей платимости, и я согласился. Мы ударили по рукамъ. Юнкеръ очень торопился и потому выдалъ мнѣ записку къ ротному каптенармусу на полученіе всѣхъ вещей.

— Тамъ еще есть кое-какія другія вещи; вы ихъ, пожалуйста, при случаѣ распродайте и деньги мнѣ вышлите съ письмами по адресу моему.

Что-то меня задержало, и я только часа черезъ два пошелъ за моей покупкой. Проходя одной улицей, я встрѣтилъ дорожный экипажъ съ закрытымъ верхомъ, изъ-подъ котораго на меня глянули испуганныя лица какой-то дамы, закутанной въ темную вуаль, и знакомаго юнкера. Отѣхавъ немного, юнкеръ выскочилъ изъ экипажа, окликнулъ меня и торопливо попросилъ возвратить данный мнѣ адресъ для пересылки писемъ. Я сказалъ, что его нѣтъ со мной, но я и такъ помню. Юнкеръ поблѣднѣлъ, потомъ нервно схватилъ меня за бортъ сюртука и спросилъ:

— Рукевичъ? Вы честный человѣкъ?..

— Полагаю...—отвѣтилъ я удивленно.

— Ну, такъ поклянитесь мнѣ, что вы никому, ни подъ какимъ видомъ не скажете моего адреса, не выдадите меня?..

— Что за таинственность такая?.. Зачѣмъ вамъ моя клятва, я и такъ вамъ могу обѣщать никому не говорить. Извольте, я вамъ даю честное слово порвать адресъ и никому не говорить и даже позабыть..

— Ну, смотрите же, я вамъ почему-то вѣрю. Да еще прошу васъ, ради Бога, не говорите, никому, что вы меня встрѣтили сейчасъ въ экипажѣ съ... не одного... Обѣщаете?..

Я, конечно, обѣщалъ. Онъ крѣпко, до боли сжалъ мнѣ руку, и слезы стояли въ его глазахъ. Торопясь къ экипажу, онъ мнѣ бросилъ еще фразу:

— А вещи можете взять себѣ на память, а если продадите, то денегъ не высылайте, а подождите моего письма.

И этого письма я жду до сихъ поръ. Но адреса я, вопреки обѣщанію, не забылъ. Да и какъ мнѣ было его забыть, когда только я одинъ могъ сказать, куда дѣвалась жена одного офицера, исчезнувшая какъ разъ въ эти же дни. Дѣло было такъ ловко подстроено, что всѣ были увѣрены, будто ее украли лезгинны или татары. Но и юнкеръ тоже скрылся съ горизонта. Перемѣнилъ ли онъ фамилію, или иначе какъ-нибудь устроился, но никто о немъ ничего не зналъ, несмотря на всевозможныя справки. Вещи же, мною купленныя, оказались такими, что и сейчасъ я бы не отказался отъ пріобрѣтенія подобныхъ: стояли же онѣ не десять рублей, а по меньшей мѣрѣ сто рублей. Тюфякъ, на примѣръ, былъ на оленьей шерсти,

походнаго типа, свертывающійся и простеганный поперечными валиками съ замшевыми боками. Всѣ остальные вещи, сессесеры, погребцы, щетки и много другихъ бездѣлушекъ были всѣ очень изящны и дороги. Долго мнѣ потомъ приходилось вести торговлю этими вещами, вырученныя же деньги я все же отослалъ по извѣстному мнѣ адресу. Думаю, что владѣлецъ ихъ получилъ, ибо обратно мнѣ съ почты ихъ не вернули.

Хотя я и ропталъ на товарищескій составъ, но долженъ сказать, что въ канцеляріи мнѣ жилось довольно хорошо. Прежде я получилъ совершенно отдѣльное помѣщеніе въ небольшой комнатѣ при архивѣ, а, во-вторыхъ, отношеніе ко мнѣ сослуживцевъ и начальства не заставляло желать лучшаго. Поручикъ З—въ, оговоркой ли, или намѣренно, сразу обратился ко мнѣ на «вы», такъ оно и пошло. Относительно же работы мнѣ какъ-то удалось быстро усвоить механизмъ канцелярской премудрости. Помню я, нужно было составить третнюю вѣдомость. Старшій писарь былъ боленъ и лечился на водахъ, а остальные никогда къ этимъ требованіямъ не касались. Просмотрѣвъ вѣдомости за прежнія времена, я увидѣлъ, что это не очень мудрая вещь, и попытался самъ составить по прежнимъ образцамъ, введя измѣненія, согласно новѣйшимъ приказамъ по полку. Тутъ было затронуто мое самолюбіе, —смогу ли я справиться безъ руководителя. Оказалось, что могу. Въ началѣ, конечно, приходилось довольно часто прибѣгать къ помощи крючкотвора съ бургистымъ носомъ, знавшаго рѣшительно все по канцелярской части, а потомъ я самъ началъ справляться настолько успѣшно, что могъ бы обойтись и безъ указаній старшаго писаря, когда тотъ вернулся съ воды. Но мнѣ было искренно жаль этого стараго служака, посѣдѣвшаго въ канцеляріи и наивно полагавшаго, что мудрѣе этой работы не существуетъ. Конечно, я не разубѣждалъ его и, напротивъ, постоянно прибѣгалъ къ его авторитету, даже когда меня впоследствии назначили полковымъ адъютантомъ.

Несмотря на добрыя отношенія, установившіяся у меня съ сослуживцами, много разъ мнѣ приходилось грустить по моимъ одноклассникамъ, по дороговому Максимычу, по Клинишенку, по почтенному, всегда ровному и степенному фельдфебелю Соколову и по многимъ другимъ... За это время я имъ часто писалъ. Въ дни же прихода изъ лѣсу подводы я ужъ обязательно бывалъ въ ротѣ и узнавалъ во всѣхъ подробностяхъ все происходившее въ командѣ; наприимѣръ, что Федорчукъ «ногу себѣ спортилъ» топоромъ и ему рану засыпали трутомъ, что охотники волчатъ нашли, а Василенка, нашего ротнаго весельчака и балагура, змѣя укусила, да ротный фершалъ Мудрый рану отсосалъ и прижегъ каленымъ желѣзомъ. На вопросъ мой у возницы, нѣтъ ли мнѣ писемъ, большею частью получался отвѣтъ: «Какъ же, пишутъ вамъ письмо. Привезу, какъ приѣду въ другой разъ». Отвѣтъ этотъ не былъ ироническимъ для того, кто зналъ,

съ какимъ трудомъ солдатамъ давались письма. Но зато каждый разъ мнѣ привозили какой-нибудь лѣсной гостинецъ, то ягодъ; то дикаго меду, то рыжиковъ, которые, кажется, только и растутъ въ Закавказьи, что въ Манглискихъ лѣсахъ. Однажды мнѣ удалось выпроситься въ двухдневный отпускъ, который я съ величайшимъ наслажденіемъ провелъ въ лѣсу, словно школьникъ, вырвавшійся на волю.

Весьма скоро въ мои канцелярскія занятія внеслось разнообразіе. Какъ-то разъ пришелъ адъютантъ и приказалъ мнѣ одѣться въ мундирную пару перваго срока и слѣдовать за нимъ. Таинственное это шествіе закончилось у дома полкового командира. З—въ вошелъ первый, а я остался размышлять, для какой расправы могли меня потребовать сюда,—кажись, ни въ чемъ особомъ я не провинился и не замѣшанъ. Наконецъ меня позвали въ кабинетъ князя. Онъ ходилъ по комнатѣ въ разстегнутомъ сюртукѣ безъ погонъ и курилъ изъ длиннаго мундштука.

— Здоррова, брратецъ!..—поздоровался онъ со мной.

— Здравья желаю вашей свѣтлости...—отчеканилъ я.

— Вотъ эту тетрадку нужно переписать четко, рразборрчиво. Есть тутъ слова, не по-русски написанныя, такъ ты, брратецъ, мѣсто оставь, я самъ ихъ впишу потомъ... Когда кончишь, принеси...

Я облегченно вздохнулъ и пошелъ исполнять работу. Это, насколько мнѣ помнится, былъ какой-то проектъ о скорѣйшемъ покореніи Кавказа. Не безъ труда мнѣ далась эта переписка. Помимо массы грамматическихъ ошибокъ, почеркъ князя былъ дѣтски неустоявшійся, неразборчивый, фразы какія-то неоконченныя и даже логика страдала. Помучившись нѣкоторое время, я обратился къ З—у, и тотъ, взглянувъ на меня съ улыбкой, сказалъ:

— А вы пишете, какъ знаете, какъ вамъ кажется лучше. Вѣдь эти проекты дальше кабинета никуда не пойдутъ...

Тогда я началъ перекраивать «изъ стараго фрака новый сюртучекъ», какъ говорилось въ какомъ-то анекдотѣ. Князь остался очень доволенъ моею работою, потомъ далъ мнѣ другую, и постепенно я превратился въ нѣкотораго рода домашняго секретаря. Зачастую мнѣ приходилось писать подъ диктовку князя—то о земельномъ переустройствѣ Грузіи, то планы походовъ въ Малую Азію... Удивительно, какъ князь находилъ время создавать эти проекты среди свѣтской развѣянной жизни, хозяйственныхъ заботъ и служебныхъ занятій. Кажется, въ то время была мода писать подобныя сочиненія. Куда они представлялись?..

Эта общая работа, которой, нужно сознаться, и я началъ увлекаться, установила между нами прекрасныя отношенія. Гордый и заносчивый со всѣми, ко мнѣ князь былъ очень деликатенъ. Послѣ моей мѣсячной работы онъ мнѣ опредѣлилъ жалованіе въ пятнадцать рублей ассигнаціями, хотя я и отказывался, а въ слѣдующемъ

1836 году подаль рапортъ о производствѣ меня въ унтеръ-офицеры «за усердную службу и отличное хорошее поведеніе». Такъ какъ я находился подъ штрафомъ, то вопросъ о моемъ награжденіи не за военное, а за мирное отличіе восходилъ до высочайшаго имени. Соизволеніе государя послѣдовало 18-го апрѣля 1836 года ¹⁾).

Мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать болѣе симпатичную женщину, чѣмъ княгиня Лидія Григорьевна. Ее нельзя было назвать красивой, но въ лицѣ ея сказывалась такая доброта, такая привѣтливость, что могло считаться выше всякой красоты. Несомнѣнно, она унаслѣдовала отъ отца эту большую долю нравственного совершенства. Она какъ-то вошла въ кабинетъ, когда мы писали... Я всталъ и, вопреки всякимъ дисциплинарнымъ правиламъ, отвѣсилъ ей глубокой, совершенно штатскій поклонъ. Княгиня очень любезно отвѣтила мнѣ и перевела вопросительный взглядъ на мужа. Тотъ было началъ по-французски, а потомъ перешелъ на русскій и сказалъ:

— Это тотъ, помнишь, я тебѣ говорилъ, — тотъ молодой человѣкъ, который увлекся проповѣдями фанатиковъ и присланъ къ намъ сюда на исправленіе...

Княгиня подошла ко мнѣ и просто протянула мнѣ руку. Я почтительно по-польскому обычаю приложился къ ней.

— Я слышала о васъ...—сказала княгиня.—Воображаю, какъ вы, такой молодой, должны были тутъ тосковать по своимъ?..

— О, нѣтъ, княгиня, съ перваго же дня моего прихода сюда я встрѣтилъ среди окружающихъ такое братское участіе, что мнѣ было бы грѣшно роптать на судьбу, забросившую меня на Кавказъ...

И княгиня разговорилась со мной, словно имѣла дѣло съ какимъ-нибудь свѣтскимъ *jeune homme* ея общества. Съ тѣхъ поръ она была ко мнѣ изысканно любезна, проявляя это въ массѣ мелочей.

Признаться, переходъ отъ солдатскихъ казармъ къ дому, поставленному на аристократическую ногу, былъ очень рѣзокъ и мнѣ было трудно уловить ту середину, при которой я могъ бы безъ ущерба моему самолюбію принять снисходительное отношеніе этихъ большихъ баръ. Но меня, признаться, смущали не сами бары, которые, какъ истинные аристократы, были крайне деликатны, а челядь, эти напудренные лакеи въ ливреяхъ съ гебрами... Однако все какъ-то само собою обошлось благополучно, можетъ быть, потому, что я со всѣми себя держалъ ровно и не особенно радовался выпавшему мнѣ «почету», какъ говорили писаря. Я всѣми силами старался избѣгать княжескихъ обѣдовъ, происходившихъ всегда въ семь часовъ вечера. Съ завтраками же и съ чаями и кофеями приходилось волей-неволей мириться, но ко времени обѣда, если не

¹⁾ Архивъ кавказскаго военнаго округа. Дѣло по части польской № 10741 за 1836 годъ.

было срочной работы, я старался исчезать. По распоряженію хозяйки, мнѣ накрывали въ кабинетѣ или въ сосѣдней комнатѣ, причѣмъ экономка всегда приходила наблюдать, такъ ли накрыто, все ли подано...

Въ то лѣто, спасаясь отъ тифлисской духоты, на Манглись пріѣхала семья главнокомандующаго и жила въ обширномъ домѣ полкового командира. Мнѣ только разъ удалось видѣть старую баронессу Розенъ. Это была очень гордая, величавая женщина, презрительно относившаяся ко всему, что стояло ниже ея. Она находилась въ большой дружбѣ съ своимъ зятемъ и во многомъ, какъ говорили, вдохновляла его, доказывая, что нужно ковать желѣзо, пока горячо, т. е. пользоваться вліятельнымъ родствомъ.

Однажды въ кабинетъ, гдѣ я работалъ за особымъ столомъ, вошла старая баронесса, что-то горячо доказывавшая князю. Какъ надлежало исправному солдатику, я вытянулся въ струнку. Князь обратилъ вниманіе своей *belle mère* на присутствіе посторонняго, тогда баронесса перешла на французскій языкъ. Князь вмѣсто отвѣта обратился ко мнѣ громко съ фразой:

— Roukewitch, vous êtes libre à l'instant. Revenez, je vous prie, vers six heures...

Уходя, я видѣлъ, какъ баронесса провожала меня недоброжелательнымъ взглядомъ сквозь лорнетку. Больше въ кабинетъ она не заглядывала, но зато молодая баронесса, сестра Лидіи Григорьевны, если не ошибаюсь Прасковья Григорьевна, стала подъ всякими предлогами забѣгать въ кабинетъ, какъ только выходилъ князь. Еще подростокъ, но довольно высокая, стройненькая, крайне подвижная, она не казалась мнѣ красивой, тѣмъ болѣе, что уже мое сердце тогда было покорено сестрой одного юнкера, моей будущей женой, но я не считалъ измѣной маленькое заигрываніе съ полуребенкомъ. Бывало, только затворится дверь въ кабинетъ, я такъ и жду, что сейчасъ же раздадутся быстрые шаги и въ комнату вбѣжить, пригѣвая, молоденькая баронесса, конфузливо остановится на порогѣ и скажетъ:

— Ахъ!.. А я думала, что здѣсь никого нѣтъ... Bonjour, m-g Roukewitch... Я здѣсь оставила мою книгу...

Эти посѣщенія потомъ участились, разговоры стали продолжительнѣе, но задаваемые вопросы были иногда очень странные, вродѣ слѣдующихъ: «Когда вы воевали съ русскими, много русскихъ вы убили?...» или «Правда ли, что ваши всѣ имѣнія и замки конфискованы?» Что мнѣ было отвѣчать на послѣдній вопросъ? Сказать, что никакихъ замковъ не было, значило разрушить всю романтическую иллюзію; прямо же лгать не хотѣлось, и потому я, какъ нѣкій грекъ, отвѣтилъ правду и неправду: «Мои родные были раньше разорены»...

Однажды въ отсутствіе князя и старшихъ членовъ семьи Лидія Григорьевна и молодая баронесса вытащили меня въ гостиную, гдѣ собралось много народа, пріѣзжаго изъ Тифлиса и Петербурга. Одѣтый въ безукоризненно сшитый мундиръ и собственные (непахучіе) сапоги, я могъ бы почестъ себя франтомъ, но я именно стѣнялся этого солдатскаго мундира, не подозрѣвая, что именно онъ-то и дѣлаетъ меня интереснымъ въ глазахъ барышень, согласно эпохѣ романтично настроенныхъ. Хотя я старался всѣми силами не показать своей растерянности, но, помнится, совершенно машинально отвѣчалъ на вопросы, навѣрно, невпопадъ; потомъ я нѣсколько обошелся, игралъ въ какія-то игры, ѣлъ что-то сладкое, подъ конецъ вечера, когда большинство гостей разѣхалось, даже игралъ на фисъ-гармоніи ¹⁾.

Кажется, этотъ мой первый выходъ въ свѣтъ не былъ смѣшонъ, по крайней мѣрѣ на слѣдующій день посѣщенія молодой баронессы не прекратились, а въ кабинетъ черезъ растворенное окно влетѣла роза. На рабочемъ моемъ столѣ я каждый день находилъ какой-нибудь знакъ вниманія. Эти заигрыванія смѣшили меня, немного льстили моему самолюбію, но, конечно, не могли увлечь, оставаясь въ предѣлахъ невиннаго кокетства.

Тяжело мнѣ вспомнить, какъ много лѣтъ спустя въ прогремѣвшемъ скандальномъ процессѣ я узналъ въ лицѣ его печальной героини, игуменіи Митрофаніи, мою давнюю знакомую маленькую баронессу Розенъ. Говорятъ, она жила въ ссылкѣ въ Ставропольскомъ женскомъ монастырѣ. Бывая часто по дѣламъ службы въ этомъ городѣ, я не имѣлъ духу напомнить ей о существованіи того солдатика, который былъ нѣкогда свидѣтелемъ ея перваго и, быть можетъ, наиболѣе безкорыстнаго душевнаго порыва...

А. Ф. Ружевиць.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Когда я жилъ на Волынѣ, и дружилъ съ однимъ старымъ, очень хорошимъ гармонистомъ, который выучилъ меня играть на фисъ-гармоніи. Успѣхи мои были такъ велики, что одно время я серьезно мечталъ о карьерѣ музыканта. Впослѣдствіи я совершенно позабылъ игру, какъ все, чему учился въ молодости. А. Р—ъ.

ЗА ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ.

(Листки изъ воспоминаній).

I.

1875—76 годы въ Россіи.—Приготовленіе къ поѣздкѣ въ Сербію.—Князь А. Г. Вацнадае.—Генералъ М. Г. Черняевъ.—Д. А. Гольдштейнъ.—Пріѣздъ въ Бѣлградъ.—Врачи Зибольдъ и Святловская.—Отношеніе къ намъ сербовъ.—Бѣлградъ въ 1876 и 1913 годахъ.—Добровольцы.—Одинъ изъ типовъ добровольцевъ.

В АСТЬ лѣта 1876 года я двадцатилѣтнимъ студентомъ 2-го курса медико-хирургической академіи провелъ въ имѣніи дяди моего д-ра І. В. Бертенсона въ Витебской губерніи. Кто не знаетъ, что въ 1875 и 1876 годы Россія перживала одну изъ своихъ славныхъ годинъ. Восстаніе герцеговинцевъ въ 1875 г. впервые пробудило насъ и, какъ извѣстно, подняло у насъ духъ самосознанія. Да и могло ли это быть иначе? Вѣдь взоры всѣхъ поработенныхъ балканскихъ народностей издавна обращались къ одной Россіи. Россія была тѣмъ центромъ, откуда всѣ эти народности могли ожидать помощи, увѣренныя, что единственная въ то время самостоятельная православная держава, давшая жизнь и возвеличившая славянскую идею, не оставитъ своихъ братьевъ изнемогать въ непосильной борьбѣ, что было бы равносильно отказу отъ своихъ вѣковыхъ идеаловъ, національной фізіономіи, исторической задачи.

И если въ 1875 году, а въ особенности въ 1876, правительство, находившееся въ выжидательномъ положеніи, еще не высказалось, зато передовая часть общества на всѣ совершающіяся на ее глазахъ событія уже откликнулась, была въ набатъ. Всюду шли

усиленные сборы на поддержку бойцовъ за свободу славянъ, на нужды раненыхъ.

Блестящія дамы, зачастую въ сопровожденіи членовъ славянскаго благотворительнаго общества, ходили по улицамъ, по вагонамъ конки, собирая пожертвованія, отовсюду сыпавшіяся въ ихъ быстро наполняемые кружки. Во всѣхъ войсковыхъ частяхъ, министерствахъ, банкахъ, учебныхъ заведеніяхъ происходили постоянные сборы, а въ послѣднихъ особенно удачные, вслѣдъ за произнесеніемъ какимъ-нибудь ораторомъ-студентомъ сильной рѣчи, причемъ не только богатое, но даже бѣдное и нуждающееся студенчество жертвовало обездоленнымъ славянамъ послѣдніе гроши!..

Пожертвованія въ пользу славянскаго благотворительнаго общества никогда не доходили до такой колоссальной суммы, какъ въ 1875—1876 годы. Словомъ, на Руси повѣяло чѣмъ-то новымъ!..

Имѣніе дяди Селюты, въ которомъ я гостилъ, раньше принадлежало семьѣ Храповицкихъ; на дочери бывшаго владѣльца этого имѣнія М. П. Храповицкаго, витебскаго губернскаго предводителя дворянства, дядя былъ женатъ. Но ни красоты Селютъ, ни чудесная библіотека, бывшая въ имѣніи, ни великолѣпный садъ, чрезъ который протекала живописная рѣчка, ни барское радушіе старика Храповицкаго, къ которому я часто ѣздилъ гостить, въ молодости блестящаго кавалергардскаго офицера, лично государемъ Николаемъ Павловичемъ прямо съ дежурства на Елагиномъ островѣ отправленнаго съ фельдъегеремъ на Кавказъ за то, что тотъ спалъ на дежурствѣ и встрѣтилъ государя спрессонья въ халатѣ и... въ каскѣ, ни ухаживаніе за сосѣдними барышнями польскаго происхожденія—не могли меня удержать въ деревнѣ на все лѣто...

Причиною было зарождавшееся славянское движеніе. Уже въ концѣ іюля я ускакалъ въ Петроградъ, еще въ деревнѣ рѣшивъ, что я во что бы то ни стало поѣду на помощь братьямъ сербамъ, въ то время уже объявившимъ войну своимъ вѣковымъ врагамъ туркамъ. Всѣ свѣдѣнія о перипетіяхъ начавшейся борьбѣ сербовъ съ турками я черпалъ въ деревнѣ изъ бывшихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», въ ту пору газеты весьма распространенной.

Газету эту я ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, что ежедневно ходилъ на большую дорогу, версты за четыре отъ имѣнія, для того, чтобы, встрѣтивъ челоуѣка, ежедневно посылаемаго въ городъ за письмами, имѣть возможность еще на ходу раньше другихъ прочесть какъ послѣднія извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, такъ и о томъ, что дѣлается въ Петроградѣ. Такимъ образомъ, живя въ деревнѣ, я зналъ, что многіе изъ моихъ знакомыхъ и друзей по лейбъ-гвардіи Павловскому полку, при милостивомъ покровительствѣ и денежной помощи наслѣдника престола, будущаго государя Александра III, какъ, напримѣръ, князь Вачнадзе (нынѣшній петергофскій комендантъ), поручики Потоцкій и Биби-

новъ (здравствующіе генералы въ отставкѣ), подавъ въ фиктивную отставку, уже уѣхали въ Сербію.

Съ офицерами лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, несмотря на діаметрально разныя съ ними профессии, я былъ чрезвычайно друженъ, особенно съ тремя изъ нихъ: съ поручикомъ П. Д. Ольховскимъ (въ настоящее время помощникомъ главнокомандующаго гвардіею и петербургскимъ военнымъ округомъ), поручикомъ Г. М. Бершовымъ, получившимъ въ послѣдствіи офицерскій георгіевскій крестъ за Горный Дубнякъ изъ рукъ государя Александра II, и съ поручикомъ княземъ А. Г. Вачнадзе.

Князь Вачнадзе, какъ было уже сказано, находился въ Бѣлградѣ. Удалой этотъ «джигитъ», при случаѣ лихой «тулумбашъ», только и ждалъ возможности, чтобы кинуться на врага; не удивительно потому, что онъ оказался однимъ изъ первыхъ офицеровъ, укатившихъ въ Бѣлградъ вслѣдъ за генераломъ М. Г. Черняевымъ.

Судьба, очевидно, шадила этого отважнаго офицера. Продѣлавъ весь сербскій походъ, участвуя во всѣхъ почти главныхъ бояхъ, всюду выскакивая впередъ и не получивъ ни одной царапины, онъ въ слѣдующемъ году подъ Горнымъ Дубнякомъ палъ замертво, прострѣленный насквозь турецкою пулею.

Несмотря на то, что врачами на перевязочномъ пунктѣ онъ былъ признанъ безнадежнымъ, все-таки, благодаря своей живучей натурѣ, уцѣлѣлъ и черезъ мѣсяць, не пожелавъ даже уѣхать на поправку въ Россію, явился совершенно неожиданно, хотя и страшно истощенный и истощенный, снова въ Павловскій полкъ. Вернувшись по окончаніи русско-турецкой войны въ Петроградъ, онъ, идя изъ казармъ, попалъ у Троицкаго моста подъ бѣшено мчавшуюся карету. Налетѣвшими на него взбѣсившимися лошадьми князь Вачнадзе былъ моментально смятъ, но, благодаря своему, къ счастью, очень маленькому росту, попалъ въ свободное пространство между колесами, откуда тотчасъ же, вскочивъ на ноги, помчался останавливать лошадей... Когда князь Вачнадзе въ послѣдствіи женился и ѣхалъ съ молодою женою въ Владикавказъ по Военно-Грузинской дорогѣ, онъ, изъ-за чего-то испугавшихся лошадей дилижанса, сломавшихъ колья, ограждавшіе путь, вмѣстѣ съ другими пассажирами полетѣлъ въ пропасть, откуда только онъ, жена и маленький ребенокъ выкарабкались почти безъ серьезныхъ поврежденій...

Другой мой пріятель, П. Д. Ольховскій, готовился къ поступленію въ академію генеральнаго штаба и, очевидно, ѣхать съ нами «бить турокъ» не могъ.

Третій мой другъ былъ Г. М. Бершовъ. Къ нему-то по пріѣздѣ изъ деревни я немедленно и отправился. Мы тотчасъ же порѣшили ѣхать въ Сербію вдвоемъ. Сборы у насъ были очень короткіе, хотя денегъ на поѣздку почти что не было. Существенный вопросъ этотъ,

однако, скоро былъ улаженъ. Бершову, какъ офицеру, помогло отчасти славянское благотворительное общество. Мнѣ же кое-что дали родные, да сто рублей незамѣтно сунуль мнѣ А. С. Суворинъ, недавно только начавшій издавать «Новое Время» и потому самъ не особенно богатый... Къ Суворину свезъ меня К. А. Скальковскій, сочувствовавшій добровольческому движенію, тогда еще, чрезъ свою сестру, извѣстную пѣвицу, не породнившійся со мною. Много намъ помогъ словомъ и дѣломъ неутомимый В. И. Аристовъ, секретарь славянскаго благотворительнаго общества, съ типичною физиономіею и вѣчнымъ моноклемъ въ глазу, который, будучи одновременно душою всѣмъ извѣстнаго и процвѣтавшаго въ 70-хъ годахъ художественнаго клуба, съ такимъ же рвеніемъ организовалъ добровольческое движеніе...

О характерѣ самой организаціи я расскажу позже.

Въ Бѣлградѣ мы рѣшили ѣхать ближайшимъ путемъ на Варшаву, Вѣну, Будапештъ. Бершовъ отправился въ гдѣ-то раздобытомъ штатскомъ платьѣ; я же, снявъ погоны (на штатское платье у меня денегъ не было), уѣхалъ попросту въ студенческой формѣ, приобрѣтя себѣ только походные смазные сапоги, которые потомъ въ Вѣнѣ, въ теперь еще существующей гостинницѣ «Zur Kaiserin Elisabeth» были предметомъ ужаса горничной, убиравшей нашу комнату...

Не зная взглядовъ на славянскій вопросъ А. М. Быкова, тогдашняго начальника медико-хирургической академіи, я опасался, что при просьбѣ объ заграничномъ отпускѣ въ Сербію, да еще почти что въ началѣ учебнаго года, я могу съ его стороны встрѣтить препятствіе. Но А. М. Быковъ, на рѣдкость хорошей и добрый человѣкъ, на мою просьбу моментально согласился, а, узнавъ, что собираюсь я не въ санитарный отрядъ, а добровольцемъ (какъ студентъ только второго курса, я не считалъ себя пригоднымъ для санитарнаго отряда), онъ даже умилился, очень тепло пожелавъ мнѣ счастливаго пути и всяческихъ успѣховъ.

Когда всѣ приготовления къ отъѣзду съ моей стороны уже были сдѣланы, тогда только возникъ вопросъ, какъ въ послѣднюю минуту отвесится къ моей поѣздкѣ моя бѣдная мать, все еще не вполне вѣрившая въ возможность осуществленія моего плана, но сердцемъ чувшая опасность, на которую я шелъ...

Одинъ изъ моихъ близкихъ родственниковъ, фразеръ добраго стараго времени, заявилъ съ паѳосомъ тогда же моей матери (вмѣсто словъ утѣшенія), что она должна лечь на полъ и только черезъ свой трупъ позволить мнѣ перешагнуть порогъ для исполненія моей, по его мнѣнію, безумной затѣи!..

И вотъ, такъ или иначе, Г. М. Бершовъ и я въ концѣ августа 1876 года оказались все-таки на Варшавскомъ вокзалѣ. Въ свою очередь, предвидя препятствія къ отъѣзду, мой спутникъ только изъ

Бѣлграда послалъ своей матушкѣ въ Тулу, гдѣ она постоянно проживала, извѣстіе о своемъ пребываніи въ Сербіи...

Желая сдѣлать нашъ отъѣздъ какъ можно болѣе незамѣтнымъ, мы даже не захвали проститься въ Гатчину, къ достойной Антонинѣ Александровнѣ, супругѣ М. Г. Черняева, что обыкновенно дѣлалось всѣми покидавшими Петроградъ добровольцами. Тѣмъ не менѣе, несмотря на то, что въ ежедневныхъ газетахъ нигдѣ не было упомянуто о нашемъ отъѣздѣ въ Сербію, трудно описать, что дѣлалось на Варшавскомъ вокзалѣ уже за часъ до нашего туда прибытія...

Десятки незнакомыхъ лицъ цѣловали и обнимали Бершова и меня, какіе-то люди тутъ же поднесли мнѣ великолѣпную кавказскую шашку (увы, ее у меня на возвратномъ пути украли), а по распоряженію совсѣмъ неизвѣстныхъ намъ, повидимому, купцовъ два лакея едва дотащили громаднѣйшій подносъ съ палитыми бокалами шампанскаго, которымъ эти добрые патріоты старались угостить насъ и всѣхъ насъ провожавшихъ...

«Ура» и крики «живіо» такъ и перекатывались по вокзалу. Наконецъ поѣздъ тронулся...

Взволнованные, со слезами на глазахъ, мы въ первое время даже почти не могли говорить.

А тутъ еще остановка на нѣсколько минутъ на станціи Александровской дала поводъ какимъ-то рабочимъ встрѣтить насъ новыми криками ура и всевозможными пожеланіями, въ конецъ насъ растрогавшими...

Просто непонятно, откуда это могли рабочіе узнать про нашъ поѣздъ!

Въ 1876 году пассажирскій поѣздъ въ Варшаву еле тащился. Выѣхавъ изъ Петрограда, кажется, послѣ полудня, мы только на третій день утромъ очутились въ Варшавѣ. За это время мы, конечно, перезнакомились почти со всѣми пассажирами, за исключеніемъ сидѣвшаго противъ насъ артиллерійскаго поручика, съ громаднѣйшимъ носомъ, весьма мрачнаго вида, ни съ кѣмъ не разговаривавшаго, зато на всѣхъ большихъ станціяхъ пропускавшаго въ себя рюмку-другую «очищеннаго».

Только чуть ли не на предпоследней большой остановкѣ у Варшавы офицеръ этотъ вдругъ ни съ того ни съ другого обратился ко мнѣ со словами:

— Хотите, я васъ застрѣлю!—и, не дожидаясь моего отвѣта (свое согласіе я едва ли бы ему далъ), онъ полѣзъ подъ сидѣнье и, вытащивъ громаднѣйшую кобуру, направилъ ее па меня...

Не зная, какъ мнѣ реагировать на эту милую шутку (при нѣкоторомъ, однако, размысленіи немедленной опасности мнѣ, повидимому, не предстояло), мы всѣ тѣмъ не менѣе были пріятно поражены, когда поручикъ, отведя отъ меня кобуру и впервые улыбувшись, вытащилъ оттуда... бутылку коньяку!..

Такимъ образомъ, ледъ былъ сломанъ, и мы съ артиллерійскимъ поручикомъ вѣхали въ Варшаву уже друзьями, не разставаясь съ нимъ во все время нашего тамъ краткаго пребыванія.

Въ Варшавѣ насъ встрѣтилъ полковникъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка Черняевъ, братъ Михаила Григорьевича, оказавшій намъ передъ окончательнымъ отправленіемъ въ Сербію рядъ крупныхъ и мелкихъ услугъ.

Кто же былъ самъ М. Г. Черняевъ, чье имя, какъ магнитъ, влекло насъ въ невѣдомую даль? насъ, людей свободныхъ, заставило добровольно покинуть родной очагъ, чтобы броситься навстрѣчу всевозможнымъ опасностямъ? Кто же былъ этотъ человѣкъ, котораго у насъ даже наши дѣти въ эпоху сербской войны любили уже какъ эпическаго героя?

Мнѣ еще недавно говорилъ профессоръ римской словесности А. И. Малейнъ, что онъ самъ, будучи ребенкомъ семи лѣтъ, жилъ въ 1876 году въ какомъ-то заколдованномъ мірѣ, гдѣ личность М. Г. Черняева, какъ героя, играла первенствующую роль.

Начиная еще съ 1865 года (годъ взятія Ташкента), доблестное имя М. Г. Черняева не сходило съ устъ не только русскаго солдата, но и большинства лицъ, искренно любящихъ свою родину, блюдищихъ ея честь.

Имя Черняева заставляло впослѣдствіи, въ 1876 г., бросать семью, службу, покой, удобства, и пр. и во имя только какой-то славянской идеи, идеи, едва тогда начавшей проникать въ массу населенія, устремляться въ чужую страну, чтобы тамъ, сражаясь съ безчисленными турецкими полчищами, гибнуть за нее.

Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ былъ именно тѣмъ человѣкомъ, ради котораго и во имя идей котораго шли на вѣрную смерть сотни русскихъ добровольцевъ, тѣмъ человѣкомъ, кого русская государственная власть, несмотря на ореолъ прежнихъ побѣдъ, ни въ 1876 и отчасти въ 1877 г. не признавала вовсе, и который тѣмъ не менѣе ходомъ историческихъ событій добился впослѣдствіи удивительнаго возвышенія славянскихъ государствъ.

Славное то было время! Не потому славное, что мы увлекались, будучи молодыми, но исключительно потому, что у насъ были идеалы, ошибочные или нѣтъ, — это другой вопросъ, но они были!

Мы вѣдь рвались въ Сербію почти на вѣрную смерть, забывая во имя всеобъединяющей славянской идеи все на свѣтѣ. И, что ни говори пацифисты, война, какъ она ни страшна, только она одна, по словамъ великаго сердцевѣда Гейне, проявляетъ собою величіе человѣческаго духа: способность его пренебрегать сильнѣйшимъ своимъ непримиримымъ врагомъ—смертью!

Блестяще окончивъ въ 1847 г. Дворянскій полкъ (нынѣ Константиновское училище), Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ вышелъ восемнадцати лѣтъ въ лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ. Прослуживъ узаконенное число лѣтъ въ строю, онъ поступилъ въ академію генеральнаго штаба, по окончаніи которой (въ 1853 г.) тотчасъ попалъ въ дунайскую армію.

Когда ему во время этой кампаніи пришлось участвовать въ такъ называемомъ Карамзинскомъ сраженіи, гдѣ самъ Черняевъ едва спасся отъ смерти, написанная имъ по приказанію начальства реляція боя, поднесенная государю Николаю Павловичу, обратила своимъ талантливымъ описаніемъ на Черняева вниманіе государя, и онъ написалъ на полученномъ донесеніи: «замѣтить этого молодого офицера!»

Послѣ участія во многихъ дѣлахъ во время севастопольской обороны Черняевъ по окончаніи войны, по личному желанію, переехалъ въ оренбургскую глушь, какъ бы предчувствуя, что въ этой окраинѣ Россіи и ему предстоитъ широкое поле дѣйствія, что тамъ залогъ его будущей боевой славы.

Занявшись въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ во время разъѣздовъ и командировокъ основательнымъ изученіемъ степей Средней Азіи, хорошо ознакомившись съ топографіею мѣстности, а также съ психологіею ея воинственныхъ обитателей, Черняевъ забрался по теченію Сыръ-Дарьи въ неизвѣданную глубь Средней Азіи во главѣ крошечнаго отряда, прикрывавшаго экспедицію въ Хивинское ханство капитана 2-го ранга Бутакова, сдѣланную на судахъ аральской флотиліи.

Въ 1859 году Михаилъ Григорьевичъ участвовалъ въ окончательномъ замиреніи Кавказа. Ставъ затѣмъ около 1865 года во главѣ самостоятельнаго отряда—всего 1900 человекъ при двѣнадцати орудіяхъ, отряда, уже зарекомендовавшаго себя рядомъ подготовительныхъ боевъ и взятіемъ города Чикмента, отважился на совершенно исключительный подвигъ—рѣшилъ взять Ташкентъ, зная, что безъ этого города Россіи никоимъ образомъ не воспользоваться плодами тѣхъ побѣдъ, которыя, благодаря черняевскимъ храбрымъ солдатамъ, уже выпали на его долю.

Увѣдомленный объ этомъ, Милютинъ прислалъ Черняеву почти наканунѣ штурма Ташкента грозное предписаніе—не отваживаться на штурмъ, главнымъ образомъ въ виду недостаточности находящихся въ его распоряженіи силъ, но на самомъ же дѣлѣ, вѣроятно, изъ-за предстоящей въ будущемъ экспедиціи къ Ташкенту съ осадными орудіями и многочисленною артиллеріею, экспедиціи, по слухамъ, проектируемой главнымъ штабомъ.

И вотъ Черняевъ, несмотря на категорическое запрещеніе изъ Петрограда, рѣшился не исполнить этого приказанія, и 17-го іюня 1865 г., послѣ штурма и двухдневныхъ боевъ на улицахъ города,—Ташкентъ палъ.

Вотъ, повидному, главная причина и начало всёхъ недоразумѣній между Милютинимъ и Черняевымъ. Впослѣдствіи зависть и мелкія придирки, отравлявшія существованіе Михаила Григорьевича, были послѣдовательными причинами еще большей его раздражительности и несдержанности въ служебныхъ дѣлахъ.

Черняевъ, этотъ въ обыденной жизни удивительно скромный человекъ, по талантливости и личной храбрости уступавшій только другому выдающемуся военачальнику въ Средней Азіи, блестящему Скобелеву, отлично зналъ, что многимъ онъ пришелся не ко двору, что его не любятъ. Хотя это въ значительной степени его угнетало, но передѣлать себя онъ не могъ. Слишкомъ для этого онъ былъ честный человекъ, человекъ долга.

По поводу нелюбви къ нему онъ написалъ какъ-то М. И. Семевскому, редактору «Русской Старины», справлявшемуся объ его адресѣ, слѣдующія строки:

«Благодарю васъ, Михаилъ Ивановичъ, за ваше дружеское ко мнѣ отношеніе, которымъ я совсѣмъ не избалованъ... Адресъ мой: Москва. Хотя меня нигдѣ не любятъ, но вездѣ сумѣютъ отыскать. Живу я на Пречистенкѣ, въ Троицкомъ переулкѣ, домъ Смирнова».

Возвращаясь къ прерванному разсказу, приходится сказать, что подвигъ, совершенный Черняевымъ, въ новѣйшей исторіи дѣйствительно безпримѣрный.

Вѣдь отрядъ, взявшій Ташкентъ, какъ было сказано, состоялъ всего изъ 1.900 человекъ пѣхоты и кавалеріи при двѣнадцати орудіяхъ!

Обороняемый 30.000 защитниковъ, изъ которыхъ почти 5.000 регулярной пѣхоты и до 10.000 кавалеріи, опора Средней Азіи, Ташкентъ, занималъ болѣе двадцати верстъ въ окружности при 100.000 фанатическаго населенія. И вотъ ничтожнѣйшему отряду, которому пришлось штурмовать этотъ громадный городъ, приставляя къ его стѣнамъ высоту около трехъ съ половиной сажень тяжелыхъ и длинныхъ лѣстницы (тащили ихъ по тридцати человекъ) и затѣмъ въ теченіе двухъ дней разрушать шагъ за шагомъ около сорока баррикадъ и десяти барбетовъ (насыпь для орудій), довелось-таки въ концѣ концовъ принудить городъ къ сдачѣ. На долю побѣдителей досталось 63 орудія, 16 знаменъ, множество ружей, около 2.000 пудовъ пороха и 10.000 разныхъ снарядовъ, причемъ отрядъ потерялъ только 157 человекъ убитыми и ранеными, истративъ на блестящую экспедицію въ Среднюю Азію, вмѣстѣ съ завоеваніемъ Ташкента, смѣшно сказать, всего около 285.000 рублей, и то бумажками!

«Съ покореніемъ Ташкента,—какъ совершенно справедливо доносилъ Михаилъ Григорьевичъ въ Петроградъ,—мы приобретаемъ положеніе въ Средней Азіи, сообразное съ достоинствомъ и мощью русскаго народа».

Но не помогли Черняеву ни военные успѣхи, ни блестящее и основательное знакомство съ краемъ, ни любовь мѣстнаго, только что завоеваннаго населенія, ни слава народнаго героя, ни заслуженныя награды (Георгій 3-й степени, помимо 4-ой, золотая сабля съ брильянтами), и его, только недавно назначеннаго военнымъ губернаторомъ Туркестанской области, почему-то смѣстили.

Завистники и враги Михаила Григорьевича, какъ оказывается, не могли простить ему взятія Ташкента, да еще къ тому же безъ ихъ разрѣшенія, и потому не дремали; при каждомъ удобномъ или неудобномъ случаѣ старались, гдѣ слѣдуетъ, показать Черняева въ самомъ невыгодномъ для него свѣтѣ...

Кончилось дѣло тѣмъ, что полководецъ, завоевавшій съ ничтожнѣйшими затратами такую жемчужину, какъ Туркестанскій край, долженъ былъ силою обстоятельствъ выйти въ концѣ концовъ въ отставку съ 430 рублями пенсін!

Вотъ какъ это произошло.

Въ началѣ 1867 года, когда на Балканскомъ полуостровѣ, изъ-за желанія Сербіи освободить свои крѣпости отъ турецкаго гарнизона, должна была вспыхнуть война, Черняевъ еще тогда послалъ сербскому князю Михаилу на случай войны предложеніе своихъ услугъ.

Спрашивается, чѣмъ можно было, однако, объяснить тѣ твердо сидящія въ Черняевѣ славянскія идеи, заставившія его сдѣлать вышеозначенное предложеніе? Оказывается, что предложеніе своихъ услугъ Сербіи было результатомъ многолѣтнаго изученія славянскаго вопроса, съ которымъ Черняевъ началъ знакомиться съ того дня, когда еще на Кавказѣ, въ 1861 году, среди боевой жизни ему пришлось прочесть первые номера Аксаковскаго «Дня» и сразу проникнуться сознаніемъ общности славянскихъ интересовъ, всегда такъ краснорѣчиво, убѣдительно и послѣдовательно проводимыхъ въ этомъ, отчасти славянскомъ органѣ, его болѣе чѣмъ талантливымъ редакторомъ. Все это заставило Михаила Григорьевича тутъ же выступить съ скромнымъ воззваніемъ на пользу славянства, обращеннымъ къ офицерамъ извѣстнаго Наваринскаго полка, стоявшаго въ то время во Владикавказѣ.

Князь Михаилъ сербскій отвѣтилъ, что онъ принимаетъ услуги Черняева, но просилъ его въ случаѣ, если война вспыхнетъ, пріѣхать въ Сербію, не подавая въ отставку.

Конечно, переписка эта была обставлена большими предосторожностями. Отвѣтъ князя, посланный Черняеву черезъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ, былъ тамъ, однако, вскрытъ и сообщенъ Милютину. Не удивительно, что Милютинъ немедленно доложилъ объ этой перепискѣ Александру II. Государь, однако, предупрежденный графомъ Шуваловымъ о письмѣ Черняева (своевременно рассказавшаго графу о своемъ посланіи къ князю

Михаилу), благодушно приказалъ Милютину сдѣлать Черняеву только замѣчаніе.

Милютинъ призвалъ къ себѣ Черняева и, по словамъ послѣдняго, обозвалъ его, какъ сообщаетъ объ этомъ въ «Русскомъ Архивѣ» А. М. Черняева, измѣнникомъ. Происшедшая потомъ между ними сцена привела къ тому, что Черняевъ немедленно подалъ въ отставку.

Не имѣя, кромѣ 430 рублей пенсіи, никакихъ средствъ къ существованію, къ тому же обремененный довольно многочисленною семьею, выброшенный за бортъ, русскій герой рѣшился сдѣлаться въ Москвѣ нотаріусомъ, для чего, изучивъ необходимые законы, онъ успѣшно сдалъ соотвѣтствующій экзамень.

Когда объ этомъ узналъ Александръ II, онъ приказалъ передать Черняеву, что избранное имъ занятіе не соотвѣтствуетъ прежнему его служебному положенію, и, какъ послѣдствіе, Михаилу Григорьевичу было предложено вновь поступить на службу съ назначеніемъ состоять при командующемъ войсками варшавскаго военного округа. Тяготясь своимъ бездѣйствіемъ («причисленіе» къ округу Черняевъ службою не считалъ), Михаилъ Григорьевичъ черезъ нѣсколько лѣтъ снова подалъ въ отставку, рѣшивъ посвятить свои силы журналистикѣ, которая была ему всегда дорога.

Ставъ во главѣ газеты «Русскій Міръ», имѣя своимъ девизомъ защиту славянъ, Черняевъ вскорѣ приобрѣлъ большой кругъ читателей. Въ началѣ, однако, лѣта 1876 года Черняевъ, сдавъ редактированіе «Русскаго Міра» Н. Ѳ. Бергу, тайно уѣхалъ въ Сербію, гдѣ война уже началась и гдѣ, какъ оказывается, его давно ждали.

И вотъ подъ командованіемъ Черняева началась небывалая война. Маленькая Сербія, не имѣвшая ни настоящихъ солдатъ, ни орудій, ни снарядовъ и, главное, ни копейки денегъ, должна была вести единоборство съ могущественной Турціею, обладавшей великолѣпнымъ войскомъ, превосходною артиллеріею, щедро субсидируемой Англіею и негласно Австріею!

Но дѣло было начато. Кличъ, раздавшійся изъ наболѣвшей груди Черняева, отозвался въ цѣлой Россіи, и добровольцы со всѣхъ странъ нашего необъятнаго отечества помчались къ берегамъ Моравы на помощь своимъ братьямъ.

По свидѣтельству, однако, самого Черняева, зарегистрированныхъ добровольцевъ оказалось отъ начала войны всего 640 офицеровъ и 1.806 нижнихъ чиновъ. Но и ихъ скромное присутствіе, а главное, обаяніе русскаго имени, все-таки, повидимому, были главнѣйшею причиною влости и нерѣшительности турокъ, въ особенности въ началѣ войны. Я не пишу ни исторіи сербско-турецкой войны 1876 года, ни исторіи участія въ ней русскихъ добровольцевъ. Не привожу потому ни именъ большинства тѣхъ храбрецовъ, которые своимъ благороднымъ порывомъ, а многіе и мученической

смертью заслужили увѣковѣченіе ни описаній ихъ подвиговъ. Имена этихъ людей давно внесены на скрижали исторіи.

Не привожу ихъ именъ еще и потому, что съ большинствомъ этихъ доблестныхъ офицеровъ ни раньше, ни потомъ въ Сербіи лично мнѣ не приходилось встрѣчаться. Какъ всегда, я буду говорить только о томъ, что видѣлъ и кого видѣлъ.

Дѣлаю исключеніе для одного безвѣстнаго героя, съ которымъ я былъ еще до сербскаго похода довольно хорошо знакомъ и котораго въ Сербіи я уже не засталъ.

Я говорю про Дмитрія Антоновича Гольдштейна, кандидата естественнаго факультета, кажется, кіевскаго университета, учительствовавшего въ какой-то прогимназіи, гдѣ-то на югѣ.

Будучи, между прочимъ, постояннымъ сотрудникомъ «Русскаго Міра», редактировавшагося М. Г. Черняевымъ, не чуждый вообще литературы, онъ однимъ изъ первыхъ отозвался на горячій призывъ борца за славянъ.

Гольдштейнъ былъ типъ не зауряднаго славянофила, а человека, ратовавшаго въ широкомъ смыслѣ слова за свободу всѣхъ вообще угнетенныхъ народностей. Онъ, пожалуй, съ такою же охотою пошелъ бы освобождать нѣмцевъ, если бы они задыхались подъ чужеземнымъ владычествомъ, какъ онъ сдѣлалъ это ради славянъ.

Въ семидесятыхъ годахъ часть либеральной молодежи, стѣсненная въ своихъ дѣйствіяхъ, прикрывалась славянскимъ благотворительнымъ обществомъ, чтобы, хотя подъ чужимъ флагомъ, вести свою освободительную миссію.

Гольдштейнъ, человекъ удивительно чистой души, былъ народоволецъ, но не въ томъ узкомъ смыслѣ, какою у насъ были члены этой партіи, понимавшіе подъ этимъ словомъ исключительно русскій народъ, а въ всеобъемлющемъ, всенародномъ смыслѣ. Къ порыву, заставившему Гольштейна, человека неимущаго, отказаться отъ казеннаго мѣста, которымъ онъ, строго говоря, кормился, и стать въ первые ряды бойцовъ за свободу сербовъ, примѣшался, какъ мнѣ кажется, и романическій элементъ.

По слухамъ, Гольдштейнъ передъ сербско-турецкой войною 1876 года былъ влюбленъ въ одну богатую барышню и пользовался ея взаимностью. Родители ея, однако, и слышать не хотѣли о выдачѣ дочери за какого-то бѣднаго учителяшку. Мало того, они заставили ее согласиться выйти замужъ за другого человека. Въ день, однако, свадьбы, улучивъ минуту, чужая невѣста, прибѣжала къ Гольштейну и, сказавъ, что она раньше, чѣмъ отдаться мужу, желаетъ принадлежать ему... убѣдила его согласиться на эту неожиданную для него комбинацію (тема для сверхъ-романа въ новомъ духѣ)! Но угрызенія совѣсти и, быть можетъ, нежеланіе въ будущемъ продолжать обманъ были отчасти причиною, что бѣдный Гольдштейнъ такъ быстро уѣхалъ въ Сербію.

Храбрый, толковый и распорядительный, онъ, хотя и не военный, былъ тотчасъ же по приѣздѣ въ Сербію зачисленъ офицеромъ и назначенъ адъютантомъ къ Черняеву. Судьба, однако, не была къ нему милостива: въ одномъ изъ первыхъ сраженій рапелный гранатой въ животъ, Гольдштейнъ въ полномъ сознаніи черезъ нѣсколько часовъ скончался.

Когда мы съ поручикомъ Бершовымъ на пароходѣ изъ Будапешта приѣхали въ Бѣлградъ, то въ 1876 году столица Сербіи не произвела на меня впечатлѣнія города на военномъ положеніи, изъ котораго будто бы почти всѣ жители за исключеніемъ женщинъ, подростковъ, дѣтей и стариковъ, ушли на войну. Кидалось это въ глаза особенно по сравненію съ осенью 1913 года, когда уже послѣ возвращенія въ Бѣлградъ побѣдоносныхъ сербскихъ войскъ (время моего тамъ кратковременнаго пребыванія) въ гостиницахъ не было еще взрослой мужской прислуги, не было почти извозчиковъ, не видно было лошадей, взятыхъ, конечно, для нуждъ войны и т. д... Между тѣмъ тридцать семь лѣтъ тому назадъ въ Бѣлградѣ и въ началѣ и въ разгаръ войны почти все было на своихъ мѣстахъ: и мужская прислуга, и для того времени великолѣпные извозчики съ сытыми лошадьми, и даже малая часть вообще не многочисленнаго войска, оставленная княземъ Миланомъ для своихъ нуждъ.

Остановившись въ гостиницѣ «Сербскаго краля», мы съ Бершовымъ отправились тотчасъ разыскивать уже жившихъ нѣкоторое время въ Бѣлградѣ двухъ нашихъ соотечественницъ—женщинъ-врачей Зибольдъ и Святловскую, состоявшихъ на службѣ въ госпиталѣ «Женскаго Дружества»—организациі, созданной исключительно трудами сербскихъ женщинъ.

Дошли мы до «Женскаго Дружества», находившагося не въ далекомъ разстояніи отъ гостиницы, гдѣ мы остановились, не такъ-то скоро. Признавъ въ насъ добровольцевъ, встрѣчные жители, изъ которыхъ нѣкоторые по костюму и всему облику, какъ намъ въ то время казалось, напоминали турокъ, наперерывъ разспрашивали насъ, кто мы, откуда мы, поясняя почти непонятную для насъ въ началѣ рѣчь нѣсколькими «швабскими» (нѣмецкими) словами, жестами, мимикою... Всѣ эти люди хватали насъ за руки, приглашая зайти въ «кафаны» (кофейни) для выпивки за наше здоровье: «малой чаши ракіи» (небольшой рюмки водки) или стакана «черна» (краснаго) вина.

Встрѣтилъ насъ весь персоналъ «Женскаго Дружества», въ которомъ большую роль играла дѣлопроизводительница этого прекраснаго учрежденія Милева Котуревичева, молодая, живая, типичная сербка съ большими черными глазами, очень радушно. Предложеніе остаться на службѣ въ ихъ госпиталѣ я, конечно, отвергъ. Только настоящіе, боевые лавры могли меня тогда прельстить!

Въ «Женскомъ же Дружествѣ» мы разыскали и двухъ женщинъ-врачей: Зибольдъ, кажется, и теперь здравствующую, весьма симпатичную женщину и уже въ молодые годы очень серьезно образованнаго врача; она, какъ оказывается, не вернулась въ Россію и послѣ войны осталась навсегда въ Сербіи; другая женщина-врачъ этого учрежденія Р. С. Святловская, по второму мужу Знаменская, моя близкая родственница (сестра моей матери), помимо участія въ сербско-турецкой войнѣ, но главнымъ образомъ по характеру своей общественной дѣятельности, заслуживаетъ быть отмѣченной.

Окончивъ въ 1875 году въ Бернѣ медицинскіе курсы, она вскорѣ была послана нашимъ славянскимъ комитетомъ врачомъ въ Сербію. Тамъ она работала много сначала въ госпиталѣ «Женскаго Дружества», потомъ въ организованномъ ею по порученію Краснаго Креста госпиталѣ въ зданіи бѣлградскаго сената. Не мало потрудилась эта молодая женщина-врачъ и въ баракахъ св. Юліи и офицерскомъ—въ знаменитомъ Топчидерѣ, предмѣстіи Бѣлграда, любимомъ мѣстопребываніи князя Милана сербскаго.

Въ концѣ войны, незадолго до назначенія врачомъ русской добровольческой бригады, причемъ Святловской было разрѣшено носить форму сербскаго военнаго врача, она была назначена по порученію русскаго Краснаго Креста для эвакуированія оставшихся послѣ сербско-турецкой войны русскихъ госпиталей въ Сербіи.

Продолжала она и въ Россіи свою медицинскую дѣятельность, слѣдя за наукою. Но надо отдать справедливость, что все-таки главнымъ козыремъ ея неутомимой дѣятельности является общество для устройства убѣжища лицамъ женскаго медицинскаго званія Россійской имперіи, имѣющаго цѣлью призрѣніе престарѣлыхъ и немощныхъ женщинъ-врачей, акушеровъ и фельдшеръ.

Организованное Р. С. Святловскою-Знаменскою общество, существующее теперь уже четырнадцать лѣтъ, обеспеченное соответствующими денежными средствами, имѣетъ возможность дать двѣнадцати лицамъ профессиональнаго женскаго медицинскаго образованія пріютъ и обеспеченную покойную старость.

Изъ «Женскаго Дружества» мы, кажется, въ тотъ же день отправились въ военное министерство. Тамъ мы могли наглядно убѣдиться, какъ, несмотря на массу дожидавшихся нашихъ добровольцевъ, офицеровъ и солдатъ и малое количество служащихъ, насъ быстро разсортировали и потомъ тутъ же выдали по чинамъ какія-то деньги, полагавшіяся намъ отъ сербскаго правительства. Никакихъ формальныхъ доказательствъ, кто вы такой, какого вы чина,—почти не требовалось (есть оправдательная бумага—хорошо; нѣтъ ея—тоже ничего).

Когда дѣло коснулось меня, вопросъ, сколько полагалось мнѣ путевыхъ денегъ, по исключительности случая, потребовалъ только нѣсколькихъ минутъ размысленія.

Разъ вы не офицеръ и не солдатъ, а студентъ, такъ сказали мнѣ въ военномъ министерствѣ, то мы вамъ дадимъ, конечно, меньше, чѣмъ офицеру, но больше, чѣмъ солдату. Коротко и ясно. Что бы въ такомъ случаѣ произошло у насъ? Сколько бы исписали бумагъ? Подумать страшно!

Сербскіе нравы, вообще демократическіе, отличались поразительною простотою, а довѣріе къ намъ, русскимъ, было, въ первое время въ особенности, безграничное.

Въ день пріѣзда въ Бѣлградъ Бершову и мнѣ понадобилось кое-что купить. Входимъ въ магазинъ; для уплаты за купленные вещи я вынулъ какую-то относительно большую золотую монету, но сдачи у торговца не оказалось. Тогда онъ, отдавая мнѣ покупку, не поинтересовавшись даже, въ какой гостиницѣ мы остановились, сказалъ: «заплатите завтра».

Объяснялись мы, конечно, по-нѣмецки, на которомъ свободно говорили почти во всѣхъ магазинахъ. Довѣріе и вообще радушіе къ намъ, добровольцамъ, къ сожалѣнію, проявлялось только въ началѣ нашего пріѣзда. Почему все это измѣнилось, — объ этомъ скажу въ свое время.

Дешевизна въ 1876 г. въ Бѣлградѣ, до окончательнаго наплыва русскихъ добровольцевъ, внесшихъ туда, къ сожалѣнію, русскіе нравы и русскую расточительность, — была прямо поразительная.

Такъ, напримѣръ, извозчикъ, который возилъ насъ какъ-то по городу, удивилъ насъ не тѣмъ, что онъ вслѣдъ за нами вошелъ въ ресторанъ гостиницы, гдѣ мы остановились (къ демократизму сербовъ мы уже попривыкли), но главное тѣмъ, что нашъ возница усѣлся тамъ же завтракать, зная, что траты на завтракъ или обѣдъ — по его карману!

А вотъ иллюстрація того же, но въ другомъ родѣ.

Одинъ русскій офицеръ, рѣшившій наканунѣ отъѣзда на театръ военныхъ дѣйствій кутнуть, спросилъ у недурненькой и прилично одѣтой буфетчицы гостиницы, въ которой онъ всегда обѣдалъ, нельзя ли ему устроить вечернее торжество съ дамами...

— Видите, — отвѣтила ему буфетчица: — я могу и сама прійти къ вамъ послѣ одиннадцати часовъ ночи и приведу съ собою младшую, очень красивую сестру, — но при условіи, если вы будете щедры...

Офицеръ, слишкомъ хорошо знакомый съ петроградскими на этотъ счетъ цѣнами, на всякій случай спросилъ эту сердобольную сестрицу: «А что вы называете щедростью?»

— Для каждой изъ насъ... по дукату (3 р. 60 к. по курсу), — былъ отвѣтъ!..

Бѣлградъ 1913 года и Бѣлградъ 1876 года совершенно не походили другъ на друга.

Въ настоящее время, особенно послѣ войны прошлаго года, это быстро обстраивающійся городъ съ прекрасными торцовыми мостовыми, очень хорошими нѣсколькими гостиницами, прекрасными магазинами, съ великолѣпными *caf  * (лучшій изъ нихъ въ громадномъ домѣ извѣстнаго петроградскаго общества страхованія жизни «Россія», гдѣ помѣщается и лучшая гостиница «Москва»), обиліемъ газетъ, театромъ, роскошными кинематографами и т. д.

Въ день же моего перваго посѣщенія Сербіи, т. е. въ 1876 году, Бѣлградъ былъ захолустный городишка съ примитивнымъ устройствомъ всѣхъ благъ цивилизаціи,—что, однако, во время моей поѣздки по другимъ, еще худшимъ городамъ Сербіи не мѣшало мнѣ слышать изъ устъ разныхъ «селяковъ», случайно побывавшихъ въ Бѣлградѣ, при восторженныхъ покачиваніяхъ головою: о то лѣпшій варошъ! (вотъ это хорошій городъ)

Лишнее доказательство, что на свѣтѣ все относительно... Въ день или наканунѣ нашего отъѣзда на сербско-турецкій театръ военныхъ дѣйствій у меня страшно заболѣли зубы. Кто знакомъ съ этимъ недающимъ ни минуты покоя милымъ заболѣваніемъ, тотъ пойметъ, какъ, въ особенности передъ самымъ отъѣздомъ въ дѣйствующую армію, я долженъ былъ себя чувствовать.

Бросился я искать зубного врача. Оказалось, что единственный тогда толковый зубной врачъ бывалъ въ Бѣлградѣ только полдня. Остальное время онъ практиковалъ въ Землинѣ (венгерскомъ городѣ на другомъ берегу Савы—по-сербски Зимунъ)!

При осмотрѣ хирургическаго отдѣленія госпиталя «Женскаго Дружества» мнѣ пришлось видѣть нѣсколькихъ германскихъ офицеровъ, раненыхъ уже въ первыхъ бояхъ, тотчасъ же по открытіи военныхъ дѣйствій записавшихся добровольцами въ ряды сербской арміи. Большинство же нѣмецкихъ офицеровъ запаса, какъ извѣстно, служило у турокъ.

Но самымъ курьезнымъ было слѣдующее обстоятельство, на которое мнѣ пришлось натолкнуться позже, уже во время моего дѣйствительнаго участія въ сербско-турецкой войнѣ.

У сербовъ на лѣвомъ флангѣ въ одной изъ бригадъ числился нѣкій англійскій лордъ съ громкою фамиліею (которую я за дальностью времени совершенно забылъ), въ то время когда его родной братъ былъ волонтеромъ въ турецкой арміи и въ части, которая была расположена именно противъ лѣваго фланга...

Раненые нѣмецкіе офицеры, изъ которыхъ одинъ довольно жестоко, узнавъ, что мы уѣзжаемъ на театръ военныхъ дѣйствій, непременно просили узнать, будутъ ли они представлены къ ордену Такова?..

Вопросъ о состояніи ихъ здоровья и возможныхъ послѣдствіяхъ раненія стоялъ у нихъ, повидимому, на второмъ планѣ...

Уже передъ самымъ выѣздомъ изъ Бѣлграда въ Алексинацъ, гдѣ тогда находилась почти вся сербская армія, у меня составилось почти ясное представленіе, ихъ какихъ элементовъ былъ добровольческой составъ пріѣхавшихъ въ Сербію русскихъ офицеровъ.

Большинство изъ нихъ были людьми идеи — серьезные, воспитанные, порядочные, пріѣхавшіе въ Сербію исключительно для дѣла. (Противовѣсомъ ихъ — офицеры, такъ называемые бурбоны, грубые, невоспитанные, уволенные изъ своихъ частей (большою частью по суду офицеровъ) за пьянство, дебоширство и др. художества, явившіеся въ Бѣлградъ въ качествѣ простыхъ авантюристовъ. Люди эти, которымъ и терять-то нечего было, вскорѣ по пріѣздѣ въ Сербію своими кутежами, картежною игрою, пьянствомъ, озорствомъ, нерѣдко мордобойствомъ, въ конецъ испортили репутацію даже тѣмъ почтеннымъ людямъ, какими, повторяю, были большинство тамъ русскихъ офицеровъ.

Вотъ, по общему мнѣнію, единственныя причины, заставившія отшатнуться отъ насъ, русскихъ добровольцевъ, сербскій народъ и въ концѣ войны отнявшія у него всю къ намъ симпатію.

Нижніе же чины въ большинствѣ случаевъ, или, вѣрнѣе, почти всѣ, явившіеся въ Сербію исключительно «бить турокъ», воодушевленные идеею побѣды креста надъ полумѣсяцемъ, люди большею частью трезвые, были цѣнными помощниками не только русскихъ, но и сербскихъ офицеровъ, сослуживъ Сербіи великую службу.

Между русскими офицерами попадались, къ сожалѣнію, и такіе, которые, пріѣхавъ одними изъ первыхъ, проживали по недѣлямъ въ Бѣлградѣ, изопрямъ въ разныхъ проволочкахъ, яко бы мѣшавшихъ ихъ отъѣзду въ армію, но въ сущности изъ-за карточной игры и пьянства...

Таковымъ оказался во время моего съ Бершовымъ пріѣзда одинъ, повидимому, претерпѣвшій еще въ Россіи за свои «убѣжденія» офицеръ. Вылетѣвъ въ высококомъ чинѣ прапорщика или подпоручика изъ одного гвардейскаго пѣхотнаго полка, господинъ этотъ чуть ли не въ числѣ первыхъ добровольцевъ появился въ Сербіи, посвящая тамъ большую часть времени кутежамъ и выпивкамъ.

Долго онъ слонялся по Бѣлграду, рассказывая про себя и другихъ небыллицы (врать онъ былъ здоровъ), при этомъ кстати и не кстати тыча всѣмъ въ носъ о родствѣ чрезъ якобы свою кузину съ однимъ высокопоставленнымъ лицомъ... Только въ концѣ сербско-турецкой распри офицеръ этотъ, наконецъ, долженъ былъ покинуть Бѣлградъ и отправиться на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ конечно, по своей бездарности и инымъ художествамъ не могъ играть никакой роли въ развертывающихся событіяхъ.

Во время моего недавняго пребыванія въ столицѣ Сербіи (въ 1913 году) объ этомъ господинѣ мнѣ пришлось для имѣющихъ по-явиться монхъ воспоминаній о сербской войнѣ говорить съ однимъ офицеромъ, занимавшимъ видное мѣсто въ сербскомъ военномъ министерствѣ, превосходно знакомымъ съ исторіею сербско-турецкой войны 1876 года... Конечно, тотъ подтвердилъ мнѣ, что всѣ рассказы о важной миссиі отставнаго прапорщика—сплошная выдумка...

Послѣ 1876 года прошло много лѣтъ. Хотя и было извѣстно, что вышеупомянутый враль еще существуетъ, но самъ онъ въ рѣдѣ-ющихъ кружкахъ бывшихъ добровольцевъ не показывался. Когда же въ послѣдніе годы подъ вліяніемъ политическихъ событій все чаще и чаще стало раздаваться имя М. Г. Черняева, дѣйствительнаго творца славянской свободы, господинъ этотъ здругъ вынырнулъ снова, причемъ имѣлъ невѣроятную смѣлость Черняева, всему міру извѣстнаго генерала, человѣка *sans tache ni reproche*, взять подъ свое, ни для кого не нужное покровительство!..

И вотъ тутъ-то за давностью временъ и словъ, «однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далеко», бывший рядовой участникъ сербскаго похода 1876 года сталъ, уже не стѣсняясь, говорить о высокихъ, отвѣтственныхъ должностяхъ, въ которыхъ онъ яко бы игралъ первую роль, сталъ врать *en grand*! Надо было слышать, съ какою слезою въ горлѣ ораторствовалъ вышеупомянутый господинъ, когда ему приходилось коснуться генерала Черняева!..

Допущеніе же этого сомнительнаго сербскаго героя къ участию въ одной денежной организаціи показало его, какъ и слѣдовало ожидать, съ совершенно другой стороны, къ сожалѣнію для него, предусмотрѣнной въ уложеніи о наказаніяхъ. Живъ ли онъ теперь,—не знаю? Для насъ же, оставшихся добровольцевъ, онъ можетъ считаться похороненнымъ!.. Увы, такихъ господъ, позорившихъ Россію, опозорившихъ славную офицерскую среду, къ великому сожалѣнію, было не мало.

II.

Отправленіе на позиціи.—Сербскіе селяки.—Полковникъ Депрерадовичъ.—Встрѣча съ М. Г. Черняевымъ.—Подполковникъ Рихтеръ.—Первое сраженіе.—Капитанъ Немира.—Майоръ Живковичъ.—Кавалерійскій смотръ.—Пріѣздъ донцовъ.—Майоръ Григорьевъ.—Охрана моста.—Встрѣча съ М. А. Хлудовымъ.—Судьбіе въ шанцахъ.

Моя болѣзнь.—Отъѣздъ въ Россію.— Дальнѣйшее про генерала Черняева.

Въ посылкѣ въ Сербію въ качествѣ боевого матеріала разныхъ проходимцевъ, пропойць, вина должна лечь въ огромномъ большинствѣ случаевъ и на заправиль славянскаго комитета того времени, въ дѣйствіяхъ котораго, что ни говори, не было никакой планомѣрности.

Воспользовавшись массовымъ увлеченіемъ освобожденія отъ турецкаго ига нашихъ братьевъ, славянскій комитетъ вербовалъ

кого попало, не соображаясь съ нравственными качествами вербуемыхъ, не провѣряя документовъ, не требуя какой бы то ни было рекомендаціи...

Этимъ обстоятельствомъ и воспользовались вышеупомянутые господа. Поддержанные съ одной стороны частной благотворительностью, а съ другой—прогонными и суточными деньгами славянского комитета да даровымъ билетомъ на проѣздъ отъ нашего Краснаго Креста, большая часть неудачниковъ направлялась съ легкимъ сердцемъ въ чужую страну, повидимому, только для того, чтобы тамъ попытать счастья и пожить на новомъ мѣстѣ въ свое удовольствіе...

Другіе же, набравъ денегъ, преспокойно оставались дома...

По окончаніи всѣхъ неотложныхъ дѣлъ въ Бѣлградѣ, надѣвши очень удобное сербское военно-походное платье и оставивъ на сохраненіе въ «Женскомъ Дружествѣ» принадлежащее мнѣ quasi-штатское платье, Бершовъ и я сѣли раннимъ утромъ на пароходъ, кажется, черезъ полдня доставившій насъ въ расположенную на Дунаѣ сербскую крѣпость Кладово, откуда мы уже реквизиціоннымъ путемъ, на обывательскихъ лошадахъ, запряженныхъ въ ужасную кароцу (родъ сербской телѣги), стали добираться на позиціи.

Въ 1876 году, какъ извѣстно, въ Сербіи желѣзныхъ дорогъ не было. Пути сообщенія были—Дунай, шоссейныя и грунтовыя дороги, и надо отдать сербамъ справедливость, что шоссе изъ Кладова до Алексинаца было превосходное. Такого шоссе, кромѣ царскихъ резиденцій около Петрограда, Царскаго Села, Павловска, Петергофа и т. д., я раньше въ Россіи нигдѣ не видѣлъ.

Къ сожалѣнію, всѣ сербскія шоссейныя дороги, на моемъ возвратномъ пути, изъ-за безчисленныхъ воинскихъ грузовъ и пр., сдѣлались просто неузнаваемыми, невольно напомнивъ мнѣ въ этомъ отношеніи мою милую родину.

Выѣхали мы изъ Бѣлграда на пароходѣ не одни. Съ нами сѣла откуда-то собравшаяся весьма большая партія русскихъ добровольцевъ-офицеровъ разнаго рода оружія, среди которыхъ выдѣлялась симпатичная фізіономія одного молоденькаго добровольца, лѣтъ восемнадцати, скорѣе мальчика, какъ-то вырвавшася изъ родительскаго дома и желавшаго сражаться вмѣстѣ съ сербами, но на правахъ вольноопредѣляющася.

Образовательнаго ценза онъ, повидимому, не имѣлъ; неизвѣстность, какъ посмотрятъ на него въ арміи, его не на шутку беспокоила; бѣдному мальчику очень хотѣлось быть вблизи русскихъ офицеровъ и не затеряться въ массѣ чуждыхъ ему солдатъ.

По приѣздѣ въ армію мнѣ черезъ нѣсколько дней случайно пришлось снова съ нимъ встрѣтиться. Зачисленный вольноопредѣляющимся и, что обиднѣе всего, даже не видавъ туроку въ глаза, онъ во время одного марша былъ раненъ шальной пулею въ ногу,

причемъ такъ неудачно, что ему должны были ампутировать ее выше колѣна. «Хоть бы я увидѣлъ непріятеля», со слезами на глазахъ, промолвилъ мнѣ этотъ несчастный...

Разстояніе отъ Бѣлграда до Алексинаца и смежной съ нимъ деревушки Делиграда не превышало ста восьмидесяти верстъ. Тащились мы туда на заморенныхъ сербскихъ лошадакахъ очень медленно. Помимо этого возницы, не признававшіе нашего авторитета главнымъ образомъ изъ-за незнанія языка, останавливались у каждой «кафаны» не столько ради лошадей, сколько ради подкрѣпленія выпивкою собственныхъ, повидимому, упавшихъ силъ, причемъ никакіе наши окрики на нихъ не дѣйствовали.

Слишкомъ частыя остановки были по временамъ причиною «рукоприкладства», со стороны болѣе горячихъ и невоспитанныхъ русскихъ офицеровъ нашей партіи, что, въ свою очередь, вызывало неистовую ругань свободолюбивыхъ сербовъ. А ругаться сербы были всѣ большіе мастера!

Отсутствіе верстовыхъ столбовъ, въ свою очередь, бывало причиною нашихъ недоразумѣній съ мѣстными жителями.

Спросишь, бывало, встрѣчнаго «селяка», по облику и манерѣ говорить подчасъ напоминающаго нашего малоросса: «чи далеко до такого-то мѣста», на что тотъ добродушно отвѣчаетъ: «ни далеко: еданъ сать и полъ» (полтора часа), причемъ для наглядности покажетъ намъ сначала вытянутый указательный палецъ, а потомъ сдѣлаетъ изъ двухъ указательныхъ пальцевъ крестъ, что означало половину.

Бѣдемъ дальше. Проѣхавъ по ужасной жарѣ указанные полтора часа и все-таки не доѣхавъ до желаннаго мѣста, при новомъ вопросѣ о томъ же (уже съ нашей стороны въ нѣсколько повышенномъ тонѣ) получаешь опять добродушнѣйшій отвѣтъ: «ни далеко: еданъ сать и полъ»...

Добрались мы, наконецъ, запыленные, потные, грязные, до Алексинаца, гдѣ очень были обрадованы встрѣчею съ княземъ Вачнадзе.

Алексинацъ казался, собственно говоря, не городомъ, а деревушкою съ нѣсколькими наскоро выстроенными бараками, въ которыхъ помѣщался штабъ тимоко-моравской арміи, во главѣ съ главнокомандующимъ, генераломъ М. Г. Черняевымъ и начальникомъ штаба генераломъ (русскимъ полковникомъ) В. В. Комаровымъ, извѣстнымъ впоследствии редакторомъ газеты «Свѣтъ».

По правой и лѣвой сторонамъ шоссе были расположены палатки разныхъ частей войскъ.

Какъ оказалось, князь Вачнадзе уже со дня прибытія въ дѣйствующую армію служилъ въ Шабаккой бригадѣ, съ которою онъ успѣлъ участвовать въ нѣсколькихъ стычкахъ съ турками. Бригада въ прежнее время соотвѣтствовала полку; въ нее входили

люди извѣстнаго округа, по имени котораго бригада и получала свое названіе. Въ настоящее время бывшая Шабакцкая бригада это шестой пѣхотный престолонаслѣдника полкъ.

Князь Вачнадзе уговорилъ насъ съ Бершовымъ проситься у главнокомандующаго именно въ эту часть, такъ какъ въ ней, какъ, впрочемъ, вообще во всемъ сербскомъ войскѣ, былъ колоссальный недостатокъ въ офицерахъ.

Черезъ нѣсколько часовъ вся партія прибывшихъ добровольцевъ была выстроена фронтомъ у шоссе, на правомъ флангѣ котораго стоялъ бывший офицеръ Кавалергардскаго полка, отставной полковникъ Депрерадовичъ.

Первое впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ насъ полковникомъ Депрерадовичемъ, было далеко не въ его пользу.

Франтовато и очень чисто одѣтый, съ тщательно расчесанными бакенбардами, съ великолѣпнымъ англійскомъ проборомъ и лихо приподнятыми усами, онъ, уже стоя въ ожиданіи главнокомандующаго, флагматично чистилъ пилочкою ногти...

Являясь совершеннымъ контрастомъ въ сравненіи съ остальною массою пріѣхавшихъ и не успѣвшихъ привести себя въ порядокъ добровольцевъ, элегантный этотъ полковникъ представлялъ собою типъ блестящаго офицера, могущаго, на нашъ взглядъ, обратить на себя вниманіе, главнымъ образомъ, на парадахъ.. Но не то оказалось впоследствии, когда полковникъ Депрерадовичъ, по словамъ рѣшительно всѣхъ очевидцевъ, въ первомъ же сраженіи появился верхомъ передъ войсками.

Всегда впереди ввѣренной ему части, сидя картинно на лошади, онъ такъ умѣло и спокойно отдавалъ приказанія, съ такимъ удивительнымъ хладнокровіемъ дѣлалъ соответствующія распоряженія, объѣзжая самыя опасныя мѣста, что уже тогда заслужилъ славу истиннаго героя...

Когда генераль Черняевъ, съ нѣсколько, какъ мнѣ помнится, грустнымъ лицомъ, сопровождаемый начальникомъ штаба В. В. Комаровымъ и адъютантами, въ сербской походной формѣ и съ Георгіемъ на шеѣ, подошелъ, наконецъ, ко мнѣ и я отчеканилъ ему свое званіе, Михайль Григорьевичъ съ доброю улыбкою сказалъ: «Надо васъ будетъ зачислить въ какой-нибудь санитарный отрядъ».

Когда же въ отвѣтъ я объяснилъ ему, что пріѣхалъ «воевать», генераль не могъ скрыть своего удивленія...

Попробовавъ меня сначала уговорить отказаться отъ своего намѣренія, Черняевъ затѣмъ довольно скоро согласился на мое назначеніе въ Шабакцкую бригаду. Пожавъ мнѣ съ чувствомъ руку, главнокомандующій добавилъ: «Ну, если вы думаете, что въ Шабакцкой бригадѣ вы принесете больше пользы, то Богъ вамъ въ помощъ!»

Шабаккою бригадою командовалъ подполковникъ М. А. Рихтеръ.

Съ мѣсяць или полтора назадъ еще мирно пребывавшій поручикомъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку, онъ по прибытіи въ Сербію и полученіи бригады путемъ какихъ-то сложныхъ расчетовъ перевода чиновъ русской гвардіи на чины арміи и затѣмъ перевода тѣхъ же чиновъ арміи на сербскую съ прибавленіемъ, какъ командиру, еще одного чина, сразу оказался очень важнымъ штабъ-офицеромъ...

Впрочемъ, возрастъ, спокойная осанка, фигура ех-поручика Рихтера даже при сильнѣйшемъ заиканіи и весьма скромномъ умѣ, замѣненнымъ невѣроятнымъ апломбомъ, по виду вовсе не говорили противъ сваливагося на него высокаго чина.

Бригаднымъ адъютантомъ былъ сухопарый, длинный свѣтлорыжій прапорщикъ Карцевъ того же Семеновскаго полка, чело-вѣкъ весьма неглупый. При моемъ зачисленіи въ Шабаккую бригаду командиръ, кажется, тутъ же приказалъ въ виду дѣйстви-тельно ничтожнаго числа офицеровъ числиться мнѣ хоть для вида подпоручикомъ (прапорщиковъ въ сербской арміи, какъ у насъ теперь, и тогда не было).

Въ этой же бригадѣ числился раненый въ ногу поручикъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка графъ Коновницинъ.

Къ вечеру мнѣ отвели мѣсто для ночлега въ одной изъ свободныхъ палатокъ Шабаккой бригады, на половину занятой только что откуда-то привезенными новыми брюками для нижнихъ чиновъ.

Конечно, не раздѣваясь, но зато безцеремонно растянувшись на этихъ, случайно мнѣ попавшихся, необходимыхъ принадлежностяхъ солдатскаго обихода, я тотчасъ же на нихъ заснулъ, какъ убитый. Черезъ нѣкоторое время мнѣ, однако, пришлось проснуться отъ необычнаго холода, смѣшившаго, какъ это бываетъ сплошь въ Сербіи и вообще въ южныхъ странахъ, ужасно жаркій день. Проснулся я во второй разъ отъ отдаленныхъ звуковъ, повидимому, орудейной и ружейной стрѣльбы. Я вскочилъ на ноги. Вдругъ темноту августовской ночи внезапно прорѣзала громкій крикъ: «Гдѣ адъютантъ?». Вслѣдъ за этимъ раздались нѣсколько сиплый голосъ прапорщика Карцева, который, ругаясь, шелъ въ темнотѣ навстрѣчу кричавшему, причемъ довольно явственно послышалось: «Какой чортъ ихъ носить по ночамъ?!»

Оказалось, что на какую-то позицію, гдѣ шла перестрѣлка съ турками, немедленно посылался одинъ изъ батальоновъ нашей бригады.

Батальонъ былъ назначенъ командиромъ бригады тотъ, въ которой я былъ зачисленъ. Осмотрѣвъ людей, подполковникъ Рихтеръ приказалъ было мнѣ, какъ только что прибывшему, не идти вмѣстѣ

съ батальономъ, но я, хотя и дрожалъ отъ холода, сонный, усталый, льготою этою не воспользовался и быстро зашагалъ вмѣстѣ съ остальными людьми, стараясь итти въ ногу съ батальоннымъ командиромъ, капитаномъ Немирой, недавно прибывшимъ изъ нѣдръ какого-то расположеннаго въ Сибири полка.

Когда мы послѣ двухчасовой ходьбы подошли къ мѣсту назначенія,—перестрѣлка была окончена, и помощь наша уже оказалась лишнею.

Осмотръ врачами раненыхъ произвелъ на меня тяжелое впечатлѣнїе. Хотя убитыхъ и раненыхъ было немного, но осмотръ ихъ на голой землѣ, при тускломъ освѣщенїи какихъ-то замусленныхъ фонарей, безъ всякихъ почти приспособленїй для осмотра, при отсутствїи сестеръ милосердія,—взывалъ къ небу...

Вернувшись съ батальономъ въ Алексинацъ, я черезъ нѣсколько часовъ зашелъ въ довольно просторную палатку своего батальоннаго командира.

Въ ней оказалась не только походная кровать, но и приспособленїе въ родѣ ломбернаго стола для игры въ карты. Должно сказать, что, со дня рожденія живя въ семьѣ, гдѣ не знали никакихъ карточныхъ игръ, я только при поступленїи въ медико-хирургическую академію, т.-е. не больше года, сталъ знакомиться съ картами, но и то дальше основныхъ правилъ сибирскаго винта—не шелъ.

О другихъ карточныхъ играхъ, объ азартныхъ тѣмъ болѣе, я тогда и понятія не имѣлъ.

Въ палаткѣ капитана Немиры, гдѣ, какъ оказалось въ послѣдствїи, металъ банкъ, я засталъ еще нѣсколькихъ офицеровъ.

Капитанъ Немира, хохоль, тощій, съ длинными ногами, ходилъ по палаткѣ, что-то приговаривая, ероша себѣ по временамъ волосы и, повидимому, не принимая никакого участія въ игрѣ.

Вдругъ онъ повернулся ко мнѣ.

— А у васъ есть деньги?—задалъ онъ мнѣ неожиданный вопросъ

— Есть.

— А сколько?

— Да рублей около двухсотъ (сумма, на которую въ будущемъ я, если останусь живъ, рассчитывалъ вернуться въ Питеръ).

— Съ собою?

— Да, съ собою.

— Ну, такъ дайте ихъ мнѣ; я на ваше счастье заложу банкъ.

Будучи, повторяю, совершеннымъ младенцемъ въ игрѣ, никогда не видѣвши азартныхъ игръ и не понимая опасности проигрыша, я совершенно спокойно согласился на предложенїе капитана Немиры, выложивъ ему всѣ до копейки свои деньги.

Посматривая затѣмъ съ любопытствомъ на занявшаго мѣсто за карточнымъ столомъ моего батальоннаго командира, я невольно

прислушивался къ совершенно мнѣ незнакомымъ словомъ: «бита», «дана», «на пе», «перепе», видѣлъ, какъ капитанъ Немира вздыхалъ, ругался, еще больше ероша волосы...

Приблизительно черезъ часъ мой неожиданный благодѣтель, повернувшись ко мнѣ, процѣдилъ сквозь губы:

— Ну, вотъ, вы все и проиграли!

Можно себѣ представить мое положеніе: очутиться за тридевять земель, въ чужомъ государствѣ безъ копейки денегъ!

Хорошо еще, что ѣли мы (и офицеры) изъ одного котла съ нижними чинами и пища намъ ничего не стоила!..

На другой или на третій день мнѣ и прикомандированному въ качествѣ моего неофициальнаго инструктора bravому запасному унтеръ-офицеру, только что выпедшему въ запасъ изъ стоявшаго въ Одесѣ 14-го стрѣлковаго батальона, пришлось съ двумя ротами и другими офицерами итти прикрывать четыре орудія, съ раняго утра находившіяся съ непрерывномъ поединкѣ съ турецкою артиллеріею.

Мнѣ казалось, разумѣется, по моей военной неопытности, страннымъ слышать, какъ отъ офицеровъ Шабаккой бригады, такъ и отъ храбрыхъ сербскихъ артиллеристовъ, руководившихъ стрѣльбою, что я вмѣстѣ съ ними сегодня участвую въ настоящемъ сраженіи...

По моимъ тогдашнимъ понятіямъ, только близкія схватки враговъ, какъ обыкновенно изображаются на рисункахъ, могли называться сраженіемъ. Турки же, какъ оказывается, находились отъ насъ приблизительно въ четырехъ верстахъ!.. Правда, надъ нашими головами разрывались непріятельскіе снаряды, часто пролетая съ какимъ-то особеннымъ звукомъ мимо, но все это, какъ мнѣ казалось, настоящимъ сраженіемъ не могло быть...

Боясь все-таки прослыть въ Петербургѣ хвастуномъ, я написалъ матери въ вышенаписанномъ смыслѣ свое первое открытое письмо, отдавъ его въ Алексинацѣ какому-то захудалому сербу, начальнику военно-полевой почты.

Надобно замѣтить, что на почтѣ насъ предупредили, что только открытыя письма, и то обязательно прочитанныя почтовымъ начальствомъ, подлежали отправкѣ, конечно, если въ нихъ отправитель не касался вопросовъ, не разрѣшенныхъ военною цензурою.

А къ такимъ вопросамъ, какъ оказывается, принадлежали всѣ рѣшительно вопросы, касавшіеся войны...

Въ сентябрѣ 1876 года, по крайней мѣрѣ на лѣвомъ флангѣ, гдѣ находился и я, бывали дни полнаго затишья. Если и случались бои, то исключительно артиллерійскіе; въ наступленіе ни сербы, ни турки не переходили.

Такое сравнительное спокойствіе давало намъ возможность производить ученія, въ которыхъ сербскіе «селяки», не умѣвшіе

подчасъ владѣть ружьемъ и не имѣвшіе военнаго вида и не знавшіе дисциплины, сильно нуждались.

По поводу того, что регулярныхъ сербскихъ войскъ (по-сербски «стояче войско») было ничтожное количество, а остальные войска сплошь состояли только изъ людей, передъ самую войною взятыхъ отъ сохи, при первыхъ же выстрѣлахъ иногда обращавшихся въ бѣгство, наши російскіе остряки называли послѣднихъ, въ отличіе отъ «стояче войско», «бѣжаче войско».

Но это невѣрно. Сербы отъ природы храбрый и стойкій народъ и изъ ихъ селяковъ очень быстро вырабатывались настоящіе воины. Мнѣ самому приходилось нерѣдко это наблюдать, даже въ относительно короткое время моего пребыванія въ дѣйствующей арміи. Про сербскую артиллерію и говорить нечего. Она не только въ 1913 году, но и въ 1876 году была всегда на удивительной высотѣ. Это признано всею Европою.

Чего особенно недоставало въ войну 1876 году—это кавалеріи. Ее, можно сказать, совсѣмъ не было.

Мнѣ какъ-то пришлось видѣть въ Алексинацѣ смотръ, произведенный генераломъ Черняевымъ, своднаго кавалерійскаго полка, составленнаго изъ очень большого количества русскихъ добровольцевъ, главнымъ образомъ отставныхъ кавалерійскихъ солдатъ. Во главѣ этого полка стоялъ видный полковникъ Андреевъ, служившій, кажется, раньше въ Гродненскомъ гусарскомъ полку.

На ближайшемъ отъ штаба арміи полѣ, сидя на большихъ и маленькихъ лошадяхъ разныхъ мастей, люди въ различной обмундировкѣ (нѣкоторые въ нашей формѣ), даже на мой студенческій взглядъ, почти не напоминали настоящихъ кавалеристовъ. Были такіе удивительные «кавалеристы», которые уздечку держали въ правой рукѣ...

Впереди поля, на которомъ былъ построенъ инспектируемый кавалерійскій полкъ, саженьяхъ, повидимому, въ шестистахъ, торчали нѣсколько телѣгъ съ какими-то еще приспособленіями. Продѣлавъ нѣсколько эволюцій, полкъ пустился маршь-маршемъ, быстро перешедшимъ въ карьеръ, котораго скачущіе при всемъ желаніи долго не могли остановить...

Кажется, только верстахъ въ двухъ, полкъ могъ привести себя въ порядокъ и остановиться, обративъ, однако, телѣги, стоявшія на пути, въ кучу щепокъ.

Съ озабоченнымъ лицомъ возвращался Черняевъ съ этого «блестящаго» смотра...

Надобно положительно удивляться, какъ могъ этотъ, хотя, несомнѣнно, и даровитый полководецъ все-таки четыре мѣсяца удерживать съ горстью русскихъ добровольцевъ и ничтожными сербскими войсками бѣшеный натискъ громаднхъ турецкихъ силъ.

Относительно существовавшихъ въ сербской арміи всѣхъ другихъ непорядковъ, отсутствія снарядовъ и совершеннаго бездежья, парализовавшихъ военныя дѣйствія, стоитъ только ознакомиться съ письмами властителей Сербіи къ М. Г. Черняеву, недавно опубликованными въ «Русскомъ Архивѣ» его дочерью А. М. Черняевою, чтобы имѣть о всѣхъ этихъ безпорядкахъ хотя бы приблизительное понятіе!..

Можно, впрочемъ, быть вполне увѣреннымъ, что, не будь добровольцевъ, не будь у русскихъ солдатъ и офицеровъ заслуженной боевой славы, много лѣтъ слишкомъ хорошо знакомой туркамъ, послѣдніе уже въ началѣ войны живо бы покончили съ сербами.

Вотъ фактъ, подтверждавшій моральное значеніе моихъ словъ.

Какъ-то во время охраненія Шабачкою бригадою моста черезъ рѣку Мораву (она только и отдѣляла насъ отъ турокъ), царившая у насъ мертвящая тишина вдругъ смѣнилась залихватскимъ русскимъ пѣніемъ, сопровождавшимся лошадинымъ топотомъ. Оказалось, что съ рѣки Дона черезъ Румынію какимъ-то образомъ на лошадяхъ, въ полномъ вооруженіи и пиками пріѣхали 65 казаковъ.

При видѣ «донцовъ» страшное ура огласило долину рѣки Моравы. Казаки, быстро подвигаясь впередъ и, видимо, презирая всякую опасность, въѣхали по брюхо лошадей въ рѣку Мораву и, потрясая пиками, страшно выругались по направленію турокъ.

— Ахъ, вы.... мать, мать!—такъ и несло изъ зычныхъ глотокъ казаковъ...

А между тѣмъ на склонѣ горъ, недалеко отъ противоположнаго берега рѣчки, виднѣлся, даже въ простой бинокль, весь лагерь Абдуль-Керимъ-паши, тогдашняго главнокомандующаго турецкою арміею...

Дай въ эту минуту турки хоть одинъ залпъ, едва ли бы добрая половина храбрыхъ донцовъ уцѣлѣла!

Думаю, что только ужасъ, охватившій передовую часть турецкой арміи, когда она увидѣла казаковъ, помѣшала туркамъ разстрѣлять смѣлыхъ пришлецовъ...

Выругавшись въласть и трижды прокричавъ ура, «донцы» такъ же спокойно выбрались изъ воды и направились въ предназначенную имъ стоянку.

Вотъ, кажется, единственный случай, когда, по пословицѣ, можно было выйти сухимъ изъ воды!..

Я уже говорилъ въ началѣ теперешнихъ воспоминаній, что рассказать о всѣхъ подвигахъ, совершенныхъ русскими добровольцами, рассказать о дѣйствіяхъ генерала Новоселова, графа Келлера, храбраго и распорядительнаго полковника Меженинова, полковниковъ Медвѣдовскаго и Петерсена, графа Коновницына, майора Кузьминскаго, полковника Раевского (убитаго 20-го августа),

полковника Дохтурова, офицеровъ Павловскаго полка Потулова, Потоцкаго, Иващенко, Мамаева, Бибинова, а также убитыхъ Дица, Ушакова, Лихачева, Карловича и многихъ, многихъ другихъ— дѣло будущаго историка.

Но есть незамѣтные герои, вносившіе въ общую массу блестящихъ дѣлъ и свою лепту; о нихъ-то слѣдуетъ упомянуть очевидцу.

Къ вышеозначеннымъ скромнымъ дѣятелямъ, разумѣется, относится и нынѣ здравствующій, доблестный артиллерійскій генераль-лейтенантъ **Ө. А. Григорьевъ**, директоръ всей Россіи извѣстнаго перваго кадетскаго корпуса.

Въ 1876 году по окончаніи Михайловской артиллерійской академіи, вмѣсто того, чтобы ѣхать на полученный годовой окладъ отдохнуть за границу, подъ вліяніемъ общаго возбужденія на пользу славянъ, Григорьевъ, вышедшій штабсъ-капитаномъ въ отставку, немедленно уѣхалъ въ Сербію. Тамъ майоръ Григорьевъ поддержалъ во всѣхъ бояхъ, въ которыхъ ему пришлось принимать участіе, славу и честь русскаго имени.

Какъ боролся онъ подчасъ съ турками, съ какими орудіями приходилось ему отвѣчать врагу—все это характеризуется слѣдующимъ эпизодомъ.

Въ кровопролитномъ бою 30-го августа у майора Григорьева было въ его распоряженіи только четыре пушки, и то заряжающіяся не съ казны, а съ дула. У турокъ шестнадцать крупновскихъ современныхъ орудій... Тѣмъ не менѣе Григорьевъ изъ своихъ четырехъ орудій ухитрился выпустить 680 снарядовъ, на которые турки отвѣтили 2.000 выстрѣловъ! Несмотря на такой неравный бой, майоръ Григорьевъ держался цѣлый день, потерявъ подбитымъ только одно орудіе.

Раненый въ этомъ бою осколкомъ гранаты въ пахъ и затѣмъ контуженный въ голову, храбрый нашъ соотечественникъ остался только случайно живъ и то благодаря паденію на него всѣмъ тѣломъ сербскаго артиллериста, тутъ же моментально убитаго.

Во время борьбы славянъ съ турками въ 1913 году генераль-лейтенантъ Григорьевъ былъ вице-предсѣдателемъ образовавшагося въ Петроградѣ Черняевскаго комитета. Именемъ бывшаго сербскаго главнокомандующаго (путемъ продажи открытокъ съ его портретами) комитетъ въ короткое время собралъ около 52.000 рублей, изъ которыхъ болѣе 40.000 рублей было направлено въ Бѣлградъ на помощь раненымъ, на нужды обездоленному населенію и дѣтямъ, оставшимся послѣ войны сиротами.

Въ дни, когда турки насъ не беспокоили, мы собирались иногда по вечерамъ у одного изъ батальонныхъ командировъ Шабачкой бригады, майора Живковича, чистокровнаго серба. Какъ оказалось впоследствии, нашъ майоръ приходился близкимъ родственникомъ **К. А. Скальковскому**, мать котораго, рожденная Живковичъ,

была тоже родомъ изъ Шабаци, въ Сербіи. Майоръ Живковичъ, за рѣдкими исключеніями, никогда ни съ кѣмъ не разговаривалъ. Было ли это слѣдствіемъ того, что майоръ ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ сербскаго, не говорилъ, или онъ молчалъ потому, что ему говорить не о чемъ было, этого никто не могъ выяснитъ. Но пилъ зато молчаливый сербскій вояка превосходно, неизмѣнно покуривая при этомъ турецкую трубку. Порядочно нагрузившись, майоръ посылалъ тогда за пѣсенниками. Тѣ, по-турецки сѣвъ просто на землю полукругомъ противъ командира, затягивали канія-то невѣроятно заунывные пѣсни, своимъ пѣніемъ, видимо, доставляя майору огромное удовольствіе... Пилъ майоръ, какъ и вообще весь сербскій народъ, мѣстное вино и знаменитую ракію (родъ водки, настоянной на сливахъ), на нашъ вкусъ препорядочную мерзость. Полагавшаяся всѣмъ офицерамъ казенная водка ни поручикомъ Бершовымъ, ни мною не выпивалась. Мы обыкновенно ее собирали; а затѣмъ, раздѣвшись, выходили въ чемъ мать родила на воздухъ, обмывали ракіею свое грязное тѣло, предоставляя потомъ знаменитѣйшему санитару—солнцу—обсушивать насъ, за мѣняя имъ отсутствующія простыни.

Ѣли мы каждый день одно и то же. Главная ѣда наша—родъ супа, по-сербски чорба, матеріаломъ котораго, помимо баранины, былъ, кажется, исключительно красный перецъ въ порошокъ (паприка), послѣ котораго мы, въ особенности въ первое время, ходили положительно съ высунутыми языками.

Во время охраны моста у рѣки Моравы со мною случилась бѣда, чуть не стоившая и мнѣ, и нѣсколькимъ еще людямъ жизни.

Хотя во время нашей сторожевой службы по охранѣ моста дѣлать намъ абсолютно нечего было, тѣмъ не менѣе болѣе тяжелыхъ дней за все время кампаніи, за исключеніемъ дальнѣйшаго сидѣнья въ шанцахъ, о которомъ я упомяну ниже, я не припомню. Прежде всего, намъ положительно негдѣ было приткнуться. Кругомъ ни одного жилого строенія, при отчаянной жарѣ днемъ и адскомъ холодѣ ночью...

Сидѣли мы и спали на землѣ, если можно назвать спаньемъ лежаніе, дрожа отъ холода, на голой землѣ...

Пищу намъ доставляли только ночью...

Такъ прошло два томительныхъ дня. Какъ-то вечеромъ приходитъ прикомандированный ко мнѣ унтеръ-офицеръ нашего 14-го стрѣлковаго батальона и говоритъ: «Позвольте перейти мостъ. За мостомъ я вырою яму, засяду въ нее и перестрѣляю турокъ, которые на разсвѣтѣ ходятъ съ лошадьми на водопой».

Къ стыду своему, я не только согласился на его предложеніе, но однажды, забравшись въ вырытую моимъ стрѣлкомъ яму, воспользовался даже его безъ промаха бьющею берданкою!..

Правда, ужасъ неопозволительнаго поступка съ моей стороны

лежалъ въ невыразимой жестокости турокъ, мучившихъ нашихъ плѣнныхъ, сажавшихъ ихъ на колъ, рѣзавшихъ мирныхъ жителей и т. д.; слухи о звѣрствахъ турокъ доходили до насъ не только изъ случайно попадавшихъ въ наши руки русскихъ и иностранныхъ газетъ, но и были намъ извѣстны гораздо раньше.

Да, война рождаетъ жестокіе нравы! Тѣмъ не менѣе и теперь послѣ тридцативосьмилѣтней давности, вспоминая о своей бессмысленной жестокости, я невольно чувствую угрызенія совѣсти.

Замѣтивъ, что турки намъ не отвѣчаютъ и какъ бы не обращаютъ на нашу одиночную стрѣльбу вниманія, мы съ моимъ стрѣлкомъ сдѣлались смѣлѣе и днемъ, перейдя часа въ четыре мостъ, направились въ большую покинутую сербами деревню, находившуюся въ двухъ-трехъ верстахъ впереди моста, порѣшивъ почему-то сдѣлать тамъ рекогносцировку.

Затѣявшихъ это глупо-смѣлое дѣло было, кромѣ меня и стрѣлка еще два человѣка, одинъ русскій вольноопредѣляющійся, удивительно храбрый юноша (и онъ и я, замѣтите, оба только съ револьверами) да прихваченный съ собою еще одинъ русскій солдатъ, тоже съ берданкою. Проходили мы часа три, обошли всю деревню, наткнувшись тамъ только на одного одичалаго пѣтуха, котораго мы не замедлили забрать съ собою.

Вдругъ унтеръ-офицеръ, шедшій сзади, крикнулъ:

— Ваше благородіе, башибузуки!

Оглядываемся и видимъ, что какіе-то люди верхомъ скачутъ, видимо, намъ наперерѣзъ.

Не издавъ ни звука, мы пустились стремительно улепетывать. Должно, кстати, признаться, что никогда въ жизни я такъ быстро не бѣгалъ...

Не успѣли мы вбѣжать назадъ въ деревню, какъ градъ пуль полетѣлъ намъ вслѣдъ.

Влетѣвъ въ первый попавшійся домъ, схватить какую-то бочку, загородить ею дверь было дѣломъ одной минуты. Выстрѣлы продолжали раздаваться, причемъ по временамъ намъ начинало казаться, что по силѣ стрѣльбы выстрѣлы заняли большій районъ и стали слышаться и съ другой стороны.

Домъ, гдѣ мы сидѣли ни живы, ни мертвы (одинъ изъ нашихъ солдатъ попрежнему съ пѣтухомъ въ рукахъ), вскорѣ пересталъ быть мишенью для выстрѣловъ, а черезъ нѣсколько минутъ, къ нашей большей радости, перестрѣлка и совсѣмъ прекратилась.

Выждавъ еще немного и воспользовавшись наступившими сумерками, мы съ величайшими предосторожностями вышли изъ своей засады и направились по дорогѣ къ нашей стоянкѣ.

Можно себѣ представить нашу радость, когда у самаго моста мы увидѣли весь нашъ батальонъ подъ ружьемъ.

Оказывается, что во время нашего ухода пришло приказаніе о смѣнѣ части нашей бригады; тогда батальонный командиръ, обезпокоенный нашимъ исчезновеніемъ и услыхавъ выстрѣлы, быстро вывелъ весь батальонъ за мостъ и, обстрѣлявъ гнавшихся за нами башибузуковъ, тѣмъ спасъ насъ отъ явной смерти.

Ну, и попало же мнѣ потомъ отъ подполковника Рихтера!

Въ концѣ сентября я хотя въ невысокомъ чинѣ подпоручика Шабаккой бригады за болѣзнью нѣсколькихъ офицеровъ числился нѣкоторое время (правда, только номинально) даже командиромъ полубатальона, гарцуя во время постоянныхъ передвиженій на плохонькой лошаdkѣ.

Однажды вечеромъ нашу бригаду экстренно вызвали изъ Алексинаца для занятія шанцевъ, опоясывавшихъ рѣку Мораву.

Вскочивъ налегкѣ на лошадь, я тронулся вмѣстѣ съ бригадою, но черезъ нѣсколько времени, вспомнивъ о забытой въ палаткѣ шинели, повернулъ лошадь и погналъ ее обратно въ лагерь. Когда я пустился вновь догонять бригаду, быстро наступившая ночь уже была въ разгарѣ. Не умѣя въ совершенно незнакомой сторонѣ ориентироваться, я, конечно, сбился съ пути, и чѣмъ больше метался изъ стороны въ сторону, тѣмъ меньше я имѣлъ шансовъ выйти на настоящую дорогу.

Такъ прошло часа два или три. Я уже было положился на волю Божию, ожидая лишь момента, когда начнетъ свѣтать, чтобы вновь начать поиски. Вдругъ лошадь моя, испугавшись какого-то выскочившаго на дорогу челоуѣка, шарахнулась въ сторону, а чей-то чисто русский окрикъ вселилъ, однако, во мнѣ надежду, что, пожалуй, я еще сегодня окажусь среди своихъ товарищей.

Напугавшій мою лошадь субъектъ оказался извѣстнымъ всей Россіи и особенно добровольцамъ богатымъ московскимъ купцомъ М. А. Хлудовымъ, который гдѣ-то въ сторонѣ отъ большой дороги въ покинутомъ жителями домѣ бражничалъ въ обществѣ другого добровольца...

Хлудовъ, ярый славянофилъ, неизвѣстно для чего просидѣвшій весь походъ въ дѣйствующей сербской арміи, извѣстный своимъ путешествіемъ по Бухарѣ во главѣ каравановъ съ товарами и мужествомъ при взятіи въ 1867 году крѣпости Джизака, атлетическаго сложенія, встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями. Накормилъ какими-то консервами и, вливъ въ меня порцію добраго вина, проболталъ со мною положительно всю ночь. Указать же мнѣ направление, взятое Шабаккой бригадою, онъ, къ сожалѣнію, не могъ. Собесѣдникомъ Хлудовъ оказался очень интереснымъ, и утромъ я съ большимъ сожалѣніемъ съ нимъ расстался.

Четыре дня, проведенные мною въ шанцахъ, по условіямъ жизни, еще худшимъ, чѣмъ при охранѣ моста, оставили во мнѣ неизгладимо дурное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе дурное, что при самомъ на-

чалъ моего «сидѣнія» во мнѣ уже гнѣздилося начало болѣзни (это былъ, повидимому, брюшной тифъ), отъ которой я впоследствии чуть не умеръ.

Изъ шанцевъ днемъ, разумѣется, никто безъ надобности на свѣтъ Божій не показывался, въ виду полной возможности быть тотчасъ же разстрѣляннымъ турками, чуть ли не вплотную приблизившимся къ нашимъ позиціямъ и, въ свою очередь, сидѣвшими въ шанцахъ.

Позади шанцевъ была вырыта громаднѣйшая яма для естественныхъ надобностей сербскихъ войскъ, занимавшихъ ихъ. Исполненіе этого закона природы, конечно, ради собственной безопасности, совершалось поэтому по возможности ночью.

На второй день моего невольнаго сидѣнія въ шанцахъ у меня началось расстройство кишечника... какъ преддверіе сидѣвшаго во мнѣ заболѣванія. Что я перечувствовалъ, когда, принужденный постоянно влѣзать и вылѣзать изъ шанцевъ, постоянно подвергаясь явной опасности быть убитымъ, и, ползая на животъ, спуститься въ ужасную вонючую яму, загаженную сотнями экскрементовъ, пикому не желаю испытать! Большое утѣшеніе приносило мнѣ въ свѣтлые промежутки болѣзни чтеніе библіи, забытой въ шанцахъ кѣмъ-то изъ русскихъ офицеровъ. На четвертый день я, однако, такъ ослабѣлъ, что почти не могъ ползти, не то что ходить. Тогда было рѣшено, когда сербскіе кавалеристы ночью привезутъ намъ обѣдъ,—отправить меня съ ними въ походный лазаретъ. Для исполненія возложенной на нихъ задачи, въ виду полной простраціи, въ которой я находился, меня привязали къ сѣдлу и такимъ образомъ на поводу у другого кавалериста довели елѣ живого въ лазаретъ.

Когда я черезъ нѣсколько времени очнулся, то увидѣлъ себя лежащимъ на полу (на соломѣ) въ какой-то темной избѣ. Рядомъ со мною лежалъ еще кто-то, а впереди при слабомъ мерцаніи свѣчки виднѣлись нѣсколько человѣкъ, «дующихся» въ карты! Однимъ изъ игроковъ оказался лазаретный врачъ д-ръ Лишка, сербъ австрійскаго происхожденія.

Въ концѣ октября я, какъ человѣкъ, перенесшій тяжкую болѣзнь, главнымъ штабомъ сербской арміи былъ уволенъ въ Россію.

Снабженный боевымъ свидѣтельствомъ за подписью генерала Черняева и полковника Дохтурова, замѣнившаго въ должности начальника главнаго штаба Тимоко-Моравской арміи В. В. Комарова, украшенный главнокомандующимъ серебряною медалью съ надписью «за храбрость» (замѣнявшею у сербовъ георгіевскій крестъ), я черезъ нѣсколько дней очутился въ Бѣлградѣ, признавая предварительно у друзей немного денегъ для обратнаго путешествія въ Россію.

Уѣхалъ я изъ Бѣлграда настоящимъ триумфаторомъ, рѣшивъ въ Россію отправиться по Дунаю до Румыніи, а тамъ по желѣзной дорогѣ въ Одессу. Послѣднее я сдѣлалъ съ цѣлью, такъ какъ былъ увѣренъ, что на взятія мною въ долгъ деньги мнѣ до Петрограда никоимъ образомъ не доѣхать, въ Одессѣ же у меня были родные.

До венгерскаго парохода, который по пути изъ Будапешта долженъ былъ остановиться и у бѣлградской пристани, меня провожала густая толпа народа. Съ громаднымъ вѣнкомъ черезъ плечо, украшеннымъ сербскими національными лентами (онѣ у меня сохраняются до сихъ поръ), окруженный всѣмъ персоналомъ «Женскаго Дружества», по временамъ забрасываемый цвѣтами, при крикахъ «живіо!» я добрался наконецъ до пароходной пристани.

Черезъ недѣлю Сербія на Дзюнишѣ была разгромлена. Только могучее слово Александра II, пославшаго туркамъ ультиматумъ, могло остановить побѣдоносное шествіе турокъ на Бѣлградъ.

Роль Черняева, такимъ образомъ, въ Сербіи была окончена.

Суммируя дѣятельность въ 1876 году сербскаго главнокомандующаго Черняева, не только русская, но и иностранная печать, не исключая такихъ органовъ, какъ «Berliner Tageblatt» и «Neue Freue Presse», отзывались о немъ очень тепло.

Если предположить, какъ писалъ въ это время Достоевскій, что Черняевъ не геній, а лишь доблестный и храбрый генералъ, но одно уже то, что въ славянскомъ дѣлѣ онъ сталъ во главѣ всего движенія,—было уже геніальное прозрѣніемъ; достигать же такихъ задачъ дается лишь геніальнымъ силамъ.

Черняевъ владѣлъ великимъ даромъ—общенія съ народною душою русскаго солдата. Кромѣ Скобелева, не было другого популярнаго имени въ лучшемъ смыслѣ слова, какъ имя Черняева.

За нимъ солдаты пошли бы такъ же, какъ и за Скобелевымъ, хотя за Черняевымъ шли не только дисциплинированные русскіе солдаты, но и сербскіе селяки.

Будучи человѣкомъ рѣдкой чистоты, такой же чистоты души, ума прямого, смѣлаго, Черняевъ обладалъ при этомъ изумительною скромностью, простотою и душевностью. Многіе предполагали поэтому, что благородное прямое сердце Черняева давало ему едва ли не больше правъ на званіе героя, чѣмъ его личное мужество, боевыя заслуги и военныя успѣхи.

Наказанный за своевольное оставленіе Россіи изгнаніемъ, генералъ Черняевъ скитался по Европѣ вплоть до апрѣля 1877 года, когда ему было разрѣшено вернуться на родину, что совпало съ объявленіемъ войны туркамъ. Вопреки желанію великаго князя Николая Николаевича, какъ главнокомандующаго въ войну 1877—78 гг., Черняева, несмотря на популярность въ славянскомъ мірѣ, на Дунаѣ не оставили, а послали на Кавказъ, гдѣ онъ принужденъ

былъ на военныя дѣйствія смотрѣть только издали. Это, впрочемъ, дало ему широкое поле для военной критики—критики, конечно, только увеличившей число его враговъ. Если уже Д. А. Милютинъ старался затереть Черняева, убоясь его популярности и, пожалуй, нѣсколько рѣзкой прямолинейности, то, естественно, и его преемнику, П. С. Ванновскому, тоже не любившему встрѣчать на своемъ пути людей твердыхъ, въ особенности оппозиціонно настроенныхъ, не всегда во всемъ соглашавшихся съ военнымъ министромъ, не могло быть особенно пріятно назначеніе исключительно волею Александра III Черняева туркестанскимъ генераль-губернаторомъ.

Менѣ какъ черезъ два года, однако, повторилась знакомая Михаилу Григорьевичу исторія,—его, никогда не гнувшего [выи, всегда и даже царямъ говорившаго одну лишь правду, только изъ-за несогласія съ Ванновскимъ по поводу осложненія на афганской границѣ внезапно смѣнили съ генераль-губернаторской должности и назначили членомъ военнаго совѣта съ разрѣшеніемъ жить, гдѣ ему будетъ угодно.

Не буду разбирать и тѣхъ мелкихъ придирокъ, чинимыхъ Черняеву во времена еще генераль-адъютанта Кауфмана, въ родѣ какого-то грошевого начета, предъявленнаго Михаилу Григорьевичу черезъ десять лѣтъ послѣ завоеванія Ташкента и прекращеннаго послѣ многихъ лѣтъ волокиты только словами Александра III: «Оставьте эту мерзость противъ Черняева!»

Впрочемъ, притѣсненія, вѣроятно, шли не отъ Кауфмана, а отъ желавшихъ прислужиться новому генерал-губернатору чиновниковъ, въ рукахъ которыхъ, по общему отзыву, и находился этотъ слишкомъ мягкій государственный человѣкъ. Но главнымъ образомъ мнѣ хотѣлось бы выяснитъ, что всѣ нападки на Черняева, появившіяся между прочимъ въ прошломъ году въ «Историческомъ Вѣстникѣ», напр., отсутствіе въ немъ административныхъ способностей и его якобы черносотенскія наклонности, нельзя принимать безъ провѣрки всѣхъ данныхъ, къ тому же односторонне и пристрастно освѣщенныхъ.

Для характеристики Черняева не только какъ военнаго у меня въ рукахъ находится предназначенный было для печати документъ, на оригиналѣ котораго рукой Михаила Григорьевича написано: «Никто не взялся печатать!»

Это была сводка мыслей по поводу 17-го октября (день крушенія у Борокъ поѣзда со всею царскою фамиліею).

Въ написанной Черняевымъ статьѣ главную причину катастрофы онъ видѣлъ не только въ забвеніи долга въ средѣ правящихъ, но и въ покровѣ, который народу и печати не давалъ и не даетъ возможности говорить царю истину. «И да явить же Господь,—прибавляетъ Михаилъ Григорьевичъ,—свою милость, чтобы этотъ покровъ былъ наконецъ приподнятъ, не доводя до исторической минуты, рѣшающей судьбы царствъ и народовъ!..»

Дальше Черняевъ говоритъ о необходимости полной отвѣтственности людей правящихъ, о невозможности воспитать войско, чтобы оно по одному мановенію руки шло на раны, увѣчья и самую смерть, не имѣя даже личнаго обезпеченія при увѣчьяхъ, ни обезпеченія семей въ случаѣ смерти!

«Мы были свидѣтелями,—продолжаетъ въ этой интересной статьѣ Черняевъ,—какъ вершители судебъ арміи, перекроившіе ее съ основанія до вершины, начали войну съ недостаточными силами и вслѣдствіе этого затанули ее вмѣсто нѣсколькихъ мѣсяцевъ на два года, истративъ вмѣсто нѣсколькихъ сотенъ милліоновъ полтора милліарда и привели такимъ образомъ государство на конгрессъ ослабѣвшимъ...»

Что же эти военные дѣятели подверглись заслуженной карѣ?

То же самое, по словамъ Черняева, наблюдается и въ морскомъ вѣдомствѣ, въ финансовомъ и другихъ!

Неужели же и за эти слова, продиктованныя человѣкомъ, только искренно любящимъ свою родину, можно назвать Черняева ретроградомъ, человѣкомъ, ищущимъ спасенія... въ разгромѣ книгохранилицъ?

На мѣсто Черняева въ Туркестанъ былъ назначенъ ничѣмъ особенно не проявившій себя генераль-адъютантъ Розенбахъ.

Вотъ что между прочимъ писалъ по этому поводу знаменитый Аксаковъ («Русь» 15-го февраля 1884 г.), какъ только разнесся слухъ объ отозваніи Черняева и замѣнѣ его Розенбахомъ.

«Странный моментъ выбранъ для такого распоряженія: подумаешь, что и въ самомъ дѣлѣ въ Средней Азіи имѣетъ водвориться пастушеская идиллія!

«Впрочемъ, дивиться ли отозванію М. Г. Черняева? Мы знаемъ силу зависти и интриги и какъ искусно владѣетъ она клеветою. Истинѣ вообще трудно пробраться до верховной власти, а петроградская среда—плохой проводникъ для правды: генераль Черняевъ знаетъ Туркестанскій край, какъ рѣдко кто теперь въ Россіи... Такъ именно поэтому, разсуждаютъ они, и надо его отозвать и послать человѣка, который края вовсе не знаетъ!

«Черняевъ генераль боевой, съ несомнѣннымъ военнымъ талантомъ. Ну, что жъ? Тѣмъ менѣе онъ нуженъ, а потребнѣе генераль вовсе не боевой и о военномъ талантѣ котораго извѣстно развѣ немногимъ избраннымъ... Raison de plus! Не надо его, долой!»

Замѣна Розенбахомъ послужила одному изъ храбрыхъ сподвижниковъ по сербской войнѣ, А. П. Меженинову, о которомъ не разъ уже было упомянуто въ «Историческомъ Вѣстникѣ», темою для слѣдующаго экспромта:

Чтобъ Черняевъ въ увлеченіи
Не задалъ Европѣ страху,
Отдали мы предпочтенъе
Николаю Розенбаху!

Заканчивая краткія воспоминанія о моемъ участіи въ сербско-гурецкой войнѣ 1876 года, я вмѣстѣ съ соотчужденными моими единомышленниками, оставшихся въ живыхъ добровольцевъ, если не со всею русскою арміею, испытываю живѣйшую радость, что наболѣвшій вопросъ о постановкѣ памятника завоевателю Ташкента Михаилу Григорьевичу Черняеву наконецъ разрѣшенъ.

Государю Императору благоугодно было 22-го марта 1914 года высочайше соизволить на сооруженіе въ городѣ Ташкентѣ памятника доблестному покорителю этого города генералу М. Г. Черняеву и на открытіе для сего повсемѣстной подписки.

Правъ былъ горячій славянофилъ и извѣстный профессоръ О. Миллеръ, посвятивъ М. Г. Черняеву передъ отправленіемъ его въ Сербію нижеслѣдующее, прочувствованное стихотвореніе:

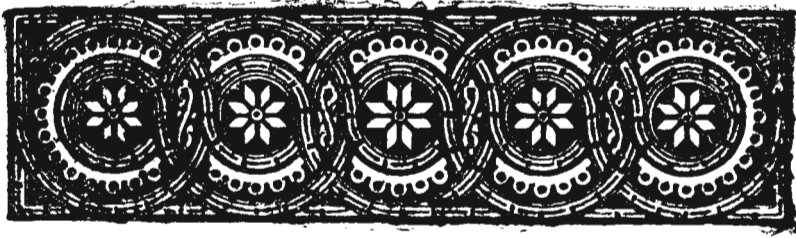
Архистратигъ славянской рати,
Безукоризненный герой!
Подъ кровомъ Божьей благодати
Да совершится подвигъ твой!
Да сохранить въ борьбѣ кровавой
Тебя Всевышняго рука,
И память дѣлъ твоихъ со славою
Пройдетъ въ далекіе вѣка!

Воздвигаемый нынѣ, наканунѣ 50-лѣтія взятія Ташкента памятникомъ М. Г. Черняеву будетъ служить тому лучшимъ доказательствомъ.

В. Бертенсонъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ТѢНИ ПРОШЛАГО.

I.

Коллекціонеръ.

НИКОЛАЙ Петровичъ Ш. былъ довольно важнымъ чиновникомъ, однимъ изъ редакторовъ Свода Законовъ. Кажется, такое учрежденіе, гдѣ въ старину шлифовались законы, называлось кодификаціоннымъ отдѣломъ. Квартира у Николая Петровича была казенная. Прекрасная квартира съ великолѣпными мебелями и бронзами и увѣшана акварельными и масляными картинами. Впрочемъ, картинъ было мало. Николай Петровичъ, когда познакомился со мной, былъ записнымъ любителемъ и цѣлые часы проводилъ въ антикварныхъ магазинахъ и лавочкахъ. Въ одномъ изъ такихъ магазиновъ я и встрѣтилъ его.

Онъ не былъ снобомъ; собиралъ древнія вещи не только за ихъ принадлежность какому-нибудь великому и прославленному мастеру, а за ихъ цѣнность, и поразительно было его собраніе мипіатюръ, которымъ въ то время любители еще придавали мало значенія.

Свои хожденія по «антикамъ» Николай Петровичъ начиналъ часовъ съ десяти. Тогда Александровскій рынокъ кишѣлъ старьевщиками. Мебель краснаго дерева разныхъ стилей, даже временъ Елизаветы, не особенно цѣнилась. Бронзу, золоченую черезъ огонь, тончайшихъ рисунковъ, рыночные варвары сдирали со стильскихъ

шкаповъ, комодовъ, кресель и продавали отдѣльно па фунты. Потомъ уже стали продавать поштучно. Николай Петровичъ купалъ цѣлые пакеты этой бронзы для своего друга, у котораго былъ особнякъ на Литейномъ, и который этотъ домъ украшалъ внутри люцезными и амбирными орнаментами. Я не бывалъ въ этомъ домѣ; едва ли это было красиво. Николай Петровичъ, однако, съ большимъ уваженіемъ отзывался о художественныхъ вкусахъ своего друга. Самъ же онъ пріобрѣталъ болѣе крупныя и, дѣйствительно, нерѣдко художественныя вещи. Онѣ смѣло могли бы войти въ знаменитое описаніе петроградскихъ сокровищъ, изданное не такъ давно въ Парижѣ знатокомъ русской и французской старины Дени-Рошемъ.

Обыкновенно болѣе солидные антиквары открывали магазины приблизительно съ часу или съ двухъ, послѣ того, какъ кончались аукціоны. Николай Петровичъ заходилъ къ нимъ, самъ бывалъ на аукціонахъ, и не проходило мѣсяца, чтобы его коллекція не обогащалась какимъ-либо новымъ пріобрѣтеніемъ высокой цѣны.

Хотя онъ былъ одинокъ и, кромѣ прислуги, никто не жилъ въ его прекрасной казенной квартирѣ, онъ любилъ раздѣлять свои эстетическія и коллекціонерскія радости съ кѣмъ-либо изъ пріятелей и знакомыхъ. Отъ времени до времени я получалъ отъ него приглашенія прійти и «умереть отъ зависти»...

— Если бы вы знали, какую дивную бронзу я купилъ,—Клодіонъ несказанной прелести!

Было уже часовъ десять вечера. Въ квартирѣ звонили часы мелодичнымъ звономъ или играли менуэты и вызванивали другія старинныя мелодіи каждую четверть часа. Въ молчаливыхъ, удаленныхъ отъ улицы комнатахъ словно раздавались загробные звуки и бродили призраки XVIII вѣка.

Николай Петровичъ весело потиралъ руки, подвигалъ мнѣ кресло и ставилъ на письменномъ столѣ фигуру Клодіона.

— Я не говорю о граціи этихъ линій и о томъ, что это Клодіонъ,—смотрите,—говорилъ онъ, захлебываясь отъ радостнаго смѣха.—Но попробуйте поднять. Сколько бронзы, какой вѣсъ. Одинъ металлъ чего стоитъ. Угадайте, сколько? Ну, оцѣните...

Пожимая плечами, говорю:

— Рублей пятьсотъ.

— Ошибаетесь.

Лицо у него торжествующее, глаза все смѣются.

— Четыреста?

— Двѣсти!—кричитъ онъ.—Когда Якобсониха ¹⁾ узнала, позеленѣла, затряслась, такъ и присѣла!

¹⁾ Якобсонъ была знаменитая антикварша и торговала старинными обже-даръ на углу Гороховой и Большой Морской.

— Изъ рукъ вырывала!—наслаждаясь моимъ восхищеніемъ Клодіономъ, продолжалъ Николай Петровичъ.—Но все-таки поднимите. Поднимаю.

— Да,—говорю:—пуда полтора.

— Безъ двухъ фунтовъ. Шедевръ. Скажите теперь настоящую цѣну. Сколько за такую вещь дали бы въ Парижѣ. Я такъ полагаю, что тысячь десять франковъ. А?

— Я тоже полагаю.

— Видите. Но по вашему лицу замѣчаю, что этого еще мало. Двадцать тысячъ—еще ничтожная сумма. Правда? Думаю, тысячь тридцать, сорокъ? Это уже кругленькая сумма. А? А у насъ ни по чемъ. И, между нами, слава Богу, что Россія такая страна и мы еще варвары. Если бы у насъ цѣнили художественныя произведенія, что было бы съ нами, прошу васъ не умолчать? Мы зубы должны были бы положить на полку; только и торжествовали бы Якобсоны, у которыхъ денегъ куры не клюютъ. Ну-съ. А теперь порадуя васъ миниатюрами. Екатерина и Павелъ Петровичъ. Вы понимаете въ этомъ дѣлѣ? Я прямо сегодня пьянъ отъ удачи. Утромъ Клодіонъ, а вечеромъ, уже передъ самымъ вашимъ приходомъ, эти двѣ миниатюры. Самъ на квартиру принесъ. Плуть первостепенный. Дементьевъ. «Что дадите», говоритъ. Я взглянулъ, такъ руки ходуномъ и заходили. Помогите, Господи, не выдать волненія; вѣдь замѣтитъ—слушитъ. Что же, говорю, тебѣ дать. По синенькой возьмешь? Покачалъ головой. «Я думалъ, по красненькой». Ну, пятнадцать за двѣ. Даромъ! Пятнадцать карбованцевъ я ему считалъ, да скорѣе въ письменный столъ, въ дополненіе къ моимъ голубчикамъ, въ компанію ихъ, въ общую компанію!

Тутъ Николай Петровичъ отперъ ящикъ письменнаго стола, который былъ весь занятъ миниатюрами. Онѣ сверкали въ плоскихъ золоченыхъ рамкахъ и казались какими-то драгоценными эмалевыми орденами подъ толстыми стеклами на слоновой кости, въ рамкахъ, то великолѣпно сохранившихся, то слегка выцвѣтшихъ.

На тыльной сторонѣ миниатюръ, иногда тоже подъ стеклами, были спрятаны вензеля, сплетенные изъ русыхъ и темныхъ волосъ. Кто-то когда-то ихъ хранилъ, носилъ у своего сердца, любовался дорогими чертами. Но угасли люди, какъ тѣни, и остались только блѣдные образы ихъ и неясныя туманныя воспоминанія о нихъ...

Въ собраніи Николая Петровича были рѣдчайшіе экземпляры и въ художественномъ отношеніи, и въ историческомъ.

Однако миниатюрные портреты Павла Петровича и супруги его Екатерины Алексѣевны, радостно протянутые мнѣ счастливымъ коллекціонеромъ, я отвергъ.

— Что вы, Николай Петровичъ. Помилуйте, что же это за подлинники,—поддѣлка. Вглядитесь, ничего общаго съ размашистой тонкостью стариннаго письма.

— Но это же Боровиковскій! Подпись!

— Подписано Боровиковскій,—возразилъ я:—и подпись фальшивая.

Потъ крупными каплями выступилъ на лбу и вискахъ Николая Петровича, лицо его какъ-то внезапно осунулось. Онъ схватилъ лупу и сталъ разсматривать миниатюры.

Ничего нѣтъ легче, какъ смутить любителя. Даже несомнѣнно подлинную вещь можно уронить въ глазахъ его презрительнымъ отзывомъ; а тутъ, повидимому, Николай Петровичъ самъ понялъ, что онъ «свалился», выражаясь терминомъ рыночныхъ маклаковъ. Онъ обмахнулъ лицо носовымъ платкомъ и произнесъ:

— Ну, да, надо еще изслѣдовать. Что еще скажетъ Сергѣй Сергѣевичъ Боткинъ.. Услышу отъ Боткина и тогда повѣрю. Какъ же я могъ такъ опростоволоситься. Въ самомъ дѣлѣ, какъ будто краски наложены по нынѣшнему. Очень, очень отгорчило меня. Ну, а что скажете,—небрежно откладывая въ сторону обѣ миниатюры и съ внезапно просвѣтлѣвшимъ лицомъ, началъ Николай Петровичъ:—объ этомъ Боровиковскомъ?

Онъ подаль мнѣ маленькій овальный портретъ генерала въ напудренномъ парикѣ и съ сивей лентой черезъ плечо.

— Графъ Васильевъ.

— Онъ самый. Да-съ. Тутъ ужъ, кажется, безспорно. Ась?

Онъ захохоталъ и даже слегка высунулъ языкъ. У него была такая манера, выражающая высшую степень радости и лукавства.

— Относительно принадлежности кисти Боровиковскаго нельзя спорить. Ась?—онъ развелъ руками.—И самъ Сергѣй Сергѣевичъ подтвердилъ, и Михаилъ Петровичъ тоже. Бо-ро-ви-ков-скій. Я мечтаю уже три года о такомъ портретѣ, и мечта воплотилась. Но если бы вы знали, сколько сорвалъ съ меня негодяй!

— Если Боровиковскій, то, по крайней мѣрѣ, тысячу?

Онъ закивалъ головой.

— Семьдесятъ пять! Видите, Вертюченко требовалъ еще тридцать двѣ копейки, но я нарочно цѣлый часъ торговался и, наконецъ, уломалъ отдать за три бѣленькихъ. Ровно. Представьте себѣ! А? Семьдесятъ пять и тридцать двѣ копейки! А! Но возможно, если бы я сразу далъ и не сталъ бы торговаться изъ-за тридцати двухъ копеекъ, портретъ такъ и улынулся бы. Идиотъ! Собирался его чистить. А что такое чистка Вертюченка? Онъ, негодяй, нашатырнымъ спиртомъ моетъ картины, притомъ же долженъ сказать, что, съ точки зрѣнія его, я заплатилъ ему огромныя деньги. Такія цѣны у него рѣдкость, если не считать его Рафаэлей.

Тутъ онъ залился почти истерическимъ смѣхомъ и сталъ рассказывать извѣстную всѣмъ любителямъ исторію о кладѣ, который берегъ чудакомъ Вертюченко и который состоялъ изъ двухъ жестяныхъ грошовыхъ картинокъ и цѣнился имъ, по крайней мѣрѣ,

въ шесть тысячъ. (Объ этомъ Вертюченкѣ расскажу подробнѣе особо).

- Итакъ, вы не отрицаете, что Боровиковскій?
- Да, я скорѣе склоненъ думать, что Боровиковскій.
- Отлично. А цѣной, конечно, не ошиблись. Тысяча или двѣ тысячи. И три тысячи дадутъ!—побѣдоносно вскричалъ Николай Петровичъ.

Послѣ подобныхъ сценъ и бесѣдъ Николай Петровичъ водилъ меня каждый разъ по своимъ комнатамъ.

- Попробуйте-ка поднять эти часы?
- Помилуйте, я ихъ уроню.
- То-то же, непомѣрной тяжести. Шестьсотъ канареекъ запла- тилъ. Аполлонъ въ колесницѣ и править шестеркой. Сколько зо- лота! Какая жирная позолота, какой мраморъ! Тоже изъ-подъ носа у Якобсонихи вырвалъ на аукціонѣ у князя К. Прихожу. Часы бронзовые, оцѣнка двадцать пять. Рубль, рубль, сто, рубль, рубль. Шестьсотъ. Молчаніе. Переглядываются маклаки, посмѣиваются, плуты, увѣрены, что выпотрошили меня. А тутъ Якобсониха шастъ, а часы уже за мной. Она отступного сто. Не хочу. Двѣсти. Не хочу. Триста. У маклаковъ лица вытянулись. И на извозчикѣ я при- ѣхалъ домой, какъ побѣдитель, и на радостяхъ двѣ бутылки крас- наго выдудилъ.

Кстати, о «красномъ». У Николая Петровича было какое-то старинное красное вино. Виномъ этимъ угощалъ онъ и меня. Оно было душистое и пьяное. И когда я, послѣ промежутка въ два года, встрѣтилъ снова Николая Петровича въ какомъ-то антиквар- номъ магазинѣ, руки его уже сильно тряслись не только отъ об- ладанія прекрасными вещами, но и отъ стариннаго краснаго вина. И мнѣ показалось, что отъ него отдѣляется даже ароматъ этого вина, а благообразное лицо его, и въ особенности носъ, стало алымъ, волосы же, несмотря на то, что ему было сорокъ съ небольшимъ лѣтъ, сильно посѣдѣли.

Онъ сейчасъ же потащилъ меня къ себѣ.

— Вы не видали моихъ новыхъ пріобрѣтеній,—говорилъ онъ, указывая на вещи, которыми теперь загромождена была его квар- тира, совсѣмъ какъ у профессиональнаго антиквара.—Обратите вниманіе на люстру, батенька, два пуда. Хрусталь непостижимой красоты; миндаля; такъ и переливается радуга. А чеканка, по- золота. Чистѣйшій люисезъ. Якобсониха,—знаете, она померла, пока васъ не было въ Петербургѣ,—какъ же, скончалась! Такъ пе- редъ смертью вспоминала мою люстру и за подушку цѣплялась. «Хочу жить, чтобы купить люстру у Николая Петровича». Съ эти- ми словами и Богу душу отдала. Впрочемъ, не знаю, кому она от- дала душу. Вся ушла въ пріобрѣтенія, въ барыши, ничего идеаль- наго у ней не было, ни малѣйшей истинной любви къ вещамъ. А

Вольтера видѣли? Мраморъ каррарскій. Попробуйте поднять. Силу надо имѣть непомѣрную. Мрам-моръ. Былъ у меня Дьяковъ-Незлобинъ, ну, и накатилъ же я его краснымъ, на четверенькахъ уползъ; но, когда увидѣлъ Вольтера, зубами заскрежеталъ. Онъ могъ бы купить его за пятьдесятъ рублей въ мебельной лавчонкѣ, а мнѣ, между прочимъ, другъ мой Б. предлагаетъ уже пятьсотъ. Но Вольтеръ пять тысячъ стоитъ, да я и десять возьму! А поднимите-ка этотъ столикъ однимъ пальцемъ, поднимите. Легонькій, пухъ. Тончайшій бобикъ. И, по преданію, на немъ матушка-Екатерина писала записочки, когда посѣщала Потемкина. Между нами сказать, онъ изъ Таврическаго. Разумѣется, безъ похищенія не обошлось, то-есть въ родѣ похищенія. Фрейлина О. взяла его къ себѣ, состарилась, умерла и завѣщала горничной всю обстановку, а ужъ отъ горничной я купилъ,—онъ приблизилъ губы къ самому моему уху и зашепталъ:—семь съ полтиной. Нѣтъ, хорошо, что мы варвары! Что бы мы дѣлали съ вами, если бы жили въ какомъ-нибудь Парижѣ, гдѣ каждый швейцаръ понимаетъ въ вещахъ?

Надо замѣтить, въ молчаливой квартирѣ Николая Петровича, гдѣ только часы перезванивались по временамъ чуть слышно мелодическими голосами и стояло столько старинныхъ предметовъ, хранившихъ на себѣ отпечатокъ давно прошедшихъ временъ, самъ хозяинъ старался говорить тоже тихо, словно все это были не прекрасныя художественныя вещи, а покойники, которые лежатъ по всѣмъ угламъ дома, сложивъ на мраморной груди бронзовыя руки, и глазами изъ чистѣйшаго хрустала безстрастно смотрятъ на своего раба, которому кажется, однако, что онъ владѣетъ этими мертвецами, а не они имъ.

— Да-съ, семь съ полтиной,—продолжалъ Николай Петровичъ.—Еще были рисунки у горничной, и жаль, что не купилъ; отдавала тоже за грошъ. Но надо собирать только то, что собираешь, нельзя разбрасываться. Моя специальность—миніатюры, мебели, бронзы, мраморы. А хороша специальность, какъ вы думаете? Въ полмилліона меня оцѣнили бы? Полмилліона. Пол-мил-лі-о-на! А собираю-то я всего лѣтъ какихъ-нибудь семь, а жалованья получаю шесть тысящей, ну, тамъ восемь, ну, десять съ наградными...

— Нѣтъ, я не все рассказалъ вамъ,—черезъ нѣкоторое время, усѣвшись со мной за письменный столъ и откупоривая бутылку стариннаго краснаго, началъ Николай Петровичъ.—Скрылъ отъ васъ... За эти послѣдніе два года пристрастился къ серебру. Если бы вы видѣли, какіе есть ковшки, солоночки, лжицы, дарохранительницы, лампадки, стаканчики... и нѣкоторые съ финифтью временъ Іоанна Грознаго—умопомраченіе!

— Гдѣ же это вы открыли серебряные рудники?

— А серебряные рудники я нашелъ въ Псковской епархіи, куда по нѣкоторымъ дѣламъ поѣхалъ, да и пользуясь краснорѣчіемъ...

Нѣтъ, мы еще варвары, хвала Аллаху! Наконецъ, на все пойдешь въ такихъ случаяхъ... И не все ли равно? Я имъ Сазикова, а они мнѣ старье; я имъ Морозова, а они мнѣ старье, старье... Ну, и фунтиковъ пятнадцать... ни больше, ни меньше. Ха-ха-ха!—засмѣялся онъ и показалъ кончикъ языка въ знакъ особой радости и торжества надъ простодушнымъ духовенствомъ.—И еще я вамъ скажу,—со вздохомъ продолжалъ онъ:—видѣлъ я тамъ въ одной церковушкѣ золотой крестъ съ эмалью и съ гравировкой, что, молъ, крестъ этотъ представляетъ собою даръ самого царя Петра Алексіевича, благовѣрнаго государя. Да-съ. И есть шансы. Есть шансы,—повторилъ онъ таинственно. —Обхаживаю.

Въ это время нервный звонокъ въ передней возвѣстилъ о чьемъ-то приходѣ.

Вошелъ челоуѣкъ и доложилъ, что—Побѣдоносцевъ.

Николай Петровичъ быстро сгребъ все серебро въ письменный ящикъ, приподнялся, застегнулъ пиджакъ на всѣ пуговицы и умоляюще посмотрѣлъ на меня. Я, конечно, понялъ его взглядъ и откланялся.

А черезъ мѣсяць-другой, развернувъ «Новое Время», я прочиталъ съ немалымъ удивленіемъ и со скорбнымъ чувствомъ, что умеръ Николай Петровичъ Ш. послѣ краткой болѣзни.

Онъ умеръ. Сердце его не захотѣло работать. Онъ сталъ тѣнью. А вещи, которыми онъ владѣлъ, попрежнему матеріальны и разбрелись по всему свѣту; и къ нимъ на службу, можетъ быть, отказывая себѣ во всемъ, записались уже другія, такія же преходящія и не вѣчныя тѣни, какъ Николай Петровичъ.

Іер. Ясинскій-Бѣлинскій.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ II ВЪ СОБСТВЕННОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.

I.

РАВСТВЕННЫЙ и политическій обликъ императора Вильгельма II, на которомъ сейчасъ напряженно сосредоточено вниманіе—можно сказать безъ преувеличенія—всего міра, для многихъ еще не вполне ясенъ. Пестрота впечатлѣній, получавшихся отъ его многочисленныхъ выступленій и «жестовъ» по самымъ разнообразнымъ поводамъ, сбивала съ толка не одного вдумчиваго человѣка, старавшагося уяснить себѣ истинный характеръ и подлинную нравственно-политическую фізіономію верховнаго главы германскаго народа. Немало въ настоящій моментъ найдется людей, которые склонны признать этотъ характеръ до чрезвычайности «сложнымъ» и отвести Вильгельму II мѣсто въ ряду такъ называемыхъ «историческихъ загадокъ». Есть и такіе, которые, пораженные небывалой въ исторіи человѣчества войной, глубоко убѣждены въ томъ, что въ лицѣ германскаго императора мы имѣемъ дѣло съ субъектомъ, обнаруживающимъ всѣ признаки хроническаго и къ тому же прогрессирующаго умопомѣшательства. А большинство, пылая огнемъ справедливаго негодованія на виновника мирового пожара, видятъ въ немъ просто «грубаго тевтона», воскресившаго въ XX вѣкѣ, если и не цѣликомъ нравы и обычаи дикихъ гунновъ или вандаловъ, то во всякомъ случаѣ тенденціи и приемы средневѣковыхъ рыцарей, убивавшихъ и грабившихъ сосѣдей, проѣзжихъ и всѣхъ, у кого можно было поживиться, не щадя при этомъ ни стариковъ, ни женщинъ, ни даже малыхъ дѣтей...

Что же, на самомъ дѣлѣ, представляетъ собою Вильгельмъ II, этотъ чуть ли не «великій» человѣкъ, съ точки зрѣнія его почитателей, конечно, въ Германіи, этотъ «кровожадный звѣрь», по мнѣнію его остальныхъ современниковъ?

Одинъ изъ почитателей нынѣшняго германскаго императора, бургомистръ вольнаго города Гамбурга, д-ръ Бурхардъ, привѣтствуя своего монарха при открытіи памятника императору Вильгельму I, 20-го іюня 1903 года, между прочимъ, далъ въ своей рѣчи мѣсто такимъ восторженнымъ словамъ:

«Нѣмецкое юношество переживаетъ то, что сейчасъ наполняетъ весь міръ, оно сознаетъ и чувствуетъ, что ему суждено было явиться современникомъ могучаго національнаго развитія, что на очередь становятся новыя великія проблемы и мысли, и наша молодежь гордится сознаниемъ работать, творить и бороться *въ эпоху императора Вильгельма II*.

«Старшее поколѣніе, въ свой чередъ, глубоко убѣждено въ томъ, что съ отшествіемъ въ вѣчность перваго германскаго императора для Германіи не кончились ея великіе дни, и потому, вмѣстѣ съ молодежью, оно съ полнымъ спокойствіемъ и съ вѣрой смотритъ навстрѣчу грядущему.

«Старъ и младъ, мы всѣ знаемъ, что мы имѣемъ въ нашемъ государѣ, что онъ—намъ и всему нашему отечеству»¹⁾.

Дѣйствительно ли императоръ Вильгельмъ является такимъ, «дѣлающимъ эпоху», монархомъ, какимъ его изобразилъ почтенный гамбургскій бургомистръ?

Или мы имѣемъ въ лицѣ этого «кайзера» дѣло съ явленіемъ совсѣмъ иного характера?

Когда для Вильгельма II наступитъ судъ исторіи, въ распоряженіи ея будутъ самые разнообразныя документы и матеріалы. А покуда лучшимъ матеріаломъ для сужденія о личности «кайзера» могутъ служить его собственныя, исходившія отъ него по тому или другому поводу слова—въ широкомъ смыслѣ: не только рѣчи и тосты, но и манифесты, и приказы по арміи и флоту, которые онъ самъ однажды назвалъ своими «словами».

Этотъ матеріалъ, тщательно собранный Юг. Пенцлеромъ, размѣстился въ трехъ книжкахъ, занявъ почти тысячу страницъ мелкаго убористаго шрифта.

Словоохотливѣйшій монархъ, надѣленный отъ природы—надо отдать ему справедливость—недюжиннымъ ораторскимъ дарованіемъ, Вильгельмъ началъ «говорить» сравнительно рано: еще въ бытность свою обыкновеннымъ принцемъ, а затѣмъ и наслѣдникомъ престола. Кронпринцемъ онъ, какъ извѣстно, пробылъ нѣсколько

¹⁾ «Die Reden Kaiser Wilhelms II», собр. Penzler'омъ, изд. Reclam. Ч. III, стр. 172.

болѣе трехъ мѣсяцевъ, съ 9-го марта по 15-е июня 1888 года. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ положеніи онъ высказывался относительно рѣдко, сдерживаемый авторитетомъ дѣда, мудростью отца и, въ особенности, конечно, твердостью «желѣзнаго канцлера», все-сильнаго князя Бисмарка.

Тѣмъ не менѣе онъ все-таки говорилъ... Къ сожалѣнію, рѣчи его, относящіяся къ этому періоду его жизни, такъ сказать, подготовительному къ царствованію, не собраны и не изданы. Но, судя по одной сохранившейся рѣчи этого времени, Вильгельмъ и тогда уже договаривался иногда до вещей, которыя внушали тревогу благомыслящимъ людямъ, чутко прислушивавшимся къ тому, въ какомъ направленіи развивается будущій императоръ Германіи... И темпераментному оратору изъ дома Гогенцоллерновъ приходилось, вѣроятно, подъ давленіемъ «желѣзнаго канцлера», не то оправдываться, не то защищаться, дополнительно комментируя въ успокоительномъ смыслѣ свои словесныя упражненія. Надо замѣтить, что, поставленный въ такое двусмысленное положеніе, онъ «маневрировалъ» съ тѣмъ искусствомъ, которое никогда не оставляло его и впослѣдствіи.

Рѣчь, о которой упоминалось выше, была произнесена Вильгельмомъ, тогда еще принцемъ, 8-го февраля 1888 года, то есть за четыре мѣсяца съ небольшимъ до восшествія своего на престолъ, на банкетѣ, данномъ ему членами бранденбургскаго провинціального ландтага, и въ этой рѣчи онъ вынужденъ былъ сдѣлать, между прочимъ, слѣдующее разъяснительное заявленіе:

«Мнѣ отлично извѣстно, что какъ среди большой публики, такъ и, въ особенности, за границей мнѣ приписываются легкомысленные, навѣянные жаждою славы, воинственные планы. Богъ да сохранить меня отъ такого преступнаго легкомыслія! Я съ негодованіемъ отстраняю отъ себя такія обвиненія».

И вслѣдъ за этимъ онъ сейчасъ же добавилъ:

«Но, господа, я—солдатъ, и всѣ бранденбуржцы—солдаты, я это знаю. А потому разрѣшите мѣ закончить свою рѣчь словами, въ которыхъ я слегка перефразирую восклицаніе, обращенное 6-го февраля нашимъ великимъ канцлеромъ къ рейхстагу: «Мы, бранденбуржцы, боимся только Бога и никого больше на свѣтѣ!» Въ этомъ смыслѣ я поднимаю мой бокаль и пью за благоденствіе провинціи Бранденбургъ!»¹⁾

Такъ, поворачиваясь одновременно на два фронта, Вильгельмъ, когда ему было еще только 29 лѣтъ, умѣлъ сочетать формальное миролюбіе для «постороннихъ» и клокотавшій въ немъ воинственный духъ для себя и «своихъ»...

¹⁾ Рѣчи, I ч., стр. 45.

II.

Императоръ Фридрихъ III, прозванный «мудрымъ», отстрадалъ и перешелъ въ вѣчность 15-го іюня 1888 года. Ему наслѣдовалъ, какъ императоръ Германіи и король Пруссіи, его старшій сынъ, принцъ Вильгельмъ.

По вѣками установленному обычаю, каждый монархъ, вступая на престолъ, обращается, прежде всего, съ манифестомъ къ народу, къ странѣ. Это диктуется самой логикой событія. Но императоръ Вильгельмъ II счелъ и нужнымъ, и возможнымъ пренебречь этой традиціей.

Въ самый день смерти, немедленно послѣ кончины своего отца, Вильгельмъ издалъ два приказа—по арміи и флоту, причемъ въ первомъ изъ нихъ, вспоминая въ восторженныхъ словахъ воинскія заслуги своего дѣда и — въ менѣе восторженныхъ — только что усопшаго императора, онъ, въ заключеніе, выразился такъ:

«Мы принадлежимъ другъ другу—я и армія, мы рождены другъ для друга, и да будемъ же мы и впредь связаны неразрывными узами.

«Вы принесете мнѣ присягу въ вѣрности и послушаніи—и я торжественно обѣщаюся всегда помнить, что взоры моихъ предковъ изъ того міра устремлены на меня и что наступитъ день, когда я долженъ буду дать имъ отчетъ въ славѣ и чести арміи»¹⁾.

Приблизительно съ такимъ же приказомъ молодой императоръ обратился къ флоту, тогда еще малочисленному и совсѣмъ незначительному...

И только спустя три дня, а именно 18-го іюня, появился манифестъ «Къ моему народу», гдѣ уже не было ни слова о воинскихъ заслугахъ предковъ, ни о кровномъ родствѣ съ «покрытой лаврами» арміей, и гдѣ, напротивъ, въ числѣ прочихъ благъ, давался обѣтъ заботиться о сохраненіи мира «по примѣру отцовъ».

Съ такихъ характерныхъ подробностей началось царствованіе императора Вильгельма II.

25-го іюня того же года онъ лично обратился съ тронной рѣчью къ рейхстагу и въ этой рѣчи еще сильнѣе и ярче, чѣмъ въ манифестѣ, подчеркнул свое миролюбіе.

«Моя любовь къ нѣмецкому воинству и мое отношеніе къ нему,—сказалъ императоръ,—никогда не введутъ меня въ искушеніе лишить страну благодѣяній мира, если только, путемъ нападенія на наше государство или его союзниковъ, война не станетъ для насъ навязанной необходимостью. Наше войско должно обезпечить намъ миръ и, если онъ все-таки будетъ нарушенъ, должно

¹⁾ Тамъ же, I ч., стр. 8.

«истор. вѣстн.», октябрь 1914 г., т. сxxxviii.

быть въ состояніи съ честью завоевать его снова. Мнѣ чуждо желаніе воспользоваться нашей военной мощью для наступательныхъ войнъ. Германія не нуждается ни въ новой военной славѣ, ни въ какихъ-либо завоеваніяхъ послѣ того, какъ она окончательно завоевала себѣ право на существованіе, въ качествѣ единой и независимой націи».

А менѣе, чѣмъ спустя два мѣсяца, 16-го августа, очевидно, встревоженный слишкомъ миролюбивыми выводами, которые лѣвая печать не преминула сдѣлать изъ этой рѣчи, Вильгельмъ использовалъ первый, на его взглядъ, удобный случай, чтобы снабдить свою миролюбивую тронную рѣчь нѣкоторымъ ограничительнымъ комментариемъ.

Такимъ удобнымъ случаемъ онъ счелъ открытіе памятника бывшему во время франко-прусской войны командиромъ третьяго армейскаго корпуса принцу Фридриху-Карлу.

Отвѣчая за параднымъ банкетомъ на привѣтственную рѣчь оберъ-бургомистра Франкфурта-на-Одерѣ, императоръ, сильно возвысивъ голосъ, произнесъ слѣдующія многозначительныя слова:

«Находятся люди, которые имѣютъ смѣлость утверждать, будто бы мой отецъ хотѣлъ возвратить то, что онъ, вмѣстѣ съ усопшимъ принцемъ, завоевалъ съ помощью меча.

«Мы всѣ слишкомъ хорошо его знали, чтобы, даже только на одно мгновеніе, не оставаться равнодушнымъ къ такому поруганію его памяти. Онъ мыслилъ такъ же, какъ и мы, что ни одно изъ пріобрѣтеній великой эпохи не можетъ быть возвращено обратно.

«Въ третьемъ армейскомъ корпусѣ, какъ и во всей арміи, мнѣ думается, знаютъ, что на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ:

«Лучше мы уложимъ восемнадцать корпусовъ и сорокъ два милліона жителей, чѣмъ отдадимъ хоть одинъ единственный камень изъ того, что отвоевали мой отецъ и принцъ Фридрихъ-Карлъ» ¹⁾).

Силу этого холоднаго душа, направленнаго противъ группы нѣмецкихъ мечтателей, опиравшихся на идеалистически настроеннаго, слишкомъ преждевременно скончавшагося, императора Фридриха III, должны были почувствовать и во Франціи, и въ Эльзасѣ-Лотарингіи...

Съ теченіемъ времени чередованіе патетическихъ миролюбивыхъ заявленій съ воодушевленнымъ славословіемъ военныхъ заслугъ германской арміи и военной мощи Германіи происходитъ чаще, становится ярче, дѣлается выразительнѣе. «Солдаты», какимъ рекомендовалъ себя Вильгельмъ, будучи еще принцемъ, все откровеннѣе и безцеремоннѣе заслоняютъ собою миролюбца. Повидимому, чувствуетъ это и самъ Вильгельмъ, но не хо-

¹⁾ I, стр. 20 и 21.

четь, чтобы эту двойственность въ его поведеніи, это двуличіе его политической фізіономіи поняли остальные, «не свои», чуждые «старо-прусскому духу и старо-прусскимъ традиціямъ», о которыхъ съ такой любовью и нѣжностью Вильгельмъ распространяется въ длинномъ рядѣ своихъ длинныхъ рѣчей.

Поэтому, когда читаешь его, правда, неоднократныя и многочисленныя, подѣ разными соусами, миролюбивыя заявленія въ рѣчахъ или въ тостахъ,—испытываешь какое-то странное ощущеніе: точно онъ все время спорить съ какимъ-то невидимымъ скептикомъ, котораго старается убѣдить, что онъ, Вильгельмъ,—ну, честное слово! ну, ей-Богу же!—миролюбивѣйшій изъ всѣхъ миролюбивыхъ людей на земномъ шарѣ.

А когда послѣ этого попадешь на рѣчь того же Вильгельма, сказанную послѣ какого-нибудь полкового смотра, или на праздникъ гвардейскаго корпуса, или при освященіи новаго знамени,—чувствуется, какъ непринужденно искренно течетъ его рѣчь, какъ легко и свободно ему дышится въ этой родной ему стихіи, въ интимномъ кругу офицерскаго собранія, гдѣ слова произносятся не для всей страны и не для всего міра, а для сочувствующихъ и понимающихъ значеніе «отточенной, разящей и твердой стали»...

III.

Наибольшее количество миролюбивыхъ рѣчей и тостовъ Вильгельма II относится къ первымъ годамъ, къ первому десятилѣтію его царствованія.

Особенно часто онъ старался, при всякомъ случаѣ, говорить о своемъ миролюбіи въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ, когда ему, повидимому, во что бы то ни стало хотѣлось переубѣдить общественное мнѣніе и политическіе круги не только Германіи, но и Европы, у которыхъ еще слишкомъ ярко сохранилось представленіе о немъ, какъ о воинственномъ кронпринцѣ, совсѣмъ недавно еще упивавшемся разгромомъ и униженіемъ Франціи во славу германскаго могущества.

И надо отдать ему справедливость, что онъ упорно, послѣдовательно и умѣло проводилъ свою усыпляющую тактику.

22-го ноября 1888 г., явившись въ рейхстагъ, Вильгельмъ предъ лицомъ всей страны и всего міра торжественно заявилъ:

«Обречь Германію на страданія и лишенія войны, хотя бы даже побѣдоносной, но не вызванной необходимостью, я считалъ бы несомвѣстимымъ съ моими христіанскими убѣжденіями и съ обязанностями, которыя я, въ качествѣ императора, принялъ на себя по отношенію къ нѣмецкому народу» (I, стр. 36).

Къ этому, казалось бы, «лейтъ-мотиву» своей внутренней и внѣшней политики германскій императоръ возвращается не-

устанно, пользуясь для своей цѣли самыми разнообразными поводами.

Присутствуетъ ли онъ на торжественномъ обѣдѣ, данномъ правленіемъ «Сѣверо-Германскаго Ллойда», онъ произноситъ рѣчь, въ которой подчеркиваетъ, что его «первѣйшая забота состоитъ въ охраненіи мира, насколько это возможно» (I, стр. 104).

Встрѣчаетъ ли его, 4-го сентября 1894 г., кенигсбергскій оберъ-бургомистръ, императоръ отвѣчаетъ на его привѣтственную рѣчь, между прочимъ, словами:

«Силою меча, какъ вы упомянули, эта земля (Восточная Пруссія) нѣкогда была завоевана Гогенцоллернами. Трудami мира, въ этомъ я даю свое царское слово, она будетъ сохранена на будущее время» (I, стр. 273).

Гоститъ ли Вильгельмъ II въ Петербургѣ, онъ за Высочайшимъ столомъ, въ Зимнемъ дворцѣ, 8-го августа 1897 г., обращается къ Государю Императору съ отвѣтнымъ тостомъ, заключительныя слова котораго приобрѣтаютъ особенное значеніе въ связи съ кровавыми событіями послѣдняго времени.

«Преисполненный довѣрія,—говорилъ тогда нынѣшній врагъ Россіи,—я могу возобновить передъ Вашимъ Величествомъ свой торжественный обѣтъ,—причемъ я знаю, что въ этомъ отношеніи я имѣю позади себя весь мой народъ,—что въ великомъ дѣлѣ охраненія мира я со всею мощью буду всегда на сторонѣ Вашего Величества и что я окажу Вашему Величеству сильнѣйшую поддержку противъ всякаго, кто попытался бы помѣшать этому миру или нарушить его» (II, стр. 56).

Много, даже очень много такихъ рѣчей, заявленій и тостовъ, которые теперь звучатъ дерзкой насмѣшкой, произнесъ императоръ Вильгельмъ II, но съ теченіемъ времени они слетали съ его устъ все рѣже, теряли свою былую патетичность и дѣлались суше.

Вѣнценосный ораторъ, какъ будто, пришелъ къ заключенію, что роль миролюбца имъ сыграна мастерски и что повторенія больше не требуется...

Послѣдняя изъ значительныхъ рѣчей его на эту тему была рѣчь, сказанная имъ 22-го марта 1905 года, при открытіи въ Бременѣ памятника императору Фридриху III.

Какъ бы подводя итогъ всему, что онъ, при разныхъ обстоятельствахъ, говорилъ раньше, императоръ, обращаясь къ членамъ бременскаго городского совѣта, произнесъ слѣдующее:

«Принявъ бразды правленія послѣ великой эпохи моего дѣда, я присягнулъ на своемъ знамени, что, насколько это зависитъ отъ меня, штыкъ и пушки не будутъ выведены изъ состоянія покоя, но что какъ штыкъ, такъ и пушки должны быть всегда остры и неизмѣнно исправны, дабы ни зависть, ни коварное недоброжелательство извнѣ не помѣшали намъ въ украшеніи нашего цвѣтника и нашего прекраснаго зданія внутри.

«Я далъ самому себѣ обѣтъ, руководствуясь уроками исторіи, никогда не стремиться къ пустому міровому владычеству.

«Въ самомъ дѣлѣ, къ чему пришли такъ называемыя міровыя державы?

«Александръ Великій, Наполеонъ I, всѣ эти великіе полководцы плавали въ крови и оставили послѣ себя поработченные народы, которые, при первой возможности, поднимали возстаніе и приводили великія царства къ упадку и разрушенію.

«Міровое господство, о которомъ я мечталъ, должно состоять въ томъ, чтобы, прежде всего, новосозданная Германская имперія пользовалась всеобщимъ абсолютнѣйшимъ довѣріемъ, какъ спокойный, честный, миролюбивый сосѣдь, и чтобы, если когда-нибудь, можетъ быть, въ исторіи зайдетъ рѣчь о міровой нѣмецкой державѣ или о міровомъ владычествѣ Гогенцоллерновъ,—исторія вывела бы ихъ не изъ завоеваній, совершенныхъ мечомъ, а изъ взаимнаго довѣрія народовъ, стремящихся къ одинаковой цѣли» (III, стр. 242).

20-ое іюля 1914 года однимъ ударомъ разрушило представленіе о Вильгельмѣ, какъ объ искреннемъ другѣ мира, даже у тѣхъ наивныхъ или легковѣрныхъ людей, которые, поддаваясь обаянію его медоточивыхъ рѣчей, до послѣдней минуты еще продолжали заблуждаться на его счетъ. Историческій день, кажется, навсегда сорвалъ маску съ талантливаго лицемѣра и недурного актера изъ дома Гогенцоллерновъ.

Но и независимо отъ этой катастрофы,—одно знакомство съ остальными рѣчами, произнесенными германскимъ императоромъ, почти одновременно съ его гимнами миру, только при иной обстановкѣ и чаще всего для специфической аудиторіи, должно было представить его каждому въ истинномъ свѣтѣ, показавъ, къ какимъ перспективамъ его «влечетъ невѣдомая сила» и какому богу онъ, въ дѣйствительности, молится...

IV.

Выше уже было отмѣчено, насколько, самъ по себѣ, знаменателенъ былъ фактъ, что молодой императоръ, едва вступивъ на престоль, обратился съ довольно краснорѣчивыми воззваніями прежде всего къ вооруженнымъ, сухопутнымъ и морскимъ, силамъ имперіи.

Не менѣе показателенъ былъ и другой, съ виду мало значительный шагъ, предпринятый новымъ вершителемъ судебъ германскаго народа: спустя два мѣсяца послѣ своего воцаренія, а именно 23-го августа 1888 года, Вильгельмъ II самъ пожелалъ «осуществить свою давнишнюю сердечную потребность»—стать протекторомъ

такъ называемаго «Іоаннитскаго ордена Іерусалимскаго королевства», широко развѣтвившейся организациі, возникновеніе которой относится къ глубокому средневѣковью, приблизительно между 1048 и 1138 гг.

Послѣ торжественной церемоніи, принявъ изъ рукъ гротсмейстера, въ то время принца Альбрехта Прусскаго, орденскій знакъ (бѣлый мальтійскій крестъ, присвоенный и евангелическими іоаннитами), Вильгельмъ произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Я держусь твердаго убѣжденія, что прусскій король долженъ и внѣшнимъ знакомъ установить свою принадлежность къ ордену. Великія задачи, которыя мнѣ предстоятъ въ области внутренняго развитія моего народа, не могутъ быть разрѣшены мною съ помощью однихъ государственныхъ органовъ.

«Для нравственнаго, какъ и религіознаго подъема и развитія народа я нуждаюсь въ поддержкѣ со стороны его благороднѣйшихъ элементовъ, моего дворянства, и эти элементы я вижу представленными въ значительномъ количествѣ въ орденѣ св. Іоанна.

«Я возлагаю сердечныя надежды на то, что, въ союзѣ съ трудящимся во имя любви іоаннитскимъ орденомъ, мнѣ удастся провести дѣло укрѣпленія и развитія въ народѣ религіознаго духа и христіанской дисциплины, и такимъ путемъ достигъ тѣхъ высокихъ цѣлей, которыя я себѣ поставилъ своимъ идеаломъ» (I, стр. 22).

Психологическія основанія, побудившія Вильгельма столь восторженно примкнуть къ этому средневѣковому ордену, не утратившему главнѣйшихъ чертъ своей фizioноміи до настоящаго времени, могутъ быть легко разгаданы, если сопоставить излюбленное германскимъ императоромъ сочетаніе истиннаго солдата съ христіаниномъ, въ «старо-прусскомъ» духѣ, и ту характеристику, которую далъ іоаннитскому ордену одинъ изъ талантливѣйшихъ русскихъ изслѣдователей средневѣковья (М. Корелинъ, «Важнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣковаго папства», Спб. 1901 г., стр. 103):

«Рыцарскіе ордена Іерусалимскаго королевства имѣли необыкновенный успѣхъ и быстро распространялись на Западѣ, потому что ихъ организациа весьма искусно соединяла въ одномъ лицѣ монаха и солдата, два противоположныхъ идеала средневѣковаго общества.

«Сословныя перегородки, существовавшія въ феодальномъ мірѣ, сохранялись и здѣсь: члены ордена дѣлились на три категоріи, изъ которыхъ двѣ первыя—священники и рыцари—были исключительно благороднаго происхожденія, а простая братія состояла изъ лицъ городского и сельскаго состоянія, которыя служили солдатами или употреблялись на работы въ орденскихъ владѣніяхъ».

Это сочетаніе, казалось бы, несоединимаго—священнослужителя и солдата—Вильгельмъ II избралъ своимъ идеаломъ, которому, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго, ревностно и своеобразно, на свой прусскій ладъ, онъ служилъ всѣ двадцать шесть лѣтъ своего царствованія.

Надо замѣтить, что приспособлять высокое ученіе Христа къ идеаламъ прусскаго солдата и прусскаго юнкерства Вильгельмъ началъ не сразу.

Первоначально онъ, видимо, поставилъ себѣ цѣлью постоянно взвнчивать духъ арміи непрерывными напоминаніями о прежнихъ, главнымъ образомъ во время франко-прусской войны, триумфахъ германскихъ войскъ и пламеннымъ славословіемъ ихъ «непобѣдимости». Рядомъ съ этимъ должно было идти «воспитаніе» или натаскиваніе Германіи въ духъ милитаризма, дабы создать изъ германскаго народа, по собственному выраженію императора Вильгельма, «вооруженный народъ» (*das Volk in Waffen*), одно имя котораго «и черезъ сотню лѣтъ будутъ вспоминать со страхомъ и съ трепетомъ...»

Приступая къ первой изъ этихъ задачъ, Вильгельмъ извлекъ изъ своего ораторскаго арсенала одно изъ самыхъ испытанныхъ, дальнобойныхъ и почти безошибочно попадающихъ орудій.

Это орудіе—лесть, которымъ германскій императоръ во всѣхъ случаяхъ своей безпокойной жизни, когда это было нужно, всегда пользовался съ искусствомъ настоящаго мастера.

Посѣщая, напримѣръ, во время своихъ поѣздокъ по имперіи различные города и провинціи, королевства и маленькія княжества, онъ повсюду разсыпалъ цвѣты своего комплиментарнаго краснорѣчія, завоевывая сердца тщеславныхъ, падкихъ на комплименты представителей нѣмецкаго бюргерства.

Что нужды въ томъ, что, если сопоставить всѣ эти комплиментарныя рѣчи и сравнить ихъ между собою, то получится хорошій матеріалъ для юмориста!

Приѣзжаетъ императоръ въ Штутгартъ и отдается всегда готовой къ его услугамъ лирикѣ, рассказывая за банкетомъ, какъ его «всегда совсѣмъ особеннымъ образомъ тянуло сюда, потому что въ его жилахъ тоже, вѣдь, течетъ швабская кровь» (I, стр. 23).

Берлинъ ему «дороже всѣхъ городовъ», ибо его опять-таки «неудержимо тянетъ въ этотъ городъ, какъ берлинца по рожденію» (I, стр. 28); городъ Гамбургъ ему «въ особенности дорогъ» (I, стр. 29); при посѣщеніи Страсбурга у него «трепещетъ сердце»; Кенигсбергъ онъ привѣтствуетъ, какъ «единственный столпъ молодой имперіи» (I, стр. 112), но, спустя нѣкоторое время, оказывается, что у молодой имперіи есть и другой, тоже «единственный», столпъ, и этотъ столпъ—Бранденбургъ (I, 264). И. т. д., и т. д., и д. д.

Что нужды въ этихъ противорѣчяхъ, въ этихъ повтореніяхъ, въ самой грубости комплиментовъ, если они бьютъ въ цѣль?

И Вильгельмъ прекрасно зналъ, что онъ дѣлаетъ, завоеывая лестью и штатскую, и военную Германію,—лестью чисто прусско-казарменнаго стиля.

V.

«Не парламентскимъ большинствомъ и не парламентскими постановленіями, а солдатомъ и арміей создана Германская имперія», торжественно заявилъ Вильгельмъ II 18-го апрѣля 1891 года, за параднымъ банкетомъ у себя въ берлинскомъ дворцѣ, по случаю прибитія какого-то новаго знамени (I, 175).

«Единственной опорой, на которой всегда покоилось наше государство, была и продолжаетъ быть армія»,—повторилъ онъ, 18-го октября 1894 года (I, стр. 281), забывъ, что онъ до этого возвелъ въ рангъ такой же «единственной» опоры сперва Кенигсбергъ, а затѣмъ Бранденбургъ.

Въ день празднованія десятилѣтія своего вступленія на престоль, въ 1898 году, германскій императоръ собралъ вокругъ себя въ Потсдамѣ всѣхъ своихъ лейбъ-гвардейцевъ и обратился къ нимъ со словами:

«Рѣдко какому наслѣднику приходилось, какъ мнѣ, пережить, чтобы и дѣдъ, и отецъ, за короткій промежутокъ времени, сошли въ могилу одинъ за другимъ.

«Тяжелыя заботы давили на корону. Повсюду во мнѣ сомнѣвались, со всѣхъ сторонъ я встрѣчалъ неправильную оцѣнку.

«Только въ одномъ мѣстѣ питали довѣріе ко мнѣ, только въ одномъ мѣстѣ жила вѣра въ меня: это—въ арміи. И, опираясь на нее, полагаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, на нашего стараго Бога (unsern alten Gott), я возложилъ на себя тяжелое бремя моего сана, въ твердомъ сознаніи, что армія является главной опорой моей страны, главной опорой прусскаго престола, на который меня призвалъ Божественный Промыселъ» (II, стр. 97).

Эту же мысль Вильгельмъ еще ярче выразилъ, 18-го января 1901 года, въ приказѣ по арміи въ день двухсотлѣтняго юбилея Прусскаго королевства:

«Въ день двухсотлѣтія возложенія на главу моего предка прусской королевской короны мои помыслы обращаются, *прежде всего*, къ моей арміи. Въ Пруссіи король и армія—одно неразъединимое цѣлое. Эта тѣсная личная связь между мной и каждымъ отдѣльнымъ моимъ офицеромъ и солдатомъ покоится на двухсотлѣтней традиціи. Духъ, въ которомъ, начиная съ Фридриха I, прусскіе короли воспитывали армію,—духъ чести, послушанія, мужества и рыцарства—сдѣлалъ изъ нея то, чѣмъ она должна быть и что

она есть: острое, надежное оружіе въ рукахъ прусскихъ королей для защиты и охраны благоденствія и величія родины» (III, стр. 7).

Наконецъ, какіе бы дни ни выпадали на долю германскаго народа, онъ можетъ быть спокоенъ, потому что «непоколебимымъ, единственно крѣпкимъ прибѣжищемъ для него всегда была и остается посейчасъ прусская армія». И къ этому еще было добавлено: «Благодаря нашимъ несравненнымъ военнымъ традиціямъ, моя армія всегда останется тѣмъ инструментомъ, въ которомъ я нуждаюсь, дабы моей политикѣ было на что опереться. Тамъ, гдѣ перо, само по себѣ, больше ничего не можетъ сдѣлать, на помощь ему долженъ прійти острый мечъ. Да здравствуютъ мой гвардейскій корпусъ и вся прусская армія!» (III, стр. 161 и 162).

При такомъ преклоненіи передъ «несравненными прусскими военными традиціями», при такомъ чуть ли не обожествленіи прусской арміи, вполнѣ естественно, что императоръ Вильгельмъ, оставаясь послѣдовательнымъ, смотритъ на армію, какъ на «единственную, великолѣпнѣйшую школу для воспитанія юношества въ національномъ духѣ», и на генераловъ и офицеровъ, какъ на «воспитателей народа», благодаря которымъ, да еще съ помощью «нашего великаго союзника наверху» (т.е. Господа Бога), Германія предстоитъ хорошее будущее (III, 162).

Это внушается прежде всего самой арміи, какъ, на примѣръ, въ только что приведенной рѣчи, сказанной 29-го мая 1903 года, въ офицерскомъ собраніи гвардейскаго корпуса. Ей же внушается, что она непобѣдима и всегда будетъ побѣдоносна, ибо, благодаря «прусскому духу», она никогда не знала поражений, причемъ, упоминая о «блестящей эпопее» Фридриха Великаго, вѣнценосный ораторъ, разумѣется, тщательно обходитъ сраженія при Гросс-Егерсдорфѣ, Цорндорфѣ и Кунерсдорфѣ, гдѣ русскія войска до такой степени разгромили «непобѣдимую» армію, что король-полководецъ, считая все потеряннымъ и отечество погибшимъ, судя по его собственнымъ запискамъ, помышлялъ даже о самоубійствѣ...

По тѣмъ же основаніямъ, каковы бы ни были общенародныя торжества или празднества, императоръ—и онъ самъ это подчеркиваетъ—«прежде всего» обращается къ своей арміи, «прежде всего» поднимаетъ свой бокалъ за нее, а потомъ уже за народъ и страну.

Знаменитому фельдмаршалу графу фонъ-Мольтке онъ при жизни его воздаетъ царскія почести, а послѣ его смерти окружаетъ его своего рода культомъ.

26-го октября 1890 года фельдмаршалу исполнилось девяносто лѣтъ. Привѣтствуя его, какъ «прусскаго вождя, увѣнчавшаго германскую армію славой непобѣдимости», и передавая ему фельдмаршальскій жезлъ, усыпанный драгоцѣнными камнями, императоръ произнесъ:

«Къ прерогативамъ монарха относится право видѣть у себя въ передней свои знамена, эти символы, которымъ присягаютъ его войска, которыя развѣваются впереди его арміи и олицетворяютъ собою воинскую честь и воинское мужество.

«Съ особенной гордостью я уступаю на сегодняшній день это право вамъ и прошу васъ дать приютъ знаменамъ моей гвардіи, которая такъ часто развѣвались передъ вами во многихъ горячихъ бояхъ» (I, 139). Графъ Мольтке, разумѣется, «далъ приютъ», и гвардейскія знамена переночевали у него въ квартирѣ до слѣдующаго дня. Такихъ почестей, за все время существованія не только Германской имперіи, но и Прусскаго королевства, никто не удостоивался.

А въ день открытія памятника уже скончавшемуся къ этому времени Мольтке Вильгельмъ произнесъ короткую, но такую воинственную рѣчь (26-го окт. 1905 г.), что и нѣмецкій офиціозъ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», и «Кельнская Газета» постѣшили смягчить ее посильными комментаріями, стараясь такимъ способомъ разсѣять мрачное впечатлѣніе и тревогу, которыя эта рѣчь посѣяла за границей и въ особенности на берлинской биржѣ. Этотъ эпизодъ совпалъ съ извѣстнымъ франко-нѣмецкимъ конфликтомъ изъ-за Марокко. Тѣнь знаменитаго фельдмаршала, промелькнувъ на мгновение передъ духовными взорами легко воспламеняющагося императора, увлекла его дальше, чѣмъ онъ, повидимому, самъ ожидалъ и хотѣлъ. Пришлось съ помощью инспирированныхъ статей выкручиваться, объяснять, что коротенькій, но очень энергическій тостъ «за сухой порохъ, за мечъ и за вооруженный народъ» былъ невѣрно понятъ, обновить старую пластинку съ много разъ напѣтымъ миролюбіемъ и, по возможности, истолковать внезапный императорскій тостъ въ смыслѣ постоянной заботы монарха объ удержаніи военныхъ силъ Германіи на такой высотѣ, которая обезпечивала бы германскому народу всѣ «необходимыя для мирнаго развитія» условія (III, стр. 279). Инцидентъ, какъ говорится, былъ исчерпанъ, но самый «выпадь» императора Вильгельма отъ этого не сталъ менѣе знаменательнымъ, въ особенности, если поставить его въ психологическую связь съ предыдущими и послѣдующими славословіями военной мощи и непобѣдимости германской арміи, осѣненной «могучими крыльями прусскаго орла»...

Для проникновенія въ истинную суть, такъ сказать, въ подлинное «внутри» Вильгельма II, не лишне познакомиться еще съ однимъ фактомъ.

Отношенія германскаго императора къ князю Бисмарку общезвѣстны. Въ трехъ компактныхъ сборникахъ императорскихъ рѣчей вы едва-едва насчитаете три-четыре, да и то не рѣчи, а мимоходомъ брошенныя упоминанія о немъ. Все, что было сдѣлано для

объединенія Германіи, для созданія имперіи и для ея могущества, все это упорно, настойчиво и послѣдовательно изъ года въ годъ, изъ рѣчи въ рѣчь, приписывается исключительно императору Вильгельму I, который величается неизмѣнно «великимъ», наперекоръ всѣмъ историческимъ даннымъ. Въ одной изъ такихъ рѣчей прямо указано, что нынѣшняя Германія всѣмъ своимъ благополучіемъ и могуществомъ обязана исключительно «великому императору», котораго, правда, «Божьимъ произволеніемъ окружали нѣкоторые почтенные, хорошіе совѣтники, имѣвшіе честь осуществлять его идеи, но являвшіеся не болѣе, какъ исполнителями его высочайшей воли, проникнутые духомъ этого высоконастроеннаго монарха» (II, стр. 40).

Царскихъ почестей князь Бисмаркъ тоже не удостоился, но былъ моментъ въ его жизни, которымъ Вильгельмъ II довольно своеобразно, по-своему, воспользовался для того; чтобы дать волю своимъ таящимся въ глубинѣ его души «солдатскимъ» чувствамъ прусской марки.

То былъ день (26-го марта 1895 г.), когда князь Бисмаркъ праздновалъ восьмидесятый годъ своего рожденія и когда императоръ, вручая князю свое подношеніе, сказалъ:

«Я не могъ найти лучшаго подарка, чѣмъ мечъ, это благороднѣйшее оружіе германца, символъ того инструмента, который ваша свѣтлость, вмѣстѣ съ моимъ покойнымъ дѣдомъ, ковали и оттачивали. Символъ того великаго, могучаго строительства, цементомъ которому служили кровь и желѣзо, матеріалъ, который никогда не измѣняетъ и въ рукахъ царей и правителей, когда это требуется, обезпечиваетъ и внутри сплоченность, приведшую въ свое время къ объединенію извнѣ» (I, стр. 302).

И такъ во всѣхъ случаяхъ: «мечъ, кровь и желѣзо»,—во всѣхъ случаяхъ, когда германскому императору не приходится опасаться, что его слушаетъ Европа, для которой у него, до поры до времени, всегда имѣются спеціальныя басни о «благодѣяніяхъ мира для культуры и цивилизаціи».

Владѣлецъ знаменитаго пушечнаго завода Альфредъ Крушъ, скончавшійся послѣ весьма тяжелыхъ обвиненій, введенныхъ на него въ соціаль-демократической прессѣ, громко прославляется, какъ «близкій другъ» и какъ «истинный нѣмецъ, который жилъ только для счастья и блага своей родины» (III, 136 и 137)...

Народнымъ пѣвческимъ обществамъ и союзамъ повелительно рекомендуется составлять свой репертуаръ преимущественно изъ «воспламеняющихъ пѣсенъ» въ родѣ такихъ чисто прусскихъ жемчужинъ поэзіи и музыки, какъ, на примѣръ, пѣснь о генералѣ Гансѣ фонъ-Цитенѣ или «Fridericus Rex», или въ духѣ патриотическихъ вещей Теодора Кернера (III, 167).

Подъ высочайшую охрану и покровительство берутся даже студенческія дуэли, которыя «во многомъ непонятны публикѣ», между тѣмъ какъ онѣ, «подобно средневѣковымъ турнирамъ, развиваются въ мужчинѣ отвагу и силу» (I, 182).

И, наконецъ, общая картина, въ центрѣ которой стоитъ вѣнецъносный «апостоль мира и христіанской любви», опираясь на мечъ и грозя «бронированнымъ кулакомъ», не была бы закончена, если бы извѣстные своими кулачными расправами берлинскіе «шущманны», въ день пятидесятилѣтія своей организаціи, какъ «бравые и хорошіе солдаты», не удостоились высокомиловидныхъ словъ (II, стр. 96):

«Я смотрю на вашъ праздникъ, какъ и на мой праздникъ».

Трогательное, закругляющее всю политическую систему германскаго императора слияніе въ одномъ рукопожатіи простого кулака съ «бронированнымъ»...

VI.

Годы шли.

Трижды добивался германскій императоръ увеличенія кредитовъ на періодическое усиленіе численнаго состава арміи.

Расчетливые, воспитанные въ правилахъ скопидомства, нѣмцы охотно соглашались исполнять «воспламеняющіе» номера императорскаго музыкальнаго репертуара à la «Fridericus Rex», но туго поддавались на денежныя жертвы во славу прусскаго милитаризма.

Вильгельмъ II съ неослабнымъ упорствомъ примѣнялъ всѣ доступныя ему средства для воздѣйствія на свой народъ.

Онъ распускалъ рейхстагъ; запугивалъ внѣшними нашествиями, когда ихъ и въ поминѣ не было (II, 135 и др.); доказывалъ, что мирный трудъ невозможенъ безъ сильной арміи; непрерывно развивалъ и воспитывалъ въ нѣмцахъ грубое, надменное, ярко-прусское самомнѣніе и тщеславіе.

Онъ говорилъ имъ:

«Далеко, черезъ моря и океаны, перекинулась нѣмецкая рѣчь; далеко за предѣлами нашей родины царятъ германская наука и пылкій геній нѣмецкаго народа.

«Нѣтъ такой книги, нѣтъ такого труда въ области новѣйшихъ изслѣдованій или исканій, которые не были бы написаны на нашемъ языкѣ, и нѣтъ такой научной мысли, которая раньше, чѣмъ быть воспринятой другими народностями, не была бы обработана и пущена въ обращеніе нами». Короче говоря, нѣтъ никого выше нѣмцевъ, и потому «мы, нѣмцы, соль земли» (III, 99 и 243).

«Великіе идеалы стали для насъ, для нѣмецкаго народа, прочнымъ достояніемъ надолго, между тѣмъ, какъ остальные народы эти идеалы болѣе или менѣе растеряли. Остался только нѣмецкій

народъ, который призванъ беречь, охранять и продолжать эти великія идеи» (III, 61).

«Россия проиграла японскую кампанію потому, что у русскихъ христіанство занимаетъ очень грустное положеніе» (III, 240), а нѣмцы призваны «явить міру истинное христіанское ученіе въ образѣ мыслей, въ поступкахъ, въ обращеніи съ другими и между собой, и вообще въ жизни» (II, 120 и 121).

«Русская армія, сражавшаяся подъ Мукденомъ, была обезсилена развратомъ и пьянствомъ. Наши офицеры и солдаты воздержатся отъ этой опасности» (III, 253).

И потому, въ виду совокупности этихъ исключительно благоприятныхъ условий и обстоятельствъ, императоръ питаетъ твердую увѣренность, что «нѣмцы, даже со всѣхъ сторонъ окруженные врагами, неизмѣнно останутся побѣдителями» (III, 18).

Завороженный этими льстивыми и хитрыми рѣчами, бережливый нѣмецъ, кряхтя, раскрывалъ свой кошелекъ и давалъ, давалъ, давалъ,—на армію, на флотъ, на карательныя экспедиціи въ Китай и въ Южную Африку, на все, что должно было «внушить уваженіе и трепетъ передъ именемъ нѣмца» (I, 297, II, 210 и др.).

Императоръ Вильгельмъ II сознаетъ себя продолжателемъ великихъ дѣлъ своего «великаго» дѣда (I, 233, 266 и др., II, 155) и только изъ ложной скромности не называетъ самъ себя «великимъ», предоставляя это дѣлать своимъ псалмопѣвцамъ и льстецамъ (III, 172, рѣчь бранденбургскаго оберъ-бургомистра), хотя и онъ самъ не прочь полюбоваться собою, говоря, на примѣръ, обращаясь къ своимъ «дорогимъ и близкимъ сердцу» бранденбургцамъ: «Мы, бранденбургцы, призваны совершить еще много великаго, и я веду васъ навстрѣчу чудеснѣйшимъ днямъ» (I, 209).

Наконецъ, у него «первая въ мірѣ» армія, сильная своей «непреодолимой мощью» (II, 155). Такъ, послѣ долголѣтнихъ словесныхъ упражненій надъ неподатливыми, что касается денегъ, нѣмцами, осуществилась и давнишняя мечта германскаго императора («наша будущность—на водахъ», II, 115, и потому «намъ до боли нуженъ сильный флотъ», II, 176). Онъ получилъ этотъ флотъ, который призванъ «напоминать о сѣдыхъ временахъ германскихъ мореходцевъ, могучая держава которыхъ протянулась отъ покрытыхъ льдами сѣверныхъ полярныхъ странъ до отдаленнѣйшаго южнаго полюса (?!), и служила ареной великихъ сѣверныхъ битвъ, вносившихъ смерть и разрушеніе въ земли враговъ» (I, 297).

Армія, въ особенности гг. офицеры, доведена до самообожанія. Послѣ долгихъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ императоръ германскій не уставая «искалъ солдатъ» (I, 157 и сл.), онъ, къ своему высокому удовлетворенію, видитъ передъ собою «вооруженный народъ» (III, 279), насквозь милитаризованный и самовлюбленный.

По мѣрѣ этихъ успѣховъ, Вильгельмъ мѣняетъ тонъ своихъ рѣчей. Мало-по-малу онъ изъ «тридцатилѣтняго молодого чело-вѣка, котораго никто не зналъ» (I, 43), и которому предстояли «долгіе годы прежде, чѣмъ заслужить любовь и благодарность» (I, 83), превращается въ монарха со все яснѣе выступающими наклонностями къ авторитаризму.

Онъ грозно обѣщаетъ «раздавить» тѣхъ, которые осмѣлятся мѣшать ему въ его достиженіяхъ (I, 97). Соціалъ-демократовъ, которыхъ онъ въ началѣ заклеилъ именемъ «враговъ имперіи и родины» (I, 54), призывая къ борьбѣ съ ними и вооруженныя силы, и шунцмановъ (I, 54, II, 96), онъ же, въ разсматриваемый моментъ, съ презрительнымъ высокомеріемъ третируетъ, какъ «преходящее явленіе», насмѣшливо предполагая, что «они перебѣсятся» (II, 186). Рейхстагу онъ дѣлаетъ выговоры, рѣзкіе и незаслуженные, за «подрывъ уваженія въ народѣ къ коронѣ и правительству» и за «дерзкую критику правительственныхъ мѣропріятій, деморализующе вліяющую на молодое поколѣніе» (III, 15). И онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, подчеркивая все чаще и чаще, что онъ—«изъ дома Гогенцоллерновъ, которые пріяли власть Божіей милостью и потому несутъ отвѣтственность только передъ Всевышнимъ»,—гордо возглашаетъ: «разъ я что-нибудь предпринимаю,—я довожу это до конца», и привѣтствуетъ наступленіе момента, когда «все государство, весь народъ повинуются одной только волѣ» (II, 161).

Съ перемѣной тона императорскихъ рѣчей, предназначенныхъ, такъ сказать, для внутренняго употребленія, Вильгельмъ II становится откровеннѣе и въ тѣхъ своихъ рѣчахъ, которыя произносятся для внѣшняго экспорта: онъ провозглашаетъ тоекратное «ура» своей арміи и, «прежде всего товарищамъ, стоящимъ на границахъ» (I, 175); онъ славословитъ походную форму, какъ «прекраснѣйшую одежду для пограничныхъ корпусовъ, когда они показываются своему императору» (III, 269)...

Все выше и выше забирается въ своемъ упоеніи германскій императоръ. «Черныя мощныя крылья прусскаго орла», впереди котораго, развѣваясь во все стороны, летятъ гордыя имперскія знамена, несутъ императора подъ самыя небеса, и здѣсь онъ... «видитъ Бога». Но видитъ онъ не общехристіанскаго Бога, не Того, чье имя Любовь и Милосердіе, а «своего» бога, «прусскаго» бога, такого, какого онъ, въ своей бѣшеной гордынѣ, сотворилъ себѣ самъ. И съ этимъ богомъ онъ ведетъ себя запанибрата: называетъ его, какъ мы уже видѣли (см. выше), запросто «нашимъ старымъ богомъ» или «нашимъ союзникомъ сверху» (unser Alliiertes von oben), чуть не треплетъ его по плечу, призывая его благословеніе и въ тѣхъ случаяхъ, когда дается приказъ войскамъ: «пощады не давать, плѣнныхъ не брать» (II, 210)...

Вильгельмъ II всегда любилъ даже самыя воинственные по тен-

денціи и жестокия по существу изъ своихъ рѣчей сдѣлывать, положимъ, специфическимъ, понимаемымъ имъ по-своему, христіанскимъ духомъ. «Распятіе—вотъ нашъ генералиссимусъ!»—съ восторгомъ повторяетъ онъ слова знаменитаго австрійскаго фельд-маршала принца Евгенія, и желалъ бы, чтобы этотъ девизъ усвоила себѣ и германская армія, отправляясь на безпощадный кровавый бой съ врагомъ (III, 284).

Для исповѣдуемаго германскимъ императоромъ, какъ протекторомъ упомянутаго выше Іоаннитскаго ордена, «союза меча съ крестомъ», очень характерна проповѣдь, сказанная имъ 29-го іюля 1900 г. на яхтѣ «Гогенцоллернъ», во время стоянки у Гельго-ланда, и, къ сожалѣнію, единственная дошедшая до насъ въ печатномъ видѣ (II, 212—219).

Развивая передъ экипажемъ своей яхты мысль о значеніи молитвы для побѣдоноснаго истребленія непріятели, царственный священнослужитель положилъ въ основаніе своей проповѣди текстъ не изъ Новаго Завѣта, а изъ Моисеева Пятикнижія, взявъ отсюда то мѣсто, гдѣ повѣствуется, какъ евреи побѣждали амаликитянь, пока Моисей держалъ свои руки молитвенно поднятыми къ небу (2 Моис., 17, 11). Къ какому же моменту еврейской исторіи относится этотъ эпизодъ? И почему именно онъ такъ привлекъ вниманіе «наихристіаннѣйшаго» германскаго императора?

Эпизодъ, о которомъ идетъ рѣчь, относится ко времени исхода евреевъ изъ Египта. Тогда, какъ говоритъ Ренанъ ¹⁾, «національный индивидуализмъ израэлитовъ потребовалъ для себя особеннаго бога, и съ этого момента Іахве дѣлается спеціальнымъ богомъ Израіля, обязаннымъ оправдывать его даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ неправъ. Этотъ національный богъ отождествляется съ націей и раздѣляетъ ея побѣды и пораженія. Богъ этотъ представляетъ собою нѣчто въ родѣ двойника, олицетвореннаго генія націи, духа ея, въ томъ смыслѣ этого слова, который даютъ ему дикари».

Израиль этого періода былъ глубоко убѣжденъ, что «весь міръ существуетъ лишь ради него и Богъ занятъ исключительно его благополучіемъ. Съ этого момента, какъ Іахве сталъ мѣстнымъ, патріотическимъ и національнымъ богомъ, онъ сталъ ужасенъ. Онъ превратился въ политическаго убійцу, въ бога, покровительствующаго маленькому народу всякими правдами и неправдами. Онъ сдѣлался богомъ эгоистическимъ и завистливымъ» (Р. 74 и слѣд.).

Давъ такую характеристику первоначальнаго еврейскаго божества, отъ котораго евреи въ послѣдствіи сами отказались, перейдя

¹⁾ Э. Ренанъ. «Исторія израільскаго народа», т. I (въ русскомъ переводѣ, изд. Глаголева, стр. 169 и слѣд.).

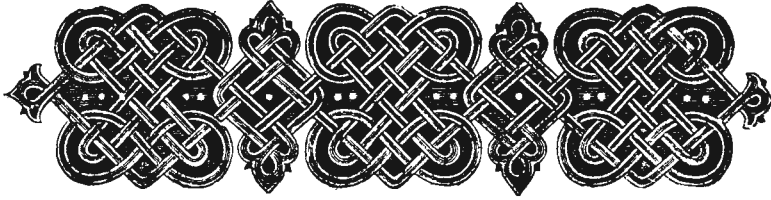
къ болѣе возвышенному представленію о Богѣ, великій французскій ученый прибавилъ, не имѣя еще въ виду нынѣшняго германскаго императора:

«Такая эволюція свойствена природѣ вещей, и мы имѣемъ возможность наблюдать ее и въ наше время. Германія, страна гениальныхъ людей и возвышенной философіи, громче всѣхъ другихъ націй провозгласила принципъ абсолютности и безличности высшаго божества. Но какъ только она стала націей, она тотчасъ же вступила на обычный торный путь партикуляризаціи Божества. Императоръ Вильгельмъ I неоднократно упоминалъ объ «unser Gott» и выражалъ упованія на «бога нѣмцевъ». Какое страшное кощунство!»

Этими словами, примѣнимыми во всей своей полнотѣ и къ царственному внуку такъ называемаго «великаго» императора Вильгельма I, мы закончимъ характеристику нынѣшняго верховнаго вождя германскаго народа.

Фед. Трозинеръ.

УЖАСЫ ГОРОДА.

(Изъ повседневныхъ исторій).

(Очерки.)

III.

Грустная душа¹⁾.

6.

В МѢСТНОЙ газетѣ въ отдѣлѣ происшествій было вкратцѣ написано о смерти крестьянки деревни Александровки, Авдотьи Орловой, съ малолѣтними дѣтьми вслѣдствіе угара, причемъ высказано вскользь предположеніе о самоубійствѣ или зломъ умыслѣ и брошенъ довольно прозрачный намекъ на пьяницу-мужа, роль котораго осталась не выясненной...

Захарь Осиповичъ (Дунинъ отецъ), едва прочиталъ это извѣстіе, какъ сейчасъ же приказалъ поѣхать въ монастырь и заказать на слѣдующій день заупокойную обѣдню и панихиду.

Хотѣлъ, чтобы никто не зналъ объ этомъ, и пригласилъ лишь сестру, Олимпиаду Осиповну, съ Галиной.

Ни одинъ мускулъ лица не показывалъ его волненья, и можно было подумать, что старикъ совершенно спокоенъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СXXXVII, стр. 822.
«Истор. вѣстн.», октябрь 1914 г., т. СXXXVIII.

Какъ и всегда, быть одѣтъ съ обычной своей щепетильной акуратностью, гладко выбрить и слегка надушень любимой «придворной водою».

Его поразила дѣвочка въ траурномъ платьѣ, похожая на покойную Дуню, когда вошла она въ церковь рядомъ съ Галиной, сосредоточенная и блѣдная, съ заплаканными глазами.

Что-то противъ воли заставляло вглядываться въ нее и дѣлать различныя сопоставленья.

Едва служенье закончилось, — Олимпіада Осиповна подвела къ нему Христину и, смотря на него въ упоръ, сказала тономъ, не допускающимъ возраженій, чего никогда раньше не дѣлала при немъ:

— Милый братецъ, у меня къ тебѣ важное дѣльце.

Христина стояла съ опущеннымъ взоромъ, словно ожидая приговора. Она уже слышала о смерти матери, о смерти братьевъ и сестры и что отецъ живъ, но неизвѣстно гдѣ и продолжаетъ пьянствовать, какъ рассказывали земляки.

Застывшая грусть проглядывала во всей ея фигурѣ.

Хрестя похудѣла за время пребыванія въ пріютѣ, и глаза ея приняли болѣе осмысленное выраженье, все «дѣтское» какъ будто отошло отъ нихъ.

Олимпіада Осиповна продолжала послѣ нѣкоторой паузы, которой не прерывалъ старикъ, оставаясь въ той же позѣ внимательнаго слушателя:

— Позволь тебѣ представить внучку Христину, единственно уцѣлѣвшую изъ этой несчастной семьи. О мерзавцѣ отцѣ я не стану говорить. Собственно, взглянувъ на нее, ты сразу могъ бы догадаться, кто она, и я прямо удивляюсь, отчего я должна все тутъ разъяснять... Ты могъ бы, наконецъ, самъ понять, какъ это мнѣ трудно... и простить... ай-ай-ай!.. вѣдь, она ни въ чемъ не виновата... Вчера я взяла ее изъ пріюта, куда временно опредѣлила... Теперь она у меня...

Что-то какъ будто блеснуло на глазахъ у старика.

— Ты всегда была доброй, Олимпіадущка... Вотъ и Галина у тебя съ золотымъ сердцемъ... А мнѣ куда же съ такимъ маленствомъ!.. Дѣвочка ничего себѣ...—и онъ слегка потрепалъ ее по щекѣ, потомъ засуетился уѣзжать:—мнѣ пора, пора... прощайте...

Сѣлъ на извозчика и уѣхалъ.

— Я тебѣ говорила, что изъ этой комедіи врядъ ли что-нибудь выйдетъ,—съ горечью вырвалось у Галины.

Мать промолчала, крѣпко сжавъ губы и ежеминутно поправляя черепаховую оправу очковъ, что служило у нея выраженьемъ скрытаго гнѣва.

Христину помѣстили приходящей ученицей въ городское училище, такъ какъ дѣдъ не принималъ участія въ воспитаніи внучки,

а у тетки не было свободныхъ денегъ, чтобы устроить ее въ пансіонъ.

Дѣвочка получала каждый день одни и тѣ же замѣчанья отъ Олимпіады Осиповны:

— Принеси хорошія отмѣтки... Убери свою комнату... Вымой передникъ, такъ какъ у меня нѣтъ лишней прислуги для тебя... Ай-ай-ай, какая неряха! Не лги... вся въ отца пошла... Будешь упрямой—опять въ пріютъ отдамъ...

Христина привыкла уже къ этимъ наставленьямъ, и въ линіяхъ рта появлялась у нея всякій разъ какая-то черточка упрямства, лишь только Олимпіада Осиповна начинала свои нотации.

Пріѣзжалъ изрѣдка дѣдушка. Она сторонилась отъ него, сдвигала брови и не отвѣчала на разспросы:

— Волчонокъ все въ лѣсъ норовить,—ворчалъ старикъ и хмурился.

Спрашивалъ кто-нибудь, что она хочетъ въ подарокъ. Христя постоянно отвѣчала:

— Ничего. Мнѣ ничего-таки не нужно.

Это былъ странный отвѣтъ для семилѣтней дѣвочки, но Христя чувствовала, что не умѣетъ желать, такъ какъ ее къ этому не пріучили и никогда не баловали.

Отъ всѣхъ держалась она въ сторонѣ, какъ совершенно чужая, и никого не пускала въ свою маленькую душу, даже Галину, съ которой была все же въ болѣе дружескихъ отношеніяхъ, чѣмъ съ другими.

Разъ, возвращаясь изъ училища съ сумкой, гдѣ лежали книжки, она увидѣла пьянаго, ободраннаго бродягу, который не видѣлъ ея, прося милостыню, но она съ перваго же взгляда узнала въ немъ отца.

Не смѣя подойти къ нему, она опустила голову и медленно, съ неровно бьющимся сердцемъ прошла мимо, все еще надѣясь, что онъ позоветъ ее.

Такъ сдѣлала нѣсколько шаговъ, остановилась, опять пошла, и въ мысляхъ молніей вспыхивали давно пережитыя картины дѣтства, но ярче всего воскресалъ образъ матери-мученицы съ грустнымъ лицомъ.

Двѣ-три минуты, а сколько воспоминаній, горестныхъ и сладкихъ!

Когда обернулась,—страшный призракъ отца съ протянутой рукой и скрюченными пальцами уже исчезъ...

Возвратилась домой тихая и задумчивая и на вопросъ тетки, что съ ней, отвѣчала прямо:

— Папу встрѣтила. Такой добрый, поцѣловалъ меня, обѣщался къ вамъ зайти въ гости...

— Поцѣловалъ?!—въ ужасѣ воскликнула Олимпіада Осиповна:—этого еще не доставало! Ступай сейчасъ умыться... Слышишь!

А насчетъ его визита это я распоряжусь, научу, какъ его, батюшку, принять... Ай-ай-ай, нигдѣ нѣтъ покоя отъ проходимцевъ!.. Прощельга этакій!..—и долго бранила его и сердито качала головой, бѣгая изъ комнаты въ комнату и поправляя очки.

Христя была рада, что ей удалось надуть тетку и что та повѣрила ей...

Ложь давала хоть призрачную иллюзію счастья: «папа поцѣловалъ!»

И она уже сама готова была вѣрить въ этотъ поцѣлуй

IV.

Въ большомъ домѣ.

(Кроки)

1.

Большой домъ купца Барнаульцева—доходный домъ, не брезгающій никакими квартирантами, отъ самыхъ важныхъ до угловыхъ жильцовъ.

Онъ вбиралъ въ себя, какъ губка, различные слои городского населенія, и многіе изъ нихъ даже не подозрѣвали, что живутъ по сосѣдству другъ съ другомъ, такъ какъ никогда не встрѣчались и, на первый взглядъ, не имѣли между собою ничего общаго. Но это, конечно, только такъ казалось. Незримыя нити связывали разнородныя звенья въ одну цѣпь, которая тянулась изъ дня въ день уже сколько лѣтъ.

Барнаульцевъ, очевидно, не былъ лишенъ смекалки, когда строилъ этотъ домъ, и хорошо понималъ психологію нанимателя. Поэтому онъ умудрился выдвинуть домъ съ четырехъ улицъ и такъ устроить входы и выходы, что сановникъ смѣло могъ пріѣзжать и уѣзжать, вовсе не беспокоясь о томъ, что соприкасается съ какимъ-нибудь представителемъ пролетаріата или какой-либо захудалой салопницей, а тѣмъ, въ свою очередь, не пришлось бы смущаться, сталкиваясь лицомъ къ лицу съ ненавистными «аристократами».

Каждый жилъ своей жизнью, не отдавая себѣ отчета въ томъ, насколько эта жизнь самостоятельна и не зависитъ отъ постороннихъ жизней; каждый заботился только о себѣ, предполагая, что въ этомъ и заключается вся цѣль существованья. Одни—наверху, другіе—въ глухихъ ячейкахъ безъ воздуха и свѣта, но съ тѣми же правами на жизнь...

2.

Возлѣ чердака по крутой, грязной лѣстницѣ ютилась комнаташка, низкая, полутемная и сырая.

Она была чѣмъ угодно—кухней, спальней, столовой и раздѣвальной. По стѣнамъ ея—грибы и мокрыя пятна, потолокъ съ протечками.

Въ ней жило одиннадцать человѣкъ.

Только одна постель для хозяина съ хозяйкой стояла въ красномъ углу подѣ бумажнымъ изображеніемъ св. Троицы, а для остальныхъ членовъ семьи—дѣтей отъ перваго и втораго брака (сыновей и дочерей) и для постороннихъ квартирантовъ—на ночь разстилались мѣшки, набитые соломой, которые поутру обыкновенно складывались куда-нибудь въ сторону другъ на друга.

Братьямъ приходилось спать съ сестрами; тутъ же рядомъ лежали совершенно чужіе мужчины и женщины, загнанные сюда большею частью изъ деревень лихорадочной нуждой, частой безработицей и вообще упорной борьбой за добываніе скудныхъ средствъ къ прозябанью.

Переставъ быть неподвижными рабами, прикрѣпленными къ землѣ, они оторвались отъ родной почвы и превратились въ подвижныхъ рабочихъ, оставаясь, въ сущности, все же рабами машиннаго производства.

Показная роскошь блестящаго города вѣчно маячила передъ ихъ глазами, но рѣдко кто приближался къ ней; большинство лишь ослѣплялось ложной галлюцинаціей и никогда не выбивалось изъ рядовъ посредственностей. Быть автоматами дѣла—ихъ предназначенье.

Городъ своей притягательной силой невольно заставлялъ ихъ забывать всѣ невзгоды и лишения, и они бились до послѣдней возможности, чтобы не пасть впрахъ передъ судьбой, пока еще злая чахотка или другія болѣзни не сдѣлали ихъ калѣками.

Хозяинъ комнатухи, Лука Рыльцевъ,—продавецъ фруктовъ въ разность, торгуетъ на лоткѣ, перекочевывая съ улицы на улицу. Онъ мастеръ въ своемъ родѣ и по собственному способу быстро умѣетъ превращать апельсины, начинающіе портиться, въ чудесные корольки, точно насыщенные кровью.

Передъ сномъ онъ всегда этимъ занятъ, и хозяйка помогаетъ мужу. Рабочій со стеклянной фабрики, Сородичъ, непремѣнно помѣивался, когда замѣчалъ это, и разговоръ у нихъ большею частью оканчивался ссорой. Потомъ пойдутъ упрекать одинъ другого, и въ концѣ концовъ вся компанія поднимается на ноги, изливая въ злыхъ словахъ накопившійся ядъ на всѣхъ вообще хозяевъ и людей, имѣющихъ хоть незначительную частицу какой-либо власти въ чемъ бы то ни было.

— Лука Матвѣичъ, а Лука Матвѣичъ, — подзадориваетъ Сородичъ, плоскоголовый, съ высоко поставленными ушами и съ узкими ноздрями, что дѣлаетъ его отчасти похожимъ на шимпанзе:—этакъ вы и до владимірки доберетесь. Никакъ фуксиномъ сприн-

пугаете апельсинчики? Хе-хе... Я въ полицію дамъ знать при случаѣ.

— Ты знай себя и будешь съ тебя, всезнайка. А то баить, баить— и смыслу никакого. Стану я съ фукциномъ вожжаться! Нашель, паря, дурака. Извѣстно, освѣжаю товаръ (потому—запылился) и весь тебѣ сказъ. Нашелся какой отгадчикъ!.. И съ полиціей поосторожнѣй. Коли что и мы про васъ кой-что про запасецъ держимъ за зубами насчетъ забастовочки и иного прочаго.

— Вы ему, дяденька, поднесите мерзавчика,—пока что... Неровень часъ, сболтнеть кому не слѣдуетъ,—вставляетъ шутиливое замѣчаніе монтеръ, работающій на сосѣднемъ электрическомъ заводѣ, еще молодой, блѣднолицый, со впалой грудью и острыми, бѣгающими глазами.

— Какъ же, такъ и поднесъ! Собака лаесть—вѣтеръ поспѣтъ, а мнѣ, старику, значить съ подношеніями?

Онъ задѣтъ за живое и готовъ кинѣтъ на всякаго, кто высказывается противъ него.

— Чисто что собака,—отзывается хозяйка съ явнымъ намѣреньемъ начать пересбранку.

— Ну, это вы понапрасну, Степанида Панкратьевна. Ежели что—мы и наложить можемъ въ загривокъ,—неувѣренно заступается за товарища монтеръ: — дружба-дружкой, а табачокъ врозь.

Но Сородичъ сегодня настроенъ благодушно и не хочетъ спорить, только небрежно сплюнулъ, потомъ закурилъ папирску и беззаботно развалился на скамейкѣ, задравъ ногу на ногу.

Хозяйка еще проворчала что-то, и обѣ враждующія стороны замолчали, занявшись своими дѣлами.

Еще не вся комнатуха въ сборѣ.

Младшая дочь Луки, Агаша, явилась съ поденной работы не въ духѣ и едва переступила черезъ порогъ, какъ стала кричать:

— Каторжная жизнь! Опять язва высчитала четвертакъ, что платокъ спалила. Шелудивая, въ прыщахъ, а туда же... чтобъ ей пусто было, выжигъ!..—ругается по чьему-то адресу и швыряетъ со злостью вещами, которыя попадаютъ ей подъ руку.

Съ другой изъ дочерей хозяина любезничаютъ монтеръ:

— Да ты, Матреша, не дуйся,—колючко будетъ твое... Дай сроку... Съ мѣсяць, чай, какъ бастовали мы, поизрасходовался малость... Вотъ накоплю лишнихъ рублишекъ, забренчу ими въ карманахъ и обязательно куплю... ей-ей, правда! Вѣрь слову.

— Мельница вы, какъ на васъ я погляжу. Болтаете съ утра до вечера, а ни къ чему все это, зря...

Но сводный братъ Матренинъ, шестнадцатилѣтній смѣтливый Алексѣй, уже смотритъ на нее такимъ ревнивымъ взглядомъ, что она примолкаетъ и какъ-то испуганно отодвигается отъ монтера.

Алексѣй подскочилъ и, нисколько не стыдясь постороннихъ, больно сжалъ ее за руку.

— Убью, потаскуха!—пронзительно взвизгнувъ и сейчасъ же обратился къ монтеру, но болѣе спокойно:—кого, кого мимо, а кого и въ рыло...

Монтеръ этотъ разъ смолчалъ; зато Сородичъ выступилъ ему на защиту (другъ за друга они постоянно заступались).

— За сестрицу безпокойтесь, молодой человѣкъ?—спросилъ онъ съ язвительной усмѣшкой:—что жъ? похвально... только ужъ оченно вы любите сестричку... почему такая любовь?.. Непонятно-съ! А что вы въ гаражѣ шоферствуете, такъ это намъ ни по чемъ... Мы сами съ усами. Пока что, а хулиганить не совѣтую, вотъ какъ! Батюшка фуксинчикомъ подкрашиваетъ, а сынокъ сестричку подъ лакъ раздѣлываетъ... хе-хе... важная семейка!

Надъ комнатушкой сгустились тучи и чувствовалось тревожное настроенье, которое передалось рѣшительно всѣмъ квартирантамъ.

Лука не нашелся, что сказать, притихъ и заерзалъ, смутился и Алексѣй, будто его обухомъ топора ударили, а тѣмъ временемъ заговорила совершенно спокойнымъ голосомъ сама хозяйка, умѣвшая въ критическія минуты находить соотвѣтствующія слова:

— Вы съѣзжали бы отъ насъ... какъ васъ тамъ величать?.. Сородичъ... Да и товарища своего прихватили бы...

— А по какой такой причинѣ?—съ удивленіемъ спросилъ онъ видимо, неприятно пораженный.

— Клѣтушка у насъ малая, а господа вы большіе, умные, переборщики... Съ улицы наймете, а тутъ помойка у насъ... духъ нехорошій.

— Что вы, Степанида Панкратьевна,—вмѣшался монтеръ, не на шутку перепуганный:—мы завсегда вами довольны, зачѣмъ намъ съѣзжать!..

— А довольны, такъ и не суйте носа куда не слѣдъ... а то футы да ну-ты... Живо и того, и другого за порогъ выставлю,—уже совсѣмъ инымъ тономъ закончила она, видя побѣду на своей сторонѣ и сердито вращая зрачками:—тьфу! плюну и разотру.

— Хозяюшка, а какъ же по части ужина?—нерѣшительно процѣдилъ Сородичъ заискивающимъ голосомъ (точно и не съ нимъ была перебранка, когда мало-по-малу спорщики угомонились).

— Безъ ужина спать—собачья статъ,—неожиданно пошутилъ вдругъ Лука, и всѣ хоромъ зашумѣли и обрадовались:—давай-ка, хозяйка! Въ печи тѣсно, а въ брюхѣ просторно. Пустыя щи на столъ тащи.

Повеселѣли, балагурили. Передъ ѣдой какъ-то словно воскресли. Сидѣли грустными только двое: четырнадцатилѣтній мальчикъ Адрианъ, работающій у переплетчика (называли его всѣ Андріаш-

кой), и конторщикъ Никитинъ, всегда молчаливый, точно ушедшій въ себя, среднихъ лѣтъ.

Когда кто слушалъ Адриана, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ сообщалъ ему эпизоды изъ своей жизни.

Теперь не съ кѣмъ было побесѣдовать, и онъ думалъ все о томъ же, что мучило его съ давнихъ поръ. Мелькали и жужжали тѣ же отрывистыя сѣрыя мысли: «Господа не любятъ дѣтей прислуги... Мать ухаживала за дочками баронессы, а я заброшенъ былъ, шатался по двору въ деревнѣ... въ бабки игралъ... побирался съ нищими... И какъ я воромъ не сталъ, дивлюсь! Вотъ разбогатѣю и не позволю матери служить... Отсюда уйду... Не нравится тутъ... Матреша красивенькая... На ней жениться хочу... Ну, да подожду!.. Мое не уйдетъ...»

Никитинъ другого склада: онъ избѣгаетъ общенія съ кѣмъ бы то ни было и, когда возвращается съ работы, усаживается куда-нибудь поодаль и ни съ кѣмъ не дѣлится впечатлѣніями, будто самъ гнушается или боится, что его гнушаются.

Разъ былъ онъ навеселѣ и, когда Матреша сумѣла вызвать его на откровенность, шепнулъ ей, что у него великій грѣхъ на душѣ.

Долго потомъ приставала къ нему съ разспросами, пока не выпытала.

Подъ самую ночь рассказалъ онъ ей, пронизывая сумракъ воспаленнымъ, бѣгающимъ взглядомъ, свою сокровенную тайну.

— Сестра была у меня, Прасковья. Жили съ ней на ножкахъ, какъ кошка съ собакой грызлись... И не изъ-за чего было, а грызлись... Стала хворать она, чахла... Проходу мнѣ не было отъ злощей, хоть изъ родительскаго дома бѣги... И вдругъ отдала Богу душу. Полегчало мнѣ съ той минуты, даже совѣстно было чужимъ людямъ въ глаза глядѣть. Дома плачутъ, а я радъ-радехонекъ, что отъ вѣдьмы избавился. Накрыли это гробъ крышкой, хотѣли забивать, а подушка-то, что подъ головой, мѣшается, попала, значитъ, между краями. Я тутъ около стоялъ, подошелъ подсобить и поднялъ опять крышку, чтобы подушку-то поправить, смотрю, а у Прасковьи глаза блестятъ, полуоткрыты и рѣсницы этакъ дергаются, моргаютъ. Вѣрите ли, Матреша, ноги у меня подкосились, думаю: «Ожила, проклятая!» Захлопнулъ крышку, ополоумѣлъ, кричу: «Гвоздей давайте!» Самъ взялся гробъ заколачивать, чтобы до второго пришествія не открылся... Похоронили, ужъ сколько лѣтъ прошло, а не имѣю покоя... Какъ вечеръ—мерещется мнѣ... глаза блестятъ, рѣсницы моргаютъ... Живую, значить, похоронили!.. Каково-то ей было тамъ, подъ землей-то!.. А сколько такихъ!.. Э-эхъ?!

— Ой, какой вы!—только и сказала Матреша и отвернулась, а черезъ минуту прибавила:—боюсь васъ. Панихиду отслужите. Грѣшно!

— Служилъ. Не помогаетъ. Я конецъ свой знаю: придетъ за мной... какъ-нибудь ночью.

Подала кушанье хозяйка.

Разеѣлись. Ужинали. Жадно чавкали рты.

Стоялъ паръ въ комнатушкѣ, и сильно чадила плохо заправленная керосиновая лампа съ узкимъ фитилемъ.

А когда всё улеглись по своимъ мѣстамъ, послышался храпъ и свистъ, кто-то тяжело дышалъ и бредилъ, словно черный, мохнатый кошмаръ душилъ кого-то.

Можно было подумать, что спитъ невѣдомый громадный звѣрь, запертый въ этой клѣткѣ-комнатушкѣ, и во снѣ переживаетъ тяжкія муки плѣна.

Когда по временамъ затихало чудовище, тутъ же гдѣ-то въ углу раздавался сдержанный, горячій шопотъ, подавленный смѣшокъ и поцѣлуи.

Въ одинъ и тотъ же мигъ подъ однимъ кровомъ страдали, горевали, переживали ужасъ и наслаждались.

3.

Въ нижнемъ этажѣ дома Барнаульцева помѣщался дѣтскій садъ Агнивцевой.

Въ Татьянинъ день здѣсь установился праздникъ: именины младшей ея дочери, и занятій не бывало.

Всегда веселая, толстенькая, румяная Таня изо дня въ день бѣгала такъ, что, казалось, катится шарикъ, и всѣмъ было пріятно на нее смотрѣть.

Ее любили и баловали. Она была общей любимицей.

Именины отпраздновали въ дѣтскомъ саду съ должнымъ торжествомъ. Послѣ всевозможныхъ игръ и обильныхъ угощений дѣтвора разошлась по домамъ, счастливая и довольная.

Именинница вдругъ хватилась, что ея апельсинъ исчезъ, и начала хныкать, обвиняя старшую сестру, Нину.

Та сейчасъ же въ слезы.

Праздникъ закончился легкой размолвкой.

Матери пришлось мирить, но никакіе совѣты не дѣйствовали.

Таня, обыкновенно податливая и некапризная, сердилась, топала ножками и сжимала кулачки.

— Я Варсаннѣ скажу и Васимычу, — говорила она въ видѣ угрозы, думая этимъ, очевидно, пристыдить Нину: — они къ морю поѣдутъ и меня возьмутъ, а ты сиди дома, въ школѣ... Нехорошал!..

Варвара Александровна и Василій Максимовичъ, которыхъ дѣвочка окрестила «Варсанной» и «Васимычемъ», были ея большими друзьями.

Каждое утро обѣ сестры, Таня и Нина, минувшимъ лѣтомъ въ Финляндіи прибѣгали къ нимъ на балконъ съ сосѣдней дачи, пили кофе, непремѣнно требуя «красную чашку», затѣмъ вмѣстѣ ходили гулять къ морскому берегу.

На этотъ разъ угроза не подѣйствовала на Нину, она продолжала плакать, а, глядя на нее, и Таня разошлась.

— Ну, завели машину! Стыдно... Капризы какіе!—нетерпѣливо замѣтила мать:—послушайте-ка лучше пѣсенку, которую для васъ сочинилъ Васимычъ:

«Серебристый
Коть пушистый
Ходить съ бантомъ,
Бродитъ франтомъ,
Бѣгаетъ за птенчикомъ
Да звенитъ бубенчикомъ...
Богатырскій
Коть сибирскій...»

Дѣти немного успокоились. Но не успѣла уйти мать, какъ Таня опять затянула:

— Хочу апельсин-и-на!

— И я хочу!—вторила Нина.

Пришлось прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ.

Именинница была поставлена въ уголъ, Нина въ другой, а кухарку тѣмъ временемъ послали въ лавку, чтобы купить пару апельсиновъ.

Кухарка Васса имѣла свои привычки и постоянно дѣйствовала по собственному усмотрѣнію, какъ она находила лучшимъ, совершенно пренебрегая указаніями Агнивцевой даже въ такихъ пустякахъ, какъ покупка апельсиновъ.

Она выписывала рабочую газету, смотрѣла на все подъ угломъ зрѣнія ея передовицъ и считала, что ее эксплуатируетъ хозяинка на каждомъ шагу.

Къ бойкоту и забастовкѣ пока не прибѣгала, но въ глубинѣ души часто задумывалась надъ этой мѣрой борьбы съ «барыней-буржуйкой».

Выйди на улицу, Васса признала излишнимъ заходить въ лавку и давать возможность нажиться «толстопузому купцу», считая болѣе правильнымъ по своимъ убѣжденіямъ пролетарки предоставить заработокъ какому-нибудь бѣдному разносчику.

Попался какъ разъ Лука, возвращавшійся домой почти съ пустымъ лоткомъ.

— Извольте, барышня. Всего парочку и могу предложить вашей чести. Расторговался. Вотъ первый сортъ наливной королекъ, а вотъ-съ блѣдненькій, но сахаристый. На всякъ скусь у меня кусъ, барышня. А леденчиковъ не потребуется?

Черезъ часъ между Таней и Ниной водворилось полное согла-
сiе, когда, вмѣсто купленныхъ апельсинновъ, лежали на подносѣ
однѣ апельсиновые корки да косточки.

Именинницѣ достался королекъ.

Однако къ вечеру Таня почему-то горѣла и жаловалась на тош-
ноту, головную боль и спазмы.

Ночь прошла въ хлопотахъ. Звали профессора изъ этого же са-
маго дома, Клина;—отказался по нездоровью. Къ утру прѣѣхалъ
другой докторъ, затѣмъ еще разъ прѣѣзжалъ съ новымъ врачомъ,
старикомъ съ сѣдою бородой.

Нина хмуро разглядывала ихъ изъ-за дверей и слышала, какъ
кто-то пояснялъ, что, вѣроятно, королекъ былъ отравленъ вред-
ной краской.

Васса клялась и божилась, что купила въ извѣстномъ магазинѣ
и что это неправда («всѣ лекаря врутъ»).

Таня уже никого не узнавала.

Ея прекрасные, синіе глаза стали такими громадными и черными.
Лицо посинѣло, покрылось пятнами; щеки занали. Тѣльце судоро-
жно билось. Руки точно отгоняли какой-то невидимый призракъ.

Изъ безсвязныхъ словъ бреда опечаленная мать только и могла
иногда уловить: «море», «Варсанна» и какъ будто «Васимычъ»...
А за плечами уже стоялъ суровый призракъ смерти, та тѣнь, отъ
которой настойчиво отбивались безпомощныя, плающія руки
ребенка.

Таня еще не успѣла пожить, а ей такъ хотѣлось къ морскому
приволью, на теплый, песчаный берегъ, подъ горячіе, солнечные
лучи...

Пришли дѣти попрощаться съ умершей подружкой, прѣѣхали
знакомые, въ томъ числѣ Варвара Александровна и Василій Макси-
мовичъ.

Нина ко всѣмъ обращалась съ улыбкой:

— Таня умерла... Теперь ея игрушки мои...—и смѣялась такъ
беззаботно, что каждый видѣлъ: не понимаетъ еще Нина ни своего,
ни маминаго горя, вѣрно, думаетъ, что Таня вернется оттуда, куда
пошла, или проснется, если она спитъ.

Протекла недѣля, другая, и вдругъ загрустила дѣвочка.

Въ дѣтской головѣ стала работать какая-то маленькая, но на-
зойливая мысль объ исчезнувшей Танѣ.

Уйдетъ въ комнату, гдѣ прежде играла съ ней, и начнетъ что-то
шептать, закроетъ дверь, а потомъ выйдетъ съ блѣдной улыбкой,
съ такимъ выраженіемъ, словно знаетъ какую-то тайну.

— Что съ тобой, дѣтка?—печально спросить мать, все еще не
оправившаяся отъ горя.

— Я съ Таней говорила.

— Какъ съ Таней? Вѣдь, Таня умерла...

— Умерла... а я все-таки съ ней говорила. Она подарила мнѣ игрушки.

Нина улыбается.

— И ты ее видѣла?—испуганно допрашиваетъ Агнiewiczевъ, вглядываясь въ лицо дочери.

— Нѣтъ, я говорила, а не видѣла.

Нина не перестаетъ улыбаться.

— Это тебѣ такъ показалось,—старается объяснить мать:— въ другой разъ меня позови...

Но Нина убѣждена, что не она, а мать ошибается: она такъ увѣрена, что слышала Таню.

— Таня только со мной говорить.

Агнiewiczевой приходятъ на умъ слова Виктора Гюго: «Мертвые—невидимые, но не отсутствующіе».

Вспоминаетъ она, что и Оскаръ Уайльдъ сказалъ: «Мертвые иногда все еще живутъ».

И она успокаивается на этомъ.

«Счастливыя дѣти! Они видятъ и слышатъ то, что намъ недоступно», думаетъ мать, и въ душѣ чувствуетъ вдругъ что-то похожее на ревность, ловить себя на этой мысли и, чтобъ отвлечь тяжелыя думы, смотритъ на Танинъ портретъ со слезами на глазахъ.

4.

Вѣроятно, самую лучшую квартиру въ домѣ занимаетъ модный профессоръ-хирургъ, Клинь.

Доступъ къ нему какъ къ министру: предварительная бесѣда по телефону съ лакеемъ, запись въ книгу, гдѣ уже всегда имѣется длинный хвостъ желающихъ недѣли на три впередъ, потомъ разговоръ съ ассистентомъ, и лишь тогда можно было предстать предъ очи свѣтила.

Разумѣется, при умѣньи проинкали къ нему и внѣ этой процедуры.

Карьера Клина создавалась у всѣхъ на глазахъ.

Лѣтъ десять-пятнадцать назадъ еще молодой, неопытный врачъ, помогающій знаменитому профессору на его пріемахъ по части писанія рецептовъ (конечно, подъ диктовку), дѣлается вдругъ героемъ одной неудачной операціи, которая окончилась смертью пациентки почти подъ ножомъ.

Мужъ умершей написалъ въ газетахъ жалобу, обращаясь къ суду общества. Начала выясняться темная сторона дѣла со всѣми подробностями оплошности хирурга.

Медицинскій міръ заволновался.

У Клина былъ незамѣтный другъ, очень остроумный, находчивый человекъ.

Онъ подалъ ему блестящій совѣтъ, основанный на житейской психологіи.

Еще не замолкла газетная травля и письма въ редакціи такъ и пестрѣли на столбцахъ газетъ, врачи еще не успѣли спѣться, чтобы вынести резолюцію по адресу Клина, а онъ уже приступилъ къ выполненію задуманнаго плана: были разосланы отъ его имени всѣмъ столпамъ медицины пригласительные билеты на обѣдъ въ первоклассномъ ресторанѣ по случаю отъѣзда за границу.

У многихъ мелькнула мысль—не поѣхать, но всѣ, однако, отправились, забронированные неприступнымъ величіемъ, осужденіемъ и, въ лучшемъ случаѣ, участливымъ соболтзнованіемъ по поводу совершившейся непріятности.

Роль хозяйки любезно исполняла извѣстная артистка-красавица. Съ самыхъ же первыхъ шаговъ почувствовалось, что звѣзды медицины потускнѣли.

Клинь, какъ искусный паукъ, обволакивалъ ихъ тончайшей паутиной.

Лилось и пѣнилось вино, искрились тосты за тостами, глаза очаровательной артистки все больше и больше дѣйствовали на воображеніе подкутившихъ знаменитостей.

Яства разносились за яствами.

Казалось, нѣтъ предѣла этому роскошному пиру современнаго Лукулла.

Наконецъ поднялся Клинь и заговорилъ объ операціи.

Онъ не оправдывался и не защищался, а просто утверждалъ, что она была сдѣлана по всѣмъ правиламъ искусства и что причина смерти кроется въ наслѣдственности скончавшейся пациентки, такъ какъ сердце не выдержало наркоза.

Въ заключеніе, чтобы «исчерпать инцидентъ», онъ прочелъ отвѣтное письмо въ редакцію распространенной газеты и просилъ, если «глубокоуважаемые коллеги сочувствуютъ ему хоть немного, подписать его».

Артистка охотно взялась собрать подписи и съ заманчивой улыбкой на чувственныхъ губахъ подавала каждому гостю листъ бумаги съ текстомъ опроверженія и перо съ чернилами.

Одни съ плохо скрываемымъ неудовольствіемъ, другіе съ колебаніемъ и смущеніемъ, третьи съ выраженіемъ на лицѣ «эхъ, куда ни шло!»—но всѣ дали подписи, кромѣ одного упорнаго, отговаривавшагося тѣмъ, что забылъ дома очки.

Письмо появилось въ печати, общественное мнѣніе удовлетворилось имъ, и запачканное имя хирурга было нѣсколько почищено, такъ что онъ отложилъ даже поѣздку за границу на неопредѣленное время.

Какъ разъ начался разгаръ весенняго сезона.

Ежедневно вереница экипажей несется за городъ...

«Проходитъ банкиръ бородатый,
Гремитъ офицеръ палашомъ,
Попарно снуютъ дипломаты
Съ серьезнымъ и кислымъ лицомъ.
Какъ муми, важны и прямы,
Въ коляскахъ своихъ дорогихъ
Болтаютъ нарядныя дамы,
Но рѣчи не клеются ихъ...» ¹⁾

Бдетъ красавица-артистка въ чудномъ шарбанѣ и сама правитъ, а рядомъ верхомъ на лошади гарцуетъ Клинь съ хризантемой въ петлицѣ жакета.

Стали обращать вниманье на эту пару, повидимому, влюбленныхъ и рядомъ съ прозвищемъ театральной звѣздочки («Сильфида») непременно ставили фамилию доктора.

Газетная хроника склоняла ихъ имена во всѣхъ падежахъ почти во всякомъ номерѣ подъ рубрикой: «Въ свѣтѣ».

Понемногу предприимчивый Клинь входилъ въ моду, такъ что переходъ его въ профессуру уже никого не удивилъ.

Женитьба на богатой окончательно укрѣпила за нимъ независимое положеніе.

Клинь помнить заданный имъ обѣдъ въ честь медицинскаго персонала, который собирался, можетъ быть, жестоко осудить его за ошибку, и въ душѣ презираетъ любого изъ этой касты. Вкусный обѣдъ и красивые женскіе глаза спасли его отъ гибели.

И онъ все дѣлаетъ, чтобы теперь ослѣпить ихъ лучами своей извѣстности.

Чудовищные гонорары, смѣлость хирургическаго ножа и театральная поза окружаютъ его ореоломъ въ близорукихъ глазахъ толпы.

Съ нимъ трудно тягаться, и съ нимъ предупредительно дружатъ, такъ какъ худой миръ лучше доброй ссоры.

Когда наивная Агнiewiczева пригласила его къ себѣ ночью, чтобы спасти умирающую дочь, онъ, правда, не спалъ еще, но такъ удивился этому приглашенію, что, вмѣсто того, чтобы выгнать служанку, какъ онъ обыкновенно поступалъ въ подобныхъ случаяхъ (конечно, черезъ лакея), онъ только пожалъ плечами, криво усмѣхнулся и сказалъ:

— Передай, что я самъ боленъ.

Онъ знаетъ себѣ цѣну и не спуститъ ея, даже если бъ отъ этого пострадала человѣческая жизнь.

Ради своего благополучія онъ готовъ на такія жертвы.

И Клинь живетъ нѣкимъ божкомъ, требуя поклоненья и удивленья. Самоувѣренность помогаетъ ему, а поголовный гипнозъ укрѣпляетъ за нимъ славу удачнаго врачевателя душъ и тѣлесъ.

¹⁾ Стихи А. Н. Апухтина.

Много бѣдныхъ, много несчастныхъ, много неудачниковъ...

Клинъ живетъ себѣ припѣваючи, и беретъ онъ жизни все, что только она можетъ дать.

Враги подъ сурдинку шепчутъ на его счетъ слова Конанъ-Дойля:

«Фальшивыя монеты всегда бываютъ красивѣе и свѣтлѣе настоящихъ».

Онъ знаетъ объ этомъ, и это его лишь забавляетъ.

Онъ начитанъ и находчивъ, и у него тоже готовъ отвѣтъ:

«Лучше, если бы гусь не говорилъ объ орлѣ».

Персидскій поэтъ XII вѣка Энвери такъ сказалъ, и профессоръ Клинъ удачно повторилъ это въ XX вѣкѣ.

А большие?..

А слушатели профессора?..

Весь ужасъ, если они теряютъ вѣру, а пока вѣрятъ—они счастливы.

5.

Ламайскій принадлежитъ къ числу тѣхъ удачниковъ, которые никогда ни въ чемъ не нуждаются и ничего не дѣлаютъ, только фланируютъ и стригутъ купоны, чтобъ обмѣнять ихъ на деньги.

Уже нѣсколько дней подъ рядъ онъ сталъ замѣчать, что между 2—4 часами, когда онъ выходитъ изъ ресторана послѣ завтрака, непременно промелькнетъ мимо него стройная золотистая блондинка, одѣтая съ изящной скромностью, и на его вызывающій взоръ всегда отвѣтитъ мягкимъ и какъ бы прощающимъ взглядомъ.

Сегодня въ ресторанѣ онъ былъ настроенъ скептически и заспорилъ съ пріятелемъ, который не соглашался съ нимъ, что наша толпа дѣлается съ каждымъ годомъ равнодушнѣе и, слѣдовательно, менѣе воспримчива къ явленіямъ общественной жизни, чѣмъ прежде.

— Можетъ, ея холодность есть философское самоуглубленіе или стоическое спокойствіе человѣка, знающаго истинную цѣнность вещамъ?—возражалъ тотъ.

— Ну, еще чего!—съ неудовольствіемъ протянулъ Ламайскій и скривилъ лицо въ презрительную гримасу:—въ современномъ безразличіи толпы,—толпы 1912—13 гг., чувствуется или паразитическая апатія, или пошлое самодовольство, или мелочность эгоистической натуры. Ни порыва, ни увлеченія, пускай ошибочнаго, но во всякомъ случаѣ искренняго, непосредственнаго, вы не найдете въ ней. Она будетъ нестрѣбъ передъ вашими глазами и волноваться мертвыми, ничего не говорящими красками. Не вы будете ея вдохновителемъ, и не она вдохновитъ васъ... Конечно, я говорю о городской толпѣ, которую знаю. Я вспоминаю зачастую Некрасова: «движутся фигуры... полная безличность иль карикатуръ»...

Дверь ресторана захлопнулась за ними, и они очутились на улицѣ, полной шумнаго движенья.

Ламайскому опять бросился въ глаза изящный силуэтъ незнакомки.

— Развѣ это напоминаетъ стоячія воды лагуны? Сама жизнь!— воскликнулъ его пріятель.

— Я, вѣдь, не объ этомъ, mon cher,—отвѣтилъ онъ, а въ то же время думалъ: «какъ бы не упустить ея изъ виду... Нынче или никогда!»

И пока они шли за блондинкой, Ламайскій еще продолжалъ развивать волнующія его мысли, но уже, впрочемъ, не такъ горячо, словно желая поскорѣе отдѣлаться отъ собесѣдника.

— Въ моей памяти на протяженіи послѣднихъ двухъ-трехъ десятилѣтій толпа, какъ нѣчто цѣлое, все болѣе и болѣе блѣднѣла по мѣрѣ приближенія къ двадцатому вѣку. Я еще былъ небольшимъ гимназистомъ, когда разнеслась молва о взятіи русскими Плевны (я жилъ тогда въ провинціи), но воспоминаніе до сихъ поръ мнѣ ярко рисуетъ мощную картину народнаго подъема. Съ какой силой забились сердца!.. Положимъ, вѣсть о паденіи Плевны была написана кровавыми буквами, за которыми чернѣли безконечные ряды жертвъ, но толпа умѣла тогда одинаково и радоваться, и печалиться, и первое извѣстіе о сдачѣ, естественно, вызвало прежде всего восторгъ. А отголосокъ «тулоніады»—чествованіе французовъ въ Павловскѣ! Опять что-то юношеское, восторженное, задушевное; франко-русскій союзъ представлялся толпѣ чѣмъ-то близкимъ, дорогимъ, непоколебимымъ, въ него вѣрили.... Однако, при внимательномъ наблюденіи, въ настроеніи толпы уже не замѣчалось прежней искренней простоты, и молодой пылъ до извѣстной степени былъ подогрѣтъ любопытствомъ ребенка, интересующагося новымъ занятіемъ. Вамъ не скучно? Мнѣ, кстати, надо вправо,—произнесъ Ламайскій, замѣчая, что незнакомка свернула въ переулокъ и оглянулась.

— Великолѣпно. Я тоже сдѣлаю нѣсколько шаговъ. Вы начинаете меня побѣждать своими примѣрами внимательнаго наблюдателя.

Въ другой разъ Ламайскій остался бы доволенъ такимъ отзывомъ пріятеля, но теперь всѣ мысли клонились къ тому, чтобы поскорѣе отъ него отдѣлаться, и онъ заторопился.

— Да, да, да... Чѣмъ дальше съ годами, толпа стала, видимо, увлекаться декорацией и напоминать какое-то маскарадное шествіе ряженыхъ. Телеграмма о нападеніи на Портъ-Артуръ, правда, снова какъ будто всколыхнула толпу, утомленную отъ пережитыхъ восторговъ и огорченій. Въ ея крикѣ еще слышались слабыя нотки грусти и надежды, но онъ уже не воплотился въ сердцѣ толпы живыми образами...

— Вот тут-то я васъ и поймалъ, дружище! Ха-ха-ха... а семнадцатое октября?.. Что, развѣ не было подъема?—обрадовался пріятель и похлопалъ Ламайскаго по плечу, но тотъ разсѣяннo смотрѣлъ вдаль и не зналъ, какъ отдѣлаться отъ своего собесѣдника.

— Извините, я разовью основную мысль въ слѣдующую нашу встрѣчу... Я, видите ли, все говорилъ о будничной, повседневной толпѣ. Въ историческіе дни міровыхъ событій толпа не простая толпа, а значительно подогрѣтая. Ее нельзя брать за образецъ для доказательства моихъ положеній... Разумѣется, тогда былъ громадный подъемъ... Знаете, mon cher, не сердитесь, а я прошусь теперь съ вами... Меня ждуть...

Онъ помчался за незнакомкой, которая уже собиралась сѣсть въ трамвай.

Противъ обыкновенія онъ задержался въ ресторанѣ и совѣмъ не рассчитывалъ увидѣть ее сегодня, а все-таки увидѣлъ. «Неужели такъ-таки и упушу?» мелькнула у него мысль.

Было пять часовъ. Погода портилась. Порывался мокрый снѣжокъ, и на панеляхъ, въ свѣту фонарей, казалось, что по землѣ ползаютъ большія мухи.

Явилось какое-то безотчетное желанье—непремѣнно познакомиться. Золотистые волосы, таинственность, томный взглядъ, скромность, гибкость фигуры,—все привлекало, раздражало, ображенъе, подчиняло.

И вышло какъ-то вполне естественно, что онъ окликнулъ ее, какъ знакомую:

— Пойдите, барышня!

И заговорилъ, точно они уже много разъ сходились и разговаривали.

Она торопилась домой, гдѣ ожидалъ мужъ, который сегодня вечеромъ долженъ ѣхать въ Варшаву по дѣламъ, а завтра, если хочетъ Ламайскій, они могутъ встрѣтиться въ два-три часа.

При словѣ «мужъ» онъ невольно усмѣхнулся.

«На видъ настоящая барышня и вдругъ—замужемъ!»—блеснуло подозрѣніе, что обманываетъ, но сейчасъ же угасло, и онъ повѣрилъ ей.

Она уѣхала, а Ламайскій все еще глядѣлъ ей вслѣдъ.

Положительно, онъ давно такъ не увлекался, какъ теперь, и постепенно приходилъ къ заключенію, что наконецъ нашелъ ту, которую тщетно разыскивалъ столько лѣтъ среди многолюдныхъ улицъ, на балахъ, въ театрахъ и гостиницахъ.

У него была нѣкоторая склонность къ преувеличеньямъ, и онъ готовъ былъ считать встрѣчу съ незнакомкой (она не сказала своего имени) роковой встрѣчей.

«Кто она?—терялся въ догадкахъ:—дама общества? авантюристка?..»

Весь вечеръ провелъ дома за чтеніемъ новыхъ книгъ и журналовъ, никуда не поѣхалъ и рано легъ спать, а съ утра находился въ нервномъ состояніи и съ особенной тщательностью занялся своимъ туалетомъ.

Когда сошлись въ назначенномъ мѣстѣ, онъ тотчасъ же предложилъ ей отправиться позавтракать въ ресторанъ.

Она сдѣлала испуганное лицо.

— Нѣтъ, нѣтъ, боюсь. Меня могутъ увидѣть и донесутъ мужу. Онъ такой ревнивецъ. Пойдемте ко мнѣ, посидимъ, поговоримъ. Самое удобное время, а послѣ условимся, куда ѣхать. Такъ сложилось, что никуда нынче не рѣшусь пойти.

— Однако вашъ муженекъ нагналъ-таки страху!.. Я—хоть на край свѣта. Ёдемте. Вотъ извозчикъ...

— Лучше въ трамваѣ. Не такъ обратимъ на себя вниманье...

Ея пугливость начала его смѣшить и утѣшать. Онъ былъ убѣжденъ теперь, что попалъ на дѣйствительно интересное приключеніе съ хорошенькой женщиной, принадлежащей какому-то Отелло. Обстановка трамвая и посторонняя публика сдерживали Ламайского, которому безумно хотѣлось поскорѣе привлечь ее къ себѣ, прижать и заговорить съ ней знакомыми словами любви.

Она чувствовала это и будто посмѣивалась надъ его нетерпѣніемъ.

«О, величайшая кокетка подъ маской скромницы!»—рѣшилъ онъ въ умѣ и примирился съ дѣйствительностью.

— Какъ же васъ зовутъ, милое, очаровательное Нѣкто?

— Дора.

— И только?

— Довольно съ васъ и этого. А васъ?

— Вольдемаръ.

Доѣхали въ шутовомъ настроеніи.

Вошли поспѣшно въ громадную подворотню, и Ламайскій узналъ хорошо ему извѣстный домъ купца Барнаульцева, гдѣ онъ даже самъ когда-то квартировалъ и гдѣ жили нѣкоторые изъ его знакомыхъ семействъ, но не съ этой улицы; вспомнилъ племянницу, которая посѣщала дѣтскій садъ Агнивцевой...

«Кого не поглощаетъ эта домина!»—думалось ему, и на минуту стало почему-то грустно.

— О чемъ замечались?—раздался нѣжный голосокъ Доры:—живо за мной, пока никого нѣтъ. Прямо по лѣстницѣ, третій этажъ, налево. Но тихо, Бога ради, тихо!.. Я совсѣмъ не желаю, чтобы услыхала прислуга... Ахъ, Вольдемаръ, что вы обо мнѣ подумаете!.. Вчера познакомились, а сегодня... Но вы сами отлично знаете, что я безъ ума отъ васъ... Мужчинамъ нельзя этого говорить, а то

они зазнаются, но я всегда откровенна... Это—моя слабость... моя болѣзнь.

Щебетала безъ умолку, какъ птичка, и тѣмъ временемъ беззвучно отпирала замокъ англійскимъ ключомъ.

Ламайскій не выдержалъ искушенія и тутъ же на площадкѣ лѣстницы сталъ ее цѣловать въ губы и волосы.

— Милая, чудная, красивая...—шепталъ онъ прерывающимся голосомъ.

— Тихе, голубчикъ, тихе... Могутъ услышать... Послѣ...

Она быстро проскользнула въ дверь и ввела его за собой въ небольшую, со вкусомъ убранную комнату.

Пахло духами. Ноги мягко тонули въ коврѣ.

Угловая часть будуара была огорожена высокими ширмами.

— Видишь,—говорила Дора вполголоса:—тутъ тѣсно... Это—специально мой уголокъ для отдыха... Всего одинъ стулъ... Тутъ и кладѣ вещи. Въ передней нельзя оставлять... Нужно быть осторожнымъ... О, у насъ такъ мало времени!.. Не будемъ его терять... Я такъ тебя люблю... Съ перваго же раза, какъ только увидѣла...

Въ его бурной ласкѣ было столько подкупающей искренности, что глаза Доры на минуту какъ бы затуманились и она остановилась вдругъ въ нерѣшимости посреди комнаты, словно обдумывая что-то, и лицо ея сдѣлалось какимъ-то особеннымъ, какъ будто печальнымъ.

Ламайскій понялъ эту перемену по-своему и сталъ болѣе предприимчивъ.

Дора словно жалѣла его и колебалась, потомъ въ какомъ-то странномъ изступленіи обняла его обѣими руками и повисла у него на шеѣ, точно и умоляя о чемъ-то, чего онъ не зналъ и о чемъ не догадывался, и завлекая, и отдаваясь ему всѣмъ своимъ прекраснымъ тѣломъ.

Со стороны можно было подумать, что это прощаются любовники наканунѣ долгой разлуки.

За ширмами горѣлъ бѣлый матовый фонарь и весь этотъ уголокъ, пронизанный теплымъ свѣтомъ, притягивалъ и звалъ.

Когда Дора ввела туда Ламайскаго, она страшно закашлялась, и онъ вдругъ подумалъ, что у нея чахотка, даже испугался и хотѣлъ итти за водой, но она засмѣялась и не пустила его.

— Что ты, милый, прошу тебя, успокойся. Это—случайно... уже прошло... Люблю тебя, люблю... поцѣлуй меня... мой Володя...

Въ будуарѣ стоялъ шкафъ съ зеркаломъ.

Дверь, къ которой онъ былъ привинченъ, когда раздался кашель, безшумно отворилась и показалась полная женщина, одѣтая во все черное.

Какъ вкрадчивая мышь, неслышно ступая босыми ногами, подбирается она къ стулу, гдѣ лежатъ вещи Ламайскаго, и уноситъ ихъ въ сосѣдную комнату, закрывая опять дверь со шкапомъ.

Тамъ давно ожидаетъ упитанный паренъ съ бритымъ, красивымъ лицомъ «подъ англичанина», одѣтый по модѣ, какъ настоящій джентльменъ.

— Жирный фрайеръ,—только и произноситъ хозяйка квартиры.

Ламайскій имѣлъ обыкновеніе держать при себѣ крупныя деньги. Считаютъ въ бумажникѣ.

Болѣе тысячи.

— Ого!—вырвалось у франта, и ноздри его раздуваются отъ сдержаннаго восторга.

— Любаша—славная дѣвочка... Хоть кого обработаетъ.

Двѣ сотенныя и нѣсколько мелкихъ бумажекъ кладутся обратно въ карманъ, и тѣмъ же порядкомъ снова относятся вещи на прежній стулъ.

Дора слышитъ сигналъ (замыкала кошка), и ею начинаетъ овладѣвать безпокойство, которое передается и Ламайскому.

— Боюсь, голубчикъ, какъ бы тетя не пришла... Уже поздно... На дняхъ опять увидимся. Я къ тебѣ сама приѣду. Милый, дорогой...

Передъ уходомъ довольный и счастливый Ламайскій хочетъ незамѣтно достать бумажникъ, но Дора замѣчаетъ движеніе его руки.

— Какой ты смѣшной, голубчикъ!.. За кого меня принимаешь?— и крѣпко цѣлуетъ, мягко подталкивая его къ дверямъ:—уйди, уйди, пока не застали насъ. Тетя все расскажетъ мужу. Больше нельзя оставаться...

Онъ беретъ слово, что она не обманетъ и непременно придетъ къ нему завтра же вечеромъ.

— Могу ли я забыть?.. Ахъ, если бъ ты зналъ, я бы навсегда къ тебѣ пришла!—и въ этихъ словахъ звучитъ вопль неподдѣльной тоски и отчаянья.

Грустными глазами провожаетъ она его и запираетъ дверь.

«Кончена комедія!»—мысленно говоритъ себѣ, но ей почему-то жалко того призрачнаго счастья, которое на мгновеніе мелькнуло сейчасъ и растаяло, какъ дымъ.

Еще не окончила мечтать, а хозяйка и «онъ» уже здѣсь.

Началась быстрая перестановка мебели «на всякій случай».

Кровать, этажерка съ бездѣлушками, туалетный столъ, трюмо,— все теперь передвинуто на другія мѣста и будуаръ уже совсѣмъ не похожъ на тотъ, какимъ только что былъ.

Если бъ вернулся «гость», не узналъ бы его.

— Ну, Любаша,—обращается къ Дорѣ упитанный франтъ:—сегодня же вечеромъ айда въ Москву. Собирайся, вмѣстѣ ѣдемъ. Василь Степанычъ новое дѣло нащупалъ. Поработаемъ съ тобой,—и, не стѣсняясь хозяйки, властно обнимаетъ ее и сажаетъ къ себѣ на колѣни.

Послѣ ласкъ Ламайскаго эти объятія кажутся грубыми и дерзкими. Она сидитъ, какъ подстрѣленная птица, боится сопротивляться, не въ силахъ отвѣчать на заигрыванье, съежилась и въ глазахъ—ужасъ невысказанной тайны.

Хозяйка посмѣивается и лукаво прищмокиваетъ языкомъ.

— Голубки воркуютъ... Ухожу, ухожу...

Прошло три дня.

Ламайскій былъ очень удрученъ происшедшимъ и не столько жалѣлъ денегъ, сколько печалился, что не можетъ понять, какую же, однако, роль сыграла въ этой исторіи Дора.

«Разъ не пришла ко мнѣ—значитъ виновата... Эхъ, я бы простилъ... Больно хороша... Ужели притворялась?.. Тогда это—великая артистка. На сцену такой надо!»

Въ ресторанѣ, куда не заглядывалъ около недѣли, встрѣтился съ пріятелемъ, обычнымъ завсегдатаемъ этого мѣста.

Тотъ прямо сказалъ:

— Съ вами что-то приключилось: осунулись, поблѣднѣли и какая-то муть въ глазахъ. Влюблены?

— Хуже,—отвѣчалъ Ламайскій, хотѣлъ переменить разговоръ, а затѣмъ рѣшилъ быть откровеннымъ и все рассказалъ безъ утайки.

— Эге-ге, дружище! Дѣло серьезное. Самый настоящій «хипесъ» произошелъ съ вами. Поостерегитесь! Разумѣется, не заявляли въ полицію?

— И не думалъ.

— Правильно, ибо бесполезно. Это, вѣдь, антреприза какого-нибудь талантливаго предпринимателя, а ваша Дора не больше, не меньше, какъ настоящая «кошка», за спиной которой прячется неуловимый «котъ». Можетъ быть, она и жертва этого самаго кота, и достойна сожалѣнья, а все же подальше отъ нея... Да вы и не найдете ея, головой ручаюсь.

Ламайскій, уходя изъ ресторана, еще имѣлъ слабую надежду увидѣть знакомый силуэтъ Доры, даже прошелся взадъ и впередъ нѣсколько разъ по улицѣ.

Ея не было.

Въ сердцѣ продолжало жить воспоминаніе пережитой любви, пускай корыстной, фальшивой, но все же до такой степени захватившей ихъ обоихъ, что слились грани обмана и правды,—сли-

лись на короткій мигъ, однако надолго оставили слѣдъ, какъ послѣ пожара.

«Она тоже думаетъ обо мнѣ, не хочетъ, а думаетъ...»—утѣшалъ себя Ламайскій и, пожалуй, былъ правъ.

6.

Большой домъ купца Барнаульцева кипитъ жизнью, какъ гигантскій муравейникъ, и хозяинъ благоденствуетъ, богатѣя съ каждымъ годомъ.

Въ одной изъ меблированныхъ квартиръ, въ незатѣйливомъ номерѣ сидитъ ученый и пишетъ изслѣдованіе о городахъ.

Обложенъ бумагами, книгами, брошюрами.

Дѣлаетъ, для подкрѣпленія выводовъ, разныя выписки.

Вотъ изъ «Эмиля» Ж.-Ж.-Руссо:

«Города—пучина человѣческаго рода».

«Дыханье человѣка—смертельно для подобныхъ ему».

«Недуги тѣла, какъ и недуги души, являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ слишкомъ многочисленнаго скопленія людей».

«Человѣкъ изъ всѣхъ животныхъ—наименѣе способенъ вести стадную жизнь».

А вотъ изъ статьи С. В. Покровскаго («Въ сѣверномъ морѣ»):

«Какъ ненавистенъ долженъ быть всему живущему человѣкъ, это страшное чудовище, убивающее ради убійства, несущее смерть ради любопытства, ради удовольствія, ради пустого, мимолетнаго желанія...»

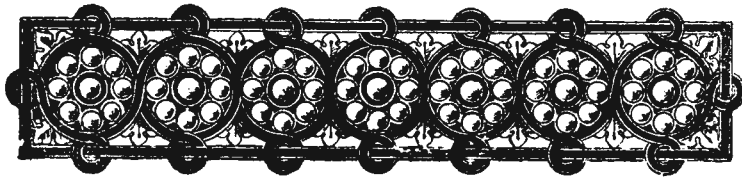
Перо быстро бѣгаетъ по линованному листу бумаги; растутъ фразы; создаются образы; ученый громитъ города, проповѣдуетъ обратную тягу въ деревню...

И не чувствуетъ, что тутъ же рядомъ, въ этомъ же домѣ, законъ природы совершаетъ свое неизмѣнное дѣло, созидаетъ и разрушаетъ и что за его спиной уже поднялась коса, которая готова пресѣчь тонкую нить его жизни.

Перо падаетъ изъ рукъ, глаза тускнѣютъ, и книга не дописана...

В. Умановъ-Каплуновскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОЙНА ВЪ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВѢ ЛЕРМОНТОВА.

Есть упоеніе въ бою...

Пушкинъ.

Я думалъ: жалкій человѣкъ...
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,—
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ...—Зачѣмъ?..

Лермонтовъ.

ТОЛѢТІЕ со дня рожденія Лермонтова совпало съ кровавой «грозою военной непогоды», переживаемой нынѣ Россіей. Вполнѣ естественно, что общественное вниманіе отвлечено теперь отъ литературныхъ юбилеевъ и сосредоточено на новостяхъ о военныхъ событіяхъ. Но въ жизни и творествѣ Лермонтова есть одна сторона, которая особенно приближаетъ его къ намъ въ эти дни героической борьбы великихъ народовъ между собою. Поэтъ на собственномъ опытѣ во время своей службы на Кавказѣ позналъ какъ «упоеніе въ бою», такъ и цѣну войны и отразилъ ихъ въ художественномъ своемъ творествѣ. И этой, мало подчеркнутой изслѣдователями Лермонтова, сторонѣ его біографіи и литературной дѣятельности посвящаются настоящія бѣглыя строки.

I.

Если придавать значеніе отдаленной наслѣдственности, то приходится признать, что въ Лермонтовѣ отразился воинственный духъ его шотландскихъ предковъ. Родоначальникъ рус-

ской вѣтви Лермонтовыхъ, Георгъ Лермонтъ былъ въ 1613 году взятъ въ плѣнъ русскими войсками въ бою подъ Бѣлымъ, перешелъ затѣмъ на службу къ московскому государю и сложилъ свою голову, храбро сражаясь съ поляками близъ Смоленска. Его ближайшіе потомки служили вѣрой и правдой русскому государству, какъ по гражданскому управленію, такъ и на ратномъ полѣ. Наконецъ, Юрій Петровичъ Лермонтовъ, отецъ поэта, съ достоинствомъ носилъ военный мундиръ Кексгольмскаго пѣхотнаго полка, но въ строю прослужилъ недолго и рано посвятилъ себя заботамъ о военномъ воспитаніи юношества въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ въ свое время и самъ окончилъ учебный курсъ.

Но если въ семьѣ Лермонтовыхъ и существовала военная традиція, то ея проявленія энергичнымъ образомъ заглушались тѣмъ почти исключительно женскимъ вліяніемъ, которому былъ подчиненъ будущій поэтъ въ дѣтствѣ и юности. Воспитанный своей бабушкой Е. А. Арсеневой, Лермонтовъ съ малыхъ лѣтъ былъ окруженъ преимущественно женщинами, что развило въ немъ большую мечтательность и нѣжную мягкость характера. Но бывали минуты, когда эти привитыя воспитаніемъ свойства уступали въ немъ мѣсто унаслѣдованнымъ отъ предковъ воинственнымъ настроеніямъ. Тогда онъ собиралъ вокругъ себя сверстниковъ, производилъ имъ военныя ученія и водилъ ихъ въ бои противъ воображаемыхъ враговъ. Отголосокъ этихъ дѣтскихъ переживаній мы находимъ въ отрывкѣ одной не оконченной Лермонтовымъ повѣсти, гдѣ герою, характеръ котораго имѣетъ, несомнѣнно, черты автобиографическія, крѣпостныя дѣвушки «разсказываютъ сказкі про волжскихъ разбойниковъ—и его воображеніе наполняется чудесами храбрости, картинами мрачными и понятіями противообщественными». И долго потомъ въ безсонныя ночи «онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ, при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури»...

Рядомъ съ мечтами и сказками шли также и впечатлѣнія отъ прошлой дѣйствительности. Гувернеръ Лермонтова, эльзасецъ Капэ, нѣкогда плѣнный офицеръ французской гвардіи, восторженными разсказами о военныхъ подвигахъ своего императора приобщалъ душу юнаго воспитанника къ культу Наполеона и училъ его не только быть храбрымъ, но и относиться съ уваженіемъ къ несчастіямъ храбрыхъ. И эти рыцарскія правила Лермонтовъ усвоилъ себѣ навсегда.

Эти зерна любви къ войнѣ и къ военной жизни, конечно, могли бы заглохнуть совершенно безслѣдно въ душѣ Лермонтова, если бы не одна случайность... А случайности, вообще, играли въ жизни Лермонтова огромную роль, и не онъ ли выработали въ немъ такого убѣжденнаго и послѣдовательнаго фаталиста?

«Штатское» образованіе поэта, которому всецѣло сочувствовала бабушка Арсеньева, буквально дрожавшая надъ своимъ внукомъ, оборвалось въ московскомъ университетѣ, вслѣдствіе одной изъ студенческихъ исторій и столкновенія съ профессорами; перейти же въ петроградскій университетъ съ зачетомъ времени, проведеннаго въ Москвѣ, не удалось—и Лермонтовъ, по совѣту своихъ друзей и родственниковъ Столыпина и Юрьева, поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Университетскія неудачи, видимо, заставляли страдать его самолюбіе. «Не могу представить себѣ, какое дѣйствіе произведетъ на васъ моя великая новость,—пишетъ онъ М. А. Лопухиной.— До сихъ поръ я жилъ для поприща литературнаго, принесъ столько жертвъ своему неблагоприятному идолу,—и вотъ теперь я воинъ.

«Быть можетъ, тутъ есть особая воля Провидѣнія; быть можетъ, этотъ путь всѣхъ короче; и если онъ не ведетъ къ моей первой цѣли, можетъ быть, по немъ дойду я до послѣдней цѣли всего существующаго: вѣдь лучше умереть со свинцомъ въ груди, чѣмъ отъ медленнаго старческаго истощенья».

Чувствуется, что подъ этимъ наиграннымъ разочарованіемъ заботливо прячется сконфуженная растерянность отъ университетской неудачи. Вообще переписка Лермонтова, относящаяся къ этому времени, поразительно сходственна съ такими «виноватыми» письмами къ С. Н. Толстому брату Льва Толстого, вынужденнаго покинуть аудиторію казанскаго университета и, подобно Лермонтову, надѣтъ юнкерскій мундиръ.

Время залечило эти раны самолюбія—и поэтъ мало-по-малу втянулся въ разбѣренную и суровую жизнь военнаго училища. Характерно, что Лермонтовъ, не сходявшійся со своими университетскими товарищами, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы Вистенгофъ,—нашелъ себѣ много друзей въ средѣ юнкеровъ. Мало того, они оказались внимательными слушателями его произведеній, и, благодаря усердію одного изъ военныхъ поклонниковъ поэзіи Лермонтова, его юношеская поэма «Хаджи Абрекъ» появилась въ печати, впервые за полною подписью автора.

Вольнолюбивому Лермонтову, конечно, не легко давалась жизнь въ закрытомъ учебномъ заведеніи съ его строгой дисциплиной и чиновничаніемъ. «Мы возвратились въ городъ, и скоро начнутся наши занятія,—пишетъ онъ осенью 1833 года М. А. Лопухиной.— Единственное, что меня поддерживаетъ, это мысль, что черезъ годъ я офицеръ! и тогда... Боже мой! Если бы вы знали, какую жизнь намѣренъ я повести! О это будетъ восхитительно! Во-первыхъ, чудачества, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ...»

Лермонтовъ не договариваетъ въ этомъ письмѣ, что будетъ «во-вторыхъ»... Но изъ его біографіи мы знаемъ, что по производ-

ствѣ въ офицеры онъ сумѣлъ соединить «шаловливыя чудачества» какъ съ серьезными литературными занятіями, такъ и съ усерднымъ исполненіемъ обязанностей строевой службы, что давало его непосредственному начальству возможность неоднократно аттестовать его, какъ прекраснаго фронтоваго офицера.

Въ этотъ періодъ времени Лермонтовъ еще мало думаетъ о ратныхъ подвигахъ. Онъ всецѣло отдается жизни, беретъ отъ нея все, что она можетъ ему дать. По собственному своему признанію, онъ стремится проникнуть въ высшіе круги столицы. Быть можетъ, онъ хотѣлъ блистать въ нихъ и при этомъ не только своей эффектной формой лейбъ-гусарскаго корнета, но и глубиною мысли и отточенностью мѣткаго слова. Скоро, однако, это увлеченье свѣтскимъ обществомъ уступило мѣсто,—подъ впечатлѣніемъ предсмертной драмы Пушкина,—глубокому презрѣнію, съ особенной силою излитому въ стихотвореніи «Смерть поэта».

За этотъ вдохновенный крикъ души, истолкованный нѣкоторыми охранителями, какъ «воззваніе къ революціи», Лермонтовъ поплатился ссылкой на Кавказъ—въ Нижегородскій драгунскій полкъ.

Кажется, что эта кара была благотѣльной для Лермонтова. Она довершила переворотъ въ его воззрѣніи на военную службу. Ему и въ Петербургѣ, видимо, мало вѣрилось въ благотѣльную спасительность вытянутыхъ въ тѣ времена въ одну линію солдатскихъ носковъ и безукоризненно начищенныхъ кирпичомъ мундирныхъ пуговицъ. Не даромъ же онъ, такой исправный служака, позволялъ себѣ нерѣдко фронттировать, намѣренно утрируя нѣкоторыя детали офицерской формы,—напримѣръ, появляясь на парадахъ или разводахъ то съ непомѣрно большой, то съ игрушечно-миниатюрной саблею, и подчасъ попадалъ за эти «неумѣстныя шутки» на гауптвахту.

Жизнь на Кавказѣ, въ боевой обстановкѣ, убѣдила Лермонтова, что настоящій военный духъ живетъ не въ людяхъ, стремящихся «на ловлю счастья и чиновъ», но въ безвѣстныхъ и скромныхъ Максиммахъ Максимычахъ, безъ фразъ дѣлающихъ свое прямое дѣло и умѣющихъ спокойно и безстрашно жертвовать своею жизнью за родину, когда она того требуетъ. Последнее подтверждается и свидѣтельствомъ современника Лермонтова князя А. И. Васильчикова. «Лучшіе изъ офицеровъ,—пишетъ онъ,—старались вырваться изъ Михайловскаго манежа и красносельскаго лагеря на Кавказъ, а молодые люди, привязанные родственными связями къ гвардіи и придворному обществу, составляли группу самыхъ бездарныхъ и безцвѣтныхъ парадеровъ и танцоровъ».

Несмотря на крайнюю сбивчивость официальныхъ данныхъ о службѣ Лермонтова на Кавказѣ въ 1837 году, можно со значительною долею увѣренности сказать, что боевое крещеніе поэтъ получилъ именно тогда. Правда, ему не довелось въ первый свой

пріѣздъ участвовать въ большихъ дѣлахъ противъ горцевъ, но и отдѣльныя стычки съ ними были въ достаточной мѣрѣ опасны и рискованны, какъ рискованны и опасны были постоянныя странствованія Лермонтова по Кавказу, во время которыхъ ему приходилось неоднократно отстрѣливаться отъ лезгинскихъ наѣздовъ. «Съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ изъ Россіи,—пишетъ Лермонтовъ Раевскому,—я находился въ непрерывномъ странствованіи, то на перекладной, то верхомъ; извѣздилъ линію всю вдоль отъ Кизляра до Тамани, переѣхалъ горы, былъ въ Шущѣ, въ Кубѣ, въ Шемахѣ, въ Кахетіи, одѣтый по-черкесски, съ ружьемъ за плечами, ночевалъ въ чистомъ полѣ, засыпалъ подъ крикъ шакаловъ, ѣлъ чурекъ, пилъ кахетинское...»

И вотъ какъ разъ тогда, когда Лермонтовъ сталъ привыкать къ походной и увлекательной въ своей опасности кавказской боевой жизни, хлопоты бабушки поэта Е. А. Арсеньевой, старадавшей въ разлукѣ съ внукомъ, завершились успѣхомъ, и Лермонтовъ вновь былъ переведенъ въ Россію—сначала въ Гродненскій гусарскій, а затѣмъ и въ лейбъ-гусарскій полкъ въ Царское Село.

Петроградскій высшій свѣтъ встрѣтилъ прощенного поэта съ распростертыми объятіями,—но теперь уже это было ему не нужно. «Я несчастнѣйшій человѣкъ,—пишетъ онъ М. А. Лопухиной,—и вы мнѣ повѣрите, узнавъ, что я ежедневно ѣзжу по баламъ: я пустился въ большой свѣтъ. Въ теченіе мѣсяца на меня была мода, меня искали наперерывъ... Весь народъ, который я оскорблялъ въ стихахъ моихъ, осыпаетъ меня ласкательствами, самыя хорошенькія женщины просятъ у меня стиховъ и торжественно ими хвастаютъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ скучно... Вы знаете, что самый главный мой недостатокъ—суетность и самолюбіе; было время, когда я, какъ новичекъ, искалъ доступа въ это общество; аристократическія двери были для меня закрыты, теперь въ это же самое общество я вхожу уже не искателемъ, а человѣкомъ, завоевавшимъ себѣ права. Я возбуждаю любопытство, меня ищутъ, меня всюду приглашаютъ, даже когда я не выражаю къ тому ни малѣйшаго желанія... Согласитесь, что все это можетъ опьянять; но, къ счастью, меня выручаетъ природная моя лѣнность, и мало-помалу я начинаю находить все это довольно невыносимымъ».

Лермонтова неодолимо тянетъ обратно на Кавказъ—«на могучій пиръ войны»... Но его не пускаютъ туда, какъ не пускаютъ и въ отставку. Онъ чувствуетъ себя связаннымъ по рукамъ и ногамъ. Натянутыя струны отношеній естественно должны были оборваться. Въ февралѣ 1840 года у Лермонтова произошло въ домѣ графини Лаваль крупное объясненіе съ сыномъ французскаго посланника Барантомъ, которое закончилось дуэлью и въ окончательномъ своемъ результатѣ привело Лермонтова ко вторичной ссылкѣ на Кавказъ,—но теперь уже въ Тенгинскій пѣхотный полкъ.

Въ боевомъ отношеніи этотъ прїѣздъ Лермонтова былъ для него гораздо счастливѣе перваго: ему удалось принять самое дѣятельное участіе въ дѣйствіяхъ отряда генераль-лейтенанта Галафѣева противъ чеченцевъ.

10-го іюня Лермонтовъ прибылъ въ Ставрополь, въ главную квартиру командующаго Кавказской линіею, а менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ уже принималъ участіе въ ожесточенныхъ перестрѣлкахъ во время похода изъ крѣпости Грозной въ Малую Чечню. Въ лѣсу, на самомъ берегу Валерика—рѣчки смерти—отрядъ ген. Галафѣева встрѣтилъ значительныя чеченскія силы, и здѣсь 11-го іюля произошелъ шестичасовой упорный бой. «Насъ было всего двѣ тысячи пѣхоты,—пишетъ Лермонтовъ своему другу А. А. Лопухину:—а ихъ до шести тысячъ; и все время дрались штыками. У насъ убыло тридцать офицеровъ и триста рядовыхъ, а ихъ шестьсотъ тѣлъ осталось на мѣстѣ,—кажется, хорошо! Вообрази себѣ, что въ оврагѣ, гдѣ была потѣха, часъ послѣ дѣла еще пахло кровью»...

Огромное присутствіе духа и неустрашимая храбрость Лермонтова въ дѣлѣ подъ Валерикомъ были засвидѣтельствованы генераломъ Галафѣевымъ въ официальномъ донесеніи генераль-адъютанту Граббе, главноначальствующему войсками Сѣвернаго Кавказа.

«Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ,—читаемъ мы здѣсь,—во время штурма непріятельскихъ заваловъ на рѣкѣ Валерикѣ имѣлъ порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и увѣдомлять начальника отряда объ ея успѣхахъ, что было сопряжено съ величайшей для него опасностью отъ непріятеля, скрывавшагося въ лѣсу за деревьями и кустами. Но офицеръ этотъ, несмотря ни на какія опасности, исполнялъ возложенное на него порученіе съ отличнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ и съ первыми рядами храбрѣйшихъ ворвался въ непріятельскіе завалы».

Сраженіе подъ Валерикомъ Лермонтовъ навсегда обезсмертилъ въ своемъ исполненномъ глубины и вдохновенія стихотвореніи «Валерикъ», которое, по словамъ Кропоткина, —«людьми, побывавшими въ сраженіяхъ, считается лучшимъ и наиболѣе точнымъ описаніемъ битвы, какое существуетъ въ поэзіи».

По дошедшимъ до насъ официальнымъ даннымъ, Лермонтовъ послѣ Валерикскаго дѣла принимаетъ участіе въ рядѣ перестрѣлокъ съ чеченцами, именно 12-го іюля при сожженіи деревни Ачхой, 13-го и 14-го іюля въ окрестностяхъ рѣки Сунжи. Вѣроятно, во время этихъ вооруженныхъ столкновеній у Лермонтова возникаетъ мысль попытать счастья въ партизанской войнѣ, войдя въ составъ такъ называемой «Дороховской» охотничьей команды, которая наводила ужасъ на горцевъ своей ловкостью и безшабашной смѣлостью.

Послѣ почти двухмѣсячнаго перерыва, въ началѣ октября

отрядъ генерала Галафѣева опять возобновилъ военныя дѣйствія противъ чеченцевъ, приче́мъ въ одной изъ первыхъ же перестрѣлокъ Руфинъ Дороховъ былъ тяжело раненъ и командованіе его отрядомъ перешло къ Лермонтову.

По словамъ награднаго списка, составленнаго генераломъ Галафѣевымъ, но для Лермонтова такъ и оставшагося безрезультатнымъ, «12-го октября на фуражировкѣ за Шали, пользуясь плоскостью мѣстоположенія, Лермонтовъ бросился съ горестью людей на превосходнаго числомъ непріятели и неоднократно отбивалъ его нападеніе на цѣпь нашихъ стрѣлковъ и неоднократно же поража́лъ собственной рукою хищниковъ».

Подъ 15-мъ октября тамъ же записано: «Лермонтовъ съ командою первый прошелъ Шалинскій лѣсъ, обращая на себя всѣ усилія хищниковъ, покушавшихся препятствовать нашему движенію, и занялъ позицію въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ опушки. При переправѣ черезъ Аргунъ онъ дѣйствовалъ отлично противъ хищниковъ, и пользуясь выстрѣлами нашихъ орудій, внезапно кинулся на партію непріятели, которая тотчасъ же ускакала въ ближайшій лѣсъ, оставивъ въ рукахъ нашихъ два тѣла».

По возвращеніи изъ осенняго похода Лермонтовъ сообщалъ А. А. Лопухину: «Пишу тебѣ изъ крѣпости Грозной, въ которую мы, т. е. отрядъ, возвратились послѣ двадцатидневной экспедиціи въ Чечню. Не знаю, что будетъ дальше, а пока судьба меня не очень обижаетъ: я получилъ въ наслѣдство отъ Дорохова, котораго ранили, отборную команду охотниковъ, состоящую изъ ста казаковъ—разный сбродъ, волонтеры, татары и прочіе, это нѣчто вродѣ партизанскаго отряда и, если мнѣ случится съ нимъ удачно дѣйствовать, то авось что-нибудь дадутъ; я ими только четыре дня въ дѣлѣ командовалъ и не знаю еще хорошенько, до какой степени они надежны; но такъ какъ мы будемъ воевать еще цѣлую зиму, то я успѣю ихъ раскусить».

Къ этому времени Лермонтовъ уже успѣлъ окончательно и прочно слиться съ кавказской боевой средою. «Я вошелъ во вкусъ войны,—признается онъ въ одномъ изъ своихъ откровенныхъ писемъ,—и увѣренъ, что для человѣка, который привыкъ къ сильнымъ ощущеніямъ этого банка, мало найдется удовольствій, которыя бы не показались приторными». Но на штабныхъ офицеровъ, пріѣзжавшихъ изъ Петрограда дѣлать на Кавказѣ карьеру, воинственный азартъ и опрощеніе Лермонтова производили непріятное впечатлѣніе. «Лермонтовъ собралъ какую-то шайку грязныхъ головорѣзовъ,—съ брезливостью говорилъ желчный баронъ Россильонъ.—Они не признавали огнестрѣльнаго оружія, врѣзывались въ непріятельскіе аулы, вели партизанскую войну и именовались громкимъ именемъ Лермонтовскаго отряда. Длилось это, впрочемъ, недолго, потому что Лермонтовъ нигдѣ не могъ усидѣть, вѣчно рвался куда-то и ничего

не доводилъ до конца. Когда я его видѣлъ на Сулакѣ, онъ былъ мнѣ противенъ необычайною своею неопрятностью. Онъ носилъ красную канаусовую рубашку, которая, кажется, никогда не стиралась и глядѣла почернѣвшею изъ-подъ вѣчно разстегнутаго сюртука поэта, который носилъ онъ безъ эполетъ, что, впрочемъ было на Кавказѣ въ обычай. Гарцовалъ Лермонтовъ на бѣломъ какъ снѣгъ, конѣ, на которомъ, молодецки заломивъ бѣлую холщевую шапку, бросался на чеченскіе завалы».

Разказы о личной храбрости Лермонтова долго жили на Кавказѣ и передавались изъ устъ въ уста. Дѣйствительно, Лермонтовъ словно испытывалъ свою судьбу: то отправлялся ужинать за черту лагеря, каждую минуту рискуя быть убитымъ подкравшимся горцемъ, то затѣвалъ горячіе споры подъ ружейнымъ огнемъ непріятеля, иногда,—какъ было это съ декабристомъ Лихаревымъ,—стойшіе жизни его собесѣдникамъ.

Чувствовалось, что въ этой напряженной атмосферѣ постоянной опасности Лермонтовъ испытывалъ какое-то внутреннее удовлетвореніе. Встрѣтившій его въ Ставрополѣ, послѣ осенней экспедиціи, инженеръ баронъ Дельвигъ нашелъ Лермонтова веселымъ, оживленнымъ и остроумнымъ. Между прочимъ, Лермонтовъ увѣрялъ падкаго до знаковъ отличія барона Дельвига, что по казачьимъ землямъ можно ѣздить только штабъ-офицерамъ или съ крестомъ на шеѣ, иначе-де подвергнешься непріятностямъ со стороны казаковъ и потому убѣждалъ его петличный аннинскій крестъ надѣть на шею.

Въ январѣ же 1841 года, черезъ недѣлю послѣ встрѣчи съ Дельвигомъ, Лермонтовъ отбылъ въ послѣднее свое путешествіе на сѣверъ. Невеселымъ оказалось на этотъ разъ пребываніе его въ Петроградѣ. Его жизнью здѣсь тяготились и администрація торопила опальнаго поэта съ обратнымъ отъѣздомъ. Пробывъ въ столицѣ все-таки около трехъ мѣсяцевъ, Лермонтовъ уѣхалъ на югъ, «надѣясь выслужить себѣ на Кавказѣ отставку». Покидая Петроградъ, онъ набросалъ язвительное восьмистишіе по адресу своего недоброжелателя—тогдашняго всесильнаго шефа жандармовъ Бенкендорфа—и его приспѣшниковъ:

Прощай, немытая Россія,
Страна рабовъ, страна господъ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный имъ народъ.
Быть можетъ, за хребтомъ Кавказа
Укроюсь отъ твоихъ пашей,
Отъ ихъ всевидящаго глаза,
Отъ ихъ всеслышащихъ ушей.

Но ни одной изъ надеждъ Лермонтова не суждено было сбыться. Вслѣдъ за поэтомъ было послано изъ Петрограда на Кавказъ секретное предписаніе о томъ, чтобы поручика Лермонтова ни подъ ка-

кимъ видомъ не удалять изъ фронта полка. «Паши» распространили свою тяжкую власть на поэта и «за хребтомъ Кавказа», обрекая его на беспросвѣтное прозябаніе въ нѣдрахъ захолустнаго армейскаго полка.

Къ счастью для Лермонтова, онъ такъ никогда и не зналъ объ этомъ начальственномъ распоряженіи, навсегда обрывавшемъ его боевую карьеру...

Съ момента прибытія Лермонтова на Кавказъ событія его жизни развертываются съ фатальной быстротою: судьба приводитъ его въ Пятигорскъ, толкаетъ на нелѣбую ссору съ Мартыновымъ и ставитъ подъ роковой выстрѣлъ его пистолета.

Знаменательно, что уже на пути къ мѣсту поединка мысли Лермонтова были заняты творческими проектами, но при этомъ въ связи съ войною. По утверженію П. К. Мартыанова, во время послѣдней бесѣды своей съ секундантомъ Глѣбовымъ, поэтъ говорилъ ему: «Я выработалъ уже планъ двухъ романовъ: одного—изъ временъ смертельнаго боя двухъ великихъ націй, съ завязкою въ Петербургѣ, дѣйствіями въ сердцѣ Россіи и подъ Парижемъ, и развязкой въ Вѣнѣ, и другого—изъ кавказской жизни съ Тифлисомъ при Ермоловѣ, его диктатурой и кровавымъ усмирениемъ Кавказа, персидской войной и катастрофой, среди которой погибъ Грибоѣдовъ въ Тегеранѣ,—и вотъ придется сидѣть у моря и ждать погоды, когда можно будетъ приняться за кладку ихъ фундамента. Недѣли черезъ двѣ уже нужно будетъ отправиться въ отрядъ, къ осени пойдемъ въ экспедицію, а изъ экспедиціи когда еще вернемся!..»

До самаго послѣдняго мгновенія, присутствіе духа не измѣнило Лермонтову. «Въ эту минуту и въ послѣдній разъ,—вспоминалъ о дуэли тридцать лѣтъ спустя ея участникъ князь А. И. Васильчиковъ,—я взглянулъ на него и никогда не забуду того спокойнаго, почти веселаго выраженія, которое играло на лицѣ поэта передъ дуломъ пистолета, уже направленнаго на него...»

Дохнула буря,—цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ,
Потухъ огонь на алтарѣ...

II.

То увлеченіе войною, «упоеніе въ бою», которое красною нитью проходитъ почти черезъ всю жизнь Лермонтова, естественно, не могло не проявиться въ его творчествѣ. Но, какъ и многія другія воззрѣнія Лермонтова, взгляды его на войну въ теченіе его короткой жизни переживаютъ значительную эволюцію.

Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы,—

говорить Лермонтовъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи «Поэтъ», обращаясь къ пѣвцу, который нынѣ «свое утратилъ назначенье...» И самъ Лермонтовъ на исходѣ дней своихъ едва ли могъ уже чеканнымъ стихомъ вдохновлять воиновъ, пробуждая въ нихъ жажду мести и крови... Время наложило свой отпечатокъ на душу поэта, измѣнились и его прежніе взгляды на войну.

Еще совѣтъ юнымъ мальчикомъ онъ мечтаетъ о битвахъ, какъ о томъ вольномъ просторѣ, гдѣ можно съ такою мощью показать свою неустрашимую удаль и надменно сбросить съ себя докучныя

Образованности цѣпи
И вериги бытія.

При извѣстіи о началѣ турецкой войны въ 1829 году Лермонтовъ пишетъ полудѣтское, несомнѣнно навѣянное Пушкинымъ, но характерное для тогдашняго его настроенія стихотвореніе:

Зажглась, друзья мои, война,
И развились знамена чести;
Трубой завѣтною она
Манитъ въ поля кровавой мести!
Простите, шумные пиры,
Хвалы достойныя напѣвы
И Вакха милые дары,
Святая Русь и красны дѣвы!
Забуду я тебя, любовь,
Суешь и юности отраву,
И полечу свободный вновь
Ловить вѣнокъ небренной славы!

(«Война»).

Поэта властно влечетъ туда, гдѣ все еще полно преданіями о ратныхъ подвигахъ его шотландскихъ предковъ, и онъ съ грустью сѣтуетъ на свою судьбу, жалуясь, что

Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ
Увядаетъ среди чуждыхъ снѣговъ...

Ему хотѣлось бы стать птицею, степнымъ ворономъ,—и тогда,—мечтаетъ поэтъ,—

На западъ, на западъ помчался бы я,
Гдѣ цвѣтутъ моихъ предковъ поля,
Гдѣ въ замкѣ пустомъ, на туманныхъ горахъ
Ихъ забвенный покоится прахъ.
На древней стѣнѣ ихъ наслѣдственный щитъ
И заржавленный мечъ ихъ виситъ.
Я сталъ бы летать надъ мечомъ и щитомъ
И смахнулъ бы я пыль съ нихъ крыломъ.

(«Желаніе»).

Но и въ этомъ соприкосновеніи съ памятниками прежней бранной славы мало радости для вольнолюбивой души поэта. Вѣдь все это—отжившее, уже не настоящее. Вокругъ него тамъ будутъ только могилы, напоминающія о прошломъ, и больно думать, что тѣ, передъ которыми трепетали недруги, «спять послѣднимъ сномъ давно». И вотъ поэтъ мысленно—на могилѣ одного изъ почившихъ бойцовъ. И думается ему, что тамъ, глубоко подъ зеленымъ холмомъ, теперь—

... блѣдны щеки мертвеца,
 Какъ ликъ его враговъ
 Блѣднѣль, когда являлся онъ,
 Одинъ средь ихъ рядовъ.
 Сырой землей покрыта грудь,
 Но ей не тяжело;
 И червь, движенья не боясь,
 Ползеть черезъ чело.
 На то ль онъ жилъ и мечъ носилъ,
 Чтобъ въ часъ вечерней мглы
 Слетались на курганъ его
 Пустынные орлы?
 Хотя пѣвецъ родной земли
 Не разъ ужъ пѣлъ о немъ,
 Но пѣснь—все пѣснь, а жизнь—все жизнь!..
 Онъ спитъ послѣднимъ сномъ.

(«Могила бойца»).

Да, «жизнь—все жизнь»—и она беретъ свое. Бодрѣе и легче становится на душѣ, когда воспринимаешь только опьяняющую сторону войны, ея поэзію и не задумываешься о сопутствующихъ ей могильныхъ холмахъ и крестахъ. Въ раннихъ произведеніяхъ Лермонтова еще мало рефлексіи по поводу войны. Правда, на послѣдней онъ иногда склоненъ видѣть слѣды Каиновой печати, восклицая патетически въ «Измаиль-Беѣ»:

Война! знакомый людямъ звукъ
 Съ тѣхъ поръ, какъ братъ отъ братнихъ рукъ
 Предъ алтаремъ погибъ невинно...

А въ другой поэмѣ, именно въ «Ангелѣ Смерти», дѣлаетъ укоризненный вопросъ:

Зачѣмъ въ долинѣ сокровенной
 Отъ миртовъ дышитъ ароматъ?
 Зачѣмъ?.. Властители вселенной,
 Природу люди оскверняютъ.
 Цвѣтокъ измятый обогрится
 Ихъ кровью...

Но подобныя настроенія протеста противъ несправедливости войны не стойки въ юношескомъ творествѣ Лермонтова и легко вытѣсняются красотой и упоеніемъ боя, столь ярко отраженными въ картинахъ битвъ—и въ «Черкесахъ», и въ «Литвинкѣ», и въ

томъ же «Ангелъ смерти», и во многихъ другихъ произведеніяхъ молодости Лермонтова. Вотъ, напримѣръ, ставшая извѣстной только недавно ранняя поэма Лермонтова «Послѣдній сынъ вольности». Ратныя неудачи героя новгородскаго Вадима въ его борьбѣ за свободу и даже самая трагическая смерть его въ единоборствѣ съ Юрикомъ, которому онъ хочетъ отомстить за оскорбленіе прекрасной Леды, все это не холодитъ душу читателя безнадежностью. Пусть

Надъ непреклонной головой
Ударъ спустился роковой...»

Пусть

... Паль въ крови, и палъ одинъ—
Послѣдній вольный славянинъ—

эта героическая смерть такъ красива, въ ней такъ много яснаго и свѣтлаго мужества и затѣмъ,—можетъ быть, это даже самое главное,—она описана поэтомъ съ такимъ юношескимъ подъемомъ, что примиришься съ нею, какъ съ неизбѣжной жертвой борьбы.

«Въ дѣтствѣ и юности Лермонтовъ былъ большой патриотъ въ чисто военномъ смыслѣ,—совершенно справедливо замѣчаетъ академикъ Н. А. Котляревскій въ своемъ капитальномъ трудѣ, посвященномъ Лермонтову.—Слава родины для него была неразрывно связана со славою русскаго оружія. Побѣда надъ врагомъ, кто бы онъ ни былъ,—была для Лермонтова предметомъ наибольшей гордости. Въ «Измаиль-Беѣ» такія патриотическія тирады выступаютъ наиболѣе ярко: русская держава разрастается въ мечтахъ поэта до предѣловъ державы всемірной и всѣ народы преклоняются передъ русскимъ императоромъ.

Какія степи, горы и моря
Оружію славянъ сопротивлялись?
И гдѣ велѣнью русскаго царя
Измѣна и вражда не покорялись?
Смирись, черкесь! и Западъ, и Востокъ,
Быть можетъ, скоро твой раздѣлять рокъ.
Настаетъ часъ—и скажешь самъ надменно:
«Пускай я рабъ, но рабъ царя вселенной!»
Настаетъ часъ!—и новый грозный Римъ
Украшитъ сѣверъ Августомъ другимъ!»

По мѣрѣ того, какъ крѣпнеть и развивается поэтический талантъ Лермонтова, въ его поэзію войны начинаютъ проникать новые мотивы. Однимъ изъ интереснѣйшихъ среди нихъ является проводимая и въ «Измаиль-Беѣ», и отчасти въ «Бѣглецѣ» мысль о связи военной удачи съ вѣрностью въ любви. Въ «Пѣснѣ Селима», такъ проникновенно положенной на музыку недавно умершимъ композиторомъ М. А. Балакиревымъ, дѣвушка, отпуская на битву юношу-воина, закликаетъ его:

Мой милый! смѣлѣе
Вѣрайся ты року,
Молися востоку,
Будь вѣренъ Пророку,
Любви будь вѣриѣ!
Всегда награжденъ,
Кто любить до гроба,—
Ни зависть, ни злоба
Ему не законъ.
Пускай его смерть и погубить:
Одинъ не погибнетъ, кто любить!
Любви измѣнившій
Измѣной кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнетъ безъ славы.
Дожди его ранъ не обмоютъ,
И звѣри костей не зароютъ!

Та же мысль находить себѣ болѣе совершенное выраженіе въ стихотвореніи «Кинжалъ», написанномъ Лермонтовымъ въ 1837 году. Глядя на подаренный любимой женщиной «въ минуту разставанья» булатный свой кинжалъ, на этотъ символъ войны, облитый женскими слезами, поэтъ общается:

Да, я не измѣнюсь и буду твердъ душой,
Какъ ты, какъ ты, мой другъ желѣзный.

Въ желѣзную твердость и мощь души русскаго воина Лермонтовъ вѣрилъ крѣпко и постоянно. Да и могъ ли онъ не вѣрить въ нихъ, когда онъ не только зналъ во всѣхъ подробностяхъ быть своихъ солдатъ, но, по свидѣтельству современника, «совершенно входя въ ихъ образъ жизни, спалъ на голой землѣ, ѣлъ съ ними изъ одного котла и раздѣлялъ всѣ трудности похода». Поэтому-то, глядя, какъ

Идутъ всѣ полки могучи,
Шумны какъ потокъ,
Страшно-медленны, какъ тучи,
Прямо на востокъ,—

онъ, испытывая холодъ восторга при созерцаніи прекрасной въ своей величественности воинственной картины, въ то же время понималъ ея реальное значеніе. Ему было извѣстно по личному опыту, какую цѣну въ бою имѣетъ эта готовность—побѣдить или умереть, и, видя, какъ

Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Кольхаясь и сверкая,
Двигутся полки,—

онъ чувствовалъ свою органическую связь съ ними и еще чувствовалъ, что никакія невзгоды не сломятъ твердости, непобѣдимой въ конечномъ итогѣ, русской солдатской души.

И въ прошломъ своей родины Лермонтовъ находилъ подтвержденіе этимъ своимъ убѣжденіямъ. Героическая эпопея 1812 года, о которой столько рассказывалъ ему наставникъ его дѣтства французъ Калэ, была не разъ источникомъ его поэтическихъ вдохновеній, среди которыхъ отмѣтимъ символическое описаніе борьбы русскаго и французскаго народовъ въ стихотвореніи «Два великана» и, въ особенности, «Бородино».

Какъ извѣстно, послѣднее стихотвореніе подвергалось неоднократнымъ передѣлкамъ, и до насъ дошли двѣ его редакціи,—одна, озаглавленная «Поле Бородина» и относящаяся къ 1830 году, другая, названная просто «Бородино» и напечатанная въ 1837 году. Здѣсь мы имѣемъ два разновременныхъ воспріятія военныхъ впечатлѣній, но первое принадлежитъ юношѣ, склонному къ мелодраматическимъ уклонамъ, а второе произведеніе пера зрѣлаго чловека, пытавшагося перевоплотиться въ душу простаго солдата—участника Отечественной войны,—психологія котораго въ 1837 г. была уже хорошо знакома Лермонтову. «При всей живописи военной сценировки, при крайне гиперболическомъ описаніи геройскихъ подвиговъ,—говоритъ о «Бородинѣ» академикъ Н. А. Котляревскій,—какая сдержанность въ отношеніи къ побѣжденному врагу, какъ мало побѣднаго грома!» Въ «Бородино» поэтъ вложилъ всю свою любовь къ русскому народу, всю вѣру въ его скрытыя могучія силы,—замѣчаетъ со своей стороны г. Леонидъ Семеновъ въ своемъ новомъ интересномъ трудѣ «Лермонтовъ и Левъ Толстой».—Его ветеранъ двѣнадцатаго года—не хвастунъ, не балагуръ, передъ нами чловекъ, выдавшій виды, но степенный. Ему присущи высокія качества нашего солдата—любовь къ отчизнѣ, крѣпкая вѣра въ Бога, отвага, преданность своему вождю и готовность всего себя отдать для блага другихъ...»

Уже въ «Бородинѣ» начинается намѣчатся та сторона войны, которая какъ-то ускользала до сихъ поръ отъ Лермонтова. Изъ-за блеска побѣдъ, сквозь упоеніе боя—проступаетъ скорбь о жертвахъ борьбы: грусть слышится и въ воспоминаніи о «сраженномъ булатомъ» и «спящемъ въ землѣ сырой» любимомъ полковникѣ, и о павшихъ товарищахъ, трупы которыхъ приходится считать послѣ сраженія...

Въ «Казачьей колыбельной пѣснѣ» это настроеніе сказывается еще болѣзненнѣе въ формѣ трагической антитезы скорби матери, провожающей сына на войну, и смѣлой удали послѣдняго въ его стремленіи къ браннымъ подвигамъ. Тутъ уже предчувствуются Некрасовскія «Слезы бѣдныхъ матерей»,—которымъ

... не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей.

А дальше... дальше «Завѣщаніе», отъ котораго такъ и вѣетъ героизмомъ и спокойствіемъ честно принятой смерти, гдѣ умирающій отъ ранъ съ трогательною заботливостью оберегаетъ своихъ стариковъ-родителей отъ роковой вѣсти о своей близкой кончинѣ.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты въ живыхъ...
Признаться, право, было бѣ жалъ
Мнѣ опечалить ихъ;
Но если кто изъ нихъ и живъ,
Скажи, что я писать лѣнливъ,
Что полкъ въ походъ послали,
И чтобъ меня не ждали...

«Одно изъ страшныхъ золъ войны—страданія раненыхъ, забытыхъ на полѣ сраженія,—пишетъ г. Леонидъ Семеновъ въ цитированномъ мною уже выше изслѣдованіи.—Во сто кратъ счастливѣе тотъ, кто умираетъ на рукахъ родныхъ или товарищей; но лежать среди мертвыхъ или умирающихъ, испытывать острые физическія муки, невыносимое чувство одиночества, тоски по близкимъ, терпѣть голодъ, жажду, зной...

«— Скажите, что вы чувствовали, когда лежали среди убитыхъ и раненыхъ?—спросилъ однажды Лермонтовъ генерала Шульца, который подъ Ахульго получилъ рану и весь день пролежалъ тогда на землѣ, пока его не подобралъ.

«— Что я чувствовалъ? Я чувствовалъ, конечно, безпомощность, жажду подъ палящими лучами солнца; но въ полузабытѣ мысли мои часто неслись далеко отъ поля сраженія, къ той, ради которой я очутился на Кавказѣ... Помнить ли она меня, чувствуетъ ли, въ какомъ жалкомъ положеніи очутился ея женихъ»... (Шульцъ любилъ дѣвушку, съ которой по волѣ ея родителей долженъ былъ разстаться; онъ уѣхалъ на Кавказъ; невѣста общала остаться ему вѣрной). Черезъ нѣсколько дней поэтъ встрѣтилъ Шульца и сказалъ: «Благодарю васъ за сюжетъ. Хотите прочесть?» И онъ прочелъ ему стихотвореніе «Сонъ» («Въ полдневный жаръ, въ долину Дагестана...»).

Цикль произведеній Лермонтова, посвященныхъ войнѣ, завершается «Валерикомъ».

Это произведеніе не только важно, какъ непосредственное отраженіе пережитой Лермонтовымъ дѣйствительности, оно характерно и какъ психологическій матеріалъ. Еще на дняхъ, при посѣщеніи одного изъ госпиталей, я спрашивалъ раненыхъ солдатъ о ихъ переживаніяхъ въ теченіе боя, и всѣ они, въ одинъ голосъ, утверждали, что во все время сраженія, были «какъ шальные». Этимъ, видимо, они старались опредѣлить тотъ подъемъ, который переживается почти каждымъ въ битвѣ. И тѣмъ острѣе — послѣдующее возвращеніе къ дѣйствительности.

Этотъ переходъ геніально отраженъ въ «Валерикѣ».

Вотъ русскія войска подошли къ самому завалу, гдѣ спрятались чеченцы...

Пустили нѣсколько гранатъ;
 Еще подвинулись,—молчать...
 То было грозное молчанье!..
 Не долго длилось оно,
 Но въ этомъ страшномъ ожиданьи
 Забилось сердце не одно.
 Вдругъ залпъ... глядимъ: лежать рядами...
 Что нужды? Здѣшніе полки
 Народъ испытанный... «Въ штыки!
 Дружиѣ!»—раздалось за нами.
 Кровь загорѣлася въ груди!
 Всѣ офицеры впереди...
 Верхомъ помчался на завалы,
 Кто не успѣлъ прыгнуть съ коня...
 «Ура!»—и смолкло.—«Вонъ кинжалы!..
 Въ приклады!..» И пошла рѣзня.
 И два часа въ струяхъ потока
 Бой длился; рѣзались жестоко,
 Какъ звѣри, молча, съ грудью грудь;
 Ручей тѣлами запрудили.
 Хотѣлъ воды я зачерпнуть,—
 И зной и битва утомили
 Меня,—но мутная волна
 Была тепла, была красна...

И когда стихъ шумъ боя, когда остыли чувства—поэтъ увидаль умирающаго капитана, окруженнаго своими опечаленными солдатами,—и болью сжалось его сердце, постигая весь ужасъ войны.

Окрестный лѣсъ, какъ бы въ туманѣ,
 Синѣлъ въ дыму пороховомъ,
 А тамъ, вдали, грядой нестройной,
 Но вѣчно гордой и спокойной,
 Въ своемъ нарядѣ снѣговомъ,
 Тянулись горы, и Казбекъ
 Сверкалъ главой остроконечной.
 И съ грустью тайной и сердечной
 Я думалъ: жалкій человѣкъ...
 Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,
 Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,—
 Но безпрестанно и напрасно
 Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?..

Съ этимъ вѣчнымъ вопросомъ на устахъ, не разрѣшивъ его, сошелъ въ могилу Лермонтовъ,—едва ли суждено разрѣшить его и намъ, теперь живущимъ на землѣ.

«Валерикъ»,—пишетъ Мережковскій,—первое во всемирной литературѣ явленіе того особеннаго русскаго взгляда на войну,

который такъ безконечно углубилъ Л. Толстой. Изъ этого горчичнаго зерна выросло исполинское дерево «Войны и мира».

И думается, что какъ Лермонтовъ, съ беззавѣтной отвагою бросавшійся на чеченскіе завалы, такъ и Левъ Толстой, глядѣвшій смерти прямо въ глаза на четвертомъ бастіонѣ осажденнаго Севастополя, оба сознательно были въ концѣ жизни ближе къ идеѣ «мира всего міра», чѣмъ многіе и многіе кабинетные ученые-пацифисты, никогда не державшіе въ рукахъ оружья.

Сергѣй фонъ-Штейнъ.

ЗАБЫТЫЙ ПИСАТЕЛЬ.

I.

СЛИ русский писатель почему-либо при жизни основательно забытъ публикой и печатью, то, чтобы заставить послѣднiя вспомнить о себѣ, онъ долженъ умереть. Только смертью своею писатель—да и прочiй «отставной» дѣятель—можетъ разсѣять на нѣсколько дней тьму забвенiя, которой по той или иной причинѣ обволочано его имя. Таково установившееся у насъ правило. Но если нѣтъ правила безъ исключенiя, то пусть настоящая статья будетъ такимъ исключенiемъ.

Когда приблизительно года два тому назадъ въ газетахъ появилось извѣстiе о скоропостижной кончинѣ за чашкой утренняго кофе стараго писателя-народника Николая Николаевича Златовратскаго, еще въ восьмидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтiя довольно популярнаго и съ интересомъ читаемаго, многiе недоумѣвающе пожимали плечами и, правда, нѣсколько робѣя, спрашивали:

— Развѣ Златовратскiй не умеръ уже давно?

Такой вопросъ представлялъ собою лишнюю иллюстрацiю къ знаменитому некрасовскому стиху:

Братья-писатели! Въ вашей судьбѣ
Что-то лежитъ роковое...

Тѣмъ не менѣ нельзя было усмотрѣть особаго трагизма писательской судьбы въ томъ фактѣ, что Златовратскій еще при жизни нѣкоторое время числился въ спискѣ отошедшихъ въ вѣчность. По крайней мѣрѣ сама его фамилія никакого сомнѣнія не вызывала, и никто не долженъ былъ прибѣгнуть къ усиленному напряженію памяти, чтобы сразу составить себѣ понятіе о томъ, кто такой Златовратскій, чѣмъ именемъ были озаглавлены газетные некрологи.

Но вотъ появился завтра, послѣзавтра въ печати, то или иное извѣстіе о маститомъ писателѣ Дмитріи Ивановичѣ Стахѣевѣ, и уже не *многіе* только, а почти вся русская читательская публика разведетъ руками и, — не ограничиваясь лишь возгласомъ недоумѣнія: «развѣ Стахѣевъ не умеръ уже давно?» — съ плохо скрываемой улыбкой спроситъ:

— Развѣ есть или былъ такой писатель?

Да, былъ и есть такой писатель, ибо Стахѣевъ еще живъ, хотя никто объ этомъ не подозреваетъ. Стахѣевъ — авторъ многочисленныхъ, различнѣйшаго объема и содержанія, романовъ, повѣстей, рассказовъ, очерковъ и стихотвореній, авторъ не какихъ-нибудь, а истинно литературно-художественныхъ произведеній, печатавшихся въ свое время въ лучшихъ органахъ русской журналистики: въ «Вѣстникѣ Европы», «Отечественныхъ Запискахъ», «Дѣлѣ», «Словѣ», «Русскомъ Словѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ» и др., рядомъ съ твореніями Тургенева, Гончарова, Писемскаго, Григоровича и ихъ достойныхъ собратьевъ по перу. О Стахѣевѣ всегда сдержанный и нелицепріятный, тонкій и чуткій критикъ-философъ Н. Н. Страховъ писалъ: «Дарованіе Стахѣева имѣетъ такой складъ, который дѣлаетъ изъ него подражателя Гоголю, но не копировщика, а, такъ сказать, оригинальнаго подражателя, который впадаетъ въ тонъ образца невольно, по требованію своей собственной натуры. Чисто гоголевскій тонъ, который такъ сильно подѣйствовалъ, когда слышался въ первый разъ, однакоже, къ величайшему удивленію не повторялся, не появлялся у другихъ писателей. Очевидно, этотъ тонъ вовсе не легко брать и выдерживать, несмотря на кажущуюся его простоту. У Стахѣева же онъ появляется въ большой чистотѣ».

Стахѣевъ — тотъ самый, которому выдающійся лирикъ А. Н. Майковъ, нерѣдко щедрый на похвалу, постоянно говорилъ:

— Вы не имѣете права умереть, васъ земля не приметъ, пока вы не напишете своей автобіографіи, это не только будетъ интересно, это будетъ поучительно и въ великой степени полезно для молодого поколѣнія, которое изъ нея увидитъ, что можетъ сдѣлать воля, хорошо направленная.

Наконецъ, Стахѣевъ — тотъ самый, который создалъ всероссійско-извѣстную въ настоящее время «Нивъ» ея выдающійся и безпримѣрный въ исторіи нашей журналистики успѣхъ.

Когда же, сколько двадцатипятилѣтій тому назадъ, полюбопытствуете вы узнать, прекратилась литературная дѣятельность Стахѣва, если о немъ читающая наша публика не только не помнить, но и ничего рѣшительно не знаетъ, не знаетъ даже про самое существованіе его, какъ писателя? Послѣдній и одинъ изъ лучшихъ и наиболѣе крупныхъ его романовъ—«Духа не угашайте!»—появился въ печати въ концѣ 1896 г., а полное собраніе его сочиненій въ двѣнадцать томахъ вышло всего на всего лѣтъ двѣнадцать назадъ, а именно въ 1902 году. Вотъ тутъ-то и развертывается передъ вами во весь свой ростъ то «роковое», которое, по словамъ поэта, лежитъ въ судьбѣ русскаго писателя.

«На извѣстной ступени развитія общество пріучается относиться серьезнѣе и къ писателямъ, не отмѣченнымъ печатью гениальности; оно помнить ихъ, знаетъ имъ цѣну, время отъ времени перечитываетъ ихъ. Французы знаютъ и почитаютъ старыхъ своихъ прозаиковъ съ тѣмъ вниманіемъ къ писателю, которое знаменуетъ высокую воспитанность литературныхъ вкусовъ. Нѣмцы даже хватаютъ черезъ край; не довольствуясь общепризнанными гигантами родной литературы, они относятся съ преувеличеннымъ преклоненіемъ къ писателямъ, не пережившимъ своей славой; они перечитываютъ и изучаютъ своихъ Мюллеровъ, Коцебу или Бирхъ-Пфейферовъ съ интересомъ, котораго не дождутся у насъ скоро Державинъ или Батюшковъ. На Западѣ умѣютъ почитать писателей и не «сопричтенныхъ»; у насъ ихъ забываютъ. Ихъ не только не перечитываютъ, не штудируютъ: забываютъ ихъ имена до такой степени, что черезъ четверть вѣка новое поколѣніе не слышитъ и не знаетъ именъ людей и названій произведеній, которыя такъ или иначе были выразителями только что пережитыхъ общественныхъ настроеній. У насъ не только не читаютъ Дала, Аванасьева-Чужбинскаго, князя В. О. Одоевскаго, Панаева, Дружинина, Пальма: у насъ просто не знаютъ именъ Гирса, Новодворскаго, Кушчевскаго, разъ въ послѣдней книжкѣ журнала нѣтъ ихъ произведеній. Будь здѣсь одна историческая несправедливость, не было бы большой печали; но это грустное явленіе живо и доселѣ своими вредными послѣдствіями, ибо оставляетъ не совсѣмъ желательные слѣды на общемъ образованіи новыхъ поколѣній. Они, т. е. новыя поколѣнія, воспитываются внѣ исторіи, внѣ связи со вчерашнимъ днемъ; имъ чужды настроенія ихъ отцовъ, ибо они не знаютъ, чѣмъ вызывались и въ чемъ находили себѣ выраженіе эти настроенія...»

Такъ сѣтуетъ на русское общество одинъ изъ современныхъ критиковъ, но онъ же, напоминая обществу о незаслуженно забытыхъ Аванасьевѣ-Чужбинскомъ, Гирсѣ, Пальмѣ и т. д., не считаетъ нужнымъ обратить вниманіе на Стахѣва. Послѣдняго ни единымъ словомъ не помянулъ и Скабичевскій въ своей «Исторіи новѣйшей литературы», гдѣ приведено до двухсотъ именъ, подчасъ совер-

шенно лишенных какого-либо значенія для русскаго художественнаго слова.

Взглянувъ въ энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона и въ большую энциклопедію «Просвѣщенія», вы тоже никакого представленія о Стахѣевѣ не вынесете. Въ первомъ ему посвящено ровно девятнадцать строкъ, перечисляющихъ лишь названія его крупнѣйшихъ произведеній и заканчивающихся довольно двусмысленными словами: «имѣлъ почитателя своего таланта въ лицѣ Н. Н. Страхова». Какъ будто вся заслуга Стахѣева и заключается только въ томъ, что почитался однимъ Страховымъ. Въ «Большой энциклопедіи» находимъ еще меньше свѣдѣній: указаны лишь годъ и мѣсто рожденія Стахѣева и всего нѣкоторыя изъ его сочиненій. Такимъ образомъ по отношенію къ Стахѣеву сѣтовать приходится не на одну читающую публику, но и на критиковъ и историковъ, съ мнѣніями и взглядами которыхъ публика болѣе или менѣе считается и руководствуется.

Почувствовавъ влеченіе къ перу въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ, обративъ сразу на себя вниманіе своими очерками-разсказами, открывъ себѣ съ первыхъ же шаговъ двери многочисленныхъ редакцій и развернувъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ свой талантъ во всемъ блескѣ, молодой Стахѣевъ завоевалъ себѣ значительную извѣстность. Та часть журналистики, которая диктаторствовала въ то время, настойчиво ждала отъ восходящей литературной звѣзды, чтобы она всецѣло перешла въ ея лагерь, проникнулась ея стремленіями и отдалась службѣ ея задачамъ. Стахѣевъ же, въ силу своего умственнаго и душевнаго склада, не чувствовалъ склонности замкнуться въ извѣстныя рамки, брать на себя извѣстныя обязанности и преклоняться передъ тѣмъ, что не вызывало его сочувствія. Молодой писатель, очевидно, хорошо взвѣсивъ всѣ данныя своего дарованія, хорошо проанализировавъ свои влеченія, остановился на области русскаго быта, русскихъ нравовъ и, чтобы оставаться ея объективнымъ и прямымъ художникомъ, рѣшилъ ни къ какому лагерю не приставать, а ходить безъ партійныхъ указокъ, лишь туда, куда направить его художественное чутье. Такое рѣшеніе было для того времени слишкомъ смѣло и не могло не оказаться чреватымъ весьма реальными послѣдствіями. Критика, лучшими и всевластными представителями которой были люди прямые и послѣдовательные, и не подумала простить Стахѣеву его самостоятельность и объявила ему бойкотъ, выразившійся въ замалчиваніи его произведеній. Это, понятно, положило немедленно начало равнодушію публики къ произведеніямъ молодого писателя, равнодушію, которое, въ силу своей природы, растеть не по днямъ, а по часамъ.

«Все, что было когда-то напечатано о моихъ литературныхъ трудахъ—передъ вами,—пишетъ мнѣ Д. И. Стахѣевъ въ февралѣ

1912 года, узнавъ, что я собираюсь напомнить о немъ русскому обществу, насколько это мнѣ можетъ быть по силамъ.—Дополнить можно и—много, но говорить о себѣ самому автору неудобно, другіе же молчатъ и молчали, не много, не мало—сорокъ лѣтъ. Когда-нибудь впослѣдствіи смягчится та непріязнь, которой я—едва ли заслуженно—подвергался всю жизнь. Теперь, вступивъ уже въ восьмое десятилѣтіе моей земной жизни, пожалуй, уже опоздалъ рассказывать о прошломъ, да и рассказывать, пожалуй, на приближающемся закатѣ, по-моему, не слѣдуетъ. Мнѣ уже семьдесятъ три года и—пора собираться въ дальнюю дорогу. Могу помянуть недобрымъ словомъ моихъ собратьевъ, уже окончившихъ свой земной путь, только никогда этого не сдѣлаю—Богъ имъ судья!.. Теперь, оглядываясь назадъ и мысленно обозрѣвая всѣ тѣ рвы и крутизны и обвалы, которыхъ было на моемъ пути много, много,—я не ропщу на судьбу, напротивъ, благодарю ее за все пережитое и пережитое. «Слава Богу за все!»—повторяю я слова святителя Василия Великаго, окончившаго свою скорбную жизнь въ изгнаніи и съ этими словами перешедшаго въ другой міръ»...

Какъ мало словъ, какъ не по-старчески сдержанъ звучащій по чьему-то адресу упрекъ, но какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразительно-трогательна жалоба старика на свою судьбу, судьбу русскаго брата-писателя!

II.

Автобіографію свою, о которой Майковъ утверждалъ, что она «не только будетъ интересна, но будетъ поучительна и въ великой степени полезна для молодого поколѣнія, которое изъ нея увидитъ, что можетъ сдѣлать воля, хорошо направленная», Стахѣвъ написалъ. Однако того, что хотѣлъ въ ней видѣть покойный поэтъ, она въ себѣ не заключаетъ. Самые интересные и, главнымъ образомъ, поучительные эпизоды и даже періоды своей жизни, въ которыхъ именно доминируетъ «воля, хорошо направленная», Стахѣвъ, если не совсѣмъ обходитъ молчаніемъ, то, во всякомъ случаѣ, детально не излагаетъ. Вообще, автобіографія написана суховато, сжато и крайне поверхностно. Объясняется это тремя причинами: писана она была тогда, когда писатель считалъ, что онъ уже никому не интересенъ,—это во-первыхъ; во-вторыхъ, многого коснуться не позволила Стахѣву врожденная его скромность, а, въ-третьихъ, замалчивая нѣкоторыя подробности, онъ имѣлъ въ виду тѣ или иныя изъ своихъ художественныхъ произведеній, гдѣ преобладающимъ элементомъ является автобіографическій и, слѣдовательно, содержатся уже эти подробности.

Какъ бы ни была, однако, кратка и скромна эта автобіографія, находящаяся сейчасъ въ моемъ распоряженіи, какъ ни смутны

въ ней указанія на отражающія дѣйствительность пережитаго мѣста въ романахъ и повѣстяхъ, мнѣ не трудно было набросать по ней болѣе или менѣе приблизительный портретъ Стахѣва въ его житейской и писательской обстановкѣ. При этомъ я пользовался еще нѣкоторыми другими матеріалами въ видѣ его неизданныхъ стихотвореній, статей, записокъ и т. д.

Дмитрій Ивановичъ Стахѣвъ родился 2-го февраля 1840 года въ городѣ Елабугѣ, Вятской губерніи, основанномъ однимъ изъ его предковъ, который былъ родомъ изъ Новгорода Великаго, но въ царствованіе Іоанна III ушелъ оттуда на Каму, занялъ вольную землю въ теперешней Вятской губерніи и основалъ небольшое селеніе, получившее вскорѣ названіе Трехсвятскаго, а въ 1708 году переименованное въ Елабугу со внесеніемъ въ разрядъ городовъ. Начиная съ этого предка, занявшагося на новомъ мѣстѣ торговлей, къ купеческому сословію въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій принадлежалъ весь родъ Стахѣвыхъ, наиболѣе яркимъ представителемъ котораго въ смыслѣ обширности торговыхъ оборотовъ и богатства оказался отецъ писателя. Являя собою обычный типъ стараго провинціального купца, могущественнаго, благодаря огромнымъ средствамъ, Стахѣвъ-отецъ тиранилъ свою семью, всѣхъ зависѣвшихъ отъ него людей и, конечно, косвенно, привелъ къ тому, что изъ его сына, способности котораго и толковость внушали самыя радужныя надежды родительскому сердцу, вышелъ не купецъ, а профессиональный писатель.

Какія Стахѣвъ-отецъ оставилъ по себѣ воспоминанія въ душѣ Дмитрія Ивановича, видно изъ слѣдующихъ страницъ, посвященныхъ писателемъ своему родителю въ романѣ «Наслѣдники».

Онъ (герой романа Иванъ Петровичъ, подъ чьимъ именемъ авторъ подразумѣваетъ себя) невольно, самъ того не замѣчая, совершенно перенесся мыслью далеко, на сѣверо-востокъ отъ Петербурга, туда, гдѣ «сливаясь шумятъ, обнявшись, будто двѣ сестры», двѣ громадныя рѣки (Волга и Кама) русскаго царства. Обрисовался передъ нимъ небольшой красивый городокъ (Елабуга), стоящій на крутомъ берегу многоводной рѣки; пятиглавый соборъ съ голубымъ, усыпаннымъ золотыми звѣздами, куполомъ высится посреди площади; далѣе изъ-за густой зелени деревьевъ общественнаго сада виднѣются крыши городскихъ построекъ, между которыми самое видное мѣсто занимаетъ домъ купца Чухсы ова (Стахѣва-отца), перваго богача въ городѣ, мѣстнаго благодѣтеля, строителя храмовъ и общественныхъ зданій. Вотъ и знакомый гостинный дворъ, за пожертвованіе котораго онъ получилъ золотую медаль, и домъ съ золоченой выѣской: «Городовой Магистратъ», тоже имъ пожертвованный; а тамъ далѣе, вглубь города пошли мосты, казармы, церкви, богадѣльни—все имъ же построенныя. «Благодѣтель и первый гражданинъ по всей губерніи», раздается въ ухахъ Ивана Петровича рѣчь какого-то мѣстнаго оратора, которую онъ произносилъ на торжественномъ обѣдѣ, по случаю полученія отцомъ ордена.

«Примѣрный христіанинъ и вѣрный сынъ церкви», слышитъ онъ «слово» протоіерея въ храмѣ, обращенное непосредственно къ его отцу,

по случаю сооруженія новаго иконостаса въ соборѣ. Такъ это все явственно представляется Ивану Петровичу, что онъ какъ будто снова переживаетъ это время и снова видитъ высокую, осанистую фигуру отца, стоящаго впереди всѣхъ въ церкви на особо, для него лишь, постланномъ коврѣ. И вдругъ, какъ прямое подтвержденіе этого торжества добродѣтели, вспомнилась Ивану Петровичу другая сцена.

Стоить у параднаго крыльца отцовскаго дома оборванный и тщедушный мужичонка и мнетъ въ рукахъ шапку, видимо, находясь въ тревожномъ ожиданіи рѣшенія своей участи; глаза его боязливо и въ то же время необыкновенно печально обращаются порою на верхнія ступени лѣстницы, откуда долженъ сойти «благодѣтель». Проходить такъ не мало времени; мужичонка все стоитъ, переступая съ ноги на ногу, и все мнетъ свою дырявую шапку. Ноги его обуты въ мочальные лапти, на плечахъ старенькій нагольный полушубокъ, мѣстами прорванный, и на головѣ, въ растрепанныхъ ключьяхъ волосъ, видны слѣды соломы.

Наконецъ, по лѣстницѣ раздаются увѣсистые медленные шаги благодѣтеля: полный, высокаго роста мужчина, съ окладистой бородой и солиднымъ брюхомъ, одѣтый въ длиннополый черный сюртукъ и съ тростью въ рукѣ, показывается на площадкѣ подѣзда. Мужичонка, завидя его, падаетъ въ ноги и начинается вопить о помощи, разсказывая, какъ его единственную лошаденку перешибло крыломъ мельницы, принадлежащей этому благодѣтелю.

— Я не виноватъ, что лошадь твоя подвернулась подъ крыло моей мельницы,—коротко отвѣчаетъ благодѣтель и хочетъ сѣсть въ поданный экипажъ.

Мужичонка ползетъ за нимъ на колѣняхъ и плачетъ.

— Проси Христа ради, тогда дамъ, а такъ не дамъ...

— Батюшка, зачѣмъ же это?.. Помогите по бѣдности подняться... Вѣдь мнѣ не тово, чтобы милостыню. Это, чай, грѣхъ...

— Ну, грѣхъ, такъ убирайся. Я ради имени Христова дамъ, а такъ помогать не хочу... Лѣнтяи вы всѣ, свиньи...

— Ну, коли такъ, такъ дай уже ради Христа...

Благодѣтель торопливо вынимаетъ бумажникъ, сердито бросаетъ десять рублей и уѣзжаетъ.

Мужичонка еще долго стоитъ у крыльца, почесываясь и вздыхая.

«Какое ложное, бессердечное толкованіе Христова ученія любви къ ближнему, какое наглое, постыдное искаженіе понятій», грустно подумалъ Иванъ Петровичъ, и въ его памяти съ необыкновенною ясностью, точно начертанныя на темной стѣнѣ огненными буквами, возстали слова евангельскія: нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ.

«Да, тамъ нѣтъ никакой любви, есть только страхъ наказанія за грѣхи, есть эгоизмъ, величайшій и отталкивающий эгоизмъ».

Такъ думалъ Иванъ Петровичъ и за этими думами незамѣтно перенесся въ самый ранній періодъ своего дѣтства. Вспоминалось ему раннее утро: онъ представляетъ себя маленькимъ пухлымъ пузаномъ, лежащимъ въ постели, и слышится ему ласковый голосъ старухи-няни, раздающийся надъ самымъ его ухомъ: «Ваня, Ваня, вставай, опоздаешь въ школу; смотри, отецъ узнаетъ, будетъ тебѣ...» Слышитъ онъ этотъ голосъ и не можетъ понять, во снѣ ли это, или на яву, не имѣетъ силъ раскрыть глазъ: такъ крѣпко разоспался. Кажется, что это все не голосъ няни, что это не она наклонилась надъ нимъ и прикасается къ его плечу, а отецъ тормошитъ его и ругаетъ за что-то: въ одной рукѣ у него конторскія книги, а въ другой счеты, голосъ его раздается все сильнѣе и сильнѣе, и уже висятъ въ воздухѣ счеты, готовые обрушиться на Ваню за то, что онъ не

просыпается. Въ этотъ моментъ вбѣгаетъ въ комнату мать, хватаетъ отца за руку и горько плачетъ, прося не бить сына. Конторскія книги въ гнѣвѣ брошены на полъ, сильно ударившись объ него своими толстыми корешками, вслѣдъ за ними летятъ счеты, круглыя ихъ косточки разсыпаются по полу, и гремитъ по всему дому сердитый отцовскій голосъ...

Тяжесть отцовскаго кулака Стахѣву приходилось испытывать на себѣ частенько, причеъ слезы матери, отчаянне старушки-няни и причитанья бабушки, жившей въ семьѣ купца-милліонера, не всегда обладали силой и дѣйствіемъ громоствода. Доставалось маленькому Митюхѣ (такъ домашніе звали будущаго писателя) не только за опаздываніе въ школу, т. е. къ приходу на домъ дьячка, обучавшаго его грамотѣ, такъ какъ онъ не былъ отданъ въ школу, гдѣ, по убѣжденію Стахѣва-отца, проходили такія науки, которыя «христіанскую душу только мутить способны и для человѣка торговаго не нужны вовсе». Колотили его чаще всего послѣ посѣщеній церкви, куда его неизмѣнно брали и гдѣ заставляли простаивать продолжительнѣйшія службы, что, понятно, сопровождалось со стороны ребенка-богомольца выходками, не вполне соответствующими мѣсту.

Дьячокъ, получавшій за обученіе Стахѣва рубль съ полтиною, а затѣмъ и два цѣлковыхъ въ мѣсяць—довольно солидное въ Елабугѣ того времени вознагражденіе, старался во всю, такъ какъ за особыя успѣхи ученика ему, по обѣщанію, давались періодически подарки въ видѣ мизерныхъ пачекъ китайскаго чаю и разныхъ крѣпкихъ напитковъ, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Преподавательское усердіе дьячка, однако, было совершенно излишне, такъ какъ ученикъ, благодаря своимъ способностямъ и любознательности, усваивалъ легко и быстро все то, что ему показывали и объясняли. За годъ съ небольшимъ Стахѣвъ научился бѣгло читать и писать, а къ десяти годамъ зналъ наизусть многія мѣста изъ псалтыря, который былъ его первымъ чтеніемъ.

— Обучень парень изрядно!—рѣшилъ Стахѣвъ-отецъ, проэкзаменовавъ своего сына въ присутствіи всѣхъ домашнихъ и гостей, спеціально приглашенныхъ на торжество завершенія мальчиномъ образованія.—Теперь ему пора и за дѣло взяться!

Давалась десятилѣтнему Стахѣву и коммерческая наука, заключающаяся въ присутствованіи при поступленіи на складъ и отпускѣ покупателямъ товара, въ записываніи въ книги примитивныхъ счетовъ, наблюденіи за приказчиками и рабочими и т. д. Сначала эти занятія увлекали юнаго «купца», какъ не безъ ироніи называли Стахѣва тѣ, съ которыми ему приходилось сталкиваться. Порученія исполняли онъ толково, не спѣша и не поддаваясь вліянію окружающихъ. Но частыя отлучки отца развязали руки мальчику, начинавшему все внимательнѣе прислушиваться къ своимъ желаніямъ. Чтеніе, которому Стахѣвъ посвящалъ съ тѣхъ поръ

все свое свободное и удобное для столь нелегального увлеченія время, всецѣло завладѣло душой и мыслями малолѣтняго «купца», проглатывавшаго одну книжку за другой. Программы или системы при этомъ, разумѣется, не могло быть никакой; читалось все, что ни попадалось подъ руку, съ одинаковымъ при томъ интересомъ. Отъ старинной грамматики Стахѣевъ переходилъ къ Гоголю, отъ лубочнаго романа—къ Фонвизину, Пушкину, Жуковскому. Преодолѣвать же все и понять помогали его врожденные способности.

Близкое знакомство съ сочиненіями всѣхъ лучшихъ авторовъ повлекло за собой обычное у многихъ даровитыхъ дѣтей желаніе «самому сочинять», за что Стахѣевъ принялся со свойственной ему страстностью. Эти упражненія, понятно, долго не могли оставаться незамѣтными для домашнихъ, въ томъ числѣ и отца, который, полагая, очевидно, что захоластная, безжизненная Елабуга слишкомъ большой умственный центръ, вредно отражающійся на молодыхъ душахъ, рѣшилъ отправить своего сына въ Кяхту, гдѣ у него была обширная торговля всевозможными товарами, главнымъ образомъ чаемъ.

— Тамъ такими глупостями не занимаются, проклятущихъ этихъ самыхъ книжонокъ и въ глаза не видать,—объяснял Стахѣевъ-отецъ свое рѣшеніе, возлагая большія надежды на эту ссылку, которая-де должна вернуть сына на путь истины.

И вотъ зимою 1854 будущій писатель, которому шелъ всего лишь четырнадцатый годъ, былъ отправленъ сначала въ Томскъ, а затѣмъ въ Кяхту, гдѣ ревностно принялся за отцовскія дѣла. Велъ онъ ихъ, какъ опытный дѣлецъ, поражая другихъ кяхтинскихъ купцовъ толковостью и искренностью своихъ приемовъ и дѣйствій.

Но въ одномъ ошибся Стахѣевъ-отецъ: книжки оказались въ распоряженіи сына и въ Кяхтѣ, и тамъ Дмитрій Ивановичъ находилъ достаточно свободнаго времени, даже въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ дома, чтобы пополнять постепенно свое до жалости скудное домашнее образованіе. Не оставилъ онъ въ Кяхтѣ и страсти къ сочинительству, объектомъ котораго оказались жизнь и нравы далекой окраины, и даже ея промышленность. Въ 1857 году онъ послѣ долгихъ раздумій и колебаній отправилъ одно изъ своихъ сочиненій—пространную статью о кяхтинской чайной торговлѣ—въ столицу, въ редакцію «Петербургскихъ Вѣдомостей», гдѣ она вскорѣ была напечатана, обративъ на себя вниманіе промышленныхъ круговъ. Этотъ первый успѣхъ укрѣпилъ въ юношѣ тѣ стремленія, которыя давно уже волновали его умъ и душу. Между тѣмъ «несчастный» родитель, узнававшій о каждомъ шагѣ вольнодумца, придумалъ еще одну мѣру воздѣйствія, на его взглядъ, безусловно вѣрную: женить сына. Была выбрана одна изъ наиболѣе достойныхъ елабужскихъ невѣстъ, о чемъ и сообщили Дмитрію Ивановичу. Но тутъ случилось нѣчто такое, чего старикъ Стахѣевъ не ожидалъ

Д. И. Стахѣвъ.

и отъ «вольнодумца»: оказалось, что послѣдній успѣлъ влюбиться въ дочь кяхтинскаго купца Трапезникова и уже считался ея женихомъ. Послѣ долгой переписки, въ которой вмѣсто словъ были громы и молніи, а затѣмъ и личныхъ бурныхъ переговоровъ, Стахѣвъ отрекся отъ сына и выгналъ его прямо на улицу, не воздавъ даже должной дани чести Дмитрія Ивановича, который, распоряжаясь безконтрольно огромными отцовскими суммами, не впа-

«истор. вѣстн.», октябрь 1914 г., т. сxxxviii.

11

далъ въ соблазнѣ воспользоваться хоть чѣмъ-нибудь на всякій случай, хотя работа всей душой и тѣломъ на пользу дѣла давала ему нравственное право на то.

— Безтолковый онъ, безтолковый!—кричалъ старикъ на всѣхъ перекресткахъ.—На какую дорогу сунулся, пропадетъ понапрасну, будетъ собакамъ хвосты рубить. Помогать я ему не буду, да и вамъ всѣмъ и другимъ прочимъ, съ кѣмъ только я имѣю дѣло, строго-на-строго запрещаю помогать Дмитрію. Кто ему станетъ помогать совѣтомъ или деньгами, тотъ—врагъ мой.

Никто, конечно, не подумалъ навлечь на себя немилость вліятельнаго купца-милліонера, ставъ на сторону опальнаго сына. Да и самъ Дмитрій Ивановичъ ни разу ни къ кому не обратился за помощью, которая ему была теперь такъ необходима.

III

Очутившись такимъ образомъ безъ опредѣленныхъ занятій, безъ всякихъ средствъ къ существованію и безъ знакомствъ, которыя всѣ какъ-то сразу испарились, Дмитрій Ивановичъ былъ близокъ къ отчаянію. Вспоминая про эти черные дни, онъ сравнительно не такъ давно въ разговорѣ съ сотрудникомъ какой-то газеты замѣтилъ:

— Хорошо, что тогда самоубійство еще не было въ модѣ, а то, несомнѣнно, покончилъ бы съ собою.

Но если Стахѣевъ и отчаивался въ своемъ положеніи, то, во всякомъ случаѣ, не долго, такъ какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже беретъ у тестя нѣсколько десятковъ рублей и отправляется съ женой на Амуръ, незадолго до того присоединенный къ русскимъ владѣніямъ. Тамъ въ то время раздавали русскимъ переселенцамъ землю, небольшой кусокъ которой получилъ и молодой Стахѣевъ. И сынъ милліонера, дѣлецъ, мечтатель, стремящійся къ свѣту, знанію и творческой дѣятельности, превратился въ простого землепашца, воздѣлывателя полудикой, незнакомой ни съ плугомъ ни съ серпомъ почвы.

Терпѣніе, выносливость, добросовѣстность и энергія не измѣнили Дмитрію Ивановичу и тутъ, и обезпеченное, хотя и полное всевозможныхъ тревогъ и труда, существованіе казалось уже близкимъ и возможнымъ. Но неожиданное стихійное бѣдствіе въ одно далеко не прекрасное утро разрушило все настоящее и ближайшее будущее молодого земледѣльца: выступившая изъ береговъ рѣка затопила и занесла иломъ воздѣланную съ неимовѣрнымъ трудомъ пашню. Къ тому же оказалось, что бѣдствіе это не случайное, а повторяющееся въ томъ мѣстѣ нерѣдко при сильномъ вѣтрѣ и дождѣ.

Получить другой участокъ земли уже представлялось невозможнымъ, оставаться на прежнемъ—было невысказано, и опять

наступила отчаянная нужда, не сломившая, однако, Стахѣва и на сей разъ. Онъ придумалъ себѣ новый заработокъ: началъ лить изъ сала и воска свѣчи и сбывать ихъ въ Благовѣщенскѣ, гдѣ онѣ являлись довольно ходкимъ товаромъ. Заработокъ, конечно, былъ грошовый и едва-едва избавлялъ молодую чету отъ голода.

Но, обрабатывая свой предательскій участокъ земли и изготовляя затѣмъ восковыя и сальныя свѣчи, Стахѣвъ не бросалъ и своихъ литературныхъ занятій, которымъ посвящалъ каждый часъ свободнаго отъ физическаго труда времени. Одинъ за другимъ писалъ онъ свои очерки: Кяхты, Забайкалья и Амура, переходя постепенно отъ публицистики, характеръ которой носила его первая статья, напечатанная въ 1857 году въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», къ беллетристикѣ. Все, что выходило у него изъ-подъ пера, онъ немедленно отсылалъ въ Петербургъ и въ Москву, въ тотъ или другой журналъ, ждалъ съ замираніемъ сердца отвѣта изъ редакціи, волновался и ходилъ, какъ больной, когда посланное возвращалось обратно съ редакторскою помѣткой объ отказѣ. Зато велика была радость молодого труженика, когда одинъ изъ его беллетристическихъ очерковъ подъ заглавіемъ «Кяхта», наконецъ, появился въ популярномъ въ то время толстомъ журналѣ «Русское Слово».

Это было въ 1865 году. Стахѣвъ сразу воспрянулъ духомъ, снова вернулся къ своимъ старымъ мечтамъ о писательствѣ, хотя, разумѣется, продолжалъ лить свѣчи, что давало средства къ существованію.

Появившійся въ «Русскомъ Словѣ» очеркъ, собственно, не содержалъ ничего беллетристическаго, и Стахѣвъ это сознавалъ.

— Мнѣ въ то время—разсказывалъ онъ впоследствии—уже хотѣлось заняться «настоящей» литературой: беллетристикой, но, прекрасно понимая, что я весьма мало знаю жизнь и людей, не дерзалъ приняться за повѣсть, къ которой меня такъ тянуло.

Вслѣдъ за «Кяхтой» въ столичной печати появились и другія полупублицистическія, полуэтнографическія статьи, и Стахѣвъ началъ думать о переѣздѣ въ Петербургъ, чтобы всецѣло тамъ отдаться писательской дѣятельности, еще мало обѣщавшей ему, но все же внушавшей нѣкоторую надежду на успѣхъ.

Въ своей автобіографіи Стахѣвъ какъ бы старается оправдать это на первый взглядъ смѣлое рѣшеніе переѣхать въ столицу и сдѣлаться профессиональнымъ литераторомъ и пишетъ слѣдующее:

«Рѣшилъ я оставить непривѣтливое, но, по крайней мѣрѣ, насиженное и знакомое мѣсто не потому, чтобы питалъ большія надежды на будущее, и не потому, чтобы вѣрилъ въ свои силы, т. е. въ свой писательскій талантъ. Нѣтъ, здравый разумъ мнѣ просто подсказывалъ: «если тебѣ суждено страдать и мытарствовать, то ужъ, пожалуй, лучше страдать и мытарствовать въ Петербургѣ; тамъ, какъ никакъ, вдругъ да и оправдастъ себя великое русское

«авось». Я и послушался голоса разума, замечталъ о столицѣ и направилъ свои стопы туда...»

Не сразу, однако, Стахѣву удалось привести свое рѣшеніе въ исполненіе. Прежде всего надо было добыть средства на дорогу. Добыты они могли быть только путемъ продажи земельного участка, домика, выстроеннаго почти собственноручно, и кой-какого инвентаря, а покупателей не находилось, ибо всеѣмъ окрестнымъ жителямъ были извѣстны печальныя свойства стахѣвской недвижимости, слишкомъ подверженной капризамъ сосѣдняго Амура. Лишь послѣ долгихъ стараній и хлопотъ Стахѣву посчастливилось продать свое имущество, но выручилъ онъ, конечно, сушіе пустяки.

— Сколько заплатили мнѣ за землю, домъ и хозяйство, въ томъ числѣ и довольно недурную лошадку, въ точности уже теперь не помню,—говорилъ онъ впослѣдствіи, будучи уже популярнымъ писателемъ,—во всякомъ случаѣ больше трехсотъ рублей не получилъ. Да и этому тогда былъ радъ, иначе продолжалъ бы сидѣть у Амура и ждать погоды.

Вырученная сумма, вѣроятно, показалась Стахѣву весьма солидной, ибо, покидая Амуръ, онъ рѣшилъ завернуть для поправленія своего сильно распатаннаго здоровья на Кавказъ, гдѣ и провелъ около шести недѣль. Послѣ этого только онъ очутился въ Петербургѣ.

Въ Петербургѣ его прежде всего ожидала нужда: отъ трехсотъ рублей, вывезенныхъ съ Амура, осталось ко дню пріѣзда въ столицу всего нѣсколько десятковъ. Пришлось сразу приняться за литературную работу, на которую и была вся надежда. Сначала эта работа сводилась къ отдѣлкѣ уже ранѣ написанныхъ очерковъ. Ихъ Стахѣвъ носилъ въ «Русское Слово», напечатавшее его первое произведеніе «Кяхта», и здѣсь они охотно помѣщались. Очерки эти, въ особенности «Очерки бурятской жизни», начали обращать на себя вниманіе, и авторъ ихъ получилъ предложенія и отъ другихъ журналовъ: «Искры», «Литературной Библіотеки» и даже «Вѣстника Европы» и «Отечественныхъ Записокъ».

Разумѣется, Стахѣвъ былъ въ восторгѣ отъ подобныхъ успѣховъ, превзошедшихъ все его ожиданія, точнѣе, мечтанія, въ которыя онъ самъ серьезно не вѣрилъ. Но удовлетвореніе было чисто нравственнаго свойства, въ матеріальномъ же отношеніи литературныя удачи ничего существеннаго не принесли; Стахѣвъ, у котораго къ тому же увеличилась семья, продолжалъ терпѣть сильную нужду, временами доходившую до крайнихъ предѣловъ.

Трудно себѣ представить, чтобы при такой обстановкѣ человѣкъ рѣшился застѣть за учебники, чтобы самоучкой пройти весь гимназическій курсъ и подготовиться къ сдачѣ экзаменовъ на аттестагъ зрѣлости. Стахѣвъ на это рѣшился и добился своего: блестяще

выдержалъ экзаменъ при гимназiи, а вслѣдъ затѣмъ и при университетѣ на званіе учителя: Въ то время существовали при университетѣ подобные экзамены.

Званіе учителя Стахѣевъ получилъ въ 1868 году, и съ этихъ поръ его обстоятельства мѣняются довольно круто. Онъ получаетъ очень выгодный урокъ у одного вліятельнаго сановника и вмѣстѣ съ тѣмъ занимаетъ мѣсто преподавателя русской словесности въ одной изъ столичныхъ женскихъ гимназій, что сразу даетъ ему возможность зажить вполне безбѣдно. Теперь онъ уже не слѣзаетъ въ своихъ литературныхъ занятіяхъ, не стряпаетъ своихъ легко находящихся себѣ мѣсто въ печати, но все же далекихъ отъ «настоящей литературы» очерковъ. Теперь онъ все свободное отъ педагогической дѣятельности время сидитъ надъ рассказами, повѣстями и даже романомъ.

«Не было гроша, и вдругъ алтынъ»—вспоминаетъ Стахѣевъ въ своей автобіографіи про то, какъ къ нему явился какой-то издатель и предложилъ издать отдѣльной книжкой все, что было имъ напечатано въ «Русскомъ Словѣ». Условія казались молодому писателю очень выгодными, и онъ не замедлилъ согласиться. Къ матеріалу, уже бывшему въ печати, Стахѣевъ присоединилъ неиспользованныя еще работы, и въ результатѣ появился не одинъ сборникъ, и цѣлыхъ два. Первый, подъ длиннымъ названіемъ: «На память многимъ. Рассказы изъ жизни въ Россіи, Сибири и на Амурѣ»—содержалъ, главнымъ образомъ, тѣ очерки, которыми Стахѣевъ вступилъ на литературное поприще. Второй, озаглавленный болѣе удачно: «Глухія мѣста»—заключалъ въ себѣ уже рассказы, написанные въ Петербургѣ. Обѣ книжки обратили на себя вниманіе публики, быстро разошлись и принесли автору нѣсколько сотъ рублей, чему онъ былъ, разумѣется, несказанно радъ.

Занятіе литературой довольно прочно налаживалось у Стахѣева, освободившагося отъ заботъ о завтрашнемъ днѣ, благодаря урокамъ и преподаванію въ гимназiи. Но въ концѣ 1869 года ему было предложено поступить на службу въ государственный контроль на очень приличное жалованье. Стахѣевъ соблазнился и принялъ предложеніе.

«Самъ государственный контролеръ,—писалъ спустя много лѣтъ Стахѣевъ,—интересовался моей работой и весьма одобрительно отзывался о ней. Мнѣ предстояла блестящая служебная карьера. Если бы я не былъ въ настоящее время государственнымъ контролеромъ, то, во всякомъ случаѣ, значился бы въ числѣ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ. Словомъ, могъ бы я быть особой немаловажной».

Но служба все больше и больше засасывала въ свои тенета добросовѣстнаго, рачительнаго Дмитрія Ивановича. Онъ это сознавалъ и, сознавая, сокрушался. Разрывъ съ отцомъ, цѣлый рядъ

лѣтъ безпросвѣтной нужды и мытарствъ, разлука съ родными, голодъ, холодъ, адскій трудъ и разстройство здоровья—на все это онъ смѣло пошелъ ради литературы, ради возможности служить ей по мѣрѣ силъ своихъ, и вдругъ онъ измѣняетъ ей ради виць-мундира. Эта мысль постоянно преслѣдовала Стахѣва, и вотъ въ 1872 году, послѣ почти трехлѣтняго пребыванія въ государственномъ контролѣ, онъ, къ удивленію своихъ сослуживцевъ и немалому огорченію покровительствовавшего ему высшаго начальства, снялъ съ себя виць-мундиръ и всецѣло предался литературной дѣятельности.

Еще раньше Стахѣвъ, судя по его собственнымъ словамъ, чуть было не забросилъ чиновничьей карьеры, намѣреваясь промѣнять ее на артистическую. Его феноменальный басъ обратилъ на себя вниманіе уже въ Кяхтѣ, гдѣ пріѣзжіе москвичи, понимавшіе толкъ въ пѣніи, совѣтовали ему поступить въ консерваторію и использовать выдающіяся вокальныя способности. Въ Петербургѣ друзья Стахѣва прямо настаивали, чтобы онъ сдѣлался пѣвцомъ, но онъ оставался вѣренъ своему влеченію къ литературѣ, служеніе которой ставилъ выше всего.

IV

Выходъ въ отставку встрѣтилъ живое одобреніе въ литературныхъ кругахъ, гдѣ Стахѣвъ ужъ былъ извѣстенъ какъ авторъ нѣсколькихъ романовъ и цѣлаго ряда повѣстей и разсказовъ, напечатанныхъ и печатавшихся въ лучшихъ толстыхъ журналахъ того времени. Въ томъ же году онъ близко сошелся съ извѣстнымъ критикомъ-философомъ Н. Н. Страховымъ, который вскорѣ поселился у него въ квартирѣ и прожилъ вмѣстѣ ровно 18 лѣтъ.

Несмотря на огромную пропасть, отдѣлявшую міросозерцаніе критика отъ душевнаго склада писателя, Страховъ страшно любилъ Стахѣва и любилъ лишь за то, что видѣлъ въ немъ огромный литературный талантъ.

Онъ не только самъ интересовался своимъ другомъ, какъ писателемъ, но старался обратить на него вниманіе Льва Толстого, которому писалъ и о новыхъ произведеніяхъ Стахѣва и о его житейскихъ радостяхъ и горестяхъ, о чемъ свидѣлствуютъ многія мѣста въ «Перепискѣ Л. Н. Толстого и Н. Н. Страхова».

Постепенно устанавливалась прочная популярность въ читательскихъ и редакціонныхъ кругахъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, зародилось и то трагическое въ его судьбѣ, которое вскорѣ, развившись, начало отравлять его лучшія силы и самую жизнь.

Пока Стахѣвъ былъ случайнымъ гостемъ на литературной аренѣ, къ нему особыхъ требованій никѣмъ не предъявлялось, но какъ только онъ сдѣлался профессиональнымъ писателемъ и пріобрѣлъ постепенно популярность, отъ него начали ожидать поднятія

того или иного флага. А такъ какъ этого не послѣдовало, то Стахѣва молчаливо присудили къ самому тяжелому для писателя наказанію—замалчиванію. Выходившія отдѣльными книгами его произведенія отмѣчались лишь незначительными рецензіями, въ которыхъ больше указывалось на неопредѣленность общественно-политической окраски автора, чѣмъ на внутреннія и внѣшнія качества его творчества.

Въ концѣ 1874 года А. Ф. Марксъ, издатель молодой еще, но уже нашедшей своего читателя «Нивы», пригласилъ Стахѣва редактировать свой журналъ.

— Съ великимъ удовольствіемъ принялъ я это предложеніе,— говорилъ впослѣдствіи Стахѣвъ своимъ друзьямъ.—Во-первыхъ, кой-какой вѣрный заработокъ, а, во-вторыхъ, возможность превратить полунѣмецкую «Ниву» въ настоящій русскій журналъ. Я живо принялся за дѣло, и результатъ получился такой: въ два года число подписчиковъ увеличилось почти втрое: было ихъ 14 тысячъ, а стало—47.

Но прямота характера повредила Стахѣву и тутъ. Издатель, въ то время еще мало знакомый съ русскимъ языкомъ и русской жизнью, былъ, однако, увѣренъ, что знаетъ и то и другое, а потому считалъ нужнымъ вмѣшиваться въ дѣло редактированія журнала. На этой почвѣ происходила между Марксомъ и Стахѣвымъ масса недоразумѣній, иногда серьезныхъ, иногда курьезныхъ. Образчикомъ послѣднихъ могутъ служить слѣдующіе факты. Подъ однимъ изъ рисунковъ, предназначенныхъ для очередного номера «Нивы», Стахѣвъ сдѣлалъ соответствующую подпись: «Опочивальня царя Михаила Ѳеодоровича». Марксъ, прочтя въ корректурѣ эту подпись, сильно усомнился въ существованіи въ русскомъ языкѣ слова опочивальня, столь страннаго для его уха, и, не долго думая, замѣнилъ опочивальню спальней. И Стахѣву не безъ труда удалось возстановить подпись въ первоначальномъ ея видѣ.

Вслѣдъ за этимъ инцидентомъ Марксъ досталъ для помѣщенія въ журналѣ портретъ Бисмарка, къ которой самъ сочинилъ надпись: «Самій лучший другъ Россіи». Какъ ни старался редакторъ доказать всю неумѣстность и безграмотность надписи, издатель настаивалъ на своемъ. Единственное, чего Стахѣвъ удалось при этомъ добиться, такъ исправленія слова самій.

Недоразумѣнія происходили также часто изъ-за самыхъ рисунковъ, клише которыхъ во множествѣ получались Марксомъ изъ-за границы. Многіе изъ нихъ совершенно не подходили для русскаго журнала, и Стахѣвъ, разумѣется, противился ихъ помѣщенію, между тѣмъ, какъ издатель усиленно посылалъ клише въ типографію.

— Знаете что,—заявилъ однажды Стахѣву Марксъ:—вы будете завѣдывать литературной частью, а я художественной. Тогда все будетъ ладно.

— Нѣтъ, ужъ вы лучше завѣдуйте гдѣ-нибудь «нѣмецкой частью»,—отвѣтилъ выведенный изъ себя редакторъ.

Этотъ отвѣтъ показался Марксу крайне обиднымъ, и Стахѣевъ тутъ же получилъ отставку, которая такъ сильно повліяла на него, что онъ заболѣлъ и пролежалъ около двухъ недѣль въ постели.

Всего этого, можетъ быть, не случилось, если бы между Стахѣевымъ и Марксомъ не стало третье лицо, непосредственно заинтересованное въ обостреніи конфликта. Третьимъ лицомъ этимъ былъ покойный Θ . Бергъ. О неблаговидномъ поведеніи послѣдняго свидѣтельствуесть Н. Страховъ.

«Мои сожители (Стахѣевы),—пишетъ Страховъ Толстому,—очень огорчены: Θ . Бергъ, потерявшій «Русскій Міръ», подкопался подъ Стахѣева, подбилъ издателя (Маркса) отказать ему отъ редакціи «Нивы» и самъ сталъ ея редакторомъ. Стахѣевъ остался безъ мѣста и безъ работы. Деньги у него есть, накопилъ тысячъ пять».

Я, разумѣется, не берусь судить, кто былъ главнымъ виновникомъ разрыва между издателемъ и редакторомъ, но долженъ замѣтить, что какъ-то, просматривая «Ниву» за одинъ изъ старыхъ годовъ, я наткнулся въ «почтовомъ ящикѣ» на отвѣтъ редакціи какому-то подписчику, обратившемуся, вѣроятно, съ запросомъ о судьбѣ Стахѣева, отвѣтъ, въ высшей степени обидный для Стахѣева, какъ писателя и бывшаго редактора «Нивы». Между тѣмъ, самъ онъ весьма благожелательно относился къ измѣнившему ему журналу и рассказъ свой о фіаско въ «Нивѣ» неизмѣнно заканчивалъ съ радостью въ голосѣ слѣдующимъ утвержденіемъ:

— Я, все-таки, свое дѣло сдѣлалъ: при мнѣ «Нива» стала вполне русскимъ журналомъ и приобрѣла свыше 30-ти тысячъ новыхъ подписчиковъ и, вѣроятно, двое больше новыхъ читателей.

Въ томъ же 1877 году надъ Стахѣевымъ разразилась другое несчастье, несравненно крупнѣе и чувствительнѣе. Объ немъ узнаемъ изъ слѣдующаго письма сожителя Стахѣева Н. Н. Страхова Л. Н. Толстому:

«У насъ въ домѣ случилось большое горе, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Старшій мальчикъ Стахѣевыхъ умеръ почти скоропостижно. Онъ слегъ въ день моихъ именинъ, а 9-го утромъ умеръ. По словамъ доктора, у него были вмѣстѣ скарлатина, тифъ и жаба. Отецъ и особенно мать поражены ужасно. Это была ихъ надежда, центръ всей семьи. А докторъ говорить, что мальчикъ былъ такъ худосоченъ, что всякая зараза должна была сложить его»¹⁾...

Письмо это помѣчено 12-мъ ноября 1877 г. и свидѣтельствуесть, между прочимъ, о томъ, что Толстой очень интересовался Стахѣе-

¹⁾ «Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ». «Современный Міръ», май 1913 г., стр. 135.

вымъ, иначе зачѣмъ Страхову было такъ подробно описать смерть мальчика.

27-го декабря того же года Страховъ опять пишетъ Толстому о Стахѣевѣ:

«Вотъ начинаются несчастія. Я давно уже сообразилъ, что Стахѣевы люди больные, несчастные, для которыхъ нѣтъ впереди хорошаго будущаго, и я даже хотѣлъ эгоистически уйти отъ нихъ, чтобы не нести своей доли тяжести; но, видно, уже поздно—мнѣ ихъ ужасно жалко. Стахѣевъ говоритъ, что не можетъ молиться, что въ молитвѣ ему невольно видится безсмысленное дѣло»¹⁾...

Отзывъ Страхова о его другѣ и сожителѣ, на первый взглядъ, довольно рѣзокъ и вообще страненъ. Но если принять во вниманіе все то, что достаточно надломленный уже мачехой-судьбой Стахѣевъ тогда переживалъ: невольный уходъ изъ «Нивы», необеспеченность, пренебрежительное отношеніе критики и, наконецъ, смерть любимаго сына,—то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ могъ временами казаться больнымъ, несчастнымъ человѣкомъ, для котораго не существуетъ никакого будущаго и отъ котораго слѣдуетъ скорѣе уйти. Настроеніе Стахѣева въ ту пору дѣйствительно было ужасное. Оно очень мало измѣнилось къ лучшему и тогда, когда тоска по потерянному первенцу нѣсколько улеглась.

«Стахѣевъ—писатель большой, но бесплодный». Такъ или приблизительно такъ говорили про него въ руководящихъ литературныхъ кругахъ, и эти выраженія доходили до Стахѣева, поражая его въ самую глубину сердца. Чтобы не остаться совершенно одинокимъ въ литературномъ мірѣ, онъ принужденъ былъ примкнуть къ кружку консервативныхъ писателей, группировавшихся вокругъ газеты «Русскій Міръ» и журнала «Русскій Вѣстникъ». У Стахѣева съ писателями-консерваторами было гораздо меньше общаго, чѣмъ съ тѣми, которые держали его на почтительномъ разстояніи отъ себя. Но въ то время, какъ послѣдніе хотѣли бы видѣть въ немъ не того, кѣмъ онъ былъ, первые отъ него никакихъ уступокъ не требовали и предоставляли его творчеству и его «я» полную свободу. Стахѣевъ и оставался среди нихъ, никогда, однако, съ ними не слившись—по той простой причинѣ, что былъ имъ совершенно чуждъ по духу и преслѣдовалъ совершенно инныя литературныя цѣли.

V

Въ концѣ 1885 года умеръ отецъ Стахѣева, и послѣдній сдѣлался обладателемъ крупнаго состоянія, обезпечивавшаго его навсегда. Наслѣдство явилось какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ матеріальное положеніе Стахѣева, несмотря на его плодовитость и спросъ,

¹⁾ Тамъ же.

которымъ пользовались на книжномъ рынкѣ его произведенія, было въ то время крайне плачевно. Болѣя самъ и обремененный семьей, постоянно хворавшей, онъ весь свой литературный заработокъ тратилъ на врачей и лекарство.

«Не могу сказать, чтобы, сдѣлавшись матеріально независимымъ, богатымъ человѣкомъ, не чувствовалъ большой радости,—пишетъ Стахѣвъ въ своей автобіографіи:—но все же удовлетворенія не было для меня и не предвидѣлось въ жизни»

Его чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе угнетало литературное одиночество и мысль о томъ, что его сочиненія вслѣдствіе убійственнаго молчанія критики не проникнуть никогда въ широкіе круги общества и понемногу забудутся. При такихъ опасеніяхъ, начавшихъ оправдываться въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда русская публика, подавленная безвременьемъ, искала въ литературѣ не того, что есть, а то, что можетъ быть,—Стахѣвъ, разумѣется, не могъ чувствовать себя удовлетвореннымъ жизнью и своей дѣятельностью. Онъ все глубже и глубже уходилъ въ себя, все чаще и чаще задумывался надъ тщетой земной жизни, все убѣжденнѣе вѣровалъ въ существованіе иного бытія, о чемъ сталъ мечтать, какъ о лучшей долѣ. Эти мысли свои онъ изливалъ въ стихахъ, сочиненію которыхъ началъ посвящать много времени, т. е. весь свой досугъ. Но въ общемъ ни круто измѣнившееся матеріальное положеніе, ни переживанія моральнаго свойства не повліяли на его писательскую дѣятельность, которую онъ продолжалъ съ тѣмъ же рвеніемъ, съ тою же любовью и добросовѣстностью, какъ и раньше. Наоборотъ, онъ теперь еще усерднѣе и тщательнѣе обдумывалъ, обрабатывалъ и отдѣлывалъ каждую вещь, чѣмъ раньше, когда приходилось спѣшить закончить рукопись, чтобы получить за нее гонораръ. И по-прежнему въ «Словѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ» и въ другихъ журналахъ, а затѣмъ и отдѣльными изданіями появлялись изъ года въ годъ его романы и повѣсти.

Въ 1891 году умерла супруга Стахѣва, прожившая съ нимъ 31 годъ и прошедшая почти всѣ этапы его жизни, начиная съ періода земледѣльческаго труда и кончая богатствомъ и популярностью. Смерть любимой и любящей жены-друга совершенно надломилъ силы Стахѣва. Близкія къ нему лица даже боялись за его разумокъ. Только продолжительное путешествіе, которое его заставили предпринять, по Египту, Турціи, Греціи и т. д., восстановило нѣсколько его здоровье и относительный миръ души его. Во время этого путешествія онъ писалъ только очерки, стихи, которые печатались въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Сѣверѣ» и «Новомъ Мірѣ».

Вернувшись въ 1893 году обратно въ Петербургъ, Стахѣвъ снова принялся за работу. И въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ написалъ цѣлый рядъ крупныхъ произведеній, послѣднее и лучшее изъ ко-

торых—романъ «Духа не угашайте»—явилось вмѣстѣ съ тѣмъ его лебединой пѣсней. Стахѣевъ почувствовалъ себя усталымъ, довольно поработавшимъ на пользу родной литературы и подъ вліяніемъ жестокой къ нему критики сложилъ перо.

Приблизительно въ то же время съ нимъ произошелъ случай, давшій его старости совершенно иное направленіе.

Разсматривая огромный свѣже-отточенный кухонный ножъ, онъ нечаянно уронилъ его, и ножъ остриемъ своимъ угодилъ ему въ ногу, изранивъ ее самымъ жестокимъ образомъ. Обильная потеря крови и страшныя боли уложили Стахѣева въ постель и въ теченіе свыше четырехъ недѣль положеніе его было крайне серьезно, а моментами даже опасно, такъ какъ врачами допускалась возможность зараженія крови. Ухаживала за больнымъ его экономка, барышня лѣтъ тридцати, которая незадолго до того была ему рекомендована близко знакомой семьей. Эта добровольная сестра милосердія проявляла къ больному много доброты и нѣжности, и у Стахѣева въ силу старинной истины, что любви всѣ возрасты покорны, зародились весьма серьезныя чувства къ своей экономкѣ. Выздоровѣвъ, онъ сдѣлалъ ей предложеніе, которое та и приняла. Для Стахѣева, находившагося уже на исходѣ шестого десятка лѣтъ, началась новая семейная жизнь. Вторая супруга сумѣла окружить его такимъ уютомъ и такой заботливостью, что онъ всецѣло отдался новой обстановкѣ, найдя въ ней давно желанный покой отъ всего, что ему пришлось пережить на своемъ вѣку.

Тѣмъ не менѣе старость и усиливавшаяся все слабость давала себя чувствовать, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣй. Не чувствуя больше увѣренности въ томъ, что вмѣстѣ съ нимъ не ослабѣлъ и талантъ, Стахѣевъ совершенно бросилъ писать, хотя, по его собственному выраженію, у него еще было что сказать и что изобразить.

«И такъ меня достаточно травили,—писалъ онъ одному изъ своихъ друзей:—а теперь, если напишу вещь послабѣе прежнихъ, меня высмѣютъ окончательно. Я свое дѣло, кажется, сдѣлалъ, такъ что пора и честь знать».

Послѣдней радостью для Стахѣева, какъ писателя, явилось предложеніе товарищества М. О. Вольфъ издать полное собраніе его сочиненій. Стахѣевъ съ глубокой благодарностью принялъ это предложеніе и усердно принялся за подготовку къ печати своихъ сочиненій, которыя и вышли въ 1902 году въ двѣнадцать томахъ ¹⁾. Очень любопытно предисловіе, которое Стахѣевъ предпослалъ собранію своихъ произведеній. Привожу часть второй его половины.

¹⁾ Д. И. Стахѣевъ. Собраніе сочиненій въ 12-ти томахъ. Съ біографіей М. Н. Никольскаго, критическимъ этюдомъ П. Быкова и портретомъ автора. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Ц. 9 руб.

«...Могутъ ли мои труды удовлетворить художественное чувство читателя и въ какой мѣрѣ,—объ этомъ, конечно, говорить неудобно, тѣмъ болѣе такому работнику, который всегда шелъ по своей дорогѣ одиноко, не принадлежалъ ни къ какимъ литературнымъ партіямъ и, за малыми исключеніями, почти не слыхалъ одобрительныхъ отзывовъ въ печати, да и не заботился о нихъ, всецѣло занятый лишь тѣмъ, чтобы служить своему призванію добросовѣстно.

«Конечно, въ отношеніи пристрастныхъ и намѣренно-живыхъ отзывовъ критики—я не первый и не послѣдній.

«Позволю, однакоже, замѣтить, что долгій и тернистый путь писательской дѣятельности былъ избранъ мною не ради исканія славы, всегда суетной и преходящей, какъ все земное, но въ силу безкорыстнаго стремленія и неотразимой страсти именно къ этого рода дѣятельности, на служеніе которой, по волѣ Неисповѣдимаго Промысла, я былъ призванъ съ юныхъ лѣтъ».

Въ двѣнадцатитомномъ собраніи сочиненій Стахѣева заключается далеко не все, что было написано имъ. Сюда онъ не включилъ многочисленныхъ очерковъ Забайкалья и Пріамурья, которыми выступилъ на литературное поприще, театральныхъ пьесъ (были у него и пьесы; двѣ изъ нихъ въ свое время неоднократно шли на императорской сценѣ да и теперь еще кой-гдѣ ставятся въ провинціи), большого числа стихотвореній и поэмъ, статей по разнымъ отраслямъ искусства, очерковъ и воспоминаній, печатавшихся, между прочимъ, и въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

Быть и нравы нашей средней интеллигенціи, чиновничества, купечества, духовенства,—вотъ та область, которой Стахѣевъ служилъ своимъ перомъ. Знатокъ этихъ общественныхъ слоевъ, ихъ внѣшняго строя и внутренняго содержанія или безсодержательности, онъ никогда не нуждался въ сыромъ матеріалѣ: таковой онъ находилъ вездѣ и всюду въ близкомъ ему мірѣ. Въ творческой обработкѣ Стахѣева этотъ сырой матеріалъ превращался въ дѣйствительную жизнь, на фонѣ которой появлялись живые люди, говорящіе и дѣйствующие не только за себя, но и за десятки, сотни себя подобныхъ.

«Чѣмъ-то бодрящимъ вѣетъ отъ произведеній Стахѣева,—писать одинъ безпристрастный къ нему критикъ:—даже тогда, когда ему приходилось изображать самую унылую прозу жизни, чью-нибудь скорбную долю, задачу, горькую иронию судьбы. Онъ полонъ глубокой вѣры въ человѣка, въ Провидѣніе. Этимъ чувствомъ, нерѣдко глубокимъ и вполне искреннимъ, согрѣты многія изъ его лучшихъ произведеній, что придаетъ имъ какую-то поэтическую прелесть, духовную красоту, какъ бы ни были они реальны по содержанію.

«Все затронуто чуткимъ писателемъ, затронуто умѣло, съ так-

томъ и въ высшей степени обдуманно. Спокойствіе, ровность романиста дѣйствуетъ на читателя благотворно, заставляетъ его глубоко вздуматься въ жизнь, въ окружающую дѣйствительность и прійти къ выводамъ, желательнымъ для автора. А между тѣмъ, авторъ ни этихъ, ни другихъ выводовъ, ни завѣтныхъ идей своихъ не навязываетъ читателю, на котораго дѣйствуетъ иногда неотразимо необыкновенная искренность, глубокая вѣра автора».

Таковы въ общихъ чертахъ романы и повѣсти Стахѣва. Устарѣли ли теперь они? Еще до того, какъ я приступилъ къ работѣ надъ настоящимъ очеркомъ, я часто задавалъ себѣ вопросъ: могутъ ли они безъ напряженія читаться современнымъ читателемъ, въ силѣ ли они захватить его, вызвавъ къ себѣ его вниманіе и интересъ? Я лично ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что на этотъ вопросъ нельзя не отвѣтить утвердительно, но рѣшилъ на себя не положиться и сдѣлать своего рода опытъ: взявъ два тома произведеній Стахѣва и снявъ съ нихъ предварительно обложку, а также удаливъ верхнія поля съ именемъ автора, я предложилъ ихъ нѣкоторымъ изъ своихъ друзей, людямъ молодымъ, въ высшей степени интеллигентнымъ, требовательнымъ и съ высоко развитымъ художественнымъ вкусомъ. Не упомянувъ имени автора, имъ совершенно неизвѣстнаго, я попросилъ ихъ прочесть и высказать свое мнѣніе, причемъ предупредилъ, что если чтеніе потребуетъ какого-либо усилія, то его можно прекратить. Результаты я ждалъ съ нѣкоторой боязнью, — мало ли чего можно ожидать отъ современнаго читателя! — Но каково было мое удовлетвореніе, когда книжки мнѣ вернули съ благодарностью за «интересную, прекрасную и здоровую беллетристику».

VI

Стихи Стахѣва не блещутъ ни образами, ни приемами, ни особой отдѣлкой. Но и они даровиты, содержательны и звучны, главнымъ образомъ, содержательны. Въ нихъ Стахѣвъ часто проявляетъ свой взглядъ на жизнь, на міръ, свою вѣру, свои убѣжденія. Нагляднымъ подтвержденіемъ сказанному могутъ служить хотя бы слѣдующія стихотворенія:

I.

Ночи тихое сіянье,
Звѣздъ небесныхъ трепетанье,
Въ морѣ яркій свѣтъ луны,
Тихій плескъ его волны
И безбрежный, безконечный,
Духъ манящій въ міръ предвѣчный
Темно-синій небосводъ, —
Все такъ чудно, все живеть!

Но какой необычайной
 Жизнь вся эта дышитъ тайной!
 Безконечный сонмъ міровъ
 Въ безконечности вѣковъ,
 Въ высотахъ неисчислимыхъ,
 Въ залахъ безднѣ необозримыхъ
 Точный путь свершаетъ свой
 Строго правильной чредой!
 Но когда, какая сила
 Въ эти дивныя свѣтила
 Жизнь вдохнула и зажгла
 Тайнымъ свѣтомъ ихъ тѣла?
 Не постигнетъ умъ мятежный
 Глубины небесъ безбрежной—
 Гордой мудрости туда
 Нѣтъ дороги никогда!
 Лишь покорныхъ душъ смиренье
 Ближе къ тайнамъ Провидѣнья,
 И сердце простыхъ краса
 Раскрываетъ небеса.

II.

Ничтожна жизнь безъ упованья,
 Безъ вѣры въ смыслъ ея иной,
 Смыслъ, освящающій страданья
 И мрачный ужасъ гробовой.
 Взгляни на Божіе творенье,
 На сонмъ безчисленныхъ планетъ,
 Ихъ безконечное движенье
 И вечеряющій ихъ свѣтъ.
 Ихъ, въ безднѣ неба присносущихъ,
 Необозримая семья,
 Горящихъ въ пламени, плывущихъ
 По океану бытія.
 Они восторгъ и изумленье
 Даютъ душѣ, когда она
 Изъ міра скорби и томленья
 Въ лазурь небесъ увлечена.
 Ты говоришь, что мірозданье,
 Что сонмъ безчисленныхъ міровъ—
 Лишь только случая созданье,
 Игра безумная вѣковъ;—
 О, коль безъ смысла жизнь вселенной
 И вѣчность духа—лишь мечта,—
 То слѣпъ и глухъ твой разумъ тлѣнный
 И мертвы хладныя уста!

Нерѣдко Стахѣвъ—просто лирикъ. Въ его лирикѣ не приходится искать оригинальности, свѣжести образовъ и игривости. Въ этомъ отношеніи его стихотворенія посредственны; зато отъ нихъ вѣетъ теплотой и искренностью, чего нѣтъ у многихъ профес-

циональныхъ поэтовъ, чеканящихъ форму своихъ строфъ и вѣчно занятыхъ погоней за новизной. Какъ образчики стахѣвской лирики приведу слѣдующія стихотворенія:

I.

Усталый день смежаетъ очи,
 Погасъ зари послѣдній лучъ,
 И опустились тѣни ночи
 На воды моря съ грозныхъ тучъ.
 Темнѣетъ даль,—и доль и горы,
 Недвижны травы и кусты,
 Замолкли рѣзвыхъ птичекъ хоры,
 Уснули нѣжные цвѣты.
 Прибрежный лѣсъ въ дремотѣ сонной
 Едва вѣтвями шелеститъ,
 Лишь моря валь неугомонный
 О берегъ бьется и шумитъ.
 И это сѣверное море,
 Его темнѣющая даль
 Опять вздымаетъ въ сердцѣ горе,
 Тревожитъ старую печаль.
 Мечты летятъ подъ небо юга,
 Гдѣ море шепчетъ о быломъ,
 Гдѣ, незабвенная подруга,
 Почила ты послѣднимъ сномъ.
 Гдѣ, шуму волнъ его внимая,
 И кипарисъ и лавръ растутъ,
 Гдѣ, прахъ твой милый охраняя,
 Благоуханье розы льютъ.

II.

Когда, усталый и угрюмый,
 Измучась жизни пустотой
 Брожу одинъ съ тяжелой думой
 И удручающей мечтой,—
 Миѣ мнится— мыслію высокой
 Мой духъ уже не воспаритъ
 И въ край надзвѣздный, край высокій
 Моихъ мечтаній не умчитъ
 Но—мигъ! Вершитель чудной воли
 Уже смахнулъ крыломъ своимъ
 Съ моей души земныя боли,
 И ожилъ я, хранимый имъ.
 Въ слезахъ на небо голубое
 Смотрю: воспрянула мечта,
 И прочь отходитъ все земное,
 Всей нашей жизни суета.

Возвращаюсь, однако, къ жизни Стахѣва.

Во время русско-японской войны Стахѣвъ глубоко страдалъ за опозоренную Россію и выливалъ свои чувства въ стихахъ, кото-

рыхъ, однако, никому не читаль, потому что они, по его словамъ, были слишкомъ слабы для того, чтобы выражать обуревавшія его волпенія.

Когда вспыхнула революція, онъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за ея развитіемъ и эксцессами и осудилъ ее.

— Не этого я ожидалъ и желалъ для Россіи, — говорилъ онъ своимъ близкимъ, когда рѣчь заходила о злобахъ дня.

Въ 1905 году болѣзнь жены заставила Стахѣва переселиться на югъ, въ Ялту, гдѣ онъ безвыѣздно живетъ до сихъ поръ, забытый всѣми. Въ 1907 году исполнилось пятидесятилѣтіе его литературной дѣятельности, но никто объ этомъ не вспомнилъ и въ печати нигдѣ этому не было посвящено ни строчки. Одинъ только «Вѣстникъ Литературы» отмѣтилъ юбилей стараго писателя небольшою статейкой.

«Несмотря на отчужденность отъ жизни и литературы, Стахѣву было очень тяжело сознавать, что и въ день пятидесятилѣтія его писательской дѣятельности никто въ печати не произнесъ его имени и не посвятилъ ему ни строчки, между тѣмъ, какъ въ то время усердно отмѣчалось въ газетахъ, что такой-то поэтъ или писатель сбрилъ себѣ усы или задумалъ написать то-то. Моментами болѣла душа у Стахѣва и оттого, что никто изъ пріѣзжавшихъ въ Ялту литераторовъ не думалъ его посѣтить.

«Тутъ посѣщаютъ, — писалъ Стахѣвъ одному изъ своихъ немногихъ поклонниковъ года четыре тому назадъ, — каждую гору, каждый холмикъ, каждый камень, а мимо меня, стараго писателя, автора многихъ, многихъ произведеній, проходятъ братья-литераторы и не подозрѣвая, кто я — отставной ли губернской секретарь, или романистъ-повѣствователь-поэтъ».

Я, пишущій эти строки, хорошо помню, какъ я былъ удивленъ, когда, обратившись въ началѣ 1912 года къ Стахѣву съ письмомъ, въ которомъ сообщалъ, что думаю написать о немъ статью и что нынѣ уже покойный С. Н. Шубинскій заранѣе согласился помѣстить эту статью въ «Историческомъ Вѣстникѣ», и въ которомъ просилъ Стахѣва дать кой-какія свѣдѣнія о себѣ, помимо имѣющихся у меня его автобіографіи, писемъ и другихъ матеріаловъ, — черезъ нѣсколько дней уже получилъ отвѣтъ изъ Ялты. Вѣроятно, забытый Стахѣвъ сочувственно отнесся къ моему рѣшенію напомнить о немъ русской публикѣ. Отвѣтъ этотъ привожу почти цѣликомъ:

«Что я могу вамъ сообщить, многоуважаемый по перу, г. . . ? Все, что было когда-то напечатано о моихъ литературныхъ трудахъ, — передъ вами. Дополнить можно и много, но говорить о себѣ самому автору — неудобно, другіе же молчать и молчали не много, не мало — сорокъ лѣтъ. Когда-нибудь въ послѣдствіи смягчится

и неприязнь, которой я—едва ли заслуженно— всю жизнь подвергался. Теперь, вступивъ уже въ восьмое десятилѣтіе моей земной жизни, пожалуй, уже поздно рассказывать о прошломъ, да и рассказывать, пожалуй, на самомъ закатѣ, по-моему, не слѣдуетъ. Мнѣ уже семьдесятъ три года и,—пора собираться въ дальнюю дорогу. Могу помянуть недобрымъ словомъ моихъ собратьевъ, уже окончившихъ свой земной путь,—Богъ имъ судья. О современныхъ же писателяхъ сказать мнѣ нечего. Это, въ огромномъ большинствѣ, не писатели, а писаря, занимающіеся писательскимъ дѣломъ изъ-за куска хлѣба. Судить ихъ не хочу. Самъ я изъ-за этого куска всю жизнь работалъ, но моимъ трудомъ руководила, главнымъ образомъ, любовь къ писательству, любовь страстная и неотразимая. Эта любовь отбила меня отъ родительскаго крова, отъ десятковъ миллионовъ отцовскаго капитала; эта же любовь отвлекла меня въ сторону отъ служебной карьеры, обѣщавшей мнѣ широкую дорогу, большія связи, чины и ордена. Все это меня не привлекало. Я избралъ,—сознательно или инстинктивно, не могу рѣшить,— трудовую литературную дорогу. Теперь, оглядываясь назадъ и мысленно обозрѣвая всѣ тѣ рвы и крутизны и обвалы, которыхъ было на моемъ пути много, много,—я не ропщу на судьбу, напротивъ,—благодарю Бога за все пережитое и перечувствованное. Слава Богу за все,—повторяю я слова святителя Василія Великаго, окончившаго свою скорбную жизнь въ изгнаніи и съ этими словами перешедшаго въ другой міръ.

«Я переселился на югъ по болѣзни моей второй жены и живу въ Ялтѣ, живу безбѣдно, не пишу больше ничего, читаю тоже мало, ибо испытываю головокруженіе отъ умственныхъ занятій.

«Часто ропщу и жалуясь на товарищество М. О. Вольфъ, не предпринимающее изданія моихъ статей, не вошедшихъ въ первое изданіе, но это уже частности: найдетъ выгоднымъ,—издастъ, не находить,—его дѣло. Но я все-таки надѣюсь, что когда-нибудь «полное» собраніе моихъ трудовъ будетъ издано. Я бы могъ и самъ его издать,—кто мнѣ запретить? Но я уже чувствую, что очень старъ, и пропадаетъ охота къ этому дѣлу. Здоровье мое сильно пошатнулось за послѣднія пять-шесть лѣтъ и думаю, что мой земной путь уже оканчивается.

«Передайте, дорогой мой, Сергѣю Николаевичу Шубинскому привѣтъ и добрыя благопожеланія. Не могу ему писать, ибо боюсь его тревожить...

«Простите, пишу неразборчиво, но тяжело мнѣ достается отъ этого писанія. Слуга вашъ Д. Стахѣевъ.

«27 февр. 1912 г. Ялта».

Текущія работы, однако, помѣшали мнѣ заняться статьей. Стахѣевъ въ январѣ минувшаго года мнѣ, между прочимъ, написалъ:

«Слѣжу за «Историческимъ Вѣстникомъ», вѣрнѣе, другіе за меня слѣдятъ, но статьи, которую вы собирались написать для этого журнала, все нѣтъ, да нѣтъ. Любопытно знать, кто раздумалъ,—вы или Шубинскій?»

Я, конечно, поспѣшилъ снять вину съ Шубинскаго въ письмѣ къ Стахѣву и черезъ нѣкоторое время принялся за работу, не идущую, какъ видно, въ разрѣзъ съ желаніемъ маститаго писателя.

Лѣтомъ минувшаго года издатель сочиненій Стахѣва получилъ слѣдующее интересное письмо, которое привожу тутъ съ согласія адресата:

«Наконецъ-то исполняю ваше желаніе,—пишетъ Стахѣвъ издателю:—посылаю мое послѣднее изображеніе, вѣроятно, послѣднее, ибо старь я очень и слабъ очень.

«Къ біографіи моей могу прибавить, что живу въ Ялтѣ безвыѣздно уже восьмой годъ и, по правдѣ сказать, не живу, а доживаю послѣдніе дни: Всѣ мои современники и друзья уже дома»—и писатели, и художники, и пѣвцы,—всѣ уже убрались со сцены.

«Работать уже не могу по причинѣ частыхъ головокруженій и даже читаю съ осторожностью...»

Мѣсяца четыре тому назадъ статья эта была окончена, о чемъ я тотчасъ же сообщилъ Стахѣву, причѣмъ ссылаясь на тотъ отрывочный матеріалъ, которымъ мнѣ приходилось пользоваться, выражалъ нѣкоторое безпокойство относительно точности тѣхъ или иныхъ свѣдѣній, мною полученныхъ отъ разныхъ лицъ и включенныхъ въ очеркъ. На это Стахѣвъ отвѣтилъ мнѣ очень милымъ письмомъ, въ которомъ между прочимъ пишетъ:

«Какія бы свѣдѣнія обо мнѣ вы въ вашей статьѣ ни напечатали,—меня это уже мало интересуеетъ. Можетъ быть, свѣдѣнія, сообщенныя обо мнѣ, не важны, можетъ быть, даже обидны,—Богъ съ ними: я уже перешелъ ту грань жизни, когда занимаютъ человѣка людскіе толки. На восьмомъ десяткѣ лѣтъ пути житейскаго на все смотришь уже не тѣми глазами...»

«Посылаю мой портретъ на открыткѣ, какъ послѣдній и болѣе другихъ удачный...»

Письмо это отпѣчено 29-мъ ноября 1913 года и кончается слѣдующими двумя строчками:

«Прошу передать мое почтеніе всѣмъ меня помнящимъ».

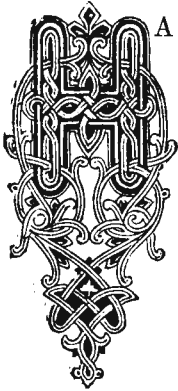
И. Гурвичъ.

„КУЛЬТУРА“ И „БИТВА НАРОДОВЪ“.

(Объ историческомъ элементѣ на лейпцигской выставкѣ «печати и графики»).

А ТЕРРИТОРИИ, гдѣ сто одинъ годъ тому назадъ народы Европы скрестили свое оружіе съ полчищами «завоевателя міра», гдѣ русскою кровью и штыками добыта была свобода для объявившихъ намъ теперь войну нѣмцевъ и австрійцевъ, красуется пятидесятисаженный гигантъ изъ гранита, долженствующій служить грознымъ символомъ германской силы и отнюдь не соотвѣтствующій подвигамъ нѣмцевъ въ «битвѣ народовъ». Строители памятника у Лейпцига, ваятель Метцнеръ и Шнатцъ, своимъ громоздкимъ сооруженіемъ хотѣли выразить въ гранитѣ величіе своего «фатерланда». Куполь памятника окруженъ сомкнутымъ строемъ шестисаженныхъ латниковъ—стражей германской свободы. По внутренней поверхности купола, сдавленнаго сверху колоссальнымъ гранитнымъ кубомъ, тянутся сотни совершенно одинаковыхъ рельефныхъ всадниковъ, олицетворяющихъ военную мощь зазнавшихся и надменныхъ тевтоновъ.

У подножія этого памятника-монстра въ началѣ лѣта этого года открыта была международная выставка книжной промышленности, печатнаго дѣла и графики, сокращенно названная — «Бугра». (Buchgewerbe und Graphik). Въ то время еще не пахло порохомъ. Кто могъ подумать тогда, что черезъ нѣсколько недѣль нѣмцы поднимутъ свой «бронированный кулакъ» на народы, приглашенные ими на мирное состязаніе на аренѣ культуры, нынѣ ими угро-

жаемой!.. Россія, Франція, Англія и другія страны поспѣшили откликнуться на приглашеніе нѣмцевъ, соорудили роскошные, дорого стоящіе павильоны и прислали туда цѣнныя реликвіи, уники и раритеты печатнаго искусства и графики. Лейпцигцы гордились своею культурною выставкою, на которую потратили не одинъ миліонъ марокъ, имѣя въ виду оживленіе переживающей кризисъ книжной промышленности. Они выражали своимъ гостямъ признательность за отклики на ихъ приглашеніе и едва ли рады, поэтому, такъ неожиданно разразившейся войнѣ, совершенно испортившей имъ ихъ культурный праздникъ.

Я провелъ нѣсколько дней на выставкѣ, въ царствѣ книгъ, произведеній и орудій печати.

Лейпцигъ всегда игралъ первенствующую роль въ книжной промышленности. Ни одинъ городъ въ мірѣ не давалъ чело-вѣчеству такой массы умственной пищи, какъ этотъ саксонскій городъ. Въ то время, какъ вся Франція выпустила въ прошломъ году 12¹/₂ тысячъ книгъ, Англія—10 тысячъ, Австро-Венгерія—6 тысячъ, одинъ Лейпцигъ выпустилъ въ прошломъ году 35.078 книгъ. И это въ эпоху процвѣтанія журналовъ и газетъ, конкурирующихъ съ книгой.

Въ Лейпцигѣ совершаются крупныя дѣла не только съ отдѣльными изданіями, но и съ цѣлыми библіотеками, покупаемыми и вновь открывающимися высшими учебными заведеніями, и учеными обществами, и коллекціонерами. Только здѣсь вы могли заказывать ставшія библіографическими рѣдкостями изданія академій наукъ и труды ученыхъ учрежденій за старые годы. Въ лейпцигскихъ книжныхъ складахъ-лабиринтахъ вы найдете такія печатныя уники, которыхъ нѣтъ нигдѣ въ мірѣ.

Оставшіяся и остающіяся послѣ знаменитыхъ ученыхъ изслѣдователей книжныя коллекціи становились достояніемъ полокъ лейпцигскихъ книжныхъ сокровищъ. Богатѣйшая библіотека историка Моммзена хранится здѣсь во всей своей неприкосновенности. Въ лейпцигскихъ антикварныхъ складахъ—милліоны самыхъ дорогихъ книжныхъ рѣдкостей въ роскошныхъ художественно-выполненныхъ переплетахъ.

Ясно, что первая въ мірѣ выставка книгъ должна была быть открыта только въ Лейпцигѣ, въ городѣ, гдѣ книга не только предметъ купли-продажи, но возведена въ культъ.

Какъ мало гармонируетъ впечатлѣніе, производимое на зрителя выставкою печати и графики, съ тѣми чувствами, какія вызываетъ столь неожиданно обрушившаяся на всѣхъ война, объявленная нѣмецкою реакціею всей европейской культурѣ!

Обозрѣніе лейпцигской выставки слѣдуетъ начать съ обширнаго, увѣнчаннаго куполомъ зданія, посвящаго названіе «Культура». Здѣсь представлено наглядно развитіе чело-вѣческой мысли, запе-

чатлѣнной въ рисункахъ, скульптурѣ, татуировкѣ и письмѣ еще въ самыя отдаленныя отъ насъ времена, за 20.000 лѣтъ до Рождества Христова, въ ту доисторическую эпоху, когда человѣчество находилось еще въ каменномъ, бронзовомъ и желѣзномъ вѣкахъ. Никакая книга не можетъ дать вамъ такъ много, какъ прогулка по зданію «Культуры». Вы видите здѣсь, какъ шло—то постепенно, то съ головокружительной быстротою развитіе письменности и печатнаго искусства. Устроитель культурно-историческаго отдѣла лейпцигской выставки профессоръ Лампрехтъ и помогавшая ему мирная армія нѣмецкихъ ученыхъ и приватъ-доцентовъ сумѣли представить всѣ стадіи человѣческой мысли. Вы ясно видите, что у народовъ были свое дѣтство, своя юность и свой зрѣлый возрастъ въ области письменности.

Человѣкъ каменнаго вѣка переноситъ все достопримѣчательное, все бросающееся ему въ глаза—на камни, кости и на потолокъ своей пещеры. Передъ вами на выставкѣ такая пещера, являющаяся точной копіею съ пещеры, открытой археологами въ 1879 году въ сѣверной Испаніи, въ провинці Санъ-Тандеръ. Рисунки, нарисованные здѣсь таинственными незнакомцами, жившими много тысячъ лѣтъ тому назадъ, отражаютъ душу и умъ пещернаго обитателя. Не хочется вѣрить, что эти изумительные по красотѣ примитива рисунки—дѣло рукъ дикаря.

Въ сосѣдней комнатѣ находятся произведенія человѣка, жившаго въ болѣе поздній періодъ каменнаго вѣка. Въ рисункахъ на камняхъ, кускахъ стѣнъ и плитахъ, добытыхъ въ Скандинавіи, вы наблюдаете уже больше подробностей, болѣе детальную отдѣлку.

«Бронзовый» человѣкъ, съ которымъ вы знакомитесь въ слѣдующей комнатѣ, чувствуетъ уже потребность въ изяществѣ рисунка, а «желѣзный» человѣкъ въ своихъ рисункахъ обнаруживаетъ еще больше красоты и даетъ еще больше деталей.

О бокъ съ нами и посейчасъ живутъ или жили недавно народы, культура которыхъ недалеко ушла отъ культуры вымершихъ племенъ и первобытныхъ людей. Въ витринахъ разложены экспонаты обитателей Сѣверной Америки начала и середины XIX столѣтія, въ видѣ луковъ, томагауковъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ щитовъ, украшенныхъ перьями и кусками краснаго сукна и расписанныхъ всевозможными символическими рисунками.

На огромной шкурѣ бизона лѣтописецъ индѣйскаго племени Дакота записывалъ всѣ достопримѣчательныя событія, на примѣръ, когда впервые введены были крыши изъ шерсти, когда наблюдались падающія звѣзды, когда первый «бѣлый» построилъ на территоріи соотечественниковъ лѣтописца свой домъ и поселился въ немъ, когда охотникъ за буйволами сломалъ себѣ ногу и т.п.

Символическими рисунками и письменами покрыты стѣны храма индѣйцевъ, и вы догадываетесь, что это надписи религіознаго содержанія.

Объ умственномъ уровнѣ нашихъ дикихъ современниковъ свидѣтельствуеетъ группа чучель женщинъ изъ Южной Америки въ самыхъ причудливыхъ маскахъ; онѣ изгоняютъ злыхъ духовъ, таща къ рѣкѣ дохлую обезьяну.

Экспонаты изъ Мексики знакомятъ съ рисунками тамошнихъ обитателей, съ іероглифами ацтековъ и т. п.

Одна изъ комнатъ, семнадцатая, отведена полярнымъ народамъ. Олени, собаки, юрты, нарисованные на скалахъ, отражаютъ письменность эскимосовъ.

Черный воинъ матабелловъ открываетъ вамъ дорогу въ Африку, гдѣ вы созерцаете на щитахъ, камняхъ, цыновкахъ и т. п. письменность дикарей, ихъ думы и мысли, волновавшія ихъ. Одинъ росчеркъ выражаетъ часто цѣлую душевную или семейную драму. Два полукруга, между которыми проведена черта, означаютъ, что близкіе поссорились и повернулись другъ къ другу спинами. Есть незатѣйливая записка отправленной для покупки риса, крупы и т. п. «посылной», не полагающейся на свою память.

Въ комнатѣ, отведенной Малайскому архипелагу, двѣ дѣвушки (чучела) разрисовываютъ матерію топленнымъ воскомъ. А въ Полинезіи два туземца острыми палочками татуируютъ спину земляка, изображая на ней цѣлое литературное произведеніе.

Весьма содержателенъ египетскій отдѣлъ съ его папирусами и іероглифами, которые теперь свободно читаются, благодаря открытымъ ключамъ. По срединѣ египетскаго отдѣла—плантація папирусовъ.

Въ витринахъ разложена масса папирусовъ; тутъ же превосходно выполненныя гипсовыя копіи изъ памятниковъ египетской старины, хранящихся въ музеяхъ, и испещренные іероглифами и рисунками плиты, камни, куски стѣнъ, статуи и т. п.

Полны интереса вавилонскіе и ассирійскіе отдѣлы. Вотъ черныи обелискъ императора Салмансарса II съ изображеніями, далѣе три рельефа на стѣнахъ и таблицы, дающія представленіе о развитіи вавилонской клинообразной письменности.

Не забыты и ханаанская, финикійская, арамейская и древне-еврейская письменность. Последней отведено большое мѣсто. Въ огромныхъ стеклянныхъ витринахъ—цѣнные еврейскія рукописи и свитки Торы. Въ еврейскихъ пергаментяхъ, книгахъ и каменныхъ плитахъ вы наблюдаете уже высокій уровень культуры.

Богатъ и содержателенъ древній греко-римскій отдѣлъ. Богиня Аѳина, покровительница письменности, съ диптихомъ въ рукахъ привѣтствуетъ васъ со стѣны греческой комнаты.

Въ устроенной здѣсь школьной комнатѣ вы видите, какъ обу-

чали въ древности письму и чтенію. Тутъ же коллекція письменныхъ принадлежностей: папирусовъ, книгъ изъ папируса и пергамента, письменныхъ атрибутовъ древнихъ грековъ и римлянъ—стилей, досокъ для письма (диптихоны) и т. п. Предъ нами и другіе экспонаты, свидѣтельствующіе о расцвѣтѣ мысли въ Греціи и Римѣ.

Великолѣпны фигуры римскаго легіонарія и франкскаго воина, показывающихъ дорогу, ведущую въ средніе вѣка. Цѣлый рядъ небольшихъ комнатъ отведены исламу и христіанскому Востоку, Китаю, Японіи, Корей, Сіаму, Востъ-и Остъ-Индіи.

Востокъ раскрываетъ предъ нами чудеса своего письменнаго искусства. Онъ рассказываетъ намъ наглядно, въ образцахъ, какъ зародилась и развивалась у него письменность—вплоть до появленія печатныхъ досокъ.

Съ Желтаго моря перенесенъ цѣликомъ на выставку домъ китайскаго ученаго. Тутъ и коллекціи, вывезенныя Свенъ-Гединомъ, и богатѣйшія коллекціи китайской письменности, китайская бумага различной формы и качества, визитныя карточки, печатки, играющія такую роль у китайцевъ, письменный приборъ китайскаго императора Кіень-Лунга и т. д.

Въ японскомъ отдѣлѣ красуются пагода, буддійскій храмъ со священнымъ паркомъ, японская книжная лавка въ Токио въ 1790 г. Японскіе манускрипты, карты, книги, денежные знаки, афиши и летучіе листки дополняютъ японскій отдѣлъ.

Налицо и Корея съ ея своеобразной письменностью. Слишкомъ много мѣста отведено, по нашему мнѣнію, Сіаму сравнительно, напр., съ Индіею.

Въ индійскомъ отдѣлѣ—не большая, но превосходно сдѣланная копія магометанскаго храма, изображеніе бога мудрости Ганеза, взирающаго на витрины со священными письменами на пальмовыхъ листьяхъ. Интересна тутъ книга изъ березовой коры.

Въ описываемомъ отдѣлѣ вы можете прослѣдить самодѣльную индійскую письменность и навѣянную побѣдителями-англичанами.

Турецкое правительство прислало на лейпцигскую выставку массу изящныхъ корановъ, начиная отъ самыхъ большихъ и кончая самыми миниатюрными. Все это представляетъ большую цѣнность. Выставлены и атласы и астрономическіе приборы, служащіе для облегченія паломникамъ путешествія въ Мекку. Любопытна старинная турецкая карта.

Прелестны коллекціи произведеній арабскаго, персидскаго и турецкаго каллиграфическаго искусства.

Весьма поучительны экспонаты христіанскаго Востока. На пультѣ подъ стекломъ—подлинныя палимпсесты.

Одна за другою тянутся въ верхнемъ этажѣ зданія «Культуры» комнаты, гдѣ подъ стекломъ въ витринахъ и на стѣнахъ разложены и развѣшаны относящіеся къ среднимъ вѣкамъ памятники, ре-

ликвіи письменности и печатной техники. На первомъ планѣ—записи вестготовъ, кельто-германцевъ, англо-саксовъ, лангобардовъ и др., всевозможные манускрипты на пергаментѣ со старательно разрисованными заглавными буквами, папскія буллы, индугенціи, евангеліи, псалтыри и т. п.

Въ средніе вѣка книга созидалась въ мрачной келіи неутомимаго монаха,—и предъ вами такая келія, гдѣ монахъ трудился всю жизнь надъ своимъ богословскимъ сочиненіемъ, онъ самъ сочинялъ, писалъ и орнаментировалъ свою книгу.

Обычай украшать орнаментами и миниатюрами заглавныя страницы и текстъ восходитъ къ древнѣйшимъ временамъ. Первымъ орнаментированнымъ манускриптомъ считаютъ изданіе Виргилія въ V вѣкѣ, принадлежащее нынѣ Ватиканской бібліотекѣ.

Съ распространеніемъ христіанства орнаментация книгъ распространилась, главнымъ образомъ, въ монастыряхъ и преимущественно—въ женскихъ. Императоръ Константинъ, основавъ бібліотеку, созвалъ лучшихъ каллиграфовъ-миниатюристовъ и иллюстраторовъ для украшенія книгъ. Пергаментъ для книгъ въ средніе вѣка часто окрашивали въ яркіе цвѣта. Впослѣдствіи украшенія ограничивались вычурными заглавіями и прописными буквами и выдѣленіемъ отдѣльныхъ мѣстъ, которыя почему-либо хотѣли подчеркнуть.

Въ XV вѣкѣ искусство орнаментации и миниатюры достигло своего апогея.

Многочисленные экспонаты на лейпцигской выставкѣ и переносятъ васъ въ эпоху процвѣтанія миниатюръ и орнаментовъ на манускриптахъ и въ книгахъ. Въ XVI вѣкѣ человѣчество начинаетъ освобождаться отъ богословскаго гнета, и на ряду съ религіозными появляются все чаще и чаще манускрипты и книги свѣтскаго содержанія.

Типографія Гуттенберга, славу котораго, не безъ основанія, оспариваетъ голландецъ Коста, производитъ полный переворотъ.

Книгопечатаніе нанесло смертельный ударъ и книжной миниатюрѣ, хотя первые печатники и оставляли еще въ своихъ книгахъ-первенцахъ (инкунабулахъ) широкія поля для украшеній.

За изобрѣтеніемъ Гуттенберга, тѣнь котораго витаетъ на лейпцигской выставкѣ, гдѣ ему посвятили немало мѣста и поставили памятникъ (работы проф. Ленерта), слѣдуетъ другое важное изобрѣтеніе: Заверфельдъ далъ міру литографію. На выставкѣ и фигурируетъ первая литографская мастерская, со всемі ея примитивными аттрибутами. А въ другомъ мѣстѣ той же выставкѣ представлено печатное дѣло, когда оно только что зародилось.

Вотъ старинная бумажная мельница. Колеса, валы, приводы—все изъ дерева, даже гвозди. Въ движеніе мельница приводится водою, оглашая воздухъ непрерывнымъ стукомъ. Это гигантскіе молотки размельчаютъ тряпки въ бумажную массу или тѣсто.

Чтобы добыть бумажное тѣсто, требуется нѣсколько дней работы. Но вотъ тѣсто готово. Его самымъ примитивнымъ способомъ раскачиваютъ, кладутъ между двухъ покрытыхъ сукномъ колесъ и прессуютъ. Когда масса просохла, ее пропускаютъ черезъ особые валы, придающіе ей необходимую плотность. И бумага готова. Приготовленная такимъ способомъ бумага гораздо лучше машинной.

На выставкѣ демонстрируется и старинный ручной станокъ для печатанія. Устроены и средневѣковыя переплетная и книжная лавка, гдѣ работаютъ одѣтые въ средневѣковую одежду нѣмцы.

Переходя изъ одного отдѣла выставки въ другой, вы въ то же время совершаете какъ бы переходъ изъ одной стадіи репродукціонной техники въ другую—вплоть до послѣднихъ чудесъ типографскаго искусства, скоропечатныхъ машинъ, выбрасывающихъ сразу газеты и журналы почти въ сотню страницъ и печатающихъ нѣсколькими красками.

Первыя печатныя книги, гравюры, афиши и т. п. смѣняются другими, приготовленными болѣе совершенными способами. Прелестныя гравюры XVIII—XIX вѣковъ составляютъ переходъ къ новому времени, какъ и всевозможныя произведенія печати, летучіе листки эпохъ реформаціи, Фридриха Великаго и освободительной войны 1812 года.

Въ такъ называемой комнатѣ классиковъ передъ вами первыя изданія сочиненій Гете, Шиллера и другихъ нѣмецкихъ писателей, первый экземпляръ байроновскихъ сочиненій, котораго издатель Муррей до сихъ поръ не выпускалъ изъ рукъ, не довѣряя его почтѣ, желѣзной дорогѣ и морю. Далѣе письма, которыми обмѣнивались знаменитые классики со своими издателями.

Здѣсь умѣстно будетъ упомянуть и о первенцахъ журналистики.

Вотъ первые номера старѣйшихъ періодическихъ изданій, французскихъ газетъ временъ Наполеона I, вотъ тощіе фоліанты «*Berliner Zeitung*» за 1725—1737 гг. Тутъ же бібліотеки Фридриха Великаго, Фридриха Вильгельма II и Фридриха-Вильгельма IV. Въ большихъ витринахъ красуются великолѣпно переплетенныя книги придворныхъ бібліотекъ.

На выставкѣ вы не разъ останавливаетесь съ восхищеніемъ передъ роскошными переплетами изъ сафьяна съ дорогими застежками и причудливыми ювелирными украшениями. Это настоящіе шедевры художественнаго искусства. Въ англійскомъ павильонѣ въ шкапахъ и витринахъ оксфордскаго университета выставлены замѣчательныя издѣлія существующей уже нѣсколько сотъ лѣтъ университетской переплетной. Нѣкоторые изъ переплетовъ цѣнятся по нѣсколько тысячъ марокъ.

«Книга, какъ женщина,—говоритъ французскій писатель *Oscar Uzanne*,—создана, чтобы нравиться, чтобы быть облеченной тончайшими произведеніями искусства. Она создана, чтобы сначала побѣждать взоръ, а затѣмъ уже чаровать умъ».

Великолѣпны переплеты не въ одномъ англійскомъ отдѣлѣ, но и во французскомъ.

Мы на «улицѣ націй». Первое мѣсто на ней занимаетъ нашъ русскій павильонъ. Онъ выдается на фонѣ выставки среди другихъ павильоновъ своей оригинальною архитектурою. Это довольно солидное по размѣрамъ зданіе съ узенькими, заплетенными красными рѣшетками оконцами, съ византійскою орнаментировкою, съ рѣзными пѣтушками и съ тяжелою кованною дверью. Это какъ будто модернизованный кремлевскій стиль. Если строитель академикъ Покровский задался цѣлью сочетать русскій старинный стиль съ современною архитектурою, то она ему вполне удалась.

Въ центрѣ вестибюля красуется великолѣпная фигура русскаго первопечатника Ивана Федорова, работы скульптора Волнухина.

Нашъ павильонъ по своимъ размѣрамъ отнюдь не соотвѣтствуетъ содержимому имъ. Когда я посѣтилъ выставку, нѣкоторыя стѣны зіяли еще пустотой. Уклонились отъ выставки, словно предчувствуя грядущія событія, не только многія частныя русскія фирмы, имѣющія отношеніе къ печатному дѣлу и графикѣ, но и казенныя учрежденія, экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ, университеты и другія высшія учебныя и ученныя учрежденія, не пожелавшія прислать свои экспонаты.

Налицо всевозможныя реликвіи и печатныя произведенія, присланныя академіей наукъ, синодомъ и другими.

Вестибюль дѣлитъ русскій павильонъ на двѣ части. Въ одной представлена довольно наглядно исторія нашего книгопечатанія съ 1564 г., въ другой выставлены произведенія современной нашей печатной промышленности. Историческій отдѣлъ самый богатый и интересный. Поучительна Петровская эпоха, когда въ Россіи введена была гражданская азбука и положено было начало граверному искусству, заимствованному Петромъ Великимъ у голландцевъ. Нѣкоторыя гравюры петровскаго времени отличаются художественностью выполненія и тщательной отдѣлкою.

Въ историческомъ отдѣлѣ собраны были первые атласы Петра Великаго, первая русская энциклопедія священника Алексѣева, первые переводы свѣтскихъ книгъ, учебныя руководства по разнымъ отраслямъ знанія, начиная съ элементарныхъ, въ родѣ старѣйшей русской ариметики, «сирѣчь науки числительной» Магницкаго и т. п. На выставкѣ могли видѣть подлинникъ «Думъ» К. Ѳ. Рылѣва.

Обращали на себя вниманіе альбомы коронованія Елизаветы Петровны, представляющіе большую цѣнность.

Отдѣлъ русскихъ старопечатныхъ книгъ отлично подобранъ управляющимъ синодальной типографіей Орловымъ. Здѣсь есть все, что было у насъ цѣннаго.

Вотъ библія, отпечатанная въ гор. Острогѣ въ 1850 году. Далѣе—рукописныя—псалтырь и евангеліе XVI вѣка съ оригиналь-

ными печатными заставками, апостоль 1597 года и псалтырь постный 1607 года, евангеліе, отпечатанное въ Москвѣ въ 1606 году, Перло, напечатанное въ Черниговѣ въ 1646 году, представляющее большую цѣнность, славянская грамматика 1638 года, житіе св. Варвары 1638 года, «Рай мысленный» 1639 года, патерикъ кievскій 1678 года, «Считаніе удобное» 1682 года, «Изображеніе второго пришествія» и друг.

Интересны для любителя старины театральныя программы 1702 года, букварь Ѳеодора Поликарпова 1701 года, Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, манифестъ императора Петра Великаго, «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей» 1647 года.

Присланы были изъ Россіи на лейпцигскую выставку спеціальныя машины и станки для печатанія. На нихъ предполагалось во все время выставки производить работы церковно-славянскимъ шрифтомъ, съ киноварью и безъ нея, латинскимъ и греческимъ шрифтами, русско-арабскимъ, русско-славяно-латино-греческо-еврейскимъ, арабскимъ, сирійскимъ, квадратной нотой и проч.

Все перечисленное здѣсь придавало особый, своеобразный отпечатокъ русскому отдѣлу на лейпцигской выставкѣ и возбуждало большое любопытство со стороны посѣтителей-любителей старины.

Въ историческомъ отдѣлѣ нашелъ себѣ мѣсто и одинъ изъ первыхъ издателей нашихъ русскихъ классиковъ XVIII вѣка Смирдинъ, книжная лавка котораго служила также клубомъ, гдѣ встрѣчались Пушкинъ, Жуковскій и другіе современные имъ писатели.

Въ историческомъ отдѣлѣ вы могли видѣть и первыя русскія періодическія изданія, начиная съ издававшихся и редактировавшихся Петромъ Великимъ «Вѣдомостей». Тамъ же экземпляры перваго русскаго провинціального изданія, полусатирическаго журнальчика «Уединенный Пѣшехонецъ», выходившаго въ Ярославлѣ въ 1786 году.

Кромѣ старыхъ реликвій, имѣлись и недурныя имитаціи. Одна изъ современныхъ московскихъ типографій—Левенсона—выставила превосходныя репродукціи старинныхъ книгъ и рукописей, которыя трудно отличить отъ подлинниковъ.

Возбуждала интересъ коллекція старыхъ карикатуръ Щедровскаго и Васи Тимма.

Въ нашемъ русскійскомъ павильонѣ бросалось въ глаза обиліе нѣмецкихъ фамилій. И не былъ совсѣмъ неправъ нѣмецъ-издатель, когда онъ, обходя нашъ отдѣлъ и читая фамиліи экспонентовъ—Голике, Вильборга, Риккера, Маркса, Девріена, Вольфа, Метцля, Левенсона и другихъ, язвительно замѣтилъ: «Я чувствую себя здѣсь дома, обозрѣвая вашъ русскій павильонъ».

Любопытно, что одна изъ первыхъ «русскихъ» газетъ—«St.-Petersburger Zeitung», вышедшая впервые въ 1728 г. и фигурирующая на выставкѣ.

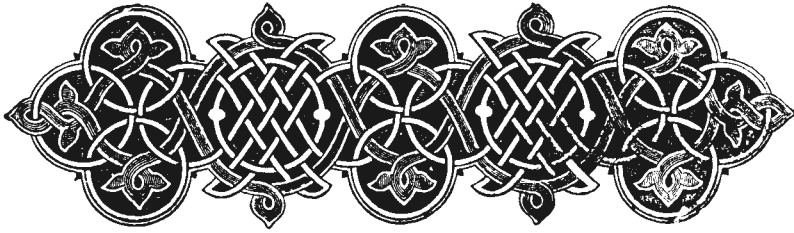
«Исторію» вы могли найти въ такъ называемомъ «студенческомъ уголкѣ»—«Studenten Viertel». Здѣсь воспроизведенъ почти въ натуральную величину извѣстный Гейдельбергскій замокъ съ его монструозной бочкою и кабачкомъ студентовъ. Въ многочисленныхъ комнатахъ замка выставлены университетскія реликвіи, дипломы, жезлы и одежда ректоровъ, эмблемы корпорацій, фехтовальныя атрибуты, старыя пивныя кружки, корпоративныя знамена, картины и гравюры, изображающія жизнь корпорантовъ въ старыя времена и ихъ роль въ политическихъ событіяхъ и движеніяхъ своей родины. Прислали свои реликвіи и высшія учебныя заведенія и корпораціи Риги и Юрьева.

Нельзя обойти молчаніемъ и женскаго павильона, въ которомъ, кромѣ всевозможныхъ женскихъ издѣлій, выставлены книги и брошюры, *написанныя, набранныя, напечатанныя, переплетенныя* и *продаваемыя* женщинами.

Налицо—и печатныя издѣлія нашихъ соотечественницъ, собранныя при ближайшемъ участіи А. Н. Шабановой. Нашъ женскій книгопечатный отдѣлъ отнюдь не отличался желательною полнотою. Завѣдующая женскимъ отдѣломъ госпожа Дюрръ, жена извѣстнаго лейпцигскаго книгопродавца и поборница женскихъ правъ, въ бесѣдѣ со мною высказала увѣренность, что русскія писательницы, отсутствовавшія въ завѣдуемомъ ею отдѣлѣ (г-жи Щепкина-Куперникъ, Гиппиусъ, Лѣткова и друг.), не замедлятъ восполнить замѣченные мною пробѣлы. Но соотечественники г-жи Дюрръ не только помѣшали восполненію указанныхъ отдѣловъ, но испортили всю лейпцигскую выставку, поднявъ на Европу свой «бронированный кулакъ».

Затѣвая свою выставку, на которую нѣмцами ухлопано много милліоновъ марокъ, устроители ея въ своихъ широковъщательныхъ анонсахъ усиленно звали народы Европы на праздникъ просвѣщенія. Они, какъ я уже говорилъ, разсчитывали, кромѣ того, что выставка внесетъ большое оживленіе въ книжную промышленность, переживавшую кризисъ. Французы, русскіе, англичане, даже японцы изъ Дальняго Востока откликнулись на нѣмецкіе зазывы, соорудивъ дорого стоящіе павильоны и приславъ туда массу своихъ печатныхъ и художественныхъ реликвій, которымъ угрожаетъ теперь не малая опасность со стороны вандаловъ XX вѣка. Великое разочарованіе принесъ и самимъ устроителямъ выставки и ихъ гостямъ столь неожиданно брошенный нѣмцами вызовъ всей культурной Европѣ и ихъ варварскій способъ веденія войны, переносящей насъ къ самымъ темнымъ страницамъ изъ жизни чело-
вѣчества...

А. Евгеньевъ.

АННА ВАСИЛЬЕВНА ГОГОЛЬ ¹⁾.

(Мое знакомство и переписка съ нею).

—

IX

ОЗНАКОМИЛАСЬ я съ Анной Васильевной Гоголь въ 1889 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ. Я гостила въ это время у пріятельницы своей А. Н. Новицкой въ Гольмановкѣ (такъ называется хуторъ ея, находящійся недалеко отъ Полтавы). Братъ моей пріятельницы П. Н. Гольманъ, жившій въ Полтавѣ и каждое воскресенье ѣздившій на хуторъ, хорошо зналъ Анну Васильевну, часто бывалъ ея партнеромъ на карточныхъ вечерахъ у губернатора. На одномъ изъ такихъ вечеровъ Анна Васильевна заговорила о статьѣ, появившейся въ іюньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника»: «Отношенія Гоголя къ матери». П. Н. Гольманъ, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, сообщилъ Аннѣ Васильевнѣ, что авторъ этой статьи гоститъ у сестры его въ настоящее время.

Узнавъ это, Анна Васильевна просила П. Н. Гольмана непременно привезти меня къ ней въ Полтаву познакомиться и оставить у нея до слѣдующаго его отъѣзда въ Гольмановку.

Такимъ образомъ, провела я цѣлую недѣлю съ Анной Васильевной, жившей тогда въ Полтавѣ въ своемъ собственномъ домѣ.

¹⁾ Окончаніе. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXXVII, стр. 903.

Въ Полтавѣ Анна Васильевна пользовалась большою популярностію. Всѣ знали и любили ее за необыкновенную отзывчивость и сердечность. Рассказывали, что при видѣ несчастія она стремительно старалась помочь и отдавала все, что было у нея въ этотъ моментъ.

На меня она произвела самое пріятное впечатлѣніе. Хотя я много слышала о ней хорошаго, но никакъ не ожидала встрѣтить такую жизнерадостную, веселую, остроумную старушку (ей было тогда около семидесяти лѣтъ), весьма образованную, слѣдящую за всѣмъ, что только выходило въ печати касающееся ея брата.

Мы сразу съ ней сошлись и намъ казалось, какъ будто мы очень давно знакомы другъ съ другомъ.

Днемъ мы вслухъ читали, а вечеромъ ходили гулять въ городской садъ.

Когда при чтеніи попадался несправедливый, какъ казалось Аннѣ Васильевнѣ, отзывъ о ея братѣ, она сразу вспыхивала, волновалась, и это дѣлало ее еще болѣе симпатичной.

Недавно, перечитывая вторую часть «Мертвыхъ душъ», мнѣ пришло на мысль, что Уленька, дочь генерала Бетрищева, была списана съ Анны Васильевны. Вотъ тѣ черты характера Уленьки, которыя наиболѣе всего напоминаютъ Анну Васильевну:

«Но гнѣвъ ея вспыхивалъ только тогда, когда она слышала о какой бы то ни было несправедливости или дурномъ поступкѣ съ кѣмъ бы то ни было. И никогда не споривала она за себя самое и не оправдывала себя. Гнѣвъ этотъ исчезнулъ бы въ минуту, если бы она увидѣла въ несчастіи того самаго, на кого гнѣвалась. При первой просьбѣ о подаяніи кого бы то ни было, она готова была бросить ему весь свой кошелекъ, со всѣмъ, что въ немъ было, не вдаваясь ни въ какіе разсужденія и расчеты. Было въ ней что-то стремительное. Когда она говорила, у нея, казалось, все стремилось вослѣдъ за мыслию»¹⁾.

На третій день послѣ моего приѣзда въ Полтаву Анна Васильевна повезла меня въ Васильевку. Въ то время тамъ проживалъ Николай Владимировичъ Быковъ, сынъ Елизаветы Васильевны, съ супругой своей Марьей Александровной, урожденной Пушкиной (внучкой нашего великаго писателя), и пятью малолѣтними дѣтьми. Анна Васильевна не была въ замужествѣ, но на долю ея выпало воспитаніе почти всѣхъ своихъ племянниковъ: и сына умершей Марьи Васильевны Трушковской, и всѣхъ дѣтей рано умершей Елизаветы Васильевны Быковой, послѣ смерти которой Анна Васильевна замѣнила имъ мать. В. И. Быковъ умеръ за четыре года до смерти своей жены.

¹⁾ «Мертвыя души» Гоголя, ч. II. Думаю, что Уленька послужила прототипомъ тургеневскихъ героинь.

Сохранилось весьма интересное письмо Николая Васильевича, въ которомъ онъ даетъ совѣты Аннѣ Васильевнѣ, какъ воспитывать племянника (Н. П. Трушковскаго):

«Насчетъ нашего племянника скажу тебѣ, что я думалъ только, не вырвется ли какъ-нибудь въ словахъ его любовь и охота къ какому-нибудь близкому дѣлу, которое подъ рукой и о которомъ мальчикъ въ его лѣта можетъ имѣть понятіе.

«Ты внуши ему, по крайней мѣрѣ, желаніе читать побольше историческихъ книгъ и желаніе узнавать собственную землю, географію Россіи, исторію Россіи, путешествія по Россіи.

«Пусть онъ спрашиваетъ и узнаетъ про всякое сословіе Россіи, начиная съ собственной губерніи и уѣзда: что такое крестьяне, на какихъ они условіяхъ, сколько работаютъ въ этомъ мѣстѣ, сколько въ другомъ, какими работами занимаются, что такое мѣщане въ городахъ, чѣмъ занимаются, что такое купцы и чѣмъ торгуютъ, что производитъ такой-то уѣздъ или губернія и чѣмъ промышленяютъ въ другомъ мѣстѣ.

«Словомъ, нужно, чтобы въ немъ пробудилось желаніе узнавать бытъ людей, населяющихъ Россію. Съ этими познаніями онъ можетъ сдѣлаться потомъ хорошимъ чиновникомъ и нужнымъ человѣкомъ государству. Ты можешь слегка приучить его къ этому даже въ деревнѣ Васильевкѣ. Напримѣръ, въ первую ярмарку, какая случится у васъ, вели ему высмотрѣть хорошенько, какихъ товаровъ больше и какихъ меньше, и записать это на бумажкѣ—скажи, что это для меня. Потомъ пусть запишетъ, откуда и съ какихъ мѣстъ больше привезли товаровъ и чьи люди больше торгуютъ и больше привозятъ. Это заставитъ его и переспросить, и поразговориться со многими торговцами. А потомъ можетъ такимъ образомъ и въ Полтавѣ замѣчать многое. Нужно, чтобы онъ не пропускалъ ничего безъ наблюдательности. Если въ немъ пробудится наблюдательность всего, что ни окружаетъ, тогда изъ него выйдетъ человѣкъ; безъ этого же свойства, онъ будетъ кругомъ ничто. Вотъ все, что считаю нужнымъ передать тебѣ по предмету племянника»¹⁾.

Одновременно пишетъ Николай Васильевичъ по поводу племянника (Н. П. Трушковскаго) и Шевыреву:

«Пошли изъ моихъ денегъ, вырученныхъ за «Мертвыя души», сто рублей при слѣдующемъ здѣсь письмецѣ сестрѣ Ольгѣ, если можно, не откладывая времени. А на другіе сто рублей купи книгу такого рода, которая могли бы отрока, вступающаго въ юношескій возрастъ, познакомить сколько-нибудь съ Россіей (отрока лѣтъ тринадцати), какъ-то: путешествія по Россіи, исторія Россіи и всѣ такія книги, которыя безъ скуки могутъ познакомить собственно со статистикой Россіи и бытомъ въ ней живущаго народа

¹⁾ Письма Гоголя, т. IV, стр. 27.

всѣхъ сословій. Я не знаю и не могу теперь припомнить, что у насъ выходило хорошаго по этой части. Нельзя, чтобы не вышло чего-нибудь въ послѣдніе годы, гдѣ бы посущественнѣй и поближе показывалось внутреннее состояніе государства и что могло бы легко и съ интересомъ читаться. Купивши всѣ такія книги, уложи ихъ въ ящикъ и отправь въ Полтаву на имя сестры моей Анны. Прости, что обременяю тебя такими скучными хлопотами и пользуюсь безграничной твоей добротой. У меня есть племянникъ, почти брошенный мальчикъ, которому получить воспитанія блестящаго не удастся; но если въ немъ чтеніемъ этихъ книгъ возбудится желаніе любить и знать Россію, то это все, что я желаю: это, по-моему, лучше, чѣмъ если бы онъ зналъ языки и всякія науки. Объ участи его я тогда не буду заботиться: онъ, вѣрно, и самъ пойдетъ своей дорогой и будетъ добрымъ служакой гдѣ-нибудь въ незамѣтномъ уголкѣ государства. А этого и предовольно для русскаго гражданина. Все прочее можетъ поселить только заносчивость въ бѣдномъ человѣкѣ.

«Присоедини къ этому русскій переводъ Гуфлянда о сохраненіи жизни. Онъ существуетъ. Поручи книгопродавцамъ его отыскать. У меня есть одна сестра (Ольга Васильевна, самая младшая сестра Гоголя), которая воспиталась сама собою въ глуши. Языка иностраннаго не знаетъ; но Богъ наградилъ ее чуднымъ даромъ лечить и тѣло, и душу человѣка. Съ семнадцатилѣтняго возраста она отдала себя Богу и бѣднымъ. Она лечитъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ всякими травами, которыхъ цѣлебное свойство открыла сама, и часто молитъ Бога, чтобы заболѣть, затѣмъ, чтобъ испытать на себѣ самой новыя придуманныя ею средства. Читать ей медицинскихъ книгъ не слѣдуетъ; пусть ее ведетъ натура. Но ей нужна такая книга, которая дала бы ей ближайшее понятіе вообще о природѣ человѣка, какъ въ немъ движется кровь, какъ переваривается пища и прочее. Пожалуйста, спроси какого-нибудь умнаго врача, нѣтъ ли у насъ на русскомъ такой книги, которая бы могла быть по этой части доступна простолюдину, а не какому-нибудь ученому человѣку, въ которой была бы полная и коротенькая, понятная самому дитяти анатомія человѣка. Если что найдется по этой части, то, пожалуйста, приложи къ посылкѣ». (Т. IV, стр. 110).

Не буду распространяться о томъ радушіи, съ какимъ встрѣтили насъ Николай Владимировичъ и Марья Александровна, которая поразила меня своей красотой. Оба они очень обрадовались пріѣзду Анны Васильевны.

Много мы гуляли съ Анной Васильевной по саду, который описанъ самимъ Николаемъ Васильевичемъ. (См. описаніе сада Плюшкина. «М. Д.», I ч.). Она показывала мнѣ тѣ деревья, которыя садилъ Николай Васильевичъ, и тѣ, которыя она сама садила по указанію брата, показывала тѣ мѣста, гдѣ онъ наиболѣе всего любилъ

Анна Васильевна Гоголь.

гулять. Проходили мы съ Анной Васильевной мимо кургана, о которомъ Гиляровскій писалъ: ¹⁾).

«На одной изъ полянъ сада около дубовъ, возвышается красивый курганчикъ съ густымъ сиреневымъ кустомъ, увѣнчивающимъ его вершину. Въ печати по поводу его ходила легенда, будто подъ

¹⁾ «Русская Мысль». 1902 г., № 1—2.

«истор. вѣстн.», октябрь 1914 г., т. сxxxviii.

этимъ самымъ кустомъ Гоголь зарылъ свои рукописи и что, по рассказамъ, курганъ этотъ былъ насыпанъ во время голоднаго года въ 1851 году по инициативѣ Николая Васильевича, желавшаго дать заработокъ пострадавшимъ отъ голода крестьянамъ».

Я очень хорошо помню этотъ курганъ, но, проходя мимо него, Анна Васильевна не дала мнѣ никакихъ объясненій.

Трудно допустить, чтобы она объ этомъ ничего не знала. Николай Васильевичъ ей часто посылалъ деньги для подспорья бѣдныхъ крестьянъ, а во время голоднаго года послалъ ей сначала пятьдесятъ рублей (такъ какъ у него въ то время больше не оказалось), а черезъ мѣсяць сто пятьдесятъ рублей для раздачи наибольше потерпѣвшимъ. Въ письмѣ къ матери онъ пишетъ:

«О, какъ нужно намъ теперь крѣпко молиться! молиться о томъ, чтобы вразумилъ насъ Богъ, какъ нужно вести жизнь, чтобы отъ неуройства и небреженія нашего не терпѣли другіе! Посылаю пятьдесятъ рублей сестрѣ Аннѣ на раздачу необходимаго хлѣба голоднымъ. Всего лучше, если бы эта раздача производилась въ видѣ платы за работу въ саду. Даромъ не долженъ человѣкъ получать, развѣ тогда, когда не станетъ силъ работать. Благодарю отъ души сестру Анну за то, что она старается доказать на дѣлѣ ко мнѣ любовь исполненіемъ просьбъ насчетъ работъ въ саду. Я увѣренъ, что эти занятія доставятъ потомъ усладу и ей самой. Благодарю также и племянника Колю за то, что помогаетъ ей. Въ самыхъ же работахъ нужно руководствоваться возможностями и никакъ не отрывать для саду отъ другихъ, важнѣйшихъ работъ, особенно не занимать подводъ, которыя по случаю скотскаго падежа стали теперь дороги и рѣдки. Нужно помнить, что есть занятія еще важнѣйшія въ хозяйствѣ, которыя, увы! мы бросили, какъ скучныя. Много, много мы бросили душевнеспасительныхъ трудовъ и, забываясь только о себѣ, въ то время, когда вся жизнь наша должна быть забота о другихъ». (Т. IV, стр. 248).

Одновременно посылаетъ онъ деньги для бѣдныхъ и сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ ¹⁾. Посылая деньги матери въ 1851 году, онъ проситъ ее дать изъ нихъ двадцать пять рублей Ольгѣ Васильевнѣ на лекарства. Вскорѣ послѣ этого посылаетъ опять Ольгѣ Васильевнѣ десять рублей:

«Что же ты не пишешь мнѣ ни слова, добрая сестра моя Ольга? Не отвѣчала на письмо. Такъ какъ тебя ограбили, взявши отъ тебя деньги, назначенныя бѣднымъ, то посылаю, сколько могъ собрать, восемнадцать рублей. При расчетливомъ употребленіи, авось станетъ какъ-нибудь до времени». (Т. IV, стр. 406).

Спустя самое короткое время, онъ опять посылаетъ ей десять рублей:

¹⁾ См. выше, письмо къ Шевыреву.

«Посылаю тебѣ десять рублей на всякія надобности для бѣдныхъ и лекарства. Радъ, что ты хорошо устроилась въ своей комнатѣ»¹⁾. (Т. IV, стр. 407).

Въ слѣдующихъ письмахъ того же года пишетъ онъ Ольгѣ Васильевнѣ:

«Распоряженія твои относительно леченія скота хороши. Продолжай тоже попрежнему помогать страждущимъ, навѣщать ихъ и особенно не пренебрегай разговоромъ съ ними. Посылаю тебѣ на лекарства и на вспоможеніе бѣднымъ пятнадцать рублей. Не забывай увѣдомлять меня о леченіяхъ, какъ успѣшныхъ, такъ и неуспѣшныхъ, а также и о томъ, что услышишь необыкновеннаго, о нуждающихся также». (Т. IV, стр. 407).

Посылая опять двадцать пять рублей на лекарства (сколько собралось), онъ прибавляетъ въ своемъ письмѣ къ ней:

«Прошу тебя обратить особенное вниманіе на родильницъ и отложить нѣсколько денегъ, чтобы нанять работницу на то время, когда родившая должна пролежать въ постели; для этого нужно непременно навѣдаться самой, чтобы удостовѣриться, точно ли больная лежитъ въ постели и точно ли работаетъ за нее другая».

Анна Васильевна рассказывала мнѣ, что усадьба ихъ въ Васильевкѣ очень измѣнилась послѣ раздѣла ея между двумя замужними сестрами Елизаветой Васильевной Быковой и Ольгой Васильевной Головной²⁾. Она водила меня въ эту старую усадьбу, которая принадлежала Головнымъ, но ихъ не было въ это время дома, и мнѣ не пришлось съ ними познакомиться. Васильевка не произвела на меня того чарующаго впечатлѣнія, какое она произвела на Гиляровскаго и Чаговца. Мѣсто ровное, скучное, не оживленное рѣкою, и очень глухое. Не любилъ Васильевки Николай Васильевичъ, не любила ея и Анна Васильевна, предпочитая зимою и лѣтомъ жить въ Полтавѣ, гдѣ у нея былъ собственный домъ, очень холодный, въ которомъ зимою было не болѣе восьми градусовъ тепла, какъ она мнѣ писала.

По возвращеніи изъ Васильевки Анна Васильевна показывала мнѣ всѣ реликвіи, о которыхъ подробно пишетъ Чаговецъ въ своей статьѣ «На родинѣ Гоголя»³⁾.

¹⁾ Въ этомъ году Елизавета Васильевна вышла замужъ, и Ольга Васильевна переехала въ ея комнату.

²⁾ По жребію старая усадьба, дворъ, часть сада достались Ольгѣ Васильевнѣ Головинѣ, а племянникъ Николай Владимировичъ Быковъ устроилъ себѣ новую усадьбу за прудами. Старая усадьба тогда была въ большомъ запущеніи, особенно флигель, гдѣ Николай Васильевичъ жилъ въ послѣдній годъ своего пріѣзда въ Васильевку. А въ настоящее время не осталось и слѣда отъ какихъ бы то ни было строеній, существовавшихъ при жизни Николая Васильевича.

А в т.

³⁾ «Кіевская Газета», 1901 г., № 266, 263, 270.

Онѣ находились въ то время въ Полтавѣ у Анны Васильевны. Разбирая пачку съ рисунками и письмами брата, она подарила мнѣ два автографа его и рисунокъ, а также, оторвавъ кусокъ фуляра, которымъ Николай Васильевичъ повязывалъ шею, она подарила мнѣ, прибавивъ: «Вамъ, какъ институткѣ, особенно пріятно будетъ имѣть его вещь».

Долго не разставалась я съ этими реликвіями и только въ 1908 г. я подарила фуляръ въ кіевскій историческій музей. Рисунокъ же Гоголя съ двумя автографами и коллекціей собранныхъ мною портретовъ Гоголя я принесла въ даръ императорской публичной бібліотекѣ въ 1892 году, уѣзжая надолго за границу.

Въ отчетѣ императорской публичной бібліотекѣ за 1892 годъ значится:

«95) Два автографа (Н. В. Гоголя), наброски, всего лишь по нѣскольку строкъ въ каждомъ, и листокъ съ его рисункомъ, исполненнымъ чернилами. На рисунокѣ изображены два какіе-то храма. Изъ набросковъ одинъ, писанный Гоголемъ передъ смертью въ 1852 г., слѣдующаго содержанія:

«Молюсь о друзьяхъ своихъ. Услыши, Господи, желанія и моленія ихъ. Спаси ихъ, Боже. Прости имъ, Боже, какъ и мнѣ, грѣшному, всякія согрѣшенія передъ Тобою».

Въ другомъ можно прочесть:

«Шелки, атласы, платья по сотнѣ и по двѣсти и болѣе...

«Шутить, какъ извѣстно, не любитъ нашъ вѣкъ и разомъ надѣнетъ на себя годовое пропитаніе двадцати семействъ, да еще и похваляется благотворительностью, припѣвая: «Роскошь доставляетъ хлѣбъ работникамъ»¹⁾.

Подарила мнѣ еще Анна Васильевна письмо Шевырева къ Марьѣ Ивановнѣ Гоголь, въ которомъ опъ извѣщаетъ ее о смерти сына съ подробнымъ описаніемъ болѣзни и смерти. Письмо это состоитъ изъ большого формата синей почтовой бумаги, мелко исписаннаго чрезвычайно красивымъ, отчетливымъ почеркомъ. Этотъ красивый, отчетливый почеркъ, можно сказать, погубилъ безцѣнный документъ.

Занявшись преподаваніемъ русскаго языка въ Парижѣ французамъ, я въ 1894 году дала его одному изъ своихъ учениковъ *Emile Dugué*, который очень интересовался нашей литературой. Такъ оно у него и осталось. Изъ всего подареннаго мнѣ Анной Васильевной сохранила я себѣ фотографическій снимокъ съ портретомъ Николая Васильевича, рисованнаго Моллеромъ, съ надписью: «Н. В. Гоголь отъ сестры его А. В. Гоголь».

Съ тѣхъ поръ завязалась у насъ дѣятельная переписка, въ которой Анна Васильевна дѣлилась со мною всеми своими волненіями

¹⁾ Собраніе автографовъ. А. М. Черницкой Отчетъ имп. публ. б. за 1892 г. Спб. 1896 г.

и огорченіями, вызываемыми статьями Шенрока объ ея великомъ братѣ.

Я получила въ продолженіе 1889—1890—1891 годовъ девятнадцать писемъ отъ Анны Васильевны. Кромѣ одного, писемъ своихъ Анна Васильевна не датировала, и я ихъ приблизительно привела въ хронологическій порядокъ, сообразуясь съ выходомъ въ свѣтъ статей о Гоголѣ Шенрока, по поводу которыхъ они мнѣ были написаны. Подлинники этихъ писемъ хранятся въ императорской публичной библиотекѣ, которая приобрѣла ихъ у меня 14-го февраля 1914 года. Они нигдѣ еще не были напечатаны. Думаю, что они не лишены будутъ интереса для будущаго біографа Гоголя.

Х.

Въ 1889 году въ октябрѣ мѣсяцѣ появилась въ «Вѣстникѣ Европы» статья Шенрока «Гоголь и Вельегорскіе».

Въ этой статьѣ Шенрокъ на основаніи писемъ Гоголя къ Вельегорской и нѣкоторыхъ сообщеній О. Н. Смирновой выводитъ заключеніе, что Гоголь сватался къ Аннѣ Михайловнѣ Вельегорской и дѣлалъ ей предложеніе въ 1848 году, когда онъ ѣздилъ на короткое время въ Петербургъ ¹⁾.

Помню, что статья эта мнѣ не понравилась, и я писала Аннѣ Васильевнѣ, на что получила слѣдующій отвѣтъ.

«Милая, дорогая Антонина Михайловна! Я также очень часто вспоминаю васъ и грустила, что вы меня забыли! Благодарю васъ очень за ваше милое письмо; меня также очень огорчилъ Шенрокъ, хотя еще не читала его статьи, но изъ его писемъ узнала и писала ему, «что это сватовство невѣроятно!»

«Возвратившись изъ Иерусалима, братъ не въ такомъ былъ настроеніи, говорилъ, что желаетъ пожить съ нами въ деревнѣ, хозяйничать, построить домъ, гдѣ бы у каждаго была своя комната и у него своя также, у меня есть и этотъ планъ. Мнѣ кажется, что братъ не думалъ о женитьбѣ, всегда говорилъ, что онъ не способенъ къ семейной жизни!

«Я писала Шенроку объ этомъ! По его письмамъ видно, что онъ самъ беспокоится и боится, чтобы я не разсердилась! Какъ мнѣ все это надоѣло!

«Все это время у насъ гостила Марья Александровна (Быкова).

¹⁾ «Не имѣя достаточныхъ данныхъ,—пишетъ Шенрокъ въ своей статьѣ,—воспользуемся нѣкоторыми сообщеніями О. Н. Смирновой и отрывочными мѣстами изъ переписки» («Вѣстн. Евр.», 1889 г., № 1). Изъ переписки нельзя вывести такого заключенія, а насколько можно довѣрять сообщеніямъ О. Н. Смирновой—смотри: «Словарь Брокгауза и Эфрона» (60, 531) «Гоголь и его новый біографъ» Витберга, «Противорѣчія и сомнѣнія въ біографіи Гоголя» (профессора Кирпичникова. (Изв. р. яз. и слов. импер. ак. наукъ. 1912).

Авт.

Коля (Николай Владимирович Быковъ) привезъ своего сына въ Полтаву и у него оказался скарлатинъ; онъ пробылъ у Маши (Марья Владимировна Рахубовская, сестра Николая Владимировича Быкова) шесть недѣль, и родители по очереди прѣзжали наблюдать за нимъ, вчера только уѣхали. Какой странный Шенрокъ! Кажется, довольно прочесть переписку брата съ Вельегорской, чтобы видѣть, что ихъ отношенія были совсѣмъ не такія!

«Шенрокъ мнѣ писалъ, что очень радъ былъ получить ваше письмо и желаетъ съ вами продолжать переписку. И я этимъ довольна по многимъ причинамъ. Насилу собралась написать вамъ, я такая лѣнивая, что совѣстно. Не прѣдете ли вы лѣтомъ? Хотѣлось бы не только видѣть васъ, но и пожить съ вами.

«Преданная вамъ А.».

Сбоку письма приписано:

«Адресуйте безъ Яновской».

Я адресовала ей это письмо Гоголь-Яновской ¹⁾. Въ томъ же году я собирала портреты Гоголя и спрашивала у Анны Васильевны нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ, на что Анна Васильевна отвѣчала мнѣ:

«Дорогая Антонина Михайловна. Мнѣ очень жаль, что не могу удовлетворить ваше желаніе. Вы предполагаете у меня больше свѣдѣній! Насчетъ портретовъ брата ничего не знаю, кромѣ того, что портретъ рисовалъ въ Италіи Моллеръ и что въ 1842 году братъ его привезъ въ Москву и сказалъ матери, что сдѣлалъ его собственно для нея, что христіанинъ долженъ быть со свѣтлымъ лицомъ! А я думаю, что онъ снялся съ улыбкой, чтобы ее успокоить, а то бы она судила по выраженію его лица объ его здоровьѣ! Знаю, что у Погодина есть портретъ Иванова! А Иордановъ портретъ онъ совѣтовалъ имѣть, но какой онъ и у кого—я ничего не знаю. У меня фотографія только снята съ большого Моллеровскаго портрета, больше ничего не знаю! Я была довольна вашей перепиской съ Шенрокомъ, думаю, что вы будете имѣть на него хорошее вліяніе. Онъ въ] перепискѣ съ Вѣлозерской. Какъ онъ меня сердить, не хочется писать всего. Чуть не каждый день получаю отъ него письма, да еще при моей лѣни писать. Можете представить, пишетъ, что ему предлагаетъ Бергъ написать *Святоство Гоголя!* Я въ негодованіи, какъ могутъ ему это предлагать! Берется писать его (Гоголя) біографію и совсѣмъ его не знаетъ ²⁾. Братъ не былъ со-

¹⁾ Николай Васильевичъ тоже не любилъ этой прибавки къ своей фамиліи.

²⁾ Это самое говорятъ и Федоръ Александровичъ Витбергъ въ своей брошюрѣ «Гоголь и его новый біографъ», по поводу вышедшаго I т. «Мат. для біогр. Гоголя Шенрокъ» въ 1892 г.

«Примѣняя къ нему тѣ требованія отъ біографическаго труда, на которыя указано было выше, мы найдемъ въ немъ весьма существенные промахи во всѣхъ трехъ отношеніяхъ: и въ отношеніи хронологической точности, и въ отношеніи фактической достовѣрности, и, наконецъ, въ отношеніи яснаго опредѣленнаго представленія основныхъ нравственныхъ свойствъ Гоголя».

Авт.

общителенъ, тѣмъ болѣе въ такихъ дѣлахъ, не разсказывалъ бы Веневитиновымъ или кому бы то ни было.

«Изъ его (Гоголя) писемъ видно, что онъ желалъ, чтобы она (Вельегорская) вышла за Апраксина! И откуда они это выдумали? Я позавидовала, прочитавши, что Погодинъ счастливъ, что у него такой біографъ попался, какой-то Барсуковъ! А это Богъ знаетъ что. Я не отличаюсь терпѣніемъ и боюсь слишкомъ откровенно написать Шенроку. Онъ воображаетъ, что я желаю имѣть только похвалы брату, не понимаетъ, что нужна только правда, справедливыя осужденія меня не сердятъ.

«Сама (сынъ Николая Владимировича) здоровъ и давно его увезли въ деревню. Цѣлую васъ крѣпко, моя дорогая. Ваша А. Г.»

Сбоку письма приписано:

«Сейчасъ написала раздражительное письмо Шенроку».

Въ томъ же году въ декабрѣ мѣсяцѣ я послала Аннѣ Васильевнѣ снимокъ съ портрета Гоголя и получила въ отвѣтъ:

«Дорогая Ант. Мих.!

«Благодарю васъ очень за присланный портретъ. Братъ далъ сестрѣ Быковой такой же въ миньютюрѣ. Но цвѣтъ лица (того портрета, который я послала) какой-то странный и смуглый (портретъ былъ раскрашенъ). Онъ (Гоголь) никогда не былъ такой. Онъ (портретъ) вѣрно современенъ моему.

«Шенрокъ не писалъ статьи Сватовства Гоголя, но говорилъ, что его просили написать, но что онъ не согласился! По этому поводу у насъ завязалась пренепріятная переписка. Я вообще не отличаюсь терпѣніемъ и не люблю повторять одно и то же! Чуть не всякій день получаю письма все объ одномъ. Я потеряла терпѣніе и просила не писать мнѣ болѣе объ этомъ! Не помню, какъ я писала, можетъ, оскорбила его, только не получаю болѣе отъ него, чему я рада, но не желаю его обидѣть. Онъ очень добрый, но...

«Теперьшняя болѣзнь (инфлуэнца) не пощадила и насъ, я и моя горничная ¹⁾ болѣемъ и вообще рѣдко, гдѣ нѣтъ больныхъ. Я не выхожу болѣе, притомъ какая-то гнетущая тоска. Прошу васъ, напишите ваше предположеніе на лѣто, когда рѣшите. Въ моемъ домѣ такой холодъ, что я прихожу въ отчаяніе, съ утра 8 градусовъ, а прошлый годъ доходило до 5 градусовъ. Не знаю, что дѣлать, не хочется оставлять дома и боюсь ревматизма.

«До свиданія, дорогая Антонина Михайловна. Шлю вамъ исполненіе всѣхъ вашихъ желаній!

Преданная вамъ А. Г.»

Я очень сочувствовала Аннѣ Васильевнѣ и безпокоилась, что у нея такой холодъ въ домѣ, совѣтуя ей обнести домъ очеретомъ,

¹⁾ Горничная Анны Васильевны была бывшая ея крѣпостная, вдова Якіма, служившаго Гоголю въ бытность его въ Петроградѣ.

какъ это дѣлалось у насъ въ Лохвицкомъ уѣздѣ Полтавской губернии. При этомъ послала ей еще одинъ снимокъ съ портрета Гоголя. На это отвѣтила мнѣ Анна Васильевна:

«Милая, дорогая моя А. М.!

«Очень вамъ благодарна за присланный портретъ. Этотъ и мнѣ лучше нравится, чѣмъ тотъ. Вы спрашиваете о копиі съ него, но я сама не знаю. Кажется, это копія съ того, и не очень хорошо сдѣланная, только халатъ тамъ былъ темно-лиловый, а не кирпичный. Не думаю, чтобы братъ носилъ такой, онъ вообще любилъ темные цвѣта. Слава Богу, прожили почти половину зимы, менѣе осталось терпѣть холодъ, такъ мнѣ отвѣтилъ мой Петръ ¹⁾, когда я хлопотала закупорить дверь въ передней. А обнести очеретомъ не думаю, чтобы было удобно каменный домъ! Да и окна велики для маленькихъ комнатокъ. Надо потерпѣть!

«Отъ Шенрока получила письмо, онъ пишетъ, что долго не писалъ, чтобы не тревожить меня, и говоритъ, что больше не услышу я о женитьбѣ Гоголя, все уничтожено! ²⁾ А что, вы остались ли довольны его маленькой статьёй въ смѣси «Историческаго Вѣстника»? Я ему писала, что если вы довольны, такъ я не имѣю причины быть недовольной! Я такъ увѣрена въ васъ, что я спокойна за брата, вы лучше меня сумѣете защитить его отъ клеветы, за что я люблю васъ отъ всей души. Несмотря на мои разнообразныя занятія, я часто скучаю по вечерамъ! Читать устаютъ глаза, работа неинтересна, не съ кѣмъ поговорить отъ души и даже рѣдко приходится поиграть въ карты! Рада, если изрѣдка кто прійдетъ почитать вслухъ! А вамъ и скучать некогда, моя труженица! Желая отъ души вамъ успѣха во всемъ. Искренно преданная вамъ А.»

Слѣдующія три письма ко мнѣ Анны Васильевны интересны въ смыслѣ ея настроенія, времяпрепровожденія. Среди самой зимы Анна Васильевна уже строитъ планы и приглашаетъ меня къ себѣ на лѣто:

«Дорогая Антонина Мих.!

«Мнѣ очень пріятно, что вы увлекаетесь музыкой. Это вамъ доставитъ большое удовольствіе! Я любила читать съ вами, а теперь еще новое удовольствіе играть съ вами въ четыре руки!

«Какъ жаль, что я затѣяла несносную ремонтировку своего дома! Не могу вспомнить безъ ужаса, куда я дѣну мебель и куда сама дѣнусь! Надо будетъ нанять домъ квартирантовъ, кот. уѣзжаютъ лѣтомъ. А то бы я вамъ предложила мой планъ: пріѣхать ко мнѣ на

¹⁾ Лакей Анны Васильевны.

²⁾ Очевидно, что Анна Васильевна и до сихъ поръ не читала «Вѣст. Евр.» 1889 г. № 10 и 11, такъ какъ Шенрокъ вовсе не уничтожилъ, да и не могъ уничтожить уже напечатанной статьи. Вѣроятно, онъ нея старались скрыть эти двѣ книги «Вѣстн. Евр.», чтобы не волновать ее, такъ какъ она въ это время, какъ видно изъ письма ея, хворала.

лѣто и брать уроки музыки *здесь!* Противъ меня живетъ очень милая институтская учительница музыки (ея сестра пишетъ, кажется, подъ лит. Н. Ч., не помню), которая приходитъ ко мнѣ разъ въ недѣлю играть въ четыре руки. На каникулы она была бы свободна! Еще я рада, что мнѣ теперь есть кому оставить свои ноты! Моимъ роднымъ онѣ не подходятъ, они не любятъ классической музыки, а вамъ съ удовольствіемъ. Меня беспокоитъ, что часто бываетъ у меня приливъ крови, а иные говорятъ отливъ, должно быть къ мозгу, вслѣдствіе чего я вижу будто половину предмета и въ глазахъ неловко. Это продолжается иногда часъ, а потомъ головная боль! Эти два дня такъ меня напугало, что я сегодня боюсь что-нибудь дѣлать! Хотѣла итти гулять, но вернулась, показалось холодно, а въ комнатѣ одиннадцать съ половиной градусовъ съ утра! Значить, будетъ еще теплѣе. Видно, что идетъ къ веснѣ.

«Итакъ, моя дорогая, подумайте! Если бъ вы вздумали пріѣхать, то я бы взяла *старый домъ*. Только для фортепьяно неудобно: тѣсныя, низкія комнаты, а то бы ничего. Вотъ, если бъ Маша (Марія Владимировна, сестра Николая Владимировича Быкова) уѣхала, то къ ней бы можно поставить рояль! Но до этого еще далеко, Богъ знаетъ, еще доживу ли! Теперь такъ много умираетъ, что страшно дѣлается, До свиданія, милая моя Антонина Михайловна, отъ души желаю успѣховъ во всемъ.

Преданная вамъ А.»

Не помню, что я отвѣчала Аннѣ Васильевнѣ, помню только, что послала ей два новыхъ снимка съ портретовъ Николая Васильевича. Въ отвѣтъ получила отъ Анны Васильевны письмо:

«Дорогая моя Антонина Михайловна!

«Благодарю васъ за портретъ, нахожу его хорошимъ, но не помню, встрѣчала ли этотъ или какой другой есть еще. Но тяжело его видѣть, и я не присматривалась! И не знаю, кто его рисовалъ; знаю, что маску снималъ Рамазановъ. Можетъ быть, это съ маски снятъ! Насчетъ юношескаго портрета ¹⁾, скажу, что я не увѣрена, его ли это портретъ. Наводитъ сомнѣніе усѣченный подбородокъ. А портретъ, который я помню еще въ дѣтствѣ, былъ величиною въ поларшина, стоялъ всегда на шкапу въ спальнѣ и говорили, что онъ самъ его рисовалъ въ зеркало красками, но не въ мундирѣ, но куда онъ потомъ дѣлся—не знаю; вѣроятно, онъ самъ его уничтожилъ!

«Насчетъ нотъ, я не буду дѣлать завѣщанія, а (если не умру скоропостижно) перестану играть скоро, то поручу на словахъ переслать вамъ, вотъ и все. И ничего печальнаго въ этомъ не будетъ!

«Жаль, что вы не пріѣдете въ Малороссію! Если бъ я была помоложе, то пріѣхала бы къ вамъ лѣтомъ, пока будутъ красить въ

¹⁾ Этотъ портретъ былъ найденъ профессоромъ Владимировымъ въ Кіевѣ.

домъ, и кстати бы заѣхала бы на выставку въ Москву. Не хочется мнѣ возиться съ домомъ. Столько развелось разнаго хламу, такъ трудно все это переносить и некуда. Такъ привыкла къ домашней обстановкѣ, что для васъ это покажется страннымъ. Вы, какъ птичка, вспорхнете и летите, вамъ не почемъ бросить свое гнѣздо! А я свыклась съ каждою вещью и все это меня пугаетъ и беспокоитъ.

«Ничего интереснаго нѣтъ сообщить вамъ! Вчера была у Жоржа ¹⁾ въ корпусѣ, играли въ карты, я уѣхала по обыкновенію до ужина, схвативши на столѣ съ закуской какого-то форшмаку. Вообще парадный былъ вечеръ съ директоромъ. Вообще онъ (Юрій Владимировичъ) охотникъ на это, благо сервировка нарядная припасена.

«Крѣпко васъ цѣлую А.»

Вскорѣ я получила еще одно письмо отъ Анны Васильевны, въ которомъ сообщаетъ мнѣ, что Шенрокъ, слава Богу, оставилъ ее въ покоѣ, послѣ письма къ нему Юрія Владимировича Быкова:

«Дорогая Антонина Михайловна!

«Благодарю за ваше милое письмо! Мнѣ пріятно его было получить. Хотѣлось бы поговорить съ вами, а писать—бѣда, такая лѣнь, да и не нахожу ничего достойнаго вашего вниманія. Что я лѣнива, вы давно знаете. Боюсь холода, все сижу дома. Шенрокъ, слава Богу, оставилъ меня въ покоѣ, послѣ письма Жоржа. А Коля былъ въ Москвѣ, но никакъ не успѣлъ быть у него (Шенрока). Но скоро опять поѣдетъ и тогда на словахъ передастъ мое желаніе не имѣть съ нимъ переписки. Угрожалъ очень любезно написать мнѣ о своей радости, что онъ женится. Ужасно мнѣ это интересно!

«Коля отвезъ свою семью съ четырьмя дѣтьми (а пятое осталось дома съ кормилицей) въ подмосковную къ роднымъ жены, два часа ѣзды отъ Москвы, гдѣ теперь проводятъ зиму ея (Марьи Александровны) отецъ съ семействомъ. А весною Коля поѣдетъ за ними. Это ей награда за девятилѣтнюю жизнь въ глуши!

«Что о себѣ сказать—часто хандрю, мало играю въ карты, выписала музыкальный журналъ съ пустячками и забавляюсь въ четыре руки, рѣдко приходится играть въ карты. Читать не всегда расположена; надо для этого быть спокойной, а я такъ часто волнуясь. Вотъ непріятно, что лѣтомъ прійдется возиться съ домомъ, щекатурить. Холодъ былъ ужасный, долго было отъ 7 до 8 градусовъ, только въ спальнѣ теплѣе. Что же вы ничего не пишете о себѣ? Въ какомъ вы настроеніи, что думаете дѣлать лѣтомъ? А можетъ

¹⁾ Юрій Владимировичъ Быковъ, самый младшій сынъ Елизаветы Васильевны, и до сихъ поръ въ Полтавѣ ротнымъ командиромъ въ кадетскомъ корпусѣ. Ему приношу благодарность за доставленіе мнѣ портрета Анны Васильевны, приложеннаго мною къ этой статьѣ. (Послѣ Елизаветы Васильевны осталось пять дѣтей: Николай Владимировичъ, Марія Владимировна, Анна Владимировна, Варвара Владимировна и Юрій Владимировичъ)

вы еще не думаете объ этомъ и точно еще рано. Отъ души цѣлую васъ и благодарю за милое письмоцо.

«Ваша А. Гоголь ¹⁾».

Прежде, чѣмъ перейти къ дальнѣйшей перепискѣ моей съ Анной Васильевной Гоголь, я остановлюсь на томъ, къ какимъ послѣдствіямъ привело ни на чемъ не основанное, какъ мы сейчасъ увидимъ, предположеніе Шенрока о сватовствѣ Гоголя къ А. М. Вельггорской.

XI

Для этого мы должны перенестись за тринадцать лѣтъ впередъ описываемаго мною времени, а именно къ 1902 г. Въ этотъ годъ праздновалось пятидесятилѣтіе со дня смерти Гоголя. Среди многихъ юбилейныхъ статей о немъ появилась возмутительнѣйшая статья психіатра Чижъ «О болѣзни Гоголя», въ основу которой легъ выдуманый Шенрокомъ фактъ о сватовствѣ Гоголя къ А. М. Вельггорской:

«Удивительнымъ ослабленіемъ чувствованій и вообще прогрессирующимъ распадомъ душевной жизни можно объяснить удивительное сватовство гениальнаго сатирика къ А. М. Вельггорской.

«Шенрокъ (IV т., 737 стр.) говоритъ:

«Это увлеченіе его могло быть только болѣзненной вспышкой фальшиваго огня».

«Дѣйствительно, такая болѣзненная вспышка фальшиваго огня бываетъ иногда при старческомъ распадѣ душевной жизни; увы, случилось это и съ гениальнымъ сатирикомъ. Ослабленіе высшихъ нравственныхъ чувствованій лишило Гоголя возможности критически отнестись къ своему намѣренію, подавить въ себѣ желаніе устроиться вмѣстѣ съ преданною и симпатичной ему ученицей. Нельзя также забывать, что у Гоголя именно въ это время не было никакихъ средствъ и, слѣдовательно, онъ думалъ жить на средства жены.

«Безспорное психическое заболѣваніе поразило Гоголя на двадцать первомъ году его жизни ²⁾. Какъ извѣстно, 13-го августа 1829 года онъ уѣхалъ на пароходѣ за границу.

«Если бы за свою поѣздку Гоголь былъ преданъ суду и меня спросили, какъ эксперта, о состояніи его умственныхъ способностей, я безъ колебаній, на основаніи имѣющихся у насъ свѣдѣній, высказался бы за душевную болѣзнь и невмѣняемость». («Вопросы философіи и психологіи», 1903 г., кн. 67, стр. 306—310).

¹⁾ Анна Васильевна рѣдко подписывала фамилію, подписывалась буквой А обыкновенно.

²⁾ Шенрокъ не вѣритъ въ любовь Гоголя къ знатной дамѣ, и считаетъ письмо его отъ 24 іюля 1829 г. къ матери выдуманнымъ. Авт.

Считаю нелишнимъ здѣсь напомнить, кстати, выдержки изъ глубокопрочувствованной рѣчи Федора Александровича Витберга, произнесенной имъ 21-го февраля 1902 года въ день празднованія пятидесятилѣтія со дня смерти Гоголя:

«Подобно тому, какъ сказалъ Пушкинъ: «геній и злодѣйство—двѣ вещи несовмѣстимыя», такъ и въ данномъ случаѣ должно сказать, что геній и помѣшательство—двѣ вещи несовмѣстимыя, ибо это есть психологическая нелѣпность.

«Все, что можно и должно признать у Гоголя,—это слабое здорье вообще и постоянную нервную напряженность, крайнюю нервную воспримчивость и впечатлительность. Конечно, это не могло не отразиться на состояніи его духа, но на основаніи общеизвѣстной истины, что бываютъ случаи, когда у человѣка плоть немощна, но духъ бодръ, душа Гоголя все время его жизни господствовала надъ тѣломъ, и одно это уже свидѣтельствуетъ о полной ея здравости и неповрежденности. Глубина чувства была главнымъ источникомъ и главной причиной его меланхоліи. Про него можно сказать то же, что Тургеневъ говорилъ про Лизу въ «Дворянскомъ гнѣздѣ»:

«Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ, кроткимъ она любила всѣхъ и никого въ особенности, она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно».

«Сумасшествіе Гоголя есть не что иное, какъ призракъ, созданный нашимъ психологическимъ невѣжествомъ, напуганнымъ воображеніемъ и партійнымъ озлобленіемъ. И хотя въ теченіе истекшаго сегодня со дня его смерти пятидесятилѣтія партійныя страсти улеглись, протестующіе и даже прямо враждебные и негодующіе голоса по-немногу смягчаются, и въ нашихъ сужденіяхъ начинаетъ уже вѣять духомъ безпристрастія и примиренія, но до окончательнаго возстановленія свѣтлаго образа Гоголя, какъ личности, еще далеко. Онъ до сихъ поръ еще въ глазахъ очень многихъ изъ насъ, такъ сказать, лишенъ правъ гражданства. Никѣмъ до сихъ поръ основательно не уличенный, онъ не пользуется всеобщимъ довѣріемъ, какъ личность. Онъ, проповѣдовавшій, что съ словомъ надо обращаться честно, не пользуется довѣріемъ къ самымъ яснымъ и простымъ его словамъ. Онъ, умѣвшій вѣрить душѣ человѣка (т. VI, 52 стр.), не можетъ дожидаться довѣрія къ своей собственной душѣ. Обладая поразительнымъ даромъ психологической проницательности, сумѣвъ путемъ долгой, мучительной борьбы съ самимъ собою, съ отрицательными эгоистическими сторонами своей личности, достигнуть замѣчательной ясности, возвышенности и безсмертія духа, онъ еще весьма многими изъ насъ считается человѣкомъ психически-ненормальнымъ, и такимъ образомъ главное дѣло его жизни почти никѣмъ не признано. И если бъ онъ теперь воскресъ

и явился между нами, онъ опять почувствовалъ бы всю невыносимую горестъ своего одиночества.

«Всякій, кто внимательно и безпристрастно прочтетъ всѣ сочиненія Гоголя, всѣ его письма, всѣ рассказы объ немъ лицъ, его знавшихъ и наблюдавшихъ, можетъ вполне убѣдиться своимъ собственнымъ здравымъ разумомъ, что ни въ поступкахъ, ни въ сочиненіяхъ его, ни въ его словахъ и разсужденіяхъ положительно нѣтъ ничего, могущаго заставить сомнѣваться въ нормальности его душевныхъ способностей, никакой непослѣдовательности выводовъ и заключеній, никакого ни внутренняго, ни внѣшняго противорѣчія, никакихъ скачковъ мысли, никакихъ *idées fixes*, никакого пункта помѣшательства, точно такъ же, какъ нельзя опредѣлить и момента помѣшательства. А если и встрѣчается кажущаяся путаница при сопоставленіи нѣкоторыхъ писемъ или обнаруживается недоумѣніе при объясненіи тѣхъ или другихъ его душевныхъ состояній и настроеній, то всѣ эти случаи весьма легко и просто объясняются обыкновеннымъ психологическимъ путемъ, а потому въ объясненіяхъ психіатрическихъ никакой надобности не представляется».

Въ своей же статьѣ Чижевъ сообщаетъ, что крайне обязательный трудъ Шенрока «Матеріалы для біографіи Гоголя», которымъ онъ исключительно пользовался, облегчилъ для психіатра изученіе жизни Гоголя и что матеріалы, зобранные этимъ почтеннымъ изслѣдователемъ, разработаны такъ полно, что изученіе источниковъ дѣлается лишнимъ, а потому онъ будетъ цитировать только трудъ Шенрока.

Почтенный психіатръ, не справляясь съ другими источниками, не зналъ, конечно, что фантастическое предположеніе Шенрока о сватовствѣ Гоголя къ Вельегорской было уже опровергнуто профессоромъ Кирпичниковымъ. Вотъ, что говоритъ Кирпичниковъ въ своей статьѣ: «Противорѣчія и сомнѣнія въ матеріалахъ для біографіи Гоголя» ¹⁾:

«В. И. Шенрокъ, изслѣдовавшій въ особой работѣ отношенія Гоголя къ Вельегорскимъ («Вѣстн. Европы» 1889 г., № 10 и 11) и воспользовавшійся, помимо документовъ, нѣкоторыми устными свидѣтельствами, приходитъ къ заключенію, что «предложеніе Гоголя было сдѣлано, вѣроятно, въ 1848 г., когда Гоголь ѣздилъ на короткое время въ Петербургъ». Но это заключеніе противорѣчитъ фактамъ, которые мы знаемъ главнымъ образомъ, благодаря тому же г. Шенроку.

«Г. Шенрокъ, приводя изъ переписки двадцатинятилѣтней графини съ Гоголемъ рядъ указаній на то, что «отношенія ея съ Гоголемъ незамѣтно перешли за черту обыкновенной дружбы и сдѣ-

¹⁾ «Изв. отд. русск. яз. и слов. имп. ак. н.» 1902 г., т. V, кн. I и II.

лались чрезвычайно интимными», говорить: «но здѣсь-то и началась фальшь ихъ положенія. Вельегорскіе, какъ большинство людей титулованныхъ и принадлежащихъ къ высшему кругу, никогда не могли бы допустить мысли о родствѣ съ человѣкомъ, такъ далеко отстоящимъ отъ нихъ по рожденію. А. М., конечно, не думала о возможности связать свою судьбу съ Гоголемъ. Оказалось, что Вельегорскіе при всемъ расположеніи къ Гоголю не только были поражены его предложеніемъ, но даже не могли объяснить себѣ, какъ могла явиться такая странная мысль у человѣка съ такимъ необыкновеннымъ умомъ? Луиза Карловна (графиня-мать), давно уже переставшая переписываться съ Гоголемъ по причинѣ болѣзни глазъ, теперь рѣшилась и не возобновлять переписки».

«Все это,—говорить профессоръ Киричниковъ,—выходитъ очень послѣдовательно и стройно, и читатели получаютъ житейскій романъ съ печальнымъ концомъ, который «не могъ не оказать сильнаго, даже рокового вліянія на сорокалѣтняго, самолюбиваго поэта». Но какъ примирить этотъ романъ съ неумолимыми цифрами, которыя ясно показываютъ, что всѣ интимности, указанные г. Шенрокомъ въ перепискѣ молодой графини и Гоголя, являются *послѣ* предполагаемаго сватовства и отказа и съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что 3-го января 1850 г. графиня-мать написала Гоголю очень любезное и сердечное письмо?»

«Г. Шенрокъ позднѣе и самъ убѣдился въ неудобствѣ своей догадки и въ IV т., стр. 172 «Матеріаловъ для біографіи Гоголя» относитъ сватовство Гоголя предположительно въ 1850 г., неизвѣстно, къ какому мѣсяцу. Дѣйствительно, переписка между Вельегорскими и Гоголемъ прекратилась и никакихъ хронологическихъ противорѣчій г. Шенрокъ теперь противъ себя не имѣетъ. Но нельзя не признать крайне страннымъ сватовство Гоголя черезъ посредниковъ или письменно на дѣвушкѣ, съ которой онъ не видѣлся цѣлые полтора года. Въ настоящее время съ достовѣрностью можно сказать только слѣдующее: Гоголь настолько дружественно держалъ себя по отношенію къ дочерямъ графини Вельегорской и особенно къ единственной свободной изъ нихъ, Аннѣ Михайловнѣ, что близкіе, напримѣръ, графъ Сологубъ легко могли счесть его влюбленнымъ въ нее»¹⁾.

Почтенному психіатру не было также извѣстно и то, что еще въ 1892 г. Э. А. Витбергъ писалъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», № 4, по поводу вышедшаго въ этомъ году перваго тома «Матеріаловъ для біографіи Гоголя» Шенрока:

«Всякій, выступающій передъ читателями съ трудомъ, подобнымъ труду Шенрока, нравственно обязанъ быть въ высшей степени строгимъ и разборчивымъ въ обработкѣ избраннаго имъ

¹⁾ «Изв. отд. русск. яз. и слов. им. акад. н.» 1902 г., т. V, кн. 2.

предмета, зная заранѣе, что большинство читателей повѣритъ ему на слово, какъ послѣднему слову науки. Силою вещей всякій подобный трудъ вытѣсняетъ труды предшествовавшіе и становится единственнымъ источникомъ, изъ котораго большинство читателей будетъ черпать свои свѣдѣнія по данному вопросу. Если, положившись на заглавіе, читатель вообразитъ, что, приобрѣтя эту книгу въ четыреста страницъ, онъ будетъ имѣть солидный матеріалъ для біографіи Гоголя, то онъ сильно ошибется. Матеріаловъ, въ строгомъ смыслѣ слова, т.-е. новыхъ, никому до сихъ поръ неизвѣстныхъ документовъ о Гоголѣ, очень немного. Устные рассказы друга Гоголя А. С. Данилевскаго, отрывки изъ дневника А. О. Смирновой, урожденной Россетъ, нѣсколько писемъ самого Гоголя, вотъ и всѣ матеріалы въ книгѣ Шенрока—максимумъ 30 страницъ, остальные 350 представляютъ біографическій трудъ о Гоголѣ самого Шенрока.

«Біографія должна отличаться хронологической достовѣрностью и должна дать ясное и опредѣленное представленіе объ основныхъ нравственныхъ свойствахъ той личности, чья біографія пишется. Къ сожалѣнію, должно сказать, съ точки зрѣнія этихъ требованій, въ книгѣ Шенрока оказывается не мало пробѣловъ.

«Къ хронологической и фактической достовѣрности своей книги авторъ относится такъ небрежно, что полагаться на его трудъ въ этомъ отношеніи не представляется возможнымъ. Въ доказательство укажемъ только тѣ неточности, которыя допущены авторомъ въ вопросѣ о службѣ Гоголя и о знакомствѣ его со Смирновой. Что же касается самой существенной стороны въ біографическомъ трудѣ Шенрока о Гоголѣ—яснаго, отчетливаго пониманія основныхъ нравственныхъ свойствъ Гоголя, то смутность и неопредѣленность воззрѣній автора въ этомъ отношеніи обнаруживается совершенно ясно въ безпрестанныхъ психологическихъ противорѣчіяхъ, свидѣтельствующихъ, что онъ не выработалъ себѣ по данному вопросу никакого опредѣленнаго воззрѣнія и увлекается преимущественно своими собственными разсужденіями» ¹⁾.

XII

На слѣдующій 1890 годъ описуемаго мною времени появилась въ «Вѣстникѣ Европы» новая статья Шенрока «Дружба Гоголя съ А. С. Данилевскимъ».

Я не успѣла еще прочесть этой его статьи, какъ получила письмо отъ Анны Васильевны слѣдующаго содержанія:

«Дорогая Анна Михайловна! Всѣ эти дни я въ ужасномъ волненіи и написала вамъ два письма, которыхъ не посылаю, а теперь

¹⁾ «Истор. Вѣстн.» 1892 г., № 4.

немного успокоилась, это статья Шенрока о Данилевскомъ такъ меня разсердила. Кромѣ того, что она скучна и бездарно написана и растянута, и правду вы сказали, что онъ не любитъ брата, а вся симпатія къ Данилевскому, но еще и мнѣ¹⁾ приписываетъ свои восторги въ смѣшныхъ витіеватыхъ фраззахъ своего собственнаго сочиненія! Меня это такъ разсердило, что я не могу успокоиться.

«А. С. Данилевскій былъ милый, красивый господинъ, пустой эгоистъ и надменный. Всѣ, знавшіе это, удивлялись дружбѣ брата, но это было основано на воспоминаніи дѣтства и юности, только это его и привязывало, и его пріѣздъ не могъ производить такихъ восторговъ, и братъ совсѣмъ не былъ постоянно угрюмымъ. Это онъ (Шенрокъ) почерпнулъ изъ отрывка дневника сестры (Елизаветы Васильевны Быковой), который я имѣла глупость дать ему. Тамъ она описываетъ первый пріѣздъ брата изъ Іерусалима, въ немъ нашла перемѣну, онъ ей показался угрюмымъ первое время. И что мнѣ досадно, это то, что она тамъ говоритъ: «какъ я люблю брата, жаль, что онъ...» и не докончила. Теперь, какъ я потеряла къ нему довѣріе, боюсь, что онъ будетъ фантазировать на это, и потому нужно вамъ объяснить, въ чемъ дѣло! Вамъ можетъ это пригодиться въ будущемъ. Не знаю, кого изъ насъ братъ больше любилъ, но Лиза была къ нему больше всѣхъ привязана. Но такъ какъ у нея было много ребяческаго, дѣтскаго, то онъ обращался съ ней, какъ съ ребенкомъ, даже строго, былъ взыскателемъ, что ее очень огорчало. Воображаю, что Шенрокъ будетъ писать послѣ моей смерти, когда ужъ теперь выдумываетъ небывалыя вещи и какая дерзость! Я ему какъ-то сказала о вареникахъ, какъ кто-то предложилъ вопросъ и только, и то онъ размазалъ. Теперь я даже не спокойна, что Шенрокъ писалъ мнѣ, что при юбилеѣ Шубинскаго онъ послалъ ему свои поздравленія и говорилъ, что присоединилъ и мои слова! Я только говорила ему когда-то, что это мой любимый журналъ, можетъ, онъ и тамъ сочинилъ отъ меня рѣчь какую-нибудь. Интересно знать! Теперь я всего отъ него ожидаю. Теперь я выкла къ вамъ обращаться во всѣхъ тревогахъ.

Любящая васъ А. Гоголь».

«Теперь Шенрокъ молчитъ по малороссійской пословицѣ, «якъ цюць въ сливахъ», т. е. съ нечистою совѣстью. Опять статья

¹⁾ Шенрокъ пишетъ въ своей статьѣ: «По словамъ А. В. Гоголь, привязанность ея брата къ Данилевскому ярко проявлялась въ томъ, что каждый разъ неожиданный пріѣздъ послѣдняго въ ихъ деревню производилъ чудо: угрюмый въ послѣдніе годы своей жизни писатель мгновенно оживлялся, къ нему возвращался веселый юморъ молодости и во всемъ домѣ наступалъ праздникъ. Ничье появленіе, на взглядъ сестры Гоголя, не имѣло на него такого волшебнаго дѣйствія, никому не удавалось возбуждать въ немъ такое отрадное настроеніе. Впечатлѣніе получалось такое, какъ будто привѣтливый лучъ весенняго солнца заигралъ веселымъ блескомъ въ пасмурной обстановкѣ ветхаго деревенскаго дома». «В. Е.» 1890 г., № 1). Авт.

Шенрока въ (Русской) Старинѣ! Этому конца не будетъ! Это мое мученье!»

Вслѣдъ за этимъ письмомъ Анна Васильевна присылаетъ мнѣ другое. По свойству души своей ей вдругъ жалко стало Шенрока, ей показалось, что, всплывши, она написала мнѣ много лишняго о немъ:

«Дорогая Анна Михайловна! Мнѣ жаль, что я стгоряча, можетъ, наговорила вамъ много лишняго! На самомъ дѣлѣ Шенрокъ, кажется, безъ умысла меня оскорбилъ. Онъ простосердечно удивляется, чему я обидѣлась! Онъ пренаивно пишетъ, что онъ это написалъ, чтобъ оживить свою статью, что онъ думалъ, что я буду довольна, что онъ высказалъ мое мнѣніе! Ну что съ нимъ подѣлаешь! Богъ съ нимъ! Просила только при первой возможности вычеркнуть эти фразы! ¹⁾).

«Какой теперь воздухъ вредный! Какъ много умираетъ, особенно моихъ сверстниковъ! А у меня все болитъ голова, хотя и легче. Но эти всѣ тревоги не способствуютъ выздоровленію. До свиданія. Цѣлую васъ крѣпко. Ваша А.».

Въ томъ же 1890 году, въ мартѣ мѣсяцѣ вышла моя статья въ «Историческомъ Вѣстникѣ»: «О портретахъ Гоголя», и я собиралась послать ее Аннѣ Васильевнѣ и писала ей объ этомъ. Въ отвѣтъ получила письмо отъ Анны Васильевны:

«Дорогая моя Анна Михайловна! Сейчасъ получила ваше письмо и спѣшу вамъ сказать, чтобъ вы не присылали мнѣ портретовъ и проч. Я получаю «Историческій Вѣстникъ», и у меня онъ полученъ на дняхъ, но еще не читала. Мнѣ жаль, что вы не хотите больше писать въ журналахъ. Мнѣ было пріятно думать, что вы можете когда-нибудь помочь мнѣ защитити! А съ такими личностями, какъ Шенрокъ, это не лишнее. Онъ, кажется, васъ побаивается! спрашивалъ, давно ли вамъ писала, подозрѣваетъ, что я вамъ сообщала о его глупой дерзости, о которой, кажется, я никогда не забуду!

«Какъ я часто волнуясь. Просто боюсь писемъ Шенрока. Стала ужасно раздражительная! И такая жажда спокойствія! Наступаетъ весна, я прежде такъ ее любила! Но теперь грустно, такъ много моихъ сверстниковъ умираетъ! Мнѣ жаль, что вы какъ-то грустны, можетъ, и васъ многое волнуетъ. Гдѣ вы думаете провести лѣто? Надѣюсь, что вы мнѣ сообщите. Наша встрѣча оставила мнѣ такое пріятное воспоминаніе, что мнѣ, просто, потребность видѣть васъ! А до того остаюсь душевно преданная вамъ А. Гоголь».

Слѣдующее письмо было прислано вмѣстѣ съ копіей письма Гоголя къ Жуковскому. Копія съ этого письма хранится въ Публичной библіотекѣ вмѣстѣ съ письмами ко мнѣ Анны Васильевны:

¹⁾ Вычеркнуть эти фразы была такая же возможность, какъ и уничтожить статью о сватовствѣ Гоголя.

«Милая, дорогая Анна Михайловна! Сейчас получила ваше письмо и спѣшу исполнить ваше желаніе, написать вамъ! Какъ мнѣ грустно, что вы не бережете себя! Теперь особенно будьте осторожны.

«Не могу утерпѣть (хотя и неприятно) не упомянуть Шенрока. Вы знаете, что я ему не пишу. Онъ присылаетъ для меня вырѣзку изъ газетъ неинтересную. Потомъ поздравляетъ съ праздникомъ и спрашиваетъ, какъ я нахожу вашу статью о портретахъ; и самъ хвалить все, чтобъ заставить отвѣчать. Пишетъ, что пришлетъ книги, новое сочиненіе брата ¹⁾. Я ему телеграфирую, чтобъ не присылалъ книгъ, и благодарю за поздравленіе, и другихъ отвѣтовъ не дожидается. Я слишкомъ откровенна и потому не могу писать. Боюсь, чтобъ онъ не вздумалъ пріѣхать!

«Грустны были праздники. Была на двухъ похоронахъ хорошихъ знакомыхъ. Особенно жаль Христіановичъ, онъ былъ здѣсь предсѣдатель гражданской палаты и хорошій музыкантъ и очень умный, пріятный, имѣлъ очень много ученицъ даровыхъ, которыя несли крышку его гроба до церкви и очень плакали. Странно, что нигдѣ не пишутъ о его смерти! Замѣчательный былъ человѣкъ! До слѣдующаго письма. Ваша А.».

Слѣдующее письмо ея было ко мнѣ съ просьбой прислать ей мою фотографическую карточку:

«Дорогая Антонина Михайловна! Очень вамъ благодарна за ваше послѣднее письмо. Оно такое хорошее, душевное. Оно произвело на меня хорошее впечатлѣніе и болѣзнь моя теперь лучше, такъ что я попробовала вчера выѣхать. Шенрокъ что-то рѣже сталъ писать, онъ въ тревогѣ и суетѣ! Оттого, вѣрно, и вамъ не пишетъ. Недавно пробыла у меня нѣсколько дней жена Коли (Марья Александровна Быкова). Я ей говорила о портретѣ, но она давно не снималась, а когда будетъ, то пришлетъ. Кстати, пришлите мнѣ вашу карточку, мнѣ бы хотѣлось имѣть ее очень. Можетъ, у васъ есть прежняя!

«Три недѣли выдержала, не выходила, оттого и лучше стало. А теперь опять боюсь прѣстудиться. Особенно нехорошо мнѣ поздно ложиться, но бѣда, карты увлекаютъ. Забыла сказать, что деревенская зубоскалка ²⁾, кажется, замужъ выходитъ. Любящая васъ А. Гоголь».

Я послала Аннѣ Васильевнѣ свою фотографическую карточку въ институтской формѣ, ту, которую снимала передъ выпускомъ изъ патріотическаго института, и получила отъ Анны Васильевны слѣдующій отвѣтъ:

¹⁾ Т. е. новое изданіе сочиненій брата, изданіе X.

²⁾ Кормилица пятой дочери Быковыхъ. Она постоянно улыбалась, Аннѣ Васильевнѣ она очень не нравилась, и Анна Васильевна ее называла зубоскалкой, когда мы были съ ней въ Васильевкѣ.

«Благодарю васъ, дорогая Антонина Михайловна, за вашу карточку! Какая славная, умная дѣвочка! Опять страдаю невралгіей! И не могу выносить писемъ Шенрока, написала ему, чтобъ онъ хоть на время прекратилъ переписку. Навсегда боюсь сказать, чтобъ онъ не воспользовался свободой писать все, что вздумается. Неприятныя письма получаетъ онъ отъ меня, но желаю показать ему свое неудовольствіе! По крайней мѣрѣ остережется въ другой разъ! Какъ жаль, что вмѣсто него я не имѣю дѣла съ умнымъ человѣкомъ. Мнѣ такъ это надоѣло, что я ему писала, что завидую всѣмъ, у кого нѣтъ брата писателя! Я не отличаюсь терпѣніемъ и не умѣю ладить съ безтолковыми, толковать все одно и то же. Вы его сейчасъ разгадали, а мнѣ его было жаль. А теперь уже слишкомъ разсердилъ меня! Такое нерасположеніе писать, что насилу рѣшилась, все поджидала еще письмо, чтобы отвѣтить вмѣстѣ на два, но хочется скорѣе поблагодарить васъ за карточку. Преданная вамъ А. Гоголь».

Какъ видно изъ писемъ Анны Васильевны, статья Шенрока «о дружбѣ Гоголя съ Данилевскимъ» доставила ей еще болѣе огорченій и волненій, чѣмъ предыдущая «о сватовствѣ Гоголя къ Вельегорской». Ее возмутила та безцеремонность Шенрока, съ какою онъ для оживленія своей статьи ссылается на ея показанія въ томъ, чего она ему никогда не говорила.

Посмотримъ теперь, какъ отнеслась печать къ этой статьѣ. Э. А. Витбергъ, указывая на пробѣлы и перечисляя фактическія неточности I тома «Мат. для біографіи Гоголя», куда вошла и статья о Данилевскомъ, говоритъ по этому поводу въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1892 г., № 4:

«Закончу еще однимъ небезынтереснымъ для оцѣнки того источника свѣдѣній о Гоголѣ, которому г. Шенрокъ придаетъ особенное значеніе, именно воспоминанія друга и товарища Гоголя А. С. Данилевскаго. На страницѣ 352 Шенрокъ со словъ Данилевскаго рассказываетъ весьма и весьма сомнительный фактъ, будто въ 1831 году А. С. Данилевскій увлеченъ былъ родственницей Лермонтова (?!) Э. А. Верзилиной. Но, во-первыхъ, Верзилина вовсе не состояла въ то время въ родствѣ съ Лермонтовымъ, а, во-вторыхъ, г. Шенрокъ забываетъ, что это та самая Верзилина, которая десять лѣтъ тому назадъ уже кружила головы такимъ красавцамъ, какимъ былъ Данилевскій по описанію Шенрока. Сколько же ей должно было быть тогда лѣтъ?»

«Очевидно, тутъ опять какая-то неточность, показывающая, что на рассказы А. С. Данилевскаго вполне безъ провѣрки положиться нельзя.

«Приведу другое столь же сомнительное его сообщеніе. Рассказывая (на страницѣ 48) о широкой барской жизни Троцинскаго въ Кибенцахъ, г. Шенрокъ со словъ Данилевскаго сообщаетъ,

будто однажды был преоригинальный случай съ какимъ-то артиллерійскимъ офицеромъ Б. Онъ попалъ въ Кибенцы случайно передъ именинами Трощинскаго и въ видѣ сюрприза устроилъ фейерверкъ. За услугу его обласкали и ему такъ понравилось у Трощинскаго, что онъ такъ и остался проживать у нихъ года на три.

«Если не ошибаюсь, это давнишній анекдотъ, рассказываемый не о Трощинскомъ, а объ извѣстномъ фаворитѣ Екатерины II Зоричѣ. Вообще надо замѣтить, что показанія А. С. Данилевскаго пользуются преимущественнымъ довѣріемъ Шенрока, несмотря на то, что послѣднему, по его собственному признанію, «удалось овладѣть только одной канвой воспоминаній А. С. Данилевскаго (стр. 94), которую еще надо было провѣрить, но этому помѣшала болѣзнь и смерть Данилевскаго».

Такое же недовѣріе къ не провѣреннымъ сообщеніямъ Шенрока выражаетъ и профессоръ Кирпичниковъ въ своей статьѣ «Противорѣчія и сомнѣнія въ біографіи Гоголя».

«Рядъ темныхъ и темноватыхъ пунктовъ въ біографіи Гоголя начинается со дня его рожденія и оканчивается далеко не вполне объясненною смертію его въ сорокъ три года безъ всякой болѣзни, кромѣ нервнаго разстройства, которое никогда никѣмъ не считалось опаснымъ для жизни,—утверждаетъ онъ.

«Бракъ родителей совершается въ 1808 году, какъ это видно изъ того, что Марья Ивановна, потерявши мужа въ 1825 году, считала семнадцать лѣтъ счастливой супружеской жизни. Николай Васильевичъ родился 19-го марта 1809 года, тѣмъ не менѣе новѣйшій біографъ Гоголя, г. Шенрокъ, повторяя своихъ предшественниковъ, начинаетъ свой рассказъ о дѣтствѣ Гоголя съ объясненія, почему мать во время родовъ попала въ Сорочинцы: «ее привело туда опасеніе послѣ двухъ неудачныхъ родовъ за жизнь будущаго ребенка». Какимъ образомъ въ одинъ годъ или около того четырнадцати-пятнадцатилѣтняя Марья Ивановна могла родить три раза?

Очевидно, сказаніе, пущенное въ ходъ Г. П. Данилевскимъ, въ этой своей части не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія, а поѣздка слишкомъ молодой будущей матери подъ наблюденіемъ опытнаго врача (Трофимовскаго) вполне вѣроятна и безъ предшествующихъ несчастій!»¹⁾

XIII.

Переходя къ описываемому мною времени, а именно къ 1890 г., я должна отмѣтить, что одновременно со статьею Шенрока о дружбѣ Гоголя съ Данилевскимъ появилась и моя статья въ «Сѣверномъ

¹⁾ Изв. р. яз. и слов. имп. акад. и.

Вѣстникѣ» «Къ біографіи Гоголя 1). О дружбѣ его съ А. О. Смирновой». Въ предисловіи къ этой статьѣ я написала, что слѣдовало бы давно обратить вниманіе на эту дружбу, которая не только проливаетъ свѣтъ на многое, что въ Гоголѣ казалось загадочнымъ, но и опровергаетъ курьезное сообщеніе Шенрока о сватовствѣ Гоголя къ А. М. Вельегорской.

Перечитавъ внимательно письма Гоголя къ Смирновой въ изданіи Кулиша, отзывы о ней современниковъ: Плетнева, Жуковского, Вяземскаго, а также воспользовавшись тогда только что вышедшей въ свѣтъ перепиской Ивана Сергѣевича Аксакова съ отцомъ, я вывела заключеніе, что Смирнова, несомнѣнно, была главною причиною того, что Гоголь оставался всю жизнь свою бездомнымъ скитальцемъ. Она же имѣла большое вліяніе въ развитіи въ немъ мистицизма.

Мнѣ интересно было опредѣлить годъ знакомства Гоголя со Смирновой, и я нашла его въ дневникѣ Смирновой, гдѣ разскажетъ ея о знакомствѣ съ Гоголемъ записанъ вмѣстѣ съ замѣтками о путешествіи Пушкина въ Арзерумъ, о войнѣ 1829 года, о смерти Грибоѣдова («Русская Старина», 1888 г., № 4) 2).

Прочитавъ внимательно письмо Гоголя къ матери отъ 24-го іюля 1829 года, гдѣ онъ пишетъ о своей любви къ знатной дамѣ, и обративъ вниманіе на употребляемые Гоголемъ въ письмѣ эпитеты, выражавшіе характерныя черты Смирновой, я пришла къ выводу, что любовь, о которой онъ писалъ матери, относилась къ А. О. Смирновой, тогда еще Россетъ.

Напомню читателямъ отрывки изъ этого письма, о которомъ, кстати замѣчу, Шенрокъ писалъ, что оно выдуманное Гоголемъ:

1) Этимъ заглавіемъ моимъ воспользовался Шенрокъ. Прибавивъ слово матеріалы (которое само по себѣ предполагалось), онъ выпустилъ всѣ свои статьи о Гоголѣ подъ этимъ заглавіемъ. Въ выноскахъ же на мою статью «Къ біографіи Гоголя. О дружбѣ его съ А. О. Смирновой» онъ озаглавливаетъ ее «Отношенія Гоголя къ Смирновой», а также «Поэтъ-однолюбецъ». Подъ этимъ послѣднимъ названіемъ упоминаетъ ее Сперанскій въ Гоголевскомъ сборникѣ, составляя свою библиографію въ немъ, очевидно, по Шенроку. Авт.

2) Позднѣе, а именно въ 1902 году П. Висковатый въ своей статьѣ «Изъ разсказовъ А. О. Смирновой о Гоголѣ» такъ описываетъ это знакомство, приводя слова самой Смирновой: «Познакомилась я съ Гоголемъ еще въ дѣтствѣ... меня рано увезли изъ Малороссіи и воспоминанія о ней и дѣтствѣ какъ-то сплетались съ образомъ ребенка Гоголя, игравшаго со мной. Вотъ почему, встрѣтившись позднѣе въ Петербургѣ въ домѣ, гдѣ Гоголь давалъ уроки, я заинтересовалась хохломъ, который былъ неловокъ и застѣнчивъ и совсѣмъ не интересенъ при первомъ знакомствѣ. Но меня влекла къ нему память о дѣтствѣ и дорогой Малороссіи. Какъ и когда мы увидѣли другъ друга въ первый разъ, я никогда не могла вспомнить. Не разъ я задавала о томъ вопросъ Гоголю, но онъ всегда отвѣчалъ мнѣ: «Никогда не было этого перваго раза. Мы всегда были съ вами знакомы». («Русская Старина», 1902 г., № 9, стр. 485). Авт.

«Теперь собираюсь съ силами писать къ вамъ, не могу понять, отчего перо дрожить въ моей рукѣ, а мысли тучами налетаютъ одна на другую и непонятная сила нудить и вмѣстѣ отталкиваетъ излиться передъ вами и открыть всю глубину истерзанной души. Какое ужасное наказаніе! Ядовитѣе и жестче для меня не было въ мірѣ. Я не могу, я не въ силахъ написать... Повѣрите ли, и теперь при напоминаніи невыразимая тоска врѣзывается въ сердце. Однимъ вамъ только могу сказать... Вы знаете, что я былъ одаренъ твердостью даже рѣдкою въ молодомъ человѣкѣ... Кто бы могъ ожидать подобной слабости? Но я видѣлъ ее... нѣтъ, не назову ее... она слишкомъ высока для всякаго, не только для меня (А. О. Смирнова, тогда еще Россетъ, была фрейлиной при дворѣ). Я бы назвалъ ее ангеломъ, но это, впрочемъ, не кстати для нея: это божество, но облеченное въ человѣческія страсти (Жуковский называлъ Смирнову небеснымъ дьяволенкомъ), лицо, котораго поразительное блистаніе въ одно мгновеніе печатлѣтся въ сердцѣ, глаза быстро пронзающіе душу, но ихъ сіянія жгучаго, проходящаго насквозь всего, не вынесетъ ни одинъ человѣкъ. (Такими же словами воспѣвали глаза Смирновой Хомяковъ, князь Вяземскій и другіе поэты). О, если бъ вы посмотрѣли на меня тогда... Правда, я умѣлъ скрывать себя отъ всѣхъ, но скрылъ ли отъ себя?

«Адская тоска съ невозможными муками кипѣла въ груди моей. О, какое жестокое состояніе! Мнѣ кажется, если грѣшнику уготованъ адъ, то онъ не такъ мучителенъ. Нѣтъ, это не любовь... я по крайней мѣрѣ не слыхалъ подобной любви. Въ порывѣ бѣшенства и ужаснѣйшихъ душевныхъ терзаній я жаждалъ, кипѣлъ упиться однимъ только взглядомъ, только одного взгляда алкалъ я.. Взглянуть на нее еще разъ—вотъ бывало одно, единственное желаніе, возраставшее сильнѣе и сильнѣе съ невыразимою ѣдкостью тоски.

«Съ ужасомъ осмотрѣлся я и разглядѣлъ свое ужасное состояніе. Все совершенно въ мірѣ было для меня тогда чуждо; жизнь и смерть равно несосны, и душа не могла дать отчета въ своихъ явленіяхъ. Я увидѣлъ, что мнѣ нужно бѣжать отъ самого себя, если я хотѣлъ сохранить жизнь, водворить хотя тѣнь покоя въ истерзанную душу. Нѣтъ, это существо, которое Онъ послалъ лишить меня покоя, разстроить шатко созданный міръ мой, не была женщина. Если бы она была женщина, она бы всею силою своихъ очарованій не могла произвести такихъ ужасныхъ, невыразимыхъ впечатлѣній. Это было божество, Имъ созданное, часть Его же Самого. Но ради Бога не спрашивайте ея имени. Она слишкомъ высока» (Письма Гоголя, т. I, стр. 26).

Въ это время Марья Ивановна прислала деньги, чтобы внести въ опекуновскій совѣтъ, гдѣ имѣніе было заложено. Гоголь, узнав-

шій, что дается четыре мѣсяца льготы, послалъ матери довѣренность на продажу своей части имѣнія и просилъ, чтобы мать изъ тѣхъ денегъ выплатила часть въ опекуновскій совѣтъ, а остальные сохранила бы Машенькѣ (Марьѣ Васильевнѣ) на приданое. Самъ же на присланныя деньги рѣшился уѣхать за границу. «Но не ужасайтесь разлуки, я недалеко поѣду: путь мой теперь лежитъ въ Любекъ. Мнѣ нужно передѣлать себя, переродиться, оживиться новою жизнью, расцвѣсть силою души въ вѣчномъ трудѣ и дѣятельности, и если я не могу быть счастливъ (нѣтъ, я никогда не буду счастливъ для себя: это божественное существо вырвало покой изъ груди моей и удалилось отъ меня), по крайней мѣрѣ всю жизнь посвящу для счастья и блага себѣ подобныхъ» ¹⁾.

По поводу этой моей статьи я получила отъ Анны Васильевны три письма сряду:

«Дорогая Антонина Михайловна! Сейчасъ прочла вашу статью! Мнѣ кажется, она понравится, такъ живо, хорошо написана, но слишкомъ правдива и еще рано, мнѣ кажется, придавать гласности письма Аксаковыхъ! Воображаю, какъ это огорчить дѣтей madame Смирновой! У меня было начато письмо къ вамъ послѣ отзыва Шенрока о васъ. Такъ я пишу на томъ же листѣ, чтобъ не повторять того же. Мнѣ очень грустно ваше печальное настроеніе» ²⁾.

На томъ же листѣ почтовой бумаги было начато ко мнѣ письмо до прочтенія ею моей статьи:

«Милая, дорогая Антонина Михайловна! Недавно получила письмо Шенрока. Онъ очень огорченъ за вашу статью! И дочь madame Смирновой также. Какъ я васъ просила осторожнѣе писать. Теперь вы навлечете на себя непріятности, чего мнѣ такъ не хотѣлось. Теперь пойдетъ полемика, чего я такъ всегда боялась. Будьте осторожнѣе, моя дорогая. Не задѣвайте никого! Вы будете смѣяться надъ моей трусостью! Но и вамъ не будетъ пріятно, придется отгрызаться».

Оба письма безъ подписи. Послѣ этого я очень скоро опять получила письмо отъ Анны Васильевны:

«Дорогая Антонина Михайловна!

«Сейчасъ узнала, какъ убиты горемъ дочери А. О. Смирновой. Ваша статья приводитъ ихъ въ отчаяніе! Меня это ужасно печалитъ. Какъ жаль, что вы ее напечатали! Такія интимныя письма отца и сына! Притомъ они (Аксаковы) могли ошибаться! Александра Осиповна могла имъ показаться гораздо въ худшемъ видѣ. И каково это дѣтямъ! Нельзя ли какъ-нибудь смягчить это? Но это,

¹⁾ Въ данномъ случаѣ онъ былъ пророкомъ своего будущаго, какъ и Л. Н. Толстой (См. письма Л. Н. Толстого къ Александрѣ Андреевнѣ Толстой).

²⁾ Съ этого мѣста она пишетъ мнѣ о моихъ семейныхъ дѣлахъ, и я нѣсколько фразъ изъ этого письма ей вычеркнула, когда отдавала его въ И. П. Б.

кажется, невозможно, самой написать сожалѣніе въ своей опрометчивости. Это было бы даже оригинально!

«Можетъ быть, это нелѣпо, что я пишу, но я больна сильнѣйшей невралгіей! Страдаю ужасно, и сильно встревожилась этими слухами! Не въ силахъ болѣе писать, рука дрожитъ. Цѣлую васъ.

«Ваша А. Г.»

«Сильная потребность высказать вамъ эту тревогу, авось будетъ легче!

«Опять прочла вашу статью и нахожу, что можно бы немного смягчить или пропустить! Слишкомъ рано печатать все это, когда живы всѣ родные! И такъ рѣзко судить Ал. Осип., а въ сущности она была кокетка, какъ и всѣ красивыя женщины, но очень добра. Вы слишкомъ строго ее судите. Это меня такъ растревожило, можетъ быть, оттого, что я больна, только меня это мучить, оттого и безалаберно пишу, извините меня!»

Долго не могла успокоиться бѣдная Анна Васильевна и вскорѣ опять прислала письмо:

«Дорогая Антонина Михайловна!

«Изъ вашего послѣдняго письма я вижу свое обыкновенное *неумѣніе* выразаться! Хочу сказать одно, а выходитъ другое. Напримѣръ, мое простосердечное, дружеское желаніе услужить вамъ истолковано совѣмъ въ другомъ обидномъ смыслѣ! Опять выраженіе *«слишкомъ правдива»* выражало слишкомъ жестокое разоблаченіе. Можетъ, причиною мою мучительная невралгія, но я ужасно безпокоюсь о томъ, что такъ убиты дочери Ал. Осип. Смирновой. Я сужу по себѣ, какъ это больно! Она хотя и имѣла свои недостатки (да кто ихъ не имѣетъ), но была очень добра! Не помню, говорила ли я вамъ, что когда послѣ смерти брата долго не разрѣшали печатать сочиненій брата, мы получили отъ неизвѣстнаго должника 2,000 рублей, я сейчасъ догадалась откуда. Она думала, что мы должны нуждаться въ деньгахъ, отъ этого и такъ деликатно сдѣлала! Тутъ не было тщеславія, потому что никто не могъ узнать этого, а доброе желаніе помочь! Да и вообще въ письмахъ всѣ ея недостатки преувеличены! Люди могли ошибочно судить о ней! И вообще, мнѣ кажется, ихъ можно печатать только лѣтъ черезъ 50! ¹⁾ Если только это нужно, необходимо. Какъ видите я подъ этимъ впечатлѣніемъ! И такъ неспокойно на совѣсти, какъ будто я ихъ (дочерей Смирновой) обидѣла! Просто высказываю все, что тяготитъ меня, можетъ быть, опять слишкомъ правдиво! Не въ состояніи больше писать, голова сильно болитъ и хочется скорѣе высказаться. До свиданія, дорогая Антонина Михайловна. Будьте снисходительны къ преданной вамъ

«А. Гоголь».

¹⁾ Письма Аксакова выпли въ 1889 году.

Собирая портреты Гоголя, я нашла у букинистов интересную литографию, приложенную къ «Молодику» 1844 года. Гоголь сидитъ въ готическомъ креслѣ, одною рукою облокотясь на него, а другая спущена. Я послала этотъ портретъ вмѣстѣ съ книгой, купленной мною у букиниста, Аннѣ Васильевнѣ и получила отъ нея слѣдующій отвѣтъ:

«Благодарю васъ, дорогая моя Антонина Михайловна, за вашъ подарокъ!

«Странно, что у васъ всегда *случайно* оцутится подарокъ для меня! Отчего же у меня вы никогда не допускаете этой случайности?

«Статьи Аксакова я еще не читала, говорятъ, онъ невыгодно отзывается о насъ! Не мудрено, мы были совсѣмъ дикарки, семь лѣтъ прожили, не выходя изъ четырехъ стѣнъ, и никого не видѣли! Бѣдному брату была возня съ нами! Вѣрно, онъ (Аксаковъ) вспоминаетъ нашу дорогу изъ Петербурга. У меня осталось непріятное впечатлѣніе, помню, что я была больна и еще угорѣла на одномъ ночлегѣ; зимою въ дилижансѣ и съ сильной головной болью! Долго мы оставались буквально институтками, такъ что братъ только и зналъ насъ такими! Большая разница тогдашнія институтки съ теперешними.

«У меня тоже совсѣмъ нечего писать! Такая жизнь однообразная, пустая! Только теперь менѣе играю въ карты, а болѣе въ четыре руки на фортепьяно: оказалась милая сосѣдка визави, съ которой у меня условные знаки! Если вечеромъ ей можно придти, она ставитъ на окно красный колпакъ, а я отвѣчаю зеленымъ, а если нельзя, то ничего! Она составляетъ мое пріятное разнообразіе! Она преподаетъ уроки музыки въ институтѣ! Желая и вамъ найти какое-нибудь пріятное развлеченіе. Пишите хоть изрѣдка, нѣсколько строкъ, чтобъ я знала, что вы здоровы, болѣе ничего. Ваша А.»

Я собралась въ то лѣто ѣхать къ себѣ въ Малороссію и писала Аннѣ Васильевнѣ, что по пути заѣду навѣстить ее, на что отвѣчала мнѣ Анна Васильевна. Это было единственное письмо съ датой 11-го мая, но безъ года:

«11-го мая.

«Дорогая Антонина Михайловна!

«Сейчасъ получила ваше письмо, спѣшу отвѣтить, чтобъ вы еще успѣли получить. Сегодня уже одиннадцатое, а вы ѣдете 15-го мая. Очень буду рада васъ видѣть! Не знаю, гдѣ Шенрокъ напечаталъ свою критическую статью на васъ. Онъ хитрый, боится, чтобы я не прочла ее, увѣряетъ, что не задѣвалъ васъ! Онъ мнѣ надоѣлъ, все придумываетъ вопросы, на которые я отвѣчаю телеграммами или открытыми письмами, одной короткой фразой. Онъ и къ этому придирается, чтобъ написать благодарность. Очень бы хотѣлось услужить вамъ хоть чѣмъ-нибудь. Если вы пріѣдете, то сошью вамъ что-нибудь, я все сама себѣ шью, если бы у меня была ваша мѣрка,

я бы къ вашему прїѣзду приготовила. Я очень люблю покупать и мнѣ бы весело было выбрать для васъ по своему вкусу! А куда сдѣлайте себѣ на мой счетъ *удобно*, дорожное платье. Теперь это какъ-то дѣлается просто. Моя знакомая прислала мнѣ два раза саратовскую серпинку. Я ей также нѣсколько разъ дарила на платье. Маша (Марія Владимировна Рахубовская) брала тоже отъ своей... Отчего же и вы не можете принять отъ меня чего-нибудь? Мнѣ это обидно. Отъ души желаю вамъ здоровья и душевнаго спокойствія.

«Искренно преданная вамъ А. Гоголь».

Хотя мнѣ Анна Васильевна и сообщила въ своемъ послѣднемъ письмѣ что Шенрокъ написалъ критику на мою статью «Къ біографіи Гоголя. О дружбѣ его съ А. О. Смирновой»; но я ее тогда не читала, такъ какъ я надолго уѣзжала за границу. Въ нынѣшнемъ лишь году мнѣ захотѣлось подѣлится воспоминаніями о любимой сестрѣ нашего великаго писателя, и я стала просматривать письма Гоголя въ изданіи Шенрока.

Перечитывая извѣстное письмо Гоголя къ матери отъ 24-го іюля 1829 года, я обратила вниманіе въ немъ на двѣ выноски, сдѣланныя Шенрокомъ. Въ первой выноскѣ послѣ словъ въ письмѣ Гоголя: «...Но я видѣлъ ее... нѣтъ, не назову ее... она слишкомъ высока для всякаго, не только для меня... Шенрокъ пишетъ: «для объясненія побудительной причины, вызвавшей поѣздку за границу, Гоголь ссылается то на неудачу, то на любовь, то на болѣзнь, не заботясь даже о послѣдовательности въ объясненіяхъ».

Во второй выноскѣ послѣ словъ Гоголя въ письмѣ: «. . . я бы назвалъ ее ангеломъ, но это божество, но облеченное въ человѣческія страсти»... читаемъ у Шенрока: «Въ печати было высказано мнѣніе (См. «Сѣверный Вѣстникъ» 1890 г. I статью: «Отношенія Гоголя къ Смирновой»), будто въ данномъ письмѣ Гоголь разумѣетъ именно ее. Но Гоголь тогда не видалъ еще и не зналъ Смирнову (См. «Матер. для біогр. Гоголя», т. I, стр. 235—230)».

На указанной въ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя» страницѣ Шенрокъ приводитъ, во-первыхъ, записанный по памяти О. Н. Смирновой разговоръ ея матери съ И. С. Аксаковымъ при Гоголѣ: «Я давалъ урокъ одной барышнѣ Балабиной, прескучный урокъ. Моя бѣдная ученица зѣвала. А. О. Россетъ (Смирнова) пришла къ намъ съ сестрой моей ученицы и тотчасъ узнала хохла. Вотъ какъ мы познакомились съ Ал. Осип. Тогда всѣ мы были поломоже. Пушкинъ еще не былъ женатъ».

Во-вторыхъ, приводитъ сообщенный О. Н. Смирновой отрывокъ изъ дневника матери, записанный подъ 1830 г.:

«Le maître Petit Russe de Marie Balabine s'appelle Gogol-Ianovskij, Lise Reppine le connait, il est parent de Trochtchinski qui ets mort il n'ya pas très longtemps. En allant dire adieu à Lise Rép-

nine j'ai aperçu Gogol chez les Balabine; ce хохоль m'a rappelé Громкля et le vieux Вороновскій qui vivait chez grand maman. Il m'a paru gauche, timide et triste»...

«Всѣ эти строки считаемъ необходимымъ сообщить, — продолжаетъ Шенрокъ, — между прочимъ, и въ опроверженіе статьи г-жи Черницкой, сочиненной на основаніи произвольной догадки о томъ, что Гоголь будто бы былъ влюбленъ въ Смирнову еще въ 1829 году лѣтомъ и что это именно была та любовь, которая побудила его уѣхать за границу. Теперь приведенныя выдержки изъ дневника совершенно уничтожаютъ въ самомъ основаніи такую гипотезу г-жи Черницкой полюбить А. О. Россетъ въ 1829 году».

Но тутъ же самъ Шенрокъ даетъ мнѣ очень важный аргументъ, который вполне подтверждаетъ мою догадку:

«Впрочемъ, — говоритъ далѣе Шенрокъ, — въ 1829 году въ дневникѣ Ал. Осип. Россетъ относится въ самомъ дѣлѣ нѣсколько строкъ къ автору «Ганцъ-Кюхельгартенъ»:

«Pletneff m'a apporté une nouvelle signé d'un nom allemand «Hans Kuchelgarten», je lui ai dit: «votre Allemand est un хохоль, ce sont des plaisanteries de Petit-Russien. Pletneff s'est moqué de moi et m'a demandé, si je croyais que le хохоль seul sait rire. Je ne connais pas l'auteur et il est intrigué, car il doit être jeune. En dépit du respect que je dois à Pletneff, je reste de mon avis, ce sont des plaisanteries gaies хохлацкія de l'humeur petit-russien».

Всѣмъ извѣстно, что эта идиллія была издана въ 1829 году. Въ томъ же году она была и уничтожена самимъ Гоголемъ послѣ неблагоприятнаго отзыва о ней. Въ ней описывается любовь юноши «дикаго» (по-малорус. застѣнчиваго) «страннаго» къ молодой дѣвушкѣ:

. . . не смѣть идохнуть
Смятенный юноша при черныхъ глазахъ встрѣчл.
Зачѣмъ дичишься всѣхъ? зачѣмъ грустишь?

Ему казалось душно, пыльно
Въ сей позаброшенной странѣ,
И сердце билось сильно, сильно
По дальней, дальней сторонѣ.
Зачѣмъ влечете вы, земли роскошныя края?
Все рѣшено . . . (Ганцъ уѣзжаетъ за границу).

Ужели мнѣ здѣсь душою погибать?
И не узнать иной мнѣ цѣли?
И цѣли лучшей не сыскать,
Себя обречь безславью въ жертву?
При жизни быть для міра мертву?

(Соч. Гоголя «Ганцъ-Кюхельгартенъ»).

Если сравнить приведенныя мѣста изъ идилліи съ письмомъ къ матери отъ 24-го іюля 1829 года, то здѣсь увидимъ однѣ и тѣ же

мысли и одинаково выраженные. Очень можетъ быть, что идиллія была написана послѣ пережитаго чувства. Странно, что, кромѣ Смирновой, никто не зналъ въ то время имени автора, такъ какъ Гоголь напечаталъ ее, какъ извѣстно, подъ псевдонимомъ Алова.

Шенрокъ, предполагая, что эта замѣтка могла быть сдѣлана Смирновой по памяти, остается при томъ убѣжденіи, что знакомство Гоголя со Смирновой было въ 1830 году ¹⁾.

XIV

Въ 1832 году въ четвертой книжкѣ «Историческаго Вѣстника» О. А. Витбергъ, разбирая вышедшій въ этомъ году I томъ матеріаловъ для біографіи Гоголя Шенрока, пишетъ по поводу знакомства Гоголя со Смирновой:

«Но особенно интересны для характеристики обращенія г. Шенрока съ имѣющимися у него въ рукахъ матеріалами тѣ хронологическія несообразности, которыя допущены имъ при рѣшеніи вопроса о времени знакомства Гоголя со Смирновой и Пушкинымъ. На страницѣ 324 авторъ помѣстилъ выдержки изъ дневника Смирновой, стараясь при помощи ихъ разъяснить вопросъ о времени знакомства съ ней Гоголя. Но выдержки эти не только ничего не разъясняютъ, но еще болѣе запутываютъ вопросъ, такъ какъ всѣ хронологическія данныя въ дневникѣ Смирновой (въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ напечатаны въ книгѣ Шенрока) перемѣшаны и разобраны въ нихъ невозможно. Достаточно указать на то, что въ дневникѣ отнесены къ 1830 году такія событія, которыя, несомнѣнно, произошли въ 1831 году и даже въ 1832 году.

Въ своей брошюрѣ «Гоголь и его новѣйшій біографъ» О. А. Витбергъ повторяетъ: «Еще рѣзче бросается въ глаза небрежность автора въ вопросѣ о знакомствѣ Гоголя съ А. О. Смирновой. Въ рѣшеніи его онѣ основался на отрывкахъ изъ дневника Смирновой (стр. 219, 324—327), не обративши вниманія на то, что, по его собственнымъ словамъ, въ дневникѣ «нѣсколько страницъ вырвано, годъ же выставляется только въ началѣ, и далѣе мѣсяцы и числа большею частью не обозначены» (стр. 324).

«Ясно, что при такихъ условіяхъ дневникомъ надо пользоваться въ высшей степени осторожно, дополняя отсутствующія въ немъ хронологическія даты такими же датами изъ другихъ источниковъ. Тогда автору ясно было бѣ, что въ имѣвшихся въ его рукахъ отрывкахъ изъ дневника разсказывается о событіяхъ не

¹⁾ Въ словарѣ Брокгауза-Эфрона авторъ статьи о запискахъ Смирновой дѣлаетъ предположеніе: «Повидимому, при изданіи записокъ имѣлись какіе-то письменные матеріалы самой Смирновой, но они были подвергнуты сильной переработкѣ (по всей вѣроятности, дочерью Смирновой Ольгой Николаевной (сл. 60, 531). А в т.

одновременныхъ, а случившихся на пространствѣ трехъ лѣтъ и, слѣдовательно, приурочивать ихъ къ одному 1830 г., какъ дѣлаетъ авторъ, нельзя. Надо замѣтить, что вопросъ этотъ, не лишенный значенія и самъ по себѣ, интересенъ главнымъ образомъ по связи своей съ вопросомъ о времени знакомства Гоголя съ Пушкинымъ, ибо съ послѣднимъ Гоголь познакомился раньше, чѣмъ со Смирновой. Она сама рассказываетъ въ своемъ дневникѣ, что въ первый разъ Гоголь приведенъ былъ къ ней Пушкинымъ и Жуковскимъ. До тѣхъ же поръ она только встрѣчала Гоголя въ обществѣ и знала его, какъ знаютъ тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчаются у знакомыхъ. О такой первой встрѣчѣ съ нимъ она рассказываетъ въ своемъ дневникѣ подъ 1830 г.

«Но встрѣчи въ знакомомъ домѣ нельзя еще назвать знакомствомъ.

«Насколько самъ Шенрокъ не твердъ въ гоголевской хронологіи, видно изъ того, что онъ въ разбираемой книгѣ своей помѣстилъ безъ всякихъ оговорокъ и необходимыхъ поясненій эти сбивчивыя показанія дневника А. О. Смирновой, но даже отрекается отъ прежняго своего предположенія о знакомствѣ Гоголя со Смирновой въ 1831 г., воплѣ положившись на запутанныя и лишеныя всякой хронологической правдоподобности показанія дневника Смирновой. Весьма возможно, что въ указанной мною путаницѣ виноватъ не дневникъ А. О. Смирновой, а небрежность г. Шенрока, который вовсе не обратилъ вниманія на то, что страницы дневника, какъ можно судить по его собственнымъ словамъ, перепутаны. Столь же неудовлетворительно разсмотрѣнъ авторомъ одинъ изъ любопытныхъ эпизодовъ въ жизни Гоголя—его первая поѣздка за границу въ 1829 году.

«Самъ Гоголь объясняетъ эту поѣздку въ письмахъ къ матери многими причинами: давно лелѣяемыми планами о заграничной поѣздкѣ, любовью къ неизвѣстной намъ особѣ, болѣзнию, вызванною суровымъ климатомъ Петербурга.

«Шенрокъ отрицаетъ всѣ эти причины, стараясь, хотя и неудачно, доказать, что всѣ онѣ выдуманы Гоголемъ, что все это не болѣе, какъ искусные маневры съ его стороны передъ матерью и т. п.

«Такое недовѣріе возлагаетъ на автора обязанность на мѣсто опровергнутыхъ показаній самого Гоголя поставить какія-нибудь другія причины его поѣздки. Но онъ этого не сдѣлалъ, такъ какъ и сдѣлать этого нельзя, ибо никакихъ другихъ причинъ не было. Поэтому первая поѣздка за границу Гоголя оказывается въ изложеніи г. Шенрока совсѣмъ не мотивированной, и читатель остается въ полномъ недоумѣніи, что же вызвало такой поступокъ со стороны Гоголя. Насколько шатки тѣ основанія, на которыхъ построено авторомъ это недовѣріе въ искренности и правдивости Гоголя, въ данномъ случаѣ видно изъ того, что, стараясь уличить

Гоголя въ противорѣчїи самому себѣ, авторъ утверждаетъ, будто Гоголь, сославшись сначала на любовь къ какой-то неизвѣстной особѣ, какъ на причину своей неожиданной поѣздки за границу, измѣнилъ потомъ свое показаніе и предлогомъ поѣздки выставилъ болѣзнь. Но указаніе на болѣзнь сдѣлано Гоголемъ не для оправданія, а для объясненія, почему онъ попалъ именно въ Любекъ, а не въ какое-нибудь другое мѣсто. Слова его такъ ясны, опредѣленны и точны, что не допускаютъ никакого иного пониманія и толкованія: «Я, кажется, забылъ объявить вамъ главной причины, заставившей меня именно ѣхать въ Любекъ».

Такимъ образомъ, въ одномъ изъ важныхъ случаевъ въ жизни Гоголя, въ которомъ вообще всякій болѣе или менѣе правдивый и искренній человѣкъ имѣетъ право на довѣріе къ своимъ словамъ, Шенрокъ отказываетъ Гоголю въ этомъ довѣрїи, и на мѣсто его прямыхъ, откровенныхъ и искреннихъ признаній ставитъ свои собственныя догадки и соображенія или ссылается на показаніе А. С. Данилевскаго, лица, хотя и очень близкаго Гоголю, но во всякомъ случаѣ въ вопросахъ интимныхъ его жизни не имѣющаго никакого права на предпочтеніе¹⁾.

Приведу теперь слова профессора Киричничкова изъ статьи его «Сомнѣнія и противорѣчїя въ біографїи Гоголя» («Изв. отд. русс. яз. и слов. имп. ак. н.» 1902 г., т. V, кн. 4):

«Изъ другихъ матеріаловъ для біографїи Гоголя должны были бы занимать видное мѣсто записки одного изъ самыхъ близкихъ друзей его А. О. Смирновой, на глазахъ которой прошла большая часть жизни писателя, если бъ имъ можно было вѣрить въ ихъ нынѣшнемъ видѣ. Но какъ имъ вѣрить, когда, напримѣръ, отрывки изъ ея дневника, сообщенные Шенроку, совершенно опредѣленно указываютъ на лѣто 1830 г., какъ на моментъ перваго знакомства съ Гоголемъ, когда мы вѣрно знаемъ изъ писемъ Гоголя, что этого года Гоголь всецѣло былъ занятъ, и живописью не занимался и никакихъ уроковъ не давалъ? Какъ вѣрить дословно дневнику, въ которомъ только нѣкоторый промежутокъ отдѣляетъ смерть Грибоѣдова, чтеніе «Вечеровъ наканунѣ Ивана Купала», февральскую революцію и чтеніе «Миргорода»?

Далѣе профессоръ Киричничковъ говоритъ:

«Не думаю, чтобы болѣзнь и любовь были выдуманы Гоголемъ, и то и другое, вѣроятно, имѣли свое реальное основаніе: при общемъ худосочїи Гоголя скоропроходящая болѣзнь вещь очень вѣроятная, а относительно любви мы имѣемъ позднѣйшее указаніе отъ самого Гоголя въ очень откровенномъ письмѣ къ А. С. Данилевскому. 20-го декабря 1832 г. онъ пишетъ ему:

¹⁾ «Истор. Вѣстн.» 1892 г., № 4.

«Очень понимаю и чувствую состояніе души твоей, хотя самому, благодаря судьбѣ, не удалось испытать! Я потому говорю, благодаря, что это пламя меня бы превратило въ прахъ въ одно мгновеніе... И потому-то къ спасенію моему у меня есть твердая воля, два раза отводившая меня отъ желанія заглянуть въ пропасть».

О второмъ случаѣ онъ писалъ тому же Данилевскому 10-го марта 1832 г., а первый, надо полагать, имѣлъ мѣсто лѣтомъ 1829 г.

Мнѣ кажется, что «твердая воля Гоголя, два раза отводившая его отъ желанія заглянуть въ пропасть», относится не къ двумъ, а къ одному и тому же случаю, имѣвшему мѣсто въ 1829 г., о которомъ онъ писалъ матери. Въ этомъ меня убѣждаетъ письмо къ Данилевскому отъ 10-го марта. Но, чтобы понять, по поводу чего оно было написано, я сдѣлаю цитату изъ предыдущаго письма къ Данилевскому, писаннаго 2-го ноября 1831 года.:

«Вотъ оно какъ! Пятый мѣсяцъ на Кавказѣ и, можетъ быть, еще бы столько прошло до первой вѣсти, если бы «Купидонъ сердца не подогналъ лозою»... Знаешь ли, сколько разъ ты въ письмѣ своемъ просилъ меня не забыть прислать нотъ? Шестъ разъ: два раза сначала, два раза въ серединѣ, да два при концѣ! Ге-ге-ге! Дѣло далеко зашло! Я, однакожь, тотчасъ же рѣшился исполнить твою просьбу. Для этого довольно бы тебѣ и разъ упомянуть. Я обращался къ здѣшнимъ артисткамъ указать мнѣ лучшее, но Сильфида Урусова и Ласточка Россетъ (Смирнова) требовали непременно, чтобы я поименовалъ великодушную смертную, для которой такъ хлопочу. Какъ мнѣ поименовать, когда я и самъ не знаю, кто она? Я сказалъ только, что средоточіе любви моей согрѣваетъ Ледовитый Кавказъ и бросаетъ на меня лучи косвеннѣе сѣвернаго солнца... Какъ бы то ни было, только забралъ все, что было лучшаго въ здѣшнихъ магазинахъ». («Письма Гоголя», т. I, стр. 144).

Приведу теперь письмо Гоголя къ Данилевскому, отъ 10-го марта того же года, на которое указываетъ также и профессоръ Кирпичниковъ:

«Мнѣ бы слѣдовало просто на тебя разсердиться и начхать, какъ говаривалъ Ландраженъ, за твои этакія пакости. Вотъ уже скоро три мѣсяца, какъ отъ тебя ни двоеточія, ни точки! Даже не извѣстилъ, получилъ ли въ исправности альманахи. Видно, тебѣ теперь ничего не нужно изъ Петербурга! Эй, не плюй въ колодезь! увидишь, если не доведется изъ него же воды напиться. Можетъ быть, ты находишься уже въ седьмомъ небѣ и оттого не пишешь. Чортъ меня возьми, если я самъ теперь не близко седьмого неба! И съ такимъ же сарказмомъ, какъ ты, гляжу на славу и на все, хотя моя владычица куда суровѣе твоей! Если бъ я былъ, какъ ты, военный человекъ, я бы съ оружіемъ въ рукахъ доказалъ бы тебѣ, что сѣверная повелительница моего южнаго сердца томи-

тельнѣе и блистательнѣе твоей кавказской. Ни на небѣ, ни въ землѣ, нигдѣ не встрѣтишь, хотя порознь, тѣхъ неувовимо божественныхъ чертъ и роскошныхъ вдохновеній, которыя ensemble дышать и умѣстились въ ея, Боже, какъ гармоничномъ лицѣ!» («Письма Гоголя», т. I, стр. 207).

Чтобы понять эту послѣднюю фразу въ письмѣ Гоголя съ французскимъ словомъ «ensemble», нужно вспомнить, что говорилъ о Смирновой князь Вяземскій въ своемъ сочиненіи:

«Въ началѣ тридцатыхъ годовъ,—пишетъ онъ,—драма Виктора Гюго «Эрнани» надѣлала много шуму въ Парижѣ. Этотъ шумъ откликнулся и въ Петербургѣ. Стихи изъ новаго произведенія поэта переходили изъ устъ въ уста и дѣлались поговорками. Въ то самое время расцвѣла въ Петербургѣ одна дѣвица, и всѣ мы болѣе или менѣе были военноплѣнными красавицы, кто болѣе или менѣе уязвленный, но всѣ были задѣты и тронуты. Кто-то изъ насъ прозвалъ смуглую, южную, черноокою дѣвицу Donna Sol, главною дѣйствующею личностію испанской драмы Гюго. Жуковскій, который часто любилъ облекать поэтическую мысль выраженіемъ шуточнымъ и удачно-пошлымъ, прозвалъ ее небеснымъ дьяволенкомъ. Кто хвалилъ ея черные глаза, иногда улыбающіеся, иногда огнестрѣльные; кто изящное и маленькое ушко, эту аристократическую примѣту, какъ ручка и какъ ножка; кто любовался ея красивою и своеобразною миловидностію. Иной готовъ былъ, глядя на нее, вспомнить старыя, вовсе не звучныя стихи Востокова и воскликнуть:

«О, какая гармонія
Въ рѣдкій сей ансамбль влита!»¹⁾.

Ясно, что эти самыя стихи Востокова Гоголь перефразировалъ въ своемъ письмѣ къ Данилевскому.

Въ своихъ воспоминаніяхъ о Гоголѣ С. Т. Аксаковъ прямо говорить:

«Я не знаю, какъ сильна была его привязанность къ Софьѣ Николаевнѣ Сологубъ и А. Мих. Вельггорской, но Смирнову онъ любилъ съ увлеченіемъ, можетъ быть, потому, что видѣлъ въ ней кающуюся Магдалину и считалъ себя спасителемъ ея души. По моему же простому человѣческому смыслу, Гоголь, несмотря на свою духовную высоту и чистоту, на свой строго монашескій образецъ жизни, самъ того не вѣдая, былъ нѣсколько неравнодушенъ къ Смирновой, блестящій умъ которой и живость были тогда еще очаровательны. Она сама сказала ему одинъ разъ: «Послушайте, вы влюблены въ меня!..» Гоголь разсердился, убѣжалъ и три дня не ходилъ къ ней». («Русскій Архивъ» 1890 г., № 8).

¹⁾ См. соч. кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 232.

Лѣтомъ 1891 года я была въ Малороссіи и навѣстила Анну Васильевну. Со времени моего перваго знакомства съ ней она сильно подалась за эти два года, хотя все же настолько была бодра и оживлена, что мнѣ и въ голову не приходило о ея близкомъ концѣ. По возвращеніи моемъ въ Петроградъ, письмо Анны Васильевны меня уже ждало. Это было ея послѣднее письмо ко мнѣ.

«Дорогая Антонина Михайловна. Послѣ вашего отъѣзда мнѣ такъ сдѣлалось грустно, такое неудовлетворенное чувство, будто я чего-то не высказала. Захотѣлось сейчасъ же писать вамъ, но вспомнила, что вы еще не скоро будете дома! Такъ досадно было, что вы могли бы еще пробыть хоть четверть часа! И отчего я поторопилась послать за извозчикомъ. Даже не кончили чтеніе, а теперь еще ваше долгое молчаніе! Здоровы ли вы, моя дорогая? У насъ ничего новаго, только мнѣ большая неприятность, потеряла четыре тысячи по своей лѣности и безпечности. Не смотрѣла на тиражъ и изъ двадцати тысячъ осталось шестнадцать. За четыре года потеряла проценты. Хотя меня и считаютъ безсребреницей, но все же жалъ! Да и чувствительная потеря! Вы, вѣрно, очень озабочены; вамъ не до писемъ, а мнѣ была потребность написать вамъ. Давно лежало письмо не окончено, была больна сильными головными болями и съ лихорадкой. Сегодня немного легче, спѣшу отправить вамъ это письмо. Такая тоска, что глаза ослабѣли отъ боли, не могу ни читать, ни работать.

«Сердечно любящая васъ А. Гоголь».

Въ слѣдующемъ 1892 году въ январѣ мѣсяцѣ я уже была въ Парижѣ и получила отъ учительницы музыки въ институтѣ, съ которой Анна Васильевна играла въ четыре руки, слѣдующее письмо съ порученіемъ къ доктору Durville, написанное по-французски, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы я имѣла возможность прочесть ему это письмо:

«Mademoiselle!

«Engagée par Anna Vassilievna Gogol, je saisis avec empressement l'occasion de vous écrire estimant que c'est un honneur pour moi d'être en relation avec une personne telle que vous. J'ai lu la lettre que vous avez écrite à Mademoiselle Gogol, mais cette dernière n'a pas pu vous répondre pour des motifs de santé; aujourd'hui, bien qu'elle aille mieux, elle ne peut encore manier facilement la plume C'est donc avec le plus grand plaisir que je m'offre pour y suppléer en vous adressant ce que Anna Vassilievna me fera écrire sous sa dictée si vous avez quelques renseignements à prendre sur son éminent frère.

De son côté elle a un service à vous demander—c'est de vous rendre à la clinique du professeur Durville rue St.-Merry 23. Il y a

une somnabule qui y donne des consultations sur une mèche de cheveux; nous lui en avons envoyé une de Mademoiselle Gogol avec 4 rbl (10 fr.), mais jusqu'à présent nous n'avons pas de réponse. Vous seriez donc bien bonne d'y aller et de demander quelle en est la cause. Anna Vassilievna veut essayer de se traiter, par les aimants vitalisés du docteur Durville et je donnerais tout au monde que cette excellente personne se rétablisse et vie de longues années encore.

Espérant que vous voudrez bien m'honorer d'une réponse et avoir la charité de vous charger de ce service à rendre à une personne malade, je vous prie, Mademoiselle, d'agréer l'expression de profonde estime

I. Kochepskoi».

Въ 1893 году 12-го января не стало Анны Васильевны, о чемъ сообщилъ мнѣ въ Парижъ Николай Владимировичъ Быковъ. Его очень теплое, сердечное письмо съ подробнымъ описаніемъ болѣзни и смерти Анны Васильевны осталось вмѣстѣ съ письмомъ Шевырева о болѣзни и смерти Гоголя у одного изъ учениковъ моихъ, наиболѣе интересовавшихся нашей художественной литературой. Не теряю надежды побывать еще въ Парижѣ и вернуть эти интересные документы.

А. Черницкая.

ПРОЛОГЪ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ ¹⁾.

(Архивные материалы).

XLVIII.

Ы УЖЕ нѣсколько разъ на протяженіи настоящихъ очерковъ отмѣчали взгляды и указанія А. Н. Куропаткина по тѣмъ или инымъ сторонамъ дальневосточнаго вопроса, откуда главнымъ образомъ выяснялась разница между точками зрѣнія его, какъ военнаго министра, и министра финансовъ и опредѣлялась позиція, здѣсь ими занимаемая. Болѣе обстоятельно и наглядно это обрисовывается изъ позднѣйшихъ трудовъ, вышедшихъ изъ-подъ пера нашего бывшаго главнокомандующаго, «Задачи русской арміи», томы I—IV, причемъ въ послѣднемъ томѣ, напечатанномъ за границую отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: «Итоги войны», содержатся, такъ сказать, резюме главныхъ и основныхъ положеній его взглядовъ. Этотъ послѣдній томъ встрѣтилъ обстоятельную критику со стороны С. Ю. Витте въ брошюрѣ «Вынужденныя разъясненія по поводу отчета генералъ-адъютанта Куропаткина о войнѣ съ Японіей». Въ этой брошюрѣ авторъ шагъ за шагомъ опровергаетъ «неточности» въ изложеніи фактовъ А. Н. Куропаткинымъ и опредѣляетъ, поскольку попытки бывшаго военнаго министра реабилитировать себя въ неудачахъ, постигшихъ и нашу дальневосточную политику, и въ промахахъ

¹⁾ Продолженіе. «Истор. Вѣстн.», т. СХХХVII, стр. 959.

по отношенію приведенія военной мощи Россіи на надлежащую высоту неосновательны. Обѣ эти работы, сопоставленныя другъ съ другомъ, могли бы служить богатымъ матеріаломъ для характеристики обоихъ государственныхъ дѣятелей и опредѣленія ихъ ролей въ смутныхъ событіяхъ Россіи того времени. Въ сожалѣнію, по недостатку мѣста и по характеру нашихъ очерковъ мы не имѣемъ возможности взять на себя эту задачу, а, слѣдуя своему хронологическому методу изложенія событій, вынуждены обратиться къ описанію самаго теченія событій, какъ они развертывались въ періодъ пребыванія Безобразова и Куропаткина на Дальнемъ Востокѣ.

Цитированный уже нами г. Нето въ статьѣ «Таинственное предпріятіе» (Владивостокъ, № 18) говоритъ: «А что заставило генерала Куропаткина поѣхать на Дальній Востокъ и сдѣлать визитъ Японіи, какъ не тревога, устроенная «безобразовской концессіей» въ Корей и именно въ то самое время, когда срокъ эвакуаціи нашихъ войскъ изъ Манчжуріи приближался и когда всѣ государства въ одинъ голосъ заговорили, что посмотримъ, какъ Россія исполнитъ свое обѣщаніе очистить китайскую территорию. Этотъ фактъ, въ свое время надѣлавшій много шума и тревожившій политическіе умы, теперь, кажется, совсѣмъ забытъ и какъ будто имѣетъ мало значенія въ дѣлѣ разрыва съ Японіей; но когда, гораздо дальше Манчжуріи, были «безобразовскія дѣлишки», такой фактъ важенъ въ томъ отношеніи, что эвакуація нашихъ войскъ не была выполнена именно по этой причинѣ, иначе г. Безобразову пришлось бы закрыть лавочку на Ялу и вторженіе въ Корею было бы неудачнымъ походомъ аргонатовъ. Генераль Куропаткинъ, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, создавшихъ конфликтъ съ Японіей, сразу увидѣлъ, что лѣсная концессія на Ялу—«заноза», вонзившаяся въ самое больное мѣсто Японіи Корею, и что устранить созданный конфликтъ можно, только устранивъ эту занозу. Къ этому времени изъ Петербурга въ Артуръ съ экстреннымъ, специально для Безобразова, за счетъ компаніи, поѣздомъ, стоившимъ около 200 т. рублей (!), пріѣхалъ Безобразовъ «со свитой». Интересное зрѣлище представлялъ собою безобразовскій поѣздъ, стоявшій на запасномъ пути подъ специально устроеннымъ отъ палящаго солнца навѣсомъ. Изъ дверей «шикарныхъ» вагоновъ то и дѣло сновала «свита» штабныхъ офицеровъ, не имѣющихъ опредѣленнаго назначенія, придравшихся къ случаю бесплатно проѣхать изъ Питера въ Артуръ и обратно. Нѣсколько разъ Безобразовъ былъ на совѣщаніи у намѣстника Алексѣева, а когда въ Артуръ пріѣхалъ на крейсерѣ «Аскольдъ» генераль Куропаткинъ, то въ вагонѣ безобразовскаго поѣзда состоялся совѣтъ, на которомъ присутствовали: намѣстникъ, Куропаткинъ, Безобразовъ, Балашевъ, Мадритовъ и др. Намѣстникъ съ Куропаткинымъ были согласны во взглядахъ, что лѣсная компанія на Ялу можетъ вовлечь Россію въ войну съ Японіей, а потому стояли за прекращеніе

дѣлъ компаніи. Но воинственно настроенные Безобразовъ и Балашевъ устроили имъ сильную оппозицію. Тѣмъ не менѣ Куропаткинъ воспретилъ офицерамъ находиться на службѣ у компаніи, находя, что присутствіе ихъ раздражаетъ японцевъ, и поставилъ условіемъ, что, если кто хочетъ служить въ частномъ предпріятіи, тотъ пусть выходитъ въ отставку. Тогда какъ двѣ крупныя величины—на-мѣстникъ и Куропаткинъ—стояли за прекращеніе дѣятельности компаніи на рѣкѣ Ялу, Безобразовъ и Балашевъ яростно отстаивали свое «дѣтище», и «предпріятіе» осталось функционировать.

«Послѣ рѣшенія на совѣтѣ не прекращать дѣятельности компаніи на рѣкѣ Ялу, но по требованію генерала Куропаткина, чтобы офицеры не служили у нея на службѣ, Мадритовъ принужденъ былъ сложить съ себя обязанности уполномоченнаго и вмѣстѣ съ Безобразовымъ уѣхать въ Петербургъ сдавать подробный отчетъ по дѣламъ компаніи. Уполномочіе принялъ на себя Балашевъ, доведшій дѣло до самаго момента разрыва нашихъ сношеній съ Японіей. Пока былъ Мадритовъ, то Балашевъ пользовался его совѣтами, которые сдерживали задоръ воинственнаго Балашева, и дѣло еще можно было кое-какъ поправить, но, оставшись безъ поддержки, Балашевъ повелъ безумную политику. Прежде всего Балашевъ рѣшилъ уволить со службы Линчи, находя недостойнымъ держать у себя хунхуза, за что, по его мнѣнію, были недовольны и японцы, и китайцы. Была послана телеграмма на рѣку Ялу: «Немедленно уволить Линчи, сказавъ ему, что мы съ нимъ расстаемся по-дружески, но обстоятельства заставляютъ это сдѣлать, а за усердную его службу выдать ему 500 рублей награды». Телеграмма эта не дошла по назначенію, и Линчи продолжалъ служить попрежнему. На вторичную телеграмму Балашева получился отвѣтъ, что никакой телеграммы объ увольненіи Линчи получено не было. Произведенное дознаніе, почему телеграмма не была передана Бодиско, показало, что въ телеграфѣ служили китайцы, ставленники Линчи, которые, узнавъ о грозившемъ увольненіи его, передали телеграмму Линчи, приготовившемуся бѣжать послѣ того, какъ Балашевъ во вторичной телеграммѣ приказалъ во что бы то ни стало привезти Линчи въ Артуръ. Какъ только пароходъ, на которомъ долженъ былъ ѣхать Линчи, пришелъ на рѣку Ялу, Линчи неожиданно для всѣхъ скрылся—куда неизвѣстно, но потомъ онъ былъ пойманъ китайской полиціей въ Чифу и преданъ въ руки правительства, которое отрубило ему голову.

«Съ увольненіемъ Линчи компанія лишилась свободнаго дѣйствія въ районѣ китайскаго берега рѣки Ялу въ то время, какъ Линчи былъ, несомнѣнно, полезенъ во многомъ. Во-первыхъ, его имя ограждало поселокъ отъ хунхузскихъ грабежей, во-вторыхъ, когда компаніи нужны были китайскія джонки для перевозки лѣса, то

Линчи всегда доставлялъ вдвое больше того количества, которое требовалось, между тѣмъ какъ безъ него китайцы не предлагали своихъ услугъ, а, наоборотъ, уклонялись, и, въ-третьихъ, не было морскихъ пиратовъ, грабившихъ джонки съ лѣсомъ, направляющіяся въ Инкоу. Послѣ увольненія Линчи пираты стали задерживать близъ Инкоу джонки, почему китайцы и не соглашались везти туда лѣсъ. Тогда навстрѣчу джонкамъ выходили катера, подъ охраною коихъ приходили въ Инкоу. Да вообще послѣ этого на Ялу стало неспокойно: частое появленіе хунхузозъ тревожило жителей Алексѣевскаго поселка, находившихся постоянно въ опасности быть перѣзванными хунхузами.

«Къ 1-му мая компаніей было затрачено два милліона рублей, но существеннаго ничего не было сдѣлано, кромѣ поднятія тревоги у японцевъ. Поднять тревогу за два милліона! Очевидно, Балашевъ сталъ подводить итоги своихъ «дѣлишекъ» и пришелъ къ выводу, что на послѣдній милліонъ сдѣлать что-либо серьезное было нельзя, и написалъ обширный докладъ, въ которомъ доказывалъ, что только нужны деньги, а цѣль будетъ достигнута, причемъ упрекалъ въ нерѣшительности генерала Куропаткина и непониманіи настоящей задачи намѣстникомъ, мало способствующимъ проведенію предположеній Безобразова, а посланника въ Пекинѣ г. Лессара уличалъ въ дѣйствіяхъ, идущихъ вразрѣзъ интересамъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ. Этотъ докладъ былъ шифромъ переданъ по телеграфу въ Петербургъ Безобразову. Но независимо отъ сего Балашевъ самъ написалъ въ столичныя высшія сферы письмо такого воинственнаго характера, что если бы про него знало японское правительство, то война намъ была бы объявлена еще въ іюнѣ или въ іюлѣ мѣсяцѣ того года. Въ своемъ докладѣ Балашевъ доказывалъ, что необходимо дѣйствія компаніи перенести въ портъ Мозампо, дабы впослѣдствіи утвердиться тамъ, имѣя удобную базу, откуда ближе всего можно было бы направить пушки въ берега Японіи, оставивъ за собою какъ Манчжурію, такъ и Корею. Для этой цѣли Балашевъ просилъ десять милліоновъ, которые могли бы быть даны безпроцентно изъ суммъ сберегательныхъ кассъ или же подъ весьма незначительный процентъ изъ другихъ источниковъ. Пока соображенія Балашева были бы приняты во вниманіе и нужныя средства были бы даны, тѣмъ временемъ финансовое положеніе компаніи становилось труднѣе, и дѣло впередъ не двигалось. Ожиданіе средствъ все-таки не заставило Балашева пріостановить свою политику и принужденіе подписать контрактъ о предоставленіи въ аренду всего округа Ионампо и требованіе концессіи на постройку желѣзной дороги отъ рѣки Ялу къ Сеулу. Это было приблизительно въ началѣ іюля мѣсяца.

«По берегу рѣки Ялу началась постройка насыпи для узкоколейной желѣзной дороги, а для отводу глазъ по насыпи были про-

ложены рельсы для вагонетокъ, якобы для подачи лѣса къ лѣсопильному заводу. Здѣсь надо оговориться, что лѣсопильный заводъ и по сіе время бездѣйствовалъ. Хотя лѣсопильныя рамы и другія машины были выписаны изъ Америки, но получены не были: это вышло потому, что выписано было черезъ посредство американской компаніи въ Портъ-Артуръ черезъ Нагасаки, что естественно задерживало получение всего нужнаго, чтобы лѣсопилка стала работать. Компаніей къ этому времени получались заказы на поставку огромнаго количества лѣса для порта и Китайско-Восточной желѣзной дороги. Взявши заказы, компанія не могла ихъ выполнить ввиду бездѣйствія лѣсопилки и передала заказы торговому дому Мессъ и Комп. въ Портъ-Артуръ. Одинъ изъ заказовъ Китайско-Восточной желѣзной дороги на поставку 200.000 штукъ шпаль былъ цѣликомъ переданъ Мессъ и Комп., но и этой компаніей не былъ исполненъ. Изъ этого видно наше отношеніе къ дѣлу вообще, а лѣсной компаніи къ своему же предпріятію въ частности. А между тѣмъ къ этому времени всего лѣса, конфискованнаго и купленнаго, на Ялу образовался огромный складъ—свыше, чѣмъ на миллионъ рублей. Частью лѣсъ обрабатывался ручнымъ способомъ, а частью отправлялся въ Цинвандао на складъ и пилился на частной лѣсопилкѣ; но все это была игра, чтобъ этимъ показать, что компанія дѣйствительно имѣетъ коммерческія цѣли...

«Переговоры штабсъ-капитана Бодиско о подписаніи контракта о сдачѣ въ аренду компаніи всего округа Юнампо окончились тѣмъ, что контрактъ былъ подписанъ корейскимъ чиновникомъ Чу-сунъ-чунъ, причѣмъ нѣкоторые пункты контракта были изъяты при общемъ соглашеніи. Но Балашевъ страшно былъ возмущенъ этимъ и винилъ Бодиско, на котораго и такъ была возложена нелегкая миссія добиться подписанія этого контракта, тѣмъ болѣе при давленіи на корейское правительство требованіями японскаго посланника. Каковы были требованія г. Гайяши, мы видимъ изъ слѣдующихъ свѣдѣній, появившихся въ печати: «Получивъ текстъ упомянутаго контракта 25-го августа, г. Гайяши обратился по поводу этого акта съ ультиматумомъ къ корейскому правительству. Въ тотъ же день русскій посланникъ г. Павловъ отправился въ министерство иностранныхъ дѣлъ и потребовалъ отдачи въ аренду Юнампо; корейскій министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ, что это невозможно. 27-го августа русскій посланникъ повторилъ свой визитъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ; пришелъ онъ въ полдень и пробылъ до 7 часовъ вечера, но министръ, сославшись на болѣзнь, не вышелъ. Тогда русскій посланникъ заявилъ, что больше не хочетъ имѣть никакихъ сношеній съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, а обратится прямо къ самому императору. Въ своей депешѣ г. Гайяши заявилъ, что если корейское правительство подпишетъ подобное условіе съ русскимъ правительствомъ, то Японія сочтетъ такое дѣйствіе за прямое нару-

шенія трактата между нею и Кореей, признаеть въ такомъ случаѣ сношенія между государствами прерванными и сочтеть себя свободной дѣйствовать на свой страхъ для отстаиванія своихъ собственныхъ интересовъ въ предположеніи, что корейская территория цѣликомъ открыта для всего міра».

«Такой энергичный протестъ японскаго посланника подѣйствовалъ на корейское правительство, которое сейчасъ же отдало распоряженіе губернатору Ионампо не допускать русскихъ къ дальнѣйшему захвату корейской территории».

«Въ это время въ устьѣ рѣки Ялу появилась американская канонерка, дѣлавшая промѣры глубинъ. Извѣщенный о семъ Балашевъ поспѣшилъ къ намѣстнику и просилъ въ видѣ контръ-демонстраціи послать на Ялу военное судно. Въ этотъ же день была послана канонерка «Сивучъ», при появленіи которой американская канонерка ушла. Къ этому же времени относится и постройка артиллерійскихъ укрѣпленій, о которыхъ говорили, что они выстроены для установки трехъ батарей и которыя тревожили японцевъ, такъ что одинъ артиллерійскій японскій полковникъ пріѣзжалъ специально посмотреть, дѣйствительно ли это есть укрѣпленія, или, какъ утверждали русскіе, что это устроены плотины отъ наводненій, такъ какъ рѣка Ялу во время дождливаго періода времени разливается и заливаеть всѣ низменныя мѣста и только на возвышенномъ торчатъ строенія, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жители принуждены сообщаться на лодкахъ. Во всякомъ случаѣ, насколько эта плотина была устроена отъ наводненія, настолько она пригодна и для укрѣпленія. Японскія газетныя сообщенія были полны негодованія по этому поводу и совѣтовали правительству принять мѣры къ огражденію интересовъ государства, которые такъ хочетъ игнорировать Россія. Статьи японской прессы переводились на русскій языкъ особо для сего имѣвшимися у компаніи переводчиками и передавались для напечатанія въ газету «Новый Край», какъ образецъ повинническаго настроенія Японіи [противъ *справедливыхъ* (?) дѣйствій русскихъ въ Корей. Наоборотъ, «Новый Край», какъ субсидированный, совѣмъ ничего не помѣщалъ по поводу этихъ *справедливыхъ* дѣйствій компаніи, а потому, если кто и зналъ всѣ «дѣлишки», такъ это только служащіе у компаніи или тѣ, которые читали англійскія газеты въ Шанхаѣ. Главная причина—скрытіе дѣйствій компаніи на рѣкѣ Ялу—и есть то смѣшное положеніе всего русскаго общества, въ которомъ оно находилось, когда Безобразовъ и компанія полновластно творили дѣла, касающіяся всего государства, беря на себя серьезную отвѣтственность за ихъ неблагопріятный исходъ и, наоборотъ, вѣнчаясь славой за успѣхъ, достигнутый тѣмъ или инымъ путемъ...

«Послѣ подписанія контракта объ отдачѣ въ аренду округа Ионампо, Водиско, согласно предписанію генерала Куропаткина, не

могъ болѣе оставаться на службѣ у компаніи и, получивъ отъ Балашева отповѣдь за допущеніе сокращеній въ контрактѣ, принужденъ былъ вернуться къ своей полковой службѣ. Къ этому времени были уволены и другіе офицеры, и компанія осталась безъ «пугаль» для японцевъ... Среди охраны пошло распущеніе еще болѣе прежняго, порядокъ постоянно нарушался избіеніемъ корейцевъ, китайцевъ и проч. Такъ, однажды выпороли одного корейца до полусмерти и спрятали его; другіе корейцы, узнавъ объ этомъ, украли наказаннаго, чтобы показать своимъ властямъ на произволь русскихъ... Завѣдующій охраной, еще бывший капитанъ Василевскій, жаловался Балашеву, что ничего невозможно сдѣлать, чтобы водворить порядокъ въ охранѣ, и Балашевъ ограничивался только увольненіемъ «разбойниковъ» со службы, прося квантунскія власти о выселеніи ихъ изъ области. Если такой порядокъ въ чужомъ государствѣ Балашеву казался вполне естественнымъ, то, очевидно, ни корейцамъ, ни японцамъ онъ не былъ по вкусу, такъ какъ противъ компаніи стали организоваться партіи не только на Ялу, всѣми способами старавшіяся дѣлать препятствія ея дѣятельности, но и въ Чифу и другихъ городахъ Кореи и Японіи. Часто стало случаться, что отправленные на пароходѣ въ Ялу матеріалы и припасы задерживались въ Чифу китайской таможеней, какъ не подлежащіе провозу черезъ китайскія владѣнія безъ уплаты пошлины. Во всѣхъ такихъ случаяхъ было курьезное положеніе груза, а еще болѣе Балашева, который въ пылу гнѣва готовъ былъ пожертвовать всѣмъ, лишь бы быть на сторонѣ правой, почему сыпались жалобы въ Пекинъ, поднимался на ноги русскій консулъ въ Чифу г. Тидеманъ и дѣло разгоралось не на шутку. Подобные курьезы были сплошь и рядомъ, и Балашевъ самъ поѣхалъ въ Пекинъ для переговоровъ съ посланникомъ г. Лессаромъ, но вынесъ впечатлѣніе, что г. Лессаръ есть врагъ Россіи, такъ какъ онъ не симпатизировалъ дѣятельности компаніи на Ялу, надѣлавшей столько заботъ и непріятностей всѣмъ, не имѣя изъ этого никакихъ видовъ на будущее и напрасно нарушая спокойствіе, нужное въ то время на всемъ Дальнемъ Востокѣ.

«Давленіе японскаго посланника г. Гайяши на корейское правительство и усилія корейскихъ властей ничуть не мѣшали компаніи расширять «свои владѣнія»: Николаевскій поселокъ росъ не по днямъ, а по часамъ; поселенцы чувствовали себя, какъ дома; наѣхали всевозможные охотники легкой наживы, пооткрывали разную торговлю, особенно же была развита торговля спиртомъ; и на ряду съ этимъ появились значныя мѣста разныхъ національностей. Большинство ютилось въ фанзахъ; въ каменныхъ же постройкахъ контора и администрація поселка съ семьями. Общій характеръ житья-бытья этихъ заброшенныхъ людей былъ не совсѣмъ привлекателенъ, такъ какъ среди туземцевъ началось броженіе и чаще

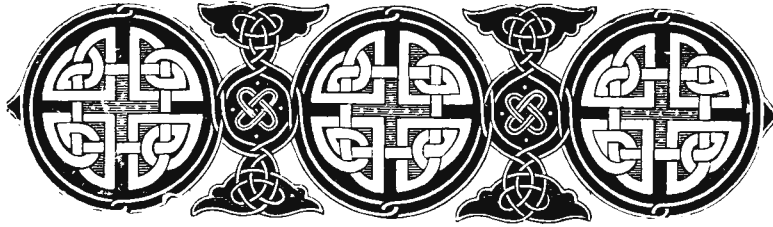
стали заглядывать японцы, слѣдившіе за всѣми дѣйствіями. Хотя къ этому времени Балашевъ какъ бы притихъ по причинѣ недостаточности денежныхъ средствъ, но «заваренная каша» давала себя знать еще въ большей силѣ, когда японцы замѣтили, что русскіе, довольные своимъ положеніемъ на Ялу, успокоились. Но Балашевъ тяготился этимъ кажущимся затишьемъ и засыпалъ Безобразова телеграммами о необходимости денегъ, безъ которыхъ дѣло можетъ стать и тогда трудно будетъ удержать то положеніе, которое было достигнуто. Безобразовъ присылалъ успокоительныя телеграммы, что вотъ-вотъ переведутъ милліонъ и самъ пріѣдетъ; но ни милліона, ни его самого что-то не было. Вѣроятно, всѣ хлопоты въ министерствѣ не привели ни къ чему, и Балашевъ окончательно потерялъ надежду на дальнѣйшее существованіе предпріятія... Поговаривали даже о ликвидаціи дѣлъ.

«Жители Артура и Дальняго уже не вѣрили въ благопріятный исходъ начавшихся переговоровъ Россіи съ Японіей, хотя «Новый Край» помѣщалъ успокоительныя статьи по поводу напраснаго бряцанія оружіемъ «макакъ», такъ какъ миролюбіе Россіи ведетъ къ желанію прочнаго мира на Дальнемъ Востокѣ. Когда же Японія предъявила свои требованія, то положеніе сразу измѣнилось: «Новый Край» заговорилъ, что во всякомъ случаѣ уступокъ не будетъ и т. д. Все это, конечно, раздражало воинственный пылъ Японіи, готовой выступить въ защиту своихъ интересовъ, въ то время, какъ наши министерства рассчитывали на мирное улаженіе конфликта и не было замѣтно, чтобы принимались мѣры къ готовности на случай разрыва. Положеніе стало серьезнымъ, и столичная пресса заговорила о надвигающейся грозовой тучѣ на горизонтѣ Дальняго Востока».

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Б. Глинскій.

ГОРОДЪ СВ. НИКОЛАЯ.

I.

ВЪ 1087 ГОДУ произошло событіе, доставившее маленькому итальянскому городку Бари извѣстность во всемъ христіанскомъ мірѣ. Какъ гласить преданіе, событіе это случилось совсѣмъ нечаянно, безъ какой-либо предварительной подготовки. Въ началѣ апрѣля изъ Бари отплыли въ Антиохію два корабля богатаго семейства Доттула. Ихъ сопровождалъ еще третій корабль, имя владѣльца котораго неизвѣстно. Всѣ три судна были погружены пшеницей. На нихъ, кромѣ пятидесяти человѣкъ экипажа, находились въ качествѣ пассажировъ два священника изъ Бари Люпо и Гримоальдо, клирикъ Романо ди Николо и неизвѣстный по имени пилигримъ, отправлявшійся въ Святую Землю. Командиромъ этой маленькой эскадры былъ нѣкій Джованнокаро.

Само собою понятно, что разговоры между этими пассажирами больше всего касались тогдашнихъ политическихъ событій на Ближнемъ Востокѣ, гдѣ «сарацины» шагъ за шагомъ отнимали у христіанъ землю, подходя все ближе и ближе къ столицѣ Византийской имперіи. За два года предъ тѣмъ турки-сельджуки, захвативъ всю Малую Азію, взяли даже и самую Антиохію, куда направлялись барійскіе корабли. Благочестивые барійцы не могли не скорбѣть при мысли о поруганіи, которому предаются христіанскія святыни (тогда прошло еще лишь тридцать три года со времени раздѣленія церквей, и итальянцы еще не привыкли относиться къ восточнымъ православнымъ, какъ къ схизматикамъ). Плыя у бере-

говъ Ликии, путешественники наши вознесли молитвы къ великому мирликійскому чудотворцу, святителю Николаю, а одинъ изъ нихъ воскликнулъ: «О, если бы возможно было увезти оттуда святыя мощи св. Николая и перенести ихъ въ христіанскую землю! Если бы намъ удалось похитить ихъ и отвезти въ Бари!»

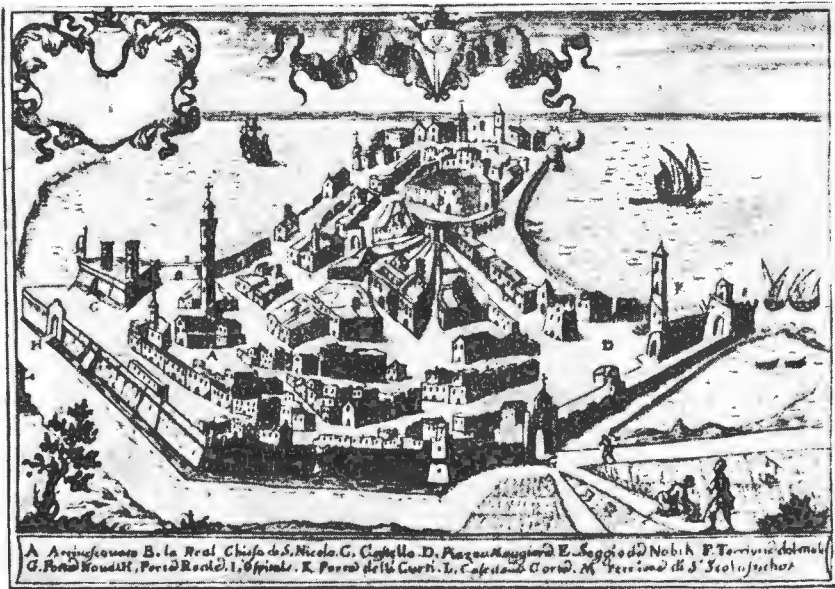
Воспламененные этой мыслью, кормчіе направили корабли въ Андриаке (нынѣ Демиръ-Дересси) въ устьѣ р. Андрака, гавань города Миры. Пилигримъ вызвался пойти на развѣдки въ Миры. Вернувшись, онъ разсказалъ, что гробница святителя ограблена, городъ опустошенъ, но переполненъ мусульманами, собравшимися для похоронъ одного изъ вождей. Предпринимать походъ въ Миры за мощами было бы въ виду этого рискованно, и потому барійцы отправили въ дальнѣйшій путь въ Антиохію.

Тамъ они встрѣтились съ венеціанскими моряками, которые имъ проболтались, что на обратномъ пути хотятъ захватить въ Андриаке и увезти изъ Миръ мощи святителя. Венеціанцы, какъ извѣстно, усиленно заботились объ украшеніи своихъ храмовъ священными предметами изъ церквей захваченнаго мусульманами христіанскаго Востока, увозили не только иконы и мощи святыхъ, но и цѣлыя колонны, которыя до сего дня красуются, напримѣръ, въ храмѣ святого Марка. Узнавъ о намѣреніи венеціанцевъ, наши барійцы поторопились закончить свои торговыя дѣла и на всѣхъ парусахъ поплыли обратно въ Андриаке.

Но, какъ гласитъ преданіе, въ пути они стали раздумывать надъ опасностями предпріятія и, когда 20-го апрѣля были въ виду этого порта, рѣшили отправиться прямо домой. Это имъ не удалось: поднялась сильная буря и застала ихъ въ портѣ. Увидѣвъ въ этомъ указаніе Божіе, барійцы рѣшились исполнить свое первоначальное намѣреніе. Они послали на развѣдки двухъ пилигримовъ, возвращавшихся на ихъ корабляхъ изъ Палестины, и тѣ принесли добрыя вѣсти: сарацины стояли лагеремъ вдали отъ города, населеніе въ него еще не вернулось, и гробницу святителя охраняли лишь три или четыре монаха. Оставивъ нѣсколько человѣкъ на корабляхъ, барійцы съ обоими священниками двинулись въ Миры. Тамъ они поклонились св. мощамъ, получили отъ монаховъ «манну», проистекающую изъ мощей святителя, и, попрощавшись съ монахами, сдѣлали видъ, что отправляются въ обратный путь. Поставивъ нѣсколькихъ часовыхъ, барійцы вмѣстѣ со своими священниками вернулись въ церковь и потребовали отъ монаховъ выдачи мощей, говоря, что они посланы папой забрать ихъ и, избавивъ отъ поруганія сарацинами, отвезти въ мѣсто, гдѣ имъ будетъ воздаваться надлежащее почитаніе. Монахи не соглашались. Барійцы думали было купить ихъ согласіе, пообѣщавъ дать имъ триста скудо (около шестисотъ рублей на наши деньги), а когда и это не помогло, и монахи проявили намѣреніе позвать на помощь сарацинъ, барійцы связали

ихъ и принялись за извлеченіе мощей изъ раки. Сотворивъ краткую молитву, они подошли къ ракъ, и одинъ изъ нихъ, нѣкій Маттео Скаррателли разбилъ молоткомъ мраморную крышку, послѣ чего всѣ стали вынимать изъ наполнявшей раку «манны» кости святителя, которыя священникъ Люпо складывалъ въ свой стихарь... Долго не могли найти главу святителя, пока, наконецъ, Маттео не вскочилъ въ раку и, погрузившись въ «манну», не нашелъ ея.

Священникъ Люпо бѣгомъ отправился въ Андриаке, неся на плечахъ св. мощи, завернутыя въ стихарь, а за нимъ, опасаясь погони, побѣжали и остальные барійцы. Мощи были помѣщены въ кадѣ

Старинный планъ Бари.

на томъ кораблѣ, на которомъ находился Маттео, и барійцы двинулись въ путь. Когда корабли были уже далеко отъ берега, приближали монахи съ нѣсколькими мѣстными жителями. Съ плачемъ и стenanіями остановились они на берегу, а нѣкоторые даже бросились въ воду, какъ бы желая догнать корабли, увозившіе великую мирликійскую святыню...

Плаваніе въ теченіе двухъ дней было спокойно, но на третій поднялся сильный вѣтеръ, заставившій барійцевъ укрыться въ Цатарѣ. Опасаясь, что тамъ у нихъ могутъ отнять мощи, если дойдетъ молва о похищеніи, барійцы на веслахъ отправились въ Пердикку, такъ какъ послѣ бури настало полное затишье. «На насъ

прогнѣвался за что-то святитель», стали толковать нѣкоторые изъ нихъ, и кто-то высказалъ догадку, что, вѣроятно, кто-либо изъ моряковъ похитилъ изъ кади частицу мощей. Тогда было рѣшено, что всѣ на евангеліи поклонятся, что они этого не сдѣлали, и пять человѣкъ сознались въ присвоеніи частицъ мощей. Эти частицы были у нихъ отобраны и вложены въ кадъ, послѣ чего поднялся благопріятный вѣтеръ, и корабли направились въ Бари. Прибывъ 9-го мая 1087 года, они бросили якорь въ портъ св. Георгія въ 9 километрахъ отъ города.

Прежде, чѣмъ изложить дальнѣйшую исторію перенесенія мощей святителя Николая, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что представлялъ тогдашній Бари—«Барградъ» нашихъ молитвословій.

По преданію, Бари былъ основанъ иллирійцами, приплывшими съ противоположнаго берега Адриатическаго моря. Затѣмъ во время возникновенія Великой Греціи на южной оконечности Апеннинскаго полуострова Бари былъ занятъ греческими колонистами и былъ, повидимому, крупнымъ городскимъ центромъ, чеканившимъ свою монету. Потомъ городъ попалъ подъ власть римлянъ, получилъ права муниципіи и заключалъ въ своихъ стѣнахъ, по словамъ Тацита, тюрьму для государственныхъ преступниковъ. «Bari moenia piscosi» (по выраженію Горация, Sat. I, 6, 97) были конечнымъ пунктомъ дороги, ведшей изъ Рима на востокъ; благодаря этому, Бари сдѣлался крупнымъ коммерческимъ центромъ въ послѣдній вѣкъ республики и въ императорскій періодъ. Въ Бари, по преданію, высадился апостолъ Петръ, направляясь въ Римъ, и основалъ общину христіанъ. Когда нахлынула волна варварскихъ нашествій, Бари раздѣлили участь множества другихъ культурныхъ очаговъ древняго міра... Въ 568 году о Бари упоминается, какъ о городѣ, подчиненномъ Равеннѣ. Въ 730 году барійцы пытались свергнуть греческую власть и избрали собственнаго «дуку». Въ 842 году городъ былъ взятъ сарацинами, которые продержались тамъ до 871 г., когда войска римско-германскаго императора Людовика II въ союзѣ съ греческими послѣ четырехлѣтней осады взяли Бари. Сначала онъ находился въ общемъ владѣніи обоихъ императоровъ—Людовика II и византійскаго Василія, но союзники вскорѣ перессорились, войска Людовика отступили, и Бари остался во власти грековъ. Барійцы неоднократно устраивали возстанія, но не могли одолѣть греческихъ «катапановъ» (намѣстниковъ), занявшихъ подъ свою укрѣпленную цитадель центральную часть города. Въ 1002 г. Бари подвергся шестимѣсячной осадѣ сарацинъ, но былъ освобожденъ венеціанцами. Наконецъ, въ 1051 г. барійцамъ удалось свергнуть чужеземное иго и прогнать грековъ, но свободой они пользовались недолго: уже въ 1067 г. городъ былъ осажденъ норманнами Роберта Лукаваго (Гюискара) и сдался ему послѣ четырехлѣтней осады. Въ 1079 г. барійцы возмутились, но норманны пода-

вили возстаніе. Послѣ смерти Роберта въ 1085 г. Бари достался его сыну Богемунду, но онъ утвердилъ тамъ свою власть лишь послѣ продолжительной борьбы съ мачехою, такъ что въ 1087 г., когда совершенно было перенесеніе мощей святителя Николая, въ Бари не было никакой высшей свѣтской власти, а фактическимъ главою города являлся архіепископъ, которымъ былъ въ то время Урсонъ. «Дворъ каталана» съ находившимися въ немъ постройками и церквами былъ тогда «ничьимъ», такъ какъ въ Бари не было еще правителя, которому принадлежали бы права на владѣніе этимъ «прави-

Базилика св. Николая съ западной стороны.

тельствѣннымъ» участкомъ земли, и это обстоятельство, какъ увидимъ дальше, имѣло большое вліяніе на выборъ мѣста для храма, въ которомъ помѣщены были мощи святителя Николая.

Дѣло въ томъ, что моряки, привезшіе ихъ, не желали отдавать мощи ни одной изъ барійскихъ церквей, а еще дорогою порѣшили построить свою, особую церковь св. Николая и образовать общество моряковъ, перенесшихъ мощи св. Николая изъ Миръ въ Бари (*de marinariis et nauticis qui tulimus corpus sancti Nicolai de civitate Mirea et abduximus illud in hac civitate Bari*), которое должно было пользоваться привилегіею охраны этихъ мощей. Моряки дѣлали такимъ образомъ мощи какъ бы своею частною собственностью, тогда какъ барійцы полагали, что мощи должны принадле-

жать всему городу, и это различіе въ мнѣніяхъ вызвало споръ, чуть было не омрачившій кровопролитіемъ «день свѣтлаго торжества».

Узнавъ о прибытіи въ гавань св. Георгія кораблей со св. мощами, почти всѣ барійцы отправились туда по сухому пути и по морю. Моряки выставили св. мощи для поклоненія на палубѣ, помѣстивъ ихъ въ украшенный драгоценными тканями ящикъ. Всѣми овладѣла восторженная радость, излившаяся въ пѣніи священныхъ гимновъ въ честь великаго святителя... Казалось, дѣйствительно, что вмѣстѣ съ барійцами «вселенная вся торжествуетъ пѣснями и пѣньми духовными»...

Но когда барійцы узнали о рѣшеніи моряковъ, ими овладѣлъ гнѣвъ; они стали требовать, чтобы св. мощи были помѣщены въ каедральномъ соборѣ, какъ святыня всего города. Моряки не уступали, и могло бы дойти до междоусобія, если бы не вмѣшательство настоятеля барійскаго бенедиктинскаго монастыря Иліи, который предложилъ временно помѣстить мощи въ монастырской церкви, пока не вернется находившійся въ Трани архіепископъ Урсонъ и не рѣшить, гдѣ именно надлежитъ поставить раку съ мощами.

Такъ и сдѣлали. Корабль съ мощами поплылъ въ Бари въ сопровожденіи многочисленныхъ лодокъ, переполненныхъ ликующимъ народомъ. Изъ порта мощи торжественно были перенесены въ бенедиктинскій храмъ, и около нихъ на ночь была поставлена вооруженная стража. Перенесеніе мощей состоялось въ воскресенье 9-го мая 1087 года, а на слѣдующій день прибылъ архіепископъ Урсонъ. Поклонившись св. мощамъ, онъ уклонился отъ рѣшенія предложеннаго ему вопроса о томъ, слѣдуетъ ли мощи помѣстить въ каедральномъ соборѣ, или построить для нихъ, какъ хотѣло «общество моряковъ», особую церковь. Урсонъ надѣялся этой проволочкой успокоить разгорѣвшіяся страсти, но вышло иначе. Вражда все болѣе разгоралась, и во вторникъ дошло до вооруженнаго столкновенія между барійцами и «обществомъ моряковъ», которыхъ поддерживали ихъ родственники. Столкновеніе произошло около бенедиктинскаго храма, и тогда нѣкоторые изъ моряковъ, видя, что имъ не выдержать натиска горожанъ, вынесли ящикъ съ мощами боковымъ выходомъ изъ церкви, помѣстили его на повозку, запряженную волами, и хотѣли увезти мощи. Горожане замѣтили это и съ крикомъ бросились къ повозкѣ. Тогда испуганные волы побѣжали куда глаза глядятъ, сопровождаемые кричащей толпой, ворвались во «дворъ катапана», примыкавшій тогда къ морю и остановились лишь тогда, когда передними ногами попали въ воду.

Это было сочтено всѣми за указаніе свыше: «дворъ катапана» не считался городской территоріей, а изъ этого сдѣлали выводъ, что для помѣщенія мощей св. Николая нужно соорудить отдѣльный храмъ. Съ этимъ согласился и Урсонъ, предложившій построить

Главный входъ въ базилику св. Николая. По сторонамъ колонны на лъвахъ. Надъ дверью—икона св. Николая, закрытая щитомъ съ итальянскимъ гербомъ.

церковь на томъ самомъ мѣстѣ во «дворѣ катапана», гдѣ остановилась повозка со св. мощами. Мощи были временно поставлены въ церкви св. Евстратія мученика, находившейся во «дворѣ катапана» вмѣстѣ съ церквами св. Мавра и св. Андрея.

Строили церковь всѣ барійцы подѣ руководствомъ и наблюдениемъ бенедиктинца Иліи, ставшаго первымъ аббатомъ и ректоромъ «истор. вѣстн.», октябрь 1914 г., т. сxxxviii.

храма св. Николая. Первоначально сооружена была «крипта», нижняя церковь, матеріалами для которой послужили стѣны сатапанскихъ церквей св. Николая, св. Іоанна Крестителя и св. Евстратія, а также остатки разрушеннаго барійцами дворца, изъ котораго, повидимому, были взяты колонны съ равенскими капителями, а затѣмъ до начала XIII вѣка строилась верхняя «базилика», представляющая одинъ изъ выдающихся памятниковъ итальянскаго искусства.

II.

Чтобы попасть въ Бари изъ Неаполя, Рима или съ сѣвера Италіи, нужно проѣхать черезъ Фоджу (Foggia), расположенную въ центрѣ нынѣшней Апуліи (Puglie). Отъ Фоджи до Бари сто двадцать три километра. Поѣздъ все время идетъ по равнинѣ съ известковой подпочвой, равнинѣ, сохранившей въ мѣстности Tavoliere до сихъ поръ характеръ степи, на которой весною появляется роскошный травяной покровъ, но которая лѣтомъ превращается въ пустыню: тамъ слишкомъ еще тонокъ слой плодородной почвы, покрывающей известнякъ. Но въ другихъ мѣстностяхъ Апуліи, гдѣ известнякъ прикрытъ болѣе толстымъ наносомъ урожайной земли, виднѣются то поля, но виноградники, среди которыхъ бѣлѣютъ оригинальные двухъэтажные дома крестьянъ, сложенные изъ известняка въ два этажа съ плоской кровлей и наружной лѣстницей въ верхній этажъ. Близъ Барлетты желѣзная дорога продвигается къ берегу Адриатическаго моря, которое то и дѣло проглядываетъ изъ-за зелени садовъ, то бирюзовое, то синее, то лазурное, то золотистое... Мелькаютъ бѣлые городки, построенные все изъ того же апулійскаго известняка, и вотъ мы наконецъ въ Бари...

Пройдя черезъ вокзалъ обычнаго итальянскаго типа, мы попадаемъ сразу на главную улицу—Via Sparano da Bari, которая идетъ черезъ весь новый городъ отъ находящейся передъ вокзаломъ Piazza Roma къ Corso Vittorio Emanuele, отдѣляющему новый городъ отъ стараго Бари, занимающаго выдающійся въ море мысъ между старымъ и новымъ портомъ.

Въ новомъ городѣ все—«какъ полагается»: на пьядцѣ противъ вокзала, украшенной двумя скверами, неизбѣжный памятникъ Виктора-Эмануила на конѣ, какъ во всѣхъ другихъ «уважающихъ себя» итальянскихъ городахъ. Прямые улицы распланированы точь-въ-точь, какъ въ нашей Самарѣ,—подъ прямымъ угломъ и, какъ въ Самарѣ, похожи другъ на друга: трехъэтажные дома одного и того же типа, въ нижнихъ этажахъ магазины, на главной улицѣ—позлегантифѣ, на другихъ—попроще. Суесящаяся толпа, извозчики, трамвай, электрическое освѣщеніе... Все какъ вездѣ въ новыхъ кварталахъ итальянскихъ городовъ. То же горячее

Базилика св. Николая съ южной стороны. Справа видны окна «крипты».

Крипта базилики св. Николая. Справа за рѣшеткой—колонна, перенесенная, по преданію, чудеснымъ образомъ изъ мирликійскаго храма.

солнце, рѣзкія тѣни, синее небо... Только нѣтъ иностранцевъ-туристовъ: «форестьеры», переполняющіе западъ Италіи, сюда не ѣздятъ. Городъ святого Николая не интересенъ ни для англичанъ, ни для англичанокъ, ни для «благоутробныхъ» нѣмцевъ съ ихъ толстенькими и сантиментальными подругами жизни. И разговаривать «по-иностранному» въ Бари умѣютъ немногіе; развѣ въ отеляхъ найдутся такіе раритеты, которые могутъ сказать нѣсколько фразъ по-французски. Но зато въ Бари — не въ новомъ, а въ старомъ — нѣсколько человекъ умѣютъ довольно порядочно говорить по-русски: ихъ научили русскіе паломники. Не то, что, напримѣръ, въ Неаполѣ, гдѣ отъ русскихъ туристовъ научился говорить по-русски,—да и то одну лишь фразу: «пошелъ вонъ»,—только мальчишка-продавецъ открытокъ на Villa Nazionale: встрѣчая русскихъ, онъ вѣжливо кланяется, говоря на итальянскій ладъ: «расціоl von», а затѣмъ предлагаетъ открытки. Уходя, онъ повторяетъ ту же фразу въ глубокомъ убѣжденіи, что это—нѣчто въ родѣ итальянскаго «buon giorno»...

Въ Бари говорятъ по-русски и въ храмѣ св. Николая, и въ лавочкахъ около нея. Въ этомъ мы убѣдились, когда, стряхнувъ съ себя въ отелѣ дорожную пыль, направились въ старый городъ и были встрѣчены въ церкви св. Николая любезнымъ привѣтствіемъ привратника, именующаго себя по-русски «смотрителемъ». «Смотритель» прежде всего набросился со строгимъ внушеніемъ на двухъ мальчишекъ, которые благополучно вывели насъ изъ лабиринта барійскихъ темныхъ и сильно пахучихъ улочекъ на старую «домнику»—дворъ византійскаго катапана, а намъ заявилъ, что мальчишки жулики, и выгналъ ихъ изъ церкви. Мальчики, девятилѣтній Джованни и семилѣтній Беппо, весело подмигнувъ намъ, ушли и дождались насъ у выхода, а «смотритель», рассказывая о своей большой семьѣ и о малыхъ доходахъ, повелъ насъ по церкви съ видомъ чичероне, громко повторяя заученныя фразы и не стѣсняясь тѣмъ, что у главнаго алтаря совершалась служба.

Двѣ лиры избавили насъ отъ «смотрителя», котораго съ успѣхомъ замѣнилъ Бедекеръ и купленный нами по дорогѣ итальянскій путеводитель по Бари, и мы, наконецъ, остались одни въ старомъ барійскомъ храмѣ, гдѣ уже болѣе восьми вѣковъ почіютъ мощи покровителя русской земли, святителя Николая.

Само собой понятно, что насъ потянуло прежде всего въ «крипту» нижнюю церковь, хранящую чтимую и православнымъ Востокомъ, и католическимъ Западомъ святыню...

Въ «крипту» ведутъ двѣ лѣстницы по обѣимъ сторонамъ главнаго алтаря, расположеннаго подъ балдахиномъ посреди апсиды. Трудно описать чувство, охватывающее при входѣ въ этотъ древній храмъ со сводами, поддерживаемыми невысокими колоннами. Кажется невольно, что подъ этими сводами витаютъ неисчисли-

Алтарь, подъ которымъ покоятся мощи св. Николая.

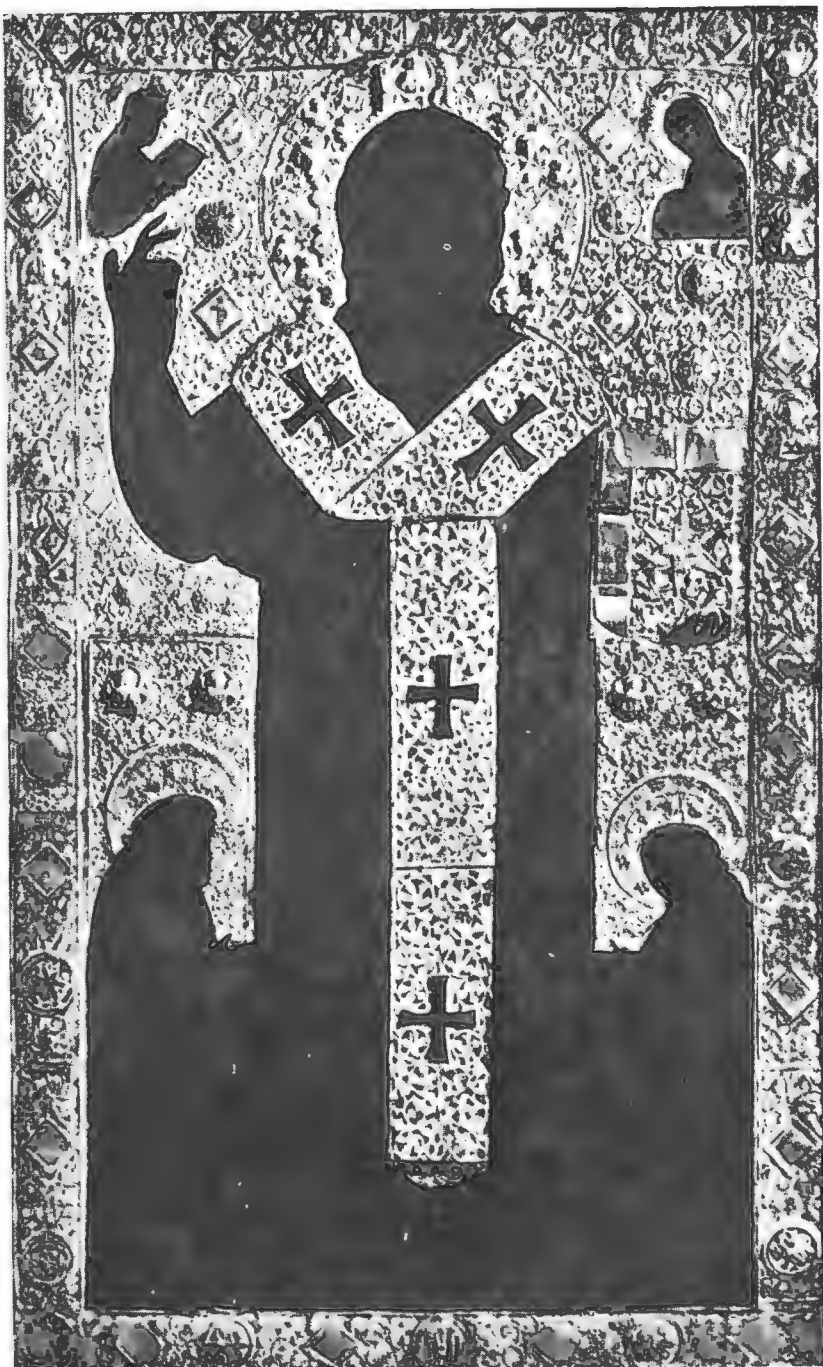

Нижняя часть алтаря, подъ которымъ покоятся мощи св. Николая.
По срединѣ—дверцы, дающія доступъ подъ алтарь.

мыя молитвы, возносимыя по всему лицу православныхъ земель, а въ особенности у насъ въ Россіи, гдѣ святого угодника чтутъ не только христіане, но и многіе язычники, гдѣ столько создано храмовъ во имя его и прославленіе, гдѣ нѣтъ церкви, въ которой предъ его иконой не теплилась бы свѣчка бѣдняка, ищущаго помощи и покровительства святителя мирликійскаго... И кажется, что вотъ-вотъ раздастся знакомое намъ всѣмъ съ дѣтства: «святителю отче Николае, моли Бога о насъ»... Но нѣтъ: судьбами неповѣдимыми мощи святителя почиютъ въ католическомъ храмѣ, подъ католическимъ алтаремъ на восточной грани католическаго міра: вѣдь, какъ разъ напротивъ Бари за синимъ Ядранскимъ моремъ—православная славянская страна Черногорія, ея портъ Антивари... Кто знаетъ, можетъ быть, въ путяхъ неисповѣдимыхъ такъ и должно быть. Можетъ быть, единеніе въ молитвѣ у мощей того, кто былъ, какъ величавъ его римская церковь, *rauoar Arii, exstirpator haeresis*,—предвкушеніе будущаго единенія церквей, когда западная церковь протянетъ братскую руку церкви восточной...

А это единеніе въ молитвѣ свято доселѣ блюдетъ въ барійскомъ храмѣ, но объ этомъ послѣ, а теперь постараемся описать ту «крипту», въ которой почиютъ мироточивыя мощи святителя. «Крипта» представляетъ собою прямоугольникъ, простирающійся подъ восточной частью верхней базилики. Сѣверная и южная стороны прямоугольника значительно короче восточной и западной. Въ западной стѣнѣ находятся двѣ двери на лѣстницѣ, ведущія въ верхній храмъ; къ восточной примыкаетъ апсида, въ которой находится главный алтарь. Южнѣе этого алтаря въ восточной стѣнѣ и въ апсидѣ—двери, ведущія въ сакрестію (ризницу). Отъ сѣверной стѣны къ южной идутъ четыре ряда колоннъ, поддерживающихъ своды. Колонны эти только немного выше человѣческаго роста, и вслѣдствіе этого «крипта» производитъ весьма своеобразное впечатлѣніе: кажется, что своды какъ бы придавливаютъ ее, что они своею тяжестью уже вдавили въ землю большую половину колоннъ. Какъ будто тутъ былъ большой высокій храмъ, но отъ него остались только верхняя часть...

Колоннъ всего двадцать восемь, и съ одной изъ нихъ, обнесенной рѣшеткой и увѣшанной рисунками судовъ, спасенныхъ св. Николаемъ отъ гибели, связана слѣдующая легенда. Когда «крипта» заканчивалась постройкой въ 1089 году, то за недостаткомъ одной колонны (колонны эти, какъ предполагаютъ, были взяты изъ развалинъ дворца катапана и изъ разрушенныхъ церквей, находившихся на «домникѣ», и потому онѣ—различной высоты) вмѣсто нея поставили кирпичный пилястръ. Въ ночь на 1-е октября, когда папа Урбинъ II долженъ былъ освятить крипту, вдругъ раскрылись двери, зажглись лампы, зазвонили сами собой колокола,

Древняя икона св. Николая въ базиликѣ.

и въ храмѣ передъ бодрствовавшими тамъ священниками явился въ сіяющемъ свѣтѣ, облаченный въ архіепископскія одежды, св. Николай, который вынулъ пилѣстръ и на его мѣсто поставилъ порфировую колонну. Колонна эта, по преданію, оказалась той самой, которую святитель, находясь нѣкогда въ Римѣ, нашель среди развалинъ какого-то дворца и, столкнувъ въ Тибръ, сказалъ: «Иди во имя Отца, Сына и Святого Духа и перенесись на берегъ Мирь, гдѣ ты украсишь мою церковь». Колонна приплыла въ Андриаке, откуда по своемъ возвращеніи изъ Рима святитель велѣлъ ее перенести въ мирскій храмъ. Въ барійскомъ храмѣ колонна стала предметомъ особаго почитанія, и богомольцы начали отбивать отъ нея куски, вслѣдствіе чего колонна была по распоряженію Иліи (о которомъ мы упоминали выше) обнесена рѣшеткой. На рѣшеткѣ имѣется надпись, что колонна была признана перенесенной изъ Мирь при осмотрѣ ея начальникомъ Мирь Меодіемъ и пятью правителями другихъ городовъ Востока, бывшими въ Бари на поклоненіе мощамъ святого угодника.

Своды «крипты» украшены рѣзными и лѣпными украшеніями разныхъ стилей, среди которыхъ преобладаетъ «бароко», и гербами тѣхъ знатныхъ барійскихъ семействъ, которые хотѣли этимъ засвидѣтельствовать свое усердіе къ великому святителю, а сводъ надъ и предъ главнымъ алтаремъ покрытъ серебряными барельефами. Со свода спускается множество лампадъ, среди которыхъ немало пожертвованныхъ благочестивыми почитателями св. Николая изъ далекой Россіи. Въ лампадахъ—толстыя свѣчи...

Главный алтарь, отдѣленный низкой оградой, весь изъ серебра, покрытый барельефами, изображающими жизнь и чудеса св. Николая. Алтарь этотъ—произведеніе неаполитанскихъ художниковъ Доминико Маринелли и Антоніо Авитабили (1684 г.)—замѣнилъ собою тотъ серебряный алтарь, который надъ мощами святителя былъ сооруженъ сербскимъ кралемъ Стефаномъ Урошемъ III Дечанскимъ (1321—1336 гг.), который изъ богатой болгарской добычи одарилъ многіе монастыри и церкви въ своемъ королевствѣ и, почитая св. Николая небеснымъ покровителемъ Сербіи, послалъ щедрый даръ на украшеніе его барійскаго храма. По преданію, художники воспользовались для своей работы тѣмъ серебромъ, изъ котораго былъ сдѣланъ алтарь на жертву краля Уроша.

Алтарь, какъ мы уже сказали, украшенъ со всѣхъ сторонъ барельефами, которые находятся какъ на нижней его части, такъ и на верхней стѣнкѣ, передъ которой лежитъ мраморный католическій антиминсъ. Стѣнка эта, украшенная спереди тремя серебряными барельефами среди серебряныхъ же орнаментовъ, заключаетъ по срединѣ *tabernaculum* для святыхъ даровъ, и на ней находится скульптурное поясное изображеніе святителя, поста-

вленное въ позднѣйшія времена. На алтарѣ множество высокихъ свѣчей въ серебряныхъ подсвѣчникахъ. Внизу алтаря въ передней его части дверцы съ барельефными изображеніями двухъ ангеловъ, держащихъ въ рукахъ сосуды съ «манной» св. Николая.

Сѣвернѣе главнаго алтаря на восточной стѣнѣ помѣщается полка, на которой подъ стекляннымъ футляромъ хранятся доски той кади, въ коей были привезены мощи св. Николая изъ Миръ Ликійскихъ. У той же восточной стѣны помѣщены по обѣимъ сторонамъ главнаго алтаря еще два алтаря, устроенные впоследствии, такъ какъ по первоначальному плану перваго ректора храма,

Внутренній видъ базилики св. Николая.

бенедиктинца Иліи, въ «криптѣ» долженъ былъ быть лишь одинъ алтарь.

Когда мы пришли въ «крипту», то и на главномъ алтарѣ, и на одномъ изъ боковыхъ совершались «тихія мессы» въ присутствіи десятковъ двухъ богомольцевъ. Усадивъ своихъ спутниковъ на стульяхъ передъ главнымъ алтаремъ, я, по указанію мѣстнаго сторожа, отправился въ сакристію къ отцу канонику Джозафатѣ Джустиніани (Giosafatte Giustiniani) съ просьбой о разрѣшеніи поклониться святымъ мощамъ. Выразивъ мнѣ свое изумленіе (столь обычное у итальянцевъ), что русскій умѣетъ объясняться по-итальянски, отецъ Джустиніани весьма любезно

пообѣщаль исполнить мою просьбу послѣ того, какъ будутъ окончены обѣдни и изъ «крипты» уйдетъ публика. вмѣстѣ съ тѣмъ отецъ Джустиніани заявилъ, что русскіе оказываются самыми усердными почитателями святителя, присылая изъ всѣхъ концовъ Россіи жертвы на храмъ и прося выслать миро («манну») отъ мощей.

— Вотъ и теперь я готовлю посылку въ Россію. Даже не знаю, въ какой городъ, такъ какъ адресъ написанъ по-русски... И письмо было тоже на русскомъ языкѣ, но мы уже сами догадываемся, о чемъ насъ просятъ... Вотъ посмотрите...

Письмо оказалось изъ Петрограда съ просьбой о присылкѣ «манны» св. Николая. При письмѣ былъ адресъ на русскомъ языкѣ на отдѣльной бумажкѣ, которую о. Джустиніани приклеилъ къ ящичку, написавъ сверху «Russia».

— Если бы вы были любезны и написали въ газетахъ нашу просьбу, чтобы намъ изъ Россіи писали по-французски и прилагали на листочкѣ свой адресъ. А письма къ намъ можно адресовать: «Italia. Bari. Padre G. Giustiniani, canonico della R. Basilica di S. Nicola». «Манну» мы высылаемъ бесплатно, но, конечно, отъ жертвъ въ пользу храма не отказываемся.

Показаль симпатичный падре и книгу почетныхъ посѣтителей, въ которой на первой страницѣ—Августѣйшее имя Государя Императора, посѣтившаго храмъ своего покровителя во время путешествія на Дальній Востокъ. Много страницъ заполнено въ этой книгѣ подписями, и среди нихъ преобладаютъ русскія фамиліи...

Присоединившись къ своимъ спутникамъ, я сталъ ждать окончанія мессы, которыя каждая въ отдѣльности продолжались недолго, но слѣдовали одна за другой, такъ что намъ пришлось прослушать пять мессъ подъ рядъ. Молящіяся постепенно уходили, такъ что къ послѣдней мессѣ ихъ осталось всего два-три человекъ. Вдругъ тишина была прервана разухабистымъ пѣніемъ «Тарарабумбіи». Въ открытое окно какія-то дѣти просунули ноги и, кривляясь, заорали эту «интернаціональную» пѣню, что было мочи. Пока до нихъ добрался сторожъ и возстановилъ порядокъ, непристойная пѣсня гулко раздавалась подъ сводами древняго храма.

— Боже, до чего мы дожили,—вздыхнулъ сидѣвшій около нихъ итальянецъ:—а все свѣтская школа...

Она ли только виновата? Она ли только причиной, что въ Римѣ на Страстной недѣлѣ пусто въ храмахъ, и больше въ нихъ туристовъ съ красными бедкерами въ рукахъ, чѣмъ молящихся. А во Флоренціи на второй день Пасхи мы видѣли торжественное богослуженіе при участіи кардинала и множества духовенства, но безъ единого мірянина. Только туристы бродили по громадному Duomo вокругъ стеклянной загородки, отдѣляющей главный алтарь. А вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ дальше отъ Рима и отъ папы, тѣмъ больше благочинія, тѣмъ больше народа въ храмахъ, и въ то время, когд

римскія церкви пусты даже въ Великую пятницу, варшавскіе храмы не могутъ вмѣстить всѣхъ желающихъ поклониться «гробу Господню» (плащаницѣ)....

Окончилась послѣдняя месса, сторожъ, закрывъ входныя двери, пригласилъ насъ и оставшихся въ «криптѣ» двоихъ старичковъ подойти ближе къ главному алтарю, и, отправившись въ сакристию, вернулся въ сопровожденіи о. Джустиніани, неся зажженную свѣчу на цѣпочкѣ и маленькій ковшикъ, тоже прикрѣпленный къ цѣпочкѣ. О. Джустиніани въ бѣломъ облаченіи и «стулѣ» (епитрахили) прочелъ предъ алтаремъ латинскую молитву къ св. Николаю и, ставъ на колѣни передъ дверцами алтаря, открылъ ихъ, а затѣмъ съ зажженной свѣчей продвинулся подъ алтарь. Послѣ

Византійская икона въ базиликѣ св. Николая.

этого онъ предложилъ намъ такимъ же точно образомъ просунуться черезъ дверцы, чтобы обозрѣть святыхъ мощи.

Подъ алтаремъ имѣется круглое отверстіе надъ мраморной ракови святителя, и при свѣтѣ опущенной на цѣпочкѣ въ это отверстіе свѣчи видны находящіяся въ «маннѣ» кости великаго чудотворца.

Послѣ богомольцевъ подъ алтарь снова продвинулся о. Джустиніани съ маленькимъ ковшикомъ на цѣпочкѣ, поданнымъ ему сторожемъ, и, зачерпнувъ миро, вылилъ его въ серебряную чашу, изъ которой далъ испить всѣмъ присутствовавшимъ, послѣ чего опять совершилъ краткую молитву.

Получивъ отъ о. Джустиніани стеклянные сосуды съ миромъ (на сосудахъ выпуклое изображеніе изъ стекла же святителя Николая и надпись: «gratis»), мы отправились въ верхній храмъ, гдѣ еще совершалась месса у главнаго алтаря.

Сооруженіе базилики было начато тѣмъ же первымъ ректоромъ Иліей, который впоследствии сдѣлался барійскимъ архіеписко-

помъ (прахъ его покоится нынѣ у южнаго входа въ крипту подъ надгробнымъ памятникомъ съ барельефными изображеніями четырехъ старцевъ, взятымъ, повидимому, съ могилы первыхъ вѣковъ христіанства). Илія, быстро (въ два года) закончивъ «крипту», приступилъ къ сооруженію верхняго храма, но работа тутъ шла значительно медленнѣе: для «крипты» были готовые матеріалы въ развалинахъ дворца каталана и въ разрушенныхъ трехъ храмахъ, на мѣстѣ которыхъ у самаго синяго моря, доходившаго тогда до «домники», возводилась базилика св. Николая. Илія умеръ, не успѣвъ достроить стѣны храма. Его смѣнилъ въ 1106 г., аббатъ Евстахій, столь же усердно заботившійся о базиликѣ, но затѣмъ начались междоусобицы, да и барійскіе архіепископы, бывшіе послѣ Иліи, не очень благоволили къ церкви, не бывшей въ ихъ непосредственномъ вѣдѣніи. Вслѣдствіе этого работы по постройкѣ продолжались въ теченіе всего XII в. Въ первой половинѣ этого вѣка была закончена чернѣ вся церковь и возведенъ главный порталъ. Внутренность базилики неоднократно подвергалась перестройкамъ и перестройкѣ, такъ что нынѣшній ея видъ представляетъ смѣшеніе стилей разныхъ эпохъ, среди которыхъ все-таки преобладаетъ ломбардо-византійскій, выражающійся въ расположеніи базилики тремя «кораблями», отдѣленными рядами изящныхъ колоннъ, съ полукруглой апсидой и галлереями «матронея», гдѣ помѣщались во время богослуженій женщины у тройныхъ, раздѣленныхъ двумя колоннами оконъ въ шести аркахъ между пилястрами съ каждой стороны. Къ сожалѣнію, позднѣйшія перестройки нарушили строгую гармонію величественнаго храма, который долженъ былъ производить дивное впечатлѣніе, залитый массою свѣта изъ многочисленныхъ оконъ. Подъ предлогомъ опасеній, что храмъ можетъ обрушиться въ случаѣ землетрясенія, много оконъ было въ XV вѣкѣ замуровано, а поперекъ базилики были построены три арки, доходящія до оконъ «матронея». Храмъ пріобрѣлъ тогда нынѣшній сумрачный видъ. Между арками устроены были многочисленные алтари, тогда какъ первоначально существовалъ лишь одинъ главный алтарь въ апсидѣ, отдѣленной отъ храма тройной аркой, не доходящей до «матронея» и увѣнчанной крестомъ.

Семь вѣковъ, протекшіе со времени сооруженія храма, оставили свои слѣды и на живописи, и на украшеніяхъ стѣнъ и сводовъ: каждый изъ этихъ вѣковъ далъ что-нибудь характерное свое, новизна вытѣсняла понемногу старину, которая была строго византійской, судя по сохранившимся иконамъ святителя Николая въ православномъ облаченіи и благословляющаго по православному и Пресвятой Дѣвы съ Младенцемъ, Іоанна-Богослова и святителя Николая (хранится въ сакристіи). Византійскія изображенія постепенно смѣнялись болѣе новыми, итальянскими, сооружаемыми

усердіемъ жертвователей, многіе изъ которыхъ погребены въ храмѣ и около его наружныхъ стѣнъ. Одна изъ этихъ гробницъ, находящаяся въ апсидѣ за главнымъ алтаремъ, напоминаетъ о той польской королевѣ Бонѣ, о которой ходитъ столько легендъ въ Польшѣ и на Волыни, гдѣ именемъ этой королевы называютъ развалины многихъ замковъ.

Памятникъ королевы Боны состоитъ изъ колѣнопреклоненной ея статуи на высокомъ пьедесталѣ въ видѣ мавзолея, по сторонамъ котораго полулежатъ обнаженные до пояса женскія фигуры, изо-

Памятникъ королевѣ Бонѣ въ храмѣ св. Николая. По срединѣ— епископскій тронъ епископа Иліи.

бражающія княжество Бари и Польшу. Въ нишахъ надъ ними статуи свв. Казимира и Станислава. Памятникъ, слабый въ художественномъ отношеніи, вноситъ кричащій диссонансъ въ строгій стиль базилики и кажется особенно нелѣпнымъ въ сосѣдствѣ съ главнымъ алтаремъ, надъ которымъ высится сооруженный въ византийскомъ стилѣ балдахинъ—«киворій».

Королева Бона (1493—1557) была дочерью миланскаго герцога Джанъ Галеаццо-Сфорца и Изабеллы Аррагонской, отъ которой ей досталось по наслѣдству Барійское княжество. Просватанная Карломъ V за польскаго короля Сигизмунда I Старога, она принялась интриговать «по-итальянски» и сумѣла удалить отъ короля

всѣхъ лучшихъ государственныхъ людей, захвативъ въ свои руки власть, которою она пользовалась для корыстолюбивыхъ цѣлей. Бона не брезговала никакими средствами для осуществленія своихъ замысловъ и для устраненія тѣхъ, кто мѣшалъ ей. Воспитавъ сына Сигизмунда II Августа въ полномъ повиновеніи себѣ, она не утратила вліянія и послѣ смерти мужа, отравила, какъ гласитъ преданіе, двухъ невѣстокъ—Елизавету Австрійскую и Варвару Радзивилль. «Скоропостижная» смерть послѣдней поссорила Бону съ сыномъ, и она уѣхала изъ Польши, увезя съ собою несмѣтныя богатства. Поселившись въ Бари, Бона завела пышный дворъ и, предаваясь удовольствіямъ, въ то же время старалась «замолить» грѣхи щедрыми пожертвованіями на храмъ св. Николая. Въ 1557 г. зловѣщая королева умерла, отравленная, какъ говорятъ, своимъ же докторомъ. Сигизмундъ II Августъ потребовалъ, чтобы княжество Бари перешло къ нему, но императоръ Фердинандъ отдалъ это княжество неаполитанскому королю. Столь же неудачна была претензія Сигизмунда II къ испанскому королю Филиппу; II, которому Бона дала займы 420,000 дукатовъ, но ея наслѣдники этого долга такъ и не получили. Бона передъ смертью выразила желаніе быть погребенной въ базиликѣ св. Николая, и ея дочь Анна Ягеллонка соорудила тамъ надгробный памятникъ, напоминающій доселѣ о бурной жизни этой итальянской принцессы, воспроизведшей въ Польшѣ мрачную страницу нравовъ герцогскихъ дворовъ XVI вѣка.

Передъ гробницей королевы Боны стоитъ древній тронъ архіепископа Иліи, вырѣзанный изъ мрамора. Сѣдалище поддерживаютъ спереди три согбенныя человѣческія фигурки, а сзади—чудовища, похожія на львовъ. На тронѣ имѣется надпись: «Inclitus atque bonus sedet hac in sede patronus praesul barinus et canusinus».

Стариной вѣсть и отъ «киворія» надъ главнымъ алтаремъ съ двухъяруснымъ куполомъ на колонкахъ, опирающихся на четыре колонны, капители которыхъ состоятъ изъ рѣзныхъ изображеній крылатыхъ ангеловъ, наивной работы мастеровъ, современныхъ «первому ректору».

Другіе алтари не похожи на этотъ первый по времени и главный. Всѣ они—обычнаго католическо-итальянскаго типа и не гармонируютъ по своимъ стилямъ съ общимъ настроеніемъ базилики, отъ которой все-таки, несмотря на налетъ семивѣковыхъ передѣлокъ, вѣсть Византіей, такъ долго удерживавшей свою власть въ Бари—почти до времени перенесенія мощей св. Николая...

III.

Выйдя изъ полумрака базилики на ярко освѣщенный «дворъ катапана», застроенный теперь домами обычнаго итальянскаго типа, мы были радостно встрѣчены нашими юными проводниками

Джованни и Беппо, которые предложили показать намъ «маленькаго Николу» въ порту и другія достопримѣчательности стараго города. Но намъ хотѣлось еще осмотрѣть древнюю базилику снаружи и потому я объяснилъ юнымъ «гвидамъ», что сначала мы обойдемъ вокругъ церкви.

Снаружи на базиликѣ еще сильнѣе, пожалуй, чѣмъ внутри, отразилось усердіе передѣльвателей, которые въ теченіе семи вѣковъ мало-по-малу исказили до неузнаваемости первоначальную стройность и красоту зданія. Задѣланы арки по наружнымъ стѣнамъ боковыхъ «кораблей», замурованъ находившійся надъ ними не-

Видъ замка и новаго порта.

прерывный рядъ оконъ, отдѣленныхъ одно отъ другаго стройными колонками... Этихъ оконъ оставлено лишь по четыре съ каждой стороны. Задѣланы и другія «лишнія» окна, и только очертанія оконныхъ арокъ да богатая рѣзьба по мрамору, сохранившаяся около нѣкоторыхъ дверей и оконъ, напоминаютъ о быломъ видѣ храма. Художники XII вѣка создали изъ мрамора дивныя арабески, въ которыхъ фантастическіе цвѣта и листья прееплетаются съ фигурами звѣрей, птицъ и людей. Особенно хорошо сохранились онѣ на западной сторонѣ у главнаго входа, гдѣ архитравъ поддерживается двумя колоннами, стоящими на изображеніяхъ львовъ, похожихъ больше на телятъ. Надъ дверью—скульптурная окна св. Николая, повидимому, тоже работа древняго мастера. Но, къ

сожалѣнію, икона почти совершенно закрыта щитомъ съ итальянскимъ гербомъ, напоминающимъ, что это—королевская базилика.

Итальянскій король, хотя и въ ссорѣ съ папой, сохраняетъ за собой исконныя права свѣтскихъ властителей Бари, считавшихся покровителями и «канониками» храма св. Николая, именуемаго поэтому *reale basilica*. Такая же дверь со львами имѣется и на южной сторонѣ.

Тихо и пустынно было около храма въ то весеннее утро, когда намъ въ первый разъ привелось посѣтить эту великую христіанскую святыню.

Горячее южное солнце заливало яркимъ свѣтомъ ея сѣроватую громаду, и это солнце, повидимому, прогнало съ церковныхъ дворовъ даже тѣхъ ребятишекъ, которые шумѣли тамъ во время богослуженія. Лишь какая-то старушка, не торопясь, развѣшиваетъ бѣлье на веревкѣ, протянутой между двумя фонарями противъ ступеней, ведущихъ къ южной «львиной» двери. Солнце начинало изрядно припекать. Наступали тѣ часы, когда на солнцѣ ходятъ, по итальянской пословицѣ, лишь собаки да англичане. Тянуло куда-нибудь въ тѣнь, и поэтому мы, наконецъ, поддались настойчивымъ уговорамъ Джованни, обѣщавшаго показать намъ «все самое замѣчательное»...

По узенькимъ, не особенно благовоннымъ улочкамъ, на которыхъ вблизи базилики находится много лавочекъ съ иконами св. Николая и бутылочками съ «манной», украшенными цвѣтами, Джованни привелъ насъ къ грязному трехэтажному дому, изъ котораго раздавался гулъ дѣтскихъ голосовъ, и важно произнесъ: «*esso la mia scuola*» (вотъ моя школа).

Мы невольно расхохотались, а глядя на насъ, стали смѣяться и Джованни съ Беппо, которые затѣмъ по узенькимъ улицамъ и закоулкамъ повели насъ къ «маленькому Николѣ».

Пахнуло свѣжимъ морскимъ воздухомъ... Пройдя черезъ ворота съ таможеннымъ домикомъ, мы очутились въ порту и ускорили шаги, чтобы подойти ближе къ синимъ волнамъ Ядранскаго моря, но отчаянные крики Джованни и Беппо остановили насъ.

— *Esso... П piccolo Nicola...*—кричали они, остановившись у воротъ.

Направо отъ входа въ нишѣ стѣны виднѣлась поясная статуя св. Николая, сооруженная усердіемъ барійскихъ моряковъ.

По всей вѣроятности, наши барійскіе «гвиды» подивились въ душѣ нашей «необразованности»: людямъ показываютъ статую, а они спѣшатъ почему-то смотрѣть на море, взбираются на стѣну мола и стоятъ чуть не часъ, глядя на волны, разбивающіяся о прибрежные камни. Есть, дескать, на что смотрѣть... Экая, подумаешь, невидаль. И Джованни съ Беппо, отвернувшись отъ моря, стали раз-

глядывать грузившійся англійскій пароходъ, а затѣмъ, получивъ «шапсія» (на чай), ушли.

Насъ, сѣверныхъ варваровъ, прямо-таки приковало къ себѣ это дивное южное море, неустанно посылавшее къ берегу волну за волной и осыпавшее камни сверкавшимъ на солнцѣ серебромъ... А дальше то изумрудное, то синее, то голубое, то свѣтлѣвшее, то темнѣвшее, оно какъ бы жило, какъ бы дышало... И чудилось, что тамъ, вдали чуть-чуть обрисовываются другіе берега этого моря— берега славянской Черногоріи...

Прошелъ далекій пароходъ, оставивъ темную полоску дыма, показалась лодка съ красноватымъ парусомъ и медленно-медленно приближается... И все хочется глядѣть на это мирно плещущееся ласковое, красочное море...

Но пора итти дальше... Оторвавшись наконецъ отъ моря и его красоты, мы отправились по набережной порта посмотрѣть старый замокъ, служащій теперь казармой, а затѣмъ стали бродить по старому Бари, въ которомъ сохранилось много еще интересныхъ уголковъ и зданій. Но, не говоря уже о зданіяхъ, занятно было посмотрѣть на повседневную жизнь городка, которая проходитъ вся на людяхъ, на улицѣ. Тутъ и обѣды готовятъ на жаровнѣ, и «въ головахъ ищутся», и работаютъ, и флиртуютъ. Ремесленники устроили на улицѣ цѣлыя мастерскія. Весь этотъ народъ громко, жизнерадостно перекликается, какъ будто бранятся, а у всѣхъ лица веселыя... Красивыхъ среди взрослыхъ мало, но чумазые ребята—просто прелесть: видно, южное солнце не даетъ имъ захирѣть даже въ узенькихъ, преисполненныхъ всякими «ароматами» закоулкахъ.

Рядомъ съ этими улицами и закоулками—въ порту и въ новой части Бари—бьется болѣе быстрымъ темпомъ современная суетливая жизнь, та жизнь, которая когда-то наполняла старыя стѣны древняго города... Но она теперь ушла изъ него, проложивъ себѣ новое русло въ новыхъ кварталахъ, въ новомъ порту,—и старый Бари сталъ захолустнымъ уголкомъ, пріютомъ городской бѣдности... Онъ оживляется только разъ въ годъ—въ день празднованія перенесенія мощей св. Николая, когда предъ умиленными взорами собирающихся и изъ окрестностей, и съ противоположнаго берега Ядранскаго, моря богомольцевъ воскресаетъ картина прибытія св. мощей. На кораблѣ, окруженномъ множествомъ лодокъ, привозятъ статую св. Николая и въ торжественной процессіи несутъ ее къ храму. Улицы стараго Бари снова оглашаются «пѣснями и пѣнями священными», а затѣмъ съ уходомъ богомольцевъ жизнь снова замираетъ на цѣлый годъ. Среди богомольцевъ много бываетъ албанцевъ—и изъ окрестностей Бари, гдѣ ихъ живетъ не мало, и съ Балканскаго полуострова. Пріѣзжаютъ славяне изъ Черно-

горіи, Далмаціи, Сербіи, жители Абрुццъ, Кампаньи и Базиликаты, а также и наши русскіе паломники.

Изъ памятниковъ старины въ древнемъ Бари, кромѣ базилики св. Николая, заслуживаетъ вниманія кафедральный соборъ, сооруженный въ ломбардномъ стилѣ въ XI—XIII вѣкахъ и неоднократно подвергавшійся въ послѣдующіе вѣка реставраціямъ и передѣлкамъ. Въ соборѣ, какъ и въ храмѣ св. Николая, имѣется «крипта», а надъ нею—базилика, раздѣленная на три корабля рядами колоннъ. Были въ соборѣ и «матронеи», какъ у св. Николая. Въ соборѣ находятся произведенія кисти Тинторетто (св. Рохъ) и Веронезе (Мадонна). Главная его святыня—«константинопольская» икона Божіей Матери Одигитріи, написанная, по преданію, св. Лукою и унесенная изъ Константинополя въ 733 году двумя монахами, спасавшими святыню отъ иконоборцевъ. Они намѣревались отвезти ее въ Римъ и, переодѣтые, поѣхали на одномъ изъ кораблей эскадры, посланной изъ Константинополя съ войскомъ къ равенскому эзарху, но флотъ былъ разсѣянъ бурей, а корабль съ иконой былъ занесенъ въ барійскій портъ.

На западной окраинѣ стараго Бари стоитъ старый замокъ (castello), сдѣлавшійся резиденціей верховной власти послѣ того, какъ «домника» (или «дворъ катапана») была занята базиликой св. Николая. Много видѣли стѣны стараго замка, приобрѣвшія нынѣшній видъ въ началѣ XIII вѣка. Замокъ владѣли поочередно и норманны, и анжуйскіе властители, и Арагонская династія. Въ XVIII в. Бари попалъ подъ власть неаполитанскихъ королей. Въ 1799 году барійцы поддались общему вѣянью и посадили «дерево свободы», впустивъ къ себѣ французскій гарнизонъ, занявшій старый замокъ. Французы, хотя и явились въ качествѣ друзей свободы, первымъ дѣломъ обобрали сокровищницу базилики св. Николая, а затѣмъ взыскали съ барійцевъ контрибуцію въ 30,000 дукатовъ. Понятно, что въ виду этого барійцы съ большимъ восторгомъ встрѣтили появившійся въ ихъ гавани русскій флотъ: французы тотчасъ же ретировались, и барійцы срубили «дерево свободы» и на его мѣстѣ поставили подъ роскошнымъ балдахиномъ портреты неаполитанскаго короля Фердинанда и его супруги. Русскіе возстановили «законное правительство» и ушли. Къ барійцамъ вскорѣ опять пожаловали французы, опять ввели «свободы», а затѣмъ присоединили Бари къ новому (мюратовскому) Неаполитанскому королевству, къ которому городъ и принадлежалъ до 21-го октября 1860 г., когда барійцы провозгласили свое подчиненіе «единой и недѣлимой Италіи»...

Хотя замокъ, переставшій быть крѣпостью въ 1831 году, немало потерялъ вслѣдствіе передѣлокъ для приспособленія его подъ казармы, тѣмъ не менѣе онъ и теперь представляетъ интересъ, какъ

довольно хорошо сохранившійся памятникъ сѣдой старины, заключающій еще въ своихъ стѣнахъ немало скульптурныхъ украшеній дверныхъ и оконныхъ косяковъ, колоннъ съ капителями изъ цвѣтовъ и фигуръ животныхъ и т. п. Къ сожалѣнiю, замокъ недоступенъ теперь для туриста, такъ какъ онъ занятъ подъ казарму королевскихъ карабинеровъ.

Отъ старыхъ стѣнъ Бари почти не осталось теперь слѣдовъ. На ихъ мѣстѣ съ юго-западной стороны проведены широкія улицы, отдѣляющія старый городъ отъ новаго, выросшаго за послѣднiя сто лѣтъ. Ровно сто лѣтъ тому назадъ, въ 1813 г., король Мюратъ разрѣшилъ разрушить старыя стѣны, и съ тѣхъ поръ Бари изъ города съ 15,000 населенiя превратился въ городъ съ населенiемъ, достигающимъ уже 100,000 человекъ. Весь этотъ приростъ размѣстился въ новыхъ кварталахъ, перерѣзанныхъ довольно широкими, пересѣкающимися подъ прямымъ угломъ улицами съ множествомъ магазиновъ, красивымъ театромъ, трамваями, фабриками, скверами, памятниками композитора Пичинни и экономиста Коньетти де-Мартинсъ (оба—барійцы), ресторанами, кафе-шантаномъ въ зданiи на сваяхъ среди «старого» порта по близости базилики св. Николая (къ счастью, этотъ кафе-шантанъ, позорившій въ 1911 г. воды старого порта, сторѣлъ въ началѣ 1912 г. и уже не возстановлялся)... Создался новый оживленный городъ, живущій своей новой жизнью, преисполненной борьбы за существованiе и иныхъ «злободневныхъ» интересовъ, не похожихъ на тѣ, которые волновали когда-то одряхлѣвшiй старый городъ. И этотъ старый городъ лежитъ теперь въ старческомъ снѣ, какъ тотъ левъ, который растянулся, изъѣденный непогодами, около «столба справедливости» (лобнаго мѣста) на пустынной нынѣ площади старого Бари... Жизнь течетъ по новому руслу, ищетъ новыхъ идеаловъ, и о старинѣ въ новомъ Бари напоминаютъ лишь залы провинціального музея въ «Атенеѣ», «свѣтскаго» собранiя древностей, стремящагося, хотя пока и безуспѣшно, конкурировать съ хранилищами древностей при церкви св. Николая и соборѣ (такая «конкуренция» замѣчается почти въ каждомъ итальянскомъ городѣ)... Теперь въ этомъ музеѣ мирно почіютъ обломки, уцѣлѣвшiе отъ стародавнихъ временъ. Но очень немногіе изъ нынѣшнихъ барійцевъ интересуются ими. Барійцамъ некогда: ушла безповоротно прежняя петоропливая жизнь, прежнiе идеалы... Появились новыя «цѣнности», новыя стремленiя, и барійцу не до старины... Хорошо еще, что онъ оставилъ ее въ сторонѣ, не началъ «приспособлять» для «новѣйшихъ требованiй», ограничившись лишь не удавшейся попыткой поселить кафе-шантанную музу на водахъ старого порта...

Новый Бари и старый—это два разныхъ міра. Они чужды и непонятны другъ другу... И хотя современныи баріецъ «по при-

вычкѣ» ходить смотрѣть на церковныя торжества 9-го мая, но это для него, воспитаннаго въ «свѣтской» школѣ,—только красивое зрѣлище. Въ его душѣ уже не звучать тѣ струны, которыя откликаются молитвой св. Николаю въ милліонахъ вѣрующихъ христіанъ, прибѣгающихъ къ предстательству великаго угодника Божія на необъятномъ пространствѣ нашихъ сѣверныхъ равнинъ въ занесенныхъ снѣгомъ избахъ и убогихъ церковкахъ...

Н. Ө. Акаёмовъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИСТОРИКА

Россія и Австро-Венгрія.— Война и «нейтральныя» державы:
Румынія и Болгарія.

ЩЕ НБТЪ и двухъ мѣсяцевъ послѣ начала великой европейской войны, а судьба одной изъ воюющихъ державъ, Австро-Венгрии, уже опредѣлилась съ достаточною ясностью. Разгромъ ея армій въ Галиціи русскими войсками поставилъ ребромъ вопросъ о самомъ ея существованіи, и воззваніе августѣйшаго верховнаго главнокомандующаго призываетъ народы лоскутной монархіи къ національной свободѣ и къ сверженію нѣмецко-мадьярскаго ига. Участъ Галицкой и Угорской Руси съ Буковиной ясна сама собой: онѣ войдутъ въ составъ великой Россійской имперіи. Но, кромѣ этихъ русскихъ областей, съ небольшою по численности частью польскаго племени, ждетъ обновленія своей жизни и большая половина всей Австро-Венгрии,—всѣ обитающія въ ней славянскія народности, въ Цислейтаніи подвластныя нѣмцамъ, а въ Транслейтаніи—мадьярамъ. Народности эти принадлежатъ къ двумъ группамъ: 1) на сѣверѣ Австріи—чешско-мораво-словацкая въ Чехіи, Моравіи и въ сѣверной Венгрии, на югѣ и 2) у прибрежья Адриатическаго моря—сербско-хорватская въ Босніи и Герцеговинѣ, Воеводинѣ, Банатѣ, Кроаціи, Славоніи, Крайнѣ, Истріи и Далмаціи. Изъ этихъ народностей, численностью свыше двадцати милліоновъ людей, большая часть обнаруживаетъ есте-

ственное тяготѣніе къ уже существующимъ государствамъ: Сербіи и Черногоріи, и лишь маленькая Истрія съ небольшимъ славянскимъ населеніемъ—словинцами—вызываетъ вождѣнія чужеземной Италіи, зарящейся на древній словинскій городъ Триестъ (слов. Търстъ), называемый жемчужиной Адриатическаго моря. Безъ сомнѣнія, успѣхи сербскихъ армій на юго-западѣ Австро-Венгріи дадутъ толчокъ къ національному возбужденію и самоопредѣленію сербо-хорватовъ, подобно тому, какъ побѣдоносное движеніе русскихъ войскъ къ берегамъ Моравы и Дуная повлечетъ за собою возстаніе въ земляхъ короны св. Вячеслава. Насильники славянскаго племени въ Австро-Венгріи, нѣмцы и мадьяры, составляющіе меньшинство ея населенія, тѣмъ самымъ войдутъ въ свои естественные этнографическіе предѣлы. Въ ихъ власти остались бы тогда лишь двѣ иноплеменные области: южный Тироль, населенный итальянцами (Трентино), и румынская Трансильванія. О судьбѣ этихъ частей Австро-Венгріи можно говорить лишь гадательно, ибо и Италія, и Румынія, какъ извѣстно, держатъ нейтралитетъ въ великой европейской войнѣ, очевидно, выжидая, что Австрія будетъ сокрушена однѣми славянскими силами, и надѣясь получить свою долю безъ особыхъ жертвъ, а по возможности даромъ. Нѣтъ, впрочемъ, худа безъ добра: румынская часть Буковины уже занята русскими войсками, и Богъ дастъ, что и славянскій Триестъ не увидитъ знаменъ итальянскихъ.

Распаденіе Австро-Венгерской монархіи явится естественнымъ послѣдствіемъ вѣковой политики Габсбурговъ—подавлять славянство въ своихъ владѣніяхъ и усиливать за его счетъ элементъ германскій. Политика эта, противная чувствамъ и интересамъ большинства населенія Австріи, была противоестественна, но вызывалась династическими видами австрійскихъ монарховъ, носившихъ до 1806 года титулъ римскихъ, или германскихъ, императоровъ. Собственно Австрія, какъ государство, существуетъ лишь съ 1806 года, когда Германская имперія была разрушена Наполеономъ и когда владѣтель земель, принадлежавшихъ Габсбургскому дому, лишившись титула германскаго императора, принялъ титулъ императора австрійскаго по имени коренного, но самаго маленькаго изъ своихъ владѣній, эрцгерцогства Австріи, въ которомъ находилась столица государства, городъ Вѣна. Составляя конгломератъ случайно объединившихся подъ власть Габсбурговъ владѣній (главнымъ образомъ посредствомъ брачныхъ союзовъ, откуда и родилась извѣстная поговорка: «*bellum gerant alii, tu, felix Austria, nube*»), Австрія въ теченіе всей исторической своей жизни старалась ассимилировать славянъ съ нѣмцами. Между тѣмъ, основу ея могущества составляли именно славяне, и лишь славянскія государства два раза спасли ее отъ разрушенія, которому она подвергалась: въ концѣ XVII вѣка Вѣну освободилъ отъ осады

турокъ польскій король Янъ Собѣскій, а въ половинѣ XIX вѣка—спасъ Австрію отъ возставшихъ мадьяръ русскій императоръ Николай I. Съ половины XVIII столѣтія Австрію начало пугать усиленіе Россіи, естественной покровительницы славянства: уже императрица Елизавета Петровна, строгая блюстительница православной вѣры, требовала отъ вѣнскаго кабинета, чтобы единовѣрные ей славяне не подвергались притѣсненіямъ въ австрійскихъ владѣніяхъ. Съ тѣхъ поръ началась вѣковая вражда Австріи къ Россіи, шедшая рука объ руку съ усиленіемъ германизма въ австрійскихъ владѣніяхъ. Кромѣ императора Іосифа II, союзника Екатерины II, благоволившаго къ славянамъ, всѣ австрійскіе монархи всячески старались вредить Россіи и ея восточной политикѣ, что особенно выразилось во время восточной войны 1853—1856 гг. Царствовавшій тогда императоръ Францъ-Іосифъ, вступившій на престолъ въ 1848 году и утвердившійся на немъ единственно лишь при помощи императора Николая I, усмирившаго возстаніе венгровъ, къ несчастію своему, дожилъ до настоящаго времени, когда рухнетъ его монархія, и теперь самъ можетъ оцѣнить пагубныя послѣдствія политики своего дома, основанной на подавленіи славянъ и враждѣ къ Россіи: дружба съ Россіей спасла Австрію въ 1849 г., а дружба съ Германіей погубила ее въ 1914 г. Не смѣя никогда вступить въ открытую борьбу съ русскимъ колоссомъ, зная сочувствіе къ нему славянскихъ своихъ подданныхъ и не желая отказаться отъ германизаторскихъ своихъ идей, австрійскіе монархи вели по отношенію къ Россіи политику двоедушную, коварную, держа постоянно камень за пазухой. Представителемъ ея въ первую половину XIX вѣка былъ знаменитый князь Меттернихъ, бывшій оракуломъ европейской дипломатіи въ свое время и умѣвшій вкрасться въ довѣріе русскихъ императоровъ Александра I и Николая I. Онъ губительно вліялъ на ихъ восточную политику и на отношенія къ славянству, искусно отождествляя стремленія турецкихъ и австрійскихъ славянъ къ національной свободѣ съ революціонными движеніями, происходившими на западѣ Европы. Въ сущности политика Меттерниха была политикой шулера, хорошо передергивавшаго карты до тѣхъ поръ, когда въ 1848 г. волны національныхъ движеній въ Австріи не смели его съ мѣста. Но и въ борьбѣ національностей, завязавшейся въ это время въ Австріи, императоръ Францъ-Іосифъ не покинулъ своихъ германскихъ симпатій, хотя революція въ самой Вѣнѣ подавлена была не кѣмъ другимъ, какъ славянскими, хорватскими полками подъ начальствомъ бана Геллачича, а польское движеніе въ Галиціи русскими крестьянами этого края.

Оставаясь вѣрнымъ своимъ политическимъ воззрѣніямъ, австрійскій монархъ предпочелъ вступить въ соглашеніе съ мадьярами, которые чуть не погубили его въ 1849 году, чтобы

только держать славянъ въ угнетенномъ положеніи: въ будущей борьбѣ германизма со славянствомъ мадьяры должны были послужить нѣмцамъ, какъ естественные союзники, связанные съ ними общимъ интересомъ—держать славянъ подъ ярмомъ. На этомъ соглашеніи и покоится установленный въ 1866 году современный строй двойственной Австро-Венгерской монархіи. Чтобы парализовать естественное тяготѣніе къ Россіи галичанъ-русскихъ, въ Галиціи правами господствующей народности надѣлены были поляки, которымъ предоставлены были средства для колонизаціи края и утвержденія въ русскомъ населеніи уніи. Угорская Русь, находящаяся въ предѣлахъ Венгрии, осуждена была на мадьяризацию. Чтобы обезопасить себя отъ какихъ бы то ни было воздѣйствій со стороны Россіи, императоръ Францъ-Иосифъ заключилъ союзъ противъ нея въ 1879 году съ Германіей, уже мечтавшей въ это время о распространеніи своего вліянія на Ближній Востокъ. Въ твердой увѣренности на поддержку Германіи, доставившей ей на Берлинскомъ конгрессѣ возможность оккупировать Боснію съ Герцеговиной и Новобазарскій санджакъ,—Австрія думала уже о наступательной политикѣ противъ славянства на Балканскомъ полуостровѣ. Послѣ Берлинскаго конгресса принцъ прусскій Фридрихъ-Карль прямо сказалъ Скобелеву, бывшему на германскихъ маневрахъ: «Что бы тамъ у васъ ни говорили, а Австрія можетъ теперь идти спокойно въ Салоники». Съ того времени прошло тридцать пять лѣтъ, и политика Австріи и ея стараго монарха, ни на одну югу не измѣняясь ни въ своей конечной цѣли, ни въ средствахъ къ ея осуществленію, привела наконецъ къ великой катастрофѣ. Убитый лѣтомъ текущаго года въ Сараевѣ австрійскій престолонаслѣдникъ Францъ-Фердинандъ въ ненависти своей къ Россіи и дружбѣ къ Германіи былъ только вѣрнымъ послѣдователемъ идей дяди своего, Франца-Иосифа, не обладая только, конечно, его старческой выдержкой и давно всѣмъ извѣстной способностію надѣвать, когда нужно, личину. Самая смерть эрцгерцога послужила его дядѣ лишь благовиднымъ предлогомъ для нападенія на Сербію и косвенно для вызова Россіи. Можно сказать о Францѣ-Иосифѣ съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ послѣ шестидесятишестилѣтняго царствованія пожинаетъ теперь лишь плоды своихъ трудовъ и что гибель Австріи является послѣдствіемъ его германизаторскихъ идей, усвоенныхъ отъ дней юности его, быть можетъ, отъ того же знаменитаго дипломатическаго шулера, канцлера Меттерниха. «Коварство» и «подлость» Австріи, проявленные ею по отношенію къ Россіи при Николаѣ I, нашли себѣ справедливое и грозное возмездіе въ царствованіе великаго покровителя славянства, Императора Николая II. Съ этимъ именемъ на устахъ восьмидесятипятилѣтній австрійскій монархъ началъ свое царствованіе и съ нимъ же кончитъ его.

Безспорно, что въ трагическомъ финалѣ Австрійской монархіи немаловажную роль сыграла католическая миссія, которую приняли на себя Габсбурги, носившіе лестный для нихъ титулъ «апостолическихъ величествъ». Католичество для Австріи было такъ же пагубно, какъ и для Польши, ибо повлекло за собою борьбу съ православно-славянскимъ міромъ. Много силъ затрачено было Австріей на введеніе католицизма въ сербскихъ ея областяхъ и на обращеніе въ унию искони православнаго народа въ Червонной и Угорской Руси. Этотъ религиозный гнетъ, въ связи съ политическимъ безправіемъ славянскихъ массъ, возбуждалъ законное неудовольствіе въ самыхъ лояльныхъ слояхъ населенія Габсбургской монархіи и заставлялъ невольно обращать ихъ свои взоры къ великой единовѣрной Россіи. Послѣднимъ яркимъ выраженіемъ религиозной нетерпимости католическаго правительства въ Австріи былъ Мармарошъ-Сигетскій процессъ въ Угорской Руси и незаконныя, возмутительныя дѣйствія униатскаго митрополита графа Андрея Шептицкаго въ Галиціи. Въ обоихъ случаяхъ этихъ борьба воинствующаго католицизма съ православіемъ шла рука объ руку съ подавленіемъ русской народности въ предѣлахъ Австро-Венгерской монархіи, причемъ Угорская Русь осуждена была на мадьяризацию, а Галицкая—на ополяченіе. Совершающійся теперь разгромъ Австріи для галиційскихъ поляковъ знаменуетъ полное крушеніе ихъ надеждъ на «мирную» колонизацию Червонной Руси, и только этими несбывшимися мечтами ихъ объясняется бессмысленное политическое сопротивленіе ихъ идеямъ о воскрешеніи Польши подъ эгидою русскаго Царя, выраженнымъ въ воззваніи великаго князя Николая Николаевича и сплотившимъ во едино все польское общество въ борьбѣ съ германизмомъ. Галиційскіе поляки, очевидно, живутъ еще ягеллоновскими идеями XVI и XVII вѣковъ и забыли, что, зарясь на чужое, легко потерять свое собственное добро. Имъ слѣдуетъ вспомнить знаменитое обращеніе благожелательнаго къ полякамъ императора Александра II къ польскому обществу во время возстанія 1863 года: «point de réveries!» Не въ борьбѣ съ русскими поляки обрѣтутъ свои права, а лишь въ тѣсномъ единеніи съ нами. Всякій другой путь приведетъ ихъ только къ гибели. Свой политическій смыслъ поляки могутъ проявить теперь въ племенной разверсткѣ, предстоящей въ Галиціи послѣ введенія въ ней русскаго управленія, и здѣсь въ ихъ отношеніи къ русскимъ галичанамъ русское общество и русское правительство увидятъ истинное мѣрило польской благодарности къ Россіи и польскаго государственнаго чутья.

Вопросъ о благодарности къ Россіи освобождаемыхъ ею народовъ невольно заставляеть насъ перейти къ оцѣнкѣ «нейтральнаго» положенія, занятаго теперь въ исполинской борьбѣ Россіи съ врагами славянства Румыніей и Болгаріей. Поля обоихъ этихъ

государствъ пропитаны кровью русскихъ воиновъ, павшихъ въ вѣковой борьбѣ съ турками за свободу румынъ и болгаръ, утучнены ихъ тѣлами. Теперь, сдѣлавшись свободными и самостоятельными за счетъ Россіи, Румынія и Болгарія не примыкаютъ къ своей освободительницѣ въ постигшемъ ее тяжеломъ испытаніи, хладнокровно смотря на борьбу ея съ озвѣрѣвшимъ германизмомъ за благо всего славянства и думаютъ только о томъ, чтобы предъявить своей благодарѣтельницѣ, виновницѣ своего политическаго существованія, аптекарскій счетъ даже за мнимыя услуги, чтобы съ наименьшими жертвами урвать возможно большій кусокъ изъ ожидаемаго наслѣдства. О проявленіи теплыхъ чувствъ къ русскому народу, хотя бы въ отдаленной степени напоминающемъ одушевленіе русскихъ людей въ эпоху борьбы за освобожденіе нашихъ балканскихъ единовѣрцевъ, ни въ Румыніи, ни въ Болгаріи что-то не слышно; разумѣется, этихъ чувствъ не оказалось бы и тогда, если бы великая мать славянства начала бы изнемогать въ непосильной борьбѣ, истекала бы кровью. Слишкомъ высоко учитывая свои силы и свое содѣйствіе, Румынія и Болгарія не только не стали рядомъ съ Россіей, чтобы сражаться съ германизмомъ, но, тщательно взвѣсивая шансы сражающихся сторонъ и ихъ успѣхи, выжидаютъ исхода борьбы, чтобы принять сторону побѣдителя и, если можно, не обнажая меча, получить свою долю въ наибольшемъ размѣрѣ. Такую же позицію заняла также Италія, бывшая «союзницей» Германіи и Австріи: она ждетъ разгрома австрійскихъ армій, чтобы безопасно и спокойно занять желаемыя лоскутья Австро-Венгрии; но свою позицію Италія, какъ страна болѣе цивилизованная, прикрываетъ яко бы своими симпатіями къ своей освободительницѣ, Франціи, и туманными фразами о торжествѣ принциповъ права и гуманности, ссылаясь на формальную сторону союзныхъ своихъ договоровъ. Италія не захотѣла быть орудіемъ германизма и считаетъ себя въ «полномъ правѣ» воспользоваться выгоднымъ своимъ положеніемъ, какъ нейтральной державы, въ случаѣ успѣха державъ тройственнаго согласія.

Не то мы видимъ со стороны Румыніи и Болгаріи. Онѣ не только нейтральны, но хотятъ торговать своимъ нейтралитетомъ, какъ бы угрожая самой Россіи. Румынія, какъ гласятъ послѣднія извѣстія, въ вознагражденіе за свой нейтралитетъ, за то, что она не обнажитъ своего меча противъ своей же освободительницы, покушается на цѣлость государственнаго тѣла самой Россіи, выразила скромное желаніе получить не только австрійскія земли, населенныя румынами, но и русскую Бессарабію! Болгарія, въ свою очередь, вступаетъ въ дружественныя соглашенія съ Турціей, готовой наброситься на Россію для поддержки Германіи, и является посредницей въ турецко-германскихъ сношеніяхъ; она

же недвусмысленно угрожаетъ союзницѣ Россіи, Сербіи, чтобы теперь же, сейчасъ, во что бы то ни стало, отобрать отъ нея болгарскую Македонію. Если бы, по несчастію, успѣхъ не вѣнчалъ русскаго оружія на австрійскомъ театрѣ войны, что, конечно, случиться не можетъ, если бы военное счастье измѣнило Россіи, какимъ бы еще языкомъ заговорили эти вчерашніе турецкіе рабы, эти низкіе торгаши, для которыхъ высшіе интересы человѣчества и культуры, высокіе идеалы славянскаго братства и будущности славянскихъ племенъ несравненно ниже ихъ мелкихъ, текущихъ счетовъ даже не завтрашняго, а сегодняшняго дня! Чаянія и чувства русскаго народа-богоносца, воспитанныя тысячелѣтней его исторіей, его вѣчной борьбой и томленіемъ за начала любви къ несчастнымъ и угнетеннымъ, не могутъ быть поняты и взвѣшены людьми, которые тысячу лѣтъ были игрушками чужой воли и страстей и считали себя счастливыми, если спасали на время свою шкуру отъ татаръ и турокъ. Болгарамъ и румынамъ нужно еще долго жить, чтобы духовно дорасти до высоты своей старшей сестры, Россіи. И русскій народъ, когда это случится, приметъ ихъ въ свое общеніе, какъ евангелическаго блуднаго сына. Но въ данное время, подъ вліяніемъ позорнаго для славянства поведенія Румыніи и Болгаріи, у русскихъ людей не найдется къ нимъ иныхъ чувствъ, кромѣ сожалѣнія и презрѣнія. Утѣшеніемъ для Россіи является одно лишь сознаніе, что, по высшему закону, святое дѣло не дѣлается нечистыми руками...

Къ сожалѣнію, неправы тѣ защитники Румыніи и Болгаріи, которые политику ихъ апраксинскаго характера объясняютъ исключительно германофильскими чувствами ихъ королей: Карла Гогенцоллерна и Фердинанда Кобургскаго. Какъ ни велико личное и правительственное вліяніе этихъ нѣмецкихъ принцевъ на дѣла ихъ королевствъ, но оно не объясняетъ намъ психологіи румынскаго и болгарскаго народовъ. Помимо правительственнаго элемента, существуетъ еще въ обоихъ государствахъ и общественное мнѣніе, и общественная самодѣятельность. Ни одно правительство, не можетъ идти противъ ясно выраженнаго голоса всего народа, ни одно правительство, безъ тяжкихъ для себя послѣдствій, не можетъ воспретить общественную самодѣятельность въ томъ или другомъ направленіи. Видимъ ли мы ее въ Болгаріи и Румыніи? Проявили ли болгары и румыны чѣмъ-либо серьезнымъ свои симпатіи Россіи и ея дѣлу? Подъ вліяніемъ русскихъ побѣдъ въ Галиціи румыны начинаютъ беспокоиться, что, пожалуй, намѣченные ими куски пройдутъ мимо ихъ рта, и ради этого устраиваютъ манифестаціи, боясь упустить время, а болгары, продолжая организовывать банды въ Македоніи, замедляютъ, совмѣстно съ турками, свое выступленіе. Но, каково бы оно

ни было, отвѣтственность за него понесутъ не личности, хотя бы они были Карлами и Фердинандами, а народъ, котораго они являются представителями. Въ концѣ концовъ всякій народъ стоитъ того правительства, которымъ онъ обладаетъ. Потомки современныхъ румынъ и болгаръ съ краской стыда за своихъ предковъ будутъ читать лѣтописи великой борьбы Россіи съ врагами славянства и будутъ смиренно молить Господа, да проститъ Онъ имъ ихъ прегрѣшенія...

Е. Шумигорскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Les prémices de l'alliance franco-russe. Deux missions de Barthélemy de Lesseps à Saint-Petersbourg 1806 — 1807 d'après sa correspondance inédite. Par commandant Jean de la Tour. Paris. Libraire académique Perrin et Cie libraires-éditeurs. 1914. P. 318. Prix 3 f. 50 c. (Зачатки франно-русскаго союза. Двѣ мисси Бартеlemi Лессепса въ Петербургъ въ 1806—1807 г.г. Составилъ по его неизданной перепискѣ г. Жанъ-дела-Туръ. Парижъ. 1914. Стр. 318).

ВЕСЬМА любопытный трудъ г. Жана дела-Тура, составленный исключительно по неизданной перепискѣ Бартеlemi Лессепса, посвященъ нашимъ мало извѣстнымъ мирнымъ и торговымъ переговорамъ, предшествовавшимъ заключенію знаменитаго Тильзитскаго мира 27 іюня (9 іюля) 1807 года, которые со стороны Франціи велъ Бартеlemi Лессепсъ. Онъ родился во Франціи въ городѣ Сеттѣ въ 1766 году, участвовалъ въ извѣстномъ плаваніи Лаперуза въ 1785—1788 годовъ въ Тихомъ океанѣ и былъ одинъ изъ немногихъ спасшихся при его гибели на коралловыхъ рифахъ близъ острова Ваникоро; онъ съ трудомъ добрался до Франціи и привезъ съ собою журналъ знаменитаго мореходца. Въ 1788 году Лессепсъ былъ назначенъ французскимъ консуломъ въ Кронштадтъ, а затѣмъ въ 1793 году генеральнымъ консуломъ въ Петроградъ. Въ 1794 году онъ былъ посланъ въ Константинополь, гдѣ былъ заключенъ султаномъ въ Семибашенный замокъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Просидѣвъ три года въ заключеніи, Лессепсъ въ 1802 году былъ назначенъ французскимъ генеральнымъ комиссаромъ торговыхъ сношеній въ Петербургъ и пребывалъ у насъ до самаго назначенія Колленкура въ 1807 году, несмотря на разрывъ съ Франціею въ 1805—1806 годахъ.

когда Россія, помогая то Австрiи, то Пруссiи въ ихъ войнахъ съ Францiей, терпѣла пораженія и при Аустерлицѣ и при Фридландѣ. Войны эти заключились, какъ извѣстно, Тильзитскимъ миромъ. Но еще до этого Лессепсъ принималъ не малое участіе въ возстановленіи дружественныхъ сношеній этихъ двухъ державъ. Этотъ просвѣщенный и дѣятельный генеральный консулъ Франціи зналъ очень хорошо всѣ дипломатическія отношенія и связи главнѣйшихъ европейскихъ державъ того времени, а также всѣ ихъ взаимныя торговыя отношенія и сумѣлъ скоро обратить вниманіе въ Петербургѣ князя Адама Чарторыйскаго, въ то время завѣдывавшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ Россіи, на предпочтительныя выгоды торговаго союза Россіи съ Францiей, нежели съ Англіею. Эти мысли князь передавалъ императору Александру I, и высочайшія воззрѣнія монарха сообщалъ, въ свою очередь, Лессепсу, который обо всемъ подробно сообщалъ въ своихъ донесеніяхъ Талейрану, министру иностранныхъ дѣлъ Франціи. Предоставляя читателямъ ознакомиться непосредственно съ этою любопытною перепискою, являющеюся въ свѣтъ въ первый разъ, сообщимъ читателямъ, что вся эта переписка и переговоры Лессепса съ княземъ Чарторыйскимъ привели къ тому, что въ 1806 году еще при князѣ Чарторыйскомъ нашему статскому совѣтнику Урби вмѣстѣ съ переговорами о положеніи русскихъ подданныхъ во Франціи и объ участи русскихъ военныхъ, находившихся въ плѣну у французозъ, поручено было также начать переговоры о всемъ томъ, что могло бы содѣйствовать возстановленію мира въ Европѣ и дружескихъ отношеній между Россіею и Францiей и ихъ сближенію. Урби въ началѣ іюля 1806 года приступилъ къ исполненію возложенныхъ на него порученій совмѣстно съ уполномоченнымъ на то со стороны Наполеона генераломъ Кларкомъ. Они оба скоро выработали проектъ трактата между Россіею и Францiей изъ 13 статей, одобренный Наполеономъ и посланный императору Александру I, который, какъ извѣстно, отвергъ этотъ трактатъ. Во время переговоровъ Урби съ Кларкомъ князь Чарторыйскій удалился отъ дѣлъ, и преемникомъ его явился генералъ баронъ Будбергъ, враждебно относившійся къ Наполеону и Франціи, при дворѣ сталъ пріобрѣтать вліяніе князь Долгорукій, еще до Аустерлица подготовившій въ Берлинѣ свиданіе Александра I съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, «Онъ овладѣлъ умомъ императора Александра I,—пишетъ Лессепсъ Талейрану,—и сдѣлался печальнымъ компасомъ, по которому здѣсь каждый держитъ свой курсъ» (стр. 93). Помимо этого Наполеонъ въ это время совершенно упразднилъ Неаполитанское королевство и образовалъ Рейнскій союзъ, что давало прежнимъ членамъ коалиціи предлогъ желать новой войны съ Наполеономъ. Такимъ образомъ политическое положеніе дѣлъ не мало измѣнилось къ тому времени, когда въ Петербургѣ былъ полученъ проектъ трактата, составленный Урби съ Кларкомъ, и баронъ Будбергъ пространною нотою 2-го августа 1806 года увѣдомилъ Талейрана, что, несмотря на искреннее желаніе государя императора водворить спокойствіе въ Европѣ, онъ не можетъ принять трактатъ, уклоняющійся значительно отъ этого желанія и составленный Урби съ отступленіемъ отъ преподанныхъ ему инструкцій и разрѣшеній. На другой день, 3-го августа 1806 года (стр. 112—119), Лессепсъ также весьма подробно доносилъ Талейрану (сдѣлавшемуся немного рагѣ

герцогом Беневетским) о всемъ относящемся до неподписанія проекта составленнаго трактата ¹⁾. Объ этомъ же неподписаніи г. Будбергъ сообщилъ, особою нотою всѣмъ иностраннымъ посламъ.

Предоставляемъ читателямъ ознакомиться какъ съ этою нотою, такъ и съ состоявшимся циркуляромъ Талейрана. Лессепсъ послѣ этого оставался въ Петербургѣ не долго. Скоро началась война Франціи съ Пруссіею, которой наши войска стѣснили на помощь, а въ Петербургѣ послѣдовалъ указъ, заставившій многихъ французовъ покинуть Россію, въ числѣ ихъ былъ и Лессепсъ. На полпути онъ узналъ о разгромѣ прусскихъ войскъ, а въ Познани онъ уже встрѣтилъ авангардъ побѣдоносной арміи Наполеона. Затѣмъ, какъ извѣстно, послѣдовали скоро битвы при Прейсишг-Эйлау и Фридландѣ, а за ними состоялся Тильзитскій миръ 27 іюня (9 іюля) 1807 года, условія котораго мало чѣмъ отличались отъ не подписаннаго Александромъ проекта, составленнаго Урби и Кларкомъ. Императоръ Александръ согласно съ предложеніемъ Талейрана выразилъ согласіе, чтобы Лессепсъ въ скорѣйшемъ времени возвратился въ Петербургъ, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ Франціи. При немъ для большей важности состоялъ генераль Савари, позднѣе герцогъ Ровига, имѣвшій характеръ военнаго и дипломатическаго агента. Лессепсъ отправлялъ свои обязанности въ Петербургѣ до самаго прибытія въ Петербургъ въ концѣ декабря 1807 года чрезвычайнаго французскаго посла генерала Коленкура. За это послѣднее свое пребываніе въ Петербургѣ Лессепсъ сообщилъ не мало Талейрану о всемъ происшедшемъ въ нашей столицѣ.

Обращаемъ особое вниманіе читателей на главу первую II части книги, гдѣ Лессепсъ говоритъ объ общественномъ настроеніи Россіи послѣ Тильзита, сообщаетъ свои разговоры съ императоромъ и его августѣйшимъ братомъ Константиномъ Павловичемъ и съ министромъ Будбергомъ и т. д.

П. Майковъ.

Н. П. Черепнинъ. Императорское воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ. Историческій очеркъ. 1764—1914. Томъ первый. Спб. 1914. Стр. 620.

Трудъ г. Черепнина состоитъ изъ двухъ частей: первая обнимаетъ собою время императрицы Екатерины II и состоитъ изъ восемнадцати главъ, вторая— время императрицы Маріи Феодоровны—изъ двадцати главъ.

«Учрежденія, какъ и люди,—говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, имѣютъ свою судьбу. Полуторавѣковая жизнь общества благородныхъ дѣвицъ протекала при исключительныхъ условіяхъ и отличается богатымъ и яркимъ содержаніемъ. Оно стало зерномъ, изъ котораго выросли не только женскіе институты и гимназіи вѣдомства учрежденіи императрицы Маріи, но и женскія учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ въ Россіи, и даже пѣкоторыя заведенія за ея предѣлами. Съ этой стороны исторія общества благородныхъ дѣвицъ является весьма цѣбною въ исторіи русскаго просвѣщенія».

¹⁾ Тутъ имѣется досадная опечатка, донесеніе Лессепса показано помѣченнымъ 2-го (16-го) апрѣля 1806 года, тогда какъ должно быть 2-го (16-го) августа.

Мысль о написаніи исторіи Смольнаго института принадлежитъ начальницѣ этого заведенія свѣтлѣйшей княжнѣ Е. А. Ливенъ. Особое вниманіе и содѣйствіе при исполненіи труда оказано было г. Черепнину почетнымъ опекуномъ А. С. Ермоловымъ. Выражая имъ свою глубокую признательность, авторъ перечисляетъ еще свыше восьмидесяти лицъ, предъ которыми онъ считаетъ себя обязаннымъ тѣмъ или другимъ ихъ содѣйствіемъ успѣху его работы.

Смольный институтъ—созданіе императрицы Екатерины Великой, которая впервые взяла на себя задачи воспитанія, принадлежавшія до тѣхъ поръ исключительно семьѣ. Прежняя школа въ Россіи только учила, новая должна была и воспитывать. Имѣя въ виду указанная императрицей цѣли новаго женскаго учебнаго заведенія, И. И. Бецкой и его сотрудники, изучивъ имѣвшійся у нихъ матеріалъ о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ на Западѣ, создали уставъ, который стоялъ на уровнѣ лучшихъ педагогическихъ идей того времени и во многомъ былъ выше уставовъ этихъ заведеній. Смольный не былъ копіей сентъ-сирской школы, какъ это нерѣдко высказывалось въ литературѣ (стр. 29, 60—63 и далѣе).

Указъ императрицы Екатерины II объ открытіи Смольнаго института послѣдовалъ 5-го мая 1764 года. Для устройства Смольнаго рѣшено было приспособить помѣщеніе начатаго при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ постройки и еще не вполне законченнаго Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря. При Петрѣ Великомъ здѣсь былъ устроенъ смоляной дворъ, на которомъ лежала смола, приготовленная на весь корабельный флотъ, и хотя съ 1733 года его перевели на другое мѣсто, но прежнее названіе осталось навсегда за этой мѣстностью.

Проводить въ жизнь новыя начала и трудиться надъ созданіемъ воспитательнаго общества и осуществленіемъ въ его жизни и дѣятельности завѣтовъ его царственной основательницы пришлось второй начальницѣ С. де-Лафонъ. Это была богато одаренная личность, поставившая высоко не только учебно-воспитательное дѣло въ Смольномъ, но даже и хозяйственную часть.

Первоначальная учебная программа не была обширной. Въ этомъ сказались взгляды императрицы Екатерины II, придававшей главное значеніе нравственному воспитанію и настойчиво желавшей, чтобы образованіе, являясь возможно современнымъ, отнюдь не способствовало развитію въ воспитанницахъ умничанья (стр. 118). Заведеніе было строго закрытымъ. Воспитанницы поставлены были возможно дальше отъ родителей. Для свиданія отводилось чрезвычайно мало времени, а домой изъ института воспитанницы вовсе не отпускались за все время пребыванія въ заведеніи.

Мы не будемъ излагать подробно исторіи г. Черепнина. Это чрезвычайно увеличило бы размѣръ настоящей замѣтки. Авторъ рисуетъ жизнь заведенія, не опуская даже мелкихъ ея сторонъ, и даетъ ей яркое освѣщеніе. Очень удачна его характеристика отношеній великой государыни къ воспитанницамъ. Императрица Екатерина среди государственныхъ заботъ находила время даже лично отвѣчать на нѣкоторые письма дѣвочекъ. Въ своихъ отвѣтахъ она являлась не столько императрицей, сколько воспитательницей, дающей тонъ и направление учебно-воспитательному дѣлу въ Смольномъ. При чтеніи этихъ пи-

семь, полныхъ рѣдкой простоты, задушевности, а подчасъ и неподдѣльнаго юмора, нельзя прежде всего не удивляться отличному знакомству Екатерины II съ основаннымъ ею заведеніемъ.

Путемъ воспитанія государыня желала создать новую породу людей, возродить русское общество. «Благодаря Екатеринѣ II въ русской семьѣ впервые появились образованныя женщины, которыя внесли въ убѣжища дѣдовскихъ предрасудковъ струю свѣжаго воздуха и свѣта, новыя здоровыя и гуманныя начала, способствовали возникновенію интереса къ вопросамъ воспитанія и пробуждали стремленіе къ подражанію» (стр. 284).

Время императрицы Маріи Ѳеодоровны—время реформъ, которыя кореннымъ образомъ мѣняли самый характеръ общества благородныхъ дѣвицъ. «Широкія гуманно-общественныя задачи, какими занята была императрица Екатерина, создавая новый типъ закрытыхъ учебно-воспитательныхъ заведеній, отпадали сами собой и замѣнялись болѣе узкими, специальными, чисто женскими». Задачи воспитанія стали сводиться къ подготовкѣ изъ воспитанницъ «добрыхъ супруговъ, хорошихъ матерей и хорошихъ хозяекъ». «Стремленіе Екатерины путемъ воспитанія создать полезныхъ и просвѣщенныхъ женщинъ-членовъ общества, которое онѣ должны были обновлять, исправлять и смягчать грубость нравовъ, замѣнилось специальнымъ воспитаніемъ женщины—исключительно какъ члена семьи» (стр. 331).

Послѣ смерти С. де-Лафонъ въ 1797 г., начальницей была Е. А. Пальменбахъ, а затѣмъ послѣ ея выхода въ отставку Ю. Ѳ. Адлербергъ. Эти имена должны быть особо отмѣчены въ жизни Смольнаго института.

На протяженіи двадцати главъ второй части своей книги г. Черепнинъ излагаетъ исторію заведенія съ 1796 по 1828 гг. Здѣсь дана въ высшей степени интересная и справедливая оцѣнка дѣятельности императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Исторія Смольнаго института представляетъ роскошное изданіе, напечатанное въ государственной типографіи, съ множествомъ прекрасно исполненныхъ портретовъ, рисунковъ и факсимиле. Счастливъ тотъ авторъ, трудъ котораго издается съ такимъ изяществомъ. Эти исключительно благоприятныя условія при печатаніи книги (она издана по постановленію и на средства совѣта общества благородныхъ дѣвицъ) дѣлаютъ автора расточительнымъ и неэкономнымъ въ своемъ трудѣ, что особенно замѣтно въ его примѣчаніяхъ и цитатахъ. Въ ученыхъ и историческихъ сочиненіяхъ принято дѣлать сокращенныя цитаты, съ объясненіемъ ихъ чтенія въ началѣ или концѣ текста. У г. Черепнина цитаты чрезвычайно распространенныя. Такъ, напримѣръ, ссылки на арх. имп. восп. общ. д.—четырнадцать буквъ, можно было бы замѣнить—четырьмя: А. О. Б. Д., арх. собств. Е. И. В. канц. по учр. имп. Маріи—двадцать девять буквъ—съ успѣхомъ можно было бы сократить до одиннадцати и даже менѣе, и т. д. Такія многобуквенныя цитаты повторяются нерѣдко по семи-восьми разъ на одной и той же страницѣ, когда ихъ легко можно было бы замѣнить словами: «тамъ же». Эта тенденція автора, замѣчаемая также и въ текстѣ книги, конечно, значительно увеличиваетъ ея объемъ. Въ книгѣ встрѣчаются повторенія (сравни, напр., стр. 331 и 422—424 о задачахъ

воспитанія по взглядамъ Екатерины Великой и Маріи Ѳеодоровны). Излишне строгой, даже черезчуръ смѣлой для молодого историка является характеристика Бецкаго. Но эти частности не умаляютъ значенія труда, весьма добросовѣстнаго и кропотливаго, и книга г. Черепнина найдетъ читателей не только среди бывшихъ смолянъ, но и среди лицъ, интересующихся исторіей женскаго образованія въ Россіи.

Н. Г. Р.

И. Кирилловъ. Третій Римъ. Очеркъ историческаго развитія идеи русскаго мессіанизма. М. 1914. Стр. 100.

Русскій мессіаниззмъ—размашистая, сложная и отвѣтственная тема. Отъ того, кто рискнулъ бы взять его предметомъ своего изученія и освѣтить во всей широтѣ, глубинѣ и единствѣ, она требуетъ серьезной освѣдомленности по разнымъ историческимъ дисциплинамъ: по исторіи русской церкви, по исторіи литературы, по исторіи философской мысли, по исторіографіи и, наконецъ, по общей исторіи Россіи. Этому требованію совершенно не удовлетворяетъ «очеркъ историческаго развитія идеи русскаго мессіанизма» (мессіанства?) г. Кириллова. Предъ нами—отнюдь не научное изслѣдованіе, которое всегда опирается на неизблемомъ фундаментѣ критически провѣренныхъ источниковъ и безусловно считается съ наличной ученой литературой вопроса, а самая посредственная компиляція. Ссылки на источники у автора крайне рѣдки и случайны. Онъ даже не потрудился проштудировать всѣ основныя, настольныя монографіи о нашихъ мессіанистическихъ ученіяхъ: въ приложенномъ къ его очерку списку использованныхъ пособій, которыя авторъ съ присущей ему, повидимому, методологической спутанностью называетъ «источниками», а также въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ краснорѣчиво отсутствуютъ указанія на цѣлый рядъ капитальныхъ работъ. Вся брошюра распадается на двѣ непропорціональныя по содержанію половины: въ первой авторъ излагаетъ теорію о «Москвѣ—третьемъ Римѣ», во второй у него въ обидной тѣсотѣ умѣстились: Чаадаевъ, Хомяковъ, Кириѣвскій, Достоевскій и Вл. Соловьевъ. Изложеніе теоріи о «Москвѣ—третьемъ Римѣ» авторъ начинаетъ ex abstrcto: съ флорентійской уніи и паденія Константинополя, между тѣмъ идея богоизбранности Руси, проникающая эту теорію, составляющая ее душу, встрѣчается въ нашей древней письменности гораздо раньше, будучи навѣяна библейской традиціей. Послѣ обрисовки роли означенной идеи въ эпоху никоновскихъ церковныхъ исправленій г. Кирилловъ заявляетъ, что «послѣ раскола... идея русскаго мессіанизма совсѣмъ не высказывалась вплоть до сороковыхъ годовъ XIX вѣка, когда пробужденное національное сознаніе, но уже въ средѣ интеллигенціи, вновь выдвинуло идею Москвы—третьяго Рима» (стр. 46). Съ этимъ заявленіемъ позволительно не согласиться. Фикція «Москвы—третьяго Рима» не заглохла и въ упомянутый промежутокъ времени: она сказывалась въ сферѣ внѣшней политики, именно въ исторіи восточнаго вопроса, который и возникъ для насъ съ момента крушенія Византійской имперіи и образованія на ея развалинахъ мусульманскаго царства, т. е. одновременно съ

расцвѣтомъ данной фикціи. Академикъ Ѳ. И. Успенскій справедливо замѣтилъ, что «вмѣстѣ съ восточнымъ вопросомъ изучается исторія развитія русскаго національнаго сознанія» («Какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ»). Г. Кирилловъ вообще не прослѣживаетъ отраженія въ восточномъ вопросѣ мессіанской идеи, въ чемъ надежнымъ руководителемъ для него могла бы послужить двухтомная диссертация Жигарева «Русская политика въ восточномъ вопросѣ». Напрасно авторъ не останавливается на И. Аксаковѣ, который, усвоивъ глубокія историческія и богословскія построенія Хомякова, хотя по существу и не внесъ ничего новаго, все же долженъ быть отмѣченъ, какъ блестящій популяризаторъ славянофильской доктрины, который перевелъ ее на практическій языкъ, сдѣлалъ изъ нея практическіе выводы. Стѣдовало бы удѣлить болѣе вниманія, а не отбоариться пятью строчками, извѣстной книгѣ Данилевскаго «Россія и Европа» съ ея нечуждой мессіанизма соціологіей культурно-историческихъ типовъ, а также включить въ поле зрѣнія другихъ эпигоновъ славянофильства—Каткова, Леонтьева и, пожалуй, поэта-мессіаниста Тютчева. Обходитъ молчаніемъ г. Кирилловъ и мессіанистическіе отзвуки въ исторіографіи. Неприятно поражаетъ при чтеніи брошюры полемика ея автора съ Вл. Соловьевымъ: авторъ, старообрядецъ, курьезно тичится (стр. 93—95) отклонить утвержденіе знаменитаго философа о томъ, что старообрядчество грѣшитъ предъ абсолютной истиной вселенскаго христіанства (sic!). Старообрядческія тенденціи въ книжкѣ весьма осязательны. Лучшія въ брошюрѣ главы о Хомяковѣ и Вл. Соловьевѣ, но всѣмъ хорошимъ въ нихъ г. Кирилловъ обязанъ своимъ авторитетамъ (Бердяеву и другимъ): онъ не скупится на выдержки изъ нихъ, которыя связываетъ наскоро переброшенными мостиками своихъ промежуточныхъ сужденій. Болѣе самостоятельный характеръ носить главка о Достоевскомъ. Этихъ бѣглыхъ и первыхъ пришедшихъ на мысль замѣчаній достаточно, по нашему миѣнію, для того, чтобы оцѣнить брошюру г. Кириллова: слабый, худосочный очеркъ. Развѣ лишь въ качествѣ общаго обзора развитія русскаго мессіанской идеи онъ еще имѣетъ кое-какое значеніе.

Ник. Ефимовъ.

И. Г. Прыжовъ. Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа. Казань. 1914. Стр. 282. Цѣна 2 руб. Изданіе второе.

Необходимость новаго изданія книги г. Прыжова давно чувствовалась, такъ какъ первое изданіе его труда стало рѣдкостью. Его изслѣдованіе о кабакахъ даетъ богатый матеріалъ для исторіи общественнаго и народнаго быта въ Россіи. Настоящее изданіе «Исторіи кабаковъ» дополнено указателемъ именъ и названій, упоминаемыхъ въ этомъ сочиненіи. Книга читается съ не ослабѣваемымъ интересомъ, ознакомляя насъ прежде всего съ чертами старинной жизни русскаго народа, когда тотъ жилъ, окруженный бортными лѣсами, пасѣками и пчельниками; когда питье «стоялыхъ» медовъ было весельемъ, а не порокомъ. «Заплативъ пошлину за солодъ и хмель,—говоритъ авторъ,—народъ спокойно варилъ себѣ питья и спокойно распивалъ ихъ дома, среди семьи, или на братчинахъ, или на братскихъ попойкахъ въ корчмахъ». Древне-

славянскія питейныя заведенія по деревнямъ назывались корчмами, куда народъ сходился для питья и ѣды съ пѣснями, музыкой и бесѣдами. Не то было по городамъ, которыми владѣли князья. Облагая пошлинами напитки, заводя свои княжескія корчмы и преслѣдуя вольное корчемство, князья вызвали этимъ появленіе тайныхъ корчемъ. Царь Иванъ IV начинаетъ заводить царскіе корчемные дворы и предписываетъ намѣстникамъ областей прекращать вездѣ свободную торговлю питьями и ѣдой (т.-е. корчму) и устроить царевы кабаки. Съ появленіемъ кабаковъ явился и откупъ. Такимъ образомъ, древне-славянская корчма, гдѣ народъ кормился, въ великорусскихъ губерніяхъ мало-по-малу исчезаетъ и на ея мѣстѣ возникаютъ кабаки, гдѣ можно только пить, а ѣсть нельзя. «Въ московскомъ кабакѣ,—говоритъ Прыжовъ,—вельно пить одному народу, т.-е. крестьянамъ и посадскимъ, ибо имъ однимъ запрещено было приготавливать домашнія питья; всѣ же остальные люди пили напитки у себя дома, и, кромѣ того, имѣли право владѣть кабаками. Кромѣ царя, кабаками владѣли духовенство и бояре». Такимъ образомъ, если народу нужно было сварить пиво къ празднику, къ свадьбѣ, къ крестинамъ, онъ долженъ былъ итти за разрѣшеніемъ въ сѣзжую избу и платить явку. Весь этотъ бытъ въ Московскомъ царствѣ, съ кабаками и цѣловальниками, съ подьячими въ кабакахъ, съ явкой питей, съ записываніемъ въ книги, сколько и когда выпито пива,—все это было ново для народа, привыкшаго жить въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ при свободномъ пользованіи напитками, составлявшими такую же насущную потребность жизни, какъ и хлѣбъ. Народъ никакъ не могъ помириться съ этимъ новымъ положеніемъ дѣлъ и принималъ всѣ мѣры жить своей старой корчемной жизнью, хотя этотъ порядокъ жизни считался уже противозаконнымъ. Русская земля оказалась повинной въ корчемствѣ и была за это жестоко бита батогами на правезѣ. Правезѣ былъ всегда спутникомъ царскихъ и боярскихъ кабаковъ. Исторію XVII вѣка Прыжовъ заканчиваетъ грустными словами: «смогли народныя вѣча, пропали братчины, община была мертва, и московскій кабакъ, смѣнивъ вольныя корчмы Новгородской, Смоленской и Псковской земли, перебирался теперь въ Украину. Слободскую и Днѣпровскую». Однако въ Малороссіи кабаки не могли укорениться: корчма и шинокъ остались кореннымъ отличіемъ южной Руси отъ сѣверо-восточной, Малороссіи отъ Великороссіи. Манифестомъ 1810 года подтверждаются всѣ помѣщичьи привилегіи на свободное винокурение въ Новгородскомъ краѣ и юго- и сѣверо-западныхъ губерніяхъ, которыя и получаютъ названіе привилегированныхъ. Такимъ образомъ, Украина отстояла свои стародавніе—въ гетманщинѣ шинки и за Днѣпромъ—корчмы, а на сѣверо-востокѣ кабаки распространялись все дальше и дальше. Съ усиленіемъ откупной системы на вино и акцизъ съ вина, различіе между великороссійскими губерніями и привилегированными стало рѣзче отражаться на взиманіи налоговъ съ крѣпкихъ напитковъ. Въ мѣстахъ вольной продажи вина (Новороссія, Малороссія и царствѣ Польскомъ) цѣны на вино были сравнительно низкими и тайный провозъ вина изъ привилегированныхъ губерній въ великорусскія губерніи былъ очень выгоденъ. Корчемники наживались на дешевомъ винѣ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ винокурение принадлежало

казнѣ и гдѣ вино было дорого. Великорусскіе откупщики, въ огражденіе своихъ откупныхъ границъ отъ тайно ввозимаго вина, исключавали себѣ права имѣть кордонную стражу, обыскивать проѣзжихъ, принимая ихъ за контрабандистовъ и т. д. На границахъ всевозможныхъ откуповъ (великороссійскихъ на вино, акцизно-откупныхъ комиссіонерствъ и чарочныхъ откуповъ въ привилегированныхъ губерніяхъ) происходили кровавыя столкновенія между кордонщиками и корчемниками, между населеніемъ и откупной стражей и т. д. Въ концѣ концовъ само правительство стало сомнѣваться въ необходимости откупной системы для процвѣтанія російскихъ финансовъ и задумало замѣнить ее акцизной системой (съ 1-го января 1863 г.). Въ «Очеркѣ пятидесятилѣтія акцизной системы», изданномъ недавно министерствомъ финансовъ, сказано, что откупщики всѣми силами доказывали неизбежность разоренія казны и крушенія чуть ли не всего государственнаго строя въ случаѣ отмены откуповъ. Въ то же время откупная система продолжала спаивать народъ недоброкачественною водкою, продававшеюся очень дорого, съ полнымъ устраненіемъ конкуренціи и при попустительствѣ мѣстной администраціи. Предъ самую отменную откуповъ эта группа эксплуататоровъ казны и народа состояла изъ 146 лицъ, которыя обязаны были платить казнѣ въ годъ 127.769,488 руб. 32 коп., а сами откупщики получали свыше 600 милліоновъ.

Эта акцизная система взиманія налога на крѣпкіе напитки процвѣтала долгіе годы и была замѣнена казенной винной монополіей при управленіи министерствомъ финансовъ С. Ю. Витте и В. Н. Кокцова.

А. Фаресовъ.

В. А. Евреиновъ. Крестьянское дѣло по положенію 19 февраля 1861 г. Историческій очеркъ. 3 т. Спб. 1913.

Почтенный авторъ, опираясь на близкое личное знакомство и обмѣнъ взглядовъ съ такими дѣятелями крестьянской реформы, какъ Н. А. Милютинъ, князь Вл. Ал. Черкасскій, Ю. О. Самаринъ, Соловьевъ и Жуковскій, задался цѣлью произвести поставленную въ заголовкѣ работу во исполненіе завѣта Царя-Освободителя: «Пора знать публикѣ, какъ мы потрудились надъ этимъ (т. е. крестьянскимъ) дѣломъ. Я желаю, чтобы оно предстало потомству, какъ происходило, безъ прикрасъ».

В. А. Евреиновъ употребилъ на свой трудъ девять лѣтъ, находя, что крестьянское дѣло, правильное разрѣшеніе коего въ интересахъ упроченія благосостоянія крестьянства, постоянно озабочиваетъ правительство, между тѣмъ далеко не выяснено въ главныхъ своихъ основаніяхъ не только въ общественномъ сознаніи, но даже и въ изслѣдованіяхъ лицъ, посвящавшихъ свои труды этому дѣлу.

Разсматривая поэтому крестьянское дѣло подъ угломъ зрѣнія времени, мѣста и всей наличности обстановки государственнаго управленія, г. Евреиновъ въ своемъ обзорѣ придерживается «въ видахъ полнаго безпристрастія» подлиннаго текста разсматриваемыхъ документовъ, избѣгая критики по тому соображенію, что она въ большинствѣ случаевъ «односторонняя и субъективна».

Такимъ образомъ, весь трудъ г. Евреина превращаетъ характеръ официальныхъ историческихъ обзоровъ, хотя кое-гдѣ авторъ и вводитъ анекдотическія подробности, не лишеныя интереса.

Первый томъ восходитъ къ исторіи закрѣпощенія крестьянства, очерчиваетъ исторію крестьянскаго вопроса въ царствованія Александра I и Николая I, подробно описываетъ подготовительныя мѣры къ освобожденію крестьянъ, ознаменовавшія начало царствованія Александра II, и весьма обстоятельно излагаетъ дѣятельность редакціонныхъ комиссій.

Второй томъ сплошь посвященъ разсмотрѣнію проектовъ редакціонныхъ комиссій въ главномъ комитетѣ по крестьянскимъ дѣламъ, и подъ отдѣльными рубриками разсматривается, во что вылился весь комплексъ крестьянскихъ правотношеній по крестьянскому положенію.

Желаніе воздерживаться отъ критики, очевидно, явилось для автора побужденіемъ въ значительной степени сжать дальнѣйшее изложеніе исторіи крестьянскаго дѣла.

По объему третій томъ вдвое менѣе предшествующихъ, и въ трехъ главахъ, изъ коихъ каждая занимаетъ около ста страницъ, очерчиваются проведеніе въ жизни положенія 19-го февраля, мѣропріятія по крестьянскому дѣлу въ царствованія Александра III и Николая II.

Весьма цѣнный хронологическій указатель узаконеній, относящихся къ устройству сельскаго состоянія, точно также не обнимаетъ даже полностью царствованія Александра II и останавливается на 1881 годѣ.

Насколько г. Евреиновъ урѣзываетъ конецъ своей работы, можно заключить уже изъ того, что онъ не касается вовсе ни трудовъ высочайше учрежденнаго особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, ни трудовъ комиссіи объ изслѣдованіи сельскохозяйственнаго положенія центральной Россіи.

Во всякомъ случаѣ трудъ г. Евреина составляетъ цѣнный вкладъ въ литературу по крестьянскому вопросу и обращаетъ на себя особенное вниманіе по внѣшней роскоши изданія, въ типографскомъ отношеніи безукоризненнаго и дѣлающаго честь даже такому хорошо обставленному печатному заведенію, какъ государственная типографія.

В. III.

В. И. Симаковъ. Сборникъ деревенскихъ частушекъ Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской губерній. Съ приложеніемъ нотъ и подробнаго библиографическаго указателя литературы. Ярославль. 1913. Стр. 670.

Ц. 2 руб.

О частушкѣ существуетъ громадная литература, правда, фельетонная, но уже въ достаточной степени выяснившая этотъ родъ народнаго творчества, какъ проявленіе современнаго уклада и психологіи деревни. Но самые тексты частушекъ до сихъ поръ были разсѣяны по разнымъ какъ спеціальнымъ («Этнографическое обозрѣніе», «Живая Старина»), такъ и общимъ изданіямъ, и, та-

кимъ образомъ, затруднительно было составить полную картину современнаго литературнаго творчества деревни. Этотъ недостатокъ восполнилъ своимъ многоцѣннымъ изданіемъ В. И. Симаковъ.

Въ сборникъ вошло 3.341 частушка, что составляетъ свыше 13.364 стиховъ, такъ какъ обычно частушка четырехстишна. Но частушка такова по природѣ своего происхожденія, что, кромѣ этихъ трехъ тысячъ, можно еще записать нѣсколько тысячъ новыхъ и, пожалуй, не встрѣтить въ народѣ ни одной частушки, вошедшей въ данный сборникъ. Частушка—не стариная пѣсня, которая жила годами, переходя изъ края въ край, отъ поколѣнія къ поколѣнію. Она родится быстро и умираетъ такъ же быстро; это безконечная и не-удержимая творческая продукція, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, это очень далеко отъ паденія въ народѣ творчества. Но творчество творчеству рознь. Для частушки не нужно никакого творчества. Прочитайте всѣ эти три тысячи частушекъ, и вы не найдете ни одного поэтическаго художественнаго образа, эпитета, оборота; все такъ плоско, шаблонно, буднично. Единственное украшеніе частушки—риѐма, перешедшая въ народъ, надо полагать, черезъ лубочный искусственный пѣсенникъ и лубочную картинку, но и то часто—это очень убогая риѐма позолоченая—чернобровая, матушка—батюшка, нельзя—меня и проч. Можетъ быть, подъ нѣкоторыми любовными частушками скрывается искреннее и чистое чувство, но его такъ же трудно выразить въ частушкѣ, какъ на «тальяночкѣ», хотя бы и «двадцатирядовой», сыграть сонату Бетховена. Безвкусная форма частушки можетъ оплошить какое угодно чувство, но для сатиры, насмѣшки она очень выгодна.

Переходя далѣе къ содержанію частушекъ, надо признать въ нихъ цѣнный матеріалъ для характеристики современной деревни:

— Мы ребята—ежики,
Въ голенищахъ ножики,
По двѣ гири на вѣсу,
Револьверъ на поясу.
— Я отчаянный родился,
Все селенье на меня;
Все селенье Бога молить,
Чтобы сослали меня.
— Мы по улицѣ пройдемъ:
Рамы хлещемъ, стекла бьемъ;
Рамы хлещемъ, стекла бьемъ,
На ворота деготь льемъ.

Таковы современные Васьки Буслаевы.

Частушка отражаетъ не только деревенскую, но и общественную жизнь, поскольку она даетъ отголоски въ селѣ. Есть поэтому нѣсколько частушекъ о Государственной Думѣ:

— Погодикоте, ребята,
Попаду какъ въ депутаты,
Депутату-то почеть—
Со министромъ рѣчь ведеть.

— Дума въ Питерѣ сидитъ,
Важно засѣдаетъ:
Про мужицкія нужды
Ничего не знаетъ.
— Что за дивная причина
Депутата выбирать:
Намъ Аникина не выбрать,
А на черныхъ наплевать.

Въ одной частушкѣ даже Гучковъ фигурируетъ.

В. Даниловъ.

Историческая библиотечка. «Памятники русской литературы». А. Н. Аванасьевъ. Народныя русскія легенды. Подъ редакц. И. П. Кочергина, съ приложеніемъ портрета и воспоминаній А. Н. Аванасьева и двухъ статей А. Н. Пыпина. Издательство «Молодая Силь». Казань. Стр. 1914. СХХVIII+230. Ц. 2 р.

Знаменитый сборникъ легендъ, составленный А. Н. Аванасьевымъ, появился впервые въ 1859 году и давно уже сталъ большою библиографическою рѣдкостью, потому что повтореніе его долго не разрѣшалось по цензурнымъ соображеніямъ. Между тѣмъ новое изданіе сборника является насущною необходимостью, такъ какъ хотя книга заключаетъ всего 33 легенды, причемъ нѣкоторыя даже представляютъ только варианты одного и того же сказанія, но всѣ онѣ прекрасно разобраны и разъяснены въ обстоятельныхъ примѣчаніяхъ. Въ текущемъ году почти одновременно появились двѣ перепечатки сборника Аванасьева: одна, подъ редакціей приватъ-доцента С. К. Шамбинаго, въ московскомъ книгоиздательствѣ «Современныя Проблемы», другая—та, заглавіе которой выписано выше. Обѣ эти перепечатки оставляютъ желать лучшаго, особенно первая, которая выполнена съ возмутительною небрежностью. Именно тамъ безо всякой причины и оговорки опущены примѣчанія къ послѣднимъ 12 легендамъ, занимающія въ первомъ изданіи стр. 171—203. Конечно, сравнительно съ этимъ упущеніемъ ничтожными покажутся такія, какъ искаженіе фамиліи собирателя (Афанасьевъ, вмѣсто Аванасьевъ) и крайне плохая корректура. Однимъ словомъ, московское изданіе представляетъ не что иное, какъ макулатуру. Г. Кочергинъ отнесся къ своей задачѣ съ гораздо большимъ вниманіемъ. Прежде всего онъ присоединилъ къ сборнику легендъ весьма интересныя и содержательныя воспоминанія Аванасьева объ его дѣтствѣ и особенно о студенческихъ годахъ въ московскомъ университетѣ (эти воспоминанія печатались первоначально въ «Русскомъ Архивѣ» за 1871—72 гг. и въ «Русской Старинѣ» за 1886 г.), очеркъ литературной дѣятельности Аванасьева, портретъ его, библиографію трудовъ, сужденіе о нихъ А. Н. Пыпина въ «Исторіи русской этнографіи» и обширную и цѣнную статью того же ученаго о сборникѣ легендъ, помѣщенную въ «Современникѣ» (1860, кн. 5). Но г. Кочергинъ напрасно нарушилъ порядокъ перваго изданія, гдѣ примѣчанія были помѣщены отдѣльно въ концѣ книги. Это отступленіе, впрочемъ, не такъ еще важно, какъ весьма небрежная корректура. Затѣмъ Аванасьевъ на многихъ малоизвѣстныхъ народныхъ словахъ ставилъ ударенія, чтобы от-

мѣтить ихъ правильное произношеніе. Эта особенность не выдержана ни въ томъ, ни въ другомъ изъ новыхъ изданій. Вообще, какъ это ни грустно, но, сравнивая обѣ перепечатки легендъ съ ихъ первымъ изданіемъ, приходится признать, что въ 1859 году книги печатались у насъ съ несравненно большей тщательностью, чѣмъ въ 1914 году.

А. М—нъ.

Н. Квашнинъ-Самаринъ. Княжая пѣснь. Историческая поэма въ 428 пѣсняхъ. Часть I. Спб. 1914. Стр. 407. Цѣна за четыре книги въ обложкѣ 12 руб., въ переплетѣ—15 руб.

Авторъ настоящей книги, извѣстный своими разысканіями въ области русскихъ былинъ и тверской старины, а также стихотворнымъ переводомъ «Энеиды» Виргилія, дѣлаетъ оригинальную попытку «возстановить, насколько это возможно, старинный эпосъ». Г. Квашнинъ-Самаринъ пользуется для этого строфами по четыре трохайческихъ стиха въ каждой. Не думаемъ, чтобы этотъ размѣръ могъ вполнѣ соответствовать важности сюжета, тѣмъ болѣе, что каждый стихъ включаетъ всего четыре стопы. Въ изданныхъ пока тринадцати пѣсняхъ, обнимающихъ свыше двухъ тысячъ стиховъ каждая, рассказъ начинается съ исторіи славянъ и норманновъ и завершается изложеніемъ событій при князьяхъ Изяславѣ и Андрѣѣ Боголюбскомъ (1154 г.). Къ каждой пѣсни присоединены ученые примѣчанія. Несомнѣнно, авторъ много поработалъ для своей поэмы и совершенно справедливо предполагаетъ, что при внимательномъ изученіи въ его книгѣ найдутъ для себя новое даже и специалисты-историки. Но теперь «умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ», и потому можно сильно сомнѣваться, чтобы въ наше лихорадочно-горопливое время г. Квашнинъ-Самаринъ могъ найти много читателей для своей «Княжой пѣсни». Въ любознательномъ предисловіи авторъ выясняетъ свое credo, рекомендуя себя православнымъ, славянофиломъ и консерваторомъ. Издана книга роскошно.

Л. Л.

Дмитріевъ, Н. Національная школа. Спб. 1913. Стр. 185+VI. Цѣна 1 рубль.

Г. Дмитріеву пришла счастливая мысль напомнить русскимъ учителямъ ихъ долгъ по отношенію къ отечеству. Но книжка его пригодна не только для учителей—нѣтъ, она, думается, должна сыграть роль и въ семейномъ воспитаніи. Долгъ каждого интеллигентнаго человѣка прочитать небольшой трудъ г. Дмитріева и подумать надъ затронутымъ въ ней вопросомъ. Посмѣяться надъ религіей, а въ лучшемъ случаѣ отнестись къ ней безразлично, посмѣяться надъ патриотизмомъ—вотъ удѣлъ нашей интеллигенціи. Свои взгляды она передаетъ и дѣтямъ. Вотъ тутъ-то книга г. Дмитріева и укажетъ читателю, къ чему ведетъ подобное глумленіе, а также и то, чѣмъ сильны другія государства, какъ они добиваются этого и къ чему мы всѣ должны стремиться. Вотъ вкратцѣ содержаніе интересной книги г. Дмитріева.

Послѣ небольшого введенія, посвященнаго вопросу о значеніи національнаго воспитанія, слѣдуетъ глава: «Законъ Божій». Указавъ на то, что «въ послѣд-

нее время русская жизнь быстро клонится къ религіозному упадку», хотя въ массѣ народъ все еще вѣрнѣе пока православію, авторъ убѣдительно доказываетъ, что богоискательство, религіозность есть отличительная черта русскаго народа, что «православіе послужило къ развитію и совершенствованію лучшихъ свойствъ его». Далѣе идутъ указанія, какъ можно оживить преподаваніе Закона Божьяго въ школахъ, причемъ, что особенно важно, авторъ даетъ очень поучительный для насъ примѣръ постановки религіознаго воспитанія въ Англіи.

Въ слѣдующей главѣ «Русскій языкъ» г. Дмитріевъ указываетъ на тѣ произведенія нашихъ писателей, которыя могутъ содѣйствовать пробужденію у юнаго поколѣнія любви къ отечеству, причемъ авторъ не ограничился только писателями, такъ сказать, перваго ранга—нѣтъ, тутъ имѣются писатели и второстепенные, и даже третъестепенные. Глава «Русскій языкъ въ начальномъ обученіи» почти вся состоитъ изъ разбора русскихъ общеупотребительныхъ хрестоматій съ точки зрѣнія національнаго воспитанія и указанія и разбора съ той же точки зрѣнія хрестоматій иностранныхъ. Къ стыду нашему, оказывается, что у насъ такихъ хрестоматій почти нѣтъ. Слѣдующая глава: «Отечественная исторія», какъ и предыдущая, начинается съ разбора учебниковъ иностранныхъ. Авторъ и тутъ убѣдительно доказываетъ, что національные учебники по русской исторіи у насъ почти отсутствуютъ. Этотъ нашъ недостатокъ еще ощутительнѣе становится отъ сопоставленія съ иностранными учебниками, напримѣръ, съ французскими, въ которыхъ Франція обычно называется: «Notre chère France»—«notre chère patrie». Достоинно вниманія и то обстоятельство, что республика, канская французская школа восхваляетъ своихъ бывшихъ монарховъ, а у насъ, наоборотъ, по словамъ автора, наблюдается даже пренебрежительное отношеніе къ лицамъ, въ родѣ Грознаго, Калиты и пр. Вторая половина этой главы посвящена указаніямъ, на что должно обращать вниманіе при прохожденіи отечественной исторіи и что именно содѣйствуетъ выясненію національныхъ особенностей нашего народа. Слѣдующая глава «Отечественная географія» указываетъ на воспитательное значеніе географіи родной страны, говоритъ объ общемъ духѣ и направленіи иностранныхъ учебниковъ по географіи и о положеніи отечественной географіи въ нашей школѣ—средней и низшей. Затѣмъ идутъ указанія на основные недостатки нашихъ учебниковъ по географіи съ точки зрѣнія національнаго воспитанія и указанія на мѣры къ устраненію этихъ недостатковъ. Послѣдняя глава разсматриваемой книги посвящена «физическому воспитанію».

Съ внѣшней стороны книга тоже не заслуживаетъ упрековъ.

Я. Вирюковъ.

**«Quo vadis, Австрія». Романъ отчаянія. Переводъ съ нѣмецкаго. Петр. 1914.
Изданіе В. А. Березовскаго. Цѣна 1 р. 50 к.**

Только что вышедшій въ свѣтъ романъ «Quo vadis, Австрія», принадлежащій перу офицера австрійской службы, является дѣйствительно злободневною новинкой нашего книжнаго рынка. Въ общедоступной беллетристической формѣ онъ вскрываетъ язвы современной Австріи, вступившей въ кровопролитную

войну съ нашимъ отечествомъ. Говорятъ, что въ Вѣнѣ такъ не понравились обличительныя тенденціи этого романа что онъ былъ преданъ сожженію.

При чтеніи романа «*Quo vadis, Австрія*», названнаго его авторомъ—романомъ отчаянія, становятся понятными теперешнія пораженія Габсбургской монархіи. Недостатки ея государственнаго строя вскрываются здѣсь съ полною безпощадностью, хотя и не всегда объективно, но авторъ дѣлаетъ это по собственному своему свидѣтельству, исключительно «желая, чтобы громъ орудій измѣнилъ судьбу Австріи, и въ надеждѣ на лучшіе дни» (стр. 3).

Сюжетъ романа мало интересенъ, бытовая сторона его также не ярка, и все его значеніе заключается въ обличительныхъ рѣчахъ главнаго героя повѣствованія—лейтенанта Ухаціуса, извѣрившагося не только въ плодотворности австрійской военной службы, но и въ самомъ будущемъ своей родины. При этомъ въ романѣ чрезвычайно характерна своеобразная смѣсь сентиментализма съ жестокостью къ поработаннымъ Габсбургами славянскимъ народностямъ, которая изобличаетъ въ авторѣ съ полною несомнѣнностью природнаго австрійца.

Въ чемъ же видитъ онъ недостатки Австріи, что именно способно привести ее къ гибели? На этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: отсутствіе энергіи у представителей правящихъ классовъ, въ связи съ чрезмѣрнымъ развитіемъ чисто-бюрократической рутинны... Въ высшемъ австрійскомъ обществѣ, равно какъ и въ администраціи, замѣчается глубокое нравственное разложеніе. Ни руководить страной, ни вести внѣшнюю политику эти легкомысленные и проникнутые типичнымъ австрійскимъ оптимизмомъ «дѣятели» не въ состояніи. Все, на что они способны, это подавлять на каждомъ шагѣ самостоятельность какъ всего общества, такъ и отдѣльныхъ подчиненныхъ лицъ. Престижъ Австріи въ Европѣ давно уже утраченъ оттого, что «политикою этого государства руководятъ люди вырождающіеся и безвольные, пріобрѣвшіе право быть дипломатами только благодаря родовитости» (стр. 24).

Эти близорукіе люди, по мнѣнію автора, не въ силахъ понять, что «Россія поддерживаетъ балканскія государства не только потому, что они славянскія, а потому, что они православны и что имъ можно привить ненависть къ католической Австріи, въ составъ народностей которой входитъ двѣ трети славянъ. При помощи этихъ государствъ, низведенныхъ на степень вассаловъ, Россія рассчитываетъ вести борьбу съ Австріей. Такъ же, какъ и въ 1866 году, когда война рѣшила, кому должна принадлежать гегемонія—Австріи или Пруссіи,—эта борьба выяснитъ, кто долженъ итти во главѣ славянъ—православная Россія или католическая Австрія».

По убѣжденію автора «романа отчаянія», славянамъ въ Австріи живется слишкомъ хорошо. Австрійское «правительство боится славянъ, этихъ баловней монархіи, выросшихъ и окрѣвшихъ на счетъ нѣмцевъ» (стр. 263). Главная ошибка Австріи въ славянскомъ вопросѣ заключается такимъ образомъ опять-таки въ отсутствіи энергіи. Именно въ тѣ минуты, когда нужно было рѣшительно дѣйствовать,—«лишенное энергіи полчище дипломатовъ и армія адвокатовъ кормили гордаго австрійскаго двуглаваго орла—молокомъ вмѣсто кроваваго мяса и этимъ отняли у него энергію и превратили пернатата царя лѣсовъ въ скремную голубку» (стр. 106).

«Когда на югѣ сомкнется желѣзное славянское кольцо,—пророчествуетъ авторъ устами своего героя,—когда Румынія отвернется отъ насъ, Россія настолько окрѣпнетъ, чтобы начать войну съ нами (sic), и когда Италия вспомнить о своихъ братьяхъ въ южномъ Тиролѣ и на побережьяхъ Адриатики,—тогда, вѣроятно, мы станемъ способными проявить энергію» (стр. 234)

Но какую энергію? напрашивается невольный вопросъ. Если энергію жестокости и угнетенія, то ею Австрія давно уже прославилась на весь міръ; энергія же государственнаго строительства не дана «Лоскутной монархіи»—«этому Ахиллу, у котораго повсюду пятка», какъ остроумно назвалъ Австрію поэтъ **Ф. И. Тютчевъ**.

Сергѣй фонъ-Штейнъ.

**Н. А. Лаппо-Данилевская. Княжна Мара. Романъ. Спб. 1914. Стр. 295.
Ц. 1 р. 25 н.**

Недавнее освободительное движеніе, глубоко взволновавшее Россію и прокатившееся отъ края и до края по всему необъятному пространству ея, нашло большое отраженіе въ нашей художественной литературѣ. Писатели всевозможныхъ направленій и лагерей откликнулись на событія минувшихъ «дней свободы» и дали весьма разностороннее освѣщеніе знаменитому 1905 году. Одни (Фонвизинъ, напримѣръ) отнеслись съ большимъ отрицаніемъ къ нашей революціи и ея дѣятелямъ, другіе, наоборотъ, словословили и чуть не возводили въ святыхъ ея сторонниковъ, рисуя самыми мрачными, отвратительными красками дѣйствія войскъ, особенно же казаковъ (Арцыбашевъ). Но наиболѣе интересными въ этой области явились произведенія г. Ропшина, подъ которымъ псевдонимомъ скрывается одинъ изъ выдающихся активныхъ дѣятелей движенія. Послѣдній романъ его «То, чего не бывало», произведшій большое впечатлѣніе на читателей и критику и вызвавшій оживленные толки, еще болѣе подогрѣлъ интересъ къ художественному изображенію смутныхъ дней нашей недавней революціи. Поэтому выходъ новаго романа г-жи Лаппо-Данилевской на ту же тему является какъ нельзя болѣе своевременнымъ. Не обладая, конечно, непосредственнымъ и детальнымъ знакомствомъ съ революционнымъ подпольемъ, г-жа Лаппо-Данилевская не можетъ такъ выпукло и ярко обрисовать душевныя переживанія представителей революціи, передать въ такой точности складъ ихъ мысленія, ихъ запросы и сомнѣнія, какъ это дѣлаетъ г. Ропшинъ, но она, какъ бы въ дополненіе къ картинѣ, нарисованной имъ, даетъ очень любопытное изображеніе того, какъ пережило 1905 годъ наше общество въ лицѣ, напримѣръ, стараго дворянина-помѣщика, виднаго образованнаго чиновника, земца-кадета, художника, бывшаго профессора и т. д., т. е. именно настоящихъ представителей русскаго общества и русскихъ обывателей. Дѣйствіе развертывается съ большою естественностью, и съ каждой новой страницей романа интересъ читателя все болѣе и болѣе увеличивается. Характеры дѣйствующихъ лицъ очерчены ярко, выпукло, кромѣ скульптора Борисова, который вышелъ нѣсколько блѣднымъ и порой не совсѣмъ естественнымъ; затѣмъ въ описаніяхъ чувствуется нѣкоторая тяжесть, пристрастіе къ ненужнымъ деталямъ и мелочамъ, но зато діалоги и вообще разговоры не-

обыкновенно жизненны, легки, интересны. Въ общемъ романъ г-жи Лаппо-Данилевской и по содержанію, и по выполненію представляетъ собою далеко не заурядное явленіе среди многочисленныхъ новинокъ нашей литературы и долженъ имѣть значительный успѣхъ среди читающей публики, предпочитающей вдумчивое художественное произведеніе различнымъ моднымъ литературнымъ кривляніямъ.

Д. М—во.

«Столица и Усадьба». Журналъ красивой «жизни» ¹⁾. Спб. 1914. №№ 1—15.

Съ декабря прошлаго года началъ выходить двухнедѣльный журналъ «Столица и Усадьба». Въ пространныхъ объявленіяхъ объ этомъ журналѣ указывалось, что онъ будетъ «новаго типа», будетъ издаваться «роскошно» и будетъ по возможности подчеркивать положительныя стороны современной и прошлой жизни—«столицы» и «усадьбы»...

Объявленіе могло быть встрѣчено съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ, и мы должны сознаться, что съ долею такого недоувѣрія отнеслись и мы къ этому начинанію.

На дняхъ вышелъ уже № 18 журнала. Внѣшность журнала не оставляетъ желать лучшаго, — очень хороши какъ черныя, такъ и цвѣтныя репродукціи, и впервые въ Россіи журналъ печатается на мѣловой бумагѣ,—такую роскошь до сихъ поръ позволяли себѣ только заграничныя изданія.

Но самое главное, что содержаніе журнала становится лучше, если можно такъ сказать, стильнѣе—съ каждымъ номеромъ опредѣляется лицо журнала, это дѣйствительно «столица» и «усадьба».

Особенно можно привѣтствовать часть журнала—«усадьба». Въ вышедшихъ номерахъ данъ цѣлый рядъ этихъ усадебъ, и передъ читателемъ раскрывается отчасти забытая, отчасти совсѣмъ неизвѣстная новая картина усадебной жизни Россіи, съ ея хорошими и, можетъ быть, красивыми традиціями, особымъ укладомъ жизни... Описано уже больше двадцати усадебъ, причемъ на ряду съ роскошными усадьбами-дворцами, въ родѣ Гомеля княгини Варшавской графини Паскевичъ, и имѣніями Коккозь и Коренизь князей Юсуповыхъ или Ягогинъ князя Решнина, мѣсто отводится и усадьбамъ болѣе скромнымъ, но не менѣе интереснымъ: разнымъ Акшутамъ, Скрылевкамъ, Ивановкамъ.

Въ № 11 описывается имѣніе покойнаго Бориса Николаевича Чичерина—Караулъ, въ Тамбовской губерніи. Тамъ, по сосѣдству, имѣніе поэта Боратынскаго; когда-то это былъ одинъ изъ культурныхъ уголковъ Россіи, гдѣ, несмотря на страшную въ то время отдаленность отъ культурнаго міра вслѣдствіе бездорожья, люди жили духовной жизнью, интересовались наукой, искусствомъ... Въ этой усадьбѣ Караулъ почти все осталось въ томъ видѣ, какъ это было въ началѣ и срединѣ прошлаго столѣтія. Тамъ собраны цѣнныя коллекціи картинъ, фарфора, большая библіотека.

¹⁾ Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ. Подписная цѣна: въ СПб. — 11 р. 50 к., въ Россіи—12 р. 50 к.; за границей—40 фр.

Читая эти описанія русских усадебъ, приходится радоваться тому, какъ много въ Россіи культурныхъ уголковъ, а съ другой стороны—печалиться о томъ, что мы такъ мало еще знаемъ нашу Россію. Тогда какъ гдѣ-нибудь въ Англіи, въ Германіи, во Франціи описать каждый уголокъ родной земли, занумерованъ каждый портретъ, каждая миниатюра, каждая фарфоровая старинная тарелка въ какомъ-нибудь частномъ замкѣ или просто сельскомъ домѣ, мы ровно ничего не знаемъ сами, не говоря о томъ, что объ этихъ нашихъ культурныхъ углахъ совсѣмъ не знаютъ за границей.

По поводу чичеринской усадьбы и современныхъ постановокъ на сценѣ пьесъ ихъ помѣщичьяго быта Юрій Бѣляевъ пишетъ:

«Столица и Усадьба» дала намъ нѣсколько прекрасныхъ помѣщичьихъ *interieur*-овъ, а вотъ теперь передо мной еще одна новая фотографія, исполненная большого бытового и историческаго значенія.

«Это группа бывшихъ чичеринскихъ крѣпостныхъ. Что ни лицо—то типъ, что ни движеніе—то цѣлый рассказъ.

«Посмотрите на этихъ нянюшекъ, мамушекъ, поваровъ и садовниковъ, ну, развѣ это не живые персонажи Тургенева, Писемскаго и Гончарова?.. Совсѣмъ недавно мы видѣли въ московскомъ Художественномъ театрѣ красивую и стильную декорацию Добужинскаго къ тургеневскому «Мѣсяцу въ деревнѣ».

«Но это были именно декорации, мотивы и даже импровизации, а не истинная русская усадьба, не истинная матушка Русь.

«Прилагаемая здѣсь фотографія чичеринскаго дома лучшая иллюстрація той правды быта, о которой я говорю. Вѣдь въ этой прохладной и уютной гостиной, у рояля или трельяжа, такъ и видишь Наталью Петровну, Ракитина, Вѣрочку... Художнику нечего тутъ импровизировать, а надо просто брать готовый матеріалъ и переносить его на сцену»...

Мы, съ своей стороны, можемъ только привѣтствовать журналъ въ той программѣ, какая теперь опредѣляется по вышедшимъ номерамъ.

—іѣ.

Фантомъ. (Г. Т. Сѣверцевъ). По старинному «Заморскому» пути. Путевыя замѣтки по Сѣверу, встрѣчи, итоги и впечатлѣнія. Спб. 1914. Ц. 1 руб.

Съ каждымъ годомъ нашъ Сѣверъ привлекаетъ къ себѣ все больше и больше вниманія. Прошли тѣ времена, когда онъ представлялъ собою настоящую *terra incognita* не только для иностранцевъ, но и для самихъ русскихъ. По его многоводнымъ рѣкамъ забѣгали пароходы американскаго типа, не хуже тѣхъ, которые плаваютъ по Волгѣ и Камѣ; живописныя мѣста зарисовываются художниками, посѣщающими край не только лѣтомъ, но и зимой, какъ, напримѣръ, А. Борисовъ; лѣсныя, рудныя, водяныя богатства края привлекаютъ вниманіе предпринимателей, онъ весь понемногу оживляется. Разбираемая книга вышла своевременно. Въ бойкихъ, не лишенныхъ наблюдательности очеркахъ авторъ характерно рисуетъ мелочи быта, устои жизни, крѣпкаго склада бѣломоровъ и жителей по рѣкамъ сѣвернаго бассейна. Тутъ и Мурманъ, далекій, отчужденный, съ его богатѣйшими рыбными промыслами,

съ его сторожевыми русскими форпостами, Трифоно-Печенгскимъ монастыремъ и Пазь-рѣцкой церковью, съ самородкомъ-пionеромъ архимандритомъ Ионафаномъ, сумѣвшимъ въ этомъ далекомъ углу возстановить православную обитель, снабдить ее всѣми приспособленіями современной культуры, электричествомъ, моторами, на дикой тундрѣ разостлать цвѣтущій коверъ шелковистой травы и тамъ, гдѣ два мѣсяца не появляется солнце, вырастить злаки и овощи. Не забыты авторомъ и малокультурные зыряне, до сихъ поръ сѣющие лень, выжигая лѣса для посѣва, ихъ повѣрья, сказанія... Строгановское гнѣздо въ Сольвычегодскѣ съ его древними соборами, Устюгъ-Великій съ замирающей жизнью, живописные уголки на рѣкѣ Си, по побережью Бѣлаго моря, все упомянуто, все это красиво зачерчено характернымъ мѣстнымъ языкомъ, не забыты и бытовые черточки путешествующаго на Сѣверъ люда, особенности ихъ разговора, мыслей и стремленій. Книга издана чрезвычайно изящно, въ формѣ французскихъ изданій подобнаго рода и цѣна поставлена недорогою.

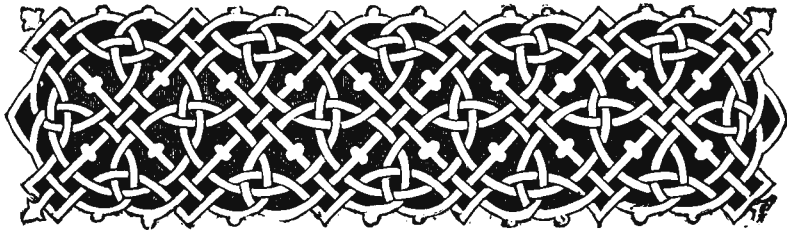
Ж.

Памятная книжка сенатскаго архива. Спб. 1913. Стр. IX+257.

Въ сущности эта памятная книжка является прекраснымъ справочникомъ для предварительнаго ознакомленія съ общимъ составомъ и характеромъ матеріаловъ, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ. Всякій архивъ, приступающій къ опубликованію своихъ документовъ, долженъ бы начинать именно съ изданія такого справочника, безъ котораго изслѣдователь, впервые вступающій въ незнакомый ему архивъ, чувствуетъ себя вначалѣ весьма затруднительно среди огромнаго количества всевозможныхъ историческихъ актовъ, дѣлъ и бумагъ (въ сенатскомъ архивѣ, напримѣръ, около четырехъ милл.), и неизбежно вынужденъ терять не мало времени на то, чтобы ориентироваться среди этого обилія матеріала. Поэтому значеніе и цѣнность «памятной» книжки возрастаютъ тѣмъ болѣе, чѣмъ богаче документами самый архивъ. Сенатскій архивъ, «заключая въ себѣ высочайшіе указы и повелѣнія (за XVIII и XIX вв.), а также дѣлопроизводства такихъ первостепенныхъ государственныхъ учреждений, какъ правительствующій сенатъ и министерство юстиціи (за все XIX столѣтіе), представляетъ собою одно изъ важнѣйшихъ актохранилищъ Россійской имперіи» какъ по количеству, такъ и по разнообразію и цѣнности хранящагося матеріала въ научномъ и практическомъ отношеніяхъ.

Слѣдуетъ добавить, что разбираемая книга не просто справочникъ; въ извѣстной части она является историческимъ изслѣдованіемъ—весь первый отдѣлъ (1—143 стр.) представляетъ собою историческій очеркъ сенатскаго архива, его устройства, компетенціи, дѣятельности и проч. Не впадая въ излишнія подробности, но и не схематизируя свою задачу, составитель очерка М. В. Ключковъ сумѣлъ дать также и превосходный обзоръ архивныхъ матеріаловъ, успѣшно преодолевъ тотъ тяжелый трудъ, который сопряженъ съ этой работой.

К.

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

Историческіе журналы предъ лицомъ міровой катастрофы.—Францъ-Іосифъ за смертными приговорами.—Завѣтъ Бисмарка Вильгельму II.—Фальсифицированная исторія русско-прусскихъ отношеній.—Русскій дипломатъ у желѣзнаго канцлера.—Лорисъ-Меликовъ въ воспоминаніяхъ русскаго литератора.—За какую «конституцію» хлопоталъ Лорисъ-Меликовъ.—Карьера К. П. Побѣдоносцева.—Русскій въ Римѣ на выборахъ папы Льва XII.

В АТАСТРОФА битвы народовъ сотрясла жизнь, выбила всѣ остальные интересы, подчинила себѣ литературу, искусство, науку. Рѣдкое періодическое изданіе не испытало извѣстныхъ колебаній. Историческая наука замерла. На сцену выступили воспоминанія пережитаго, предсказывающія или освѣщающія сегодняшній день. Журналы и газеты полны историческихъ параллелей, пророчествъ, характеристикъ бывшихъ дѣятелей, прямо или косвенно ведшихъ Россію и Германію къ столкновению.

Нѣкоторые историческіе журналы отмѣчаютъ особенную трудность положенія сейчасъ журнала, посвятившаго себя исторіи, не имѣющаго возможности откликаться на текущія событія и рискующаго стать неинтереснымъ въ такіе дни, когда у всѣхъ одна мысль.

Считаясь съ этимъ, «Голосъ Минувшаго» обѣщаетъ приложить старанія къ тому, «чтобы давать историческія статьи и матеріалы, которые по мѣрѣ возможности содѣйствовали бы выясненію хотя нѣкоторыхъ сторонъ надвинувшихся событій. Есть та высшая правда,—говоритъ редація,—къ которой стремится человѣчество, и нужно надѣяться, что она осуществится». «Русскій Архивъ», передавая современные подвиги русскаго солдата и русской власти «историкамъ времени грядущихъ», считаетъ пока своимъ скромнымъ долгомъ лишь «подчеркнуть величавую важность переживаемаго и потчиться отыскать

въ прошломъ то, доселѣ неизвѣстное или мало извѣстное, что поможетъ уяснить совершающееся и броситъ свѣтъ въ будущее. Неизмѣнно вѣрная историческому призванію своему Россія,—говоритъ редація,—мужественно встрѣтивъ дерзкій вызовъ иноплеменика, стоитъ нынѣ передъ осуществленіемъ тѣхъ великихъ задачъ, которыя выражались еще при царѣ Тишайшемъ, какъ мечты завѣтныя и чаянія отдаленныя. Въ этой согласованности съ духомъ старины—залогъ успѣха». Считаясь съ звѣрствами тевтонскихъ полчищъ, редація видитъ въ этомъ право считать возгорѣвшуюся войну «не только борьбой народностей, но единоборствомъ двухъ началъ—духа ратнаго съ Духомъ Благодатнымъ».

Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что пока всѣ эти заявленія историческихъ журналовъ остаются въ области общій¹⁾. Въ вышедшихъ книжкахъ еще нѣтъ отклика на зловѣщія событія, такъ неожиданно разразившіяся надъ Россіей.

Пока единственное исключеніе—послѣдняя книжка «Русской Старины», гдѣ на дополнительныхъ листкахъ съ особой нумераціей даны нѣкоторые матеріалы, имѣющие непосредственное отношеніе къ руководителямъ нынѣшней войны.

Въ этихъ страничкахъ записной книжки «Русской Старины» со словъ пераго редактора ея М. И. Семевского, переданъ характерный разсказъ про императора Франца-Иосифа. Великій князь Константинъ Николаевичъ въ 1848 году, по окончаніи венгерской кампаніи, прибылъ въ Австрію поздравить Франца-Иосифа со вступленіемъ на престолъ отъ имени русскаго царя.

Однажды великій князь, приглашенный австрійскимъ императоромъ на соучастіе въ охотѣ, прибылъ во дворецъ, но долженъ былъ подождать нѣкоторое время, пока Иосифъ не подпишетъ лежащую передъ нимъ высокую стопку бумагъ. Подписывая ихъ, австрійскій императоръ разговаривалъ съ великимъ княземъ, а когда гость спросилъ, что это были за бумаги, молодой монархъ, нимало не смущенный, спокойно отвѣтилъ ему:

— Это смертные приговоры мятежнымъ венгерцамъ.

Не менѣе характерны приведенныя здѣсь слова князя Бисмарка, будто бы сказанныя имъ нынѣшнему германскому императору въ тотъ послѣдній моментъ, когда желѣзный канцлеръ отстранялся отъ дѣлъ:

«Если хотите полного благополучія Германіи, никогда не войте съ Россіей».

Соотвѣтствуетъ моменту и статья «Русской Старины»: «Кто освободилъ Пруссію въ 1813 году» Е. С. Шумигорскаго. Извѣстный историкъ справедливо отмѣчаетъ фактъ длительной поддѣлки исторіи прусско-русскихъ отношеній въ нашей литературѣ.

Близкія отношенія прусскаго королевскаго дома къ нашимъ тремъ монар-

¹⁾ Какъ читатели могли убѣдиться, «Историческій Вѣстникъ» первый изъ нашихъ журналовъ сталъ на путь отзывчивости къ современнымъ событіямъ военнаго времени.

хамъ создали привилегированное положеніе для этой страны. У историковъ вынужденно проводился фальсифицированный взглядъ на русско-прусскія отношенія съ прямымъ приниженіемъ той великой и благодѣтельной для Пруссіи роли, какую въ ея судьбахъ сыграла Россія. Нелицензірованной исторіи по вопросу русско-прусскихъ отношеній не было до Александра III, и муза исторіи должна была класть палецъ на свои уста, когда о нихъ заходила рѣчь. Даже при Александрѣ русское правительство, вслѣдствіе жалобъ Бисмарка, готово было жестоко наказать Каткова, когда онъ дерзнулъ въ своей газетѣ поставить на видъ двосудную политику Германіи въ отношеніи Россіи.

Въ своей статьѣ Шумигорскій, показывая, какъ много было сдѣлано безкорыстной Россіей для Пруссіи, и какъ неблагодарно, а моментами нагло Германія эксплуатировала благородство русскихъ царей.

Въ конечномъ итогѣ историкъ отношеній Россіи и Пруссіи вынужденъ признать обидную истину, что война за освобожденіе Германіи, предпринятая Александромъ, «уничтожила въ корнѣ результаты, къ которымъ должна была повести кампанія 1812 года,—привела къ усиленію Австріи и Пруссіи, которыя и въ то время уже смотрѣли на Россію, какъ на естественнаго врага своего, и положила начало тѣмъ политическимъ затрудненіямъ, которыя нынѣ, спустя слишкомъ сто лѣтъ послѣ подписанія калишскаго договора, приведуть—теперь надо сказать: привели—къ столкновенію между міромъ германскимъ и славянскимъ».

Имѣеть отношеніе къ нынѣшнему дню и записка графа Н. П. Игнатьева объ его поѣздкѣ по европейскимъ столицамъ передъ турецкой войной. Характерна здѣсь роль Бисмарка, типичнаго нѣмецкаго патріота, предъ лицомъ кроваваго пожара, начинающагося на Балканахъ, видѣвшаго въ Россіи только чужую руку, при помощи которой удобно доставать каштаны изъ огня для дорогаго фатерланда. Изошрившійся въ искусствѣ международной лжи канцлеръ сумѣлъ найти и краснорѣчивыя слова, и благовидные резоны, совѣтуя Россіи непременно начинать войну, но и у русскаго дипломата достало яснаго ума, чтобы увидѣть, какъ хищно-эгоистически окрашены благожелательные совѣты министра «дружественной страны».

«Когда разговоръ зашелъ о возможныхъ случайностяхъ въ будущемъ, я поинялъ,—пишетъ Игнатьевъ,—что канцлеръ хочетъ, чтобы мы объявили войну Турціи, полагая, что въ такомъ случаѣ можно будетъ избѣгнуть общеевропейскаго конфликта, и что эта война, какъ отвлекающее средство, будетъ полезна Германіи. По его словамъ, война дастъ возможность осуществить законныя желанія Россіи и успокоить возбужденное національное чувство,—тогда храбрыя русскіе войны не будутъ болѣе завидовать лаврамъ Пруссіи и успокоятся относительно нѣмцевъ. Война удовлетворить, по его мнѣнію, и нѣкоторыя возбужденія Австро-Венгріи».

Германскій канцлеръ выразилъ горячее желаніе, «чтобы по окончаніи войны не только Австрія, но и Франція получили нѣкоторое территоріальное прибрѣтеніе. Однимъ словомъ, онъ призналъ косвенно свое желаніе использовать рус-

ско-турецкую войну и восточный вопросъ въ пользу нѣмецкой политики, съ цѣлью обезпечить спокойное обладаніе ея земельными приобрѣтеніями и отвлечь во Франціи и въ Австро-Венгріи умы отъ мысли о реваншѣ».

Улаживая такъ откровенно свои дѣла «на счетъ добраго сосѣда», Бисмаркъ съ внѣшней стороны оказывалъ русскому дипломату высшую любезность, на какую былъ способенъ. Онъ настоялъ во что бы то ни стало, чтобы графъ и графиня отобѣдали у него въ тотъ день, хотя бы въ дорожныхъ костюмахъ, и, прощаясь, подчеркнул, что Россія имѣетъ въ немъ «самаго искренняго друга».

Остальные матеріалы въ послѣднихъ книжкахъ историческихъ журналовъ не имѣютъ касанія къ переживаемому политическому моменту.

Извѣстный литературный старожилъ Л. Ф. Пантелѣевъ вспоминаетъ въ «Голосѣ Минувшаго» нѣсколько своихъ встрѣчъ съ знаменитымъ творцомъ «диктатуры сердца» графомъ Лорисъ-Меликовымъ. Старый писатель имѣлъ возможность наблюдать только закатъ этой, когда-то ярко горѣвшей звѣзды нашего политическаго небосклона. Уже прошель трагическій 1881 годъ, уже закатилась звѣзда и княгини Юрьевской, которой приписывали поддержку политики Лорисъ-Меликова. Старый министр, повидимому, еще не считалъ, что его пѣсенка навсегда спѣта, тѣмъ не менѣе это было ясно, и приводимые въ статьѣ его разговоры—по преимуществу попытка оправданія и объясненія своей не удавшейся политики.

— Я знаю,—записываетъ Пантелѣевъ съ приблизительной точностью одинъ изъ монологовъ «отставнаго великаго человѣка»,—меня обвиняютъ въ томъ, что я хотѣлъ установить въ Россіи визиріатъ. Какой вздоръ! Все дѣло сводилось къ тому, что проектировались регулярныя засѣданія совѣта министровъ, но и рѣчи не было о постоянномъ предсѣдателѣ. Должны были собираться по очереди у того или другого,—у кого происходило засѣданіе, тотъ и предсѣдательствовалъ. Далѣе предполагалось дѣла, до того времени восходившія на высочайшее утвержденіе, раздѣлить на двѣ категоріи: одни по-прежнему должны были докладываться государю, но предварительно заслушивались въ совѣтѣ министровъ и, только имъ одобренныя, представлялись для доклада государю, другія, второстепенныя, окончательно рѣшались въ совѣтѣ министровъ. Вѣдь трудно себя представить, какіе пустяки иногда требуютъ высочайшаго утвержденія, напримѣръ, назначеніе губернской акушерки! Когда въ одномъ изъ засѣданій совѣта министровъ уже послѣ 1-го марта подъ предсѣдательствомъ самого государя ему было объяснено это дѣло, онъ сказалъ: «Да это гора свалится съ моихъ плечъ!»—былъ очень доволенъ и обнялъ меня».

Вносятъ воспоминанія Пантелѣева поправку и въ ходячія представленія о томъ, что Лорисъ-Меликовъ готовилъ Россіи конституцію. Если это были планы конституціи, то совершенно особенной. Вотъ какъ разъяснялъ самъ Лорисъ этотъ проектъ:

— Обыкновенно въ декабрѣ бываетъ сессія губернскихъ земскихъ собраній. Такъ вотъ въ январѣ депутаты отъ этихъ собраній и должны были съѣзжаться

въ Петербургъ для разсмотрѣнія тѣхъ проектовъ, которые правительство считало нужнымъ передать на ихъ предварительное заключеніе. Эта коммиссія имѣла лишь совѣщательное значеніе. Ея работы должны были поступать въ Государственный Совѣтъ. Александръ II говорилъ мнѣ, что это найдутъ недостаточнымъ, а я отвѣчала: «Повѣрьте, государь, — по крайней мѣрѣ на три года этого хватитъ! Будетъ сдѣланъ опытъ, который и покажетъ, насколько есть потребность въ дальнѣйшихъ реформахъ, насколько въ Россіи есть достаточно политически развитой классъ»...

Роль государя, честно взвѣшивающаго отвѣтственность за реформу, насколько же красивѣе и благороднѣе роли якобы либеральнаго министра, готоваго бросить подачку обществу, чтобы заткнуть ему ротъ на нѣсколько десятковъ мѣсяцевъ, а тамъ, въ зависимости отъ обстоятельствъ, можетъ быть, ее отнять отъ него.

Въ двойномъ, колеблющемся свѣтѣ рисуется подъ перомъ Пантелѣева личность министра, который «чуть-чуть не далъ конституціи». Такой эта личность, очевидно, и была въ дѣйствительности. Недаромъ русское общество составило и доселѣ удержало двѣ совсѣмъ разныя оцѣнки этого героя той поры, когда реформы освободительной эпохи сходили на нѣтъ.

Въ то время какъ одни явно выдѣляли Лорисъ-Меликова въ рядъ прогрессивныхъ дѣятелей, другіе безоговорочно зачисляли его въ ряды реакціонеровъ, прикрывающихъ истинное настроеніе игрой въ либерализмъ. У Пантелѣева записанъ довольно характерный анекдотъ, ясно показывающій, какую глубокую антипатію внушало одно имя Лориса людямъ, предпочитавшимъ откровенность въ политикѣ. Однажды изъ какого-то отеля одновременно вышли Деспоть-Зеновичъ и извѣстный М. Н. Островскій, товарищи по московскому университету, поддерживавшіе знакомство. У перваго была карета, и онъ предложилъ Островскому подвезти его. Разговоръ коснулся Лорисъ-Меликова, и Деспоть-Зеновичъ съ уваженіемъ отозвался о немъ. Этого было достаточно для Островскаго, чтобы остановить карету и поспѣшить выйти изъ нея.

— Я не могу ни одной минуты оставаться вмѣстѣ съ человѣкомъ, который такъ думаетъ о Лорисъ-Меликовѣ!

Карету остановили, и Островскій вышелъ. Правда, на другой день онъ созналъ рѣзкость своей выходки и написалъ товарищу извинительныя строки.

Слишкомъ условно понимавшій идею общественнаго раскрыщенія, Лорисъ, естественно, долженъ былъ наполнить свою жизнь всяческими компромиссами и иногда предпринимать шаги, явно вредящіе этой идеѣ свободы. Повидимому, отсутствіе сильнаго характера сопутствовало этому. По крайней мѣрѣ, выходило такъ, что иногда по невозможности отстоять свое мнѣніе передъ силой Лорисъ прямо содѣйствовалъ реакціи и дѣйствовалъ вопреки даже личнымъ симпатіямъ. Странно, напримѣръ, слышать, что Побѣдоносцевъ своимъ назначеніемъ былъ въ значительной мѣрѣ обязанъ ему, а между тѣмъ это было такъ.

— На свою голову,—говорилъ Лорисъ:—я уговорилъ государя назначить Побѣдоносцева оберъ-прокуроромъ. Государь не любилъ его, считалъ ханжой и обскурантомъ.

Что же могло побудить графа предстать за своего врага? Ларчикъ открывается просто. Когда Дмитрій Толстой подалъ въ отставку, къ Лорисъ-Меликову пріѣхалъ наследникъ престола и просилъ его представить на постъ оберъ-прокурора Побѣдоносцева. Лорисъ исполнилъ желаніе, послѣвивъ при докладѣ, что починъ этого представленія принадлежитъ наследнику. Александръ II взялъ докладъ, ничего не сказавъ. Черезъ нѣкоторое время, опять по желанію наследника, Лорисъ напомнилъ государю о своемъ докладѣ и услышалъ отъ него:

— Въ доказательство того, что я не забылъ о твоёмъ докладѣ,—вотъ онъ, подписанный мною. Дѣлай съ нимъ, что хочешь, но запомни, что въ лицѣ Побѣдоносцева ты имѣешь своего злѣйшаго врага.

Пашелъевъ видѣлъ Лорисъ-Меликова и на совершенномъ ущербѣ,—большого, изнуреннаго, простившагося съ надеждой на воскресеніе. Шли уже опредѣленные годы реакціи, и бывшій министръ находилъ теперь подходящимъ жаловаться на общество, которое его не оцѣнило.

— Кто бы могъ подумать,—говорилъ онъ:—что реакція зайдетъ такъ далеко! Гдѣ же то русское общество, которое, казалось, такъ горячо привѣтствовало поворотъ, связанный съ моимъ именемъ? А теперь, если и вспоминаютъ обо мнѣ, то съ презрительной прибавкой: «какой-то армяшка Лорисъ-Меликовъ»!..

Въ связи съ пережитымъ недавно интересомъ къ красивой процедурѣ выборовъ папы, любопытны странички писемъ князя Д. И. Долгорукова въ «Русскомъ Архивѣ», относящіяся къ 1823 году и рассказывающія объ избраніи папы Льва XII. На тогдашнихъ выборахъ произошло совершенно то же, что случилось при избраніи покойнаго папы Пія X, соперникъ котораго, кардиналъ Рамполла, былъ отстраненъ отъ каѳедры св. Петра протестомъ Австріи.

«Конклавъ,—рассказываетъ Долгорукій,—избралъ на свободный престолъ кардинала Североли, бывшаго папскаго нунція въ Вѣнѣ, но Австрія не дала согласія. Кардиналъ пережилъ тяжелую минуту, когда лишился тиары въ тотъ самый моментъ, когда былъ увѣренъ, что она принадлежитъ ему. Вотъ какъ это произошло. Конклавъ былъ въ полномъ составѣ, и было вынута уже 26 записокъ въ пользу Североли, какъ австрійскій уполномоченный, кардиналъ Албани, поднялся со своего мѣста и произнесъ рѣчь, въ которой заявилъ высокому собранію, что императоръ не согласенъ съ рѣшеніемъ конклава и, по высшимъ соображеніямъ, не допустить, чтобы папская корона была возложена на голову кардинала Североли».

Съ точностью внимательнаго русскаго человѣка князь рассказываетъ о сѣздѣ кардиналовъ въ Квириналъ, объ ихъ келіяхъ, прислужникахъ (конклавистахъ), ежедневныхъ привозахъ кардиналамъ обѣда и о настроеніи римскаго общества, гдѣ онъ улавливаетъ черты, невидимыя обыкновенно издали для тѣхъ, кто слѣдитъ за событіемъ по газетамъ.

«Чѣмъ были заняты въ городѣ во время конклава? Это было нѣчто мало-вѣроятное,—пишетъ Долгорукій.—Писали сатиры, и въ памфлетахъ дѣйствительно ужасныхъ не щадили ни одного кардинала.

«Стыдно смотрѣть, какъ всѣ высмѣивали столповъ церкви и расточали позорную брань людямъ, одному изъ которыхъ должны были черезъ нѣсколько дней цѣловать ноги. Не пощадили Самого Св. Духа и, между прочимъ, была сатира, изображающая Его... Онъ забавляется тѣмъ, что бранить кардиналовъ и грозить имъ кнутомъ. Такъ-то самыя святыя вещи становятся здѣсь предметомъ поруганія, а великое событіе развиваетъ дурныя нравы.

«Такъ какъ всѣ развлечения въ это время запрещены, то вмѣстѣ съ нетерпѣніемъ узнать о результатахъ выборовъ въ обществѣ и въ народѣ воцарилась скука. По утрамъ и по вечерамъ всѣ отправляются на площадь Квиринала, которая представляетъ самое пріятное зрѣлище въ мірѣ. Папскій дворецъ окруженъ швейцарской гвардіей, одѣтой въ костюмы древнихъ временъ.

«Желаніе народа поскорѣе узнать своего новаго князя кладетъ на событіе особый духовный отпечатокъ, котораго не встрѣтишь нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Каждый вслухъ описываетъ кардиналовъ, собравшихся на конклавъ. Одинъ желаетъ такого-то, другой—этого. Родственники, друзья и даже слуги кардиналовъ принимаютъ въ этомъ живѣйшее участіе. Всѣ надѣются стать приближенными папскаго престола. Вотъ обстоятельство, достойное психолога!»

Русскій наблюдатель подробно рассказываетъ, какъ общество и народъ слѣдило за дымкомъ (сфумата) надъ капеллой, описываетъ окно, выходящее на площадь, изъ котораго кардиналъ объявляетъ народу объ избраніи новаго папы.

«Черезъ четверть часа всѣ думаютъ объ одномъ. Одно и то же имя передается изъ устъ въ уста, всѣхъ занимаетъ одно и то же. Окно совсѣмъ разбирается,—каждый ударъ какъ бы заявляетъ о новой справедливости, милосердіи и славѣ.

«Кардиналы тотчасъ же покидаютъ конклавъ. Я никогда не видѣлъ большаго скопленія народа въ храмѣ св. Петра. На всѣхъ лицахъ написана радость всеобщая, искренняя. Папа ѣхалъ въ большой, старой парадной каретѣ, какія можно еще видѣть на гравюрахъ, изображающихъ въѣздъ короля въ Лувръ или коронованіе императрицы Елизаветы. Онъ сидѣлъ въ ней на креслѣ и благословлялъ народъ. Пріѣхавъ къ храму св. Петра, онъ отправился въ Сикстинскую капеллу, гдѣ сѣлъ на главный престолъ. Тогда кардиналы бросились къ нему и лобызали его ноги, руки и плечи. Оттуда, поднимая кресло высоко надъ толпою, его понесли въ храмъ. Пѣвчіе пѣли гимны, народъ кричалъ. Черезъ толпу невозможно было пробраться».

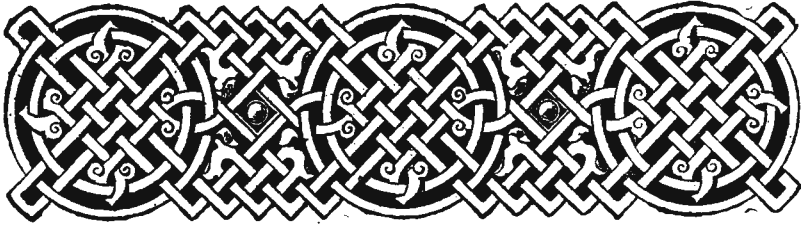
Русскій туристъ не пропустилъ и самаго коронованія папы. «Оно,—пишетъ онъ,—было великолѣпнымъ. Въ храмѣ св. Петра воздвигли три трона, на которые папа поочередно садился и принималъ поклоненіе кардиналовъ и другихъ духовныхъ лицъ. Всякій разъ, какъ онъ долженъ былъ перемѣнить мѣсто, двѣнадцать человекъ переносили его въ креслѣ подъ балдахиномъ.

Онъ самъ служилъ обѣдню, сидя на главномъ тронѣ. Зрѣлище получалось дѣйствительно величественное. Евангеліе читали по-гречески и по-латыни. Въ-стѣ съ римскимъ духовенствомъ здѣсь были епископы, представители всѣхъ католическихъ странъ.

«Послѣ многихъ пѣснопѣній и чтенія самимъ папой про себя и вслухъ, въ моментъ посвященія, папа сошелъ съ трона и направился къ алтарю. Пѣніе прекратилось, какъ только онъ поднялъ чашу. Духовенство и несмѣтная толпа зрителей всѣ упали на колѣни. Тогда трубы возвѣстили о совершившемся посвященіи. Невозможно имѣть настоящее представленіе о величій подобнаго обряда, не зная красоту храма, въ которомъ онъ совершается».

А. Измайловъ.

Въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ поступили съ 15 іюля
по 15 сентября для отзыва слѣдующія книги.

Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей росскійскихъ при московскомъ университетѣ. Книга третья (250). Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. Москва. 1914. Стр. XXVI—552. Ц. 3 р.

А. М. Андриашевъ. Матеріалы по исторической географіи новгородской земли. Шелонская пятнина по писцовымъ книгамъ 1498—1576 г.г. II. Карты погостовъ. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей росскійскихъ при московскомъ университетѣ. Спб. 1913. Стр. 26. Цѣна не обозначена.

С. Городецкій. Дни любви. Разказы. Спб. 1914. Стр. 286. Ц. 1 р.

Леонидъ Афасасьевъ. Стихотворенія. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. 1914. Стр. 155. Ц. 1 р. 25 к.

Спутникъ по Новгороду и Старой Русѣ. Изданіе Б. А. Суворина. Спб. 1914. Стр. 118. Ц. 1 р.

Составленный г. Соболевымъ «Спутникъ по Новгороду и Старой Русѣ» въ краткомъ видѣ помогаетъ путешественнику составить отчетливое представление объ обоихъ городахъ и разобратъ въ богатой новгородской старинѣ. Азъ книгѣ приложены два плана и свѣдѣнія объ условіяхъ мѣстной жизни, расписаніе поѣздовъ, пароходовъ и т. п. Спутникъ украшенъ многочисленными иллюстраціями.

А. Плансонъ. Окончательное устройство русскаго государства. Спб. 1914. Стр. 20. Цѣна не обозначена.

«Оранжевая книга». Сборникъ дипломатическихъ документовъ. Переговоры отъ 10 до 24 іюля 1914 г., предшествовавшіе войнѣ. Изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ. Спб. 1914. Стр. 59. Ц. 75 к.

Н. Каменьщиковъ. Сокращенный курсъ космографіи. Учебникъ для средн. учебн. заведеній. Спб. 1914. Стр. VI—110. Ц. 70 к.

Д. И. Нивинскій. Народная словесность. Пособіе для учащихся при изученіи русской литературы. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. 1914. Стр. 222. Ц. 1 р. 25 к.

Ежегодникъ тобольскаго губернскаго музея, состоящаго подъ августѣйшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ. Тобольскъ. 1914. Стр. 259. Ц. 1 р.

М. Красновъ. Просвѣтителі Кавказа. (Труды ставропольской ученой архивной комисіи). Ставрополь. 1914. Стр. 102. Цѣна не обозначена.

Обстоятельная работа г. Краснова даетъ въ сжатомъ, по популярной формѣ очеркъ судьбы русскаго просвѣщенія на Кавказѣ. Въ книгѣ множество яркихъ бытовыхъ сценъ, цѣлая галерея характерныхъ типовъ представителей нашего педагогическаго міра,

среди которых очень много чисто анекдотических личностей, смѣняющихся постепенно крупными и дѣльными посадителями русскаго просвѣщенія. Особенно много мѣста въ работѣ г. Краснова удѣлено Я. П. Певѣрову. Книга читается съ неослабвающимъ интересомъ.

Свящ. Н. Модестовъ. Село Табынское и Вознесенская пустынь. Табынская икона Божіей Матери и крестный ходъ изъ села Табынскаго въ г. Оренбургъ и другіе мѣста Дренбургской епархіи. (Буды оренбургской ученой архивной комиссіи. Вып. XXXI, Т. XXXI). Оренбургъ. 1914. Стр. 88 Ц. 50 к.

Н. К. Пиксановъ. Хронологія русской литературы для учащихся. Спб. 1914. Стр. 46. Ц. 30 к.

Вождидаръ. Вуен. Книгоиздательство «Кирень». Москва. 1914. Стр. 12. Ц. 50 м.

Ник. Асѣевъ. Зор. Книгоиздательство «Кирень». Москва. 1914. Стр. 16. Ц. 50 к.

И. Я. Брюль-Сербинъ. Эрнест Мука. Опыт изслѣдованія сербо-лужицкаго народа въ Саксоніи и Пруссіи. Изданіе «Русскаго Архива». Москва. 1914. Стр. 34. Ц. 25 к.

Изданная по поводу празднованія 60-лѣтія со дня рожденія Э. Ю. Муки, названная брошюра даетъ краткую біографію этого выдающагося представителя серболужицанъ и отмѣчаетъ его громадныя научныя заслуги передъ славянствомъ.

Труды псковскаго археологическаго общества. 1913—1914 г.г. Вып. 10. Псковъ. 1914. Стр. 337. Цѣна не обозначена.

В. Пятницкій. Тематическій разборъ оперы-былины «Садко» Н. А. Римскаго-Корсакова съ 73 нотными примѣрами. Подъ редакціей своб.-художн. В. Гурдова. Петр. 1914. Стр. 76. Ц. 60 к.

Устройство и оборудованіе школы по даннымъ 1912 года и другимъ позднѣйшимъ матеріаламъ подъ редакціей попечителя римскаго учебнаго округа Д. М. Левшина. Изданіе императорскаго технического общества. Петр. 1914. Стр. 297. Ц. 10 р.

В. В. Быховскій. Нѣмецкія звѣрства. Разказы потерпѣвшихъ и очевидцевъ. Изданіе С. Ф. Гришина. Москва. 1914. Стр. 108. Ц. 50 к.

И. Е. Ивановъ. Возрожденіе Сербскаго государства и интриги Австріи. Москва. 1914. Стр. Ц. 20 к.

Третій охотничій сборникъ. Собраніе новыхъ произведеній современныхъ авторовъ. Изданіе журнала «Наша охота». Петр. 1914. Стр. 290. Ц. 2 р.

«Волна». Сборникъ русской художественной лирики. 2-е изданіе Евгенія Данилова. Петр. 1914. Ст. 365. Цѣна не обозначена.

Годовой отчетъ высочайше утвержденнаго особаго комитета по устройству въ Москвѣ музея 1812 года. За шестой 1913—1914 годъ. Москва 1914. Стр. 129. Цѣна не обозначена.

Е. И. Игнатьевъ. Задачникъ по ариметикѣ для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». 1915. Стр. 183. Ц. 50 к.

Проф. М. В. Ключковъ. Земскіе соборы. Историческій очеркъ. 2-е изданіе, испр. и дополн. Изданіе книжн. маг. П. В. Луквникова. Петр. 1914. Стр. 120. Ц. 40 к.

Составленныя по многочисленнымъ и надежнымъ источникамъ и живо изложенная работа проф. М. В. Ключкова является хорошимъ популярнымъ разсказомъ по исторіи земскихъ соборовъ. Книга украшена многочисленными рисунками и снимками и снабжена указателемъ литературы по изложенному вопросу.

Б. Л. Сегаль. Исторія еврейскаго народа. Ч. II. Изданіе 3-е, испр. и дополн. Одесса. 1914. Стр. IV+187. Ц. 75 к.

Отчеты руководителей краткосрочныхъ педагогическихъ курсовъ, организованныхъ воронежскимъ уѣзднымъ земствомъ съ участіемъ землянскаго земства въ гор. Воронежѣ съ 20 іюня по 1-е августа. 1914. Воронежъ. 1914 Стр. 115. Цѣна не обозначена.

Толстовскій музей. Томъ II. Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ. 1870—1894. Изданіе общества Толстовскаго музея. Петр. 1914. Стр. 478. Ц. 2 р. 50 к.

М. Пороховщикова. Марусенько. Повѣсть. Съ рисунками. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Петр. 1914. Стр. 95. Ц. 75 к.

А. С. Резановъ. Нѣмецкія звѣрства. Книга составлена по разсказамъ потерпѣвшихъ и очевидцевъ, а также по официальнымъ документамъ. Изданіе М. А. Суворина. Петр. 1914. Стр. XXIV+220. Ц. 1 р.

Отчетъ о дѣятельности харьковской комиссіи по устройству народныхъ чтеній за 1913 годъ. Харьковъ. 1914. Стр. 111. Цѣна не обозначена.

Отчетъ якутскаго отдѣла общества изученія Сибири за 1912 и 1913 гг. Якутскъ. 1914. Стр. 26. Цѣна не обозначена.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ

исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. Книга четвертая (251-я). Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. Москва. 1914. Стр. VIII+811. Ц. 3 р.

М. В. Бречкевичъ. Высшій классъ славянскаго населенія въ западно-поморскомъ княжествѣ XII—XIII в. Харьковъ. 1914. Стр. 12. Цѣна не обозначена.

Ө. И. Покровскій. Путешествіе въ Монголію и Китай сибирскаго казака Івана Петлина въ 1618 году (Мнимое путешествие атамановъ Івана Петрова и Бурнаша Ялычева въ 1567 г.). Петр. 1914. Стр. 48. Цѣна не обозначена.

Настоящее историческое изслѣдованіе Ө. И. Покровскаго имѣетъ своею цѣлью реабилитировать память казака Петлина и доказать, что онъ дѣйствительно первый изъ русскихъ людей посѣтилъ въ 1618 году Китай и что ему именно, а не атаманамъ Ив. Петрову и Бурнашу Ялычеву, какъ утверждали до сихъ поръ историки, принадлежитъ описаніе этого любопытнаго путешествія.

Н. А. Громовъ. Цензура и шпионство по законамъ военнаго времени. Изданіе Б. А. Суворина. Библиотека «Вечерняго Времени». Петр. 1914. Стр. 206. Ц. 50 к.

Н. П. Кондаковъ. Иконографія Богоматери. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Т. I. Петр. 1914. Стр. 387. Ц. 6 р.

Шварцъ, докт. мед. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. Съ рис. Н. В. Зарѣцкаго. Изданіе общины св. Евгенія. Петр. 1915. Стр. 83. Ц. 60 к.

Настоящее руководство имѣетъ цѣлью распространеніе необходимыхъ свѣдѣній по подачѣ помощи при внезапныхъ заболѣваніяхъ, главнымъ образомъ при всякаго рода поврежденіяхъ, ранахъ, кровотеченияхъ изъ ранъ, ушибахъ, переломахъ костей, вывихахъ и проч.; указаны приемы оживленія мнимоумершихъ, искусственнаго дыханія, переноски и перевозки раненныхъ.

«Грознѣ чумы»... Иллюстриованный сборникъ рассказовъ выдающихся авторовъ съ послѣсловіемъ проф. Н. Д. Бѣляева. Петр. 1914. Стр. 188. Ц. 60 к.

В. Мольденгауеръ. Въ листовномъ тѣсу. Рассказы молодого экскурсанта. Съ рис. О. Клевера. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Петр. 1914. Стр. 177. Ц. 75 к.

М. Горькій. Матвѣй Кожемякинъ. Повесть. Часть первая. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Петр. 1914. Стр. 457. Ц. 1 р. 75 к.

Звѣрство нѣмцевъ. (Для вѣчнаго воспоминанія русскому народу). Вып. 2-й. Изданіе С. А. Богусевскаго. Самара. 1914. Стр. 61. Ц. 30 к.

К. П. Ягдовскій. Въ странѣ полярнаго солнца. Воспоминанія о мурманской экспедиціи. Съ рис. и картами. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Петр. 1914. Стр. XII+212. Ц. 2 р. 50 к.

Книга г. Ягдовскаго представляетъ собою увлекательное повѣствованіе о жизни, природѣ и бытѣ нашего Сѣвера, объ орудіяхъ и способахъ изслѣдованія жизни морскихъ глубинъ и пр. Къ книгѣ приложено много очень любопытныхъ снимковъ, рисунковъ въ краскахъ и географическія карты. При нынѣшнихъ усиленныхъ занятіяхъ въ нашей школѣ отечественной географіей книгу г. Ягдовскаго можно смѣло рекомендовать, какъ полезное и интересное чтеніе, въ ученическія бібліотеки.

Гр. И. В. Манкринъ. Отъ Гомбурга до Петрограда въ 13 дней. Петр. 1914. Стр. 19. Цѣна не обозначена.

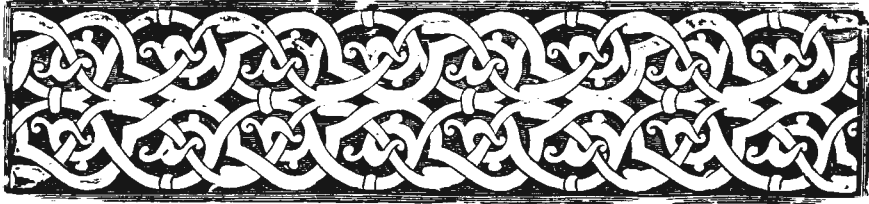
Настоящая брошюра представляетъ собою еще одно повѣствованіе о тѣхъ звѣрствахъ «высококультурныхъ» нѣмцевъ, которыя пришлось испытать на себѣ мирнымъ туристамъ, застигнутымъ на чужбинѣ внезапно войною.

В. А. Мелиховъ. Культъ императоровъ въ римской поэзіи золотого вѣка. Харьковъ. 1915. Стр. 51. Ц. 40 к.

Выяснивъ возникновеніе культа императоровъ въ Римѣ, г. Мелиховъ обстоятельно излагаетъ, какъ относились къ божественности императоровъ поэты Вергилій, Гораций, Овидій и Проперцій.

Генеральная карта Южнаго театра военныхъ дѣйствій (Россія, Сербія, Черногорія, Австро-Венгрія, Италия, Греція, Болгарія, Румынія, Турція, Албанія и Швейцарія). Съ картой Малой Азіи и Кавказа. Изданіе т-ва А. Ф. Марксъ. Петр. 1914. Ц. 1 р.

Изданныя подъ редакціей проф. Ю. М. Шокальскаго названныя карты заключаютъ въ себѣ около 20.000 географическихъ названій, снабжены подробнымъ алфавитнымъ указателемъ съ обозначеніемъ мѣстоахожденія каждаго названія и являются надежнымъ и хорошимъ пособіемъ для каждаго, интересующагося войною.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ

ВИДАНІЕ о будущемъ Франціи, Германіи и славянства.—Газета «Le Temps» ¹⁾ воспроизводитъ полностью письмо Эрнеста Ренана, которое было имъ послано въ сентябрь 1871 года нѣмецкому профессору Штраусу. Въ этомъ письмѣ знаменитый ученый съ присущей ему ясностью и въ то же время глубиной мышленія развиваетъ свои взгляды на значеніе для человѣчества Германіи, Франціи и славянства и предрекаетъ для нѣмцевъ событія, которыхъ мы нынѣ являемся свидѣтелями. Въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, которыя мы здѣсь приведемъ, письмо Ренана написано какъ будто въ наше время.

«Наша политика,—пишетъ философъ-историкъ,—это политика, отстаивающая права народовъ. Ваша—политика расъ, и мы думаемъ, что наша лучше. Слишкомъ самоувѣренное дѣленіе человѣчества на расы помимо того, что покоится на научномъ заблужденіи, такъ какъ лишь немногія страны населены сравнительно чистой расой, ведетъ только къ истребительнымъ войнамъ. Такая политика была бы концомъ той плодотворной смѣси, составленной изъ различныхъ и необходимыхъ элементовъ, которая зовется человѣчествомъ. Вы подняли знамя политики этнографической, вмѣсто знамени политики освободительной, и эта политика приведетъ васъ къ гибели. Каждое укрѣпленіе германизма есть вмѣстѣ съ тѣмъ и укрѣпленіе славянства. Каждое движеніе ваше къ соединенію толкаетъ впередъ и освобождаетъ и славянина. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ славянинъ будетъ знать, что это вы сдѣлали его названіе синонимомъ раба, и увидитъ, какъ ваша раса эксплуатировала его расу. А такъ какъ славяне вдвое

¹⁾ «Le Temps», № 19419.

превышаютъ васъ числомъ, то славянинъ, подобно тому, какъ нѣкогда апокалиптическій змѣй сметалъ хвостомъ третью часть звѣздъ, такъ и славянинъ въ одинъ прекрасный день увлечетъ за собой Центральную Азію, древнихъ подданныхъ Чингисхановъ и Тамерлановъ. Подумайте, какая тяжесть ляжетъ на вѣсы міра въ тотъ день, когда Чехія, Моравія, Крoація, Славонія и другія славянскія народности, которымъ предстоитъ свобода, струсируются вокругъ огромнаго русскаго конгломерата, вообравшаго уже въ себя въ своемъ историческомъ шествіи столько различныхъ народовъ! Россіи, очевидно, предназначено быть ядромъ этого будущаго единства, подобно тому, какъ не вопіетъ греческая Македонія, не чисто итальянскій Пьемонтъ, не чисто нѣмецкая Пруссія стали центромъ греческаго, итальянскаго и нѣмецкаго единства.

Въ тотъ день, когда славяне одержатъ побѣду, мы будемъ имѣть большее значеніе, чѣмъ вы, подобно тому, какъ во времена Римской имперіи Аѳины еще блистали, а Спарта исчезла совсѣмъ.

Не полагайтесь слишкомъ на этнографію или, точнѣе, не прилагайте ея къ политикѣ. Ссылаясь на германскую филологію, вы принимаете любой лотарингскій городокъ за Пруссію. Но названія «Вѣла» (Vindabona), Вормсъ (Worbitsmagus), Майнцъ (Mogontiacum)—галльскаго происхожденія, а мы у васъ ихъ не собираемся требовать. Что скажете вы, если въ одинъ прекрасный день славяне заберутъ собственно Пруссію, Померанію, Силезію, Берлинъ на томъ основаніи, что все это славянскія названія?

Если Германія будетъ слишкомъ замыкаться въ своемъ національномъ чувствѣ, то районъ ея нравственнаго дѣйствія сузится. Чехія, на половину завоеванная германизмомъ, вырвется отъ васъ, какъ добыча отъ боа-констриктора. Славянское сознаніе, кажется, совсѣмъ замерло въ Силезіи, но Познань вамъ не удастся ассимилировать. Такія операціи надо производить сразу, пока пациентъ еще спитъ. Если онъ проснется, уже нельзя снова приступить къ дѣлу. Очередной задачей вездѣ надолго станетъ ограждать отъ вашихъ соотечественниковъ, на которыхъ будутъ смотрѣть, какъ на предтечу вашихъ армій. Обнаруживъ свои завоевательные аппетиты, Германія принуждена будетъ распространяться только путемъ завоеваній.

Ваша германская раса всегда, повидимому, вѣрила въ Валгаллу. Но вѣдь Валгалла никогда не будетъ царствомъ Божіимъ. Благодаря своему военному блеску, Германія рискуетъ отклониться отъ своей настоящей задачи. Возьмемся вмѣстѣ за самыя великія и самыя настоящія задачи, задачи социальныя, которыя можно опредѣлить такъ: найти насколько возможно рациональную и справедливую организацію для человѣчества. Эти задачи уже были поставлены во Франціи въ 1789 и 1848 годахъ. Но обыкновенно бываетъ такъ, что тотъ, кто ставитъ задачи, не разрѣшаетъ ихъ. Франція принялась за нихъ слишкомъ просто и вообразила, что нашла ихъ разрѣшеніе въ чистой демократіи, во всеобщемъ избирательномъ правѣ и въ мечтахъ о коммунистической организаціи труда. Обѣ попытки потерпѣли неудачу и вызвали послѣ себя досадную реакцію. Попробуйте, въ свою очередь, разрѣшить эти задачи. Создайте для человѣка, внѣ государства, надъ его семьей, такую ассоціацію,

которая возвышала бы его, поддерживала, исправляла, помогала, дѣлала его счастливымъ. Ваши великіе люди, жившіе восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, не были слишкомъ большими патриотами и потому пошли этой широкой дорогой, на которой мы стали ихъ учениками. Боюсь, однако, что ваше поколѣніе слишкомъ узко-патріотично, и вы соберете вокругъ себя лишь весьма маленькую аудиторію. Вы кончите отреченіемъ отъ всѣхъ вашихъ принциповъ, будете обращаться, какъ съ преступниками, съ людьми, которыхъ вы должны были бы уважать, и всѣ ваши моральныя идеи будутъ извращены».

Грядущее освобожденіе славянъ, вырисовывающаяся политическая роль Россіи, какъ всеславянскаго ядра, узко-шовинистическая психологія современнаго германства, забвеніе имъ лучшихъ завѣтовъ культурнаго прошлаго, нравственное одичаніе и озвѣреніе вполне подтверждаютъ гениальную прозорливость знаменитаго ученаго.

— П р и н ц ь д е - Л и н ь .—Въ іюль настоящаго года маленькій бельгійскій городокъ Белейль справлялъ столѣтнюю годовщину со дня смерти своего знаменитаго гражданина, принца де-Линя, небезызвѣстнаго и въ нашей русской исторіи время Екатерины II.

Принцъ де-Линь родился въ Брюсселѣ въ 1735 году, когда Бельгія входила еще въ составъ австрійскихъ владѣній. Его родъ столѣтіе тому назадъ получилъ княжескій титулъ. Въ галлерей его предковъ было немало фигуръ, которыя способны обратить на себя вниманіе историка. Вотъ, на примѣръ, Антоній де-Линь, по прозванью Grand Diable, разбойникъ и насильникъ. Когда императоръ Карлъ V отказался пожаловать ему орденъ Золотого Руна, онъ создалъ для себя орденъ Волка, который, по его словамъ, долженъ былъ пожрать ягненка съ Золотымъ Руномъ. Вотъ принцъ Клодъ де-Линь, жадный и расточительный, встрѣтившій своего сына, назначеннаго къ нему въ отрядъ, такими словами: «Послѣ того, какъ на меня выпало несчастье имѣть васъ сыномъ, на меня свалилось еще несчастье—имѣть васъ у себя полковникомъ».

Воспитаніе молодого принца было чрезвычайно безпорядочно. Незначительные пажи, грубые гусары, янсенисты, іезуиты—всѣ по очереди владѣли его юной душой. Чтобы привести наконецъ хотя бы въ равновѣсіе эту душу, явился одинъ изъ лучшихъ воспитателей коллежа Louis le Grand, аббатъ де-ла-Поръ. Къ этому времени юный принцъ уже успѣлъ въ совершенствѣ постигнуть науку нравиться женщинамъ. Съ годами въ немъ проснулась необыкновенная страсть къ писательству, и къ красовавшемуся на его гербѣ девизу «Quo res cumque cadunt, semper stat linea recta» (гдѣ все падаетъ, прямая линия стоитъ прямо), онъ прибавилъ: «Nulla dies sine linea» (ни одного дня безъ строчки). Его не тянуло къ женитбѣ, но его тѣмъ не менѣ женили, когда ему не было еще полныхъ восемнадцати лѣтъ. Вскорѣ, однако, онъ стряхнулъ съ себя супружеское иго и бѣжалъ на войну, затянувшуюся на семь лѣтъ. Вокругъ молодого бельгійца, поступившаго на австрійскую службу, свистѣли пули, но онъ чувствовалъ себя счастливымъ.

Въ 1758 году онъ живетъ цѣлый мѣсяцъ въ замкѣ Столпень, гдѣ была заключена графиня де-Коссель, бывшая фаворитка польскаго короля Августа II. Война не можетъ, однако, поглотить всю кипучую дѣятельность де-Линя.

Въ промежуткахъ между битвами ему необходимы вино, женщины, карты, шумъ, всякаго рода шалости и приключенія.

Въ 1759 году этотъ взрослый ребенокъ становится отцомъ. Но онъ уже захваченъ новой волной—открылась война съ Баваріей. вмѣстѣ съ Дауномъ онъ беретъ въ плѣнь цѣлый корпусъ пруссаковъ, и его посылаютъ съ вѣстью о побѣдѣ въ Парижъ.

По заключеніи мира этотъ бельгіецъ, всецѣло преданный Австріи, остается, такъ сказать, не у дѣлъ и ведетъ бродячій образъ жизни, посѣщая тогдашнихъ знаменитостей. Прежде всего, конечно, онъ ѣдетъ въ Ферней на поклонъ къ Вольтеру. Онъ скоро дружится съ фернейскимъ патриархомъ, и Вольтеръ приходитъ къ нему запросто поболтать и поострить.

Въ Парижѣ принцъ де-Линь съ головой погружается въ парижскую свѣтскую жизнь. Онъ заводитъ знакомство съ писателями Кребиллономъ-сыномъ, съ Дюкло, съ Гельвеціемъ. Онъ принятъ у маршала Люксембурга и у графини де-Буффлеръ, фаворитки принца Конти. У madame дю-Деффанъ и madame Жофренъ онъ какъ дома. Онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ матримоніальныхъ проектахъ парижскаго и вѣнскихъ дворовъ, которые въ концѣ концовъ привели къ брату Людовика XVI съ Маріей-Антуанеттой.

Въ это время въ Парижъ пріѣзжаетъ еще одна знаменитость—Жанъ-Жакъ Руссо, и де-Линь бросается къ нему. Вопреки всеобщему ожиданію, Руссо возвращаетъ ему визитъ. Завязывается мимолетное знакомство, результатомъ котораго является нѣсколько живыхъ статей де-Линя о женевскомъ философѣ.

Въ тотъ же годъ ему пришлось встрѣтиться съ прусскимъ королемъ. Однажды разговоръ зашелъ о религіи и принялъ настолько свободный характеръ, что Фридрихъ II, завидя приближавшуюся къ бесѣдующимъ Марію-Терезію, предупредилъ, что съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, который присужденъ богословами къ адскому огню, разговаривать небезопасно.

— Это, впрочемъ, не касается де-Линя,—прибавилъ король.—Ему одному нечего бояться.

Вернувшись на родину, де-Линь, обладавшій огромными помѣстьями около города Гено, сталъ задавать одно празднество за другимъ, сзывая на нихъ всякій сбродъ. Въ промежуткахъ между празднествами онъ посѣщаетъ директора театровъ Ганнетера и волочится за одной изъ его дочерей, Анжеликой.

«Анжелика,—пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—любила меня отъ всего сердца. Но бѣда была въ томъ, что въ это же время и совершенно такъ же любили меня еще двѣ женщины».

Послѣ смерти Людовика XV де-Линь опять переселяется въ Парижъ. Политическія интриги ему опротивѣли, но зато отъ королевы онъ въ восторгѣ и попадаетъ къ ней въ фаворъ. Когда Юсифъ II инкогнито пріѣзжаетъ въ Парижъ, чтобы образумить сестру, онъ начинаетъ съ того, что совѣтуетъ прежде всего удалить отъ двора де-Линя.

Можетъ быть, не безъ задней мысли австрійское правительство назначаетъ де-Линя губернаторомъ города Монса, но это губернаторство длится не долго. Въ 1785 году онъ появляется въ Петроградѣ въ качествѣ австрійскаго дипломата. По характеру и наклонностямъ, онъ какъ разъ соотвѣтствовалъ тогдаш-

нему двору, и Екатерина очень скоро стала относиться къ нему милостиво. Де-Линь обѣщаль Маріи-Антуанеттѣ черезъ шесть мѣсяцевъ вернуться въ Парижъ и онъ сдержаль свое обѣщаніе. Его ничѣмъ нельзя отвлечь отъ Трианона, развѣ только пріемомъ графа д'Артуа, который онъ устроилъ въ своемъ Белейлѣ. Попржежнему де-Линь ведетъ самую разсѣянную и подвижную жизнь: то ему нужно посѣтъ въ Голландію на небольшую войну, продолжавшуюся всего семь дней, то онъ летитъ въ Лионъ смотрѣть полеть аэростата. Къ тому же и атмосфера въ Парижѣ сгущается. Появились англійскія моды: манеры стали менѣе изысканными, страсть правиться ослабѣла. Въ предреволюціонной Франціи де-Линю стало не по себѣ, и по знаку Екатерины онъ пустился опять въ Петроградъ. Здѣсь онъ сопровождаетъ ее въ ея путешествіи на югъ. Турецкая война является прямымъ продолженіемъ этой увеселительной прогулки. Первый годъ де-Линь ограничивается лишь тѣмъ, что бранить Потемкина, но во второй уже участвуетъ во взятіи у турокъ Вѣлграда. «Вотъ мы наконецъ и въ этой передовой тверднѣ Востока,—пишетъ онъ 18-го октября 1789 года, графу Сегюру.—Здѣсь одновременно пахнетъ мертвечиной, пожарищемъ и розами».

Взятіе Вѣлграда—послѣдній фейерверкъ этой кипучей жизни. Его покровитель императоръ Іосифъ II умеръ. Началось возстаніе Бельгіи противъ австрійцевъ, въ которомъ принялъ участіе и его второй сынъ Людовикъ. Старшій—Карль—погибъ въ вихрѣ французской революціи. Гибель Маріи-Антуанетты, конфискація войсками республики его Белейя понесли ему жестокіе удары, которые онъ, однако, переносилъ, какъ настоящій стоикъ.

Живя въ Вѣнѣ уже двадцать лѣтъ, сидя вѣчно безъ денегъ, принцъ де-Линь остается средоточіемъ свѣтскаго общества и покровителемъ всѣхъ иностранцевъ, которыхъ судьба забрасывала въ австрійскую столицу. Онъ предается усиленнымъ литературнымъ трудамъ. Военныя неудачи австрійцевъ раздражаютъ его, но это не мѣшаетъ ему восторгаться Наполеономъ, котораго онъ величалъ «его величество Сатана Ъ».

Замокъ де-Линя Белейль существуетъ и до сего времени. Онъ славится своимъ великолѣпнымъ паркомъ, надъ устройствомъ котораго много работаль отецъ де-Линя. Какъ всѣ парки того времени, онъ представляетъ собою копию версальскаго. Старинный замокъ, въ которомъ жили предки де-Линя—Антоній де-Линь, которому англійскій король Генрихъ VIII за взятіе нѣсколькихъ городовъ пожаловаль званіе князя Монторгскаго, Клодъ Ламораль де-Линь, бывшій вице-королемъ въ Сициліи, и другіе—славится своими коллекціями картинъ гобеленовъ и фарфора и своей библіотекой. Во время послѣдней борьбы съ Наполеономъ въ этомъ замкѣ жилъ герцогъ Веллингтонъ и тутъ находилась главная штабъ-квартира англичанъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Белейльскомъ замкѣ произошелъ пожаръ, отъ котораго пострадали, главнымъ образомъ, коллекція гобеленовъ не столько, впрочемъ, отъ огня, сколько отъ любителей чужой собственности. Пыншній принцъ де-Линь, насколько было возможно, исправиль поврежденія и снова привелъ родовыя коллекціи въ порядокъ.

Белейльская библіотека особенно славилась старинными книгами и рядными рукописями, представляющими собою образцы средневѣкового кал-

лиграфического искусства. Въ нынѣшнюю войну Белейлъ, по всей вѣроятности, не избѣгъ нѣмецкихъ рукъ, и за участь его коллекцій приходится опасаться.

— Убіѣйство шведскаго короля Густава III.—Извѣстный французскій историкъ-популяризаторъ Эрнестъ Додэ въ недавно выпущенной книгѣ «Dans les palais des rois» даетъ цѣлый рядъ живо написанныхъ историческихъ сценъ. Заимствуемъ изъ этой книги трагическій рассказъ о гибели шведскаго короля Густава III.

Дѣло было во время карнавала. По городу были расклеены афиши, извѣщавшія, что вечеромъ въ театрѣ состоится костюмированный балъ, на которомъ обѣщаль присутствовать и король. Глава заговорщиковъ, баронъ Пехлинъ, въ тотъ же день увѣдомилъ своихъ соучастниковъ, что онъ будетъ ждать ихъ къ ужину. Они явились аккуратно въ назначенное время и, когда ужинъ былъ конченъ и слуги удалены, заговорщики немедленно приступили къ обсужденію своего плана. Совѣщаніе длилось не долго и ограничилось распредѣленіемъ ролей. Билке и Пехлинъ не должны были появляться въ театрѣ, гдѣ ихъ прибытіе могло бы возбудить подозрѣніе. Они должны были выжидать развитія событій дома. Горнъ, Риббингъ, Лиліенгорнъ и другіе отправились на балъ и тамъ посвятили въ свои тайны остальныхъ своихъ друзей и сторонниковъ, которыхъ, впрочемъ, было не много.

Нанести королю ударъ выпало на долю Анкаретрему. Онъ боялся, что не узнаетъ короля подъ домино. Поэтому Риббингъ, ручавшійся, что онъ узнаетъ Густава III по походкѣ, долженъ былъ положить замаскированному королю руку на плечо и сказать ему: «Здравствуй, прекрасная маска». Покончивъ съ королемъ, заговорщики предполагали броситься въ казармы нѣкоторыхъ полковъ, которые, какъ они думали, имъ сочувствовали.

Желая присутствовать на костюмированномъ балу, Густавъ III отправился туда прямо изъ французскаго театра, гдѣ давали Мольеровскаго «Скупого». Но вмѣсто того, чтобы войти прямо въ залъ, король вошелъ сначала въ маленькую комнатку, которая была устроена рядомъ съ его ложей и изъ которой узкая лѣсенка вела прямо на сцену. Здѣсь, во время всякихъ празднествъ, онъ обыкновенно принималъ людей, которыхъ хотѣлъ почтить своей бесѣдой. Въ этотъ вечеръ представляющихся не было, и король приказалъ подать сюда ужинъ, за который и сѣлъ съ камергеромъ барономъ Эссеномъ.

Пока они сидѣли за столомъ, вошелъ пажъ и подаль королю письмо, которое только что вручилъ швейцару театра какой-то неизвѣстный, настойчиво требовавшій, чтобы его сейчасъ же передали королю.

Король разорвалъ конвертъ и сталъ читать. Въ письмѣ сообщалось о планахъ заговорщиковъ.

Окончивъ чтеніе, король протянулъ письмо барону Эссену и съ пренебрежительной улыбкой сказалъ:

— Безъ сомнѣнія, это плохая шутка. Кто-то хочетъ испытать мое мужество и заранѣе предвкушаетъ удовольствіе, какъ я струшу. Хорошо, я принимаю вызовъ. Идемъ внизъ.

И, вставъ изъ-за стола, онъ закутался въ черное домино и надѣлъ бѣлую маску. Напрасно баронъ Эссенъ умолялъ короля не пренебрегать предостереженіемъ: Густавъ III не хотѣлъ его слушать.

— Если у меня есть здѣсь враги,—замѣтилъ онъ, входя въ залъ:—то они останутся въ дуракахъ.

Въ залѣ была огромная толпа, и барону Эссену съ трудомъ удавалось проложить черезъ нее путь для короля. Повидимому, его никто не узнавалъ. Но вдругъ его окружило нѣсколько веселыхъ масокъ. Одна изъ нихъ положила руку на плечо и промолвила:

— Здравствуй, прекрасная маска.

И вдругъ сзади короля грянулъ выстрѣлъ. Кто-то выстрѣлилъ изъ пистолета ему въ спину. Онъ прикрывъ рукой рану и прошепталъ Эссену:

— Я раненъ.

— Къ оружію! Къ оружію!—послышались крики.

Испуганная толпа бросилась къ дверямъ, увлекая за собой заговорщиковъ, которые такимъ образомъ надѣялись скрыться.

Король опустился на диванъ и воскликнулъ:

— Стрѣлялъ, по всей вѣроятности, Риббингъ!

И, выпрямившись, онъ распорядился запереть всѣ двери и приказалъ всѣмъ снять маски.

Между выстрѣломъ и этимъ приказаніемъ прошло такъ мало времени, что когда толпа достигла дверей, онѣ были уже заперты. Ускользнули, не снявъ масокъ, только четыре человѣка. Всѣ остальные были обнаружены и опрошены. Узнавъ, что было совершено покушеніе на жизнь короля, всѣ охотно подчинились этому. Со всѣхъ сторонъ поднялись крики; всѣ жалѣли короля и негодовали на его убійцу.

Между тѣмъ король, не теряя хладнокровія, продолжалъ распоряжаться и ободрялъ барона Эссена и нѣкоторыхъ придворныхъ, которые были на балу и теперь сгрушировались около него.

Съ ихъ помощью его перенесли въ комнатку при ложѣ. Здѣсь къ нему явились русскій посланникъ баронъ Штакельбергъ, испанскій посланникъ Корраль, герцогъ Зюдерманландскій и другіе. Всѣ выражали свое сожалѣніе, но король, не теряя твердости, продолжалъ повторять:

— Это ничего, господа.

Однако кровь, которая струей текла изъ раны на его красный камзолъ, опровергала его слова. Явившіеся врачи и хирурги поспѣшно и молча приступили къ перевязкѣ раны. Они потребовали, чтобы короля перенесли немедленно во дворецъ и положили на кровать. Только тогда они обѣщали высказать, насколько рана серьезна.

Среди придворныхъ, толпившихся около раненаго короля, виднѣлся и любимецъ короля баронъ Армфельдъ. Онъ не былъ въ залѣ въ моментъ покушенія на короля и узналъ объ этомъ только при входѣ въ театръ. Онъ хотѣлъ броситься въ залъ, но двери всюду были уже закрыты. Въ залѣ, въ которой только что носились пары и гремѣла музыка, теперь царствовали ужасъ и смятеніе. Вѣсть о покушеніи только что распространилась, подробностей никто

еще не знали. Всѣ бросились къ Армфельду и стали его разспрашивать, но онъ самъ ничего не зналъ и, въ свою очередь, осыпалъ всѣхъ вопросами. По дороге къ раненому королю его останавливаютъ графъ Горнъ и Риббингъ.

«Они обратили на себя мое вниманіе,—пишетъ Армфельдъ въ своемъ дневникѣ,—преувеличенными выраженіями своей преданности къ королю, относительно котораго они всегда держались враждебно. Въ глубинѣ ихъ душъ я прочелъ ихъ истинныя чувства, и, войдя въ комнату, гдѣ лежалъ раненый король, я замѣтилъ моимъ друзьямъ, что я готовъ поклясться, что эти господа принимали участіе въ злодѣяніи».

Увидѣвъ своего любимца, Густавъ III сталъ его утѣшать:

— Пошлите сейчасъ же къ Лаперрьеру и узнайте, дома ли онъ,—приказалъ онъ.—Мнѣ кажется, что я только что видѣлъ его здѣсь.

Этотъ Лаперрьеръ былъ французскій актеръ, извѣстный не своимъ талантомъ, а своимъ якобинствомъ. Король подозрѣвалъ въ злодѣяніи именно его.

Черезъ нѣсколько минутъ посланный Армфельда вернулся и доложилъ, что онъ нашелъ Лаперрьерера спящимъ въ постели.

— Тѣмъ хуже. Тогда, стало быть, виновникомъ преступленія является шведъ.

Между тѣмъ врачи настаивали на томъ, чтобы короля перенести во дворецъ. Разстояніе отъ театра до дворца было не велико, и экипажъ короля уже стоялъ у подъѣзда театра.

Густавъ III поднялся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но отъ слабости не могъ итти дальше. Его должны были посадить въ кресло. Переѣздъ былъ очень мучителенъ. Тѣмъ не менѣе король старался ободрить народъ, который стоялъ по сторонамъ улицы и плакалъ. Когда экипажъ подѣхалъ ко дворцу, король вышелъ изъ него. Его подняли по лѣстницѣ на носилкахъ. Лежа на своей кровати, онъ все время разговаривалъ со своими министрами и дипломатическими представителями. Потомъ всѣ были удалены отъ короля и около него осталось нѣсколько лицъ изъ числа близкихъ къ нему. Чтобы не тревожить больного, врачи не стали зондировать рану и ограничились наложеніемъ временной перевязки.

Король почувствовалъ облегченіе, но не скрывалъ отъ себя всей опасности своего положенія.

— Не будемъ питать особыхъ надеждъ,—сказалъ онъ барону Армфельду.— Положеніе мое можетъ оказаться весьма серьезнымъ. Необходимо учредить государственный совѣтъ, который могъ бы безъ меня управлять дѣлами государства.

Этотъ совѣтъ былъ образованъ немедленно. Предсѣдателемъ его былъ назначенъ братъ короля, герцогъ Зюдерманландскій. Совѣтъ долженъ былъ приступить къ занятіямъ на слѣдующій же день.

Хотя врачи и не могли прійти къ соглашенію о степени опасности раны, король провелъ ночь довольно спокойно и утромъ пожелалъ принять лицъ, которыхъ хотѣли ему представиться.

Всѣ были поражены его веселымъ видомъ.

«Я не могу перечислить всѣхъ проявленій великодушія и милости короля, которыя онъ выказалъ на своемъ скорбномъ ложѣ», писалъ французскій посланникъ шевалье де-Госсанъ. Узнавъ, что во дворцѣ находятся графъ Ферзенъ съ супругою, король приказалъ ввести ихъ къ нему. Свиданіе вышло очень трогательнымъ. Графъ Браге, допущенный въ королевскую комнату, весь въ слезахъ хотѣлъ поцѣловать руку его величеству.

— Нѣтъ, нѣтъ. Обнимемся,—сказалъ король.—Я счастливъ, что снова нахожу своихъ друзей.

Однако прусскій посланникъ Брокгаузенъ, повидимому, не былъ убѣжденъ въ искренности такихъ проявленій. Онъ передаетъ, что какъ только Ферзенъ вышелъ отъ короля, въ его словахъ опять послышалась ненависть къ нему.

«Честолюбивый старикъ,—пишетъ Брокгаузенъ:—упорно льстил себя надеждой, что послѣ смерти короля онъ будетъ играть самую важную роль».

Странно было, что около короля не было королевы. Но всѣ знали, что ихъ отношенія давно уже не отличались нѣжностью и близостью. Король самъ подъ какимъ-то предлогомъ уклонился отъ ея попеченій.

Густавъ III въ этотъ день принялъ очень многихъ, и это его сильно утомило. Прежде, чѣмъ запереть дверь спальни, онъ приказалъ прочесть себѣ списокъ лицъ, которыя его посѣтили. На немъ стояло и имя полковника Лилиенгорна, главнаго организатора заговора. Лилиенгорнъ обязанъ былъ всей своей карьерой королю, и ему предстояла блестящая будущность. Что побудило его посягнуть на благодѣтельствовавшаго его короля? Поведеніе Лилиенгорна до сихъ поръ остается загадочнымъ и непонятнымъ.

Принимая его, король воскликнулъ:

— Развѣ это не ужасно, Понтусъ, уцѣлѣть на войнѣ и погибнуть отъ пули какого-то негодяя!

Лилиенгорнъ схватилъ протянутую ему королемъ руку и, заливаясь слезами, поднесъ ее къ своимъ губамъ. Онъ такъ проклиналъ убійцъ и впалъ въ такое отчаяніе, что король долженъ былъ его утѣшать.

Явился во дворецъ и Риббингъ. Слышали, какъ онъ нѣсколько разъ повторялъ, что, кромѣ Лаперрьера, такое злое дѣло совершить некому.

Королю становилось то хуже, то лучше.

Черезъ двѣ недѣли его не стало.

— О б р а щ е н і е В и л ь г е л ь м а I с ь п л ѣ н н ы м и ¹⁾.— Приказъ Вильгельма II о томъ, какъ обращаться съ непріателемъ, вызвавшій жестокое отношеніе къ женщинамъ и дѣтямъ воюющихъ державъ, невольно удаляетъ насъ отъ XX вѣка. Въ газетахъ даже возникалъ вопросъ относительно ненормальнаго состоянія императора Вильгельма II. Такое ненормально возбужденное состояніе проявлялось порою и у его предка Вильгельма I.

Съ 1913 года по май 1914 года въ «Revue hebdomadaire» печатались «Воспоминанія» Морица Бака о своемъ изгнаніи, въ которыхъ приведенъ одинъ эпизодъ изъ австро-прусской войны, ясно подчеркивающий эту же-

¹⁾ Souvenir d'exile. Par Ferdinand Bac. «Revue hebdomadaire».

стокость въ характерѣ Гогенцоллерновъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ воспоминаніяхъ обнаруживается природная грубость нѣмецкой толпы, даже по отношенію къ дѣтямъ.

Политика «нѣмецкаго кулака» складывалась довольно примитивно, даже наивно и, какъ видно, по сію пору эта наивность сохранилась неприкосновенной. Вся ея сущность заключалась въ короткой фразѣ «бульдога съ тремя волосками», какъ прозвали Бисмарка. «Намъ остается теперь заставить ихъ любить насъ», сказалъ онъ Вильгельму II во время битвы при Садовой, указывая на разстрѣливаемыхъ австрійцевъ.

Народная русская психологія говорить: «Люблю, какъ душу, трясу, какъ грушу». Но русскій народъ самъ любить того, кого бьетъ, а нѣмецъ хочетъ заставить кулакомъ полюбить себя. Вотъ что рассказываетъ Бакъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Во время франко-прусской войны, когда въ Вюртембергъ были присланы плѣнные, одинъ мальчикъ, отецъ котораго былъ французъ, а мать австрійка, встрѣтилъ похоронную процессію. Французскіе плѣнные хоронили скончавшагося товарища. Блѣдные, изнуренные, несчастные французы печально слѣдовали за гробомъ. Мальчикомъ овладѣло безотчетное желаніе какимъ-нибудь способомъ выразить свою горячую симпатію и сочувствіе побѣжденнымъ французамъ. Не долго раздумывая, онъ бросилъ на землю свои школьныя книги и побѣждалъ за процессіей. Мориць—такъ звали мальчика—не могъ удержаться отъ желанія пожать руку офицеру. Онъ собрался съ духомъ и робко сказалъ ему: «Я хочу пожать вамъ руку».

Тотъ не обратилъ на него вниманіе; вѣроятно, онъ предвидѣлъ, что мальчикъ дорого поплатится за свой порывъ. Но Мориць настойчиво повторилъ фразу. Офицеръ украдкой наклонился къ нему и тихо поцѣловалъ его. Мальчикъ внѣ себя отъ радости побѣждалъ обратно за своими книгами. Онъ былъ на седьмомъ небѣ, какъ будто поцѣлуй ему дала вся Франція.

Но вскорѣ это восторженное настроеніе было грубо нарушено. Едва онъ хотѣлъ наклониться за своими книгами, какъ почувствовалъ сильный ударъ кулакомъ въ грудь. Ударъ ошеломилъ его, и онъ упалъ. Тотчасъ на него посыпались со всѣхъ сторонъ удары. Мальчишки, сыновья различныхъ купцовъ, и взрослые нѣмецкіе граждане принялись бить его изо всѣхъ силъ.

Мориць яростно защищался, но принужденъ былъ сдаться предъ численностью непріятеля. Въ самомъ несчастномъ положеніи, оборванный, избитый, поднялся маленькій патріотъ. Рейнскіе городовые только посмѣивались надъ его плачевнымъ положеніемъ.

Долго стоялъ мальчикъ у фонарнаго столба, все еще не приходя въ себя отъ этой встряски. Онъ опомнился только тогда, когда фонарщикъ пришелъ зажигать фонарь и отстранилъ его, чтобы поставить лѣстницу. Мальчикъ бросился бѣжать домой.

Въ сѣверной части Германіи очень дурно обращались съ ранеными. Но въ Вюртембергѣ имъ жилось хорошо. Русская великая княгиня, Ольга Николаевна, въ тотъ моментъ королева вюртембергская, организовала Красный Крестъ и сама заботилась о раненыхъ. Поэтому во многихъ вюртембергскихъ домахъ считали за честь принимать у себя раненыхъ французовъ. Вообще вюртембергцы

вели себя по отношеніи Пруссіи довольно свободно, сохраняя полунейтралитетъ: они вообще питали болѣе симпатіи къ баварцамъ, чѣмъ къ пруссакамъ. Среди французскихъ плѣнныхъ находился маршалъ Канроберъ. Онъ жилъ въ лучшей гостиницѣ и каждое утро катался верхомъ по аллеямъ королевскаго парка.

Но и пруссаки во главѣ съ Вильгельмомъ I вели себя съ французами иначе, чѣмъ съ австрійцами.

Вильгельмъ I, хотя и былъ «солдатъ» и всегда находился въ солдатскомъ обществѣ порывистаго, даже грубаго, лукаваго Бисмарка, молчаливаго, безучастнаго Мольтке и упрямаго, безжалостнаго Роона, все-таки сохранялъ отѣнокъ французскаго воспитанія. Даже въ самые мрачныя дни его воинственнаго апогея славы онъ оставался учтивымъ, очень простымъ, тактичнымъ и въ высшей степени вѣжливымъ съ плѣнными французами. Это вызывало недовольство нѣмецкихъ генераловъ, жаждавшихъ истребленія непріятеля.

Совсѣмъ инымъ онъ былъ по отношеніи къ австрійцамъ во время австро-прусской войны. Здѣсь онъ проявилъ неестественное возбужденіе, которое удивило его армію. Какая была тому причину—безразлично, но его дѣйствія были ненормальны и жестоки, даже по отношенію своихъ подданныхъ.

Все время онъ скакалъ между рядами сражавшихся солдатъ. Это былъ не прежній король, который, какъ Блюхеръ, Шарнгорстъ или кронпринцъ, отечески относился къ своимъ солдатамъ. Онъ дѣйствительно походилъ въ это время на «принца-пушку», какъ берлинцы прозвали его въ 1848 году, во время мятежа. Лицо его перекосило, глаза налились кровью, и онъ такъ ревѣлъ, что его голосъ заглушалъ шумъ падавшихъ гранатъ. Онъ шпионилъ за офицерами и съ поднятой саблей жестомъ, полнымъ отчаянія, толкалъ опять въ огонь офицеровъ, которые возвращались изъ сраженія для перевязки ранъ. Вообще всѣ его движенія были крайне порывисты.

На другой день битвы при Садовой офицеры рассказывали насчетъ Вильгельма много разныхъ подробностей. Между прочимъ они передавали объ одномъ жестокомъ, безсердечномъ поступкѣ со своимъ же офицеромъ. Вильгельмъ замѣтилъ одного полковника, тяжело раненаго, истекавшаго кровью. Въ третій разъ его ранила неприятельская пуля и каждый разъ онъ, не взирая на боль, возвращался въ сраженіе. На этотъ разъ онъ просилъ сдѣлать ему перевязку. Но Вильгельмъ, завидя его, поскакалъ къ нему навстрѣчу и, какъ ураганъ, налетѣлъ на него. Полковникъ не успѣлъ опомниться, какъ онъ схватилъ его за руки и принялся изо всѣхъ силъ трясти. «Прикажете себя привязать къ лошади, — кричалъ онъ: — и возвращайтесь туда, трусь! Сегодня на карту поставлена монархія!» И онъ послалъ его четвертый разъ въ сраженіе.

Такое же безсердечіе обнаружилъ онъ по окончаніи войны. Когда Бисмаркъ возражалъ противъ расчлененія Польши, то Вильгельмъ воскликнулъ: «Побѣдитель имѣетъ право на добычу!» Эта ненасытность Вильгельма I, когда дѣло шло о сборѣ жатвы своихъ побѣдъ, и мелочность, когда вопросъ касался инициативы въ рискованныхъ предпріятіяхъ, отличали его отъ Бисмарка. «Бульдогъ съ тремя волосками» все-таки умѣлъ обуздывать свой аппетитъ, даже когда осуществленіе самыхъ его сокровенныхъ честолюбивыхъ плановъ было воз-

можно. Это онъ доказалъ, говорить Бакъ, на другой день пораженія австрійцевъ при Садовой, пощадивъ самолюбіе побѣжденныхъ. То же можно сказать и по отношеніи къ Франціи, къ которой, впрочемъ, самъ Вильгельмъ относился снисходительно, несмотря даже на протесты Бисмарка.

Бисмаркъ былъ настоящій солдатъ. Принцъ Прусскій рассказывалъ одному изъ окрестныхъ помѣщиковъ нѣкоторыя подробности и черты его характера во время войны. Этотъ разговоръ помѣщикъ записалъ и передалъ родителямъ Бака.

Во все время форсированнаго марша Бисмаркъ не разставался со своей большой рыжей лошадыю. Когда ему предлагали отдохнуть, онъ всегда отвѣчалъ одно: «Если я сойду съ лошади, то лягу въ постель и тогда проспю три дня. А теперь не время повиноваться своему тѣлу. Или мы до конца сыграемъ нашу партію, и тогда надо оставаться на сѣдлѣ, или мы пропали, и тогда мы можемъ надвинуть наши ночные колпаки на уши до конца нашихъ дней, т. е. до кончины Пруссіи».

Однако онъ все-таки однажды признался, что страшно усталъ. Это утомленіе вызывало у него лихорадку и случалось, что онъ болѣе не отдавалъ себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. При этомъ онъ еще страдалъ шумомъ въ ушахъ и разстройствомъ зрѣнія. Неудивительно поэтому, что, присутствуя на стратегическихъ операціяхъ, онъ порою не понималъ нѣкоторыхъ движеній и только считалъ ихъ необходимыми.

По ночамъ онъ страдалъ бессонницей и не зналъ, что ему дѣлать. Онъ такъ бы и мучился во все время войны, если бы ему не пришла мысль попросить жену выслать ему разные романы. При этомъ онъ просилъ, чтобы они были «не слишкомъ захватывающіе, чтобы совершенно плѣнить мой умъ, и не настолько глупы, чтобы бросить ихъ въ стѣну, прочитавъ первую страницу».

У него накопился цѣлый мѣшокъ такихъ романовъ. Порою онъ вытаскивалъ одинъ изъ нихъ и, къ всеобщему удивленію, преспокойно принимался за чтеніе въ самыя трагическія минуты, когда рѣшалась судьба его родины, престижъ монархіи и даже его собственное существованіе. Причиной такого поведенія было его твердое рѣшеніе застрѣлиться, если бы нѣмецкая армія потерпѣла пораженіе при Садовой.

Побѣда нѣмцевъ надъ австрійцами застала врасплохъ жителей городовъ. Война Пруссіи и Австріи уже была объявлена, но жители продолжали вести прежній образъ жизни. Нѣмецкія газеты, какъ обыкновенно бываетъ вездѣ и во всѣ времена, давали неправдоподобныя свѣдѣнія, которыя сами же опровергали на другой день. Но жители все-таки знали приблизительно, въ какомъ положеніи находится ихъ родина. По ночамъ они пробуждались отъ передвиженія войскъ и приходили въ ужасъ отъ поминутно скакавшихъ курьеровъ. Одна изъ современницъ той эпохи такъ передавала о своей первой встрѣчѣ съ побѣдителями. Конечно, этотъ рассказъ не можетъ служить критеріемъ нѣмецкаго обращенія, въ виду того, что она встрѣтилась съ принцемъ королевскаго дома. Несмотря на увѣщанія окружающихъ, эта дама не прерывала своихъ ежедневныхъ прогулокъ за городъ съ маленькимъ сыномъ. И вотъ однажды, сидя на развалинахъ окрестной мельницы, она услышала какой-то грохотъ.

Небо было ясно и ничто не говорило о грозѣ, а между тѣмъ раскаты повторялись черезъ правильные промежутки времени. Дама стала прислушиваться: раскаты участились. Тогда она схватила сына за руку и пошла обратно домой. Вдругъ раздался рѣзкій ударъ, за которымъ послѣдовалъ трескъ. Она остановилась и точно приросла къ землѣ.

— Это пушка! Это пушка!—воскликнула она.

И, подобравъ свой кринолинъ, она перепрыгнула канаву и пустилась безъ оглядки бѣжать, чтобы укрыться дома. Она бѣжала безъ отдыха по полямъ съ пшеницей и овсомъ, не разбирая дороги. Но чѣмъ болѣе приближалась бѣглянка къ своему убѣжищу, тѣмъ удары становились яснѣе. Она приостановилась: куда бѣжать? Удары раздавались со всѣмъ сторонъ.

Наконецъ показались первые дома предмѣстья. Здѣсь происходила суматоха. Крестьяне спѣшили запирать двери конюшенъ и сараевъ и загоняли палками скоть.

На дорогѣ, которая вела въ самый городъ, происходила еще большая суматоха. Оттуда неслись лошади, а за ними волочились свалившіеся съ сѣдла раненые. Лошади совершенно обезумѣли отъ огня. Ихъ гривы поднялись, ноздри раздувались. Нѣкоторыя изъ нихъ поднимались на дыбы, а другія бились и бросались на стѣны домовъ. Раненые солдаты валялись на землѣ. Обезумѣвшіе австрійцы массаами бѣжали. Кругомъ раздавались угрозы, проклятія!

Испуганная бѣглянка съ ребенкомъ вбѣжала въ какую-то конюшню и по приставной лѣстницѣ вбѣжала во второй этажъ. Это было жилище какихъ-то крестьянъ, и хозяйка въ это время молилась Богу. Она рассказала, что пруссаки одержали побѣду и австрійцы спасаются бѣгствомъ.

Переждавъ до сумерекъ, дама отправилась домой. У дверей своего дома она увидѣла двухъ прусскихъ солдатъ, которые преградили ей путь, скрестивъ ружья. Изъ дома доносился необыкновенный шумъ: раздавался грохотъ посуды и шелканье откупориваемыхъ бутылокъ. Видно было, что въ домѣ пировали.

На ея счастье, среди пировавшихъ находился одинъ изъ нѣмецкихъ принцевъ крови. Когда она вошла въ комнаты, то сквозь облака табачнаго дыма увидѣла, что вокругъ накрытаго стола пировали прусскіе военачальники. На диванѣ полулежали два генерала въ разстегнутыхъ мундирахъ. При ея появленіи они положили на столъ свои трубки и встали. Одинъ изъ нихъ подвинулъ ей кресло, видя, что она изнемогала отъ усталости. Но она отказалась сѣсть. Онъ представился ей и представилъ весь свой штабъ. Она наклонилась и просила у принца разрѣшенія удалиться въ свои комнаты или указать ей, гдѣ ей можно поселиться, пока страна занята нѣмецкими войсками. Принцъ повторилъ ей слова Бисмарка: «Теперь намъ остается сдѣлать ихъ друзьями». Но, какъ австрійчка, она не выказала воодушевленія при этихъ словахъ, а раскланялась и ушла.

Впопыхахъ она забыла о маленькомъ Морицѣ. Мальчикъ чувствовалъ себя очень скверно: ему казалось, что онъ попалъ въ плѣнъ къ непріятелю. Вдругъ кто-то взялъ его на руки и принесъ къ столу. Это былъ пожилой генераль. Онъ посадилъ его къ себѣ на колѣни. Мальчикъ молча разсматривалъ его ясные глаза, ордена и крестъ Чернаго Орла, который выглядывалъ изъ-подъ пыль-

наго и пропитаннаго потомъ воротника. Отъ генерала пахло порохомъ и табакомъ. Морицъ поразила бѣлизна его руки съ большимъ перстнемъ съ печатью. Генераль взялъ кусочекъ сахару, обмакнулъ въ кофе съ молокомъ, велѣлъ мальчику открыть ротъ и сунулъ ему сахаръ.

Морицъ задыхался отъ заглушаемыхъ рыданій, но изъ страха, что его проколютъ саблѣй, повиновался. «Никогда сахаръ не казался мнѣ такимъ горькимъ, какъ тогда», говоритъ онъ.

Мальчика пугала мысль, что мать оставила его непріятелю, и онъ боялся, какъ бы его не запрятали въ какое-нибудь нѣмецкое учебное заведеніе. Его страхъ прошелъ только тогда, когда за нимъ пришла служанка.

Встрѣча съ побѣдителями-нѣмцами сошла для него благополучно.

— Г е о р г ъ V.—Текуція военныя событія вызываютъ большой интересъ къ представителямъ союзныхъ державъ. Поэтому характеристика англійскаго короля Георга V въ «Revue des deux Mondes» даетъ возможность начертать хотя приблизительный портретъ англійскаго короля Георга V.

Въ Европѣ еще живо помнятъ своеобразную личность его отца, Эдуарда VII. Это былъ типъ англійскаго короля, который совершенно соответствовалъ своей эпохѣ. Но каждому овощу свое время: Эдуардъ VII былъ аристократическій король, его сынъ Георгъ V созрѣлъ для своей болѣе демократической эпохи.

Во всѣхъ отношеніяхъ, по словамъ автора статьи Жака Барду, Георгъ V—полная противоположность Эдуарду VII. Король-дипломатъ, не разъ улаживавшій различные конфликты между другими державами и дипломатами только съ помощью своего краснорѣчія, вполне сохранилъ физическія черты Кобурговъ. Круглая голова, квадратный лобъ, темные зрачки и живой взглядъ Эдуарда VII представляютъ полную противоположность овальному лицу съ узкимъ лбомъ, свѣтлыми мечтательными глазами Георга V. Первый сохранилъ наслѣдственныя черты Викторіи, крѣпкое сложеніе, благодаря которымъ Эдуардъ VII выносилъ всякія излишества вполне благополучно. Георгъ V наоборотъ—тонокъ и строенъ. Его сложеніе нисколько не измѣнилось, несмотря на жизнь моряка, спортъ и строго пуританскій образъ жизни. Онъ не отличается крѣпкимъ сложеніемъ родителей. Но даже физическимъ различіемъ онъ болѣе подходит къ современному типу. Поэтому Эдуардъ VII дышалъ здоровьемъ и остроумнымъ благодушіемъ, а Георгъ V—меланхоличенъ и отличается добротой.

Въ умственномъ и моральномъ отношеніяхъ между отцомъ и сыномъ—большая разница. Эдуарда VII тщательно приготавливали къ роли монарха по программѣ его отца принца Альберта, которая составляла изъ множества знаній, до живыхъ языковъ включительно. Обширность программы довела Эдуарда VII до отвращенія къ книгамъ. Георгъ V ограничился болѣе скромнымъ знаніемъ и у него было одно ремесло—морское дѣло. Пятнадцать лѣтъ будущій король несъ морскую службу, получилъ школьный дипломъ и вполне унаслѣдовалъ отъ Викторіи и Альберта страсть къ порядку, къ книгамъ, ко всякаго рода документамъ и парламентскимъ отчетамъ.

Эдуардъ VII обаятельно дѣйствовалъ на слушателей своимъ разговоромъ, и краснорѣчіе было его единственнымъ оружіемъ въ затруднительныя ми-

нута. Это был очаровательный собеседник. Георгъ V не обладает талантом легкой бесѣды: онъ слишкомъ застѣнчивъ и любитъ обдумывать свои рѣчи. Поэтому отецъ былъ салоннымъ собесѣдникомъ, а сынъ—государственный ораторъ, положительный и авторитетный.

Эдуардъ VII родился политикомъ, онъ былъ имъ инстинктивно. При этомъ еще обстоятельства сложились благоприятно для приобрѣтенія опыта и знанія людей вслѣдствіе долгаго царствованія Викторіи. Слѣдовательно, онъ вступилъ на тронъ вполне подготовленнымъ и зрѣлымъ политикомъ. Георгъ V неохотно покидалъ мостикъ своего крейсера для королевскаго дворца. Это настоящій морякъ и не безъ грусти онъ вступилъ на тяжелый, полный терній путь монарха. Для него это была очень трудная моральная задача. Искренній, въ то же время застѣнчивый, Георгъ V долженъ былъ превратиться въ политика и дипломата. На его счастье, у него нашелся другъ и помощникъ въ лицѣ его жены. Въ Англии, какъ и въ 1850 г., теперь оказалось два государя: Викторіи помогали совѣтами принцъ Альбертъ, Георгу V королева Мэри. Этого не скрываетъ и король; въ своей первой тронной рѣчи онъ сказалъ: «Я нахожу драгоценную поддержку въ сознаніи, что у меня есть въ лицѣ моей дорогой жены ежедневный сотрудникъ въ каждомъ моемъ усиліи для пользы нашего народа».

Вкусы обоихъ королей тоже совершенно различны. Эдуардъ VII любилъ псовыя охоты и аристократическія забавы. Георгъ V предпочитаетъ одиноко бродить по лѣсу съ ружьемъ за плечомъ и съ единственной собакой, его вѣрнымъ другомъ. Отецъ гордился своими конюшнями и ревниво собиралъ призы за своихъ первоклассныхъ скакуновъ. Сына едва могли уговорить оставить на службѣ жокеевъ и наѣздниковъ.

Зато Георгъ V ежедневно присутствуетъ на различныхъ офицерскихъ матчахъ. Отецъ страстно любилъ картежную игру, сынъ любитъ чтеніе.

Парижане до сихъ поръ вспоминаютъ объ Эдуардѣ VII, завсегдатаѣ театральныхъ кулисъ во время своего пребыванія въ Парижѣ. Георгъ V тоже любитъ театръ, но его интересуютъ совершенно другого рода пьесы, чѣмъ тѣ, которыми восторгался его отецъ. Онъ требуетъ отъ театра здороваго и простаго зрѣлища и терпѣть не можетъ извращенныхъ сюжетовъ. Эдуардъ VII наслаждался сложной музыкой, не прочь былъ бы съѣздить въ Байретъ ради оперы Вагнера. Георгъ V боится этой музыки, какъ разбушевавшагося моря, но съ наслажденіемъ слушаетъ Мендельсона и Гуно.

Покойный король былъ непосѣда: онъ все время разъѣзжалъ по Европѣ, преимущественно его притягивалъ къ себѣ Парижъ и модные курорты. Теперешній король Англии выѣзжалъ за границу всего семь разъ: въ 1894 г. онъ пріѣзжалъ къ намъ въ Россію, въ 1898 г. ѣздилъ въ Данію на похороны дѣда; въ 1902 г. былъ въ Берлинѣ; въ 1904 г. въ Вѣнѣ; въ 1906 г. въ Испаніи на свадьбѣ короля; въ 1908 году путешествовалъ во Францію и Германію и въ 1913 году въ Германію на свадьбу дочери Вильгельма.

Модные курорты совсѣмъ его не привлекаютъ; онъ охотнѣе принимаетъ приглашенія въ загородные замки англійской аристократіи. Но и эти визиты бывали очень короткіе. Король разстается со своимъ домомъ неохотно, но свои владѣнія объѣзжалъ не разъ и побывалъ въ Южной Африкѣ, три раза

въ Индіи и на Цейлонѣ, шесть разъ въ Канадѣ. Эдуардъ VII любилъ Старый Свѣтъ, Георга V интересуютъ новыя земли. Отецъ прекрасно говорилъ по-французски, по-нѣмецки и даже по-итальянски. Сынъ читаетъ по-нѣмецки, но не говоритъ на этомъ языкѣ, а по-французски говоритъ, какъ «мичманъ».

Эдуардъ VI былъ не особенно разборчивъ въ выборѣ своихъ знакомыхъ. Ему скучно было безъ интернаціональнаго общества и онъ часто бесѣдовалъ съ космополитическими финансистами и промышленниками. Такимъ образомъ, онъ составилъ себѣ въ Парижѣ и Вѣнѣ кружокъ преданныхъ ему людей, которые порою бывали ему полезны. Но Георгъ V предоставляетъ дипломатическую заботу государственнымъ людямъ и принимаетъ у себя запросто нѣсколько военныхъ, которыхъ давно зналъ, когда еще самъ служилъ во флотѣ. Но эти знакомства нисколько не вліяютъ на принятыя имъ рѣшенія въ государственныхъ вопросахъ. Насколько Эдуарду VII было трудно обойтись безъ компаніи, безъ обмѣна мыслей, настолько невозможно заставить Георга V измѣнить своему долгу конституціоннаго государя и заставить сказать болѣе, чѣмъ онъ находитъ нужнымъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцъ минуло четыре года, какъ Георгъ V несетъ на себѣ тяжесть англійской короны. Времена измѣнчивы и послѣ Эдуарда VII эта корона стала еще тяжелѣе. Первые четыре года царствованія останутся навсегда въ памяти Георга V, такъ много за этотъ періодъ времени встрѣтилось на его пути терніевъ: бюджетная борьба, конституціонный конфликтъ, рабочий вопросъ и ирландскій кризисъ. Авторъ еще не предвидѣлъ предстоящаго европейскаго пожара, въ которомъ Англія приняла участіе.

Программа Георга V ясна, это чисто англійскій король, который слѣдуетъ по стопамъ Викторіи. Цѣли его, конечно, во-первыхъ, быть конституціоннымъ монархомъ и въ то же время сохранить старинныя англійскія традиціи.

Король старается завоевать симпатіи рабочихъ-англичанъ. Съ этою цѣлью въ іюнѣ 1912 года Георгъ V началъ совершать свои періодическія поѣздки по промышленнымъ центрамъ. Сначала онъ осмотрѣлъ въ Уэльсѣ—этомъ центрѣ рабочихъ волненій и колыбели нео-синдикализма, гдѣ разрабатываются руды. Затѣмъ отправился въ Кардифъ. Здѣсь онъ совершенно преобразился въ демократическаго короля и, отбросивъ монархическія прерогативы, вмѣстѣ съ королевой отправились въ автомобиль безъ всякихъ тѣлохранителей въ долины Ронда и Абердаза, гдѣ происходили кровопролитныя сцены. Король вышелъ изъ автомобиля, тщательно осмотрѣлъ все, что относится до безопасности рабочихъ, справился о размѣрѣ заработной платы, говорилъ съ рабочими и далъ имъ нѣсколько совѣтовъ. Королева тѣмъ временемъ занималась фотографіей, снимая портреты дѣтей рабочихъ, а затѣмъ пила чай у жены углекопа.

Когда произошла катастрофа съ рудоклопами въ Йоркширѣ, король самъ спускался въ шахты, проходилъ въ галереи и, чтобы лучше понять работу углекопа, взявъ лопату и отломилъ угольную глыбу. На возвратномъ пути Георгъ V заѣхалъ безъ всякаго предупрежденія къ двумъ рабочимъ.

Черезъ годъ король съ королевой продолжали свой осмотръ и отправились въ Ланкаширѣ, Ливерпуль, Манчестеръ. На этотъ разъ они осматри-

вали фарфоровые заводы и ткацкія фабрики. Эти поѣздки совершались не только безъ всякаго торжества, но даже безъ какого-либо предупрежденія.

Георгъ V и въ роли короля не оставилъ своего военнаго ремесла. Его заботы о военномъ могуществѣ Англіи не ограничиваются только официальнымъ отношеніемъ. Онъ попрежнему близко соприкасается съ военнымъ дѣломъ и когда онъ принимаетъ на себя адмиральскую обязанность, то дѣлаетъ это не просто официальнымъ образомъ, а какъ профессиональный морякъ, знающій свое ремесло. Не проходитъ года, чтобы онъ не предпринялъ морской поѣздки и не произвелъ самаго строгаго осмотра и испытанія своего флота.

— Трагическая кончина императора Максимилиана.—Недавно изданный дневникъ бывшаго мексиканскаго президента Порфирія Діаца даетъ много интересныхъ подробностей первыхъ дней основанія Мексиканской республики и гибели перваго и послѣдняго мексиканскаго императора Максимилиана, младшаго брата теперешняго австрійскаго императора Франца-Иосифа. Максимилианъ былъ женатъ на дочери бельгійскаго короля Леопольда Шарлоттѣ. Честолюбивая и энергичная принцесса тяготилась своимъ положеніемъ при австрійскомъ дворѣ и уговорила своего мужа принять предложеніе мексиканскихъ монархистовъ, которыхъ поддерживалъ Наполеонъ III, занять мексиканскій престоль.

Съ начала шестидесятыхъ годовъ Наполеонъ III сталъ настойчиво искать повода вмѣшаться во внутреннія дѣла Мексики съ цѣлью подчинить эту страну французскому вліанію. Случай, конечно, не замедлил представиться. Раздираемая междоусобной войной, управляемая по очереди вожаками разныхъ политическихъ партій, Мексика быстро обнищала и оказалась не въ состояніи уплачивать свои внѣшніе долги. Оберегая интересы своихъ подданныхъ, Англія, Испанія и Франція рѣшили сообща занять нѣкоторые мексиканскіе портовые города и захватить въ нихъ таможни. Съ этой цѣлью Наполеонъ отправилъ въ Мексику значительное количество войска. Скоро Англія и Испанія отказались отъ оккупации, и французы остались въ Мексикѣ одни. Чтобы окончательно прибрать къ рукамъ страну, Наполеонъ III рѣшилъ превратить ее въ монархію и предложить корону эрцгерцогу австрійскому Максимилиану, который, по слабости своего характера, какъ нельзя лучше подходилъ къ роли простаго исполнителя замысловъ французскаго императора. Для того, чтобы укрѣпить власть новаго главы государства, Наполеонъ обязался не увести изъ Мексики своихъ войскъ ранѣе шести лѣтъ, но обязательства этого не исполнилъ, и французы при Максимилианѣ пробыли тамъ всего два года: Наполеонъ уже сталъ тяготиться мексиканскою экспедиціей. А тутъ еще Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты отказались признать новую имперію и предъявили французамъ ультиматумъ. Чтобы выйти съ честью изъ создавагося положенія, французская дипломатія стала уговаривать Максимилиана отречься отъ престола. Но напрасно старался объ этомъ командовавшій французскими войсками маршалъ Вагенъ: императоръ боялся обвиненій въ трусости и не хотѣлъ оставить на произволъ судьбы своихъ друзей, устроившихъ его избраніе. При этомъ Максимилианъ сдѣлалъ огромную ошибку. Повѣривъ донесенію, что глава боровагося съ нимъ респу-

бликанскаго правительства Юарець выгѣсненъ изъ предѣловъ Мексики и поселился на территоріи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, императоръ издалъ указъ, въ которомъ было объявлено, что республиканское правительство перестало существовать и что отнынѣ каждый офицеръ республиканскихъ войскъ будетъ считаться мятежникомъ и подлежить смертной казни черезъ разстрѣляніе. Этотъ указъ повелъ къ тому, что члены многихъ вліятельныхъ въ Мексикѣ семей подверглись разстрѣлянію.

Несчастный Максимиліанъ, какъ говорятъ, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по чужой указкѣ. Онъ вообще имѣлъ небольшое вліяніе на дѣла, предпочитая предаваться научнымъ занятіямъ и предоставивъ ихъ вести своей энергичной женѣ: она руководила министрами и вмѣшивалась даже въ ходъ военныхъ предпріятій, имѣвшихъ цѣлю подавить республиканскія войска, находившіяся подъ командой Порфирія Діаца. Императрица Шарлотта видѣла ясно опасное положеніе, въ которомъ они находились, но упорно отклоняла предложеніе маршала Базена—удалиться изъ Мексики. Чтобы предотвратить уходъ французскихъ войскъ, отступившихъ въ городъ Веракруцъ, императрица рѣшила ѣхать въ Европу и просить помощи у Наполеона и папы, который въ апрѣлѣ 1864 года далъ свое полное согласіе и благословеніе на отъѣздъ Максимиліана въ Америку.

Парижъ отнесся къ мексиканской императрицѣ довольно непривѣтливо. Наполеонъ даже не явился на вокзалъ ее встрѣтить. Онъ упорно избѣгалъ видѣться съ нею и только послѣ нѣсколькихъ настойчивыхъ просьбъ согласился дать ей аудіенцію. Аудіенція эта состоялась въ С.-Клу. Одна придворная дама случайно находившаяся при этомъ, оставила любопытное описаніе этой встрѣчи Наполеона и императрицы Шарлотты. Съ видомъ полного равнодушія французскій императоръ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Когда же его собесѣдница начинала горячиться, онъ только нетерпѣливо качалъ головой. Раздраженная полнымъ безучастіемъ къ ней Наполеона, императрица Шарлотта потеряла, наконецъ, всякое самообладаніе и крикнула ему въ лицо: — Стыдно мнѣ, принцессѣ королевскаго дома, умолять о милости какого-то плебейскаго проходимца!

Упомянутая придворная дама свидѣтельствуетъ, что бѣдная императрица вышла изъ кабинета Наполеона едва похожей на самое себя.

Изъ Парижа она бросилась въ Римъ, не дожидаясь, пока будутъ исполнены разныя дипломатическія формальности, связанныя со свиданіемъ съ папой. Въ Ватиканѣ произошелъ полный переполохъ, когда въ одно прекрасное утро въ папскомъ дворцѣ явилась мексиканская императрица. По церемоніалу всѣ дамы должны были представляться его святѣйшеству не иначе, какъ въ черныхъ креповыхъ покрывалахъ. Но императрицѣ Шарлоттѣ было не до церемоніала, и она явилась къ папѣ, какъ была, въ дорожной соломенной шляпѣ. Она была такъ возбуждена, что папа и кардиналы едва могли ее успокоить. Пришлось даже оставить ее переночевать въ Ватиканѣ—единственный разъ во всей исторіи Ватикана, когда женщина, завѣдомо для всѣхъ, провела ночь въ папскомъ дворцѣ. На другой день у несчастной женщины обнаружили явные признаки сильнѣйшаго нервнаго расстройства, граница-

щаго съ душевной болѣзнью. Съ трудомъ удалось уговорить ее выѣхать изъ Ватикана подъ предлогомъ осмотра какого-то новаго женскаго монастыря. Несчастную женщину изъ Рима отправили въ роковой для Габсбурговъ замокъ Мирамаръ, а оттуда въ Бельгію. Но это возвращеніе на родину не спасло ее: душевная болѣзнь быстро развивалась, омрачая сознаніе.

Максимиліанъ уже не видѣлся больше со своей супругой. Успѣхи республиканскихъ войскъ, предводимыхъ Порфіріемъ Діацемъ, скоро убѣдили его въ томъ, что ему уже нѣтъ спасенія. Чтобы избѣжать обложенія, онъ удалился въ городокъ Кверетаро и отсюда пытался завязать переговоры съ республиканцами. Но напрасно старались въ этомъ направленіи его духовникъ патеръ Фишеръ и принцесса Зальмъ—американка по происхожденію, имѣвшая большія связи въ республиканскихъ кружкахъ. Осадившій почти незащищенный Кверетаро генераль Эскобедо заявилъ, что онъ не уполномоченъ вести переговоры и требуетъ безусловной сдачи города. При дальнѣйшихъ переговорахъ онъ давалъ понять, что онъ не будетъ мѣшать, если императоръ рѣшится бѣжать въ гавань Веракруць. Но Максимиліанъ не могъ, конечно, согласиться на такой выходъ и продолжалъ руководить защитой города. Ночью 14-го мая 1867 года рѣшено было сдѣлать вылазку и пробиться сквозь непріятельскія войска. Но планъ этотъ былъ разрушенъ измѣною полковника Мигуэля Лопеца, который со всѣмъ своимъ отрядомъ перешелъ на сторону республиканцевъ.

15-го мая 1867 года Кверетаро былъ взятъ, и Максимиліанъ очутился въ плѣну.

Услышавъ ночью выстрѣлы, онъ бросился изъ спальни къ войскамъ и храбро повелъ ихъ въ атаку. Но было уже поздно. Побѣдители республиканцы предлагали ему бѣжать, но императоръ хотѣлъ остаться до конца съ вѣрными ему людьми. Онъ не пожелалъ явиться передъ военнымъ судомъ и поручилъ свою защиту лучшимъ мексиканскимъ адвокатамъ. Но они не могли ничего сдѣлать въ такихъ обстоятельствахъ, и судъ приговорилъ сверженнаго императора къ смертной казни черезъ разстрѣляніе. Надѣялись, что этотъ приговоръ не будетъ приведенъ въ исполненіе, но президентъ Юарецъ долженъ былъ считаться съ гнѣвомъ народа, который не могъ забыть роковаго указа Максимиліана. Европейскія державы не замедлили вступить въ это дѣло и предлагали республиканцамъ отпустить сверженнаго императора, обязавъ его словомъ никогда не возвращаться въ Мексику. Но всѣ усилія ихъ были тщетны. Юарецъ стоялъ на томъ, что приговоръ долженъ быть исполненъ. Въ послѣдніе дни своей жизни Максимиліанъ выказалъ большое мужество. Въ день казни онъ въ пять часовъ утра отстоялъ обѣдню вмѣстѣ съ двумя генералами, также осужденными на смертную казнь. Когда въ его камеру явился капитанъ Гонзалець, чтобы вести его къ мѣсту казни, сверженный императоръ былъ совершенно спокоенъ. «Такова воля Божія, и противъ нея мы всѣ безсильны»,—сказалъ онъ окружающимъ.

Стояла чудная погода. «Какой чудный день,—замѣтилъ Максимиліанъ.— Я всегда желалъ умереть именно въ такой день».

Троихъ осужденныхъ поставили вдоль каменной стѣны. Максимиліанъ

просилъ не завязывать ему глаза. Его хотѣли поставить по срединѣ, но онъ воспротивился этому и предложилъ стать по срединѣ генералу Мирамону. «И въ послѣднюю минуту монархъ долженъ почтить храбраго солдата»,—сказалъ онъ.

Короткая рѣчь, съ которой онъ обратился къ народу, сопровождалась громкими рыданіями. Потомъ онъ роздалъ назначеннымъ для исполненія приговора солдатамъ имѣвшееся у него золото и просилъ стрѣлять ему въ грудь, а не въ голову, чтобы лицо его не было обезображено, и мать могла его узнать. Раздалось пять выстрѣловъ. Максимилианъ упалъ на бокъ. Онъ не былъ убитъ сразу. Поэтому командовавшій солдатами офицеръ перевернулъ его на спину и пронзилъ его сердце саблей.

Черезъ тридцать лѣтъ его братъ Францъ-Иосифъ поставилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ разстрѣлянъ, небольшую часовню, и это единственный слѣдъ, оставшійся отъ былаго величія мексиканскаго императора.

— Фейерверкъ въ старинной Франціи.—Фейерверкъ со времени Людовика XIV былъ главнымъ развлеченіемъ во Франціи, безъ котораго не обходилось ни одно празднество. Его одинаково любили и члены королевской семьи и простые люди. Ежегодно въ Ивановъ день цѣлыя толпы пригородныхъ крестьянъ наводняли Парижъ, чтобы видѣть фейерверкъ, который городъ устраивалъ на берегу Сены или на Гревской площади. Ивановъ день въ старинной Франціи считался какъ бы національнымъ праздникомъ. Передъ зданіемъ коммуны (городской думы) воздвигались старшиной купеческаго цеха подмостки, гдѣ устанавливался фейерверкъ, и король долженъ былъ зажечь этотъ фейерверкъ собственноручно. Впрочемъ, рядомъ съ этимъ, такъ сказать, официальнымъ фейерверкомъ частныя лица устраивали и свои собственные, и король присутствовалъ на ихъ сожженіи съ величайшимъ удовольствіемъ. Чтобы угодить королю, придворные и богатые горожане устраивали приспособленія для фейерверка амфитеатромъ, въ центрѣ котораго помѣщался король со свитой, а по діаметру стояла стража, не допускавшая зрителей проникнуть въ этотъ полукругъ.

При Людовикѣ XIV, какъ и въ наши дни, въ праздничные вечера развѣшивались разноцвѣтные фонарики. Трактиры и гостиницы, какъ и теперь, кишѣли посѣтителями, которые выбирались со своими столиками на улицу. На каждомъ перекресткѣ устраивались танцы подъ звуки бродячаго оркестра изъ трехъ-четыреухъ человекъ, а уличные мальчишки потѣшали себя тѣмъ, что незамѣтно бросали подъ ноги танцующихъ и прохожихъ петарды.

Въ такія ночи парижская полиція была безсильна остановить безчинства разнаго бездомнаго народа, собиравшагося въ Парижѣ. Ограничивались лишь тѣмъ, что посылали кое-гдѣ по улицамъ патрули. Этой слабостью полиціи пользовались, между прочимъ, всякіе религіозные и политическіе изуверы и громко выкрикивали на улицахъ рѣчи, за которыя въ обыкновенное время имъ отрѣзали бы языкъ.

Фейерверкъ въ XVII столѣтіи пускали обыкновенно на землѣ и очень рѣдко на водѣ. Самые роскошные изъ нихъ устраивались обыкновенно самимъ королемъ. Такіе фейерверки изображали обыкновенно цѣлыя мифологическіе

сюжеты, иногда же намекали на какія-нибудь политическія событія данной минуты. Такъ, напримѣръ, фейерверкъ, сожженный во времена фронды послѣ заключенія мира, изображалъ Аполлона и музъ, которыя вручали королю корону безсмертія. Въ 1650 г. принцы Конде и Конти, обвиненные въ неповиновеніи королевской власти, были арестованы и заключены въ Венсенскомъ замкѣ. И фейерверкъ аллегорически отразилъ это событіе. Онъ изображалъ титановъ, которые въ своемъ возмущеніи противъ Юпитера стали громоздить гору Пелліонъ на Оссу, но были сброшены внизъ перунами верховнаго бога.

Когда черезъ восемь лѣтъ фронда была окончательно сломлена, фейерверкъ изображалъ Людовика въ видѣ Персея, держащаго въ рукахъ голову Медузы. Народъ, которому много приходилось терпѣть отъ междоусобной войны, отлично понималъ смыслъ этихъ аллегорическихъ изображеній и привѣтствовалъ ихъ громкими криками одобренія.

Иногда намекъ на политическія событія достигался соответственными украшениями. Такъ было, напримѣръ, въ 1689 году. Въ этомъ году городское управленіе воздвигло на одномъ изъ портиковъ городской ратуши конную статую Людовика XIV. День открытія статуи прошелъ очень скучно, такъ какъ обычнаго фейерверка не было. Чтобы сгладить это впечатлѣніе, на Гревской площади построили пышный храмъ славы, въ которомъ была помѣщена копія этой статуи. По фронтону этого храма красовались многочисленныя надписи, въ которыхъ отмѣчались текуція политическія событія. Такія временныя постройки обыкновенно воздвигались на празднествахъ, имѣвшихъ цѣлью прославленіе короля.

Въ 1674 году въ Версалѣ былъ данъ грандіозный праздникъ въ честь м-ше де-Лавальеръ и м-ше де-Монтеспанъ. Послѣ балета и всякихъ увеселеній былъ по обычаю сожженъ фейерверкъ, столь гигантскій, что обширный версальскій паркъ какъ бы превратился въ залитый огнемъ адъ. Устроенъ онъ былъ по рисункамъ директора академіи искусствъ Лебрена и потребовалъ огромныхъ сооруженій—пирамидъ, пьедесталовъ, обелисковъ и пр.

— Покушеніе Орсини на Наполеона III¹⁾.—Начальникъ архива въ Мантуѣ Алессандро Луціо выпустилъ книжку, посвященную отцу всѣхъ политическихъ бомбистовъ Феличе Орсини, покушавшемуся на жизнь Наполеона III 14-го января 1858 г. Покушеніе, какъ извѣстно, не удалось: Наполеонъ и императрица Евгенія остались живы, но зато площадь Парижской оперы превратилась въ настоящее поле битвы: изъ лошадей, которыя везли императорскую карету, одна была убита, другая ранена. Кромѣ лошадей, изъ толпы было ранено болѣе или менѣе тяжело 156 человекъ. Злодѣяніе это стало предметомъ легенды, и впослѣдствіи многіе утверждали, что Наполеонъ вступилъ въ войну за освобожденіе Италіи только потому, что это покушеніе нагнало на него страха.

До сего времени историки обходили молчаніемъ личность Орсини. Его новѣйшій біографъ также не даетъ его полной біографіи, а выбираетъ изъ пестрой и бурной жизни этого итальянскаго выходца только три наиболѣе интерес-

¹⁾ *Allessandro Luzio. Felice Orsini. Mil. 1914.*

ныхъ момента: убійство одного слуги, совершенное Орсини въ ранней молодости, полное всякими приключеніями бѣгство Орсини въ Мантую и наконецъ покушеніе его на Наполеона III. Для своихъ работъ Луціо пользовался какъ матеріалами мантуанскаго архива, такъ въ особенности нѣкоторыми свѣдѣніями, полученными отъ еще здравствующей императрицы Евгеніи и близкихъ къ ней людей.

Итальянцы не разъ покушались на жизнь Наполеона, считая его виновникомъ уничтоженія Римской республики. Партія Мадзини, почти одновременно съ миланцемъ Путшемъ, задумала произвести покушеніе на императора, когда онъ въ 1853 году ѣхалъ вѣнчаться въ знаменитый соборъ Notre Dame de Paris. Покушеніе это, однако, не удалось. Точно также не удался заговоръ, который австрійская полиція раскрыла въ Миланѣ. Душа этого заговора Бидешини успѣлъ бѣжать при явномъ попустительствѣ полиціи. Затѣмъ идутъ еще два неудачныхъ покушенія со стороны итальянцевъ—Пианори въ 1855 и Тибальди осенью въ 1857 г. На Орсини всѣ эти покушенія дѣйствовали, какъ своего рода психическая зараза: осмѣивавшій ранѣ подобныя затѣи, онъ теперь самъ рѣшился бросить бомбу въ Наполеона.

Орсини былъ во враждебныхъ отношеніяхъ съ Мадзини. Онъ считалъ, что глава итальянскихъ революціонеровъ не имѣлъ права оставлять его на произволъ судьбы, когда онъ былъ посаженъ въ Мантуѣ въ тюрьму за свои революціонныя дѣянія въ Венгріи. Во-вторыхъ, ему самому хотѣлось играть роль вожака всего итальянскаго движенія. Послѣ разрыва съ Мадзини, для Орсини оставались два пути: или примкнуть къ пьемонтскому правительству съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ работать надъ объединеніемъ Италіи, или же совершить какое-нибудь дѣяніе, которое прославило бы его и дало ему возможность основать свою собственную партію.

31-го марта 1857 года Орсини, между прочимъ, писалъ Кавуру изъ Эдинбурга: «Мой патріотизмъ долженъ состоять изъ дѣлъ, а не изъ словъ. Я буду сражаться противъ чужеземцевъ вездѣ, гдѣ они держатъ въ рабствѣ мою несчастную родину. Поэтому прошу васъ снабдить меня сардинскимъ паспортомъ, чтобы я могъ вернуться въ Италію». Письмо оканчивается приглашеніемъ поднять возстаніе въ Романьѣ.

Кавуръ оставилъ это письмо безъ отвѣта. «Письмо Орсини благородно и энергично,—писалъ онъ д'Азеліо:—но я не могу на него отвѣчать: мнѣ пришлось бы хвалить Орсини, что теперь неумѣстно».

Дипломатическое молчаніе Кавура привело къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ: для Орсини не оставалось другого средства, какъ выступить самому. Въ 1908 году императрица Евгенія письменно подтверждала, что Наполеонъ не принадлежалъ ни къ какимъ тайнымъ сообществамъ и предпринялъ походъ въ 1859 г. вовсе не изъ страха передъ итальянскими заговорщиками. Орсини всегда высказывался противъ всякихъ покушеній и потому полиція разрѣшила ему пріѣхать въ Парижъ. Эти объясненія бывшей императрицы находятъ себѣ полное подтвержденіе. Извѣстно, что между Орсини и Мадзини произошелъ расколъ именно потому, что первый рѣзко порицалъ террористическія выступленія приверженцевъ Мадзини. Не надо забывать и того, что въ 1849 г.,

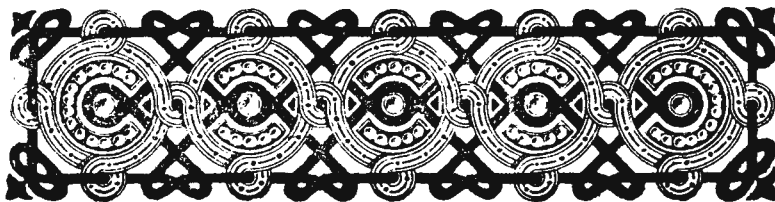
когда весь Римъ былъ въ броженіи, не кто иной возстановилъ тамъ порядокъ, какъ Орсини. Поэтому-то французская полиція, получивъ свѣдѣнія о его прибытіи въ Парижъ, сочла излишнимъ устанавливать надъ нимъ наблюденіе

Подготавливая покушеніе на Наполеона, Орсини привезъ съ собой въ Парижъ нѣсколькихъ сообщниковъ. Одинъ изъ нихъ, Джузеппе Пьери изъ Лукки, былъ арестованъ незадолго до покушенія. Вскорѣ послѣ этого ареста передъ театромъ оперы были брошены три бомбы. Одну изъ нихъ бросилъ неаполитанецъ Гомецъ, вторую нѣкто Рудіо. Кто бросилъ третью, остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Самъ Орсини показавъ на судѣ, что онъ лично бомбы не бросалъ и довольствовался лишь тѣмъ, что руководилъ дѣйствіями заговорщиковъ. Въ 1908 г. Рудіо, бывший тогда еще въ живыхъ, заявилъ, что третій заговорщикъ былъ не кто иной, какъ бывший итальянскій министръ-президентъ Криспи. Но это показаніе возбуждаетъ большія сомнѣнія. Описаніе наружности этого третьяго заговорщика, которое даетъ Рудіо, совершенно не сходится съ тогдашними портретами Криспи. Во-вторыхъ, парижская полиція, арестовавшая послѣ покушенія въ числѣ другихъ и Криспи, не нашла въ его поведеніи ничего подозрительнаго, и онъ былъ вскорѣ освобожденъ.

Для Орсини вскорѣ послѣ покушенія стало ясно, что онъ сдѣлалъ огромную политическую ошибку. Между прочимъ, его посѣтилъ въ тюрьмѣ начальникъ парижской полиціи Пьетри и указавъ ему, что Наполеонъ—единственный другъ Италіи и что, будь онъ убитъ, Италія была бы всецѣло предоставлена во власть Австріи. Въ виду полнаго раскаянія Орсини Наполеонъ хотѣлъ было его помиловать, и императрица Евгенія дала возможность его женѣ публично броситься въ ноги императору. Этимъ надѣялись смягчить общественное настроеніе, чрезвычайно враждебное Орсини вслѣдствіе значительнаго количества жертвъ, павшихъ отъ его бомбы. Но жена Орсини не захотѣла воспользоваться этимъ случаемъ. Одна изъ дочерей Орсини, нѣкая Спандони, существующая до сихъ поръ, свидѣтельствуетъ, что и послѣ казни ея отца императрица помогала его семьѣ и даже присылала его дѣтямъ игрушки. Чтобы спасти Орсини, Наполеонъ разрѣшилъ его защитнику Жюлю Фавру прочесть на судѣ письмо, которое имъ было получено отъ Орсини изъ тюрьмы.

Процессъ продолжался два дня, 25-го и 26-го февраля. Несмотря на блестящую рѣчь Фавра, всѣ три подсудимыхъ были приговорены къ смерти. Хладнокровіе и самообладаніе не покидали Орсини даже въ то время, когда его везли на эшафотъ. За два дня до казни онъ изъ тюрьмы Рекеттъ прислалъ второе письмо императору, въ которомъ снова признаетъ свою ошибку и выражаетъ раскаяніе.

Орсини—первый политическій преступникъ, покушавшійся на жизнь главы государства при помощи бомбы. Біографическія данныя какъ будто оправдываютъ теорію Ламброзо и свидѣтельствуютъ, что онъ былъ несомнѣнно не вполне здоровый человекъ. Въ дѣтствѣ онъ упалъ съ балкона третьяго этажа и сильно разбилъ себѣ голову. Дальнѣйшія тяжелыя обстоятельства его жизни, опасности, бѣгство, изгнаніе, очевидно, совершенно нарушили равновѣсіе его нервной системы и привели на скамью подсудимыхъ.

С М Ъ С Ъ.

ОЛИТВА о раненыхъ. Святѣйшій синодъ въ послѣднемъ своемъ засѣданіи постановилъ разослать всѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ слѣдующее распоряженіе: «Признавая благовременнымъ, дабы на ряду съ моленіями о дарованіи христіолюбивому нашему воинству побѣды надъ супостатомъ повседневно въ православныхъ храмахъ за церковными богослуженіями были возносимы Господу Богу моленія о раненыхъ на полѣ битвы воинахъ нашихъ, святѣйшій синодъ опредѣлилъ: установленныя по опредѣленію отъ 20-го іюля сего года моленія за Императора и за люди во время брани противу супостатовъ дополнить моленіемъ о раненыхъ воинахъ нашихъ, изложивъ сіе моленіе такъ: «О еже подати силу и крѣпость христіолюбивому воинству нашему и союзникомъ нашимъ, и мужественны и непреборимы сопротивъ всякаго врага и супостата ихъ показать, и рабомъ своимъ миръ и утверженіе и отъ всѣхъ бѣдъ и нуждъ и вражійхъ навѣтовъ скорое освобожденіе даровати, воинамъ нашимъ, во бранехъ ураненнымъ, скорое исцѣленіе подати, Господу помолимся. Прости руку Твою свыше, Господи, и коснися сердце враговъ нашихъ, да обратятся къ Тебѣ Богу мира и любящему созданіе Свое: насъ же уповающихъ на Тя силою Твоею укрѣпи имени Твоего ради, воины же наша, на полѣ брани отъ враговъ раны приимшыя, скоро воздвигни отъ одра болѣзни, молимся Тебѣ, услыши и помилуй».

Постановленіе 131-й славянской трапезы 7-го августа. На состоявшейся, подъ предсѣдательствомъ Б. В. Глинскаго, 131-й трапезѣ было принято слѣдующее постановленіе: 1) Обратиться къ верховному главнокомандующему всѣми русскими военными силами великому князю Николаю Николаевичу съ нижеслѣдующей

всепреданнѣйшей телеграммой: «Великимъ благовѣстомъ по всему славянскому міру пронеслись призывы верховнаго главнокомандующаго всѣми русскими вооруженными силами къ славянскимъ народамъ, возвѣстившіе грядущую свободу всему славянству. Лучшіе завѣты русской истории, высія чаянія всей Россіи звучали въ этихъ призывахъ, воспламеня сердца восторгомъ и счастьемъ. Участники 131-й славянской трапезы просятъ Ваше Императорское Высочество повергнуть къ стопамъ Его Величества Государя Императора, верховнаго покровителя всѣхъ славянъ, чувства безпредѣльной любви и преданности и просятъ васъ принять выраженія ихъ всепреданнѣйшаго восторга и пламенной увѣренности въ побѣдѣ и славѣ русскаго оружія». На эту телеграмму изъ ставки верховнаго главнокомандующаго за подписью начальника штаба генерала Янушкевича послѣдовалъ милостивый отвѣтъ на имя председателя 131-й трапезы В. В. Глинскаго: «Верховный главнокомандующій сердечно благодаритъ васъ и бывшихъ съ вами за выраженныя чувства». 2) Обратиться съ телеграммой къ бельгійскому посланнику въ Петроградъ: «Въ глубокомъ восхищеніи геройскому сопротивленію Бельгіи могущественнѣйшему врагу, участники славянскихъ трапезъ выражаютъ всему бельгійскому народу, доблестной арміи и ея верховному руководителю чувства своего безпредѣльнаго восторга и полной увѣренности, что соединенная франко-англо-бельгійская армія дастъ надлежащій отпоръ воинствующему германизму». На эту телеграмму отъ бельгійскаго посланника послѣдовалъ на французскомъ языкѣ отвѣтъ на имя В. В. Глинскаго: «Глубоко тронутый выраженіемъ вашихъ чувствъ къ бельгійскому народу и арміи, прошу принять васъ и участниковъ трапезы искреннюю мою признательность. Да ниспошлетъ Господь полную побѣду арміямъ нашихъ союзныхъ государствъ, сражающихся за общее справедливое дѣло». 3) Освѣдомившись изъ письма, прочитаннаго на трапезѣ генераломъ Поповичемъ-Липовацемъ, о чрезвычайной и безысходной нуждѣ геройской черногорской арміи въ медицинскомъ персоналѣ, который теперь на всю армію выражается всего лишь въ двухъ полевыхъ госпиталяхъ по пятидесяти коекъ въ каждомъ, при отсутствіи даже полевыхъ аптекъ, фельдшеровъ и перевязочнаго матеріала, такъ что наблюдаются уже случаи гніенія ранъ,—собравшіеся обращаются ко всему русскому народу съ горячимъ призывомъ о пожертвованіяхъ на отрядъ Краснаго Креста для Черногоріи, организацію же отряда просятъ принять на себя славянское благотворительное общество. Во исполненіе этого постановленія будетъ опубликовано во всѣхъ газетахъ воззваніе о пожертвованіяхъ деньгами, бѣльемъ, перевязочнымъ матеріаломъ. Пожертвованія будутъ приниматься въ редакціяхъ всѣхъ газетъ столичныхъ и провинціальныхъ для передачи петроградскому славянскому благотворительному обществу (Петроградъ, Звенигородская, 24). Означенное общество уже организовало и отправило небольшой санитарный отрядъ въ Черногорію. Для усиленія средствъ этого отряда на трапезѣ 14-го августа, по общему желанію всѣхъ присутствовавшихъ, былъ произведенъ сборъ, давшій 354 рубля, которые и переданы въ славянское благотворительное общество. 4) Выразить черезъ петроградское вспомогательное чешское общество особое сочувствіе чешскому народу,

ставшему за непоколебимую преданность славянству очередной жертвой кровавой расправы австрийцевъ, разгромившихъ Золотую Прагу. Собравшіеся шлютъ свое сердечное и полное сочувствіе и выражаютъ твердую увѣренность, что настала часъ окончательнаго освобожденія всего славнаго чешскаго народа. 5) Обратиться съ телеграммой къ сербскому королевичу Александру: «Безпримѣрная, сопровождаемая постояннымъ успѣхомъ борьба сербской арміи съ превышающимъ числомъ противникомъ окрыляетъ собравшихся за трапезой надеждою, что сербскій народъ до конца доведетъ свою историческую задачу—полное объединеніе всего сербскаго племени. Да здравствуютъ сербскій народъ и армія и ея доблестный вождь». 6) Обратиться съ телеграммой къ болгарскому царю Фердинанду: «Участники славянскихъ трапезъ, среди которыхъ много дѣятелей войны, освободившей Болгарію отъ турецкаго ига и возродившей ее, какъ самостоятельное государство, находятъ безусловно необходимымъ засвидѣтельствовать передъ вашимъ величествомъ о томъ въ высшей степени тягостномъ настроеніи во всемъ русскомъ обществѣ и народѣ, которое создано въ слѣдствіе невыяснивагося до сихъ поръ отношенія Болгаріи къ настоящей войнѣ, когда весь славянскій міръ во главѣ съ Россіей, вмѣстѣ съ Франціей и Англійей, объединился въ напряженной борьбѣ съ нескрываемымъ стремленіемъ германскаго міра къ всеевропейской гегемоніи и разгрому славянства. Собравшіеся не считаютъ возможнымъ, чтобы въ этотъ рѣшительный для всего славянства часъ всѣ славянскіе народы не объединились въ этой послѣдней войнѣ для полнаго освобожденія всѣхъ славянъ, согласно высочайшей волѣ, выраженной Государемъ Императоромъ въ обращеніи къ русскому народу. Россія ждетъ отъ Болгаріи рѣшительнаго и скорого отвѣта». 7) Обратиться съ телеграммой къ вождямъ всѣхъ болгарскихъ политическихъ партій: «Участники славянскихъ трапезъ, среди которыхъ много дѣятелей за освобожденіе Болгаріи, считаютъ долгомъ русской и славянской совѣсти засвидѣтельствовать, что въ случаѣ дальнѣйшаго колебанія Болгаріи—примкнуть ли къ стану враговъ славянства, или къ борцамъ за освобожденіе всѣхъ славянскихъ народовъ, Болгарія можетъ оказаться внѣ славянской семьи и рискуетъ не только не достигнуть объединенія своихъ раздробленныхъ земель, но и остаться безъ поддержки въ моментъ, когда Болгаріи будетъ грозить потеря ея самостоятельности. Помните, народные представители, что на васъ больше, чѣмъ на комъ-нибудь, лежитъ отвѣтственность за будущее страны и народа».

Постановленія 132-й славянской трапезы 14-го августа. Участники славянскихъ трапезъ считаютъ совершенно доказаннымъ, что Германія и Австрія уже давно и исключительно готовились къ войнѣ съ Россіей и съ балканскимъ славянствомъ, что анексія Босніи и Герцеговины, созданіе австрийской Албаніи, братоубійственныя сербско-болгарскія войны, послѣднее предательское нападеніе на Сербію—были только подготовительными шагами къ исполненію общаго германскаго плана—отторгнуть Россію въ Заволжье, низвести ее въ разрядъ второстепенныхъ державъ и принудительными договорами сдѣлать ее вѣчной данницей германской промышленности. Собравшіеся также считаютъ доказаннымъ, что нѣмецкое вліяніе въ Россіи,

какъ внѣшнее, такъ и внутреннее, всегда поддерживало реакціонное направленіе, питало внутренніе безпорядки и всячески задерживало общее развитіе Россіи, которое было нежелательно и даже страшно для Германіи; что нѣмцы, будучи не только германскими, но и русскими подданными, всегда съ презрѣніемъ относились къ Россіи и русскимъ и открыто называли славянъ низшей расой, достойной быть только въ услуженіи у германскаго міра. Безконечное число случаевъ доказываетъ, что живущіе въ Россіи нѣмцы продолжаютъ считать своимъ отечествомъ Германію и своимъ государемъ «кайзера Вильгельма», что имъ особенно облегчается германскимъ закономъ о «двойномъ подданствѣ». Послѣдніе случаи въ Калишѣ, Лодзи и особенно въ Пабіаницахъ, гдѣ мѣстные нѣмцы сочувственно отнеслись къ занятію этихъ городовъ германскими отрядами, совершенно ясно доказываютъ, что нѣмецкій элементъ въ Россіи является непримиримо враждебнымъ славянству и даже опаснымъ для цѣлости страны. Собравшіеся также считающіе доказаннымъ чрезмѣрное переполненіе нѣмецкими товарами, зачастую низшаго качества, русскаго рынка и захватъ нѣмецкими фирмами многихъ отраслей русской торговли, промышленности и фабрично-заводскихъ предпріятій, каковыя обстоятельства не даютъ возможности развиваться русскому почину въ переименованныхъ областяхъ и дѣлаютъ весь русскій народъ постояннымъ данникомъ всегда враждебной намъ страны, которая на русскія же деньги выполняла всѣ свои приготовленія къ теперешней войнѣ съ Россіей. Собравшіеся вмѣстѣ съ тѣмъ считаютъ не только глубокооскорбительнымъ для народнаго русскаго самолюбія, но и чрезвычайно опаснымъ для правильнаго и здороваго развитія государственной и общественной жизни Россіи дальнѣйшее пребываніе многочисленнаго нѣмецкаго элемента на высшихъ административныхъ должностяхъ во всѣхъ министерствахъ и, въ особенности, въ учебно-воспитательныхъ учрежденіяхъ, такъ какъ сухой, мертвящій формализмъ, нескрываемое презрѣніе ко всему не нѣмецкому, чрезмѣрная кичливость, формальное отношеніе къ своимъ обязанностямъ отличаютъ нѣмцевъ-чиновниковъ и педагоговъ во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ и на всѣхъ должностяхъ и угнетающе дѣйствуютъ на развитіе русской національной жизни. Собравшіеся, учитывая все вышесказанное, постановляютъ: 1) Одновременно съ безпощадной войной съ Австро-Германіей съ оружіемъ въ рукахъ начать не менѣе энергичную борьбу съ нѣмецкимъ вліяніемъ и засильемъ во всемъ его цѣломъ и въ чемъ бы оно ни выражалось, для чего устроить въ ближайшемъ времени рядъ общественныхъ собраній для подробнаго обсужденія всѣхъ мѣръ и способовъ уничтоженія нѣмецкаго вліянія и засилья. Организацию такихъ собраній возложить на особое бюро. 2) Организовать особую комиссію съ привлеченіемъ въ нее русскихъ фабрикантовъ, заводчиковъ и коммерсантовъ для выясненія мѣръ и способовъ немедленнаго пріобрѣтенія международныхъ рынковъ для сбыта русскихъ товаровъ. 3) Выяснить вопросъ о правѣ германскихъ и австрійскихъ подданныхъ владѣть недвижимою собственностью, а также состоятъ на службѣ въ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, коммерческихъ, торговыхъ и фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ. 4) Возбудить вопросъ объ урегулированіи крупнаго нѣмецкаго землевладѣнія, о нѣмецкихъ колоніяхъ, особенно въ

мѣстностяхъ, важныхъ въ стратегическихъ отношеніяхъ или особенно цѣнныхъ по историческимъ воспоминаніямъ и событіямъ, напримѣръ: островъ Хортица, гдѣ была столица запорожскаго войска, нынѣ занятый цѣликомъ нѣмецкими колоніями. 5) Изыскать мѣры и средства, которыя могли бы парализовать германскій законъ о двойномъ подданствѣ. 6) Ходатайствовать о замѣнѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ нѣмецкаго языка англійскимъ. 7) Принять полностью слѣдующее предложеніе І. В. Никанорова: для освобожденія Россіи отъ уплаты торговопромышленной дани нѣмцамъ и очищенія русскихъ предпріятій отъ нѣмецкой администраціи и техникувъ—необходимо: а) оказывать самое широкое содѣйствіе кредитомъ какъ существующимъ, такъ и имѣющимся открыться торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ, доставляющимъ населенію продукты, которые до войны привозились изъ Германіи и Австріи; б) немедленно открыть и расширить существующіе техническіе и ремесленные курсы и классы для подготовки специалистовъ-рабочихъ; в) всемѣрно содѣйствовать промышленному предпринимательству, кооперативамъ и кустарямъ, вырабатывающимъ русскіе продукты; г) послѣ войны таможенными и тарифными ставками охранить всѣ виды русскаго производства въ противѣсъ нѣмецкому ввозу; д) ввиду полной невозможности получить въ Россіи извѣстные продукты промышленности обусловить всѣми льготами и преимуществами полученіе таковыхъ изъ дружественныхъ намъ странъ и славянскихъ земель. 8) Возбудить ходатайство передъ правительствомъ о конфискаціи имущества тѣхъ живущихъ въ Россіи австрійскихъ и германскихъ подданныхъ, дѣти и близкіе родственники которыхъ сражаются во враждебныхъ намъ арміяхъ. 9) Обратиться съ ходатайствами къ предсѣдателю совѣта министровъ, ко всѣмъ министрамъ и начальникамъ самостоятельныхъ учрежденій, зывая къ ихъ русскому чувству и патріотизму, не назначать на отвѣтственные и высшія должности нѣмцевъ. 10) По предложенію П. В. Лаврова—обратиться къ правительству съ самымъ настойчивымъ ходатайствомъ о полномъ прекращеніи продажи водки не только во время войны, но и навсегда. 11) Послать привѣтственные телеграммы генераламъ Ренненкампуфъ и Иванову въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Участники славянскихъ трапезъ восторженно привѣтствуютъ ваше превосходительство и ввѣренное вамъ христолюбивое воинство съ одержанными блестящими побѣдами надъ врагомъ въ непоколебимой увѣренности окончательнаго торжества русскаго оружія и славянскаго дѣла». На эти телеграммы былъ полученъ отвѣтъ отъ генерала Ренненкампуфа: «Сердечно тронутъ добрымъ вниманіемъ, твердо увѣренъ, что Богъ дастъ побѣдить. Это мое горячее желаніе». 12) Произведенный сборъ въ пользу санитарнаго отряда для Черногоріи на 132-ой трапезѣ далъ 272 рубля 15 копеекъ, каковыя переданы товарищу предсѣдателя черногорскаго благотворительнаго общества отцу Мардарію Ускаковичу.

Постановленія 133-й славянской трапезы 21-го августа. 1) Послать привѣтственную телеграмму главнокомандующему французскими войсками слѣдующаго содержанія: «133-й славянскій банкетъ проситъ ваше превосходительство принять и передать доблестной французской арміи увѣренность всѣхъ русскихъ въ томъ, что Франція непобѣдима и потому никакія отсту-

пленія ей не страшны. Взятіе древнихъ русскихъ столицъ Львова и Галича и наступленіе по направленію къ Берлину радуютъ насъ не только какъ исполненіе славянскихъ и русскихъ задачъ, но и какъ успѣхъ союзныхъ силъ, оттягивающихъ германцевъ отъ Парижа. Вѣримъ въ окончательную побѣду франко-англо-бельгійскаго оружія и шлемъ безподобной французской арміи выраженія нашего восхищенія твердости ея сопротивленія и мудрости ея маневрированія». На эту телеграмму отъ французскаго главнокомандующаго послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ: «Горячо благодарю васъ за выраженныя мнѣ пожеланія, по существу которыхъ я совершенно съ вами согласенъ». 2) Послать телеграмму предсѣдателю совѣта министровъ: «Участники славянскихъ трапезъ—члены славянскаго благотворительнаго общества, общества славянской взаимности и славянскаго научнаго единенія—просятъ ваше высокопревосходительство обратить вниманіе на слѣдующее явленіе, такъ тяжело оскорбляющее народное чувство: рядъ нѣмецкихъ фирмъ въ столицахъ и другихъ городахъ Россіи, владѣльцы которыхъ состоятъ даже поставщиками нашихъ армій и флота и находятся въ русскомъ подданствѣ, имѣютъ сыновей, сражающихся въ рядахъ германской и австрійской армій. Пробудившееся русское самосознаніе не въ силахъ мириться съ тѣмъ, что русскіе вскормленники сражаются противъ Россіи, и въ русскомъ обществѣ слышится тревожный вопросъ: принимаетъ ли правительство надлежащія мѣры къ устраненію этого явленія?» На расходы по отправкѣ телеграммъ и печатаніе второго выпуска постановленій трапезъ собрано 70 руб. 90 коп.

Постановленія 134-й славянской трапезы 28-го августа. 1) Послать привѣтственное письмо бельгійскому народу, адресовавъ его на имя предсѣдателя бельгійской палаты депутатовъ и въ копии сообщивъ бельгійскому посланнику въ Петроградѣ: «Съ безпредѣльнымъ восхищеніемъ слѣдитъ вся Россія за героической борьбой бельгійской арміи съ жестокимъ безпощаднымъ врагомъ. Съ глубочайшимъ сочувствіемъ внимаемъ мы вѣстямъ о безпримѣрномъ самоотверженіи благороднаго бельгійскаго народа. Современные ваши подвиги воскрешаютъ въ нашей памяти героизмъ вашихъ предковъ, записанный неизгладимыми буквами на скрижаляхъ исторіи, и тѣмъ сильнѣе наше негодованіе противъ дикаго варварства германскихъ вандаловъ, не щадящихъ ни женщинъ, ни дѣтей, ни великихъ памятниковъ искусства. Эти современные гунны не думаютъ о томъ, какъ было бы больно имъ самимъ, если бы разрушенію были подвергнуты Дрезденъ, Мюнхенъ и Берлинъ, а Сикстинская Мадонна была бы возвращена въ Италію. Разрушеніе Лувена, этого центра просвѣщенія и благотворительности, вызвало справедливое возмущеніе и негодованіе во всемъ цивилизованномъ мірѣ, а затопленіе цвѣтущихъ областей, въ цѣляхъ самозащиты, породило глубокую грусть во всѣхъ, кто привыкъ цѣнить вѣковой упорный трудъ, и вся Россія сознаетъ полное величіе этой жертвы. Вѣрьте, друзья бельгійцы, что близко часъ всеобщаго освобожденія отъ высококомѣрнаго и вѣроломнаго врага. Скоро, быть можетъ, сами союзники пруссаковъ—баварцы, саксонцы и др.—поймутъ весь ужасъ своего ослѣпленія. У нихъ раскроются глаза, и они увидятъ пропасть, въ которую ихъ завели Гогенцоллерны, Габсбурги, прусскіе юнкеры, Круппъ и др. и, свергнувъ прусскій гнетъ, они послѣшатъ примириться съ

нами, и на развалинахъ Австріи и Германіи образуются отдѣльныя свободныя государства. И въ этомъ великомъ историческомъ освобожденіи не только Европы, но и всего міра отъ страшнаго кошмара германскаго милитаризма вашъ подвигъ будетъ первой и величайшей искупительной жертвой нѣмецкаго безумія и злобы. Слава героямъ! Да здравствуетъ храбрый бельгійскій левъ! Пусть торжествуетъ вашъ прекрасный девизъ: «Въ единеніи—сила!» и на развалинахъ безумнаго стремленія германскаго міра къ всеевропейской гегемоніи воцарятся великія начала: *«Братство, равенство, свобода!»* На это письмо былъ полученъ нижеслѣдующій отвѣтъ на имя предсѣдателя 134-й трапезы Б. Б. Глинскаго отъ бельгійскаго посланника въ Петроградѣ графа Конрада де-Бюиссерэ: «Имѣю честь увѣдомить васъ, что я передалъ королевскому правительству привѣтствіе отъ 134-й славянской трапезы бельгійскому народу. Оно будетъ доставлено г. предсѣдателю палаты депутатовъ. Чувства, выраженные членами славянскихъ трапезъ; глубоко тронуть моихъ соотечественниковъ, и я позволяю себѣ выразить вамъ мою личную благодарность за благородную симпатію, выраженную моею родиной въ дни настоящихъ ея испытаній». 2) Послать привѣтственную телеграмму англійскому народу, адресовавъ ее на имя спикера великобританской палаты общинъ и въ копіи сообщивъ великобританскому послу въ Петроградъ: «Участники 134-го славянскаго банкета единогласно постановили обратиться къ вашему превосходительству со слѣдующимъ: Россія, вынужденная принять дерзкій вызовъ Германіи, общаго врага не только славянства, но и всего цивилизованнаго міра, поправшаго всѣ человѣческія установленія и международныя обязательства, исполнить свой долгъ до конца, и мы счастливы сознавать, что въ настоящій историческій часъ русскій народъ идетъ рука объ руку съ высокультурнымъ и свободолюбивымъ англійскимъ народомъ. Будучи увѣрены въ конечной побѣдѣ надъ непріателемъ, мы шлемъ наши самыя лучшія пожеланія доблестной британской арміи, несравненному британскому флоту и всей великобританской націи. Стремясь къ мирному развитію и національному самоопредѣленію отдѣльныхъ славянскихъ народностей, чуждые всякой агрессивной политики, русскіе славянофилы въ лицѣ своихъ представителей твердо убѣждены, что единеніе русскаго и англійскаго народовъ, родившееся въ полѣ битвы, превратится путемъ ближайшаго обоюднаго ознакомленія въ искреннюю дружбу и постоянное сотрудничество на благо всего человечества». На эту телеграмму былъ полученъ телеграфный отвѣтъ нижеслѣдующаго содержания на имя предсѣдателя 134-й трапезы Б. Б. Глинскаго: «Позвольте мнѣ самымъ горячимъ образомъ поблагодарить васъ и участниковъ 134-го славянскаго банкета въ Петроградѣ за вашу дружескую, поощряющую телеграмму отъ 19-го сего мѣсяца. Я счастливъ сознавать, что согласіе между британскимъ и великимъ русскимъ народомъ утверждено и увѣковѣчено общими усиліями союзныхъ армій. вмѣстѣ съ тѣмъ я пользуюсь случаемъ выразить вамъ мое искреннее восхищеніе передъ подвигами русской арміи и блестящими историческими побѣдами, которыя она одержала. Джемсъ Лоутеръ, спикеръ палаты общинъ». 3) Обратиться къ русскимъ торговопромышленнымъ людямъ съ настоятельнымъ приглашеніемъ посѣщать славянскія четверговья трапезы: «Члены славянскихъ обществъ въ Петроградѣ: славянское благотворительное, славян-

ской взаимности, славянскаго научнаго единенія, русско-галицкое и чешское вспомогательное, а также лица, сочувствующія общеславянской идеѣ, уже два съ половиной года тому назадъ нашли необходимымъ собираться еженедѣльно по четвергамъ за скромной дружеской трапезой для совмѣстнаго обсужденія всѣхъ вопросовъ, касающихся общеславянскаго дѣла. Текущія событія значительно расширили первоначальныя задачи этихъ собесѣдованій. Война, такъ дерзко и безумно объявленная Австріей нашему славянскому собрату—Сербіи, а потомъ Германіей и нашей великой Россіи, которая, какъ покровительница всего славянства, не могла не выступить на защиту доблестной Сербіи, совершенно явственно вскрыли тотъ поражающій нѣмецкій захватъ и засилье, которые господствуютъ въ Россіи во всѣхъ отрасляхъ общественно-политической, экономической, учено-учебной и, особенно, въ *торгово-промышленной* жизни. Насущной задачей текущаго времени оказалась не только борьба съ германцами съ оружіемъ въ рукахъ, которую такъ успѣшно ведутъ наши доблестныя войска и союзники, но и самая напряженная борьба съ мирнымъ порабощеніемъ нашей родины. Всѣ русскіе люди должны объединиться въ борьбѣ противъ этого нѣмецкаго засилья и въ первую очередь должна быть освобождена наша отечественная *торгово-промышленная* и фабрично-заводская дѣятельность. По постановленію 133-й и 134-й славянскихъ трапезъ отъ 21-го и 28-го августа сего года комитетъ славянскихъ трапезъ *имѣетъ честь обратиться ко всѣмъ русскимъ торгово-промышленнымъ людямъ, а также къ лицамъ, стоящимъ въ управленіи фабричными и заводскими предпріятіями, съ настоятельнымъ приглашеніемъ—посѣщать славянскія трапезы и принимать дѣятельное участіе въ обсужденіи мѣръ и способовъ, которые могли бы быть осуществлены въ самомъ ближайшемъ времени и освободили бы русскую торговлю и промышленность, а равно и другія отрасли русской жизни отъ засилья и захвата ихъ нѣмцами.* Предсѣдатель 131-й—134-й славянскихъ трапезъ *В. В. Глинскій*. Секретарь *П. В. Лавровъ*.

Декларация литовцевъ. Членъ Государственной Думы М. М. Ичасъ 21-го августа препроводилъ слѣдующую декларацию литовскихъ общественныхъ организаций и руководителей литовской прессы верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу: «Великая Россія переживаетъ годину тяжелыхъ испытаній, и нѣтъ народа, населяющаго ее, который не раздѣлялъ бы съ нею ту же участь. Вся Россія становится алтаремъ великихъ жертвъ. Насталъ часъ просвѣтлѣнія, часъ всеобщаго сдвига, часъ объединенія. Сегодня Россіи суждено исправить рядъ вѣковыхъ ошибокъ. Близится мигъ осуществленія сѣдыхъ мечтаній и литовскаго народа, воистину сѣдыхъ—начало они берутъ отъ великаго князя литовскаго Миндовга: въ день борьбы сокрушить тевтонскій мечъ, въ день мира создать живую плотину народовъ, черезъ которую не прорваться волнамъ германизма. Литовскій народъ былъ первый, противъ котораго былъ направленъ натискъ тевтоновъ. Исторія Литвы—это исторія долгой, кровавой борьбы съ германизмомъ, и въ этой борьбѣ, не будучи славянами, мы крѣпкими нитями связались со славянствомъ. Наше многовѣковое содружество съ русскимъ народомъ, создавшееся и окрѣпшее въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, ничѣмъ не омрачено за всю эпоху самостоятельной Литвы, когда литовскій народъ былъ вершителемъ судебъ литовско-русскаго госу-

дарства и направителемъ своей воли. Подъ ударами германизма одна вѣтвь литовскаго племени—пруссы—совершенно погибла, и присвоенное побѣдителемъ имя страны—единственно, что осталось отъ нея. Литовская Жмудь неоднократно испытывала жестокою долю германскаго рабства и, наконецъ, раскроенная надвое, одною своею частью была закрѣпощена за германцами подъ именемъ Восточной Пруссіи. Въ теченіе послѣднихъ вѣковъ литовскій народъ понесъ много жертвъ и претерпѣлъ много переменъ своей судьбы. Несмотря на иноземныя вліянія и на потерю многихъ, отрекшихся отъ него, онъ сумѣлъ сохранить свою самобытность и свою культуру. Нынѣ настала рѣшительная часть. Мы снова плечо къ плечу съ русскимъ народомъ вступаемъ въ упорную и тяжелую борьбу съ тевтонскимъ наслѣдіемъ—всепоглощающимъ германизмомъ, который теперь, спустя пять вѣковъ послѣ нанесеннаго ему рѣшительнаго удара, снова поднялъ голову и снова грозитъ славянству. Мы вѣримъ, что нынѣшняя борьба—это послѣднее звено въ побѣдной цѣпи, начатой подъ Грюнвальдомъ. Мы вѣримъ, что наши зарубежные братья по крови будутъ освобождены отъ германскаго ига и воссоединены съ нами, ибо историческая миссія Россіи—быть освободительницею народовъ. Россія ихъ объединитъ не ради поглощенія, а для мирнаго, культурнаго сотрудничества. Весь литовскій народъ окрыленъ этой надеждой. Уполномоченные: (подписали) докторъ И. Ю. Васановичъ, Донатъ Малиновскій.

Воззваніе экзарха Грузіи. Экзархъ Грузіи, архіепископъ Пигиримъ, обратился къ населенію съ архипастырскимъ посланіемъ. Приводимъ наиболѣе интересныя мѣста этого посланія: «Десница крѣпкая и мышца высокая неисповѣдимаго въ путяхъ своего промышленія о мірѣ и родѣ человѣческомъ Бога творитъ нынѣ свой судъ въ судьбахъ человѣческихъ. Отъ востокъ солнца до западъ мятутся народы, предвидятся измѣненія предѣловъ обитанія живущихъ на землѣ. Нависли грозныя тучи порохового дыма, блещутъ мечи, слышится громъ смертоносныхъ орудій. Во всемъ этомъ духовному взору нашему видится трость небснаго Книжника Скорописца, таинственными письменами покрывающая въ книгѣ бытія человѣческаго новую страницу исконной борьбы, любви и насилія. Такъ, великую историческую годину переживаемъ мы. Пусть пока непроницаемою остается конечная тайна этой переживаемой нами скорбной години, до времени какъ бы запечатанною семью апокалиптическими печатями,—одна непреложная истина текущихъ событій ясна сердцу каждаго сына нашего дорогого отечества: Россія не сѣяла вражды между народами, не бряцала оружіемъ. Разказавъ далѣе исторію войны, экзархъ пишетъ: «Врагъ презрѣлъ и просвѣщеніе и культуру, которою столько превозносился, и благородство нравовъ, когда вѣроломно напалъ въ своемъ домѣ на гостившихъ у него безоружныхъ русскихъ людей. Въ сердцѣ нашего врага не нашлось мѣста къ снисхожденію даже къ нашимъ матерямъ и ихъ дѣтямъ, и кровь этихъ невинныхъ мучениковъ, подобно крови Авелевой, вопіеть отъ земли. Тогда-то и возстала вся Россія во весь свой богатырскій ростъ и на свою защиту съ крестомъ въ сердцѣ и съ желѣзомъ въ рукахъ. И вотъ, доблестные сыны родного отечества дружными рядами идутъ противъ врага по кровавымъ, браннымъ полямъ. Вспомнимъ, возлюбленные, что цѣною своей собственной жизни они пошли ку-

пить намъ невозмутимый миръ; земля служить имъ ложемъ, а звѣздное небо—шатромъ, чтобы мы спокойно почивали подъ теплымъ кровомъ своихъ жилищъ. Скорбныхъ матерей своихъ и безутѣшныхъ женъ оставили они—дорогіе защитники наши—среди насъ; многіе изъ нихъ, быть можетъ, въ послѣдній разъ впечатлѣли поцѣлуи на устахъ своихъ крошекъ-малютокъ предъ тѣмъ, какъ итти воздать врагу за неслышанную дерзость; въ послѣдній разъ взглянули на нихъ, чтобы потомъ безстрашно смотрѣть въ лицо смерти. О, нашъ воинъ умѣетъ прямо смотрѣть въ лицо смерти, зная сладость любви, полагающей души за други». Далѣе экзархъ призываетъ «начертать въ своемъ сознаніи постоянную память о сиротахъ, оставшихся безъ кормильцевъ и поилцевъ своихъ». «За жертву—жертвой мы приобретаемъ великое нравственное право крѣпкаго упованія, что живущій на небесахъ посмѣется врагамъ нашимъ, возглаголетъ къ нимъ гнѣвомъ своимъ (Пс. 2, 4, 5), а объ отечествѣ нашемъ и о всѣхъ насъ возглаголетъ мѣръ».

Протестъ противъ нѣмецкихъ звѣрствъ и вандализма. «Мы, русскіе артисты, художники, писатели и ученые, воспитанные въ благоговѣніи къ великимъ произведеніямъ и памятникамъ искусства и знанія и въ правилахъ чело-вѣколюбія, заявляемъ, что мы глубоко возмущены уничтоженіемъ нѣмецкими войсками величайшихъ художественныхъ и научныхъ сокровищъ (Реймскій соборъ, Шангилли, Лувенъ). Что мы выражаемъ негодованіе по поводу нескончаемыхъ ужасовъ разрушенія городовъ и истязаній раненыхъ, насилій надъ мирными жителями и другихъ неслышанныхъ варварствъ, какими ознаменовали мировую войну германскія и австрійскія арміи; что мы съ великимъ недоумѣніемъ и печалью узнали объ оправданіи этихъ ужасовъ и варварствъ нѣкоторыми выдающимися дѣятелями современной нѣмецкой литературы и науки; что поведеніе нѣмецкихъ войскъ и нѣмецкаго народа въ эти роковые дни свидѣтельствуемъ о пониженіи въ Германіи и Австріи культурнаго уровня и объ упадкѣ самыхъ элементарныхъ моральныхъ основъ цивилизаціи; что, наконецъ, движимые чувствомъ презрѣнія къ варварскимъ выступленіямъ нѣмцевъ, мы повергаемъ творимые ими ужасы на судъ всего чело-вѣчества, да заклеимъ вѣчнымъ осужденіемъ ихъ кошмарную работу разрушенія мировая совѣсть». Подъ настоящимъ протестомъ подписалось много русскихъ артистовъ, художниковъ, писателей и ученыхъ.

Протестъ московскихъ архитекторовъ противъ германскаго вандализма. 11-го сентября, подъ предсѣдательствомъ академика Ф. О. Шехтеля, состоялось экстренное общее собраніе членовъ московскаго архитектурнаго общества. Собраніе вынесло протестъ противъ германскихъ варварствъ и уничтоженія тевтонами-завоевателями памятниковъ искусства. Протестъ начинается такъ: «Московское архитектурное общество, глубоко возмущенное безумнымъ вандализмомъ одичавшихъ германцевъ, кощунственно истребляющихъ міровые памятники искусства, громко заявляетъ о своемъ негодованіи и единодушно протестуетъ противъ варварскаго посягательства на художественныя произведенія, являющіяся достояніемъ всего культурнаго міра». Далѣе въ протестѣ говорится о значеніи памятниковъ искусства, какъ національныхъ сокровищъ. «Человѣчскій геній,—говорится въ протестѣ,—дарилъ современникамъ и за-

вѣщалъ будущимъ поколѣніямъ перлы своей художественной мысли. Въ протестѣ перечисляются уничтоженные и расхищенные памятники искусства; среди нихъ стоятъ: художественныя собранія Льежа, городъ-музей Лувенъ, Реймскій соборъ, Шантильи съ его сокровищами. Московскіе архитекторы выражаютъ надежду, что «близокъ часъ укрощенія разнузданной орды, вновь возродившейся, въ силу аватизма, изъ древнихъ гунновъ въ новыхъ германцахъ. Въ часъ возмездія и расплаты правительства Франціи, Бельгіи и союзныхъ имъ державъ должны заставить германцевъ возвратить всѣ награбленныя сокровища искусствъ, а уничтоженные и сторѣвшіе шедевры найдутъ себѣ замѣну въ видѣ лучшихъ художественныхъ произведеній, такъ лицемерно хранящихся въ нѣмецкихъ галереяхъ и музеяхъ. Реймскій соборъ и другіе разрушенные художественныя памятники архитектуры должны быть возстановлены на средства побѣжденныхъ вандаловъ». Въ заключеніе протеста московскіе архитекторы шлютъ «прекрасной Франціи и доблестной Бельгіи свои соболѣзнованія и негодующій протестъ противъ обрушившагося на нихъ безумнаго вандализма». Текстъ протеста заканчивается словами: «Да будетъ покрыта позоромъ и стыдомъ такъ низко павшая Германія». Текстъ протеста будетъ отправленъ министрамъ народнаго просвѣщенія Франціи и Бельгіи, а также переданъ въ постоянный комитетъ международныхъ конгрессовъ архитекторовъ въ Парижѣ и россійскому министру иностранныхъ дѣлъ. Подъ протестомъ имѣются подписи: Ф. О. Шехтеля, И. П. Машкова, А. А. Аладжалова, С. В. Ноаковского, Н. Якунина, П. Антипова, С. Кулагина и многихъ другихъ.

Въ союзѣ драматическихъ музыкальныхъ писателей. 7-го сентября подъ предсѣдательствомъ А. Р. Кугеля состоялось общее собраніе союза драматическихъ и музыкальныхъ писателей. Во-первыхъ, общее собраніе, послѣ незначительныхъ преній, приняло докладъ правленія объ исключеніи изъ числа членовъ союза германскихъ и австрійскихъ подданныхъ. Русско-германская конвенція объ авторскомъ правѣ считается нынѣ расторгнутой, и союзъ писателей не охраняетъ болѣе правъ германскихъ авторовъ. Деньги, собранныя союзомъ въ пользу нѣмецкихъ авторовъ еще до объявленія войны, рѣшено задержать и обратиться съ запросомъ къ правительству о томъ, какъ поступить съ этими суммами. Далѣе, собраніе постановило ассигновать изъ средствъ союза 1,000 рублей на общеземскую организацію помощи раненымъ воинамъ и ихъ семьямъ. Постановлено затѣмъ анкетнымъ порядкомъ предложить членамъ союза производить въ пользу раненыхъ два процента отчисленія отъ получаемаго авторскаго гонорара.

Воззваніе чешскаго комитета. Славяне! Настоящая священная война за свободу Россіи, славянства и всего человѣчества поставила на очередь великую задачу: разрѣшить разъ навсегда славянскій вопросъ! Для всесторонней разработки этого вопроса учреждается въ Москвѣ «кружокъ сознательныхъ славянъ», который итоги своихъ изслѣдованій будетъ представлять въ видѣ докладныхъ записокъ въ Петроградъ, дабы ими можно было воспользоваться при заключеніи мира, послѣ окончательнаго разгрома враговъ славянства. Москва всегда была чуткимъ сердцемъ Россіи, пусть же и въ настоящій гроз-

ный часъ она скажетъ свое мощное слово на благо всего славянства. Всѣхъ славянъ, желающихъ оказать свое содѣйствіе задачамъ кружка, просить сообщать свои адреса. Кромѣ того, учредители «кружка сознательныхъ славянъ» извѣщаютъ, что съ 20 сентября каждую субботу будутъ устраиваться съ семи часовъ вечера славянскія трапезы. Всѣ справки выдаются въ чешскомъ комитетѣ, Кузнецкій мостъ, 16. Телефоны: 2—36—05 и 5—45—66.

Собраніе галицко-русскаго общества. Чрезвычайное многочленное собраніе 8-го сентября членовъ галицко-русскаго общества было посвящено обсужденію текущихъ дѣлъ, касающихся воссоединяемой Прикарпатской Руси. Д. Н. Вергунъ открылъ собраніе сообщеніемъ, что предсѣдатель общества графъ В. А. Бобринской принимаетъ личное участіе въ освобожденіи Галицкой Руси. Недѣлю назадъ онъ былъ легко контуженъ, но въ настоящее время совершенно здоровъ. Предсѣдателемъ собранія былъ избранъ высокопреосвященный Евдокимъ, епископъ сѣверо-американскій и алеутскій. Собраніемъ была вынесена слѣдующая резолюція: «Общее собраніе галицко-русскаго общества, заслушавъ доклады о мѣрахъ къ скорѣйшему слиянію воссоединенной Червонной Руси съ русскою культурой, постановило: 1) обратиться къ святѣйшему синоду съ ходатайствомъ о томъ, чтобы духовныя академіи и семинаріи въ Россіи были широко открыты для галичанъ, буковинцевъ и угроруссовъ и чтобы въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ при преподаваніи исторіи русско-церкви было обращено серьезное вниманіе на судьбы церкви въ Прикарпатской Руси. 2) Обратиться съ ходатайствомъ къ министерству народнаго просвѣщенія о скорѣйшемъ преобразованіи существующихъ въ Восточной Галиціи и Буковинѣ школъ всѣхъ типовъ въ русскія учебныя заведенія. 3) Для подъема сельскаго населенія необходима организація мелкаго кредита, распространеніе дѣйствій Крестьянскаго банка на Галицію и Буковину и передача земель лицъ, имѣнія которыхъ конфискованы на основаніи уликъ во враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ войскъ, въ собственность русскимъ крестьянамъ. 4) По окончаніи войны должны быть приняты мѣры къ скорѣйшему возвращенію галицкихъ эмигрантовъ изъ Сѣверной и Южной Америки и водворенію ихъ либо на родину, либо въ другихъ мѣстахъ Россіи, отводимыхъ для русскихъ переселенцевъ».

Резолюція партій реальной политики и національ-демократіи. Партіи реальной политики и національ-демократическая послали 15-го (28-го) августа изъ Варшавы слѣдующія резолюціи: «Принявъ во вниманіе, что: 1) побѣда російско-франко-англійской коалиціи даетъ польскому народу виды объединенія всѣхъ польскихъ земель съ доступомъ къ Балтикѣ, тогда какъ побѣда германско-австрійскаго союза должна привести къ новому раздѣлу Польши, продиктованному прежде всего Пруссіей; 2) что даже въ настоящій моментъ Россія выступила съ программой по польскому вопросу въ воззваніи великаго князя, принятомъ съ энтузіазмомъ французскимъ и англійскимъ общественнымъ мнѣніемъ, тогда какъ Австрія совершенно не поставила польскаго вопроса, что, впрочемъ, проявляется и въ воззваніи галиційскаго польскаго «коло»; 3) что нынѣшняя война не является мѣстной войной между Австріей и Россіей,—войной, въ которой позиція поляковъ на сторонѣ Австріи, хотя политически и

нерациональная, могла бы быть психологически понятной, но является всемирной войной народовъ противъ прусскаго государства, имѣющаго на своихъ услугахъ Австрію, что поэтому роль поляковъ въ качествѣ защитниковъ величайшаго врага нашей національной будущности прямо-таки чудовищна; 4) что польскіе легіоны, вооруженные Австріей, не могутъ ни въ коемъ случаѣ имѣть самостоятельное милитарное значеніе, но предназначены лишь для исполненія роли политическаго орудія, имѣющаго цѣлью служить для привлеченія населенія царства Польскаго въ пользу Австріи, а тѣмъ самымъ и Германіи; 5) что нашъ край, по своему положенію, терпитъ въ этой войнѣ величайшія бѣдствія, что бѣдствія эти уменьшаетъ приказъ верховнаго вожда россійской арміи объ уваженіи жизни и имущества поляковъ всѣхъ областей, и что созданіе польскихъ легіоновъ въ Галиціи провоцируетъ россійскую армію къ совершенно противоположному поведенію по отношенію къ польскому населенію этой области,—нижеподписавшіяся партіи признаютъ позицію, занятую въ воззваніи польскаго «коло» и сообщеніи главнаго національнаго комитета въ Галиціи, пагубной для польскаго дѣла. Партіи эти не могутъ себѣ иначе объяснить фактъ появленія этого воззванія, какъ сбиваніемъ съ толку галиційскаго общества совершенно ложными извѣстіями о ходѣ войны и сопровождающихъ ее событіяхъ, а прежде всего о настроеніи польскаго общества въ царствѣ Польскомъ и прусскомъ захватѣ. Констатируя, наконецъ, что польское общество въ Галиціи составляетъ едва пятую часть польскаго народа, что поэтому выступленіе его представителей въ столь важный моментъ отъ имени всего народа и навязываніе другимъ областямъ безъ согласенія относительно совершившихся фактовъ является узурпаціей, нижеподписавшіяся партіи, занимающія позицію, согласную съ волей громаднаго большинства народа, призываютъ главный національный комитетъ въ Галиціи немедленно прекратить всякую дѣятельность по программѣ, изложенной въ его сообщеніи».

Воззваніе къ чехамъ и словакамъ въ Варшавѣ. Наступилъ роковой день столкновенія славянскаго и романскаго міровъ съ тевтонами. Бьетъ часъ борьбы тѣхъ огромныхъ армій, которыя Европа подъ гнетомъ безумныхъ вооруженій Германіи готовила съ напряженіемъ послѣднихъ силъ. Какъ счастливы въ настоящіе памятные дни тѣ народы, которые въ своихъ собственныхъ войскахъ могутъ сражаться за сверженіе нѣмецкаго ига и за уничтоженіе германскаго милитаризма, столь продолжительное время угнетавшаго всю Европу, и какъ трагично, наоборотъ, положеніе тѣхъ малыхъ славянскихъ народовъ, коихъ сыны находятся въ услуженіи у чужихъ и, подъ страхомъ смерти, должны воевать противъ защитниковъ собственнаго племени и содѣйствовать, такимъ образомъ, задуманному врагомъ покоренію всѣхъ славянъ. У братскаго польскаго народа по крайней мѣрѣ то утѣшеніе, что значительная его часть сражается въ рядахъ доблестной русской арміи, но у народовъ чешскаго и словацкаго этого утѣшенія не имѣется, ибо наши полки воюютъ, къ сожалѣнію, исключительно противъ славянъ. Австро-Венгрія гонитъ въ настоящее время чешскіе и словацкіе полки противъ сербовъ и черногорцевъ, противъ Россіи и, можетъ быть, и противъ Франціи, и съ болью и стыдомъ въ сердцахъ читаемъ здѣсь, въ Варшавѣ, что то моравскіе драгуны подъ командой нѣмецкихъ офи-

церовъ грабятъ въ царствѣ Польскомъ, то тамъ, на Церской равнинѣ, въ бою противъ храбрыхъ братьевъ сербовъ воюютъ словацкіе полки и въ корень вырублены «пражскія дѣти», австрійскій 28-й пѣхотный полкъ, пополняемый исключительно чехами изъ Праги и ея окрестностей. А кто заставляетъ эти чешскіе и словацкіе полки итти противъ собственныхъ братьевъ? Австро-Венгрія, государство большей частью славянское, въ которомъ, однако, славяне играютъ лишь роль навоза для нѣмецкаго и мадьярскаго бурьяна. А потому, земляки, воскликните вмѣстѣ съ нами: Да будетъ проклято то государство, которое въ настоящій рѣшительный часъ гонитъ нашихъ соотечественниковъ въ австрійскихъ мундирахъ противъ славянскихъ братьевъ! Долой Австро-Венгрію! Да здравствуетъ свободная Чехія и Словачина! Господи, помоги славянской русской арміи избавить наши страны и всѣ другія земли, обитаемыя славянами, отъ нѣмецкаго ига! Правленіе чешско-словацкаго благотворительнаго общества «Бесѣда» въ Варшавѣ.

Протестъ галиційскихъ поляковъ. Депутаты австрійскаго рейхсрата, члены польскаго коло, обратились къ галиційскимъ полякамъ съ призывомъ стать подъ австрійскія знамена и отразить натискъ русской арміи. Группа галиційскихъ поляковъ отправила польскому коло отвѣтъ съ протестомъ противъ этого воззванія. Этотъ протестъ былъ покрытъ многочисленными подписями. Отвѣтное письмо отпечатано и разослано по всей Галиціи. Присяжный повѣренный г. Суйковскій доставилъ редакціи «Русскаго Слова» текстъ этого письма, ручаясь за его подлинность. Въ письмѣ говорится: «Господа члены польскаго коло въ Вѣнѣ. Въ страшный, великій часъ, когда мы должны видѣть ясно всю свою отвѣтственность и свои обязанности, вы обратились къ намъ, ко «всеполякамъ», съ призывомъ «къ общему дѣлу, къ единому и дружному усилію». Великое воззваніе! Три поколѣнія нашъ народъ проливалъ кровь въ безнадежной борьбѣ и ждалъ часа освобожденія. Часъ этотъ приблизился. Часъ не только нашего освобожденія, но и освобожденія и возрожденія всего человѣчества, великій для всѣхъ народовъ Европы, которые хотятъ сбросить съ плечъ своихъ ярмо желѣзнаго кулака. Теперь должны, дѣйствительно, исполниться самыя завѣтныя мечты дѣдовъ и отцовъ нашихъ. Развѣ мы можемъ колебаться? Мы станемъ въ ряды тѣхъ народовъ, которые титаническими усиліями, проливая моря крови, хотятъ достигнуть высшаго возрожденія человѣчества. Мы не сдѣлаемъ того, къ чему вы насъ зовете, ибо не о самоубійствѣ нашего народа мечтали наши предки, но по наслѣдству они оставили намъ вѣру въ жизнь и стремленіе къ высшимъ идеаламъ. Вы приглашаете насъ во время хаоса европейскихъ событій начать войну съ русскимъ народомъ. Но почему вы забыли въ этотъ историческій моментъ о вѣковѣчныхъ врагахъ нашихъ, объ угнетателяхъ нашего народа—пруссакахъ? Сколько разъ вы сами еще не такъ давно просили на колѣняхъ вашего «умнаго и благороднаго монарха», чтобы онъ заступился за нашихъ познанскихъ братьевъ, раздавленныхъ потомкомъ крестоносца? Развѣ свобода, которая вамъ дана вашимъ «благороднымъ монархомъ», настолько ослѣпила васъ, что вы сразу забыли о пережитыхъ поляками ужасахъ? Развѣ вы не замѣчаете, что Россія сама старается сбросить съ себя узы пруссаковъ и уже подняла противъ нихъ свой мечъ? Развѣ вы не понимаете, что въ этой борьбѣ народъ русскій

отстаиваетъ независимость, ту независимость, за которую боролись наши дѣды и отцы? Развѣ вы не видите, что не только Россія, но и весь міръ, во имя идеаловъ человѣчества, не шадя жертвъ, поднялся, чтобы уничтожить, наконецъ, культуру варвара? Развѣ вы не видите, что народы, которые еще не потеряли чести, не оказываютъ помощи пруссакамъ? Развѣ вы не видите, что только одинъ вашъ монархъ проливаетъ кровь славянъ, чтобы помочь своему союзнику захватить весь міръ и уничтожить всѣ человѣческіе идеалы во имя торжества силы надъ правомъ? Господа члены польскаго коло! Развѣ вы не чувствуете, что своимъ призывомъ вы влечете народъ нашъ въ страшную пропасть и отдаете его на позоръ? Перестаньте взывать къ подобной борьбѣ, такъ какъ вы вовлекаете насъ въ братоубійственную войну. Знайте, что никто не пойдетъ на вашъ зовъ, такъ какъ у нашего народа имѣются идеалы болѣе высокіе, чѣмъ идеалы Габсбурговъ. Народъ вѣритъ, что освобожденіе придетъ только въ томъ случаѣ, если мы всѣ свои усилія единодушно направимъ противъ пруссаковъ. Станемъ плечомъ къ плечу съ тѣми народами, которые идутъ на поля второго Грюнвальда съ вѣрой, что моментъ пораженія нашего врага и врага всего человѣчества будетъ моментомъ освобожденія и объединенія народа нашего».

Дѣятельность всероссійскаго земскаго союза. Главнымъ комитетомъ составлена справка о дѣятельности союза со времени его основанія до 1-го сентября. Земствами было ассигновано на помощь жертвамъ войны 12 милліоновъ рублей, изъ коихъ половина предназначена для кассы союза, а другая половина—на мѣстныя мѣропріятія земствъ. Пока въ виду затруднительнаго финансоваго положенія земствъ въ кассу союза поступило лишь 1.778,492 руб. Къ 1-му сентября союзомъ предназначено къ открытію до 40 тысячъ коекъ, и производится дальнѣйшее стѣпное оборудованіе новыхъ госпиталей. Складомъ союза въ различныхъ мѣстности Россіи выслано полное оборудованіе на 44.559 коекъ. Ежедневно въ бѣльевомъ отдѣлѣ склада заготавливается до 200 тысячъ предметовъ бѣлья. Заготовительной комиссіей закуплены матеріалы на сумму до 1.800 тысячъ рублей. Теплыхъ вещей для раненыхъ уже закуплено на сумму до милліона рублей. Затѣмъ закуплено перевязочныхъ средствъ—на 574 тысячи рублей, медикаментовъ—на 588 тыс. руб., инструментовъ—на 75 тыс. руб., а всего означенныхъ предметовъ должно быть закуплено на 3¹/₂ милліона рублей. Въ распределительныхъ и окружныхъ пунктахъ, гдѣ должны были открыться военные госпитали, союзомъ устраивается до 12 тысячъ коекъ, оборудованіе и содержаніе которыхъ вызоветъ расходъ въ нѣсколько милліоновъ рублей. На устройство питательныхъ пунктовъ ассигновано въ первую очередь 150 тысячъ рублей. Въ настоящее время закончено полное оборудованіе десяти санитарныхъ поѣздовъ, и заготавливается внутреннее оборудованіе товарныхъ вагоновъ на 40 остальныхъ поѣздовъ. Это вызвало расходъ въ 260 тысячъ рублей.

Отъ совѣта императорскаго вольнаго эконолическаго общества. Императорское вольное эконолическое общество всегда боролось съ народными бѣдствіями; не можетъ оно не бороться съ надвигающеюся нуждою и въ настоящую тягостную годину войны. Оно уже обратилось къ русскимъ гражданамъ съ призывомъ. Оно указало тѣ основныя задачи, которыя стоятъ передъ стра-

ною въ настоящій тяжелый моментъ. Ближайшія практическія задачи общества таковы: 1) оказывать помощь бѣженцамъ изъ мѣстъ, непосредственно охваченныхъ войною; 2) помогать семьямъ запасныхъ, особенно въ провинціи, гдѣ эта помощь настоятельна; 3) оказывать помощь въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ,—что особенно нужно сдѣлать въ настоящее время, когда значительная часть рабочаго населенія отозвана отъ мирнаго труда на оборону страны; 4) снарядить, если позволятъ средства, въ Петроградѣ или его окрестностяхъ госпиталь для раненыхъ; и 5) оказывать помощь пострадавшимъ отъ войны другими способами, которые будутъ указаны обстоятельствами времени (напримѣръ, снабжать раненыхъ книгами). Исполнить все это общество можетъ только при дружномъ содѣйствіи широкихъ массъ самого населенія, а потому оно и обращается ко всѣмъ, кому дорога судьба нашей родины, прийти ему на помощь путемъ пожертвованій (деньгами или вещами), которыя просить направлять въ помѣщеніе императорскаго вольнаго экономическаго общества (въ Петроградѣ, Забалканскій проспектъ, № 33) и въ учрежденія, гдѣ будутъ вывѣшены о томъ особые плакаты, а также лицамъ, снабженнымъ обществомъ специальными квитанціонными книжками. Жертвователей просить указывать ту специальную цѣль, на которую они дѣлаютъ взносы. Отчеты о притокахъ пожертвованій и ихъ распредѣленіи будутъ доводиться до всеобщаго свѣдѣнія въ газетахъ.

Воззваніе къ обществу. Велики негодованіе и боль, которыя испытываетъ каждый изъ насъ передъ варварствомъ и насиліями нѣмецкихъ войскъ надъ нашимъ безоружнымъ мирнымъ населеніемъ. Осмѣлѣвъ въ жестокостяхъ надъ беззащитностью женщинъ и дѣтей, они несутъ свои злодѣянія и на поле брани, добывая безпомощныхъ нашихъ раненыхъ, пытая и мучая ихъ. Наши войска дѣлаютъ все, что доступно доблести и героизму, защищая наше право, но и мы сами должны бороться за него, не возлагая всего на самоотверженіе нашего солдата. У насъ есть къ этому средства, такъ не останемся же въ бездѣйствіи и безсиліи передъ этими злодѣяніями! Варвары эти сами имѣютъ свое мирное населеніе, живущее и работающее среди нейтральныхъ народовъ и даже среди насъ,—и они сами просили защиты ихъ имущества и личности у правительствъ нейтральныхъ. Просили и получили—во имя цивилизаціи! И каждая тряпица нѣмецкихъ подданныхъ имѣетъ защиту и охранена въ то время, какъ самую жизнь нашихъ женщинъ и дѣтей нѣмецкія войска топчутъ, какъ тряпицу же. Этому долженъ быть судъ и воздаяніе! Пусть нѣтъ его теперь, онъ долженъ быть созданъ! Соберемъ факты и, предъявивъ ихъ, немедленно потребуемъ суда у человечества, и мы увѣрены, не найдется въ мірѣ правительства, которое дастъ свою охрану подданнымъ государства, допускающаго въ своихъ границахъ безнаказанно разбой и мародерство. Мы собрались въ общество «Защиты мирнаго населенія отъ правонарушеній непріятели», чтобы обезпечить конечное удовлетвореніе всѣмъ жертвамъ войны при заключеніи мира; но первая изъ нашихъ задачъ, первая и главная наша надежда—немедленно, теперь же, еще во время самой войны, остановить неистовства современныхъ варваровъ воздѣйствіемъ реальной силы. И силу эту мы найдемъ—въ благородномъ и горячемъ сердцѣ человечества! Вспомните, подниматься изъ бездѣй-

ствія въ борьбѣ съ варварствомъ—наша обязанность не только передъ мирнымъ населеніемъ, но и передъ доблестными нашими войсками!.. Мы должны дать охрану безпомощности раненаго на полѣ сраженія, дать нашимъ солдатамъ увѣренность, что ихъ жены и дѣти остаются ими дома въ безопасности отъ насилій враговъ. Обращаемся ко всѣмъ, кто прочтетъ это воззваніе, съ просьбой о дѣятельномъ сочувствіи и содѣйствіи участіемъ въ нашей работѣ вступленіемъ въ члены общества, привлеченіемъ другихъ членовъ, пожертвованіями, различными свѣдѣніями и указаніями и проч. По уставу наше общество имѣетъ право: разслѣдованія черезъ особыхъ уполномоченныхъ, получающихъ разрѣшеніе подлежащей власти, попеченія о жертвахъ насилій, установленія размѣровъ ущербовъ, привлеченія къ своимъ разслѣдованіямъ содѣйствія официальныхъ учреждений, обращенія къ правительственнымъ и инымъ установленіямъ не только имперіи, но и иностранныхъ государствъ. Въ ближайшіе дни группа членовъ общества съ нѣсколькими членами совѣта во главѣ отправляется въ Польскій край для разслѣдованія произведенныхъ нѣмецкими войсками варварствъ, особенно въ Ченстоховѣ и Калишѣ. Совѣтъ проситъ направлять къ нему всѣ указанія, запросы и свѣдѣнія по произведеннымъ нѣмецкими войсками насиліямъ и правонарушеніямъ. Въ помѣщеніи общества, Симеоновская ул., д. 1, кв. 3, ежедневно отъ 1 до 5 час. дежурство членовъ совѣта для объясненій съ публичкой и дачи справокъ. Тутъ же запись въ члены. Совѣтъ общества «Защиты мирнаго населенія отъ правонарушеній непріятели».

Организація помощи. Святѣйшій синодъ, принимая во вниманіе, что при эвакуаціи раненыхъ воиновъ имъ приходится въ теченіе иногда весьма значительнаго времени находиться въ пути безъ всякаго христіанскаго утѣшенія, призналъ необходимымъ призвать православное духовенство къ подачѣ раненымъ во время слѣдованія ихъ съ мѣста военныхъ дѣйствій духовнаго утѣшенія и матеріальной помощи. Помощь должна выражаться въ слѣдующемъ: по предварительномъ сношеніи съ подлежащими военнымъ и желѣзнодорожнымъ начальствами, съ мѣстными учреждениями общества Краснаго Креста и иными подобными организаціями, священнослужители,¹ въ мѣстахъ остановки поѣздовъ, должны обойти вагоны, неся на себѣ Святые Дары и необходимыя принадлежности для приобщенія тяжкихъ больныхъ на случай, если бы они пожелали исповѣдаться и приобщиться Святыхъ Таинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, синодъ выразилъ пожеланіе, чтобы священнослужители раздавали раненымъ святыя евангелія, листки и книжки для чтенія, снабжали ихъ бѣльемъ, кормили и вообще старались посылно облегчить ихъ страданія. Участіе въ намѣченномъ мѣропріятіи будутъ принимать не только священнослужители церквей, расположенныхъ при станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, но и все духовенство епархій, какъ приходское, такъ и монастырское, ближайшее къ станціямъ—непосредственно, путемъ установленія дежурства на станціяхъ, отдаленнѣйшее—присылкою образковъ, бѣлья и другихъ предметовъ для раздачи раненымъ и вообще матеріальною помощью.

НЕКРОЛОГИ.

ВАРТЕНЕВА, Е. Г.¹⁾ 21-го августа опустили въ могилу скончавшуюся въ преклонномъ возрастѣ, семидесяти одного года отъ роду, писательницу и переводчицу Екатерину Григорьевну Вартеневу, урожденную Броневскую. Покойная въ теченіе многихъ лѣтъ сотрудничала въ «Новостяхъ» О. К. Потовича, въ «Молвѣ» Полетики и въ нашихъ толстыхъ журналахъ—«Отечественныхъ Запискахъ», «Дѣлѣ», «Словѣ», «Русскомъ Богатствѣ» и друг., подвизаясь преимущественно въ иностранномъ отдѣлѣ. Въ очерки иностранной жизни, составлявшіеся на основаніи личныхъ впечатлѣній и наблюденій за границею, гдѣ она долго жила, и по иностраннымъ газетамъ и журналамъ, читались съ большимъ интересомъ. Въ 1889 г. Вартенева командирована была О. К. Потовичемъ въ Парижъ, на всемірную выставку, откуда присылала живо и ярко написанныя корреспонденціи о своихъ парижскихъ впечатлѣніяхъ. Она не ограничивалась однимъ обзоромъ выставочныхъ экспонатовъ и всякихъ чудесъ техники, искусства и промышленности. Писательница окунулась въ самую гущу парижской жизни, и результатомъ тогдашнихъ ея наблюденій явились, между прочимъ, «Картинки парижской жизни», помѣщавшіеся въ 1892—1893 годахъ въ «Русскомъ Богатствѣ» и «Новомъ Словѣ». Мягкая и добрая отъ природы, Вартенева и въ своихъ писаніяхъ обнаруживала свою мягкость и незлобивость, отзывалась всегда о людяхъ, съ которыми сталкивала ее судьба, самымъ благожелательнымъ образомъ, вѣрила въ торжество добра, гуманности и прогресса. Дѣлая со мною въ одномъ изъ писемъ, относящихся ко времени парижской выставки, своими впечатлѣніями, она въ парижскомъ торжествѣ техники и крупной промышленности умѣла съ отличавшимъ ее оптимизмомъ находить отрадные стороны, наводившія ее на пріятныя размышленія. Это особенно характерно для писа-

¹⁾ Сообщ. А. Е. Кауфманъ.

тельницы, являвшейся одною изъ учредительницъ женскаго отдѣла «Интернаціонала», находившейся въ дружбѣ съ Фердинандомъ Лассалемъ, М. Бакунинымъ, Н. Утинымъ и др., о которыхъ рассказывала много любопытнаго. Еще въ молодости Бартенева (внучка восточно-сибирскаго генераль-губернатора Броневскаго, извѣстнаго благожелательнымъ отношеніемъ къ «декабристамъ») раздала крестьянамъ всѣ свои 1,000 десятинъ земли. Побывала Е. Г. и въ административной ссылкѣ. И вотъ, демократка, поборница рабочаго движенія ищетъ и находитъ въ парижской промышленной выставкѣ отрадные симптомы. «Выставка въ Парижѣ—пишетъ мнѣ Бартенева,—т.-с. громадный съѣздъ людей со всѣхъ концовъ міра, не останется безъ благихъ нравственныхъ послѣдствій. По дорогѣ,—пишетъ далѣе Е. Г.,—встрѣтила въ вагонахъ множество соотечественниковъ, возвращавшихся съ выставки, послѣ дѣловыхъ и увеселительныхъ экскурсій, и нерѣдко приходилось слышать: «Что привеземъ мы на родину, чему доброму научимъ своихъ? А одинъ почтенный армянинъ изъ Тифлиса пришелъ въ такое восторженное состояніе, что даже заявилъ: «Мы должны научить у себя дома ставить вопросы общественнаго блага выше своихъ эгоистическихъ интересовъ!.. Каково!» Добродушная Бартенева осталась довольна и пребываніемъ среди нашихъ теперешнихъ смертельныхъ враговъ—въ Австро-Венгріи—и своими бесѣдами съ австро-мадьярскими интеллигентами-патріотами и даже съ попутными нѣмцами, хвалившими французовъ за присужденіе парижскимъ жури награды нѣмецкимъ Шульце-Деличскимъ «ферейнамъ». Съ пожелтѣвшихъ страничекъ сохранившихся у меня писемъ Бартеневой глядятъ на меня и посейчасъ ея добрыя, пріятныя глаза. И во всей этой личной перепискѣ почти ничего о себѣ, а все больше о другихъ. Только кое-гдѣ промелькнетъ заявленіе объ упавшихъ литературныхъ заработкахъ, о заработанныхъ въ «Новостяхъ» за два мѣсяца—шестидесяти пяти рублѣхъ при томъ безъ всякой тѣни злобы или недовольства. Новая поѣздка въ Парижъ—пишетъ мнѣ въ другомъ письмѣ Бартенева,—почти не окупилась, но она «оставила пріятнѣйшія воспоминанія, и я отдохнула душой и съ новыми силами пріѣхала нюхать отечественный дымъ окрѣпшими легкими»... Работала Бартенева много, переводила и книги, между прочимъ Золя и Сорремля («Европа и французская революція»), но часто нуждалась и въ послѣднее время жила пенсією кассы взаимопомощи литераторовъ, явившихся однимъ изъ первыхъ ея членовъ-учредителей. Застѣчивая Е. Г. избѣгала шума и угадала незамѣтно для многихъ товарищей по перу, которые искренно любили и почитали эту скромную и симпатичную писательницу-труженицу. Похорошили ее на тихомъ Новодеревенскомъ кладбищѣ, согласно ея послѣдней волѣ, въ простомъ гробу, безъ вѣнковъ и надгробныхъ рѣчей.

† **Волховской, Ф. В.** 21-го іюля въ Лондонѣ скончался одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей русской политической эмиграціи Феликсъ Вадимовичъ Волховской. Широко образованный, непоколебимо убѣжденный социалистъ-народникъ, дѣятельный проагандистъ и организаторъ, талантливый писатель, онъ игралъ выдающуюся роль въ томъ широко разлившемся движеніи семидесятихъ годовъ, отвѣтомъ на которое явился знаменитый процессъ 193-хъ. Этимъ процессомъ дѣятельность Ф. В. въ Россіи была прекращена навсегда.

Онъ былъ сосланъ въ Сибирь. Еще до ссылки продолжительное тюремное заключеніе сильно подорвало здоровье покойнаго (во время много разъ описанной Боголюбовской исторіи Ф. В. былъ жестоко избитъ и почти лишился слуха); тѣмъ не менѣе сосланному въ Сибирь Ф. В. удалось претерпѣть одиннадцатилѣтнее «хожденіе по мукамъ». Въ 1889 году съ помощью извѣстнаго Дж. Кенана Ф. В. эмигрировалъ въ Сѣверную Америку и вскорѣ затѣмъ переехалъ въ Англію. Живая отзывчивость на все проявленія общечеловѣческаго соціально-культурнаго прогресса позволила Ф. В. не только войти дѣятельнымъ участникомъ въ умственную жизнь демократической Англіи, но и завоевать тамъ значительную популярность. До конца жизни Ф. В. работалъ въ лондонской повременной печати и выступалъ на собраніяхъ. Долгіе годы изгнанія Ф. В. жилъ неизмѣнной мечтой о Россіи. Какъ все политическіе изгнанники, онъ любилъ родину особенной, страстно напряженной любовью. Въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній (сборникъ которыхъ вышелъ въ Россіи въ 1907 году), вспоминая о просторѣ и красотѣ недоступныхъ ему русскихъ полей, онъ говорилъ: «Но муки все страны своей родной, ея печаль—мы унесли съ собой»... Все, кому когда-либо приходилось встрѣчаться съ Ф. В., навсегда сохраняютъ воспоминаніе объ этомъ крупномъ дѣятелѣ и замѣчательной личности. Скончался Ф. В. шестидесяти восьми лѣтъ отъ роду. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1914 г., № 190).

† **Горбуновъ, Г. А.** Въ Пятигорскѣ скончался членъ второй Государственной Думы Григорій Арсеньевичъ Горбуновъ. Покойный депутатъ, по профессіи врачъ-окулистъ, родился въ 1871 году. По окончаніи 1-й тифлисской гимназіи и военно-медицинской академіи онъ состоялъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ военнымъ врачомъ. Въ 1905 году Г. А. вышелъ въ отставку и занялся частной практикой въ Пятигорскѣ. Послѣ манифеста 17-го октября 1905 года Г. А. издавалъ въ Пятигорскѣ газету «Народная Правда», но вскорѣ былъ заключенъ въ тюрьму и высланъ изъ предѣловъ Терской области, отъ которой онъ впоследствии былъ избранъ членомъ Государственной Думы. Въ Государственной Думѣ Г. А. примыкалъ къ одной изъ крайнихъ лѣвыхъ партій. (Некрологъ его: «Современное Слово», 1914 г., № 2370).

Дружининъ, Н. И.¹⁾ На театрѣ военныхъ дѣйствій палъ геройскою смертью генералъ-майоръ Константинъ Ивановичъ Дружининъ. Покойный выдѣлялся изъ среды окружавшихъ его своею отвагою и неустрашимостью не только на ратномъ поприщѣ, но и какъ военный писатель. Перу Дружинина принадлежить цѣлый рядъ сочиненій по военнымъ вопросамъ, высоко цѣнимыхъ военными авторитетами. Таковы его книги о вліяніи бездымнаго пороха на тактику трехъ родовъ оружія, о стратегическомъ и тактическомъ значеніи кавалеріи (составлена на основаніи лекцій, читанныхъ авторомъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба), изслѣдованіе стратегической дѣятельности германской кавалеріи въ кампанію 1870 года, удостоенное преміи генерала Леера, «Атаки австрійской кавалеріи при Кустоцѣ» и многія другія. Видный участникъ русско-японской войны, которая застала его на хорошо оплачивавшейся

¹⁾ Сообщ. А. Е. Кауфманъ.

службъ въ управленіи Петроградско-Варшавской желѣзной дороги, К. И. въ выпущенныхъ имъ по окончаніи этой войны «вспоминаніяхъ участника-добровольца» съ удивившею его сослуживцевъ смѣлостью раскрылъ всѣ наши язвы, всѣ слабыя стороны и ошибки въ мирное и военное время. Онъ не ограничивается одними фактами изъ области военныхъ дѣйствій, а охарактеризовалъ всю нашу политику на Дальнемъ Востоку, повлекшую за собою неудачную для насъ войну съ японцами. Въ компактной книгѣ, заключающей свыше пятисотъ страницъ, всякій интересующійся военнымъ дѣломъ и нашею дальневосточною политикой могъ найти много поучительнаго и назидательнаго. Въ ней разбросано много эпизодовъ и фактовъ, наглядно подтверждающихъ выводы автора «Вспоминаній о русско-японской войнѣ». А выводы эти сводились къ необходимости коренныхъ реформъ въ военномъ быту и полнаго обновленія нашего государственнаго строя и жизни. И безъ сомнѣнія, К. И., какъ участникъ новой войны, въ которую Россія вовлечена надменными и зазнавшими тевтонами, имѣлъ возможность воочию убѣдиться въ томъ, что ошибки прошлаго нынѣ исправлены и устранены, что горькій опытъ японской войны не прошелъ для насъ даромъ. Онъ съ полнымъ правомъ и съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія могъ сказать себѣ, что своею превосходною книгою, получившею значительное распространеніе въ военныхъ сферахъ, внесъ и свою лепту въ дѣло улучшенія состоянія нашихъ вооруженныхъ силъ послѣ несчастной войны 1904—1905 гг. Безпощадный къ однимъ, принесшимъ немало вреда родинѣ своимъ тяготѣніемъ къ мертвящему формализму, бюрократической системѣ, къ фаворитизму и своимъ непростительнымъ кунктаторствомъ тамъ, гдѣ требовалась быстрота и распорядительность, К. И. воздастъ должное тѣмъ, кто честно и самоотверженно выполнилъ свой долгъ, начиная отъ видныхъ государственныхъ дѣятелей и кончая нашими brave солдатами. Едва запахло войною съ японцами, какъ К. И. бросаетъ свою службу и просится въ армію. Ходатайство его было удовлетворено. Состоялся высочайшій приказъ, и К. И. начинаетъ готовиться къ походу. Но не тутъ-то было! Онъ натолкнулся съ мѣста въ карьерѣ на родъ препонъ и затрудненій. Въ штабѣ его почему-то встрѣчали крайне неблагоприятно. И назначеніе откладывалось со дня на день. Между тѣмъ у К. И. былъ ничѣмъ не опороченный формуляръ. Онъ превосходно окончилъ пажекскій корпусъ и Николаевскую академію генеральнаго штаба, во время нахождения въ которой прикомандированъ былъ къ первой артиллерійской бригадѣ. По окончаніи академіи К. И. перешелъ на службу въ генеральный штабъ и въ 1889 г. получилъ командировку за границу. Имѣя хорошую теоретическую и практическую подготовку и чувствуя призваніе къ военному дѣлу, которому служилъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ, К. И. испыталъ большое разочарованіе, обивая пороги штаба, гдѣ толкалась масса бумажныхъ офицеровъ, застрявшихъ въ своей канцелярской рутинѣ и ничуть не воодушевленныхъ начавшеюся войною. Да и самъ главнокомандующій генералъ Куропаткинъ больше думалъ, по словамъ автора «Вспоминаній», о своемъ комфортѣ на войнѣ и о собираніи овацій и напутствій, хотя событія на Дальнемъ Востоку требовали его присутствія. «Кажется, не было,—писалъ К. И.,—ни одного дорожнаго магазина,

который не строилъ бы какіе-нибудь погребцы, приборы и тому подобныя вещи—все въ массовомъ количествѣ и съ инициалами командующаго арміей». Какое впечатлѣніе производилъ этотъ походный шикъ и долгіе сборы «терпѣливаго» командующаго на горѣвшаго желаніемъ попасть скорѣе на театр военныхъ дѣйствій офицера-добровольца—не трудно себѣ представить». Послѣ долгихъ мытарствъ К. И. получилъ назначеніе и отправился на войну, гдѣ и дѣлалъ свои интересныя наблюденія, составляющія предметъ его замѣчательной во многихъ отношеніяхъ книги. И тамъ, подъ градомъ японскихъ пуль, храбрый и воодушевленнѣй горячимъ желаніемъ послужить родинѣ воинъ встрѣчается на каждомъ шагу съ отрицательными явленіями, наблюдавшимися уже передъ отъѣздомъ на войну, съ недоброжелательствомъ по отношенію къ людямъ, требовавшимъ рѣшительныхъ дѣйствій, твердости, самоотверженія и принесенія въ жертву личнаго самолюбія интересамъ отечества и арміи. На первомъ планѣ было стремленіе, во что бы то ни стало, оградить свою репутацію отъ возможныхъ нареканій. Въ этомъ стремленіи были упущены благопріятные моменты для военныхъ операцій, военныя силы разбрасывались безъ толку на огромныхъ пространствахъ и не сосредоточивались тамъ, гдѣ ихъ присутствіе было въ данное время крайне необходимо. И мы смѣло можемъ вѣрить автору «Воспоминаній», который былъ очевидцемъ и участникомъ описываемыхъ имъ военныхъ операцій. К. И. участвовалъ, между прочимъ, въ бояхъ подъ Мукденомъ, на позиціи у деревни Яиситунъ и былъ контуженъ въ правое колѣно. Онъ получилъ золотое оружіе съ надписью «за храбрость» и, слѣдовательно, не могъ быть заподозрѣнъ въ томъ, что его рукою водило личное недовольство, что его критика продиктована желаніемъ сводить съ кѣмъ-либо личные счеты. Послѣ войны К. И. быстро подвигается по іерархической военной лѣстницѣ. Онъ назначается исправляющимъ должность начальника штаба войскъ укрѣпленнаго района крѣпости Владивостокъ и временнымъ генералъ-губернаторомъ, а затѣмъ получаетъ должность начальника войскового штаба Уральскаго казачьяго войска. Въ 1907 году К. И. переводится въ генеральный штабъ и назначается командующимъ войсками Уральской области, начальникомъ охраны уральскаго района и начальникомъ гарнизона города Уральска. Вслѣдъ за этимъ К. И. получаетъ командованіе второю бригадою 23-ой пѣхотной дивизіи и скоро выходитъ въ отставку. Но возгорѣлась вторая отечественная война,—и К. И. снова спѣшитъ на театр военныхъ дѣйствій, гдѣ и палъ смертью героя. Ошибочно было бы думать, что покойный К. И. умѣлъ только находить во всемъ отрицательныя стороны. Его симпатіи были всегда на сторонѣ людей съ сильнымъ характеромъ и твердою волей, самостоятельныхъ и рѣшительныхъ, а не покладистыхъ службистовъ, умѣющихъ ладить съ выше ихъ стоящими и заискивать у сильныхъ. Онъ, на примѣръ, относится съ большимъ почтеніемъ къ графу С. Ю. Витте и его «государственному уму» и возникновеніе столь несвоевременной для насъ войны съ японцами приписываетъ уходу С. Ю. Витте съ поста министра финансовъ въ 1903 году и утратѣ имъ прежняго вліянія. Матеріалы, публикуемые Б. Б. Глискимъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» («Прологъ русско-японской войны») въ значительной мѣрѣ подтверждаютъ выводы, къ которымъ

приводить въ своей книгѣ К. И. Дружининъ. С. Ю. Витте—говоритъ онъ—во вѣдѣннѣйшей политикѣ воспользовался примѣрами Англии и Германіи, допустивъ осуществленіе широкаго плана колонизаціи огромной и богатѣйшей Манчжуріи и идя къ выполнению этого плана путемъ мирнымъ—прежде всего проведеніемъ русской желѣзной дороги, а затѣмъ торговлей и эксплуатированіемъ богатствъ стороны. При этомъ имѣлось въ виду и усиленіе могущества нашего отечества: въ Квантунѣ Россія получала свободный выходъ въ океанъ, онъ же обезпечивалъ господство надъ Китаемъ, подчиняя вліянію Россіи административный центръ Пекинъ. Восточно-Китайская желѣзная дорога усиливала оборонительное и наступательное значеніе Владивостока, связывая его кратчайшимъ путемъ съ Европейскою Россіею; она обезпечивала такое же значеніе Квантуну. А Владивостокъ и Квантунъ, оба вмѣстѣ, давали намъ преимущество стратегическаго положенія надъ японцами. С. Ю. Витте широко отпускалъ средства на быстрое сооруженіе Манчжурской дороги, на укрѣпленіе Квантуна и судостроеніе и вообще на усиленіе арміи и флота, но былъ далекъ отъ мысли о возможномъ возникновеніи войны при нашихъ еще ничтожныхъ сравнительно боевыхъ силахъ на Дальнемъ Востокѣ. Но съ учрежденіемъ намѣстничества, явившимся результатомъ вліянія немногочисленной, но сильной партіи людей, искавшихъ матеріальнаго обогащенія въ казенныхъ антрепризахъ на берегахъ Тихаго океана, положеніе дѣлъ приняло неожиданно весьма неблагоприятный оборотъ... Дѣйствительно ли война съ Японіею была бы предотвращена, если бы осенью 1903 года С. Ю. Витте не былъ устраненъ отъ дѣлъ—сказать не беремся. Отношеніе автора «Воспоминаній о русско-японской войнѣ» къ графу С. Ю. Витте можетъ быть объяснено его преклоненіемъ передъ людьми съ сильными характерами и твердою волею и самостоятельными. Такимъ человѣкомъ съ сильнымъ характеромъ, твердою волею и самостоятельностью былъ и самъ безвременно павшій въ бою К. И. Преждевременная смерть отняла у нашей арміи доблестнаго воина, а русскую литературу лишила многихъ цѣнныхъ и важныхъ трудовъ. Одной русско-японской войнѣ К. И. собирался посвятить еще нѣсколько солидныхъ по объему томовъ. Нынѣшняя война дала бы ему не менѣе обильный матеріалъ для выводовъ о состояніи нашихъ реформированныхъ вооруженныхъ силъ и о подвигахъ русскихъ воиновъ на двухъ театрахъ военныхъ дѣйствій...

† **Кедровъ, С. И.** 26-го августа на Лазаревскомъ кладбищѣ въ Москвѣ похоронили преподавателя исторіи Сергѣя Ивановича Кедрова. Покойный происходилъ изъ духовнаго званія и родился въ 1853 году. Послѣ воспитанія въ московской семинаріи, онъ съ 1873 года для довершенія своего образованія учился въ московской духовной академіи. Выпущенный изъ послѣдней со степенью кандидата богословія (1877 г.), покойный состоялъ преподавателемъ въ саратовской семинаріи, а черезъ двадцать лѣтъ перешелъ въ московскую семинарію, гдѣ занималъ должность учителя сначала церковной исторіи и съ 1902 года—гражданской исторіи, соединяя вмѣстѣ съ тѣмъ преподаваніе той же науки въ московскомъ Александровскомъ институтѣ. Свыше чѣмъ тридцатилѣтняя педагогическая дѣятельность С. И. сопровождалась длинною вереницею его историко-литературныхъ трудовъ. Къ нимъ, прежде

всего, относилось большое изслѣдованіе покойнаго, посвященное событіямъ Смутнаго времени, подъ заглавіемъ «Авраамій Палицынъ». Оно было напечатано въ «Чтеніяхъ» императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ (1880 г., кн. 4), затѣмъ выпущено отдѣльною книгою (Москва, 1880 г., 202 стр.) и позже дополнено новымъ изслѣдованіемъ, подъ названіемъ «Авраамій Палицынъ, какъ писатель» («Русскій Архивъ» 1886 г., кн. 8). Вслѣдъ за тѣмъ С. И. сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ «Русскаго Архива» и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ помѣстилъ на его страницахъ слѣдующія статьи: «О краткомъ пособіи по русской исторіи» профессора В. О. Ключевского (1900 г., кн. 5); «Настоящее и будущее архивныхъ комиссій» (кн. 9); «Древне-русскія братава» (1901 г., кн. 7); «Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ», біографія (1903 г., кн. 5); рядъ историческихъ очерковъ подъ общимъ названіемъ: «Русь Петра Великаго за границей» (1893 г., кн. 11, 1904 г., кн. 6, 1906 г., кн. 4, 1907 г., кн. 7); «О сборникѣ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому» (1910 г., кн. 2); «Посольство князя В. И. Куракина въ Голландію», 1717 г. (1912 г., кн. 5) и «О патріархѣ Гермогенѣ» (1912 г., кн. 10). Наконецъ, по поводу юбилейныхъ торжествъ 1612—1613 годовъ С. И. были помѣщены статьи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и напечатана отдѣльная книга, посвященная патріарху Гермогену (М. 1912 г.). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1914 г., № 197).

† **Кнорозовскій, И. М.** Въ Швейцаріи скончался извѣстный петроградскій музыкальный дѣятель И. М. Кнорозовскій. Покойный проявлялъ весьма разнообразную дѣятельность. Окончивъ курсъ юридическихъ наукъ въ петроградскомъ университетѣ, покойный нѣкоторое время занимался юридической практикой, а затѣмъ перешелъ къ журнальной, издательской и коммерческой дѣятельности, выражавшейся въ организаци и финансированіи различныхъ предприятий. Но во всѣ періоды своей жизни онъ много времени посвящалъ музыкѣ, къ которой его влекло съ ранняго дѣтства. Пройдя курсъ композиціи подъ руководствомъ профессоровъ петроградской консерваторіи Саккетти и Соколова, покойный началъ пробовать свои силы на композиторскомъ поприщѣ, но очень скоро позналъ скромные размѣры своего композиторскаго дарованія и отдался музыкально-литературной дѣятельности, блестяще развивавшейся на страницахъ журнала «Театръ и Искусство». Въ этомъ журналѣ покойный помѣстилъ множество статей по различнымъ вопросамъ музыкальнаго искусства, проявляя широкій художественный кругозоръ, большой темпераментъ и блестящій стиль. И. М. своимъ перомъ служилъ музыкальному прогрессу, страстно привѣтствуя всякое движеніе серьезной музыкальной мысли. Самъ по натурѣ импрессионистъ, И. М. одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ музыкальный импрессионизмъ Штрауса и Скрябина. Высоко цѣня гармоническія и колористическія завоеванія новой французской школы, онъ, однако, не переставалъ отмѣчать бѣдноту эмоціональнаго содержанія неофранцузовъ. Въ послѣдніе годы И. М. заинтересовался еврейской музыкой и присоединился къ группѣ дѣятелей «общества еврейской народной музыки», председателемъ котораго состоялъ до послѣднихъ дней своей жизни. Нѣкоторые слѣды его разнообразной дѣятельности запечатлѣны въ статьяхъ упомянутаго уже «Театра и Искусства»;

въ номерахъ издававшихся имъ въ 1905 г. журналовъ «Театральная Россія» и «Стрѣлы», въ очеркъ о «Тангейзерѣ», вышедшемъ отдѣльнымъ изданіемъ, и въ нѣкоторыхъ композиціяхъ. И. М. Кнорозовскій умеръ отъ рака кишечника, на 57 году жизни. (Некрологъ его: «День», 1914, № 251).

† **Паренсовъ, П. Д.** 25-го августа въ Петроградѣ скончался на 71 году отъ роду боевой генералъ и военный историкъ генералъ-отъ-инфантеріи П. Д. Паренсовъ. Покойный въ должности начальника штаба кавказской казачьей дивизіи принималъ участіе въ русско-турецкой войнѣ 1877—78 гг. При штурмѣ Ловчи былъ контуженъ въ ногу, но остался въ строю. Вторично былъ раненъ при осадѣ Плевны, а въ третій разъ во время боя у Цравецкихъ укрѣпленныхъ позицій. Къ концу войны П. Д. получилъ назначеніе начальникомъ оккупационнаго отряда въ Болгаріи. Покойный оставался въ Болгаріи и по заключеніи Берлинскаго трактата. Онъ занималъ постъ военнаго министра въ кабинетѣ Бурнова и первомъ конституціонномъ министерствѣ митрополита Климента. Вскорѣ, однако, П. Д. вышелъ изъ состава министерства вслѣдствіе рѣзкихъ разногласій съ княземъ Александромъ Баттенбергскимъ, не скрывавшимъ своихъ симпатій къ Австріи и Германіи. Въ 1881 г. покойный П. Д. вернулся въ Россію, гдѣ долгое время занималъ разныя штабныя должности. Съ 1906 г. по 1912 г. П. Д. состоялъ петергофскимъ комендантомъ. Изъ военно-историческихъ трудовъ покойнаго особенной извѣстностью пользуется трехтомный трудъ «Изъ прошлаго», посвященный войнѣ за освобожденіе славянъ и первымъ годамъ существованія Болгарскаго княжества. Академія наукъ удостоила названный трудъ Макарьевской и Ахматовской премій. Убѣжденный славянофилъ, П. Д. принималъ близкое участіе въ дѣлахъ петроградскаго славянскаго благотворительнаго общества и въ послѣдніе годы состоялъ его предсѣдателемъ. Покойный, несмотря на тяжелую болѣзнь, аккуратно являлся на всѣ славянскіе собранія и митинги, которые созывалъ въ Петроградѣ въ 1912 и 1913 гг., выступалъ на нихъ съ рѣчами и докладами. (Некрологъ его: «День», 1914 г., № 231).

† **Семеновъ, Н. В.** Жертвой германскихъ звѣрствъ палъ 29-го августа одинъ изъ выдающихся дѣятелей нашихъ въ области рыбоводства и рыболовства статскій совѣтникъ Николай Васильевичъ Семеновъ. По окончаніи въ 1893 г. курса наукъ въ петровской сельскохозяйственной академіи, покойный Н. В. въ теченіе двухъ лѣтъ изучалъ ихтиологію при московскомъ университетѣ, а затѣмъ всю жизнь свою такъ трагически оборвавшуюся жизнь посвятилъ службѣ по рыболовству и рыбоводству при главномъ управленіи землеустройства и земледѣлія. Несмотря на громаднѣйшій опытъ, знаніе и выдающуюся трудоспособность, дѣятельность Н. В. не находила должной оцѣнки до назначенія на постъ главноуправляющаго землеустройства и земледѣлія А. В. Кривошеина. А. В. Кривошеинъ сразу разгадалъ Н. В. Семенова и быстро продвинулъ его на отвѣтственную должность управляющаго рыбными промыслами восточныхъ водъ Закавказья. Эти богатѣйшіе промыслы были въ то время наканунѣ полнаго развала, и Н. В. было гдѣ приложить и трудъ свой и знанія. Результатъ получился настолько блестящій, что А. В. Кривошеинъ при ревизіи подвѣдомственныхъ ему учрежденій Закавказья особенно подчеркнул

дѣтельность Н. В. Семенова передъ лицомъ всей мѣстной администраціи. Н. В. ждала блестящая карьера, а рыбное дѣло въ Россіи—блестящая будущность. Но, увы, объявленіе войны Германіей, сопровождавшееся истязаніемъ мирныхъ жителей нѣмецкихъ курортовъ, пресѣкло жизнь Н. В. и навесло трудно поправимый ударъ нашей отечественной рыбопромышленности. Объявленіе войны застало Н. В. въ Наугеймъ, куда онъ ежегодно ѣздилъ подправлять усталое отъ непосильной работы сердце. Въмѣсто необходимаго отдыха и покоя пришлось пережить столько волненій и терзаній при бѣгствѣ черезъ Берлинъ и Штеттинъ, что утомленное сердце не выдержало, и Н. В. вскорѣ по прибытіи на мѣсто службы въ Баку скончался отъ разрыва сердца на 44 году своей жизни. (Некрологъ его: «Новое Время», 1914, № 13832).

† **Сѣдовъ, Г. Я.** Одинъ изъ участниковъ экспедиціи Г. Я. Сѣдова къ сѣверному полюсу, докторъ Кушаковъ, изъ маленькаго мѣстечка Рынды-пристани, находящейся на Кольскомъ побережьи Сѣвернаго Ледовитаго океана, извѣстилъ о смерти начальника экспедиціи, старшаго лейтенанта Г. Я. Сѣдова. Г. Я. Сѣдовъ происходилъ изъ торговыхъ моряковъ, родился въ 1877 г. Долгое время плавалъ въ торговомъ флотѣ Чернаго, Азовскаго и Средиземнаго морей, сначала помощникомъ капитана, а затѣмъ капитаномъ. Не удовлетворившись службой въ торговомъ флотѣ, Г. Я. Сѣдовъ бросилъ его и пріѣхалъ въ Петроградъ. Здѣсь, по выдержаніи экзамена за полный курсъ морского корпуса, онъ поступилъ въ главное гидрографическое управленіе. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ работы въ этомъ вѣдомствѣ его приняли въ гидрографическую экспедицію, отправленную въ 1902 году въ Сѣверный Ледовитый океанъ подъ начальствомъ генерала Варнека. Двѣ подъ рядъ бывшія экспедиціи, по словамъ самого Г. Я., развили въ немъ любовь къ сѣверному морю и впервые, кажется, натолкнули на мысль заняться изученіемъ и изслѣдованіемъ приполюсныхъ пространствъ. Во время русско-японской войны покойный путешественникъ командовалъ миноносцемъ въ Николаевскѣ на Амурѣ, охраняя въ числѣ другихъ устье Амура отъ вторженія непріятели. Послѣ окончанія военныхъ дѣйствій съ Японіей онъ вновь поступилъ на службу въ гидрографическое управленіе. Здѣсь въ 1908 году онъ подъ начальствомъ генерала Дриженка работалъ по изученію Каспійскаго моря. Въ 1909 году былъ руководителемъ экспедиціи по изслѣдованію устья рѣки Колымы; въ 1910 году работалъ надъ изслѣдованіемъ Крестовой губы, что на Новой Землѣ; въ 1911 году еще разъ былъ командированъ на Каспійское море. Послѣ открытія Амундсеномъ южнаго полюса и послѣ его намѣренія въ 1913 году отправиться для открытія сѣвернаго полюса, Г. Я. Сѣдовъ, давно мечтавшій объ экспедиціи на сѣверный полюсъ сталъ готовиться къ этой экспедиціи. Въ августѣ 1912 года экспедиція въ составѣ 27 человекъ тронулась въ далекій путь. 20-го сентября экспедиція вынуждена была зазимовать около Панкратьевыхъ острововъ, находящихся по близости Новой Земли. Послѣ того, какъ пять человекъ изъ состава экспедиціи подъ командой капитана судна «Св. Фока» Захарова вернулись обратно, экспедиція въ составѣ 17 лицъ: доктора Кушакова, геолога Павлова, геолога Визе, художника Пинегина, помощника капитана Сахарова, механика Зандера и матросовъ двинулась дальше на сѣверъ. Съ той поры объ

экспедиціи мы не имѣли ни одной вѣсти. 18-го августа докторъ Кушаковъ телеграфируетъ, что во время второй зимовки экспедиціи, бывшей у острова Гуккера, принадлежащаго къ группѣ острововъ Земли Франца-Иосифа, умеръ механикъ Зандеръ, а руководитель экспедиціи Г. Я. Съдовъ на пути къ сѣверному полюсу заболѣлъ и скончался у острова Рудольфа, гдѣ и похороненъ бывшими съ ними матросами. (Некрологъ его: «Новое Время», 1914, № 13806).

† **Трахтенбергъ, В. О.** На чужбинѣ, по пути въ Россію изъ Мюнхена скончался популярный драматургъ В. О. Трахтенбергъ. В. О. родился въ 1861 году въ Петроградѣ, окончилъ петроградскій университетъ по юридическому факультету и долгое время послѣ окончанія занималъ административныя должности въ провинціи. На литературную дорогу онъ вышелъ уже немолодымъ человѣкомъ, что, несомнѣнно, необходимо поставить въ связь съ его первымъ успѣхомъ, какъ драматурга. Многолѣтняя энергичная дѣятельность В. О. непосредственно дала ему ту опытность и знаніе жизни, которыя вполнѣ въ силу онъ съ такимъ успѣхомъ использовалъ въ своемъ творествѣ. Первая пьеса— «Потемки души» («Исторія болѣзни Питоева») написана покойнымъ драматургомъ въ 1900 году и впервые была поставлена въ день открытія театра литературно-художественнаго общества. Этотъ спектакль рѣшилъ дальнѣйшую судьбу В. О. Успѣхъ, выпавшій на его долю, какъ автора «Болѣзни Питоева», привелъ его къ рѣшенію отказаться отъ своей административной дѣятельности и всецѣло отдаться литературѣ. За «Потемками души» слѣдуетъ рядъ сценическихъ произведеній. «Комета», «Побѣда», «Плевое дѣло», «Какъ они бросили курить», «Жаръ-Птица», «Вѣдьма» и, наконецъ, «Фимка» постепенно занимаютъ прочное мѣсто въ репертуарѣ столичныхъ и провинціальныхъ театровъ, а нѣкоторыя изъ нихъ ставятся до сихъ поръ. Какъ художникъ-драматургъ, В. О. является создателемъ новѣйшаго амплуа на русской сценѣ, амплуа неврастениковъ. Его герои—неврастеники, надломленные натуры съ чисто-русскимъ надрывомъ. Герои эти нашли свое яркое изображеніе въ большей части пьесъ покойнаго. Отличаясь четкимъ, живымъ діалогомъ и давая весьма сочный сценическій матеріалъ, пьесы В. О. Трахтенберга вызывали всегда большой интересъ у публики. Нѣкоторыя пьесы его переведены на французскій и нѣмецкій языки, а «Потемки души» и на англійскій. Покойный драматургъ является однимъ изъ учредителей союза драматическихъ и музыкальных писателей и театральнаго клуба при союзѣ. (Некрологъ его: «Петроградскій Курьеръ», 1914, № 212).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу статьи Е. С. Шумигорскаго.

Въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1914 г., въ статьѣ «Изъ записной книжки историка», Е. С. Шумигорскій говоритъ, между прочимъ, что лейбъ-хирургъ императора Александра I Д. К. Тарасовъ писалъ свои

«Записки» (напечатанныя въ «Русской Старинѣ» послѣ его кончины) «долгое время спустя послѣ кончины императора, многое забылъ и перепуталъ» (стр. 682).

Мой родной дядя, Д. К. Тарасовъ, написалъ свои «Записки» задолго до своей кончины и «Записки», переплетенныя въ рукописи въ четыре книги, постоянно лежали у него на письменномъ столѣ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, пока онѣ не были напечатаны его сыномъ въ «Русской Старинѣ», послѣ его кончины. Слѣдовательно, утвержденіе Е. С. Шумигорскаго, что «Записки» написаны «долгое время спустя послѣ кончины императора» и что Тарасовъ писалъ ихъ «въ старости» (стр. 683), не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Слѣдовательно, отпадаетъ и утвержденіе, будто бы Тарасовъ «много забылъ и перепуталъ». Надо замѣтить, что дядя мой, видимо, придавалъ огромное значеніе своимъ «Запискамъ» и этимъ объясняется, почему онъ принялъ мѣры для того, чтобы постоянно имѣть ихъ предъ глазами и чтобы до напечатанія ихъ никто не могъ познакомиться съ ихъ содержаніемъ. «Записки», неизмѣнно стоявшія на письменномъ столѣ, не только были переплетены въ четырехъ книгахъ съ кожаными переплетами, но еще и заключены въ особый футляръ съ секретнымъ замкомъ. Едва ли можно было относиться столь серьезно и осторожно къ «Запискамъ» съ легковѣснымъ содержаніемъ.

Далѣе Е. С. Шумигорскій говоритъ: «не лишнимъ будетъ прибавить, что въ «Запискахъ» Д. К. Тарасова—много неточностей, въ свое время уже указанныхъ критикой» (стр. 682). Я очень внимательно слѣдилъ за отзывами печати о «Запискахъ» моего дяди, но рѣшительно не помню, чтобы гдѣ-либо и къ-мъ-либо были доказаны какія-либо неточности въ этихъ «Запискахъ», не только важныя и существенныя, но и неважныя и несущественныя. Кстати замѣчу, что Д. К. Тарасовъ всѣмъ извѣстенъ былъ какъ человѣкъ до педантичности аккуратный, въ высшей степени серьезный и безупречно правдивый, а потому такой человѣкъ, конечно, не могъ быть авторомъ «многихъ неточностей».

Засл. проф. И. Т. Тарасовъ.

II.

Отвѣтъ И. Т. Тарасову.

Замѣчанія профессора Тарасова на мои мнѣнія о «Запискахъ» его дяди Д. К. Тарасова—совершенно неосновательны, а точки зрѣнія наши на эти «Записки» совершенно расходятся: для меня, историка, онѣ представляютъ историческій матеріалъ, интересныя для біографіи императора Александра I, а для г. Тарасова, какъ почтительнаго и любящаго племянника, онѣ—семейная реликвія. Только этимъ отношеніемъ къ «Запискамъ» и можно объяснить и поразительное для г. Тарасова незнакомство его съ содержаніемъ самыхъ «Записокъ», и совершенно неумѣстное заподозриваніе меня въ желаніи умалить значеніе и достоинство этого историческаго матеріала.

Замѣчанія г. Тарасова сводятся къ двумъ пунктамъ:

1) «Е. С. Шумигорскій,—замѣчаетъ г. Тарасовъ,—говорить, что лейбъ-хирургъ императора Александра I Д. К. Тарасовъ писалъ свои «Записки» (напечатанныя въ «Русской Старинѣ» послѣ его кончины) долгое время спустя послѣ кончины императора, многое забылъ и перепуталъ. Мой родной дядя написалъ свои «Записки» задолго до своей кончины, и «Записки», переплетенныя въ рукописи на четыре книги, постоянно лежали у него на письменномъ столѣ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, пока онѣ не были напечатаны его сыномъ въ «Русской Старинѣ» послѣ его кончины». «Слѣдовательно (?),—заключаетъ г. Тарасовъ,—заключеніе Е. С. Шумигорскаго, что «Записки» написаны долгое время спустя послѣ кончины императора и что Тарасовъ писалъ ихъ въ старости, не соответствуетъ дѣйствительности».

Увы, возражать г. Тарасову буду не я, а самъ его дядя, лейбъ-хирургъ Д. К. Тарасовъ. Вотъ что говоритъ онъ въ собственноручномъ «Предисловіи» къ своимъ «Запискамъ» («Русская Старина», 1871 г., IX, 224): «Жизнь всякаго человѣка обуславливается отношеніями частной его жизни и общественной. Оба эти рода отношеній имѣютъ свои особенности, на которыя *при закантѣ жизни* весьма поучительно и полезно каждому изъ насъ обращать вниманіе и, *при созрѣвшемъ уже разумѣ и покое страстей*, подвергать ихъ строгой цензурѣ благоразумія и чистой совѣсти». Можетъ быть, для г. Тарасова приведенныя курсивомъ слова его дяди покажутся не совсѣмъ убѣдительными для доказательства моего мнѣнія и опроверженія его собственного возраженія? Такъ вотъ тотъ же почтенный его дядя продолжаетъ: «*Переступивъ за полвѣка мо.й жизни*, въ спокойныя минуты и въ уединеніи я считалъ наилучшимъ для себя упражненіемъ погружаться, такъ сказать, въ самого себя,—и, *при довольно чистой памяти своей*, критически разсматривать всѣ обстоятельства и факты, сопровождавшіе всѣ возрасты и замѣчательныя эпохи моей жизни... Оставляю *признаніе жизни мо.й* (курсивъ подлинника) дѣтямъ моимъ съ тою цѣлью, чтобы они могли въ свое время почерпать изъ нихъ полезное и поучительное для ихъ собственной жизни». Къ этимъ словамъ Д. К. Тарасова, для вящаго убѣжденія его племянника, мы присоединяемъ еще слѣдующія соображенія. Тарасовъ родился въ 1792 г. и, слѣдовательно, «переступилъ полвѣка своей жизни въ 1842 году, т. е. спустя *семнадцать лѣтъ* послѣ кончины императора Александра I, послѣдовавшей въ 1825 году. Находить ли г. Тарасовъ, что это достаточно «долгое» время для того, чтобы даже «при довольно счастливой памяти» забыть и перепутать нѣкоторыя обстоятельства и, слѣдовательно, допустить въ своемъ изложеніи «Записокъ» нѣкоторыя неточности? Намъ, по крайней мѣрѣ, достовѣрно извѣстно, что отъ такихъ неточностей, при всей добросовѣстности авторовъ, не свободны никакія намъ извѣстныя «Воспоминанія» и мемуары, ибо никакая самая счастливая память не въ состояніи удержать всѣхъ фактовъ и точной обстановки ихъ за продолжительное время. Неужели это не извѣстно г. заслуженному профессору даже по собственному опыту?

2) Оставляя въ сторонѣ мелкія, неважныя неточности «Записокъ», мы обращаемъ вниманіе г. Тарасова на серьезную забывчивость покойнаго лейбъ-хирурга въ описаніи вскрытія тѣла императора Александра I. Вѣдь свидѣтель-

скими показаніями и подлиннымъ протоколомъ вскрытія установлено участие Тарасова въ этомъ актѣ, что въ «Запискахъ» онъ категорически и мотивированно отрицаетъ. При всемъ уваженіи къ «довольно счастливой памяти», Д. К. Тарасова, мы продолжаемъ думать, что и въ этомъ фактѣ онъ ошибается.

Съ сожалѣніемъ мы должны еще указать родному племяннику Д. К. Тарасова, что четыре книги «Записокъ» его дяди, привлекавшія его дѣтское вниманіе, также представляютъ собою что-то миѳическое. По свидѣтельству редактора «Русской Старины» М. И. Семевскаго, доставленныя ему сыномъ Д. К. Тарасова «Записки», «руки самого Д. К.», «занимаютъ объемистую тетрадь въ листъ, въ 356 страницъ мелкаго, весьма четкаго и убористаго письма». («Русская Старины», 1871, IX, 223).

Е. Шумигорскій.

III.

По поводу статьи «Ревнитель просвѣщенія (памяти П. Г. Шелапугина)».
«Историческій Вѣстникъ», июль 1914 г., стр. 230—237.

Хорошо составленная кн. Б. А. Щетинымъ статья и сочувственно относящаяся къ покойному нынѣ П. Г. Шелапутину, при чтеніи ея лицами, не имѣвшими возможности наблюдать за жизнью П. Г., невольно возбуждаетъ нѣсколько вопросовъ, довольно существенныхъ, остающихся безъ отвѣтовъ. Замѣтно, что авторъ статьи не былъ близко знакомъ съ П. Г. и поэтому долженъ былъ черпать о немъ свѣдѣнія отъ другихъ. Какъ родственникъ, хотя не въ близкой степени, я позволю себѣ дать нынѣ нѣкоторые объясненія на недосказанныя мысли автора статьи.

Слѣдяще за дѣятельностью московскаго купечества въ Москвѣ и въ большихъ провинціальныхъ центрахъ всегда поражались излишествами молодыхъ людей, предававшихся чрезмѣрному возліанію питей, сопровождавшемуся подчасъ ночными оргіями. Отъ такой неправильной жизни страдали не только дѣла, но и, самое главное, здоровье молодежи, которое въ зрѣлыхъ годахъ хирѣло и давало ненадежное потомство. Къ сожалѣнію, П. Г. не избѣгъ этого вреднаго вліянія и, по выраженію кн. Щетинина, пилъ красное вино, какъ воду, а подчасъ не отказывался отъ другихъ напитковъ, вслѣдствіе чего въ послѣдніе годы его организмъ такъ разстроился, что, по совѣту доктора Захарьина, онъ переѣхалъ на постоянное жительство изъ своего дома у Яузскаго моста въ свое имѣніе Покровское, но это только отсрочило печальный исходъ. Его жена и сыновья въ молодыхъ годахъ умерли отъ чахотки, а онъ самъ на 67 году жизни погибъ отъ ужасной болѣзни—рака въ мозгу.

Обыкновенно купцы въ память своихъ дорогихъ людей жертвуютъ капиталы въ пользу церквей, монастырей и благотворительныхъ заведеній, а тутъ произошло совершенно новое, многимъ непонятное. И въ самомъ дѣлѣ, П. Г. не получившій никакого воспитанія, учреждаетъ миллионныя просвѣтительныя, въ высокой степени полезныя учрежденія, смыслъ которыхъ, само собою разумѣется, былъ ему чуждъ. Загадка эта объясняется тѣмъ, что счастливая судьба сближаетъ его съ нѣкоторыми профессорами московскаго университета

и другими просвѣщенными людьми, которые и направили жертвователя на новый для купечества путь. Можно разсчитывать, что и другіе, подобно ему, будут содѣйствовать народному просвѣщенію и притомъ въ недалекомъ будущемъ. Щедрый жертвователь былъ награжденъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, возведенъ въ потомственное дворянство и назначенъ пожизненнымъ попечителемъ имъ созданныхъ учебныхъ заведеній, послѣ чего сталъ носить форменное генеральское платье съ кокардою на фуражкѣ, какъ въ Москвѣ, такъ и въ путешествіяхъ по Крыму.

Итакъ, правительство щедро наградило П. Г., за что и воздастся ему должная благодарность; въ настоящее время ожидается чествованіе его московскимъ общественнымъ управленіемъ, получившимъ какъ для жителей столицы, такъ и всей Россіи, не израсходовавъ ни копейки, въ высшей степени полезныя просвѣтительныя учебныя заведенія. Также и московскій университетъ, мы твердо вѣримъ, выразитъ въ торжественномъ своемъ собраніи сочувствіе и благодарность памяти П. Г. Шеллапутина, какъ это онъ сдѣлалъ С. В. Лепешкину за устройство и содержаніе перваго студенческаго общежитія, помѣстивъ въ отчетѣ университета за 1913 г. обширный некрологъ послѣдняго съ тремя портретами.

Извѣстно намъ всемъ, что въ культурныхъ странахъ воздвигаютъ памятники великимъ людямъ, не только полководцамъ, ученымъ и поэтамъ, но и покровителямъ и благодѣтелямъ народа, и остаемся увѣренными, что и наша страна, столь сильно стремящаяся къ просвѣщенію и притомъ съ большимъ успѣхомъ, воздастъ должное: П. Г. Солодовникову, пожертвовавшему тридцать милліоновъ рублей на пользу бѣдныхъ, С. В. Лепешкину и П. Г. Шеллапутину, удѣлившимъ болѣе пяти милліоновъ рублей на народное просвѣщеніе, если общественныя и другія учрежденія испросятъ разрѣшеніе на всеобщую подписку въ Россіи для постановки имъ памятниковъ. **И. И.**

IV.

По поводу некролога архіепископа Стефана.

Въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за нынѣшній 1914 г. въ отдѣлѣ «Некрологи» († архіепископъ Стефанъ), на стр. 731 напечатано слѣдующее: «Перемѣщенный съ 1896 г. въ наставники кутаисской духовной семинаріи, онъ (архіепископъ Стефанъ) получилъ степень магистра богословія (1897 г.), принялъ священство и занялъ мѣсто инспектора въ той же семинаріи (1898 г.), но черезъ годъ ему пришлось схоронить жену, принять монашество и переселиться въ Тифлисъ»... Какъ бывший преподаватель кутаисской духовной семинаріи (съ 1896 г. по 1904 г.) и сослуживецъ по этой семинаріи архіепископа Стефана, я симъ удостовѣряю, что почившій архіепископъ никогда не былъ женатымъ: онъ принялъ священство, не имѣя жены, что въ церковно-бытовой практикѣ встрѣчается довольно рѣдко.

Н. С. Доброловскій.

Что касается Фастреды, которая была гораздо красивѣе своей мачехи, то ея, къ счастью, не было дома, когда кардиналь поселился у нихъ. Къ тому же онъ далъ себѣ слово по возможности не сближаться одновременно и съ матерью, и съ дочерью въ одномъ и томъ же домѣ. Онъ находилъ, что подобное положеніе создавало гораздо больше хлопотъ и непріятностей, чѣмъ удовольствія. Поэтому онъ даже не пытался пріобрѣсти благосклонность Фастреды.

— Не слѣдуетъ вѣрить тому, что говоритъ мужчина,—отвѣчала фрау Марія на его послѣднія слова.

— Почему же не слѣдуетъ, если онъ говоритъ правду?—спокойно возразилъ кардиналь.

Онъ опять взглянулъ на свои руки и сдѣлалъ глотокъ изъ стоявшаго передъ нимъ стакана съ лучшимъ виномъ, какое только нашлось у Мангольца.

— Вы ведете слишкомъ уединенный образъ жизни, фрау Марія,—продолжалъ онъ, ставя на столъ свой стаканъ.—Если бъ у меня была такая красивая жена, я бы съ гордостью показывалъ ее вездѣ.

— То вы, а то Каспаръ. Онъ слишкомъ ревнивъ для этого.

— Но вѣдь если онъ заперъ васъ въ четырехъ стѣнахъ, отъ этого дѣло нисколько не улучшилось, вѣроятно?

— Конечно, нѣтъ,—отвѣчала она со смѣхом.—Вы сами знаете.

Кардиналь отвѣчалъ на эти слова только едва замѣтной улыбкой, которую его собесѣдникъ могъ понимать, какъ ему угодно. Помолчавъ немного, онъ сказалъ:

— Я хочу сказать бургомистру, чтобы передъ окончаніемъ собора онъ устроилъ какое-нибудь празднество. Я хочу, чтобы вы затмили всѣхъ, фрау Марія.

Фрау Марія, любившая удовольствія и ухаживанія не менѣе всякой другой женщины, разумѣется, ничего не имѣла противъ этого, но опасалась, что ея мужъ взглянетъ на дѣло съ другой точки зрѣнія.

— Каспаръ ревнивъ и скупъ,—замѣтила она.—Впрочемъ, если вы скажете...

— Скажу, фрау Марія. Мужъ хорошенькой жены не долженъ быть ни ревновымъ, ни скупымъ. Это очень дурная привычка. Кромѣ того, въ данномъ случаѣ, принимая во вниманіе его официальное положеніе, часть расходовъ можетъ принять на себя городъ.

— Вотъ прекрасная мысль. Сейчасъ видно, что вы государственнй человѣкъ.

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ кардиналь тономъ человѣка, который имѣетъ право на похвалы.

Впрочемъ, въ этомъ случаѣ бургомистръ едва ли сталъ бы ворчать на расходъ... Хотя онъ и не располагалъ свободными сред-

ствами, но зато отличался тщеславіемъ и любилъ выставять себя напоказъ. Однако, онъ дѣйствительно ревновалъ жену, которая была моложе его на цѣлыхъ двадцать лѣтъ.

Что касается этой маленькой интрижки кардинала,—допустимъ, что бургомистръ подозрѣвалъ, или даже зналъ объ этомъ,—то это пустяки. У многихъ гражданъ Констанца были свои кардиналы, епископы, аббаты, и эти дѣла считались чѣмъ-то среднимъ между отличіемъ и безчестіемъ, смотря по положенію и характеру лицъ, которыхъ они касались. Было, безъ сомнѣнія, болѣе лестнымъ, если жена измѣняла съ какимъ-нибудь княземъ церкви, чѣмъ съ бюргеромъ, равнымъ, а, можетъ быть, и меньшимъ по положенію, чѣмъ законный мужъ.

— Набросаемъ теперь же списокъ приглашенныхъ,—сказалъ кардиналъ, очевидно, считая, что дѣло уже улажено.

И онъ сталъ называть имена одно за другимъ, совѣтуясь о каждомъ съ фрау Маріей.

— Это вы очень хорошо дѣлаете,—замѣтила она.

Кардиналъ взглянулъ на нее въ притворномъ удивленіи.

— Но мужчина всегда такъ долженъ поступать относительно дамы.

— Мой Каспаръ никогда не спрашиваетъ моего согласія въ этихъ дѣлахъ. Но,—продолжала она, тихо смѣясь,—развѣ это не смѣшно, что это дѣло устраиваете вы, а не онъ?

Кардиналъ улыбнулся особенной, свойственной ему улыбкой.

— Для чего же имѣть друзей, если они не могутъ сдѣлать для насъ кое-что?

Фрау Марія вспыхнула.

— Покончивъ съ мужчинами,—продолжалъ кардиналъ,—мы теперь должны заняться дамами. Собственно, мы должны были бы заняться ими прежде всего, но ваше присутствіе заставляетъ меня забывать обо всѣхъ остальныхъ.

И опять кардиналъ началъ называть имя одно за другимъ. Нѣкоторыя изъ нихъ фрау Марія рѣшительно вычеркивала, и кардиналъ не возражалъ.

— Придется, очевидно, пригласить и Магнуса Штейна съ его домочадцами,—сказалъ онъ.—Между нимъ и Фастрдой что-то есть, не правда ли?

Обыкновенно онъ не обращалъ на это вниманія, но на этотъ разъ это обстоятельство его, видимо, заинтересовало.

— Да, они обручены, хотя и не официально. Это трудно замѣтить по обращенію секретаря: онъ всегда строгъ и серьезенъ, какъ судья. Я, откровенно говоря, хотѣла бы для Фастрды лучшей партіи. Онъ непріятенъ въ обращеніи и вдобавокъ еще и бѣденъ. Но Каспаръ имѣетъ свѣдѣнія, что король интересуется этимъ человѣкомъ, который вскружилъ голову и ему самому. У Фа-

страды, впрочемъ, есть свои деньги, доставшіяся ей отъ покойной матери, и вообще это дѣло не мое.

Между этими женщинами не существовало особой любви, и старшая изъ нихъ имѣла много причинъ желать, чтобы младшей не было въ домѣ.

— Конечно, конечно, — отвѣчала кардиналь на послѣднія слова Маріи. — Итакъ, намъ придется пригласить его съ семействомъ.

— Относительно семейства я ничего не могу сказать. Онъ никуда не беретъ его съ собой. Его сестра несчастная дѣвушка, полуидіотка.

— Полуидіотка? Что вы хотите сказать этимъ?

— То-есть, не совсѣмъ идіотка. У нея бываютъ свѣтлые промежутки, когда она говоритъ разумно. Ведетъ она себя всегда тихо и безобидно. Но онъ, конечно, даже не скажетъ имъ о приглашеніи.

— А если вы поѣдете сами и попросите ихъ пріѣхать?

— Тогда онъ пріѣдутъ, пожалуй. Фрау Штейнъ очень любитъ повеселиться, больше, чѣмъ это позволяютъ ей ея кошелекъ и ея лѣта. Пріѣдетъ ли она, если я попрошу ее? Еще бы! Но это слишкомъ много чести для нея. Только почему я должна къ ней ѣхать?

— Видите ли, это будетъ большой балъ, гдѣ должны быть всѣ выдающіеся люди въ городѣ и ихъ жены, конечно. Если они не увидятъ здѣсь городского секретаря съ его семействомъ, а вскорѣ затѣмъ послѣдуетъ свадьба, то всѣ сдѣлаютъ выводъ, что вы были противъ этой свадьбы, но не могли ее предупредить.

Фрау Марія была поражена силой этого соображенія.

— Это правда. Какъ вы умны!

Онъ сдѣлалъ отклоняющій жестъ.

— Я хочу, чтобы васъ всѣ уважали, фрау Марія.

Они стали обсуждать дальнѣйшія подробности. Въ ту минуту, когда, казалось, все было кончено, кардиналь вдругъ ударилъ себя по лбу и воскликнулъ:

— Я и забылъ пригласить лэди Изольду Монторгейль. Безъ нея не можетъ обойтись ни одно празднество въ Констанцѣ.

Фрау Марія подняла было голову.

— Говорятъ, что она...

— Говорятъ всегда много вздору, который на самомъ дѣлѣ не соответствуетъ дѣйствительности. Наконецъ, пусть въ нее бросить камень тотъ, кто самъ безъ грѣха.

Фрау Марія опять вспыхнула.

— Ей нужно обзавестись мужемъ, и тогда можно дѣлать что угодно. Никто не посмѣетъ сказать ни слова.

— Если бъ она пожелала, она могла бы быть герцогиней, а, можетъ быть, и чѣмъ-нибудь побольше.

— Почему же она не пожелала? Она путешествуетъ одна. Немудрено, что объ ней говорятъ дурно.

— Да, говорятъ дурно—въ маленькомъ городкѣ. А при дворѣ она была принята съ почетомъ. Впрочемъ, вопросъ не въ томъ, приглашать ли ее, а въ томъ, пріѣдетъ ли она. Однажды она отказалась отъ такого предложенія фрау-фонъ Ульмъ.

— Правда?

Генрихъ фонъ-Ульмъ былъ не разъ во время собора первымъ бургомистромъ. Недавно его возвели въ рыцари, и онъ обѣдалъ у короля и папы. Его жена была соперницей фрау Маріи по своему положенію въ обществѣ.

— Хорошо! Хотя должна сознаться, что понятія не имѣю о многихъ, кто явится. Говорятъ, она очень красива?—подозрительно спросила она.

Кардиналь прекрасно понималъ ее.

— Вамъ-то бояться нечего. Равной вамъ не найдется. Объ этомъ ужъ позвольте мнѣ судить самому.

Она покачала головой.

— Вы, знаете ли, великій грѣшникъ,—прошентала фрау Марія, ревнивая и польщенная въ одно и то же время.—Ваши жертвы не являются вамъ по ночамъ?

— Зачѣмъ? Я вѣдь беру то, что даютъ. Что касается всего прочаго, то я уже имѣю разрѣшеніе отъ грѣховъ, которое мнѣ дано за мои великія заслуги церкви и человѣчеству въ дѣлѣ избранія папы и прекращенія раскола.

— Это вѣрно?

— Такъ же вѣрно, какъ помощь святыхъ,—серьезно отвѣчалъ кардиналь.

— Надѣюсь, что разрѣшеніе простирается и на соучастниковъ въ вашихъ грѣхахъ.

— До извѣстной степени, конечно. А въ остальномъ я могу давать отпущенія и самъ.

— Все это что-то чудно. Но не намъ, бѣднымъ женщинамъ, разсуждать объ этомъ. Мы должны поступать такъ, какъ вы говорите.

— Только такимъ путемъ вы и можете избѣгнуть заблужденій. Ну, теперь все устроено. Я уже заранѣе вижу это празднество, фрау Марія. Я горжусь своей хозяйкой и хочу показать ее моимъ друзьямъ.

— Только, ради Бога, будьте осторожны, дорогой мой!

Услышавъ такое обращеніе, кардиналь нахмурился, но лицо его разгладилось такъ быстро, что фрау Марія не успѣла ничего замѣтить.

— Хорошо,—кратко промолвилъ онъ.

И, дѣйствительно, у него не было никакого желанія проявлять неосторожность. Ему только хотѣлось заранѣе найти отговорку въ томъ, что онъ не будетъ около нея цѣлый вечеръ. Она была

сносна, пока дѣло происходило въ домашней обстановкѣ, но врядь ли бы онъ сталъ гордиться ею при публикѣ.

Кто-то постучалъ въ дверь. Фрау Марію позвали. Когда она вышла, кардиналь продолжалъ сидѣть, разглядывая съ неопредѣленнымъ выраженіемъ свои бѣлыя руки.

— Удивительно, какъ тщеславны эти женщины,—прошепталь онъ про себя.—Нѣтъ такой грубой лести, которой онъ бы не повѣрили. Мнѣ почти стыдно, что до сего времени я имѣлъ дѣло съ такими женщинами. Но не могъ же я знать, что почти передъ самымъ закрытіемъ собора въ Констанцъ явится такая прелестная женщина.

Онъ всталъ, тщательно стяхнулъ съ себя крошки хлѣба и вышелъ изъ комнаты. Въ его взглядѣ и походкѣ было нѣчто такое, что говорило о томъ, что онъ чувствуетъ для себя униженнымъ оставаться въ этой комнатѣ.

Такимъ образомъ желаніе лэди Изольды исполнилось, и она встрѣтилась на празднествѣ съ матерью и сестрой секретаря, который, впрочемъ, не сообщилъ имъ объ этомъ ея желаніи.

Когда она вошла, всѣ глаза обратились на нее. Празднество давалось не для нея, по крайней мѣрѣ официально, и бургомистръ Мангольтъ, отъ имени котораго разсылались приглашенія, былъ бы очень удивленъ, если бъ кто-нибудь сказалъ ему объ этомъ. Но она была именно тѣмъ лицомъ, на которомъ сосредоточивалось общее любопытство. Всѣ о ней слышали, но видѣли ее немногіе, еще меньше было такихъ, которые говорили съ нею.

Всѣ взоры были устремлены впередъ, въ ожиданіи этой необычной гостыи. Мужчины рѣшительно настроились въ пользу плотскихъ удовольствій и стремились насладиться ими вполне. Но на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ въ этотъ вечеръ, они были разочарованы лэди Изольдой. Она была одѣта, правда, не съ такой простотой, съ какой одѣвалась до сихъ поръ. Въ волосахъ у ней былъ золотой обручъ, на шеѣ красовалась нитка жемчуга, на груди букетъ свѣжихъ фіалокъ. Мужчины могли любоваться ею, но и только. Ея манеры были сдержанны и холодны, и мужчины находили ее совершенно не такой, какой они себѣ ее представляли.

Мужчины и женщины толпились около нея, любуясь ея красотой и завидуя ея драгоцѣнностямъ. Эти драгоцѣнности были самыми малоцѣнными изъ тѣхъ, которыми она обладала, но и онѣ далеко превосходили драгоцѣнности графини Эрленбургъ, у которой, по слухамъ, были самыя дорогія вещи во всемъ городѣ и его округѣ. Лэди Изольда смотрѣла на всѣхъ свысока и отвѣчала такъ, какъ ея собесѣдники и не ожидали. Графиня Эрленбургъ, которая была родомъ изъ той же мѣстности, откуда и графъ Галингенъ, и отличалась такой же грубостью, сказала ей: «Сознаюсь, что въ драгоцѣнныхъ вещахъ вы превосходите меня, но, конечно, вы легко можете достать то, что мнѣ недоступно».

— Такъ ужь принято,—спокойно отвѣчала лэди Изольда:— чтобы гости надѣвали свои драгоценности въ честь хозяевъ. Иначе я бы этого не сдѣлала. Я ихъ презираю и не имѣю ни малѣйшаго желанія кого-либо побѣждать. Впрочемъ, я не думаю, чтобы грѣхъ ограничивался только одной какой-нибудь категоріей поступковъ.

Фрау Маріи досталось еще хуже. Она также заговорила съ лэди въ духѣ графини Эрленбургъ и получила въ отвѣтъ:

— Лучшая драгоценность жены это ея супружеская вѣрность, фрау Марія, эта драгоценность затмеваетъ всѣ другіе.

Супруга бургомистра была такъ ошеломлена этимъ отвѣтомъ, что сначала не знала, что ей отвѣтить.

— Вы, кажется, удивлены, услышавъ отъ меня похвалу вѣрности,—спокойно продолжала лэди Изольда.—Ужь, конечно, если бъ я была женой...

Хозяйка успѣшила оставить гостью въ покоѣ.

Лэди Изольда оставалась на своемъ мѣстѣ, спокойно и какъ бы дремотно прислушивалась къ комплиентамъ мужчинъ и сплетнямъ женщинъ. Время отъ времени ея глаза пробѣгали по толпѣ, какъ будто отыскивая кого-то.

— Какой величавый видъ у васъ сегодня,—сказала ей кардиналь Бранкаччо, давно уже любовавшійся ею.

При звукѣ его голоса она слегка вздрогнула и, едва подавивъ зѣвоту, откинулась на спинку кресла.

— Прошу извиненія, ваше преосвященство, но это я слышала сегодня уже разъ пятьдесятъ. Отъ человѣка съ вашимъ умомъ я рассчитывала услышать нѣчто болѣе интересное.

— Есть истины, которыя нужно только повторять и которыя не дѣлаются отъ этого истертыми. Ваша красота столь возвышенна, что къ ней не подойдетъ никакой тщательно выработанный комплиментъ, а годятся только простыя и искреннія слова.

— Стало быть, это моя вина, и я слишкомъ требовательна. Къ несчастью, даже истины угнетаютъ того, на кого онѣ сыплются дождемъ. Нельзя ли перевести разговоръ на что-нибудь другое?

— Въ вашемъ присутствіи трудно говорить о чемъ-нибудь иномъ, кромѣ вашей красоты. Можно ли требовать, чтобы-человѣкъ, только что вышедшій изъ темнаго лѣса на свѣтъ Божій, говорилъ о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ солнца.

Онъ наклонился къ ней, пожирая ея глазами. Его тонкое обоняніе чувствовало благоуханіе ея волосъ и цвѣтовъ на груди. Съ минуту онъ смотрѣлъ на нее съ видомъ человѣка, совершенно опянѣвшаго. Фрау Марія, издали наблюдавшая за нимъ, скрежетала зубами отъ ярости.

— Бываетъ иногда, что онъ говоритъ и о другомъ,—холодно отвѣчала лэди Изольда.—Вамъ во всякомъ случаѣ придется говорить

о чем-нибудь другомъ, если вы не хотите наскучить мнѣ,—добавила она, глядя не на него, а на толпу.

— Если я не смѣю говорить о томъ, что въ данную минуту наполняетъ мою голову, то позвольте мнѣ предложить одинъ вопросъ.

— Пожалуйста,—безразлично сказала она.

— Васъ, какъ видно, не очень занимаетъ сегодняшній вечеръ,—сказалъ кардиналъ, пристально слѣдя за нею.—Позвольте спросить, почему? Вѣдь все устроено согласно вашему желанію, и тутъ есть доля и моихъ заслугъ.

— О, не все. Кое-чего нѣтъ, иначе я не стала бы скучать.

— Чего же именно?

— Какъ чего? Что это за люди тутъ?—отвѣчала она полупрезрительно, полукапризно, какъ избалованный ребенокъ.

— Но вѣдь приглашены тѣ, которыхъ вы желали пригласить. Приглашенъ и господинъ Магнусъ Штейнъ, секретарь города Констанца, будущій реформаторъ церкви и мученикъ. Приглашены также его мать и сестра.

Онъ продолжалъ внимательно слѣдить за нею.

Скучающее выраженіе не покидало прелестнаго лица лэди.

— Мнѣ они не интересны. Развѣ нѣтъ еще кого-нибудь?

Кардиналъ назвалъ нѣсколько именъ, но она только качала головой.

— Если они, къ несчастью, не интересуютъ васъ больше, то это уже не моя вина, дорогая лэди.

— Вы должны были раздобыть другихъ.

— Но какъ же я могу знать, кто изъ нихъ удостоится вашего благорасположенія?

— Это уже ваше дѣло. Но мнѣ, видимо, придется сдѣлать это самой. Что это за женщина въ платьѣ съ вырѣзомъ и множествомъ драгоценностей? Когда-то она, должно быть, была недурна.

— Это фрау Штейнъ,—отвѣчалъ кардиналъ съ улыбкой.

— А, это она! Я припоминаю, что я слышала о ней кое-что интересное. Приведите ее ко мнѣ.

— Но... подъ какимъ предлогомъ?

— Развѣ для этого нуженъ какой-нибудь предлогъ? Неужели мнѣ помогать вамъ выискивать предлогъ? Развѣ вы затруднились подыскать множество предлоговъ, когда убѣждали соборъ, желавшій реформъ, выбрать такого палу, отъ котораго реформъ они не получатъ? Неужели отъ этихъ усилій ваше остроуміе ослабѣло?

Кардиналъ опять улыбнулся.

— Можетъ быть, не въ такой степени, какъ вы думаете. Хорошо, ваше желаніе будетъ исполнено.

Онъ отошелъ отъ нея и вскорѣ вернулся къ ней вмѣстѣ съ фрау Штейнъ, которую и представилъ. Нужно, впрочемъ, сознаться,

что на этотъ разъ его задача была не особенно трудна, ибо сама фрау Штейнъ сгорала отъ любопытства.

— Благодарю васъ, кардиналь,—промолвила лэди Изольда.— Теперь я въ прекрасной компаніи, и вы можете свободно ухаживать за другими.

Фрау Штейнъ стояла въ ужасѣ отъ такого обращенія съ могущественнымъ кардиналомъ, и ея уваженіе къ лэди Изольдѣ усилилось еще болѣе. Но кардиналь, повидимому, не замѣтилъ этого и отошелъ отъ нихъ съ благосклонной улыбкой.

— Нѣсколько дней тому назадъ я познакомилась съ вашимъ сыномъ, а теперь хотѣла бы познакомиться и съ вами. Я убѣждена, что у такого сына и мать должна быть необыкновенной,—привѣтливо обратилась къ ней лэди Изольда.—Видя васъ, трудно повѣрить, что у васъ взрослый сынъ.

Лэди Изольда отлично умѣла находить самыя подкупающія слова, и фрау Штейнъ, не питавшая къ ней никакого предубѣжденія изъ-за принциповъ, но ненавидѣвшая ее той ненавистью, съ какою обыкновенно женщины ненавидятъ тѣхъ, кто выше, моложе и красивѣе ихъ, была очарована. Кромѣ того, комплименты лэди Изольды совпадали, по крайней мѣрѣ на сегодняшній вечеръ, съ истиной.

— Вы льстите мнѣ, лэди,—отвѣчала фрау Штейнъ, вспыхнувъ отъ удовольствія.— Но это правда: я была еще совсѣмъ ребенкомъ, когда вышла замужъ.

Это было не совсѣмъ вѣрно, но фрау Штейнъ не страдала такой щекотливостью относительно лжи, какъ лэди Изольда.

— Вы должны гордиться вашимъ сыномъ,—продолжала лэди.

— Конечно. Онъ, безъ сомнѣнія, красивый малый. Это мнѣ говорили всѣ дамы,—отвѣчала фрау Штейнъ со смѣхомъ, выдававшимъ ея пошлую натуру.

Ея собесѣдница посмотрѣла на нее.

— Я говорю не о его внѣшности. Сказать по правдѣ, я о ней еще и не думала. Я думала, что вы гордитесь сыномъ, который пользуется такимъ уваженіемъ въ городскомъ совѣтѣ и тѣмъ отплачиваетъ вамъ за ваши заботы о немъ.

— Ну, если говорить объ этомъ, то онъ могъ бы сдѣлать для меня и побольше. Впрочемъ, я не могу жаловаться на него, —поспѣшила она поправиться, сообразивъ, что неудобно дискредитировать его въ глазахъ столь вліятельной дамы, которая имъ интересуется.—Онъ еще очень молодъ и слишкомъ пылокъ. Но, несомнѣнно, время научить его. А мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ усвоилъ болѣе практическіе взгляды на жизнь,—закончила она со вздохомъ, избражая изъ себя нѣжную, заботливую мать.

— Это правда, въ немъ нѣтъ мудрости дѣтей міра сего,—весело согласилась лэди Изольда.

— Вот что правда, то правда. Мы не богаты—вы можете видеть это по моему платью. Это далеко не то, что было у меня в молодости. Но Магнусъ не хочетъ ничего слушать. Если бь онъ захотѣлъ, его должность могла бы давать ему хорошей доходъ. Онъ могъ бы принимать кое-какіе подарки отъ людей, которымъ онъ оказываетъ разныя услуги. Всѣ это дѣлаютъ, и въ этомъ нѣтъ ничего дурного. Но у него нелѣпыя идеи. Повѣрите ли—однажды ему хотѣли дать очень выгодное порученіе. Но когда дѣло обсуждалось въ совѣтѣ, онъ всталъ и началъ просить, чтобы это порученіе дали другому—его заклятому врагу, который дѣлаетъ все возможное, чтобы его погубить. И тотъ получилъ денежки, въ которыхъ мы такъ нуждались. Развѣ это не глупо? Меня онъ не слушаетъ. Вотъ если бь вы сказали ему словечко, то, я увѣрена, онъ послушался бы васъ.

Фрау Штейнъ быстро составила свой планъ дѣйствій. Лэди, очевидно, интересуется Магнусомъ. Если ей удастся хоть одинъ разъ заставить его отступить отъ своихъ принциповъ, то она впоследствии сумѣетъ использовать для себя это обстоятельство. Рассчитывать же на бракъ съ Фастрადой ей не хотѣлось. Прежде всего, она ей не нравилась. Во-вторыхъ, Магнусъ могъ бы сдѣлать лучшую партію: у Фастреды, правда, были деньги ея покойной матери, но это было не Богъ вѣсть что. Отецъ же ея былъ бургомистромъ только на опредѣленный срокъ, и фрау Штейнъ не считала его способнымъ сдѣлать дальнѣйшую карьеру. Учитывая все это, она рѣшилась какъ можно лучше воспользоваться вліяніемъ этой прекрасной дамы, которая говорить съ ней такъ любезно и мило.

— Съ волками жить по-волчьи выть? Не такъ ли?—спросила, улыбаясь, фрау Штейнъ.

— Если этого не дѣлать, то волки отъ насъ уйдутъ,—весело сказала лэди Изольда, какъ бы отвѣчая не ей, а самой себѣ.

— Не правда ли?—живо подхватила фрау фонъ-Штейнъ.

— А если будемъ дѣлать это, то погубимъ самихъ себя. Другого выхода нѣтъ,—продолжала лэди, не обращая вниманія на свою собесѣдницу.

— Виновата, что вы изволили сказать?

— Что погибло, то погибло!—молвила лэди Изольда едва слышнымъ голосомъ.

Впереди нея въ апартаментѣхъ, дверь которыхъ была открыта настежь, празднество было въ полномъ разгарѣ. Страстиѣ становились танцы, смѣлѣе взоры и жесты танцующихъ. Слуги сновали во всѣ стороны, разнося графины съ виномъ. Жизнь, казалось, потеряла всѣ свои трансцендентальныя радости и надежды, и люди старались заполнить скорѣе страшную пустоту. Съ неутомимой жаждой пили они изъ чаши наслажденій и не отнимали ея отъ устъ, пока не дѣлалось горько. Быстрѣе и страстиѣ становились танцы. Время отъ времени слышался звукъ паденія, рѣзкій смѣхъ, звонъ разби-

таго стекла. Все это затеривалось, впрочемъ, въ шумѣ и водоворотѣ танцевъ.

Лэди Изольда смотрѣла на все, что происходило передъ нею. Воздухъ отяжелѣлъ отъ дыма люстръ, запаха увядшихъ цвѣтовъ и испареній толпы. Въ залахъ стоялъ словно туманъ. Наверху мерцалъ какой-то свѣтъ, подобный отраженію луны въ волнахъ. Чѣмъ ниже, тѣмъ онъ дѣлался плотнѣе, матеріальнѣе, затмевая блескъ брильянтовъ и улыбки ихъ обладательницъ. Щеки, раньше свѣжія, какъ весна, теперь пылали отъ жары и вина и покрылись грубыми красными пятнами, которыя портили ихъ красоту. Глаза, въ началѣ вечера ясные, какъ горныя озера, теперь свѣтились лихорадочнымъ блескомъ, и въ ихъ прозрачныхъ глубинахъ виднѣлось что-то мутное и взволнованное. Уши не безъ удовольствія выслушивали вольности, и духовные и свѣтскіе люди одинаково радовались въ сердцѣ, видя, какъ грѣхъ и порокъ собираютъ обильную жатву.

— Извините, лэди!—начала опять ффрау Штейнъ.

Лэди Изольда вздрогнула и очнулась. Не вспомнился ли ей балъ, данный въ аббатствѣ Сенъ-Дени,—это было до ея появленія въ свѣтѣ, но память объ этой оргіи была еще свѣжа при французскомъ дворѣ,—на которомъ всѣ женщины, чтобы не краснѣть, надѣли маски, а герцогъ Орлеанскій хвастался тѣмъ, что овладѣлъ женою Іоанна Бургундскаго, пока за это хвастовство страну не постигло посрамленіе и разореніе? Конечно, Констанць былъ далеко не Сенъ-Дени, хозяиномъ здѣсь былъ не французскій король, да и гости были всѣ рангомъ ниже. Но иногда мысль невольно перескакивала отъ этого празднества во Францію. Или, можетъ быть, въ ея воображеніи предстала фигура дофина, который дотанцовался до смерти, не заставивъ забыть этимъ бѣдствіи своего королевства.

— Извините,—опять промолвила ффрау фонъ-Штейнъ.

Лэди Изольда очнулась отъ своего сна.

— Мнѣ передавали, что у васъ есть дочь,—спросила она, блуждая взглядомъ по толпѣ.—Я увѣрена, что она у васъ красавица. Покажите мнѣ ее?

— Увы! Бѣдная дѣвушка недостойна вашего вниманія. Въ дѣтствѣ она была сильно испугана, и съ тѣхъ поръ она не въ своемъ умѣ. Это великое мое горе, и я должна теперь изъ-за нея сплошь и рядомъ сидѣть дома. Когда же приходится брать ее съ собой, то я никогда не знаю, что изъ этого выйдетъ. Сегодня я хотѣла оставить ее дома, такъ какъ самой-то мнѣ нельзя было отказаться отъ приглашенія ффрау Мангольтъ. Но, услыхавъ о немъ, она тоже захотѣла ѣхать. Да и Магнусъ настаивалъ на этомъ. Онъ всегда исполняетъ всѣ ея капризы, и это только ухудшаетъ дѣло. Я ее оставила вотъ тамъ у дверей въ обществѣ нѣсколькихъ другихъ дѣвицъ, среди которыхъ, надо надѣяться, она будетъ вести себя спокойно.

Лэди Изольда посмотрѣла въ ту сторону, куда ей показала фрау Штейнъ. Но въ эту минуту грянула музыка, возвѣщая прибытіе короля.

Вошелъ король—почти уже императоръ. Онъ явился, чтобы своимъ присутвіемъ дать императорскую санкцію попойкѣ, какой большинство гостей и считали сегодняшнее празднество. Танцы прекратились. Поднялась суматоха, толкотня, крики, при которыхъ нельзя было разговаривать. Шумный потокъ людей отъ наружныхъ дверей скоро хлынулъ внутрь, въ комнаты—странный, фантастическій потокъ: женщины въ огромныхъ головныхъ уборахъ съ высокими тульями, которыя, какъ башни, возвышались надъ толпою, колыхаясь то тамъ, то сямъ, словно суденышки, бросаемя волнами; мужчины съ привѣшанными къ загнутымъ носкамъ звоночками, производившими музыку, достойную этого дикаго маскарада. Впереди всего этого шелъ король, одѣтый въ такой же фантастическій костюмъ, какъ и всѣ другіе. Король Сигизмундъ никогда не отказывался раздѣлить удовольствія своихъ подданныхъ.

Направо отъ кресла, на которомъ сидѣла лэди Изольда, поднялась настоящая живая волна.

— Прекрасная лэди,—галантно поклонившись, началъ Сигизмундъ,—не удостоите ли председательствовать на этомъ празднествѣ, рядомъ со мной. Моя супруга не могла прибыть сюда. Не угодно ли вамъ занять ея мѣсто? У празднества есть король, но нѣтъ королевы. Взгляните, ваши подданные горятъ нетерпѣніемъ увѣнчать васъ короной.

Онъ сдѣлалъ знакъ своей свитѣ, которая держала вѣнокъ изъ цвѣтовъ.

Лэди Изольда поднялась и, въ свою очередь, привѣтствовала короля.

— Ваше величество дѣлаете мнѣ слишкомъ много чести,—съ внезапной энергіей сказала она.—Выберите другую, болѣе красивую и болѣе достойную этой чести.

— Другой здѣсь нѣтъ!—отвѣчалъ король, не замѣчая, что своими словами онъ многимъ наноситъ обиду. Онъ дѣйствовалъ большею частью подъ впечатлѣніемъ минуты, нерѣдко теряя въ одну минуту то, что ему удавалось пріобрѣсти лишь годами.

— Мы всѣ согласны въ этомъ! Не правда ли?—спросилъ онъ, обращаясь къ толпѣ.

— Всѣ согласны!—послышался отвѣтъ хоромъ.

Когда король что-нибудь утверждаетъ, то кто посмѣетъ ему противорѣчить?

— *Vox populi vox Dei!*—воскликнулъ король, видимо, находившійся въ беззаботномъ настроеніи.—Слышали это, прекрасная дама? Вы будете коронованы самимъ королемъ, который на сегодняшній вечеръ дѣлается вассаломъ вашей красоты.

Отказаться было невозможно. Съ холодной усталой улыбкой она приняла гирлянду при крикахъ своихъ не совсѣмъ уже трезвыхъ подданныхъ.

Что касается Магнуса Штейна, то она видѣла его всего одинъ разъ, но и тутъ не успѣла заговорить съ нимъ. Онъ тоже старался держаться подалеже отъ шумнаго веселья. Пока ее короновали, онъ стоялъ въ дверяхъ съ мастеромъ Шварцемъ, глядя на импровизированный тронъ, на которомъ возсѣдалъ король и женщина легкаго поведенія.

— Вотъ прелесть-то!—воскликнулъ Шварцъ.—Боюсь, мастеръ секретариусъ, что вамъ не удастся измѣнить этого міра.

— Конечно,—отвѣчалъ тотъ, грустно глядя на развертывавшееся передъ нимъ зрѣлище.

Онъ вышелъ въ другую комнату, а когда вернулся въ большой залъ, короля уже не было, а лэди Изольда стояла по срединѣ, окруженная своими поклонниками. Магнусу показалось, что на другомъ концѣ зала онъ замѣтилъ бѣлокурые волосы Фастреды. Онъ было пошелъ къ ней, но толпа оттѣснила его къ лэди Изольдѣ. По какому-то необъяснимому побужденію онъ поднималъ глаза и встрѣтился съ ея взоромъ. Она какъ будто приглашала его остановиться и заговорить съ нею, но онъ, внутренно сердясь на себя за то, что поддался этому импульсу, важно поклонился ей и прошелъ мимо. Лэди Изольда слѣдила за нимъ глазами, пока онъ не подошелъ къ Фастредѣ, а затѣмъ ловко двинула толпу впередъ, такъ что могла не только видѣть обоихъ, но иногда и слышать обрывки ихъ разговора.

— Наконецъ-то!—промолвилъ секретарь, останавливаясь передъ Фастредой.—Я уже отчаялся было васъ видѣть. Какъ бы я хотѣлъ, чтобы всѣ убрались отсюда, кромѣ васъ.

— Ну, этого сдѣлать нельзя. Нельзя мнѣ также и оставаться съ вами: я должна ухаживать за нашими гостями. Я должна васъ побранить, однако, за то, что вы говорили у кардинала камбрійскаго. Незачѣмъ отрицаться: я знаю все. Развѣ вы забыли то, о чемъ я вамъ говорила? Я боюсь костра и содрогаюсь при мысли о мученичествѣ.

— Мы всѣ боимся этого. Когда я вижу васъ, я тоже молюсь, да мимо идетъ чаша сія. Но не страхъ спасаетъ иной разъ чело-вѣка.

— И не глупое упорство, во всякомъ случаѣ,—промолвила нетерпѣливо дѣвушка.—Наконецъ, какъ можемъ мы быть увѣрены, что наше мнѣніе всегда справедливо. На ихъ сторонѣ святыя отцы и преданіе, а на нашей нѣтъ ничего.

— Я вѣрю, что вы будете на той сторонѣ, которая права.

— Можетъ быть. А теперъ уходите.

Онъ послушно отошелъ прочь, еще разъ бросивъ на нее любовный взглядъ. А она, едва отвернувшись, бросила привѣтливый взглядъ графу Вейсенштейну. Но графъ, какъ будто не желая подойти къ ней, завязалъ разговоръ съ какимъ-то гостемъ. Вдругъ сзади Фастрады сдѣлалась какая-то суматоха: къ ней подскочила какая-то красивая, но блѣдная дѣвушка съ широко раскрытыми и дико блуждающими глазами и схватила ее за руки. То была сестра Магнуса.

— Я хочу быть съ вами,—закричала она.—Они такіе гадкіе.

Вѣроятно, окружающіе дразнили ее, и блѣдная дѣвушка, не смотря на то, что она съ трудомъ понимала другихъ, сильно обидѣлась.

Фастрада вздрогнула. Она не знала, что Магнусъ привезъ съ собой сестру, и была непріятно поражена ея появленіемъ.

— Съ кѣмъ вы были?—спросила она.

— Я хочу быть съ вами,—повторяла несчастная дѣвушка.

Она была слишкомъ возбуждена и не могла дать прямого отвѣта.

Фастрада была нетерпѣлива и ей не хотѣлось прибѣгать къ уловкамъ.

— Отвѣчайте мнѣ,—сказала она рѣзко.—Гдѣ ваша мать?

Ея токъ испугалъ дѣвушку, и она тщетно старалась отвѣтить на вопросъ. Съ минуту она глядѣла на Фастраду большими испуганными глазами и повторяла:

— Я хочу быть съ вами. Магнусъ сказалъ, чтобы я шла къ вамъ, когда захочу.

Фастрада бросила быстрый взглядъ на графа, который, видимо, собирался двинуться дальше, и промолвила:

— Теперь нельзя. Пустите мою руку. Теперь у меня нѣтъ времени. Идите къ матери.

Но дѣвушка крѣпко держала ее за руку.

Фастрада разсердилась и негодовала на то, что Магнусъ вздумалъ привести сегодня свою сестру.

— Идите же!—повторила она.—Развѣ вы не слышите?

Ея губы улыбались, но глаза метали молніи.

Дѣвушка вдругъ выпустила руку Фастрады и разразилась рыданіями. Напрасно дочь бургомистра старалась успокоить ее: сцена начинала обращать на себя вниманіе.

Вдругъ какой-то нѣжный голосъ спросилъ:

— Вы сестра Магнуса Штейна?

При звукахъ этого музыкальнаго голоса Эльза, услышавъ свое имя, обернулась и взглянула вверхъ! Передъ ней стояла лэди Изольда въ коронѣ изъ цвѣтовъ. Какъ будто очарованная ея кроткой улыбкой, Эльза перестала плакать. Лэди Изольда подошла и взяла ее за руку.

— Хотите оставаться со мной? Мы будемъ говорить о Магнусѣ. Эльза глядѣла на нее съ удивленіемъ и улыбалась, и наконецъ сначала робко, а потомъ смѣлѣе, промолвила:

— Какіе у васъ дивныя цвѣты!

— Они вамъ нравятся? Я дамъ вамъ самыя лучшія изъ нихъ.

И съ этими словами она сорвала нѣсколько цвѣтовъ изъ своей короны.

— Какъ вы добры!—съ дѣтскимъ восторгомъ воскликнула бѣдная дѣвушка, хватая цвѣты и прижимая ихъ къ своему лицу.

Фастрада стояла тутъ же, кусая губы. Ей были ненавистны и лэди Изольда, и Эльза. У нея было хорошее намѣреніе: ей хотѣлось пріобрѣсти расположеніе графа для себя и для Магнуса. Можетъ быть, ей хотѣлось немножко подстрекнуть и ревность своего жениха, который иногда былъ слишкомъ увѣренъ въ ея любви. А, можетъ быть, гдѣ-то тамъ, на днѣ души, бессознательно для нея зрѣла мысль, что быть графиней—куда выше, чѣмъ женой городского секретаря.

— Три граціи!—воскликнулъ кто-то изъ стоявшихъ около нихъ.

Лэди Изольда надменнымъ взглядомъ заставила его умолкнуть.

— Идите сюда и садитесь около меня,—сказала она Эльзѣ.

Фастрада наконецъ овладѣла собой.

— Я пойду за ея матерью. Вѣдь настроеніе ея можетъ вдругъ перемѣниться.

— Не думаю,—спокойно промолвила лэди Изольда.—Вѣдь вы не будете плакать, пока вы со мной?—спросила она Эльзу.

— Нѣтъ. Вѣдь вы добрая.

Лэди Изольда сѣла съ ней за колонной, гдѣ ихъ не было видно, и принялась разспрашивать ее о Магнусѣ и ихъ жизни.

— Я люблю Магнуса,—сказала Эльза.—И вы должны любить его.

Лэди Изольда слегка покраснѣла.

— Но онъ, можетъ быть, не желаетъ этого?

— Какъ онъ можетъ этого не желать? Вы такая добрая и прекрасная. Обѣщайте мнѣ, что вы будете его любить. Обѣщайте!

Щеки дѣвушки разгорѣлись отъ необычайныхъ усилій говорить связно, она сильно волновалась. Лэди Изольда не знала, что сказать ей. Но какъ разъ въ этотъ моментъ явилась фрау Штейнъ и выручила ее. Она рассыпалась въ извиненіяхъ и въ благодарностяхъ.

— Очень рада, что мнѣ удалось успокоить ее. Мы теперь будемъ друзьями, Эльза? Не такъ ли?

Но въ присутствіи матери дѣвушка опять стала робкой.

Чтобы ободрить ее, лэди Изольда сорвала еще нѣсколько цвѣтовъ и вколола ихъ ей въ волосы. Эльза вскрикнула отъ восторга,

а ея мать стояла съ разинутымъ ртомъ, удивляясь, какая блажь приходитъ иногда въ голову знатнымъ дамамъ. Снявъ свое великолѣпное шелковое покрывало, затканное золотыми нитями, лэди Изольда накинула его на голову Эльзы.

— Это для того, чтобы капюшонъ не измѣялъ цвѣтовъ,—сказала она.

ГЛАВА VII.

Иллюзія весны.

Прошелъ апрѣль. Соборъ былъ распущенъ. Многіе изъ его членовъ уже собирались ѣхать домой. вмѣстѣ съ ними разсѣивались и надежды, которыя они принесли съ собой издалека и въ теченіе четырехъ лѣтъ держались въ монастырѣ, гдѣ засѣдалъ соборъ. вмѣсто нихъ подходила весна. Правда, въ мрачный городъ вступилъ пока ея авангардъ съ его неизбѣжными бурями и дождями и обманчивыми лучами солнца. Много почекъ, неосторожно распустившихся, погибло отъ несвоевременныхъ заморозковъ. Но все это наконецъ миновало. Теперь солнце ярко сіяло въ безоблачномъ голубомъ небѣ. Торжественно-печальные лики святыхъ, изображенные на окнахъ собора, пророки, спокойно смотрѣвшіе всю зиму внизъ на грѣшниковъ у ихъ ногъ, теперь преобразились и сіяли необыкновеннымъ блескомъ, какъ будто они вновь обрѣли вѣру и въ свою миссію, и въ свою силу. Золотыя буквы надписей, украшавшихъ соборъ, казавшіяся зимой полустертymi, теперь побѣдоносно выступали изъ мрака, и народъ со страхомъ и обновленной вѣрой могъ прочесть: Resurgetemus.

За городскими воротами зелень почти уже распускалась, и кусты и деревья словно по уговору вдругъ покрылись почками. Сердца людей бились какъ-то необычайно. Мужчины и женщины пріобрѣтали другъ для друга особую прелесть. Они смотрѣли другъ на друга и находили въ себѣ вещи, о которыхъ и не мечтали.

Полуденное солнце ярко освѣщало стѣны гостиницы «Лебедя», бросая горячіе лучи въ окна лэди Изольды, которая съ марта удостоила переселиться сюда. Золотой потокъ лучей бѣжалъ по ярко натертому полу прямо къ креслу, на которомъ она сидѣла, и лобызалъ ея ноги. Но не смѣя итти дальше, лучи освѣщали рефлексомъ даже самые темные уголки комнаты.

Лэди Изольда, прекрасная и сіяющая, сидѣла на темномъ кожаномъ креслѣ. Ея рыжеватые волосы, покрывавшіе ее какъ будто короной, казалось, свѣтились сами. Противъ нея сидѣлъ кардиналъ Бранкаччо.

Глядя на это прекрасное лицо и не замѣчая или не желая замѣчать холоднаго презрѣнія, которое выражалось на немъ, онъ спросилъ:

— Итакъ, вы отвергаете мое предложеніе?

Ея лицо приняло еще болѣе презрительное выраженіе, но онъ все еще не замѣчалъ этого.

— Да, — отвѣчала она, смотря не на него, а въ окно, откуда черезъ цвѣты на подоконникѣ виднѣлась полоска голубого неба. — Слова, исходящія отъ васъ, кажутся мнѣ оскорбительными. Вы скажете, что я не имѣю права обижаться. Къ несчастью, моя исторія, какъ извѣстно, сплетается съ исторіей моей великой страны.

Въ ея голосѣ и манерахъ было что-то такое, что давно охладило бы пылъ любого человѣка. Но дать отпоръ кардиналу было не легко.

— Можетъ быть, вы влюблены въ кого-нибудь, прелестная лэди? — спросилъ онъ.

Тихая комната огласилась ироническимъ смѣхомъ.

— Только не въ васъ, кардиналь.

— Можетъ быть, въ нашего общаго друга, Магнуса Штейна, секретаря добраго города Констанца и реформатора всего міра?

— Если бъ это было такъ, — отвѣчала она съ насмѣшкой: — но неужели я избрала бы васъ въ повѣренныя?

— Знаете, вы съ нимъ не пара. Вы умны, а онъ глупецъ.

— Что такое умъ? — задумчиво спросила она, какъ бы забывая о присутствіи кардинала. — Кто уменъ — тѣ ли, кто переплываетъ рѣчку, чтобы потомъ отдохнуть часъ-другой, или тѣ, кто борется съ могучимъ теченіемъ, чтобы испытать чувство свободы и величія?

— Я вижу, что нашъ общій другъ пріобрѣлъ себѣ поклонницу, — насмѣшливо сказалъ кардиналь. — Позвольте предостеречь васъ отъ пути, который, несомнѣнно, ведетъ къ тому или другому мученичеству. Объ этомъ хорошо говорить, но испытывать это — не очень пріятно. Когда дѣло дойдетъ до этого, то и нашъ другъ запоетъ другую пѣсню. Боль дѣлаетъ чудеса. Самъ Христосъ на крестѣ уступилъ плоти, — прибавилъ онъ цинично.

— Не богохульствуйте!

Лэди Изольда какъ-то странно посмотрѣла на кардинала.

— Ни ваша семья, ни вашъ народъ не славились вѣрою и высокими идеалами. Говорятъ, вашъ дядя однажды открыто осмѣялъ архіепископа миланскаго за то, что тотъ вѣрилъ въ воскресеніе мертвыхъ.

Это дѣйствительно было. Неаполитанцы славились своимъ невѣріемъ по всей Европѣ, и среди нихъ въ особенности дядя кардинала, низложенный папа Іоаннь XXIII.

— Вѣрно, — съ тихимъ смѣхомъ отвѣчалъ кардиналь, какъ будто это воспоминаніе доставляло ему удовольствіе. Это было послѣ коронаціи въ садахъ Ватикана. Я стоялъ за кустомъ и былъ свидѣтелемъ этой сцены. Архіепископъ распространился насчетъ воскресенія, ему какъ будто хотѣлось произвести хорошее впечатлѣніе на моего дядю, но тотъ спросилъ его: «Ты вѣришь въ воскресеніе

мертвыхъ?»—«Конечно», отвѣчалъ архіепископъ. «*Tu sei una bestia*» (ты осель), промолвилъ папа и повернулся къ нему спиной.

— Вы надоѣли мнѣ,—отвѣчала лэди Изольда, вставая.—Намъ не о чемъ говорить съ вами.

Кардиналь продолжалъ, однако, сидѣть.

Лэди Изольда взглянула на него съ высокоомѣрнымъ презрѣніемъ и, поднявъ брови, заговорила вновь:

— Мнѣ очень неприятно, но я должна показать вамъ дверь. Я была слишкомъ терпѣлива съ вами.

Кардиналь, однако, и не думалъ вставать. Только въ глазахъ у него засвѣтился какой-то огонекъ.

— Это ваше послѣднее слово, мадонна?—спросилъ онъ.

— Да. Не вздумайте пугать меня,—промолвила она въ отвѣтъ на брошенный имъ взглядъ.—У васъ для этого слишкомъ мало силы.

Наступило глубокое молчаніе. Былъ слышенъ малѣйшій звукъ. Лэди Изольда насторожилась и прислушивалась. Ей показалось, что за дверью послышалось какое-то движеніе. Всѣ ея слуги ушли смотрѣть мистерію, которая разыгрывалась въ этотъ день, и она была одна съ кардиналомъ. Шорохъ за дверью прекратился, и она подумала, что ошиблась. На самомъ же дѣлѣ, къ двери подходилъ съ извѣщеніемъ отъ городского совѣта Магнусъ Штейнъ. Бургомистръ Мангольдъ, видя, что король и знатнѣйшіе вельможи были въ восторгѣ отъ лэди Изольды на празднествѣ, настоялъ на томъ, чтобы порученіе было передано самимъ городскимъ секретаремъ. Магнусу оставалось только повиноваться.

Подойдя къ двери апартаментовъ лэди Изольды, онъ не нашелъ около нихъ никого, кто могъ бы доложить о немъ. Какая-то женщина, которую онъ встрѣтилъ въ коридорѣ, сказала ему, чтобы онъ вошелъ въ комнаты и постучалъ во внутреннюю дверь. Онъ такъ и сдѣлалъ. Его шаги заглушались пушистымъ ковромъ. Только что онъ хотѣлъ постучать въ дверь, какъ раздался громкій и гнѣвный голосъ лэди Изольды, бесѣдовавшей съ кардиналомъ. Магнусъ Штейнъ повернулся и ушелъ, не передавъ извѣщенія.

— Изъ всѣхъ съѣхавшихся сюда на соборъ,—продолжала лэди Изольда, теряя свое спокойствіе,—вы стоите ниже всего въ моемъ мнѣніи. Отдаться вамъ! Я предпочла бы отдаться дьяволу! Онъ, по крайней мѣрѣ, великъ въ своемъ злѣ!

Кардиналь, наконецъ, потерялъ терпѣніе. Рубецъ на его щекѣ сдѣлался ярко краснымъ, и въ глазахъ забѣгали злые огоньки.

— Не слѣдуетъ преуменьшать мою способность ко злу!—вскричалъ онъ.—Я далъ себѣ клятву, что вы будете моей,—и это такъ и будетъ.

— Попытайтесь овладѣть мною!

— Попробую. Если бъ я захотѣлъ, то могъ бы сдѣлать это и сейчасъ. Вѣдь мы здѣсь одни.

— Однажды въ Римѣ, когда я была одна, ко мнѣ въ комнату вломились два человѣка. Оба были убиты мною.

— Ну, я не изъ ихъ числа,—хладнокровно отвѣчала кардиналь.—Вамъ этого бояться нечего. Мои притязанія идутъ дальше. Я не буду пугать васъ костромъ и другими средствами, имѣющимися въ арсеналѣ церкви. Жаль было бы, если бы пытки обезобразили столь красивое тѣло. Нѣтъ, у меня есть для васъ нѣчто получше. Что вы скажете, если васъ выставятъ у позорнаго столба совершенно голую, какъ послѣднюю куртизанку, и весь городъ Констанцъ будетъ глазѣть на васъ?

Лэди Изольда медленно повернулась къ нему и бросила на него такой взглядъ, передъ которымъ не многіе не опустили бы глазъ. Но кардиналь Бранкаччо могъ выдержать многое.

— Эта мысль дѣлаетъ вамъ честь,—промолвила она.—Если бъ я не слышала этого собственными ушами, я никогда не повѣрила бы. Къ несчастью, вы этого сдѣлать не можете. Всѣ дѣла такого рода рѣшаются городскимъ совѣтомъ.

— Совершенно вѣрно, прелестная лэди. Но вы забываете, что бургомистръ Мангольтъ и его жена—мои добрые друзья. Все будетъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ, хотя вы и англичанка.

— Мнѣ кажется, что подкупленные вами люди и сейчасъ дежурятъ здѣсь у воротъ, а, можетъ быть, даже и въ коридорѣ?

Кардиналь пожалъ плечами.

— Умный человѣкъ долженъ принимать мѣры предосторожности.

— Что вѣрно, то вѣрно,—сказала она съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ.—Придется, очевидно, уступить вамъ. Я ошиблась въ васъ, ваше преосвященство. Вы, кажется, горите нетерпѣніемъ?—продолжала она, оставаясь совершенно спокойной.

— Вѣрно,—отвѣчалъ кардиналь съ своей сардонической улыбкой:—не забудьте, что вы заставили меня истощить всѣ средства убѣжденія.

Лэди Изольда не отвѣчала. Глубоко вздохнувъ, она отвернулась отъ своего собесѣдника, вынула платокъ и крѣпко прижала его къ губамъ, какъ бы борясь съ чувствомъ своего отвращенія. Когда она отняла отъ губъ этотъ шелковый платокъ, онѣ были красны, а глаза горѣли огнемъ. Кардиналь внимательно слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, но пока ничто не возбуждало его подозрѣній.

— Я готова,—промолвила она, повертываясь къ нему.—Чего же вы ждете? Или я должна сама на колѣняхъ умолять васъ?

Золотистый лучъ свѣта отошелъ отъ нея и легъ узкой полоской на подоконникѣ, перемѣшавшись съ тѣнью отъ цвѣтовъ, которые цвѣли какими-то огненными цвѣтами. Но кардиналь не смотрѣлъ сюда. Его взглядъ неотступно слѣдилъ за стоящей передъ нимъ женщиной съ блѣднымъ лицомъ и ярко-красными губами.

Кардиналь всталъ и съ загорѣвшимися щеками сдѣлалъ нѣсколь-
ко шаговъ туда, гдѣ она ждала его. Осторожность не покидала его.

— Прежде всего я долженъ удостовѣриться, что ваши ручки
такъ же безопасны, какъ и прелестны.

Лэди Изольда подняла ихъ вверхъ. Широкіе рукава ея платья
откинулись и обнажили ея руки, какъ бы показывая, что въ нихъ
не спрятано ни кинжала, ни какого-либо другого орудія. Кардиналь
одобрительно кивнулъ головой, но для большей безопасности быстро
схватилъ шелковые рукава, потянулъ ихъ къ себѣ и схватилъ лэди
Изольду за руку. Она не сопротивлялась и, наклонившись, крѣпко
поцѣловала его въ губы разъ, два, три, съ какой-то бѣшеной стра-
стью. Потомъ она откинулась назадъ, какъ бы желая перевести ды-
ханіе.

Кардиналь продолжалъ слѣдить за нею.

Вдругъ на него нашла какая-то странная слабость. Ея глаза
были устремлены на него, завораживали его и отнимали у него
всю силу. Ноги неожиданно отказались служить ему. Онъ съ
трудомъ добрался до ближайшаго кресла и опустился въ него,
уже не владѣя своими членами. Безсильно сидѣлъ онъ, не отрывая
глазъ отъ ея горящаго взора. Онъ съ минуту еще смотрѣлъ на нее,
потомъ женская фигура уплыла изъ поля его зрѣнія и скрылась
за кресломъ.

Онъ хотѣлъ встать, закричать, но не могъ. Мускулы не повино-
вались ему, хотя его чувства были обострены до крайности. Черезъ
нѣсколько секундъ ловкія руки опутали его веревкою и крѣпко
привязали къ креслу.

Опять передъ нимъ предстала лэди Изольда.

— Такъ будетъ хорошо,—промолвила она.—Теперь я запру
двери: не хорошо мѣшать въ часъ любви.

Кардиналь все видѣлъ и слышалъ, но не могъ ни говорить, ни
избѣгнуть ея насмѣшливаго взора. Лэди Изольда стояла передъ
нимъ и смотрѣла прямо ему въ лицо.

Мало-по-малу способность рѣчи стала возвращаться къ нему.
Но въ ногахъ еще чувствовалась какая-то странная усталость.
Кровь быстро бѣжала въ его жилахъ.

Теперь кардиналь понялъ, что это значило.

— Сирійское снадобье,—прошепталъ онъ.—Кто научилъ васъ
этому?

Она засмѣялась какимъ-то рѣзкимъ, металлическимъ звукомъ,
столь для нея необычнымъ.

— Вы, вы сами, ваше пресвященство.

Вдругъ одно воспоминаніе прорѣзало его мозгъ.

— Беатриса Понтефакъ! — воскликнулъ онъ сдавленнымъ го-
лосомъ.

— Она самая,—отвѣчала она, насмѣшливо присѣдая передъ нимъ.—Поздно же вы догадались.

— Но вѣдь волосы у васъ тогда были какъ ленъ. А теперь они рыжіе?

— Всѣ женщины нашей семьи рождаются съ свѣтлыми волосами, а когда вырастутъ, становятся темнѣе. Тогда я была еще дѣвочкой. Мнѣ не было и пятнадцати лѣтъ. А теперь мнѣ двадцать пять.

Наступило молчаніе.

— Я замѣтилъ это странное сходство,—хрипло началъ кардиналъ.—Я забылъ объ этомъ свойствѣ вашей семьи. Забылъ и о томъ, что самъ научилъ васъ употреблять это средство.

— Совершивъ преступленіе, преступникъ обыкновенно уходитъ прочь и забываетъ. Но онъ долженъ помнить, что его жертва не забываетъ ничего. Однажды вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ уходить, вы сказали мнѣ, что есть такая мазь, что если намазать ею губы и потомъ поцѣловать кого-нибудь, то этотъ человѣкъ лишается силы. Сказали и о противоядіи, которое предохраняетъ отъ такого дѣйствія. Я была удивлена тогда, зачѣмъ вы мнѣ это говорили. Можетъ быть, вы хотѣли дать мнѣ средство для защиты въ будущемъ. Можетъ быть, вы хотѣли этимъ устранить другихъ отъ наслажденій, которыя вы берегли только для себя.

Опять наступило молчаніе.

— Какъ мнѣ отомстить вамъ теперь?—продолжала она.—Я не разъ думала о минутахъ моей мести. Первый разъ, когда я бѣжала изъ дома моихъ родителей. Холодный осенній вѣтеръ гналъ передо мной послѣдніе листья. Думала я объ этомъ и тогда, когда я умирала отъ родовъ въ придорожной деревенькѣ. Думала я объ этомъ и въ Парижѣ, когда умеръ мой ребенокъ, и я сидѣла надъ его маленькимъ трупикомъ въ своей комнаткѣ на чердакѣ, взглядывая на клочокъ сѣраго неба...

— У васъ былъ ребенокъ?—прохрипѣлъ кардиналъ.—Я этого не зналъ.

— Вы были заняты своими удовольствіями и не считали нужнымъ освѣдомиться обо мнѣ. Мой ребенокъ росъ въ нищетѣ, и я не разъ думала о мщеніи. Говорятъ, что месть женщины хуже, чѣмъ месть мужчины,—продолжала она.—Женщина можетъ убить жену и ребенка своего бывшего любовника, можетъ выколотъ ему глаза, отрѣзать языкъ. Но можно сдѣлать кое-что и похуже.

Уже становилось темно, но въ этой темнотѣ ея глаза горѣли еще ярче. Голосъ ея былъ страшенъ своимъ каменнымъ спокойствіемъ. Никто, кому пришлось видѣть ее при вѣздѣ въ городъ, никто не призналъ бы въ ней теперь ту же самую женщину.

Капли холоднаго пота выступили на лбу кардинала. Напрасно ища помощи, онъ дико обводилъ глазами темнѣвшую комнату. Время отъ времени, словно повинуюсь какой-то таинственной

силѣ, онѣ глядѣлъ ей прямо въ глаза, вздрагивалъ и опять начиналъ блуждать взглядомъ по комнатѣ.

— Пощади!—прошепталъ онѣ.—Ради Христа!

Она разсмѣялась какимъ-то страннымъ, нечеловѣческимъ смѣхомъ.

— Что за трусы эти мужчины! Они оскорбляютъ насъ, а чуть окажутся въ нашей власти, сейчасъ же молятъ о пощадѣ. Ради Христа! Да развѣ вы когда-нибудь вѣрили въ Него?

Кардиналъ молчалъ. Эти неумолимые глаза, казалось, впились въ его сердце.

— Я пріѣхала въ Констанць съ цѣлью увидѣть васъ и дѣйствовать. Но мстить можно только равному себѣ. Вы же недостойны моей мести.

Она говорила тихо и страстно.

— Въ концѣ концовъ что такое мщеніе? Паденіе до уровня того, кто тебя оскорбилъ.

— Однако вы собираетесь теперь мстить,—воскликнулъ, извиваясь въ своемъ креслѣ, кардиналъ.

— Можете вы дѣйствовать руками?—холодно спросила она.

— Какъ я могу дѣйствовать ими, когда я связанъ?—пробормоталъ онѣ.

— Я хочу сказать, повинуются ли вамъ уже мускулы?

— Не знаю.

Она наклонилась къ креслу и освободила его правую кисть, крѣпко привязавъ, однако, самую руку.

— Ну?

— Отъ веревокъ руки у меня совсѣмъ онѣмѣли. Надо ослабить веревки.

Она откуда-то вдругъ вынула иголку и сильно ткнула ею въ ладонь его руки. Вскрикнувъ отъ боли, онѣ быстро отдернулъ руку.

— Дѣйствовать руками вы можете,—промолвила она.—Теперь пишите письмо кардиналу Филластре. Помѣтите его, какъ будто оно написано шесть мѣсяцевъ тому назадъ. Въ немъ вы будете просить его избрать кардинала Колонну, теперешняго палу. Повторите въ немъ разговоръ, который былъ у васъ въ первые дни конклава.

Кардиналъ Бранкаччо взглянулъ на нее съ изумленіемъ.

— Откуда вы это знаете? Мы говорили на ухо. И этотъ разговоръ остался тайной между нами.

— Что можетъ остаться тайной въ этомъ мірѣ?

— Я отказываюсь исполнить ваше желаніе.

— Ну, нѣтъ, вы не откажетесь. Вспомните, что я вамъ говорила.

Въ ея рукахъ вдругъ откуда-то оказался кинжалъ. Она быстро провела имъ по узлу веревки. Острое лезвіе перерѣзало его, какъ солону.

— Видите?

Кардиналь затрепеталь.

— Но какъ же я могу писать. Вѣдь я связанъ. Да и темно.

— Вотъ свѣчи. Сейчасъ я приготовлю все для васъ.

Она стала передъ нимъ на колѣни и подала ему бумагу, чернильницу и перо, такъ что кое-какъ онъ могъ писать.

Когда письмо было готово, она перечла его, одобрила и спрятала. Затѣмъ, не говоря ни слова, она разрѣзала веревки, которыми онъ былъ прикрученъ къ креслу.

— Можете итти,—коротко проговорила она.

Но кардиналь не могъ двинуться. Веревки глубоко врѣзались ему въ тѣло, всѣ члены его онѣмѣли.

— Можете итти,—повторила она.

Кардиналь сдѣлалъ усиліе и всталъ. Мало-по-малу кровь стала течь въ его жилахъ свободнѣе. Медленными и невѣрными шагами онъ двинулся къ двери, накинувъ дрожащими руками плащъ поверхъ своего измятаго шелкового одѣянія.

— Я ухожу посрамленный и униженный,—промолвилъ онъ, обернувшись на порогъ.—Но я не сержусь. Вы сильнѣе, чѣмъ я думалъ. Теперь я люблю васъ и клянусь, что вы будете моей.

Тихо и молча вышелъ кардиналь. Только что затворилась за нимъ дверь, лэди Изольда подошла къ окну, которое все еще стояло открытымъ. Она посмотрѣла на усѣянное звѣздами небо и глубоко вздохнула, какъ будто съ нея спала какая-то тяжесть. Она долго стояла неподвижно. Наконецъ послышались голоса ея возвращавшейся прислуги. Она повернулась и легкимъ шагомъ двинулась имъ навстрѣчу.

— Дайте мнѣ выходное платье,—сказала она своей служанкѣ.— Я ухожу въ гости.

Прошло съ полчаса. И вдругъ на улицѣ среди полной ночной тишины послышался женскій крикъ:

— Помогите!

— Помогите!—послышалось еще разъ и затѣмъ все смолкло.

Было поздно. Давно уже погасъ послѣдній огонекъ. Окна были темны. Только свѣтъ луны и звѣздъ, нависшихъ подъ безмолвными домами, серебрилъ ихъ остроконечныя крыши. Медленно и мягко сталъ спускаться этотъ свѣтъ въ темныя, узкія улицы, задерживаясь, словно жидкое серебро, кое-гдѣ на флюгерахъ и водосточныхъ трубахъ. Всѣ спали.

Крикъ о помощи вывелъ изъ задумчивости Магнуса Штейна, который медленно возвращался домой отъ своей невѣсты. Онъ провелъ этотъ вечеръ у нея въ домѣ. Послѣднее время онъ сталъ замѣчать, что разница въ ихъ убѣжденіяхъ становится слишкомъ чувствительна. И въ этотъ вечеръ между ними какъ бы образовалась пропасть. Онъ чувствовалъ, можетъ быть, бессознательно

что между ними есть что-то такое, что разъединяет ихъ. Сомнѣніе пронеслось въ его умѣ, словно вспышка молніи. Оно тотчасъ же прошло, но все же отъ него осталось что-то, а что—этого онъ и самъ не могъ бы сказать.

Вмѣсто того, чтобы итти домой, онъ шелъ по безлюднымъ улицамъ, надѣясь найти отвѣтъ на мучительный вопросъ, отъ котораго исчезло его спокойствіе.

Улицы были совершенно темны. По другой сторонѣ тянулись черные силуэты крышъ, прерываясь по временамъ свѣтлой полосой, отчего мракъ у ихъ основанія казался еще гуще. Только одна крыша въ концѣ какой-то улицы, круто поворачивавшей на югъ, была ярко освѣщена луной и, словно волшебный брильянтъ, выдѣлялась среди другихъ.

Постоявъ передъ ней секунду, онъ пошелъ дальше, туда, откуда ему какъ будто послышался крикъ. Ему казалось, что его влечетъ туда какая-то сила. Это странное чувство, будь это игра нервовъ или какая-то внѣшняя сила, которую невозможно отрицать, всецѣло охватило его, направляя его шаги.

Вдругъ крикъ повторился. Онъ шелъ отъ бѣлой стѣны, къ которой онъ какъ разъ и направлялся. Здѣсь въ узкомъ переулкѣ завязалась, очевидно, горячая схватка. Слово привидѣнія около той, которая звала на помощь, носились какія-то фигуры, то отступая, то надвигаясь снова. Секретарю показалось, что онъ уже слышалъ голосъ этой женщины, хотя онъ и не могъ припомнить, гдѣ именно. Она стояла спиной къ стѣнѣ, въ небольшой нишѣ, плотно прижавшись къ вдѣланной въ ней фигурѣ какого-то святого. На нее напало человѣкъ пять-шесть. Было удивительно, какъ она сумѣла отразить это нападеніе.

Секретарь не могъ видѣть ея лица. Вдругъ вытянулась ея рука—бѣлая красивая рука, тускло бѣлѣвшая во мракѣ переулка. Въ ней сверкнуло лезвіе кинжала, и люди, окружившіе было женщину, поспѣшно отхлынули назадъ, пораженные страхомъ при видѣ этого маленькаго оружія.

Крикнувъ для ободренія женщины, секретарь смѣло бросился въ самую середину свалки.

При немъ былъ только кинжалъ, но, не смущаясь этимъ, онъ бросился на ближайшаго къ нему человѣка и, всадивъ кинжалъ ему въ горло, поспѣшно отнял у него его шпагу. Тутъ только онъ замѣтилъ, что у ногъ женщины лежитъ другой раненый.

Нападавшіе съ гнѣвнымъ удивленіемъ смотрѣли на неожиданную помощь. Затѣмъ съ ругательствами и проклятіями они стали окружать его, пока двое или трое изъ нихъ старались попрежнему выхватить свою добычу изъ ниши. Они рассчитывали быстро управиться съ дерзкимъ пришельцемъ. Онъ былъ, очевидно, штатскимъ человѣкомъ, а они—солдаты. Въ городѣ, принадлежав-

шемъ и королю, и папѣ, было сколько угодно разнузданныхъ солдатъ. И хотя старинныя хроники и восхваляютъ правосудіе городского совѣта, но всякій, у кого была сильная протекція, могъ безнаказанно совершать не только убійства, но даже и нѣчто еще болѣе страшное.

Одолѣть секретаря оказалось не такъ-то легко. Ловко отбивая нападенія, онъ началъ какъ-то особенно посвистывать,—и этотъ звукъ произвелъ жуткое впечатлѣніе на нападающихъ. Скоро третій изъ нихъ упалъ на землю, остальные начали осторожно отступать. Ихъ было такъ много, что имъ надо было только подождать, пока онъ выбѣется изъ силъ.

Секретаря не зналъ, какъ помочь женщинѣ, ради которой онъ кинулся въ битву. Каждую минуту другіе члены шайки могли вырвать ее изъ ниши,—и онъ не можетъ оказать ей помощи. Пока онъ ломалъ себѣ голову надъ этимъ вопросомъ, слышались звуки пѣсни, совпадавшей по мелодіи съ тѣмъ, что онъ насвистывалъ. Пѣніе становилось ближе и ближе. Можно было уже различить шаги и голоса пѣвцовъ.

— Великій Бернаръ!—громко закричалъ секретарь.—На помощь!

Послышались быстрые шаги, звонъ оружія, и около секретаря блеснули двѣ длинныя шпаги.

Великій Бернаръ—такъ называли итальянцы Бернарда де-Серръ, знаменитаго французскаго военачальника, командовавшаго войсками Флорентійской республики. Хотя его уже не было въ живыхъ, но его имя продолжало оставаться страшнымъ боевымъ кличемъ.

Завязалась ожесточенная схватка. Еще два негодяя упали на землю, остальные бросились вразсыпную.

Секретарь сказалъ всего нѣсколько словъ тѣмъ, кто такъ въ-время прибыли ему на помощь. Затѣмъ, обтеревъ свою шпагу, онъ направился къ спасенной имъ женщинѣ.

— Вы можете идти теперь безопасно,—сказалъ онъ.—Мои друзья и я будемъ слѣдовать за вами на нѣкоторомъ разстояніи.

Женщина отдѣлилась отъ ниши. Капюшонъ еще скрывалъ ея лицо. Но отъ противоположнаго дома, теперь ярко освѣщеннаго луной, на него падалъ рѣзкій отблескъ. Секретарь увидѣлъ, что передъ нимъ стоитъ лэди Изольда.

— Прежде всего я должна поблагодарить васъ за вашу помощь,—раздался мелодическій голосъ, который онъ такъ хорошо зналъ.

— Это сдѣлалъ бы каждый мужчина,—холодно отвѣчалъ онъ.

— Съ такой храбростью и ловкостью—не каждый. Благодарю васъ также, господа. Если вы придете завтра ко мнѣ, я могу отблагодарить васъ золотомъ, если вамъ угодно будетъ его принять.

— Золото солдату всегда кстати. И его надо брать и отъ принца, и отъ красавицы.

— Ловки въ битвѣ и въ отвѣтахъ, какъ и подобаетъ солдатамъ Великаго Бернарда. Однажды мнѣ пришлось оказать ему, гостепріимство въ Монторгейлѣ. Если вамъ случится опять проходить тамъ, помните, что его владѣлица—вашъ другъ.

— Да здравствуетъ владѣлица Монторгейля!—воскликнули оба солдата.

Она милостиво кивнула имъ головой.

— Пока я не выйду изъ этихъ безлюдныхъ улицъ, я попрошу васъ сопровождать меня. Но сначала осмотримъ убитыхъ.

— Убиты наповаль, мадамъ,—сказалъ одинъ изъ солдатъ, презрительно ткнувъ ногой одного изъ лежавшихъ на землѣ. — Мы изъ отряда Великаго Бернарда и знаемъ, какъ надо дѣлать такія дѣла.

— Знаю, знаю,—сказала она.—Итакъ, идемъ. Господинъ секретарь, угодно вамъ показывать намъ дорогу?

И она двинулась впередъ.

Мѣсяцъ, поднявшись, свѣтилъ еще ярче, и на днѣ переулка лежала яркая полоса свѣта. Онъ освѣтилъ блѣдное лицо человѣка, лежавшаго недалеко отъ мѣста схватки. Когда они проходили мимо, онъ вдругъ поднялся на локоть и забился въ конвульсіяхъ. Лицо его посинѣло, а на губахъ показалась пѣна.

— Не дотрагивайтесь до него!—закричала лэди Изольда, когда секретарь наклонился къ раненому.—Ему нельзя уже помочь, и онъ не проживетъ и четверти часа. Мой кинжалъ отравленъ.

Теперь секретарь понялъ, почему нападающіе старались держаться отъ нея подальше.

— Позвольте посовѣтовать вамъ не ходить ночью одной по улицамъ. Тогда вамъ не понадобится отравленное оружіе,—сумрачно замѣтилъ онъ.

— Однажды онъ понадобился мнѣ даже въ коридорѣ одного дворца противъ тѣхъ, кто долженъ былъ сопровождать меня,—серьезно отвѣчала она.—А сегодня я шла не по своей волѣ. Мнѣ хотѣлась повидать кардинала камбрійскаго. Вѣдь отъ моего жилища до него нѣсколько шаговъ. Но меня завела сюда одна женщина. Я знаю, по чьему приказу.

Несмотря на мягкость, съ которой сказаны были эти слова, секретарь почувствовалъ въ нихъ упрекъ.

— Извините,—сказалъ онъ:—мы часто судимъ о дѣлѣ, не зная его хорошенько.

— Я рассчитывала встрѣтить васъ у кардинала.

Они молча пошли дальше. Всѣ окна были заперты, и ни одинъ глазъ не слѣдилъ за ними. То было время всякихъ насилій и внезапныхъ нападеній.

Секретарю казалось, что онъ идетъ во снѣ, и когда лэди Изольда заговорила было съ нимъ, отвѣта отъ него не было. Она взглянула

на него удивленно и, въ свою очередь, смолкла. Едва достигли они до ея жилища, какъ Магнусъ Штейнъ вдругъ зашатался и, сдѣлавъ шага два, тяжело прислонился къ стѣнѣ. Его спутница взглянула на него со страхомъ и увидѣла, что лицо его налилось кровью, а глаза ярко блестятъ.

— Живо!—вскричалъ одинъ изъ солдатъ, шедшій сзади него.— Несите его въ комнату. Онъ раненъ, а, можетъ быть, и хуже.

Оба подхватили его подъ руки. Лэди Изольда выхватила изъ кармана маленькій флаконъ и хотѣла влить его содержимое ему въ ротъ. Но онъ такъ плотно сжалъ губы, что ей съ трудомъ удалось влить каплю-другую. Затѣмъ они быстро направились къ ея дому. Лэди Изольда вбѣжала къ себѣ съ лихорадочной поспѣшностью, расталкивая вышедшихъ ей навстрѣчу слугъ.

— Несите сюда, въ эту комнату!

Она велѣла положить его на ея кровать, не обращая вниманіе на то, что его пыльные сапоги мараютъ ея дорогое шелковое одѣяло.

— Принесите скорѣе пищи и стараго испанскаго вина,—сказала она Жуазели.—Вы не слышали, что я вамъ сказала. Плохо же я васъ выдрессировала,—гнѣвно добавила она, видя, что дѣвушка замѣшкалась.

Та бросилась со всѣхъ ногъ.

Не обращая ни на кого вниманія, лэди Изольда наклонилась надъ неподвижнымъ тѣломъ секретаря и внимательно осмотрѣла его, разыскивая, куда онъ раненъ. Лѣвый рукавъ его оказался разорваннымъ и окровавленнымъ. Она быстро отрѣзала рукавъ и обнажила руку—ту самую, которой секретарь пытался приподнять умиравшаго браво. Рана, сама по себѣ царापина, имѣла, однако, по краямъ какую-то странную окраску. Лэди Изольда быстро наклонилась и принялась высасывать рану.

— Боже мой!—въ ужасѣ вскрикнула вернувшаяся Жуазель, понявъ, въ чемъ дѣло. —Вспомните о кинжалѣ. Позвольте это сдѣлать мнѣ.

— Молчи!—кратко отвѣчала лэди.

Черезъ минуту она поднялась и, взявъ изъ рукъ Жуазеллы бутылку съ виномъ, налила немного въ ложку. Ей удалось раньше влить раненому въ ротъ нѣсколько капель противоядія: онѣ, очевидно, оказали свое дѣйствіе, и теперь его зубы были стиснуты не такъ плотно. Не безъ труда удалось ей влить еще нѣсколько капель. Давъ ему затѣмъ вина, она глубоко вздохнула и остановилась около постели.

— По крайней мѣрѣ, выполоскайте хоть ротъ себѣ,—робко замѣтила Жуазель.

Лэди Изольда послѣдовала ея совѣту.

Одинъ изъ солдатъ предложилъ сходить за лекаремъ.

— Лекаръ тутъ не поможетъ,—сказала лэди Изольда.—Я сама знаю, что тутъ надо дѣлать. Онъ уже въ безопасности. Теперь идите и приходите завтра.

Оба солдата молча повиновались.

— Можете идти и вы,—продолжала лэди, обращаясь къ прислугѣ.—Если нужно будетъ, я позову васъ.

Она сѣла около кровати и пристально смотрѣла на секретаря. Онъ какъ будто спалъ. Обычная суровость его лица во снѣ исчезла. Черезъ нѣсколько минутъ она потрогала его руки: онѣ были холодны, хотя на щекахъ показался уже румянецъ. Она взяла его руки въ свои и потихонько стала согрѣвать ихъ, пока изъ ранки не показалась снова кровь. Тогда она кивнула головой и опустилась въ свое кресло, не останавливая кровотеченія. Когда оно прекратилось, Магнусъ открылъ глаза. Наливъ стаканъ вина, лэди Изольда наклонилась надъ нимъ и заставила его выпить вина. Онъ былъ еще оглушенъ, но его пульсъ сталъ биться отъ вина сильнѣе. Онъ поднялся, подпирая себя рукой, и спросилъ:

— Гдѣ я? Что случилось?

— Ш-ш-ш! Вы не должны говорить,—отвѣчала она мелодичнымъ голосомъ.—Черезъ минуту вы все вспомните. А если нѣтъ, то я расскажу вамъ.

Тихонько она опять опустила его на подушки. Взявъ яства, принесенныя Жуазелью, она стала на колѣни и принялась кормить его, какъ ребенка. Но его воля была непоколебима. Съ усиленіемъ онъ приподнялся и опять сѣлъ на кровати.

— Расскажите же мнѣ все!

— Вы спасли мнѣ жизнь, даже больше,—серьезно отвѣчала она:—вы были ранены и потеряли сознание. Вспоминаете теперь?

— Нѣтъ, этого я не помню.

— Легкая царапина, и вы никогда бы не почувствовали ея, но, къ сожалѣнію, вы дотронулись до человѣка, пораженнаго моимъ кинжаломъ, и пѣна изъ его рта попала вамъ въ рану. А этотъ ядъ смертоносенъ. Но теперь вы въ безопасности,—быстро прибавила она.—У меня есть противоядіе.

Онъ взглянулъ на свою руку, изъ которой кровь продолжала капать на одѣяло.

— О, я испортилъ ваше одѣяло. Я слышалъ, что этотъ ядъ продолжаетъ дѣйствовать даже, когда высохнетъ.

— Не бойтесь. Кровь безвредна, ибо я высосала ядъ изъ ранки.

— Но вѣдь вы рисковали жизнью?

— А для чего она, какъ не для того, чтобы рисковать ради великой цѣли? Вѣдь и вы рисковали своей?

Это было сказано совершенно просто, какъ будто противъ этого ничего нельзя было сказать. Невольно его мысли перенеслись къ Фастрадѣ, которая заклинала небеса сохранить ей эту жизнь и

безпрестанно заставляла его дѣлать ради нея то, что онъ считалъ низкимъ и позорнымъ.

Одно мгновеніе онъ ненавидѣлъ самъ себя за то, что онъ смѣлъ сравнивать ихъ обѣихъ—чистую дѣвушку и потерянную женщину, и его вѣра въ невѣсту снова окрѣпла въ его сердцѣ.

— Я только исполнилъ свой долгъ,—промолвилъ онъ.—Если хочешь быть женщиной, то приходится безпрестанно рисковать жизнью.

— А развѣ женщинѣ, если она хочетъ оставаться ею, также не приходится рисковать? Только судьба плохо вознаграждаетъ ее за это. Если она умираетъ, то умираетъ безъ славы. Если совершаетъ какой-нибудь проступокъ, то покрывается стыдомъ.

Онъ не нашелся, что возразить ей.

— Мы тоже должны учиться умирать, не оставляя по себѣ памяти,—сурово произнесъ онъ.

Въ глубинѣ сердца онъ чувствовалъ, однако, что этому искусству онъ не учился.

— Вы рождены не для того, чтобы быть секретаремъ маленькаго городка,—начала лэди Изольда послѣ минутной паузы.

Какъ бы въ знакъ протеста, онъ махнулъ рукой.

— Нѣтъ, нѣтъ,—продолжала его собесѣдница, легка улыбаясь.— Вы не всегда были въ такомъ положеніи. Ваше обращеніе свидѣтельствуетъ о привычкѣ къ лагерю и къ двору. Ваша рука съ большей охотой беретъ за шпагу, чѣмъ за перо. Можетъ быть, изъ-подъ этого пера и выйдетъ что-нибудь великое, но во всякомъ случаѣ это не будетъ какой-нибудь лавочный счетъ. Вы будете великимъ человѣкомъ, или великимъ мученикомъ, а, можетъ быть, и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, хотя я надѣюсь, что второе васъ минуетъ.

— Благодарю васъ за ваши комплименты. Я не стану отрицать, что у меня въ прошломъ есть тайны. Война съ ея продажностью мнѣ опротивѣла. Я часто мечталъ о болѣе широкомъ поприщѣ, чѣмъ то, которое выпало мнѣ на долю. Въ этомъ вы правы. Во всемъ же остальномъ вы льстите мнѣ. Я не разъ обвинялъ себя въ томъ, что я гоняюсь за химерами, но только не относительно моей карьеры. Извиняюсь, что я такъ долго задерживаю васъ и мѣшаю вашему отдыху,—вдругъ прибавилъ онъ.

— Сегодня все мое время къ вашимъ услугамъ. Нельзя, кромѣ того, отпустить васъ, не перевязавши вамъ рану. Теперь пора.

Она подошла къ столу, вынула оттуда бинты и какія-то травы. Секретарь теперь уже стоялъ.

И снова ея нѣжные, холодные пальчики захлопотали около него. На него опять нашло какое-то навожденіе. Опять ноги отказались уходить изъ этой комнаты. Когда рана была перевязана, онъ опять сѣлъ на кровать.

Лэди Изольда улынулась.

— Эта минутная слабость—дѣйствіе лекарства. Вы должны пробыть здѣсь еще.

— Но... люди...

— О, я не обращаю на нихъ вниманія!

Съ легкой улыбкой она взяла лютию и сказала:

— Сидите такъ. Чтобы вамъ не нужно было говорить, я буду играть.

И, сѣвъ противъ него, она нѣжно заиграла пѣвучую пѣсню провансальскихъ трубадуровъ.

Въ глубокомъ волненіи ловилъ онъ эти звуки. Много лѣтъ онъ не слышалъ ничего подобнаго. Лэди Изольда, казалось, преобразилась. Сама комната, которую онъ такъ хорошо зналъ, какъ будто измѣнилась. Свѣчи горѣли, ярко освѣщая ея лицо, а позади нея клубился, скрывая все, мягкій мракъ. Секретарь видѣлъ только ее, только о ней могъ онъ и думать. Безъ короны, безъ вассаловъ, сидѣла она передъ нимъ въ королевской роскоши. Короной ей служили ея золотистые волосы, трономъ—ея кресло.

Измѣнился и онъ самъ. Развѣ она не играетъ передъ нимъ съ покорностью, опустивши глаза и не смѣя встрѣтиться съ нимъ взглядомъ? Непривычно страстнымъ взглядомъ онъ старался взглянуть ей въ глаза, но она не поднимала ихъ. Тихимъ голосомъ она запѣла старинную пѣсню о любви, и эта пѣсня все болѣе и болѣе задѣвала его за сердце.

И вдругъ она смолкла. Лишь пальцы ея продолжали тихонько скользить по струнамъ.

Въ комнатѣ стало тихо, тихо.

Магнусъ Штейнъ сидѣлъ неподвижно, устремивъ глаза на ея прекрасное лицо и все еще ловя замершіе звуки...

Вдругъ, сдѣлавъ надъ собой огромное усиліе, онъ всталъ, чтобы убѣдиться, что онъ не грезитъ.

Глаза ихъ встрѣтились. Она замѣтила странный блескъ въ его глазахъ и также поднялась. Не отводя отъ него взора, она медленно стала подходить къ нему.

— Я еще не поблагодарила васъ за вашъ подвигъ,—тихо промолвила она.—Но женщинѣ трудно найти нужныя слова. Не можете ли вы мнѣ?

Онъ понялъ все.

Она стояла передъ нимъ, прекрасная, какъ никогда. Вдругъ его мысли перенеслись къ Фастрадѣ, и она предстала передъ нимъ, какую онъ видѣлъ ее еще сегодня вечеромъ—маленькой душой и тѣломъ, въ сравненіи съ этой царственной женщиной. Онъ чувствовалъ ея власть надъ собой. Онъ не могъ оторваться отъ ея красоты, отъ ея огромныхъ, сверкающихъ глазъ и понималъ, что насталъ часъ великаго искушенія не только для его тѣла, но и для его души. Волна горячей крови хлынула ему въ сердце, каждый

Фибръ его тѣла трепеталъ отъ искушенія. Но его закаленная воля, привыкшая къ побѣдамъ, взяла верхъ и на этотъ разъ. Мало-помалу горячая волна отхлынула обратно, и вмѣсто нея поднялся гордый, необузданный гнѣвъ, гнѣвъ на себя за то, что въ немъ поднялась было эта горячая волна, гнѣвъ на нее за то, что она чуть было не покрыла его позоромъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ ему было больно, что она оказалась меньше, чѣмъ онъ думалъ.

— Какъ смѣете вы искушать меня?—хрипло крикнулъ онъ, трясаясь всѣмъ тѣломъ.—Потаскушка!

Можетъ быть, онъ и не хотѣлъ сказать громко это ужасное слово. Нельзя, впрочемъ, судить его за это по понятіямъ нашего времени. Въ ту эпоху между мужчиной и женщиной свободно произносились такія слова, отъ которыхъ наши современники пришли бы въ ужасъ.

Онъ вдругъ почувствовалъ то же непріятное чувство, которое испыталъ, услышавъ въ первый разъ это слово въ тотъ самый день, когда его сказала Фастрада при вѣздѣ лэди Изольды въ городъ. Какъ онъ могъ крикнуть его теперь самъ? Этого онъ не могъ себѣ объяснить. Можетъ быть, онъ былъ еще подъ вліяніемъ лекарства, а, можетъ быть, тутъ сказалось страшное напряженіе, которое онъ сдѣлалъ надъ собой.

Лэди Изольда широко раскрыла глаза, какъ будто не вѣря собственнымъ ушамъ, и подалась назадъ, словно кто-нибудь ударилъ ее хлыстомъ.

Наступило глубокое молчаніе.

— Я предложила вамъ свою любовь, а въ отвѣтъ получила отъ васъ оскорбленіе,—начала она какимъ-то безцвѣтнымъ голосомъ.—Если я и не безъ грѣха, то развѣ это справедливо?

Даже въ эту минуту она была слишкомъ горда и не скрывала того, въ чемъ не созналась бы ни одна женщина.

— Вы предложили мнѣ позоръ!—воскликнулъ онъ сдавленнымъ голосомъ, держась за колонку кровати, чтобы не упасть.

Онъ весь дрожалъ.

— Позоръ? Когда женщина, обманувшись въ сердцѣ мужчины, предлагаетъ ему любовь, вы называете это позоромъ. А когда вы, мужчины, поступаете такъ относительно женщинъ, то какъ вы это называете? Развѣ вы сами такъ чисты, чтобы судить другихъ?

— Да, я чистъ!—вскричалъ онъ.

Какое-то выраженіе, смысла котораго онъ не могъ угадать, прошло по ея лицу.

— Я такъ и думала,—прошептала она.—Если бъ этого не было, я не стала бы и говорить съ вами. Вы назвали меня такъ, какъ ни одинъ мужчина не назвалъ бы женщину, даже если бъ онъ былъ совершенно правъ. Но правы ли вы были относительно меня, судите сами. Садитесь и выслушайте. Садитесь!—повторила она,

дѣлая повелительный жестъ.—Даже рзайбойникъ, котораго схватили на большой дорогѣ, имѣеть право требовать, чтобы его выслушали.

Въ ея тонѣ было что-то такое, что не допускало возраженія.

Сѣвъ въ кресло, она немного помолчала. Потомъ она поднялась во весь ростъ и, остановившись среди комнаты, начала говорить, не глядя на него:

— Лѣтъ десять тому назадъ папскій посолъ, ѣхавшій на сѣверъ Англїи къ королю Генриху IV, былъ застигнутъ метелью и принужденъ искать гостепрїимства въ одномъ замкѣ. Здѣсь онъ оставался, пока не наступила оттепель. Среди сопровождавшихъ его духовныхъ лицъ былъ молодой неаполитанецъ знатнаго происхожденія, щедро надѣленный всѣми качествами своей расы, ловкостью, изяществомъ манеръ и лживостью. Дочь хозяина дома, которой не было еще и пятнадцати лѣтъ, до сихъ поръ видѣла мало мужчинъ, да и то это были грубые войны, умѣвшіе гораздо лучше владѣть шпагой, чѣмъ краснорѣчіемъ. Она влюбилась въ этого ловкаго прелата, говорившаго громкія слова, которыя, казалось, должны разбить вѣковыя оковы и уничтожить вѣковыя суевѣрія. Она не знала, конечно, что и онъ, и другіе его спутники были лжепророки, что вмѣсто цѣпей, которыя они разбивали, они готовили другія, еще болѣе унижительныя и мучительныя. Онъ говорилъ ей, что, какъ лицо духовное, онъ не можетъ вступить съ нею въ бракъ, но что тѣмъ больше величія будетъ въ ея любви, и она вѣрила ему. Она не понимала, про какую любовь онъ говорилъ. Она не просила его сперва самому сбросить цѣпи, которыя онъ совѣтовалъ сбросить другимъ. Она любила его, и ей казалось преступленіемъ допустить мысль, что онъ въ чемъ-нибудь неправъ. Но ея дѣвичій инстинктъ заставлялъ ее противиться его желаніямъ. Можетъ быть, въ концѣ концовъ она и уступила бы, я не знаю. Но однажды ночью этотъ человѣкъ, которому наскучило ждать, далъ ей снадобья и, когда она потеряла способность сопротивляться, взялъ отъ нея, что желалъ. Это былъ ея первый грѣхъ, если только это можно назвать грѣхомъ. Вскорѣ послѣ этого онъ уѣхалъ, а она днями, недѣлями, мѣсяцами стала ждать отъ него хотя какой-нибудь вѣсточки. Она продолжала ждать, пока наконецъ не была вынуждена удалиться изъ родительскаго дома—одна съ своимъ позоромъ. Можетъ быть, ей не слѣдовало бы оставаться въ живыхъ, но она не могла убить вмѣстѣ съ собой и еще не родившагося ребенка. Часъ родовъ засталъ ее на большой дорогѣ. На соломѣ, въ стойлѣ родила она своего ребенка. Оправившись, она отправилась за море, чтобы скрыть свой позоръ. Два года терпѣла она нищету, ибо она умѣла ѣздить верхомъ и охотиться съ соколами, играть на лютнѣ и писать стихи, но не умѣла зарабатывать себѣ на жизнь. Ребенокъ ея заболѣлъ. Ей предложили помощь на условіяхъ, которыя обыкновенно пред-

лагаются молодымъ женщинамъ въ ея положеніи. Она отказалась. Но ребенку дѣлалось все хуже и хуже, и она согласилась. Это былъ ея второй грѣхъ. Но было уже поздно: ребенокъ умеръ. Когда она возвращалась домой, опустивъ въ землю его маленькое тѣльце, ее повстрѣчалъ на улицѣ герцогъ Орлеанскій. Ея застывшее блѣдное лицо понравилось ему, онъ излекъ ее изъ нищеты и ввелъ въ придворные круги. Онъ ничего не требовалъ отъ нея: для этого онъ былъ слишкомъ благовоспитанъ. Она же, какъ могла, выражала ему свою благодарность—и слово добродѣтель стало пустымъ звукомъ, чѣмъ-то такимъ, что презираеть и Богъ, и дьяволъ, и люди. Но я должна сказать, что все, чѣмъ я теперь владѣю, получено не отъ него. По праву и закону я теперь лэди Монторгейля и Вольтерна. Таковы были мои первые три грѣха. Сплетни прибавили къ нимъ много другихъ, ибо я не скрывала никогда, кто я. Съ тѣхъ поръ я непрерывно странствую изъ страны въ страну въ поискахъ, сама не знаю чего, можетъ быть, умиротворенія. Мой четвертый грѣхъ я совершила сегодня.

До сихъ поръ она говорила тихимъ, монотоннымъ голосомъ, какъ будто пришибленная нанесеннымъ ей ударомъ. Но мало-помалу въ ея словахъ зазвенѣли страстныя ноты.

— Не знаю, заслужила ли я названіе, которое вы мнѣ дали, но знаю только одно, что я не заслужила его отъ васъ. Я знаю многихъ женъ и дѣвицъ, которыя хуже меня и которыхъ вы не смѣли бы такъ назвать. Онѣ вѣдь продаютъ свое тѣло и души мужьямъ, которыхъ не любятъ, продаютъ за богатство, за положеніе. А я не требую отъ васъ ничего. За мной ухаживали принцы, короли искали моей дружбы, и я думала, что, несмотря ни на что, я еще могу предложить вамъ многое. Вы, вѣроятно, подумали, что это минутное увлеченіе, женскій капризъ. Нѣтъ, я думала, что вы можете прочесть все въ моихъ глазахъ. Любовь, если она ничего не проситъ, а, наоборотъ, готова сама все отдать, такая любовь не можетъ быть позоромъ, хотя бы это была любовь женщины въ родѣ мѣня. Я видѣла, что вы страдаете, и мнѣ показалось, что я лучше другихъ поняла васъ. Я думала, что вы, именно вы, шире, чѣмъ другіе, смотрите на жизнь, на ея ничтожество и величіе.

Она остановилась.

— Когда я пріѣхала сюда, —начала она мечтательно, съ отъѣнкомъ безконечной грусти:—я ожидала большаго отъ жизни. Подобно вамъ, я извѣрилась въ людей и отчаялась найти человека, который заслуживалъ бы это имя. Но здѣсь, въ городѣ великаго собора, на которомъ человѣческое себялюбіе и испорченность достигли высшей своей точки, здѣсь мнѣ показалось что я нашла свой идеалъ. Все стало казаться возможнымъ, разъ есть такіе люди. Мои мысли опять настроились такъ,

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.

«Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжныя шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ СЕНТЯБРѢ 1914 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 9-й.

Философія, психологія, логика.

ДРИШЪ, Г. Витализмъ. Его исторія и система. М. 1914. Ц. 1 р. 20 к.	СЕНЕКА, А. О счастливой жизни. Ц. 20 к.
ЛИПМАНЪ, О. Очеркъ психологіи для педагоговъ. Ц. 45 к.	ХВОСТОВЪ, В. Женщина и человѣческое достоинство. М. 1914. Ц. 3 р.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

НАДЕЖДИНЪ, П. Теорія поэзіи эволюціонная и историческая. Тула. 1914. Ц. 1 р.	УКАЗАТЕЛЬ научно-популярныхъ книгъ по географіи. Петроградъ. 1914. Ц. 90 к.
РОДЗЕВИЧЪ, С. Лермонтовъ, какъ романсистъ. Кіевъ. 1914. Ц. 75 к.	ОМИНЪ, А. Памяти А. С. Пушкина. Ц. 1 р. 50 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АНЕЛИЕ. Разказы для легкаго чтенія. Шлиссельбургъ. 1914. Ц. 40 к.	КАЛИНИНЪ, В. Поздніе цвѣточки. Стихотворенія. Ц. 75 к.
БЕННЕТЪ, А. Риджентъ. Повѣсть. Гор. Хабаровскъ. 1914. Ц. 1 р. 50 к.	К. Р. «ВЪ СТРОЮ». Стихотворенія. Петроградъ. 1915. Ц. 25 к.
БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ, Н. На границѣ Австріи. Романъ. Ц. 1 р.	КУЗМИНЪ, М. Покойница въ домѣ. Сказки. Четвертая книга разказовъ. Петроградъ. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
ВИТКОВСКАЯ, С. Кругомъ земли. Путевыя воспоминанія. Ц. 3 р. 50 к.	МУРОМСКІЙ, Ю. Нустали души. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
ГОРОДЕЦКІЙ, С. Дни любви. Разказы. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.	НАГРОДСКАЯ, Е. У бронзовой двери. Ц. 1 р. 50 к.
ИВАНОВЪ, И. Сборникъ стихотвореній. Ц. 1 р. 25 к.	ПЕТРОВА, О. Стихотворенія. Кіевъ. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
ИВЕРЪ, К. Власть и народъ, романъ. М. 1914. Ц. 1 р. 25 к.	

истор. вѣстн., октябрь 1914 г., т. сxxxviii.

1/23

СВИРСКИИ, А. Въ чертѣ. Разказы. Ц. 1 р.

СМЪЛЬНИЦКІИ, Ю. Изъ охотничьихъ воспоминаній. Вып. 3-й. Весной. Спортсмены. Браконьеры. Казань. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

ХОДАСЕВИЧЪ, В. Счастливый домикъ. Вторая книга стиховъ. М. 1914. Ц. 1 р.

ШАФРАНОВА, А. За высокой стѣной. Лирическія стихотворенія. М. 1914. Ц. 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

АКАЕМОВЪ, Н. Тѣни минувшаго. Изъ варшавской старины. 1914. Ц. 40 к.

АЛБОВСКИИ, Е. Харьковскіе казаки. Вторая половина XVІІ ст. 1 книга 1 тома. Исторія Харьковскаго полка. Спб. 1914. Ц. 2 р.

АРГУТИНСКИИ-ДОЛГОРУКИИ, Ф., кн. Извлечение изъ генеалогіи великаго князя Рюрика и его потомства, въ связи между собою и владѣтельными домами. Ц. 1 р.

ГРЕКОВЪ, Б. Новгородскій домъ святой Софій. (Опытъ изученія организаци и внутреннихъ отношеній крушой церковной вотчины). Ч. 1. Спб. 1914. Ц. 3 р.

ЗАРИНЪ, С. Современныя открытія въ области папирусовъ и надписей въ ихъ отношеніи къ Новому Завѣту. Петроградъ. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

ИЛЬМЕНСКИИ, А. Его императорское высочество наслѣдникъ цесаревичъ и ве-

ликий князь Алексѣй Николаевичъ. 1904—1914. Къ десятилѣтію со дня рожденія. Ц. 50 к. и 1 р.

ЛЕБЕДЕВЪ, М. Исторія Порховскаго духовнаго училища (1814—1914 г.). Ц. 2 р.

МАХАЕВЪ, С. Подвижница милосердія. Русскія сестры милосердія. Біограф. очерки. М. 1914. Ц. 1 р.

ПОКРОВСКИИ, Н. Запѣтки о памятникахъ псковской церковной старины. М. 1914. Ц. 3 р. 50 к.

СТОЛПЯНСКИИ, П. Старый Петербургъ. Торговля художественными произведеніями въ XVІІІ вѣкѣ. Ц. 1 р.

ФИЛЕВСКИИ, П. Конспектъ исторіи челоуѣчества, его дѣяній, мыслей и творчества. Таганрогъ. 1914. Ц. 1 р. 75 к.

ШЕМАНСКИИ. Битва славянъ съ нѣмцами 15 іюля 1410 года на Грюнвальдъ-Таненбергско-Зеленомъ полѣ у Дубравны. Ц. 20 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

АНДРЕЕВСКИИ, А. Сборникъ узаконеній, правилъ и правительственныхъ распоряженій, а также необходимыхъ свѣдѣній по предметамъ вѣдѣній государственной комиссіи погашенія долговъ и др. учрежд. мин. финансовъ въ предѣлахъ ихъ дѣятельности, имѣющей отношеніе къ комиссіи. Петроградъ. 1914. Ц. 3 р. 50 к.

БЕРГЪ, Э. Жизнь въ глуши. Фельетоны земскаго начальника. Статьи по коопераціи, о народномъ пьнствѣ, о работѣ земства и др. Москва. 1914. Ц. 1 р.

БЫКОВЪ, В. Что говорить жизни. Вып. первый. Бесѣды. М. 1914. Ц. 25 к.

В. Б. Нѣмецкій страхъ передъ «Русскою опасностью». М. 1914. Ц. 25 к.

ГРОМОВЪ, И. Участіе прокурорскаго надзора въ гражданскомъ процессѣ. Ц. 75 к.

ДОБРОПРАВОВЪ, А. Нотариальныя издержки. Кіевъ. 1914. Ц. 50 к.

ЕЗЕРСКИИ, Н. Общедоступныя очерки политической экономіи. Вып. 3. Ц. 40 к.

ЗАЙМОВСКИИ, С. Авторское право. М. 1914. Ц. 1 р.

ИВАНОВЪ, И. Возрожденіе Сербскаго государства и интриги Австріи. М. 1914. Ц. 20 к.

КАЙМАКАНЪ, В. Секретарь мирового судьи. Практ. руководство. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

QUO VADIS (куда идешь), Австрія?

Романъ отчаянія. Петроградъ. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

НЮРЕНБЕРГЪ, А. Уставъ уголовного судопроизводства. М. 1914. Ц. 1 р.

ОТВѢТЬ на женскій вопросъ. Рѣчь, произнесенная 10 февраля 1914 г. въ залѣ Тенишев. училища на публичн. собр. Ц. 30 к.

РОЗЕНБЕРГЪ, В. Фирма. Догматическій очеркъ. Ц. 1 р. 50 к.

СБОРНИКЪ дипломатическихъ документовъ. Переговоры отъ 10 до 24 іюля 1914 г., предшествовавшіе войнѣ. (Оранжевая книга). Спб. 1914. Ц. 25 к.

СИНАЙСКИИ, В. Русское гражданское право. В. 1. Общая часть, и вещное право. Кіевъ. 1914. Ц. 2 р.

СТАТИСТИКА долгосрочнаго кредита въ Россіи 1914 г. В. 1. Ц. 3 р.

ТИХОТСКИИ, К. Уставъ о гербовомъ сборѣ. Ц. 2 р. 50 к.

ФЕДОРОВЪ, Н. и Е—ВЪ, Н. Австро-сербская война! Ея причины и возможные послѣдствія. Ц. 75 к.

ЦЫСКИИ, П. Уставъ о воинской повинности. Ц. 1 р. 50 к.

ЧЕРНАЯ КНИГА германскихъ звѣрствъ. Подъ редакц. и со вступительною статью д-ра М. Головинскаго. Ц. 60 к.

ШАМУРИНЪ, Ф. Святая война. М. 1914. Ц. 10 к.

Естествознаніе и математика.

КНЯЗЕВЪ, А. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, первый русскій естествоиспытатель. Петроградъ. 1914. Ц. 60 к.

КОЧЕТКОВА, Л. Вымираніе мужскаго пола въ мѣрѣ растеній, животныхъ и людей. М. 1915. Ц. 85 к.

КУКУЛЕСКО, И. Руководство по качественному анализу для высшихъ учебн. зав. Ц. 1 р. 50 к.

МАТЕРИАЛЫ по климатологіи Мо-

сковской губерніи. Т. 1. Ц. 1 р. Т. II. Ц. 2 р.

МОРДУХАИ-ВОЛТОВСКОЙ, Д. Систематическій сборникъ элементарныхъ упражненій по дифференціальному и интегральному численію. Вып. 1. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

УЛЬЯНИИ, П. Новѣйшія воззрѣнія на единство физическихъ силъ и электрическую природу матеріи. Варшава. 1914. Ц. 25 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

БЪДУНКОВИЧЪ, Г. Выращивание, кормление и откорм домашней птицы. Ц. 20 к. | ГЕЙКЕ, К. Комнатное цветоводство. Съ 83-мя рис. Спб. 1914. Ц. 50 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

БАНКОВАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ под ред. пр. Л. Яснопольскаго, т. I. Коммерческие банки. Киевъ. 1914. Ц. 3 р. 50 к. | СПРАВОЧНИКЪ по торговлѣ льномъ. Спб. 1914. Ц. 3 р.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

ДИТЦЪ. Нивелиръ Цейсса. Спб. 1914. Ц. 30 к. | ководство для сельскаго населенія по возведенію дешевыхъ огнест. крышь изъ гончарной и цементно-песочной черепицы, глиносоломы и гетерита. Ц. 15 к.
 ДИАМАНДИДИ, Н. Шоссейные желѣзо-бетонные мосты Тамбовской губ. 1914. Ц. 2 р. 50 к. | ПОЗДЮНИНЪ, В. Новый методъ расчета трубопроводовъ вентиляционныхъ и водяныхъ. Спб. 1915. Ц. 1 р. 75 к.
 КАШКАРОВЪ, Н. Расчетъ желѣзобетонныхъ сооружений, применяемыхъ въ водоснабженіи. Петроградъ. 1914. Ц. 1 р. 50 к. | РОНСИМЕНЪ, В. Краткое общедост. руководство по газовымъ и нефтянымъ двигателямъ. Ц. 60 к.
 МЕЦЕРСКІЙ, Г. Сравнительная данная отчетныхъ и расцѣпочныхъ вѣдомостей: среднихъ единичныхъ цѣвъ, поверстн. количества и поверстн. стоимости работъ и поставокъ по постройкѣ ж. д. въ Россіи. Съ 1881 г. по 1914. Ц. 3 р. | СВОРНИКЪ фотографическихъ рецептовъ. Составленъ по сбори. Эдера, Шперли и др. Кн. 1-я. Ц. 50 к.
 ОГНЕСТОЙКІЯ КРЫШИ. Краткое ру- | ЭСТРИНЪ, С. Примѣненіе холода въ горномъ дѣлѣ и подземныхъ строительныхъ работахъ. Петроградъ. 1914. Ц. 75 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

ГОТЛИБЪ, Д. Практическое акушерство. Спб. 1914. Ц. 1 р. 10 к. | САПЪЖКО, К. Два слова о леченіи ранъ. Одесса. 1914. Ц. 20 к.
 ИСАЕВЪ, С. Краткое руководство по частной патологіи и терапіи. Петроградъ. 1914. Ц. 1 р. 60 к. | ШЕЙНКМАНЪ, А. Фармація. Киевъ. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

Военное и морское дѣло.

ФЛОТЫ великихъ державъ. Подробныя свѣдѣнія о морскихъ силахъ Англіи, Франціи, Германіи, Италіи, Австро-Венгріи, Японіи и Соед. Штатовъ. по даннымъ 1914 г. Ц. 35 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

АЛЬБЕРТЪ, Ф. Краткій курсъ перспектivy въ общедоступномъ изложеніи. Петроградъ. 1915. Ц. 1 р. | нихъ учебныхъ заведеній. Ч. I. Цѣлыя числа и подготовительный курсъ дробей. Ц. 35 к. Ч. 2-я. Дробн. Ц. 35 к. Ч. 3. Отношенія и пропорціи, тройное правило, вычисл. процентовъ. Ц. 35 к.
 ИГНАТЬЕВЪ, Е. Задачникъ по ариеметикѣ для подготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Петроградъ. 1915. Ц. 50 к. | МУКАЛОВЪ, Н. Пробные уроки по ариеметикѣ. Ц. 1 р.
 КАЛАЧЕВЪ, С. Коммерція. Учебникъ для торговыхъ школъ. Ц. 60 к. | НЕЙМАНЪ, Б. Лермонтовъ, его жизнь и творчество. Киевъ. 1914. Ц. 20 к.
 КАМЕНЬЩИКОВЪ, Н. Сокращенный курсъ космографіи съ 83 рис. и прилож. статей: Что мыѣ наблюдать на небѣ? Звѣздныя карты. Спб. 1914. Ц. 70 к. | НИВИНСКІЙ, Д. Народная словесность. Пособіе для учащихся при изученіи русской литературы. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
 КОБЕЛЕВЪ, Е. Сборникъ задачъ по геометріи. (Планиметрія). Для средн.-уч. зав. Ц. 40 к. | ОРЕНКО, И. Наглядная таблица для изученія постановокъ буквы ъ. Пособіе для учащихся. Киевъ. 1914. Ц. 6 к.
 ЛАДИНСКІЙ, П. Прямое письмо. Руководство къ обученію чистописанію въ связи съ правописаніемъ. Ц. 25 к. | ШИКСАНОВЪ, Н. Хронологія русской литературы. Для учащихся. Ц. 30 к.
 ЛАДЫЖЕНСКІЙ, Вл. Исторія русской литературы для школъ и народа. Спб. 1914. Ц. 60 к. | ПЪТУХОВЪ, Е. Русская литература. Историческій обзоръ главн. литерат. явленій древняго и новаго періода. Новый періодъ. Послѣ Петра Великаго. Елизаветинское время. Юрьевъ. 1914. Ц. 1 р.
 МИХЕЛЬСОНЪ, С. Методическій сборникъ ариеметическихъ задачъ для сред- | ШЛЯПКИНЪ, П. Программа по исторіи русской литературы въ объемѣ университетскихъ полукурсовыхъ испытаній. Ц. 15 к.

Справочныя книги.

<p>ВОЛКЪ, А. Собираніе марокъ для кол- лекцій. Цѣна книги съ приложеніемъ 05 к.</p> <p>КАТАЛОГЪ русскаго отдѣла Между-</p>	<p>народной выставки печатнаго дѣла въ Лейпцигѣ. 1914. Ц. 1 р.</p> <p>СОВОЛОВЪ, П. Спутникъ по Новго- роду и Старой Руссѣ, съ рис. и планами. Ц. 1 р.</p>
--	---

Разныя книги.

<p>БУЛГАКОВСКИЙ, Д. Во время войны что долженъ дѣлать и помнить русскій народъ. Петроградъ. 1914. Ц. 5 к.</p> <p>— Терзаніе одно. Разсказъ. Ц. 6 к.</p> <p>— Пересталъ пить. Ц. 15 к.</p> <p>— Безъ вина одно горе, а съ виномъ— старое одно, да новыхъ два. Ц. 6 к.</p> <p>— Жизнь Касьяна. Чтеніе съ свѣтовыми картинами. Ц. 10 к.</p>	<p>— Водна сильна, но сильнѣе воля своя. Ц. 8 к.</p> <p>— Водна до всего доведетъ. Чтеніе съ свѣтовыми картинами. Ц. 10 к.</p> <p>— Жалость взяла. Разсказъ. Ц. 12 к.</p> <p>— Зеленый змій. Народное чтеніе по борьбѣ съ пьянствомъ, съ 35 рис. Ц. 35 к.</p>
--	---

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ

М. Г. ВЕСЕЛКОВО-КИЛЬШТЕТЬ

„КОЛЫЧЕВСКАЯ ВОТЧИНА“.

РОМАНЪ.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

„ПѢСНИ ЗАБЫТОЙ УСАДЬБЫ“.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Цѣна 1 рубль.

„СТИХИ и ПЬЕСЫ“.

Цѣна 2 рубля

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя **Бориса Борисовича Глинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городского) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

Тарифъ на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 20 р.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

НОЯБРЬ, 1914 Г.

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

НОЯБРЬ 1914 г.

	СТРАН.
Памяти князя Олега Константиновича. Стихотвореніе. И. И. Соколова.	V
Его высочество князь Олегъ Константиновичъ. Некрологъ. Б. В. Никольскаго.	VII— VII
иллюстрація: Его высочество князь Олегъ Константиновичъ.	
Историческая лѣтопись.	LVIII—LXIV
Иллюстраціи: 1) Его высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій.— 2) Командующій англійской арміей лордъ Робертсъ.— 3) Генераль Радко Дмитріевъ.— 4) Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассэ.— 5) Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ сэръ Эдуардъ Грей.	
I. На родной почвѣ. (Романъ). Часть вторая. XXV—XXX. (Продолженіе). М. Г. Веселковой-Кильштетъ.	353
II. Изъ воспоминаній стараго эриванца. (1832—1839 гг.). (Продолженіе). А. Ф. Рукевича.	400
III. Тѣни прошлаго. II. И. И. Яенискаго-Бѣлинскаго.	416
IV. За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). II. В. Б. Бертесона.	425
V. Предсказаніе о разгромѣ Бельгій. Ю. Чаева.	445
VI. М. Е. Салтыковъ и современныя европейскія событія. II. А. Сербаринова.	450
VII. Ужасы города. (Изъ повседневныхъ исторій). V. (Продолженіе). В. В. Уманова-Каплуовскаго.	474
VIII. Мирное завоеваніе Мерва. (Изъ воспоминаній о походѣ генерала А. В. Комарова въ 1885 г.). II. В. Чарыкова.	486
иллюстраціи: 1) Крѣпость Мервъ. Южный фасъ.— 2) Крѣпость Мервъ. Западный фасъ.— 3) Туркестанскіе рабочіе, строящіе русское укрѣпленіе.— 4) Развалины Султана-Санджаръ.	
IX. О нравственномъ обликѣ В. В. Самойлова. II. Н. Долгова.	519
X. Роковой годъ. (Предсказанія войны). I—VII. И. П. Ювачева.	527
XI. Градовскій о войнѣ и націонализмѣ. (Къ двадцатипятилѣтію со дня кончины Ал. Дм. Градовскаго). С. В. фонъ-Штейна.	587
XII. Императорское одесское общество исторіи и древностей. (По поводу 75-лѣтія его существованія). М. Г. Попруженка.	544
XIII. Посѣщеніе Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ Островоротной часовни въ Вильнѣ.	556
XIV. Прологъ русско-японской войны. (Архивные матеріалы). XLIX—LII. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго.	558
XV. Балты и война. А. И. Горостелева.	588
XVI. Въ гнѣздѣ Фаддея Булгарина. С. Шищера.	598
XVII. Въ молдавскомъ монастырѣ. В. В. Данилова.	603
иллюстраціи: 1) Видъ Добрушскаго монастыря съ юго-западной стороны.— 2) Звонній храмъ и колокольня Добрушскаго монастыря.— 3) Храмъ въ скиту Добрушскаго монастыря.— 4) Келія въ скиту Добрушскаго монастыря.	
XVIII. Иностранцы о Россіи. А. М. Бѣлова.	615

(См. слѣд. стран.).

- XIX. Изъ записной книжки историка. (Конечная цѣль великой борьбы съ германизмомъ.—Міровая роль Россіи и ея національные интересы). **Е. С. Шумигорскаго**. 624
- XX. Критика и библиографія. 632
- 1) **И. Фробеніусъ** (оберъ-лейтенантъ германской службы). Роговой часъ Германской имперіи. Переводъ **М. Панина**. Петр. 1914. в. ш.—2) **К. В. Харламповичъ**. Малороссійское вліаніе на великорусскую церковную жизнь. Томъ I. Казань. 1914. С.—3) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. Книга 3-я. Двѣсти пятидѣсятая. Москва. 1914. Rustic.—4) **В. К. Лукомскій**. Родословіе дворянъ Митусовыхъ. Петр. 1914. Б. модзалевскаго.—5) Стѣнная карта «Русскіе славяне и ихъ сосѣди въ IX—X вв.» для власнаго употребленія, приспособленная къ учебнику русской исторіи проф. **С. Θ. Платонова**, съ приложеніемъ атласа «Памятники искусства русскихъ славянъ и ихъ сосѣдей до XII вѣка», 28 табл. 228 рис. Подъ редакціей и съ объяснительнымъ текстомъ **Н. Е. Макаренка**. Петр. 1914. К.—шова.—6) Вопросы теоріи и психологій творчества. Т. V. Подъ редакціей **В. А. Лезина**. Харьков. 1914. И. Замотина.—7) Проф. **И. А. Линниченко**. Рѣчи и поминки. Сборникъ статей по исторіи русской литературы и біографическихъ воспоминаній. Одесса. 1914. А. М.—на.—8) **Ф. Вьяльскій**. Іуданымъ и христіанство. Петр. 1914. А. Фаресова.—9) Культурно-историческіе памятники древняго Востока. Подъ общей редакціей проф. **В. А. Тураева**. Выпускъ I. **И. М. Волковъ**. Законы вавилонскаго царя Хаммураби. Съ 8 рисунками и картой. Москва. 1914. С. л.—на.—10) Труды съѣзда дѣятелей Черноморскаго побережья Кавказа. Томъ второй. Подъ общей ред. члена-дѣлопроизводителя съѣзда **Н. И. Воробьева**. Петр. 1914. Павла Россеева.—11) Левъ Вертенсонъ. Радиоактивность въ лечебныхъ водахъ и грязяхъ. Петроградъ. Б—я.—12) Библиографическая лѣтопись. Вып. I. Петр. 1914. М. А. С.—13) **А. Исаевъ**. Кризисы въ народномъ хозяйствѣ. Петр. 1914. Ф.—14) **Валерій Врюсовъ**. Полное собраніе сочиненій и переводовъ. Т. XII. Алтарь победы. Повѣсть IV вѣка. (Книги I и II).—Томъ XIII. Алтарь победы. (Книги III и IV). Петр. 1913. Л. л.—15) **Мэй Уинн**. Генрихъ Наваррскій. Историческій романъ. Переводъ **Д. Ф. Журавлева**. Петр. 1914. М. А.
- XXI. Новости исторіи. Обзорніе журналовъ. **А. А. Измайлова**. 653
- XXII. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника». 661
- XXIII. Заграничныя историческія новости и мелочи. 664
- 1) Какъ турки овладѣли Византіей.—2) Находка Венеры Киренской.—3) Война «старого стиля».—4) Жанъ Ришпэръ о Шекспирѣ.—5) Царица ордена Лантюрелю.—6) Эпизодъ изъ исторіи англійскихъ нравовъ.—7) Роль аббата Эджворта при казни Людовика XVI.
- XXIV. Смѣсь. 685
- 1) Сто пятьдесятъ лѣтъ императорской петроградской академіи художествъ.—2) Столѣтіе московской духовной академіи.—3) Присужденіе премій гр. Уварова.—4) Собраніе академіи художествъ.—5) Столѣтіе со дня рожденія **М. Ю. Лермонтова**.—6) Пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности **А. Г. Шиле**.—7) Архивъ войны.—8) Засѣданіе верховнаго совѣта по призрѣнію семей лицъ, призванныхъ на войну.—9) Русскіе курорты.—10) Соболѣзнованіе императорской академіи художествъ по поводу художественныхъ потерь французовъ и бельгійцевъ.—11) Отъ московскихъ писателей, художниковъ и артистовъ.—12) Иркутскій польскій комитетъ помощи жертвамъ войны.—13) Воззваніе варшавскаго комитета.—14) Адресъ бельгійскимъ женщинамъ.
- XXV. Некрологи. 699
- 1) **Варяницынъ**, А. М.—2) **Керзинъ**, А. М.—3) **Лаврентьевъ**, Л. И.—4) **Мравина**, Е. К.—5) **Панцевичъ**, Н. П.—6) **Паперъ**, Я. Л.—7) **Сукіасъ Парзаянъ**, архіепископъ.—8) **Фортунатовъ**, Ф. Θ.
- XXVI. Замѣтки и поправки. 704
- I. **Д. Перуанскаго**.—1) По поводу статьи **В. Г.** и отвѣта **Е. С. Шумигорскаго**. **И. Тарасова**.

Приложенія: 1) Портретъ его высочества князя **Олега Константиновича**.—2) Пятая труба. Историческій романъ **Поля Бертрама**. Переводъ съ англійскаго **А. Б. Михайлова**. XI. (Продолженіе).

Ежемѣсячный историко-литературный журналъ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

ИЗДАЕТСЯ

Наслѣдниками А. С. Суворина

подъ редакціей Б. Б. Глинскаго.

(Тридцать шестой годъ изданія).

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» знакомитъ читателей въ живой, общедоступной формѣ съ современнымъ состояніемъ исторической науки и литературы въ Россіи и Европѣ и связываетъ отечественную исторію съ всемірною и научное изслѣдованіе съ популярнымъ изложеніемъ. За время **своего 35-лѣтняго** существованія журналъ достигъ широкаго распространенія среди разнообразныхъ классовъ населенія, имѣя здѣсь многочисленныхъ подписчиковъ и читателей. «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» издается по слѣдующей программѣ: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, записки, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, этнографическія и бытовыя описанія и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, историческія новости и матеріалы, имѣющіе общій инте-
«истор. вѣстн.», ноябрь 1914 г., т. сxxxviii. i

ресь. Къ «ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ» прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» выходитъ ежемѣсячно каждаго 1-го числа въ объемѣ 25—28 печатныхъ листовъ убористаго шрифта.

Подписная цѣна на годъ 10 рублей серебромъ съ пересылкой и доставкой на домъ, за полгода 6 рублей. Цѣна книжки журнала въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 25 коп. Для служащихъ за подписью казначеевъ, а также для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ допускается разсрочка по четвертямъ года безъ повышенія годовой платы.

Подписка принимается въ главной конторѣ въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва «Новаго Времени» (А. С. Суворина), Невскій пр., д. № 40, и въ отдѣленіяхъ главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону при книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

Такса за объявленія: впереди текста за страницу 80 руб., за $\frac{1}{2}$ стр. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стр. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стр. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стр. 20 рублей.

Какъ и въ предшествующіе годы, такъ и въ 1915 году, журналъ будетъ выходить со слѣдующими отдѣлами:

БЕЛЛЕТРИСТИКА. Имѣются ужъ и обѣщаны произведенія слѣдующихъ авторовъ: В. П. Авенаріуса, В. И. Анжу, Г. Артурова, Марка Басанина, В. П. Буренина, А. Н. Будицева, В. В. Брусянина, М. Е. Васильевой, М. Г. Веселковой-Кильшеттѣ, В. А. Волжина, П. П. Гнѣдича, А. Е. Зарина, Ф. Е. Зарина-Несвицкаго, Ор. Козельскаго, Н. А. Лаппо-Данилевской, В. Микуличъ, Вл. Нарбута, П. М. Невѣжина, С. С. Окрейца, Григ. Ольшанскаго, А. П. Плетнева, И. Н. Потапенка, С. П. Руднева, В. Я. Свѣтлова, И. И. Соколова, А. В. Сульжикова (Вик-Ториновича), Г. Т. Сѣверцева-Полилова, В. В. Уманова-Каплуновскаго, А. Н. Шабановой, Н. А. Энгельгардта, С. К. Эфрона (Литвина) и другихъ.

ВОСПОМИНАНІЯ. Редакція располагаетъ слѣдующими мемуарами: **гр. Н. П. Игнатьева.**—«Санъ-Стефано».—**Н. В. Исакова.**—«Записки».—**Сенатора Дрейера.**—«Воспоминанія».—**К. А. Манна.**—«Воспоминанія».—**Н. Н. Фирсова.**—«Императорскій посолъ и дворянская опека».—**С. А. Драгомировой.**—«Радецкій, Скобелевъ, Драгомировъ».—**С. Н. Эфрона** (Литвина)—«Воспоминанія о С. О. Шараповѣ».—**И. В. Погорманскаго.**—«Четыре записки изъ жизни декабристовъ».—**А. И. Соколовой.**—«Встрѣчи и знакомства».—**В. Б. Бертенсона.**—«За 30 лѣтъ».—**Е. Н. Андреевскаго.**—«Изъ записокъ за 47 лѣтъ».—**Н. В. Рейнгарда.**—«Изъ воспоминаній о Н. К. Михайловскомъ».—**М. В. Щепкина.**—«Театральныя мелочи».—**М. В. Шевлякова.**—«Изъ разсказовъ П. И. Вейнберга».—**М. М. Мариной.**—«Изъ воспоминаній о пребываніи русскаго экспедиціоннаго отряда въ Критѣ».—**П. А. Россіева.**—«Сидуэты».—**В. П. Соколова.**—«Воспоминанія о Всеволодѣ Гаршинѣ».—**Н. И. Ванченко.**—«Изъ воспоминаній украинскаго актера».—**С. И. Уманца.**—«Мозаика».—**А. Г. Шиле.**—«Изъ литературныхъ воспоминаній».—**П. Юдина.**—«Изъ прошлыхъ сношеній съ Германіей».—**А. С. Серебряковой.**—«Изъ жизни московской прессы восьмидесятыхъ годовъ» и мног. друг.

Статьи научныя, публицическія, критика и библиографія. Въ отдѣлѣ примутъ участіе: В. А. Алексѣевъ, П. О. Акаемовъ, А. А. Бахтіаровъ, А. А. Башмаковъ, проф. П. В. Безобразовъ, А. П. Брянчаниновъ, А. М. Бѣловъ, П. С. Бѣляевъ, Д. А. Бочковъ, В. В. Брусянинъ, проф. Б. В. Варнеке, проф. А. П. Витмеръ, В. В. Вороновъ, Б. Б. Глинскій, Г. К. Гинсъ, проф. В. М. Грибовскій, П. И. Гурвичъ, В. В. Даниловъ, Н. А. Державинъ, А. А. Дунинъ, Н. М. Ежовъ, В. В. Жерве, проф. И. И. Замотинъ, А. Е. Заринъ, Г. Г. Зоргенфрей, А. А. Измайловъ, проф. Карсавинъ, А. Е. Кауфманъ, проф. Д. А. Корсаковъ, проф. М. В. Ключковъ, Я. П. Колубовскій, В. Н. Княжнинъ, К. В. Кудряшовъ, В. К. Кузнецовъ, проф. М. Е. Красножель, проф. Н. Н. Любовичъ, Н. А. Лачиновъ, А. М. Ловягинъ, Н. Н. Лендеръ, П. В. Мѣщаниновъ, В. П. Маринъ, М. М. Марина, С. Р. Мицловъ, А. А. Мироновъ, Т. А. Мартемьяновъ, П. М. Майковъ, проф. А. И. Маленинъ, П. О. Морозовъ, В. А. Мустофинъ, З. Е. Мордвинова, Н. П. Оглобинъ, С. С. Окрейцъ, А. С. Панкратовъ, проф. М. Г. Попруженко, П. А. Россіевъ, Н. В. Рейнгардъ, О. О. Симбухинъ, П. И. Соколовъ, проф. И. И. Соколовъ, Н. П. Столянскій, Т. О. Соколовская, М. К. Соколовскій, В. З. Ткачукъ, О. О. Трозинеръ, И. Тенеромо, К. А. Тепловъ, Е. С. Тимирязева, А. И. Фаресовъ, А. П. Фирсовъ, Н. Н. Фирсовъ, П. В. Чарыковъ, М. Ф. Чулицкій, Е. С. Шумигорскій, В. И. фонъ-Штейнъ, С. В. фонъ-Штейнъ, М. А. Щепкинъ, кн. Б. А. Щетининъ, Е. Н. Щепкина, С. К. Эфронъ, Н. А. Энгельгардтъ, П. П. Ювачевъ, П. А. Юдинъ, П. Л. Юдинъ, проф. А. И. Яцимирскій и мног. друг.

Въ отдѣлѣ критики и библиографіи каждый мѣсяць рецензируются свыше 20-ти вновь вышедшихъ книгъ по преимуществу по русской, всеобщей и древней исторіи, литературѣ, археологій, исторіи права, искусствъ и другимъ отраслямъ гуманитарнаго знанія. Съ 1914 года въ журналѣ открытъ **новый отдѣлъ по обзорнію отечественныхъ журналовъ**, а также **Книжный Листокъ**, гдѣ отмѣчаются всѣ поступающія въ редакцію пзданія съ краткимъ отчетомъ о главнѣйшихъ изъ нихъ.

Статьи этнографическія и географическія. Будутъ напечатаны произведенія: М. М. Мариной, И. А. Слонова, А. А. Дунина, В. Сазонова, А. Я. Таранецъ, Н. Максимова, А. Григорьева, А. П. Фирсова, А. Мошанскаго, Д. П. Богданова, С. Р. Мицлова, П. Зайкина, М. Мочульской, В. П. Марина, В. Г. Вейденбаума, А. И. Стеллецкаго, П. П. Орлова.

Историческія новости и мелочи составляются по многочисленнымъ выписываемымъ редакціею европейскимъ журналамъ, посвященнымъ исторіи и литературѣ, и знакомятъ читателя со всѣми западно-европейскими новинками въ этихъ областяхъ.

Изъ записной книжки историка—Е. С. Шумигорскаго.

Новости русской исторіи—А. А. Измайлова.

Въ приложеніи къ журналу въ 1915 году будетъ дано:

Историческая лѣтопись, гдѣ въ систематическомъ порядкѣ будетъ дѣлаться обзоріе событій на всѣхъ театрахъ современной войны. «Лѣтопись» будетъ иллюстрирована многочисленными портретами главныхъ и выдающихся дѣятелей войны.

«Долоресъ». Драма въ пяти дѣйствіяхъ В. П. Буренина.

Переводный историческій романъ Е. Демольдеръ «Садовникъ маркизы Помпадуръ».

Въ связи съ переживаемыми военными событіями, редакция «Историческаго Вѣстника» приложитъ всѣ старанія, чтобы печатаемая на страницахъ статьи носили по преимуществу злободневный характеръ и отвѣчали историческимъ запросамъ переживаемого политическаго дня.

Подписчики «Историческаго Вѣстника» на 1915 годъ могутъ приобретать изъ главнаго магазина товарищества А. С. Суворина—«Новое Время» слѣдующія изданія товарищества на льготныхъ условіяхъ.

Герберштейнъ. «Записки о московскихъ дѣлахъ». Въмѣсто 15 р. за 11 р., съ пересылкой 12 р.

Данте. «Божественная комедія» 3 т.т. Въмѣсто 12 р. за 9 р., съ пересылкой 10 р. 50 к.

Корбъ. «Дневникъ путешествія въ Московію» (1698 и 1699 гг.). Въмѣсто 10 р. за 7 р. 50 к., съ пересылкой 8 р.

Мейерберъ. «Альбомъ—виды и бытовья картины Россіи XVIII вѣка» съ обширнымъ текстомъ. Въмѣсто 15 р. за 8 р., съ пересылкой 9 р. 50 к.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ

и продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

I и II выпуски

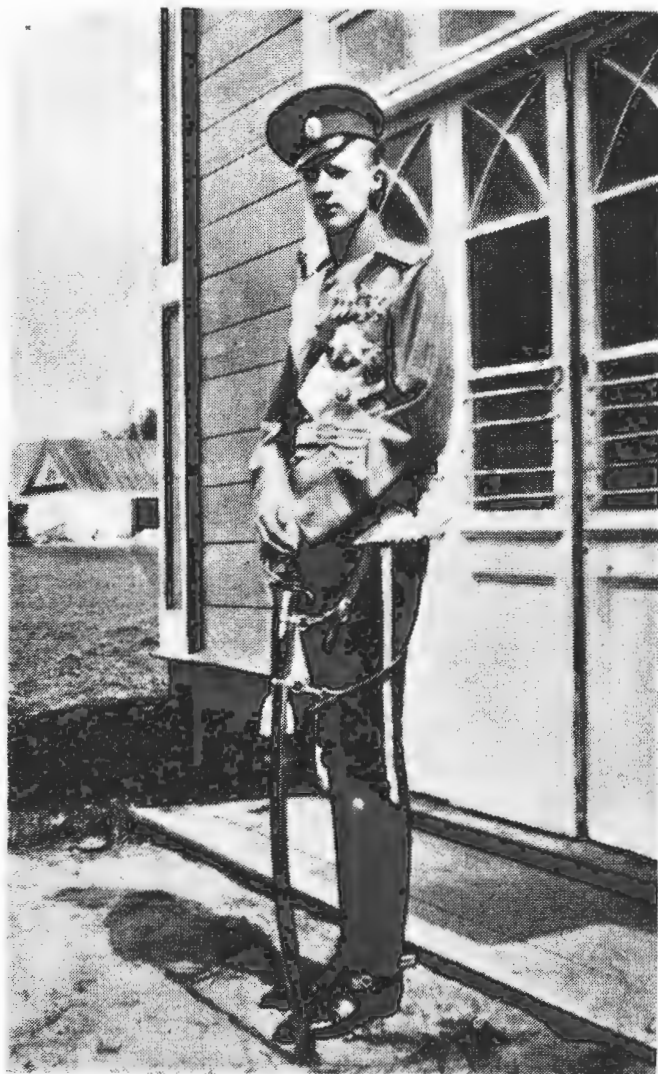
изданія журнала «Историческій Вѣстникъ»

„ВОЙНА“

Хроника и отклики съ иллюстраціями.

Цѣна выпуска 50 коп.

Чистая выручка съ изданія поступитъ въ пользу лазарета для раненыхъ воиновъ, устроеннаго журналомъ „Историческій Вѣстникъ“. (Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“).

ЕГО ВЫСОЧЕСТВО
КНЯЗЬ ОЛЕГЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ

ПАМЯТИ КНЯЗЯ

ОЛЕГА КОНСТАНТИНОВИЧА.

*Спи въ миръ, юноша-герой,
Подъ тихій плачь на ранней тризнь;
Легко тому въ земля сырой,
Кто отдалъ ей все счастье жизни!*

*Любовью къ родинъ горя,
Тамъ, на поляхъ грозы кровавой,
Въ лихомъ бою ты палъ со славой
За Русь, за вѣру, за Царя!*

*Блаженъ, кто избранъ былъ судьбою
Свершить великій подвигъ свой...
Спи въ миръ, юноша-герой,
Спи, милый витязь! Богъ съ тобою!*

Ив. Соколовъ.

ЕГО ВЫСОЧЕСТВО КНЯЗЬ
ОЛЕГЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ.

В ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОГО сентября, согласно сообщенію штаба верховнаго главнокомандующаго, при слѣдованіи заставъ нашей передовой кавалеріи были атакованы и уничтожены германскіе разъѣзды. Частью нѣмцы были изрублены, частью взяты въ плѣнъ, причемъ доскакавшій первымъ до непріятеля корнетъ его высочество князь Олегъ Константиновичъ былъ раненъ легко въ ногу навзлетъ.

Эти первыя свѣдѣнія съ мѣста столкновенія, къ несчастію, не подтвердились, и рана оказалась смертельной. Уже 29-го сентября отъ уполномоченнаго Краснаго Креста пришла телеграмма, что князь помѣщенъ въ витебскій госпиталь, находящійся въ районѣ дѣйствующей арміи, и что его высочеству произведена операція при участіи четырехъ профессоровъ.

30-го же сентября было опубликовано, что 29-го, въ восемь часовъ двадцать минутъ вечера, по принятіи Св. Тайнъ, князь Олегъ Константиновичъ почилъ на рукахъ августѣйшихъ родителей и брата, князя Игоря Константиновича. Въ тотъ же день стало извѣстно, что Государь Императоръ 28-го сентября всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать князю Олегу Константиновичу орденъ святого великомученика и побѣдоносца Георгія четвертой степени за мужество и храбрость, проявленныя при стычкѣ и уничтоженіи германскихъ разъѣздовъ, причемъ его высочество первымъ доскакалъ до непріятеля, врубился въ него и получилъ рану, отъ которой и скончался.

Князь Олегъ Константиновичъ, четвертый сынъ великаго князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Мавриковны, правнукъ императора Николая Павловича, родился 15-го ноября 1892 года и въ 1902 году былъ зачисленъ въ кадеты полоцкаго кадетскаго корпуса, гдѣ ежегодно сдавалъ экзамены, проходя на дому весь курсъ преподаваемыхъ въ корпусѣ наукъ, дополненный, конечно, и углубленный особенно тщательнымъ изученіемъ трехъ новыхъ языковъ, изящной словесности, обученіемъ игрѣ на фортепіано и постояннымъ общеніемъ съ тѣмъ просвѣщеннымъ и разнообразнымъ кругомъ, въ которомъ юный князь неизмѣнно вращался. По окончаніи курса, въ виду сложившагося желанія князя получить высшее гражданское образованіе, его высочеству было высочайше разрѣшено поступить въ 1910 году, на общихъ основаніяхъ, въ императорскій Александровскій лицей для прохожденія, на старшемъ курсѣ, юридическихъ и политическихъ наукъ, причѣмъ князю было предоставлено, согласно его желанію, носить лицейскій мундиръ и подчиняться всѣмъ порядкамъ лицейской жизни, сдавая наравнѣ со всѣми переходные и выпускные экзамены. Нездоровье князя повело, однако, къ тому, что и первый, и второй годъ пребыванія въ лицей его высочество былъ лишенъ возможности посѣщать лекціи и сдавать репетиціи и занимался на дому, въ Павловскѣ, гдѣ проходилъ лицейскую программу подѣ руководствомъ особо приглашенныхъ преподавателей. Это обстоятельство было использовано въ интересахъ его высочества въ томъ смыслѣ, что чтеніе лекцій и руководство его занятіями было поручено по возможности профессорамъ и ученымъ, имѣющимъ въ сферѣ своей специальности практическій и служебный опытъ. Такъ, уголовное право и судопроизводство князю преподавалъ министръ юстиціи статсъ-секретарь И. Г. Щегловитовъ, статистику, политическую экономію и финансы сенаторъ В. Т. Судейкинъ, римское и гражданское, а также государственное право и энциклопедію Б. В. Никольскій, философскія науки Э. Л. Радловъ, исторію русскаго права профессоръ Ѳ. В. Тарановскій, русскую и всеобщую исторію преподававшій его высочеству съ шестнадцатилѣтняго возраста и особенно горячо имъ любимый профессоръ П. Г. Васенко, и вмѣстѣ съ ними прежніе наставники и руководители князя, гг. Кульманъ, Байльи-Контъ и другіе. Общее же руководство образованіемъ и воспитаніемъ князя всегда принадлежало генералу Н. Н. Ермолинскому, бывшему, несомнѣнно, самымъ близкимъ его высочеству человѣкомъ, наставникомъ и довѣреннымъ лицомъ. На третій годъ пребыванія въ лицей князь Олегъ Константиновичъ уже посѣщалъ всѣ лекціи и занимался самостоятельно во всѣхъ отношеніяхъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что и на первыхъ двухъ курсахъ была одна область, гдѣ князь работалъ самъ и прибѣгалъ лишь въ самой малой степени къ содѣйствію своихъ преподавателей,—это были письменныя работы. Кромѣ просьбъ о библиографическихъ указаніяхъ, о разъясненіи встрѣтившихся въ литературѣ неясныхъ или трудныхъ мѣстъ или о переводѣ латинскихъ или греческихъ цитатъ и, наконецъ, прочтенія иногда вслухъ для критики нѣкоторыхъ страницъ, гдѣ юный авторъ былъ особенно не увѣренъ въ себѣ, князь ни за какою помощію ни къ кому не обращался, даже, напротивъ,

съ какимъ-то ревнивымъ чувствомъ скрывалъ свои работы, пока не доводилъ ихъ до конца. Съ благороднымъ честолюбіемъ молодости онъ хотѣлъ быть въ полномъ смыслѣ слова единственнымъ авторомъ своихъ сочиненій и быть самому себѣ обязаннымъ своимъ успѣхомъ или неуспѣхомъ. Впрочемъ, послѣднійго его высочеству опасаться было нечего при той исключительной добросовѣстности, вдумчивости и серьезности, съ которыми онъ вообще относился ко всѣмъ своимъ обязанностямъ. Для этихъ работъ князь преимущественно выбиралъ вопросы изъ области русской политической литературы XVIII вѣка. Такъ, въ третьемъ классѣ его сочиненіе было посвящено политическимъ воззрѣніямъ князя М. М. Щербатова, во второмъ классѣ—«Правдѣ о волѣ монаршей» и вліяніи Гоббса на Теофана Прокоповича. За послѣднюю работу князь былъ удостоенъ установленной для награды за особо успѣшныя сочиненія Цукинской медали. Отлично сдавая всѣ экзамены, его высочество окончилъ курсъ въ 1913 году съ медалью, причемъ работалъ, воистину не жалѣя себя и не щадя своихъ силъ. Это отразилось очень неблагоприятно на его деликатномъ сложеніи и здоровьи, и сразу по окончаніи курса князь заболѣлъ плевритомъ и воспаленіемъ легкихъ, отъ которыхъ медленно оправлялся въ Крыму, въ особенности потому, что болѣзни совпали съ чрезвычайно быстрымъ физическимъ ростомъ его высочества. Осенью того же года воспаленіе легкихъ повторилось въ весьма опасной формѣ, но юный и чистый организмъ больного выдержалъ борьбу съ опаснымъ недугомъ.

Пребываніе въ лицѣ не отклонило князя отъ военной службы, онъ по окончаніи курса наукъ онъ пожелалъ вступить въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ. Не бывъ въ военномъ училищѣ, его высочество по закону не имѣлъ права на производство сразу въ офицеры и не остановился передъ тѣмъ, чтобы начать службу вольноопредѣляющимся. Однако, къ общей радости и удовольствію всѣхъ его знавшихъ, князь былъ немедленно, внѣ правилъ, произведенъ Высочайшимъ приказомъ въ корнеты. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ Германіи гусарскій полкъ однимъ изъ первыхъ выступилъ въ походъ, вскорѣ попалъ на боевую линію, и князь, вмѣстѣ съ августѣйшими братьями, князьями Гавріиломъ и Игоремъ Константиновичами, началъ свою походную жизнь, столь же блистательную, сколь, увы, недолговременную.

Изъ появившихся въ печати разсказовъ и сообщеній можно ясно представить картину подвига, страданій и кончины князя. 27-го сентября, около трехъ часовъ дня, одна изъ походныхъ заставъ, въ составѣ третьяго взвода второго эскадрона, подъ командой его высочества, увидавъ противника, пошла ему навстрѣчу. Нѣмцы отстрѣливались. Князь, опередивъ далеко свой взводъ, помчался на врага и врубился въ развѣздъ. Гусары доскакали до непріятеля, когда князь, уже раненый, покачнулся въ сѣдлѣ и упалъ на землю. Была ранена и его лошадь. Пять нѣмцевъ было зарублено, остальные взяты въ плѣнъ. Князь Гавріиль Константиновичъ, бывший со своимъ отрядомъ неподалеку и поскакавшій на выстрѣлы, засталъ брата еще въ сознаніи и услышалъ его слова: «Перекрести меня...» Фельдшеромъ Рудомъ, а затѣмъ дивизионнымъ врачомъ была сдѣлана раненому перевязка. Князь пожелалъ немедленно прича-

ститься Св. Тайнъ. Его уложили на литовскую арбу и по ужасной дорогѣ медленно повезли на ближайшую станцію, откуда съ экстреннымъ поѣздомъ отправили въ витебскую общину Краснаго Креста, въ Вильну. Этотъ мучительный путь въ цѣломъ занялъ пятнадцать часовъ. Тотчасъ по прибытіи въ общину была сдѣлана операція, причемъ выяснилось, что пуля, пробивъ правый сѣдалищный бугоръ и прямую кишку и раздробивъ сѣдалищную кость, застряла въ лѣвомъ сѣдалищномъ бугрѣ. Въ виду серьезныхъ опасеній зараженія крови рану оставили открытою. Питаніе производилось подкожно. Примѣнялись средства для облегченія страданій. Сознаніе не покидало больного до четырехъ часовъ пополудни 29-го сентября. Съ этого времени пульсъ и температура начали замѣтно падать, сознаніе стало слабѣть, и появились явные признаки перитонита. Въ семь часовъ дня больному было сдѣлано впрыскиваніе физиологическаго раствора соли. Въ это время прибыли къ умирающему августѣйшіе родители. Сознаніе больного ненадолго прояснилось. Великій князь, наклонившись къ сыну, прикололъ къ его рубашкѣ пожалованный юному герою георгіевскій крестъ. Крестъ этотъ принадлежалъ дѣду князя великому князю Константину Николаевичу, память котораго свято чтить Олегъ Константиновичъ. Умирающій трогательно обрадовался полученію именно этого креста. Затѣмъ началась агонія, и въ 8 ч. 20 м. страдалецъ почилъ.

Таковъ былъ недолгій жизненный путь князя Олега Константиновича. Какъ ни молодъ былъ князь, онъ сумѣлъ обнаружить не надеждами только, но живымъ дѣломъ свою прекрасную, благородную индивидуальность. Онъ искалъ въ жизни не удовольствій и развлеченій, а труда, знаній и подвига. Онъ не удовлетворялся тѣмъ, что ему было дано отъ рожденія,—онъ хотѣлъ самъ заслужить отъ міра добрую славу и довѣріе и уваженіе отъ отечества. Онъ чтилъ свои прирожденныя права и охранялъ ихъ съ неизмѣннымъ достоинствомъ, но не дорожилъ суетными преимуществами и добровольно возлагалъ на себя всѣ обязанности, къ которымъ исключительное положеніе давало ему возможность. И его геройская кончина достойно увѣнчала это прекрасное существованіе. Правнукъ императора въ бою принесъ въ жертву родинѣ ту жизнь и кровь, которыя съ отроческихъ лѣтъ мечталъ посвятить на долгую службу Царю и отечеству.

Внутреннему строю души его соответствовалъ и внѣшній образъ князя. Стройный, легкій, изящный, въ каждомъ движеніи полный благородства и достоинства, даже въ минуты дѣтскихъ игры и возни онъ былъ одаренъ привлекательнымъ, добрымъ и открытымъ выраженіемъ лица. Ясные, умные и дѣтски-чистые глаза, подвижное, выразительное и нѣжное, какъ у ребенка, лицо съ прозрачнымъ и тонкимъ румянцемъ отражали всю его душу, то въ быстромъ весельи, то въ серьезности, мгновенно смѣнявшей шаловливыя настроенія. Серьезность, задушевность и жизнерадостность сочетались въ немъ во что-то безконечно милое, глубокое, какъ у взрослога чловѣка, правдивое, довѣрчивое и ласковое, какъ у ребенка. Звонкій, еще не сформировавшійся, голосъ, едва замѣтный пушокъ вмѣсто усовъ и бороды, свѣтлые волосы, голубые глаза, быстро вспыхивавшая на лицѣ отъ волненія краска и готовыя приступить къ глазамъ слезы, неудержимый хохотъ, когда что-нибудь очень его развеселитъ, и

стремительная готовность все забыть, все бросить и отдаться заботѣ о каждомъ нуждающемся, встрѣтившемся на его пути, словомъ, все внѣшнее и внутреннее очарованіе не омраченной жизнью молодости уравновѣшивалось въ немъ изящ-

Его высочество князь Олегъ Константиновичъ.

нымъ и гордымъ чувствомъ своего нравственнаго достоинства. За него никогда не было страшно предъ какими угодно соблазнами и всегда страшно передъ всѣми опасностями,—такимъ хрупкимъ, такимъ неземнымъ, слишкомъ хорошимъ для жизни казался этотъ юноша-ребенокъ и такъ ясно было, что

навстрѣчу всякой опасности онъ ринется, какъ къ желанной невѣстѣ, по выраженію великаго полководца.

Пишущему эти строки довелось познакомиться съ княземъ, когда ему еще не было восемнадцати лѣтъ, и съ великими надеждами и глубокою любовью слѣдить за его быстрымъ превращеніемъ изъ мальчика-кадета въ царственнаго юношу-гражданина. Надежды не сбылись, но любовь осталась и не тершитъ молчанія, когда скорбь всей Россіи окружаетъ геройскій образъ достойнаго правнука нашихъ императоровъ. Постараюсь въ немногихъ чертахъ обрисовать умственный и нравственный міръ князя Олега Константиновича, насколько онъ былъ мнѣ понятенъ, извѣстенъ и доступенъ.

Съ дѣтскихъ лѣтъ и до конца онъ былъ полонъ ясной, глубокой и никакими сомнѣніями не омраченною вѣрою. Молитва и мысль о Богѣ были естественною потребностью его души. Какъ онъ любилъ своихъ родителей, какъ онъ благоговѣнно чтилъ и любилъ Государя и обожалъ наслѣдника цесаревича, такъ же просто и непосредственно онъ любилъ Бога. Это выражалось даже во внѣшности: трогательно и умилительно было видѣть, какъ онъ стоялъ въ церкви, какъ крестился и кланялся во время молитвы,—ничего заученнаго или внѣшняго, все скромное, чинное и проникновенное. Любовь его къ вѣрѣ и церкви была именно такова же, какъ любовь къ родной семьѣ, родному языку,—она была его внутреннею природою. Не только собственные сомнѣнія были ему чужды, но даже чужія, когда онъ съ ними въ жизни встрѣчался, вызывали въ немъ не споръ или осужденіе, но жалость и недоумѣніе.

Церковь онъ любилъ во всѣхъ явленіяхъ ея земнаго бытія: любилъ церковную службу, особенно торжественную, охотно принималъ въ ней, когда могъ, участіе; любилъ храмы, всего болѣе старинные храмы, съ ихъ таинственнымъ освѣщеніемъ и великолѣпными иконостасами; любилъ иконы, усердно хранилъ ихъ, старательно размѣщалъ и развѣшивалъ у своего изголовья и не разъ говорилъ, что изъ всѣхъ получаемыхъ имъ приношеній и подарковъ всего болѣе дорожилъ подносимыми ему иконами; съ глубочайшимъ интересомъ слушалъ церковныя преданія и увлекался всякою возможностью богомолья къ историческимъ и прославленнымъ святынямъ. Его постоянною мечтою было съѣздить въ Брянскъ, въ монастырь, гдѣ почиваютъ мощи его святого, и тамъ отговѣть. Во время перенесенія въ Полоцкъ изъ Кіева мощей св. Евфросиніи князь участвовалъ въ торжественной встрѣчѣ св. мощей по дорогѣ изъ Витебска въ Полоцкъ и какъ кадетъ полоцкаго корпуса стоялъ его знаменоносцемъ по пути движенія процессіи 20-го мая 1910 года. Это было самое сильное впечатлѣніе князя во время первоначальнаго моего съ нимъ знакомства, и онъ сохранилъ отъ этого торжества глубокой интересъ къ судьбѣ православія въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Когда я возвратился изъ моей поѣздки въ Мозырь, гдѣ выступалъ гражданскимъ истцомъ по дѣлу о кощунственной охотѣ на лицищъ въ приищной церкви святого Николая Чудотворца, князь съ жаднымъ интересомъ разспрашивалъ меня о всѣхъ подробностяхъ процесса, попросилъ у меня на память записъ моей рѣчи и снимки съ оскверненной церкви и даже повѣсилъ эти снимки у себя надъ постелью, вблизи краснаго угла со множествомъ иконъ. Благочестивыя сердца могутъ даже усмотрѣть

знаменательное совпаденіе въ томъ, что его геройскій путь завершился въ витебскомъ лазаретѣ Краснаго Креста, гдѣ, несомнѣнно, была икона святой Евфросиніи, со знаменемъ и молитвою встрѣченной имъ когда-то въ ея родовой вотчинѣ.

Любовь къ Государю и отечеству была у князя Олега Константиновича столь же непосредственна и чиста, какъ къ Богу и церкви. Личная и родственная близость къ Императору только усиливала и, если можно такъ выразиться, упрощала его чувства. Царь былъ для него не только тѣмъ, чѣмъ онъ является войскамъ, народу и даже большинству представляющихся Его Величеству, — властнымъ, величественнымъ и безконечно милостивымъ видѣнемъ, недоступнымъ и боготворимымъ, самодержавнымъ символомъ нашего государственнаго существованія: для него Государь былъ, кромѣ того, и кровно близкимъ и беззавѣтно любимымъ человѣкомъ, за чье одобреніе онъ съ радостью готовъ былъ отдать и жизнь, и всѣ силы.

Патріотизмъ князя господствовалъ надъ всѣми его мыслями и чувствами. Отъ рожденія предназначенный къ почестямъ и власти, онъ мечталъ не только получить, но и заслужить ихъ, какъ обыкновенный смертный. Въ продолжительныхъ бесѣдахъ со мной онъ разбиралъ перѣдко различные виды возможной для него служебной дѣятельности и обсуждалъ ихъ съ точки зрѣнія ихъ пользы, интереса, согласимости съ его общественнымъ положеніемъ и личными симпатіями. Должности сенатора, члена государственнаго совѣта по назначенію и по выбору отъ дворянства, члена военного суда, генераль-губернатора, городского головы, мирового судьи, попечителя учебнаго округа — обсуждались одна за другою въ самой фантастической послѣдовательности, съ мечтательностью ребенка и съ тактомъ и проницательностью князя императорской крови. Ему хотѣлось какъ можно глубже и основательнѣе ознакомиться съ русскою жизнью и дѣйствительностью, вездѣ побывать, все осмотрѣть, все разузнать, заглянуть во всѣ уголки, облетѣть невидимкою всю Россію и тогда всѣмъ помочь, за всѣхъ заступиться, похлопотать, отстоять по личнымъ наблюденіямъ всѣ нужныя улучшенія и преобразованія, заслужить общее довѣріе и уваженіе... Благородныя, не сбывшіяся мечты прекрасной молодости!

Патріотизмъ князя не былъ, однако, вдохновителемъ честолюбія: напротивъ, онъ неразрывно сливался въ его душѣ со строгимъ чувствомъ долга. Мечтая о просвѣщенной гражданской дѣятельности, онъ всѣ мечты свои забывалъ, едва заходила рѣчь о возможной войнѣ. Онъ говорилъ, что не остановится ни передъ какими просьбами и усиліями, только бы попасть на боевую линію, а тамъ — что Богъ дастъ. Онъ всегда помнилъ, что стоитъ на виду, что его жизнь — примѣръ для другихъ, и обращеніемъ къ этой мысли его легко было увлечь на какой угодно трудъ. Вскорѣ послѣ начала нашихъ занятій энциклопедіею права, смущаясь трудностью учебника Коркунова, онъ сказалъ, что боится получить семерку или восьмерку. Я отвѣтилъ, что и я этого очень боюсь, такъ какъ такая отмѣтка была бы имъ получена въ послѣдній день нашихъ съ нимъ занятій. Князь разволновался, вспыхнулъ и сказалъ, что не узнаетъ меня: не все ли мнѣ равно, какую ему поставятъ отмѣтку, если я знаю, что онъ дѣйствительно занимается вполнѣ добросовѣстно? Вѣдь вотъ

и великій князь сказаць, что его императорскому высочеству это все равно. Я отвѣтилъ, что, несомнѣнно, великому князю это все равно, ибо его императорское высочество знаетъ своего сына и вѣритъ ему; но мнѣ не все равно, такъ какъ никто не знаетъ, какъ я руковожу его занятіями; неудовлетворительная отмѣтка будетъ поставлена не ему, а мнѣ, и засвидѣтельствуетъ о моей неспособности. «Но я думаю,—прибавилъ я,—что и для васъ это не совсѣмъ безразлично. Ваши товарищи на васъ смотрятъ и считаются съ вашимъ примѣромъ. Хорошо ли будетъ, если хоть одинъ изъ нихъ на упреки родителей въ не особенно успѣшныхъ занятіяхъ сошлется на еще болѣе слабыя отмѣтки августѣйшаго товарища? Вѣдь на воспитаніе и образованіе вашихъ товарищей ихъ родители тратятъ большія деньги, часто тяготясь этими расходами,—а какъ Россіи нужны образованные дѣятели! Между тѣмъ по основнымъ законамъ вы, правнукъ императора, получаете изъ народныхъ денегъ, изъ государственнаго казначейства, по десять тысячъ рублей въ годъ на ваше воспитаніе и содержаніе,—да еще до преобразованій императора Александра III получали бы гораздо больше...» У князя Олега Константиновича все лицо загорѣлось воодушевленіемъ, онъ быстро обнялъ меня, расцѣловалъ, поблагодарилъ и сказаць, что изъ всѣхъ силъ будетъ добиваться вышнихъ отмѣтокъ. «Теперь я понимаю, что Александръ III нашъ благодѣтель,—воскликнулъ онъ.—Какой я счастливый, что онъ мой крестный отецъ!»

Ни въ чемъ чувство долга и внутренняго достоинства не проявлялось у князя такъ сильно и трогательно, какъ въ его стремленіи къ правдивости. Онъ порою волновался, прямо мучился, предвидя какія-нибудь столкновенія житейскихъ требованій съ нежеланіемъ въ чемъ-либо покривить душой, и часто съ удивительнымъ тактомъ изобрѣталъ выходъ изъ этихъ затрудненій. Если это ему самому не удавалось, онъ совѣтовался съ тѣми, кому довѣрялъ, и не успокаивался, пока не находилъ удовлетворительнаго исхода. Помню, что, будучи уже въ первомъ классѣ, онъ пріѣхалъ ко мнѣ посоветоваться, какъ ему быть. Въ курсѣ его профессора важный государственный вопросъ рѣшался въ такомъ смыслѣ, который не соответствовалъ его собственнымъ убѣжденіямъ и пониманію гражданскаго долга. Князь ни за что не хотѣлъ, если этотъ вопросъ ему попадетъ, отвѣчать безъ оговорокъ о своемъ несогласіи и предложилъ мнѣ нѣсколько придуманныхъ имъ редакцій. Всѣ онѣ были очень умны и тактичны, но я откровенно сказаць, что нахожу ихъ неудовлетворительными. Князь императорской крови долженъ быть примѣромъ не только твердости и правдивости, но и дисциплины. Умѣстно ли на экзаменѣ, при ассистентахъ и товарищахъ, въ той или другой формѣ высказывать порицаніе профессору? «Но я не хочу, чтобы подумали, будто я съ нимъ согласенъ. Я съ нимъ совершенно несогласенъ, и его мнѣніе невѣрно. Вы сами это знаете». «Знаю, но нахожу, что высказывать свое разногласіе при торжественной обстановкѣ выпускнаго экзамена было бы демонстраціею, совершенно неумѣстной, и соблазнительнымъ примѣромъ для товарищей, да еще на политической почвѣ. Притомъ, согласны ли вы, или несогласны съ вашимъ профессоромъ, вы должны знать то, что изложено въ его курсѣ. Не достаточно ли будетъ,

поэтому, если вамъ попадется этотъ злополучный билетъ, начать вашъ отвѣтъ словами: въ вашемъ курсѣ, господинъ профессоръ, этотъ вопросъ разрѣшается такъ-то и такъ-то,—и отвѣтить до конца. Тогда ни демонстраціи не будетъ, ни недоразумѣнія: вы изложите то рѣшеніе, которое вовсе не обязаны раздѣлять, но которое выучить и знать обязаны». Надо было видѣть, какъ обрадовался князь этой мысли и съ какимъ удовольствіемъ воскликнулъ, что именно такъ и отвѣтить. «Теперь,—повторялъ онъ,—я ничего не боюсь,—а то покривить душою для меня хуже, чѣмъ сръзаться».

То же чувство долга, и не заученное, но живое, непосредственное, какъ жизнь и дыханіе, проявлялось въ удивительномъ прилежаніи князя. Пятнадцать лѣтъ занимаясь профессорскою дѣятельностью въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, я не помню ученика, который могъ бы съ нимъ сравниться по трудолюбію и добросовѣстности. Его умъ былъ въ высшей степени конкретный, наблюдательный; память его удерживала какъ клещами все фактическое: имена, даты, названія,—какъ разъ то, что обыкновенно всего труднѣе запоминается¹⁾; но зато все отвлеченное, всѣ обобщенія, вся діалектика, опредѣленія, умозаключенія давались ему очень медленно и трудно. Ему легче было буквально заучить нѣсколько страницъ Коркунова, чѣмъ составить изъ нихъ краткое извлеченіе. Предоставляю каждому судить, какого труда ему стоило усвоить этотъ превосходный, но труднѣйшій учебникъ,—а между тѣмъ онъ выучилъ его образцово и отвѣтилъ на экзаменъ великолѣпно. Занятія были для него въ полномъ смыслѣ слова подвигомъ, и онъ относился къ нимъ, какъ къ подвигу. Онъ готовился къ экзамену съ такимъ настроеніемъ, точно говѣлъ, а на экзаменъ шелъ, какъ на исповѣдь. Но чѣмъ труднѣе была работа, тѣмъ болѣе радовалъ его успѣхъ, и послѣ каждаго удачнаго экзамена, счастливый побѣжденною трудностью, онъ загорался рѣшеніемъ преодолѣть еще большую. Не кончивъ еще лица, князь уже проникся желаніемъ непременно сдать государственные экзамены, а тамъ получить и ученую степень, пройдя всѣ ея мытарства, магистерскіе экзамены, защиту диссертациі... Мнѣ кажется, что это было у него не мимолетною фантазією, но серьезнымъ рѣшеніемъ,—особенно, что касается государственныхъ экзаменовъ. Онъ даже выбралъ университетъ, гдѣ будетъ ихъ сдавать, отдохнувъ послѣ лица,—московскій, старѣйшій и славнѣйшій изъ нашихъ университетовъ.

Проникнутый этими прекрасными идеалами, полный силъ и надеждъ, князь Олегъ Константиновичъ жилъ всецѣло умственной и духовною жизнью. Онъ отнюдь не былъ, однако, юношей-отшельникомъ, чуждымъ удовольствію своего возраста: напротивъ, онъ любилъ общество, театръ, музыку, охоту, верховую ѣзду, всякія забавы на открытомъ воздухѣ, даже просто возню съ тѣми, кого считалъ *своими*. Добрѣйшій П. Г. Васенко особенно часто подвергался внезапнымъ атакамъ своихъ августѣйшихъ учениковъ и хотя въ большинствѣ случаевъ отражалъ ихъ съ истинно-русскою стойкостью, но случалось и ему оказываться

¹⁾ Князь поразилъ меня однажды, по третьему чтенію запомнивъ все дѣленіе свода законовъ и безъ запинки отвѣчая и подъ рядъ, и въ разбивку на всѣ мои вопросы, даже самыя коварные.

жертвой искусства маневрирования неприятеля, а мнѣ приходится ему по-товарищески на выручку. Съ какимъ горестнымъ чувствомъ вспоминаются намъ теперь и эта возня, и этотъ шумъ, и общій смѣхъ въ перерывы между лекціями и занятіями!

Но быстрые переходы отъ веселья къ дѣлу составляли одно изъ главныхъ очарованій князя. Не успѣвъ соскочить съ коня, едва закончивъ ожесточенный бой на оттоманкѣ, еще запыхавшись отъ движенія, онъ переходилъ уже къ серьезной бесѣдѣ, забрасывалъ вопросами о политикѣ, о наукѣ, о книгахъ,—особенно о книгахъ, которыя составляли предметъ нашихъ постоянныхъ бесѣдъ. Будучи самъ неизлечимымъ библиофиломъ, я невольно заразилъ этою страстью своего августѣйшаго ученика, и безъ меня къ ней предрасположеннаго, и онъ началъ составлять библиотеку, преимущественно русскую, причѣмъ сразу увлекся самыми погибельными крайностями этого спорта—любовью къ первымъ изданіямъ, къ необрѣзаннымъ экземплярамъ, къ изданіямъ на большой бумагѣ и даже, насколько хватало времени, къ личнымъ поѣздкамъ по букинистамъ, по разговорами съ ними въ телефонъ, просмотрѣмъ на дому отобранныхъ по каталогамъ номеровъ, особенно охотно обращаясь къ содѣйствию симпатичнаго и почтеннаго Н. В. Базыкина. «Не успокоюсь,—говорилъ мнѣ князь,—пока не составлю библиотеки лучше вашей и нарочно закажу себѣ такіе же шкапы, какъ у васъ, только еще шикарнѣе!»

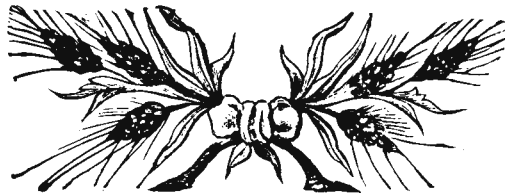
Литературные интересы на ряду съ научными поглощали досуги князя. Онъ самъ пробовалъ писать, и стихами, и прозою, но это были, къ несчастію, лишь начинанія, которымъ суждено остаться не завершенными. Научныя работы, впрочемъ, болѣе привлекали его къ себѣ. Благоговѣйно чтя память своего дѣда, великаго князя Константина Николаевича, онъ горячо увлекся мыслью составить жизнеописаніе своего августѣйшаго предка и выяснитъ полностью его во многихъ отношеніяхъ затуманенный легендой и тайной образъ. Князь очень желалъ ознакомиться для этой цѣли съ бумагами А. В. Головина, сданными на храненіе въ Публичную библиотеку, и я заручился для его высочества согласіемъ ближайшихъ родственниковъ знаменитаго министра на предоставленіе князю, съ надлежащаго соизволенія, права досрочно ознакомиться съ этими цѣнными матеріалами. Съ другой стороны, почитая Пушкина по завѣтамъ своего дома и личному увлеченію, князь рѣшилъ издать въ видѣ точныхъ факсимиле всѣ уцѣлѣвшія рукописи Пушкина. Первый выпускъ, поступившій и въ продажу въ пользу Пушкинскаго лицейскаго музея, содержитъ въ себѣ воспроизведеніе лицейскихъ автографовъ. Слѣдующій долженъ былъ быть посвященъ автографамъ, хранящимся въ Румянцовскомъ музеѣ. Были у его высочества и другія начинанія, цѣлый рядъ начинаній,—одно другого патристичнѣй и благороднѣе,—но вражеская пуля навсегда оставила ихъ не завершенными...

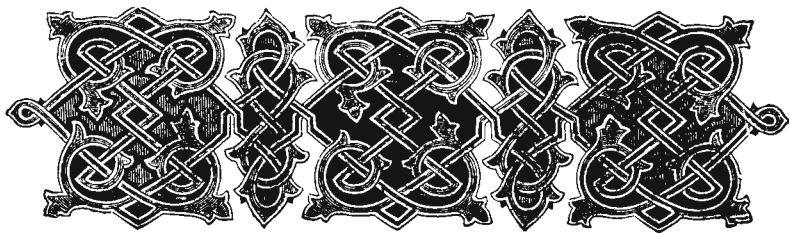
Немногія строки, мною набросанныя, далеко не полны и не достаточно ярки для характеристики той исключительно благородной и одаренной натуры, какою былъ почившій князь Олегъ Константиновичъ; но слова и рассказы теперь и бесполезны. Жестокій рокъ не судилъ ему исполнить всѣ надежды, какія могла возлагать на него Россія, но онъ завершилъ свою жизнь величайшею

евангельской жертвою, положивъ душу свою, отдавъ молодую, чистую и прекрасную жизнь свою за ближнихъ и родину. Онъ не заполнилъ многихъ страницъ исторіи славою своего имени, но та, на которой онъ не будетъ забытъ, останется одной изъ прекраснѣйшихъ. А намъ, знавшимъ и любившимъ князя, онъ останется до конца дней нашихъ лучезарнымъ воспоминаніемъ, воплощеніемъ молодости, красоты, чистоты, благородства, дарованій, надеждъ, ничѣмъ не омраченнымъ, ничѣмъ не затемненнымъ. Объ его святой памяти каждый изъ насъ можетъ повторить вдохновенные стихи великаго мудреца древности, «божественнаго» Платона:

Между живыми сіяль ты намъ звѣздой предразсвѣтной,
Умерь—и между тѣней свѣтишь вечерней звѣздой.

Борисъ Никольскій.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ ¹⁾.

ФИЦАЛЬНОЕ сообщеніе изъ Парижа отъ 22-го сентября оповѣстило, что на лѣвомъ французскомъ флангѣ, къ сѣверу отъ Уазы, продолжалось крайне ожесточенное сраженіе. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ французы вынуждены были отступить. На остальномъ фронтѣ положеніе оставалось безъ перемѣнъ. Сербскія и черногорскія войска приблизились къ аванпостамъ фортовъ Сараева.

Въ китайскомъ государственномъ совѣтѣ послѣ бурныхъ преній былъ принятъ запросъ по поводу занятія японцами дороги Цзинаньфу—Кіао-Чао. Персидское правительство просило Россію отозвать русскія войска изъ Азербейджана, въ каковомъ случаѣ турецкій посоль якобы ручается въ уваженіи Турціей нейтралитета Персіи.

21-го сентября Его Величество Государь Императоръ изволилъ прибыть къ дѣйствующей арміи. По сообщенію штаба верховнаго главнокомандующаго отъ 23-го сентября, на восточно-прусскомъ фронтѣ отступление германцевъ продолжалось. Нѣмцы дѣлали попытки удержаться на укрѣпленныхъ ими позиціяхъ вдоль границы отъ Вержболова до Лыка. До 20-го сентября нашими войсками было взято въ плѣнъ свыше 1.000 нѣмцевъ, нѣсколько орудій, изъ нихъ одно на автомобиль, зарядныхъ ящиковъ, автомобилей, мотоциклетокъ. Трофеи за 20-ое и 21-ое сентября продолжали выясняться.

22-го сентября общее положеніе французскихъ войскъ оставалось прежнимъ. На лѣвомъ флангѣ бой продолжался. Въ области Аргоннъ и на правомъ берегу Мааса французы отбили непрерывныя атаки непріятели. 23-го сентября на лѣвомъ флангѣ боевая линія французскихъ войскъ растягивалась постепенно все

¹⁾ Продолженіе, см. «Истор. Вѣстн.», т. СXXXVIII.

больше и больше. Весьма значительныя германскія кавалерійскія силы обнаружены были въ окрестностях Лилля, предшествовавшія непріятельскимъ отрядамъ, двигавшимся черезъ область къ сѣверу отъ Лилля, между Туркуномъ и Армантьеромъ. Въ окрестностяхъ Арраса и на правомъ берегу Соммы положеніе оставалось безъ значительныхъ измѣненій. Между Соммой и Уазой французскія войска въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продвинулись впередъ, отступивъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Въ окрестностяхъ Ласиньи непріятель произвелъ энергичную атаку, которая потерпѣла, однако, неудачу. На правомъ берегу рѣки Эна, къ сѣверу отъ Суассона, французскія войска, дѣйствуя совмѣстно съ британскими войсками, немного продвинулись впередъ. Въ области Берри-о-Бакъ французы также имѣли нѣсколько частичныхъ успѣховъ. На всемъ остальномъ протяженіи фронта измѣненій не произошло. Въ Бельгіи силы, защищавшія Антверпенъ, прочно заняли линію Рунель—Нэтъ, отбивъ всѣ произведенныя въ этомъ направленіи германцами атаки.

Императорское японское посольство получило слѣдующую официальную телеграмму: «Императорскій флотъ, имѣвшій цѣлью уничтожить силы непріятеля, которыя скрывались въ южныхъ водахъ Тихаго океана, высадилъ отрядъ сухопутныхъ войскъ на Ялуитъ, одномъ изъ острововъ Маршалскаго архипелага, являвшемся одной изъ морскихъ базъ противника, и принялъ капитуляцію германскихъ властей, уничтоживъ всѣ военныя сооруженія и конфисковавъ оружіе и припасы непріятеля, который не оказалъ никакого сопротивленія. Японскій отрядъ освободилъ японца, арестованнаго въ портѣ, и одно британское судно, задержанное тамъ». Союзный флотъ разгромилъ сильный портъ Катарро-Лустика. Въ Моравіи и Силезіи установлены были случаи холеры. Герцогиня люксембургская заключена нѣмцами въ замокъ близъ Нюренберга. Голландскій пароходъ «Ньюландъ» наскочилъ въ Сѣверномъ морѣ на мину и затонулъ. Погибъ также британскій пароходъ, шедшій изъ Дувра въ Зеебрюгге. Экипажи были спасены.

24-го сентября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что ближайшія желѣзнодорожныя станціи Восточной Пруссіи забыты поѣздами. Отступавшій въ Восточную Пруссію противникъ получилъ подкрѣпленіе изъ состава гарнизона Кенигсберга. Укрѣпленныя позиціи на границѣ поддерживались огнемъ многочисленной тяжелой артиллеріи. Наше наступленіе продолжалось. Особенно горячіе бои происходили въ окрестностяхъ Бакаларжева. Воздушная развѣдка установила непрерывное движеніе на западъ колоннъ отступавшихъ отъ границы германскихъ обозовъ.

По официальному сообщенію французскаго правительства отъ 24-го сентября дѣла у нашихъ союзниковъ находились въ слѣдующемъ положеніи:

На лѣвомъ флангѣ сраженіе продолжалось попрежнему съ большимъ ожесточеніемъ. Противостоящіе фронты простирались до района Лансъ (Lans)—Лабасэ (Labassé), причѣмъ эта линія удлинялась еще примыкавшими къ ней массами кавалеріи, дѣйствовавшей вплоть до района Армантьеръ (Armentiers). На фронтѣ отъ Соммы до Мааса не произошло ничего выдающагося. Въ Веврѣ непріятель тщетно пытался новыми усиліями остановить наступленіе французовъ.

п*

Черногорскія войска къ югу отъ Фочи отразили всѣ атаки превосходныхъ силъ непріятели.

Французскія суда поставили мины въ Адриатическомъ морѣ въ территориальныхъ водахъ Австро-Венгрии, согласно условіямъ, предписаннымъ гаагской конвенціей 1907 г. Движеніе германскихъ паромовъ между Варнемюнде и Гьедзеромъ приостановлено, такъ какъ моремъ прибиты мины къ мекленбургскому берегу.

Военный генераль-губернаторъ Варшавы и ближайшихъ окрестностей выразилъ по порученію главнокомандующаго благодарность населенію за вниманіе и участіе къ проходившимъ войскамъ. Русская администрація Галиціи проявляетъ полную вѣротерпимость ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ края.

25-го сентября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ: на границѣ съ Восточной Пруссіей нѣмцы, притянувъ къ себѣ подкрѣпленія изъ гарнизона Кенигсберга, продолжали на фронтѣ отъ Владиславова до Рачки упорно задерживаться, пользуясь озерными дефиле и болотами Черноганжи. За Вислой столкновенія передовыхъ частей происходили въ районѣ Опатовъ—Сандомиръ. Въ Карпатахъ къ западу отъ города Санока нами былъ разбитъ австрійскій отрядъ, взяты пулеметы и плѣнные. Въ Соливиѣ, находящейся въ двадцати верстахъ отъ города Мункача, были захвачены нами паркъ и значительный обозъ.

25-го сентября была опубликована слѣдующая телеграмма верховнаго главнокомандующаго:

«Государь Императоръ, выѣхавъ вчера вечеромъ изъ ставки верховнаго главнокомандующаго, проѣзжая черезъ Бѣлостокъ, повелѣлъ поѣзду остановиться и прослѣдовалъ въ крѣпость Осовець, дабы лично поблагодарить гарнизонъ за отраженіе атаки.

«Такимъ образомъ Его Величество изволилъ быть вблизи боевой линіи.

«Посѣщеніе Нашего Державнаго Верховнаго Вождя объявлено мною по всѣмъ арміямъ и, я увѣренъ, воодушевитъ всѣхъ на новые подвиги, подобныхъ которымъ Святая Русь еще не видала».

Во время высочайшаго пребыванія въ дѣйствующей арміи императорскій поѣздъ имѣлъ остановку 25-го сентября въ Вильнѣ. Къ приходу поѣзда, въ четвертомъ часу дня собрались высшія военныя и гражданскія власти и представители сословій и обществъ. Со станціи Государь Императоръ съ военнымъ министромъ отбылъ на автомобиль въ Святодуховъ монастырь, гдѣ Его Императорское Величество былъ встрѣченъ архіепископомъ виленскимъ и духовенствомъ. Послѣ молебствія Государь Императоръ прикладывался къ святынямъ въ Алтарной пещерѣ, затѣмъ изволилъ посѣтить раненыхъ въ военномъ госпиталѣ и въ лазаретѣ дамскаго комитета. Поклонившись особо чтимой святынѣ—иконѣ Остробрамской Божіей Матери,—Его Величество отбылъ. Императорскій поѣздъ отошелъ при восторженныхъ кликахъ «ура».

По официальному сообщенію изъ Парижа вечеромъ 24-го сентября, произведенныя германцами атаки на французскіе оба фланга были отбиты. На всемъ фронтѣ наблюдалось почти полное затишье. На лѣвомъ флангѣ германскую

Его высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій,
Верховный начальникъ нашей санитарной и эвакуаціонной части.

кавалерію удалось задержать къ сѣверу отъ Лилля, куда ее передъ этимъ отбросили. Между Шономъ (Chaulnes) и Руа (Roze) уступленныя передъ тѣмъ позиціи были вновь французами взяты. Въ центрѣ продвинулись впередъ на нѣкоторыхъ пунктахъ. На правомъ флангѣ не произошло ничего существеннаго.

25-го сентября французское правительство сообщило:

На французскомъ лѣвомъ флангѣ въ сѣверной части его непріятель нигдѣ не имѣлъ успѣха, отступивъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, особенно къ сѣверу отъ Арраса, гдѣ сраженіе развивалось въ условіяхъ, благоприятныхъ для французскихъ войскъ. Дѣйствія конницы, какъ французской, такъ и непріятельской, постепенно развиваясь, распространились до самаго Сѣвернаго моря. Французскія войска попрежнему тѣснили непріятеля между Соммой и Уазой въ области Руа. Французы отбили обратно большую часть позицій, которыя раньше были уступлены непріятелю. Къ сѣверу отъ рѣки Эна плотныя массы германскихъ войскъ, повидимому, рѣдѣютъ. На правомъ берегу Мааса между Верденомъ и С.-Міэлемъ непріятель отступилъ. Къ сѣверу отъ Атонъ-Шатель энергичныя атаки, произведенныя непріятелемъ въ области Вевра на западѣ отъ Апремона, потерпѣли неудачу.

Англійская подводная лодка «Е 9» благополучно возвратилась, пустивъ мину и потопивъ нѣмецкій минный истребитель, обслуживавшій устье рѣки Эмса.

Нѣмцы бомбардировали Антверпенъ. Бельгійское правительство переѣхало въ Остенде. Съ германскаго аэроплана были сброшены бомбы въ окрестностяхъ Парижа, гдѣ ранено трое. Черногорскія войска разбили австрійцевъ на фронтѣ Бѣласница и заняли позиціи Кливучъ—Облакъ—Стефаница. Германскій генеральный штабъ принялъ въ свои руки командованіе австро-венгерскими войсками. Въ Сѣверномъ морѣ наткнулся на мину и затонулъ британскій рыболовный пароходъ. Русское правительство въ отвѣтной нотѣ заявило Персіи, что считаетъ эвакуацію Азербейджана немислимою. Въ томъ же смыслѣ высказался и лондонскій кабинетъ.

26-го сентября штабъ верховнаго главнокомандующаго оповѣстилъ, что бои на восточно-прусскомъ фронтѣ продолжались 24-го сентября съ не уменьшающимся упорствомъ. Атаки свѣжихъ германскихъ силъ отъ Вержболова и Филиппова были отражены съ большими для нихъ потерями. Селеніе Каменка, близъ Бакаларжева, было захвачено нами ночнымъ штурмомъ, причемъ взято нѣсколько нѣмецкихъ орудій. Въ лѣсу Масальцизна, западнѣе Рачки, наши войска ночью охватили непріятельскій отрядъ, частью уничтоживъ его, а частью разсѣявъ. Здѣсь были захвачены пулеметы. Нами взятъ городъ Бяла. Въ другихъ районахъ значительныхъ боевыхъ столкновеній не происходило. Борьба съ гарнизономъ Перемышля складывалась благоприятно: наши войска штурмомъ овладѣли однимъ изъ передовыхъ укрѣпленій главной позиціи.

26-го сентября Его Величество Государь Императоръ изволилъ возвратиться изъ дѣйствующей арміи въ Царское Село. Во время высочайшаго пребыванія въ районѣ военныхъ дѣйствій Государь Императоръ изволилъ принимать доклады какъ въ штабъ верховнаго главнокомандующаго, такъ и отъ главнокомандующихъ арміями генераль-адъютанта Русскаго и генераль-адъютанта Иванова, и посѣтилъ, кромѣ ставки верховнаго главнокомандующаго, города Ровно, Брестъ, Бѣлостокъ, крѣпость Оссовецъ и Вильну. Въ городахъ Ровно и Вильнѣ Государь Императоръ посѣтилъ раненыхъ, находящихся въ госпиталяхъ военнаго вѣдомства и Краснаго Креста.

26-го сентября французское правительство сообщило, что общее положеніе на театрѣ войны продолжало оставаться безъ перемѣнъ. На французскомъ лѣвомъ флангѣ къ сѣверу отъ Лилля и Лабасэ продолжали оперировать французская и германская кавалерія. Бой продолжался на линіи, проходящей черезъ районы Ланса, Арраса, Брейсюръ—Сомма, Шона, Руа и Ласиньи. Въ центрѣ между Уазой и Маасомъ происходили только отдѣльныя стычки. Въ Веврѣ имѣлъ мѣсто артиллерійскій бой по всему фронту. Въ Лотарингіи, Вогезахъ и Эльзасѣ не произошло ничего новаго.

Германцы бомбардировали Антверпенъ тяжелыми орудіями; снаряды падали на площади около собора. Нѣсколько фортовъ Антверпена были уже взяты нѣмцами. Въ антверпенской гавани взорвано 32 германскихъ океанскихъ парохода и 20 рейнскихъ судовъ. Согласно германскому официальному сообщенію, въ Дюссельдорфѣ бомбой съ непріятельскаго аэроплана былъ разрушенъ ангаръ и оболочка находившагося въ немъ дирижабля.

27-го сентября штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ, что 25-го сентября мы продолжали тѣснить на восточно-прусскомъ фронтѣ непріятеля, образовавшаго двѣ группы. Одна изъ нихъ находилась въ районѣ Владиславова и Вержболова. Наши войска выбили ее изъ Владиславова, охватили съ сѣвера, но 25-го сентября она еще удерживалась на позиціяхъ къ востоку и югу отъ Вержболова. Попытки перехода ея здѣсь въ наступленіе были отбиты съ большими для нея потерями. Вторая непріятельская группа, повидимому, значительной силы, энергично вела бой въ районѣ озера Ганча—Бакаларжево. Къ утру 25-го сентября мы охватили оба ея фланга и одновременно начали рѣшительное наступленіе на фронтъ. Непріятель подъ прикрытіемъ сильныхъ аррьергардовъ, повидимому, стремился выйти изъ боя. Наши войска успѣшно штурмовали занимаемая непріятелемъ послѣдовательно позиціи. Лыкъ былъ занятъ нами. Наступленіе по всему фронту продолжалось.

26-го сентября нѣмцы заняли Антверпенъ. Комендантъ и войска бельгійцевъ успѣли очистить городъ.

Въ районѣ Руа происходилъ ожесточенный бой между французами и нѣмцами; за два дня, 25-го и 26-го сентября, французы взяли въ плѣнъ 1.600 германцевъ.

27-го сентября сраженіе продолжалось въ удовлетворительной для французскихъ войскъ обстановкѣ. Вся линія французскаго боевого фронта была удержана, несмотря на ожесточенныя атаки непріятеля. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ на лѣвомъ флангѣ въ районѣ, расположенномъ между Лабасэ, Армантьеромъ и Каселемъ (Cassel), кавалерійскіе бои имѣли довольно беспорядочный характеръ вслѣдствіе условий мѣстности. Къ сѣверу отъ Уазы французы имѣли замѣтный успѣхъ въ нѣсколькихъ пунктахъ зоны дѣйствій. Въ районѣ С.-Міэля французскія войска замѣтно продвинулись впередъ.

27-го сентября утромъ внезапно скончался въ своемъ замкѣ Пелешъ въ Синайѣ румынскій король Карль. На 28-е сентября назначенъ созывъ парламента для принесенія присяги конституціи принцемъ Фердинандомъ.

Въ Тулонѣ столкнулись два французскихъ миноносца и пошли ко дну, но экипажи были спасены. Германскій аэропланъ пытался пролетѣть надъ

Парижемъ, но улетѣлъ при приближеніи четырехъ французскихъ летчиковъ. Французская эскадра подошла къ Рагузѣ и Гравозѣ, гдѣ разрушила маякъ и станцію беспроволочнаго телеграфа. Черногорскія войска отбили австрійскую колонну, пытавшуюся пробиться изъ Гацко къ Калиновику, дабы очистить себѣ путь на Сараево. Англійскіе и итальянскіе пароходы получили отъ своихъ правительствъ предписаніе немедленно покинуть турецкіе порты въ Черномъ и Мраморномъ моряхъ. Состоялось соглашеніе между Японіей и Англіей о взаимномъ увѣдомленіи о захваченныхъ судахъ. Въ Маванѣ и въ Урміи фидаи Эмиръ-Хишметъ и Ново-бей призывали населеніе къ возстанію противъ русскихъ.

28-го сентября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что 26-го сентября бои на восточно-прусскомъ фронтѣ продолжались съ прежнимъ упорствомъ. Отступающія отъ Лыка германскія войска взрывали мосты. Въ районѣ между Ивангородомъ и Сандомиромъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ шла артиллерійская перестрѣлка съ противникомъ, подошедшимъ къ Вислѣ.

По официальному сообщенію изъ Парижа, французская кавалерія пришла въ соприкосновеніе съ непріятельской къ юго-западу отъ Лилля. Къ юго-востоку и сѣверу отъ Арраса шель ожесточенный бой. На правомъ берегу Мааса непріятелемъ производились яростныя атаки.

28-го сентября были получены слѣдующія извѣстія изъ Парижа: на лѣвомъ флангѣ германская кавалерія, завладѣвшая нѣкоторыми пунктами на рѣкѣ Лиса, къ востоку отъ Эрна, была отгѣснена оттуда 27-го сентября днемъ и отступила вечеромъ въ область Армантьера. Между Аррасомъ и Уазой непріятель произвелъ энергичную атаку на лѣвомъ берегу Анкра, но не имѣлъ успѣха. Между Уазой и Реймсомъ французы нѣсколько продвинулись впередъ къ сѣверу отъ рѣки Эна, особенно къ сѣверо-востоку отъ Суассона. Между Краономъ и Реймсомъ атаки, произведенныя германцами ночью, были отражены. На фронтѣ между Реймсомъ и Маасомъ не произошло ничего существеннаго. Въ Веврѣ германцы произвели весьма энергичныя атаки въ районѣ Апремона въ ночь на 27-го сентября и днемъ 27-го сентября, причѣмъ Апремонъ дважды переходилъ изъ рукъ въ руки и остался за французами. На правомъ флангѣ въ Лотарингіи, въ Вогезахъ и въ Эльзасѣ не произошло ничего новаго. Въ общемъ французы повсюду сохранили свои позиціи.

Великобританское правительство официально сообщаетъ, что британскія морскія силы въ количествѣ 8,000 человекъ участвовали въ защитѣ Антверпена и потеряли 300 человекъ. Главная часть этихъ войскъ прибыла въ Остенде, но 2,000 человекъ были отрѣзаны германцами, перешли на голландскую территорию и сложили оружіе.

Уходя изъ Антверпена, бельгійцы взорвали фортъ Мерсемъ, сожгли склады и суда, взорвали шлюзы. Германцамъ лишь послѣ ожесточеннаго сопротивленія удалось перейти Шельду. Главныя британскія и бельгійскія силы съ королемъ Альбертомъ благополучно прибыли въ Остенде. Два германскихъ аэроплана сбросили двадцать бомбъ надъ Парижемъ. Трое убито, четырнадцать ранено. Упавшая на крышу собора Парижской Богоматери бомба не взорвалась.

29-го сентября были опубликованы слѣдующія два сообщенія отъ штаба верховнаго главнокомандующаго:

I.

Сегодня при слѣдованіи заставъ нашей передовой кавалеріи были атакованы и уничтожены германскіе разѣзды. Частью нѣмцы были изрублены, частью взяты въ плѣнъ, причѣмъ доскакавшій первымъ до непріятеля корнетъ его высочество князь Олегъ Константиновичъ раненъ легко въ погу навылеть.

Командующій англійской арміей лордъ Робертъ.

II.

На восточно-прусскомъ фронтѣ положеніе оставалось безъ значительныхъ перемѣнъ. Германцы, пользуясь своей желѣзнодорожной сѣтью, пытались удержать занимаемая въ пограничной полосѣ позиціи, перекидывая войска изъ однихъ районовъ въ другіе. На лѣвомъ берегу Вислы 27-го сентября произошло нѣсколько авангардныхъ столкновеній. Въ Галиціи австрійскія войска группировались на разныхъ направленіяхъ. Несмотря на весьма осторожный характеръ ихъ наступленія, нашей конницѣ близъ Яворника удалось внезапно обстрѣлять перекрестнымъ огнемъ австрійскую дивизію въ походномъ порядкѣ и разсѣять значительную ея часть...

Морской генеральный штабъ сообщилъ, что 27 сентября въ Балтійскомъ морѣ было обнаружено появленіе непріятельскихъ подводныхъ лодокъ. Утромъ означеннаго числа подводной лодкой былъ атакованъ крейсеръ «Адмиралъ Макаровъ», остановившійся для осмотра подозрительнаго паруснаго барка, шедшаго подъ коммерческимъ нидерландскимъ флагомъ. Лодка выпустила по крейсеру нѣсколько минъ, которыя всѣ, къ счастью, прошли мимо, не причинивъ «Адмиралу Макарову» никакого вреда. 28-го сентября, во второмъ часу дня, непріятельскими подводными лодками были вновь атакованы наши крейсера «Баянъ» и «Паллада», бывшіе въ дозорной службѣ въ Балтійскомъ морѣ. Несмотря на то, что крейсера своевременно открыли сильный артиллерійскій огонь, одной непріятельской лодкѣ все-таки удалось выпустить мины въ крейсеръ «Паллада», на которомъ произошелъ взрывъ и крейсеръ стремительно затонулъ со всѣмъ своимъ личнымъ составомъ.

29-го сентября на лѣвомъ французскомъ флангѣ французская кавалерія продолжала развивать свои операціи въ районѣ Лабасэ—Эстеръ—Азбрукъ. Между Аррасомъ и рѣкою Уазой отбито было нѣсколько непріятельскихъ атакъ, именно между Лассиньи и Руа. Въ центрѣ французскія войска нѣсколько продвинулись впередъ на плато праваго берега рѣки Эна, ниже Суассона къ востоку и юго-востоку отъ Вердена. На правомъ флангѣ французы отразили ночную атаку на Банъ-де-Сантъ къ сѣверу отъ С.-Дье. Взятое 28-го сентября у Ласиньи германское знамя принадлежало 6-му Померанскому полку, входящему въ составъ второго прусскаго корпуса. Бригада морскихъ стрѣлковъ, сражавшихся въ теченіе всего дня 26-го сентября и ночи на 27-го сентября, отразила германцевъ, нанеся имъ серьезный уронъ. Германцы потеряли двѣсти человѣкъ убитыми и пятьдесятъ попавшими въ плѣнъ. Потери французовъ—девять убитыми и тридцать ранеными.

Англійскій морской министръ далъ слѣдующее извѣщеніе на просьбу своего правительства:

Одна бригада морской пѣхоты и двѣ флотскія бригады, усиленная отрядомъ королевскихъ матросовъ, всѣ подъ командой генерала Париса, были посланы императорскимъ правительствомъ принять участіе въ защитѣ Антверпена противъ атакъ послѣдней недѣли. До послѣдняго понедѣльника бельгійская армія и бригады морской пѣхоты успѣшно обороняли линію рѣки Нэты, но во вторникъ, рано утромъ, бельгійскія войска, находившіяся на правомъ флангѣ морской пѣхоты, были принуждены жестокой германской атакой, произведенной подъ прикрытіемъ могущественной артиллеріи, отступить. Поэтому вся защита была оттянута къ внутренней линіи фортовъ, интервалы между которыми были сильно укрѣплены. Уступленная территория дала возможность противнику установить батареи для бомбардировки города. Внутренняя линія обороны была удержана въ теченіе среды и четверга, въ то время, какъ городъ выносилъ безпощадную бомбардировку. Поведеніе королевскихъ морской пѣхоты и морской бригады достойно высшей похвалы, что знаменательно для частей, такъ недавно сформированныхъ. Благодаря прикрытіямъ окоповъ, потери, несмотря на силу огня были, вѣроятно, менѣе 300 изъ общаго числа 8,000 человѣкъ.

Защита могла бы быть поддержана въ теченіе большаго времени, но недостаточнаго, чтобы позволить прислать соотвѣтствующія силы безъ вреда для главнаго стратегическаго положенія. Непріятель также началъ въ четвергъ сильно тѣснить на линіи сообщенія близъ Локерена. Бельгійскія войска, защищавшія этотъ пунктъ, дрались съ большой рѣшимостью, но постепенно должны были уступить превосходнымъ силамъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, бельгійскія и британскія военныя власти рѣшили эвакуировать городъ. Англичане предложили прикрывать отступление, но генераль де-Гизъ пожелалъ, чтобы англичане покинули городъ ратѣ послѣдней дивизіи бельгійской арміи.

Послѣ долгаго ночного марша въ Сентъ-Жилли три флотскія бригады отправились поѣздами, двѣ изъ коихъ прибыли благополучно въ Остенде, но вслѣдствіе еще недостаточно выясненныхъ обстоятельствъ большая часть 1 флотской бригады была отрѣзана къ сѣверу отъ Локерена и 2,000 офицеровъ и нижнихъ чиновъ вступили въ нидерландскую территорію вблизи Ульста и сложили оружіе, согласно законамъ о нейтралитетѣ. Отступление бельгійской арміи успѣшно выполнено, морскія тяжелыя орудія и бронированные поѣзда всѣ вывезены. Морской авіаціонный паркъ, выполнивъ нападеніе на Дюссельдорфъ и Кельвъ, уже доноситъ о благополучномъ возвращеніи къ базѣ, обеспеченной бронированными повозками. Дальѣйшее отступление отъ Гента флотской дивизіи и бельгійской арміи прикрывается сильными британскими подкрѣпленіями. Огромное число мирнаго населенія Антверпена бѣжать тысячами къ западу изъ разрушеннаго и горящаго города.

Брошенная съ германскаго аэроплана на соборъ Парижской Богоматери бомба взорвалась, вызвала пожаръ и произвела значительныя поврежденія. Черногорскія войска въ Босніи у Романіи отразили нападеніе пятнадцати батальоновъ австро-венгерскихъ войскъ. На Шаньдунской желѣзной дорогѣ японцы захватили 37 паровозовъ и 972 вагона. 30-го сентября н. с. во время операций у Кіао-Чао германскій миноносець былъ обстрѣлянъ японской осадной артиллеріей и затонулъ.

30-го сентября штабъ верховнаго главнокомандующаго объявилъ, что 28-го сентября на лѣвомъ берегу Вислы, на путяхъ къ Ивангороду и Варшавѣ, начались бои. Въ остальномъ безъ перемѣнъ. Наши кавалерійскіе отряды, перейдя въ нѣкоторыхъ пунктахъ Карпаты, вторглись въ Венгерскую равнину

Французское правительство сообщило отъ 30-го сентября изъ Парижа: «На лѣвомъ флангѣ мы снова перешли въ наступленіе въ районахъ Азбрукъ и Бетюнъ противъ непріятельскихъ силъ, состоявшихъ преимущественно изъ кавалерійскихъ частей, взятыхъ съ фронта Байель—Эстеръ—Лабасэ. Городъ Лилль, занятый отрядомъ территоріальныхъ частей, былъ атакованъ и занятъ корпусомъ германской арміи. Между Аррасомъ и Альберомъ мы замѣтно прошли впередъ. Въ центрѣ мы продвинулись въ районъ Берри-о-Бакъ, также слегка продвинулись по направленію къ Суэну на западъ отъ Аргоннъ и къ сѣверу отъ Маланкура между Аргонной и Маасомъ. На правомъ берегу Мааса наши войска, въ рукахъ которыхъ находится Маасская возвышенность на востокъ отъ Вердена, продвинулись на югъ отъ дороги Верденъ—Мець. На правомъ флангѣ мы завоевали немного территоріи. Въ районѣ Апремона мы отразили атаки германцевъ, направленные на нашъ лѣвый флангъ. На правомъ флангѣ въ Вогезахъ и Эльзасѣ положеніе безъ перемѣнъ. Въ общемъ вчерашній день отмѣченъ замѣтными успѣхами». Другое сообщеніе французскаго правительства изъ Бордо гласило: «Бельгійское правительство рѣшило, чтобы обезпечить себѣ полную свободу дѣйствій, переселиться во Францію. Всѣ министры, за исключеніемъ военнаго, сѣли утромъ въ Остенде на пароходъ, направившійся въ Гавръ, гдѣ французскимъ правительствомъ приняты всѣ мѣры для ихъ размѣщенія. Король остался во главѣ арміи».

Германскій военный губернаторъ Антверпена потребовалъ отъ города полмиллиарда контрибуціи. Королева бельгійская осталась въ Бельгіи вмѣстѣ съ королемъ. Бельгійское правительство и дипломатическій корпусъ перѣехали во Францію, гдѣ будутъ пользоваться правами экстерриториальности. Германцы находились на западѣ Бельгіи по пути къ Генту и Брюгге. Въ Лоттегемѣ они взорвали два моста. При отступленіи бельгійской арміи изъ Антверпена была вывезена вся крѣпостная артиллерія. Съ германскаго аэроплана было сброшено шесть бомбъ на улицы и вокзалы Парижа. На рейдѣ Каннъ были задержаны двѣсти германскихъ и австрійскихъ запасныхъ, перевозившихся на судахъ подъ испанскимъ и итальянскимъ флагами.

1-го октября пришло сообщеніе о томъ, что въ двадцать девятый день сего сентября, въ 8 часовъ 20 минутъ вечера въ Востѣ почилъ отъ полученной въ бою раны находившійся въ дѣйствующей арміи его высочество князь Олегъ Константиновичъ.

Морской генеральный штабъ извѣстилъ, что, по дополнительнымъ свѣдѣніямъ отъ командующаго балтійскимъ флотомъ, во время атакъ нашихъ крейсеровъ германскими подводными лодками 27-го и 28-го сентября двѣ непріятельскія лодки были уничтожены.

На фронтѣ отъ района Варшавы по Вислѣ и Сану до Перемышля и южнѣе до Днѣстра имѣли мѣсто боевыя столкновенія. Въ Восточной Пруссіи положеніе продолжало оставаться безъ перемѣнъ.

На лѣвомъ французскомъ флангѣ, по официальному сообщенію отъ 1-го октября, вплоть до Уазы военныя операціи развивались нормально. Въ центрѣ успѣхи французскихъ войскъ въ районѣ Верри-о-Бака подтвердились. На правомъ флангѣ не произошло ничего новаго. Въ Бельгіи произошло нѣсколько стычекъ въ районѣ Гента, въ ночь на 30-е и днемъ 30-го сентября. Англо-французскія войска заняли Ипръ.

26-го и 27-го сентября австрійцы, въ количествѣ 15.000 человекъ, были разбиты на голову и въ беспорядкѣ бѣжали, преслѣдуемые четыре часа и оставивъ на полѣ битвы много убитыми, ранеными, а также много пулеметовъ, скорострѣльныхъ батарей, аммуниціи, нѣсколько сотъ плѣнныхъ, среди которыхъ много офицеровъ. Эта побѣда, вмѣстѣ съ побѣдой при Калиникѣ, безусловно упрочиваетъ положеніе союзниковъ на боснійскомъ театрѣ войны. Въ ночь съ 28-го на 29-е сентября непріятель дважды пытался атаковать сербскія войска на крайнемъ правомъ флангѣ линіи Зворникъ—Лозница, но атаки эти были отбиты съ большими потерями для австрійцевъ. Утромъ 29-го сентября австрійцы дважды пытались атаковать сербскія войска на лѣвомъ берегу Савы, въ направленіи Большой и Малой Цыганли, но оба раза были отброшены съ большимъ урономъ, причемъ сербская артиллерія своей мѣткой стрѣльбой вызвала панику въ рядахъ непріятеля. На другихъ пунктахъ за то же число ничего существеннаго не случилось. Сильный артиллерійскій огонь, открытый непріятельской артиллеріей на правомъ крылѣ сербскаго расположенія между Зворникомъ и Лозницей, былъ вскоре прекращенъ сербской артиллеріей.

2-го октября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на лѣвомъ берегу Вислы, на путяхъ отъ Варшавы и Ивангорода, наши войска 30 сентября

успѣшно тѣснили германцевъ. Однимъ изъ нашихъ полковъ взяты въ плѣнъ двѣ германскія роты. Къ югу отъ Перемышля продолжался бой. На другихъ фронтахъ положеніе оставалось безъ значительныхъ перемѣнъ.

2-го октября на лѣвомъ флангѣ непріятель очистилъ лѣвый берегъ рѣки Лиса. Между рѣкой Лисомъ и каналомъ Лабасэ положеніе оставалось безъ перемѣнъ. Французы продвинулись значительно впередъ въ районѣ Ланса между Аррасомъ и Альберомъ. Между Соммой и Уазой положеніе оставалось безъ перемѣнъ. Германцы обстрѣливали французскую линію, но не атаковали ее пѣхотой. Въ центрѣ между Уазой и Маасомъ французы продвинулись къ Краону на сѣверо-востокъ по дорогѣ къ Берри-о-Баку у Реймса и на сѣверѣ у Прюне по направленію къ Бену французы завладѣли нѣсколькими непріятельскими траншеями. Между Маасомъ и Мозелемъ французы отразили атаки, произведенныя германцами, на юго-востокѣ отъ Вердена въ ночь съ 30-го сентября на 1-ое октября французскія войска продвинулись впередъ по дорогѣ отъ Вердена къ Мецу. На правомъ флангѣ окончательно прекращено было частичное наступленіе германцевъ въ Бандесапъ къ сѣверу отъ С.-Діе. Германскія войска, идущія изъ Бельгіи, въ частности изъ Антверпена, въ западномъ направленіи, достигли въ ночь на 1-ое октября района Брюгге и Тьельта. Полученныя за 2-ое октября извѣстія свидѣтельствовали о томъ, что французы продвинулись впередъ въ нѣсколькихъ пунктахъ фронта. На лѣвомъ флангѣ къ сѣверу отъ Лиса французы взяли Эстеръ. Французскія войска продвинулись впередъ: въ центрѣ, къ сѣверу и востоку отъ Реймса, приблизительно на два километра, на правомъ берегу Мааса, въ области Вевра, на югѣ отъ Сень-Міэля и у Маршвиля.

Бельгійское правительство, покидая Бельгію, обратилось къ населенію съ воззваніемъ, въ которомъ оно напоминало, что уже два съ половиною мѣсяца бельгійскіе солдаты геройски отстаиваютъ родную землю. «Непріятель,—говорилось въ этомъ воззваніи,—разсчитывалъ уничтожить бельгійскую армію въ Антверпенѣ, однако отступленіе, совершенное въ безукоризненномъ порядкѣ и ничуть не запятаншее чести бельгійской арміи, обезпечило цѣлость военныхъ силъ Бельгіи, которыя, не покладая рукъ, продолжаютъ борьбу во имя высокихъ идеаловъ справедливости. Тѣмъ не менѣе правительству необходимо перенести свое мѣстопробываніе, временно, въ такое мѣсто, гдѣ правительство имѣло бы возможность продолжать свою дѣятельность, не прерывая осуществленія суверенныхъ правъ государства. По этой именно причинѣ правительство покидаетъ Остенде и на время избрало своимъ мѣстопробываніемъ Гавръ, гдѣ правительство республики, проявляя свою благородную дружбу къ Бельгіи, предоставляетъ ему пользоваться всей полнотой своихъ суверенныхъ правъ и неограниченную свободу осуществленія своей власти и своего долга. Временное испытаніе, которому наше чувство патриотизма должно покориться, получить скорое отмщеніе. Бельгія останется достойной всеобщаго уваженія и выйдетъ изъ нынѣшняго испытанія увѣнчанная ореоломъ еще большаго величія, такъ какъ она пострадала за право и за цивилизацію». Въ Гавръ вмѣстѣ съ министрами прибыли чины министерствъ, папскій нунцій и члены дипломатическаго корпуса, переѣхавшіе передъ этимъ вслѣдъ за королемъ въ Антверпенъ. Король Альбертъ сохранилъ командованіе арміей.

Король Альбертъ бельгійскій въ отвѣтъ на телеграмму Пуанкаре съ предложеніемъ гостепріимства бельгійскому правительству выразилъ вѣру въ конечный успѣхъ союзниковъ и непоколебимую стойкость Бельгіи. Въ Бельгіи нѣмцы достигли района Брюгге и Гента. Французскіе летчики погнались за германскимъ аэропланомъ, бросившимъ надъ Сентъ-Оморомъ бомбы, и уничтожили его. Германская артиллерія продолжала громить реймскій соборъ. Британскія войска на лѣвомъ флангѣ германцевъ заставили ихъ отступить вглубь фланговой линіи.

На южномъ театрѣ войны событія развертывались въ слѣдующемъ порядкѣ: Въ ночь съ 29-го на 30-е сентября сербскія войска въ Босніи имѣли столкновение съ непріателемъ на своемъ лѣвомъ крылѣ, окончившіяся успѣшно для сербовъ. Съ 29-го сентября на фронтѣ Зворникъ—Лозница непріатель съ цѣлью добиться успѣховъ открылъ убійственный артиллерійскій огонь по сербскимъ позиціямъ на правомъ крылѣ и пытался произвести атаки, которыя были всѣ отражены сербскими войсками. Въ тотъ же самый день сербскими войсками была отражена непріательская атака, произведенная австрійцами на Курятчицу на Дринѣ. Дожди, шедшіе за послѣдніе дни, превратили Дрину въ потокъ. Наведенные непріателемъ мосты снесены были водой, и по рѣкѣ шли многочисленные группы непріательскихъ солдатъ и лошадей. Въ ночь съ 29-го на 30-ое сентября происходили бои на лѣвомъ берегу Савы, на фронтѣ Ада-Цыганлія, притока Савы около Дуная. Всѣ атаки непріателя были энергично отражены, Австрійцы понесли огромныя потери и отступили въ большомъ безпорядкѣ къ Бежаньи, оставивъ на полѣ битвы 300 человекъ убитыми и ранеными. Много непріательскихъ солдатъ сдалось сербскимъ передовымъ отрядамъ, подвигавшимся къ Бежаньи и землинскому вокзалу. Съ 30-го сентября на всемъ остальномъ фронтѣ ничего значительнаго не произошло.

Курды, застигнутые русскимъ отрядомъ, возлѣ Канакузана понесли большія потери и разсѣялись въ трехъ направленіяхъ. Начальникъ племени Харки обратился къ русскому консулу съ просьбой о помилованіи.

На фронтахъ восточно-прусскомъ и средней Вислы и Сана положеніе оставалось безъ особыхъ перемѣнъ. Къ югу отъ Перемышля продолжался бой. Одна изъ нашихъ колоннъ, нанеся пораженіе австрійцамъ, взяла въ плѣнъ 7 офицеровъ и 500 нижнихъ чиновъ и захватила пулеметы.

3-го октября французское правительство извѣстило, что на лѣвомъ флангѣ операціи союзныхъ войскъ простирались къ этому времени отъ района Ипра до моря. Согласно вечернему официальному сообщенію отъ того же 3-го октября, на лѣвомъ флангѣ упорные бои продолжались, причемъ французы повсюду удерживали свои позиціи. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ французамъ удалось продвинуться впередъ; такъ, въ направленіи Лилля на востокъ отъ Эстера (Estaires), они заняли городъ Лаванти (Lavantie). На другихъ частяхъ фронта не произошло ничего существеннаго, за исключеніемъ района Маланкура (Malancourt) къ сѣверо-западу отъ Вердена, гдѣ германцы тщетно ходили въ атаку. Морскія операціи союзнаго флота, по официальнымъ свѣдѣніямъ, проистекали въ такомъ порядкѣ:

Французскій боевой флотъ Средиземнаго моря въ послѣднее время былъ за-

нять охраненіемъ транспортовъ и обезпеченіемъ перевозки очень большого количества англійскихъ индійскихъ войскъ на пути изъ Портъ-Саида въ Марсель: Перевозка была произведена вполнѣ благополучно и безъ малѣйшихъ осложненій. Въ общемъ положеніе на моряхъ оставалось прежнимъ—отечественные флоты Великобританіи были заняты осуществленіемъ строжайшей блокады Сѣвернаго моря и датскихъ проливовъ. Англійскіе и французскіе крейсера обезпечивали свободу плаванія въ Ламаншѣ и въ прилежащихъ океанскихъ водахъ. Французскій флотъ, подъ командою адмирала Буе-де-Лапейрера, блокировалъ австрійцевъ и обезпечивалъ свободу плаванія въ водахъ Средиземнаго моря. Военное судно «Theseus» было атаковано подводною лодкою въ сѣверныхъ водахъ Нѣмецкаго моря 2-го октября послѣ полудня. Однако пущенныя ею мины въ него не попали. Крейсеръ «Hawke» былъ атакованъ почти въ то же время и потопленъ. Изъ экипажа «Hawke» 1 офицеръ и 49 человекъ команды были высажены на берегъ траулеромъ въ Эбердинѣ.

Французскія войска на лѣвомъ флангѣ къ сѣверу отъ Лиса взяли Эстеръ и продвинулись впередъ на разныхъ пунктахъ фронта. Германцы отброшены со своихъ позицій у Лилля и по ту сторону бельгійской границы. Англійское военное судно потопило пароходъ гамбургско-американской линіи «Magomania» и греческій пароходъ, сопровождавшіе германскій крейсеръ «Эмденъ». Японцы подбили фортъ Ильтисъ въ Циндао.

4-го октября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на восточно-прусскомъ фронтѣ имѣли мѣсто небольшія столкновенія, на средней Вислѣ и въ Галиціи, подъ натискомъ нашихъ войскъ, германо-австрійскія арміи 2-го октября перешли на всемъ фронтѣ въ оборонѣ. Южнѣе Перемышля нами были взяты въ плѣнъ 3 австрійскія роты съ 6 офицерами.

4-го октября на всемъ протяженіи франко-германскаго фронта царилъ относительное спокойствіе. На лѣвомъ французскомъ флангѣ положеніе оставалось безъ переменъ. Въ районѣ Ипра на правомъ берегу рѣки Лиса союзники заняли Флербэ и непосредственные подходы къ Армантьеру. Въ районах Арраса и С.-Міэля французы продолжали продвигаться впередъ. Германскія войска, занимающія сѣверную Бельгію, не перешли за линію Остенде—Туру—Рулеръ—Менэнъ.

Бельгійскія войска окопались у голландской границы и рѣшили оказать отчаянное сопротивленіе непріятелю.

На южномъ театрѣ войны, по сообщеніямъ отъ 4-го октября, дѣла обстояли въ слѣдующемъ порядкѣ:

Атака непріятеля, произведенная 1-го октября противъ праваго крыла сербской арміи у Гучева, была направлена преимущественно въ сторону Енинова. Атака была подготовлена артиллерійскимъ огнемъ, начавшимся около полудня. Около двухъ часовъ пополудни пошла въ атаку непріятельская пѣхота, встрѣченная сильнымъ огнемъ сербской артиллеріи и пѣхоты. Часть непріятельскихъ войскъ была уничтожена, остальная бѣжала въ полномъ безпорядкѣ. Непріятель трижды атаковалъ высоту въ 708 метровъ, но каждый разъ сербы отбрасывали его. Часть непріятельской пѣхоты бросилась по направленію къ одному изъ ущелій Сува-рѣки, гдѣ она попала подъ перекрестный огонь

сербской артиллеріи. При всѣхъ этихъ атакахъ непріятель понесъ огромныя потери. Черногорскія войска, оперирующія въ районѣ Сараева, держались все время въ непосредственной близости отъ столицы Босніи, на высотахъ Романіи, и владѣли главнѣйшими горными проходами къ югу отъ Сараева. Австрійскія войска, не выдержавъ энергичнаго натиска черногорскихъ войскъ, отступили по направленію къ Желибе и Кладно. Къ югу отъ Сараева черногорскія войска атаковали высоты Яловина, Черный Верхъ и Букова Згалва. Положеніе черногорскихъ войскъ вокругъ Сараева было вполне благоприятное. Гарнизонъ Калиновика въ виду его незначительности не рѣшился вступить въ бой съ черногорскими войсками, и ограничился защитой фортовъ и укрѣпленныхъ позицій. На фронтѣ Гацко—Билечь черногорскія войска за послѣдніе дни продвинулись впередъ. Гарнизонъ Катарро попытался 3-го октября проявить нѣкоторую активность и напалъ на черногорскіе отряды, но былъ рѣшительно отброшенъ.

Болгарскій синодъ предложилъ всѣмъ православнымъ монастырямъ отчислять по меньшей мѣрѣ 5 процентовъ въ пользу русскихъ раненыхъ. 4-го октября въ полночь затонулъ близъ Циндао японскій крейсеръ «Такашихо», наскочившій на германскую мину.

5-го октября появилось слѣдующее правительственное сообщеніе:

Въ виду появленія германскихъ подводныхъ лодокъ у входа въ Финскій заливъ и постановки противникомъ минъ загражденія вблизи береговъ Россіи императорское правительство доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что морскія власти вынуждены прибѣгнуть, въ свою очередь, къ широкой постановкѣ минъ загражденія, почему и слѣдуетъ считать опасными для мореплаванія: пространство къ сѣверу отъ параллели 58° 50 сѣверной широты и къ востоку отъ меридіана 21° 0' восточной долготы отъ Гринвича, а также входъ въ Рижскій заливъ и въ прибрежныя воды Аландскаго архипелага.

Въ виду изложеннаго и изъ нежеланія подвергать риску лицъ, не принимающихъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, входы въ Финскій и Рижскій заливы и выходы изъ нихъ съ момента опубликованія этого извѣстія считаются закрытыми для всѣхъ судовъ.

По сообщенію штаба верховнаго главнокомандующаго, 3-го октября на всѣхъ фронтахъ существенныхъ перемѣнъ не произошло. Въ Восточной Пруссіи наблюдалось затишье. Бои на средней Вислѣ и въ Галиціи развивались.

Англійскія войска взяли Фроммель на юго-западъ отъ Лилля. На каналъ, соединяющемъ Ипръ съ моремъ, французская морская пѣхота отбила атаку нѣмцевъ. По сообщенію изъ Парижа отъ 5-го октября, на лѣвомъ флангѣ къ сѣверу отъ канала Лабасэ, союзники заняли фронтъ Живанши — Аллье—Фроммель и отобрали у непріятеля Армантьерь. Къ сѣверу отъ Арраса 4-го октября было отмѣчено наступленіемъ французовъ въ одномъ пунктѣ. Между райономъ Арраса и Уазой французы продвинулись впередъ на нѣсколько пунктовъ. Положеніе въ центрѣ и на правомъ флангѣ оставалось попрежнему безъ перемѣнъ. Бельгійская армія энергично отразила нѣсколько атакъ германцевъ, направленныхъ противъ переправъ черезъ рѣку Изерь. Въ теченіе ночи на 5-го октября германцы пытались произвести энергичныя атаки въ двухъ мѣстахъ, а именно на сѣверѣ и на востокѣ отъ Сень-Діе, но были отброшены съ значительными потерями.

Великобританское адмиралтейство сообщило 4-го октября, что английский крейсеръ, сопровождаемый контръ-миноносцами, вступилъ днемъ въ бой съ четырьмя германскими контръ-миноносцами у береговъ Голландіи. Всѣ непріятельскія суда были потоплены. 5-го октября великобританское адмиралтейство сообщило: «Въ сегодняшнемъ бою контръ-миноносцевъ съ нашей сто-

Генераль Радко Дмитріевъ.

роны потери опредѣляются однимъ офицеромъ и четырьмя нижними чинами ранеными; поврежденія британскихъ контръ-миноносцевъ невелики; мы взяли въ плѣнъ 31 германца съ непріятельскихъ миноносцевъ».

Нѣмцы, подготавливая отступленіе, начали спѣшное и энергичное укрѣпленіе линіи Намюръ—Мець и у Ахена.

Великобританія уступила Бельгій на время войны островъ Гернси для предоставленія бельгійскому правительству возможности осуществленія го-

«истор. вѣсти», ноябрь 1914 г., т. сxxxviii.

III

сударственно-правовой дѣятельности. Послѣ дѣйствій русскаго карательнаго отряда курды бѣжали въ Турцію.

На сербскомъ театрѣ войны, согласно сообщенію изъ Ниша отъ 5-го октября, военныя дѣйствія развивались въ слѣдующемъ порядкѣ:

2-го октября непріятель снова атаковалъ Гучево, въ направленіи высоты въ 708 метровъ. Эта атака была отражена, причемъ австрійцы понесли большой уронъ. Сербскія войска заняли Пейню-Аду. Со стороны Савы, къ востоку отъ Митровицы, непріятель послѣ артиллерійскаго боя пытался овладѣть позиціей Преки-Путь, къ западу отъ деревни Засавицы, но отчаянная атака его была отражена. Съ высотъ Важни непріятель открылъ слабый артиллерійскій огонь противъ Топчидерско Брдо и береговъ Савы. На Дунаѣ непріятельская канонерка, пытавшаяся стрѣлять изъ-за Землина, вынуждена была немедленно удалиться подъ огнемъ сербской тяжелой артиллеріи. На остальномъ протяженіи фронта не произошло ничего выдающагося. Добавочными свѣдѣніями установлено, что непріятель потерпѣлъ огромный уронъ 30-го сентября и 1-го октября у Гучева и Еминова, а также у высоты въ 708 метровъ. На протяженіи одного километра сербскаго фронта передъ сербскими позиціями было найдено приблизительно 800 непріятельскихъ труповъ, причемъ въ ранцахъ солдатъ не оказалось ни одного куска хлѣба, а одни только колосья кукурузы, что подтверждаетъ сербскія прежнія донесенія относительно дурнаго питанія австрійскихъ войскъ. Послѣ атакъ 30-го сентября и 1-го октября сербскіе развѣдчики слышали на непріятельскихъ позиціяхъ стрѣльбу, крики и жалобы солдатъ. Непріятель разстрѣлялъ и продолжалъ разстрѣливать большое число своихъ солдатъ вслѣдствіе выпавшей на его долю неудачи и паники, явившейся ея послѣдствіемъ.

6-го октября штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ, что по-прежнему въ Восточной Пруссіи и на Вислѣ не произошло ничего значительнаго.

Попытки австрійцевъ переправиться черезъ Санъ были отражены. Южнѣе Перемышля сраженіе продолжалось. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ бои доводились до штыковыхъ ударовъ, во время которыхъ нами было взято въ плѣнъ 15 австрійскихъ офицеровъ и свыше 1.000 нижнихъ чиновъ. Обнаружено было усиленіе австрійцевъ въ карпатскихъ проходахъ.

6-го октября на лѣвомъ французскомъ флангѣ, между рѣкой Лисомъ и каналомъ Лабасэ французы продвинулись впередъ по направленію къ Лиллю. Весьма ожесточенные бои происходили на фронтѣ между Лабасэ и Аблэнъ-сень-Назеръ. Въ этихъ двухъ пунктахъ французамъ приходилось завоевывать каждый домъ. Къ сѣверу и югу отъ Арраса французскія войска сражались безъ отдыха свыше десяти дней съ неизмѣнной стойкостью и энергіей. Въ районѣ Шона они отразили энергичную контръ-атаку непріятеля и нѣсколько продвинулись впередъ. Въ центрѣ не произошло ничего новаго. На правомъ флангѣ въ Эльзасѣ, къ востоку отъ Кольмара, французскія передовыя части находились на линіи Бономъ—Зульцернъ. Южнѣе французы все еще занимали Таннъ. Въ Бельгіи непріятельская тяжелая артиллерія бомбардировала безрезультатно фронтъ Ньюпортъ—Владело. Къ востоку отъ Диксмюде союзныя войска, въ частности бельгійская армія, не только отразили атаки непріятеля, но продвинулись впередъ до Рулера. Произведенныя германцами атаки въ Бельгіи,

между Ньюпортомъ и Диксмуде были отражены бельгійской арміей, которой сильную поддержку оказала британская эскадра. Между Аррасомъ и Руа французы немного продвинулись впередъ. На многихъ пунктахъ французскія войска дошли до проволочныхъ загражденій. Въ окрестностяхъ Сень-Міэля французы продвинулись впередъ на правомъ берегу Мааса.

По сообщенію великобританскаго правительства, британскіе контръ-миноносцы въ сраженіи 4-го октября получили самыя незначительныя поврежденія, никто изъ англичанъ не былъ убитъ, только пять человекъ оказались ранеными, что нужно приписать превосходству англійской артиллеріи. Взято въ плѣнъ 31 человекъ оставшихся въ живыхъ германцевъ. Фельдмаршалъ Френчъ сообщилъ, что въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ дней британскія войска достигли хорошихъ успѣховъ. На сѣверномъ театрѣ союзники отгѣснили непріятеля болѣе, чѣмъ на 30 миль.

Бельгійскій король заявилъ, что не перестанетъ надѣяться, если бы даже ему пришлось покинуть почву Бельгіи. Бельгійцы разбиты, но не уничтожены. Австрійцы съ судовъ флота, изъ укрѣпленій и съ аэроплановъ пытались обстрѣливать черногорскія позиціи на Ловченѣ. Англійскій военный корабль съ двумя миноносцами захватилъ германскій минный заградитель.

7-го, октября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что 5-го октября нами одержаны были частныя успѣхи въ очень горячихъ бояхъ, происходившихъ въ районѣ Варшавы и къ югу отъ Перемышля.

Штабъ главнокомандующаго юго-западнаго фронта далъ слѣдующій обзоръ военныхъ дѣйствій на русско-прусскомъ фронтѣ: «На сѣверѣ съ 2-го по 4-ое октября шли небольшія столкновенія нашихъ войскъ съ германцами, усиленно укрѣпившими свой фронтъ. Повидимому, нѣмцы, потерпѣвъ неудачу въ своемъ планѣ наступленія изъ Восточной Пруссіи въ общемъ направленіи на Гродну съ цѣлю стратегическаго окруженія нашихъ силъ, расположенныхъ въ Привислинскомъ районѣ, рѣшили на этомъ фронтѣ перейти къ упорной оборонѣ, пользуясь для этого прекрасно подготовленнымъ въ военномъ отношеніи въ Восточной Пруссіи плацдармомъ. Лѣвое крыло стратегическаго германскаго фронта, выдвинутое уступомъ впередъ въ Восточную Пруссію, перешло теперь къ оборонѣ, зато правое крыло этого же фронта, выдвинутое также уступомъ впередъ въ Галицію, за послѣдніе дни ведетъ усиленное наступленіе на расположенныя тамъ наши силы. Въ Галиціи на фронтѣ Санокъ—Старое Мѣсто—Стрый на югъ отъ Перемышля австрійцы по командѣ германскаго генеральнаго штаба, съ 1-го по 4-ое октября, сосредоточивъ значительныя силы, выдвинутыя изъ-за Карпаты, ведутъ интенсивное наступленіе. Бой идетъ и разгорается все сильнѣе и сильнѣе, дѣло доходить до штыковыхъ ударовъ, но въ австрійской арміи главнаго нѣтъ—нѣтъ вѣры въ успѣхъ и хотя, по показаніямъ плѣнныхъ, многіе высшіе посты въ австрійской арміи теперь заняты германскими офицерами,—послѣдняя надежда австрійцевъ,—въ энергіи которыхъ нельзя сомнѣваться, все-таки австрійскія войска получили отъ насъ такой отпоръ, что нашъ противникъ во многихъ пунктахъ перешелъ къ оборонѣ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, у австрійцевъ недостатокъ въ артиллеріи. Конскій составъ изнуренъ до крайности. Солдаты недоѣдаютъ, изморены и съ нетерпѣ-

ніемъ ждуть конца войны. Въ нѣкоторыхъ частяхъ надежда на успѣхъ поддерживается лишь вѣрой въ непобѣдимость германцевъ и ложными слухами, внушенными людямъ, что русская армія разстроена и на пути къ полному отступленію, что война на ней гибельно отозвалась, что въ нашихъ войскахъ люди мрутъ отъ холеры и т. д. Дѣйствительность поражаетъ австрійскія войска и, видя обманъ въ рѣчахъ военачальниковъ, зарождается духъ унынія и увѣренность, что кампанія для нихъ проиграна. 3-го октября въ районѣ Старое Мѣсто въ бою, доходившемъ много разъ до штыкового удара, нашими войсками захвачены въ плѣнъ 15 офицеровъ и болѣе тысячи нижнихъ чиновъ. Вдоль рѣки Сана австрійцы ведутъ рѣдкій артиллерійскій огонь и устраиваютъ массу окоповъ. По всей вѣроятности, на этомъ участкѣ южнаго фронта австрійцы не предполагаютъ вести рѣшительныхъ операцій и попытки къ переправѣ черезъ р. Санъ, подготовленной артиллерійскимъ огнемъ за эти октябрьскіе дни, не увѣнчались успѣхомъ. Наши войска всѣ эти попытки отразили огнемъ, нанеся австрійцамъ тяжелый уронъ. На фронтѣ Торнъ—Краковъ съ 1-го по 4-ое октября бои между наши войсками и австро-германской арміей велись вдоль рѣки Вислы съ большимъ упорствомъ. Германскія силы, наступавшія на фронтѣ Варшава—Ивангородъ, разбившись о наши войска, теперь медленно отступаютъ. Наши войска энергично тѣснятъ отступающую австро-германскую армію, упорно отстаивающую каждый клочокъ земли. Нѣмцы подтягиваютъ подкрѣпленія, стремясь остановить натискъ нашихъ войскъ, но наши войска энергично тѣснятъ противника и медленно шагъ за шагомъ заставляютъ его отдавать все захваченное за сентябрьскіе дни».

7-го октября на бельгійскомъ театрѣ войны, несмотря на энергичныя атаки непріятеля бельгійская армія удерживались на линіи Изера. Военныя дѣйствія происходятъ также въ районахъ Ипра между союзными войсками, оперировавшими въ этой области, и непріятельскими силами. На лѣвомъ флангѣ германскія войска попрежнему сохраняли у Лилля далеко выдвинутыя позиціи въ направленіи Армантьера—Фурна и Лабасъ. На Маасѣ непріятель безуспѣшно пытался отбросить французскія силы, продвинувшіяся на правомъ берегу въ мѣстности подъ названіемъ Camp des Romains. Въ теченіе дня 6-го октября французскія войска достигли частичнаго успѣха въ различныхъ пунктахъ боевого фронта.

Союзники вновь заняли Остенде.

Близъ Бермеля французская батарея уничтожила 15 непріятельскихъ пулеметовъ. Въ окрестностяхъ Сень-Міэля уничтожена германская батарея тяжелыхъ орудій. Германцы изъ Зеебрюгге бомбардировали пловучій маякъ въблизи Вилингена. Французскій крейсеръ «Вальдекъ Руссо» потопилъ одну изъ двухъ австрійскихъ подводныхъ лодокъ, атаковавшихъ французскій флотъ у Катарро. Японская эскадра заняла важнѣйшіе стратегическіе пункты на островахъ Маршалскихъ, Каролинскихъ и Маріанскихъ. Вышедшій изъ Циндао нѣмецкій миноносецъ № 90 наскочилъ ночью на скалу и погибъ.

Львовскій генераль-губернаторъ издалъ слѣдующее объявленіе:

«Мною получены свѣдѣнія, что австрійцы въ Галиціи распространяютъ усиленные слухи о томъ, что верховнымъ главнокомандующимъ будто бы взяты обратно обѣща-

нія, выраженныя въ воззваніи къ полякамъ, въ виду того, что послѣдніе сражались въ польскомъ легіонѣ противъ Россіи. Для подтвержденія этого злонамѣренныя лица, по слухамъ, распространяють фальшивые манифесты великаго князя. Я уполномоченъ заявить, что слухи о перемѣнѣ, происшедшей будто бы въ воззрѣніяхъ верховнаго главнокомандующаго на дальнѣйшую судьбу Польши, не имѣютъ подъ собой никакого основанія и распространяются австрійцами и германцами съ явной цѣлью внести извѣстную рознь въ среду славянъ, объединившихся противъ своего исконнаго врага».

8-го октября штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ, что 6-го октября существенныхъ перемѣнъ не произошло. Наши войска находились частью въ тѣсномъ соприкосновеніи, а частью въ бою съ непріятелемъ, на фронтѣ отъ рѣки Бзуры до Стрыя и въ Восточной Пруссіи. Южнѣе Перемышля наши войска продолжали заирать толпы плѣнныхъ; одинъ австрійскій батальонъ сдался полностью, со всѣми офицерами и пулеметами.

Французское правительство сообщило, что германцы для оправданія новой бомбардировки Реймса ссылаются на то, что французы помѣстили наблюдателей на башнѣ собора, и утверждаютъ, что видѣли подаваемые съ собора свѣтовые сигналы. Утвержденіе это явилось новой ложью. Достаточно отдать себѣ отчетъ въ положеніи, чтобы убѣдиться въ томъ, что французы не имѣли никакой необходимости въ помѣщеніи наблюдателей на полуразрушенныхъ башняхъ, а тѣмъ болѣе подавать съ нихъ свѣтовые сигналы, такъ какъ вся долина Реймса можетъ быть съ значительно меньшей опасностью обозрѣваема съ окрестныхъ высотъ. Наконецъ, если бы французы и имѣли наблюдателей на башняхъ, то достаточно было бы снабдить ихъ телефонами для того, чтобы они имѣли возможность сообщать свѣдѣнія, не возбуждая вниманія непріятеля. 7-е октября отмѣчено было на всемъ фронтѣ усиленіемъ германцевъ продвинуться впередъ: и на крайнемъ сѣверномъ крылѣ, гдѣ бельгійская армія замѣчательно стойко выдержала натискъ врага, и у Лабаса, гдѣ германцы особенно упорно пытались наступать, и на сѣверѣ отъ Арраса, затѣмъ у Мамеца (Mametz), между Перонномъ и Альберомъ, и Вокуа (Vauquois), къ востоку отъ Аргонской возвышенности, и, наконецъ, на правомъ берегу Мааса и въ районѣ Шамплона. Всюду атаки германцевъ были отбиты.

7-го октября непріятель произвелъ особенно ожесточенныя атаки противъ Ньюпорта, Диксмюде и Лабаса. Всѣ онѣ были весьма энергично отражены союзными войсками.

На австро-сербскомъ театрѣ войны боевыя дѣйствія развивались въ слѣдующемъ порядкѣ: въ ночь съ 4-го на 5-е октября сербы отбили атаки непріятеля въ направленіи Дуаны и Лозницы, а также въ направленіи главныхъ позицій къ югу отъ Лозницы, на Дринѣ. Въ ту же ночь австрійцы съ высотъ Бежаліи бомбардировали Ваново и Топчидерско Брдо, а также мостъ черезъ Саву и оба острова Цыганліи, но безъ всякаго результата, 5-го октября происходили бои на всемъ фронтѣ расположенія сербскихъ войскъ въ Босніи. Атаки непріятеля были отбиты съ большими для него потерями. Въ тотъ же день австрійцы повели атаку противъ праваго фланга сербовъ, въ направленіи Гучева, и, кромѣ того, пытались атаковать Еминово. Однако эти атаки были отбиты. Наконецъ, столь же неудачна была атака непріятеля, направленная противъ сербскихъ

войскъ, въ направленіи Вѣлграда, на лѣвомъ берегу Савы у желѣзнодорожнаго моста. На остальномъ фронтѣ не произошло ничего существеннаго.

8-го октября, около полудня непріятельскій аэропланъ со стороны Панчова пролетѣлъ надъ Вѣлградомъ на высотѣ 2.500 метр. и обогнулъ западную часть города. Послѣ этого онъ взялъ направленіе къ Сирміи. Двѣ брошенныя съ аэроплана бомбы, попавшія въ центральную часть города, не причинили никакого вреда. Ружейный огонь, открытый по аэроплану, остался безрезультатнымъ.

7-го октября черногорскія и французскія батареи, установленныя на Ловченѣ, открыли губительный огонь по австрійскимъ фортамъ, окружающимъ Каттаро. Австрійцы отвѣчали со своихъ фортовъ, а также съ военныхъ судовъ, находящихся въ бухтѣ Каттаро. Результатъ дѣйствія французской и черногорской артиллеріи нужно признать удовлетворительнымъ, такъ какъ главный непріятельскій фортъ оказался сильно поврежденнымъ. На Ловченѣ не было ни жертвъ, ни поврежденій.

9-го октября штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что германскія войска, находившіяся на путяхъ къ Варшавѣ, въ районѣ къ сѣверу отъ рѣки Пилицы были нами, отброшены и находились въ полномъ отступленіи. Раненые ихъ оставлены на мѣстахъ боевъ. Заранѣе подготовленныя укрѣпленныя позиціи брошены. Наши войска энергично наступали по всему фронту. На лѣвомъ берегу Вислы, южнѣе Пилицы, въ районѣ до Сандомира, противникъ еще держался. Наши войска, доблестно удерживавшія въ теченіе восьми дней районъ у Козенице при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ мѣстности, подъ огнемъ тяжелой артиллеріи, 7-го октября одержали значительные успѣхи, и положеніе ихъ на лѣвомъ берегу Вислы въ настоящее время закрѣплено.

«На Санѣ, ниже Перемышля, попытки австрійцевъ перейти рѣку остановлены, и мы переходимъ въ наступленіе. Въ районѣ къ югу отъ Перемышля обнаружены части почти всѣхъ уже разбитыхъ въ галичскихъ бояхъ австрійскихъ корпусовъ. Здѣсь наши закаленные въ побѣдахъ войска энергичными ударами руютъ натискъ непріятельскихъ массъ.

«Въ Восточной Пруссіи безъ значительныхъ перемѣнъ.

«Такимъ образомъ; въ настоящее время мы находимся въ соприкосновеніи съ непріателемъ на фронтѣ свыше 400 верстъ, отъ нижней Взуры до предгорій Карпатъ. Это положеніе является результатомъ маневра, предпринятаго нами послѣ галичскихъ боевъ. Разбивъ австро-венгерскія арміи и, такимъ образомъ, обезпечивъ со стороны Галиціи основную нашу операцію, направленную противъ германцевъ, мы имѣли въ виду соответственнымъ образомъ сосредоточить наши арміи для развитія нашихъ военныхъ дѣйствій на лѣвомъ берегу Вислы. Это рѣшеніе совпало по времени съ полученіемъ опредѣленныхъ данныхъ о развертываніи большихъ германскихъ силъ на фронтѣ Калишъ—Ченстоховъ—Олькушъ и о переходѣ ихъ въ наступленіе. Наступленіе германцевъ было начато съ большой стремительностью, поэтому въ интересахъ безопасности операціи нами рѣшено было развернуть намѣченныя силы на правомъ берегу Вислы, прикрывая это сложное движеніе со стороны противника кавалерійскими массами, поддержанными пѣхотными отрядами. При выполненіи этого сложнаго

маневра отъ нѣкоторыхъ корпусовъ потребовалось прохожденіе до 200 верстъ. Марши пришлось совершать подъ непрерывнымъ дождемъ, въ осеннюю распутицу, когда вода въ рѣкахъ сильно поднялась, а долины ихъ превратились въ болота. Проявивъ обычную выносливость и энергію, наши войска къ началу октября заняли новое исходное положеніе. Къ этому времени нѣмцы, продолжая свое наступленіе, успѣли подойти къ средней Вислѣ и, увлекая за собой къ сѣверу часть австрійцевъ, прочно заняли ея лѣвый берегъ и приблизились къ району укрѣпленій Варшавы. Въ занятомъ расположеніи нашъ противникъ укрѣпился и выставилъ многочисленную артиллерію:

Съ 30-го сентября наши войска перешли въ наступленіе въ районѣ Варшавы и Козениць, стремясь постепенно расширить плацдармъ на лѣвомъ берегу Вислы и вводя въ бой новыя силы, прибывавшія по желѣзнымъ дорогамъ. Главное сопротивленіе германцы оказали на линіи Блоне—Пясечно, откуда 4-го и 5-го октября переходили въ энергичныя, но безуспѣшныя контръ-атаки. Обойденная конницей въ направленіи Сохачевъ—Ловичъ, охваченная съ лѣваго фланга отъ Новогеоргіевска и Нижней Бзуры, угрожаемая съ праваго фланга переправой нашихъ войскъ черезъ Вислу въ районѣ Гура-Кальварія, германская армія послѣ семидневныхъ боевъ подъ Варшавой въ ночь на 7-го октября начала очищать свои позиціи, укрѣпленныя чрезвычайно тщательно.

Наши войска наступали на широкомъ фронтѣ, преодолевая сопротивленіе германскихъ аррьергардовъ, выбивая ихъ штыками изъ лѣсовъ и селеній и забирая плѣнныхъ.

Германская подводная лодка «U 17», потопила англійскій угольщикъ «Glitra». Германцы начали отправлять всѣ свободныя силы на фронтъ Бельгіи. Англійскій король пожаловалъ знакъ Краснаго Креста французской сестрѣ милосердія за храбрость. Двѣ британскія канонерки обратили въ бѣгство германскія подводныя лодки, нанеся имъ потери. Англо-японская суда разрушили фортъ въ бухтѣ Августы-Викторіи въ Циндао и сожгли три германскихъ транспорта. Японцы заняли 7 Маршалскихъ, 15 Каролинскихъ и всѣ Маріанскіе острова. Въ Берлинѣ было опубликовано запрещеніе производить платежи Англій, Франціи и французскимъ колоніямъ. Въ чрезвычайную сессію прусскаго сейма внесенъ былъ законопроектъ о выпускѣ свидѣтельствъ государственнаго казначейства на полтора миллиарда марокъ.

9-го октября опубликованъ былъ слѣдующій именной высочайшій указъ министру финансовъ:

«Утвержденнымъ нами въ 23 день іюля 1914 года журналомъ комитета финансовъ признали Мы за благо предоставить вамъ выпустить краткосрочныя обязательства государственнаго казначейства въ суммѣ до 400 милліоновъ рублей.

«Во исполненіе сего вами выпущены были краткосрочныя обязательства въ русской валютѣ на указанную сумму достоинствомъ въ 100 тысячъ рублей, 500 тысячъ рублей и 1 милліонъ рублей на полугодовой срокъ, считая съ 15-го августа 1914 года, съ уплатой процентовъ по истеченіи срока, изъ 5⁰/₁₀₀ годовыхъ безъ удержанія сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

«Нынѣ, согласно представленію вашему, въ комитетѣ финансовъ рассмотрѣнному, признали Мы необходимымъ, въ видахъ подкрѣпленія средствъ государственнаго казначейства и увеличенія запасовъ иностранной валюты, предоставить вамъ:

«1) приступить въ выпуску краткосрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства на четыреста миллионѣвъ рублей, срокомъ съ 1-го октября 1914 г., на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первый выпускъ, съ обозначеніемъ притомъ достоинства обязательствъ не только въ русской, но, въ случаѣ надобности, и въ иностранной валютѣ, и

«2) выпустить краткосрочныя обязательства государственнаго казначейства въ англійской валютѣ на сумму 12 миллионѣвъ фунтовъ стерлинговъ, производя уплату процентовъ по симъ обязательствамъ впередъ посредствомъ учета соотвѣтственной суммы съ нарицательной цѣны обязательствъ, на условіяхъ, вами устанавливаемыхъ.

«На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

«Въ Царскомъ Селѣ. Октября 6-го дня 1914 года.

«Сирѣпиль: министръ финансовъ Петръ Баркъ».

По официальному сообщенію отъ 9-го октября на лѣвомъ флангѣ значительныя германскія силы продолжали производить ожесточенныя атаки, преимущественно въ районахъ Диксмуде, Варнетона, Армантьера, Радингема и Лабасэ. Союзныя войска вездѣ сохранили свои позиціи. На остальномъ протяженіи фронта непріятель производилъ лишь частичныя атаки, которыя всѣ были отражены, въ частности у Фрикура, къ востоку отъ Альбера, на плоскогорьи къ западу отъ Крана, въ районѣ Суэна, въ Аргонахъ къ юго-востоку отъ Варенна и въ районѣ Маланкура въ Веврѣ близъ Шамплонна и къ юго-востоку отъ Сентъ-Міэля въ лѣсу Альи. Французы нѣсколько продвинулись впередъ въ Аргонахъ и въ южномъ Веврѣ по направленію къ лѣсу Монмаль. Дѣятельность, проявленная непріятелемъ 8-го октября, не прекращалась и 9-го октября. Бой между побережьемъ и Лабасэ продолжался съ прежнимъ ожесточеніемъ, однако нѣмцамъ не удалось заставить отступить бельгійскую армію и англо-французскія войска. Между Аррасомъ и Уазой непріятель также дѣлалъ большія усилія продвинуться впередъ, каковыя, однако, нигдѣ не увѣнчались успѣхомъ. Въ области Аргонъ французы продвинулись впередъ между Сентъ-Уберомъ и Фуръ-де-Пари. Къ сѣверу отъ Вердена французы продвинулись впередъ въ районѣ Омона и Брабанъ-сюръ-Мезъ. Въ области Вевра французы отбили атаки непріятели противъ Шамплонна.

Британскіе мониторы «Severn», «Humber» и «Mersey», обстрѣливавшіе германскій правый флангъ у бельгійскаго побережья, оказали большія услуги при защитѣ Ньюпорта. Черногорскія войска отбили атаки Австрійцевъ и, окруживъ австрійскія войска, наступавшія по направленію Калиновика, заставили ихъ отступить къ Доброполю. Японія учредила военную администрацію на Маршальскихъ, Каролинскихъ и Маріанскихъ островахъ.

10-го октября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что быстрое отступленіе германцевъ отъ Варшавы продолжалось. Къ югу отъ рѣки Пилицы наши войска, удерживавшіяся въ районѣ Козенице, 8-го октября одержали значительные успѣхи. Общій отходъ германо-австрійскихъ армій обнаруженъ былъ также на путяхъ отъ Ивангорода и Новой Александрии. Обстрѣлъ непріятельской тяжелой артиллеріи не причинилъ существенныхъ поврежденій укрѣпленіямъ Ивангорода и его мостамъ. Въ Галиціи ожесточенные бои продолжались. При наступленіи въ районѣ между Перемышлемъ и

Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассэ.

Вислой нами было взято въ плѣнъ свыше 30 офицеровъ и 2.000 нижнихъ чиновъ; захвачено было также много пулеметовъ. Къ югу отъ Перемышля наши дѣйствія продолжали развиваться также съ успѣхомъ. Въ Восточной Пруссіи положеніе оставалось безъ переменъ.

Согласно официальнымъ сообщеніямъ изъ Парижа отъ 10-го октября, на лѣвомъ флангѣ значительныя германскія силы, присутствіе которыхъ было обнаружено еще 9-го октября, продолжали весьма энергичныя атаки во всемъ районѣ между моремъ и каналомъ Лабасэ. Въ общемъ, положеніе союзныхъ войскъ не измѣнилось и если они вынуждены были въ нѣкоторыхъ пунктахъ нѣсколько отступить, то въ другихъ пунктахъ они продвинулись впередъ.

Неприятель проявил также совершенно исключительную энергию въ районѣ Арраса и на рѣкѣ Соммѣ. Къ сѣверу и къ югу отъ этой рѣки французы продвинулись впередъ, въ частности, въ районѣ Розьера въ Сантеррѣ. Въ области Вердена и Понтъ-а-Муссона французскія войска имѣли нѣкоторый частичный успѣхъ. На остальномъ протяженіи фронта не произошло ничего выдающагося. Въ общемъ, неприятель, повидимому, пытался произвести на всемъ протяженіи фронта, въ особенности же между Сѣвернымъ моремъ и Уазой, новое усиліе, использовавъ вновь сформированные корпуса, составленные изъ людей, недавно обученныхъ, частью весьма молодыхъ, частью сравнительно пожилыхъ, и при помощи кадровъ, составленныхъ изъ войскъ, взятыхъ изъ различныхъ пунктовъ фронта.

Для того, чтобы отдать себѣ отчетъ въ результатахъ, достигнутыхъ союзниками, необходимо вспомнить о положеніи вещей въ концѣ сентября. Тогда большая часть французскихъ силъ опиралась на Уазу въ районѣ Компьена, а линія частей, которыми французы располагали въ западномъ направленіи, доходила лишь до окрестностей Амьена, не переходя за рѣку Сомму. Теперь фронтъ сраженія удлинень приблизительно на 200 километровъ съ цѣлью достигнуть предѣловъ Бельгіи и опереться на морское побережье, гдѣ французскій лѣвый флангъ пользуется содѣйствіемъ британскаго флота.

10-го октября на лѣвомъ берегу сраженіе продолжалось съ большой ожесточенностью, въ особенности вокругъ Арраса, Лабасаэ и Армантьера. Союзники вынуждены были въ нѣсколькихъ пунктахъ отступить въ окрестностяхъ Лабасаэ, но зато продвинулись впередъ къ востоку отъ Армантьера. Въ общемъ положеніе въ этой части фронта осталось безъ перемѣнъ. Къ сѣверу отъ рѣки Эна французская артиллерія уничтожила три германскія батареи.

Одиннадцать англійскихъ военныхъ судовъ бомбардировали германскія войска, расположенныя на побережьи Бельгіи. Въ далматскихъ водахъ французскій крейсеръ потопилъ австрійскую подводную лодку. Японскій флотъ разрушилъ еще два форта Кіао-Чао, и аэропланы бросали туда бомбы. Нѣмецкія газеты совѣтуютъ германской публикѣ относиться спокойно къ продолжающейся потерѣ колоній, такъ какъ ихъ будущность рѣшится войной въ Европѣ. Японское военное министерство объявило о занятіи съ стратегической цѣлью слѣдующихъ германскихъ острововъ: Маріанскихъ, Маршалльскихъ и архипелаговъ Восточная и Западная Каролина.

11-го октября штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ, что энергичное наступленіе нашихъ армій, переправившихся на широкомъ фронтѣ черезъ Вислу, не встрѣчало сопротивленія со стороны германцевъ, продолжавшихъ отступленіе. Въ траншеяхъ подъ Ивангородомъ нами было захвачено много снарядовъ и снаряженія, брошенныхъ при послѣднемъ отступленіи германскимъ гвардейскимъ резервнымъ корпусомъ. Австрійскія арміи продолжали упорно сражаться на Вислѣ выше Сольца, на Санѣ и въ особенности къ югу отъ Перемышля.

Въ Восточной Пруссіи положеніе оставалось безъ перемѣнъ.

Государь Императоръ пожаловалъ слѣдующія боевыя награды главнымъ представителямъ нашей доблестной арміи:

Верховному главнокомандующему (генераль-адъютанту генералу-отъ-кавалеріи его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу, въ воздаяніе мужественной рѣшимости и непреклонной настойчивости въ проведеніи плановъ военныхъ дѣйствій, покрывшихъ новою славою русское оружіе за истекшій періодъ кампаніи.

Начальнику штаба при верховномъ главнокомандующемъ, генераль-лейтенанту Николаю Янушкевичу, за заслуги по руководству разработкою и проведеніемъ въ жизнь предначертаній августѣйшаго верховнаго главнокомандующаго, способствовавшихъ достиженію общаго успѣха въ дѣйствіяхъ нашихъ вооруженныхъ силъ противъ Германіи и Австро-Венгріи.

Генераль-квартирмейстеру при верховномъ главнокомандующемъ, генераль-лейтенанту Юрію Данилову, за труды по разработкѣ и приведенію въ исполненіе предуказанныхъ свыше мѣропріятій, коими были обеспечены успѣшныя дѣйствія нашихъ вооруженныхъ силъ.

Генераль-адъютанту, генералу-отъ-артиллеріи Николаю Иванову, въ воздаяніе отличнаго выполненія вѣренными ему арміями блестящихъ боевыхъ операцій, приведшихъ къ занятію нашими войсками австрійской области Восточной Галиціи.

Осовецкой крѣпостной артиллеріи штабсъ-капитану Вячеславу Мартынову, за то, что, находясь въ госпиталѣ на излеченіи отъ раны, полученной въ ночь на 11-е сентября при развѣдкѣ, и не оправившись отъ раненія, 14-го сентября уѣхалъ изъ госпиталя въ крѣпость Осовецъ, гдѣ вступилъ въ командованіе башней на Скобелевской горѣ, причемъ во время боевъ 14—16-го сентября находился на открытой наблюдательной вышкѣ и руководилъ стрѣльбою подъ сильнымъ бомбовымъ и шрапнельнымъ огнемъ противника. Когда неприятельскій снарядъ 15-го сентября попалъ въ сквозникъ снаряднаго и порохового погреба и погребу угрожалъ взрывъ отъ начавшагося пожара, штабсъ-капитанъ Мартыновъ, явившись на погребъ, энергичными дѣйствіями прекратилъ пожаръ и тѣмъ предотвратилъ взрывъ погреба, въ которомъ находилось значительное количество артиллерійскихъ снарядовъ.

Кромѣ того, Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, въ Царскомъ Селѣ, всемилостивѣйше соизволилъ на сопричисленіе преосвященнаго епископа холмскаго Анастасія, во вниманіе къ засвидѣтельствуванію его императорскаго высочества верховнаго главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича о его высокополезной дѣятельности по удовлетворенію духовныхъ нуждъ раненыхъ воиновъ и населенія въ районѣ военныхъ дѣйствій, къ ордену св. Владимира 2-й степени.

11-го октября на французскомъ лѣвомъ флангѣ бои продолжались. Непріятель продвинулся впередъ на сѣверъ отъ Диксмюде и въ окрестностяхъ Лабаса. Французы продвинулись значительно впередъ на востокъ отъ Ньюпорта въ области Лангемаркъ и на пространствѣ между Армантьеромъ и Лиллемъ. Всѣ эти движенія являются неизбѣжными колебаніями линіи боевъ, въ общей совокупности остающейся все тою же. На остальномъ фронтѣ производившіяся германцами непрерывно въ теченіе сутокъ атаки были отбиты. На нѣкоторыхъ пунктахъ французы немного продвинулись впередъ. Въ области Вевра наступленіе французскихъ войскъ продолжалось въ направленіи къ Мормарскому лѣсу къ югу отъ Юкура и къ лѣсу Лепретръ къ сѣверу отъ Понтъ-а-Муссона.

Великобританское правительство опубликовало слѣдующее сообщеніе о бояхъ на бельгійскомъ побережьи:

«Свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Франціи и Бельгіи въ происходившихъ ожесточенныхъ битвахъ самая благопріятная. Особаго упоминанія заслуживаетъ бельгійская армія, которая, окопавшись, въ теченіе нѣсколькихъ дней оказывала крайнее сопротивленіе значительно превосходящему силами противнику и

была воодушевляема лично королемъ. Британская флотилія оказываетъ существенную поддержку лѣвому крылу союзниковъ, бомбардируя германцевъ на бельгійскомъ берегу. Морская артиллерія причиняетъ тяжкія поврежденія тяжелымъ германскимъ орудіямъ. Теперь по всей линіи не замѣчается наступленія германцевъ, и всѣ ихъ попытки, направленные на нашъ лѣвый флангъ, потерпѣли неудачу.

На южномъ театрѣ войны военныя событія развертывались въ такомъ порядкѣ:

Черногорскія и сербскія войска, оперировавшія въ Босніи и Герцеговинѣ, выдержали въ окрестностяхъ Сараева съ 6-го до 9-го октября кровопролитные бои съ австрійцами. Непрiятель, получавшій постоянно подкрѣпленія, систематически атаковывалъ сербо-черногорскія войска превосходными силами, но потерпѣлъ серьезный уронъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ фронта австро-венгерскія войска въ три раза превосходили силами сербскую армію и въ пять разъ черногорскую. Въ виду этого превосходства силъ непрiятеля черногорцы вынуждены были отступить къ своимъ позиціямъ, руководствуясь при этомъ главной стратегической цѣлью, заключающейся въ томъ, чтобы подчинить себѣ непрiятеля и ослабить его путемъ отвлеченія возможно большихъ силъ его, для того, чтобы облегчить въ извѣстномъ отношеніи задачу армій своихъ союзниковъ—русскихъ и французовъ. Австрійскія войска, сломленная храбростью сербской и черногорской армій, остались на своихъ позиціяхъ и не имѣли мужества попытаться выбить сербскихъ и черногорскихъ солдатъ изъ позицій, ими занимаемыхъ, и преслѣдовать ихъ.

Непрiятель 7-го октября атаковалъ на всемъ протяженіи боснійскаго фронта сербскія и черногорскія войска. Всѣ эти атаки были отражены, и нѣсколько непрiятельскихъ колоннъ, производившихъ контръ-атаки противъ сербскихъ и черногорскихъ войскъ, были вынуждены отступить въ беспорядкѣ. Преслѣдуя эти колонны, славянскія войска довольно значительно продвинулись впередъ. На остальныхъ пунктахъ фронта положеніе оставалось безъ переменъ, несмотря на то, что непрiятель открывалъ то сильный, то слабый огонь, артиллерійскій и ружейный, противъ сербо-черногорскихъ позицій у Гучева по направленію къ Митровицѣ и къ Бѣлграду.

Австрійскій рѣчной мониторъ, возвращаясь изъ сраженія на рѣкѣ Савѣ, затонулъ, наткнувшись на мину.

Германскій пароходъ «Krefeld» прибылъ къ Тенерифу съ экипажами тринадцати потопленныхъ германскимъ крейсеромъ «Карлсруэ» британскихъ судовъ.

Согласно сообщенію штаба верховнаго главнокомандующаго отъ 12-го октября, наши войска за Вислой настигли отступавшія непрiятельскія арміи. Къ сѣверу отъ Пилицы германцы оказали слабое сопротивление и были отброшены къ Скерневицамъ. Къ югу отъ Пилицы, на путяхъ къ Радому, мы принудили германо-австрійскія войска ввязаться въ серьезный бой; фронтъ столкновенія тянулся 10-го октября на сорокъ верстъ. Боевыя дѣйствія мѣстами имѣли встрѣчный характеръ. Въ Радомскихъ лѣсахъ нѣсколько пѣхотныхъ полковъ доблестно работали штыками. На нѣкоторыхъ участкахъ были взяты плѣнные и пулеметы.

Выше рѣки Ильжанки австрійскія войска еще пытались было держаться на Вислѣ, но наши войска съ боемъ переправлялись черезъ названную рѣку.

На фронтѣ рѣки Сана и къ югу отъ Перемышля продолжались упорные бои, съ видимымъ перевѣсомъ на нашей сторонѣ; при этомъ мы захватывали тысячи плѣнныхъ. При взятіи высотъ у Тыченцы, къ югу отъ Ярослава, нами было взято въ плѣнъ пять австрійскихъ ротъ. При отбитіи австрійской атаки га фронтѣ одного изъ корпусовъ, дѣйствующихъ къ югу отъ Перемышля, взято пятьсотъ плѣнныхъ и девять пулеметовъ. Лѣвый флангъ того же корпуса, перейдя въ наступленіе, захватилъ также много плѣнныхъ, оружія и зарядныхъ ящиковъ. Непріятельская колонна, занимавшая Стрый, послѣ упорнаго боя была нами разбѣяна. Въ Стрыѣ мы взяли 1.000 плѣнныхъ.

Въ Восточной Пруссіи положеніе оставалось безъ переменъ.

Французское морское вѣдомство извѣстило, что французскія военныя суда «Vigil» и «Surprise» бомбардировали послѣ предложенія о сдачѣ, оставленнаго безъ отвѣта, два поста въ Камерунѣ, Кампо и Крибили, съ 29-го сентября по 2-е октября. Австрійская подводная лодка безуспѣшно атаковала французское судно «Waldeck-Rousseau» 5-го октября въ водахъ Каттара.

По официальному сообщенію, наступленіе французовъ на возвышенностяхъ къ югу отъ Тюкура не могло быть поддержано на всѣхъ тѣхъ пунктахъ, которыхъ французскія войска достигли во время этого наступленія, но тѣмъ не менѣе французы въ общемъ сохранили за собою наиболѣе важную часть занятыхъ ими при наступленіи позицій.

Утромъ 11-го октября къ командующему французскими войсками въ этомъ районѣ явился германскій парламентаръ съ просьбою отъ имени германскаго начальства заключить перемиріе для погребенія убитыхъ и уборки раненыхъ. Командующій французскими войсками отослалъ парламентаря обратно и приказалъ немедленно возобновить атаку, причемъ новое наступленіе дало французамъ возможность достигнуть тѣхъ успѣховъ, которыхъ германцы хотѣли добиться путемъ перемирія, чѣмъ была доказана ложность извѣстія объ успѣхахъ, которые германцы приписали себѣ.

Къ вечеру 11-го октября отъ берега моря до области къ югу отъ Арраса всюду были отражены яростныя атаки непріятели. Къ западу отъ Аргона французами была занята деревня Мельзикуръ, господствующая надъ путями, идущими отъ Варена въ долину рѣки Эна.

Англійскій контръ-миноносецъ «Badger» протаранилъ и потопилъ германскую подводную лодку у береговъ Голландіи. Носъ контръ-миноносца слегка поврежденъ.

По сообщенію англійскаго адмиралтейства, 70 крейсеровъ англійскихъ, русскихъ, французскихъ и японскихъ, не считая вспомогательныхъ судовъ, все время находятся въ морѣ, разыскивая девять германскихъ крейсеровъ, еще не потопленныхъ и продолжающихъ каперствовать въ азіатскихъ водахъ. Изъ 4 тысячъ коммерческихъ судовъ Англій, поддерживающихъ международную торговлю, только 39 судовъ потоплены нѣмцами, въ то время, какъ 133 непріятельскихъ парохода захвачены англичанами,—большая часть осталь-

ныхъ заперта въ нейтральныхъ портахъ или захвачена въ портахъ Франціи и Россіи.

По сообщенію того же великобританскаго адмиралтейства, 11-го октября англійскіе мониторы и другія суда, соглася свои дѣйствія съ операціями бельгійской арміи, успѣшно бомбардировали правый флангъ германской арміи.

Всѣ германскія атаки противъ Ньюпорта были отражены съ большимъ урономъ для германцевъ. Согласно сообщенію адмирала Гуда, англійская флотилія въ теченіе всего дня была упорно атакована неприятелемъ. Подводной лодкой были выпущены мины въ два англійскихъ корабля, но не причинили вреда послѣднимъ. Англійскіе корабли атаковали подводную лодку, флотилія подверглась 10 октября также обстрѣлу съ аэроплановъ и аэростатовъ, но не потерпѣла ущерба.

13-го октября штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ, что 10-го и 11-го октября наши войска нанесли рядъ пораженій германскимъ арріергардамъ, пытавшимся задержаться на позиціяхъ вдоль рѣчекъ Равка, Скерневка, Рылька. Ловичъ, Скерневицы и Рава были взяты атаками въ штыки. На путяхъ къ Радому отступившіе вмѣстѣ съ германцами австрійцы, пользуясь лѣсистой и пересѣченной мѣстностью и получивъ подкрѣпленіе, оказывали упорное сопротивленіе нашему развивающемуся наступленію. Сраженіе приняло здѣсь значительные размѣры. Нами были захвачены плѣнные, пулеметы, пушки. На Санѣ и къ югу отъ Перемышля упорные бои продолжались. Попытка австрійцевъ охватить нашъ лѣвый флангъ къ югу отъ Перемышля была отражена съ большими потерями для нихъ. Спустившаяся съ Карпатъ къ городу Долина австрійская колонна была разбита и разсѣяна.

Въ «Армейскомъ Вѣстникѣ» былъ напечатанъ обзоръ военныхъ дѣйствій на русско-прусскомъ фронтѣ, который, несмотря на нѣкоторыя повторенія со сказаннымъ выше о ходѣ военныхъ дѣлъ, мы все-таки приведемъ полностью, такъ какъ въ этомъ обзорѣ есть очень много любопытныхъ свѣдѣній о бытовой сторонѣ боевой жизни, о дѣятельности нашихъ противниковъ и проч. Вотъ этотъ обзоръ:

«На сѣверѣ съ 9-го по 12-ое октября дѣйствія нашихъ и германскихъ войскъ носили характеръ усиленныхъ развѣдокъ, происходили небольшие бои, не затягивавшіеся надолго, такъ какъ цѣлью дѣйствій нашихъ войскъ было опредѣлить, какія оборонительныя линіи заняты германскими войсками и насколько прочно нѣмцы утвердились на этихъ линіяхъ. Противникъ нашъ, въ свою очередь, старался выяснитъ развѣдкой, гдѣ у насъ главныя силы и въ какомъ направленіи можно ожидать удара со стороны нашихъ войскъ, чтобы во-время противоудѣйствовать ему. Бой, разгорѣвшійся изъ усиленной развѣдки 5-го октября въ районѣ Граева, принялъ затяжной характеръ. Нѣмцы, стремясь остановить наше наступленіе, стягиваютъ въ этотъ районъ свои подкрѣпленія, которыя вводятъ въ бой, успѣшно приспособляють мѣстность къ оборонѣ и устраиваютъ окопы съ проволочными загражденіями. Наши войска, постепенно выбивая штыками засѣваго въ окопахъ и упорно сопротивляющагося противника, медленно продвигаются впередъ.

«Млавская группа германскихъ войскъ, протянувшаяся отъ Млавы до Влоцлавска и въ послѣдніе дни, видимо, обезпokoенная положеніемъ дѣлъ на фронтѣ Торнъ—Краковъ, стягиваетъ свои мелкіе, разбросанные отряды и, по свѣдѣніямъ, отступаетъ

частью на Торнъ, частью въ Восточную Пруссію. По слухамъ, жителямъ пограничной полосы въ Восточной Пруссіи приказано поспѣшно удалиться вглубь страны. Симптомы эти для насъ крайне благопріятны. На фронтѣ Торнъ—Краковъ съ 9-го по 12-ое октября германскія войска отступаютъ отъ Вислы въ западномъ и юго-западномъ направленіяхъ. Съ фронта Варшавы нашъ противникъ отступаетъ въ четырехъ направленіяхъ на Гройцы—на югъ отъ Варшавы, на Раву, на Скерневицы и на Кутно. Отступая по линіи Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, германскія войска разрушаютъ при своемъ отступленіи желѣзнодорожный путь, мосты и всѣ гражданскія сооруженія.

«По полученнымъ свѣдѣніямъ, нѣмцы за послѣдніе дни отправили къ себѣ въ Германію массу поѣздовъ, даже блиндированныхъ, въ которыхъ они увезли награбленную въ Польшѣ богатства. Но, несмотря на такіе блестящіе трофеи, духъ въ германской арміи, вслѣдствіе неудачъ подъ Варшавой и на рѣкѣ Вислѣ, крайне унылый и подавленный. Среди германскихъ войскъ всюду слышны жалобы на недостатокъ и плохое качество выдаваемого продовольствія. По имѣющимся свѣдѣніямъ, для подбодриванія и поднятія духа войскъ, германскій кронпринцъ за послѣдніе дни объѣзжалъ сосредоточенныя у Равы войска, щедро раздавая отъ имени императора офицерамъ и нижнимъ чинамъ боевыя награды, причѣмъ раздача эта обставлялась особенною торжественностью. Поэтому отступление германскихъ войскъ подъ натискомъ нашихъ силъ вызываетъ у противника озлобленіе, результатомъ чего сопротивленіе германскихъ арріергардовъ носить характеръ отчаянія и ихъ энергичныя, но безуспѣшныя контръ-атаки переходятъ въ безцѣльную бойню.

«Германскія войска, обойденныя нашей конницей въ направленіяхъ Сохачевъ—Ловичъ, въ 70-ти верстахъ на западъ отъ Варшавы, охваченныя нашими войсками съ ихъ лѣваго фланга отъ Новогеоргіевска (крѣпость на рѣкѣ Вислѣ, на сѣверо-западъ отъ города Варшавы) и рѣки нижней Бзуры и Сохачева, угрожаемая съ праваго фланга переправой нашихъ войскъ черезъ Вислу въ районѣ Гура-Кальварія (въ 25 верстахъ южнѣе гор. Варшавы), въ 12-му октября, бросая свои тщательно укрѣпленныя позиціи, поспѣшно отступаютъ къ границамъ своего государства. Наши войска энергично преслѣдуютъ отступающаго противника.

«11-го октября на фронтѣ южнѣе Ловичъ—Скерневицы сильный арріергардъ отступающей германской арміи оказалъ нашимъ войскамъ упорное сопротивленіе, занявъ заранѣе подготовленную къ оборонѣ позицію, усиленную искусственными препятствіями, но, выбитый оттуда штыками, понесъ огромныя потери и быстро отступилъ въ юго-западномъ направленіи. Радомская германская группа войскъ, въ числѣ которыхъ состоялъ также гвардейскій резервный корпусъ, дѣйствующая на югъ отъ р. Пилицы, противъ Ивангорода и Новой Александріи, настолько поспѣшно отступила въ направленіи на Радомъ, что бросила въ своихъ траншеяхъ подъ Ивангородомъ много ружей, тесаковъ, штыковъ, предметовъ снаряженія, а также массу патроновъ и снарядовъ. Желѣзную дорогу, идущую отъ Ивангорода на Радомъ, нѣмцы при своемъ отступленіи совершенно разрушили. Пассажирскія и водоемныя зданія взорваны и сожжены. Мосты, даже маленькіе, совершенно уничтожены, гидравлическія колонки разбиты.

«Несмотря на свое поспѣшное бѣгство, нѣмцы все-таки успѣли проявить на населеніи свою варварскую жестокость. Передъ своимъ уходомъ изъ с. Горбатки (станція Горбатки въ 16-ти верстахъ на западъ отъ Ивангорода) 8-го октября нѣмцы собрали окрестныхъ крестьянъ, избивли ихъ, заперли всѣхъ въ одинъ домъ и, уходя, домъ этотъ подожгли. Крестьяне чудомъ спаслись черезъ выбитыя окна. Есть предположеніе, что это продѣлали гвардейцы, т.-е. лучшія германскія войска.

«Къ сѣверу отъ Сандомира нашимъ войскамъ, преслѣдующимъ отступающаго противника, приходится за послѣдніе дни имѣть дѣло съ австрійскими корпусами. По-видимому, нѣмцы, поспѣшно отступая съ береговъ Вислы, позаботились, спасая свою драгоцѣнную жизнь, поставить между собою и нашими войсками австрійцевъ, на которыхъ теперь главнымъ образомъ и падаютъ наши жестокіе удары. Энергичныя наступленія съ 9-го по 12-ое октября нашихъ армій, переправляющихся на

широкомъ фронтѣ на лѣвый берегъ Вислы, не встрѣчаютъ особенно сильнаго сопротивленія со стороны австро-германской арміи, продолжавшей отступление, и только мѣстами на фронтѣ отъ м. Солецъ на Вислѣ, въ 50-ти верстахъ южнѣ Ивангорода до Сялдомира, противникъ продолжалъ держаться, поддерживая сильный артиллерійскій огонь.

«Въ бояхъ на лѣвомъ берегу Вислы за 10-ое и 11-ое октября нашими войсками захвачено въ плѣнъ 3 штабъ-офицера, 42 оберъ-офицера и болѣе 1600 нижнихъ чиновъ, кромѣ того, 7 пулеметовъ и дѣликомъ 1 батарея.

«На галиційскомъ фронтѣ усилія, проявленныя австрійцами съ 9-го по 12-ое октября, объясняются, какъ послѣднія попытки сломить русское упорство. Въ виду надежды на близкую помощь германской арміи австрійскія группы войскъ на лѣвомъ берегу Сана упорно оборонялись 9-го и 10-го октября на подготовленныхъ позиціяхъ. Наши съ боемъ штыковыми ударами медленно подвигались впередъ. Австрійцы бѣшено атакуютъ наши войска, но терпятъ неудачи и съ большимъ урономъ отбрасываются обратно на свои позиціи. 10-го октября во время боя на лѣвомъ берегу Сана наши войска захватили въ плѣнъ 5 австрійскихъ ротъ. 11-го октября упорный бой между нашими войсками и австрійцами на лѣвомъ берегу Сана продолжался.

«Вторая сильная группа австрійскихъ войскъ въ районѣ Старое Мѣсто на югъ отъ Перемышля по 12-ое октября вела энергичныя повторныя атаки на наши войска. Всѣ атаки австрійцевъ, благодаря доблести и поразительной храбрости и стойкости нашихъ войскъ, отбиты съ громаднымъ урономъ для противника, и наши войска, перейдя въ наступленіе, преслѣдуютъ разбитаго врага, захватывая плѣнныхъ, груды оружія, пушки, зарядные ящики, пулеметы, патроны и снаряды.

«Особенно ожесточенный бой произошелъ между нашими войсками и австрійцами 9-го и 10-го октября въ окрестностяхъ Подбужа, на юго-востокѣ отъ Стараго Мѣста и въ долинѣ Стрыя. Нашимъ войскамъ въ теченіе этихъ дней пришлось штыками выбивать упорнаго противника изъ занятыхъ имъ позицій, и вся долина Стрыя къ югу отъ города Стрыя, а также желѣзнодорожное полотно Стрый—Дрогобычъ завалены австрійскими трупами. Съ 9-го по 12-ое октября при преслѣдованіи австрійцевъ нашими войсками захвачено на галиційскомъ фронтѣ 17 офицеровъ, 4150 нижнихъ чиновъ, 11 пулеметовъ, 22 орудія, 23 зарядныхъ ящика, груды ружей, патроновъ и снарядовъ и много повозокъ и походныхъ кухонь. Для преслѣдованія отступающаго противника 12-го октября двинута впередъ наша конница.

«7-го октября нашъ врачъ представилъ при рапортѣ 12 склянокъ, оставленныхъ отступающими съ лѣваго берега Сана австрійцами мѣстной жительницѣ для раздачи русскимъ солдатамъ. При изслѣдованіи содержимаго въ этихъ склянкахъ оказались культуры холерныхъ вибрионовъ».

Морской министръ отправилъ на имя командующаго флотомъ Балтійскаго моря слѣдующую телеграмму:

«Государь Императоръ повелѣтъ соизволилъ передать вашему высокопревосходительству и всѣмъ чинамъ ввѣреннаго вамъ флота благодарность за боевую дѣятельность флота, протекающую въ тяжелыхъ условіяхъ осенняго плаванія среди постоянной опасности отъ минъ и подводныхъ лодокъ, одной изъ которыхъ удалось, къ сожалѣнію, потопить со всею командою крейсера «Паллада».

«Благодаря искусству и выносливости личнаго состава, Балтійскій флотъ успѣшно выполняетъ возложенную на него задачу по охранѣ побережья и столицы, оказывая содѣйствіе сухопутнымъ арміямъ. Нашему дерзкому врагу, несмотря на превосходныя силы, не удалось достигнуть никакихъ существенныхъ результатовъ. Государь вѣрить, что Богъ благословитъ окончательнымъ торжествомъ боевую работу русскихъ моряковъ на славу дорогой родины».

Вечернее официальное сообщеніе отъ 12-го октября гласило, что на французскомъ театрѣ войны военныя операціи продолжались въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ предыдущіе дни. Очень ожесточенный характеръ принялъ бой между Ньюпортомъ и Лисомъ. Германскіе отряды перешли рѣку Изеръ между Ньюпортомъ и Диксмюде. Къ западу и югу отъ Реймса

Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ сэръ Эдуардъ Грей.

были отражены яростныя атаки непріятели. Между Уазой и Аргонами не произошло ничего выдающагося, если не считать нѣкоторыхъ небольшихъ успѣховъ французскихъ войскъ къ сѣверо-западу отъ Суасона и въ области Крана. На правомъ берегу Мааса происходилъ артиллерійскій бой. Въ Веврѣ французская тяжелая артиллерія обстрѣливала 12-го октября дорогу Тюкуръ—Нонсаръ—Бюксриль—Вуэнвиль, которая является однимъ изъ главныхъ путей сообщеній германцевъ въ направленіи Сень-Міэля. 11-го октября въ

«истор. вѣстн.», ноябрь 1914 г., т. сxxxviii.

iv

Аргонахъ германскій пѣхотный полкъ былъ совершенно уничтоженъ во время боя, завязавшагося въ лѣсу къ сѣверу отъ Шалада.

13-го октября французское правительство сообщило, что въ теченіе дня 12-го октября французскій фронтъ удержался на линіи Ньюпортъ—Диксмюде. Германскія силы, перешедшія черезъ Изерь, между этими двумя городами не могли продвинуться впередъ. Фронтъ войскъ французскихъ далѣе проходилъ между Ипромъ и Рулеромъ, между Армантьеромъ и Лиллемъ, на западъ отъ Лабасэ и Лалса и на востокъ отъ Арраса. Далѣе на югъ эта линія продолжалась по направленію, уже указанному въ предыдущихъ сообщеніяхъ. Непрiятель, повидимому, понесъ значительный уронъ въ сраженіи, происходившемъ въ теченіе послѣднихъ дней.

Въ Бельгіи нѣмцы подвергли Ньюпортъ ожесточенному обстрѣлу; вообще нѣмцы продолжали усиленно атаковать фронтъ Ньюпортъ—Диксмюде, тѣмъ не менѣе до послѣдней минуты они, повидимому, не добились никакихъ результатовъ. По всему фронту между Лабасэ и Соммой непрiателемъ предпринимались упорныя ночныя атаки, которыя, однако, были отбиты.

Французскій авіаторъ уничтожилъ германскій аэропланъ въ районѣ Амьсна. Сербскія войска въ Босніи отступили къ западу отъ Вышеграда. Черногорская дринская армія послѣ трехдневныхъ боевъ съ значительно болѣе сильнымъ непрiателемъ отступила на свои прежнія позиціи. Японскія суда захватили германское судно «Юрма», шедшее съ Маршалльскихъ острововъ.

14-го октября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что бой на путяхъ къ Петрокову и Радому развился въ большое сраженіе, фронтъ котораго тянется свыше ста верстъ, отъ Равы на Ново-Място—Бялобржеги до устья Ильжанки. Вечеромъ 11-го октября къ сѣверу отъ Равы происходили упорные, успѣшные для насъ, штыковые бои, въ которыхъ германцы понесли большія потери. Въ одной лишь деревнѣ Мочидло нами было предано землѣ до 700 убитыхъ германцевъ. Во время штыковой атаки близъ деревни Казимержевъ захвачены двѣ германскія батареи и пулеметы. Немгловскій лѣсъ къ юго-востоку отъ Равы взятъ нами; въ этомъ районѣ число взятыхъ нами плѣнныхъ достигло 400 человекъ. Въ лѣсахъ между Радомомъ и Козенице продолжаютъ ожесточенные бои. Частные успѣхи одержаны были нами на путяхъ отъ Новой Александрии, гдѣ также были взяты орудія и много плѣнныхъ. Въ Галиціи австрійцы вели бои съ меньшей энергіей. Наши войска, успѣшно наступая въ районѣ къ югу отъ Самбора и Стараго Мѣста, захватили 20 орудій, много зарядныхъ ящиковъ. Вся долина рѣчки Спрыни усѣяна непрiятельскими тѣлами, число коихъ было не менѣе 5000. Попытки перехода въ частичное наступленіе на восточно-прусскомъ фронтѣ повсюду нами отражены.

По поводу своего пожалованія орденомъ св. Георгія, верховный главнокомандующій издалъ слѣдующій приказъ по арміи:

«Государь Императоръ изволилъ прибыть въ армію, чтобы благословить насъ на дальнѣйшіе боевые подвиги. Сегодня Его Величество пожа-

ловаль мнѣ орденъ св. Георгія 3-й степени. Приемлю эту высокую Монаршую милость, какъ выраженіе его особаго благоволенія и благодарности за цѣлый рядъ геройскихъ подвиговъ и побѣдъ, одержанныхъ вами. Вамъ, царскіе воины чудо-богатыри, обязанъ я этой великой наградой и къ вамъ обращаюсь отъ всего сердца и глубины души со словами моей горячей сердечной благодарности. Высокая честь, оказанная намъ царскимъ посѣщеніемъ и благословеніемъ нашего Государя, да укрѣпитъ наши силы на дальнѣйшее самоотверженное служеніе Царю и родинѣ, не щадя живота своего до послѣдней капли крови.

«Твердо вѣрю и уповаю, что Богъ намъ поможетъ въ трудномъ дѣлѣ.

«Съ нами Богъ. Осѣня себя крестнымъ знаменіемъ, пойдѣмъ смѣло на врага, пока его не сокрушимъ окончательно.

«Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ управленіяхъ, ротахъ, батареяхъ, эскадронахъ, сотняхъ, командахъ и корабляхъ.

«Генераль-адъютантъ НИКОЛАЙ».

Передъ наступленіемъ германской арміи на восточно-прусскомъ театрѣ войны, окончившимся пораженіемъ у Варшавы и Ивангорода, императоръ Вильгельмъ II издалъ слѣдующій приказъ, ярко свидѣтельствующій о его помраченной психикѣ:

«Солдаты!

«Помните, что вы избранный народъ. Духъ Божій сошелъ на меня, такъ какъ я—императоръ германцевъ.

«Я являюсь орудіемъ Всемогущаго. Я—Его мечъ и Его воля!

«Уничтоженіе и смерть всѣмъ, кто противится моей волѣ!

«Уничтоженіе и смерть всѣмъ, что не вѣритъ въ мою божественную миссію!

«Уничтоженіе и смерть трусливымъ!

«Да погибнуть всѣ враги германскаго народа!

«Богъ требуетъ ихъ уничтоженія. Богъ, вѣщающій черезъ меня, приказываетъ вамъ исполнить Его святую волю».

Комментировать этотъ историческій документъ совершенно излишне.

14-го октября былъ опубликованъ слѣдующій докладъ французскаго морского министра о дѣятельности французскаго флота:

«Французскій флотъ подъ командою адмирала Буэ-де-Ланейрера, сперва занялся снабженіемъ Антивари, а потомъ произвелъ развѣдку адриатическихъ острововъ между Каттаро и Лиссою. Когда корабли подошли къ Рагузѣ, то австрійскія власти и нотабли немедленно бѣжали изъ города, воспользовавшись для этой цѣли двумя приготовленными поѣздами, которые ушли на полныхъ парахъ. Итальянцы и славянская часть населенія оставались совершенно спокойными. Мы легко могли бы превратить Рагузу въ пепель, если бы пожелали слѣдовать примѣру германскихъ войскъ. Бѣгство австрійскихъ властей, однако, вполне удовлетворило насъ. Французы никогда не будутъ обижать населеніе, настоящія симпатіи котораго къ Франціи имъ хорошо извѣстны. Эскадра ограничилась тѣмъ, что уничтожила гравозскую станцію радіотелеграфа и всѣ военныя учрежденія. Эскадренный миноносецъ

«Сабреташъ» взялъ нѣсколько военнопленныхъ на маякъ Питтони. Суда австрійскаго боевого флота по обыкновенію прятались за укрѣпленіями Каттаро и Пола. Одинъ изъ непріятельскихъ аэроплановъ бросилъ въ море двѣ бомбы, рассчитывая попасть ими въ наши корабли, но самъ былъ сбитъ ловченской артиллеріей. Поискъ, произведенный по побережью, окончательно убѣдилъ адмирала Буэ-де-Лапейрера въ полной инертности австрійскаго флота, который укрылся въ двухъ крайнихъ портахъ кроато-далматійскаго побережья, т.-е. въ Каттаро и въ Полъ. Эскадра осмотрѣла острова Меледу, Курцолу, Лезину, Лагосту и, наконецъ, Лиссу. Нигдѣ непріятеля обнаружено не было».

Пароходъ, шедшій изъ Кале въ Гавръ съ 2500 бѣглецовъ, наскочилъ на мину близъ Булони. Погибло 30 человекъ.

Японскія суда произвели сильныя разрушенія укрѣпленій Циндао.

15-го октября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на восточно-прусскомъ фронтѣ начались бои. Упорныя атаки германцевъ въ районѣ Бакаларжева были нами отражены. На лѣвомъ берегу Вислы въ Гомбинѣ мы взяли германскій обозъ и пленныхъ. Фронтъ сраженія расширился и 13-го октября опредѣлился отъ Кутно на Ежовъ, Раву, Ново-Място, Бялобжеги, Гловачевъ, устье Ильжанки. Въ числѣ германскихъ войскъ обнаружены вновь сформированныя части. Особенно упорный бой развивался въ районѣ Ежовъ—Рава, гдѣ мы овладѣли частью непріятельской позиціи. Существенный успѣхъ одержанъ былъ нами въ направленіи Новая Александрія—Зволень, гдѣ непріятель находился въ отступленіи и мы взяли въ пленъ до 50 офицеровъ, 3000 нижнихъ чиновъ; захвачены пулеметы и 8 орудій. Къ югу отъ Сольца наши переправившіяся черезъ Вислу части захватили въ пленъ 8 офицеровъ, 300 нижнихъ чиновъ; взяты пулеметы. Въ районѣ къ югу отъ Перемышля наши войска съ боемъ достигли желѣзной дороги Старое Мѣсто—Турка.

15-го октября французское правительство официально извѣстило, что въ теченіе всего 14-го октября германскія атаки во всемъ районѣ между Ньюпортомъ и Аррасомъ были значительно менѣе ожесточенны. Французы удержали всюду свои позиціи. Съ сѣвера и востоку отъ Ипра французскія войска продолжали продвигаться впередъ между Камбреномъ, къ юго-западу отъ Лабасэ, и Аррасомъ. Все болѣе и болѣе подтверждается, что потери германцевъ убитыми, ранеными и пленными были весьма значительны въ сѣверномъ районѣ. На правомъ берегу рѣки Эна германцы ночью произвели энергичныя атаки въ районѣ Кранъ на высотахъ Шмендедамъ, но были отброшены. Въ Веврѣ французскія войска продолжали наступленіе по лѣсамъ между Апремономъ и С.-Міюлемъ, а также въ лѣсу Лепретръ.

На побережьи Бельгіи продолжался ожесточенный бой. Германцы переходили черезъ Изерскій каналъ послѣдовательно семь разъ. Въ каналѣ образовались мосты изъ труповъ. Бой у Лабасэ закончился бѣгствомъ германцевъ передъ штыковой атакой англо-индійскихъ войскъ.

Удачнымъ артиллерійскимъ огнемъ взорванъ и совершенно уничтоженъ фортъ Врмачъ въ Каттарской бухтѣ. 14-го и 15-го октября австрійскіе аэропланы,

пролетая надъ Антивари, бросили девять бомбъ безъ результата. Бельгійскій генераль Гузи разбилъ нѣмцевъ на озерѣ Танганайка.

16-го октября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ четырехдневномъ сраженіи къ югу отъ Пилицы, въ лѣсахъ на линіи Бялогура—Гловачевъ—Полична—Яновець германо-австрійскимъ войскамъ нами было нанесено существенное пораженіе. Между Пилицей и Гловачевымъ геройскими усиліями нашихъ войскъ было 13-го октября окончательно сломлено сопротивление XX и гвардейскаго резервнаго германскихъ корпусовъ. Въ центрѣ послѣ упорнѣйшихъ боевъ намъ удалось утвердиться на опушкѣ лѣса въ районѣ деревень: Адамовъ, Севериновъ, Марьяновъ. На лѣвомъ крылѣ мы взяли штурмомъ укрѣпленную позицію у Полична и окружили часть Австрійцевъ у Бердзезжа. Въ ночь на 14-е октября непріятельскіе корпуса находились въ полномъ отступленіи къ линіи Едлинскъ—Радомъ—Илжа. Нами были взяты плѣнные и орудія. На лѣвомъ берегу Пилицы упорные бои на фронтѣ Ежовъ—Ново-Място продолжались. Въ Галиціи бои происходили на всемъ фронтѣ. На Санѣ нами было вновь взято въ плѣнъ десять офицеровъ, 500 нижнихъ чиновъ. Южнѣе Перемышля на нѣкоторыхъ участкахъ наши войска продвинулись впередъ. Въ Восточной Пруссіи непріятель сильно бомбардировалъ наши позиціи и ведетъ въ районѣ Бакаларжева настойчивыя атаки, которыя нами повсюду отражены. Успѣхъ, достигнутый къ югу отъ Пилицы, результатомъ котораго было отступленіе непріятели на большомъ фронтѣ, имѣетъ огромное значеніе.

«Армейскій Вѣстникъ» передалъ, что съ разрѣшенія верховнаго главнокомандующаго формируются польскіе легіоны. На перекресткахъ улицъ въ городахъ и мѣстечкахъ Западнаго края было расклеено слѣдующее воззваніе на польскомъ языкѣ: «Какъ одинъ человѣкъ, должны мы стать въ ряды русской арміи для удаленія пруссаковъ изъ предѣловъ царства Польскаго. Не допустимъ въ будущемъ обиды нашихъ братьевъ въ мѣстахъ, завоеванныхъ Пруссаками. Берутъ нашу молодежь, посылаютъ ихъ въ первые ряды войскъ, насилуютъ нашихъ матерей, сестеръ и дочерей; грабятъ наши имѣнія, оставляя послѣ себя нищету и опустошеніе. Воюютъ польскіе легіоны и во Франціи—туда прибыло 40.000 поляковъ изъ Америки. Мы твердо убѣждены, что наше начинаніе будетъ имѣть большое значеніе для тройственнаго согласія; что оно вызоветъ энергію въ слабыхъ, разбудитъ спящихъ, дастъ мужество и спокойствіе. Въ польскихъ легіонахъ будетъ введена польская команда. Оружіе, аммуниція и продовольствіе будутъ даны правительствомъ, обмундировка на свой счетъ. Болѣе состоятельные смогутъ сообразно своимъ средствамъ обмундировать неимущихъ».

Вслѣдъ за этимъ воззваніемъ указаны слѣдующія условія приема:

1) въ число легіонероу принимаются молодые люди, достигшіе восемнадцатилѣтняго возраста; 2) поляки-католики; 3) не бывше подъ судомъ; 4) каждый легіонеръ обязанъ соблюдать дисциплину; 5) не разрѣшается до окончанія войны оставлять ряды легіона; 6) каждый легіонеръ обязанъ представить свидѣтельство о состояніи здоровья; 7) принимаются всѣ безъ различія взглядовъ; 8) въ легіонахъ заниматься политикой воспрещается.

Издающаяся нѣмцами «Gazeta Czenstochowska» помѣстила слѣдующее курьезное воззваніе Вильгельма II къ полякамъ:

«Поляки. Вы, конечно, помните, какъ однажды ночью начали звонить безъ участія чловѣка колокола святого Святогорскаго монастыря.

«Тогда уже люди набожные поняли, что случилось великое и важное событіе, отмѣненное чудомъ.

«Событіе это—рѣшеніе мое воевать съ Россіей и отдать Польшѣ ея святыни и присоединить ее къ культурнѣйшей странѣ, Германіи.

«У меня былъ чудесный сонъ. Ко мнѣ явилась Богородица и приказала спасти ея святую обитель, которой угрожаетъ опасность.

«Она сматрѣла на меня со слезами, и я пошелъ исполнить Ея Божественную волю.

«Знайτε объ этомъ, Поляки, и встрѣчайте мои войска, какъ братьевъ и спасителей.

«Знайте, Поляки, что тѣ, кто со мною, будутъ щедро вознаграждены, кто противъ—погибнетъ.

«Со мною Богъ и Святая Богородица.

«Она подняла мечъ Германіи на помощь Польшѣ.»

16-го октября морское министерство официально оповѣстило слѣдующее:
«Морскимъ генеральнымъ штабомъ 16-го октября получена слѣдующая телеграмма англійскаго вице-адмирала Джерама:

«Я съ глубокимъ сожалѣніемъ долженъ сообщить, что стоявшій въ Пенангѣ ¹⁾ крейсеръ «Жемчугъ» былъ рано утромъ потопленъ германскимъ крейсеромъ «Эмденомъ», преобразившимся въ четырехтрубное судно. Не имѣя пока подробностей, я освѣдомленъ, что «Жемчугъ» имѣлъ славный бой».

«Находившійся въ составѣ Тихоокеанскаго флота крейсеръ «Жемчугъ», съ крейсеромъ «Аскольдъ», 12-го августа вышли изъ Владивостока для присоединенія къ флоту нашихъ союзниковъ и, съ высочайшаго соизволенія, поступили подъ команду англійскаго вице-адмирала Джерама. 21-го августа, получивъ отъ адмирала соотвѣтствующее приказаніе, крейсера вышли изъ Гонконга, причемъ «Жемчугу» было дано порученіе осмотрѣть море на югъ отъ острова Формозы.

«Исполнивъ данную ему задачу, крейсеръ затѣмъ былъ назначенъ для сопровожденія и охраны союзныхъ военныхъ транспортовъ.

«Съ 8-го сентября по 3-е октября «Жемчугъ» успѣшно занимался конвоированіемъ англійскихъ и французскихъ транспортовъ съ различными военными грузами на путяхъ Индійскаго океана.

«3-го октября адмиралъ приказалъ «Жемчугу» отправиться въ крейсерство къ островамъ Никобарскимъ и Андаманскимъ и къ Мергую, а затѣмъ итти въ Пенангъ, куда крейсеръ и пришелъ 14-го сего октября.

«15-го октября, въ 5 час. утра, въ темнотѣ, мимо сторожевыхъ судовъ прошелъ какой-то четырехтрубный крейсеръ, оказавшійся вполнѣдствіи германскимъ крейсеромъ «Эмденомъ», который для замаскированія своего наружнаго вида поднялъ фальшивую четвертую трубу».

¹⁾ Островъ Пенангъ (островъ принца Уэльскаго) находится въ Малакскомъ проливѣ, въ британской Остъ-Индіи у западнаго берега полуострова Малакки.

«Не отвѣчая на опознательные сигналы со сторожевыхъ судовъ, принявшихъ «Эмденъ» за корабль союзнаго флота, крейсеръ полнымъ ходомъ направился къ «Жемчугу», открылъ огонь и выпустилъ мину, которая взорвалась у кормовой машины.

«Жемчугъ», стоявшій въ полной боевой готовности, немедленно открылъ огонь по непріятелю, но вторая мина, взорвавшаяся у носовой части судна, потопила крейсеръ.

«Непріятель тогда же ушелъ и, по неprovѣреннымъ пока еще свѣдѣніямъ, вскорѣ потопилъ французскій сторожевой миноносецъ.

«Погибли убитыми и тонувшими мичманъ Сипайло и 85 человекъ команды, тяжело раненъ лейтенантъ Веняминовъ, легко ранены лейтенанты Селезневъ и Мардаревъ. Изъ спасенныхъ 250 человекъ команды 112 ранены».

«Страховая компанія рѣки Янтцкианга» получила изъ Коломбо подробности о жертвахъ германскаго крейсера «Эмдена».

Погибли пароходы: «Чилкана»—5.220 тоннъ, постройки 1914 года, принадлежавшій Британско-Индійской компаніи, «Троилусъ»—7.562 тонны, постройки 1914 года, принадлежавшій Океанской пароходной компаніи, «Венморъ»—4.806 тоннъ, постройки 1912 года, принадлежавшій Томсону и компаніи, «Геденъ-Брантъ»—3.984 тонны, постройки 1902 года, Меринбордь-компаніи изъ Тасманіи, «Эксфордъ»—4.545 тоннъ, постройки 1911 года, Тетемъ-Стемнави-гэшонъ компаніи, «Сентъ-Этбертъ»—5.596 тоннъ, постройки 1914 года, Британской пароходной компаніи.

Согласно официальному извѣщенію изъ Парижа отъ 16-го октября, двѣ атаки, произведенныя ночью на 15-е октября непріателемъ въ районѣ Диксмюде, были отбиты. Усилія германцевъ на фронтѣ Ньюпортъ—Диксмюде начинали, повидимому, слабѣть. Французы продолжали наступать къ сѣверу отъ Ипра. Между Лабасэ и Лансомъ французскія войска немного продвинулись впередъ. 15-го октября французы имѣли успѣхъ въ нѣсколькихъ пунктахъ боевого фронта, въ особенности въ районѣ Ипра и къ югу отъ Арраса. Ничего новаго не произошло на фронтѣ Ньюпортъ—Диксмюде. Между рѣкою Эномъ и Аргонами французы завладѣли нѣсколькими непріятельскими траншеями, причемъ ни одна изъ предпринятыхъ германцами частичныхъ атакъ не имѣла успѣха. Французскія войска продвинулись впередъ въ Апремонскомъ лѣсу.

16-го октября бельгійская миссія въ Петроградѣ получила слѣдующую телеграмму отъ бельгійскаго правительства (Гавръ) отъ 15-го октября: «Положеніе нашихъ войскъ на Изерѣ улучшилось. Огонь непріятельской артиллеріи, подбитой орудіями англійскаго флота, менѣе интенсивенъ. Военныя операціи союзниковъ въ окрестностяхъ Ипра вполне удовлетворительны».

16-го октября Турція въроломно и безъ всякаго предупрежденія, не объявивъ войны, открыла военныя дѣйствія противъ Россіи.

16-го октября въ Новороссійскъ неожиданно прибылъ турецкій крейсеръ «Гамидіэ» и предложилъ добровольно сдать городъ и казенное имущество, угрожая иначе бомбардировкой города, турецкіе офицеры, сошедшіе на берегъ съ

этимъ требованіемъ, а также турецкій консулъ были арестованы. Крейсеръ вскорѣ ушелъ.

Утромъ того же 16-го октября въ Теодосію пришло военное судно типа «Бреслау».

16-го октября, около семи часовъ утра «Гебенъ», «Бреслау» и четыре миноносца атаковали Севастополь. Они отбиты огнемъ батарей и атакой миноносцевъ. Около 7 часовъ утра на горизонтѣ показался «Гебенъ», произведшій рядъ выстрѣловъ по направленію Севастополя. На канонаду «Гебена» отвѣчала севастопольская крѣпостная артиллерія, послѣ чего крейсеръ обратился въ бѣгство. По пути слѣдованія онъ обстрѣлялъ предмѣстья Теодосіи. «Гебенъ» скрылся по направленію къ Керчи.

Съ 9 час. 30 мин. до 10 час. 30 мин. утра трехтрубный турецкій крейсеръ бомбардировалъ вокзалъ и городъ, повредилъ соборъ, греческую церковь, портовые амбары и молъ. Загорѣлся русскій для внѣшней торговли банкъ. Въ 10 час. 30 мин. крейсеръ ушелъ въ юго-западномъ направленіи.

При обстрѣлѣ турками депо было убито два и ранены три рабочихъ. Начальнику порта была передана записка на англійскомъ языкѣ, безъ подписи, въ которой предлагалось предупредить мирное населеніе, что черезъ два часа начнется бомбардировка сооружений, путей и амбаровъ. Турки подтвердили это аявленіе по-русски смотрителю маяка. Убытки, причиненные бомбардировкой, незначительны. Одна граната разорвалась въ квартирѣ турецкаго вице-консула.

Близъ Такильскаго маяка наскочилъ на непріятельскую мину, выпущенную «Гебеномъ», шедшій съ Кавказа въ Керчь пассажирскій пароходъ русскаго общества «Ялта». Спустя нѣсколько часовъ, пароходъ пошелъ ко дну. Пассажиры и команда были спасены. Посланный мѣстнымъ агентствомъ на помощь «Ялтѣ» пароходъ «Казбекъ» наскочилъ на двѣ мины и быстро погрузился въ воду. Погибло нѣсколько человекъ.

Таково вѣроломное начало войны Турціи, выразившееся въ бомбардировкѣ мирныхъ приморскихъ городовъ и потопленіи пассажирскихъ пароходовъ. Въ Петроградѣ и многихъ другихъ городовъ Россіи 16-го октября произошли многочисленныя манифестаціи.

На японо-германскомъ театрѣ военныя дѣйствія приняли слѣдующій видъ:

Бомбами японскихъ аэроплановъ были разрушены авіаціонный ангаръ въ Циндао. Японскіе авіаторы установили огромныя разрушенія въ городѣ и на фортахъ крѣпости, особенно въ пунктахъ, подвергавшихся обстрѣлу орудій крупнаго калибра. Форты Ильтисъ, Шаотаншанъ, Хойчжуанъ уничтожены этимъ огнемъ. Помѣщеніе циндаоскаго губернатора обращено въ развалины.

17-го октября послѣ обмѣна мнѣній между кабинетами Петрограда, Лондона и Парижа по поводу нападенія германскихъ и турецкихъ судовъ на русское Черноморское побережье, Англія и Франція одновременно предъявили въ Константинополь Блистательной Портѣ ультимативное требованіе о томъ, чтобы въ теченіе 24 часовъ изъ Константинополя и вообще изъ Турціи были вызваны всѣ нѣмцы-военнослужащіе и чтобы турецкіе черноморскіе порты были закрыты для судовъ, бомбардировавшихъ русское побережье.

17-го октября штабъ верховнаго главнокомандующаго объявилъ, что 15-го октября мы сломили сопротивленіе послѣднихъ непріятельскихъ частей, еще пытавшихся держаться къ сѣверу отъ Пилицы. Нылъ на всемъ завислинскомъ фронтѣ германскіе и австрійскіе корпуса находятся въ отступленіи. Стрыковъ—Ежовъ—Ново-Място были заняты нами. Въ Радомѣ вступила наша конница. Мы захватили нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, орудія, десятки пулеметовъ, обозъ, автомобили. Въ Галиціи положеніе оставалось безъ переменъ.

На восточно-прусскомъ фронтѣ уже четвертый день первый германскій корпусъ, поддержанный другими частями, велъ тщетныя атаки въ районѣ Бакаларжева. Потери непріятели достигали крупныхъ размѣровъ.

Согласно официальному извѣстію французскаго правительства отъ 17-го октября, на лѣвомъ флангѣ наводненія, вызваннаго бельгійской арміей въ долину Нижняго Изера, заставили непріятельскія силы, перешедшія черезъ рѣку, отступить обратно. Во время отступленія онѣ подверглись сильнѣйшему обстрѣлу со стороны бельгійской и французской артиллеріи.

16-го октября германцы пытались произвести ожесточенныя контръ-атаки противъ французскихъ и британскихъ корпусовъ, продвигавшихся въ сѣверо-восточномъ и восточномъ направленіяхъ отъ Ипра. Къ концу этого дня французскія войска тѣмъ не менѣе продолжали свое движеніе въ намѣченныхъ направленіяхъ и отняли у непріятели нѣкоторые опорные пункты.

Британскія войска, подвергшіяся въ нѣсколькихъ пунктахъ къ сѣверу отъ Лабасэ нападенію превосходныхъ силъ непріятели, перешли въ энергичное наступленіе и вновь заняли пространства, уступленныя раньше непріятели. Въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ линіи фронта они также отразили германскія атаки, нанеся при этомъ послѣднимъ серьезный уронъ. На остальномъ протяженіи фронта не было боевъ общаго характера, но лишь частичное наступленіе со стороны союзниковъ и со стороны непріятели.

Французы продвинулись впередъ почти повсюду, въ особенности въ нѣсколькихъ деревняхъ, расположенныхъ между Аррасомъ и Альберомъ, на высотахъ праваго берега рѣки Эна, ниже Суасона и по ту и по другую сторону Мааса, къ сѣверу отъ Вердена.

За послѣдніе дни были получены извѣстія, показывающія, насколько удачно развиваются операціи, предпринятыя съ цѣлью перехватить всѣ зафрахтованные германскимъ правительствомъ пароходы, которые снабжаютъ топливомъ и продовольствіемъ германскіе крейсера въ океанѣ. Французскій крейсеръ «Конде» захватилъ норвежское судно съ углемъ и провизіей. Англійскій крейсеръ «Бервикъ» захватилъ еще одного норвежца и одного американца съ боевыми запасами для германскихъ крейсеровъ «Дрездена» и «Карлсруэ». Онъ же на дняхъ арестовалъ норвежскаго угольщика «Горъ» и германскій пароходъ «Шпревальдъ», которые шли на свиданіе съ германскими крейсерами.

Англійскій миноносецъ «Дріандъ» выскочилъ на камни у береговъ Шотландіи. Команда вся была спасена.

Германскій пароходъ «Крефельдъ» прибылъ на островъ Тенерифъ и доставилъ туда команды съ тринадцати англійскихъ пароходовъ, потопленныхъ

германскимъ крейсеромъ «Карлсруэ» въ Атлантическомъ океанѣ. Общій тоннажъ уничтоженныхъ пароходовъ достигаетъ 60,000 тоннъ.

Бельгійское правительство опубликовало 17-го октября слѣдующій отчетъ о ходѣ военныхъ дѣйствій:

«Въ ночь съ 15-го на 16-го октября непріятель вновь пытался неожиданнымъ нападеніемъ захватить южную часть предмостныхъ укрѣпленій у Диксмюде, однако атака его была успѣшно отбита.

Въ теченіе дня 16-го октября фронтъ войскъ подвергся ожесточенной бомбардировкѣ; непріятель произвелъ здѣсь двѣ атаки пѣхотными войсками, одну противъ праваго фланга бельгійской дивизии, другую противъ двухъ смѣшанныхъ бригадъ другой дивизии, но былъ отброшенъ съ большими потерями; отдѣльные германскіе отряды потерпѣли жестокой уронъ. На другихъ частяхъ фронта въ теченіе дня ружейная перестрѣлка то возобновлялась, то утихала. Къ югу отъ Диксмюде германцы вынуждены были отступить въ направленіи Луйгема, Меркема и Биксхооте, гдѣ французы продвигаются впередъ.

Къ югу отъ Пассхендале германцы пытались наступать, но были отброшены и вынуждены отойти.

Къ югу отъ Руселаре и Лиса положеніе удовлетворительное; здѣсь всѣ атаки французовъ были удачны и имъ удалось продвинуться впередъ на многихъ пунктахъ. Многочисленные плѣнные свидѣтельствуютъ, что огонь пулеметовъ у союзниковъ весьма мѣткій и нанесъ противнику жестокой уронъ».

Турція реквизировала всѣ турецкія и иностранныя коммерческія суда для перевозки своихъ войскъ.

Англійскіе власти арестовали у береговъ Египта болѣе 20 германскихъ и австрійскихъ коммерческихъ судовъ.

Японцами подбиты орудія на трехъ фортахъ Циндао. Городъ мѣстами горитъ; жители укрылись въ блиндажахъ. Изъ стратегическихъ цѣлей японцы отступили отъ Суфанга.

18-го октября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на восточно-прусскомъ фронтѣ имѣли мѣсто упорные бои. Настойчивыя атаки германцевъ въ районѣ Бакаларжева спокойно отражались нашими войсками. За Вислой мы сильно тѣснили непріятельскіе аррьергарды на фронтѣ Лодзь—Завихвостъ. Въ числѣ другой добычи наши войска захватили парки, тяжелыя орудія и аэропланы. Въ районѣ Тарлова отступавшіе австрійцы 16-го октября были встрѣчены нашими войсками, перенаправившимися черезъ Вислу южнѣе Юзефова. Оказавшись подъ перекрестнымъ огнемъ, непріятель понесъ большія потери убитыми и ранеными и до 1,000 человекъ плѣнными.

Въ Карпатахъ австрійцы проявили наибольшую дѣятельность въ районѣ Турка.

Далай-лама предложилъ свою помощь Великобританіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Злонамѣренныя и насильственныя дѣйствія германскаго правительства вовлекли въ бѣду многія тысячи людей и вынудили британское правительство принять рѣшительныя мѣры для охраны и защиты интересовъ Соединеннаго королевства. Тибетское населеніе возлагаетъ всѣ надежды на британское правительство. Ламы во всемъ

Тибетъ молятся за успѣхъ англійскихъ армій. Прошу увѣдомить меня, не будетъ ли мнѣ разрѣшено прислать тысячу человѣкъ войска для службы подъ англійскими знаменами».

На западно-европейскомъ фронтѣ успѣхи нашихъ доблестныхъ союзниковъ продолжали развиваться. Всѣ нѣмецкія атаки сѣверо-восточнѣе рѣки Ипра союзники отразили и, продвинувшись на нѣсколько километровъ впередъ, прочно заняли новыя позиціи. Отходъ нѣмецкой дивизіи, рискнувшей переправиться со своими батареями на лѣвый берегъ Изера, происходилъ по затопленной мѣстности подъ губительнымъ огнемъ союзниковъ. Нѣмцы понесли большія потери. Позиціи нѣмцевъ представляли собою сплошныя траншеи, усиленныя нѣсколькими рядами искусственныхъ препятствій.

На лѣвомъ флангѣ непріятель производилъ сильныя атаки противъ фронта англійскихъ войскъ и на обоихъ берегахъ канала Лабасэ, но безуспѣшно. Замѣчалось усиленіе дѣйствій со стороны германцевъ въ районѣ Реймса и на правомъ берегу Мааса, къ югу отъ Френъ (Fresne), въ области Вевра.

Французское правительство извѣстило, что 17-го октября было отмѣчено попыткой германцевъ перейти въ общее наступленіе на фронтѣ между Ньюпортомъ и Аррасомъ, а также ожесточенными атаками, направленными противъ другихъ частей боевой линіи. Между Ньюпортомъ и каналомъ Лабасэ происходили послѣдовательно смѣнявшіяся наступленія и отступленія. Къ югу отъ Ньюпорта германцы, овладѣвшіе селеніемъ Рамскапелле (Ramscapelle), были выбиты оттуда контръ-атакой. Къ югу отъ Ипра французы завладѣли нѣкоторыми опорными пунктами. Отъ Голбека (Hoelbeek) и Зандворде (Zandvoorde) французы продвинулись на востокъ отъ Ипра по направленію къ Пасхендале. Между Лабасэ и Аррасомъ всѣ атаки германцевъ были отражены съ большимъ для нихъ урономъ. Въ районѣ Шона французы продвинулись за Лигонсъ (Lihons-en-Santerre) и завладѣли Лекесуа (Le-Quessou). Въ районѣ Эна французы также продвинулись на высотахъ праваго берега рѣки ниже Суасона, но должны были отступить по направленію въ Вайи (Vailly). Французы продвинулись въ районѣ Суэна (Souain). Ожесточенное сраженіе происходило въ Аргонахъ. Въ Веврѣ французы отвоевали у непріятеля еще нѣкоторое пространство лѣса Лепретръ.

Начался общій штурмъ Циндао. Германскій кавалерійскій отрядъ совершилъ набѣгъ на португальскую колонію Ангола. Во время перестрѣлки было убито трое германцевъ. Германскій посолъ передалъ великому визирю Турціи 50 тысячъ фунтовъ въ качествѣ аванса на содержаніе арміи. Въ Лондонѣ доставлены были изъ Россіи 12 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, переведенныхъ изъ русскаго государственнаго банка въ текущій счетъ русскаго правительства въ англійскомъ банкѣ. Великобританскій посолъ въ Константинополь предупредилъ Порту, что нападеніе на Египетъ будетъ разсматриваться, какъ начало военныхъ дѣйствій противъ Англій. Японскій военный министръ и его помощникъ пожертвовали пріамурскому комитету помощи раненымъ медикаменты на 10 тысячъ рублей.

По officialному сообщенію отъ 18-го октября положеніе дѣлъ у нашихъ союзниковъ обстояло въ такомъ видѣ: германцы продолжали производить оже-

сточенныя атаки въ районѣ къ сѣверу, къ востоку и къ югу отъ Ипра. Французы отразили всѣ эти атаки и даже слегка продвинулись впередъ къ сѣверу отъ Ипра и весьма значительно къ востоку отъ Ипра. Рано утромъ непріятельскими силами, наступавшимъ изъ долины Лиса, удалось овладѣть Голлебекомъ и Месинезомъ. Однако союзники энергичными контръ-атаками къ вечеру вернули обратно эти двѣ деревни. На остальномъ протяженіи фронта происходили ожесточенныя артиллерійскіе бои и нѣсколько контръ-атакъ, предпринятыхъ непріятелемъ съ цѣлью возвращенія пространства, отвоеваннаго союзниками въ теченіе послѣднихъ дней; однако атаки эти остались безрезультатными. Продолжалась весьма ожесточенная борьба въ Аргонахъ, гдѣ германцамъ нигдѣ не удалось продвинуться. По имѣющимся у французской тыловой службы статистическимъ даннымъ, въ теченіе одной лишь недѣли съ 1-го октября поступило подъ стражу 7.683 германскихъ плѣнныхъ, причемъ въ это число не входятъ раненые, находящіеся на излеченіи во французскихъ лазаретахъ, а также отряды плѣнныхъ, отправляемые съ фронта въ тыловое расположеніе арміи.

Того же 18-го октября бельгійскій генеральный штабъ оповѣстилъ о слѣдующемъ:

«17-го октября непріятель произвелъ ожесточенныя атаки въ окрестностяхъ Рампсканелле и Первиза; вторая изъ этихъ атакъ была отбита, первая же заставила наши войска немного отступить, но послѣ полудня уступленное пространство было отчасти вновь занято нами; наводненіе, площадь котораго простирается отъ Изера и желѣзной дороги до Ньюпорта и Диксмюде, доходитъ до окрестностей Первиза. Между Диксмюде и Луйгемомъ не произошло ничего существеннаго; союзники переправились черезъ Иперле и продвинулись впередъ къ востоку, непріятель же вынужденъ былъ отступить Биксхооте и Кортеееръ; въ Пасхендале и на р. Лисъ германцы удерживаются съ трудомъ. Въ общемъ положеніе измѣнилось весьма незначительно».

Въ опубликованномъ 18-го октября сообщеніи великобританскаго министерства иностранныхъ дѣлъ говорилось:

«Въ пятницу безъ всякаго предупрежденія турецкое правительство прервало телеграфное сообщеніе съ великобританскимъ посольствомъ въ Константинополь. Поступокъ этотъ является, безъ сомнѣнія, лишь первымъ шагомъ къ дальнѣйшимъ агрессивнымъ выступленіямъ со стороны турецкаго правительства».

Правительство Англіи должно принять всѣ необходимыя мѣры для защиты англійскихъ интересовъ, а также британской территоріи и Египта отъ нападеній, уже совершенныхъ или же еще грозящихъ имъ со стороны турокъ.

Въ началѣ войны Великобританія въ согласіи съ Россіей и Франціей обѣщала Турціи при условіи соблюденія ей нейтралитета, что ея независимость останется неприкосновенной. Съ тѣхъ поръ Англія всячески старалась поддерживать дружественныя отношенія съ турками, несмотря на умножившіеся случаи нарушенія Турціей своего нейтралитета въ вопросѣ о германскихъ военныхъ судахъ.

Съ того момента, когда «Breslau» и «Goeben» укрылись въ Константинополь, образъ дѣйствій Турціи сталъ вызывать въ Англіи недоумѣніе и безпокойство. Турція такъ и не исполнила своего обѣщанія удалить германскіе экипажи съ названныхъ судовъ; кромѣ того, со времени начала военныхъ дѣйствій Константинополь сталъ наводняться большимъ числомъ германскихъ офицеровъ, которые стали хозяйничать тамъ и заставили министровъ султана идти по пути агрессивной политики. Турецкій воен-

ный миннегръ, по наущенію германцевъ, стать приготовить войска для нападенія на Египетъ и на Суэцкій каналъ и заготовливать мины для минированія Акабакаго залива».

Далѣе сообщеніе привело дальнѣйшія подробности о германскихъ интригахъ, имѣющихъ цѣлю поднять мусульманъ на борьбу противъ Англій, и высказывало свою увѣренность въ томъ, что подобнаго рода интриги не смогутъ поколебать лояльности 70 милліоновъ мусульманъ Индіи и населенія Египта.

19-го октября русское правительство опубликовало слѣдующее официальное сообщеніе:

Получивъ извѣстіе о вѣроломномъ нападеніи германскихъ и турецкихъ судовъ на наше черноморское побережье, императорское правительство того же числа предписало русскому послу въ Константинополь заявить Портѣ о разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Турціей и объ отъѣздѣ своемъ со всѣмъ составомъ посольства и консульскихъ учрежденій изъ Турціи.

Защиту интересовъ русскихъ подданныхъ приняло на себя итальянское правительство.

Штабъ верховнаго главнокомандующаго 19-го октября оповѣстилъ, что на восточно-прусскомъ фронтѣ непріятельскій планъ прорыва въ центрѣ нашей укрѣпленной позиціи у Бакаларжева потерпѣлъ неудачу. За пять дней безуспѣшныхъ для германцевъ атакъ они понесли огромныя потери. Во многихъ мѣстахъ передъ нашими окопами накопились груды непріятельскихъ тѣлъ, стѣсняющія даже нашъ обстрѣлъ. На нѣкоторыхъ участкахъ восточно-прусскаго фронта наши войска продвинулись впередъ. За Вислой нами прочно были заняты Гостынинь, Ленчица, Лодзь и Островецъ. Въ Галиціи бои продолжались. Положеніе оставалось безъ существенныхъ переменъ.

Французское морское министерство дало слѣдующія дополнителныя свѣдѣнія о гибели нашего крейсера «Жемчугъ»:

«15-го октября, на разсвѣтѣ, германскій крейсеръ «Emden», предварительно измѣнивъ свой внѣшній видъ, вошелъ подъ русскимъ флагомъ въ англійскій портъ Пулопинангъ, на Малакскомъ полуостровѣ, атаковалъ и потопилъ посредствомъ выпущенной мины стоявшій въ гавани русскій крейсеръ «Жемчугъ».

«Emden» былъ атакованъ, въ свою очередь, французскимъ эскадреннымъ миноносцемъ «Mousquet», находившимся въ сторожевомъ охраненіи. Однако борьба между крейсеромъ и миноносцемъ была слишкомъ неравной, и послѣдній былъ потопленъ. Оставшійся въ живыхъ экипажъ его былъ взятъ на германскій крейсеръ, ушедшій въ море».

Оттоманскій повѣренный въ дѣлахъ 19-го сего октября прочелъ нашему министру иностранныхъ дѣлъ полученную имъ отъ великаго визиря слѣдующую телеграмму:

«Передайте министру иностранныхъ дѣлъ Сазонову, что мы глубоко сожалѣемъ, что враждебный актъ, вызванный русскимъ флотомъ, нарушилъ дружественныя отношенія обѣихъ державъ.

«Вы можете завѣрить императорское русское правительство, что Блистательная Порта не преминетъ дать этому вопросу надлежащее разрѣшеніе и что

Порта приметъ всё мѣры къ прекращенію возможности повторенія подобныхъ фактовъ.

«Вы можете заявить нынѣ же г-ну министру иностранныхъ дѣлъ, что турецкое правительство рѣшило запретить флоту выходить въ Черное море и что мы, въ свою очередь, надѣемся, что русскій флотъ не будетъ крейсировать у нашихъ береговъ.

«Я твердо надѣюсь, что императорское руссiйское правительство выкажетъ въ этомъ дѣлѣ такой же примирительный духъ, какъ и мы, въ интересахъ обѣихъ странъ».

По выслушаніи этой телеграммы министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ турецкому представителю, что онъ категорически отрицаетъ фактъ враждебной инициативы со стороны нашего флота и считаетъ, что теперь поздно вести какіе-либо переговоры. «Если бы, добавилъ министръ, Турція немедленно выслала всѣхъ безъ исключенія нѣмецкихъ военныхъ и морскихъ чиновъ, то тогда можно еще было бы приступить къ переговорамъ объ удовлетвореніи за вѣроломное нападеніе на наше побережье».

Въ виду того, что сдѣланное оттоманскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ заявленіе ничего не мѣняло въ создавшемся положеніи, министръ, въ заключеніе, заявилъ Фахръ-Эддину, что онъ получить паспорта для выѣзда на слѣдующій день изъ Петрограда.

19-го октября бельгійскій генеральный штабъ увѣдомилъ о слѣдующемъ:

«Непріятельскія силы, частью занимавшія Рамскапелле, были отброшены за линію желѣзной дороги Ньюпортъ—Диксмюде. Бомбардировка Ньюпорта носила довольно ожесточенный характеръ въ теченіе части дня; на другихъ пунктахъ нашихъ позицій огонь временно прекращался. Наводненіе между Изеромъ и желѣзной дорогой Ньюпортъ—Дюксмюде превратило мѣстность въ болото и сдѣлало необитаемыми непріятельскія траншеи. Къ югу отъ Диксмюде, между Линго и Пасхендале, французскія войска продолжали наступленіе. Къ югу отъ Пасхендале англійскія войска отразили атаки германцевъ, нанеся имъ значительный уронъ. Войска третьяго германскаго резервнаго армейскаго корпуса получили подкрѣпленія. одна изъ ротъ германскаго полка № 36 получила 90 человекъ, рота 12-го полка—45. Всѣ эти люди имѣютъ отъ 32 до 35 лѣтъ и, повидимому не отличаются стойкостью.

Французскія войска продвинулись впередъ къ сѣверу отъ Суэна. Англійскій крейсеръ «Hermes» былъ потопленъ миной въ проливѣ Па-де-Кале. Экипажъ былъ спасенъ французскимъ миноносцемъ; погубило сорокъ человекъ. Австрійцы бомбардировали Бѣлградъ. Отвѣтными выстрѣлами сербы взорвали пороховой погребъ въ Землинѣ. Атаки австрійцевъ у Еминова были отражены сербами.

Русскій посоль Гирсъ съ личнымъ составомъ посольства, а также многіе русскіе подданные отбыли изъ Константинополя.

20-го октября русское правительство опубликовало слѣдующее официальное сообщеніе:

Сообщеніе берлинскаго и вѣнскаго телеграфныхъ агентствъ, будто нашъ флотъ открылъ враждебныя дѣйствія противъ турецкой эскадры, является грубымъ вымысломъ, имѣющимъ явною цѣлью ввести въ заблужденіе обще-

ственное мнѣніе въ Константинополѣ. Последнее сознательно держится въ невѣдѣніи относительно вѣроломнаго нападенія, совершеннаго на наше побережье турецкими судами подъ руководствомъ германскихъ офицеровъ.

Тотъ же приемъ былъ уже использованъ Германіей при объявленіи намъ войны, которая оправдывалась вторженіемъ, будто бы, въ ея предѣлы русскихъ войскъ, между тѣмъ какъ ни одинъ русскій солдатъ до объявленія войны не перешелъ сосѣдней границы.

Точно такъ же и теперь, до начала враждебныхъ дѣйствій Турціей, русскій флотъ таковыхъ дѣйствій со своей стороны не предпринималъ.

Очевидно, что если бы инициатива нападенія исходила отъ русскаго флота, то бомбардировки портовъ и внезапнаго нападенія турецкаго флота воспослѣдовать не могло бы.

Штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ 20-го октября о томъ, что на восточно-прусскомъ фронтѣ наши войска нѣсколько продвинулись впередъ въ районѣ Владиславовъ—Роминтенскій лѣсъ. Германскія атаки въ районѣ Бакаларжева 18-го октября затихли, вслѣдствіе понесеннаго непріятелемъ жестокаго урона. За Вислой наши войска успѣшно продвигались по всему фронту. Петроковъ, Опочно, Ожаровъ были заняты нами. Происходили столкновения на путяхъ къ Опатову, гдѣ непріятельскій аррьергардъ былъ опрокинутъ нами, причемъ взято 400 плѣнныхъ, шесть пулеметовъ, обозъ. На Санѣ у Лезахова одинъ изъ нашихъ пѣхотныхъ полковъ достигъ сапой непріятельскихъ траншей, ворвался въ нихъ и, пользуясь возникшею у австрійцевъ паникой, овладѣлъ штурмомъ расположеннымъ вблизи временнымъ фортомъ; при этомъ нами было взято въ плѣнъ пять офицеровъ, пятьсотъ нижнихъ чиновъ и захвачены пулеметы. Колонна противника, спустившаяся съ Карпатъ и укрѣпившаяся у Надворной, была атакована и отброшена нами.

21-го октября былъ опубликованъ слѣдующій Высочайшій манифестъ:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Въ безуспѣшной доселѣ борьбѣ съ Россіей, стремясь всѣми способами умножить свои силы, Германія и Австро-Венгрія прибѣгли къ помощи оттоманскаго правительства и вовлекли въ войну съ нами ослѣпленную ими Турцію.

Предводимый германцами турецкій флотъ осмѣлился вѣроломно напасть на Наше Черноморское побережье.

Немедленно послѣ сего повелѣли Мы россійскому послу въ Цареградѣ, со всѣми чинами посольскими и консульскими, оставить предѣлы Турціи.

Съ полнымъ спокойствіемъ и упованіемъ на помощь Божию приметъ Россія это новое противъ нея выступленіе стараго угѣснителя христіанской вѣры и всѣхъ славянскихъ народовъ.

Не впервые доблестному русскому оружію одолѣвать турецкія полчища,— покараетъ оно и на сей разъ дерзкаго врага Нашей Родины. вмѣстѣ со всѣмъ народомъ русскимъ Мы непреклонно вѣримъ, что нынѣшнее безразсудное вмѣшательство Турціи въ военныя дѣйствія только ускоритъ роковой для нея ходъ событій и откроетъ Россіи путь къ разрѣшенію завѣщанныхъ ей предками историческихъ задачъ на берегахъ Чернаго моря.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ двадцатый день октября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, царствованія же Нашего въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

По кавказской арміи былъ объявленъ слѣдующій приказъ:

«Турки вѣроломно напали на наши прибрежные города и суда черноморскаго флота. Высочайше повелѣно считать, что Россія въ войнѣ съ Турціей, войскамъ ввѣренной мнѣ кавказской арміи перейти границу и атаковать турокъ. Генераль-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ».

Генераль-адъютантъ Никитинъ обратился съ воззваніемъ къ населенію южно-русскаго края, въ которомъ между прочимъ говорится:

«Насталъ и нашъ часъ. Позабывъ тяжкіе уроки прошлаго, подъ вліяніемъ германскихъ интригъ и подстрекательствъ, Турція выступила противъ насъ и хочетъ снова помѣриться силами съ великой нашей родиной. Турки надѣются, что Россія, втянутая въ борьбу на западѣ, не смѣжетъ отразить удара на югѣ, но сшибочны ихъ расчеты.

«Велики наши силы, хватить ихъ, чтобъ снова проучить нашего вѣкового врага. Въ своемъ стремленіи причинить вредъ Россіи турки произвели нападеніе на наши прибрежные города и, быть можетъ, попытаются высадить свои силы на берега Чернаго моря. Если бы это произошло, мирное населеніе должно сохранить полное спокойствіе, твердо вѣря въ несомнѣнную побѣду нашихъ вооруженныхъ силъ.

«Мы и армія заботимся о васъ и, не щадя жизни, оберегаемъ и будемъ оберегать цѣлость вашу, но предупреждаю, что мои распоряженія и требованія должны исполняться немедленно и безпрекословно, какъ лицами администраціи, такъ и всѣмъ населеніемъ. Невыполненіе ихъ, отступленіе или замедленіе будетъ караться мной безпощадно по законамъ военного времени и всей полнотою власти, мнѣ предоставленной.

Сольемся въ дружнѣй совмѣстной работѣ на великое дѣло защиты отчизны».

Такимъ образомъ, въ составъ нашихъ враговъ вступилъ еще новый— исторически-старый, неоднократно испытанный на себѣ всю силу русскаго побѣдоноснаго оружія и гибъ русскаго народа. Врагъ этотъ—Турція.

НА РОДНОЙ ПОЧВѢ ¹⁾

(Романъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XXV.

На морекомъ побережьѣ, блестя наго-
той, Не услышитъ ихъ небо, глуха къ нимъ
земля,
Изваянья склонили колѣни,
И ложатся отъ нихъ на песокъ золотой
Каменътъ суждено имъ на зноѣ...
И все мимо и мимо бѣгутъ корабли.
Неподвижно лиловыя тѣни... Недоступенъ имъ берегъ отлогій...
Точно люди застыли, кого-то моля... Эти жалкіе камни—не дѣти земли,
Небеса о дождѣ? Или смерть о покоѣ? Это ими забытые боги...

(«Листы пожелтѣлые». М. К.)

ВЕСЬ ДЕНЬ у Маруси болѣла голова, и она даже не поѣхала въ Публичную бібліотеку. Фанни Карловна ходила нарочно въ войлочныхъ туфляхъ, чтобы не беспокоить своей любимицы, и ея «Ак-кулине!» раздавалось изъ коридора вполголоса.

Къ обѣду пришелъ, по обыкновенію, и Данила. Блѣдность и черные круги подъ глазами невѣсты очень обезпокоили его, и онъ робко двигался, боясь шумѣть, и неловко цѣплялся какъ на грѣхъ за мебель и ронялъ со столовъ всякую мелочь.

— Ужасно душно!.. — пожаловалась наконецъ Маруся.

— Да, вамъ надо провѣтриться. Я тоже заработался и одинъ досидѣлъ до пяти часовъ. У насъ подъ стекляннымъ потолкомъ сегодня было какъ въ парникѣ. Знаете что? Прокатимся-ка на лодкѣ! Это освѣжить лучше всего!..

¹⁾ Продолженіе. «Истор. Вѣстн.», т. СXXXVIII, стр. 1.
«Истор. вѣстн.», ноябрь 1914 г., т. СXXXVIII.

Личникъ въ красной рубахѣ мѣрно и неслышно погружалъ весла въ отливавшую серебромъ воду. Съ зеленыхъ береговъ низко склонялись пышныя вѣтки, и подъ ними края рѣки казались почти черными. Въ воздухѣ плавалъ аромать липъ. Городъ все дальше уходилъ назадъ, и вскорѣ однѣ трубы фабрикъ еще высились надъ шапками садовъ и парковъ. Справа сквозь дымку стали вырисовываться выступы Лахты.

Море лѣниво переливалось подъ іюльскимъ солнцемъ. Мелькали чайки; то купаясь въ расплавленномъ серебрѣ, то сверкнувъ бѣлоснѣжными крыльями, онѣ съ жалобно-тонкими криками преслѣдовали яликъ и вдругъ исчезали изъ глазъ, и снова воцарялось безмолвіе. Изрѣдка попутный вѣтеръ приносилъ волну городского шума, гудокъ фабрики, лай собаки и дробный стукъ подковъ по деревяннымъ мостамъ.

Нервы понемногу успокоились. Маруся не думала ни о Лампушѣ, ни о вчерашнемъ разговорѣ ея съ Данилой. Только тамъ гдѣ-то глубоко въ душѣ было больно. Тупо отдавалось впечатлѣніе дѣдовскаго письма. Она терпѣла эту боль, привычную и обостряющуюся лишь невольнымъ напоминаніемъ о Колычевѣ, какъ терпятъ иногда долговременную тѣлесную, съ которой живутъ цѣлые годы.

Голосъ Данилы вывелъ ее изъ оцѣпенѣнія.

— Я въ сущности очень доволенъ, что Терехова ушла разгнѣванная, но крайней мѣрѣ она и васъ и меня оставитъ надолго въ покоѣ.

Маруся молча кивнула въ отвѣтъ. Говорить ей не хотѣлось, но Данила продолжалъ:

— Воображаю, придерется теперь къ этому случаю съ молодыми людьми въ вагонѣ и будетъ костить налѣво и направо все общество и ораторствовать со своей кликой...

— Какой случай?.. Ахъ да! съ этимъ чухонцемъ? Она будетъ совершенно права, случай возмутительный и не смѣетъ пройти даромъ...

Она снова замолкла. Далеко на горизонтѣ дымилъ пароходъ, но по морю бѣжали длинныя, медленныя волны и плеснули о яликъ... Невольно мысль перешла на Мику и, какъ живая, встала вчерашняя встрѣча на Невскомъ. А что если все-таки это былъ онъ? Мало ли почему онъ могъ задержаться осенью и не попасть на Востокъ.

Новый вѣтерокъ донесъ еще яснѣе дробь лошадиныхъ копытъ. Въ ладъ ей нарисовалась картина много разъ видѣннаго петербургскаго катанья, и мелькнуло: «Можетъ быть, въ одной изъ колясокъ сидитъ и «онъ» со своей дамой!..» Непреодолимо захотѣлось увидѣть ихъ еще разъ вмѣстѣ и провѣрить себя. Сходство, конечно, вещь вполне возможная, но вѣдь бываютъ и всякія случайности.

— Я устала сидѣть, — сказала она: — пристанемте... и пройдемте на Стрѣлку.

Они свернули въ устьѣ Средней Невки, и лодочникъ высадилъ ихъ у пристани близъ Елагина моста.

По пѣшеходной дорогѣ шли все также барышни и студенты, многіе въ велосипедныхъ костюмахъ вели свои машины. Параллельно по колесной дорогѣ тянулись шагомъ экипажи и все также сидѣли въ нихъ развалившіеся, скучающіе люди.

Зорко оглядывала каждый Маруся. Мелькали бѣлыя фуражки военныя, флотскія, гражданскія всякихъ вѣдомствъ, но никого похожаго на Мику подъ ихъ козырьками не было. Данила говорилъ что-то, она не влуншивалась, но старательно улыбалась.

— Къ чему возвращаться? Неужели съ вашими познаніями вы не найдете уроковъ?

— Конечно,—улыбалась Маруся.

— Увѣряю васъ, всегда найдется заработокъ. Только поискать. Если не уроки, обратитесь въ редакцію. Разъ печатали ваши стихи, дадутъ и переводы.

— Разумѣется!—поддакнула она и поблѣднѣла. Изъ-за спины толстаго кучера въ зеленомъ армякѣ мелькнулъ яркій бантъ. Пара вороныхъ заплясала на мѣстѣ. Рука въ бѣлой военной перчаткѣ открыла дверцу ландо, и выпрыгнувъ морякъ. Слѣдомъ какъ-то бокомъ сошелъ пожилой статскій и принялъ сперва маленькую черную съ желтыми лапками собачку, сразу зазвенѣвшую бубенчиками, а затѣмъ подаль руку, помогая сойти, дамѣ въ сѣромъ тальерѣ... Они... А третій?.. Куда они свернуть?

Они свернули направо, туда же, куда шла и она съ Данилою. Маруся прибавила шагъ.

— Куда это вы такъ заторопились?—спросилъ женихъ.

— Я рѣшила хорошенько прослѣдить и твердо запечатлѣть картину петербургскаго заката, а то вернусь въ Липовку и не сумѣю о немъ рассказать.

— Какъ вернетесь?.. Вѣдь вы же только что соглашались остаться?—недоумѣло произнесъ Данила.

— Ну, да, до самаго конца, пока солнце совсѣмъ не скроется,—бросила невѣста, не понимая его.—Сегодня здѣсь очень даже весело. Посмотрите, какое оживленіе.

Дѣйствительно, на полукругломъ выступѣ люди сходились и возбужденно переговаривались.

— А часовня у вокзала цѣла...—говорилъ встрѣчный щеголь въ монокль, лорнируя разгорѣвшееся дѣвичье личико подъ строгимъ *canotier*.

— Я увѣренъ, что простонародье сочтетъ это чудомъ,—отвѣтилъ его спутникъ, также кидая взглядъ на Марусю:—вѣдь наши мужики во всемъ согласны видѣть вмѣшательство свыше.

— Ахъ какой ужасъ!.. Мозги и лошади... Мнѣ ужасно жаль лошадей!—говорила барышня въ бѣломъ никѣ.

— Въ «Биржовкѣ» полное описаніе есть... Поѣдѣте посмотрѣть!—предложилъ студентъ съ заплатами на брюкахъ.—Мѣсто отгорожено.

— А развѣ пустятъ?.. Какъ жаль, что мы оставили велосипеды въ сторожкѣ!..

Данила прислушался... Что-то случилось...

«Не сегодня—завтра!»—прозвучалъ въ ухахъ голосъ Тереховой.

Маруся ничего не замѣчала. Она шла впередъ, чтобы догнать тѣхъ троихъ. Они миновали толчею и шли по набережной мимо поплавка и выстриженныхъ шарами деревьевъ къ еловой аллеѣ. Дама опиралась на руку статскаго, который велъ на привязи граціозно перебиравшую лапками собачонку, но разговаривала съ морякомъ.

«Онъ или нѣтъ?»—спрашивала себя въ сотый разъ Маруся, не отвѣчая больше ничего жениху, удивлявшемуся ея непостоянству. Хотѣла видѣть закатъ, а сама бѣжитъ отъ него.

— Да вѣдь тамъ востокъ!—попробовалъ онъ остановить ее.

Въ эту минуту тріо повернуло обратно.

«Онъ!»—Мика Нерадовъ, дѣйствительно, и выросшій, и похудѣвшій, и отпустившій маленькую бородку, которая очень его красила, шелъ рядомъ съ дамой въ сѣромъ тальерѣ и улыбался, какъ улыбался, когда-то танцуя въ Колычевѣ. Они поровнялись. Онъ поднялъ глаза, оглянулъ встрѣчную пару и оторопѣлъ. Его рука поднялась къ козырьку бѣлой фуражки. Онъ, очевидно, узналъ обоихъ и хотѣлъ остановиться, но Данила глядѣлъ въ сторону, а Маруся слегка кивнула ему головою и равнодушно прошла мимо...

«Pour cette fois des amants!..»—мелькнула у нея подслуханная вчера фраза.

Кровь отлила къ сердцу. Все глуше звенѣли бубенчики, все тише шуршаль шлейфъ по песку.—«Des amants...» Любовники... Конечно!.. Вѣдь онъ же говорилъ ей въ Колычевѣ, что мужчины предпочитаютъ замужнихъ... А эта была замужняя. Она сама видѣла обручальное кольцо на ея рукѣ изъ-подъ митѣнки... Этотъ господинъ съ собачкой—ся мужъ... Съ одной стороны мужъ, съ другой—любовникъ... Она еще разъ нарочно повтѣрила мысленно это грубое слово. Любовникъ замужней женщины онъ, Мика Нерадовъ... А она-то не переставала молиться о немъ... Какъ запретный рай рисовалась ей жизнь съ нимъ, пока онъ... Можетъ быть, эта любовница была уже у него, когда онъ пріѣзжалъ къ отцу... Можетъ быть, и не одна... Недаромъ онъ сынъ своихъ родителей...

«И сталъ къ ней лебедь подплыва-а-ать!»—прозвучало вновь, и какъ на яву нарисовался павильонъ Леды и скверная улыбка Нерадова... А мать, Ольга Львовна, ея былая тетя Оля?.. Развѣ она не «любовница»? Гражданская жена дяди Лепи... Это говорится для смягченія, а сущность та же.

Точно ушатъ помоевъ опрокинулся и залилъ все, что стояло на высококомъ, озаренномъ небеснымъ сіяньемъ алтарѣ. Въ стрѣльчатыхъ окна съ расписными узорными стеклами ворвался уличный смрадъ и заглушилъ благоуханье бѣлыхъ лилій. Вяли и скручивались серебристо-снѣжныя лепестки и опадали одинъ за другимъ... Герой, бившійся такъ часто въ ея мечтахъ за честь и славу родины, не только стоялъ развѣнчаннымъ, но превращался въ простого волокиту, кому не дорога ничья слава и честь... ни дурная слава облюбованной женщины, ни честь имени ея мужа...

Она круто повернула, чтобы бросить ему въ лицо послѣдній презрительный взглядъ, котораго онъ не могъ не понять, но уже ландо съ зеленымъ кучеромъ быстро катилось по дорогѣ и скрылось на поворотѣ.

Было девять часовъ, когда они вернулись, но Данила еще оставался, вопреки правиламъ фрау Артигъ, сдѣлавшей ему исключеніе изъ-за плохого вида не освѣженной прогулкою Маруси. Онъ сидѣлъ у окна и думалъ:

«Убійство Плене совершилось какъ по нотамъ. Терехова, дѣйствительно, хорошо освѣдомлена. Теперь начнутся аресты... Если она подь подозрѣнїемъ, то и вчера слѣдили за нею... Чортъ ее принесъ...»

— Лучше бы вамъ уѣхать,—обратился онъ къ невѣстѣ:—я положительно боюсь, что полиція нагрянетъ и сюда... За себя я не боюсь, мнѣ не привыкать, а...

— А мнѣ тѣмъ болѣе,—прервала она:—вы забываете, что я дочь своего отца. И если меня арестуютъ,—тѣмъ лучше!

— Вы сами не знаете, что говорите!

— Полноте, Данила Михайловичъ, я отлично знаю... все знаю. Напрасно вы опекаете меня. Я совершенно раздѣляю убѣжденія Лампуши. Нельзя однимъ проливать кровь, а другимъ только флиртовать... Я все, все понимаю... Я завтра же пойду къ ней и попрошу принять и меня въ ея партію. Я пойду спокойно на какое угодно дѣло, но оставаться зрительницей всего творящагося я больше не могу...

— Господи, да что съ вами? Что случилось, что могло такъ круто перевернуть ваши убѣжденія?

— Ахъ, они всегда были такими! Я всегда такъ думала, вы только не замѣчали. А теперь мнѣ надоѣло лицемѣрить. Гдѣ же Суворовы? гдѣ Нахимовы? гдѣ Кутузовы, о которыхъ насъ учили? Откуда имъ взяться? Уже съ молодости никто ничему не вѣрить, чему собирается служить. Все сгнило на корню.

— Марья Васильевна, Бога ради! Вѣдь это не вы говорите: вы наслушались Тереховой.

— Когда это? Вы мнѣ двухъ словъ съ ней наединѣ сказать не дали. И я давно хотѣла сказать,—мнѣ тяжело, вы обращаетесь

со мною, какъ съ ребенкомъ. Я не хочу... Оставьте меня... Дайте мнѣ волю! Дайте мнѣ быть самой собой, а не какой-то пай-дѣвочкой... Я не могу, не могу дольше!..

Она разрыдалась и, чтобы не услышали сосѣдки, зарыла голову въ подушку. Данила стоялъ совершенно растерянный. Вспышка была слишкомъ неожиданна. Они никогда еще не ссорились. Ему въ голову не приходило, что его заботливость въ тягость.

— Успокойтесь... ради Бога успокойтесь!.. Я все сдѣлаю... Но такъ нельзя. Скажите, что я долженъ сдѣлать? Чего вы хотите?.. Чѣмъ васъ успокоить?.. Я все сдѣлаю!..

Она продолжала всхлипывать, а онъ стоялъ, беспомощно озираясь. Наконецъ, вспомнивъ, что въ такихъ случаяхъ дается вода, онъ налилъ стаканъ и поднесъ его Марусѣ.

— Выпейте... одинъ глотокъ! Ну, голубушка! Прошу! Одинъ глоточекъ!..

Маруся скрипнула зубами. Тонъ былъ мягокъ, нѣженъ, а ей было бы легче, если бы Данила оборвалъ ее и наговорилъ рѣзко-стей. Онъ пробовалъ поднять ея голову съ подушки и коснулся ея. Отъ этого прикосновенія ее свела судорога непреодолимаго отвращенія. Онъ былъ физически противенъ ей, съ головы до ногъ, и она ясно поняла,—Лампуша права: онъ вовсе не подходитъ ей. Мысль о жизни съ нимъ—неисполнима. Да, да!.. она лицемѣрила, притворялась весь годъ. Она насилowała себя во имя донкихотства. Она думала, что вырвавшееся въ гротъ слово даетъ право отречься отъ счастья, которое само шло къ ней въ руки. Ради чести и никому не нужной утопіи она растоптала свое и чужое сердце. И свое мститъ ей... а чужое уже отмстило... оно забыло ее, но она не забыла. Она поняла, что только этого человѣка хотѣла всегда, съ дѣтства, что все мечты о даровитости, славѣ, счастьѣ, богатствѣ относились къ нему, всего этого хотѣлось при непремѣнномъ условіи его соучастія, а безъ него, какъ ни старалась она найти дѣло и цѣль въ жизни, ничто не имѣло смысла, все было неестественно, ходульно—жалкой комедіей...

Она приподнялась и совершенно новымъ взглядомъ окинула Данилу. Этотъ острый, всенаблюдающій взглядъ схватилъ растерянное и рабски-преданное выраженіе сѣрыхъ глазъ. На секунду стало жаль его. Она взяла себя въ руки, отпила воды и спокойно выговорила:

— Я очень устала и хочу лечь... Извините за беспокойство и идите къ себѣ. Вы тоже, вѣрно, устали.

Даже хватило силы коснуться губами его волосъ, пока онъ цѣловалъ ей руку. Но едва онъ вышелъ, она упала на кресло у окна и такъ присидѣла до утра.

Да, жить такъ не стоило... Все, что до сихъ поръ было дорого, потеряно. Ушли изъ жизни одинъ за другимъ такіе люди,

безъ которыхъ, казалось, не можетъ быть и самой жизни,—бабушка, тетя Оля, дядя Леша, дѣдъ, мать, самое Колычево,—но все это можно было перенести, зная, что то сердце помнить и страдаетъ за нее. А если и оно ушло и утрачено навсегда, то и ей надо уйти самой. Пусть эта ненужная ей молодая жизнь пригодится на что-нибудь нужное другимъ. Пусть явится искупительной жертвою за разрушенное счастье, за безумную тоску всего ея существа, лишеннаго законнаго, природнаго права на свое счастье. Тамъ, куда принадлежитъ Лампуша, нужны люди, готовые къ смерти, а она не только готова, она жаждетъ ея. Она броситъ бомбу безъ малѣйшаго колебанія, зная, что тутъ же погибнетъ отъ взрыва. И отлично!.. мгновенная смерть? Чего же лучше? Неужели легче умирать отъ болѣзни, наблюдая, какъ таютъ силы, какъ разрушаются ткани, какъ блѣднѣетъ кровь и вянуть мускулы? Неужели смерть Авдотьи Тарасовны завидна? Даже казнь милѣе, краше, чѣмъ это медленное разложеніе заживо въ ужасномъ, отравленномъ собственными испареніями воздухѣ, со всѣми отталкивающими подробностями обихода безнадежно-больной...

И пусть онъ, Мика, узнаетъ, что она погибла. Можетъ быть, на минуту въ объятіяхъ другой онъ вообразитъ себѣ ее, истерзанную, окровавленную, и ему захочется хоть мертвой дать одинъ поцѣлуй, отъ котораго она такъ непростительно легко отказалась при жизни, О, если бы она стала членомъ той лиги, о которой говорила Лампуша, она бы... да, она пошла бы къ нему и сказала...

Маруся выпрямилась. Неправда, она не пошла бы къ нему, никогда, ни за что! Ему она не нужна. Потому что если бы онъ желалъ ее, онъ сумѣлъ бы тогда же убѣдить ее, что она ребячески понимаетъ свое обѣщаніе Данилѣ. Вѣдь умѣлъ же онъ убѣдить эту чужую жену, что мужъ ни при чемъ и не можетъ служить препоною счастью. Зачѣмъ же не нашель онъ такихъ словъ съ нею? Зачѣмъ безъ малѣйшаго возраженія пошелъ и сказалъ Данилѣ, что она проситъ прійти на свиданіе? Явно, онъ и не думалъ любить ее, иначе она уже теперь была бы его женой... невѣстой... любовницей...

Яркая краска залила лицо: «Какой ужасъ! О чемъ я думаю!»—Нѣтъ на такую грязь она бы не пошла. Пошло и мерзко даже воображать себя въ этихъ условіяхъ... Ахъ, да и не объ этомъ вовсе теперь думать надо. Прежде всего надо разыскать Лампушу. Вѣдь она даже не знаетъ ея адреса.

— Схожу на курсы, это близехонько, и разузнаю.

Маруся живо нарисовала себѣ, какъ она явится къ Лампушѣ, что будетъ говорить, какъ вступить въ партію, и какъ на нее, въ память ея отца, возложить особо трудное порученіе.

Усталость взяла свое. Солнце давно зажглось на бѣлыхъ трубахъ сосѣднихъ крышъ, а Маруся сладко дремала въ креслѣ у окна, и ей снились удивительные сны, гдѣ Данила лѣзъ на бар-

рикаду, а Лампуша мотала длинныя, длинныя нити, точно телеграфныя проволоки, и ея покойный отецъ стоялъ рядомъ и торопилъ: «скорѣй!.. скорѣй! мы опять опоздаемъ!» и толкалъ ее въ плечо.

Она открыла глаза. Осторожно держа ее за плечо, стояла надъ нею фрау Артигъ въ ночномъ капотѣ и шапочкѣ съ рюшью изъ того же ситца, изъ-подъ которой тряслись безчисленныя папильотки.

— Вамъ телеграмма... надо расписаться!—шопотомъ по-нѣмецки говорила она.

— Что, что такое?—вскочила Маруся.—Отъ кого?

Трясущимися руками открыла она депешу: «Немедленно пріѣзжайте. Дома неблагополучно. Ваше присутствіе необходимо. Брякинъ».

Ноги подкосились.

Если вмѣшался предводитель, значить, дѣло дѣйствительно серьезное. Что случилось? Мать? Дѣдуся?.. И вдругъ все ночныя мысли, казавшіяся такими важными, исчезли. Фантазіи и грезы рассыпались. То, въ чемъ она ни за что не хотѣла признаться, встало повелительно.

Ея жизнь была нужна, но не деревенскимъ ребятамъ, не единомышленникамъ Лампуши, не Данилѣ вовсе, а тѣмъ, кто жилъ одиноко, брошенный ею на родной почвѣ. И все образы, родные и близкіе отъ дѣтскихъ дней, встали, окружили и звали обратно въ Колычево.

— Благополучно?.. въ чемъ дѣло? Господи...

Она, не медля ни секунды, стала собираться, а Акулину послала на телеграфъ. «Бду. Прошу отвѣтить, что случилось. Отвѣтъ оплаченъ».

Черезъ нѣсколько часовъ пришелъ отвѣтъ: «Дѣдушка скончался. Мать при смерти».

XXIV.

Зима. И послѣдняя вставлена рама,
И уличный грохотъ замолкъ.
Чуть слышится благовѣстъ храма,
Да вѣтеръ въ трубѣ завываетъ, какъ волкъ.
И душу тоскою томить поневолѣ,
И все не идетъ изъ ума
Далекое поле, кровавое поле,
Гдѣ шествуетъ рядомъ со смертью зима.

(«Въ тяжелую минуту» М. К.)

Прошло слишкомъ пять мѣсяцевъ съ той минуты, какъ на колычевскій дворъ принесли тѣло Игнатія Львовича. Случайно въ роцѣ на него ночью паткнулись пріѣхавшіе воровать лѣсъ мужики

изъ Метелицъ, Андронъ и Мина. Они срубили у самаго выѣзда на большакъ старую березу и отбѣжали на просѣку, чтобы, падая, дерево ихъ не задѣло, какъ вдругъ Мина споткнулася о человѣка... Человѣкъ покачнулся и сѣлъ въ прежнее положеніе, охвативъ руками колѣни.

У мужика затряслись поджилки. Онъ хотѣлъ крикнуть, но голоса не было.

— Чаво ты тамъ?.. иди вѣтви рубить!—окликнулъ его вполголоса Андронъ, когда, ухнувъ, свалилась береза.

Мина не двигался. Андронъ подошелъ и чиркнулъ спичку,—рядомъ было двое окаменѣвшихъ людей, одинъ стоялъ, другой сидѣлъ... Онъ тронулъ сидящаго и сквозь ткань холщеваго пиджака ощутилъ ледяной, трупный холодъ.

— Батюшки, да это никакъ старый баринъ колычевскій!—перекрестился мужикъ, узнавъ синія очки.

И мысль, что старикъ видѣлъ, какъ они рубили березу, заставила очнуться и Мину. Не сговариваясь, мужики собрали топоры и веревки и ускакали на привезенномъ передкѣ телѣги. Но не шлохнулся и все сидѣлъ мертвый старикъ, а рядомъ умирала срубленная береза. Она помнила, какъ онъ впервые везъ въ Колычево своихъ кутюковъ на Рождество, и шептала вянущими вѣтвями: «Всѣ они умерли, и я умираю!..»

Отсутствіе до глубокой ночи барина, ушедшаго съ ранняго утра, сильно встревожило Кирилловну. Случалось ему запаздывать въ городъ, но нынче онъ никуда не собирался, а, захвативъ полученное наканунѣ письмо, даже не напился чая и скрылся изъ дома.

Самоваръ съ крыльца такъ и не убирался, хотя и давно пересталъ урчать. Елизавета Ивановна успѣла пробѣжать половину «Wilhelm Meister», пообѣдать, проиграть всѣ экзерсисы, сдѣлать двадцать положенныхъ концовъ по аллеѣ,—а его не было. Послали къ отцу Силѣ, оттуда даже къ Большаковымъ,—его не видали... Прошелъ вечеръ, ночь, новое утро, и лишь къ полудню разнеслась вѣсть о находкѣ Мины и Андрона, проговорившихся женамъ.

Явился урядникъ, Савва Григорьевичъ, понятые... Составили протоколъ, и тѣло перенесли на больничныхъ носилкахъ въ Колычево.

Увидавъ свекра, словно спящаго на боку, Елизавета Ивановна даже не вскрикнула. Она такъ же упала во весь ростъ, какъ упала на порогъ гостиной, вернувшись изъ-за границы. Съ тѣхъ поръ прошло пять съ половиной мѣсяцевъ, насталъ рождественскій сочельникъ, а правая сторона все еще оставалась парализованной и языкъ ворочался во рту, тщетно сисясь выразить то, что жгло мозгъ и душу.

Савва Григорьевичъ все же не терялъ надежды на выздоровленіе.
— Только ручекъ не опускайте, милая барышня,—твердилъ онъ Марусѣ.

Но онѣ часто готовы были опуститься. На плечи легла цѣлая гора заботъ,—болѣзнь матери, слабоуміе подкошенной новымъ несчастьемъ Кирилловны, управленіе имѣньемъ, на которомъ тяготѣли обязательства двухъ закладныхъ, хозяйство, напоминавшее жалкіе лохмотья изъ заплатъ, возня съ батраками и прислугой и тысячи мелочей ежедневнаго обихода при полномъ одиночествѣ.

Иногда казалось, силы истощились, ихъ не остается не только на часъ,—на одну минуту. Это бывало въ сумерки, когда черезъ занесенныя снѣгомъ окна умирали въ комнатахъ послѣдніе проблески свѣта, и только неугасимая лампада у образа ся ангела озаряла сѣрыя стѣны съ едва замѣтными букетиками фіалокъ и деревянную кровать подъ шелковымъ, расплзавшимся отъ ветхости одѣяломъ. Въ ногахъ, на креслѣ, тряся головою, бормотала Кирилловна. Она вѣчно бормотала теперь, называя Марусю «матушка-Лизанька», а больную Елизавету Ивановну— «матушка-барыня», считая ее тою, кто мирно спалъ на погостѣ. О самой Марусѣ она говорила съ озлобленіемъ, какъ о причинѣ всѣхъ бѣдъ и напастей въ домѣ, и прибавляла: «И поминать не стоить! Ну ее, отщепенную!..»

«Отщепенная» горько улыбалась и ласково гладила сторбленные плечи, какъ гладятъ руки больного ребенка. Голова въ чепцѣ тряслась надъ зобомъ, и провалившіяся губы начинали новые безконечные рассказы о забытыхъ временахъ въ казенныхъ хоромахъ, называя никогда не слышанныя имена никому непамятныхъ людей.

Отъ этого бормотанья открывались закрытыя вѣки, и съ высоко взбитой подушки, одѣтой тонкой, заплатанной наволокой, горѣли жгучимъ огнемъ когда-то стеклянные глаза, силясь выразить то, чего не въ состояніи былъ вымолвить непокорный языкъ.

Лѣвая рука поднималась и тянулась къ Марусѣ, а та озиралась и старалась угадать, чего хочетъ больная: ѣсть? пить? утереть лицо? перемѣнить компрессъ?.. И, исполнивъ все, что казалось нужно, она цѣловала осторожно эту костлявую руку, а горящіе глаза съ подушки глядѣли все выразительнѣе, все отчаяннѣе, что дочь ихъ не понимаетъ...

Пять съ половиной мѣсяцевъ одиночества, полного страданій и необычайнаго, непрерывнаго труда...

Софроновъ, по совѣту Саввы Григорьевича, еще съ весны жилъ снова за границей и писалъ почтительно-нѣжныя письма Елизаветѣ Ивановнѣ, въ которыхъ сквозило глубокое разочарованіе и презрѣніе къ ея дочери, «достойной подругѣ Катинѣ Сѣвской»... Маруся, наконецъ, пересилила себя и написала ему о смерти дѣда

и состояніи матери, и тѣмъ переписка и завершилась. Съ Липовками у нея отношенія тоже совершенно порвались. Ни Зыгаидѣ Алексѣевнѣ, ни Горбушову, видно, было уже не до нея.

Иногда заходили Большаковы и отецъ Сила съ матушкой.

Но у всѣхъ были собственныя дѣла и заботы и, повздыхавъ надъ чужимъ положеніемъ, они возвращались домой, стараясь отмахнуться отъ безотраднѣйшей картины чужого, разваливающагося гнѣзда.

Маруся, проводивъ ихъ, уходила къ себѣ въ бывшій кабинетъ дѣда. Она поселилась въ немъ, какъ только сняли печати и было закончено слѣдствіе о Минѣ и Андронѣ, арестованныхъ по подозрѣнію въ убійствѣ. Напрасно молила она освободить ихъ. Нерадовъ, прибывшій со слѣдователемъ, наотрѣзъ объявилъ, что, «хотя знаковъ насильственной смерти на тѣлѣ Игнатія Львовича и не обнаружено, какъ земскій начальникъ, онъ все равно настаиваетъ на заточеніи, дабы другимъ неповадно было рубить помѣщичьи рожи».

— Богъ съ ними!—твердила дѣвушка.—Мнѣ не жаль березы...

Но слѣдователь далъ ей очень тонко понять, что при жизни хотя и больной матери Маруся не является фактической владѣлицей имѣнья и, чтобы смягчить этотъ приговоръ, нѣжно пожалъ ей руку и заглянулъ въ каріе, разучившіеся улыбаться глаза. Онъ очень охотно остался бы и пообѣдать, но Маруся холодно кивнула и проводила его до крыльца.

Вернувшись, она обошла кабинетъ и ласково коснулась каждой знакомой, давно не виданной вещи. Она сама съ тѣхъ поръ убирала комнату и клала на мѣсто всякую мелочь, какъ положилъ ее самъ хозяинъ, уходя въ послѣдній разъ, чтобы вернуться холоднымъ и скрюченнымъ мертвецомъ.

Ей всегда чудилось, дѣдъ тутъ и только вышелъ на минуту, а когда вечеромъ она ложилась на его узкую походную койку, и ея щека касалась все еще пахнувшей табакомъ подушки, ей казалось, она прижимается къ его груди. Она шептала всѣ тѣ нѣжныя слова, всѣ ласковыя имена, какія, бывало, они шептали другъ другу въ минуты особаго прилива взаимной привязанности.

Больно мучило, что ея уходъ изъ дома отравилъ старику послѣдніе мѣсяцы его жизни... Но онъ самъ не разъ писалъ, что она была права, и хвалилъ ее за мужество и твердость характера?..

— Вѣдь ты не сердиться на меня?—спрашивала она, любовно глядя его тужурку, прикрывавшую ей ноги, которой онъ любилъ прикрывать и свои:—вѣдь ты понимаешь меня? Мой собственный, родной дѣдуся!..

Вернувшись изъ Петербурга, она захватила лишь конецъ отпѣванья, и ее съ трудомъ оторвали отъ его мертваго лица. Теперь онъ спалъ на погостѣ рядомъ съ бабушкой, а она, урвавъ минутку отъ хозяйства, бѣжала на его могилу и прижималась лицомъ къ

перекладинѣ деревяннаго креста, какъ бѣгала бывало въ его кабинетъ, чтобы на мигъ прижаться къ его щекаѣ и шепнуть что-нибудь ласковое и хорошее. Она вѣрила, онъ тутъ и все видитъ и понимаетъ, и ей часто слышались его любимыя словечки и добрый, заразительный смѣхъ.

Но надо было возвращаться. Маруся шла по парку, загадочному и странному, съ облетѣвшими сучьями и обнаженными стволами, и между ихъ черными рядами выходила на устланный мусоромъ былой цвѣтникъ, а оттуда, обогнувъ справа домъ, поднималась на крыльцо. Дверь хлопала и впускала ее въ старое, совершенно освѣщенное жилище. Гулко отдавались шаги по пустымъ комнатамъ. На мигъ просыпались зеркала, скрипѣли половицы, но изъ угловъ глядѣла жуткая мгла, и въ сердцѣ вставало отчаяніе, что никогда, никогда замолкшій голосъ не разгонитъ гнета и волосатая рука не прижметъ къ пахнущимъ сигарою губамъ ея тяжелую отъ непосильныхъ заботъ голову.

Ночью она слушала стукъ дождя о стекла и журчаніе воды по жолобамъ, и ей казалось, это течетъ ея жизнь, безотрадная, какъ эта долгая, ненастная осень...

Однажды въ концѣ октября зашелъ Большаковъ и спросилъ ее, знаетъ ли она о существованіи второй закладной, на которую въ концѣ концовъ все-таки пришлось рѣшиться? Стали вмѣстѣ разбираться въ бумагахъ, и среди нихъ нашлось на ея имя письмо, написанное еще 1-го іюля, т. е. ровно за двѣ недѣли до смерти дѣда, но почему-то не отосланное имъ.

Маруся взяла письмо, но читать его при Большаковѣ ей не хотѣлось. Она нетерпѣливо ждала, когда онъ уйдетъ, но онъ сперва пустился въ назиданія и совѣты насчетъ закладныхъ, а потомъ, видимо, обрадовавшись случаю позлословить, прибавилъ:

— Кстати о закладныхъ. Говорятъ, нашъ-то земскій, Петръ Андреевичъ, пользуясь довѣренностью Софронова, умудрился всю мебель изъ Новаго кому-то заложить... Вотъ ужъ по комъ давно руднички сибирскіе тоскуютъ. Тоже вотъ къ Шемаевымъ втерся, якобы ихъ Глафиру для сына приглядывая, а, оказывается, барышню пришлось къ теткѣ въ Москву отправить, дабы уберечь отъ его собственныхъ ухаживаній. Теперь онъ самъ уже второй мѣсяць отсутствуетъ. Поѣхалъ въ Либаву сына провожать, онъ на эскадру къ Рождественскому назначенъ былъ, но та уже въ Покровъ съ якоря снялась, а его все не видать... Чортъ его знаетъ, гдѣ онъ путешествуетъ такъ долго.

Упоминаніе о Микѣ на секунду привлекло Марусино вниманіе, но сразу она поборола себя мыслью: «Какое мнѣ до него дѣло?..» И, чтобы не выдать своего нетерпѣнія остаться одной, сказала:

— Удивительно. Какъ же его терпятъ?

— А я ужъ и самъ не знаю, но все-таки убѣжденъ, что ему не одобровать. На какомъ-нибудь художествѣ шею сломить, это какъ пить дать.

Наконецъ гость всталъ, и она, проводивъ его, спѣшно вернулась въ кабинетъ и развернула смятый листокъ знакомой почтовой бумаги, исписанный знакомымъ дрожащимъ почеркомъ.

«Милая моя дѣвочка! всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, а когда на плечахъ семьдесятъ четыре года, то пора подумывать и о смерти. Посему и пишу это письмо, какъ бы въ завѣщаніе мое тебѣ, а почему—поймешь изъ дальнѣйшаго. Завѣщать мнѣ нечего. Все, что я накопилъ за рабочіе годы,—прожито, домъ переведенъ на твое имя, а старыя маватки мои никому не нужны, да и никакой цѣны не имѣютъ.

«Но есть у меня сокровища, которыя завѣщаю тебѣ, моя ласточка, это твои двоюродные братъ и сестра и ихъ мать — Ольга Львовна, по паспорту Нерадова, для меня и для Бога Яшнева.

«Не сердись на меня за это завѣщаніе. Ольга писала мнѣ, что существованіе дѣтей не новость для тебя, что Мика сообщилъ тебѣ о немъ, а, кромѣ меня и тебя, у нихъ никого со стороны ихъ отца, моего дорогого мальчика Леша, нѣтъ. Богъ прибралъ его. Богъ не далъ ему обезпечить этихъ столь желанныхъ имъ дѣтей, наславъ на него рядъ испытаній—разореніе, болѣзнь и эту несчастную войну, заставившую его семью покинуть послѣднее достояніе, домъ въ Дальнемъ, взятомъ японцами.

«Милая Маруся, тяжело жилось намъ съ тобою, но имъ еще тяжело. Дядя Леша скончался до сдачи Дальняго, и Ольга пишетъ мнѣ, что посылаетъ письмо, написанное имъ въ началѣ его болѣзни, которое онъ просилъ передать мнѣ, если Богъ не возьметъ меня раньше, а буде меня уже не станетъ,—твоей матери или тебѣ. Я жду это письмо. Оно, видно, застряло въ дорогѣ, но я почему-то чувую, что мнѣ его не дожждаться. Распечатай и прочти его ты и исполни все, о чемъ будутъ просить тебя тогда двое умершихъ. Стань заступою дѣтямъ передъ матерью твоей, а если по непреклонности своей она отъ нихъ отвернется, чѣмъ и какъ можешь—помоги! Мечтою моею было слить всѣхъ васъ въ одну семью. Вмѣстѣ жить и тепло, и дешевле. Ольга писала, что послѣднее время содержала себя и дѣтишекъ уроками пѣнья и музыки. Брось тогда твою школу, поселись съ нею, откройте, гдѣ захотите, школу на пять-шесть человѣкъ по семейному, у васъ дѣло пойдетъ и сыты будете. Сама она теперь уѣхала въ Иркутскъ. Вѣрочка у нея простудилась и слегла. Свою пенсію я выслалъ ей цѣликомъ за годъ впередъ, взявъ у Мирона Захаровича подъ вексель. Это всего четыреста рублей, но большаго сдѣлать я не могъ.

«Перечиталъ письмо,—нескладно, не то, что думалъ написать, когда садился, но главное тебѣ ясно: надо помочь. Помоги! А за

это Богъ благословить тебя. Молю, да приведетъ Онъ еще увидѣться намъ съ тобою. Ты была моимъ солнцемъ всѣ эти годы, съ минуты, гдѣ, помнишь, на диванѣ я впервые поцѣловать твои каріе глаза, глаза моего Васи, моего Леши. Они, судя по карточкамъ, перешли и къ тѣмъ обоимъ. Да благословить и этихъ моихъ внуковъ Господь!

«Матери твоей ничего заставить себя сказать не могу, но молю Бога, да смягчитъ Онъ ея изстрадавшійся духъ.

«Твой старый дѣдуся Игнатій Яшневъ».

Маруся сразу написала въ Иркутскъ до востребованія, но отъ Ольги не было отвѣта. Очевидно, она не прощала десятилѣтняго пренебреженія и нежеланія понять, что жизнь сильнѣе принциповъ и обѣщаній.

Сильно смущало Марусю и это письмо, полученное дѣдомъ наканунѣ его смерти. Куда дѣлось оно?..

Въ карманѣ его пиджака нашли только пустой бумажникъ, а въ немъ три карточки—ея собственную, снятую къ выпуску изъ гимназіи, и двухъ дѣтей. Отъ нихъ Маруся не могла оторвать глазъ, особенно отъ мальчика... Гдѣ же было это письмо, и что въ немъ написанное заставило бѣжать старика изъ дома, какъ раненаго звѣря, ищущаго укромнаго угла, чтобы умереть?.. Она исходила весь паркъ и всю рощу,—нигдѣ не нашлось клочка бумаги. А тамъ выпалъ снѣгъ, и началась зима... и стало вовсе не до гулянья...

Пять съ половиной мѣсяцевъ... Неужели?..

Сперва хозяйство шло по инерціи,—до Покрова жили батраки, нанятые дѣдомъ,—но они ушли, и въ домѣ остались только Грушка да Андрюшка. Четыре коровы и пара лошадей требовали ухода. Птица продолжала находиться въ вѣдѣніи Кирилловны, и она кормила ее совершенно механически, но все-таки приходилось присматривать, чтобы по слабоумію старуха не натворила какой бѣды. Зато сама Маруся вставала до разсвѣта и черезъ дворъ, по колѣна въ снѣгу, бѣжала доить коровъ и задавать кормъ скотинѣ, а потомъ стояла надъ Андрюшкой, начинавшимъ забываться и сваливать кое-какъ дѣло съ плечъ.

Бѣда была съ дровами. Ихъ не успѣли запасти. Маруся наняла мужиковъ и, увязая въ сугробахъ, указывала имъ сама для сруба высохшія деревья въ паркѣ, а потомъ вдвоемъ съ Андрюшкой собственноручно пилила ихъ.

Жили кое-какъ. Ъли запасенную съ осени капусту и огурцы, каши, молочное, яйца, а птицу продавали. Хлѣбъ тоже продали на базарѣ. Отецъ Сила только охнулъ, узнавъ, почему, но Маруся была рада и этому. Все-таки деньги, и можно было заплатить по второй закладной, а вотъ чѣмъ платить проценты по первой,—былъ вопросъ, не дававшій ей заснуть уже которую ночь.

Поглощенная ближайшими заботами, она не думала ни о Петербургѣ, — онъ и всѣ оставленные въ немъ казались такими далекими, чуждыми, сошедшими навсегда съ ея дороги, — ни о войнѣ, ни о томъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ, и когда Савва Григорьевичъ, махнувъ безнадежно рукою, заявилъ: «А Стессель-то хорошъ — сдался-таки!..» она спросила: — «Какой Стессель?» — И вѣсть о сдачѣ Портъ-Артура скользя по ней, какъ скользило все, не заставляя вниманіе оторваться отъ собственнаго горя.

Гораздо больше поставила ее втупикъ Грушка вопросомъ:

— А къ празднику мы нынче, значить, безъ «прибирки» останемся?

— Праздникъ?.. Ахъ, да! Рождество...

Начали прибирку. Обмели стѣны и потолки. Грушка пыхтѣла, скребя полы и натирая паркетъ въ гостиной, но занавѣси и чехлы такъ и не успѣла выстирать. Людей Маруся отпустила къ утрени, а сама осталась дома и затеплила въ образной давно изъ экономіи не горѣвшія лампы. Мягко упала въ спальню свѣтъ, отраженный старинными окладами. Мать проснулась и глядѣла съ подушки на давно не видѣнные строгіе лики.

За окномъ плакала метель, и сквозь ея вихлины доносились удары церковныхъ колоколовъ.

«Вотъ, — думала дочь, — придутъ люди изъ церкви, надо одарить ихъ. Для Грушки, кромѣ положеннаго рубля, найдется шелковая блузка изъ прошлыхъ лѣтъ, а Андрюшка? Меньше трехъ рублей дать, — онъ грубить начнетъ, а въ домѣ ихъ всего семь... Взять снова въ долгъ придется... Стыдно просить, всѣмъ кругомъ становимся должными, а иначе не выкрутятся... Большаковы дадутъ»...

Метель крутилась и пѣла. Маруся невольно вспоминалось Рождество за границей въ нѣмецкомъ городкѣ, съ нѣмецкой елкой, украшенной сотнями бездѣлокъ, домашними пряниками и марципанными издѣліями Анхенъ. Изъ квартиры фрау Зеличъ снизу доносилось пѣнье подъ аккомпанементъ рояля...

У нихъ тоже готова елка, но Кирилловна зажигать ее въ сочельникъ не позволяетъ: «Не бусурмане!.. На первый день успѣмъ!»

Вспомнилось Рождество въ Москвѣ. Бывало, на елку собирались подруги... Лампуша... Гдѣ-то она?.. Ни ей, ни Данилѣ она не писала и ничего теперь о нихъ не знаетъ. Иванъ Матвѣвичъ еще лѣтомъ ушелъ отъ Евграфова, женился и устроился гдѣ-то на югѣ. О немъ она изрѣдка слышитъ отъ Большакова, но о Данилѣ ни полслова. И слава Богу! Не время думать объ этомъ теперь.

Метель крутилась, рыдала и пѣла, а въ ея вихряхъ, въ брезжущемъ зимнемъ разсвѣтѣ вырисовывались, словно въ бѣлыхъ савапахъ, всѣ, кто праздновалъ когда-нибудь Рождество въ старомъ домѣ. Улыбались кроткія старыя лица съ вьющимися по вѣтру бѣло-снѣжными прядями, мелькали воздушныя пары, плясавшія въ бѣ-

лой виллѣ, весело возились вокругъ отягченныхъ пушистыми комьями вѣтокъ рѣзвые мальчуганы и тянулась къ алмазнымъ блескамъ звѣзды на вершинѣ маленькая дѣвочка... Съ подушки раздалось странное мычанье...

Маруся открыла глаза. Мать пыталась приподняться. Дѣвушка подскочила и, крѣпко обхвативъ за плечи, усадила больную. Лѣвая костлявая рука обняла шею дочери. Голова съ посѣдѣвшими, но все еще прекрасными волосами прильнула къ ея груди...

— Пр... пра... про... сти!—услышала дочь.

Если бы кто-нибудь сказалъ Марусѣ, что она еще способна на радость,—она ни за что бы не повѣрила. Но то, что вызвало это «прости!»—было выше радости, это было блаженство. Это было то, во что вѣрилъ Савва Григорьевичъ. Она вся дрожала, покрывая лицо и руки матери отрывистыми, крѣпкими поцѣлуями, и рыдала:

— Меня... меня прости!.. Я гадкая, злая... Я одна виновата... одна... одна!..

.....
Колокола давно отгудѣли, Елизавета Ивановна сидѣла прислоненная къ подушкамъ. Пальцы ожившей правой руки перебирали оборку кофточки. Изъ гостиной лилось: «Дѣво днесъ пресущественнаго рождаетъ»...

Вошелъ отецъ Сила.

— Съ празд... пи... комъ!..—вылетѣло изъ кривившихся улыбочкою губъ.

Подошелъ дядчокъ съ тарелочкой, украшенной краснымъ крестомъ. Маруся перекрестилась и сунула оставшіеся у нея три рубля въ руку матери, а та лѣвой здоровой рукой подняла больную правую и положила деньги на тарелку.

«Какое-то тамъ на войнѣ?»—подумала вдругъ дѣвушка,—и что значать всѣ наши горести передъ тѣмъ, что творится тамъ?..»

Снова поднялась рука и впервые послѣ долгаго времени положила крестъ за «раба Божія на водахъ плавающего Михаила».

Гдѣ онъ? Гдѣ наша русская надежда—эскадра, ушедшая въ октябрѣ подъ вымпеломъ Рождественскаго?

.....
Съ этого дня началось выздоровленіе Елизаветы Ивановны. Пускай все попрежнему бормотала Кирилловна и грубилъ Андрюшка, и била посуду Грушка, и приходилось по мелочамъ занимать налѣво и направо,—но на душѣ уже было полегче, былъ проблескъ, ради котораго стоило жить.

Теперь, когда урывалась минутка и Маруся садилась на низкое кресло и клала голову на постель матери, она съ радостью замѣчала, какъ все увѣреннѣе двигались воскресшіе пальцы, перебирая завитки ея сухихъ волосъ.

— Моя дѣточка!..—шептали все еще скривленные губы:—я рада...

— А какъ я рада!—отвѣчала дочь, покрывая подѣлуями эти пальцы.

Прошелъ Новый Годъ. Настало Крещенье. Кирилловна засуетилась и начала одѣваться.

— Куда вы, бабушка?—спросила Грушка.

— Водицу святить... водицу... генеральшу больную окропить... Генераль уѣхавши... ему новую звѣзду къ Новому Году пожаловали... Топорковъ привозилъ... а генеральша больна... Надо Сергѣя Петровича Боткина, его фертъ этотъ, Карауловъ молодой, рекомендовалъ... я Боткину водицу дамъ... пусть кропить...

Она завязывала ленты шляпки и доставала все еще быстрыми и ловкими руками шубку. Грушка, прыснувъ со смѣху, помчалась къ Марусѣ.

— Пойди съ ней на Ердань,—приказала та серьезно.

Помогла ли святая вода изъ родной Оболони, или молитва преданной и въ слабоуміи души, но къ вечеру возстановилось движеніе руки до плеча и стала двигаться нога. На другое утро Савва Григорьевичъ на радостяхъ расцѣловалъ Марусю...

— Скоро танцовать приду!—пошутить онъ въ передней.

Едва дочь вернулась въ комнату, Елизавета Ивановна помашила ее и сказала совершенно ясно:

— Напиши жениху, что я согласна на вашу свадьбу.

У Маруси упало сердце.

— Не надо, мамочка! не надо...

— Надо, я хочу!

— Но я не хочу!—стучало дѣвичье сердце, а высказать этого вслухъ было нельзя...—Подождемъ... подождемъ!..—твердила только Маруся.

— Нѣтъ, напиши!—настаивала больная:—ты довольно страдала. Вы все изстрадались изъ-за меня. Фатенька умеръ по моей винѣ...

Маруся слушала и поняла вдругъ, почему такъ горѣли глаза на подушкѣ и чего искала хватавшая воздухъ рука. Прощенья... Искушенья... Открылась вся глубина страданій духа, мятущагося въ безмолвномъ, неподвижномъ тѣлѣ. Безконечная жалость охватила душу и показалось невозможнымъ отказать больной.

— Хорошо... я напишу!..

«Но что?.. Связать себя снова?.. О Господи»...

А мать гладила темнѣющіе съ годами завитки. Крупныя слезы скатывались изъ горящихъ глазъ на подушку, первыя облегчающія слезы. И такъ просительны были эти сѣрые глаза подъ черными дугами бровей, что Маруся ушла въ кабинетъ и за письменнымъ дѣдовскимъ столомъ написала:

«Истор. вѣстн.», ноябрь 1914 г., т. сxxxviii.

«Дорогой...—она долго не рѣшалась написать это слово. Она ставила: «многоуважаемый», «любезный», «милый»,—выходило то официально, то пренебрежительно, то интимно, и она написала: «Дорогой Данила Михайловичъ, спѣшу подѣлиться радостью: мамѣ гораздо лучше, она простила меня и согласна на нашъ бракъ. Напишите, какъ ваши дѣла и что вы намѣрены дѣлать. Искренно преданная М. Яшнева»...

— Вы на «вы»!—спросила удивленно Елизавета Ивановна, когда дочь прочла ей письмо.—Странно... мы съ твоимъ отцомъ сразу говорили другъ другу ты... Впрочемъ, такъ оно, пожалуй, и лучше.

Письмо было вручено отцу Силѣ, съ просьбой хранить пока тайну. 8-го января оно отправилось въ Петербургъ.

XXVII.

Молись ты сердцемъ, не знавшимъ страсти,
И перастраченной душой
За тѣхъ, кто въ бурю и руль, и снасти,
И хрупкій челнъ теряетъ свой.
Та злая буря тебя не била,
Тотъ знойный вихрь не жегъ тебя..
А если бъ жегъ онъ,—была ли бъ сила
Прожить, души не загубя?..

(«Листы пожелтѣлые». М. К.)

Когда 16-го іюля почтовый поѣздъ Николаевской дороги, надавая ходу, скрылся среди тянущихся вдоль рельсовъ построекъ, Данила еще долго смотрѣлъ ему вслѣдъ.

Все такъ же сновала и суетилась толпа на вокзалѣ, все такъ же звенѣли конки по разрытому Невскому, все такъ же, подымая локти, понуцали ваньки лошадей и лихо объѣзжали груды наваленныхъ торцовъ, и такъ же шли пѣшеходы по обоимъ широкимъ тротуарамъ, но ему казалось, онъ идетъ по вымершей пустынѣ.

Сѣрая безотрадная пелена застилала все кругомъ. Кровь стучала въ вискахъ и въ сердцѣ, а ему чудилось, что это мѣрный прибой огромныхъ волнъ о сѣрые, безнадежно-безплодные берега, и онъ одинъ на нихъ. Умеръ послѣдній отзвукъ жизни. Все пусто. Ночи нѣтъ, потому что нѣтъ солнца. Нѣтъ тьмы, потому что нѣтъ ея антитезы—свѣта. Мгла, и только мертвая зыбь мертвыхъ, безжизненныхъ водъ, безъ рыбъ, безъ водорослей, безъ инфузорій ударяется о голыши и пески, зарывшіе все, что было красою земли, что радостно цвѣло, сверкало, пѣло, пока жило то, для чего стоило жить, пока вѣяли крылья, благоухали цвѣты, переливались и играли лучи и краски привѣтомъ владычицъ міра—любви...

Машинально дошелъ Данила до Адмиралтейства, пересѣкъ Александровскій садъ и черезъ Николаевскій мостъ добрелъ до школы на Острову.

Кузьма спалъ по обыкновенію на кровати за перегородкой. На звонокъ онъ лѣниво всталъ и открылъ дверь.

— Я думалъ, васъ опять не будетъ!—буркнулъ онъ и обомлѣлъ. Сѣрые глаза глядѣли точно изъ пустоты. Ни кровинки не было въ веснушчатомъ лицѣ. Молча прошелъ Евграфовъ въ студию, молча сѣлъ на мѣсто и отточилъ карандашъ. Гусевъ, поправлявшій ученику въ студенческой тужуркѣ торсъ Геркулеса, окинулъ его позрительно и шепнулъ:

— Посмотрите,—по-моему, Евграфовъ боленъ... Голубчикъ, что съ вами?—обратился онъ къ Данилѣ,—вамъ нездоровится?

— Нѣтъ... Такъ! Ничего...

Онъ досидѣлъ до конца, но когда вышелъ съ другими изъ школы, оторопѣлъ: «куда же идти теперь»? За этотъ мѣсяцъ онъ совершенно отвыкъ отъ той жизни, которой жилъ съ конца октября въ Петербургѣ, разставшись съ Марусей у Симы. Ему нужно было сдѣлать усиліе надъ собою, чтобы свернуть къ себѣ, а не на квартиру фрау Артигъ. Онъ дошелъ до огромнаго углового дома, сплошь занятаго мебелированными комнатами, взялъ съ доски въ коридорѣ свой ключъ, вошелъ и остановился среди кельи. А дальше?...

Направо тренькала балалайка. На мотивъ «Барыни» жиденькій тенорокъ выводилъ непристойную пѣсню и кто-то весело откликнулся: «Ну-ка, валий еще! Эхъ, здорово! Такъ ихъ, катать каналій!»

Стѣва стучала машинка. Онъ зналъ, что за этой стѣною жила товарка Тереховой, существовавшая перепискою лекцій, но никогда не интересовался ею. И теперь было странно, что она все еще тутъ, и такъ же стучать клавиши буквъ и слегка щелкаетъ линейка, передвигая листъ для новой строки.

— Ну, дуй!.. не церемонься, а я новую откупорю!..—прервалъ пѣсню другой голосъ, и послышался ударъ ладони о дно бутылки.

Пробка хлопнула и щелкнула о стекло окна.

— Важно! авось какому-нибудь фараону въ носъ угодить... Ха-ха-ха!..—раздался смѣхъ.

«Пьютъ, счастливые! Пьютъ... Весело — пьютъ, чтобы еще веселѣе было; горько—пьютъ, чтобы забыться...» и словно въ отвѣтъ раздалось, фальшивя:

Сердце ли бьется, ность ли грудь,—
Пей, пока пьется, все позабудь!..

«Попробовать? не все ли равно? Кому я нуженъ? Вчера еще былъ нуженъ, а сегодня?»..

Вызванный утромъ по телефону, онъ стрѣлою помчался къ фрау Артигъ и засталъ уже уложенными и чемоданъ, и корзину Маруси. Прочтя депешу, онъ понялъ, что она возвѣщаетъ не только смерть семидесятилѣтняго старика, но и его собственную, конецъ его молодой, въ расцвѣтѣ силъ жизни. Возвращеніе въ Колычево

было концомъ Марусиной самостоятельности, рѣшимости устроиться по-своему. Оно приводило къ неминуемому примиренію съ матерью, а затѣмъ...

Онъ содрогнулся и сразу осунулся. Поблѣвшими губами спросилъ онъ:

— Когда же мы увидимся?

Она такъ странно взглянула, точно онъ спросилъ о невѣроятномъ и невозможномъ больше.

— Налишите, какъ доѣхали!..—попросилъ онъ опять.

Она снова подняла на него каріе задушевные, полные невыразимой прелести глаза и отвѣтила:

— Доѣду, не беспокойтесь!—и прибавила:—Спасибо за всѣ хлопоты и извините, что я такъ отрывала васъ отъ работы. Теперь по крайней мѣрѣ вы безъ помѣхи можете готовиться въ академію.

Но ни капли чувства и тепла не слышалось. Это была просто фраза, фраза дѣвушки ея круга, одна изъ фразъ привитого, а можетъ быть, и врожденнаго приличія, которыми обмѣниваются, вѣроятно, такъ называемые «свѣтскіе» люди.

А онъ былъ готовъ броситься къ ея ногамъ и молить:

«Не забывайте, не отталкивайте! Дайте хоть каплю надежды, что васъ не захлестнутъ вновь традиціи подгнившихъ устоевъ, что вы не погрязнете въ тинѣ семейнаго деспотизма, не заросте въ пошлость дозволеннаго дѣвущкѣ своихъ дарованныхъ Богомъ силъ». И не это одно... Даже вовсе не это...

Хотѣлось крикнуть: «Неужели ты не будешь моею? Неужели никогда не коснусь я тебя? Неужели ты, дѣвственно прекрасная, достанешься другому, кого я не знаю и не смогу задушить, чтобы онъ не смѣлъ покуситься на тебя, мною боготворимую, мнѣ обѣщанную тобою самою, мнѣ принадлежавшую въ мечтахъ и воображеніи?»

Мечта ушла, но жизнь оставалась. Направо пили и орали непристойныя пѣсни,—налѣво стучала машинкой женщина?.. дѣвушка?.. Пойти напиться съ тѣми, а потомъ ворваться къ этой и, взявъ ея честь и поцѣлуй, съ закрытыми глазами рисовать себѣ ту, уѣхавшую, отнятую, невозвратимую.

Опять?.. Опять передъ глазами замелькали синія шаловливыя звѣзды. Согнутая рука и грудь ощущали тепло дѣвичьяго тѣла. На губахъ было чувство не утоленной жажды и щеки словно коснулись мягкія, осторожныя губы, искавшія его губъ, а ноздри защекотала сладковато-приторный запахъ конопли... «Журавель колодезный! Аль не понравилось? Не такъ цѣлую?» «Прощайте, Михалъ Демьянычъ!..» говорилъ дразнящій, истомный голосъ... И лоснилась въ освѣтѣ зарн розоватая блузка на пышной и красивой груди...

... Черезъ двѣ недѣли было прочито и прокучено все заработанное копѣями въ музеѣ. Потомъ начались попойки и кутежи на счетъ другихъ. Мертвецки пьянаго привозили его изъ притоновъ. Онъ просыпался на своей смятой и загрязненной койкѣ, въ воздухѣ, зараженномъ послѣдствіями пьянства, съ ломящейся отъ боли головою. Снова стучала кровь въ виски. Снова ударялись волны о берега. Это были красныя волны о черные берега, на которыхъ горѣли красныя костры. Краснымъ безобразнымъ смѣхомъ смѣялась вокругъ круто измѣнившаяся жизнь, а въ ея отсвѣтахъ мелькали Леви, Фильберги, Ахуны, Сивкова, Лютковская, и звучный голосъ Тереховой вѣщалъ:

«Лафа! Мы заставили правительство измѣнить курсъ! Слышите,—повѣяло новой весной...»

— Ужасная обида,—разсказывалъ Гусевъ вернувшемуся въ октябрѣ профессору школы, разглядывая привезенные съ юга этюды:—Евграфовъ нашъ вѣдь, несмотря на манифестъ, и не явился на конкурсъ. Чортъ знаетъ,—никогда парень капли въ ротъ не бралъ, а тутъ такъ крутилъ, что изъ каталажки выручать приходилось. Все лѣто съ какой-то дѣвицей изъ провинціи нянчился, мы его дразнили и просились въ шафера, онъ ее ни съ кѣмъ не знакомилъ, а какъ она уѣхала, совсѣмъ съ панталыка сбился. Вчера такимъ ободранцемъ меня на улицѣ остановилъ. Просится опять работать. Нѣтъ ли у васъ чего надѣть ему? Съ меня не налѣзетъ... А въ такомъ видѣ въ школу съ барышнями рядомъ не посадишь!..

— Евграфовъ?.. Да, жаль! Талантливъ... И на что ему академія? Онъ лучше всякаго изъ насъ пишетъ. Надо, надо принять въ немъ участіе. Хорошо его пригрѣть. Погодите, спрошу у жены. Пусть отберетъ возможное, и засаживайте его за работу. Грѣхъ дать парню захлебнуться... А? Каковъ типикъ?.. — щелкнулъ профессоръ тутъ же по холсту съ загорѣлой дѣвушкой, грызущей на завалинкѣ сѣмечки:—а еще твердятъ, будто народъ вырождается. Отъ такихъ красотокъ и потомство кровь съ молокомъ будетъ. Подождите малость.

Онъ усмѣхнулся, вспомнивъ, какъ весело проводилъ лѣто среди деревенскихъ красавицъ въ центрѣ Россіи, пока жена съ дѣтьми купалась въ Евпаторіи.

Какъ ни увѣщевалъ Гусевъ Данилу, какъ ни страдалъ его профессоръ, что онъ ступилъ на торную, гибельную дорогу всѣхъ русскихъ талантливыхъ людей, сынъ Михайлы Демьяныча, до 29 лѣтъ не пригубившій изъ принципа зелья, выдѣлываемаго съ помощью тятеньки, пристрастился къ казенному добру. Иногда онъ вдругъ словно одумается и возьметъ себя въ руки. Проходила недѣля, другая—онъ не притрагивался къ вину, но первая же выпитая по безхарактерности рюмка лишала воли,—онъ бросалъ школу, въ музеѣ его мольбертъ отодвигался въ дальній уголъ и наконецъ вовсе

убирался, потому что хозяинъ пропалъ на дѣлный мѣсяцъ, пропивая съ себя рѣшительно все, какъ пили, бывало, въ кабацѣ на плотинѣ Прошка и мужики изъ экономіи его отца. И тогда, рядомъ съ высокими и трогательными истинами и красивыми фразами, у него срывались такія словца и выраженія, точно ихъ изрыгалъ самъ его степенство повелитель Евграфовки.

Лампуша, узнавъ о пьянствѣ Данилы, приняла въ немъ горячее участіе. Въ ноябрѣ она умудрилась вновь экипировать его, и онъ далъ ей слово, что это больше не повторится. Но, зайдя къ нему передъ Николинымъ днемъ, она застала его опять блѣднаго, грязнаго, съ красными бѣлками. Стаканъ и пустая бутылка говорили достаточно. Рядомъ лежало начатое письмо.

— Ну, такъ и есть!.. «Моя единственная, безцѣнная, моя Мар...»

— Конечно, изъ-за нея... Всегда изъ-за нея... Господи! Неужели эта кисявка такъ присосалась къ нему?..

Цѣлый водопадъ упрековъ, увѣщаній, высокихъ выраженій и возваній къ уму и совѣсти огласилъ стѣны съ грязными обоями и упирившимся въ мутное небо окномъ. Данила, безпомощно свѣсивъ кудлатую, нечесанную голову, крутилъ трясущимися красивыми пальцами спутанную бороду, какъ вдругъ женскій голосъ отчеканилъ:

— Это все изъ-за этой буржуйки? И что нашли вы, съ вашимъ умомъ, въ такомъ ничтожествѣ, въ этой помѣщицкѣй куклѣ съ торричеліевой пустотой подъ взбитыми завитками?.. Повѣрьте, вы лично, какъ вы,—ей вовсе не нужны. Она уцѣпилась за васъ, потому что никого подходящаго не было. Ей только бы вѣшать на шею мужчинамъ, а вы изъ-за нея пьете!..

Но вдругъ передъ самымъ лицомъ краснорѣчивой пріятельницы взмахнулъ кулакъ и громыхнулъ по столу...

— Не смѣть!—просипѣлъ бѣшеный голосъ.—Ремень у ея сапогъ развязать недостойны! Молчать! Пью, потому что ея не стою, и, пьянствуя, еще меньше стою!.. Къ чистой чистоту подходитъ надо, а не опорочившему чистоту свою... Пр.. рочь!..

Лампуша оторопѣла и попятилась къ дверямъ. Въ сущности что ей за дѣло до него?

«Ахъ, Господи! и все-таки досадно, и за него, и за дѣло! Именно теперь онъ такъ бы пригодился! Все такъ отлично налаживается, разрѣшено даже общество фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, а такіе умные и талантливые люди отходятъ!»

Она шла въ своемъ выгорѣвшемъ пальто съ плисовыми обшлагами и воротникомъ, торопясь на екатерингофскую конку, и окидывала презрительными взглядами хорошо одѣтыхъ встрѣчныхъ. Да, эти люди жили, конечно, въ удобныхъ квартирахъ, они по утрамъ вставали, читали газеты за кофе, вздыхали о продолжавшихся неудачахъ на войнѣ и шли въ канцеляріи писать свои бу-

маги, а ихъ жены, сестры и дочери ѣхали въ лавки и по визитамъ.. Неужели никогда никому изъ этихъ людей не приходило въ голову, что каждая мелочь, которой они касаются, вырабатывали другіе люди въ отравленномъ воздухѣ и что если каждый или каждая взяла бы на себя заботу хоть объ одномъ изъ тѣхъ, чьими руками набраны буквы газеты, сварена бумага, на которыхъ онѣ напечатаны, сотканы кружева и аграманты въ лавкахъ, то на свѣтѣ было бы больше пѣсенъ, чѣмъ стоновъ?..

— Даже у животныхъ есть общества покровительства,—проколѣвывала она въ слѣдующее воскресенье за Нарвской заставой:—а у васъ нѣтъ! Сплотитесь,—вмѣстѣ вы сила, а порознь—каждаго обидѣть легко. Машины смазываютъ, за ними всегда уходъ и попечение,—кто заботится о васъ? Кто бережетъ васъ? Васъ мучатъ сверхурочными работами, съ васъ берутъ взятки мастера, васъ, какъ воровъ, обыскиваютъ при выходѣ на вѣтру и дождѣ... Это все потому, что въ васъ не видятъ людей. Вы—физическая сила. Вы—пальцы,—ни души, ни сердца, ни мысли у васъ не допускаютъ... и вы должны позаботиться о себѣ.

Рабочіе со впалыми, не бритыми щеками, съ не отмывающимися никакими пареніями въ банѣ жесткими, точно просмоленными наростами на ладоняхъ, вздыхали и поддакивали.

— Что и говорить!—раздавалось въ толпѣ, стоявшей плечомъ къ плечу въ тѣсной комнатѣ.—Понятно, не до насъ имъ. И гдѣ судъ найти? Чуть пожалуешься хозяину,—стройся къ расчету,—либо чистая отставка, либо мастеръ на худшее переведетъ. Гдѣ ужъ намъ! Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись, учили старики.

— А вы бы стариковъ-то поменьше слушали! Въ старое время и жилось по-старому, а теперь прошла зима,—повѣяло новой весной. Это не я говорю, это самъ министръ провозвѣстилъ. Ему вѣрьте!..

.....

Настало 20-е декабря.

Уже съ вечера наканунѣ побѣжали слухи о сдачѣ Портъ-Артура, но еще не вѣрилось. Однако утреннія газеты беспощадно рушили послѣднія сомнѣнія, послѣднія зацѣпки надежды, что крѣпость не капитулировала, а взята штурмомъ.

Издали каркнула черная птица черную вѣсть и, внимая ей, оборвалось въ груди сердце. Хотѣлось рыдать, скрежетать зубами, биться головою объ стѣну...

Черная птица кружила, каркала все зловѣще и, задѣвая тяжелыми крыльями русскую землю, сметала ими все, во что такъ горячо, такъ страстно вѣрилось недавно...

Ликуя, отзывались на это карканье Лампушины пріятели. Ихъ самолюбіе не было задѣто. Она сама, тонкая, худая, какъ химера, носилась въ своемъ рыжемъ пальто съ плисовыми обшлагами по

клубамъ и засѣданіямъ. На паролъ «Портъ-Артуръ» былъ провозглашенъ лозунгъ «Гапонъ!» Ему вѣрили, на него надѣялись, про него рассказывали чудеса.

Новыя времена требовали новаго пророка. Имя вчера неизвѣстнаго попа стало вдругъ тѣмъ, которое одно не сходило съ народныхъ устъ.

— Довольно войны!..—проповѣдывалось на собраніяхъ общества заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ, разрѣшеннаго правительствомъ и разраставшагося не по днямъ, а по часамъ.

Лампуша все веселѣе размахивала руками, и все звончѣе отчеканивалъ ея металлическій красивый голосъ:

— Собирайтесь, сплывайтесь, идите депутаціей, вась послушаютъ.

— Кабы съ поздравленіемъ съ имениннымъ хозяину,—отвѣчали старики:—мы бы не прочь. А такъ—какъ пить дать, напруѣтъ...

— Эхъ! чтобъ той депутаціи не сгубить всей репутаціи,—почесаль кудлатую голову балагуръ-рабочій и весело затянулъ только что напѣтую новую пѣсню...

.
.
.

XXVIII.

Надъ окутанной сѣрою мглой,
Перецуганной робкой землей,
Съ дерзкимъ присвиствомъ, гиканьемъ,
гуломъ
Буря носится дикимъ разгуломъ.
Трескъ и хохоть и громъ,—все слилось
Въ безобразный и мрачный хаосъ...

(«Колоколь». М. К.)

Съ самаго Рождества Данила не выходилъ изъ своей новой квартиры. Онъ снималъ теперь комнату отъ хозяйки въ нижнемъ этажѣ небольшого деревяннаго дома на Острове.

Наступилъ періодъ отрезвленія, и онъ работалъ по порученію Гусева по спѣшному заказу надъ иллюстраціями войны для новаго большаго изданія.

Рисуя группы человѣческихъ и лошадиныхъ тѣлъ, онъ, никогда не участвовавшій въ сраженіи и не убившій никого въ жизни, испытывалъ странное чувство, точно всѣ эти недвижныя руки, за секунду до принятія произвольныхъ и подчасъ неудобныхъ положеній, дѣйствительно махали пашками и цѣлили изъ ружей, а ноги ступали на изрытыя поля или упирались о стремена. Командира отряда онъ опрокинулъ навзничъ и нарисовалъ въ той самой позѣ, въ которой

лежала его мертвая мать, и онъ вышелъ такимъ правдоподобнымъ, что захотѣлось выдѣлить его въ отдѣльный эпизодъ и написать красками для передвижной выставки, на которой ему многие со-вѣтовали попытать счастье. На мигъ кольнуло въ сердце, что этотъ дебютъ не будетъ портретомъ Маруси, какъ онъ мечталъ всегда, но онъ отмахнулся отъ новаго приступа тоски и сталъ отдѣлывать согнутыя колѣни словно пытавшагося встать человѣка.

Впервые ясно представилось, что долженъ испытывать вождь, повергнутый на землю въ пылу схватки, гдѣ онъ кричалъ только что «впередь!» другимъ... Какая рѣшимость должна быть, чтобы крикнуть это страшное слово!.. А, впрочемъ, вѣроятно, это дѣлается просто, гораздо проще, чѣмъ думается... Кто-то вѣдь сказалъ, что страхъ не страшнѣе ожиданія страха.

Онъ усмѣхнулся... Вонъ и хозяйка тоже эти дни въ страхѣ ждетъ какихъ-то ужасовъ, какой-то всеобщей забастовки. Вчера заготовила воду, налила всѣ кувшины, чашки, кастрюли, въ ожиданіи, что разнесутъ водокачку. Кто разнесетъ?—«Рабочіе»... Сказки.

Сегодня дважды бѣгала на рынокъ, запасая провизію, свѣчи и керосинъ,—онъ ее даже на смѣхъ поднялъ:

— Что это вы, Аксинья Ивановна, думаете, японцы Портъ-Артуръ взяли, придутъ и Петропавловскую крѣпость брать? Петербургъ осадятъ?

— Типунъ вамъ на языкъ!.. А только относительно крѣпости вонъ подружки дочки мнѣ говорили, что онѣ со студентами ее, какъ Бастилію, штурмовать рѣшили!

— Вотъ ерунда!

— Вамъ все ерунда. Сидите дома, не выходите и ничего не знаете. Говорятъ, всѣ лавки запрутъ, ничего купить нельзя будетъ, чѣмъ я васъ перваго кормить буду?.. Лучше запаситесь во-время.

— А водку запасли?

— Богъ съ вами! Вы вонъ и не слышали: завтра со всего Петербурга рабочіе во дворецъ пойдутъ просить, чтобы какъ при дѣдѣ государевомъ крѣпостныхъ отъ помѣщиковъ освободили и землю надѣлили, такъ пусть теперь ихъ отъ заводчиковъ и фабрикантовъ освободятъ и тоже имъ фабрики отдадутъ.

— Чуть городите, Аксинья Ивановна!

— Совсе не чуть. И священникъ ихній отецъ Гапонъ съ ними впереди пойдетъ. Какой это Гапонъ? Я который разъ про него слышу! Хотъ бы поглядѣть разокъ. Святой, говорятъ, совсѣмъ. Онъ ихъ поведетъ, говорятъ, какъ крестнымъ ходомъ, съ хоругвями и иконами. Такъ и пойдутъ!..

— Напрасно! пусть ведетъ—не пустятъ!—отвѣтилъ Данила, вспомнивъ Казанскую площадь и удары нагаекъ.

Утромъ онъ проснулся отъ возгласа хозяйки:

— Идутъ! батюшки, идутъ по Большому!..

Дѣйствительно, съ Большого проспекта доносились шаги множества людей. Данила одѣлся и вышелъ. Во всю ширину улицы правильными шеренгами двигались люди. Они шли въ ногу. Лица ихъ были сосредоточены и суровы. Никакихъ хоругвей у нихъ не было, и кто шелъ впереди, Данила не видалъ... Снѣгъ хрустѣлъ подъ ихъ мѣрными ногами, и солнце весело глядѣло съ зимняго неба, гдѣ стояли, точно примерзшія, разбросанныя и неподвижныя облачка. Воробьи чирикали за рѣшетками оголенныхъ садовъ, и голуби, спугнутые съ дороги, семенили возлѣ тротуаровъ, ожидая, когда пройдутъ люди и имъ снова можно будетъ клевать разбросанный по улицѣ навозъ.

А люди шли и шли. Данилѣ хотѣлось крикнуть имъ:

«Куда? Развѣ васъ допустятъ? Возвращайтесь-ка лучше по домамъ».

Но онъ промолчалъ. Люди прошли, а на углахъ собирались все большія толпы любопытныхъ. Полиціи не было. Онъ постоялъ, послушалъ толки, и такъ какъ его стало знобить въ подбитомъ вѣтромъ пальто, спряталъ руки въ рукава и вернулся домой. Въ передней онъ столкнулся съ одѣтой хозяйкой.

— Куда вы?

— Не могу сидѣть, сердце трепыхается... Пойду, посмотрю...

Но въ эту минуту раздался за окнами топотъ беспорядочно бѣгущей толпы.

Данила прижался къ стеклу. Мимо неслись женщины, молодья, разгоряченныя бѣгомъ, съ горящими глазами, съ криками и воплями, которыхъ было не разобрать. Въ рукахъ у большинства что-то сверкало. У одной хорошенькой, въ сѣхавшей на затылокъ барашковой шапочкѣ, руки въ бѣлыхъ перчаткахъ едва удерживали тяжелый ружейный стволъ. Другая прятала въ муфту лицо, обожженное морозомъ, и размахивала стальнымъ клинкомъ. Третья волокла желѣзную полосу, лязгавшую по тротуару и по ногамъ сосѣдей. Съ ними вмѣстѣ, также сломя голову, неслись студенты и люди въ черныхъ косовороткахъ и мягкихъ шляпахъ... «Ура!» орали отдѣльные голоса...

Навстрѣчу попался офицеръ на извозчикѣ.

— Долой! —крикнулъ студентъ въ папахѣ.

.

— Батюшка, миленькій!.. Ахъ онѣ, мерзавки!..—вздохала у другого окна Аксинья Ивановна.—А еще барышни!..

Но въ эту минуту изъ подъѣзда бросились на выручку морскіе кадеты Сзади кто-то крикнулъ:

— Солдаты!..

Толпа шарахнулась и понеслась дальше. Военная молодежь скрылась въ воротахъ корпуса ¹⁾.

Въ хвостѣ бѣгущихъ Данила разглядѣлъ Сивкову и Терехову въ томъ же рыжемъ пальтишкѣ съ шисовымъ воротникомъ.

«Еще бы! какъ же безъ нея обошлось бы,—подумалъ онъ и нахмурился, вспомнивъ о невозмѣщенномъ ей долгѣ за покупку сюртука и брюкъ и съ послѣдній визитъ къ нему наканунѣ Николы.—А ну ее!.. Получу за иллюстраціи и расквитаюсь».

Онъ взглянулъ на опустѣвшую, точно разомъ вымершую линію домовъ и, снявъ пальто, сталъ чинить карандашъ. Было уже за полдень. Хозяйка принесла ему щи и пирогъ и снова побѣжала на улицу.

Напрасно старался онъ заняться,—работа не двигалась, и мысль не находила связи съ карандашомъ. Тянуло на улицу, на люди. Онъ для тепла обмоталъ себя газетой подъ сюртукомъ, наложилъ бумаги въ сапоги и вышелъ. На улицахъ дѣйствительно видѣлись взводы пѣхоты и конные разъѣзды, просившіе толпу расходиться. Но едва они исчезали, люди вновь собирались въ кучки. Въ одной изъ нихъ ораторствовала повязанная платкомъ Аксинья Ивановна.

— Ребята, да что вы? О двухъ головахъ что ли? Куда суетесь?..—говорила она, обращаясь къ понуро стоявшимъ рабочимъ.

— А ты чего суеться къ намъ? Сама сыта, такъ и молчи!—огрызнулся одинъ.

— Сыта, потому что не меньше тебя работаю, а водки не хлещу... На! гляди!.. видишь мои руки?—показывала она ему подъ самый носъ свои мозолистыя отъ вѣчной домашней работы ладони.—А ты чего же не сытъ?

— Не сытъ, я всего 70 копеекъ получаю въ день.

— Вѣроятно, мастеръ плохой, что такъ мало получаешь...—не унималась бойкая вдова.

Данила не сталъ слушать. Совершенно машинально свернулъ онъ къ школѣ и оторопѣлъ. До Средняго проспекта улица была какъ улица, но затѣмъ начиналось что-то необычное. Обѣ линіи были усѣяны густой черной толпой, отдѣленной отъ него невысокимъ и неровнымъ валомъ. Впереди была натянута въ три ряда проволока, а за нею навалены опрокинутыя телѣги, розвальни, ящики, спиленные телефонные столбы, съ бѣлыхъ стаканчиковъ которыхъ барышни продолжали сматывать дрожавшія, словно живыя, проволоки. Данила перелѣзъ черезъ проволоку на валъ.

— Куда же эти дѣвать?—спрашивала хорошенькая барышня въ барашковой шапкѣ, замѣченная Данилой еще утромъ.

¹⁾ Со словъ очевидцевъ. Записано 11-го января 1905 года.

— Мотайте въ клубки и бросайте подь ноги лошадамъ,—отчеканилъ знакомый голосъ.

— Евламія Матвѣевна!—невольнo окликнулъ Данила.

— А, это вы!.. Вотъ и отлично... Я такъ и знала, что вы хоть въ послѣднюю минуту, но присоединитесь къ намъ. Господа! рекомендую... Это Евграфовъ. Онъ удивительный силачь... Данила Михайловичъ, помогите! Этотъ столбъ надо свалить туда же!

— Ну, что жъ, подсобляйте, коли такъ!—крикнулъ студентъ въ фуражкѣ на затылкѣ и въ краснѣвшей изъ-подъ пальто рубахѣ.

Данила, самъ не зная какъ, послушался, подставилъ плечо, и они вдесятеромъ, неровно ступая, потащили столбъ къ кучѣ сваленныхъ предметовъ, перегораживавшей улицу.

— Въ ногу! въ ногу! Легче нести будетъ!—бормоталъ онъ.

Столбъ сбросили на баррикаду, но онъ оттуда скатился, и пришлось еще разъ вернуться и укрѣплять его. Со двора школы притащили новыя розвальни, потомъ стремянку и, наконецъ, огромную рождественскую елку съ порыжѣвшими уже и осыпающимися иглами. На вѣтвяхъ блестя звѣздочка случайно уцѣлѣвшаго подсвѣчника и играла такъ же весело въ лучахъ зимняго солнца, какъ, вѣроятно, играла и при огнѣ въ недавній сочельникъ.

Изъ-подъ воротъ въ эту минуту показалась молодая дама съ груднымъ ребенкомъ въ бѣлой шинелькѣ и синемъ вуалѣ. За нею господинъ въ золотомъ пенснэ несъ дѣвочку постарше, а няня другую. Дѣти большими любопытными глазами глядѣли на народъ. Женщины, видимо, робѣли, но господинъ смѣло двинулся впередъ, шепнувъ женѣ:

— Не бойся, Галя! Главное, не показывай этого.

— Если доберемся до Средняго проспекта, живы будемъ,—пробормоталъ сопровождавшій ихъ съ корзинкою слуга.

Данила узналъ профессора школы. Онъ хотѣлъ подойти и помочь имъ выбраться изъ толпы, но его въ эту минуту окликнула Лампуша:

— Чего же вы стоите опять? Пойдемте съ нами! Тамъ вонъ въ домѣ напротивъ всѣ наши.

Огромный красный не достроенный домъ съ не вставленными кое-гдѣ рамами кишѣлъ народомъ. У оконъ появлялись фигуры въ папахахъ и косовороткахъ.

— Товарищи!...—начинали они каждый свою рѣчь...

Но слова долетали плохо... Тѣмъ не менѣ дружно апплодировали и кричали: «браво! ура-а!..» Слѣдомъ изъ разныхъ этажей летѣли пачки прокламацій. Бѣлые листки, какъ бѣлыя крылья, разсыпали воздухъ, крутились, порхали и падали въ толпу и на баррикаду... Ихъ читали и бросали дальше, и, подхватываемыя вѣтромъ, слова призыва къ возстанію неслись впередъ къ кучкамъ глазѣвшихъ любопытныхъ. Данила не пошелъ за Лампушей, потому что ее

остановила Сивкова, и вернулся къ воротамъ. Профессоръ дошелъ до проволокъ. Одинъ изъ рабочихъ, державшій конецъ, вдругъ обернулся и, подойдя вплотную, заоралъ не своимъ голосомъ нецензурную брань.

— Ну и чего?.. Чего ты на людей накидываешься?—остановилъ его другой, пожилой, закрѣпившій конецъ клещами у водосточной трубы. Не видишь, что они съ дитею? Вамъ на Средній? Пожалуйте!

Онъ откинулъ желѣзную нить и пропустилъ всю семью. Женщины перекрестились.

Данилу потянуло за ними. Онъ любилъ профессора, а теперь эта бѣленькая дѣвочка на его рукахъ задѣла за живое. Мечтая о Марусѣ, онъ рисовалъ и себя во главѣ подобной школы, рисовалъ и своихъ будущихъ дѣтей, именно такую же бѣлокурую дочку. Только что, приподнявъ проволоку, онъ собирался догнать семью художника, какъ раздалось:

— Казаки!

На секунду толпа окаменѣла, а потомъ брызнула въ стороны. Увлеченный бѣгущими, Данила очутился подъ воротами школы. Натѣво подъ ними былъ входъ къ профессору въ его частную квартиру. Прислуга была знакомая. Невольно явился соблазнить подняться наверхъ, чтобы посмотреть изъ оконъ на происходящее на улицѣ. Онъ позвонилъ. Двери открылъ Гусевъ.

— Ба! и вы тутъ,—взволнованно встрѣтилъ онъ ученика.— Вотъ и кетати. Мы тутъ съ профессоромъ уже кое-что набросали. Не пропуститъ цензура—пригодится, какъ этюдъ. Тутъ и Быстровъ. Становитесь къ тому окну. Профессоръ съ семьей къ отцу перебрался. Жена его боялась, какъ бы съ ихъ балкона не вздумали ораторствовать и не привлекли бы выстрѣловъ. Собрали дѣтей и ходу.

— Я ихъ видѣлъ,—отвѣтилъ Данила, садясь на подоконникъ и открывая фортку.

Тревога изъ-за казаковъ оказалась ложной. Улица была вновь набита народомъ. Въ окнахъ мелькала та же молодежь, но оруженная кирпичами, взятыми тутъ же съ постройки. Знакомый студентъ водружалъ между развальнями красный флагъ. Къ нему, поирая вѣтки елки, карабкался другой и махалъ фуражкой.

— Товарищи!—долетѣло снизу.

Выдернувъ только что укрѣпленный флагъ, онъ зацѣлъ. Пѣнь подхватили. Въ нестройномъ хорѣ выдѣлялся женскій голосъ. Это пѣла Терехова, стоя на тумбѣ и упираясь о плечо Сивковой. Но уже слѣва слышался дробный шагъ, какимъ шли рабочіе по проспекту утромъ.

— Солдаты!..

Опять шарахнулись. Мальчишки, вертѣвшіеся у самой баррикады, вскачь бросились вразсыпную. Улица мигомъ опустѣла.

Студентъ, сбросивъ пальто, въ красной рубахѣ, размахивая флагомъ, кричалъ:

— Трусы! Чего вы испугались?

— Что вы съ ума сошли?—дернулъ Гусевъ съ окна Данилу.— Закройте форточку, сейчасъ стрѣлять будутъ...

Послѣднимъ ворвавшимся въ форточку звукомъ былъ сигналъ рожка. Дрогнули закрытыя наглухо стекла. Мимо нихъ мелькнули какія-то полоски и въ отвѣтъ изъ недостроеннаго дома полетѣли кирпичи и вспыхнули огоньки браунинговъ. Дымъ засталъ все пространство между домами. Когда онъ поползъ космами и клубами, на истоптанномъ снѣгу навзничъ лежали два студента, а у тумбы, разметавъ широко руки, словно открывая чему-то радостному встрѣчныя объятія, вытянулась недвижная дѣвушка въ рыжемъ пальто съ черными отворотами.

{ Данила какъ-то странно покрутился на мѣстѣ и сѣлъ на коверъ.

Рядомъ въ креслѣ съ рѣзбою рыдалъ Гусевъ.

Быстровъ, блѣдный, съ неестественными зрачками, бормоталъ скороговоркой:

— Я все видѣлъ... отъ меня изъ дѣтской все какъ на ладони было...

Его не слушали.

Черезъ два часа Данила, пошатываясь, выходилъ изъ воротъ. Отъ него пахло водкой. Онъ выпилъ всю, что стояла у профессора на оставшемся накрытомъ для завтрака столѣ. Баррикады на улицѣ уже не было. Только алѣли какія-то пятна на снѣгу. Данила хотѣлъ поближе разглядѣть ихъ, но солдатъ въ сѣрой шинели ружьемъ наперевѣсъ загородилъ ему дорогу и сурово заявилъ:

— Нельзя останавливаться... ступай налѣво.

Данила свернулъ на Средній проспектъ, а оттуда на одну изъ слѣдующихъ линій. Здѣсь тоже не было ни души, только у воротъ больницы стояли четырехмѣстныя кареты, и одна, визжа колесами по снѣгу, отѣхала и стала въ хвостъ другихъ. Данилѣ хотѣлось спросить, кого онѣ привезли, но стало страшно чего-то...

Въ это время, обгоняя его и рѣзко звеня подковами по мерзлой мостовой, пронеслись двое верховыхъ. Изъ-подъ воротъ выскочила черная дворняжка и съ лаемъ помчалась наперерѣзъ. Вдоль противоположной линіи, поперекъ Малаго проспекта, была тоже устроена баррикада, но ни на ней, ни кругомъ ни души... Верховые только взглянули на нее и въ сопровожденіи той же шавки ускакали обратно. Данилу стало мутить, и онъ вошелъ въ подъѣздъ на углу, но швейцаръ его остановилъ.

— Вамъ что?

— Дайте присѣсть... я сейчасъ,—бормоталъ Евграфовъ.

Швейцаръ вновь распахнулъ двери, настойчиво предлагая уйти, но въ нихъ ворвался стукъ подковъ мчавшихся карьеромъ ло-

падей. Дверь была сразу захлопнута и даже заперта на ключъ. Солдаты верхами построились передъ баррикадой. Офицеръ, съ пашкой наголо, что-то кричалъ. Горнисть держалъ рожокъ у губъ, и вдругъ опустил его.

Изъ воротъ и подъѣздовъ вымершихъ домовъ выскочили подростки и рваные мальчишки. Не прошло и четверти часа, всѣ розвальни и ящики исчезли, а спиленные столбы были откачены къ тротуарамъ. Солдаты спѣшились и привязывали лошадей къ тумбамъ.

— Ишь чертенята,—пробурчалъ швейцарь:—говорилъ имъ, не баловаться... Ну, а вы чего тутъ?.. идите съ Богомъ,—обратился онъ къ Данилѣ, вновь распахивая дверь...

.....

Пошатываясь, добрался Данила до ресторана, гдѣ обѣдалъ съ Марусей въ день ея прїѣзда, и потребовалъ водки. Лакей, подавая ему карточку кушаній, вполголоса сообщалъ слухи и подробности происходившаго за рѣкою.

— И за Нарвской заставой, и у Александровскаго сада тоже стрѣляли. Самъ-то этотъ отецъ Гапонъ, кто говорить, раненъ, а кто—сбѣжалъ... Вамъ салатъ или огурецъ прикажете?

— Еще графинчикъ!—отвѣтилъ Данила.

Посѣтители все прибывали и приносили новые слухи. Цифры убитыхъ, катаясь отъ стола къ столу, нарастали какъ снѣжные комья. Въ пропитанномъ запахомъ кушаній воздухъ онѣ звучали особенно странно и грозно. Не ѣсть хотѣлось, а пить, чтобы одурманиться и забыть ужасъ еще недожитаго дня.

Голоса повышались. Миѣнія раздѣлялись. Слышали угрозы и отвѣты.

— И по дѣломъ... Съ иконами пошли, а красныя тряпки провѣтривать вздумали...

Данила только что хотѣлъ переключать со своимъ графиномъ къ спорящимъ и рассказать видѣнное изъ окна профессорской квартиры, какъ вдругъ окно рядомъ, черезъ которое все время мелькали прохожіе и силуэты саней съ сѣдоками, сразу потухло.

— Лавки гремятъ!—крикнуть, просунувъ въ двери голову, швейцарь.

Зала ресторана вмигъ опустѣла. Всѣ хлынули въ сѣни. У вѣшалокъ началась давка. Наскоро хватали пальто и палки и группами выходили на совершенно темную улицу, на которой гудѣли и сливались въ стонъ голоса, звонъ разбиваемыхъ стеколъ, визгъ женщинъ и безобразныя ругательства черной наваливавшейся другъ на друга массы людей. Въ воздухѣ мелькали какіе-то предметы, крупные и мелкие, летѣли обломки ящиковъ, полокъ, картонокъ, сыпались катушки, мотки, пачки чулокъ и бѣлья, развѣвались, какъ серпантины, кружева и ленты. Данилѣ въ голову угодила

штука матеріи и сбила шляпу, но уже три бабы вцѣпились въ свертокъ.

— Я первая!—визжала одна.

— Врешь! мнѣ мужъ изъ окна кинулъ!..

— Лопни мои глаза, не тебѣ, а мнѣ!—кричала третья.

За поворотомъ у непотушеннаго фонаря другія полюбовно дѣлили пестрый шелкъ, отмѣряя о ключицу аршины. Дальше было снова темно и толкалась опять толпа странныхъ существъ въ лохмотьяхъ и опоркахъ. Нѣкоторые бѣжали обратно съ золотыми и серебряными вещами изъ разбитой витрины часового магазина, дико озираясь кругомъ.

— Купите часы, господинъ хорошій. Пять цалковыхъ! Часы съ цѣпочкою, а по жалательности съ брелками!—выкрикивалъ беззастѣнчиво приплясывавшій оборванецъ у подъезда огромнаго дома.

Група подростковъ, одѣтыхъ въ барашковыя пальто, какія носятъ обыкновенно ученики нѣмецкихъ школъ, окружила его. Вспыхнула спичка, и Данила увидѣлъ, какъ небольшой рыжеватый мальчикъ вынулъ изъ кошелька два двугривенныхъ и, зажавъ въ кулакѣ купленные за нихъ часы, сунулъ ихъ за пазуху. Кровь ударила въ голову.

— Мерзавецъ! сынъ занятныхъ родителей!.. Стой!..—дикимъ голосомъ заоралъ Данила и бросился за кинувшимся наутекъ школяромъ.

Но тотъ нырнулъ въ подъездъ, отпертый швейцаромъ. Данила хотѣлъ протиснуться слѣдомъ, здоровый тумакъ въ грудь опрокинулъ его, и онъ отлетѣлъ на середину улицы. Рядомъ на снѣгу валялись бутылки и коробки, перелетая черезъ головы ломившихся въ богатый, освѣщенный изнутри колониальный магазинъ. Нѣкоторые обернулись и стали подбирать выброшенное. Бабы, расталкивая заднихъ, бѣжали съ насыпаннымъ въ подолы кофе и сахаромъ. Другія жевали на ходу лакомства, закуски, фрукты. Данила поднялся съ колѣнъ и глядѣлъ на нихъ тупыми глазами. Эти люди, утолявшіе голодъ, не раздражали его. Напротивъ, гулъ становился все веселѣе. Яблоки и апельсины летали, какъ мячи, ихъ перехватывали... смѣялись... ругались... остряли...

— Казаки!..

Давя другъ друга, метнулись грабители. На ходу ронялись банки и картузы, но подбирать было некогда. Казаки настигали. Лошади почти стлались по землѣ. Данила не успѣлъ посторопиться. Свистнула ременная плеть и больно ожгла плечи черезъ вѣтромъ подбитое пальто. Не взвидя свѣта, кинулся Данила къ лошади, чтобы схватить ее подъ уздцы, но хмелемъ ослабленныя ноги запутались въ моткъ проволоки, и онъ во весь ростъ грохнулся подъ ноги казаковъ. Лошади скакали подъ свистъ ремней, подъ

тиканье всадниковъ, подъ уханье земли, а на ней изъ виска упавшаго челѳвѣка сочилась тоненькая теплая струйка. Наконецъ промелькнула послѣдняя темная тѣнь надъ головою, ударила въ растоптанную грудь послѣдняя подкова. Онъ попытался подняться... согнуть колѣни... какъ мать... какъ тотъ нарисованный имъ вчера командиръ отряда,—и не всталъ... ноги были связаны... Сколько прошло времени?.. минута?.. часъ?.. много часовъ?.. Онъ открылъ глаза.

«Неужели я умираю?—мелькнуло въ мозгу, пока сѣрые глаза вглядывались въ синее ночное небо, словно до самыхъ глубинъ своихъ переливавшееся звѣздами... мириадами звѣздъ...—Что случилось?.. Почему я лежу?.. Почему у меня скованы ноги?.. Цѣпи?.. Какія цѣпи?.. Откуда онѣ?.. Ихъ Терехова мотала и та въ шапочкѣ... а сама гѣла: «Вставай, подымайся, рабочій народъ!..»

Снова исчезло сознание... въ глазахъ ли потемнѣло, или облака закрыли звѣзды? Въ надвинувшейся тѣмѣ ярко запылалъ раскаленный горнъ. Бѣлая всеиспепеляющая лава потекла каскадомъ, и отдѣльныя капли ея, какъ слезы, падали на головы людей въ желѣзныхъ шляпахъ...

«Это слезы чьи?.. тѣхъ, кто ихъ жалѣеть?.. Тереховой?.. Фильберга?.. Леви?.. Но развѣ они жалѣли?.. Они вели на убой... а общали свободу... с...в...о...б...о...д...а... Семь буквъ... семь замковъ... она за семью замками... Ея нѣтъ... Нѣтъ, она есть... она тутъ... близко... Гдѣ?... Вотъ я лежу, потому что скованъ по ногамъ, но я былъ свободенъ... Еще такъ недавно, когда «она» была здѣсь, со мною, когда я чувствовалъ себя такъ легко, такъ хорошо... Я любилъ... чисто... хорошо... свободно ото всякой грѣховной мысли... потому что любовь и есть свобода... Какъ это просто!.. Любить... и свободно, безъ принужденія дѣлать добро, чтобы и другимъ дать свободу дѣлать его... Марксъ написалъ про капиталъ, а они думаютъ, что капиталъ даетъ свободу... У отца капиталъ... но онъ не свободенъ... Онъ не любитъ... онъ дѣлаетъ вредъ... онъ во власти зла и грѣха... Онъ Христа промѣнялъ на Маркса... не читая... промѣнялъ...Христосъ училъ: раздай! Марксъ—отними! Онъ отнимаетъ... все потому, что не любитъ... не свободенъ... Любовь свободна... добро—это одно и то же... Это такъ... просто... А мы не понимаемъ...

Въ послѣдній разъ приподнялись вѣки. Сѣрые глаза утонули въ бездонной ночной глубинѣ. Звѣзды переливались, мерцали и заглядывали на тихія, вымершія, безлюдныя улицы, гдѣ пылали костры бивѣаковъ, и на темные дома, гдѣ томилась тоскою ошеломленные люди, пробудившіеся вдругъ отъ долголѣтней спячки... И было жутко... больно... страшно...

Забрезжило новое пасмурное утро.

Въ больничной покойницкой, поодаль отъ голыхъ, вскрытыхъ и умершихъ отъ разныхъ болѣзней покойниковъ, лежало пять одѣтыхъ труповъ: двухъ студентовъ въ красныхъ рубашкахъ, молодой женщины въ темной шубкѣ, дѣвушки въ рыжемъ пальто съ плисовыми отворотами и мужчины съ опутанными проволокою ногами.

Въ углу, за грудой наставленныхъ другъ на друга тесовыхъ гробовъ скреблась крыса. Изрѣдка капала на асфальтовый полъ смѣшанная съ водою сукровица съ нарѣ, и въ ладъ ей чей-то голосъ однообразно повторялъ:

«Чтобы жить въ настоящемъ, надо искупить прошлое... Чтобы жить въ настоящемъ, надо искупить прошлое...» повторялъ безъ конца, жутко, странно, однообразно...

XXIX.

Гдѣ ты, смерть моя? смерть безлика?
Гдѣ таишься ты, мнѣ незримая?
Въ искрѣ маленькой спишь, великая?
Въ морѣ плаваешь, нелюдимая?..

(«Листы пожелтѣлы». М. К.)

Быль конецъ января. Наканунѣ разыгралась метель, но сегодня опять синее небо глядѣло сквозь опущенныя бѣлымъ филиграномъ вѣтки въ окна старыхъ колычевскихъ горницъ.

Кирилловна съ бормотаньемъ хлопотала въ спальнѣ, оказывая все тѣ же привычныя мелкія услуги, а Груша на кухнѣ чистила башмаки.

Андрюшка ставилъ самоваръ и походя поровилъ ушиннуть ее за ядренныя и обнаженныя выше локтей руки, но она каждый разъ ловко увертывалась, хотя ея утонувшіе въ щекахъ глазки и поблескивали. Самъ онъ значительно огрубѣлъ и обнаглѣлъ за болѣзнь барыни. Тайкомъ онъ и курилъ и пилъ, и если бы Кирилловна пришла въ память, она бы не нашла ни одной непечатой и не долитой водою бутылки съ наливкой.

— Слышь,—заявилъ онъ Грушкѣ:—я пойду въ лавку, да кстати забѣгу къ Лезаровымъ, а ты тутъ поворачивайся, коли барышня кликнетъ!—и, шлепнувъ еще разъ дѣвчонку, весело свистнулъ Бунтика.

Маруся, въ тулупчикѣ и въ крестъ-накрестъ поверхъ повязанной косынкѣ, крикнула ему съ крыльца:

— Почту не забудь!

— Ладно!—оскалилъ зубы Андрюшка, помахивая корзиной, и подумаль:

«Письма отъ суженаго ждеть»...

Согласіе Елизаветы Ивановны было какимъ-то верхнимъ чутьемъ угадано въ кухнѣ, и безпокойство о долгомъ отсутствіи отвѣта раздѣлялось тоже невольнo. Маруся укоряла себя, что написала Данилѣ по старому адресу, а не справилась раньше въ адресномъ столѣ, но писать вторично считала неудобнымъ и объясняла его молчаніе тѣмъ, что письмо путешествуетъ по городу, разыскивая адресата. Ее это молчаніе не тяготило. Гораздо болѣе заботилъ другой вопросъ—о взносѣ процентовъ въ банкъ. 1-го мая истекала послѣдній льготный срокъ и теперь, кормя куръ на птичникѣ, она ломала себѣ голову: что же дальше?.. Птицы оставалось все меньше, бычки проданы, деньги прожиты и отданы въ уплату мелкихъ долговъ, но откуда-взять эти грозныя двѣ тысячи... двѣ ты-ся-чи!.. Дѣдъ взялъ подъ свою пенсію четыреста рублей у Шемаевыхъ. Если еще разъ обратиться къ нимъ же?.. Они такъ богаты, что имъ значитъ еще двѣ тысячи вдобавокъ къ прежнему?.. Вѣдъ какъ только поправится мать, она убѣдитъ ее продать часть земли мужикамъ. Андрюшка говорилъ, что Лезарь согласенъ будетъ купить десятинъ пятнадцать... Можетъ быть, найдутся и другіе.

Эта мысль показалась ей выходомъ и, возвращаясь, она даже улыбалась. На минутку она перевела духъ на крыльцѣ. Невольно нарисовалась картина былого чаепитія и почудился голосъ дѣда: «Вѣрно, матушка! лучше синица въ рукахъ, чѣмъ стая гусей въ облакахъ».

Въ спальнѣ мать тоже весело улыбалась.

— Посмотри! я сама причесалась. Хорошо?

Маруся поцѣловала сѣдые, все еще прекрасные волосы и пошла заваривать чай.

Черезъ два часа вернулся Андрюшка.

— Гдѣ ты пропаладъ?—встрѣтила его барышня въ кухонномъ передникѣ, хлопоча у плиты.—Даже дрова за тебя колотъ приходится.

— Сами наказали почты дожидаться, а Кузьмичъ только что изъ города вернулся, заночевалъ изъ-за метели вѣчеръ. Вотъ вамъ два письма.

Маруся взглянула на конверты. Такъ и есть,—одно ея собственное письмо Данилѣ съ заявленіемъ почтамта о нерозыскѣ адресата за выbytіемъ неизвѣстно куда, а другое отъ Ивана Матвѣвича Терехова. Руки у нея были грязныя, и она отложила оба въ сторону.

— А у Шемаевыхъ-то,—заявилъ, снова входя, Андрюшка,—барышня-то пропала! Не иначе, какъ земскій увезъ.

— Что ты сочиняешь, вѣдъ она еще съ осени у тетки въ Москвѣ.

— Вотъ отъ тетки и пропала. Въ монастырь ко всеобщей отпросилась, ее съ челоvѣкомъ да съ губернанкой отпустили, а она,

какъ къ евангелію прикладываться пошли, въ толпу и ахнула. Точно сквозь землю провалилась. А тутъ вторую недѣлю земскаго не доищутся. Отъ губернатора самого ищутъ, бумага на него за Андрона и Мину, и тоже никто его не видалъ. Старушка Божья Шемаиха и та не сегодня—завтра кончится, совѣмъ плоха опять съ потрясухи стала.

Маруся справилась съ обѣдомъ и, передавъ надзоръ за кастрюлями Грушѣ, пошла въ кабинетъ. Вѣсть о семейномъ горѣ у людей, помощь которыхъ казалась только что исходомъ, снова заставила призадуматься. Какъ итти къ нимъ теперь со своей бѣдой?..

Свое письмо она отложила, чтобы показать матери, и распечатала другое. Прочтя первыя же строки, она перекрестилась:

— Господи!.. Что это?.. Лампуша убита?.. на Острову... на той самой линіи, гдѣ она такъ часто поджидала изъ школы Данилу?.. Но дальше было еще страннѣе: «Сочувствую вамъ тѣмъ искреннѣе, что самъ глубоко цѣнилъ и уважалъ покойнаго Данилу Михайловича»... Онъ ошибся, вѣрно, хотѣлъ написать Игнатія Львовича... Но нѣтъ...—«Радуюсь за него и за сестру и знаю, какъ горюете вы съ тѣхъ поръ, какъ узнали о смерти вашего жениха. Но хоть и глубока рана въ вашемъ сердцѣ, вы утѣшайтесь тоже тѣмъ, что ихъ трупы, которые въ покойницкой видѣла рядомъ Екатерина Петровна Сивкова, легли въ основаніе русской гражданской сознательности и послужатъ первыми ступенями въ храмъ свободы...» Въ постскриптумѣ стояло: «Не откажите сообщить, неужели вѣсть о смерти такого прекраснаго сына не повліяла на его отца и не смягчила Михаила Демьяновича?»

Маруся сидѣла у письменнаго стола, глядѣла на писанное четкимъ конторскимъ почеркомъ письмо, и ей казалось, что все это уже было когда-то, что уже раньше она знала объ этомъ...

Конечно... Вѣдь это она видѣла тогда во снѣ въ день своего отъѣзда изъ Петербурга... Лампуша съ Данилой были на баррикадѣ... Лампуша могла нитки, похожія на проволоку... Ей яено нарисовалась знакомая улица, и баррикада, и смерть ея жениха, ничего общаго съ дѣйствительностью не имѣвшая, и Лампуша, распростертая тутъ же.

Думала ли она, такъ часто поджидая здѣсь Данилу, что улица со строившимся домомъ станетъ для нея лобнымъ мѣстомъ? Боже... Боже... Боже...

Она опять сжала руки, силясь побороть свое сердце. То, что ускоряло его стукъ на этотъ разъ, было не воспоминаніе о товарищѣ дѣтства: это было вдругъ проснувшееся чувство облегченія, освобожденія...

Она свободна, она можетъ жить по-своему, не считаясь съ тяжелымъ гнетомъ взятаго на себя обязательства. Все ея существо

затрепетало, но она спохватилась, вынесла суровый приговоръ этой невольной радости.

«Безсовѣстная, неблагодарная, гадкая! Кто еще когда-нибудь меня такъ любить будетъ? Развѣ тотъ, Мика Нерадовъ, способенъ на такую беззавѣтную, безкорыстную, чистую дружбу?.. Онъ всѣмъ пожертвовалъ мнѣ—богатствомъ и убѣжденіями. Онъ готовъ былъ переродиться ради меня»...

Она вспомнила неловкія и робкія ласки Данилы, его рабски-преданные сѣрые глаза, такъ ласково, такъ любовно искавшіе ея взгляда, его попытки франтовства ради нея и свою собственную холодность и насилуванно-снисходительное отношеніе.

«Да, да! неблагодарная!.. Я ни разу не написала ему по отъѣздѣ, ни разу не спросила, какъ идетъ его живопись, не знала даже хорошенько, поступилъ ли онъ въ академію? И вотъ онъ умеръ, убить... и никогда уже, никогда не напишетъ, не скажетъ, что извиняетъ мнѣ мою безсовѣстность, мою незаслуженную имъ холодность и пренебреженіе... Неужели онъ дѣйствительно умеръ? Иванъ Матвѣевичъ пишетъ, что Сивкова видѣла ихъ и на баррикадѣ, и въ покойницкой съ Лампушею вмѣстѣ? Можетъ быть, онъ утѣшился... сошелся съ Тереховой? Какъ она ни твердила о своемъ полномъ равнодушіи, но втайнѣ она всегда была имъ заинтересована, недаромъ же она мнѣ бросила упрекъ, что мы оба не подходимъ другъ къ другу... Но странно... неужели въ Евграфовкѣ ничего еще не знаютъ? Или... Иванъ Матвѣевичъ не просто освѣдомляется о состояніи духа Михайлы Демьяновича? Но если бы онъ зналъ о смерти сына, развѣ вѣсть о ней не разнеслась бы уже по селу? Та же матушка первая прибѣжала бы... Или... онъ не простилъ и мертвому?.. Схожу и посоветуюсь съ отцомъ Силою... но мамѣ пока ничего не скажу...»

И она не только ничего не сказала о письмѣ Терехова, но, напротивъ, отнесла свое собственное со справкой почтамта о нерозыскѣ Данилы и спокойно, даже съ улыбкой заявила Елизаветѣ Ивановнѣ:

— Вотъ видишь, мамочка, ты беспокоилась, что долго нѣтъ отъ Данилы Михайловича отвѣта,—онъ, вѣрно, куда-нибудь уѣхалъ,—и, поцѣловавъ мать, прибавила:—иду пройтись, хочется на воздухъ!

Отецъ Сила истово перекрестился, прочтя письмо, но на просьбу Маруси отслужить панихиду покачалъ головою.

— Не смѣю... надо подождать. Можетъ быть, это лишь слухи. Изъ полиціи должны бы дать знать. Что-то странное... Надо сперва съ Михайлой Демьяновичемъ снестись. Можетъ, ему и извѣстно. Коли сынъ убитъ, неужто отецъ по сю пору не извѣщенъ?

Онъ проводилъ Марусю до калитки парка, а самъ направился въ Евграфовку, гдѣ уже вторую зиму бывалъ рѣдко и неохотно. Въ домѣ съ башнями и переходами царила твердо водворившаяся

послѣ смерти Авдотьи Тарасовны Анна Тихоновна, бывшая Анютка Агафонова, сумѣвшая выжить даже Фетипу и совершенно отмежеваться отъ Татьяны Михайловны.

Дочь не бывала у отца. Со времени ухода мужа на войну она жила въ отцовскомъ домѣ въ Горскѣ и при извѣстїи о смерти своего Аполлона Платоновича опять до времени родила мертвѣго младенца, а теперь медленно угасала отъ страшной женской болѣзни, несмотря на неусыпный уходъ переселившейся къ ней Фетиши.

Анютка сидѣла въ гостиной на ярко-красномъ шелковомъ креслѣ, разодѣтая въ новомодный и шикарный капотъ. Не чесанная, не умытая, въ туфляхъ на босу ногу, она подбирала на гитарѣ аккомпанементъ къ «Гайда тройка». При видѣ священника, она опустила гитару и повела плечами, какъ настоящая цыганка отъ «Яра», гдѣ они съ Михайлой Демьянычемъ только что кутили всю прошлую недѣлю, но даже не привстала.

— Вамъ Михайла Демьяныча? Онъ сейчасъ вышелъ. Миханчикъ! тебя батюшка зоветъ!—крикнула она, не обнаруживая ни малѣйшаго желанія оставить обоихъ съ глазу на глазъ и нарочно подчеркивая свои отношенія къ хозяину.

Отецъ Сила, однако, нисколько не смутился.

— Выйди-ка, Аннушка, на минутку, либо мы съ Михайлой Демьянычемъ отсюда удалимся. То, съ чѣмъ я сюда пришелъ, въ родѣ исповѣди будетъ, а ты знаешь, что при этомъ посторонній человѣкъ лишній.

Анютка насмѣшливо обернулась.

— Исповѣдь? Теперь еще и масленая не наставала и говѣть рано. А у насъ съ Миханчикомъ секретовъ не водится.

— Этого я не знаю, но все равно при тебѣ говорить не стану. Если же хозяину не угодно знать, съ чѣмъ я пришелъ,—его дѣло.

«Ужъ не вернулся ли Корней!» екнуло бабѣ сердце, и громко она добавила:

— Ежели вы уговаривать его пришли, чтобы меня мужу вернуть, уходите себѣ! Потому я ни въ жисть больше съ мужикомъ жить не стану. Куда мнѣ его хромого! Пусть лучше разводъ даетъ. Все равно меня земскій, Петръ Андреевичъ, по этапу требовать не дозволяютъ...

— Смотри, какъ бы тебя Богъ за такія рѣчи не наказалъ,—отвѣтилъ отецъ Сила,—и самой бы не пришлось назадъ къ мужу проситься! Не его ради я пришелъ вовсе... Ну, что же, Михайла Демьянычъ, угодно вамъ послушать меня?

— Чудно что-то! какія такія тайности?—отозвался Евграфовъ, но все-таки вышелъ въ сосѣднюю комнату и заперъ за собою двери.

Услыхавъ о предполагаемой смерти Данилы, онъ, видимо, сперва смутился, но быстро оправился и даже нарочно зѣвнулъ.

— Справиться бы вамъ черезъ полицію въ Петербургѣ,—сказалъ попъ.

— На кой чортъ? Какія такія справки? Самъ отъ меня первый отрекся, такъ какое мнѣ до него дѣло? Я его и за сына-то считать пересталъ. Въ женихи барскіе записался, пушай о немъ новая роденка справляется. А я былъ, да весь вышелъ! Напрасно и приходитъ трудились, батюшка.

— Смотрите, Михайла Демьянычъ, какъ бы не пришлось и вамъ въ словахъ этихъ покаяться,—сурово отвѣтилъ отецъ Сила, выходя въ прихожую.

— Да съ чего это вы, отецъ честной, грознымъ судьей сюда пожаловали сегодня? Анюту мужемъ попрекаете, меня—сыномъ-отщепенцемъ! Слава Те, Господи, не младенчики и наставленьевъ не ищемъ и не требуемъ!..

Отецъ Сила вышелъ и отрясъ на порогѣ прахъ владѣній нечестивыхъ...

«Доложу благочинному, пора его изъ ктиторовъ убрать. Одинъ соблазнъ для паствы!»—рѣшилъ онъ.

Въ тотъ же вечеръ онъ зашелъ въ усадьбу и передалъ свой разговоръ съ Евграфовымъ Марусѣ, предложивъ отъ себя навести справку въ столицѣ.

— А вы, Марья Васильевна, пока молитесь такъ: «Живыми и мертвыми обладая, Христосъ истинный Богъ нашъ, призри на раба Твоего Данила!..» а сами духомъ не падайте... Все въ волѣ Божіей, и все намъ отъ Него на благо...

Онъ зашелъ и къ Елизаветѣ Ивановнѣ, благословилъ и ее, и Кирилловну, а въ прихожей взялъ Андриюшку за ухо и больно дернулъ:

— Если я тебя еще разъ съ Ксюшкой на задахъ поймаю, при всемъ народѣ въ церкви осрамлю. Рано отъ рукъ отбиваться началъ!.. Отъ меня вашему брату, молокососамъ, потачки не будетъ...

«Ишь, жеребьячья порода!.. На три аршина скрозь землю видить!» подумалъ Андриюшка, растирая ухо, и рѣшилъ быть осторожнѣе...

Зато на Анютку визитъ пастыря подѣйствовалъ какъ разъ наоборотъ. Она стала неукоснительно являться ко всѣмъ церковнымъ службамъ, шурша шелковыми юбками и милостиво кивая старымъ знакомымъ односельчанамъ и бывшимъ сверстницамъ, жадно созерцавшимъ ея наряды.

Лезаръ и его семья одни не кланялись ей, хотя она и пыталась заговорить при встрѣчѣ. Зато другіе мужики старательно отвѣчали на ея поклоны. Близился срокъ новой аренды, и они надѣялись черезъ нее повыгоднѣе договориться съ Евграфовымъ.

Но самого теперь у обѣдни почти не видали. Вѣсть о предполагаемой смерти сына, какъ ему самому не было странно, оказа-

лась далеко для него не безразличной: хотя онъ и игралъ въ равнодушіе, но тайкомъ отъ Анютки рѣшилъ навести справки.

Въ половинѣ февраля его экстренно вызвали въ Горскъ. Таничка померла.

У гроба дочери, подъ монотонный голосъ читальщика, Михаила Демьянычъ впервые спросилъ себя:

«Ну, а дальше что жъ?»

Тихій, чуть слышный робкій голосъ отвѣтилъ въ душѣ:

«Но вѣдь изъ Петербурга пока ничего не отвѣчали... Можетъ, тотъ и живъ еще?..»

Михайла Демьянычъ громко кашлянулъ, голосъ умолкъ, и только дочь, некрасивая при жизни, лежала въ гробу похорошѣвшая, съ тонкимъ, какъ у матери, профилемъ.

Онъ вернулся въ Евграфовку на средокрестной недѣлѣ и ходилъ мрачный, недовольный, придираясь ко всѣмъ и ко всему, не смотря на ублаженія своей душеньки, изощрявшейся во всякихъ женскихъ соблазнахъ...

XXX.

Далеко въ странѣ восточной
Ручеекъ журчитъ проточный.
Съ берега лежитъ доска,
А подъ ней живетъ тоска.
Волны шепчутся съ тоскою,
Разливаются рѣкою.
Влагу пьетъ изъ нихъ роса,
Поить нивы и лѣса ..

(«Листы пожелтѣлые». М. К.)

Выздоровленіе Елизаветы Ивановны шло полнымъ ходомъ. Силы прибывали. Нервы работали вполне правильно, и только правая нога не хотѣла сгибаться, и пришлось пустить въ ходъ костыль Игнатія Львовича.

Маруся совершенно за нее успокоилась, но тщательно все-таки обходила въ разговорахъ другіе не перестававшіе ее заботить вопросы: во-первыхъ, приближеніе срока платежа по первой закладной, во-вторыхъ, неизвѣстность о судьбѣ Данилы, такъ какъ Иванъ Матвѣевичъ тоже никакого официального извѣщенія о смерти Лампуши, судя по письмамъ, еще не имѣлъ и зналъ о ней лишь отъ Сивковой. Но теперь весь интересъ матери сосредоточился на войнѣ.

Получивъ отъ Саввы Григорьевича разрѣшеніе читать, Елизавета Ивановна съ жадностью накинулась на газеты, а онѣ приносили съ каждымъ днемъ все худшія вѣсти.

Цѣлый рядъ трудныхъ и странныхъ названій городовъ и почти никому изъ русскихъ неизвѣстныхъ мѣстностей цѣплялся въ длинный синодикъ убитыхъ надеждъ на побѣду. Терпѣніе... терпѣніе...

терпѣніе!.. Его уже не оставалось... И тотъ Куропаткинъ, кого годъ назадъ на пути его слѣдованія на Востокъ «проводжали, не салюты орудій, не триумфальные огни, а благословенія русскаго народа, кому горѣли вслѣдъ русскія сердца, полныя вѣры въ его опытъ, въ его хладнокровіе и мужество» ¹⁾, терялъ съ каждымъ новымъ изъ этихъ именъ свое обаяніе и изъ осторожнаго полководца становился неосторожнымъ медлителемъ.

Тогда какъ-то не бросалось въ глаза, что въ тотъ самый день, когда онъ порѣшилъ измѣнить курсъ и перейти въ наступленіе послѣ цѣлаго года отступленій, въ отвѣтъ этой рѣшимости, за девять тысячъ верстъ, въ русской столицѣ пролилась русская кровь. По чьей волѣ? Чьими происками? Кѣмъ оплаченная?

Будетъ ли когда-нибудь данъ отвѣтъ?..

Извѣстіе о кровавомъ днѣ 9-го января Елизавета Ивановна прочла въ началѣ марта, но оно особенно сильно подѣйствовало на нее.

Ей невольно думалось:

«Застань Маруся это январское воскресенье въ Петербургѣ, она бы, конечно, не осталась безучастной».

Отсутствіе Данилы она втайнѣ объясняла его арестомъ. Наверно... Какъ ни старалась она приучить себя къ мысли о будущемъ зятѣ, но все же онъ рисовался ей человѣкомъ въ смыслѣ полицейскомъ—неблагонадежнымъ, и она теперь часто говорила Марусѣ:

— Когда вы женитесь, вы должны переселиться сюда. Я не буду мѣшать вамъ... Данѣ,—она упорно называла будущаго зятя сокращеннымъ именемъ,—я устрою въ мезонинѣ мастерскую со стекляннымъ потолкомъ... Мы должны жить вмѣстѣ...

Маруся только молча кивала головою и боялась, какъ сообщить матери извѣстіе о его смерти, если оно подтвердится официальнымъ путемъ.

Однажды, вернувшись отъ отца Силы, она застала мать у письменнаго стола въ кабинетѣ со знакомымъ дѣдовскимъ письмомъ въ рукахъ.

— Мама!.. мама!.. Зачѣмъ?.. зачѣмъ ты читаешь это?..—съ ужасомъ твердила дочь...

Но мать читала и читала знакомый листокъ... Слезы лились. Дрожали руки. Но зато стало ясно многое неясное въ послѣдніе мѣсяцы жизни свекра. Оно было ужасно, такъ ужасно, что казалось—снова онѣмбеть языкъ и откажутся служить едва воскресшіе члены. Однако горе нашло выходъ именно въ этихъ слезахъ, въ колыханіи груди и громкихъ рыданіяхъ.

Маруся на колѣняхъ обхватила мать и тоже плакала, прижавшись къ ней.

¹⁾ «Московскія Вѣдомости».

— Мамуся, моя мамуся!

— Полно, дѣтка!..—рука съ обручальнымъ кольцомъ легла на русые завитки.—Полно... Ты не убивайся... Я все, все поняла,—она поцѣловала залитое слезами письмо.—Слушай: все, что здѣсь сказано,—будетъ исполнено... Мы,—она глотнула слезы и громко, по-дѣтски какъ-то, перевела духъ:—должны слиться въ одну семью... Надо разыскать тетю Олю.

Это мягкое «тетю Олю» было первымъ шагомъ искупленія. Маруся поняла это и рассказала о своемъ оставшемся безъ отвѣта посланіи въ Иркутскъ.

— А Микѣ ты написала?—спросила мать.

— Куда? гдѣ эскадра? Да и вѣрно ли то, что онъ пошелъ съ нею? Какъ узнать?

— Въ министерствѣ знаютъ... Подожди, я напишу сама. Ему перешлютъ...

Вечеромъ она молилась въ образной и твердила свекру:

«Мы будемъ одной семьей, фатенька! Оля, я и дѣти... ихъ дѣти...»

На минуту прилила волна забытой страсти и ревности... Вѣдь эти дѣти, которыхъ она жаждала безсознательно, были и «его» дѣтьми... его, кого уже не было десять мѣсяцевъ... Но утромъ она опять сидѣла въ кабинетѣ и, глядя на ихъ карточки, писала ихъ единоутробному брату: «Не только исполняю волю покойнаго свекра, но, глядя на портретъ Лени, на его сходство съ покойнымъ отцомъ, а, слѣдовательно, и съ близнецомъ-братомъ этого отца и моимъ мужемъ, я, носящая фамилію Яшневыхъ, чувствую своимъ долгомъ дать ему и его сестрѣ все, что въ моихъ силахъ, чтобы ихъ жизнь сложилась удачнѣе, чѣмъ жизнь обоихъ сыновей Игнатія Львовича».

Дни опять потекли. Маруся понемногу рассказывала матери все, что пережила за разлуку съ нею. Она открыла ей и свое авторство, говорила рѣшительно обо всемъ и только молчала о смерти Данилы и о своей тревогѣ за проценты.

Никакихъ писемъ ни изъ Петербурга, ни тѣмъ болѣе съ Мадагаскара, гдѣ стояла эскадра Рождественскаго, не приходило.

Давно не только прилетѣли черные грачи и расклеивали желтыми носами снѣгъ, выбирая изъ промерзлой почвы свое скудное пропитаніе, но даже звенѣли и жаворонки надъ проталинами.

Маруся со дня на день ожидала, что придутъ мужики снять землю въ аренду, и она заведетъ съ ними разговоръ о продажѣ тѣхъ участковъ, которые они ежегодно воздѣлывали, но никто не показывался.

Они тоже выжидали и были въ полномъ недоумѣніи. Срокъ аренды Евграфова истекъ, а онъ и не думалъ заговаривать о ея возобновленіи. Картофеля на этотъ разъ на заводѣ не хватило, и для окончанія выкурки законтракованныхъ казною четырехъ

милліоновъ градусовъ спирта пришлось закупить на югѣ маисъ. Какъ водится, уголь одного мѣшка распоролся и зерно потекло. Этотъ слѣдъ желтыхъ сухихъ, но мучнистыхъ сѣмянъ кукурузы, впервые привезенныхъ въ Колычево, поставилъ мужиковъ втупикъ.

— Ишь ты, рыжій дьяволъ, какую невидаль выдумалъ, изъ чего курить будетъ... то-то о землѣ не заикается!..

Они почесали затылки и собрали на плотинѣ сходъ, который долженъ былъ рѣшить: идти ли предлагать аренду Евграфову, или робить самимъ, какъ робили ихъ дѣды и прадѣды эту неблагоприятную, плохо кормившую ихъ суглинистую колычевскую почву.

Весело работала въ тотъ день винная лавка. Бабы стояли поодаль и прислушивались къ галдежу, который по морозцу докатывался до самыхъ Метелицъ.

Колычевцы держались особнякомъ. Лезарь то теребилъ, то оглаживалъ сильно посѣдѣвшую бороду. Онъ радовался въ душѣ, что псконная земля вновь отходитъ къ мужикамъ, но понималъ, какъ жутко тѣмъ, евграфовцамъ, вновь братья за брошенное восемнадцать лѣтъ назадъ хозяйство... Съ чѣмъ начинать его? Ни сохи, ни сѣмянъ, ни скота ни у кого не оставалось... Денегъ мірскихъ— были гроши... Хлѣбныхъ магазиновъ и не заводили... Одна надежда была—земство... а посредника и заступника передъ начальствомъ, земскаго начальника, и слѣда съ собаками не сыщешь... Сгинулъ...

Въ толпѣ шныряли и батраки съ завода, шабашившіе послѣ дневной сгонки спирта. Они собирали слухи и свѣдѣнія. На пути ихъ перехватывала Фетиша.

Согнанная со двора Аниоткой, она снова, когда Таничка отправилась туда, откуда нѣтъ возврата, и упокоилась рядомъ съ Авдотьей Тарасовой на старомъ погостѣ, какъ кошка, прижившаяся къ мѣсту, вернулась въ домъ съ башнями и переходами. Ловко избѣгала она встрѣчъ съ Анной Тихоновной, но вдвойнѣ угождала чѣмъ и какъ могла самому. А «самъ» съ каждымъ днемъ становился тяжелѣе и мрачнѣе. Онъ любилъ теперь часами сидѣть въ ректификаціонномъ отдѣленіи и наблюдать, какъ въ стеклянномъ цилиндрѣ контрольнаго фонаря, подъ неслышную, автоматическую работу перегонки поднималась прозрачная влага очищеннаго спирта и думалъ:

«Вотъ такъ и вода въ сердцѣ подымается, а какъ до верху дойдетъ, сердце захлебнется и человѣку крышка.»

Но сегодня онъ ждалъ Фетишу въ конторѣ. Напротивъ въ окно былъ виденъ знакомый вязъ, окруженный опять прочнымъ заборомъ, которымъ правнукъ колычевскаго камердинера, подъ шумокъ и треволненія въ усадьбѣ, огородилъ-таки за эту зиму кулигу. Сквозь трещины коры съ обгорѣлой стороны пробились внизу пуч-

ки новыхъ побѣговъ и теперь торчали, словно облѣнившіе стволъ дикобразы.

Могилы были тоже обнесены рѣшетками, и на старыхъ, воздвигнутыхъ наспѣхъ памятникахъ висѣли фарфоровые вѣнки въ безобразныхъ сѣрыхъ футлярахъ.

«Самъ», глядя на возвращенный случай и думая про Игнатія Львовича, кривилъ злорадно ротъ.

«Померла старая клистирка! Пошелъ гулять и не вернулся. Самъ ли покончилъ какимъ зельемъ съ собою, или чортъ по его душу приходилъ? А теперь тѣмъ не выкрутятся... Хлюпнули въ банкѣ... Въ июнѣ, небойсь, въ трубу, какъ вѣдьмы на помелахъ, вылетятъ... Будетъ съ нихъ... Пора и честь знать... Столько лѣтъ дождался... Не стану и на аренду льститься. Развѣ на годъ сниму, а тамъ на своей, на вотчинной работать начну...»

— Ну, съ чѣмъ пожаловала, мандрыка?—встрѣтилъ «самъ» свою вѣрную почтальоншу.

Но мандрыка какъ вошла, такъ и уткнулась въ подушку дивана.

— Ну, чего такого?.. что ты тутъ нюни распускаешь?—окрикнулъ ее хозяинъ.

— Ой, батюшки, не могу!.. Родные, не могу!..

— Да въ чемъ дѣло? Довольно тебѣ... Толкомъ говори...

— Батюшка... да знаете ли, откуда я?.. Вы думаете, съ плотины?..—она махнула рукою.—Стою это я, зазябла... смотрю, барыня Большаковская въ траворѣ въ церковь направилась... Я за нею... Думаю, вѣрно, родственничка ейнаго на войнѣ убили... Вхожу, а тамъ и Капитолина и Груша дьяконская... Столикъ панафидный приготовленъ... «По комъ это?»—спрашиваю... и вдругъ,—она снова разрыдалась.—«По Да-ни-лѣ... Ми-хай-ло-ви-чѣ... говорятъ... Колычевскія барыни... заказали...» Батюшка!.. батюшка, голубчикъ ты нашъ!.. На кого ты насъ покинулъ... Ой-ой-ой!—запричитала она.—И впрямь,—снова вытерла носъ и вѣки:—обѣ... и сама... старая такая... и та дочь... невѣста... значить... такъ и убива...

Она не докончила... Около нея что-то пыхтѣло. Точно локомотивъ, разводящій пары, сопѣлъ Михайла Демьянычъ. Даже шея у него была темная... но голосъ твердо произнесъ:

— Не о панафидахъ дѣло... я тебя о тѣхъ, о мужикахъ, спрашиваю.

Фетиша обомлѣла, спѣшно отерла платочкомъ глаза и созналась, что еще не выпросила батраковъ.

— А не спрашивала, такъ и не лѣзла бы!..

Дверь захлопнулась. Грузно осѣло тѣло въ креслѣ. Рука отстегнула воротъ, и кровь отлила изъ набухшихъ жилъ. Не проходилъ только красный туманъ, въ которомъ плавали вѣнки въ сѣрыхъ футлярахъ...

«Были... обѣ... мать и дочь... убивались... какъ невѣста обрученная... по немъ... по женихѣ... по Данѣ... Убить?... онъ убить?... а мать простила... повѣнчала бы... на Красную Горку... вотчина колычевская еврафовскою стала бы..»

Онъ застоналъ. Въ двери просунулась пышно расчесанная голова полюбовницы. Шурша шелковыми оборками, подошла синеглазая красotka и только что хотѣла обнять своего Миханьчика и прижаться къ его мощной, обнаженной груди, какъ онъ во весь ростъ вскочилъ передъ нею:

— Ты... тварь... что же... будутъ мнѣ отъ тебя дѣти, или нѣтъ?..

— Что ты... что ты, голубчикъ... Богъ съ тобою... Какія дѣти... — опѣшила молодуха.

— Дѣ-ти... понимаешь... Я... я... дѣ-тей хо-чу... а не тебя!..

Онъ выкрикнулъ новое страшное ругательство и, отшвырнувъ на смерть перепуганную женщину, бросился вонъ...

Черезъ часъ Фетиша покровительственно говорила Аннѣ Тихоновнѣ:

— Лучше бы тебѣ обратиться по добру да по здорову. Я знаю... допнется до чортиковъ... Четыре четвертныхъ къ себѣ въ контору потребоваль... Такъ было, когда сына въ ссылку угнали... Тогда у него сударку тогдашнюю, арфанку изъ Горска, еле живую отняли. Тебя теперъ увидить, на смерть заколотить... Забирай-ка, что можешь, и проваливай отсюда!

Анютка не повѣрила. Ей казалось невозможнымъ, чтобы, послѣ трехлѣтней связи, ее могъ бы прогнать покровитель. Вреть Фетинья,—придралась къ случаю, чтобы самой власть забрать въ домѣ... Такъ она и уступить! Не на таковскую напала... Посмотримъ, кого кто одолѣеть?!.. Но прошелъ день, почъ, наступилъ новый, а ее не звали...

Подъ вечеръ, разодѣвшись, какъ пава, напяливъ на себя всѣ драгоценности, съ гитарою въ рукахъ, прокралась Анна Тихонова въ контору, къ своему Миханьчику. Онъ сидѣлъ одинъ, безъ сюртука, все въ той же разстегнутой рубахѣ. Передъ нимъ стояла до половины опорожненная бутылъ. Въ далеко протянутой по столу рукѣ дрожалъ недопитый стаканъ. Глаза смотрѣли въ одну точку. Имъ въ сумеркахъ рисовался открытый гробъ, а въ немъ недавно видѣнное похорошѣвшее, похожее на блѣдное лицо жены, мертвое лицо дочери, скончавшейся отъ страшной женской болѣзни послѣ родовъ седьмого неживого младенца... И рядомъ съ этимъ лицомъ другое, обрамленное гривую каштановыхъ кудрей, смотрѣло зло и надменно, и сѣрые глаза сверкали, а губы...

Онъ отвелъ взглядъ отъ этого страшнаго лица и увидалъ другое, живое, съ наглою улыбкою, съ кокетливо прищуренными рѣсницами...

— Ты... ты... ты...

Больше ничего не выговорилъ языкъ, но голова нагнулась, какъ у разъяреннаго быка. Стаканъ зазвенѣлъ, обливая водкой стѣну и диванъ... Взвизгнула, метнулась баба и стрѣлою понеслась черезъ сѣни во дворъ.

Слѣдомъ, изрыгая непонятныя слова, бѣжалъ еще вчера ее миловавшій любовникъ. У полѣнницы дровъ на глаза ему попался топоръ. Съ радостнымъ ревомъ схватилъ его Михайла Демьянычъ и помчался дальше за убѣгавшей сударкой. Анютка бѣжала прямо къ вязу. Это былъ единственный предметъ, за который можно было спрятаться на голомъ казарменномъ дворѣ. Какъ, бывало, въ пятнашки, она схватилась рукою за стволъ и скрылась на секунду изъ вида, но вслѣдъ ухнулъ топоръ. Желѣзо отрубило пальцы въ сверкающихъ кольцахъ и глубоко вошло въ морщинистую кору. Напрасно дергали рукоятку красно-синія руки, чтобы добить у подножія могилы Арсенія Михайловича внучку крѣпостнаго колычевскаго человѣка...

— Убью... стой... гдѣ ты?..—оралъ изступленный голосъ.

Но уже по двору бѣжали батраки и въѣзжалъ вытребованный Фетишею Савва Григорьевичъ. Работники навалились и ухватили хозяина за локти, а онъ отбивался, втаптывалъ все глубже въ снѣгъ что-то скользкое, хрустящее, красное и, вырвавшись вдругъ, съ нечеловѣческой силою вновь ухватился за рукоятку окровавленнаго топора, но въ эту минуту холодная струя окатила его. Савва Григорьевичъ направилъ на вязъ пожарный рукавъ. Евграфовъ упалъ...

Изъ больницы заыхавшійся фельдшеръ бѣжалъ съ горячечной рубашой. Повелителя Евграфовки связали и потащили въ контору. Черезъ четверть часа, обложенный льдомъ, онъ лежалъ неподвижно на постели. Крѣпко-накрѣпко связанные узломъ подъ кроватью безконечные рукава не давали двинуть ни рукой, ни ногой...

— Доишлся!..—фыркнулъ Савва Григорьевичъ, перевязывая Анютку, истекавшюю кровью за вязомъ.—Доигрались!..

Мужики, рассчитывавшіе черезъ нее добиться повышения аренды, пришли въ полное уныніе. Докторъ заявилъ, что раньше двухъ, а то и трехъ мѣсяцевъ ни на какія дѣла Михайла Демьянычъ способенъ не будетъ, а Анютка лежала въ больницѣ на соломенномъ матрацѣ, въ тяжеломъ воздухѣ, и ей казалось, что она снова та маленькая дѣвочка, которую несъ вдоль конопляниковъ высокій, худощавый юноша съ добрыми сѣрыми глазами, котораго такъ хотѣлось поцѣловать...

Подходила Пасха, невеселая на этотъ разъ... На заутренѣ не хватить многихъ, чьи трупы лежали далеко въ невѣдомой землѣ. Нелегко было и Марусѣ...

1-е мая было не за горами, а мужики сами были достаточно богаты землею и объ арендѣ не заикались. Въ субботу на вербной недѣлѣ Кузьмичъ привезъ почту, и напоминаніе отъ банка объ истекающемъ льготномъ срокѣ попало въ руки Елизаветы Ивановны...

Увидавъ сѣрый конвертъ на колѣняхъ матери, Маруся затряслась. Самые невѣроятные планы начали срываться съ ея сразу поблѣвшихъ губъ...

— Мамочка, ты не волнуйся... Мы напишемъ Софронову... а то, хочешь, я поѣду къ Шемаевымъ!

Но, къ ея величайшему удивленію, мать притянула ее и спокойно отвѣтила:

— При чемъ тутъ Софроновъ и Шемаевы? Все это лишнее... Деньги у насъ есть... Я только очень жалѣю, что ты раньше не предупредила меня... Видно, у меня голова еще далеко не въ порядкѣ, что сама я забыла объ этомъ срокѣ....

— Деньги?.. Откуда... у насъ?.. рубля въ домѣ нѣтъ!.. — рыдала дочь.

— Въ домѣ рубля нѣтъ, а въ сохранной казнѣ серебра и брильянтовъ на шесть тысячъ... Ты забыла?.. Это они въ шесть тысячъ застрахованы, чтобы лишнихъ процентовъ не платить, такъ бабушку одинъ ея знакомый, еще дядей Simon туда опредѣленный чиновникъ научилъ, а ихъ куда больше... И вотъ, надо попросить еще разъ Большаковыхъ и отца Силу... Пусть дадутъ въ долгъ, а ты поѣзжай въ Петербургъ къ своей фрау Артигъ... попроси ее, она тебѣ не откажетъ, судя по ея сочувственному тебѣ письму по поводу смерти Дани, и поможетъ вынуть и обратить въ деньги ненужныя намъ вещи.

Большаковъ, заслышавъ объ этой поѣздкѣ, заложилъ въ карманы руки и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ...

— А знаете ли: поѣдте-ка вмѣстѣ!.. Все равно мнѣ недолго тутъ околачиваться придется... Надо въ акцизъ... заявлю въ самомъ департаментѣ о здѣшнихъ дѣлахъ. Вѣдь заводъ врядъ ли осенью откроется, а ректификація тоже застоитъ... Хочу хлопотать о переводѣ...

Жена его радостно перекрестилась...

Марусѣ все это казалось невѣроятнымъ, и, даже сидя въ вагонѣ, она боялась проснуться, чтобы вновь не ломать себѣ голову: «Какъ же быть? Гдѣ взять, откуда раздобыть кошмарныя двѣ тысячи?»

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

М. Веселкова-Кильштетъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРАГО ЭРИВАНЦА ¹⁾.

(1832—1839 гг.)

IV.

Интрига противъ барона Розена.—Князь Чернышевъ, акціонеръ нухинскаго шелководства.—Розыскъ сенатора Гана.—Пріѣздъ государя Николая Павловича на Кавказъ въ 1837 году.—Докладъ Гана.—Дознаніе князя Васильчикова.—Разводъ 9-го октября на Мадатовской площади въ Тифлисѣ.—Участь князя Дадіани.—Перемѣны и увольненія.—Уходъ барона Розена.—Столкновеніе мое съ старшимъ псаремъ.—Переходъ въ строй.—Генераль Симборскій.

ВЪ 1837 ГОДУ на Кавказъ пріѣхалъ государь Николай Павловичъ, и тогда же произошла катастрофа съ княземъ Дадіани, завершившая его такъ блестяще начатую карьеру. Весь сыръ-боръ, какъ извѣстно, загорѣлся вельѣдствіе доноса, поданнаго государю сенаторомъ барономъ Ганомъ, но не всеѣмъ извѣстна причина такого усердія со стороны послѣдняго. Въ семьѣ Розена и Дадіани объ этомъ говорили совершенно открыто.

Еще до пріѣзда на Кавказъ барона Розена князь Чернышевъ, тогдашній военный министръ, пользовавшійся при дворѣ большою силою, сдѣлался однимъ изъ главныхъ акціонеровъ компаніи шелководства въ Нухѣ. Когда Розенъ прибылъ на Кавказъ, князь Чернышевъ, чтобы расширить свое предпріятіе и увеличить дивидендъ компаніи, попросилъ у барона какихъ-то особыхъ льготъ

¹⁾ Продолженіе. «Истор. Вѣстн.», т. СХХХVIII, стр. 39.

и въ то же время предложилъ ему видное участіе въ дѣлѣ. Честнѣйшій и благороднѣйшій баронъ Розенъ крайне возмущился этимъ предложеніемъ и въ довольно рѣзкой формѣ отказалъ въ личномъ участіи и въ покровительствѣ. Всесильный баловень судьбы, конечно, не могъ простить подобной обиды и затаилъ злобу. Счастіе ему благоприятствовало. Агенты шелководственной компаніи, описывая кавказскія дѣла, довели между прочимъ до его свѣдѣнія о дѣйствіяхъ зятя главнокомандующаго, и на этой почвѣ князь Чернышевъ основалъ свою месть.

Въ то время на Кавказѣ вводилось гражданское управленіе особой комиссіей, назначенной изъ Петербурга, предсѣдателемъ которой состоялъ баронъ сенаторъ Ганъ, мечтавшій, какъ тогда говорили, перейти въ военное вѣдомство и стать во главѣ управленія краемъ. Князь Чернышевъ поддерживалъ барона Гана въ его честолюбивыхъ замыслахъ, и они вмѣстѣ выработали планъ похода противъ Розена, начавъ съ слабаго мѣста—съ Дадіани. Сенаторъ Ганъ взялся за дѣло и, пріѣхавъ на Кавказъ, поручилъ одному изъ своихъ чиновниковъ, надворному совѣтнику Базилію, негласно поселиться на Манглисѣ и вывѣдать все то, что могло служить къ обвиненію Дадіани. Изъ насъ, жившихъ въ то время въ слободѣ, никто и не подозрѣвалъ о пребываніи здѣсь согладатая. На основаніи добытыхъ такимъ путемъ свѣдѣній баронъ Ганъ составилъ докладную записку, которую и вручилъ лично государю, вскорѣ по его пріѣздѣ въ Тифлисъ. Николай Павловичъ, какъ извѣстно, не любившій доносовъ, очень холодно встрѣтилъ это служебное усердіе и, окинувъ брезгливымъ взглядомъ докладъ, передалъ его тутъ же находившемуся барону Розену, котораго очень цѣнилъ и любилъ.

— Прочти, Григорій Владимировичъ, эту записку и, если правда то, что въ ней говорится, взыщи съ Дадіани своею властью...

Баронъ Розенъ, самъ далекій отъ какой-либо корысти, вѣрилъ въ порядочность своего зятя, а потому, вернувшись домой и заставъ всю семью за чаемъ, передалъ записку зятю, сказавъ:

— Его величеству поданъ на тебя доносъ, Александръ Леонтьевичъ. Конечно, я понимаю, что главная интрига направлена на меня, но эта записка касается лично твоихъ дѣлъ, а потому скажи мнѣ откровенно, насколько ты признаешь себя виновнымъ во всемъ здѣсь изложенномъ. Имѣй въ виду, государь былъ такъ милостивъ, что предоставилъ мнѣ лично разобраться въ этомъ дѣлѣ.

Для князя въ эту минуту представлялся превосходный случай выйти съ честью изъ труднаго положенія и откровеннымъ признаніемъ облегчить положеніе тестя и свое собственное, но на бѣду явились дамы, особенно старая баронесса, которая лучше другихъ знала истину, тѣмъ не менѣе горячо стала доказывать ложность доноса, имѣвшаго подкладкой чернышевскую интригу и т. п. Сла-

бвовольный князь не обладалъ достаточнымъ мужествомъ признаться въ своихъ прегрѣшеніяхъ и самымъ рѣшительнымъ образомъ отперся отъ всѣхъ взводимыхъ обвиненій:

— Неужели же эти цифры представляютъ сплошную выдумку?.. Смотри, князь, какъ бы хуже не было, — вѣдь государь шутить не любитъ, — сказалъ баронъ Розень.

Но Дадіани продолжалъ упорно стоять на своемъ. Баронъ тотчасъ же вернулся къ государю и доложилъ, что Дадіани не признаетъ себя виновнымъ. Николай Павловичъ ничего не сказалъ на это, но, по всей вѣроятности, у него уже было составлено свое убѣжденіе. Весьма возможно, что слѣдующій эпизодъ, о которомъ всѣ тогда говорили, случился въ дѣйствительности.

Какъ извѣстно, государь, подъѣзжая къ Тифлису, очень утомился крайне медленной ѣздой по грязнымъ и плохимъ дорогамъ, а потому пересѣлъ на лошадь и въ сопровожденіи лишь одного казака поѣхалъ прямокомъ черезъ Кюдинское поле. Тутъ, говорили, попался государю какой-то человѣкъ, пасшій небольшой гуртъ скота и не имѣвшій обычнаго вида туземныхъ пастуховъ съ ихъ характерными конусообразными бараньими шапками. При видѣ проѣзжавшаго офицера человѣкъ этотъ еще издали вытянулся въ струнку и снялъ шапку, по тогдашнему отдавая честь офицеру. Государь подъѣхалъ и спросилъ, кто онъ такой.

— Солдатъ такой-то роты Эриванскаго полка, ваше благородіе.

— Что ты здѣсь дѣлаешь?..

— Пасу порціонную скотину, ваше благородіе...

Государь затѣмъ еще задалъ нѣсколько вопросовъ и отѣхалъ, произнеся вслухъ: «И такого браваго молодца вдругъ сдѣлали пастухомъ»...

Весьма возможно, что подобный случай былъ въ дѣйствительности. Но помимо этого до Николая Павловича дошелъ слухъ о другомъ флигель-адъютантѣ, командирѣ Грузинскаго полка той же гренадерской бригады графъ Опшерманъ, который занялся содержаніемъ почтоваго тракта между Гори и Тифлисомъ. Если это и не составляло преступленія, то во всякомъ случаѣ указывало на извѣстное стремленіе къ наживѣ, которому предались на Кавказѣ даже самые видные и высшіе чины.

Когда баронъ Розень принесъ отрицательный отвѣтъ князя Дадіани, государь молча принялъ обратно докладъ Гана и въ тотъ же вечеръ на балу грузинскаго дворянства подозвалъ къ себѣ флигель-адъютанта князя Васильчикова, передалъ ему докладъ и приказалъ немедленно ѣхать верхомъ на Манглисъ и произвести дознаніе. Дадіани, все время со страхомъ слѣдившій за дѣйствіями государя, догадался, въ чемъ дѣло, и, въ свою очередь, приказалъ бывшему тутъ же своему адъютанту З—ву скакать что есть духу въ штабъ-квартиру и распустить всѣ команды, раздать людямъ

сколько успѣтъ денегъ и вообще по возможности скрыть слѣды неправильнаго хозяйничанія.

И вотъ началась бѣшенная скачка... Князь Васильчиковъ быстро подвигался рысью по наѣзженной дорогѣ, а З—въ мчался, сломя голову, на своемъ чистокровномъ арабѣ, сокращая путь всѣми возможными способами. Кто видѣлъ эту дорогу теперь, тотъ можетъ себѣ представить, что такое она представляла собою въ то время, когда на ней не было шоссе, мостовъ, разработанныхъ подъемовъ и спусковъ. Скакать по нимъ въ темную ночь можно считать выдающимся спортсменскимъ подвигомъ со стороны З—ва. Хотя и то сказать, что онъ спасалъ также и свою шкуру...

Задолго до приѣзда государева посланца прискакалъ З—въ на Манглись и успѣлъ распустить всѣ команды, но, конечно, не всѣмъ успѣлъ раздать деньги и переодѣтъ въ приличную одежду.

Князь Васильчиковъ подѣхалъ прямо къ казармамъ и потребовалъ у дежурнаго офицера вывести всѣхъ людей, находившихся въ тотъ моментъ въ штабъ-квартирѣ. Въ эту минуту появился З—въ.

— Вы какъ тутъ очутились, когда я васъ только что на балу видѣлъ?—спросилъ удивленный князь.

— По приказанію его свѣтлости приѣхалъ верхомъ, ваше сіятельство...—отвѣтилъ З—въ, и съ той поры эта ссылка на приказанія его свѣтлости все время фигурировала въ отвѣтахъ этого господина, невзирая на то, что онъ же самъ былъ душою всѣхъ этихъ начинаній.

Мигомъ по Манглису пронеслась вѣсть о приѣздѣ царскаго адъютанта, и поднялась невѣроятная кутерьма,—все населеніе, невзирая на ранній часъ, устремилось на площадь... Она скоро вся покрылась группами сельчанъ и полковыхъ дамъ, на этотъ разъ невѣроятно скоро одѣвшихъ въ свои самыя великолѣпныя платья. Даже священникъ прибылъ въ церковь, облачился въ новыя ризы и хотѣлъ начать перезвонъ, но мои знакомые, угадавшіе въ происходившемъ явленіе, совсѣмъ не требовавшее торжественнаго благовѣста, отговорили.

А тѣмъ временемъ передъ казармами выстроились болѣе шестисотъ человѣкъ какихъ-то нищихъ оборванцевъ, не имѣвшихъ даже отдаленнаго сходства съ воинскими чинами. Князь Васильчиковъ всѣхъ обошелъ, самымъ добросовѣстнымъ образомъ спрашивая фамилію, какой роты, въ какой командѣ состоятъ, когда получалъ казенное довольствіе и т. п. На эти вопросы получались отвѣты: «при верблюдахъ, при волахъ, на княжьемъ пчельникѣ, у полковаго маркитанта, на винокуренномъ заводѣ» и т. д. Жалованія же, оказалось, не получали кто одну треть, кто пѣлый годъ...

Записавъ всѣ отвѣты, князь Васильчиковъ съ удивительною выносливостью сѣлъ снова на коня и рысью направился обратно въ Тифлисъ. Въ этотъ самый моментъ княжескія транспортныя

животныя: буйволы, волы, верблюды, оставленные безъ присмотра, разбрелись по слободѣ и оглашали воздухъ мычаніемъ, ревомъ, фырканиемъ.

— Вотъ и скотина даже заявляетъ претензію...—сказалъ шутливо князь.

Государь, получивъ подтвержденіе обвиненій Дадіани, отложилъ свой судъ до слѣдующаго дня. 9-го октября съ утра происходилъ смотръ кавалерійскихъ частей за Курой, а въ двѣнадцать часовъ назначенъ былъ «разводъ съ церемоніей», т. е. смѣна карауловъ отъ частей Грузинскаго и Эриванскаго полковъ. Въ то время разводы производились на Мадатовской площади, гдѣ нынѣ разбитъ нижній Александровскій садъ.

Въ періодъ царскаго объѣзда по Кавказу нашъ полкъ былъ въ разбросѣ. 1-й батальонъ несъ караульную службу въ Тифлисѣ, 2-й стоялъ на турецкой границѣ въ Гумрахъ (Александрополѣ), 3-й въ Сурамѣ на дорожныхъ работахъ, на Манглисѣ остальные части и команды. Конечно, въ виду царскаго смотра нѣкоторыя команды, работавшія въ княжескихъ хозяйственныхъ отдѣлахъ, были значительно сокращены, но далеко не всѣ. Для увеличенія строевого состава была изъ Сурама вытребована егерская, кажется, 11-я рота. И я, какъ унтеръ-офицеръ, на время карауловъ былъ откомандированъ отъ канцеляріи въ 4-ую роту. Весь послѣдній мѣсяцъ насъ муштровали на всякіе лады, и мы быстро достигли совершенства.

Въ день девятаго октября намъ предстояло смѣнить грузинцевъ съ караула въ присутствіи самого государя. Можно себѣ представить, какъ насъ вышколили на этомъ. Помню этотъ знаменитый день, который, несмотря на осень, выдался жаркимъ, душнымъ, словно въ ожиданіи грозы. Начальство было въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, дѣлало распоряженія, сейчасъ же ихъ отмѣняло; нервность передалась солдатамъ, тоже безъ толку суетившимся. Съ ранняго утра насъ одѣли въ парадную форму, потомъ въ походную и ужъ потомъ въ караульную, составлявшую смѣсь изъ первыхъ двухъ. Обѣдали рано, кое-какъ, и задолго до полдня были уже на мѣстѣ. Затянутые въ новые мундиры и аммуницію, мы не смѣли ни сѣсть, ни нагнуться, а первая шеренга гренадеръ съ ихъ густо нафабренными усами и бакенбардами не смѣла улыбаться, даже говорить. Но хуже всего было то, что мы стояли въ рядахъ и не могли отойти къ сторонѣ. Только, когда съ нѣкоторыми сдѣлалось дурно, начальство смилословилось и скомандовало: «Ружья составъ, стоять вольно, оправиться!..» Моментально всѣ боковые улицы покрылись облегчающимися солдатами, къ великому недовольству глазѣвшей публики. Но до того ли было помертвѣвшимъ отъ невыносимыхъ страданій солдатамъ. Послѣ новой команды: «по мѣстамъ», началась лихорадочная чистка, затѣмъ безконечное равненіе по линіи и по

рядамъ, что вмѣстѣ съ хожденіемъ журавлиннымъ шагомъ считалось тогда основой военнаго ученія.

Но вотъ послышались какіе-то сигналы, толпа тревожно зашевелилась, и какъ-то чувствовалось, что всѣми овладѣлъ тотъ почти паническій страхъ, который всегда внушалъ Николай Павловичъ. Ни радостныхъ криковъ «ура», сопровождающихъ теперешніе выѣзды царскіе, ни звуковъ торжественнаго гимна, ничего не раздавалось... Многотысячная толпа, стоявшая на площади и осыпавшая плоскія крыши всѣхъ окружающихъ домовъ, молчала какъ мертвая, и только доносился до насъ топотъ скачущаго почетнаго конвоя изъ грузинскихъ дворянъ въ ихъ расшитыхъ малиноваго бархата съ золотомъ кафтанахъ и желтыхъ сапогахъ... Государь подѣхалъ не верхомъ, какъ писали нѣкоторые, а въ коляскѣ съ какимъ-то генераломъ, а сзади въ другой ѣхалъ баронъ Розень.

Послѣ рапорта командующаго парадомъ, Николай Павловичъ прошелся по рядамъ, здороваясь съ каждою частью отдѣльно. Затѣмъ начался самый разводъ. Я ушелъ со смѣной на главную гауптвахту. Наши, оставшіеся въ строю, потомъ рассказывали, что государь остановился передъ фронтомъ Эриванскаго полка, вызвалъ всѣхъ штабъ-и оберъ-офицеровъ, грозно осмотрѣлся и позвалъ своимъ могучимъ голосомъ:

— Полковникъ князь Дадіани!...

Началось оглядываніе, шопотливыя переговариванія... Князь все время находился здѣсь и распоряжался, но передъ самымъ пріѣздомъ государя казался больнымъ и уѣхалъ домой... Кто-то изъ свиты доложилъ объ этомъ государю, который рѣзко приказалъ:

— Привести его...

Генераль Вальховскій, начальникъ штаба, сѣлъ на первыя попавшіяся дрожки и полетѣлъ за княземъ, городская квартира котораго находилась тутъ же на площади, въ домѣ Шемирхана, татарскаго переводчика при командующемъ войсками. Государь, видимо, самъ взволнованный, ходилъ вдоль фронта, ни съ кѣмъ не разговаривая... Кругомъ была мертвая тишина, и всѣ съ затаеннымъ дыханіемъ ждали надвигающейся бури... Минуть черезъ десять генераль Вальховскій вернулся съ блѣднымъ, сразу осунувшимся княземъ Дадіани.

Всѣмъ современникамъ извѣстенъ тотъ суровый взглядъ, которымъ въ гнѣвѣ окидывалъ виновныхъ Николай Павловичъ, а потому надо удивляться, съ какимъ самообладаніемъ князь Дадіани подошелъ твердымъ шагомъ къ государю, держа два пальца у головного убора. Только на лицѣ не было ни кровинки. Что затѣмъ говорилъ Николай Павловичъ, никто изъ моихъ свидѣтелей не помнилъ точно, къ нимъ доносились лишь отдѣльныя слова: «...доблестный полкъ... свинопасы... верблюды... пастухи... оборванцы... торгашн... мои адъютанты... обманулъ мое довѣріе... Ты не достоинъ

носить аксельбанты... Снять ихъ!..» Генераль Браико, къ которому относилось это приказаніе, трясущимися руками началъ разстегивать пуговицы на мундирѣ Дадіани, но долго не могъ справиться... Наконецъ, государь потерялъ терпѣніе, подошелъ и самъ сорвалъ аксельбантъ съ погономъ... Старикъ баронъ Розенъ въ это время стоялъ въ сторонѣ, облокотившись руками на саблю, и сурово смотрѣлъ въ землю. Государь понялъ душевное состояніе этого достойнаго, очевидно, глубоко страдавшаго въ ту минуту человѣка. Николай Павловичъ оглянулся, словно искалъ кого-то, и громко вызвалъ: «Розенъ!..»

Тутъ произошелъ эпизодъ, потомъ на разные лады комментировавшийся и давший поводъ къ массѣ ложныхъ слуховъ. Благодаря созвучію словъ, многимъ послышалось, будто государь потребовалъ розогъ, и по рядамъ публики пронесся гулъ... Ужасъ ли это былъ, или невольный ропотъ передъ подобной публичной расправой съ представителемъ одной изъ самыхъ аристократическихъ грузинскихъ фамилій?.. Но это былъ только мигъ...

Государь подошелъ къ барону Розену, обнялъ его лѣвой рукой и еще разъ громко вызвалъ:

— Поручикъ баронъ Розенъ?..

Послѣ минутнаго колебанія молодой человѣкъ, старшій сынъ главнокомандующаго, вышелъ впередъ.

— Какъ я умѣю карать, такъ умѣю и миловать...—сказалъ государь:—поздравляю тебя моимъ флигель-адъютантомъ!..

Старикъ Розенъ склонился на плечо государя и заплакалъ... Могла ли награда сыну возмѣстить ему позоръ зятя?.. А что должна была переживать въ эту минуту семья барона и князя, смотрѣвшая на эту картину съ балкона дома?.. Но сейчасъ же все потекло своимъ обычнымъ теченіемъ. Разводъ продолжался, и войска стали проходить передъ государемъ церемоніальнымъ маршемъ, подъ бодрящіе звуки музыки...

Разсказывали тогда, что семья барона Розена удивительно бездушно отнеслась къ этому эпизоду... Будто на балу въ тотъ же вечеръ сама княгиня Дадіани беззаботно танцовала и смѣялась, словно ничего трагическаго не произошло... А между тѣмъ мужъ ея въ это время летѣлъ на курьерскихъ въ сопровожденіи фельдъегеря въ Бобруйскъ...

Могу на это сказать одно, что если и былъ такой фактъ, что княгиня Дадіани присутствовала на балу и, можетъ быть, улыбалась даже, то это она дѣлала подъ деспотическимъ вліяніемъ матери, которая всѣми силами хотѣла показать непричастность семьи Розеновъ къ Дадіани. Это былъ извѣстный тактическій пріемъ, свѣтскій тактъ, не совѣмъ понятный простымъ смертнымъ. Зная же Лидію Григорьевну, какъ въ высшей степени добрую, отзывчивую на все хорошее женщину, я убѣжденъ, что за этими улыбками скры-

валось глубочайшее горе... Несомнѣнно, то же переживалъ и старый баронъ, вдобавокъ еще утратившій вѣру въ человѣка...

Но исторія этимъ не окончилась. Надъ дѣйствіями Дадіани было назначено слѣдствіе, порученное полковнику Катенину, двоюродному брату Катенина, недавно сосланнаго въ Кизляръ. Слѣдствіе самое строгое, можно даже сказать, пристрастное, велось при помощи аудитора, военного чиновника, исполнявшаго въ то время всѣ судебныя функціи. Оно тянулось въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, и весь слѣдственный матерьялъ былъ затѣмъ посланъ въ Бобруйскъ, гдѣ и состоялся самый судъ надъ Дадіани. Онъ былъ приговоренъ къ лишенію чиновъ, орденовъ, княжескаго званія и къ ссылкѣ въ Вятку, но, по особому ходатайству генерала Ермолова, ссылка эта отмѣнена и Дадіани разрѣшено жительство въ подмосковной деревнѣ. Только въ коронацію императора Александра Николаевича послѣдовала полная амнистія, съ возвращеніемъ чиновъ и дворянства.

Но, кромѣ самого князя, пострадали и другія лица. За недостаточный досмотръ уволенъ былъ въ отставку командиръ кавказской резервной гренадерской бригады генераль Гессе, котораго всѣ искренно жалѣли, какъ добрѣйшаго и прекраснаго боевого генерала, пострадавшаго совершенно напрасно: онъ первый боролся съ непорядками, но ничего не могъ сдѣлать съ кавказской камарильей.

Исторія съ Дадіани вообще имѣла широкія послѣдствія и даже отразилась на самомъ баронѣ Розенѣ. Вотъ что мнѣ рассказывалъ баронъ Александръ Евстафьевичъ Врангель, съ которымъ впослѣдствіи я довольно близко познакомился у его однофамильца, нашего полкового командира, принявшаго полкъ послѣ Дадіани.

Баронъ Врангель, тоже генераль-адъютантъ, состоялъ при Розенѣ, а потому зналъ подробно всѣ обстоятельства ухода его личнаго друга. Извѣстно, что путешествіе Николая Павловича по Кавказу сопровождалось массой мелкихъ неудачъ, портившихъ впечатлѣніе поѣздки, и государь все время находился въ скверномъ расположеніи духа. Приписывая это настроеніе недовольству кавказскими порядками, баронъ Розенъ подъ конецъ путешествія хотѣлъ выяснитъ свое положеніе и обратился для этого за совѣтомъ къ своему другу генералу-адъютанту графу Орлову, находившемуся въ свитѣ государя. Графъ, какъ истинно-придворный человѣкъ, зорко слѣдившій за барометромъ настроеній и притомъ давно перешедшій въ чернышевскій лагерь, ехидно посовѣтовалъ:

— А ты, баронъ, лучше всего позондируй почву, — попросись въ отставку. Государь тебя такъ любитъ, что, навѣрно, будетъ тебя отговаривать и даже дать награду...

Баронъ, не подозрѣвая интриги, такъ и сдѣлалъ. И каково же было его удивленіе, когда государь, нахмурившись, сказалъ:

— А я думалъ, что ты мнѣ еще послужишь... Впрочемъ, какъ хочешь... Хорошо, подавай!..

Баронъ только тогда понялъ, что попалъ въ ловко разставленную ловушку, но было уже поздно. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его перевели въ одинъ изъ департаментовъ сената въ Москвѣ, а главнокомандующимъ назначенъ былъ генералъ Головинъ, по имени котораго названа главная улица Тифлиса «Головинскимъ проспектомъ».

Какъ же на всѣ эти событія смотрѣли низы, тѣ самые низы, къ мнѣнію которыхъ никто никогда не прислушивается, но которые, могу сказать утвердительно, рѣдко ошибаются въ своихъ сужденіяхъ?... Я говорю о солдатахъ и солдатахъ именно того времени, обреченныхъ носить военный мундиръ всю жизнь, до «истощенія силъ»... Напрасно думаютъ, что суровый дисциплиной въ нихъ были подавлены и умъ и воля. Они прекрасно сознавали значеніе дисциплины, которая, по ихъ мнѣнію, нужна для военныхъ цѣлей, для объединенія массы и подчиненія ея волѣ одного человѣка, но свои сужденія, свой здравый русскій умъ они оставляли свободными... Рѣдкое событіе не оцѣнивалось ими съ той или иной точки зрѣнія и почти всегда вѣрно и разумно. Дѣйствія начальниковъ, ихъ характеристики, даже событія внутренней и внѣшней политики обсуждались ими въ оригинальныхъ, зачастую безграмотныхъ выраженіяхъ, но всегда строго логично и разумно... Во всю мою продолжительную службу я никогда не брезгалъ мнѣніемъ солдатъ и любилъ бесѣдовать съ ними и вообще съ простымъ людомъ... И какъ часто, подавивъ мое самолюбіе, мнѣ приходилось соглашаться съ ними...

Въ дадіановскомъ эпизодѣ солдаты тоже высказали очень своеобразное мнѣніе. Вотъ что говорилъ Клинищенко, этотъ замѣчательный выразитель сужденій солдатскихъ массъ:

— Конечно, если бы царю было угодно его просто наказать, такъ онъ бы наслалъ своихъ судьевъ и тѣ разобрали бы дѣло и засудили тамъ, кого слѣдуетъ, но царская воля была, значить, такова, чтобы показать всѣмъ этимъ азіатамъ, что самый ихъ первѣющій князь ничего не значитъ, особливо когда про- штрафился...

Я самъ готовъ видѣть въ подобномъ публичномъ лишеніи чести преднамѣренное желаніе государя Николая Павловича ослабить значеніе мѣстныхъ знатныхъ родовъ...

Не разъ мнѣ приходилось въ жизни видѣть катастрофы, постигавшія иныхъ сильныхъ людей, и наблюдать притомъ, какъ въ бѣшеной сатурналіи, подымавшейся вокругъ, подлѣя и низкія душонки, только что облагодѣтельствованныя, превращались въ открытыхъ враговъ и старались придавить павшихъ еще сильнѣе, сдѣлать боль еще чувствительнѣе...

Когда палъ князь Дадіани и прошелъ слухъ о принятой отставкѣ барона Розена, общество сразу отшатнулось отъ этихъ семей, и грустно мнѣ было видѣть, какъ, напримѣръ, пріѣхавшая на Манглисъ княгиня Лидія Григорьевна Дадіани рыдала отъ обиды, нанесенной ей тѣми «друзьями», которые еще наканунѣ, какъ счастья, добивались ея вниманія. Нѣкоторыя дамы, обивавшія раньше княжескіе пороги, чтобы хоть какъ-нибудь лизнуть сладостей большого свѣта, теперь отвергивались. «Скажи, что дома нѣтъ», кричали онѣ денщикамъ, когда тѣ докладывали имъ о пріѣздѣ княгини съ прощальнымъ визитомъ. И она это слышала. Мнѣ, самому незначительному изъ окружающихъ, приходилось ей говорить слова утѣшенія. Но что могъ я ей сказать, кромѣ самыхъ банальныхъ фразъ, да и какой вѣсь онѣ могли имѣть въ устахъ такого маленькаго человѣка?..

Даже въ солдатской средѣ приходилось наблюдать почти тѣ же явленія. Люди перваго батальона, можетъ быть, нѣсколько лучше подобранные, почти поголовно отказались отъ всякихъ претензій и жалобъ, остальнымъ же поручикъ З—ъ, по требованію председателя комиссіи полковника Катенина, роздалъ болѣе 23-хъ тысячъ, а писаря, эти аристократы среди нижнихъ чиновъ и баловни начальствующихъ лицъ, почему-то особенно радовались паденію князя и что-то строчили, шныряли всюду, собирая всякую грязь и неся ее къ ничѣмъ не брезговавшей слѣдственной комиссіи.

Писарская команда, говоря вообще, ставится въ полкахъ въ особое привилегированное положеніе. Служба ихъ значительно легче, а вознаграждаются они больше. Въ нашемъ полку поручикъ З—въ, близкій человѣкъ къ Дадіани, очень баловаль писарей, предоставляя имъ много льготъ, устраивая имъ праздники, даже балы, на которые стекался цвѣтъ поселенскихъ красавицъ.

И чего бы, казалось, роптать писарямъ, но они стали чуть ли не во главѣ недовольныхъ. Этимъ особенно выдавался старшій писарь съ бугристымъ носомъ. «Въ «смутное время», наступившее послѣ октябрьской катастрофы, онъ почувствовалъ ослабленіе власти надъ собой и проявилъ себя въ истинномъ свѣтѣ. Много онъ поднялъ со дна мути. Въ подражаніе ему и другіе писаря тоже увлеклись, и канцелярія сдѣлалась очагомъ, откуда зарождалась оппозиція. Среди солдатъ произошло нѣсколько случаевъ нарушенія дисциплины, и подполковникъ Далинъ, временно командовавшій полкомъ, вынужденъ былъ отдать нѣкоторыхъ подъ судъ. Пострадали, конечно, пѣшки, а зачинщики уцѣлѣли. До сихъ поръ мое положеніе среди канцелярскихъ служащихъ было особое. Я пользовался свободой, уходилъ, когда хотѣлъ, никого не спрашиваясь, разумѣется, не въ ущербъ службѣ, къ которой относился всегда съ педантической аккуратностью. Помѣщался я въ отдѣльной каморкѣ возлѣ архива и обставился по возможности уютно, къ чему меня

всегда влекло. Имѣлъ я, между прочимъ, самоваръ—роскошь по тому времени, гитару, на которой самъ никогда не выучился играть, и даже хоросанскій коверъ, подарокъ одного юнкера Аксенова, о которомъ скажу нѣсколько дальше. Работа у князя предоставила мнѣ еще больше свободы, но всѣ эти льготы ни въ комъ никогда не возбуждали зависти, словно онѣ считались въ порядкѣ вещей, а я не зазнавался, держался со всѣми ровно, и мнѣ платили тѣми же хорошими отношеніями, иногда даже оказывая нѣкоторое особое вниманіе. Такъ, я вспоминаю, что 23-го іюля, въ день моихъ именинъ, мнѣ вдругъ поднесли пирогъ, заказанный всѣми писарями на слободкѣ въ складчину. Въ другой разъ было большое ликованіе по поводу моего производства въ унтеръ-офицеры. Въ обоихъ случаяхъ я вынужденъ былъ раскошелиться и выставить нѣсколько тунгъ кахетинскаго вина, благо оно было въ то время баснословно дешево, что-то около трехъ копеекъ бутылка...

Но вдругъ я началъ замѣчать перемѣну ко мнѣ, проявлявшуюся сначала въ мелочахъ, а потомъ и въ болѣе крупномъ. Писарь съ бугристымъ носомъ, фамилію котораго я даже не хочу вспоминать, сталъ продѣлывать разные эксперименты своей власти надо мной, хотя ею онъ вовсе не былъ облеченъ, находясь въ хозяйственномъ отдѣленіи, тогда какъ я былъ въ строевомъ.

Много досадныхъ минутъ причинилъ мнѣ этотъ пропойца, пользовавшійся каждымъ случаемъ, чтобы чѣмъ-нибудь меня задѣть или уязвить. Мнѣ и смѣшно было и иной разъ досадно. Помню, какъ-то разъ за обѣдомъ я не захотѣлъ ѣсть постныхъ щей, довольно-таки отвратительныхъ. Замѣтивъ это, онъ сказалъ язвительнѣйшимъ тономъ:

— Что? Небось, это не княжеское бляманже съ булочкой?..

Впоследствии мы, офицеры, этимъ выраженіемъ называли всякое замысловатое блюдо.

Увлекаясь все болѣе и болѣе своею самозванною ролью начальника, а, главнымъ образомъ, моею безотвѣтностью, этотъ господинъ началъ мнѣ наконецъ грубо дѣлать выговоры за отлучки и грозилъ «проучить». Въ чемъ могла выразиться эта проучка, я не зналъ, но все могло стать съ этимъ привычнымъ алкоголикомъ, и я началъ его положительно бояться. Въ концѣ концовъ разыгралась для меня очень стыдная и скверная исторія.

Въ тотъ самый день, когда изъ Манглица выѣзжала княгиня, всѣми покинутая, я счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ откланяться ей и поблагодарить за то вниманіе, которое я всегда встрѣчалъ въ ея домѣ. Невыразимо грустно мнѣ было смотрѣть на разоренное пепелище, съ пустыми комнатами и всюду валявшимся соромъ. Княгиня въ ожиданіи экипажа стояла въ залѣ, и тутъ я рискнулъ подойти къ ней, высказать мою благодарность и отъ души пожелать ей бодрѣе перенести ниспосланное ей испытаніе. Вyslужу-

шавъ меня, она облокотилась о притолку и горько заплакала... Сдержавъ наконецъ себя, она проговорила:

— Вы единственный, кто мнѣ выразилъ участіе въ такихъ теплыхъ словахъ... Какъ вамъ я благодарна... Что я могу для васъ сдѣлать?...

Я сказалъ, что мнѣ ничего не надо, и мнѣ довольно ея добраго пожеланія. Она какъ-то замаялась, вдругъ достала изъ своего дорожного мѣшка пачку ассигнацій и протянула мнѣ, конфузясь.

— Возьмите это... Я знаю, вы бѣдный. Это поможетъ вамъ...

Я вспыхнулъ до корней волосъ и пробормоталъ:

— Пощадите, княгиня!.. Неужели вы полагали, что я пришелъ къ вамъ, рассчитывая на получку?..

Почувствовавъ всю неловкость своего поступка, она начала извиняться и протянула мнѣ руку, которую я поцѣловалъ. Но пачка денегъ неотступно стояла передо мной обиднымъ укоромъ и въ ту минуту намного попизила мое настроеніе.

Въ отвратительнѣйшемъ расположеніи духа я вернулся къ себѣ и вдругъ увидѣлъ мою комнату опустѣвшей,—кровать была вынесена, вещи сложены въ кучу. Прибѣжавшій канцелярскій вѣстовой объяснилъ мнѣ, что старшій писарь приказалъ вынести кровать въ общую спальню, а эта комната для чего-то понадобилась. Я угадалъ въ этомъ новый фортель, имѣвшій цѣлью меня унижить окончательно, и, возмущенный, быстрыми шагами направился въ помѣщеніе старшаго писаря. Онъ сидѣлъ съ кѣмъ-то за столомъ въ разстегнутомъ мундирѣ и, какъ всегда въ послѣдніе дни, пьяный. Мнѣ, конечно, слѣдовало бы уйти, но я былъ слишкомъ возбужденъ.

—Это вы приказали вынести мои вещи?—спросилъ я, все еще сдержанно.

Онъ меня смѣрилъ пьянымъ, нетвердымъ взглядомъ и вызывающе проговорилъ:

— Я... А что?.. Не нравится?.. Теперь твой протезеръ тю-тю... Шабашъ тебѣ баринномъ проклажаться... А то больно зазнался, польская собака!

Тутъ у меня помертвѣло въ глазахъ и, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что я дѣлаю, я подскочилъ къ нему и ударилъ его, что было духу, по лицу... Обливаясь кровью, онъ упалъ со скамьи. Поднялась суматоха, а я ушелъ изъ канцеляріи обдумать мое положеніе, которое грозило принять очень нехорошій оборотъ, потому что обиженный мною, хотя и не былъ моимъ прямымъ начальникомъ, но все же былъ старшій, а по военнымъ законамъ мнѣ предстояла весьма суровая кара и лишь въ лучшемъ случаѣ—разжалованіе и гауптвахта. Теперь приходилось проститься навсегда съ надеждой на выслугу въ офицеры... Итакъ,—вѣчная солдатская шинель, безъ какой-либо надежды выкарабкаться впередъ... Тоскливо и беззвучно было на душѣ. Куда было пойти? Съ кѣмъ посоветоваться?..

Незамѣтно я подошелъ къ помѣщенію моеѣ бывшей роты. По обыкновенію меня встрѣтили тамъ радостно, окружили, стали разспрашивать... Подошелъ старикъ-фельдфебель Соколовъ, если не ошибаюсь, Петръ Павловичъ, передъ которымъ всѣ почтительно разступились. Вдругъ у меня явилась счастливая мысль повѣдать ему мое горе.

— А я къ вамъ, Петръ Павловичъ, за совѣтомъ...

Мы съ нимъ пошли въ его комнату.

— Не дюже хорошая штука!..—сказалъ онъ, выслушавъ меня внимательно.—Кляузный онъ человѣкъ, да при томъ злочій. Одначе попытаюсь. Нужно же выручить своего одночашника. Да я знаю на него одно такое слово, что онъ у меня вотъ гдѣ — въ кулакѣ сидитъ... Ты тутъ, хлопецъ, побудь у насъ, а я схожу до него и разспрошу, будто ничего не знаю, а тамъ понажму на него, чтобы онъ кляузъ не разводилъ... Своихъ-то я не больно дамъ въ обиду...

Добрѣйшій старикъ, которому я годился во внуки, поплелся на другой конецъ штабъ-квартиры, а я пошелъ въ роту и тамъ такъ разболтался, что не замѣтилъ, какъ вернулся Петръ Павловичъ. По его смѣющимся глазамъ я угадалъ благоприятный исходъ миссіи.

— Ну, хлопецъ (это было его поговоркой), твое счастье,—сказалъ онъ мнѣ, ласково трепля по плечу.—Супротивникъ твой боялся, что ты на него жалиться пошелъ, и всѣ твои вещи велѣлъ положить обратно, какъ было раньше. А кровь эта у него завсегда съ носа фонталомъ бьетъ, когда онъ насосется кахетинскаго. Какъ сбѣжитъ она у него немного, такъ ему просвѣтлѣніе выходитъ, и теперь онъ шелковый. Очень меня просилъ, чтобы я тебя уговорилъ не обижаться. Я пообщалъ ему... Потѣха!.. Оба вы, значить, боялись другъ друга...

Не разъ я мысленно перекрестился, благодаря Бога за такое благополучное окончаніе этой некрасивой исторіи. И теперь мнѣ совѣстно было глядѣть въ глаза тому, кого я обидѣлъ, хотя и вынужденно.

Къ вечерней перекличкѣ въ роту пришелъ ротный командиръ, и я обратился къ нему съ просьбой взять меня въ роту обратно, причемъ откровенно разсказалъ весь этотъ эпизодъ и то, какъ вообще мнѣ противна канцелярія. Зналъ онъ меня съ хорошей стороны, а потому охотно согласился, и, дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время меня перевели обратно въ роту.

Къ этому времени въ командномъ составѣ высшихъ чиновъ гренадерской резервной бригады произошли перемѣны. Командиромъ полка былъ назначенъ баронъ Карлъ Карловичъ Врангель ¹⁾, въ семьѣ котораго я впослѣдствіи встрѣтилъ самое радушное отноше-

¹⁾ У него въ домѣ я познакомился съ его однофамильцемъ, генераль-адъютантомъ барономъ А. Е. Врангелемъ, который мнѣ много разсказалъ о семьѣ Розеновъ. А. Р.—ъ.

ніе. Въмѣсто генерала Гессе командиромъ бригады былъ назначенъ генераль Симборскій. Онъ служилъ раньше въ артиллеріи въ войскахъ Западнаго края, но по какимъ-то недоразумѣніямъ съ княземъ Паскевичемъ перевелся на Кавказъ и получилъ пѣхотную бригаду.

Съ именемъ генерала Симборскаго у меня связаны воспоминанія о первыхъ моихъ боевыхъ успѣхахъ, первыхъ боевыхъ наградахъ, и потому я съ благодарною памятью отношусь къ этому человѣку. Очень образованный, добрый, чрезвычайно честный, онъ однако, пѣхотной службы совершенно не зналъ, и на этой почвѣ про него ходила масса анекдотовъ.

Разсказывали, напримѣръ, что онъ, желая изучить маршировку, солдатскую стойку и ружейные приемы, заставлялъ своихъ ординарцевъ показывать ему все это и однажды началъ самъ продѣлывать все одиночное ученіе.

— Ну, теперъ, братецъ, я буду дѣлать самъ, а ты, братецъ, командуй... Забудь, понимаешь ли, братецъ, что я генераль... Думой, что передъ тобой стоитъ рядовой...

— Слушаю, ваше превосходительство...—говоритъ ординарецъ и мнется...

— Да ты не бойся, братецъ!.. Забудь, что я генераль...

— Слушаю, ваше превосходительство,—отчеканиваетъ унтеръ-офицеръ и затѣмъ, дѣлая страшные глаза, оретъ во все горло:—Слушай!.. Смир-ноооо!.. Да ты пузо, пузо-то убери, а не то я тебѣ!..

— Ну, братецъ, ты въ самомъ дѣлѣ не того...—прерываетъ генераль усерднаго унтера.

— Слушаю, ваше превосходительство!.. Пузики, животики подберите, ваше превосходительство!..

Для изученія строевыхъ ученій онъ заказалъ необозримое количество деревянныхъ чурокъ и продѣлывалъ съ ними всевозможныя эволюціи съ помощью адъютанта. Однажды новый денщикъ по невѣдѣнію подпалилъ печку чурками. Генераль напустился на него:

— Да знаешь ли, каналья, что ты сдѣлалъ?.. Ты цѣлую одиннадцатую роту спалилъ!.. Каторги тебѣ мало за подобное смертоубійство... Пошелъ вонъ, каналья, пока не родишь мнѣ цѣлую роту, не смѣй показываться...

Денщикъ ушелъ, напилить изъ доски новыхъ чурокъ и принесть.

— Родилъ, ваше превосходительство...

— Ну, то-то же... А то вздумалъ сжечь роту... Онъ и бригаду бы всю мою готовъ сжечь...

Не зная строевого ученія, онъ смотры производилъ по записочкамъ, заранѣе ему составленнымъ адъютантомъ, и былъ при этомъ въ своихъ требованіяхъ чрезвычайно педантиченъ и мелоченъ, очевидно, желая хоть этимъ прикрыть недостатокъ знаній.

Смотры Симборскаго считались истинными наказаніями и солдатамъ и офицерамъ. Они назначались очень рано, а усердное начальство собирало солдатъ еще раньше, солдаты же начинали свои приготовленія къ смотру до свѣту, и въ общемъ люди не спали всю ночь. Являлся генераль Симборскій, принималъ рапорты отъ всѣхъ начальствующихъ лицъ, затѣмъ здоровался и приступалъ къ повѣркѣ знаній, для чего вызывалъ каждаго солдата отдѣльно и провѣрялъ стойку, ружейные приемы, хожденіе учебнымъ шагомъ и т. п., а въ это время остальные люди оставались на вытяжку въ строю. Потомъ производился опросъ претензій, на что Симборскій послѣ дадановскаго хозяйствованія считалъ необходимымъ обратить особенное вниманіе.

И въ этой области существовалъ характерный анекдотъ. Въ одной какой-то ротѣ происходилъ опросъ претензій. Генераль ходитъ въ серединѣ круга и по запискѣ опрашиваетъ солдатъ, которые и безъ того уже смертельно утомились и отвѣты ихъ постепенно становятся болѣе вялыми, болѣе сонными.

— Получали ли вы по три фунта хлѣба?..

— Получали, ваше превосходительство!..

— Получали ли вы горячую пищу?..

— Получали, ваше превосходительство!..

— Получали ли вы саложный товаръ?..

— Получали, ваше превосходительствоooo!..

Генераль замѣчаетъ механичность отвѣтовъ и страшно сердится.

— Получали ли вы апельсины?..—спрашиваетъ онъ со злобой, повысивъ голосъ.

— Получали, ваше превосходительствоooo!—радостно отвѣтили пробудившіеся солдаты.

— Получали ли вы ананасы?..—еще злобнѣе крикнулъ генераль.

— Получали, ваше превосходительство!..—гаркнули солдаты.

— Ахъ вы негодяи!..—совершенно освирѣпѣлъ генераль и прогналъ всѣхъ съ плаца.

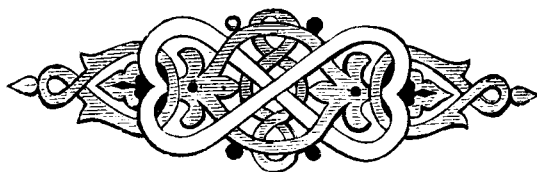
Se non è vero, è ben trovato! можно воскликнуть, но это очень походить на правду, судя по тому, какъ Симборскій изъ самой простой вещи, напримѣръ, изъ смѣны ординарцевъ и вѣстовыхъ, умѣлъ дѣлать самую сложную процедуру. Во время пріѣздовъ генерала Симборскаго въ штабъ-квартиру, по его приказанію, на каждодневной утренней смѣнѣ должны были обязательно присутствовать полковой командиръ, батальонный и ротный командиры отъ очередной части, кромѣ того, дежурные по полку и батальону офицеры. Смѣна начиналась предварительно ружейными приѣмами, потомъ маршировкой на разные лады и заканчивалась примѣрной стрѣльбой, иногда даже холостыми зарядами. Послѣ этого происходила уже самая явка должностныхъ нарядовъ.

Во время одной изъ такихъ смѣнъ произошелъ случай, чуть не окончившійся трагически. Ординарецъ, выпустивъ свои три холостыхъ патрона, отошелъ въ сторону, на его мѣсто сталъ вѣстовой, совсѣмъ еще молодой солдатикъ. Трясущимися отъ страха руками произвелъ онъ сложное на двѣнадцать темповъ заряджаніе, но вмѣсто холостого пыжа опустилъ въ дуло пулю. Онъ самъ же замѣтилъ свою оплошность, но не смѣлъ заявить объ этомъ грозному начальнику. Хотѣлъ ли въ данномъ случаѣ генераль Симборскій показать свою неустрашимость, или просто проявилъ недомысліе, непротитительное со стороны артиллериста, прекрасно знающаго свойство пороховъ, иногда не совсѣмъ сторающихъ въ стволѣ ружья, но онъ, отойдя шаговъ десять, приказалъ вѣстовому цѣлить себѣ въ глазъ. Послѣ команды «пли» раздался выстрѣлъ, и пуля прожужжала мимо генеральскаго уха. Можно представить себѣ произошедшій послѣ этого переполохъ... Началось слѣдствіе, но скоро всѣмъ стало ясно, что здѣсь не было никакого злого умысла, причемъ виновный доложилъ, что самъ замѣтилъ свою ошибку, но понадѣялся на промахъ, который произвелъ, сознательно цѣлясь мимо головы. Дисциплина того времени не допускала даже мысли о возможности преступленія, и генераль Симборскій повѣрилъ по казанію виновнаго. Тѣмъ не менѣе всѣмъ-таки изрядно досталось: ротный командиръ за недосмотръ, а также отдѣленный и фельдфебель были арестованы, а солдатъ наказанъ пятнадцатью ударами розогъ.

Съ теченіемъ времени этотъ напускной педантизмъ и служебное рвеніе генерала Симборскаго значительно ослабли, и всѣ въ немъ видѣли очень добраго, заботливаго о подчиненныхъ начальника. Съ нимъ я и совершилъ свои первые боевые шаги.

А. Ф. Руквичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ТѢНИ ПРОШЛАГО.

II.

Полунощникъ.

ОМА Матвѣй Матвѣвичъ?

- Еще спать,—отвѣчаетъ швейцаръ и улыбается.
- Но помилуй, голубчикъ, уже солнце садится.
- Зайдите черезъ часъ.
- Неужели черезъ часъ?
- Многіе спрашивали. Но у нихъ обычай такой.
- Но онъ вставалъ часовъ въ семь.
- А понче перемѣнилось. Я выходилъ утромъ— еще не ложились: у окна сидѣли и чай пили.

Даю швейцару гривенникъ и рѣшаюсь скоротать время, бродя по Литейному, въ ожиданіи, пока проснется Матвѣй Матвѣвичъ. Въ карманѣ у меня его страстное письмо.

Долго тинется часъ. Уже сумерки стали гуще. Фонари не горить, потому что весна, люди ходятъ, какъ тѣни, блѣдныя уличныя дѣвы пристають ко мнѣ. Встрѣчаетъ пріятель и зоветъ къ себѣ, недалеко живетъ; но сердце мое бьется вѣрностью Матвѣю Матвѣвичу. Я уклоняюсь отъ приглашенія, смотрю на часы, кое-какъ различаю стрѣлку и бѣгу на свиданіе.

Подхожу, замедляю шагъ, кидаю взглядъ на окно Матвѣя Матвѣвича.

Слава Богу, уже горитъ керосиновая лампочка подъ жалкимъ бумажнымъ абажуромъ, до половины обугленнымъ у стекла, и

сѣдая, не чесанная, неровно подстриженная борода Матвѣя Матвѣвича склонилась надъ столомъ среди бронзовыхъ статуэтокъ, фарфоровыхъ чайниковъ и чашекъ, золотыхъ рамъ и старинныхъ книгъ, грудями поднимающихся съ пола вмѣстѣ съ картинами. На стѣнахъ въ глубокой тѣни висятъ портреты въ екатерининскихъ парикахъ.

Антикварный магазинъ состоитъ изъ трехъ комнатъ. Двѣ на улицу, третья окнами во дворъ. Въ первой совершенно темно. Я знаю ее. На столахъ пылятся уже многіе годы бронзовые часы разныхъ стилей: буль, люисезъ, ампиръ, форокаиль; посуда стараго Гарднера, Поскочина, Широбокова, павловская, екатерининская, александровская, зеркала, стулья, нагроможденные на стулья, подсвѣчники, чернильницы, музыкальные инструменты, къ которымъ не прикасались ничьи пальцы и ничьи губы по крайней мѣрѣ лѣтъ пятьдесятъ. Къ столамъ и шкапамъ прислонены вѣтхія картины въ толстыхъ рамахъ. Съ потолка спускается запыленная семья бронзовыхъ и хрустальныхъ люстръ, древнихъ фонарей, жирандолой.

Даже немногіе избранные друзья Матвѣя Матвѣвича, къ которымъ и я имѣлъ счастье принадлежать, никогда не переступали порога третьей и поэтому таинственной комнаты.

Испуганно и громко дребезжитъ звонокъ, и съ своей лампочкой въ рукѣ выходитъ ко мнѣ навстрѣчу Матвѣй Матвѣвичъ и привѣтливо раздвигаетъ бакены.

— Куда вы запропастились?—басомъ восклицаетъ онъ.—Я ужъ не зналъ, что и думать. Ну, батенька, поздравляю васъ, ваша коллекція рисунковъ пополнится... Никому еще не показываль... что за мастера! Какіе гени!

— Не томите,—говорю я и по дорогѣ обрушиваю картину на полъ.

— А, нѣтъ!—возвращаетъ онъ со смѣхомъ.—Всякому овощу свое время... Чайку не хотите ли?

Ахъ, чай Матвѣя Матвѣвича! Онъ настаиваетъ его въ желѣзномъ чайникѣ. И стаканы и чашки его драгоцѣнны, но ихъ не мыла человѣческая рука со времянь очаковскихъ. Бурда—тепленкакая, жиденькая, вприкуску,—и, однакоже, нельзя отказаться отъ гостепріимнаго предложенія—не ровень часъ, обидишь Матвѣя Матвѣвича.

— Снимайте пальто и присаживайтесь. Когда это вы были у меня въ послѣдній разъ?

— Какъ ни зайдешь къ вамъ, все почиваете, Матвѣй Матвѣвичъ.

— Пью красоту, благоговѣю, трепещу, уничтожаюсь, повергаюсь передъ произведеніями гениевъ!

— Чудныя вещи, должно быть, у васъ есть, Матвѣй Матвѣвичъ?..

— Есть кое-что,—самодовольно побряхтывая, отвѣчаетъ Матвѣй Матвѣвичъ.—Все увидите... не сразу же, батенька.

— Но я уже десять лѣтъ съ вами знакомъ—и пора бы?

— Успѣется.

Мы садимся—я въ сладкомъ ожиданіи, Матвѣй Матвѣвичъ—съ счастливымъ сознаниемъ глубокаго интереса, который внушаетъ мнѣ его завязанный тесемками портфель съ рисунками.

— Хотя вы фарфоръ не собираете, но я покажу вамъ цвѣточную куклу Поскочина. Самъ пятьдесятъ рубликовъ выложилъ.

Онъ начинать показывать мнѣ рѣдкости—фарфоръ, фаянсъ, миниатюры, камен, автографы царственныхъ особъ. Все это дорого, все настоящее. У него дрожатъ руки, когда онъ запираетъ и отпираетъ шкапы, ящики, комоды.

Подвигается время, и растетъ мое нетерпѣніе, разговорчивѣе становится Матвѣй Матвѣвичъ. Погружается въ воспоминанія. Рассказываетъ о дивныхъ Мурильо и Веласкезахъ, о безумно прекрасныхъ Грезахъ, о невыразимо гениальныхъ Боровиковскихъ, которые перебивали у него въ рукахъ и теперь висятъ у любителей или въ музеяхъ.

Матвѣй Матвѣвичъ Стираевъ былъ учителемъ гимназіи на Васильевскомъ островѣ и издревле почувствовалъ влеченіе къ прекраснымъ вещамъ. Когда вышелъ въ отставку, досуга у него было столько, что онъ цѣлые дни бродилъ по рынкамъ и по квартирамъ, гдѣ продавались картины. Попутно сталъ покупать разный хламъ. Онъ торговалъ ненужныя ему вещи и пріобрѣталъ заодно съ тѣми, которыя не давали ему спать. Онъ «отводилъ глаза», но у него накопилось множество обременявшихъ его вещей, и скоро истаялъ его запасный капиталецъ: пришлось сдѣлаться антикваромъ.

— Я—зарвавшійся любитель,—признавался онъ.—Я все продаю, кромѣ своей любви къ красотѣ. Истинную красоту не продамъ, нѣтъ. Я долженъ ее сначала выпить до конца, хе-хе! Я—пьяница. Есть картины, которыми вполне не насладиться и въ двадцать лѣтъ. Чѣмъ дольше, тѣмъ больше хочешь ихъ. Вѣрите ли, замкнешься, опустишь шторы, обставишья первоклассными произведеніями и умираешь отъ восторга.

Матвѣй Матвѣвичъ былъ холостъ, но у него была кухарка, похожая на солдата (или, какъ онъ увѣрялъ, на Анну Іоанновну). За третью таинственною комнатою была еще кухня, откуда временами доносился запахъ пригорѣлаго масла и щей. Эта «Анна Іоанновна» принесла мнѣ какъ-то на домъ купленную у Матвѣя Матвѣвича картину въ тяжелой рамѣ. Она говорила мужскимъ голосомъ и стучала сапогами, какъ дворникъ. Одинъ любитель оклеветалъ Матвѣя Матвѣвича... но Матвѣй Матвѣвичъ, повидимому, весь былъ погруженъ въ искусство. Не до Анны Іоанновны ему было.

...Болтаетъ Матвѣй Матвѣвичъ и занимаетъ меня выставкою своихъ драгоценностей, изъ которыхъ каждая, спросишь, стоитъ не менѣе пятисотъ рублей.

И не приближается, а отдаляется срокъ моего блаженства, потому что одинъ за другимъ раздаются звонки и на тусклый огонекъ Матвѣя Матвѣвича летятъ сѣдые и мохнатые мотыльки, чтобы иногда здорово обжечься на этомъ, такомъ безобидномъ огнѣ.

Пріѣзжаетъ престарѣлый князь Д. въ старенькомъ генеральскомъ пальто. И прежде, чѣмъ получить завѣтную для него поскочинскую куклу, о которой носится слухъ уже третью недѣлю, выслушиваетъ антикварные анекдоты Матвѣя Матвѣвича о томъ, какіе художественные и «дивные» (было любимое его слово) находилъ онъ предметы въ пустыхъ пригородныхъ дачахъ и покупалъ у дворниковъ за гроши, а продавалъ за тысячи.

За княземъ Д. пріѣзжаетъ на своемъ великолѣпномъ моторѣ другой князь С.-Д. Вваливается въ магазинъ и кричитъ:

— Ну, Матвѣй Матвѣвичъ, я сегодня заберу у васъ головку Буше (а мнѣ головка и не была показана, и я съ укоризной смотрю на друга). Сегодня я получилъ деньги отъ управляющаго. Фактъ!

Еще входитъ генераль. Еще извѣстный богатый любитель. Еще, еще подѣзжаютъ экипажи. Тѣсно становится у Матвѣя Матвѣвича. Разсаживаются на пыльных елизаветинскихъ и екатерининскихъ стульяхъ, на подоконникахъ или просто стоятъ,—сѣсть негдѣ. Петербургская знать—цвѣтъ коллекціонеровъ, раутъ у Матвѣя Матвѣвича.

Часть ночи, а туго разѣзжаются. Стираевъ оживляется, добродушно и слегка подобострастно принимаетъ остроты на свой счетъ, поить гостей холодно-жиденькимъ чаемъ изъ желѣзнаго чайника, и въ отвѣтъ на обращенный къ нему вполголоса вопросъ, такимъ тономъ, которымъ говорятъ: «гдѣ наше не пропадало», говорить:

— Ну, да ладно,—махнетъ рукой и торопливо завязываетъ въ старую газету, которую вытаскиваетъ изъ-подъ стола, бѣлую куклу съ вензелемъ Екатерины Второй, расцвѣченнаго Поскочина, миниатюру Мартэна или Изабе, или Гау, бронзовую статуэтку, елизаветинскій молочникъ съ многозначительной стрѣлкой и двуглавымъ орликомъ на днѣ.

— Обобралъ меня, Матвѣй Матвѣвичъ!—весело кричитъ князь С.-Д.—Три Катеньки, какъ онъ выражается, за битый хрусталь. Фактъ.

Потираетъ руки Матвѣй Матвѣвичъ.

— За свою цѣну отдалъ—не лгу-сь.

— Когда вы начинаете такъ говорить: «не лгу-сь», «не могу-сь», значить—лжете и можете—фактъ! Сами за три рубля купили. Фактъ.

Но доволенъ покупкою покупатель, трясеть руку Матвѣю Матвѣвичу, садится въ моторъ и предлагаетъ подвезти меня, да я отказываюсь—рѣшаюсь пересидѣть всѣхъ.

Два часа третій—пустѣетъ магазинъ. Остаемся мы только вдвоемъ съ Матвѣемъ Матвѣвичемъ, горитъ жалкая керосиновая лампочка, и слегка коптитъ постепенно тлѣющій и обугливающийся бумажный абажуръ на ней.

— Вы сегодня хорошо торговали, Матвѣй Матвѣвичъ, —доброжелательно замѣчаю я.

— Трачу много.

— Вижу, когда вы успѣваете продавать; но гдѣ вы берете время покупать?

— Батенька, Петербургъ уже исчерпанъ,—у меня по провинціи агенты путешествуютъ... всегда два, а не то и три... на нихъ уходитъ много денегъ. Можетъ быть, и обойдется русская лампадка себѣ въ три рубля, а вмѣстѣ съ нею купленъ пудъ никуда негоднаго хламу и приходится выручать, какъ знаешь. Хорошо, если вывезетъ лампадка. Ну, выбираешь людей расторопныхъ и съ чутьемъ, которые сами потомъ сдѣлаются антикварами. Но и на старуху бываетъ проруха. И бываетъ, сознательно пріобрѣтается хламъ, а счетъ выводится вонъ какой!

Онъ доволенъ, онъ смѣется, идетъ въ невѣдомую мнѣ третью комнату, выноситъ трехногій мольбертъ и укрѣпляетъ на немъ небольшую картину, освѣщаетъ ее лампочкой; захлебываясь отъ экстаза, поетъ на всѣ лады:

— Дивная вещь. Дивная, дивная.

Большіе пальцы руки онъ судорожно выгибаетъ и чертитъ ими въ воздухѣ рисунокъ картины, чтобъ изобразить энергію, съ какою она была написана.

— Непостижимая, божественная!—глядя на картину сквозь кулакъ, продолжаетъ пѣть Матвѣй Матвѣвичъ.—Грудь, какъ виноградъ (странныя сравненія были у Матвѣя Матвѣвича). Глаза—черные жуки, которые такъ и шевелятъ лапками. Такъ и шевелятъ. А это что такое? Боже мой, Боже мой! Ласточка растянула крылья. И смѣлость. И блескъ красокъ и колоритъ. Ахъ, ахъ.

Онъ въ изнеможеніи опускается на стулъ, роняетъ руки, и борода его падаетъ на грудь.

— Чья? Французской школы, кажется?

— Ну, да.

— Діазъ?

— Ну, конечно. И первоклассный... Я хотѣлъ бы васъ спросить, кто изъ нашихъ художниковъ въ состояніи что-нибудь подобное создать. Молиться хочется. Акаѳистъ служить.

— Показывали вашимъ покупателямъ?

— Развѣ они въ состояніи купить!—съ презрѣніемъ восклицаетъ мой другъ.

— Но, однакоже, хотя бы С.-Д.... У него тысячь двѣсти дохода въ годъ.

— Но двадцати не дасть. И хотя бы десять... и что они понимаютъ, они слѣдуютъ только модѣ. Началась мода на русскій фарфоръ—подавай мнѣ русскій фарфоръ. Миниатюры—подавай миниатюры. Буль,—хоть тресни, тащи къ нимъ и буль и лупи цѣну. А этакаго Діаза надо везти въ Парижъ—Ротшильдъ купить!

Я въ душѣ сомнѣваюсь, что Діазъ. Очень похожъ, но именно блеска нѣтъ. Тусклая тѣнь легла черезъ лицо красавицы.

— Настоящій, подлинный, дивный!—угадывая мое сомнѣніе, восторженно увѣряетъ меня Матвѣй Матвѣвичъ и вскакиваетъ съ мѣста.—Когда-нибудь она будетъ ваша,—убирая картину, бережно уноситъ онъ ее въ таинственную комнату.

— А что же, наконецъ, рисунки, о которыхъ вы писали?—съ тоской напоминаю я возвратившемуся Матвѣю Матвѣвичу.

Въ воздухѣ потянуло струйкой виннаго аромата.

— Сейчасъ,—отвѣчаетъ Матвѣй Матвѣвичъ.—Приготовьтесь.

Съ торжествомъ смотритъ онъ на меня, обсасываетъ усы. Продолжаетъ пахнуть виномъ.

— Приготовьтесь.

Я настораживаюсь. Смотрю на Матвѣя Матвѣвича, который достаетъ папку, руки у него дрожатъ, блѣдное лицо приняло благоговѣйное выраженіе. Онъ раза два оглядывается и взглядомъ манитъ меня. Подхожу. Раскрывается папка. Мелькаютъ бѣлые листы обложекъ. На одной написано: Карлъ Брюлловъ, на другой—Орестъ Кипренскій, на третьей—Илья Рѣпинъ. Мелькаютъ имена: Зичи, Константина Маковского. Иностранная знаменитости. Какъ, неужели Тернеръ. Даже Уистлеръ?

— Вы чувствуете?—важнымъ голосомъ говоритъ Матвѣй Матвѣвичъ черезъ плечо.

— У меня подгибаются колѣни,—говорю я:—или оттого, что спать хочется...

— Но кто же спитъ въ три часа ночи?—иронически освѣдомляется антикваръ.

— Или же,—продолжаю я:—на меня громоподобно дѣйствуютъ...

— Священные звуки, вы хотите сказать. Имена, которыя всуе не произносятся... Не угодно ли?

Онъ раскрываетъ обложку съ Уистлеромъ. Красные, синіе, желтые, розовые, фіалетовые штрихи изображаютъ воду, а надъ ними плыветъ облако малиноваго цвѣта и вдали предполагается набережная съ домами, повитая вечернимъ сумракомъ.

— Настоящій, дивный, батенька, Уистлеръ,—начинаетъ Матвѣй Матвѣвичъ поучать меня.—Я самъ, батенька, первый разъ вижу его и немедленно узналъ его, потому что такъ можетъ работать карандашами только онъ. Даль и прозрачность удивительныя, поразительныя. Да вы всю Европу извѣздите, а Уистлера не найдете. За него англичане чуть не милліоны платяты, а вы его получите, какъ говорится, даромъ. Неужели не чаруетъ Уистлеръ? Надо особымъ образомъ воспитать глазъ. И англичане не всё признаютъ. Есть знатоки, которые отрицаютъ Уистлера. Поэтому, утѣштесь, если его не понимаете!—съ горечью заключаетъ онъ.— А Тернеръ,—Матвѣй Матвѣвичъ, скрививъ на сторону ротъ, свирѣпо продолжаетъ:—величайшій изъ величайшихъ, гениальнѣйшій творецъ неба и земли. Кто посмѣетъ быть противъ него, дерзнетъ? Любуйтесь же, какая прозрачность красокъ и размахъ мазкоцъ и величіе темы, наконецъ. Посейдонъ, богъ морей, какъ вамъ извѣстно, созерцаетъ купающуюся супругу свою Прозерпину. Волна до чего хороша, плещетъ, извивается, упругая, дивная.

Онъ опять описываетъ въ воздухѣ большимъ пальцемъ рисунокъ волны Тернера, а указательнымъ пальцемъ протыкаетъ точку.

— Матвѣй Матвѣвичъ, я же не собираю иностранныхъ мастеровъ,—начинаю я.

— Вы можете не собирать иностранныхъ мастеровъ, но развѣ можно пройти мимо Тернера. Лучшаго изъ Тернеровъ. Помилуйте, что же у васъ такъ лицо вытянулось? Я не принуждаю васъ, берите русскихъ художниковъ, Богъ съ вами.

Нельзя было уйти отъ Матвѣя Матвѣвича, ничего не купивши. Я не беру ни Брюллова, ни Зичи, а выбираю Рѣпина.

Пишу карандашомъ на обложкѣ цѣну.

— Ну, да ладно,—говоритъ Матвѣй Матвѣвичъ, машетъ рукой и пренебрежительно выбрасываетъ Илью Рѣпина (онъ имѣлъ полное право такъ пренебрежительно поступить съ рисункомъ).

— А теперь,—пряча рисунки и деньги, начинаетъ Матвѣй Матвѣвичъ, и голосъ его звучитъ побѣдно.—Я покажу вамъ вещь, отъ которой вы... впрочемъ, не желаю вамъ этого... но возможно разрывъ сердца.

У меня изумленное и сонное лицо. А Матвѣй Матвѣвичъ колеблется, нерѣшительно отходить къ дверямъ, удаляется и приближается, и исчезаетъ.

Онъ долго не появляется. Любопытство мое горитъ. Хочется спать, но хочется заглянуть хоть въ щелочку въ загадочную комнату. Грѣшный челоуѣкъ. Приотворяю дверь на полпальца—смотрю—темно, и только потянуло свѣжей струйкой виннаго запаха, да слухъ уловилъ бульканіе глотаемой жидкости. Мнѣ представилось, что Матвѣй Матвѣвичъ пьетъ изъ горлышка, какъ вообще принято поступать съ казеннымъ виномъ нѣкоторымъ его нетерпѣ-

ливыми потребителями. Не думалъ я, не гадалъ, что узнаю такую тайну Матвѣя Матвѣевича. Я отскакиваю отъ дверей и стараюсь забыть ее. Я совершенно выбрасываю ее изъ головы, когда снова показывается Матвѣй Матвѣевичъ и ставитъ на мольбертъ голландку, кормящую младенца грудью вдвое больше, чѣмъ младенецъ.

— А?—восклицаетъ онъ, любуясь моимъ смущеніемъ.—Видали вы такого Рубенса.

Я молчу.

— Неужели же не видите?—настоящій Рубенсъ!.. Его жена, Елена Фурманъ—въ видѣ Богоматери. Восторгъ. Объяденіе. Десятый день она у меня, и десятый день я пью ее божественную красоту. Въ грязи была неимовѣрной. Можете себѣ представить, эта бѣлая, какъ лебяжій пухъ, грудь была темнѣ невычищеннаго сапога.

— Чѣмъ вы чистите?—спрашиваю я.

— А! мой секретъ! Умру—съ собой возьму въ гробъ!

Я слышу запахъ простого хлѣбнаго вина, и у меня мелькаетъ раскаяніе, что я дурно подумалъ о Матвѣѣ Матвѣевичѣ. Конечно, онъ чиститъ картины водкой или спиртомъ, а самъ пьетъ только красоту. Вотъ его секретъ.

Совсѣмъ утромъ, переглядѣвши еще съ полдюжины картинъ, которыми «пьянствуетъ» Матвѣй Матвѣевичъ, ухожу съ неопредѣленнымъ чувствомъ, что у меня поддѣльный Рѣпинъ въ карманѣ.

Клубятся въ небесахъ надъ многоэтажными домами и надъ широкой Невой золотыя и розовыя облака, зеленыя и малиновыя тучи, блеститъ серебро и бирюза. А Матвѣй Матвѣевичъ запираетъ магазинъ и долго будетъ пить красоту, одинъ на одинъ со своими Рубенсами и Ванъ-Дейками и проснется, какъ всегда, только къ вечеру, блѣдный, не очень опрятный, восторженный.

Иногда я спрашивалъ себя: когда же Матвѣй Матвѣевичъ разговариваетъ со своей «Анной Иоанновной» и сидитъ за щами съ ложкой въ рукѣ и съ завязанной салфеткой. Но не было времени заняться его разрѣшеніемъ.

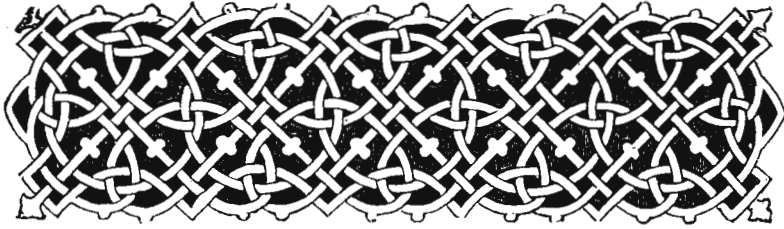
Какъ большинство антикваровъ, Матвѣй Матвѣевичъ гордился своимъ искусствомъ мыть картины, «спасать» ихъ, освобождая отъ слоя грязи и прокопченнаго лака, находить въ углахъ картинъ подписи великихъ художниковъ. Матвѣй Матвѣевичъ уже умеръ и, да проститъ меня его восторженная тѣнь, если я и доселѣ не сомнѣваюсь, что онъ ставилъ впопыхъ правдоподобныя подписи на тѣхъ полотнахъ и дощечкахъ, гдѣ ихъ не было. Любители—народъ вообще неблагодарный, и многіе не всегда добромъ поминаютъ Матвѣя Матвѣевича, внезапно скончавшагося отъ удара уже въ глубокой старости въ одну изъ своихъ художественныхъ ночей съ губкой и съ бутылкой спирту въ рукѣ передъ кар-

тиной Рембрандта, довольно, впрочемъ, сомнительнаго. Увѣряютъ, будто Матвѣй Матвѣевичъ стеръ пемзой и смылъ спиртомъ много хорошихъ картинъ на своемъ вѣку. Я же увѣренъ, что хорошія картины у Матвѣя Матвѣевича хранились въ неприкосновенности— онъ понималъ толкъ въ прекрасныхъ вещахъ, и фамилія его Стираевъ оправдывалась только въ примѣненіи къ картинамъ средняго достоинства и къ плохимъ. Мнѣ достовѣрно извѣстно, что онъ сдѣлалъ только одинъ безспорный промахъ: онъ принялъ картину Боровиковскаго «Плащаница» за произведеніе нѣмецкой школы, испорченное славянскою надписью «Ангельстій соборъ удивися зря Тебе въ мертвыхъ вмѣнишася». Онъ уже хотѣлъ стереть надпись, которая ему была непріятна, и замѣнить ее готической и подписать картину монограммой Дюрера, когда любитель застигъ его на мѣстѣ преступленія и за нѣсколько десятковъ рублей купилъ неспорченную драгоценную дощечку, написанную твердыми, неистребимыми, какъ эмаль, красками. А, купивши, онъ черезъ нѣкоторое время не утерпѣлъ и открылъ правду Матвѣю Матвѣевичу. Ученый между тѣмъ напечаталъ объ этой «Плащаницѣ» нѣсколько специальныхъ страницъ въ журналѣ, и Матвѣй Матвѣевичъ Стираевъ недѣлю, по его собственнымъ словамъ, грустилъ и переваривалъ коварство любителя. И, разумѣется, онъ постарался отомстить ему. По природѣ своей онъ не былъ жестокъ, но справедливъ. Онъ всучилъ любителю, въ концѣ концовъ, съ благодушной улыбкой и съ видомъ человѣка, который разоряется, не догадываясь о своемъ роковомъ концѣ, цѣлый рядъ подлѣйшихъ поддѣлокъ.

На нѣсколько мѣсяцевъ уѣхалъ я изъ Петербурга и, когда вернулся и отправился на Бассейную провѣдать Матвѣя Матвѣевича и взглянуть на его новыя пріобрѣтенія, онъ былъ уже давно похороненъ, а въ томъ магазинѣ, гдѣ столько лѣтъ протекала его восторженная, художественная и коммерческая жизнь, помѣщался магазинъ мебели, и новый владѣлецъ залилъ его электричествомъ. Поэзія, красота и таинственность, и отчасти нѣкоторыя другія качества, извинительныя для человѣка, который вель одинокою и ночную жизнь, ушли съ нимъ въ міръ загробныхъ тѣней.

Іер. Ясинскій-Бѣлинскій.

ЗА ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ ¹⁾.

(Листки изъ воспоминаній).

III.

Юбилейные дни въ Лондонѣ въ 1887 году.—Путешествіе въ Единбургъ.—Селямшикъ и Абдуль-Гамидъ.—А. И. М—евъ.—Знакомство съ королевою кокотокъ.—Купальный сезонъ въ Біаррицѣ въ 1889 году.—И. К. Айвазовскій.—Свѣтлѣйшій князь А. К. Имеретинскій.—Монте-Карло и портной-отгадчикъ.—Н. С. Лѣсковъ.

ВЪ ЛОНДОНѢ въ 1887 году должно было состояться торжественное празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея царствованія королевы Викторіи. Не только три соединенныя королевства встрепенулись, собираясь достойно чествовать золотой юбилей любимой королевы, но буквально все англійскія колоніи съ богатою Индіею во главѣ усиленно готовились къ тому же, направляя въ метрополию чрезвычайныя посольства съ цѣлыми караванами юбилейныхъ подарковъ.

Потянуло и меня въ Англію, тѣмъ болѣе, что объ ожидавшихъ меня въ Лондонѣ чудесахъ въ газетахъ шли уже давно невѣроятные толки.

И вотъ въ началѣ 1887 года сѣлъ я въ Парижѣ въ express и послѣ непомѣрно-быстрой ѣзды, о которой у насъ и сейчасъ не имѣютъ никакого понятія, черезъ нѣсколько часовъ

¹⁾ Продолженіе. «Истор. Вѣсти.», т. СХХХVIII, стр. 53.

буквально влетѣлъ въ Булонь, превратившись изъ-за копоти и дыма изъ европейца въ какого-то черномазаго африканца.

Проѣхавъ на сравнительно небольшомъ пароходѣ довольно благополучно негостеприимный Ламаншъ и высадившись въ Фолькстонѣ, послѣ почти двухчасовой безостановочной ѣзды по желѣзной дорогѣ вскорѣ добрался до Лондона.

Въ Англии мнѣ пришлось побывать впервые.

Хотя все время переѣзда по желѣзной дорогѣ я внимательно глядѣлъ по сторонамъ, но видѣть мнѣ пришлось мало интереснаго. Дорога до Лондона скучна до однообразія, какъ со стороны пейзажа, такъ и со стороны построекъ. Однообразіе пути совершенно случайно нарушилось встрѣчею съ семью или восемью буквально голыми джентльменами, которые, вѣроятно, спорта ради, мчались впергонку саженьяхъ въ пятнадцать отъ полотна желѣзной дороги. Несмотря на громадную скорость, которую развивалъ поѣздъ, везшій насъ отъ Фолькстона въ Лондонъ, пассажировъ отнюдь не качало и не швыряло изъ стороны въ сторону, какъ это ощущалось во Франціи на перегонѣ Парижъ—Булонь.

Что дѣлалось въ Лондонѣ въ дни приготовленій къ торжественной юбилейной процессіи,—это трудно себѣ представить! Улицы, дома, панели чуть-чуть не были перевернуты вверхъ дномъ. Цѣлый лѣсъ столбовъ съ коронами и безъ нихъ, тысячи веревокъ, протянутыхъ съ одного конца улицы на другую, съ одного ряда домовъ на другой, тысячи флаговъ и щитовъ съ безчисленными надписями: «God bless our Queen», сплошной рядъ мѣсть сидѣній, построенныхъ у стѣнъ домовъ, магазиновъ, заборовъ, дворцовъ, даже церквей, сотни кэбовъ, дилижансовъ, велосипедовъ, мчавшихся взадъ и впередъ и на каждомъ шагу сцѣплявшихся и расцѣплявшихся, десятки тысячъ людей на улицахъ, шумъ всего этого движенія, щелканіе бичей, звонки омнибусовъ и велосипедовъ (что бы мы сказали теперь при невѣроятномъ движеніи слоновобразныхъ автобусовъ, автомобилей и т. д.?) до того рябили въ глазахъ, что поневолѣ приходилось уходить поскорѣе изъ этого омута.

Тѣмъ не менѣе встрѣтившійся со мною нашъ извѣстный пѣвецъ Н. Н. Фигнеръ, пѣвшій въ этотъ «сезонъ» въ Ковентгарденской итальянской оперѣ, предложилъ мнѣ усѣсться въ его прекрасный трехколесный «тандемъ» и объѣхать съ нимъ нѣкоторыя замѣчательныя по убранству улицы и площади. Нужно было быть такими еще молодыми и, надо полагать, безразсудными людьми, какими были въ то время Фигнеръ и я, чтобы рѣшиться на подобное предпріятіе... Такъ какъ отказа съ моей стороны не послѣдовало, то мы вскорѣ забрались въ такую несмѣтную толпу, откуда, пробудь мы въ ней еще нѣкоторое время, намъ, по всей вѣроятности, цѣлыми едва ли суждено было бы выбраться.

Долго путешествовать намъ, однако, не пришлось. Одинъ изъ двухъ здоровыхъ полисменовъ, стоявшихъ около насъ, такъ категорически приказалъ намъ убраться, что мы, хотя и съ большими препятствіями, тотчасъ же свернули въ менѣ людное мѣсто.

Но вышеописанная картина совершенно измѣнилась, когда я на другой день уже одинъ заѣхалъ въ Сити (кварталь, гдѣ, какъ извѣстно, сосредоточены всѣ лондонскіе торговыя конторы и банки).

Тамъ, оказывается, даже наканунѣ 9-го (21-го) іюня, дня юбилейной процессіи, сколько мнѣ помнится, не пришлось увидѣть ни одного флага, ни одного украшенія. Видно, англійскіе купцы и банкиры, занятые своими финансовыми расчетами, не считали нужнымъ, въ ознаменованіе пятидесятилѣтняго юбилея королевы Викторіи, разориться даже на самыя скромныя украшенія...

Красотою и изяществомъ какъ иллюминація, такъ и украшенія на домахъ вообще не отличались. Самую процессію изъ-за безумныхъ денегъ, которыя съ меня запросили за мѣсто, и несмѣтной толпы, наполнявшей всѣ улицы вблизи процессіи, мнѣ такъ и не удалось видѣть; по словамъ, однако, бывшей въ одно время со мною въ Лондонѣ одной моей соотечественницы, заплатившей за свое мѣсто десять фунтовъ стерлинговъ, любой парадъ въ Петербургѣ, во времена Александра II, былъ красивѣе всей этой торжественной процессіи!..

Присутствовать на улицахъ въ день процессіи было далеко небезопасно. У меня осталось въ памяти, что въ этотъ день полиціею однихъ только раненыхъ было зарегистрировано больше четырехсотъ человекъ,—и это при образцовомъ порядкѣ...

Въ Лондонѣ существуетъ и теперь, существовалъ и тогда очень красивый и удобный театръ «Альгамбра». Въ ту пору въ немъ главнымъ образомъ ставились балеты.

Уже задолго до моего приѣзда и во время моего пребыванія въ Лондонѣ шель балетъ изъ русской жизни подъ названіемъ «Надя». Была тутъ и «бѣдная» крестьянская дѣвица, танцующая неизвѣстный танецъ съ діадемою-кокошникомъ, усыпаннымъ драгоценными камнями, тутъ и демонъ—Мефистофель, отплясывавшій, по словамъ афиши, «думку» и «трынку», а по словамъ нѣкоторыхъ англійскихъ газетъ, «думку» и «глинку»; тутъ и русскіе пейзаны, во время молитвы стоявшіе не на колѣняхъ, а въ согбенномъ положеніи, вытянувъ только одну ногу впередъ. Что касается танцевъ, то въ нихъ было столько же русскаго, сколько и китайскаго. Костюмы сплошь фантастическіе. Достаточно сказать, что бѣдныхъ нашихъ мужичковъ балетмейстеръ даже наградилъ по-шотландски—штиблетами и голыми икрами!

А между тѣмъ авторъ «Нади», балетмейстеръ «Альгамбры» Гансенъ, дважды былъ въ Россіи—разъ въ императорскомъ московскомъ балетѣ, другой разъ въ Петроградѣ въ давно не существую-

щемъ, постоянно прогоравшемъ увеселительномъ заведеніи «Ливадія» (въ Новой Деревнѣ), во времена дебюта тамъ знаменитой балерины Цукки.

Что было пьяныхъ въ «дзубилейные» дни,—это, я думаю, едва ли могла сосчитать даже всезнающая лондонская полиція. Положительно на каждомъ шагу наталкивался я не только на мертвецки пьяныхъ мужчинъ, но и женщинъ.

Мнѣ довелось случайно видѣть, какъ одного такого пьянаго, растянувшагося поперекъ дороги, полицменъ довольно быстро привелъ въ чувство, жестоко отодравъ его за уши. Способъ оригинальный, но едва ли умѣстный въ такой свободной странѣ, какъ Англія, гдѣ совмѣщались «королева и конституція», какъ гласила блестящая надпись на одной изъ лучшихъ улицъ Лондона—Оксфордъ-Стритъ. Боже мой, что сказали бы у насъ, если бы городской позволилъ для вытрезвленія продѣлать съ пьянымъ подобный экспериментъ!

Пребываніемъ своимъ въ Лондонѣ я остался доволенъ. Когда много лѣтъ спустя мнѣ пришлось очутиться вновь въ Англии, я рѣшилъ не ограничиться Лондономъ, а проѣхать въ Шотландію для осмотра второй не менѣ знаменитой исторической ея столицы—Эдинбурга.

Предположивъ выѣхать въ Эдинбургъ съ ночнымъ поѣздомъ, я отправился наканунѣ отъѣзда въ одно изъ желѣзнодорожныхъ бюро, чтобы заранѣе заpastись спальнымъ мѣстомъ. Одинъ изъ засѣдавшихъ въ бюро джентльменовъ сказалъ мнѣ, что выборъ дня и поѣзда, назначеннаго мною, не совсѣмъ удаченъ. «Вы,—добавилъ онъ:—выбравъ слишкомъ поздній часъ, доѣдете только до границы Англии и Шотландіи. Дальше васъ не повезутъ, ибо на границѣ вы будете принуждены не только переночевать, но и провести весь слѣдующій день». Не совсѣмъ уразумѣвъ сказанное, я попросилъ клерка объяснить поподробнѣе.

Оказалось, что въ субботу (избранный мною день отъѣзда), т.-е. наканунѣ праздника, ночные поѣзда изъ Англии въ Шотландію ходятъ только до двѣнадцати часовъ ночи, а затѣмъ останавливаются, такъ какъ по праздникамъ въ католической Шотландіи поѣзда не ходятъ вовсе. Теперь мнѣ была совершенно ясна причина, почему лондонскій поѣздъ собирался довести меня только до границы Шотландіи (замѣтите, при томъ мнимой), а тамъ въ двѣнадцать часовъ ночи бросить на произволъ судьбы.

О томъ, что въ Лондонѣ приѣзжему, особенно русскому, трудно мириться съ существующими въ этомъ городѣ воскресными порядками, напимѣръ, нефункционированіе почты, открытіе ресторановъ на два часа (съ 1 ч. и до 3 ч. дня) и т. д., объ этомъ я зналъ и раньше, но про сюрпризъ, ожидавшій меня на границѣ Шотландіи, мнѣ довелось услышать впервые.

Измѣнивъ день отъѣзда, я въ томъ же агентствѣ узналъ, что ночной поѣздъ изъ Лондона въ Эдинбургъ самый скорый поѣздъ изъ циркулирующихъ въ Англїи, гдѣ, какъ извѣстно, поѣзда мчатся и такъ съ головокружительной быстротой. Весьма скромно отдѣланное помѣщеніе перваго класса въ занятомъ мною спальномъ вагонѣ хотя и оказалось довольно узкимъ, но зато имѣло большое преимущество,—въ немъ отсутствовало верхнее мѣсто. Вошедшій въ мое купе кондукторъ спросилъ меня, что я пью утромъ: чай или кофе съ сандвичами или безъ оныхъ? Пообщавъ все подать въ назначенный мною часъ, онъ удалился, пожелавъ мнѣ спокойной ночи.

Когда же поѣздъ, сорвавшись съ мѣста, сразу нырнулъ въ темноту и съ невѣроятною быстротою понесся въ неизвѣстную мнѣ даль, мнѣ не разъ приходила въ голову мысль, не могло ли быть пожеланіе кондукторомъ спокойной ночи проническимъ?! Какой тутъ могъ быть спокойный сонъ, когда поѣздъ, особенно на закругленїяхъ (попадавшихся, повидимому, постоянно), кидало изъ стороны въ сторону, каждый разъ чуть не выбрасывая меня съ койки на полъ. Въ первую половину ночи изъ-за отчаянной тряски и толчковъ и предполагаемой опасности слетѣть съ рельсовъ я совсѣмъ не спалъ, не разъ сожалѣя, что передъ отъѣздомъ не написалъ еще въ Петроградѣ духовнаго завѣщанія.

Основаній опасаться какой-нибудь желѣзнодорожной катастрофы у меня было достаточно. За время моихъ довольно частыхъ путешествій мнѣ три раза приходилось сходить съ рельсовъ. Въ особенности тяжелое впечатлѣніе произвело на меня крушеніе поѣзда, имѣвшее мѣсто въ Германїи.

Было это въ концѣ лѣта 1884 года. Направлялся я изъ Киссингена въ Парижъ. Въ вагонѣ, въ которомъ я сидѣлъ, находилось еще двое русскихъ, братья А. Н. и Н. Н. Бороздины, съ которыми я путешествовалъ въ качествѣ ихъ врача. Другихъ пассажировъ въ этомъ отдѣленїи случайно не оказалось.

Старшій изъ братьевъ, Александръ Николаевичъ, почти безсмѣнный мировой судья, снискавшій, какъ прекрасный человѣкъ, общую любовь петербургскаго населенія, отличался удивительно малымъ ростомъ. Братъ его, Николай Николаевичъ, впослѣдствїи бывшій долгое время юрисконсультomъ вѣдомства учреждений императрицы Марїи, тоже очень хорошій человѣкъ, былъ, къ слову сказать, еще прекраснымъ пианистомъ, обладавшимъ богатѣйшимъ собраніемъ нотъ, главнымъ образомъ оперъ.

Отведенное намъ довольно помѣстительное отдѣленіе вмѣщало въ себѣ съ каждой стороны по два дивана: верхній и нижній. Верхній, откидной, въ случаѣ надобности, могъ въ готовомъ видѣ служить мѣстомъ для сна. Передъ катастрофой старшій изъ Бороздиныхъ сидѣлъ на одномъ изъ нижнихъ дивановъ (верх-

ній не былъ спущенъ); младшій же и я наблюдали за откупориваніемъ кондукторомъ полубутылки рейнвейну, захваченнаго нами еще въ Киссингенѣ. По расписанію курьерскій поѣздъ, на которомъ мы ѣхали, долженъ былъ приблизительно въ это время остановиться у Крейцнахской станціи. Вдругъ раздался страшный трескъ. Въ мгновеніе ока, вылетѣвшій изъ своего гнѣзда верхній диванъ, подъ которымъ сидѣлъ старшій Бороздинъ (какимъ-то чудомъ не оторвавшійся совсѣмъ), только въ виду его крошечнаго роста не раскроилъ ему голову... Кондукторъ, младшій Бороздинъ и я отлетѣли въ противоположную сторону, причемъ я ударился заднею частью головы въ стекло противоположнаго окна. Хотя я, разумѣется, и пробилъ его, но, по счастью, не причинилъ себѣ никакихъ поврежденій, такъ какъ на мнѣ была одѣта стариннаго фасона, не по сезону теплая шапочка. Въ ту же минуту поѣздъ остановился. Оказалось, что мы, какъ это ни странно, по дѣйствительной винѣ стрѣлочника, переведшаго насъ на всемъ ходу на запасной путь, налетѣли на семь вагоновъ съ дровами, мирно стоявшихъ у какого-то полустанка, у котораго мы вовсе не должны были останавливаться...

Когда мы пролѣзли потомъ въ полуразрушенную дверь вагона, то съ невыразимымъ удовольствіемъ узнали, что серьезныхъ поврежденій съ людьми не было.

Что касается лично меня, то, какъ послѣдствіе крушенія, у меня развилась такая ужасная специально желѣзнодорожная невращенія, что мнѣ около года при одномъ только воспоминаніи о необходимости сѣсть въ поѣздъ дѣлалось уже нехорошо.

Когда послѣ крушенія и сильнаго вслѣдствіе этого опозданія мы должны были остановиться на ночлегъ въ Мецѣ (прямыхъ поѣздовъ изъ Германіи во Францію тогда не было, и французскій поѣздъ съ границы, не дождавшись германскаго поѣзда, укатилъ въ Парижъ), то А. Н. Бороздину въ виду своего чудеснаго спасенія пришлось тутъ же, быть можетъ, впервые, возблагодарить Создателя за то, что Онъ создалъ его такого маленькаго роста.

Продолжаю про поѣздку въ Эдинбургъ.

Передумавъ о многомъ во время вынужденной бессонницы, вспомнивъ, кстати, что мнѣ, не то, что тогда, но и теперь (1914 г.) оставлять семьѣ почти нечего, и придя затѣмъ къ чисто-философскому рѣшенію, —разъ англичане ежедневно и въ теченіе столькихъ лѣтъ безнаказанно подвергаются такому же риску, какъ теперь я, то надобно думать, что ночное путешествіе изъ Лондона въ Эдинбургъ вовсе не такъ опасно, —я на этомъ основаніи закрылъ глаза и относительно спокойно проспалъ остальную часть ночи.

Встрѣтилъ насъ Эдинбургъ крайне непривѣтливо. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Въ Эдинбургѣ, по словамъ массы путешественниковъ и части мѣстныхъ жителей, это удовольствіе почти постоял-

ное. Изъ 365 дней въ году безъ дождя обходится, кажется, только 65 дней.

Хотя академическій укоръ насчетъ этого обстоятельства, сдѣланный мною метръ д'отелю гостиницы, гдѣ я остановился, вызвалъ съ его стороны отвѣтъ: «Жаль, что вы къ намъ не пріѣхали вчера, — вчера была великолѣпная погода», тѣмъ не менѣе, по пріемамъ гулявшей въ Эдинбургѣ публики, можно было убѣдиться, что шотландцы дѣйствительно привыкли къ такимъ небеснымъ сюрпризамъ.

Масса дамъ съ высоко подобранными юбками, мужчины съ загнутыми чуть ли не до колѣнъ брюками, всѣ подъ зонтиками, то и дѣло останавливались или у магазиновъ, или болтали между собою, не обращая ровно никакого вниманія на разверзшіяся хляби...

Еще въ Лондонѣ слышалъ я отъ своего пріятеля, генерала К. И. Вогака, бывшаго тогда нашимъ военнымъ агентомъ въ Англіи, чтобы я попробовалъ знаменитую шотландскую кашу «полледжъ», подающуюся въ Эдинбургѣ къ раннему завтраку (въ 8 час.) вмѣстѣ съ ростбифомъ, солониной, бараниной и проч. Вошедши на слѣдующій день въ столовую, опоздавъ всего на полчаса, я убѣдился, что отъ знаменитой каши не осталось даже и помину... Ее расхватали меньше, чѣмъ въ двадцать минутъ, обладавшіе громаднымъ аппетитомъ изящныя леди и джентльмены, наполнившіе всю громадную столовую отеля.

Описаніе Эдинбурга, какъ и Лондона, не входитъ въ мою задачу. Эти города и безъ меня прекрасно и въ достаточной мѣрѣ описаны. Да и къ чему же мнѣ обижать безчисленные энциклопедіи и «бедекеры», находившіеся и такъ у всѣхъ насъ подъ руками?...

Замѣчу только, что Эдинбургъ городъ не особенно большой и я его могъ довольно скоро объѣхать, воспользовавшись развитымъ трамвайнымъ движеніемъ.

Центральнымъ украшеніемъ города служить находящійся вблизи вокзала памятникъ Вальтеру Скотту, на мой взглядъ, довольно алляповатый. Шотландское происхожденіе этого всѣмъ народамъ извѣстнаго писателя чувствуется здѣсь на каждомъ шагѣ.

Былъ я въ Эдинбургѣ въ театрѣ, не помню теперь уже въ какомъ, гдѣ по случаю лѣтняго сезона, вмѣсто серьезныхъ пьесъ, пѣли куплетисты и упражнялись разные эксцентрики. Подобнаго рева, производимаго въ антрактахъ частью публики, рева, отъ котораго я буквально чуть не оглохнулъ, свиста и гиканія, мнѣ не пришлось ни раньше, ни позже слышать, даже среди невоспитанной и подчасъ слишкомъ экспансивной итальянской публики.

Повстрѣчавшіеся со мною на улицахъ знаменитые шотландскіе солдаты, громаднаго роста, въ традиціонныхъ шапочкахъ, клѣтчатыхъ юбкахъ, съ голыми икрами, обросшими чаще всего густыми рыжими волосами, съ тросточками въ рукахъ, — своимъ комически-театральнымъ видомъ могли вызвать у свѣзкаго человѣка только

улыбку, но никакъ не увѣренность въ боевыхъ качествахъ такихъ удивительныхъ воиновъ!..

На возвратномъ пути изъ Эдинбурга я провелъ снова нѣсколько дней въ Лондонѣ, гдѣ между прочимъ посѣтилъ совѣтника нашего посольства, постоянного партнера въ бриджъ покойнаго короля Эдуарда, милѣйшаго и любезнѣйшаго А. Поклевскаго-Козелья (нынѣшняго нашего посланника въ Бухарестѣ), высоко державшаго и въ Англіи русское имя.

Обратное путешествіе изъ Англіи во Францію мнѣ пришлось случайно сдѣлать въ одномъ поѣздѣ съ Поклевскимъ. Приглашенный имъ еще на вокзалѣ въ Лондонѣ занять мѣсто въ его роскошномъ салонъ-вагонѣ, я лишній разъ могъ убѣдиться, какое имѣетъ значеніе рѣшительно на всемъ земномъ шарѣ, помимо положенія, какъ въ данномъ случаѣ, еще и богатство!

Надо было видѣть, какъ деликатно спросилъ у насъ англичанинъ-кондукторъ билеты, какъ онъ осторожно перенесъ въ отдѣленіе, гдѣ мы сидѣли съ Поклевскимъ, мой ручной багажъ, какъ, вопреки правиламъ, поставленъ мой большой багажъ на задней площадкѣ вагона, какъ предупредительно оповѣстилъ насъ тотъ же кондукторъ о скоромъ прибытіи въ Дувръ.

Не вѣрилось, что мы въ Англіи...

Параллельно съ этимъ вспомнилось мнѣ, кстаті, и слѣдующее характерное обстоятельство изъ жизни другого государства.

Въ одно изъ пребываній моихъ въ Константинополь отправился я въ ближайшую пятницу посмотрѣть на знаменитый селямликъ, запасшись предварительно пропускомъ и кавасомъ изъ нашего посольства.

Селямликъ—это торжественное шествіе, или, вѣрнѣе, выѣздъ султана въ одну изъ мечетей.

Выѣздъ этотъ, какъ извѣстно, происходитъ каждую пятницу и сопровождается большою торжественностью, соединенною съ парадомъ войскъ.

Такъ какъ мечеть, гдѣ султанъ останавливается для молитвы, находится довольно далеко отъ центра Константинополя, то мы съ нынѣ покойнымъ А. П. Плетневымъ, случайно въ одно время со мною оказавшимся въ столицѣ Турціи, взяли коляску и съ кавасомъ на козлахъ отправились смотрѣть на предстоящее торжество. Забрались мы довольно рано. Это имѣло свою хорошую сторону, давшую мнѣ возможность наблюсти появленіе войскъ, ихъ разстановку, а также назойливое разглядываніе международнаго типа «филерами» нашихъ физиономій...

Войска разставлялись шпалерами по обѣ стороны довольно порядочно вымощенной улицы, круто спускавшейся отъ дворца по направленію къ мечети.

Турецкія войска, повидимому, гвардейскаго корпуса, произвели на меня прекрасное впечатлѣніе. Люди были молодые, рослые, крѣпкіе, очень чисто, даже щегольски одѣтые.

Унтеръ-офицеры ходили съ озабоченными лицами по рядамъ, усердно приказывая нѣсколькимъ чистильщикамъ стряхивать густо налегшую пыль съ обуви.

Европейцевъ, собравшихся на возвышеніи, у самой дороги, гдѣ должно было пройти шествіе, вблизи небольшого закрытаго зданія, предназначеннаго, видимо, тоже для ожидающихъ, на этотъ разъ оказалось немного.

Когда при громкихъ привѣтственныхъ кликахъ войска показала коляска Абдуль-Гаида, запряженная двумя упитанными бѣлыми лошадьми, ведомыми подъ уздцы придворными конюхами, въ ней оказался сидящимъ, но не рядомъ съ султаномъ, а напротивъ, знаменитый герой Плевны, тучный, старый, совершенно сѣдой гази Османъ-паша.

Сзади пѣшкомъ шла блестящая толпа турецкихъ офицеровъ.

За нѣсколько шаговъ до проѣзда мимо насъ султана (возвышеніе, на которомъ мы стояли, находилось у самаго края дороги) мы сняли шляпы...

Вдругъ, къ несказанному моему удивленію, я увидѣлъ, что ѣхавшій съ суровымъ видомъ султанъ сталъ, какъ мнѣ показалось, по направленію ко мнѣ и Плетневу посылать съ улыбкою привѣтственные жесты рукою!.. Конечно, такая высокая честь была оказана не намъ, а стоявшему со мною рядомъ нѣкому англичанину, главная заслуга котораго заключалась только въ томъ, что онъ, какъ мнѣ тутъ же объяснили, состоялъ директоромъ и главнымъ распорядителемъ національнаго банка въ Константинополѣ!

Англичане у себя дома и, какъ они сами всегда говорятъ, на континентѣ, т.-е. въ остальной Европѣ, представляются, по-моему, людьми неодинаковыми. Насколько они въ Англии при болѣе близкомъ съ ними знакомствѣ большею частью гостепріимны, любезны, настолько они сухи, неразговорчивы внѣ своего отечества, принимая на себя личину замкнутости. Вотъ комическій эпизодъ, случившійся со мною, гдѣ замкнутость одной англичанки выдержана была не вполне.

Во время моего перваго путешествія въ Англію мнѣ изъ Лондона пришлось ѣхать въ Германію черезъ Бельгію. Тотчасъ при выходѣ изъ парохода я попалъ въ вагонъ, гдѣ уже сидѣлъ какой-то старый англичанинъ съ двумя довольно молодыми дѣвушками, повидимому, его дочерьми. Отецъ читалъ длиннѣйшій нумеръ «Таймса», количество матеріала котораго могло еще, вѣроятно, хватить даже на обратное путешествіе, а дочери не отрывали лицъ отъ какихъ-то англійскихъ романовъ. Проѣхавъ въ полнѣйшемъ молчаніи часа полтора и потерявъ

всякую надежду на знакомство съ моими сосѣдями, я сталъ тяготиться фактическимъ одиночествомъ и рѣшилъ на первой же остановкѣ попросить кондуктора о переводѣ меня въ другое, не столь молчаливое, купе.

Выскочивъ на ближайшей станціи изъ вагона и при помощи франка, какъ въ разсказѣ И. О. Горбунова, у котораго капиталъ оказался не чуждъ взаимности, я былъ быстро понятъ бельгійскимъ кондукторомъ, и мы разомъ вскочили въ вагонъ за моею ручною поклажею.

Только тутъ, сообразивъ, въ чемъ дѣло, одна изъ дѣвицъ оторвалась наконецъ отъ своей книги и обратилась ко мнѣ на французскомъ языкѣ, но съ характернымъ англійскимъ произношеніемъ.

— Vous partez déjà?—процѣдила она и, не дождавшись отъ меня немедленнаго отвѣта, добавила:—quel dommage!!

Я дѣйствительно не нашелся, что сказать этой дѣвицѣ...

Между тѣмъ папенька продолжалъ читать «Таймсъ», не подавъ и вида, что обращеніе ко мнѣ одной изъ его дочерей могло бы его заинтересовать...

Въ другое купе я тѣмъ не менѣе перешель...

Какъ примѣръ остроумнаго отношенія къ намъ, россиянамъ, англичанъ, не могу не привести забавнаго случая, переданнаго мнѣ какъ-то однимъ очень милымъ петроградцемъ.

Въ Базелѣ, узловоей станціи, въ вагонъ, гдѣ уже сидѣлъ одинъ нашъ соотечественникъ и какой-то англичанинъ, вошло съ массою багажа цѣлое семейство русскихъ. Тутъ были отецъ, мать, нѣсколько малолѣтнихъ дѣтей съ няньками и одинъ грудной младенецъ съ кормилицею. Все это суетилось, бѣгало, орало, стараясь въ теченіе получаса подъ руководствомъ папаша размѣститься получше.

Когда поѣздъ уже тронулся, а россияне все еще не привели себя въ порядокъ, бывший ихъ сосѣдомъ флегматичный англичанинъ, повидимому, не выдержавъ всей кутерьмы и, приподнявъ шляпу, очень вѣжливо спросилъ счастливаго отца семейства: —

— Pardon, monsieur, est que c'est un voyage d'aagrément que vous faites?.. (Позвольте васъ спросить, вы путешествуете для удовольствія?).

Въ Парижѣ я чуть ли не на другой день столкнулся съ нынѣ уже умершимъ милліонеромъ, нефтепромышленникомъ А. И. М—ымъ, въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ чуть ли не ежедневно въ опредѣленный часъ возсѣдавшимъ у знаменитаго «Café de la Paix»...

— Что вы сиводня дѣлаете?—спросилъ меня на своемъ характерномъ нарѣчій умный, ловкій, но иногда для своихъ цѣлей прикидывавшійся простачкомъ милѣйшій Александръ Ивановичъ.

— Что же можетъ дѣлать въ Парижѣ человекъ, пріѣхавшій сюда на нѣсколько дней? Фланирую, наблюдаю бьющую ключомъ

жизнь... Затѣмъ собираюсь пообѣдать въ хорошемъ ресторанѣ. Потомъ отправлюсь въ театръ...

— Въ такомъ случаѣ,—поспѣшилъ меня прервать М—ъ:—посвятите сегодняшний день и отчасти вечеръ мнѣ?

Я согласился.

М—ъ, съ которымъ я уже лѣтъ пятнадцать находился въ добрыхъ отношеніяхъ, повидимому, былъ мнѣ радъ. Быть можетъ, это была дань удивленія, какъ къ человѣку, который не только ему ничего не былъ долженъ, но который, какъ это ни невѣроятно, никогда не бралъ у него взаймы... А между тѣмъ не быть должнымъ М—у, по увѣренію одного тучнаго російскаго чуть ли не сановника-балетомана, считалось даже не совсѣмъ приличнымъ...

— Я васъ познакомлю съ первою кокоткою Парижа,—продолжалъ М—ъ:—хотя, по правдѣ сказать, съ нею я еще и самъ не знакомъ. Мы будемъ, однако, сегодня съ нею обѣдать въ ресторанѣ «Madrid» (за Булонскимъ лѣсомъ), куда она пріѣдетъ къ восьми съ половиной часамъ. Забираемся мы въ такую даль изъ предосторожности. Особа эта живетъ теперь съ однимъ американскимъ богачомъ, и въ ресторанѣ «Madrid», гдѣ ему искать нечего, мы едва ли съ нимъ встрѣтимся. Вы знаете, «душа моя», чтобы добиться у нея согласія со мною пообѣдать, я долженъ былъ послать къ ней моего секретаря и уплатить ей, такъ сказать, за одни разговоры, пять тысячъ франковъ!.. Сейчасъ мы съ вами пойдемъ въ rue de la Paixъ покупать m-^{lle} Yvonne X. какую-нибудь бездѣлушку.

У ювелира, кажется, Morgan, М—ъ пріобрѣлъ за шесть тысячъ франковъ кольцо съ небольшою, но великолѣпною жемчужиною.

Потомъ мы заѣхали, по словамъ М—а, въ специально-излюбленный этими дамами цвѣточный магазинъ за какими-то рѣдкими цвѣтами, которые взяли съ собою въ безшумный, электрическій автомобиль. (Не знаю, какъ теперь, но раньше неэлектрическіе автомобили въ Булонскій лѣсъ не допускались.)

Знакомиться съ нравами и обычаями страны, гдѣ мнѣ приходилось бывать, было всегда искреннимъ моимъ желаніемъ. Но описаніе правовъ, по-моему, конечно, не должно начинаться и кончаться педантическимъ повтореніемъ описанія природы, мѣстности, зданій и т. д. Въ этомъ отношеніи я, пожалуй, дѣйствительно напоминаю нѣсколько К. А. Скальковскаго, съ писательскимъ талантомъ котораго, по выходѣ въ свѣтъ отдѣльнаго изданія моихъ воспоминаній, сдѣлалъ мнѣ честь сравнить благосклонный критикъ «Новаго Времени». По мнѣнію Константина Аполлоновича, путешествіе главнымъ образомъ интересно наблюденіями надъ отдѣльными чертами правовъ, надъ различіемъ склада жизни, обычаевъ и, въ особенности, по тому положенію, въ которое становится самъ наблюдающій...

Жизнь, какъ извѣстно, складывается изъ мелочей, и наблюденіе подобныхъ мелочей въ большинствѣ случаевъ интереснѣе, чѣмъ картинныя описанія, чаще всего отзывающія общими мѣстами.

Вотъ почему, спрятавъ въ карманъ свою солидность и то, что я женатъ, я и не подумалъ отказаться отъ интереснаго приглашенія М—а, тѣмъ болѣе, что знакомство съ кокеткою такой, можно сказать, высокой марки мнѣ пришлось бы сдѣлать въ первый разъ... О такихъ французскихъ знаменитостяхъ мнѣ приходилось только слышать или читать, напримѣръ, у Золя.

Въ восемь съ четвертью часовъ безшумно подкатили мы къ расположенному въ великолѣпномъ паркѣ зданію ресторана «Madrid», передѣланному изъ какого-то замка. Въ виду полной темноты въ паркѣ, насъ встрѣтилъ у входа владѣлецъ ресторана съ нѣсколькими лакеями съ зажженными фонарями и проводилъ насъ въ элегантную бесѣдку, со всѣхъ сторонъ плотно завѣшанную, гдѣ и былъ накрытъ весь въ цвѣтахъ обѣденный столъ.

Дождаться намъ долго не пришлось. Минуть черезъ десять въ дверяхъ показалась m-*lle* Ivonne.

Къ величайшему моему удивленію, это—маленькое, миленькое, изящнѣйшее существо, одѣтое съ удивительною простотою, съ громадными, точно удивленными глазами, прелестными зубками и крошечными ямками на щекахъ, отнюдь не походила на кокетку, да еще къ тому же знаменитую!..

М—ъ, говорившій по-французски хотя и очень скверно, но безъ запинки, представился сначала самъ, потомъ представилъ меня.

Какъ и подобаетъ «истымъ парижанамъ», мы оба были въ смокингахъ и съ цвѣтками въ бутоньеркахъ...

Бѣглый взоръ, который при входѣ бросила на насъ m-*lle* Ivonne, показалъ мнѣ, что осмотромъ нашихъ фигуръ эта фешенебельная дама осталась какъ будто бы вполне довольна.

Если правда, что многія наши дамы изъ общества стараются по всѣмъ аллюрамъ и наряду походить на кокетокъ, а дамы полусвѣта, въ свою очередь, выбиваются изъ силъ, чтобы имѣть видъ *distinguée*, то m-*lle* Ivonne достигла въ этомъ отношеніи поразительныхъ результатовъ...

Поль-обѣда она проговорила со мною о прелестяхъ деревенской жизни, объ оперѣ «Sigurd» Рейера, въ то время дававшейся въ Grand Opéra, коснулась слегка искусства и только въ концѣ обѣда, когда М—ъ, вынувъ изъ жилетнаго кармана колечко съ жемчугомъ, молча поставилъ его передъ нею, она не выдержала своей роли... Осмотрѣвъ передъ свѣтомъ жемчужину со всѣхъ сторонъ, даже кивкомъ головы не поблагодаривъ М—а, она обернулась ко мнѣ:

— *Est ce que par hazard vous n'êtes pas un connaisseur en perles?* (Вы не знатокъ жемчуга)—сказала она.

Я отвѣчалъ, что нѣтъ.

— А почему вы меня объ этомъ спрашиваете?

— Мнѣ кажется,—довольно нахально отвѣтила моя интересная и красивая собесѣдница, посмотрѣвъ на М—а своимъ «ангельскимъ» взоромъ, что эта жемчужина съ порядочными недостатками!

На эту реплику мы съ М—ымъ даже слегка осовѣли.

Хлебнувъ затѣмъ шампанскаго, mademoiselle Ivonne немного развернулась.

— Поймите, господа,—угадавъ наши мысли, продолжала она:— что я должна тратить много, что у меня все должно быть перво-классное:—моя бѣдная мать, которую я содержу, развѣ мнѣ мало стоитъ (этотъ пунктъ большого сочувствія съ нашей стороны не встрѣтилъ), а необходимыя сбереженія на случай старости? А собственный «отель», масса слугъ, «*dame de compagnie*», нѣсколько выѣздовъ, два автомобиля, развѣ, въ свою очередь, не требуютъ денегъ? Одѣваюсь у Редферна и Дусе, бываю на скачкахъ, въ театрахъ, что тоже, особенно наряды, стоитъ не мало...

Больше съ этою, повидимому, временною королевою кокотокъ я не встрѣчался.

Въ числѣ другихъ городовъ Франціи, которые мнѣ пришлось посѣщать довольно часто, былъ и извѣстный Біаррицъ, гдѣ я въ 1889 году познакомился съ знаменитымъ нашимъ маринистомъ Иваномъ Константиновичемъ Айвазовскимъ, познакомился буквально на берегу Атлантическаго океана.

Какъ и теперъ, такъ и тогда Біаррицъ былъ излюбленнымъ мѣстомъ не только богатыхъ русскихъ людей, русской чиновной и родовой аристократіи, но мѣстомъ, куда обыкновенно въ осенніе мѣсяцы любили ѣздить русскіе великіе князья. Въ описываемое время собрались великій князь Алексѣй Александровичъ, великій князь Михаилъ, Георгій и Александръ Михайловичи, съ довольно большою свитою, герцогиня Зинаида Лейхтенбергская (рожденная Скобелева), княгиня Юрьевская съ дѣтьми, князь Имеретинскій и многіе другіе.

Публика, большею частью международная, на пляжѣ въ Біаррицѣ всегда дѣлилась на двѣ части. Одна купалась, другая смотрѣла на купающихся. Должно сознаться, что въ числѣ смотрящихъ было почти одинаковое количество лицъ обоого пола.

Женщины подчасъ съ видомъ знатоковъ осматривали проходящихъ мимо нихъ почти голыхъ мужчинъ. Мужчины дѣлали то же самое по отношенію къ женщинамъ. Лично я, напримѣръ, находилъ женщину, даже хорошенькую, выходящую изъ воды съ прилипшимъ къ тѣлу мокрымъ одѣяніемъ просто-напросто потерявшею на половину, если не больше, той прелести, которою, допустимъ, наградила ее природа. Можно себѣ представить, что тогда представляла изъ себя одѣтая въ мокрый купальный костюмъ женщина вообще некрасивая и въ особенности плохо сложенная?

Когда купался великій князь Алексѣй Александровичъ, типъ русскаго красавца-богатыря, тогда международный дамскій элементъ на пляжѣ, видимо, волновался. Бинокли не сходили съ большинства женскихъ глазъ. И, дѣйствительно, надо было видѣть мужественную и красивую фигуру великаго князя, входящую въ воду, чтобы понять тотъ энтузіазмъ, который охватывалъ извѣстную часть находившихся на пляжѣ женщинъ...

— Да, вотъ докторъ Бертенсонъ, какъ врачъ великаго князя Георгія Михайловича, можетъ васъ представить молодымъ великимъ князьямъ,—сказалъ десятки лѣтъ ѣздившій въ Біаррицъ красивый и элегантный, только нѣсколько лѣтъ тому назадъ скончавшійся князь М. А. Волконскій, бывший товарищъ министра народнаго просвѣщенія, обратившись къ грузному, громаднаго роста господину въ длиннополомъ свѣтломъ пальто и мягкой фетровой шляпѣ въ то время, когда я, гуляя по пляжу, проходилъ мимо нихъ.

— Позвольте васъ познакомить,—сказалъ князь, остановивъ меня и назвавъ при этомъ своего собесѣдника: И. К. Айвазовскій.

Я очень порадовался такому знакомству. Про Айвазовскаго мнѣ много разъ раньше приходилось говорить съ инженеромъ Д. П. Зуевымъ, описаннымъ мною въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1913 годъ въ «Воспоминаніяхъ о собраніи сельскихъ хозяевъ». Д. П. Зуевъ очень хорошо и давно зналъ Айвазовскаго.

По словамъ Зуева, оказывается, что фамилія Айвазовскаго была дважды передѣлана самимъ художникомъ еще въ раннюю пору его молодости, когда Айвазовскій назывался просто Гайвазовымъ. Недовольный уже тогда своею фамиліей, вѣроятно, слишкомъ напоминавшей объ его армянскомъ происхожденіи, Иванъ Константиновичъ измѣнилъ ее сначала въ Гайвазовскій, а впоследствии передѣлалъ ее въ Айвазовскій. У меня сохраняются два великолѣпныхъ рисунка карандашомъ Айвазовскаго, изображающіе итальянскихъ пѣвцовъ бывшаго Большаго театра въ Петроградѣ въ роляхъ Фрейшютца и Фра-Дьяволо, написанныхъ имъ въ 1835 году и подписанныхъ Гайвазовскій.

Рисунки эти, въ вышеозначенный годъ подаренные Айвазовскимъ Зуеву, долгое время украшали гостиную послѣдняго и только незадолго до смерти этого инженера перешли въ мою собственность.

И. К. Айвазовскій любилъ, гдѣ бы онъ ни находился, по словамъ людей, его хорошо знавшихъ, соединять пріятное съ полезнымъ. Въ этомъ я, впрочемъ, и самъ могъ убѣдиться. Знаменитый нашъ маринистъ возилъ съ собою изрядное количество картинъ, которыя даже во время короткихъ остановокъ онъ старался всецѣпременно продать. Такъ на моихъ глазахъ было и въ Біаррицѣ.

Разговорившись со мною и попросивъ представить его сыновьямъ великаго князя Михаила Николаевича, Айвазовскій повелъ меня

въ гостиницу (остановился онъ въ той же гостиницѣ, что и мы съ великимъ княземъ Георгіемъ Михайловичемъ). Тамъ онъ, показавъ привезенныя съ собою картины, сталъ немедленно же убѣждать меня посодѣйствовать покункѣ великими князьями у него нѣсколькихъ полотень. Когда мнѣ, кажется, въ тотъ же день, удалось представить Айвазовскаго великимъ князьямъ Георгію и Александру Михайловичамъ, предупрежденные мною щедрые, никогда не считавшіе денегъ молодые великіе князья тотчасъ же очень охотно исполнили просьбу Айвазовскаго.

По окончаніи моего перваго разговора съ знаменитымъ маринистомъ, желая быть живымъ свидѣтелемъ, какъ пишутъ такіе великіе художники, какъ онъ, не утерпѣлъ и спросилъ Ивана Константиновича: когда, гдѣ и въ какое время онъ намѣревается писать молочно-сѣбрыя бурныя волны знаменитаго Атлантическаго океана. «Я, писать съ натуры?!—удивился Айвазовскій.—Да я никогда не пишу съ натуры. У меня натура вотъ здѣсь,—и художникъ хлопнулъ себя по лбу.—Мнѣ достаточно видѣть океанъ одинъ разъ, чтобы нужные эффе́кты и переливы моря запечатлѣлись у меня на вѣки вѣчныя! Писать я буду у себя въ номерѣ; это и спокойнѣе, да кстати нѣтъ любопытныхъ!»

Въ числѣ лицъ, довольно часто посѣщавшихъ Біаррицъ въ «русскій» сезонъ въ восьмидесятыхъ—девяностыхъ годахъ, былъ генераль-адъютантъ свѣтлѣйшій князь А. К. Имеретинскій.

Происходя отъ давно угасшаго рода имеретинскаго царя Михайла, князь Александръ Константиновичъ, весьма образованный и умный человекъ и къ тому же герой «Ловчи» и отчасти Плевны, сдѣлалъ карьеру довольно быстро. Послѣ турецкой войны 1878—1878 гг., еще до назначенія своего варшавскимъ генераль-губернаторомъ, онъ, какъ извѣстно, уже занималъ отвѣтственный постъ начальника главнаго военно-суднаго управленія.

Въ Біаррицъ князь ѣздилъ почти каждое лѣто отдыхать. Чувствуя себя въ штатскомъ платьѣ за границею, повидимому, не совсѣмъ свободно, онъ тамъ поэтому мало обращалъ вниманія на свою внѣшность. Въ свободное время князь въ Біаррицѣ (по его собственнымъ словамъ) занимался приведеніемъ въ порядокъ имъ самимъ изобрѣтенной и детально никому не сообщаемой системы выигрыша въ баккара!..

Присутствуя при моихъ ставкахъ въ мѣстномъ казино, гдѣ въ описываемое мною время изъ азартныхъ игръ процвѣтало только баккара, какъ и всегда, при удачѣ рассчитанныхъ исключительно на слѣпое счастье, князь категорически заявлялъ мнѣ не разъ, что ничего путнаго изъ моей игры выйти не можетъ, разъ я играю безъ всякой системы.

По словамъ того же симпатичнаго князя Имеретинскаго, безъ системы игралъ и великій князь Алексѣй Александровичъ.

Надобно замѣтить, что великій князь велъ игру en grand seigneur. Для него выигрышъ значенія, конечно, не имѣлъ. Его интересовало только, существуетъ ли у него счастье (la veine, по-французскому выраженію), или нѣтъ?

Игралъ великій князь всегда стоя и очень недолго, заходя въ игорный залъ два или три раза въ теченіе вечера и то на самый короткій срокъ. Подходя къ карточному столу, Алексѣй Александровичъ провозглашалъ обыкновенно своимъ удивительно пріятнымъ баритономъ одно только слово: «banco»; потомъ съ одинаковымъ спокойствіемъ, получивъ деньги или отдавъ проигрышъ, тотчасъ же удалялся въ сосѣднюю гостиную, гдѣ вступалъ въ бесѣду съ знакомыми русскими дамами или съ лицами его свиты.

Раздѣляя вполне высказанное мнѣніе, что выиграть можно только при исключительномъ счастьи и при относительно недолгой игрѣ, я былъ чрезвычайно изумленъ, узнавъ, что князь Имеретинскій, въ годъ усовершенствованія своей безпроигрышной системы, увезъ изъ Біаррица больше десяти тысячъ франковъ! Но, увы, счастье это было непродолжительно. Когда впоследствии мы съ княземъ Имеретинскимъ встрѣтились у рулеточнаго стола въ Монте-Карло, князь съ грустью сообщилъ мнѣ, что «система», съ успѣхомъ примѣненная имъ для баккара въ Біаррицѣ, оказалась нигде не годною для рулетки въ Монте-Карло. Уже до моего пріѣзда князь проигралъ не только выигранные имъ десять тысячъ франковъ, но прибавилъ къ онимъ еще столько же своихъ.

Изъ моего личнаго не очень большого опыта по вопросу о возможности выигрыша у меня сложилось убѣжденіе, что выиграть можетъ тотъ, кто вообще не боится проигрыша или кто сумѣетъ въ данную минуту совершенно отрѣшиться отъ мыслей и волненій, обыкновенно сопровождающихъ игру... Въ Монте-Карло мнѣ для подтвержденія моихъ наблюденій пришлось замѣтить, что только тогда, когда я, отвлеченный, напримѣръ, неожиданнымъ волненіемъ, случайно на одну лишь минуту позабывалъ о своей ставкѣ (игралъ я только на номера, шансъ, какъ извѣстно, весьма небольшой—одинъ на тридцать пять), каждый разъ съ удивленіемъ слышалъ голосъ крупье, провозглашавшій именно тотъ номеръ, на которомъ стояли мои деньги! Случай, когда дважды указаніе на счастливый номеръ, было внушено мнѣ постороннимъ лицомъ, настолько курьезенъ, что заслуживаетъ быть упомянутымъ.

Въ зимніе мѣсяцы 1900 года мнѣ пришлось жить въ Каннѣ, откуда я раза два въ недѣлю ѣздилъ въ Монте-Карло (два часа ѣзды). Недалеко отъ каннскаго вокзала существовала въ то время мастерская англичанина портного, у котораго я шилъ платье.

Какъ-то рано утромъ заѣхалъ я къ нему для примѣрки, причемъ просилъ его поторопиться, боясь не опоздать на поѣздъ, идущий

щій въ Монте-Карло. Англичанинъ съ чисто-британскою флегмою возразилъ мнѣ, что въ виду его убѣжденія о несомнѣнномъ сегодня моемъ выигрышѣ, при условіи, если я поставлю en plein на нумеръ двадцать пятый,—все равно рѣшительно, попаду ли я въ Монте-Карло часомъ раньше или позже?!

Я и раньше очень хорошо зналъ, къ какимъ глупымъ и всегда неудачнымъ приемамъ угадыванія счастливыхъ номеровъ прибѣгали ѣхавшіе въ Монте-Карло, запоминая, на примѣръ, часть номеровъ вагона и т. д., что, разумѣется, рѣшилъ не обращать вниманія на слова англичанина-портного.

Пріѣзжаю, преисполненный сомнѣнія, въ Монте-Карло. Вхожу въ залъ. Какая-то неизвѣстная сила потянула меня остановиться не у одного изъ ближайшихъ рулеточныхъ столовъ, а у самаго дальняго, причѣмъ номеръ двадцать пятый, указанный мнѣ портнымъ, все время такъ и звенѣлъ у меня въ ухѣ. Вопреки, однако, самому себѣ, уже приготовивъ два золотыхъ, я въ послѣднюю минуту рѣшилъ повременить ставкою, такъ какъ былъ увѣренъ въ проигрышѣ... Вдругъ слышу: rien ne va plus: № 25!

Можно себѣ представить мою досаду!

Недовольный своимъ скептицизмомъ, влѣдствіе чего явилась потеря въ 1.400 франковъ, въ силу какого-то упорства и досады я внезапно кинулъ на тотъ же двадцатый пятый номеръ зажатые у меня въ рукѣ два золотыхъ. И что же? Вышелъ опять двадцать пятый номеръ!.. Сколько бы я могъ выиграть, если бы оставилъ на томъ же номерѣ весь свой выигрышъ?

На возвратномъ пути въ Каннъ я заѣхалъ къ своему англичанину-благодѣтелю и въ знакъ благодарности заказалъ у него еще какое-то, уже совершенно мнѣ не нужное платье.

— Когда вы снова поѣдете играть, заѣзжайте по дорогѣ ко мнѣ; я вамъ еще разъ сообщу счастливый номеръ,—сказалъ мнѣ мой англичанинъ.

Я хотя и послушался, но поставилъ на указанный имъ тринадцатый номеръ изъ предосторожности только десять франковъ. Оказалось, что мой добрый геній и на этотъ разъ былъ правъ: при первомъ же ударѣ шарикъ остановился на тринадцатомъ номерѣ!..

Разказалъ я о своей необыкновенной удачѣ состоявшему при великомъ князѣ Георгіи Михайловичѣ, нынѣ давно умершему, генералу Баранову, къ слову сказать, прекраснѣйшему человеку.

Узнавъ отъ меня адресъ чудодѣя-портного, генералъ Барановъ поѣхалъ къ нему, заказалъ себѣ у него платье и кстати спросилъ, на какой номеръ придется ему на счастье поставить въ Монте-Карло? Хотя портной-отгадчикъ и отвѣтилъ, но изъ этого, однако, ничего не вышло: всѣ рѣшительно ставки генерала Баранова рулетка въ этотъ день била.

И моя счастливая полоса выигрыша, увы, какъ и все на свѣтѣ, имѣла свой конецъ. Въ одинъ изъ моихъ прїѣздовъ въ Монте-Карло, раздраженный маленькими неудачами, я началъ ставить довольно большіе куши. Такъ какъ я имѣлъ довольно глупое обыкновеніе возить съ собою почти все свое состояніе, то проигралъ не только весь свой прежній выигрышъ, но въ тотъ же день спустилъ еще семьсотъ пятьдесятъ рублей (сумму для меня невѣроятную), разбѣнивая съ убыткомъ все находившіяся со мною русскія деньги. Громадный этотъ проигрышъ отрезвилъ меня, и хотя я въ рѣдкихъ случаяхъ ѣздилъ еще въ Монте-Карло, но ставилъ уже не больше пяти франковъ за разъ.

Когда въ день моего знаменательнаго «краха» я, голодный, сѣлъ въ поѣздъ (кромѣ обратнаго билета, у меня въ карманѣ не оказалось вовсе денегъ, даже на обѣдъ), то, несмотря на охватившее меня уныніе и голодъ, я по дорогѣ все-таки не могъ не восторгаться удивительнымъ пейзажемъ и неподобнымъ луннымъ освѣщеніемъ! Видно, любоваться чудною природою, повидимому, единственное утѣшеніе проигравшихся въ Монте-Карло!

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, во время моего ассистентства у брата, ему и по временамъ мнѣ приходилось пользоваться нашего хотя извѣстнаго, но слишкомъ мало цѣнимаго писателя Николая Семеновича Лѣскова, въ ранніе годы писавшаго подъ псевдонимомъ Стебницкаго.

Выступившій въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, во время либеральной весны, охватившей тогда все русское общество, со своими какъ говорятъ теперь, черносотенными романами: «Некуда» и «На ножахъ», Лѣсковъ сразу возстановилъ противъ себя всю либеральную печать, несмотря на свой образный и оригинальный языкъ, добродушное остроуміе и явную талантливость. Только съ перемѣной, если не убѣжденій, то манеры писанія, выбравшійся вмѣстѣ съ «Соборянами» и «Мелочами архіерейской жизни» на ту дорогу, которая и дала ему вполне заслуженную извѣстность, реалистическій этотъ бытописатель съ присущимъ ему тонкимъ юморомъ только тогда получилъ право стать въ ряды лучшихъ русскихъ писателей.

И, дѣйствительно, удивительный языкъ Лѣскова, какъ бы временами изваянный, его глубокій реализмъ, наблюдательность, его тонкое знаніе описываемой среды, особенно духовенства (Николай Семеновичъ происходилъ изъ духовнаго званія) и выходящая изъ ряда вонъ талантливость доставляли читающимъ его произведенія глубокое наслажденіе.

Когда и какъ началось мое знакомство съ Николаемъ Семеновичемъ, я теперь, каюсь, позабылъ. Знаю только, что въ одномъ изъ писемъ къ моему брату (письмо относится къ 1889 году и, какъ ка-

сающеся, главнымъ образомъ, меня хранится въ моемъ маленькомъ архивѣ) Лѣсковъ, сообщать слѣдующее:

«Вас. Бер. пишетъ, что онъ хотѣлъ бы мнѣ чѣмъ-нибудь отслужить, это хорошо, т.-е. для меня выгодно. Заслуга моя передъ нимъ не стоитъ отплаты, но почему же и не дать человѣку больше, чѣмъ онъ стоитъ? Шекспиръ говорить, что сіе такъ и слѣдуетъ, а, по словамъ Лохвицкаго, съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтены денежные знаки, всѣ затрудненія насчетъ признательности устранены. Врачи же и красивыя женщины даже и безъ денегъ могутъ расплатиться за всякую услугу. Вамъ, Л. Б., не досужно; брать же вашу посвободиѣ и ѣздить мимо меня... Что бы ему рѣшить взять за привычку разъ въ мѣсяцъ завернуть и посмотрѣть, все ли у меня въ порядкѣ? Вотъ и будетъ настоящая дружеская расплата, за которую я ему денегъ не буду давать, а стану его считать милымъ и полезнымъ мнѣ человѣкомъ».

Къ сожалѣнію, я совершенно не помню, какое такое одолженіе сдѣлалъ мнѣ Лѣсковъ, за которое, какъ оказывается, я хотѣлъ его отблагодарить. Доподлинно убѣжденъ въ одномъ, что автора «Соборянъ» я потомъ навѣщалъ довольно долго до моего отъѣзда за границу.

Жилъ Николай Семеновичъ въ это время на Фурштатской улицѣ, у Таврическаго сада, въ домѣ № 50. Квартира была расположена внизу. Отдѣльный входъ въ его помѣщеніе былъ изъ подворотни направо, гдѣ на входной двери было прибито маленькое печатное объявленіе, приблизительно такого содержанія: «Николай Семеновичъ Лѣсковъ вообще дома не бываетъ, по друзьямъ всегда радъ...»

Ниже средняго роста, квадратный, съ густою, стриженною бородатою бородою и такою же шевелюрою на головѣ, обыкновенно въ туфляхъ и ночной рубашкѣ, въ широкомъ не то пиджакѣ, не то халатѣ, изъ котораго по временамъ выглядывала крошечная бѣленькая болонка, его любимица, Н. С. Лѣсковъ производилъ, вѣроятно, на всѣхъ его знавшихъ пріятное впечатлѣніе всѣмъ своимъ обликомъ и удивительною, ему только свойственною манерою говорить.

«Осмотрѣвъ» его, я обыкновенно садился съ нимъ бесѣдовать. Кабинетъ Лѣскова, главнымъ украшеніемъ котораго были книжные шкапы, занимавшіе всѣ стѣны, съ нѣсколькими мягкими креслами, невольно располагалъ къ уюту. Говорилъ исключительно самъ хозяинъ, не особенно долго, касаясь того или другого вопроса; со мною онъ всего болѣе любилъ говорить про медицину, главнымъ образомъ въ связи съ состояніемъ собственнаго здоровья. Политики онъ никогда не касался.

Лѣсковъ какъ-то подарилъ брату и мнѣ по экземпляру подробнаго библиографическаго указателя всего имъ написаннаго. На-

печатанный, по его словамъ, только въ пятидесяти экземплярахъ, изъ которыхъ тридцать, пущенные въ продажу, сейчасъ же разошлись, указатель этотъ послужилъ потомъ пособіемъ для составленія полного собранія его сочиненій.

Какъ говорилъ мнѣ неоднократно Лѣсковъ, онъ и самъ удивился и другихъ удивилъ тѣмъ же, какъ много онъ работалъ на своемъ вѣку и въ какихъ только разностороннихъ родахъ литературы онъ ни подвизался. Какъ оказывается, Николай Семеновичъ писалъ даже въ специальныхъ медицинскихъ журналахъ...

Въ послѣдніе годы своей жизни Лѣсковъ въ особенности любилъ одиночество и покой. Этимъ и объясняется, между прочимъ, записка, вывѣшенная, быть можетъ, не безъ моего участія имъ у себя на дверяхъ, косвенно предупреждавшая праздныхъ посѣтителей, что для нихъ онъ дома никогда не бываетъ... Но и оригинальное объявленіе на дверяхъ, кажется, ни къ чему не привело.

Вотъ какъ по этому поводу комично написалъ мнѣ однажды Николай Семеновичъ:

«Записка врядъ ли помогаетъ. Открыть новый способъ нарушенія моего спокойствія. Сегодня Атава ¹⁾, пришедъ ночью во вторую стражу нача клоктати и рукою въ окна ударяти... Что съ нимъ подѣлать?..»

В. Б. Бертенсонъ.

¹⁾ Известный писатель Терпигоревъ.

ПРЕДСКАЗАНИЕ О РАЗГРОМѢ БЕЛЬГИИ.

ВЪ 1905 ГОДУ весною судьба забросила меня въ Бельгію, въ Льежъ, гдѣ была крупная промышленная выставка, въ которой я участвовалъ въ качествѣ эксіонента, вслѣдствіе чего мнѣ пришлось прожить въ этомъ мирномъ городкѣ довольно долго.

Выставка еще была далеко не готова, когда я прибылъ сюда. У меня было много времени, чтобы ознакомиться не только съ самымъ городомъ, но и съ его окрестностями.

Нужно сознаться, что и самъ этотъ древній городокъ, этотъ промышленный бельгійскій муравейникъ, чрезвычайно интересенъ. Можно цѣлыми днями ходить по его древнимъ храмамъ, зданіямъ, любоваться оригинальными постройками XV и XVI вѣковъ.

Въ особенности меня заинтересовала церковь святого Іакова. Въ ней существуетъ курьезная лѣстница, ведущая на открытый наружный балконъ. Она подымается двойной спиралью.

Много лѣтъ тому назадъ Льежъ раздѣлялся на два города, въ которыхъ имѣлись два самостоятельные бургомистра.

По древнему обычаю, тотъ и другой должны были поддерживать свое достоинство, не уступая одинъ другому. Когда имъ приходилось говорить какую-нибудь рѣчь горожанамъ, принимать отъ нихъ присягу, оба бургомистра одновременно подымались на балконъ, причемъ старались, чтобы нога того и другого не ступала раньше на слѣдующую лѣсенку.

Поднявшись сюда, на балконъ, они говорили свои рѣчи почти одновременно, но лъезцы обыкновенно предпочитали рѣчь одного изъ нихъ.

Другой же принужденъ былъ прекращать ее, иначе же его заставляли это сдѣлать, буквально закидывая камнями. И, перепуганный такимъ образомъ дѣйствій своихъ согражданъ, бургомистръ скатывался со своей лѣстницы внизъ.

Между другими достопримѣчательностями Лъезжа имѣется широкая лѣстница «Биренъ», она ведетъ на одинъ холмъ, на которомъ стоитъ древняя дитадель.

Подняться по этой лѣстницѣ не особенно легко, въ ней болѣе шестисотъ ступеней. Камень на нихъ уже сильно изъѣденъ временемъ, нога скользитъ по этимъ зеленымъ выбоинамъ и хотя мѣстами имѣются скамейки, все-таки подъемъ не изъ легкихъ.

Трудность подъема искупалась прелестнымъ видомъ, открывавшимся съ вершины этой лѣстницы.

Я нѣсколько разъ взбирался и въ солнечные майскіе дни, приходилъ сюда и въ сыроватую весеннюю ночь, когда луна, выглядывая изъ разорванныхъ тучъ, фантастически освѣщала серебряную змѣю рѣки Мейзы и спокойно катящейся Уртъ.

Мирный городъ въ это время затихалъ, только безчисленныя точки его фонарей и яркіе прожекторы въ расположеніи выставки, гдѣ спѣшно продолжалась ночная работа, говорили, что тамъ, внизу люди живутъ и работаютъ.

Въ одно изъ моихъ посѣщеній этого холма я побрелъ по тропинкѣ по направленію къ цитадели.

Не могу сказать, чтобы проходъ въ ней строго охранялся. Мирно настроенные бельгийцы едва ли когда-нибудь могли предполагать, чтобы врагъ нарушилъ ихъ покой, и потому старая цитадель довольно плохо охранялась.

Я прошелъ довольно далеко. Для обратнаго пути я выбралъ круговую дорожку и направился другимъ склономъ холма.

Небольшіе домики городской бѣдности ютились внизу. Почти каждый изъ нихъ былъ снабженъ садикомъ, чисто содержимымъ. Трудолюбивая хозяйка хлопотала въ своемъ родномъ углу, мыла, скребла, дѣти копошились здѣсь же на грядкахъ, у всѣхъ была работа, занятіе.

День выдался погожій. Конецъ апрѣля сразу сталъ теплымъ. Куда-то исчезли сѣверо-восточные холодные вѣтры, дождливая пора миновала, солнце пастойчиво сушило землю и одѣвало деревья зеленымъ уборомъ лишнихъ еще листьевъ.

Травяной коверъ тоже позеленѣлъ, кое-гдѣ проглянули цвѣточки, пахнулъ западный вѣтерокъ, мягкій, ободряющій, золотое свѣтло разукрасило все кругомъ. Старинный городокъ превратился въ сказочную страну.

Заблестѣли стеклянныя крыши выставки, какъ-то обновился куполь биржи, вырисовались красиво сосѣдніе холмы, заискрилась подь лучами солнца Мейза...

Быль полдень. Высокій подъемъ, прогулка, чудная панорама расшевелили мой аппетитъ. Оглянулся кругомъ—ни ресторана, ни даже эстеминета, т. е. маленькаго кабачка, гдѣ можно было бы закусить.

Капризь и проголодавшійся желудокъ заставили меня рѣшиться постучать въ дверь перваго изъ маленькихъ домиковъ, мимо котораго я проходилъ.

На мой стукъ выглянуло лицо пожилой женщины. Кое-какъ съ трудомъ я объяснилъ ей, не могу ли я достать здѣсь чего-нибудь поѣсть, не можетъ ли она сжарить мнѣ яичницу или дать кусокъ сыра.

Фламандка все-таки поняла мою французскую рѣчь, закивала одобрительно головой, отерла фартукомъ руку и повела меня черезъ узенькій коридорчикъ на другую сторону домика, въ небольшой садикъ.

Что за прелесть было это крохотное мѣстечко! Оно лежало на самомъ обрывѣ холма. Видъ отсюда былъ изумительный. Въ уголку за столикомъ, за который она меня усадила, сидѣлъ старый, престарый человекъ. Лицо его было все изрѣзано морщинами, блеклые глаза безбоязненно глядѣли на солнце, въ лучахъ котораго онъ купалъ свои старыя кости, наслаждаясь этой теплотой и все время не выпуская изъ зубовъ коротенькой трубочки.

Я поклонился ему, вѣжливо попросилъ позволенія сѣсть рядомъ съ нимъ.

Къ моему изумленію, старикъ довольно хорошо отвѣтилъ по-французски и указалъ сухою старческою рукою на мѣсто рядомъ съ нимъ.

Хозяйка убѣждала готовить мнѣ яичницу, а мы разговорились со старымъ дѣдомъ.

Онъ оказался разговорчивымъ собесѣдникомъ.

Когда-то старый служилъ въ городскомъ управленіи сторожемъ и за выслугою лѣтъ передалъ эту должность сыну, переехавъ сюда, «на высоту», какъ онъ выражался, чтобы доживать свои послѣдніе дни.

— Я вотъ все сижу здѣсь и думаю, господинъ. И знаете что: кажется, все улыбается, все такъ хорошо складывается для нашей страны, мнѣ вотъ изъ газетъ читають, что мы все богатѣемъ, а на сердцѣ у меня становится все грустнѣе, все тяжелѣе,—ровнымъ, спокойнымъ голосомъ сказалъ онъ мнѣ.

— А почему, дѣдушка, вотъ странно!

— Ой, боюсь той стороны,—указалъ онъ на востокъ:—оттуда придетъ наше горе, тамъ притаился нашъ врагъ!

— Изъ Голландіи? Бельгія ей ничѣмъ не мѣшаетъ!

Старикъ отрицательно замахалъ рукой.

— Голландцевъ намъ нечего бояться, а вотъ ихъ сосѣдей, германцевъ... Тѣ точатъ давно ужъ зубы и на Голландію, и на насъ!

— Едва ли! Въ 1871 году, когда Германія воевала съ Франціей, она не нанесла же никакого вреда Бельгіи?

— Это тогда, а теперь другая пѣсня, господинъ! Можетъ быть, я не доживу до этого, но мои дѣти увидятъ на нашей землѣ нѣмецкихъ солдатъ! Они, какъ... (старикъ употребилъ названіе одного неудобопомимаемаго насѣкомаго) разсыплются повсюду здѣсь, все разорять, все съѣдятъ! Я вѣдь знаю нѣмцевъ. Они зарятся на все чужое, все имъ хочется взять въ свои руки. Про теперешняго императора еще въ старыхъ нашихъ книгахъ сказано, что онъ будетъ большой разбойникъ, грабитель. А тутъ вотъ живетъ недалеко отъ насъ отецъ Іосифъ, онъ служитъ въ нашей церкви, тоже старикъ, какъ и я, немного помоложе, такъ у того имѣется латинская книга, онъ мнѣ ее показывалъ. Въ ней все предсказано, даже годъ обозначенъ, когда къ намъ сюда заявятся нѣмцы и начнутъ грабить...

Старикъ вздохнулъ.

— Нынѣшняя молодежь не вѣритъ больше въ такія предсказанія, да и въ церковь совсѣмъ не ходитъ, отстали, вотъ женщины, такъ тѣ не забываютъ молиться Богу.

— Что же читалъ вамъ этотъ отецъ Іосифъ изъ этой латинской книги?—старался направить я своего собесѣдника на прежній путь разсказа.

— Дословно-то я вамъ не могу сказать, старъ я сталъ, память измѣняется, помню только, что книга очень старая, такими большими буквами напечатана или написана, не знаю. Крышки ея деревянные, кожей обтянуты. Говорится въ ней про властителя, который всю маленькую страну покорить и народъ ея вытолкнетъ въ море. Вѣдь это еще писано когда? Когда объ нашей странѣ и помину не было...

— Ну, а потомъ, потомъ что?

— А потомъ сказано, что послѣ горя будетъ радость и опять страна расцвѣтетъ и разбогатѣетъ, а тотъ злой король погибнетъ! Только долго еще ждать этого придется, — съ тяжелымъ вздохомъ прибавилъ старикъ,—а раньше всего горя, крови и разоренія много, много будетъ!

Трубочка его во время нашего разговора покрылась пепломъ, мой собесѣдникъ пыхнулъ ею, вырвавшееся дымовое облачко сбросило тонкій слой тепла, вокругъ меня разнесся запахъ табаку.

Мы сидѣли молча. Старикъ погрузился снова въ свои думы. Въ дверяхъ домика послышались шаги. Къ намъ спѣшила хлопот-

ливая хозяйка, неся на глиняной сковородкѣ слабо шипѣвшую подрумянившуюся яичницу..

Въ другой рукѣ у ней была тарелка съ ломтемъ сѣрватаго хлѣба. Внизу, тамъ въ городѣ часы на какой-то церкви мѣрно ударили часъ, и металлическій звукъ рѣзкимъ откликомъ долетѣлъ до насъ.

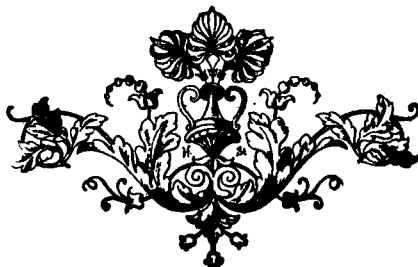
Солнце попрежнему заливало золотомъ лучей этотъ мирный уголокъ доживающаго свой вѣкъ старика-сторожа...

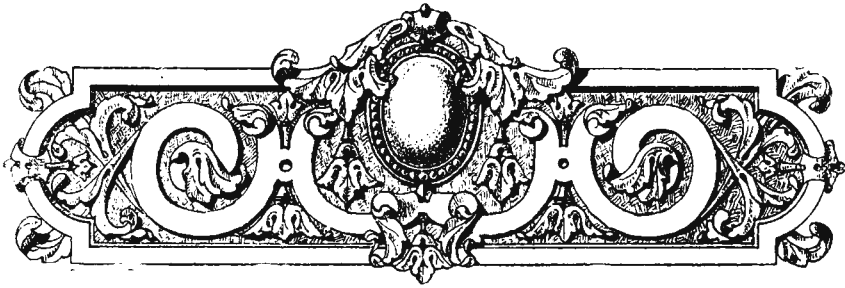
Кругомъ дышалъ ароматомъ апрѣль, съ каждой вѣтки дерева, съ каждой грядки, покрытой слабой порослью овощей, съ зеленого ската доносился его цѣлебный аромат, повсюду замѣчалась творческая дѣятельность матери-земли.

Этотъ разговоръ происходилъ десять лѣтъ тому назадъ. Могли ли я думать и мой старый собесѣдникъ, что военная гроза разразится такъ скоро и современные гунны-германцы жестокой лавиной обрушатся на трудолюбивый мирный народъ.

Древняя книга о. Іосифа говорила правду. Тевтоны-разрушители смяли бельгійцевъ, загнали ихъ чуть не въ море. Но карающая судьба всегда справедлива! Наказаніе германцевъ уже не далеко.

Юрій Чаевъ.

М. Е. САЛТЫКОВЪ И СОВРЕМЕННЫЯ ЕВРОПЕЙСКІЯ СОБЫТІЯ.

ВЪ НЫНѢШНЕМЪ году исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти М. Е. Салтыкова.

Русская печать въ той или иной мѣрѣ касалась главныхъ идей и вопросовъ его творчества, но одинъ вопросъ не былъ до сихъ поръ достаточно разсмотрѣнъ, именно вопросъ о томъ, какъ Салтыковъ смотрѣлъ на положеніе и взаимоотношенія европейскихъ государствъ и народовъ.

Великій народникъ, пламенный защитникъ интересовъ русскаго крестьянства, Салтыковъ былъ въ то же время человѣкомъ, унаслѣдовавшимъ отъ 40-хъ годовъ любовь къ общечеловѣческой культурѣ и тяготѣніе къ Западу, откуда эта культура приходила къ намъ.

Вотъ почему его сердце чутко отзывалось на европейскія событія. Оно радовалось, если идеи человѣчности побѣждали; оно страдало, когда торжествовали насиліе и варварство.

Салтыковъ не былъ человѣкомъ догмы, не былъ рабомъ доктрины, приводящей къ самодовольству и фарисейскому самомнѣнію, доктрины, закрывающей отъ человѣка живую жизнь. Нашъ писатель былъ именно человѣкъ живой жизни. Въ міросозерцаніи его социальный вопросъ не исключалъ національнаго, идея человѣчества совмѣщалась съ идеей родины. У него были въ области вопросовъ международныхъ свои симпатіи и антипатіи, какъ и въ области вопросовъ общественныхъ.

Настоящій моментъ, когда европейская война стала фактомъ, кажется намъ наиболѣе удобнымъ для того, чтобы напомнить читателямъ о національныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ нашего великаго писателя-народника, а также и о томъ, насколько вѣрно онъ предвидѣлъ теперешнія событія.

Въ нашей статьѣ мы постараемся суммировать мысли М. Е. Салтыкова: 1) о нѣмцахъ, 2) о Франціи и 3) о патриотизмѣ.

I. О нѣмцахъ.

Въ «Губернскихъ очеркахъ» выведены два нѣмца, управляющихъ въ имѣніяхъ русскихъ дореформенныхъ помѣщиковъ. Одинъ изъ этихъ управляющихъ додумался до слѣдующаго распоряженія.

Въ числѣ дворовыхъ женщинъ въ томъ имѣніи была одна старуха, настолько дряхлая и убогая, что ни на какую работу не была способна. Подъ вліяніемъ своей жены управляющій обложилъ убогую старуху нищенской повинностью, дабы эксплуатировать чело-вѣка хотя бы и такимъ образомъ.

Повинность эта заключалась въ томъ, что старуха, надѣвъ суму, должна была отъ понедѣльника до понедѣльника ходить по міру и затѣмъ приносить куски, причемъ опредѣленъ былъ съ нѣмецкой точностью и минимумъ подобныхъ приношеній. Если Аринушка не приносила положеннаго, то ее подвергали жестокимъ побоямъ. Несчастливая, беззащитная женщина отъ этихъ побоевъ, отъ усталости и отъ холода умираетъ зимой на ночлегѣ у крестьянъ сосѣдней деревни. *«Ровно не христіанскій народъ эти нѣмцы!»* говоритъ мужикъ, рассказывающій о судьбѣ Аринушки, и прибавляетъ: «Не то что ужъ дворовые, а и мужички-то у нихъ, словно въ заключеніи, на мѣсячинѣ сидятъ: «Этакъ ту, говорятъ, будетъ для насъ сподручнѣе». (Т. III. 347—356, изд. Маркса).

Другой управляющій нѣмецъ, служащій въ имѣніи слабохарактернаго и непрактичнаго Буеракина, до того облаглѣлъ, что подвергаетъ крестьянъ тѣлесному наказанію даже и тогда, когда помѣщикъ, до котораго дошли жалобы, запрещаетъ ему это дѣлать. Онъ увѣренъ, что его не прогонятъ съ мѣста и что за мужиковъ заступится некому. (Тб. 305—308).

Въ очеркѣ «Сонъ въ лѣтнюю ночь» старый чиновникъ рассказываетъ про губернатора изъ нѣмцевъ—Эспенштейна. Этотъ баронъ пріѣхалъ однажды усмирять крестьянъ въ помѣщичьемъ имѣніи. Отъ владѣльца имѣнія онъ узналъ, что будто бы виновникомъ крестьянскаго волненія былъ священникъ. Баронъ, недолго думая, приказалъ священника высѣчь при сельскомъ сходѣ. Довольный столь быстрымъ усмирениемъ, Эспенштейнъ возвращается къ себѣ; но на дорогѣ еще его начинаетъ тревожить мысль о незаконности сдѣланнаго имъ поступка.

Положеніе создалось неловкое, но хитрый нѣмецъ нашель изъ него удачный выходъ. Изъ лютеранства онъ рѣшилъ перейти въ православіе, да не вдругъ, а сначала притворился больнымъ, потомъ выдумалъ сказку о «свѣтломъ мужѣ», явившемся ему при смерти и повелѣвшемъ перемѣнить вѣру! Наконецъ обратился онъ къ архіерею съ выраженіемъ своего желанія. Баронъ перемѣнилъ вѣру скорѣе, чѣмъ пощъ доѣхалъ до архіерея съ жалобой на беззаконіе. Разумѣется, архіерей жалобы священника не уважилъ и даже разгнѣвался на него. (X. 244—245).

Въ «Благонамѣренныхъ рѣчахъ» авторъ вскорѣ послѣ реформы 1861 года проѣзжаетъ по знакомымъ мѣстамъ и узнаетъ, что на мѣстѣ прежнихъ владѣльцевъ-дворянъ, ликвидировавшихъ свои помѣстья, здѣсь живутъ нѣмцы: Крестьянъ Иванычъ, Ѳедоръ Карлычъ и Иванъ Карлычъ. Къ нимъ перешли во владѣніе дворянскія земли, мужикамъ же отъ ихъ строгости и штрафовъ доставалось солоно. (V).

А вотъ строки, написанныя словно 2—3 года назадъ, или даже менѣе.

...Испугъ и недоумѣніе нависли надъ Европой... Съ какого права признано необходимымъ, чтобы Сербія, Болгарія, Боснія не смѣли устраиваться по-своему, а непременно при вмѣшательствѣ Австро-Венгріи? Съ какой стати Германія беретъ помогать Австріи въ этомъ дѣлѣ? Почему допускается вопиющая несправедливость къ выгоду сильному и въ ущербъ слабому? Зачѣмъ держатъ въ страхъ со-сѣдей?»

Развѣ отъ этихъ строкъ не вѣетъ на васъ самой горячей современностью? Германскій милитаризмъ до послѣдняго времени былъ для Европы причиной испуга и недоумѣнія. Онъ освящалъ право сильного, безсовѣстно нарушая международное право. Благодаря помощи Германіи, Австрія нахально издѣвалась надъ славянами, она успѣла уже совсѣмъ лишить Боснію права устраиваться по-своему, она отравила сознаніе болгарскаго народа ядомъ своихъ интригъ и происковъ. Она дошла до предѣловъ безстыдства, еще не виданнаго въ исторіи, вздумавши хозяйничать въ землѣ сербовъ, какъ у себя дома.

Австрія возвела въ принципъ вмѣшательство въ судьбу не только западныхъ, но и независимыхъ южныхъ славянъ и даже въ судьбу Россіи, поставивъ своей цѣлью рознь славянъ и ихъ поработеніе.

Затѣмъ Салтыковъ приводитъ рядъ газетныхъ сообщеній (первой половины 80-хъ годовъ): «Нѣмецкіе фабриканты совсѣмъ завладѣли Лодзью»...

«... Нѣмецкіе офицеры живутъ въ Смоленскѣ»...

«... Нѣмецкіе офицеры генеральнаго штаба появились у Троице-Сергія, изучаютъ русскій языкъ и Ярославское шоссе, собираютъ статистическія свѣдѣнія, дѣлаютъ сѣмки»... и т. д. Приводя эти слухи, Салтыковъ шутливо спрашиваетъ:

«Что имъ (т. е. нѣмцамъ) понадобится? Ужели они мечтаютъ, что германское знамя появится на Ярославскомъ шоссе и село Братовщина будетъ примежевано къ Германской имперіи?» (IV. «Мелочи жизни», 258).

Приведенныя мѣста относятся къ 80-мъ годамъ. Въ наше время подобные слухи оказываются вѣрными, и, какъ теперь стало несомнѣнно, они и тогда еще имѣли основаніе. Только теперь-то ужъ ни въ коемъ случаѣ эти факты не могутъ вызвать шутливо-проническаго отношенія. Мысль о завоеваніи Россіи давно зрѣетъ въ головѣ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ политиковъ. Въ концѣ 80-хъ или въ началѣ 90-хъ годовъ нѣкто (кажется, Генчъ) выпустилъ книгу, проникнутую этой мыслью. А теперь вотъ выступилъ Вильгельмъ съ съ его мечтой прогнать русскихъ за Волгу, даже за Уралъ. Тутъ ужъ, значить, пахнетъ не только Ярославскимъ шоссе и селомъ Братовщиной. Не подлежитъ сомнѣнію, что дерзкому вызову Готенцоллерна предшествовалъ нѣмецкій шпионажъ, можетъ быть, существующій даже и сейчасъ.

Въ «Итогахъ» (1876 г.) Салтыковъ съ сожалѣніемъ констатируетъ примѣръ практическаго безсилія общественныхъ симпатій Россіи во время франко-прусской войны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ свидѣтельствуетъ, что «общій тонъ (русскихъ) симпатій былъ правильный». Затрудняясь опредѣлить степень сознательности нашихъ тогдашнихъ симпатій, Салтыковъ довольно вѣрно объясняетъ ихъ причину. *«Едва ли кто будетъ отрицать, — говоритъ онъ: — что для насъ вопросъ о торжествѣ той или другой стороны въ упомянутой выше распрѣ (рѣчь идетъ о минувшей франко-прусской войнѣ) есть вопросъ существенной важности. И притомъ не только съ точки зрѣнія общечеловѣческихъ интересовъ, которые тутъ замѣшаны, но и съ точки зрѣнія политическо-государственной, которая мало кому доступна. И общество наше чувствовало это и понимало, что между будущими политическими судьбами Россіи и тѣмъ или другимъ разрѣшеніемъ франко-германскаго вопроса имѣется связь очень существенная».* (210 стр. т. X).

Какой изъ двухъ названныхъ враждебныхъ другъ другу сторонъ принадлежали симпатіи русскаго общества и самого автора, — мы сейчасъ увидимъ.

Въ книгѣ «За рубежомъ» (1880—1881 г.) нашъ писатель выводитъ двухъ фантастическихъ собесѣдниковъ: нѣмецкаго «мальчика въ штанахъ» и русскаго — «мальчика безъ штановъ». Въ уста русскаго собесѣдника авторъ вложилъ слѣдующую замѣчательную рѣчь:

«Надоѣли вы намъ, нѣмцы, — вотъ что! Взяли въ полонъ, да и держите!» — На замѣчаніе нѣмца, что у русскихъ, кромѣ нѣмецкаго плѣна, есть еще колупаевскій, русскій отвѣчалъ: «Что Колупаевъ! Съ Колупаевымъ мы сочтемся... это вѣрно. Давай-ка лучше объ нѣм-

цахъ говорить. Правду ты сказалъ: «есть у васъ и культура, и наука, и искусство, и свободныя учрежденія, да вотъ что худо: *къ намъ-то вы приходите совсѣмъ не съ этимъ, а только чтобъ пакостиничать. Кто самый безсердечный притѣснитель русскаго рабочаго человѣка? нѣмецъ! Кто самый безжалостный педагогъ?—нѣмецъ! Кто вдохновляетъ произволъ, кто служитъ для него самымъ неумолимымъ и всегда готовымъ орудіемъ?—нѣмецъ!* И замѣть, что, сравнительно, *ваша наука все-таки второго сорта, ваше искусство — тоже, а ваши учрежденія и подавно.* Только зависть и жадность у васъ перваго сорта, и такъ какъ вы эту жадность произвольно смѣшали съ правомъ, то и думаете, что вамъ предстоитъ *слопать мѣръ.* Вотъ почему *васъ вездѣ ненавидятъ,* не только у насъ, но именно вездѣ. Вы подѣбываете съ наукой, а всякому думается, что вы затѣмъ пришли, чтобъ науку прекратить; вы указываете на ваши свободныя учрежденія, а всякій убѣжденъ, что при одномъ вашемъ появленіи должна умереть всякая мысль о свободѣ. Всѣ васъ боятся, никто отъ васъ ничего не ждетъ, кромѣ подвоха. Вотъ вы, сказываютъ, Берлинъ на славу отстроили, а никому на него глядѣть не хочется. Даже свои «объединенные» нѣмцы—и тѣхъ тошнить отъ васъ, «объединителей». Есть же какая-нибудь этому причина?!» (VIII, 43—44).

Во время своего заграничнаго путешествія Салтыкову однажды пришлось въ табльдотѣ за обѣдомъ услышать отъ сосѣда нѣмца русскую фразу. И когда русскій писатель удивился такой неожиданности, то нѣмецъ пояснилъ: «Я солдаты; мы уфѣ Берлинъ немного учимъ по-русску: *на всякъ случай.*» — «Такъ вотъ онъ какъ», — размышляетъ послѣ такого отвѣта автора. — Мы, русскіе, усердно «учимъ по-нѣмецку» и все никакого «случая» поймать не можемъ; а въ Берлинѣ ужъ и теперь «случай» *предвидятъ,* и, конечно, не для того, чтобъ читать порнографическую литературу г. Цитовича, учать солдатъ «по-русску». Разумѣется, я не преминулъ сообщить объ этомъ моимъ товарищамъ по скитаніямъ, которые нашли, что фактъ этотъ служить подтвержденіемъ только что формулированнаго рѣшенія: да *Берлинъ ни для чего другого не нуженъ, кромѣ какъ для челоукоубійства.*» (VIII, 51—52).

Далѣе, сравнивая прошлое и настоящее Берлина, нашъ писатель находитъ въ его прошломъ нѣкоторыя симпатичныя черты, отъ которыхъ теперь ничего не осталось.

Онъ былъ скромной столицей скромнаго Прусскаго королевства. «Милитаристскія поползновенія существовали въ Берлинѣ и тогда (т. е. до образованія Германской имперіи), но они казались столь безобидными, что никому не внушали ни подозрѣній, ни опасеній, хотя подъ сѣнью этой безобидности выросли Бисмарки и Мольтке. Неоднократно Прусское королевство находилось подъ угрозой распаденія, но всякій разъ на помощь являлась дружественная рука, которая на бесрочное время обезпечивала за нимъ возможность дѣ-

латъ разводы, парады и маневры». Симпатичныя стороны стараго Берлина состояли въ воздержаніи отъ ежовыхъ рукавицъ и мити-рогнози, затѣмъ въ коварно-экономномъ покровительствѣ наукамъ. Но главное симпатичное свойство его было то, что его никто не боялся, никто не завидоваль—и ни въ чемъ не подозрѣваль. Въ настоящее время все радикально измѣнилось. «Застѣнчивость замѣнилась самопѣніемъ, политическая уклончивость—ничѣмъ не оправдываемой претензіей на *вселенское господство*, скромность—неудачнымъ стремленіемъ подкупить иностранцевъ мѣщанскою роскошью новыхъ кварталовъ и какимъ-то второразряднымъ развратомъ» (ib. 52—53).

Интересна сдѣланная Салтыковымъ характеристика нѣмецкаго офицера—этого носителя хищныхъ вождельнѣй германскаго милитаризма. «Когда я прохожу мимо берлинскаго офицера, меня всегда беретъ оторопь. Даже въ Бадень-Баденѣ мнѣ дѣлалось жутко, когда, бывало, привезутъ въ курзалъ изъ Рапштадта или изъ Кобленца нѣсколько десятковъ офицеровъ. Не потому жутко, чтобъ я боялся, что офицеръ кликнетъ городского, а потому, что всѣмъ своимъ складомъ, посадкой, устоемъ, выпяченной грудью, выбритымъ подбородкомъ такъ и тычетъ въ меня: я герой! Мнѣ кажется, что если бы, вмѣсто того, онъ сказалъ: я разбойникъ и сейчасъ начну тебя свѣжевать,—мнѣ было бы легче. А то «герой»—шутка сказать!... Нашъ русскій офицеръ никогда не производилъ на меня такого удручающаго впечатлѣнія... Онъ положительно никому не тычетъ въ глаза: я герой. *Русскій человекъ способенъ быть дѣйствительнымъ героемъ*, но это не выпячиваетъ ему груди и не заставляетъ тарашить глаза. Онъ смотритъ на геройство безъ панибратства и, очевидно, понимаетъ, что это совсѣмъ не такая заурядная вещь, которую можно всегда носить съ собою, въ числѣ прочей аммуниціи. Напротивъ, пруссакъ убѣжденъ, что разъ онъ произведенъ съ соизволенія начальства въ герои, разъ ему воздвигнуть на королевской площади памятникъ, то онъ обязывается съ честью носить это званіе не только на улицахъ, но и въ садахъ Орфеума. Разумѣется, простыхъ людей это стѣсняетъ» (ib. 56—57).

О прочности германскаго единства Салтыковъ отзывается такъ: «Я не имѣю никакихъ данныхъ утверждать, что Берлинъ *никогда* не сдѣлается дѣйствительнымъ руководителемъ германской умственной жизни, но, судя по современному настроенію умовъ, думаю, что *въ настоящее время* для доброй половины Германіи Берлинъ не только не симпатиченъ, но даже прямо *непріятенъ*. Онъ у всѣхъ что-нибудь отнялъ и ничѣмъ за отнятое не вознаградилъ. И вдобавокъ, вездѣ насоваль берлинскаго солдата съ соотвѣтствующимъ количествомъ берлинскихъ же офицеровъ» (ib. 60).

«Южная Германія,—говоритъ Салтыковъ въ другомъ мѣстѣ,—больное мѣсто имперіи, созданной войной 1870—1871 г.» (V. «Благо-

намѣр. рѣчи». XV. «Въ погоню за идеалами», 488). «Нѣмецъ, ежели онъ не геллертеръ, не присяжный политикъ и не чиновникъ,—есть обыватель по преимуществу. Онъ всецѣло преданъ идеѣ насущнаго хлѣба, затѣмъ всѣ его отношенія къ государству ограничиваются податями и солдатчиною. Подати имперія значительно увеличила, солдатчину сдѣлала общедоступною.

«Всѣ милліарды, уплаченные Франціей, употреблены на составленіе инвалиднаго фонда да на вооруженія, да на дотаціи»... —жалуется одинъ нѣмецъ.—«Прежде мы солдатчины почти не чувствовали, а теперь даже болѣзнью отъ нея не отмолишься. У меня былъ сынъ; даже докторъ ему свидѣтельство далъ, что слабъ здоровьемъ,—не повѣрили, взяли въ полкъ. И что жъ! Шестъ мѣсяцевъ его тамъ мучили, увидѣли, что малый дѣйствительно плохъ, и прислали обратно. А онъ черезъ мѣсяць умеръ!»—вторитъ другой нѣмецъ.

«У насъ нынче въ школахъ только *завоеванія* учать. Молодые люди о полезныхъ занятіяхъ и думать не хотятъ, все «Wacht am Rhein» да «Kriegers Morgenlied» распѣвають! Что изъ этого будетъ—одинъ Богъ знаетъ!»—разсказываетъ третій нѣмецъ.

«Всѣ наши соки Берлинъ сосеть»...

Послѣдняя приводимая нашимъ писателемъ фраза особенно ярко свидѣтельствуетъ о томъ, что въ «объединенной» Германіи не все обстоитъ благополучно. Ежовыя рукавицы (носяція нынѣ громкое названіе «бронированный кулакъ»), въ которыхъ Пруссія держитъ остальную Германію, въ настоящее время чувствуются еще сильнѣе, чѣмъ въ началѣ 80-хъ годовъ. Этотъ фактъ подтвердить всякій, кто внимательно слѣдитъ за нѣмецкой публицистикой послѣдняго десятилѣтія.

Что касается вышеприведенныхъ замѣтокъ нашего великаго соотечественника о нѣмецкомъ милитаризмѣ, то вѣрность ихъ подтверждается самыми новѣйшими наблюденіями компетентныхъ спеціалистовъ военнаго дѣла.

Вотъ что, напримѣръ, говорится въ статьѣ, помѣщенной въ августовской книжкѣ одного изъ лондонскихъ журналовъ и приведенной въ № 178 газеты «Утро Россіи».

«Мы часто слышимъ о милитаризмѣ, но у насъ не имѣютъ понятія о томъ, что значить это слово: чтобы понять его, нужно отправиться въ Германію. Въ Англии богатство и общественное положеніе служатъ гарантіей на вѣжливость и почтеніе. Въ Германіи гарантію носятъ на спинѣ въ образѣ мундира: по числу звѣздочекъ на погонахъ или по золотой нашивкѣ на рукавѣ оцѣнивается вѣсь кого-либо. Малѣйшая разница въ чинѣ или службѣ даетъ право на раболѣпное послушаніе, и горе тому подчиненному, который не относится къ своему капитану, какъ къ полубогу». Сравните съ этимъ отзывомъ слова Салтыкова о томъ, что пруссакъ всѣмъ тычетъ въ глаза своимъ «геройствомъ» и на обывателя смотритъ съ самодо-

вольнымъ презрѣніемъ. Насколько извѣстно — настоящая война въ Германіи непопулярна. Вызванная авантюристскими планами Вильгельма, она, разумѣется, ничего, кромѣ зла, нѣмцамъ не принесетъ. Вильгельмъ, конечно, не одинокъ. Его окружаетъ реакціонная, солидарная съ нимъ шайка проходимцевъ высшаго ранга и полета.

Идеалы этой шайки извѣстны, и не поздоровится отъ нихъ Германіи въ случаѣ побѣды Вильгельма,—если бы то возможно было себѣ представить,—главы нѣмецкихъ авантюристовъ и проходимцевъ.

Этихъ авантюристовъ и проходимцевъ именно и провидѣлъ Салтыковъ еще въ 70-хъ годахъ послѣ пораженія Франціи. Говоря о культурномъ значеніи Франціи для Европы, нашъ писатель видитъ въ ея разгромѣ Германіей серьезную угрозу европейской цивилизаціи. Салтыковъ проводитъ ту мысль, что униженіе Франціи и поруганіе ея политическихъ завѣтовъ и идеаловъ могутъ привести Европу къ печальнымъ послѣдствіямъ.

«Не существуя ихъ (т. е. политическихъ завѣтовъ и идеаловъ Франціи), не держи они міръ въ нѣкоторомъ напряженіи,—какой гессенецъ поручится, что не придутъ *проходимцы* и не перестроятъ все по-старому. *Прходимцы* чутки и внимательно подстерегаютъ случаи, дающіе возможность что-нибудь стянуть. Прежде всего они стянутъ «безсодержательную» свободу, а потомъ созовутъ всѣхъ гессенцевъ, шаумбургцевъ и зигмарингенцевъ и при громѣ пушекъ скажутъ имъ: «Нѣтъ вамъ ни почтъ, ни почтальоновъ, ни почтовыхъ марокъ, нѣтъ вамъ литературы, кромѣ «Wacht am Rhein!» Живите, какъ Богъ дастъ, и изнемогайте безъ литературы, безъ политики, безъ писемъ отъ родныхъ»... (VII. «Признаки времени». XI. «Сила событій». 174—175).

Та же мысль выражается нѣсколько ниже. Говоря о самодовольствѣ нѣмцевъ и о презрѣнн ихъ къ другимъ народамъ (въ томъ числѣ и къ побѣжденной Франціи), Салтыковъ замѣчаетъ: «Зигмарингенцамъ и гессенцамъ (т. е. нѣмцамъ вообще) очень ловко говорить: «Мы образованные, а вы думкопфы; наши солдаты Эврипида читаютъ, а ваши и азбукѣ обучались съ грѣхомъ пополамъ».

«Они забываютъ, что и возможность наслаждаться Эврипидомъ все-таки до нѣкоторой степени обезпечивается тою же Франціей, т. е. Парижемъ. Представьте себѣ такое положеніе: Франція обратилась въ Испанію, Парижъ — въ Мадридъ. Что тогда будетъ?—А вотъ что: придутъ *паразиты* (т. е. опять-таки—тоже авантюристы и проходимцы), соберутъ всѣхъ гессенцевъ и при громѣ пушекъ объявятъ: «Нѣтъ вамъ ни школь, ни университетовъ, ни Эврипида! Живите безъ наукъ и литературы» (ib. 185).

Припомнимъ мнѣніе нашего писателя о нѣмецкой наукѣ («ваша наука все-таки—*второго сорта*»).

Вотъ что онъ говоритъ о нѣмецкой образованности:

«Основать университетъ и населить его наилучше оплаченными профессорами можно всюду, даже при наличности самыхъ нестерпимѣйшихъ узъ, равно какъ всюду же можно устроить музеи, коллекціи, выставки и пр. Для этого нужны только добрая воля и матеріальныя средства. Но общительность, но мягкость формъ общежитія нельзя декретировать ни начальственнымъ предписаніемъ, ни громомъ и блескомъ побѣдъ. Тамъ, гдѣ эти свойства отсутствуютъ, гдѣ чувство собственнаго достоинства замѣняется оскорбительнымъ и, въ сущности, довольно глупымъ самоуниженіемъ, гдѣ шовинизмъ является обнаженнымъ, безъ всякой примѣси энтузіазма, гдѣ не горятъ сердца ни любовью, ни ненавистью, а воспламеняются подозрительностью къ сосѣду, гдѣ нѣтъ ни истинной привѣтливости, ни искренней веселости, а есть только желаніе похвастаться и расчесть на трипгелльдь,—тамъ, говорю я, не можетъ быть большого хода свободъ». Дальше слѣдуетъ характеристика германскихъ «ученыхъ знаменитостей». «Онѣ устраиваютъ обстановочки, придумываютъ оправдательныя теоріи въ пользу совершившихся фактовъ и скромно пользуются присвоеннымъ имъ отличнымъ содержаніемъ. Но вліянія на ходъ жизни онѣ не имѣютъ и никого для будущаго не воспитываютъ. Конечно, онѣ не будутъ распинаться въ пользу кнута (въ буквальномъ смыслѣ), но вѣдь бываютъ кнуты и иносказательные». (VIII. «За рубежомъ». 58—60).

Что нѣмецкіе ученые способны отстаивать и даже проповѣдывать пользу иносказательныхъ кнутовъ—тому примѣромъ служатъ, между прочимъ, ихъ знаменитые историки Моммзенъ, Штраусъ, Трейчкс и Лампрехтъ—съ ихъ человѣконенавистничествомъ въ отношеніи къ Франціи и къ славянству; ужъ нечего говорить о такихъ «ученыхъ» стратегахъ, какъ Фробеніусъ, доказывающій возможность разгрома Германіей Франціи и Россіи. Мнѣнія Салтыкова о нѣмцахъ отличаются глубокимъ безпристрастіемъ, такъ какъ онъ вообще относился съ уваженіемъ къ общечеловѣческимъ началамъ германской культуры. (VI. «Пестрыя письма». 174).

Но эти общечеловѣческіе элементы культуры германской—достояніе прошлаго, когда Берлинъ не господствовалъ надъ всѣми нѣмцами, когда нѣмецкая интеллигенція переживала идеалистическое настроеніе. Подобнаго настроенія послѣ 70—71 года и до нашихъ дней не было замѣтно, если не считать горсти писателей.

Безпристрастное отношеніе Салтыкова къ нѣмцамъ видно изъ его изображенія честнаго чиновника-нѣмца на русской службѣ—эйзенахскаго уроженца фонъ-Юнгфершафта. Этотъ финансовый дѣятель, возведенный въ графское достоинство, отличался честностью и безкорыстіемъ и всегда своимъ подчиненнымъ совѣтовалъ щадить казенный интересъ страны. Но, къ сожалѣнію, этотъ нѣмецъ усвоилъ изъ практики пессимистическій взглядъ на Россію: «Сей страна отъ природы таковъ, что въ немъ безъ грабежа существовать

не есть возможно». (VIII. 506—507. «Господа Ташк.» IX. Круглый годъ. 12).

Конечно, не эти добродушные культурные идеалисты ученые, не эти честные чиновники, не здравомыслящіе мирные граждане, крестьяне и рабочіе—вызываютъ у нашего писателя горькое и неприязненное чувство.

Его вызываютъ берлинскія ежовыя рукавицы, наглый и безсовѣстный разбойничій авантюризмъ обладателя этихъ рукавицъ и грубый, самодовольно-глупый, безчеловѣчный нѣмецкій милитаризмъ, презрительно попирающій основы цивилизаціи и права народовъ.

II. О Франціи.

Совершенно иное отношеніе у Салтыкова къ Франціи. Глубокой симпатіей и любовью проникнуты все тѣ воспоминанія и наблюденія нашего писателя, которыя касаются Франціи: ей принадлежать его симпатіи.

Вспоминая свою молодость—40-е годы—Салтыковъ говоритъ о глубокой нравственной связи, существовавшей между русской интеллигентной молодежью и литературой съ одной стороны и общественной жизнью и философіей Франціи съ другой стороны.

«Какъ ни слаба была связь между мной и Луи-Филиппомъ,—вспоминаетъ М. Е.:—но мнѣ было лестно, что русская журналистика не одобряетъ его внутренней политики. Въ внушеніяхъ, дѣлаемыхъ (литературой) Гизо, я видѣлъ извѣстное міросозерцаніе... И вотъ, вмѣстѣ съ устроителями февральскихъ банкетовъ, я кричалъ: «à bas Louis Philippe! à bas Guizot!» Кричалъ искренно и горячо, хотя лично ничего отъ того не выигрывалъ, что Луи-Филиппъ былъ 24-го февраля 1848 года уволенъ безъ прошенія въ отставку. Выигрывалъ не я, а мое міросозерцаніе, выигрывали политическіе и общественные идеалы, къ которымъ я себя приурочивалъ» (II. Помпадуры и помпадурши. X. 212).

Въ цитированной выше статьѣ «Сила событій» («Признаки времени») Салтыковъ обращается къ Франціи со словами искренняго и трогательнаго участія.

«Бѣдная Франція! И на этотъ разъ (рѣчь идетъ о ея пораженіи въ 1870—1871 г.) ты являешься искупительною жертвою! Тебя, на которую міръ смотрѣлъ, какъ на пламя, согрѣвавшее исторію человечества,—тебя въ настоящую минуту каждую мекленбургъ-стрелицкій обыватель не обинуясь называетъ собраніемъ «думкопфовъ»!.. Онъ получилъ отъ тебя все, что ему было нужно. Въ концѣ XVIII столѣтія ты дала ему позывъ къ свободѣ, въ 1848 году ты дала ему позывъ къ осуществленію идеи о «великомъ отечествѣ». Но и за всѣмъ тѣмъ ты виновата... Занявшись преслѣдованіемъ мировыхъ задачъ, ты забыла, что существуютъ милліоны домашнихъ

подробностей, устройство которыхъ обезпечиваетъ жизнь отъ неожиданностей»... Однако этотъ кажущійся упрекъ есть въ сущности хвала Франціи, руководимой въ дѣйствіяхъ своихъ міровыми задачами и широкими взглядами. «Тѣ, которые такъ охотно «предпочитаютъ нѣкоторую узкость взгляда ширинѣ ихъ» (намекъ на мѣщанскій практицизмъ Германіи), едва ли вполне правы въ своихъ предпочтеніяхъ. Они забываютъ, что ширина взглядовъ, въ большинствѣ случаевъ, защищаетъ подробности, достигаемая узкостью ихъ... Гдѣ кончается граница узкости, которой съ грѣхомъ пополамъ можно присвоить названіе разумной, и гдѣ начинается граница той узкости, которой ни на какомъ языкѣ нѣтъ другого названія, кромѣ пошлости, ограниченности, тупоумія?» (VII. 175).

Вѣря въ культурную мощь Франціи, нашъ писатель говоритъ: «Гальскій пѣтухъ сумѣетъ поставить принципъ на принадлежащую ему высоту, сумѣетъ выставить паразитство къ позорному столбу, сумѣетъ, наконецъ, указать подлинныя предѣлы паразитства»... (ib., 176). Здѣсь подъ паразитствомъ разумѣется эксплуатація патріотическаго чувства всей націи въ интересахъ какой-нибудь общественной группы, поставившей себѣ узкія и завѣдомо эгоистическія цѣли. Подобными цѣлями руководился, по мнѣнію Салтыкова, и господствующій классъ Франціи, чѣмъ и навлекъ на нее тяжелую неудачу 1871 г. Но Франція, вѣритъ авторъ, скоро убѣдится въ несомѣстности паразитства и патріотизма. Она убѣдится въ этомъ по-своему, а не на манеръ гогенцоллернскихъ обывателей и, несмотря на горечь постигшаго ея горя, предпочтетъ широту взглядовъ ихъ узкости. При этомъ у нашего писателя вырывается горькое восклицаніе: «Есть ли бѣдствіе горше того, какъ чувствовать себя раздавленнымъ пятою лихтенштейнца?» (178). Причина пораженія Франціи—режимъ Наполеона III, принижающій идею гражданственности и деморализующій общество. «Но ежели Франція такъ неожиданно познала на себѣ всѣ послѣдствія деморализаціи, которую влечетъ за собой искусственное обезличеніе страны, то нѣтъ сомнѣнія, что она вынесетъ изъ этого испытанія урокъ, поучительный не только для нея, но для всѣхъ соединенныхъ зигмарингенцевъ и мекленбургцевъ. Положеніе Франціи имѣетъ ту выгоду, что ея неудачи слишкомъ ярко бросаются въ глаза, чтобы можно было скрыть ихъ и упорствовать на ложномъ пути, впредь до новыхъ неудачъ. Несмотря на свое обезличеніе, это все-таки народъ, выработавшій Парижъ, а въ немъ и ту арену политическихъ и общественныхъ вопросовъ, на которую одинъ за другимъ выступаютъ всѣ члены человѣческой семьи. Для такого народа устраненіе причинъ, породившихъ неудачу, обязательно... Мекленбургцы не понимаютъ этой обязанности; судя по прежнимъ примѣрамъ, они думаютъ, что и съ неудачами можно жить

спокойно, если имѣются ретуръ-билеты, а на почтѣ не вскрываютъ, посылковъ. Ихъ войска побиваютъ въ настоящую минуту думкошфовъ, и вотъ они спѣшатъ вывести изъ этого лестныя для себя заключенія» (ib., 194).

Въ очеркѣ «Культурные люди», написанномъ въ 1876 г., М. Е. выводитъ русскаго интеллигента, отправляющагося за границу и на пути размышляющаго, какъ ему тамъ себя надо вести. «Какковы-то тамъ кондукторы? Обходительны ли извозчики? Не строги ли содержатели отелей?»—спрашиваетъ себя культурный путешественникъ.

«А главное,—продолжаетъ онъ:—какъ я за табльдотомъ обѣдать буду? Я привыкъ на просторѣ обѣдать, а тутъ вдругъ—хочешь кусокъ проглотить, анъ тебѣ нѣмецъ въ ротъ смотреть! И вдругъ онъ расхорохорится, скажетъ: «давай за погибель Франціи пить!» А я Францію люблю... Буду ли я съ нѣмцемъ за погибель Франціи пить? Буду ли я вообще все тѣ мерзости продѣлывать, которыя продѣлываютъ русскіе культурные люди, шляющіеся на теплыхъ водахъ? Буду ли я увѣрять, что мы русскія свиньи, что правительство у насъ революціонное, что молодежь наша не признаетъ ни авторитетовъ, ни государства, ни семейства, ни собственности, что вообще порядочному человѣку въ Россіи дышать нельзя?». (IV. 641).

Выше мы приводили воспоминанія Салтыкова о дняхъ его молсдости, объ эпохѣ 40-хъ годовъ. «За рубежомъ» онъ возвращается къ тѣмъ же воспоминаніямъ и останавливается на нихъ болѣе подробно. «Съ представленіемъ о Франціи и Парижѣ,—пишетъ онъ,—для меня неразрывно связывается воспоминаніе о сороковыхъ годахъ... Я въ то время только что оставилъ школьную скамью и, воспитанный на статьяхъ Бѣлинскаго, естественно примкнулъ къ западникамъ. Но не къ большинству западниковъ (единственно авторитетному тогда въ литературѣ), которое занималось популяризироваіемъ положеній нѣмецкой философіи, а къ тому безвѣстному кружку, который инстинктивно прилѣпился къ Франціи. Разумѣется, не къ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а къ Франціи Сень-Симона, Кабе, Фурье, Луи Блана и въ особенности Жоржъ-Занда. Оттуда лилась на насъ вѣра въ человѣчество, оттуда возсіяла намъ увѣренность, что «золотой вѣкъ» находится не позади, а впереди насъ... Словомъ сказать, все доброе, все желанное и любвеобильное—все шло оттуда.

«Въ Россіи,—впрочемъ, не столько въ Россіи, сколько спеціально въ Петербургѣ,—мы существовали лишь фактически или, какъ въ то время говорилось, имѣли «образъ жизни»...

«Но духовно мы жили во Франціи. Россія представляла собой область, какъ бы застланную туманомъ... Напротивъ того, во Франціи все было ясно, какъ день, несмотря на то, что газеты доходили до насъ съ вырѣзками и помарками... Всякій эпизодъ изъ

общественно-политической жизни Франціи затрогивалъ насъ за живое, заставлялъ радоваться и страдать... Мы не могли безъ сладкаго трепета помыслить о «великихъ принципахъ 1789 г.». А такъ какъ мѣстожителемъ этихъ «принциповъ» предполагается городъ Парижъ, то естественно, что симпатіи, ощущаемыя къ принципамъ, переносились и на него.

«Но въ особенности эти симпатіи обострились около 1848 года. Мы съ неподдѣльнымъ волненіемъ слѣдили за перипетіями драмы послѣднихъ лѣтъ царствованія Луи-Филиппа и съ упоеніемъ зачитывались «Исторіей десятилѣтія» Луи Блана». Далѣе, рассказывая о впечатлѣніи французскихъ событій на русское общество и отмѣчая историческую важность этихъ событій, Салтыковъ спрашиваетъ: «Можно ли было, имѣя въ груди молодое сердце, не плѣняться этой неистощимостью жизненнаго творчества, которое вдобавокъ отнюдь не соглашалось сосредоточиться въ опредѣленныхъ границахъ, а рвалось захватить все дальше и дальше?» Даже когда началась Крымская война—симпатіи русской демократической интеллигенціи къ Франціи не уменьшились. «Лучезарный ликъ Франціи все-таки мало пострадалъ при этомъ,—замѣчаетъ М. Е.— Это происходило потому, что виновникомъ войны и бѣдствій Франціи считали Наполеона III.

Здѣсь необходимо нѣсколько остано­виться на отношеніи Салтыкова въ личности и дѣятельности этого императора. Вездѣ, гдѣ только о немъ у нашего соотечественника упоминается, мы замѣчаемъ глубокую и непримиримую ненависть къ Наполеону III. Онъ не иначе именуется, какъ «бандитъ», который «сначала растопталъ, а потомъ насквозь просмердилъ Францію», который «цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ ругался надъ трупомъ имъ же убитой Франціи и теперь (въ 1870 г.) предоставилъ Пруссіи довершить дѣло поруганія». (VIII. «За рубежомъ». 123, 127).

«Онъ былъ одинъ виноватъ; онъ, безчестный, ненавистный и втайнѣ презираемый, но упитанный и самодовольный; онъ и шайка бандитовъ, помогшая ему зарѣзать Францію. У ногъ его лежало пораженное испугомъ людское стадо, а массы «лучшихъ людей» изнывали въ ссылкахъ и въ изгнаніи. Но именно къ нимъ, къ этимъ лучшимъ людямъ, и стремились наши помыслы. И ежели мы не смѣшивали Францію съ Луи-Филиппомъ и его министрами, то тѣмъ меньше были склонны смѣшивать ее съ Бонапартомъ и его шайкой. Франція являлась передъ нами растоптанною, но незапятнаною и продолжала свѣтить въ лицѣ ея изгнанниковъ».—Такъ говоритъ Салтыковъ о Наполеонѣ III по поводу захвата имъ власти.

«Въ 1870 году Франція опять напомнила о себѣ, но тутъ между нею и людьми, симпатизирующими ей, стоялъ тотъ же позорный бандитъ,—продолжаетъ онъ ниже. (VIII. 126—127). Въ описаніи французскихъ нравовъ нашъ сатирикъ дѣлаетъ мѣткую и злую

характеристику «господствующаго класса», т. е. буржуазіи. Его антипатіи къ послѣдней имѣютъ источникъ не только социальный, но и политическій. Это она своимъ оппортунизмомъ помогла декабрьскому перевороту, это она своей безнравственностью и эгоистической черствостью облегчила пруссакамъ разгромъ своего отечества.

Вредныя слѣды режима Наполеона III были видны даже при водвореніи другого строя.

Однако, несмотря на непріятныя слѣды эти, все-таки Салтыкову тогдашняя Франція нравилась. Не мало страницъ у него посвящено Парижу, и на каждой страницѣ запечатлѣны самыя живыя симпатіи автора къ этому городу.

Мы приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ его описаній Парижа.

«Чистый городъ, свѣтлый, свободно двигающійся и, главное, врагъ той немотивированной, граничащей съ головной болью мизантропіи, которая такъ упорно преслѣдуетъ человѣка въ Берлинѣ.

«Самый угрюмый, самый больной человѣкъ и тотъ непременно отыщетъ доброе расположеніе духа и какое-то сердечное благоволеніе, какъ только очутится на улицахъ Парижа, а въ особенности на его истинно-сказочныхъ бульварахъ. Представьте себѣ иностранца, выброшеннаго сегодняшнимъ утреннимъ поѣздомъ въ Парижъ, человѣка одинокаго, не имѣющаго здѣсь ни связей, ни знакомствъ,—право, кажется, и онъ не найдетъ возможности соскучиться въ своемъ одиночествѣ. Солнце веселое; воздухъ веселый; магазины, рестораны, сады, даже улицы и площади—все веселое. Я никогда не могъ себѣ представить, чтобъ можно было ощущать веселое чувство при видѣ площади; но, очутившись на Place de Concorde, по истинѣ убѣдился, что ничего невозможнаго нѣтъ на свѣтѣ.

«И тутъ же рядомъ, направо—веселый Тюльерійскій садъ съ веселыми группами дѣтей; направо—веселая масса зелени, въ которой, какъ въ мягкомъ ложѣ изъ мха, нѣжится кварталъ Елисейскихъ полей. Затѣмъ пройдите черезъ Тюльерійскій садъ, станьте спиной къ развалинамъ дворца и глядите впередъ, по направленію къ Arc de l'Etoile. Клянусь, глазъ не оторвете отъ этого зрѣлища. Какая масса пространства, воздуха, свѣта! И какъ все въ этой массѣ гармонически комбинировано, чтобъ громадность не переходила въ пустыню, чтобъ она не подавляла человѣка, а только пробуждала и поддерживала въ немъ веселую бодрость духа! Веселое солнце льетъ веселые лучи на макадамъ улицъ и еще веселѣе смотрится и играетъ въ витринахъ ресторановъ и магазиновъ...

«Прогулка по улицамъ Парижа, въ смыслѣ разнообразія, не уступаетъ прогулкѣ по любой выставкѣ. Каждая магазинная витрина представляетъ изящное сочетаніе красокъ и линій, удовлетворяющее самымъ прихотливымъ требованіямъ вкуса...

«Все кругомъ изящно, легко и, главное, весело. Прежде, чѣмъ глазъ пресытится всѣми этими удачными изяществами, какая возможность скукѣ проникнуть въ сердце даже одинокаго человѣка? А въ запасѣ еще музеи, галлерей, сады, окрестности, которые тоже необходимо осмотрѣть, потому что, кромѣ того, что все это въ высшей степени изящно, интересно и весело, но въ то же время и общедоступно.

«А потомъ—звуки. Нигдѣ вы не услышите такихъ веселыхъ, такъ сказать, натуральныхъ звуковъ, какъ тѣ, которые съ утра до вечера раздаются по улицамъ Парижа. *Les cris de Paris*—это цѣлая поэма, слагающая хвалу неистощимой производительности этой благословенной страны,—поэма, на каждый предметъ, на каждую подробность этой производительности отвѣчающая особымъ характернымъ звукомъ. И все это звуки коренные, свѣжіе, родившіеся на мѣстѣ, гдѣ-нибудь въ глубинѣ Бретани или Оверни (быть можетъ, поэтому-то они такъ и нравятся дѣтямъ) и оттуда перенесенные на улицы всемірной столицы...

«А вечеромъ весь Парижъ горитъ огнями—и бульвары и главныя улицы, которыя гудятъ, какъ пчелиный рой. Время отъ восьми до двѣнадцати самое веселое... Происходитъ во всей формѣ уличный рауть, веселый, красивый, живой. Разумѣется, тутъ скучать некогда».

Парижская улица даже тяжело больныхъ тянетъ къ себѣ отъ ихъ квартиръ и лекарствъ и дѣйствуетъ лучше всякаго «средствца». «Озлобленному она проливаетъ миръ въ сердце, негодующему—подаетъ исцѣленіе. И я навѣрное знаю, что не Лурдская Богоматерь это дѣлаетъ, а именно веселая парижская улица»—пишетъ Салтыковъ. (VIII. 128—132).

Очень привлекательными чертами обрисованъ у него парижскій рабочій.

«Нигдѣ не найдется болѣе ретиваго, спораго (или, какъ у насъ говорится, дошлаго) работника, какъ парижанинъ. Нѣмецъ работаетъ усердно, но точно во снѣ веревки въетъ; у парижанина работа горитъ въ рукахъ. Нѣчто подобное представляетъ русскій работникъ въ страдную пору, но вѣдь это ужъ мученикъ. Парижанинъ работаетъ много, но съ добрымъ духомъ и никогда не имѣетъ усталаго вида. Достаточно присмотрѣться къ прислугѣ любого отеля, чтобъ убѣдиться, какую массу работы можетъ сдѣлать человѣкъ, не утрачивая бодрости и не валя, какъ говорится, черезъ пень колоду». И, какъ наглядный примѣръ, онъ приводитъ гарсона отеля, въ которомъ ему пришлось остановиться. Этотъ гарсонъ начиналъ свою работу съ ранняго утра и продолжалъ ее до вечера, всюду поспѣвая и все дѣлая ловко и скоро. Кромѣ обычной службы, онъ исполнялъ еще комиссіи жильцовъ и дѣлалъ это, гуляя. «И никогда я не видалъ его унылымъ или замученнымъ, а ужъ объ трезвости нечего и гово-

рять: такую работу не совершенно трезвый человекъ ни подь какимъ видомъ не выполнитъ», прибавляетъ М. Е.

«Мысль о трудѣ,—говоритъ онъ дальше о парижскомъ рабочемъ,—уже не застаётъ его врасплохъ. Зато каждый моментъ, который ему удастся урвать у работы, онъ уже всецѣло считаетъ своимъ и отдастъ его безпечности, фланированію и веселью.

«Три предмета проходятъ черезъ всю жизнь парижскаго ouvrier: работа, веселье и отъ времени до времени... революція. Все это онъ умѣетъ дѣлать чрезвычайно ловко, скоро, горячо, но отнюдь не безтолково!» (VIII, 132—133).

Въ «Пошехонской Старинѣ» Салтыковъ рассказываетъ про одну помѣщицу, французенку по происхожденію. Она сначала была актрисой, потомъ сдѣлалась женой русскаго помѣщика. Эта помѣщица отличалась добротой души и человѣчнымъ отношеніемъ къ крестьянамъ.

«И когда объявлено было крестьянамъ освобожденіе, то и съ уставной грамотой Селина (такъ звали ее) первая въ уѣздѣ покончила, безъ жалобъ, безъ гвалта, безъ судовореній; что слѣдуетъ отдала, да и себя не обидѣла. Дворовыхъ тоже не забыла: молодыхъ распустила, не выжидая срока, старикамъ—выстроила избы, отвела огороды и назначила пенсію». (XII. «Пошехонская Старина», 12—13). Подобныя заботы о дворовыхъ въ періодъ освобожденія были явленіемъ очень рѣдкимъ. Огромное большинство помѣщиковъ въ то время отпускало дворовыхъ на всѣ четыре стороны, не считаясь съ ихъ возрастомъ и силами. Отпускали, конечно, безъ всего, что могло бы ихъ обезпечить. Разумѣется, не было никакихъ разговоровъ не только о пенсіяхъ, но и о пристанищѣ и о кровѣ.

Во многихъ мѣстахъ сочиненій нашего писателя мы можемъ найти замѣтки, въ той или другой степени касающіяся Франціи. И всюду въ этихъ замѣткахъ мы видимъ симпатію къ ней; эта симпатія у него была постоянной: съ юности и до старости.

Въ этомъ отношеніи онъ былъ далеко не одинокъ въ русской литературѣ.

Всѣ наши великіе люди, начиная съ Ломоносова, уже сознавали вредъ нѣмецкаго засилья, но вслѣдствіе ошибочнаго курса политики условія борьбы съ нѣмецкимъ вліяніемъ были неблагоприятны съ Петра I до Александра III.

Къ счастью, въ противовѣсъ вліянію нѣмцевъ уже со временъ Екатерины II на русское общество стала вліять Франція; ея вліяніе постепенно росло. Оно достигло значительной степени въ 20—40 годахъ XIX вѣка и уже съ тѣхъ поръ никогда не уменьшалось. Можно безъ преувеличенія сказать, что всѣмъ радостнымъ и свѣтлымъ, всѣмъ истинно-культурнымъ въ нашей общественной жизни мы обязаны Франціи, хотя бы взять великую реформу.

Наоборотъ, все, что было ужаснаго и кошмарнаго на Руси за ея петроградскій періодъ исторіи, все это пошло отъ нѣмцевъ, въ частности отъ Пруссіи. Настоящій національный подъемъ служитъ живымъ свидѣтельствомъ этого.

Мы упомянули о великой реформѣ, какъ благотворномъ результатѣ вліянія Франціи на русскую общественную мысль. Реформа эта осуществлена русскими государственными людьми и въ русскомъ національномъ духѣ.

Но идеи, положенныя въ основу ея, пришли къ намъ изъ Франціи. Оттуда съ второй половины XVIII вѣка немолчно звучалъ намъ зовъ къ справедливости и свободѣ.

Если Англию—другую великую нашу союзницу въ настоящей борьбѣ противъ «кнуто-германской», по выраженію М. А. Бакунина, опасности, противъ новаго Атилы,—можно назвать стражемъ и хранительницей свободы, то первую нашу союзницу, Францію, можно назвать пламенной проповѣдницей гуманности.

Была ли она имперіей, была ли республикой, она всегда стояла за угнетенныхъ, за великое дѣло общественной правды. Вспомнимъ, что первый, самый лучший проектъ освобожденія крестьянъ присланъ былъ нашему вольному экономическому обществу при Екатеринѣ II не кѣмъ инымъ, какъ французомъ Граселеномъ. Вспомнимъ, что чрезъ сто лѣтъ послѣ появленія проекта Граселена наша крестьянская реформа была осуществлена на его главныхъ основаніяхъ: освобожденіе съ землей въ общинномъ пользованіи. Историки крестьянскаго вопроса утверждаютъ категорически, что вліяніе Франціи на Россію въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ несомнѣнно.

Это мнѣніе раздѣляетъ и авторъ капитальнаго труда по крестьянскому вопросу В. И. Семевскій. Но еще болѣе опредѣленно по этому поводу говоритъ цитируемый имъ же другой русскій историкъ Н. И. Костомаровъ.

Въ рецензіи на книгу Кояловича «Исторія русскаго самосознанія» Костомаровъ пишетъ слѣдующее:

«Идея освобожденія крѣпостныхъ пришла къ намъ съ Запада, а именно изъ Франціи». («Вѣстникъ Европы», 1885 г., т. IV, стр. 874—876).

Благородныя идеи екатерининскаго «Наказа», послужившія руководствомъ при дальнѣйшемъ развитіи нашего законодательства,—идеи эти принадлежали другому великому французу Монтеスキе.

А что дали намъ нѣмцы?

Кромѣ безчисленныхъ канцелярій съ ихъ волокитой и формалистикой, они способствовали устройству знаменитой «тайной канцеляріи». Ихъ твореніями были и «бироновщина», и «аракчеевщина», и утонченныя секретныя пытки и шпицрутены. За спа-

сеніе своей независимости они платили Россіи черной неблагодарностью и недобросовѣтностью. Захвативъ подъ свою власть западное славянство, они много вѣковъ угнетаютъ его, многія племена славянъ ими истреблены, другіе на половину оцѣмечены.

Кто далъ змѣинный совѣтъ раздѣлить Польшу?—Нѣмцы.

Кто со временъ этого раздѣла посягалъ рознь и вражду между русскими и поляками?—Нѣмцы. Кто въ 1863 году толкнулъ оба эти народа въ борьбу?—Нѣмецкое правительство во главѣ съ тогдашнимъ «кайзеромъ» и Бисмаркомъ. Кто въ 1878 г. лишилъ Россію законныхъ плодовъ ея побѣдъ?—Тотъ же Бисмаркъ. Кто, наконецъ, поспорилъ насъ съ венгерцами и отравилъ ядомъ братоубійственной ненависти Болгарію?—Да все тоже нѣмцы и нѣмцы.

Такъ они благодарятъ славянъ за спасеніе Вѣны отъ Солимана Яномъ Собѣскимъ и за спасеніе нѣмецкой независимости отъ Наполеона Александромъ I. И вотъ верхъ благодарности!—наглый вызовъ Россіи и объявленіе ей войны.

Русскіе люди, которымъ дороги были интересы отечества, предвидѣли вредъ и каверзы, которыя въ будущемъ нѣмцы уготовятъ для Россіи. И теперь насталъ моментъ, когда эти каверзы стали для всѣхъ очевидны. Въ общемъ враждебномъ чувствѣ къ нѣмцамъ у насъ объединены были люди всѣхъ направленій: Скобелевъ, Самаринъ, И. С. Аксаковъ, и М. А. Бакунинъ, И. С. Тургеневъ, А. И. Герценъ и много другихъ славныхъ именъ, которыми гордится Русь. Къ числу этихъ людей относится и М. Е. Салтыковъ.

Выше былъ нами приведенъ изъ его книги «За рубежомъ» отвѣтъ русскаго нѣмцу въ фантастическомъ разговорѣ. Русскій упрекаетъ своего собесѣдника, что нѣмцы взяли насъ въ полонъ да и держатъ.

А вотъ что говорилъ Скобелевъ въ 1882 году въ Парижѣ депутаціи отъ сербскихъ студентовъ, поднесшей ему адресъ: «Мы не хозяева въ собственномъ домѣ. Чужеземецъ у насъ вездѣ. Рука его проглядываетъ во всемя. Мы игрушки его политики, жертвы его интригъ, рабы его силы... Если вы пожелаете узнать отъ меня, кто этотъ чужеземецъ, этотъ пролазъ, этотъ интриганъ, этотъ опаснѣйшій врагъ русскихъ и славянъ,—я назову его вамъ. Этотъ виновникъ—вы всѣ его знаете—это нѣмецъ. Я повторяю и прошу васъ никогда не забывать, что врагъ нашъ—это нѣмецъ».

Разгромивъ въ 1871 г. Францію, нѣмцы съ того же времени стали готовиться къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ, цѣлью которыхъ была теперь Россія. Сорокъ слишкомъ лѣтъ велась подготовка къ настоящей войнѣ. Европа боязливо присматривалась къ вооруженію Германіи и, чтобъ избѣжать опасности, также вооружалась волей-неволей. Народы всѣхъ странъ стонали подъ бременемъ милитаризма, только нѣмцы радовались.

III. О патриотизмѣ.

Великіе дни, переживаемые нами, являютъ примѣръ замѣчательнаго національнаго и политическаго единодушія въ Россіи.

Въ этомъ единодушіи залогъ грядущей побѣды. Врагъ нашъ при всей своей методической подготовкѣ, при всемъ многолѣтнемъ шпионажѣ и выслѣживаніи, все-таки этого факта единодушія общенационаго не учелъ, да и не могъ учесть. Россію нельзя не только измѣрить аршиномъ, но и понять умомъ.

Царственный корсиканецъ не могъ побѣдить Россію съ помощью своего гениальнаго ума. Полусумасшедшій Гогенцоллернъ, не обладающій и тысячной долей военныхъ талантовъ Бонапарта, судилъ о Россіи не иначе, какъ съ точки зрѣнія «аршина», т. е. грубо, схематически и поверхностно. Его доброжелатели (они же и шпионы) доносили ему, что завоевать Россію совѣмъ не трудно, такъ какъ, дескать, она разваливается отъ внутреннихъ беспорядковъ, она является ареной національной и гражданской борьбы и т. д. и т. д.

Но вотъ, только что оптимистически настроенный «кайзеръ» бросилъ Россіи вызовъ, какъ одинъ человекъ, встала она, чтобы дать достойный отвѣтъ надменному врагу. Вѣдь этотъ врагъ недавно хвалился прогнать русскихъ за Волгу или даже за Уралъ; онъ, подобно достойному свосму предку Аттилѣ, грозилъ Россіи опустошеніемъ ея всюду, гдѣ пройдетъ его конь.

Такого объединенія въ Россіи нашъ врагъ не ожидалъ встрѣтить, да не ожидали, можетъ быть, сами русскіе. И тѣмъ не менѣе это совершилось. Замолкли распри партійныя, національныя и классовыя. Предъ лицомъ общаго врага не стало ни лѣвыхъ, ни правыхъ, ни евреевъ, ни русскихъ—всѣ составили одинъ народъ Россійской имперіи, народъ, выступившій за правое дѣло.

Что совершило это чудо? Единственно любовь къ отечеству.

Она не могла бы проявиться такъ могущественно и полно, если бы не существовала потенціально въ сердцѣ гражданъ. А для этого чувства нѣтъ ограниченій классовыхъ, партійныхъ, національныхъ и религіозныхъ.

Оно свойственно всякому нормально-чувствующему и душевно-здоровому человѣку. Если до нынѣшней войны возможно было заблужденіе, что монополія патриотизма можетъ принадлежать только господствующей національности и только одной изъ ея партій, то теперь это заблужденіе, къ счастью, разсѣялось, и будемъ надѣяться, навсегда. Мы слышали изъ устъ гонимыхъ слова преданности отечеству, мы видѣли ихъ жертвы, ихъ готовность дѣлами доказать свои слова. Мы слышали въ Государственной Думѣ представителей русской демократіи, мы слышали рѣчь провинціальнаго рабочаго,—и всюду одно чувство.

Относительно демократическихъ теченій былъ предразсудокъ, что всѣ они космополитичны. Это происходитъ оттого, что, во-первыхъ, всѣ оттѣнки демократической мысли обыкновенно смѣшиваются въ одно и, во-вторыхъ, у насъ мало стараются вообще разбираться въ міровоззрѣніи общественныхъ и литературныхъ дѣятелей.

Существуетъ обывательскій взглядъ даже на такую крупную личность, какъ на Тургенева,—именно, что онъ космополитъ. А между тѣмъ этотъ человѣкъ, проведшій много лѣтъ въ Европѣ, вотъ что сказалъ о космополитизмѣ:

«Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись. Горе тому, кто это думаетъ,—двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится! Космополитизмъ—чепуха, космополитъ—нуль, хуже нуля; внѣ народности—ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ». («Рудинъ»).

То же самое могъ бы сказать и другой писатель земли русской—Салтыковъ. Много разъ въ своихъ произведеніяхъ онъ касается этой темы—любви къ отечеству. Мысль о родинѣ всегда вызывается въ немъ нѣжное чувство. Кажется, никто такъ внимательно не разсматривалъ вопроса о патриотизмѣ, не анализировалъ и не провѣрялъ такъ строго самаго понятія, обозначаемаго этимъ словомъ, какъ авторъ «Губернскихъ очерковъ».

Въ этомъ произведеніи мы читаемъ слѣдующее. «Я люблю эту бѣдную природу, можетъ быть, потому, что, какова она ни есть, она все-таки принадлежитъ мнѣ; она сроднилась со мной точно такъ же, какъ я сжился съ нею; она лелѣяла мою молодость, она была свидѣтельницей первыхъ тревогъ моего сердца, и съ тѣхъ поръ ей принадлежитъ лучшая часть меня самого. Перенесите меня въ Швейцарію, въ Индію, въ Бразилію, окружите какою хотите роскошною природой, накиньте на эту природу какое угодно прозрачное и синее небо, я все-таки вездѣ найду милые мнѣ сѣренькіе тоны моей родины, потому что я всюду и всегда ношу ихъ въ моемъ сердцѣ, потому что душа моя хранитъ ихъ, какъ лучшее свое достояніе». (III. «Губерн. оч.». 151—152).

Даже и тогда, когда его сатира бичуетъ безобразія окружающей жизни, писатель при обращеніи къ родинѣ смягчается, и тонъ его, несмотря на юмористическую форму выраженій, становится ласковымъ.

Въ «Сатирахъ въ прозѣ» есть такое обращеніе къ городу Глупову (аллегорическое обозначеніе): «Глуповъ, милый Глуповъ! Отчего надрывается сердце, отчего болитъ душа при одномъ упоминеніи твоего имени? Или есть невидимое, но крѣпкое нѣкоторое звено, приковывающее мою судьбу къ твоей, или ты подбросилъ въ питье мое зелья, которое безвозвратно приворожило меня къ тебѣ? Кажется, и не

пригожь ты, и не слишкомъ умень; нѣтъ въ тебѣ ни природы могучей, ни воздуха вольнаго; нищета, да убожество, да дикость, да насиліе... Плюнуть бы и пошелъ прочь! Анъ нѣтъ!.. Странная какая-то тутъ творится штука... Уйдешь отъ тебя—плачешь: чувствуешь, что вдругъ становишься словно не самимъ собою!» (II. «Сатиры въ прозѣ». Къ читателю. 320).

Въ другомъ мѣстѣ сатирикъ, также аллегорически называя родину «Пошехоньемъ», говорить о ней:

«Все мнѣ въ этой странѣ родственно и достолюбезно. Дороги мнѣ и зыбучіе ея пески, и болота, и хвойные лѣса (увы! нынѣ значительно порѣдѣвшіе); но въ особенности милъ населяющій ее людъ, простодушный, смиренный, слегка унылый, или, лучше сказать, какъ бы задумавшійся надъ разрѣшеніемъ какой-то непосильной задачи...

«Бывали минуты, когда пошехонская страна приводила меня въ недоумѣніе; но такой минуты, когда бы сердце мое перестало болѣть по ней, я рѣшительно не запомню. Бѣдная эта страна,—ее надо любить». (X. «Пошехонскіе рассказы». 450—451).

Салтыкову часто приходилось выслушивать обвиненія въ индифферентизмѣ, въ отсутствіи патріотизма. Опровергая эти обвиненія, онъ говоритъ такъ:

«Я люблю Россію до боли сердечной и даже не могу помыслить себя гдѣ-либо, кромѣ Россіи.

«Только разъ въ жизни мнѣ пришлось выжить довольно долгій срокъ въ благорастворенныхъ заграничныхъ мѣстахъ, и я не упомяну минуты, въ которую сердце мое не рвалось бы къ Россіи. Хорошо тамъ, а у насъ... Положимъ, у насъ хоть и не такъ хорошо... но, представьте себѣ, все-таки выходитъ, что у насъ лучше. Лучше потому, что больнѣй. Это совсѣмъ особенная логика, но все-таки—и именно логика любви. Вотъ этотъ-то культъ, въ основаніи котораго лежитъ сердечная боль, и есть истинно-русскій культъ. Болитъ сердце, болитъ, но и за всѣмъ тѣмъ всеминутно къ источнику своей боли устремляется». (VI. «Убѣжище Монрепо». 419).

До сихъ поръ рѣчь шла о любви писателя къ Россіи, теперь перейдемъ къ его опредѣленію понятія, что такое патріотизмъ и что такое отечество, т. е. къ вопросамъ общаго характера.

«Отечество есть тотъ таинственный, но живой организмъ, очертанія котораго ты не можешь отчетливо для себя опредѣлить, но котораго прикосновеніе къ себѣ ты непрерывно чувствуешь, ибо ты связанъ съ этимъ организмомъ непрерывною пуповиной. Онъ, этотъ таинственный организмъ, былъ свидѣтелемъ и источникомъ первыхъ впечатлѣній твоего бытія; онъ надѣлилъ тебя способностью мыслить и чувствовать; онъ создалъ твои привычки, далъ тебѣ языкъ, вѣрованія, литературу, онъ обогрѣлъ и пріютилъ тебя, словомъ сказать, сдѣлалъ изъ тебя существо, способное жить». (Ib. 484).

Въ «Признакахъ времени», въ той же статьѣ, которую мы не разъ цитировали выше («Сила событій») относительно любви къ отечеству Салтыковъ говоритъ такъ:

«Идея, согрѣвающая патріотизмъ,—это идея общаго блага. Какими бы тѣсными предѣлами мы ни ограничивали дѣйствія этой идеи, все-таки это единственное звено, которое приобщаетъ насъ къ извѣстной средѣ и заставляетъ насъ радоваться такими радостями и страдать такими страданіями, которыя во многихъ случаяхъ могутъ затрагивать насъ лишь самымъ отдаленнымъ образомъ. Воспитательное значеніе патріотизма громадно: это школа, въ которой человѣкъ развивается къ воспринятію идеи о человѣчествѣ» (VII, 179).

Далѣе въ этой же статьѣ слѣдуетъ изложеніе мыслей о необходимости развитія сознательнаго и свободнаго патріотизма. Любовь къ отечеству бываетъ истинной и плодотворной только тогда, когда она укрѣплена и просвѣтлена сознательнымъ отношеніемъ къ родинѣ, когда она возникаетъ не въ силу начальственныхъ предписаній, а зарождается и возрастаетъ естественно и свободно, въ силу внутренней духовной дисциплины, свойственной человѣку развитому. «Въ его глазахъ отечество не просто безсвязный агрегатъ селеній, городовъ, сословій и т. д., а цѣльный и живой организмъ, въ которомъ каждая пядь территоріи защищаетъ и питаетъ слѣдующую пядь». (Ib., 183).

«Патріотизмъ болѣе, нежели всякое другое проявленіе человѣческаго духа, находится въ зависимости отъ воспитанія и навыка... Насъ не могло не поражать спокойствіе и чувство собственнаго достоинства, которое приноситъ съ собой, напримѣръ, англичанинъ или американецъ всюду, гдѣ бы онъ ни появился, но мы приписывали эти свойства интимнымъ особенностямъ расы и успокаивались на этомъ объясненіи... Но такая замкнутость расовыхъ особенностей слишкомъ противорѣчитъ идеѣ человѣческаго прогресса, чтобы можно было примириться съ нею... Вліяніе расовыхъ особенностей въ извѣстныхъ случаяхъ ослабѣваетъ и уступаетъ мѣсто вліянію воспитанія. Недостатокъ этого послѣдняго объясняетъ всѣ проявленія дикаго фанатизма съ одной стороны и презрѣнной приниженности съ другой. И хвастливость, и приниженность одинаково свидѣтельствуютъ, что человѣкъ, обладающій однимъ изъ этихъ качествъ, никогда не ощущалъ себя дѣятельнымъ членомъ общества, а, слѣдовательно, никогда не могъ возвыситься до идеи, что общество, независимо отъ своей развитости или неразвитости, есть организмъ, настолько сильный, что выдержитъ всякую правду и съ презрѣніемъ отнесется къ хвастливости и приниженности». (Ib., 192). «Идея отечества одинаково для всѣхъ плодотворна. Честнымъ она внушаетъ мысль о подвигѣ, безчестныхъ предостерегаетъ отъ множества гнусностей, которыя безъ нея, несомнѣнно, были бы совершены». (VI. «Убѣж. Монр.», 487).

Истинный патриотизм чуждъ, слѣдовательно, какъ шовинистической хвастливости и національнаго самодовольства на мотивъ «Deutschland über Alles», такъ и недостойнаго смиренія, доходящаго до національнаго самооплеванія, какъ это бываетъ у «русскихъ гулящихъ людей», которыхъ Салтыковъ назвалъ однажды «желудочно-половыми космополитами», а также у нѣкоторыхъ щеголяющихъ «западничествомъ» духовныхъ скопцовъ, принадлежащихъ къ типу Смердякова. Но, кромѣ самохвальства съ одной стороны и самооплеванія съ другой, есть еще одинъ отрицательный признакъ, дающій возможность отличить истинный патриотизмъ отъ ложнаго.

Этотъ признакъ—лицемѣріе.

Салтыкову приходилось пережить такую эпоху, когда патриотическое лицемѣріе сыграло злую шутку съ государствомъ.

Много разъ вспоминаетъ М. Е. о 50-хъ годахъ, о времени Крымской войны. Въ это время весьма многіе чиновники, помѣщики и купцы, бѣя себя въ грудь, громко вопіяли со слезами о любви къ отечеству, прославляли защитниковъ Севастополя, благословляли ополченцевъ, отправлявшихся на театръ войны. А сами поставляли солдатамъ негодныя ружья, гнилые сухари и картонныя подошвы. Вотъ такого «патриотизма» не могъ терпѣть и уважать другъ народа.

Въ «Пошехонской Старинѣ», описывая невѣжество дворянъ и безсодержательность ихъ духовной жизни, онъ говоритъ:

«Я знаю, что мнѣ могутъ сказать, что бывали историческіе моменты, когда идея отечества вспыхивала очень ярко и, проникая въ самыя глубокія захолустья, заставляла биться сердца. Я отнюдь и не думаю отрицать этого. Какъ бы ни были мало развиты люди, все же они не деревянные, и общее бѣдствіе способно пробудить въ нихъ такія струны, которыя, при обычномъ теченіи дѣлъ, совсѣмъ перестаютъ звучать.

«Я еще засталъ людей, у которыхъ въ живой памяти были событія 1812 года и которые разказами своими глубоко волновали мое молодое чувство. То была година великаго испытанія, и только усиліе всего русскаго народа могло принести и принесло спасеніе. Но не о такихъ торжественныхъ моментахъ я здѣсь говорю, а именно о тѣхъ будняхъ, когда для усиленнаго чувства нѣтъ повода. По моему мнѣнію, и въ торжественныя години и въ будни идея отечества одинаково должна быть присуща сынамъ его, ибо только при ясномъ ея сознаніи человѣкъ пріобрѣтаетъ право назвать себя гражданиномъ. Двѣнадцатый годъ—это народная эпопея, память о которой перейдетъ въ вѣка и не умретъ, покуда будетъ жить русскій народъ. Но я былъ личнымъ свидѣтелемъ другаго историческаго момента (войны 1853—1856 г.), близко напоминавшаго собой двѣнадцатый годъ, и могу сказать утвердительно, что въ со-

рокалѣтній промежутокъ времени патріотическое чувство, за недостаткомъ питанія и жизненной разработки, въ значительной мѣрѣ потускнѣло.

«У всѣхъ въ памяти кремневая ружья съ выкрашенными деревянными чурками вмѣсто кремней, картонныя подошвы въ ратническихъ сапогахъ, гнилое сукно, изъ котораго строилась ратническая одежда, гнилые ратническіе полушубки и проч.» (XII, 379).

Въ «Благонамѣренныхъ рѣчахъ» въ статьѣ «Тяжелый годъ», посвященной эпохѣ Крымской войны, нашъ писатель нарисовалъ типичную картину вакханаліи жульничества, хищничества и грубаго эгоизма лживыхъ и лицемѣрныхъ людей, безсовѣстно обирающихъ казну и солдатъ и въ то же время говорящихъ о патріотизмѣ.

Въ 1856 году Салтыковъ составилъ «Записку о государственномъ ополченіи». Передъ тѣмъ (въ 1855 г.) онъ, по порученію министерства внутреннихъ дѣлъ, производилъ ревизію тверского и владимирскаго комитетовъ ополченія.

Слѣдовательно, ему пришлось на дѣлѣ ознакомиться съ изнанкой мнимаго патріотизма. И. С. Аксакову казались противными тѣ, которые, колотя себя въ пустыя груди, кричали о любви къ Россіи. Не менѣе противны они и для Салтыкова.

Къ сожалѣнію, «западническая» предубѣжденность противъ славянофиловъ, оставшаяся еще отъ 40-хъ годовъ, мѣшала Салтыкову оцѣнить важность славянофильскаго міросозерцанія.

А между тѣмъ у народничества, представителемъ котораго являлся Салтыковъ, и у славянофильства были общіе пункты. Взять хотя бы отношеніе къ нѣмцамъ и къ петроградскому періоду русской исторіи, въ которомъ нѣмцы играли видную роль. Всѣмъ извѣстенъ взглядъ славянофиловъ на этотъ вопросъ, а вотъ что пишетъ Салтыковъ: «Всегда эта страна (рѣчь идетъ о Россіи) представляла собою грудь, о которую разбивались удары исторіи. Вынесла она и удѣльную поножовщину, и татарщину, и московскіе идеалы государственности, и петербургское просвѣтительное озорство и закрѣпощеніе. Все выстрадала и за всѣмъ тѣмъ осталась загадочною»... (VIII. «За рубежомъ», 181).

Приведенныя нами отдѣльныя мѣста сочиненій Салтыкова по вопросамъ, касающимся современныхъ событій, свидѣтельствуетъ не только о томъ, что онъ былъ вдумчивымъ и гениально проницательнымъ наблюдателемъ дѣйствительности, но и о томъ, что онъ является однимъ изъ великихъ проповѣдниковъ русскаго національно-общественнаго самосознанія.

П. А. Сербариновъ.

УЖАСЫ ГОРОДА ¹⁾.

(Изъ повседневныхъ исторій)

Очерки.

V.

Въ злыхъ вихряхъ.

1.

СТАТКОВЪ записался въ ряды чиновниковъ, какъ и большинство молодыхъ людей. Ученье ради диплома, дипломъ—для поступленья на государственную службу, а эта послѣдняя—съ цѣлью получить оклады, кормиться,—вотъ обычная программа, которой онъ и придерживался съ довольно откровеннымъ цинизмомъ, не стараясь сколько-нибудь даже опозитивировать свои житейскія намѣренія. Разумѣется, удары судьбы не заставили себя долго ждать, такъ какъ счастье, повидимому, не давалось въ руки. Прежде всего пошатнулись дѣла отца, горнаго инженера, вошедшаго въ невыгодную сдѣлку съ пріѣзжимъ иностранцемъ-прожекторомъ; потомъ недоставало того, что необходимо по службѣ,—ни умѣнья угождать, ни вліятельныхъ знакомствъ или важныхъ родственниковъ; въ концѣ концовъ отсутствовалъ самый интересъ къ роду

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СXXXVII, стр. 113.

занятій, которымъ посвятилъ себя Остатковъ. Все это вмѣстѣ взятое создавало мертвый узелъ, запутавшій его съ головой и не дававшій выхода къ чему-либо лучшему, свѣтлому... Между тѣмъ сама натура изощрялась, развивались вкусы, появлялись желанія, требующія значительныхъ тратъ.

Вѣнцомъ неудачъ Ефимъ Львовичъ считалъ необдуманную женитьбу на дѣвушкѣ, ушедшей отъ него въ первый же мѣсяцъ.

Оба ошиблись, предполагая найти богатство...

Послѣ откровеннаго объясненія имъ оставалось только разойтись въ разныя стороны, что они и сдѣлали съ большой выдержкой, какъ опытные актеры, разыгравшіе назначенныя роли.

Казеннаго содержанія съ архаическими подраздѣленіями на жалованье, столовыя, квартирныя и разъѣздныя не хватало, и Остатковъ, потерявшій вѣру въ самого себя и въ свою трудоспособность, а также въ полезность тѣхъ работъ, которыя ему пришлось исполнять по долгу службы, сталъ задумываться, искать разныхъ способовъ къ обогащенію, не замѣчая, что катится внизъ, все дальше и дальше уходя отъ того, къ чему стремился подняться.

Азартъ держалъ его, какъ въ тискахъ. Минутныя удачи смѣнялись полосой полного отчаянія, когда безуспѣшно ставится на карту послѣдній рубль. Все отлетало тогда отъ сердца; душа пустѣла; оставался одинъ какой-то бессмысленный, холодный гнѣвъ, тонушій во мракѣ...

Жизнь? Смерть?

Нѣтъ, это былъ тяжелый сонъ души, потерявшей вѣру въ солнце... Робкій шагъ отдѣлялъ Ефима Львовича отъ самоубійства. Острый приступъ проходилъ, и возобновлялось все сызнова, по-старому.

«Я былъ во власти злыхъ вихрей», такъ объяснялъ себя Остатковъ пережитыя ощущенія.

Однажды въ какую-то тревожную, бессонную ночь, въ глубокую осень, когда минувшее воскресало въ памяти и апатія уступала мѣсто леденящему ужасу, словно подъ ногами уже открывалась зіяющая бездна и не было иного выхода, кромѣ паденія,—его ослѣпила странная, неожиданная мысль. Онъ даже вскочилъ и сѣлъ на кровать, удивляясь, что ему раньше не приходило это въ голову.

«Надо найти... Кажется, такъ просто—взять и найти!.. Мало ли что роняютъ! Теряютъ деньги, драгоценности и на громадныя суммы. Въ театрахъ, на балахъ, на гуляньяхъ, въ вагонахъ... въ церквахъ... Это статистика показываетъ. И многое совсѣмъ пропадаетъ, неизвѣстно гдѣ... Подчасъ и хозяева не объявляются, забываютъ. Милліонеръ какой-нибудь... Ну, что ему стоитъ потерять тысячу-другую! Онъ и не вспомнить о нихъ... развѣ скарעדъ какой... А мнѣ пригодится... Съ міру по ниткѣ. Нужно ходить, толкаться

повсюду и присматриваться, глядѣть въ землю, выискивать повсюду взглядомъ, не зѣвать по сторонамъ, сосредоточиваться на одной мысли, не забывать, что надо, — непременно надо найти, и, главное, не показывать и виду, что ищешь, а то обратятъ вниманіе. Кругомъ дошлый народъ, оборотистый, можетъ, также высматриваетъ гдѣ что плохо лежитъ, соперникъ, значить, по ремеслу. Если увидишь, нужно наклониться спокойно, съ достоинствомъ, какъ за своимъ, не проявлять радости... Тренировка нужна... Нужно выработать каждое движеніе... И тутъ безъ школы не обойдешься. Если потерялъ кошелекъ какой-нибудь бѣднякъ (сейчасъ можешь догадаться, съ кѣмъ имѣешь дѣло), — тогда... тогда я верну, конечно, заявлю въ полицію, откажусь отъ вознагражденія. Ницій — свой братъ... Но съ богатыми, съ толстосумами, съ прожектерами разными... О, я съ ними не поцеремонюсь! Утаю и укорять себя не буду. Совѣсть меня не замучить. Знаю я ихъ хватки! Отольются кошкѣ мышкены слезки!.. Тысячники!..»

И онъ потрясъ кулакомъ въ воздухъ, посылая кому-то въ неопредѣленную даль накинѣвшее въ груди проклятье.

Потомъ опять улегся, завернулся въ одѣяло и притворился спящимъ, хотя такъ до утра и не могъ уснуть.

Съ этой ночи Остатковъ сталъ особенно скрытенъ, озабоченъ, чаще прежняго опаздывалъ въ департаментъ, иногда совѣмъ не появлялся и, ссылаясь на болѣзнь, уходилъ раньше положеннаго срока.

Его нерѣдко видѣли то тамъ, то тутъ среди публики, но почти всегда одного, а если кто-нибудь присоединился къ нему, онъ спѣшилъ отдѣлаться незначашей фразой и распрощаться. Товарищи считали его чудакомъ и недолюбливали за рѣзкость и необщительность.

2.

Было одиннадцать часовъ утра, а между тѣмъ на улицахъ стоялъ полумракъ.

Въ глубокой мертвой тишинѣ взадъ и впередъ какъ-то растерянно мелькали проходящіе. Неожиданно подкравшійся туманъ засталъ ихъ врасплохъ. Точно надвигалось и окружало ихъ что-то невѣдомое, страшное.

Въ магазинахъ послѣшно зажигались огни. Дымъ изъ трубъ тянулся блѣдными клубами, прибавляя къ общей невеселой картинѣ еще лишній, грустный штрихъ.

Мгла продолжалась довольно долго и трудно дышалось. Гдѣ-то въ верхнихъ воздушныхъ слояхъ, высоко надъ городомъ проносился вихрь. Вслѣдствіе этого и внизу, надъ самыми улицами, съ каждой минутой все больше и больше сгущался пронизывающій туманъ въ странныхъ темно-желтыхъ тонахъ.

Наконецъ съ одной стороны небо стало какъ будто немного проясняться,—проглядывалъ янтарный разсвѣтъ, медленно разливающійся въ молочныхъ сумеркахъ. Оттѣнки безпрестанно мѣнялись, и вотъ уже зеленоватый отливъ охватилъ широкую полосу кругозора. Затѣмъ сразу рѣзко вспыхнулъ серебристый свѣтъ. Туманъ разсѣялся. Городъ опять принялъ прежній видъ дѣловаго, чиновнаго, и только поозже, часамъ къ тремъ, на горизонтѣ снова заиграли непривычныя янтарно-золотистые цвѣта, словно отражая еще гдѣ-нибудь далеко пролетающій вихрь.

Остатковъ, занимавшій въ департаментѣ удобное мѣсто у окна, выходящаго на улицу (единственное преимущество, которымъ онъ пользовался на службѣ), не отрываясь, смотрѣлъ на всѣ эти перемѣны красокъ.

Его тонкое, нервное лицо носило печать утомленія.

Остаткову смѣло давали сорокъ лѣтъ, хотя недавно ему исполнилось тридцать два.

Навязчивая дума, забота о чемъ-то такъ и сквозили въ каждомъ его движеніи.

Онъ не былъ красивъ, не былъ замѣтенъ съ перваго взгляда; при болѣе же внимательномъ наблюденіи производилъ впечатлѣніе человѣка совсѣмъ незауряднаго, но стѣсненнаго обстоятельствами, можетъ быть, непонятаго или попавшаго не въ тѣ условія жизни, для какихъ былъ созданъ или готовился, во всякомъ случаѣ—обманутаго надеждами, не избалованнаго судьбой, пожалуй, даже несчастнаго.

Когда въ канцеляріи окончательно стемнѣло, сторожъ Оома, не спѣша, досталъ со шкапа лампы, обтеръ слегка рукавомъ форменнаго сюртука насѣвшую пыль, медленно соединилъ ихъ съ выключателями и зажегъ.

Освѣщенія не полагалось съ марта, но неожиданныя атмосферическія явленія, не предусмотрѣнныя хозяйственной смѣтой, разумѣется, требовали исключительныхъ мѣръ.

— Опять зима!—сказалъ одинъ изъ восьми, сидѣвшихъ въ комнатѣ, и въ голосѣ его прозвучала тоска.

— Декадентская ночь или декадентское утро,—отвѣтилъ другой, любившій необыкновенныя сравненія и щеголявшій передъ товарищами модными, хотя нерѣдко избытыми словечками:—вмѣсто ожидаемыхъ бѣлыхъ ночей какое-то черное утро... Гдѣ же тутъ заниматься!.. Лондонская погода... Пфе!..

— Остатковъ избралъ благую часть,—дѣлаетъ метеорологическія наблюденія. Послѣдую его примѣру,—вставилъ замѣчаніе третій и съ шумомъ отодвинулъ тяжеловѣсный стулъ древняго фасона съ кожанымъ сидѣньемъ.

Остатковъ не шелохнулся, будто замеръ.

Волокна тумана словно пронизывали его насквозь, овладѣвали его мыслями, окутывая сѣдыми нитями, и въ душѣ становилось такъ пусто, холодно, точно что-то утрачивалось, ускользало.

Онъ, наконецъ, съ усиленіемъ оторвался отъ окна и, молча, посмотрѣлъ на Берестовскаго, стоявшаго рядомъ въ позѣ любопытнаго зрителя, потомъ спросилъ его сухимъ, недовольнымъ голосомъ, по временамъ какъ бы обрывающимся:

— Вы когда-нибудь находили, ну, вещь какую, деньги?.. Э?.. Находили?.. Почему вы такъ удивленно смотрите на меня?.. Я васъ спрашиваю, Владимиръ Всеволодовичъ, находка какая-нибудь случалась у васъ въ жизни?

Онъ говорилъ быстро, торопливо, и глаза сверлили Берестовскаго, какъ буравчикомъ. Тотъ даже заморгалъ и поморщился.

— Я васъ не понимаю, Ефимъ Львовичъ, совершенно-таки не понимаю, на что вы намекаете? Какая такая находка?

Остатковъ провелъ рукой по лбу, какъ бы стараясь отогнать назойливые вопросы, и процѣдилъ съ дѣланной улыбкой, стараясь казаться спокойнымъ:

— Нѣтъ, это я прочелъ въ газетахъ какъ-то на дняхъ... Публиковали о потерѣ портфеля съ процентными бумагами. Вѣдь, выпадаетъ же на долю иныхъ... вдругъ найти цѣлое состояніе! Нѣкоторымъ изумительно везетъ.

— М-да, конечно! Только по закону-то находку надо вернуть собственнику. Нашедшій вознаграждается, если пожелаетъ, одною третью стоимости,—неувѣренно возразилъ Берестовскій, бросая косой взглядъ на сосѣда.

Трудно было рѣшить, жалѣлъ ли онъ собственника, теряющаго третью часть, или того, кто долженъ былъ возвратить двѣ трети.

— Далеко не всякій возвращаетъ, возьметъ и скроетъ, и съ него взятки гладки. Э? Что вы думаете?

Разговоръ привлекъ и другихъ собесѣдниковъ.

— Не забывайте, что за присвоеніе, за утайку—строгая кара... Ужъ не ссылка ли въ мѣста не столь отдаленныя? Давно учили...

— Нѣтъ, нѣтъ, это слишкомъ! Хватили куда! Да вотъ сейчасъ... сейчасъ... Дайте-ка «Уголовное уложеніе»... мм... статья... статья... 573-я. Смыслъ такой: виновный въ присвоеніи найденнаго имъ или забытаго у него чужого имущества, хозяинъ коего во время учиненія присвоенія былъ виновнику неизвѣстенъ, наказуется денежною пеней не болѣе тройной стоимости имущества, но не свыше трехсотъ рублей, или аресту на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ... Вотъ, если ему во время присвоенія было извѣстно, что хозяинъ разыскивается именно эту вещь, тогда, батюшка, тюрьма до полугода...

— По-моему, это то же воровство,—вскричалъ Берестовскій, неустойчивый въ убѣжденіяхъ:—не годится пользоваться закон-

нымъ вознагражденіемъ. Съ какой стати! Вознагражденіе за честность—позоръ! А, впрочемъ, разъ на разъ не приходится.

Остатковъ не высказывалъ мнѣній. Онъ лишь бросалъ искру, разжигалъ и спокойно прислушивался къ чужимъ разговорамъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Служащіе были рады отвлечься отъ скучныхъ бумагъ, пока не пробѣжалъ рысцой раскраснѣвшійся Тома съ толстой папкой. Это означало, что пріѣхалъ начальникъ установленія.

Всѣ опять размѣстились по своимъ кѣткамъ, какъ фигуры на шахматной доскѣ, сообразно занимаемому положенію.

Воцарилось молчаніе.

На улицѣ опять посвѣтлѣло, и лампы были потушены.

Туманъ и бесѣда изъ области уголовного права значительно сократили однообразный департаментскій день.

Передъ уходомъ со службы Остатковъ попридержалъ въ швейцарской Берестовскаго, съ которымъ находился въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, чѣмъ съ прочими.

— Вы будете сегодня у Лелиныхъ?—спросилъ онъ съ удареніемъ, какъ показалось Владимиру Всеволодовичу.

— А что тамъ?

И по лицу молодого человѣка пробѣжала тревога, точно воскресла передъ глазами старая обида или гдѣ-то въ тайникахъ души смутно зашевелилась забытая страсть.

Берестовскій былъ моложе Остаткова года на четыре и казался еще совсѣмъ юношей.

«Фаустъ и Мефистофель»—иначе о нихъ не говорили, когда видѣли вмѣстѣ въ интимныхъ бесѣдахъ. У нихъ всегда бывали какія-то дѣла.

Сослуживцы увѣряли, что дѣла денежные, такъ какъ Остатковъ постоянно нуждался, а Берестовскій принадлежалъ къ зажиточной купеческой семьѣ и ни въ чемъ себѣ не отказывалъ.

Ефимъ Львовичъ смѣрилъ его острымъ, горящимъ взоромъ, готовымъ проникнуть въ самые затаенные уголки сердца, и усмѣхнулся.

— Еще спрашиваете!.. Прикидываетесь красной дѣвицей... Э? Карты, конечно, будутъ, послѣдній вечеръ въ этомъ сезонѣ. Лелины уѣзжаютъ за границу. Даже неудобно, если вы не заглянете. Вдругъ словно обрѣзали. Развѣ они виноваты, что тотъ рыжакъ не отдалъ вамъ карточного долга? Проигралъ и куда-то исчезъ...

— У нихъ игорный домъ, что ли? Пять разъ былъ тамъ и не выяснилъ сомнѣній.

Остатковъ сдѣлалъ недовольную гримасу, но сдержался.

— Сейчасъ «игорный домъ»!.. Просто играютъ, по знакомству, вмѣсто того, чтобы шляться по клубамъ. Вы любите фразы, мой милый. Приходите.

Берестовскій колебался, но Ефимъ Львовичъ хорошо зналъ, чѣмъ можно сломить его упрямство.

— Лиза Хрѣновичъ будетъ.

Сказаль и прищурился.

Владимиръ Всеволодовичъ почти сдается. Это свыше его силъ.

«Все равно, куда ни шло!» думаетъ онъ и общается бытъ. Онъ заранѣе убѣжденъ, что проиграетъ, что Остатковъ начнетъ играть на его счетъ, но воспоминаніе о Хрѣновичъ—какое-то больное, жгучее воспоминаніе,—какъ желѣзнымъ обручемъ, охватываетъ его мысли, и онъ съ явной ненавистью подаетъ руку назойливому сослуживцу.

— До вечера.

— До вечера,—глухо повторяетъ Владимиръ Всеволодовичъ.

Онъ ненавидитъ себя въ эту минуту за неумѣнье поставить на своемъ, за отсутствіе воли, но подчиняется слабости и не старается побѣдить ее.

3.

Берестовскій маленькими, осторожными шагами взбирался по лѣстницѣ, устланной краснымъ бархатнымъ ковромъ, готовый каждую минуту вернуться. Онъ потому не поднялся и на лифтѣ, чтобы не преграждать себѣ пути къ побѣгу съ полдороги, о чемъ подумываль.

Когда онъ стоялъ въ нерѣшительности на площадкѣ четвертаго этажа, сверху уже явственно долетали звуки рояля и чье-то пѣніе.

«Это она аккомпанируетъ, какъ и тогда», промелькнуло у него въ мысляхъ, и Владимиръ Всеволодовичъ не думаль больше о возвращеніи домой.

«Вы мной играете, я вижу;
Забавно вамъ меня терзать...»

слышалъ онъ у самыхъ дверей и позвонилъ дрожащей рукой.

Миловидная горничная, молча, встрѣтила его съ готовой улыбкой.

Ему бросились въ глаза—гора шапокъ и шляпъ, вѣшалка, нагруженная шубами, пальто, кофточками, а изъ гостиной, между тѣмъ, неслась и разливалась горячая волна звуковъ:

«Хоть мало общаго межъ нами,
Но я васъ все-таки люблю!
Я васъ люблю всей силой страсти,
А вы смѣйтесь надо мной!..»

Онъ тихо вошелъ, раскланялся, не могъ сразу сообразить, гдѣ хозяйка.

Мебель изъ дымчатой березы съ инкрустаціями, картины, незнакомыя лица, цвѣты, музыка и пѣнье, все это какъ-то ошеломило его разнообразіемъ впечатлѣній.

«Конечно, Лиза Хрѣновичъ аккомпанируетъ»,—и Берестовскому вдругъ стало весело и легко на душѣ. Тутъ только онъ замѣтилъ Лелину на угловомъ диванчикѣ съ какимъ-то артиллеристомъ, который нашептывалъ ей что-то смѣшное.

Ея красивое, чувственное лицо сіяло отъ удовольствія.

— А, рѣдкій гость!—привѣтствовала она Берестовскаго и протянула ему полную, выхоленную руку, унизанную кольцами и браслетами:—вы знакомы, господа? Познакомьтесь! У меня, если не забыли, безъ церемоній, какъ дома. Кто хочетъ—поетъ, кто—разговариваетъ, танцуетъ... Стѣсненій никакихъ. Вашъ товарищъ давно тутъ, безпокоится... и все за картами... Терпѣть не могу карты! Не лучше ли въ теплой бесѣдѣ...—и ея взглядъ съ лаской скользнулъ по артиллеристу.

Среди общества, размѣстившагося въ гостиной, росло оживленіе. Всѣ, видимо, чему-то радовались, веселились; то звонкій смѣхъ, то тихій говоръ, мелодія вальсовъ и романсовъ, взаимно дополняя другъ друга, сливались, разъединялись, то замирали или переходили въ одну какую-нибудь едва уловимую нотку.

Берестовскаго быстро подхватили, увлекли. Явились знакомые незнакомцы, которыхъ онъ какъ будто раньше не встрѣчалъ, но они уже знали его, помнили, и онъ почувствовалъ себя среди нихъ почти пріятелемъ.

Онъ и самъ почти не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, какъ очутился въ столовой, за чашкой чаю, рядомъ съ Хрѣновичъ, бойкой, изящной, сумѣвшей быстро овладѣть его настроеніемъ. На правахъ подружки хозяйки («она—это вторая я»,—сказала о ней Лелина), Хрѣновичъ подливала ему коньякъ и угощала ананаснымъ вареньемъ и птифурами.

Бесѣда велась въ беззаботномъ тонѣ, казалась какой-то шипучкой, малосодержательной, но увлекающей. По временамъ въ глазахъ Лизы (съ прозрачной синевою воды) Берестовскому мерещились смутныя, загадочныя обѣщанія... Владимиръ Всеволодовичъ готовъ былъ просидѣть съ ней цѣлый вечеръ; но вотъ въ дверяхъ безмолвно выросла темная фигура Остаткова съ лихорадочно-горящимъ взоромъ и торчащими въ беспорядкѣ, рѣдкими, сѣдьющими волосами, что придавало ему особенно болѣзненный видъ, и вдругъ словно оборвалось что-то въ груди, и Берестовскому опять стало не по себѣ, какъ при сегодняшнемъ разговорѣ съ нимъ въ департаментѣ.

Хрѣновичъ тоже перемѣнилась, точно вспомнила что-то.

— Стыдно, батюшка! Жду васъ, жду, какъ условились, а вы носа не кажете. Пойдемте же! Вы такъ тутъ увлеклись, что даже съ хозяиномъ не пришли поздороваться. Э? Что?..

— Ахъ ты, Господи! Заговорился... Я, вѣдь, еще не былъ въ кабинетѣ... Пришелъ прямо сюда, ей-Богу... Да тамъ играютъ, должно быть? Не хотѣлось бы мѣшать. Пускай окончатъ сперва.

— Не дождетесь, голубчикъ,—отозвалась вдругъ Хрѣновичъ, ловя пристальный взглядъ Остаткова:—давайте вашу руку. Я принесу вамъ счастье... Игра полируетъ кровь, встряхиваетъ человѣка.

«И прошлый разъ повела, и теперь тоже ведетъ... на закланіе.... И тогда *«сулила счастье, но счастья дать мнѣ не могла»*, невольно вспомнились ему среди размышленія слова стариннаго романа.

Они быстро прошли черезъ гостиную, гдѣ уже кружились двѣ-три пары, и подъ конвоемъ Остаткова повернули въ большой, просторный кабинетъ, такъ же отдѣланный въ новѣйшемъ стилѣ, какъ и прочія комнаты.

Кольца и змѣйки голубоватаго дыма отъ сигаръ и папиросъ наполняли его точно осеннимъ туманомъ.

Вокругъ карточнаго стола съ четырьмя электрическими свѣчами сидѣло и стояло довольно много народа,—главнымъ образомъ мужчины, но попадались и дамы. Играющіе и любопытные смѣшались, переживая рождественныя волненія.

Золото нѣжно звенѣло, таяло и снова возвращалось, будто играя въ прятки съ людьми, которыхъ по ошибкѣ, по недоразумѣнію принимало за дѣтей.

Бренчали, грубо позвякивая, серебряные рубли, тусклые и однообразные, какъ сѣрые, непривѣтливые дни, въ которые они зарабатывались подчасъ въ нуждѣ и лишеніяхъ; они отбѣяли увѣренную, ровную красоту червонцевъ, говорящихъ о роскоши, объ удобствахъ, о наслажденіяхъ.

Здѣсь не здоровались и не прощались, не говорили о постороннихъ предметахъ, забывали «политику», партійныя разногласія и нападки на бюрократію. У каждаго или, по крайней мѣрѣ, у многихъ была своя «система», построенная на теоріи вѣроятности либо на собственномъ опытѣ, и всякій слѣдилъ за падающими картами, какъ за полетомъ судьбы.

Берестовскій подъ руку съ Лизой Хрѣновичъ двинулся было къ Лелину, крупному, бритому толстяку съ тройнымъ подбородкомъ, но тотъ небрежно кивнулъ ему, смѣривъ разсѣяннымъ, прозрачнымъ взоромъ и, вѣроятно, не узнавъ его, но, какъ свѣтскій человѣкъ, сейчасъ спохватился и прибавилъ:

— Виноватъ, у насъ горячка... Пожалуйста, пристройтесь пока къ кому-нибудь. Вотъ здѣсь пріемъ... Я беру... комплектъ,—и пухлой рукой съ громаднымъ брильянтовымъ перстнемъ потянулъ къ себѣ горсть золотыхъ.

Остатковъ, нашедшій на коврѣ оброненный кѣмъ-то червонецъ, забытый въ сутолокѣ азарта, поднялъ его и безъ смущенія немедленно поставилъ, но проигралъ.

Ему сегодня совсѣмъ не везло. У него ничего больше не оставалось въ карманѣ, и онъ рѣшительно подошелъ къ Берестовскому, все еще болтавшему съ Хрѣновичъ.

— Будемте играть пополамъ. Мы навѣрно выиграемъ. Я нынче спустил порядочно и остался безъ копейки.

Ефимъ Львовичъ хотѣлъ быть развязнымъ и подь маской безразличія старательно скрывалъ внутреннюю сердечную бурю, но это плохо ему удавалось.

— Въ самомъ дѣлѣ поиграйте! Я подожду васъ,—украдкой шепнула Хрѣновичъ и лукаво подмигнула.

Остатковъ надвинулся на Владимира Всеволодовича и почти вскрикнулъ:

— Да, полно же бабиться! Стоить ли раздумывать о пустякахъ! Все чушь и чепуха... Э?—и онъ потянулъ его къ столу съ притворной шутливостью.

— Да вотъ и мѣсто освободилось,—сказалъ Лелинъ, вдругъ узнавшій Берестовскаго, и пожалъ ему руку съ пріятной улыбкой, которая слегка скрадывала плотоядное выраженіе широкаго, мясистаго рта.

Хрѣновичъ уже исчезла куда-то, и Владимиръ Всеволодовичъ покорился, уныло усаживаясь за столъ.

Его влекло и въ гостиную, откуда доносились веселые звуки рояля и оживленные молодые голоса, и карты будто начинали соблазнять,—пугали и соблазняли.

Онъ обернулся.

За спиной неподвижно стоялъ Остатковъ, притаившійся, какъ жадный волкъ у близкой добычи.

— Ставьте, господа, ставьте... Я сію минуту мечу,—послышался первый окрикъ банкмета:—заложено сорокъ рублей.

Въ глазахъ у Берестовскаго зашевелились тузы, девятки, различные денежные знаки, неестественно сосредоточенныя лица понтеровъ.

Какой-то суевѣрный игрокъ безпрестанно постукивалъ коронаціоннымъ рублемъ и при каждой ставкѣ таинственно произносилъ фантастическое заклятье:

— Фаталитэ!

Владимиръ Всеволодовичъ совершенно машинально что-то вынималъ изъ бумажника, ставилъ, снова вынималъ, тасовалъ карты, срѣзывалъ, слышалъ возгласы: «жиръ!» объявлялъ «маленькій отвѣтъ», какъ подсказывалъ ему Ефимъ Львовичъ, и, наконецъ, придвинулъ къ себѣ кучу скомканныхъ бумажекъ и червонцевъ.

— Баста!.. Я ни въ какомъ случаѣ больше не играю,—вскричалъ онъ рѣшительнымъ тономъ съ явнымъ облегченіемъ и всталъ, удивляясь собственной рѣшимости.

— Позвольте, однако,—замѣтили кто-то высокимъ фальцетомъ:— обыграли и заканчиваете... Этакъ... этакъ у насъ не принято.

Но Лелинъ строго на него посмотрѣлъ и покачалъ головой.

— Мы никого не неволимъ... О, второй часъ! Не хотите ли отужинать?... Потомъ опять сразимся. Утро вечера мудренѣе, хе-хе-хе...

Нѣкоторые двинулись къ дверямъ, съ шумомъ отодвигая стулья; другіе остались докуривать. Берестовскій подводилъ итоги.

— Вы мнѣ должны половину изъ вашего выигрыша, мы, вѣдь, играли пополамъ,—обратился къ нему Остатковъ и потянулся къ деньгамъ.

У Владимира Всеволодовича закипѣло въ груди. Онъ рѣдко сердился, но все-таки это случалось и тогда жалко было на него смотрѣть.

— Я проигралъ свыше четырехсотъ, а здѣсь всего сто восемьдесятъ два. Значить, еще вы мнѣ должны, собственно говоря,— отвѣчалъ онъ, выждавъ паузу, и голосъ его дрогнулъ.

Ефимъ Львовичъ наклонился къ нему вплотную и обдалъ горячимъ дыханіемъ съ запахомъ табаку и пива.

— Ну, давайте хоть взаймы, если я ничего не выигралъ... по-вашему. Прошу васъ, какъ товарища... Не откажите ужъ... До завтра.

Берестовскій не сразу овладѣлъ собой и смотрѣлъ на него широко открытыми глазами, отодвигаясь все дальше и дальше.

— Вотъ вамъ четвертная, но мы отнынѣ не товарищи. Пропустите меня. Вы мнѣ... отвратительны...

Въ гостиной уже никого не было. Зато въ столовой жизнь кипѣла ключомъ.

Онъ незамѣтно, крадучись, вышелъ въ переднюю, тихонько разыскалъ пальто, мѣховую шапку и, выскочивъ на лѣстницу, жадно вздохнулъ.

«Кончено! Эта Хрѣновичъ тоже изъ ихъ шайки, а я еще имѣлъ глупость считать ее жертвой! *Жертва вечерняя*... Какъ все пошло на свѣтѣ!»

Прохладная мартовская ночь съ легкимъ морозцемъ пронизывала его и отрезвляла отъ удушливаго карточного кошмара; но въ голову лѣзли невеселыя мысли по поводу случая съ Остатковымъ:

«Неужели столичая жизнь такъ можетъ испортить, искалѣчить? Человѣка обходить по службѣ, не даютъ ему двигаться,—человѣка относительно образованнаго, полезнаго, и онъ, вмѣсто того, чтобы подняться, выбиться, падаетъ и падаетъ, спускается на дно, теряетъ надежду и гибнетъ... Стало-быть, эта жизнь только съ одного конца хороша, гдѣ почетъ да слава, а съ другого—хуже ворога лютаго, засосетъ въ тину и—поминай, какъ звали. Я обо-

шелся съ нимъ черезчуръ сурово... по-чиновничьи обошелся, какъ сухой формалистъ. Не тащили жъ меня, самъ прѣхаль и вдругъ въ амбицію ударился, донъ-Кихотомъ прикинулся... Омерзительная, гадкая у меня душошка!..»

Онъ шелъ до самой своей квартиры пѣшкомъ.

Слегка порывался снѣжокъ. Хмурое небо, оловянное, было сродни его тяжелымъ, неутѣшительнымъ думамъ.

В. Умановъ-Каплуновскій.

(Окончание съ слѣдующей книжечкѣ).

МИРНОЕ ЗАВОЕВАНІЕ МЕРВА.

(Изъ воспоминаній о походѣ генерала А. В. Комарова въ 1885 г.).

СѢМЪ извѣстны и многимъ еще памятны обстоятельства, при которыхъ въ началѣ 80-хъ годовъ вспыхнуло и быстро распространилось по Судану и Верхнему Египту возстаніе мусульманскаго проповѣдника, выдававшего себя за «Махди»¹⁾. Египетскіе гарнизоны и отряды, даже тѣ, которые находились подъ командой европейскихъ офицеровъ, были уничтожены, городъ Хартумъ осажденъ и взятъ, его защитникъ знаменитый генералъ Гордонъ умерщвленъ, п англичане, шедшіе ему на выручку, разбиты.

Въ 1887 году, когда мнѣ привелось путешествовать по Египту, махдисты, предавъ громадную и богатую страну огню и мечу и отторгнувъ ее отъ общечеловѣческой культуры, владѣли не только всѣмъ Суданомъ, но и долиной Нила вплоть до Вади-Хальфы.

Только по прошествіи многихъ лѣтъ англо-египетскимъ войскамъ удалось, при затратѣ огромныхъ средствъ и силъ, завоевать обратно Суданъ и уничтожить возникшее тамъ махдистское царство. Однако и это случилось лишь послѣ кончины перваго «Махдія»—Магомета-Ахмета.

¹⁾ Махди или «имамъ Махди»—ожидаемый мусульманами пророкъ, изъ потомковъ Магомета, имѣеть возстановить вѣру, довершить дѣло Магомета, обратить невѣрныхъ и раздѣлить справедливо всѣ блага земли. По преданію ислама, появленіе Махдія «хуруджъ» должно произойти въ послѣдніе годы передъ концомъ міра.

А в т.

Но мало кто знаетъ, что въ это же время, въ 1883 году, соотвѣтствовавшемъ 1300 году мусульманскаго лѣтосчисленія, когда яркая комета, долго державшаяся надъ горизонтомъ Ближняго и Средняго Востока, взволновала суевѣрныхъ туземцевъ, а наступленіе новаго столѣтія гиджры оживило среди мусульманъ ожиданіе Махдія, — махдистское движеніе началось и въ Средней Азіи.

Центромъ его былъ Мервъ, тогда еще независимая разбойничья туркменская область, а инициаторомъ — таинственная личность, скрывавшая свое имя подъ названіемъ «Сіяхъ-Пушъ», т. е. черноризецъ.

Этотъ человекъ обладалъ удивительнымъ личнымъ обаяніемъ и сумѣлъ подчинить своей волѣ часть мервскихъ туркменъ. Дѣятельность его находилась въ связи съ происками извѣстнаго претендента на афганскій престолъ Эюбъ-хана, разбившаго англичанъ при Майвандѣ и проживавшаго въ 1883 году въ Хорасапѣ. Къ веснѣ же 1884 года Сіяхъ-Пушъ соткалъ на политической и на религіозной почвѣ, выдавая себя за намѣстника (найба) Махдія, цѣлую сѣть интригъ, которая все болѣе и болѣе угрожала миру.

Къ общему благополучію, съ этимъ фазисомъ стараній Сіяхъ-Пуша совпало случайно, если въ исторіи есть случайности, занятіе Мерва русскими войсками.

Это мирное завоеваніе было вызвано именно назрѣвшей необходимостью обезпечить спокойствіе, безопасность и культурное развитіе мѣстностей, прилегающихъ къ нашей, только что образованной Закаспійской области.

При движеніи небольшого отряда генерала А. В. Комарова къ Мерву для введенія тамъ, по желанію большинства населенія, русскаго управленія сторонники Сіяхъ-Пуша произвели, по его наущенію, два, впрочемъ, не удавшихся, нападенія на русскихъ, а въ промежутокъ между этими нападеніями наши ахаль-текинскіе милиціонеры нанесли пораженіе сборищу непокорныхъ мервцевъ.

Когда выяснился неуспѣхъ Сіяхъ-Пуша и его послѣдователей, мѣстные туркмены схватили и самого Сіяхъ-Пуша и главнѣйшихъ преданныхъ ему лицъ и привели всѣхъ ихъ, въ мартѣ 1884 года, въ русскій лагерь.

Этимъ было пріостановлено дальнѣйшее кровопролитіе и были, несомнѣнно, предотвращены бѣдствія, которыя если бы и не сравнялись, по ужасу, съ суданскими, все же вызвали бы ненужныя страданія и замедлили бы осуществлявшееся русскими окончательное замиреніе Средней Азіи.

Я находился при отрядѣ генерала Комарова въ качествѣ гостя Александра Виссаріоновича, слѣдую изъ Петербурга, гдѣ я служилъ предъ тѣмъ первымъ секретаремъ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ, въ Ташкентѣ, для занятія должности чиновника особыхъ

порученій по дипломатической части при туркестанскомъ генераль-губернаторѣ.

Съ разрѣшенія тогдашняго директора азіатскаго департамента И. А. Зиновьева, глубокаго знатока средне-азіатскихъ дѣлъ и блестящаго организатора тогдашней русской средне-азіатской политики, я направился въ Туркестанъ черезъ Закаспійскую область и черезъ крайне интересныя въ то время смежныя съ ней персидскія и туркменскія владѣнія, въ томъ числѣ и черезъ Мервъ, предполагая добраться затѣмъ до Ташкента черезъ Бухару.

Послѣ ареста Сіяхъ-Пуша я, по просьбѣ генерала Комарова, снялъ показанія съ самого агитатора и съ его сообщниковъ и выяснилъ, насколько это оказалось возможнымъ, личность и роль этого довольно необычнаго человѣка. Попутно открылось немало любопытныхъ обстоятельствъ, которыя я отмѣтилъ въ своей записной книжкѣ, на ряду съ другими подробностями похода. Съ тѣхъ поръ минуло 30 лѣтъ. «Мервскій вопросъ», нѣкогда столь острый и угрожавшій европейскому миру, отошелъ въ область исторіи. Его политическое значеніе изложено въ изданной нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ первой по времени русской Оранжевой книгѣ ¹⁾.

Выдающіяся заслуги генерала А. В. Комарова (скончавшагося въ 1904 году) въ рѣшеніи этого вопроса упомянуты,—къ сожалѣнію, слишкомъ кратко,—въ юбилейномъ изданіи, появившемся по случаю 25-лѣтія боя на рѣкѣ Кушкѣ ²⁾.

Участіе въ присоединеніи Мерва ротмистра Алиханова и его наблюденія надъ дѣятельностью мервцевъ и Сіяхъ-Пуша ³⁾ описаны имъ подробно и образно въ «Вѣстникѣ Европы» по поводу двадцатой годовщины этого событія ⁴⁾.

¹⁾ «Афганское разграниченіе, переговоры между Россіей и Великобританіей 1872—1885 гг.». Изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ. Петербургъ. Типографія Суворина. 1886. Стр. 20—34.

²⁾ «Бой на Кушкѣ 18-го марта 1885 года и территориальныя приобрѣтенія въ царствованіе императора Александра III, съ портретомъ А. В. Комарова». Петербургъ. Электро-типографія Н. Я. Стойковой, 1910 г. Стр. 7—9. При Кушкѣ А. В. Комаровъ разбилъ на голову значительно сильнѣйшій афганскій отрядъ, наступавшій въ занятую русскими Южную Туркменію. А в т.

³⁾ Алихановъ (Али-ханъ-Аварскій) кавказскій мусульманинъ, офицеръ, замѣчательно даровитый и предприимчивый, былъ въ 1870 годахъ адъютантомъ кавказскаго намѣстника. Разжалованный за дуэль, онъ перешелъ на службу въ Закаспійскій край, былъ командированъ ген. Комаровымъ въ Мервъ для переговоровъ о присоединеніи этой области къ Россіи и за заслуги въ этомъ дѣлѣ былъ вознагражденъ возвращеніемъ ему чиновъ и орденовъ и назначеніемъ начальникомъ Мервскаго округа. Въ бою при Кушкѣ Алихановъ командовалъ кавалеріей отряда генерала Комарова, 20 лѣтъ спустя былъ убитъ революціонерами на Кавказѣ, въ званіи временнаго генераль-губернатора, въ 1906 году. А в т.

⁴⁾ «Вѣстникъ Европы», сентябрь и октябрь 1904 г. «Закаспійскія воспоминанія 1881—1886».

Я желалъ бы теперь, въ качествѣ очевидца, дополнить рассказъ Алиханова нѣкоторыми личными воспоминаніями о бытовой сторонѣ похода въ Мервъ и занятія этой области отрядомъ генерала Комарова.

I.

Я пріѣхалъ въ Красноводскъ 1-го января 1884 года.

Въ тотъ же день почти за тысячу верстъ отъ этой тогдашней нашей базы на восточномъ берегу Каспійскаго моря въ Мервѣ «генгешъ», или собраніе хановъ, старшинъ и уполномоченныхъ

Крѣпость Мервъ. Южный фасъ.

всѣхъ родовъ и колѣнъ мервскаго народа, постановилъ добровольно принять русское подданство.

Мотивы и обстоятельства этого событія изложены подробно въ упомянутой выше «Оранжевой книгѣ» и въ «Закаспійскихъ воспоминаніяхъ Алиханова».

Я узналъ объ этомъ рѣшеніи отъ генерала Комарова, когда пріѣхалъ въ Асхабадъ. Путь туда шель въ то время сначала паромомъ до Михайловскаго залива, гдѣ на песчаномъ и безводномъ островѣ Узунъ-Ада начинался головной участокъ нынѣшней Средне-Азіатской желѣзной дороги ¹⁾.

¹⁾ Этотъ участокъ простирался въ то время отъ моря только до Кызыль-Арвата, перваго ахаль-текинскаго оазиса, на протяженіи около двухсотъ верстъ. Тутъ рельсы были положены черезъ сыпучіе пески въ первый разъ въ исторіи генераломъ Анненковымъ во время похода генерала Скобелева въ Геокъ-Тепе, въ 1880—81 годахъ.

Далѣе я воспользовался батальонными лошадьми, любезно высланными мнѣ начальникомъ области. Почтовыхъ станцій тогда не было, и телеграфъ изъ Россіи доходилъ только до Асхабада.

Тамъ я узналъ также отъ генерала Комарова, что изъ Петербурга получено разрѣшеніе принять мервцевъ въ русское подданство и что на дняхъ ожидается въ Асхабадъ депутація мервскихъ хановъ и старшинъ для принесенія присяги государю императору. Послѣ этого генераль Комаровъ предполагалъ самъ двинуться съ отрядомъ въ Мервь для введенія тамъ новаго управленія и предложилъ мнѣ слѣдовать въ Мервь вмѣстѣ съ нимъ, обѣщавъ помочь мнѣ пройти затѣмъ одному, черезъ пески Каракумъ, на Чарджуи, въ Бухару.

Всѣ эти извѣстія меня глубоко обрадовали прежде всего потому, что они давали надежду на мирное и вполне соответствующее русскимъ интересамъ рѣшеніе мервскаго вопроса, трудность котораго ясно сознавалась въ Петербургѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ показалось чрезвычайно привлекательной возможность побывать при такихъ благоприятныхъ условіяхъ и безотлагательно въ Мервѣ, таинственной области, слывшей «Царицей Міра» (Шахъ-И-Джеханъ), о которой предприимчивый британскій корреспондентъ О'Донованъ, рискуя жизнью и просидѣвъ довольно долго въ плѣну въ Мервѣ, только что, въ 1882 году, обнарудовалъ новѣйшія и очень сенсаціонныя извѣстія.

Присутствовавъ на присягѣ мервскихъ уполномоченныхъ, я выѣхалъ 9-го февраля изъ Асхабада въ Хорасанъ, условившись съ генераломъ Комаровымъ присоединиться къ нему не позже 22-го февраля въ Карры-Бентъ.

Эта «Старая Плотина» находилась на рѣкѣ Тедженѣ и тамъ, какъ въ крайнемъ пунктѣ русскихъ владѣній въ сторону Мерва, былъ расположенъ съ декабря 1883 года тотъ небольшой сторожевой отрядъ, съ которымъ генераль Комаровъ предполагалъ занять Мервь.

Я направился въ Хорасанъ черезъ не обследованный еще Гауданскій переваль, черезъ который вьючная тропа вела изъ Асхабада въ городъ Кучанъ. Другой переваль черезъ тотъ же пограничный хребетъ Копеть-Дагъ—именно Давандскій—былъ уже пройденъ, но найденъ неудобнымъ П. М. Лессаромъ.

Этотъ впослѣдствіи извѣстный дипломатъ, совѣтникъ посольства въ Лондонѣ и посланникъ въ Пекинѣ, былъ тогда еще инженеромъ путей сообщенія и производилъ изысканія для шоссеиныхъ и желѣзныхъ дорогъ къ востоку отъ Асхабада, состоя въ распоряженіи начальника Закаспійской области. Послѣ взятія Геокъ-Тепе Скобелевымъ, Лессаръ въ 1881 году прошелъ съ нивелиромъ въ Афганістанъ до города Герата. При этомъ П. М. Лессаръ сдѣлалъ географическое открытіе исторической важности.

Наше поколѣніе учили, что Закаспійская степь отдѣляется отъ Гератской равнины естественной гранью—снѣговымъ хребтомъ Паранамизомъ, а Лессаръ доказалъ, что такого хребта вовсе нѣтъ, что главный переваль изъ Закаспійской области къ Герату, называемый Карванъ-Ашанъ, возвышается всего на нѣсколько сотъ футовъ надъ уровнемъ моря, и что изъ Асхабада въ Гератъ можно бы проѣхать въ коляскѣ.

Обнаруженное такимъ образомъ отсутствіе естественной преграды вдоль сѣверо-западной окраины Афганистана заставило великобританское правительство начать переговоры съ петербургскимъ кабинетомъ объ установленіи въ упомянутой мѣстности, а затѣмъ и далѣе на востокъ, вполне точной договорной границы между русской и англійской сферами вліянія.

Лессаръ, перешедшій въ 1885 году на службу въ дипломатическое вѣдомство, посвятилъ этому дѣлу все свои силы и лучшіе годы своей жизни.

Ему удалось провести искомую пограничную черту отъ рѣки Теджена до Памира и тѣмъ положить основаніе послѣдующему дружественному культурному существованію Россіи и Англій въ Азій.

Лессаръ, будучи въ Петербургѣ осенью 1883 года, много помогъ мнѣ своимъ опытомъ и добрымъ совѣтомъ, когда я обзаводился палаткой, вьюками и всемъ необходимымъ для предстоящаго мнѣ продолжительнаго зимняго похода. Самъ Павелъ Михайловичъ вернулся въ Асхабадъ незадолго передъ моимъ выступленіемъ отсюда и вскорѣ направился въ Карры-Бентъ и Мервъ съ генераломъ Комаровымъ.

Гауданскій переваль оказался очень высокимъ (мой anerоидъ опускался до цифры 7.200 футовъ). Онъ былъ покрытъ глубокимъ снѣгомъ, какъ и Давандскій переваль, черезъ который я, для сравненія, возвратился въ Закаспійскую область. Однако впослѣдствіи то шоссе, которое теперь соединяетъ Асхабадъ съ Хорасаномъ, было проведено черезъ Гауданскій переваль, какъ все-таки наиболѣе удобный по своей профили для проложенія колеснаго пути ¹⁾.

Въ округахъ Кучанъ и Дерезезъ, находящихся въ этой части Хорасана, существовало тогда еще полунезависимое отъ шаха правленіе мѣстныхъ наслѣдственныхъ губернаторовъ «ильханіевъ». Народъ былъ очень бѣденъ. Русскихъ товаровъ почти не встрѣчалось, а въ сельскихъ мѣстностяхъ видѣлись всюду слѣды обычныхъ туркменскихъ разбойничьихъ набѣговъ «аламановъ», къ прекращенію которыхъ русское правительство настойчиво стремилось. Я видѣлъ также на каждомъ шагу признаки возрожденія этихъ

¹⁾ На дняхъ по этому пути прослѣдовалъ изъ Асхабада въ Мешхедъ первый автомобиль.

мѣстностей къ нормальной экономической жизни. Заброшенные оросительные каналы «кяризы» возобновлялись, къ старымъ пашнямъ прибавлялись новыя. Земледѣльцы работали спокойно на поляхъ, еще испещренныхъ небольшими глинобитными башенками, въ которыхъ туземцы скрывались — какъ суслики въ свои норы — при появлении аламанщиковъ.

Мой проводникъ, старый туркменъ, по имени Паша-Сердаръ, знаменитый разбойникъ, перешедшій на службу къ русскимъ, говаривалъ не безъ горечи: «Вотъ идутъ персіяне намъ навстрѣчу. Въ прежнее время — то ли дѣло — руки за спину и въ Мервъ, въ плѣнъ. Теперь даже женщины сняты на крышахъ», то есть на открытомъ воздухѣ, не боясь похищенія туркменами.

Когда осенью 1883 года шайки мервскихъ туркменовъ совершили новыя набѣги на восточный Хорасанъ, генералъ Комаровъ и выдвинулъ въ Карры-Бентъ, для обузданія разбойниковъ, упомянутый выше отрядъ. При такихъ обстоятельствахъ, добровольное подчиненіе Мерва русской власти должно было знаменовать не только для Туркменіи, но и для Хорасана начало новой эры экономического расцвѣта, безопасности и мира.

Спустившись съ высоты Копеть-Дага въ оазисы Атека, я прибылъ съ переводчикомъ, слугою и двумя вьючными лошадьми, сопровождаемый, для почета, двумя казаками, въ Карры-Бентъ 22-го февраля. Послѣдній переходъ въ 74 версты безъ воды отъ селенія Каахка былъ очень тяжелый.

Рѣка Тедженъ, перепруженная у Карры-Бента, образуетъ тутъ небольшой оазисъ, съ пашнями и садами, за которыми сама рѣка теряется въ пескахъ. Около воды были размѣщены 4 роты Закаспійской стрѣлковой бригады, 2 сотни кавказскихъ казаковъ, взводъ ахаль-текинскихъ милиціонеровъ и 4 маленькихъ горныхъ орудія на колесахъ столь стариннаго образца, что они практическаго значенія не имѣли. Численность всего отряда не превышала 1.500 человекъ.

Генералъ Комаровъ и его небольшой штабъ жили въ кибиткахъ¹⁾, около которыхъ помѣщались обыкновенно палатки Лессара и моя.

Погода стояла ясная, свѣжая. Но днемъ солнце припекало, и я надѣлъ на фуражку бѣлый чехоль.

Жизнь въ лагерѣ была спокойная. Заканчивались приготовленія къ продолженію безводнаго перехода въ 110 верстъ до Мерва. Я часто бесѣдовалъ о политикѣ и о многихъ иныхъ вопросахъ съ А. В. Комаровымъ, пользуясь его гостепрѣимствомъ и ободренный его душевной и симпатичной встрѣчей. Чѣмъ болѣе я знакомился съ этимъ высококультурнымъ и разнообразно-одареннымъ человекомъ, тѣмъ болѣе проникался я уваженіемъ къ его европейски-из-

¹⁾ Туземная войлочная переносная жилища, имѣющія видъ полушарія.

вѣстнымъ научнымъ познаніямъ (по энтомологіи, археологіи и нумизматикѣ), которыя сочетались въ немъ съ боевыми качествами стараго кавказца, такъ доблестно выказанными имъ черезъ годъ при Кушкѣ. По вечерамъ у генерала обыкновенно составлялась партія въ винтъ.

Приказомъ по отряду выступленіе въ Мервъ было назначено на 25-е февраля, въ восемь часовъ утра.

Наканунѣ, сыгравъ обычные три робера, я только что вернулся въ свою палатку и надѣвалъ доху и валенки, чтобы лечь спать, когда ко мнѣ явился ординарецъ Александра Виссаріоновича и доложилъ, что генераль проситъ меня къ себѣ.

Оказалось, что нарочный джигитъ (конный милиціонеръ) привезъ генералу Комарову изъ Мерва письмо отъ Алиханова. Въ письмѣ этомъ Алихановъ, командированный въ Мервъ для подготовленія его занятія нашимъ отрядомъ, доносилъ, что вслѣдствіе проповѣди муллы Сіяхъ-Пуша въ Мервѣ вспыхнуло возстаніе, и что до 5.000 вооруженныхъ туркменовъ подъ предводительствомъ Каджаръ-хана ¹⁾ рѣшили напасть на русскій отрядъ у первой воды по пути къ Мерву.

Генераль прочелъ мнѣ письмо Алиханова и пожелалъ узнать мое мнѣніе о положеніи. Оно казалось мнѣ незавиднымъ, но разногласія о томъ, что дѣлать, быть не могло.

Конечно, карры-бенгскій отрядъ былъ рассчитанъ на мирное занятіе оазиса, а не на борьбу съ какой-либо частью его населенія, доходившаго въ общемъ до 400,000 душъ. Впереди—110 верстъ безводнаго пути. Въ тылу — болѣе трехсотъ верстъ степи до Асхабада, гдѣ, впрочемъ, находилось тогда всего два батальона. Очевидно, наша сила заключалась не въ числѣ штыковъ, а въ обаяніи русскаго имени, запечатлѣнномъ среди туркменовъ недавнимъ взятіемъ Скобелевымъ Геокъ-Тепе. Было ясно, что мервцы могли бы уничтожить нашъ отрядъ даже безъ нападенія открытой силой. Для этого имъ было достаточно сжечь мѣстные запасы фуража и зернового хлѣба, откочевать со стадами въ степь и дѣйствовать на наши сообщенія съ Асхабадомъ.

Но «генгешъ» 1-го января явился, несомнѣнно, выраженіемъ серьезнаго рѣшенія большинства населенія оазиса обезпечить свою будущность подчиненіемъ русской власти.

Важно было сохранить въ глазахъ туземцевъ обаяніе, при собственное русскою силѣ, и для этого было необходимо и достаточно показать мервцамъ воочию, что всякія ихъ демонстраціи для генерала безразличны и не могутъ замедлить ни на одинъ часъ движенія отряда. Такъ генераль Комаровъ и рѣшилъ поступить.

¹⁾ Вліятельный и честолюбивый старшина мервскаго племени Бахши.

Дальнѣйшій ходъ событій показаль, какъ правильно онъ оцѣнилъ положеніе и какъ послѣдовательно и успѣшно онъ держался усвоенной имъ тактики.

22-го февраля, въ 8 часовъ утра отрядъ, принявъ надлежащія мѣры военной предосторожности, выступилъ изъ Карры-Бента въ Мервь.

II.

Первый переходъ былъ назначенъ, по маршруту, въ 28 верстѣ. Какъ переходъ, такъ и ночлеги—безъ воды. При отрядѣ было 155 верблюдовъ. Изъ нихъ половина везли воду для питья людей и лошадей и для варки пищи. Путь пролегалъ по песчаной равнинѣ, уже покрытой травой, которая превращаетъ каракумскіе пески въ теченіе весеннихъ мѣсяцевъ въ превосходное пастбище. Топлива, въ видѣ разныхъ кустарниковъ, было вдоволь. Мѣстами держалась еще вода отъ снѣга и дождей въ глинистыхъ углубленіяхъ почвы, называемыхъ «каакъ».

Отъ 12 до 3 часовъ былъ приваль. Въ 6 часовъ вечера мы пришли на ночлеги. Пѣхота подошла къ 10 часамъ. Вечеромъ въ лагерѣ стрѣлки пѣли хоровыя пѣсни. По этому поводу туркмены говорили переводчику генерала Комарова Таирову: «Шли цѣлый день и теперь пѣсни поютъ; съ такими людьми ничего не подѣлаешь».

Посланный отъ Сары-хапа, начальника ближайшаго мервскаго племени сычмазъ, прибылъ въ лагерь, чтобы просить генерала предупредить о времени своего прибытія въ мервскій оазисъ, для устройства встрѣчи.

Извѣстія изъ Мерва хорошія. День былъ свѣжій, слегка пасмурный. Такая же, только лунная ночь. Въ палаткѣ тепло и уютно.

На слѣдующій день, послѣ безводнаго перехода въ 18 верстѣ отрядъ остановился на ночь у заброшеннаго оросительнаго канала Кумъ-ябъ, съ дождевой водой, въ двухъ верстахъ отъ развалинъ старинной бухарской или хивинской крѣпости Куланъ-Рабатъ.

Лессаръ дѣлалъ съемку пути съ помощью одометра. То было первое колесо, прошедшее до Мерва, такъ какъ здѣсь до прибытія русскихъ все перевозилось на вьюкахъ и даже арбы (азиатскія двуколки) не были извѣстны. Не было вообще дорогъ, такъ какъ правильныхъ сообщеній, даже вьючныхъ, не существовало.

А. В. Комаровъ и сопровождавшія его лица остановились по пути у одного каака съ дождевой водой, чтобы напоить лошадей. Тамъ мы встрѣтили довольно много мервцевъ, шедшихъ группами и въ одиночку на Тедженъ работать: сѣять пшеницу, сѣмена которой они несли на себѣ, надѣясь, что присутствіе русскихъ оградить ихъ отъ разбойниковъ.

Недалекъ паслось нѣсколько стадъ барановъ, выпущенныхъ на отличное степное пастбище въ первый разъ, благодаря нашему

прибытію и устававливающемуся миру. Все это хорошіе симптомы.

Встрѣчнымъ туркменамъ генераль Комаровъ, черезъ переводчика Таирова, разъяснилъ въ доступныхъ ихъ пониманію словахъ, что цѣль его прибытія въ Мервъ дать каждому туземцу возможность заниматься спокойно своимъ дѣломъ: богатымъ увеличивать свое состояніе, а бѣднымъ обогащаться; что ихъ вѣра, обычаи и имущество останутся неприкосновенными подъ владычествомъ русскаго царя, который не дозволитъ аламанства (разбоевъ) и будетъ наказывать каждаго, кто сталъ бы угрожать безопасности мирныхъ жителей.

Прокламація генерала въ этомъ же смыслѣ была прочитана въ Мервѣ Алихановымъ, который доносилъ, что мервцы, выслушавъ ее, сказали: «Если все будетъ такъ, то лучше не надо».

Алихановъ добавлялъ, что мервцы хотѣли бы, чтобы среди нихъ не было русскаго войска. Но это, очевидно, невозможно, такъ какъ для обузданія аламанщиковъ необходимо присутствіе вооруженной силы. Ясно, что за войну съ русскими стоятъ только аристократическія семьи бывшихъ хановъ, которые при русскомъ владычествѣ лишаются прежней власти, и молодежь, не желающая отказаться отъ аламанства изъ-за удалства и традиціоннаго способа добыванія невѣсть. Женыхъ долженъ отличиться въ бою и уплатить «калымъ» (приданое) изъ добычи. Кромѣ того, при отсутствіи промышленности и торговли, разбой являлся единственнымъ средствомъ обогащенія и притомъ почетнаго и быстрого.

По приказанію генерала, была куплена у встрѣтившихся мервцевъ нѣсколько барановъ за наличныя деньги по хорошей цѣнѣ¹⁾. Эта мѣра, сообразованная съ психологіей туземцевъ, явилась цѣннымъ фактическимъ подтвержденіемъ милостивыхъ генеральскихъ рѣчей.

27-го февраля отрядъ, послѣ безводнаго перехода въ 26 верстъ, пришелъ на бивуакъ Карибъ-ата, гдѣ теперь станція Средне-Азіатской желѣзной дороги того же имени, послѣдняя передъ станціей Мервъ. Тамъ находилось два небольшихъ озера прѣсной, снѣговой, хорошей воды, той самой, къ которой Каджаръ-ханъ собирался насъ не допустить. Но генераль Комаровъ прибылъ туда уже въ часъ 40 минутъ дня и расположилъ отрядъ вокругъ каака, преграждая доступъ къ нему со всѣхъ сторонъ.

Неорганизованныя же силы Каджаръ-хана опоздали.

Этотъ переходъ шель все время мелкимъ лѣсомъ и кустарниками мимо колодцевъ Дортъ-кую (теперь тоже желѣзнодорожная станція), въ которыхъ вода соленая, съ запахомъ сѣроводорода, но лошади ее пьютъ.

¹⁾ По 20 персидскихъ крановъ, или 8 рублей, за барана, вѣсомъ въ два пуда чистаго мяса.

По пути стали встрѣчаться пашни, орошаемыя разъ въ 5—6 лѣтъ чрезвычайнымъ разлитіемъ рѣки Мургаба, питающей мервскій оазисъ. Нѣсколько кучъ самана (мѣстнаго фуража) были подожжены передъ нашимъ прибытіемъ и еще горѣли. Но казаки все-таки имъ воспользовались. Фуража у насъ было очень мало.

Мервскіе ханы Сары-батырь отдѣленія бахши и Майлы-ханъ выслали въ Карибъ-ата, навстрѣчу отряду, верблюдовъ съ водой и двухъ людей съ письмомъ. Въ немъ Алихановъ благодарилъ генерала за извѣщеніе о производствѣ его за отличіе въ майоры и писалъ, что въ Мервѣ все спокойно. Самъ Алихановъ намѣревался прибыть въ лагерь на слѣдующій день съ мервскими ханами и всадниками, для встрѣчи генерала.

Мервцы начали стекаться къ нашему лагерю, чтобы продавать, по хорошей цѣнѣ, чурекъ (мѣстный хлѣбъ) и фуражъ. Расторговавшись послѣднимъ, нѣкоторые послали въ Мервъ, отсюда версть 20, за новымъ запасомъ этого товара. Скоро, вѣроятно, здѣсь будетъ большой базаръ. «Это отлично,—думали мы:—такъ какъ выгодность для туземцевъ русской оккупации станетъ для нихъ очевиднѣе».

Въ Карибъ-ата—дневка. Вечеромъ винтъ. Безводныхъ переходовъ уже не будетъ.

День 28-го февраля былъ съ утра пасмурный. Затѣмъ пошелъ не прекращавшійся дождь.

Часовъ въ девять утра пріѣхалъ Алихановъ. Съ нимъ выѣхали изъ Мерва всѣ четыре хана, присягавшіе въ Асхабадѣ и назначенные, съ производствомъ въ майоры, начальниками четырехъ родовыхъ отдѣловъ мервскихъ туркменовъ. Прибыли также съ ханами всѣ старшины (аксакалы) всѣхъ мервскихъ племенъ, числомъ около 300 человекъ и пять туркменъ-сарыковъ изъ Толатана, намѣревавшіеся просить о принятіи и ихъ въ русское подданство.

Не доѣзжая версты двѣ до нашего лагеря, ханы и ихъ спутники остановились за горкой, «ожидая приказаній».

Въ дѣйствительности они, по азіатскому обыкновенію, ожидали не приказаній, а исхода надвигавшейся вооруженной борьбы Каджаръ-хана съ генераломъ Комаровымъ. Если бы, паче чаянія, побѣдилъ Каджаръ-ханъ, то наши друзья, безъ всякаго сомнѣнія, присоединились бы къ нему и стали бы вмѣстѣ съ нимъ дѣлать русскую добычу. А такъ какъ побѣдили русскіе, то ханы и ихъ приверженцы сохранили вѣрность намъ. А пока наши ханы сообщали намъ исправно о всѣхъ движеніяхъ враждебныхъ намъ мервцевъ. Вполнѣ возможно, что они освѣдомляли также послѣднихъ о распоряженіяхъ генерала Комарова. А. В. все это прекрасно понималъ, но въ своихъ сношеніяхъ съ ханами выказывалъ имъ неизмѣнно дружбу и надлежащее довѣріе, которое они, впрочемъ, на дѣлѣ вполнѣ оправдали.

Алихановъ по прїѣздѣ доложилъ, что, несмотря на отмѣченное имъ наканунѣ спокойствіе, сегодня всѣ сторонники Каджарь-хана по почину Сіяхъ-Пуша произвели въ Мервѣ безпорядки и выступили навстрѣчу русскому отряду.

Черезъ нѣсколько часовъ ханы извѣстили генерала, что Каджарь-ханъ на него наступаетъ и подойдетъ къ отряду около двухъ часовъ ночи. Ввиду этого генераль приказалъ придать расположенію отряда вокругъ воды видъ карре. Но по причинѣ малочисленности войска и необходимости оборонять всѣ пути къ прѣсноводному озеру наше карре имѣло только три фаса, четвертый за-

Крѣпость Мервъ. Западный фасъ.

мѣняла пѣхотная цѣпь. Верблюды, относившіеся невозмутимо-безразлично ко всему, что вокругъ нихъ происходило, и обозъ были собраны въ срединѣ карре, и тутъ же стояли кибитки генерала Комарова и его переводчика, которыя ничѣмъ другъ отъ друга не отличались, и палатки Лессара и моя.

Взводъ ахаль-текинскихъ милиціонеровъ (18 человекъ), вооруженныхъ берданками, былъ высланъ впередъ, по тому направленію, откуда ожидался Каджарь-ханъ, а двѣ сотни Таманьскаго казачьяго полка держали разѣзды.

Въ третьемъ часу ночи послышались выстрѣлы съ той стороны, гдѣ стояли милиціонеры: наступавшіе туркмены наткнулись на нихъ, завязали перестрѣлку. Каджарь-ханъ впослѣдствіи раска-

«истор. вѣстн.», ноябрь 1914 г., т. сxxxviii.

10

заль мнѣ, что его люди потеряли при этомъ 4 убитыми и 9 ранеными. У милиціонеровъ потерь не оказалось. Одного молодого туркмена изъ числа сторонниковъ Каджаръ-хана лошадь, испуганная выстрѣлами, занесла прямо въ нашъ лагерь, гдѣ его арестовали.

Вскорѣ все затихло.

Казачій разъѣздъ выяснилъ, что непріятель отступилъ, а когда я поѣхалъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается, я встрѣтилъ посланныхъ отъ нашихъ хановъ съ докладомъ генералу. По ихъ свѣдѣніямъ, люди Каджаръ-хана, убѣдившись въ томъ, что каакъ уже окруженъ русскими, нуждаясь сами въ водѣ, вернулись въ Мервѣ. Мы еще не дошли до дѣйствовавшихъ оросительныхъ каналовъ оазиса и потому непріятелю, какъ и намъ, чтобы удержаться въ степи, надо было воспользоваться водою Карибъ-ата. Опоздавъ къ водѣ и не надѣясь отбить ее у насъ, мервцы по необходимости ушли.

III.

Чтобы дать отдыхъ отряду послѣ ночи, проведенной отчасти подъ ружьемъ, генераль Комаровъ рѣшилъ остаться въ Карибъ-ата еще одинъ день. Вѣроятно, А. В. хотѣлъ также уяснить себѣ значеніе вчерашняго нападенія и отношеніе къ послѣднему туземцевъ.

Туркмены стали уже съ утра стекаться попрежнему къ нашему лагерю, предлагая на продажу хлѣбъ, фуражъ и барановъ.

Наши ханы со своими всадниками попрежнему же держались за горкой, сообщая, однако, генералу все, что происходило въ Мервѣ. Вскорѣ они донесли, что по направленію къ степи собралась группа вчерашнихъ нашихъ противниковъ. Генераль Комаровъ тотчасъ приказалъ взводу ахаль-текинскихъ милиціонеровъ, подъ начальствомъ русскаго урядника, отправиться туда на развѣдку.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ лагеря милиціонеры обнаружили человѣкъ 150 конныхъ вооруженныхъ мервцевъ, со знаменемъ.

Недолго думая, взводъ стремительно атаковалъ ихъ въ шашки. Нѣсколько мервцевъ было убито. Остальные бѣжали, унося съ собою раненыхъ, въ числѣ которыхъ оказался сынъ Каджаръ-хана. У насъ потерь не было.

Этотъ случай подтвердилъ наглядно, что туркмены, при надлежащей организаціи, обладаютъ полезными боевыми качествами. Что же касается того факта, что туркмены ахаль-текинцы такъ охотно сразились съ туркменами мервѣ-текинцами, то онъ объясняется отсутствіемъ у туркменовъ вообще сознанія племеннаго единства, а также тѣмъ обстоятельствомъ, что ахаль-текинскіе милиціонеры очень гордились и дорожили своимъ недавнимъ званіемъ русскихъ воиновъ, а также присвоенными имъ казачьими погонами и

жаждали проявить на дѣлѣ свою доблесть и свое превосходство надъ туземцами, не удостоенными чести русской службы.

Тотчасъ послѣ присоединенія Мерва, генераль Комаровъ сформировалъ и тамъ сотню туземной милиціи и тѣмъ далъ, какъ и въ Ахаль-Текинскомъ оазисѣ, почетное, достаточно прибыльное ¹⁾ и безопасное для мирнаго населенія воинское занятіе самымъ закоренѣлымъ и отважнымъ мервскимъ аламанщикамъ. Они вскорѣ сослужили генералу хорошую службу въ сраженіи съ афганцами при Кушкѣ.

Въ тотъ же день, около полудня, когда я сидѣлъ къ кибиткѣ А. В. Комарова, ему доложили, что ѣдетъ главный мервскій мулла.

Генераль приказалъ его принять. Черезъ нѣсколько минутъ къ кибиткѣ подѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи двухъ слугъ, высокій, благообразный старикъ съ длинной сѣдой бородой, въ бѣлой одеждѣ и огромной бѣлой чалмѣ.

Спѣшившись, поддерживаемый подъ руки слугами, мулла вошелъ въ кибитку и обратился къ генералу Комарову съ длиннымъ и цвѣтистымъ привѣтствіемъ. Онъ выразилъ радость по случаю прибытія генерала въ Мервъ и благодарность Вѣлому царю за согласіе принять мервскій народъ подъ свою высокую руку, а также увѣренность, что съ этихъ поръ для Мерва начнется новая эра спокойствія и благоденствія.

Въ отвѣтъ генераль высказалъ муллѣ, что онъ съ удовольствіемъ видитъ передъ собой главу мервскаго духовенства и, повторивъ успокоительныя завѣренія своей прокламаціи, просилъ муллу вліять на своихъ соотечественниковъ для укрѣпленія въ нихъ тѣхъ чувствъ благодарности и преданности русскому царю, на которыя мулла только что указалъ.

Падали чай, и дружественная бесѣда затянулась.

Въ самомъ концѣ ея мулла сказалъ генералу: «Народъ нашъ темный и дикій, и въ его средѣ есть глухие люди, которые испугались появленія русскихъ войскъ и не понимаютъ всей пользы, которая отъ этого должна пріостечь. Такъ, вчера нѣсколько подобныхъ людей вышли изъ Мерва, и одинъ изъ нихъ, неразумный юноша, попалъ въ вашу лагерь. Ввиду дружбы, которую вы теперь оказываете мнѣ, позвольте мнѣ взять его съ собой».

¹⁾ Милиціонеръ получалъ жалованія по 25 рублей въ мѣсяцъ со своею лошадейю и одеждой и на своемъ иждивеніи. Отъ казны отпускалась еще винтовка и патроны. Милиціонеры рассказывали мнѣ, что нападеніями на пограничныхъ персіянь они зарабатывали и больше 300 рублей въ годъ, но зато они рисковали попасть въ плѣнъ и быть посаженными на колъ. Такимъ образомъ, служба русскому правительству представлялась имъ предпочтительнѣе и въ смыслѣ матеріальной обезпеченности. Обыкновенно милиціонерамъ поручалось содержаніе карауловъ и разъѣздовъ вдоль границъ Закаспійской области.

А в т.

10*

Генераль отвѣтилъ: «Я вамъ его дарю», и приказалъ тотчасъ привести вчерашняго плѣнника съ его лошадыю и оружіемъ—шашкой и ружьемъ.

Мулла разсыпался въ выраженіяхъ признательности, слуги увели его, усадили на коня, и мулла съ освобожденнымъ туркменомъ вернулись въ Мервъ.

— Отчего вы возвратили плѣнному оружіе?—спросили затѣмъ нѣкоторые изъ насъ генерала.—Вѣдь онъ сегодня ночью будетъ въ насъ же опять стрѣлять.

— Оттого, что у мервцевъ будетъ однимъ ружьемъ больше или меньше, наше положеніе не измѣнится,—отвѣтилъ Александръ Виссаріоновичъ:—а отдалъ я муллѣ не только плѣннаго, но и его ружье для того, чтобы туркмены знали, что мыѣ на нихъ...

Въ этомъ выраженіи à la Камбронъ отразилась вся система отношеній Комарова къ туркменамъ: убѣждать ихъ въ своемъ сознаніи нашего неизмѣримаго превосходства и вмѣстѣ съ тѣмъ, проявлять по отношенію къ туземцамъ дѣйствительную справедливость, доброту и ласку.

Вечеромъ были приказано готовиться къ переходу въ аулъ Овазь-Топазъ, расположенный всего верстахъ въ восьми отъ мервской крѣпости Кошутъ-Ханъ-Кала. Названный аулъ находился въ отдѣлѣ упомянутаго выше Сары-Батырь-хана, и тотъ распорядился устроить черезъ многочисленныя оросительныя каналы (арыки), пересѣкающіе путь, мосты, достаточно широкіе для прохода ротныхъ повозокъ и находившейся при отрядѣ артиллеріи.

Выступивъ утромъ 29-го февраля, отрядъ прошелъ вереть пять безъ всякихъ инцидентовъ, переправляясь черезъ арыки (нѣкоторые изъ нихъ были шириною до 2-хъ саж.) по мостамъ гостепріимнаго Сары-Батыря.

Но туркменскіе милиціонеры, которые ѣздятъ на собственныхъ породистыхъ текинскихъ жеребцахъ, мало пользовались мостами и вызывали въ насъ невольное удивленіе той легкостью, съ которой они могли скакать здѣсь въ любомъ направленіи во весь опоръ, какъ по ровному мѣсту, перепрыгивая черезъ рвы съ водой лучше, чѣмъ на какой бы то ни было западно-европейской парфорсной охотѣ. Текинскія лошади, какъ извѣстно, выработали, благодаря столѣтней тренировкѣ, особый типъ крупнаго, смѣлаго и неутомимаго скакуна, во многомъ похожій на чистокровную англійскую лошадь. Когда въ 1861 году туркмены разбили на голову подъ Мервомъ многотысячную персидскую армію, захватили всѣ пушки и обратили въ рабовъ всѣхъ оставшихся въ живыхъ персидскихъ воиновъ, туркменскіе всадники менѣе чѣмъ въ сутки доскакали до персидской крѣпости Серахсъ, отстоящей болѣе чѣмъ на 100 верствъ отъ Мерва, и разграбили ея окрестности прежде, чѣмъ туда дошла вѣсть о гибели персидскаго войска.

Около полудня, когда отрядъ уже приближался къ Оба-Овазъ-Тоназъ, мы услышали впереди пушечные выстрѣлы. Оказалось, что приверженцы Сіяхъ-Пуша и Каджаръ-хана, не обезкураженные вчерашнимъ и сегодняшнимъ опытами, втащили на брустверь крѣпости Мервъ (Коушуть-Ханъ-Кала) нѣсколько персидскихъ пушекъ изъ числа оставшихся у нихъ послѣ побѣды 1861 года и, собравъ по подпискѣ денегъ на покупку пороха, стали стрѣлять изъ этихъ орудій по направленію надвигавшагося русскаго отряда. Такая стрѣльба не могла причинить отряду ни малѣйшаго вреда, и цѣлю ея могло быть только если не устрашеніе русскихъ, то поднятіе духа враждебныхъ намъ туркменъ.

Такъ какъ выстрѣлы не прекращались, нѣкоторые изъ офицеровъ обратились къ генералу Комарову съ просьбой—дозволить имъ взять крѣпость Мервъ. Соблазнъ, дѣйствительно, былъ большой. Штурмъ Мерва былъ бы историческимъ событіемъ, которое принесло бы его участникамъ славу, георгиевскіе кресты и другія награды. Съ точки зрѣнія военной карьеры, это былъ для всѣхъ чиновъ мервскаго отряда исключительно благопріятный случай отличиться.

Но А. В. Комаровъ понималъ глубоко и честно не только свое тактическое положеніе, но и лежавшую на немъ политическую отвѣтственность.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ:—мы пришли сюда не воевать, а умиротворять. Оставимъ ихъ. Завтра они сами уйдутъ.

Мнѣ генералъ объяснилъ, что неорганизованныя скопища туземцевъ, не имѣя при себѣ продовольствія, не могутъ долго держаться въ одномъ мѣстѣ. Поэтому, если сегодня въ Коушуть-Ханъ-Кала собралось нѣсколько тысячъ мервцевъ, черезъ сутки значительная часть ихъ должна будетъ разойтись. Но главнымъ мотивомъ Александра Виссаріоновича была непоколебимая рѣшимость его сохранить за русскимъ занятіемъ Мерва тотъ характеръ добровольнаго и мирнаго подчиненія этого края русской власти, который до тѣхъ поръ былъ неизмѣнно и послѣдовательно присваиваемъ генераломъ всему этому походу.

Въ часъ дня отрядъ сталъ бивуакомъ, нѣсколько пройдя Оба-Овазъ-Тоназъ, въ сторону Мерва. Кругомъ—мѣстность, занятая пашней, совершенно плоская, но перерѣзанная цѣлою сѣтью оросительныхъ каналовъ. Лагерь былъ разбитъ, какъ при Карибъ-ата. Верблюды, обозъ, кибитки и палатки въ срединѣ, войсковыя части по окружности.

Наши ханы слѣдовали весь день параллельно отряду, держась отъ него верстахъ въ двухъ или трехъ, и остановились на ночлегъ въ такомъ же разстояніи отъ нашего лагеря.

Къ вечеру они донесли генералу, что Каджаръ-ханъ на него нападетъ этой ночью, въ двѣнадцатомъ часу.

Къ назначенному времени все было готово для встрѣчи непріятеля. Вокругъ обозовъ и палатокъ было опять образовано карре; но въ виду того, что тутъ не было надобности окружать довольно большой водоемъ, какъ въ Карибъ-ата, оказалось возможнымъ придать этому построению полныя четыре фаса. На каждомъ было выставлено около одной роты развернутымъ фронтомъ, въ двѣ шеренги. Фасамъ была присвоена нумерація, первымъ считался сѣверный. Людямъ было приказано стоять локоть къ локтю; окоповъ не было—все какъ въ наполеоновскія времена, соответственно, однако, мѣстнымъ тактическимъ условіямъ. Стрѣльба должна была производиться только залпами, по командѣ. Прицѣль на триста шаговъ. Весь отрядъ былъ вооруженъ берданками, отличнымъ ружьемъ, которое въ послѣднюю турецкую кампанію 1877—1878 гг. имѣлось только у гвардіи.

У мерицевъ было самое разнокалиберное оружіе, образчикъ котораго мы видѣли у нашего недавняго плѣнника.

Въ ожиданіи нападенія генераль со своимъ штабомъ обходилъ фронтъ. Была теплая ясная ночь, и полная луна освѣщала открытую мѣстность на далекомъ разстояніи.

— Какъ хорошо, что теперь полнолуніе!—сказаль я генералу.

— Я это разсчиталь,—отвѣтилъ онъ. Тогда я поняль, почему, при моемъ отъѣздѣ изъ Асхабада, А. В. Комаровъ предложиль мнѣ встрѣтиться въ Карры-Бентѣ именно 22-го февраля. Это было за недѣлю до полнолунія. Очевидно, А. В. предвидѣль; что если будетъ сопротивленіе со стороны мерицевъ, то оно выразится въ видѣ ночныхъ нападеній. Такъ и вышло.

Около полуночи, издали противъ сѣвернаго фаса карре, раздались крики: «алла, алла!» Начались и зачастили выстрѣлы, зажужжали надъ нами пули и скоро стало видно, какъ пѣшіе туркмены, перебираясь ползкомъ черезъ возвышенныя края арыковъ, густой толпой шли на приступъ лагеря.

Свистъ пуль напомнилъ мнѣ балканскій походъ. Но турецкій огонь, хотя тоже безпорядочный, былъ все-таки несравненно серьезнѣе туркменскаго.

Я стояль около генерала у сѣвернаго фаса, когда по близости послышался стонъ. Пуля попала въ животъ одному изъ стрѣлковъ. Къ утру онъ скончался.

Люди держали ружья наготовѣ, со спокойнымъ вниманіемъ ожидая команды. Туркмены все приближались. Ихъ папахи (большія шапки изъ бараньяго мѣха) ясно вырисовывались на открытомъ горизонтѣ. Скоро крики «алла» достигли высшаго напряженія и обратились въ вой. Когда мерицы подошли, на глазомѣръ, на триста шаговъ, прозвучала команда: «Первый фасъ, залпами, пли!»

Раздался дружный, какъ на ученьи, залпъ сѣвернаго фаса. Люди

затѣмъ тотчасъ зарядили ружья и снова, по командѣ, произвели залпы: второй и третій.

Наступило гробовое молчаніе.

Черезъ нѣсколько минутъ генераль послалъ сотню впередъ осмотрѣть мѣстность. Казаки насчитали въ полѣ шестнадцать туркменскихъ труповъ. Остальные мёртвцы исчезли. Наша потеря ограничилась смертельно раненымъ стрѣлкомъ.

Пока генераль Комаровъ находился у фронта отряда, въ срединѣ лагеря произошелъ слѣдующій трагикомическій инцидентъ.

Переводчикъ генерала, Таировъ, состоявшій официально штатнымъ русскимъ коммерческимъ агентомъ въ Бужнурдѣ и Кучанѣ, персїянинъ по происхожденію, послѣдовалъ, съ начала дѣла, обычаю персидскихъ генераловъ, т.-е. залегъ въ своей кибиткѣ. Она была расположена, какъ и всегда, рядомъ съ кибиткой генерала Комарова.

Вдругъ поднимается войлокъ на кибиткѣ Таирова, и въ нее вползаетъ съ обнаженной шашкой въ рукѣ туркмень.

Переводчикъ закричалъ, мёртвца схватили и обезоружили и на вопросъ, для чего онъ пришелъ, онъ смѣло отвѣтилъ: «Я хотѣлъ убить генерала».

Оказалось, что пока общее вниманіе было обращено въ ту сторону лагеря, гдѣ началась стрѣльба, этотъ туркмень сумѣлъ незамѣтно пробраться въ средину лагеря и, думая, что русскій генераль по персидскому примѣру сидитъ въ своей кибиткѣ, вошелъ въ ту, въ которой онъ увидѣлъ огонь. На его несчастье, это была только кибитка переводчика.

Убѣдившись въ бѣгствѣ мёртвцевъ, генераль Комаровъ приказалъ скомандовать отбой и вернулся въ свою кибитку.

Доложенное ему тамъ извѣстіе о покушеніи мёртвца поставило генерала въ очень затруднительное положеніе. Оставить этотъ поступокъ безнаказаннымъ было невозможно. Но судить и разстрѣлять или повѣсить преступника было крайне нежелательно для русскихъ: казненный былъ бы сочтенъ мученикомъ за вѣру и родину, и память о немъ, окруженная этимъ ореоломъ, могла бы долго затруднять упроченіе среди мёртвцевъ расположенія къ русскимъ.

Изъ этого затрудненія генераль нашелъ слѣдующій чрезвычайно мудрый выходъ.

Онъ позвалъ къ себѣ упомянутаго выше Сары-Батырь-хана, на территоріи котораго мы находились, и сказалъ ему:

— Я твой гость, этотъ человекъ хотѣлъ меня убить, отдаю его тебѣ, дѣлай съ нимъ, что хочешь!

Ханъ вывелъ мёртвца за черту лагеря и застрѣлилъ. Утромъ я видѣлъ въ нѣкоторомъ разстояніи за нашей цѣпью его обнаженный трупъ. Образъ дѣйствія Сары-Батырь-хана соотвѣтство-

валъ мѣстному обычаю и удовлетворялъ требованіямъ туркменской этики. Объ убитомъ забыли.

На слѣдующій день отрядъ достигъ безъ дальнѣйшихъ препятствій своей цѣли—крѣпости Мервъ или Кошутъ-Ханъ-Кала.

IV.

Крѣпость Мервъ изображена на прилагаемыхъ двухъ фотографическихъ снимкахъ, сдѣланныхъ А. В. Комаровымъ и сохранившихся у меня.

Первый представляетъ видъ западной крѣпостной стѣны, къ рѣкѣ Мургабу. Второй—южный фасъ. Стѣны сдѣланы изъ земли и глины, и сама крѣпость того же типа, что Геокъ-Тепе: удлиненный прямоугольникъ, внутри котораго могло бы укрыться все мѣстное туркменское племя въ случаѣ вражескаго нашествія ¹⁾.

Такое нашествіе предвидѣлось со стороны русскихъ послѣ взятія ими Хивы въ 1873 году.

Подъ впечатлѣніемъ этого событія, тогдашнему единовластному правителю Мерва Кошутъ-хану удалось уговорить всѣ племена Мервъ-Теке приступить къ постройкѣ крѣпости, которая сохранила имя Кошутъ-хана. Каждое изъ четырехъ отдѣленій мервскаго народа должно было построить одну изъ стѣнъ. Три отдѣленія исполнили свой долгъ, а въ четвертомъ начались раздоры, и сѣверная стѣна такъ и осталась не доконченной. Когда опасенія русскаго нашествія со стороны Хивы улеглись, крѣпость забросили. За неимѣніемъ прочной центральной власти, некому было заботить ни объ окончаніи ея, ни о ея ремонтѣ. Такимъ образомъ, къ нашему быстро рѣшенному и осуществленному прибытію въ Мервъ Кошутъ-Ханъ-Кала оказалась во многихъ мѣстахъ развалившейся и утратившей всякое тактическое значеніе. Крѣпость эта, однако, являлась символомъ и средоточіемъ независимой политической жизни мервскаго народа, а занятіе ея русскимъ отрядомъ не могло не означать въ глазахъ мервскихъ туркменъ дѣйствительное установленіе надъ ними русской власти.

Подходя къ крѣпости, мы убѣдились въ вѣрности вчерашняго предсказанія генерала Комарова: мервцы ее покинули. На западномъ брустверѣ еще стояли тѣ мѣдныя персидскія пушки, длиною отъ четырехъ до семи футовъ, калибромъ въ четыре и шесть дюймовъ, изъ которыхъ наканунѣ мервцы противъ насъ стрѣляли. Внутренность крѣпости представляла собою огромный парал-

¹⁾ По протяженію и профилю, Кошутъ-Ханъ-Кала значительное крупнѣе Геокъ-Тепе. По сдѣланнымъ мною 1-го же марта измѣреніямъ, высота стѣнъ равнялась 49 фут., глубина рва 18 ф. 5 д., ширина основанія стѣнъ 59 фут., ширина волганга 18 фут. и ширина бруствера 3 фута 6 дюймовъ.

лелограммъ, занятый пашнями и нѣсколькими садами. Нигдѣ не было видно ни души.

Съ лѣваго берега рѣки Мургаба на правый, восточный, за которымъ въ ста пятидесяти шагахъ начинается ровъ крѣпости, вель мостъ длиною въ сорокъ шаговъ. Онъ годился только для пѣшеходовъ и вьюковъ, и потому генераль Комаровъ остановилъ отрядъ на лѣвомъ берегу Мургаба. На томъ же берегу, нѣсколько ниже по теченію, находилась центральная базарная площадь оазиса съ нѣсколькими глинобитными лавчонками. Тамъ уже съ вечера 1-го марта стали собираться продавцы русскихъ туземныхъ товаровъ, въ надеждѣ на покупки со стороны русскихъ.

Туркестанскіе рабочіе, строящіе русское укрѣпленіе.

Слѣдуя своей системѣ, генераль Комаровъ приказалъ покупать все, что намъ требовалось, за хорошую цѣну и за наличныя деньги.

Утромъ 2-го марта базаръ окончательно оживился и выяснилось, что отрядъ вполне обезпеченъ продовольствіемъ.

Нижнимъ чинамъ было запрещено выходить за черту лагеря безъ особаго разрѣшенія. Но офицеры свободно гуляли повсюду, и 2-го марта самъ А. В. Комаровъ пошелъ внутрь крѣпости.

Онъ пригласилъ меня съ собою и, взявъ только своего ординарца, кавказца, перешелъ пѣшкомъ черезъ мостъ, направился черезъ одинъ изъ обваловъ стѣны къ упомянутымъ выше пашнямъ и началъ тамъ собирать жуковъ.

Я уже упомянулъ, что одной изъ ученыхъ специальностей генерала Комарова была энтомологія. Посвятивъ себя изученію Coleoptera—жесткокрылыхъ или жуковъ, Александръ Виссаріоновичъ достигъ въ этой области науки европейской извѣстности и переписывался съ главнѣйшими энтомологами Стараго и Новаго Свѣта, которыми наименованіе Comarovia присвоено нѣсколькимъ открытымъ имъ новымъ видамъ жуковъ. Можно себя представить, какой находкой для энтомолога явилась возможность первому въ исторіи искать жуковъ въ Мервѣ. Дѣйствительно, можно съ увѣренностью полагать, что ни при Александрѣ Македонскомъ, ни при Сассанидахъ, ни при всѣхъ послѣдовавшихъ затѣмъ завоевателяхъ и правителяхъ Мерва никто не собиралъ тамъ жесткокрылыхъ. И Александръ Виссаріоновичъ занялся своимъ ученымъ дѣломъ внутри Кошутъ-Ханъ-Кала съ такимъ же рвеніемъ и спокойствіемъ, какъ будто онъ находился гдѣ-нибудь въ Тамбовской губерніи. Онъ нашелъ нѣсколько новыхъ видовъ жуковъ и тщательно клалъ свои пріобрѣтенія въ соответственную баночку, которую всегда носилъ въ карманѣ.

Смѣю думать, что у генерала былъ при этомъ и другой умыселъ. Отправляясь пѣшкомъ, втроемъ, всего при шашкѣ, вереты за двѣ отъ своего лагеря внутрь крѣпости, на которой еще стояли наведенныя на него тому двое сутокъ орудія, занимаясь тамъ беззаботно энтомологическими изслѣдованіями, начальникъ Закаспійской области показывалъ наглядно туземцамъ Мерва, что подчиненіе ихъ ему закончено и что онъ въ Мервѣ—у себя дома.

Туркмены, съ любопытствомъ наблюдавшіе издали за прогулкой генерала, не могли не вынести такого впечатлѣнія.

Но результатомъ этой прогулки было не только плѣненіе нѣсколькихъ жуковъ. Генералъ, осмотрѣвъ правый берегъ Мургаба, выбралъ мѣсто для немедленной постройки русскаго укрѣпленія, получившаго названіе Александровскъ на Мургабѣ. Оно было расположено между правымъ берегомъ рѣки и рвомъ Кошутъ-Ханъ-Кала. Состоявшій при отрядѣ саперный оберъ-офицеръ, даровитый и симпатичнѣйшій Зацѣлинскій—Богъ знаетъ, гдѣ онъ теперь?—быстро составилъ планъ укрѣпленія; нашелся подрядчикъ-персіянинъ, и сами мѣстные туркмены, хорошіе землекопы, принялись, при достаточной платѣ наличными, за работу.

На прилагаемой фотографіи, снятой генераломъ Комаровымъ, изображена группа этихъ мервцевъ. Налѣво видна часть рѣки Мургаба.

Несмотря на наружное спокойствіе и увѣренность генерала Комарова въ успѣхъ, и хотя отрядъ уже 2-го марта сталъ окончательно лагеремъ на правомъ берегу Мургаба у Кошутъ-Ханъ-Кала, дѣло нельзя было считать окончательно выиграннымъ, пока

оставались на свободѣ и въ мервскомъ оазисѣ виновники прошедшей смуты, Сіяхъ-Пушъ и Каджаръ-ханъ.

Вопросъ этотъ рѣшился, однако, быстро и просто.

Наши ханы, само собой разумѣется, стали окончательно на сторону генерала Комарова вслѣдъ за неудачей нападенія 29-го февраля. И чтобы доказать свою преданность русской власти и дабы избѣгнуть кое-какихъ нареканій по поводу двусмысленности ихъ предшествовавшаго образа дѣйствія, они послали своихъ людей за Сіяхъ-Пушемъ и Каджаръ-ханомъ, которые съ небольшимъ числомъ преданныхъ сторонниковъ бѣжали изъ Мерва вверхъ по Мургабу, по направленію къ Афганистану. Они были всѣ схвачены безъ сопротивленія и привезены въ русскій лагерь.

Генераль Комаровъ посадилъ ихъ подъ арестъ и попросилъ меня допросить Сіяхъ-Пуша, его трехъ учениковъ-мюридовъ и Каджаръ-хана.

Послѣдній былъ пожилой туркменъ высокаго роста, съ энергичнымъ лицомъ, честолюбивый, богатый и храбрый. Онъ считался въ 1880 году ханомъ всего Мерва и даже ѣздилъ въ Тегеранъ въ этомъ качествѣ для переговоровъ о подчиненіи Мерва Персіи.

Присоединеніе Мерва къ русскимъ владѣніямъ, сопровождавшееся назначеніемъ четырехъ хановъ, по одному на каждое отдѣленіе мервскаго народа, должно было положить конецъ его призрачному господству и лишить его, какъ извѣстнаго врага русскихъ, всякой будущности. Этими личными обстоятельствами Каджаръ-хана умѣло воспользовался Сіяхъ-Пушъ для того, чтобы, эксплуатируя его самолюбіе, круглое невѣжество и умственную ограниченность, обратить его въ слѣпое орудіе своихъ замысловъ.

Сіяхъ-Пушъ дѣйствовалъ также на религіозную сторону Каджаръ-хана, убѣдилъ его въ своей святости и въ состоявшемся будто появленіи на свѣтъ Махди и безповоротно подчинилъ себѣ его душу. Потерявъ раненымъ сына и состояніе, погубивъ свою политическую карьеру, взятый въ плѣнъ и привезенный въ русскій лагерь, гдѣ, по его убѣжденію, его ожидала смертная казнь, Каджаръ-ханъ не только не проклиналъ виновника всѣхъ этихъ бѣдствій, Сіяхъ-Пуша, но продолжалъ ему вѣрить и сказалъ мнѣ, по окончаніи допроса: «Все-таки Сіяхъ-Пушъ человекъ безъ пороковъ».

Надо замѣтить, что среди мервскихъ туркменъ большинство относилось къ Сіяхъ-Пушу и къ проблемѣ русскаго господства гораздо умнѣе и дальновиднѣе, и если среди туркменъ все-таки нашлись люди, рѣшившіеся на насъ напасть, то это было, главнымъ образомъ, потому, что боевой опытъ мервцевъ исчерпывался стычками съ персидскими войсками.

— Мы думали,—говорили туркмены русскимъ послѣ 29-го февраля:—что вы будете, какъ персіяне, которыхъ мы привыкли

бить; если бы мы знали, что вы такъ стрѣляете, никогда бы не двинулись противъ вашего лагеря.

Примѣръ туркмена, который поплатился жизнью за то, что во время боя искалъ русскаго генерала не при его войскѣ, а въ его кибиткѣ, свидѣтельствуетъ о распространенности среди его собратіи вышеупомянутыхъ воззрѣній.

Кромѣ того, мервцы почти не участвовали въ оборонѣ Геокъ-Тепе противъ отряда Скобелева и не испытали лично ужаса этого пораженія. Но, зная, что снаряженіе крушнаго отряда Скобелева было вызвано предыдущей неудачей слабаго отряда Ломакина, многіе мервцы колебались вступать въ вооруженную борьбу съ нашимъ отрядомъ, несмотря на его крайнюю малочисленность. «Мы боялись не васъ,—высказывали они намъ послѣ занятія Мерва:—а вашего слѣда». Другими словами, они пришли къ убѣжденію, что если бы они уничтожили отрядъ генерала Комарова, то взамѣнъ нашихъ четырехъ ротъ были бы присланы изъ Россіи четыре полка, а то и четыре бригады; однимъ словомъ, достаточно войскъ, чтобы Мервъ постигла участь Геокъ-Тепе. А что изъ Россіи могло прійти больше войска, чѣмъ было въ Мервѣ всѣхъ жителей, объ этомъ рассказали туземцамъ тѣ изъ ихъ числа, которые ѣздили въ Москву, за годъ передъ тѣмъ, на коронацію императора Александра III.

Мервцы изъ самыхъ почетныхъ были приглашены въ Москву вмѣстѣ съ депутаціей ахаль-текинцевъ и присутствовали на всѣхъ величественныхъ и блестящихъ коронаціонныхъ торжествахъ 1883 года и, въ томъ числѣ, на большомъ парадѣ собраннаго въ Москву войска. На этомъ парадѣ туркмены насчитали восемьдесятъ тысячъ солдатъ. «Но,—разсказывали они, вернувшись домой,—это войско одного брата, а у другого брата столько же войска». Это означало, что, по ихъ мнѣнію, видѣнное ими войско принадлежало великому князю Владимиру Александровичу, командовавшему парадомъ. У государя же Александра Александровича они предполагали такое же число солдатъ. Очевидно, бороться противъ такой огромной силы было бы безуміемъ. Однако, обдумывая шансы сопротивленія, мервцы даже пытались подсчитать, сколько недѣль нужно для того, чтобы русскій отрядъ могъ подойти по Волгѣ (sic) и Каспійскому морю до Мерва. Выводъ получился для нихъ неутѣшительный. Но они не знали, что Волга вполоть до Астрахани зимой замерзаетъ. Опытъ Каджаръ-хана подтвердилъ правильность взглядовъ той партіи, которая среди туркменъ Мерва была на сторонѣ мирнаго подчиненія Россіи и не поддавалась вліянію Сіяхъ-Пуша.

Къ воспоминаніямъ объ этой личности мы теперь перейдемъ.

V.

Я никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвелъ на меня Сіяхъ-Пушъ.

Когда онъ вошелъ ко мнѣ подь конвоемъ двухъ стрѣлковъ съ примкнутыми штыками, я увидѣлъ передъ собою человѣка лѣтъ тридцати, средняго роста, стройнаго, въ одеждѣ мусульманскаго дервиша, но безъ обычной остроконечной шапки, вѣроятно, утерянной имъ во время бѣгства.

Стоя передъ лицомъ смерти, будучи увѣренъ, что его, какъ зачинщика кровопролитія, сейчасъ казнятъ, онъ держалъ себя съ поразительнымъ уравновѣженнымъ достоинствомъ.

Черты смуглаго лица Сіяхъ-Пуша были правильны и гармоничны. Длинные, съ вьющимися концами черные волосы, которыхъ дервиши, какъ посвященные Богу, не стригутъ, ниспадали на плечи, раздѣленные на двѣ половины прямымъ проборомъ. Небольшая темная борода была слегка раздвоена. Его глаза, большіе, спокойные, глубокіе, черные, но какъ бы лучистые, были удивительны. А когда онъ заговорилъ, къ тому же на мелодичномъ, гибкомъ и изящномъ персидскомъ языкѣ, самый звукъ его голоса обладалъ такой чарующей прелестью, такимъ обаяніемъ и убѣдительною, что я понялъ увлеченіе Сіяхъ-Пушемъ и вѣру въ него и повиненіе ему несчастнаго Каджаръ-хана и прочихъ его приверженцевъ. Я понялъ также, какъ подвижникъ и пророки, какимъ Сіяхъ-Пушъ представлялся народу и какимъ, вѣроятно, былъ его современникъ, суданскій «Махди», могутъ при благоприятныхъ условіяхъ мѣста и времени, подымать мусульманскія массы на смертный бой съ «невѣрными», на самоотверженную жертву имуществомъ и самою жизнью для торжества внушенной имъ истины.

Допросъ Сіяхъ-Пуша и его трехъ учениковъ-мюридовъ, афганцевъ, длился три дня, такъ какъ мнѣ хотѣлось выяснитъ возможно полноѣ для себя и для генерала Комарова личность Сіяхъ-Пуша, а также сущность его дѣятельности. Мнѣ это удалось въ очень малой мѣрѣ.

Не страшась смерти и зная, что ему не грозитъ отъ русскихъ физическаго насилія, Сіяхъ-Пушъ сообщилъ о себѣ только то, что считъ нужнымъ. Онъ скрылъ свое имя и происхожденіе, подтвердивъ лишь показанія его присныхъ, что онъ афганецъ, родившійся въ Сѣверо-Западной Индіи. Затѣмъ Сіяхъ-Пушъ систематически выставлялъ себя мирнымъ проповѣдникомъ истиннаго мусульманства, не понятымъ и не оцѣненнымъ дикими кочевниками-туркменами, которыхъ онъ стремился научить и облагодѣтельствовать.

— Свѣтъ,—говорилъ онъ мнѣ ¹⁾,—есть пашня для будущаго міра; люди суть пахарн; я одинъ изъ пахарей добродѣтели.

Въ найденной у Сіяхъ-Пуша прокламаціи онъ объявлялъ, что извѣстіе о хуруджѣ (явленіи Махди) подтвердилось и въ настоящемъ году (1.300 гиджры или 1883 отъ Рождества Христова) совершится. «Мы подняли знамя ислама, и, по преданію религіи ислама, въ послѣдніе дни явится нѣкто, который поощритъ и распространитъ ослабѣвшій шаріатъ (законъ пророка). Кто ученый, тотъ можетъ знать, что согласно Аяту и Хадису ²⁾, въ настоящемъ году долженъ совершиться хуруджъ, какъ объ этомъ говорятъ все люди, созданные Богомъ. На свѣтъ появится личность Вели (любимый Богомъ), и, можетъ быть, Богъ направитъ насъ (Сіяхъ-Пуша) къ справедливому пути и быть путеводителемъ народа. По святости того лица, весь міръ можетъ быть въ блаженствѣ и не будетъ куфрѣ (невѣрія) на лицѣ земли по волѣ Божіей».

Возвѣщая наступленіе хуруджа, Сіяхъ-Пушъ добавлялъ, что нмамъ Махди родился передъ явленіемъ прошлогодней кометы и явится въ міръ черезъ двадцать шесть лѣтъ, а до того Сіяхъ-Пушъ будетъ его наибомъ (намѣстникомъ) и будетъ наставлять народъ на добрый путь.

Мнѣ Сіяхъ-Пушъ высказывалъ, что самъ онъ и не очень хорошій и не очень дурной человѣкъ, и что только онъ оказался способнымъ прожить и не погибнуть среди такого народа, какъ туркмены. Далѣе онъ сознался, что въ политическомъ отношеніи онъ работалъ въ пользу афганскаго принца Эюбъ-хана.

Послѣдній, какъ извѣстно, только что передъ тѣмъ воевалъ изъ-за престола со своимъ родственникомъ Абдурахманъ-ханомъ, сдѣлавшимся при поддержкѣ англичанъ афганскимъ эмиромъ, и съ самими англичанами. Разбивъ на голову англійскій отрядъ у Майванда вблизи Кондагара, Эюбъ-ханъ осадилъ этотъ городъ, въ цитадели котораго заперся слабый англійскій гарнизонъ. Генераль Робертсъ своимъ знаменитымъ горнымъ походомъ изъ Кабула въ Кандагаръ спасъ его гарнизонъ и обратилъ въ бѣгство Эюбъ-хана. Тотъ скрылся въ Персію. Съ нимъ прибылъ туда Сіяхъ-Пушъ.

Когда Эюбъ-ханъ направился въ Тегеранъ продолжать тамъ происки относительно новаго похода въ Афганистанъ, Сіяхъ-Пушъ явился въ городъ Хафъ въ восточномъ Хорасанѣ, извѣстный своей святыней, заперся на пятьдесятъ дней въ мечети, мо-

¹⁾ Я поручилъ переводчику вести допросъ на персидскомъ языкѣ, такъ какъ я понималъ его, хотя и очень плохо, но все же лучше, чѣмъ туркменское нарѣчіе языка. Сіяхъ-Пушъ владѣлъ одинаково хорошо языками персидскимъ, туркменскимъ и индустанскимъ.

²⁾ Изреченіямъ Корапа и сказаніямъ Магомета.

лился, постился и вышелъ оттуда Пиромъ (святымъ), вокругъ котораго стали собираться фанатики-ученики (мюриды).

Свое религиозное ученіе Сіяхъ-Пушъ хранилъ въ тайнѣ, согласно обыкновенію персидскихъ эзотерическихъ проповѣдниковъ «суфи»¹⁾. Но своимъ мюридамъ онъ открылъ, что можетъ дѣлать чудеса и что онъ получаетъ откровенія отъ архангела Гавріила, который ему является, когда это допускаетъ соблюденіе имъ обрядовой чистоты. Мнѣ Сіяхъ-Пушъ высказалъ, что въ три-четыре дня нельзя узнать его и его ученія, но что если заняться долго, то можно этого достигнуть. У Сіяхъ-Пуши едва ли была какая-либо особенная религиозная доктрина, и я думаю, что главная его задача была не столько религиозная, сколько политическая.

Послѣ таинственныхъ скитаній по Хорасану, во время которыхъ возросла извѣстность Сіяхъ-Пуши и увеличилось число его послѣдователей, онъ перешелъ въ туркменскіе предѣлы, сначала въ Мервъ, а затѣмъ ближе къ Афганистану, въ Юлатанъ.

Распространяли свой авторитетъ среди темныхъ и легковѣрныхъ людей на почвѣ религиознаго чувства, выдавая себя за намѣстника Махди и дѣйствуя какъ на честолюбивыхъ главарей, такъ и на жадныхъ бѣдняковъ обѣщаніями власти и неслыханныхъ благъ, Сіяхъ-Пушъ, не имѣвшій самъ ни денегъ, ни оружія, сумѣлъ создать себѣ исключительное и вліятельное положеніе и сталъ готовить туркменъ къ подчиненію сильной и прочной мусульманской власти, которая бы защитила ихъ отъ нашествія гяуровъ (безразлично русскихъ или англичанъ) и, въ лицѣ могущественнаго вождя, установила бы въ мірѣ безраздѣльное царство правды и истинной вѣры. Осторожно онъ сталъ выяснять, что таковой властью долженъ быть для туркменъ Афганистанъ, а вождемъ Сердаръ-Эюбъ-ханъ, «съ которымъ вмѣстѣ Сіяхъ-Пушъ разбивалъ англичанъ на границахъ Индіи», и который самъ весной 1884 года долженъ былъ явиться среди туркменъ.

Вмѣсто Эюбъ-хана явился въ мервскій оазисъ генераль Комаровъ, а Эюбъ-ханъ, приблизительно въ это же время, былъ арестованъ въ Мешхедѣ, на пути въ Мервъ.

Сіяхъ-Пушъ не вѣрилъ въ серьезность ни мервскаго гентеша 1-го января, ни поѣздки депутаціи въ Асхабадъ для принесенія присяги русскому царю. Когда же русскій отрядъ двинулся неожиданно и быстро въ Мервъ, Сіяхъ-Пушъ, по его словамъ, чтобы не потерять среди туркменъ всѣ плоды двухлѣтнихъ усилій, не утратитъ своего религиознаго обаянія и не упуститъ Каджаръ-хана, оказался вынужденнымъ выступить открыто противъ русскихъ.

¹⁾ Такъ, впрочемъ, называлъ себя открыто одинъ изъ его учениковъ «суфи» Ахметъ-Кули, афганецъ.

На провозглашеніе джехада (священной войны) противъ насъ натолкнуло Сіяхъ-Пуша и чувство самосохраненія: иначе туркмены убили бы его, какъ русскаго шпіона. Въ этомъ смыслѣ многіе туркмены питали къ нему подозрѣніе, основанное, между прочимъ, на томъ фактѣ, что Сіяхъ-Пушъ писалъ и генералу Комарову, стараясь втянуть и русскихъ въ сложную сѣть своихъ происковъ.

Въ неуспѣхѣ вооруженнаго сопротивленія нашему отряду Сіяхъ-Пушъ винилъ, главнымъ образомъ, Каджаръ-хана. Въ дѣйствительности, самъ Сіяхъ-Пушъ не успѣлъ или не сумѣлъ ни организовать общее сопротивленіе русскимъ, ни обезпечить съ выгодой для себя безкровное подчиненіе мервцевъ русской власти.

Конечно, если бы Сіяхъ-Пушъ обладалъ не только личнымъ и религіознымъ обаяніемъ, но и рѣшительнымъ характеромъ и военными дарованіями своего суданскаго современника Магомета-Ахмета, то его агитація въ Средней Азіи могла бы принять гораздо болѣе крупное и широкое развитіе. Этому воспрепятствовало, прежде всего, то обстоятельство, что въ отличіе отъ суданцевъ и тамошнихъ арабовъ, туркмены въ религіозномъ отношеніи очень индифферентны, а персіяне, хотя и склонны къ мусульманскому сектанству, но, будучи шиитами, не легко поддаются внушеніямъ, исходящимъ изъ преимущественно суннитскихъ источниковъ мусульманскаго правовѣрія. Афганцы же издавна враждуютъ и съ туркменами и съ персіянами. Объединить эти разнородные элементы оказалось не подъ силу для Сіяхъ-Пуша. Задача усложнялась еще сравнительной близостью къ Мерву карры-бентскаго отряда, тогда какъ гораздо большія разстоянія отдѣляли суданскихъ махдистовъ отъ передовыхъ позицій англо-египетскихъ вооруженныхъ силъ.

Наконецъ, нельзя не признать, что на исходъ предпріятія Сіяхъ-Пуша повліяла неблагопріятно, хотя и косвенно, совпавшая съ умиротворительной дѣятельностью генерала Комарова перемѣна въ направленіи внѣшней политики Англій, вызванная переходомъ власти отъ лорда Биконсфильда къ Гладстону.

Либералы, какъ извѣстно, круто отказались отъ «spirited foreign policy», т. е. отъ активной внѣшней политики предшествовавшаго консервативнаго кабинета. Въмѣсто того, чтобы продолжать наступленіе въ сторону Туркестана, устанавливая въ ущербъ афганцамъ «научную границу» и присоединять Кандагаръ, министерство Гладстона, напротивъ, рѣшило вернуться къ системѣ мира и дружбы въ Азіи и распорядилось безотлагательно вывести англійскія войска изъ Афганистана.

Вслѣдствіе этого, надежда на поддержку со стороны великобританскаго правительства, на которую могли бы рассчитывать наши средне-азіатскіе противники и которую, несомнѣнно, объ-

Развалины Султанъ-Санджаръ.

щали имъ дѣтели въ родѣ О'Донована, исчезла какъ разъ въ то время, когда произошло занятіе Мерва русскимъ отрядомъ.

Какъ бы то ни было, благодаря просвѣщенной умѣренности Комарова, мѣстные виновники и жертвы всѣхъ вышеизложенныхъ происковъ и совпаденій, Сіяхъ-Пушъ, Каджаръ-ханъ и схваченные съ ними ихъ сообщники не понесли уголовной кары за свои преступленія.

«истор. вѣстн.», ноябрь 1914 г., т. сxxxviii,

11

Мѣра, принятая по отношенію къ нимъ, свелась къ удаленію ихъ изъ Средней Азіи, дабы положить окончательный предѣлъ ихъ проноскамъ въ этомъ краѣ. Она выразилась въ отправленіи означенныхъ лицъ на жительство въ городъ Калугу. Вѣроятно, этотъ городъ былъ выбранъ потому, что въ немъ въ шестидесятыхъ годахъ былъ интерпрированъ знаменитый кавказскій имамъ Шамиль съ семьей и нѣкоторыми своими послѣдователями-муридами.

VI.

Ликвидировавъ приключеніе Сіяхъ-Пуша, генераль Комаровъ предпринялъ поѣздку по восточной части Мервскаго оазиса, передъ своимъ возвращеніемъ въ Асхабадъ.

Лессаръ уже 4-го марта выступилъ съ нѣсколькими туркменами въ Толатанъ и Пендэ, дабы ознакомиться съ тамошними сарыками, туркменскимъ племенемъ, пограничнымъ съ Афганистаномъ и уже просившимъ о принятіи въ русское подданство.

Генерала сопровождали Алихановъ, назначенный начальникомъ Мервскаго округа, три офицера и я. Конвой же его состоялъ всего изъ двухъ сотенъ казаковъ, восьми ахаль-текинскихъ милиціонеровъ и нѣсколькихъ человекъ мервской милиціи, которую генераль уже началъ формировать по образцу ахаль-текинской. 10-го марта генераль Комаровъ выѣхалъ изъ Мерва на югъ, по направленію къ главной плотинѣ Мервскаго оазиса, на рѣкѣ Мургабѣ, называемой Коушуть-Бентъ.

При этой поѣздкѣ, какъ и во время всѣхъ описываемыхъ операцій, генераль Комаровъ преслѣдовалъ не только политическія и военныя цѣли, но и экономическія и научныя.

Такъ, личный объѣздъ новаго русскаго округа долженъ былъ показать туземцамъ, что не только Коушуть-Ханъ-Кала, но и весь оазисъ дѣйствительно подчиненъ русской власти. Въ военномъ отношеніи, генерала озабочивалъ вопросъ о водоснабженіи новаго русскаго укрѣпленія на Мургабѣ, въ дѣлѣ обезпеченія котораго плотина Коушуть-Бентъ имѣла капитальное значеніе. Отъ этой же плотины зависѣла и сельско-хозяйственная производительность всего оазиса. Названная плотина оказалась небольшою и крайне первобытною, очень похожей на Карры-Бентъ. Теперь она замѣнена превосходными гидротехническими сооружениями, которыя обезпечиваютъ правильное орошеніе всѣхъ туркменскихъ пашень, водоснабженіе желѣзнодорожной станціи и русскаго города Мерва, разросшагося вокругъ Александровскаго укрѣпленія, и сверхъ того доставляютъ необходимую воду славящемуся своими хлопковыми и иными плантаціями обширному мервскому Государеву имѣнію.

Осмотрѣвъ плотину, генераль Комаровъ направился въ ставку вдовы Нуръ-Верды-хана мервскаго Гуль-Джамаль, сыпь которой юный Юсупъ-ханъ былъ назначенъ однимъ изъ новыхъ четырехъ правителей мервскаго народа. Эта замѣчательная женщина принимала, какъ подробно описано Алихановымъ, дѣятельное и полезнѣйшее участіе въ мирномъ рѣшеніи мервскаго вопроса.

Генераль передалъ ей всемилостивѣйшіе подарки: отъ императора Александра III—соболью шубу, покрытую парчой, и отъ императрицы Маріи Ѳеодоровны—браслеты и другія цѣнныя золотыя и брильянтовыя вещи.

Затѣмъ началась ученая экскурсія по развалинамъ древняго Мерва.

Персидскій городъ Байрамъ-Али, взятый приступомъ бухарскимъ эмиромъ въ 1783 году, сохранился, какъ живой памятникъ персидской культуры XVIII вѣка, съ улицами, банями, украшенными фресками, и мечетями. Онъ замеръ потому, что прекратилось водоснабженіе, и теперь на половину занесенъ сыпучими песками сосѣдней пустыни.

Развалины арабскаго Мерва группируются вокругъ могилы перваго проповѣдника магометанства среди мѣстныхъ послѣдователей Зороастра и христіанъ. Послѣдніе обитали въ Мервѣ въ значительномъ числѣ въ VIII вѣкѣ, когда въ Мервѣ былъ даже несторіанскій епископъ.

Арабская могила носитъ названіе Султанъ-Санджаръ и изображена на прилагаемой фотографіи, снятой генераломъ Комаровымъ.

Въ числѣ туземцевъ, собравшихся посмотреть на генерала, былъ одинъ не старый, бойкій и словоохотливый туркменскій мулла, который заявилъ, между прочимъ, Александру Виссаріоновичу, что онъ знаетъ «слово» отъ укуса змѣи.

Какъ разъ у названной могилы генераль, который, какъ всегда, искалъ новыхъ жуковъ, замѣтилъ подъ камнемъ довольно большую змѣю.

— Если ты знаешь заговоръ противъ змѣи,—сказалъ онъ муллѣ:—возьми вотъ эту.

Мулла нагнулся, ловкимъ движеніемъ схватилъ правой рукой змѣю за хвостъ, а лѣвой—сжалъ ей шею подъ челюстями.

Въ широко раскрытой пасти виднѣлись ядовитые бѣлые зубы. И вотъ мулла, не довольствуясь выказаннымъ имъ молодечествомъ, вкладываетъ указательный палецъ правой руки прямо въ ротъ змѣѣ. Та вонзила острые зубы въ палецъ, и, когда мулла быстро его выдернула, вшившіеся въ него зубы разорвали палецъ съ такимъ звукомъ, точно кто-нибудь рвалъ кусокъ коленкора. Изъ пальца хлынула кровь.

Разсерженный мулла перегрызъ змѣю зубами пополамъ, бросилъ обѣ ея половины на землю и отошелъ въ сторону, бормоча какія-то заклинанія.

Окончивъ осмотръ развалинъ, генералъ Комаровъ пригласилъ насъ, по обычаю, закусить: во время всего похода мы каждый день у него обѣдали. Сѣвъ на песокъ, всѣ принялись съ большимъ аппетитомъ за ѣду. Мнѣ помнится, что въ этотъ день я угощалъ генерала и спутниковъ блинами, которыя пекъ недурно въ степи мой слуга, когда ему удавалось добыть муки.

Къ концу обѣда къ генералу подошелъ туркменъ и доложилъ, что мулла просить водки: укушенная рука уже распухла почти до плеча ¹⁾. Водки съ нами не было, но въ моей дорожной флягѣ я берегъ съ полбутылки хорошаго коньяку. Вздохнувъ, я налилъ полный стаканъ и послалъ его муллѣ.

Подъ вечеръ, когда мы собрались ѣхать дальше, было получено извѣстіе, что опухоль не пошла дальше плеча и что мулла внѣ опасности.

Третья группа мервскихъ развалинъ именуется Искандеръ-Кала, т.-е. крѣпость Александра, и нѣтъ сомнѣнія, что высокая, занесенная пескомъ насыпь обозначаетъ мѣсто, гдѣ когда-то стоялъ лагерь великаго македонца.

Дѣлать раскопки не позволяло время. Но генералъ Комаровъ, ученыя заслуги котораго, какъ археолога и нумизмата, были почтены незадолго передъ тѣмъ избраніемъ его въ предсѣдатели археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ, нашелъ, порывшись немного, нѣсколько, несомнѣнно, эллинскихъ черепковъ и кусокъ стекла съ какими-то, повидимому, античными изображеніями.

Мы прибыли въ Мервъ на шестой день и вскорѣ за тѣмъ выступили на юго-западъ по направленію къ Асхабаду ²⁾.

Въ Серахсѣ къ генералу присоединился Лессаръ, прибывъ туда прямо изъ Пендэ. Онъ былъ уже тогда настолько боленъ, что не могъ ѣхать верхомъ. Для него какъ-то достали арбу, едва надѣясь довести живымъ до Асхабада. Однако онъ прожилъ и проработалъ еще безъ малаго двадцать лѣтъ и скончался во время русско-японской войны.

Проводивъ генерала Комарова изъ Серахса, я продолжалъ путь на югъ, вдоль праваго берега Теджена.

Тутъ мнѣ привелось увидѣть, вѣроятно, первому изъ европейцевъ, Зюльфагарское ущелье, которое сыграло такую важную

¹⁾ Извѣстно, что алкоголь является противоядіемъ змѣйнаго укуса.

²⁾ Я оказался вынужденнымъ вернуться въ Петербургъ, такъ какъ получилъ въ Мервѣ извѣстіе о кончинѣ моего отца. Генералъ же Комаровъ рѣшилъ направиться въ Асхабадъ не черезъ Карры-Бентъ, а черезъ Серахсъ, для предотвращенія пограничныхъ недоразумѣній съ Персіей.

роль въ русско-англійскихъ разграничительныхъ переговорахъ 1885 года ¹⁾).

Когда я вернулся въ Асхабадъ, я уже засталъ тамъ А. В. Комарова, продолжавшаго неумоимо трудиться надъ устройствомъ ввѣреннаго ему новаго края.

Черезъ нѣсколько дней я выѣхалъ въ Петербургъ, сердечно простившись съ генераломъ Комаровымъ и сохранивъ о немъ на всю жизнь глубокое и признательное воспоминаніе.

Благодаря патріотической расчетливости и организаторскимъ дарованіямъ генерала Комарова, занятіе Мерва обошлось русской казніѣ всего въ 240.000 рублей, т.-е., какъ говаривалъ А. В. Комаровъ, «меньше, чѣмъ средней руки домъ въ Петербургѣ».

Между тѣмъ, вмѣстѣ съ Мервскимъ оазисомъ, было включено генераломъ Комаровымъ въ предѣлы Россійской имперіи около 100.000 квадратныхъ верстъ территоріи значительной экономической цѣнности, которая не замедлила сказаться въ быстромъ развитіи скотоводства и земледѣлія, вслѣдъ за установленіемъ въ степи безопасности и порядка. А со времени арестованія Сіяхъ-Пуша и его сообщниковъ разбои и волненія среди туземцевъ совершенно прекратились и, думается, уже навсегда.

Съ исторической точки зрѣнія, занятіе Мерва замкнуло второй и послѣдній кругъ поступательнаго движенія Россіи въглубь Средней Азіи.

За четверть вѣка передъ тѣмъ западно-сибирская и оренбургская «линіи» сомкнулись въ бассейнѣ рѣки Сыръ-Дарьи, благодаря походамъ Черняева и Веревкина.

Въ Мервѣ аналогичнымъ образомъ передовые посты кавказскаго военнаго округа, въ составъ котораго входилъ тогда Закаспійскій край ²⁾, соприкоснулись съ областью вѣдѣнія туркестанскаго военнаго округа, уже включавшей Хиву, Бухару и лѣвый берегъ Аму-Дарьи.

Эта смычка выразилась наглядно въ боевомъ сотрудничествѣ подъ Кушкой 18-го марта 1885 года 3-го туркестанскаго линейнаго батальона съ батальонами закаспійской стрѣлковой бригады.

По окружности же новаго кольца легла вскорѣ, въ видѣ Средне-Азіатской желѣзной дороги, стальная цѣпь, которая соединила сквознымъ рельсовымъ путемъ Красноводскъ, Асхабадъ, Мервъ, Бухару, Ташкентъ и Оренбургъ и, по образному выраженію туркменъ, «приковала ихъ» навсегда къ владѣніямъ русскаго Царя».

¹⁾ См. «Афганское разграниченіе», стр. 82 и слѣд.

²⁾ Теперь онъ подчиненъ туркестанскому генераль-губернатору.

Въ области вѣдшей политики, присоединеніе Мерва положило благоприятное для Россіи начало подготавливавшемуся разграниченію сферъ вліянія Россіи и Англіи въ Средней Азійи и тѣмъ, какъ было упомянуто выше, способствовало устраненію вѣкового препятствія къ дружественному сближенію этихъ государствъ.

Заслуги генерала Комарова въ рѣшеніи мервскаго вопроса были высочайше отмѣчены пожалованіемъ ему ордена Бѣлаго Орла.

Я, по возвращеніи въ Петербургъ, удостоился у императора Александра III пріема, особая милость котораго никогда не изгладится изъ моей памяти. Оказалось, что мои письма съ похода были представляемы министерствомъ иностранныхъ дѣлъ его величеству и служили въ теченіе нѣкотораго времени почти единственнымъ источникомъ подробной освѣдомленности нашего правительства о ходѣ дѣлъ въ Мервѣ, настолько были тогда сложны и медленны официальные сношенія начальника Закаспійской области съ Петербургомъ, направлявшіяся черезъ Тифлисъ въ военное министерство. Вскорѣ затѣмъ мнѣ былъ предоставленъ, — хотя мнѣ было только двадцать девять лѣтъ, — вновь учрежденный въ связи съ совершившимся замиреніемъ Туркменіи, отвѣтственный постъ политическаго агента въ Бухарѣ.

Самое же занятіе Мерва было всемилостивѣйше приравнено къ походу военнаго времени, съ предоставленіемъ его участникамъ права носить медаль «за походы въ Средней Азійи».

Н. В. Чарыковъ.

О НРАВСТВЕННОМЪ ОБЛИКѢ В. В. САМОЙЛОВА.

Положеніе актеровъ въ эпоху тридцатыхъ годовъ.—Отношеніе Самойлова къ начальству.—Столкновеніе съ унтеромъ.—Неудавшіяся хлопоты о дворянствѣ.—Помощь студентамъ-горнякамъ.—Самойловъ—старый баринъ русской сцены.

О ПОСТАНОВЛЕНІЮ петербургской городской думы, къ дому, гдѣ жилъ и скончался В. В. Самойловъ, прибита мраморная доска. Этимъ торжествомъ, которое состоялось въ день смерти знаменитаго артиста, закончилось чествованіе его памяти по случаю столѣтней годовщины дня рожденія.

Баловень судьбы при жизни, Самойловъ не могъ бы пожаловаться на невниманіе потомства. Торжественное засѣданіе въ залѣ консерваторіи, статьи въ журналахъ и газетахъ, воспоминанія современниковъ, все говорило о глубокомъ уваженіи къ заслугамъ артиста передъ русской сценой. И все-таки на всемъ, что дѣлалось въ эти дни, можно было уловить печать досадной недоговоренности. За всѣми восхваленіями ума и таланта, какъ и за тщательнымъ анализомъ приѣмовъ творчества, чувствовался какой-то большой, кардинальный вопросъ, котораго одни не хотѣли, а другіе не рѣшались касаться. Это вопросъ о личности артиста.

Не говоря уже о важности его для полнаго анализа мотивовъ творчества, вопроса этого необходимо коснуться и ради исторической справедливости, такъ какъ имя Самойлова, съ которымъ для многихъ и многихъ связаны очень трогательныя воспоминанія, стало за послѣднее время чуть не синонимомъ чего-то дерзкаго, заносчиваго и тупого въ своемъ безконечномъ самообожаніи.

Роль первой скрипки, если не по времени, то по яркости обличенія сыгралъ въ этомъ отношеніи А. Нильскій, нарисовавшій въ своихъ запискахъ крайне непривлекательный образъ. Но не будемъ говорить о томъ, что этотъ артистъ, въ полную противоположность Самойлову, былъ слишкомъ большимъ баловнемъ начальства и могъ видѣть въ бутадахъ премьера косвенное обличеніе столь благопріятной для него системы фаворитизма. Пусть Нильскій правъ! Что же онъ говорить въ концѣ концовъ?

Прежде всего надо замѣтить, что Нильскій, какъ и никто изъ остальныхъ біографовъ, не рассказываетъ ни одного эпизода, бросающаго тѣнь на доброе имя артиста. Легкость нравственныхъ устоевъ, столь характерная, наиримѣрь, для Милославскаго, была совершенно чужда Самойлову. А это рисуетъ въ иномъ свѣтѣ и упреки за ту или иную черту характера и прежде всего упреки въ нетерпимости. Въ низменной натурѣ презрѣніе къ младшимъ имѣло бы свое особое объясненіе. Тутъ издѣвательство явилось бы обратной стороной медали, неумолчной, злорадной расплатой за тотъ долгій путь униженій, который вызвалъ «гордеца» на вершину благополучія. Но Самойловъ, даже по описанію Нильскаго, не былъ такимъ гордецомъ въ ковычкахъ. Это былъ дѣйствительно гордый человѣкъ, который при случаѣ не дѣлалъ разницы между театральнымъ курьеромъ и вліятельнымъ чиновникомъ конторы. Совсѣмъ иная психологія, корни которой необходимо должны были крыться не только въ личныхъ свойствахъ характера, но и въ общественныхъ условіяхъ!

Попробуемъ же стать на этотъ путь. Къ такому болѣе сложному приему анализа вынуждаетъ и тотъ фактъ, что писавшіе о Самойловѣ знакомились съ нимъ въ послѣдній періодъ его жизни, когда многое въ окружающей обстановкѣ измѣнилось безповоротно и явленія, понятныя прежде, могли обрисовываться совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ.

Но если мы обратимся къ біографіи артиста, мы сразу увидимъ, что самый дебютъ его осенью 1834 года вызвалъ большое удивленіе въ актерскомъ мірѣ. Въ среду питомцевъ театрального училища, которые вступали въ него въ дѣтскіе годы и выпускались затѣмъ на сцену неспособными за малограмотностью ни къ какому иному труду, входилъ чиновникъ морского министерства, окончившій горный корпусъ и лѣсной институтъ. Входилъ и съ первыхъ шаговъ же узнавалъ, каково было въ ту пору положеніе актера.

Директоромъ въ то время былъ знаменитый Александръ Михайловичъ Гедеоновъ, человѣкъ, понимавшій искусство и самъ по себѣ безукоризненно честный. Но всѣ эти достоинства, какъ и приущая ему доброта, не мѣшали Гедеонову на каждомъ шагу проявлять самый неумолимый деспотизмъ. Обращаясь къ актерамъ на

«ты», онъ въ злую минуту способенъ былъ накричать на самаго неповиннаго человѣка и, не слушая оправданій, выгнать вонъ изъ кабинета. Такъ было, на примѣръ, со старымъ актеромъ Радинымъ, котораго Гедеоновъ, принявъ за другое лицо, довелъ до слезъ.

Распеканія и ругань являлись, впрочемъ, въ ту пору далеко не горшей бѣдой. Для болѣе энергичнаго воздѣйствія на жрецовъ искусства существовала знаменитая «трубная», куда сажали актеровъ за малѣйшую провинность и прежде всего, конечно, за «неуваженіе къ начальству».

Все это, вмѣстѣ съ системой неустанной чиновничьей опеки надъ искусствомъ, создавало крайне тяжелую атмосферу фаворитизма и низкопоклонства.

Обращаться къ такому громовержцу, какъ Гедеоновъ, надо было, конечно, въ особо почтительной формѣ. И это сказалось на первомъ же документѣ, представленномъ Самойловымъ по начальству,—на его прошеніи о приѣмѣ на службу.

Прошеніе это такъ характерно, что я позволю себѣ привести документъ цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что онъ не появлялся еще въ печати:

«Милостивымъ ходатайствомъ вашего превосходительства,—писалъ Самойловъ директору театровъ,—былъ я уволенъ изъ вѣдомства морского министерства для опредѣленія въ артисты российской труппы. Нынѣ по сыграніи уже нѣсколькихъ ролей предъ публикою, осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить ваше превосходительство о рѣшеніи моей участи: принятіемъ въ службу дирекціи. Кондиціи жалованья моего предоставляю великодушному благоусмотрѣнію вашего превосходительства, слишкомъ хорошо зная всѣ ваши милостивыя попеченія о судьбѣ и положеніи всѣхъ вашихъ подчиненныхъ» ¹⁾.

Великодушное благоусмотрѣніе милостиваго директора оказалось великодушнымъ на этотъ разъ, и Самойловъ былъ принятъ въ труппу. Но прежде зачисленія ему подъ распиской было объявлено о томъ, что «лица, поступающія изъ чиновниковъ въ актеры, на время службы въ семъ званіи лишаются чиновъ».

Этотъ отказъ отъ прежнихъ правъ не могъ не явиться тягостной процедурой для будущаго артиста. И образованный, чуткій къ новымъ вѣяніямъ искусства, молодой человѣкъ не могъ еще тогда не понять, что ему долго и упорно придется бороться за свои права. Отсюда и особый характеръ многихъ его выходокъ.

Излишняя гордость порокъ слишкомъ распространенный въ театральной средѣ. Въ припадкѣ ея Мочаловъ показалъ однажды на памятникъ Минина и спросилъ: «Кто это?» «Мининъ», отвѣчали ему. «А я кто?» послѣдовалъ вопросъ. Никто въ толпѣ не зналъ

¹⁾ Архивъ министерства двора, дѣло № 6816.

его, и Мочаловъ, обругавъ презрѣнную чернь, въ гордомъ одиночествѣ пошелъ дальше. Въ такихъ, на первый взглядъ, полѣпныхъ бравадахъ есть что-то дѣтски-наивное. Король на часъ, заставлявшій сотни людей трепетать при его шопотѣ, не могъ разстаться со своей властью.

Но иной уклонъ принималъ тотъ же гордый порывъ у Самойлова. Художникъ-реалистъ, органическій противникъ старой школы, онъ и на сценѣ не рисовалъ титановъ. Тѣмъ болѣе чуждо было бы ему священное безумство въ жизни. И тутъ-то мы и сталкиваемся съ глубокимъ единствомъ жизни и творчества.

Когда на склонѣ лѣтъ Самойловъ сыгралъ роль Ополева въ пьесѣ Пальма «Старый баринъ», это его созданье сразу выдѣлилось яркимъ красочнымъ пятномъ на фонѣ многихъ и многихъ блестяще сыгранныхъ ролей. Актеръ-виртуозъ, постоянно стремившійся скрыть черты своего лица, измѣнилъ себѣ и выдалъ горечь своихъ глубокихъ разочарованій. Такъ невольно хочется думать, когда сквозь вѣчные диаграммы о непостижимыхъ превращеніяхъ подходимъ къ отзывамъ объ этой роли. Человѣкъ и артистъ слились въ одно, и молва стала говорить о томъ, что именно такимъ старымъ баринномъ русской сцены и былъ Самойловъ. И дѣйствительно, въ его гордынѣ была та благородная принципиальность, при которой прежде всего добиваются уваженія своей личности. Ради этой основной цѣли Самойловъ готовъ былъ поступиться и тѣмъ, что было бы весьма удобно для него, какъ для актера.

Нильскій сообщаетъ, наприимѣръ, о томъ, какъ негодующе отнесся Самойловъ къ предложенію одного знатока Шекспира помочь ему при изученіи роли. Казалось бы, здѣсь гордость дѣйствительна была неумѣстна. Но на самомъ дѣлѣ эта черта вполне понятна. У старыхъ актеровъ, начавшихъ дѣятельность въ эпоху Александра I, были свои учителя, которымъ они подчинялись беспрекословно. И очень часто такими учителями являлись не режиссеры.

Гнѣдичъ съ голоса училъ Семенову, Катенинъ объяснялъ каждый шагъ Каратыгину, а Аксаковъ вызывалъ къ себѣ Мочалова для внушенія ему истинныхъ правилъ сценическаго искусства. Последній волей или неволей, но все же являлся для выслушванія наставленій. Разъ за нимъ признавали талантъ, онъ могъ въ другихъ отношеніяхъ согласиться на снисходительное похлопываніе по плечу. Но интеллигентный Самойловъ не могъ допустить и мысли объ опекаѣ меценатствующихъ театраловъ и въ отвѣтъ знатоку Шекспира заявилъ, что онъ гордится тѣмъ, что всѣмъ обязанъ лишь самому себѣ.

Съ такими невыгодными прежде всего для самого Самойлова проявленіями гордости мы встрѣчаемся постоянно.

Очень любопытенъ, наприимѣръ, такой отрывокъ изъ рапорта по начальству, представленнаго зрителемъ Александринскаго

театра. «Сегодня во время ренетціи бенефиса актера Толченова, — докладывалъ онъ, — замѣтилъ дежурный унтеръ-офицеръ запахъ табаку на сценѣ и увидѣлъ, что актеръ Самойловъ куритъ сигару въ уборной. Онъ входитъ въ уборную и объявляетъ Самойлову, что курить табакъ здѣсь не позволяется; онъ же, Самойловъ, повернулъ унтеръ-офицера, взявъ своими руками за плечи, и выгналъ изъ уборной».

За изгнаніе унтера Самойловъ заплатился штрафомъ, но это не научило его чиновничеству. Съ такой же рѣзкостью, нѣсколько измѣнивъ, конечно, ея формы, относился онъ и къ остальнымъ предержащимъ властямъ театральнаго міра. Извѣстнаго Федорова, выскочившаго на постъ завѣдующаго репертуаромъ изъ мелкихъ почтовыхъ чиновниковъ, онъ попросту третировалъ, а другому видному въ театральномъ мірѣ лицу замѣтилъ при случаѣ, что ему болѣе бы подобало ходить въ кандалахъ, а не разѣзизать на собственныхъ лошадакахъ.

И было бы ошибочно думать, что такіе выходы вызывались лишь личной обидой. Въ общемъ начальство далеко не плохо отпосилось къ артисту. Его оклады возрастали очень быстро, ему давали отпуски и пособія, съ нимъ считались при составленіи репертуара. Но Самойлову претила самая манера казнить и миловать, и въ ту пору, когда другіе ходили на поклонъ и къ чиновникамъ, и къ ихъ фавориткамъ, а если не ходили, то терпѣли вѣчныя преслѣдованія, какъ это было съ Мартыновымъ, который, по циничному выраженію Федорова, «просить не умѣлъ», Самойловъ доказалъ, что можно не просить, а требовать признанія своихъ заслугъ. И этому стремленію онъ остался вѣренъ до конца.

Мы видѣли, какой унижительной процедурой сопровождалось вступленіе Самойлова на сцену. Но зато какимъ красивымъ жестомъ закончилъ артистъ свое служеніе искусству! Я говорю объ инцидентѣ съ медалью, пожалованной ему въ день сорокалѣтія службы.

До послѣдняго времени эпизодъ этотъ не былъ достаточно освѣщенъ. Мы знали лишь изъ воспоминаній Алексѣева, что Самойловъ отнесся очень холодно къ этому знаку отличія.

«Самойлову, — сообщаетъ Алексѣевъ, — медаль поднесена была управлявшимъ тогда театрами барономъ Кистеромъ передъ началомъ юбилейнаго спектакля.

«— Поздравляю съ монаршей милостью! — сказалъ Кистеръ.

«Василій Васильевичъ молча взялъ футиляръ изъ рукъ директора и положилъ на столъ.

«Это смутило барона, и онъ замѣтилъ Самойлову:

«— Вы бы надѣли ее!

«— Я знаю, что мнѣ съ нею дѣлать!

«Видя, что юбиляръ не въ духѣ, баронъ поспѣшилъ ретиро-

ваться. Брильянтовый значокъ отъ публики Самойловъ носилъ постоянно, этой же медали я никогда на немъ не видывалъ»...

Въ январскомъ номерѣ «Ежегодника Императорскихъ театровъ» «Старый Театраль» дополняетъ этотъ рассказъ. По его словамъ, Самойловъ былъ прямо шокированъ такимъ знакомъ отличія и рѣзко замѣтилъ, что, вѣроятно, ему по ошибкѣ дали медаль, присланную курьеру Самойлову. И надо припомнить то время—середина семидесятыхъ годовъ,—чтобы понять, сколько истинной гордости и благородной смѣлости заключалось въ словахъ стараго артиста.

Ненормальность подобныхъ наградъ, одинаково отличающихъ заслуги и артистовъ и театральныхъ швейцаровъ, вскорѣ была признана всѣми, и, когда Самойловъ праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей, ему впервые со времени существованія русской сцены былъ пожалованъ орденъ Владимира 4 ст. Но—отъ судьбы не уйдешь—его и тутъ постигла неудача. По общему правилу этотъ орденъ давалъ права потомственного дворянства. Въ этомъ направленіи и были предприняты хлопоты Самойловымъ, причемъ дворянское депутатское собраніе 3-го мая 1886 года опредѣлило: «отставнаго артиста императорскихъ театровъ Василя Васильевича Самойлова съ сыномъ его архитекторомъ Василюмъ Васильевичемъ Самойловымъ и съ сыномъ сего послѣдняго Георгіемъ внести въ третью часть дворянской родословной книги С.-Петербургской губерніи» ¹⁾. Но это постановленіе не было утверждено департаментомъ герольдіи, такъ какъ «потомственное дворянство по пожалованію ордена св. Владимира пріобрѣтають лишь лица, состоящія на службѣ гражданской или военной», Самойловъ же «пожалованъ орденомъ не на дѣйствительной государственной службѣ, а во время отставки, въ изъявленіе особеннаго къ нему монаршаго благоволенія» ²⁾.

Представляя въ иномъ свѣтѣ личность Самойлова, я не хотѣлъ бы пойти дальше цѣли, и въ мои намѣренія не входитъ апологія его каждаго рѣзкаго слова. Нѣтъ! Пусть такъ же смѣло обличаютъ его за преувеличенно развитое чувство самолюбія. Но надо понять наконецъ, откуда происходили подобныя крайности. И, повторяю снова, надо брать личность артиста въ ея цѣломъ.

Самойловъ полвѣка прослужилъ искусству и въ этомъ были свои неудобства. Онъ началъ карьеру въ тридцатыхъ годахъ, когда процвѣтала, если такъ можно выразиться, актероцентрическая система театральнаго уклада. При жалкихъ декораціяхъ, мизерной обстановкѣ и невозможномъ антуражѣ царили, какъ легендарные герои, Каратыгинъ, Брянскій, Колосова. И на под-

¹⁾ Протоколь губернскаго депутатскаго собранія за № 1560.

²⁾ Архивъ департамента герольдіи.

мосткахъ они властвовали безраздѣльно. Покорный совѣтамъ Катенина, Каратыгинъ зычно покрикивалъ на режиссеровъ и былъ такъ требователенъ къ мелкимъ актерамъ, что даже его братъ впадалъ въ трепетъ и избѣгалъ тѣхъ ролей, гдѣ у нихъ были общія сцены. Съ мечтой о такомъ же успѣхѣ взялся за работу Самойловъ. Но идея ансамбля съ каждымъ десяткомъ лѣтъ дѣлала новыя завоеванія. Самойловъ плохо замѣчалъ это и требовалъ слишкомъ много славы въ семидесятыхъ годахъ, не желая понять, что взялъ уже все, что могла дать ему эта эпоха. Это тоже приходило, какъ дополнительный элементъ, въ трагедію его актерской гордыни. Но ея основной источникъ имѣлъ другое начало.

Кромѣ того, говоря объ отношеніи Самойлова къ другимъ актерамъ, справедливо было бы всегда напоминать, какъ много обязано было ему тогдашнее безпастушное стадо мелкаго актерства. Къ премьеру обращались всѣ, и онъ объяснялъ характеры, указывалъ тонъ, давалъ совѣты насчетъ костюма, а подчасъ набрасывалъ и эскизы грима. Это была истинно-художественная работа, безконечно тщательное режиссерство, которое выполнялъ Самойловъ, не нося никакихъ официальныхъ званій. И чтобы понять, какимъ восторгомъ загорались молодые сердца при видѣ работы стараго мастера, достаточно прочесть благоговѣйную статью Свободина, написанную подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ смерти Самойлова.

Но не только среди театральной молодежи есть кому вспомнить о сердечности и отзывчивости Самойлова.

Привожу любопытный разсказъ небезызвѣстнаго театральнаго дѣятеля и драматурга В. П. Писнячевскаго.

«Въ бытность студентомъ горнаго института, — говорилъ В. П., — мнѣ пришлось отправиться вмѣстѣ съ другими товарищами къ Самойлову просить его принять участіе въ спектаклѣ для недостаточныхъ студентовъ. Василій Васильевичъ сейчасъ же выразилъ свое полное согласіе, но, когда стали говорить о вечерѣ въ подробностяхъ, оказалось, что спектакль не такъ-то легко наладить. «Да, позвольте, господа, какую сумму вы хотѣли бы выручить?» вдругъ обратился къ намъ Самойловъ. «Намъ нужно рублей четырехста», отвѣтили мы. «Ну, о такихъ пустякахъ не стоитъ и толковать», засмѣялся Василій Васильевичъ, вынимая изъ бюро и передавая намъ деньги».

Если идти по стопамъ Нильскаго, можно и въ этомъ добромъ порывѣ заподозрѣть черты рисовки.

Но пусть это былъ столько же гордый, какъ и великодушный жестъ. Развѣ не трогателенъ подобный порывъ къ рыцарству въ старикѣ, помнившемъ еще тѣ времена, когда актеры, надѣвъ шутовской фракъ, а то такъ и прихвативъ съ собою дѣтей, ѣздили продавать богатымъ купцамъ билеты на свой бенефисъ.

«Гордь я! Гордь, Аркадій!» говоритъ Несчастливцевъ. Но эта гордость проявлялась въ старыхъ трагикахъ только за кулисами. Впервые вынесъ его за предѣлы театра лишь Самойловъ и, будь онъ на мѣстѣ Геннадія Демьяныча, ему не посмѣлъ бы посулить пѣнковую трубку Бодасъ.

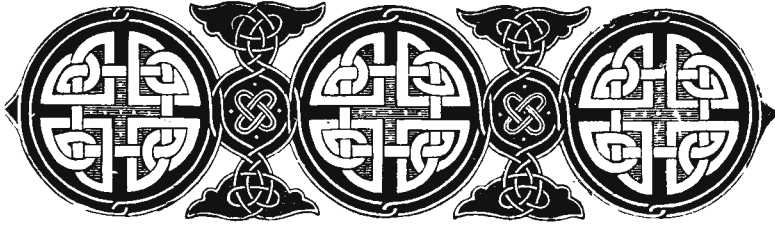
Это сказалось и при смерти артиста. Многихъ дѣятелей сцены провожали болѣе торжественно и, если хотите, болѣе трогательно. Но лишь читая отчеты о похоронахъ Самойлова, чувствуешь, что въ немъ общество потеряло не только артиста. Почетный членъ консерваторіи и общества драматическихъ писателей, свой членъ въ кругу художниковъ, Самойловъ былъ неразрывно связанъ со всѣмъ, что было въ столицѣ талантливаго, умнаго, передового. Ему не удалось взойти на сцену съ гордо поднятой головой, но онъ ушелъ съ нея, какъ старый баринъ. И какъ бы это ни нравилось тѣмъ, кого онъ умѣлъ при случаѣ обдать презрѣніемъ, самое искреннее и горячее слово на его могилѣ произнесъ трагикъ Леонидовъ, актеръ, противъ котораго лишь и имѣлъ бы смыслъ интриговать Самойлову.

Обо всемъ этомъ, право же, стоитъ вспомнить.

Современные актеры завоевали себѣ положеніе въ обществѣ, и ихъ сѣзды и союзы достаточно ярко показываютъ ростъ правового сознанія въ этой средѣ. Но теперешнему поколѣнію, вступившему въ жизнь при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ, необходимо вспомнить, какъ труденъ былъ пройденный путь. И на этомъ пути ярко горитъ имя безумнаго гордеца, гордеца и въ жизни и на сценѣ, неподкупнаго ни милостью, ни угрозой—Василія Самойлова.

Н. Н. Долговъ.

РОКОВОЙ ГОДЪ.

(Предсказанія войны).

I.

Германія объявила намъ войну.—Искушеніе Вильгельма II.—Нѣмцы не боятся и Бога.—Апокалиптическая жатва.—Историкъ-мистикъ.—Періодичность явленій.—Засуха и пошное.—Періодъ кровопролитія.—Комета войны.—Предсказанія г-жи де-Тэбъ.—Пунаръ-Бхава (фонъ-Чисекій).—Роковыя числа.—Прекращеніе династїи Готенцоллерновъ.—Пророчество объ общеевропейской войнѣ.

ТО БЫЛО, то и будетъ; и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться,—и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ (Екклесіастъ I. 9). Но когда я прочелъ краткую, но многовѣщательную, телеграмму: Германія объявила намъ войну,—то подумалъ про себя: «Будетъ нѣчто небывалое на землѣ. Столкнутся милліонныя арміи, вооруженныя чудовищными пушками и страшными пулеметами. Сраженія будутъ длиться не часами, а недѣлями. Столкновения такихъ громадъ людей вызовутъ десятки, сотни тысячъ смертей. Такого масштаба войны еще не было на землѣ».

Наканунѣ роковой ночи на 20-е іюля мнѣ рисовалась такая картина: на земномъ шарѣ стоитъ маленькій человекъ съ вздернутыми усами кверху и любитъ своимъ положеніемъ:

«Отъ меня одного зависитъ сейчасъ миръ или война на землѣ. Скажу миръ,—и будетъ миръ. Война!—и будетъ война».

Страшное искушеніе. Если онъ провозгласитъ миръ на землѣ, то люди, пожалуй, этого не оцѣнятъ въ должной степени. Развѣ

награждать Нобелевской преміей. Скорѣй сочтутъ за трусость, за боязнь быть разбитымъ на войнѣ. Другое дѣло объявить войну. Какъ бы она ни кончилась, но исторія запишетъ, что война началась по мановенію Вильгельма II. И онъ не удержался, произнесъ страшное слово: «война». Да, это онъ воплощенный Марсъ-Арей нашего времени. Онъ давно лелѣялъ мысль быть въ этой роли. За четверть вѣка своего царствованія онъ оцѣпилъ Германію кольцомъ крѣпостей и разныхъ другихъ укрѣплсній, выставилъ свои безчисленныя чудовищныя орудія, загородился минами и фугасами, разставилъ тысячи препятствій, въ видѣ рвовъ и колючей проволоки, и провозгласилъ: «Нѣмцы никого не боятся, кромѣ Бога!» Но теперь, когда идетъ третій мѣсяцъ войны, всѣ народы увѣрились, что нѣмцы пошли еще дальше: они и Бога не боятся. Тѣ невѣроятныя звѣрства, о которыхъ такъ много свидѣтельствуютъ со всѣхъ сторонъ, то варварство, проявленное ими по отношенію къ городамъ Бельгій и Франціи, показываютъ, что этотъ сомнящій народъ окончательно заглушилъ голосъ совѣсти и потерялъ всякое представленіе о праведномъ Богѣ, воздающемъ каждому по дѣламъ его.

Все человѣчество волнуется небывалою войною. Всѣ государства Европы вооружаются. Равновѣсіе нарушено. Великое потрясеніе людей.

Но это только начало. Конецъ, когда народы будутъ истекать кровью, еще болѣе ужасенъ! Мы подошли къ такому моменту, когда человѣчество приноситъ гигантскую кровавую жертву. Не совершается ли передъ нашими глазами аллегорическая жатва винограда, описанная въ Апокалипсисѣ:

«... И истоптаны въ точилѣ (гнѣва Божія) за городомъ, и потекла кровь изъ точила даже до уздъ конскихъ, на тысячу шестьсотъ стадій...» (Апок. XIV, 20).

1600 стадій—это въ своемъ родѣ сорокъ сороковъ верстъ, на пространствахъ которыхъ изобильно проливается кровь въ настоящее время, на границахъ Россіи, Франціи, Бельгій, Сербіи и Черногоріи. Отъ Парижа до Каменецъ-Подольска или до острова Даго какъ разъ знаменательныя 1.600 верстъ.

Какъ все это случилось внезапно! Среди разгара лѣтняго сезона, когда городскіе обыватели разѣхались въ мѣста отдохновенія, вдругъ раздался страшный громъ ужасающей грозы. Все сразу пришло въ движеніе, внезапно упали перегородки, раздѣляющія людей и общества. Всѣ единодушно устремились на борьбу съ нѣмцами. Встали и нѣмцы, какъ одинъ человѣкъ, на грандіозный поединокъ съ славянами. Все, что происходитъ сейчасъ передъ нашими глазами, совершается какимъ-то чудомъ, волшебствомъ. Тутъ что-то необыкновенное, неземное. Какія-то мистическія силы двигаютъ горами людей.

II.

Есть у меня пріятель, Иванъ Ивановичъ, который любитъ разбираться въ законахъ исторической жизни народовъ. Для него ничего нѣтъ случайнаго. Что происходитъ въ жизни человѣчества, цѣлые ряды крупныхъ событій, страшныя войны и волненія народовъ,—все у него естественно вытекаетъ одно изъ другого. Подобно смѣнѣ вечера, ночи, утра и дня, смѣнѣ четырехъ временъ года, по его понятію, чередуются различные періоды жизни государствъ. Меня заинтересовало, какъ смотритъ Иванъ Ивановичъ на войну. Какое мѣсто она занимаетъ въ его теоріи историческихъ періодовъ?

Легче посѣтить кого-нибудь за городомъ, чѣмъ моего пріятели въ столицѣ. Онъ живетъ на такой окраинѣ, куда съ трудомъ доберешься на извозчикѣ. Что-то пустынное и жуткое чувствовалось въ той мѣстности. Обстановка жизни Ивана Ивановича нѣсколько отвѣчала его мѣсту. Небольшая комната, вся заставленная громоздкими шкапами съ книгами. Въ этой тѣснотѣ онъ цѣлыми днями или читаетъ, или пишетъ.

Я засталъ его за кипой газетъ и за картами тѣхъ земель Европы, гдѣ сейчасъ происходитъ война. Горячо волнуясь, онъ сразу посвятилъ меня въ текущія событія.

— А вы, дорогой, Иванъ Ивановичъ, предвидѣли эту страшную войну?

— Да кто жъ ея не предвидѣлъ... Много лѣтъ и мы, и нѣмцы готовились къ этой войнѣ. Пожалуй, можно было предвидѣть и время, когда она должна разразиться. Въ одной изъ своихъ многочисленныхъ рѣчей къ нѣмцамъ Вильгельмъ II напоминалъ имъ, что «двѣнадцатый» годъ не за горами, тотъ годъ, когда въ каждомъ столѣтій западъ идетъ на востокъ, а потому просилъ ихъ приготовиться къ предстоящему походу—войнѣ. У меня гдѣ-то есть вырѣзка изъ газеты, гдѣ напечатана была эта рѣчь, къ сожалѣнію, я сейчасъ не могу ея найти. Но я вамъ лучше покажу другую вырѣзку, изъ которой вы поймете, что въ мірѣ все совершается по строго точнымъ законамъ. Вѣдь вамъ ни на минуту не придетъ сомнѣніе, что въ окружающей васъ природѣ могутъ нарушиться извѣстные вамъ законы химіи и физики. Такъ и въ нравственномъ мірѣ существуютъ непреложные законы, по которымъ совершаются тѣ или другія явленія. Эти два міра, и духовный, и физическій, тѣсно связаны между собою. Явленія одного міра непременно отражаются и въ другомъ. Колоссальныя битвы подъ Варшавой и Перемышлемъ, во Франціи и Бельгіи, у Циндао и Каттаро сопровождались сильнымъ землетрясеніемъ 4-го октября по берегамъ Архипелага. Нѣмецкій профессоръ Рудольфъ Мевесъ, изучая различныя историческія событія, пришелъ къ заключенію, что

«истор. вѣспн.», ноябрь 1914 г., т. сxxxviii,

12

извѣстныя историческія теченія повторяются. Заодно съ нимъ профессоръ Ценгеръ и Рейсъ, изучая погоду, убѣдились, что и метеорологическія явленія повторяются періодически. Профессоръ Мевесъ попробовалъ приложить выводы науки о погодѣ къ исторіи человечества. Подтасовавши историческія событія въ разныя группы, онъ установилъ, что событія дѣйствительно повторяются, идутъ колесомъ. Онъ вычислилъ, что на каждые 111 лѣтъ и четыре мѣсяца приходится два періода военныхъ и два періода мирныхъ, ознаменованныхъ развитіемъ наукъ и искусствъ. Каждый такой періодъ смѣняется другимъ черезъ 27 лѣтъ и восемь мѣсяцевъ. Онъ составилъ таблицы важнѣйшихъ историческихъ событій по 1898 годъ включительно и нашелъ, что эти таблицы вполне подтверждаютъ его ученіе. Сравнивая свои таблицы съ таблицами засухъ и многоводія профессоровъ Ценгера и Рейса, нѣмецкій ученый пришелъ къ убѣжденію, что времена процвѣтанія наукъ и искусствъ всегда совпадаютъ съ временами полноводія, а военныя времена—съ засухой и маловодіемъ. Мевесъ доказывалъ, что въ силу извѣстныхъ метеорологическихъ условій, правильно повторяющихся каждыя 27 лѣтъ съ мѣсяцами, пѣлые народы оказываются настроенными сообразно этимъ періодамъ то воинственно, то миролюбиво. И вотъ на землѣ то процвѣтаютъ науки и искусства, то льется кровь и разрушаются плоды мирнаго труда.

III.

Пріятель вытащилъ изъ кипы газетныхъ вырѣзокъ старый пожелтѣвшій листокъ «Свѣта» (№ 239, сент. 1899 г.) и, протягивая его мнѣ, сталъ продолжать свою рѣчь:

— Все, что я вамъ сейчасъ сказалъ, напечатано, какъ вы видите, пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Для того времени послѣднею большою европейскою войною была наша русско-турецкая война 1877 года. Затѣмъ наступилъ мирный періодъ, который долженъ, по теоріи Мевеса, тянуться до 1904 года. Тогда, по увѣренію профессора, наступитъ новое время кровопролитія и разрушенія, и будетъ этотъ періодъ тянуться до 1932 года. Обратите вниманіе, какъ точно онъ предсказалъ 1904 годъ—время русско-японской войны. И если онъ правъ, то этотъ военный періодъ, который мы сейчасъ переживаемъ, протянется до 1932 года.

— До 1932 года!—воскликнулъ я.—А знаете ли, что этотъ годъ роковой въ предсказаніяхъ полковника ванъ-Бейнингена?

— Да. Въ его разборѣ историческихъ событій, въ связи съ библейскими пророчествами, въ 1932 году долженъ быть связанъ Сатана, послѣ чего наступитъ мирное царство блаженства ¹⁾. Правъ

¹⁾ См. книгу полковника Ф. К. ванъ-Бейнингена «Второе пришествіе Спасителя въ 1932—33 году». Петр. 1906 г.

ли онъ, или нѣтъ,—это мы увидимъ черезъ восемнадцать лѣтъ; въ настоящее же время насъ занимаетъ война текущаго 1914 года. Возвращаясь къ предсказанію Мевеса, я не могу удержаться, чтобы не напомнить вамъ, какое исключительно сухое, жаркое лѣто было въ этомъ году въ Россіи. Въ данномъ случаѣ страшной войнѣ предшествовала страшная засуха. Но можно указать и на другое явленіе физическаго міра, которое, по теоріи простодушныхъ людей, является также признакомъ грядущихъ военныхъ событій. Я говорю про комету Делявана. Астрономы наблюдаютъ ее съ начала этого года и уже точно вычислили ея путь; но для простыхъ смертныхъ она стала видимою кометою лишь въ августѣ мѣсяцѣ, съ развитіемъ военныхъ событій. Сейчасъ она уже вышла изъ созвѣздія Большой Медвѣдицы, которое такъ хорошо отличаетъ наше сѣверное небо. Россію часто символически изображаютъ въ видѣ большого медвѣдя. На этомъ основаніи новую «комету войны», какъ ее успѣли ужъ прозвать, стараются приурочить къ Россійской имперіи. Пусть такъ. Но надо имѣть въ виду, что комета эта двигается по небу между звѣздами въ юго-западномъ направленіи. Не несетъ ли она съ собою грозу изъ Россіи въ нѣмецкія земли? Въ началѣ сентября, днемъ, она проходила по параллели 50 гр. сѣверной широты, какъ разъ надъ головами сражающихся воиновъ. Если вы находите, что это случайное совпаденіе, во всякомъ случаѣ оно чрезвычайно знаменательно: хвостатая комета, этотъ грозный небесный мечъ, каждый день бываетъ въ зенитѣ окровавленныхъ полей битвы.

IV.

— Но вѣдь вы, дорогой, договорились до средневѣковой мистики, давно необязательной для настоящаго времени.

— Можетъ быть. Изъ пѣсни слова не выкинешь,—я не хотѣлъ опустить и это явленіе. И русскія, и заграничныя газеты не мало имъ занимаются. Да вѣдь и Иисусъ Христосъ предсказывалъ, что подъ конецъ міра будутъ знаменія въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ. Затменіе солнца 8-го августа, комета въ созвѣздіи Большой Медвѣдицы,—развѣ это не небесныя знаменія?

— Изъ предсказаній Христа,—замѣтилъ я,—особенно исполняется сейчасъ то слово, что не только царство на царство, но останется народъ на народъ. Въ настоящее время идутъ народныя войны. Весь народъ поголовно становится на защиту своей родины. Происходитъ расовая борьба. Нѣмецкая раса ополчилась на славянскую. Но, Богъ милостивъ, все клонится къ тому, что славяне въ концѣ концовъ побѣдятъ нѣмцевъ. Можно надѣяться, что смиреніе и скромность славянъ будутъ превознесены надъ гордынею и высокомеріемъ нѣмцевъ.

— Это правда, всё предсказаніе не въ пользу нѣмцевъ. Съ много на шумѣвшимъ предсказаніемъ французской гадалки г-жи де-Тэбъ вы, конечно, знакомы. Ея предсказанія для 1913 года собственно относятся къ 1914 году. Вотъ что она написала относительно нѣмцевъ:

«Германія въ 1913 г. поставитъ на карту все свое существованіе. Война для нея будетъ фатальной. И, вопреки надеждамъ нѣмцевъ, Вильгельмъ не вступитъ побѣдоносно въ Парижъ, но съ Берлиномъ онъ, пожалуй, разстанется раньше, чѣмъ это думаетъ. Ибо знаменій внутренней междоусобицы въ Германіи еще больше, чѣмъ внѣшней войны. Кровавые дни ждутъ Германію».

«Австрія тоже вступитъ въ новую эру. Ея различные народы еще больше расколуются между собой и обособятся. И близокъ часъ открытой борьбы славянъ съ нѣмцами. А тотъ, кто собирается царствовать, не дождется этого».

— Последнее предсказаніе относительно убитого австрійскаго наслѣдника Франца-Фердинанда удивительно ярко. А вотъ что она говоритъ про Россію и Польшу:

«Ненарушимая тишь будетъ царить въ Россіи; какъ вдругъ грянетъ громъ, и выступятъ новые люди, новыя событія, свободы, великія дѣла; словомъ, настоящее пробужденіе. Но сколько произойдетъ до этого внутренней и внѣшней борьбы, сколько измѣнъ! А спасеніе придетъ оттуда, откуда его меньше всего будутъ ждать».

«Польша, Польша, права ты, что не теряешь надежды! Тебѣ будущее улыбается. Кровавыя, но великія событія скоро разыграются въ Варшавѣ».

Недавно распространены газетами новыя предсказанія г-жи де-Тэбъ, такъ сказать, дополнительные. Она заявляетъ, что война продолжится пять мѣсяцевъ и четырнадцать дней, что 4-го декабря въ Берлинѣ вспыхнетъ революція, 12-го декабря столица Германіи будетъ взята, а 10-го января побѣдоносныя французскія войска возвратятся на родину. Германскій союзъ распадется, Пруссія будетъ объявлена республикой, а Баварія—самостоятельнымъ государствомъ.

V.

— И что же, Иванъ Ивановичъ, вы вѣрите этимъ предсказаніямъ?

— Не совсѣмъ. Какъ въ людяхъ, такъ и въ цѣлыхъ народахъ и царствахъ есть что-то фатальное, неизбѣжное. Но времена и лѣта, различные сроки остаются во власти Божіей. Вотъ вы видите, что госпожа де-Тэбъ по крайней мѣрѣ на годъ уже ошиблась въ своихъ предсказаніяхъ. Позвольте мнѣ сопоставить другое предсказаніе, тоже на 1913 годъ, напечатанное въ утреннемъ выпускѣ «Биржевыхъ Вѣдомостей» 1-го января 1913 г., № 13324. Это пред-

сказаніе Пунаръ-Бхавы (Ч. I. фонъ-Чинскаго) очень длинно; но я познакомлю васъ съ нимъ въ существенныхъ выдержкахъ:

«Мрачный годъ. Грохотъ орудій, зарево пожаровъ, стоны умирающихъ, крики отчаянія...

«Дипломаты пытаются разрѣшить проблему всеобщаго мира, но они бессильны противъ законовъ рока и Кармы. Народы продолжаютъ истреблять другъ друга.

«Не слѣдуетъ думать, что наибольшую опасность для европейскаго мира представляетъ Австрія. Пестрое сборище угнетаемыхъ нѣмцами и мадьярами народовъ, Австрія сама разлагается и скоро все поймутъ это. Австрія простая маріонетка въ рукахъ режиссера, скрывающагося за ея спиной; и не противъ нея, но противъ него надо направить все силы.

«Не опасайтесь этой старой намазанной кокетки, не обращайтесь вниманія на ея вопиющіе жесты. Они маскируютъ ея страхъ, боязнь агоніи.

«Австрія только строить воинственные рожи, и это не должно устрашать никого. Съ оружіемъ наготовѣ надо слѣдить за каждымъ движеніемъ режиссера, злоупотребляющаго нашимъ терпѣніемъ. Вотъ истинный врагъ славянъ, Россіи, врагъ всеобщаго мира, вскормленный горемъ народовъ. Но минута возмездія близка. Стрѣлки на часахъ Кармы показываютъ это...

«Предстоитъ грандіозный поединокъ народовъ. Надо молиться, чтобы этотъ мрачный годъ, когда судьбами человѣчества будетъ управлять мстительная Карма, отошелъ поскорѣе въ вѣчность... 1915 годъ будетъ годомъ благопріятнымъ для человѣчества.

«Берлинъ подастъ сигналъ къ всеобщей рѣзнѣ. Въ послѣдній разъ нѣмцамъ удастся одержать побѣду, но шакалы перегрызутся между собою.

«Конецъ Пруссіи и Германской имперіи.

«Воскреснутъ государства, существовавшія раньше въ центральной Европѣ.

«Борьба продолжительная, кровавая, причины и подробности столкновеній весьма сложны...

«Помѣсь крестоносца, волка, лисицы и трусливаго зайца будетъ разоблачена. Удивленная Европа пойметъ вскорѣ слабость народа, не боящагося никого, кромѣ Бога, а въ дѣйствительности дрожащаго отъ страха, сознающаго свою немощь и нравственную гниль. Позорный конецъ Пруссіи близокъ. Начнется новый періодъ въ исторіи человѣчества. Боязнь ответственности за послѣдствія столь страшной войны заставитъ мирно настроенныхъ монарховъ оставить гуманныя намѣренія. Они будутъ повиноваться вызывающему наглому жесту дегенерата.

«Вижу новыя государства, новые образцы правленія, новые союзы, большія перемѣны на картѣ Европы.

«Коалиція народовъ. Съ одной стороны: Россія, Англія, Франція, Балканскій союзъ; съ другой стороны: Австрія, Германія, Турція, Румынія. Италія не приметъ участія въ борьбѣ и будетъ ожидать ея результатовъ»...

— Я прочелъ, какъ видите, только то, что до нѣкоторой степени отвѣчаетъ настоящему положенію вещей въ Европѣ. Мѣстами предвидѣніе удивительно сильно. Хотя я вамъ и читаю различныя предсказанія, но самъ я, правду сказать, не сторонникъ ихъ, т.-е. не люблю предупреждать событія. Но если какое-либо слово исполнилось въ точности, то я считаю важнымъ отмѣтить это обстоятельство.

VI.

— Есть еще предсказаніе о германскихъ событіяхъ, сдѣланное путемъ сложенія цифръ года.

— Знаю, знаю. Объ этомъ рассказываютъ такъ. Въ 1849 году король Вильгельмъ I находился въ Лондонѣ. Тамъ онъ пригласилъ къ себѣ извѣстную ворожею и попросилъ предсказать ему будущность. Ворожея сложила цифры года 1849, получилась сумма 22. Прибавивъ ее къ 1849 г., она подошла къ 1871 году и сказала: «Въ 1871 году прусскій король будетъ вѣнчаться короной германскаго императора и нѣмецкія государства объединятся подъ его скипетромъ: Затѣмъ она сложила цифры 1871 г. и также приложила полученную сумму 17 къ 1871 году, получила 1888 г. Ворожея сказала: «Въ 1888 г. король Вильгельмъ закроетъ глаза, и въ этомъ же году его сынъ умретъ голодною смертью». Какъ это теперь хорошо извѣстно, все предсказанное исполнилось: въ 1871 г. прусскаго короля провозгласили германскимъ императоромъ, а въ 1888 г. онъ умеръ. Его сынъ, Фридрихъ, процарствовалъ 99 дней, скончался отъ рака въ горлѣ. Онъ еще задолго передъ своимъ концомъ пересталъ принимать пищу. Предсказаніе лондонской ворожеи шло дальше. Сложивъ цифры 1888 года и прибавивъ къ нему полученную сумму 25, придемъ къ 1913 году. Этотъ годъ будетъ послѣднимъ для Германской имперіи.

— Какъ это странно,—замѣчаю я Ивану Ивановичу:—и лондонская ворожея, и госпожа де-Тэбъ, и этотъ удивительный Пунаръ-Бхава, всѣ они ошибаются на одинъ годъ, предсказывая на 1913 то, что совершается въ текущемъ, 1914 году.

— Почти всѣ пророчества и предсказанія нѣсколько предупреждаютъ событія, потому что точное опредѣленіе времени сокрыто отъ людей. Помните слова Иисуса: «О днѣ же томъ и часѣ никто не знаетъ, ни ангелы небесные, а только Отецъ Мой одинъ».

Отсюда можно заключить, что *годъ* и *мѣсяць*, какъ будто еще въ нашей власти, но *день* и *часъ* сокрыты отъ насъ. Огорченіе пророка Іоны, что его предсказаніе не исполняется въ тотъ самый

моментъ, на который онъ предсказалъ гибель Ниневіи (Иона, III, 4; Товитъ, XIV, 8, 15), свойственно и нашимъ современнымъ Касандрамъ. Да и вообще точность хронологіи страдаетъ отъ разнообразія календарнаго счисленія у разныхъ народовъ.

— Все-таки я не могу усвоить причинной связи между сочетаніями цифръ различныхъ годовъ и историческими событіями. Это какая-то игра цифръ, случайная, необъяснимая, но врядъ ли роковая, фатальная!

Иванъ Ивановичъ опять порылся среди вырѣзокъ изъ газетъ и вытащилъ три небольшихъ лоскутка бумаги.

— Вотъ посмотрите, здѣсь указывается на число 15, какъ на роковое для монарховъ Германской имперіи.

Я взглянулъ на вырѣзку изъ газеты «Вечернее Время». Она помѣчена 28-мъ августа 1914 г., № 860.

— Въ 1437 году, со смертію императора Сигизмунда, прекратилась династія Люксембургская. А сумма цифръ 1437 года равняется 15. Въ 1806 году, съ отреченіемъ императора Франца II (Францъ I австрійскій) отъ короны Священной Римской имперіи германскаго народа прекратилась династія германскихъ императоровъ Габсбурговъ. Перестала существовать и сама Священная Римская имперія. И вотъ сумма цифръ 1806 года равняется 15. Такъ какъ нынѣшній 1914 годъ имѣетъ ту же роковую сумму цифръ 15, то полагаютъ, что и этотъ годъ будетъ послѣднимъ для новой Германской имперіи и для династіи Гогенцоллерновъ. Да, есть что-то странное въ сочетаніи цифръ года. Вотъ еще недавно въ томъ же «Вечернемъ Времени» указывалось на число 14, какъ на благоприятное для Англіи. Четырнадцатый годъ послѣднихъ столѣтій сопрядался для англичанъ побѣдоносной войной. Въ 1714 году они воевали съ Людовикомъ XIV, въ 1814 г.—съ Наполеономъ I и въ 1914—году съ Вильгельмомъ II. Вообще, надо замѣтить, охотниковъ предсказывать гибель Германской имперіи очень много. Вспоминаютъ, какъ еще юному Вильгельму, когда онъ былъ студентомъ боннскаго университета, одна цыганка предсказала участь Германіи въ такихъ ужасныхъ словахъ: «Злой вихрь налетитъ на Германію и размететъ союзныя государства какъ кучу полуйстлѣвшихъ листьевъ».

VII.

Иванъ Ивановичъ порылся еще въ кучѣ газетныхъ вырѣзокъ и вытащилъ узкую полоску, подписанную Строевой.

— Я вамъ прочту очень интересное пророчаніе Кайнцгаго пророка въ 1854 году. Предсказавъ о войнахъ 1866 и 1870—71 гг. вотъ что онъ говорить о переживаемой нами общеевропейской войнѣ:

«Мужайтесь, французскіе патриоты! Германія не удастся осуществитъ своей гегемоніи въ Европѣ. Время реванша приближается. Прибудетъ къ вамъ царь, чтобы закрѣпить съ вами союзъ. Вотъ этотъ человекъ вамъ принесетъ благополучіе. Онъ прогонитъ врага изъ Франціи, побѣдитъ Германію и окончательно ее раздавитъ. Последнее сраженіе произойдетъ на поляхъ Було, около Падерборна, въ Вестфалии, и здѣсь соединятся семь союзныхъ народовъ противъ трехъ ¹⁾. Горе тебѣ, Пруссія! Седьмое поколѣніе отплатитъ тебѣ за всѣ войны, которыя ты учинила народамъ. Горе тебѣ, Австрія! Никогда такого сраженія еще не было. Оно будетъ продолжаться трое сутокъ въ дыму пожаровъ. Пруссія и Австрія будутъ уничтожены. Образуются три государства: Польша, Ганноверъ и Саксонія».

— Поживемъ, увидимъ!—съ своей стороны, я замѣтилъ моему пріятелю.

Ив. Ювачевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Т. е. французы, бельгійцы, англичане, русскіе, черногорцы, сербы и японцы противъ нѣмцевъ, австрійцевъ и венгровъ.

ГРАДОВСКІЙ О ВОЙНѢ И НАЦИОНАЛИЗМѢ.

(Къ двадцатипятилѣтію со дня кончины Ал. Дм. Градовскаго).

УЩЕСТВУЮТЪ юбилей и юбилей...

Одни изъ нихъ являются сухо официальными поминками достопамятныхъ людей, оказавшихъ извѣстную долю пользы своему отечеству, но нынѣ почти или вовсе забытыхъ. Ихъ имена не волнуютъ уже ничьего сердца, они не пробуждаютъ въ душѣ никакого иного чувства, кромѣ холоднаго почтенія. Для современности они—мертвецы, которые никогда не воскреснутъ, потому что роль ихъ окончательно сыграна и связь ихъ съ поколѣніями, нынѣ живущими на землѣ, основана только на исторической преемственности.

Но есть другіе юбилеи: эти, наоборотъ, являются настоящими праздниками духовнаго нашего сліянія съ дѣятелями, отошедшими въ вѣчность. Ихъ живыя рѣчи, когда мы перечитываемъ ихъ труды, звучатъ намъ убѣдительною отвѣтомъ на запросы настоящаго, ихъ нравственный обликъ является для насъ вѣчнымъ примѣромъ, зовущимъ къ подражанію, и поминки такихъ людей внятны каждой чуткой душѣ, ибо они выявляютъ ту

...память сердца, что сильнѣй
Разсудка памяти печальной.

Именно такія настроенія вызываетъ истекающее нынѣ двадцатипятилѣтіе со дня смерти профессора-государствовѣда и общественнаго дѣателя Александра Дмитріевича Градовскаго, скончавшагося 6-го ноября 1889 года. Перечитывая теперь страницы его изслѣдованій и статей, положительно отказываешься вѣрить тому, что больше

четверти вѣка отдѣляетъ насъ отъ времени ихъ написанія, до такой степени свѣжи и злободневны ихъ темы, такъ ярки и близки намъ его переживанія.

И думается даже, что не покажется парадоксальнымъ утверждение, что въ наши дни Градовскій какъ-то понятнѣе и ближе намъ, чѣмъ своимъ современникамъ—людямъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Правда, на нихъ онъ воздѣйствовалъ непосредственно своей безупречно-чистой и нравственно-высокою личностью, но среди завѣтныхъ идей его были такія мысли, которыя только въ наше время претворяются въ дѣйствіе и получаютъ реальное осуществленіе, являясь насущно важными и существенными для текущей жизни.

Къ числу такихъ идей нужно отнести—провозглашенную и всесторонне освѣщенную Градовскимъ національную идею, но именно въ той разработкѣ и подъ тѣмъ характернымъ угломъ зрѣнія, какъ разсматривалъ ее нашъ ученый государствовѣдъ. Теперь, когда всѣ мысли и чувства заполняетъ титаническая борьба двухъ міровъ—нѣмецкаго и славянскаго—и когда параллельно съ ея развитіемъ въ насъ съ каждымъ днемъ крѣпнеть наше національное самосознаніе,—особенно цѣнно вспомнить одушевленные завѣты Градовскаго объ охраненіи нами, русскими, нашего національнаго лица, о націонализациі нашей государственной и общественной жизни.

По ученію Градовскаго, національность создается общностью происхожденія, религіи и языка. Но этого еще мало: вмѣстѣ съ французскимъ мыслителемъ Бюше Градовскій видитъ въ національности также результатъ общности преданій, надеждъ, обязанностей, интересовъ, предразсудковъ, страстей и, наконецъ, нравственныхъ, умственныхъ и даже физическихъ привычекъ, имѣвшихъ точкою своего отправленія общую цѣль, а центромъ определенную и постоянную часть человѣческаго рода, преслѣдовавшую эту цѣль въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Въ связи съ этимъ онъ раздѣляетъ воззрѣнія Милля, утверждавшаго, что самая могущественная причина образованія національности—тождество политическаго прошлаго, обладаніе національною исторіей, а, слѣдовательно, и общность воспоминаній, гордости и униженія, радостей и сожалѣній, соединенныхъ съ одинаковыми событіями въ прошломъ.

Въ Градовскомъ вообще была чрезвычайно сильна сознательная связь съ наиболѣе глубокими идеалами народнаго духа, онъ былъ способенъ чрезвычайно ярко чувствовать себя звеномъ въ преемственной цѣпи поколѣній, составляющихъ русскій народъ въ его историческомъ цѣломъ. Сохранилось свидѣтельство одного изъ современниковъ о томъ, что поэтъ Грибоѣдовъ особенно любилъ посѣщать храмы и всегда вспоминалъ при этомъ, что тѣ же самыя молитвы, которыя произносились въ его время, «читаны были при

Владимирѣ, Дмитріи Донскомѣ, Мономахѣ, Ярославѣ,—въ Кіевѣ, Новгородѣ и Москвѣ; что то же пѣніе трогало ихъ сердца, тѣ же чувства владѣли ихъ душами». Это переживаніе ревностнаго хранителя русской національной идеи—великаго творца «Горя отъ ума»—какъ нельзя лучше могъ бы понять и раздѣлить съ нимъ Градовскій.

«Исторія человѣчества не есть цѣльная и законченная система, задуманная по одному плану и проведенная съ безпощадною логикою,—пишетъ Градовскій въ своей статьѣ «Національный вопросъ», вошедшей въ сборникъ «Трудные годы».—Ни одна личность не можетъ имѣть претензіи представить собою исчерпывающее воплощеніе цѣлаго человѣчества; не можетъ воплотить его въ себѣ и ни одна нація. Каждый народъ въ своей исторіи выражаетъ и доводитъ до опредѣленнаго результата только нѣкоторыя стороны всеобщаго содержанія человѣческаго духа. Общечеловѣческое начало есть начало, такъ сказать, хоровое, въ которомъ каждому голосу, каждому звуку должно быть мѣсто, иначе мы сузимъ понятіе общечеловѣческаго до такихъ элементарныхъ и однообразныхъ рамокъ, что въ нихъ не будетъ уже мѣста личному творчеству. Если мы желаемъ сохранить личность, какъ начало творческое, какъ нравственное бытіе, то мы должны стремиться къ свободному развитію національностей, которыя однѣ даютъ основу и личному развитію».

При такой постановкѣ національнаго вопроса Градовскій естественно долженъ былъ выступить рѣшительнымъ противникомъ, съ одной стороны, идеи метафизическаго космополитизма, какъ стремящагося къ уничтоженію народной индивидуальности,—съ другой же стороны—теоріи узкаго индивидуализма, такъ какъ Градовскій не допускалъ, чтобы дѣятельность государства могла быть сведена къ отрицательной задачѣ—только охраненія личныхъ силъ.

Какія же начала, наоборотъ, способствуютъ, по мнѣнію Градовскаго, развитію національнаго государства, его сплоченію въ одно неразрывное органическое цѣлое, способное противостоять враждебнымъ покушеніямъ на его самостоятельность? Отвѣтъ на это можетъ быть только одинъ:—начала правовой свободы.

«Національный духъ,—пишетъ Градовскій въ заключительныхъ страницахъ своей замѣчательной статьи «Реформы и народность»,—не можетъ быть поднять въ сердцѣ лицъ безправныхъ, достигающихъ сознанія своей личности только въ смыслѣ матеріальномъ, въ смыслѣ аппетита, похотей и животныхъ страстей, но никогда не возвышающихся до сознанія личности нравственной, которая одна способна къ общенію съ другими, къ образованію съ ними одной собирательной личности, какою является народность. Въ массѣ безправной нѣтъ единенія; въ ней, напротивъ, все идетъ враздробь, всякій ставитъ себя единственной цѣлью своего существованія, всякій гоняется только за средствами къ удовлетворенію

своихъ животныхъ нуждъ, и, стремясь къ этой единственной цѣли, смѣло шагаетъ черезъ праба и пользы ближняго, въ которомъ онъ видитъ только препятствіе для своихъ «наслажденій». Вотъ почему каждый, кто желаетъ нашего національнаго развитія, долженъ желать укрѣпленія и развитія началъ, выраженныхъ въ знаменательныхъ актахъ царствованія императора Александра II, впервые давшихъ извѣстное обезличеніе человѣческой личности въ Россіи».

Уже изъ этихъ словъ видно, въ какой степени отличается благородный націонализмъ Градовскаго отъ возрѣвнѣи многихъ и многихъ націоналистовъ, какъ его времени, такъ и нашихъ дней. Въ сознаніи гуманнаго профессора-идеалиста просто не уживается мысль о возможности сопряженія святаго и свѣтлаго лозунга національнаго объединенія со стѣсненіемъ свободы вообще, а въ частности съ предоставленіемъ широкихъ правъ одной части государственнаго населенія и съ ограниченіемъ въ правахъ другихъ. Нарушая правовое равновѣсіе въ странѣ, мы тѣмъ самымъ неизбежно станемъ препятствовать выявленію въ народѣ его творческихъ силъ и окажемся не въ состояніи побудить его къ самостоятельной работѣ, къ работѣ надъ самимъ собою. И, наоборотъ, при равномѣрномъ распредѣленіи правъ и обязанностей между опредѣленными племенными группами государственнаго населенія,—«все будетъ направлено къ тому, чтобы поддержать въ народѣ живыя начала самодѣятельности и самосознанія».

«Самосознаніе!—воскликаетъ Градовскій.—Вотъ великое слово, въ которомъ нуждается нашъ славянскій міръ, разсѣянный и разсыпанный, подобно песку морскому. Когда, наконецъ, проснется и зашевелится это великое тѣло, въ полномъ сознаніи своей солидарности?»

Приходитъ въ голову, что если бы Градовскому довелось дожить до нашихъ дней,—онъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи испыталъ бы извѣстную долю удовлетворенія, хотя и теперь до радостнаго вздоха полнаго облегченія, до благодарственнаго «Нынѣ отпущаеши» еще не такъ близко.

Но, вѣроятно, Градовскому было бы отрадно сознавать, что постепенно начинаютъ удовлетворяться тѣ требованія, которыя онъ всегда предъявлялъ къ государственной власти, и что послѣдняя, въ единеніи съ народомъ, поднимаетъ стяг русскаго національнаго достоинства, подъ который со всѣхъ концовъ нашего отечества стекаются его сыны, разноплеменные и разноязычные, но одушевленные одинаковымъ спокойнымъ и гордымъ сознаніемъ, что всѣ они русскіе и, какъ таковыя, отнынѣ равноправны.

Великое дѣло—эта общность національнаго сознанія, и горе тому, кто его не имѣетъ. «Человѣкъ, отрѣшившійся отъ отечества, даннаго ему Богомъ и природой,—по словамъ Градовскаго,—не получитъ взаимѣи ничего и не можетъ «успокоиться во всемірно-

гражданскомъ чувствѣ», ибо всемірнаго гражданства нѣтъ, а потому не можетъ быть и соотвѣтствующаго чувства. Онъ остается единицей, скитающеюся направо и налево, знающей только свое горе, скорбно ищущей, гдѣ преклонить голову, гдѣ «оскорбленному есть чувству уголокъ». Словомъ, это — человѣкъ лишний, сознающій полную свою бесполезность на землѣ. Это Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, это — Бельтовъ или Рудинъ, умирающій подъ именемъ поляка за чужое дѣло на парижскихъ баррикадахъ.

«Да это лишніе люди, люди-страдальцы»...

Живой интересъ къ идеѣ народности и къ національному вопросу владѣлъ Градовскимъ съ юныхъ лѣтъ. Не даромъ же онъ еще въ самомъ началѣ своего литературнаго поприща—въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія—примыкаетъ къ лагерю такъ называемыхъ «почвенниковъ», которые полагали въ основу своей теоріи защиту національности—«кореннаго русскаго міросозерцанія». Не спроста онъ принимаетъ такое дѣятельное участіе въ ихъ журналахъ «Время» и «Эпоха», гдѣ его имя появляется въ печати на ряду съ именами М. М. и О. М. Достоевскихъ, Аполлона Григорьева, Н. Н. Стрхова и Н. Я. Данилевскаго. Къ началу семидесятыхъ годовъ національныя воззрѣнія Градовскаго оказываются уже почти сложившимися и отчасти формулированными письменно. Но нуженъ былъ сильный виѣшній толчокъ, чтобы публицистическое дарованіе Градовскаго вспыхнуло яркимъ пламенемъ, и вскорѣ этотъ толчокъ былъ данъ всей его отзывчивой духовной организаціи: началась героическая война на Балканахъ.

Еще въ предвидѣніи нашего вмѣшательства въ славяно-турецкій споръ Градовскій въ одной изъ своихъ публичныхъ лекцій рѣшительно заявляетъ: «Мы инстинктивно сознаемъ, что движущее начало всей этой грозной борьбы—есть національный вопросъ, права народностей, попранныя самымъ дикимъ и возмутительнымъ образомъ. Мы чувствуемъ, что въ данную минуту отъ насъ требуется напряженіе всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ нашихъ. Мы не желаемъ войны, но мы не отступимъ передъ нею, если того требуетъ наша честь. Не съ похвалюбою и тщеславіемъ возьмемъ мы за оружіе, а въ сознаніи многихъ и многихъ несовершенствъ нашихъ».

Исторія повторяется... Спросите себя,—не тѣми ли самими словами и не въ тѣхъ ли выраженіяхъ и мы опредѣляли нашу роль въ предстоящей русско-нѣмецкой борьбѣ три мѣсяца тому назадъ. Это не случайное совпаденіе, нѣтъ: общность причинъ порождаетъ одинаковость слѣдствій. Какъ русско-турецкая кампанія 1877—1878 годовъ, такъ и переживаемая нами русско-нѣмецкая борьба 1914 года въ равной степени войны національныя, народныя, смыслъ и значеніе которыхъ понятны всѣмъ — отъ интеллигента до послѣдняго простолюдина.

Въ трудныя минуты историческихъ переживаній символомъ единенія всѣхъ сословій и всѣхъ племенныхъ наслоеній, составляющихъ русскій народъ, является русскій Царь. Къ нему мысленно обращается Градовскій въ тревожные дни, предшествовавшіе заключенію мира послѣ русско-турецкой войны. «Истомленная Россія,—говоритъ онъ,—ждетъ твердаго, рѣшительнаго, освѣжающаго слова, способнаго разсѣять всѣ недоумѣнія, заставить народъ встать мощною силою, положить предѣлъ дерзкимъ вызовамъ.

«Кто же можетъ произнести это мощное, святое слово?—спрашиваетъ себя Градовскій и сейчасъ же отвѣчаетъ на этотъ вопросъ.—«Есть въ Россіи одинъ голосъ и только онъ одинъ, который раздастся по всей Россіи и которому всѣ вѣрятъ, потому что этотъ голосъ—голосъ народный. Это слово можетъ сказать только русскій Царь.

«Пусть вспомнятъ, какое живительное дѣйствіе произвело въѣмъ намъ памятное кремлевское слово! Вся Россія какъ бы выросла въ этотъ день, сплотившись и приготовилась на все. Въ чемъ же сила этого слова? Отвѣтить на это легко.

«Оно раздалось среди народа и для народа. Въ эту торжественную минуту непосредственно соприкоснулись двѣ силы—сила народная и та, въ которой народъ видитъ олицетвореніе Россіи,—верховная власть. Здѣсь не было посредниковъ, не было бумаги; раздался живой и мощный голосъ, на зовъ котораго привыкла собираться вся Россія.

«Совершилось то, чего не ожидали враги наши. Россія повѣрила въ себя, и вѣра эта дала ей силы на ужасную борьбу... Война сдѣлалась народной, и въ каждомъ воинѣ проснулся гражданинъ».

Здѣсь всякое слово примѣнимо къ нашему недавнему прошлому. И мы слышали Царское слово, присутствовали при необыкновенномъ подъемѣ народныхъ чувствъ на площади передъ Зимнимъ дворцомъ, видѣли это единеніе Царя съ его народомъ. И теперь, какъ и тогда, случилось нѣчто совсѣмъ не предвидѣнное и не принятое врагами къ учету: именно, воскресла глубокая вѣра Россіи въ свои силы и въ необходимость, болѣе того—въ неизбѣжность полной побѣды.

Эту послѣднюю черту Градовскій отмѣтилъ въ одномъ изъ частныхъ своихъ писемъ въ самый разгаръ русско-турецкой войны—лѣтомъ 1877 года. «Въ нынѣшнее время стоитъ работать,—говоритъ онъ.—Всѣ общественныя и личныя печальныя явленія, о коихъ приходилось грустить, оказались не нашимъ «существомъ», а наростомъ, которому суждено свалиться послѣ развитія живыхъ силъ. А вотъ онѣ гдѣ—эти живыя силы! Вчера я присутствовалъ при отправленіи большой партіи безсрочно-отпускныхъ. Какое спокойствіе, какая увѣренность въ своихъ силахъ! Хвастовства никакого, но полное убѣжденіе, что нельзя не побѣдить. Иной кичится или потому, что обманывается въ своихъ собственныхъ силахъ, или по-

тому, что хочет надуть другихъ. Тутъ ни того, ни другого. Нашъ солдатъ просто вѣрять въ нѣкоторое разъ установленное отношеніе вещей, а по этому «отношенію» выходить, что врагъ будетъ побить, потому «невозможно». Солдаты разсѣлись въ вагоны очень чинно и аккуратно, поѣздъ тихо тронулся, а изъ вагоннаго окна раздались звуки гармоникки. Точно на работу отпрапляется этотъ народъ, на работу мирную и безопасную, а не на убійственную войну. Нѣкоторые солдаты говорили, правда: «Прощайте, Богъ знаетъ, свидимся ли...» Но вѣдь русскій человѣкъ, особенно рабочій, — всегда говорить это «Богъ знаетъ...» Всѣ подъ Богомъ ходимъ и cadaго ежечасно пришибить можетъ. Но всю свою вѣру и надежду онъ переноситъ на мѣръ и на государство. Чего уже мѣръ захочетъ, да Государь прикажетъ, тому нельзя не быть».

Вѣроятно, именно въ этой почти религіозной убѣжденности кроется причина непобѣдимости русскаго солдата въ конечномъ результатѣ его усилій. Онъ глубочайшимъ образомъ проникнуть сознаемъ необходимости—исполнить свой долгъ или умереть и опять-таки силу для этого его подвига ему даетъ его тѣснѣйшая и крѣпчайшая связь со всѣмъ народомъ. Онъ слишкомъ ясно чувствуетъ, что тамъ, за его спиной, вся Россія, которая вѣрять и въ него, и въ правоту того дѣла, которое онъ защищаетъ цѣною своей собственной крови.

Это приобщеніе къ народной жизни оставляетъ затѣмъ слѣдъ въ душѣ сопричастника уже до конца его дней. Многое изъ того, чѣмъ пренебрегалъ онъ до сихъ поръ, мимо чего проходилъ съ легкомысленнымъ безучастіемъ, становится близко и мило его сердцу. «Кто разъ принималъ участіе въ великихъ національныхъ движеніяхъ, — завершаетъ Градовскій свою лекцію «О значеніи идеала въ общественной жизни», — кто переживалъ великія минуты, тотъ возвратится къ своей «злѣбѣ дня» не прежнимъ человѣкомъ, а человѣкомъ просвѣтленнымъ и нравственно обновленнымъ».

Да, такъ и будетъ... Но пока передъ нашими взорами развертывается великая эпопея теперешней національной борьбы, чтобы отнестись къ ней тверже и сознательнѣе, станемъ перечитывать дышащія искренностью и мудрою любовью къ родинѣ страницы, написанныя патриотомъ-государственникомъ Александромъ Дмитриевичемъ Градовскимъ. Онъ, съ университетской кафедры учившій своихъ современниковъ смотрѣть на жизненные явленія сквозь кристально-чистую призму идеалистическаго міровоззрѣнія, научить теперь, изъ-за гроба, и насъ яснѣе переноситъ наши національныя испытанія и полнѣе радоваться нашими національными радостями.

Сергѣй фонъ-Штейнъ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ОДЕССКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ.

(По поводу 75-лѣтія его существованія).

ВЪ НОЯБРѢ текущего года исполняется семидесяти-пятилѣтіе существованія императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей. Общество это, поставившее своей задачей изученіе прошлой жизни южной части Россіи, является не только вторымъ по времени возникновенія русскимъ историческимъ обществомъ, но и вообще довольно старымъ учрежденіемъ среди своихъ европейскихъ собратьевъ. Въ виду этого небезынтереснымъ является хотя бы въ общихъ чертахъ остановиться на томъ, какъ оно возникло и прожило три четверти вѣка ¹⁾.

Съ конца XIII вѣка Крымъ и берега Чернаго моря, объ археологическихъ богатствахъ которыхъ давно знали въ Европѣ, стали въ полной мѣрѣ доступными для всѣхъ, кто желалъ бы въ томъ или иномъ отношеніи познакомиться съ ними. Вмѣстѣ съ этимъ интересъ къ различнаго рода случайно находимымъ здѣсь предметамъ древности настолько усилился, что довольно часто стали появляться лица, которыя желали специально заняться отыскиваніемъ этого рода предме-

¹⁾ Предлагаемый ниже очеркъ составленъ мной по хранящимся въ Одессѣ архивнымъ матеріаламъ, а также по отчетамъ общества и другимъ его изданіямъ, напримѣръ, — «Торжественное собраніе одесскаго общества любителей исторіи и древностей» (Одесса 1840), «50 -лѣтіе общества», сост. Юргевичъ (Одесса 1889) и др.

товъ. Мы, напримѣръ, знаемъ, что уже въ 1798 году въ Одессѣ нашлись предприниматели, которые входили въ новороссійское губернское правленіе съ просьбой о разрѣшеніи «разрытія земли и вынута изъ нея различной монеты и другихъ вещей»; предприниматели эти—майоръ Панаіодоръ-Никовуло и секретарь неаполитанскаго консула въ Одессѣ—желали дѣло своихъ раскопокъ поставить широко, думая, конечно, въ достаточной мѣрѣ обогатиться. Управлявшій тогда Новороссійской губерніей графъ Каховскій отказалъ этимъ археологамъ, но это не остановило другихъ искателей всякаго рода кладовъ на мѣстахъ древнихъ поселеній, а потому многіе древніе предметы стали все чаще и чаще появляться въ рукахъ лицъ, которыя безъ всякихъ колебаній уступали ихъ частнымъ коллекціонерамъ «изъ иностранцевъ». Это обстоятельство и было причиной того, что Генрихъ Кёлеръ, служившій въ императорской публичной библіотекѣ и въ императорскомъ Эрмитажѣ, весьма энергично сталъ высказываться о необходимости правильнаго изученія Крыма и Новороссіи. Предпринятое въ 1805 году Кёлеромъ путешествіе по Тавридѣ дало весьма цѣнные научные результаты и выдвинуло на очередь вопросъ о необходимости учрежденій въ Южной Россіи музеевъ, которые явились бы центрами для храненія различнаго рода находокъ. Эта мысль довольно скоро стала осуществляться. Первымъ по времени открытія былъ музей въ Феодосіи. Музей этотъ, возникшій въ 1811 году по мысли феодосійскаго градоначальника С. М. Броневскаго, въ значительной мѣрѣ способствовалъ сохраненію древнихъ памятниковъ, попадавшихъ въ окрестностяхъ Феодосіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ своими коллекціями вызывалъ интересъ къ отысканію ихъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ это время случайные прежде поиски предметовъ древности принимаютъ характеръ систематическихъ и получаютъ болѣе или менѣе правильную организацію. Такого характера работами нужно признать раскопки «смотрителя крымскихъ соляныхъ озеръ» Дюбрюкса, которому въ виду его усилѣнныхъ изысканій около Керчи въ 1817 году по Высочайшему повелѣнію было отпущено 500 р. для правильнаго веденія этого дѣла. Дюбрюксъ продолжалъ свои поиски, и многое имъ изъ древностей юга Россіи было спасено для науки, такъ какъ впоследствии поступило въ различные музеи. Труды Дюбрюкса привлекли къ Керчи вниманіе очень многихъ русскихъ любителей старины, и съ ихъ стороны стали поступать заявленія о желаніи также заняться тамъ раскопками. Въ 1820 году, напримѣръ, графъ Н. П. Румянцовъ писалъ графу А. Ѳ. Ланжерону, бывшему тогда новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, объ отводѣ ему для «изысканій» мѣста въ Керчи. Румянцовъ опредѣленно указывалъ пунктъ, гдѣ онъ желалъ вести свои работы: «близъ адмиралтейства у подножія Митридатовой горы, за Золотую гору—всего на разстояніи пяти верстѣ, гдѣ стоялъ древній знаменитый Пантикопей».

Графъ Румянцовъ выражалъ намѣреніе затратить на раскопки большія деньги, но при этомъ писалъ: «отысканныя всякаго рода вещи будутъ собственностью и единственною моею принадлежностью съ правомъ перевозить ихъ, куда за благо сочту внутри имперіи нашей». Графъ Ланжеронъ не призналъ возможнымъ отмежевать береговую полосу, о которой писалъ Румянцовъ, но, «желая содѣйствовать благой дѣли», принялъ мѣры къ тому, чтобы «никто, кромѣ Румянцова, не касался къ этой землѣ», а также къ тому, чтобы «все, что отыщется въ нѣдрахъ ея, принадлежало Румянцову, яко ревнителю и споспѣшествователю просвѣщенія». Эти мѣры графа Ланжерона въ значительной, конечно, степени были гарантіей, что находимыя древности не должны были становиться достояніемъ корыстныхъ приобрѣтателей, ничего общаго съ наукой не имѣющихъ. Случайныя находки, «хищническаго» характера, однако, не прекращались, а потому заботы о сохраненіи предметовъ древности на общую пользу въ интересахъ науки попрежнему были необходимы. Особенно внимательно къ этому стала относиться администрація южной Россіи со времени назначенія въ 1823 году новороссійскимъ и бессарабскимъ генераль-губернаторомъ графа М. С. Воронцова.

Исключительная по своему значенію дѣятельность графа М. С. Воронцова на пользу края касалась, какъ извѣстно, также такихъ вопросовъ, которые могли оказать содѣйствіе просвѣщенію, наукѣ, культурѣ. Вотъ почему онъ не оставилъ безъ вниманія и тѣхъ случайныхъ раскопокъ, которыя производились всякаго рода любителями на мѣстахъ древнихъ поселеній въ Новороссійскомъ краѣ. Воронцовъ обыкновенно дѣлалъ весьма энергичныя распоряженія для принятія мѣръ охраны, когда ему сообщали, что гдѣ-либо открыты предметы древности. Въ 1824 году, напримѣръ, узнавъ изъ официальныхъ донесеній объ очень многочисленныхъ находкахъ предметовъ древности на полуостровѣ Тендрѣ (Днѣпровскій лиманъ), Воронцовъ весьма строгими предписаніями мѣстнымъ властямъ потребовалъ доставленія этихъ предметовъ въ Одессу. Полковникъ Шамшевъ, командиръ казачьяго полка, стоявшаго въ данной мѣстности, въ октябрѣ того же 1824 года лично доставилъ въ Одессу всѣ эти предметы (700 различныхъ древнихъ монетъ, нѣскольکو сосудовъ и пр.) и передалъ ихъ непосредственно Воронцову.

Такимъ образомъ, къ указанному времени накопилось уже весьма большое число фактовъ, которые должны были всѣхъ, кто интересовался научными вопросами, побудить къ заботамъ о возможномъ увеличеніи на югѣ Россіи учрежденій для сохраненія предметовъ древности. Прежде всего, конечно, сознавалъ это самъ Воронцовъ, а потому, когда къ нему поступали по данному вопросу соотвѣтствующія ходатайства и предложенія, онъ не оставлялъ ихъ безъ должнаго вниманія.

Опуская различнаго рода случайныя обращенія къ Воронцову по вопросамъ о раскопкахъ и храненія древностей, мы должны съ особымъ вниманіемъ отмѣтить докладную записку, представленную Стемпковскимъ.

Иванъ Алексѣевичъ Стемпковскій (род. въ 1789 г.) былъ человѣкъ пытливаго ума и широкаго образованія; состоя въ оккупационномъ корпусѣ Воронцова и проживъ въ Парижѣ до 1819 года, онъ сошелся со многими французскими историками, заинтересовался вопросами древности и сталъ усиленно заниматься ихъ изслѣдованіемъ. Результатомъ этого былъ рядъ для своего времени весьма пѣнныхъ статей, въ которыхъ Стемпковскій съ полнымъ знаніемъ дѣла трактуетъ о вопросахъ археологіи.

Само собою понятно, что Стемпковскій явнѣе другихъ сознавалъ необходимость возможно правильной охраны памятниковъ древности и систематическаго ихъ изученія. Вотъ почему въ концѣ 1824 года онъ и представилъ Воронцову особую докладную записку—«*Note sur les recherches d'antiquités qu'il y aurait à faire dans la Russie méridionale*».

Съ исключительнымъ знаніемъ дѣла Стемпковскій въ запискѣ этой доказывалъ необходимость принятія мѣръ для спасенія отъ разрушенія и забвенія остатковъ древнихъ поселеній, находившихся на югѣ Россіи; вмѣстѣ съ этимъ онъ говорилъ о той пользѣ, которую можетъ получить наука въ случаѣ учрежденія на югѣ Россіи соотвѣтствующихъ ученыхъ обществъ и музеевъ.

Воронцовъ отнесся весьма сочувственно къ запискѣ Стемпковскаго и въ 1825 году представилъ государю обстоятельный докладъ по данному вопросу. Испрашивая разрѣшеніе на открытіе музеевъ въ Керчи и въ Одессѣ, Воронцовъ писалъ: «Если бы Вашему Императорскому Величеству угодно было удостоить милостивымъ одобреніемъ вышеизложенныя мною представленія для пользы наукъ, то я бы озаботился отысканіемъ какихъ-либо остатковъ отъ суммъ по губерніямъ, мнѣ ввѣреннымъ, для производства работъ, нужныхъ къ новымъ открытіямъ древностей; вмѣстѣ съ этимъ осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить Ваше Величество о порученіи сей части— съ нахожденіемъ при мнѣ—отставному статскому совѣтнику Бларамбергу».

Это представленіе Воронцова удостоилось высочайшаго одобренія, и 19-го іюня 1825 года состоялось распоряженіе «о производствѣ работъ для отысканія древностей въ Новороссійскомъ краѣ и объ учрежденіи для храненія тѣхъ рѣдкостей музеевъ въ Одессѣ и въ Керчи», при чемъ «для сего предмета въ распоряженіе Воронцова назначенъ статскій совѣтникъ Бларамбергъ».

Иванъ Павловичъ Бларамбергъ, который въ силу указаннаго рѣшенія по вопросу о древностяхъ Новороссіи былъ графомъ Воронцовымъ назначенъ директоромъ одесскаго и керченскаго

музеевъ, долженъ быть, какъ и упомянутый уже Стемповскій, отнесенъ къ числу археологовъ-любителей, сильно увлекавшихся стариной и работавшихъ съ усердіемъ и тактомъ истинныхъ ученыхъ.

Человѣкъ широкаго образованія, «капитанъ голландской службы», Бларамбергъ (род. въ 1797 г.) послѣ службы въ различныхъ должностяхъ въ Петроградѣ и Москвѣ съ 1812 года состоялъ въ Одессѣ начальникомъ таможеннаго округа. Ему приходилось по должности своей часто ѣздить по Новороссіи, а потому онъ имѣлъ возможность видѣть многіе остатки древности. Онъ сталъ случайнымъ коллекціонеромъ, но скоро обратился въ серьезнаго собирателя и изслѣдователя предметовъ древности, которую такъ глубоко и основательно сталъ изучать, что къ 1825 году у него уже имѣлось нѣсколько весьма цѣнныхъ для своего времени статей. Это, конечно, и должно быть объясненіемъ того, что графомъ Воронцовъ остановилъ свое вниманіе на Бларамбергѣ, какъ на достойномъ кандидатѣ для занятія должности директора вновь учрежденныхъ музеевъ.

Такимъ образомъ, въ 1825 году въ Одессѣ сталъ функционировать музей, который и долженъ былъ явиться однимъ изъ центровъ храненія и изученія древностей Новороссіи. Музей этотъ сразу сталъ пополняться цѣнными предметами, причемъ первымъ крупнымъ вкладомъ въ него явилось собственное собраніе Бларамберга, состоявшее изъ «медалей, бронзовыхъ фигуръ, камней».

Приняты были также мѣры къ тому, чтобы въ музей этотъ поступали и вообще различнаго рода найденные въ Новороссіи предметы древности. Съ этой цѣлью въ сентябрѣ 1825 года графомъ Воронцовымъ было разослано административнымъ лицамъ этого края весьма важное предписаніе. Извѣщая о томъ, что «музей въ Одессѣ открытъ и долженъ вмѣщать въ себѣ всѣ древности, отысканныя въ Херсонской губерніи, въ Бессарабіи и на островѣ Тендрѣ», графъ Воронцовъ предлагалъ принять мѣстному начальству рядъ мѣръ: 1) «чтобы впредь на земляхъ казенныхъ и общественныхъ никто самъ собою не разрывалъ древнихъ кургановъ или развалинъ», 2) «чтобы о всѣхъ предметахъ древнихъ сообщалось въ Одессу и чтобы частные владѣльцы склонялись къ передачѣ принадлежащихъ имъ предметовъ въ музей». Такое же распоряженіе было сдѣлано и о доставленіи древнихъ вещей и въ Керченскій музей.

Указанныя мѣры и повлекли за собой то, что съ различныхъ концовъ Новороссійскаго края стали поступать донесенія административныхъ лицъ о находкахъ древностей, которыя обыкновенно рассматривались лично самимъ графомъ М. С. Воронцовымъ и были передаваемы имъ въ одинъ изъ названныхъ музеевъ. Бларамбергъ, ставъ во главѣ возникшей такимъ образомъ организаціи собиранія предметовъ древности и храненія ихъ въ музеяхъ, могъ съ полнымъ вниманіемъ, ничѣмъ постороннимъ не отвлекаясь,

заниматься дѣломъ, которое онъ искренно любилъ и которому придавалъ большое культурное значеніе. Его авторитетъ въ этомъ отношеніи росъ быстро; всѣ, кто интересовался прошлымъ Новороссійскаго края, признавалъ въ немъ знатока, въ рукахъ котораго должны быть всѣ археологическія учрежденія Новороссійскаго края и Крыма. Этимъ и объясняется, что въ вѣдѣніе Бларамберга скоро перешелъ и еодосійскій музей, открытый, какъ мы видѣли, еще въ 1811 году.

Въ виду всего сказаннаго понятно, почему Бларамбергъ сталъ центромъ кружка любителей исторіи и археологіи, жившихъ не только въ Одессѣ, но и въ другихъ мѣстахъ южной Россіи; общенія съ Бларамбергомъ, его руководства искали Потоцкій, Стемшковскій (съ 1826 года керченскій градоначальникъ), Дюбрюксъ, много поработавшій надъ разысканіемъ древностей въ Керчи, Тепляковъ и др. Такая дѣятельность Бларамберга продолжалась до 1831 года, когда Бларамбергъ скончался.

Одесскій музей, который къ этому времени обладалъ очень богатымъ собраніемъ древностей и пользовался общимъ признаніемъ, какъ центръ для дальнѣйшаго развитія археологическихъ работъ на югѣ Россіи, лишился своего преданнаго наукѣ руководителя, и на очередь выдвинулся вопросъ, что съ нимъ дѣлать, какъ его сохранить. Вопросомъ этимъ заинтересовался графъ М. С. Воронцовъ, но рѣшилъ онъ его очень неудачно. Въ 1830 году въ Одессѣ была открыта публичная библіотека, Воронцовъ и рѣшилъ передать ей собранія одесскаго музея съ тѣмъ, чтобы они были доступны обозрѣнію всѣмъ желающимъ и находились въ вѣдѣніи директора публичной библіотеки А. Ф. Спады.

Анатолій Францевичъ Спада, человѣкъ неизвѣстной національности, бывшій до появленія своего въ Одессѣ и монахомъ капуцинскаго ордена, и преподавателемъ французскаго языка въ русскихъ аристократическихъ семьяхъ, и литераторомъ, занимавшимся исторіей изученія ересей, поставленъ былъ Воронцовымъ во главѣ вновь открытой одесской публичной библіотеки изъ жалости: старику и куда было дѣваться. Дѣятельность этого невѣдомаго происхожденія человѣка въ качествѣ директора публичной библіотеки должна быть признана сплошнымъ недоразумѣніемъ: русскаго языка онъ не зналъ, книгами вообще, а въ частности собранными во вѣрренной ему библіотекѣ совершенно не интересовался, а проводилъ время въ одесскихъ гостиныхъ, плѣняя дамъ своей болтовней. Библіотекѣ онъ никакой пользы не принесъ, не могъ онъ принести ее и переданному въ его вѣдѣніе созданному усердіемъ и любовью Бларамберга музею. Мы имѣемъ показанія современниковъ о томъ, что Спада на музей смотрѣлъ, какъ на собраніе какихъ-то бездѣлушекъ. Онъ всѣми древностями и распоряжался, какъ бездѣлушками; въ воспоминаніяхъ одного стараго одессита

мы читаемъ, что Спада изъ коллекцій музея наиболѣе лучшіе перстни, монеты и пр. дарилъ своимъ знакомымъ дамамъ...

Естественно, что, благодаря всему этому, одесскій музей, обладавшій очень цѣнными коллекціями, пришелъ въ рукахъ у Спады въ упадокъ, а это, конечно, должно было печалить тѣхъ истинныхъ любителей исторіи, которые хранили традиціи Бларамберга и не могли не видѣть, что съ гибелью одесскаго музея исчезнетъ въ Одессѣ и центръ, вокругъ котораго могли объединяться всѣ, кому была дорога старина Новороссійскаго края. Среди такихъ преданныхъ интересамъ науки лицъ необходимо поэтому должна была возникнуть мысль о созданіи въ Одессѣ учрежденія, вокругъ котораго могли бы снова всѣ они сгруппироваться и соединиться въ своей культурной работѣ.

Мысль эта особенно часто и настойчиво повторялась лицами, составлявшими тѣсный кружокъ одного изъ образованнѣйшихъ одесситовъ того времени, именно М. М. Кириакова.

Михаилъ Михайловичъ Кириаковъ былъ сыномъ премьеръ-майора Кириакова, состоявшаго съ 1795 года начальникомъ хаджибейской таможни, которая позже была переименована въ одесскую. Премьеръ-майоръ Кириаковъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкомъ просвѣщеннымъ, много сдѣлавшимъ для торговаго процвѣтанія юной Одессы. Въ его гостепріимной семьѣ собиралось лучшее тогдашнее одесское общество. Особенно роль такого культурнаго центра стала она играть, когда въ Одессу возвратился по окончаніи московскаго университета только что мной упомянутый его сынъ.

Михаилъ Михайловичъ Кириаковъ, проходя университетскій курсъ, очень усердно занимался исторіей, хорошо изучилъ классическіе языки и особенно заинтересовался классическими древностями. Возвращаясь по окончаніи университетскаго курса въ Одессу, онъ посѣтилъ рядъ памятныхъ въ историческомъ отношеніи городовъ и селъ Россіи, причемъ особенно много вниманія удѣлилъ осмотру Ольвіи, которая уже начинала заинтересовывать любителей и изслѣдователей археологіи. Поступивъ въ Одессѣ на службу въ канцелярію генераль-губернатора, М. М. Кириаковъ въ 1830 году отправился въ заграничное путешествіе, во время котораго познакомился и близко сошелся со многими видными дѣятелями науки. Путешествіе это въ полной мѣрѣ укрѣпило въ М. М. Кириаковѣ его прежніе научные интересы, и онъ, возвратившись въ Одессу, усиленно сталъ заниматься цѣлымъ рядомъ вопросовъ по исторіи Новороссіи, ея промышленностью, статистикою и т. п. Результатомъ этихъ трудовъ М. М. Кириакова былъ рядъ статей, напечатанныхъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и другихъ изданійхъ. Будучи вмѣстѣ съ этимъ весьма общительнымъ человѣкомъ, обладая богатой библіотекой, являясь интереснымъ собесѣдни-

комъ, М. М. Кириакъ и сталъ въ Одессѣ центромъ, вокругъ котораго группировались всѣ одесситы, такъ или иначе интересовавшіеся вопросами науки вообще, а въ частности вопросомъ о прошломъ Новороссіи, въ которой каждый изъ нихъ работалъ, процвѣтанію которой каждый изъ нихъ служилъ.

На бесѣдахъ и собраніяхъ у М. М. Кириакова не могли, конечно, не касаться вопроса и о судьбѣ собраній одесскаго музея, попавшаго послѣ смерти Бларамберга въ руки Спады. Не могли на нихъ не толковать о способахъ спасенія его, а также и о созданіи въ Одессѣ учрежденія, самое существованіе котораго гарантировало бы отъ повторенія случаевъ, подобныхъ случаю съ одесскимъ музеемъ. Всѣ эти бесѣды постепенно и вылились въ опредѣленное положеніе объ учрежденіи въ Одессѣ общества для правильнаго изученія исторіи и археологіи Новороссійскаго края.

М. М. Кириакъ и его близкій другъ, товарищъ по московскому университету Н. Н. Мурзакевичъ, въ то время состоявшій профессоромъ Ришельевскаго лицея, положеніе это развили въ особой запискѣ, написанной, судя по сохранившемуся черновому списку, весьма обстоятельно, съ подробной аргументаціей. Записка эта сообщена была тогдашнему попечителю одесскаго учебнаго округа Д. М. Княжевичу и другимъ близкимъ къ М. М. Кириакову и Н. Н. Мурзакевичу образованнымъ одесситамъ, напримѣръ, А. Стурдзѣ, А. Фабру. Всѣ они одобрили ее, такъ какъ вполне сочувствовали содержанію ея. Офиціальное осуществленіе положенной въ основу этой записки мысли объ учрежденіи въ Одессѣ общества для изученія исторіи и археологіи, проведеніе ея въ жизнь принялъ на себя Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ.

Человѣкъ выдающагося образованія, близкій другъ многихъ тогдашнихъ русскихъ писателей и самъ много писавшій и издававшій («Библиотека для чтенія» въ 1822—1823 гг. и др.), Княжевичъ въ 1837 году былъ назначенъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа. Дѣятельность его на этомъ посту должна быть признана во всѣхъ отношеніяхъ выдающейся, такъ какъ онъ самымъ искреннимъ и сердечнымъ образомъ заботился о просвѣщеніи населенія Новороссійскаго края. Съ его именемъ неразрывно должно быть соединено возникновеніе въ этомъ краѣ цѣлаго ряда учебныхъ заведеній, ему обязано своимъ появленіемъ изданіе трудовъ одесскаго общества сельскихъ хозяевъ, онъ энергично и умѣло заботился объ улучшеніи постановки преподаванія въ Ришельевскомъ лицей, о преобразованіи котораго въ новороссійскій университетъ онъ первый заговорилъ, выработавъ даже проектъ этого преобразованія. Само собой понятно, что мысль объ учрежденіи въ Одессѣ историческаго общества не могла не быть ему симпатичной: такое общество имѣло въ виду изученіе того края, о просвѣщеніи котораго Княжевичъ непрестанно заботился.

Въ январѣ 1839 года Княжевичъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія графу Уварову съ мотивированнымъ и обстоятельнымъ ходатайствомъ объ утвержденіи составленнаго названными выше лицами проекта устава общества. Въ ходатайствѣ этомъ Д. М. Княжевичъ между прочимъ говорилъ: «Новороссійскій край принадлежитъ къ числу немногихъ, представляющихъ обильную жатву пытливому уму, стремящемуся расторгнуть завѣсу времени и по немногимъ даннымъ угадать прошедшее. Въ теченіе тысячи лѣтъ край этотъ былъ сценою столкновеній различныхъ народовъ, изъ которыхъ каждый оставилъ по себѣ хоть нѣкоторые слѣды, видимые и доселѣ. Сохранить эти памятники глубокой древности, описать и объяснить ихъ, опредѣлить каждаго время и значеніе, и изъ соображеній о нихъ извлечь пользу для исторіи и страны, издревле касавшейся, а нынѣ составляющей одну изъ наиболѣе процвѣтающихъ частей любезнаго нашего отечества,—вотъ цѣль, которую предположило составляющееся вновь общество». 25-го марта 1839 года графъ Уваровъ писалъ Княжевичу въ отвѣтъ на это ходатайство: «Утверждая доставленный ко мнѣ проектъ устава «Одесскаго общества исторіи и древностей», я представляю вамъ дальнѣйшее по сему предмету распоряженіе..»

Такъ возникло въ Одессѣ празднующее нынѣ свое семидесятипятилѣтіе общество, основнымъ пунктомъ устава котораго было признано положеніе: «общество имѣетъ цѣлью собирать, описывать и хранить всѣ остатки древности, открывающіеся въ южной Россіи или имѣющіе къ оной отношеніе..»

Дѣйствія свои новое общество открыло 25-го апрѣля 1839 года торжественнымъ засѣданіемъ, въ которомъ были произведены выборы должностныхъ лицъ. Почетнымъ президентомъ былъ избранъ новороссійскій и бессарабскій генераль-губернаторъ графъ М. С. Воронцовъ, президентомъ—Д. М. Княжевичъ, вице-президентомъ—А. С. Стурдза, а секретаремъ профессоръ Н. Н. Мурзакевичъ.

Имена лицъ, составившихъ первый президіумъ общества, мной были упомянуты выше уже не разъ; лица эти своимъ просвѣщеннымъ вниманіемъ къ научнымъ интересамъ вообще, а въ частности къ исторіи и археологіи, поставили на очередь вопросъ о правильномъ и систематическомъ изученіи прошлаго Новороссійскаго края и цѣлымъ рядомъ мѣропріятій дали весьма удачное рѣшеніе этого вопроса. Не трудно поэтому сдѣлать заключеніе, что руководителями созданнаго имъ общества они сразу явились энергичными и преданными дѣлу. Они сумѣли привлечь въ число членовъ его всѣхъ интеллигентныхъ работниковъ Одессы и съ первыхъ же засѣданій своихъ стали намѣчать вопросы, разработкой которыхъ надлежало немедленно заняться. Въ протоколѣ перваго же засѣданія общества сказано: «Н. Н. Мурзакевичъ займется переводомъ

латинскихъ текстовъ о Крымѣ, В. В. Григорьевъ—исторіей Крыма подѣ династіей Гиреевъ, пресвященный Гавріиль—описаніемъ монастырей, находящихся въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ, Д. М. Княжевичъ вообще собираніемъ свѣдѣній о Новороссіи и о Бессарабіи, М. М. Кириаковъ—собираніемъ матеріаловъ для статистики Херсонской губерніи, Н. И. Надеждинъ—о запорожцахъ на основаніи мѣстныхъ преданій, А. С. Стурдза—описаніемъ монастырей Бессарабской области, А. А. Скальковскій—обозрѣніемъ исторіи Одессы». Имена названныхъ мной сейчасъ лицъ говорятъ сами за себя; всѣ они трудами своими оказали не малую услугу русскому просвѣщенію, всѣ они сдѣлали не мало цѣнныхъ вкладовъ въ русскую науку... Вопросы, которые были ими намѣчены для разработки, весьма серьезны и любопытны... Все это показываетъ, что одесское общество исторіи и древностей первыми же шагами своими становилось на прочную почву, начиная свой путь съ опредѣленной и ясной цѣлью—обстоятельно и детально изучать прошлое Новороссійскаго края. Мы должны сказать, что всѣми своими трудами общество въ первые же моменты существованія засвидѣтельствовало и доказало свою работоспособность, свою преданность наукѣ. Дальнѣйшіе его шаги должны были дѣлаться увѣреннѣе и смѣлѣе, такъ какъ общество въ первые же мѣсяцы своего существованія получило крупную и авторитетную поддержку. По ходатайству почетнаго президента графа М. С. Воронцова государь Николай Павловичъ 14-го ноября 1839 года «дароваль обществу августѣйшаго покровителя въ лицѣ наслѣдника великаго князя Александра Николаевича», а вмѣстѣ съ тѣмъ «повелѣлъ производить изъ государственнаго казначейства ежегодно по пяти тысячъ рублей ассигнаціями на нужды общества». Волей же государя обществу дано было разрѣшеніе на производство раскопокъ по всей южной Россіи, «на казенныхъ земляхъ съ разрѣшенія мѣстнаго начальства, а на частныхъ—съ согласія владѣльцевъ». Содѣйствовало упроченію дѣятельности общества и еще одно чрезвычайно важное обстоятельство,—это предоставленіе ему городомъ, благодаря распоряженію графа Воронцова, очень удобнаго по положенію участка земли и сооруженіе на немъ дома, въ которомъ были сосредоточены различнаго рода коллекціи древностей, главнымъ образомъ нѣкогда принадлежавшія упомянутому выше одесскому городскому музею, который подѣ руководствомъ Спада дошелъ до полнаго упадка.

Въ 1840 году официалнымъ докладомъ военнаго губернатора Одессы графу Воронцову было установлено, что отъ «городскаго музея остались лишь лежащіе въ кучѣ разной величины куски мраморовъ, обломки статуй и проч.». Все это и было сдано обществу, которое привело указанные обломки и куски въ порядокъ, помѣстивъ ихъ въ своемъ новомъ зданіи...

Я представилъ выше въ общихъ, конечно, чертахъ ходъ развитія изученія древностей южной Россіи до возникновенія одесскаго общества исторіи и древностей, а также изложилъ и исторію возникновенія этого общества; оно явилось какъ бы естественнымъ результатомъ той культурной работы, которая выполнялась на югѣ Россіи долгое время археологами и историками-любителями. Всѣ разсказанные мной факты въ высшей степени поучительны, какъ показатель того, что научная идея, стремленіе къ научной истинѣ, любовь къ исторіи сплотили въ одно цѣлое людей, которые имѣли свое собственное, часто очень далекое отъ археологіи дѣло. Это единеніе культурныхъ силъ и вылилось въ учрежденіе, которое просуществовало семьдесятъ пять лѣтъ на пользу русской наукѣ, русскому просвѣщенію, въ полной мѣрѣ показавъ, что идеи и мечты его просвѣщенныхъ основателей и первыхъ работниковъ всегда находили откликъ среди лицъ, входившихъ въ его составъ.

Прослѣдить здѣсь съ соотвѣтствующей полнотой дѣятельность общества за длинный рядъ лѣтъ его жизни я не имѣю никакой возможности. Я ограничусь лишь самыми общими указаніями. Одесское общество исторіи и древностей не упускало изъ виду изученія всѣхъ сторонъ прошлой жизни южной Россіи, вполне правильно считая ее главнымъ объектомъ своихъ занятій. Археологія, исторія, историческая географія, этнографія, нумизматика, а также цѣлый рядъ явленій духовной жизни южной Россіи—всегда одинаково привлекали и привлекаютъ его вниманіе, находили и находятъ освѣщеніе въ докладахъ, которыхъ за все время на состоявшихся 435 засѣданіяхъ было сдѣлано свыше тысячи. Большинство этихъ докладовъ, будучи результатомъ изслѣдованія историческаго и археологическаго матеріала, обрабатывались авторами въ цѣлыя изслѣдованія, которыя общество очень рано стало издавать въ видѣ своихъ «Записокъ». Первый томъ этихъ «Записокъ» выпущенъ былъ въ 1844 году, а ко дню настоящаго юбилея вышелъ XXXII томъ ихъ, т. е. общество почти каждые два года выпускаетъ тома своихъ трудовъ; при чемъ каждый томъ обыкновенно заключаетъ 25—35 печатныхъ листовъ. Изъ другихъ изданій общества за этотъ періодъ слѣдуетъ отмѣтить три выпуска описанія принадлежащихъ его одесскому музею коллекцій—терракотъ и другихъ предметовъ. Изданія общества въ виду опубликованнаго въ нихъ матеріала давно цѣнятся, какъ очень важное пособіе по изученію многихъ вопросовъ археологіи и исторіи, а потому нѣкоторыя изъ нихъ имѣли такой спросъ, что въ настоящее время представляютъ большую библиографическую рѣдкость. Помѣщенные въ этихъ изданіяхъ работы по изученію древностей южной Россіи такихъ авторитетныхъ изслѣдователей, какъ Ф. К. Брунь, Н. Н. Мурзакевичъ, Н. И. Надеждинъ, В. Н. Юргевичъ, архіепископъ Гавріиль, А. И. Маркевичъ, В. А. Яковлевъ, В. В. Латышевъ, А. Л. Бертье-Делагардь, Э. Р.

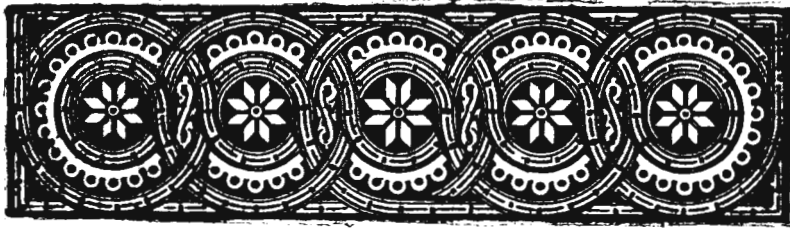
фонъ-Штернъ и мн. др., являются пособіемъ, безъ котораго никто нынѣ не можетъ заниматься ни археологіей, ни исторіей южной Россіи. Трудами большинства этихъ ученыхъ, а также и другихъ, обогащался и обогащается музей общества въ Одессѣ. Хранящіеся въ немъ въ строго научной системѣ предметы древности (стекло, терракоты, глиняные сосуды, монеты, каменные бабы и проч.) богаты и цѣнны своимъ подборомъ. Эти предметы собраны въ различныхъ мѣстахъ южной Россіи, причемъ они или непосредственно раскопаны членами общества, или доставлены изъ мѣстъ, на историческое и археологическаго значеніе которыхъ другимъ учрежденіямъ указано обществомъ, которое всегда зорко слѣдило за судьбой многихъ интересныхъ прошлой жизнью своей мѣстъ южной Россіи. Въ 1841, 1846 и 1860 годахъ, напримѣръ, оно ходатайствовало о сохраненіи гробницъ въ керченскихъ курганахъ, въ 1858 году оно возбудило вопросъ о сохраненіи единственной въ своемъ родѣ гробницы, открытой въ Керчи, по его же ходатайству поддержанъ знаменитый Царскій курганъ. По мѣрѣ силъ и средствъ общество охраняетъ отъ полнаго разрушенія остатки древнихъ крѣпостей въ Судахѣ и Аккермагѣ.

Въ 1872 году августѣйшій покровитель общества государь Александръ Николаевичъ «въ возданіе заслугъ, оказанныхъ отечественной наукѣ», даровалъ ему наименованіе «Императорскаго», съ этимъ именемъ оно пользовалось и пользуется августѣйшимъ покровительствомъ государя Александра Александровича и Государя Николая Александровича, имѣя высокую честь считать съ 1911 года своимъ президентомъ великаго князя Александра Михайловича, еще въ 1891 году изъявившаго согласіе на принятіе званія почетнаго члена его.

Въ теченіе всего своего семидесятипятилѣтняго существованія императорское одесское общество исторіи и древностей не уклонялось съ пути въ дѣлѣ служенія отечественной наукѣ, отечественному просвѣщенію. Это является вѣрнымъ залогомъ, что и дальнѣйшей своей работой, дальнѣйшимъ своимъ служеніемъ Россіи оно въ полной мѣрѣ будетъ оправдывать надежды тѣхъ незабвенныхъ культурныхъ дѣятелей, которые, создавая его семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ, имѣли въ виду интересы русской науки вообще, а въ частности интересы края, «нынѣ составляющаго одну изъ наиболѣе процвѣтающихъ частей любезнаго нашего отечества».

М. Г. Попруженко.

ПОСѢЩЕНІЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ ОСТРОВОРОТНОЙ ЧАСОВНИ ВЪ ВИЛЬНѢ.

В УТРУ 25-го сентября на площади соборной собрались громадныя толпы. Въ десять часовъ объявлено, что Государь Императоръ на обратномъ пути на вокзалъ посѣтитъ католическую Островоротную часовню; тогда начались приготовленія къ приему Его Величества въ сей послѣдней. Часовня эта помѣщается надъ городскими воротами, которыя назывались въ старину Острыми; отсюда и названіе часовни «Островоротная». Въ ней имѣется особо чтимый католиками чудотворный образъ Божіей Матери. Икона эта неизвѣстнаго письма, на дубовыхъ доскахъ три аршина семь дюймовъ и два аршина семнадцать дюймовъ, существуетъ съ конца XV в. Обыкновенно икона закрыта занавѣсами и открывается только на время литургіи, но въ настоящее время, въ виду военныхъ обстоятельствъ, чудотворная икона съ ранняго утра до поздней ночи открыта и ярко освѣщена. Къ 4¹/₂ часамъ собралось къ часовнѣ все католическое духовенство гор. Вильны. На тротуарѣ размѣщены приходскіе ксендзы и воспитанники католической семинаріи въ бѣломъ костельномъ облаченіи, на лѣстницѣ въ часовню прелаты кафедральнаго собора въ пурпуровыхъ тогахъ и каноники въ черныхъ мантияхъ. Во главѣ всего духовенства стоялъ, въ великолѣпномъ церковномъ облаченіи, управляющій виленской епархіей, протонарій апостольскій, ксендзъ Михалькевичъ. Лѣстница убрана была коврами и цвѣтами, а самая часовня

великолѣпно изукрашена. Улицы у часовни были покрыты массою народа, а равно балконы и окна домовъ. Въ восемь часовъ послышались вдали крики: «ура». Медленнымъ ходомъ, среди ликующаго народа, подвигался автомобиль Его Императорскаго Величества. На крыльцахъ и окнахъ замахали платками; громогласное «ура» послышалось отовсюду. У входа въ часовню Государь Императоръ встрѣченъ былъ управляющимъ епархіей съ крестомъ и святою водой. Государь, приложившись ко кресту и окропивъ себя святою водой, предшествуемый канониками и прелатами, въ сопровожденіи управляющаго епархіей, изволилъ направиться въ часовню. Хоръ пѣвчихъ воспитанниковъ встрѣтилъ Его Величество пѣніемъ. Въ часовнѣ Государю Императору угодно было выслушать молебствіе, совершенное ксендзомъ Михалькевичемъ. Послѣ молебствія ксендзъ Михалькевичъ, отъ престола, привѣтствовалъ Императора краткою, но пламенною рѣчью: «Ваше Императорское Величество. Неимовѣрно счастливъ я сегодня, что могу отъ имени всего подвѣдомственнаго мнѣ духовенства и всей моей паствы привѣтствовать Ваше Императорское Величество въ этой драгоценной святынѣ нашей, повергнуть къ стопамъ твоимъ, Государь, наши вѣрнопоподанническія чувства и увѣрить, что, какъ всегда, такъ и въ это тяжелое время, всѣ мы твердо стоимъ у престола твоего, великій нашъ Государь, и, вознося горячія молитвы наши, непоколебимо вѣримъ, что Всевышній пошлетъ Вашему Императорскому Величеству желанную всѣми побѣду, а Небесная Царица отъ Острыхъ Вратъ сихъ осѣнитъ тебя и твой Царствующій Домъ могучимъ покровомъ своимъ на многіе, многіе годы». Государь Императоръ, выслушавъ это привѣтствіе, и за невозможностью приложиться къ иконѣ, расположенной слишкомъ высоко, приложился къ святому престолу, взойдя на ступени. Выходя изъ часовни, Государь Императоръ милостиво бесѣдовалъ съ ксендзомъ Михалькевичемъ и настоятелемъ ксендзомъ Володзько, вспоминая свое пребываніе въ Вильнѣ съ августѣйшимъ отцомъ императоромъ Александромъ III. Ксендзъ Михалькевичъ высказалъ Его Величеству соболѣзнованіе, что онъ и населеніе города не успѣли насладиться лицезрѣніемъ Государя.

Садясь въ автомобиль, Его Величество соизволилъ благодарить ксендза Михалькевича пожатіемъ руки и поѣхалъ медленно, съ обнаженной головой, держа фуражку въ рукахъ, пока не выѣхалъ за часовню, по пути ласково кланаясь всѣмъ привѣтствовавшимъ его. Отъѣхалъ Государь подъ неумолкаемое «ура» всѣхъ собравшихся.

ПРОЛОГЪ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ ¹⁾.

(Архивные материалы).

—
XLIX.

АКОВО въ общемъ было положеніе дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ ко времени пребыванія въ Портъ-Артурѣ Безобразова и Куропаткина. Оба они, вернувшись въ Петербургъ, составили соотвѣтствующія записки и въ близкихъ имъ сферахъ обстоятельно высказались по вопросу о дальневосточныхъ дѣлахъ. Суммируя все, что генераломъ Куропаткинымъ говорилось и впоследствии писалось въ кругу этихъ дѣлъ, мы можемъ свести это къ слѣдующимъ положеніямъ ²⁾.

Японія, пользуясь выгодами своего военного положенія, болѣе раннею боевою готовностью и численнымъ превосходствомъ своихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ въ начальный періодъ кампаніи, могла, по мнѣнію военного министра, поставить себѣ, по собственному усмотрѣнію, болѣе или менѣе широкія задачи.

¹⁾ Приложение. «Истор. Вѣстн.», т. СХХХVIII, стр. 227.

²⁾ Между прочимъ, взгляды А. Н. Куропаткина по дальневосточному вопросу нашли свое выраженіе въ его сочиненіи «Задачи русской арміи» (3 т.т.), въ книгѣ «Записки генерала Куропаткина о русско-японской войнѣ. Итоги войны» (заграничное, 2-е изданіе), на которую послѣдовалъ отвѣтъ графа С. Ю. Витте «Вынужденныя разъясненія по поводу отчета генераль-адъютанта Куропаткина о войнѣ съ Японіей» (изд. съ высочайшаго разрѣшенія, ц. 60 к.), а также въ статьѣ Рославлева, напечатанной въ № 92 за 1905 г. въ газетѣ «Рассвѣтъ». Сказанное здѣсь авторомъ вошло въ наше изложеніе его сужденій по дальневосточному вопросу.

Б. Г.

1. Ограничиться занятіемъ Кореи, не переходя противъ насъ въ наступленіе. Случай этотъ представляется наиболѣе вѣроятнымъ.

2. Занять Корею и перейти противъ насъ въ наступленіе: а) въ Манчжуріи, б) противъ Портъ-Артура, в) въ направленіи Южно-Уссурійскаго края (Владивостокъ).

Въ первомъ случаѣ соотношеніе силъ и условія подвоза нашихъ подкрѣпленій подсказываютъ необходимость на первое время предоставить Японіи распоряжаться въ Корей, не переходя противъ нея въ наступленіе, если только сама она ограничится занятіемъ этой страны, не развивая своихъ замысловъ противъ Манчжуріи и нашихъ владѣній.

Во второмъ случаѣ мы вынуждены будемъ вступить въ борьбу и должны поставить себѣ твердою цѣлью закончить ее только тогда, когда сухопутная армія и флотъ Японіи потерпятъ рѣшительное пораженіе. Но первый періодъ борьбы, въ виду превосходства силъ японцевъ и большей ихъ боевой готовности, долженъ принять для насъ въ общемъ характеръ оборонительный. Наличныя наши войска должны, по возможности, уклоняться отъ рѣшительныхъ столкновеній, дабы избѣжать частныхъ пораженій до сосредоточенія достаточныхъ для пораженія японцевъ силъ.

Численный перевѣсъ японскаго флота не позволить, вѣроятно, широко развить активныя дѣйствія нашего флота и послѣднему придется ограничиться сравнительно скромною задачею по возможности замедлить время высадки противника.

Оборона собственныхъ владѣній должна составить задачу особо выдѣленныхъ для сей цѣли отрядовъ: южно-уссурійскаго и квантунскаго, опирающихся на крѣпости Владивостокъ и Портъ-Артуръ.

Всѣ засимъ остальные войска, за исключеніемъ назначенныхъ для охраны тыла и поддержанія спокойствія въ Манчжуріи, должны быть сосредоточены въ районѣ Мукденъ—Лаоянь—Хайченъ. При наступленіи японцевъ, войска эти, замедляя по возможности движеніе противника, имѣютъ постепенно отходить къ Харбину.

Если обстановка перваго періода кампаніи укажетъ, что всѣ усилія японцевъ направлены противъ нашихъ войскъ, находящихся въ Манчжуріи, то войска, собираемая первоначально въ Южно-Уссурійскомъ краѣ (1-го Сибирскаго корпуса) должны быть перемѣщены въ Манчжурію».

Основанія эти удостоились 14-го августа 1901 года высочайшаго утвержденія и признаются дѣйствующими и въ настоящее время.

Въ теченіе послѣдовавшихъ затѣмъ двухъ лѣтъ произошли значительныя перемѣны въ силѣ, расположеніи и боевой готовности нашихъ сухопутныхъ войскъ и флота на Дальнемъ Востокѣ. Произо-

шли перемѣны въ политической обстановкѣ, какъ по отношенію къ Манчжуріи, такъ и вслѣдствіе начавшейся нашей активной дѣятельности въ Сѣверной Корее. Поэтому необходимымъ представляется пересмотрѣть эти основанія и ввести въ нихъ, если то потребуется, отвѣчающія новой обстановкѣ перемѣны.

Эти два года прежде всего значительно усилили насъ въ желѣзнодорожномъ отношеніи. вмѣсто двадцати вагоновъ въ сутки, коими мы могли располагать на Восточно-Китайской желѣзной дорогѣ въ августѣ 1901 года, мы въ настоящее время располагаемъ семьюдесятью пятью вагонами, а съ 1-го января 1904 года намъ общають давать для военныхъ перевозокъ пять паръ поѣздовъ въ сутки тридцатипятивагоннаго состава, что даетъ 175 вагоновъ въ каждую сторону. Въ то же время Сибирская желѣзная дорога укрѣпилась настолько, что можетъ давать по семи паръ воинскихъ поѣздовъ въ сутки.

Такъ какъ общее число войскъ, предположенныхъ въ 1901 году къ выставленію противъ Японіи, вполне достаточно и лишь сборъ сихъ войскъ былъ чрезмѣрно медленень, то усиленіе провозной способности Восточно-Китайской желѣзной дороги составляетъ чрезвычайно важную, достигнутую нами выгоду.

За эти же два года энергично велись работы по укрѣпленію Владивостока и Портъ-Артура съ суши и къ 1-му января будущаго года главнѣйшія изъ сихъ работъ будутъ закончены. Артиллерійское вооруженіе и гарнизоны сихъ крѣпостей увеличены. Охрана Восточно-Китайской желѣзной дороги усилена съ 11.000 до 25.000 человекъ. Нынѣ, кромѣ того, заканчиваются формированіемъ четыре желѣзнодорожныхъ батальона, которые составятъ уже въ будущемъ году силу въ 6.000 человекъ. Значительное усиленіе мы получили также въ нашемъ флотѣ. Въ то же время работы по устройству западнаго бассейна въ Портъ-Артурѣ подвинулись настолько впередъ, что значительная часть нашей эскадры можетъ нынѣ найти безопасное убѣжище, что важно какъ въ мирное время, такъ особенно въ военное время. Но и наши вѣроятные противники на Дальнемъ Востокѣ, японцы и китайцы, тоже работали эти два года. Въ Японіи численность постоянной арміи съ 1-го января 1902 года по 1-ое іюня 1903 года увеличена на четыре батальона пѣхоты, шесть эскадроновъ и двѣ батареи, всего около 5.000 человекъ. Китайцы начали оправляться отъ постигшаго ихъ разгрома и подъ руководствомъ нѣкоторыхъ энергичныхъ вице-королей лихорадочно формируютъ войска. Оружіе ввозится безпрепятственно и, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, съ 1901 г. въ Китай ввезено до двухъ миллионъ ружей. Японскіе инструкторы, несомнѣнно, принесутъ большую пользу китайцамъ и подъ начальствомъ японскихъ офицеровъ обученныя японскими инструкторами многочисленныя китайскія войска

могутъ явиться въ боевомъ отношеніи значительно болѣе опасными для насъ, чѣмъ то было въ 1900 году.

Вслѣдствіе нашихъ дѣйствій въ бассейнѣ Ялу и образа дѣйствій въ Манчжуріи, въ Японіи развилось серьезное противъ насъ возбужденіе, которое при неосторожномъ шагѣ съ нашей стороны можетъ разразиться войною съ нами. Такъ какъ справедливо принимаемая нами мѣры къ упроченію нашего преобладающаго положенія въ Манчжуріи задѣваютъ интересы европейскихъ державъ и Америки, то можетъ случиться, что Японія въ случаѣ войны съ нами не останется одинокою.

Наконецъ въ военномъ министерствѣ не могутъ не считаться съ возможностью для Россіи, послѣ того, что она будетъ втянута въ войну съ Японіей, быть вынужденною начать войну на афганскомъ театрѣ, а затѣмъ быть атакованною какъ на западѣ, такъ и на югѣ.

Всюду слишкомъ много собрано горячаго матеріала, чтобы военное министерство могло иначе, какъ съ величайшимъ вниманіемъ и тревогою, относиться къ вопросу о расходованіи кредитовъ на увеличеніе боевой готовности нашей арміи на всѣхъ фронтахъ, сообразно ихъ относительной важности для Россіи.

И нынѣ, какъ и два года тому назадъ, мы должны держаться противъ Японіи оборонительнаго способа дѣйствій. Сборъ нашихъ войскъ и общее распредѣленіе ихъ въ главномъ остаются тѣ же. Хотя мы и выдвигаемъ войска на линію Мукденъ—Лаоянь—Хайченъ, но отстоять Южную Манчжурію въ первый періодъ войны, если туда вторгнется вся японская армія, не можемъ. Мы должны, какъ и два года тому назадъ, готовиться, что Портъ-Артуръ будетъ отрѣзанъ на довольно продолжительное время и, не допуская наши войска до частнаго пораженія, должны отступать по направленію къ Харбину до тѣхъ поръ, пока прибывающими съ тыла подкрѣпленіями не будемъ усилены настолько, что получимъ возможность, перейдя въ наступленіе, разгромить японцевъ.

Кромѣ того, принимая тѣ же основанія для дѣйствій, что и два года тому назадъ, мы можемъ быть значительно спокойнѣе за исходъ войны, ибо флотъ нашъ сильнѣе японскаго, а подкрѣпленія будутъ прибывать несравненно быстрѣе, что дастъ намъ возможность перейти быстрѣе и въ наступленіе.

Въ то время, какъ въ военномъ министерствѣ въ теченіе этихъ послѣднихъ лѣтъ велась подготовка къ войнѣ на Дальнемъ Востокѣ, нѣсколько лицъ во главѣ съ статсъ-секретаремъ Безобразовымъ составляли записки, въ которыхъ, по словамъ А. Н. Куропаткина, доказывалась необходимость безотлагательнаго и весьма значительнаго усиленія нашихъ войскъ на Дальнемъ Востокѣ, опредѣлялись наши способы дѣйствій въ Корей и въ Манчжуріи въ мирное и въ военное время и высказывались заключенія, что только

занявъ сильную позицію на Ялу и усиливъ наши войска въ южной Манчжуріи, мы осповательно устранимъ опасность войны съ Японіей.

Военный министр считалъ своимъ долгомъ предавать критикъ записки Безобразова, какъ обязанный къ тому по долгу своей службы. Свою критику онъ располагалъ такъ:

Первая записка д. с. с. Безобразова 6-го іюля 1901 года подъ заглавіемъ «Расцѣнка положеній» была передана ему въ февралѣ 1903 года. Въ этой запискѣ на случай борьбы съ Японіей предлагался слѣдующій способъ дѣйствія: Харбинъ избирается для сосредоточенія нашихъ главныхъ силъ. Въ Гиринь выдвинуть авангардъ нашихъ силъ. Въ Сѣверной же Корей мы должны имѣть достаточное количество конныхъ стрѣлковъ съ горными орудіями, для активной обороны съ фронта и угрозы неприятельскимъ флагамъ при его дѣйствіи со стороны Японскаго моря или Корейскаго залива. Потребное общее усиленіе войскъ на Дальнемъ Востокѣ опредѣлено въ 35.000 человекъ и изъ нихъ съ Сѣверной Корей 5000 человекъ конныхъ стрѣлковъ съ горной артиллерію.

Такимъ образомъ, даже при усиленіи нашихъ войскъ на 35.000 человекъ, не предполагалось возможнымъ сосредоточивать какую-либо часть нашихъ силъ въ Южной Манчжуріи. Совершенно ошибочно признавалось, что противникъ свои операціи изъ Кореи будетъ вести черезъ Гиринь, куда по этой причинѣ выставля т я «стратегическій» авангардъ. Со стороны корейской границы къ Гириню намѣчались къ движенію только выючные и очень трудно проходимые пути.

Но особенное вниманіе въ этой запискѣ обращало на себя мнѣніе о необходимости имѣть въ Сѣверной Корей 5.000 конныхъ стрѣлковъ съ горною артиллерію. Отъ «партизанскихъ» дѣйствій этихъ силъ ожидалась огромная польза.

Прежде всего высказывалось, что дабы партизанскія дѣйствія могли имѣть успѣхъ, необходимо самое подробное знакомство съ мѣстностью, гдѣ эти дѣйствія будутъ происходить. Населеніе должно быть расположено къ партизанамъ. Мѣстныя средства должны быть настолько велики, чтобы наши партизаны находили ихъ въ тѣхъ случайныхъ районахъ, куда попадутъ по ходу своихъ дѣйствій. Наконецъ, партизанскія дѣйствія будутъ полезны только въ томъ случаѣ, если наши партизанскіе отряды будутъ сохранять связь съ нашими войсками, будутъ предупреждать ихъ обо всемъ ими усмотрѣнномъ и, въ свою очередь, будутъ получать опору и отдыхъ подъ защитою другихъ войскъ.

Такъ дѣйствовали наши партизаны въ 1812 году. Такъ будутъ—утверждалъ Безобразовъ—дѣйствовать наши партизаны, если врагъ вторгнется когда-нибудь въ наши предѣлы. Организациія же партизанскихъ дѣйствій въ 400—900 верстахъ отъ расположенія авангарда

нашихъ войскъ, въ чужой странѣ съ населеніемъ, которое не имѣетъ основаній отнестись къ намъ дружественно, въ мѣстности, лишенной средствъ прокормить 5.000 людей и 5.000 лошадей, въ мѣстности, гдѣ возможно передвиженіе лишь по небольшому числу путей, наконецъ, въ мѣстности, отрѣзанной отъ Манчжуріи на большомъ протяженіи корейской границы непроходимыми въ бродъ рѣками Ялу и Тумень,—представляется дѣломъ не только затруднительнымъ, но и мало полезнымъ. Если предположить, что съ объявленіемъ войны мы, собираясь у Харбина и Гирина, выдвинемъ на сотни верстъ конный отрядъ въ 5.000 человекъ, то мы себя ослабимъ на эту силу, поставимъ этотъ отрядъ въ тяжкое положеніе съ первыхъ же шаговъ по продовольствію его. Даже безъ противника, отъ безкормицы начнется падежъ лошадей, а пѣшіе люди явятся жертвою непріятеля. Борьба японцевъ съ этимъ отрядомъ можетъ вестись вполне успѣшно, ибо конные стрѣлки могутъ дѣйствовать только какъ пѣхота и бороться въ конномъ строю съ японскою конницею не могутъ (нѣтъ шашекъ). Не зная мѣстности, чуждые населенію, наши конные стрѣлки или послѣ геройской борьбы будутъ уничтожены, или съ огромными потерями отступятъ въ Манчжурію, подъявъ духъ японцевъ.

Выдвиженіе въ Корею этого коннаго отряда только съ объявленіемъ войны настолько, очевидно, невыгодно, по словамъ Куропаткина, что статсъ-секретарь Безобразовъ полагаетъ необходимымъ еще до войны подготовить Сѣверную Корею для будущихъ партизанскихъ дѣйствій и для сего воспользоваться лѣсною концессіею на рѣкѣ Ялу.

Одинъ изъ сотрудниковъ статсъ-секретаря Безобразова подполковникъ баронъ Корфъ въ представленной въ главный штабъ запискѣ «Главные выводы членовъ осенней экспедиціи 1898 года въ Сѣверную Корею» изложилъ, что лѣсная концессія на Ялу дастъ возможность:

1. Получить крупный доходъ отъ рациональной эксплуатаціи естественныхъ богатствъ страны.

2. Фактически утвердиться въ ней вполне мирнымъ путемъ, чему не мало будутъ содѣйствовать торговая и административная независимость Сѣверной Кореи отъ Южной и симпатіи къ намъ населенія.

3. Подготовить здѣсь театр военныхъ дѣйствій, либо для большихъ операцій—путемъ прокладки дорогъ, устройства складовъ, даже укрѣпленій и т. п., либо, сперва, для дѣйствій партизанскихъ отрядовъ, подготовить личный составъ ихъ на той самой мѣстности, гдѣ имъ придется дѣйствовать.

Очевидно, подготовленіе въ Сѣверной Корей театра военныхъ дѣйствій для большихъ операцій или даже подготовленіе для дѣйствій партизанскихъ отрядовъ мѣстности и личнаго состава со-

ставляетъ такое предпріятіе, которое, по свидѣтельству его критика, не можетъ остаться незамѣченнымъ и не вызвать тревоги какъ въ Корей, такъ въ особенности въ Японіи.

Когда русскіе въ началѣ 1903 года приступили къ активной дѣятельности въ Сѣверной Корей, то таковая вызвала столь большую тревогу и возбужденіе умовъ въ Японіи, что опасность для насъ войны съ Японіей, главнымъ образомъ изъ-за дѣйствій нашихъ на рѣкѣ Ялу, не миновала еще и до сихъ поръ.

Но если бы намъ, невзирая на опасность разрыва съ Японією, удалось еще въ мирное время организовать въ Сѣверной Корей силу въ 5.000 конныхъ стрѣлковъ съ горною артиллерією, то при сосредоточеніи нашихъ войскъ лишь въ Сѣверной Манчжуріи эта сила даже при обладаніи знаніемъ мѣстности, при обладаніи заблаговременно устроенными складами запасовъ, оказалась бы въ невозможности бороться съ японскою армією или нанести ей существенный вредъ.

Остановить наступленіе японцевъ въ Манчжурію эти 5.000 человекъ, очевидно, не могли бы. Они составили бы передъ 150 тысячами японцевъ только тонкую паутину, которая была бы легко прорвана.

Для того, чтобы эти 5.000 русскихъ воиновъ, находясь въ предѣлахъ Кореи, дѣйствительно могли бы быть полезны намъ для защиты Манчжуріи и охраны желѣзной дороги,—надо, главное, подготовить для нихъ связь съ русскими войсками, расположенными въ Манчжуріи. Другими словами, надо не только перенести сосредоточеніе нашихъ войскъ въ Южную Манчжурію, но и задаться задачею упорно отстаивать ее. Для выполненія сего надо не очищать этой страны отъ нашихъ войскъ въ мирное время, проложить желѣзную дорогу къ рѣкѣ Ялу, исправить и проложить грунтовые дороги къ Ялу, устроить черезъ эту рѣку обезпеченныя переправы и прочно занять нашими войсками еще въ мирное время мѣстность Южной Манчжуріи и правый берегъ Ялу съ центромъ въ Фынъ-хуанъ-ченъ.

Исполненіе этого плана, настаиваль на томъ Куропаткинъ, приведетъ неизбѣжно къ нарушенію нашего соглашенія съ Китаемъ 26-го марта 1902 года и, главное, неизбѣжно должно привести къ осложненіямъ съ Японією.

Такіе результаты, казалось бы, не соотвѣтствуютъ интересамъ Россіи.

Тѣмъ не менѣе дѣятельность статсъ-секретаря Безобразова въ концѣ прошлаго и въ началѣ сего года вела именно какъ къ нарушенію договора 26-го марта, такъ и къ разрыву съ Японією.

Въ бытность въ Портъ-Артурѣ, на основаніи авторитетныхъ заявленій, сдѣланныхъ мнѣ генераль-адъютантомъ Алексѣевымъ, свидѣтельствовалъ А. Н. Куропаткинъ, вполне подтвердились до-

несенія нашихъ дипломатическихъ и финансовыхъ агентовъ на Дальнемъ Востоку о дѣйствіяхъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Безобразова и о намѣреніяхъ, кои имъ высказывались.

Статсъ-секретарь Безобразовъ просилъ у адмирала Алексѣева съѣзъ отправкѣ на корейскую територію шестисотъ переодѣтыхъ солдатъ изъ состава войскъ, подчиненныхъ генераль-адъютанту Алексѣеву, просилъ о сформированіи для той же цѣли отряда изъ хунхузовъ въ 3.000 человекъ. Просилъ подкрѣпить дѣйствія агентовъ лѣснаго предпріятія высылкою четырехъ охотничьихъ командъ въ шестьсотъ конныхъ стрѣлковъ на Ялу въ Шахедзе, просилъ о занятіи Фынъ-хуанъ-чена самостоятельнымъ отрядомъ войскъ. Генераль-адъютантъ Алексѣевъ согласился выслать въ Шахедзе одну охотничью команду въ сто пятьдесятъ человекъ конныхъ стрѣлковъ и оставилъ въ Фынъ-хуанъ-ченѣ конный отрядъ съ орудіями. Этимъ было положено пріостановленіе очищенія Мукденской провинціи. Изъ другихъ дѣятелей лѣснаго предпріятія болѣе другихъ причинялъ заботы генераль-адъютанту Алексѣеву дѣйствительный статскій совѣтникъ Балашевъ, настроенный такъ же воинственно, какъ и статсъ-секретарь Безобразовъ. Если бы генераль-адъютанту Алексѣеву не удалось остановить депешу Балашева къ штабсъ-капитану Бодиско о томъ, чтобы онъ переловилъ японцевъ, наказалъ ихъ публично и дѣйствовалъ бы залпами, то на Ялу уже разыгрался бы кровавый эпизодъ, который, впрочемъ, къ сожалѣнію, можетъ произойти и нынѣ ежедневно.

Нынѣ личный составъ на Ялу лѣснаго предпріятія (какъ кадра для будущихъ партизанскихъ дѣйствій) заключается въ сотнѣ запасныхъ нижнихъ чиновъ и нѣсколькихъ офицерахъ.

Несмотря на объясненія руководителя сего предпріятія на мѣстѣ, генеральнаго штаба подполковника Мадритова, имѣется много данныхъ къ тому, что не все идетъ благополучно въ дѣятельности агентовъ сего предпріятія. Корейское правительство очень встревожено этою дѣятельностью и считаетъ таковую несомнѣнно военно-политическаго характера.

Такой же характеръ этой дѣятельности придаютъ и японцы.

Въ бытность въ Японіи Куропаткинъ хорошо ознакомился, съ какою нервною тревогою относились тамъ къ нашей дѣятельности въ Корей, какъ преувеличивали наши намѣренія и готовились съ оружіемъ въ рукахъ выступить на защиту своихъ интересовъ въ Корей.

Японцы вспоминаютъ, свидѣтельствовалъ военный министръ, какъ они, разбивъ китайскія войска въ Корей, дали независимость этой странѣ. Вспоминаютъ, что завоевали Ляодунскій полуостровъ и Портъ-Артуръ, но по желанію Россіи они не воспользовались плодами своихъ побѣдъ. Они вынуждены были очистить Корей, Ляодунъ и Портъ-Артуръ. Они съ горькимъ чувствомъ обиды ука-

зываютъ, что Портъ-Артуръ сталъ русскимъ. Они вспоминаютъ, какъ въ 1897—1898 годахъ мы хотѣли сформировать корейскую армію съ русскими инструкторами (полковникъ Путята): Нынѣ, въ виду неисполненія нами договора съ Китаемъ, въ Японіи приходятъ къ убѣжденію, что мы хотимъ присоединить всю Манчжурію къ Россіи.

Наконецъ, настоящая наша активная дѣятельность въ Корей въ связи съ требованіемъ концессіи на постройку желѣзной дороги отъ Ялу къ Сеулу и устройствомъ въ Мозампо приводятъ японцевъ къ убѣжденію, что Россія приступаетъ къ слѣдующей части своей программы на Дальнемъ Востокѣ: къ поглощенію вслѣдъ за Манчжурію и Корею.

Настроеніе въ Японіи настолько возбуждено, что Куропаткинъ полагалъ, что безъ мудрой осторожности генераль-адъютанта Алексѣева, если бы онъ далъ ходъ всѣмъ предположеніямъ статсъ-секретаря Безобразова, мы были бы, вѣроятно, теперь въ войнѣ съ Японіею.

Л.

Вторая записка, неизвѣстнаго автора, была получена военнымъ министромъ 18-го марта и для обсужденія содержанія ея было собрано особое совѣщаніе 26-го марта. Свою дальнѣйшую критику онъ формулировалъ такъ:

Послѣ пребыванія на Дальнемъ Востокѣ и ознакомленія на мѣстѣ съ мнѣніями о возможныхъ послѣдствіяхъ нашей дѣятельности на Ялу генераль-адъютанта Алексѣева и нашихъ посланниковъ въ Токио, Пекинѣ и Сеулѣ онъ, утверждалъ Куропаткинъ, своею обязанностью считалъ настаивать, что высказанныя имъ въ совѣщаніи 26-го марта сего года мнѣнія вполне сохраняютъ свою силу и въ настоящее время и что положеніе на Ялу стало еще болѣе тревожнымъ, чѣмъ то было четыре мѣсяца тому назадъ.

Равно онъ долгомъ своимъ счелъ за время пребыванія на Дальнемъ Востокѣ возможно обстоятельно вдуматься въ значеніе бассейна рѣки Ялу, какъ заслона, имѣющаго политическое и стратегическое значеніе.

Несомнѣнно, что этотъ бассейнъ, по его мнѣнію, раздѣляющій Манчжурію отъ Кореи, представляетъ важное значеніе для Китая, Кореи, Россіи и Японіи. Задѣвая весьма существенные интересы четырехъ государствъ, районъ этотъ не можетъ не имѣть политическаго значенія и таковое будетъ только возрастать съ теченіемъ времени.

Что касается военнаго значенія района на лѣвомъ, корейскомъ берегу, то таковое представляется настолько преувеличеннымъ, что можетъ самымъ невыгоднымъ образомъ отражаться на нашихъ

военныхъ соображеніяхъ и мѣрахъ на случай войны съ Японією. Особенное при этомъ значеніе имѣеть мнѣніе, изложенное въ разсматриваемой запискѣ о томъ, что «заслонъ въ бассейнѣ Ялу пріобрѣтаетъ особую важность въ смыслѣ предотвращенія столкновенія съ Японією».

Извѣстно, что даже наиболѣе неприступныя мѣстности, безъ дѣятельности человѣка, не могутъ составить заслона отъ вторженія врага. Ни горныя хребты, ни рѣки не останавливали наступающаго, если они не оборонялись или плохо оборонялись.

Нынѣ, съ развитіемъ военнаго флота и морскихъ транспортныхъ средствъ, даже море перестало служить заслономъ отъ вторженія противниковъ. Дѣйствительно, еще недавно слабая Японія, отдѣленная отъ нашихъ владѣній во Владивостокѣ и въ Портъ-Артурѣ моремъ въ 900—1.000 верстъ ширины, несмотря на силу нашего флота, все же признается способною къ производству десанта въ большихъ силахъ. Такого результата Японія достигла развитіемъ своихъ военно-сухопутныхъ и морскихъ силъ и развитіемъ транспортнаго флота.

Самымъ лучшимъ способомъ бороться противъ такой опасности военная наука признаетъ подготовку и съ нашей стороны къ производству десантной операціи въ предѣлы Японіи. Такой способъ дѣйствительно составитъ надежный заслонъ нашихъ владѣній отъ покушеній на нихъ со стороны японцевъ. Но мы, не имѣя достаточно транспортнаго флота, пока на такой способъ дѣйствій въ обширныхъ размѣрахъ не способны.

Второй способъ заключается въ томъ, чтобы овладѣть всею Кореєю, овладѣть островомъ Цусимой, устроить нашу морскую базу на южномъ берегу Кореи, подготовить всю Корею къ упорной оборонѣ, имѣть тамъ значительную армію, желѣзныя дороги и укрѣпленныя позиціи. Несомнѣнно, что подготовленная такимъ образомъ территорія Кореи составила бы дѣйствительный заслонъ противъ Японіи. Эта позиція, прикрывая съ фронта Манчжурію, въ то же время составила бы огромный канониръ, выдвинутый на семьсотъ верстъ къ сторонѣ Японіи и дающій фланговую оборону нашимъ владѣніямъ, какъ на берегахъ Японскаго моря (Владивостокъ), такъ и на берегахъ Желтаго моря (Портъ-Артуръ).

Защищая подступы къ этимъ пунктамъ, мы въ то же время могли бы сами непрерывно угрожать высадкою въ Японіи черезъ проливы Корейскій и Крузенштерна и этимъ сковывать дѣятельность части японской арміи.

Однако, нѣтъ сомнѣній, что и этотъ второй способъ не можетъ въ настоящее время быть признанъ по силамъ Россіи. Прежде всего, чтобы занять Корею, надо разбить на голову японцевъ, затративъ на это сотни милліоновъ рублей и пожертвовавъ жизнью десятковъ тысячъ русскихъ людей. Но и послѣ полной побѣды удержа-

ніе за нами Кореи, устройство дорогъ, укрѣпленій, военныхъ портовъ, содержаніе многочисленныхъ войскъ, усиленіе флота, и все это при возможныхъ новыхъ осложненіяхъ изъ-за той же Кореи не только съ Японіею, но и съ европейскими государствами, составитъ задачу, требующую такихъ огромныхъ жертвъ отъ Россіи, что нынѣ эта задача должна быть признана не соотвѣтствующей ни силамъ, ни интересамъ Россіи.

Особенно въ виду другихъ, еще болѣе важныхъ задачъ по огражденію цѣлости Россіи на западѣ и къ охраненію внутренняго спокойствія Россіи.

Третій способъ образовать заслонъ къ сторонѣ Японіи заключается въ занятіи Сѣверной Кореи и въ укрѣпленіи нашемъ на линіи Пенъянъ—Генсанъ. Нѣтъ сомнѣнія, что по этому направленію можно образовать сильную оборонительную линію, упорно защищать ее противъ даже всей японской арміи и этимъ не допустить японцевъ проникнуть въ Манчжурію и въ наши предѣлы.

Еще въ 1896 году въ Москвѣ маршалъ Ямагата предлагалъ намъ раздѣлить сферы вліянія въ Корей. Быть можетъ, мы со временемъ и придемъ къ этому рѣшенію корейскаго вопроса. Но между распредѣленіемъ сферъ вліянія въ экономическомъ отношеніи, которое разумѣлъ Ямагата, и образованіемъ заслона, имѣющаго военное значеніе, огромная разница. Дабы образовать изъ Сѣверной Кореи до линіи Пенъянъ—Генсанъ дѣйствительно сильный заслонъ, потребуется провести дороги до нашей новой оборонительной линіи продольныя и поперечныя, какъ для облегченія обороны этой позиціи, такъ и для связи Сѣверной Кореи черезъ Манчжурію съ Россіей. Кромѣ грунтовыхъ, придется провести и желѣзныя дороги. Такъ какъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ военнаго занятія нами Сѣверной Кореи будетъ военное занятіе Южной Кореи японцами, то намъ придется содержать въ Корей примѣрно два корпуса войскъ, дабы не подвергнуться въ случаѣ войны отдѣльному пораженію. Эти войска придется обезпечить казармами, складами запасовъ, укрѣпленіями. Фланги нашей новой линіи, вѣроятно, пришлось бы усилить укрѣпленіемъ и обращеніемъ въ военные порты Генсана и Цынъ-намъ-пхо (въ устьѣ рѣки Та-донъ-ганъ).

Все это потребуетъ огромныхъ расходовъ и если даже не вызоветъ войны съ Японіею, то поставитъ насъ противъ этой страны въ условія вооруженнаго мира, разорительнаго для Россіи. Поэтому образованіе и этого заслона не соотвѣтствуетъ нынѣ интересамъ Россіи.

Четвертый способъ это образованіе заслона въ бассейнѣ Ялу.

Надо прежде всего принять во вниманіе, что пограничная полоса Кореи съ Манчжуріею вообще весьма невыгодна для образованія заслона, ибо въ то время, какъ въ средней части Кореи ширина ея всего 150 верстъ, въ сѣверной длина пограничной полосы

близка къ 600 верстамъ, т. е. въ четыре раза длиннѣе, что въ военномъ отношеніи представляетъ большія неудобства и для наблюденія, и въ особенности для обороны. Эта пограничная полоса представляетъ гористую, мѣстами трудно доступную мѣстность, мѣстами сильно лѣснстую, относительно слабо населенную, бѣдную (за исключеніемъ сѣверо-западной ея части) средствами и съ малымъ числомъ путей.

Наибольшее военное значеніе имѣеть сѣверо-западная часть корейской территоріи, прилегающая къ нижнему теченію рѣки Ялу. Тутъ проходитъ главный колесный путь отъ Сеула черезъ Пенъянъ къ Ичжоу и далѣе отъ этого участка, по переправѣ черезъ Ялу, идутъ колесные пути по Манчжуріи къ Гай-чжоу, Лаояну, Мукдену или берегомъ въ Квантунскую область.

Японо-китайская война доказала значеніе этого участка, хотя японцы, воспользовавшись вышеуказанными путями, и потерпѣли серьезную неудачу отъ китайскихъ войскъ у Цаохекоу и Канванзая. Несомнѣнно, если японцы произведутъ высадку въ Кореѣ и рѣшатся на вторженіе въ Манчжурію, то они будутъ стремиться овладѣть обоими берегами нижняго Ялу. Но, чтобы извлечь пользу изъ этой мѣстности и приготовить изъ нея «заслонъ», требуется присутствіе военной силы и производство значительныхъ расходовъ. Выше мною разобрано, что размѣщеніе въ этой полосѣ даже 5.000-наго отряда недостаточно, чтобы образовать «заслонъ».

Если мы даже расположимъ на лѣвомъ берегу Ялу сильный корпусъ войскъ, то онъ, будучи атакованъ превосходными силами, можетъ быть притиснутъ къ рѣки Ялу и поставленъ въ тяжелое положеніе.

Дабы образовать заслонъ изъ мѣстности на лѣвомъ берегу Ялу, необходимо связать Ялу желѣзною дорогою съ Восточно-Китайскою дорогою, построить и исправить грунтовые пути, построить мосты на Ялу, дабы владѣть обоими берегами, и обезпечить ихъ.

Мѣстность на правомъ берегу рѣки Ялу имѣеть въ военномъ отношеніи большее значеніе, чѣмъ мѣстность на лѣвомъ берегу рѣки Ялу. Рѣка Ялу въ своемъ нижнемъ теченіи можетъ разсматриваться, какъ довольно сильная оборонительная линія и мѣстность, въ особенности противъ Ичжоу, способствуетъ упорной оборонѣ противъ противника, желающаго форсировать эту рѣку.

Но и какъ каждая оборонительная линія, рѣка Ялу для должной обороны ея требуетъ приложенія труда человѣка для подготовки обороны и своевременнаго присутствія живой силы, дабы своевременно и проявить эту силу. Если бы мы рѣшились устраивать заслонъ только на манчжурскомъ берегу рѣки Ялу, то и тогда пришлось бы связать желѣзною дорогою оборонительную по Ялу линію съ Восточно-Китайскою желѣзною дорогою.

Серьезныя неудобства оборонительной линіи рѣки Ялу происходятъ отъ незначительности рѣки, какъ препятствія, отъ обилія лѣсныхъ матеріаловъ (готовыхъ плотовъ), которые облегчаютъ переправу противнику и, наконецъ, отъ легкой возможности обойти фланги этой линіи, особенно правый, переправую десанта черезъ устье Ялу на правый берегъ или переправую десанта къ Дагушаню¹⁾, Хуауюнгоу или Бицзыво²⁾.

Устройство такого заслона вызоветъ въ то же время неизбежно и фактическое занятіе нашими войсками Южной Манчжуріи, ибо, собираясь дѣйствовать на рѣкѣ Ялу, намъ придется твердо занимать такіе узлы путей, какъ Фынъ-хуанъ-ченъ и Тунъ-хуанъ-сянь.

Все это потребуетъ, по мнѣнію военнаго министра, весьма большихъ расходовъ и не дастъ тѣхъ выгодъ, какъ занятіе (согласно изложенному въ третьемъ способѣ) всей Сѣверной Кореи до линіи Пенъянъ—Генсанъ. Лучше тогда прямо и добиваться занятія этой линіи. Предполагать же, что нѣсколько сотъ запасныхъ солдатъ съ нѣсколькими офицерами, занятыхъ рубкою лѣса на Ялу, могутъ принести особую пользу при борьбѣ нашей съ Японіей, нѣтъ основаній. Нѣкоторая польза въ военномъ отношеніи, несомнѣнно, будетъ, но она такъ ничтожна, что нельзя сравнивать ее съ опасностью, которую лѣсное дѣло на Ялу представляетъ, поддерживая возбужденіе умовъ въ Японіи.

По мнѣнію генераль-адъютанта Алексѣева и по дружному мнѣнію нашихъ пословъ въ Пекинѣ, Сеулѣ и Токио, это лѣсное предпріятіе можетъ вызвать войну съ Японіей. Къ этому мнѣнію вполне присоединялся и Куропаткинъ.

Онъ не скрывалъ своего опасенія, что нынѣ, когда предпріятіе на Ялу получило, можно сказать, всемірную огласку, ввести это предпріятіе только въ рамки коммерческаго предпріятія, какъ это было возможно еще недавно, уже невозможно, и оно и въ будущемъ неизбежно сохранитъ важное и потому тревожное политическое значеніе. Поэтому, какъ бы велики ни были ожидаемыя экономическія выгоды отъ сего предпріятія, если мы не хотимъ поддерживать очагъ постоянной тревоги разрыва съ Японією, Россіи, казалось ему, выгоднѣе продать это предпріятіе иностранцамъ. Это вовсе не значитъ, по его мнѣнію, что вмѣстѣ съ этимъ шагомъ мы пустимъ японцевъ на Ялу. Въ бытность въ Японіи Куропаткинъ успѣлъ убѣдиться, что военное занятіе Кореи не представляется въ Японіи заманчивымъ и выгоднымъ дѣломъ. Японскіе государственные люди вполне сознаютъ, какіе тяжкіе расходы и усилія вызо-

¹⁾ Дагушанъ лежитъ при устьѣ рѣки Даянь-хе въ восьмидесяти верстахъ отъ рѣки Ялу.

²⁾ Въ войну 1895 года японцы сдѣлали высадку у Хуауюнгоу 24-го октября и Бицзыво 3-го ноября.

всть это занятіе. Они хорошо понимаютъ и невыгоду промѣнять свое островное положеніе на положеніе, гдѣ на протяженіи шестисотъ верстъ они могутъ находиться подъ ударами могущественной Россіи съ сухого пути. Они понимаютъ также, что корейскій народъ встрѣтитъ занятіе Кореи японцами враждебно и въ случаѣ войны съ нами японцамъ придется бороться не только съ нашими войсками, но, быть можетъ, и съ возставшимъ корейскимъ населеніемъ.

Поэтому, если мы вовсе уйдемъ изъ Кореи, то является полная возможность достигнуть такого соглашенія съ Японіею, по которому Корея, въ особенности вся сѣверная половина ея, была бы гарантирована отъ появленія японской вооруженной силы.

Въ Средней Азій уже тридцать лѣтъ Афганистанъ служить «заслономъ» (буферомъ) между Англіею и Россіею, и, несомнѣнно, существованіе этого заслона охраняетъ наши отношенія съ Англіею и, главное, избавляетъ насъ отъ огромныхъ расходовъ, связанныхъ съ неизбѣжнымъ развитіемъ и въ Средней Азій огромныхъ вооруженныхъ силъ, въ томъ случаѣ, если бы Афганистанъ сталъ англійскимъ, сталъ русскимъ или если бы это государство было подѣлено между Россіею и Англіею. Именно къ образованію такого рода заслона изъ Кореи намъ и надо стремиться. Корея, не занятая ни Японіею, ни Россіею, могла бы намъ сослужить на Дальнемъ Востокѣ ту же службу, что и Афганистанъ въ Центральной Азій. Время, дабы достигнуть этого, еще не упущено.

Если же мы, преувеличивая значеніе для Россіи предпріятія на Ялу, будемъ продолжать нашу активную дѣятельность въ Сѣверной Корей, то мы неминуемо пойдемъ по пути военнаго занятія Кореи первоначально въ южной ея части японцами, а затѣмъ въ сѣверной части и нами. Въ результатѣ устройство этого заслона не только «не приобрѣтетъ особой важности въ смыслѣ предотвращенія столкновенія съ Японіею», но, напротивъ того, или послужитъ причиною этого столкновенія, или приведетъ насъ въ Корей къ состоянію разорительнаго вооруженнаго мира, о которомъ я говорилъ ранѣе.

LI.

Третья записка, составленная статсъ-секретаремъ Безобразовымъ, была передана имъ А. Н. Куропаткину въ Портъ-Артурѣ 19-го іюня 1913 года и носила заглавіе «Подсчетъ вооруженныхъ силъ для выясненія стратегической обстановки на Дальнемъ Востокѣ».

Авторъ при составленіи этой записки пользовался всѣми секретными матеріалами, имѣющими отношеніе къ нашему военному положенію на Дальнемъ Востокѣ, находящимися въ главномъ штабѣ и въ главныхъ управленіяхъ.

Въ означенной запискѣ статсъ-секретаря Безобразова доказывалось:

1) Что мы не имѣемъ въ настоящее время вовсе войскъ для сосредоточенія ихъ въ Южной Манчжуріи.

2) Что между тѣмъ настоятельно необходимо нашимъ войскамъ именно сосредоточиваться въ южной Манчжуріи не далѣе шести-семи дней пути походнымъ порядкомъ отъ станціи Гай-чжоу ¹⁾).

3) Что цѣлью дѣйствій нашихъ войскъ, собираемыхъ въ Южной Манчжуріи, долженъ быть поставленъ переходъ въ наступленіе уже на 25—31 день съ цѣлью сбросить противника въ море до прибытія второго эшелона десанта, если таковой высадится въ Инкоу.

4) Что для выполненія означенной цѣли необходимо прибавить вновь на Дальнемъ Востокѣ 50.000 войскъ (а по приложенію къ этой запискѣ 67.000 войскъ).

5) Что, наконецъ, возможно расположить въ Южной Манчжуріи всѣ вновь формируемыя войска, кромѣ отдѣляемыхъ на Квантунъ, вдоль линіи желѣзной дороги, не нарушая договора съ Китаемъ 26-го марта 1902 года.

Прежде всего, по мнѣнію Куропаткина, необходимо обратить вниманіе на перемѣну во взглядахъ Безобразова на районъ сосредоточенія нашихъ войскъ, происшедшую въ теченіе двухъ лѣтъ.

Въ запискѣ 1901 года «Расцѣнка положеній» онъ довольствуется сосредоточеніемъ нашихъ войскъ у Харбина съ выдвинутымъ авангардомъ къ Гирицу.

Побывавъ на Дальнемъ Востокѣ и сдѣлавъ первые шаги къ устройству заслона на Ялу, Безобразовъ признаетъ уже необходимымъ отнестись сосредоточеніе нашихъ войскъ противу своихъ первоначальныхъ соображеній на 400—500 верстъ къ югу.

Нельзя поэтому не поставить въ прямую между собою зависимость въ планахъ Безобразова: устройство заслона на Ялу, сборъ нашихъ войскъ въ Южной Манчжуріи, организацію борьбы противъ перваго эшелона десанта и, какъ средство для выполненія сихъ плановъ, добавленіе къ силамъ, уже находящимся нынѣ на Дальнемъ Востокѣ, еще 50.000 человекъ.

При подробномъ разсмотрѣніи означенной записки статъ-секретаря Безобразова выяснены всѣ допущенные въ этой работѣ ошибочные расчеты и неправильныя соображенія, отнимающія отъ означенной работы сколько-нибудь серьезный характеръ.

Главнѣйшія изъ замѣчаній на эту записку суть слѣдующія:

Силы, кои Японія и Россія могутъ выставить въ случаѣ войны, увеличены для Японіи вдвое, а для насъ уменьшены тоже почти вдвое. Сроки для передвиженія нашихъ войскъ исчислены не точно не въ нашу пользу. Расстоянія путей, по которымъ предполагено движеніе японцевъ, ошибочно сокращены въ очень значительной сте-

¹⁾ Станція эта лежитъ между Мукденомъ и Портъ-Артуромъ въ сорока верстахъ южнѣе станціи Ташичао, откуда идетъ вѣтвь къ Инкоу.

пени. Рѣка Амуръ при сосредоточеніи нашихъ силъ во вниманіе не принята. Совершаемое нынѣ быстрое увеличеніе провозной способности Китайской желѣзной дороги во вниманіе не принято. Сила нашего флота совершенно въ расчетъ не принята. Предположено поэтому, что японцы могутъ дѣлать высадку цѣлою арміею не только въ устьѣ Ялу, но даже въ Инкоу. Способъ дѣйствія нашихъ начальниковъ преднамѣренно считается ошибочнымъ. Такъ, весь первый корпусъ въ расчетъ сосредоточенія нашихъ войскъ въ Манчжуріи не принять, ибо предположено, что войска этого корпуса будутъ отвлечены демонстраціею и останутся въ Приморской области. Затѣмъ наилучшимъ способомъ дѣйствій нашихъ войскъ признается бездѣйствіе ихъ до сосредоточенія *всѣхъ* силъ. Такой способъ дѣйствій характеризовался А. Н. Куропаткинымъ, какъ совершенно невозможный.

Въ результатѣ сдѣланныхъ подсчетовъ признается необходимымъ усилить наши войска на Дальнемъ Востокѣ корпусомъ войскъ изъ трехъ дивизій съ соотвѣтствующей артиллеріею, кавалеріею и вспомогательными войсками и расположить его такимъ образомъ, чтобы онъ во время поспѣлъ къ каждому изъ угрожаемыхъ пунктовъ.

Такое расположеніе опредѣлено такъ: 13—14 тысячъ на Квантунѣ, а 36.000 въ южной Манчжуріи вдоль дороги съ цѣлью быстрого сбора къ станціи Гай-чжоу.

Относительно плана дѣйствій нашихъ войскъ авторъ даетъ по свидѣтельству его критика, наиболѣе подробныя указанія на случай высадки японской арміи у Инкоу.

Предполагая полное бездѣйствіе нашего флота, статсъ-секретарь Безобразовъ рассчитывалъ, что первый эшелонъ японцевъ уже появится у Гай-чжоу на 16 день по объявленіи войны силою въ 27.000 человекъ и на 22-ой—силою въ 55.000 человекъ.

Мы, по мнѣнію Безобразова, должны встрѣтить эти войска, остановить ихъ наступленіе и затѣмъ, перейдя въ рѣшительное наступленіе, сбросить первый эшелонъ японцевъ въ море до прихода второго эшелона.

Въ наступленіе авторъ записки предполагаетъ перейти: а) съ 31.000 вновь формируемыхъ войскъ, б) съ 3—4 тысячъ пограничной стражи и в) съ резервными войсками, мобилизуемыми въ Забайкальѣ.

Войска 1-го Сибирскаго корпуса не приняты во вниманіе въ предположеніи, что они будутъ отвлечены демонстраціею,—утверждалъ Куропаткинъ.

Войска 2-го Сибирскаго корпуса, расположенныя во время составленія записки почти полностью въ Манчжуріи, тоже по неизвѣстной причинѣ вовсе въ расчетъ не приняты. О нихъ даже не упоминается.

Взаимнѣ нашихъ прекрасныхъ боевыхъ войскъ 1-го и 2-го Сибирскихъ корпусовъ Безобразовъ давалъ участіе въ переходѣ въ наступленіе частямъ пограничной стражи и резервамъ изъ Забайкалья. Но пограничныя войска не имѣютъ организаци и обоза, а резервныя войска не могутъ поспѣть принять участіе въ этомъ переходѣ въ наступленіе. По расчетамъ статсъ-секретаря Безобразова, второй эшелонъ японцевъ уже можетъ высаживаться у Инкоу на 25 или 31 день. Значить, мы должны сбросить войска перваго эшелона въ море ранѣе 25 дня по объявленіи мобилизаци. Расчетъ, что голова резервныхъ войскъ можетъ прибыть изъ Забайкалья къ Гай-чжоу уже на 16 день, совершенно ошибочный. Къ 31 дню въ Гай-чжоу можетъ прибыть только 12 сотенъ и 12 орудій.

Такимъ образомъ, Безобразовъ, не принимая во вниманіе уже существующія на Дальнемъ Востокѣ боевыя силы и средства: нашъ флотъ и наши 1 и 2 Сибирскіе корпуса, предполагалъ возможнымъ переходить въ рѣшительное наступленіе и сбрасывать противника въ море уже въ теченіе перваго мѣсяца по объявленіи мобилизаци главнымъ образомъ только тѣми силами, кои признаются авторомъ необходимыми къ формированію вновь.

Сотрудничество неподготовленныхъ и неотвѣтственныхъ лицъ въ дѣлѣ наиболѣе важномъ изъ всѣхъ обширныхъ дѣлъ, довѣренныхъ высшихъ чинамъ арміи,—въ дѣлѣ обороны государства,—вполнѣ нежелательно,—говоритъ военный министр.—Опытъ войнъ съ неумолимою послѣдовательностью учитъ, что въ особенности фантази въ области стратегіи жестоко наказываются пораженіями войскъ и проигранными кампаніями.

Пріамурскій военный округъ въ настоящихъ его предѣлахъ сформированъ всего 20 лѣтъ тому назадъ въ 1884 году и всѣ войска сего округа первоначально состояли изъ 12 батальоновъ, 10 сотенъ, 2½ казачьихъ батальоновъ, 5 батарей, 1 саперной роты и 1 роты крѣпостной артиллеріи.

Черезъ 10 лѣтъ войска округа уже составляли: 20 батальоновъ, 11 сотенъ, 2¼ казачьихъ батальона, 8 батарей, 3 роты саперъ и 3 роты крѣпостной артиллеріи. Но особенно большое усиленіе войскъ Дальняго Востока и поднятіе ихъ боевой готовности послѣдовали въ настоящее время.

Нынѣ въ Пріамурскомъ военномъ округѣ состоитъ: 51 батальонъ, 23 сотни, 16 батарей, 2¼ саперныхъ батальона, 2¼ крѣпостного артиллерійскаго батальона.

Въ Квантунской области (кромѣ временно командированныхъ) состоитъ: 11 батальоновъ ¹⁾, 12 сотенъ, 4 батареи ²⁾, 1 рота саперъ, 2 крѣпостныхъ артиллерійскихъ батальона.

¹⁾ Къ 1 янв. 1904 г. прибавится еще одинъ батальонъ крѣпостной пѣхоты.

²⁾ Четырехорудійнаго состава.

Если сюда прибавить 55 ротъ и 55 сотенъ пограничной стражи и 7 батарей, принявъ ихъ за 14 батальоновъ, 55 сотенъ и 4 батареи, то общее число войскъ, коимъ мы нынѣ располагаемъ въ военное время на Дальнемъ Востокѣ (въ Примурскомъ военномъ округѣ, въ Манчжуріи и на Квантуңѣ), составитъ:

76 батальоновъ, 90 сотенъ и эскадроновъ, 24 батареи, $2\frac{1}{2}$ саперныхъ батальона и $4\frac{1}{4}$ крѣпостныхъ артиллерійскихъ батальона. Въ военное время надо прибавить еще 16 резервныхъ, 4 казачьихъ батальона, 12 казачьихъ сотенъ и 2 казачьи батареи, что составитъ: 96 батальоновъ, 102 сотни и эскадрона, 26 батарей, $2\frac{1}{2}$ саперныхъ батальона и $4\frac{1}{4}$ крѣпостныхъ артиллерійскихъ батальона.

Въ эти же 10 лѣтъ Дальній Востокъ связанъ рельсовымъ путемъ со всею остальною Россіею. Силы Дальняго Востока въ возможной борьбѣ не останутся одиноки. Ихъ подкрѣпятъ первоначально войска Сибирскаго военного округа, а затѣмъ войска Европейской Россіи.

За эти же 10 лѣтъ закончено укрѣпленіе Владивостока и выстроены Портъ-Артуръ.

Общее количество войскъ на Дальнемъ Востокѣ за послѣднія 10 лѣтъ увеличилось *почти въ 4 раза*.

Если прибавить, что за тотъ же періодъ наша Тихоокеанская эскадра стала грозною, то можно видѣть, какія пришлось принести Россіи жертвы, чтобы достигнуть такихъ, еще не виданныхъ на другихъ окраинахъ, результатовъ.

Но жертвы эти были необходимы, утверждалъ Куропаткинъ.

Десять лѣтъ тому назадъ мы были настолько слабы въ Примурскомъ военномъ округѣ, что въ случаѣ войны съ Японіею наши 19 батальоновъ и 11 сотенъ, разбросанные отъ Владивостока до Читы, не могли бы отстоять противъ японскихъ войскъ Владивостокъ и Приморскую область.

Уже два года тому назадъ мы признали себя въ силахъ въ случаѣ войны не только отстоять Примурскій край, но и Сѣверную Манчжурію. Мы даже сдѣлали смѣлое предположеніе о сборѣ части нашихъ войскъ въ Южной Манчжуріи.

Нынѣ вопросъ объ оборонѣ предѣловъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ стоитъ еще прочнѣе. Мы можемъ быть вполне спокойны за участь Примурскаго края, мы нынѣ можемъ быть спокойны за судьбу Портъ-Артура и мы вполне надѣемся отстоять Сѣверную Манчжурію.

Приведенныя данныя наглядно свидѣтельствуютъ, что нами на Дальнемъ Востокѣ въ военномъ отношеніи достигнутъ огромный результатъ.

Другой совершенно вопросъ заключается въ томъ: можетъ ли Россія довольствоваться достигнутыми въ военномъ отношеніи результатами, или въ послѣдующіе годы должна еще болѣе лихора-

дочно развивать свои силы и боевые средства, дабы имѣть возможность не только отстоять въ случаѣ войны съ Японіею и Китаемъ Пріамурскій край, Портъ-Артуръ и Сѣверную Манчжурію, но имѣть возможность съ перваго періода войны отстоять и южную Манчжурію.

Въ разрабатываемыхъ соображеніяхъ главнаго штаба изложено, что, въ виду другихъ еще болѣе важныхъ для военнаго вѣдомства задачъ и иныхъ серьезныхъ соображеній, намъ и нынѣ представляется сообразнымъ принять по отношенію къ Японіи первоначально оборонительный способъ дѣйствій, не задаваясь цѣлью отстаивать Южную Манчжурію, то есть сохранить планъ, выработанный въ 1901 году.

Нельзя, однако, обойтись и при этомъ планѣ безъ нѣкотораго усиленія нашихъ войскъ на Дальнемъ Востокѣ.

Нынѣ на Квантунѣ съ устройствомъ города Дальняго явился для противника важный и выгодный предметъ для дѣйствій. Поэтому ограничиваться обороною только Портъ-Артура нельзя. Придется защищать и Дальній. Въ совѣщаніяхъ въ Портъ-Артурѣ предположено для этой цѣли сформировать 16 батальоновъ, но въ крайности можно ограничиться восемью батальонами.

Въ то же время, дабы быстрѣе освободить войска 1-го Сибирскаго корпуса для сосредоточенія въ Манчжуріи, требуется увеличить гарнизонъ Владивостока еще на два батальона, а получаемые 8 батальоновъ развертывать въ военное время въ 12. Этими подкрѣпленіями и можно ограничиться.

Принятіе этого осторожнаго плана дѣйствій возможно, однако, только въ томъ случаѣ, если мы не будемъ стремиться овладѣть Южною Манчжуріею и благодаря сему не придемъ въ соприкосновеніе на протяженіи 600 верстъ съ Кореею. Не задаваясь цѣлью овладѣть Южною Манчжуріею, необходимо будетъ отказаться и отъ дѣятельности въ Корей на лѣвомъ берегу рѣки Ялу.

Если же по особымъ соображеніямъ не признается возможнымъ отказаться отъ подчиненія намъ и Южной Манчжуріи и въ то же время будетъ рѣшено продолжать дѣятельность лѣсной концессіи на Ялу по устройству въ бассейнѣ Ялу заслона на случай разрыва съ Японіей, то, по моему мнѣнію, мы сохранимъ, благодаря дѣйствіямъ на Ялу, главный источникъ возможныхъ недоразумѣній съ Японіею, будемъ находиться постоянно подъ опасеніемъ войны съ этою державою, особенно въ случаѣ войны на западномъ фронтѣ, и потому дальнѣйшее значительное увеличеніе нашихъ силъ на Дальнемъ Востокѣ становится необходимымъ.

Въ совѣщаніяхъ въ Портъ-Артурѣ признано необходимымъ прежде всего увеличить наши крѣпостныя войска въ Портъ-Артурѣ и Владивостокѣ до 12 батальоновъ крѣпостной пѣхоты въ каждомъ, для чего потребуются сформированіе новыхъ 14 батальоновъ. Сфор-

мированіе этихъ частей и нѣкоторыя другія формированія въ Портъ-Артурѣ потребуютъ единовременнаго расхода въ 9,8 милліона ¹⁾ и ежегоднаго въ 2,7 милліона. Всего въ теченіе пяти лѣтъ потребуется 23,3 милліона ²⁾.

Кромѣ того, въ іюнѣ мѣсяцѣ сего года разрабатывались въ главномъ штабѣ соображенія о развертываніи шести Восточно-Сибирскихъ бригадъ въ 3-батальонный составъ полковъ ³⁾.

Изъ представленнаго по сему вопросу 5-го іюля сего года доклада видно, что формированіе 24 батальоновъ и 7 батарей потребуетъ 22,3 милліона единовременнаго расхода ⁴⁾ и 3,3 милліона постояннаго расхода, что составитъ за 5 лѣтъ 38,8 милліона рублей ⁵⁾.

Всего, такимъ образомъ, въ теченіе слѣдующаго пятилѣтія, кромѣ расходовъ, уже внесенныхъ въ планъ на слѣдующее пятилѣтіе 1904—1909 годовъ, предстоятъ расходы на новыя формированія для Дальняго Востока въ размѣрѣ 62,1 милліона рублей. Въ случаѣ возведенія всѣхъ казармъ временнаго типа эта общая сумма понизится до 43,5 милліона.

Наконецъ, сформированіе во Владивостокѣ вмѣсто 6 только 2 новыхъ батальоновъ пѣхоты, съ тѣмъ, чтобы остальные 4 батальона формировались лишь въ военное время, какъ мною доложено было выше, можетъ сократить расходы за все пятилѣтіе еще на 2,5 милліона рублей (при казармахъ постояннаго типа) или на 0,8 милліона (при казармахъ временнаго типа).

Куропаткинъ свидѣтельствовалъ, что отнесеніе этихъ расходовъ на предѣльный бюджетъ представляется невозможнымъ безъ потрясенія нашей боевой готовности на западѣ и пріостановки даже такихъ мѣропріятій, кои уже начаты.

Проектируемое усиленіе войскъ на Дальнемъ Востокѣ составитъ:

Для Квантунской области: 8 батальоновъ крѣпостной пѣхоты, 4 стрѣлковыхъ батальона, 1 батальонъ крѣпостной артиллеріи, 2 батареи ⁶⁾, 1 саперный батальонъ, 1 минная рота.

Для Манчжуріи, принимая, что весь 2-й Сибирскій корпусъ будетъ расположенъ въ Манчжуріи и подчиненъ генераль-адъютанту Алексѣеву: 8 стрѣлковыхъ батальоновъ, 3 батареи.

Для Приамурскаго военнаго округа: 12 стрѣлковыхъ батальоновъ, 6 батальоновъ крѣпостной пѣхоты, 3 батареи.

Всего наши войска на Дальнемъ Востокѣ будутъ усилены:

¹⁾ Въ случаѣ возведенія казармъ временнаго типа 3,6 мил.

²⁾ Въ случаѣ возведенія казармъ временнаго типа 17,1 мил.

³⁾ При этомъ въ Квантунской области вмѣсто формированія новой стрѣлковой бригады.

⁴⁾ Въ случаѣ возведенія казармъ временнаго типа 9,9 мил.

⁵⁾ Въ случаѣ возведенія казармъ временнаго типа 26,4 мил.

⁶⁾ Одна вылазочная.

«истор. вѣстн.», ноябрь 1914 г., т. сxxxviii.

на 32 батальона пѣхоты, 1 саперный батальонъ, 1 батальонъ крѣпостной артиллеріи, 8 батарей и 1 минную роту.

Вмѣстѣ съ нынѣ находящимися на Дальнемъ Востокѣ мы получимъ тамъ силу въ 94 батальона пѣхоты, 35 эскадроновъ и сотенъ, 28 батарей, 3¹/₂ саперныхъ батальона, 5¹/₄ батальоновъ крѣпостной артиллеріи и 4 минныхъ роты.

Въ случаѣ войны мы будемъ имѣть въ Квантунской области 24 батальона пѣхоты, 1 саперный батальонъ, 6 батарей, 12 сотенъ казаковъ.

Для сбора въ Южной Манчжуріи мы можемъ располагать:

2-мъ Сибирскимъ корпусомъ	24 батальонами.
1-мъ Сибирскимъ корпусомъ	36 »
2 рез. бригадами (изъ Забайкалья)	16 »
4 каз. пѣш. батал. (изъ Забайкалья)	4 »
<hr/>	
Итого	80 батальонами.

Сборъ первыхъ 60 батальоновъ при усиленіи провозной способности Манчжурской желѣзной дороги можетъ быть произведенъ относительно весьма быстро.

Въ резервъ за ними будутъ собираться:

Въ первую очередь войска Сибирскаго военнаго округа 32 батальона.

Во вторую очередь войска, назначенныя изъ Европейской Россіи для подкрѣпленія.

Несомнѣнно, что при существующей численности дѣйствующей японской арміи мы, усиливъ, какъ выше указано, свои войска, даже въ первый періодъ войны получимъ возможность оказывать наступающимъ въ Южную Манчжурію японскимъ войскамъ упорное сопротивление.

Вмѣстѣ съ столь значительнымъ усиленіемъ войскъ на Дальнемъ Востокѣ возможно будетъ уменьшить составъ назначаемыхъ изъ Европейской Россіи подкрѣпленій на одинъ дѣйствующій корпусъ. Это представитъ весьма серьезную выгоду, ибо война на Дальнемъ Востокѣ можетъ вызвать осложненія на западѣ.

Но подобное усиленіе войскъ на Дальнемъ Востокѣ будетъ особенно полезно въ томъ случаѣ, если Японія объявитъ намъ войну одновременно, или вслѣдъ за объявленіемъ намъ войны державами тройственнаго союза на западѣ ¹⁾. Тогда предназначенные для подкрѣпленія нашихъ войскъ на Дальнемъ Востокѣ два армейскихъ

¹⁾ Любопытно сопоставить это мнѣніе съ тѣми фактами исторіи, которые мы переживаемъ нынѣ. Намѣчатый врагъ обратился въ союзника, а тройственный грозный союзъ является лишь воспоминаніемъ былого!

корпуса будутъ притянуты на западную границу, и мы будемъ въ состояніи помочь нашимъ войскамъ на Дальнемъ Востокѣ лишь отправкою примѣрно двухъ резервныхъ дивизій.

При всѣхъ этихъ несомнѣнныхъ выгодахъ, представляемыхъ столь значительнымъ усиленіемъ нашего военнаго положенія на Дальнемъ Востокѣ, нельзя, однако, не припомнить, что мы на другихъ окраинахъ тоже еще недостаточно сильны. Наши туркестанскія войска, въ случаѣ осложненія съ Англіею, весьма слабы. Наши кавказскія войска въ виду усиленія турецкой арміи и необходимости поддержать внутреннее спокойствіе и въ то же время служить резервомъ для афганскаго театра, тоже недостаточны. Войска огромнаго по пространству Сибирскаго военнаго округа (всего 9 батальоновъ въ мирное время) слабы.

Но что несравненно важнѣе, мы весьма сильно отстали въ боевой готовности на западѣ, сравнительно съ боевою готовностью нашихъ сосѣдей. Эта отсталость съ каждымъ годомъ становится все тревожнѣе. Между тѣмъ судьба Россіи наиболѣе всего зависитъ отъ исхода борьбы на западѣ. Какія бы побѣды мы ни одержали на всѣхъ второстепенныхъ театрахъ: кавказскомъ, афганскомъ и на Дальнемъ Востокѣ, если мы будемъ побѣждены на главномъ театрѣ,—эти побѣды не принесутъ намъ пользы. Напротивъ того, одержавъ побѣду на главномъ театрѣ, мы быстро поправимъ свои дѣла на второстепенныхъ театрахъ, какія бы частныя неудачи мы ни понесли. Даже такое значительное усиленіе войскъ на Дальнемъ Востокѣ, которое нынѣ проектируется, принесетъ намъ пользу только на короткое время. Несомнѣнно, что въ отвѣтъ Японія тоже увеличитъ свои силы. Уже нынѣ по возбужденіи тревоги на Ялу и въ Манчжуріи получены извѣстія о рѣшеніи японцевъ сформировать еще одну дивизію. Затѣмъ на очередь будетъ поставленъ вопросъ о доведеніи всѣхъ полковъ дѣйствующей пѣхоты до 4-батальоннаго состава, что дастъ при 13 дивизіяхъ новыхъ 52 батальона. Это тѣмъ легче сдѣлать, что артиллерію и саперъ можно и не увеличивать.

Въ Японіи 47 милліоновъ населенія, и, сравнительно съ этимъ населеніемъ, Японія содержитъ сухопутную армію относительно незначительную. Такимъ образомъ, подобно тому, какъ на западѣ, мы можемъ быть втянуты въ состязаніе съ Японіею въ развитіи своихъ вооруженныхъ силъ, что приведетъ насъ и на Востокѣ къ разорительному вооруженному миру. Только устраненіе главныхъ поводовъ разрыва съ Японіею можетъ избавить насъ какъ отъ войны съ Японіею, такъ и отъ необходимости нести тяжесть вооруженнаго мира.

Куропаткинъ высказывалъ убѣжденіе, что, ограничившись въ своихъ планахъ подчиненіемъ Россіи, и то со временемъ лишь, Сѣверной Манчжуріи (безъ присоединенія ея къ нашимъ владѣніямъ),

избавившись этимъ отъ непосредственнаго сосѣдства съ Корею и отказавшись отъ активной дѣятельности въ Корей, мы можемъ надѣяться возвратиться къ прежнимъ дружескимъ отношеніямъ съ Японією».

ЛII.

Уже въ 1904 году въ № 92 газеты «Разсвѣтъ» появилась статья г. Рославлева, въ которой бывшему военному министру, а тогда главнокомандующему былъ поставленъ упрекъ, что онъ изъ боязни А. М. Безобразова подписалъ лѣтомъ 1903 года въ Портъ-Артурѣ журналъ, коимъ авантюра на Ялу, какъ полезное государственное предпріятіе, ставилось подъ покровительство русскихъ войскъ, благодаря чему въ сущности приостановилось очищеніе Южной Манчжуріи.

Генераль Куропаткинъ въ своихъ «Итогахъ войны» свидѣтельствовалъ, что обвиненіе автора по его адресу «вымыселъ, неизвѣстно на чемъ основанный», причемъ съ своей стороны утверждалъ, что на совѣщаніяхъ, происходившихъ въ Портъ-Артурѣ подъ его предсѣдательствомъ при участіи генераль-адъютанта Алексѣева, статсъ-секретаря Безобразова, генераль-майора Вогака и посланниковъ въ Пекинѣ и Корей, онъ, генераль Куропаткинъ, высказалъ мнѣніе о необходимости вовсе прекратить предпріятіе на Ялу; что члены совѣщанія, кромѣ гг. Безобразова и Вогака, дружно высказались за преданіе этому предпріятію исключительно коммерческаго характера съ устраненіемъ отъ участія офицеровъ дѣйствительной службы и вообще лицъ, состоящихъ на государственной службѣ; что журналъ засѣданія по этому вопросу былъ подписанъ всѣми членами, не исключая Безобразова, что принятіе мѣръ къ прекращенію военно-политической дѣятельности предпріятія зависѣло отъ генераль-адъютанта Алексѣева, которому и надлежало прежде всего отозвать нашъ отрядъ изъ Фынъ-хуанъ-чена и охотничьи команды съ Ялу, и что, наконецъ, ему, генералу Куропаткину, неизвѣстно, почему эти мѣры не были приняты.

Въ подтвержденіе своихъ заявленій генераль Куропаткинъ приводитъ выдержки изъ журналовъ портъ-артурскихъ совѣщаній, но эти выдержки по провѣркѣ, сдѣланной г. С. Ю. Витте въ его брошюрѣ «Вынужденныя разъясненія», «оказываются взятыми внѣ связи съ общимъ текстомъ журналовъ, причемъ опущено все то, что могло бы поколебать силу выставленныхъ авторомъ положеній. Полный текстъ постановленій портъ-артурскихъ совѣщаній по дѣламъ ялуцзянскаго предпріятія не подтверждаетъ большинства этихъ положеній, какъ можно видѣть изъ нижеслѣдующаго:

«Въ журналѣ засѣданія 19-го іюня за № 2 помѣщено подъ пунктомъ 4 слѣдующее постановленіе, — говоритъ г. С. Ю. Витте:—

«Дабы отнять у Японіи поводы усматривать въ совершенно законмѣрной дѣятельности русскаго лѣснаго товарищества на лѣвомъ корейскомъ берегу рѣки Ялу предпріятіе военно-политическаго характера и согласно съ мнѣніемъ главнаго начальника Квантунской области, которому по ст. 7 журнальнаго постановленія 7-го мая 1903 года поручено высшее руководство этимъ дѣломъ, признается необходимымъ немедленно принять мѣры къ приданію нашей дѣятельности на Ялу исключительно коммерческаго характера, устранивъ отъ участія въ предпріятіи офицеровъ дѣйствительной службы и поручивъ веденіе лѣснаго дѣла офицерамъ запаса или лицамъ, не состоящимъ на государственной службѣ».

«По этому пункту статсъ-секретарь Безобразовъ остался при особомъ мнѣніи, причемъ, считая, какъ видно изъ журнала 23-го іюня № 5, необходимымъ оказаніе ялуцзянскому предпріятію, которое велось подъ фирмою русскаго лѣсопромышленнаго товарищества на Дальнемъ Востокѣ, поддержки военною силою, категорически высказался противъ отозванія русскихъ отрядовъ изъ Фынъ-хуанъ-чена и Ша-хе-цзы.

«Въ виду выяснившагося значительнаго разногласія во взглядахъ на значеніе предпріятія русскаго лѣсопромышленнаго товарищества, совѣщаніе рѣшило ознакомиться ближе съ сущностью и дѣятельностью онаго и пригласило на засѣданіе 24-го іюня мѣстныхъ представителей товарищества—егермейстера Балашева и генеральнаго штаба подполковника Мадритова для дачи разъясненій. Въ виду важности принятыхъ на этомъ засѣданіи постановленій для выясненія отношенія генераль-адъютанта Куропаткина къ товариществу, ниже приводимъ почти полностью текстъ журнала 24 іюня, № 6:

«1. Изъ объясненій, данныхъ по этому вопросу статсъ-секретаремъ Безобразовымъ, егермейстеромъ Балашевымъ и подполковникомъ Мадритовымъ, выяснилось слѣдующее:

«а) Предпріятіе означеннаго товарищества можетъ быть отнесено къ категоріи тѣхъ предпріятій, которыя, по находженіи въ районѣ, представляющимъ важность въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ, должны получить полную поддержку центральныхъ управленій и мѣстныхъ властей.

«б) Предпріятіе это надо считать съ юридической точки зрѣнія совершенно оформленнымъ: на лѣвомъ берегу рѣки Ялу—полученною отъ корейскаго правительства правильною концессією, съ участіемъ во владѣніи ею, въ одной четвертой части, корейскаго императора; на правомъ берегу—полученными отъ китайскихъ властей рубочными билетами.

«в) Въ первое время дѣятельность агентовъ товарищества дѣйствительно встрѣчала нѣкоторыя затрудненія, вызванныя: съ ко-

рейской стороны—позднимъ, сравнительно съ полученіемъ концессіи, срокомъ начала работъ, почему японцы и другіе успѣли къ хищнической рубкѣ лѣса, производившейся съ расчетомъ на то, что русскіе концессіонеры потеряютъ свои права, пропустивъ условленный срокъ начала работъ; на китайской сторонѣ—оппозиціей мѣстныхъ властей и пекинскихъ, назначившихъ на должность даотая въ Фынъ-хуанъ-ченъ умнаго, энергичнаго и ловкаго Юаня для всяческаго противодѣйствія русскимъ, и образованіемъ въ Тянь-цзинѣ фиктивной компаніи для рубки лѣса на Ялу.

«г)

«д) Въ настоящее время на службѣ товарищества состоятъ: девять старшихъ агентовъ, въ томъ числѣ одинъ офицеръ, кромѣ генеральнаго штаба подполковника Мадритова, который, не состоя на службѣ товарищества, руководитъ дѣлами; 97 или 98 запасныхъ нижнихъ чиновъ, сопровождающихъ плоты отъ города Ша-хе-цзы до устья рѣки; до двухсотъ китайцевъ (изъ Чифу) и около девятисотъ корейцевъ-поденщиковъ.

«е) Въ настоящее время, пользуясь половодіемъ, производится сплавъ плотовъ къ устьямъ рѣки, гдѣ на лѣвомъ берегу строится лѣсопильный заводъ. До сихъ поръ сплавлено двѣсти плотовъ, но къ августу предположено сплавить до 3100, примѣрно по 45 бревенъ въ каждомъ, что составитъ всего около 50000 длинныхъ и около 120000—130000 короткихъ бревенъ, главнымъ образомъ кедра, сосны и, въ меньшемъ количествѣ, дуба, орѣха, бархата и ясеня. По соотвѣтственной распилкѣ лѣса онъ будетъ погруженъ на шланды для отправки въ Портъ-Артуръ, Инкоу и др. пункты, гдѣ коммерческими агентами товарищества уже приняты заказы по цѣнѣ около пятидесяти копеекъ за кубическій футъ.

«2. Съ другой стороны, были сдѣланы заявленія въ томъ смыслѣ, что дѣла лѣснаго товарищества обстоятъ не столь благополучно въ подтвержденіе чего прочитана была полученная посланникомъ въ Сеулѣ телеграмма, что само корейское правительство смотритъ на предпріятіе лѣснаго товарищества, какъ на предпріятіе военно-политическое.

«3. На основаніи вышеизложеннаго, совѣщаніе пришло къ тому заключенію, что русское лѣсопромышленное товарищество является дѣйствительно дѣломъ коммерческимъ, причемъ, однако, участіе въ немъ офицеровъ дѣйствительной службы и производство ими работъ, имѣющихъ военное значеніе, придаетъ этому предпріятію несомнѣнно военно-политическій характеръ.

«4. Со второю частью этого заключенія не согласился статсъ-секретарь Безобразовъ, заявившій, что характеръ предпріятія можетъ обуславливаться только существомъ его, признаннымъ коммерческимъ, а не званіемъ исполнительныхъ агентовъ,—какъ это и доказываютъ многочисленныя предпріятія въ разныхъ государ-

ствахъ, ведомыя офицерами, состоящими на службѣ, но носящими партикулярное платье.

«5. Вслѣдствіе этого статсъ-секретарь Безобразовъ спросилъ егермейстера Балашева, какъ представителя группы лицъ, Высочайше избранныхъ для образованія русскаго лѣсопромышленнаго товарищества, считаетъ ли онъ возможнымъ продолжать дѣятельность товарищества въ томъ случаѣ, если ему будетъ отказано въ поддержкѣ русскаго правительства, или же это должно вызвать ликвидацію дѣлъ товарищества.

«6. На это егермейстеръ Балашевъ отвѣтилъ, что при положеніи, занимаемомъ Россіею въ Корей, только эта поддержка можетъ спасти дѣло. Къ этому онъ прибавилъ, что, не требуя для своей поддержки войскъ, товарищество должно настаивать на томъ, чтобы крупныя политическіе и экономическіе интересы, вызвавшіе затрату значительныхъ денегъ, не остались безъ защиты со стороны правительства въ случаѣ нарушенія имѣющихся правъ. Для этого, по мнѣнію егермейстера Балашева, необходимо оставить войска въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они расположены (Фынъ-хуанъ-ченъ — Ша-хе-цзы), что будетъ гарантировать насъ отъ покушеній на наши права.

«7. Вслѣдствіе этого ген.-адъют. Куропаткинъ призналъ необходимымъ еще разъ установить, что, въ виду не достигнутаго единогласія по пункту 4 совѣщанія 19-го іюня сего года, былъ вновь поднятъ вопросъ о лѣсномъ предпріятіи на Ялу, при чемъ были доложены всѣ данныя о современномъ положеніи этого предпріятія. Принимая во вниманіе полученныя нашимъ посланникомъ въ Сеулѣ свѣдѣнія, изложенныя въ телеграммѣ, о которой упомянуто въ пунктѣ 2 сего журнала, и выслушавъ всѣ объясненія, совѣщаніе не признало возможнымъ отказаться или въ чемъ-либо измѣнить свое заключеніе, изложенное въ пунктѣ 4 заключеніи 19-го іюня с. г., къ каковому мнѣнію вполне присоединился и д. с. с. Лессаръ, не присутствовавшій на совѣщаніи 19-го іюня.

«8. Статсъ-секретарь Безобразовъ не счелъ возможнымъ согласиться съ этимъ заключеніемъ, вслѣдствіе чего ген.-адъют. Куропаткинъ предложилъ въ томъ случаѣ, если бы единогласное заключеніе не могло быть принято, и при томъ условіи, что военный министръ признаетъ возможнымъ, въ виду важнаго значенія лѣснаго дѣла на Ялу, какъ частнаго коммерческаго предпріятія, ходатайствовать объ оказаніи ему всякаго содѣйствія, выражающагося въ привлеченіи на службу товарищества запасныхъ нижнихъ чиновъ, въ снабженіи ихъ оружіемъ и патронами, въ охранѣ ихъ при слѣдованіи къ мѣсту служенія и предоставленіи офицерамъ и чиновникамъ, поступившимъ на службу товарищества и уволеннымъ для этого въ запасъ, права во всякое время (если только не будутъ изгнаны изъ товарищества) вернуться въ прежнія свои

части тѣмъ же чиномъ и съ зачисленіемъ времени, проведеннаго въ запасъ, за дѣйствительную службу.

«9. Въ виду этого заявленія статсъ-секретарь Безобразовъ присоединился къ заключенію совѣщанія 19-го іюня с. г. (пунктъ 4)...

«10. Егермейстеръ Балашевъ, на основаніи соображеній, приведенныхъ выше въ пунктѣ 6, обратился отъ имени товарищества съ просьбой не убирать отряды войскъ изъ Фынъ-хуанъ-чена и Ша-хе-цзы, на что ему было разъяснено, что пока этого сдѣлать не предположено».

«Смысль даннаго 24-го іюня егермейстеру Балашеву разъясненія о временномъ оставленіи русскихъ военныхъ отрядовъ въ Фынъ-хуанъ-ченѣ и Ша-хе-цзы устанавливается журналомъ слѣдующаго совѣщанія отъ 25-го іюня, № 7. Изъ пункта 4 этого журнала видно, что эвакуація названныхъ городовъ ставилась въ зависимость отъ принятія Китаемъ новыхъ выработанныхъ портъ-артурскимъ совѣщаніемъ требованій относительно Манчжуріи и отъ предоставленія русскому лѣсопромышленному товариществу концессіи на правомъ (манчжурскомъ) берегу Ялу-цзяна.

«Изъ приведенныхъ выписокъ изъ журналовъ, которые всѣ были подписаны ген.-адъют. Куропаткинѣмъ, вытекаютъ слѣдующіе выводы, опровергающіе выставленные ими положенія.

«1) Заявленія ген.-адъют. Куропаткина о томъ, что онъ высказался въ Портъ-Артурѣ за необходимость прекращенія ялу-цзянскаго предпріятія, не находятъ себѣ подтвержденія въ журналѣ.

«2) Предпріятіе это было объявлено его руководителями относящимся къ категоріи тѣхъ предпріятій, которыя по нахожденію въ районѣ, представляющемъ важность въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ, должны получить полную поддержку центральныхъ управленій и мѣстныхъ властей, причемъ это заявленіе не вызвало возраженій со стороны военнаго министра.

«3) Для охраны интересовъ ялу-цзянскаго предпріятія было рѣшено пока сохранить русскія войска въ Фынъ-хуанъ-ченѣ и Ша-хе-цзы съ тѣмъ, чтобы эти пункты были очищены не ранѣе урегулированія манчжурскаго вопроса на новыхъ основаніяхъ, выработанныхъ портъ-артурскимъ совѣщаніемъ, и лишь по полученіи концессіи на правомъ (манчжурскомъ) берегу Ялу.

«4. Предшествоющимъ постановленіемъ ген.-адъют. Алексѣевъ былъ лишенъ возможности вывести наши войска отъ Фынъ-хуанъ-чена не только немедленно, но и впослѣдствіи, ибо, какъ извѣстно, китайцы не приняли выработанныхъ при участіи ген.-адъют. Куропаткинѣмъ новыхъ условій эвакуаціи Манчжуріи. Такимъ образомъ становится совершенно непонятнымъ выраженное имъ недоумѣніе по поводу проявленнаго въ данномъ дѣлѣ ген.-адъют. Алексѣевымъ бездѣйствія.

«5. Между взглядами ген.-адъют. Куропаткина и статсъ-секретаря Безобразова на ялущанское предпріятіе обнаружилось рѣзкое различіе, и первый изъ нихъ, желая добиться устраненія происшедшаго разномыслія, призналъ возможнымъ ходатайствовать о предоставленіи предпріятію всякаго содѣйствія, а именно: путемъ привлеченія запасныхъ нижнихъ чиновъ, снабженія ихъ оружіемъ и патронами и охраны при слѣдованіи къ мѣсту служенія, сохраненія за офицерами и чиновниками, уволенными отъ службы при поступленіи на ялущанское предпріятіе, всѣхъ правъ дѣйствительной службы. Заручившись такимъ обѣщаніемъ, которое фактически сохраняло безъ измѣненій созданный инициаторами дѣла порядокъ, статсъ-секретарь Безобразовъ заявилъ о формальномъ устраненіи происшедшаго разномыслія.

«Такимъ образомъ, полный текстъ подписанныхъ ген.-адъют. Куропаткинымъ журналовъ устанавливаетъ, что для обвиненія, выставленнаго противъ него въ статьѣ г. Рославлева, имѣлись вполне вѣскія основанія».

На необходимость принять въ отношеніи Манчжуріи какое-либо окончательное рѣшеніе указывалъ одновременно съ генераломъ Куропаткинымъ и С. Ю. Витте. Въ томъ же іюлѣ 1903 года имъ была составлена особая записка, въ которой были разобраны возможные рѣшенія манчжурскаго вопроса.

С. Ю. Витте начинаетъ свою записку съ упоминанія о безостановочномъ движеніи Россіи на востокъ, начиная еще со временъ Иоанна Грознаго. Нынѣ движеніе это закончилось присоединеніемъ Квантунской области,—но ни обладаніе этой областью, ни всей Манчжуріей не можетъ, по мнѣнію С. Ю. Витте, быть конечною цѣлью Россіи, и на ея долю должна достаться крупная часть китайскаго колосса, который, рано или поздно, долженъ сдѣлаться добычею европейскихъ пришельцевъ. Главнѣйшая задача Россіи должна, однако, заключаться въ томъ, чтобы поглотенію Манчжуріи, имѣющему выпасть на долю Россіи, дать совершиться естественнымъ путемъ, не ускоряя событій, не предпринимая никакихъ преждевременныхъ шаговъ и не дѣлая поэтому территориальныхъ захватовъ, дабы не побуждать другія заинтересованныя державы къ преждевременному раздѣлу Китая, могущему лишить Россію наиболѣе цѣнныхъ его провинцій. Съ этой точки зрѣнія, по мнѣнію С. Ю. Витте, долженъ быть разрѣшенъ и манчжурскій вопросъ, который является лишь частью огромнаго китайскаго вопроса.

О способахъ наиболѣе цѣлесообразнаго разрѣшенія манчжурскаго вопроса у насъ,—констатируетъ далѣе С. Ю. Витте,—существуетъ много мнѣній. Одни рекомендуютъ немедленное присоединеніе Манчжуріи. Другіе находятъ, что было бы наиболѣе цѣлесообразнымъ, формально не присоединяя Манчжуріи къ Россіи,

не выводить изъ нея нашихъ войскъ и управлять ею съ согласія или даже вопреки волѣ китайскаго правительства. Наконецъ, по третьему рѣшенію, предлагается вывести наши войска изъ Манчжуріи, сосредоточивъ ихъ, въ той мѣрѣ, въ какой авторитетными мнѣніями будетъ признано необходимымъ, въ Пріамурьѣ, Квантунской области и на территоріи Китайской Восточной желѣзной дороги.

Обращаясь къ первому рѣшенію, именно къ немедленному присоединенію Манчжуріи къ Россіи, С. Ю. Витте указываетъ, что это рѣшеніе задачи кажется наиболѣе простымъ. Нельзя, однако, упускать изъ виду, что оно чревато весьма серьезными послѣдствіями. Во-первыхъ, мы этимъ шагомъ окончательно возстановимъ противъ себя правительство богдыхана и можемъ вынудить на крайнія мѣры Японію, которая, съ присоединеніемъ Манчжуріи къ Россіи, должна будетъ утратить надежду прочно основаться въ Корей. Кроме того, присоединеніе Манчжуріи къ Россіи развяжетъ руки другимъ державамъ, которыя, совмѣстно съ Японією, приступятъ къ раздѣлу Китая, Кореи, Сіама и Тибета. Осложненія, къ которымъ можетъ привести этотъ раздѣлъ, и не на одномъ Дальнемъ Востокѣ, трудно даже предвидѣть.

Кромѣ внѣшнихъ осложненій, присоединеніе Манчжуріи къ Россіи сопряжено съ громадными затрудненіями чисто-внутренняго, административнаго характера. Намъ придется взять на себя администрацію территоріи, превышающей площадью Францію, съ двѣнадцатимилліоннымъ, совершенно чуждымъ намъ населеніемъ. Расчеты на естественныя богатства Манчжуріи, доходы отъ которыхъ должны будутъ покрывать громадные расходы по управленію Манчжуріей, представляются преувеличенными. Во всякомъ случаѣ, мало вѣроятно, чтобы мы сумѣли должнымъ образомъ использовать эти богатства, какъ не сумѣли до сихъ поръ сдѣлать этого въ отношеніи нашихъ среднеазиатскихъ владѣній и на Кавказѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ рассчитывать, что намъ удастся ассимилировать стойкую китайскую расу, наплывъ которой въ наши владѣнія на Дальнемъ Востокѣ, послѣ присоединенія Манчжуріи, остановить будетъ весьма затруднительно. Присоединеніемъ Манчжуріи, по мнѣнію С. Ю. Витте, мы создадимъ новый «китайскій вопросъ», который окажется болѣе грознымъ и сложнымъ, нежели вопросы финляндскій, польскій, еврейскій и армянскій, являющіеся нынѣ трудными задачами для нашей внутренней политики.

Второе рѣшеніе вопроса, заключающееся въ томъ, чтобы, формально не присоединяя Манчжуріи къ Россіи, не выводить, однако, изъ нея нашихъ войскъ и управлять ею съ согласія или даже вопреки волѣ китайскаго правительства, представляется, на пер-

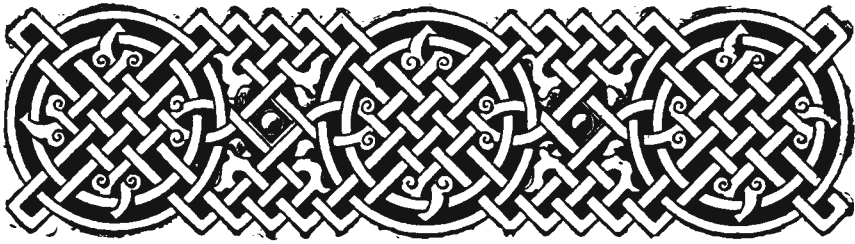
вый взглядъ, съ внѣшней, чисто-формальной точки зрѣнія, наиболѣе удачнымъ. На практикѣ, однако, такое рѣшеніе едва ли осуществимо, такъ какъ оно равносильно установленію въ странѣ двоевластія. Не подлежитъ сомнѣнію, что населеніе и китайскіе чиновники будутъ исполнять велѣнія китайскаго правительства, а на распоряженія русскихъ властей будутъ смотрѣть, какъ на произвольныя. Населеніе будетъ все болѣе и болѣе чуждаться насъ, и создастся неопредѣленное положеніе, результатомъ котораго явятся замѣшательства и неурядицы, отвѣтственность за которыя, несомнѣнно, падеть на насъ. Такіе результаты, очевидно, не могутъ считаться соотвѣтствующими интересамъ и задачамъ Русскаго государства на Дальнемъ Востокѣ.

Остается, такимъ образомъ, третье рѣшеніе, соотвѣтствующее обязательствамъ, принятымъ нами на себя по договору съ Китаемъ 26-го марта 1902 года, а именно: вывести наши войска изъ Манчжуріи, сосредоточивъ ихъ, въ той мѣрѣ, въ какой авторитетными мнѣніями будетъ признано необходимымъ, въ Пріамурьѣ, Квантунской области и на территоріи Китайской Восточной желѣзной дороги. Предварительно, однако, необходимо было бы потребовать отъ китайскаго правительства такихъ гарантій, которыя обезпечивали бы наши интересы въ Манчжуріи отъ посягательствъ со стороны китайцевъ и иностранцевъ. Такое рѣшеніе, по мнѣнію С. Ю. Витте, не могло бы вызвать никакихъ серьезныхъ затрудненій ни со стороны китайскаго правительства, ни со стороны державъ и дало бы русскому правительству возможность держать Манчжурію въ своихъ рукахъ и исподволь подготавливать окончательное ея присоединеніе. Заканчиваетъ С. Ю. Витте свою записку выраженіемъ мысли, что противъ каждаго изъ перечисленныхъ трехъ способовъ можно, конечно, спорить,—но положеніе дѣлъ обязываетъ нынѣ же окончательно остановиться на какомъ-нибудь опредѣленномъ рѣшеніи.

Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

БАЛТЫ И ВОЙНА.

О НАЧАЛА восьмидесятих годовъ прошлаго столѣтія Прибалтійскій край жилъ своей особенной жизнью. Краемъ руководила и направляла его жизнь до мельчайшихъ подробностей незначительная группа нѣмецкаго населенія. Во всѣхъ учрежденіяхъ и установленіяхъ господствующимъ языкомъ былъ языкъ нѣмецкій. Судебныя дѣла вершались архидопотопными нѣмецкими судами, школа была только нѣмецкой, господствующей религіей въ краѣ было лютеранство. За дворянскимъ сословіемъ признавался цѣлый рядъ правъ и преимуществъ, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, какія были въ остальной имперіи. Эти рѣзкія особенности края привели къ тому, что среди балтійскихъ нѣмцевъ создалась мысль о независимости ихъ отъ Русскаго государства въ смыслѣ мѣстнаго управленія. Форма мѣстнаго управленія такъ и называлась конституціей. Одинъ изъ русскихъ знатоковъ и изслѣдователей прибалтійской жизни говоритъ по сему предмету:

«Для обоснованія подобнаго взгляда онъ (прибалтійскій нѣмецъ) на первыхъ же порахъ завоеванія края Петромъ Великимъ сталъ смотрѣть на наше правительство, какъ на договаривавшуюся сторону, вошедшую съ нимъ въ извѣстную сдѣлку, условіемъ которой съ одной стороны была признана будто бы сдача городовъ и вообще страны русскихъ войскамъ, а съ другой—вознагражденіе за это указанными привилегіями».

М. Н. Харузинъ въ своемъ трудѣ «Балтійская конституція» характеризуетъ ее слѣдующимъ образомъ:

«Нѣмцы стали называть этого же монарха въ случаяхъ «герцогомъ эстляндскимъ, лифляндскимъ и курляндскимъ», а при обыкновенныхъ обстоятельствахъ жизни «стражемъ границъ помѣщичьихъ земель». Форма правленія въ такъ называемой балтійской конституціи представляла изъ себя подобіе западно-европейской. Постоянными правителями являлись въ каждой губерніи и на островѣ Эзелѣ совѣты изъ двѣнадцати ландратовъ, называвшіеся «ландратскими коллегіями». Они вѣдали законодательныя функціи. Ежегодно, затѣмъ, составлялись чрезвычайные ландтаги, на которыхъ обсуждались всѣ мѣры къ управленію разнообразными сторонами жизни. Исполнителями распоряженій ландтаговъ въ глуши деревень являлись всякіе конвенты на мѣстахъ, въ каждомъ приходѣ по одному, гагенрихтеры, орднунгсгерихты и мызные управленія. При множествѣ этихъ нѣмецкихъ «герихтовъ», правительственные представители играли положительно пассивную роль или, что еще хуже, служили имъ же въ помощь.

.

 Все чуждое, виѣшнее, не соответствовавшее перечисленнымъ выше привилегіямъ, если оно какимъ-нибудь способомъ проникало въ балтійскую конституцію, изгонялось и уничтожалось, какъ зловредный элементъ, а все собственное, даже худое, оберегалось всѣми силами. На службу въ эту балтійскую конституцію принимались люди испытанные, балтійскаго же образа мыслей, съ балтійскими же принципами. Если же лицо, домогавшееся мѣста у бароновъ, не было имъ лично извѣстно, то о немъ наводились справки и требовалось свидѣтельство о политической благонадежности, ибо, какъ выразился одинъ баронъ въ письмѣ къ нѣкому ветеринару, «въ нашей землѣ, къ сожалѣнію, ходятъ много такъ называемыхъ друзей народа подъ различными масками, такъ что при опредѣленіи на мѣсто ветеринарнаго врача нужно имѣть въ виду и его политическое направленіе».

Такимъ образомъ, балтійская конституція представляла строго замкнутое учрежденіе, куда никто, а въ томъ числѣ и мы, русскіе, не могли проникать. Что тамъ дѣлалось, видно изъ слѣдующаго примѣра, рассказаннаго А. Воротинымъ въ его небольшой, но содержательной книгѣ «Принципы прибалтійской жизни». Уже въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ разгаръ нашей реформаторской дѣятельности въ Прибалтійскомъ краѣ крестьянинъ-собственникъ, защищая право лютеранской чести населенія на школьный домъ, уступленный православнымъ, возвелъ глаза свои къ небу и сказалъ: «Старый Вильгельмъ германскій и русскій императоръ Александръ II устроили нашу жизнь такъ, что каждый можетъ пользоваться своимъ правомъ и что оба вѣроиспо-

вѣданія имѣютъ одинаковое право на существованіе». Равнымъ образомъ, намъ пришлось быть въ одной лавкѣ, завѣдываемой пожилой дѣвицей, ведущей происхожденіе свое отъ прусскаго молочника. Тамъ видѣли мы на столахъ бюсты Бисмарка и Мольтке, на пепельницахъ изображеніе того же Бисмарка съ надписью на нѣмецкомъ языкѣ: «Гдѣ Бисмаркъ». Лица же русскаго государя и государыни императрицы были изображены на чайныхъ чашкахъ, спрятанныхъ подъ столомъ».

Ревизія, предпринятая въ краѣ сенаторомъ Манасеиномъ въ 1882—1883 гг., по повелѣнію императора Александра III, поставила на очередь рядъ необходимѣйшихъ реформъ. Въ 1887 году была произведена школьная реформа, черезъ два года—въ 1889 году послѣдовала судебная реформа, давшая краю судебныя установленія на основѣ законовъ 1-го ноября 1864 года, и реформа городского положенія. А затѣмъ въ нашей реформаторской дѣятельности въ краѣ наступило вновь затишье. Даже памятные Прибалтійскому краю 1905 и 1906 годы не могли сдвинуть съ мѣста прочно укрѣпившіяся, но далеко не нормальныя мѣстныя отношенія и дать краю возможность правильнаго и нормальнаго развитія въ интересахъ широкихъ массъ мѣстнаго населенія. Немногочисленное, но сильное своими вліяніями и связями, балтійское дворянство не только не желало какихъ-либо дальнѣйшихъ реформъ, но даже и къ тѣмъ реформамъ, которыя были произведены въ краѣ послѣ senatorской ревизіи по повелѣнію императора Александра III, относилось отрицательно. Въ небольшой, но очень содержательной брошюрѣ «Остзейскій вопросъ въ личномъ освѣщеніи», принадлежащей перу барона Ф. Ф. Врангеля, бывшаго директора императорскаго Александровскаго лицея и члена конференціи Николаевской морской академіи. вышедшей въ свѣтъ въ 1907 году,—по поводу нашихъ реформъ въ краѣ, а въ частности школьныхъ реформъ, между прочимъ, говорится:

«Но если бы тотъ же наблюдатель могъ бы заглянуть поглубже, не останавливаясь на поверхности явленій, онъ долженъ былъ бы съ грустью убѣдиться, что рознь, отдѣлявшая край съ внѣшней стороны, проникла внутрь, въ сердца жителей. Онъ не безъ сожалѣнія почувствовалъ бы, что не только юное поколѣніе, воспитанное въ ненавистной обрусѣвшей школѣ, относится съ нелюбовью ко всему русскому, но что и на многихъ посѣдѣвшихъ на русской службѣ балтовъ, искренно полюбившихъ русскаго человѣка за его племенные душевныя качества, что даже на многихъ такихъ обрусѣвшихъ-было внутренне остзейцевъ насильственное обрусеніе ихъ родины произвело охлаждающее вліяніе, оттолкнуло ихъ отъ русской жизни».

Такъ оцѣнивалъ наши реформы въ краѣ, быть можетъ, лояльнѣйшій изъ прибалтійскихъ нѣмцевъ, предки котораго да и онъ

самъ всю свою жизнь служили Русскому государству. Что же сказать про остальных? Если реформы восьмидесятых годовъ дали краю общерусскія судебныя установленія, сдѣлали господствующимъ, по крайней мѣрѣ въ школахъ и въ общественныхъ и въ казенныхъ учрежденіяхъ русскій языкъ, то все, что касается мѣстной жизни, мѣстнаго управленія осталось не нарушеннымъ. Губернаторы въ Прибалтійскій край, правда, назначаются министерствомъ внутреннихъ дѣлъ изъ русскихъ чиновниковъ, но всѣ чиновники по министерству внутреннихъ дѣлъ—чины полиціи—мѣстнаго нѣмецкаго происхожденія. Недавно «Новое Время» приводило справку о составѣ полиціи по Курляндской губерніи. Въ ней указывалось, что изъ десяти уѣздовъ Курляндской губерніи—семь подчинены уѣзднымъ начальникамъ изъ нѣмцевъ; изъ восьми должностей старшихъ помощниковъ уѣздныхъ начальниковъ—шесть замѣщены нѣмцами; изъ восемнадцати младшихъ помощниковъ уѣздныхъ начальниковъ пятнадцать нѣмцевъ; изъ десяти комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ—шесть нѣмцевъ. Нѣмецъ и митавскій полицеймейстеръ фонъ-Шнее, тотъ самый фонъ-Шнее, который взялъ на себя роль цензора рѣчи латышскаго члена Государственной Думы Гольдмана, произнесенной имъ 26-го іюля въ историческомъ засѣданіи Государственной Думы. Все управленіе мѣстной хозяйственной жизнью въ Прибалтійскомъ краѣ, въ нашихъ общерусскихъ губерніяхъ подлежащее вѣдѣнію земскихъ учреждений, въ Прибалтійскомъ краѣ сосредоточено въ рукахъ дворянскихъ ландтаговъ и ихъ исполнительныхъ органовъ—ландратскихъ комитетовъ: эстляндскаго, лифляндскаго и эзельскаго. Въ законѣ, касающемся дѣятельности ландтаговъ, сказано:

«Все, что касается правъ, пользы и учрежденій общества или блага всего края, можетъ быть предметомъ совѣщаній ландтаговъ».

Уже изъ этихъ словъ видно, какъ широка дѣятельность прибалтійскихъ ландтаговъ. Отчета о своей дѣятельности они никому не даютъ, контроля за ними никакого нѣтъ, и постановленія ландтага и ландратскихъ комитетовъ никакой санкціи нашихъ чиновниковъ не подлежатъ. Въ мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» печатаются лишь раскладка земскихъ расходовъ, утверждаемыхъ ландтагами и приводимыхъ въ исполненіе ландратскими комитетами. Участниками ландтаговъ являются только владѣльцы рыцарскихъ имѣній, да въ видѣ исключенія потомственные матрикулированные дворяне. Это еще далеко не все. Въ Курляндской губерніи за владѣльцами огромныхъ вотчинъ до сихъ поръ сохранены ихъ права: содержать корчмы, пивныя лавки, постоянные дворы, право постройки мельницъ, право рыбной ловли, право патроната, право содержать свою собственную мызную полицію и право охоты. Въ Курляндской губерніи не только литовцы, латыши и евреи, но даже мы, коренные русскіе жители, безъ разрѣшенія какого-либо по-

томка Бирона, не можемъ построить мельницы, открыть корчмы, быть патронами въ мѣстныхъ приходахъ и т. д., но курляндскій дворянинъ воленъ производить травлю и охотиться за дичью и въ чужихъ владѣнiяхъ. Собственникамъ же, имѣющимъ менѣе 150 дес., воспрещается даже охота на своей землѣ. Ни русскому, ни латышу, ни литовцу не позволено охотиться и даже спугнуть зайца или ястреба въ своемъ собственномъ саду. Бывали случаи, что крестьянинъ, убившій лисицу лопатой на своемъ дворѣ, привлекался къ отвѣтственности за охоту на дикихъ звѣрей. Одна изъ прибалтійскихъ газетъ лишь на дняхъ сообщала, что въ окрестностяхъ Митавы въ послѣднее время развелось такъ много кабановъ, что крестьяне не знаютъ, что съ ними дѣлать, а стрѣлять ихъ нельзя. Кромѣ того, вотчинники-бароны, не довольствуясь лѣсной дичью, завели еще у себя звѣриные парки, въ которыхъ содержатъ дикихъ звѣрей и птицъ. Обитатели парковъ сплошь и рядомъ гуляютъ по крестьянскимъ полямъ и производятъ потравы, и крестьяне безсилны съ ними что-либо сдѣлать.

.....

 . . . Не довольствуясь существующимъ положенiемъ, курляндскій нѣмецкiй союзъ въ послѣднiе годы скупалъ всѣ свободныя земли въ Газенпотскомъ и сосѣднихъ съ нимъ уѣздахъ, земли, лежащiя ближе къ морю и къ прусской границѣ, и заселялъ ихъ выходцами или изъ Германiи, или же нѣмцами-колонистами изъ губерний Саратовской, Екатеринославской, Волынской и другихъ. Реформы въ краѣ лишь только ослабили влiянiе бароновъ, но не уничтожили его. Если послѣ реформъ изъ рукъ бароновъ и нѣмцевъ было изъято непосредственное влiянiе на мѣстное населенiе въ лицѣ латышей и эстовъ, то они послѣ реформы добивались его иными путями

.
 Всѣмъ тѣмъ лицамъ, кто хоть немного слѣдилъ за жизнью края, памятенъ невольный уходъ отсюда бывшаго ректора юрьевского университета А. С. Будиловича. Это было въ прошломъ, хотя и недавнемъ прошломъ

. Въ повседневной печати недавно сообщалось о неограниченномъ влiянiи въ Курляндской губернии гробинскаго предводителя дворянства барона Мантейфеля.

«Вся либавская полициѧ,—писало «Новое Время»,—не исключая и полицеймейстера, терроризована постоянно проживающимъ въ Либавѣ гробинскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Достаточно околоточному надзирателю или даже приставу указать какому-нибудь домовладѣльцу нѣмцу то или иное упущенiе, чтобы услышать отъ него: «Я буду жаловаться на васъ барону Мантей-

фелю». Спросите любого либавскаго городского, любого околоточнаго надзирателя, и онъ непременно подтвердитъ вамъ это».

Нужно лишь добавить, что либавская полиція, какъ полиція городская, состоитъ исключительно изъ русскаго элемента. Что же сказать про уѣздную полицію, состоящую изъ тѣхъ же нѣмецкихъ бароновъ: среди нея вліяніе барона Мантейфеля и другихъ ему подобныхъ прямо безгранично. Про вліяніе Мантейфеля можно привести еще и другой фактъ. Начальникъ гробинскаго почтово-телеграфнаго отдѣленія А. Я. Витинъ какъ-то имѣлъ неосторожность въ разговорѣ указать на опасность, грозившую отъ школъ дѣйчеръ-ферейна. Мѣстный блюститель этихъ школъ, ярый борець за идею пангерманизма, пасторъ Викбергъ немедленно передалъ это барону Мантейфелю, а послѣдній переговорилъ съ кѣмъ слѣдуетъ. Не прошло и трехъ дней, какъ Витинъ, прослужившій въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ восемнадцать лѣтъ и бывший на самомъ лучшемъ счету у начальства, былъ уволенъ отъ службы по пресловутому третьему пункту. По ходатайству того же барона Мантейфеля незадолго до войны принимаютъ въ русское подданство редактора нѣмецкой либавской шовиннистической газеты отставнаго лейтенанта прусской службы Карла-Клауса-фонъ-Деккена.

Въ городахъ нѣмцамъ, по сравненію съ землевладѣльческимъ элементомъ края, если и жилось хуже, то лишь постольку, поскольку вообще бюргеръ по своему положенію ниже барона-рыцаря. Реформа городского положенія, несомнѣнно, урѣзала права нѣмецкаго бюргерства въ Прибалтійскомъ краѣ, но не настолько во всякомъ случаѣ, какъ этого требовали и диктовали наши государственные и мѣстные интересы. Почти во всѣхъ городскихъ управленіяхъ края нѣмцы все же играли доминирующее положеніе. Блокируясь на выборахъ то съ русскими, то съ эстами или латышами, пользуясь нашей разрозненностью, а иногда прибѣгая къ хитроумнымъ комбинаціямъ, какъ это было на послѣднихъ выборахъ въ городѣ Арнсбургѣ, что на островѣ Эзелѣ, городскіе нѣмцы удерживали въ своихъ рукахъ власть и вліяніе въ городахъ.

Въ ихъ рукахъ была торговля, промышленность и кредитъ.

«Фактически ими захваченъ былъ до сихъ поръ для себя весь государственный кредитъ въ краѣ. Учетный комитетъ при здѣшнемъ отдѣленіи государственнаго банка состоялъ сплошь изъ нѣмцевъ. Сколько-нибудь видныхъ русскихъ, латышей и др. въ немъ не было и нѣтъ ни одного, но германскіе подданные, и очень вліятельные, въ немъ есть. Результатъ: нѣмецкія кредитныя учрежденія— банки, кредитныя общества и пр. при балансѣ въ пяти милліоновъ имѣютъ кредитъ въ государственномъ банкѣ въ 500.000—600.000 рублей, а латышскія общества при балансѣ въ 3.500.000 руб. всего 25.000 рублей».

Если въ рукахъ нѣмцевъ-помѣщиковъ было вліяніе на сельское населеніе, то въ рукахъ нѣмцевъ-горожанъ—вліяніе на населеніе городовъ. Такъ какъ вернуться къ дореформенному быту уже было невозможно, то оставалось, опираясь на свое экономическое положеніе, одно: использовать въ своихъ интересахъ всѣ имѣющіяся у нихъ возможности. Бороться съ православіемъ стало невозможно, было невозможно больше онѣмечивать и германизировать аборигеновъ края эстовъ и латышей. На помощь нѣмцамъ явился Дейчеръ-ферейнъ. Официально реформами мы добились признанія въ краѣ русскаго языка господствующимъ въ мѣстныхъ школахъ, но параллельно этому тамъ же росла сѣть нѣмецкихъ школъ.

«Теперь же,—говорить «Новое Время»,—по всему Прибалтійскому краю раскинулась густая черная сѣть начальныхъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній Дейчеръ-ферейна, подготовляющихъ изъ русскаго матеріала, изъ русскихъ подданныхъ-нѣмцевъ гражданъ съ пангерманской психологіей. Мирно-завоевательныя тенденціи нѣмцевъ, однако, не удовлетворяются однѣми этими школами. Въ послѣднее время открываются учительскія семинаріи (въ Юрьевѣ—женская, въ Митавѣ—мужская), чтобы внутри имперіи подготовить кадры преподавателей въ германскомъ духѣ. А въ будущемъ усерднымъ просвѣтителямъ «уже мерещится нѣмецкій университетъ».

«Здѣсь каждый нѣмецъ имѣетъ въ своемъ языкѣ привилегію на начальническія мѣста, на лучшіе оклады, на лучшее обращеніе съ собой, чѣмъ можетъ разсчитывать латышь или русскій», писалъ въ «Новомъ Времени» А. А. Суворинъ.

.....

19-го іюля Германія объявила намъ войну. На другой день, 20-го іюля, нѣмецкіе крейсера обстрѣляли Либаву. Волна патріотизма докатилась и до Прибалтійскаго края, но выразилась здѣсь совершенно иначе, чѣмъ насъ старались увѣрить.

..... Изъ Риги и изъ другихъ городовъ Прибалтійскаго края во внутреннія и восточныя губерніи Европейской Россіи начали высылать германскихъ подданныхъ, признанныхъ военноплѣнными. «Свѣтъ», между прочимъ, передавалъ слѣдующую характерную сценку, разыгравшуюся на улицахъ въ Ригѣ во время высылки военноплѣнныхъ германцевъ. По улицамъ Риги вели въ сопровожденіи полицейскихъ чиновъ партію военноплѣнныхъ германцевъ. Рослый, здоровый нѣмецъ замедляетъ шаги и раздражается по адресу прохожихъ дикою тирадой:

— Скоты, висѣльщики, подождите, мы вернемся обратно и тогда сотремъ Ригу съ лица земли, превратимъ ее въ груды камней, а вашими черепами вымостимъ улицы, лошадей замѣнимъ вашими женами и дочерьми и будемъ драть желѣзными плетками.

Черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія войны русская печать вся въ одинъ голосъ заговорила о германскихъ звѣрствахъ надъ нашими путешественниками. Нѣмецкая прибалтійская печать замолчала, словно набравъ въ ротъ воды.

.
.
. За полтора мѣсяца, какъ идетъ война, изъ всѣхъ нѣмецкихъ прибалтійскихъ газетъ лишь у одной хватило, не знаю такта, не знаю мужества, въ нѣсколькихъ строкахъ сказать нѣсколько словъ о силѣ и мощи русскаго народа въ настоящую историческую годину. Эта статья была напечатана въ «Ригеше Рундшау», и велѣдъ за этимъ вся русская прибалтійская, а также эстонская и латышская печать отмѣтила это знаменательное явленіе. Но, повторяю, это было сказано въ нѣмецкой прибалтійской печати только одинъ разъ. Опальные латышскіе пасторы, еще недавно лишеныя приходовъ, при первомъ выстрѣлѣ отправляются на войну. Пасторъ дуббельнскаго прихода на Рижскомъ взморьѣ латышъ Розенекъ, какъ только была объявлена война, поступаетъ добровольцемъ-рядовымъ въ дѣйствующую армію. Петроградскій пасторъ латышъ Зандеръ, котораго война застала въ отпуску, немедленно прервалъ свой отпускъ и выѣхалъ къ мѣсту службы, чтобы въ качествѣ полкового священнослужителя скорѣе явиться къ воинамъ со словомъ бодрости и утѣшенія. Ихъ примѣры не единичны. Съ другой стороны теперь извѣстно, что сынъ генерала-суперинтендента рижской консисторіи господина Гедгенса проживаетъ въ Германіи въ Гамбургѣ и состоитъ офицеромъ германской арміи.

.
.

Латышская печать могла лишь писать теоретическія статьи, въ которыхъ доказывала обязанности латышей въ настоящую минуту. «Дзимтенесъ Вестнезисъ» говорила: «Для латышей настоящая война пріобрѣтаетъ значеніе священной войны.

.
.
. Для характеристики настроенія курляндскаго крестьянина приведу слѣдующія строки изъ письма коренного жителя Курляндской губерніи латыша къ русскимъ. Онъ пишетъ:

«Никогда коренные жители Курляндской губерніи, латыши, не переживали такого тяжелаго чувства, такого жуткаго раздвоенія

жизни, какъ въ наши дни міровой войны и тяжелыхъ испытаній. Въ эти дни насъ, латышей, невыносимо давитъ чувство заброшенности, оторванности и отчужденности отъ всѣхъ тѣхъ, которые по духу мірового разума и смыслу государственнаго общежитія могли бы и должны были вмѣстѣ съ нами искать и находить моральныя и устойчивыя точки опоры въ минуты мрачныхъ сомнѣній и сильныхъ колебаній душевнаго равновѣсія. Никто изъ насъ ни на минуту не сомнѣвается въ конечной побѣдѣ русскаго оружія и русской правды, въ той побѣдѣ, которую съ первыхъ же вражескихъ выстрѣловъ, рука объ руку со своими русскими товарищами-братьями искупаютъ своими страданіями и своею смертью сыны маленькаго латышскаго народа

Россия вся, какъ одинъ человѣкъ, откликнулась на народное бѣдствіе. Отозвались, конечно, и богатые прибалтійскіе бароны? Но какъ? По сообщенію «Новаго Времени», нѣмецкіе ландтаги прибалтійскихъ губерній совмѣстно съ прибалтійскимъ дворянствомъ ассигновали на военныя нужды всего на всего 33,000 рублей. Ничтожность этой суммы будетъ особенно понятна, если указать на то, что земства Европейской Россіи, каждое порознь, дали почти по миллиону рублей. Отдѣльно по прибалтійскимъ губерніямъ дворянскія жертвы выразились слѣдующимъ образомъ:

«Въ Лифляндіи ассигновано 10,000 рублей въ кассу общедворянской организаціи, въ Эстляндіи и Курляндіи туда же по стольку же, а на Эзелѣ 3,000 рублей на ту же цѣль, туда же передаютъ остатки капиталовъ отъ японской войны. Самостоятельная дѣятельность выражается: въ Курляндіи устройствомъ лазарета въ домѣ нѣмецкаго общества на 100 кроватей и содержаніе 50 кроватей въ больницѣ діакониссъ. Въ Эстляндіи—въ отдачѣ клуба и училища акушерокъ подѣ больницу и отпускѣ на оборудованіе 2,650 рублей и единовременнаго пособія въ 5,000 рублей. Сверхъ того положено избрать комиссію для заботъ о семьяхъ запасныхъ и отпустить на это деньги (состоялись ли выборы и сколько открыто кредита—газеты не сообщаютъ). Эзелская ландратская коллегія сверхъ того отдастъ подѣ раненыхъ половину земской больницы, часть помѣщеній въ замкѣ и 500 рублей Красному Кресту. Вотъ и всѣ матеріальныя жертвы прибалтійскаго нѣмецкаго дворянства на алтарь войны. А рядомъ съ этимъ аборигены края эсты и латыши напрягаютъ всѣ усилія, чтобы помочь Россіи съ честью выйти изъ этой великой освободительной войны. Жертвуютъ отдѣльныя крестьянскія волости, жертвуютъ сельско-хозяйственныя и пѣвческія общества, жертвуютъ объединенныя волостныя организаціи. Кромѣ денежныхъ пожертвованій, жертвуется зерно, мука,—словомъ все, что можно. Населеніе нѣкоторыхъ волостей Кур-

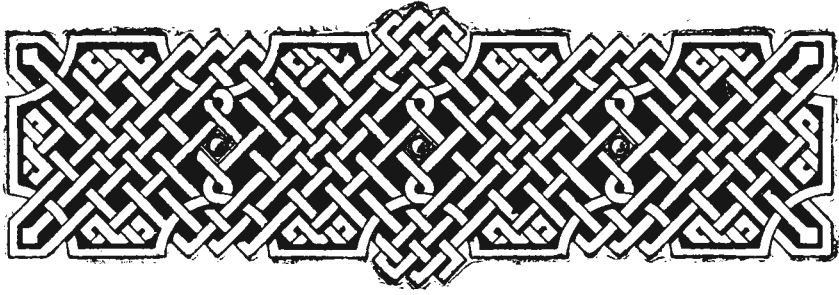
ляндской губерні жертвуетъ даже свой неприкосновенный капиталъ, такъ называемый продовольственный капиталъ. А рядомъ съ этимъ курляндское кредитное общество, отстаивая догму устава, не выдаетъ латышамъ, для передачи Красному Кресту, раѣе шестимѣсячнаго срока жертвованныя деньги.

Таковы факты. Выводовъ изъ нихъ дѣлать не будемъ; они напрашиваются сами собой. Да пока и не время.

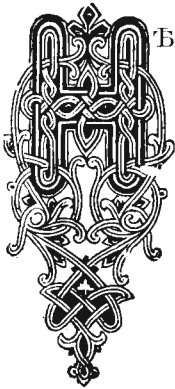
.
.

А. Корстелевъ.

ВЪ ГНѢЗДѢ ѠАДДЕЯ БУЛГАРИНА.

НѢСКОЛЬКО времени назадъ, проѣздомъ черезъ Юрьевъ, удалось мнѣ побывать въ старомъ гнѣздѣ Ѡаддея Булгарина—въ помѣстьѣ Карлово, нынѣ принадлежащемъ его внуку—Вячеславу Болеславовичу Булгарину.

Дорога въ усадьбу идетъ въ сторону отъ дерптскаго вокзала. Кривыя улицы съ бревенчатыми заборами ведутъ насъ на окраину города, въ самую котловину его. Мой возница-эстонецъ осторожно правитъ бойкой лошадкой, и черезъ двадцать минутъ мы спускаемся въ тихую загородную улицу, вдоль обнесенную каменнымъ, старинной кладки, заборомъ, окружающимъ усадьбу и огромный паркъ.

Усадьба Ѡаддея Булгарина находится на возвышеніи. Большая часть ея пошла подъ густой паркъ, изобилующій многолѣтними кленами, березами, липами и дубами. Недалеко передъ каменной оградой, съ фасадной стороны усадьбы, красуется большой старинный, характерный для начала прошлаго столѣтія, двухъ-этажный бѣлый домъ съ башнями, венеціанскими окнами, балконами и отсѣченными крышами въ старо-германскомъ стилѣ. Первообразъ этого дома—замокъ; въ концѣ XVII столѣтія послѣдній перестраивался, а позднѣе къ нему присоединился еще одинъ большой флигель. Теперь весь этотъ огромный домъ въ цѣломъ чрезвычайно живописенъ; передъ нимъ важно разросся гигантскій кедръ, посаженный тому назадъ около двухсотъ лѣтъ...

Правда, зимній пейзажъ скрашиваетъ красоты карловскаго имѣнія и парка.

Дорога внутрь усадьбы идетъ подъ гору. Минута-двѣ—и мы подъѣзжаемъ къ низенькому парадному крыльцу стараго дома Булгариныхъ.

Передъ двухъэтажнымъ зданіемъ тянется широкая аллея, окаймленная тѣсно сомкнутыми, шаровидно подстриженными березами; за березами виднѣется молодой садъ, а тамъ—старая крѣпкая каменная ограда, за которою разбѣяны многочисленные деревянные домики современнаго образца.

Нынѣшній владѣлецъ Карлова—предпримчивый внукъ Булгарина—разбилъ принадлежавшее еще его дѣду предмѣстье усадьбы на участки и сдалъ ихъ въ аренду на девяносто девять лѣтъ.

А лѣтъ пятнадцать—двадцать тому назадъ за каменной оградой усадьбы открывалось еще приволье красивыхъ луговъ и пастбищъ Лифляндіи.

Теперь же мѣсто это сплошь испещрено постройками арендаторовъ.

Вотъ передъ мною открывается дверь параднаго подъѣзда. Я вхожу въ низенькую, но просторную первую переднюю, поднимаюсь по широкой лѣстницѣ навверхъ и вижу себя въ другой передней. Стѣны сѣя увѣшаны старыми рыцарскими доспѣхами: ружьями, копьями, пистолетами, кольчугами, нагайками, шлемами, рожками и тому подобными предметами, принадлежавшими, вѣроятно, еще потомкамъ владѣльцевъ стараго замка. Влѣво отъ передней—кабинетъ нынѣшняго владѣльца Карлова. Это большая комната о четырехъ окнахъ, съ невысокимъ потолокомъ. Мебель здѣсь краснаго дерева—старинная. Передъ письменнымъ столомъ, на шкапу помѣщается ящикъ-бюро Ѳаддея Булгарина съ его изображеніемъ и автографомъ. Вообще, бюро это имѣетъ нѣсколько причудливую внѣшность.

На стѣнахъ, на ряду съ современными гравюрами, висятъ великолѣпныя карикатуры А. О. Орловскаго, а также и полотна старинныхъ мастеровъ. Подлѣ большого камина, на стѣнѣ виситъ отлитый изъ чугуна гигантскій слѣпокъ кисти руки Петра Великаго, вывезенный изъ Саратовской губерніи однимъ изъ предковъ Булгариныхъ въ бытность его тамъ губернаторомъ.

Изъ кабинета, черезъ переднюю, вхожу въ огромную свѣтлую и высокую залу Булгарина, сохранившую полную неприкосновенность со временъ Ѳ. В.

Столы, кресла и стулья, рояль, картины, люстры, бюсты писателей—все здѣсь сохранило свою полную свѣжесть и находится на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ. Старинный натсртыи паркетъ отливаетъ совершенно свѣжій блескъ. Слѣва, у входа въ залъ, на нѣкоторомъ возвышеніи устроена

большая эстрада, съ которой въ свое время сочиняли свои импровизаціи пѣвцы, актеры, музыканты и поэты, заѣзжавшіе погостить къ хозяину усадьбы изъ шумнаго Петрограда или Москвы; среди обычныхъ гостей Карлова блистали имена А. С. Грибоѣдова, А. Бестужева, Кюхельбекера и др.

Боковая стѣна залы сплошь увѣшана бюстами русскихъ и иностранныхъ поэтовъ, философовъ и мыслителей, а на противоположной стѣнѣ красуются двѣ большія старинныя картины, писанныя масляными красками. Полотна эти производятъ большое впечатлѣніе и ихъ безошибочно можно приписать кисти одного изъ величайшихъ европейскихъ художниковъ.

Вся зала и понынѣ сохранила какую-то неизъяснимую прелесть, свойственную стилю двадцатыхъ—тридцатыхъ годовъ.

Глядишь и не налюбишься, какъ все здѣсь уютно, хорошо и со-размѣрно.

Окна залы все выходятъ въ старинный паркъ, весь сейчасъ запорошенный ослѣпительно бѣлымъ снѣгомъ. И какъ здѣсь хорошо! Паркъ уходитъ куда-то далеко, внизъ.

Супруга владѣльца Карлова любезно меня сопровождаетъ по этимъ внутреннимъ покоямъ. Она ихъ любитъ, любитъ каждую ихъ мелочь и штрихъ.

— А вотъ,—говоритъ она, показывая въ окошко:—липовая аллея нашего парка. Ѳаддей Венедиктовичъ устраивалъ здѣсь для своихъ гостей пышные пикники, о которыхъ говорили по всей округѣ.

Я гляжу на липовую аллею и вижу, какъ, запорошенные снѣгомъ, качаются старыя липы и какъ бы подтверждаютъ эти слова.

Изъ прекрасной залы, отъ которой такъ вѣетъ ароматомъ старины, мы переходимъ въ столовую, стѣны которой сплошь увѣшаны фамильными портретами. Здѣсь красуется на стѣнѣ самъ Ѳаддей Венедиктовичъ и рядомъ съ нимъ его жена, тонколицая красивая женщина въ свѣтло-голубомъ платьѣ съ кринолиномъ.

Сейчасъ мы находились на первой половинѣ стараго дома, которая частично подверглась нѣкоторой реставраціи. Затѣмъ мы выходимъ во дворъ усадьбы, и къ намъ присоединяется только что прибывшій изъ города самъ владѣлецъ Карлова. Мы все вмѣстѣ направляемся во вторую, болѣе старую часть зданія и входимъ въ низенькую переднюю, въ которой обращаетъ на себя вниманіе плотная, кованная изъ желѣза узорчатая дверь, ведущая въ родовую кладовую. Дверь эта на крѣпкихъ петляхъ и съ прочнымъ запоромъ. Кладовая принадлежитъ роду Булгариныхъ: здѣсь хранились различныя цѣнныя вещи—серебряные ковши и многопудовые слитки серебра...

По широкой, нѣсколько витой лѣстницѣ мы поднимаемся во второй этажъ, въ переднюю, ведущую въ рабочій кабинетъ Булгарина и въ его библіотеку.

Кстати, долженъ замѣтить, что вся вторая часть дома отдана внаймы одному старому барону, проживающему здѣсь уже нѣсколько лѣтъ. Это вторая часть усадьбы до мелочей сохранила свой прежній обликъ и ничуть не пошла на уступку времени. Тутъ считаю нужнымъ прибавить, что, насколько первая половина дома носитъ полуофіціальныи, пріемный характеръ, настолько вторая половина сохранила всю особенность барства дѣдовскихъ временъ, сохранила всю книжность, скажу даже, всю «умственную» стору Булгарина.

Прежде всего мы входимъ въ знаменитую библіотеку Ѳаддея Венедиктовича. Это большая высокая и просторная комната; пять оконъ выходятъ въ обширный дворъ помѣстья. Здѣсь вдоль стѣнъ стоятъ девять огромныхъ стеклянныхъ шкаповъ, полки которыхъ уставлены множествомъ переплетенныхъ книгъ русскихъ и больше иностранныхъ авторовъ.

По моимъ вычисленіямъ, библіотека состоитъ приблизительно изъ трехъ тысячъ томовъ. На ряду съ беллетристикой, публицистикой и философійей, она изобилуетъ также въ большомъ количествѣ географическими картами, атласами, книгами по сельскому хозяйству и показательными чертежами и таблицами. Одинъ шкафъ специально предназначенъ для переплетенныхъ годовыхъ комплектовъ «Сѣверной Пчелы», отъ перваго до послѣдняго номера. Большинство шкаповъ наполнено французскими журналами и вообще иностранными книгами.

Вячеславъ Булгаринъ любезно открываетъ передо мною шкапы. Въ одномъ хранятся всѣ сочиненія Ѳаддея Венедиктовича. Въ другомъ нахожу нѣсколько папокъ, которыя я взялъ для просмотра. Здѣсь и басенка И. А. Крылова, и множество писемъ Н. Греча, В. А. Жуковскаго, Н. Гнѣдича, Н. Кукольника, Н. Карамзина, Н. Туманскаго, Полины Виардо, М. Т. Каченовскаго, А. А. Воейковой, А. Раевскаго, П. Свиньина, рукописи Карамзина, черновой набросокъ письма Булгарина къ шефу жандармовъ А. Х. Бенкендорфу, съ жалобой по поводу нападокъ матери А. С. Грибоѣдова на Ѳаддея Венедиктовича за удержаніе послѣднимъ принадлежавшихъ Грибоѣдову денегъ послѣ отъѣзда поэта въ Персію и постигшей его тамъ смерти. Всѣмъ хорошо извѣстна дружба Булгарина съ Грибоѣдовымъ. У Ѳаддея Венедиктовича оказался экземпляръ комедіи «Горе отъ ума» съ надписью поэта: «Горе мое поручаю Булгарину».

Въ этихъ же пакетахъ имѣется множество другихъ писемъ, набросковъ и замѣтокъ.

По срединѣ библіотеки стоитъ большой старый каминъ съ двустворчатыми мѣдными дверцами. Въ задней стѣнѣ комнаты, между двумя книжными шкафами, покоится большой и очень удобный, но уже разваливающийся кожаный диванъ, на которомъ Ѳаддей

Булгаринъ любилъ сиживать часами въ размышленіи. Сосѣдняя съ бібліотекой комната была любимымъ рабочимъ кабинетомъ Оаддея Венедиктовича, хотя и въ бібліотекѣ, возлѣ камина, наслѣдники послѣ смерти Булгарина застали письменный столъ.

Въ карловской бібліотекѣ имѣется также много рѣдчайшихъ бібліографическихъ раритетовъ, оцѣниваемыхъ по ста и по двѣсти рублей каждый. Булгаринъ былъ извѣстенъ какъ любитель и собиратель книгъ.

Вся вторая половина старой усадьбы сохранила свою первобытную обстановку. Этотъ флигель состоитъ изъ множества комнатъ, часть которыхъ за ненадобностью заколочена.

И большія старинныя кафельныя печи, отопливаемые со стороны передней, и двери, и окна, и полы, и мебель, и стѣны,—и все-все здѣсь крѣпко шито, плотно сколочено, приспособлено и хорошо, какъ и все въ старину было хорошо и удобно.

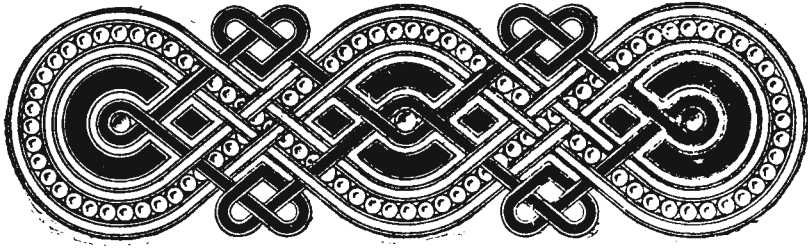
Владѣльцы Карлова необычайно гостепримны и предупредительны. Они являются истинными хранителями и любителями доставшагося имъ булгаринскаго наслѣдія.

Говорятъ, далекій потомокъ владѣльцевъ Карлова происходилъ изъ рыцарей, его звали Карломъ, откуда и пошло за усадьбой ея названіе.

Я покидалъ Карлово, когда уже наступали сумерки; возница заторопилъ меня къ поѣзду. Позади въ старомъ паркѣ, за большимъ потемнѣвшимъ домомъ глухо роптали липы, большой вязъ шумѣлъ, и какъ-то особенно скрипѣлъ подъ полозьями саней при мерзшій снѣгъ.

С. Шпицеръ.

ВЪ МОЛДАВСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

УШКИНЪ въ «Цыганахъ» почему-то изображаетъ Бессарабію только въ видѣ степи и равнины: по крайней мѣрѣ, лишь этими словами характеризуется имъ бессарабскій пейзажъ. На самомъ дѣлѣ эта страна гораздо болѣе разнообразна по природѣ. Уже не говоря о воспѣтомъ Гоголемъ «не малой рѣкѣ» Днѣстрѣ съ его «заводями, густыми камышами, отмелями и глубоководными мѣстами», и въ другихъ частяхъ Бессарабіи есть и высокія горы, отроги сильныхъ Карпатъ, и по горамъ растутъ густолиственные дубовые лѣса, въ которыхъ водятся дикія козы—рѣдкость русскихъ лѣсовъ; а по лощинамъ блестятъ на солнцѣ небольшія озерца, по мѣстному—ставки.

Къ одному изъ такихъ ярко-живописныхъ мѣстечекъ Бессарабіи подъѣзжалъ я въ іюлѣ съ сельскимъ священникомъ о. Павломъ.

Бывшій бессарабскій высокопреосвященный Серафимъ позаботился о сохраненіи церковныхъ древностей въ своей епархіи и о созданіи бессарабскаго церковно-историко-археологическаго музея. Священникамъ было поручено привести въ извѣстность, гдѣ какія имѣются церковныя древности, и для этой цѣли о. Павелъ ѣхалъ въ Добрушскій Свято-Николаевскій монастырь.

Исторія послѣдняго теряется въ XVII вѣкѣ, какъ можно полагать по тому, что въ немъ сохраняется аналой съ датой по-славянски: 1659. Главная церковь монастыря начата постройкою въ 1812 г.,

на пожертвованіе молдавскаго боярина Оомы Козьмы, но раньше нея была другая церковь, о которой не сохранилось хронологическихъ свѣдѣній. Теперь монастырь, главнымъ образомъ, располагается у подошвы высокихъ и круто-подъемныхъ горъ, поросшихъ дубами и осокорью, но прежде онъ стоялъ на горѣ, гдѣ нынѣ ютится принадлежащій монастырю скитъ. Вершины прилегающихъ къ монастырю горъ окружены валомъ. Кто знаетъ, когда—здѣсь, говорятъ, была турецкая крѣпость. На одной изъ горъ высится насыпь, теперь уже поросшая деревьями, подъ верхнимъ слоемъ которой видны пласты измелченнаго кирпича. Можетъ быть, здѣсь возвышалась мечеть съ минаретомъ, и муэдзинъ оглашалъ окрестности съ высоты горы призывомъ правовѣрныхъ къ молитвѣ. Но турки ушли; на ихъ мѣстѣ поселились молдавскіе иноки, облюбовавшіе красивыя мѣста, и съ горъ стали звучать призывные звуки, церковнаго колокола.

На звонъ дорожнаго колокольчика нашего тарантаса, изъ дверей и оконъ келій, окружающихъ обширный монастырскій дворъ, стали выглядывать монахи и послушники: день былъ воскресный, и братія оставалась въ обители. Изъ ближайшаго къ воротамъ длиннаго и низенькаго флигеля подошелъ о. гостиникъ и, кланяясь съ привѣтливою улыбкою, предложилъ итти въ монастырскую гостиницу. Черезъ нѣсколько минутъ насъ попросили въ покои о. архимандрита. Неожиданно тамъ оказалось большое общество гостившихъ въ монастырѣ сельскихъ дамъ съ дѣтьми, барышень и гимназистовъ. Въ большой свѣтлой комнатѣ, увѣшанной гравированными портретами бессарабскихъ архіереевъ, былъ накрытъ длинный столъ, уставленный приборами, между которыми возвышались почтенныхъ размѣровъ графины съ бѣлымъ виномъ монастырскаго издѣлія. Одинъ изъ отцовъ прочиталъ длинный рядъ молитвъ, архимандритъ благословилъ трапезу, и гости разошлись. Монахи угощали очень радушно, безпрестанно подливая въ большія рюмки кислое вино.

Братія Добрушскаго монастыря, насчитывавшая болѣе ста челоувѣкъ, состоитъ почти изъ однихъ молдаванъ, изъ которыхъ большинство не умѣетъ говорить по-русски, нѣкоторые говорятъ на ломаномъ русскомъ языкѣ, и только пришлые монахи изъ великорусскихъ монастырей да о. архимандритъ являются русскимъ элементомъ въ обители. Поэтому до сихъ поръ некому было написать ея исторію, да и не для кого, такъ какъ богомольцы монастыря—молдавчане—большею частью безграмотны.

Вмѣсто исторіи монастыря письмоводитель братъ Григорій далъ мнѣ отчетъ объ немъ, ежегодно представляемый въ консисторію. Но тамъ не нашлось ничего исторически интереснаго, кромѣ нѣсколькихъ годовъ построенія монастырскихъ церквей. Зато я не безъ любопытства просмотрѣлъ этотъ отчетъ со стороны свѣдѣній,

характеризующихъ составъ монастырской братіи. Особенно занимательны были сообщенія о наказаніяхъ, которымъ подвергались монахи. Такъ, объ одномъ говорилось, что монаху объявленъ «строгій выговоръ за раздачу денегъ въ ростъ и хожденіе по судамъ». И совершенно несоразмѣрно съ этими дѣяніями святого отца, съ другого монаха за своевольную отлучку сняты мантия, ряса и клобукъ. Такому же наказанію подвергся еще какой-то монахъ «за данное благословеніе на вырытіе колодцевъ и за многіе мошенническіе поступки его». Такъ откровенно сказано въ отчетѣ.

Ни одна, кажется, часть Европейской Россіи не представляетъ такого благодарнаго матеріала для эксплуатаціи религіознаго чув-

Видъ Добрушскаго монастыря съ юго-западной стороны.

ства народа, какъ Бессарабія. Молдаване забиты, невѣжественны и суевѣрны. На этой почвѣ бываютъ ужасные случаи. Такъ, въ кишиневской газетѣ «Другъ», основанной покойнымъ Паволакіемъ Крушеваномъ (№ 122, 1913 года), сообщался такой фактъ: «Въ Кицканскій монастырь зашла Марія Амаланія со своимъ больнымъ ребенкомъ. Ее встрѣтилъ какой-то монахъ, взявшій дитя для отчитыванія. Монахъ вскорѣ вернулся и, отдавъ ребенка, приказалъ скорѣе уходить. Когда Амаланія пришла домой, ребенокъ былъ мертвъ. Такъ какъ пеленки оказались мокрыми, то Марія предполагаетъ, что монахъ утопилъ дитя».

На почвѣ того же суевѣрія и невѣжества молдаванъ разыгралась вся иннокентьевская трагедія

Добрушскій монастырь былъ колыбелью іеромонаха Иннокентія. Здѣсь онъ былъ сначала конюхомъ, потомъ привратникомъ, и его помнятъ тутъ до сихъ поръ. Рассказываютъ, что уже въ бытность свою въ Добрушскомъ монастырѣ Иннокентій стремился создать вокругъ себя атмосферу чудеснаго, но не находилъ для этого подходящихъ средствъ и дѣйствовалъ самымъ дѣтскимъ образомъ. Такъ, отправляясь въ ночное пасти коней съ мальчиками-послушниками, Иннокентій тайкомъ бралъ съ собою ходули и бѣлый саванъ. Когда наступала безпросвѣтная южная ночь, онъ отходилъ отъ табуна и, надѣвъ саванъ, становился на ходули. Бѣлый саванъ свѣтлѣлъ во мракѣ ночи, и казалось, что по воздуху идетъ привидѣніе, такъ какъ ходулей не было видно. Перепуганные мальчишки начинали неустово вопить:

— Патро Иннокентіе! Патро Иннокентіе!

Тогда Иннокентій, спрыгнувъ съ ходуль, подбѣгалъ къ нимъ съ другой стороны и выслушивалъ отъ послушниковъ страшный рассказъ о привидѣніи. Нѣсколько разъ появлялось оно, и каждый разъ пропадало при одномъ имени Иннокентія. Это создало ему извѣстность, какъ о человѣкѣ, имѣющемъ власть надъ выходцами съ того свѣта.

Но это были мелочи; во всю ширь Иннокентій развернулся въ Балтскомъ монастырѣ.

— Да, удружилъ намъ Иннокентій,—говорили собравшіеся за столомъ настоятеля священники кишиневской епархіи.—Надолго надѣлалъ хлопотъ.

— Глазами своими онъ дѣйствуетъ, вотъ какъ,—рассказывалъ одинъ священникъ.—Встрѣтился разъ съ нимъ на желѣзной дорогѣ знакомый протоіерей и сталъ его обличать. Но Иннокентій такъ на него посмотрѣлъ, что того сейчасъ же стошнило.

Иннокентій пріобрѣлъ среди молдаванъ неограниченное вліяніе. Въ Бессарабіи не было ни села, ни деревни, гдѣ бы не оказалось послѣдователей іеромонаха. Они собирались тайно по домамъ, пѣли духовныя пѣсни; дѣвушки обрѣзали себѣ косы и забрасывали гребенки, потому что Иннокентій проповѣдывалъ противъ роскоши. Въ концѣ концовъ, однако, это повело къ тому, что иннокентьевцы впали въ нечистоту и коросту, отъ которой не считали нужнымъ лечиться. Самъ Иннокентій проповѣдывалъ противъ врачей и въ оправданіе своихъ словъ ссылался на текстъ евангелія отъ Марка: «многа потерпѣла (женщина) отъ многихъ врачей».

Изъ села въ село блуждали по Бессарабіи апостолы іеромонаха Иннокентія, уча, что онъ—Духъ Святой. Всѣ обращенные носили два креста поверхъ одежды: одинъ—данный при крещеніи, другой—данный по вѣрѣ въ Иннокентія. По этому можно было узнать иннокентьевца. Во время нашего пребыванія въ монастырѣ туда зашелъ одинъ изъ нихъ и попросилъ позволить ему переночевать.

Между тѣмъ, онъ собралъ у воротъ кучку послушниковъ и сталъ проповѣдывать.

— Кто увидитъ,—говорилъ онъ,—голубя—тотъ святъ,—разумѣя подъ голубемъ Духа Святого, или, что то же, Иннокентія.

— А вонъ они голуби, вонъ они!—закричали мальчишки-послушники, показывая на расхаживающихъ по крышамъ келій голубей.

— Молчите,—огрызнулся иннокентьевецъ:—сами не знаете, что говорите.

И онъ сталъ пѣть какой-то духовный стихъ.

Наблюдавшій все это отецъ гостиникъ перепугался, вынесъ иннокентьевцу краюху хлѣба и настойчиво предлагалъ ему оста-

Зимній храмъ и колокольня Добрушкаго монастыря.

вить монастырь. Окинувъ всѣхъ презрительнымъ взглядомъ, апостолъ Иннокентія вышелъ за ворота.

Неизвѣстно еще, какъ можетъ въ послѣдствіи сказаться среди молдаванъ поднятое балтскимъ іеромонахомъ движеніе, но, по словамъ сотрудника «Одесскихъ Новостей», произнесенное имъ въ петрозаводской тюрьмѣ раскаяніе и отреченіе отъ своего вѣроученія подѣйствовало на его послѣдователей благотворно:

«Извѣстіе о раскаяніи,—пишетъ онъ,—съ быстротой молніи проникшее въ народъ, произвело ошеломляющее впечатлѣніе. Крестьяне опустили головы, какъ будто ихъ постигло массовое несчастіе. Одно воспоминаніе объ Иннокентіи, котораго лишь недавно обоготворяли, приводило ихъ теперь въ неописуемый ужасъ. Олице-

вспоминаетъ, какъ онъ ѣхалъ недавно къ Иннокентію въ Петрозаводскъ, а тамъ ему пришлось спать на голой землѣ, во дворѣ, гдѣ вытащили у него послѣднія сбереженія, а онъ самъ простудился и понынѣ болѣетъ. Другой рассказываетъ, какъ двѣ его единственныя дочери заболѣли кликушествомъ и сейчасъ находятся еще въ лечебницѣ. Третій вспоминаетъ, какъ Иннокентій велѣлъ имъ вырыть въ теченіе одного дня громаднѣйшій колодець, вода котораго должна излечивать всѣхъ больныхъ. Все это съ грустью и скорбью вспоминается, и крестьяне въ недоумѣніи спрашиваютъ: за что?». (№ 9071, 1913 г.).

Что касается причинъ раскаянія Иннокентія, то интересно въ этомъ отношеніи мнѣніе кишиневскаго «Друга», который съ крушевановскою рѣзкостью такимъ образомъ привѣтствовалъ этотъ фактъ:

«Слава Богу: шарлатанъ Иннокентій раскаялся. Итакъ, убѣжденіе въ томъ, что іеромонахъ Иннокентій шарлатанъ, шантажистъ, плотоугодникъ и матеріалистъ, эксплуатировавшій самыя дорогія и святыя чувства молдаванъ, оправдалось на дѣлѣ. Иннокентій, когда увидѣлъ и убѣдился въ томъ, что онъ развѣнчанъ, и что всѣ пути къ плотоугодію и матеріализму ему пресѣчены, постѣшиль принести и принесъ въ тюремномъ замкѣ города Петрозаводска ¹⁾ предъ алтаремъ публичное раскаяніе въ своихъ дѣлахъ, дѣлишкахъ, словахъ и помышленіяхъ». (№ 158, 1913 г.).

О подвигахъ Иннокентія по части «плотоугодія и матеріализма» въ Бессарабіи рассказываютъ много пикантныхъ исторій. Среди женщинъ, между которыми были даже барышни-учительницы, іеромонахъ проводилъ время въ своей кельѣ весьма недурно, при чемъ присутствовавшіе непремѣнно были въ костюмахъ Адама и Евы.

— Это не хлыстовство, не ересь;—говорилъ одинъ умный священникъ:—это современная монастырская жизнь вылилась наружу и пошла въ народъ. Вотъ что такое иннокентьевщина.

Какъ-то я заговорилъ съ упомянутымъ братомъ Григоріемъ, человѣкомъ, сильно возвышающимся по своему развитію надъ общимъ монастырскимъ уровнемъ, объ этой современной жизни монастырей.

— Тьма, одна тьма!—сказалъ онъ мнѣ.—Вотъ я ѣду на миссіонерскіе курсы, хочу подучиться, чтобы быть въ силѣ. У меня двѣ идеи: во-первыхъ, поднятіе христіанской жизни въ народѣ, во-вторыхъ, разрушеніе монастырей. Я говорю не объ уничтоженіи монастырей,—нѣтъ: надо разрушить современную монастырскую жизнь.

¹⁾ Гдѣ онъ находился не за свою проповѣдь, а за столкновеніе съ полиціей во время пестивія иннокентьевцевъ, въ количествѣ нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ, пріѣхавшихъ къ своему руководителю изъ Бессарабіи въ Олонецкую губернію.

Храмъ въ скиту Добрушскаго монастыря.

Я уже нѣсколько лѣтъ въ монастырѣ живу; раньше былъ въ Глинской пустыни, и говорю это не отъ злобы, а отъ ревности къ вѣрѣ.

Говоря это, братъ Григорій то нервно тербилъ свою жиденькую, торчавшую во всѣ стороны бородку, то перекладывалъ одну
«истор. ввсти.», ноябрь 1914 г., т. сxxxviii.

ногу на другую; глаза его блестяли; видимо, затронутый вопросъ, дѣйствительно, волновалъ его.

— Что теперь представляетъ монастырь?—продолжалъ братъ Григорій.—Вѣдь это пагуба для человѣка. Вотъ приходитъ какой-нибудь паренъ, думаетъ, что монастырь святое мѣсто. Живетъ, работы не много, разлѣнится, отъ своего крестьянскаго дѣла отвыкнетъ, научиться ничему не змоетъ. Оглянется кругомъ себя, а въ монастырѣ нѣтъ никакой святости. Захочетъ уйти искать въ мѣрѣ работы,—не можетъ этого сдѣлать, потому что въ подрясникѣ его никуда не примутъ, только засмѣютъ, а справить свѣтскую одежду у него денегъ нѣтъ. Тогда онъ уходитъ въ другой монастырь, думая, что тамъ лучше, а тамъ то же самое; изъ другого перекочетъ въ третій, да такъ и шатается всю жизнь, пока или совсѣмъ сохнетъ, или въ острогъ попадетъ.

— Какія же вы мѣры противъ этого предлагаете?—спросилъ я.

— А вотъ какія. Монастырь долженъ быть прежде всего школой, потомъ мастерской, чтобы тотъ, кто попадетъ въ него въ молодости по влеченію, если оно пройдетъ, вышелъ бы изъ монастыря не тунеядцемъ, а грамотнымъ ремесленникомъ. Тогда одинъ вредъ монастырей уничтожится. Другой вредъ въ томъ, что монахи слѣпцы въ пониманіи вѣры. Чему они могутъ другихъ научить, когда сами ничему не учились? А, между тѣмъ, къ нимъ обращается простой народъ съ вопросами; полагаетъ, что въ нихъ свѣтъ, и вотъ они начинаютъ говорить ему отъ своей тьмы, даже противъ христіанскихъ догматовъ. Поэтому надо установить экзаменъ на монаха, а просто невѣжественныхъ людей въ монастыри не брать.

Долго еще разсуждалъ братъ Григорій о монастырскомъ нестройствѣ, но пора было предпринимать археологическія разысканія, и мы отправились въ скитъ, называемый старымъ монастыремъ.

Онъ обнесенъ высокимъ плетнемъ, заросшимъ лопушникомъ и бузиною. На дворѣ высокая трава и осока; въ одномъ углу колодки съ пчелами; а рядомъ могилы съ покосившимися каменными крестами: тутъ погребенъ какой-то молдавскій бояринъ, тамъ схимонахъ, а дальше голый крестъ безъ надписи... Посреди скита стоитъ старенькая выпѣтшая церковь, куполь которой издали напоминаетъ монашескую скуфью. А вокругъ нея ютятся четыре избушки на курьихъ ножкахъ, кельи монаховъ, живущихъ въ скиту. Всѣ онѣ съ крытыми крылечками, съ подгнившими разваливающимися ступеньками. На одномъ крылечкѣ неподвижно, опираясь на палку, сидѣлъ согбенный монахъ въ скуфьѣ и желтой деревенской свитѣ, доходящей до колѣнъ.

— Буна сара,—обратился къ нему о. Павель, что по-молдавски значитъ «добрый вечеръ».

Старикъ тѣми же словами отвѣтилъ на привѣтствіе и, разглядѣвъ, что передъ нимъ священникъ, съ трудомъ приподнялся и поцѣловалъ у него руку. Онъ охалъ и еле передвигалъ ногами: оказалось, что одна нога у него разсѣчена топоромъ и страшно болить.

Черезъ сѣни, заваленныя какими-то травами, мы вошли въ маленькую келью монаха, и не передаваемый словами головокружительно-отвратительный запахъ обдалъ насъ. Это не былъ запахъ человѣческихъ отбросовъ,—невозможно было опредѣлить его происхожденіе и, казалось, никакъ нельзя было стерпѣться съ нимъ.

Келія въ скиту Добрушскаго монастыря.

А въ маленькое грязное окошко смотрѣла со двора зелень травы и деревьевъ, гдѣ такъ легко дышалось, и рядомъ этотъ нестерпимый запахъ, какой, вѣроятно, носится въ самыхъ низкихъ кругахъ Дантовскаго ада. Онъ преслѣдовалъ меня весь вечеръ и ночь, чувствовался въ пищѣ, винѣ, даже въ дымѣ папиросъ. Обстановку кельи составляли почернѣвшая деревянная скамья съ посланнымъ на ней износившимся тулупомъ, служившая постелью, да обрубокъ дерева вмѣсто стола въ родѣ тѣхъ, на которыхъ мясники рубятъ мясо.

— И на какихъ это фабрикахъ дѣлаются такіе ножи?—спросилъ братъ Григорій, показывая взятый съ этого обрубка желѣзный тупой и заржавленный ножикъ съ такою же ручкой.

Это была грубая кузнечная работа, можетъ быть, какихъ-нибудь цыганъ времянь Алеко и Земфиры. Остальные предметы, стоявшіе на обрубкѣ, были того же достоинства. Даже картошку монахъ варилъ не въ цѣльномъ горшкѣ, а въ черепкѣ съ неровными краями. Въ другомъ черепкѣ мы увидели что-то темное и твердое, какъ кирпичъ, что послѣ продолжительной экспертизы оказалось солью.

Въ кельѣ была другая дверь. Мы отворили ее. Тамъ была комната, темнѣе первой и шириною не болѣе полутора аршина. Здѣсь совсѣмъ ничего не было. Но на земляномъ полу въ полумракѣ завозился и заохалъ человекъ, и передъ нами, упираясь руками въ стѣны, поднялся бѣлый высокій старикъ, съ открытою грудью. Стѣны его кельи сверху донизу были густо покрыты темно-красными мазками, кое-гдѣ сливавшимися въ сплошныя пятна.

— Чѣмъ это вы, дѣдушка, выкрасили стѣны?—спросилъ отецъ Павель.

— Плошницъ давлю,—отвѣтилъ старикъ.—Такъ кусаютъ, что шея болитъ.

И онъ потеръ рукою шею. Плошницами по-молдавски называются клопы, кровью которыхъ и была разукрашена келья.

Выходя изъ кельи этихъ несчастныхъ иноковъ, я подумалъ: лучше ли были условія жизни древне-русскихъ монаховъ, жившихъ даже не въ избушкахъ, а въ сырыхъ земляныхъ кievскихъ пещерахъ? Думается, что они жили еще хуже, когда представишь себѣ пещеру съ сырыми земляными стѣнками, темную, пропитанную чело-вѣческими испареніями. И какъ ни была убога эта жизнь, мысль чело-вѣческая неслась поверхъ ея, и въ смрадной ослизлой пещерѣ зрѣла лѣтописная дума.

Мы обошли и другія кельи. Дѣло было къ вечеру, и монахи передъ сномъ молились по молдавскимъ книжкамъ.

— Милуяштема, Думнезеуле, дупре маре мила та, ши дупре мулцимѣ ындурерилоръ тале, курацеште фарь де лежѣ мѣ,—слышалось чтеніе нараспѣвъ изъ-за двери одной кельи: такъ читается по-молдавански псаломъ: «Помилуй мя, Боже, по величій милости Твоей».

Братъ Григорій отворилъ дверь. Глубокій старикъ въ длинной сорочкѣ до колѣнъ, перевязанной на груди крестообразно парамандою, молился на колѣняхъ передъ черными образами, наполнявшими весь уголъ. Одинъ изъ нихъ, какъ мы потомъ разсмотрѣли, изображалъ Тайную Вечерю, на которой Іуда, опускавшій руку съ кусочкомъ хлѣба въ солонку, былъ представленъ въ видѣ бритаго католическаго священника, съ тонзурой на головѣ.

Монахъ продолжалъ читать псалтирь, не обращая на насъ никакого вниманія. И только, когда братъ Григорій назвалъ его по имени, онъ обернулъ къ намъ лицо и, какъ будто извиняясь, съ застѣнчивою улыбкою сказалъ:

— Молиться надо.

— Я слышалъ,—прибавилъ онъ:—что кто-то идетъ. Ничего думаю,—люди! А вотъ зимою ночью, когда услышишь такъ-то, что кто-то по крыльцу ходитъ или подъ окнами, да въ дверь скребется, знаешь, что волки. Соберутся изъ лѣсу, сядутъ вокругъ церкви и воютъ. Вьюга имъ въ колоколъ звонитъ, а они воютъ.

— Страшно тогда бываетъ, дѣдушка?

— Нѣтъ, ничего. Надо только читать все время: «Татуль ностру», («Отче нашъ»).

Внизу, въ главной монастырской церкви богослуженіе совершается не всегда по-молдавански. Въ скиту даже нѣтъ славянскихъ книгъ. На престолѣ лежитъ молдавское евангеліе, изданное въ Бухарестѣ въ 1775 году «дела спасеня лумин», т. е. отъ спасенія свѣта—Рождества Христова. На выходномъ листѣ его изображены не Спаситель и евангелисты, а нарисованъ орелъ-гербъ воеводы Александра Іоанна Ипсиланти, подъ которымъ напечатаны «версури политиче», т. е. политическіе стихи.

Печать старины лежитъ на всей обстановкѣ старой монастырской церкви. Къ стѣнамъ ея лѣплятся стасидіи, деревянныя зеленыя кресла для братіи, съ вывалившимися сидѣньями, которыя стоятъ тутъ со временъ турецкаго владычества. Передъ иконами не блестящіе металлическіе подсвѣчники, а деревянные, раскрашенные цвѣточками, съ двумя-тремя желѣзными ставниками для свѣчей, въ видѣ торчащихъ вверхъ остріями гвоздей: свѣчи прямо натыкаются на нихъ. На стѣнѣ виситъ икона Спасителя, облаченнаго въ царское одѣяніе, красное съ синими цвѣтами по полю, отороченное золотою каймою. Какіе-то рабы Божіи Стефанъ и Марія соорудили эту икону въ 1785 году, какъ гласитъ молдаванская надпись на ней. А кто-то другой принесъ въ монастырь икону Срѣтенія Господня. Она уже почернѣла, на ней нѣтъ надписи, но на оборотной сторонѣ ея есть большой мазокъ крови. Это какой-то молдаванинъ кровью своей руки запечатлѣлъ преданность свою Господу Богу.

Въ отдѣльныхъ уголкахъ церкви то тамъ, то сямъ мы находили старинные предметы: здѣсь большой мѣдный чайникъ восточной работы, тамъ заржавленное желѣзное копіе, въ другомъ мѣстѣ деревянную обклеенную золотою бумагою дарохранительницу. Сопровождавшій насъ скитникъ-ключарь, живущій въ скиту со временъ Крымской войны, безнадежно тоскливыми глазами смотрѣлъ, какъ невѣдомые ему люди отыскивали предметы, съ которыми сжилась его душа, его религіозная дума, и складывали ихъ въ притворѣ, чтобы унести изъ монастыря.

— Обобрали насъ, обобрали,—повторялъ онъ безпрестанно по-молдавански, и только то немного успокоило его, что этого требуетъ архіерей.

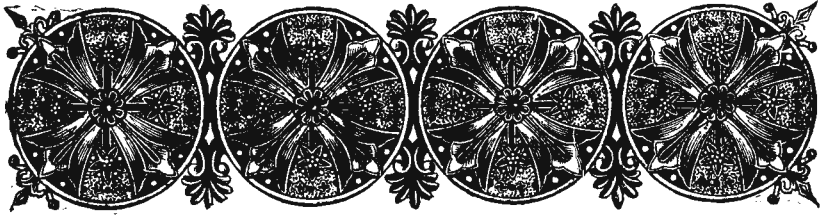
Кромѣ нѣмыхъ свидѣтелей старой монастырской жизни, нашлись въ скитской церкви живыя словеса, идущія изъ глубины лѣтъ. На листахъ цвѣтной тріоди изданія 1766 года написано: «1808 года 28 января было много плача по деревнямъ, и мы находили утѣшеніе въ этой книгѣ». Въ это время вѣдь была война съ Турціей, и по своему обыкновенію турки звѣрствовали и вырѣзали молдаванъ. Въ другой книгѣ—праздничной минеѣ изданія 1780 года—есть извѣстіе, которое историческая фантазія такъ увлекаетъ поставить въ связь съ предыдущимъ фактомъ! Здѣсь сообщается, что 1821 года 12 апрѣля скончался старикъ-калѣка Романъ Морарь.— «Мы должны его величать»,—прибавляетъ лѣтописецъ. За что? Увлеченный фантазіей, я заставилъ Романа Мораря совершать подвиги отваги и мужества въ 1808 году, когда «много плачу было по деревнямъ», защищать отъ турокъ женщинъ и дѣтей, собирать противъ нихъ партизановъ... И вотъ турки поймали Романа, хотѣли четвертовать и отрубили уже ему руки, но въ это время нагрянули наши войска. Романъ Морарь былъ спасенъ и ушелъ молиться Богу въ Добрушскій монастырь...

Въ одной книгѣ послѣ ряда лѣтописныхъ замѣтокъ слѣдуетъ надпись: «Рука, писавшая это, сгнила, а слова остались». Когда мнѣ перевели это, я подумалъ о всей пишущей братіи. Пусть на могилѣ «сочинителя» не будетъ «ни плиты, ни креста»,—но, когда и руки его сгниютъ, на пожелтѣлыхъ страницахъ той или иной книги, торжественно стоящей въ залѣ Публичной бібліотеки или случайно застрявшей въ какой-нибудь провинціальной дырѣ, останутся его слова, и кто-нибудь да прочитаетъ ихъ и восприметъ частичку живого «я» давно умершаго автора...

Къ вечеру третьяго дня нашего пребыванія въ монастырѣ мы выѣхали изъ него съ о. Павломъ. Въ вечерней тишинѣ, при ласкающемъ свѣтѣ заходящаго солнца, вся въ зелени лѣсовъ и полей, живописна была Добрушская обитель, когда мы бросили на нее съ горы, по которой шла дорога, послѣдніе прощальные взгляды. И казалось издали, что это дѣйствительно обитель мира и благочестія...

В. Даниловъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

ТО ЛѢТЪ тому назадъ, въ одинъ изъ теплыхъ, но сумрачныхъ ноябрьскихъ дней передъ подъездомъ тогдашней «Европейской гостиницы» остановилось нѣсколько чухонскихъ саней. Освободившись съ помощью выбѣжавшей прислуги отъ мѣховыхъ одеждъ, прибывшіе путники потребовали комнатъ, заявивъ, что они англичане и совершаютъ путешествіе по Финляндіи и Россіи. Среди пріѣхавшихъ мужчинъ оказалась одна дама, молодая особа, сопровождаемая столь же молодымъ супругомъ. Вскорѣ стало извѣстно, что молодая чета совершаетъ, по обычаю англичанъ, свое свадебное путешествіе. Нѣсколько страннымъ казалось, что путешественники выбрали для своей поѣздки столь неудобную, особенно зимой, страну, какъ Россія, вмѣсто того, чтобы ѣхать, какъ это было вездѣ принято, куда-нибудь въ Италію или Францію. Но и это недоумѣніе скоро разсѣялось, когда сообразили, что въ это время нигдѣ, кромѣ Россіи, путешествовать было нельзя, вся Европа оцетинилась штыками, вездѣ двигались, отступая и наступая, войска, кое-гдѣ время отъ времени разыгрывались битвы, въ которыхъ звѣзда Наполеона все болѣе и болѣе клонилась къ своему закату. Тутъ было не до свадебныхъ путешествій, особенно англичанамъ, которыхъ такъ ненавидѣлъ Наполеонъ. Сравнительно спокоенъ былъ только сѣверъ Европы. Сюда-то—въ Швецію, а затѣмъ въ Россію, черезъ Финляндію, и направился лордъ Литтлтонъ съ своей молодой женой. На сѣверѣ слышались лишь отголоски кровавыхъ событій, совершавшихся въ Европѣ, и ве-

черомъ въ самый день прибытія путешественниковъ (5-го ноября 1813 г. по новому стилю) тогдашній Петербургъ былъ иллюминированъ по случаю побѣды надъ Наполеономъ при Лейпцигѣ.

Прибывъ въ нашу столицу, рѣдкіе гости тотчасъ же вошли въ наше высшее общество и были втянуты въ кругъ его развлеченій. Сама леди Литтельтонъ принадлежала къ родовой англійской аристократіи,—ея отецъ въ концѣ XVIII столѣтія занималъ у себя на родинѣ должность перваго лорда адмиралтейства, т.-е. морского министра, и при русскомъ дворѣ его хорошо знали. Кромѣ того, леди привезла съ собой рекомендательныя письма кн. Воронцовой, вышедшей замужъ за лорда Пемброка, и эти рекомендаціи отворили передъ ней двери русскихъ дворцовъ и салоновъ.

Сначала свѣтскія развлечения, потомъ схваченный въ Петербургѣ тифъ, наконецъ, военныя дѣйствія, предшествовавшія паденію Наполеона,—все это вмѣстѣ дѣлало невозможнымъ отъѣздъ изъ Петербурга супруговъ, и они пробыли въ Россіи почти полгода. Лишь въ іюнѣ слѣдующаго 1814 года удалось имъ вернуться въ Англию черезъ Ригу и Германію.

Послѣ пятнадцатилѣтняго супружества леди Литтельтонъ овдовѣла и въ 1838 году была назначена состоять при королевѣ Викторіи. Черезъ четыре года на нее возложены были новыя и весьма отвѣтственныя обязанности—быть воспитательницей королевскихъ дѣтей. Въ этой роли леди Литтельтонъ оставалась при англійскомъ дворѣ въ теченіе девяти лѣтъ. Многому она была здѣсь свидѣтельницей, много ей приходилось видѣть событій придворной жизни. Видѣла она, между прочимъ, и французскаго короля Людовика-Филиппа, посѣтившаго англійскую королевскую чету, и императора Николая Павловича, пріѣзжавшаго въ Англию въ 1844 году.

Дальнѣйшая жизнь леди Литтельтонъ не богата внѣшними событіями. Въ 1850 году она вышла въ отставку, удалилась изъ Лондона въ деревню, къ многочисленнымъ своимъ родичамъ и мирно доживала свой вѣкъ, занимаясь литературой и искусствомъ, въ деревенской обстановкѣ, какъ обыкновенно дѣлается на склонѣ лѣтъ въ Англии. Умерла она въ 1873 году восьмидесяти трехъ лѣтъ отъ роду,—возрастъ, не представляющій ничего удивительнаго въ Англии.

Отличаясь наблюдательностью и живымъ, воспріимчивымъ умомъ, леди Литтельтонъ, гдѣ бы она ни находилась, всегда вела дѣятельную переписку съ оставшимися въ Англии родными и друзьями. Не довольствуясь отраженіемъ переживаемыхъ событій въ письмахъ, леди Литтельтонъ заносила свои впечатлѣнія и въ свой дневникъ. Ея письма и дневники пролежали безъ употребленія почти столѣтіе, и только въ прошломъ году одна изъ ея правнучекъ, приведя въ порядокъ оставшіяся послѣ нея бумаги,

издала ихъ при посредствѣ извѣстной лондонской книгоиздательской фирмы Джона Меррея.

Въ «Correspondence of Sarah Spencer, Lady Lyttelton»,—таково заглавіе выпущенной книги,—есть глава, всецѣло посвященная пребыванію леди Литтельтонъ въ Финляндіи и Россіи.

Въ предѣлы нашей имперіи леди Литтельтонъ и ея мужъ попали черезъ Швецію. Высадившись въ шведскомъ городкѣ Гётенборгѣ, въ началѣ сентября они были уже въ Стокгольмѣ. Въ шведскую столицу они прибыли вскорѣ послѣ того, какъ на улицахъ ея совершилось неслыханное дѣло, о которомъ долго еще потомъ говорили потрясенные ея жители. Знаменитый шведскій государственный дѣятель графъ Аксель Ферзенъ, тотъ самый, который прославился своей романтической привязанностью къ казенной французской королевѣ Маріи-Антуанеттѣ и во время злополучнаго бѣгства Людовика XVI, кончившагося арестомъ въ Вареннѣ всего королевскаго семейства, правилъ, подъ видомъ кучера, экипажемъ короля,—былъ растерзанъ толпою на улицѣ. Чернь заподозрѣла его въ томъ, что онъ отравилъ датскаго принца, къ которому долженъ былъ перейти въ 1810 году шведскій престолъ и вмѣсто котораго потомъ былъ выбранъ наполеоновскій маршалъ Бернадоттъ—родоначальникъ доселѣ царствующей въ Швеціи династіи.

«Сегодня утромъ я посѣтила m-me Арфведсонъ,—пишетъ въ своемъ дневникѣ леди.—Она рассказывала мнѣ много подробностей о смерти Ферзена. Это ужасно. Она передавала, что сопровождавшій его конвой равнодушно смотрѣлъ на его избіеніе, продолжавшееся цѣлое утро, и не смѣлъ его освободить. Ужасныя подробности о томъ, какъ его за волосы привязывали къ колесамъ, какъ били зонтиками! Потомъ она много рассказывала и о Бернадоттѣ, о томъ, какъ онъ прибылъ, какъ отрядъ его сторонниковъ сразу же предложилъ ему корону. Когда Бернадоттъ вошелъ къ королю и принялъ присягу на вѣрность, его поставили въ голубомъ одѣяніи, съ малой короной на головѣ на нижнюю ступеньку трона. Вошелъ король, согбенный годами. Бернадоттъ двинулся ему навстрѣчу и помогъ ему подняться на тронъ. Затѣмъ, когда былъ прочтенъ манифестъ, котовымъ Бернадоттъ объявлялся приемнымъ сыномъ короля, онъ упалъ королю въ ноги и хотѣлъ поцѣловать его руку, но тотъ отечески облобызалъ его. Видъ Бернадотта таковъ, что есть отъ чего задрожать и самымъ гордымъ, а это хорошій знакъ для крестьянъ. Жена его умная, но очень некрасивая женщина. Представляя ей своихъ дочерей, графиня Левенгауптъ гордо замѣтила: «Вашему королевскому высочеству небезызвѣстно, что мои дочери имперскія принцессы». «Мнѣ извѣстно только, что я сама—дочь купца», послѣдоваль отвѣтъ.

Другимъ предметомъ разговора стокгольмскихъ гостиныхъ была знаменитая противница Наполеона m-me де-Сталь.

«Она пріѣхала сюда,—читаемъ мы въ дневникѣ,—съ очевиднымъ намѣреніемъ выдать свою дочь, Альбертину, за герцога Девонширскаго. Эта Альбертина, которая въ Лондонѣ вела себя такъ скромно и даже застѣнчиво, здѣсь стала капризной и болтливой. Я подозреваю, что мать учила ее англійскимъ манерамъ по своей «Кориннѣ».

Русскіе въ Стокгольмѣ не пользовались, по словамъ леди Литтлтонъ, расположеніемъ общества. Говоря о баронѣ Строгановѣ, русскомъ посланникѣ, который привезъ съ собой къ мѣсту службы великолѣпную бібліотеку въ сорокъ тысячъ томовъ, она замѣчаетъ: «Къ этой націи здѣсь относятся съ отвращеніемъ, подобно тому, какъ въ Лондонѣ относятся къ французамъ, и говорятъ о русскихъ не иначе, какъ со всякой бранью».

Эта шведская неприязнь не помѣшала, однако, англичанамъ пуститься въ дальнѣйшій путь въ эту страшную Россію. Переѣздъ изъ Швеціи въ Финляндію совершился не вполне благополучно. Ихъ корабль едва не опрокинулся, и потомъ уже у береговъ Финляндіи едва избѣжалъ столкновенія съ другимъ. Послѣ долгаго пути по обледѣвшей Финляндіи путники добрались наконецъ до Петербурга.

«Вчера вечеромъ,—пишетъ леди своей матери 10-го ноября,—къ намъ пришелъ лордъ Вальполь (англійскій повѣренный въ дѣлахъ), принесъ намъ нумеръ «Conservateur Impartial» (предшественникъ теперешняго «Journal de St.-Petersbourg») и письмо отъ графа Воронцова относительно представленія двору. Послѣзавтра вечеромъ насъ представитъ императрицамъ графиня Литта. Это высокая, полная женщина,—продолжаетъ леди въ другомъ мѣстѣ послѣ визита, сдѣланнаго ею графинѣ.—Когда мы вошли, она сидѣла въ красиво обставленной комнатѣ, въ батистовомъ платьѣ и въ шали, которой цѣны нѣтъ. Заплатить за шаль двѣ тысячи рублей здѣсь ничего не значитъ. Около нея играли въ карты какія-то дамы. Нѣсколько кавалеровъ, очень грязныхъ и скучныхъ, бродили по комнатамъ. Мы оставались у нея недолго и получили указанія относительно воскресенія. Меня будетъ представлять одну сама де-Литта, моего мужа—Нарышкинъ. Объ императрицѣ-матери я еще ничего не слышала. Царствующая же императрица—прекрасная, добродѣтельная, но въ сущности несчастная молодая женщина: она потеряла своихъ дѣтей, и мужъ относится къ ней плохо.

«Я совершенно ослѣплена великолѣпіемъ русскаго двора. Дворецъ своимъ внутреннимъ великолѣпіемъ превышаетъ все, что о немъ можно думать, судя по его внѣшности. Огромное количество просторныхъ залъ, огромная свита, торжественное богослуженіе,—все это словно какой-то сонъ. Кромѣ меня, представлялись еще четыре дамы и двое мужчинъ. Мы стояли рядкомъ въ одной изъ

комнатъ. Вошла императрица-мать—женщина лѣтъ пятидесяти пяти, красивая и высокая, съ веселымъ, цвѣтущимъ лицомъ. Одѣта она была въ глубокой трауръ. Голова, шея, руки покрыты длинными рядами огромныхъ жемчужинъ. Каждой изъ представлявшихся дамъ она давала цѣловать руку, затѣмъ цѣловала ихъ сама и говорила каждой *petit mot*. Меня она удостоила бесѣдой не менѣе минутъ десяти. Затѣмъ она удалилась, а насъ повели въ пріемную—дождаться конца богослуженія, чтобы представиться молодой императрицѣ. Церемонія была такая же. Но какъ прекрасна императрица и не лицомъ, которое слишкомъ красно, а фигурой, подобной которой я нигдѣ не видѣла, даже въ Англии. Она вошла въ залъ легко и граціозно. Она высокаго роста, съ небольшою прелестной головкой. Она, пожалуй, слишкомъ скромна, нѣсколько робѣетъ и не позволяетъ дамамъ цѣловать ей руку, а сама первая цѣлуетъ ихъ сердечно.

«Намъ нужно было еще представиться старшей великой княжнѣ. Пока мы шли къ ней по безчисленнымъ комнатамъ и коридорамъ, наша чичероне, княгиня Прозоровская, старая краснолицая дама, не разъ нюхала флаконъ съ одеколономъ и громко жаловалась на лежація на ней обязанности».

Императора Александра леди Литтлтонъ не приходилось видѣть, но по всему тому, что ей приходилось о немъ слышать въ Петербургѣ, онъ не вызывалъ въ ней особыхъ симпатій.

«Русскіе черезчуръ лѣстятъ своему самодержцу. О немъ говорятъ, что онъ превзошелъ своего древняго тезку, и называютъ его освободителемъ Европы, какъ будто Веллингтонъ, Блюхеръ и Бернадоттъ не заставляли его исполнять свою волю. Его буютъ стоитъ какъ разъ противъ меня, и это мягкое лицо вмѣстѣ съ немумѣренными похвалами возбуждаютъ во мнѣ тошноту.

«Онъ могъ бы быть такимъ же героемъ и не имѣть такой внѣшней красоты. И, однако, это самый красивый мужчина во всей имперіи,—вотъ что твердили кругомъ.

«Въ имперіи слѣпыхъ,—могла бы я отвѣтить,—ибо нигдѣ я не видала такихъ безобразныхъ мужчинъ. Надо думать, всѣ не безобразные отобраны и посланы на войну.

«Наши дѣла продолжаютъ подвигаться,—отмѣчаетъ въ дневникѣ леди Литтлтонъ послѣ ея представленія императрицамъ.— Намъ уже дѣлали визитъ или оставили карточки многія знатныя лица, между прочимъ княгиня Голицына, жена князя Сергѣя Голицына, съ которою насъ познакомилъ лордъ Гранвилль Левесонъ. Ей лѣтъ подѣ тридцать, и она поразительно красива, съ дивными темными глазами и черными, какъ смоль, волосами. Ея осанка одновременно пріятна и величава. Бесѣда ея во многомъ превосходитъ все то, что мнѣ приходилось слышать отъ иностран-

ныхъ дамъ. Она говоритъ умно и живо на прекрасномъ французскомъ языкѣ. Говорятъ, что она абсолютно недоступна. Она ведетъ странный образъ жизни: ложится спать въ три часа утра, остается въ постели по тринадцати часовъ, устраиваетъ себѣ своеобразную прическу и носить шаль по-своему, пользуясь здѣсь репутаціей оригиналки».

Далѣе въ дневникѣ слѣдуютъ записи о визитахъ къ графинѣ Строгановой, графинѣ Иринѣ Воронцовой, герцогинѣ Серра-Каприола-Демидовой. «Всѣ онѣ принимаютъ два-три раза въ недѣлю, отъ девяти до десяти часовъ. Нѣкоторыя начинаютъ пріемъ еще раньше».

«Княгиня Воронцова,—отмѣчаетъ въ дневникѣ леди Литтлтонъ,—женщина сердечная, но безцвѣтная. М-ше Демидова ужасна: землистый цвѣтъ лица, мертвые глаза, черные зубы! Княгиня Голицына вошла намъ навстрѣчу въ огромной черной съ розовымъ цыганской шляпѣ и полосатомъ ситцевомъ платьѣ съ перекинутой черезъ плечо шалью».

«Были мы у другой Голицыной, жены князя Бориса Голицына. Красивая женщина. Она сидѣла, въ качествѣ больной, въ небольшой компаніи, которая щипала корпию для раненыхъ. Общество въ высшей степени пріятное. Герцогъ Полиньякъ и его сестра—настоящіе французы, хорошаго тона».

Подъ 7-мъ декабря въ дневникѣ отмѣчено: «въ воскресенье вечеромъ мы были на концертъ у m-ше Луниной. Было очень жарко и блестяще. Нарышкина—la belle, съ лицомъ Аполлона Бельведерскаго, поразительно хороша. Скромныя манеры, простой, приличный костюмъ. Князь Куракинъ съ огромной головой. Толстый, какъ слонъ. Одѣтъ въ голубой мундиръ, вышитый золотомъ; двѣ звѣзды съ чудными брилльантами. Эполеты украшены шестью рядами жемчужинъ и прикрѣплены къ плечу брилльантовой брошью. Ослѣпительнъ при яркомъ свѣтѣ... Княгиня Голицына прибыла въ двѣнадцать часовъ ночи и затмила собою всѣхъ. Сенаторъ Обрѣзковъ въ парикѣ, похожемъ на взъерошенную швабру. Демидовъ съ головой, ушедшей въ плечи, настоящій гну».

Въ общемъ русское высшее общество произвело на английскую туристку скорѣе невыгодное впечатлѣніе.

«Общее впечатлѣніе отъ этого небольшого кружка довольно заурядное. Мужчины и женщины держатся обыкновенно на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, по концамъ комнаты. Это новая мода, недавно завезенная изъ Парижа. Отдѣленные отъ мужчинъ, женщины впадаютъ въ неподвижность, и это становится скучно. Что касается меньшихъ собраний, то они гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ Англии: въ женщинахъ нѣтъ аффектаціи, а мужчины отличаются въжливостью и разговорчивостью».

И рядомъ съ этимъ отсутствіемъ аффектаціи въ великосвѣтскихъ нашихъ барыняхъ странно поражали англичанку нѣкоторыя

пренелѣпные обычаи, которыми характеризовался тогдашній хороший тонъ. «Весь здѣшній beau monde, — пишетъ она своей матери, — никогда не ходитъ пѣшкомъ. Онѣ почти лишаются возможности пользоваться ногами и ихъ всегда поддерживаютъ подъ руки. Однажды я поѣхала по магазинамъ вмѣстѣ съ m-me Полянской. Лакей не только высадилъ ее изъ кареты, но послѣдовалъ за ней наверхъ, поддерживая ее подъ оба локтя. Я вошла самостоятельно. Замѣтивъ это, она воскликнула: «Какъ! вы не велите себя поддерживать! Вы поднимаетесь сами!» Она воскликнула это съ такимъ удивленіемъ, какъ будто у меня было три ноги! А между тѣмъ это живая, вполне здоровая женщина, лѣтъ тридцати пяти!»

«Нѣтъ возможности втолковать ей, — замѣчаетъ леди Литтлтонъ въ другомъ письмѣ, — какъ это англійское правительство позволяетъ выставлять на окнахъ магазиновъ карикатуры на министровъ».

Вращаясь въ обществѣ, леди Литтлтонъ познакомилась съ нѣкоторыми изъ героевъ Отечественнѣйшей войны. «Адмиралъ Чичаговъ, — читаемъ въ ея дневникѣ, — очень неглупый, острый и живой человѣкъ, frondeur. Онъ говоритъ, что въ прошлый 1812 годъ все сдѣлалъ морозъ, а не искусство. До самой Москвы, которую Кутузовъ поклялся своими сѣдинами защищать, французы были вездѣ побѣдителями. А развѣ онъ защищалъ ее? Если онъ рѣшилъ пожертвовать ею, то почему онъ не предупредилъ объ этомъ жителей? Почему онъ не занялъ позиціи у Калуги, что могло бы остановить французовъ? Уже послѣ того, какъ была очищена Москва, начали говорить, что Москва — еще не вся Россія».

«Кутузовъ, — читаемъ далѣе, — сонный старикъ; онъ не спитъ только часовъ шесть въ сутки. Онъ никогда не отличался удачею прежде и не сумѣлъ использовать положенія и въ прошломъ году».

Уже по этимъ отрывкамъ, занесеннымъ въ дневникъ со словъ Чичагова, можно судить, какое шипѣніе раздавалось сто лѣтъ тому назадъ вокругъ имени Кутузова.

Но скоро петербургское общество стало производить даже на иностранцевъ впечатлѣніе чего-то обезличеннаго, похожаго на всякое другое общество любой европейской столицы. Желая познакомиться «съ настоящими русскими дворянами», супруги Литтлтоны нашли необходимымъ ѣхать для этого въ Москву. Въ рѣшительный моментъ жена, однако, отказалась отъ поѣздки, и въ мартѣ 1814 года лордъ Литтлтонъ отправился въ Москву одинъ. Путешествіе его длилось, впрочемъ, не долго: по дорогамъ стояла такая непролазная грязь, что даже англичанинъ палъ духомъ и, добравшись кое-какъ до Новгорода, повернулъ обратно.

Въ іюнѣ 1844 года въ Англію пріѣзжалъ императоръ Николай Павловичъ, и леди Литтлтонъ пишетъ къ одной изъ своихъ свѣтскихъ знакомыхъ:

«Къ намъ прибылъ русскій императоръ—Великій Медвѣдъ. Дѣти относятся къ нему съ большой любовью. Даже принцесса Алиса идетъ къ нему, вытягивая свои толстыя ручонки. Это объясняется тѣмъ, что онъ самъ очень любитъ дѣтей. Впрочемъ, его наружность, на мой взглядъ, слишкомъ строга, хотя онъ, безспорно, принадлежитъ къ числу красивѣйшихъ мужчинъ. Кажется, что ему лѣтъ сорокъ, хотя ему въ дѣйствительности уже пятьдесятъ. Выраженіе его лица, особенно когда онъ сидитъ рядомъ съ принцемъ Альбертомъ (супругомъ королевы Викторіи), слишкомъ автократично, слишкомъ важно, даже угрюмо. Онъ почти никогда не улыбается. Онъ говоритъ, что онъ очень счастливъ въ своей семьѣ, но внѣ этой семьи онъ, должно быть, чрезвычайно тяжелъ, чувствуя себя какъ бы на вершинѣ Монъ-Блана и весь цивилизованный міръ у своихъ ногъ».

2-го іюня 1844 года герцогъ Девонширскій устроилъ въ честь императора празднество на своей виллѣ въ Чизвикѣ. Объ этомъ событіи мы находимъ въ перепискѣ леди Литтельтонъ слѣдующія свѣдѣнія:

«Вчера,—пишетъ она одной изъ своихъ родственницъ,—я была на большомъ обѣдѣ. Было очень интересно. Спустившись внизъ, я увидѣла, что весь коридоръ переполненъ приглашенными на обѣдъ. Среди нихъ былъ и императоръ, окруженный блестящими мундирами. Я сообразила, что мнѣ здѣсь дѣлать нечего, и колебалась, не уйти ли мнѣ, какъ вдругъ раздался громоподобный голосъ: «Какъ? Неужели вы насъ боитесь? Идемъ!» И съ этими словами онъ подошелъ и, взявъ меня подъ руку, повелъ черезъ толпу. Давно я не испытывала такого страха. Застѣнчивость хороша въ молодые годы, но въ моемъ возрастѣ она положительно неумѣстна. Но ничего съ этимъ не подѣлаешь.

«Когда его величество вышелъ изъ Бѣлаго зала, гдѣ мы провели вечеръ, чтобы идти въ свои апартаменты, онъ на минуту остановился въ дверяхъ и пожелалъ всѣмъ спокойной ночи. Никогда я не забуду его взгляда. У него есть власть смотрѣть на каждаго сверху, и онъ показалъ эту власть намъ, семидесяти бѣднымъ смертнымъ, столпившимся около него. Единственный недостатокъ въ его лицѣ—это слишкомъ блѣдныя вѣки и еще то, что его огромные блестящіе глаза лишены всякаго оттѣнка. Они имѣютъ даже страшное выраженіе, когда свѣтъ падаетъ иногда на зрачокъ. Это унаслѣдовано имъ, повидимому, отъ отца и придаетъ его лицу свирѣпое выраженіе.

«— Очень красивый человѣкъ, почти не постарѣвшій съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ. Вы не находите, что онъ дѣйствительно очень красивъ?» довольно громко спросилъ меня герцогъ Веллингтонъ, сидѣвшій за обѣдомъ какъ разъ противъ императора, который понимаетъ по-англійски.

«Я не знала, что дѣлать, и отвѣчала:

«— Да, конечно, конечно.

«Императоръ, видимо, ждалъ моего отвѣта и какъ будто удивлялся, отчего я медлю отвѣтомъ».

«Императоръ много играетъ съ королевскими дѣтьми», занесено въ дневникѣ леди Литтлтонъ. Однажды между нею и Николаемъ Павловичемъ произошелъ слѣдующій разговоръ.

Леди замѣтила, что королева и принцъ Альбертъ хорошо сдѣлали, что устроили свою жизнь, какъ обыкновенныя частныя лица, и могутъ поэтому пользоваться семейнымъ комфортомъ.

— Въ этомъ все счастье на землѣ,—замѣтила она.

— Именно все счастье, и даже единственное счастье, по крайней мѣрѣ для нашего брата,—замѣтилъ императоръ.—Наше ремесло довольно тяжело.

Въ другой разъ разговоръ зашелъ о тяжелыхъ обязанностяхъ, лежащихъ на монархахъ.

— Чтобы исполнять наши обязанности, нужны особенныя физическія силы. А вѣдь онѣ не вѣчны. Какъ скоро онѣ начинаютъ измѣнять намъ, всѣ замѣчаютъ, что мы становимся въ тягость.

— Вотъ тогда-то, ваше величество, вы и должны испытывать прелесть семейнаго счастья,—замѣтила леди Сара.

— Вы правы. Я счастливъ въ кругу моей семьи и въ особенности доволенъ моимъ сыномъ и наследникомъ».

Черезъ нѣсколько дней въ большомъ паркѣ Виндзорскаго замка состоялся, по случаю прибытія Николая Павловича, большой парадъ войскамъ, какого давно не бывало въ Англии,—прибавляетъ леди Литтлтонъ,—и этимъ закончилась официальная сторона празднествъ.

А. Бѣловъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИСТОРИКА.

Конечная цѣль великой борьбы съ германизмомъ.—Міровая роль Россіи и ея національные интересы.

ВО ВСЕЙ всемірной исторіи мы не знаемъ народа, который сумѣлъ бы, подобно германцамъ, въ стремленіи своемъ къ гегемоніи возстановить противъ себя всѣ великодержавныя націи и вызвать ихъ негодованіе и антипатію къ себѣ въ самыхъ разностороннихъ направленіяхъ. Въ основѣ этого негодованія, несомнѣнно, лежать не столько политическія, сколько моральныя причины. Въ свое время и Римъ, и Франція достигали гегемоніи, но гегемонія эта основана была не на одномъ только военно-политическомъ преобладаніи этихъ государствъ, но и на культурномъ ихъ вліяніи, моральныхъ сокровищахъ, которыя они несли вмѣстѣ со своимъ оружіемъ на пользу покоряемыхъ ими народовъ. Такъ, въ эпоху Наполеона I военные успѣхи новой Французской имперіи неразрывно были связаны съ распространеніемъ во враждебной ей Европѣ плодовъ французской культуры, идей великой французской революціи, которой Наполеонъ былъ вѣщимъ посланникомъ. Оттого, какъ ни велико было засилье гениальнаго корсиканца среди современныхъ ему государствъ и народовъ, но даже заклятые его враги не могли не чувствовать облагораживающаго вліянія Франціи, разрушавшей въ Европѣ пережитки средневѣковаго феодальнаго

строю и провозглашавшей новыя, гуманныя начала для развитія государственной и соціальной жизни. Даже Россія, виновница низверженія Наполеона, переживала въ высшихъ слояхъ своего общества періодъ французоманіи, и императоръ Александръ I дѣйствительно отражалъ настроеніе Россіи и Европы, объявляя въ воззваніи своемъ къ французамъ, что союзники ведутъ войну не съ Франціей, а съ Наполеономъ. Таково ли нынѣ отношеніе европейской коалиціи къ Германіи и германскому народу?

Идеализмъ и филистерство—вотъ крайнія отличительныя черты нѣмецкой природы, отмѣченныя давнымъ-давно историкомъ германской культуры, Шерромъ. Идеализмъ Гете и Шиллера проявился въ Германіи конца XVIII и начала XIX вв., когда грубость и жестокость нравовъ германскаго общества удивляли даже «русскихъ варваровъ», посѣщавшихъ въ то время Германію. Это было время продажи нѣмецкихъ солдатъ мелкими германскими фюрстами Англіи большими и малыми партіями, при чемъ положено было начало богатству Ротшильдовъ, время постановки на большихъ проѣзжихъ дорогахъ висѣлицъ съ сгнивавшими трупами казненныхъ преступниковъ для большей острастки населенія. Не замѣтно было, чтобы эти картины смущали Доротей, Маргаритъ и ихъ поклонниковъ. Извѣстно, что крайній сентиментализмъ огнюдь не препятствовалъ самымъ жестокимъ истязаніямъ даже на русской почвѣ, хотя и здѣсь нѣмцы-управляющіе и нѣмцы-инструкторы превзошли своей систематической жестокостью самыхъ рьяныхъ крѣпостниковъ-самодуровъ. На одичаніе нѣмецкаго народнаго характера въ послѣдствіи особенно повліяла ницшеанская философія съ ея проповѣдью эгоизма и рационалистическаго нигилизма, удивительно совпавшею съ ростомъ милитаризма, сковавшаго всю жизнь нѣмецкаго народа и всѣ ея проявленія послѣ побѣдоносной борьбы Германіи съ Франціей и развившаго у нѣмцевъ дикіе, хищническіе инстинкты. «Бронированный кулакъ» и его предести, завистливая алчность, искавшая себѣ достойныхъ объектовъ чуть не во всѣхъ частяхъ свѣта, необычайное для культурныхъ людей самомнѣніе, выразившееся въ девизѣ «Deutschland über alles» и чудовищномъ восхваленіи принципа «das Macht ist das Recht»,—все это возбуждало въ Европѣ отвращеніе; черствость нѣмецкой природы, гениально охарактеризованная Достоевскимъ въ его «Игрокѣ», испытанная нѣмецкая «System» и выдержка въ дѣйствіяхъ въ цѣломъ рядѣ поколѣній являлись ручательствомъ, что если нѣмцы перейдутъ отъ словъ къ дѣлу, то они не успокоятся, пока не поработятъ всѣхъ сосѣдей и не добьются міроваго господства. Въ средствахъ для достиженія этой цѣли, совершенно, впрочемъ, не соответствующей силамъ германцевъ, они также не хотѣли стѣсняться: подкупъ, шпіонажъ, законы о двойномъ подданствѣ, все было пущено въ ходъ для подготовленія мир-

«истор. вѣстн.», ноябрь 1914 г., т. сxxxviii.

наго и военнаго завоеванія Европы. Щупальцы германскаго паука простерлись на Францію, Англію, балканскія государства, въ Азію. О Россіи, испытывавшей нѣмецкое засилье чуть не во всѣхъ сферахъ своей жизни и дѣятельности съ начала XIX вѣка, нѣмцы думали не иначе, какъ о будущей германской колоніи. Мечтая о порабощеніи себѣ Европы, какія блага культуры нѣмцы давали ей взамѣнъ? Сомнительную честь, что рано или поздно, подъ давленіемъ силы и невѣроятныхъ притѣсненій, нѣмцы вытравятъ у европейскихъ народовъ ихъ національную душу, ихъ культуру и превратятъ ихъ въ нѣмцевъ. Въ этой безумной мечтѣ виновенъ не одинъ кайзеръ нѣмцевъ, а всѣ они со своими писателями, свободными мыслителями, социаль-демократами, какъ это заявляли они послѣ начала войны. Уподобляясь евреямъ, они даже христіанскаго Бога превратили въ нѣмецкаго Іегову, думающаго только о нѣмцахъ и о порабощеніи имъ всѣхъ ненѣмцевъ. «Солдаты,—объявилъ нѣмецкій кайзеръ въ своемъ приказѣ по арміямъ предъ походомъ на Варшаву,—помните, что вы избранный народъ. Духъ Божій сошелъ на меня, такъ какъ я императоръ германцевъ. Я являюсь орудіемъ Всемогущаго! Я—его мечъ и воля! Уничтоженіе и смерть всѣмъ, кто противится моей волѣ! Уничтоженіе и смерть всѣмъ, кто не вѣритъ въ мою божественную миссію! Уничтоженіе и смерть трусливымъ! Да погибнуть всѣ враги германскаго народа. Богъ требуетъ ихъ уничтоженія, Богъ, вѣщающій чрезъ меня, повелѣваетъ вамъ исполнить Его святую волю». Этотъ приказъ принадлежитъ не Поприщинскому Фердинанду VIII, а историческому императору—Вильгельму II, и обращенъ онъ не къ обитателямъ извѣстнаго дома на одиннадцатой верстѣ отъ Петрограда, а къ вооруженному германскому народу, исполняющему велѣнія своего Мессіи, залившаго кровью всю Европу и попирающаго чуждыя ему культуры.

На такого безнадежнаго, но страшнаго больного прежде всего необходимо надѣть смирительную рубашку, а затѣмъ уже думать о профилактическихъ методахъ его леченія. Россія, Франція и Англія уже подписали декларацію, что онѣ будутъ вести войну съ Германіей совмѣстно, не заключая съ ней сепаратнаго мира, и совмѣстно же продиктуютъ ей условія мира. Безъ сомнѣнія, общей цѣлью этихъ державъ является созданіе такихъ условій политическаго положенія Германіи вообще и Пруссіи въ частности, чтобы онѣ въ будущемъ не являлись угрозою европейскому миру, свободному развитію негерманскихъ національностей и мирному труду европейскихъ народовъ. Лишь тогда Европа вздохнетъ свободно, освободившись отъ постояннаго ожиданія новыхъ катастрофъ и пріобрѣвъ возможность ограничить непосильное бремя вооруженій, подрывающихъ въ корнѣ благосостояніе народныхъ массъ, ибо повальное безуміе нѣмцевъ вынуждало всѣ европейскіе народы

обращать свои силы и средства не на развитіе и преуспѣяніе мирнаго труда, а на увеличеніе своей военной мощи. Никто, конечно, не думаетъ о порабощеніи Германіи, а также ея союзницы Австріи, но вошедшіе въ ихъ составъ ненѣмецкіе народы должны получить свободу отъ германскаго ига, а сама Германія освободиться отъ губительнаго вліянія прусскихъ королей, ставшихъ потомственными германскими императорами. Пруссія, поглотившая, кромѣ славянскихъ областей, много нѣмецкихъ владѣній: часть Саксоніи, Нассау, Ганноверъ и т. д., можетъ быть освобождена отъ этихъ придатковъ, мало симпатизирующихъ, какъ мы видимъ это на примѣрѣ Брауншвейга, прусской системѣ управленія. Южногерманскія государства: Баварія, Вюртембергъ и Баденъ также должны получить свободу отъ вліянія Пруссіи. При такихъ условіяхъ самое существованіе Германской имперіи, какъ единого государства, явится безцѣльнымъ и должно прекратиться навсегда. Ничто не помѣшаетъ отдѣльнымъ германскимъ государствамъ регулировать свои политическія и торговыя отношенія добровольными частными соглашениями. Дипломатамъ тройственнаго согласія предстоитъ нелегкій трудъ опредѣлить въ частности сумму тѣхъ условій, которыми бы Германія поставлена была въ невозможность угрожать европейскому миру, не лишая и ее средствъ къ мирному процвѣтанію. Само собою разумѣется, что на Германію должно быть возложено путемъ контрибуціи и возмѣщеніе военныхъ расходовъ, понесенныхъ союзными державами, и тѣхъ грабительствъ и опустошеній, которыя германскія войска причинили мирному населенію занятыхъ ими мѣстностей въ Россіи, Франціи и Бельгіи. Это тѣмъ болѣе важно даже съ нѣмецкой точки зрѣнія, что въ данномъ случаѣ сила соединялась бы съ правомъ и гуманностью.

Намъ, конечно, не могутъ быть извѣстны основанія мирнаго договора съ Германіей, которыя въ общихъ чертахъ, вѣроятно, уже были предметомъ обмѣна мнѣнія между союзными правительствами. Нельзя, однако, не замѣтить, что, помимо общей цѣли ихъ смирить тевтонскую гордыню и алчность, у cadaго изъ нихъ должны быть свои спеціальныя требованія, диктуемая національными интересами народовъ, которыхъ они являются представителями. Интересы Англіи и Франціи сами по себѣ настолько ясны и опредѣленны, что о существѣ ихъ даже теперь едва ли могутъ возникнуть какія-либо сомнѣнія: у Франціи до сихъ поръ не зажила рана въ Эльзасѣ и Лотарингіи, для Англіи важнѣйшимъ вопросомъ можетъ быть уничтоженіе морского и колониальнаго могущества Германіи и ея концессій въ Азіатской Турціи. Россія имѣетъ гораздо болѣе сложную цѣпь отношеній къ Германіи и Австріи, чѣмъ прочія державы. Помимо урегулированія своей западной границы въ Австріи и Германіи, она, какъ покровительница славянства, должна

будеть позаботиться объ освобожденіи славянскихъ народовъ, живущихъ подъ германскимъ и австрійскимъ игомъ, уничтожить германское вліяніе на Ближнемъ Востокѣ и освободиться отъ той колоссальной дани, которую русскій народъ давно уже платитъ Германіи въ силу невыгодныхъ торговыхъ договоровъ. Кромѣ того, Россія должна теперь же, при окончаніи великой европейской войны, покончить съ давней своей исторической болѣзью—вопросомъ о Босфорѣ и Дарданеллахъ. Безъ удовлетворяющаго Россію рѣшенія этого вопроса она не можетъ быть спокойна за безопасность южныхъ своихъ границъ и своей черноморской торговли. Англія и Франція, наши союзницы, должны быть сами заинтересованы въ томъ, чтобы великая славянская держава по окончаніи борьбы съ Германіей могла спокойно предаться заботамъ о мирномъ своемъ процвѣтаніи, не отвлекая своего вниманія о немъ думой о своей застарѣлой ранѣ. Для Россіи въ вопросѣ о проливахъ не можетъ быть никакихъ компенсацій: она должна имѣть ключи отъ своего дома и будетъ имѣть ихъ теперь, когда свела наконецъ счеты съ вѣковыми предателями и врагами своими и приобрѣла право на признательность Европы, угрожаемой германскимъ варварствомъ. Не имѣя проливовъ въ своемъ распоряженіи, Россія не уменьшитъ своей арміи ни на одного человѣка, потому что она не допуститъ впредь оскорбленія своему достоинству закрытіемъ проливовъ по произволу Турціи, или иной какой-либо державы, какъ это практикуется теперь. И русскій народъ, единодушно ставшій на защиту своей родины по призыву своего обожаемаго Государя и принесшій для этого всѣ возможныя жертвы, разумѣется, не остановится предъ новыми жертвами, чтобы, слѣдуя тому же призыву съ высоты престола, обезпечить себѣ разъ навсегда право на мирное, спокойное существованіе. Пусть Европа убѣдится въ этой безповоротной рѣшимости Россіи: обезпечивая самостоятельность и свободу другихъ народовъ, Россія не можетъ и не должна ставить европейскій миръ въ зависимость отъ капризовъ случайныхъ и ничтожныхъ константинопольскихъ владыкъ, доступныхъ любому чуждому вліянію.

По этому поводу я хотѣлъ бы рассказать читателямъ любопытный эпизодъ изъ исторіи восточнаго вопроса, ясно характеризующій слабость русской дипломатіи сравнительно недавняго времени. Извѣстно, что императоръ Александръ II, уступая вліянію своихъ совѣтниковъ и желая предаться внутреннимъ реформамъ для обновленія Россіи, поспѣшилъ закончить Восточную войну 1853—1856 г.г. Парижскимъ миромъ. По условіямъ этого договора Россія лишилась части Бессарабіи и обязалась не имѣть на Черномъ морѣ военнаго флота. Можно быть, конечно, различныхъ мнѣній о необходимости заключенія Парижскаго договора въ то время; не зная хорошо о затруднительномъ положеніи самихъ нашихъ противни-

ковъ, государь, всегда мягкій и сострадательный, скорбѣлъ о жертвахъ войны, вообще неудачной, опасался усиленія коалиціи противъ Россіи и полагалъ, что дальнѣйшее веденіе войны, послѣ паденія Севастополя и взятія нашими войсками Карса, является безполезнымъ. Въ этомъ убѣжденіи особенно укрѣплялъ императора старый канцлеръ его отца, графъ Нессельроде. Но въ мысляхъ своихъ и въ позднѣйшіе годы Александръ II, конечно, постоянно возвращался къ обсужденію печальнаго дипломатическаго акта, который наложилъ мрачную тѣнь на все дальнѣйшее его царствованіе. Думы эти были невеселыя, но результаты ихъ обнаружались совершенно [неожиданно при исключительныхъ обстоятельствахъ. Когда въ 1863 году, въ самый разгаръ польскаго возстанія, европейскія державы грозили Россіи войною, императоръ проявилъ необычайную твердость духа и отклонилъ ихъ требованія, не согласныя съ достоинствомъ Россіи. Эта твердость образумила западныя державы, тѣмъ болѣе, что императоръ приказалъ привести армію на военное положеніе, а вся Россія всеподданнѣйшими адресами засвидѣтельствовала свою готовность дать отпоръ дерзкимъ притязаніямъ державъ. Въ одномъ изъ засѣданій Высочайшаго совѣта, бывшихъ въ это время, императоръ открылъ засѣданіе слѣдующими словами, сказанными, по всему вѣроятію, по-русски, но приведенными барономъ Жомини, со словъ князя А. М. Горчакова, въ одномъ изъ его писемъ, на французскомъ языкѣ: «Il y a sept ans à cette table, j'ai fait un acte que je puis qualifier, puisque c'est moi qui l'ai accompli, j'ai signé le traité de Paris et c'était une lâcheté» (Семь лѣтъ тому назадъ за этимъ столомъ я совершилъ поступокъ, который могу опредѣлить, такъ какъ совершилъ его я самъ: я подписалъ Парижскій договоръ, и это было трусостью). Такъ какъ всѣ присутствовавшіе,—разсказываетъ Жомини,—воскликнули отъ изумленія, то государь сильно ударилъ по столу и сказалъ: «C'était une lâcheté et certes je ne la ferai plus» (это была трусость, и, конечно, я ея не повторю болѣе). «Удивительно ли,—продолжаетъ въ томъ же письмѣ Жомини:—что князь А. М. Горчаковъ (готовившій въ это время русскій отвѣтъ на ультиматумъ западныхъ державъ), проникшійся этимъ воспоминаніемъ, поддержанный единствомъ чувствъ, связывавшихъ его съ государемъ, захваченный важностью своей отвѣтственности и своего почина, убѣжденный въ томъ, что онъ могъ проиграть лично, но выиграть въ славу и расположеніи страны, если бы палъ жертвою своей любви къ родинѣ, рѣшился идти подъ этими впечатлѣніями впередъ, не озираясь вспять, къ цѣли, намѣченной его министерскимъ поприщемъ». Но ошибка русской дипломатіи, совершенная въ 1856 году, была уже непоправима и не вполне изгладилась даже русско-турецкой войной 1877—1878 годовъ. Теперь для русской дипломатіи, опирающейся на единеніе Царя съ народомъ и несокрушимую доблесть многомилліон-

ной русской рати, предстоитъ рѣшить историческую задачу Россіи, со временъ Екатерины Великой составляющую главнѣйшій предметъ ея политики. Русская дипломатія должна заявить Европѣ категорическое требованіе отдать Россіи ключи отъ ея собственнаго дома.

Сама Турція идетъ нынѣ навстрѣчу разрѣшенію русской исторической проблемы, избравъ для этого не мирное соглашеніе съ Россіей, а военное столкновеніе съ ней въ качествѣ подручника Германіи. Прикрываясь маской нейтралитета, она въ теченіе трехъ мѣсяцевъ вооружалась на нѣмецкія деньги, подъ руководствомъ нѣмецкихъ офицеровъ, при дружественномъ содѣйствіи Болгаріи и Румыніи, дѣлавшихъ все возможное для облегченія сношеній Германіи съ Турціей. За эти три мѣсяца Турція успѣла «купить» нѣмецкіе крейсера «Гебенъ» и «Бреслау», укрѣпить Эрзерумъ, минировать и закрыть Дарданеллы, мобилизовать свою армію, завести сношенія съ Персіей, закончившіяся чуть ли не формальнымъ договоромъ, направленнымъ противъ Россіи, отмѣнить капитуляціи... Тройственное согласіе едва ли могло сомнѣваться во враждебномъ себѣ значеніи этихъ мѣръ, изъ которыхъ каждая была достаточнымъ поводомъ для объявленія войны, и если ограничивалось мирными представленіями Блистательной Портѣ, то, вѣроятно, въ тщетной надеждѣ, что Турція не захочетъ въ концѣ концовъ подписать себѣ смертный приговоръ въ качествѣ союзника Вильгельма II. Россія тѣмъ болѣе должна была предаваться этой надеждѣ, что изъ державъ тройственнаго согласія на нее главнымъ образомъ и легла бы вся тяжесть борьбы съ Турціей и, можетъ быть, съ Персіей. Въ великой борьбѣ съ германизмомъ, для которой Россія напрягаетъ всѣ свои силы, худой мѣръ съ Турціей казался лучше доброй ссоры. Но, зная напряженную дѣятельность нашего «организатора побѣдъ», военнаго министра В. А. Сухомлинова, мы не сомнѣваемся, что въ эти три мѣсяца и Россія готовилась къ борьбѣ съ новымъ союзникомъ Германіи, несчастными османлисами. Волею судебъ Россіи суждено, одновременно съ нѣмецкимъ вопросомъ, рѣшать и вопросъ восточный. Какое тяжелое наслѣдіе досталось нашему поколѣнію, но зато какая огромная, вѣковѣчная будетъ заслуга его предъ Россіей, предъ будущими ея поколѣніями!

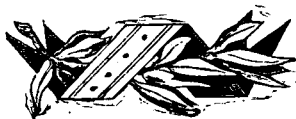
Какъ и подобаетъ союзницѣ Германіи, для которой международное право давно уже представляло собой ничтожныя лоскутки бумаги, Турція начала военныя дѣйствія съ Россіей безъ объявленія войны внезапнымъ нападеніемъ на мирные беззащитные города нашего черноморскаго побережья Новороссійскъ и Феодосію и минными взрывами безобидныхъ пассажирскихъ пароходовъ. Эти разбойничьи дѣянія, совершенныя турко-нѣмцами у русскихъ береговъ, почти въ виду нашего флота, вполне соответствуютъ и поведенію восточныхъ турецкихъ дипломатовъ въ Петроградѣ, даже

послѣ сихъ дѣяній увѣрявшихъ наше правительство, что они не имѣли и не имѣютъ никакихъ свѣдѣній о враждебномъ отношеніи Турціи къ Россіи. Это, очевидно, дипломаты того покроя, которыхъ графъ Ростопчинъ въ царствованіе Павла окрестилъ названіемъ «*animals diplomatiques*» и которые полагаютъ, что главное достоинство дипломата заключается въ умѣннѣи лгать не краснѣя...

Будемъ надѣяться, что мѣра долготерпѣнія русскаго правительства уже переполнилась и что могущіе воспослѣдовать новыя дипломатическія кунштштюки, съ чьей бы стороны они ни появились и какой бы характеръ, въ видѣ посредничества, объясненій и такъ называемаго «обмѣна мнѣній», они ни носили, уже не будутъ пріемлемы русской дипломатіей. Русская кровь уже пролита нѣмецкими разбойниками подъ турецкимъ флагомъ. Русскій народъ, вступившій въ великую борьбу съ насѣвшими на него нѣмцами, приметъ на себя и этотъ новый крестъ борьбы съ врагами креста и союзниками нѣмцевъ. Нѣмцы и турки—два историческіе врага Россіи, объединившіеся въ войнѣ съ ней, какое это для насъ знаменіе! Если донинѣ война съ нѣмцами была для насъ войной національною, то съ этого момента она становится религіозною.

Этимъ опредѣляется съ достаточною ясностью и положеніе, которое будетъ занято въ возникшей войнѣ Россіи съ Турціей государствами Балканскаго полуострова, въ особенности Болгаріей и Румыніей. Нейтралитетъ Болгаріи при данныхъ условіяхъ будетъ только замаскированнымъ союзомъ съ османами, отъ рабства которыхъ она освобождена была Россіей. Вѣдь «нейтралитетомъ» же своимъ болгарское правительство прикрывало до сихъ поръ свое содѣйствіе Турціи въ ея сношеніяхъ съ Германіей чрезъ Румынію! Разумѣется, что теперь для Болгаріи настало время сбросить личину. Для болгаръ же предстоящая война является рѣшительнымъ испытаніемъ, живо ли въ нихъ еще славянское чувство и достойны ли они занимать мѣсто въ семьѣ славянскихъ народовъ.

Е. Шумигорскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

I. Фробеніусъ (оберъ-лейтенантъ германской службы). Роковой часть Германской имперіи. Переводъ М. Панина. Петроградъ. 1914.

РИ СКУДОСТИ свѣдѣній, какія въ настоящее время доходя ъ до насъ съ нѣмецкой стороны, они вообще получаютъ особенный интересъ, а для брошюры Фробеніуса это усугубляется и тѣмъ еще, что она появилась въ Германіи непосредственно передъ войною, и такъ какъ нѣмецкое общество нашло себѣ подходящій милитаристскій идеаль въ военной касть прусскаго юнкерства, то Фробеніусъ и выступаетъ выразителемъ военныхъ настроеній этого класса—его идеологомъ.

Оставляя въ сторонѣ рѣзкіе выпады автора противъ враждебнаго Германіи союза, которые, кстади сказать, почти всѣ исключены изъ русскаго перевода и оставили въ немъ слѣды лишь въ многочисленныхъ многоточіяхъ, испещряющихъ чуть ли не всѣ страницы и въ значительной степени нарушающихъ логическую связь самаго изложенія нѣмецкаго текста, перескажемъ сущность разсужденій автора. Г. Фробеніусъ исходитъ изъ совершенно ложной точки зрѣнія, будто прусскій милитаризмъ являлся благодѣянiемъ для Европы, гарантировалъ ей миръ, но заслуги несчастной Германіи не были оцѣнены по достоинству, и ей недруги только мѣшали спокойно жить «подъ солнцемъ» и развивать свое благополучіе, поэтому будто бы ея великое долготерпѣніе и лопнуло предъ агрессивностью враговъ, а между тѣмъ счастье было такъ близко, такъ возможно,—Европѣ стоило только проникнуться сознаниемъ истыхъ своихъ интересовъ и, уразумѣвъ смыслъ извѣстной аллегорической картины императора Вильгельма, подчиниться гегемоніи Германіи и подѣ

ея водительствомъ предпринять войну за обладаніе Тихимъ океаномъ—войну, въ которой бы Европа вступила въ состязаніе съ азіатскими и американскими народами.

Въ предвидѣніи близорукаго ослѣпленія Европы и неминуемости военного столкновенія авторъ особенно подробно останавливается на основныхъ антагонизмахъ между участниками предстоящей войны и на степени военной подготовленности каждаго изъ нихъ.

Особенное возмущеніе во Фробеніусѣ вызываетъ Великобританія. Такъ или иначе необходимо положить конецъ ея экономическому и политическому соперничеству на міровыхъ рынкахъ—для Германіи несносны тѣ препятствія, какія Англія чинитъ Михелю въ его колониальномъ и торгово-промышленномъ расширеніи, и Германія должна же наконецъ разъ навсегда обезпечить себѣ противъ морской акулы такое міровое положеніе, которое соотвѣтствовало бы нѣмецкому экономическому и военному могуществу.

Въ свою очередь, Франція мѣшаетъ Германіи, потому что осмѣливается упорствовать и не примиряется съ утратою Эльзаса и Лотарингіи,—дерзкіе замыслы французскаго реванша и слѣдуетъ Германіи подавить новыми побѣдами для закрѣпленія завоеваній 1870—71 годовъ.

Съ Россією же у Германіи въ сущности нѣтъ прямого антагонизма, но для Фробеніуса ножъ острый—непрестанный и непобѣдимый импульсъ Россіи въ смыслѣ давно признанной необходимости добиться выходовъ къ открытымъ морямъ. Судя по той рѣшимости и храбрости, съ какими сѣверная имперія въ теченіе цѣлыхъ двухъ столѣтій преслѣдовала планы, задуманные еще въ XVII вѣкѣ, представляется совершенно невѣроятнымъ, чтобы Россія добровольно поступилась ими, такъ какъ до настоящаго времени русскіе никогда не останавливались и не знали колебаній, они идутъ безостановочно, не теряя надежды послѣ пораженій, самообладанія послѣ побѣдъ, они остаются равнодушными къ разоренію и смерти, которыя несли съ собою войны, взоръ русскихъ неотвратимо фиксируетъ далекія, но вполне опредѣленныя цѣли, намѣченныя ими себѣ разъ навсегда.

Изъ этого уже видно, что Фробеніусъ стоитъ въ противорѣчьи съ самимъ собою. Ясно, что мотивомъ къ войнѣ являются не помѣхи, чинимыя Европою германскимъ безобиднымъ требованіямъ сохранить за собою мѣстечко на солнцѣ, но безграничная алчность и ненасытность нѣмецкихъ аппетитовъ, которые только за собою признаютъ право на удовлетвореніе и не хотятъ знать и признавать правъ у своихъ недруговъ на мѣстечко и для тѣхъ «на солнцѣ».

Истинную причину неотложности войны Фробеніусъ не умѣетъ, впрочемъ, скрыть. Дѣло вовсе не въ агрессивности союза, образовавшагося противъ нѣмецкаго бронированнаго кулака, но въ томъ, что онъ долженъ поспѣшить опуститься на своихъ противниковъ; Фробеніусъ путемъ специальныхъ техническихъ выкладокъ выводитъ, что въ 1914 г., благодаря введенію трехлѣтняго срока военной службы, Франція можетъ выставить въ поле уже 768,000 вполне подготовленныхъ воиновъ, а въ ближайшемъ 1915 г. будетъ имѣть подъ знаменами не три, а цѣлыхъ четыре годовыхъ контингента солдатъ, т. е.

мирные штаты ея корпусовъ въ 1915 г. окажутся даже большими, чѣмъ это требуется военнымъ временемъ.

Въ этомъ, пожалуй, и лежитъ истинное побужденіе, заставившее императора Вильгельма столь внезапно и рѣшительно выступить съ «молніеносными» своими наскоками противъ Франціи и Россіи.

Въ заключеніе Фробеніусъ похваляется, что «мы пойдемъ въ бой съ тою же волею къ побѣдѣ и увѣренностью въ ней, съ какою велась война 1870 г. Эта война научила насъ, что побѣждаетъ не тотъ, кто располагаетъ массами войскъ, какъ таковыми, но тотъ, кто въ состояніи вести войну дольше другихъ, кто упорнѣе въ устремленіи къ своей цѣли», но тутъ же Фробеніусъ патристическую эту тираду завершаетъ неожиданнымъ въ устахъ прусскаго оберъ-лейтенанта и юнкера признаніемъ: «вообще говоря перифразъ древняго изреченія «Si vis pacem, para justitiam» очень красивъ самъ по себѣ, но существуетъ ли абсолютная справедливость? Кто можетъ рѣшить этотъ споръ?.. Каждая сторона всегда будетъ держаться того убѣжденія, что ей одной принадлежитъ право разумнѣя истинной справедливости»...

В. Ш.

К. В. Харламовичъ. Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь. Томъ I. Казань. 1914 г. Стр. XXIV+878+LXVI. Цѣна 7/р.

Громадный трудъ К. В. Харламовича изслѣдуетъ вопросъ о культурномъ вліяніи малороссовъ на великорусское общество въ XVI—XVIII столѣтіяхъ. Этотъ вопросъ давно уже былъ намѣченъ въ русской исторической наукѣ, но до послѣдняго времени не получилъ надлежащаго движенія. Еще покойный П. А. Безсоновъ указалъ на обиліе, силу и вліятельность малорусскихъ и и бѣлорусскихъ воздѣйствій на Великороссію и особенно Москву, которыя проявились въ церковномъ управленіи и въ воспитаніи и учительствѣ, въ ученой и чиновничьей дѣятельности, въ исправленіи священныхъ и богослужебныхъ книгъ, въ проповѣди и пѣніи, въ миссіонерствѣ, образѣ жизни и обстановкѣ общественныхъ отношеній и т. д. Однако, при всемъ разнообразіи дѣятельности великоруссовъ въ сѣверо-восточной Россіи, вопросъ о малороссійскомъ церковномъ вліяніи на Великороссію не былъ еще поставленъ въ русской литературѣ во всемъ его историческомъ значеніи, т. е. не былъ составленъ списокъ малороссійскихъ дѣятелей, не выяснены условія ихъ перехода въ Великороссію и жизни здѣсь, не подведены итоги ихъ дѣятельности и не уяснены подробныя детали сложнаго историческаго взаимоотношенія. Профессоръ Харламовичъ и взялъ на себя эту научную задачу—разностороннее изслѣдованіе путей, способовъ и результатовъ этого вліянія.

Все изслѣдованіе разсчитано авторомъ на три тома. Лишь «третій» томъ выяснитъ вопросъ о томъ, «что дали малороссы великороссамъ въ церковно-административномъ, миссіонерскомъ, догматическомъ, научномъ, педагогическомъ, богослужебномъ отношеніи, какъ они содѣйствовали общему религіозному, нравственному, умственному вліянію, что сдѣлали для развитія отдѣльныхъ отраслей богословской науки, для церковнаго искусства, быта и пр.,

въ какой степени были благомъ или зломъ для Великороссіи всѣ тѣ стороны церковной культуры, которую малороссы насаждали цѣлыхъ два столѣтія» (стр. V). Во второмъ томѣ авторъ предполагаетъ дать списокъ учено-литературныхъ, печатныхъ и рукописныхъ, трудовъ малороссійскихъ писателей, работавшихъ на нивѣ великорусскаго просвѣщенія.

Что касается перваго тома, нами разсматриваемаго, то онъ имѣетъ лишь «служебный» характеръ въ отношеніи къ третьему тому. Здѣсь лишь подготавливается отвѣтъ на поставленный вопросъ и указываются всѣ тѣ лица юго-и западно-русскаго происхожденія, которыя въ XVI—XVIII вѣкахъ работали среди великорусскаго народа на разныхъ поприщахъ церковной дѣятельности. «Рисуя общую картину церковныхъ отношеній малороссовъ и великороссовъ въ XVI—XVIII вѣкахъ, первый томъ сводитъ свое содержаніе къ изображенію условій перехода въ Великороссію отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ группъ церковныхъ дѣятелей и къ составленію точныхъ по возможности списковъ ихъ въ теченіе двухъ столѣтій» (стр. VI).

Хронологическія рамки изслѣдованія г. Харламповича опредѣляются серединою XVI вѣка и до воцаренія Екатерины Великой (1762 г.), а самое изслѣдованіе подраздѣляется на три періода, въ зависимости отъ перемѣнъ въ отношеніяхъ между Малороссіей и Москвою и отъ условій перехода въ послѣднюю церковныхъ дѣятелей съ юга. Въ частности первый періодъ обнимаетъ время до 1654 года, т. е. до присоединенія Малороссіи къ Москвѣ, второй—до 1700 года, до начала вызова малороссовъ на архіерейскія кафедры и подчиненія имъ московской академіи, и третій періодъ простирается до воцаренія Екатерины Великой.

Главными источниками изслѣдованія г. Харламповича служили архивныя дѣла и рукописи, находящіяся въ древлехранилищахъ Москвы и Петрограда, и печатныя ихъ описанія. Въ Москвѣ авторъ изслѣдовалъ дѣла въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и министерства юстиціи, въ синодальной библіотекѣ, историческомъ музеѣ, Румянцовскомъ музеѣ, а въ Петроградѣ занимался въ архивѣ св. синода, въ императорской публичной библіотекѣ, въ императорской духовной академіи, академіи наукъ. Профессоръ Харламповичъ ознакомился для своего изслѣдованія и со многими документами, напечатанными въ специальныхъ изданіяхъ, съ обширной журнальной и книжной литературой предмета, специальной и общей.

Что касается содержанія изслѣдованія г. Харламповича, то въ краткой замѣткѣ нѣтъ возможности исчерпать его хотя бы и въ общихъ чертахъ. Отмѣтимъ лишь, что изслѣдованіе, кромѣ предисловія (стр. III—XXIV), имѣетъ двѣнадцать обширныхъ главъ, раздѣленныхъ по установленнымъ авторомъ тремъ періодамъ.

Въ частности, періодъ первый (стр. 1—146), обозрѣвающий историческую проблему съ середины XVI вѣка до 1654 года, состоитъ изъ двухъ главъ, въ первой изъ которыхъ опредѣляются условія церковно-культурнаго вліянія южной Руси на сѣверную и указываются носители этого вліянія въ отмѣченный періодъ, а во второй—исчисляются малороссы—дѣятели школьные и литературные. Во второмъ періодѣ (стр. 147—456), за время отъ 1653 до 1700 года, сначала

разсматриваются сношенія Малороссіи съ Москвою по вопросу о церковно-административномъ подчиненіи московскому патріарху (гл. 3-я), затѣмъ указываются носители церковно-культурнаго вліянія южной Россіи на сѣверную во второй половинѣ XVII столѣтія (гл. 4-я) и малороссы—педагоги, проповѣдники, писатели, переводчики—и ихъ книжные труды за то же время. Періодъ третій (стр. 457—478), обнимающій первую половину XVIII вѣка, представленъ въ семи главахъ. Въ частности, въ шестой главѣ опредѣляются общія условія церковно-культурнаго воздѣйствія Малороссіи на Великороссію въ указанное время, въ 7-й гл. обозрѣваются архіереи-малороссы и опредѣляется малороссійскій элементъ въ составѣ епархіальнаго управленія, въ гл. 8-й указываются монастырскіе настоятели и монахи-западнороссы и въ гл. 9-й духовныя школы и ихъ педагоги-западнороссы; въ 10-й гл. рѣчь идетъ о проповѣдникахъ малороссахъ, экзаминаторахъ, законоучителяхъ и учителяхъ свѣтскихъ школъ, домашнихъ учителей, переводчикахъ и справщикахъ книгъ, а также сообщается о переходѣ книгъ съ юга на сѣверъ; 11-я глава посвящена духовенству бѣлому и придворному, военному и морскому, пѣвчимъ и музыкантамъ, просителямъ милости и богомольцамъ-малороссамъ, а 12-я гл. дѣятелямъ миссіи внутренней и внѣшней и заграничному духовенству изъ среды малороссовъ.

Наконецъ, книга снабжена тремя обширными указателями.

И краткій обзоръ содержанія изслѣдованія г. Харламповича показываетъ, что оно представляетъ трудъ серьезный и важный въ научномъ отношеніи. Авторъ поставилъ вопросъ основной и очередной, давно нуждающійся въ обстоятельномъ научномъ рѣшеніи. Обстановка изслѣдованія свидѣтельствуетъ о правильномъ научномъ пути, по которому авторъ идетъ. Его работа—документальная и опирается на громаднй архивный матеріалъ. Трудолюбивый авторъ съ большими затратами энергіи собралъ весьма обширныя и разнообразныя данныя. Полемицировать съ нимъ будетъ нелегко, такъ какъ въ его трудѣ подведенъ весьма прочный фундаментъ—въ видѣ документальныхъ ссылокъ и архивныхъ оправданій даваемыхъ свѣдѣній. Детальность этихъ данныхъ показываетъ, что авторъ—хорошій хозяинъ въ своемъ дѣлѣ.

Но, отдавая должное громадному трудолюбію и усердію профессора Харламповича, нельзя не отмѣтить, что въ первомъ томѣ авторъ еще не обнаружилъ научнаго творчества, которое могло бы приблизить его къ плеядѣ извѣстныхъ русскихъ церковныхъ историковъ—Голубинскаго, Знаменскаго, Малышевскаго и другихъ. Первый томъ его изслѣдованія является лишь подготовительнымъ и «служебнымъ», какъ признается самъ авторъ. Здѣсь исчислены лишь отдѣльные дѣятели малороссійскаго вліянія на великорусскую церковную жизнь, но ихъ разностороннее культурное воздѣйствіе, ихъ участіе въ культурномъ творествѣ, ихъ идеи и идеалы въ индивидуальномъ проявленіи и въ коллективномъ историческомъ строительствѣ еще подлежатъ обслѣдованію автора, и при томъ только въ третьемъ томѣ. Значить, выясненіе вопроса во всемъ историческомъ его движеніи, ростъ и значеніи отодвинуто на неопредѣленное будущее. Не сомнѣваясь, что профессоръ Харламповичъ со временемъ справится и съ этой нелегкой задачей и разрѣшитъ поставленную имъ проблему съ необ-

ходимымъ творческимъ подъемомъ и воодушевленіемъ, мы и теперь должны констатировать крупную научную важность изданной имъ громадной книги, которая обиліемъ и свѣжестью матеріала, полнотой и разносторонностью обзора, широкою постановкою проблемы обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ сторонниковъ и адептовъ серьезной исторической литературы. С.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1914 г. Книга 3-я. Двѣсти пятидесятая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. Москва. 1914 г. Ц. 3 р. Стр. LXXVI+552.

Содержаніе книги «Матеріалы по исторической географіи Новгородской земли. — Шелонская пятина по писцовымъ книгамъ 1496—1576 г.г. Трудъ А. М. Андріяшева. I. Списки селеній. II. Карты погостовъ. Альбомъ изъ 12 картъ—отдѣльное приложение къ книгѣ». Еще въ 1853 году К. А. Неволинъ въ предисловіи къ своей книгѣ «О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ въ XVI вѣкѣ» писалъ: «Мои настоящія изслѣдованія представляютъ только первый періодъ работъ, которыя должны быть предприняты по географіи новгородскихъ пятинь и погостовъ—самый общій очеркъ этой области, очертаніе самаго существеннаго. За этимъ періодомъ долженъ наступить другой—періодъ точнѣйшаго опредѣленія подробностей. Здѣсь вниманіе изслѣдователя должно обратиться, какъ вообще къ различнымъ селеніямъ, и достопримѣчательностямъ историко-географическимъ, такъ въ особенности къ точному и самому подробному опредѣленію границъ каждаго погоста». Съ того времени, какъ это было написано, прошло уже шестьдесятъ лѣтъ, но наши географическія свѣдѣнія о старой Новгородской землѣ, ея пятинахъ и погостахъ все еще исчерпываются тѣмъ краткимъ и сжатымъ очеркомъ, который далъ Неволинъ. Историко-географическіе вопросы вообще доселѣ рѣдко останавливали на себѣ вниманіе изслѣдователей. На первомъ планѣ стояло изученіе исторіи, экономического быта народа и памятниковъ монументальной, преимущественно церковной археологіи; богатѣйшіе же историко-географическіе матеріалы новгородскихъ писцовыхъ книгъ остались въ сторонѣ и почти совершенно незатронутыми. Трудъ г. Андріяшева является попыткой заполнить въ нашей историко-географической литературѣ пробѣлъ по отношенію къ Шелонской пятинѣ. Составленъ онъ почти исключительно на основаніи писцовыхъ книгъ этой пятины, изданныхъ археографическою комиссіей, причемъ авторомъ оставлены въ сторонѣ и географическія данныя, которыя заключаются въ актахъ и документахъ, не имѣющихъ непосредственной связи съ писцовыми книгами, и тѣ многочисленныя позднѣйшія писцовыя книги, которыя до сихъ поръ еще не изданы. Руководствовался онъ при этомъ слѣдующими соображеніями: относящіяся къ Шелонской пятинѣ географическія матеріалы «Актовъ археографической экспедиціи» и другихъ большихъ сборниковъ документовъ—очень невеликъ и, за самыми ничтожными исключеніями, касается мѣстностей, описаніе которыхъ сохранилось и въ писцовыхъ книгахъ.

Съ внѣшней стороны работа г. Андріяшева состоитъ изъ трехъ частей: систематизированнаго и распредѣленнаго по погостамъ списка селеній и другихъ географическихъ пунктовъ, атласа картъ погостовъ съ нанесенными на нихъ свыше 3.000 селеній и, наконецъ, изъ введенія, въ которомъ изложены сдѣланные авторомъ при составленіи этой работы выводы и наблюденія историко-географическаго характера. Прежде, чѣмъ говорить о значеніи работы г. Андріяшева, необходимо сказать, что такое представляла собою старинная Шелонская пятина Новгородской земли. Это была весьма обширная область, граничившаяся съ пятнами Вотской и Деревской и съ землями ржевскими, псковскими и ливонскими; въ настоящее время на территоріи ея расположены части уѣздовъ: Новгородскаго и Старорусскаго, весь Порховской и небольшая часть Холмскаго. Въ административномъ отношеніи земля Шелонской пятинѣ въ началѣ XVI вѣка дѣлилась между восьмью уѣздами и 71 погостомъ и равными имъ селеніями; вотъ названіе уѣздовъ, входившихъ тогда въ эту пятину: Новгородскій, Русскій, Высокогородскій, Вышегородскій, Порховской, Ивангородскій и Ямской. Въ обширномъ и весьма обстоятельномъ введеніи къ работѣ г. Андріяшева дается много любопытныхъ своихъ наблюденій о возникновеніи и развитіи погостовъ въ этомъ древнѣйшемъ административномъ дѣленіи Новгородской земли, о границахъ и величинѣ погостовъ, а также и о границахъ уѣздовъ и т. п.

При составленіи списка селеній и картъ погостовъ Шелонской пятинѣ въ «основу» положены писцовыя книги основной группы 1498—1501 г.г. И работа эта потребовала не мало упорнаго и кропотливаго труда.

При нанесеніи на карту упоминаемыхъ въ писцовыхъ книгахъ географическихъ пунктовъ выработанные географическою наукою точные методы могли быть примѣнены лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ—только въ отношеніи къ нѣкоторымъ городамъ, погостамъ и крупнымъ селеніямъ, исторія которыхъ до нѣкоторой степени можетъ быть возстановлена по извѣстіямъ и документамъ послѣдующаго времени. Для остальной же массы населенныхъ пунктовъ, о которыхъ мы знаемъ лишь по единичнымъ и разрозненнымъ упоминаніямъ писцовыхъ книгъ, единственнымъ является приемъ, состоящій въ подысканіи, на современной намъ картѣ мѣстностей, одноименныхъ и по своему географическому положенію подходящихъ къ тѣмъ, которыя описываются въ писцовыхъ книгахъ. Приемъ, конечно, не точный, допускающій ошибки, но другого нѣтъ. И если принять во вниманіе не только громадное количество «мелкихъ пунктовъ», которые (число писцовыхъ селеній, подысканныхъ г. Андріяшевымъ въ имѣвшихся въ его распоряженіи печатныхъ картахъ, понятно, очень невелико) приходилось «намѣчать» на картѣ именно этимъ необыкновенно хлопотливымъ путемъ, то можно себя представить, какой колоссальный трудъ пришлось преодолѣть г. Андріяшеву при составленіи карты. И добавимъ: сколько любви надо было имѣть къ своей задачѣ, чтобы рѣшиться на тяжелый подвигъ пионерства въ картографической разработкѣ обширной древней Новгородской области, за темный, въ этомъ отношеніи, древній періодъ ея исторіи, отдѣленный отъ насъ цѣлыми четырьмя вѣками. Впрочемъ, не только карты, но и вся разбираемая здѣсь книга г. Андріяшева краснорѣчиво свидѣтельствуютъ не

только о рѣдкомъ трудолюбіи нашего автора и о его любви къ избранной, имъ темѣ, но и о его мастерскомъ умѣннн справляться съ очень сложными историко-географическими вопросами. Отмѣтимъ также первое приложеніе къ введенію: «Что такое пятина?» Что такое пятина, какъ возникло это дѣленіе принадлежитъ ли оно къ древнѣйшимъ дѣленіямъ старой Новгородской земли, или же было установлено послѣ присоединенія ея къ Московскому государству, и, въ такомъ случаѣ, что побудило московское правительство создать это дѣленіе,—вотъ рядъ вопросовъ, на которые русская историческая наука не дала еще опредѣленнаго, окончательнаго отвѣта. Въ приложеніи, представляющемъ въ нѣкоторомъ родѣ солидную монографію по этимъ вопросамъ, г. Андріяшевъ дѣлаетъ, съ своей стороны, «опытъ» дать отвѣтъ на нихъ, обсуждая ихъ при этомъ всесторонне.

Книга заключаетъ въ себѣ не только богатый, хорошо и съ любовью обработанный историко-географическій матеріалъ, но даже и генеалогическій.

Между тогдашними помѣщичьими фамиліями здѣсь не мало встрѣчается и такихъ, которыя и доселѣ еще сохранились въ нашихъ дворянскихъ и однодворческихъ родахъ; напримѣръ: Арбузовы (Арзубьевы), Бехтѣевы, Полонскіе, Мартемьяновы, Бутурлины, Боборыкины, Левшины, Лихаревы, Терпигоревы и другіе. Такимъ образомъ, не только историки вообще, но въ частности и генеалоги могутъ извлечь изъ прекрасной работы г. Андріяшева не мало данныхъ, интересныхъ въ генеалогическомъ отношеніи.

Въ концѣ разбираемой нами книги помѣщены обстоятельные отдѣльные указатели личныхъ и географическихъ именъ, облегчающіе справки.

Въ заключеніе, мы должны сказать, что работа г. Андріяшева, на нашъ взглядъ, очень цѣнный и крупный вкладъ въ нашу, довольно пока скудную, историко-географическую литературу о земляхъ стариннаго «Господина Великаго Новгорода».

Среди подобныхъ трудовъ мы рѣдко встрѣчали столь тщательно, съ такими любовью и знаніемъ дѣла исполненные, какъ работа г. Андріяшева. Послѣдняя, несомнѣнно, надолго останется у насъ лучшимъ справочникомъ и пособіемъ для всѣхъ, кто пожелаетъ изучать старину былой «Новгородской республики».

Rustic.

В. К. Лукомскій. Родословіе дворянъ Митусовыхъ. Изданіе С. Н. Митусова. Спб. 1914. Стр. 133. Цѣна 3 рубля.

Родословіе Митусовыхъ—не новость въ генеалогической литературѣ; оно было уже три раза напечатано: въ «Родословномъ Сборникѣ» В. В. Руммеля, въ «Annuaire de la noblesse de Russie» Р. И. Эрмерина и въ изданіи Н. В. Шапошникова «Дворянскій адресъ-календарь», т. II. Поэтому для сужденія о трудѣ г. Лукомскаго необходимо сравнить его съ трудами его предшественниковъ. Отъ работы В. В. Руммеля онъ отличается въ положительную сторону приведеніемъ ссылокъ на использованные для каждаго фактическаго указанія источники, а отъ изданій Эрмерина и Шапошникова—тѣмъ, что сообщенныя въ ихъ изданіяхъ совершенно маловѣроятныя гипотезы о происхожденіи Миту-

совыхъ изъ Англіи или съ Украины г. Лукомскій оставляетъ безъ разсмотрѣнія, хотя, очевидно, для полноты своего очерка, и привелъ эти гипотезы въ дословномъ изложеніи ихъ сочинителей. Число членовъ рода пополнилось благодаря разысканіямъ г. Лукомскаго.

Для своей работы авторъ привлекъ обширный печатный и архивный матеріалъ, значительно пополнившій свѣдѣнія о служебной дѣятельности и имущественныхъ владѣніяхъ Митусовыхъ; имъ сдѣланы выписки изъ архивовъ департамента герольдіи, московскихъ архивовъ министерства юстиціи и императорскаго двора, архива л.-гв. Преображенскаго полка, наконецъ, использованъ семейный архивъ С. Н. Митусова. Такимъ образомъ, получилаcя весьма обстоятельная родословная, дающая свѣдѣнія о представителяхъ этого стариннаго, но немногочисленнаго (всего 36 именъ) рода, давашаго нѣсколько довольно крупныхъ дѣятелей на поприщѣ государственной жизни: дьяка, воеводу, двухъ губернаторовъ, двухъ сенаторовъ, командира Преображенскаго полка и т. д. Служебно-біографическія о нихъ свѣдѣнія даны со всею возможною полнотою. Въ приложеніяхъ напечатаны: выписъ изъ писцовыхъ книгъ, ввозная грамота, жалованная грамота, челобитныя, рескрипты и высочайшія грамоты, а также любопытная записка «Что-нибудь отъ бездѣля, или домашнее размышленіе одного россіянина, старающагося быть сильнымъ патріотомъ своего отечества, гдѣ только и какъ возможно» (стр. 101—119), которую издатель приписываетъ Петру Петровичу Митусову (стр. 43); однако содержащаяся въ запискѣ фактическія указанія на мѣсто службы автора и на число его лѣтъ, а также ссылка его на «Сѣверную Почту», начавшую выходить лишь въ 1809 году, противорѣчатъ обстоятельствамъ жизни П. П. Митусова. Кстати, укажемъ здѣсь, что мужа Н. П. Митусовой (стр. 39, № 17) звали Владимиръ Ивановичъ Евфимьевъ; онъ былъ отставной капитанъ, родился въ 1739 году и въ 1798 году былъ устюжскимъ помѣщикомъ (архивъ департамента герольдіи, родословная книга Новгородской губ.); къ числу лицъ, не вошедшихъ въ роспись, слѣдовало бы присоединить Родіона Митусова, Старооскольца, сына боярскаго, въ 1687 г. («Родъ князей Волконскихъ», Спб. 1900 г.).

Изданіе съ внѣшней стороны не оставляетъ желать ничего лучшаго и выполнено съ большимъ вкусомъ. Исполненные фототипіею гербъ Митусовыхъ, представленный въ 1797 году въ герольдію, и 12 портретовъ девяти представителей рода служатъ и украшеніемъ и существеннымъ дополненіемъ къ работѣ г. Лукомскаго.

В. Модзелевскій.

Стѣнная карта «Русскіе славяне и ихъ сосѣди въ IX—X вв.» для класснаго употребленія, приспособленная къ учебнику русской исторіи проф. С. Ѳ. Платонова, съ приложеніемъ атласа «Памятники искусства русскихъ славянъ и ихъ сосѣдей до XII вѣка», 28 таблицъ съ 228 рис. подъ редакціей и съ объяснительнымъ текстомъ Н. Е. Манаренка. Спб. 1914. Изд. Я. Башмакова и К^о. Цѣна карты на коленкорѣ вмѣстѣ съ альбомомъ, въ переплетѣ, 5 р.

Г. Я. Башмаковымъ и К^о. предположена къ изданію цѣлая серія историческихъ картъ по русской исторіи, съ приложеніемъ къ каждой изъ

нихъ атласа «Памятниковъ русскаго искусства», иллюстрирующихъ соответствующую эпоху. Планъ изданія намѣченъ слѣдующимъ образомъ: 1) Русскіе славяне и ихъ сосѣди въ IX—X вѣкѣ; 2) Русскія княжества и волости XII—XIII вѣковъ; 3) Русскія земли XIV—XV вѣка; 4) Россія XVI—XVII вѣка; 5) Россія въ XVIII вѣкѣ; 6) Россія въ XIX вѣкѣ, и, наконецъ, сверхъ того будетъ отпечатана 7) Европа временъ наполеоновскихъ войнъ. Выпуски поступаютъ въ продажу не въ порядкѣ, указанномъ въ серіи, а по мѣрѣ напечатанія. Въ настоящее время вышли въ свѣтъ два изъ нихъ, въ прошломъ году—4-й выпускъ, а въ нынѣшнемъ—1-й выпускъ. Хотя уже изданіе карты «Россія XVI—XVII вѣка» носило на себѣ слѣды тщательной обработки (атласъ «Памятники русскаго искусства московской эпохи» составленъ и объясненъ Н. Л. Окуневымъ), однако издательство, воспользовавшись сдѣланнымъ опытомъ, а также критическими замѣчаніями, идущими изъ преподавательской среды, продолжало работать надъ усовершенствованіемъ типа своего новаго изданія, и въ настоящій выпускъ внесены существенныя улучшения: увеличенъ размѣръ карты съ 72—97 сант. до 85—115, карта наклеена на коленкоръ, достигнуто больше четкости въ надписяхъ и въ изображеніи границъ и рѣкъ, иллюминировка карты стала богаче (въ 7 красокъ). Эти измѣненія значительно повышаютъ достоинство карты и дѣлаютъ пользованіе ею въ классѣ весьма цѣлесообразнымъ и желательнымъ. Карта особенно выигрываетъ въ своемъ значеніи, если примѣняется въ тѣхъ училищахъ, гдѣ принятъ учебникъ русской исторіи профессора С. Θ. Платонова, ибо она выдержана въ духѣ этого учебника и къ нему приспособлена.

Что касается «Памятниковъ русскаго искусства», то они прекрасно дополняютъ карты, иллюстрируя изучаемую эпоху со стороны ея художественнаго быта. Альбомы этихъ таблицъ снабжены пояснительнымъ текстомъ, содержательнымъ и яснымъ, но нѣсколько краткимъ.

Выборъ матеріала для таблицъ 1-го выпуска сдѣланъ опытной рукой г. Макаренка. Въ предисловіи авторъ, между прочимъ, говоритъ, что въ альбомѣ «даны лишь тѣ произведенія, въ которыхъ явно выражено стремленіе мастера къ красотѣ, къ декоративному украшенію, притомъ предметы наиболѣе характерныя для времени и народности. Большая часть вещей относится къ X и XI вѣкамъ. Памятники, выходящіе хронологически за предѣлы этого времени, привлечены главнымъ образомъ въ качествѣ матеріала сравнительнаго, дающаго нѣкоторое представленіе объ эволюціи художественныхъ формъ». Въ атласѣ представлены древности Литвы, финновъ, готской культуры, кочевниковъ, хазаро-аланскія вещи и русскія древности, занимающія главное мѣсто—14 таблицъ изъ 28-ми. Слѣдуетъ замѣтить, что въ исполненіи снимковъ желательно достигнута большая совершенства, а самый объяснительный текстъ для удобства пользованія брошюровать отдѣльно отъ таблицъ, какъ это сдѣлано въ 4-мъ выпускѣ съ текстомъ г. Окунева.

К.—шовъ.

Вопросы теории и психологии творчества. Т. V. (Непериодическое издание, выходящее под редакцией Б. А. Лезина). Харьковъ 1914. Стр. XVI+563. Ц. 2 р. 50 коп.

Сборникъ подъ заглавіемъ «Вопросы теории и психологии творчества», помимо прямыхъ своихъ научныхъ цѣлей, обслуживаетъ, между прочимъ, и исторію литературы съ той именно ея стороны, гдѣ она болѣе всего нуждается въ теоретическомъ обоснованіи: разработка теории и психологии творчества, принятая участниками этихъ сборниковъ, выясняя сущность и законы творческаго процесса какъ вообще, такъ, въ частности, и въ области художественныхъ произведеній слова, даетъ тѣмъ самымъ болѣе большую опредѣленность и устойчивость исторіи литературы, какъ наукѣ, потому что позволяетъ точнѣе установить ея права на существованіе, ея объемъ и задачи. Въ этомъ отношеніи сборники «Вопросы теории и психологии творчества» дали много интереснаго и поучительнаго, а нѣкоторыя статьи, въ частности, внесли въ теорію и исторію литературы существенныя и цѣнныя разъясненія.

Настоящій пятый томъ этого изданія въ значительной своей части также обслуживаетъ эти именно цѣли. Онъ посвященъ Д. Н. Овсяннику-Куликовскому, инициативѣ котораго «Вопросы» обязаны своимъ первоначальнымъ выходомъ въ свѣтъ (въ видѣ перваго тома) и которому это изданіе близко «по духу и по характеру «научныхъ исканій». Въ частности, взглядамъ Д. Н. Овсяннику-Куликовского отведена вводная статья (VIII—XVI стр.) Т. Райнова, выясняющая «психологию творчества» Д. Н. Овсяннику-Куликовского; интересъ этой небольшой статьи заключается въ томъ, что здѣсь едва ли не впервые подводятся итоги не только несомнѣннымъ заслугамъ этого извѣстнаго критика и историка литературы въ области «фактической разработки конкретныхъ вопросовъ науки о творествѣ», но и нѣкоторымъ существеннымъ научнымъ прегрѣшеніямъ его «психологизма», обнаруживающимся именно тогда, когда онъ отъ разработки фактовъ дѣлаетъ шаги къ построенію своей теории творчества.

Содержаніе тома распадается на двѣ части. Въ первой части («Теорія творчества») помѣщено пять статей: Т. Райновъ—«Введеніе въ феноменологию творчества», С. Франкъ—«О сущности художественнаго познанія» (гносеология Гете), П. Энгельмейеръ—«Эврологія, или всеобщая теорія творчества», И. Лалшинъ—«О перевоплощаемости въ художественномъ творествѣ», А. А. Потебня—«Черновыя замѣтки о Л. Н. Толстомъ и Достоевскомъ». За исключеніемъ послѣдней статьи, представляющей собой сырой матеріалъ изъ области наблюденій А. А. Потебни надъ творческимъ процессомъ Толстого и Достоевскаго, остальные четыре статьи рѣшаютъ вопросы теории творчества вообще и въ частности теории художественнаго творчества. Конечно, въ краткой замѣткѣ трудно входить въ оцѣнку этихъ статей со стороны ихъ достоинствъ и недостатковъ, которые, несомнѣнно, будутъ въ свое время выяснены спеціальной критикой, но нельзя не отмѣтить важности и интереса поставленныхъ ими вопросовъ. Статья Т. Райнова, разграничивая феноменологию творчества («наука о цѣнностяхъ», «теорія цѣнностей», «философія культуры») отъ его психологии («наука

о составѣ индивидуально-психическихъ процессовъ, ихъ законахъ и т. д.), тѣмъ самымъ разъясняетъ обѣ точки зрѣнія въ изученіи творчества—и феноменологическую и психологическую; нечего и говорить о томъ, что въ виду той путаницы понятій, въ которую впадаютъ не только современные читатели, но и современные критики, любители «психологизма» въ истолкованіи художественной литературы, такое разграниченіе является весьма поучительнымъ.

Статья П. Энгельмейера вскрываетъ условія построения «всеобщей теоріи творчества» («эврологіи») и даетъ (въ приложеніи) интересную схему «эврологіи»; изъ таблицъ, которыми авторъ иллюстрируетъ свой проектъ «эврологіи», двѣ разъясняютъ различные моменты (акты) въ механизмѣ творчества и виды самихъ агентовъ творчества въ различные его моменты, а третья даетъ классификацію формъ творенія; не предрѣшая нисколько вопроса о научной безупречности этой схемы, можно, однако, сказать, что она замѣтно распутываетъ и регламентируетъ, между прочимъ, и теорію художественнаго творчества, которая и въ цѣломъ и въ частяхъ нуждается въ такой схематизаціи. Особенный интересъ представляетъ статья И. Лапшина, посвященная замѣчательному въ области художественнаго творчества явленію «перевоплощаемости», т. е. способности поэта, музыканта, живописца, скульптора, пѣвца или актера перевоплощаться въ несходную съ нимъ индивидуальность; авторъ остроумно раскрываетъ процессъ этого «загадочнаго проникновенія въ чужое я и его возсозданія»; не настаивая на объясненіи этого процесса съ той или другой обычныхъ въ данномъ случаѣ точекъ зрѣнія—интеллектуалистической или мистической, г. Лапшинъ описываетъ «технику перевоплощаемости у «художниковъ-объективистовъ» чисто психологическимъ путемъ, и это описаніе, богато иллюстрированное примѣрами и справками изъ области художественнаго творчества, даетъ больше для научнаго постиженія «безконечной проблемы» процесса художественной перевоплощаемости, чѣмъ исключительно разсудочное или исключительно мистическое его истолкованіе. Небольшой этюдъ С. Франка, посвященный «гносеологіи Гете» или, точнѣе говоря, «теоріи художественнаго познанія» въ томъ видѣ, какъ она раскрывается въ творчествѣ Гете и въ его ученіи о познаніи, даетъ не только интересную справку изъ области воззрѣній на искусство Гете, но и цѣнный матеріалъ по теоріи творчества въ ея историческомъ развитіи; изученіе съ этой именно стороны литературнаго наслѣдства великихъ художниковъ слова можетъ заполнить пѣлый рядъ пока еще пустыхъ страницъ въ исторіи теоретическихъ взглядовъ на искусство, въ частности въ исторіи поэтики, страдающей до сихъ поръ крупными пробѣлами.

Вторая часть сборника («Мифотворчество») отличается болѣе специальнымъ характеромъ по содержанію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и большей систематичностью въ подборѣ статей на основную тему. При недостаткѣ въ нашей научной литературѣ статей и монографій, посвященныхъ вопросамъ мифологіи и первобытнаго творчества, надо особенно горячо привѣтствовать и рекомендовать вниманію начинающихъ словесниковъ такія статьи, какъ Е. Кагарова («Очеркъ современнаго состоянія мифологической науки» и «Типическое развитіе религиозно-мифологическаго творчества») и А. Погодина («Формы первобытной об-

щественности въ связи съ мифотворчествомъ»). Статья К. Тиандера («О началахъ мистическаго міровоззрѣнія»), описывающая «мистическое жизнепониманіе» не только въ сферѣ первобытной жизни, но и въ его отношеніи къ современному міросозерцанію, и статья В. Харціева («Мифотворчество, поэзія и наука»), анализирующая мифотворчество, какъ своеобразный приѣмъ мышленія сравнительно съ приѣмами поэтическимъ и научнымъ, представляютъ между прочимъ, живой интересъ для оцѣнки современной поэзіи и современной критики, которыя иногда реставрируютъ мистику и мифотворчество далекаго прошлаго, но не всегда удачно ихъ истолковываютъ. Статья Б. Лезина даетъ комбинацію нѣкоторыхъ положеній о мифѣ А. А. Потебни,—положеній, сохраняющихъ даже въ своемъ нѣсколько сыромъ видѣ высокое научное значеніе, какъ и все, что печатается впервые изъ отрывковъ и замѣтокъ покойнаго ученаго.

Нужно пожелать сборнику самаго широкаго распространенія, особенно въ средѣ получающей высшее образованіе молодежи, которая въ статьяхъ сборника найдетъ прочное теоретическое обоснованіе для своей, иногда случайной начитанности, какъ по вопросамъ общаго образованія, такъ и по нѣкоторымъ специальнымъ вопросамъ историко-филологическихъ наукъ.

И. Замотягъ.

Проф. И. А. Линниченко. Рѣчи и поминки. Сборникъ статей по исторіи русской литературы и біографическихъ воспоминаній. Одесса. 1914. Стр. 319. Ц. 2 р. 25 к.

Лучшей и безусловно интересной частью настоящей книги является тотъ отдѣлъ ея, который авторъ назвалъ «біографическими воспоминаніями». Профессоръ Линниченко рассказываетъ здѣсь про своихъ учителей и старшихъ и младшихъ товарищей по академической дѣятельности, многіе изъ которыхъ были выдающимися учеными, какъ, на примѣръ, Н. И. Костомаровъ, Н. И. Стороженко, А. А. Котляревскій, В. Б. Антоновичъ. Всѣ эти воспоминанія отличаются задушевымъ и теплымъ тономъ и изобилуютъ живыми и характерными подробностями для уясненія симпатичнаго и свѣтлаго духовнаго облика какъ упомянутыхъ, такъ и другихъ ученыхъ. Менѣе интересны въ книгѣ рѣчи и статьи, посвященныя нашимъ великимъ писателямъ по случаю юбилейныхъ поминокъ ихъ, какъ, на примѣръ, Пушкину, Бѣлинскому, Гоголю, К. Аксакову и А. С. Хомякову. Лучшей среди этихъ статей является характеристика М. П. Погодина. Наиболее слабы двѣ статьи о Л. Н. Толстомъ: въ одной изъ нихъ авторъ сообщаетъ о своихъ бѣглыхъ и мимолетныхъ встрѣчахъ съ писателемъ, а въ другой передаетъ дѣйствительное происшествіе, на которомъ основана фабула сказа «Ходынка». Эта статья начинается съ странныхъ подъ перомъ ученаго насмѣшекъ надъ изслѣдователями редакцій или изводовъ различныхъ литературныхъ памятниковъ. Эти насмѣшки подкрѣпляются «гипотетическимъ» примѣромъ о томъ, какъ изслѣдователь русской литературы, узнавъ о китайскомъ переводѣ какого-нибудь произведенія Толстого, задается вопросомъ, съ какого языка этотъ переводъ сдѣланъ, и засаживается на двадцать лѣтъ піпшиш изучать китайскій языкъ. Овладевъ имъ, ученый сравниваетъ переводъ

съ русскимъ подлинникомъ и съ переводами французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и итальянскимъ и приходитъ къ выводу, что китайскій переводъ не сдѣланъ ни съ одного изъ этихъ языковъ, а, быть можетъ, съ перевода японскаго. Для изученія этого послѣдняго языка у изслѣдователя уже не хватаетъ силъ, и онъ завѣщаетъ продолженіе этой задачи своимъ ученикамъ. Примѣръ дѣйствительно очень гипотетиченъ, хотя бы уже по одному тому, что студенты восточнаго факультета научаются понимать китайскіе тексты не черезъ двадцать лѣтъ *minimum*, а на четвертомъ году своего пребыванія въ университетѣ.

Повидимому, всѣ статьи, входящія въ настоящую книгу, были уже извѣстны въ печати и ранѣе. Авторъ не обольщаетъ себя надеждами на успѣхъ своего сборника, замѣчая, что его «книгу, вѣроятно, будутъ помнить только библиографы и, можетъ быть, небольшой кружокъ моихъ ближайшихъ пріятелей, учениковъ и ученицъ». Пожелаемъ въ заключеніе, чтобы этотъ пессимизмъ профессора Линниченка былъ напраснымъ.

А. М.—нѣ.

Ф. Бѣлявскій. Иудаизмъ и христіанство. Спб. 1914. Стр. 324. Цѣна 1 р. 20 к.

Принято думать, что евреи всегда были религіозно-фанатичнымъ народомъ. Между тѣмъ изслѣдованіе г. Бѣлявскаго свидѣтельствуетъ, что и въ этой области евреи были болѣе практичнымъ, чѣмъ идеалистически вѣрующимъ народомъ.

Ветхій Завѣтъ Моисея съ Богомъ былъ контрактомъ объ устройствѣ еврейской общины. «Законодательство Моисея, по словамъ автора, имѣло въ виду мораль только постольку, поскольку ее можно было вложить въ рамки права. Всѣ надежды и всѣ радости народъ пока полагаетъ въ земномъ благополучіи. Будущее величіе Израиля также рисуется земнымъ господствомъ надъ народами, которыхъ еврей надѣется превзойти въ чести, славѣ и великолѣпіи, благодаря любви Іеговы, направляемой изъ всѣхъ народовъ на одного Израиля». Однако благодарность къ Іеговѣ за его особое благоволеніе къ еврейскому народу живетъ въ сердцѣ послѣдняго очень слабо. Странствуя по землѣ Ханаанской въ сопутствіи божественныхъ знаменій и находясь потомъ въ вавилонскомъ плѣну, сыны Израиля постоянно измѣняютъ своему Богу на Вааловъ и Астартъ. Время судей и царей очень мало измѣняетъ дѣловой договоръ евреевъ съ Творцомъ міра и земли. Порокъ взвѣшивается не самъ по себѣ, а только практическими бѣдами; добродѣтельный подвигъ цѣнится наградами, зло—зломъ, око за око и т. д.

Въ это время образуется великая синагога—высшее судебное, учительное и законодательное учрежденіе; одною изъ главныхъ своихъ цѣлей она ставитъ создать крѣпкую богословскую традицію съ строго опредѣленными предписаніями, съ детальнымъ указаніемъ каждаго шага исполнителю закона и оцѣнкой каждаго поступка. Устанавливаются безчисленныя обрядовыя преданія, правила, регулирующія отношенія мужа и жены, отца и дѣтей, друзей и сосѣдей между собою; учреждается до крайности сложный ритуаль очищеній, обставляется подробными правилами празднованіе субботы.

Строго установленный въ Иерусалимѣ храмовой культъ показался уже недостаточнымъ для сохраненія народа въ истинномъ богопочтеніи, и книжникамъ поручается въ особыхъ молитвенныхъ домахъ (синагога) поучать народъ закону. Но этимъ самымъ полагается первый поводъ къ раздѣленію между священникомъ и книжникомъ. Историческимъ памятникомъ этой дѣятельности книжниковъ, достигшей своего завершенія, является въ послѣдствіи талмудъ—эта огромная пирамида, въ которой покоятся похороненными всѣ живые корни іудейства. Дѣла нравственности у книжниковъ отошли на задній планъ; идеаль нравственности теперь уже не благочестивое настроеніе псалмовъ и не нравственно-жизненная мудрость «Притчей», а точное соблюденіе закона—по предписаніямъ книжниковъ; главными дѣлами этой внѣшней святости являются—очищенія, посты, молитвы. Вся религія сводится къ формальной точности исполненія предписаній. Воскреснуть въ день воскресенія только евреи, но и то за исключеніемъ отрицающихъ происхожденіе Торы съ неба и читающихъ внѣшнія (апокалиптическія) книги. Неученый не можетъ уберечься отъ грѣха, и простой человѣкъ не можетъ быть истинно благочестивымъ; поэтому книжники съ презрѣніемъ смотрѣли на неученыхъ и бѣдныхъ людей, которые не знали всѣхъ мелочныхъ предписаній закона или не имѣли времени и средствъ для ихъ точнаго выполненія. Такимъ образомъ, бѣдные простолюдины лишались не только братской помощи теперь на землѣ—они лишались и доли съ Израилемъ въ будущемъ вѣкѣ. Иегову совершенно замѣнилъ законъ; онъ, по раввинскимъ преданіямъ, существовалъ еще до творенія міра, такъ что и при самомъ твореніи Богъ руководился закономъ (Торой).

Нужно ли говорить, съ какимъ восторгомъ простой и бѣдный народъ принялъ ученіе Христа о равенствѣ, братствѣ и какою ненавистью іерусалимскіе книжники воспылали противъ «нагорной проповѣди» Христа? Народъ быстро усвоилъ мысль, что Богъ—это любовь; это не грозный мздовоздатель, а милостивый отецъ; что не писанный законъ, а живая совѣсть—хранилище истины и т. д. Бѣлявскій весьма подробно и увлекательно знакомитъ читателя съ развитіемъ христіанства въ его первые вѣка и постепенное преобладаніе его то надъ язычествомъ, то язычества надъ христіанствомъ...

Удивительно только, почему самъ авторъ вноситъ мѣстами въ ученіе Христа о «царствѣ—не отъ міра сего» чисто синодальныя истины. На стр. 125 онъ пишетъ: «послушаніе голосу и руководству церкви есть долгъ каждаго вѣрующаго; а рационализмъ и сектантское пренебреженіе церковнымъ преданіемъ есть коренное уклоненіе отъ духа Евангелія». Между тѣмъ, мы знаемъ евангельское поученіе: «не угашайте духа и не убивайте пророчества». Послѣднее нерѣдко обращалось противъ «преданій». Но г. Бѣлявскій, наперекоръ этому, говоритъ: «богослужебный культъ не можетъ быть предоставленъ произволу каждаго, должно быть полное единство формъ, которое объединяетъ и духъ разныхъ общинъ». Бѣлявскій даже пытается представить Христа патріотомъ и націоналистомъ, замѣчая, что «любовь Христа ко всему человѣчеству и сознаніе, что духовныя узы выше случайныхъ родственныхъ связей, не сдѣлали Его, однако, космополитомъ и отрицателемъ быта. Несмотря на чисто языческій характеръ римской государственности и мертвящій формализмъ

іудейской религіозности, Онъ приказываетъ воздавать кесарево кесарю, а Божіе Богу, платитъ подать на храмъ и участвуетъ въ общественномъ культѣ».

Если, однако, это такъ, если Божіе отличается отъ кесарева, какъ совершенное отъ несовершеннаго, то это никакъ не можетъ узаконять недостатки установленнаго культа и поддержаніе его. Несмотря на то, что древніе христіане гибли именно за обличеніе общественнаго культа и борьбу съ нимъ, г. Бѣлявскій самоувѣренно возражаетъ: «Христіанство есть призывъ къ дѣятельной борьбѣ со зломъ, но существованіе государствъ съ судами, полицией, войскомъ, какъ организованной защиты добра, признается необходимымъ въ христіанствѣ, пока на землѣ будетъ царствовать грѣхъ и зло».

Странно читать эти мысли послѣ того, какъ тотъ же авторъ прославлялъ вселенское значеніе христіанскихъ истинъ о сохраненіи нашей души отъ всякаго участія въ худыхъ дѣлахъ міра сего и нравственной борьбѣ съ нимъ за идеалы будущаго.

Это противорѣчіе нисколько не ослабѣваетъ и послѣ софизмовъ г. Бѣлявскаго о томъ, что «какъ бы неподвиженъ и грубъ порою ни былъ этотъ культъ предъ развившимся религіознымъ сознаніемъ, онъ такъ же необходимъ для религіи, какъ тѣло для продолженія жизни души, хотя оно и влечетъ его къ землѣ и связываетъ крылья духу». Конечно, эта аналогія представляетъ собою плохую игру словъ, съ помощью которой авторъ надѣется примирить современное общество съ его цивилизаціей и ничтожнымъ значеніемъ въ ней христіанскихъ началъ.

А. Фаресовъ.

Культурно-историческіе памятники древняго Востока. Подъ общей редакціей проф. Б. А. Тураева. Выпускъ I. И. М. Волковъ. Законы вавилонскаго царя Хаммураби. Съ 8 рисунками и картой. Стр. IV+80. Москва. 1914 г. Ц. 70 к.

Въ послѣднее время не только въ мірѣ ученомъ, но и въ широкихъ общественныхъ кругахъ замѣчается большой интересъ къ культурамъ древняго Востока. А потому нельзя не привѣтствовать предпринятый профессоромъ Тураевымъ рядъ переводовъ произведеній письменности древняго классическаго Востока. Въ первую очередь выпущенъ въ свѣтъ одинъ изъ важнѣйшихъ и древнѣйшихъ памятниковъ «Законы вавилонскаго царя Хаммураби», въ переводѣ И. М. Волкова. Надо отдать справедливость переводчику. Г. Волковъ является предъ нами не только лишь въ качествѣ образцоваго переводчика древняго памятника письменности Востока, но и талантливымъ его изслѣдователемъ и истолкователемъ. Какъ введеніе переводчика къ памятнику Востока, такъ и большая статья его, занимающая вторую половину перваго выпуска, написаны г. Волковымъ съ большимъ знаніемъ предмета и обнаруживаютъ исчерпывающую эрудицію переводчика «Законовъ Хаммураби» въ классической письменности древняго Востока.

Привѣтствуя первый выпускъ культурно-историческихъ памятниковъ древняго Востока подъ редакціей профессора Б. А. Тураева, пожелаемъ ему успѣха въ дальнѣйшей его работѣ по изданію, столь полезному и въ настоящее время нужному.

О. Л.—нъ.

Труды съѣзда дѣятелей Черноморскаго побережья Кавказа. Томъ второй. Подъ общей редакціей члена-дѣлопроизводителя съѣзда Н. И. Воробьева. Петроградъ. 1914 г. Стр. 241+2 листа чертежей.

Бывшіе въ прошломъ году въ Петроградѣ выставка «Кавказская Ривьера» и съѣздъ дѣятелей Черноморскаго побережья Кавказа вызвали появленіе въ свѣтъ «Трудовъ». Въ этомъ году вышелъ второй томъ ихъ, заключающій доклады XVII—XVIII, подъ которыми подписались восемнадцать различныхъ лицъ. Подпись г. Пиленка видѣется подъ восемью докладами. Всѣ доклады, какъ и можно было ожидать, свидѣтельствуютъ,—съ одной стороны,—о высокиихъ природныхъ достоинствахъ побережья, а съ другой,—о томъ состояніи его, которое далеко до понятія о благоустройствѣ и экономическомъ процвѣтаніи. Каждый докладъ касается какого-либо отдѣльнаго мѣстнаго вопроса, всѣ же вмѣстѣ они представляютъ картину края наканунѣ полулѣтняго юбилея съ момента окончательнаго покоренія Западнаго Кавказа (въ 1864 г.). Есть мѣста, какъ, напримѣръ, Джубгскій районъ, который докладчица М. П. Лаврова называетъ прямо забытымъ краемъ: онъ почти не тронутъ культурой; медицинская помощь въ немъ почти отсутствуетъ, при наличности маляріи; со общенія крайне неудобны, а между тѣмъ наблюденія извѣстнаго профессора Воейкова показываютъ, что этотъ районъ можетъ служить лѣтней климатической станціей. Безпутье—одно изъ основныхъ золь прекраснаго края. Г. В. Пиленко ярко рисуетъ, какъ страдаетъ матерьяльно Анапа курортъ и Анапа производитель винограда отъ отсутствія надлежащихъ сухопутныхъ сообщеній. Собственныхъ силъ недостаетъ для устраненія всѣхъ важнѣйшихъ минусовъ, тормозящихъ развитіе края, а правительство глухо къ просьбамъ мѣстныхъ дѣятелей о помощи, и вотъ изъ доклада сочинскаго городского старосты А. Я. Карташова видно, что нашъ отечественный Каннъ чуть ли не напрасно мечтаетъ о водопроводѣ; также и Туапсе, и Гудауты. О канализаціи уже нечего и говорить. Въ санитарномъ отношеніи побережье стоитъ крайне невысоко; доля вины и, можетъ быть, значительная, падаетъ тутъ и на само населеніе, преимущественно некультурное. Но эти некультурные слои играютъ нерѣдко первыя роли въ городскихъ самоуправленіяхъ, затѣняя собою интеллигентныхъ работниковъ. Туземная дичь со всѣми ея взглядами на культуру и на чужую собственность типично вырисовывается изъ доклада предсѣдателя сочинскаго отдѣла императорскаго русскаго общества садоводства Н. А. Костарева: «О нуждахъ Сочинскаго округа». Грустное впечатлѣніе оставляютъ доклады Г. Г. Раковица и М. Сергѣева: первый касается мертваго минеральнаго царства Ватумской области; а послѣдній—заброшенныхъ превосходныхъ минеральныхъ источниковъ на черноморскомъ побережьѣ, изслѣдованію которыхъ почтенный авторъ доклада отдалъ много силъ и знаній.

П. А. Россіевъ поднялъ вопросъ о необходимости созданія музеевъ на побережьѣ съ устройствомъ перваго—въ Сочи. Превосходящему пятигорскіе сѣрные источники курорту Мацестѣ (близь Сочи) посвятилъ свое перо докторъ И. И. Медвѣдевъ. Профессоръ А. И. Воейковъ далъ очеркъ «Климатъ Черноморскаго побережья», съ которымъ полезно ознакомиться публикѣ и врачамъ,

посылающим иногда своихъ пациентовъ въ мѣста, имъ самимъ невѣдомыя или же «знакомыя» лишь по рекламнымъ брошюрамъ.

Въ цѣломъ второй томъ «Трудовъ» представляетъ собою, несомнѣнно, вкладъ въ науку отечествовѣдѣнія. Вѣдь, именно цѣнны голоса мѣстныхъ дѣятелей. И хочется вѣрить, что къ этимъ голосамъ правительство прислушалось и готово на откликъ; въ этомъ такъ страшно нуждается окраина-Золушка, которой, однако, слѣдовало бы блистать во всѣхъ отношеніяхъ великолѣпною принцессой.

Павель Россіевъ.

Левъ Бертенсонъ. Радиоактивность въ лечебныхъ водахъ и грязяхъ. Спб. Стр. 203. Изд. К. Л. Риккера. Ц. 2 р. 80 к.

Открытие шестнадцать лѣтъ тому назадъ профессоромъ Р. Сигіе въ Парижѣ радія и обнаруженныя въ немъ могучія физическія свойства, давшія новыя понятія объ особыхъ свѣтовыхъ лучахъ, оказавшихся, въ свою очередь, движущимися съ необычайною быстротою частицами матеріи, дали возможность изслѣдователямъ получить новыя воззрѣнія на многіе физико-химическіе процессы.

Послѣдовательное открытие радиоактивности въ лечебныхъ водахъ, въ связи съ не совсемъ еще до сихъ поръ яснымъ объясненіемъ дѣйствія лечебныхъ водъ, должно было вызвать цѣлую литературу, доказывающую радиоактивность лечебныхъ водъ. Левъ Бертенсонъ, извѣстный петербургскій врачъ, авторъ уже давно четвертымъ изданіемъ вышедшей книги «Лечебныя воды, грязи и морскія купанья въ Россіи и за границею», выпустилъ, какъ нельзя болѣе кстати, въ видѣ дополненія къ своему капитальному труду новую, весьма цѣнную книгу, названіе которой выписано нами выше.

«Что такая книга нужна,—говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи,—въ томъ убѣждаютъ не только царящія невѣрныя, нерѣдко превратныя понятія о радиоактивности, среди лечащейся публики, но и поражающая неосвѣдомленность среди врачей».

Книга эта, большое значеніе которой очевидно, написанная хорошимъ яснымъ языкомъ, навѣрно прочтется и усвоится не только специалистами, но и широкою публикою.

В—я.

Библиографическая Лѣтопись. Изданіе императорскаго общества любителей древней письменности. Вып. I. Спб. 1914. Стр. VII+147. Цѣна 1 руб.

Новое періодическое изданіе императорскаго общества любителей древней письменности имѣетъ своей задачей критико-библиографическое обозрѣніе вновь появляющихся трудовъ, относящихся къ изученію древне-русской письменности и искусства до XVIII в. включительно, въ связи съ исторіей русскаго просвѣщенія и современной имъ жизни. Весь сборникъ, согласно сказанной программѣ, раздѣляется на три отдѣла. Въ первомъ изъ нихъ содержится критико-библиографическое обозрѣніе всѣхъ новостей русской, славянской и иностранной литературъ, относящихся къ предмету занятій на-

званнаго общества, причѣмъ за солидность и строгую научность этого отдѣла достаточно говорятъ имена работающихъ въ немъ академика А. И. Соболевскаго, проф. Н. К. Никольскаго, проф. Д. В. Айналова, проф. П. Н. Жуковича, Г. З. Кунцевича, К. Я. Здравомыслова. Второй отдѣлъ «Библиографической Лѣтописи» заключаетъ въ себѣ мелкія статьи и сообщенія, изъ которыхъ наиболѣе интересны «Бѣлградскія рукописи» М. Сперанскаго. Во время своихъ занятій въ бѣлградской народной библиотекѣ авторъ лѣтомъ 1913 г. нашелъ много кодексовъ, вновь поступившихъ и не попавшихъ въ печатный каталогъ. Г. Сперанскій даетъ тщательный перечень этихъ рукописей и снабжаетъ ихъ списокъ краткими примѣчаніями. Любопытна также статья М. С. Майковой «Новый списокъ Трепетника». Рукопись молдавскаго письма полууставомъ XV—XVI вв. находится въ библиотекѣ А. С. Овчинниковой въ Нижегородской губ. и во многомъ дополняетъ пражскій списокъ, относящійся къ XV в. и хранящійся въ Чешскомъ музеѣ въ Прагѣ. Интересенъ также новый кодексъ моленія Данила Заточника, описанный С. Долговымъ. Текстъ этого памятника находится въ сборникѣ № 397, исхода XVII вѣка, изъ собранія Н. С. Тихонравова, которое поступило въ Румянцовскій музей. По сравненію съ ранѣе напечатанными текстами «Моленія» въ новомъ списокѣ замѣтно стремленіе, порой неудачное, по-своему осмыслить и исправить текстъ загадочнаго памятника. Далѣе обращаютъ вниманіе замѣтки Н. Никольскаго о писателѣ эпохи Іоанна Грознаго—Ермолаѣ Прегрѣшномъ и «Къ исторіи наказаній писателей въ XVII вѣкѣ». Заканчивается «Библиографическая Лѣтопись» отдѣломъ «Научная хроника», гдѣ сообщается о новостяхъ, относящихся къ изученію древне-русской письменности и искусства.

М. А. С.

А. Исаевъ. Кризисы въ народномъ хозяйствѣ. Спб. 1914. Стр. 168. Ц. 1 р.

Книга профессора А. Исаева посвящена оцѣнкѣ мнѣній о причинахъ кризисовъ въ народномъ хозяйствѣ, высказанныхъ многими учеными по политической экономіи.

Принято думать (Туганъ-Барановскій), что причина кризисовъ лежитъ въ самомъ характерѣ капиталистическаго хозяйства; что хаотичность этого хозяйства неизбежно приводитъ къ кризисамъ. Между тѣмъ профессоръ Исаевъ утверждаетъ, что, наоборотъ, чѣмъ больше развивается капитализмъ, тѣмъ больше является способность равномѣрнаго распредѣленія капитала между спросомъ и предложеньемъ и болѣе упрочивается народное хозяйство. Къ такимъ средствамъ и способамъ избѣгнуть хаотичности хозяйства относятся быстрая передача извѣстій во всѣ концы земнаго шара, каждодневное собраніе свѣдѣній о размѣрахъ спроса и предложенія, дѣятельность синдикатовъ, трестовъ, и т. д. По мнѣнію г. Исаева, воплощеніе синдикатовъ и трестовъ въ форму международнаго капитализма способно смягчать вліяніе кризисовъ. Чѣмъ болѣе крѣпнутъ международныя экономическія связи, тѣмъ болѣе возрастаетъ народное богатство. Не только среди лицъ, сколько-нибудь обезпеченныхъ, но и въ тѣхъ классахъ, которые живутъ заработкомъ отъ про-

стых и низко оплачиваемых видовъ труда, сбереженія на черный день **увеличиваются**, заработная плата обнаруживаетъ наклонность къ **повышенію**, грядущія потрясенія экономической жизни будутъ **менѣе тяжелы**, нежели **тѣ**, которыя уже приходилось переживать міровому хозяйству. Съ **идеализмомъ** профессора Исаева о **благодѣяніяхъ** капиталистическаго производства съ синдикатами можно согласиться въ томъ смыслѣ, что здѣсь кризисы въ хозяйствѣ **болѣе предусмотрѣны**, но будутъ ли капиталисты устранять ихъ въ интересахъ рабочихъ массъ,—это еще вопросъ, и Лассаль и Марксъ склонны рѣшать его отрицательно.

По мнѣнію профессора Исаева, главная причина кризисовъ—ненормальное движеніе производительности труда и распределеніе общественнаго дохода. Если бы при каждомъ усовершенствованіи техники заработная плата **возрастала** въ той же пропорціи, какъ **растетъ** прибыль, то **ростъ** покупательныхъ средствъ населенія увеличилъ бы спросъ на многіе товары; было бы больше **равномѣрности** въ накопленіи капиталовъ, періоды подъёмовъ **выдѣлялись** бы гораздо **менѣе выпукло**, это **смягчало** бы колебанія въ отношеніяхъ между спросомъ и предложеніемъ, и, такимъ образомъ, кризисы, какъ слѣдствіе переполненія рынка, были бы поставлены въ **болѣе тѣсныя предѣлы**. Частныя условія, **нерѣдко** принимаемыя за причины кризисовъ, какъ-то: неурожаи, эпидеміи, введеніе новыхъ налоговъ и т. п., авторъ считаетъ только **смягчающими** или **обостряющими** дѣйствіе первой и главной причины (ненормальное возрастаніе производительности труда и реальной заработной платы). Свое положеніе профессоръ Исаевъ иллюстрируетъ цифровыми данными изъ исторіи движенія заработной платы въ Англій, изъ народнаго хозяйства нашего отечества и краспорѣчивыми цифрами изъ хроники французской промышленности. Въ послѣдней главѣ высказываются нѣсколько мыслей о возможной борьбѣ съ кризисами путемъ страхованія отъ безработицы, развитія экономической статистики, развитія артельного дѣла и т. п. Ф.

Валерій Брюсовъ. Полное собраніе сочиненій и переводовъ. Томъ XII. Алтарь побѣды. Повѣсть IV вѣка. (Книги I и II). Спб. 1913. Стр. VIII+284.—Томъ XIII. Алтарь побѣды. (Книга III и IV). Спб. Стр. 356. Цѣна каждого тома въ переплетѣ 1 руб. 75 к.

Обширная повѣсть г. Брюсова была первоначально помѣщена въ журналѣ «Русская Мысль» за 1911 и 1912 гг. Названіе ея взято отъ знаменитаго эпизода борьбы христіанства и язычества въ IV вѣкѣ, когда императоръ Граціанъ распорядился удалить изъ залы засѣданій сената въ Римѣ древнюю статую богини Побѣды, на алтарѣ которой каждый сенаторъ, готовясь занять свое мѣсто, сжигалъ немного еиміама. Это было то любопытное время, когда люди разочаровались въ язычествѣ и плохо вѣрили въ христіанство, когда къ разнымъ другъ отъ друга религіямъ и сектамъ принадлежали не только **болѣе** или **менѣе** отдаленные родственники, но даже и члены одной и той же семьи. Авторъ прекрасно изучилъ эту эпоху и силою своего художественнаго таланта сумѣлъ живо возсоздать ее. Чтобы показать, что всѣ археологическія подро-

пости имъ не выдуманы, онъ даетъ въ концѣ каждой книги обширныя ученые примѣчанія. До какой степени углубился г. Брюсовъ въ древніе источники, показываетъ тотъ фактъ, что одного помѣщенного имъ названія страны «Агизамба» (Agyzamba) намъ не удалось найти ни въ одномъ лексиконѣ. Авторъ ведетъ свое повѣствованіе отъ лица молодого Децима Юлія Норбана, уроженца галльскаго города Лакторы, впервые попадающаго въ Римъ, и заставляетъ своего героя переживать массу разнообразныхъ приключеній. Вся повѣсть читается съ неослабнымъ интересомъ; особенно захватываютъ тѣ главы, гдѣ говорится объ участи Юлія въ гностической сектѣ офитовъ, преслѣдуемой правительственными войсками, и о присутствіи его при убійствѣ императора Грациана.

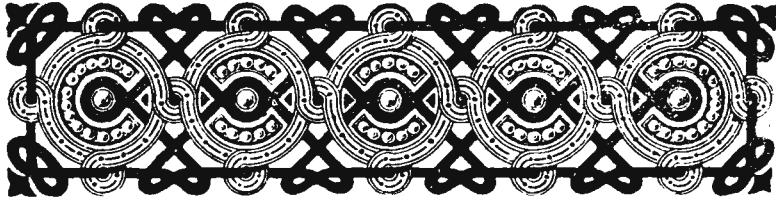
Л. Л.

Мэй Уиннэ. Генрихъ Наваррскій. Историческій романъ. Перев. Д. Ф. Журавлева. Изданіе Тамары Полиловой. Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Современная критика неоднократно замѣчала, что романтизмъ умеръ, что всѣ произведенія Дюма, Вальтеръ-Скотта поставлены на дальнія полки библіотекъ и никто о нихъ даже не вспоминаетъ. Но на практикѣ оказывается совершенно иное: романтизмъ не только живъ, но имъ интересуются больше, чѣмъ когда-либо, а историческіе романы привлекаютъ къ себѣ громадный контингентъ читателей, и тотъ же старичокъ Дюма читается съ большимъ интересомъ. Англія раньше всего вернулась на путь своихъ старинныхъ авторовъ, и, уже не говоря объ излюбленныхъ ею герояхъ Вальтеръ-Скотта, она интересуется и произведеніями такого жанра новыхъ авторовъ. Конантъ-Дойль первый показалъ, что современный авторъ не долженъ брезгать историческимъ романомъ и написалъ ихъ нѣсколько. «Записки бригадира Жерара» стали классическими. Примѣру его послѣдовалъ молодой англійскій авторъ Мэй Уиннэ, разрабатывающій историческіе сюжеты въ своеобразной и оригинальной формѣ. Кажется, кровавая эпоха Франціи, времена Валуа, Варолюмеевской ночи, борьбы католиковъ съ протестантами исчерпаны до конца, но Уиннэ нашелъ и здѣсь новые, еще не использованные историческіе факты и умѣло ихъ обработать. Между прочимъ, канва разбираемаго романа тождественна съ прошумѣвшей у насъ въ Россіи и за границей пьесой «Генрихъ Наваррскій» В. Деверэ. Въ Англии эта книга разошлась во многихъ экземплярахъ и продолжаетъ посейчасъ интересовать читающую публику. Молодой авторъ очень приближается манерой къ старику Дюма, увлекаетъ читателей оригинальностью положенія своихъ героевъ, рисуетъ ихъ характеры и поражаетъ смѣлостью развязки. Несомнѣнно, что въ романѣ имѣется много фантастическихъ деталей, но онѣ придаютъ ему особую прелесть и интересъ. Переводъ г. Журавлева сдѣланъ умѣлой рукой и точно передаетъ англійскій подлинникъ.

Н. А.

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

Вильгельмъ II въ воспоминаніяхъ прошлаго.—Первые всходы идеи мира народовъ.—Сгэдъ въ Царскомъ Селѣ.—Какъ подготовлялось современное настроеніе нѣмца.—Флоберъ въ роли пророка европейскаго милитаризма.—Историкъ Ключевскій въ воспоминаніяхъ ученицы.—Скромность и юморъ Ключевского.—Византія и кислая капуста.—Ключевскій въ Царскомъ Селѣ и въ комитетѣ министровъ.—Какъ ученый не призналъ министра.—Ключевскій въ Аббасъ-Туманѣ.—Оцѣнка Горькаго русскимъ историкомъ.—Романъ русскаго дворянина начала XVIII вѣка по запискамъ князя И. Долгорукова.

ДВИГЪ общественныхъ интересовъ въ сторону одного огромнаго міроваго событія, заставшій нашу журналистику врасплохъ, находитъ все большее и большее отраженіе въ этомъ зеркалѣ жизни. Среди журналовъ историческихъ единственное исключеніе представляетъ «Русскій Архивъ», не измѣняющій и теперь своего характера архивнаго сборника историческихъ матеріаловъ внѣ всякой зависимости отъ нынѣшняго дня.

Въ «Русской Старинѣ» хочется привѣтствовать вновь открытый отдѣлъ «Записной книжки» журнала, дающей отрывочныя, ничѣмъ не связанныя, но любопытныя странички воспоминаній, на этотъ разъ принадлежащихъ самому редактору П. Н. Воронову и имѣющихъ отношеніе какъ разъ къ переживаемымъ событіямъ и нынѣ дѣйствующимъ лицамъ. Любители исторической старины не забудутъ, что этотъ отдѣлъ «Записной книжки» былъ однимъ изъ самыхъ интересныхъ въ старыхъ годахъ «Русскаго Архива», когда ихъ вель такой памятливыи и бывалый старожилъ, какъ П. Бартеуевъ.

Небезынтересна запись Воронова о Вильгельмѣ II на лейпцигскихъ торжествахъ въ 1913 году. Германскій императоръ усиленно подчеркивалъ свое

необычайное вниманіе къ наследнику австрійскаго престола, недавно убитому эрцгерцогу Францу-Фердинанду. Онъ постоянно говорилъ и сидѣлъ съ нимъ и былъ съ нимъ чрезвычайно любезенъ въ полную противоположность тому равнодушію, съ какимъ относился къ другимъ августѣйшимъ гостямъ саксонскаго короля.

Когда послѣ открытія нѣмецкаго памятника австрійцы неожиданно заявили о необходимости поѣхать на могилу австрійскаго фельдмаршала Шварценберга, то оказалось, что у Вильгельма уже былъ готовъ роскошный вѣнокъ, который онъ и возложилъ на австрійскую могилу. У вождя Германіи не хватило политическаго такта возложить вѣнокъ на могилы русскихъ, павшихъ подъ Лейпцигомъ за освобожденіе Германіи, въ особенности на могилу генерала Шевича, который палъ въ ту минуту, когда шелъ въ атаку на французскихъ кирасирь, несшихся къ холму трехъ монарховъ, гдѣ находился также и прусскій король Фридрихъ-Вельгельмъ III.

Живую связь съ нынѣшними событіями имѣютъ тѣ благородныя попытки обезпеченія общеевропейскаго мира, какія въ срединѣ 90-хъ годовъ велись въ Россіи, предшествуя гаагской конференціи. Объ этомъ сейчасъ вспоминаетъ въ той же «Русской Старинѣ» авторъ статьи «Депутатъ отъ Россіи». По высочайшему повелѣнію въ 1898 году всѣмъ пребывающимъ въ Петроградѣ иностраннымъ представителямъ было вручено сообщеніе о планахъ русскаго правительства—положить предѣлъ непрерывнымъ вооруженіямъ и обсудить вопросъ на международной конференціи.

Отвѣтъ общественнаго мнѣнія на воззваніе былъ въ началѣ до такой степени равнодушный, что въ половинѣ декабря русское министерство иностранныхъ дѣлъ рѣшило было отказаться отъ конференціи, замѣнивъ ее рядомъ комиссій для изученія предмета, изложеннаго въ циркулярѣ государя. Убѣдившись въ полномъ равнодушіи общества, знаменитый Стэдъ послѣ совѣта съ друзьями рѣшилъ объявить крестовый походъ въ пользу мира. Сентъ-джемская зала была отдана въ его распоряженіе. Присутствовали представители всѣхъ церквей. Передъ началомъ собранія Лессаръ, впоследствии русскій посолъ въ Пекинѣ, пришелъ къ Стэду съ порученіемъ отъ русскаго правительства. Онъ заявилъ что если крестовый походъ не будетъ предпринятъ сегодня, то конференція не состоится. «Въ Петербургѣ пришли въ такое уныніе отъ равнодушія и скептицизма къ циркуляру, что тамъ хотятъ отказаться отъ конференціи. Ждутъ, чтобы увидѣть, повліяете ли вы».

Крестовый походъ мира былъ объявленъ единодушно и восторженно. Сначала предполагалось паломничество представителей похода отъ каждой страны черезъ всю Европу въ Петроградъ. Эта мысль возбудила большой энтузіазмъ среди англичанъ. Но германское правительство испугалось посѣщенія Берлина международными крестоносцами. Боялись народныхъ волненій и взрыва шовинизма при встрѣчѣ съ французскими представителями, если бы они потребовали разоруженія и мира на улицахъ Берлина.

Къ Стэду опять пріѣхалъ Лессаръ просить отъ имени русскаго правительства оставить мысль о паломничествѣ. Государь съ радостью принялъ бы палом-

никовъ, но не настаивалъ на своемъ намѣреніи, въ виду безпокойства Берлина. Въмѣсто паломничества по всей Европѣ Стэдъ одинъ былъ посланъ въ Петроградъ и весьма милостиво принятъ былъ въ Царскомъ Селѣ, гдѣ, впрочемъ, ему почти не пришлось дѣлать доклада, — Государю было извѣстно все, такъ какъ онъ читалъ газету Стѣда «Война противъ войны».

«Русская Старина» ввела два новыхъ отдѣла: одинъ дающій историческіе документы, относящіеся къ міровой катастрофѣ, другой — «Замѣтки петроградскаго обывателя», представляющій безхитростную запись фактовъ хроники, ознаменовавшихъ нынѣшнюю жизнь столицы. Сборникъ дипломатическихъ документовъ въ значительной части извѣстенъ современному читателю по газетнымъ перепечаткамъ, но онъ можетъ сослужить службу будущему историку, которому трудно имѣть дѣло съ газетой.

Ближайшее отношеніе къ нынѣшнему моменту имѣть въ «Голосѣ Минувшаго» статья В. Фриче «Историческіе романы о германскомъ стремленіи». Обзорѣвъ цѣлый рядъ историческихъ романовъ, созданныхъ нѣмцами въ послѣдніе годы, авторъ съ полной ясностью утверждаетъ положеніе, что вся эта литература дѣликомъ была сплошной подготовкой въ германскомъ читателѣ того бравурно-воинствующаго и маньячески-самоувереннаго настроенія, которое наконецъ разрядилось въ огнѣ, крови и ужасахъ современной бойни.

Точно по какому-то уговору германскіе писатели, сами проникнутые маніей величія, прививали эту болѣзнь своими романами, повѣстями и трилогіями, заставлявшими читателя «чувствовать себя сыномъ военнаго государства Пруссіи». А книги ихъ расходились иногда въ сотняхъ тысячъ экземплярахъ, не лишены были таланта и, слѣдовательно, правъ на доступъ къ сердцамъ.

Касаясь нѣкоторыхъ литературныхъ утопій, проникнутыхъ духомъ того же нѣмецкаго самовлюбленія и мечтательства о міровой гегемоніи, авторъ указываетъ почти пророчесвенныя страницы, шифръ къ которымъ найденъ только въ наши дни. М. Людвигъ, на примѣръ, мечталъ о какой-то огромной войнѣ Германіи, въ успѣхахъ которой большую роль играли новыя специально изобрѣтенныя пушки. Ради болѣе быстраго веденія кампаніи императоръ намѣревался нарушить нейтралитетъ «одной» державы и т. д. Только въ самыхъ размахистыхъ фантазіяхъ своихъ нѣмецкій романистъ не предугадалъ того вандалически-сокрушительнаго шествія своего кайзера, какого міръ сталъ свидѣтелемъ только нынѣ.

Къ типу историческихъ журналовъ приблизились въ особенности «Русская Мысль» и «Сѣверныя Записки». Въ послѣднихъ между прочимъ воспроизведены письма знаменитаго Флобера, писанныя имъ во время франко-русской войны.

Надо прочитать ихъ, чтобы со всей ясностью почувствовать, какую огненную ненависть переживалъ французъ сорокъ слишкомъ лѣтъ назадъ при извѣстіяхъ о разгромѣ Франціи пруссаками. Вся катастрофа отражена въ письмахъ Флобера отъ начала до конца. Вотъ онъ еще полонъ надеждъ на побѣды соотечественниковъ, еще не вѣритъ въ возможность осады Парижа, вотъ, наконецъ, онъ весь смятъ отчаяніемъ при очевидности полнаго краха родины. Страданіе кричить изъ его строкъ:

«Я умираю отъ горя. Утѣшенія приводятъ меня въ ярость. Какой ужасъ! Становится стыдно быть человѣкомъ! Я уподобился Рахили, я не хотѣлъ утѣшиться. Я проводилъ ночи, сидя въ постели, и стоналъ, какъ умирающій. Какое варварство! Какой шагъ назадъ! Я не вѣрилъ, что скоро настанетъ конецъ міра. Но вотъ онъ налицо. Простимся со всѣмъ, что намъ дорого. Язычество, христіанство и хамство! Меня душитъ злоба...

А картины хамства, принесеннаго во Францію пѣмцами, и тогда, сорокъ три года назадъ, Флоберъ посмотрѣлся до предѣла:

«Канибалы не навели бы на меня такого ужаса, какъ офицеры, которые руками въ бѣлыхъ перчаткахъ разбиваютъ зеркала, которые знаютъ по-санскритски и набрасываются на шампанское, которые крадутъ ваши часы и затѣмъ посылаютъ вамъ свои визитныя карточки,—какъ эта война ради денегъ и какъ эти цивилизованные дикари! Всѣ станутъ имъ подражать, всѣ захотятъ быть солдатами. Россія насчитываетъ сейчасъ четыре милліона солдатъ. Вся Европа одѣнется въ военную форму. Если намъ удастся отомстить, то это будетъ ожесточеннѣйшая месть, и замѣйте, что всѣ будутъ думать только объ одномъ,—какъ бы отомстить Германіи!..»

Четыре десятилѣтія назадъ въ будущемъ времени французскій художникъ писалъ о томъ, о чемъ мы уже можемъ говорить въ прошедшемъ!

Современность оцѣнила въ полную мѣру жизненный трудъ историка Ключевского, но самая личность его представляетъ еще много не уясненныхъ сторонъ, и еще далеко до его біографіи, которой онъ, конечно, стоитъ. Это наша старая русская бѣда,—выдающіеся люди добиваются у насъ біографической книги въ лучшемъ случаѣ черезъ полвѣка послѣ смерти.

Съ извѣстнымъ удовольствіемъ прочтеть поэтому всякій любитель исторіи нѣсколько страничекъ живыхъ и талантливыхъ воспоминаній о Ключевскомъ Маріи Голубцовой въ книгѣ «У Троицы въ академіи», рецензію, на которую читатель встрѣтитъ въ соответственномъ отдѣлѣ.

Авторъ засталъ Василю Осиповича въ преклонныхъ годахъ, слушалъ его послѣднія лекціи и счастливъ этимъ. Дочь профессора и ученика Ключевского, а потомъ его сослуживца, Голубцова видѣла профессора не менѣе часто на кафедрѣ, чѣмъ въ простой семейной обстановкѣ, въ домѣ ученаго товарища, гдѣ передъ старикомъ благоговѣли. И съ своей стороны слушательница и поклонница сумѣла внести и въ отношеніе къ любимому учителю, и въ свои воспоминанія о немъ ту ласку и ту памятьливость на характерныя мелочи, какія составляютъ особенность чисто-женскаго отношенія къ людямъ и женскихъ воспоминаній.

Ясный и «правильный» человѣкъ, вышедшій изъ простой среды, знавшій себя цѣну, но совершенно свободный отъ ученаго и чиновнаго тщеславія, Ключевскій обрисовывается здѣсь добрымъ и славнымъ старикомъ, увлеченнымъ любимой областью, добрякомъ, сохранившимъ отъ молодыхъ лѣтъ любовь къ шуткѣ, шалости, къ острому слову. Съ легкой шуткой на устахъ появляется

онъ на первыхъ страничкахъ воспоминаній, такимъ свѣтлымъ и добрымъ и закатывается.

Дитя духовнаго сословія, Ключевскій и въ ореолѣ большой извѣстности остался вѣрнѣ простымъ и скромнымъ навикамъ дѣтства и юности. Пріѣзжая въ Сергіевъ посадъ на чтеніе лекцій въ академіи, онъ останавливался тридцать пять лѣтъ въ одномъ скромномъ номеркѣ старой лаврской гостиницы, чуть ли не за семьдесятъ пять копеекъ. Гуляя по посаду, онъ иногда напрашивался въ игру ребятишекъ, катавшихся на санкахъ съ горы. «Мальчуганы посадили профессора на облучокъ и свалили въ сугробъ. Ключевскій остался доволенъ, сходилъ въ ближній магазинъ за конфетами и одѣлили ребятъ». Товарищескаго круга онъ никогда не чуждался, былъ всегда участникомъ обще-профессорскихъ катаній и прогулокъ. Наоборотъ, многолюдство его стѣсняло. Авторъ рассказываетъ, что его поражало то крайнее почтеніе, какимъ его окружали въ такихъ случаяхъ.

Нотка кореннаго русскаго юмора жила въ Ключевскомъ. Та мѣткость, которая прославляла его въ опредѣленіяхъ и характеристикахъ историческихъ лицъ и событій, не оставляла его и въ обыденной жизни. Разъ барышня курсистка попросила его сказать, какъ онъ смотритъ на византійское вліяніе.

«В. О. посмотрѣлъ на меня сбоку, — рассказываетъ Голубцова, — лукаво прищурился и говоритъ:

«— Была на Руси кислая капуста. Пришли греки, въ февралѣ и мартѣ помазали ее постнымъ масломъ. Съ тѣхъ поръ я капусту не люблю».

Какъ-то разъ академическіе профессора пригласили В. О. въ «Прагу» на обѣдъ, который почему-то рѣшили дать уходящему своему сослуживцу изъ очень молодыхъ и ничѣмъ не заявившему себя. В. О., любитель всякихъ обѣдовъ въ хорошей компаніи, пріѣхалъ. Подошло время къ тосту. Отъ Ключевскаго ждали рѣчи и все его толкали. Наконецъ, онъ позвонилъ. «Ключевскій говоритъ!» Стало тихо, и всѣ головы повернулись въ его сторону. В. О., не вставая, наклонился къ виновнику торжества и шепотомъ сказалъ ему:

— Когда вы прославитесь, я напишу ваше житіе!

Одно время Ключевскій очень дружилъ съ помощникомъ академическаго бібліотекаря іеромонахомъ Рафаиломъ, человѣкомъ очень добрымъ, но неудальнымъ и въ умственномъ отношеніи совершенно зауряднымъ. Любившій похвастаться ученостью, Рафаилъ на самомъ дѣлѣ зналъ ученые труды только по названіямъ. На рѣдкость некрасивый, онъ имѣлъ слабость хвастать своей бывшей красотой. Всѣ эти качества дѣлали его немножко смѣшнымъ. Студенты слагали про него юмористическіе стихи, Ключевскій, бывшій съ нимъ на ты, вѣчно подтрунивалъ надъ нимъ.

— Какъ кончилъ семинарію, — рассказываетъ Рафаилъ: — такъ къ намъ невѣсть, невѣсть страсть! А я, бывало, убѣгу въ огородъ, лягу межъ грядъ, да и лежу. А меня-то ищутъ! Я вѣдь тогда красивъ былъ!..

— Слѣды былой красоты и теперь замѣтны, — соглашается В. О.

Много милыхъ случаевъ встрѣчъ дѣвочки со старикомъ, который умѣлъ находить шутку и для ребенка, передаетъ авторъ воспоминаній. «Унизиться или не унижаться?» спрашивалъ онъ, подойдя къ закрытому шлагбауму же-

лѣзной дороги.—«Ну, ужъ унижусь!»—и нагибался. Къ великому смущенію барышни, растерявшейся на улицѣ книги, Ключевскій садится на корточки и подбираетъ ихъ. Его шутки располагали къ шуткамъ и съ нимъ. Онъ общается зайти въ гости, но ставитъ условіемъ, чтобы «на столѣ ничего не было». Столъ, дѣйствительно, оставляютъ пустымъ, но закуску накрываютъ... на роялѣ.

Когда къ Ключевскому пришла извѣстность, когда его аудиторіи ломались отъ слушателей, среди которыхъ были не только студенты, а и профессора, когда его сослуживцы по университету и академіи досадовали, если часы ихъ лекцій совпадали, потому что имъ приходилось читать передъ пустой аудиторіей, Ключевскому пришлось поневолѣ касаться верховъ, приближаться къ звѣздоноснымъ сферамъ. В. О. принималъ это безъ всякой радости, а привыкшій оцѣнивать людей только по уму и таланту, повидимому, никакъ не могъ научиться угадывать земныхъ Юпитеровъ по ихъ манерамъ.

Въ 1904—1905 гг. онъ былъ приглашенъ къ участіямъ въ извѣстныхъ засѣданіяхъ комитета министровъ. Здѣсь не разъ, по собственнымъ его рассказамъ, ему приходилось попадать впросакъ изъ-за своего невѣднія этикета и равнодушія къ портретамъ людей, дѣлающихъ погоду.

— Однажды,—разсказывалъ онъ самъ,—въ антрактѣ сижу въ амбразурѣ окна, пью чашекъ, болтаю ногами. Подходить какой-то молодежавый человекъ въ формѣ, заговариваетъ. Я отвѣчаю-ему такъ, небрежно. Въ это время подошедшій академикъ Никитинъ говоритъ мнѣ:

— Пойдемте, В. О.,—пора.

— Куда намъ торопиться? Еще министр не прошелъ.

Тотъ смущенно толкаетъ меня въ бокъ. Оказывается, это самъ министр со мною разговаривалъ!

Когда В. О. пригласили въ преисполнительную комиссію, онъ два раза отказывался и очень упорно.

— Что я туда поѣду? Имъ вѣдь только мой ученый ярлыкъ нуженъ, а тамъ подъ этой выѣзской сдѣлаютъ свое.

Не взирая на лица, Ключевскій умѣлъ иногда и противопоставить вздорному мнѣнію, хотя бы и высокопоставленнаго лица, свой резонъ. Въ іюлѣ 1905 года, вызванный на засѣданіе комитета, онъ ѣздилъ въ Царское Село для представленія государю въ числѣ нѣсколькихъ человекъ. Ѣхалъ Ключевскій въ роскошномъ вагонѣ специально поданнаго поѣзда, чувствовалъ себя неловко и какъ будто совсѣмъ затерялся среди блестящихъ сановниковъ въ звѣздахъ и лентахъ. Дорогой заговорилъ съ нимъ какой-то адмиралъ. Адмиралъ настаивалъ на опасности конституціи и вредѣ революцій.

— Мы пережили всѣ революціи!

— Адмиралъ, а сколько же вамъ столѣтій?—освѣдомился историкъ.

— Всѣ онѣ были кровавыя. У насъ будетъ то же самое,—это общее правило.

— Пора намъ дѣлать исключеніе изъ правилъ, ваше сіятельство!

Въ Царскомъ Селѣ историка возили въ каретѣ, требовали отъ него соблюденія этикета, но, кажется, въ этомъ отношеніи оставалось желать многое. Даже представляться государю Ключевскій поѣхалъ въ костюмѣ съ изьяномъ,—

прожегъ себѣ папиросою дырочку на колѣнѣ. Тамъ уже на него рукой махнули. «Ну, поѣзжайте хоть съ дырочкой». В. О. рассказывалъ, что выступалъ съ двумя рѣчами и произвелъ впечатлѣніе.

Тогда же узналъ онъ, что для высочайшихъ особъ было сдѣлано полное изданіе его лекцій, чуть ли не двадцать пять экземпляровъ, изъ которыхъ, впрочемъ, онъ не получилъ ни одного. Приходилось ему тамъ разговаривать и о Думѣ, которая скоро должна была собраться. О нѣкоторыхъ членахъ Государственнаго Совѣта въ ихъ отношеніи къ первой Думѣ Ключевскій выразился такъ:

— Они хотятъ, чтобы дума была похожа на кошку, которой наступили на хвостъ и смотрятъ, какъ она будетъ мяукать.

Извѣстно, что Ключевскому очень хотѣлось попасть въ депутаты, что онъ баллотировался, выступалъ съ рѣчью отъ кадетовъ, но ему не хватило какихъ-то несчастныхъ двухъ-трехъ голосовъ, да и изъ нихъ два чуть ли не были сомнительные. На одной запискѣ стояло Ключевскій вмѣсто Ключевскій.

Изъ времени своей заграничной поѣздки съ великимъ княземъ цесаревичемъ Георгіемъ, которому онъ читалъ русскую исторію въ Аббасъ-Туманѣ, В. О. вспоминалъ такой эпизодъ. Дѣло было въ Швейцаріи, вся блестящая компанія поднималась въ горы. «И дали мнѣ въ дамы старую-престарую фрейлину, всю желтую. Я обидѣлся. Ну, думаю, отомщу. Взобрались на вершину. Надъ самымъ обрывомъ росъ цвѣтокъ. Но нужно было чуть-чуть спуститься, чтобы его достать. Никто не замѣтилъ, какъ я спустился, и только, когда висѣлъ надъ пропастью, всѣ застыли отъ ужаса. Даже моя дама поблѣла и стала красивѣе. А я сорвалъ эвельвейсъ и преподнесъ ей. На обратной дорогѣ всѣ меня окружили, и ужъ самыя молодыя барышни шли со мной».

Много такихъ и подобныхъ красочныхъ бликовъ лежитъ на талантливыхъ воспоминаніяхъ.

Не безъ нѣкотораго удивленія прочтеть въ той же книгѣ читатель страничку Е. Барсова объ отношеніи Ключевского къ Горькому. Оказывается, историкъ, такъ чудесно ухватившій духъ русскаго народа, совершенно не считалъ Горькаго съ какой бы то ни было стороны выразителемъ этого духа. Если вѣрить рассказу, а, кажется, онъ носитъ всѣ слѣды правдоподобія, Ключевскій огульно осуждалъ всего Горькаго.

— Горькій это пропаганда, а пропаганда не литература.—будто бы говорилъ онъ.—Горькій пришелся по плечу обществу, которое теперь особенно умножается. Это люди, борющіеся за свое существованіе, много читающіе и работающіе надъ собою этимъ путемъ больше, чѣмъ учащая молодежь. Но въ нихъ нѣтъ никакой устойчивости. Они непрерывно хромаютъ на оба колѣна и увлекаются вѣтромъ модныхъ ученій. Этому слою низменныхъ людей съ напряженными потугами на знаніе и мянущихъ себя интеллигентами совершенно по плечу творенія своего собрата Горькаго.

Человѣкъ, чуждый личныхъ предвзятостей, Ключевскій, естественно, ничуть не поддался въ своемъ мнѣніи о Горькомъ, когда узналъ, какое большое вниманіе удѣлялъ Горькій именно ему,—онъ, по рассказу, досталъ лекціи Ключевского и выучилъ ихъ чуть не наизусть.

— Ну, что жь,—отвѣчалъ Ключевскій,—жалъ напраснаго труда. Не въ коня кормъ. Горькій и послѣ этого остался тѣмъ же Горькимъ, т. е. пропагандистомъ, а не литераторомъ.

Въ «Русскомъ Библіофилѣ» продолжаютъ мемуары стариннаго писателя князя И. М. Долгорукова. Любопытенъ здѣсь рассказъ князя о романтическомъ эпизодѣ своей жизни—любви къ Е. А. Улыбашевой—именно постольку, поскольку время сгладило въ этомъ романѣ все личное, біографическое съ той и другой стороны и оставило только типичную картинку, какъ сходились въ чувствѣ люди стараго дворянскаго вѣка, заставшіе еще Екатерину и Павла.

Авторъ извѣстнаго «Капища моего сердца», Долгоруковъ отличался большою искренностью въ своихъ запискахъ, которыя онъ писалъ дѣйствительно въ увѣренности, что свѣтъ прочтетъ ихъ не ранѣе, чѣмъ разсыплются его старыя кости, и сойдутъ со сцены даже дѣти тѣхъ женщинъ, которыхъ, казалось бы, компрометируетъ его рассказъ.

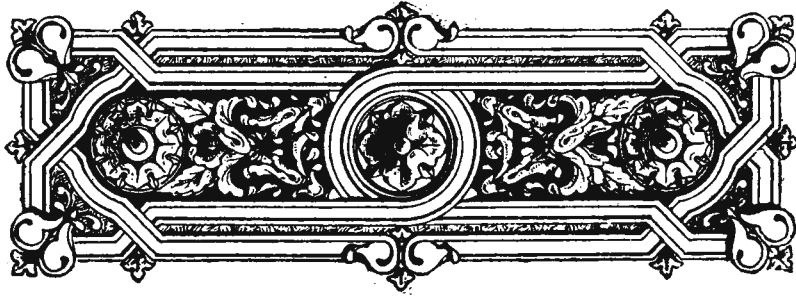
На этотъ разъ передъ читателемъ исторія совсѣмъ чистой любви «со всею строгостью платонизма», гдѣ просвѣщенный и свободолюбивый человекъ отдается своему чувству въ значительной мѣрѣ подъ воздѣйствіемъ жалости. Мужъ прекрасной женщины, успѣвшій уже ее разлюбить и «имѣвшій тьму наложницъ самыхъ подлыхъ», былъ типичнымъ крѣпостникомъ и хамомъ, какихъ не одиночками выдвигалъ жестокій вѣкъ. «Не чинясь, напивался онъ при мнѣ пьянъ всякій день до безумія. Ни гости, ни родственники, ничто его не приводило въ стыдъ. Онъ доходилъ въ пьяномъ своемъ остервенѣніи до того, что бѣдная жена его принуждалась быть у постели его тогда, какъ онъ дѣлалъ скотскія свои вождельнія съ низкими и презрѣнными села своего потаскушками. Часто жена его, многимъ ему превосходная, принуждалась уходить отъ ярости его въ сарай, и тамъ едва не съ собаками по цѣлымъ ночамъ проводжала. Тронетъ ли кого-нибудь такая картина, а наипаче того, кто влюбленъ въ толико унижаемый предметъ?..»

Не удовлетворенный въ собственной семьѣ, имѣвшій пылкое сердце и горячее воображеніе, Долгоруковъ нуждался въ романѣ. Найдя случай, онъ «пустился въ интригу любовную на всѣхъ парусахъ воображенія». Онъ играетъ добрую роль въ этомъ заступничествѣ за несчастную любимую женщину.

Кто хочетъ прослѣдить характерный романъ самаго начала XVIII вѣка въ русской дворянской средѣ, тотъ съ удовольствіемъ дочитаетъ эту чистосердечную повѣсть, кончившуюся рядомъ большихъ непріятностей для князя-литератора. Ненавистный соперникъ не только не затруднился перехватить долгоруковскія письма, задержавъ на пути посланнаго и напоивъ его, но изъ желанія опозорить его и свою жену даже сдѣлалъ ихъ достояніемъ чуть не цѣлаго уѣзда! Жестокій вѣкъ, жестокаго сердца!..

А. Измайловъ.

Въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ поступили съ 15 сентября по 15 октября для отзыва слѣдующія книги.

Вѣстникъ общества ревнителей исторіи. Вып. I. Петрогр. 1914. Стр. 271. Ц. не обозначена.

Л. Трубицына. Юристка. Изъ жизни парижской студентки. Петрогр. 1914. Стр. 218. Ц. 1 р. 25 к.

Волга-Матушка. Образовательное путешествие по Волгѣ. Состав. О. А. Тарапыгинъ. Петрогр. 1914. Стр. VIII+304. Ц. 1 р. 80 к.

Хрестоматія г. Тарапыгина, составл. изъ отрывковъ произведеній лучшихъ нашихъ писателей, даетъ послѣдовательный рядъ яркихъ картинокъ и очерковъ природы, быта, людей и исторіи Волги во всемъ ея протяженіи, отъ истока и до впаденія въ Каспійское море. Книга украшена многочисленными рисунками и картами.

Отчетъ общества библиотекондѣнія за шестой годъ его существованія. Петроградъ. 1914. Стр. 56. Ц. не обозначена.

М. Хвостовъ. Очерки организаціи промышленности и торговли въ греко-римскомъ Египтѣ. I. Текстильная промышленность въ греко-римскомъ Египтѣ. Казань. 1914. Стр. X+264. Ц. 2 р. 50 к.

Отчетъ о дѣятельности Петроградской губернской ученой архивной комиссіи за 1913 годъ. Петрогр. 1914. Стр. 26. Ц. не обозначена.

У Троицы въ академіи. 1814—1914 г.г. Юбилейный сборникъ историческихъ матеріаловъ. Изданіе бывшихъ воспитанниковъ московской духовной академіи. Москва. 1914. Стр. XI+782. Ц. 3 р.

Г. Н. Лукомскій. Вологда въ ея старинѣ. Изданіе Съвернаго кружка любителей изящныхъ искусствъ. Петрогр. 1914. Стр. 363. Ц. 3 р. 75 к.

М. Н. Соколовскій. Памятка 3-го гусарскаго Елисаветградскаго ея императорскаго высочества великой княжны Ольги Николаевны полка (1764—1914 г.г.) Петрогр. 1914. Стр. 54. Цѣна не обозначена.

Проф. Н. И. Арабакинъ. Поэтъ міровой скорби (М. Ю. Лермонтовъ). Изданіе П. П. Сойкина. «Знаніе для всѣхъ». Петрогр. 1914. Стр. 32. Ц. 50 к.

«Вешнія воды». Научно-литературный художественный журналъ. № 1. Петрогр. Стр. 125. Ц. 50 к.

В. Зелинскій. Подробный орфографическій словарь. Изданіе 2. Москва. 1914. Стр. 685. Ц. 2 р.

Извѣстія общества любителей изученія Кубанской области. Вып. VI. Подъ ред. Б. М. Городецкаго. Екатеринодаръ. 1914. Стр. 337. Цѣна не обозначена.

В. Л. Кирпичевъ. Основанія графической статистики. Изданіе 3-е, испр. и

дополн. Петрогр. 1914. Стр. VIII+346. Ц. 2 р. 75 к.

Указатель книгъ для воспитательскаго чтенія кадетамъ. Составили Н. А. Зотовъ и П. С. Симоновъ. Вып. 1. Изданіе журнала «Педагогическій сборникъ». Петрогр. 1914. Стр. VIII+104. Ц. 1 р.

В. Микуличъ. Дуся. Разказы. Петрогр. 1914. Стр. 355. Ц. 1 р.

Въ новый сборникъ г-жи В. Микуличъ, кромѣ нѣсколькихъ беллетристическихъ произведеній, вошли очень интересныя и содержательныя воспоминанія о Достоевскомъ и Всев. Гаршинѣ.

Ф. Н. Индрисонъ. Учебникъ физики. Ч. II. (Лучистая энергія. Ученіе о движеніи и силахъ. Магнитная и электрическая энергія). Изданіе 2-е, исправл. Петрогр. 1914. Стр. VIII+464. Ц. 1 р. 75 к.

Н. М. Лисовскій. Русская періодическая печать 1703—1900 г.г. (Библиографія и графическія таблицы). Вып. IV (дополнительный). Петрогр. 1915. Стр. XIV+54+24. Цѣна не обозначена.

Г. Нелюбинъ. Донской казакъ Козьма Крючковъ. Первый георгіевскій кавалеръ. Періовъ. 1914. Стр. 32. Ц. 20 к.

Кн. Абалемъ-Лазаревъ. Условія славнаго и прочнаго мира. Москва. 1914. Стр. 25. Цѣна не обозначена.

П. Столпянскій. Старый Петербургъ. Торговля художественными произведеніями въ XVIII вѣкѣ. Петрогр. 1914. Стр. 35. Цѣна не обозначена.

Означенная работа извѣстнаго изслѣдователя петербургской старины П. Н. Столпянскаго имѣетъ своей цѣлью прослѣдить и выяснить распространеніе художественныхъ произведеній въ массѣ населенія стараго Петрограда. Значеніе этой интересной работы еще увеличивается и тѣмъ, что она является первымъ починомъ въ этомъ направленіи и, давая подробную сводку матеріаловъ, послужитъ основнымъ подспорьемъ для будущихъ изслѣдователей. Первоначально этотъ трудъ г. Столпянскаго былъ напечатанъ въ журналы «Старые Годы» (1913 г., май—ноябрь).

М. Е. Лебедевъ. Исторія порховскаго духовнаго училища. (1814—1914 г.г.). Петрогр. 1914. Стр. III+204. Цѣна не обозначена.

Хрестоматія по всеобщей исторіи. Новая исторія въ отрывкахъ по источникамъ. Ч. I. Эпоха гуманизма и реформации. Составилъ проф. П. Н. Ардашевъ въ сотруди. съ Н. И. Никифоровымъ, В. Н. Евстафьевымъ, Б. А. Зарудскимъ

и Н. П. Руткевичемъ. Кіевъ. 1914. Стр. IV+228. Ц. 1 р.

Проф. Ал. Пилленно. Очерки по систематикѣ частнаго международнаго права. Изданіе 2-е. Петрогр. 1915. Стр. X+416. Ц. 3 р. 50 к.

М. Ю. Лермонтовъ. Избранныя сочиненія для дѣтей школьнаго возраста. Составл. В. Ленинымъ съ биограф. разказомъ А. Ульянова. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1914. Стр. 244. Ц. 50 к.

Настоящій умѣло составленный сборникъ можетъ явиться хорошимъ и полезнымъ подаркомъ для школьниковъ. Биографическій очеркъ, приложенный къ книгѣ, написанъ не скучно и общепонятно. Книга украшена множествомъ иллюстрацій и стоитъ недорого, что должно еще больше повліять на ея распространеніе.

Дѣтство и юность М. Ю. Лермонтова и сборникъ его стихотвореній для дѣтей средняго возраста. Подъ редакціей Н. В. Тулунова. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1914. Стр. 112. Ц. 40 к.

Прекрасно изданная, съ многочисленными иллюстраціями и недорогая по цѣнѣ эта книга заключаетъ въ себѣ хорошо составленный сборникъ стиховъ поэта и исторію его дѣтства и юности, разказанную ярко и живо въ легкой беллетристической формѣ.

Извѣстія тифлискихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Кн. I. Тифлисъ. 1914. Вып. 1-й. Стр. 183. Ц. 1 р. 80 к. Вып. 2-й. Стр. 180. Ц. 1 р. 20 к.

Н. Э. Цюлковскій. Нирвана. Калуга. 1914. Стр. 16. Ц. 15 к.

Е. Н. Щепкина. Изъ исторіи женской личности въ Россіи. Лекціи и статьи. Петрогр. 1914. Стр. VIII+307. Ц. 1 р. 35 к.

Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову. Юбилейный сборникъ. Изданіе т-ва «В. В. Думновъ, наследники бр. Салаевыхъ». Москва. 1914. Стр. 384 р. Ц. 2 р. 25 к.

Записки нефилологическаго общества при императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ. Вып. IV. Петр. 1910. Стр. 177. Ц. 1 р. 50 к.—Вып. V. Петр. 1911. Стр. 254. Ц. 2 р.—Вып. VI. Петр. 1912. Стр. 128. Ц. 1 р.—Вып. VII. Петр. 1914. Стр. 84. Ц. 75 к. Подписка принимается у казначей общества А. А. Чебышева (Знаменская ул., 17).

В. А. Мелиховъ «Нелицепріятный критикъ» изъ «Русскаго Богатства» и мое изслѣдованіе «Изъ исторіи іудейско-римскихъ гоненій на христіанъ». Харьковъ. 1914. Стр. 9. Ц. 10 к.

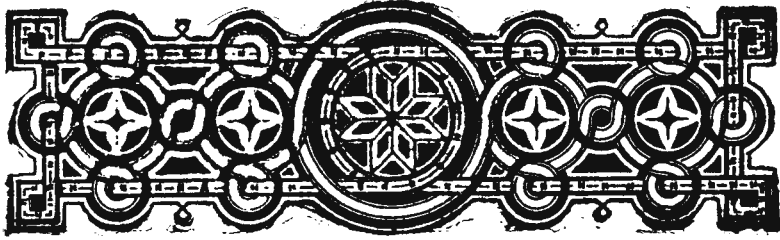
Новый выпускъ открыт. писемъ: поэма Гоголя «Мертвыя Души» въ иллюстра-

ціяхъ художника П. П. Соколова. Снимки съ худож. сокровищъ музея бар. Штиглица. Изд. общины св. Евгеніи Краснаго Креста. Издательство общины св. Евгеніи, находящееся подъ руководствомъ лучшихъ русскихъ художниковъ, съ давнихъ поръ привлекало вниманіе цѣнителей истиннаго искусства. Независимо отъ громаднаго дѣла помощи раненымъ воинамъ, община, въ лицѣ особой комиссіи русскихъ художниковъ, продолжаетъ также интенсивно вести дѣло художественныхъ изданій. Въ только что изданномъ выпускѣ общины выпущены въ свѣтъ прелестныя иллюстраціи П. П. Соколова (1821—1899 г.) къ поэмѣ Гоголя «Мертвыя Души». Духъ и бытъ того времени прекрасно схвачены талантливымъ художникомъ. Главные моменты безсмертной поэмы нарисованы очень живо и въ очень красивыхъ тонахъ. Невольно, посмотрѣвъ на эти вещи, тянется перечитать еще и

еще разъ великое произведеніе. Рядомъ съ иллюстраціей на открыткѣ помѣщаются маленькія выдержки изъ текста, сопровождающія наиболее характерные моменты поэмы, напр., разговоръ Чичикова съ Коробочкою и т. п. Кроме того, общиной выпущены снимки съ художественныхъ сокровищъ музея бар. Штиглица, заключающіе въ себѣ рядъ красивыхъ декоративныхъ рисунковъ преимущественно французскихъ мастеровъ XVIII в.

Община, помня, главнымъ образомъ, интересы дѣйствующей арміи, выпустила открытки для перепiski съ арміей, безъ оплаты марками. Нельзя не привѣтствовать нашихъ художниковъ за созданіе при общинѣ такого громаднаго предпріятія, которое, усиливая средства на помощь больнымъ и раненымъ воинамъ, развиваетъ вкусъ въ обществѣ къ истиннымъ произведеніямъ искусства.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

В А Б Ъ Т У Р К И овладѣли Византіею ¹⁾.—Укрѣпленія Константинополя заслуживаютъ почетнаго мѣста съ исторіи человѣческой культуры. Подъ ними не разъ разбивались приходившія съ сѣвера и юга орды варваровъ: въ 625 году авары, въ 654 году—арабы, въ 1014 году—болгары. Черезъ нихъ послѣ каждаго нашествія выходили императоры съ цѣлью ассимилировать съ византійцами вновь покоренные народы, и Золотыя ворота не разъ видали пышные вѣзды византійскихъ базилевсовъ. Эти стѣны, воздвигнутыя Θεодосіемъ II для замѣны прежнихъ укрѣпленій временъ Константина Великаго, которыя стали уже тѣсны, считались чудомъ строительнаго искусства среднихъ вѣковъ. Всякій, кто осаждалъ Константинополь, прежде всего наткался на ровъ въ двадцать метровъ глубиной, наполненный водой. За ровомъ высились стѣны тремя уступами; первая, самая низкая стѣна опускалась прямо въ ровъ, вторая въ семь метровъ имѣла зубцы и была усыяна башнями въ шестнадцать футовъ высоту. Третья стѣна имѣла двадцать два метра вышины. Отъ Мраморнаго моря до залива Золотой Рогъ по ней возвышалось двадцать семь башенъ. Эта послѣдняя стѣна отдѣлялась отъ предыдущей пространствомъ въ пять метровъ. Тутъ держались во время осады защитники Константинополя и располагались военныя приспособленія и небольшія пушки, которыми владѣли византійцы. На башняхъ и внутреннихъ стѣнахъ разставлялись стрѣлки и арбалетчики. Спуститься со стѣнъ въ городъ можно было только по узкимъ внутреннимъ лѣстницамъ, которыя въ время битвы запирались. Битвы происходили обыкновенно между стѣнами

¹⁾ «Revue de deux Mondes». Septembre. 1914.

въ очень узкомъ пространствѣ, такъ что рѣшающую роль въ сраженіи играла не численность сражавшихся, а ихъ храбрость. По всей вѣроятности, Константинополь отразилъ бы и турокъ, если бы султанъ не сосредоточилъ противъ него могучую артиллерію, которую для него изготовилъ нѣкій венгерець, по имени Орбанъ. Сначала этотъ Орбанъ былъ на службѣ у византійцевъ, но, обидѣвшись на нихъ за что-то, перекинулся къ Магомету II и отлилъ для него въ Адрианополь бронзовую пушку колоссальныхъ размѣровъ. Чтобы доставить ее подъ стѣны Византіи, понадобилось два мѣсяца времени, сотни воловъ и цѣлое полчище землекоповъ и плотниковъ, чтобы ее установить. Стрѣлять она могла только семь разъ днемъ и одинъ разъ ночью.

Послѣ каждаго выстрѣла ее накрывали шерстянымъ одѣяломъ и лили въ жерло чуть не бочку масла. Стрѣляла она ядрами изъ твердаго чернаго мрамора вѣсомъ около тридцати пудовъ. Пушка эта въ концѣ концовъ разорвалась, убивъ между другими и своего создателя. Но на ея мѣсто была отлита другая. Магометъ II создалъ для себя отличную артиллерію: его пушкамъ удалось пробить брешь въ стѣнахъ Константинополя въ трехъ мѣстахъ, но византійцы успѣли завалить эти бреши стволами деревьевъ, мѣшками съ шерстью, бочками, наполненными землею.

Вторая причина, отъ которой палъ Константинополь, это хитрость султана, который велѣлъ часть турецкаго флота перевезти черезъ холмы Перы въ заливъ Золотого Рога. Генуэзцы и венеціанцы, сражавшіеся на сторонѣ грековъ, безусловно владѣли моремъ. Ихъ корабли находились въ Золотомъ Рогѣ, за цѣпью, которая преграждала всякій доступъ къ нимъ. 20-го апрѣля на помощь грекамъ прибыли четыре генуэзскихъ корабля, которымъ пришлось выдержать въ Мраморномъ морѣ жестокой бой съ цѣлымъ турецкимъ флотомъ. Тѣмъ не менѣе они отогнали вражескія суда и вошли въ Золотой Рогъ. Озлобленный неудачей, султанъ рѣшилъ повторить операцію, которую произвелъ еще аварскій ханъ въ 625 году. Есть извѣстіе, что всѣмъ этимъ дѣломъ руководилъ венеціанскій инженеръ. Турецкія суда не трудно было вытащить изъ воды,—это были легкія барки съ веслами. Ихъ поставили на подмости и соединенными усиліями людей и воловъ втащили на вершину холмовъ, откуда уже легко было спустить ихъ прямо въ воды Золотого Рога. 22-го апрѣля 1453 г. греки со своихъ стѣнъ наблюдали, какъ шестьдесятъ два турецкихъ корабля подъ звуки трубъ поплыли по заливу.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на эту военную хитрость, турки не осмѣлились напасть на флотъ генуэзцевъ и венеціанцевъ. Тѣ попрежнему были хозяевами положенія и въ случаѣ пораженія грековъ готовились уйти въ Средиземное море. Если бы императоръ Константинъ былъ трусомъ, онъ легко могъ бы спастись съ ними моремъ.

Въ этой послѣдней борьбѣ за Константинополь сошлись два достойныхъ другъ друга соперника. Двадцатипятилѣтній Магометъ II уже давно мечталъ о завоеваніи византійской столицы, тщательно подготовляя ея осаду. Съ другой стороны, Константинъ XI считалъ священной обязанностью защищать древнюю столицу до послѣдней капли крови и на своемъ арабскомъ конѣ показывался всюду, гдѣ его присутствіе могло ободрить защитниковъ.

Малодушные совѣтники не разъ предлагали ему бѣжать и отдаться подъ покровительство папы, венгерскаго воеводы Гуніади Яноса или албанцевъ. «Что скажете обо мнѣ мѣръ?—отвѣчалъ императоръ.—Я хочу умереть съ вами».

Магометъ II располагалъ арміей въ 150 тысячъ, въ томъ числѣ 12 тысячами янычаръ—самымъ грознымъ войскомъ въ тогдашней Европѣ. То были дѣти, похищенные и отнятыя у христіанъ и воспитанныя въ магометанскомъ фанатизмѣ и безусловной преданности султану. Въ арміи султана были, впрочемъ, не одни турки: подъ командой Магомета II находились и христіанскіе князья и народы изъ числа подвластныхъ Византійской имперіи. Всего ихъ насчитывалось до 30 тысячъ. Многіе изъ наиболѣе свѣдущихъ совѣтниковъ Магомета были христіанами или ренегатами. Такъ, Заганъ-паша былъ албанецъ-ренегатъ, Балглы, командовавшій флотомъ,—болгаринъ, Орбанъ, главный литейщикъ пушекъ,—венгерскій выходецъ, саперы, дѣлавшіе подкопы подъ византійскіе стѣны,—сербы. Говорятъ, что и самая мысль перевезти корабли черезъ холмы принадлежала христіанскому инженеру.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что турки были совершенно чужды грекамъ и другимъ христіанскимъ народностямъ Балканскаго полуострова: семьи ихъ правителей часто вступали въ перекрестные браки, вельможи-бѣглецы постоянно переходили отъ императора къ султану и наоборотъ. Одинъ турецкій князь при взятіи Византіи даже сражался на ея стѣнахъ. Уже въ XIII вѣкѣ Исаакъ Комнень часть своей жизни провелъ при дворѣ султана въ Иконіи. Его старшій сынъ женился на дочери мусульманскаго эмира. Въ XIV вѣкѣ византійскій принцъ Кантакузенъ выдалъ свою дочь Теодору за Окрхана, турецкаго правителя изъ Никеи. Сынъ султана Баязета, доставленный въ Константинополь въ качествѣ заложника, сдѣлался ближайшимъ другомъ императора Іоанна VIII и въ послѣдствіи принялъ христіанство. Съ 1390 года турокъ въ Константинополѣ было такъ много, что императоръ разрѣшилъ построить для нихъ мечеть. Живя съ греками, турки усвоили отъ нихъ нѣкоторые обычаи византійской цивилизаціи и, наоборотъ, византійскіе греки, особенно послѣ потери европейскихъ владѣній, становились совѣтъ азіатами.

Рядомъ съ турецкимъ вліяніемъ сильно чувствовалось въ Константинополѣ и вліяніе западное. Въ послѣдніе два вѣка своего существованія Византія, какъ было при Константинѣ Великомъ, стала городомъ греко-латинскимъ. Даже послѣ паденія основанной въ 1204 году крестоносцами Латинской имперіи вліяніе латинскаго міра дѣлалось все сильнѣе и сильнѣе. Генуэзцы и венеціанцы совершенно захватили восточную торговлю въ свои руки и разбросали свои колоніи по всему Леванту. Византійскіе императоры всячески искали сближенія съ людьми Запада. «Въ правленіе императора Эмануила,—пишетъ лѣтописецъ Вильгельмъ Турскій, —латинскій народъ нашелъ у него справедливую оцѣнку. Императоръ презиралъ своихъ грековъ, какъ людей изнѣженныхъ, и оказывалъ латинцамъ полное довѣріе въ самыхъ важныхъ дѣлахъ. Такъ какъ онъ относился къ нимъ очень хорошо и оказывалъ имъ большія милости, то къ нему со всѣхъ сторонъ стекались, какъ къ своему благодѣтелю, знатные и простолюдины».

Сынъ этого Эмануила, Алексѣй Комненъ, женился на дочери французскаго короля Филиппа-Августа, Агнессъ, которая одно время правила Византіей, подъ именемъ царицы Анны. Другая Анна, Анна Савойская, бывшая замужемъ за однимъ изъ Палеологовъ, немало содѣйствовала наденію Византіи и торжеству турокъ. Въ 1400 году Эмануиль VII ѣздилъ въ Парижъ. Оба его сына, Иоаннъ и послѣдній императоръ Византіи Константинъ, были женаты на латинскихъ принцессахъ.

Византійскій народъ и духовенство не сочувствовали, однако, такой политикѣ своихъ императоровъ: они не могли забыть разгрома Константинополя крестоносцами и всѣми силами ненавидѣли католиковъ, которыхъ почитали хуже еретиковъ. Ожесточеніе усилилось еще болѣе, когда Иоаннъ VIII Палеологъ явился въ 1439 году во Флоренцію и подписалъ здѣсь актъ о соединеніи церквей. Въ декабрѣ 1452 года, когда императоръ Константинъ присутствовалъ за торжественнымъ богослуженіемъ въ храмѣ святой Софіи, которое совершали совмѣстно патріархъ Григорій и папскій легатъ Исидоръ, на улицахъ города вспыхнулъ мятежь. Толпа, предводимая какимъ-то монахомъ Геннадіемъ, кричала, что она предпочитаетъ подчиниться туркамъ, чѣмъ принять латинскихъ безбожниковъ. Послѣ этого богослуженія народъ пересталъ даже ходить въ храмъ святой Софіи, считая его оскверненнымъ присутствіемъ папскаго легата.

А между тѣмъ несчастные византійцы никогда такъ не нуждались въ помощи латинянъ, какъ къ срединѣ XV вѣка: для защиты столицы у нихъ было всего 4973 греческихъ воина. Число итальянцевъ, защищавшихъ Константинополь, доходило до 3000 человекъ. Всѣ войска находились подъ начальствомъ генуэзскихъ кондотьеровъ. Главное начальствованіе было возложено на генуэзца Джустиніани, который прибылъ въ Константинополь почти наканунѣ осады и привезъ съ собой триста моряковъ и четыреста солдатъ. Часть стѣнъ защищалась кардиналомъ Исидоромъ. Къ сожалѣнію, между итальянцами не было согласія. Къ тому же и Джустиніани, будучи раненъ, спустился, несмотря на мольбы Константина, со стѣнъ и велѣлъ перенести себя на свой корабль. Вслѣдъ за нимъ бросились и остальные генуэзцы, и битва была проиграна. Генуэзцы, населявшіе теперешнюю Галату, смотрѣли на себя, какъ на особую колонію: они сохраняли нейтралитетъ и поддерживали дружественныя сношенія съ султаномъ. Они могли бы воспрепятствовать туркамъ перевозить черезъ холмы ихъ флотъ въ Золотой Рогъ, но, соблюдая свои торговыя выгоды, они не сдѣлали этого. За этотъ нейтралитетъ генуэзцы послѣ взятія Константинополя сохранили всѣ свои привилегіи, кромѣ права звонить въ колокола, и получили право торговать на льготныхъ условіяхъ по всей Турецкой имперіи.

Никто не пришелъ на помощь гибнущему христіанскому городу. Гуниади Яносъ, заключившій два года передъ тѣмъ перемиріе съ султаномъ, далъ знать грекамъ, что онъ ничего не можетъ для нихъ сдѣлать, такъ какъ онъ сложилъ съ себя регентство Венгріей и власть всецѣло перешла въ руки юнаго короля Владислава. Послѣдній отправилъ къ султану посольство съ требованіемъ снять осаду Константинополя, подъ угрозой вмѣшательства въ противномъ

случаѣ венгровъ. Но было уже поздно: черезъ три дня городъ былъ взятъ. Сербскій деспотъ Бранковичъ прислалъ къ султану посольство, чтобы увѣрить его въ своихъ чувствахъ преданности... Венеціанскій флотъ, двинутый папой, застрялъ у острова Хиоса, дожидаясь попутнаго вѣтра, и не успѣлъ помочь Константинополю.

Несмотря на свое численное превосходство, турки уже отчаивались взять городъ, и еще наканунѣ общаго штурма великій визирь Халиль-паша совѣтовалъ султану прекратить осаду. Но византійцамъ помощи не было ниоткуда, и древняя столица византійскихъ царей пала.

Наканунѣ штурма султанъ далъ позволеніе солдатамъ грабить городъ въ теченіе трехъ дней. Позволеніе это было встрѣчено въ турецкомъ лагерѣ бурными криками. «О, если бъ вы слышали эти крики, вы дались бы диву»,—заявляетъ архіепископъ хиосскій Ліонардъ.

29-го мая, около десяти часовъ утра турки окончательно овладѣли городомъ и приступили къ его грабежу. Дома, занятые уже турецкими солдатами, отмѣчались особыми плакатами, и другіе шли искать добычи дальше. Турецкіе моряки сошли съ своихъ кораблей, чтобы принять участіе въ грабегѣ. Пользуясь этимъ, христіанскій флотъ, нагруженный всякими богатствами и бѣглецами, успѣлъ ускользнуть въ открытое море.

Черезъ три дня возстановился относительный порядокъ, и султанъ вступилъ въ городъ. Онъ направился прямо къ св. Софіи, вошелъ въ алтарь и, обратившись на востокъ, къ Меккѣ, впервые произнесъ въ знаменитомъ храмѣ магометанскую молитву. Съ этого момента дивное созданіе Юстиніана стало турецкой мечетью.

Вѣками накопленные въ Византіи произведенія искусства были истреблены, фрески были замазаны известью, библіотеки разграблены, рукописи сожжены.

Византійской цивилизаціи былъ положенъ конецъ.

Огромный городъ, гдѣ жилъ пышный императорскій дворъ, гдѣ работала ученая и точная бюрократическая машина, гдѣ столько величавыхъ сановниковъ боролись за милость басилевса, гдѣ толпами скиталось духовенство, предаваясь тонкостямъ богословскихъ построений и споровъ, гдѣ съ утра до вечера кишѣла на улицахъ восточная экспансивная толпа,—все это было уничтожено въ нѣсколько дней.

Отъ старой Византіи до насъ, отдаленныхъ потомковъ того времени, дошли лишь св. Софія и отдѣльные обломки зданій. Кто знаетъ, быть можетъ, не такъ ужъ далеко то время, когда достояніе античнаго міра будетъ отобрано у турокъ и вновь окажется въ рукахъ христіанской державы.

— **Находка Венеры Киренейской** ¹⁾.—На дняхъ въ художественно-археологическомъ мірѣ произошло событіе, которое, не будь мировой войны, привлекло бы къ себѣ вниманіе всего міра: въ римскій музей Museo delle Terme поступила вновь найденная античная статуя Венеры, названной Венерой Киренейской, которая не уступаетъ по своей красотѣ знаменитымъ Венерамъ—Милосской и Медицейской.

¹⁾ «Boston Evening Transcript». № 228.

Греческая колонія Киренаика (теперь Гренна), гдѣ была найдена статуя, находилась на сѣверномъ берегу Африки въ теперешней Триполитаніи. Киренаика славилась священнымъ ручьемъ Кире, который первыми основателями города былъ посвященъ Аполлону. Ручей этотъ существуетъ и до сихъ поръ и называется у арабовъ Ain Shabat, т. е. вѣчная вода. Онъ вытекаетъ изъ скалы, которая одиноко высится надъ развалинами вымершаго города, и сквозь извилистую чашу папоротниковъ бѣжитъ внизъ.

Есть свѣдѣнія, что на правомъ берегу ручья существовалъ великолѣпный храмъ, посвященный Аполлону Карнейскому, который будто бы привелъ мореплавателей изъ Теры къ берегамъ Сѣверной Африки. Этотъ храмъ между прочимъ былъ украшенъ статуей богини Венеры, выходящей изъ пѣны морской. На этомъ-то мѣстѣ двадцать три вѣка спустя и была найдена эта статуя. Итальянскіе солдаты, рѣшившіеся расчистить ручеекъ, чтобы онъ могъ бѣжать болѣе широкой струей, неожиданно наткнулись при своихъ работахъ на какое-то твердое тѣло подъ землей. Когда его выкопали, то оказалась мраморная женская фигура, совершенно нагая, безъ рукъ, безъ ногъ и безъ головы. Ноги скоро были найдены недалеко отъ мѣста главной находки, найденъ былъ и остатокъ руки, выжимавшей мокрые позолоченные волосы, но голова исчезла безслѣдно. По необыкновенной красотѣ своихъ линий и формъ вновь найденная статуя является, по мнѣнію знатоковъ, высшимъ проявленіемъ греческаго генія. По своей позѣ, нѣсколько наклоненной въ правую сторону, Афродита Киренейская имѣла нѣкоторое сходство съ недавно найденной статуэткой Афродиты Веренинской. Последняя является, видимо, ремесленной копіей съ Афродиты Киренейской. Если принять въ расчетъ хронологію, то последнюю придется отнести къ IV вѣку до Р. Х., такъ какъ до этого времени статуи богини дѣлались всегда болѣе или менѣе въ одеждахъ. Нагой ее стали изображать только въ эпоху Праксителя. Плиніи рассказываетъ, что у Праксителя въ мастерской были выставлены для продажи двѣ статуи Афродиты—одна въ одеждахъ, другая обнаженная. Прибывшая къ скульптору делегація съ острова Хиоса выбрала первую фигуру, какъ болѣе строгую и скромную. Вслѣдъ за хиосцами прибыли покупатели изъ города Книдоса: имъ оставалось взять только обнаженную фигуру.

Изъ этого разсказа видно, что первый, кто сталъ дѣлать фигуру обнаженной Афродиты, былъ Пракситель. Киренейская находка, очевидно, не принадлежащая рѣзцу Праксителя, опровергаетъ это преданіе. Весьма вѣроятно, что вновь найденная статуя сдѣлана была гораздо раньше Праксителя и принадлежитъ къ какой-то доселѣ неизвѣстной художественной школѣ V вѣка до Р. Х.

Кромѣ указаній на существованіе такой школы, Афродита Киренейская разрѣшаетъ еще одинъ очень важный вопросъ въ исторіи искусства. До сего времени полагали, что обычный типъ Афродиты, такъ называемая Афродита Анадиомена, заимствовала свою позу съ картины Апеллеса, т. е. что въ греческомъ искусствѣ пластика лишь слѣдовала за живописью. Принадлежность вновь открытой статуи IV вѣку до Р. Х. доказываетъ какъ разъ обратное, т. е., что въ греческомъ искусствѣ наиболѣе раннимъ видомъ его является пластика, а потомъ уже идетъ живопись.

— Война «старого стиля». — Чтобы показать разницу между прежней войной, «старомодной и некультурной», и теперешними военными нравами «культурных» нѣмцевъ, французскій историкъ Леногръ, пользуясь разнообразными источниками въ газетѣ «Le Temps»¹⁾, даетъ яркую картинку рыцарскихъ отношеній французовъ и русскихъ подъ Севастополемъ. «Вокругъ Севастополя, — говоритъ онъ, — бились съ большимъ ожесточеніемъ: упорное мужество его защитниковъ равнялось храбрости нападающихъ. Въ течение цѣлыхъ недѣль и мѣсяцевъ враги безъ перерыва громили другъ друга артиллеріей: русскіе въ блиндажахъ, французы въ траншеяхъ жили мѣсяцами подъ градомъ бомбъ. Когда пространство между передовыми позиціями было усѣяно убитыми и ранеными, въ обоихъ лагеряхъ въ полдень раздавались звуки рожка, означавшіе прекращеніе огня. Изъ редутовъ, съ батарей, изъ окоповъ, изъ всѣхъ укрѣпленій вылѣзали солдаты — русскіе и французскіе, всѣ безъ ружей. Съ той и другой сторонъ несли носилки. Приблизившись другъ къ другу, офицеры здоровались и любезно пожимали другъ другу руки. Солдаты, смѣшавшись въ общую кучу, подбирали раненыхъ и отыскивали убитыхъ.

Пока продолжалась эта работа, офицеры вели между собой бесѣду объ осадѣ и боевыхъ дѣлахъ. «Кто случайно попалъ бы въ эти группы, — писалъ одинъ французскій капитанъ: — тотъ никогда бы не повѣрилъ, что это враги, воспользовавшіеся нѣсколькими часами перемирія!»

Но вотъ опять раздавался рожокъ. Всѣ прощались, желая другъ другу всякаго благополучія, медленно удалялись на свои позиціи, и канонада началась съ новой силой.

Франція и Россія въ 1855 году ревниво оберегали свою репутацію рыцарственности и умѣли воздавать должное даже врагамъ. Прося у маршала Канробера перемирія, генераль Остенъ-Сакенъ между прочимъ писалъ ему: «Спѣшу васъ увѣдомить, что ваши храбрые солдаты, умершіе у насъ, погребены съ надлежащими воинскими почестями». Въмѣстѣ съ тѣмъ русскій генераль черезъ особаго парламентаря прислалъ крестъ почетнаго легіона, найденный на одномъ изъ убитыхъ французскихъ офицеровъ, «для того, чтобы этотъ крестъ служилъ семьѣ убитаго памятью о почившемъ храбрцѣ».

Одной изъ особенностей восточной войны 1855 года было присутствіе на театрѣ военныхъ дѣйствій множества женщинъ, сопровождавшихъ въ походѣ своихъ мужей. Особенно часто это бывало въ англійской арміи. Баронъ Базанкуръ рассказываетъ, что въ одномъ изъ овраговъ подъ Инкерманомъ онъ видѣлъ лэди Рагланъ, которая верхомъ сопровождала своего мужа, и ихъ дочь, которая ѣхала въ коляскѣ, въ сопровожденіи жены одного гусарскаго полковника. Во время кровавой битвы подъ Балаклавой другая англичанка держалась все время около самой боевой линіи, не сводя глазъ съ своего мужа, который участвовалъ въ этой схваткѣ. Французскіе зуавы прозвали эту англичанку «балаклавской амазонкой». На другой день послѣ битвы эта амазонка

¹⁾ «Le Temps» № 19450.

нашла у двери своего жилища великолѣпный букетъ цвѣтовъ—отъ русскихъ офицеровъ въ знакъ уваженія къ ея неустрашимости.

Во время перемирія въ нѣсколько часовъ тотъ же Базанкуръ сдѣлался героемъ маленькаго происшествія. Французскіе и русскіе офицеры, сойдясь между бастіонами, мирно разговаривали о вчерашнемъ дѣлѣ, разспрашивали про раненыхъ, вспоминали объ общихъ знакомыхъ. Между русскими солдатами Базанкуръ замѣтилъ казака въ чрезвычайно живописномъ одѣяніи, вынулъ изъ кармана альбомъ и сталъ зарисовывать этого казака. «Что вы дѣлаете?—вскричали французскіе офицеры.—Во время перемирія нельзя дѣлать никакихъ набросковъ!»—«Я нарисовалъ вотъ того казака!»—«Хорошо, но русскіе могутъ быть другого мнѣнія на этотъ счетъ!»

Базанкуръ отправляется къ группѣ русскихъ офицеровъ, объясняетъ, въ чемъ дѣло, и предъявляетъ свой альбомъ. Никто не считалъ даже нужнымъ заглянуть въ него: всѣмъ было достаточно простого слова французскаго офицера.

Какъ это не похоже на нравы современной войны, когда германцы по одному простому подозрѣнію разстрѣливаютъ и разрушаютъ цѣлые города. Ленотръ правъ: то былъ «старый стиль» войны. Теперь воюютъ иначе.

— **Ж а н ь Р и ш п ѣ н ь о Ш е к с п и р ѣ.**—Въ продолженіе зимы этого года въ Парижѣ извѣстный французскій поэтъ и романистъ Жанъ Ришпэнъ прочелъ рядъ лекцій о Шекспирѣ. Эти чтенія посѣщались такими корифеями современной французской литературы, какъ Жюль Леметръ, Марсель Прево, Эмиль Фаге, и другіе и составили своего рода событіе въ литературной жизни Парижа.

Комментируя Шекспира, Ришпэнъ выступилъ не какъ ученый, а какъ литераторъ и драматургъ. «Я попытаюсь передать вамъ рядъ ощущеній, которыя возбуждаютъ во мнѣ герои Шекспира, и прочту вслухъ нѣкоторыя сцены, о которыхъ мнѣ придется говорить», такими словами открылъ онъ свои чтенія. Его толкованія по временамъ явились очень оригинальными, отступающими отъ общепринятыхъ шаблоновъ. О нихъ мы находимъ обстоятельную статью въ іюльской книжкѣ «Fortnightly Review».

«Ришпэнъ,—пишетъ авторъ статьи,—вывелъ передъ нами Шекспира безъ прикрасъ, какъ онъ былъ, со всей его грубостью и со всѣми его утонченными чувствами. Для него Шекспира—это дѣвственный лѣсъ. Вы идете по немъ подъ сѣнью огромныхъ деревьевъ, которыя вдругъ могутъ зашумѣть подъ налетомъ вихря страсти. Вы видите передъ собой и огромныя болота, и скалы, и деревья, страшно опаленныя молніей. Для французскаго вкуса, воспитаннаго на латинскихъ литературахъ, Шекспиръ—сама беспорядочность. «Наша литература,—говоритъ Ришпэнъ,—похожа на удивительный паркъ, разбитый по планамъ Ленотра, съ правильно расходящимися дорожками и статуями, съ гладко подстриженными лужками, съ гуляющими мужчинами и женщинами, которые движутся мѣрнымъ шагомъ и подъ купами деревьевъ ведутъ изящные разговоры. Отъ Шекспира до нашей сцены—разстояніе огромное».

Первую лекцію Ришпэнъ посвятилъ разбору трагедіи «Отелло». Эта трагедія наиболѣе отвѣчаетъ французскому представленію о трагедіи: вся она построена на развитіи одной страсти, которая изумительно прослѣжена во

всѣхъ фазисахъ развитія. «Шекспиръ беретъ какой-нибудь случайный фактъ,— говоритъ Ришпэнъ,— это какъ бы зерно, которое онъ бросаетъ въ землю. Это случайно брошенное зерно начинаетъ расти и логически ведетъ за собой всѣ послѣдствія». Яго, напримѣръ, обиженъ тѣмъ, что Отелло отдаетъ его мѣсто Кассіо, и это совершенно случайное обстоятельство является завязкой драмы.

Такое же значеніе имѣетъ встрѣча Макбета съ вѣдьмами. Оригинально толкуетъ Ришпэнъ характеръ Дездемоны. Вопреки остальнымъ критикамъ, которые видятъ въ этой героинѣ простодушную, дѣтски-чистую натуру, которая привязывается къ мавру по тѣмъ же побужденіямъ, по которымъ, напримѣръ, пушкинская Марія влюбляется въ старика Мазепу, Ришпэнъ готовъ видѣть въ Дездемонѣ начало порочное. Какъ показываетъ самое ея имя, это что-то происходящее отъ демона. Она любопытна, слишкомъ утончена; она отвергаетъ самыя блестящія предложенія въ Венеціи, ищетъ чего-то необычайнаго, еще неизвѣданнаго и влюбляется въ простаго грубаго солдата, какимъ былъ Отелло. Ришпэнъ готовъ видѣть въ ней современный типъ женщинъ, изъ тѣхъ, которыхъ французы называютъ «intellectuelles».

Давая такое объясненіе характера Дездемоны, французскій комментаторъ совершенно порываетъ съ исторической, бытовой стороной дѣла. Онъ забываетъ, что Дездемона—молодая дѣвушка времени Елизаветы, что она принадлежитъ къ поколѣнію, очарованному разсказами о дальнихъ странахъ англійскихъ мореплавателей и купцовъ, впервые пустившихся по морямъ и океанамъ въ поискахъ за приключеніями и рынками. Такимъ дѣвушекъ, какъ она, въ Англии XVI вѣка было очень много, и за отвагу, за храбрость не одна изъ нихъ отдала бы свою руку такому человѣку, какъ Отелло, не взирая на его черную кожу.

Слѣдующей пьесой, которой Ришпэнъ посвятилъ свое вниманіе, былъ Макбетъ». «Макбету» вообще повезло у французовъ, и трагедія сдѣлалась даже предметомъ юридическаго изслѣдованія. Одинъ изъ знатоковъ французскаго уголовного права метръ Анри Роберъ прочиталъ публичную лекцію на тему «Какъ я защищалъ бы леди Макбетъ». Драма, по мнѣнію, французскаго юриста, воспроизводитъ Шотландію одиннадцатаго вѣка. Время было самое варварское. Убійства, грабежи, кровопролитія совершались на каждомъ шагу. Какую же жизнь приходилось вести такой женщинѣ, какъ леди Макбетъ? Мужчины занимались охотой и войной, день и ночь не снимая съ себя доспѣховъ. На долю женщинъ, одинокихъ и предоставленныхъ своимъ мыслямъ, выпадала скучная, однообразная жизнь, лишь изрѣдка оживляемая звукомъ рога у поднятаго моста. Леди Макбетъ борется съ удручающимъ однообразиемъ своей жизни, которое вдругъ въ одинъ прекрасный день прерывается появленіемъ вѣстника съ письмомъ отъ мужа. Это письмо, въ которомъ Макбетъ сообщаетъ о пророчествѣ вѣдьмъ, поднимаетъ худшіе инстинкты ея души и наталкиваетъ ее на злодѣяніе.

Съ этой именно точки зрѣнія стать бы защищать метръ Роберъ шекспировскую героиню, если бъ ей пришлось предстать передъ современнымъ судомъ.

Ришпэнъ подступаетъ къ объясненію характеровъ этой драмы совершенно съ другой стороны. «Дѣло происходитъ въ далекій XI вѣкъ,—говоритъ онъ:— среди дикарей, едва тронутыхъ христіанствомъ, прикрывающихъ свою на-

готу, как теперешніе индійцы, шкуруми. Убийства и грабежи такъ часты, что, дрожа за свою жизнь, они живутъ въ своихъ глиняныхъ хижинахъ, похожихъ на маленькія крѣпости. Феодалная система едва начинаетъ слагаться въ этомъ мѣрѣ варварства. Мѣсто дѣйствія—безлюдная болотистая мѣстность. Какъ бы ни былъ склоненъ человѣкъ къ фантази, по въ нѣкоторые часы дня, напримеръ, въ сумерки или въ туманную погоду, трудно отдѣлаться отъ назойливыхъ образовъ. Важную роль въ трагедіи играютъ сверхъестественныя силы, вѣдьмы. «Не смѣйтесь надъ этими вѣдьмами,—замѣчаетъ Ришпэнъ.—Вѣдь и въ наше время девять человѣкъ изъ десяти не постѣняются пойти въ гадалкѣ, хироманткѣ или ясновидящей». Макбетъ—кельтъ, натура лирическая, съ преобладаніемъ воображенія. Подобно вѣсьмъ кельтамъ, онъ говоритъ фигурально, какъ всѣ кельты, онъ храбрый солдатъ и не знаетъ страха съ мечомъ въ рукахъ, но, когда дѣло идетъ о привидѣніяхъ и духахъ, онъ боязливъ, какъ женщина. Онъ ни глупъ, ни хорошъ. Онъ легко поддается постороннему вліянію и совершаетъ свое преступленіе именно подъ вліяніемъ со стороны.

Принято думать, что «Макбетъ»—это трагедія честолюбія. Ришпэнъ считаетъ, что такое воплощеніе одной страсти лишило бы трагедію ея размаха, и полагаетъ, что центр тяжести всей пьесы, какъ и вездѣ у Шекспира, въ постепенномъ развитіи преступной души.

Подробнѣе всего лекторъ остановился на трагедіи «Гамлетъ». «Гамлетъ»—менѣе всего театральная пьеса: въ немъ мало дѣйствія, много афоризмовъ, обилие мыслей, и англійской критикѣ Газлитъ полагалъ даже, что «Гамлета» никакъ нельзя играть на сценѣ. А между тѣмъ именно «Гамлетъ» привлекаетъ къ себѣ всѣхъ артистовъ въ мѣрѣ. Причина этого лежитъ въ нѣкоторой неясности самого образа датскаго принца, и каждый надѣется дать его самое вѣрное сценическое толкованіе.

По Ришпэну, Гамлетъ толстъ и бѣлокуръ, лимфатическій блондинъ съ голубыми глазами. Изъ германскаго университета онъ прибылъ съ головой, наполненной философскимъ туманомъ. Онъ ничего не дѣлаетъ и не можетъ дѣйствовать, ибо онъ столкнулся съ необыкновенной проблемой, на которой неотступно вертится его мысль: что будетъ съ нами тамъ, откуда никто не возвращался. Гамлетъ, однако, не трусъ. Онъ смѣло идетъ за духомъ и смѣло встрѣчается съ Лаэртомъ. По Ришпэну, онъ отнюдь не сумасшедшій. Знаменитую сцену съ Офеліей, которая приводится въ доказательство его ненормальности, Ришпэнъ толкуетъ въ томъ смыслѣ, что Гамлетъ сознательно хочетъ истребить въ душѣ Офеліи любовь къ нему. Онъ хочетъ стать для нея антипатичнымъ.

Въ оцѣнкѣ сценичности этой трагедіи Ришпэнъ рѣшительно расходится съ однимъ изъ лучшихъ французскихъ толкователей Шекспира (Стапферомъ). Стапферъ находитъ, что въ «Гамлетѣ», несмотря на нѣкоторую неясность общаго плана, Шекспиръ строго слѣдовалъ обычному своему приему изображать постепенно развитіе характера главнаго героя. Гамлетъ, по словамъ Стапфера, вовсе не слабый человѣкъ, неспособный къ дѣйствию. Напротивъ, онъ энергиченъ, готовъ дѣйствовать, но онъ, на его несчастье, слишкомъ образованъ, слишкомъ склоненъ къ самокритикѣ. На его долю выпало убить короля; но

онъ не воинъ, не какой-нибудь сорвиголова. Онъ человѣкъ интеллигентный: посѣянная нѣмецкими профессорами страсть все разлагать мыслью—вотъ то сѣмя, изъ котораго выросла вся трагедія «Гамлета». По Стадферу, мысль о семейной трагедіи такъ угнетаетъ Гамлетъ, что въ концѣ концовъ несчастный датскій принцъ дѣйствительно сходитъ съ ума, проявляя свой прежній острый умъ лишь въ минуты просвѣтлѣнія.

Модернизируя дѣйствующихъ лицъ Шекспира, Ришпенъ склоненъ считать Гамлета одной изъ разновидностей того распространеннаго теперь въ обществѣ типа, который уголовная криминологія опредѣляетъ какъ лицъ съ ограниченной отвѣтственностью. Это не сумасшедшіе. Умственный міръ людей сумасшедшихъ совершенно отличенъ отъ реальнаго. Гамлетъ буруеваемъ своими страстями, онъ не можетъ справиться съ ними. Одна мысль, какъ молотъ, все время бьетъ по его мозгу. Онъ просто неврастеникъ съ навязчивыми представленіями.

— Ц а р и ц а о р д е н а Л а н т ю р е л ю.—Среди французскихъ женщинъ XVIII вѣка, прославившихся красотой, умомъ и искусствомъ привлекать въ свои салоны выдающихся людей эпохи, выдѣляется оригинальная личность Маріи-Терезы Жоффрэнъ. Она родилась въ 1715 году въ Парижѣ. Отецъ ея былъ тогда еще скромнымъ управляющимъ зеркальной фабрикой, а мать, отличавшаяся красотой и умомъ, довольствовалась судьбою примѣрной жены и отличной хозяйки. Но со временемъ обстоятельства перемѣнились: Жоффрэнъ нажилъ крупное состояніе, а его супруга играла уже роль хозяйки блестящаго салона, который посѣщали всѣ знаменитости того времени, въ частности философы-энциклопедисты. Родители обращали мало вниманія на единственную дочь; она росла совсѣмъ заброшенной, и образованіе получила скорѣе случайное. Между прочимъ съ ней занимался нѣкоторое время философъ-писатель Фонтенель. Марія-Тереза съ теченіемъ времени стала молодой дѣвушкой очаровательной наружности, съ живымъ умомъ, прямымъ открытымъ характеромъ, отличавшейся своимъ неподдѣльнымъ, шумнымъ весельемъ. Богатая наследница, вращавшаяся въ лучшемъ парижскомъ обществѣ, она на 18 году вышла замужъ за молодого маркиза д'Эстампъ де-Фертэ-Эмбо, представителя одного изъ самыхъ блестящихъ родовъ Франціи. Бракъ былъ несчастливый, и, когда спустя четыре года мужъ скончался, молодая вдова сама рассказывала, что «она скрылась на нѣсколько дней въ монастырь, чтобы безъ помѣхи радоваться своей свободѣ».

Она твердо рѣшила никогда больше не выходить замужъ, выше всего цѣня свою независимость. Но благоразуміе подсказывало ей, что 22-лѣтняя вдова, съ ея виѣшностью, именовемъ, состояніемъ, рискуетъ дать обильную пищу злословію, если будетъ жить одна, и она, скрѣпя сердце, вернулась въ родительскій домъ. Съ матерью она не могла ужиться, у нихъ были слишкомъ несходные характеры и вкусы, и на этой почвѣ между ними часто возникали несогласія. Въ дальнѣйшемъ маркизу де-Фертэ-Эмбо постигло глубокое горе: она лишилась своей единственной 11-лѣтней дочери. Это несчастье сильно повліяло на нее и даже было причиной физическаго недомоганія: она стала страдать глухотой, отъ которой ужъ до самой смерти не могла избавиться. Но жизнерадостная натура

взяла верхъ, и черезъ два года послѣ несчастья маркиза снова появилась въ парижскихъ салонахъ, гдѣ она была желаннымъ гостемъ, благодаря своему остроумію и веселости. Зимой она каждый вечеръ выѣзжала въ свѣтъ, а лѣтомъ гостила у своихъ многочисленныхъ друзей въ ихъ замкахъ.

Между прочимъ она часто бывала въ Дампьерѣ, помѣстьѣ герцога де-Люиня. Тамъ охотнѣе всего принимали «духовенство», такъ какъ хозяйка дома, герцогиня де-Люинь, очень любила «духовныхъ лицъ». Но присутствіе такихъ лицъ ничуть не мѣшало веселью, и madame Фертэ-Эмбо рассказываетъ, какъ она забавлялась съ прелатами церкви, и они, въ свою очередь, развлекали ее. «Мы танцевали съ утра до вечера съ кардиналами де-Ларошфуко, Таванемъ, де-Ларош-Эймономъ, съ архіепископомъ де-Нарбонномъ».

Однажды она шутила съ парижскимъ архіепископомъ, суровымъ Христоромъ де-Бомономъ, и такъ разошлась, что, —признается она, —назвала его «мой котенокъ», отчего всѣ присутствовавшіе прыснули со смѣху.

Маркиза была въ дружескихъ отношеніяхъ, между прочимъ, съ Станиславомъ Лещинскимъ, бывшимъ польскимъ королемъ, а въ то время герцогомъ Лотарингскимъ и тестемъ Людовика XV. По дорогѣ въ замокъ своей подруги маркиза не разъ останавливалась въ Люневилѣ, гдѣ имѣлъ пребываніе дворъ Станислава.

Пріемъ, оказанный маркизѣ, очаровалъ ее и вмѣсто трехъ дней она осталась три недѣли. Станиславу Лещинскому въ то время было 70 лѣтъ, но, по ея словамъ, «онъ былъ очень любезенъ, очень веселъ, обаятельно-галантенъ, въ гораздо большей степени, чѣмъ всѣ молодые люди при его дворѣ». Онъ не выносилъ стѣсненій придворнаго этикета, и ему очень пришлась по вкусу простота обращенія мадамъ де-Фертэ-Эмбо.

Однажды король рассказывалъ ему про свою покойную жену и дочь, супругу Людовика XV, и выразился: «это были двѣ самыя скучныя королевы, которыхъ я когда-либо встрѣчалъ на моемъ вѣку».

Въ замкѣ Люневиль маркиза встрѣтилась съ Монтескье, который тогда только закончилъ свой «Духъ законовъ». Этотъ трудъ утомилъ его такъ, что онъ тщательно избѣгалъ серьезнаго разговора и прикидывался дурачкомъ, лишь бы не напрягать свой умъ. Онъ такъ вошелъ въ свою роль, что всѣ, даже придворныя лакеи, удивлялись его глупому виду и поведенію.

Маркиза хорошо знала Луи-Жозефа де-Бурбона, принца де-Конде, который впоследствии, во время революціи, былъ во главѣ эмигрантской армии. Первая встрѣча ихъ произошла у книгини де-Ларошъ-Сюръ-Юнъ. Принцъ былъ тогда совсѣмъ зеленый юноша, застычивый до крайности. Маркиза, по складу своего характера, сумѣла ободрить его, и съ ней одной робкій принцъ чувствовалъ себя легко и однажды даже наивно предложилъ ей остатокъ его другомъ на всю жизнь. Онъ приняла его условіе и сдержала его. Тридцать лѣтъ длилась ихъ дружба, и маркиза поддерживала его въ самыя трудныя минуты жизни.

Но, вращаясь постоянно среди принцевъ крови, маркиза сохраняла свой независимый, прямой характеръ. Она часто встрѣчалась у маршала де-Коаньи съ принцемъ де-Конта, который славился своимъ цинизмомъ, грубыми и высокомерными манерами. Однажды она застала его въ этомъ домѣ окруженнымъ

знатными дамами. Онъ всячески угождали, льстили ему, а онъ вель себя, «какъ султанъ въ сералѣ». Маркиза была возмущена, а когда одна очаровательная графиня поднесла къ губамъ руку принца, восхищаясь ея бѣлизной, изяществомъ, красотой, маркиза не сдержалась и громко сказала, что ее тошнитъ отъ этого зрѣлища. Это замѣчаніе вызвало взрывъ негодованія среди дамъ. Онъ стали таинственно перешептываться и вдругъ толпой накинулись на дерзкую, схватили ее за руки, прижали къ стѣнѣ, и тогда принцъ насильно подставилъ ей къ губамъ свою руку для поцѣлуя. До этой минуты маркиза смѣялась вмѣстѣ со всѣми, но выходка принца привела ее въ такую ярость, что, не долго думая, она вцѣпилась зубами въ его руку и укусила такъ крѣпко, что брызнула кровь. Дамы пришли въ ужасъ, а принцъ крикнулъ ей: «Скажите, не сошли ли вы съ ума?»—«Можетъ быть, — отвѣтила маркиза:—теперь ваше высочество научитесь предлагать свою руку только тѣмъ дамамъ, которымъ это нравится».

Не менѣе независимо держала себя маркиза съ лицомъ, болѣе вліятельнымъ, чѣмъ принцы крови, знаменитой маркизой де-Помпадуръ. Онъ близко сошлись, когда фаворитка была еще скромной мадамъ д'Этіоль, правда, хорошенькой и изящной, но только мечтавшей быть принятой въ знатномъ обществѣ. Она просила позволенія чаще приходить къ маркизѣ, чтобы выучиться въ ея домѣ хорошимъ манерамъ.

1-го января 1744 года, рано утромъ, къ мадамъ де-Фертэ-Эмбо, занятой своимъ туалетомъ, явилась мадамъ д'Этіоль съ мужемъ и почтительно поздравила ее съ новымъ годомъ. Ровно черезъ годъ въ пріемной мадамъ д'Этіоль, новоиспеченной маркизы де-Помпадуръ, толпились, съ шляпой въ рукѣ, услужливые, почтительные, первые вельможи двора и всѣ королевскіе принцы, дожидаясь ея *retit lever*. Къ чести фаворитки надо сказать, что она сохранила хорошія отношенія со своей пріятельницей и постѣ своего возвышенія.

Но маркиза де-Фертэ-Эмбо была больше всего популярна, какъ основательница «блистательнаго ордена Лантюрелю». Такія веселыя общества были тогда въ большой модѣ, и маркиза предложила своимъ друзьямъ основать собственный клубъ, члены котораго обязаны были упражняться въ сочиненіи шутивыхъ куплетовъ, стиховъ, посланій, веселыхъ и изящныхъ пародій. Выработали уставъ «ордена Лантюрелю», маркизу избрали «королевой», а оберъ-церемоній-мейстеромъ 84-лѣтняго маркиза де-Крузона; это былъ душа общества, благодаря своему неистощимому остроумію и веселію.

Слухъ объ этомъ шутовскомъ обществѣ быстро распространился среди высшей знати образованной Европы. Вся аристократія просила записать ее въ члены ордена. Въ числѣ «простыхъ рыцарей» были герцогъ саксенъ-веймарскій, принцъ Генрихъ Прусскій, великій князь Павелъ Петровичъ. Шутовскій праздникъ въ честь выздоровленія отъ кори «королевы Лантюрелю» былъ устроенъ російскимъ посломъ, подъ предсѣдательствомъ панскаго нунція. Два года послѣ основанія ордена Дидро прибылъ въ Петербургъ и былъ принятъ въ аудіенціи императрицей Екатериной II. Онъ увѣряетъ, что Екатерина прежде всего спросила, знаетъ ли онъ про орденъ Лантюрелю. Услышавъ отвѣтъ, что онъ былъ старѣйшиной ордена, она удвоила любезность и просила его прибыть на слѣдующій день, интересуясь всѣми подробностями этого курьезнаго общества.

Выше было упомянуто, что маркиза де-Фертэ-Эмбо всю жизнь расходилась во взглядах и вкусах со своей матерью мадам Жоффрэнъ, горячей поклонницей философъ-энциклопедистовъ. Когда маркизъ стукнуло 60 лѣтъ, она стала тяготиться разладомъ съ матерью и великодушно предложила ей помириться. Та приняла протянутую руку, и въ честь этого событія даже состоялся многолюдный торжественный обѣдъ съ цвѣтами, рѣчами и шутливыми тостами. Но старуху-мать скоро разбилъ параличъ. Дочь, вѣрующая католичка, пригласила къ ней священника со святыми дарами. Самый вѣрный и старый другъ больной д'Аламберъ находился въ эту минуту въ ея комнатѣ. Его попросили уйти. Онъ вышелъ, но, возмущенный въ своемъ невѣрїи, позволилъ себѣ непочтительный отзывъ о набожной маркизѣ. Оскорбленная де-Фертэ-Эмбо имѣла съ нимъ крупное объясненіе и попросила его прекратить посѣщенія ея матери. Затѣмъ она написала всѣмъ друзьямъ г-ни Жоффрэнъ, философамъ-энциклопедистамъ, и закрыла имъ двери дома, гдѣ они такъ долго царствовали. Этотъ поступокъ вызвалъ бурю негодованій среди нихъ. Дидро; Гриммъ, Тюрго, д'Аламберъ осыпали оскорбленіями маркизу. За нее заступились друзья, и разыгралась настоящая полемика между философами и ихъ противниками. Но маркиза не сдавалась, и мать ея умерла, какъ добрая католичка.

Когда наступила революція, жизнь маркизы де-Фертэ-Эмбо быстро пошла на убыль. Потрясенная трагическими событіями, она впала въ меланхолю, такъ несвойственную ея характеру. Напрасно вѣрный другъ ея кардиналъ де-Берни пытался ободрить ее въ письмахъ. Маркиза тихо угасала и въ маѣ 1791 года скончалась въ томъ самомъ отелѣ, который три четверти вѣка подъ рядъ былъ царствомъ остроумія, граціи, очаровательнаго и легкомысленнаго веселья.

— Эпизодъ изъ исторіи англійскихъ нравовъ. — Поэтъ и драматургъ Ричардъ Савиджъ занимаетъ видное мѣсто въ исторіи англійской литературы начала XVIII вѣка. Другъ знаменитаго Попа и Ричардсона, онъ имѣлъ огромный кругъ читателей и пользовался большимъ вниманіемъ королевы Каролины. Но молодой писатель—Савиджъ умеръ рано—былъ центромъ лондонскаго общества не столько, можетъ быть, по своему поэтическому дару, сколько вслѣдствіе своей необычайной красоты и глубокой таинственности, которой было окружено его происхожденіе. Подробная біографія Ричарда Савиджа до сихъ поръ служитъ камнемъ преткновенія для историковъ литературы и англійскихъ нравовъ, современныхъ нашему Петру Великому. Не такъ давно одинъ англійскій историкъ Маковеръ сдѣлалъ попытку приподнять занавѣсъ, скрывающій тайну рожденія Ричарда Савиджа. По убѣжденію Маковера, его матерью была нѣкая Бреттъ, бывшая сначала замужемъ за графомъ Маклесфильдомъ, а въ 1720 гг. превратившаяся въ жену скромнаго полковника англійской арміи Бретта. Работа Маковера, посвященная біографіи Савиджа, въ своемъ послѣдовательномъ ходѣ превратилась въ большую картину нравовъ англійскаго высшаго общества двадцатыхъ годовъ XVIII столѣтія.

Добившись посредствомъ законодательнаго акта палаты лордовъ развода съ своимъ первымъ мужемъ графомъ Маклесфильдомъ и выйдя замужъ за пол-

ковника Бретта, Анна Бреттъ поселилась въ самой людной тогда части Лондона около Гайдъ-парка и стала вести широкій свѣтскій образъ жизни, принимая въ своихъ салонахъ блестящую лондонскую молодежь и пишущую братію. Специальностью ея сдѣлалось оказывать покровительство поэтамъ и начинающимъ писателямъ, особенно драматургамъ, подражавшимъ французскому репертуару. Говорятъ, что нѣкоторымъ изъ нихъ она помогала литературнымъ трудомъ и, напримѣръ, вышедшій въ люди поэтъ-лауреатъ Сибберъ всецѣло обязанъ своей литературной карьерой ея анонимному сотрудничеству.

Несмотря на виѣшній блескъ гостиниой г-жи Бреттъ, репутація ея была сильно замазана ея распущеннымъ образомъ жизни, заставившимъ лорда Маклесфильда искать съ ней развода. Десятки свидѣтелей утверждали, что имъ извѣстны любовныя похождения графини съ нѣкимъ лордомъ Ричардомъ Риверомъ, послѣдствіемъ чего было рожденіе ею двухъ дѣтей. Лордъ Риверъ былъ однимъ изъ наиболѣе развратныхъ людей англійскаго общества за все XVIII столѣтіе. Несмотря на запирательство графини Маклесфильдъ, на судѣ было установлено, что она дважды поручала своей наперсницѣ, нѣкоей Фезантъ, нанять для нея тайную квартиру въ лондонскомъ кварталѣ Старой Тюрьмы—(Old Bailey). Здѣсь въ 1695 году она родила дѣвочку, окрещенную подъ именемъ Анны Савиджъ и вскорѣ потомъ умершую. Въ слѣдующемъ году здѣсь же появился на свѣтъ Ричардъ Савиджъ, названный такъ по имени отца. Къ великому неудовольствію матери и Фезантъ, маленькій Ричардъ остался живъ. Его скоро спроводили вглубь Англій, и тамъ онъ переходилъ въ качествѣ пріемыша изъ одной бѣдной семьи въ другую. Около 1700 года мальчикъ пропасть неизвѣстно куда, и лордъ Маклесфильдъ напрасно старался разыскать его гдѣ-нибудь въ качествѣ живого доказательства нарушенія его женой супружеской вѣрности. Скоро о существованіи маленькаго Ричарда всѣ забыли.

Но вотъ однажды вечеромъ въ 1720 году, когда бывшая графиня Меклесфильдъ сидѣла одна въ своемъ салонѣ, къ ней быстро приблизился какой-то молодой человѣкъ. Элегантный и стройный, онъ бросился къ ея ногамъ и въ горячихъ, беспорядочныхъ словахъ объяснилъ ей, что онъ ея сынъ Ричардъ. Заключение сначала въ школу въ Сантъ-Альбанѣ, онъ потомъ былъ отданъ въ ученики къ какому-то сапожнику, испыталъ много горя и наконецъ едва спасся отъ нападенія какой-то банды, которая хотѣла его схватить и насильственно увезти въ американскія колоніи Англій. Поселившись въ Лондонѣ, онъ уже создалъ себѣ литературное имя, какъ вдругъ случайно узналъ тайну своего рожденія. Онъ написалъ матери страстное письмо, но безсердечная женщина въ отвѣтъ только приказала слугамъ гнать его прочь отъ ея дома. Ричардъ сталъ искать случая проникнуть къ матери. Но и личное ихъ свиданіе кончилось для него весьма печально: мать отнеслась къ его появленію съ гнѣвомъ и ненавистью, считая его шантажистомъ. Видя, что онъ не исполняетъ ея приказанія и не уходитъ, она позвала слугъ и выдала его за вора, забравшагося къ ней съ цѣлью ея ограбить.

Благодаря покровительству литературныхъ друзей, дѣло это какъ-то удалось замаять, но съ этого времени у Ричарда Савиджа не было болѣе злого врага, чѣмъ его мать.

Семь лѣтъ спустя послѣ этого случая въ одной изъ ночныхъ таверенъ на Черингъ-Кроссъ произошло кровавое происшествіе. Подулявшіе посягители вздумали запретить какому-то молодому человѣку занять столикъ около камина. Произошло побоище, и молодой незнакомецъ, оказавшійся потомъ Ричардомъ Савиджемъ, убилъ одного изъ нападавшихъ на него ночныхъ гулякъ. Разумѣется, онъ былъ схваченъ, заключенъ въ Ньюгетскую тюрьму и приговоренъ къ смертной казни. Но изъ этой бѣды его извлекли опять его литературные друзья, хлопотавшіе за него у королевы Баронины. Покровительство королевы сулило Ричарду блестящую будущность, и вотъ тутъ-то его мать приложила всѣ усилія, чтобы повредить этому ненавистному ей незаконному сыну, не только оставшемуся въ живыхъ вопреки ея желанію, но и проникшему въ тайну его рожденія. Прежде всего она постаралась пристроить ко двору свою дочь Анну Бреттъ, бывшую любовницей покойнаго короля Георга I. Эта Бреттъ успѣшила, конечно, довести до свѣдѣнія королевы исторію мнимаго покушенія на ограбленіе Ричардомъ ея матери. Королева охладѣла къ поэту, и жизнь его съ этого времени полна огорченій и тревогъ. Насколько плохо жилось бѣдному Савиджу, видно изъ того, что въ 1743 году онъ былъ брошенъ въ бристольскую тюрьму за неуплату какого-то стариннаго долга въ восемь фунтовъ стерлинговъ. Не имѣя возможности выкупиться, всѣми забытый, разбитый отъ бурной жизни, Ричардъ Савиджъ нашелъ свою смерть въ своей тюремной камерѣ.

— Роль аббата Эджворта при казни Людовика XVI.—Англійская писательница Вioлетта Монтегю написала книгу «Аббатъ Эджвортъ и его друзья», гдѣ очертила нравственный портретъ этого священника. Этому труду посвятилъ статью въ «Revue Hebdomadaire» французскій академикъ Анри Вельшингеръ, къ которой прибавилъ свои личныя замѣчанія о послѣднихъ минутахъ жизни Людовика XVI. Если положеніе Людовика XVI было трагически ужасно, то роль его духовника, нѣмого зрителя душевныхъ переживаній злосчастнаго короля и его семьи, была тоже не изъ легкихъ: аббата Эджвортъ рисковалъ не только своимъ спокойствіемъ, но даже жизнью.

Генри Эссексъ Эджвортъ де-Фирмонъ родился въ Ирландіи въ 1745 году. Его предки были протестанты, но отецъ и онъ самъ принадлежали къ католическому вѣроисповѣданію. Еще юношей Эджвортъ пріѣхалъ во Францію и поступилъ въ тулузскую коллегію іезуитовъ, а затѣмъ въ Сорбонну. По окончаніи ученія онъ избралъ духовную карьеру. На этомъ поприщѣ онъ проявилъ необыкновенно горячую вѣру и набожность и этимъ привлекъ къ себѣ вниманіе сестры короля и сдѣлался ея духовникомъ.

Якобинцы угрожали иностраннымъ миссіямъ два раза, и аббатъ Эджвортъ едва не былъ убитъ. Онъ долженъ былъ ѣхать въ Жуази какъ разъ въ роковую для Людовика XVI моментъ. Король зналъ о своей ужасной участи и хотѣлъ, чтобы предъ смертью на эшафотѣ его напутствовалъ аббатъ Эджвортъ. Онъ просилъ Мальзерба, который выступилъ его защитникомъ, передать аббату письмо. Оно не сохранилось цѣликомъ, но нѣкоторыя фразы уцѣлѣли. Изъ нихъ видно, что Людовикъ XVI просилъ у Эджворта, какъ милости, при-

существовать при его смерти. Эта услуга, по выражению Людовика XVI, была бы послѣднимъ доказательствомъ его привязанности.

Аббатъ согласился исполнить желаніе короля. 20-го января 1793 года къ нему явились члены исполнительнаго совѣта, во главѣ котораго находился Гаро, и предложили, не теряя ни минуты, отправиться въ Тюльери. Здѣсь министр юстиціи освѣдомился, дѣйствительно ли онъ Эджвортъ де-Фирмонъ, и прибавилъ, что Луи Капетъ выразилъ желаніе имѣть его возлѣ себя въ послѣднюю минуту жизни. На вопросъ, согласенъ ли онъ оказать Капету услугу, Эджвортъ отвѣтилъ, что для него—это приказъ. «Въ такомъ случаѣ вы отправитесь съ нами въ Тампль».

Послѣ краткихъ переговоровъ Мальзербъ взялъ связку бумагъ и сказать Эджварту, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ. Аббатъ былъ въ свѣтской одеждѣ и потому хотѣлъ переодѣться, но Мальзербъ не позволилъ ему этого.

Въ это утро исполнительный совѣтъ постановилъ, что приговоръ конвента будетъ приведенъ въ исполненіе на другой день, 21-го. Мѣстомъ казни избрали площадь Революціи. Казнь была назначена въ двѣнадцать часовъ, но Луи Капетъ долженъ былъ выѣхать изъ Тампля въ восемь часовъ.

Этотъ приговоръ предстояло сообщить Людовику XVI. Въ два часа въ Тамплѣ отправились Гаро, секретарь Грувиль, Лебрень и аббатъ Эджвортъ. Всею дорогою отъ Тюльери до Тампля они хранили гробовое молчаніе. Раза три Гаро пытался его прервать. «Какое ужасное порученіе мнѣ дали!—произнесъ онъ, предварительно поднявъ стекла у кареты, чтобы его не услышали посторонніе.—Какой человекъ этотъ король! Какая стойкость! Какое мужество! Нѣтъ, одна природа не могла бы дать столько силы... Въ этомъ есть что-то сверхчеловѣческое».

Эджвортъ молчалъ: онъ опасался, что его откровенное мнѣніе послужитъ препятствіемъ для выполненія взятой на себя обязанности.

Въ Тамплѣ аббатъ подвергся самому тщательному обыску. Затѣмъ его повели въ комнаты короля. Здѣсь царилъ хаосъ: стража напилась, и отовсюду раздавались пьяные возгласы. Короля окружала дюжина комиссаровъ. Гаро прочиталъ ему смертный приговоръ. По словамъ Эджворта, Людовикъ XVI былъ спокоенъ, хладнокровенъ и даже привѣтливъ. При входѣ Эджворта онъ сдѣлалъ знакъ стражѣ, чтобы она удалилась. Наединѣ съ королемъ аббатъ упалъ предъ нимъ на колѣни и заплакалъ. Съ минуту король также плакалъ, но потомъ произнесъ: «Простите это проявленіе слабости, но мое сердце заговорило при видѣ преданнаго мнѣ подданнаго; я отвыкъ отъ этого зрѣлища, и это неволью меня тронуло».

Потомъ, въ сопровожденіи аббата Эджворта онъ поднялся въ свой кабинетъ, который находился въ одной изъ башенъ Тампля. Твердымъ голосомъ Людовикъ XVI прочиталъ вслухъ свое духовное завѣщаніе, но когда говорилъ о королевѣ, о дѣтяхъ и сестрѣ, то его голосъ дрожалъ.

Онъ разспрашивалъ Эджворта о французской церкви и духовенствѣ, а также о герцогѣ Орлеанскомъ. Его возмущало «ужасное поведеніе герцога». Этотъ разговоръ прервался свиданіемъ короля съ королевой, дофиномъ и сестрой. Ихъ свиданіе произошло въ сосѣдней комнатѣ. Эджвортъ ихъ не видѣлъ, но

слышалъ все, что тамъ происходило. «Не было ни слезъ, ни рыданій,—говорить Эджвортъ:—но раздавались пронзительные крики, которые были слышны далеко отъ башни. Это былъ общій вопль и казалось, что всё голоса смѣшались вмѣстѣ. Наконецъ слезы изсякли; больше не было силъ ихъ проливать, и всё стало спокойно и тихо разговаривать». Разговоръ длился до часу. Потомъ Людовикъ XVI отослалъ семью, обнадеживъ ее, что увидится съ нею завтра утромъ.

Когда Людовикъ XVI вышелъ къ Эджворту, онъ былъ сильно взволнованъ и возмущенъ. «Ахъ, какая встрѣча! Надо же такъ нѣжно любить и быть такъ нѣжно любимымъ!—воскликнулъ онъ, падая на стулъ.—Но что съ этимъ дѣлать! Забудемъ обо всемъ остальномъ, чтобы думать о единственномъ дѣлѣ!» сказалъ онъ, вставая.

Аббатъ спросилъ его, не желаетъ ли онъ, чтобы отслужили обѣдню и причастили его. Король отвѣтилъ, что онъ горячо этого желаетъ, но опасается, что его желаніе не исполнить.

Тогда аббатъ Эджвортъ спустился въ залъ совѣта и попросилъ всё принадлежності, необходимыя для совершенія церковнаго служенія. Ему сначала отказали, но онъ настоялъ на своемъ, и комиссары коммуны попросили гражданина-священника прихода св. Франциска Ассизскаго одолжить все необходимое. Обѣдня была назначена 21-го января, ровно въ шесть часовъ утра въ башнѣ Тампля.

Людовикъ XVI поднялся въ пять часовъ, исповѣдался Эджворту и всю обѣдню молился на колѣняхъ. Затѣмъ онъ причастился и возвратился въ свой кабинетъ.

Его трясла лихорадка, и онъ съ трудомъ могъ согрѣться возлѣ небольшой изразцовой печки.

— Какъ я счастливъ, что у меня есть собственные нравственные правила!—воскликнулъ онъ, обращаясь къ Эджворту, котораго онъ позвалъ къ себѣ.—Что было бы со мною безъ нихъ?

И, намекая на своего двоюроднаго брата, герцога Орлеанскаго, Людовикъ сказалъ:

— Онъ болѣе достоинъ сожалѣнія, чѣмъ я. Безъ сомнѣнія, мое положеніе печально, но если бы оно было еще печальнѣе, то, конечно, я не захотѣлъ бы стать на его мѣсто. Существуетъ неподкупный Судья, Онъ окажетъ мнѣ справедливость, въ которой люди отказали мнѣ здѣсь на землѣ.

Пока король бесѣдовалъ въ послѣдній разъ съ Эджвортомъ, подъ окнами Тампля происходила суета: собиралось войско; по улицамъ раздавался грохотъ проѣзжавшихъ пушекъ, военная команда и топотъ лошадиныхъ копытъ.

— Повидимому, они приближаются!—спокойно произнесъ король.

Затѣмъ онъ вспомнилъ, что общалъ королевѣ видаться съ нею еще разъ. Онъ хотѣлъ было сдержать свое слово. Но Эджвортъ умолялъ его не подвергать королевѣ новымъ ужаснымъ испытаніямъ. Король колебался, но потомъ сказалъ: «Вы правы: лучше лишиться этого печальнаго утѣшенія и предоста-вить ей прожить надеждой нѣсколько минутъ болѣе».

Время отъ времени къ королю входили тюремщики, чтобы уѣдиться, здѣсь ли онъ и не посягнулъ ли онъ на свою жизнь. Наконецъ въ Тамплѣ пробило

восемь часовъ и за королею прѣехала телѣга, чтобы отвезти его на казнь. Людовикъ XVI бросился на колѣни предъ Эджвортъ и произнесъ:

— Совершилось! Въ послѣдній разъ благословите меня и просите Бога, чтобы онъ поддержалъ меня до конца.

Въ комнату вошли стража, тюремщикъ и комиссары, не снимая шляпъ. Король надѣлъ свою шляпу. Одинъ изъ комиссаровъ, Ру, говорилъ, что король хотѣлъ дать ему свое духовное завѣщаніе для передачи въ парижскую коммуну, но онъ отказался принять его. Тогда король передалъ его другому комиссару, Бодрэ, и просилъ, чтобы его слугѣ Клэри предоставлено было мѣсто въ числѣ слугъ королевы—«моей жены», послѣшилъ поправиться король. Онъ также просилъ, чтобы не забыли его версальскихъ слугъ. Потомъ онъ произнесъ: «Пойдемте!»—и прошелъ пѣшкомъ первый дворъ. Во второмъ дворѣ онъ сѣлъ въ карету. И по дорогѣ три раза обернулся къ башнѣ, посылая мысленно послѣдній привѣтъ своей семьѣ.

Палачъ Самсонъ до отъѣзда изъ Тампля спрашивалъ начальство, въ какой каретѣ поѣдетъ Людовикъ Капетъ: въ обыкновенной или ему дадутъ особую карету? Исполнительный комитетъ подъ предѣтельствомъ Лебрена сдѣлалъ распоряженіе, чтобы кучеръ министра Клавьера подаль его карету. Въ этой каретѣ находились два жандарма. Король сѣлъ рядомъ съ Эджвортъ. Аббатъ предложилъ Людовику Капету требникъ. Король взялъ его и сталъ перелистывать. Время отъ времени онъ спрашивалъ аббата, какіе псалмы болѣе подходятъ къ его положенію, и они читали ихъ вмѣстѣ.

Около двухъ часовъ ѣхали они до мѣста казни. По улицамъ была разставлена шпалерами вооруженная національная гвардія. Впереди кареты предъ конвоемъ шли барабанщики и били въ барабаны, чтобы заглушить, по словамъ Вельшингера, возгласы роялистовъ изъ которыхъ двое закричали у воротъ Сень-Дени: «Помогите, французы! Спасемъ короля!» Роялисты были убиты, но одинъ изъ нихъ, баронъ Батсъ, спасся бѣгствомъ отъ народнаго гнѣва.

Когда шествіе достигло площади Революціи, король произнесъ: «Вотъ и прѣехали!»

Погода стояла холодная, моросилъ дождь. Наканунѣ шелъ снѣгъ и въ это утро еще не совсѣмъ растаялъ на деревьяхъ. Палачъ открылъ дверцу кареты. Но король прежде, чѣмъ выйти изъ экипажа, обратился къ жандармамъ съ просьбою, чтобы послѣ его смерти аббату не нанесли какихъ-нибудь оскорбленій. «Поручаю вамъ позаботиться о немъ!» сказалъ онъ.

Одинъ изъ жандармовъ живо отвѣтилъ ему: «Да, да, мы о немъ позаботимся, предоставьте намъ дѣйствовать!»

Эджвортъ понялъ смыслъ этихъ словъ, но не выказалъ волненія.

Было десять часовъ десять минутъ утра, когда король вышелъ изъ экипажа. Барабанный бой оглушалъ его. Король съ нетерпѣніемъ воскликнулъ: «Замолчите!» Барабанщики замолчали, несмотря на крики Сантерра, которому хотѣлось показать свою власть. Три палача подошли къ королю и хотѣли его раздѣть. Людовикъ XVI оттолкнулъ ихъ и самъ принялся раздѣваться. Онъ разстегнулъ воротъ, открылъ рубашку и самъ ее снялъ. Палачей раздосадовала королевская гордость, и они снова подошли къ нему, чтобы связать ему руки.

— Что вамъ надо?—спросилъ король и быстро вырвалъ руки.

— Связать васъ,—отвѣтили палачи.

— Связать меня?—съ негодованіемъ произнесъ король.—Я никогда на это не соглашусь. Дѣлайте, что вамъ приказано, но меня вы не свяжете.

Палачи продолжали упорствовать. Они возвысили голосъ и, казалось, хотѣли звать на помощь, чтобы силою привести свое желаніе въ исполненіе.

«Это былъ самый ужасный моментъ въ это плачевное утро,—писалъ Эджвортъ своему близкому родственнику.—Еще минута, и лучший изъ королей получили бы на глазахъ своихъ подданныхъ оскорбленіе въ тысячу разъ несноснѣе, чѣмъ сама смерть. Повидимому, король самъ этого опасался. Онъ обернулся ко мнѣ, пристально посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, какъ будто просилъ совѣта. Увы! мнѣ невозможно было ему совѣтовать, и я отвѣтилъ сначала молчаніемъ. Но такъ какъ онъ продолжалъ на меня смотрѣть, то я отвѣтилъ ему со слезами: «Государь, въ этомъ новомъ оскорбленіи я вижу послѣднюю черту сходства между вашимъ величествомъ и Христомъ».

При этихъ словахъ Людовикъ XVI поднималъ глаза къ небу съ такимъ горестнымъ выраженіемъ, что Эджвортъ не могъ его забыть.

Обращаясь къ палачамъ, король произнесъ: «Дѣлайте, что хотите: выпью чашу испытанія до дна».

Онъ направился къ эшафоту, отпираясь на руку Эджворта. Послѣдними его словами было отрицаніе своей вины. «Я умираю,—сказалъ онъ,—не виновнымъ въ тѣхъ преступленіяхъ, какія мнѣ приписываютъ. Я прощаю виновниковъ моей смерти и прошу Бога, чтобы кровь, пролитая вами, никогда не пала на Францію».

По словамъ палача Самсона, король держалъ себя съ такимъ хладнокровіемъ и твердостью, что удивилъ всѣхъ. «Я убѣжденъ,—сказалъ Самсонъ:—что онъ черпалъ эту твердость въ религіозныхъ принципахъ, которыми онъ былъ такъ проникнутъ».

Въ этомъ трагическомъ эпизодѣ нашелся одинъ спорный пунктъ. По словамъ современниковъ, напутствуя короля, Эджвортъ сказалъ: «Вознесись на небо, сынъ Людовика Святого!» Самъ аббатъ Эджвортъ ссылается на то, что былъ слишкомъ взволнованъ и не помнитъ, что онъ говорилъ. Вельшингеръ же увѣряетъ, что эти слова были на устахъ всѣхъ вечеромъ послѣ казни и даже нѣкоторые роялистскія газеты напечатали ихъ.

Какъ только дали знакъ къ совершенію казни, Эджвортъ упалъ на колѣни и оставался въ этомъ положеніи до конца казни. Самсонъ съ радостными возгласами показалъ народу окровавленную голову короля и обрызгалъ его кровью аббата. Тогда Эджвортъ положился на волю Бога и направился въ толпу. Къ его удивленію, толпа расступилась передъ нимъ, и онъ вышелъ цѣль и невредимъ.

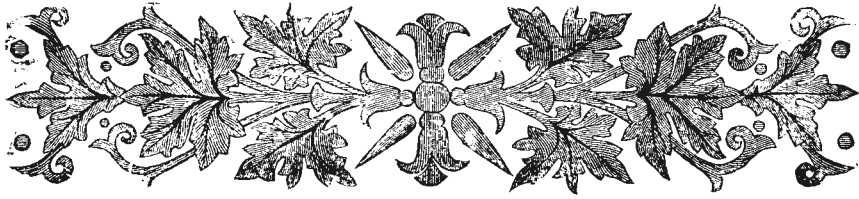
Послѣ казни Эджвортъ прямо отправился къ Мальзербу, какъ обѣщалъ королю. Тотъ посовѣтовалъ ему какъ можно скорѣе спасаться бѣгствомъ. Аббатъ укрылся сначала у барона Лезардьера въ трехъ верстахъ отъ Парижа, гдѣ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ у графа Рошешуара въ Монтиньи, затѣмъ въ Фонтенбло у знакомой дамы и въ Байе. Здѣсь онъ купилъ корабль, чтобы

переплыть Ламаншь, и 25-го августа 1775 года достигъ Портсмута въ самомъ печальномъ настроеніи.

Но Эджвортъ не удовлетворяла спокойная жизнь, и по предложенію Людовика XVII онъ отправился къ нему въ Бланкенбургъ въ качествѣ духовника и раздѣлялъ съ нимъ всѣ невзгоды.

Но духовникъ Людовика XVI не долго пережилъ его. Въ 1807 году, ухаживая за ранеными, которые были больны тифомъ, Эджвортъ заразился и 22-го мая скончался.

С М Ъ С Ъ.

ТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ императорской петроградской академіи художеств¹⁾. Основанная въ 1758 году императрицею Елизаветою Петровною, по инициативѣ извѣстнаго просвѣщеннаго дѣятеля ея царствования Ив. Ив. Шувалова, императорская академія художествъ получила государственное значеніе при Екатеринѣ Великой, даровавшей 4-го ноября 1764 году ея первый уставъ и тѣмъ обезпечившей дальнѣйшее развитіе русскаго искусства. Первоначально Шуваловъ предполагалъ учредить академію художествъ при только что открытомъ московскомъ университетѣ, но отказъ ѣхать въ Москву приглашенныхъ изъ-за границы профессоровъ искусствъ побудилъ основать ее въ Петроградѣ. На основаніи устава въ академію принимались дѣти пяти-шести лѣтъ отъ роду и въ теченіе пятнадцати лѣтъ, раздѣляясь на три возраста: дѣтскій, отроческій и юношескій, — проходили курсъ художественныхъ и общеобразовательныхъ предметовъ. Недостатокъ въ русскихъ преподавателяхъ заставлялъ сначала обращаться за границу и приглашать оттуда художественно-просвѣщенныхъ мастеровъ. Однако быстро разраставшееся дѣло художественнаго просвѣщенія векорѣ дало блестящіе результаты, и въ помощь иностранцамъ явились уже русскія художественныя силы: К. Головачевскій, М. Лосенко, И. Саблуковъ и др. Горячо увлеченный своей идеей, Шуваловъ всячески способствовалъ успѣшному развитію академіи. Его преемникомъ и первымъ президентомъ академіи художествъ былъ назначенъ въ 1764 году извѣстный филантропъ И. И. Бецкій. При немъ былъ выработанъ и утвержденъ первый уставъ академіи и построено для нея особое зданіе. Господствовавшее въ то время увлеченіе французскими идеями воспитанія побудило учредить при академіи воспитательное

¹⁾ Сообщилъ С. Кондаковъ.

училище, которое должно было служить для образованія «новой породы людей, свободныхъ отъ недостатковъ общества». Для лучшаго ея осуществленія были приглашены французскіе педагоги и учителя. Кромѣ искусствъ и наукъ, въ академіи обучались и различнымъ ремесламъ, вплоть до часового мастерства. Долговременное президентство Бецкаго было ознаменовано расцвѣтомъ такихъ художественныхъ силъ, какъ Левицкій, Боровиковскій, Акимовъ, Угрюмовъ, Шубинъ-Скородумовъ, Козловскій и друг. Въ 1794 году престарѣлаго Бецкаго смѣнили на посту президента графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ, успѣвшій за свое трехлѣтнее пребываніе въ академіи провести рядъ цѣлесообразныхъ мѣропріятій. На смѣну ему явился, назначенный въ 1797 году президентомъ академіи, французскій эмигрантъ графъ Г. А. Шуазель-Гуфье, оказывавшій явное предпочтеніе иностраннымъ мастерамъ въ ущербъ русскимъ художественнымъ силамъ. Француза-президента замѣнилъ въ 1800 году просвѣщенный любитель искусствъ графъ А. С. Строгановъ, всячески поощрявшій отечественные таланты и много способствовавшій развитію такихъ крупныхъ художественныхъ силъ, какъ живописцы Егоровъ, Кипренскій, Венеціановъ, Шебуевъ и друг., а также и такихъ выдающихся архитекторовъ, какъ Воронихинъ, строившій Казанскій соборъ, Захаровъ, строитель Адмиралтейства и друг. Посылка за границу, для дальнѣйшаго усовершенствованія, академическихъ воспитанниковъ, способствуетъ ознакомленію западныхъ художниковъ съ успѣшнымъ развитіемъ русскаго искусства. По смерти Строганова въ 1811 году управленіе академіею было ввѣрено ея вице-президенту П. Чекалевскому, подъ вѣдѣніемъ министерства народнаго просвѣщенія, и явилось не особенно благоприятнымъ для нея періодомъ, вызвавшимъ въ 1846 году необходимость учрежденія особаго «комитета для разсмотрѣнія нуждъ академіи». Предсѣдатель этого комитета А. Н. Оленинъ былъ черезъ годъ назначенъ президентомъ академіи; благодаря своей неутомимой энергіи и искреннему желанію принести ей пользу, онъ снова поднялъ клонившуюся было къ упадку академію на должную высоту и привелъ ее въ то блестящее состояніе, которое она занимала при немъ. Особенно цѣнно и важно было для академіи то вниманіе и покровительство, которымъ она пользовалась со стороны императора Николая Павловича, глубоко любившаго искусство и усердно заботившагося объ его процвѣтаніи. По смерти въ 1843 году Оленина для академіи художествъ начинается новый періодъ ея жизни, руководимый отнынѣ особами императорской фамиліи. Эта милость указываетъ на особое монаршее вниманіе и благоволеніе къ академіи, а въ лицѣ ея и ко всему русскому искусству. Послѣ Оленина президентство въ академіи художествъ поручается герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому, но въ виду обязанностей его высочества, связанныхъ съ военною службою, веденіе всѣхъ академическихъ дѣлъ было передано ея вице-президенту извѣстному медальеру графу Ѳ. П. Толстому. Для осуществленія желанія императора Николая Павловича украсить Исаакіевскій соборъ мозаикою, при академіи художествъ было учреждено мозаическое заведеніе, гдѣ обученные итальянскими химиками-специалистами русскіе мастера приготавливали необходимый для мозаического искусства матеріалъ—смальту, и гдѣ выполнялись въ мозикѣ русскими художниками образа для Исаакіевского собора и другіе заказы. За кончиною въ 1852 году герцога

Лейхтенбергскаго президентомъ академіи назначается великая княгиня Марія Николаевна. Унаслѣдованная великою княгинею отъ державнаго родителя любовь къ искусствамъ и художествамъ весьма благопріятно отразилась и на русскомъ искусствѣ, къ которому ея высочество проявляла глубокій интересъ и искреннее желаніе содѣйствовать его дальнѣйшему процвѣтанію. Въ 1859 году въ виду высочайше дарованнаго академіи новаго устава, обращается особое вниманіе на подъемъ общаго уровня развитія и образованія среди молодыхъ академическихъ художниковъ. Съ кончиною въ 1855 году императора Николая Павловича академія художествъ утратила своего высокаго покровителя, оказывавшаго ей свое неизмѣнное благоволеніе. Великія государственныя реформы второй половины прошлаго столѣтія отразились въ русскомъ искусствѣ появленіемъ въ немъ новаго направленія, вступившаго въ борьбу съ господствовавшимъ до того времени въ академіи условнымъ академизмомъ. Начало этому новому движенію было положено академическими конкуррентами на золотую медаль, отказавшимися исполнять заданную тему и просившими у академіи разрѣшенія работать по ими самими выбранному сюжету. Въ виду отказа академіи въ удовлетвореніи этой просьбы молодые художники оставили въ 1863 г. академію и образовали «товарищество передвижныхъ выставокъ», оказавшее, благодаря такимъ выдающимся талантамъ, какъ Крамской, К. Маковскій, Корзухинъ и друг., большое вліяніе на русское искусство въ смыслѣ освобожденія его отъ царившей въ немъ прежде отвлеченной академической формы и замѣны ея національнымъ и реальнымъ творчествомъ, проникнутымъ народнымъ духомъ. Борьба передвижническаго направленія съ академическимъ закончилась полной побѣдой перваго, и спустя тридцать лѣтъ въ реформированную академію вступила ея «оппозиція» въ лицѣ художниковъ-передвижниковъ, приглашенныхъ профессорами-руководителями академическихъ мастерскихъ. Въ 1864 году исполнился столѣтній юбилей академіи художествъ, но празднованіе его было отложено, въ виду крупныхъ внутреннихъ передѣлокъ, производившихся въ ней въ то время. За уходомъ въ 1868 году изъ товарищей президента престарѣлаго графа Ѳ. П. Толстого, въ помощь августѣйшему президенту былъ назначенъ его товарищемъ великій князь Владимиръ Александровичъ, принявшій съ первыхъ же своихъ шаговъ въ академіи самое дѣятельное и горячее участіе во всѣхъ ея дѣлахъ и нуждахъ и оказывавшій до конца дней своихъ неизмѣнное доброжелательство какъ самой академіи такъ и всѣмъ русскимъ художникамъ, искренно любя искусство и считая его дѣломъ важнымъ и имѣющимъ государственное значеніе. По кончинѣ, въ 1876 году, великой княгини Маріи Николаевны президентомъ академіи былъ назначенъ великій князь Владимиръ Александровичъ, создавшій одну изъ наиболѣе славныхъ эпохъ въ жизни академіи. При немъ было осуществлено коренное преобразование академіи. Необходимость ея реформы чувствовалась съ половины прошлаго вѣка и выходъ въ 1863 году изъ академіи молодыхъ художественныхъ силъ, для которыхъ оказались слишкомъ тѣсны академическія воззрѣнія на искусство, явился предвѣстникомъ этой реформы, проведенной путемъ выработки новаго устава, высочайше утвержденнаго въ 1893 году. Этотъ уставъ представляетъ развитіе слѣдующихъ основныхъ принциповъ или положеній. Академія ху-

дожествъ представляетъ собою высшую художественную корпорацію, на которую возлагается забота о поддержаніи, развитіи и распространеніи искусства въ Россіи. Сущствующее при академіи высшее художественное училище предназначено служить дѣлу достиженія высшаго художественнаго образования во всѣхъ его видахъ, а потому открыто для пріема лицъ, только уже достаточно подготовленныхъ для прохожденія высшаго курса по искусствамъ, организованнаго въ видѣ отдѣльныхъ художественныхъ мастерскихъ, въ которыхъ, подъ художественнымъ вліяніемъ ими самими выбраннаго руководителя, ученики академіи получаютъ возможность вполне овладѣть мастерствомъ, согласно потребностямъ своего личнаго творчества. Въ соотвѣтствіи съ такимъ преобразованиемъ самой академіи ею было обращено особое вниманіе на развитіе художественныхъ школъ и училищъ, откуда могъ бы поступать въ академію достаточно подготовленный контингентъ учениковъ, и потому она субсидируетъ и реформируетъ художественныя школы такихъ крупныхъ центровъ, какъ Одесса, Казань, Харьковъ, Пенза, Кіевъ и др., преобразуя ихъ въ свои подготовительныя отдѣленія. Проведеніе въ жизнь такихъ новыхъ принциповъ, конечно, потребовало и соотвѣтствующаго личнаго состава, и на смѣну прежнимъ академическимъ профессорамъ явились новыя художественныя силы въ лицѣ художниковъ-передвижниковъ, которымъ было поручено руководство художественными мастерскими. При ближайшемъ участіи великаго князя Владимира Александровича учреждается въ Петроградѣ обширная художественная галерея, посвященная исключительно русскому искусству. Это Русскій музей императора Александра III, которому академія оказала существенную поддержку, передавъ въ него рядъ художественныхъ произведеній и тѣмъ положивъ основаніе его художественному отдѣлу. Участіе академіи во всѣхъ международныхъ художественныхъ выставкахъ, устройство провинціальныхъ художественныхъ школъ и музеевъ, разсмотрѣніе постоянно поступающихъ и обращающихся къ компетенціи академіи художествъ художественныхъ вопросовъ ставятъ ее во главѣ художественной жизни страны. Съ кончиною въ 1909 г. великаго князя Владимира Александровича не только одна академія лишилась искренно любившаго ее президента, но и все русское искусство потеряло въ лицѣ усопшаго великаго князя своего высокаго покровителя, питавшаго глубокое душевное влеченіе къ русскому искусству и много содѣйствовавшаго его успѣшному процвѣтанію.

Столѣтіе московской духовной академіи. 1-го октября исполнилось 100 лѣтъ существованія московской духовной академіи со времени преобразования ея изъ славяно-греко-латинской академіи, находившейся въ Москвѣ, въ Заиконоспаскомъ монастырѣ. Официальное празднованіе юбилея академіи по случаю военнаго времени было отложено. 1-го октября на торжественное богослуженіе въ академическій храмъ собралось такъ много народа, что онъ не могъ вмѣстить всѣхъ молящихся. Въ числѣ присутствовавшихъ были: членъ Государственной Думы, бывшій профессоръ московской духовной академіи Н. Ѳ. Каптеревъ, посадскій староста г. Шариковъ, профессора академіи, студенты и друг. Хоры церкви были отведены для раненыхъ лазарета академіи. Обширный академическій храмъ ко дню юбилея былъ художественно расписанъ въ васнецовскомъ стилѣ, по образцу

живописи Владимирскаго собора въ Кіевѣ. Храмъ убранъ былъ тропическими растеніями. У иконостаса—цвѣты. Пѣлъ хоръ студентовъ. Литургію и молебствіе совершалъ пріѣхавшій на торжество бывший инспекторъ московской академіи, нынѣ ректоръ казанской академіи, епископъ чистопольскій Анатолій, въ сослуженіи съ ректоромъ московской академіи епископомъ Феодоромъ волоколамскимъ, протопресвитеромъ Успенскаго собора Н. А. Любимовымъ, инспекторомъ академіи и профессоромъ архимандритомъ Иларіономъ, ректоромъ вѣанской семинаріи архимандритомъ Германомъ, профессоромъ священникомъ Д. В. Рождественскимъ, лекторомъ англійскаго языка священникъ Н. А. Преображенскимъ, бывшимъ питомцемъ академіи московскимъ протоіереемъ В. Ф. Соболевымъ и священниками и іеромонахами—студентами академіи. Въ концѣ литургіи студентъ 4-го курса Вѣльчиковъ произнесъ съ церковной кафедры слово. Послѣ богослуженія все духовенство и студенты прослѣдовали въ студенческую столовую. Здѣсь епископъ Анатолій поздравилъ студентовъ съ торжествомъ отъ имени казанской духовной академіи. Протопресвитеръ Н. А. Любимовъ обратился къ студентамъ съ рѣчью. Епископомъ Феодоромъ по случаю юбилея было получено свыше ста привѣтственныхъ телеграммъ, и среди нихъ одна изъ Москвы—отъ Заиконоспасскаго духовнаго училища, въ зданіи котораго помѣщалась предшественница московской академіи—славяно-греко-латинская академія. Староста академическаго храма С. С. Макаровъ соорудилъ ко дню юбилея бронзовое въ древне-русскомъ стилѣ облаченіе на св. престоль. Протопресвитеръ Н. А. Любимовъ принесъ отъ бывшихъ питомцевъ академіи въ даръ академическому храму священные сосуды, крестъ и евангеліе и лампаду къ иконѣ Покрова Пресвятыя Богородицы. По случаю юбилея академіи происходило 1-го октября торжество и въ Москвѣ. Въ 7 часовъ вечера въ епархіальный домъ собралось много бывшихъ питомцевъ московской академіи. Среди нихъ находились: епископы Димитрій Можайскій и Арсеній серпуховскій, профессоръ московскаго университета протоіерей Н. И. Боголюбскій, приватдоцентъ университета протоіерей Н. Д. Извѣковъ, бывший профессоръ университета докторъ философіи Н. Д. Виноградовъ, бывший профессоръ академіи А. И. Покровскій и много другихъ. Духовенство съ епископомъ Дмитріемъ во главѣ совершило благодарственное молебствіе. Профессоръ протоіерей Н. И. Боголюбскій произнесъ рѣчь. Затѣмъ предсѣдатель юбилейной комиссіи, законоучитель Александровскаго военнаго училища, протоіерей Н. П. Добронравовъ прочиталъ отчетъ о дѣятельности комиссіи. Пока комиссіей собрано отъ бывшихъ питомцевъ академіи 6,874 рубля, изъ которыхъ 3,105 рублей израсходовано на изданіе юбилейнаго сборника «У Троицы въ академіи», въ количествѣ 2.000 экземпляровъ. Собраніе постановило отправить въ академію привѣтственную телеграмму. 1-го октября, въ день столѣтняго юбилея императорской московской духовной академіи, учрежденіе это осчастливлено было привѣтствіемъ отъ Его Императорскаго Величества Государя Императора, которое было передано въ отвѣтъ на вѣрноподданнѣйшую телеграмму отъ имени академіи за подписью ея ректора преосвященнаго Феодора, епископа волоколамскаго, въ слѣдующей телеграммѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода статсъ-секретаря В. К. Саблера: «Государь Императоръ высочайше повелѣтъ изволилъ объявить

всемилюбовѣйшую благодарность императорской московской духовной академіи за молитвенныя пожеланія и вѣрноподданническія чувства, выраженные въ телеграммѣ вашего преосвященства. Государю Императору благоугодно было, воздавая должную похвалу академіи, воспитавшей въ теченіе прошлаго вѣка столькихъ просвѣщенныхъ служителей алтаря и мужей науки, выразить упованіе, что академія подъ сѣнью обители преподобнаго Сергія, вѣрная священнымъ завѣтамъ своихъ приснопамятныхъ руководителей, будетъ и впредь утверждать своихъ питомцевъ въ любви къ православной церкви и озарять ихъ умы свѣтомъ чистаго богословскаго знанія. Владимиръ Саблеръ». Отъ ея императорскаго высочества великой княгини Елизаветы Ѳеодоровны было получено слѣдующее привѣтствіе академіи: «Привѣтствую московскую духовную академію съ знаменательнымъ днемъ ея столѣтія. Да поможетъ ей Господь продолжать съ тѣмъ же успѣхомъ дѣло духовно-православнаго просвѣщенія. Елизавета». Митрополитъ московскій Макарій прислалъ слѣдующее привѣтствіе: «Ветшающій восьмидесятилѣтній старецъ привѣтствуетъ нестарѣющую столѣтнюю старицу, московскую духовную академію. Да свѣтитъ ярко, негасимо свѣтильникъ ея свѣтомъ Христовымъ со всякимъ разумомъ, благочестіемъ и во второй вѣкъ. Митрополитъ Макарій».

Присужденіе премій гр. Уварова. 25-го сентября въ академіи наукъ состоялось 56-ое присужденіе премій графа Уварова. Предсѣдательствовали вице-президентъ П. В. Никитинъ, докладывалъ о присужденіи премій академикъ М. В. Дьяконовъ. Впервые присутствовалъ на собраніи новый академикъ кіевскій профессоръ В. С. Иконниковъ. Разматривала представленныя на конкурсъ десять сочиненій особая коммисія подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря академика С. Ѳ. Ольденбурга, въ которую вошли академики: князь Б. Б. Голицынъ, А. А. Шахматовъ, Н. П. Кондаковъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, А. И. Соболевскій, М. А. Дьяконовъ и В. Ѳ. Миллеръ. Коммисія постановила присудить большую награду въ 1,500 рублей сочиненію И. М. Покровскаго: «Русскія епархіи въ XVI—XIX вѣкахъ, ихъ открытіе, составъ и предѣлы». Малыя награды, по 500 рублей каждая, сочиненіямъ: 1) Н. П. Вольнскаго: «Постепенное развитіе русской регулярной конницы въ эпоху Великаго Петра, съ самымъ подробнымъ описаніемъ участія ея въ Великой Сѣверной войнѣ». 2) М. М. Бородкина: «Исторія Финляндіи». За неимѣніемъ болѣе денежныхъ премій [почетные отзывы присуждены сочиненіямъ: 1) барона Ф. Ф. Врангеля: «Вице-адмиралъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ»; 2) В. А. Пархоменка: «Начало христіанской Руси». По присужденіи премій академія постановила благодарить рецензентовъ и назначила установленныя для постороннихъ ученыхъ золотыя Уваровскія медали: В. С. Иконникову, А. К. Баюву, П. В. Струве, бар. Н. Н. Врангелю, А. В. Преображенскому, К. Я. Здравомыслову и В. Н. Бенешевичу.

Собраніе академіи художествъ. Въ понедѣльникъ 22-го сентября подъ предсѣдательствомъ августѣйшаго президента состоялось общее собраніе императорской академіи художествъ, въ которомъ былъ заслушанъ цѣлый рядъ дѣлъ. Прежде всего собраніе, заслушавъ соотвѣтствующій докладъ, постановило благодарить общество имени А. И. Куинджи за принесеніе въ даръ

музею академіи произведеній покойнаго художника: «Татарская сакля», «Березовая роща», «Снѣжныя вершины» и «Днѣпръ». Слѣдующимъ пунктомъ повѣстки явился вопросъ объ учрежденіи стипендіи имени Т. Г. Шевченка, бывшаго питомца академіи. Послѣ недолгихъ преній собраніе установило размѣръ стипендіи въ триста рублей. Далѣе собраніе заслушало просьбу командира лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, въ которой офицеры этого полка предлагаютъ академіи озаботиться чествованіемъ памяти ихъ однополчанина художника П. А. Федотова по случаю исполняющагося въ ближайшемъ будущемъ столѣтіи со дня его рожденія. Въ виду военного времени, собраніе высказалось за то, чтобы отложить чествованіе и связанное съ нимъ выступленіе академіи. По остальнымъ вопросамъ собраніе вынесло также рядъ постановленій. Такъ, напримѣръ, рѣшено: признать преждевременнымъ приобрѣтеніе коллекцій гравюръ П. Я. Дашкова, равно какъ и устройство выставокъ гравюръ вообще; во исполненіе ходатайства всероссійскаго съѣзда художниковъ о повтореніи выдающихся памятниковъ мозаичнаго искусства и изданіи иллюстрацій древнихъ мозаикъ рѣшено: просить профессоровъ предложить пенсіонерамъ исполнять эти рисунки въ общемъ и въ деталяхъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Въ заключеніе были произведены выборы въ различныя организаціи; выбранными оказались: кандидатами на вакансіи профессора натурнаго класса и преподавателя искусствъ въ высшемъ художественномъ училищѣ—А. В. Маковский, Бѣляевъ, Кустодіевъ, Бобровскій, Новоскольцевъ и Сомовъ, а представителями въ комиссію для премириванія лучшихъ фасадовъ частныхъ домовъ въ Петроградѣ: гг. Бенуа, Котовъ и Преображенскій.

Столѣтіе со дня рожденія М. Ю. Лермонтова. 2-го октября, въ столѣтіе со дня рожденія М. Ю. Лермонтова, въ церкви Николаевскаго кавалерійскаго училища была отслужена панихида, передъ началомъ которой настоятель храма протоіерей І. Зеленецкій произнесъ слово, посвященное памяти М. Ю. На аналоѣ лежалъ серебряный вѣнокъ, предполагавшійся къ возложенію 2-го октября на могилу поэта въ Тарханахъ, но вслѣдствіе военныхъ событій оставленный пока въ училищѣ. На вѣнкѣ была сдѣлана слѣдующая надпись: «Питомцу школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ благодарные потомки—юнкера и офицеры Николаевскаго кавалерійскаго училища». Присутствовалъ на панихидѣ весь наличный составъ съ начальникомъ училища во главѣ и много посторонней публики. Гласный московской городской думы Н. А. Шаминъ ѣздилъ въ село Тарханы Пензенской губерніи, на мѣсто погребенія М. Ю. Лермонтова и возложилъ два вѣнка по порученію городской управы и общества ревнителей военныхъ знаній. Не въ примѣръ другимъ мѣстамъ упокоенія русскихъ великихъ людей, могила Лермонтова содержится въ образцовомъ порядкѣ. По словамъ мѣстнаго священника, окрестные крестьяне и интеллигенція часто украшаютъ ее цвѣтами. На памятникѣ поэта значится дата его рожденія—3-го октября 1814 года вмѣсто обычно считаемой даты—2-го октября. Старый помѣщичій домъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ, сгорѣлъ во время аграрныхъ беспорядковъ въ 1905 году. По плану прежняго построень новый. Въ настоящее время имѣніе составляетъ собственность А. В. Катковой, матери недавно погибшихъ на войнѣ двухъ братьевъ Катковыхъ.

Пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности А. Г. Шиле. 20-го октября исполнилось пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности старой литературной дѣятельницы Аделаиды Гавриловны Шиле. А. Г. родилась въ 1842 году, 14-го апрѣля, въ старинной дворянской семьѣ Өмичевыхъ, далекіе предки которыхъ нерѣдко занимали отвѣтственные мѣста еще при удѣльныхъ князьяхъ. Отецъ ея, очень образованный человѣкъ, слушавшій лекціи Грановскаго и поклонникъ Бѣлинскаго, одно время служилъ въ Уфѣ, гдѣ и родилась А. Г., но вскорѣ перешелъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ она провела свое дѣтство, окончила Маринскій институтъ, вышла замужъ и чрезъ нѣсколько лѣтъ овдовѣла. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, молодой еще женщиной, А. Г. пріѣхала въ Петроградъ, гдѣ и прожила все время, за исключеніемъ непродолжительныхъ поѣздокъ за границу и въ провинцію. Небезынтересно отмѣтить, что во время франко-прусской войны она жила въ Берлинѣ, и ея воспоминанія объ этой эпохѣ скоро появятся въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Съ самаго начала литературной карьеры А. Г., благодаря близкому знакомству съ французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, занялась переводами, которые и давали ей средства къ существованію, и только впослѣдствіи начала самостоятельно откликаться въ злободневные вопросы и постепенно вошла въ прогрессивные круги того времени. И съ кѣмъ только она не сталкивалась и не была знакома! Свой человѣкъ въ кружкѣ «Современника», а потомъ «Русскаго Слова», она была хорошо знакома съ Некрасовымъ, Елисеѣвымъ, Панаевымъ, Писаревымъ, Благовѣстовымъ, Салтыковымъ и другими, встрѣчалась нерѣдко съ Достоевскимъ, Гончаровымъ, Григоровичемъ, Тургеневымъ, А. К. и Л. Н. Толстыми, Островскимъ. Однимъ словомъ, въ теченіе цѣлаго полулѣтца (1864—1914 гг.) не было ни одного сколько-нибудь извѣстнаго русскаго литератора, художника или артиста, съ кѣмъ А. Г. не была бы знакома, такъ какъ представители литературы, науки и печати и теперь охотно посѣщаютъ ея субботы и семейные праздники. Здѣсь-то молодыя силы сталкиваются со стариками, развиваютъ свои взгляды, стремленія и идеалы. Однимъ словомъ, вся умственная и духовная жизнь столицы въ періодъ полустолѣтія прошла безконечной лентой передъ глазами А. Г. Поѣздки за границу дали ей возможность познакомиться со многими европейскими знаменитостями (Гюго, Золя, Вагнеръ, Юкай, Шпильгагенъ, Ауэрбахъ и друг.), нѣкоторыя произведенія которыхъ она перевела на русскій языкъ, и ея переводы считаются лучшими, какъ: «Капиталъ и Трудъ» Лассалля, «Рейнскія легенды» Ауэрбаха, «Пушечное мясо» Гоаяра, «Исторія Наполеона» Ляньфре и друг. Оригинальныя работы А. Г. появились въ изданіяхъ Зыкова и Ильина («Народы Россіи», «Историческіе очерки», «Отъ татарскаго ига до Петра» и друг.), затѣмъ въ «Будильникѣ» Степанова, въ «Магазинѣ Иллюстрированной Литературы» Афанасьева-Чужбинскаго, у Шеллера-Михайлова, у Киркора (основатель «Новаго Времени»), у Юматова, у А. С. Суворина («Разказы современныхъ писателей») и мног. друг. Въ послѣдніе годы, помимо небольшихъ переводовъ, А. Г. изрѣдка печатаетъ свои воспоминанія преимущественно о литературныхъ дѣятеляхъ. Не даромъ же въ кружкахъ писателей она слыветъ подъ именемъ «Живой Лѣтописи». Съ 1913 года А. Г. стала писать и для театра,

преимущественно на современные темы. Одна изъ ея миниатюръ: «Руки вверхъ» съ успѣхомъ шла на сценѣ прошлой весной. 20-го октября, въ день пятидесятилѣтія литературной дѣятельности А. Г. Шиле, почтенной юбиларшѣ друзьями и товарищами по профессіи поднесены были цѣнный подарокъ и адресъ, покрытый множествомъ подписей писателей, художниковъ, артистовъ, представителей науки и проч.

Архивъ войны. Рукописное отдѣленіе бібліотеки императорской академіи наукъ, образовавъ въ своемъ составѣ новый отдѣлъ, посвященный настоящей отечественной войнѣ, съ цѣлью собрать по мѣрѣ возможности все, что имѣетъ къ ней какое-нибудь отношеніе, обращается какъ къ учреждениямъ, такъ и къ частнымъ лицамъ съ просьбой оказать ему содѣйствіе въ дѣлѣ собиранія матеріаловъ. Въ отдѣлъ «Архивъ войны» входятъ: 1) воззванія и объявленія на всѣхъ языкахъ, изданныя россійскимъ правительствомъ, общественными управленіями, временными комитетами, различными партіями и организаціями; 2) циркулярныя извѣщенія, распоряженія и воззванія, исходящія отъ непріятельскихъ властей; 3) нумера газетъ и журналовъ, издававшихся въ непріятельскихъ городахъ, занятыхъ русскими войсками, а также издававшихся въ русскихъ городахъ во время занятія ихъ непріятелемъ; 4) книги и оттиски статей, по возможности съ авторскими дополненіями; 5) предметы обихода, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ; 6) лубочныя или иныя печатныя и рисованныя картины и изображенія; 7) открытыя письма съ картинками, касающимися войны, портретами участниковъ и карикатурами; 8) записки и дневники, связанные съ текущими событіями; 9) точныя записи разсказовъ раненыхъ, плѣнныхъ и другихъ очевидцевъ событій, а также лицъ, прибывшихъ изъ-за границы или изъ районовъ войны; 10) письма изъ дѣйствующей арміи или отъ лицъ, находившихся за границей и въ мѣстностяхъ, которыя были заняты непріятелемъ; 11) матеріалы для біографій участниковъ войны и ихъ фотографіи; 12) изображенія различныхъ моментовъ боевъ, отправки войскъ, манифестацій и проч., а также виды завоеванныхъ городовъ, мѣстностей, гдѣ были сраженія и проч.; 13) записи стиховъ, басень, сатиръ, поговорокъ, связанныхъ съ войной и обращающихся въ устной и письменной передачѣ; 14) частушки, возникшія по поводу войны; 15) свѣдѣнія о томъ, какъ война отразилась на ходѣ хозяйственной жизни той или иной мѣстности, отрасли промышленности и торговли. Прося о присылкѣ всѣхъ перечисленныхъ здѣсь матеріаловъ, рукописное отдѣленіе бібліотеки академіи наукъ считаетъ необходимымъ сообщить, что всѣ матеріалы будутъ храниться въ полной неприкосновенности, пока не наступитъ время ихъ разработки, въ случаѣ же желанія жертвователя, точно каждый разъ оговореннаго, въ особо запечатанныхъ до опредѣленнаго срока пакетахъ. О полученіи матеріаловъ жертвователи, будутъ немедленно извѣщаться. Адресъ для пересылки: Петроградъ. Императорская академія наукъ. Рукописное отдѣленіе бібліотеки. При этомъ доводится до общаго свѣдѣнія, что въ Россіи, на основаніи Высочайше утвержденного мнѣнія Государственнаго Совѣта отъ 22-го апрѣля 1906 года, о предоставленіи императорской академіи наукъ льготъ по бесплатной пересылкѣ почтовой корреспонденціи: 1) «император-

ской академіи наукъ предоставляется, сверхъ установленныхъ дѣйствующими постановленіями льготъ въ отношеніи почтовыхъ отправленій, право пересылки безъ оплаты вѣсовымъ сборомъ посылокъ въ закрытой мягкой или твердой упаковкѣ со всякаго рода вложеніями, вѣсомъ до одного пуда»; 2) «Такія же (ст. 1) посылки, а также закрытыя письма вѣсомъ до одного фунта, адресованныя на имя академіи наукъ, принимаются на почту безъ оплаты вѣсовымъ сборомъ».

Засѣданіе верховнаго совѣта по призрѣнію семей лицъ, призванныхъ на войну. Въ четвергъ 16-го октября въ Зимнемъ дворцѣ, подъ личнымъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны предѣдательствомъ, состоялось засѣданіе верховнаго совѣта по призрѣнію семей лицъ, призванныхъ на войну, а также семей раненыхъ и павшихъ воиновъ. На засѣданіи присутствовали ея императорское высочество великая княгиня Елизавета Ѳеодоровна, ея императорское высочество великая княжна Ольга Николаевна, статсъ-секретарь Горемыкинъ и другіе члены верховнаго совѣта. Дѣла докладывалъ управляющій дѣлами верховнаго совѣта дѣйствительный статскій совѣтникъ фонъ-Витте. Въ этомъ засѣданіи рассмотрѣно заключеніе распорядительной комиссіи верховнаго совѣта по вопросу о порядкѣ собиранія свѣдѣній о нуждающихся въ благотворительной помощи семьяхъ лицъ, призванныхъ на войну. Въ дѣляхъ достиженія наиболѣе правильной постановки означенной помощи верховнымъ совѣтомъ найдено желательнымъ собирать эти свѣдѣнія по карточной системѣ, выработанной распорядительной комиссіей верховнаго совѣта, черезъ посредство особаго петроградскаго комитета ея императорскаго высочества великой княжны Ольги Николаевны и комитета ея императорскаго высочества великой княгини Елизаветы Ѳеодоровны, а также черезъ всѣ подвѣдомственные этому послѣднему комитету мѣстныя отдѣленія, вѣдающія дѣломъ призрѣнія вышеозначенныхъ семей въ губерніяхъ и областяхъ имперіи. Затѣмъ верховнымъ совѣтомъ были заслужены сообщенія: шталмейстера П. А. Базилевскаго—о дѣятельности комитета ея императорскаго высочества великой княгини Елизаветы Ѳеодоровны и предѣдателя особаго петроградскаго комитета ея императорскаго высочества великой княжны Ольги Николаевны тайнаго совѣтника К. В. Рукавишниковъ—о мѣропріятіяхъ сего комитета. Комитетомъ ея императорскаго высочества великой княгини Елизаветы Ѳеодоровны открыты мѣстныя отдѣленія комитета почти во всѣхъ губерніяхъ, учрежденъ «дѣтскій разборный пунктъ» на пятьдесятъ человекъ въ Спасо-Глинищевскомъ переулкѣ для дѣтей, не имѣющихъ матерей и оставшихся, вслѣдствіе ухода отцовъ на войну, совершенно на улицѣ, открытъ пріютъ на Большой Ордынкѣ на двадцать пять человекъ въ возрастѣ до двухъ лѣтъ; кромѣ того, комитетъ получилъ въ свое распоряженіе значительное число вакансій въ другихъ пріютахъ, устроилъ въ предоставленныхъ въ его распоряженіе помѣщеніяхъ нѣсколько квартиръ для семействъ запасныхъ и т. д. Наконецъ, комитетомъ осуществлень рядъ другихъ мѣропріятій по устройству благотворительной помощи семьямъ лицъ, призванныхъ на дѣйствительную службу по мобилизаціи въ этой мѣстности. Дѣятельность особаго комитета ея императорскаго

высочества великой княжны Ольги Николаевны выразилась въ разрѣшеніи многообразныхъ задачъ: усилія комитета были направлены на установленіе внутренняго распорядка самаго комитета и образованіе различныхъ его органовъ, выработку приѣмовъ и способовъ оказанія помощи семьямъ воиновъ, изысканіе средствъ для осуществленія этой помощи и, наконецъ, на возможно срочное оказаніе помощи нуждающимся въ ней. Дѣятельность означенныхъ комитетовъ, направленная на благо призрѣваемыхъ, верховнымъ совѣтомъ была пріивѣтствована. Разсмотрѣно ходатайство комитета ея императорскаго высочества великой княгини Елизаветы Теодоровны о кредитѣ въ 1.200.000 руб. на удовлетвореніе насущныхъ нуждъ губернскихъ отдѣленій комитета и признано возможнымъ отпустить нынѣ же 200.000 рублей, а вопросъ о порядкѣ и основаніяхъ ассигнованія остальной суммы поручено обсудить въ финансовой комиссіи верховнаго совѣта. Въ томъ же засѣданіи, кромѣ другихъ текущихъ дѣлъ, было подвергнуто обсужденію заключеніе финансовой комиссіи по нѣсколькимъ вопросамъ, возбужденнымъ въ заявленіяхъ и прошеніяхъ, поданныхъ на имя верховнаго совѣта.

Русскіе курорты. 5-го октября состоялось подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря А. В. Кривошеина первое засѣданіе правленія новаго общества «Всероссійскаго общества для развитія и усовершенствованія русскихъ лечебныхъ мѣстностей». Постановлено немедленно приступить къ разработкѣ вопроса о размѣщеніи выздоравливающихъ раненыхъ по русскимъ курортамъ. Этотъ очень нелегкій вопросъ обсуждается уже и правительственными учрежденіями, какъ военными, такъ и тѣми, въ чемъ вѣдѣніи состоятъ лечебныя мѣстности. Общество своей работой можетъ значительно облегчить дѣятельность официальныхъ учреждений. Въ засѣданіи постановлено образовать четыре отдѣла общества: 1) финансовый; 2) научно-бальнеологическій; 3) по благоустройству курортовъ и 4) освѣдомительный. Въ эти отдѣлы или секціи общества приглашаются желающіе для совмѣстной работы по вопросамъ, въ которыхъ они освѣдомлены. Обращаться за справками просятъ въ управленіе земледѣлія и государственныхъ имуществъ (на Морской), гдѣ обществу отведено помѣщеніе, или къ предсѣдателю барону Н. В. Остенъ-Дризену (Б. Московская, 8).

Соболѣзнованіе императорской академіи художествъ по поводу художественныхъ потерь французовъ и бельгійцевъ. Императорская академія художествъ на своемъ собраніи почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ единогласно постановила: выразить свое сочувствіе и соболѣзнованіе французской и бельгійской академіямъ художествъ по поводу тѣхъ незамѣнимыхъ потерь, которыя нанесены искусству, благодаря бомбардировкѣ и разграбленію памятниковъ старины и музеевъ Реймса, Брюсселя, Лувена и другихъ городовъ. На телеграмму отъ парижской академіи художествъ былъ полученъ отвѣтъ за подписью непремѣннаго секретаря академіи, m-r Widora, который въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ благодарилъ академію отъ лицъ всѣхъ членовъ французской академіи художествъ за выраженные чувства по поводу разгрома нѣмцами собора въ Реймсѣ. На телеграмму бельгійской академіи художествъ былъ полученъ отвѣтъ отъ графа де-Бюиссере, что онъ глубоко тронутъ этимъ выраже-

ніемъ сочувствія русской академіи и благодарить отъ имени бельгійской академіи, которой будетъ передано это выраженіе сочувствія, какъ только представится къ тому возможность.

Отъ московскихъ писателей, художниковъ и артистовъ. Къ родинѣ и ко всему цивилизованному міру обращаемъ мы нашъ голосъ. То, чему долго отказывались вѣрить сердце и разумъ, стало, къ великому стыду за человѣка, непреложнымъ: каждый новый день приноситъ новыя страшныя доказательства жестокостей и вандализма, творимыхъ германцами въ той кровавой брани народовъ, свидѣтелями которой суждено намъ быть, въ томъ братоубійствѣ, что безумно вызвано самими же германцами ради несбыточной надежды владычествовать въ мірѣ насиліемъ, возлагая на вѣсы мірового правосудія только мечъ. Мнится, что, забывъ свое славное прошлое, возвращается Германія къ алтарямъ тѣхъ жестокихъ національныхъ боговъ, для побѣды надъ которыми воплощался на землѣ Единый Милосердный Богъ. Войска же ея какъ бы взяли на себя низкую обязанность напомнить человѣчеству, что еще живъ и силенъ древній звѣрь въ человѣкѣ, что даже народы, идущіе во главѣ цивилизующихся народовъ, легко могутъ, давъ свободу злой волѣ, уподобиться своимъ пращурамъ, тѣмъ полунагимъ полчищамъ, что пятнадцать вѣковъ назадъ тому раздавили своей тяжелой пятой античное наслѣдіе: какъ нѣкогда, снова гибнуть въ пожарищахъ драгоцѣнныя созданія искусства, храмы и книгохранилища, сметаются съ лица земли цѣлые города и селенія, кровью текутъ рѣки, по гудамъ труповъ шагаютъ одичавшіе люди, и тѣ, изъ устъ которыхъ такъ тяжело вырывается кличъ въ честь своего преступнаго повелителя, чинятъ, одолѣвая, несказанныя мучительства и безчестія надъ беззащитными, надъ стариками и женщинами, надъ плѣнными и ранеными. Пусть же впишутся въ книгу судебъ злодѣянія эти неизгладимыми письменами! И да внушатъ они намъ только одно страстное желаніе: вырвать изъ варварскихъ рукъ оружіе, навсегда лишить Германію той грубой мощи, на достиженіе которой устремила она всѣ свои помыслы. Уже прорастаетъ широко брошенное ея рукой сѣмя національной гордыни и ненависти: пламенемъ можетъ перекинуться ожесточеніе къ другимъ народамъ, и громко раздадутся тогда голоса ослѣпленыхъ гнѣвомъ, голоса требующихъ мести и отрекающихся отъ всего великаго и прекраснаго, что было создано гениемъ Германіи на радость и достоиніе всего человѣчества. Но заставимъ себя помнить гибельность такихъ путей: ибо тотъ черный грѣхъ, которымъ покрыла себя Германія, обнажая мечъ, и то звѣрское, что дозволила она себѣ въ опяняннѣи борьбы, есть неизбѣжное слѣдствіе мрака, въ который добровольно вступила она, нынѣ поощряемая даже своими поэтами, учеными, вождями, общественными и политическими. Противники ея, несущіе народамъ миръ и освобожденіе, во-истину должны быть руководимы лишь священными чувствами!

Настоящій протестъ подписанъ многими академиками, учеными, профессорами, представителями ученыхъ, художественныхъ и литературныхъ организаций, всѣми артистическими составами московскихъ императорскихъ Большого и Малаго театровъ, театровъ—Художественнаго, Корша, Незлобина, Зимина и друг., художниками, архитекторами и другими представителями московской интеллигенціи.

Иркутскій польскій комитетъ помощи жертвамъ войны. Поляки! Насталъ долгожданный, желанный моментъ, когда въ заревѣ пожаровъ и потокахъ крови занимается для насъ заря новой жизни. Но за великое дѣло объединенія и свободы долженъ заплатить польскій народъ своей кровью и достояніемъ, пожарами и разрушеніемъ родныхъ сель и городовъ, страданіями, нищетой и голодомъ. Въ такое время священная обязанность насъ, находящихся въ безопасности, вдали отъ поля брани—облегчить мученія тѣхъ, которые борются и страдаютъ за общее наше дѣло. Помня о нашихъ обязанностяхъ, какъ гражданъ Россійской имперіи, принимая горячее участіе въ мѣстныхъ организаціяхъ, мы не должны забывать и о нашемъ родномъ краѣ. На нашу долю выпала двойная обязанность. Мы, поляки, должны помнить, что на польской землѣ происходитъ главная борьба, что жертвъ тамъ больше и потребностей больше, а страна, выбитая изъ нормальной колеи жизни, не можетъ удовлетворить даже своихъ насущныхъ потребностей. Мы не платимъ дани кровью, наше достояніе въ безопасности. Отдадимъ хоть частицу его. Каждый полякъ долженъ пожертвовать, что только можетъ. Каждый долженъ помнить, что борьба ведется за высшіе идеалы всего человѣчества, за братство славянскихъ народовъ, за объединеніе Польши. Мы переживаемъ моментъ исключительный, моментъ поворотный въ исторіи человѣчества, и да будетъ стыдно тому, чья душа въ такое время не откликнется на призывъ. Но такихъ среди насъ не будетъ. Правленіе комитета: А. Матрашекъ, К. Контовъ, С. Вышковскій, К. Развадовскій, В. Гедройць. Пожертвованія будутъ приниматься уполномоченными комитетомъ лицами, снабженными подписными листами и квитанціями. Кромѣ того, пожертвованія можно присылать по почтѣ, по адресу комитета: Иркутскій польскій комитетъ помощи жертвамъ войны, Харлампіевская улица, домъ 25, а также лично передавать въ слѣдующихъ магазинахъ гор. Иркутска: магазинъ обуви т-ва С. А. Гловацкій и комп., Большая ул., д. Кравца. Французская кондитерская, Большая ул., д. Юдловскаго, кондитерская Л. Ф. Курчина и комп., Большая ул., д. Кравца. Собранныя деньги будутъ пересылаться соотвѣтствующимъ организаціямъ, возникшимъ въ Польшѣ съ цѣлью помощи раненымъ воинамъ, а также населенію, пострадавшему отъ войны. Въ мѣстныхъ газетахъ будетъ помѣщенъ подробный отчетъ. Приглашаемъ поляковъ въ другихъ мѣстностяхъ Сибири образовать подобные комитеты.

Воззваніе варшавскаго комитета. Отъ центрального обывательскаго комитета въ Варшавѣ было получено въ Москвѣ слѣдующее воззваніе: «Комитетъ проситъ направлять пожертвованія продуктами и вещами повагонно въ помѣщеніе комитета Варшавы (Краковское предмѣстье, № 7), деньгами же въ варшавскую контору государственнаго банка на текущій счетъ № 796, или въ банкъ кооперативныхъ товариществъ въ Варшавѣ, на счетъ комитета, причѣмъ комитетъ сообщаетъ слѣдующее: 1. Все пространство Царства Польскаго, за исключеніемъ одной губерніи, объято пламенемъ величайшей войны въ мірѣ. 2. Трудовая жизнь населенія поневолѣ остановилась. Сельчане на необсѣянной землѣ безъ крова и скарба домашняго, истребленнаго врагомъ, горожане безъ заработковъ ютятся несчастныхъ бѣженцевъ изъ другихъ городовъ и сель. 3. Народъ не ропщетъ и страшную тяжесть войны несетъ въ глубокомъ убѣжденіи необходимости всякой жертвы для будущаго блага родины».

Адресъ бельгійскимъ женщинамъ. Группа русскихъ женщинъ, по инициативѣ супруги предсѣдателя совѣта министровъ г-жи А. И. Горемыкиной и фрейлины Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Θεодоровны О. Е. Бюцовой, желая выразить восхищеніе передъ мужественнымъ величіемъ королевы Бельгіи и пламенное сочувствіе многострадальнымъ женщинамъ этой геройской страны, рѣшила обратиться къ нимъ со слѣдующимъ адресомъ: «Къ бельгійскимъ женщинамъ. Въ грозный часъ борьбы вашей съ ордами новыхъ варваровъ, наводнившихъ прекрасныя земли Фландріи и Брабанта, вамъ, матери, сестры, жены и дочери героевъ Льежа, Лувена, Малина и Антверпена, шлють русскія женщины въ неудержимомъ порывѣ восторга передъ геройской защитой Бельгіи свой братскій привѣтъ. Въ кровавомъ неистовствѣ нарушивъ договоры, имъ же подписанные, предавъ забвенію всѣ человѣческіе законы и поправъ ногами всякую мысль о чловѣколюбіи, вторгся германскій поработитель въ предѣлы Бельгіи и предалъ все огню и мечу; грабя и умерщвляя дѣтей и женщинъ, поднялъ онъ свою святотатственную руку на ваши храмы и домашніе очаги. Со своимъ доблестнымъ королемъ во главѣ, почерпая въ своемъ правѣ непобѣдимую мощь, вся Бельгія единодушно стала противъ врага и своимъ рыцарскимъ мужествомъ вызвала восторги цивилизованнаго міра. Возсылаемъ Всемогущему горячія молитвы наши,—да даруетъ Онъ окончательное торжество права надъ силой, да вернетъ покой и счастье въ ваши семьи и да поможетъ перенести выпавшія на долю вашу суровыя испытанія до конца. Всѣмъ вамъ, подобно вашей великой и столь преисполненной храбрости и самоотверженія королевѣ, посвятившимъ себя уходу за ранеными и помощи несчастнымъ,—всѣмъ васъ приносимъ мы изъ глубины сердецъ наше искреннее сочувствіе и нашу горячую любовь. Въ эту минуту ужаса и душевной боли мы должны сказать вамъ: «Мужайтесь, съ Божьею помощью мы побѣдимъ». Русскія женщины, желающія присоединить свои подписи къ этому адресу, который будетъ препровожденъ королевѣ Бельгіи, могутъ сдѣлать это: 1) въ редакціи «Новаго Времени» (Эртелевъ, 6); 2) въ конторѣ «Вечерняго Времени» (Невскій, уголъ Садовой), и 3) въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» (Невскій, 40), гдѣ будутъ выставлены подписные листы.

НЕКРОЛОГИ.

ВАРЯНИЦЫНЪ, А. М. 10 октября, въ одиннадцать часовъ вечера скончался военный инженеръ А. М. Варяницынъ. Покойный родился въ 1860 году, воспитывался во второй харьковской гимназіи, по окончаніи которой поступилъ въ военное училище. Окончивъ его и отбывъ установленный для офицеровъ срокъ въ строю, онъ поступилъ въ инженерную академію,—по окончаніи которой недолго служилъ (кажется, въ Туркестанскомъ краѣ), вышелъ въ отставку и рѣшилъ поселиться въ деревнѣ. Въ своемъ имѣніи, въ Харьковской губерніи, онъ выстроилъ новый домъ и перевезъ туда свою очень цѣнную бібліотеку и коллекціи. Надвинулся 1905 годъ,—домъ былъ сожженъ, бібліотека и коллекціи безвозвратно уничтожены. А. М. переселился въ Харьковъ. Будучи человѣкомъ очень образованнымъ вообще и очень свѣдущимъ въ различнаго рода отрасляхъ искусства, которому онъ посвятилъ послѣдніе годы своей жизни, онъ отличался поразительной скромностью, деликатностью и щепетильностью. Хотя онъ и не былъ гласнымъ, по выбору думы, онъ былъ членомъ различныхъ городскихъ комиссій, между прочимъ и членомъ комиссіи по постройкѣ художественнаго училища. Въ нынѣшнюю сессію онъ былъ избранъ городскимъ гласнымъ. Съ момента образованія украинскаго архитектурно-художественнаго отдѣла при харьковскомъ литературно-художественномъ кружкѣ, онъ вступилъ въ него дѣйствительнымъ членомъ и все время былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и аккуратныхъ его посѣтителей, состоя его секретаремъ, а послѣднее время и казначеемъ. Не будучи украинцемъ, онъ очень любилъ украинское искусство и много поработалъ на его пользу. Его

кисти, между прочимъ, принадлежить роспись стѣнъ и потолка въ украинскомъ стилѣ въ зданіи «Кареты скорой помощи»; его перу принадлежить много критическихъ замѣтокъ и статей по живописи и архитектурѣ вообще и объ украинскомъ зодчествѣ въ частности; послѣдняя его статья объ украинскомъ барокко напечатана въ журналѣ «Украинская Жизнь» за текущій годъ. Надвинулась новая для него гроза—европейская война. Онъ былъ призванъ въ дѣйствующую армію и назначенъ завѣдующимъ эвакуаціей. Будучи человѣкомъ очень больнымъ, но до скрупулезности щепетильнымъ, онъ не считалъ возможнымъ просить объ освидѣтельствovanіи его и, слѣдовательно, освобожденіи отъ военной службы, которой и отдался съ присущей ему добросовѣстностью. Два мѣсяца непосильной для его здоровья работы совершенно подкосили его силы, и онъ палъ жертвой войны. (Некрологъ его: «Южный Край», 1914 г., № 12325).

† **Керзинъ, А. М.** Въ Москвѣ, послѣ долгой, тяжелой болѣзни, скончался Аркадій Михайловичъ Керзинъ. Покойный А. М. принадлежить, подобно извѣстному въ свое время петербуржцу Бѣляеву, къ группѣ нашихъ просвѣщенныхъ любителей, безкорыстная преданность которыхъ искусству заставляеть ихъ всѣми силами содѣйствовать процвѣтанію любимаго искусства. Таковъ былъ Бѣляевъ, основатель русскихъ симфоническихъ концертовъ въ Петроградѣ, таковъ С. И. Щукинъ, влюбленный въ живопись коллекціонеръ и меценатъ, таковъ С. Кусевицкій, таковъ былъ С. И. Мамонтовъ. Какъ эти лица, такъ и А. М. представляли собою центръ, вокругъ котораго группировались представители русскаго искусства. Страстный любитель русской музыки, горячій поклонникъ всего, что выходило изъ-подъ пера русскихъ композиторовъ, А. М. вздумалъ устроить регулярные концерты, всецѣло посвященные пропагандированію русской музыки. Въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія русскій музыкальный міръ узналъ о существованіи въ Москвѣ «Керзинскаго кружка». Впослѣдствіи кружокъ этотъ, постепенно расширяя свою дѣятельность, сталъ пользоваться большой популярностью. О «кружкѣ любителей русской музыки» (такъ сталъ онъ именоваться официально) заговорили уже не только въ Москвѣ, но и вообще въ высшихъ, такъ сказать, музыкальныхъ сферахъ. Первоначально концерты кружка скромно ограничивались исполненіемъ вокальной и фортепьянной музыки; въ послѣдніе же годы существованія кружка А. М. устраивались грандіозные симфоническіе концерты, свободно конкурировавшіе съ концертами И. Р. М. О. и Кусевицкаго. Программы составлялись, разумѣется, исключительно изъ произведеній русскихъ композиторовъ, причемъ многое исполнялось по рукописямъ, т. е. впервые. Кое-кто изъ молодыхъ композиторовъ обязанъ первоначальной извѣстностью именно керзинскому кружку, какъ, на примѣръ, Леонидъ Николаевъ, принимавшій дѣятельное участіе въ дѣлахъ кружка. Исполнителями на концертахъ приглашались всѣ лучшія артистическія силы Москвы и Петрограда. Такъ, въ числѣ другихъ, выступала покойная Н. И. Забѣла-Врубель, исполнявшая преимущественно произведенія Римскаго-Корсакова. Очень часто пѣлъ Собиновъ. Съ симфоническихъ концертахъ принималъ участіе оркестръ И. Р. М. О., оркестръ Кусевицкаго. Дѣятельность кружка, такая любовная и значительная, прекратилась въ 1911 г.,

когда заболѣлъ славный организаторъ его А. М. Два года протрадавъ мучительной болѣзью, А. М. на дняхъ скончался. (Некрологъ его: «Одесскій Листокъ», 1914 г., № 267).

† **Лаврентьевъ, Л. И.** Въ Томскѣ 19-го сентября скончался тайный со-вѣтникъ Леонидъ Ивановичъ Лаврентьевъ, близкій Москвѣ въ годы своего образова-нія и по первоначальной службѣ. Питомецъ московскаго университета, покойный окончилъ въ немъ курсъ вторымъ кандидатомъ юридическаго фа-культета (1858 г.) и сначала намѣревался отдать свои силы изученію русскаго правовѣдѣнія. Хорошо знакомый К. С. Аксакову, который далъ о немъ весьма сочувственный отзывъ (см. «Русскій Архивъ» 1910 г., кн. 2, стр. 241), Л. И. сталъ близко извѣстенъ М. Н. Каткову и П. М. Леонтьеву, а черезъ это сближеніе вмѣсто судебного вѣдомства съ конца шестидесятыхъ годовъ выступилъ на пе-дагогическомъ поприщѣ: сперва онъ состоялъ учителемъ въ лицей Цесаревича Николая, затѣмъ инспекторомъ при московскомъ учебномъ округѣ (1881—1885 гг.), далѣе—помощникомъ попечителя въ петербургскомъ округѣ и, наконецъ, попечителемъ западно-сибирскаго учебнаго округа до дня своей смерти. По-койный, находясь на службѣ въ Москвѣ, принималъ участіе въ періодическихъ изданіяхъ М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева. Напримѣръ, ему принадлежали статьи: «Отзывъ Миттермайера о нашемъ проектѣ уголовного судопроизводства» («Современная Лѣтопись», 1864 г., № 40) и «Разборъ» сочиненія Муромцева «Гражданское право древняго Рима» («Московскія Вѣдомости» 1883 г., № 318). Въ послѣднее же время имъ напечатаны: «Отвѣтъ на рѣчь Скороходова въ Государственной Думѣ» (Томскъ, 1910 г.) и «О сибирской духовной академіи» (Томскъ, 1914 г.). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1914, № 221).

† **Мравина, Е. К.** Телеграфъ принесъ извѣстіе, что въ Ялтѣ скончалась Евгенія Константиновна Мравина, бывшая артистка императорскихъ театровъ. Покойная была полькой. Дочь инженернаго генерала Мравинскаго, она по-лучила образованіе въ одномъ изъ петроградскихъ институтовъ и была одной изъ первыхъ женщинъ свѣтскаго круга, поступившей на сцену. Ея учителемъ былъ И. П. Прянишниковъ, тогда находившійся на Маринской сценѣ. Начало 80-хъ годовъ было особенно благоприятно для этой сцены, на которой бли-стало тогда много живыхъ талантовъ и истинныхъ дарованій. Е. К., обладавшая красивымъ лирико-колоратурнымъ сопрано и красивой наружностью, быстро сдѣлалась любимицей столичной публики. Ей недоставало темперамента и, какъ актриса, она была холодна, но съ вокальной стороны въ періодъ ея рас-цвѣта ея исполненіе было близко къ большой законченности. Публикѣ она очень нравилась и на холодность ея исполненія не обращали вниманія. Луч-шими ея ролями были Снѣгурочка, Людмила, Маргарита, Джильда, Эсклар-монда, но вообще во всѣхъ партіяхъ она была на мѣстѣ, и самая сдержанность ея исполненія, присущая женщинѣ хорошаго круга, не мѣшала должному впе-чатлѣнію. Е. К. оставалась около десяти лѣтъ на сценѣ. Не поладивъ съ кѣмъ-то изъ театральнаго администраціи, она вернулась къ частной жизни, выступая иногда въ концертахъ. Въ одной изъ своихъ поѣздокъ, въ Сибири, она заболѣла оспою, что положило конецъ всей ея артистической карьерѣ. Неудачная семей-ная жизнь заставила ее окончательно отказаться отъ свѣта и поселиться въ

глуши въ Крыму, гдѣ она провела въ одиночествѣ всѣ послѣдніе годы своей жизни. Какъ метеоръ промелькнула она на сценѣ и какъ метеоръ была скоро забыта. Такова нерѣдко бываетъ судьба артистовъ. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1914 г., № 13861).

† **Панцевичъ, Н. П.** Въ Петроградѣ тихо скончалась на вдовьей половинѣ Смольнаго института одна изъ многихъ скромныхъ труженицъ, Надежда Петровна Панцевичъ. Дочь инженеръ-генерала, она родилась 25-го сентября 1831 г., воспитывалась дома, вслѣдствіе чего личность ея носила индивидуальный, своеобразный колоритъ, который такъ часто ступшевывается учебнымъ заведеніемъ. Молодость Н. П. провела въ Казани. Пріѣхавъ въ Петроградъ въ 1869 г., она познакомилась съ графиней Влудовой, фрейлиной и близкимъ другомъ государыни Маріи Александровны. Это время совпало съ созданіемъ русскаго института царицы Маріи въ Черногоріи, и графиня Влудова, какъ помощница императрицы въ этомъ дѣлѣ и убѣжденная славяно-филка, намѣчаетъ Н. П. первой начальницей единственнаго женскаго учебнаго заведенія на Балканахъ, которое въ теченіе сорокалѣтняго существованія твердо и неуклонно поддерживало единеніе Россіи со славянами посредствомъ воспитанія женщины-славянки, въ обширномъ смыслѣ этого понятія. Одиннадцать лѣтъ, проведенныхъ Н. П. въ Цетиньѣ, въ самыхъ примитивныхъ условіяхъ жизни, представляютъ собой непрестанный трудъ и подвигъ, оцѣнка котораго не поддается учету. Здоровье ея пошатнулось, и она покинула свой постъ, положивъ прочныя основы будущей культурной работѣ русскихъ женщинъ на почвѣ женскаго воспитанія у южныхъ славянъ. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1914 г., № 13844).

† **Паперъ, Я. Л.** Въ ночь на 12-е октября скончался старый литераторъ Яковъ Львовичъ Паперъ. Покойный въ свое время много работалъ на литературномъ поприщѣ, печаталъ свои статьи, большею частью по вопросамъ социологіи, въ журналѣ «Дѣло» и др., уже нынѣ не существующихъ журналахъ. Еще недавно изрѣдка его статьи появлялись въ журналѣ «Современныя Записки». Онъ былъ извѣстенъ также, какъ авторъ ряда изслѣдованій по педагогическимъ вопросамъ и какъ основатель Петровской бібліотеки въ Москвѣ. Я. Л. умеръ семидесяти двухъ лѣтъ отъ роду. Онъ жилъ послѣдніе годы въ одиночествѣ въ Куоккалѣ. Здѣсь Я. Л. заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Его перевезли въ Петроградъ и помѣстили въ Петропавловскую больницу, гдѣ онъ и скончался. (Некрологъ его: «Современное Слово», 1914, № 2426).

† **Сукіасъ Парзіанъ, архіепископъ.** 12-го сентября въ Эчміадзинѣ, послѣ продолжительной болѣзни, скончался восьмидесятилѣтній архіепископъ Сукіасъ Парзіанъ. Покойный былъ родомъ изъ селенія Астатапъ Нахичеванскаго уѣзда и хотя не получилъ законченнаго образованія, однако самообразованіемъ пріобрѣлъ довольно фундаментальныя познанія. Онъ занималъ постепенно разныя отвѣтственныя должности: викарія, епархіальнаго начальника, ректора эчміадзинской академіи и т. д. Архіепископъ Парзіанъ принадлежалъ къ національно-клерикальной партіи и всѣми мѣрами противодействовалъ той партіи, которая за послѣднее время свила себѣ прочное гнѣздо въ Эчміадзинѣ. Парзіанъ въ 1903 г., по поводу отобранія церковныхъ имуществъ, былъ сосланъ

въ Оренбургъ. По возвращеніи оттуда онъ вель уединенную жизнь, терпя постоянно преслѣдованія со стороны указанной партіи. Въ 1908 году эта партія не постѣснялась въ Эчмиадзинѣ оплевать маститаго старика, что въ свое время подняло бурю негодованія среди армянскаго населенія. Покойный былъ противникомъ нынѣшняго католикоса Кеворка V и всячески старался помѣшать его выбору, такъ какъ считалъ его кандидатомъ дашнакцутюна. Онъ оставилъ нѣкоторыя сочиненія. (Некрологъ его: «Закавказская Рѣчь», 1914, № 209).

† **Фортунатовъ, Ф. Ѳ.** 20-го сентября, въ три часа утра, въ деревнѣ Колосмѣ Петрозаводскаго уѣзда скончался академикъ Филиппъ Ѳедоровичъ Фортунатовъ. Передъ самымъ отъѣздомъ на лѣтній отдыхъ покойный испыталъ тяжелый припадокъ сердечной болѣзни, отъ котораго, къ счастью, онъ тогда скоро оправился, но... ненадолго. Своими научными работами и лекціями, читанными въ московскомъ университетѣ, покойный уже давно успѣлъ приобрести въ Россіи и за ея предѣлами извѣстность крупнѣйшаго представителя современнаго научнаго языковѣдѣнія. Лингвистъ-философъ, глубокой знатокъ результатовъ своей науки, ея задачъ и методовъ, Фортунатовъ также всегда умѣлъ входить въ сложныя, тонкія частности отдѣльныхъ научныхъ вопросовъ и былъ выдающимся специалистомъ-ислѣдователемъ. Подобно многимъ знаменитымъ языковѣдамъ, Ф. Ѳ. обладалъ необыкновенной восприимчивостью къ усвоенію фактовъ и теорій языка, но—какъ немногіе—онъ обладалъ еще замѣчательно яснымъ и острымъ критическимъ умомъ, быстро и вѣрно отбивающимъ изучаемое, и рѣдкимъ даромъ самостоятельнаго научнаго творчества. Теоріи Фортунатова всегда давали новыя рѣшенія труднѣйшихъ вопросовъ науки, освѣщали ихъ новымъ оригинальнымъ свѣтомъ. Среди многихъ ученыхъ работниковъ Ф. Ѳ. шелъ впереди и указывалъ, куда нужно направляться и какъ слѣдуетъ итти. Его смерть—незамѣнимая потеря для науки. Историческая заслуга Ф. Ѳ. состоитъ еще въ подготовкѣ цѣлаго ряда замѣчательныхъ учениковъ («Фортунатовская школа»). Г. К. Ульяновъ, А. А. Шахматовъ, В. К. Поржезинскій и другіе извѣстные ученые имѣли своимъ учителемъ Ф. Ѳ. Своихъ учениковъ и всѣхъ имѣющихъ какое-либо отношеніе къ наукѣ о языкѣ покойный привлекалъ полной доступностью, готовностью оказать во всякое время научную помощь, простымъ душевнымъ участіемъ къ личнымъ дѣламъ каждаго. Есть щедрые богачи, которые любятъ «давать». Ф. Ѳ. былъ щедрый ученый: онъ любилъ дѣлиться своими знаніями, любилъ передавать специалистамъ «собственные» взгляды на тотъ или другой научный вопросъ. Въ сочиненіяхъ по языку нерѣдко встрѣчаются замѣтки авторовъ, что то или другое ученіе не принадлежитъ имъ, но высказано на лекціяхъ или въ частной бесѣдѣ съ ними Ф. Ѳ. Безкорыстный во всѣхъ отношеніяхъ, простой, справедливый, мягкій и доброжелательный, жилъ человекъ этотъ интересами одной науки, не привлекаемый никакой житейской суетою, мало заботясь о себѣ, не замѣчая даже, что разстроенное многолѣтнимъ упорнымъ трудомъ здоровье требуетъ особыхъ заботъ и попеченій. Шестьдесятъ шесть лѣтъ—не очень большая старость, и здоровые, болѣе занятые собою люди нерѣдко далеко переходятъ этотъ возрастъ. (Некрологъ его: «Современное Слово», 1914, № 2406).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Прошу редакцію «Историческаго Вѣстника» въ ближайшемъ номерѣ помѣстить слѣдующую замѣтку:

19-го августа текущаго года въ гор. Васильсурскѣ Нижегородской губерніи въ выѣздной сессіи окружнаго суда разбиралось дѣло по обвиненію публициста Н. Оглоблина въ клеветѣ въ печати (2 ч. 1535 ст. ул. о нак.) противъ васильсурскаго земскаго врача 1 участка Д. А. Перуанскаго и порядковъ васильсурской земской больницы. Основаніемъ для привлеченія Н. Оглоблина къ уголовной отвѣтственности послужила его статья, подъ заглавіемъ «Не жизнь, а декорация», напечатанная во второй книгѣ «Истор. Вѣстн.» за 1911 г. (стр. 589—591), гдѣ описывались порядки васильсурской земской больницы и обращеніе врача съ больными. Судъ призналъ Н. Оглоблина виновнымъ въ клеветѣ и приговорилъ его къ аресту при военной гауптвахтѣ на девять дней, съ примѣненіемъ же Высочайшаго манифеста—къ шестидневному аресту.

Васильсурскій земскій врачъ 1-го участка

Д. Перуанскій.

II.

По поводу статьи В. Г. и отвѣта Е. С. Шумигорскаго.

Въ книгѣ «Историческаго Вѣстника» за сентябрь 1914 года въ статьѣ В. Г. о легендѣ объ императорѣ Александрѣ I, на стран. 866, между прочимъ, сказано относительно «вспоминаній Тарасова», что «можно ли съ увѣренностью утверждать, что напечатаны были воспоминанія въ подлинникѣ? Мы имѣемъ данныя,—которыми мы не считаемъ себя въ правѣ подѣлиться съ читателями,—заподозрѣть эту подлинность и предположить, что эти воспоминанія подверглись исправленіямъ,—когда и въ какомъ духѣ—намъ это неизвѣстно».

По этому поводу я могу сообщить, что послѣ смерти Д. К. Тарасова его записки переданы были его единственнымъ сыномъ, А. Д. Тарасовымъ, редактору-издателю «Русской Старины» М. И. Семевскому не въ подлинникѣ, который заключался въ четырехъ переписанныхъ книгахъ, а въ копию, представлявшей одну объемистую тетрадь въ 356 стр. Сохранился ли по настоящее время оригиналъ, объ этомъ можно узнать у живущаго теперь въ Петроградѣ единственнаго родного внука Д. К. Тарасова, Дмитрія Александровича Тарасова. Что вышеозначенная копія не была «руки самого Д. К.», это явствуетъ уже изъ того, что почеркъ Дмитрія Клементіевича, будучи «четкимъ и убористымъ», никогда не былъ «мелкимъ», а походилъ чрезвычайно на такъ называемый семинарскій почеркъ, всегда довольно крупный.

И. Тарасовъ.

какъ бывало въ дѣтствѣ. Я опять вѣрила въ Бога, въ возрожденіе людей и въ самое себя. Я вообразила, что, можетъ быть, могу помочь вамъ въ борьбѣ, но забыла, что я недостойна этого. Простите.

Магнусъ Штейнъ сидѣлъ молча и неподвижно. Голова его опустилась на грудь, а на лицо легла глубокая тѣнь. Прошло нѣсколько минутъ, пока онъ опять поднялъ на нее глаза. Она все еще стояла на прежнемъ мѣстѣ, глядя куда-то въ сторону.

— Вы правы, — заговорилъ онъ сдавленнымъ, неестественнымъ голосомъ.

— Вы не заслужили такого названія. Усердно извиняюсь передъ вами. Не могу понять, какъ я могъ сказать такое слово. Однако вы хотѣли сдѣлать все-таки нѣчто непростительное: вѣдь вы же знаете, что я обреченъ.

Она быстро повернулась къ нему и взглянула прямо ему въ лицо. Глаза ея стали еще печальнѣе.

— Нѣтъ, этого я не знала. Еще разъ извините меня. А теперь, идите. Идите! — повторила она, видя, что онъ колеблется. — Идите!

Одной рукой она показывала ему на дверь, а другой судорожно держалась за край стола: силы покидали ее.

Магнусъ Штейнъ поклонился и молча вышелъ.

Когда дверь закрылась за нимъ, леди Изольда продолжала стоять у стола, трепеща всѣмъ тѣломъ. Потомъ медленными, невѣрными шагами она подошла къ двери и заперла ее. Попрежнему шатаясь, она вернулась въ комнату и, закрывъ лицо руками, бросилась на колѣни передъ распятіемъ. Долгое время, молча и не двигаясь, лежала она, распростертая. Лишь изрѣдка тѣло ея содрогалось конвульсивно.

Наконецъ она подняла голову. Глядя на скорбный, потемнѣвшій отъ времени ликъ Христа, видѣвшій немало отчаянія и внимавшій столькимъ молитвамъ, она тихо, отрывисто шептала:

«Ты, простившій грѣшницу, научи меня, какъ мнѣ найти прощеніе? Неужели ты, пришедшій спасти міръ, отвернулся отъ меня. Я не знала, что слезы мои будутъ такъ горьки! О, Господи, сжался надо мной! Ты, Который, не судишь, какъ люди, и знаешь предѣлы силъ нашихъ, прости и помилуй меня!»

И она со слезами протягивала руки къ изображенію Христа на крестѣ, который смотрѣлъ на нее сверху и, казалось, хотѣлъ сказать: «Смотри, Я стражду. Страдай и ты. Я тоже молился, да мимо идетъ меня чаша сія, но она не прошла мимо. И я испилъ ее. Наклонись къ твоей и также испей ее».

Женщина, казалось, поняла этотъ тайный голосъ, ибо она продолжала уже спокойнѣе:

— Нѣтъ, не надо прощенія мнѣ. Меня обманула плоть моя. Не о своемъ прощеніи молюсь я, а о немъ! Пусть я понесу крестъ

своей, но сохрани его отъ гибели! Открой ему глаза и удержи отъ этой женщины! Она малодушна и предана суетѣ міра сего. Его величіе для нея только безуміе. Боже, отнеси его отъ нея!

И опять съ мольбой протягивала она свои руки ко Христу. Свѣтъ отъ низкой свѣчки падалъ теперь прямо на Его склоненную голову въ терновомъ вѣнцѣ. Его ликъ попрежнему хранилъ важное, суровое выраженіе. Въ строгихъ глазахъ не видно было прощенія.

— Боже, сжапись надъ нимъ. Ты не можешь допустить, чтобы погибла великая душа, въ немъ живущая, погибла въ день мрака и отчаянія. Дай мнѣ знаменіе, что Ты не дашь ему погибнуть!

Она говорила громко и угрожающе. Поднявшись съ колѣнъ, она стояла передъ крестомъ. Грудь ея волновалась.

Но ликъ попрежнему оставался неизмѣннымъ и знаменія не было. Движеніемъ воздуха свѣчу едва не задудло, и на мгновеніе еще большая тѣнь легла на изображеніе Христа.

Съ тихимъ стономъ она опять пала на колѣни...

— Не гнѣвайся, Господи! Сжапись надъ мукой моею и пошли знаменіе. И я благословлю страданія свои, которыя Ты дашь мнѣ. Холодныя капли пота выступили у нея на лбу. Голосъ сдѣлался хриплымъ, но ликъ былъ все тотъ же, и знаменія не было.

Свѣчи догорѣли и погасли. Въ комнатѣ стало совсѣмъ темно, но женщина попрежнему лежала неподвижно у подножія креста...

Холоднымъ утреннимъ свѣтомъ засеребрилось окно. Медленно поднималась заря, освѣщая и крестъ, и надломленную женщину, распростертую передъ нимъ.

Наступалъ день. Онъ несъ новыя силы тѣмъ, кто провелъ ночь во снѣ, новыя надежды тѣмъ, кто задыхался въ отчаяніи въ ночной тьмѣ. Но ей онъ не несъ съ собой ни силъ, ни надеждъ.

Сначала медленно, затѣмъ быстрѣе и быстрѣе разливался свѣтъ, по мѣрѣ того, какъ невидимое еще солнце приближалось къ горизонту. Холодные блики заиграли на крестѣ и на женщинѣ съ обнаженной шеей и руками. Дивный контуръ ея плечъ рѣзко выдавался на фонѣ стѣны, а на головѣ ея сіяли брильянты.

Майское солнышко тронуло наконецъ дома на противоположной сторонѣ площади. Лучи его пробѣжали по унылой комнатѣ и окутали женщину золотой своей сѣткой. Но отъ этого распростертая фигура казалась только еще печальнѣе.

ГЛАВА VIII.

Пробужденіе.

Выйдя отъ лэди Изольды, секретарь пошелъ безцѣльно по люднымъ улицамъ, подставляя подъ свѣжій ночной вѣтерокъ свою горячую голову. Болѣе по привычкѣ, чѣмъ сознательно, онъ на-

правился къ себѣ домой. Но, дойдя до своего жилища, онъ оставился и пошелъ назадъ. Онъ былъ увѣренъ, что его мать засыплетъ вопросами: гдѣ онъ провелъ ночь. Что онъ будетъ отвѣчать ей? Поэтому онъ рѣшилъ идти прямо въ ратушу и провести остатокъ ночи въ своей рабочей комнатѣ. Онъ не разъ проводилъ здѣсь ночи за работой, и она уже привыкла къ этому.

Медленно шель онъ по спящему городу. Все было объято безмолвіемъ. Луна бросала свой холодный свѣтъ на мостовую, по которой онъ шель. Безсознательно онъ направился къ мѣсту, гдѣ нѣсколько часовъ тому назадъ произошла схватка. Трупы продолжали лежать на прежнихъ мѣстахъ. Эта часть города была не изъ лучшихъ, и всякій запоздавшій прохожій старался пройти ее, не вмѣшиваясь не въ свое дѣло. Секретарь тронулъ ногой человѣка, который едва не отравилъ его пѣною. Теперь онъ былъ уже мертвъ.

Магнусъ Штейнъ насупился и пошелъ дальше. Вотъ, наконецъ, и ратуша. Онъ отперъ и опять заперъ за собой ворота съ большимъ по этой глубокой тишинѣ скрипомъ, поднялся по темной лѣстницѣ и по коридорамъ, въ которыхъ гулко отдавались его шаги, направился къ себѣ въ комнату. Здѣсь онъ высѣкъ огня и брезгливо осмотрѣлся.

Комната была въ беспорядкѣ: ее еще не вывели и оставили такъ, какъ она была послѣ занятій. Очевидно, служители устремились всѣ смотрѣть мистерію, разсчитывая, безъ сомнѣнія, что къ завтрашнему утру они еще успѣютъ прибрать комнату.

Секретарь спокойно зажегъ лампу и подобралъ бумаги, разбросанныя по полу вѣтромъ: даже окно осталось, какъ было, открытымъ.

Открывъ столъ, гдѣ хранились его списки, онъ вынулъ нѣкоторые и приготовился работать. Но мысли его были далеко, и совершенно машинально онъ сталъ складывать списки, не замѣчая того, что онъ соединяетъ ихъ неправильно. Нетерпѣливо махнувъ рукой, онъ сѣлъ, наконецъ, за столъ и принялся писать. Но его рука то и дѣло останавливалась, онъ погружался въ задумчивость, пока не замѣчалъ этого и силою воли не принуждалъ себя писать дальше.

И сюда заглянула въ надлежащее время заря. Она тихонько прокралась сюда отъ озера, погашая одну звѣздочку за другой и набрасывая свой серебристый покровъ на тихую водную поверхность. Чаще и чаще вспыхивала она надъ городомъ, охватывая то какую-нибудь крышу, то башню. Окна въ ратушѣ стали сѣрыми. Свѣтъ лампы казался блѣднымъ и неестественнымъ. А снаружи сначала рѣдко и робко, затѣмъ чаще и увѣреннѣе стали доноситься утренніе звуки.

Въ воздухѣ было холодно, и секретарь дрожалъ. Онъ просидѣлъ въ своей комнатѣ до двухъ часовъ дня. Затѣмъ захлопнулъ

книгу и спрятала ее. Заперевъ комнату на ключъ, онъ спустился внизъ и пошелъ домой по залитымъ солнцемъ улицамъ.

Быль чудный день. Улицы были переполнены разноцвѣтной толпой. Знакомые привѣтствовали его, но никто, казалось, не радовался встрѣчѣ съ нимъ.

Магнусъ Штейнъ мрачно шелъ впередъ, избѣгая широкихъ площадей и выбирая узкіе переулки. Свѣтъ и веселье какъ будто оскорбляли его. Медленно поднялся онъ по скрипучей лѣстницѣ въ свое жилище. На площадкѣ его встрѣтила мать.

— Гдѣ ты былъ все это время?—спросила она.—Я уже хотѣла послать за тобой кого-нибудь, но подумала, что ты, вѣроятно, пошелъ съ Фастрадой смотрѣть мистерію и рѣшилъ провести у нихъ всю ночь.

— Отчасти это вѣрно,—произнесъ сынъ.—Но остатокъ ночи и утро я провелъ у себя въ рабочей комнатѣ: у меня была работа.

— Ты не долженъ работать такъ много,—сказала она мягче обыкновеннаго. Но сынъ и не замѣтилъ этой разницы въ тонѣ. Не отвѣчая ничего, онъ вошелъ къ себѣ въ комнату и сѣлъ.

— Нельзя ли мнѣ дать стаканъ вина? Если, конечно, оно у насъ есть.

— Есть, есть.

И съ необычнымъ проворствомъ она отправилась за виномъ. Когда онъ выпилъ стаканъ, она заговорила снова:

— Не хочешь ли чего-нибудь съѣсть? Ужиналъ ли ты?

— Спасибо, я не голоденъ,—промолвилъ Магнусъ, съ изумленіемъ поднимая на нее глаза.

— Выпей еще вина. Ты что-то блѣденъ.

Это показалось ему подозрительнымъ. Уже первыя ея слова подѣйствовали на него непріятно. Каждую недѣлю въ этотъ самый день происходило засѣданіе городского совѣта, такъ что секретарь обыкновенно возвращался въ этотъ день ночью. Она не могла знать, что вчера засѣданіе было случайно отложено.

Онъ обвелъ глазами комнату, но въ ней все было попрежнему.

— Гдѣ Эльза?—спросилъ онъ.

— Въ своей комнатѣ. Она сейчасъ придетъ.

Онъ выпилъ свой стаканъ и сталъ ждать. Но Эльзы все не было. Это показалось ему страннымъ.

— Здорова ли она?—спросилъ онъ.

— Утромъ было довольно плохо. Знаешь, это часто съ ней бываетъ. Послѣ обѣда она, какъ будто, была очень утомлена, и я велѣла ей лечь отдохнуть. Она, вѣроятно, спитъ.

Трудно было объяснить себѣ эту внезапную нѣжность, и она не обманула Магнуса.

— Я пойду къ ней самъ,—сказалъ онъ, вставая.

— О, не надо, не надо,—вскричала фрау Штейнт.—Она теперь спитъ, и ее не надо будить. Иначе вечеромъ ей будетъ хуже.

Она проговорила все это очень спокойно, но взглядъ ея избѣгалъ сына.

Не говоря ни слова, онъ пошелъ къ двери.

— Не ходи!—закричала мать съ раздраженіемъ.—Ты вызовешь у ней припадокъ.

Онъ не обратилъ вниманія на ея слова. Она вскочила и загордилась ему дорогу.

— Подожди,—заговорила она, задыхаясь.—Я должна тебѣ сказать одну вещь. Сегодня утромъ ей было такъ плохо, какъ никогда. Послѣ припадка она казалось полумертвой... Одинъ святой человѣкъ обѣщалъ мнѣ изгнать изъ нея бѣса... И теперь онъ у нея.

Жилы на лбу секретаря налились такъ, какъ будто хотѣли лопнуть. Съ гнѣвомъ онъ схватилъ мать за руку.

— Это отецъ Марквардъ?—промолвилъ онъ сквозь зубы,

— Ради Бога! Пстой! Не убивай меня! Другой, другой... святой человѣкъ!

— Ты лжешь!—вскричалъ сынъ и оттолкнулъ ее съ такой силой, что она отлетѣла къ двери и упала у стѣны. Не взглянувъ на нее, сынъ бросился впередъ и быстро подошелъ къ двери Эльзы.

Дверь была заперта. Сильнымъ движеніемъ онъ сорвалъ ее съ петель и вошелъ.

Женщина за дверью затаила дыханіе. Слышно было, какъ съ металлическимъ звукомъ упалъ на полъ кинжалъ, выбитый изъ дрожащихъ рукъ искусителя. Раздался слабый крикъ монаха, сдавленнаго въ могучихъ, не знающихъ пощады объятыхъ.

— Читай скорѣе себѣ отходную,—раздался суровый голосъ.—Часъ твой насталь.

— Я изгонялъ бѣса,—визжалъ монахъ, пораженный смертельнымъ страхомъ.—Демонъ всецѣло овладѣлъ ею. Но я выгналъ его...

— Ну, стало быть, онъ теперь вселился тебѣ въ душу. Черезъ пять минутъ все будетъ кончено.

Страшная опасность заставила монаха опомниться. Онъ опять прибѣгъ къ своей обычной самоувѣренности.

— Вы не смѣете убить меня!—закричалъ онъ.—Это не пройдетъ вамъ даромъ. Всѣ знаютъ, куда я пошелъ. Кромѣ того, въ моемъ столѣ лежитъ письмо, въ которомъ вы обвиняетесь въ ереси. У меня о васъ довольно свѣдѣній. Если я не вернусь къ себѣ, то письмо будетъ передано епископу.

Это была обычная хитрость монаха, при помощи которой онъ въ свое время принудилъ къ повиновенію мастера Шварца и многихъ другихъ. Никакихъ писемъ, по всей вѣроятности, имъ заготовлено

не было, но такъ какъ провѣрить его было нельзя, то приходилось вѣрить ему на слово.

Въ отвѣтъ на эту угрозу секретарь только разсмѣялся. Отъ смѣха монахъ затрясся, словно въ лихорадкѣ.

— И ты думаешь запугать меня костромъ! Меня, который всю жизнь того и ждешь, что завтра окажется на кострѣ.

И онъ разсмѣялся опять. Его бѣлые зубы ярко выдѣлялись изъ-подъ черныхъ усовъ.

— Но подумайте о вашей семьѣ! Вспомните о матери, о сестрѣ!

— Моя несчастная сестра не въ своемъ умѣ. А моя мать такъ погрязла въ порокахъ, что никакой духовный судъ не признаетъ ее еретичкой. Черезъ часъ я извѣщу твоего брата, гдѣ онъ можетъ найти твой трушъ.

— О сжальтесь, сжальтесь, — пзвиваясь, завизжалъ монахъ.

— Вчера одна особа, въ тысячу разъ лучшая, чѣмъ ты, упрекнула меня въ томъ, что я безпощаденъ. Ужъ если я съ ней былъ безпощаденъ, то буду такимъ и теперь.

Вдругъ кто-то судорожно схватилъ его за рукавъ. То была его мать. Не имѣя возможности встать, она медленно подползла къ нему.

— Опомнись, сынъ мой, опомнись, — отчаянно выла она. — Костерь! Костерь!

Свободной рукой секретарь схватился за кинжалъ, лезвіе котораго сверкнуло передъ самымъ лицомъ испуганной женщины.

— Прочь, пока я не вышелъ изъ себя! Въмѣсто того, чтобы валиться здѣсь въ пыли, постаралась бы хотя прикрыть наготу дочери!

И, сорвавъ съ нея платокъ, онъ набросилъ его на Эльзу, которая относилась ко всему происходящему совершенно безучастно, какъ будто послѣдній остатокъ разума пропалъ у нея.

— Сжальтесь! Сжальтесь!—повторялъ, ползая на колѣняхъ, отецъ Марквардъ.

— Объявляю передъ лицомъ Господа, что я не хочу мстить тебѣ за тѣхъ, кого ты уже успѣлъ погубить. Онъ Самъ будетъ судить тебя за это. То, что я сдѣлаю, я сдѣлаю для огражденія еще не погубленныхъ женъ и дочерей города Констанца.

— Я не всегда былъ такимъ,—въ отчаяніи лепеталъ монахъ, пытаясь оправдаться.—Я былъ добръ, когда былъ молодъ. Однажды я полюбилъ женщину, но она была замужемъ, а я былъ монахомъ. Но я ее всегда уважалъ. Во всемъ, что я потомъ дѣламъ, виновата церковь, а не я.

— Говори все это Господу Богу. Онъ взвѣситъ твои преступленія и рассудитъ тебя. У меня нѣтъ времени для этого. Молись, ибо твой часъ насталъ.

— Сжальтесь! Сжальтесь!—вопилъ монахъ.

— Не хочешь молиться—твое дѣло.

Секретарь поднялъ свой кинжалъ, но опять опустилъ его.

— Нѣтъ, не хочу марать клинокъ твоею кровью.

Схвативъ поясъ монаха, онъ удавилъ его имъ.

Все это произошло прежде, чѣмъ монахъ могъ сообразить, въ чемъ дѣло, и оказать какое-нибудь сопротивленіе. Фрау Штейнъ въ ужасѣ со стонами уползла въ уголь. Эльза попрежнему смотрѣла на все тупымъ взглядомъ—ее не тронули ни расширившіеся отъ ужаса глаза монаха, ни его исказившіяся судорогой черты, ни застывшее въ покоѣ смерти лицо.

Вдругъ она испустила страшный крикъ. Выпрямившись во весь свой ростъ, она дико смотрѣла впереди себя. Вскрикнувъ еще разъ, она какъ мертвая опустилась опять. Братъ долго смотрѣлъ на нее и повернулся къ матери, сидѣвшей на полу, стуча челюстями.

— Это твое дѣло! Клянусь Богомъ, не знаю, долженъ ли я оставить тебя въ живыхъ! Сколько ты получила за это?

— Нѣтъ, нѣтъ!—рыдала она. Страхъ смерти и тяжкое брошенное ей обвиненіе вернули ей способность рѣчи.—Я дурная женщина, но этого я бы не сдѣлала! Я не получила ничего. У нея былъ припадокъ, и я думала, что онъ дѣйствительно можетъ помочь ей. Я однажды собственными глазами видѣла, какъ онъ изгналъ бѣса изъ фрау Керлингъ. Онъ клялся всеми святыми, что вылечитъ ее, и я думала, что тутъ нѣтъ никакой опасности, потому что... потому что...

Несчастливая женщина, кажется, впервые почувствовала весь свой позоръ.

— Потому что,—созналась она, потупясь,—имѣла основаніе думать, что онъ пришелъ ко мнѣ.

Сынъ бросилъ на нее взглядъ, въ которомъ страннымъ образомъ смѣшано было презрѣніе, гнѣвъ и сожалѣніе.

— Ты моя мать,—промолвилъ онъ глухимъ голосомъ:—не знаю, что тебѣ отвѣчать. Посмотри теперь за дочерью, а я пойду извѣстить епископа о всемъ происшедшемъ.

Отрезвленная страшной картиной фрау Штейнъ загородила ему дорогу. Въ ней невольно проснулись материнскіе инстинкты.

— Не надо, не надо! — кричала она, уже видя передъ собой костеръ.—Я пойду къ королю. Онъ долженъ сегодня вернуться. Я не могла открыть тебѣ раньше, но теперь ты не можешь на это сердиться, ибо это спасетъ насъ всехъ: твой отецъ—король.

Она произнесла это съ гордостью. Видимо, тщеславіе овладѣло ею при воспоминаніи о прошлыхъ дняхъ. Но вдругъ она отступила назадъ: лицо ея сына было ужасно.

— Минуту тому назадъ я еще думалъ, что ты наконецъ поняла, что такое грѣхъ! — воскликнулъ онъ.—Но нѣкоторые рождаются слѣпыми, и у нихъ нѣтъ чувства добра и зла, чести и позора. И ты еще

гордишься тѣмъ, что было! А отъ кого же моя несчастная сестра?—спросилъ онъ, немного помолчавъ.

— Не... не знаю,—простонала она.

— Сегодня ночью я обозвалъ одну женщину потаскушкой, я, сынъ потаскушки!—тихо прошепталъ онъ.—Знаешь ли ты,—вдругъ заговорилъ онъ съ гнѣвомъ:—знаешь ли ты, что долженъ былъ бы сдѣлать съ тобою твой мужъ? Онъ долженъ былъ бы убить тебя. А что, по-твоему, долженъ сдѣлать я, носящій его имя? Ну, говори?

Женщина слушала его какъ будто въ припадкѣ безумія, за-гипнотизированная его блестящими глазами и страшнымъ голо-сомъ. Вдругъ она закрыла голову руками и побѣжала изв всѣхъ силъ изъ комнаты. Не останавливаясь и не оглядываясь, она про-неслась по лѣстницѣ и выбѣжала на улицу.

Магнусъ Штейнъ посмотрѣлъ на дверь, въ которую она выбѣ-жала, и глубоко вздохнулъ.

— Слава Богу, что она ушла! Все-таки это моя мать. А мой отецъ король! Король Сигизмундъ, для котораго освѣщаютъ улицы, когда онъ отправляется въ публичные дома! Желалъ бы я знать, кто былъ мой дѣдъ! Должно быть, это былъ какой-нибудь святой, иначе я не могу понять, откуда у меня такія понятія. Дѣйствительно, я могу гордиться своимъ происхожденіемъ,—добавилъ онъ съ горькой улыбкой.

Его сестра попрежнему безучастно сидѣла на своемъ мѣстѣ. Онъ обернулся къ ней.

— Несчастное существо! Какъ гласить писаніе? Грѣхи родителей на дѣтяхъ ихъ до седьмого колѣна. Что мнѣ дѣлать съ тобой?

Онъ обвелъ глазами маленькую бѣдную комнатку. Солнце уже ушло за окно, и только на потолокѣ кое-гдѣ бѣгали его слабые отблески. Внизу же все было сѣро и угрюмо. Мебели не было, кромѣ простой кровати. Не было здѣсь и радостей жизни,—одно горе и скорбь. На подоконникѣ стояло нѣсколько блѣдныхъ и чахлахъ цвѣтовъ. Всѣ тѣ, которые росли хорошо, Эльза отнесла въ комнату брата. Въ клѣткѣ надъ ними висѣлъ маленькій снѣгирь, котораго од-нажды она нашла на улицѣ съ перебитымъ крыломъ. Обыкновенно онъ весело пѣлъ, но теперь и онъ какъ бы въ испугѣ хранилъ мол-чаніе.

— Душа ея попрежнему невинна, да и тѣло врядъ ли виновато. Но горе, если въ одинъ несчастный день преступленіе принесетъ свой плодъ! Долженъ ли я убить его?—бормоталъ про себя Магнусъ Штейнъ, бурно расхаживая по комнатѣ.—Не знаю, будетъ ли это справедливо. Нѣтъ, я не могу этого сдѣлать.

Онъ круто повернулся, и его взглядъ упалъ на мертвое лицо отца Маркварда. Ему стало страшно. Онъ стиснулъ зубы и безъ церемоній поволокъ трупъ въ сосѣдную комнату. Тутъ онъ бросилъ его въ уголъ и прикрылъ салфеткой.

Вернувшись, онъ засталъ сестру въ сильномъ испугѣ. Она сидѣла на кровати и глядѣла на него широко раскрытыми глазами.

— Ушли ли убійцы?—спросила она.

Братъ перемѣнился въ лицѣ.

— Здѣсь нѣтъ убійцы,—строго сказалъ онъ:—не бойся ничего.

— А бѣдная Ядвига осталась жива? Я видѣла, какъ кровь текла по ея лицу...

Магнусъ понялъ, что она говорить о событіи, которое произошло пять лѣтъ тому назадъ, когда ея служанка была убита у нея на глазахъ. Это такъ потрясло ее, что съ тѣхъ именно поръ она и лишилась разума.

— Да, да, Ядвига жива,—отвѣчалъ онъ.

— О, какъ я рада. Я буду ухаживать за нею. Но почему теперь день? Вѣдь они только что были здѣсь, въ глухую ночь.

Пять лѣтъ тому назадъ, проѣзжая черезъ Францію, они остановились почевать въ какомъ-то уединенномъ домикѣ, возлѣ большой дороги. Ночью на нихъ напала одна изъ разбойничьихъ шаякъ, которыми была наводнена въ то время эта несчастная страна.

— Это не та комната, гдѣ мы спали!

Она бросилась къ окну и распахнула его настеежъ.

— Какъ! Мы въ городѣ! Что случилось? Ты долженъ объяснить мнѣ!

Она вдругъ измѣнилась. Медленность и обычная безсвязность ея рѣчи пропали. Голосъ сталъ звученъ и бодръ. Одно убійство лишило ее разума, другое, какъ будто, вернуло ей его.

Братъ стоялъ передъ ней, не зная, надолго ли вернулось къ ней сознание и слѣдуетъ ли считать его возвращеніе въ такую минуту благословеніемъ или проклятіемъ.

— Ты была очень больна, но теперь ты поправляешься,—промолвилъ онъ наконецъ.

— Это хорошо.

Маленькая птичка надъ цвѣтами вдругъ принялась пѣть, какъ будто поняла ея слова. Сначала она пѣла робко и тихо, затѣмъ все громче и веселѣе. Что-то теплое почувствовалъ Магнусъ на своихъ глазахъ. Эльза стояла передъ нимъ и осматривала самое себя.

— О, какъ я выросла!—воскликнула она.

Магнусъ, подавленный ужасомъ, молчалъ. Если раньше его сестрѣ грозила какая-нибудь опасность, то теперь, когда она стала здорова, опасность эта стала куда больше.

— Ты была больна довольно долго—цѣлыхъ пять лѣтъ!—сказалъ онъ.

Онъ не смѣлъ сказать ей ничего болѣе. Время шло, надо было рѣшаться на что-нибудь и дѣйствовать.

Пять лѣтъ!

Она откинулась на кровать, какъ бы подавленная тяжестью этихъ долгихъ лѣтъ.

Она провела руками по лбу.

— Теперь я кое-что вспоминаю. Я помню какую-то женщину, которая все стояла передъ зеркаломъ, примѣривая платья и надѣвая на себя брильянты. Она бранила и била меня, когда я ей мѣшала.

Магнувъ только стиснуть зубы.

— Помню еще какое-то празднество, на которомъ другая женщина бранила меня, хотя она была молода и красива. Помню, какъ я закричала, и къ намъ подошли другая, еще болѣе красивая. Мнѣ она очень нравилась. Когда она улыбалась, она была какъ ангель, въ родѣ тѣхъ, которые, помнишь, были нарисованы въ томъ французскомъ городкѣ на окнахъ. Но, увы! Я была больна, и мнѣ все это, должно быть, приснилось.

Помолчавъ немного, она заговорила опять:

— Это очень странно, но я хорошо помню этихъ обѣихъ женщинъ. Лицо у одной было сурово, когда она говорила со мной, слова ея были повелительны, она безпрестанно оглядывалась, какъ будто боялась толпы. Всѣ стояли кругомъ насъ и смотрѣли. Другая говорила со мной ласково, какъ будто боясь обидѣть меня громкимъ словомъ. Она не смотрѣла ни на кого, какъ будто никого вокругъ насъ и не было...

Магнувъ молчалъ. Онъ только крѣпче впился ногтями себѣ въ руку, пытаясь рѣшить мучительный вопросъ, требовавшій отвѣта.

— Если я теперь поправилась, то нужно поблагодарить Господа Бога. Я вспоминаю, что когда я поправилась отъ горячки, то мы потомъ пошли и молились Богу.

— Да, конечно, дорогая моя,—произнесъ секретарь, растрогавшись.—Но если ты можешь припомнить молитву, скажи ее сама. Твои слова скорѣе дойдутъ до Бога.

Оба они опустились на колѣни. Эльза, подумавъ немного, тихимъ голосомъ, но увѣренно, стала читать молитву, которой научилась въ дѣтствѣ.

Мало-по-малу голосъ ея смолкъ, и въ комнатѣ настала полная тишина. Даже птичка, какъ будто пораженная торжественнымъ настроеніемъ брата и сестры, перестала пѣть.

Секретарь поднялся съ колѣнъ. Приподнявъ сестру, онъ поцѣловалъ ее въ губы, какъ бы желая показать, что для него она попрежнему осталась чиста и непорочна.

— Надѣнь хорошее теплое платье и возьми изъ своихъ вещей то, что тебѣ болѣе всего нравится. Мы должны уходить отсюда. Я теперь не могу объяснить тебѣ почему, но ты должна вѣрить мнѣ и не спрашивать меня.

— Хорошо,—отвѣчала она.

— Пока ты будешь одѣваться, я наведу порядокъ въ домѣ. Оставайся здѣсь и не выходи, что бы ты ни слышала. И не спрашивай почему.

Выйдя изъ комнаты, онъ взялъ изъ угла трупъ отца Маркварда, положилъ себѣ на спину и отнесъ въ погребъ. Ноша была не изъ пріятныхъ. Безжизненные руки и ноги мертвеца колотились о секретаря и о перила узкой лѣстницы, а вытаращенные глаза на багровомъ лицѣ пристально смотрѣли въ одну точку. Но секретарю было не до того. Онъ привыкъ видѣть мертвыхъ и не боялся ихъ. Онъ спокойно спустился внизъ, не ускоряя и не замедляя своего шага.

Онъ положилъ тѣло въ уголь погребѣ и покрылъ его простынѣй. Онъ зналъ, что трупъ останется здѣсь не долго.

Когда все было готово, онъ заперъ дверь погребѣ и тѣмъ же спокойнымъ и увѣреннымъ шагомъ поднялся опять по лѣстницѣ и прошелъ прямо въ свою комнату. Здѣсь онъ открылъ сундукъ и вынулъ со дна его какой-то свертокъ, тщательно завернутый въ холстину. Онъ долго развѣтывалъ его, пока наконецъ въ его рукахъ не очутилась кольчуга, легкая и гибкая, но очень частая, какія дѣлались тогда въ Испаніи. Ее можно было носить незамѣтно подъ платьемъ. Рядомъ съ нею въ сундукѣ лежала шпага—не такая, какія носятъ по праздникамъ бюргеры, съ золоченой ручкой и тонкимъ клинкомъ, но тяжелая и годная для боя.

Секретарь надѣлъ кольчугу и прикрѣпилъ шпагу, стараясь закрыть ее длиннымъ одѣяніемъ, которое носили члены городского совѣта. Затѣмъ онъ взялъ изъ потайнаго ящичка въ сундукѣ мѣшечекъ съ золотомъ и положилъ его въ карманъ. Заперевъ снова сундукъ, онъ присѣлъ къ столу и сталъ писать письмо, которое потомъ запечаталъ и также спряталъ въ карманъ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, онъ отправился за сестрой.

Она была уже одѣта. Изъ вещей она взяла очень немного. Ихъ у нея было мало, и онъ теперь казались ей новыми и незнакомыми. Изъ драгоценностей у нея была всего одна небольшая золотая цѣпочка, неизвѣстно откуда попавшая къ ней. Съ собой она брала только узелокъ съ бѣльемъ и клѣтку съ снѣгиремъ.

— Онъ умретъ съ голоду, если его оставить здѣсь,—сказала она брату.

— Въ такомъ случаѣ, возьмемъ его съ собой,—нѣжно отвѣчалъ онъ.

Такъ они покинули свое жилище.

ГЛАВА IX.

Приготовленія.

— О, какіе высокіе дома!—вскричала Эльза, когда они очутились на улицѣ.

На самомъ дѣлѣ дома не были высоки, даже для Констанца. Это былъ бѣдный кварталъ города. Нѣсколько дальше, внизъ по улицѣ виднѣлись изъ-за стѣнъ извигнувшихся домовъ деревья и кусты. Хотя несчастная дѣвушка въ прежніе годы не разъ видала ихъ, тѣмъ не менѣе они совершенно испарились изъ ея памяти, и она шла по улицѣ, словно во снѣ.

— Посмотри, какъ нависли эти крыши!—говорила она.

Улица была не велика, но отъ нависшихъ крышъ съ трубами и плоскими на нихъ окнами, громоздившихся одна возлѣ другой въ живописномъ безпорядкѣ, она казалась гораздо длиннѣе.

Изъ трубъ весело бѣжало дымокъ. На черномъ фонѣ черепичныхъ крышъ выдѣлялось блѣдно-голубое облачко, подбитое серебромъ. Дойдя до не загороженнаго ничѣмъ неба, оно вдругъ стало золотымъ. Весело взлетѣла стая голубей, на минуту наполнивъ собой все свободное пространство. Черезъ минуту они вернулись, однако, на залитыя солнцемъ крыши, какъ бы рѣшивъ, что не стоитъ летѣть, когда и здѣсь такъ хорошо. Внизу на улицѣ у своихъ дверей играли дѣти, улыбаясь на двухъ прохожихъ. Все дышало миромъ и спокойствіемъ, и Эльза, столько лѣтъ прожившая въ уединеніи, смотрѣла на все съ довольствомъ и радостью. Но ея братъ шелъ впередъ равнодушно. Онъ хорошо зналъ добрый городъ Констанцъ.

Скоро они дошли до конца улицы, которая въ этомъ мѣстѣ развѣтвлялась. Прямо передъ ними, противъ маленькой площади высился большой массивный домъ. Его деревянныя части казались чернѣе, чѣмъ у другихъ домовъ. На дворѣ, словно глаза какого-нибудь дракона, вспыхивали въ темномъ погребѣ огни кузнеца мастера Вейганда, погасавшіе только три раза въ годъ: на Пасху, Пятидесятницу и на Рождество. Когда грозы срывали въ городѣ крыши,—а это случалось нерѣдко,—дымъ изъ трубы кузнеца шелъ внизъ, выходилъ въ двери и окна, окрашивая въ черный цвѣтъ стѣны верхняго этажа.

Въ этотъ день огни здѣсь работали ярко, и весело работали мѣха, разбрасывая своимъ дуновеніемъ тысячи искръ.

Около печи, нахмурившись, стоялъ кузнецъ, сопровождая ругательствами каждый ударъ молотка. Время отъ времени онъ останавливался, чтобы перевести духъ и выпить изъ огромнаго кувшина, стоявшаго сзади него.

— Какъ это вы учили меня, г. секретарь?—спросилъ кузнецъ, поворачивая къ нимъ свое красное отъ огня и вина лицо.—Одинъ разъ королю, другой—папѣ, а третій—дьяволу, сидящему внутри насъ!

И каждую фразу онъ сопровождалъ ударомъ молота, отъ котораго по всей кузницѣ летѣли огненные брызги.

— Это все пустое! Потому что на королю, ни папѣ, ни дьяволу отъ этого ни тепло, ни холодно!

Секретарь, вошедшій въ кузницу вмѣстѣ съ сестрой, взглянулъ на налитые кровью глаза кузнеца. Потомъ онъ перевелъ взоръ на блѣдную, изнуренную заботами женщину, которая стояла у окна и кормила грудью ребенка. Холодный отблескъ отъ камней мостовой падалъ ей прямо на лобъ и щеки, отчего онѣ казались еще блѣднѣе и худѣе. Видъ у нея былъ такой, какъ будто она уже много выстрадала въ жизни и впереди не ждала ничего хорошаго. И было отъ чего. Подвыпивъ, мастеръ Вейгандъ билъ ее и сокрушалъ, все, что попадало ему подъ руку, не обращая вниманія на то, былъ ли это старикъ, или женщина, или ребенокъ, или, наконецъ, его собственное имуществъ. Потомъ онъ съ мрачнымъ видомъ сидѣлъ передъ разбитымъ и поломаннымъ, терзаемый стыдомъ и угрызениями совѣсти.

— Ты не такъ меня понялъ,—отвѣчалъ Магнусъ Штейнъ.—Дайка мнѣ молотокъ.

Схвативъ правой рукой тяжелый молотокъ, онъ махнулъ имъ два-три, какъ бы для того, чтобы расчитать его тяжесть. Затѣмъ онъ схватилъ лѣвой полосу желѣза, которую ковалъ кузнецъ. Смѣло и ловко ударилъ онъ по красному желѣзу. Искры снопомъ полетѣли подъ самый потолокъ.

— Это королю,—звонко воскликнулъ онъ. Освѣщаемое огнемъ, кузнецу его лицо казалось свирѣпымъ.—Это папѣ! А это дьяволу!

Въ третій разъ молотъ, вмѣсто того, чтобы ударить по желѣзу, опустился на кувшинъ, стоявшій нѣсколько вправо отъ наковальни. Съ трескомъ разлетѣлись обломки по всей комнатѣ, а вино, словно потокъ жидкаго золота, разлилось по полу.

Съ минуту всѣ стояли неподвижно отъ изумленія, словно пригвожденные къ своему мѣсту. Мужчины прекратили свою работу, мальчики у мѣховъ глядѣли, вытаращивъ глаза, жена кузнеца, видимо, испугалась. Самъ Вейгандъ въ остолбенѣннн смотрѣлъ на осколки своего любимаго кувшина. Когда онъ наконецъ понялъ, что случилось, жилы на его лбу налились, и, стиснувъ кулаки, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ секретарю. Въ глазахъ послѣдняго загорѣлся какой-то странный огонекъ. Кузнецъ увидѣлъ знакъ, который тотъ сдѣлалъ молоткомъ на горячемъ желѣзѣ, и струхнулъ. Опустивъ глаза, онъ пробормоталъ:

— Что вы, съ ума, что ли, сошли? Кувшинъ отличнаго вина! Не говоря уже о самомъ кувшинѣ, который стоитъ четыре флорина. У меня теперь нѣтъ другого!

— Нѣтъ—лучше,—мрачно отвѣчалъ секретарь.—Неужели ты думаешь побѣдить дьявола одними ударами? Ударь сначала по своимъ порокамъ, а потомъ ужъ по королю и папѣ!

Мастеръ Вейгандъ былъ еще достаточно трезвъ и не могъ не почувствовать справедливость этихъ словъ.

— Не знаю, въ этомъ проклятомъ зельѣ есть что-то, что при-вораживаетъ человѣка. Должно быть, въ немъ самъ дьяволъ.

— Именно, дьяволъ, мастеръ Вейгандъ, но больше въ насъ самихъ, чѣмъ въ винѣ.

— Тутъ виновата еще эта проклятая рыба, отъ которой такъ хочется пить,—продолжалъ кузнецъ, указывая на стоявшую на столѣ соленую рыбу.

Секретарь взялъ ее и бросилъ въ огонь.

— Теперь она не будетъ больше возбуждать у тебя жажды.

Кузнецъ опять едва не разсердился, но снова преодолѣлъ себя.

— Пропалъ ужинъ!—сказалъ онъ съ дѣланнымъ смѣхомъ.

— Постись, постись! Завтра самъ будешь радъ.

— Трудно, знаете, когда человѣкъ долженъ работать и не можетъ ни съѣсть, ни выпить.

— Трудно?

Бросивъ молотъ, секретарь вдругъ схватилъ одного изъ учениковъ и выволокъ его на средину кузницы, какъ будто желая заставить его заплакать отъ боли.

— Трудно? А управлять этимъ малымъ и заставлять его плакать не трудно! Научись лучше управлять дьяволомъ въ себѣ самомъ. Что касается кувшина, то я готовъ заплатить его стоимость.

Мастеръ Вейгандъ вспыхнулъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, господинъ секретарь. Я знаю, что вы это сдѣлали не съ дурными цѣлями, и урокъ пойдетъ мнѣ на пользу.

Рѣдкое соединеніе нравственной и физической силы въ чевѣкѣ, который стоялъ передъ нимъ, видимо, производило на него сильное впечатлѣніе. Онъ взялъ изъ огня желѣзную полосу, которую ковалъ секретарь. Двумя ударами онъ сдѣлалъ то, что Вейганду едва ли удалось бы сдѣлать съ трехъ. И человѣкъ, сдѣлавшій это, не употреблялъ вина и проповѣдывалъ постъ.

— Изъ васъ вышелъ бы хорошій кузнецъ,—промолвилъ мастеръ Вейгандъ.

Это была высшая похвала, на которую онъ былъ способенъ.

— Благодарю васъ, мистеръ Вейгандъ. Но, конечно, мнѣ далеко до васъ. Это хитрое ремесло, если понимать его, какъ слѣдуетъ. Однако мнѣ нужно идти. Нельзя ли на нѣсколько часовъ оставить

у васъ Эльзу? Моя мать тоже ушла, и мнѣ не хотѣлось бы оставлять ее одну. Она любитъ смотрѣть на огонь и наблюдать, какъ вы овладѣваете желѣзомъ.

Кузнецъ согласился. Эльза не разъ бывала въ кузнецѣ, хотя теперь она этого уже не помнила. Прежде, чѣмъ уйти, братъ взялъ ее за руку и отвелъ въ сторону.

— Я скоро вернусь, дорогая моя,—сказалъ онъ.—Но если я не приду черезъ нѣсколько часовъ, не тревожься. Жди здѣсь и побольше молчи. Когда тебя будутъ спрашивать, отвѣчай «да», или «нѣтъ»—и только.

Она обѣщала исполнить все, какъ онъ сказалъ, и секретарь ушелъ.

Молотки съ ритмическимъ звукомъ продолжали падать внизъ, мѣхи гудѣли, и искры летѣли во все стороны, словно огненный дождь.

Улицы теперь были освѣщены не такъ ярко и рѣзко, хотя на крышахъ солнце попрежнему свѣтило во всю. Магнусъ шелъ быстро. До вечера было еще часа три-четыре, но у него было много дѣла.

Онъ перешелъ черезъ площадь, когда на золотую вывѣску гостиницы падали уже послѣдніе лучи, и пошелъ по узкому переулку, поворачивавшему направо. Сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ, онъ дошелъ до небольшой площади сзади гостиницы, которая, какъ все тогдашніе дома, длинныя и узкіе, выходила на двѣ улицы. Можетъ быть, съ этой-то стороны и былъ ея настоящій фасадъ. Эта часть зданія имѣла болѣе спокойный и аристократическій характеръ и была населена болѣе зажиточными постояльцами, которые хотѣли устроиться подешевле, не желая, однако, смѣшиваться со всякой мелкотой.

Секретарь прошелъ въ ворота и спросилъ Вильяма Маклюра, капитана папской гвардіи, который долженъ былъ сопровождать его святѣйшество въ Римъ. Гостиница едва ли могла служить приличнымъ убѣжищемъ для человѣка такого положенія, но онъ былъ младшимъ сыномъ въ роду. Къ тому же, несмотря на многіе грабежи, съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ свою военную карьеру, онъ былъ бѣденъ и не любилъ тратить лишняго.

У двери въ его комнату стоялъ на стражѣ старый шотландецъ, рыжеволосый, голубоглазый, съ щетинистыми усами и отрывистой рѣчью, когда онъ говорилъ. Угрюмое, свирѣпое существо, которое перерѣзало на своемъ вѣку гораздо болѣе глотокъ, чѣмъ самъ Маклюръ. Онъ былъ, однако, такъ же бѣденъ, какъ и его командиръ.

— Дома капитанъ Маклюръ?—спросилъ секретарь.

— А вы кто такой и что вамъ отъ него нужно? Не можетъ же онъ принимать всякаго, въ родѣ васъ,—отвѣчалъ шотландецъ, прищуривая глаза въ знакъ презрѣнія къ бюргеру.

Но передъ нимъ былъ человѣкъ, не расположенный ждать.

— Скажи ему, что я хочу его видѣть во имя прошлаго и самого дьявола,—гнѣвно промолвилъ Магнусъ.—Да поворачивайся! Я пришелъ не за деньгами. Поворачивайся, не то будетъ худо.

Тонъ и манера обращенія произвели свое дѣйствіе на стараго солдата. Въ нихъ видно было что-то военное. Быстро поднявшись, онъ сказалъ:

— Иду, иду. Почему же ваша милость сразу не сказали, какъ слѣдуетъ. Я сейчасъ доложу.

Маклюръ былъ высокій, жилистый человѣкъ съ рѣзкими чертами лица, съ крѣпкимъ подбородкомъ, стальными глазами и такими же щетинистыми усами, какъ у его денщика. Онъ поздоровался съ секретаремъ, и это еще болѣе укрѣпило хорошее мнѣніе о гостѣ, уже сложившееся у стараго шотландца.

— Чѣмъ могу быть полезенъ вамъ, господинъ секретарь? Или какъ мнѣ величать васъ?—спросилъ Маклюръ, когда они сѣли.

— Вы назвали меня правильно. Я все еще городской секретарь.

— Отлично. Правда, это звучитъ для меня довольно странно, особенно, когда я припомню, что служилъ подъ вашей командой, когда вы были помощникомъ того испанца. Позвольте предложить вамъ что-нибудь? Въ этой мерзкой гостиницѣ вино отвратительно, а пиво безвкусно. А въ лучшей я останавливаться не могу. Могу послать за бутылкой чего-нибудь, что можно было бы распить, если у васъ есть время подождать.

— Благодарю васъ,—сухо отвѣчалъ секретарь.—Вы знаете, я не пью вина. Къ тому же мы оба—бѣдные люди, которымъ не приходится зря бросать деньги.

— Клянусь св. Дунстаномъ, вы правы. Но чѣмъ же я могу служить вамъ? Вѣдь вы пришли, конечно, не для того, чтобы имѣть удовольствіе разговаривать со мной.

— Откровенно говоря, нѣтъ. Мнѣ нужны два человѣка и пять лошадей сегодня вечеромъ. Помогите мнѣ найти ихъ, ради нашего прошлаго.

— Наемникъ теперь получаетъ восемнадцать флориновъ въ мѣсяцъ. Дешевле теперь не наймешь. На сколько времени вы хотите ихъ нанять?

— На недѣлю. Впослѣдствіи я рассчитываю пристроить ихъ на другую службу. Ибо я...

— Не стоитъ говорить объ этомъ. Я не желаю знать вашихъ секретовъ. Если я ихъ не знаю, то не могу и выдать, хотя бы меня пугали слабостью нашей грѣшной плоти. Но вернемся къ дѣлу. Два человѣка, скажемъ, по пятнадцати флориновъ въ мѣсяцъ, это составитъ тридцать флориновъ. На меньшій срокъ не достанете. Вамъ, конечно, нужны надежные люди, которые умѣютъ сражаться и не оставляютъ васъ въ бѣдѣ. Въ такомъ случаѣ, возьмите двоихъ

пзъ Старой роты. Въ городѣ ихъ найдется съ полдюжины, и вы съ ними старый знакомый.

— Конечно, я предпочиталъ бы взять ихъ. Вчера я встрѣтился съ двоими. Но сегодня утромъ они должны были ѣхать съ какимъ-то прелатомъ.

— Хорошо. Давайте на столь тридцать шесть флориновъ, если дѣло рискованное. У людей будутъ свои лошади. Вамъ, стало быть, придется купить еще трехъ. Нанять теперь невозможно. Положимъ, вамъ удастся купить ихъ за пятьдесятъ флориновъ, это составитъ все вмѣстѣ восемьдесятъ. У васъ есть эти деньги?

— Нѣсколько дней тому назадъ я получилъ свое жалованье. Да еще сберегъ кое-что на непредвидѣнные расходы. Но все-таки этихъ денегъ не хватитъ. Можетъ быть, люди удовольствуются пока половиной содержанія. Къ тому же я вѣдь не потребую отъ нихъ, чтобы они служили мнѣ цѣлый мѣсяцъ. Къ тому же на горящихъ развалинахъ замка въ Пауту—помните?—мы дали клятву помогать другъ другу всѣмъ, чѣмъ можемъ, не щадя даже крови своей и жизни.

— Такія клятвы каждый день нарушаются и папой, и королемъ, и всѣми бюргерами. Почему же только солдатъ долженъ быть ей вѣренъ?—холодно спросилъ Мюкльюръ.

— Нашъ прежній командиръ Бернардонъ Серрскій всегда держалъ свое слово. Такъ же поступалъ испанецъ донъ-Родриго, хотя въ другихъ отношеніяхъ онъ и не былъ такъ благороденъ.

— Бернардона Серрскаго уже нѣтъ въ живыхъ. Онъ убитъ преждевременно въ несчастномъ дѣлѣ подъ Вилльфраншемъ. Ему не было еще и сорока лѣтъ. Неизвѣстно еще, какого онъ былъ бы образа мыслей теперь. А донъ-Родриго никогда не давалъ такихъ обѣщаній, которыя ему трудно было бы потомъ сдержать. Какъ видите, намъ приходится самимъ думать о своихъ удобствахъ, разъ другіе люди объ этомъ не думаютъ. Что касается меня, то, какъ вамъ извѣстно, я человѣкъ бѣдный.

— Знаю,—сухо возразилъ Магнусъ.—Прошу не забывать, что лично у васъ я ничего не просилъ. Я говорилъ о людяхъ.

— Это правда,—спокойно отвѣчалъ Макльюръ, слегка покраснѣвъ.—Здѣсь Россъ и Мортъе, которыхъ вы тогда лично извлекли изъ пламени. Я пошлю за ними. Они теперь служатъ у меня въ отрядѣ, но я могу отпустить ихъ. Для нашего путешествія въ Римъ годится всякій. Я объясню имъ, въ чемъ дѣло. Можетъ быть, вамъ удастся и лошадей купить подешевле.

Онъ всталъ, подошелъ къ двери и сдѣлалъ распоряженіе своему денщику. Вернувшись, онъ опять сѣлъ и продолжалъ:

— Я велѣлъ Фергюссону привести ихъ обоимъ. Если вы пожелаете немного, то можете переговорить съ ними сами. Можетъ быть, они сдѣлаютъ для васъ то, что не захотѣли бы сдѣлать для другого.

Всѣ очень жалѣли, когда вы оставили нашъ отрядъ,—добавилъ Маклюръ ради учтивости.

— Благодарю васъ,—коротко отвѣчалъ секретарь.

— Я знаю, что въ моемъ отрядѣ многіе предпочли бы служить подѣ вашимъ начальствомъ, чѣмъ подѣ моимъ,—продолжалъ Маклюръ съ улыбкой.

— Что жъ, теперь имъ представляется эта возможность, хотя и на время.

Маклюръ поднялъ брови.

— Мнѣ всегда казалось, что послѣ меча вамъ не сладко работать перомъ.

— Я работалъ перомъ еще раньше, чѣмъ взялся за мечъ.

— Этого я не зналъ. Когда вы оставили насъ послѣ этого дѣла въ Ландокѣ,—нужно сознаться, что съ идеальной точки зрѣнія это дѣло было неважно,—мнѣ очень хотѣлось знать, неужели новый образъ жизни придется вамъ болѣе по вкусу. Какъ видно, онъ не оправдалъ вашихъ ожиданій. Я всегда думалъ, что идеалы, о которыхъ вы иной разъ говорили, это только мечты поэта, а не реальная сила, способная поддерживать и руководить человѣкомъ въ его карьерѣ. А вотъ теперь и вы идете на компромиссъ съ жизнью, какъ и всѣ мы.

— Совсе нѣтъ!—сурово возразилъ секретарь.—Я не сдѣлалъ ни одной уступки жизни! Ни одной! Я не измѣнилъ моимъ убѣжденіямъ, и они теперь стали глубже, чѣмъ когда-либо.

— Конечно, я не знаю, что вы хотите предпринять. Но если вы разсчитываете опять принять команду, то вамъ не легко будетъ это сдѣлать съ такими убѣжденіями. Можетъ быть, васъ будетъ выручать ваше прежнее имя, но это продолжится недолго.

— Мнѣ это совсѣмъ не нужно.

Наступило молчаніе. Маклюръ задумчиво смотрѣлъ на стѣну, увѣшанную оружіемъ и разными военными трофеями.

— Вы странный человѣкъ, мастеръ Штейнъ,—наконецъ сказалъ онъ.

— Да? А вы развѣ не опредѣлили также для себя границы, которую вы не переступите? Развѣ при Гарфлерѣ, когда всѣ бѣжали безъ оглядки, вы остались на своемъ посту, хотя вамъ явно грозила смерть? Почему вы поступили такъ?

— Почему? Потому что для шотландца и Маклюра бѣгство—позоръ.

— Вы сражались противъ англичанъ. Почему же теперь вы поддаетесь менѣ благороднымъ чувствамъ? Почему вы боитесь бѣдности и могущества? Солдатъ не долженъ бояться ничего!

— Нужно же человѣку имѣть что-нибудь для жизни,—запротестовалъ Маклюръ.—Хорошо, что вы уѣзжаете изъ Констанца,—добавилъ онъ со смѣхомъ.—А того, чего добраго, вы убѣдили бы

меня отдать все, что у меня есть,—я бѣдный человѣкъ,—и отправиться въ новый крестовый походъ.

— Нѣтъ надобности ходить такъ далеко. Для человѣка, который ничего не боится, найдется не мало опасныхъ дѣлъ и здѣсь.

Въ эту минуту около двери слышались шаги. Маклюръ обрадовался возможности прекратить разговоръ и всталъ.

— Канальи не хотятъ заниматься меньше, чѣмъ на мѣсяць,—сказалъ онъ, вернувшись къ собесѣднику.—Оба они будутъ здѣсь черезъ часъ. Теперь они на часахъ у дворца. Если хотите, подождите ихъ.

— Благодарю васъ. Если вы будете такъ любезны переговорить съ ними отъ моего имени...

— Съ удовольствіемъ. Куда и когда они должны будутъ явиться къ вамъ?

— Сегодня въ девять часовъ въ городской скотобойнѣ. Около него расположились торговцы скотомъ, поэтому появленіе людей и лошадей не привлечетъ особаго вниманія. Вотъ деньги за лошадей и жалованье людямъ за полмѣсяца. Остальное я уплачу имъ передъ отъѣздомъ. Не забудьте, что двѣ лошади должны быть подъ дамскимъ сѣдломъ.

— Отлично. Я все устрою.

Маклюръ самъ торговалъ лошадьми, у него ихъ всегда можно было найти.

— Благодарю васъ,—промолвилъ онъ, получивъ деньги отъ Магнуса.—Прощайте, желаю вамъ всякаго благополучія.

Секретарь вынулъ изъ кармана письмо и попросилъ Маклюра передать его завтра утромъ епископу. Они пожали другъ другу руки и разстались.

Магнусъ отправился занимать денегъ—вещь довольно трудная для такого гордаго человѣка. Но онъ рѣшился на это безъ колебаній. Онъ направился къ мастеру Шварцу. Шелъ онъ быстро, ибо надо было попасть на другой конецъ города и перейти мостъ между Констанцемъ и Петерсгаузеномъ. Здѣсь, среди прелестныхъ береговъ озера, у Шварца былъ свой домъ, прятанный въ зелени садовъ и огородовъ.

Секретарь засталъ его сидящимъ передъ дверью. Подъ нимъ лежало озеро, а въ отдаленіи высилась величавая цѣпь горъ, едва позлащенная солнечными лучами.

— Вотъ неожиданная честь,—промолвилъ Шварцъ, поднимаясь и снимая шляпу.

— Сказать по правдѣ, я пришелъ не ради чести, а для того, чтобы попросить васъ сдѣлать мнѣ одолженіе.

Мастеръ Шварцъ опять насмѣшливо снялъ шляпу.

— Тѣмъ больше чести для меня! Я уже думалъ, что послѣ ссоры въ тавернѣ «Чернаго Орла» вы не удостоите больше меня своей дружбы.

— Вижу, что вы обидѣлись на меня, мастеръ Шварцъ, и очень сожалѣю объ этомъ.

— Чѣмъ могу служить вамъ?

— Мнѣ нужно занять двадцать-тридцать флориновъ. Я рассчитываю уплатить ихъ черезъ мѣсяцъ или, самое позднее, черезъ два. Не можете ли вы ссудить мнѣ эти деньги?

— Тридцать флориновъ! По нынѣшнимъ временамъ это сумма не малая. Какое же ручательство вы можете представить?

— Никакого, кромѣ моего слова, мастеръ Шварцъ. Я даже хочу предупредить васъ, что все въ рукахъ Божіихъ и вы можете потерять эти деньги. Тѣмъ не менѣе я прошу васъ одолжить мнѣ эту сумму: она пойдетъ на хорошее дѣло.

— Каждый называетъ свое дѣло хорошимъ.

— Я не для себя прошу деньги. Въ этомъ отношеніи вы меня знаете.

— Да, да. Но съ нѣкотораго времени намъ всѣмъ стали нужны деньги. Тридцать флориновъ—сумма немалая и безъ ручательства, да еще съ рискомъ потери, я не могу исполнить вашу просьбу.

— Вспомните о вашей покойной женѣ, мастеръ Шварцъ. Однажды, когда она была еще жива, вамъ также понадобились деньги. Ради ея памяти, исполните мою просьбу. Вспомните о ней.

— Я и безъ того часто вспоминаю о ней. Это мучительно, но дѣла теперь ужъ не поправить. Теперь я думаю только о своихъ удобствахъ. Если же удариться въ разныя фантазіи, то всегда найдется человѣкъ, который пойдетъ въ нихъ еще дальше. Въ концѣ концовъ все это вздоръ, ибо не можете же вы передѣлать весь міръ. Если, на примѣръ, я дамъ вамъ просимую сумму, то мнѣ придется дѣлать экономію и отказывать себѣ въ моемъ любимомъ итальянскомъ винѣ, которое я обычно пью для пользы желудка. И никакого удовлетворенія за это самопожертвованіе я не получу, кромѣ того, что вы, быть можетъ, будете сердиться на меня за то, что я не далъ вамъ вдвое больше. Этого вы можете требовать только отъ человѣка, котораго вы, помните, искали днемъ съ огнемъ. А я, какъ вамъ извѣстно, не таковъ.

— Если я тогда обидѣлъ васъ, то очень сожалѣю объ этомъ. Мое почтеніе, мастеръ Шварцъ. Извините, что побеспокоилъ васъ.

И секретарь повернулся спиной къ красивому дому мастера Шварца, цвѣтникъ котораго спускался до самаго берега сіяющаго озера. Пройдя темный, крытый мостъ, онъ снова вступилъ въ мрачныя улицы города.

Мастеръ Шварцъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и пробурчалъ:

— Онъ начинаетъ пожинать, что посеялъ. Не нравится это ему. Ну, пусть это его научить уму-разуму.

Онъ опять усѣлся на скамью и, сдѣлавъ глотокъ изъ кувшина, съ гримасой отставилъ его прочь.

— Это не того сбора чортъ возьми! Никогда нельзя знать, что получишь, хоть и платишь дорого!

Онъ опять попробовалъ вино.

— Нѣтъ, это кислое. Пустая это штука жизнь, — неожиданно заключилъ онъ.

Онъ угрюмо сталъ смотрѣть на Анютины глазки и незабудки, потомъ перевелъ глаза на голубыя воды озера, по котому отъ вѣчерняго вѣтерка во всѣ стороны шли серебряныя полосы.

Онъ молча и недовольно сидѣлъ на скамьѣ, а секретарь продолжалъ странствовать въ поискахъ денегъ, пока ночь медленно не спустилась надъ городомъ, пока не погасли послѣднiе огоньки въ окнахъ.

Магнусъ Штейнъ, несмотря на позднiй часъ, еще не нашелъ денегъ. Знакомство у него было небольшое. Мужчины, съ которыми онъ не пилъ и порокамъ которыхъ не потакалъ, не любили его. Такъ же относились къ нему и женщины, за которыми онъ не ухаживалъ и которыхъ не понималъ, или дѣлалъ видъ, что не понимаетъ, когда тѣ предлагали ему свою любовь.

Теперь всѣ подъ разными предлогами отклонили его просьбу. Наибольше благороднымъ оказался одинъ старшiй еврей, который готовъ былъ повѣрить ему на слово.

— Если вы обѣщаете уплатить мнѣ деньги съ процентами, то я достану вамъ эту сумму и даже большую безъ всякаго поручительства. Ибо я знаю, что вы человекъ, ходящiй передъ Иеговой. Вы никогда не облагали меня незаконными налогами и никогда не лгали, какъ дѣлають христiане.

Онъ досталъ деньги для секретаря, потребовавъ отъ него только его слова въ томъ, что эти деньги будутъ непременно возвращены ему. Такого ручательства секретарь дать не могъ, и ушелъ отъ еврея, оставивъ его деньги лежать на столѣ.

ГЛАВА X.

Испытанiе.

Хотя дни были уже достаточны длинны, но стало совсѣмъ темно, когда онъ добрался до воротъ дома Фастреды. Онъ нашелъ своихъ людей уже на мѣстѣ, которое имъ было указано, хотя и было еще рано. Лошади были въ полной исправности и стоили денегъ, которыя онъ за нихъ заплатилъ. Но, какъ и предупреждалъ Мак-

люрь, люди не хотѣли трогаться съ мѣста прежде, чѣмъ имъ не будетъ уплачено за мѣсяць впередъ.

— Видите ли, капитанъ,—заговорилъ Мортъе, онъ былъ французъ и говорилъ лучше, чѣмъ его товарищъ:—мы вѣрили вашему слову и знаемъ, что вы прежде всего постараетесь заплатить намъ. Но это совершенно необыкновенное предпріятіе. Тутъ человѣкъ рискуетъ не только висѣлицей, но и костромъ, если правда то, что о васъ говорятъ. Ваша храбрость тутъ не поможетъ: насъ только трое да двѣ женщины въ придачу. Такъ что, если мы не будемъ чувствовать, какъ подъ нашими куртками золото согрѣваетъ сердце, намъ нѣтъ и охоты братья за это дѣло, хотя мы съ удовольствіемъ ушли бы отъ этого скряги шотландца и перешли бы на вашу службу. Мы помнимъ, что вы спасли намъ жизнь и какую клятву мы дали. Но вѣдь теперь никто не держитъ своихъ клятвъ, и всѣ надъ ними смѣются. Если и вы не сдержите свою, то мы на васъ сердиться не будемъ... Не такъ ли, товарищъ?

— Да, да,—отвѣчалъ Россъ, не любившій тратить много словъ.

— Видите, капитанъ. Костеръ и возможность погубить душу тоже надо принимать во вниманіе.

— Да, вижу,—отвѣчалъ Магнусъ съ презрѣніемъ.—Ваша храбрость испаряется передъ костромъ, а ваша честь передъ деньгами, какъ, впрочемъ, у большинства людей. Я не могу дать вамъ сейчасъ всю сумму. Но подождите здѣсь немного. Я вернусь и уплачу вамъ сполна.

Онъ исчезъ, а люди, сконфуженные, продолжали стоять въ тѣни, отбрасываемой огромной стѣнной скотобойни.

Магнусъ надѣялся достать денегъ у Фастреды. Онъ думалъ, что она не оскорбитъ его гордость, естественную въ подобномъ случаѣ въ мужчинѣ. Онъ зналъ, что она располагаетъ довольно значительной суммой, которая лежитъ у нея въ столѣ.

Онъ вошелъ въ домъ и спросилъ ее. Уже отужинали. Ему неоднократно случалось заходить къ нимъ въ это время, чтобы захватить ее на факельную процессію или какое-нибудь другое вечернее гулянье.

Фастрада вышла.

— Не можешь ли ты выйти со мной на минутку?—спросилъ Магнусъ.

— Вѣдь зги не видно!—засмѣялась она.—А луна взойдетъ не раньше полуночи.

— Зато есть звѣзды.

Въ его тонѣ послышались какія-то необычныя нотки. Фастрада испугалась.

— Ужь не случилось ли чего?—спросила она.

— Ты не выйдешь со мной?—спросилъ онъ.

— Развѣ нельзя сказать здѣсь? Тутъ ничего нѣтъ.

Секретарь зналъ, что и стѣны имѣютъ уши не только во дворцахъ папы и короля, но и въ домѣ простыхъ бюргеровъ. Такъ какъ онъ не хотѣлъ говорить здѣсь, то она набросила на себя плащъ и пошла съ нимъ. Онъ привелъ ее на паперть собора св. Павла. Маленькій дворъ передъ церковью, отгороженный отъ улицы стѣной и засаженный старинными липами, былъ совершенно безлюденъ. Онъ сначала обошелъ его одинъ, чтобы убѣдиться, что тутъ никого болѣе нѣтъ, а затѣмъ, остановившись въ калиткѣ, на которую падалъ слабый свѣтъ отъ звѣздъ, принялся рассказывать ей. Онъ считалъ себя обязаннымъ сдѣлать это. Ему казалось, что это будетъ оскорбленіемъ ихъ любви, если онъ скроетъ отъ нея все только ради того, чтобы не беспокоить и не разстраивать ее.

Узнавъ, что случилось, Фастрада онѣмѣла, какъ человѣкъ, пораженный внезапнымъ ударомъ. Ея женихъ не просилъ у нея ничего, онъ просто рассказалъ ей все тихо и спокойно, и она даже не могла рассмотретьъ его лица въ темнотѣ. Тѣмъ не менѣе она чувствовала, что онъ спрашиваетъ ее, останется ли она, или поѣдетъ за нимъ. И рѣшать этотъ вопросъ надо теперь же, нельзя откладывать рѣшенія, пока епископскій судъ не постановитъ своего рѣшенія. Если она останется въ Констанцѣ, то, очевидно, всякая связь между ними будетъ разорвана. Съ другой стороны, ей и и ея семьѣ грозитъ страшная опасность. Конечно, есть вѣроятіе, что онъ выйдетъ сухъ изъ этого дѣла, если, какъ говорятъ, король... Но вѣдь это только вѣроятіе. Нельзя, не роняя своего достоинства, отречься отъ Магнуса, пока будетъ длиться процессъ и опять считаться его невѣстой, когда онъ окончится. Нѣтъ, этого она не можетъ допустить. Да и ея отецъ не успокоится, пока между ними не произойдетъ окончательнаго разрыва. Жена и дочь во многихъ случаяхъ управляли Мангольтомъ. Но когда дѣло шло объ его безопасности, съ нимъ нельзя было шутить: онъ становился грубъ и, гдѣ нужно, безпошаденъ.

Положеніе было совершенно ясно, и полумѣры не могли помочь дѣлу: она должна или соединить сегодня свою судьбу съ нимъ, или же разстаться съ нимъ. Фастрада чувствовала, что человѣку, который подвергается смертельной опасности, нужно же оказать какое-нибудь утѣшеніе.

Видя, что она не отвѣчаетъ ему, секретарь сказалъ:

— Не знаю, слѣдуетъ ли мнѣ настаивать, чтобы ты связала свою судьбу съ моею. Мы, правда, обручены, но я могу вернуть тебѣ твое слово.

Нѣсколько минутъ длилось глубокое молчаніе. Фастрада стояла, опустивъ глаза и какъ бы боясь встрѣтиться съ нимъ взглядомъ, хотя въ темнотѣ этого и нечего было страшиться. Онъ не жаловался, но его молчаніе говорило краснорѣчиво за него.

— Конечно, я не возьму свое слово назадъ, ибо ты въ опасности, — сказала она, наконецъ. — Но все это такъ ужасно и такъ внезапно случилось, что я поражена, какъ громомъ. Когда мы должны рѣшить этотъ вопросъ? — спросила она тихо, задерживая дыханіе.

Она знала, что рѣшаться на что-нибудь надо сейчасъ, но спросила объ этомъ, какъ дѣлаютъ всѣ слабохарактерные люди, переспрашивающіе по нѣсколько разъ, хотя отвѣтъ имъ извѣстенъ заранѣе.

— Увы! Сейчасъ же.

— Сейчасъ! Какъ же мы можемъ вѣнчаться, когда надъ твоей головой виситъ судъ. Смерть будемъ застилать всякое будущее...

Ея голосъ замеръ въ рыданіяхъ.

— Увы, дорогая моя, смерть всегда застилаетъ намъ будущее. Но въ данномъ случаѣ можно надѣяться, что она наступитъ не такъ-то скоро. Мое дѣло правое, и хотя правосудіе сдѣлалось рѣдкимъ дѣломъ въ этомъ мірѣ, но Господь всемогущъ и раньше времени отчаиваться не слѣдуетъ. Если бъ у меня не было этой надежды, я не предлагалъ бы тебѣ слѣдовать за мной. Но есть еще одно обстоятельство, которое я долженъ сообщить тебѣ прежде, чѣмъ ты будешь рѣшать. Мнѣ тяжело упоминать объ этомъ, но я считаю это необходимымъ. Ты выйдешь замужъ за человѣка, — если только это будетъ, — не равнаго тебѣ по рожденію: я чадо незаконной любви, хотя и рожденъ замужней женщиной. Я сынъ короля. Я узналъ это отъ матери только сегодня.

Онъ ожидалъ, что это должно возмутить ее, но дѣйствіе его словъ оказалось совершенно другимъ.

— О, что касается этого, то въ этомъ случаѣ виновата твоя мать, а не ты, — промолвила она, причемъ въ ея голосѣ не было ни негодованія, ни удивленія. — И притомъ король есть король, и это не то, что сынъ какого-нибудь сапожника.

Ему показалось, что она хочетъ утѣшить его, и онъ почувствовалъ къ ней благодарность. Но медлить было нельзя: въ этотъ часъ все надо было все выяснитъ и обо всемъ переговорить.

— Не забывай, что если ты пойдешь со мной, тебѣ придется испытать многое, можетъ быть, гораздо больше, чѣмъ ты воображаешь въ этотъ моментъ. Если ты пойдешь со мной сегодня изъ Констанца, то неизвѣстно, что ждетъ насъ впереди. Какія опасности, какія трудности и лишенія! Неизвѣстно даже, останусь ли я въ живыхъ, или нѣтъ. Твоя судьба будетъ велика — это я могу обѣщать тебѣ, но велика не въ томъ смыслѣ, какъ люди обыкновенно это понимаютъ. Мой мечъ не пріобрѣтетъ тебѣ корону, и я не собираюсь выкраивать для тебя какое-нибудь герцогство, какъ это дѣлаютъ ландскнехты по ту сторону Альпъ. Если я когда-нибудь буду въ силѣ, то она будетъ употреблена на то, чтобы исправить несправедливости, а не для того, чтобы чинить новыя, чтобы помогать нищему, а не королю,

сретнику, а не папѣ. Тебѣ, быть можетъ, придется жить въ изгнаніи и подъ проклятіемъ церквы, если не за теперешнія мои дѣла, то за будущія. Подумай хорошенько, достаточно ли крѣпко ты любишь меня: разъ рѣшившись, ты уже не вернешься назадъ.

Дѣвушка задрожала. Только теперь она поняла, что отъ нея требуется.

— Но для чего же все это?—спросила она, рыдая.—Для чего эти страданія, лишенія, смерть?

— Жизнь есть борьба, дорогая моя. Блаженны тѣ, кто борется сознательно и за свое дѣло.

Опять настало молчаніе. Онъ не могъ видѣть ея. Онъ только слышалъ, какъ она прерывисто и часто дышала.

— Итакъ, обдумай все это хорошенько.

Наконецъ заговорила и она.

— Конечно, я люблю тебя. Но... если бъ ты пошелъ къ королю и рассказалъ ему все... онъ, конечно, вступится за тебя... Если бъ ты открылъ ему...

— Что!—вскричалъ Магнусъ, не вѣря своимъ ушамъ:—сказать королю! Королю Сигизмунду! Итти и просить у него уплаты за позоръ моей матери! Неужели ты этого не понимаешь, Фастрада?

— Но если ты самъ не хочешь итти, то найдутся другіе. Многіе заинтересованы въ томъ, чтобы тебѣ и Эльзѣ была оказана справедливая.

— Я не могу пойти на это и не могу оставить свою сестру на произволь епископскаго суда,—отвѣчалъ секретарь сквозь зубы.— На это я рискну потомъ, но одинъ, а не съ нею. Нѣтъ, я все обдумалъ, и другого выхода для меня нѣтъ.

Фастрада знала, но продолжала отчаянно цѣпляться за соломинку.

— Пусть такъ. Я не хочу спорить съ тобой въ такую минуту. Но Господь не допуститъ, чтобы за преступленіе одного человѣка пострадало столько невинныхъ. Но бѣжать такъ, среди ночи, не приготовившись...

Слезы брызнули у нея изъ глазъ, когда она припомнила свои мечты о свадьбѣ: ея свадьба должна была быть пиромъ для всего города; въ день ея къ ней должны были явиться ея подружки собирать ее къ вѣнцу. Представилась ей и процессія по городскимъ улицамъ, и торжественная служба въ великомъ соборѣ, гдѣ она привыкла съ дѣтства молиться. Она уже видѣла себя замужемъ, видѣла, какъ постепенно поднимаются они по общественной лѣстницѣ, пока ея мужъ не становится первымъ лицомъ въ городѣ. Ея дѣти растутъ около нея въ довольствѣ и спокойствіи. Все это давно рисовалось ей въ воображеніи... и вдругъ...

Она зарыдала.

— Каждый день невинные страдают за виновныхъ. Если ты хочешь соединить свою судьбу съ моею, то надо бѣжать сейчасъ среди ночи, безъ всякихъ приготовленій. Я могу обѣщать тебѣ только любовь свою—въ награду за потерю цѣлаго міра. Подумай, достаточно ли тебѣ этого?

Опять у ней не хватило духу сказать, что нѣтъ.

— Я не говорю о себѣ. Но... наши дѣти...

Онъ не могъ видѣть въ темнотѣ, какъ она вспыхнула.

— Ты не подумалъ объ этомъ?

— Они также должны учиться бороться съ жизнью. Богу извѣстно,—горячо прибавилъ онъ:—что темна будетъ моя жизнь безъ тебя, но не слѣдуй за мной, если не любишь меня такъ крѣпко.

Его голосъ упалъ. Въ немъ слышалось какое-то отчаяніе, какъ будто онъ уже не вѣрилъ въ ея любовь. Онъ чувствовалъ, хотя и не хотѣлъ въ этомъ сознаться, что дѣйствительно любящую женщину незачѣмъ приглашать дважды.

Фастрада не знала, что отвѣчать. Въ его словахъ было какъ будто осужденіе, хотя онъ и не упрекалъ ее ни въ чемъ. Ей хотѣлось идти съ нимъ, но она знала, что она не пойдетъ съ нимъ. Она хотѣла его любви, но приходила въ ужасъ отъ цѣны, которой она пріобрѣтается. Днемъ она, вѣроятно, еще стала бы бороться съ нимъ, и ея женскій умъ подсказалъ бы ей тысячи уловокъ. Но теперь его печальный голосъ, какъ -то торжественно звучавшій въ темнотѣ, навелъ на нее страхъ.

Передъ ней стояли статуи двухъ святыхъ, охранявшіе портикъ церкви. То были мученики, добровольно потерпѣвшіе за свою вѣру. Строго смотрѣла она на нее, какъ бы упрекая ее въ слабости. Надъ ней простиралась, словно нависшая черная бездна, крыша портала, и звѣзда, которую она раньше видѣла на полоскѣ незакрытаго неба, теперь скрылась изъ виду.

Ей страшно хотѣлось плакать, но плакать она не могла.

— Когда мы должны ѣхать?—шопотомъ спросила она.

— Сейчасъ, моя дорогая. Нужно какъ можно скорѣе собрать вещи, если ты ѣдешь. Если у тебя есть колебаніе и сомнѣніе, то лучше не ѣздить. Хотя ты и не отвѣтила на мой вопросъ, достаточно ли крѣпко ты меня любишь, но я думаю, что этотъ отвѣтъ уже данъ.

— Почему ты это знаешь?—воскликнула несчастная дѣвушка, мучимая сомнѣніями, страхомъ и стыдомъ.—Что мужчина понимаетъ въ такихъ дѣлахъ? Кто тебѣ сказалъ, что я колеблюсь изъ страха за себя? Я колеблюсь потому, что не знаю, гдѣ правильный путь.

Она знала, что это неправда, но въ темнотѣ нельзя было рассмотреть, какъ она покраснѣла.

— Дай мнѣ нѣкоторое время подумать. Я не могу думать здѣсь въ темнотѣ, на этомъ страшномъ мѣстѣ, куда слетаются всякія

привидѣнія. Дай мнѣ время!—повторила она, вздрагивая.—Черезъ часъ я вернусь и дамъ тебѣ отвѣтъ.

— Мы здѣсь стоимъ въ священной оградѣ церкви, къ которой не посмѣютъ приблизиться никакія привидѣнія. Я не могу дать тебѣ время на размышленіе. Я рискнулъ бы на это, если бъ былъ одинъ, но со мной сестра.

— А обо мнѣ ты не думаешь? Несмотря на громкія слова, ты, очевидно, любишь ее больше, чѣмъ меня.

— Хотѣлъ бы я этого,—отвѣчалъ онъ съ такой тоской, что она не могла не тронуть дѣвушку.

— Но вѣдь я прошу у тебя всего часъ, даже меньше. Еще не такъ поздно. Я не могу думать здѣсь, не могу. Развѣ ты не видишь, что я внѣ себя? Сжался! Пробыть часъ наединѣ съ собою и съ Богомъ—развѣ это много?

Еще разъ ему было сказано, что у него нѣтъ жалости. На этотъ разъ ему пришлось услышать это отъ любимой имъ дѣвушки. Онъ понималъ, что настоящей сильной любви нечего раздумывать, но онъ любилъ ее. Къ тому же она просила пощады.

— Ворота запираются въ девять часовъ,—прошептала она.—Остается меньше часа. Сегодня, впрочемъ, базарный день, и многіе запоздають. Насъ пропустятъ часовъ до десяти. Я пойду сейчасъ за Эльзой, хотя я предполагала захватить ее мимоходомъ. Такимъ образомъ у тебя будетъ нужное время. Мы встрѣтимся опять здѣсь.

— Благодарю тебя,—сказала она, переводя дыханіе.

Невѣрными шагами она прошла мимо него. Онъ не протянулъ руки и не останавливалъ ее.

Перейдя порогъ портала, охраняемаго изображеніями святыхъ, она бросилась бѣжать, какъ будто ее дѣйствительно преслѣдовали привидѣнія и демоны. Она не останавливалась, пока не добѣжала до своей комнаты. Здѣсь она бросилась на колѣни передъ образами, которые висѣли надъ ея кроватью. Но молиться она не могла: ей мозгъ горѣлъ, и мысли кружились съ беспорядочной быстротой.

Черезъ нѣсколько минутъ она бросилась въ церковь Миноритовъ. Она была недалеко и сегодня была открыта до поздняго вечера, чтобы дать возможность благочестивымъ людямъ прежде, чѣмъ уѣхать изъ города, помолиться въ послѣдній разъ передъ чудотворной ракой св. Розабели.

Можетъ быть, св. Розабель дастъ ей указаніе, ибо она считается покровительницей всѣхъ дѣвственницъ?

На лѣстницѣ она встрѣтилась съ отцомъ.

— Я иду къ св. Розабели,—сказала она.

Изъ-подъ плаща не видно было ни ея испуганныхъ глазъ, ни ея разстроеннаго лица.

— А, это хорошо,—отвѣчалъ мастеръ Мангольтъ.—Св. Розабель покровительствуетъ дѣвушкамъ. Не забудь захватить съ собой маленькое приношеніе.

Въ другое время она встрѣтила бы эти слова презрительной улыбкой, ибо ея отецъ, который первый кричалъ о жадности и плутняхъ монаховъ, когда это было въ модѣ, теперь вдругъ сталъ очень набожнымъ, когда вѣтеръ задулъ въ другую сторону. Въ другое время она улыбнулась бы, но теперь она почувствовала и къ нему, и къ себѣ сильную жалость.

Воздухъ въ церкви былъ тяжелъ и насыщенъ куреніями, совершаемыми возлѣ раки святой. Передъ ея образомъ ярко горѣли свѣчи, но въ туманѣ, заполнившемъ весь притворъ, онѣ свѣтили довольно тускло. Среди этихъ благовоній и свѣтчъ возвышалась статуя св. Розабели, сидѣвшей въ пышныхъ одѣяніяхъ подь золотымъ балдахиномъ, увѣшаннымъ драгоценностями—приношеніе вѣрующихъ. Вокругъ нея по стѣнамъ притвора висѣли безчисленныя сердца изъ серебра и другія приношенія. Лицо святой было строго и печально, какъ будто она, возложивши на себя вѣнокъ мученичества, презирала теперь блестящую золотую корону, которую надѣли на нее люди; какъ будто, вкусивъ славы небесной, она находила бѣдной и слишкомъ человѣческой всякую земную роскошь.

Народъ толпами стекался къ ея ракѣ и стоялъ на колѣняхъ около причудливой рѣшетки, которой отдѣлялся ея алтарь. Ея лицо было изъ раскрашеннаго дерева, но зато его можно было видѣть простыми глазами. Тверда и холодна была отдѣляющая ее рѣшетка, но зато ее можно было осязать руками.

Фастрада прильнула разгоряченнымъ лицомъ къ холодному пруту рѣшетки. Кругомъ нея стояла полная тишина: было уже поздно, и благочестивые богомольцы давно ушли изъ церкви. Удалились и монахи, бросивъ на нее послѣдній любопытный взглядъ. Одинъ за другимъ исчезали они во мракѣ церкви, какъ бы не желая смущать ея горячей молитвы.

Она осталась одна, лицомъ къ лицу со св. Розабелью. Свѣчи по-прежнему ярко горѣли въ неподвижномъ воздухѣ, все было такъ тихо, что слышно было, какъ она дышала. И въ этой тишинѣ ни одинъ голосъ не утѣшилъ ее. Св. Розабель молчала, и не было отъ нея знаменія.

Фастрада увидѣла, что ей надо принять рѣшеніе, не рассчитывая на помощь свыше. Время отъ времени гдѣ-то открывали дверь, и по церкви пробѣгалъ холодный вѣтеръ, отъ котораго вздрагивала распростертая у ногъ святой Фастрада. Свѣчи около ея образа вдругъ вспыхивали, и одна или двѣ изъ нихъ потасли. Такъ гасли свѣчи, словно ихъ тушила невидимая рука, когда отлучали отъ церкви Иеронима Пражскаго.

Все гуще и гуще спускался мракъ изъ-подъ сводовъ церкви.

Холодный вѣтерокъ вдругъ заставилъ Фастрату вспомнить о страшной силѣ—проклятіи церкви, которое не остановится у дверей гроба, но перейдетъ за него въ вѣчность. Она слышала, что это—пустая угроза. А что если это не такъ?

Она глубоко вздохнула и провела дрожащей рукой по лбу.

Вдругъ сзади нея послышались чьи-то шаги. Одинъ изъ монаховъ дѣлалъ обходъ всей церкви прежде, чѣмъ тушить свѣчи и запирать ее. Фастрада повернула голову и взглянула на монаха. То былъ отецъ Гальмотъ, къ которому она ходила исповѣдываться съ дѣтства, и который ее очень любилъ. Онъ слылъ за ученаго. Впрочемъ, многіе слыли учеными, пока не сожгли Яна Гусса и Иеронима Пражскаго.

Вдругъ ей пришла въ голову мысль: она спроситъ его и, не рассказывая о себѣ, заставитъ его высказаться. Можетъ быть, такимъ путемъ ей и удастся найти выходъ.

Она бросилась вслѣдъ за монахомъ, зовя его по имени. Отецъ Гальмотъ вернулся, и они сѣли на скамейки, стоявшія рядомъ. Она не знала, который былъ часъ; ей казалось, что прошло нѣсколько минутъ. Монаху нечего было дѣлать, и онъ сталъ внимательно слушать ее. Хотя она и рѣшила не говорить ему о себѣ, однако онъ ловко умѣло выспросилъ у нея все. Онъ былъ спокоенъ, она волновалась. Къ тому же, только дотронувшись до ея холодной руки, онъ сразу понялъ, что тутъ что-то неладно.

Онъ спокойно отвѣчалъ на ея вопросы. Ему задавали еще и не такіе!

— Взгляни наверхъ,—говорилъ онъ, указывая руками на высѣченные изъ камня ключи св. Петра, украшавшіе фризъ притвора.— Что свяжете на землѣ, будетъ связано и на небѣ, и что разрѣшите на землѣ, будетъ разрѣшено и на небѣ. И ты еще сомнѣваешься въ силѣ проклятія святой церкви?

Отвѣтъ былъ очень простъ и сокрушилъ ее именно своей простотой. Она не могла не подумать, что сказалъ бы на это Магнусъ, если бы онъ былъ здѣсь.

— Развѣ церковь когда-нибудь прокликаетъ несправедливо?

Много еще говорилъ отецъ Гальмотъ. Она не сказала ему ни одного имени, но отецъ Гальмотъ былъ монахъ и зналъ, какъ добыть то, что было нужно. Какъ-то постепенно ей стало казаться, что она говоритъ на исповѣди, хотя это и не была исповѣдь. Когда она кончила, оставалось договорить немногое. Но монахъ задержалъ ее, то уговаривая, то угрожая, пока не пробилъ одиннадцать часовъ.

Услышавъ звукъ колокола, она быстро сорвалась съ мѣста, едва вѣря своимъ ушамъ. Не обращая ни на что вниманіе, она ринулась на улицу. Желая спасти себя, она не хотѣла губить его.

Отецъ Гальмотъ стоялъ и улыбался. Онъ былъ, какъ всѣ говорили, хорошимъ духовникомъ. Онъ никогда не бранилъ духовныхъ

дѣтей и не тянулъ съ нихъ деньги. Онъ не былъ преданъ ни чревоугодію, ни пьянству, и вообще въ немъ не было обычныхъ пороковъ. Не легко было дьяволу соблазнить такого человѣка.

Но дьяволъ все-таки добился своего. Что про него ни говори, нельзя не сознаться, что онъ обладаетъ опытностью и тактомъ. У отца Гальмота было одно слабое мѣсто. Онъ былъ ревностнымъ поборникомъ церкви и страстно желалъ власти, чтобы, конечно, служить дѣлу Христову. Подслушавъ это, дьяволъ улыбнулся. Онъ внушилъ кардиналу Бранкаччо мысль намекнуть кое о чемъ отцу Гальмоту, когда кардиналу, по причинамъ ему одному извѣстнымъ, захотѣлось наложить руку на нѣкоего Магнуса Штейна, секретаря добраго города Констанца.

Поэтому-то отецъ Гальмотъ и отправился прямо изъ церкви къ кардиналу—доложить его преосвященству, что ему удалось сегодня узнать.

Фастрада шла, не останавливаясь и едва переводя дыханіе, пока не достигла собора св. Павла.

Мѣсяцъ еще не поднимался, но сдѣлалось какъ-то свѣтлѣе. Она могла уже у калитки различить Магнуса, который стоялъ на паперти, опершись на свою шпагу. Сзади него виднѣлись неопредѣленные очертанія какой-то женщины. То была его сестра.

Увидѣвъ Фастрату, Магнусъ что-то сказалъ ей, и она скрылась въ темнотѣ.

— Прости!—прошептала Фастрада, едва переводя духъ.—Я не знала, что уже такъ поздно. И...

Она не знала, что сказать. Въ отчаяніи она сняла кольца, которое онъ ей когда-то далъ, и протянула его ему. Конечно, онъ пойметъ этотъ жестъ.

— Прости меня,—безпомощно бормотала она.

Магнусъ понялъ все.

— Можетъ быть, ты пожелаешь сохранить его на память обо мнѣ, Фастрада?—мягко спросилъ онъ.

Она взглянула на него въ смущеніи и удивленіи. Она ожидала, что онъ скажетъ ей что-нибудь грубое, рѣзкое. Но этотъ мягкій безстрастный голосъ былъ въ десять разъ хуже!

Она не знала, цѣной какой внутренней борьбы онъ принудилъ себя прійти сюда такъ поздно, когда назначенный для встрѣчи часъ уже прошелъ!

Фастрада не могла говорить и только протягивала ему кольцо: она знала, что оно стоитъ дорого, и чувствовала, что не имѣетъ права удерживать его теперь у себя.

— Въ такомъ случаѣ и я долженъ вернуть тебѣ твое, —сказалъ Магнусъ, снимая свое обручальное кольцо.

Онъ хотѣлъ положить его въ ея вытянутую руку, но она отдернула ее, бросилась бѣжать со всей скоростью, на которую только

и была способна, словно ее дѣйствительно хватали сзади демоны и привидѣнія.

Кольцо Магнуса упало на землю и закатилось въ щель мостовой. Несмотря на темноту, брильянтъ продолжалъ сіять слабымъ блескомъ, и Магнусу не стоило большого труда его найти. Кольцомъ Фастреды и своимъ собственнымъ онъ могъ заплатить обоимъ наемникамъ, которые ждали его.

— Теперь я получилъ право располагать вашими гнусными мускулами, какъ мнѣ угодно,—сказалъ онъ.

— Да, капитанъ,—отвѣчали тѣ.—Теперь все правильно.

Кольца стояли вдвое дороже, чѣмъ нужно было имъ получить.

ГЛАВА XI.

У городскихъ воротъ.

Они быстро поѣхали къ Эммишофтерскимъ воротамъ, хотя Магнусъ зналъ, что найдетъ ихъ запертыми. Надо было, впрочемъ, попробовать.

Завидѣвъ башню надъ воротами, которая высоко поднималась въ небо, уже засвѣтлѣвшее отъ восходившей луны, маленькая кавалькада остановилась. Магнусъ приказалъ одному изъ людей поѣхать впередъ и разузнать, какъ обстоятъ дѣла.

Черезъ нѣсколько минутъ посланный вернулся.

— Безъ письменнаго разрѣшенія отъ магистрата не пропускаютъ никого,—сказалъ онъ.

— Кто дежуритъ у воротъ?—спросилъ Магнусъ.

— Такая каналья, какую мнѣ въ жизни не доводилось встрѣчать,—проворчалъ ландскнехтъ.—Его зовутъ мастеръ Швейнингенъ. Ведетъ себя, какъ свинья.

Секретарь зналъ его. Этотъ человѣкъ, если заберетъ себѣ въ голову, способенъ потребовать пропуска, подписаннаго самимъ бургомистромъ. Магнусъ не зналъ навѣрное, можно или нѣтъ подкупить этого Швейнингена, но, не говоря уже объ отвращеніи къ такому способу дѣйствій, онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточно денегъ для этого.

Не стоило пытаться пройти черезъ другія ворота: всѣ они были, очевидно, уже заперты. Лучше попробовать рано утромъ незамѣтно выйти черезъ эти, благо немногіе ѣздили черезъ нихъ. Кромѣ того, изъ этихъ воротъ они почти сейчасъ же попадали на швейцарскую территорію, гдѣ ихъ не могли арестовать безъ приказанія мѣстныхъ властей.

Поэтому Магнусъ рѣшилъ ждать здѣсь до утра.

Недалеко отъ воротъ стоялъ хлѣбный амбаръ, принадлежавшій городу. Онъ былъ въ немъ всего нѣсколько дней тому назадъ,

чтобы посмотрѣть, какой для него требуется ремонтъ. Случайно ключъ отъ него остался у него въ карманѣ. Это зданіе и послужить имъ ночлегомъ. Улица, на которой находился сарай, лежала на самой окраинѣ города и была довольно безлюдна и днемъ, а ночью ужъ навѣрно на ней не будетъ ни одного прохожаго. А если кто-нибудь и пройдетъ, то у всякаго свои дѣла, и онъ не станетъ заглядываться на другихъ.

Они устроили лошадей въ пристройкѣ, а сами вошли въ главный корпусъ сарая. Онъ былъ совершенно пустъ: въ это время года въ немъ не водилась ни одного зерна, не нужно было и сторожа. Валялось только нѣсколько сноповъ соломы, на которыхъ можно было спать. Магнусъ бросилъ штукъ пять въ уголь—для сестры и для себя. Люди улеглись поближе къ дверямъ.

Спать почти не приходилось: въ четыре часа надо было уже вставать.

Эльза прилегла на свое ложе, но ея братъ не ложился, а стоялъ около нея, мрачно смотря на поль. Эльза закрыла было глаза, но новая жизнь, къ которой она такъ внезапно проснулась, дѣйствовала на нее слишкомъ возбуждающимъ образомъ, и ей не спалось.

Открывъ глаза, она увидѣла, что ея братъ попрежнему стоитъ на томъ же самомъ мѣстѣ.

— Развѣ ты не усталъ?—спросила она.

— Нѣтъ, —коротко отвѣчалъ онъ.—А ты спи.

— Я тоже не могу спать. Не поговорить ли намъ?

— Пожалуй.

Она стала щебетать о разныхъ безразличныхъ вещахъ, какъ ребенокъ, потомъ вдругъ воскликнула:

— Я теперь знаю, отчего я закричала на празднествѣ. Это изъ-за той, которая говорила съ тобой на паперти. Я думала, что я все это видѣла во снѣ. Но нѣтъ, это она. Тотъ же голосъ...

— Ты ошиблась,—сухо сказалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Но неужели это дѣйствительно случилось? Ты говорилъ, что я была больна...

— Не стоитъ думать объ этомъ. Постарайся заснуть,—повелительно промолвилъ Магнусъ.

— Хорошо,—покорно сказала она.—А другая женщина,—заговорила она, чрезъ нѣсколько секундъ:—видѣла я ее во снѣ, или на яву? Я хотѣла бы видѣть ее еще разъ...

— Молчи!—строго прервалъ ее братъ, такъ строго, что она взглянула на него съ испугомъ: она не привыкла къ такому суровому тону.

— Прости меня!—прибавилъ онъ мягче.—Мнѣ показалось, что мнѣ что-то послышалось...

Это была первая ложь за много лѣтъ, и ему стало досадно на самого себя.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.

«Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжныя шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ОКТЯБРЬ 1914 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 10-й.

Богословіе.

КАЛЬНЕВЪ, М. Несостоятельность ученія католиковъ о видимомъ (папскомъ) главенствѣ церкви, предъ судомъ Слова Божія. Ц. 10 к.

Философія, психологія, логика.

БОЗАНКЕТЪ, Б. Основанія логики. М. 1914. Ц. 1 р. 10 к.

БЫКОВЪ, В. П. Спиритизмъ передъ судомъ науки, общества и религіи. М. 1914 г. Ц. 2 р. 50 к.

ВАЛЬДЕНБЕРГЪ, В. О столкновеніи нравственныхъ нормъ. М. 1914. Ц. 40 к.

ВЕЙЛЭ, К. Элементы человѣческой культуры. Ц. 50 к.

ДЕКАРТЪ, Сочиненія. Т. I. Начала философіи. Разысканіе истины. Казань. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

ДЖИКАРАДЖАДАЗА, С. Во имя его. Реальное и перереальное. Учитель. Планъ Бога. Ц. 45 к.

ЕРШОВЪ, М. Н. Проблема Богопознанія въ философіи Мальбранша. Казань. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

КУЗМИНЪ, С. Война народовъ. Психологическій очеркъ. Ц. 1 р.

ЛИСИЦЫНЪ, М. Религіозное состояніе современнаго общества. Петроградъ. 1914. Ц. 20 к.

— Смыслъ жизни. Ц. 15 к.

— Черты религіознаго быта Тироля. Ц. 20 к.

МАКОВЕЛЬСКІЙ, А. Демократики. Первые греческіе мыслители въ ихъ твореніяхъ, въ свидѣтельствахъ древности и въ свѣтъ новѣйшихъ изслѣдованій. Ч. I. Казань. 1914. Ц. 2 р.

НИКОЛЬСКІЙ, В. Мѣсто нравственности въ ряду другихъ явленій человѣческаго духа. Казань. 1914. Ц. 10 к.

ПОСЕЛЯНИНЪ, Е. Идеалы христіанской жизни. Ц. 2 р.

СМАЙЛЬСЪ, С. Долгъ. Нравственный обязанности человека. Изд. 4-е. Ц. 1 р.

ТИМОФЕЕВСКІЙ, П. Отъ смерти къ бессмертію. Ц. 35 к.

ШПЕТЪ, Г. Явленіе и смыслъ. Феноменологія, какъ основная наука, и ея проблемы. М. 1914. Ц. 1 р. 60 к.

ЭМЕРСОНЪ, Г. Двѣнадцать принциповъ повышенія продуктивности и организація, способствующая ихъ проведенію. Петроградъ. Ц. 2 р.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

- БОРОЗДИНЪ, А. Собрание сочиненій. Т. I. М. Ю. Лермонтовъ. Сиб. 1914. Ц. 90 к.
 БУАЛО. Поэтическое искусство. Ц. 40 к.
 ДЮШЕНЪ, Э. Поэзія М. Ю. Лермонтова въ ея отношеніи къ русской и западноевропейскимъ литературамъ. Казань. 1914. Ц. 90 к.
 ЕВГЕНЬЕВЪ, В. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Сборникъ статей и матеріаловъ. М. 1914. Ц. 2 р.
 НЕЙМАНЪ, Б. В. Вліяніе Пушкина въ творчествѣ Лермонтова. Кіевъ. 1914. Ц. 75 к.
 НЕЙМАНЪ, Б. Жизнь и поэзія Лермонтова. Ц. 10 к.
 ПОКОТИЛОВА, О. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Жизнь. Личность. Творчество. Ц. 80 к.
 СЕМЕНЦКОВЪ, В. Собрание, стареющее о переводѣ иностранныхъ книгъ, учрежденное Екатериной II. Историко-литературное изслѣдованіе. Ц. 3 р.
 — Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг. Разысканія объ издателяхъ ихъ и соудникахъ. Ц. 2 р.
 СЛОВАРЬ литературныхъ типовъ. «Гончаровъ». Ц. 2 р.
 СОКОЛОВЪ, Л. Побѣжденный демонъ. Памяти М. Ю. Лермонтова. Кіевъ. 1914. Ц. 60 к.
 СОЛОВЬЕВЪ, Д. Поэзія Лермонтова. Ц. 35 к.
 ХАРЦЕВЪ, В. Краткій очеркъ жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. Харьковъ. 1914. Ц. 15 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- БЕРЕСФОРДЪ, Д. Только женщины. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
 БЪЛЪЯЕВЪ, Н. Грозитъ чума. Пялостриров. сборникъ рассказовъ выдающихся авторовъ. Ц. 65 к.
 БЪЛЪЯЕВЪ, Ю. Барышни Шнейдеръ. Впечатлѣнія. Изд. 3-е. Сиб. 1914. Ц. 1 р.
 ВОРОНОВЪ, А. У Славянъ въ Австріи. Впечатлѣнія и замѣтки. Ц. 60 к.
 ВЪ ОГНѢ. Боевыя впечатлѣнія участниковъ войны. Ц. 60 к.
 ГАРИНЪ-МИХАЙЛОВСКІЙ, Н. Дѣтство Темы. Ц. 1 р. 25 к.
 — Клотильда. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
 ГРИНЪ, П. Кузнецъ Пѣговъ. Трагедія любви, ума и пьянства. Петроградъ. 1914. Ц. 75 к.
 КОЛМЫКОВЪ, П. Грелю за Славянъ! Стихотворенія. Ц. 10 к.
 КОМАРОВЪ, А. Итицы звѣри, люди. Сборникъ охотничьихъ рассказовъ. Ц. 2 р.
 МЪШКОВЪ, Н. Стихотворенія. Ц. 1 р.
 РОЖДЕСТВЕНСКІЙ, В. Гимназическіе годы. Стихи юности. Ц. 40 к.
 РОЗЕНГЕИМЪ, М. Стихотворенія. Съ портретомъ и библиографическимъ очеркомъ 2 тома. Ц. 2 р. 50 к.
 ТАГОРЪ, Р. Gitanjali. Пѣсни, приносимыя въ даръ. Ц. 50 к.
 ТРЕТИЙ охотничій сборникъ. Собраніе новыхъ произведеній современныхъ авторовъ. Ц. 2 р.
 ТРУБИЦЫНА, Л. Юретка. Изъ жизни парижской студентки. Ц. 1 р. 25 к.
 ЧЕРНЫШЕВЪ, О. Солдатскія сказки про двухъ царей русскаго и нѣмецкаго, и о томъ, какъ царь русскаго, переигравъ царя нѣмецкаго, поступилъ съ нимъ великодушно. Ц. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

- АЛЕКСАНДРОВЪ, П. Сѣверная система. Опытъ изслѣдованія идей и хода внѣшней политики Россіи въ первую половину царствованія императрицы Екатерины II. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
 АРДАШЕВЪ, П. Хрестоматія по всеобщей исторіи. Новая исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ. Ч. I. Эпоха гуманизма и реформации. Кіевъ. 1914. Ц. 1 р.
 БЕНЕШЕВИЧЪ, В. Н. Сборникъ памятниковъ по исторіи церковнаго права, преимущественно русской церкви до эпохи Петра Великаго. Петроградъ. 1915. Ц. 3 р.
 БРЕЧКЕВИЧЪ, М. Высшій классъ славянскаго населенія въ западно-поморскомъ княжествѣ XII—XIII вв. X. 1914. Ц. 15 к.
 ГЕРНЕСЪ, Культура доисторическаго прошлаго. Бронзовый вѣкъ. М. 1914. Ц. 80 к.
 — Железный вѣкъ. Ц. 50 к.
 ДУНАЕВЪ, Б. 18-й вѣкъ. Петровская эпоха. Исторія о Россійскомъ матросѣ Василии Каріотскомъ и о прекрасной Королевицѣ Праклинъ Флоренсской земли. Ц. 35 к.
 ЗАТВОРНИЦКІЙ, Н. М. Фельдмаршалъ великій князь Николай Николаевичъ Старшій. Петроградъ. 1914. Ц. 20 к.
 ЛИМЕНЕЦКІЙ, Б. Великая всемірная война. Вып. 3. Франція. Ея исторія въ прошломъ и настоящемъ. Ц. 20 к.
 РОДЕНЦКОВЪ, И. Древнія рукописи. Отъ памятника старинны до историческаго источника. М. 1914. Ц. 75 к.
 ЛОНАРЕВЪ, Х. Греческія житія святыхъ VIII и IX вв. Опытъ научной классификаціи памятниковъ агиографіи, съ обзоромъ ихъ съ точки зрѣнія историч. и литературной. Ч. I. Современные житія. Ц. 5 р.
 ЛУКОМСКІЙ, Г. Вологда въ ея старинѣ. Описание памятниковъ. Ц. 3 р. и 3 р. 75 к.
 ГЪТОПИСЪ войны 1914 года. № 4. Ц. 30 к.
 САРСЕ, Ф. Осада Парижа. 1870—1871 гг. Впечатлѣнія и воспоминанія. М. 1914. Ц. 1 р.
 СВВОРЦОВЪ, Н. Матеріалы по Москвѣ и Московской епархіи за XVIII вѣкъ. Вып. 2. М. 1914. Ц. 3 р.
 СПЕРАНСКІЙ, А. Казанскіе татары. Историко-этнографическій очеркъ. Казань. 1914. Ц. 25 к.
 СТОЛПЯНСКІЙ, П. Старый Петербургъ. Садовникъ Эктебенъ и первая школа садоводства въ Спб. Ц. 50 к.
 ТИХОНОВЪ, П. Старинная русская свадьба. Ц. 30 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

АБАМЕЛЕВЪ-ЛАЗАРЕВЪ, вн. Условія славяно и прочаго мира. Съ прилож. карты. М. 1914. Ц. 50 к.

АДОВЪ. Безумное повадіе. (Отвѣтъ на книгу г. Ельда). Сиб. 1914. Ц. 50 к.

БОГОЛЬЦОВЪ, М. Война, финансы и народное хозяйство. Ц. 65 к.

БРЮНЕЛИИ, П. Земскій адвокатъ. Справочная книга. Петроградъ. 1914. Ц. 1 р. 85 к.

БЪЛГАЯ КНИГА. Европейскій кризисъ. Дипломатическая переписка Англій, предшествовавшая войнѣ. Ц. 75 к.

ВЕЛИКАЯ ВСЕМИРНАЯ ВОЙНА, В. П. Бельгія. Петроградъ. 1914. Ц. 20 к.

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА. Что должны знать о ней каждый русскій? Ц. 40 к.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ВТОРОЙ, почти монографія. Ц. 30 к.

ВОЙНА и предсказанія г-жи де-Табъ. Ц. 30 к.

ВЪ БЕРЛИНѢ во время войны. А. С.—чь. Ц. 65 к.

ГОРБАЧЕВЪ, П. Мораторіумъ. Отсрочка платежей по векселямъ торговыхъ и промыш. фирмъ и другихъ предпріятій. Ц. 45 к.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА, четвертый созывъ. Засѣданіе 26-го іюля. 1914. Ц. 5 к.

ГРОМОВЪ, Н. Уставъ уголовного судопроизводства. Ц. 2 р.

ГРОМОВЪ, Н. Ценаура и шпіонство по законамъ военнаго времени. Ц. 50 к.

ДЕРЖАВИНЪ, Н. С. Болгарско-сербскія взаимоотношенія и македонскій вопросъ. Петроградъ. 1914. Ц. 1 р.

ДОНЕО. Мѣняющаяся Англія. Ц. 1 р. 25 к.

ЕЛЫШЕВИЧЪ, В. Б. Война и гражданскій оборотъ (къ вопросу о мораторіяхъ). Петроградъ. 1914. Ц. 30 к.

ЖИЖИЛЕНКО, А. Наказаніе. Его понятіе и отличіе отъ другихъ правоохранительныхъ средствъ. Ц. 4 р. 50 к.

ИСАЧЕНКО, В. Л. Обязательства по договорамъ. Т. II. Петроградъ. 1914. Ц. 5 р.

КАНЕЛЬ, В. Алкоголизмъ и борьба съ нимъ. Ц. 1 р. 50 к.

КАЭМЪ, Г. Персидскія земли или Новая Апельсинія. Къ вопросу о приобрѣтеніи земель въ Сѣверн. Персіи. Ц. 1 р. 75 к.

КРИПЦЛОВЪ, П. Городскіе ломбарды. М. 1914. Ц. 60 к.

КОРМУЛЬ-ГУЛЕСЪ, Э. Трудовая помощь. Петроградъ. 1914. Ц. 3 р.

КРИПЧЕВСКІИ, С. Судейское усмотрѣніе въ пекахъ о доходахъ и убыткахъ и кассационное обжалованіе. Ц. 40 к.

МИХАЙЛОВЪ, Д. Красный Крестъ и оестры милосердія въ Россіи и за границей. 1914. Ц. 40 к.

МИЧУРИНЪ, Н. Руководство для завѣщателей и наследниковъ. Составленіе духовныхъ завѣщаній и утвержденіе въ правахъ наследства. Ц. 60 к.

ОТГОЛОСКИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ. Казань. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

ПЕРГАМЕНТЬ, М. Война и непреодолимая сила. Ц. 20 к.

ПОКРОВСКІИ, П. Высочайше утвержденные 25-го іюня 1912 г. законъ, положеніе и штаты высшихъ начальныхъ училищъ. Ц. 75 к.

РЕЗАНОВЪ, А. Нѣмецкія звѣрства. Ц. 1 р.

РЕЙСНЕРЪ, М. Вильгельмъ II и желѣзная имперія. Петроградъ. Ц. 1 р.

РУСОВЪ, А. Краткая энциклопедія земскаго дѣла въ его историческомъ развитіи. Кіевъ. 1914. Ц. 75 к.

СВОРНІКЪ дипломатическихъ документовъ по монгольскому вопросу. Ц. 1 р.

СИНАЙСКІИ, В. Русское гражданское право. Вып. I. Общая часть и вещное право. Ц. 2 р.

ТЮТЧЕВЪ, А. Руководство по призрѣнію нижнихъ воинскихъ чиновъ и ихъ семействъ и о порядкѣ назначенія имъ пенсій. Ц. 50 к.

ШАХТЪ, А. А. Практика огневаго страхования. Петроградъ. 1914. Ц. 2 р.

— Трудъ, собственность и капиталъ подъ охраной страхования. Ц. 1 р.

— Система ликвидаціи пожарныхъ убытковъ. Изд. 2-е. 1914. Ц. 6 р.

ЮРЬЕВСКІИ, Б. Возрожденіе деревни. Ц. 1 р.

Искусство.

АЛЕКСАНДРОВЪ, Я. А. Чайка русской сцены. Казань. 1914. Ц. 75 к.

«ЕЖЕГОДНИКЪ Императорскихъ театровъ». Вып. 5-й. 1914. Ц. 1 р.

КОРОВАКОВЪ, Д. Искусство и этюды

выразительнаго чтенія. Петроградъ. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

ХУДЕКОВЪ, С. Исторія танцевъ. Ч. 2. Ц. въ переплетѣ 9 р. и 12 р.

Естествознаніе и математика.

АЛЕКСАНДРОВЪ, К. Какъ опредѣлить количество кислорода, содержащагося въ водѣ. М. 1914. Ц. 1 р.

АРБЕРЪ, Е. Естественная исторія угли. М. 1914. Ц. 1 р.

БЕЗАНТЬ, А. Строеіе Космоса. Петроградъ. 1914. Ц. 60 к.

БУЯНОВЪ, Б. Л. Конспектъ неорганической химіи. Ц. 50 к.

БЪЛЯНИНЪ, Д., КАРКЪ, И. и друг. Геологическія изслѣдованія въ области перевальной желѣзной дороги черезъ главный Кавказскій хребтъ. Ц. 10 р.

ВАРБУРГЪ, Г. Какъ устроить террариумъ? Ц. 15 к.

ВОРОНОЦ, Г. Дифференціальное и интегральное исчисленіе. Кіевъ. 1914. Ц. 2 р. 75 к.

ГРАВЕ, Д. Элементы высшей алгебры. Кіевъ. 1914. Ц. 5 р.

КЕМПБЕЛЛА, Н. Электричество. Ц. 50 к.

КОКСЪ, Д. За предѣлами атома. М. 1914. Ц. 1 р.

ЛЕПЕШКИНЪ, В. Курсъ физиологіи растений. Вып. 2. Казань. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

ЛИЧКОВЪ, Б. Границы познанія въ естественныхъ наукахъ. Кіевъ. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

ЛОМОНОСОВЪ, Ю. Цѣль опытовъ и ихъ методъ. Ц. 1 р. 35 к.

МОЛЬДЕНГАУЕРЪ, В. Въ листовномъ лѣсу. Разказы молодого экскурсанта. Ц. 75 к.

МОРДУХАЙ-БОЛТОВСКІЙ, Д. Систематическій сборникъ элементарныхъ упражненій по дифференц. и интегр. исчисленію. Т. I. Ц. 3 р. 60 к.

СКВОРЦОВЪ, И. Происхождение и строеніе разнообразныхъ видовъ вещества,

въ связи съ ихъ физическими и химическими свойствами. Кіевъ. 1914. Ц. 75 к.
СКРИЦКІЙ, Н. Радиотелеграфныя изобрѣненія. Петроградъ. 1914. Ц. 2 р. 50 к.

СЛОВЦОВЪ, Б. Учебникъ физиологической химіи. Ц. 3 р.

СОЗОНОВЪ, С. и ВЕРХОВСКІЙ, В. Первые работы по химіи. Ц. 85 к.

СОКОЛОВА, Ф. Радій и его лучи. Ц. 50 к.

ШТАРКЕ, Г. Опытное ученіе объ электричествѣ. М. 1914. Ц. 2 р.

ЮСТЪ, Л. Физиологія растений. Ц. 6 р. 50 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

БРУСЪ, В. Полярныя страны. Путешествія къ полюсу. Ц. 40 к.

ВАСИЛЬКОВСКІЙ, П. Сѣверныя полярныя страны. Царство «Арктиды». Ц. 50 к.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ справочникъ. Алфавитный указатель географическихъ названій и статистическій обзоръ государствъ земного шара. Ц. 1 р.

ДЖАЙЛЬСЪ, Г. Китай и его жизнь. Ц. 75 к.

ЖИРМУНСКІЙ, А. Вокругъ Азии. Пу-

тешные очерки, эскизы, замѣтки. М. 1914. Ц. 80 к.

ПЕТЕРБУРГЪ и его жизнь. Географическій и климатическій очеркъ. Основаніе Петербурга и проч. Ц. 1 р.

ПОЛЬШАНЪ, И. Расовая проблема. М. 1914. Ц. 3 р. 50 к.

ТАРАПЫГИНЪ, Ф. Волга-матушка. Образовательное путешествіе по Волгѣ. Очерки и картины волжской жизни отъ истока рѣки до впаденія ея въ Каспійское море. Ц. 1 р. 80 к.

Языковѣдѣніе.

СЕЛИЩЕВЪ, А. М. Введеніе въ сравнительную грамматику славянскихъ языковъ. В. I. Казань. 1914. Ц. 1 р.

Сельское хозяйство и домоводство.

БАЛАБАНОВЪ, М. Исправленіе старыхъ запущенныхъ садовъ. Ц. 20 к.

БАРФУССЪ, I. Культура душистыхъ фиалокъ. Ц. 20 к.

ВИХЛЯЕВЪ, И. Торфяныя болота, использованіе ихъ въ технику и сельскомъ хозяйствѣ. Ц. 2 р. 25 к.

ГЛАЗЕНАПЪ, С. Задачникъ по сельскому хозяйству. Петроградъ. 1914. Ц. 65 к.

ДЕБУ, К. Орудія и машины для картофельной культуры. Ц. 1 р. 25 к.

КОНЦОВЪ, С. Силованіе кормовъ. Ц. 35 к.

КРОТКОВЪ, А. Учебникъ по винограду. Ц. 80 к.

МЯТЛИКЪ, А. Ранняя выгонка плодовъ, овощей и цвѣтущихъ растений въ теплицахъ. Ц. 1 р. 25 к.

РЫТОВЪ, М. Овощное сѣменоводство. Ц. 75 к.

ФРОЛОВЪ, Е. Квасоваръ. Боярскій квасъ. Хлѣбные, фруктовые и ягодные квасы; меды, соки, сиропы, пива и разныя прохладительныя напитки домашняго приготвленія. Изд. 4-е. Ц. 60 к.

ШАВРОВЪ, Н. Матеріалы по изученію помологии Туркестанскаго края. Вып. 3. Зерноплодные, сочные плоды теплаго климата, орѣховыя. Ц. 1 р. 50 к.

ЕГО ЖЕ. Важнѣйшіе способы обработки почвы въ саду и огородѣ. Ц. 20 к.

ШЕЛГУНОВА, Л. Домашній столъ. Скоромный и постный. Изд. 7-е, дополн. Ц. 1 р.

ШТЕЙНБЕРГЪ, П. Новая обиходная рецептура садовода. Ц. 75 к.

ФЕДОРОВЪ, Д. Кукуруза и сорго. Ц. 1 р.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

БОРОДИНЪ, Н. Рыбпромышленность и холодильное дѣло на Тихоокеанскомъ побережьи Сѣверной Америки. Петроградъ. 1914. Ц. 15 к.

ЛАНДО, В. О русскомъ и германскомъ сахарѣ на англійскомъ языкѣ. Кіевъ. 1914. Ц. 35 к.

СЛОНОВЪ, И. Изъ жизни торговой Москвы. Ц. 1 р.

ХВОСТОВЪ, М. Очерки организаціи промышленности и торговли въ греко-римскомъ Египтѣ. Ц. 2 р. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- БУТЕНКО, Н. Таблицы и диаграммы для быстрого расчета железобетонных сооружений. Киев. 1914. Ц. 75 к.
- ИВАНОВЪ, В. Санитарная техника. Очистка городских сточных водъ. Съ 333 чертеж. Киев. 1914. Ц. 6 р.
- КАКЪ ЭТО САМОМУ СДѢЛАТЬ? Пневматическій опрыскиватель. Электрическіе показатели перемены температуры. Предупредители о пожарахъ. Комнатный фонтанъ. Домашній телефонъ и проч. Ц. 50 к.
- ЛЕВИТСКИЙ, П. Условные знаки для плановъ и картъ межевого вѣдомства. М. 1914. Ц. 3 р. 50 к.
- ЛЕВИЦКІЙ, И. Р. Геодезія. Ч. III. Киев. 1914. Ц. 2 р. 30 к.
- ПЕСОЦКІЙ, Н. Лѣсопильное дѣло со всеми вспомогательными къ нему производствами. Съ 355 рис. Ц. 6 р.
- ПЕТРОВЪ, Л. Землемеріе безъ инструмента, съ вѣхами и шнуромъ. М. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- «Циклонъ». Вѣтряная двухкратная турбина отъ 1 до 150 лошадиныхъ силъ. Ц. 1 р. 25 к.
- РУССКІЙ РЕГИСТРЪ. Правила постройки рѣчныхъ железныхъ судовъ. Ч. I. Суда паровыя. Ц. съ атласомъ чертежей 6 р.
- СЕРЕБРЯКОВЪ, Г. Современная школа металло-пластики. Полное руководство для выдавливанія изъ разныхъ металловъ. Ц. 45 к.
- СЛЮСАРЕВЪ, М. Набивка чучель изъ птицъ и животныхъ. Ц. 20 к.
- ТИШИНСКИЙ, А. Конюшни и ихъ рациональное устройство. Съ 243 черт., 9 проект. конюшенъ и 1 пр. конскаго завода. Ц. 65 к.
- Ледники, погреба, хранилища для корнеплодовъ и фруктовъ. 100 чертежей въ текстѣ. Ц. 50 к.
- Сырость и холодъ въ деревянныхъ и каменныхъ домахъ. Мѣры къ ихъ устраненію. Ц. 1 р.
- ТИМОШЕНКО, С. П. Курсъ теоріи упругости. Часть I. Петроградъ. 1914. Ц. 2 р.
- ТИХОЦКІЙ, К. Оборудование холодильныхъ сооружений приспособленіями для передвиженія скоропортящихся товаровъ. Ц. 15 к.
- ФРОЛОВЪ, Р. Н. Курсъ электротехники. Ч. I. Изд. 2-е. Кроштадтъ. 1914. Ц. 2 р. 90 к.
- ЭССЕЛЬБАХЪ, А. Песочно-цементная черепица. Практическое руководство. М. 1914. Ц. 1 р.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

- БОГАРЕВИЧЪ, В. Repetitioium по фармаціи. Ч. I. Техника и рецептура. Ц. 50 к.
- ГУНСТЪ, В. и КАГАНЪ, А. Настольная книга первой помощи и ухода за больными въ семьѣ. Ц. 75 к.
- ДЮФУРЪ, проф. Гигіена глаза въ семьѣ и въ школѣ. Ц. 10 к.
- КАНЕЛЬ, В. Курсы ухода за больными. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.
- ЛЫСЕНКОВЪ, Н. К. Краткое руководство по анатоміи человека, съ 324 рисунками въ текстѣ. Изд. 2-е. 1914. Ц. 1 р. 75 к.
- ОБРАЗЦОВЪ, В. Къ физическому изслѣдованію желудочно-кишечнаго канала и сердца. Ц. 85 к.
- ШВАРЦЪ, Н. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. Ц. 75 к.
- ШЕЙНКМАНЪ, А. Фармація. Киев. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- ШЕФФЪ, Ю. Зубныя болѣзни. 1914. Ц. 50 к.
- ШПЕРЛИНГЪ, А. Гигіеническая утренняя гимнастика въ постели. Гимнастика и массажъ. Ц. 30 к.
- ЭЙНГОРНЪ, С. Краткое руководство подачи первой помощи и ухода за больными и ранеными. Ц. 40 к.

Военное и морское дѣло.

- АВСТРО-ВЕНГРІЯ и Германія. Изъ военной энциклопедіи. Ц. по 75 к.
- ВООРУЖЕННЫЯ СИЛЫ ИНОСТРАННЫХЪ ГОСУДАРСТВЪ, в. 6-й. Сухопутныя силы Турціи. Ц. 1914. Ц. 30 к.
- КРУГЛИКОВЪ, Т. Руководство для подготовки къ экзамену на чинъ прапорщика пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи. Изд. 3-е М. 1914. Ц. 3 р.
- Л. Б. Вооруженныя силы иностранныхъ государствъ. В. 1-й. Военный флотъ. В. 2-й. Сухопутныя силы Германіи. В. 3-й. Сухопутныя силы Австріи. Ц. по 35 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- АКИМОВЪ, В. Теоретическая и практическая геометрія, съ примѣненіями къ черченію и ремесламъ. Ч. 2-я. Стереометрія. Петроградъ. 1915. Ц. 45 к.
- АЛЕКСАНДРОВСКИЙ, Г. В. Чтенія по новѣйшей русской литературѣ. В. 1-й. Изд. 9-е. Киев. 1914. Ц. 1 р.
- БАГАТУРОВА, Н. Монтессори и новый способъ обученія грамотѣ. М. 1915. Ц. 35 к., съ азбукой ц. 55 к.
- БАХАЛОВЪ, Н. Введеніе въ элементарную геометрію. Казань. 1914. Ц. 40 к.
- БОРГЕНФРЕЙ, Г. и ТЮЛЕЦКЕВЪ, К. Фразы и статьи для практическаго усвоенія латинскаго синтаксиса. Ц. 1 р.
- ГРНАТЬЕВЪ, Е. Математическая хрестоматія. Книга 2-я. Алгебра и общая арифметика. Ц. 1 р. 80 к.
- ИНДРИКСОНЪ, Ф. Учебникъ физики. Ч. 1-я. Введеніе. Краткія свѣдѣнія изъ

- химии. Учение о жидкостях и газах. Учение о силах. Петроград. 1915. Ц. 1 р. 25 к.
- КАРИНСКИЙ, Н. М. Историческая хрестоматия по древне-церковно-славянскому и русскому языкам. Петроград. 1914. Ц. 80 к.
- КОНДРАТЬЕВЪ, В. Систематический сборник алгебраических задач. Ч. I. Петроград. Ц. 65 к.
- ЛЕБЕДЕВЪ, В. Русская патриотическая азбука. Ц. 30 к.
- МИРОШНИКОВЪ, С. В. Краткий практической курс латинского языка. Петроград. 1914. 1 р. 25 к.
- МОСКАЛЬСКИЙ, П. Сборник задач и вопросов изъ теории по алгебры и арифметикъ, геометрии и тригонометрии, предлага. на конкур. испытан. въ Киевскомъ Политехническомъ Институтъ въ 1912—13 гг. Ц. 3 р.
- МУКАЛОВЪ, Н. Пробные уроки по арифметикъ. Ц. 1 р.
- НЕСЛУХОВСКИЙ, К. Учебный исторический атлас. Ч. I. Древняя история. Ц. 80 к.
- ОГИЕНКО, П. Наглядная таблица для изучения русской орографии. Киев. 1914. Ц. 60 к.
- ОЛОВЯНИЦЫНОВЪ, Н. Начатки естествознания. Ц. 1 р. 25 к.
- ПЕРВОЕ дополнение къ списку книгъ, признанных Учен. Ком. Мин. Народн. просв. заслуживающими вниманія, при пополненіи ученическихъ библиотекъ ср.-уч. зав. Ц. 15 к.
- РЕВЕРОВЪ, П. Учебник новой истории. Для средне-учебныхъ заведений. Ц. 90 к.
- СИВЕРСЪ, Е. В. Задачи и тема для практическихъ работъ по счетоводству мастерской. Ц. 20 к.
- Сборникъ задачъ по коммерческой арифметикъ. Ц. 75 к.
- Рѣшеніе и объясненіе задачъ, предлож. на экзаменахъ для получения свидѣтельства на право преподаванія бухгалтеріи. В. 2-й. Ц. 1 р.
- ТИМОФЬЕВЪ, М. Планъ уроковъ обученія грамотѣ по естественному методу въ добукарный періодъ. Ц. 15 к.
- ТРОИЦКИЙ, С. Краткая методика истории, съ прилож. программы по истории, для приобрѣтенія аванія учителя высшаго начальнаго училища. Казань. 1914. Ц. 50 к.
- ФЕДОТЬЕВЪ, П. П. Учебникъ товаровѣдѣнія. Изд. 4-е. Петроградъ. 1914. Ц. 2 р.
- ШАЛЫГИНЪ, А. Учебный курсъ истории русской литературы (отъ Петра Великаго до смерти Пушкина) и хрестоматія. Ц. 1 р. 80 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- ИВАНОВЪ, Н. Сказка о купеческомъ сынѣ Иванѣ, о его собакѣ Тюльпанѣ и котѣ Мурланѣ. Ц. 15 к.
- ПОРОХОВЩИКОВА, М. Марусенька. Повѣсть. Ц. 75 к.
- РУСАКОВЪ, В. Русскія свѣтила науки. Библиографическіе очерки и рассказы. Ц. 1 р.

Спортъ, охота и игры.

- ЛЕБЕДЕВЪ, П. Сила и здоровье. Руководство, какъ сдѣлаться сильнымъ и здоровымъ человекомъ. Съ 208-ю рисунками. Изд. 2-е. Ц. 75 к.
- ПАНТЮХОВЪ, О. Вой-скауты. Ц. 50 к.
- РАЕВСКИЙ, Ф. Охота съ ружьемъ и собакой. Охота на птицъ и звѣрей. Съ 200 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Справочныя книги.

- АРХИПОВЪ, Н. Справочная книга для машинистовъ, начальниковъ депо, сборникъ циркуляровъ и др. распр. управл. жел. дор. Ялта. 1914. Ц. 3 р. 75 к.
- ВОРОТИНЦЕВЪ, Н. Подробная справочная книга о Петроградскомъ Политехническомъ институтѣ императора Петра Великаго. 1914. Ц. 75 к.
- КЛИМЕНТОВЪ, С. Полный справочникъ для отбывающихъ воинскую повинность по жеребью и охотниками вольноопредѣляющимъ. Ц. 95 к.
- КРЫМЪ. Путеводитель. 1914. Ц. 3 р.
- СЛОВАРЬ непонятныхъ терминовъ и географическихъ пунктовъ войны. Киевъ. 1914. Ц. 10 к.
- ТРОЯНОВСКИЙ, П. Словарь практической дивинаціи. Ц. 1 р.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“
(Спб., Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ-на-Дону)

ПРОДАЕТСЯ

**СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ
СОДЕРЖАНІЯ
ИСТОРИЧЕСКАГО ВЪСТНИКА**

за 25 лѣтъ (1880—1904 гг.)

СОСТАВИЛЪ

Б. М. ГОРОДЕЦКІЙ

Книга заключаетъ въ себѣ 47 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Въ ней переименованы 9525 статей и 2993 рисунка; кромѣ того, приложены два алфавита: 1) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указатель статей, и 2) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указатель рисунковъ. Книга отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Цѣна 5 руб.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ

М. Г. ВЕСЕЛКОВОЙ-КИЛЬШТЕТЬ

„КОЛЫЧЕВСКАЯ ВОТЧИНА“.

РОМАНЪ.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

„ПѢСНИ ЗАБЫТОЙ УСАДЬБЫ“.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Цѣна 1 рубль.

„СТИХИ И ПЬЕСЫ“.

Цѣна 2 рубля

НОВАЯ КНИГА:

ЗА 30 ЛѢТЪ

ЛИСТКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

В. Б. Бертенсона.

Петроградъ. 1914 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ

Т-ва А. С. Суворина, — **НОВОЕ ВРЕМЯ**“,

Петроградъ, Невскій, 40.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя **Бориса Борисовича Глинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городскій) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

Тарифъ на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 20 р.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

ДЕКАБРЬ, 1914 Г.

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ.

ДЕКАБРЬ 1914 г.

СТРАН.

Историческая летопись. V—LVI

Иллюстраци: 1) Августѣйшій генераль-инспекторъ артиллеріи его императорское высочество великій князь Сергій Михайловичъ.—2) Намѣстникъ Его Императорскаго Величества на Кавказѣ и главнокомандующій войсками кавказскаго военнаго округа генераль-адъютантъ графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ.—3) Главный интендантъ генераль-отъ-инфантеріи Д. С. Шуваевъ.—4) Командующій черногорскою арміею генераль Янко Вукотачъ.—5) Французскій посланникъ при Русскомъ Дворѣ Морисъ Палеологъ.—6) Англійскій посоль при Русскомъ Дворѣ сэръ Джонъ Вьюкенивъ.

I. На родной почвѣ. (Романъ). Часть вторая. (Окончаніе). М. Г. Веселковой-Кильштетъ.	705
II. Изъ воспоминаній стараго эриванца. (1832—1839). (Окончаніе). А. Ф. Рукевича.	766
III. Тѣни прошлаго. III. И. И. Ясинекаго-Бѣлинекаго.	792
IV. Изъ воспоминаній о Царь-градѣ. (1880—1882). Н. К. Арбузова.	801
V. Ужасы города. (Изъ повседневныхъ исторій). (Окончаніе). В. В. Уманова-Каплуовскаго.	838
VI. Изъ воспоминаній Л. Ф. Львова.	855
VII. И. А. Гончаровъ о воспитаніи. П. П. Глѣбича.	875
VIII. Къ развалу Оттоманской имперіи. (Изъ записной книжки константинопольскаго корреспондента). А. Е. Кауфмана.	877
IX. Роковой годъ. (Предсказанія войны). (Окончаніе). И. П. Ювачева.	888
X. Нѣмцы на югѣ. Н. Симбирскаго.	903
XI. А. А. Луговой. (Литературная характеристика). А. А. Имайлова.	919
Иллюстраціа: Алексій Алексѣевичъ Тихоновъ-Луговой.	
XII. Прологъ русско-японской войны. (Архивные матеріалы). (Окончаніе). Б. Б. Глинскаго.	935
XIII. Анатолійское побережье. Б. М. Гурьева.	949
Иллюстраци: 1) Видъ горъ Рязъ.—2) Садъ военнаго госпиталя въ Трапезундѣ.—3) Колонны бывшей церкви св. Софіи въ Трапезундѣ.—4) Видъ горъ Керасунда.—5) По побережью въ Керасунду.—6) Православный храмъ въ Керасундѣ.—7) Орду, красивѣйшій городъ на анатолійскомъ побережѣ.—8) Самсунъ.—9) Выгрузка товаровъ въ Самсунъ.—10) Видъ горъ Синопа.	
XIV. Изъ записной книжки историка. (Внутренняя война съ нѣмцами засильемъ въ Россіи.—Государственная и обывательская точка зрѣнія на нее.—Ходатайство «русскихъ» депутатовъ за нѣмцевъ въ Тавридѣ). Е. С. Шумигорскаго.	983
XV. Новости археологіи. А. А. Миронова.	991

(См. слѣд. стран.).

XVI. Критика и библиографія. 1000

- 1) У Троицы въ академіи. 1814—1914 гг. Юбилейный сборникъ историческихъ матеріаловъ. Москва. 1914. А. Изм.—2) А. Ф. Конн. Отцы и дѣти судебной реформы (въ пятидесятилѣтію судебныхъ уставовъ). 1864—20-го ноября—1914. Москва. 1914. Сергѣя фонъ-Штейна.—3) Д. И. Вагалъй, заслуженный профессоръ. Русская исторія. Съ картами, планами и снимками съ памятниковъ древности и искусства. Томъ первый. Москва. 1914. м.—4) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 143. Дипломатическая переписка французскихъ представителей при дворѣ императрицы Екатерины II. Ч. III. 1769—1772 гг. Петр. п. Майнова.—5) Павловскій, И. Ф. Очеркъ дѣятельности малороссійскаго генераль-губернатора князя А. В. Куракина. Полтава. 1914. м. и—ова.—6) Книги польской коронной метрики XV столѣтія. Томъ I. Книга 10. 1447—1454 гг. Варшава. 1914. м. л—ча.—7) Словарь литературныхъ типовъ. Редакція Н. Д. Носкова при сотрудничествѣ г.г. Поварнина и Саввина. Вып. 19 и 10. Гончаровъ, Петр. 1914. А. Налимова.—8) Ю. Айхенвальдъ. Опоръ о Вѣдлинскомъ. Отвѣтъ критикамъ. Москва. 1914. в. Данилова.—9) «Очиненія и письма П. Я. Чаадаева. Подъ редакціей М. Гершензона. Томъ II. М. 1914. вл. мн.—10) В. В. Нейманъ. Вліяніе Пушкина въ творчествѣ Лермонтова. 1814—3-го октября—1914 г. Кіевъ 1914. м. з.—11) Я. М. Барсковъ. Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній. Петр. А. Фаресова.—12) «На полѣ брани». Разказы и эпизоды изъ первой половины нынѣшней войны. Г. Т. Свѣрцева-Полилова. Петр. м.

XVII. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника». 1017

XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи 1020

- 1) Русско-нѣмецкія отношенія въ освѣщеніи русскаго и нѣмецкаго профессоровъ.—2) Вольтеръ въ Англіи.—3) Воспоминанія о Жоржъ-Зандъ.—4) Изъ біографіи одной артистки.—5) Новый взглядъ на Калюстро.—6) Неудачный бракъ принцессы Орлеанской.—7) Польскій король въ Эльзасѣ.

XIX. Смѣсъ. 1041

- 1) Общее собраніе академіи художествъ.—2) Семидесятипятилѣтній юбилей школы общества поощренія художествъ.—3) Въ литературномъ фондѣ.—4) Въ кассѣ литераторовъ.—5) Среди археологовъ.—6) Восьмисотлѣтіе со дня кончины Нестора лѣтописца.—7) 25-лѣтіе журнала «Природа и Люди».—8) 75-лѣтіе дня рожденія И. Д. Горемыкина.—9) Засѣданіе комитета по оказанію помощи пострадавшимъ отъ военныхъ дѣйствій.—10) Помогите родной Галичинѣ!

XX. Некрологи. 1048

- 1) Вердаевъ, С. А.—2) Вашковъ, С. И.—3) Голубевъ, В. С.—4) Историкъ, В. К.—5) Нисселевичъ, Л. Н.—6) Полетаевъ, Н. А.—7) Уманецъ-Райская, И. П.—8) Янжугъ, И. И.

XXI. Замѣтки и поправки. 1055

- 1) По поводу записокъ лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова. Д. А. Тарасова.

Приложенія: 1) Портретъ Евгенія Петровича Новикова.—2) Пятая труба. Историческій романъ Поля Бертрама. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. (Окончаніе).—3) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томѣхъ «Историческаго Вѣстника» 1914 года, и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ этихъ томѣхъ.

При этой книгѣ прилагается городскимъ и иногороднымъ подписчикамъ переводной бланкъ для подписки на журналъ «Нива» 1915 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ СТО ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОГО ТОМА.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ 1914 года.

	СТРАНА
Славянскіе орлы. Стихотвореніе И. Соколова . (Октябрь).	V
Историческая лѣтопись. (Съ 19 портретами). (Октябрь, ноябрь и декабрь).	VII—LXV, XVIII—LXIV, V—LVI
Къ читателямъ. (Октябрь).	XLV
Памяти князя Олега Константиновича. Стихотвореніе И. И. Соколова . (Ноябрь).	V
Его высочество князь Олегъ Константиновичъ. (Некрологъ). Б. В. Никольскаго	VII—XVII
Иллюстрація: Его высочество князь Олегъ Константиновичъ.	
На родной почвѣ. (Романъ). Часть вторая. (Окончаніе). М. Г. Веселковой-Кильштетъ	1, 353, 705
Изъ воспоминаній стараго эриванца. (1832 — 1839). (Окончаніе). А. Ф. Руневича	39, 400, 766
За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). В. Б. Бертенсона	53, 425
Тѣни прошлаго. І. І. Ясинскаго-Бѣлинскаго	87, 416, 792
Вильгельмъ II въ собственномъ освѣщеніи. В. В. Трозинера	94
Ужасы города. (Изъ повседневныхъ исторій). (Окончаніе). В. В. Уманова-Каплуновскаго	113, 474, 838
Война въ жизни и творчествѣ Лермонтова. С. В. фонъ-Штейна	135
Забутый писатель. И. И. Гурвича	152
Иллюстрація: Д. И. Стахѣевъ.	
«Культура» и «битва народовъ». (Объ историческомъ элементѣ на лейпцигской выставкѣ «печати и графики»). А. Е. Евгеньева	179
«Истор. вѣстн.» декабрь 1914 г., т. сxxxviii, 1/2	

Анна Васильевна Гоголь. (Мое знакомство и переписка съ нею). (Окончаніе). А. М. Черницкой.	189
иллюстрація: Анна Васильевна Гоголь.	
Прологъ русско-японской войны. (Архивные матеріалы). (Окончаніе). Б. Б. Глинскаго.	227, 558, 935
Городъ св. Николая. Н. Ѳ. Анаѣмова.	235
иллюстраціи: 1) Старинный планъ Вери.—2) Базилика св. Николая съ западной стороны.—3) Главный входъ въ базилику св. Николая. По сторонамъ колонны на лѣвахъ. Надъ дверью—икона св. Николая, закрытая щитомъ съ итальянскимъ гербомъ.—4) Базилика св. Николая съ южной стороны. Справа видны окна «крыты».—5) Крѣпта базилики св. Николая. Справа за рѣшеткой—колонна, перенесенная, по преданію, чудеснымъ образомъ изъ мирликійскаго храма.—6) Алтарь, подъ которымъ покоятся мощи св. Николая.—7) Нижняя часть алтаря, подъ которымъ покоятся мощи св. Николая. Посрединѣ—дверцы, дающія долупъ подъ алтарь.—8) Древняя икона св. Николая въ базиликѣ.—9) Внутренній видъ базилики св. Николая.—10) Византійская икона въ базиликѣ св. Николая.—11) Памятникъ королевѣ Вонѣ въ храмѣ св. Николая. Посрединѣ—епископскій тронъ епископа Иліи.—12) Видъ замка и новаго порта.	
Изъ записной книжки историка. (Россия и Австро-Венгрія.—Война и «нейтральная» державы: Румынія и Болгарія.—Конечная цѣль великой борьбы съ германизмомъ.—Міровая роль России и ея національные интересы.—Внутренняя война съ нѣмецкимъ засильемъ въ России.—Государственная и обывательская точка зрѣнія на нее.—Ходатайство русскихъ депутатовъ за нѣмцевъ въ Тавридѣ). Е. С. Шумигорскаго.	261, 624, 983
Предсказаніе о разгромѣ Бельгіи. Ю. Чаева.	445
М. Е. Салтыковъ и современные европейскія событія. П. А. Сербарина.	450
Мирное завоеваніе Мерва. (Изъ воспоминаній о походѣ генерала А. В. Комарова въ 1885 г.). Н. В. Чарыкова.	486
иллюстраціи: 1) Крѣпость Мервъ. Южный фасъ.—2) Крѣпость Мервъ. Западный фасъ.—3) Туркестанскіе рабочіе, строящіе русское укрѣпленіе.—4) Развалины Султанъ-Санджаръ.	
О нравственномъ обликѣ В. В. Самойлова. Н. Н. Долгова.	519
Роковой годъ. (Предсказанія войны). И. П. Ювачева.	527, 888
Градоскій о войнѣ и націонализмѣ. (Къ двадцатипятилѣтію со дня кончины Ал. Дм. Градовскаго). С. В. фонъ-Штейна.	537
Императорское одесское общество исторіи и древностей. (По поводу 75-лѣтія его существованія). М. Г. Попруженка.	544
Посѣщеніе Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ Островоротной часовни въ Вильнѣ.	556
Балты и война. А. И. Коростелева.	588
Въ гнѣздѣ Ѳаддея Булгарина. С. Шпицера.	598

Въ молдавскомъ монастырѣ. **В. В. Данилова**. 603

Иллюстраціи: 1) Видъ Добрушскаго монастыря съ юго-западной стороны.—2) Замѣный храмъ и колокольня Добрушскаго монастыря.—3) Храмъ въ скиту Добрушскаго монастыря.—4) Келія въ скиту Добрушскаго монастыря.

Иностранцы о Россіи. **А. М. Бѣлова**. 615

Изъ воспоминаній о Царь-градѣ. (1880—1882). **Н. К. Арбузова**. 801

Изъ воспоминаній. **Л. Ѡ. Львова**. 855

И. А. Гончаровъ о воспитаніи. **П. П. Гнѣдича**. 875

Къ развалу Оттоманской имперіи. (Изъ записной книжки константинопельскаго корреспондента). **А. Е. Кауфмана**. 877

Нѣмцы на югѣ. **Н. Симбирскаго**. 903

А. А. Луговой. (Литературная характеристика). **А. А. Измайлова**. 919

Иллюстрація: Алексѣй Алексѣевичъ Тихоновъ-Луговой.

Анатолийское побережье. **Б. М. Гурьева**. 949

Иллюстраціи: 1) Видъ гор. Риза.—2) Садъ военнаго госпиталя въ Трапезундѣ.—3) Колоны бывшей церкви св. Софіи въ Трапезундѣ.—4) Видъ гор. Кerasунда.—5) По побережью къ Кerasунду.—6) Православный храмъ въ Кerasундѣ.—7) Орду, красивѣйшій городъ на анатолийскомъ побережьи.—8) Самсунъ.—9) Выгрузка товаровъ въ Самсунъ.—10) Видъ гор. Синопа.

Новости археологіи. **А. А. Миронова**. 991

Критика и библиографія. 269, 632, 1000

1) Les prémices de l'alliance franco-russe. Deux missions de Barthélemy de Lésseps à Saint-Petersbourg 1806 — 1807 d'après sa correspondance inédite.—Par commandant Jean de la Tour. Paris. 1914.—(Зачатки франко-русскаго союза. Двѣ миссіи Бартеlemi Лессепса въ Петербургъ въ 1806—1807 г.г. Составилъ по его неизданной перепискѣ. Жанъ-дела-Туръ. Парижъ. 1914). п. Майкова.—2) Н. П. Черепнинъ. Императорское воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ. Историческій очеркъ. 1764—1914. Томъ первый. Петроградъ. 1914. н. г. р.—3) И. Кирилловъ. Третій Римъ. Очеркъ историческаго развитія идеи русскаго мессіанизма. М. 1914. н. н. Ефимова.—4) И. Г. Прыжковъ. Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа. Казань. 1914. А. Фарсова.—5) В. А. Еврецовъ. Крестьянское дѣло по положенію 19 февраля 1861 г. Историческій очеркъ. Петроградъ. 1913. в. ш.—6) В. И. Симмаковъ. Сборникъ деревенскихъ частушекъ Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской губерній. Съ приложеніемъ нотъ и подробнаго библиографическаго указателя литературы. Ярославль. 1918. в. Данилова.—7) Историческая библиотека. Памятники русской литературы. А. Н. Аванасьева. Народныя русскія легенды. Подъ редакціей И. П. Кочергина. Съ приложеніемъ портрета и воспоминаній А. Н. Аванасьева и двухъ статей. А. Н. Пыпина. Казань. 1914. А. М.—на.—8) Н. Евашиный-Самаринъ. Княжна пѣснь. Историческая поэма въ 428 пѣсняхъ. Часть I. Петроградъ. 1914. л. л.—9) Дмитріевъ, Н. Национальная школа. Петроградъ. 1913. я. Биронова.—10) «Quo vadis, Австрія». Романъ отчаянія. Переводъ съ нѣмецкаго. Петроградъ. 1914. Сергѣя фонъ-штейна.—11) Н. А. Лапо-Данилевская. Княжна Мара. Романъ. Петроградъ. 1914. Д. М.—но. 12) «Столица и Усадьба». Журналъ красивой «жизни». Петроградъ. 1914.—аг.—12) Фантомъ. (Г. Т. Свѣрцовъ). По старинному «Заморскому» пути. Путевыя замѣтки по Сѣверу, встрѣчи, итоги и впечатлѣнія. Петроградъ. 1914. ж.—13) Памятная книжка сенатскаго архива. Петроградъ. 1913. н.

- 14) I. Фробеніусъ (оберъ-лейтенантъ германской службы). Роговой часть Германской имперіи. Переводъ М. Панина. Петр. 1914. В. ш.—15) К. В. Харламовичъ. Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь. Томъ I. Казань. 1914. С.—16) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. Книга 3-я. Двѣсти пятидесятая. Москва. 1914. Rustic.—17) В. К. Лукомскій. Родословіе дворянъ Митусовыхъ. Петр. 1914. Б. Модзалевскаго.—18) Стѣнная карта «Русскіе славяне и ихъ сосѣди въ IX—X вв.» для класснаго употребленія, приспособленная къ учебнику русской исторіи проф. С. Ф. Платонова, съ приложеніемъ атласа «Памятники искусства русскихъ славянъ и ихъ сосѣдей до XII вѣка», 28 табл. 228 рис. Подъ редакціей и съ обязательнымъ текстомъ Н. Е. Макаренка. Петр. 1914. И—шова.—19) Вопросы теории и психологии творчества. Т. V. Подъ редакціей В. А. Лезина. Харьковъ. 1914. И. Замотина.—20) Проф. И. А. Линниченко. Рѣчи и поминки. Сборникъ статей по исторіи русской литературы и биграфическихъ воспоминаній. Одесса. 1914. А. М—на.—21) Ф. Ввлявскій. Иудайзмъ и христіанство. Петр. 1914. А. Фаресова.—22) Культурно-историческіе памятники древняго Востока. Подъ общей редакціей проф. В. А. Тураева. Выпускъ I. И. М. Волковъ. Законы вавилонскаго царя Хаммураби. Съ 8 рисунками и картой. Москва. 1914. С. л—на.—23) Труды съѣзда дѣятелей Черноморскаго побережья Кавказа. Томъ второй. Подъ общей ред. члена-дѣлопроизводителя съѣзда Н. И. Воробьева. Петр. 1914. Павла Росслева.—24) Левъ Вертенсонъ. Радиоактивность въ лечебныхъ водахъ и грязяхъ. Петроградъ. Б—я.—25) Библиографическая лѣтопись. Вып. I. Петр. 1914. М. А. С.—26) А. Исаевъ. Кризисы въ народномъ хозяйствѣ. Петр. 1914. Ф.—27) Валерій Врюсовъ. Полное собраніе сочиненій и переводовъ. Т. XII. Алтарь побѣды. Повесть IV вѣка. (Книги I и II).—Томъ XIII. Алтарь побѣды. (Книга III и IV). Петр. 1913. Л. л.—28) Май Уиннъ. Генрихъ Наваррскій. Историческій романъ. Переводъ Д. Ф. Журавлева. Петр. 1914. И. А.—29) У Трици въ академіи. 1814—1914 гг. Юбилейный сборникъ историческихъ матеріаловъ. Москва. 1914. А. изм.—30) А. Ф. Коны. Отпы и дѣти судебной реформы (къ пятидесятилѣтію судебныхъ уставовъ). 1864—20-го ноября—1914. Москва. 1914. Сергѣя фонъ-Штейна.—31) Д. И. Багалъй, заслуженный профессоръ. Русская исторія. Съ картами, планами и снимками съ памятниковъ древности и искусства. Томъ первый. Москва. 1914. М.—32) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ 143. Дипломатическая переписка французскихъ представителей при дворѣ императрицы Екатерины II. Часть III. 1769—1772 гг. Петроградъ. П. Майнова.—33) Павловскій, И. Ф. Очеркъ дѣятельности малороссійскаго генераль-губернатора князя А. В. Курякина. Подтава. 1914. М. И—ова.—34) Книги польской коронной жетрики XV столѣтія. Томъ I. Книга 10-ая. 1447—1464 гг. Варшава. 1914. М. л—ча.—35) Словарь литературныхъ типовъ. Редакція Н. Д. Носкова при сотрудничествѣ г.г. Поварина и Саввина. Вып. 9 и 10. Гончаровъ. Петр. 1914. А. Налимова.—36) Ю. Ахенвальдъ. Споръ о Вблинскомъ. Ответъ критикамъ. Москва. 1914. В. Данилова.—37) «Сочиненія и письма П. Я. Чаадаева. Подъ редакціей М. Гершензона. Томъ II. М. 1914. Вл. ин.—38) В. В. Неймацъ. Вліяніе Пушкина въ творчествѣ Лермонтова. 1814—3-го октября—1914 г. Кіевъ. 1914. И. з.—39) Я. М. Барсковъ. Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній. Петр. А. Фаресова.—40) «На полѣ брани». Разказы и эпизоды изъ первой половины нынѣшней войны. Г. Т. Свверцева-Полидова. Петр. М.

Новости исторіи. Обзорніе журналовъ. А. А. Измайлова. 288, 653

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника». 296, 661, 1017

Заграничныя историческія новости и мелочи. 299, 664, 1020

- 1) Ренанъ о будущемъ Франціи, Германіи и славянства.—2) Принцъ де-Линь.—3) Убіеніе шведскаго короля Густава III.—4) Обращеніе Вильгельма I съ пльняныи.—5) Георгъ V.—6) Трагическая кончина императора Максимилиана.—7) Фейерверкъ въ старинной Франціи.—8) Покушеніе Орсини на Наполеона III.—9) Какъ турки овладѣли Византіей.—10) Находка Венеры Киренейской.—11) Война «старога стиля».—12) Жанъ Ришпэвъ о Шекспирѣ.—13) Царица ордена Лантюрелю.—14) Эпизодъ изъ исторіи англійскихъ нравовъ.—15) Роль аббата Эджворта при казни Людо-

вива XVI.— 16) Русско-нѣмецкія отношенія въ освѣщеніи русскаго и нѣмецкаго профессорствъ.— 17) Вольтеръ въ Англии.— 18) Воспоминанія о Джоржъ-Зандъ.— 19) Изъ біографіи одной артистки.— 20) Новый взглядъ на Кадіостро.— 21) Неудачный бракъ принцессы Орлеанской.— 22) Польскій король въ Эльзасѣ.

Смѣсь. 322, 685, 1041

1) Молитва о раненыхъ.— 2) Постановленія 131-й славянской трапезы, 7-го августа.— 3) Постановленія 132-й славянской трапезы 14-го августа.— 4) Постановленія 133-й славянской трапезы 21-го августа.— 5) Постановленія 134-й славянской трапезы 28-го августа.— 6) Декларация литовцевъ.— 7) Воззваніе экзарха Грузіи.— 8) Протестъ противъ нѣмецкихъ звѣрствъ и вандализма.— 9) Протестъ московскихъ архитекторовъ противъ германскаго вандализма.— 10) Въ союзѣ драматическихъ и музыкальныхъ писателей.— 11) Воззваніе чешскаго комитета.— 12) Собраніе галицко-русскаго общества.— 13) Резолюція партій реальной политики и національ-демократіи.— 14) Къ чехамъ и словакамъ въ Варшавѣ.— 15) Поляки.— 16) Дѣятельность всероссійскаго земскаго союза.— 17) Отъ совѣта императорскаго вольнаго экономическаго общества.— 18) Къ обществу.— 19) Организація помощи.— 20) Сто пятьдесятъ лѣтъ императорской петроградской академіи художествъ.— 21) Столѣтіе московской духовной академіи.— 22) Присужденіе премій гр. Уварова.— 23) Собраніе академіи художествъ.— 24) Столѣтіе со дня рожденія М. Ю. Лермонтова.— 25) Пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности А. Г. Шиле.— 26) Архивъ войны.— 27) Засѣданіе верховнаго совѣта по призрѣнію семей лицъ, призванныхъ на войну.— 28) Русскіе курорты.— 29) Соболезнованіе императорской академіи художествъ по поводу художественныхъ потерь французамъ и бельгійцамъ.— 11) Отъ московскихъ писателей, художниковъ и артистовъ.— 31) Иркутскій польскій комитетъ помощи жертвамъ войны.— 32) Воззваніе варшавскаго комитета.— 33) Адресъ бельгійскимъ женщинамъ.— 34) Общее собраніе академіи художествъ.— 35) Семидесятилѣтній юбилей школы общества поощренія художествъ.— 36) Въ литературномъ фондѣ.— 37) Въ кассѣ литераторовъ.— 38) Среди археологовъ.— 39) Восьмистолѣтіе со дня кончины Нестора лѣтописца.— 40) 25-лѣтіе журнала «Природа и Люди».— 42) 75-лѣтіе дня рожденія Н. Л. Горемыкина.— 41) Засѣданіе комитета по оказанію помощи пострадавшимъ отъ военныхъ дѣйствій.— 42) Пожигитеродной Галичинѣ!

Некрологи. 339, 699, 1048

1) Бартенева, Е. Г.— 2) Волховской, Ф. В.— 3) Горбуновъ, Г. А.— 4) Дружининъ, К. И.— 5) Кедровъ, С. И.— 6) Кноровскій, И. М.— 7) Паренцовъ, П. Д.— 8) Семеновъ, Н. В.— 9) Съдовъ, Г. Я.— 10) Трахтенбергъ, В. О.— 11) Варяницинъ, А. М.— 12) Керзинъ, А. М.— 13) Лаврентьевъ, Л. И.— 14) Мравина, Е. К.— 15) Павцевичъ, Н. П.— 16) Паперъ, Я. Л.— 17) Сугіасъ Парзэанъ, архіепископъ.— 18) Фортунатовъ, Ф. Ф.— 19) Вердяевъ, С. А.— 20) Башковъ, С. И.— 21) Голубевъ, В. С.— 22) Истомино, В. К.— 23) Ниселовичъ, Л. Н.— 24) Полетаевъ, Н. А.— 25) Уманецъ-Райская, И. П.— 26) Янжуль, И. И.

Замѣтки и поправки. 348, 704, 1055

1) По поводу статьи Е. С. Шумигорскаго. Засл. проф. И. Т. Тарасова.— 2) Отвѣтъ И. Т. Тарасову. Е. С. Шумигорскаго.— 3) По поводу статьи «Ревнитель просвѣщенія (памяти П. Г. Шеллапутина)». И. И.— 4) По поводу некролога архіепископа Стефана. К. С. Добролюскаго.— 5) И. Д. Перуанскаго.— 6) По поводу статьи В. Г. и отвѣта Е. С. Шумигорскаго. И. Тарасова.— 7) По поводу записокъ лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова. Д. А. Тарасова.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Портреты: 1) М. Г. Черняева.— 2) Его высочества князя Олега Константиновича.— 3) Евгения Петровича Новикова.— 4) Пятая труба. Историческій романъ Поля Бертрама. Переводъ съ англійскаго. А. Б. Михайлова. (Окончаніе).— 5) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1914 года, и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ этихъ томахъ.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ

и продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

I, II и III выпуски

изданія журнала «Историческій Вѣстникъ»

„ВОЙНА“

Хроника и отклики съ иллюстраціями.

Цѣна выпуска 50 коп.

Чистая выручка съ изданія поступитъ въ пользу лазарета для раненыхъ воиновъ, устроеннаго журналомъ „Историческій Вѣстникъ“. (Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“).

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

продаются книги

М. Г. ВЕСЕЛКОВОЙ-КИЛЬШТЕТЪ

„КОЛЫЧЕВСКАЯ ВОТЧИНА“.

РОМАНЪ.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

„ПѢСНИ ЗАБЫТОЙ УСАДЬБЫ“.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Цѣна 1 рубль.

„СТИХИ и ПЬЕСЫ“.

Цѣна 2 рубля

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
Т-ВА А. С. СУВОРИНА—«НОВОЕ ВРЕМЯ» КНИГА

Б. Б. Глинскаго

„Среди литераторовъ —
— и ученыхъ“

Биографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія,
встрѣчи. Съ 31 портретомъ.

Цѣна 3 рубля.

НОВАЯ КНИГА:

ЗА 30 ЛѢТЪ

ЛИСТКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

В. Б. Бертенсона.

Петроградъ. 1914 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ

Т-ва А. С. Суворина, „НОВОЕ ВРЕМЯ“,

Петроградъ, Невскій, 40.

Вышла въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ
и въ кіоскахъ на станц. желѣзн. дорогъ

„НА ПОЛѢ БРАНИ“

разказы и эпизоды изъ современной войны

Г. Т. СѢВЕРЦЕВА-ПОЛИЛОВА.

Цѣна 1 руб. 25 коп. 25 коп. съ каждаго экземпляра поступаетъ
въ пользу разоренной Польши.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

„СРЕДИ КОРОНОВАННЫХЪ ОСОБЪ“

Молодость императора Вильгельма, встрѣчи и воспоминанія.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

„ПО СТАРИННОМУ ЗАМОРСКОМУ ПУТИ“

очерки, встрѣчи, впечатлѣнія и итоги поѣздки по Сѣверу.

Цѣна 1 руб.

ЛУКОМОРЬЕ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И САТИРИ-
ЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ,

Ставящій своею задачею художественное отраженіе
жизни во всѣхъ ея областяхъ.

Въ настоящее время особенное вниманіе удѣляется войнѣ,
событія которой иллюстрируются извѣстными художниками.

Въ журналѣ печатаются повѣсти, разказы, фельетоны,
стихи лучшихъ современныхъ писателей, помѣщаются произ-
веденія выдающихся художниковъ, даются иллюстраціи
событій, карикатуры, шаржи.

Особенностью журнала являются красоч-
ные рисунки.

Открыта подписка

на второй годъ изданія 1915-ый. Цѣна на годъ съ доставк. и
перес.—9 р., на полгода—5 р., на 8 м.—8 р., на 1 м.—1 р. 50 к.
Деньги просятъ адресовать: Петроградъ, Невскій пр., 40.
Кснторъ журнала „Лукоморье“. Подписка принима-
ется, кромѣ того, въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“,
въ Москвѣ, Одессѣ, Саратовѣ, Ростовѣ-на-Дону и Харьковѣ.

Редакторъ-Издатель М. А. Суворинъ.

Завѣдыв. художеств. отдѣломъ Г. Магула.

Ежемесячный историко-литературный журналъ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

ИЗДАЕТСЯ

Наслѣдниками А. С. Суворина

подъ редакціей Б. Б. Глинскаго.

(Тридцать шестой годъ изданія).

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» знакомитъ читателей въ живой, общедоступной формѣ съ современнымъ состояніемъ исторической науки и литературы въ Россіи и Европѣ и связываетъ отечественную исторію съ всемірною и научное изслѣдованіе съ популярнымъ изложеніемъ. За время **своего 35-лѣтняго** существованія журналъ достигъ широкаго распространенія среди разнообразныхъ классовъ населенія, имѣя здѣсь многочисленныхъ подписчиковъ и читателей. **«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»** издается по слѣдующей программѣ: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, записки, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, этнографическія и бытовыя описанія и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, историческія новости и матеріалы, имѣющіе общій интересъ. Къ **«ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ»** прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» выходитъ ежемесячно каждаго 1-го числа въ объемѣ 25—28 печатныхъ листовъ убористаго шрифта.

«истор. вѣстн.», декабрь 1914 г., т. сxxxviii.

1

Подписная цѣна на годъ 10 рублей серебромъ съ пересылкой и доставкой на домъ, за полгода 6 рублей. Цѣна книжки журнала въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 25 коп. Для служащихъ за подписью казначеевъ, а также для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ допускается разсрочка по четвертямъ года безъ повышенія годовой платы.

Подписка принимается въ главной конторѣ въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва «Новаго Времени» (А. С. Суворина), Невскій пр., д. № 40, и въ отдѣленіяхъ главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону при книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

Такса за объявленія: впереди текста за страницу 80 руб., за $\frac{1}{2}$ стр. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стр. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стр. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стр. 20 рублей.

Какъ и въ предшествующіе годы, такъ и въ 1915 году, журналъ будетъ выходить со слѣдующими отдѣлами:

Въ журналѣ принимаютъ участіе: его императорское высочество великій князь Николай Михайловичъ и его свѣтлость герцогъ Георгій Николаевичъ Лейхтенбургскій.

БЕЛЛЕТРИСТИКА. Имѣются уже и обѣщаны произведенія слѣдующихъ авторовъ: В. П. Авенаріуса, В. И. Анжу, Г. Артурова, Марка Басанина, В. П. Буренина, А. Н. Будицева, В. В. Бруснянина, М. Е. Васильевой, М. Г. Веселковой-Кильштетъ, В. А. Волжина, П. П. Гигѣдича, А. Е. Зарина, Ф. Е. Зарина-Несвицкаго, Ор. Козельскаго, Н. А. Лаппо-Данилевской, В. Микуличъ, Вл. Нарбута, П. М. Невѣжина, С. С. Окрейца, Григ. Ольшанскаго, А. П. Плетнева, И. Н. Потапенка, С. П. Руднева, В. Я. Свѣтлова, И. И. Соколова, А. В. Сульжикова (Вик—Торниовича), Г. Т. Сѣверцева-Полилова, В. В. Уманова-Каплуновскаго, А. Н. Шабановой, Н. А. Энгельгардта, С. К. Эфрона (Литвина) и другихъ.

ВОСПОМИНАНІЯ. Редакція располагаетъ слѣдующими мемуарами: **гр. Н. П. Игнатьева**—«Санъ-Стефано».—**Н. В. Исакова**—«Записки».—**Сенатора Дрейера**—«Воспоминанія».—**Н. А. Манна**—«Воспоминанія».—**Н. Н. Фирсова**—«Императорскій посолъ и дворянская опека».—**С. А. Драгомировой**—«Радецкій, Скобелевъ, Драгомировъ».—**С. К. Эфрона (Литвина)**—«Воспоминанія о С. Э. Шараровѣ».—**И. В. Погоржанскаго**—«Четыре записки изъ жизни декабристовъ».—**А. И. Соколовой**—«Встрѣчи и знакомства».—**В. Б. Бертенсона**—«За 30 лѣтъ».—**Е. Н. Андреевскаго**—«Изъ записокъ за 47 лѣтъ».—**Н. В. Рейгарда**—«Изъ воспоминаній о Н. К. Михайловскомъ».—**М. В. Щепкина**—«Театральныя мелочи». «Воспоминанія бывшаго судебнаго дѣятеля» М. Ф. Чулицкаго.—**М. В. Шевлякова**—«Изъ разсказовъ П. И. Вейнберга».—**М. М. Мариной**—«Изъ воспоминаній о пребываніи русскаго экспедиціоннаго отряда въ Критѣ».—**П. А. Россіева**—«Силуэты».—**В. П. Соколова**—«Воспоминанія о Всеволодѣ Гаршинѣ».—**Н. И. Ванченко**—«Изъ воспоминаній украинскаго актера».—**С. И. Уманца**—«Мозаика».—**А. Г. Шиле**—«Изъ литературныхъ воспоминаній».—**П. Юдина**—«Изъ прошлыхъ сношеній съ Германіей».—**А. С. Серебряковой**—«Изъ жизни московской прессы восьмидесятыхъ годовъ» и мног. друг.

Статьи научныя, публицистическія, критика и бібліографія. Въ отдѣлѣ примутъ участіе: Н. О. Акаемовъ, В. А. Алексѣевъ, А. А. Бахтіаровъ, А. А. Башмаковъ, проф. П. В. Безобразовъ, Д. А. Бочковъ, В. В. Бруснянинъ, А. Н. Брянчаниновъ, А. М. Бѣловъ, И. С. Бѣляевъ, проф. Б. В. Варнеке, проф. А. Н. Витмеръ, В. В. Вороновъ, Г. К. Гинсъ, Б. Б. Глинскій, проф. В. М. Грибовскій, И. И. Гурвичъ,

В. В. Даниловъ, Н. А. Державинъ, А. А. Дунинъ, Н. М. Ежовъ, В. В. Жерве, проф. И. И. Замотинъ, А. Е. Заринъ, Г. Г. Зоргенфрей, А. А. Измайловъ, проф. Л. П. Карсавинъ, А. Е. Кауфманъ, проф. М. В. Клочковъ, В. Н. Княжнинъ, Я. Н. Колубовскій, проф. Д. А. Корсаковъ, проф. М. Е. Красноженъ, К. В. Кудряшовъ, В. К. Кузнецовъ, Н. А. Лачинновъ, Н. Н. Лендеръ, проф. П. М. Лисовскій, А. М. Ловягинъ, проф. Н. Н. Любавичъ, П. М. Майковъ, проф. А. И. Малениъ, М. М. Марина, В. П. Маринъ, Т. А. Мартемьяновъ, Д. А. Масляненко, С. Р. Минцловъ, А. А. Мионовъ, Б. Л. Модзалевскій, З. Е. Мордвинова, П. О. Морозовъ, В. А. Мустафинъ, И. В. Мѣщаниновъ, А. П. Налимовъ, А. М. Нечаева, Н. Н. Оглоблинъ, С. С. Окрейцъ, А. С. Панкратовъ, академикъ В. Н. Перетцъ, проф. М. Г. Попруженко, Н. В. Рейнгардъ, П. А. Россіевъ, О. О. Симбухинъ, Т. О. Соколовская, М. К. Соколовскій, проф. И. И. Соколовъ, П. И. Соколовъ, Н. П. Столпянскій, И. Тенеромо, К. А. Тепловъ, Е. С. Тимирязева, В. З. Ткачукъ, О. О. Трозинеръ, А. И. Фаресовъ, А. И. Фирсовъ, Н. Н. Фирсовъ, Н. В. Чарыковъ, проф. П. Н. Черняевъ, М. Ф. Чулицкій, В. И. фонъ-Штейнъ, С. В. фонъ-Штейнъ, Е. Н. Щепкина, М. А. Щепкинъ, князь Б. А. Щетининъ, Н. А. Энгельгардтъ, С. К. Эфронъ, И. П. Ювачевъ, П. А. Юдинъ, П. Л. Юдинъ, проф. А. И. Яцимирскій и мног. друг.

Въ отдѣлѣ критики и библиографіи каждый мѣсяцъ рецензируются свыше 20-ти вновь вышедшихъ книгъ по преимуществу по русской, всеобщей и древней исторіи, литературѣ, археологіи, исторіи права, искусствъ и другимъ отраслямъ гуманитарнаго знанія. Съ 1914 года въ журналѣ открытъ **новый отдѣлъ по обзорѣ отечественныхъ журналовъ**, а также **Нижний Листокъ**, гдѣ отмѣчаются всѣ поступающія въ редакцію изданія съ краткимъ отчетомъ о главнѣйшихъ изъ нихъ.

Статьи этнографическія и географическія. Будутъ напечатаны произведенія: М. М. Мариной, И. А. Слонова, А. А. Дунина, В. Сазонова, А. Я. Таранецъ, Н. Максимова, А. Григорьева, А. И. Фирсова, А. Мощанскаго, Д. П. Богданова, С. Р. Минцлова, П. Зайкина, М. Мочульской, В. П. Марина, В. Г. Вейденбаума, А. И. Стеллецкаго, П. П. Орлова.

Историческія новости и мелочи составляются по многочисленнымъ выписываемымъ редакціею европейскимъ журналамъ и газетамъ, посвященнымъ исторіи и литературѣ, и знакомятъ читателя со всѣми западно-европейскими новинками въ этихъ областяхъ.

Изъ записной книжки историка—Е. С. Шумигорскаго.

Новости русской исторіи—А. А. Измайлова.

Въ приложеніи къ журналу въ 1915 году будетъ дано:

Историческая лѣтопись, гдѣ въ систематическомъ порядкѣ будетъ дѣлаться обзорѣніе событій на всѣхъ театрахъ современной войны. «Лѣтопись» будетъ иллюстрирована многочисленными портретами главныхъ и выдающихся дѣятелей войны.

«Долоресъ». Драма въ пяти дѣйствіяхъ В. П. Буренина.

Переводный историческій романъ Е. Демольдеръ «Садовникъ маркизы Помпадуръ».

Въ связи съ переживаемыми военными событіями, редакція «Историческаго Вѣстника» приложитъ всѣ старанія, чтобы печатаемые на страницахъ статьи носили по преимуществу злободневный характеръ и отвѣчали историческимъ запросамъ переживаемаго политическаго дня.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

ДВА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основ. С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые подъ ред. П. М. ОЛЬХИНА.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ 1914 г. — ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гг. годов. подписч. журн. „З. Сл.“ для дѣтей
МЛАДШАГО ВОЗРАСТА
(отъ 5 до 9 лѣтъ) получаютъ

52 №№ и 48 ПРЕМИЙ.

■ БОЛЬШАЯ СТѢННАЯ КАРТИНА „ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕРОЯ“, исполненная хромо-литографией въ 24 краски.

6 Вып. „Моя ПЕРВАЯ ГЕОГРАФІЯ“.

От. и раз. о стран. и народ., съ масс. илл.

3 Вып. „Альбомъ работъ изъ БУМАГИ“, для мальчиковъ и дѣвочекъ.

6 Кат. „Новый театръ звѣрей дѣя забавы дѣтей“.

изъ жизни ученыхъ животнхъ.

12 Листовъ „Игры, работы, рукодѣлія и пр.“ для вырѣз. и склеиванія.

1 Кн. „Я учусь по-французски“.

Легкій самоучитель для мал. дѣтей съ раск.

6 Вып. „Книга шутокъ и смѣха“, для дѣтей, сборн. вес. карт., стишк. и раск.

8 картинъ „Юный художникъ“, раскраш. карт. съ цвѣтными образами.

12 Вып. „Библиотека рассказовъ и сказокъ“ для дѣтей младшаго возр., въ которую, между прочимъ, входятъ: НЕОБЫКНОВЕННЫЙ КОРОЛЕВИЧЪ. Повѣстка Л. А. Черской. БИЛКИНЫ СКАЗКИ. в. Князъ вл и др.

■ НОВАЯ АРИМЕТИЧЕСКАЯ ИГРА для дѣтей.

и мног. друг.

Кромѣ того, при кажд. изд. высылаются: «ДѢТСКІЯ МОДЫ» и «ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНІЕ».

Подписная цѣна каждаго издан. „Задушевнаго Слова“, со всѣми обязательными приложеніями и приложениями, съ доставкой и пересылк., — на годъ ШЕСТЬ рублевъ.

Допуск. разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февр. и 3) къ 1 мая — по 2 р.

Съ тѣхъ поръ, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаться въ конторы «ЗАДУШ. СЛОВА», при слѣдн. маг. Т-ва М. О. Вольфъ — Петроградъ: 1) Гост. Дв., 13 и 2) Невскій, 13.

Гг. годов. подписч. журн. „З. Сл.“ для дѣтей
СТАРШАГО ВОЗРАСТА
(отъ 9 до 14 лѣтъ) получаютъ

52 №№ и 48 ПРЕМИЙ,

24 Вып. „Собр. соч. А. Мелникова-Печерскаго“. Изд. для юнош. Выб. и ред. Н. Лерера; съ илл. Е. Лебедевой (2 т.).

12 №№ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРОНИКА ВОЙНЫ“.

въ обраб. для юнош., которая сост. 12 №№ прил. «Задушевное Эхо».

12 Таблицъ „Царство гусеницъ“.

121 изображение въ краскахъ, съ объяснительными текстами.

6 Листовъ „Игры и работы“, модели для вырѣзыванія, склеиванія, выплыванія и т. д.

6 Вып. „Русские герои-солдаты“.

Исторія подвиговъ сырыхъ воякъ генерала Русакова, съ илл.

12 Таблицъ „Альбомъ историческихъ медалей“.

въ память выдающихся событій въ Россіи, съ объясн. текстомъ.

6 Вып. „въ пороховомъ дымѣ“.

Книга воен. раск. для кн. ш. известн. авторовъ подъ ред. М. А. Лятсаго.

4 книжки „Библиотеки полезныхъ знаній“, для юношества.

■ Спутникъ школы. Календарь и записная книжка для учащихся на 1915—1916 уч. годъ, въ перепл.

и мног. друг.

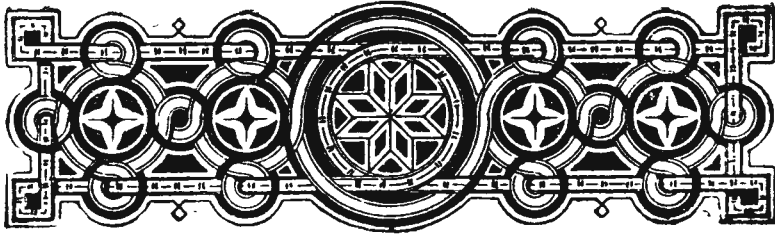
XXXIX ГОДЪ ИЗДАНИЯ

XXXIX ГОДЪ ИЗДАНИЯ

ЗА ГОДЪ—6 рублевъ. РАЗСРОЧКА—по 2 рубля.

ЕВГЕНІЙ ПЕТРОВИЧЪ НОВИКОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РАНЦУЗСКОЕ правительство опубликовало 20-го октября слѣдующій официальный отчетъ о ходѣ военныхъ дѣйствій за нѣсколько дней:

Приказы по военнымъ операціямъ, обнаруженные французами у плѣннаго германскаго офицера, опредѣленно указывали, что германцы на сѣверѣ дѣлаютъ усиліе, которое, какъ они надѣялись, окажется рѣшительнымъ. Взятіе Ле-Кенуанъ-Сантерръ было блестящимъ подвигомъ. Французскія войска захватили два орудія, многочисленныя пулеметы и около сотни плѣнныхъ. 18-го октября летчикъ капитанъ Морисъ, возвращаясь съ рекогносцировки, встрѣтилъ германскую «таубе» и началъ ее преслѣдовать. Вскорѣ показалась вторая «таубе». Немедленно же французскій аэропланъ съ летчикомъ капитаномъ Деверніе и сержантомъ Жиберомъ поднялся на помощь. Въ концѣ концовъ одна «таубе», пораженная выстрѣлами изъ мушкета на разстояніи двадцати метровъ, зашаталась и упала посреди германскихъ линій. Германскія сообщенія отъ 18-го октября придаютъ чрезмѣрное значеніе дѣлу у Вайи-сюръ-Энь. Операція имѣла чисто мѣстный характеръ, и французы не оставили ни одного плѣннаго. Между тѣмъ германцы изобразили это дѣло, какъ важный успѣхъ. Въ то же время они остереглись сообщить о томъ, что французскія войска очень замѣтно продвинулись въ Аргоннахъ. Совершенно невѣрно появляющееся болѣе мѣсяца въ нѣкоторыхъ германскихъ газетахъ сообщеніе о разрушеніи Вердена. На самомъ дѣлѣ въ Верденъ не попало ни одного германскаго снаряда. Одинъ лишь фортъ Бугаммонъ нѣмцы пробовали бомбардировать съ дальняго разстоянія, причемъ обстрѣливали его въ теченіе сутокъ. Фортъ нѣсколько не пострадалъ.

В течение 19-го октября французы отбили ожесточенные атаки неприятеля в окрестностях Лигона (Lihons), Кеуа-ань-Сантеррѣ, Вайи-сюр-Энь и Грюрийскаго (Grugie) лѣса на Аргонской возвышенности. Къ сѣверу отъ Суэна французскія войска продолжали медленно продвигаться впередъ. Въ Вогезахъ, благодаря наступленію, французы завладѣли возвышенностями по сосѣдству въ Сентъ-Мари.

19-го октября на лѣвомъ флангѣ германскія войска предприняли наступленіе одинаково энергичное, какъ въ Бельгii, такъ и въ сѣверной Франціи, въ особенности между Диксмюде и рѣкою Лисомъ, гдѣ, несмотря на атаки и контръ-атаки германцевъ, французы слегка продвинулись впередъ на всемъ протяженіи фронта, за исключеніемъ деревни Мессинъ, часть которой была уступлена союзниками. Настойчивыя усилія неприятеля овладѣть предмѣстьями Арраса потерпѣли неудачу. Такой же неудачей окончились и попытки его наступленія противъ Лигона и Лекезуа въ Сантеррѣ. Въ центрѣ въ районѣ рѣки Эна французы нѣсколько продвинулись впередъ въ направленіи къ Трассиреваль къ сѣверу отъ лѣса Эгль, а также въ нѣкоторыхъ частяхъ праваго берега рѣки Эна между лѣсомъ Эгль и Сауссономъ. Атака, произведенная германцами въ Понтъ-Вайи противъ французскихъ войскъ, занимавшихъ высоты праваго берега, потерпѣла неудачу. Точно также остались безрезультатными ночныя атаки, произведенныя неприятелемъ противъ высотъ Шемменъ-де-Дамъ. Въ районѣ Реймса между Аргоннами и Маасомъ и на правомъ берега Мааса 19-го октября наблюдалось усиленіе огня германской тяжелой артиллеріи, дѣйствія которой однако не дали замѣтныхъ результатовъ. На правомъ флангѣ произведенная германцами рекогносцировка по направленію къ Номени была отражена. Въ Вогезахъ французскія войска снова овладѣли высотами, господствующими надъ переваломъ Сентъ-Мари, и продвинулись впередъ въ районѣ Бандезапа, гдѣ французы заняли позиціи, съ которыхъ германская артиллерія обстрѣливала Сентъ-Дье.

20-го октября французское правительство опубликовало декларацію, въ которой оно напоминаетъ, что еще въ самомъ началѣ войны оно дало формальное завѣреніе Портѣ, что подобно русскому и великобританскому правительствамъ оно будетъ уважать независимость и цѣлость Оттоманской имперіи, если Турція будетъ соблюдать нейтралитетъ. Къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ пришлось констатировать не мало печальныхъ случаевъ нарушенія нейтралитета Турціей, въ частности все возрастающее количество должностей, ввѣряемыхъ германскимъ офицерамъ, полученіе транспортовъ германскаго оружія и военныхъ припасовъ, пріемъ, оказанный крейсерамъ «Гебенъ» и «Бреслау», какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Франція являла доказательство своего желанія поддерживать доброе согласіе съ Турціей тѣмъ благосклоннымъ отношеніемъ, съ какимъ она пошла навстрѣчу вопросу объ отбѣгѣ капитуляцій. Далѣе правительственная декларація напоминаетъ о враждебныхъ дѣйствіяхъ, совершенныхъ турецкими военными судами безъ всякаго предупрежденія и безъ вызова со стороны Россіи. Франція, дѣйствуя въ согласіи съ Великобританіей, предаваясь надеждѣ, что за эти враждебные акты отвѣтственны германскіе офицеры, предлежала Турціи освободить свою политику отъ солидар-

ности съ Берлиномъ и для этого немедленно уволить всѣхъ германскихъ офицеровъ. Въ результатъ засѣданія великаго совѣта Турція ограничилась лишь предложеніемъ отозвать свои военные корабли въ проливы и выразила желаніе поддерживать мирныя отношенія съ Россіей, Франціей и Великобританіей. Державы тройственнаго согласія рѣшили, что при данныхъ условіяхъ Турція врядъ ли могла бы оставаться пассивной. Являлось очевиднымъ, что германцы, вызвавъ разрывъ между Турціей и тройственнымъ согласіемъ, всецѣло бы использовали его. Сверхъ того предложеніе Порты представляло для державъ тройственнаго согласія тѣ же неудобства, что и открытая война, ибо заставляло ихъ отвлекать часть ихъ военныхъ силъ для самоохраны противъ нападений, каковыя уже нельзя было почитать болѣе мнимою опасностью. Такъ какъ Турція не сочла нужнымъ явить доказательства искренности своихъ намѣреній, то послы державъ тройственнаго согласія 18-го октября потребовали свои паспорта.

2.000 вооруженныхъ бедуиновъ перешли египетскую границу. Въ Турціи продолжались преслѣдованія грековъ и армянъ. Младотурки установили систему террора. Посоль С.-А. С. Штатовъ принялъ на себя охрану французскихъ интересовъ въ Турціи. Управление фондомъ Рокфеллера заявило о готовности дать милліоны долларовъ для помощи населенію вовлеченныхъ въ войну странъ, въ Бельгію былъ отправленъ пароходъ съ грузомъ 4.000 тоннъ съѣстныхъ припасовъ.

20-го октября штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ, что на восточно-прусскомъ фронтѣ наши войска отбили атаки нѣмцевъ на Владиславовъ и выбили ихъ изъ восточной опушки Роминтенскаго лѣса, а также продвинулись впередъ къ сѣверу отъ Райгродскаго озера. За Вислой продолжалось безпрепятственное движеніе нашихъ войскъ впередъ, и только въ районѣ Опатова австрійцы пытались оказать сопротивленіе значительными силами, но были отброшены. За рѣкой Опатовкой была обнаружена укрѣпленная австрійцами позиція. Въ Галици, на лѣвомъ берегу Сана, наши войска ворвались въ селеніе Низко и завязали въ этомъ районѣ упорный бой. На остальномъ фронтѣ положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней съ момента объявленія войны Турціи по всей Россіи прокатилась могучая волна восторженныхъ патриотическихъ манифестаций. Многія мусульманскія племена и народности Кавказа, Крыма и Поволжья выразили передъ Государемъ Императоромъ воодушевляющія ихъ чувства вѣрноподданности, преданности родинѣ и престолу и горячее желаніе помочь отечеству въ годину тяжелаго испытанія, когда на помощь Германіи и Австріи выступилъ нашъ вѣковой врагъ—Турція.

Согласно сообщенію бельгійскаго главнаго штаба отъ 20-го октября, германцы не обнаруживали больше никакой дѣятельности на фронтѣ рѣки Изера. Повидимому, германскія войска очистили почти совершенно лѣвый берегъ этой рѣки. Наводненіе продолжалось, однако понтонные мосты, наведенные непріателемъ, еще продолжали стоять. Плѣнные нѣмцы изъ состава третьяго армейскаго корпуса передали, что на Изерѣ у германцевъ сражаются войска, принадлежащія ко всѣмъ частямъ германской арміи. Плѣнные жаловались на труд-

ность веденія боя въ болотистой мѣстности и на потери, понесенныя отъ артиллерійскаго огня союзниковъ, въ особенности же отъ огня изъ морскихъ орудій. Союзники продолжали медленно наступать. Правое крыло германской второй арміи недавно переправилось чрезъ рѣку Лисъ; значительныя германскія силы сосредоточились на фронтѣ Гелювельтъ — Холлебекъ и Делемонъ (Deulemon); цѣлью ихъ наступленія являлся городъ Ипръ. Приказъ по германской арміи отъ 16-го октября показалъ, что занятіе Ипра считается германцами крайне важнымъ. Предстоящее прибытіе императора Вильгельма въ южную Фландрію указало на то, что главныя усилія непріятели направляются нынѣ въ сторону Ипра и Лиса. 18-го и 19-го октября союзныя войска разбили усилія непріятели.

21-го октября Государь Императоръ отбылъ въ дѣйствующую армію.

21-го октября французское правительство сообщило слѣдующее: произведенныя 20-го октября германцами атаки между побережьемъ Сѣвернаго моря и Уазой были менѣе упорны, чѣмъ 19-го октября. Въ Бельгіи союзники продвинулись впередъ на югъ отъ Диксмюде и къ югу отъ Гелювельта (Gheluvelt). Всѣ остальныя позиціи союзниковъ были ими удержаны. Въ районѣ рѣки Эна ожесточенное наступленіе германцевъ между Прей-анъ-Ланнуа (Praye-en-Lannois) и Вайи потерпѣло полную неудачу.

На французскомъ лѣвомъ флангѣ непріятель, повидимому, совершенно покинулъ лѣвый берегъ Изера, ниже Диксмюде. Развѣдочными отрядами союзныхъ войскъ, проникшими по шоссе вглубь наводненныхъ мѣстностей, безъ особаго сопротивленія вновь были заняты переправы черезъ рѣку Изеръ. Къ югу отъ Диксмюде и въ направленіи къ Гелювельту союзники значительно продвинулись впередъ въ области къ сѣверу отъ Лиса. Несмотря на произведенныя нѣмцами со значительными силами атаки на фронтъ, линія послѣдняго была всюду сохранена союзниками или возстановлена къ концу дня. Новыя атаки германцевъ противъ пригородовъ Арраса, противъ Лигона и Ле-Кенуа въ Сантеррѣ были отражены. Въ центрѣ расположенія французскихъ войскъ въ области рѣки Эна, на востокъ отъ лѣса Эгль, французы нѣсколько продвинулись впередъ на востокъ отъ Вайи. По послѣднимъ извѣстіямъ французскія части, которыя держались на склонахъ горъ къ сѣверу отъ деревень Шавоннъ и Супирь, принуждены были нѣсколько отступить въ долины въ восточномъ направленіи. Французы удержались на позиціяхъ выше Бурга и Комена, на правомъ берегу рѣки. Въ теченіе дня происходила сильная орудійная перестрѣлка между Рейсомъ и Маасомъ, а также на правомъ берегу Мааса. Новыя усилія германцевъ продвинуться впередъ въ Аргонскомъ лѣсу были французами парализованы. Французскія войска продолжали наступленіе къ сѣверо-западу отъ Понтъ-а-Муссона. На французскомъ правомъ флангѣ было нѣсколько второстепенныхъ боевъ по теченію рѣки Сейля.

Къ вечеру 21-го октября въ районѣ къ сѣверо-востоку отъ Вайи французскія войска перешли въ контръ-атаку и заняли вновь ферму Метцъ, а также районы Фуръ-де-Пари и Сентъ-Юбера на Аргонской возвышенности, гдѣ атака германцевъ была отбита, а французы продвинулись нѣсколько впередъ.

21-го октября англійское адмиралтейство извѣстило, что въ виду преступнаго разбрасыванія германцами минъ, подъ прикрытіемъ нейтральныхъ фла-

говъ на торговыхъ путяхъ, все пространство Сѣвернаго моря должно разсматриваться, какъ театръ военныхъ дѣйствій. Съ 23-го октября всѣ суда, переходящія линію, идущую отъ сѣверной части Гебридскихъ острововъ, черезъ Фаррерскіе острова, до Исландіи, будутъ сами нести рискъ плаванія, если они

Августѣйшій генераль-инспекторъ артиллеріи
его императорское высочество великій князь Сергій Михайловичъ.

не пожелаютъ считаться съ инструкціями адмиралтейства. Англо-французскій флотъ вошелъ въ Чесменскую бухту; турецкая канонерка потопила турецкій пароходъ и взорвалась. Великій визирь представилъ въ Лондонъ извиненія по поводу событій въ Черномъ морѣ. Сербская миссія сняла со зданія свой гербъ;

сербскій посланникъ выѣхалъ изъ Царьграда. Нападеніе албанцевъ на Дьяковицу въ Черногоріи было отбито черногорцами, причемъ ими захвачено два орудія. Президентъ Пуанкарэ посѣтилъ французскую дѣйствующую армію въ Бельгіи и бельгійскаго короля. Въ городѣ Фюрнъ состоялось совѣщаніе обоихъ главъ государствъ.

Съ разрѣшенія высшаго военнаго начальства сербская университетская молодежь, находящаяся подъ знаменами, отправила русской учащейся молодежи слѣдующую телеграмму:

Учащейся молодежи російскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Горячо привѣтствуемъ васъ, дорогіе братья и товарищи, по случаю вашего вступленія въ ряды доблестной російской арміи и глубоко вѣримъ, что, дѣйствуя заодно противъ общаго нашего врага, съ помощью Божьей и нашихъ соединенныхъ силъ, мы снова возстановимъ поправныя врагами права чelовѣчества и на развалинахъ пангерманизма водрузимъ знамя правды и свободы. Отъ всей души желаемъ вамъ въ этомъ святомъ и новомъ для васъ дѣлѣ полнаго успѣха. Да здравствуютъ необходимые русскіе воины, да здравствуетъ могучая Россія. Сербская учащаяся молодежь, находящаяся нынѣ въ рядахъ сербской арміи.

Изъ бельгійской главной квартиры 21-го октября сообщили, что непріятель отступилъ къ востоку, оставляя укрѣпленныя мѣстности и бросая раненыхъ. Бельгійцы удержались на занятыхъ ими 20-го октября позиціяхъ; передовыя части бельгійцевъ продвинулись къ р. Изеру и всюду обнаружили признаки послѣдняго отступленія германцевъ.

Великобританское правительство извѣстило 21-го октября о слѣдующемъ: Британскій крейсеръ «*Minerva*», прибывъ въ портъ Акаба на Красномъ морѣ, нашелъ его занятымъ солдатами, одинъ изъ которыхъ по виду былъ германцемъ, а также вооруженными туземцами. «*Minerva*» бомбардировала портъ, который вслѣдствіе этого былъ покинутъ непріателемъ. Затѣмъ «*Minerva*» высадила на берегъ десантъ, который разрушилъ портъ, почтовую контору и другія казенныя зданія. Непріятель потерялъ уронъ; среди британскихъ войскъ никто не пострадалъ.

Того же 21-го октября англійское морское министерство сообщило:

Въ теченіе прошлой недѣли нѣмцы разбросали мины въ открытомъ морѣ по главной торговой дорогѣ изъ Америки въ Ливерпуль черезъ сѣверъ Ирландіи. Многія торговыя суда были уже взорваны, причемъ команды ихъ понесли потери. Корабль «*Олимпикъ*» избѣжалъ опасности, благодаря счастливой случайности, однако, не смотря на данныя британскими крейсерами предостереженія, британскія и нейтральныя торговыя и пассажирскія суда, наткнувшись на мину, были уничтожены. Мины эти не могли быть установлены ни однимъ изъ германскихъ военныхъ судовъ. Онѣ, несомнѣнно, были разставлены какими-либо коммерческими судами, которыя слѣдовали по торговому пути подъ флагомъ нейтральной державы, якобы для мирныхъ торговыхъ цѣлей, и благодаря этому пользовались полной неприкосновенностью. Въ дѣйствительности же суда эти умышленно и безразсудно подвергли опасности жизнь вѣхъ плавающихъ по морю, безъ различія—союзника или врага, коммерсанта или военнаго. Закладка минъ съ судовъ, плавающихъ подъ нейтральнымъ флагомъ или подъ видомъ траулеровъ или госпитальныхъ судовъ, является однимъ изъ обычныхъ приемовъ германцевъ въ морской войнѣ.

Въ виду изложеннаго и ввѣреннаго британскому флоту попеченія о безопасности мирной торговли, адмиралтейство считаетъ необходимымъ принять чрезвычайныя мѣры къ устраненію повторенія противникомъ нарушенія нормъ международного права. Съ этой цѣлью оно объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что Сѣверное море должно считаться театромъ военныхъ дѣйствій и поэтому всѣ коммерческія, рыболовныя и всякія такого рода суда, плавающія въ означенномъ морѣ, подвергаются чрезвычайной опасности отъ минъ, которыя необходимо было положить, и отъ военныхъ судовъ, бдительно выискивающихъ днемъ и ночью подозрительные грузы. Всѣ суда настоящимъ извѣщеніемъ предупреждаются объ опасности, которой подвергаются, вступая въ Сѣверное море, если они не будутъ слѣдовать указаніямъ адмиралтейства.

Всѣ усилія будутъ направлены къ тому, чтобы сообщить это предупрежденіе во всѣ нейтральныя государства и всѣмъ судамъ, плавающимъ по морю. Но адмиралтейство объявляетъ, что съ начала ноября и впредь всѣ суда, слѣдующія по линіи отъ сѣвернаго полюса къ Гебридскимъ островамъ черезъ острова Фаррорэ (Фаррерскіе) въ Исландіи, дѣлаютъ это за свой рискъ. Суда всѣхъ странъ, намѣревающіяся везти товары въ Норвегію или изъ нея въ Балтійское море, въ Данію и Голландію, должны слѣдовать совѣту, проходя при плаваніи во внутрь Англійскимъ каналомъ и Дуврскимъ проливомъ. Тамъ они получаютъ указанія для плаванія, которыя дадутъ имъ возможность безопасно пройти восточнымъ берегомъ Англии къ острову Фарнъ, откуда по возможности безопасный путь будетъ имъ указанъ маякомъ Липдеснеръ. Отъ этого пункта они должны повернуть на сѣверъ или на югъ, сообразно мѣсту ихъ назначенія, держась насколько возможно ближе къ берегу. Обратное направленіе должно приниматься судами, слѣдующими въ противоположную сторону. Строго придерживаясь этого пути слѣдованія, суда всѣхъ странъ будутъ имѣть возможность достигать мѣсть ихъ назначенія, насколько это касается Великобританіи. Попытки же уклоненія даже на нѣсколько миль отъ указаннаго пункта въ сторону могутъ повлечь за собою роковыя послѣдствія.

21-го октября бельгійская главная квартира опубликовала слѣдующія свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій:

«Отряды бельгійскихъ войскъ продвинулись впередъ въ направленіи Ломбартидь между Сень-Жоржемъ и Терветомъ. Однако наступленіе въ виду наводненія и непріятельскаго огня было медленное. Германцы занимаютъ еще фермы Сень-Жоржа на лѣвомъ берегу Изера, пригороды Схообракке и Тервета. Морскіе стрѣлки вновь заняли Стуйвекенскерке. Къ югу отъ Диксмюде германцы произвели вчера атаку въ направленіи Биксхоотскаго моста, но были отбиты и вынуждены очистить селенія».

22-го октября официальное извѣщеніе изъ Парижа гласило, что непріятель отступилъ на правый берегъ Изера. Французы снова завладѣли Ломбартзейде. Германцы на лѣвомъ берегу Изера удерживали въ своихъ рукахъ всего лишь одно мостовое укрѣпленіе. По серединѣ пути между Диксмюде и Ньюпортомъ германцы оставили, кромѣ плѣнныхъ и раненыхъ, еще значительное военное снаряженіе, въ томъ числѣ нѣсколько завязшихъ пушекъ. Между Диксмюде и рѣкою Лисомъ сраженіе продолжалось съ перемѣнными отступленіями и наступленіями. Въ общемъ союзныя войска замѣтно продвинулись впередъ. Между рѣкою Лисомъ и райономъ Арраса продолжались артиллерійскіе бои и частичныя столкновенія. Между райономъ Арраса и Уазою французы продвинулись къ востоку отъ Ле-Кенуа-анъ-Сантерръ вплоть до высоты Парвиллэ. Въ центрѣ наступленіе германцевъ, происходившее на правомъ берегу рѣки Эна въ районѣ Вайи и заставившее французовъ потерять первые уступы къ

сѣверу отъ Вайи и Шавоннъ, 21-го октября не продолжалось. Путемъ контръ-атаки войска нашихъ союзниковъ завладѣли частью уступленнаго ранѣ пространства. Французы выдержали ожесточенный артиллерійскій бой и энергичныя германскія атаки на высотахъ Шемень-де-Дамъ и вокругъ Реймса. Не произошло ничего замѣчательнаго между Реймсомъ и Маасомъ, а также въ Веврѣ и на правомъ флангѣ въ Лотарингіи.

22-го октября императорскій поѣздъ, въ которомъ изволилъ слѣдовать Государь Императоръ въ дѣйствующую армію, имѣлъ утромъ остановку въ Минскѣ. Къ приходу поѣзда въ 10 часовъ утра собрались высшія военныя и гражданскія власти, представители сословій и обществъ. Государь Императоръ обходилъ собравшихся, удостоилъ многихъ милостивой бесѣды. Принявъ отъ депутацій хлѣбъ-соль на станціи, Государь Императоръ съ военнымъ министромъ отбылъ на автомобилѣ въ кафедральный соборъ, гдѣ Его Величество былъ встрѣченъ преосвященнымъ Митрофаномъ, епископомъ минскимъ и туровскимъ, удостоившимся поднести Государю Императору икону Минской Божіей Матери. Послѣ молебствія Государь Императоръ изволилъ посѣтить лазаретъ имени Государыни Императрицы Маріи Θεодоровны въ домѣ губернатора и военный госпиталь, гдѣ обходилъ раненыхъ, удостоивъ многихъ награжденія георгиевскими медалями. Въ 1 часъ 12 минутъ дня императорскій поѣздъ, при восторженныхъ кликахъ «ура» отбылъ.

22-го октября штабъ верховнаго главнокомандующаго оповѣстилъ о слѣдующемъ:

На восточно-прусскомъ фронтѣ нѣмцы, повидимому, перешли къ оборонѣ, а наши войска на нѣкоторыхъ участкахъ продвинулись впередъ, захвативъ въ одномъ пунктѣ два орудія, прожекторъ и плѣнныхъ. За Вислой, въ районѣ къ сѣверо-западу отъ Пилицы, наши войска безъ крупныхъ столкновеній продвинулись впередъ, занявъ Шадекъ, Ласкъ и Роспржу. На фронтѣ Радошице—Кѣльцы противникъ отходилъ въ направленіи на Влощаву и Андреевъ. Юго-восточнѣе Кѣлецъ австріяцы пытались оказать болѣе упорное сопротивление, но на большей части фронта были отброшены, потерявъ три орудія, пять пулеметовъ и до 1.500 плѣнныхъ.

Они удержались еще только на нижнемъ теченіи рѣки Опатовки. На Нижнемъ Санѣ наши войска продолжали переправляться на лѣвый берегъ рѣки, причемъ овладѣли деревней Мальце и частью укрѣпленной позиціи сѣвернѣе Разводова, захвативъ здѣсь два орудія и пулеметы. Въ районѣ Низко продолжался упорный бой, причемъ нами захвачено было здѣсь до 250 плѣнныхъ.

Германцы возобновили ожесточенную бомбардировку Реймса.

Въ районѣ Суэна французы подбили три германскихъ аэроплана.

Императоръ Вильгельмъ на дняхъ прибылъ въ городъ Тьельтъ въ двадцати двухъ миляхъ къ востоку отъ Диксмюде съ германскимъ штабомъ, главная квартира котораго находилась въ то время въ этомъ городѣ. Императоръ Вильгельмъ прибылъ утромъ на автомобилѣ въ сопровожденіи штаба, состоявшаго изъ 40 офицеровъ. Императоръ направился въ автомобилѣ въ казино, гдѣ состоялся завтракъ, послѣ котораго отбылъ въ неизвѣстномъ направленіи. Спустя всего лишь 15 минутъ послѣ отбытія императора, появился

британскій аэропланъ, бросившій восемь бомбъ, причинившихъ ужасающія разрушенія въ городѣ. Жертвой непріятельскихъ летчиковъ также чуть было не сдѣлался бельгійскій король Альбертъ, который недавно расположился со своей главной квартирой въ небольшой виллѣ. Немедленно получивъ объ этомъ свѣдѣнія отъ своихъ шпионовъ, германцы выслали аэропланъ, который сбросилъ два бомбы, упавшія въ садъ виллы, но не причинившія, однако, никому вреда.

Англо-французская эскадра бомбардировала Дарданеллы. Германская эскадра обстрѣляла англійскую канонерку «Halcyon», но въ виду нѣкоторыхъ передвиженій англійской эскадры уклонилась отъ боя. Германскій крейсеръ взорвалъ англійскую подводную лодку «85».

На Дальнемъ Востокѣ японцы превратили въ развалины сильнѣйшій фортъ въ Циндао—Ильтисъ; нѣмцы, въ ожиданіи неминуемаго паденія Циндао, начали уничтожать въ городѣ разныя сооруженія. Японія предъявила Турціи ноту съ сообщеніемъ, что она присоединяется къ враждебнымъ Турціи державамъ.

Турецкія власти приступили къ аресту находящихся въ порту въ Царьградѣ англійскихъ и французскихъ судовъ. Въ виду разногласій въ турецкомъ кабинетѣ вышли въ отставку министръ почтъ и телеграфовъ—армянинъ, министръ общественныхъ работъ—черкесь и министръ финансовъ Джавидъ-бей. Турки задержали великобританскаго консула и англійскихъ коммерсантовъ въ Бассорѣ.

На балканскомъ театрѣ войны, согласно сообщенію отъ 22-го октября, положеніе было таково:

«За послѣднее время, съ перерывами въ краткіе промежутки, албанцы трижды вступали на сербскую территорію со стороны Дибры и переходили на территорію департамента Тетово. Во время этихъ нашествій между сербскими жандармами и албанцами постоянно происходили стычки, причемъ албанцамъ всегда удавалось угнать большое число барановъ и воловъ. Благопріятствуемые гористой мѣстностью, качаки (кочующія племена), благополучно ускользали, оставляя на мѣстѣ лишь нѣсколько человѣкъ убитыми. Обычно качаки переходили границу группами приблизительно въ 100 человѣкъ.

«Въ настоящее время командующій сербскими войсками увѣдомилъ племена, населяющія сербо-албанскую границу, что впредь, въ случаѣ вторженія въ Сербію качаковъ, ихъ будутъ преслѣдовать и по ту сторону границы, пока они не будутъ уничтожены. На это вожди пограничныхъ племенъ заявили, что они сами, въ свою очередь, подвергаются грабежамъ со стороны качаковъ, когда ихъ экспедиціи въ Сербію не приносятъ желанныхъ результатовъ. Вожди поэтому предложили свою помощь сербскимъ войскамъ въ видахъ подавленія кочевыхъ племенъ, надъ которыми въ настоящее время не имѣется никакой власти».

23-го октября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на восточно-прусскомъ фронтѣ съ 21-го октября былъ обнаруженъ рѣзкій переломъ. Противникъ, перешедшій въ послѣдніе дни почти на всемъ фронтѣ къ оборонѣ, на многихъ участкахъ началъ отступать. Отступление это осо-

бенно ясно обозначилось на его правомъ флангѣ, на которомъ онъ былъ отброшенъ къ Бялѣ и Лыку. Наши войска взяли Бакаларжево и захватили большое количество оружія, снаряженія и снарядовъ. Часть ружей была захвачена стоящими въ козлахъ. Взята была также въ плѣнъ германская рота. На лѣвомъ берегу Вислы нѣмцы продолжали поспѣшно отходить къ границѣ. Ихъ аррьергарды были выбиты изъ Коло и Пржедборжа. Утромъ 21-го октября мы отбросили австрійцевъ за Кѣльцы. Наши войска вступили въ этотъ городъ и захватили здѣсь до 600 плѣнныхъ и пулеметы. Въ тотъ же день нами былъ одержанъ рѣшительный успѣхъ надъ австрійцами на всемъ фронтѣ отъ Кѣлецъ до Сандомира. Австрійцы поспѣшно отступали. Сандомиръ, представляющій собою весьма важный пунктъ, нами былъ взятъ. Въ районѣ къ югу отъ Кѣлецъ въ общемъ за послѣднюю недѣлю мы взяли въ плѣнъ до 200 офицеровъ и 15.000 нижнихъ чиновъ, а также захватили нѣсколько десятковъ орудій и пулеметовъ. На Санѣ въ ночь на 21-ое октября австрійцы произвели рядъ стремительныхъ, но безуспѣшныхъ атакъ, послѣ которыхъ было обнаружено частичное ихъ отступленіе. Наши войска прочно утвердились въ районѣ Низко-Рудникъ. На остальномъ фронтѣ положеніе оставалось пока безъ перемѣнъ. Въ Черномъ морѣ турецкій флотъ сосредоточенъ въ своей базѣ, въ проливахъ, повидимому, уклоняясь отъ боя съ нашимъ флотомъ.

По свѣдѣніямъ штаба кавказской арміи отъ 23-го октября, наши войска вторглись въ Турцію, опрокинули передовыя части турецкихъ войскъ и съ боя заняли Зивинъ, Каракилису-Пассинскую, Ахты, Дыдагъ, Корунъ, Мысунъ и Арзапъ. Турки отступили, понеся потери и бросивъ убитыхъ.

Одна изъ нашихъ колоннъ внезапно атаковала противника въ Ардостѣ; турки бѣжали, бросивъ раненыхъ. Выбивъ противника изъ селенія Идъ, мы захватили много продовольственныхъ запасовъ. Нами съ боя были заняты: Аликилисса, Хорасанъ, Карадербентскій проходъ. Одна изъ нашихъ казачьихъ сотенъ лихо атаковала въ конномъ строю окопы и порубила турецкую пѣхоту. Наша колонна, пройдя по труднымъ горнымъ дорогамъ въ теченіе тридцати часовъ 80 верстъ, обрушилась на турокъ у Мысуна и Діадина, разсѣяла значительныя силы курдскихъ полковъ, заняла Діадинъ ¹⁾, захватила плѣнныхъ, оружіе и боевыя припасы.

21-го октября нами былъ занятъ Баязетъ. Турецкія войска, оказавшія сопротивление, разсѣяны.

По случаю исполнявшагося двадцатилѣтія благополучнаго царствованія Государя Императора президентъ Пуанкаре послалъ Его Величеству слѣдующую телеграмму:

«Никогда еще годовщина восшествія Вашего Величества на престолъ не давала президенту Французской республики болѣе знаменательнаго случая выразить чувства Франціи къ Русскому Императору и доблестному союзному народу. Я прошу Ваше Величество принять мои самыя сердечныя пожеланія и передать такія же пожеланія Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ,

¹⁾ Діадинъ расположенъ въ 35 верстахъ по прямой линіи на западъ отъ Баязета, находящагося вблизи трехъ границъ: Россіи, Персіи и Турціи,

Его Высочеству Наслѣднику Цесаревичу и всей императорской фамилии. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что Россія будетъ праздновать будущую годовщину Вашего восшествія на престолъ въ радости и мирѣ, твердо закрѣпленномъ побѣдами».

Государь Императоръ благоволилъ отвѣтить:

«Ея Величество Государыня Императрица и Я просимъ васъ, господинъ президентъ, принять самую искреннюю Нашу благодарность за выраженные вами пожеланія Намъ и Нашей Семьи. Какъ и вы, господинъ президентъ, Мы твердо убѣждены въ конечномъ успѣхѣ, который долженъ увѣнчать побѣдами усилія нашихъ братскихъ армій. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что соединеннымъ силамъ Франціи и Россіи и нашимъ доблестнымъ союзникамъ удастся добиться прочнаго мира на благо и процвѣтаніе обѣихъ нашихъ странъ и всей Европы».

По официальному сообщенію французскаго правительства отъ 23-го октября, на лѣвомъ флангѣ союзныя войска нѣсколько продвинулись впередъ къ востоку отъ Ньюпорта, на правомъ берегу Изера. Между Диксмюде и рѣкой Лисомъ германцы 22-го октября возобновили атаки, но во многихъ пунктахъ проявили меньшую энергію, особенно въ отношеніи пѣхоты. Франко-англійскія войска нигдѣ не отступили отъ прежней линіи фронта, но, перейдя въ наступленіе, значительно продвинулись впередъ въ нѣсколькихъ направленіяхъ. Въ районѣ между Лабассэ и Сомой въ теченіе 22-го октября происходилъ особенно интенсивный артиллерійскій бой. Въ районѣ Руа французы удержали въ своихъ рукахъ Лекенуа-аъ-Сантеррѣ и замѣтно продвинулись впередъ въ направленіи Андечи. Въ центрѣ между Уазой и Мозелемъ отмѣчается усиленіе германской активности, проявившейся особенно въ артиллерійскомъ огнѣ. Германскія атаки, направленные противъ нѣсколькихъ пунктовъ французскаго фронта, были въ окончательномъ итогѣ отражены, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ послѣ сраженій, длившихся въ теченіе всего дня. На правомъ флангѣ положеніе оставалось безъ перемѣнъ.

23-го октября было опубликовано слѣдующее официальное объявленіе Англійей войны Турціи:

«Въ виду враждебныхъ дѣйствій, совершенныхъ турецкими вооруженными силами, подъ начальствомъ германскихъ офицеровъ, мы находимся въ состояніи войны съ турецкимъ султаномъ. Въ силу этого на Турцію, турецкую торговлю и турецкихъ подданныхъ распространяются всѣ предшествовавшіе указы, относящіеся къ войнѣ съ Германіей и Австріей. Гаагская конвенція 1907 года, какъ не ратификованная Турціей, не распространяется на турецкія торговыя суда».

Указомъ далѣе устанавливается, что въ отношеніи Турціи понятіе о непріятельской странѣ включаетъ въ себѣ всѣ владѣнія его величества султана Турціи, за исключеніемъ Египта, Кипра и всѣхъ территорій, занятыхъ Англійей или союзниками.

Въ бухтѣ Яде, близъ Вильгельмстафена, большой германскій крейсеръ «Yorck», водоизмѣщеніемъ въ 9,500 тоннъ, 19,000 лошадиныхъ силъ, построен-

ный въ 1904 году, попалъ въ сферу миннаго загражденія и, наткнувшись на мину, пошелъ ко дну. 382 человекъ изъ команднаго состава спасены. Затонулъ австрійскій крейсеръ въ Циндао «Kaiserin Elisabeth». По просьбѣ германскаго правительства Румынія возвратила Германіи задержанные 72 вагона съ военными припасами.

Младотурецкое правительство опубликовало въ газетахъ, что 500,000-ная австро-германская армія нарушитъ нейтралитетъ Румыніи и проникнетъ въ Бессарабію и Одессу, причемъ газеты, въ случаѣ несогласія Румыніи, грозили ей судьбой Бельгіи.

При посредничествѣ испанскаго посла въ Вѣнѣ состоялось австро-русское соглашеніе о взаимномъ разрѣшеніи выѣзда задержаннымъ подданнымъ обѣихъ державъ.

23-го октября въ ставкѣ верховнаго главнокомандующаго въ присутствіи Его Императорскаго Величества и его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича, свиты, сопровождающей Государя Императора, и штаба верховнаго главнокомандующаго было отслужено молебствіе по случаю полученнаго извѣстія объ отступленіи Австрійцевъ на всемъ галиційскомъ фронтѣ.

23-го октября французское правительство извѣстило, что къ сѣверу отъ Арраса германцы наступали съ большимъ упорствомъ, но французскія войска вновь заняли оставленные было ими траншеи. На Аргонской возвышенности, въ районѣ Сентъ-Юбера, всѣ атаки германцевъ были отбиты. На остальномъ фронтѣ не произошло ничего существеннаго.

Того же 23-го октября французское министерство иностранныхъ дѣлъ опубликовало слѣдующее сообщеніе:

«Въ виду того, что за враждебными дѣйствіями турецкаго флота противъ французскаго коммерческаго судна, результатомъ которыхъ были смерть двухъ французозъ и серьезныя поврежденія судна, не послѣдовало устраненія германской военно-морской миссіи, каковой мѣрой Порта имѣла возможность нять съ себя отвѣтственность за происшедшее, правительство республики вынуждено констатировать, что въ силу этихъ дѣйствій турецкаго правительства Франція и Турція находятся на положеніи воюющихъ державъ».

24-го октября штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что на восточно-прусскомъ фронтѣ мы продолжали продвигаться впередъ. Нѣмцы отходили по всей линіи, удерживаясь лишь на укрѣпленной ими позиціи въ районѣ Вержболова. На лѣвомъ берегу Вислы продолжалось энергичное движеніе нашихъ войскъ вслѣдъ за отступающимъ противникомъ. Переправа нашихъ войскъ черезъ Санъ продолжалась успѣшно, австрійцы и здѣсь начали отходить.

24-го октября было опубликовано, что Высочайшимъ приказомъ отъ 13-го октября утверждено пожалованіе за отличіе въ дѣлахъ противъ непріятели, по удостоенію мѣстной кавалерской думы, ордена святого великомученика и побѣдоносца Георгія 4-й степени флигель-адъютанту корнету его императорскому высочеству великому князю Дмитрію Павловичу за то, что, состоя въ бою 6-го августа подъ Краупишкенемъ ординарцемъ у начальника коннаго

отряда, въ самомъ разгарѣ боя, съ явной опасностью для жизни доставилъ вѣрныя свѣдѣнія о непріятелѣ, вслѣдствіе чего были приняты мѣры, увѣнчавшіяся полнымъ успѣхомъ.

24-го октября изъ Парижа было получено слѣдующее официальное сообщеніе:

Въ теченіе 23-го октября не произошло никакихъ существенныхъ измѣненій на всемъ протяженіи фронта. Между Диксмюде и рѣкою Лисомъ продолжалось

Намѣстникъ Его Императорскаго Величества на Кавказѣ и главнокомандующій войсками кавказскаго военнаго округа генераль-адъютантъ графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ.

сраженіе, носившее тотъ же характеръ, что и прежде, причеиъ ни въ одномъ пунктѣ не произошло измѣненій въ положеніи позицій обѣихъ сторонъ. Германцы развили усиленный артиллерійскій огонь къ сѣверу отъ Арраса и по самому городу, не достигнувъ, однако, никакихъ результатовъ. Въ Бельгіи и въ сѣверной Франціи германцы, повидимому, производили перемѣны въ составѣ своихъ силъ, замѣщая резервные корпуса новѣйшаго сформированія, уже сильно пострадавшіе, войсками дѣйствующей арміи, съ цѣлью вновь перейти въ наступленіе или по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени пополнить понесенныя ими

ИСТОП. ВѢСТН., ДВѢКВРЬ 1914 Г., Т. СХХХVIII.

II

тяжкія потери. Между Соммой и Уазой и Соммой и Маасомъ происходили частичныя бои и французы упрочили свое наступленіе на деревню Андреші къ востоку отъ Руа. Уничтожена огнемъ французской артиллеріи обозная колонна германцевъ въ районѣ Нансель къ сѣверо-востоку отъ лѣса Эгль. Близъ Берри-о-Бака французы снова завладѣли деревней Сапильель. Ожесточенное сраженіе произошло въ Аргоннахъ, гдѣ штыковыми ударами французскія войска заставили германцевъ отступить. Въ Веврѣ французы отразили новыя атаки непріятели. Къ сѣверо-востоку и востоку отъ Грань-Куроннъ-де-Нанси въ районѣ лѣса Паруа и между Баккара и Бламономъ французскіе аванпосты были атакованы смѣшанными отрядами германцевъ, наступленіе которыхъ было остановлено.

Британскій флотъ, по сообщенію англійскихъ газетъ, бомбардировалъ побережье около Нокке близъ голландской границы. Германцы отошли изъ Зес-брюгге подъ защиту дюнь. Бельгійскія войска продвинулись впередъ въ направленіи Ломбартида между Сень-Жоржемъ и Терветомъ. Германцы отступили на Брюгге отъ Изера. Госпитали въ Антверпенѣ очищены. Огромныя обозы отправлены въ Германію, вывезенъ военный архивъ. Заводы Армстронга и Виккерса заявили, что въ виду войны между Англійей и Турціей они прекращаютъ поставку туркамъ сдѣланныхъ ими военныхъ заказовъ.

На Дальнемъ Востокѣ военныя дѣла обстои́ли въ такомъ видѣ:

Кольцо обстрѣла Циндао тяжелой артиллеріей все болѣе и болѣе суживалось. Начиная съ 14-го октября броненосцы англо-японской эскадры, ставъ вплотную къ берегу, обстрѣливали форты и городъ. Разрушительному дѣйствию судовыхъ орудій не могли противостоять ни сталь, ни цементъ. Первыми выстрѣлами былъ обращенъ въ груды обломковъ цемента и стальныхъ щитовъ толщиной въ одинъ футъ и разбитыхъ орудій фортъ Хойчжуанъ. Каменные и кирпичныя сооруженія также были обращены въ кучи мусора. Гарнизонъ Циндао испытывалъ недостатокъ питьевой воды. Китайцамъ-водоносамъ платили по пяти долларовъ за ведро. По сообщенію отъ 24-го октября въ Циндао форты Хучуанъ и Ильтисъ совершенно были разрушены японскими снарядами. Японцы захватили въ плѣнъ 800 германцевъ. Наемныя китайцы, развѣзкая въ джонкахъ, разбрасывали мины, которыя вылавливались японцами.

Его императорскимъ высочествомъ верховнымъ главнокомандующимъ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ были получены слѣдующія поздравленія:

Отъ французскаго посла въ Петроградѣ:

«Прошу ваше императорское высочество принять мои самыя горячія поздравленія съ славной побѣдой, одержанной русскими арміями подъ вашимъ верховнымъ командованіемъ, и приношу благодарность отъ имени Франціи. Палеологъ».

Отъ японскаго посла въ Петроградѣ:

«Искренно признателенъ вашему императорскому высочеству за вашу телеграмму, поставившую меня въ извѣтность о большой побѣдѣ, сдержанной русской арміей надъ австрійцами, обращенными въ полное отступленіе въ Галиціи. Благоволите, ваше императорское высочество, принять самыя горячія пожеланія полной и окончательной побѣды союзнымъ арміямъ и мои самыя теплыя поздравленія по этому случаю. Баронъ Мотоно, посолъ Японціи».

Отъ великобританскаго военнаго министра лорда Китченера:

«Прошу ваше императорское высочество позволить мнѣ принести живѣйшія и искреннѣйшія поздравленія съ блистательнымъ успѣхомъ, достигнутымъ руссiей арміей подъ вашимъ верховнымъ командованіемъ.

«Маршалъ сэръ Джонъ Френчъ и британская армія такъ же, какъ и я, будутъ очень признательны, если ваше императорское высочество соизволите передать русской арміи ихъ самыя сердечныя привѣтствія и ихъ восхищеніе храбростію, съ которой войскамъ удалось опрокинуть врага.

«Мы увѣрены, что результатомъ общихъ усилій союзниковъ будетъ окончательное и сокрушающее пораженіе противника.

Китченеръ».

Отъ англійскаго посла въ Петроградѣ:

«Я имѣлъ честь передать лорду Китченеру телеграмму, которою ваше императорское высочество соизволили извѣстить о блестящей побѣдѣ, одержанной арміями подъ доблестнымъ командованіемъ вашего императорскаго высочества. Я позволяю себѣ присоединиться къ горячимъ поздравленіямъ, которыя англійскія армія и нація не преминутъ принести дружественной и союзной Россіи.

Бьюкененъ, посоль Англіи».

Согласно официальному бельгійскому сообщенію отъ 24-го октября, непріятель не проявлялъ никакой дѣятельности на фронтѣ рѣки Изера, ограничившись слабымъ артиллерійскимъ обстрѣломъ бельгійскихъ линій. Нѣсколько непріятельскихъ отрядовъ съ пулеметами занимаютъ еще лѣвый берегъ этой рѣки въ направленіи Сень-Жоржа и къ югу отъ Стуйвекенскерке. Вдоль морскаго берега Бельгіи, между Сидделькерке и Зеэбрюгге, непріятель установилъ большее число багарей самыхъ различныхъ калибровъ и сторожевые отряды пѣхоты. На фронтѣ Диксмюде, въ направленіи Вискхооте, Сентъ-Элуа и Витсхеете всѣ атаки непріятеля были отбиты. Между Витсхеете и Мессинъ союзники достигли дороги, соединяющей эти двѣ мѣстности.

25-го октября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ:

«Продолжавшіяся свыше трехъ недѣль упорные, почти непрерывные бои на Санѣ и къ югу отъ Перемышля разрѣшились 23-го октября общимъ отступленіемъ австрійцевъ. Еще наканунѣ этого дня австрійцы произвели послѣднее усиліе, чтобы отбросить наши войска, переправлявшіяся черезъ Санѣ. До глубокой ночи непріятель на значительномъ фронтѣ производилъ атаки, наступая послѣдовательными густыми цѣпями, но всюду онъ былъ отброшенъ съ огромнымъ для него урономъ. 23-го октября непріятельскія колонны потянулись отъ Сана въ направленіи къ Дуклинскимъ проходамъ черезъ Карпаты. Южнѣе Перемышля непріятель также стремится повсюду выйти изъ боя. На всемъ его фронтѣ мы энергично преслѣдовали.

«Сдвигъ главныхъ силъ австрійской арміи съ Сана является завершеніемъ побѣдоноснаго сраженія, начатаго въ концѣ сентября и имѣвшаго первоначальною цѣлью отраженіе наступленія австро-германскихъ армій на Варшаву и Ивангородъ. Къ началу октября наши войска находились въ бою съ непріателемъ на фронтѣ, тянувшемся почти по прямой линіи на 500 верстъ, отъ окрестностей Варшавы на Козенице, Перемышль до Черновицъ.

«Къ 7-го октября намъ удалось добиться рѣшительнаго успѣха надъ германцами на лѣвомъ берегу Вислы, въ районѣ Варшавы, т. е. на нашемъ правомъ

11*

флангъ всего стратегическаго фронта. Задача нашего дальнѣйшаго наступленія заключалась въ томъ, чтобы бить съ сѣвера продолжавшіе держаться на Вислѣ и Санѣ участки непріятельскаго фронта.

«Въ бояхъ 10—14-го октября была сломлена угрожаемая охватомъ изъ-за Пилицы австро-германская армія, упорно дравшаяся въ районѣ Козенице—Ивангородъ. Она отступила, преслѣдуемая нашими войсками.

«Между 15-го и 20-го октября было преодолено сопротивленіе непріятеля въ районѣ Новая Александрія и Сандомиръ, а 23-го октября уже и главныя силы австрійской арміи въ Галиціи были вынуждены къ отступленію.

«Расширяя въ теченіе восемнадцати дней нашъ успѣхъ по всему пятисот-верстному фронту, мы сломали повсюду сопротивленіе врага, который находится въ полномъ отступленіи. Побѣдой нашей мы обязаны неизсякаемой милости Господа Бога къ сверхгероюству нашихъ чудо-богатырей, которыми Россія въ правѣ гордиться.

«Одержанная побѣда позволяетъ нашимъ войскамъ перейти къ новымъ задачамъ, съ приступомъ къ которымъ начнется новый періодъ войны».

Штабъ кавказской арміи 25-го октября извѣстилъ, что за истекшія сутки значительныхъ боевыхъ столкновеній не было. Занятые нами непріятельскіе районы дѣятельно очищались отъ мелкихъ партій разбитыхъ и разсѣянныхъ въ предыдущіе дни передовыхъ турецкихъ войскъ. Наша колонна, наступавшая къ Баязету, передъ овладѣніемъ имъ, атаковала Турокъ у Базыргана и обратила ихъ въ бѣгство. При преслѣдованіи противникъ бросалъ оружіе и разсѣивался самъ по селеніямъ. Наша конница атаковала къ востоку отъ Діадина три полка Курдовъ, поддержанныхъ пѣхотой. Работая въ конномъ и пѣшемъ строю, наша колонна опрокинула и разсѣяла противника.

Турецкія власти Бейрута не позволили русскому вице-консулу и другимъ иностранцамъ выѣхать. Вмѣшательство американскаго консула повліяло на разрѣшеніе выѣзда англійскихъ чиновниковъ.

Персидское правительство обратилось къ великимъ державамъ съ сообщеніемъ о рѣшеніи соблюдать строгій неутралитетъ.

25-го октября были получены слѣдующія извѣстія отъ великобританскаго адмиралтейства о морскомъ боѣ у береговъ Чили:

«19-го октября военныя суда «Goodhope», «Monmouth» и «Glasgow» встрѣтили германскіе крейсера «Scharnhorst», «Gneisenau», «Leipzig» и «Dresden»; обѣ эскадры шли въ южномъ направленіи при сильномъ вѣтрѣ и значительномъ волненіи. Германская эскадра уклонилась отъ боя до захода солнца. Въ этотъ моментъ условія освѣщенія давали ей значительное преимущество, и она приняла бой. Бой продолжался одинъ часъ. Въ самомъ началѣ его на «Goodhope», и «Monmouth» возникъ пожаръ, но они продолжали тѣмъ не менѣе сражаться до наступленія почти полной темноты, когда на «Goodhope» произошелъ взрывъ и онъ затонулъ. «Monmouth» сталъ уходить въ темнотѣ, но давалъ сильную течь и былъ, повидимому, не въ силахъ уйти. Его сопровождалъ «Glasgow», который все время продолжалъ сражаться съ крейсерами «Leipzig» и «Dresden».

«Когда непріятель вновь сталъ приближаться къ поврежденному «Monmouth», «Glasgow», находившійся также подъ огнемъ одного изъ германскихъ броненос-

ныхъ крейсеровъ, ушелъ, послѣ чего непріятель вновь атаковалъ «Monmouth». Окончательный результатъ боя еще неизвѣстенъ. «Clasgow» не потерпѣлъ большихъ поврежденій и на немъ мало убитыхъ и раненыхъ. Въ бою не участвовали ни «Otranto», ни «Сапорис».

Согласно сообщенію, полученному министерствомъ иностранныхъ дѣлъ изъ Вальпарайзо, на побережьи Чили выбросилось военное судно одной изъ воюющихъ державъ, каковымъ, вѣроятно, и является «Monmouth». Въ виду этого приняты серьезныя мѣры для спасенія оставшихся въ живыхъ.

По свѣдѣніямъ адмиралтейства, англійскія суда сражались весьма доблестно, но, въ виду отсутствія «Сапорис», превосходство силъ непріятели было весьма значительное».

Королевская бельгійская миссія сообщаетъ нижеслѣдующее воззваніе бельгійскаго правительства, напечатанное въ «Moniteur Belge» отъ 25-го, 26-го и 27-го октября (нов. ст.):

Воззваніе къ бельгійцамъ, проживающимъ за границей.

«Многочисленныя бельгійскія семьи, изгнанныя изъ родныхъ городовъ и деревень ужасами непріятельскаго нашествія, вынуждены были искать убѣжища за границей. Послѣднее они нашли въ гостепріимныхъ странахъ, гдѣ какъ государственныя власти, такъ и населеніе явили доказательство добраго отношенія къ нимъ, воспоминаніе о которомъ навсегда сохранится въ памяти благодарной бельгійской націи.

«Всѣ эти семьи имѣютъ одну общую обязанность: никогда не забывать о покинутомъ отечествѣ, гдѣ родные, друзья и товарищи по работѣ такъ жестоко страдаютъ. Они должны стараться своимъ мужествомъ и достоинствомъ, проявленными ими въ эти дни испытаній, еще болѣе усилить симпатіи, проявляемыя по отношенію къ Бельгій всѣмъ чествомъ, всѣми ясными умами и великодушными сердцами. Да будутъ мысли ихъ, надежды и дѣянія всегда направлены къ достиженію священной цѣли: освобожденія родной территоріи.

«Многія изъ этихъ семействъ насчитываютъ еще въ своихъ рядахъ мужчинъ и молодыхъ людей, способныхъ принимать участіе въ войнѣ. По собственному побужденію многіе изъ нихъ поступали и поступаютъ ежедневно въ нашу армію. Необходимо, чтобы всѣ остальные незамедлительно поступили такимъ же образомъ.

«Отъ имени короля и націи обращаемся мы съ торжественнымъ воззваніемъ ко всѣмъ способнымъ носить оружіе бельгійцамъ и особенно мужчинамъ въ возрастѣ отъ 18 до 30 лѣтъ, приглашая ихъ поступать въ качествѣ добровольцевъ въ армію на все время военныхъ дѣйствій. Все будетъ сдѣлано для облегченія имъ этого шага.

«Достаточно будетъ обращенія ихъ къ бельгійскимъ консуламъ. Послѣдніе, убѣдившись въ отсутствіи мотивовъ моральнаго или физическаго свойства, могущихъ препятствовать несенію военной службы, выдадутъ, въ случаѣ надобности, средства для немедленнаго отправленія ихъ въ сборные пункты въ Англій и Франціи.

«Бельгійцы, не состоящіе въ бракѣ, въ возрастѣ отъ 18 до 30 лѣтъ, которые не отзовутся на этотъ призывъ до 2-го (15-го) ноября, могутъ быть реквизированы властями на основаніи закона 1-го (14-го) августа 1887 года и использованы для работъ военнаго характера.

«Мы надѣемся, что всѣ исполнятъ свой долгъ. Ставшая жертвой преступленія, подлѣжнаго которому не знаетъ исторія, Бельгій никогда не имѣла больше основаній и больше правъ рассчитывать на помощь своихъ сыновъ. Пустьъ всѣ бельгійцы, подъ предводительствомъ короля, которымъ всѣ мы гордимся, стремятся ускорить наступленіе того часа, когда мы снова объединимся и станемъ независимы и свободны на территоріи

нашего возлюбленного отечества, страданія котораго сдѣлали его намъ еще болѣе дорогимъ.

«13-го (26-го) октября 1914 года.

«Подписали: военный министр Ш. де-Броквилль, министр юстиціи Г. Картонъ-де-Віаръ, министр иностранныхъ дѣлъ І. Давиньонъ, министр внутреннихъ дѣлъ Л. Беррье, министр наукъ и искусствъ П. Пуллэ, министр финансовъ А. Ванъ-де-Виверъ, министр земледѣлія и общественныхъ работъ де-Пеллепють, министр промышленности и труда Арм. Юберъ, министр путей сообщенія, мореконной, почтъ и телеграфовъ П. Сегерсъ, министр колоній Ранкэнъ.»

25-го октября было опубликовано слѣдующее официальное увѣдомленіе французскаго правительства:

На французскомъ лѣвомъ флангѣ господствовало относительное спокойствіе на Изерѣ ниже Диксмоде. Бельгійскія войска, продвинувшіяся на правомъ берегу Изера, отъ Ньюпорта по направленію къ Ломбартзейде, и подвергнувшіяся контръ-атакѣ германцевъ, получили своевременную поддержку. Положеніе здѣсь было восстановлено полностью. Въ Диксмоде морская пѣхота отразила новую контръ-атаку. Болѣе къ югу наступленіе непріятели вокругъ Биксхооте было отражено французами, затѣмъ продвинувшимися впередъ. Къ востоку отъ Ипра положеніе оставалось безъ переменъ. Къ юго-востоку отъ Ипра французы возобновили наступленіе и вмѣстѣ съ англичанами отразили особенно энергичную атаку корпусовъ дѣйствующей германской арміи, которые были недавно привезены въ этотъ районъ. Между Армантберомъ и каналомъ Лабасэ англичане отразили яростную атаку, направленную противъ Невшашпель. Между каналомъ Лабасэ и Аррасомъ, а также между Аррасомъ и Уазой, французы отразили нѣсколько контръ-атакъ, какъ дневныхъ, такъ и ночныхъ, и даже слегка продвинулись впередъ въ районѣ Вермелль и къ югу отъ Эксуэллетъ. Въ центрѣ, въ районѣ Вайи французскія войска продолжали 24-го октября вновь занимать пространство, ранѣе ими утерянное. Въ Аргоннахъ французы отразили новыя атаки и отмѣтили конецъ дня успѣхомъ въ нѣсколькихъ пунктахъ. Къ сѣверо-востоку отъ Вердена французы заняли деревню Гокурсъ и Ножевилль. Попытки непріятели перейти въ наступленіе потерпѣли неудачу въ лѣсистой области на правомъ берегу Мааса, на юго-востокъ отъ Вердена и въ лѣсу Апремонъ. На юго-востокъ отъ С.-Міэля французскія войска захватили нѣсколько траншей въ окрестностяхъ С.-Реми. На французскомъ правомъ флангѣ атаки германцевъ, направленные противъ передовыхъ позицій у Грандъ-Куроннъ-де-Нанси, закончились крупнымъ для нихъ урономъ. Внезапное нападеніе, произведенное ими противъ высотъ, господствующихъ надъ переваломъ С.-Мари, закончилось полной неудачей.

25-го сентября было получено извѣстіе о взятіи японцами Циндао.

Въ ночь на 24-ое октября японцы взяли штурмомъ Юцзячжунъ, редутъ главной оборонительной линіи Циндао, захвативъ 200 плѣнныхъ. Затѣмъ продолжался штурмъ другихъ укрѣпленій. Въ Токио 25-го октября по случаю паденія Циндао были пущены специальные вагоны трамвая, убранные національными флагами японскими, русскими, англійскими, французскими и бельгійскими. Повсюду были слышны несмолкаемые клики «банзай», населеніе организовало

восторженные патріотическія манифестаціи. Во многихъ городахъ Россіи, особенно въ Петроградѣ, эта побѣда нашихъ союзниковъ-японцевъ также была отмѣчена рядомъ многолюдныхъ привѣтственныхъ манифестацій по адресу Японіи.

25-го октября, согласно официальнымъ свѣдѣніямъ французскаго правительства, германцы проявили большую дѣятельность по всему фронту, по всѣхъ атакахъ, особенно направленныхъ противъ Камбрена, Эмулета и Ле-Кенуанъ-Сантерръ, были отражены. Французскія войска овладѣли нѣсколькими траншеями къ сѣверу отъ Альбера и заняли вновь свои прежнія траншеи къ сѣверо-востоку отъ Вайи. На правомъ берегу Мааса французы заняли штыковымъ боемъ деревню Сень-Реми.

По официальному извѣщенію бельгійскаго правительства отъ 25-го октября, на Изерѣ существенныхъ перемѣнъ не произошло. Германцы все еще сохраняли свои позиціи на лѣвомъ берегу рѣки, но поддерживали лишь слабый артиллерійскій огонь по желѣзной дорогѣ близъ Рамскапелле. Пораженія германцевъ въ Польшѣ, повидимому, вызвали удаленіе части непріятельскихъ войскъ изъ Бельгіи и перевозку ихъ на востокъ. Сообщали о войскахъ, идущихъ отъ Брюгге въ сторону Гента, Брюсселя и Лувена.

На сербскомъ театрѣ войны положеніе дѣлъ обстояло въ такомъ видѣ:

22-го октября не произошло ничего выдающагося. Въ ночь на 23-е октября непріятель атаковалъ сербскія позиціи къ юго-востоку и югу отъ Шабаца. На юго-востокѣ непріятель былъ энергично отброшенъ, а на югѣ контръ-атакой сербы обратили непріятеля въ паническое бѣгство. Потери непріятеля были очень велики. На полѣ сраженія осталось 200 тяжело раненыхъ австрійцевъ и 500 убитыхъ. Въ теченіе той же ночи непріятель послѣ артиллерійскаго обстрѣла атаковалъ сербскія позиціи на фронтѣ Гучева, но былъ отброшенъ. 24-го октября происходилъ артиллерійскій бой съ сербскими позиціями Гучево-Ягодня; кромѣ того, непріятель атаковалъ сербскія позиціи къ юго-востоку отъ Шабаца, повсюду непріятель былъ отраженъ, понесъ большія потери. На другихъ фронтахъ ничего существеннаго не произошло.

26-го октября морской генеральный штабъ сообщилъ о началѣ военныхъ дѣйствій на Черномъ морѣ нижеслѣдующія подробности, изъ которыхъ съ полной очевидностью явствуетъ лживость германскихъ и турецкихъ утверженій относительно того, что инициатива нападенія принадлежала, яко бы, русскимъ:

«15-го октября, вечеромъ, черноморскій флотъ, послѣ пребыванія въ морѣ, вернулся на рейдъ Севастополя, причемъ турецкихъ судовъ въ морѣ встрѣчено не было.

«Въ 5 часу утра 16-го октября командующій черноморскимъ флотомъ получилъ изъ Одессы донесеніе, въ которомъ сообщалось, что въ 3 часа утра два турецкихъ миноносца, имѣя отличительные огни и русскіе флаги, вошли въ гавань; командныя слова на миноносцахъ громко произносились по-русски. Тѣмъ не менѣе, занимая брандвахтенный постъ въ гавани, канонерская лодка «Кубанецъ», не получивъ съ вошедшихъ миноносцевъ опознательнаго сигнала, немедленно открыла огонь. Другая канонерская лодка — «Донецъ», стоявшая также въ гавани, не успѣла выпустить ни одного снаряда, такъ какъ была по-

топлена первою же выпущенной турками миной. Обстреливаемые «Кубанцем», неприятельские миноносцы отступили и полным ходом ушли в море, причем на одном из них была сбита труба. Уходя, они отстреливались и причинили незначительныя поврежденія «Кубанцу» и стоявшимъ поблизости коммерческимъ судамъ, а также повредили одну изъ береговыхъ нефтяныхъ цистернъ.

«По полученіи донесенія изъ Одессы, командующій флотомъ сообщилъ на береговыя батареи Севастополя о нахожденіи въ Черномъ морѣ турецкихъ судовъ и распорядился выслать тралящій караванъ для обычнаго передъ уходомъ флота съ рейда обслѣдованія выходовъ въ море, какъ необходимой предосторожности отъ могущихъ быть неприятельскихъ минъ загражденія.

«Около 6 часовъ 30 минутъ утра, въ туманѣ, къ Севастополю подошелъ съ сѣвера отъ Евпаторіи крейсеръ «Гебенъ» и открылъ огонь. Береговыя батареи и ближайшія къ выходу суда энергичнымъ огнемъ отвѣчали «Гебену», стрѣльба котораго по рейду оказалась безуспѣшною; нѣсколько снарядовъ попало въ городъ, не причинивъ значительныхъ поврежденій и не вызвавъ жертвъ въ людяхъ. Одинъ снарядъ попалъ въ угольные склады, другой ударилъ въ полотно желѣзной дороги и одинъ, разорвавшись около зданія морского госпиталя, осколками убилъ двухъ больныхъ и ранилъ 8 нижнихъ чиновъ.

«Въ то же самое время дозорный дивизионъ миноносцевъ, подъ командой капитана 1-го ранга князя Трубецкого, бросился открыто въ атаку на «Гебенъ». Сильный огонь неприятеля, встрѣтившій эту дневную атаку, не позволилъ ее продолжать, причемъ миноносецъ «Лейтенантъ Пущинъ» получилъ большую пробоину и на немъ вспыхнулъ пожаръ.

«Стрѣльба «Гебена» продолжалась около 20 минутъ, послѣ чего неприятельскій крейсеръ ушелъ въ море.

«На пути отъ Севастополя «Гебенъ» усмотрѣлъ возвращавшійся съ моря транспортъ «Прутъ» и, повернувъ на него, сигналомъ потребовалъ сдачи. Въ отвѣтъ на это «Прутъ», не имѣющій артиллерійскаго вооруженія, поднялъ на мачтахъ военные флаги, направился къ берегу, и командиръ, открывъ кингстоны и взорвавъ подрывнымъ патрономъ днище, потопилъ транспортъ. Подготовляя взрывъ втораго патрона, геройски погибъ вмѣстѣ съ транспортомъ лейтенантъ Рогузскій. Часть команды спаслась на шлюпкахъ, койкахъ и поясахъ, а часть была подобрана турецкими миноносцами, сопровождавшими «Гебенъ».

«Тралящій караванъ, прекратившій на время бомбардировки свои работы, по окончаніи стрѣльбы закончилъ обслѣдованіе выхода съ рейда, и вслѣдъ за этимъ Черноморскій флотъ вышелъ въ море для преслѣдованія противника, но послѣдній, избѣгая боя, скрылся въ своей базѣ въ Босфорскомъ проливѣ.

«Наши потери: на транспортъ «Прутъ» погибло 2 офицера, священникъ и 26 нижнихъ чиновъ, на миноносцѣ «Лейтенантъ Пущинъ» убито 7 и ранено 7 нижнихъ чиновъ; на канонерской лодкѣ «Кубанецъ» ранено 7 нижнихъ чиновъ и на канонерской лодкѣ «Донецъ» погибъ судовоу врачъ.

«Какъ теперь извѣстно, турецкій планъ предусматривалъ, одновременно съ нападеніемъ на Севастополь и Одессу, бомбардировку еще и другихъ пунктовъ нашего побережья; крейсеръ «Бреслау» обстрѣливалъ Феодосію, а крейсеръ «Гамидіэ»—Новоросійскъ».

26-го октября штабъ верховнаго главнокомандующаго далъ слѣдующее увѣдомленіе о ходѣ нашихъ военныхъ дѣйствій:

На восточно-прусскомъ фронтѣ наши войска успѣшно наступали въ районѣ Роминтенская роща—Филиппово—Лыкъ. Выбитый нами 22-го октября изъ Млавы германскій арьергардъ понесъ большія потери. За Вислой отступленіе непріятели продолжалось. 23-го октября германская колонна тянулась черезъ Ченстоховъ на западъ. Небольшія боевыя столкновенія происходили у посада Варта и на шоссе Андреевъ—Мѣховъ, у Мержава. Въ Галиціи австрійцы покинули при отступленіи многихъ больныхъ холерой въ Ярославѣ, Пржеворскѣ и

Главный интендантъ генераль-отъ-инфантеріи Д. С. Шуваевъ.

деревняхъ близъ Сана. На Черномъ морѣ нашъ флотъ обстрѣлялъ портъ Сан-гулдакъ и потопилъ четыре турецкихъ транспорта, изъ которыхъ три съ запасами обмундированія, а четвертый, повидимому, съ войсками.

Штабъ кавказской арміи извѣстилъ 26-го октября, что въ теченіе 23-го октября значительныхъ боевыхъ столкновеній не было. Курдскіе полки, поддержанные пѣхотой низама и массой вооруженныхъ жителей, пытавшіеся наступать въ районѣ къ сѣверо-востоку отъ Каракилисы-Алашкертской были отброшены съ большими для турокъ потерями. Очищеніе занятыхъ нами районовъ Пасинской, Діадинской и Баязетской долинъ отъ разбитыхъ турецкихъ войскъ и курдовъ продолжалось. Послѣдніе частью были уничтожены, частью разбѣяны.

Сильная по природѣ и хорошо укрѣпленная позиція турокъ у Кебри-Кей, прикрывающая путь къ Эрзеруму, послѣ горячаго боя 24-го октября была взята нашими войсками. Преслѣдованіе разбитаго противника продолжалось.

26-го октября, во время слѣдованія императорскаго поѣзда изъ Холма въ Сѣдлецъ, Государь Императоръ принялъ докладъ отъ главнокомандующаго арміями юго-западнаго фронта ген.-адъют. Иванова, который былъ приглашенъ съ чинами его штаба къ высочайшему завтраку въ поѣздѣ. Того же числа императорскій поѣздъ около семи часовъ вечера имѣлъ остановку близъ Сѣдлеца, на станціи Луковъ, гдѣ Государь Императоръ посѣтилъ раненыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, находящихся на излеченіи въ госпиталѣ имени Наслѣдника Цесаревича, курскаго губернскаго земства. Здѣсь же на станціи Его Императорскому Величеству имѣлъ счастье представляться личный составъ перваго санитарнаго поѣзда обще-дворянской организаціи. На станціи Сѣдлецъ Государь Императоръ принялъ докладъ отъ главнокомандующаго арміями сѣверо-западнаго фронта генераль-адъютанта Рузскаго, который былъ приглашенъ затѣмъ съ чинами своего штаба къ Высочайшему обѣду въ поѣздѣ. На обѣдѣ также присутствовали великій князь Андрей Владимировичъ и помощникъ верховнаго начальника санитарной и эвакуаціонной части.

Персидское правительство обратилось съ нотой въ русскую миссію, сообщая о своемъ нейтралитетѣ и выражая надежду, что Россія вознаградитъ Персію за возможный политическій и матеріальный ущербъ въ виду того, что ей приходится мириться съ пребываніемъ русскихъ войскъ въ Азербейджанѣ.

Бельгійское правительство вручило паспорта турецкому посланнику.

26-го октября французское правительство официально увѣдомило, что между Сѣвернымъ моремъ и рѣкою Лисомъ бой въ теченіе 25-го октября былъ менѣе интенсивнымъ. Французы отразили нѣсколько частныхъ атакъ непріятеля въ направленіи на Диксмюде и къ сѣверо-востоку отъ Ипра. Со своей стороны, французскія войска перешли въ наступленіе почти на всемъ протяженіи этого фронта и въ частности продвинулись впередъ въ районѣ къ сѣверу отъ Мессина. Англичане нѣсколько продвинулись въ окрестностяхъ Армантьера. Непріятельскія атаки между Лабассэ и Аррасомъ были отражены. Ничего существеннаго не произошло на линіи между Аррасомъ и Суассономъ. Вокругъ Суассона происходили замѣтныя передвиженія французскихъ силъ. Въ районѣ Вайи, а также на правомъ берегу Эна французы упрочили свое передвиженіе къ сѣверу. Вокругъ Вердена и къ сѣверо-западу и юго-востоку отъ послѣдняго французы укрѣпляли опорные пункты, недавно ими занятые. Сильный туманъ, господствовавшій въ теченіе всего дня какъ на сѣверѣ, такъ и въ Шампани и Лотарингіи, стѣснялъ дѣйствія артиллеріи и авіаціи.

На сѣверѣ непріятель сосредоточилъ, повидимому, всю свою энергію въ районѣ Ипра, но безъ результата; французы всюду удерживали свои позиціи. На р. Энѣ, къ сѣверо-востоку отъ Суассона, французы впервые достигли возвышенности Вреньи.

Созывъ бельгійскихъ законодательныхъ палатъ отложенъ до освобожденія бельгійской территоріи.

Датское правительство объявило о своемъ нейтралитетѣ въ войнѣ тройственного согласія съ Турціей.

Бельгійское правительство 26-го октября сообщило, что на Изерѣ союзники вновь заняли большое предмостное укрѣпленіе Ньюпорта. Одна германская батарея изъ 4 орудій затонула возлѣ фермы Стюйвекенскерке и замка Виконь. Послѣдніе оказались эвакуированы германцами. Здѣсь было найдено большое количество труповъ. Диксмюде подвергся очень сильной бомбардировкѣ. 25-го октября была успѣшно отражена весьма серьезная атака. Непритель производилъ атаки въ районѣ Ипра. Эти атаки были все отбиты контръ-атаками союзныхъ войскъ.

27-го октября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на восточно-прусскомъ фронтѣ наши войска выбили германцевъ изъ сильно укрѣпленнаго ими вержболовскаго района и продвинулись до Сталупенена. Въ районѣ Роминтенской роши и Лыка наши войска продолжали тѣснить арріергарды противника.

На лѣвомъ берегу Вислы наша конница, вступивъ въ предѣлы Германіи, повредила желѣзную дорогу у станціи Пленешъ, что къ сѣверо-западу отъ Калиша.

На путяхъ къ Кракову 24-го октября мы атаковали австрійскіе арріергарды на рѣкѣ Нидѣ, а 25-го октября—на рѣкѣ Нидзицѣ.

Въ Галиціи наши войска продолжаютъ наступать. Въ послѣднихъ бояхъ на Санѣ взято въ плѣнъ 125 офицеровъ и 12,000 нижнихъ чиновъ; захвачены пулеметы и прочая матеріальная часть. Къ югу отъ Перемышля 24-го октября взято свыше 1,000 плѣнныхъ.

27-го октября были опубликованы слѣдующія извѣстія о ходѣ военныхъ дѣйствій въ колоніяхъ:

«Бельгійскія войска, оперирующія въ Конго, храбро сражаются. Летучая бельгійская колонна овладѣла Киссенъ (Kissegnie), укрѣпленнымъ пунктомъ на берегу озера Киву. Попытка германцевъ повести наступленіе на Альбервилль потерпѣла неудачу. Бельгійская колонна, пришедшая изъ Катанги, поддерживаетъ англійскія силы въ Родези, направляющіяся въ германскую восточную Африку».

Согласно официальному сообщенію изъ Лондона отъ 26-го октября, индійскія военныя силы и великобританская морская бригада заняли, послѣ часового сопротивленія, оказаннаго непріателемъ, Фао, въ устьѣ Шатъ-Эль-Араба, въ Персидскомъ заливѣ. Британскія войска не понесли никакихъ потерь.

По случаю паденія Циндао, великобританское и японское адмиралтейства обмѣнялись сердечными поздравленіями.

Преосвященный Порфирій II, архіепископъ Синайской горы, обратился къ первенствующему члену Святѣйшаго Синода митрополиту Владимиру съ особымъ письмомъ по поводу настоящей войны, которую Россія вынуждена вести.

«Исполняя, по апостольскому изреченію, долгъ радоваться съ радующимися и плакать съ плачущими,—писалъ преосвященный архіепископъ,—и мы съ волненіемъ слѣдимъ за событіями, развертывающимися на поляхъ сраженій, сострада и соболѣзнуя по поводу неизбѣжныхъ бѣдствій, происходящихъ отъ этого страшнаго столкновенія европейскаго міра.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ мы искренно радуемся, когда слышимъ о триумфѣ храбрыхъ войскъ Русской имперіи, которая, будучи вынуждена вступить въ великую борьбу для защиты справедливости и для торжества мира во всемъ мірѣ, имѣетъ ради этого помощь отъ Господа, сотворившаго небо и землю.

«Это именно сочувствіе и поздравленія нашей святѣйшей архіепископіи мы, какъ присные въ вѣрѣ, спѣшимъ выразить сестрѣ-церкви русской, святая молитвы которой о русскомъ оружіи Господь принялъ, и увѣнчалъ побѣдою всѣ бывшія до настоящаго времени нападенія его противъ врага.

«Господь крѣпокъ и силенъ, Господь силенъ въ брани». Увѣрю васъ, достопочтеннѣйшіе во Христѣ братіе, что и мы, духовно участвуя въ священной борьбѣ, имѣемъ непрестанную о побѣдѣ россійскаго оружія память въ молитвахъ нашихъ днемъ и ночью, какъ здѣсь, такъ и въ священномъ нашемъ монастырѣ на Духосшественной горѣ, и уповаемъ на Бога отцевъ нашихъ, что Онъ до конца будетъ помощникомъ и покровителемъ русскихъ войскъ, и «пятеро изъ нихъ прогоняетъ сто, и сто прогоняетъ тѣмъ», дабы восторжествовали правда и православіе».

Выслушавъ настоящее письмо преосвященнаго Порфирія, Святѣйшій Синодъ предоставилъ первенствующему члену, митрополиту петроградскому, увѣдомить преосвященнаго Порфирія, что Святѣйшій Синодъ приноситъ преосвященному искреннюю благодарность за молитвы о побѣдѣ россійскаго оружія въ настоящей великой борьбѣ, которую наше отечество, вмѣстѣ съ союзными намъ державами, вынуждено вести въ цѣляхъ защиты погранной нашими врагами правды и для возстановленія мирнаго теченія жизни народовъ, а также за соболѣзнованіе по поводу бѣдствій, происходящихъ отъ текущей войны, которыя усугубляются дѣйствіями врага, часто не щадящаго мирныхъ людей, женщинъ, старцевъ и малыхъ дѣтей.

27-го октября официальное французское извѣстіе гласило: на французскомъ лѣвомъ флангѣ германцы снова перешли въ наступленіе въ направленіи Диксмюде и въ районѣ Ипра, въ частности къ югу-востоку отъ Ипра. Атаки непріятеля были всюду отражены. Къ концу дня французы на большей части фронта между Диксмюде и рѣкою Лисомъ продвинулись впередъ. Это продвиженіе французскихъ военныхъ силъ было лишь медленнымъ въ виду наступательныхъ дѣйствій непріятеля и весьма серьезнаго укрѣпленія его позицій. Кромѣ того, туманъ значительно затруднялъ операци, въ особенности между рѣками Лисомъ и Уазой. Въ центрѣ на рѣкѣ Энъ успѣхи были французами сохранены. Въ Аргоннахъ и въ окрестностяхъ Вердена происходили небольшія столкновенія. На французскомъ правомъ флангѣ въ Лотарингіи не произошло ничего существеннаго. Въ Эльзасѣ германцы вновь атаковали высоты горнаго прохода Санъ-Мари. Атаки попрежнему окончились полной неудачей.

27-го октября англійское правительство официально увѣдомило о ликвидаціи вспыхнувшаго въ Трансваалѣ мятежа:

«Войска южно-африканскаго союза перешли рѣку Вааль и, преслѣдуя мятежниковъ, взяли въ плѣнъ 350 человекъ съ полнымъ обозомъ. Въ другихъ частяхъ Трансваала мятежники сильно пали духомъ. Полковникъ Менцъ

доносить, что послѣ сраженія при Бронъ-Хортспройтѣ онѣ преслѣдоваль мятежниковъ, находившихся подъ командой генерала Мюллера. Менѣцъ настигъ ихъ въ субботу, убилъ трехъ, ранилъ шестерыхъ и взялъ въ плѣнъ 31 мятежника. Мюллеръ скрылся въ густыхъ заросляхъ восточнаго Трансваала, гдѣ пынѣ скрывается въ одиночествѣ. Множество мятежниковъ возвращаются домой и заявляютъ, что мятежъ имъ опротивѣлъ, и что они были введены въ заблужденіе».

Вивіани вручилъ орденъ Почетнаго Легіона мэру города Реймса Лапгле за доблестное поведеніе во время бомбардировки и обратился къ нему съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ:

«Прусскій милитаризмъ провозгласилъ культъ силы. Мы отнюдь не народъ-мечтатели, мы не презираемъ силы, но ставимъ ее на свое мѣсто, т. е. на служеніе праву. Именно во имя права боремся мы, и борется бокъ-о-бокъ съ нами Бельгія, принесяшая себя въ жертву къ вѣщей славѣ нашихъ союзниковъ англичанъ и русскихъ, арміи которыхъ несокрушимой стѣной задерживаютъ стихійный натискъ германцевъ, готовясь раздавить непріятеля. Французы отнюдь не народъ, ищущій добычи, онѣ не протягиваль жадныхъ рукъ, чтобы овладѣть всѣмъ міромъ. Но когда его заставили воевать, онѣ взялся за оружіе. Скоро настанетъ часъ справедливаго возмездія, когда очагу француза будетъ возвращена его душа, оторванная грубой силой оружія. Сплотившись во имя освобожденія человѣчества, мы, союзники и французы, объединенные войной и идеалами мира, будемъ биться до тѣхъ поръ, пока не сокрушимъ прусскаго милитаризма освободительнымъ мечомъ».

На южномъ сербско-австрійскомъ фронтѣ согласно официальнымъ свѣдѣніямъ отъ 27 октября, военныя дѣла были въ слѣдующемъ видѣ: «24-го октября, послѣ сильной бомбардировки, открытой непріателемъ противъ нашихъ позицій, на линіи Ягодна—Воранья—Гучево, произошли кровопролитнѣйшіе бои. Въ тотъ же день, около восьми часовъ утра непріятель обрушился громадными силами на наши позиціи у Шабаца. Во время происшедшихъ кровавыхъ схватокъ одинъ изъ нашихъ полковъ энергичной атакой заставилъ непріятеля отступить къ его первоначальнымъ позиціямъ. Непріятель оставилъ на полѣ битвы свыше 1000 убитыхъ, причемъ половина ихъ легла передъ фронтомъ полка, отбросившаго врага. Этотъ же полкъ захватилъ въ плѣнъ офицера и около 100 солдатъ. 24-го октября, съ пяти часовъ утра до трехъ часовъ пополудни непріятель ожесточенно бомбардировалъ наши позиціи, расположенныя у деревень Добричи и Жулемовичи, предпринявъ затѣмъ ожесточенную атаку пѣхотными частями, но наши войска подъ страшнымъ огнемъ непріятельской артиллеріи совершили чудеса храбрости и выносливости. Они спокойно подпустили къ себѣ непріятельскія войска и съ силой ихъ отбросили. Въ этомъ сраженіи потери непріятеля были очень велики. Въ окрестностяхъ Бѣлграда отрядъ непріятельскихъ развѣдчиковъ пытался перейти на нашъ берегъ, но былъ отброшенъ. На другихъ фронтахъ театра военныхъ дѣйствій ничего существеннаго не произошло».

Въ теченіе нѣсколькихъ дней австрійцы обстрѣливали бѣлградскія позиціи.

Германскій крейсеръ «Geet» задержанъ сѣверо-американскими властями въ Гонолулу.

Президентъ Пуанкаре и императоръ японскій обмѣнялись телеграммами по случаю взятія Циндао.

28-го октября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ Восточной Пруссіи бои продолжались. Наши войска овладѣли Гольдапомъ. На млавскомъ направленіи наши войска продвигались впередъ, причемъ артиллерійскимъ огнемъ было остановлено производившееся непріателемъ железнодорожное движеніе къ станціи Сольдау.

За Вислой германцы отошли отъ Влоцлавска къ Пешавѣ и отъ Конины на Слупцы. На путяхъ къ Кракову мы продолжаемъ тѣснить австрійскіе арріергарды.

Къ югу отъ Перемышля 25-го октября нами было взято 1000 плѣнныхъ и нѣсколько орудій.

24-го и 25-го октября у нашего кавказскаго побережья Чернаго моря появились непріятельскіе легкіе крейсера. Они выпустили по городу Поти около 120 снарядовъ, не причинившихъ особаго вреда.

Того же 28-го октября штабъ кавказской арміи извѣстилъ, что утромъ 25-го октября непріятельскій крейсеръ типа «Бреслау», подойдя къ Поти, открылъ огонь по городу, порту, маяку и вокзалу, выпустивъ отъ 120 до 150 снарядовъ. Когда крейсеръ приблизился къ молу и пытался открыть пулеметный огонь по нашимъ войскамъ, послѣднія немедленно отвѣчали артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Послѣ первыхъ же попавшихъ въ крейсеръ нашихъ снарядовъ послѣдній быстро удалился отъ мола въ направленіи на Сухумъ; у насъ ранено три нижнихъ чина и четверо контужены; поврежденія порта и города ничтожны; среди жителей потерь не было; въ городѣ порядокъ не нарушался.

25-го октября турки, силою до двухъ дивизій съ 48 полевыми и нѣсколькими тяжелыми орудіями, подъ прикрытіемъ многочисленной курдской конницы, двинулись со стороны Гассанъ-Калла къ кепри-кейской позиціи, взятой нами наканунѣ. Наступленіе велось энергично. Турки, не разъ сбрасываемые съ высотъ, вновь поднимались на нихъ, пытааясь охватить нашъ правый флангъ. Но когда наша казачья артиллерія, выдвинутая здѣсь въ тылъ туркамъ, открыла убійственный огонь, послѣдніе не выдержали перекрестнаго огня нашей артиллеріи и пѣхоты и обратились въ бѣгство, сначала на своемъ лѣвомъ флангѣ, а потомъ и на всемъ остальномъ фронтѣ, спасаясь подъ покровомъ темноты по сильно пересѣченной мѣстности.

По официальному французскому сообщенію отъ 28-го октября военныя дѣла находились здѣсь въ такомъ видѣ: сраженіе продолжалось 27-го октября въ теченіе всего дня съ той же энергіей, какъ и въ предшествовавшіе дни. Особенно сильно было столкновеніе между моремъ и райономъ Армантьера въ виду того, что обѣ противостоящія другъ другу силы дѣйствовали здѣсь наступательно. Въ общемъ этотъ день былъ отмѣченъ неудачею германской атаки, произведенной крупными силами къ югу отъ Ипра, а также значительными успѣхами французовъ вокругъ Диксхоте и между Ипромъ и Армантьеромъ. На фронтѣ британскихъ войскъ также самымъ рѣшительнымъ образомъ были отбиты всѣ германскія атаки. На большей части фронта отъ канала Лабассэ вплоть до Вевра французы упрочили за собою достигнутые нами въ теченіе

последних дней результаты. Слѣдует отмѣтить движеніе французскихъ военныхъ силъ впередъ въ районѣ Лувра между Реймсомъ и Берри-о-Бакомъ. Въ Лотарингіи ничего не произошло новаго. Въ Вогезахъ непріятель снова производилъ атаки противъ высотъ къ югу отъ перевала Сентъ-Мари и на юго-востокъ отъ Танна. Всѣ эти атаки были отражены.

28-го октября великобританское правительство официально извѣстило о слѣдующихъ своихъ военно-морскихъ предпріятіяхъ:

«Въ широкихъ размѣрахъ при участіи русскихъ, японскихъ и французскихъ судовъ произведены были поиски германскаго крейсера «Emden», который исчезъ, совершивъ нападеніе у Пенанга. Британскіе австралийскіе крейсера «Melbourn» и «Sidney» принимали участіе въ этихъ поискахъ.

27-го октября получено было сообщеніе, что «Emden» прибылъ къ острову Килингу въ Кокосовомъ архипелагѣ¹⁾ въ Индійскомъ океанѣ, на полпути между Азіей и Австраліей, и собирается разрушить станцію беспроволочнаго телеграфа и перерѣзать кабель. Тамъ онъ былъ настигнутъ крейсеромъ «Sidney», который заставилъ его принять бой и пригналъ къ берегу; «Emden» сгорѣлъ. Потери «Sidney»—3 убитыхъ, 15 раненыхъ. Экипажъ «Emden» потерпѣлъ большой уронъ. Оставшимся въ живыхъ оказана помощь.

Послѣ поисковъ, предпринятыхъ въ цѣляхъ обнаруженія германскаго крейсера «Koenigsberg», британскій крейсеръ «Chatham» обнаружилъ его 17-го октября въ шести миляхъ вверхъ по рѣкѣ на островѣ Мафія у береговъ германской Восточной Африки. Германскій крейсеръ стоялъ въ неглубокой водѣ, а экипажъ его окопался на побережьѣ рѣки. «Chatham» обстрѣлялъ «Koenigsberg» съ моря, но вслѣдствіе густыхъ пальмовыхъ зарослей не удалось установить размѣры причиненныхъ поврежденій. Чтобы воспрепятствовать выходу германскаго крейсера изъ рѣки, въ послѣдней были затоплены угольщики; такимъ образомъ «Koenigsberg» какъ бы арестованъ. Такъ какъ въ настоящее время не приходится уже болѣе считаться ни съ «Emden», ни съ «Koenigsberg», то Тихій и Индійскій океаны очищены отъ германскихъ судовъ, кромѣ эскадры, оперирующей въ чилийскихъ водахъ».

28-го октября состоялось открытіе очередной сессіи парламента въ Люксембургѣ. Великая герцогиня въ тронной рѣчи между прочимъ сказала:

«Мы всѣ потрясены ужасающимъ зрѣлищемъ кровавой войны. Нейтралитетъ нашъ нарушенъ. Я и правительство мое поспѣшили заявить протестъ передъ державами, гарантировавшими нашъ нейтралитетъ. Палата одобрила нашъ образъ дѣйствій. Несмотря на нарушеніе, наши права продолжаютъ существовать и намъ обѣщано вознагражденіе за причиненную несправедливость. Въ возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ прохожденіемъ войскъ, намъ уже внесено вознагражденіе».

¹⁾ Группа незначительныхъ Кокосовыхъ острововъ, иначе называемыхъ островами Килинга, расположена въ Индійскомъ океанѣ подъ 12° южной широты и 96° 80' восточной долготы; группа состоитъ изъ 20 острововъ, общей поверхностью въ 22 кв. версты. Острова коралловаго происхожденія, покрыты густыми рощами кокосовыхъ пальмъ и принадлежатъ Великобританіи. Населеніе острововъ едва достигаетъ 600 человекъ.

Великая герцогиня закончила рѣчь словами: «Да хранитъ Богъ наше дорогое отечество!» Рѣчь была покрыта бурными аплодисментами.

По официальному извѣщенію бельгійскаго правительства, въ районѣ Ньюпорта положеніе въ общемъ не измѣнилось: бельгійскія войска нѣсколько продвинулись впередъ. На остальномъ фронтѣ наблюдалось почти полное затишье. Непрiятель занималъ еще нѣсколько опорныхъ пунктовъ на лѣвомъ берегу рѣки Изера, которые бельгійцы подвергли обстрѣлу; непрiятельская артиллерія обстрѣливала Диксмюде.

Императоръ Вильгельмъ, отмѣнивъ наступленіе германцевъ вдоль побережья Бельгiи, приказалъ атаковать союзниковъ между Аррасомъ и Куртрэ. Германскія войска усиленно опять стали перевозиться съ западнаго театра военныхъ дѣйствій на восточную границу. Зографосъ провозгласилъ присоединеніе Эпира къ Греціи. Папа римскій по просьбѣ императора германскаго выступилъ въ предложеніемъ созвать мирную конференцію.

Штабъ верховнаго главнокомандующаго далъ 29-го октября слѣдующія свѣдѣнія о ходѣ нашихъ военныхъ дѣйствій: въ Восточной Пруссiи правое крыло непрiятеля, упорно сопротивлявшееся въ районѣ Лыка, отгнано было нами къ Мазурскимъ озерамъ. Къ востоку отъ Нейденбурга, близъ станціи Мушакенъ, наша конница нанесла пораженіе германскому отряду, прикрывавшему желѣзную дорогу, захватила обозъ и взорвала два желѣзнодорожныхъ моста. 26-го октября наша конница вынудила отступить кавалерійскую дивизію, поддержанную егерскимъ батальономъ, къ Калишу. На путяхъ къ Кракову мы достигли Мѣхова. Въ Галиціи наши войска переправлялись черезъ Вислоку и занимали Ржешувъ—Дыновъ—Лиско.

29-го октября штабъ кавказской арміи сдѣлалъ слѣдующій отчетъ о развитіи военныхъ дѣйствій на нашемъ южномъ фронтѣ. Съ разсвѣтомъ 26-го октября у Кебри-Кея бой вновь разгорѣлся. Турки ввели въ дѣло войска, сосредоточенныя ими въ настоящее время къ Эрзеруму, и усилили ихъ гарнизономъ послѣдняго. Судя по характеру дѣйствій и имѣющимся свѣдѣніямъ, дѣйствіями турокъ руководятъ нѣмецкіе офицеры. Особенно ожесточенный характеръ бой приобрѣлъ послѣ полудня, когда турки начали подпирать свои передовыя части свѣжими дивизіями. Ихъ попытка охватить одинъ изъ нашихъ фланговъ кончилась неудачей. Благодаря доблести нашихъ войскъ, къ вечеру, когда бой началъ затихать, мы удержали все нами ранѣ захваченное. 25-го октября одна изъ нашихъ колоннъ овладѣла Каракилиссой-Алашкертской.

29-го октября по поводу потопленія черноморскимъ флотомъ турецкихъ транспортовъ морской генеральный штабъ сообщилъ нижеслѣдующія подробности. Подойдя къ Зунгулдакскому порту, командующій флотомъ отправилъ два корабля съ миноносцами для разрушенія портовыхъ сооружений и мастерскихъ. Задача эта была выполнена удачно, и, кромѣ того, нашими выстрѣлами былъ потопленъ стоявшій у пристани пароходъ. Тѣмъ временемъ дозорный крейсеръ усмотрѣлъ шедшій въ морѣ турецкій войсковой транспортъ съ солдатами. Видя, что транспортъ быстро направился къ берегу съ цѣлью спасти перевозимыя войска, крейсеръ нагналъ его, открылъ огонь и потопилъ. Послѣ этого флотъ удалился въ море. Черезъ нѣсколько времени слѣва отъ строя

въ туманѣ были замѣчены два судна, которыя оказались непріятельскими транспортами. Одинъ изъ нихъ, «Мидхатъ-паша», шелъ подъ военнымъ флагомъ Миноносцы, посланные для уничтоженія этихъ двухъ транспортовъ, вскорѣ открыли еще и третій. Всѣ три, нагруженные обмундированіемъ для войскъ, автомобилями, аэропланами и орудіями, были потоплены. Съ тонувшихъ транспортовъ были подобраны и взяты въ плѣнъ 248 человекъ, въ томъ числѣ нѣсколько германскихъ офицеровъ и одинъ офицеръ генеральнаго штаба, при которомъ находились документы. Изъ показаній плѣнныхъ выяснилось, что транспорты шли въ Уніе ¹⁾, откуда должны были заняться дальнѣйшей перевозкой войскъ въ Трапезундъ.

Официальное французское сообщеніе отъ 29-го октября гласило, что на французскомъ лѣвомъ флангѣ утромъ 28-го октября возобновилось сраженіе, имѣвшее

Командующій черпогорской арміей генераль Янко Вукотичъ.

особенно ожесточенный характеръ между Ньюпортомъ и рѣкою Лисемъ. Въ общемъ, французскій фронтъ былъ удержанъ, несмотря на ожесточеніе и силы германскихъ атакъ, направленныхъ противъ нѣкоторыхъ изъ французскихъ опорныхъ пунктовъ. Къ сѣверу отъ Ньюпорта французы оказались въ состояннн снова занять Ломбартзейде и продвинуться за эту мѣстность. Но къ концу дня германцы снова завладѣли Диксмюде. Французы все еще держались въ ближайшемъ сосѣдствѣ у этой деревни на каналѣ отъ Ньюпорта къ Ипру, ко-

¹⁾ Портъ Уніе, на южномъ берегу Чернаго моря, на востокъ отъ порта Самеуна, приблизительно въ 100 верстахъ отъ него; отъ Уніе къ югу идетъ шоссеиная дорога на Никсаръ, Токать и Сивасъ. Трапезундъ самый крупный малоазіатскій портъ на южномъ берегу Чернаго моря, верстахъ въ 150 отъ нашей кавказской границы.

«Истор. вѣсти». декабрь 1914 г., т. сxxxviii.

торый прочно занятъ былъ ими. Въ этихъ пунктахъ битва была особенно горяча. Британскія войска, нѣсколько разъ атакованныя въ разныхъ мѣстахъ, повсюду задержали наступленіе непріятели. На остальномъ протяженіи фронта общее положеніе оставалось безъ переменъ, за исключеніемъ нѣкотораго движенія впередъ французскихъ силъ къ сѣверу отъ Суассона и въ районѣ къ западу отъ Вайи, на правомъ берегу рѣки Эна. Въ этихъ двухъ пунктахъ состояніе погоды позволило произвести лишь частныя операціи, оказавшіяся успешными для насъ. Въ частности французы заставили отступить непріятельскій отрядъ у Куанкура въ трехъ километрахъ къ сѣверу отъ лѣса Парруа.

29-го октября великобританское правительство опубликовало слѣдующія подробности о побѣдѣ надъ нѣмецкимъ крейсеромъ «Эмденъ»: были взяты въ плѣнъ капитанъ германскаго крейсера «Эмденъ» Мюллеръ и принцъ Францъ-Иосифъ Гогенцоллернъ¹⁾, находившійся въ числѣ офицеровъ крейсера. Оба не ранены. Адмиралтейство приказало оказывать все почести оставшимся въ живыхъ чинамъ экипажа; офицерамъ были оставлены ихъ шпаги.

Съ австро-сербскаго театра войны были получены слѣдующія извѣстія:

Послѣ нѣсколькихъ дней упорныхъ боевъ 25 октября сербскія войска отступили въ полномъ порядкѣ къ Гучеву, причемъ движеніе это не встрѣтило препятствій со стороны непріятели, который за послѣдніе три дня понесъ большія потери. 25-го же октября непріятель атаковалъ наши позиціи къ юго-востоку отъ Шабаци, но былъ энергично отброшенъ. На остальномъ фронтѣ за этотъ день не произошло ничего существеннаго. 26-го октября австрійцы произвели двѣ атаки противъ позицій, расположенныхъ къ юго-востоку отъ Шабаци, но оба раза были отброшены съ большимъ урономъ. 27-го октября на разсвѣтѣ непріятели удалось переправиться на сербскій берегъ Дуная у Смедерева. Шесть батальоновъ пѣхоты, при двухъ пулеметахъ, переправились подъ прикрытіемъ австрійской артиллеріи, расположенной на лѣвомъ берегу Дуная и на островѣ у Смедерева. Сербскія войска, защищавшія мѣсто переправы, задержали непріятели, а затѣмъ перешли въ рѣшительную контръ-атаку, которая началась въ 10 ч. 30 м. вечера и закончилась въ 4 ч. 30 м. утра полнымъ пораженіемъ непріятели. Остатки австрійскихъ войскъ сверхъ выбывшихъ изъ строя или утонувшихъ въ Дунаѣ въ числѣ 2,000 человекъ взяты сербами въ плѣнъ, въ томъ числѣ шесть офицеровъ и одинъ полковникъ. Кромѣ того, сербы захватили два пулемета. Въ этой контръ-атакѣ, кромѣ сербскихъ войскъ, принимали участіе еще доблестные вардарцы, проявившіе исключительную храбрость. Вардарцами называются сербы изъ Вардарской долины въ Новой Сербіи. Они уже много разъ обнаруживали беззавѣтную храбрость въ послѣднихъ бояхъ и рѣшали ихъ побѣдоносный исходъ.

Австрійскій авіаторъ леталъ надъ Цетиньемъ и сбросилъ въ городъ нѣсколько бомбъ.

¹⁾ Принцъ Францъ-Иосифъ, сынъ принца Вильгельма Гогенцоллерна-Зигмарингенъ и супруги его принцессы Маріи-Терезы Бурбонской, родился въ Гейлигендамѣ 30-го августа 1891 года и состоялъ на крейсерѣ «Эмденъ» въ чинѣ лейтенанта. Принцъ при ходится влчатнымъ племянникомъ королю румынскому Карлу.

29-го октября австрійцы произвели нападеніе на черногорскія позиціи у Грахова, но были отбиты, понеся крупныя потери. 30-го октября австрійцы возобновили нападеніе на тѣ же позиціи. Вой продолжался.

Въ Циндао состоялась формальная передача крѣпости, сооружений, военныхъ припасовъ и плѣнныхъ. Японскій миноносець «№ 33» наскочилъ въ Циндао на мину и затонулъ.

Въ Токио имѣло мѣсто торжественное празднованіе по случаю взятія Циндао, привлекшее стотысячную толпу. Русскій посоль, отъ имени представителей державъ тройственного согласія и Бельгіи, привѣтствовалъ націю.

По сообщенію штаба верховнаго главнокомандующаго отъ 30-го октября, на восточно-прусскомъ фронтѣ наши войска подошли къ восточнымъ выходамъ изъ района Мазурскихъ озеръ. Въ районахъ Гольдапа и Млава—Сольдау происходили успѣшныя для насъ боевыя столкновенія. На галиційскомъ театрѣ наше энергичное наступленіе продолжалось.

Штабъ кавказской арміи 30-го октября далъ слѣдующія свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій на азіатскомъ фронтѣ:

27-го октября на Кепри-Кейской позиціи продолжался артиллерійскій бой. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ черноморскаго побережья были замѣчены на морѣ суда непріятельскаго флота.

Въ теченіе 28-го октября происходили небольшія стычки въ Зачорохскомъ краѣ, по границѣ Батумской области. Позиціи у Кепри-Кея мы продолжали держать въ своихъ рукахъ. Обходы турокъ окончились неудачей, непріятель былъ опрокинутъ, причемъ одна его обходная колонна была разсѣяна и нами взяты плѣнные, боевыя запасы. Мы заняли всю Алашкертскую долину. Занятая территорія прочно закрѣпляется за нами. По показаніямъ плѣннаго турецкаго офицера, турецкой арміей командуетъ Гассанъ-Иззетъ подъ руководствомъ нѣмцевъ.

Великобританское правительство официально увѣдомило 30-го октября, что упорное сраженіе во Фландріи характеризовалось частыми и сильными атаками непріятельской пѣхоты, смѣнявшимися столь же энергичными контръ-атаками, въ результатѣ которыхъ британскія войска удержались на своихъ позиціяхъ. Понесенныя при этомъ потери были довольно значительны, однако непріятель понесъ еще болѣе тяжкій уронъ. Силы союзниковъ поддерживались постоянными подкрѣпленіями. Центромъ борьбы былъ Ипръ, защита котораго является однимъ изъ наиболѣе поразительныхъ эпизодовъ въ военной исторіи арміи. Эта позиція, врѣзывающаяся, подобно бастиону, въ непріятельскія линіи, болѣе трехъ недѣль удерживается войсками союзниковъ подъ градомъ артиллерійскихъ снарядовъ, не прекращающимся ни днемъ, ни ночью, и несмотря на повторныя атаки пѣхоты, одна за другой разбивающіяся о стойкость союзниковъ.

Въ лондонскомъ Тоуэрѣ былъ разстрѣлянъ лейтенантъ германскаго морского запаса по обвиненію въ шпіонствѣ.

Бельгійскій посланникъ въ Царьградѣ получилъ паспорта и выѣхалъ, поручивъ защиту бельгійскихъ подданныхъ послу Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ Египтѣ было объявлено военное положеніе.

Представители девяти славянскихъ обществъ въ Одессѣ, во главѣ съ профессоромъ Казанскимъ, отправили представителямъ властей Сербіи и Болгаріи слѣдующую телеграмму:

«Для славянскихъ народовъ и ихъ союзниковъ открываются теперь величайшія перспективы могучаго національнаго подъема, свободнаго государственнаго развитія, богатства, силы и счастья. Было бы величайшимъ преступленіемъ, если бы славянскія правительства не сумѣли воспользоваться нынѣшнимъ единственнымъ въ исторіи неповторяемымъ моментомъ. Всѣ счеты и споры между славянами должны быть улажены, въ виду величайшихъ матеріальныхъ и моральныхъ приобрѣтеній, которыя ждугъ каждыя члена славянской семьи въ ближайшемъ будущемъ. Горячо любимые братья, болгары и сербы, найдите въ себѣ мужество путемъ взаимныхъ уступокъ справедливо разрѣшить вашъ споръ, столь гибельный для славянскаго дѣла. Соединяйте свои рати противъ вѣковыхъ враговъ славянства—пѣмцевъ и турокъ».

Французское правительство увѣдомило 30-го октября, что на лѣвомъ флангѣ сраженіе продолжалось съ тѣмъ же ожесточеніемъ и сопровождалось переменными отступленіями и наступленіями, не имѣвшими особенно серьезнаго значенія. Въ общемъ линія фронта не измѣнилась существенно съ вечера 28-го октября. Французы перешли черезъ Изерь и заняли линію Ломбартиде—Ньюпортъ—каналъ Ньюпорта—Ипръ. Передовые отряды французской арміи проникли до района Зоннебеке и къ востоку отъ Армантьера. Никакихъ переменъ не произошло на позиціяхъ, занятыхъ британской арміей, отразившей атаки непріятели, въ частности наступленіе, предпринятое прусскими гвардейскими частями. На фронтѣ отъ канала Лабассѣ вплоть до Уазы происходили частичные бои. Въ районѣ Эна вокругъ Вайи французы сохранили свои позиціи, несмотря на произведенныя германцами контръ-атаки, и упрочили за собою отвоеванную ранѣе территорію. Въ районѣ Краонна, близъ фермы 'Эртюизъ французская артиллерія привела къ молчанію непріятельскую и уничтожила нѣсколько германскихъ орудій. Французы имѣли также успѣхъ въ районѣ Берри-о-Бака. Въ Аргоннахъ, Веврѣ, Лотарингіи и Вогезахъ не произошло переменъ въ положеніи обѣихъ армій.

На сѣверѣ французы удержались на всѣхъ своихъ позиціяхъ. Непритель пытался ночной атакой пробиться отъ Диксмюде, но былъ отброшенъ. Французы возобновили наступленіе противъ непріятельскихъ войскъ, переправившихся черезъ Изерь, и оттѣснили ихъ на всей линіи за исключеніемъ одного пункта, гдѣ германцы еще занимаютъ пространство отъ двухсотъ до трехсотъ метровъ на лѣвомъ берегу этой рѣки. Въ центрѣ французы немного продвинулись впередъ въ районѣ Траси-ле-Валь, къ сѣверо-востоку отъ Эгльскаго лѣса. На Аргонской возвышенности упорныя атаки германцевъ не привели ни къ какимъ результатамъ.

30-го октября, въ девять часовъ вечера, въ домѣ предсѣдателя совѣта министровъ И. Л. Горемыкина состоялось экстренное засѣданіе совѣта министровъ, посвященное обсужденію особо важныхъ государственныхъ вопросовъ текущаго момента. Засѣданіе носило совершенно секретный характеръ. Между прочимъ, были заслушаны сообщенія военнаго министра В. А. Сухомлинова, министра финансовъ П. Л. Барка и министра иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазонова.

31-го октября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что 29-го октября въ Восточной Пруссіи бои развивались на фронтѣ Сталупененъ—Круглянкенъ и въ районѣ Сольдау. Русскія войска заняли Юганисбургъ. За Вислой небольшія боевыя столкновенія происходили на пространствахъ между Калишемъ и Нешавой, гдѣ передовыя части непріятеля стремились продвинуться впередъ. Въ Карпатахъ австрійскіе арріергарды, удерживающіеся на переправахъ черезъ Верхній Санъ въ районѣ Санока, были атакованы нашими войсками.

Блокада Перемышля, прерванная нами въ періодъ наступленія австро-германскихъ армій, снова восстановлена нами.

31-го октября были получены слѣдующія официальные извѣстія изъ Франціи:

«Атаки германцевъ носили менѣе упорный характеръ на пространствахъ между моремъ и р. Лисомъ; на нѣкоторыхъ пунктахъ французы здѣсь сами возобновили наступленіе. Къ югу отъ Диксхооте французскія войска продвинулись впередъ. На востокъ отъ Ипра французы контръ-атакой вновь заняли небольшой поселокъ, уступленный нами передъ этимъ. Къ югу отъ Ипра французы отбросили наступавшую прусскую гвардію. На остальномъ фронтѣ происходила лишь артиллерійская перестрѣлка».

Другое дополнительное сообщеніе рисуетъ военныя дѣла французовъ въ слѣдующемъ видѣ:

«На линіи отъ моря до рѣки Лиса военныя дѣйствія представляли менѣе ожесточенный характеръ, чѣмъ въ теченіе предыдущихъ дней. Рядъ попытокъ германцевъ перейти каналъ Изеръ у выхода къ западу отъ Диксмюде и въ другихъ пунктахъ перехода, лежащихъ выше, были отражены. Въ общемъ наши позиціи сохранены безъ измѣненій къ сѣверу, востоку и юго-востоку отъ Ипра. Непріятельское наступленіе къ концу дня было отражено въ различныхъ частяхъ нашей линіи и линіи британской арміи. Отъ района къ востоку отъ Армантьера до рѣки Уазы происходили артиллерійская перестрѣлка и частичныя дѣйствія. Въ теченіе послѣднихъ дней при стоявшемъ туманѣ наши войска не переставали понемногу продвигаться впередъ. Въ настоящее время почти вездѣ, на разстояніяхъ отъ пятидесяти до трехсотъ метровъ, непріятелемъ установлены проволочныя загражденія. Къ сѣверу отъ рѣки Эна мы захватили Трасси-ле-Монъ, за исключеніемъ кладбища на сѣверо-востокъ этой деревни. Мы продвинулись слегка впередъ на востокъ отъ Трасси-ле-Мона, на юго-востокъ отъ Нуврона и между Круи и Вреньи на сѣверо-востокъ отъ Суассона. Въ районѣ Вайи была отражена контръ-атака германцевъ на наши войска, вновь захватившія Шавонъ и Супирь. Такой же неуспѣхъ имѣли германцы въ окрестностяхъ Берри-о-Бака. Въ Аргоннахъ происходила ожесточенная артиллерійская перестрѣлка. Нѣкоторый частичный успѣхъ имѣли мы вокругъ Сень-Миэля и въ районѣ Понтъ-а-Муссона. Внезапное нападеніе нашихъ войскъ на деревню Валь и на Шатильонъ, близъ Сире на Везузѣ, дало намъ возможность захватить непріятельскій отрядъ. Германское нападеніе на высоты у перевала Сентъ-Мари потерпѣло неудачу. На высотахъ Вогезъ началъ падать снѣгъ».

31-го октября штабъ кавказской арміи извѣстилъ, что атаки турокъ на ке-при-кейскія позиціи въ теченіе 29-го октября были отражены съ большими для непріятеля потерями. Обходная противъ нашего лѣваго фланга колонна турокъ, попавъ подъ перекрестный огонь артиллеріи и будучи стремительно атакована нашей пѣхотой, въ полномъ безпорядкѣ бросилась въ горы, преслѣдуемая нашей конницей. Турки подъ прикрытіемъ позиціи у Деве-Войну продолжали стягивать свои войска къ Эрзеруму и, повидимому, получали подкрѣпленія черезъ Трапезундъ. 27-го октября турки были атакованы и разбиты у Хане-Сурскаго перевала, на пути изъ Азербейджана къ Вану; побросавъ своихъ убитыхъ и раненыхъ, турки поспѣшно отступили въ полномъ безпорядкѣ.

По свѣдѣніямъ изъ Черногоріи отъ 31-го октября, въ теченіе трехъ послѣднихъ дней австрійцы со значительными силами произвели атаку по всему фронту у Грахова, поставивъ себѣ цѣлью занять важныя позиціи у Клобука и Эттимора. Черногорскія войска энергично отразили атаку непріятельскихъ войскъ, превышавшихъ ихъ своею численностью, и послѣ трехдневныхъ ожесточенныхъ боевъ удержали за собою всѣ свои позиціи. По полученнымъ здѣсь свѣдѣніямъ, Австрія концентрируетъ въ Герцеговинѣ большія силы вдоль черногорской границы. 30-го октября австрійскіе аэропланы летали надъ портомъ Антивари и бросили нѣсколько бомбъ. Одна изъ бомбъ была брошена въ замокъ наслѣднаго королевича, въ которомъ взрывомъ разбиты всѣ стекла.

Совѣтъ министровъ постановилъ учредить въ Циндао военную администрацію, назначить японскую жандармерію и полицію, устроить почту и телеграфъ и открыть таможеню. Когда рейдъ очистится отъ минъ, пароходамъ разрѣшено будетъ свободно входить въ портъ. Опубликованы новые законы о налогахъ, которые пойдутъ на содержаніе небольшой флотиліи изъ двухъ канонерокъ и нѣсколькихъ малыхъ судовъ и на учрежденіе морской станціи. Въ помощь военной администраціи Циндао назначены гражданскіе чиновники. Германскому консулу отказано въ разрѣшеніи выѣхать въ Циндао для содѣйствія мирному населенію. Въ Циндао найдены не использованныя германцами пули думъ-думъ. Получены извѣстія, что 29-го октября при уборкѣ японцами фортовъ Циндао взрывомъ фугаса убиты: одинъ офицеръ и восемь нижнихъ чиновъ, ранены одинъ офицеръ и пятьдесятъ шесть нижнихъ чиновъ.

1-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что въ Восточной Пруссіи продолжались бои въ районѣ Сталупенена и за проходы черезъ восточную цѣль Мазурскихъ озеръ. Бой въ районѣ Сольдау также продолжался. На торнскомъ направленіи обозначилось наступленіе германцевъ по обоимъ берегамъ Вислы на Рыпинъ—Влодавскъ и западнѣе, причемъ выяснилось, что непріятель подтянулъ сюда часть войскъ отъ Лыка. Въ районѣ Ченстохова германцы постепенно стягивались къ границѣ. Въ Галиціи наше наступленіе къ Дунайцу не встрѣтило сопротивленія. При занятіи нами Кросно былъ нанесенъ сильный уронъ австрійскому арріергарду. Въ районѣ Санокъ и Турка, гдѣ мы къ утру 29-го октября овладѣли ночнымъ штурмомъ сильно укрѣпленной позиціей непріятеля, австрійцы перешли въ

отступленіе. Въ Карпатахъ на пути изъ Надворной къ Мармарошъ-Сигету, у Пасечно, нанесено пораженіе непріятельскимъ соколамъ. На Черномъ морѣ, у Сулина, 30-го октября были обнаружены турецкіе миноносцы.

1-го ноября опубликовано было слѣдующее извѣстіе о побѣдѣ доблестнаго черногорскаго народа надъ сильнѣйшимъ противникомъ—австрійцами. Сраженіе подъ Граховомъ окончилось крупнымъ пораженіемъ австрійскихъ войскъ. Послѣ трехдневныхъ ожесточенныхъ боевъ черногорскія войска отразили непріятели и обратили его въ безпорядочное бѣгство, преслѣдуя въ направленіи Требинья. Пораженіе австрійскихъ войскъ имѣть тѣмъ большее значеніе, что Грахово было наиболѣе слабо защищенной позиціей и непріятельскія войска, дѣйствовавшія здѣсь, во много разъ превосходили численностью войска черногорцевъ.

Изъ Сербіи пришло слѣдующее сообщеніе: «По стратегическимъ соображеніямъ въ настоящее время не можетъ быть опубликованъ отчетъ о нашихъ военныхъ операціяхъ за послѣдніе три дня. Положеніе нашихъ войскъ и моральное ихъ состояніе весьма удовлетворительно. Слухъ, распространяемый австрійскимъ генеральнымъ штабомъ о нѣкоторыхъ успѣхахъ австрійской арміи, не соответствуетъ истинѣ. Оцѣнить движеніе нашихъ войскъ можно только съ точки зрѣнія точнаго военнаго плана».

1-го ноября пришла печальная вѣсть изъ англійской дѣйствующей арміи, что главнокомандующій лордъ Робертсъ, прибывшій на короткое время на театръ военныхъ дѣйствій, чтобы посѣтить индійскія войска, дѣйствующія во Франціи, простудился 30-го октября и скончался отъ воспаления легкихъ.

1-го ноября французское официальное извѣстіе гласило:

Въ Бельгіи атака, предпринятая германцами противъ большого предмостнаго укрѣпленія Ньюпорта, потерпѣла неудачу. Попытки перехода непріятели въ наступленіе въ районѣ къ востоку и юго-востоку отъ Ипра были остановлены. Въ окрестностяхъ Диксхоота французскія войска продвинулись на одинъ километръ въ восточномъ направленіи. Между каналомъ Лабассэ и Аррасомъ французы имѣли нѣкоторый частичный успѣхъ. Въ районахъ Лассиньи и рѣки Эна вплоть до Берри-о-Бака германцы атаковали французскія войска, но не имѣли успѣха. Въ Аргоннахъ бой принялъ болѣе ожесточенный характеръ. Непріятель тщетно пытался снова завладѣть Фуръ-де-Пари и Сень-Гюберомъ. Вокругъ Вердена непріятеlemъ также были предприняты частичныя попытки наступленія, но онѣ были остановлены французскою артиллеріей прежде, чѣмъ двинувшаяся пѣхота успѣла развернуться. Въ Веврѣ и Мотаринги, гдѣ держится плохая погода, не произошло ничего новаго.

Согласно вечернему официальному сообщенію отъ 1-го ноября, въ общемъ положеніе дѣлъ вырисовалось въ такомъ видѣ:

Въ районѣ между Сѣвернымъ моремъ и Лиллемъ день прошелъ для французовъ удачно. Двѣ непріятельскія атаки, одна на сѣверо-востокъ отъ Зоннебеке, другая на югъ отъ Ипра, были ими отбиты, причемъ вторая изъ нихъ съ большими потерями для непріятели. Между каналомъ Лабассэ и Аррасомъ, а также въ районѣ Лаона непріятель сдѣлалъ всѣ попытки атаковать фран-

пузовъ, но безрезультатно. На остальномъ фронтѣ не произошло ничего существеннаго.

2-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ Восточной Пруссіи мы продолжаемъ продвигаться впередъ. Близъ Сольдау въ бою было взято пять германскихъ гаубицъ. 31-го октября мы принудили пѣмцевъ отойти отъ Рыпина. Между Вислой и Вартой происходили столкновенія передовыхъ частей. На краковскомъ направленіи наши войска переправлялись черезъ Шреняву. Въ Галиціи нами заняты Тарновъ.

Штабъ кавказской арміи извѣстилъ о томъ, что 31 октября значительныхъ переменъ на азиатскомъ фронтѣ не произошло. 30-го октября къ югу отъ Каракилисы Алашкертской появились многочисленные отряды курдской конницы, встрѣченной нашей кавалеріей. Курды не выдержали натиска и были опрокинуты.

2-го ноября французское правительство официально увѣдомило, что въ общемъ весь день 1-го ноября прошелъ сравнительно спокойно на всемъ фронтѣ и ознаменовался главнымъ образомъ артиллерійскими боями. Однако германцы снова пытались произвести нѣсколько атакъ на сѣверо-востокъ и на югъ отъ Ипра. Всѣ эти атаки были отражены со значительными потерями для непріятеля. Въ концѣ концовъ всѣ усилія германцевъ за рядъ послѣднихъ дней привели лишь къ взятію ими разрушенной деревни Диксмюде, изолированное положеніе которой на правомъ берегу канала дѣлало затруднительной ея защиту. Между рѣками Лисомъ и Узой на большей части фронта шла позиціонная война. По всему остальному фронту вплоть до Лотарингіи и Вогезъ производились лишь простая артиллерійская перестрѣлка или не представляющія значенія второстепенныя дѣйствія.

Вечернее официальное извѣстіе отъ того же 2-го ноября изъ Парижа гласило:

«За текуція сутки заслуживаетъ вниманія лишь отгѣсненіе непріятеля на правый берегъ Изерскаго канала. Часть лѣваго берега его, который германцы еще занимали, былъ окончательно ими очищенъ. Къ югу отъ Биксхооте французы вновь заняли лѣсокъ, уступленный ими передъ этимъ въ результатъ ночной атаки. Къ концу дня непріятель безуспѣшно пытался перейти въ наступленіе къ югу отъ Ипра. На остальномъ фронтѣ не произошло ничего существеннаго».

Великобританское военное министерство сообщило слѣдующее:

«Чрезвычайно жестокая атака прусскаго гвардейскаго корпуса была направлена противъ перваго армейскаго корпуса, занимавшаго районъ передъ Ипромъ. Непріятель прилагалъ особыя усилія съ цѣлью прорыва нашего фронта, надѣясь, что онъ былъ достаточно ослабленъ предшествовавшими атаками линейной пѣхоты. Наши войска подвергались самой жесточайшей бомбардировкѣ въ продолженіе трехъ часовъ послѣ разсвѣта, вслѣдъ за чѣмъ послѣдовали атаки первой и четвертой бригадъ прусскаго гвардейскаго корпуса. Какъ выяснилось нынѣ, эти отборныя войска были специально направлены на тотъ участокъ, на которомъ потерпѣли неудачу всѣ предыдущія усилія армейской пѣхоты. Атака производилась съ величайшей храбростью и рѣшительностью

Однако, благодаря доблести наших войск и стойкому их сопротивлению, попытки неприятеля достигнуть успеха на Ипрѣ не удались и онъ былъ отбитъ. Подавляющая численность неприятельскихъ войскъ дала имъ возможность прорвать линію нашего фронта въ трехъ мѣстахъ, но и послѣ этого противникъ былъ отброшенъ назадъ и ему совершенно не удалось продвинуться впередъ. Германцы понесли очень большія потери, причемъ 700 убитыхъ было найдено

Французскій посланникъ при Русскомъ Дворѣ Морисъ Палеологъ.

только у нашихъ передовыхъ траншей. Наши потери также велики. Дѣйствія нашихъ войскъ выше всякихъ похвалъ».

Официальное сообщеніе изъ Лондона назвало слѣдующія взорванныя и потопленныя въ Циндао по сдачѣ крѣпости неприятельскія суда:

Австрійскій крейсеръ «Kaiserin Elisabeth», германскія канонерки «Itis», «Jaguar», «Luchs», «Tiger», «Cormoran», германскій контръ-миноносецъ «Haku» и германскій заградитель «Ruching».

Французскій миноносецъ протаранилъ и потопилъ германскую подводную лодку на высотѣ Вестенде.

Германскимъ крейсерамъ въ Тихомъ океанѣ удалось соединиться для совмѣстнаго выступленія противъ японцевъ. 2-го ноября японцы торжественно вступили въ Циндао.

Бомбардировкой союзной эскадры былъ поврежденъ фортъ Семиль-баръ у входа въ Дарданеллы и взорванъ пороховой складъ на фортѣ Алата.

Генералиссимусъ Жоффръ послалъ генералу Френчу два германскихъ знамени, найденныхъ въ оставленныхъ германцами траншеяхъ на Марнѣ. Президентъ Пуанкарэ въ телеграммѣ бельгійскому королю повторилъ завѣренія о намѣреніи не слагать оружія до возстановленія правъ Бельгіи.

3-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ Восточной Пруссіи на фронтѣ Сталупенень—Поссесернь (близъ Ангербурга) и у Юганисбургга наши войска съ боемъ успѣшно продвигались впередъ. Въ районѣ Сольдау—Нейденбургъ продолжались бои, причемъ мы въ этомъ участкѣ продвинулись впередъ, несмотря на упорное сопротивленіе противника. На лѣвомъ берегу Вислы сраженіе постепенно развивалось на фронтѣ Плоцкъ—рѣка Варта. На участкѣ Калишъ—Велюнь противникъ сталъ отходить. Въ окрестностяхъ Ченстохова и къ югу отъ него непріятель неудачно пытался переходить въ наступленіе. Наше движеніе на Краковъ продолжалось. Въ Галиціи австрійцы пытались организовать оборону на рѣкѣ Дунайцѣ, въ районѣ къ западу отъ Жабно—Тарновъ, и на Вислокѣ въ районѣ Ясло; на южномъ участкѣ галиційскаго фронта наши войска продолжали продвигаться къ переваламъ черезъ Карпаты.

3-го ноября изъ Франціи пришли слѣдующія вѣсти. На Изерскомъ каналѣ, отъ Ньюпорта вверхъ по теченію до Диксмюде за 2-ое ноября, кромѣ артиллерійской перестрѣлки, ничего существеннаго не произошло. Въ виду непрекращающихся проливныхъ дождей на театрѣ военныхъ дѣйствій затопленная площадь еще болѣе увеличилась и къ означенному времени простиралась отъ южнаго района Диксмюде на пять километровъ къ сѣверу до Диксхооте. Непрительскія силы, которыя пытались переправиться черезъ каналъ между Диксмюде и Диксхооте, были повсюду отброшены по ту сторону мостовъ. Къ югу отъ Диксхооте французами былъ совершенно уничтоженъ германскій полкъ. Къ юго-востоку отъ Ипра французскія войска дважды отразили атаки германцевъ. Въ этомъ мѣстѣ французы перешли въ наступленіе и отбили у непріятеля нѣсколько опорныхъ пунктовъ, которыми ему удалось завладѣть нѣсколько дней назадъ. Между Лисомъ и Уазой происходили лишь мелкія столкновенія, и французы нѣсколько продвинулись впередъ линіи нашихъ траншей. Въ области Эна и Шампани продолжалась безрезультатная канонада. Въ области Аргоннь германцы безуспѣшно атаквали Сень-Гюберъ. Въ области Сень-Миэля попытка непріятеля овладѣть неожиданнымъ ударомъ Апремонскимъ лѣсомъ потерпѣла неудачу. Въ Вогезахъ положеніе оставалось безъ перемѣнъ.

Далѣе французское официальное сообщеніе опровергло германскія извѣстія, утверждавшія, будто французы окончательно отброшены отъ Аргонскаго лѣса. «Въ дѣйствительности, положеніе вещей совершенно иное. Такъ, у Вердена французскія войска въ настоящее время продвинулись на 5—12 километровъ впередъ отъ той линіи, которую они занимали въ теченіе послѣдняго мѣсяца.

Въ Аргонскомъ лѣсу расположеніе французскихъ войскъ почти не измѣнилось за послѣдніе два мѣсяца. Въ виду того, что разстояніе между траншеями противниковъ не превышаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 50 метровъ, бой ведется не только ружейнымъ огнемъ, но прибѣгаютъ и къ пріемамъ прежнихъ войнъ. Вообще военныя дѣйствія здѣсь напоминаютъ осаду Севастополя. Весьма возможно, что на нѣкоторыхъ пунктахъ союзники отступили на 150 метровъ, зато на другихъ они продвинулись впередъ на столько же. Потери германцевъ здѣсь, какъ и всюду, превышаютъ наши».

Изъ главной сербской квартиры сообщили о многочисленности непріятельскихъ войскъ, вторгшихся въ территорію сербовъ. Сербская армія нашла нужнымъ совершить извѣстное отступление, чтобы такимъ образомъ принять битву при болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Изъ этихъ соображеній сербскія войска покинули позиціи Печку, Завлаку и Кочеліево.

Британское правительство заявило, что не намѣрено предпринимать военныхъ или морскихъ операций въ Аравіи, кромѣ защиты интересовъ арабовъ или освобожденія ихъ отъ оттоманской власти. Турецкіе форты Шейхъ-Саидъ въ южной части Краснаго моря заняты отрядами индійскихъ войскъ.

4-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго далъ слѣдующій обстоятельный отчетъ о ходѣ нашихъ военныхъ дѣйствій:

Послѣ окончившихся нашей побѣдой октябрьскихъ боевъ на путяхъ отъ Варшавы и Ивангорода, противникъ сталъ отходить къ своей границѣ, разрушая за собой самымъ основательнымъ образомъ всѣ дороги, какъ желѣзныя, такъ и шоссейныя. На желѣзныхъ дорогахъ непріятель взрывалъ и сжигалъ станціонныя зданія и сооруженія, безусловно уничтожая всѣ водонапорныя башни, водокачки и стрѣлки, отъ которыхъ почти не осталось и слѣда. На нѣкоторыхъ перегонахъ сплошь рельсы взрывались противникомъ черезъ стыкъ, и, такимъ образомъ, путь могъ быть восстановленъ лишь посредствомъ укладки всѣхъ новыхъ рельсовъ. Всѣ мосты, водопроводныя трубы, вѣдуки и прочее, не исключая самыхъ незначительныхъ по своимъ размѣрамъ, взрывались настолько основательно, что не поддавались никакому исправленію, а должны были быть замѣняемы новыми. На шоссейныхъ дорогахъ оказались совершенно разрушенными всѣ мосты, а само полотно за малыми исключениями перекопано или взорвано въ шахматномъ порядкѣ, поочередно съ правой и лѣвой стороны дороги. Телеграфныя столбы вдоль желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ сваливались, изоляторы разбивались, а проволока разрывалась почти на каждомъ пролѣтѣ. Эти обстоятельства крайне замедляли наше преслѣдованіе, почему на лѣвомъ берегу Вислы противнику постепенно удалось выйти изъ-подъ нашихъ ударовъ и отойти къ своей территоріи. По выполненіи сего германцы, пользуясь своей богато развитой сѣтью желѣзныхъ дорогъ, начали быстро перевозить свои войска къ сѣверу, съ цѣлью накопленія значительныхъ силъ противъ нашего праваго фланга. Сосредоточеніе германцевъ въ новомъ районѣ прикрывалось сильной кавалеріей, отчасти подвезенной съ западнаго германскаго фронта, отчасти усиленной австрійской конницей.

Съ первыхъ чиселъ ноября обнаружилось наступленіе нѣмцевъ въ полосѣ мѣстности между Вислой и Вартой. Результатомъ этого наступленія

явились тѣ бои, которые нынѣ развиваются на фронтѣ Плоцкъ—Лепчица—Унеювъ.

Въ Восточной Пруссіи, въ районѣ Сталупенекъ—Поссесернъ противникъ пытался въ нѣкоторыхъ пунктахъ переходить небольшими частями въ наступленіе, но, потерпѣвъ неудачу, отступилъ. Въ районѣ Сольдау—Нейденбургъ упорные бои продолжались.

Наше наступленіе къ Кракову, а также на галиційскомъ фронтѣ продолжалось. Попытки австрійцевъ задержаться на путяхъ нашего наступленія терпѣли неудачу. Въ происходившихъ въ районѣ южнѣ Лиско бояхъ 31-го октября нами было взято въ плѣнъ 10 офицеровъ и около 1,000 нижнихъ чиновъ.

Штабъ кавказской арміи 4-го ноября увѣдомилъ, что послѣ боевъ въ районѣ Кепри-Кея наши передовые отряды окончательно выяснили группировку главныхъ силъ противника, въ виду же значительныхъ подкрѣпленій, подошедшихъ къ туркамъ за послѣдніе дни со стороны Хыссы-Кала, Эрзерума и Трапезунда, съ боемъ отходятъ въ указанные имъ районы. Попытки турокъ овладѣть захваченнымъ у нихъ Хане-Сурскимъ переваломъ окончились неудачей. Въ остальныхъ отрядахъ значительныхъ боевыхъ столкновеній не было.

4-го ноября французское правительство увѣдомило, что въ районѣ Нью-порта передъ Диксмюде и въ области Ипра артиллерійскій бой возобновился съ еще большей силой, чѣмъ въ предыдущіе дни. На каналѣ Лабассэ къ югу отъ Диксмюде огонь французской артиллеріи остановилъ земляныя работы, предпринятія германцами для борьбы съ наводненіемъ. Здѣсь непріятель былъ вынужденъ очистить часть своихъ затопленныхъ траншей. Двѣ атаки германской пѣхоты въ районѣ Диксхооте и канала Лабассэ были французами отбиты. Между Армантьеромъ и каналомъ Лабассэ артиллерійскій бой отличался особенной интенсивностью. На рѣкѣ Энѣ отдѣльные германскіе отряды, пытавшіеся продвинуться ближе къ Вайи, были частью отброшены, частью уничтожены. На французскихъ позиціяхъ, расположенныхъ на правомъ берегу выше Вайи, происходилъ сильный артиллерійскій бой, равно какъ и въ районѣ Реймса, гдѣ нѣсколько гранатъ снова попали въ городъ. Въ Аргоннахъ положеніе оставалось безъ переменъ. Французская пѣхота взорвала здѣсь при помощи мина нѣсколько непріятельскихъ германскихъ траншей. На правомъ берегу Мааса къ югу отъ Вердена французы продвинулись впередъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Въ области Сенъ-Миэля французскія войска завладѣли первыми домами деревни Шовонкуръ и казармами гарнизона. Упомянутая деревня представляетъ единственный опорный пунктъ, на которомъ германцы еще удерживаются въ этой области на лѣвомъ берегу Мааса. На остальномъ фронтѣ ничего существеннаго не произошло.

Вечернее официальное сообщеніе отъ того же 4 ноября гласило:

«Непріятель возобновилъ на востокъ и на югъ отъ Ипра атаки, которыя, однако, не измѣнили общаго положенія, остающагося удовлетворительнымъ.

«За послѣдніе два дня всѣ наши атаки увѣнчались болѣе или менѣе значительнымъ успѣхомъ, и мы продвинулись впередъ у Этсасъ (Hetsas) на рѣкѣ Изерѣ, между Армантьеромъ и Аррасомъ, въ районѣ Вайи, на Аргонской возвышенности и на правомъ берегу Мааса».

Официальное известіе великобританскаго правительства дало слѣдующій отчетъ о дѣйствіяхъ войскъ въ сѣверо-западной части Персидскаго залива:

«Съ момента начала войны съ Турціей бригада индійскихъ войскъ подъ командой генерала Деламена оперируетъ въ сѣверо-западной части Персидскаго залива, на правомъ берегу Шатъ-эль-Араба. Сопровождающія этотъ экспедиціонный отрядъ суда прежде всего заставили замолчать фортъ Фао, послѣ чего 26-го октября войска заняли этотъ городъ. Затѣмъ бои происходили еще 30-го октября и 2-го ноября; въ обоихъ случаяхъ турки были разбиты послѣ упорнаго сопротивленія. 30-го октября, въ 5 часовъ 30 минутъ утра турки повели рѣшительныя атаки на наши передовыя посты, но были задержаны 117 Магаратскимъ полкомъ и затѣмъ разбиты контръ-атакой 20-го пѣхотнаго полка, поддержаннаго горной батареей. Число выбывшихъ изъ строя у насъ ничтожно, непріятель потерялъ 80 человекъ. Вслѣдъ за этимъ изъ Индіи прибыли подкрѣпленія, а именно 14-й полкъ подъ командой генерала Беретта, который выслалъ впередъ генерала Деламена съ тремя батальонами 15-го полка, поручивъ ему выбить значительныя силы непріятеля, расположившіяся въ разстояніи четырехъ миль, что и было исполнено послѣ жаркаго боя. При содѣйствіи военныхъ судовъ «Espègle» и «Odin» укрѣпленный лагерь непріятеля былъ взятъ. Потери непріятеля весьма значительны. Нами взяты плѣнные, въ томъ числѣ турецкій майоръ. Кромѣ того, мы захватили два пулемета. У насъ вышло изъ строя восемь человекъ убитыми и 53 ранеными».

Снятые съ сѣвнаго на мель англійскаго парохода «Weimar» англійскіе моряки, доставленные въ Дронтгеймъ, были освобождены. Пришедшій въ Дронтгеймъ германскій вспомогательный крейсеръ «Верлинъ» разоруженъ. Турецкая толпа разрушила русскій памятникъ близъ Санъ-Стефано. Великобританскій вице-консулъ въ Ходейдѣ арестованъ турками, французскому консулу не разрѣшенъ выѣздъ, представитель Россіи въ Багдадѣ задержанъ.

5-го ноября отъ штаба верховнаго главнокомандующаго были получены слѣдующія вѣсти:

Въ Восточной Пруссіи непріятель отходилъ на фронтъ Гумбиненъ—Ангербургъ, продолжая держаться въ проходахъ черезъ Мазурскія озера. На фронтѣ между Вислой и Вартой бои продолжались, принимая характеръ большого сраженія съ значительными силами германцевъ. Въ Галиціи австрійскіе арріергарды были атакованы нами въ районѣ Дукла и на перевалѣ Ужокъ.

Штабъ Кавказской арміи 5-го ноября сообщилъ, что передвиженіе нашего авангарда на эзерумскомъ направленіи было закончено. Это передвиженіе не было вызвано обстоятельствами боя, а произведено въ цѣляхъ выполненія указанной авангарду задачи. На томъ же направленіи одна наша колонна ударила на турецкую лѣвофланговую часть и опрокинула ее. Другая наша колонна вела успѣшный бой у Юзь-верана. Замѣчена дѣятельность турокъ въ долинѣ Ольгычая. Курды, сосредоточенные у Даяра въ числѣ до четырехъ полковъ, разсѣяны нашей конницей. Турецкимъ войскамъ и скопищамъ курдовъ на путяхъ отъ Кара-килисы Алашкертской къ Дутаху нанесено полное пораженіе за переваломъ къ Лычь-гядукъ и у Хамура. Наши передовыя части выбили курдовъ изъ селенія Чабанъ-ага-кереси по южному сторону Тапаризска-

го перевала по дорогѣ изъ Байзета къ Вапу. Въ Азербейджанѣ положеніе оставалось безъ переменъ. На черноморскомъ побережьи попытка турокъ наступать по береговой дорогѣ на наши посты у Лимана окончилась полной для нихъ неудачей. Взятые во флангъ и тылъ огнемъ нашей судовой артиллеріи, турки понесли здѣсь большія потери, ихъ резервъ былъ разсѣянъ.

Въ теченіе 3-го ноября происходили перестрѣлки на границѣ съ Батумской областью. Усилія турокъ продвинуться впередъ на эзерумскомъ направленіи успѣха не имѣли. Партія курдовъ вступила въ перестрѣлку съ нашими саперами въ Азербейджанѣ, — курды были разсѣяны.

По словамъ японскаго офиціоза, полное очищеніе цяочжоуской бухты отъ минъ потребуеть около двухъ мѣсяцевъ. При очисткѣ циндаоскихъ траншей отъ разрывныхъ снарядовъ было убито два японскихъ офицера и восемь солдатъ, 57 человекъ ранено. Въ районъ военнаго управленія включена вся бывшая военная зона, желѣзная дорога до Цзинаньфу и бывшія германскія копи. Принесеніе китайскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ японскому посланнику въ Пекинѣ поздравленій по случаю взятія Циндао комментировалось въ печати, какъ признакъ освобожденія руководителей китайской политики отъ германскаго гипноза. Занятіе арендуемыхъ у Китая каменноугольныхъ копей дастъ японскому флоту новую базу въ Циндао, куда можно доставлять уголь по желѣзной дорогѣ, къ окончанію которой японцы приступаютъ. Уголь этихъ копей (Нишань) бездыменъ и вполне пригоденъ для топокъ военныхъ и коммерческихъ судовъ.

Французское правительство 5-го ноября увѣдомило, что на сѣверномъ фронтѣ почти непрерывно происходилъ сильный артиллерійскій бой. Въ районѣ Сень-Миэля германцы взорвали западную часть Шовонкура, которая была ими минирована.

Сообщенія съ сербскаго театра войны сводились къ слѣдующему:

Всѣ предусмотрѣнныя передвиженія были выполнены сербскими войсками въ полномъ порядкѣ въ теченіе 1-го и 2-го ноября. Настроеніе сербскихъ войскъ прекрасное, и на дальнѣйшее развитіе военныхъ дѣйствій можно взирать съ полнымъ спокойствіемъ. 31-го октября сербская артиллерія успѣшно обстрѣляла неприятельскій обозъ, а также войска, находившіяся въ Оршавѣ и ея окрестностяхъ. Огонь сербской артиллеріи былъ весьма удаченъ, въ особенности при обстрѣлѣ лагернаго расположенія австрійцевъ; послѣдніе, размѣстившіеся, было, небольшими бивуаками, обратились въ бѣгство, оставивъ 600 убитыхъ и значительно большее число раненыхъ. 1-го ноября сербская артиллерія подожгла рѣчную верфь въ Оршавѣ, которая передъ этимъ возобновила работы. Послѣ третьяго орудійнаго выстрѣла верфь уже горѣла. Въ тотъ же день въ направленіи Обреноваца одинъ изъ сербскихъ отрядовъ разбилъ неприятельскія колонны, въ составѣ которыхъ находились пѣхота, артиллерія и кавалерія. Неприятель былъ отброшенъ и отступилъ въ безпорядкѣ. Того же числа сербская конница имѣла бой съ неприятелемъ къ сѣверо-востоку отъ Уба въ направленіи Сдублины. Неприятель былъ рѣшительно отброшенъ и оставилъ на полѣ битвы тысячу убитыхъ и раненыхъ; сербская конница преслѣдовала неприятеля за Тамнаву. 2-го ноября сербскія войска у Байна-Вапта отбили стремительную

атаку непріятеля и нанесли ему большой уронъ. Двѣ непріятельскія роты, пытавшіяся атаковать сербскія войска, были уничтожены орудійнымъ огнемъ. Сербы взяли въ плѣнъ весь оставшійся въ живыхъ составъ одной роты, включая капитана и поручика.

Протопресвитеръ военно-морского духовенства получилъ слѣдующее официальное извѣщеніе о геройской смерти 70-лѣтняго іеромонаха Антонія, исполнявшаго на транспортѣ «Прутъ» обязанности пастыря:

Въ то время, когда транспортъ «Прутъ» началъ погружаться во воду, іеромонахъ Антоній находился на палубѣ и съ крестомъ въ рукахъ благословлялъ русскихъ моряковъ. Нѣкоторые чины команды горячо умоляли о. Антонія спасти свою жизнь, сѣсть въ шлюпку. Іеромонахъ, однако, категорически отказался, предлагая желающимъ занять его мѣсто въ шлюпкѣ. Затѣмъ онъ спустился съ палубы въ каюту, надѣлъ ризу, вновь поднялся на палубу, гдѣ съ крестомъ и евангеліемъ въ рукахъ сталъ благословлять моряковъ. Когда вся команда была снята съ судна, о. Антоній направился къ каюту и черезъ нѣсколько минутъ судно пошло ко дну. Покойный пастырь происходилъ изъ духовной семьи самарской епархіи. Онъ получилъ образованіе въ самарскомъ духовномъ училищѣ и въ теченіе десятка лѣтъ жилъ въ разныхъ монастыряхъ въ качествѣ рядового монаха. Въ 1909 г. о. Антоній былъ назначенъ на транспортъ «Прутъ» для исполненія пастырскихъ обязанностей.

6-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ:

Между Вислой и Вартой наши передовыя части, ведя бой съ наступающими германцами, отходили въ направленіи на Бзуру. Неприсятель успѣлъ утвердиться въ районѣ Ленчица—Орловъ и выдвинуть передовыя части къ Пюнтеку. Въ Восточной Пруссіи наши войска продолжали съ боемъ продвигаться впередъ на обороняемый противникомъ фронтъ Гумбиненъ—Ангербургъ. Неприсятель оставилъ во взятыхъ нами окопахъ у Варшлагена свыше трехсотъ убитыхъ. Въ числѣ трехъ офицеровъ, взятыхъ при этомъ въ плѣнъ, оказался одинъ артиллеристъ, назначенный въ пѣхоту вслѣдствіе недостатка тамъ офицеровъ. На фронтѣ Мазурскихъ озеръ наши войска достигли линіи проволочныхъ загражденій непріятельской позиціи и преодолѣваютъ ихъ. На фронтѣ Ченстоховъ—Краковъ наши войска атаквали значительныя силы непріятеля, причемъ у Владовице противникъ былъ обращенъ въ бѣгство. Въ Галиціи мы постепенно занимали перевалы черезъ Карпаты. На Черномъ морѣ нашъ флотъ обстрѣлялъ казармы и станцію искрового телеграфа въ Трапезундѣ.

Штабъ кавказской арміи отъ того же 6-го ноября увѣдомилъ о томъ, что за 4-е ноября было замѣчено усиленіе турецкихъ войскъ на границѣ Батумской области, гдѣ произошло нѣсколько стычекъ. Въ долину Ольты-Чая наша колонна атаквала и опрокинула турокъ. На эзерумскомъ направленіи происходила перестрѣлка, причемъ наше сторожевое сохраненіе потѣснило противника. 2-го ноября нашими войсками съ боя былъ взятъ Дутахъ—важный узелъ путей въ долину Евфрата.

Морской генеральный штабъ сообщилъ, что 4-го ноября, утромъ, къ Либавѣ подошелъ германскій отрядъ, въ составѣ двухъ крейсеровъ, нѣсколькихъ пароходовъ и десяти миноносцевъ. Германцы опять обстрѣляли городъ и портъ,

произвелъ нѣсколько пожаровъ. На разсвѣтъ 4-го ноября черноморскій флотъ, крейсировавшій въ морѣ, подошелъ къ турецкому порту Трапезунду и, обстрѣлявъ портъ и казармы, вызвалъ на берегу большой пожаръ. Въ морѣ турецкихъ судовъ встрѣчено не было.

Командиръ крейсера «Glasgow» сдѣлалъ слѣдующее донесеніе великобританскому адмиралтейству о боѣ, происходившемъ у береговъ Чили:

«Крейсеръ «Glasgow» вышелъ изъ чилийской гавани Коронель въ 9 часовъ утра 18-го октября съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ крейсерамъ «Goodhope», «Monmouth» и «Otranto» въ назначенномъ мѣстѣ. Въ два часа дня «Goodhope» сталъ сигнализировать, что, судя по получаемымъ по беспроволочному телеграфу сигналамъ, какое-то непріятельское судно направляется къ сѣверу. Судамъ эскадры было приказано идти вразсыпную въ сѣверо-восточномъ и восточномъ направленіяхъ со скоростью 15 узловъ. Въ 4 ч. 26 м. дня показался дымокъ; оказалось, что впереди шли три непріятельскихъ судна. Наши суда пошли на соединеніе съ «Goodhope», который былъ замѣченъ въ 5 ч. дня. 47 минутъ спустя эскадра выстроилась въ линію. Непріятельскіе крейсера, повернувшись къ тому времени къ югу, шли въ кильватерной колоннѣ на разстояніи 12 миль, причемъ крейсера «Scharnhorst» и «Gneisenau» шли впереди.

Въ 6 ч. 18 мин. вечера было приказано увеличить скорость до 17 узловъ, причемъ «Goodhope» сигнализировалъ броненосцу «Canopus»: «Я собираюсь атаковать непріятеля». Непріятель, который находился въ этотъ моментъ въ 15.000 ярдовъ отъ нашей эскадры, поддерживалъ это разстояніе, продолжая въ то же время подавать сигналы по беспроволочному телеграфу.

Вскоръ солнце стало садиться за нами; пока оно было еще надъ горизонтомъ, преимущества освѣщенія были на нашей сторонѣ, но разстояніе, отдѣлявшее насъ отъ непріятеля, было слишкомъ велико. Въ 6 ч. 55 мин. солнце зашло и условія освѣщенія измѣнились для насъ къ худшему, такъ какъ силуэты нашихъ судовъ стали вырисовываться на фонѣ вечерней заріи. Наступавшая темнота затрудняла намъ наблюденіе за непріятелемъ, который въ 7 ч. 3 мин. вечера открылъ огонь на разстояніи 12.000 ярдовъ, на который въ быстрой послѣдовательности стали отвѣчать «Goodhope», «Monmouth» и «Glasgow». Обѣ эскадры въ это время шли другъ другу навстрѣчу параллельными курсами, и каждое судно вступило въ бой съ соответствующимъ по порядку судномъ врага. Сгущавшаяся темнота и сильная брызги волнъ затрудняли артиллерійскую стрѣльбу, въ особенности же для главныхъ—палубныхъ—орудій крейсеровъ «Goodhope» и «Monmouth». Непріятель, стрѣляя залпами, сталъ быстро приближаться. Третій залпъ вызвалъ пожаръ въ носовой части обоихъ шедшихъ впереди нашихъ крейсеровъ, которые находились непрерывно подъ огнемъ до 7 ч. 45 м. Въ 7 ч. 50 м. произошелъ сильный взрывъ въ средней части крейсера «Goodhope», причемъ пламя поднялось на высоту 200 футовъ. По всей вѣроятности, взрывъ совершенно разрушилъ этотъ крейсеръ. Къ этому времени настала полная темнота, однако обѣ стороны продолжали поддерживать огонь, руководствуясь вспышками орудій противника. Вскоръ крейсеръ «Monmouth» оказался сильно поврежденнымъ и накренился; онъ повернулъ къ сушѣ, просигнализировавъ обѣ этомъ крейсеру «Glasgow», который въ 8 ч. 30 м. сигнализировалъ ему: «Непріятель насъ преслѣдуетъ», но не получилъ отвѣта. При свѣтѣ восшедшей луны было замѣчено, что непріятельскія суда приближаются, въ виду чего «Glasgow», не будучи въ состояніи оказать помощь поврежденному судну, сталъ уходить полнымъ ходомъ, дабы избѣгнуть уничтоженія.

Въ 8 ч. 50 м. мы потеряли непріятеля изъ виду, но, спустя полчаса, замѣтили до 75 орудійныхъ вспышекъ, изъ чего явствовало, что непріятель добиваетъ крейсера «Monmouth».

Поведеніе экипажей и офицеровъ во время боя было выше всякой похвалы. Не смотря на сильный непріятельскій огонь и на невозможность отвѣчать на него должнымъ образомъ, люди на судахъ сохраняли полное хладнокровіе; не было беспоря-

дочной стрѣльбы; дисциплина была та же, какая наблюдается во время ученія. Когда прицѣльные мушки перестали быть видимы, артиллеристы сами отъ себя прекратили огонь. Тяжелая неудача ничуть не повліяла на духъ судовыхъ командъ. Наше единодушное желаніе—по возможности скорѣе вновь встрѣтиться съ непріателемъ».

Въ Сербіи военныя дѣла обстояли, по полученнымъ къ 6-му ноября свѣдѣніямъ, въ такомъ порядкѣ: съ 3-го на 4-е ноября сербскія войска очистили

Англійскій посолъ при Русскомъ Дворѣ сэръ Джонъ Бьюкененъ.

позиціи на линіи Валіево, эвакуировавъ такимъ образомъ Валіево. Пытавшійся преслѣдовать, непріятель былъ отбитъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, особенно на линіи Драгевицы—Конатица—Лейковацъ. На дняхъ предстоятъ весьма серьезныя операціи, долженствующія объяснить передвиженія сербскихъ войскъ за послѣднее время.

Засѣданія скупщины продолжались. Было три тайныхъ засѣданія. Ассигнованъ сверхсметный военный кредитъ въ 100,000,000 франковъ.

«Истор. вѣстн.», декабрь 1914 г., т. сѣххviii.

iv

6-го ноября французское правительство дало слѣдующія свѣдѣнія съ театра войны: 5-го ноября характеризовалось усиленіемъ непріятельскаго артиллерійскаго огня, въ особенности между моремъ и рѣкой Лисомъ. Пѣхота непріятеля, однако, не предпринимала атакъ. Между Уазою и рѣкою Энномъ военныя дѣйствія вокругъ Трассилеваль закончились весьма успѣшно для французовъ, которые завладѣли этой деревней уже нѣсколько дней назадъ. 4-го ноября германцы пытались вновь завладѣть ею и заняли первую линію французскихъ окоповъ, причемъ дошли до центра деревни, однако энергичная контръ-атака алжирскихъ войскъ отбросила непріятеля, причемъ у него было отбито все уступленное пространство и самъ онъ понесъ значительныя потери. Въ Аргоннахъ французы сохранили свои позиціи. На остальномъ протяженіи фронта не произошло ничего выдающагося.

Въ другомъ официальномъ французскомъ сообщеніи отъ того же 6-го ноября были опровергнуты утвержденія германцевъ, будто имъ удалось отбить сильную атаку французовъ въ районѣ Сирей. Въ дѣйствительности въ этомъ районѣ французскія войска производили развѣдку, которая, благодаря умѣлому командованію, заставила непріятеля обнаружить свои силы и свое расположеніе.

5-го ноября послѣ полудня германскій аэропланъ спустился въ мѣстѣ расположенія французскихъ войскъ близъ Реймса. Кавалерійскій развѣздъ захватилъ въ плѣнъ двухъ офицеровъ-летчиковъ, сбившихся съ пути; аппаратъ не поврежденъ.

7-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что на лѣвомъ берегу Вислы боевыя дѣйствія развились за послѣдніе дни въ двухъ районахъ: на фронтѣ между Вислой и Вартой и на линіи Ченстоховъ—Краковъ. Бои велись съ большимъ напряженіемъ и имѣли преимущественно встрѣчный характеръ. Въ Восточной Пруссіи наши войска атаковали сильно укрѣпленныя позиціи. Къ востоку отъ Ангербурга передъ германскими окопами имѣлись три ряда проволочныхъ загражденій, водяные рвы и вертикальныя проволочныя сѣтки. Мы овладѣли частью позицій въ семи верстахъ къ востоку отъ Ангенбурга и проходомъ между озерами Бувельно и Тиркло, причемъ въ этихъ бояхъ нами было взято 19 орудій, 6 пулеметовъ, прожекторъ, нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Въ Западной Галиціи наше наступленіе продолжалось.

5-го ноября, приближаясь къ Севастополю, нашъ черноморскій флотъ встрѣтилъ крейсера «Гебенъ» и «Вреслау». Туманъ позволилъ намъ приблизиться для боя на очень короткую дистанцію въ 40—35 кабельтовыхъ. Бой началъ головной корабль, первый же залпъ котораго попалъ въ середину борта и вызвалъ ясно видимый пожаръ «Гебена». Послѣ 14 минутъ боя, получивъ нѣсколько попаданій нашихъ крупныхъ орудій, «Гебенъ», пользуясь своей быstroходностью, отступилъ и скрылся въ туманѣ. За нимъ послѣдовалъ «Вреслау», не принимавшій участія въ бою.

Отъ штаба кавказской арміи 7-го ноября были получены слѣдующія вѣсти: «Стычки въ Зачорохскомъ краѣ продолжаются. Въ долинѣ Ольты-чая разбитая турецкая колонна отброшена къ Бару. На эрзерумскомъ направленіи боевыя

столкновения происходили по всему фронту. Боевые действия здесь затруднялись бездорожьем и распутицей. В остальных отрядах значительных боевых столкновений не было».

Морской генеральный штаб сообщал, что 5-го ноября около полудня дивизия линейных кораблей черноморского флота, возвращаясь из крейсерства у берегов Анатолии и подходя к Севастополю, усмотрела в расстоянии 25 миль от Херсонесского маяка турецкий отряд в состав бронепоснаго крейсера «Гебенъ» и крейсера «Бреслау». Флот немедленно перестроился в боевой порядок и, приведя неприятеля на правый бортъ, открылъ огонь на расстоянии 40 кабельтовых. Первый же залп двѣнадцатидюймовыхъ орудій съ флагманскаго корабля «Евстафій» пошелъ въ крейсеръ «Гебенъ» и разорвался въ серединѣ борта, произведя пожаръ на неприятельскомъ суднѣ. Въслѣдъ за «Евстафіемъ» открыли огонь остальные корабли. Стрѣльба наша давала превосходные результаты, и въ корпусѣ «Гебена» былъ виденъ рядъ разрывовъ.

Стрѣльба съ «Гебена» началась съ опозданиемъ. Неприятель, повидимому, не ожидалъ встрѣчи съ нашимъ флотомъ. Стрѣльбу свою германцы вели залпами изъ крупныхъ орудій, направляя ихъ исключительно въ адмиральскій корабль. Вой продолжался 14 минутъ, послѣ чего «Гебенъ» быстро повернулъ и, пользуясь своей скоростью, скрылся въ туманѣ. «Бреслау» въ сраженіи участія не принималъ и держался на горизонтѣ.

Незначительныя поврежденія получилъ только линейный корабль «Евстафій». Потери въ личномъ составѣ: убиты лейтенантъ Евгений Мязговскій, мичманы: Николай Эйлеръ, Николай Семеновъ, Сергій Григоренко и 29 нижнихъ чиновъ. Раненъ тяжело мичманъ Николай Гилосыровъ. Нижнихъ чиновъ ранено 24, изъ нихъ 19—тяжело.

7-го ноября французское правительство дало слѣдующія свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ на своемъ фронтѣ:

«День 6-го ноября характеризовался почти полнымъ отсутствіемъ пѣхотныхъ атакъ со стороны неприятеля, а также значительнымъ ослабленіемъ его артиллерійскаго огня по сравненію съ предшествующимъ днемъ. На сѣверѣ стояла плохая погода, выпалъ снѣгъ. Весь районъ Изерскаго канала къ востоку отъ Дюксмюде былъ затопленъ. Близъ Рампскапелле были извлечены изъ воды двѣ мортиры, оставленныя германцами. Къ югу отъ Ипра происходилъ довольно сильный артиллерійскій бой. Въ центрѣ не произошло существенныхъ военныхъ дѣйствій. Въ Аргонпахъ были отражены три весьма энергичныя неприятельскія атаки. На правомъ флангѣ германцы снова заняли разрушенную часть деревни Шовонкуръ. Далѣе къ востоку французы нѣсколько продвинулись впередъ».

Согласно официальнымъ даннымъ, британскія войска, оперирующія у Шать-эль-Араба въ Персидскомъ заливѣ, продвинулись на девять миль по правой сторонѣ берега, гдѣ встрѣтили неприятельскія силы въ числѣ 4,500 человекъ, укрѣпившихся на сильныхъ позиціяхъ, съ 12 орудіями. Британцами были заняты позиціи послѣ энергичнаго сопротивленія, оказаннаго неприятелемъ, который отступилъ, потерявъ два орудія, большое число пѣхннхъ,

а также обозъ съ боевыми припасами и транспортъ скота. Британцы потеряли трехъ офицеровъ и 35 нижнихъ чиновъ убитыми и 15 офицеровъ и 300 нижнихъ чиновъ ранеными.

Британскій крейсеръ «Glasgow» прибылъ въ Рио-де-Жанейро и чинится въ порту.

Австрія совершенно обнажила границу со стороны Италіи. Произведенъ наборъ лицъ, признанныхъ раньше негодными, въ возрастъ отъ 24 до 42 лѣтъ.

Греки заняли Берать и намѣреваются итти на Эльбассанъ.

Туркамъ, способнымъ носить оружіе, воспрещенъ выѣздъ изъ Египта.

Въ Царьградѣ закрыты всѣ французскія и англійскія школы.

8-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ что усилія германцевъ направлены къ тому, чтобы прорвать наше расположеніе между Вислой и Вартой. Наше наступленіе 6-го ноября сопровождалось частичными успѣхами. Къ сѣверу отъ Лодзи нами была захвачена германская тяжелая батарея, свыше десяти пулеметовъ, нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Упорные бои на фронтѣ Ченстоховъ—Краковъ развивались нормально. За 3-е и 5-е ноября нами было взято въ плѣнъ до 3,000 австрійцевъ.

Въ Галиціи мы заняли Висничъ, Горлицу, Дуклу, Ужокъ.

На южно-азіатскомъ театрѣ войны, по свѣдѣніямъ отъ штаба кавказской арміи 8-го ноября, боевыя дѣйствія развивались въ такомъ порядкѣ:

6-го ноября наши суда бомбардировали Хопу, откуда подготавлилось и производилось наступленіе турокъ по разнымъ ущельямъ Зачорохскаго края. Огнемъ судовыхъ орудій были разрушены фортъ, казармы, таможня и взорванъ складъ огнестрѣльныхъ припасовъ, портовые склады сожжены. Въ долиинѣ Ольты-чал мы отбросили турокъ къ Бару. На эрзерумскомъ направленіи одна паша колонна одрокинула турокъ у Юсберана. Въ прочихъ отрядахъ значительныхъ боевыхъ столкновеній не было.

8-го ноября официально французское правительство сообщило, что день 7-го ноября былъ однимъ изъ самыхъ спокойныхъ. Ничего существеннаго не произошло, если не считать, что въ области Вевра въ Энаржѣ пять атакъ германцевъ, произведенныхъ густыми колоннами на протяженіи двухъ часовъ, были рѣшительно остановлены огнемъ французской артиллеріи.

8-го ноября были получены слѣдующія вѣсти изъ сербскаго театра войны:

«15 дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ войска получили приказъ отступить по стратегическимъ соображеніямъ на занимаемая ими нынѣ позиціи. Это отступленіе было произведено въ полномъ порядкѣ и по заранѣе выработанному плану. Во время этого движенія не происходило крупныхъ сраженій между сербскими и австрійскими войсками, но были лишь отдѣльныя стычки, какъ, на примѣръ, около Парашницы, Куричицы, Мичара, Евреловца, Смедерева, Зайны, Байны-Башты, Уба и Стублины. Во всѣхъ этихъ стычкахъ австрійцы все время отбрасывались сербами съ большимъ для нихъ урономъ и только въ одномъ мѣстѣ, а именно у возвышенности въ 708 метровъ около Гучева, имъ удалось завладѣть нашими позиціями. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ они не могли этого достигнуть, несмотря на то, что позиціи сербовъ вовсе не были неприступны, какъ объ этомъ заявляли австрійцы въ своихъ

донесеніяхъ, будто бы вслѣдствіе работъ, производившихся нами въ теченіе многихъ лѣтъ.

«Австрійцы завладѣли сербскими позиціями только послѣ того, какъ сербы сами очистили ихъ, причемъ большею частью ими было потрачено много времени для занятія ихъ. Такъ, напримѣръ, ихъ патрули вступили въ Вальево только спустя 48 часовъ послѣ очищенія этого города сербскими войсками. Этимъ объясняется, почему въ одномъ изъ пунктовъ австрійцамъ не удалось завладѣть большимъ количествомъ военныхъ припасовъ. Духъ сербскихъ войскъ превосходенъ и лучшимъ доказательствомъ этого служатъ огромныя потери австрійцевъ въ послѣднихъ сраженіяхъ. Такъ, напримѣръ, 24-го октября близъ Шабаца непріятель оставилъ на полѣ сраженія 1,000 труповъ, а 27-го около Смедерева болѣе 5,000, причемъ столько же человѣкъ было взято въ плѣнъ.

«1-го ноября въ Стублинѣ непріятель потерялъ 1,000 человѣкъ убитыми и ранеными. Наша военная добыча за все время войны достигаетъ 30 пушекъ и 40 пулеметовъ.

«Бомбардировка Бѣлграда продолжается попрежнему, причемъ австрійцы обстрѣливаютъ въ настоящее время не крѣпость, военное значеніе которой ничтожно, а городъ, и не щадятъ ни больницъ, ни церквей, ни школъ, ни библиотекъ».

Въ виду усиленія въ Греціи враждебнаго настроенія къ Германіи, Австріи и Турціи, сотни горцевъ заявили о желаніи вступить добровольцами въ русскую и англійскую арміи.

Эмиръ бухарскій пожертвовалъ миллионъ рублей въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ.

9-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что сраженія на пространствѣ между Вислой и Вартой и на фронтѣ Ченстоховъ—Краковъ продолжались. Въ Восточной Пруссіи 7-го ноября происходили только небольшія перестрѣлки. Въ Западной Галиціи наши войска продолжали наступленіе.

Два французскихъ аэроплана совершили нападеніе на верфь цеппелиновъ въ Фридрихсгафенѣ. Одинъ аэропланъ погибъ; другой ушелъ невредимымъ.

Военныя власти Кракова обязываютъ населеніе выѣхать изъ города подъ страхомъ смертной казни.

Канада мобилизуетъ еще 50 тысячъ человѣкъ для отправки на театръ военныхъ дѣйствій.

Турки закрыли турецко-болгарскую границу и прекратили желѣзнодорожное сообщеніе между Царьградомъ, Софіей и Бухарестомъ.

Съ гамбургской территоріи 16-го ноября выселяются всѣ подданные враждебныхъ Германіи государствъ.

10-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ слѣдующее:

Сраженіе на пространствѣ между Вислой и Вартой продолжалось съ крайнимъ упорствомъ. Нами были достигнуты нѣкоторые частныя успѣхи. Бои на фронтѣ Ченстоховъ—Краковъ не внесли существенныхъ перемѣнъ. Нами

было взято 2,000 пѣхннхъ и пулеметы. Въ Галиціи австрійцы подь давленіемъ нашихъ войскъ очистили Новый Сандецъ.

Отъ штаба кавказской арміи были получены слѣдующія вѣсти:

7-го ноября утромъ «Гамидіе» въ сопровожденіи миноносцевъ подошелъ къ Туапсе и, начавъ бомбардировку, выпустилъ около 125 снарядовъ.

Наша артиллерія немедленно отвѣчала, и дѣйствія ея были удачны.

Ранены три нижнихъ чина и сестра милосердія.

Среди жителей убитъ одинъ и пострадало еще до десяти человекъ; матеріальный ущербъ невеликъ.

На эрзерумскомъ направленіи одна наша колонна успѣшно дѣйствовала впереди Юзь-Берана, и наше сторожевое охраненіе продолжало тѣспить турокъ.

Въ остальныхъ отрядахъ значительныхъ столкновеній не было.

За 8-е ноября значительныхъ боевыхъ столкновеній не было.

Къ 10-му ноября положеніе дѣлъ на западно-европейскомъ фронтѣ обнаружилось въ такомъ порядкѣ: 9-го ноября германцы подвергли гор. Ипръ ожесточенной бомбардировкѣ, уничтожившей зданія рынка и городскую ратушу. Артиллерійскій бой значительной силы происходилъ также и въ районѣ Суассона и Вайн. Жестокому артиллерійскому обстрѣлу подверглись также Суассонъ и Реймсъ. Въ Аргоннахъ происходили жаркіе бои, непріятель произвелъ весьма энергичныя атаки, которыя были отражены. Въ Веврѣ и Вогезахъ положеніе оставалось безъ переменъ.

Съ сербскаго театра войны были получены слѣдующія извѣстія: 6-го ноября непріятель атаковалъ сербскій фронтъ у рѣки Шопичъ, притока Лъига. Непріятельская атака была особенно сильна на юго-западномъ фронтѣ у Лазареваца, а также противъ сербскихъ позицій, расположенныхъ у деревни Шопичъ. Атака противъ юго-западной позиціи и Лазареваца продолжалась весь день. Передъ этимъ боемъ непріятель сконцентрировалъ значительныя силы, доходившія до одной дивизіи. Послѣ упорнаго боя непріятель былъ отброшенъ съ большими потерями. Сербы захватили многочисленныхъ пѣхннхъ, въ томъ числѣ двухъ офицеровъ. У деревни Шопичъ австрійцы атаковали сербскія войска два раза, утромъ и послѣ полудня. И въ первомъ, и во второмъ случаяхъ сербы энергично отбросили непріятеля, захвативъ въ плѣнъ трехъ офицеровъ, двухъ унтеръ-офицеровъ и 150 солдатъ. 7-го ноября сербскія войска разбили непріятельскій батальонъ, наступавшій на Міоницу, и обратили его въ бѣгство, захвативъ при этомъ санитарный отрядъ и 100 пѣхннхъ. У Лазареваца непріятель атаковалъ сербскія позиціи небольшой колонной, но огнемъ сербской артиллеріи, а затѣмъ контръ-атакой сербской пѣхоты непріятель былъ отброшенъ и вынужденъ отступить.

Въ Египтѣ произошло небольшое сраженіе между непріятелемъ и отрядомъ всадниковъ на верблюдахъ. Англійскій отрядъ проявилъ храбрость и нанесъ непріятелю значительный уронъ.

Союзъ представителей иностранной печати въ Парижѣ, въ засѣданіи подь предсѣдательствомъ г. Дмитріева, вынесъ резолюцію, переданную Делькассѣ, въ которой выражается пожеланіе успѣха союзнымъ арміямъ и протестъ про-

тивъ кампаніи австро-германскихъ газетъ, пытающихся оправдать варварскіе поступки германцевъ. Союзъ заявилъ, что онъ порываетъ всякія профессиональныя связи съ этими газетами.

10-го ноября былъ опубликованъ въ «Армейскомъ Вѣстникѣ» слѣдующій обзоръ военныхъ дѣйствій съ 6-го по 9-е ноября:

«На русско-прусскомъ фронтѣ, на сѣверѣ, наши войска съ 6-го по 9-е ноября продолжали съ боемъ продвигаться впередъ, сбрасывая на своемъ пути наступленія германскіе арріергарды, упорно обороняющіеся на подготовленныхъ позиціяхъ и пытающіеся задержать неудержимое продвиженіе впередъ нашихъ войскъ.

«На фронтѣ Мазурскихъ болотъ съ 6-го по 9-е ноября германскія войска продолжали упорно держаться въ проходахъ черезъ озера, прекрасно приспособленныхъ для обороны. Наши войска, преоборевая съ боемъ всѣ настроенныя нѣмцами препятствія, постепенно продвигались впередъ, отбѣсня германскія войска отъ ихъ укрѣпленныхъ позицій и къ 8-му ноября достигли линіи проволочныхъ загражденій непріятельской позиціи, къ продолжанію коихъ нынѣ приступлено нашими войсками.

«На фронтѣ Торигъ—Бяла съ 6-го по 9-е ноября бои между нашими и германскими войсками продолжались, причемъ напоръ нѣмцевъ потерялъ свою первоначальную стремительность и наши войска, стойко выдержавъ контръударъ противника, въ нѣкоторыхъ пунктахъ сами перешли въ наступленіе.

«На фронтѣ Торигъ—Краковъ, между рѣкой Вислой и рѣкой Вартой, противникъ, сосредоточивъ значительныя силы, маневрируя ими, повелъ энергичное наступленіе на наши войска. Съ 6-го по 9-е ноября наши передовыя части, ведя бой съ наступающими германскими войсками, отходили въ направленіи на р. Взуру.

«Германскія войска, наступая въ районѣ рѣкъ Вислы и Варты значительными силами, дѣлаютъ всѣ усилія, чтобы прорвать наши расположенія. Одновременно австро-германская армія, перейдя въ наступленіе съ линіи Торигъ—Калишь въ юго-восточномъ направленіи, повела атаку на наши войска на фронтѣ Ченстоховъ—Краковъ. И наступленіе и атака ведутся нашимъ противникомъ крайне энергично.

«Германскія войска, наирая на наши войска, успѣли утвердиться въ районѣ Ленчица—Орловъ и выдвинули передовыя части свои къ Пюнтеку».

«8-го ноября наши войска, перейдя въ наступленіе, опрокинули противника и захватили въ плѣнъ два съ половиной нѣмецкихъ полка и много орудій.

«Въ районѣ Ченстоховъ—Краковъ наши войска, перейдя также въ наступленіе, энергично атаковали значительныя силы австрійцевъ. Идетъ встрѣчный бой.

«За 6-е ноября наши войска, энергично наступая, захватили въ плѣнъ 1,800 австрійцевъ и 8-го ноября, отбивъ рядъ неудержимыхъ атакъ австро-германской арміи, сами перешли въ контръ-атаку и, тѣсня противника, захватили 850 плѣнныхъ, причемъ у мѣстечка Влодовице въ теченіе этихъ боевъ ударъ нашихъ войскъ былъ настолько стремителенъ, что противникъ обратился въ бѣгство.

«На галиційскомъ фронтѣ съ 5-го по 8-е ноября наши войска продолжали тѣснить австрійцевъ, отступающихъ на западъ къ Кракову и на юго-западъ въ Карпаты. Наши войска, сметая всѣ выставленныя австрійцами преграды, постепенно продвигаются впередъ, занимая перевалы на Карпатахъ и захватывая мѣстечки.

«Съ 6-го по 9-е ноября наши войска захватили на галиційскомъ театрѣ въ плѣнъ 15 офицеровъ и 1900 нижнихъ чиновъ и 5 пулеметовъ».

11-го ноября штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что сраженіе на фронтѣ между Вислой и Вартой продолжалось, причемъ особенно упорный характеръ имѣли бои въ районѣ къ сѣверу отъ Лодзи. Стремительныя атаки германцевъ въ теченіе всего 9-го ноября были нами повсюду отражены. Обнаружилось появленіе новыхъ непріятельскихъ силъ со стороны Велюня съ цѣлью обхода нашего лѣваго фланга. На фронтѣ Ченстоховъ—Краковъ и въ Галиціи не произошло ничего значительнаго. Въ бояхъ за 8-е ноября нами было взято въ плѣнъ свыше 5,000 австрійцевъ.

Съ фронта между Вислой и Вартой штабомъ верховнаго главнокомандующаго былъ полученъ рядъ благоприятныхъ извѣстій. Обозначился отходъ нѣмцевъ съ линіи Стрыковъ—Згержъ—Шадекъ—Здунска Воля—Возники.

11-го ноября французское правительство официально извѣстило о слѣдующемъ:

«Въ теченіе послѣднихъ шести недѣль германскими войсками сдѣлано страшное усиліе охватить нашъ лѣвый флангъ и прорвать его. Это усиліе совершенно не удалось. Германцы прибавили новую неудачу къ своимъ пораженіямъ на Марнѣ. Германскій генеральный штабъ не упустилъ ничего въ своемъ обходномъ движеніи. Онъ собралъ на фронтѣ отъ рѣки Лиса до моря четыре армейскихъ корпуса и двѣ арміи, составляющія въ общемъ пятнадцать корпусовъ. Неудача германцевъ доставляетъ имъ унижительное разочарованіе, а намъ даетъ дѣйствительную гарантію противъ возможности новаго наступленія на Парижъ. Успѣхъ во Фландріи продолжаетъ усиливать и упрочивать побѣду на Марнѣ. Въ этомъ заслуга и слава нашихъ военачальниковъ и солдатъ. Нашему успѣху соответствуетъ успѣхъ русскихъ, который опредѣлился съ 21-го октября и въ настоящее время тяжело давитъ на вѣсы въ общемъ распредѣленіи силъ. Теперь вполне ясно опредѣлился неуспѣхъ знаменитаго германскаго плана войны. Съ начала войны мы имѣемъ дѣло съ 50 германскими корпусами, 15 другихъ корпусовъ въ соединеніи со всѣми почти корпусами Австро-Венгріи борются съ русскими».

Великобританское адмиралтейство увѣдомило, что британское сторожевое судно протаранило германскую подводную лодку «U18» у сѣвернаго побережья Шотландіи. Лодка скрылась подъ водой, но вскорѣ вновь появилась на поверхности съ бѣлымъ флагомъ, но затѣмъ пошла ко дну. Экипажъ подводной лодки въ числѣ 3 офицеровъ и 23 матросовъ спасенъ контръ-миноносцемъ «Garry», тонулъ лишь одинъ матросъ.

НА РОДНОЙ ПОЧВѢ ¹⁾

(Романъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Окончаніе).

XXXI.

Заря во всю ночь!.. Заря во всю ночь,
Какъ вѣстница рая,
Сверкаетъ, багрянцемъ играя...
Летите же прочь,
Зловѣщія думы, зловѣщія птицы!..
Мнѣ новья въ жизни страпицы
Заря освѣщаетъ, заря во всю ночь!..

(«Листы пожелтѣлы». М. К.).

РАУ Артигъ, краснѣе кумача, то вставала, то садилась. Пять пудовъ серебра, только что привезенные ею и Марусей изъ сохранной казны съ Фонтанки, казались такимъ состояніемъ, о которомъ можно читать лишь въ романахъ, а когда въ запертой на ключъ комнатѣ ящики были вскрыты, она сразу лишилась рѣчи. Почернѣвшіе отъ долгаго лежанія въ сырости кубки, вазы, подсвѣчники, столовые и чайные сервизы напоминали вороненую сталь. Но едва ихъ касалась смоченная нашатырнымъ спиртомъ фланель, бѣлый блескъ сразу пробивался черезъ темный налетъ... На днѣ одного сундука оказалась большая красного дерева шкатулка, а въ ней цѣлый складъ футляровъ и въ коробкѣ отдѣльно завернутый въ вату и тонкую бумагу подвѣнечный жемчужный вѣнокъ...

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СXXXVIII. стр. 353.
«Истор. вѣстн.», декабрь 1914 г., т. сxxxviii.

Фанни Карловна очнулась и размахалась...

— Какая роскошь! Какая роскошь!.. Этого вы не продадите... Я не позволю... Пусть умерь...

Она осёлкалась, взглянув на Марусю.

Ея бывшая «Eugrāfin» стояла, молча глядя на разложенныя вещи. Это богатство давило ее. Кромѣ эмалевыхъ часовъ и нитки коралловъ, которыхъ она не носила изъ непріязни къ подарившей ихъ Ольгѣ Львовнѣ, никакихъ украшеній у нея не было, а тутъ оказался чуть не цѣлый ювелирный магазинъ.

Столько лѣтъ эти богатства лежали втуне! Колычево было на краю гибели, дѣдъ и мать лишали себя всякаго комфорта, домъ разваливался,—а гдѣ-то въ темныхъ казенныхъ кладовыхъ лежали камешки, оправленные въ старинныя серебряныя и золотыя лапки, сплетаясь въ звѣзды, цвѣты, арабески, и холодными, бесплодными слезами оплакивали нужду потомковъ тѣхъ, кто щеголялъ въ тысячныхъ уборахъ на празднествахъ и пирахъ въ невозвратные дни власти надъ другими людьми...

Быть можетъ, для покупки вотъ этого самаго большого футляра съ ожерельемъ изъ брилльянтовыхъ звѣздочекъ и зелеными изумрудами на подвѣскахъ была продана цѣлая семья... и даже не одна... А этотъ браслетъ... Кто носилъ его? Чей это мужской портретъ въ медальонѣ съ надписью: «J'aime qu'on m'aime, comme j'aime quand j'aime...»?

Ее вывела изъ оцѣпенѣнія Фанни Карловна.

— Знаете, надо это все оцѣнить сперва... Поѣдемте со мною. У меня тутъ на Острову есть знакомый ювелиръ. Только бы безъ насъ ничего не украли!..

Она опять сложила вещи и задвинула тяжелые сундуки подъ кровать, а комнату снова замкнула. Акулина пристала было къ ней въ коридорѣ съ какимъ-то важнымъ хозяйственнымъ вопросомъ, но Фанни Карловна въ отвѣтъ только крѣпче сжала свой саквояжъ, набитый футлярами, и бросила:

— Дѣлай, какъ знаешь...

— Вы богатая невѣста,—говорилъ черезъ полчаса ювелиръ Марусѣ, разсматривая въ лупу привезенныя драгоцѣнности.— Тутъ тысячь на сорокъ брилльянтовъ и жемчуговъ... Но, конечно, при продажѣ дай Богъ получить вамъ хоть треть, особенно теперь, во время этой несчастной войны. Не торопитесь продавать... Лучше выждите. Говорятъ, миръ скоро будетъ заключенъ.

— Мнѣ нужны деньги, а потому эти вещи и должны быть проданы,—категорично заявила Маруся.

— Сколько нужно вамъ денегъ?—спросилъ ювелиръ.

— Тысячь десять!—сказала Маруся, дивясь своей храбрости.

— Такъ вотъ... Это... это... это отвезите въ N-скую улицу, а остальное пока приберегите и сдайте обратно на храненіе... А серебро покажите антиквару, я его пришлю завтра...

Черезъ три дня Маруся растерянно глядѣла на чеки и пачки билетовъ на столѣ, не зная, что же дальше?.. Но и тутъ Фанни Карловна живо ей устроила и текущій счетъ въ банкѣ и отослала переводомъ въ Москву проценты по закладной.

— А это мы свеземъ опять въ ломбардъ,—сказала она, укладывая оставшіяся вещи и серебро, забракованное антикваромъ. Они вамъ еще пригодятся...

Когда онѣ выходили изъ сохраннаго отдѣленія, съ ними на лѣстницѣ столкнулась женщина въ черной вязанной косынкѣ, утиравшая платочкомъ глаза...

— Ахъ, извините!—пробормотала она, уступая дорогу.

— Любаша!..—вырвалось у Маруси.—Это вы?

— Простите, барышня!.. А кто же вы будете?... По сценѣ...—она перекрестилась.—Господи!.. Марусичка... Марья Васильевна!

Она кинулась къ ручкѣ, но Маруся обняла ее за шею.

— Любаша! Какъ я рада!.. Значить, вы тутъ... и тетя тоже, и дѣти?.. Ахъ, какое счастье... и такъ неожиданно! Могла ли я думать?..

Любаша всхлипнула.

— Всѣ тутъ, т.-е. Ольга Львовна и Леничка... а барышню нашу, Вѣрушку, въ Иркутскѣ схоронили...

Маруся закусилa губу.

— Вотъ горе!.. Господи!.. Ахъ, Богъ мой!.. Гдѣ же вы стоите? Дайте мнѣ вашъ адресъ... Или лучше... поѣдемте сейчасъ вмѣстѣ.

Быстро объяснила она по-нѣмецки Фанни Карловнѣ, въ чемъ дѣло, и отправилась съ заплаканной камеристкой на Пески.

По дорогѣ, сидя бочкомъ на пролеткѣ, Любаша рассказывала эпопею бывшей когда-то извѣстной въ провинціи примадонны.

— И раньше, чего таить, круто приходилось, все понемногу въ ломбардъ, бывало, снесешь. Разъ двѣ недѣли въ Витебскѣ вповалку всей труппой на солому спали, да на людяхъ и смерть красна. А тутъ... Жили сперва прямо по-царски на Амурѣ. Алексѣй Игнатьевичъ все вѣдь шиковать любили, имѣнье огромное—лѣса, своя охота... да не повезло,—мѣсто низкое оказалось, затопляло весною, ну и, китайцы тревожили. Бросили. Въ Дальнемъ чуть не дворецъ построили, потомъ, какъ дѣла пошатнулись, на квартиры для найма разбивать вздумали, а тамъ и заболѣли. Ольга Львовна въ Японію ихъ увезли, на купанье теплое, еще покойный дѣдушка вашъ имъ денегъ тогда выслали. Тамъ поправляться ужъ было баринъ началъ, а тутъ кругомъ о войнѣ заговорили. Японцы на насъ коситься стали, чуть не въ шпионы записали... Мы поскорѣе обратно поѣхали... Качка такая была, что я думала, всѣ ко дну пойдѣмъ и Богу душу отдадимъ. Приѣхали, барину совсѣмъ плохо опять. Такъ они ужъ и не вставали... Съ Рождества пластомъ лежать, мычать, а что—и не поймешь. Я, грѣш-

ная, каюсь, и то Бога молила: «Прибери Ты его, Господи! А то подойдут японцы, что мы съ нимъ дѣлать будемъ?» Другіе въ то не вѣрили, что японцы насъ возьмутъ, ну, а тутъ какъ разъ на Пасхѣ, въ тотъ день, какъ они «Петропавловскъ» нашъ съ Макаровымъ адмираломъ взорвали, и баринъ скончался... А тамъ и началось, и пошло... Словно съ самаго того часа Богъ отъ насъ отвернулся за всю неправду, что кругомъ творилась... Не къ слову теперь, а многое сама видѣла, о многомъ поразсказать бы могла, какъ русскія деньги у насъ зря передъ войною швырялись... Ну, да Богъ всему судья, и японцамъ недаромъ все противъ насъ удавалось. Слышимъ, подъ бокомъ высадились и на насъ ужъ идутъ, и корабли ихъ видать... Что у насъ тутъ творилось!.. Я ужъ заранѣе чемоданчикъ заграничный уложила, все, что цѣннаго было, припрятала. Вижу, у барина на полкѣ три истуканчика съ глазами изъ самоцвѣтныхъ камней еще стоятъ, я ихъ забрала, а Ольга Львовна и говорятъ: «Чего ты идолица поганья съ собой берешь? Брось!»—Ладно, думаю, хлѣба не просятъ! А сегодня мнѣ подъ нихъ двѣсти рублей выдали. Золотые оказались. Какъ мы на поѣздъ попали, какъ добрались, и сама не помню. На полу въ коридорчикѣ устроились съ барыней, а дѣти на рукахъ. Тронулись всѣ вперемѣшку, и богатые, и бѣдные, а ужъ вдали, слышимъ, пулеметы такаютъ... Такая страсть... Ничего, до Харбина добрались, а тамъ кто куда. Мы въ Иркутскѣ остановились. Смотримъ, Вѣрушка горитъ, вѣрно, въ поѣздѣ продуло. Горло схватило... А тамъ...

Любаша безнадежно махнула рукою.

— Барина хоронили, я думала, Ольга Львовна тронется,—ничего, оправилась, а какъ стали гробикъ Вѣрушкинъ зарывать,—Господи! Ни слезиночки. Я маменьку вашу вспомнила, какъ еще въ Москвѣ барыня разсказывала, какъ онѣ плакать не могли, а теперь сама. Годъ прошелъ почти. Леню цѣлуютъ, ласкаютъ, а только видно—не Вѣрушка для нихъ. Очень ужъ ее покойный баринъ любилъ. Какъ родилась, чуть съ ума съ радости не сошли. «Папинъ розанъ» звали мы ее. И то, у Ольги Львовны мальчиковъ двое было, а Вѣрушка одна, и, знаете, такъ она на васъ похожа иногда бывала. Мы всѣ замѣтили, всѣ съ ней точно въ куколку играли... И Михаилъ Петровичъ такъ ужъ любилъ ее, такъ любилъ. Ахъ, ужъ они теперь все для насъ... Господи, только бы Богъ уберечь ихъ! Такъ за нихъ страшно... такъ страшно!..

Извозчикъ, по ея указанію, остановился у воротъ. Въ глубинѣ двора-колодца, обстроеннаго высокими флигелями, по служившей однимъ входомъ лѣстницѣ поднялись въ пятый этажъ. На звонокъ дверь открылъ мальчуганъ, курчавый и смуглый, и, увидавъ Марусю, опрометью убѣжалъ.

— Мамочка! Гости!—донесся его испуганный голосокъ.

Въ дверяхъ показалась высокая, слегка сгорбленная фигура. На испитомъ сѣромъ лицѣ, когда-то оживлявшемся искусственной расцвѣткой, пытливо смотрѣли большіе, печальные и все еще красивые глаза. Они всматривались въ черты дѣвушки подъ полями траурной шляпки, и вдругъ блѣдное лицо еще болѣе поблѣло.

— Маруся?.. Маруся Яшнева? Да?!

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не поѣду,—говорила Ольга Львовна, оставшись вдвоемъ съ Марусей, пока Любаша отправилась пополнять съ Леней его весеннюю экипировку.—Пойми, я не могу. Твоя мать никогда не повѣритъ, что, уѣзжая съ Алексѣемъ изъ вашего дома, я не подозрѣвала о ихъ помолвкѣ, а я, честное слово, узнала лишь изъ его же письма къ покойному отцу объ этомъ и понимаю теперь, почему вы всѣ такъ холодно молчали эти годы. Но, вѣрь мнѣ, если бы я знала, что Алексѣй женихъ, я бы никогда не покусилась на него, какъ бы безумно ни нравился онъ мнѣ, я бы отошла отъ него и не стала бы отбивать его, отъ твоей матери тѣмъ болѣе. А теперь... могу представить себѣ, что испытаетъ Лиза, увидавъ Леню, живой портретъ отца... У нея навсегда останется недоброе чувство къ моему мальчику, и я этого пуще огня боюсь.

— Напрасно, милая тетя... Совершенно напрасно. Я ручаюсь, что ни на какое недоброе чувство мама больше неспособна. Она прошла сама черезъ такую муку, что теперь точно переродилась. Вѣдь она считаетъ себя виноватой въ смерти дѣдуси, и это такъ терзаетъ ее, что она готова на всякія жертвы, только бы исполнить его предсмертную мечту, чтобы мы слились въ одну семью. Милая, родная! Поѣдьте со мною!..

— Нѣтъ, дѣтка, и не убѣждай... Ты не знаешь, что было бы со мною, подмѣть я хоть тѣнь неудовольствія или озлобленія у твоей матери. Какъ ни размягчена ея душа,—она не святая. Только святая можетъ смотрѣть съ любовью на сына любимаго человѣка и своей соперницы... Не проси, я не поѣду. Да и вообще я никуда отсюда не тронусь. Сюда, въ Петербургъ, вѣсти съ войны приходятъ первыми, а у меня сердце, ты должна сама понять, слишкомъ неспокойно за Мику.

— Онъ въ эскадрѣ Рожественскаго?—спросила Маруся, удивляясь своему же вдругъ забившемуся сердцу.

— Да, и съ тѣхъ поръ, какъ они прошли Малаккскій проливъ, я ни днемъ, ни ночью покоя не знаю. Каждую секунду они могутъ нарваться на японцевъ. Ахъ, Господи! Что это будетъ!..

— Тетя Оля, но какъ же Мика попадѣтъ къ Рожественскому? Вѣдь осенью, уѣзжая изъ Колычева, онъ собирался въ Портъ-Артуръ?

— Онъ заболѣлъ, вернувшись отъ отца, котораго, кстати, и повидаль всего на часъ. Ну, а потомъ его вакансію замѣстили и поневолѣ пришлось остаться. Когда объявили войну, онъ, конечно, сразу кинулся въ штабъ просить, чтобы его туда отправили, но желающихъ былъ весь флотъ. Его не назначили, и онъ былъ въ отчаяніи и такъ надоѣдалъ начальству, что даже угодилъ за приставање подъ арестъ.

Глаза Маруси все пристальнѣе разглядывали узоръ вытертаго ковра подъ ногами, а на губахъ заиграла забытая шаловливая улыбка. Ясно представилась фізіономія товарища дѣтства, когда ему вмѣсто Портъ-Артура предложили отправиться подъ арестъ.

Ольга Львовна притянула и поцѣловала ее въ голову.

— Знаешь,—ея голосъ немножко дрогнулъ:—вотъ ты улыбнулась, и такъ мнѣ вспомнилось разомъ, какъ вы оба съ Микой сидѣли тамъ за границей на диванѣ и онъ тебѣ что-то болталъ о синихъ кирасирахъ. Ахъ, какіе вы были оба смѣшны! Играли въ кавалера и даму, и мама твоя еще пришла въ ужасъ отъ твоего кокетства. И вотъ ты теперь вовсе не кокетка, а онъ... Если бы ты знала, какой онъ душевный, хорошій! Онъ вѣтрогонъ, любитъ приударить, и дамы всѣ безъ ума отъ него,—а самъ по себѣ онъ вовсе не легкомысленный, о, нѣтъ! онъ очень хорошихъ правилъ, и я даже сама дивлюсь, въ кого онъ? Мы съ его отцомъ въ молодости особой серьезностью не отличались, а онъ... точно онъ не осудилъ насъ, нѣтъ! но понялъ, что было въ насъ неладнаго... Онъ и Леню, а особенно Вѣрочку,—она закусилла на секунду губу,—очень любила и до сихъ поръ о ней всегда вспоминаетъ. Я знаю, онъ горько по ней плакалъ... Ахъ, только бы онъ уцѣлѣлъ! Онъ поможетъ мнѣ поставить Леню на ноги... Но если что съ нимъ случится... Нѣтъ, я даже думать не хочу.

Какъ ни старалась Маруся глядѣть себѣ подъ ноги, но она не выдержала... Словно въ дѣтствѣ на изъѣденной молью оттоманкѣ руки ея поднялись и сами собою обвили шею Ольги Львовны.

— Тетя, милая, милая тетя Оля! Если бы вы знали, какъ я тоже боюсь за него!—шептала она на знакомомъ, сильно поху-дѣвшемъ плечѣ.—Ахъ, вы не знаете! Вѣдь тогда въ Кольчевѣ онъ говорилъ, что чувствуетъ близость войны и что для него она будетъ очень тяжела, и онъ взялъ съ меня слово заботиться о васъ и о дѣтяхъ... Тетя! ради Мики и его спокойствія, поѣдьте къ намъ! Вѣдь теперь мы опять богаты. Я вчера за серебро и брильянты получила цѣлыхъ четырнадцать тысячъ... и еще осталось! Мы все приведемъ теперь въ порядокъ, и вамъ, и Ленѣ будетъ очень, очень хорошо...

Въ эту минуту въ комнату ворвался вернувшійся Леня.

— Мама, мама! Посмотри, какое мнѣ Любаша купила пальто! А фуражку, совсѣмъ какъ у Мики раньше, когда онъ...

Онъ осѣлся, замѣтивъ Марусю.

— Вы еще не ушли?..

Маруся притянула его, чтобы поцѣловать, но онъ уклонился.

— Я не дѣвочка и цѣловаться не люблю...

— Но со мною долженъ любить. Я твоя кузина.

— Значить, и Микина кузина?

— Нѣтъ, не значить,—отвѣтила мать:—Маруся дочь брата твоего отца, а не Микинаго.

— А!—серьезно вымолвилъ мальчикъ.—Значить, вы изъ Колычева? Вы дѣдушкина внука?

— Да,—улыбнулась Маруся:—и пріѣхала звать тебя въ Колычево. Хочешь ѣхать?.. У насъ хорошо, сколько ягодъ, сколько вишенъ и яблокъ. У тебя будетъ своя лошадка...

— Лошадка?—весело отозвался мальчикъ.—У меня съ Вѣрочкой въ Дальнемъ былъ осликъ, но мы его тамъ оставили, и онъ, вѣрно, достался японцамъ. Папа обѣщаль мнѣ подарить лошадку, когда я выучусь читать, но онъ заболѣлъ и не могъ исполнить своего слова. А вы исполните?

— Исполню. Только упрости маму...

Но Ольга Львовна качала головою.

— Мама не хочетъ, а я пріѣду къ вамъ съ Микой, когда онъ вернется. Хорошо?—шепнулъ Леня на ухо кузинѣ.

Пришлось удовольствоваться пока этимъ обѣщаніемъ. Разставаясь, Маруся все-таки еще разъ повторила:

— Мы не теряемъ надежды, что вы, тетя, уступите, а если будете писать Микѣ, кланяйтесь ему отъ меня.

По дорогѣ она заѣхала въ игрушечный магазинъ и купила самую большую лошадь, какая тамъ нашлась.

«Ленѣ изъ Колычева», стояла на приложенной запискѣ.

Вечеромъ, когда тронулся поѣздъ, Маруся въ углу дамскаго отдѣленія перебирала все пережитое за эту недѣлю своего пребывания въ Петербургѣ. На душѣ было удивительно спокойно. Радовала и полученная за брильянты крупная сумма, и удовольствіе, доставленное Фанни Карловнѣ одной изъ старинныхъ брошекъ, подаренной ей на память, и встрѣча съ Ольгой... Слышались ея слова о душевности Мики, о его порядочности, несмотря на кажущееся вѣтрогонство... Да, да! конечно... Онъ заболѣлъ тогда. Вотъ отчего онъ не попалъ въ Портъ-Артуръ и словно выросъ. Въ болѣзни молодые люди всегда растутъ.

«А какой очаровательный Леня, и какъ онъ его любить...»

Мелькнула станціонная платформа. Маруся подняла глаза и узнала ее. На дняхъ они съ Гусевымъ, къ которому она обратилась, проѣхались сюда на могилу и отслужили панихиду. Гусевъ самъ давно разыскалъ, гдѣ похороненъ Данила, и рассказалъ ей, какъ они вмѣстѣ смотрѣли изъ окна на баррикаду, но какъ онъ

погибъ и почему лежалъ рядомъ съ Тереховой, объяснить не умѣлъ...

Она еще разъ перекрестилась на темную кладбищенскую церковь, а поѣздъ все прибавлялъ ходу...

Если Мика тогда ухаживалъ за этой дамой, развѣ онъ ужъ такъ виноватъ? Вѣдь не могъ же онъ подозрѣвать, что она противъ сердца своего идетъ за Данилу, и ждать, что его убьютъ, и что она опять будетъ свободна?.. И развѣ онъ одинъ такой?..

Ярко догорала сѣверная заря надъ темной полоской далекаго лѣса. Весело блеснулъ огонь въ промелькнувшей надъ оврагомъ деревушкѣ. Одинокій темный кустъ долго виднѣлся среди поля. Въ его молодой зелени щелкалъ и заливался первый соловей, радуясь новой веснѣ, словно не было на свѣтѣ ни свѣжихъ могилъ, ни старыхъ броненосцевъ, плывущихъ по зеленымъ водамъ Китайскаго моря.

XXXII.

Янтарный сумракъ. Тишина.
Скрижали вдоль колоннъ.
А на скрижаляхъ имена,—
Ряды, ряды именъ.
О, гдѣ вы, тѣ, кто ихъ носилъ?
Гдѣ нынѣ вашъ пріютъ?
Ряды зеленыхъ волнъ-могилъ
Въ отвѣтъ кругомъ встаютъ.
Надъ ихъ несмѣтною толпой,
По лону бурныхъ водъ,
Воздушно-легкою стопой
Христось идетъ впередъ.

Идетъ сюда, въ далекій храмъ,
Гдѣ каждую скрижалъ
Вовдвигла братскимъ именамъ
Народная печаль.
Печаленъ сумракъ золотой.
Печаленъ бѣлый стягъ.
И полонъ скорби ликъ святой,
И скорбенъ Божій шагъ.
Пройди, пройди, благой Христось,
По волнамъ мукъ людскихъ,
Чтобъ океанъ скорбей и слезъ
Улегся и затихъ!..

(«У Спаса на водахъ» М. К.).

Сразу по отъѣздѣ Маруси Елизавета Ивановна написала Ивану Матвѣевичу Терехову, приглашая его управляющимъ въ Кольчево.

— Какъ никакъ, онъ хоть и былъ лишь конторщикомъ у Евграфова, но все же въ хозяйствѣ больше нашего съ Марусею смыслить и человекъ честный и знакомый. А намъ обѣимъ не справиться,—объяснила она отцу Силѣ.

Она ему предложила не только жалованье, но и извѣстный процентъ съ дохода и на другое же утро по возвращеніи дочери получила и утвердительный отвѣтъ.

«Ваше предложеніе принимаю тѣмъ охотнѣе,—писалъ Лампушинъ братъ, недавно еще раздѣлявшій убѣжденія сестры,—что кругомъ въ нашей губерніи творится что-то неладное. Среди народа ходятъ тревожные слухи. Третьяго дня я самъ, будучи въ конторѣ, подвергся ряду оскорбленій за то, что управляющій экономіей велѣлъ перепакать небрежно раздѣланную дѣлянку. Батраки грозятъ спалить экономію, а здѣшніе хохлы не чета нашимъ евграфовцамъ. Я и то ужъ порѣшилъ не доживать контракта. Богъ съ ней

съ неустойкою!.. Выплачу какъ-нибудь, своя жизнь все же дороже, а тѣмъ болѣе здоровье жены моей, находящейся въ тягости...» Видно было, что Иванъ Матвѣевичъ нѣсколько измѣнилъ свои прежніе взгляды на гражданскую свободу.

Неустойку Елизавета Ивановна рѣшила взять на себя, и 12-го мая Иванъ Матвѣевичъ съ супругою Платонидой Ѳедоровной, которую онъ звалъ «Тошенька», появился на колычевскомъ дворѣ и принялъ бразды правленія.

Вѣсть объ этомъ по Фетишину безпроводному телеграфу моментально дошла въ ту контору, гдѣ имъ былъ просиженъ не одинъ стулъ.

Несмотря на мрачныя предсказанія Саввы Григорьевича, желѣзный орагнизмъ Михайлы Демьяныча выдержалъ. Евграфовъ понемногу начиналъ принимать участіе въ дѣлахъ и велъ съ мужиками черезъ Фетишу переговоры объ арендѣ, которая хотя и не была еще формально утверждена, въ виду повышенныхъ мужиками требованій, но евграфовцы приняли, благодаря воздѣйствию дошлой бабы, во вниманіе болѣзнь хозяина, и картофель опять усердно сажался на привычныхъ мѣстахъ.

Услыхавъ потрясающую новость, что его долгодѣтній служащій утверждается въ Колычевѣ, Михайла Демьянычъ отшвырнулъ стаканъ съ молокомъ, поданный Фетишею.

— Это что жъ такое... Въ надсмѣшку намъ, значить?..

— Не иначе... а только, вѣрьте мнѣ, и на руку намъ тоже. Ну, что онъ, съ позволенія сказать, чернильная совѣсть, въ хозяйствѣ смыслить? Вотъ развѣ убытки ихніе сосчитать скорѣе ихъ способенъ будетъ... Кушайте, батюшка!.. Чего же изъ-за предателя свое здоровьице разстраивать?.. Савва Григорьевичъ настрого приказалъ, чтобы вы молочко кушали. Я свѣженькаго принесу.

Она опять налила стаканъ и не отошла до тѣхъ поръ, пока не была добита послѣдняя капелька...

— Ну, и хорошо! И умники!.. Еще всего двѣ недѣлки поъемъ, тамъ, быть можетъ, Савва Григорьевичъ намъ и винцо разрѣшить!—ублажала она, поцѣловавъ въ плечико хозяина.

Но въ этотъ же день совершилось и новое «предательство» по отношенію къ Михайлѣ Демьянычу.

Наканунѣ Николы изъ больницы выписалась Анютка. Искалѣченная баба не посмѣла вернуться въ Метелицы въ семью мужа. Съ койки она перекочевала къ дяденькѣ Лезару, гдѣ ее приняли очень сурово, но въ кровѣ и кускѣ хлѣба не отказали.

— Живи пока, а тамъ увидимъ. Ради брата Тихона не гоню тебя. Царство ему небесное!

Ея отца дѣйствительно схоронили постомъ въ Москвѣ, и мачеха ея, Маревна, взяла въ свои руки извозное дѣло, но къ ней Анютка тоже боялась показаться на глаза, зная, что ея случай

въ Евграфовкѣ былъ, по понятіямъ обоихъ, несмыаемымъ для семьи пятномъ, все равно что деготь на воротахъ.

Марфутка, прослышавъ о возвращеніи Терехова, явилась къ Агафоновымъ посудачить и при видѣ забинтованной Анютки вдругъ прониклась къ ней состраданьемъ...

— Ахъ, онъ извергъ этакій! Такъ бабочку молодую искалѣчить... Слава Те, Христось, что я мою Ксюшу уберегла отъ евоныхъ приставаній!.. А ты, милушка, тоже душой не будь... Ты его себѣ за увѣчье заплатитъ заставь, да хорошенько, чтобы ему, антихристу, впередъ неповадно было.

У дяденьки Лезара даже глаза разбѣжались.

— Во-во!.. Міръ сплеховаль, ренту не отгяль отъ душегуба, такъ ужъ теперь я самъ дойму тебя... Меньше полтысячи въ годъ не отвертишься, да на веденіе дѣла стацу, и на весь свѣтъ сраму не оберешься. Погоди!

Онъ, не теряя времени, запрягъ вернувшуюся съ колычевскаго поля коняшку и приказалъ племянницѣ:

— Сажайся!.. Самъ тебя по суду въ Горскъ доставлю...

Хотя, по мнѣнію Фетиши, Тереховъ былъ чернильной совѣстью, неспособной разобраться въ хозяйствѣ, однако, обойдя службы и хозяйственныя постройки, Иванъ Матвѣевичъ сразу оцѣнилъ тѣ, что оставались отъ золотого колычевскаго вѣка, отъ временъ дѣда Елизаветы Ивановны, пана Романа. Несмотря на протекшіе съ его смерти сорокъ два года, кирпичныя стѣны стояли все такъ же прочно и дубовыя перегородки конюшенныхъ стойлъ не были распатаны. Конечно, благодаря протекающимъ крышамъ и неисправнымъ окнамъ, пострадала штукатурка и настилы половъ и потолковъ, но въ этомъ виноваты были тѣ, кто не умѣлъ во-время чинить и поправлять и по русской привычкѣ со дня на день откладывалъ ремонтъ.

Но зато все воздвигнутое при Сотовыхъ и позже, а также и самый домъ были въ такомъ видѣ, что и чинить не стоило. Взять бы да и срыть до основанія. Въ не меньшемъ беспорядкѣ былъ и весь инвентарь. Ни одной полной сбруи, ни одного цѣлаго хомута. Плуги, бороны, вѣялки, телѣги были одно горе,—бечевки вмѣсто ремней, гвозди и дощечки вмѣсто винтовъ и желѣзныхъ скобъ.

Вечеромъ за ужиномъ Тереховъ сталъ допрашивать Елизавету Ивановну, не сохранилось ли какихъ-нибудь прихода-расходныхъ книгъ изъ временъ пана Романа? И Маруся указала ему на старый амбаръ, куда сваливалось все отжившее и отслужившее свой вѣкъ, и откуда, бывало, Игнатій Львовичъ черпалъ запасы для растопки своего самовара.

На другое же утро она сама стала рыться въ этомъ хламѣ и въ углу обрѣла ящикъ со сваленными кое-какъ и заплѣсневѣлыми книгами конторскаго образца.

Съ торжествомъ помогла Грушка тащить барышнину находку, а пожелтѣвшія записи съ удивленіемъ глядѣли на знакомыя когда-то, сильно измѣнившіяся стѣны, гдѣ столько лѣтъ назадъ ихъ велъ усатый и краснощекий человѣкъ, пыхтя и цокая надъ высокою, залитой чернилами конторкой... Теперь надъ ними склонялись новыя невѣдомыя имъ лица, и блѣдный моложавый человѣкъ въ очкахъ говорилъ:

— Это настоящее откровеніе!.. Господи, да вѣдь этимъ записямъ цѣны нѣтъ! Здѣсь все опять для меня, какъ на ладони!.. Надо будетъ серьезно заняться и вникнуть. Ужо вечеркомъ разберусь, а пока прощайте, Марья Васильевна, я сбѣзжу въ поле.

А Маруся въ сопровожденіи Бунтика пошла въ садъ. Впервые послѣ долгаго времени она шла на прогулку съ легкимъ сердцемъ. Все, все, что давило эти послѣдніе годы, ушло... Жаль было одного—дѣдъ не дожилъ до этого дня, когда можно спокойно смотрѣть на всѣ изъяны и не ломать головы, въ чемъ еще урѣзать себя, чтобы заткнуть хоть самый вопіющій изъ нихъ.

Все такъ же звенѣлъ и пѣлъ, и благоухалъ столѣтній садъ въ благодатное весеннее утро. Золотыя стрѣлы майскаго солнца пронизывали листву и играли на травѣ и морщинистыхъ древнихъ стволахъ. Изъ травы выглядывали розовая дрема и луговые бубенчики.

«Могу себѣ представить, какъ садъ вашъ хорошъ весною, весь въ листьяхъ»,—звучалъ въ ухахъ опять ставшій дорогимъ молодой баритонъ...

— Господи!.. Неужели Ты не довериши Своихъ благодѣяній и не дашь мнѣ его... его?..—шептала дѣвушка, останавливаясь на перекресткѣ.—Я не роптала, Господи!.. Я несла свое горе, но теперь—я хочу, я жажду счастья! Я имѣю на него право, и я—нѣтъ, не требую, я—прошу его!..

На минутку она закрыла лицо руками.

Вдали щелкалъ и заливался соловей, и глухо куковала, словно аккомпанируя, кукушка. Пѣночки и зяблики выпѣвали свои гаммы и трели, и дрозды красивой фистулою развлекали самочекъ на гнѣздахъ, но вдругъ въ этотъ хоръ ворвался странный чуждый звукъ, похожій на крикъ чайки, протяжный и жалобный. Такъ кричали тѣ чайки на Стрѣлкѣ, купаясь въ водномъ себрѣ, и, словно въ отвѣтъ, ударилъ церковный колоколь.

— Ахъ, Господи!.. что это?.. Какъ странно!.. Ахъ, да... сегодня 14-ое мая, праздникъ, а я и забыла.

Но въ церковь итти не хотѣлось.

Крикъ чайки еще сильнѣе разбудилъ воображеніе и нарисовалъ отчетливо цѣлую марину,—море, небо и на его фонѣ силуэты трубъ и мачтъ. Тамъ, на одномъ изъ этихъ русскихъ судовъ, переплывшихъ океаны, прошедшихъ черезъ Малаккскій проливъ, что

въ газетахъ ставится въ такую заслугу Рождественскому, стоять, можетъ быть, на вахтѣ, молодой и красивый морякъ и смотреть пристально въ даль. О чемъ онъ думаетъ сейчасъ... въ эту минуту?

Она никогда не бывала на военномъ кораблѣ. Это, вѣрно, совершенно особый мiръ, ни на что другое непохожій. Цѣлые мѣсяцы люди живутъ на такомъ кораблѣ и у нихъ поневолѣ образуются свои обычаи и порядки, свои взгляды и понятія и свой совершенно особый языкъ... Какъ монастырь, гдѣ тоже живутъ оторванными отъ свѣта. Но это на сушѣ, и туда въ ворота входятъ богомольцы-миряне, а здѣсь—никого. Одиѣ волны кругомъ да чайки да альбатросы-буревѣстники. Изрѣдка на горизонтѣ обрисуется туманный обликъ другого корабля. Они вѣдь подають сигналы другъ другу, и ихъ, конечно, и долженъ узнавать вахтенный.

И, можетъ быть, сейчасъ вотъ на небосклонѣ показались дымки, и вырастають кузовы вражескихъ судовъ, все ближе, все громаднѣе, все грознѣе. На мачтахъ замелькали тревожные значки... какіе?.. она не знаетъ. Но они должны существовать, и корабли насторожились и готовятся къ бою... Всѣ бѣгутъ на свои мѣста... люди крестятся... заряжаютъ орудія, и гремитъ первый выстрѣлъ.

Маруся такъ ясно нарисовала себѣ снопъ огня и грохотъ вылетающаго снаряда, что даже вздрогнула. Но кругомъ было тажъ спокойно, такъ красиво, такъ полно возродившейся весенней жизни, что она себя утѣшила: все обойдется! Все минетъ, и если эскадра наша не только прошла по страшному и опасному проливу, но и соединилась съ посланной вдогонку Небогатовской, то чего же такъ бояться? Они сумѣють опять обмануть японцевъ и пройдутъ во Владивостокъ...

Замечтавшись, она совершенно не замѣтила, что попала знакомой давно нехоженной дорогою въ лабиринтъ.

Съ возвращенія своего въ прошломъ іюлѣ она не бывала въ гротѣ, слишкомъ тѣсно было съ нимъ связано воспоминаніе о Данилѣ. Но сегодня это было уже прошлое, пережитое, и она думала о немъ безо всякой тѣни былого гнета. Напротивъ... Въ ея настоящемъ размягченномъ состояніи духа покойный женихъ рисовался только съ самой лучшей стороны, достойный теплаго и благодарнаго чувства.

Она опустила на скамью и вспомнила о портретѣ въ подвалѣ.

— Вотъ и отлично!—скажу Ивану Матвѣвичу, онъ и достанетъ... теперь можно, пора!..

Было очень пріятно снова думать, что теперь есть въ домѣ человекъ, которому стоитъ сказать: «сдѣлайте!» и все будетъ сдѣлано...

Тихо звенѣла въ глубинѣ струя. Маруся обошла гротъ, поцѣловала фавна и, наклоняясь, уронила на кучу листьевъ платокъ. Кончикомъ зонтика зацѣпила она его, но вмѣстѣ разрыла и эти

занесенные вѣтромъ прошлогодніе листья. Подъ ними показался уголокъ конверта. Она подняла его. Намокшій мусоръ выдѣлъ буквы адреса, но внутри письмо сохранилось, и только проникшей сыростью были смыты нѣкоторыя строчки. Оно было написано: «Твой недостойный сынъ Алексѣй»...

Пробѣжавъ послѣднюю страницу, Маруся поняла, что это то полученное дѣдомъ наканунѣ смерти письмо, которое она тщетно искала. Это было предсмертное покаяніе сына «... видно, судьба мститъ за то, что, увозя Ольгу, я скрылъ отъ нея мои отношенія къ Лизѣ. Я зналъ, что, несмотря на нѣкоторую легкомысленность, Оля никогда не рѣшилась бы сойтись со мною, если бы имѣла представленіе, что я женихъ своей невѣстки. И теперь я считаю нравственнымъ долгомъ заявить тебѣ и Лизѣ: виновать я одинъ, а она чиста передъ вами. Молю, простите меня оба! Ей у меня до сихъ поръ не хватаетъ духа сознаться, а я ее оставляю нищею и съ двумя дѣтьми, съ нею прижитыми, на придачу... Во имя этихъ дѣтей я и обращаюсь къ вамъ: пріютите ихъ! Мику просить не смѣю. Онъ и безъ того отдалъ намъ все, что имѣлъ. Сперва пятьдесятъ тысячъ для уплаты по срочнымъ обязательствамъ, а потомъ еще десять на выкупъ дома, къ залогу котораго я долженъ былъ прибѣгнуть, чтобы внести довѣренныя мнѣ чужія и случайно истраченныя мною деньги. Врачъ, который давно уже лечитъ меня и семью мою, и съ котораго я взялъ слово не скрывать правды именно въ виду моей запутанности, объяснилъ мнѣ, что при малѣйшемъ ухудшеніи мнѣ не сдобровать. Я самъ кое-что въ медицинѣ смыслю и видѣлъ достаточно примѣровъ среди товарищей, которые, какъ и я, жили во всю, не экономя на физическихъ, ни умственныхъ силъ, не щадя ни головного, ни спинного мозга; я наканунѣ прогрессивнаго паралича. Я обреченъ, и какъ обреченный прошу и пишу, пока еще не утрачены сознаніе и разумъ,— не отталкивайте тѣхъ, кто не виновать, за мою вину...»

Маруся читала это письмо и сразу ей нарисовалось, что долженъ былъ испытать дѣдъ, узнавъ объ обманѣ сына.

Вѣдъ Алексѣй Игнатьевичъ обманулъ не только ея мать, но и ту, ради которой онъ ее бросилъ.

Непремѣнно надо отдать матери это письмо. Оно ей лучше всего объяснить упорство Ольги Львовны, которое Маруся въ разговорѣ съ Елизаветой Ивановной истолковала желаніемъ тети Оли быть поближе къ штабу, чтобы имѣть поскорѣе свѣдѣнія о сынѣ...

Но когда съ этимъ смытымъ дождями конвертомъ въ рукахъ она подошла къ дому и увидѣла мать, весело и оживленно толковавшую съ Иваномъ Матвѣевичемъ на террасѣ, у нея не хватило духа нарушить ея настроеніе.

«Всегда успѣю... Зайдетъ разговоръ о тетѣ Олѣ, и тогда я и покажу это письмо. Пріятнымъ оно мамѣ все равно не будетъ, для

нея это будетъ крушеніемъ того, кто до сихъ поръ еще стоитъ на пьедесталѣ въ ея памяти».

Она сунула письмо въ карманъ и приняла участіе въ обсужденіи Терехова о желаемой имъ системѣ многополья и, къ удивленію Елизаветы Ивановны, говорила объ удобреніи земли, о тукахъ и о бобовыхъ, какъ о вещахъ, совершенно знакомыхъ.

— Откуда ты все это знаешь?

— Въ Публичной библіотекѣ вычитала,—отвѣтила дочь:—и даже собиралась въ школьную хрестоматію включить.

Иванъ Матвѣевичъ потеръ руки.

— Да, дѣла тутъ хоть отбавляй!.. Есть надъ чѣмъ поработать.

— И поработаемъ!—весело откликнулась Елизавета Ивановна.— А прежде всего составимъ смѣту.

Но когда дня черезъ три управляющій представилъ начисто переписанную опись всего, что, по его мнѣнію, требовалось для приведенія усадьбы въ порядокъ, Елизавета Ивановна только ахнула.

— Нѣтъ, нѣтъ! Подождемте... Ни о какомъ ремонтѣ дома и разговора пока не заводите...

— Конечно, самое лучшее скрыть его до основанія, а также и всѣ деревянныя постройки и замѣнить ихъ огнеупорными, какъ у князя Солнцева...

— То князь, у него и средства княжескія. Про службы я еще спорить не буду, но дома трогать, пока жива, не дамъ... Ну, а насчетъ инвентаря дѣло другое. Это ваше дѣло...

Зато у Маруси онъ нашель поддержку во всемъ.

Она сама заинтересовалась старыми книгами, и они вмѣстѣ разбирались въ сухихъ на видъ записяхъ расхода и прихода Колычевской вотчины за послѣдніе годы управленія пана Романа Юшкевича. Но изъ этихъ бездушныхъ цифръ вѣяло поэзіей старинной полной чаши...

«На трельяжи французскаго сада—20 фунтовъ зеленой краски; окрасить павильонъ амура—15 фунтовъ бѣлилъ; монументчику изъ Карауловки—5 рублей; за новый цоколь подъ вазу 3 р. 75 к.» и т. д. А потомъ шли перечисленія выписанныхъ изъ-за границы цвѣточныхъ сѣмянъ и клубней, яблоневыхъ саженцевъ, вишенъ и сливъ, сѣтокъ для грунтовыхъ сараевъ, стеколъ для оранжерей и парниковъ и поминалось: «крючки на ящики для конфетъ, кадки для олеандровъ на террасу»...

Въ доходахъ значились—четверики яблокъ, грушъ и пуды вишенъ, отправляемыхъ на базаръ, а затѣмъ «корбели» персиковъ и абрикосовъ, требуемыхъ въ Москву, ящики смоквы, «конфеты вѣчные» и просто «гляссе».

По подсчету Ивана Матвѣевича, фруктовый садъ давалъ въ тѣ времена чистаго дохода отъ двухъ до трехъ тысячъ рублей серебромъ въ годъ.

Маруся такъ увлеклась этими страницами, что разсѣянно слушала Терехова, читавшаго о поставкѣ зерна и муки въ Горскъ и Ржевъ, о количествѣ масла и яицъ, сбывавшихся въ Москву, о битой и живой птицѣ. Ее охватило теплое чувство близости съ прошлымъ, крѣпкой, неразрывной связи съ вотчинной почвою, на которой когда-то давали урожай одичавшія теперь яблоки и вишни, предоставленныя вполнѣ на произволъ природы... Сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, хотѣлось привести все въ порядокъ и вернуть хоть часть былого благоустройства.

— Я думаю,—говорилъ между тѣмъ Иванъ Матвѣевичъ:—имѣя около четырехсотъ даровыхъ рукъ на селѣ, можно было и двѣсти головъ скота держать и пятьсотъ десятинъ ежегодной запашки имѣть. Да еще и персики и ананасы выгонять... Попробуйте теперь, во что это вскочить!

Маруся очнулась.

— А знаете, что мнѣ въ голову пришло, не сейчасъ, я еще въ Липовкахъ объ этомъ думала. Вѣдь всѣ помѣщики жалуются на недостатокъ рабочихъ рукъ, а онѣ есть, и особенно у насъ тутъ въ Колычевѣ...

— Гдѣ же это? Я что-то не знаю... Либо на Евграфовку работаютъ мужики и бабы, либо на себя, на арендованной у васъ землѣ.

— А дѣти?

— Какія дѣти? Работа дѣтская, на что она годится? Больше напортятъ, чѣмъ наработаютъ.

— Конечно, но если смотрѣть за ними и учить ихъ...

Иванъ Матвѣевичъ даже снялъ очки.

— Это вы что же, сельско-хозяйственную школу открывать думаете?

— Да... но только совершенно особенную. Слушайте. Для того, чтобы именно дѣти не портили, а дѣйствительно работали съ пользой для себя и для дѣла, надо заинтересовать ихъ и дать имъ возможность принимать участіе не только въ трудѣ, но и въ прибыли. Вотъ я и думаю,—начнемте съ малаго, хотя бы съ одной десятины фруктоваго сада пока, и станемъ работать и учиться и ихъ учить. И повѣрьте, они сами будутъ зорко слѣдить за нерадивостью другихъ и преслѣдовать попытки портить, а тѣмъ болѣе уничтожать что-нибудь, потому что всякій ущербъ будетъ затрагивать интересъ каждаго... Конечно, я говорю еще такъ, «вчернѣ», но я обдумаю это все... По-моему, дѣло не можетъ не пойти. Въ Липовкѣ меня именно возмущало, что дѣтей учатъ тому, что имъ потомъ въ жизни вовсе не надо, а рассказать, какъ лучше удобрить землю, какъ использовать хотя бы тѣ полоски ея, которыя пропадаютъ передъ каждой избушкой,—ни полслова. Сажайте вмѣсто березъ и рябинъ яблони и груши на деревенской улицѣ...

— Воровать будутъ...

— Сперва—да, ну, а потомъ отвыкнуть. Вѣдь не воруютъ же другъ у друга овесъ и рожь? Нѣтъ, Иванъ Матвѣевичъ... Эти старыя книги говорятъ мнѣ совершенно ясно: земля твоя, но безъ мужицкихъ рукъ ты какъ безъ Божьяго благословенья! На своей землѣ учи тѣхъ, кто потомъ долженъ будетъ работать на родительской, общинной. Въ крѣпостное время трудъ былъ даровой, но это было несправедливо, а теперь... разъ я этимъ даровымъ, хотя и дѣтскимъ рукама дамъ по справедливой расцѣнкѣ слѣдующую часть того, что получу съ земли, это будетъ на пользу всѣмъ и имъ, и намъ...

Тереховъ глубоко задумался.

— Вотъ что, Марья Васильевна!.. Дѣло вы задумали, чую, и справедливое, и хорошее, и, пожалуй, выгодное. Но начинать его съ нынѣшней весны нельзя. Дайте мнѣ пока привести въ порядокъ хозяйство, получить хоть какой-нибудь доходишко съ Колычева, и тогда зимою вы спокойно можете хлопотать о вашей школѣ... А эти книги ужъ позвольте мнѣ держать у себя. Конечно, теперь времена инья, но изъ нихъ все-таки кое-чему поучиться можно; вы правы!..

Онъ бережно собралъ ихъ и перенесъ въ свою квартиру, бывшую когда-то Арефьевой. Тошенька только руками всплеснула, увидѣвъ его съ его ношей, но онъ свалилъ ихъ на столъ и хлопнулъ по переплету верхней такъ, что изъ нея вылетѣлъ цѣлый ураганъ стараго праха.

— Это, братъ, Тоша,—моя академія, не хуже Петровско-Разумовской!—заявилъ онъ женѣ и хотѣлъ обнять ее на радостяхъ, но она уклонилась отъ пыльных объятій.

Прошла еще недѣля. Маруся всецѣло отдалась мечтамъ о школѣ. Возможность вернуться къ полюбившемуся дѣлу, не только не порывая со старымъ гнѣздомъ, но, напротивъ, служа ему на пользу и восстановленіе, радовала ее такъ сильно, что Елизавета Ивановна даже спросила:

— Что съ тобой? Чего ты такъ сіяешь?

Онѣ сидѣли за утреннимъ кофе на террасѣ. Хмель уже бѣжалъ по старымъ проволокамъ и бросалъ на бѣлую скатерть и чашки узорныя тѣни. Птицы такъ и заливались, а на ступеняхъ нѣжился развалившійся Бунтикъ.

Маруся вскочила и стала душить мать поцѣлуями, какъ душила, бывало, дѣда...

— Ахъ, мамочка, если бы ты знала! Я хотѣла промолчать, но я такъ счастлива, такъ счастлива, что дольше не могу... Слушай же и, Бога ради, не возражай, пока я не кончу.

Но мать и не подумала возражать. Напротивъ, она сама начала рассказывать о томъ, какъ, въ свою очередь, тоже мечтала о школѣ и какъ рѣшила открыть ее въ подвалѣ, приведенномъ въ порядокъ

отпущенными къ нимъ на вольныя работы солдатами, а Маруся думала: «Какъ странно выходить съ моимъ портретомъ. Я его спрятала въ подвалъ, о которомъ мать мечтала, и теперь бѣлая дѣвушка мечтаетъ тамъ объ утрѣ новой жизни надъ только что дочитанной книгой. Надо мамѣ рассказать объ этомъ портретѣ... Вѣдь если я до сихъ поръ о немъ не говорила, то именно лишь не желая упоминать объ этомъ подвалѣ, котораго она такъ боится...»

Она уже собиралась открыть ротъ, но въ это время по залѣ раздалось шлепанье Грушкиныхъ ногъ и были поданы газеты за послѣдніе четыре дня.

Едва открыла Елизавета Ивановна номеръ, ея рука поднялась невольно и она перекрестилась:

— Что такое? что случилось?..—перепугалась Маруся.

— На... читай сама... я не могу... Какой ужасъ!.. Какой ударъ... самый худшій... Господи!.. за что? за что?..

Она зарыдала, упавъ лицомъ на столъ.

Маруся потемнѣвшими глазами читала о томъ, что въ Цусимскомъ проливѣ... (гдѣ это?..) погибло одиннадцать лучшихъ русскихъ судовъ, что сверхъ того сдались тѣ, которые шли подъ флагомъ Небогатова, и что только одно дошло до Владивостока...

«Главный морской штабъ сообщаетъ, что, по просьбѣ морского министерства, министерство иностранныхъ дѣлъ просило правительства нѣкоторыхъ иностранныхъ государствъ черезъ ихъ дипломатическихъ представителей въ Японіи выяснить фамиліи офицеровъ, доставленныхъ въ Японію съ судовъ эскадры генераль-адъютанта Рожественскаго, и путемъ опроса этихъ офицеровъ собрать свѣдѣнія о потеряхъ личнаго состава въ бою 14-го—15-го мая».

Она тоже опустила газету. Читать размышленія и комментаріи журналистовъ ей было не вѣдомо. Да и что могли сказать эти люди? Все, что бы они ни писали, было блѣднѣе сухихъ официальныхъ донесеній, съ ихъ рѣжущей душу истиной...

— Бѣдная... бѣдная тетя Оля!..

— Да... несчастная!—повторила и Елизавета Ивановна.

Маруся глядѣла въ садъ и съ ужасомъ видѣла и слышала, что онъ все еще цвѣтетъ и поетъ, и благоухаетъ, и хмель бросаетъ на столъ, на эти газеты съ такими страшными телеграммами узорно-золотые отсвѣты... Что же это такое? Развѣ можно жить опять...

— Но будемъ надѣяться, что Мика именно въ числѣ этихъ попавшихъ въ плѣнъ офицеровъ!—сказала опять мать, отирая глаза.

— Будемъ!—отвѣтила дочь и, закрывъ лицо руками, прошла въ угловую.

Онъ въ этой комнатѣ ночевалъ тогда съ Софроновымъ и въ ней долго держался ароматъ какихъ-то духовъ. Теперь они выдохлись. Думалъ ли онъ тогда, что черезъ полтора года...

Ясно представилось это рисовавшееся недавно такимъ спокойнымъ море, теперь изрытое волнами и всплесками падающихъ снарядовъ. Пѣнистая, тяжелая, зеленоватая, какъ бутылочное стекло, бездна пастью чудовища всасываетъ остовы только что гордо качавшихся броненосцевъ съ трубами и мачтами, на которыхъ все еще гордо бѣется бѣлый морской флагъ, и черезъ минуту всплываютъ послѣдніе обломки... Люди держатся за нихъ... А рядомъ падаютъ снаряды... и все меньше и меньше своихъ... Тонутъ крейсера... взрываются миноносцы... Люди, подхваченные волнами, относятся все дальше... Мускулы слабѣютъ, не выдерживаютъ... И толще, и темнѣе надъ головою слой зеленого, расплавленного, холоднаго стекла...

Но вѣдь есть и другіе, которыхъ уснѣли спасти, выловить... Много ли ихъ? И что теперь съ ними?

Елизавета Ивановна сама приняла къ сердцу судьбу Мики. Ей онъ сразу понравился, но она не догадывалась, чѣмъ онъ былъ для Маруси. А та по своей вкоренившейся привычкѣ не хотѣла волновать мать и молча несла свой страхъ и надежды. Она зарывалась въ домашнюю работу, но Иванъ Матвѣевичъ напрасно вызывалъ ее на разговоры о школѣ.

Что ей была теперь эта школа? Къ чему было мечтать и строить планы о возрожденіи Колычева? Если его уже нѣтъ, если тамъ въ вѣчной тѣмѣ океана, среди песковъ и водорослей спать онъ, Мика, тотъ, для кого одного стоило жить?.. И она воображала его на днѣ, и ей дѣлалось почти дурно при мысли, что вотъ какъ разъ въ эту минуту къ его дорогому трупу тянутся щупальцы подводныхъ чудовищъ съ липкими присосками.

Свѣтлыя, безлунныя ночи глядѣли въ сѣрую комнату съ фіалками, а на постели лежала безъ сна молодая дѣвушка и прислушивалась. Соловей все щелкалъ... Изъ столовой стучалъ маятникъ: «Живъ! нѣтъ! Живъ! нѣтъ!..» стучалъ безъ перерыва, и въ лады ему то падало, то оживало сердце... Наступало утро. Она вставала, машинально одѣвалась и причесывалась и уходила въ садъ, считая свои шаги: «Живъ? нѣтъ?..» Она считала листья на вѣткахъ и кукованія кукушекъ... Смотрѣла на небо и гадала:

«Если это облако не задѣнетъ солнца, онъ живъ».

И была счастлива, и радостно крестилась, когда оно благополучно проходило мимо, и замирала отъ ужаса, когда скрывалось солнце.

Сколько прошло такихъ дней?.. такихъ ночей?..

«Живъ! нѣтъ!.. Живъ! нѣтъ!..» считала она удары благовѣста 31-го мая въ день рожденія матери, собирался къ обѣднѣ. Опять Кузьмичъ задержался въ городѣ, и уже пятый день не было газетъ, а въ прежнихъ она напрасно искала обѣщанныхъ списковъ.

Отъ Ольги, или, вѣрнѣе, отъ Любаши, которой она писала, тоже не было отвѣта.

Давно оглохшій понамарь Омушка и не подозрѣвалъ, какъ жадно внимааетъ его искусному перезвону колычевская барышня въ старомъ, спрятанномъ въ зелени домѣ. И черные стрижи, и бѣлогрудыя ласточки кружились и весело щебетали, и вѣтеръ гудѣлъ въ пролетахъ, а понамарь все наступалъ на доску, привязанную къ языку главнаго колокола, звоня безъ усталы, безъ конца.

Наконецъ: «Живъ! живъ! живъ!..»—пропѣлъ послѣдній аккордъ.

И дѣйствительно, онъ былъ живъ. Развернувъ за завтракомъ газету отъ 26-го числа, Маруся нашла его имя: онъ значился раненымъ и въ плѣну. Нервы не выдержали. Въ присутствіи гостей она разрыдалась и убѣжала въ спальню.

— Что такое? что случилось?—встревоженно спрашивала Елизавета Ивановна, наклоняясь надъ зарывшейся головою въ подушки дочерью.

— Такъ... ничего... я вспомнила дѣдусю!..

«Что бы теперь ни случилось, я могу жить: онъ живъ и онъ вернется!» говорила она себѣ по уходѣ гостей у грота, не замѣчая, что разговариваетъ съ собою вслухъ, и эхо отвѣтило:

— Онъ вернется!

Маруся вздохнула и, сѣвъ на скамью, опять заплакала.

«Да! онъ вернется! онъ выживетъ. Его рана не смертельна, иначе онъ не могъ бы держаться на водѣ. Я буду ждать... я вѣрю! Онъ вернется, и тогда настанетъ тотъ радостный день, о которомъ мечтаетъ бѣлая дѣвушка на портретѣ. Пусть же она увидитъ этотъ день вмѣстѣ со мною. Пусть самъ Мика вынесетъ портретъ изъ подвала на Божій свѣтъ. А пока мы будемъ обѣ ждать, и я никому ни скажу ни слова, чтобы не взглянуть».

XXXIII.

Ахъ! ея глаза ни разу
Не спросили: кто ты? что ты?
Отчего ты хмурь и блѣденъ?
Отъ какой усталъ заботы?..

(«Листы пожелтѣлые». М. К.).

Какъ въ нагрѣваемомъ котлѣ, закипала застоявшаяся русская жизнь, и нѣтъ-нѣтъ на поверхности вскакивали и бурлили пузыри, но и въ Колычевѣ, и въ Евграфовкѣ пока царила тишь да гладь.

По вечерамъ лишь изъ открытыхъ оконъ Ивана Матвѣевича разносились горячіе споры «политиковъ»—Саввы Григорьевича и Иршарха Пяткина, сидѣльца винной лавки, частенько забѣгавшихъ къ управляющему. Тошенька умилительно улыбалась, наливая чай, мазала хлѣбъ и радовалась, что за ея самоваромъ

ведутся такіе умные разговоры и обсуждаются во всѣхъ подробностяхъ и страшные дни бунта на «Потемкинѣ», и приказы Линевица, и слухи о мирѣ, и близкій созывъ государственныхъ выборныхъ.

Маруся не ходила на эти чаепитія, хотя часто, сидя на темномъ крылечкѣ и вглядываясь въ черточку зари въ глубинѣ березовой просѣки, невольно слушала споры, но они мало задѣвали ее. Только заключеніе мира казалось важно, а остальное—Богъ съ нимъ! Съ Любашей завязалась было переписка, но никакихъ свѣдѣній изъ Японіи не было. Иногда въ концѣ письма зато дѣтскія каракули посылали ей поклонъ то за игрушку, то за какое-нибудь иное баловство, но къ концу іюня переписка эта оборвалась.

На дняхъ пришло извѣстіе о смерти Софронова, повергшее въ неистовый восторгъ Михайлу Демьяныча.

— Дождался!.. слава Те, Христось! Наконецъ-то!.. Что, хриstopродавцы, шкуру съ меня спустить думали, по восьми рублей за десятину заломили, рассчитывали, я къ вамъ на семь лѣтъ въ кабалу впишусь,—аъ на-те! Не даромъ на одинъ годъ-то аренда свята. Не дуракъ... Зналъ, что дѣлалъ. Теперь попляшете... Посмотрю, какъ безъ меня околачиваться начнете... Попробовали весною... Не понравилось... Подвезло вамъ... Не заболѣй я, сумѣлъ бы скрутить васъ. Да контракта съ акцизомъ рушить не хотѣлось, больно ужъ по карману-бъ ударило, а то ни въ жисть бы на ваши условія даже и на одинъ годъ не пошелъ... Зато теперь бариномъ первымъ въ губерніи заживу!

Онъ часто подымался на вышку въ бывшую комнату Данилы и оттуда смотрѣлъ на подступавшія почти къ самому цвѣтнику колычевскія поля...

— По книжкамъ... все по книжкамъ... Ишь, книжницы. Посмотримъ, на долго ли серебра-то хватить. Чернильницу на помощь наняли, да не перьями землю орутъ.

Эту землю не перьями и орали, а плугами-самолетами, и удобряли, и холили. Тамъ, гдѣ пропадали по лѣтамъ цѣлыя десятины подъ паромъ, чередуясь лишь съ яровыми и рожью, пестрѣла вика и разливалъ тонкій ароматъ душистый клеверъ, и синѣли опять, какъ въ старину, голубые глазки льна, а щетки тимофѣвки разрѣзали полосы гречихи, и усатый ячмень и рожь переливались длинными волнами, окаймленные по межамъ яркимъ макомъ. За этими раздѣланными полями еще сѣрѣ казались нахлобученныя на старыя срубы крыши Метелицъ, но отъ нихъ Михайла Демьянычъ сердито отворачивался. Не изъ раскаянія или сожалѣнія о былой сударкѣ, а чтобы напоминаніемъ о такихъ дѣлахъ не раздражать воображенія. Савва Григорьевичъ наложилъ на него обѣтъ полного воздержанія—ни бабъ, ни вина. Иначе—крышка! Даже запретилъ сидѣть въ ректификаціонной, увѣряя, что его организму вреденъ самый духъ сивушины, и Фетиша зорко слѣдила за хозяиномъ.

Чего не вынесла она зато за эти мѣсяцы! Ей въ глаза говорились оскорбительные намеки, ее осыпали изысканными ругательствами, объ нее разбивали стаканы, швыряли тарелки, а она все терпѣла. Изъ преданности или расчета?

Отвѣтить она бы не сумѣла, такъ тѣсно срослись въ ея душѣ и привычка, и боязнь одиночества на старости, надвигавшейся откуда-то изъ вѣчности медленными, но вѣрными шагами.

Она давно уже пронюхала о поѣздкѣ Лезара съ Анюткою къ слѣдователю и сумѣла не только встрѣтиться съ теткой ея, Лукерьей Яковной, но такъ ей мило поклониться и освѣдомиться о сынѣ, ушедшемъ въ Манчжурію, что баба сразу размякла.

— А Анна Тихоновна все еще у васъ гостить? Ну, какъ она поживаетъ? Ахъ, Господи! вотъ ужъ грѣхъ-то! и вспоминать не охота! Да вы ее успокойте, скажите, пусть повременить маленько, а я ужъ нашего опять оберну къ ней. Теперь еще рановато, все еще хмель въ немъ бродить, боюсь озорства новаго. Ничего, отойдетъ! И слово мое помяните, безпремѣнно позоветъ ее и такъ озолотить, какъ ей и во снѣ не снилось. Завсегда такъ,—съ сердцовъ свѣта не видить. а остынетъ—веревки изъ него вей. Только пока ее на глаза къ нему не пускайте, а я ужъ дамъ знать, когда пора придеть.

Въ доказательство своей искренности, она нѣтъ-нѣтъ и пересылала Анюткѣ тайкомъ то одну, то другую вещь изъ оставшагося въ домѣ ея гардероба,—и хотя ни страусовое боа, ни ажурные чулки не подходили къ ситцевымъ наволокамъ и пологу, покоившимъ нынѣ побѣдную головушку отставной душеньки, но они производили впечатлѣніе.

Встрѣтивъ позднѣе и самое Анютку, она остановилась на ходу.

— Ну, теперь ждать не долго. Вчерась о тебѣ спросилъ: куда это, моль, охальница эта, собачья дочь дѣвалась? Ты на слова его такія не обижайся,—сама, не бойсь, знаешь, что это просто такъ, для отвода глазъ. Разъ спросилъ, значить, интересъ къ тебѣ имѣеть. Я ему сказала,—ты въ Москвѣ, у мачехи. Такъ ты ужъ и будь осторожнѣе, не показывайся!

Анютка даже уши развѣсила, Лезарь, услыхавъ, насупился.

— Чего жъ ты жалобу писать ѣздил, коли сама вернуться подумываешь? Только посмѣй! Тогда ужъ я тебя покалѣчу, да такъ, чтобы больше сраму черезъ тебя не имѣть! Попробуй!

Несчастливая бабенка не знала, какъ быть.

И вотъ въ концѣ іюля, въ знойное утро, когда она, съ караваемъ подъ мышкой изувѣченной руки и кувшиномъ кваса въ здоровой, трусила по дорогѣ, по которой ее несъ когда-то Данила, ей попалась навстрѣчу пролетка, а въ ней тотъ самый баринъ со стеклышкомъ въ глазу, что принялъ отъ дяденьки Лезара ея жалобу... Рядомъ съ нимъ сидѣлъ не то дьячокъ, не то монахъ въ подрясникѣ

и безъ шапки. Они свернули налѣво по дорогѣ съ березами на Колычевскій дворъ.

— Батюшки! что это будетъ?—вздохнула Анютка и еще быстрѣе засеменила красивыми босыми ногами.

— Тетенька, судьи пріѣхали,—заявила она жавшей рожь Лукерья:—не иначе какъ Михайлу Демьяныча къ допросу брать изъ-за меня!

Она ошиблась только въ одномъ,—Евграфова собирались дѣйствительно призвать къ допросу, не не изъ-за нея.

Елизавета Ивановна и Маруся были очень удивлены, увидавъ свернувшій во дворъ экипажъ. Слѣдователя, пріѣзжавшаго еще осенью, Маруся сразу узнала, тѣмъ не менѣе онъ счелъ долгомъ отрекомендоваться:

— Аверьянъ Митрофановичъ Листовскій.

Но человекъ въ подрясникѣ молчалъ и не отрываясь глядѣлъ на хозяекъ.

Посѣдѣли волосы и постарѣло лицо, а черныя дуги бровей все такъ же отѣняли сѣрые знакомые глаза, и знакомы были глаза и той, молодой. Это были глаза человека, давно покоившагося въ мерзлой землѣ, котораго онъ все еще ненавидѣлъ, несмотря на годы, на посты, на свои босыя ноги и тысячи отбитыхъ земныхъ поклоновъ, какъ ненавидѣлъ въ то время, когда былъ шаферомъ его невѣсты. И, несмотря на эту ненависть, чуть она, воздушно бѣлая, въ фатѣ и кружевахъ, обернулась къ нему въ церкви и сказала: «Надѣньте мнѣ вѣнецъ, совсѣмъ надѣньте, на счастье!» онъ послушно опустил этотъ тяжелый золоченый вѣнецъ съ иконками на ея увѣчанную жемчугами головку, а на клиросѣ пѣвчие старательно выводили: «Возложи-и на главы-ы ихъ вѣнцы-ы!»—и ему хотѣлось плакать. А потомъ въ залѣ съ малиновой шелковой мебелью онъ надрываясь кричалъ: «горько!» и ему было снова до слезъ горько и обидно смотрѣть, какъ смущенно-радостно она цѣловалась съ молодымъ мужемъ.

— Степанъ Захаровичъ Шемаевъ!—отрекомендовалъ его Листовскій.

«Такъ вотъ кто... И за этого-то меня хотѣлъ просватать фатенька?» но рука съ обручальнымъ кольцомъ сама протянулась къ огромной и грубой рукѣ.

— Неужели? Господи, столько лѣтъ! Маруся, это братъ Мирона Захаровича... Моя дочь...

Тѣ же комнаты... тѣ же обои въ залѣ. Онъ узналъ ихъ золотые букеты,—но мебель въ чехлахъ и вмѣсто люстры безобразный и плохо выбѣленный столбъ по срединѣ. Полы ли покосились, или у него кружится голова?

— Не садитесь на этотъ стулъ, ножка сломана! Маруся, дай другой.

Слѣдователь выхватываетъ стуль изъ рукъ барышни и шепчетъ:

— Какъ вы эффектны сегодня! Я налюбоваться не могу!

Маруся удивленно оглядываетъ его и подсаживается къ матери, у которой все веселѣе играетъ лицо отъ того, что ей говорить Степанъ.

— Простите, пожалуйста!—обращается Листовскій къ хозяйкѣ:—я думаю, вы поражены нашимъ появленіемъ. Но со Степаномъ Захаровичемъ вы, какъ я слышалъ, старые знакомыс. Да и я радъ случаю возобновить знакомство, а кстати побесѣдовать и по дѣлу.

Лицо Елизаветы Ивановны начинаетъ дергаться.

— По какому дѣлу?

— Не бойтесь,—говоритъ Шемаевъ:—ужь коли я тутъ, то по хорошему для васъ!

— По-озвольте!—останавливаетъ слѣдователь:—все своимъ порядкомъ. Вотъ,—видите ли, у меня тутъ очень интересный для васъ документъ.

Онъ вынимаетъ сложенный вчетверо листъ бумаги и читаетъ полицейскій протоколъ о томъ, что «въ пятницу 22-го текущаго іюля, находясь въ гостиницѣ «Ардаганъ», содержимой горскимъ 2-й гильдіи купцомъ Артамономъ Денисовымъ Мижуревымъ, сынъ отставнаго коллежскаго регистратора Семенъ Ивановъ Зюкинъ, въ присутствіи потомственнаго почетнаго гражданина Степана Захарова Шемаева, купеческаго сына Андрея Семенова Пастухова и мѣщанина города Горска Косьмы Пантелеева Климухина говорилъ о томъ, что, по наущенію и просьбѣ купца 1-й гильдіи Михаила Демьянова Евграфова, онъ, Зюкинъ составилъ неправильную запродажную на клинъ въ 26 десятинъ земли и плотину черезъ рѣку Оболонь съ мельницею, принадлежавшій помѣщицѣ, вдовѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Александрѣ Николаевнѣ Сотовой, и далъ подписать ее довѣренному приказчику оной помѣщицы, Арефію Галкину, вмѣсто договоренной передаточной на аренду названнаго клина».

Маруся такъ и захлопала въ ладоши.

— Видишь, мамочка? видишь! Арефій былъ правъ, когда клялся, что Михалка обманулъ его.

— Значить, у васъ имѣются тоже доказательства?—спросилъ слѣдователь.

— Какія? Наше дѣло, тяжба изъ-за этого клина, прошло черезъ судъ и палату, и намъ вездѣ было отказано, потому что Арефій давно умеръ. И мы столько уже просудили денегъ, что, право, нехота вновь подымать этотъ споръ, да и возится мнѣ самой придется.

— Эхъ, поручите мнѣ пока это, Елизавета Ивановна,—вызвался Шемаевъ.—Я здѣсь все равно околачиваться буду. Маменька-

покойница меня наслѣдникомъ записала, это ее поминаючи я съ пріятелями въ «Ардаганъ» засидѣлся. О всѣхъ говорили, ну, и о васъ, о томъ, что за ворогъ вамъ сосѣдъ вашъ. Зюкинъ тутъ хвататься и начни, старая крыса приказная, что вотъ какого чело-вѣка въ кулакѣ держать. Онъ его наемни на чемъ-то обсчиталъ, такъ въ немъ досада и говорила, а я его цапъ-царапъ. Позвали полицію и его слова и запротоколили. Онъ струхнулъ, на попятный думалъ, а мы емудохнуть не дали. Сознавайся! Дайте мнѣ теперь дѣло въ руки, Елизавета Ивановна. я доведу его до конца. Отъ меня Михалка вашъ не отвертится. Обоихъ ихъ съ Зюкинымъ упеку. Вѣдь это такіе плевелы! Одинъ мошенникъ, да еще народъ спаиваетъ, а другой клевететъ его и гадина самъ по себѣ. Сколько онъ сиротъ обидѣлъ! Сколько изъ-за него хорошихъ людей съ протянутой рукою шатаются!.. На одну ихъ веревку обоихъ, и все тутъ!.. Потому, какъ дѣло выиграете, все назадъ получите, и клипъ, и деньги про-суженныя до единой копейки...

Послѣ обѣда всѣ вышли въ садъ. Листовскій восхищался его запущенностью, но Шемаеву было больно. Все измѣнилось, все заросло. Маруся, идя сзади съ Листовскимъ, наблюдала Степана. Онъ ее очень интриговалъ и шокировалъ своимъ подрысникомъ, а особенно босыми ступнями, рѣзавшими глазъ. Что это такое? Рисовка или обѣтъ послушанія? Наложенная добровольно на себя эпитемья? Но какъ же при этомъ ходить по трактирамъ и бражни-чать?

Листовскій шелъ рядомъ и, поводя кончикомъ носа, презри-тельно пофыркивалъ и говорилъ сквозь зубы Марусѣ:

— Онъ, знаете, не нашего круга, но au fond недурной малыи и не безъ юмора. Конечно, грубоватъ и потомъ этотъ костюмъ. Но я выше этого. М-ше Уткина, жена воинскаго начальника, въ ужасѣ, говорить, это юродивый, его въ монастырь сослать надо. Вы зна-комы съ м-ше Уткиной? Нѣтъ? О, она очень мила. Конечно, есть и интереснѣе ее, но *faute de mieux*, и съ ней можно проводить время въ провинціи.

Они дошли до кулиги.

— Ва!.. а заборъ опять уже тутъ!—воскликнулъ Листовскій.— Это воплощенная сказка про бѣлаго бычка. Чего же вы не обра-титесь къ уряднику?

— Знаете, мнѣ такъ надоѣло бороться,—отвѣтила Елизавета Ивановна:—что я рѣшила махнуть рукой.

— Напрасно! Отъ своего права отказываться никогда не надо.

Шемаевъ подошелъ къ досчатой стѣнѣ, и не успѣли другіе опомниться, раздался трескъ,—одна изъ тесинъ была оторвана и отброшена въ сторону, за ней полетѣла и другая. Степанъ Захаро-вичъ пролѣзъ въ образовавшуюся щель и, удѣпившись за верх-нюю перекладину, сталъ распатывать все звено.

— Степанъ Захаровичъ, Бога ради!—уговаривали Яшневы.

Но доски трещали и соскакивали, упругіе мускулы нажимали гнущееся дерево, и съ грохотомъ упалъ кусокъ забора, обнажая вязъ и сбѣняемыя имъ могилы. Шемаевъ молча принялся за второе звено.

Михайла Демьянычъ сидѣлъ на террасѣ, когда черезъ цвѣтникъ, все съ тѣми же зеркальными шарами, прибѣжала запыхавшаяся Фетиша.

— Батюшки, заборъ!.. заборъ разрушили!

— Кто? что? анаема!—разразился хозяинъ и, напяливая на ходу картузь, заторопился на кулигу.

Черезъ образовавшійся въ заборѣ пролетъ была видна кучка людей, а впереди кудлатый великанъ въ подрясникѣ распатываль врытый въ землю столбъ.

— Эй! ты чего тутъ, мерзавецъ? Какъ смѣешь?—началь было Евграфовъ, но въ это время Шемаевъ вывернулъ столбъ и, взваливъ его на плечи, прошелъ мимо, твердо ступая босыми ногами.

— Не замай!.. расшибу!..

Михайла Демьянычъ онѣмѣлъ. Онъ узналъ выворачивающаго столбы великана и помнилъ съ молодости знакомые всей молодежи его времени удалые кулаки. Пыхтя и сопя, злобно, по-вольчи окидываль онъ взглядомъ стоявшихъ поодаль въ компаніи знакомаго слѣдователя колычевскихъ помѣщицъ.

«Добились! Во имя закона, значить, права свои восстанавлиютъ».

— Эй, посторонись!—раздалось снова, и новый столбъ покатился вглубь мощенаго двора, задѣвъ его слегка по ногамъ.

— Иродъ!—просипѣлъ Михайла Демьянычъ и круто повернулся на каблукѣхъ.

— Стой!—закричалъ Степанъ.—Мнѣ еще слово тебѣ сказать надо, по дружбѣ предупредить. Тебѣ въ тюремной швальнѣ халать сѣрый шють, такъ какъ его прикажешь, пошире, али поуже кроить?

— Тьфу!—сплюнулъ Михайла Демьянычъ.

— Не плюйся и не кручинься! Не одинъ клоповъ кормить будешь, съ пріятелемъ закадычнымъ, съ Зюкинымъ. А ты мнѣ топоръ дай, ужъ такъ и быть потружусь на тебя. Или еще лучше, пошли-ка народъ заборъ поставить... Эй, ребята!—крикнулъ онъ самъ рабочимъ, высыпавшимъ на голоса изъ ремонтируемаго заводскаго корпуса,—подсобляй. Заборъ на мѣсто ставъ. Хозяинъ маленько ошибся, нечаянно по привычкѣ землицы чужой прихватилъ... Ну-ну! живо поворачивайся, не то я самъ за каждымъ приду...

Рабочіе мялись на мѣстѣ, но одинъ, мрачный и съ выпачканной известкою бородой, двинулся и большими размашистыми шагами подошелъ къ могиламъ.

— Эй, берись!.. Чего стали?—крикнулъ онъ, ухватившись за копецъ звена.

На глазахъ хозяина снова поднялась досчатая стѣна и скрыла могилы и вязъ. Степанъ, подобравъ подрясникъ, вскарабкался на дерево и оттуда погрозилъ кулакомъ Евграфову.

— А коли ты еще разъ на эту землю покусишься, со мною дѣло имѣть будешь, такъ и знай! Пока жъ до свиданья! Увидимся скорѣе, чѣмъ думаешь.

Онъ спрыгнулъ и догналъ остальныхъ въ аллеѣ.

— Спасибо!—вырвалось у Маруси, сразу простившей ему и подрясникъ и его огромныя босыя ступни.

XXXXIV.

Я въ тоскѣ шепнула: «Сестры,
Силь нѣтъ дольше жить!»
Ангель вынулъ мечъ свой острый
И обрѣзалъ нить.

(«Листы пожелтѣлые». М. К.).

Горскій исправникъ, со времени возвращенія Степана Шемаева, каждый день молилъ Бога, да покинетъ сей прибрѣдшій пѣшкомъ на сорочины матери блудный сынъ предѣлы родного града, такъ какъ родство его съ уважаемымъ головою Мирономъ Захаровичемъ не позволяло распорядиться съ нимъ, какъ со всякимъ инымъ безпокойнымъ обывателемъ. Мѣшало тому и ожидаемое утвержденіе духовнаго завѣщанія, по которому въ руки кудлатаго босяка переходило чуть не полъ-улицы домовъ съ лавками и почти двѣсти тысячъ наличнаго капитала.

А онъ продолжалъ творить чудеса на потѣху вдругъ оживившагося захолустья, и всего обиднѣе казалось, что въ этихъ выходахъ ничего противозаконнаго не было, а были онѣ направлены единственно противъ пьянства согражданъ.

Жаловались на него содержатели гостиницъ и пивныхъ, будто онъ своими рѣчами посѣтителей отъ рюмки лишней и кружки удерживаетъ, а онъ послѣ этого явился въ ресторанъ «Ардаганъ» и скупилъ всѣ бутылки вина и водки и весь дневной запасъ пива, выложивъ сразу полностью деньги тутъ же на стойку.

— Помилуйте, мы на выносъ не торгуемъ!—заявилъ буфетчикъ, когда Шемаевъ приказалъ все имъ купленное сложить въ корзины и нести за собою.

— А кто тебѣ говоритъ, что я это на выносъ беру? Неси въ задній кабинетъ.

Половые спѣшно потащили питія въ комнату съ завѣшаннымъ окномъ во дворъ, ожидая грандіозной попойки съ приглашенными, конечно, заранѣе гостями, но, къ ихъ удивленію, Шемаевъ приказалъ:

— Открой окно!—и сталь спокойно выбрасывать бутылку за бутылкой, цѣлясь въ уголь хозяйской конюшни.

— Помилуйте! это нельзя! это безобразіе!—заметался буфетчикъ.—Я за полиціей пошлю.

— Ты мнѣ сказалъ, что торгуешь не на выносъ, я не на выносъ и купилъ, а на выбросъ, и этого запретить мнѣ никто не властенъ, потому что и закона такого нѣтъ,—такъ же спокойно отвѣтилъ Степанъ и продолжалъ швырять бутылки, весело прибавляя:—на! на! на!.. А это за уборку битой посуды!—прибавилъ онъ, сунувъ ему въ руку трешницу, когда разбился послѣдній флаконъ токайскаго и легъ поверхъ остальной груды стеклянныхъ осколковъ въ лужѣ вина и пива.—Теперь иди и жалуйся!

Когда доложили исправнику, тотъ снова лишь руками развелъ, но черезъ четверть часа къ нему стучался самъ виновникъ:

— Я пришелъ лично доложить о себѣ, чтобъ не беспокоили ваше-скородіе другіе,—заявилъ онъ почтительно.—Вотъ-съ получите! Это на пріютъ, или мнѣ начальницѣ самой вручить прикажете?

Простой народъ ходилъ за нимъ сперва толпами. Подрясникъ, непокрытая голова, босыя ноги и посохъ давали ему видъ пророка или блаженнаго. Къ нему стали прибѣгать за совѣтомъ и даже за молитвой.

Совѣтъ у него былъ одинъ для всѣхъ: «Не топи душу въ винѣ!» Молитвы онъ никому не давалъ, а неукоснительно говорилъ: «Молись самъ (или сама). Всякая молитва до Бога доходить, а я много грѣшнѣе тебя, и мнѣ и своихъ грѣховъ за мой вѣкъ не отмольтъ».

Однимъ словомъ, придратъся было рѣшительно не къ чему.

Но, вернувшись изъ Колычева, Шемаевъ вдругъ притихъ, и полиція облегченно вздохнула.

Однако надолго успокоиться ей не пришлось.

Котель общественной жизни раскипался не на шутку, и атмосфера уѣзднаго захолустья сгушалась ежедневно. Особенно много хлопотъ было съ учащимися. Они въ первую голову узнавали всѣ самыя свѣжія новости и разносили ихъ по городу, собираясь то въ городскомъ саду, то у кого-нибудь изъ товарищей и не пускали рѣшительно никого на свои засѣданія, хотя все то тайное, что докладывалось на нихъ и обсуждалось въ строго контролируемой компаніи, сразу становилось извѣстно. Никогда обывательскіе диваны у воротъ такъ не просиживались, никогда не собиралась около нихъ такими кучами скорлупа подсолнуховъ и не валялось столько окурковъ, какъ въ этотъ августъ мѣсяць.

Портсмутскій миръ... манифестъ 6-го августа... разрѣшеніе собраній... предстоящіе выборы въ государственную думу...

Стоячее уѣздное болото принимало жадно каждую вѣсть. Каждый слухъ падалъ въ него камнемъ и разрывалъ зеленую ряску, затянувшую толстымъ слоємъ черную воду. Все сильнѣе колы-

халась эта вода, но со дна всплывала ржавая муть и не давала очиститься болоту и излиться свѣтлымъ, напоеннымъ свѣжимъ кислородомъ русскимъ ручьемъ...

Тревожное состояніе пока еще не перекидывалось вглубь, и въ Колычевѣ и въ Евграфовкѣ мирно кончалась полевая уборка и ремонтъ хозяйственныхъ построекъ.

Иванъ Матвѣевичъ потиралъ отъ удовольствія руки.

Если макъ и не оправдалъ ожиданій и отдѣлался лишь пышнымъ цвѣтомъ, то вика, клеверъ и тимофѣевка дали хорошій запасъ, а надъ скотнымъ и конюшней ярко-зеленая, свѣже выкрашенные крыши говорили очень краснорѣчиво всякому взору, привыкшему къ ихъ прежнему заплатанному виду, и крестьяне завистливо оглядывали четырехъ новыхъ холмогорокъ и двухъ бѣлыхъ съ черными пятнами голландокъ, мычавшихъ на выгонѣ.

Платить по второй закладной не приходилось,—она была погашена, а проценты по первой никого въ усадьбѣ не тревожили,—деньги лежали въ банкѣ. Домъ былъ тоже подправленъ, но Иванъ Матвѣевичъ, вопреки хозяйкѣ, мечталъ построить новый.

Въ Евграфовкѣ тоже былъ конченъ ремонтъ завода и велись переговоры о покупкѣ Новаго съ наслѣдниками Софронова, заломившими такую цѣну, что Михайла Демьянычъ только изъ спеси не сыгралъ на попятный. Ожидалось, однако, что по возвращеніи съ войны средняго брата оба проживавшихъ въ Петербургѣ отдаленныхъ родственника бывшего жуира стануть поговорчивѣе, но пока ни о какой сбавкѣ они и слышать не хотѣли.

Поэтому повелитель Евграфовки былъ опять не въ духѣ, и управляющій, явившійся узнать, когда онъ думаетъ пустить въ ходъ винокурку, получилъ сопровождаемый фырканьемъ отвѣтъ:

— Вѣкъ послѣ Вздвиженья пуцали, такъ на что жъ сегодня мѣнять!

— Значить, 15-го?

— Значить, 15-го, а не 17-го, потому для тебя календаря перекраивать не стануть.

Едва вышелъ управляющій, вошелъ конторщикъ и подалъ почту.

— А тамъ еще повѣстка отъ слѣдователя.

— Какая повѣстка? Что этому лиху одноглазому отъ меня надоть?

Пришлось, однако, расписаться въ полученіи и вскрыть казенный пакетъ. Хозяинъ позеленѣлъ. На 15-е число его вызывали въ Горскъ, во-первыхъ, по дѣлу объ увѣчьѣ солдатской жены Анны Тихоновой Корнѣевой, а, во-вторыхъ, по дѣлу о присвоеніи обманнымъ образомъ двадцати шести десятинъ земли, принадлежавшихъ наслѣдницѣ покойной вдовы дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Сотовой.

— Да что этотъ фигля-мигля бѣлены объѣлся?.. Два года назадъ дѣло въ палатѣ выиграно, чего они опять заворошились. И Зюкинъ тоже!.. опять прозѣвалъ? Пьетъ безъ просыпа... Ужъ я ему покажу! А вы, матушки, тоже порадуетесь у меня. Серебра вашего не надолго хватить, живо его со мною просудите.

Тѣмъ не менѣе 14-го сразу послѣ молебна пришлось ѣхать въ Горскъ.

Утромъ въ этотъ день Маруся проснулась отъ благовѣста и вспомнила, что сегодня ровно четыре мѣсяца Цусимскому бою.

Миръ былъ заключенъ, но о возвращеніи плѣнныхъ ничего слышно не было, и отъ Ольги Львовны никакихъ вѣстей съ конца іюня такъ и не приходило. Она въ августѣ снова попыталась написать Любашѣ, но та опять не откликнулась, и на душѣ было тяжело и тоскливо.

Въ ладъ ея грустнымъ думамъ по жолобамъ заплѣла вода, и дождь забарабанилъ въ окна. Старыя деревья шумѣли и гудѣли. Опять начинается осенняя распутица, и сиди недѣлями дома безъ газетъ. Единственной отрадой былъ вчерашній разговоръ съ Тереховымъ, принесшимъ ей набросанный имъ планъ новаго дома, въ которомъ онъ предлагалъ отвести нижній этажъ подъ жилье, а верхній подъ школу, и Маруся стала въ мысляхъ распредѣлять комнаты и классы.

Вечеромъ, однако, Андрюшка принесъ и газеты и письмо. Конвертъ былъ надписанъ Любашей, но самое письмо карандашомъ писала Ольга, дрожащей и не разъ, видно, отрывавшейся отъ бумаги рукою.

«Марусичка! Не дано, кажется, будетъ мнѣ дожидаться радостнаго дня возвращенія Мики изъ плѣна. Онъ раненъ, но теперь, слава Богу, давно оправился, хотя и отнята у него кисть правой руки.—«Боже мой! Боже мой!»—Маруся побѣлѣла... «Онъ утѣшаетъ меня, что нынче хорошо дѣлаютъ искусственныя, никто не замѣтитъ его увѣчья. Но, конечно, отъ судовой службы во флотѣ ему придется отказаться и искать чего-нибудь на берегу. Я молила Бога дать мнѣ, его грѣшной матери, дожить до его возвращенія, но съ іюня я хвораю. У меня ракъ, и второй мѣсяцъ я лежу въ клиникѣ. Мнѣ сдѣлали операцію, и по лицамъ сидѣлокъ я вижу, что мнѣ не встать. Ты звала насъ въ Колычево. Я боялась тогда Лизы, но думаю, неужели она стала бы ревновать меня, мертвую, къ мертвому и не простила бы мою невольную вину сыну? Во всякомъ случаѣ, я очень прошу у нея опять прощенія и горюю, что то письмо Алексѣя не дошло или было уничтожено Игнатіемъ Львовичемъ. Мика писалъ, что лишь теперь въ Японіи ему переслали письмо, посланное Лизой въ мартѣ, гдѣ она пишетъ, что «Яшневъ» имѣетъ неотъемлемое право на ея полное участіе. Леня усыновленъ Алексѣемъ и носить его отчество и фамилію. Спасибо же ей впередъ! Я благодарю ее, если она приметъ его въ вашу семью

и дать ему образованіе. Конечно, я могла бы похлопотать и помѣстить его въ какое-нибудь учебное заведеніе въ интернатъ, но онъ такъ еще малъ, ему нужна женская забота и ласка, а Мику я стѣснять не хочу. Мы и то существовали все это время на его береговое жалованье, а что дадутъ ему теперь, когда онъ вернется? Ему и на себя этихъ 82 рублей едва хватить. Прости, что безпокою тебя и передай твоей мамѣ земной поклонъ за ея готовность призрѣть моего мальчику, котораго я завѣщаю ей и тебѣ. Дай Богъ, чтобы его жизнь сложилась удачнѣе, чѣмъ жизнь моего Мики. Мучить: неужели его искалѣченная жизнь искупленіе грѣшной жизни его родившихъ? Мамѣ твоей я писать не рѣшаюсь: я боюсь ея строгихъ глазъ, но, падѣюсь, они станутъ ласковыми для Лени».

Нервы Елизаветы Ивановны совершенно за лѣто окрѣпли, но она задергала лицомъ, читая это молча поданное Марусей письмо.

— Да!.. она права... Она имѣла основаніе не любить меня и бояться... и я не понимаю, какъ она и сейчасъ пишетъ, что «невольню» виновата передо мною? Увлечъ хужого жениха...

— Мамочка! она этого не знала... она не подозрѣвала, что дядя Леша твой женихъ...

— Этого быть не можетъ!

Но Маруся быстро сбѣгала въ угловую и принесла смытый дождями конвертъ.

Мать поблѣднѣла. Она узнала руку Алексеѣя.

— Уйди... я позову тебя.

Черезъ полчаса изъ спальни раздалось:

— Маруся!

— Господи! неужели она опять сердится?—перекрестилась дочь, отирая распухшія отъ слезъ вѣки.

Она начала оправдываться, что весною изъ боязни за ея здоровье утаила письмо, но Елизавета Ивановна ее перебила:

— Дѣло не обо мнѣ. Ты сейчасъ же поѣдешь въ Петербургъ и останешься у Оли. Она будетъ тебѣ, конечно, страшно рада, а если ей суждено умереть, ты мнѣ привезешь Леню.

Съ 20-го сентября Маруся опять жила въ Петербургѣ. Въ положеніи Ольги Львовны, переведенной, съ ея приѣзда, изъ общей палаты городской больницы въ отдѣльную комнату частной, сразу наступило улучшеніе. Она даже заговорила о полномъ выздоровленіи, но доктора называли его лишь отерочкой конца. А Ольга Львовна вся въ бѣломъ въ своей бѣлой комнатѣ, съ бѣлыми пышными хризантемами на столикѣ у кровати, которые ей черезъ день привозилъ теперь Леня, покупая ихъ на «свои» деньги, лежала радостно просвѣтленная и ласково улыбалась мальчику, прижимавшемуся къ кузничѣ.

— Какъ вы оба похожи!—говорила она.—Я увѣрена, что Вѣруша была бы вылитая ты...

Часто и много говорили о Микѣ. Читали его письма. Коротко и отрывисто писалъ онъ, потому что, несмотря на заключенный миръ, письма шли черезъ японскую цензуру.

«Не правда ли, я дѣлаю успѣхи въ каллиграфіи?—писалъ онъ, а у Маруси болѣла душа.—Я убѣжденъ, что во мнѣ до сихъ поръ таились таланты лѣвши, и нахожу, что можно отлично обходиться одной рукою, иногда лишь помогая себѣ зубами».

Ленѣ онъ посылалъ открытки съ японскими видами и рассказывалъ, какъ строго воспитываются дѣти въ японской школѣ, и какъ хорошо сидятъ за уроками на американскихъ партахъ въ классѣ и стройно попарно выходятъ въ перемѣны играть во дворѣ.

Кругомъ за стѣнами больницы кипѣлъ ключомъ огромный городъ. Надвигались великіе дни. Страсти разгорались. Переоцѣнивалась жизнь, и то замирала, то мчала и крутила въ водоворотахъ желавшихъ и не желавшихъ перестраивать ее, но въ бѣлой больницѣ шли перевязки и операціи, поступали и выписывались больные, и ночью, крадучись по усталаннымъ половиками коридорамъ, санитары иногда на длинныхъ носилкахъ тихонько, не нарушая покоя остальныхъ, уносили по черному ходу тѣхъ, кому отнынѣ была уже безразлична судьба родной земли.

Въ одну изъ этихъ октябрьскихъ ночей, когда на улицахъ не горѣло электричество, когда молчали все фабрики и ни одинъ заводскій гудокъ не будилъ столицы, умерла внезапно и безболѣзненно та, что пѣла когда-то Травіату и Джульету и у подножія гроба которой театральнѣй Ромео выпивалъ свой ядъ подъ рыданіе оркестра.

Странно, пѣвица Олина ни разу не вспомнила о сценѣ, но Маруся, стоя у ея изголовья въ бѣлой часовнѣ, невольно думала, сколько разъ Ольга Львовна переживала уже собственную смерть, лежа на глазахъ у сотенъ людей, съ закрытыми вѣками и безвольными членами, какъ лежала сейчасъ на этой первой панихидѣ, гдѣ присутствовала только одна Маруся, не рискнувъ привести Леню, отправленнаго съ Любашей на телеграфъ.

Вернувшись домой, она услышала: телеграммъ не берутъ и поѣзда не ходятъ. Приходилось поневолѣ ждать.

Похороны Ольги Львовны состоялись какъ разъ въ то утро, когда выпущенный наканунѣ манифестъ вызвалъ на улицу почти все населеніе Петербурга. Увидавъ изъ окна кареты густыя толпы съ флагами, Любаша такъ и обмерла и, вернувшись домой, залепла квартиру наглухо. Въ пятомъ этажѣ тихаго двора, отрѣзанные отъ всего міра, они жили теперь, не зная, что творилось вокругъ, поглощенные своимъ горемъ, и разбирали вещи покойницы, въ ожиданіи возможности тропуться въ Колычево. Рѣшено было, что Лю-

бапа ихъ проводить и вернется обратно ждать Мику. Все было уложено и завязано. Но попрежнему бездѣйствовали желѣзныя дороги и не ходила почта, хотя 22-го октября и появились газеты.

Узнавъ о ратификаціи мирнаго договора, Маруся рѣшилась навести справку о возвращеніи Мики. Городская жизнь наладилась, и ходили конки, но Маруся взяла извозчика и доѣхала съ Леней до Адмиралтейства. Несмотря на пасмурную погоду, Александровскій садъ былъ полонъ народа.

Въ толпѣ было очень много студентовъ въ разныхъ формахъ и мелькали барышни, съ повязками Краснаго Креста на рукавахъ жакетовъ и пальто. Видно было, что молодежь готовилась къ столкновенію съ полиціей. Около памятника Жуковскаго, стоя на скамьѣ, говорилъ рѣчь путеець. Маруся пошла въ обходъ и натолкнулась на новый митингъ. Въ заднихъ рядахъ тѣснившейся молодежи она вдругъ замѣтила знакомую и странную фигуру въ обтрепанномъ пальто, съ развѣвающимися космами мочально-сѣдыхъ волосъ надъ длинной и голой шеей. Маруся невольно сжала руку братишки и, обогнувъ группу, прибавила шагу.

— Ну, васъ всѣхъ тутъ!—услышала она голосъ, воскресившій разомъ нерадовскій розовый рай и крокетную площадку съ кабалистическимъ чертежомъ:—одна патока! Чортъ васъ знаетъ, что вы тутъ въ Россіи всѣ эти годы дѣлали... Ничего толковаго... Зналъ бы, остался бы въ Женевѣ... Ну, какая это революція, скажите на милость? Всѣ ваши митинги и комитеты одна жвачка стараго сѣна. Я ѣхалъ, думалъ, конвентъ застану, а васъ десятокъ городскихъ въ страхѣ держать. Надоѣло... Нѣтъ, слуга покорный... Доставлю типографію въ Выборгъ, а тамъ, коли заплачатъ хорошенько, налажу ее... Но даромъ ни-ни!.. Довольно безсребренничаль... На безкорыстіи играть не дамъ...

— А вы куда же теперь-то, Александръ Ивановичъ?—спросилъ подобострастно собесѣдникъ.

— Къ мамашѣ на Питерскую. Пенензами раздобыться. Пускай тоже расщедрится, Божья старушка. Двадцать четыре года меня не видала.

— Какъ? у васъ еще матушка жива?

— А то нѣтъ? что ей дѣлается! Живетъ себѣ.

Его голосъ потерялся, потому что Маруся наконецъ выбралась за рѣшетку. Она еще разъ оглянулась. Фроловъ шелъ, все такъ же неуклюже переставляя длинныя ноги и пряча руки въ короткіе не по росту рукава пальто. Онъ почти не измѣнился. Зачѣмъ онъ здѣсь? Неужели и этимъ людямъ огнынѣ въѣздъ въ Россію свободенъ?..

Навстрѣчу шелъ взводъ городскихъ съ околоточнымъ во главѣ. Она пропустила его и вошла въ правый подъѣздъ, куда собира-

лась еще тогда лѣтомъ. Сердце у нея такъ и забилося при видѣ людей въ знакомой морской формѣ. Въ штабѣ ей сказали, что, несмотря на ратификацію договора, эвакуація плѣнныхъ только еще налаживается, и когда можетъ вернуться мичманъ Нерадовъ, въ точности опредѣлить нельзя.

Какъ ни былъ доволенъ Леня своей поѣздкой туда, гдѣ служилъ Мика, но къ вечеру у него заболѣло горло. Маруся переуга-лась не на шутку и обратилась въ клинику, прося рекомендовать дѣтскаго доктора.

Черезъ часъ раздался звонокъ. Она сама открыла дверь и обо-мѣла.

— Гаврила Матвѣевичъ?!

— Матушки! отцы родные!.. вы какъ тутъ?

— А вы?

— Я? да вотъ въ клинику записался, специализироваться хочу, а къ дѣтишкамъ всегда слабость питаль. Ну, и дни такіе, что грѣхъ ихъ въ глуши провинціальной губить, я сюда и прикомандировался. Ну-съ, а это что за отроча такой и кѣмъ вамъ доводится?

Вскорѣ, успокоивъ совершенно Марусю, онъ сидѣлъ съ ней за чаемъ и весело болталъ, такъ и свѣтясь насквозь восторгомъ отъ всего переживаемаго Россіей.

— Пора, давно пора было! Конечно, еще многое предстоитъ и тяжелаго и труднаго, не оберемся и треній, и всякихъ неожиданностей, и непріятныхъ сюрпризовъ, но главное въ рукахъ. Дай Богъ только, чтобы эти руки помнили одно: работу! а складываться и опускаться отнынѣ навѣки разучились.

— Кстати,—прибавилъ онъ:—а вы знаете, что Маусовыхъ-то изъ Липовокъ крестьяне выкурили, да еще какъ! Настоящую пугачевщину устроили, камня на камень не оставили. Рассказывать страшно. Ни скота, ни собакъ, ни лошадей не пощадил. Это былъ стихійный самосудъ. Морозъ деретъ по кожѣ, не вѣрится, что люди такъ озвѣрѣть могутъ. Но,—онъ махнулъ рукою,—Богъ разберетъ! Обѣ, барыня съ барышней, босикомъ, въ ночныхъ капотахъ и въ носовыхъ платочкахъ на головѣ шестнадцать верстъ по полямъ до самага Пустежа бѣжали... Хороши были.

Онъ пришелъ и на другой, и на третій день и бывалъ съ тѣхъ поръ очень часто, развлекая и успокаивая Марусю, задержанную желѣзнодорожной забастовкой. Она рассказывала ему о своемъ школьномъ проектѣ, и онъ не на шутку заинтересовался имъ.

— А что же это идея,—школа на кооперативныхъ началахъ. Ну, что жъ, въ добрый часъ! Корректируйте крѣпостное право...

— Какъ такъ?

— А какъ же иначе? Вы же говорите: у насъ земля, у нихъ руки. Вѣдь это же и былъ принципъ, во имя котораго мужика привязали къ землѣ, не къ владѣльцу, а къ почвѣ. Это ужъ потомъ люди за-

конъ понемногу въ свою пользу исказили. И вы теперь даете землю и берете трудъ, и не только собираетесь дѣлить барыши, но и сдѣлать людей подъ своимъ руководствомъ настоящими землеробами, а не землегаженниками, какъ до сихъ поръ. Вѣдь, пробывъ въ вашей школѣ лѣтъ до шестнадцати-семнадцати, они уйдутъ не съ пустымъ карманомъ и научатся всему, что нужно знать человѣку, осѣвшему на землѣ. Это дѣло. И вашъ примѣръ, если васъ сподобить судьба провести мысль въ дѣло, найдетъ и подражателей и продолжателей. Скажу больше: обученному въ такой школѣ крестьянину придется смертная охота примѣнить вашу науку на своей полосѣ, стать собственникомъ и выйти изъ общины, гдѣ зачастую всѣмъ міромъ верховодятъ самые ничтожные элементы. А тутъ каждый самъ за себя отвѣчать захочетъ. Да вѣдь это... это новымъ утромъ жизни мужицкой станетъ! Даже духъ захватило...

Наконецъ въ концѣ ноября удалось тронуться Марусѣ съ Леной. Горбушовъ пріѣхалъ проводить ее и, цѣлуя ей на прощанье руку, сказалъ:

— А если у васъ въ школѣ вакансія для врача найдетъся, подумайте обо мнѣ!

Онъ долго смотрѣлъ вслѣдъ поѣзду, биткомъ набитому народомъ. На задней площадкѣ послѣдняго вагона стояли съ ружьями солдаты, которые замѣняли и кондукторовъ, и онъ невольно восхищался отвагой дѣвушки, пустившейся въ путь въ это тревожное время. Но Маруся не думала объ опасности и только безпокоилась за мать, не имѣя отъ нея писемъ уже второй мѣсяць.

Кое-гдѣ по дорогѣ виднѣлось зарево пожаровъ. Однако за Колычево она была спокойна: никакихъ треній съ мужиками у нихъ и не было. Душа болѣла лишь при мысли объ увѣчиі Мики, но его отнятая рука дѣлала его въ ея глазахъ мученикомъ-героемъ, и ей казалось, что къ этой искалѣченной рукѣ нужно прикладываться, какъ къ святынѣ. Она гордилась имъ и любила съ каждымъ днемъ сильнѣе.

XXXV.

И сердце бьется въ путяхъ пни,
И все больнѣи дышать груди...
Огня!.. Огонь скорѣи зажгите!
Злорадный призракъ, пропади!

(«Листы пожелтѣлые». М. К.).

Прошло больше мѣсяца со дня отъѣзда Михайлы Демьяныча по вызову слѣдователя. Все по-старому гудѣлъ въ предразсвѣтный часъ гудокъ на заводѣ, такъ же хлопала и визжала дверь на блокѣ, такъ же громыхали приводы на катушкахъ и кипѣлъ сгущенный паръ въ гензахъ и клокотало сусло затора. Заведеннымъ до весны ходомъ, не зная праздничнаго перерыва, и въ будни, и въ воскре-

сенѣ, шла сгонка и очистка спирта, но самъ хозяинъ отсутствовалъ.

Батраки думали, что онъ въ Москвѣ, но онъ жилъ въ заднихъ, дѣтскихъ комнатахъ своего горскаго особняка, обязанный по распоряженію слѣдственной власти подпискою о невыѣздѣ. Прислуживалъ ему глухонѣмой дворникъ Федотъ, и люди, проходя мимо красиваго сѣраго дома съ бѣлыми пилястрами, не подозрѣвали, что его владѣлецъ сидитъ часами у окна въ комнатѣ сына и любитъ на заросшіи бурьяномъ ягодникъ на заднемъ дворѣ. Въ этой комнатѣ провелъ свои гимназическіе годы Данила. Еще оставались на школьномъ столѣ слѣды чернильныхъ пятенъ и буквы, вырѣзанныя перочиннымъ ножомъ. Стояла узкая, но длинная кровать съ жесткимъ тюфякомъ, на которомъ часами безъ сна лежалъ отецъ, то думая о сынѣ, то вспоминая допросъ у Листовскаго, и бессильная злоба заставляла его скрипѣть зубами и стонать отъ задѣтаго самолюбія.

На вопросъ объ Анюткѣ онъ сразу сознался, что изувѣчилъ ее, какъ говорится, съ пьяныхъ глазъ и даже усмѣхнулся, узнавъ о размѣрѣ предъявленнаго къ нему гражданскаго иска.

— Дура! пришла бы сама, я бы ей и тысячу подъ хорошую руку отвалилъ. Чего людей беспокоить? Самъ знаю, что отродясь ни на какую работу способна не была, одной смазливостью брала, ну, а безрукую кто же въ сударки возьметъ? Не культяпку же себѣ она цѣловать заставить! Съ охотой на такой плевый расходъ иду. Пишите полтысячи, и дѣлу конецъ. Чего еще канителиться.

Допросъ по второму дѣлу прошелъ далеко не такъ гладко. Михайла Демьянычъ рѣшительно отвергъ всѣ взводимыя на себя обвинения: «Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Ни о какой передаточной на аренду слыхомъ не слыхалъ. Да и къ чему мнѣ аренда? На то и мужицкой земли съ меня довольно было, а собственная и очень нужна была, и я именно ее и торговалъ у приказчика».

Но очная ставка съ Зюкинымъ сбавила его увѣренности. Старый выжига, желая выгородить себя, безпардонно топилъ своего бывшего покровителя и довѣрителя и въ подтвержденіе истинности своихъ словъ приводилъ такія подробности, что Евграфовъ пассовалъ и втайнѣ удивлялся его феноменальной памяти.

Въ результатѣ онъ очутился подъ добровольнымъ домашнимъ арестомъ, такъ какъ на люди его вовсе не манило. Въ парадныя комнаты онъ не заглядывалъ: тамъ все напоминало недавнюю смерть Танички, и въ залѣ стоялъ въ углу столъ съ ея благословеннымъ образомъ и держался слабый запахъ ладана отъ послѣдней литіи передъ выносомъ.

Изрѣдка навѣщала его Фетиша и привозила вѣсти съ завода. Черезъ нее узналъ онъ, что Нерадова видѣли опять въ Москвѣ, ободраннаго и совершенно опустившагося, но о Глашенькѣ такъ и нѣтъ ни слуха, ни духа.

Сегодня онъ снова ждалъ ее. Вчера его опять требовалъ слѣдователь. Зюкинъ привелъ свидѣтелемъ какого-то отставного писаря, будто бы составившаго раньше передаточную по приглашенію Арефія, но онъ его никогда въ глаза не видалъ и ни разу объ этомъ отъ Зюкина не слышалъ.

Теперь онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и спрашивалъ:

«Подтверждаетъ! теперь подтверждаетъ, а раньше тринадцать лѣтъ молчалъ, тайну блюда? За сколько же «тайну» эту купили тѣ? а?»

Онъ остановился у изрѣзаннаго перочиннымъ ножомъ стола и со всего размаха хлопнулъ по нему кулакомъ.словно въ отвѣтъ, распахнулось плохо закрытое окно и въ него донесся какой-то странный гулъ и крики. Гулъ этотъ росъ и приближался. Какъ бѣшеный, рвался на пѣпи дворовый пѣсь Буянь.

Евграфовъ прислушался и перешелъ въ залу. Черезъ щели ставней на паркетъ ложился лѣсенками дневной свѣтъ. Онъ опять невольно вспомнилъ дочерній гробъ. Въ ухахъ зазвучало панихидное пѣнье. Прибавивъ шагу, онъ добѣжалъ до углового окна кабинета.

Прямо на него двигалась толпа народа съ флагами, съ плакатами, съ пѣніемъ и криками «ура»! Впереди пожарный оркестръ играетъ по нотамъ, прикрѣпленнымъ къ трубамъ, знакомый французскій мотивъ. Толпа идетъ безъ шапокъ. Почти исключительно молодежь. Есть люди постарше, но они въ ней теряются. На плечахъ двухъ гимназистовъ сидитъ третій и что-то кричитъ ему. Словъ не разобрать. Слышно сплошное: «А-а-а!..»

Михайла Демьянычъ высунулся изъ окна. За гимназистами идетъ самъ Листовскій, безъ монокля и тоже съ непокрытой головой, и тоже машетъ фуражкой. Свобода-а-а!.. Въ рукахъ у него бѣлый листокъ бумаги. Такіе же листки у многихъ.

— Что такое? въ чемъ дѣло?—спрашиваетъ, вывѣшиваясь изъ окна, Евграфовъ.

— Манифестъ о свободахъ! вы не читали?—отвѣчаетъ Листовскій...

Но въ эту минуту съ противоположнаго конца улицы появляется другая толпа съ пѣніемъ еще болѣе знакомымъ и съ русскими флагами. Впереди Степанъ Шемаевъ и его приказчики. Обѣ манифестации сталкиваются, и черезъ минуту подъ окнами сѣраго особняка начинается побоище. Михайла Демьянычъ видитъ, какъ по форменной фуражкѣ Листовскаго гуляетъ Шемаевскій посохъ, но вдругъ за его спиной раздается голосъ Фетиши:

— Батюшка, манифестъ!.. Свобода, значить, всѣмъ вышла.. Поѣдьте поскорѣ... а то у насъ тамъ всѣ безъ васъ ошалѣли...

Лихо летитъ сѣрый иноходецъ по знакомой дорогѣ. Вдоль большака искалѣченныя екатерининскія березы машутъ вѣтками и

шепчуть: «Свобода! Свобода!..» Бьется желто-сѣдая трава на межахъ и полянахъ, шуршитъ обожженный утренниками тростникъ по болотамъ, и еще сердитѣе надувается остывшая Оболонь, катя къ плотинѣ тяжелыя волны.

Четвертый день стоитъ заводъ. Котлы остыли. Рабочіе бастуютъ. Винная лавка разбита. Еле унесшій ноги Иринархъ Пяткинъ прячется во флигелѣ у Терехова. Карлъ Антонычъ отбылъ въ Горскъ. Полиціи не сыщешь. Большаковъ, съ револьверомъ въ карманѣ, караулитъ цистерну со спиртомъ, только на дняхъ наполненную до краевъ. Семью онъ для безопасности отправилъ къ отцу Силѣ. На поповкѣ всѣ попрятались въ заднія комнаты. Изрѣдка кто прокрадется къ окнамъ и со страхомъ глядитъ на гудящую на улицѣ толпу. Ходятъ слухи, что сегодня разнесутъ заводъ. Фетиша еще съ вечера помчалась за Михайлой Демьянычемъ.

Но вотъ наконецъ и они. Толстый кучеръ осаживаетъ взмыленную лошадь.

— Не проѣхать, ваше степенство! Лучше свернуть въ объѣздъ, мимо усадьбы.

Онъ пытается повернуть обратно, но народъ уже увидѣлъ Евграфова. Нѣсколько человекъ хватаютъ лошадь подъ узды. Фетиша, бѣлѣ своей косынки, нырнувъ, спасается въ калитку дѣкона, Михайлу Демьяныча окружаютъ и ведутъ на крыльцо больницы, гдѣ стоятъ въ черныхъ косовороткахъ совершенно невѣдомые ему люди... такіе же были вчера въ толпѣ въ Горскѣ.

— Евграфовъ!.. вотъ онъ самый! Къ отвѣту его!

Чего хотятъ эти люди? Безсмысленно хлопаетъ глазами толстый кучеръ на хозяина, который пытается прикрикнуть. Его не боятся. Все рѣзче звучитъ:

— Ограбникъ! Вотъ кто ограбникъ! кровопійца! Водкой народъ отравлялъ... Съ нашей нищеты разжился!.. Съ него начинайте!..

Шумъ, гамъ... богохульство... ругань... Тщетно выходитъ на наперть отецъ Сила съ крестомъ.

— Не надо!.. ничего не надо!.. На насъ заводъ отпиши!—галдитъ толпа.

Михайла Демьянычъ ищетъ въ ней хоть одно лицо поспокойнѣе, почеловѣчнѣе. Такого нѣтъ. Водка выпита до послѣдней капли, и ея отравляющая сила глядитъ изо всѣхъ глазъ. Изъ каждыхъ губъ вмѣстѣ съ виннымъ перегаромъ вырываются по вдохновенію страшныя слова, слагаются виртуозныя ругательства, подхватываются, повторяются, и въ отвѣтъ звучитъ безстыжій смѣхъ и вопль разнуздавшихся страстей.

Ни у кого пощады, ни въ комъ снисхожденья!.. Онъ срываетъ съ головы нарядный котелокъ и швыряетъ его о землю врожденнымъ мужицкимъ жестомъ отчаянія:

— Все отдаю!.. все берите! Ничего не надо! все, все ваше! самъ поведу!.. самъ!..

Гуль переходитъ въ радостный ревъ и вой. Толпа тысяченогая, тысячеголосая бѣжитъ въ Евграфовку. Звенять окна. Трещать двери. Люди рассыпаются по комнатамъ и кладовымъ, по сараямъ и амбарахъ, по конюшнямъ и лабазамъ. Каждый хватаетъ, что первое попадетъ подъ руку. Ревутъ быки, мычатъ коровы, храпятъ и фыркаютъ лошади. Ихъ выводятъ, угоняютъ, садятся верхомъ и съ гиканьемъ исчезаютъ по разнымъ дорогамъ. Выкатываютъ тѣлѣги и нагружаютъ мебелью, вещами, мѣшками зерна и картофеля. Посуда бьется и звенитъ. Въ гуль врываются звуки фортепьяно, на которомъ мужицкіе кулаки молотятъ клавиши, и кѣмъ-то заведенный граммофонъ хрипло выкрикиваетъ «La donna e mobile...»

Кто первый подаль мысль этой озвѣрѣлой толпѣ итти на старый Колычевскій дворъ? Михалка? Прошка? Марфуткина Ксюшка? или стихійный размахъ раззудившихся плечъ, разошедшихся рукъ?

Лавой покатилаь мужицкая громада мимо колючей изгороди боярышника, и лежавшія на печкахъ бабушки въ Метелицахъ разомъ перекрестились отъ нараставшаго съ каждымъ шагомъ стона голосовъ, слышныхъ за три версты.

Иванъ Матвѣевичъ только что отправилъ на всякій случай свою Тошеньку къ тому же о. Силѣ, какъ во флигель прибѣжалъ Лезаровскій Васятка...

— Дяденька, къ вамъ идутъ!

Тереховъ ворвался въ гостиную къ сидѣвшей за роялемъ Елизаветѣ Ивановнѣ.

— Мужики на насъ идутъ! Забирайте, что можете, и бѣгите; прячьтесь въ садъ.

— Пусть идутъ!—отвѣтила Яшнева:—я ихъ не боюсь. Никакихъ счетовъ у меня съ ними нѣтъ.

— Полноте... вы не знаете... вы не понимаете!..—Онъ кинулся въ переднюю и вынесъ осеннюю старую тальму. — Надѣвайте это и Бога ради уходите! Я такъ и зналъ... Какъ явились тѣ, на велосипедахъ... Такіе же и къ намъ въ Солнцовку тогда прикатили. Все разгромить... Бога ради, умоляю! скорѣй! скорѣй!..

Елизавета Ивановна поняла, что шутки плохи, и прошла въ спальню. Что взять? Она вынула документы изъ туалета и сунула ихъ въ тетинъ Сашинъ саквояжъ. Въ образной мерцали лампадки... Неужели не пощадятъ? Не останутся передъ этими ликами?

— Скорѣе! скорѣе!—торопилъ управляющій.

Въ окно было видно, какъ вглубь по аллеѣ бѣжали кухарка и Грушка, таща за руки ошалѣвшую, спотыкавшуюся Кирилловну. Старуха, перегибаясь, оглядывалась назадъ, словно поджидая кого-то. Конечно, ее!.. Трясущими руками сняла Яшнева вѣнчалъ-

ный образъ и спрятала въ тотъ самый сѣрый мѣшокъ, съ которымъ Александра Николаевна ровно двадцать пять лѣтъ назадъ пріѣзжала за нею въ институтъ, и замкнула образную.

Иванъ Матвѣевичъ накинулъ ей на плечи тальму и помогъ спуститься по ступенькамъ.

— Бѣгите! прячьтесь!.. А мнѣ надо еще распорядиться...

Она пошла, спотыкаясь вначалѣ изъ-за больной ноги. Бунтикъ весело догналъ ее и помчался впередъ.

— Куда же теперь?.. Первая мысль была подвалъ, но потомъ вспомнился гротъ, и она крикнула тѣмъ, убѣгавшимъ передъ нею женщинамъ:

— Подождите меня!..

Сошлись на перекресткѣ, свернули во французскій садъ и только за непроглядной стѣною акацій перевели духъ.

Кирилловну усадили на скамью. Она трясла головою и бормотала:

— Холодно!.. холодно!.. забнуть матушки!..

Грушка укутала ей руки въ свой передникъ, а сама со всей беззаботностью пятнадцати лѣтъ съ интересомъ разглядывала фавна.

— Ишь ты, дѣдка! въ воду плюетъ!

Но Яшнева съ кухаркой тревожно прислушивались, и Бунтикъ, спокойно обнюхивавшій углы, вдругъ насторожился.

Издали и тутъ, какъ въ Горскѣ, было слышно одно сплошное а-а-а-а!.. Что происходило и гдѣ находилась толпа,—нельзя было разобрать.

А она какъ разъ сворачивала на дорогу мимо скотнаго двора и подкатывалась къ воротамъ, изъ которыхъ всего минутъ десять назадъ Иванъ Матвѣевичъ, Андрюшка и пастухъ успѣли выгнать холмогорокъ и голландокъ въ березовую рощу и спѣшно уходили вглубь подалеже отъ просѣки...

Подойдя къ облупленнымъ каменнымъ столбамъ, мужики въ нерѣшительности остановились, но Михайла Демьянычъ, сбросившій вмѣстѣ съ котелкомъ всякую спесь и превратившійся въ прежняго Михалку, первый вступилъ на барскій дворъ.

— Эй, братцы! Чего жъ стали? Коль по закону эфтому теперь отъ каждаго все обирать велѣно, пусть и старая колотовка на мѣръ свое жертвуетъ. Довольно барыней была! Пусть нонѣ передъ народомъ отвѣтитъ за то, какъ дѣдъ ея польскій да дяденька генераль людьми помыкали... Эй, чего стали? Идите за мною!..

Нѣсколько человѣкъ, озираясь кругомъ, тронулись съ мѣста. За ними двинулись остальные, и въ воротахъ началась давка. Бабы особенно напирали. На многихъ красовались вещи, награбленные въ Евграфовкѣ изъ Фетишиныхъ и Анюткиныхъ шкаповъ и сундуковъ, и надежда поживиться еще новыми нарядами толкала въ барскія горницы самыхъ робкихъ.

Слѣдомъ за Михалкой толпа взошла на крыльцо, а оттуда и въ залу. Нигдѣ ни души. Домъ былъ пустъ. Михалка пролѣзъ въ спальню. За нимъ протиснулись и другіе.

— Эй, гдѣ ты, сударыня мадамъ? Выходи гостей встрѣчать!

Онъ постучался въ замкнутую образную. За нимъ стали колотить по двери кулаками и другіе.

— Выходи, матушка! Гости пріѣхали!—острилы пьяные, страшные облики.

— Чего выходить, ножки барскія трудить? Сами вынесемъ, чать!

Прошка надавилъ плечомъ. Ветхія петли затрещали, и онъ вмѣстѣ съ дверью ввалился въ полутемную, озаренную лампадами горенку и растянулся на закапанномъ воскомъ вытертомъ коврѣ. Ряды образовъ въ золоченыхъ окладахъ, толстыя книги въ кожаныхъ переплетахъ, ленты и пелены...

Мужики остановились и притихли.

Не обращая на нихъ вниманія, въ шкапахъ и туалетѣ рылись бабы и напяливали на себя рѣшительно все, что подвертывалось подъ руку. Въ столовой, въ кухнѣ, въ чуланахъ хозяйничали другія. Окна, еще не замазанныя на зиму, были распахнуты настежь и въ нихъ влѣзали тѣ, кто не успѣлъ протиснуться въ двери.

— Ишь, моленная!—заявилъ чей-то голосъ.

— А вѣдь, поди, не хлыстовка ли сама-то?—выразилъ предположеніе другой, и это предположеніе возымѣло громадный успѣхъ.

— Хлыстовка и есть! чего образа по чуланамъ прячетъ, коли у всѣхъ православныхъ людей имъ въ красномъ углу висѣть положено.

— Хлыстовка—барыня! Барыня-то хлыстовкой оказалась!—понеслось отъ одного къ другому, и, несмотря на то, что объ этой образной знали многіе и что она существовала съ шестидесятихъ годовъ и была устроена памятной большинству и уважаемой понынѣ теткой нынѣшней владѣлицы,—Елизаветѣ Ивановнѣ Яшневой она была поставлена въ тяжкую, неискушаемую вину.

Грабежъ не только усилился, онъ принялъ совершенно иной характеръ. Теперь брали уже не для того, чтобы присвоить и унести, а чтобы наказать хлыстовку и уничтожить все хлыстовское, хотя никто изъ этой толпы хорошенько не умѣлъ бы объяснить, что это за вѣра такая? Бабы рвали бѣлье и платья, выпускали изъ перинъ и подушекъ пухъ, полосовали ножницами мебель и занавѣси, срывали картины и портреты, а посуду складывали на ковры и, взявшись за углы со всего маху грохали о землю. Черезъ часъ ни одной цѣльной вещи въ усадьбѣ не осталось. Несчастныя лошади и коровы съ отрѣзанными языками и волочащимися внутренностями бились, издыхая въ корчахъ. Запасы картофеля, капусты, соленья и варенья сваливались въ помойку, и только настойкамъ и паливкамъ была воздана подобающая честь, и всѣ бутылки, переходя изъ рукъ въ руки, были выпиты до капельки.

Изъ открытаго полукруглаго окна сѣновала, словно дразня, показался красный язычокъ. Онъ лизнулъ желѣзный конекъ новой крыши и спрятался, но слѣдомъ выскочилъ новый, подлиннѣе, и пошло... Запылали деревянные потолки и полвѣка стоявшія нетронутыя дубовыя стойла, скакнула головешка, перелетѣла галка и занялась заново перекрытая гонтомъ крыша сарая... А тамъ запылалъ и мезонинъ, и старый домъ, словно празднуя послѣднее семейное торжество, заблесталъ ярко озаренными изнутри окнами.

Толпа галдѣла, то отступала, то снова подбѣгала и швыряла въ огонь все, что могло горѣть... Скоро усадьба, со всеми ометами соломы, стогами вики и клевера, запасами зерна и льна превратилась въ громадный, далеко видный костеръ...

— Вотъ бы теперъ и ее, хлыстовку, въ огонь?—предложили Проща.

Михалка, тупо глядѣвшій въ пламя, оживился.

— Да, братцы! а и впрямь недурно бы!..

— А гдѣ же ее сыщешь? небойсь въ городъ убѣгла... Не нагонись... опоздали!..—отвѣчалъ кто-то.

— Нагонимъ!.. пойдемъ со мной!.. я укажу... я знаю, гдѣ она схоронилась.

Заплетающимися шагами онъ пошелъ мимо разореннаго птичника и повелъ кучку мужиковъ черезъ французскій садъ въ глубь мертваго парка. Гдѣ-то въ кустахъ кудахтали обезумѣвшая отъ страха, уцѣлѣвшая курица. Вооруженные дрекольемъ мужики загалдѣли въ отвѣтъ, но изъ чащи на нихъ съ лаемъ выскочилъ огромный, лохматый песъ. Съ разлета опрокинувъ одного изъ спутниковъ Евграфова, онъ бросился на самого Михалку, но ударъ коломъ по головѣ, и собака растянулась на мѣстѣ.

— Видите, тутъ она... Это ейный песъ любимый... Бунтъ... Сама бунтовщицья внучка, крамольничья женка, такъ и пса Бунтомъ окрестила...

Онъ велъ ихъ все дальше. Они поровнялись съ лабиринтомъ.

Тамъ сбившіяся въ кучу женщины обмерли отъ ужаса.

— Идутъ—сюда идутъ! Господи!

Кирилловна, словно раздѣляя ихъ ужасъ, забормотала сильнѣе, но Елизавета Ивановна зажала ей рукою ротъ... Прошла минута... другая... голоса стали глуше. Очевидно, люди свернули влѣво.

Михалка велъ мужиковъ хорошо знакомой дорогой въ подвалъ.

Онъ вспомнилъ, что тамъ темно, и нащупывалъ серебряную спичечницу въ карманѣ, а самъ твердилъ:

— Не уйдетъ нонеча... Не схоронится... Рукъ моихъ не минуетъ. Дочь ея тамъ съ моимъ Данькой путалась, сама у мужа въ невѣстахъ гащивала, пусть дьявола потѣшитъ вѣдьма...

Чуть не сломавъ ногу, скатился онъ по разбитымъ, заваленнымъ мусоромъ ступенямъ, за нимъ спустились и остальные трое,

но никому изъ этихъ одурманенныхъ водкою людей не показалось страннымъ, что не тронуть висѣвшій снаружи замокъ, и не пришло въ голову, что, значить, Япшевой тамъ и быть не можетъ. Михалка вырвалъ замокъ съ задвижкой вмѣстѣ и распахнулъ дверь. Спутники попятились, но Евграфовъ чиркнулъ спичку.

— Эй, лучину бы засвѣтить развѣ?

Таковой подъ рукой не оказалось и, разложивъ изъ вѣтокъ костеръ, раскалили на немъ одинъ изъ колеевъ. При свѣтѣ горящаго тяжелымъ краснымъ свѣтомъ обугленного острія обошли кухню и людскія. Михайла Демьянычъ толкнулъ еще одну дверь, и на сквознякѣ палка разгорѣлась, какъ факель. Изъ нутра открывшейся комнаты выглянула бѣлая фигура...

— Чуръ! чуръ меня!..—залопоталъ сунувшійся было впередъ Прошка и попятился къ выходу. За нимъ, даже не смѣя спросить, въ чемъ дѣло, отступили и другіе. Только Евграфовъ все еще стоялъ, не отрываясь отъ портрета, озареннаго яркимъ красноватымъ пламенемъ.

Онъ видѣлъ, что это дѣвушка написана на холстѣ, но суевѣрный ужасъ не давалъ ему двинуться съ мѣста. Въ памяти воскресали рассказы его прадѣда объ исчезнувшемъ портретѣ невѣсты барина, Арсенія Михайловича Колычева, въ ночь его смерти.

— Она... она... та самая... Онъ говорилъ, что будто книжку читала.

Пламя колыхнулось или дѣвушка ожила и повернула голову?

Въ ужасѣ онъ уронилъ факель, бросился къ двери, но она захлопнулась, какъ захлопнулась когда-то другая въ томъ же подвалѣ за Елизаветой Ивановной и ея будущимъ мужемъ.

Неистовый вопль изъ каморки на смерть перепугалъ мужиковъ. Цѣпляясь другъ за друга, карабкались они обратно по скользящему листу. Долго плутали они потомъ по старому парку. И слѣва, и справа черезъ обнаженные деревья свѣтили имъ костры пожара. Догорала усадьба и пылалъ заводъ. Съ колокольной надрываясь гудѣлъ набатъ.

Отецъ Сила стоялъ на колѣняхъ у престола. И вдругъ—дрогнули стѣны и качнулось мѣдное паникадило. Точно пушечный грохотъ перекатился подъ сводами и, падая изъ купола, зазвенѣли выбитыя стекла.

На заводѣ взорвало цистерну со спиртомъ и котлы, нагрѣвшіеся отъ пожара.

Въ Евграфовкѣ не осталось камня на камнѣ, а на барскомъ дворѣ кирпичныя стѣны черными, провалившимися окнами глядѣли на груды пепла и углей съ бѣлыми дымками на мѣстѣ помѣщичьяго дома.

Тѣсно жались другъ къ другу обезумѣвшія, иззябшія женщины въ гротѣ. Грушка и кухарка натащили вокругъ скамьи огромныя

кучи листа и зарылись въ нихъ по шею. Елизавета Ивановна кутала въ старую тальму задремавшую у нея на рукахъ Кирилловну и никакъ не могла согрѣть окоченѣвшихъ старушечьихъ рукъ и странно холодныхъ плечъ. Она не сомкнула глазъ. Ей слышались какіе-то сдавленные глухіе и едва внятные звуки... Волоча заднія лапы, приползъ Бунтикъ и тихо скулилъ отъ боли у ея ногъ... а она все вслушивалась...

Въ подвалѣ, сидя на полу, хохоталъ и изрыгалъ несвязныя рѣчи человѣкъ. Факель давно погасъ, но онъ совершенно ясно видѣлъ бѣлую дѣвушку, неотступно глядѣвшую на него. И старый баринъ изъ-подъ вяза сидѣлъ тутъ же, и дѣдъ его въ ливреѣ и съ перовкою въ рукѣ обметалъ раму... а сзади мертвецы—мать, жена, дочь, сынъ, и еще... и еще. Они шли на него изъ темноты... все ближе... ближе... Онъ отступалъ къ стѣнѣ, и вдругъ кто-то изъ нихъ схватилъ его и ударилъ затылкомъ о старыя нары.

Черезъ щелку досокъ, которыми было задраено окно подъ потолкомъ, блеснула полоска мѣсячнаго луча, озарила бѣлую дѣвушку надъ книгой и соскользнула на прибитую къ стѣнѣ модную картинку французскаго журнала 1863 года съ двумя дамами въ кринолинахъ и дѣвочкой, катящей обручъ.

XXXVI.

Отъ замковъ волшебныхъ ключи
Я въ море вчера уронила
И сердцу сказала: Молчи!
Довольно любовнаго пыла.
Пускай достаютъ ихъ со дна
Другіе, иного не зная,—
Мнѣ даль голубая видна,
Земля подо мною родная...

И, сердце! на ней ты опять
Забьешься могучимъ порывомъ!
Неси же любви благодать
Къ родимымъ и ласковымъ нивамъ.
И гѣсни такія сложи,
Чтобъ каждое сердце вскипѣло,
Чтобъ нива, съ межи до межи,
Ихъ колосомъ каждымъ пропѣла!..

(«Листы пожелтѣлые» М. К.).

Маруся вовсе не удивилась, что ее на вокзалѣ въ Горскѣ встрѣтилъ Иванъ Матвѣевичъ. Само собою, мать не могла быть. Она весело шла къ выходу и говорила Ленѣ:

— Вотъ сейчасъ и поѣдемъ въ Колычево, поѣдемъ на большихъ саняхъ, на цѣлой тройкѣ... Вы на какихъ лошадахъ, Иванъ Матвѣевичъ?..

Но Тереховъ помялся и отвѣтилъ:

— Я нанялъ извозчика... Придется ѣхать въ Успенскій переулокъ... У насъ былъ большой пожаръ, и усадьба сгорѣла еще мѣсяцъ назадъ.

— Господи!..—Маруся перекрестилась.—А мама?

— Слава Богу... теперь ничего. Сперва очень боялся Савва Григорьевичъ... Особенно, какъ хоронили Кирилловну.

Сообщая всё эти потрясающія вѣсти, Иванъ Матвѣевичъ именно исполнялъ совѣтъ доктора, чтобы Маруся при свиданіи съ матерью знала бы о нихъ. Отрѣзанность изъ-за бастовавшаго телеграфа и почты сильно усложняла дѣло и надо было успѣхъ подготовить встрѣчу. Грозны были эти новости! Ужасно было узнавать подробности, какъ подъ утро уцѣлѣвшій чудомъ Большаковъ и Савва Григорьевичъ разыскали въ гротѣ Елизавету Ивановну съ трупомъ Кирилловны въ объятяхъ и обѣихъ служанокъ, зарытыхъ въ листья, какъ всё онѣ нашли пріютъ у отца Силы, а потомъ переѣхали или, вѣришь, были перевезены Лезаромъ въ Горскъ, но самъ Тереховъ былъ бодръ. У него двѣ недѣли назадъ родился сынъ, и онъ, говоря объ этомъ, такъ и свѣтился радостью.

— Я увѣренъ, что все къ лучшему... Дайте срокъ.. мы отстроимся.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Никогда!.. Ахъ, Богъ мой!.. Бѣдная Кирилловна... А мамочка?.. Господи, какой ужасъ.

Они говорили наспѣхъ въ сторонкѣ, чтобы не пугать Лени.

Иванъ Матвѣевичъ наконецъ усадилъ ихъ на извозчика, а самъ остался хлопотать о багажѣ.

Мальчикъ любопытными глазами оглядывалъ тихій сумеречно дремавшій городокъ. Обыватели опять попрятались по домамъ. Отъ шумныхъ манифестацій первыхъ дней свободы оставались одни разговоры за вновь раскрытыми зелеными столами да споры за шашками у дверей лавокъ и мазагиновъ. Новый исправникъ, несмотря на близкіе выборы въ Государственную Думу, беспощадно разгонялъ всякія сборища, и жизнь понемногу входила въ проторенное вѣковое русло уѣздной глуши, слабо откликающейся заднимъ числомъ на событія въ столицахъ. Болото всколыхнулось, поплескалось и стало опять незамѣтно затягиваться ряской.

Но въ розовомъ особнякѣ Успенскаго переулкѣ еще не улеглось впечатлѣніе страшной, шесть недѣль назадъ пережитой ночи, хотя послѣднее время Елизавета Ивановна стала рѣже дергать лицомъ и засыпала болѣе спокойно. Въ ней горячее участіе приняла жена Мирона Захаровича Шемаева, отвлекавшаяся отъ вѣчной думы о пропавшей Глашенькѣ заботами о потрясенной женщинѣ, временно столь же одинокой и лишенной тоже единственной дочери. Степанъ Захаровичъ со своей стороны хлопоталъ, чтобы за отходомъ въ казну выморочнаго имущества Евграфова дѣло о клинѣ не было положено подъ сукно.

Когда Маруся подѣхала съ Леной, дверь на крыльцѣ была настежь и въ передней, куталась въ незнакомый заведенный безъ нея платокъ, стояла еще болѣе посѣдѣвшая мать. Видѣла ли съ того свѣта Ольга Львовна, какъ прильнула къ лицу ея младшаго сына былая соперница?

Обнявъ одной рукою дочь, она другой прижимала и ласкала мальчика съ черными кудряшками, спускавшимися къ каримъ зна-

комымъ и безконечно милымъ глазамъ... Пусть не она, Лиза Яшнева, носила и родила его, но онъ былъ «его» сынъ, часть «его самого»... И, обращаясь къ этому мальчику, раскутывая его башлыкъ и стягивая гамашы, она находила такія выраженія, такія мягкія и ибжныя слова и интонаціи, которыхъ никогда въ дѣтствѣ не слыживала отъ нея ея собственная дочь.

Чай былъ отпить... Наверху въ той комнатѣ, гдѣ жилъ раньше Алексѣй Игнатьевичъ и помѣщалась потомъ Ольга Львовна съ Марусей, сидѣлъ на кровати, болтая голыми ножонками, Леня, вымытый и пересодѣтый въ длинную, вынутую изъ чемодана ночную рубашку.

— Ну, теперь помолись!—сказала Елизавета Ивановна.

Онъ весело прыгнулъ на колѣни и прочелъ «Отче нашъ» и «Богородицу», а потомъ: «Упокой, Господи папу, маму и сестрицу Вѣрочку», и, перекрестившись, уткнулся въ подушку, вмѣсто поклона. Черезъ минуту онъ уже былъ подъ одѣяломъ и обнималъ одной рукой за шею Марусю, а другой притягивалъ Елизавету Ивановну.

— Ну, поцѣлуйте! Обѣ... ну, такъ!.. Ну, еще разочекъ!..

Онъ быстро заснулъ, но мать и дочь не спали до глубокой ночи. Шопотомъ рассказывала Елизавета Ивановна все перенесенное ею, разореніе Колычева, взрывъ на заводѣ и смерть Кирилловны, схороненной въ склепѣ Сотовыхъ, гибель въ подвалѣ самого Михайлы Демьяныча и находку портрета, произведшую огромную сенсацію во время слѣдствія. О происхожденіи его опять зародились и забродили самые суевѣрные слухи. Сама Яшнева, конечно, узнала дочь, но, помня о ея сходствѣ со своей покойной матерью, допускала, что это могъ быть и тотъ, исчезнувшій сорокъ пять лѣтъ назадъ портретъ невѣсты Арсенія Михайловича.

Маруся разбила это предположеніе откровеннымъ признаніемъ, какъ онъ писался и почему былъ запрятанъ ею...

— Зачѣмъ же ты не рассказала мнѣ о немъ раньше... лѣтомъ, напрямѣръ?

— Я знала, что ты боишься этого подвала,—отвѣтила дочь, но о томъ, что рѣшила предоставить разыскать его Микѣ, все-таки не упомянула. Ее страшило сознаться, что она пошла на разрывъ съ матерью ради вовсе не любимаго человѣка, она боялась, что мать обидится, да и какъ говорить о Микѣ, не зная его дѣйствительныхъ чувствъ къ ней?..

Но самый фактъ, что портретъ вынесенъ на свѣтъ чужими руками, втайнѣ мучилъ и казался плохимъ предзнаменованіемъ. По желанію матери, онъ висѣлъ на стѣнѣ гостиной, полупустой и неуютной, и Леня, разглядывая его на утро, допытывалъ, кто его рисовалъ.

— Мой женихъ,—отвѣтила Маруся.—Онъ умеръ!..

— А-а!—серьезно протянул мальчикъ и почему-то прибавилъ:— Мика тоже очень хорошо рисоваль... А теперь ему будетъ трудно рисовать лѣвой рукой... А онъ тоже сюда прїѣдетъ и тоже будетъ жить въ Колычевѣ?

Узнавъ, что усадьба сторѣла и жить тамъ негдѣ, онъ заявилъ: — Погодите, прїѣдетъ Мика и построитъ новый домъ.

Съ дѣтской податливостью, какъ во время оно сама Маруся, ея двоюродный братъ быстро свыкался съ новой жизнью. Онъ не то что забылъ мать, онъ просто былъ за нее спокоенъ,—у Боженьки ей, конечно, лучше, чѣмъ въ больницѣ, потому что тамъ они всѣ вмѣстѣ—папа, она и Вѣруша. Къ тетѣ Лизѣ онъ лѣнулся, потому что ея сѣдые волосы напоминали ему мать и она такъ баловала его, что Маруся не на шутку боялась, какъ бы его не испортили, но быть съ нимъ строгой сама тоже никакъ не могла. Ее онъ обезоруживалъ постоянными разговорами о братѣ. По его убѣжденію, Мика прїѣдетъ на елку... Онъ такъ вѣрилъ въ это, что невольно повѣрила и Маруся и втайнѣ готовилась и убирала и принаряживала домъ, но вмѣсто молодого Нерадова прїѣхала одна Любаша и привезла открытку изъ Японіи пришедшую на извѣщеніе о смерти матери на имя Лени:

«Поцѣлуй за меня ручки твоей сестрицѣ Марусѣ за тѣ ласки и заботу, которыми она окружила нашу милую, бѣдную мамочку. Радуюсь, что тебя беретъ тетя Лиза къ себѣ, и клянусь свою оторванную руку за то, что она не отработаетъ имъ обѣимъ никогда все сдѣланное для тебя. Когда буду возвращаться, остановлюсь въ Москвѣ, чтобы на денекъ съѣздить повидаться съ тобою въ Колычевѣ».

Маруся отобрала эту карточку, чтобы Леня не затерялъ ее.

Пришелъ Новый годъ... прошелъ январь, февраль, наступилъ Великій постъ, а Мики все еще не было...

Слѣдствіе о разгромѣ Евграфовки и Колычева велъ новый слѣдователь, но Елизавета Ивановна наотрѣзъ отъ предъявленія гражданскаго иска крестьянкамъ отказалась.

— Виноваты не они, а тотъ, кто повелъ ихъ, и кто за нихъ теперь держитъ отвѣтъ передъ Богомъ. Все равно страшнѣе смерти судъ ему наказанія не положилъ бы, и я очень прошу прекратить дѣло.

Но слѣдователь дѣло прекратить не могъ, и Прошка, Евстигней Улитинъ, Досифей Макаровъ, а также Марфутка съ Ксюшкой, на которыхъ всѣ указывали, какъ на ближайшихъ приспѣшниковъ Евграфа, были заключены въ тюрьму. Но они показывали на другихъ, и аресты не прекращались.

Село прїуныло. Отъ бахвальства первыхъ дней, когда всякая полицейская власть отсутствовала, не оставалось и тѣни. Съ трепетомъ и страхомъ ждали суда и повальнаго собственнаго раззора на покрытіе судебныхъ издержекъ и возмѣщеніе убытковъ владѣлицъ сравненной съ землею барской усадьбы. А тутъ еще и попъ

Сила громить съ амвона за кощунственное сожженіе образовъ и пред-рекаетъ:

— Сами лишили себя заступы, уничтоживъ лики тѣхъ, кто молится у Божьяго престола за грѣхи грѣшниковъ, и нѣтъ вамъ отнынѣ пощады.

Прямо хотъ помирай! На улицѣ колычевцы впередъ укоряли евграфовцевъ за предстоящіе поборы и продажу съ молотка скарба, и увѣряли, что были только зрителями, а не погромщиками вовсе, но тѣ, вспомнивъ поговорку крѣпостныхъ дней, ехидно отвѣчали:

— Волка били, — всѣ тутъ были, а оказался не волкъ, а барская собака, и — «я тутъ не былъ! и я тутъ не былъ?» Нѣтъ, братцы, міромъ пошли, міромъ и отвѣчаемъ. А что вы въ заднихъ были и поодаль стояли, того теперъ не разбирають. На то и круговая порука!...

Когда дошло извѣстіе о прощеніи помѣщицы — ему сперва не повѣрили. Собственное озлобленіе не допускало размягченности въ другомъ, но послѣ проповѣди о. Силы въ прощенное воскресенье, когда онъ, поднявъ къ куполу съ выбитыми и все еще не вставленными окнами свои мозолистыя руки, возгласилъ: «Господи, вразуми неразумныхъ и открой очи ослѣпшимъ и слезой покаянія растопи камень сердца ихъ!» и опустился на колѣни, — толпа дрогнула и стала на колѣни тоже и приникла головами къ холоднымъ плитамъ.

Потомъ на исповѣди они всѣ каялись поодиночкѣ и твердили, словно сговорившись:

— Затменіе нашло... другихъ боязно было, а главное тѣхъ, въ рубахахъ черныхъ, что, отколи ни возьмись, на самокатахъ прика-тили... Не Прощкѣ бы и Досифею отвѣчать, а тѣмъ стрикулистамъ анаѣемскимъ!

Въ субботу послѣ обѣдни пріѣхалъ Тереховъ навѣстить холмогорокъ и голландокъ, гостившихъ пока въ стойлахъ на поповкѣ и у Лезара. Крестьяне остановили его и спросили, правда ли, что Яшниха ихъ простила?..

— Къ сожалѣнію, правда! — отвѣтилъ Иванъ Матвѣвичъ. — Ну, а ужъ будь живъ Михайла Демьянычъ, шкуру съ васъ спустилъ бы, даромъ, что заодно съ вами былъ. И въ сущности, такъ бы съ вами и слѣдовало, съ подлецами и живодерами, а не миловать васъ, каиновъ...

Мужики помялись, покрутили шапки и помолчали... Наконецъ одинъ изъ нихъ взялъ управляющаго за кончикъ шарфа и сконфу-женно заявилъ:

— Ужъ ты того, батюшка, отъ насъ барынѣ скажи... что мы ими, въ собственности говоря, очинно даже довольны и благодарны ими... и сами теперъ не понимаемъ, какъ ее хлыстовкой сдѣлали... И еще скажи, пусть себѣ строиться начинается... мы ее больше не тронемъ... Правду говорю, ребята?..

— Правду... правду!..—загалдѣли мужики.

Но и безъ ихъ разрѣшенія Елизавета Ивановна рѣшила строиться. Страховая премія была ей выплачена, но, конечно, ея не хватало, и Яшнева заговорила опять о серебрѣ, тутъ однако подошлѣ Степанъ.

— У меня возьмите подѣ клинѣ... Все равно, я вашимъ сосѣдомъ сдѣлаюсь, потому уже заявленіе подалъ, что Евграфовку со всѣми на ней обязательствами покупаю...

У Маруси такъ и заблестѣли глаза, когда Иванъ Матвѣевичъ принесъ набросанный имъ планъ новой стройки. Идея школы опять охватила ея цѣликомъ... Даже ожиданіе Мики отодвинулось на время, но ея мечты были уже не объ одной десятинѣ былого фруктового сада, а по крайней мѣрѣ о половинѣ всей земли для опытныхъ полей и запашки, для выгона и лѣсоводства... Шемаевъ благоговѣнно внималъ ей. По лицу Елизаветы Ивановны онъ видѣлъ, что эти проекты находятъ и у нея откликъ, и, краснѣя, заявилъ:

— Ну, а тамъ, гдѣ эта самая проклятая винокурка стояла, мы заводъ построимъ, черепичный и кирпичный, чтобы, значить, и гончарному дѣлу ребятъ учить и краснаго пѣтуха не бояться. Потому я въ этихъ работахъ наместачился и самъ не разъ кирпичи въ Колпинѣ подѣ Питеромъ обжигалъ, когда надоѣдало безъ дѣла скитаться...

Онъ давно скинулъ подрясникъ, остригся и обулся. Когда его спрашивали: почему? Онъ отвѣчалъ:

— Потому что искусство, положенный батюшкой Кронштадтскимъ до конца выдержалъ и отнынѣ ни сапогъ, ни куртуковъ съ себя пропивать не стану, такъ и носить ихъ смѣю.

Съ Марусей они были большими пріятелями, особенно послѣ того, какъ онъ рассказалъ ей, какимъ образомъ они очутились съ Листовскимъ въ Колычевѣ.

— Вѣдь онъ виды на васъ имѣлъ. Я ему отнесъ протоколъ, онъ какъ подскочить. «Да это, батюшка,—говорить,—на ловца и звѣрь... Я все голову ломаю, какъ бы съ барышней колычевской знакомство возобновить... Очень она мнѣ понравилась, да дѣла у нихъ были не того, а теперь, говорятъ, одного серебра на полтора ста тысячъ въ ломбардѣ оказалось».

Маруся хохотала до слезъ.

Въ это же время пришли вѣсти и отъ Глашеньки. Дѣвица оказалась съ сыномъ отъ Нерадова, узаконеннымъ уже послѣ брака, и теперь требовала денегъ на разводъ, «такъ какъ убивать свою молодость съ этимъ хитровцемъ-хулиганомъ вовсе не намѣрена»...

Родители тутъ же отслужили молебенъ у Успенья и зашли къ Яшневымъ сообщить свою радость и посчитаться неожиданнымъ свойствомъ. Вечеромъ оба укатили въ Москву выручать свою блудную дочь.

XXXVII.

На поруганіе, распятіемъ
 Всю и мучься, сердце, ты,
 Пока придетъ въ часу девятомъ
 Твой срокъ безмолвной пустоты.
 Тогда я схороню въ пещерѣ
 Тебя и камнемъ завалю,
 Чтобъ не открыло въ жизнь ты двери
 Съ побѣднымъ кликомъ: я люблю!..

(«Листы пожелтѣлые». М. К.)

Яшневые говѣли на крестопоклонной недѣлѣ, и Леня впервые былъ у исповѣди и теперь, придя изъ церкви, старался вести себя какъ можно лучше. Но на бѣду развозился, радуясь весенней погодѣ, Бунтикъ, и во всемъ домѣ стоялъ шумъ и гамъ отъ собачьяго лая и дѣтскаго визга. Маруся сошла внизъ и устыдила мальчугана:

— Садись и почитай что-нибудь. Нельзя такъ бѣсноваться накануне причастія.

Но едва примолкшій кузень, взявъ своего любимаго «Митю Карвута», усѣлся къ окну, въ переулкѣ по размытому снѣгу загромыхала пролетка и, ныряя въ зажорахъ, подкатила къ крыльцу.

— Мика! Мика! Мика!—вновь зазвенѣлъ дѣтскій голосъ, и въ передней затопали дѣтскія ноги...—Тетя Лиза!.. Маруся!.. Мика прѣхалъ!

Но Маруся не вышла въ переднюю и словно приросла къ мѣсту. Дверь открылась и, какъ сонambuла, она протянула руку вошедшему... Это былъ не Мика... его дядя, или много старшій братъ, но не тотъ, кто умѣлъ танцовать, улыбаться, ухаживать. Даже Леня присмирѣлъ невольнo и оглядывалъ его, словно не узнавая, а она почувствовала, что ея руку взяла неловко лѣвая рука этого чужого моряка. Другая, правая, точно въ перчаткѣ тѣлеснаго цвѣта, виднѣлась изъ черной, привязанной къ шеѣ косынки. Не надо было смотрѣть на нее и хотѣлось, мучительно хотѣлось... Что онъ сказалъ?

Что она отвѣтила?..

Чай былъ поданъ. Всѣ сидѣли въ столовой. Леня выпилъ свою чашку и ушелъ спать, а постарѣвшій человекъ съ не улыбающимися глазами, съ глубокими складками около рта, говорилъ о Японіи, о храмѣ, отведенномъ подъ помещеніе плѣнныхъ, объ обращеніи съ ними побѣдителей, весьма предупредительныхъ въ важныхъ вопросахъ и придирчивыхъ въ мелочахъ, показывалъ сохранный билетъ съ номеромъ, подъ которымъ значился въ плѣну и который надо было каждый разъ предъявлять при возвращеніи съ прогулки, какъ жестянку рабочими на фабрикѣ, говорилъ о тягостномъ сознаниіи своей подневольности и душевномъ гнетѣ въ теченіе долгихъ мѣ-

сяцевъ плѣна, о возвращеніи черезъ Сибирь, но все это было такъ блѣдно, такъ холодно, такъ «не то»... Все это говорилъ не Мика, а Михаилъ Петровичъ Нерадовъ, весьма тронутый и обласканный отношеніемъ хозяекъ дома къ его брату, котораго онъ счелъ долгомъ навѣстить по дорогѣ и передать привезенныя ему игрушки, а также вручить на память—матери изящный альбомъ съ японскими инкрустаціями на крышкѣ, а дочери дивной работы перламутровой вѣеръ со страусовыми перьями, а потомъ откланяться и вновь продолжать путь въ Петербургъ,—и только...

Ни тѣни теплоты, товарищества, дружбы...

Елизавета Ивановна, напротивъ, была очень оживлена и обо всемъ разспрашивала и поддерживала искусно разговоръ, улыбаясь, какъ часто улыбалась теперь, напоминая покойницу Александру Николаевну. Но Маруся не выдержала и ушла подъ предлогомъ отпустить отъ Лени Любашу пить чай. Она долго сидѣла въ полутемной, озаренной синей лампадкою комнатѣ и слушала глухо доносившіеся снизу голоса. Душа болѣла и хотѣлось плакать.

— Развѣ можно было такъ измѣниться?

Когда вернулась Любаша, она медленно спускалась по лѣстницѣ и слышала, какъ въ залѣкъ мать говорила съ укоромъ:

— Что это за китайскія церемоніи? Мы съ вами такіе близкіе родственники, а вы останавливаетесь въ гостиницѣ. Ваша комната готова еще къ Рождеству... Вотъ смотрите!..

Нерадовъ остановился въ дверяхъ и смотрѣлъ, какъ Яшневая отомкнула дверь въ сосѣдную комнату, но его глаза поднялись и впервые встрѣтились съ Марусиними.

«Боже... Боже мой! Это не онъ... совсѣмъ не онъ! И зачѣмъ мама настаиваетъ и посылаетъ Андрюшку за вещами въ гостиницу Пастухова? Ему вовсе не до насъ... Это все выходитъ такимъ навязываньемъ».

За ужиномъ Нерадовъ взялъ кусокъ поданной ради него ветчины, и Маруся увидѣла съ ужасомъ, какъ онъ вложилъ здоровой рукой вилку въ правую безжизненную и сжалъ розовыми пальцами тѣ, бѣлые, которые не только держали, но и воткнули вилку въ кусокъ на тарелкѣ, но вилка выскользнула, и пальцы, разомкнувшись, не могли уже поднять ее.

— Позвольте, я вамъ нарѣжу!—предложила она.

Онъ улыбнулся виновато и жалко и передалъ ей свою тарелку.

— Да!.. Придется нанять, кажется, нянюшку... Вотъ Любаша и пригодится... Видно, даже американскіе протезы не совершенны... Это вѣдь искусственная рука, и мнѣ ее дѣлали по слѣпку моей лѣвой... И то спасибо, что только кисть откромсали. Когда меня выловили, всѣ думали, я не вынесу операціи. Вѣдь мы четыре часа плавали въ морѣ, и вода послѣ четырехъ мѣсяцевъ пребыванія

въ тропикахъ, откуда мы только что пришли, казалась особенно ледяной. Одному товарищу отняли руку по плечо, и онъ утѣшался, что это лѣвая и никто не будетъ знать объ его увѣчьѣ, настолько по слухамъ искусны нынче протезы... Онъ умеръ, хотя и былъ куда здоровѣе меня на видъ, а я выжилъ... И если выжилъ, то благодаря идеальному уходу японскихъ сестеръ милосердія и искусству ихъ докторовъ. Первое время, въ полубреду, мнѣ все казалось что я не въ госпиталѣ, а въ опереткѣ... А потомъ я привыкъ къ этимъ милымъ японскимъ мусме въ ихъ странныхъ колпакахъ. Моя самоотверженно ухаживала за мной и кормила и поила съ ложечки, какъ младенчика, а я неистово капризничалъ и изводилъ ее. Особенно донималъ я ее, приставая, когда же меня выпишутъ? А она съ неизменно-милой улыбкой кротко отвѣчала: «Міоничи!—завтра...» Но когда я ужъ очень безобразилъ и выведу ее изъ себя, она сердилась и говорила: «Міогоничи!—послѣзавтра...»

Онъ остановился на минуту.

— Да!.. теперъ это все точно сонъ... И Мадагаскаръ, и наши тревоги, и надежды одно время, что мы, не дожидаясь тѣхъ, посланныхъ намъ вдогонку и сдавшихся потомъ, ринемся впередъ. И опять приказъ ждать... И эта томящая духота въ тропикахъ, тяжелая, напоенная странными испареніями и моря, и пропитанной, какъ губка болотистой почвы, посылающей къ намъ съ берега цѣлыя тучи комаровъ и размывающіе все на пути дожди, а главное—погрузка угля среди океана, подъ отвѣсными лучами солнца, невиднаго въ туманѣ угольной пыли... Грохотъ нагрузки, лязгъ цѣпей, свистки боцмановъ... Все черно... Мы какъ трубочисты... Кителю, фуражки точно суконныя, липкія отъ пота руки, липкіе волосы, борода усы, все насквозь прокопчено... На зубахъ мелкій скрипучій песокъ... Въ каютахъ, на койкахъ та же пыль... Ею дышишь, ее ѣшь съ хлѣбомъ и съ мясомъ и пьешь въ водѣ, въ винѣ, и чувствуешь, какъ она прокаляется солнцемъ и обжигаетъ тѣло и легкія... Это одинъ изъ Дантовыхъ круговъ ада... и мы его продѣлывали не разъ и не два... Если бы мнѣ сказали, что сейчасть опять надо отдать якорь и стоять и грузиться, я бы попросилъ лучше отнять и вторую руку. Конечно, бывали и хорошія минуты: Малаккскій проливъ и приходъ всей армадой въ Сайгонъ... Чувствовалось всеобщее удивленіе и даже восхищеніе... И, конечно!.. Ну, повези намъ хоть немного, ну, позволь судьба хоть трети нашихъ судовъ, хотя бы тѣхъ, не потопленныхъ 14-го, пройти во Владивостокъ, да вѣдь Рождественскаго всемірнымъ героемъ бы прославили... А такъ!—онъ задумался.

— Вы были четыре часа въ водѣ?—спросила Маруся.

— Да! около того. Я не помню... Меня ранило въ то время, когда я ухватился за обломокъ правой рукой, смѣнивъ лѣвую. Спасибо вѣстовому, онъ меня спасъ, поддерживалъ съ рискомъ для себя,

а то нырнулъ бы я, чтобъ не вынырнуть... Ужасно это жутко было тогда... смотришь... головы кругомъ плавають... переговариваются... потомъ вдругъ только что говорившій вздохнетъ... сдѣлаетъ послѣднее судорожное движеніе, и его уже нѣтъ... Или снарядъ рядомъ взорвется... тогда сразу нѣсколькими убудеть... Кошмаръ вспомнить... Да... про что это я говорилъ?..

— Про Рождественскаго! — напомнила Елизавета Ивановна.

— Да... про нашего Зиновя, какъ его звали всѣ матросы... Да! его, конечно, судятъ теперь повсюду и всѣхъ строже само собою тѣ, кто никогда не нашель бы въ себѣ силы безропотно итти самому на вѣрную смерть и вести насъ... Но для него... Ахъ что тутъ говорить! Будетъ день, и поймутъ его, и всѣ, всѣ узнаютъ, что пережили мы, и кѣмъ былъ онъ, и пожалѣютъ его, какъ жалѣли многіе, понимавшіе ту атмосферу, которая окружала его... Если я, мичманъ, не нахожу себѣ мѣста, думая о тѣхъ разгромленныхъ и потопленныхъ послѣ такого блестящаго и безпримѣрнаго похода, что дѣлается въ душѣ у него?.. Да знаете... я бы предложилъ всѣмъ націямъ, — пошлите свои корабли, и доведите, не потерявъ ни одного въ тѣхъ же условіяхъ, и, я пари держу, ни одинъ флотъ въ мірѣ не будетъ въ состояніи выставить такого флотоводца... И это когда-нибудь поймутъ и признаютъ.

Онъ нервно прошелся и сѣлъ на мѣсто...

— Неужели у насъ нѣтъ теперь судовъ? Неужели все потоплено?

— Да... почти все!.. Вотъ почему, приѣхавъ въ Петербургъ, я сразу подаю въ отставку... Пусть остаются тѣ, кто годенъ еще, а калѣкамъ на морской, т. е. на судовой службѣ не мѣсто... Надо уступать... Для меня это смерть. Въ сухопутные моряки я не гожусь. Мнѣ нужно море... его ширь, а не корпѣніе подъ адмиралтейскимъ шницемъ или торчаніе въ складахъ и пакгаузахъ.

— Но вѣдь построятъ новыя суда. Или вы не допускаете, что флотъ возродится?

— Я былъ бы не морякомъ, если бы не вѣрилъ въ его возрожденіе, но когда? Для этого нужны миллиарды и годы... А сейчасъ... Мы всѣ нищіе... Хорошо, что вы взяли брата, но я долженъ, къ сожалѣнію, тоже существовать...

— Что же вы будете дѣлать?

— Самъ еще не знаю... Можетъ быть, попрошусь въ воспитатели... Хотя берутъ ли калѣкъ?

Онъ положилъ обратно руку въ косынку и опять сгорбился и ушелъ въ себя, а когда, прощаясь, Маруся подала ему руку, онъ точно разсѣянно и неловко пожалъ ее своей лѣвой рукой...

Ночью, въ той комнатѣ, гдѣ все еще стоялъ стеклянный дѣдовскій шкапъ, Маруся лежала и думала: какъ предложить этому несчастному, выбитому изъ колеи человѣку ту, другую дорогу, о которой онъ мечталъ въ колычевской аллеѣ?

Обидится еще... подумаетъ, она ловить его?.. И подушка ея была мокра отъ слезъ.

Всю обѣдню, стоя рядомъ съ Леней, она горячо молилась, чтобы ея мечты воскресить изъ пепла старое гнѣздо осуществились и все кругомъ пошло по новому... Исчезли бы разметанныя соломенные крыши и развалившіеся срубы, и отрезвѣлъ бы народъ, а дѣти ходили бы въ школу, въ ея школу, но для этого ей нужно быть не одной.

Мика стоялъ поодаль, точно украдкой крестился лѣвой рукою, не рѣшаясь пускаться въ ходъ свой протезъ.

Возвращаясь, они шли рядомъ по заплатаннымъ доскамъ тротуара, и онъ спросилъ:

— Скажите, когда съ васъ писали тотъ портретъ въ гостиной, вы тоже молились?

— Нѣтъ... а, впрочемъ, если хотите,—да!

— Я такъ и подумалъ. Я смотрѣлъ на васъ въ церкви и знаете, мнѣ кажется, вашъ портретистъ былъ очень чутокъ и талантливъ: онъ схватилъ ваше лучшее выраженіе. Какъ фамилія этого художника?

Выспался ли онъ и отдохнулъ, но сегодня онъ выглядѣлъ моложе.

Маруся вздохнула и отвѣтила:

— Мой портретъ писалъ Данила Михайловичъ...

— Евграфовъ?.. Женихъ вашъ?.. А!..

Онъ снова потухъ точно.

Цѣлый день сидѣлъ то Шемаевъ, то Тереховъ. Все время говорили о Колычевѣ и спорили, и Маруся съ разгоравшимися глазами доказывала, что участіе дѣтей въ барышахъ необходимо съ минуты ихъ поступленія, и Елизавета Ивановна шутила говорила: «Ахъ ты, социалистка моя!»

Мика послушалъ и ушелъ съ Леней. Вскорѣ изъ ихъ комнаты послышался веселый дѣтскій смѣхъ, и мальчикъ ворвался въ столовую...

— Нѣтъ, ты послушай только, какъ они тамъ были одѣты!.. Ха-ха-ха... короткія панталоны, какъ у меня, носки, больничныя туфли и китель... и фуражка, а сверху ватный халатъ...

— Кто? Что?—удивилась Маруся...

— Да тамъ... плѣнные, когда ихъ выловили и повели на машину...

Онъ снова убѣждалъ.

За ужиномъ Мика опять разговорился и рассказывалъ про Японію.

— Знаете, чѣмъ они насъ побѣдили? Простотою жизни, трезвостью и трудолюбіемъ. Они ни секунды не сидятъ безъ дѣла, а жизнь дается не легко. Земли у нихъ мало, почва вулканическая и неблагоприятная, а посмотрите, что они изъ нея дѣлаютъ. На кро-

хотномъ клочкѣ садикъ и сколько растений, цвѣтовъ, фруктовыхъ деревьевъ, и сколько украшеній, мостики, бесѣдки, маленькія кумирни... А ихъ рисовыя поля!.. Да вѣдь это каторга по сравненію съ нашимъ мужицкимъ трудомъ. Вѣкъ чуть не по поясъ въ жиждѣ удобренной почвы, подъ тучами комаровъ, безъ ропота... Не удивляйтесь... Я жилъ въ плѣну подъ номеромъ. Я былъ такъ угнетенъ, что иногда мѣста не находилъ, но я долженъ сознаться,—не уважать этихъ насъ побѣдившихъ нельзя... Напротивъ...

— Ну, а броженіе въ Россіи, — спросила Яшнева, — было для васъ полной неожиданностью?

— Ничуть! пропаганда велась вѣдь и въ плѣну, и у нашихъ командъ появились даже машинки для печатанія прокламацій. Устраивались митинги, и пріѣзжали изъ Америки агитаторы. И все, что они говорили, было мнѣ такъ хорошо знакомо! Точно я снова сидѣлъ въ кабинетѣ дѣда и слушалъ нашихъ эмигрантовъ. Помните?

Маруся, не желая при матери называть Фролова, тихо кивнула головою, и то, что онъ замолкъ и понялъ ее, словно сблизило ихъ на минуту по-старому.

Опять новая ночь и тѣ же думы. «Онъ восхищается японцами, онъ самъ готовъ работать, какъ они, и могъ бы такъ хорошо примѣнить свои силы. Вѣдь это глупо. Это фальшь. Бояться, что онъ заподозритъ меня въ желаніи повѣситься ему на шею?.. Боже.. Боже... Боже...»

— Ну, сегодня мой послѣдній якорный день!—заявилъ онъ въ понедѣльникъ.

— Какъ такъ?—спросила Маруся.

— Завтра снимаюсь въ Петербургъ. Пора и честь знать! Вотъ что... Мнѣ все не удалось поговорить съ вами о покойной мамѣ. Расскажите мнѣ о ней.

Они были вдвоемъ въ гостиной. Леня бралъ урокъ наверху у тетки. Мика подбиралъ на піанино польку, которую они танцовали въ Колычевѣ, Маруся шла у окна. Онъ захлопнулъ крышку и повернулся къ ней на табуретѣ.

Маруся рассказывала все, что помнила. Онъ сидѣлъ, подперевъ рукою подбородокъ, и слушалъ, и лицо у него опять было утомленное и старое.

— Да!.. грустно... Смерть въ больницѣ послѣ почти дворца и собственныхъ лошадей и тысячъ десятинъ. Полный отливъ... Я часто думаю,—жизнь каждаго изъ насъ—приливъ и отливъ... Бѣдная, бѣдная мама!..

— Приливъ и отливъ?—повторила Маруся.—Да... и у насъ. Какъ было тяжело... горе за горемъ... и вдругъ, точно бабушкино серебро принесло счастье... И даже я согласна съ Тереховымъ,—какъ ни ужасенъ былъ самъ по себѣ погромъ, но Колычеву онъ на пользу.

— «Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью!»—усмѣхнулся Мика.

— Конечно! по крайней мѣрѣ будетъ наконецъ построенъ на-стоящій комфортабельный домъ, потому что снести старый не хватало духа.

— И вы этому радуетесь? Удивляюсь! Неужели вамъ не жаль было того? Вѣдь это же была святыця... Мнѣ всегда вспоминалась ваша гостиная, и даже, стоя на вахтѣ утромъ передъ Цусимой, я думалъ: «Вотъ если сейчасъ покажутся японскія суда и мнѣ предложить передъ тѣмъ, чтобы умереть, вернуть какой-нибудь одинъ моментъ изъ всего прожитого, я бы попросилъ сыграть только ту польку и вернуться въ колычевскую гостиную...» Кстати, я все хотѣлъ спросить васъ,—помните, мы встрѣтились на Стрѣлкѣ въ Петербургѣ? Я сразу даже не узналъ васъ. У васъ было такое отчаяніе на лицѣ. Что тогда случилось? Мнѣ было ужасно жаль васъ, а вашъ женихъ глядѣлъ такъ равнодушно!.. Не знаю... Я ничего не хочу сказать про него дурного, но, по-моему, онъ былъ вамъ не пара. Я тогда написалъ Софронову... Онъ относился очень критически къ вамъ обоимъ. Потомъ мама написала мнѣ въ Японію, что, по вашимъ рассказамъ, его убили 9-го января... Какъ это странно... Ахъ, къ чему я началъ разговоръ? Да!.. скажите, чѣмъ же вы были такъ огорчены тогда на Стрѣлкѣ? Въ этотъ день еще убитъ былъ Плева... Помните?

— Чѣмъ?.. Я переживала свою Цусиму...—отвѣтила Маруся.

— Какую Цусиму? что это значитъ?

— Значитъ потерю всѣхъ надеждъ и полный душевный разгромъ.

— Вы разочаровались въ Евграфовѣ?

— Не только въ немъ, а и въ другомъ.

— Въ комъ?

Маруся молчала. Мика чиркнулъ спичку и пристально смотрѣлъ, какъ она разгоралась.

— Вы молчите? Конечно, я не смѣю допытывать, но если бы вы знали, какъ упрекалъ я себя, зачѣмъ не догналъ васъ тогда и не разспросилъ, въ чемъ дѣло. Вы мнѣ показались такой одинокой...—Онъ закурилъ папиросу.—Теперь относительно Лени... Онъ сознался, что любить васъ наравнѣ со мною, видимо, вы тоже привязались къ нему,—онъ славный и чуткій мальчикъ. И я уѣду спокойно.

У Маруси упало сердце. Конечно, онъ уѣдетъ, и обезцвѣтитъ жизнь въ старомъ домикѣ, гдѣ было такъ тепло, такъ особенно хорошо эти дни отъ висѣвшаго въ передней форменнаго пальто и кортика, отъ тонкаго запаха духовъ и струекъ папироснаго дыма, отъ мужского голоса, рассказывавшаго о странѣ съ живописными бухточками и зелеными островами, съ оригинальными храмами и домиками, усланными цыновками и разгороженными ширмами...

Вчера еще они долго сидѣли послѣ ужина, а онъ ходилъ по столовой и описывалъ странныя сумерки тихихъ вечеровъ, озаряемыхъ цвѣтными фонарями на палкахъ прохожихъ, и щемящiе душу коротенькіе мотивы дудочекъ слѣпцовъ, столь обыкновенныхъ въ Японіи. Теперь у нея самой щемила душа отъ предстоящихъ сумерекъ жизни безъ него... Онъ уѣдетъ, а она должна будетъ жить, работать, устраивать школу?

И зачѣмъ началъ онъ эти разговоры, волнующіе недомолвками и намеками? Зачѣмъ помянулъ про Стрѣлку?..

— Кстати... Скажите, кто была эта дама, съ которой вы гуляли тогда?..

— Мой флиртъ!—спокойно отвѣтилъ Мика.—Я развлекался, какъ могъ. Я вѣдь тоже передъ тѣмъ пережилъ свою Цусиму. Видите,—теперь это прошлое и невозвратное. Теперь—я калѣка, а тогда. Я заболѣлъ съ отчаянія тогда, вернувшись изъ Новаго въ Петербургъ. Впрочемъ, не стоитъ вспоминать и говорить...

— Отчего? отчего? Нѣтъ, говорите!

— Зачѣмъ?.. Марья Васильевна! мы съ вами товарищи дѣтства... Я мальчишкой мечталъ о васъ и даже копилъ деньги, чтобы купить вамъ эмалевый сервизъ у Штейна, про который протоговорилась мама, но его потомъ кто-то раньше меня кушилъ, дѣло не въ томъ... Что же вы хотите, чтобы я сказалъ непременно то, что мнѣ больно и что безъ словъ ясно?.. Что не вернись я калѣкой, я бы не уѣхалъ теперь отсюда безъ вашего обручальнаго кольца? А теперь... что же, надѣть его на протезъ? Господи! Да за кого же вы меня считаете? Неужели я не понимаю,—если бы вы и дали свое согласіе, то его вырвала бы у васъ жалость ко мнѣ, безрукому и нищему? Нѣтъ! благодарю покорно... Жалость... Мнѣ ея не надо... Я именно боюсь ее. Жалость... камень вмѣсто хлѣба?!

Онъ всталъ и отошелъ къ окну.

Какъ въ гротѣ, когда такъ неожиданно появился дѣдъ на ея свиданіи съ Данилой, Маруся ощутила приливъ отчаянной, безотчетной смѣлости...

— Если вамъ жалости не нужно, то спросите по крайней мѣрѣ, не нужна ли она мнѣ? Спросите, не рисовалась ли и мнѣ наша гостиная тогда на Стрѣлкѣ и еще раньше и въ Липовкахъ, и въ Пневкѣ у Симы?.. Вы думаете, я не знала, кто эта дама? Да вѣдь я случайно встрѣтила васъ на Невскомъ и слышала, да! да! ясно слышала, какъ она вамъ сказала: «L'exactitude est la politesse des rois», а вы отвѣтили: «Et pour cette fois des amants»... Вотъ видите... я говорю, потому что вы именно безжалостны... И это и была моя Цусима... Это не принято... неприлично... выходитъ, точно я сама навязываюсь... Но я, когда думала о вашей рукѣ, я чувствовала не жалость... нѣтъ! умиленіе, гордость, да!.. но не жалость... Ахъ, Господи!.. Что же я кукла? деревяшка пустая?

И въ какомъ-то безумномъ порывѣ она подбѣжала сама къ нему и, ставъ на колѣни, прижалась къ его изувѣченной рукѣ...

Въ слѣдующую минуту Леня ворвался въ комнату и оцѣпенѣлъ.

Черезъ мгновеніе его дерзки-веселый дѣтскій голосъ уже кричалъ наверхъ:

— Тетя Лиза!.. иди скорѣй!.. Мика съ Марусей плачутъ!..

Эпilogъ.

Все, что мнѣ было отрадно и свято,
 Все, чѣмъ страдала и мучилась я,
 Пишетъ рука благодатная чья-то
 Въ книгѣ живой бытія.
 Чась мой придетъ. Головою въ сѣдинахъ
 Я наклонюсь надъ рабочимъ столомъ,
 Слушая вѣянье крылъ лебединыхъ,
 Греза опять о быломъ.
 Въ ладъ этимъ крыльямъ, изъ бездны забвенья
 Голосъ прочтетъ мнѣ по книгѣ святой,
 Сколько мнѣ счастья вплеталось въ звенья
 Жизни, съ тобой прожитой!
 Свѣтомъ все ярче отъ каждаго взмаха
 Будетъ прошедшая даль залита.
 Лебедемъ бѣлымъ взвоется безъ страха
 Въ пѣснѣ предсмертной мечта...

(«Лебединая пѣсня». М. К.).

Прошло семь лѣтъ.

Старый садъ бросаетъ на песокъ аллеи длинныя тѣни.

Давно отпѣты весеннія пѣсни. На дворѣ июль, и опять цвѣтутъ липы. Рои пчелъ собираютъ послѣднюю взятку меду и улетають въ разставленные рядами ульи подъ яблонями. Изъ грунтовыхъ сараевъ слышатся голоса дѣвочекъ, наспѣхъ натягивающихъ откинутыя подъ вечеръ сѣтки. Двѣ другія несутъ корзинки собранной малины.

— Опять запоздали! Десять разъ говорятъ, не обирайте, на ночь глядя!.. Ну, куда опять я съ нею дѣнусь? — журить Любаша. — Вся до завтра слежится...

— Да вѣдь осыплется за ночь! — оправдываются дѣвчечятки. — Тутъ по восемь фунтовъ, тетенька... Мы запишемъ.

— Ладно... несите въ кладовку.

Въ птичникѣ идутъ послѣдніе куриные разговоры. Птица разсаживается на насѣсты и жметя другъ къ другу. Съ поля слышны голоса и стукъ косилки на клеверѣ, объѣзжающей кругъ. Въ молочной гудитъ сепараторъ.

Изъ аллеи показывается няня съ коляской.

— А Арсикъ гдѣ? — спрашиваетъ изъ окна совершенно бѣлая, какъ лунь, женщина.

— На постройкѣ. За папашей увязался и Степаномъ Захарычемъ. Развѣ его докличешься.

Няня вынимаетъ изъ коляски спящую дѣвочку и черезъ увитую хмелемъ террасу и залу несетъ ее налѣво, гдѣ по старому плану была угловая, а за нею комната Кирилловны. Теперь это дѣтская. Няня ея недовольна... Тѣснота... Скоро ли школу сверху переведутъ, а то лѣтомъ задохнешься. Тоже и барыня молодая! Сейчасъ Сашенька проснется, кормить пора, а она тоже тамъ на постройкѣ. Просто всѣ съ этимъ домомъ новымъ съ ума сошли. Цѣлые дни толкуются... Красиво, что и говорить, особенно какъ прудъ очистили. А только тоже глупость одна. Начали строить, она думала, слава Богу, наконецъ, домъ, какъ полагается господамъ хорошимъ въ усадьбѣ, антъ, оказывается, подъ школу назначень, а сами тутъ на дворѣ этомъ останутся. Только и радости, что оба этажа займутъ. Совсѣмъ не по-людски! На что мальчишкамъ деревенскимъ да дѣвчонкамъ босоногимъ такія хоромы? Музей, видите ли, въ двухъ боковыхъ полукруглыхъ комнатахъ будетъ. Что за музей?.. Въ Питерѣ картины хранятся, ну, а тутъ?.. Потомъ зала большая съ машинами всякими, а тамъ всякія мастерскія. Все хотятъ сами дѣлать, зимой заготовлять, что потомъ лѣтомъ понадобится: и вѣялки, и плуги, и скороды, и сбрую, и мѣшки, и кули все, все...

Няня вздыхаетъ.

«А барыня еще цвѣтами заниматься хочетъ. Сзади теплицу строить... Ужъ эта барыня!.. Всему затѣйница... А баринъ только молится на нее. По глазамъ читаетъ. Живутъ хорошо... Впрочемъ, иногда и поспорить... даже покричать другъ на друга... Тутъ маменька сейчасъ вступятся, и баринъ нахлобучка. Горяча больно... и барину реприманъ: зачѣмъ воли много даетъ, распускаетъ... Барыня хоть и дочь старухѣ родная, но всегда въ ея глазахъ неправя, и съ бариномъ старуха дружище, а ужъ того, Леничку своего, такъ балуетъ, что нонеча его въ корпусъ Морской отослалъ баринъ, пусть поплаваетъ да дѣломъ займется... Ну, вотъ! такъ и знала!.. Проснулся ребенокъ... Ш-ш-ш!»

Баю! баюшки баю!
Баю Сашеньку мою...

Но уже по ступенямъ террасы взбѣгала бѣлая фигурка и, разстегивая на ходу блузку, говорила:

— Сейчасъ, дѣточка!.. сейчасъ, моя хорошая... Ахъ, няня!.. дайте скамеечку подъ ноги.

— Матушки родныя!—ворчить няня:—опять подолъ весь въ краскѣ Любашѣ на радость...

Но Маруся мало горя. Не только подолъ, башмаки не лучше... Зато она сама убѣдилась, что потолокъ въ оранжереѣ надо еще поднять... Дядя Тиня,—какъ всѣ по примѣру ея Арсика зовутъ Шема-

ева,—быль правъ. Нечего нагонять на грошахъ экономію, гдѣ десять тысячъ ухлопаны, сотня-другая не расчетъ. Зато мечта ея ввести въ программу цвѣтоводство и даже парководство будетъ исполнена. Виновать въ этомъ косвенно ея милый фавиш. Когда задумали расчистить лабиринтъ, Мика безъ конца бился надъ его планомъ и едва-едва сумѣлъ возстановить былую сѣть заросшихъ дорожекъ, но французскій садъ такъ заглохъ, что безъ помощи опытнаго садовника и думать нечего было его привести въ порядокъ, а таковой заломилъ несуразную цѣну. Ей и пришло въ голову ввести и этотъ отдѣлъ декоративнаго стараго искусства въ своей школѣ... Гдѣ, какъ не на Колычевскомъ паркѣ, представлялся болѣе удобный случай пройти полный курсъ боскетовъ и трельяжей, разбивки цвѣтниковъ и работокъ?

Мика упрекаетъ ее, что она больше не пишетъ стиховъ, и увѣряетъ, что она ударилась въ прозу,—вѣчно то дѣти, то школа...

Она осторожно цѣлуетъ сопящую у груди дочку и думаетъ:

«Это проза?.. Да выше развѣ есть что на свѣтѣ? Дѣти!.. Боже мой, какъ я рада, что они есть у меня и какъ пусто тѣмъ, у кого ихъ нѣтъ! А школа? развѣ это не творческая работа?.. Не разъ со мной бывало... Не пишу, точно совсѣмъ разучилась... Теперь не до того. Вырастутъ Арсикъ съ Сашенькой, тогда и за стихи засяду...»

И снова думаетъ о садѣ, гдѣ тихо журчитъ струя въ гротѣ...

— Знаете, няня, какой у насъ будетъ садовникъ?—дѣлите своей радостью барыня со старушкой въ бѣломъ чепцѣ, помогающей ей переложить Сашенку на другую сторону.

— Почему же мнѣ знать, матушка!—отвѣчаетъ та и собираетъ пеленки.

— Японецъ!

— Съ нами крестная сила! Еще что выдумаете! Это встарину араповъ держали при дверяхъ, а вамъ японца захотѣлось. Мало насъ обижали и барина мучили?

— Что дѣлать!.. Японцы настоящіе чудодѣи. Посмотрѣли бы вы ихъ сады... У нихъ яблони, сосны, какъ розы, въ горшкахъ растутъ...

— Ишь мучители! деревья хорошія калѣчатъ...—ворчитъ чепецъ.

Изъ аллеи опять слышны голоса. Няня притворяетъ окна, чтобы не разбудили ребенка, и выгоняетъ въ угловую, гдѣ нарочно зажжена свѣчка, мухъ полотенцемъ.

Высокій кудлатый полусѣдой человѣкъ ставитъ на ноги соннаго мальчугана.

— Ну-съ, давай пить молоко и спать, Арсеній Михайловичъ!

— Посиди!..—хнычетъ мальчуганъ.

— И посижу, а ты не нюнь...

Вечеръ догорѣлъ. Въ просѣвкѣ блѣднѣетъ послѣдняя черточка зари. Упорно и однообразно кричитъ на росистомъ лугу дергачъ. Съ села доносятся голоса и лай собакъ. Сторожъ на колокольнѣ бьетъ десять ударовъ.

На террасѣ отужинали, мужчины садятся бокомъ къ столу и закуриваютъ съ особеннымъ наслажденьемъ папиросы. Вокругъ стекляннаго колпака висячей лампы кружатся бабочки и, опаливъ мохнатыя крылья, усиленно трепещутъ ими и бѣгаютъ по скатерти. Сейчасъ взойдетъ луна, но пока сквозь хмель деревья слились въ одну черную стѣну съ небомъ и клумбами полукруглаго цвѣтника, откуда тянетъ табакомъ и левкоями...

Все, все по-старому, — только на террасѣ говорятъ о землеустроительной комиссiи и отрубяхъ.

«Утро мужицкой жизни!» — вспоминаетъ Маруся слова Горбушова.

— Ну, что же, господа, пойдемте къ пруду. Вѣдь съ которыхъ поръ онъ мѣсяца не видалъ! — предлагаетъ Мика, котораго тянетъ къ водѣ.

Встаютъ и спускаются по ступенькамъ. Степанъ Шемаевъ опять ведетъ подъ руку Елизавету Ивановну, какъ велъ ее когда-то въ молодости, не слыша ногъ отъ счастья подъ собою, но теперь надо итти осторожно, нога не поддается ни массажу, ни Аренсбургу, ни Кавказу, и рука лежитъ тяжело. Они понемногу отстаютъ, а тѣ молодые, Мика и Маруся, тоже подъ руку, скрываются изъ вида подъ темными вѣсковыми липовыми сводами... Передъ ними впереди, какъ въ полукругломъ низкомъ окнѣ, переливается и блещетъ что-то яркое и живое...

Еще нѣсколько шаговъ. Расчищенная старая дорожка упирается въ берегъ... Серебромъ играетъ рябь на пруду, который непривычному пока глазу кажется огромнымъ... Слѣва странной формы гигантъ-вязъ протягиваетъ навстрѣчу черныя вѣтви... Чуть-чуть видны подъ ними кресты, и блещутъ золоченыя пики рѣшетки на могилѣ бывшаго двороваго человѣка Евграфа Птичкина. Справа, какъ волшебный замокъ, стоитъ погруженное въ сонъ бѣлое зданiе, выходя длинными ступенями прямо изъ воды. Ни вѣтерка. Ни шелеста... Мѣсяцъ всплываетъ все выше... Меркнутъ въ его лучахъ сосѣднія звѣзды. Зато другiя горять, какъ брильянты, на небесномъ шатрѣ.

И не вѣрится молодымъ хозяевамъ старой вотчины, что ими вызванъ снова къ жизни, къ новой жизни на старомъ очищенномъ отъ мусора фундаментѣ бѣлый домъ, глядѣвшiйся долгие годы въ эту свѣтлую и снова проточную воду, которая теперь будетъ использована для рыбоводства.

— Какая красота! — говоритъ Мика. У него чуть-чуть щемитъ сердце.

Маруся улыбается.

— А вдругъ это сонъ... Мы проснемся, и все пропадетъ...

— Да... спасибо Степану Захаровичу!—прибавляетъ она.—Безъ него ничего бы не было. Я помню, какъ непріятенъ онъ мнѣ казался тогда, босой и въ подрясникѣ. А теперь, благодаря ему, цѣлая «крестьянская академія»... Правда?..

— Удивительный человѣкъ... Никто не повѣритъ, что онъ такъ пьянствовалъ когда-то... Господи!.. если бы отрезвѣть всѣмъ—всѣмъ въ Россіи... но это, кажется, невозможно...—вздыхаетъ Мика, думая о своемъ безпутномъ отцѣ, помѣщенномъ уже три года назадъ на излеченіе въ заграничную санаторію.

— Отчего? Неужели ты не вѣришь, что если не мы, то Арсикъ и Сашенька доживутъ до трезвой Россіи?.. Почему же!.. И подумай, какъ будетъ чудно тогда... Все нехорошее, тянувшее насъ книзу, оборвется, и мы снова займемъ наше прежнее мѣсто, вернемъ былое обаяніе. Я не знаю, какъ это случится... Но это будетъ, и мы все, все искупимъ...

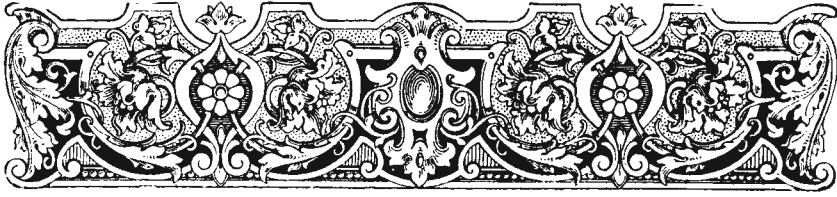
Она прижимается къ его плечу и улыбаясь заглядываетъ ему въ глаза своими темнокарими звѣздами.

— Неужели ты не вѣришь, что тогда Россія достигнетъ не только прежняго, а небывалаго еще величія?..

— Вѣрю.

М. Веселкова-Кильштетъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРАГО ЭРИВАНЦА ¹⁾.

(1832—1839 гг.).

V.

Сборы въ походъ.—Семья Аксеновыхъ.—Капуиъ выступленія.—Походъ.—Туземная милиція.—Посадка на суда въ Сухумѣ.—Сочи-Пета.—Убыхскій князь Берзекоевъ.—Посадка 13-го апрѣля.—Штурмъ аула.—На волосъ отъ смерти.—Отступленіе.—Катастрофа съ правой колоніей.—Занятіе аула.—Ночная атака горцевъ.

ВЬСЯЧА восемьсотъ тридцать восьмой годъ я считаю поворотнымъ въ моей жизни. Съ этого года начинается моя боевая страда, окончившаяся вмѣстѣ съ послѣдними боевыми выстрѣлами на Кавказѣ.

Въ день Новаго года разнеслась радостная вѣсть о предстоящемъ походѣ и, по принятому на Кавказѣ обычаю, у насъ въ полку началось общее ликованіе. Да и какъ было не радоваться?..

Въ періодъ мирнаго пребыванія штабъ-квартирная жизнь шла скучно, монотонно, съ утомительными по своей мелочности строевыми занятіями и однообразной караульной службой... Дни проходили одинаково: сегодня, какъ вчерашній... Книгъ было мало, газеты были еще большою рѣдкостью... Постепенно всѣми начинала овладѣвать апатія, работа шла вяло...

Но вотъ проносилась вѣсть о готовящейся экспедиціи, и всѣ проснулись... Роты, батальоны загадывали, кому выпадеть счаст-

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣсти.», т. СXXXVIII, стр. 400.

ливый жребій итти и, когда вопросъ выяснялся, оставшіеся искренно завидовали уходящимъ. Всѣ, словомъ, рвались въ бой... Въ бою была поэзія, рискъ, возможность отличія... Бой считался дѣломъ, а мирное затишье прозябаніемъ...

Я пережилъ всѣ эти настроенія, пожалуй, въ болѣе острой степени, чѣмъ всѣ остальные, ибо для меня бой связывался съ вопросомъ «быть или не быть»... Въ то время жизнь моя усложнилась еще однимъ обстоятельствомъ, о которомъ поэты говорятъ: «это старая исторія, но вѣчно новая»...

Зашелъ какъ-то ко мнѣ одинъ юнкеръ Семень Аксеновъ, и мы провели съ нимъ весь вечеръ въ дружеской бесѣдѣ. Посѣщенія юнкера участились, мы сдружились, скоро перешли на «ты», и онъ меня познакомилъ со своей семьей, жившей обыкновенно зимой въ Тифлисѣ, а на лѣто переѣзжавшей на Манглисъ, гдѣ у нихъ имѣлся свой домикъ.

Семья эта была очень большая, какихъ въ нынѣшнее время не бываетъ, Она состояла, помимо родителей, изъ пяти дочерей и четырехъ сыновей. Самъ старикъ Аксеновъ, Гермогенъ Семеновичъ, служилъ въ инженерныхъ войскахъ и славился своею безукоризненною честностью. Имъ выстроено въ Тифлисѣ и другихъ мѣстахъ много казенныхъ зданій, изъ которыхъ нѣкоторыя стоятъ до сихъ поръ и поражаютъ всѣхъ своею крѣпостью. Таковы, напримѣръ, въ Тифлисѣ зданіе военно-окружнаго штаба и тѣ дома, въ которыхъ и донинѣ помѣщаются военно-инженерныя дистанціи. Можетъ быть, въ теченіе послѣдняго времени эти зданія и подверглись разнымъ перестройкамъ, но въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ они еще стояли въ своемъ первоначальномъ видѣ.

Вопреки существующему у инженеровъ обычаю, будь имъ не въ укоръ сказано, Аксеновъ не нажилъ на этихъ постройкахъ, и большая семья всегда нуждалась, но какъ-то весело и безпечально переносила лишения. Старикъ удалось пристроить всѣхъ дѣтей, кромѣ трехъ старшихъ, вышедшихъ уже изъ возраста, въ институты и корпуса на казенный счетъ. Они оказались всѣ выдающихся способностей и покончили курсы съ шифрами, медалями, а кадеты всѣ были записаны на мраморныя доски ¹⁾. Старшій сынъ Аксенова, Семень Гермогеновичъ, съ которымъ я познакомился, былъ юнкеромъ Эриванскаго полка и обучался въ полковой школѣ, учрежден-

¹⁾ Одна изъ младшихъ дочерей, Анна Гермогеновна, шифреница перваго выпуска Тифлискаго Закавказскаго института, впоследствии вышла замужъ за доктора Адамъ Фодоровича Корша, родного брата В. Ф. Корша, извѣстнаго литератора, живущая и понинѣ въ Геленджикѣ, возлѣ Новороссійска. Два ея брата, Дмитрій и Михаилъ Аксеновы, съ отличіемъ окончили инженерное училище, вышли въ первый саперный кавказскій батальонъ и при штурмѣ Карса въ 1855 году были убиты одной и той же гранатой.

ной для дворянскихъ дѣтей, «ипущихъ офицерскаго званія», какъ писалось тогда.

Такія школы въ то время основаны были во всѣхъ пѣхотныхъ полкахъ на Кавказѣ, и онѣ, за отсутствіемъ военныхъ образовательныхъ заведеній, главнѣйшимъ образомъ комплектовали офицерскій составъ. Конечно, курсъ въ нихъ былъ небольшой и офицерамъ въ послѣдствіи много приходилось трудиться, чтобы не отстать отъ возрастающихъ требованій времени, но на основаніи многолѣтняго моего опыта могу сказать, что изъ этихъ офицеровъ выходили весьма часто очень толковые, распорядительные и храбрые начальники, умѣвшіе внушать довѣріе солдатамъ и умѣвшіе умирать на полѣ брани...

Этотъ Семень Аксеновъ въ послѣдствіи самообразованіемъ дополнилъ недостающія знанія и могъ бы считаться однимъ изъ образованныхъ людей своего времени. Его, какъ отличнаго строевика, командировали въ Петербургъ въ учебный батальонъ. Тамъ онъ разработалъ и написалъ первый по времени уставъ «застрѣльщичьяго строя», который былъ затѣмъ введенъ во всей русской арміи и положилъ начало будущему разсыпному строю. За эту дѣйствительно выдающуюся работу Аксенова по высочайшему повелѣнію перевели тѣмъ же чиномъ въ гвардію, въ Семеновскій полкъ. Аксеновъ, впрочемъ, не долго оставался на военной службѣ и потомъ скоро перевелся въ министерство государственныхъ имуществъ и умеръ недавно въ чинѣ тайнаго совѣтника. Но я отвлекся біографіей аксеновской семьи. Вернусь къ давно прошедшему.

Не всѣ одинаково радушно меня встрѣтили въ этой семьѣ. Самъ Аксеновъ, суровый старикъ, не скрывалъ своего плохого мнѣнія о полякахъ, съ которыми не разъ встрѣчался въ своей инженерной дѣятельности. Много онъ мнѣ дѣлалъ упрековъ по поводу моего участія въ польскомъ возстаніи, называя его просто «бунтомъ». Чтобы избѣжать этихъ очень для меня непріятныхъ разговоровъ, я приноравливалъ мои посѣщенія къ отсутствію самого Аксенова, и дѣло шло прекрасно. Я чудно проводилъ время въ этой веселой патріархальной семьѣ, въ которой меня всегда встрѣчали, какъ своего родного. Старшая дочь въ это время уже была просватана за одного офицера, выслужившагося изъ нижнихъ чиновъ и представлявшаго типичный образецъ бурбона. На жениховскомъ положеніи онъ еще себя сдерживалъ, но отъ солдатъ я зналъ, какъ тяжела его рука и насколько онъ можетъ быть грубъ. Тѣмъ не менѣе онъ очень правился старику Аксенову, считавшему его простымъ и честнымъ. Мнѣ же приглянулась вторая, Марія, но я не смѣлъ высказывать моего чувства и страдалъ молча... Однако, помнится мнѣ, въ этомъ страданіи я находилъ своего рода усладу. Вѣроятно, сердце мнѣ подсказывало, что мое чувство не оставалось безъ от-

вѣта, и только скромность нравовъ того времени мѣшала вѣдшему его проявленію.

Предстоящій походъ, съ перспективой возможной выслуги, окрылил мои надежды. Возбужденный, настроенный героически, я почти всѣ послѣдніе дни проводилъ у Аксеновыхъ, тѣмъ болѣе, что и юнкеръ Семень Аксеновъ тоже получилъ назначеніе, и это служило нескончаемымъ матерьяломъ для разговоровъ, предположеній, а затѣмъ и приготовленій къ походному снаряженію. И мнѣ также шились канаусовыя рубашки, какія-то сумки, фланелевыя фуфайки и т. п...

Канунъ нашего выступленія я, конечно, провелъ тамъ же и, помню, былъ очень оживленъ и веселъ, несмотря на завтрашнюю разлуку. Говорилъ я о своемъ намѣреніи записаться въ охотники, которые всегда идутъ впереди, и вернуться или «съ бѣлымъ крестомъ на груди, или тамъ лечь подъ чернымъ крестомъ»... Фраза была эта мною очень обдуманна и рассчитана на эффектъ. Дѣйствительно, та, для которой все это говорилось, вскочила и убѣжала; вернулась же она только тогда, когда старушка-мать, по моей просьбѣ, благословила меня серебрянымъ православнымъ крестикомъ. Дѣтишки подняли ревъ, это дало мнѣ возможность не скрывать и моихъ слезъ...

Помню хмурое, туманное мартовское утро 1838 года съ мелко моросившимъ дождемъ... Солдаты первыхъ двухъ батальоновъ съ подоткнутыми по походному спереди полами шинелей спѣшно выбѣгали изъ казармъ и выстраивались на площади покоемъ вокругъ аналая. Въ это время прибѣжалъ юнкеръ Аксеновъ и передалъ мнѣ довольно увѣсистый тючокъ, сказавъ:

— Это тебѣ на походъ!.. Сама Маша пекла...

«Сама пекла»...—значить, не спала всю ночь и думала обо мнѣ. Нужно быть въ моемъ положеніи, чтобы понять, какъ я былъ счастливъ, не чувствуя себя одинокимъ на свѣтѣ... И это сознаніе окрыляло меня во все время похода. Куда мнѣ было дѣтъ этотъ узелъ?.. Я догадался его сдать въ лазаретный фургонъ и ужъ потомъ вскрылъ его на привалѣ. Въ немъ оказались жареные пылята, булки, чай, сахаръ, бутылка рому и записочка безъ подписи: «Буду за васъ Бога молить, а вы берегите себя!..».

Смѣшно и въ то же время сладостно мнѣ это писать почти черезъ полвѣка... А какъ живо вспоминается тотъ моментъ, когда я этотъ маленькій клочокъ розовой бумаги цѣловалъ и пряталъ на груди вмѣстѣ съ образками и крестиками...

Старикъ-священникъ отслужилъ напутственный молебенъ, потомъ окропилъ насъ святою водою. На меня, помню, попала цѣлая струя воды, и я счелъ это за самое благоприятное предзнаменованіе. Затѣмъ командиръ поздравилъ насъ съ походомъ, мы отвѣтили единодушнымъ «ура», и двинулись подъ веселые звуки марша...

«истор. вѣстн.», декабрь 1914 г., т. сxxxviii.

5

Вся штабъ-квартира, разумѣется, не спала и высыпала на проводы. Уходящихъ крестили, многіе плакали... На крыльцѣ аксеновскаго дома, мимо котораго мы проходили, стояли всѣ, теперь мнѣ казавшіеся близкими, почти родными, и тоже махали платками, крестили и плакали... Какъ было не свершить чудесь храбрости ради такихъ добрыхъ людей?..

Въ Тифлисъ къ намъ присоединились два батальона Мингрельскаго полка, нѣсколько батарей и рота саперъ. Дальше мы двинулись по Военно-Имеретинской дорогѣ на Поти, но, не доходя его, переправились черезъ Ріонъ и пошли на Сухумъ, гдѣ къ намъ присоединились Гурійская, Мингрельская, Имеретинская дружины, частью верхомъ, частью пѣшими.

Это были молодцоватая, щегольски и цвѣтисто разодѣтая часть, передъ которыми мы, сѣрые, уже нѣсколько потрепаншіеся въ походѣ, казались совѣмъ замухрышками. И вооруженіе наше тоже было нехорошее. Правда, многіе дружинники имѣли еще бердыши, сѣкиры, луки со стрѣлами, но у многихъ были нарѣзные, малокалиберныя ружья, обладавшія гораздо большею дальностью, чѣмъ наши семилинейныя, стрѣлявшія шаговъ на сто—двѣсти, да и то не каждое. Мы знали, что побережные горцы были большею частью вооружены такими же турецкаго или, правильнѣй сказать, англійскаго происхожденія ружьями, но мы шли съ большимъ презрѣніемъ къ непріятельскому вооруженію, твердо увѣренныя, что нашему врагу не сдобровать противъ нашего молодца-штыка, а ихъ пуля—дура... Долженъ откровенно сказать, что тѣмъ не менѣе каждый изъ насъ охотно промѣнялъ бы свою кочергу на длинную фузею горцевъ, будь только возможность придѣлать къ ней штыкъ.

Два слова о нашей экспедиціи. Она была предпринята повелѣніемъ самого государя Николая Павловича, который въ прошломъ году лично объѣхалъ все побережье и призналъ необходимымъ заложить здѣсь рядъ укрѣпленій, дабы разобщить кавказскихъ горцевъ отъ ихъ единовѣрцевъ—турокъ, постоянно снабжавшихъ нашихъ противниковъ оружіемъ, порохомъ и посылавшихъ черезъ эти порты своихъ эмиссаровъ въ глубину Кавказскихъ горъ для возбужденія горцевъ къ непрестанной борьбѣ съ Россіей. Для овладѣнія береговой полосой, отъ которой по послѣднему мирному договору Турція, хотя и отказалась, но продолжала фактически господствовать за отсутствіемъ у насъ на Черномъ морѣ сильнаго военнаго флота, было назначено два отряда: Сѣверный—для движенія отъ Суджука (нынѣшній Новороссійскъ) къ югу и нашъ Южный, направлявшійся отъ Сухума къ сѣверу навстрѣчу первому.

Въ Сухумѣ насъ уже ждали транспорты и конвойныя суда, подъ начальствомъ адмирала Артюхова. Десятаго апрѣля началась посадка войскъ, а 12-го мы тронулись. Погода вначалѣ стояла великолѣпная, но въ открытомъ морѣ начало изрядно покачивать, быть

можетъ, по морскому и незначительно, но для многихъ, и въ томъ числѣ для меня, эти полтора-два дня положительно вычеркнуты изъ жизни. Я лежалъ, какъ пласть, и ко всему въ мірѣ относился равнодушно. Помню одинъ моментъ, когда сознаніе мое боролось съ сумасшедшимъ желаніемъ броситься черезъ бортъ, дабы смертью разомъ прекратить эти невыносимыя страданія, но что-то или, вѣрнѣе, кто-то удержалъ меня.

13-го апрѣля съ утра на всѣхъ судахъ поднялась суматоха, обычно предшествующая высадкѣ войскъ. [Начались переключки, расчеты по гребнымъ судамъ, раздача патроновъ, сухарей и т. п. Готовясь къ бою, люди мылись, переодѣвались въ чистое бѣлье, и не слышно было обычныхъ шутокъ, прибаутокъ... Я ли привыкъ къ морю, или оно стало тише, но я началъ приходить въ себя и мнѣ постепенно передалось общее оживленіе. Я дѣлалъ то же, что и другіе, и вызвался въ охотники, увѣренный, что мученія мои кончатся, какъ только я ступлю ногами на твердую землю.

Около трехъ часовъ мы подошли къ Сочи. Невысокій берегъ тутъ разступался и образовывалъ широкую долину, по которой текла горная рѣчка Сочи-Пста, дававшая названіе всей мѣстности. Правая, южная сторона долины, нѣсколько выступавшая впередъ, оканчивалась террасой, на которой среди высокихъ каштановыхъ и орѣховыхъ деревьевъ бѣлѣли сакли горскаго аула. Въ глубинѣ долины зеленѣли лѣсистыя горы, а далѣе за еще болѣе высокими, но уже синими и лиловыми хребтами, ярко сверкали снѣжныя вершины... Эта чудная панорама навсегда запечатлѣлась въ моей памяти ¹⁾.

¹⁾ Въ этомъ аулѣ жилъ убыхскій князь Аубла-Ахметъ, слышій по всему побережью, какъ отчаяннѣйшій пиратъ, грабившій и наши крымскіе и турецкіе анатолійскіе берега. За его небольшой, но чрезвычайно хорошо оснащенной бригантиной наши военныя суда очень долго и упорно гонялись и такъ-таки не могли захватить ее.

Горцы, населяющіе эту часть побережья, принадлежали къ племени убыховъ, находившихся подъ властью князя Берзекова, который пользовался, благодаря своимъ личнымъ свойствамъ, громаднымъ авторитетомъ не только у своихъ, но и вообще у другихъ горскихъ племенъ. Это былъ рыцарь по своему характеру и въ то же время человекъ большого ума и военныхъ дарованій. Онъ объявилъ себя открытымъ врагомъ Россіи, и всѣ нападенія, впоследствии произведенныя на наши береговыя укрѣпленія, были организованы имъ, причемъ онъ чрезвычайно умѣло использовалъ изолированное положеніе нашихъ опорныхъ пунктовъ. Въ концѣ концовъ мы вынужденно покинули занятую линію и, когда ее вновь заняли, то Берзековъ не захотѣлъ признать нашу власть и, сломленный силой, но не покоренный, гордо покинулъ свою родину и выселился со всѣмъ своимъ племенемъ въ Турцію. Я, между прочимъ, слышалъ, что подъ эгидой этого благороднаго представителя убыхскаго рыцарства воспитывались даже дѣти владѣтельнаго князя Мингреліи Шервашидзе, впоследствии служившіе на русской службѣ.

А. О. Р.—чѣ.

Старикъ Берзековъ дожилъ до глубокой старости. Сыновья его живутъ въ Турціи до сихъ поръ и пользуются большимъ почетомъ у турокъ и большимъ вліяніемъ среди всѣхъ племенъ бывшихъ кавказскихъ горцевъ. Старшій изъ Берзековыхъ, можетъ быть, войдетъ со временемъ въ исторію своимъ классическимъ отвѣтомъ кавказскимъ рево-

Вдругъ на флагманскомъ суднѣ поднялось нѣсколько флаговъ, тотчасъ по всемъ судамъ раздалась сложная команда, и часть матросовъ съ чисто обезьяньей ловкостью бросилась наверхъ по мачтамъ убирать паруса, а другая—завозилась у орудій, спѣшно ихъ заряжая. Между тѣмъ корабли перестроились въ двѣ, какъ ихъ называютъ, «кильватерныя» колонны: ближе къ берегу, саженьяхъ въ ста, остановились боевые суда, прикрывая собою линію транспортовъ. Еще взвились новые флаги, открылись боковые люки, выдвинулись орудія, командоры навели ихъ, и разомъ загремли оглушительные выстрѣлы, потрясшіе корабли!.. Сквозь разорвавшіеся клубы дыма мы видѣли, какъ гранаты забороздили по террасѣ, взрывая пыль и камни... Въ аулѣ, казавшемся раньше вымершимъ, поднялось смятеніе... Видно было, какъ тамъ забѣгали женщины въ ихъ цвѣтныхъ платьяхъ, какъ мужчины тащили на себѣ разный скарбъ и угоняли скотину. Послѣ новаго залпа началась частая бомбардировка всей полосы, насколько могли хватать орудія. Послѣ подобнаго обстрѣла, намъ казалось, ужъ ничего живого не должно было остаться въ аулѣ.

Въ это время со стороны, обращенной къ морю, спускались лодки, и въ нихъ садились войска, назначенныя въ десантъ. Впрочемъ, слѣдовало бы сказать не «садились», а становились, такъ какъ мы сбились въ кучу посреди лодки стоя и жались другъ къ другу, заботясь лишь о томъ, чтобы не проткнуть сосѣдей штыкомъ и не выстрѣлило бы заряженное ружье. Наступила торжественная минута!..

Орудійная стрѣльба разомъ смолкла, все ванты судовъ разукрасились разноцвѣтными флагами, раздалась звуки величаваго гимна, тогда еще только что введеннаго и разученнаго хорамъ, лодки выплыли изъ-за прикрывавшихъ кораблей и помчались къ берегу...

Много разъ потомъ мнѣ доводилось быть въ бояхъ и испытывать душевные подъёмы, но никогда я не чувствовалъ болѣе сильнаго стремленія какимъ-нибудь необычнымъ подвигомъ проявить свою

люціонерамъ, которые въ 1905 или 1906 году, въ угарѣ революціоннаго возбужденія, послали депутацію турецкому султану съ предложеніемъ воспользоваться временнымъ ослабленіемъ Россіи и занять своими войсками Кавказъ. Соблазнъ былъ великъ, но страхъ передъ возможностью воздѣйствія великихъ державъ вынудилъ султана отказаться отъ прямого участія. Тѣмъ не менѣе онъ просителямъ указалъ на Берзекова, который могъ бы поднять своихъ черкесовъ и хлынуть всею дикою ордою на Кавказъ. Берзековъ принялъ депутатовъ, выслушалъ ихъ, но затѣмъ далъ отвѣтъ, полный гордаго достоинства: «Я могу не любить Россію, я врагъ ея, могу воевать съ нею, но пользоваться ея временнымъ ослабленіемъ я считаю подлостью...» Впослѣдствіи этотъ отвѣтъ сталъ извѣстенъ кавказскому намѣстнику князю Воронцову, и онъ написалъ письмо Берзекову, въ которомъ отмѣтилъ все рыцарское благородство его отвѣта. Эти свѣдѣнія почерпнуты мною изъ доклада Султанъ-Гирей «О положеніи кавказскихъ горцевъ въ Турціи», читанномъ въ ноябрѣ 1911 года въ «обществѣ любителей изученія Кубанской области».

М. Р.—тъ,

отвагу, какъ въ тотъ день моего перваго боевого крещенія... Но этотъ пылъ мнѣ пришлось сдержать, когда я оглянулся кругомъ и увидѣлъ серьезно сосредоточенныя лица солдатъ. Одинъ говорилъ полушопотомъ своему сосѣду: «Такъ ты, Николаичъ, коли что случится, мои семь рублей отошли брату Ивану и накажи ему, чтобы онъ на панихиду больше полтины не тратилъ, а чтобы остальные на хозяйство пошли...» А другой пожилой солдатъ, спускаясь съ трапа, нашель кусокъ полотняной тряпки: «Пригодится нащипать корпію...»—сказалъ онъ, пряча лоскутъ въ карманъ. Простота, съ которой были сказаны эти фразы, и полное отсутствіе рисовки меня поразили... Что значилъ мой восторженный порывъ къ показной отвагѣ по сравненію съ этимъ сознательнымъ мужествомъ?.. Я былъ храбръ, потому что мнѣ хотѣлось отличиться, и мнѣ въ голову не приходила мысль о возможности дурного исхода, а они шли на бой съ тою же готовностью и спокойно говорили о панихидѣ, о корпіи, нисколько не рисуясь... Мнѣ сдѣбалось стыдно моей экзальтаціи, и я постарался быть сдержаннѣе...

Берегъ у самой воды образовывалъ низкую, немного повышавшуюся вглубь материка полосу, шириной сажень двадцать—тридцать, по которой во время волненій раскатывались волны. Ближе осаждался мелкій песокъ, далѣе галька, а еще далѣе крупные камни. Разгонъ волны ограничивался почти отвѣсной, сажень пять высоты, стѣной. Эта стѣна, то сильно понижавшаяся, то повышавшаяся, и приборная полоса тянулись вправо и влѣво, насколько хваталъ глазъ, лишь въ этомъ мѣстѣ стѣна разступалась на полверсты, образуя широкую рѣчную долину, по которой текла Сочи, мутившая чистую морскую воду.

Разогнавшіяся лодки врѣзались въ мягкій береговой песокъ. Сходенъ некогда было ставить, и мы соскакивали прямо въ воду и бѣжали выстраиваться на берегъ. Послѣ качки земля, казалось, уходила изъ-подъ ногъ, и нѣкоторые падали, хватаясь за камни или воду. Это дало намъ нѣсколько минутъ веселья, тѣмъ болѣе, что пока все было благополучно, и непріятель, очевидно, разсѣянный нашими выстрѣлами, не встрѣтилъ насъ огнемъ.

Высадивъ первыя части, лодки полетѣли обратно и въ нѣсколько рейсовъ перевезли первый эшелонъ десанта съ горнымъ орудіемъ, но безъ лошадей.

Мы начали выстраиваться въ боевой порядокъ, который состоялъ изъ двухъ колоннъ: лѣвая, изъ двухъ ротъ Эриванскаго полка, должна была наступать въ пространство между рѣкою Сочи и возвышенностью, а затѣмъ, завернувъ лѣвымъ плечомъ, занять эту возвышенность съ сѣвера; правая, изъ двухъ ротъ Мингрельскаго карабинернаго полка съ горнымъ орудіемъ, наступала на ту же возвышенность, пользуясь лѣсистымъ оврагомъ, проходившимъ южнѣе. Насъ, охотниковъ, распредѣлили по колоннамъ. Мнѣ дове-

лось итти съ мингрельцами. Была еще третья колонна изо всей милиціи, подъ начальствомъ владѣтельнаго князя Шервашидзе, но ее не успѣли еще высадить въ тотъ день.

Вмѣсто того, чтобы немедля повести насъ на приступъ, насъ заставили дѣлать какія-то перестроенія, хотя всякому было ясно, какъ день, что по условіямъ мѣстности мы вынуждены будемъ сейчасъ же нарушить всякое перестроеніе и вытянуться въ кичку по ущелію, которое уже успѣли развѣдать часть нашихъ охотниковъ. Самая же главная ошибка состояла въ томъ, что мы упустили благоприятное время, горцы успѣли опомниться послѣ бомбардировки и уже готовились нанести намъ жестокой ударъ...

Впереди пошли мы, охотники, подъ начальствомъ старшаго унтеръ-офицера Мингрельскаго полка, далѣе слѣдовала полурота, тащившая на лямкахъ горное орудіе, подъ начальствомъ поручика Кавказской гренадерской артиллерійской бригады Евліева; затѣмъ уже шли остальные части колонны.

Что произошло въ самой колоннѣ—я узналъ потомъ. А вотъ что произошло со мной и съ человѣками двадцатью охотниковъ, ворвавшихся съ крикомъ «ура» въ аулъ, обнесенный кругомъ высокимъ палисадомъ изъ плотно сбитыхъ толстыхъ бревень, мѣстами поваленныхъ при нашей бомбардировкѣ.

Аулъ былъ совершенно пустъ. Мы обшарили нѣсколько ближайшихъ сакель, полуразрушенныхъ ядрами. Серьезное настроеніе солдатъ сейчасъ же смѣнилось шутливымъ, и многіе занялись ловлей черкесскихъ куръ, съ кудахтаніемъ взлетающихъ на крыши, а я и одинъ какой-то мингрелецъ, шедшій со мною все время рядомъ, занялись болѣе важнымъ дѣломъ,—отыскали гдѣ-то длинный дрюкъ и начали привязывать къ нему желтую тряпицу съ узорами... Этимъ флагомъ мы хотѣли возвѣстить міру наше торжество—взятіе непріятельскаго аула... Но, оказалось, мы рано праздновали побѣду... Вдругъ сзади раздался болѣзненный крикъ, потомъ другой... Я оглянулся и увидѣлъ картину, заставляющую меня и до сихъ поръ при воспоминаніи о ней вздрагивать... Словно изъ-подъ земли выросшіе человѣкъ тридцать горцевъ бѣшено сновали между нашими солдатами и молча рубили ихъ шашками и рѣзали кинжалами... Гибель наша была неизбежна, потому что непріятель уже отрѣзалъ отъ насъ тропинку, по которой мы поднялись въ аулъ изъ оврага, а собраться намъ въ кучу для отпора было уже поздно... Единственный проблескъ спасенія для насъ, еще уцѣлѣвшихъ, заключался въ отступленіи къ лицевому фасу, обрывавшемуся къ морю пятисаженной стѣнкой съ грудой осыпавшихся острыхъ камней внизу... Мигомъ сообразивъ это, я крикнулъ: «Ребята, ко мнѣ!..» Насъ всего четыре человѣка стали отбѣгать къ обрыву...

— Не стрѣляй, береги патронъ!..—крикнулъ еще я, сознавая, что въ послѣднихъ выстрѣлахъ въ упоръ оставалось средство удерж-

жать натискъ; держа ружья наперевѣсъ, ежеминутно готовые дѣйствовать штыками, мы отходили назадъ скачками, а на насъ всюду бѣжали горцы съ ихъ звѣрски искаженными отъ злобы лицами... Мы достигли такимъ образомъ ограда, почти разрушенной нашей артиллеріей.

— Теперь стрѣляй и кидайся внизъ!..—скомандоваль я и, упершись во что-то ногой, приложился и спустил курокъ въ ближайшаго ко мнѣ горца, набѣгавшаго на меня... Однако только порохъ вспыхнулъ на полкѣ, горець же продолжалъ безшумно въ своихъ пасталахъ надвигаться, тогда я пхнулъ впередъ ружьемъ, почувствовалъ, какъ оно воткнулось во что-то мягкое, и тотчасъ же отдернулъ его назадъ, затѣмъ оглянулся и ринулся сквозь кусты внизъ... Колочки рвали руки, лицо, одежду, и, наконецъ, я грохнулся въ песокъ... Я имѣлъ еще сознаніе вскочить на ноги и отбѣжать въ сторону, дабы слѣдующій солдатъ не упалъ на меня... Тутъ ко мнѣ подбѣжало нѣсколько человѣкъ, я имъ сталъ торопливо объяснять, но затѣмъ упалъ, потерявъ сознаніе... Очнулся подъ навѣсомъ перевязочной палатки; припомнивъ случившееся, я, полагая себя раненымъ, боялся шевелиться, чтобы не вызвать боли. Понемногу, двинувъ рукой, потомъ ногой, я узналъ, что все у меня цѣло; тогда я вскочилъ на ноги и безъ шапки бросился бѣжать, куда глаза глядятъ... Скоро я опомнился и пошелъ искать своихъ. Тутъ мнѣ рассказали о катастрофѣ, постигшей главную нашу колонну.

Какъ только роты втянулись въ узкую тропинку, именно въ тотъ моментъ, когда я наверху навязывалъ флагъ, думая торжествовать побѣду, раздались крики: «Алла... алла!» и на нашихъ справо и слѣва изъ-за кустовъ и деревьевъ ринулось нѣсколько сотъ горцевъ. Началась беспорядочная стрѣльба, потомъ пошла рукопашная, причемъ приходилось дѣйствовать на обѣ стороны одному противъ нѣсколькихъ... Поручикъ артиллерійской гренадерской бригады Евліевъ успѣлъ-таки установить свое орудіе и дать картечный выстрѣлъ, но былъ тотчасъ раненъ въ ногу. Его подхватилъ фельдфебель мингрельской роты, но былъ моментально изрубленъ вмѣстѣ съ несчастнымъ поручикомъ.

Въ это время двѣ роты Эриванскаго полка, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Гозиуша и капитана Громова достигли безъ всякихъ препятствій сѣверо-восточной окраины аула и остановились, поджидая выхода изъ ущелья правой колонны... Среди общей тишины къ нимъ вдругъ донеслись звуки боя... Не имѣя категорическаго приказанія на этотъ счетъ, капитанъ Громовъ не рѣшался двинуться далѣе, но чувство взаимной выручки вѣрно подсказывало солдатамъ и ихъ уже не могла сдержать дисциплина: обѣ роты, какъ одинъ, ринулись впередъ, сквозь чащу кустовъ... Было, конечно, уже поздно, чтобы предупредить катастрофу, но зато эриванцы заставили прекратить рѣзню; непріятель отхлынулъ, и мин-

грельцы могли вынести своихъ раненыхъ и убитыхъ, а тѣхъ и другихъ оказалось до двухсотъ человѣкъ и, кромѣ того, потеряно одно орудіе, увезенное горцами во время свалки. Несомнѣнно, въ официальныхъ донесеніяхъ дѣло это представлено, какъ особенно кровопролитное, вслѣдствіе подавляющаго превосходства непріятеля, упорное сопротивленіе котораго могли одолѣть лишь умѣлыя распоряженія и отвага начальниковъ... Но мы, солдаты, пережившіе на своей шкурѣ всю эту «распорядительность», были другого мнѣнія и глубоко сожалѣли о напрасно погибшихъ...

Къ вечеру мы совершенно овладѣли ауломъ и всею эспланадой. Саперы тотчасъ же приступили къ устройству укрѣпленнаго лагеря. Главная задача заключалась въ возможно скорѣйшемъ обезпеченіи лагеря отъ нечаяннаго нападенія. Сумерки только-что начали спускаться, когда насъ всѣхъ снабдили топорами и заставили рубить вѣковыя деревья, чтобы образовать съ трехъ фасовъ засѣку и, кромѣ того, расчистить впереди мѣстность на ружейный выстрѣлъ.

Когда наступила темнота, картина совершенно измѣнилась. вмѣсто незначительнаго приморскаго аула, шесть часовъ тому назадъ и не подозрѣвавшаго своей будущей участи, выросла довольно значительная крѣпость съ оградой изъ деревьевъ и терновъ. По срединѣ раскинулся оживленный лагерь, съ веселыми дымящимися кострами. Въ уцѣлѣвшихъ сакляхъ расположилось начальство... Только въ юго-восточномъ отдаленномъ углу сложенные прямо на землю семьдесятъ труповъ напоминали о недавней драмѣ. Возлѣ тѣла поручики Евліева въ фонарѣ теплилась восковая свѣчка передъ походнымъ образкомъ, а съ солдатскихъ мундировъ каптенармусы, блюдя казенные интересы, посрѣзали пуговицы...

Войска на ночь расположились по тремъ фасамъ и, кромѣ того, повсюду выставили пикеты на случай нечаяннаго нападенія. Предосторожность эта оказалась далеко не лишней.

Часовъ около трехъ, когда зашла луна, на восточномъ фасѣ, занятомъ нашими эриванцами, часовые услышали трескъ сухихъ вѣтокъ, нарочно разбросанныхъ передъ засѣкой, а затѣмъ привычные глаза разсмотрѣли притнувшіяся фигуры, которыя крались къ укрѣпленію. Часовые подали условный знакъ подчаскамъ, тѣ сообщили дежурнымъ частямъ, находившимся у самой ограды; мигомъ цѣпи стрѣлковъ заняли всю линію обороны, а позади стали наготовѣ сомкнутыя части. Заранѣе было приказано не стрѣлять безъ особаго приказанія, и солдаты стояли въ напряженномъ состояніи у ограды, а впереди копошилось что-то, какія-то фигуры молча ползли все ближе и ближе и залегали такъ, что, по разсказамъ солдатъ, слышно было тяжелое дыханіе... Горцы, видимо, поджидали, пока они не соберутся въ большомъ числѣ... Но въ это время у одного солдата нервы не выдержали, и онъ выстрѣлилъ въ

смѣльчака, хотѣвшаго пролѣзть между сучьями... Мгновенно поднялась стрѣльба по всей линіи. Непріятель, видя себя обнаруженнымъ, вскочилъ на ноги и съ криками «Алла!.. Гяуръ санъ!..» бросился къ укрѣпленію. Многіе изъ нихъ тутъ же пали отъ выстрѣловъ, другіе подъ ударами штыковъ. Въ это время отъ неизвѣстной причины загорѣлась стоявшая нѣсколько позади и въ сторонѣ высокая черкесская рига на сваяхъ, въ которой горцы сушатъ обыкновенно свою кукурузу. Пожаръ разомъ освѣтилъ мѣстность и далъ нашимъ стрѣлкамъ хорошій прицѣлъ. Много тутъ полегло убитыхъ жертвами своей безумной отваги.

Интересная и въ то же время трогательная сцена разыгралась потомъ изъ-за этихъ труповъ. Послѣ приступа горцы отхлынули, оставивъ на мѣстѣ много тѣлъ. При свѣтѣ разгорѣвшагося костра намъ было видно, какъ нѣкоторые убитые, лежавшіе сначала безъ движенія, потомъ зашевелились и старались отползти подальше. Къ ближайшимъ изъ нихъ наши солдаты бросились черезъ проходы, желая забрать плѣнныхъ. И вдругъ, къ удивленію, изъ-подъ нѣкоторыхъ мертвецовъ повывскакивали совершенно здоровые горцы, которые, какъ оказалось, ползкомъ на своихъ спинахъ увозили погибшихъ товарищей... Натолкнувшись въ одномъ мѣстѣ на подобную парочку, наши солдаты расхохотались самымъ добродушнымъ образомъ.

— Ишь ты, гололобые, какъ ловко придумали!.. Ну, гайда... гайда, кунакъ!..—сказалъ одинъ ефрейторъ, шутливо подталкивая понавшагося горца.

Вмѣсто отвѣта убитыхъ выхватилъ кинжалъ и пырнулъ солдата въ животъ. По счастью, кинжалъ скользнулъ по мѣдной бляхѣ и толстому поясному ремню. Бѣдному же горцу, ослѣпленному безумной злобой, пришлось лечь рядомъ съ своимъ товарищемъ, а съ нимъ и многимъ другимъ.

Наступившій разсвѣтъ прекратилъ бой, и вслѣдъ за тѣмъ явились парламентары съ просьбой выдать тѣла. Генераль Симборскій разрѣшилъ имъ это, но только не болѣе десяти человѣкъ разомъ, и въ то же время на нихъ были наведены заряженные орудія. Когда производилась эта процедура, вся опушка противоположащаго лѣса была усѣяна нѣсколькими тысячами горцевъ, отъ которыхъ къ намъ доносилась отборная русская брань. Можетъ быть, это были наши дезертиры какіе-нибудь, но, можетъ быть, и горцы, удивительно скоро усваивавшіе нашъ ругательный лексиконъ.

Присутствовавшіе при уносѣ убитыхъ наши солдаты рассказывали потомъ, какъ скорбно глядѣли на своихъ павшихъ товарищей пришедшіе, какіе тяжелые стоны раздавались порой и какую ненавистью разгорались у нихъ лица при взглядѣ на насъ.

Помню я, въ одной изъ группъ вечерняго бивака я слышалъ разговоръ, рисующій взгляды солдатъ на нашу завоевательную

политику. Между солдатами пересказывались впечатлѣнія дня, вспоминались эпизоды ночного боя.

— Ну, да и злочій же народъ эти убыхи!..—говорилъ одинъ.—Какъ глянетъ на тебя, ажно перекосятся лицо, задрожитъ весь... Если бы не наведенныя на нихъ пушки, такъ и бросились бы въ рѣзню...

— Да, ужъ ему теперь не попадайся... Озлобѣлъ...—вставилъ другой.

— Ты говоришь «озлобѣлъ»... Конечно, озлобѣешь!..—замѣтилъ сипловатымъ голосомъ одинъ знакомый мнѣ нервный, болѣзненный солдатъ перваго батальона.—Какъ тутъ не озлобѣтъ, когда мы пришли сюда и согнали его съ мѣста. Можетъ, онъ тутъ споконъ вѣка живетъ и досе не зналъ надъ собой верха... Всякій тутъ озлобѣетъ...

— Оно такъ-то такъ... Да все же онъ долженъ покориться нашему орлу. Потому у нашего орла крестъ въ лапахъ, а у него ничего нѣтъ, одинъ лишь турецкій мѣсяць, да и тотъ на ущербѣ... Гдѣ ему спорить съ крестомъ?.. Вся Азія должна безпремѣнно кресту покориться!.. Объ этомъ и въ книгахъ писано...

VI.

Участь моихъ товарищей по атакѣ 13-го апрѣля.—Мингрелецъ Созонтычъ.—Закладка Александрійскаго укрѣпленія.—Атака горцевъ въ 1840 году.—Подвигъ Треико.—Буря 30-го мая.—Между двухъ огней.—Награжденіе меня георгіевскимъ крестомъ.—Крѣпостныя работы.—Дѣйствія майора Радкевича десятаго іюля.—Келасури.—Отрядное кладбище.—Возвращеніе въ штабъ-квартиры.—Заключеніе.

Я ничего не сказалъ объ участи моихъ товарищей по занятію аула, а между тѣмъ она представляется довольно интересной. Изъ всѣхъ охотниковъ всего уцѣлѣло человекъ пять, отчасти выздоровѣвшихъ послѣ пораненій, а отчасти затаившихся въ кустахъ. Тѣ же трое, что отступили со мной, не всѣ отдѣлались благополучно. Одинъ былъ изрубленъ на самомъ краю оврага, другому при паденіи сквозъ кусты разорвало колючкой глазное яблоко, и онъ впослѣдствіи совсѣмъ ослѣпъ, а третій сломалъ себѣ ногу о камни. Этотъ третій былъ солдатъ Мингрельскаго полка, съ которымъ мы навязали флагъ. Позволю себѣ нѣсколько забѣжать впередъ и разсказать, какъ иногда случай сводитъ людей.

Этого мингрельца, лежавшаго со сломанной голенью ноги, я часто навѣщаль, пока онъ лежалъ въ полевомъ лазаретѣ, и пережитыя недавно опасности какъ будто сближали насъ. Потомъ я потерялъ его совершенно изъ вида. Прошло много лѣтъ. Въ 1854 году, въ турецкую войну, когда я уже былъ майоромъ, въ сраженіи подъ Кюрюкь-Дара нашъ Эриванскій полкъ стоялъ въ резервѣ, но къ намъ все-таки долетали непріятельскія ядра и пули, то и дѣло

вырывавшія жертвы изъ сомкнутыхъ рядовъ. При этомъ каждый разъ раздавалась команда: «Носилки!..» затѣмъ «Сомкни ряды!..» чтобы заполнить мѣсто только что убитаго. Но отойти назадъ, продвинуться впередъ за какое-нибудь укрытіе или лечь, чтобы сдѣлать строй менѣе видимымъ, считалось въ то время позорнымъ, почти равносильнымъ проявленію трусости. Вдругъ въ сосѣднихъ со мной рядахъ раздалось: «Охъ, батюшки, помираю!..» и кто-то упалъ головой впередъ. Я невольно повернулъ въ ту сторону голову, и въ тотъ самый моментъ меня словно ожгло по правой сторонѣ лба и сбило папаху. Я поднесъ руку къ головѣ и, увидѣвъ кровь на ладони, разомъ почувствовалъ сильнѣйшую боль и упалъ безъ сознанія. Не повернись я вправо, пуля, несомнѣнно, пробила бы лобъ, а теперь она прошла по касательной, раздробивъ лишь выступающій уголь, носящій у френологовъ названіе математической шишки.

На главномъ перевязочномъ пунктѣ, при спѣшной работѣ, я былъ докторами сочтенъ убитымъ и меня перенесли далеко въ сторону, гдѣ уже рыли братскую могилу... И я бы, конечно, попалъ туда, не случись въ числѣ санитаровъ нашего эриванца, который захотѣлъ, по христіанскому обычаю, проститься со мной и наклонился дать свой послѣдній напутственный поцѣлуй, но въ это время услышалъ мой стопъ... Участливый солдатикъ бросился къ нашему полковому доктору Гурко и, запыхавшись, доложилъ: «Живъ еще человѣкъ!.. стонеть!..» Докторъ недовѣрчиво отнесся къ словамъ солдата, но все-таки пошелъ черезъ все поле, внимательно осмотрѣлъ мою рану, смылъ губкой кровь, вынулъ пинцетомъ нѣкоторые осколки костей и, перевязавъ за отсутствіемъ подъ рукою бинтовъ собственнымъ носовымъ платкомъ, велѣлъ перенести меня въ палатку къ «живымъ»... Самъ Гурко мнѣ потомъ рассказывалъ объ этомъ, причемъ сознавался, что не вѣрилъ въ мое исцѣленіе, а сдѣлалъ это, чтобы «потомъ совѣсть не мучила»...

Вслѣдствіе большого количества раненыхъ въ этомъ сраженіи насъ всѣхъ клали вперемѣшку и потомъ уже сортировали офицеровъ и солдатъ. Когда я очнулся подъ палаточнымъ навѣсомъ, мой сосѣдъ обратился ко мнѣ:

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе!.. Вотъ гдѣ довелось намъ встрѣтиться...

— Здравствуй, братецъ!.. А ты кто такой?..—спросилъ я, не видя говорившаго сквозь свои бинты.

— А мы брали вмѣстѣ Сочу... Помните, еще тряпицу на дрекольѣ навязывали, а потомъ отъ черкески вмѣстѣ въ кручу прыгали... Только тогда я самъ себѣ ногу о скалу повредилъ, а теперь онъ (т. е. непріятель) мнѣ ее, кажись, совсѣмъ попортилъ...

Такимъ образомъ, капризомъ судьбы мы сведены были черезъ шестнадцать лѣтъ, но бѣдному мингрельцу не повезло и на этотъ разъ: ему отняли ногу ниже колѣна... Мы съ нимъ были одповремен-

но эвакуированы и поправлялись въ одномъ госпиталѣ около Делижана, и за все это время сохраняли тѣ пріятельскія отношенія, которыя въ тѣ времена долгой солдатской службы порою возникали между офицерами и нижними чинами. Когда рана моя совсѣмъ зажила, мнѣ прописанъ былъ моціонъ, но у меня страшно кружилась голова. И вотъ Сазонтычъ ежедневно приходилъ ко мнѣ въ палату и, поддерживая меня своею сильною правой рукой, водилъ по полянѣ, самъ ковыляя на своей деревяшкѣ и костылѣ... При этомъ онъ съ удивительнымъ тактомъ умѣлъ соблюсти извѣстное чиновочинаніе и не проявить низкопоклонства. Выписались мы изъ госпиталя одновременно, я чтобы ѣхать домой на поправку, а онъ чтобы потомъ уволиться въ «чистую», т. е. быть выброшеннымъ за негодностью на всѣ четыре стороны... За долгіе дни совместной госпитальной жизни я успѣлъ полюбить этого честнаго, разумнаго Сазонтыча, потому предложилъ ему пожить у меня, намѣреваясь впоследствии подыскать для него какое-нибудь подходящее мѣсто. Но онъ отказался отъ моей помощи.

— Покорно благодарю за ласку и доброту, ваше высокоблагородіе!—сказалъ онъ.—Я хучь и безъ ноги, а не пропаду, потому я дюжъ работать... Сначала пойду, провѣдаю своихъ на родинѣ, а тамъ подамся на Кубань. Мнѣ бы только земли коснуться, а я свое возьму...

И дѣйствительно, надежды Сазонтыча осуществились и въ гораздо большей степени, чѣмъ онъ могъ когда-нибудь мечтать.

Прошло еще лѣтъ двадцать пять. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ я служилъ въ Кубанской области губернскимъ воинскимъ начальникомъ и по дѣламъ службы часто разъѣзжалъ по станицамъ, гдѣ стояли команды такъ называемыхъ «мѣстныхъ войскъ». Однажды, не доѣзжая Кавказской станицы, меня застигла вьюга. Ямщикъ мой сбился съ дороги, и всѣ наши усилія были направлены къ тому, чтобы отыскать стогъ сѣна, дабы притулиться, какъ говорилъ ямщикъ, на время... Но, какъ на зло, всегда попадающіеся въ этомъ мѣстѣ стога теперь исчезли куда-то, и наши лошади, проплутавъ по сугробамъ, скоро совсѣмъ выбились изъ силъ и наконецъ стали... Насъ начало заносить... Я-то былъ въ енотовой шубѣ, но бѣдный ямщикъ въ своей шубейкѣ, подбитой вѣтромъ, сильно заботилъ меня. Мнѣ пришлось его сажать къ себѣ въ сани и прикрывать полами шубы, за лошадей же мы не боялись, потому онѣ «привычныя»... Вдругъ нашъ коренникъ заржалъ, и вслѣдъ за тѣмъ къ намъ вмѣстѣ съ завываніемъ вѣтра донесся слабый звонъ бубенчика... Мы давай тогда кричать, что есть мочи... Черезъ нѣкоторое время на насъ наѣхалъ странствующій торговецъ, кочевавшій со своимъ товаромъ по станицамъ. По его рассказамъ, его пара сытыхъ лошадокъ никогда не плутаетъ: сами знаютъ дорогу, онъ и за вожжи не держитъ. Мы свернули за нимъ и дѣйствительно скоро пріѣхали на чьи-то ху-

тора. Насъ встрѣтили по хуторскому обычаю, тогда еще процвѣтавшему, очень радушно, и, отогрѣваясь за чаемъ, я узналъ отъ молодыхъ хозяевъ, что они собственники весьма значительнаго участка земли и занимаются хлѣбопашествомъ и овцеводствомъ. Во время нашего разговора съ печи вдругъ раздался чей-то возгласъ, и оттуда сталъ слѣшно слѣзать старикъ, до сихъ поръ не принимавшій участія въ разговорѣ.

— Ваше превосходительство!.. А вѣдь я васъ призналъ... Видитъ Богъ, призналъ... Я такой-то... Помните Сочу, а потомъ Кюрюкъ-Дару?..

Не могу выразить, какъ я былъ радостно пораженъ... Какъ два брата, потерявшіе другъ-друга и снова свидѣвшіеся неожиданно, мы обнялись, старые соратники... И дѣйствительно, развѣ мы не были братья, развѣ насъ не сбратали бывшіе бои, не на однихъ ли поляхъ мы проливали кровь?.. И слезы, самыя радостныя слезы катились у насъ изъ глазъ...

Старику было за семьдесятъ лѣтъ, но какъ онъ сохранился, несмотря на отрѣзанную ногу и все пережитое... Какъ онъ все помнилъ живо, какъ говорилъ интересно и какой это оказался умный, тароватый хозяинъ!.. Когда мы съ нимъ разстались въ Тифлисъ, онъ «потяпался» въ Россію, но, не пройдя и четверти пути, застрѣлъ у линейныхъ казаковъ, сначала работникомъ, потомъ арендаторомъ, а потомъ и собственникомъ порядочнаго участка земли, баснословно дешево купленнаго у какого-то офицера. Правду Созонтычъ мнѣ говорилъ, что ему бы только коснуться земли, а онъ ужъ своего не упуститъ... Тутъ же на Кубани онъ женился на вдовѣ и имѣлъ, кромѣ пасынковъ, своихъ дѣтей и много внуковъ.

Метель улеглась, а мы все еще сидѣли и болтали. Разстались мы съ чувствомъ большого сожалѣнія, съ обѣщаніемъ, что онъ непремѣнно посѣтитъ меня въ Екатеринодарѣ; но, увы, это была наша послѣдняя встрѣча,—постомъ старикъ простудился и умеръ, не дождавшись Свѣтлаго праздника.

Но какую хорошую семью онъ создалъ. Умирая, онъ сдѣлалъ словесное распоряженіе, чтобы въ случаѣ спора изъ-за дѣлежа имущества между тремя сыновьями и двумя замужними дочерьми они обратились не въ судъ, а ко мнѣ. «Какъ рѣшить генераль, такъ тому и быть»... И мнѣ пришлось туда ѣхать на мѣсто и производить дѣлежъ, причемъ спорящими и недовольными сторонами были собственно зятя, смирившіеся только послѣ того, какъ я имъ пригрозилъ судомъ, отъ котораго они получили бы лишь по одной четырнадцатой части, а не пятой, какъ опредѣлилъ старикъ. Исполняя затѣмъ желаніе покойнаго, я крестилъ одну изъ недавно родившихся внучекъ.

Но я далеко забѣжалъ впередъ, а потому вернусь къ моимъ сочинскимъ воспоминаніямъ.

21-го апрѣля, въ день рожденія императрицы Александры Ѳеодоровны, послѣ торжественнаго молебствія состоялась закладка укрѣпленія, названнаго Александрійскимъ, затѣмъ произведена трассировка, и со слѣдующаго дня начались земляныя работы. Флотилія же нѣсколько дней какъ снялась и пошла къ Херсону за лѣсомъ, заранѣе приготовленнымъ для бережныхъ укрѣпленій.

Александрійское укрѣпленіе было весьма удачно выбрано и не менѣе удачно построено, но большимъ недостаткомъ было отсутствіе воды, за которой приходилось спускаться внизъ къ рѣкѣ, и тутъ-то насъ обыкновенно подстергали горцы. Генераль Симборскій поэтому приказалъ выслать большую колонну, которая очистила оба берега отъ лѣса и возвела на мѣстѣ водою небольшой блокгаузъ на двѣ роты и два орудія.

Говоря о хорошей застройкѣ Александрійскаго укрѣпленія, я имѣлъ въ виду удачную его распланировку и умѣлое приспособленіе къ мѣстности, что позволяло примѣнить самую упорную оборону. Другія береговыя укрѣпленія, одновременно возведенныя, были не такъ хорошо приспособлены, что и доказало будущее. Въ 1840 году убыхи и другія горскія племена, собравшись въ громадномъ числѣ, совершили почти одновременное нападеніе на всѣ бережныя крѣпости и нѣкоторыя имъ удалось взять. Тогда-то знаменитые Архипъ Осиповъ и штабсъ-капитанъ Лико совершили свой самоотверженный подвигъ, взорвавъ себя со всѣми защитниками Михайловскаго укрѣпленія, дабы не сдаться позорно врагу. Въ этомъ Александрійскомъ укрѣпленіи (потомъ названномъ Даховскимъ, затѣмъ фортомъ Навагинскимъ и, наконецъ, получившимъ свое старое горское названіе Сочи) произошло не менѣе трагическое событіе, кажется, еще нигдѣ не описанное. Передаю его со словъ очевидца, которому я имѣю право вполне довѣрять.

Однажды на разсвѣтѣ горцы, вѣроятно, вслѣдствіе какой-нибудь нашей оплошности, ворвались въ укрѣпленіе и такъ внезапно, что захватили въ одномъ изъ краевыхъ зданій всѣхъ офицеровъ гарнизона, грѣшнымъ дѣломъ въ ту ночь подвыпившихъ. Тутъ же ихъ горцы и перерѣзали всѣхъ, за исключеніемъ одного, если память мнѣ не измѣняетъ, по фамиліи Тренко, который случайно не участвовалъ въ общемъ кутежѣ... Онъ первый узналъ о вторженіи непріятели въ крѣпость, разбудилъ крикомъ солдатъ и съ попавшимся подъ руку людьми съ ружьемъ въ рукахъ ринулся на врага. Фехтуясь ружьемъ направо и налево, онъ успѣлъ переколоть нѣсколькихъ... Солдаты въ одномъ бѣльѣ сбѣгались къ мѣсту боя и въ нѣсколько минутъ подняли на штыки около двухсотъ человѣкъ... Отразивъ первый натискъ, Тренко организовалъ правильную оборону, и всѣ послѣдующія яростныя атаки горцевъ были отбиты... Въ этомъ случаѣ умѣлому распредѣленію силъ содѣйствовала прекрасное устройство самой крѣпости.

Въ концѣ мая вернулась флотилія съ транспортомъ лѣса, но не въ добрый часъ она пришла.

30-го мая раннимъ утромъ море было необычайно тихо, въ воздухѣ чувствовалась духота. Всѣ свободные отъ наряда люди высыпали на берегъ помогать разгружать лѣсъ съ пришедшихъ судовъ. Дубовые брусья и доски, тонувшіе въ водѣ, грузились на лодки, а легкіе сосновые сбрасывались въ море и затѣмъ буксировались къ берегу. Люди лямками подхватывали ихъ и складывали въ штабели. Многіе соединили пріятное съ полезнымъ и, раздѣвшись нагишомъ, купаясь въ теплой, словно нагрѣтой водѣ, помогали работѣ. Мы, нѣсколько человѣкъ, стояли на эспланадѣ и любовались картиною тихаго моря и оживленною, веселою дѣятельностью на берегу. Но вотъ съ запада, т. е. съ открытаго моря прямо на насъ подулъ довольно свѣжій вѣтерокъ, и картина начала постепенно мѣняться. Тихая, зеркальная поверхность мѣстами зарыбилась отъ налетающихъ порывовъ вѣтра, всѣ суда, стоявшія до сихъ поръ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, повернулись, какъ по командѣ, носами къ морю. На палубахъ замѣтна была какаля-то особая дѣятельность, матросы карабкались по снастямъ, заскрипѣли блоки, загремѣли опускаемые добавочные якоря. Оказалось потомъ, что всѣ судовые барометры начали съ утра быстро падать внизъ, указывая на приближающуюся бурю и теперь всѣ готовились къ встрѣчѣ ея. Дѣйствительно, часовъ около девяти на юго-западномъ горизонтѣ показалась свинцовая, почти черная туча, море разомъ покрылось зайчиками, и вся мирная, ласкающая взоръ картина сразу измѣнилась во что-то грозное, даже страшное... Тучи быстро надвигались, съ ихъ нижней стороны въ разныхъ мѣстахъ отдѣлились какіе-то жгуты, которые постепенно слились съ моремъ,—это были смерчи; мы ихъ насчитали до пятнадцати штукъ... А вѣтеръ все крѣпчалъ, прибой увеличивался, вмѣстѣ съ тревожными командами на судахъ къ намъ доносился вой вѣтра въ снастяхъ, что для насъ, стоявшихъ на берегу, казалось особенно зловѣщимъ... Наблюдая съ захватывающимъ интересомъ эту картину разыгрывающейся бури, мы не замѣчали, какъ начался дождь, который скоро перешелъ въ ливень. Но онъ насъ не разогналъ, и мы продолжали стоять подъ развѣсистыми каштанами, гнувшимися, какъ тростники, подъ напоромъ свирѣпаго шквала... На судахъ опять что-то опускали, что-то прикрѣпляли, завозили новые якоря, на нѣкоторыхъ сбрасывали съ палубы лѣсъ, чтобы облегчить грузъ... Лѣсъ этотъ волнами гнало къ берегу, здѣсь люди ловили его и веревками оттаскивали подальше отъ воды...

Къ полудню, однако, буря разыгралась въ такой степени, что у нѣкоторыхъ купеческихъ кораблей полопались канаты и суда, гонимыя вѣтромъ и волнами, начали выбрасываться на берегъ. Дѣлалы это они очень ловко, какъ-то особенно умѣло становясь на

верхъ волны и затѣмъ мягко, безъ всякихъ поврежденій ложась на песокъ. Въ этомъ весь гарнизонъ принималъ участіе, лова концы веревокъ, бросаемыхъ съ кораблей, и закрѣпляя ихъ на берегу, чтобы не дать судамъ отхлынуть вмѣстѣ съ обратной волной.

Мы наскоро пообѣдали и снова побѣжали смотрѣть на ужасную бурю, рокового исхода которой мы даже не подозрѣвали... День къ этому времени сгустился настолько, что походилъ на сумерки. Началась гроза, молнія то и дѣло зигзагомъ бороздила тучи и ударила въ морскую пучину; оглушительные раскаты грома покрывали ревъ урагана... Какими жалкими казались эти суденышки среди разыгравшейся грозной стихіи и какъ ничтожны и безпомощны были мы здѣсь на берегу, нѣсколько тысячъ человѣкъ, безсильные помочь погибающимъ.

Фрегатъ «Варна» и корветъ «Мисемврія», однако, еще держались, отдавъ всѣ свои якоря; но къ вечеру буря ихъ пересилила, и они подали сигналъ: «Не можемъ держаться, уходимъ въ море!..» Но развѣ можно было найти спасеніе въ этомъ кипящемъ котлѣ?.. Черезъ нѣкоторое время, какъ эти суда исчезли въ темнотѣ, къ намъ съ юга донеслись пушечные выстрѣлы, а потомъ взвились двѣ-три ракеты... Это суда извѣщали насъ о своей смерти...

Сейчасъ же были снаряжены два отряда, одинъ подъ начальствомъ храбраго и распорядительнаго подполковника Резануилова для спасенія людей съ «Варны», другой, подъ начальствомъ не менѣе отважнаго майора Антонова—для выручки «Мисемврія». Но итти по высокой части лѣсистаго берега, сквозь кусты и колючки, не было возможности, также нельзя было пробираться по низкой береговой полосѣ, гдѣ волны разгуливали до самыхъ скалъ. Отрядамъ волей-неволей пришлось ждать разсвѣта. Нечего и говорить, что люди не спали всю ночь, но чуть забрезжилъ свѣтъ, мы (я тоже вызвался итти охотникомъ) выступили на югъ, къ чуть виднѣвшейся «Варнѣ».

Съ великимъ трудомъ мы пробирались вдоль берега, прижимаясь къ скаламъ при набѣгавшей волнѣ и затѣмъ быстро перебѣгая свободныя пространства. Къ довершенію бѣды, главная масса лѣсу была снесена теченіемъ къ югу, и теперь бревна и доски, подымаемая волнами, неистово ударялись въ берегъ. Такимъ образомъ, намъ приходилось еще бороться и съ этими таранами. Все-таки мы сравнительно благополучно достигли «Варны», которая счастливо попала на песчаную косу и хорошо сѣла въ грунтъ носомъ въ разрѣзъ волны. Тутъ остался отрядъ Резануилова, а майоръ Антоновъ пошелъ дальше. И меня потянуло съ послѣднимъ. Уже совершенно ободняло. Верстахъ въ семи виднѣлась «Мисемврія», жалко перекачивавшаяся съ боку на бокъ отъ набѣгавшихъ волнъ.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло только съ природой, но, когда подошли къ мѣсту крушенія корвета, вмѣшались и наши враги. За-

мѣтивъ гибнущее судно, горцы, всегда зорко слѣдившіе за всякимъ крушеніемъ, изъ котораго привыкли извлекать выгоды, стеклись сюда во множествѣ. Первые матросы, высадившіеся съ «Мисемвріи», попали сейчасъ же въ плѣнъ, но наши передовые взводы успѣли четырехъ отбить, а остальные, если не ошибаюсь, человѣкъ шесть, остались-таки въ рукахъ убуховъ.

Майоръ Антоновъ, подойдя къ мѣсту и встрѣченный выстрѣлами, выслалъ двѣ роты, которыя съ крикомъ «ура» вскарабкались наверхъ по крутому береговому откосу, выбили горцевъ штыками, а затѣмъ вырубали топорами и тесаками широкую поляну вокругъ и тѣмъ обезопасили насъ съ этой стороны. Только послѣ этого мы могли обратить вниманіе на гибнущее судно, которое застряло саженьяхъ въ двухстахъ отъ берега и держалось пока на двухъ своихъ послѣднихъ якоряхъ, но, очевидно, минуты его были сочтены. Волны сначала перекатывали корветъ съ боку на бокъ, а теперь подбрасывали и снова ударяли дномъ о скалистое дно, трюмъ уже былъ полонъ воды. Матросы, какъ только мы подошли, стали бросаться въ воду. Но многіе были до такой степени изнурены почти суточной непрерывной борьбой со штормомъ, что не могли бороться съ прибоемъ, относившимъ пловцовъ обратно отъ берега. На нашихъ глазахъ такимъ образомъ погибло двое.

Я когда-то хорошо плавалъ и рѣшился помочь слабѣйшимъ. Обвязавъ себя захваченной нами сильно просмоленной и смазанной ворванью веревкой, не толще мизинца, я условился съ людьми, чтобы они меня тащили, какъ только подамъ имъ знакъ рукою. Перекрестившись, я бросился въ бурунь и меня сразу потянуло въ море. Очень тяжело было плыть противъ волны, особенно съ веревкой, сильно тащившей книзу, но вотъ попался мнѣ матросъ, уже наглотавшійся воды и пускавшій уже пузыри... Я видѣлъ его бессмысленные оловянные глаза и безтолково поднимающіяся руки... Несчастный судорожно было схватился за меня, но я успѣлъ увернуться и схватить его за волосы, а тамъ съ берега насъ потащили... Одинъ былъ спасенъ!.. Отдышавшись немного, я снова поплылъ и помогъ еще двумъ, но на третьемъ осколокъ доски сильно повредилъ мнѣ ногу выше колѣна, да я наконецъ уже выбился изъ силъ. Но начало было сдѣлано, моему примѣру послѣдовали другіе, и дѣло спасенія наладилось.

Корветъ, однако, покинули не всѣ. По морскимъ традиціямъ, свято сохранявшимся въ морской средѣ, считалось бы величайшимъ позоромъ покинуть совершенно корабль. На бортѣ «Мисемвріи» остался защищать священный андреевскій флагъ старшій лейтенантъ Зоринъ, замѣнявшій больного капитана, кажется, Бутакова, и съ нимъ семь добровольно оставшихся матросовъ, состарившихся на корветѣ и считавшихъ его второю своею родиной. Въ случаѣ крайности, если имъ не удастся спастись, они рѣшили взорваться...

Мнѣ память въ этомъ случаѣ досадно измѣнила, и я положительно не помню, какой участи подверглись эти герои, достойные быть занесенными золотыми буквами на страницахъ исторіи...

Но наши испытанія этимъ не кончились. Лучше сказать—они только еще начались... Горцы, умѣло оцѣнивъ наше трудное положеніе и полную изолированность отъ остального отряда, хотѣли воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы уничтожить насъ... Они стеклись въ громадномъ числѣ и переходили отъ времени до времени въ рукопашную. Пришлось верхнее прикрытіе усилить еще одною ротой... Чтобы не быть окончательно смятымъ, майоръ Антоновъ, скрѣпя сердце, рѣшилъ предоставить судьбѣ защиту остатковъ «Мисемврін» и начать отступленіе къ крѣпости. Въ укромномъ мѣстѣ солдаты вырыли могилу, въ которую уложили восемнадцать труповъ убитыхъ и утонувшихъ, верхъ сравняли подъ общій уровень, прикрыли пластами дерна, засадили даже кустиками, чтобы сдѣлать мѣсто погребенія незамѣтнымъ, надѣлали для раненыхъ носилокъ и двинулись обратно. Но положеніе наше становилось прямо-таки отчаяннымъ: слѣва—прибой волнъ, которыя, казалось, разошлись еще болѣе прежняго, справа—почти отвѣсная осыпь, усѣянная грѣцами, и мы принуждены вытянуться узкой лентой почти на версту. Къ довершенію бѣды, замки нашихъ ружей замкнули отъ брызгъ, и мы стрѣлять не могли. По счастью, и у горцевъ случилось то же, стрѣлы же ихъ были не такъ опасны, поэтому они поровнили все больше схватываться въ рукопашную, что значительно уравнивало наши шансы.

Истинно говорить пословица: «война родитъ героевъ». Такъ было съ нашимъ поручикомъ Вознесенскимъ. Крайне некрасивый, смѣшной, даже съ виду, онъ въ обычное время совершенно не внушалъ къ себѣ довѣрія, но умный майоръ Антоновъ зналъ, кому поручить дѣло. Онъ приказалъ поручику Вознесенскому прикрыть отрядъ отъ этого параллельнаго преслѣдованія, и вотъ Вознесенскій разомъ выросъ какъ-то, похорошѣлъ даже; рѣшительнымъ, громкимъ голосомъ онъ началъ отдавать команды, и разомъ всѣ почувствовали надъ собою умѣлую руку. Въ одномъ опасномъ мѣстѣ, гдѣ затаились горцы, думая намъ устроить бойню, этотъ молодецъ съ нѣсколькими десятками такихъ же удалцовъ выдвинулся впередъ, бросился на непріятеля, мигомъ перекололъ большую часть, а прочую обратилъ въ бѣгство и, пропустивъ отрядъ, сталъ самъ отходить подъ натискомъ насѣдавшего непріятеля... Но мы продолжали нести потери. Убитыхъ было болѣе пятидесяти, а раненыхъ втрое болѣе... Почти весь отрядъ превратился въ носильщиковъ. Не доходя съ версту до Варны, къ намъ вышла отрядъ Резануйлова, давшій намъ возможность вздохнуть свободнѣе.

Отъ души мнѣ было жаль напрасной гибели необыкновеннаго красавца и прекрасной души молодого человѣка графа Вацлава

Ржевускаго. При отступленіи онъ былъ раненъ въ колѣно, и его несли на носилкахъ, сдѣланныхъ изъ ружей и шинелей. Я шель рядомъ съ нимъ, и онъ, несмотря на страшную боль, а можетъ быть, желая заглушить ее, громко распѣвалъ французскія пѣсенки, а потомъ сталъ мнѣ рассказывать про одно изъ своихъ многочисленныхъ любовныхъ приключеній, отъ которыхъ онъ собственно и бѣжалъ на Кавказъ... Оставалось еще какихъ-нибудь саженъ сто до совершенно безопасной полосы, какъ вдругъ, вѣроятно, девятая волна набѣжала и смыла насъ нѣсколькихъ человекъ и графа въ томъ числѣ... Намъ всемъ удалось одолѣть отливное теченіе, а Ржевускаго съ его разбитымъ колѣномъ унесло въ море. Два матроса бросились за нимъ и имъ удалось его вытащить, но уже мертваго... А онъ будто предчувствовалъ свой конецъ, говоря, что боится въ жизни только двухъ вещей: ревнивой женщины и бушующаго моря...

Да, тяжелыя, незабываемыя минуты пришлось намъ пережить въ этотъ день 31-го мая!.. Въ лагерѣ насъ встрѣтили, какъ воскресшихъ. И правда, нужно почестъ за чудо, какъ мы не погибли все до единого.

Кому горе, кому радость: за это дѣло я былъ награжденъ именнымъ, т. е. по особому представленію, солдатскимъ Георгіевскимъ крестомъ (№ 72226),—моя первая боевая награда, которою я имѣлъ право до нѣкоторой степени гордиться... Кроме того, на ряду съ другими я получилъ еще: «рубль ассигнаціями, чарку вина и фунтъ рыбы»...

За перенесенные труды отрядъ майора Антонова былъ освобожденъ генераломъ Симборскимъ на нѣсколько дней отъ всякихъ нарядовъ.

Весь іюнь прошелъ у насъ въ крѣпостныхъ работахъ, причемъ непріятель бездѣйствовалъ и даже пытался завести съ нами торговыя сношенія. Внизу между водопойнымъ мѣстомъ, защищеннымъ блокгаузомъ, и спускомъ изъ крѣпости была обширная площадь, на которую въ извѣстные дни собирались горцы со своими сельскими продуктами и издѣліями и горскіе евреи съ мелкимъ товаромъ.

На этихъ базарахъ, называвшихся также майданами, можно было купить превосходные фрукты, культивировавшіеся горцами по лѣсамъ на дичкахъ, медъ въ сотахъ, мѣстнаго издѣлія тканые ковры, копченый сыръ, кукурузную муку, разную живность—барашковъ, молодыхъ бычковъ, куръ, утокъ, иногда битаго оленя, козла, медвѣдя, а разъ убыхи приволокли на лямкахъ кабана. Они, вѣроятно, думали посмѣяться надъ нами, на самомъ же дѣлѣ выгодно его продали. У горскихъ евреевъ можно было купить хорошаго турецкаго табаку, ситцу русскаго и англійскаго издѣлія, превосходный ромъ, коньякъ и даже нѣкоторыя испанскія и французскія вина. Этотъ послѣдній товаръ и табакъ шли очень ходко.

Но нельзя сказать, чтобы цѣны стояли очень низкія. Наименьшая ходячая монета была абазъ, двадцать копеекъ, все равно какого бы чекана она ни была, грузинскаго, русскаго, турецкаго, лишь бы подходящаго размѣра и съ рельефнымъ изображеніемъ чего-нибудь, и, наконецъ, «манэть», т. е. рубль. Горцы принимали только серебро и золото, а еврей мѣдь, даже и ассигнаціи, валюту которыхъ постигли очень скоро. Такъ какъ меньшей размѣнной монеты не было, то сдачи не полагалось, а приходилось пріобрѣтать столько предметовъ, сколько удавалось сторговать на абазъ или манэть. Покупаешь, напримѣръ, курицу, просить абазъ, но, конечно, это дорого, а потому сторговываешь двѣ-три курицы на этотъ абазъ. За бутылку рому просить еврей манэть, въ концѣ выторговываешь на манэть нѣсколько бутылокъ, да еще халвы или большую жменю табаку. Фруктовъ на абазъ набирали столько, сколько могъ унести одинъ человѣкъ и т. п.

Безденежье солдатъ вынудило нѣкоторыхъ къ поддѣлкѣ, но довольно оригинальной, специально для «гололобыхъ», какъ говорили потомъ виновные. Нашлись такіе ловкачи, которые ухитрились въ гипсовыхъ формахъ вылить изъ какого-то особаго сплава комбинацію изъ греческой монеты съ одной стороны, а съ другой изъ персидской или грузинской; получалась очень красивая монета, которую по блеску и по звону было очень трудно отличить отъ настоящей, но только она легко ломалась пальцами... Вначалѣ эта фальшивая монета очень шла бойко, но когда обманъ раскрылся, то разобиженные горцы перестали ѣздить. Спрошенные о причинѣ, они рассказали, и дѣло такимъ образомъ раскрылось. Начальство, чтобы не поощрять подобнаго рода индустріи между солдатами, порядочно-таки наказало фальшивомонетчиковъ, если мнѣ помнится, то даже шпицрутенами. Любопытнѣе всего, что эти фальшивыя монеты курьеза ради охотно пріобрѣтались, какъ рѣдкость, офицерами и покупались за настоящій абазъ и даже дороже. Случайно у меня долго хранилась подобная монетка съ разными сторонами. Иногда я шутилъ съ нѣкоторыми нумизматами, предлагая имъ пріобрѣсть рѣдчайшую монету «уникумъ»...

Оригинальность этого торжища заключалась въ его военномъ, чисто боевомъ характерѣ. Торговцы пріѣзжали съ восточной стороны. Дежурные по базару распредѣляли ихъ въ одну линію, спиной къ лѣсу. Сзади нихъ въ двухъ-трехъ пунктахъ становились двѣ-три полуроты, имѣя ружья въ козлахъ. Между торговцами и покупателями оставлялась шаговъ пять шириною нейтральная полоса, что-то въ родѣ улицы, по которой ходили базарные дежурные и переводчики изъ грековъ. Торгъ велся черезъ улицу, объяснялись коверканными словами и мимикой, въ сложныхъ случаяхъ прибѣгали къ переводчикамъ. Когда приходили къ соглашенію, покупатель выходилъ впередъ, бралъ товаръ и платилъ деньгами.

Говоря о переводчикахъ, мнѣ вспоминается одинъ весьма страшный субъектъ, появившійся какъ-то съ горцами. Его повязка на головѣ, будто раненой, скорѣе говорила о желаніи скрыть лицо. Говорилъ онъ по-горски очень бойко, по-русски же съ дѣланнымъ акцентомъ, причѣмъ иногда забывалъ свою роль и переходилъ на чисто русскій говоръ... Откликался онъ на имя Гуссейнъ, солдаты же его прозвали Гусейнъ Иванычемъ, а потомъ Гусъ Иванычемъ, а не то просто «гусемъ лапчатымъ». Былъ онъ, несомнѣнно, очень хорошо грамотенъ, читалъ бѣгло и писалъ также... Однажды онъ попросилъ у солдатъ чернаго хлѣба, а въ другой разъ гречневой крупы. То и другое было ему дано съ охотой. У убыховъ онъ пользовался большимъ почетомъ, а русскіе на него смотрѣли съ недовѣріемъ, даже со страхомъ, за глаза же говорили съ пренебреженіемъ:

— Безпремѣнно, бѣглый какой-нибудь... Но мало ли какое могло съ нимъ несчастье приключиться, а бѣда въ томъ, что онъ вѣру ихъ принялъ, а нашу продалъ... А все же, поди, по черному хлѣбцу да по кашѣ, матери нашей, стосковался... Онъ хоть и перевертень, а все же русскаго видать...

Евреи вели свою торговлю съ цѣлями наживы, горцы же, подъ предлогомъ барашка или фруктовъ, пріѣзжали самъ-десять и старались высмотрѣть что-нибудь для себя полезное. Одинъ изъ нихъ довольно равнодушно велъ торгъ, а остальные упорно смотрѣли на крѣпость и блокгаузъ и о чемъ-то все время говорили между собою.

Никто изъ насъ не сомнѣвался въ томъ, что они шпионили и готовились къ чему-то. Въ іюлѣ, дѣйствительно, ихъ пріѣзды значительно сократились, и возобновились нападенія, то на нашихъ дроворубовъ, то на пасущійся скотъ. Наконецъ, они получили изъ Турціи нѣсколько орудій и на одной командующей возвышенности, противъ нашего восточнаго фаса, устроили батарею, изъ которой начали бомбардировку крѣпости. Но эта попытка вызвала у нашихъ одинъ только смѣхъ. Артиллеристы, повидимому, были очень неважные, снаряды ихъ рѣдко попадали въ крѣпость и еще рѣже рвались. Подъ конецъ у нихъ даже вышли чугуныя ядра, и они ихъ замѣнили каменными, производившими особый гулъ и свистъ, за что солдаты ихъ прозвали «черкесскими соловьями». Какъ ни странно, но этими ядрами, разсыпавшимися при паденіи въ куски, у насъ было ушиблено нѣсколько человѣкъ.

10-го іюля, подъ начальствомъ майора Радкевича, командира батальона Тифлискаго полка, недавно къ намъ прибывшаго, была сформирована колонна для уничтоженія этой непріятельской батареи. Я попрежнему вызвался въ охотники.

Отрядъ выступилъ еще до разсвѣта, стараясь окольными путями пробраться къ верхней площадкѣ. Намъ это почти удалось, такъ что непріятель насъ обнаружилъ лишь у самой батареи. Скры-

ваться ужъ было нечего, охотники крикнули «ура», которое подхватилъ весь отрядъ, и всѣ плотной массой полѣзли вверхъ.

Охотники первые очутились на полянѣ, и горскіе артиллеристы, не успѣвшіе зарядить орудія картечью, бросились при нашемъ появленіи наутекъ. Мы захватили орудія и, усѣвшись на нихъ верхомъ, махали фуражками и кричали «ура». Особенно торжествовалъ одинъ изъ разжалованныхъ офицеровъ, думавшій этимъ вернуть свои утраченные чины. Но пришелъ какой-то другой офицеръ, грубо согналъ охотниковъ и велѣлъ своимъ людямъ подхватить орудія на лямки, посредствомъ которыхъ горцы накачивали орудія на мѣсто. Эта пушка, какъ трофей, переходила теперь къ этому офицеру, могшему по статуту даже получить георгіевскій крестъ. Интересно знать, получилъ ли онъ орденъ за то орудіе, которое онъ отбилъ не у непріятеля, а у своихъ же охотниковъ?.. Другая пушка, подбитая нашими выстрѣлами, оказалась не на колесахъ, а на станкѣ, почему майоръ Радкевичъ приказалъ забить ершъ въ запаль и сбросить ее въ кручу. Затѣмъ отрядъ прошелъ еще немного вверхъ, люди собирали порядочное количество превосходныхъ фруктовъ, росшихъ въ лѣсу, а также бортовыхъ сотовъ, и начали отступленіе. Тутъ убыхи пробовали отплатить намъ, нападая на аррьергардъ, но потери наши, кажется, были очень незначительны.

Этимъ закончились боевыя дѣйствія нашего отряда на берегахъ рѣки Сочи-Пста. вмѣстѣ съ тѣмъ окончились и земляныя работы въ укрѣпленіи: валы, батареи, погреба, главнѣйшія зданія. А остальное могло быть достроено самимъ гарнизономъ.

Можетъ быть, именно потому, что въ этомъ Сочи мнѣ пришлось такъ много пережить, я его покидалъ не безъ грусти. Въ іюлѣ мѣсяцѣ намъ на смѣну пришли другія части, и нашъ отрядъ былъ снова посаженъ на суда и перевезенъ въ Сухумъ. Доктора считали для отряда гибельнымъ движеніе въ жаркое время по низменной и болотистой части Мингреліи, а потому насъ поставили, по несчастному предложенію кутаисскаго гражданскаго губернатора Ахлестышева, въ Келасурахъ, хотя быяи здѣсь мѣста несравненно болѣе здоровыя. И вотъ въ отрядѣ началась ужасающая заболѣваемость, со смертностью по сорока человѣкъ въ день. Болѣли особенно острой формой лихорадки, начинавшейся крайне упорной сонливостью въ теченіе нѣсколькихъ дней и кончавшейся обыкновенно столбнякомъ, послѣ котораго слѣдовала смерть. О хинѣ тогда еще и помину не было на Кавказѣ, но какія-то омерзительныя микстуры давали. Главными мѣрами тогда считались предупредительныя, заключавшіяся въ томъ, чтобы не ѣсть сырыхъ фруктовъ и не выходить изъ палатокъ на закатѣ солнца, такъ какъ вечерняя роса будто бы носила въ себѣ заразныя начала. Въ нашей ротѣ соблюдались эти предосторожности, и, дѣйствительно, заболѣваемость у насъ была наименьшая.

Въ серединѣ августа, къ необычайной нашей радости, получился приказъ выступить полкамъ по штабъ-квартирамъ. Эриванскій полкъ поднялся первымъ, но всего лишь въ количествѣ не болѣе четырехсотъ человекъ, остальные двѣ тысячи были разеяны по Сухумскому, Бомборскому и Гагринскому госпиталямъ, но много также лежало и въ сырой землѣ... Не даромъ солдаты прозвали Келасури «отряднымъ кладбищемъ»... Къ началу осени мы вернулись на Манглисъ.

Къ характеристикѣ тогдашнихъ почтовыхъ порядковъ можно было бы прибавить то, что многія мои письма получены были значительно позже нашего прихода, а вѣдь мы шли пѣшкомъ...

А. Ф. Рукевичъ.

На этомъ кончаются записки отца. Дальше идутъ отрывочныя замѣтки о различныхъ эпизодахъ, военныхъ бытовыхъ сценахъ и мысли о воспитаніи солдатъ. Послѣднія настолько оригинальны и во многихъ случаяхъ правильны, что могли бы, не безъ интереса для даннаго вопроса, быть обнародованными.

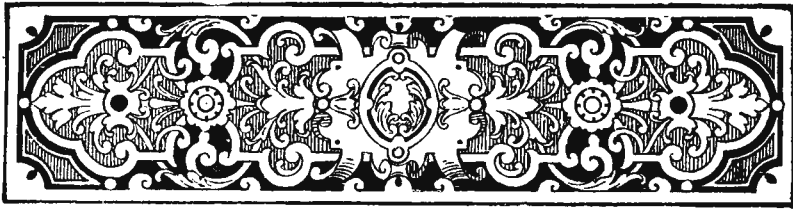
Дальнѣйшая служба отца въ общихъ чертахъ протекала такъ. Въ 1839 году за отличіе въ Шекинскомъ отрядѣ, подъ начальствомъ того же генерала Симборскаго, отецъ былъ произведенъ въ прапорщики и дальнѣйшую свою службу провелъ большею частью въ Эриванскомъ полку, гдѣ перебивалъ на всѣхъ должностяхъ, начиная съ батальоннаго адъютанта, кончая батальоннымъ командиромъ. Кромѣ того, былъ бригаднымъ адъютантомъ, адъютантомъ князя Барятинскаго, въ бытность его начальникомъ Лезгинской линіи; въ 1863 году назначенъ командиромъ 151 Пятигорскаго пѣхотнаго полка, а въ 1869 году произведенъ въ генералы съ назначеніемъ помощникомъ начальника 21-й пѣхотной дивизіи (генерала Геймана). Въ 1892 году онъ умеръ въ чинѣ генераль-лейтенанта въ городѣ Екатеринодарѣ и похороненъ по собственному желанію на православномъ кладбищѣ.

За годъ до смерти онъ тихо отпраздновалъ свою золотую свадьбу съ тою самой дѣвицей Маріей Аксеновой, которая нѣкогда ему посылала провизію на походъ и обѣщала молиться за него. Матушка моя не на много пережила отца и похоронена въ Тифлисѣ.

Михаиль Рукевичъ.

1912 г. Екатеринодаръ.

ТѢНИ ПРОШЛАГО.

III.

Чудакъ Вертюченко.

АЛЕКСѢЙ Максимовичъ Вертюченко пріѣхалъ изъ Глухова въ Петербургъ въ незапамятныя времена. У него сохранился, однако, малороссійскій акцентъ до конца жизни, и оставался онъ бобылемъ до семидесяти лѣтъ. Похожъ онъ былъ не на хохла, а на голландца, точно сошедшаго съ картинки Адриана ванъ-Остаде или Тенъерса: бритое лицо его, широкія скулы, мелкіе, себѣ на умѣ, глаза и носъ поздрями впередъ. И костюмъ былъ подходящій: зимой и лѣтомъ валенки и сѣрый на ватѣ пиджакъ, на шеѣ шарфъ, на головѣ треухъ, въ зубахъ коротенькая трубочка.

Я познакомился съ Алексѣемъ Максимовичемъ, когда искалъ ванъ-Дейковъ, Рубенсовъ, Рембрандтовъ, Буше, Мурильо въ Александровскомъ рынкѣ и на Щукиномъ дворѣ. Теперь это вызываетъ улыбку. А тридцать лѣтъ назадъ это не было такъ смѣшно.

Тридцать лѣтъ назадъ еще попадались остатки разгрома польскихъ дворцовъ и русскихъ барскихъ усадебъ. Культура въ отдѣльныхъ сословіяхъ, а въ фамиліальныхъ поколѣніяхъ и подавно, то повышается, то понижается. Люди вдругъ перестаютъ цѣнить, а главное—понимать прекрасное. Алексѣй Максимовичъ Вертюченко поль-

звался пониженіемъ политическаго барометра въ Польшѣ и культурнаго въ русскомъ дворянствѣ и сталъ скупать за безцѣнокъ предметы искусства и перепродавать—тоже, положимъ, за безцѣнокъ.

У него была крохотная лавочка въ рынкѣ съ Вознесенской улицы. Картины, подсвѣчники, мраморные барельефы, бронзовыя фигурки и маленькія гравюры висѣли на дверяхъ лавочки и въ глубинѣ ея на стѣнахъ. Самъ торговецъ, буквально, наполнялъ собою все остальное пространство этого торговаго помѣщенія. Онъ сидѣлъ на низенькой табуреткѣ, упершись ногами въ стѣнку, а согнутой спиной въ шкапъ съ фарфоровыми куколками; и, держа на колѣняхъ картинку одной рукой, другой усердно водилъ по ней губкой, макалъ ее въ мыльную пѣну, взбитую съ содой или съ чѣмъ-либо покрѣпче, и безостановочно накладывалъ на живопись.

Я часто заставлялъ его за этимъ занятіемъ.

— Здравствуйте, Алексѣй Максимовичъ.

Онъ скашивалъ въ мою сторону глаза и спрашивалъ:

— Купить пришли или такъ?

— Посмотрѣть.

— Посмотрѣть есть что,—онъ улыбался хитро и раздумчиво.—

Но за посмотрѣть умные люди деньги берутъ. Между прочимъ, у меня имѣются гениальныя вещи. Смотрите; что съ вами подѣлаешь.

— Прежде всего, надъ чѣмъ это вы работаете?

— Ватто случился.

— Смойте скорѣе пѣну.

— Грязень—неприлично показывать.

Имя Ватто волшебное, я выдергиваю у старика картинку и самоотверженно смахиваю съ нея мыло носовымъ платкомъ.

Старикъ пугается и вылѣзаетъ изъ лавочки, чтобы уступить мнѣ мѣсто.

— Побойтесь Бога,—страшнымъ шопотомъ говоритъ онъ.—Товаръ увидать, и онъ цѣну потеряетъ... охажуютъ. Торговля та же стуколка. Играютъ въ темную.

Я сажусь на табуретку и разсматриваю Ватто. На дубовой доскѣ я вижу нѣсколько желтыхъ, красныхъ и синихъ пятенъ. Что-то было на ней—еще угадывается контуръ женской фигуры, осталась часть бюста и часть бедра. Повидимому, была изображена купальщица, пробующая ножкой температуру воды. Вдали, вѣроятно, сидѣла влюбленная пара. Розовое шелковое платье сохранилось, а кафтанъ на молодомъ человѣкѣ и талія и лицо подруги уже уничтожены.

— Разбойникъ вы, Алексѣй Максимовичъ. Сколько разъ просилъ не мыть картинъ. Зачѣмъ? Вы губите душу художника. Убийца... нѣтъ, хуже убійцы!—горячился я.

— Понравилась—и хотите уронить цѣну!—съ торжествующей улыбкой возражалъ на это Вертюченко.—Повѣрьте, я знаю, что

дѣлаю,—такого другого реставратора въ Европѣ нѣтъ. Я же сотру, я же и вновь напишу. У меня есть Буше, такъ я ногу Венерѣ новую приписалъ, и пріѣзжій французъ сто рублей далъ. Именно ногу особенно хвалилъ.

Доказательства искусства Алексѣя Максимовича я вижу вокругъ себя. Рядомъ съ сохранившимися какимъ-то чудомъ художественными мѣстечками оскорбляютъ глазъ безобразныя нашлапки варварской кисти глуховского самоучки.

— Послушайте,—негодую я:—если бъ вы даже были Брюлловымъ или Бруни, и тогда вы не имѣли бы права портить картины. Реставрація не мазня. Ну, кто купить у васъ эту Мадонну?

— Егорова,—прерываетъ Вертюченко.—Лично отъ профессора купилъ; а только, дѣйствительно, пальчикъ былъ кривой, такъ я поправилъ, и взглядъ немножко повернулъ налѣво, чтобы зрителю было пріятнѣй.

Я въ отчаяніи засматривалъ во всея углы лавочки. Иногда вдругъ находилъ забытую Алексѣемъ Максимовичемъ и еще нетронутую его истребительнымъ гениемъ голландскую или французскую вещичку. У меня страстно билось сердце, я начиналъ видѣть въ картинкѣ небывалыя достоинства. Хотѣлось спасти ее во что бы то ни стало. Я влюблялся въ картинку.

Спрашиваю о цѣнѣ, но Вертюченко сухо и пренебрежительно объявляетъ, что она не продается. Онъ не какой-нибудь рыночникъ. Въ свое время онъ учился у иконописца Халявы. Надо узнать, что скрывается подъ живописью. Однажды онъ ножомъ соскоблилъ портретъ какой-то средневѣковой итальянки, а подъ нимъ оказался рисунокъ самого Рафаэля.

Я долго уламываю его, наконецъ онъ соглашается взять задатокъ. Покупаю въ ближайшей табачной палочку сургуча и большой конвертъ, запечатываю своей печатью,—я носилъ въ перстиѣ гемму,—и прибѣгаю на другой день утромъ съ остальными деньгами.

Сурово и насмѣшливо встрѣчаетъ меня Алексѣй Максимовичъ.

— Вы вчера изволили дать трешницу, и по закону вамъ слѣдуетъ получить двѣ трешницы отъ меня.

— Какъ такъ?

— Картинку я не продаю... Ну, знаете, повозился я съ нею! Я холодѣю отъ ужаса.

— Да какъ же вы смѣли распечатать?

— Это ужъ какъ вамъ угодно—посмѣлъ. Ужъ я ее спиртомъ—не береть, уксусомъ—камень. О мылѣ съ содой я не говорю. Все утро пропотѣлъ. Наконецъ, того, думаю, хвачу нашатыремъ. Такъ грязь и поползла. А что открылось, удивленія достойно!

— Что же открылось?

— Были написаны пьяницы—дерутся пивными бутылками—самый подлый сюжетъ-съ. А открылось—успеніе Богоматери.

Сложила ручки Владычица, а апостолы отпѣваютъ. И съ неба Единородный взираетъ.

Это была одна изъ фантазій Алексѣя Максимовича. Ему, какъ Леонардо да-Винчи, красочныя пятна, самыя безобразныя и безформенныя, внушали представленіе о цѣлой живописной композиціи.

Часто приходилось мнѣ ссориться съ Алексѣемъ Максимовичемъ и подолгу не бывать у него; но какъ на зло, чаще всего ему попадались, на самомъ дѣлѣ, хорошія картины... вѣриѣ, картинки; большихъ онъ не покупалъ.

— Не по формату,—объяснялъ онъ.

Тогда бывали такіе случаи. Молодой человѣкъ, владѣлецъ стариннаго дворца, нуждается въ деньгахъ, чтобы покутить съ товарищами по полку. Отецъ его кругомъ въ долгахъ, имѣніе заложено-перезаложено, дать сынку сверхъ положенія нѣтъ возможности. Но цѣлыя поколѣнія собирали картины, которыя, съ годами, вытѣсняли другъ друга, а модныя драгоценныя вещи замѣняли собою старыя. Фарфоръ, старинная живопись, бронза выносились въ кладовыя. Наслѣдникъ вспоминаетъ о старѣѣ, и вотъ рыночники прибѣгаютъ толпой и забираютъ «хламъ», а у наслѣдника всю ночь дымъ коромысломъ. Въ рынокъ привозились возами картины и бронзовыя, считавшіяся тогда никуда негодными, амбирныя люстры, стѣнники и другая великолѣпная утварь. Я самъ видѣлъ, какъ тутъ же на рынкѣ торговцы соскабливали огневую позолоту съ предметовъ неизъяснимой роскоши и красоты, и золотой порошокъ собирали, а металлъ продавали на литейные заводы на вѣсь. Алексѣй Михайловичъ былъ на положеніи воробья въ стаѣ этихъ хищниковъ. Онъ подбиралъ на свою долю крохи.

Лавочка была у него миниатюрная. Только онъ самъ былъ огромный, неуклюжій, съ мозолистыми руками, обожженными рѣдкими составами, которыми онъ губилъ души старинныхъ мастеровъ.

Не могу забыть великолѣпнаго Бургиньона, который, какъ извѣстно, бываетъ большой, и тогда недорого цѣнится, рублей сто картина, и крохотный на дубовыхъ дощечкахъ, поразительной красоты и отдѣлки, и тогда цѣнится тысячами. Картинка была продолговатая, рѣдкой сохранности. Два рыцаря въ шлемахъ съ перьями, одинъ на бѣлой, другой на гнѣдой лошадахъ, неслись другъ на друга въ смертномъ поединкѣ. Такъ много было движенія, смѣлаго благородства въ линіяхъ и жизни въ колоритѣ и столько экспрессіи, что самому Мейсонье только въ пору. Она была въ золоченой рамкѣ, тонкой рѣзбы съ инициалами и гербомъ владѣльца. Даже Алексѣй Максимовичъ дня три не смѣлъ прикасаться къ ней.

— Сколько?

— Триста двадцать семь рублей и сорокъ три копейки,—равнодушно отвѣчалъ Вертюченко.

— Что за цѣна!—вскричалъ я и рѣшилъ приобрести безсмертнаго «Бургињончика».

— Не прикасался?

— Не беретъ ничто и не возьметъ. Царская водка не возьметъ. Такая цѣна, чтобъ нельзя было торговаться.

— Однако можно предложить сто рублей и семнадцать съ половиной копѣекъ.

— Крайняя цѣна—триста одиннадцать рублей и шестнадцать.

— Полтора ста.

— Триста ровно съ пятиалтыннымъ.

— Еще десять накину.

— Безъ пятиалтыннаго.

— Сто семьдесятъ пять и баста.

— Ни гроша. А будете сбивать цѣну и отложите до завтра—не продамъ вовсе. У меня планъ есть. Приносите деньги, такъ и быть, до двѣнадцати часовъ слѣдующаго дня.

— Неужели триста?

— Безъ пятиалтыннаго.

— Смоете.

— Боже упаси!—вскричалъ Вертюченко и набожно перекрестился:—вижу не хуже васъ, что эмаль.

— Смотрите же, Алексѣй Максимовичъ, если хоть капля упадетъ на картинку, я не пощажу васъ—я приду съ револьверомъ.

— Прямо въ лобъ,—горячо отвѣчалъ онъ и еще разъ перекрестился.

— Я думаю, вы такихъ денегъ отродясь не получали, какія я принесу. У васъ больше ста рублей безъ трехъ копеекъ цѣны не бываетъ.

— Принесете ли?

— У меня есть чекъ.

Я показалъ ему чекъ на нѣсколько сотенъ.

— Не фальшивый ли? Теперь чудесные чеки поддѣлываютъ харьковскіе дворяне.

— У васъ странный умъ, Алексѣй Максимовичъ,—сказалъ я.— Почему харьковскіе?

— Хорошо, сдѣлаю для васъ снисхожденіе.

— Еще разъ повторяю, Алексѣй Максимовичъ, я не шучу. Вы такимъ составомъ можете живопись, что у меня платокъ, которымъ я смахнулъ мыло съ вашего Ватто,—помните Ватто у васъ былъ?

— И теперь существуетъ...

— И до конца дней у васъ останется жильцомъ... Такъ платокъ распался на куски.

— Отъ кали это бываетъ,—взглянувъ на свои руки и страшно исковерканные ногти, сказалъ Вертюченко.

— Ну, до свиданія. Задатокъ.

Я далъ ему четвертной билетъ; хотѣлъ взять съ него расписку, но онъ потрясъ головой.

— Я седьмой десятокъ живу на свѣтѣ и ребенка еще не обманулъ. Сказано—свято. Не трону, чудакъ вы, господинъ.

Онъ же меня еще чудакомъ назваль.

Минуть двадцать опоздалъ я и не пришелъ въ назначенный срокъ.

— Я уже думалъ, что вы «спятили»,—сказалъ Алексѣй Максимовичъ и покрутилъ головой, глядя на свою золотую луковицу.— Я могу воспользоваться вашимъ задаткомъ—по буквѣ нелицепріятнаго закона.

— Картинку!—строго выпалилъ я тономъ безспорнаго собственника.

Вчера Алексѣй Максимовичъ при мнѣ завернулъ ее въ синюю бумагу и далъ слово никому не показывать, чтобъ самому не соблазниться и не «спятить», въ случаѣ надають дороже.

— Изъ вашей картинки сдѣлалось двѣ, сударь мой. Видали?—началъ Алексѣй Максимовичъ, побѣдоносно сверкнувъ глазами въ мою сторону.—Видали вы когда-нибудь парнаго маленькаго Бургиньона? Я сдѣлалъ два пандаса. Очень просто—распилилъ пополамъ—стало въ каждой картинкѣ по рыцарю.

— Дьяволь вы проклятый!—закричалъ я.—Кто же васъ просилъ и какъ же вы нарушили честное слово и клятву?

— А развѣ я не предупреждалъ, что у меня планъ есть?—угрюмо пробормоталъ Вертюченко, вынимая изъ шкапа обѣ половинки Бургиньона.—Какъ угодно. Если отказываетесь, задатокъ не возвращается.

Видя мое неподдѣльное горе, Алексѣй Максимовичъ смягчился и сталъ меня утѣшать.

— Вамъ досадно, потому что вы видѣли цѣльную картинку. А кто не видѣлъ, тотъ и половинку купить и не догадается. Одинъ возьметъ гнѣдую лошадь, другой бѣлую. вмѣсто одного наслажденія, будетъ два наслажденія. Каждый своей лошадью и своимъ рыцаремъ будетъ наслаждаться. Да и я возьму цѣну двойную... Да и рамка останется мнѣ... Я въ нее Успеніе Богоматери вгоню.

Половинки Бургиньона были ради симметріи спилены съ краевъ, и я не могъ взять искалѣченную вещь.

— Искренно жалѣю, что не захватилъ съ собою, какъ обѣщаль вчера, револьверъ. Не могли же вы за двадцать минутъ продѣлать такую безбожную операцію. Вы съ утра, навѣрно, начали пилить.

— Клянусь вамъ, ровно въ двѣнадцать часовъ!—безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти отвѣчалъ Вертюченко, радостно глядя на меня.—Какъ разъ пушка ударила, и я исполнилъ свой планъ, такъ какъ я былъ уже въ своемъ правѣ. И развѣ долго?

Тутъ онъ указаль на порядочной вѣличины пилу, прислоненную къ табуреткѣ.

— Отпилить бы вамъ этой пилой голову, Алексѣй Максимовичъ.

Я ушелъ въ сердцахъ и года два не видался съ Вертюченкомъ. Бываль въ рынкѣ, а къ нему нарочно не заходилъ. Да и всѣ въ рынкѣ улыбались, когда заходила рѣчь о немъ, называли его истребителемъ, губителемъ и еще «прачкой». Онъ и рѣдкія гравюры мыль и тоже портилъ. Уму непостижимо, сколько онъ уничтожилъ историческихъ портретовъ, офортовъ, акварелей, миниатуръ и маленькихъ голландцевъ, встрѣчавшихся тогда въ большомъ количествѣ.

Какъ-то я былъ днемъ у Аполлона Николаевича Майкова, зашелъ отъ него въ Юсуповъ садъ и неожиданно встрѣтилъ у пруда на скамейкѣ Алексѣя Максимовича.

Онъ поклонился мнѣ, съ старомодной свѣтскостью поднялъ надъ головой трюхъ и любезно растянулъ толстыя губы до ушей.

— Напрасно не заходите, гениальный товаръ приплылъ. Маленькій Боровиковскій имѣется, неописанной красоты—вылитая «она».

Онъ указаль рукой (попрежнему израненной ѣдкими снадобьями) на сидѣвшую съ нимъ рядомъ синекрасную кухарку лѣтъ пятидесяти, съ такими же ноздрями впередъ, какъ у него, съ прыщеватыми щеками и низкимъ мясистымъ лбомъ.

— Позвольте представить, моя невѣста Лукерья Пахомовна. Видите ли, — началъ онъ интимно:—годы мои такіе, что нуженъ за мной уходъ. Иодомъ, напимѣръ, люблю спинной хребетъ на ночь насаңдаливать. Вотъ и задумаль я совершить бракосочетаніе. И къ тому же накопилось много имущества—настоящія-то вещи я скрываю у себя на квартирѣ-сѣ. Усѣ подъ Богомъ ходимъ и, въ случаѣ преждевременной смерти, кому достанется? Кто распорядится? Кто вникнетъ въ Рафаэлей и Тиціановъ? А законная не сплосааетъ, и я, между впрочемъ, науку передамъ. Да не угодно ли, сдѣлайте честь, пожалуйте ко мнѣ. Насупротивъ живу.

Ходила легенда, что Вертюченко-прачка лучшія картины, дѣйствительно, хранить у себя и никому не показываетъ. И я долженъ былъ считать для себя лестнымъ приглашеніе Алексѣя Максимовича.

По дорогѣ онъ признался мнѣ, что, въ виду предстоящаго брака съ избранной имъ подругой сердца, ему нужны деньги, чтобъ положить тысячъ пять на ея имя—она требуетъ обезпеченія,—и онъ надѣется, что, авось, я соблазнусь его секретнымъ товаромъ.

Поднимаясь со мной по лѣстницѣ того самаго дома, гдѣ жилъ Майковъ (только ходъ былъ черный), Алексѣй Максимовичъ оставался на площадкахъ и говорилъ, подмигивая мнѣ:

— Конечно, вы сами соображаете, при моей наружности и всѣхъ качествахъ, я бы могъ найти себѣ болѣе высокую пару. Я въ Цар-

скомъ ежедневно бывалъ и въ Гатчинѣ. Я духи такіе избрѣлъ—попрыскаюсь и получаю доступъ къ дамскому полу. Преимущественно я имѣю склонность къ куфаркамъ и вообще—къ прислугѣ, потому что торговля моя требуетъ знакомствъ. Не спрашиваясь у барыни, иногда такой фарфоръ продадутъ... онъ битый, а цѣны ему нѣтъ. Но Лукерья Пахомовна, хотя ростомъ не удалась, однакоже при фрейлинѣ (онъ назвалъ громкую фамилію) состояла въ камеристкахъ и черезъ нее я въ теченіе своей жизни сдѣлалъ многія замѣчательныя приобрѣтенія. Даже на Волгу ѣздилъ. Извольте войтить.

Жилъ Вертюченко до ужаса грязно. Отъ кастрюль и горшковъ съ пищей, которую онъ самъ себѣ варилъ на керосинкѣ, поднимался тяжелый запахъ. Постель была не заслана, и изъ лопнувшего матраца торчала истлѣвшая мочала. Не постель, а гнище. Картины лежали и стояли кучами въ углахъ, и все было въ пыли. Бѣгали пауки и мокрицы. Я имѣлъ чисто-любительское терпѣніе и мужество пересмотрѣть весь товаръ Вертюченко, перепорченный, перемазанный, смытый до неузнаваемости и ничего не стоившій.

— Тиціанъ, Рубенсъ, Пальма, Вандикъ!—опредѣлялъ Вертюченко картины, которыя я подносилъ къ свѣту.

— А гдѣ же вашъ Боровиковскій?

— Въ лавочкѣ. Черты Лукерьи Пахомовны. И носикъ, и щечки. Подписной. Только почему-то стояло Борковскій—такъ я ужъ полностью додѣлалъ: Лука Боровиковскій.

— Но его звали Владимиръ!

Онъ добродушно засмѣялся.

— Все равно, не каждый настолько образованъ.

— Покажите вашихъ Рафаэлей.

— У меня два,—отвѣчалъ съ таинственной гордостью Вертюченко:—я ихъ въ двѣнадцати гробахъ прячу.

На цыпочкахъ подошелъ онъ къ кровати и вытащилъ изъ-подъ нея длинный сундукъ. Раскрылъ сундукъ, вынулъ изъ него ящикъ, изъ ящика еще ящикъ. Каждый ящикъ былъ перевязанъ бечевкой. Такъ дошло, въ самомъ дѣлѣ, до двѣнадцатаго ящика, продолговатаго, изъ краснаго дерева. Алексѣй Максимовичъ досталъ изъ-за пазухи ладонку, снялъ ключикъ и отперъ драгоценный ящикъ.

Я нагнулся. Хотя я зналъ хорошо Вертюченко, но всѣ эти приготовления смутили меня. «Въ зобу дыханье сперло». Рафаэли были еще завернуты въ бумагу и въ шелковую матерію. Что-то зазвенѣло.

— На чемъ картины нарисованы?

— На жести...

— Вотъ странно!—внезапно охладѣвъ, сказалъ я и взялъ благоговѣнно протянутыя мнѣ Алексѣемъ Максимовичемъ жестянки.

Это была отвратительная мазня, скверныя копиі съ какихъ-то скверныхъ головокъ, которыя писались въ русскихъ захолустьяхъ безыменными живописцами тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. У нихъ были огромные рачьи глаза, листья хмеля на головѣ, пьяныя улыбки и желтыя отвислыя груди.

— Сколько же вы хотите за нихъ?—спросилъ я.

— Пустяки. Имъ цѣна шестьсотъ тысячъ, а я хочу всего шесть.

— Копеекъ?—съ несвойственной мнѣ жестокостью спросилъ я.

Алексѣй Максимовичъ звѣрски посмотрѣлъ на меня. Я никогда не видѣлъ такого свирѣпаго и метительнаго взгляда.

— Вы, кажется, сударь, съ ума сошли?—высокомѣрно произнесъ онъ.

И, право, великолѣпенъ былъ чудакъ. Дрожащими отъ гнѣва руками онъ сталъ укладывать своихъ Рафаэлей въ двѣнадцать гробовъ. А мнѣ оставалось только уйти.

Не знаю, женился ли Алексѣй Максимовичъ на Лукерьѣ Пахомовнѣ, но всего черезъ какой-нибудь годъ, когда я вспомнилъ о немъ и хотѣлъ навѣстить его лавочку, въ ней сидѣлъ уже букинистъ, обложенный истрепанными книжками.

— Я не ошибся,—сказалъ я:—кажется, здѣсь торговалъ Вертюченко?

— Здѣсь, но Алексѣй Максимовичъ приказали долго жить.

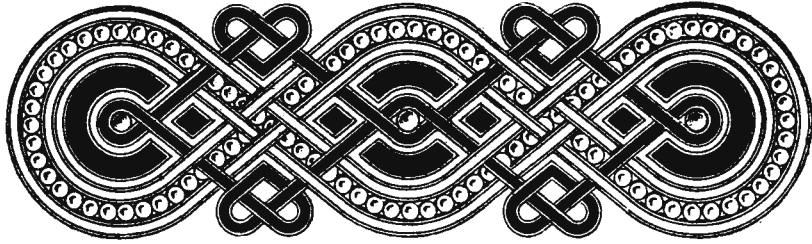
— Давно?

— Должно быть, мѣсяцевъ пять назадъ.

Теперь, можетъ быть, нѣтъ такихъ чудаковъ въ рынкѣ, какъ Алексѣй Максимовичъ Вертюченко, но зато нѣтъ и такихъ находокъ, и не бываетъ такихъ очарованій и разочарованій у коллекціонеровъ. «Ровнѣе сталъ народъ—не то, что въ старину», говорятъ въ рынкѣ теперешніе торговцы антикварными предметами, среди которыхъ, впрочемъ, не встрѣчается почти ничего антикварнаго.

Іер. Ясинскій.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ЦАРЬ-ГРАДѢ.

Евгеній Петровичъ Новиковъ — нашъ посоль въ Константинополь.

(1880—1882 г.г.).

ДНИМЪ изъ выдающихся нашихъ дипломатовъ былъ Евгеній Петровичъ Новиковъ.

Окончивъ курсъ на филологическомъ факультетѣ московскаго университета со степенью магистра, онъ поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ блестяще сдѣлалъ свою карьеру.

Благодаря всестороннему, широкому образованію, выдающемуся уму, колоссальной памяти, исключительному трудолюбію и трудоспособности, находчивости, умѣнью разобратъ въ самыхъ запутанныхъ положеніяхъ и способности обращать ошибки противниковъ въ свою пользу, онъ скоро остановилъ на себѣ вниманіе начальства и довольно быстро двигался по своему служебному пути.

Безукоризненно, абсолютно честный, онъ всегда шелъ прямыми путями къ намѣченной цѣли, и вилать и приспособляться было не въ его привычкахъ.

Обладая хорошимъ состояніемъ, онъ не нуждался въ службѣ какъ въ средствѣ къ существованію и если служилъ, то исключительно только для того, чтобы принести пользу отечеству, которое безгранично любилъ всѣми силами своей возвышенной души. Этой любви онъ приносилъ въ жертву все. Высоко и съ достоинствомъ держалъ онъ знамя Россіи, и честь родины была для него всегда выше его личныхъ интересовъ.

«истор. вѣстн.», декабрь 1914 г., т. сxxxviii.

7

Владѣя въ совершенствѣ русскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками, онъ былъ замѣчательный стилистъ, и его ноты и депеши могли бы служить лучшими образцами дипломатическаго умѣнья выражать свои мысли. Баринъ въ полномъ и хорошемъ значеніи этого слова, онъ умѣлъ заставлять уважать себя.

Энергичный, горячій, пылкій, нетерпѣливый, онъ приучилъ себя, хотя и съ большимъ трудомъ, сдерживаться, когда это было необходимо для дѣла, но въ обыкновенной, частной жизни не зналъ удержки и иногда бывалъ даже слишкомъ рѣзокъ.

Добрый, справедливый, всегда всемъ доступный, онъ былъ горячо любимъ своими подчиненными, которые хорошо знали, что въ критическую минуту они получаютъ отъ него необходимую поддержку и въ лицѣ его всегда найдутъ горячаго заступника даже и своихъ ошибокъ.

Человѣкъ глубоко-религіозный, онъ былъ хорошимъ христианиномъ безъ всякой примѣси ханжества.

Во время русско-турецкой кампаніи 1877—78 годовъ Евгений Петровичъ былъ нашимъ посломъ въ Вѣнѣ и, какъ говорили, благодаря отчасти ему, Австрія не нарушила нейтралитета въ самую критическую для насъ минуту.

Переведенный въ 1880 году на мѣсто князя Лобанова-Ростовскаго нашимъ посломъ въ Константинополь, онъ пробылъ на этомъ страшно трудномъ и отвѣтственномъ посту около двухъ лѣтъ, назначенный затѣмъ въ 1882 году членомъ Государственнаго Совѣта.

Послѣ нашего пораженія на Берлинскомъ конгрессѣ трудно было удерживать знамя Россіи на желаемой высотѣ, но Евгений Петровичъ, хорошо зная характеръ турокъ, сумѣлъ бороться съ обстоятельствами и заставилъ ихъ уважать себя и такъ горячо и беззаветно любимую имъ Россію. Онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ могиканъ когда-то славныхъ русскихъ національныхъ дипломатовъ того времени.

«*Au fond ça m'est égal*» было девизомъ его предшественника князя Лобанова, который всегда и постоянно повторялъ эту фразу. Благодаря такому болѣе чѣмъ странному и сухо-эгоистическому взгляду на дѣло, новому послу, Новикѣву, пришлось получить все наслѣдство послѣ нашей войны съ турками въ полной почти неприкосновенности.

Кромѣ всей невѣроятной массы всевозможныхъ вопросовъ, возникшихъ отчасти какъ слѣдствіе только что оконченной войны, когда Евгений Петровичъ, назначенный посломъ въ Константинополь, ѣхалъ уже къ мѣсту своего новаго назначенія, тамъ произошло невѣроятное въ сферахъ дипломатической жизни событіе, небывалое за послѣднее время въ цивилизованномъ мірѣ, въ которой Европѣ во что бы то ни стало хотѣла включить и Турцію. Среди бѣла дня въ предмѣстьѣ Константинополя Панкальди, безъ

всякой видимой причины и повода, былъ смертельно раненъ албанцемъ Вели-Мехмедомъ, конюхомъ султана, состоящій при русскомъ посольствѣ полковникъ генеральнаго штаба Кумерау.

Телеграммою министерства Новиковъ былъ задержанъ въ Одессѣ, пока не будетъ ликвидированъ этотъ гнусный, варварскій инцидентъ.

Этотъ задержкою прїѣзда посла хотѣли показать туркамъ, насколько ими недовольны въ Петербургѣ. Къ сожалѣнію, въ это время управлялъ посольствомъ совѣтникъ посольства Михаилъ Константиновичъ Ону, этотъ русскій дипломатъ изъ румынъ, человекъ крайне трусливый, нерѣшительный и болѣе чѣмъ равнодушный ко всему, что казалось русскаго престижа. Надо было не давать туркамъ времени опомниться и дѣйствовать сразу рѣшительно подъ первымъ впечатлѣніемъ ужаснаго, безпримѣрнаго факта. Но Ону пропустилъ удобный моментъ, и вопросъ затянулся до безконечности.

Видя это, министерство предписало послу отправиться къ мѣсту своего служенія, и 2-го мая 1880 года Новиковъ выѣхалъ изъ Одессы въ Константинополь.

Авторъ помѣщаемыхъ здѣсь воспоминаній началъ свою службу по министерству иностранныхъ дѣлъ и въ 1880 году былъ назначенъ студентомъ посольства въ Константинополь, гдѣ и встрѣтилъ впервые Евгенія Петровича Новикова нашимъ посломъ въ Царьградѣ уже, такъ сказать, на закатѣ дипломатической дѣятельности этой выдающейся во всѣхъ отношеніяхъ личности.

Будучи живымъ свидѣтелемъ неутомимой и страшно трудной при создавшихся тогда неблагоприятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ для насъ условіяхъ его дѣятельности, авторъ хочетъ познакомить читателя съ нѣкоторыми особенно выдающимися фактами, рельефно рисующими Евгенія Петровича какъ человека и какъ русскаго представителя въ столь своеобразной странѣ, какою всегда была Турція.

Касается онъ отчасти и мелочей, которыя иногда еще больше оттѣняютъ рельефъ общей фигуры изображаемой личности. Пишетъ онъ только о томъ, что самъ видѣлъ и слышалъ и гдѣ нѣтъ мѣста никакимъ догадкамъ и предположеніямъ или сомнительнымъ умозаключеніямъ. Голые факты говорятъ всегда сами за себя гораздо убѣдительнѣе.

I.

Третьяго мая 1880 года я прїѣхалъ въ Одессу, то есть какъ разъ на другой день послѣ отбытія Евгенія Петровича Новикова въ Константинополь.

До отхода слѣдующаго парохода, идущаго александрійскимъ рейсомъ, на которомъ долженъ былъ ѣхать и я, оставалось еще

два дня. Это обстоятельство меня даже до нѣкоторой степени обрадовало: можно было немножко отдохнуть послѣ трехдневнаго довольно утомительнаго пути изъ Петрограда, посмотрѣть городъ и его окрестности.

Прежде всего заѣхалъ познакомиться съ нашимъ агентомъ министерства иностранныхъ дѣлъ—Кудрявцевымъ, оказавшимся отличнѣйшимъ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ и хорошимъ товарищемъ, который меня встрѣтилъ какъ родного и такъ радушно, какъ будто бы мы были съ нимъ знакомы много лѣтъ.

Побывалъ на всѣхъ трехъ фонтанахъ, въ городскомъ саду, на лиманахъ, любовался моремъ съ высоты Николаевского бульвара и въ общемъ остался въ восторгѣ отъ нашей южной красавицы, которую видѣлъ въ первый разъ.

Обѣдалъ вмѣстѣ съ женой у очень богатаго болгарина-банкира Рашеева, съ которымъ мы вмѣстѣ ѣхали отъ Москвы, дорогой познакомились и быстро сошлись, очевидно, симпатизируя другъ другу.

Пятаго мая отходилъ пароходъ русскаго общества пароходства и торговли «Нахимовъ», только что доставившій въ Одессу тѣло недавно убитаго въ предмѣстьѣ Константинополя Панкальди полковника нашего генеральнаго штаба Кумерау.

На пристани насъ провожали Кудрявцевъ и супруги Рашеевы, которые на прощанье поднесли женѣ громадный, чудный букетъ изъ собственныхъ оранжерей.

Погода во все время нашего пути была тихая, теплая, небо безоблачное, море совершенно спокойное, со свѣтлой зеркальной поверхностью, и весь нашъ переходъ можно было назвать безподобнымъ.

Рано утромъ седьмого «Нахимовъ» плавно и величественно уже входилъ въ Босфоръ.

Картина, открывшаяся передъ нами, была поразительной красоты, и мы, какъ очарованные, не могли оторвать глазъ отъ этой сказочной панорамы, которая измѣнялась при каждомъ новомъ поворотѣ парохода на изгибахъ Босфора.

Надъ проливомъ разстилался легкой сѣровой дымкой туманъ, который таялъ въ горячихъ лучахъ восходящаго солнца, медленно выплывавшаго изъ-за гребня горъ азіатскаго берега.

Великолѣпныя виллы, изящныя зданія лѣтнихъ резиденцій посольствъ, величественныя, неподражаемой архитектуры дворцы, мечети съ ихъ стройными, уходящими въ небо минаретами чередовались съ бѣдными, полуразвалившимися хижинами, ютившимися на краю берега у самой воды. И все это утопало въ роскошной южной зелени садовъ и безконечныхъ парковъ съ ихъ вѣковыми кедрами, платанами и кипарисами...

Когда мы, пройдя Олеандрову башню, повернули въ Золотой Рогъ и «Нахимовъ» значительно убавилъ ходъ, насъ окружила цѣ-

лая масса всевозможныхъ лодокъ, шлюпокъ и кайковъ ¹⁾, которые слѣдовали за нами на веслахъ, причемъ хозяева ихъ о чемъ-то перекрикивались и перебранивались съ нашими пассажирами третьяго класса, немилосердно жестикулируя руками.

Не успѣлъ нашъ пароходъ остановиться и спустить трапы, какъ вся это галдящая толпа лодочниковъ, прикрѣпивъ кое-какъ свои суденышки къ нашему пароходу, какъ кошки, перегоняя другъ друга, полѣзли по чемъ попало на бортъ и черезъ какихъ-нибудь минуты двѣ была уже у насъ на нижней палубѣ, продолжая неистово кричать и почти силой вырывая вещи у пассажировъ, чтобы положить ихъ въ свою лодку для доставки на берегъ.

Всѣ старанія и усилія командира и пароходной команды утихомирить и уgomонить этихъ возбужденныхъ жаждой заработка дикарей не приводили ни къ какому результату; и администраціи парохода ни за что не удавалось водворить хотя бы какой-нибудь порядокъ и тишину, несмотря на всю энергію принятыхъ мѣръ, доходившихъ даже до употребленія физической силы. Получая какъ должное здоровую зуботычину или увѣсистый ударъ по загривку, они ихъ какъ будто не замѣчали и продолжали свою работу, ничуть не обращая вниманія на эти мелочи. Это физическое на нихъ воздѣйствіе нисколько не убавляло ихъ энергіи.

Съ верхней палубы мы созерцали эту картину дикихъ мѣстныхъ нравовъ, и не скажу, чтобы такое зрѣлище намъ доставляло особенно большое удовольствіе.

Наконецъ и къ намъ наверхъ пробралось нѣсколько такихъ милостивыхъ государей съ звѣрскими, потными лицами, но уже очень вѣжливо предлагавшихъ намъ свои услуги перевезти и насъ и нашъ багажъ на берегъ и даже доставить вещи въ гостиницу. Предложенія эти дѣлались на всевозможныхъ языкахъ: и по-турецки, и по-армянски, и по-гречески, и по-итальянски, и по-французски, и по-англійски, и даже на ломаномъ русскомъ языкѣ.

Выѣзжая изъ Одессы, я послалъ моему товарищу по академіи восточныхъ языковъ и дальнему родственнику Максиму—третьему драгоману посольства—телеграмму, извѣщавшую о днѣ моего пріѣзда въ Константинополь. Онъ зналъ, что я недавно женился, и потому возможно было предположить, что онъ или самъ пріѣдетъ на пароходъ, или пришлетъ на пристань коляску съ человѣкомъ, который могъ бы насъ встрѣтить и проводить до гостиницы, или даже прямо до казенной квартиры, которая, какъ я зналъ, мнѣ полагалась по штату.

¹⁾ Кайкъ—это очень длинная, узкая лодка, великолѣпно держащаяся на волнахъ. Онъ дѣлается изъ очень тонкаго дерева и страшно легокъ на ходу. Пассажиры должны садиться на подушки, положенныя прямо на дно кайка, отчего онъ дѣлается болѣе устойчивымъ на водѣ.

Спустили трапы, появилась встрѣчающая публика, я искалъ глазами Максимова, однако тщетно: его нигдѣ не было видно...

Но вотъ мое вниманіе привлекъ высокій, красивый, статный турокъ среднихъ лѣтъ, съ почти бронзовымъ отъ загара, энергичнымъ лицомъ, поднимавшійся по трапу на нашу верхнюю палубу. На немъ были блестящіе, лаковые ботфорты, шаровары коричневаго цвѣта и такого же цвѣта суконный казакинъ, весь расшитый чернымъ шнуромъ, какъ расшиваются гусарскія венгерки, только шитье было значительно гуще и узоръ замысловатѣе. На поясѣ малиноваго бархата, вышитомъ золотомъ, висѣли по бокамъ двѣ кобуры изъ того же бархата съ зеленымъ кантомъ, также густо расшитыя золотомъ. Къ концамъ толстаго малиноваго съ золотомъ шнура, надѣтаго на шею поверхъ стоячаго воротника казакина (какъ носятъ шейныя цѣпочки для часовъ) съ передвижной застежкой изъ того же шнура, были прикрѣплены два револьвера, вложенные въ кобуры. Съ лѣвой стороны на золотой портупей висѣла шашка, а на позолоченной пряжкѣ пояса красовался двуглавый орелъ. Я понялъ, что это былъ кавасъ ¹⁾ нашего посольства. Онъ почтительно подошелъ ко мнѣ, сдѣлалъ «тэмэнну» ²⁾ (турецкій поклонъ) и доложилъ, что присланъ г. Максимовымъ въ мое распоряженіе.

Я ему несказанно обрадовался, но въ то же время былъ поставленъ въ страшно затруднительное положеніе, недоумѣвая, какъ буду я имъ распоряжаться, когда абсолютно ничего не знаю въ Константинополь и даже не сумѣлъ бы назвать ни одной гостиницы, гдѣ мы могли бы остановиться, а потому предпочелъ отдать себя въ полное распоряженіе Бехчета (такъ звали каваса).

¹⁾ Кавасы—это, такъ сказать, тѣлохранители посла и чиновъ посольства. Ихъ обыкновенно бываетъ человѣкъ пять при каждой изъ иностранныхъ миссій въ Константинополь. Выбираются они изъ турокъ по особой рекомендаціи и утверждаются въ своей должности турецкимъ правительствомъ. Пользуясь офицерскими правами (турецкіе солдаты обязаны имъ отдавать честь), кавасы получаютъ отъ посольства жалованье около семидесяти пяти рублей въ мѣсяцъ каждый на всемъ готовомъ, кромѣ пищи, о которой они должны заботиться сами. Живутъ кавасы въ посольствѣ въ особомъ помѣщеніи. Кромѣ жалованья, они часто получаютъ хорошіе «бакшиши» (на чаи) отъ чиновъ посольства и отъ пріѣзжихъ русскихъ за разныя мелкія услуги. Должность эта считается очень выгодной. Честны они идеально, беззавѣтно преданы посольству, въ которомъ служатъ, и страшно дорожатъ своимъ мѣстомъ. Съ кавасомъ вы можете быть совершенно покойны за свою безопасность, потому что онъ будетъ васъ защищать до послѣдней минуты своей жизни. Да иначе и быть не можетъ. Уволенный кавасъ—погибшій человѣкъ. Турки на службу его не возьмутъ, такъ какъ онъ служилъ «гяурамъ» (невѣрнымъ), а другія посольства тоже никогда не примутъ къ себѣ уволенного каваса. Старые кавасы, уже не годные для службы, и ихъ семьи получаютъ пенсіи отъ тѣхъ посольствъ, гдѣ они служили.

А в т.

²⁾ Настоящій турецкій поклонъ удивительно изящно-граціозенъ и полонъ глубокаго смысла и значенія. Кланяясь вамъ, турокъ касается правой рукой земли и затѣмъ, разгибаясь, подноситъ эту руку къ губамъ, что должно означать, что онъ цѣлуетъ прахъ ногъ вашихъ, потомъ ко лбу—онъ будетъ васъ вѣчно помнить и, наконецъ, къ сердцу, что означаетъ, что онъ васъ будетъ всѣмъ сердцемъ любить.

А в т.

Какъ человѣкъ опытный въ этихъ случаяхъ, онъ посовѣтовалъ намъ оставить все наши вещи на пароходѣ, говоря, что онъ за нами прїѣдетъ потомъ, а сначала проводить насъ въ гостиницу.

Лодка у него была уже нанята, и мы, простившись съ нашимъ милымъ командиромъ парохода, усѣлись въ шлюпку съ двумя гребцами и благополучно доѣхали до берега.

Высадившись на площади Топъ-Ханэ ¹⁾, я очень удивился, не видя экипажа; но Бехчетъ сказалъ, что г. Максимовъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій относительно лошадей, а что здѣсь найти извозчика не представляется возможнымъ и что придется до «Hôtel d'Angleterre» (лучшая въ то время гостиница, находившаяся черезъ два дома отъ зданія посольства) дойти пѣшкомъ. При этомъ онъ успокоилъ насъ, говоря, что это очень близко и что въ какихъ-нибудь четверть часа мы дойдемъ до нашей цѣли.

Не оставалось ничего другого, какъ подчиниться обстоятельствамъ, и мы бодро двинулись въ путь.

При выходѣ съ площади на улицу Топъ-Ханэ насъ поразила вонь, грязь и невообразимая масса собакъ и нищихъ.

Около домовъ (тротуаровъ здѣсь не было) на самой улицѣ, по которой мы проходили, варили кофе, приготовляли на угольяхъ шашлыкъ и жарили на деревянномъ маслѣ какую-то рыбу, чадь и смрадь отъ которой насыщали воздухъ до такой степени, что трудно было дышать; и тутъ же бродячіе куаферы брили головы и бороды правовѣрныхъ, которые съ самымъ благодушнымъ видомъ курили кальянъ и пили кофе.

Когда мы свернули направо въ лабиринтъ какихъ-то до невѣроятія узкихъ вонючихъ переулковъ, грязь и всевозможнѣйшіе запахи стали неопишуемы.

Нашъ путь шелъ въ гору, которая становилась все круче и круче.

Солнце начинало палить и жарить безощадно и, казалось, было уже градусовъ сорокъ.

Жена, которая мѣсяца черезъ три должна была сдѣлаться матерью, послѣ каждаго пятнадцати-двадцати шаговъ останавливалась, не будучи въ состояніи итти дальше.

Я и прїѣхавшая съ нами изъ Россіи горничная вели ее подъ руки, и тѣмъ не менѣе раза два-три ей дѣлалось дурно; пришлось доставать холодной воды, мочить ей виски и давать нюхать спиртъ. Наконецъ, черезъ полчаса, которые мнѣ показались вѣчностью, мы, красные, какъ вареные раки, насквозь мокрые и совершенно обезсиленные, добрались до гостиницы и прошли прямо въ отведенный намъ номеръ отдохнуть, а кавасъ пошелъ на пароходъ за нашими вещами.

¹⁾ Артиллерійскій арсеналь.

Къ двѣнадцати часамъ дня мы нѣсколько пришли въ себя и отдохнули, такъ что, умывшись холодной водой и переодѣвшись, могли спуститься въ общую столовую къ завтраку.

Публика за столомъ была самая разнообразная, всевозможнѣйшихъ національностей, кажется, всѣхъ пяти частей свѣта. Слышался разговоръ почти на всѣхъ языкахъ міра. Всего сидѣло за двумя громадными столами до ста человѣкъ. Русскихъ, кромѣ насъ, не было никого. Преобладали англичане.

Сначала подали кусочки холодной курицы, небольшіе ломтики ветчины и холоднаго языка, затѣмъ какую-то очень невкусную рыбу и довольно основательно засушенные маленькія бараны отбивныя котлеты, а въ заключеніе весьма ветхіе кусочки сыра трехъ сортовъ, апельсины и кофе.

Но что было ужаснѣе всего—это цѣны, до того звѣрскія, что отъ однѣхъ только этихъ цѣнъ можно было прійти въ отчаяніе: за довольно, правда, большую комнату въ два окна, но съ болѣе чѣмъ скромной обстановкой и полнымъ пансіономъ съ насъ брали по двадцать пять франковъ съ персоны, а за крохотную комнатку горничной съ однимъ маленькимъ окошечкомъ, съ соотвѣтствующей обстановкой и скромнымъ пансіономъ—восемнадцать франковъ въ сутки.

Къ концу завтрака появился Максимовъ, рассыпавшійся въ извиненіяхъ и увѣрявшій, что произошло какое-то недоразумѣніе; что экипажъ для насъ былъ взятъ, но, очевидно, кавасъ его не понялъ, а самъ онъ никакъ не могъ пріѣхать на пароходъ, будучи занятъ какимъ-то неотложнымъ дѣломъ. Конечно, приходилось всему этому вѣрить.

Петръ Васильевичъ (такъ звали Максимова) предупредилъ меня, что, такъ какъ посольство сейчасъ занято экспедиціей, которая должна быть отправлена съ отходящимъ сегодня въ Одессу почтовымъ пароходомъ, то явится мнѣ къ нему раньше завтрашняго дня не представляется возможнымъ, и потому предложилъ намъ, чтобы не терять даромъ время, ѣхать въ ландо сухимъ путемъ вмѣстѣ съ нимъ въ Буюкъ-дере (лѣтняя резиденція посольства) присмотрѣть и прицѣниться къ дачамъ, такъ какъ посольство на дняхъ должно туда уже переѣхать, а, слѣдовательно, и мы съ женой.

Предложеніе это нами было съ радостью принято, и пока жена переодѣвалась, я пошелъ въ канцелярію, чтобы познакомиться съ чиновниками посольства.

II.

Впечатлѣніе отъ этого знакомства было далеко не изъ особенно пріятныхъ. Меня встрѣтили, если не враждебно, то во всякомъ случаѣ достаточно холодно, далеко не по-товарищески.

Первый секретарь Базили—грекъ по происхожденію—былъ человѣкъ, хотя и весьма корректный, но страшно черствый и сухой, при томъ же совершенно безличный и казался какимъ-то ничтожествомъ. Второй секретарь—Тепловъ, возведенный княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ и возведенный по его представленію въ камеръ-юнкеры, игралъ пока попрежнему первую скрипку, какъ любимецъ прежняго посла. Другой второй секретарь—Щербачевъ—былъ славный малый, чисто-русскій человѣкъ и понравился мнѣ съ перваго же раза. Впослѣдствіи, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ нимъ, я убѣдился, что это былъ очень дѣльный, дѣятельный, знающій и даровитый работникъ, кромѣ службы, занимавшійся и литературнымъ трудомъ и помѣщавшій отъ времени до времени свои статьи о Востокѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», издававшемся тогда знаменитымъ Катковымъ. Щербачевъ держался какъ-то отдѣльно отъ всѣхъ другихъ, особнякомъ; даже депеши переносывалъ у себя на квартирѣ, а не въ канцеляріи. Одного изъ третьихъ секретарей, Вурцеля, и завѣдующаго экспедиторской частью, Кухту, я зналъ еще въ Петербургѣ, когда, окончивъ курсъ академіи, они состояли при азіатскомъ департаментѣ. Другой третій секретарь, баронъ Будбергъ, былъ типичнѣйшій остзейскій нѣмецъ: очень высокій, худой, породистый блондинъ, аккуратный и корректный во всемъ, даже въ своемъ костюмѣ и прическѣ, англазированный, такъ сказать, и отвратительно, съ большимъ трудомъ говорившій по-русски, но зато въ совершенствѣ владѣвшій французскимъ языкомъ, хотя и съ акцентомъ нѣмца.

Въ виду того, что квартирный вопросъ меня сильно интересовалъ какъ въ финансовомъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ безопасности жены во время моихъ весьма частыхъ по службѣ отлучекъ изъ дому, я обратился къ Кухтѣ, завѣдывавшему всѣми хозяйственными вопросами, а также и казенными помѣщеніями, когда я смогу воспользоваться моею квартирой.

Кухта какъ-то недоумѣвающе-вопросительно взглянулъ на Теплова, который за него и отвѣтилъ мнѣ, что врядъ ли казенная квартира меня можетъ удовлетворить какъ женатаго человѣка: тамъ всего четыре небольшихъ комнаты и кухня; да и, кромѣ того, квартира эта отдана бывшимъ посломъ Тихову, нештатному служащему консульства, человѣку очень бѣдному и что неужели же я захоочу выселять оттуда этого скромнаго женика? ¹⁾

На это я отвѣтилъ, что никого выселять не имѣю ни малѣйшаго желанія, но хочу получить только то, что мнѣ принадлежитъ по праву, и тутъ же замѣтилъ, насколько мой отвѣтъ былъ непріятенъ.

¹⁾ Впослѣдствіи я узналъ, что Тепловъ крестилъ у Тихова сына и, слѣдовательно, приходился ему кумомъ.

тень фавориту бывшего посла, привыкшему распоряжаться въ посольствѣ какъ въ своемъ собственномъ владѣніи и не привыкшему выслушивать возраженій отъ младшихъ.

Отношенія со всемогущимъ тогда Тепловымъ сразу обострились, и ничего особенно для себя хорошаго я не могъ отъ этого ожидать, если только и при новомъ послѣ Тепловъ будетъ продолжать попрежнему оставаться въ силѣ...

Вернувшись съ Максимовымъ въ гостиницу, мы застали жену уже совершенно готовой, а потому, не теряя ни минуты, усѣлись въ чудное ладо, запряженное парюю прекрасныхъ лошадей въ англійской упряжи, кавась—тотъ же знакомый уже намъ Вехеть—помѣстился на козлахъ, и тронулись въ путь.

Кто не бывалъ въ Константинополѣ, тотъ не можетъ себѣ представить, что изъ себя изображаетъ «La grande rue de Péra» (Большая Перская улица) въ той ея части, гдѣ находятся «Hôtel d'Angleterre» и наше посольство. Тротуаровъ здѣсь почти нѣтъ, и ширина ея не болѣе двухъ сажень, а мѣстами и гораздо меньше. Она вся сплошь запружена движущейся массой людей, животныхъ и экипажей. Ъхать здѣсь можно только шагомъ, а иногда приходится и вовсе останавливаться въ уступахъ домовъ, чтобы пропустить встрѣчный экипажъ, такъ какъ два экипажа не вездѣ могутъ разъѣхаться. Тутъ ѣдутъ коляски, кареты, верховые, телѣги, тащатся шагъ за шагомъ арбы, запряженные буйволами, украшенными множествомъ колокольчиковъ и бубенцовъ, здѣсь же прогоняютъ стада овецъ и бредутъ ослики, нагруженные корзинами съ хлѣбомъ, съ фруктами, дровами и тесомъ; движутся медленнымъ шагомъ, еле передвигая ноги хамалы¹⁾, имѣя на своей спинѣ иногда даже рояль съ торчащими вверхъ ножками; кричатъ на всѣ голоса, предлагая свой товаръ, разносчики сладостей, баранокъ, вареной кукурузы, мороженого, холодной воды, всевозможныхъ овощей, винограда, овечьяго сыра, ягурта²⁾ и т. д. и т. в. Вашъ кучеръ ежеминутно щелкаетъ бичомъ и во все горло оретъ: «варда!» (берегись). Въ воздухѣ стоитъ такой гомонъ, что непривычное ухо не въ состояніи безнаказанно воспринять всѣхъ этихъ звуковъ, у васъ начинается болѣть голова, и нервы напрягаются до послѣдней степени.

А какъ разнообразна, ярко-картинна толпа пѣшеходовъ, лавирующихъ между экипажами и животными...

Вотъ идетъ широкой, размахистой походкой высокій, стройный, надменный албанецъ въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, юбкахъ, такомъ же бѣломъ жилетѣ, расшитомъ золотомъ и разноцвѣтными шнурами, и въ бѣлой курткѣ съ откидными рукавами. Изъ-за широкаго ярко-цвѣтнаго его пояса торчитъ цѣлый арсеналь оружія. Тутъ, кажется, есть

¹⁾ Хамалы—носильщики тяжестей и разныхъ грузовъ.

²⁾ Родъ простокваши изъ овечьяго молока.

все, кромѣ развѣ только крупновеской пушки. На головѣ его высокая красная феска съ большой, толстой черной кистью. Во всей его фигурѣ видна отвага, энергія и презрѣніе къ жизни, которой онъ не дорожитъ.

Тихо крадучись въ толпѣ, мелкими шагами какъ бы плыветъ скромная молодая турчанка въ ярко-желтомъ, зеленомъ, синемъ, коричневомъ или красномъ платьѣ своеобразнаго покроя. Сквозь бѣлый прозрачный «яшмакъ»¹⁾ можно различить лицо красавицы. Она скромно опустила глаза, какъ бы никого не замѣчая. Рядомъ съ ней—старуха въ черномъ такого же покроя платьѣ и яшмакѣ...

За ними въ бѣлой или ярко-пестрой накидкѣ, съ бѣлымъ или цвѣтнымъ платкомъ на головѣ, придерживаемымъ шнуромъ изъ цвѣтнаго шелка или шерсти съ кистями, въ видѣ вѣнка охватывающимъ голову, важно выступаетъ блѣднолицый красавецъ-бедуинъ съ черными, какъ два угля, мечущими искры глазами.

Мѣрнымъ шагомъ, въ бѣлоснѣжной фустанеллѣ, съ гордо поднятой головой продвигается потомокъ знаменитыхъ сыновъ Эллады.

Куда-то спѣшить плосконосый съ толстыми губами и черной, лоснящейся, какъ хорошо вычищенный сапогъ, фізіономіей сухощавый негръ въ широкихъ шароварахъ краснаго, коричневаго или голубого цвѣта, въ такого же цвѣта жилеткѣ и короткой до пояса курткѣ съ откидными рукавами и широкимъ шелковымъ, пестрымъ поясомъ. Весь его костюмъ расшитъ или золотомъ, или серебромъ. На головѣ низенькая малиновая феска, въ родѣ берета, съ толстой очень длинной кистью.

Медленно ступаетъ своими босыми загорѣлыми ногами по раскаленной мостовой молодой дервишъ въ бѣлой рубахѣ, поверхъ которой надѣта какая-то длинная куцавейка, сшитая изъ маленькихъ трехугольниковъ всевозможныхъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ ситца, какъ у насъ въ Россіи дѣлаютъ одѣяла. Голова его ничѣмъ не покрыта, и черные, какъ смоль, густые, вьющіеся волосы обрамляютъ его смуглое, задумчивое, молодое, красивое лицо. На цвѣтной тесьмѣ, надѣтой на его лѣвую руку, виситъ выточенный и хитро обдѣланный изъ кокосоваго орѣха яйцевидный сосудъ, въ которомъ онъ носитъ свою болѣе чѣмъ простую пищу, изъ него же онъ пьетъ воду и въ него же опускаютъ ему подаваніе. Въ другой рукѣ длинный, съ острымъ наконечникомъ посохъ, на верхъ котораго вмѣсто рукоятки надѣтъ замысловато закрученный турій роугъ?

Съ озабоченными лицами и бедкерами въ рукахъ проталкиваются черезъ толпу англичанки съ высоко приподнятыми на пажкахъ юбками и англичане въ совершенно бѣлыхъ костюмахъ и такихъ же бѣлыхъ шлемахъ.. Ихъ окружила цѣлая толпа нищихъ, тщетно вымаливающихъ подаваніе.

¹⁾ Покрывало, которымъ турчанки закрываютъ свое лицо.

Цыганъ, въ страшно пестромъ и очень поношенномъ своеобразномъ костюмѣ, ведетъ на цѣпи своего дрессированнаго медвѣдя, а за нимъ, стараясь не отставать, спѣшитъ подростокъ-музыкантъ, аккомпаниаторъ несложныхъ Мишкиныхъ представлений, съ барабаномъ, бубномъ или какой-то допотопной формы скрипкой.

Тихо подвигаясь и останавливаясь чуть не на каждомъ шагу, бредеть въ сопровожденіи афонскаго монаха одного изъ константинопольскихъ подворій группа русскихъ крестьянъ и крестьянокъ. Мужчины въ картузахъ и мѣховыхъ шапкахъ, женщины въ черныхъ или бѣлыхъ платкахъ на головѣ. Большинство въ зипунахъ, но нѣкоторые и въ дубленкахъ, несмотря на палящій зной. Это наши поклонники, ѣдущіе или на Афонъ, или въ Іерусалимъ ко Святымъ мѣстамъ и ко Гробу Господню, осматриваютъ Константинополь подъ руководствомъ спеціально приставленнаго къ нимъ монаха.

Оживленно болтая, идутъ двѣ албанки въ своихъ широкихъ черныхъ шароварахъ и ярко расшитыхъ безрукавкахъ, а рядомъ поодаль шагаетъ, широко размахивая руками, турецкій солдатъ въ разстегнутомъ мундирѣ. Феска его лихо сдвинута совѣмъ на затылокъ, обнажая его потный, загорѣлый красивый лобъ.

Протискиваются въ толпѣ молодыя красавицы-цыганки въ ярко-цвѣтныхъ костюмахъ съ темно-бронзовыми лицами и съ большими черными глазами, въ которыхъ горитъ огонь неукротимой страсти, ведя за руки или неся на спинѣ своихъ совершенно голыхъ и невѣроятно грязныхъ ребятишекъ.

За ними не въ далекомъ разстояніи своею величавою съ развальцемъ походкою гордо шествуетъ въ бѣломъ, расшитомъ золотомъ и черными шкурами эффектнымъ костюмѣ, съ маленькой плоской черной шапочкой на головѣ отважный, задумчивый и серьезный сынъ Черныхъ горъ. Изъ-за цвѣтнаго его пояса выглядываютъ кинжалы, револьверы, ятаганъ и портъ-табакъ.

Попадаются дервиши-турнеры (вертящіеся) въ бѣлыхъ, длинныхъ одеждахъ, поверхъ которыхъ накинута черная, въ видѣ широкой рясы, мантия. На головѣ у нихъ очень высокія, въ формѣ усѣченнаго конуса, коричневыя, сдѣланныя изъ верблюжьей шерсти шапки. Походка и видъ ихъ величественны и проникнуты, такъ сказать, чувствомъ собственнаго достоинства; они угрюмы, сосредоточенно-серьезны и молчаливы.

Встрѣчаются матросы въ самыхъ разнообразныхъ формахъ всевозможнѣйшихъ національностей; турки—въ зеленыхъ чалмахъ (потомки пророка), въ бѣлыхъ (отличіе тѣхъ, кто побывалъ въ Меккѣ на поклоненіи св. черному камню Каабы) и, наконецъ, просто въ фескахъ и стамбулинкахъ ¹⁾...

¹⁾ Стамбулинкой называется черный однобортный сюртукъ со стоячимъ воротникомъ.

И въ эту-то, и безъ того невѣроятно ярко-пеструю картину, еще вкраплены миллионы собакъ, калѣкъ и нищихъ...

Все, что видитъ здѣсь глазъ, до того ново, своеобразно, оригинально и непривычно, что съ перваго раза вы чувствуете себя буквально ошеломленнымъ. Нигдѣ ничего подобнаго вы никогда не встрѣтите...

Максимовъ все время очень весело неумолкаемо болталъ, показывая выдающіяся по красотѣ зданія, иностранныя посольства, магазины и вообще все достойное вниманія попадавшееся на нашемъ пути.

Послѣ поворота у военнаго училища направо улица сразу становится гораздо шире и тутъ уже можно ѣхать рысью.

Въ предмѣстьѣ Панкалды Максимовъ указалъ намъ мѣсто, гдѣ былъ раненъ нашъ полковникъ генеральнаго штаба Кумерау, и въ очень недалекомъ разстояніи оттуда—французскій госпиталь, гдѣ онъ скончался; затѣмъ, уже за городомъ,—мѣсто, гдѣ была ограблена какая-то очень богатая англичанка, у которой изъ ушей вырвали серьги большой цѣнности; потомъ—гдѣ зарѣзали какого-то богатаго француза, желая его ограбить...

Наведенный этими воспоминаніями на тему объ убійствахъ, онъ кстати рассказалъ, какъ на дняхъ былъ заколотъ евноухомъ молодой только что пріѣхавшій въ Константинополь англичанинъ за то, что близко подошелъ къ каретѣ и сталъ разсматривать сидѣвшую въ ней молодую красивую турчанку, госпожу этого евноуха. Всѣ эти рассказы очень мало ободряюще дѣйствовали на жену, и она замѣтно пріуныла. Жизнь въ такой дикой странѣ, очевидно, ей не улыбалась...

Первая половина дороги до Буюкъ-дере очень однообразна и пустынна. Послѣ маленькаго поселка, называемаго «Маслакъ», въ десяти верстахъ отъ Константинополя, гдѣ обыкновенно пьютъ кофе, пока лошади нѣсколько минутъ отдыхаютъ, виды окрестности мѣняются и дѣлаются прямо-таки обворожительны. Шоссе идетъ по хребту горъ, склоны и разсѣлины которыхъ покрыты рѣдкимъ лѣсомъ, живописно разбросаннымъ куртинами. Кажется, что ѣдешь мимо безконечнаго, волшебнаго парка.

Направо виднѣются отъ времени до времени въ очаровательной рамкѣ роскошной зелени обрывки Босфора съ его красивыми берегами, пароходами и парусными судами.

У самаго въѣзда въ Буюкъ-дере, на открытой большой полянѣ раскинулись четыре громаднѣйшихъ развѣсистыхъ платана, въ дуплѣ одного изъ которыхъ помѣщается турецкая кофейня. Преданіе говоритъ, что платаны эти были собственноручно посажены Готфридомъ Бульонскимъ во время крестовыхъ походовъ...

Проѣхавъ по узкой, грязной, вонючей улицѣ деревни мимо

пароходной пристани, мы выѣхали на набережную Босфора съ чудными домами и роскошными виллами.

Осматривать лѣтнее помѣщеніе нашего посольства и его громадный паркъ у насъ не было времени, такъ какъ необходимо было возможно скорѣй обойти сдающіяся дачи, выбрать что-либо подходящее для нашего лѣтняго жилья и успѣть во время вернуться въ городъ къ обѣду.

Поиски наши не увѣнчались успѣхомъ. Все, что было получше, стоило страшно дорого—отъ восьмисотъ до двухъ тысячъ рублей за лѣто, а за триста рублей предлагали что-то невѣроятно скверное, грязное и не на набережной, а въ узкихъ, глухихъ переулкахъ на самой вершинѣ крутой и высокой горы, страшно далеко отъ посольства и отъ набережной, гдѣ по вечерамъ обыкновенно гуляетъ весь beau-monde.

Возвращались мы обратно въ городъ ни съ чѣмъ въ страшно удрученномъ состояніи духа.

Простившись съ Максимовымъ и сердечно поблагодаривъ его за компанію и оказанную намъ помощь, мы остались съ женой одни въ нашемъ непривѣтливомъ номерѣ отеля и, суммируя все нами видѣнное, слышанное, пережитое и все вообще впечатлѣнія дня, рѣшили вернуться съ первымъ же обратномъ пароходомъ въ Россію, возвративъ министерству и подъемныя, и прогоны...

III.

На слѣдующій день утромъ я пошелъ представиться послу и просить его разрѣшенія вернуться въ Петербургъ.

Онъ принялъ меня въ своемъ роскошно обставленномъ, громадномъ кабинетѣ и буквально очаровалъ своею любезностью, простотой въ обращеніи и радушіемъ.

Его добрые, близорукіе глаза, которые онъ постоянно прищуривалъ, ласково и привѣтливо улыбались, а блестящій умъ, находчивость и юморъ просвѣчивали во всякой сказанной имъ фразѣ. Я чувствовалъ, что съ каждой минутой начинаю больше и больше уважать и любить этого замѣчательнаго человѣка.

— Очень радъ былъ съ вами познакомиться,—сказалъ онъ въ видѣ заключительной фразы.—Будемъ вмѣстѣ сообщая дѣлать и радости, и горе. Увѣренъ, что мы останемся другъ другомъ довольны и что въ васъ я найду хорошаго и ревностнаго помощника въ нашихъ довольно-таки не легкихъ здѣсь дѣлахъ.

— Я безконечно признателенъ вашему высокопревосходительству,—отвѣтилъ я,—за ваше доброе отношеніе и лестное мнѣніе обо мнѣ, но, еще идя къ вамъ, я былъ уже намѣренъ обратиться съ покорнѣйшей просьбой разрѣшить мнѣ съ первымъ же обратномъ пароходомъ вернуться въ Россію.

— Да, вотъ что... Понимаю-съ, —промолвилъ онъ въ раздумьѣ и черезъ минуту добавилъ:—А знаете, мнѣ очень нравится ваша рѣшительность; такіе люди здѣсь очень нужны... Конечно, ни одному культурному европейцу не можетъ улыбаться жизнь среди этихъ варваровъ... но вѣдь вы къ этому готовились. Я бы очень совѣтовалъ вамъ, и даже просилъ, не уѣзжать сейчасъ же, а пожить мѣсяца два-три, осмотрѣться и ознакомиться съ новыми условіями жизни, которыя, можетъ быть, вамъ еще и понравятся. Не все же здѣсь такъ скверно, какъ кажется на первый взглядъ. Съ своей стороны, я сдѣлаю все, чтобы помочь вамъ во всемъ, что только будетъ отъ меня зависѣть. Вѣдь вездѣ на новомъ мѣстѣ первое время всегда чувствуется какъ-то не по себѣ, а тѣмъ болѣе въ такой дикой, варварской странѣ. Поживите—Богъ дастъ и привыкнете. Вы гдѣ остановились?

— Я остановился въ «Hôtel d'Angleterre»,—отвѣтилъ я.

— Но въ этой грабировкѣ вы не можете долго оставаться. Когда вы намѣрены переѣхать въ вашу казенную квартиру?

— Мнѣ сказали, что я не могу на нее рассчитывать, такъ какъ она занята какимъ-то Тиховымъ.

— А... а... Вотъ какъ. Хорошо-съ... Такъ я вамъ обѣщаю, что не позже, какъ черезъ четыре дня, она будетъ свободна и вы можете туда переѣхать. Кромѣ того, что квартиры здѣсь безумно дороги, молодой женщиנѣ, какъ ваша жена, не совсѣмъ даже безопасно жить среди этихъ дикарей. Для того, чтобы она была совершенно спокойна, ей необходимо жить среди насъ, русскихъ, въ посольской семьѣ. Я желаю, чтобы мои сотрудники могли быть увѣрены въ полной безопасности своихъ близкихъ, работая въ канцеляріи иногда и по ночамъ. Только тогда работа можетъ быть успѣшной и производительной, когда весь человѣкъ всецѣло ей отдается... При переѣздѣ въ Буюкъ-дере, гдѣ студентамъ посольства квартиръ не полагается, я бы совѣтовалъ вамъ не брать отдѣльной дачи, а взять номеръ въ «Hôtel la pierre», гдѣ и я когда-то жилъ. Это очень чистенькая, вполне приличная, тихая, спокойная и крайне дешевая гостиница, да, кромѣ того, тамъ будутъ жить и наши русскіе: Михаилъ Александровичъ Хитрово, нашъ генеральный консулъ въ Салоникахъ, и Гриценко, attaché при посольствѣ. Среди соотечественниковъ и вамъ, и въ особенности вашей женѣ будетъ веселѣй. При отелѣ роскошный садъ, свои виноградники и всѣ удобства... Ну, такъ какъ же? остаетесь?

Я горячо поблагодарилъ посла, конечно, вполне съ нимъ согласился, рѣшивши остаться, и крѣпко пожалъ протянутую имъ мнѣ руку.

— Спасибо, что повѣрили мнѣ, старику, и послушались,—сказалъ онъ.—Вотъ видите, мы уже и пережили съ вами первое горе,—добавилъ онъ, улыбаясь.—Будемъ надѣяться, что судьба пошлетъ намъ случаи дѣлиться и радостями...

Я вышелъ отъ Евгенія Петровича совершенно успокоенный и очарованный имъ до послѣдней степени.

Жена была въ восторгѣ отъ всего того, что я ей разсказалъ о Новиковѣ, и въ особенности отъ того, что черезъ нѣсколько дней мы переберемся въ нашу казенную квартиру, гдѣ сможемъ разобрать вещи и хоть нѣсколько устроиться, а не жить на бивуакахъ. Главное же, будемъ, какъ ей казалось, въ полной безопасности. Ее пугали эти восточные звѣри...

«Hôtel la pierre», въ которомъ мы поселились одновременно съ переѣздомъ нашего посольства въ Буюкъ-дере, намъ очень понравился. Мы заняли большую, свѣтлую, хорошо обмѣблированную комнату, выходящую окнами на Босфоръ. Видъ былъ прелестный, воздухъ чудный. Насъ прекрасно кормили, и хозяинъ-итальянецъ всячески старался намъ угодить во всемъ. Жена могла гулять цѣлыми днями въ громадномъ, роскошномъ саду, окруженномъ довольно высокой каменной стѣной. За общимъ столомъ мы скоро перезнакомились со всѣми обитателями отеля. Народъ былъ все крайне симпатичный, и мы чрезъ недѣлю чувствовали себя совершенно какъ дома.

Особенною нашею симпатіею пользовался Михаилъ Александровичъ Хитрово, вызванный въ Константинополь изъ Салоникъ для участія въ международной комиссіи по албанскому вопросу.

Уже сѣдой старикъ, онъ сохранилъ слѣды былой красоты. Бывшій конногвардеецъ, онъ, будучи молодымъ офицеромъ, перешелъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ и посвятилъ себя Востоку, который всегда его интересовалъ.

Во время русско-турецкой кампаніи 1877—78 года онъ былъ прикомандированъ къ канцеляріи главнокомандующаго нашей арміи великаго князя Николая Николаевича Старшаго.

Вращаясь постоянно въ кругу военныхъ и самъ бывшій офицеръ, всѣми любимый, онъ былъ всегда хорошо обо всемъ осведомленъ, что происходило въ войскахъ, и писалъ прекрасные, звучные стихи на всѣ злобы дня. Его называли бардомъ въ станѣ русскихъ воиновъ. Особенно популярна была его «Стефаніада», написанная во время нашего сидѣнья въ Санъ-Стефано.

Умный, бывалый, талантливый, словоохотливый, обладавшій прекраснымъ даромъ слова, онъ былъ незамѣнимымъ собесѣдникомъ. Это былъ какой-то неисчерпаемый «кладезъ» до невѣроятія интересныхъ, занимательныхъ и въ то же время поучительныхъ разсказовъ.

Почти каждый вечеръ, послѣ обѣда, мы ходили гулять втроемъ по набережной Босфора по направленію къ Терапіи (тоже лѣтняя резиденція нѣкоторыхъ иностранныхъ посольствъ и миссій). Въ срединѣ обыкновенно шла жена, которую я велъ подъ руку, а съ другой

стороны съ громаднымъ посохомъ ¹⁾ въ рукѣ шель Михайль Александровичъ, что-либо рассказывая или декламируя при лѣнивомъ плескѣ волнъ густой симпатичной октавой свои чудныя стихотворенія, полныя живого интереса еще столь недавняго прошлаго.

Въ это время случилось, что прикомандированный къ нему въ качествѣ секретаря по дѣламъ албанской комиссіи Гриценко уѣхалъ на нѣсколько недѣль въ отпускъ и мнѣ было поручено временно замѣнить его при Хитрово. Это насъ еще больше сблизило, и все свободное отъ моихъ канцелярскихъ занятій въ посольствѣ время мы были буквально неразлучны.

Когда женѣ нездоровилось, или она чувствовала себя усталой и послѣ обѣда уходила къ себѣ въ комнату отдохнуть, мы обыкновенно не шли гулять, а просиживали въ столовой или въ саду чуть не до полуночи,—онъ рассказывая, а я слушая чуть ли не съ разинутымъ ртомъ, до того все то, что она рассказывалъ, было для меня интересно и открывало совсѣмъ новые горизонты, освѣщая факты съ совершенно невѣдомой для меня стороны.

IV.

Какъ-то разъ, это было, кажется, въ іюлѣ, къ великой моей досадѣ, Михайлу Александровичу надо было куда-то ѣхать, и наша послѣобѣденная бесѣда окончилась около девяти часовъ. Не успѣлъ я съ нимъ проститься, какъ въ столовую вошелъ Максимовъ темнѣе ночи. По всему было видно, что онъ страшно разстроены и сильно взволнованъ. Молча поздоровавшись, онъ сѣлъ рядомъ со мной, а Михайль Александровичъ уѣхалъ.

Обыкновенно веселый, жизнерадостный, болтливый, Максимовъ поразилъ меня на этотъ разъ своимъ удрученнымъ видомъ.

Официанту, предложившему подать обѣдъ, онъ сказалъ, что обѣдать не будетъ, а просилъ принести ему только закусить чего-нибудь холоднаго...

— Петя, скажи пожалуйста, что такое съ тобой случилось?—спросилъ я его.—Вѣдь ты на себя не похожъ.

— Э-э... Что тутъ рассказывать, дорогой мой... Ну, понимаешь... все рушилось, все пропало. Самъ сломалъ себѣ шею и разбилъ, искалѣчилъ свою карьеру и будущность.

— Да въ чемъ же дѣло-то? Расскажи подробно. Можетъ быть, еще есть возможность все это и поправить.

— Къ сожалѣнію, никакой надежды ни на что и быть не можетъ,—со вздохомъ отвѣтилъ онъ.—Я уже и прошеніе объ отставкѣ написалъ.

¹⁾ Посохъ этотъ былъ сдѣланъ изъ дерева, тонущаго въ водѣ (забылъ его названіе), которое растетъ на Аѳонѣ, и преподнесенъ Михайлу Александровичу въ даръ аѳонскими монахами въ одно изъ его посѣщеній Св. Горы.

— А если твои опасенія преувеличены и не такъ страшень чортъ, какъ ты себѣ его малюешь?

— Ну, хорошо, слушай и суди самъ, на что я могу разсчитывать и какъ и чѣмъ можно исправить созданное мною положеніе. Вчера вечеромъ посольскій приказаль мнѣ непремѣнно сегодня же повидать министра полиціи и переговорить съ нимъ по дѣлу объ арестѣ двухъ русско-подданныхъ. Пріѣзжаю въ министерство. Пріемная биткомъ набита самымъ разнообразнымъ людомъ. Прошу адъютанта доложить министру, что я желаю его видѣть сейчасъ же. Адъютантъ возвращается и говоритъ, что министръ очень извиняется, но принять меня не можетъ, такъ какъ страшно занятъ. Я прошу передать, что пріѣхалъ по очень важному и спѣшному дѣлу и отниму не болѣе десяти-пятнадцати минутъ времени. Адъютантъ выноситъ мнѣ опять отказъ. Тогда я прошу его сказать министру, что являюсь къ нему по приказанію посла и не могу уѣхать, не повидавшись и не переговоривъ съ нимъ о дѣлѣ, мнѣ порученномъ. Между тѣмъ въ пріемной уже начинаютъ шушукаться, пересмѣиваться и съ возрастающимъ интересомъ ожидаютъ конца этого инцидента. Всѣ насторожились, въ атмосферѣ чувствуется приближающійся скандалъ и всѣ желаютъ знать, чѣмъ все это кончится. Вопросъ обострился и дѣло пошло на амбицію; началась игра на самолюбіе... Выходитъ адъютантъ и говоритъ, что министръ ни въ коемъ случаѣ меня принять не можетъ и совѣтуетъ обратиться къ министру иностранныхъ дѣлъ, который снесется съ нимъ—министромъ полиціи—и вопросъ разрѣшится при посредствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, что, собственно говоря, и гораздо правильнѣй... Но вѣдь это значило бы не исполнить приказанія посла и поступиться капитуляціями!.. ¹⁾ А на это никогда никакое посольство не согласилось бы, свято оберегая свои права капитуляцій. Да и какъ бы при этихъ условіяхъ разрѣшился спѣшный вопросъ? черезъ два года?..

«Ты вѣдь знаешь меня, я страшно вспыльчивъ и несдержанъ, ну, а отвѣтъ министра меня такъ взорвалъ и возмутилъ, что я, не помня себя, обратился къ адъютанту и громко, чтобы всѣ присутствующіе въ пріемной могли слышать, сказалъ: «Въ такомъ случаѣ передайте вашему министру, что онъ осель и свинья»,— повернулся и вышелъ. Только уже въ экипажѣ я нѣсколько пришелъ въ себя и сообразилъ, какой страшный скандалъ устроилъ. Но было уже поздно: сказаннаго не вернешь. Конечно, ты самъ хорошо понимаешь, что послѣ такой исторіи моя служба въ посольствѣ больше немислима. Турки непремѣнно потребуютъ моего

¹⁾ По капитуляціямъ, выговореннымъ трактатами, иностранныя посольства въ Константинополѣ между прочимъ имѣютъ право вести дѣла съ каждымъ изъ министровъ въ отдѣльности, не прибѣгая къ посредству министерства иностранныхъ дѣлъ, какъ это дѣлается въ Европѣ.

А в т.

удаленія и какъ и чѣмъ меня можетъ защитить посоль? Фактъ налицо и въ свидѣтеляхъ не можетъ быть недостатка, да и я самъ никогда не откажусь отъ своихъ словъ, а извиняться передъ токой скотиной ни въ коемъ случаѣ не намѣренъ. Лучше ужъ уйти въ отставку.

— Да, случай болѣе чѣмъ неприятный,—замѣтилъ я.—И въ самомъ дѣлѣ, какъ будто нѣтъ никакого выхода... По-моему, тебѣ теперь ничего другого не остается, какъ ѣхать сейчасъ же къ послу и самому лично рассказать все подробно и откровенно, а то вѣдь первый драгоманъ обязанъ будетъ доложить ему о такомъ изъ ряда вонъ выходящемъ случаѣ, и это, пожалуй, будетъ уже хуже.

— Я и самъ такъ думаю. Подожду до десяти часовъ, когда кончится обѣдъ у посла, и поѣду... Неприятно только, что вѣдь ругать будетъ. Онъ у насъ на это мастеръ. Ну, да ужъ если очень будетъ браниться, такъ я ему просто подамъ прошеніе объ отставкѣ и дѣлу конецъ. Вѣдь я сознаю свою вину и ухожу, чего же больше онъ можетъ отъ меня требовать?..

Около десяти часовъ мы сѣли въ лодку нашего отеля съ двумя гребцами и поѣхали въ посольство.

Максимовъ пошелъ къ послу, а я остался на набережной, встрѣтилъ нѣсколько человѣкъ товарищей и двухъ-трехъ посольскихъ дамъ.

Ночь была темная, звѣздная, чудная, очаровательная, какими умѣетъ дарить только югъ.

Въ пріятной веселой бесѣдѣ время шло незамѣтно; не хотѣлось разставаться съ этой ласкающей, тихой ночью, съ этимъ темнымъ небомъ, усѣяннымъ мириадами блестящихъ, какъ брильянты, звѣздъ, и итти спать. Къ тому же мнѣ хотѣлось непременно дожидаться Максимова и узнать результаты его разговора съ посломъ.

Около половины второго мы наконецъ встрѣтили Петра Васильевича у воротъ посольства. Здороваясь, онъ объявилъ, что страшно усталъ и торопится итти спать, совѣтуя и мнѣ послѣдовать его примѣру. Мы распростились со всей компаніей, и я пошелъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Ну, что, Петя, какъ дѣла?—спросилъ я его.

— Да чортъ ихъ знаетъ какъ! И самъ не знаю,—сказалъ онъ, разводя руками:—выслушавъ меня почти хладнокровно, посоль началъ ругаться. «Васъ,—говорить,—министерство присылаетъ сюда въ помощь послу, а вы вмѣсто того портите мнѣ отношенія съ турками»... и пошелъ, и пошелъ. Ругаль онъ меня часа два. Наконецъ, мнѣ это надоѣло. Я вынимаю прошеніе и говорю, что, вполнѣ сознавая свою вину, прошу принять отъ меня прошеніе объ отставкѣ. Ты не можешь себѣ представить, что тутъ произошло. «Какъ вы смѣете говорить мнѣ объ отставкѣ?—закричалъ онъ видъ себя.—Когда будетъ нужно, я самъ вамъ прикажу это сдѣ-

лать»... Ругаль онъ меня безъ передышки до часу ночи. Самъ бѣгаетъ по кабинету, а я стою, опустивъ голову, и слушаю. Даже ноги у меня устали. Наконецъ, остановился, сердито посмотрѣлъ на меня, сказалъ «прощайте-съ», не подаль руки и вышелъ изъ кабинета. Вотъ тебѣ и результатъ разговора... Что будетъ дальше, не знаю, но, кажется, ничего особенно утѣшительнаго ждать нельзя.

— А, по-моему, наоборотъ,—возразилъ я:—разъ онъ не принялъ отъ тебя отставку, значитъ, у него есть какія-то свои соображенія, планы и надежды уладить это дѣло.

— Ну, это ты меня просто утѣшить только хочешь,—отозвался Максимовъ съ горькой усмѣшкой.—Какія и на что у него могутъ быть надежды?

— А вотъ завтра спросимъ перваго драгомана, узнаемъ, что посоль съ нимъ говорилъ, и тогда, можетъ быть, что-нибудь и выяснится.

Этимъ мы заключили нашу бесѣду, простились и разошлись спать.

На слѣдующій день съ утра мы оба сторожили Николая Дмитриевича Макѣва, исправлявшаго тогда должность перваго драгомана, и наконецъ поймали его на пристани, гдѣ онъ ожидалъ парохода, чтобы ѣхать въ городъ.

На нашъ вопросъ, что говорилъ съ нимъ посоль про дѣло объ оскорбленіи министра полиціи, онъ отвѣтилъ:

— Да ничего особеннаго. Просилъ только узнать, когда и за какимъ номеромъ будетъ приготовлена нота Порты по этому поводу, и предупредить его заранѣе. А васъ, Петръ Васильевичъ, просилъ пока никуда не ѣздить и нигдѣ не показываться, такъ какъ молва о вашемъ столкновеніи съ министромъ полиціи быстро распространилась въ турецкомъ чиновномъ мірѣ и вы можете рисковать натолкнуться на какую-либо неприятность. Нужна очень большая осторожность, чтобы не ухудшить и не осложнить и безъ того довольно неловкое положеніе...

Прошло два дня въ томительномъ ожиданіи.

Наконецъ на третій день Макѣвъ намъ объявилъ, что нота готова, о чемъ онъ уже предупредилъ посла и сообщилъ номеръ, за которымъ она будетъ ему прислана.

Вечеромъ къ Петру Васильевичу явился кавасъ и доложилъ, что завтра въ десять часовъ утра посоль ѣдетъ на паровомъ катерѣ въ городъ и Максимовъ долженъ его сопровождать къ великому визирю.

Обыкновенно того изъ драгомановъ, который долженъ былъ сопровождать посла, предупреждали объ этомъ наканунѣ, такъ какъ въ этихъ случаяхъ полагалось надѣвать рединготъ, цилиндръ и перчатки, а ежедневно, являясь въ разныя министерства, къ великому визирю и даже во дворецъ, драгоманъ бывали просто въ пиджакахъ.

V.

На слѣдующее утро,—разсказывалъ потомъ Максимовъ,—въ девять съ половиною часовъ утра онъ былъ уже на посольской пристани, около которой пыхтѣлъ нашъ паровой котель подъ флагомъ посла. Ровно въ десять Евгеній Петровичъ показался въ воротахъ посольства и направился къ пристани. Проходя мимо Максимова, на его поклонъ онъ отвѣтилъ едва замѣтнымъ короткимъ кивкомъ головы и, подойдя къ катеру, рукою предложилъ ему войти первому. Новиковъ помѣстился на кормѣ у праваго борта, Максимовъ—у лѣваго. Всю дорогу посоль не проронилъ ни слова и сосредоточенно смотрѣлъ на воду, какъ будто не замѣчая присутствія Максимова, который сидѣлъ какъ на иголкахъ и проклиналъ нашъ тихоходъ, преодолевавшій разстоянiе до города не менѣе, какъ въ два слишкомъ часа времени. Тихо качиваясь на волнахъ, изрыгая цѣлыя облака дыма и тяжело дыша, онъ не торопился и ползъ со скоростью подстрѣленной черепашки. «Лучше бы онъ меня избилъ,—говорилъ мнѣ вечеромъ Максимовъ:—чѣмъ подвергать этой ужаснѣйшей пыткѣ молчанія».

Наконецъ причалили у Топъ-Ханэ, гдѣ прибытія посла ожидала пара лошадей въ ландо. Молча сѣли и молча доѣхали до Блистательной Порты.

Новикова всѣ турецкіе сановники принимали моментально.

Не успѣлъ онъ снять пальто, какъ въ приемную выскочилъ Микаэль-эфенди—*introduceur des ambassadeurs*—и доложилъ, что великій визирь проситъ его пожаловать.

Когда два глухонѣмыхъ ¹⁾ курьера распахнули передъ посломъ двери кабинета, на порогъ появился Кучюкъ-Саидъ-паша, тогдашній великій визирь.

Кучюкъ по-турецки значитъ—маленькій, и Саидъ-паша былъ дѣйствительно, ростомъ гораздо ниже средняго, съ предлинной бородой, которая чуть-чуть не касалась пола. Между собой въ посольствѣ мы его называли Черноморомъ, съ которымъ онъ на самомъ дѣлѣ имѣлъ большое сходство.

Радужно-любезная улыбка, съ которой Саидъ вышелъ навстрѣчу, сразу полиняла, когда онъ сзади посла увидалъ Максимова. Евгеній Петровичъ, какъ будто ничего не замѣчая, очень любезно поздоровался, а затѣмъ сдѣлалъ шагъ въ сторону и сталъ

¹⁾ Всѣ курьеры при великомъ визирѣ и при залѣ для засѣданій совѣта министровъ набирались въ то время изъ глухонѣмыхъ. Это, очевидно, дѣлалось для того, чтобы они не могли передавать секретовъ драгоманамъ посольства. Но мы великодушнo съ ними разговаривали знаками и за мѣджидіе (монета, цѣнностью около двухъ рублей) узнавали отъ нихъ все, что только намъ бывало нужно. А в т.

въ выжидательно-наблюдательную позу, чтобы видѣть, какъ визирь поздоровается съ Максимовымъ. Максимовъ поклонился, и смущенному Саиду ничего не оставалось, какъ подать руку и отвѣтить любезно на поклонъ, предложивъ обоимъ посѣтителямъ садиться.

Помѣстившись въ удобномъ мягкомъ креслѣ, посоль вынулъ изъ бокового кармана редингота нераспечатанную ноту и, кладя ее передъ великимъ визиремъ, самымъ спокойнымъ тономъ сказалъ:

— Этой ноты я принять не могу и совѣтовалъ бы вамъ взять ее обратно.

— Но вашему высокопревосходительству,—началь, краснѣя и запинаясь, Саидъ,—по всей вѣроятности, не извѣстно...

— Кто далъ вамъ право.—перебилъ его Новиковъ,—предполагать, что мнѣ можетъ быть что бы то ни было неизвѣстно изъ того, что дѣлается во вѣренномъ мнѣ посольствѣ?.. Мнѣ абсолютно все извѣстно, и я знаю, что г. Максимовъ,—онъ указалъ на него рукой,—по моему приказанію четыре дня тому назадъ былъ у вашего министра полиціи, и этотъ осель и свинья осмѣлился его не принять, отговариваясь тѣмъ, что онъ, видите ли, занятъ... Но вѣдь и г. Максимовъ не для того желалъ его видѣть, чтобы дружески поболтать отъ нечего дѣлать о разныхъ житейскихъ пустякахъ. Ему необходимо было это свиданіе по дѣлу и когда онъ обратилъ особое вниманіе на то, что пріѣхалъ по моему приказанію, то и это предупрежденіе осталось безъ результата и онъ все-таки не былъ принятъ. Въ данномъ случаѣ былъ оскорбленъ не г. Максимовъ, а я, російско-императорскій посоль въ Константинополь, а въ моемъ лицѣ—священная особа моего государя и повелителя.

При послѣднихъ словахъ Евгений Петровичъ всталъ и поднялъ правую руку вверхъ. За нимъ встали и великій визирь, и Максимовъ.

Садясь, посоль добавилъ:

— Я вамъ еще разъ совѣтую взять эту ноту обратно и даю на размышленіе десять минутъ.

Онъ вынулъ часы и посмотрѣлъ на нихъ.

— Если вы не согласитесь на мое предложеніе,—продолжалъ онъ,—я прерываю сношенія, прикажу развести пары на моемъ станціонерѣ ¹⁾ и сегодня же со всѣмъ посольствомъ я уѣзжаю въ Россію. А вамъ, по всей вѣроятности, извѣстно, что это означаетъ? Мое рѣшеніе безповоротное, и вы, кажется, знаете и не разъ уже успѣли убѣдиться, что я шутить не люблю.

¹⁾ При каждомъ изъ иностранныхъ посольствъ въ Константинополь находится военное судно, состоящее въ полномъ распоряженіи посла для его надобностей.

Саидъ, захваченный врасплохъ такимъ новымъ и съ точки зрѣнія посла совершенно правильнымъ толкованіемъ этого инцидента, струсилъ и взялъ поту обратно, послѣ чего они разстались друзьями.

Когда ландо отъѣхало отъ подъѣзда Блистательной Порты, посоль, протягивая руку Максиму, сказалъ:

— Ну, Петръ Васильевичъ, теперь—миръ. Слава Богу, удалось уладить эту непріятную исторію. Но на будущее время будьте осторожны и старайтесь избѣгать чего бы то ни было подобнаго. Вѣдь не каждый разъ дѣло можетъ такъ быстро и удачно кончиться.

Когда Максимовъ сталъ его благодарить, Евгенийъ Петровичъ замѣтилъ:

— Не благодарите меня. Это былъ мой долгъ защитить васъ и не дать въ обиду, какъ моего сотрудника, но въ будущей вашей дѣятельности докажете, что вы помните мои совѣты и будьте возможно сдержаннѣе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого министръ полиціи былъ уволенъ, а Максимовъ остался третьимъ драгоманомъ, потому былъ вторымъ, затѣмъ первымъ,—и въ настоящее время состоитъ нашимъ посланникомъ въ Бразиліи...

Осенью того же года, когда посольство наше только что перѣѣхало изъ Буюкъ-дере въ городъ, я былъ назначенъ третьимъ драгоманомъ посольства на мѣсто Аргиропуло, получившаго назначеніе въ Тегеранъ первымъ секретаремъ.

Стоялъ ноябрь. Погода была отчаянная. Цѣлыми сутками, не переставая, шелъ дождь. Было холодно и грязно.

Какъ-то разъ поздно вечеромъ, зачитавшись описаніями Индіи Жаколіо, часовъ въ двѣнадцать, я уже рѣшилъ итти спать и сталъ раздѣваться. Вдругъ слышу на лѣстницѣ тяжелые шаги каваса, который, войдя въ мою уборную, объявилъ, что посоль требуетъ меня сейчасъ же къ себѣ. Я былъ страшно этимъ удивленъ и никакъ не могъ понять, что такое случилось, что я могъ ему понадобиться въ такое время. Быстро надѣвъ только что снятый пиджакъ, накинувъ пальто и вооружившись зонтикомъ, я въ сопровожденіи каваса отправился къ послу.

Засталъ я его въ довольно возбужденномъ состояніи, скорыми шагами почти бѣгающимъ по кабинету, заложивши большіе пальцы въ рукавныя отверстія жилета.

Когда я вошелъ, онъ поздоровался со мной, пожалъ мнѣ руку и спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, гдѣ первый драгоманъ?

— Не знаю, ваше высокопревосходительство. Днемъ мы съ нимъ вмѣстѣ были въ Портѣ и около шести часовъ вернулись, простились у воротъ консульства (Макѣевъ жилъ въ генеральномъ нашемъ консульствѣ), и онъ пошелъ къ себѣ, а я домой.

— Ну-съ, а гдѣ второй драгоманъ?

— Второго драгомана я видѣлъ только утромъ въ канцеляріи, и затѣмъ мы съ нимъ сегодня больше не встрѣчались.

— Почему же ихъ нѣтъ дома?

— Не знаю, ваше высокопревосходительство.

— Ну-съ, а почему вы дома?

— Я, какъ женатый, въ большинствѣ случаевъ по вечерамъ бываю дома. Максимовъ холостой, а Макѣевъ хотя и женатъ, но жена его живетъ въ Неаполѣ и онъ, такъ сказать, тоже на холостомъ положеніи. Обѣдаютъ они не дома; по вечерамъ имъ дѣлать нечего, скучно, они и бывають либо въ клубѣ, либо у знакомыхъ.

— Да-съ, все это очень хорошо-съ, но вы понимаете, что такъ служить нельзя-съ. Вы, кажется, хотите, чтобы я былъ и посломъ, и драгоманомъ, и архимандритомъ, и докторомъ, и швейцаромъ... одинъ за всѣхъ. Нѣтъ-съ, это невозможно-съ. Для того васъ сюда и присылають, что я одинъ не могу разорваться на части и мнѣ необходимы помощники...—кричалъ онъ, продолжая бѣгать по кабинету и самъ себя взвинчивая, распространяясь на эту тему.

Я стоялъ и довольно равнодушно его выслушивалъ, такъ какъ, собственно говоря, все это меня и не касалось.

Такъ продолжалось добрыхъ полчаса.

Наконецъ, очевидно, изливъ все свое негодованіе, онъ подошелъ ко мнѣ уже болѣе спокойный и сказалъ:

— Потрудитесь сейчасъ же ѣхать къ великому визирю...

Я былъ слишкомъ молодъ и неопытенъ, мало еще зналъ Новикова, и потому въ простотѣ душевной у меня какъ-то невольно сорвалось съ языка:

— Ваше высокопревосходительство, турки, вѣдь, рано спать ложатся, и онъ теперь, пожалуй, видитъ уже третій сонъ.

Евгеній Петровичъ сразу вспыхнулъ, глаза у него широко раскрылись, и онъ закричалъ съ какимъ-то визгомъ:

— Кто смѣетъ спать, когда я не сплю?..

Въ этой фразѣ весь Новиковъ вылился во всю свою натуральную величину. Въ ней онъ весь сказался.

— Разбудить этого мерзавца,—продолжалъ онъ:—если не будутъ отворять, прикажите кавасу взломать ворота. Вы должны его видѣть во что бы то ни стало. Понимаете?.. Этотъ полуобразованный дикарь далъ мнѣ честное слово переговорить сегодня же съ султаномъ по нѣкоторымъ пунктамъ нашего кошмарнаго вопроса о военномъ вознагражденіи и сообщить мнѣ результаты этого разговора не позже шести часовъ вечера. Теперь уже часъ ночи и отъ него нѣтъ никакихъ извѣстій. Такъ порядочные люди не поступаютъ. Это ихъ любимая турецкая тактика въ дипломатическихъ переговорахъ: тактика проволочекъ и оттягиванія. Но я

имъ не позволю шутить и издѣваться надо мною. Пусть онъ вамъ передастъ отвѣтъ султана, который вы потрудитесь въ точности запомнить, и, вернувшись, передадите мнѣ его слово въ слово. Понимаете? До свиданія. Торопитесь.

— Слушаю-сь,—отвѣтилъ я коротко и вышелъ изъ кабинета.

Задача предстояла нелегкая. Великій визирь жилъ въ своемъ «Ялы» (лѣтняя резиденція, родъ нашей дачи), отстоявшемъ отъ города верстахъ въ четырехъ, не меньше. Ночь была темная, хотъ глазъ выколи. Дождь лилъ, какъ изъ ведра.

Послалъ дежурнаго каваса нанять извозчицью карету. Долго онъ пропадалъ. Въ такое время ночи въ Константинополѣ не легко найти наемный экипажъ. Наконецъ привели какой-то допотопный рыдванъ, запряженный парой полудохлыхъ клячъ. Расположился я въ этомъ обширномъ Ноевомъ ковчегѣ возможно удобнѣе, такъ какъ рассчитывалъ дорогой отъ нечего дѣлать и вздремнуть, а кавасъ въ полномъ вооруженіи и въ непромокаемой накидкѣ влѣзъ на козлы, и мы потащились.

Сначала по городу можно еще было ѣхать рысью, такъ какъ улицы, хотя и очень скудно, но все же были кое-какъ освѣщены, но потомъ, выѣхавъ за городъ, пришлось подвигаться шагомъ. Темъ была непроглядная, и тусклые фонари кареты едва освѣщали лошадей, а впереди все тонуло въ непроницаемомъ мракѣ. Съ трудомъ можно было разобрать, что мы ѣдемъ по шоссе. Я нащупалъ у себя въ карманѣ револьверъ и положилъ его такъ, чтобы въ случаѣ надобности можно было легче его вынуть. Пробовалъ заснуть, но, не знаю почему, мнѣ это не удавалось.

Послѣ часа такой томительной ѣзды шагомъ во тьмѣ кромѣшной подъ проливнымъ дождемъ мы наконецъ остановились. Кавасъ соскочилъ съ козелъ и въ открытое окно кареты доложилъ: «Пріѣхали».

Этимъ онъ какъ бы спрашивалъ меня: что же дальше будетъ?

— Позвони, если есть звонокъ, или стучи, чтобы отворили,—приказалъ я.

Конечно, звонка не оказалось, и кавасъ мѣднымъ наконечникомъ ноженъ своей шашки немилосердно началъ стучать въ желѣзные ворота.

Мертвая тишина, царившая въ этомъ мирномъ захолустьѣ, нарушилась, и далеко по округѣ разносились, какъ отдаленный громъ, удары мѣди по желѣзу.

Пять-шесть злѣйшихъ турецкихъ овчарокъ отозвались громкимъ, непрерывнымъ лаемъ.

Вотъ по двору замелькали огоньки, и кто-то съ фонаремъ, подойдя къ воротамъ, спросилъ, кто стучитъ.

— Московъ сарайданъ терджуманъ гелди ¹⁾,—отвѣтилъ кавасъ.

¹⁾ Пріѣхалъ драгоманъ изъ русскаго посольства.

Собаки моментально куда-то прибрали, послышался звукъ отворяемыхъ замковъ, лязгъ цѣпей, открылась калитка, и насъ выпустили.

Къ этому времени и остальные огоньки прилепали по лужамъ ко входу, чтобы освѣщать мой путь, и мы направились по устланной камнемъ дорожкѣ къ громадной бѣлой, выступавшей полукругомъ, мраморной лѣстницѣ, наверху которой стоялъ мажордомъ великаго визиря и нѣсколько человѣкъ прислуги съ фонарями.

Увидя меня, онъ даже какъ будто обрадовался, очень любезно и радушно привѣтствовалъ, провелъ въ громадную, холодную и очень сырую приемную, сказавъ, что сію минуту доложить обо мнѣ великому визирю, исчезъ во внутренніе покои.

Не прошло и двухъ минутъ, какъ мнѣ подали традиціонный турецкій кофе и папиросы, а черезъ минутъ пять явился и мажордомъ, докладывая, что великій визирь очень извиняется, что не можетъ выйти въ приемную, гдѣ холодно и сыро, а онъ не совѣмъ здоровъ, и просить меня въ свой кабинетъ.

Когда я вошелъ къ Саиду, онъ, кутаясь въ свой халатикъ на лисьемъ мѣху, разсыпался въ извиненіяхъ, что, благодаря нездоровью, принужденъ меня принять въ такомъ видѣ.

— Ужь если кто долженъ извиняться, такъ скорѣе я передъ вашимъ высочествомъ ¹⁾, что являюсь въ такое время и нарушаю вашъ покой,—отвѣтилъ я.

— Вамъ не въ чемъ извиняться,—произнесъ онъ съ улыбкой:—потому что вы творите волю пославшаго васъ... Чѣмъ же могу служить вамъ и что заставило васъ въ такую ночь предпринять столь длинное путешествіе?

— Посоль очень обезпокоенъ тѣмъ, что до сихъ поръ не получилъ отвѣта, который вы обѣщали ему дать не позже шести часовъ вечера.

— Да, но что же я могъ сдѣлать, если его величество сегодня послѣ приѣма шведскаго посланника почувствовалъ себя настолько усталымъ, что не могъ переговорить со мной по интересующему вашего посла вопросу и отложило это до завтра?

— Конечно, столь уважительная причина вполне оправдываетъ ваше высочество, хотя, казалось бы, въ такомъ случаѣ было бы лучше, если бы вы изволили своевременно извѣстить объ этомъ его высокопревосходительство господина посла и тѣмъ избавили бы его отъ совершенно излишняго безпокойства, а себя отъ напрасныхъ и незаслуженныхъ нареканій.

— Я безусловно съ вами согласенъ,—сказалъ Саидъ:—такъ и слѣдовало бы сдѣлать, но во всемъ виновато мое нездоровье. Пе-

¹⁾ Великій визирь пользуется титуломъ высочества даже и послѣ того, какъ перестаетъ быть великимъ визиремъ. Авт.

редайте же вашему послу мои самыя горячія и искреннія извиненія и скажите, что завтра въ восемь часовъ утра я буду у его величества и изъ дворца прямо проѣду къ его высокопревосходительству, чтобы передать ему подробно все, что моему повелителю благоугодно будетъ высказать по вопросу о военномъ вознагражденіи.

Любезно простившись и пожелавъ другъ другу покойной ночи, мы разстались, какъ хорошіе знакомые.

Опять съ фонарями меня проводили до экипажа, и опять шагомъ, подъ проливнымъ дождемъ мы поплелись обратно.

Посоль, конечно, не спалъ и, ожидая моего возвращенія, продолжалъ ходить по кабинету. Когда я вошелъ, онъ остановился и сказалъ:

— А вы знаете, что я думалъ, мой дорогой? Когда я буду умирать, я непременно васъ и никого другого пошлю за смертью, тогда, по крайней мѣрѣ, я буду вполне увѣренъ, что проживу еще часа три-четыре лишнихъ.

Послѣ всего того, что мнѣ пришлось испытать, подобный пріемъ мнѣ показался незаслуженнымъ, и я съ нѣкоторой обидой въ голосъ отвѣтилъ:

— Ваше высокопревосходительство, великій визирь живетъ въ четырехъ верстахъ отъ города; теперь ночь, дороги не видать, и мы туда и обратно тащились шагомъ. При такихъ условіяхъ вернуться скорѣе было немислимо.

— Вѣрю, вѣрю, голубчикъ,—весело произнесъ онъ, протягивая мнѣ руку:—ну, какой же отвѣтъ вы привезли?

Я доложилъ ему все подробно.

— Вотъ скотина!—воскликнулъ онъ уже добродушно.—Не могъ своевременно извѣстить и заставилъ и меня, и васъ даромъ безпокоиться. Ну, да и мы у него въ долгу не остались. Небось, не очень-то пріятно было выгнаться среди ночи изъ теплой постели и одѣваться. Впередъ ему наука. Слѣдующій разъ побоится, что его опять разбудятъ, и сообразитъ, какъ въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ поступать культурному человѣку. Что дѣлать!—ихъ, варваровъ, учить надо. Грустно это, конечно, но иначе ничего не подѣлаешь. Ну, такъ большое вамъ спасибо,—добавилъ онъ, пожимая мнѣ крѣпко руку.—Теперь и мнѣ, и вамъ пора и можно лечь спать. Покойной ночи. Еще разъ спасибо...

VI.

И, дѣйствительно, Евгеній Петровичъ училъ турокъ и умѣлъ ихъ учить. Они видѣли его всегда съ поднятымъ кулакомъ и прямо-таки боялись его, чувствовали какой-то трепеть, панической страхъ передъ нимъ.

Восточные люди уважаютъ только силу, и когда вы ихъ бьете, они думаютъ, что вы сильны и, значить, имѣете право ихъ бить. Имъ и въ голову не приходитъ защищаться или сопротивляться. Разъ вы рѣшились его бить, значить, вы сильнѣе его. Вотъ мировоззрѣніе восточнаго человѣка. Новиковъ это отлично зналъ и понималъ, и въ первый же годъ такъ ихъ выдрессировалъ, что мы, русскіе драгоманъ, очутились въ какомъ-то совершенно особо исключительномъ положеніи, которому завидовали всѣ наши иностранные коллеги. Насъ всюду и всѣ принимали моментально и дѣлали для насъ все, что только было возможно, лишь бы не доводить дѣло до вмѣшательства посла...

Какъ-то разъ зашелъ я за какой-то справкой къ Наумъ-эффенди, бывшему тогда директоромъ канцеляріи министра иностранныхъ дѣлъ. Его кабинетъ былъ рядомъ съ кабинетомъ министра и отдѣлялся довольно тонкой перегородкой съ дверью.

Вхожу и слышу голосъ Новикова, который въ болѣе чѣмъ повышенномъ тонѣ убѣждаетъ въ чемъ-то Ассимъ-пашу, который тогда былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Наумъ-эффенди встаетъ, здороваается со мной и, улыбаясь, говоритъ:

— Вашъ-то нашего какъ пушить.

— И давно?—спрашиваю я.

— Да ужъ съ три четверти часа, а то и больше. Нашъ-то все еще крѣпится и упирается. Ну, да развѣ можно устоять передъ такимъ напоромъ? Конечно, сдастся въ концѣ концовъ.

Этотъ Ассимъ-паша былъ очень милый, добрый и прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, но далеко не умный. Новиковъ увѣрялъ, что султанъ нарочно держитъ такого дурака министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Вести съ нимъ переговоры было чистое наказаніе. Вы приводите ему массу аргументовъ въ доказательство правоты вашего требованія, и онъ все время утвердительно киваетъ головой и повторяетъ: «Эвэтъ, эффендимъ» (да, государь мой); но когда вы дѣлаете, наконецъ, общій выводъ изъ всего сказаннаго и говорите, что на основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ турецкое министерство иностранныхъ дѣлъ должно поступить такъ-то, то на это онъ обязательно вамъ отвѣчалъ: «Юкъ, эффендимъ» (нѣтъ, государь мой). Вы опять начинаете съ начала, опять утвердительно киваніе головой и все то же «эвэтъ, эффендимъ», а въ заключеніе «юкъ, эффендимъ». И такъ цѣлыми часами повтореніе одного и того же до одурѣнія.

Какъ-то разъ, доведенный этой тактикой до полнаго изнеможенія, я говорю: «Хорошо, г. министръ, разъ вы не согласны съ моимъ заключительнымъ выводомъ, то не будете ли такъ любезны сказать, какими соображеніями вы мотивируете вашъ отказъ?»

Прижатый этимъ вопросомъ къ стѣнѣ, бѣдный Ассимъ не зналъ, что ему отвѣтить, и, улыбаясь, сказалъ: «Пріѣзжайте завтра; я подумаю и тогда вамъ дамъ отвѣтъ». На другой день онъ со мною согласился, и съ тѣхъ поръ я всегда прибѣгалъ къ этому способу рѣшенія вопросовъ съ Ассимъ-пашой. Ужъ не знаю, право, совѣтовался ли онъ съ кѣмъ-нибудь, или самъ, подумавъ на свободѣ, приходилъ къ тому заключенію, что для отказа нѣтъ основаній.

Печаленъ былъ его конецъ. Онъ впалъ въ немилость у султана и былъ назначенъ генераль-губернаторомъ въ Трапезундъ. На прощальной аудіенціи во дворцѣ ему, какъ говорили, была предложена чашка кофе съ толченымъ брилльянтомъ ¹⁾. Онъ самъ, предвидя свой близкій конецъ, рассказывалъ объ этомъ со слезами на глазахъ нашему первому драгоману, пріѣзжавшему проводить его на пароходъ при отбѣздѣ къ мѣсту новаго его служенія. Черезъ пять-шесть дней послѣ его прибытія въ Трапезундъ онъ скончался въ страшныхъ мученіяхъ, о чемъ донесъ посольству нашъ тамошній консуль...

По вторникамъ въ Портѣ обыкновенно бывали засѣданія совѣта министровъ подъ предсѣдательствомъ великаго визиря.

Въ одинъ какой-то вторникъ посоль призываетъ меня къ себѣ и посылаетъ по какому-то дѣлу къ Саидъ-пашѣ.

Предполагая, что посоль могъ забыть, что именно въ этотъ день собирается совѣтъ министровъ, я ему объ этомъ напомнилъ.

— Вотъ именно потому-то я васъ и посылаю сегодня, что весь звѣринецъ тамъ будетъ въ сборѣ и вы, сидя въ пріемной великаго визиря, сможете переговорить со всѣми, кто вамъ будетъ нуженъ. Во-первыхъ, вызовите великаго визиря и переговорите съ нимъ. Покончивъ, попросите его прислать къ вамъ министра иностранныхъ дѣлъ и спросите его мнѣніе по тому же вопросу, а затѣмъ скажите Ассиму, чтобы онъ выслалъ къ вамъ Серверъ-пашу (тогдашній предсѣдатель государственнаго совѣта) и, узнавъ его мнѣніе, попросите прислать вамъ опять великаго визиря и съ нимъ уже выработайте отвѣтъ въ окончательной формѣ, согласно ихъ общему мнѣнію.

Я поѣхалъ, и все прошло какъ по писанному. Ни одинъ изъ министровъ не заставилъ себя ждать хотя бы пять минутъ, и вопросъ разрѣшился невѣроятно быстро и въ желаемомъ нами смыслѣ...

Разъ какъ-то все по тому же страшно трудному и сложному вопросу о военномъ вознагражденіи посоль самъ поѣхалъ во втор-

¹⁾ Не знаю, насколько это вѣрно, но, говорятъ, въ Турціи сохранился еще этотъ способъ избавляться отъ нежелательныхъ сановниковъ. Отказаться отъ предложенной чашки кофе онъ не можетъ, хотя и знаетъ, что она несетъ съ собою смерть. Брилльянговая пыль, проходя по кишкамъ, дѣлаетъ на нихъ изъязвленія и раны, отчего человѣкъ и умираетъ черезъ нѣсколько дней и нѣтъ никакихъ средствъ предотвратить этотъ печальный исходъ.

Авт.

никъ въ Порту и вызвалъ изъ совѣта сразу великаго визиря, министра иностранныхъ дѣлъ и Серверъ-пашу. Они, конечно, моментально явились въ пріемную, и посоль спросилъ ихъ мнѣніе по интересовавшимъ его пунктамъ договора, которые должны были быть разсматриваемы въ этотъ день въ совѣтѣ. Всѣ трое молчали и, какъ бараны, только хлопали глазами. Тогда Евгенийъ Петровичъ обратился къ великому визирю:

— Я желалъ бы знать ваше мнѣніе, ваше высочество, и въ какомъ духѣ и направленіи вы предложите эти пункты на обсужденіе совѣта министровъ?

Визирь потупился и началъ что-то несвязно бормотать, что необходимо будетъ объ этомъ доложить его величеству султану и, конечно, согласно волѣ его величества совѣтъ министровъ постарается уладить этотъ вопросъ въ желаемомъ для обѣихъ сторонъ смыслѣ.

— Волю и мнѣніе султана я самъ лично узнаю отъ его величества,—произнесъ уже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ посоль:—а теперь я желалъ бы знать мнѣніе вашего высочества.

Визирь молчалъ.

Тогда Новиковъ обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ Ассимъ-пашѣ.

Ассимъ, испуганно глядя во всѣ глаза на посла, только звучно что-то промычалъ себѣ подъ носъ своимъ густымъ басомъ, но отвѣта не далъ.

Новиковъ, видимо, начиналъ уже сильно волноваться и перевелъ свои прищуренные глаза на Сервера.

— А ваше мнѣніе г. предѣдатель государственнаго совѣта?—спросилъ онъ.

Серверъ сильно, до слезъ закашлялся, но и послѣ приступа кашля не проронилъ ни слова, вытирая глаза платкомъ.

Около минуты царило общее неловкое молчаніе, которое, наконецъ прервалъ Новиковъ.

— Alors vous n'avez pas d'opinion, messieurs les ministres?! C'est très pénible!

Потомъ, съ презрѣніемъ глядя на нихъ и указывая имъ рукою на дверь, ведущую въ совѣтъ, онъ добавилъ:

— Eh bien, rentrez, messieurs les ministres.

Всѣ трое молча, сдѣлавъ тэмэнну, вышли какъ бы по приказанію своего начальства въ указанную имъ дверь.

— Идіоты, у нихъ даже собственнаго своего мнѣнія нѣтъ,—произнесъ посоль, когда они скрылись за дверью.—И это министры! Не угодно ли вести съ такими господами какіе бы то ни было переговоры. Дѣлать нечего, придется брать за рога самого султана.

Въ оправданіе министровъ могу сказать, что султанъ Абдуль-

Гамидъ цѣлые дни проводилъ за работой и самъ лично управлялъ своимъ государствомъ, входя и вникая въ самыя мельчайшія подробности управленія Турціей; а дипломатія была излюбленнымъ его занятіемъ, и тутъ онъ уже никому не позволялъ вмѣшиваться и все вопросы рѣшалъ самъ лично, не допуская никакихъ возраженій и совѣтовъ. Очень умный отъ природы и страшно хитрый, какъ армянинъ (его мать была армянка), онъ съ замѣчательнымъ искусствомъ велъ внѣшнюю политику и ему не разъ удавалось выбираться изъ самыхъ запутанныхъ и невѣроятно сложныхъ, затруднительныхъ положеній. При такихъ условіяхъ министры, конечно, не могли имѣть своего личнаго мнѣнія...

Третьи драгоманъ посольства на разъѣзды по службѣ получали около ста рублей въ мѣсяцъ. При другихъ послахъ этихъ денегъ болѣе чѣмъ хватало, а при Евгеніи Петровичѣ приходилось добавлять изъ своихъ средствъ. Мы почти сутками не выходили изъ экипажа. Гонялъ онъ насъ постоянно и каждый разъ, посылая куда-нибудь, обязательно прибавлялъ: «Только пожалуйста поскорѣ».

Помню такой случай. Призываетъ меня посоль и говоритъ:

— Вотъ эту *note verbale* нужно сію же минуту отвезти министру иностранныхъ дѣлъ. Когда онъ будетъ ее при васъ читать, обратите особенно серьезное вниманіе на его лицо, что оно будетъ изображать. Впрочемъ, что я говорю! Развѣ можетъ хоть что-либо выразиться на этой отупѣвшей отъ гаремныхъ излишествъ физиономіи? Вы замѣтили, какой у него расслабленный, облѣнившийся умъ?.. Во всякомъ случаѣ запомните хорошенько его отвѣтъ и, вернувшись, дословно передайте его мнѣ... Только пожалуйста поскорѣ; я васъ буду ждать.

Не успѣлъ я выйти, какъ онъ остановилъ меня.

— Нѣтъ, лучше погодите. Я знаю, вы опять поѣдете на какихъ-нибудь клячахъ и проѣздите часа два, а тутъ время не терпитъ.

Онъ позвонилъ, и на его звонокъ въ дверяхъ моментально выросъ, какъ изъ земли, одинъ изъ дежурныхъ лакеевъ.

— Прикажите кучеру сію же минуту запрячь пару вороныхъ въ карету для г-на драгомана, съ которымъ онъ поѣдетъ въ Порту. Но только скорѣй и чтобы конюха не копались.

Лакей такъ же быстро исчезъ, какъ и появился. Черезъ нѣсколько минутъ карета была подана, и я уже летѣлъ въ Порту.

Мое появленіе въ посольской каретѣ съ кавасомъ на козлахъ произвело нѣкоторую сенсацію. Объ этомъ было доложено министру. Онъ принялъ меня внѣ очереди и, можетъ быть, благодаря такому, въ сущности пустому и случайному, обстоятельству, вопросъ былъ рѣшенъ въ нѣсколько минутъ и посоль остался очень доволенъ отвѣтомъ, который я ему привезъ черезъ какихъ-нибудь три четверти часа, не больше...

Однажды, въ пятницу (у турокъ день неприсутственный, какъ наше воскресенье) Новиковъ послалъ меня къ Ассимъ-пашѣ на домъ. Приѣзжаю и узнаю, что у него второй англійскій драгоманъ Сандисонъ. Приходилось ждать, пока Сандисонъ покончить свою бесѣду съ Ассимомъ, а тотъ какъ нарочно сидѣлъ и, очевидно, не думалъ особенно торопиться, зная, что день праздничный и Ассимъ совершенно свободенъ. Прошло болѣе получаса. Вдругъ входитъ камердинеръ Ассима и докладываетъ, что изъ нашего посольства приѣхалъ кавасъ, который желаетъ меня видѣть.

Выхожу и спрашиваю, въ чемъ дѣло.

— Господинъ посолъ очень беспокоится, что вы такъ долго не возвращаетесь, и прислалъ меня васъ спросить, что случилось.

— Передай господину послу, что Ассимъ-паша занятъ съ англійскимъ вторымъ драгоманомъ и я жду, когда онъ уѣдетъ,—отвѣтилъ я.

Вскорѣ послѣ этого Сандисонъ откланялся, а я вошелъ въ кабинетъ къ министру и пробылъ у него около часа.

Возвращаясь въ посольство, у моста, соединяющаго Стамбуль съ Галатой, встрѣчаю верхомъ нашего каваса. Увидя меня, онъ подѣхалъ и доложилъ, что посланъ ко мнѣ, чтобы передать, что г. посолъ страшно беспокоится и ждетъ меня съ нетерпѣнiемъ.

Вотъ при какихъ условiяхъ намъ приходилось работать съ Евгенiемъ Петровичемъ Новиковымъ!

VII.

Страшно нервный, нетерпѣливый, онъ требовалъ всегда самаго быстрого и точнаго исполненiя его приказанiй. Строгiй къ себѣ, онъ былъ строгъ и къ другимъ, когда дѣло касалось службы.

Въ частной жизни это былъ милѣйшiй, добрѣйшiй и прекраснѣйшiй во всѣхъ отношенiяхъ человекъ.

Жилъ Евгенийъ Петровичъ какъ настоящiй баринъ. Онъ проживалъ все свое жалованье (двѣсти тысячъ франковъ ¹⁾ въ годъ) и, кромѣ того, около восьмидесяти тысячъ рублей собственныхъ доходовъ, которые получалъ съ своихъ имѣнiй, расположенныхъ въ центральныхъ губернiяхъ Россiи.

У него былъ лучшiй въ Константинополѣ поваръ-итальянецъ Вальтрини (первая золотая медаль на вѣнской кулинарной выставкѣ), котораго онъ привезъ съ собой изъ Вѣны. Званые обѣды и ужины Новикова славились на весь Константинополь. Нѣко-

¹⁾ Всѣ послы великихъ державъ въ Константинополѣ получали по двѣсти тысячъ франковъ въ годъ жалованья и на представительство. Кромѣ того: казенное помѣщенiе, парадныя комнаты, вся обстановка, швейцары, садовники, прислуга, лошади, парадныя кайки съ гребцами, военный паровой котель, стаціонеръ,—все это было въ полномъ распоряженiи и пользованiи посла.

торыя предметы къ столу, какъ свѣжая икра въ боченкахъ, балыки, провѣсная бѣлорыбца, стерляди и т. п. вещи, выписывались изъ Россіи. Евгений Петровичъ былъ большой хлѣбосолъ и любилъ, чтобы у него хорошо и вкусно ѣли.

Вина у него были тонкія, прекрасныя и вообще погребъ былъ умѣло и превосходно подобранъ.

На конюшнѣ стояли три пары собственныхъ дышловыхъ чудныхъ лошадей и штукъ пять верховыхъ, несмотря на то, что самъ онъ никогда верхомъ не ѣздилъ. Лошади эти держались исключительно для посольской молодежи, которую Евгений Петровичъ всегда упрощивалъ ѣздить какъ можно чаще, увѣряя, что лошади заставляютъ и конюха не могутъ съ ними справиться.

Кучеромъ у него былъ извѣстный всему Константинополю Михайла. Ростомъ около трехъ аршинъ, косая сажень въ плечахъ, съ большой черной окладистой бородой и зычнымъ голосомъ, онъ обладалъ необычайной силой. Ходилъ онъ обыкновенно въ пунцовою шелковою рубахъ, въ черной бархатной безрукавкѣ, такихъ же широкихъ шароварахъ и лакированныхъ высокихъ сапогахъ. Трезвый онъ былъ смиренный и симпатичный человѣкъ, но во хмелю былъ буйенъ и потому хорошо знакомъ турецкой полиціи, которая его побаивалась. Передъ тѣмъ, какъ поступить къ Новикову, онъ служилъ кучеромъ въ Тифлисѣ у намѣстника Кавказа его императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича.

Выѣзжалъ Евгений Петровичъ и вся его семья обыкновенно въ русской дышловой запряжкѣ, причемъ Михайла облачался въ кучерской армякъ, вышитый галуномъ, и въ русской кучерской шляпѣ, тоже обшитой по краямъ тѣмъ же галуномъ съ кокардой спереди, какъ носятъ кучера иностранныхъ пословъ у насъ въ Россіи.

Кромѣ казенныхъ лакеевъ, у Евгения Петровича была своя собственная прислуга. Вся эта челядь была выдрессирована образцово и служила идеально, благодаря прекрасному метрдотелю.

Зимой 1880 года пріѣхало въ Константинополь чрезвычайное германское посольство во главѣ съ княземъ Радзивилломъ, привезшее султану высшій германскій орденъ.

Всѣ посольства давали балы въ честь князя Радзивилла, но мы были въ траурѣ по случаю кончины императрицы Маріи Александровны, и нашъ посоль не могъ дать бала. Въмѣсто бала Новиковъ устроилъ раутъ, на который было приглашено около шестисотъ лицъ. Для этого вечера изъ Одессы былъ специально выписанъ оркестръ филармоническаго общества, причемъ, кромѣ очень солидной платы музыкантамъ, посоль принялъ на свой счетъ ихъ проѣздъ въ Константинополь и обратно и помѣщеніе и содержаніе всего оркестра въ продолженіе трехъ дней.

«Истор. вѣстн.», декабрь 1914 г., т. сxxxviii.

9

Всѣ парадныя комнаты посольства были роскошно убраны и горѣли тысячами огней. Зимній садъ обратился въ какой-то феерическій уголокъ, освѣщенный разноцвѣтными фонариками. Вестибюль и лѣстницы, устланныя смирскими коврами, утопали въ зелени и цвѣтахъ, а на каждой ступени около перилъ стояли какъ изваянія лакеи въ ливреяхъ цвѣта герба Новикова, обшитыхъ золотыми галунами, съ гербовыми пуговицами, въ чулкахъ и башмакахъ. Въ приѣмной встрѣчалъ гостей радушный хозяинъ, окруженный всѣмъ личнымъ составомъ посольства.

Было страшно парадно, людно и очень оживленно.

Въ два часа былъ сервированъ роскошный ужинъ на четверста съ лишнимъ персонъ.

Самъ посоль и чиновники посольства своихъ мѣстъ за ужиномъ не имѣли, а, по старинному русскому обычаю, обходили приглашенныхъ, угощая и занимая гостей веселой бесѣдой.

Послѣ ужина, когда кончился разъѣздъ, посоль горячо благодарилъ всѣхъ насъ за стараніе, хлопоты и содѣйствіе успѣху раута, который удался на славу и по блеску и оживленію затмилъ собою даже балы другихъ посольствъ.

— Теперь и намъ можно закусить, чѣмъ Богъ послалъ,—въ заключеніе обратился онъ къ намъ:—милости просимъ, господа.

Открылись двери маленькой столовой, и оказалось, что тамъ былъ также роскошно сервированъ столъ специально для насъ всѣхъ и посла въ томъ числѣ.

Послѣ закуски, на нашу долю свѣже поданной, мы размѣстились съ посломъ по своимъ мѣстамъ и намъ подавали тѣ же блюда, которыя были и за большимъ ужиномъ, но отдѣльно для насъ приготовленныя. Новиковъ не умѣлъ кормить объѣдками.

Посоль былъ очень веселъ, много шутилъ, смѣялся и страшно былъ доволенъ, что рауть такъ блестяще удался...

Когда утромъ 2-го марта 1881 года пришла роковая вѣсть о кончинѣ императора Александра II, въ двѣнадцать часовъ дня была назначена первая панихида въ посольской церкви.

При пѣніи «Со святыми упокой» всѣ опустили на колѣни, а Евгеній Петровичъ, дѣлая земной поклонъ, громко зарыдалъ.

Послѣ панихиды мы по обычаю всѣ собрались въ кабинетъ посла.

— Господа,—обратился онъ къ намъ, и въ голосѣ его были слышны слезы:—вся Россія понесла страшную, ужасающую утрату. Мы всѣ потеряли величайшаго изъ монарховъ, всю полезность дѣяній котораго можетъ оцѣнить только исторія. Но я, господа, потерялъ не только моего обожаемаго государя императора, но отца и благодѣтеля, который хорошо меня зналъ и любилъ за то, что я кладу всѣ мои силы, все мое умѣнье, всѣ дары, данныя мнѣ Богомъ, на честное и безкорыстное служеніе ему—царю и моей

родниѣ, которую люблю послѣ государя больше всего на свѣтѣ. Такая утрата невознаградима... Чувствую, господа, что и мнѣ не долго придется оставаться съ вами...

Слезы душили его, и онъ не могъ говорить дальше.

Мы ушли въ подавленномъ настроеніи духа, съ тяжелымъ гнетомъ на душѣ.

Спустя годъ съ небольшимъ Новиковъ получилъ собственноручное письмо Николая Карловича Гирса, въ которомъ министръ извѣщаетъ его о назначеніи членомъ Государственнаго Совѣта.

Новиковъ называлъ это новое его назначеніе сдачею въ архивъ за негодностью.

Тяжело ему было видѣть и сознавать, что его не поняли, не оцѣнили, но, несмотря на это, онъ продолжалъ высоко держать знамя Россіи до послѣдней минуты своего пребыванія въ Царьградѣ.

VIII.

На прощальной аудіенціи у султана, когда Новиковъ представлялъ свои отзывныя грамоты, его величество, выражая свои сожалѣнія по поводу его ухода, просилъ посла откушать у него во дворцѣ въ послѣдній разъ. О днѣ прощальнаго обѣда султанъ обѣщалъ извѣстить Евгенія Петровича черезъ своего оберъ-церемоніймейстера. Въ сущности султанъ былъ очень доволенъ и радъ отозванію Новикова, надѣясь въ его преемникѣ найти человѣка болѣе покладистаго, покойнаго, который не сумѣлъ бы такъ импировать его министрамъ и такъ горячо защищать дѣйствительные интересы Россіи, какъ это дѣлалъ Новиковъ, сумѣвшій прямо-таки покорить турокъ своему обаянію, благодаря нылкому темпераменту его характера, въ рѣшительную минуту ни передъ чѣмъ не останавливавшемуся.

Ему ужасно хотѣлось лягнуть умирающаго льва и, увлекшись этой идеей, онъ совершенно забылъ о томъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло.

Черезъ нѣсколько дней мы узнали, что на завтра назначенъ прощальный обѣдъ.

Къ шести съ половиной часамъ вечера всѣ чины посольства, долженствовавшіе также ѣхать съ посломъ на обѣдъ, въ полной парадной формѣ при орденахъ собрались въ библиотекѣ, смежной съ кабинетомъ посла. Всѣхъ страшно удивляло, что изъ дворца не было еще прислано парадныхъ экипажей и почетнаго эскорта, какъ это всегда дѣлалось въ подобныхъ случаяхъ, и не пріѣхали ни оберъ-церемоніймейстеръ, ни адъютантъ султана, долженствовавшіе по обычаю сопровождать посла во дворецъ. Было уже безъ четверти семь и до обѣда оставалось всего четверть часа, а чтобы доѣхать до дворца, необходимо было по крайней мѣрѣ минутъ

тридцать. Посоль страшно волновался и нѣсколько разъ спрашивалъ перваго драгомана, что бы это могло значить и не произошло ли ошибки въ назначеніи дня и часа обѣда; но тотъ категорически утверждалъ, что ошибки быть не можетъ и что именно на сегодня въ семь часовъ назначенъ обѣдъ.

Наконецъ, въ семь часовъ безъ десяти минутъ явился адъютантъ султана и выразилъ послу извиненія его величества, что по нездоровью онъ не можетъ сегодня принять Евгенія Петровича и принужденъ отложить обѣдъ на нѣсколько дней, о чемъ посоль будетъ своевременно извѣщенъ.

— Передайте его величеству мое глубокое и искреннее сожалѣніе по поводу его нездоровья, а также надежду на скорое выздоровленіе и увѣренность, что это недомоганіе не будетъ имѣть никакихъ серьезныхъ послѣдствій,—сказалъ посоль и любезно простился съ адъютантомъ.

Въ день, вторично назначенный для обѣда, повторилось то же самое. Приѣхалъ адъютантъ и сказалъ, что его величество чувствуетъ себя страшно усталымъ послѣ приѣма нидерландскаго посланника и по этому случаю принужденъ опять отложить день обѣда.

Видимо, спокойно выслушавъ его, посоль сказалъ:

— Передайте его величеству мое восхищеніе и благоговѣніе передъ тою массою труда, которую онъ затрачиваетъ на пользу своего государства, не щадя своихъ силъ, столь еще нужныхъ для Турціи, а также надежду, что все ограничится одной только усталостью, не принеся ущерба его драгоценному здоровью...

Было ясно, что султанъ хочетъ отомстить Новикову за все и желаетъ его на послѣдяхъ унизить и возможно больнѣе оскорбить.

Черезъ три-четыре дня послѣ этого во дворцѣ снова былъ назначенъ обѣдъ для Новикова.

На этотъ разъ во дворѣ посольства стояли уже въ ожиданіи дворцовые экипажи и эскортъ, а въ библіотекѣ сидѣли всѣ чины двора, явившіеся для сопровожденія посла. Казалось, что на этотъ разъ обѣдъ уже непременно долженъ состояться.

Было безъ двадцати минутъ семь, всѣ были въ сборѣ, но посоль еще не появлялся.

Чины двора начинали уже выражать безпокойство, говоря, что можно не успѣть доѣхать къ назначенному времени.

Вдругъ отворяется дверь кабинета, и, ко всеобщему удивленію, посоль появляется не въ парадной формѣ, а въ пиджакѣ, любезно здоровается съ турками, которые окаменѣли отъ удивленія и ужаса, и, обращаясь къ первому драгоману, говоритъ:

— Потрудитесь, ваше превосходительство, поѣхать во дворецъ и доложить султану, что, къ величайшему моему сожалѣнію, я ни-

какъ не могу воспользоваться сегодня любезнымъ приглашеніемъ отобѣдать у его величества по случаю расстройства желудка.

Всѣ присутствовавшіе какъ громомъ были поражены словами посла, и турки, сконфуженные, приниженные, уничтоженные, уѣхали во дворецъ съ нашимъ первымъ драгоманомъ, которому предстояла довольно-таки непріятная миссія.

Новиковъ немилосердно отомстилъ султану и тѣмъ болѣе жестоко, что оскорбленіе это было нанесено публично. Всѣ знали, что онъ долженъ прослѣдовать во дворецъ на обѣдъ, и народъ, собравшійся посмотрѣть на «тамашу» ¹⁾ параднаго проѣзда русскаго посла, видѣлъ только, какъ возвращались пустыя экипажи и ѣхалъ недоумѣвающій, въ чемъ дѣло, эскортъ. Что посольство нездоровъ,—этому, конечно, никто не вѣрилъ, тѣмъ болѣе, что въ тотъ же вечеръ его видѣли гуляющимъ въ городскомъ общественномъ саду «Таксимъ».

За обѣдомъ, который наконецъ состоялся дней черезъ пять, султанъ пожаловалъ Новикову на память золотую табакерку со своимъ шифромъ изъ крупныхъ брильянтовъ (у Евгенія Петровича были всѣ безъ исключенія турецкіе ордена и дать ему на прощанье можно было только подарокъ). При этомъ султанъ обмѣнялся съ посломъ самыми любезными, задушевными рѣчами, и прощаніе, казалось, было трогательнымъ и сердечнымъ съ обѣихъ сторонъ.

На другое утро всѣ константинопольскія газеты оповѣстили міръ о состоявшемся обѣдѣ, задушевныхъ рѣчахъ султана и посла и о томъ, что его величеству благоугодно было подарить послу на память золотую табакерку, осыпанную брильянтами.

Вечеромъ того же дня въ посольствѣ были собраны репортеры всѣхъ газетъ, а на слѣдующее утро публика узнала, что золотую табакерку, осыпанную брильянтами и подаренную султаномъ на память, посольство пожертвовало въ пользу русскаго Николаевскаго госпиталя въ Константинополь...

Все это могъ продѣлать только Евгеній Петровичъ Новиковъ и никто другой...

Въ маѣ я уѣхалъ въ Россію въ мой первый двухмѣсячный отпускъ, а, вернувшись, засталъ на мѣстѣ Новикова уже новаго нашего посла Александра Ивановича Нелидова.

Не знаю, насколько это вѣрно, но мнѣ говорили, будто бы Новиковъ никогда не переступалъ порога Государственного Совѣта, живя по зимамъ постоянно за границей, а лѣтомъ въ своемъ имѣніи Коломенскаго уѣзда Московской губерніи, гдѣ и скончался лѣтъ черезъ пятнадцать.

Н. К. Арбузовъ.

¹⁾ Зрѣлище.

УЖАСЫ ГОРОДА¹⁾.

(Изъ повседневныхъ исторій).

(Очерки.)

—
V.

Въ злыхъ вихряхъ.

4.

НАНА Петровича Смарагда всѣ знаютъ въ департаментѣ.

Его маленькая фигурка съ дѣловитымъ, гладко выбритымъ лицомъ и бѣгающими, черными, мышинными глазками съ красноватыми бѣлками всѣмъ примелькалась.

Никто не помнитъ того времени, когда въ департаментскихъ стѣнахъ не было этого подвижного челоуѣка.

Казалось, массивное казенное зданіе, мрачное, неудобное, выросло вмѣстѣ съ нимъ и никогда съ нимъ не разстанется, словно получая отъ него жизненные соки и, въ свою очередь, удѣляя ему частицу собственной энергіи.

Каждый такъ думалъ про себя, и въ этой убѣжденности заключалась сила Смарагда. Его считали какъ бы несмѣняемымъ, незамѣ-

¹⁾ Окончаніе «Истор. Вѣсти.», т. СXXXVIII, стр. 474.

нимымъ. Очень многое прощалось ему, за что другіе понесли бы отвѣтственность.

— Это сдѣлалъ Иванъ Петровичъ!..

— Это сказалъ Иванъ Петровичъ!..

Такой фразы было совершенно достаточно, чтобъ успокоить разгнѣванные взгляды начальства.

— Да, если Иванъ Петровичъ!...—обычный отвѣтъ въ подобныхъ случаяхъ, несущій примиреніе и оправданье.

Иванъ Петровичъ—не сановникъ.

Иванъ Петровичъ—самый рядовой столоначальникъ, потерявшій всякую надежду на повышеніе.

Пожалуй, новое назначеніе на высшую должность только смутило бы его, не давъ ничего, кромѣ излишнихъ волненій (такъ, по крайней мѣрѣ, воображали его сослуживцы).

Смарагдъ—чуждъ какого бы то ни было честолюбія, не ищетъ протекціи и не занимается чиновничьими интригами.

Онъ раньше всѣхъ является на службу торопливой, слегка шаркающей походкой и сидитъ у своей конторки. Есть ли дѣло, нѣтъ ли дѣла, онъ имѣетъ видъ занятого человѣка, перелистываетъ толстыя книги, по временамъ искоса наблюдаетъ за мелькающими силуэтами проходящихъ и уходящихъ чиновниковъ.

Но при всѣхъ своихъ видимыхъ достоинствахъ Иванъ Петровичъ имѣетъ и крупный недостатокъ, на который сослуживцы стараются глядѣть сквозь пальцы, какъ бы не замѣчая.

Аккуратный службистъ привыкъ незамѣтно къ тремъ часамъ уходить къ себѣ на квартиру (недалеко отъ департаментскаго зданія) и послѣ обѣда возвращаться обратно въ началѣ пятого; но въ этотъ короткій промежутокъ внутренней и ви́шней обликъ Ивана Петровича получалъ какой-то особый, дополнительный штрихъ, вносящій, однако, рѣзкую переменъ.

Бѣгающій взглядъ пріобрѣталъ ядовитую остроту; походка становилась болѣе независимой; по бритому лицу, обыкновенно сосредоточенному, скользила насмѣшливая улыбка.

Загадочный чиновничій сфинксъ точно усмѣхался или окружающей дѣйствительности, или собственнымъ мыслямъ, скрытымъ гдѣ-то въ потаенной глубинѣ.

Если вы попытаете заговорить съ Иваномъ Петровичемъ, то, несомнѣнно, увидите, что тонъ его рѣчей также мѣняется. Отъ прежней сдержанности не остается и слѣда. При этомъ обыкновенно Смарагдъ умышленно затягивается папирской или жуесть мятныя лепешки.

— Ну, что, Иванъ Петровичъ, никакъ реформы ожидаются въ министерствѣ?—спросить его кто-нибудь изъ сослуживцевъ при встрѣчѣ въ коридорѣ, чаще всего Берестовскій, любившій пошутить.

Иванъ Петровичъ посмѣивается и машетъ рукой.

— Какія тамъ реформы, Пресвятая Богородица! Зачѣмъ?.. Хаосъ какой-то, больше ничего. Уходите домой спать. Не все ли равно?.. На каждомъ шагу — начальство, а въ дѣлахъ каша, хаосъ... Такъ-то-съ!.. Ей-Богу, уходите. Все по-старому будетъ, какъ ни трудитесь. Чепуха какая-то. Ничего не выйдетъ!

Говорить отрывисто, тихо и криво улыбается.

«Да нашъ ли это Иванъ Петровичъ?»—недовѣрчиво думаетъ порой собесѣдникъ и самъ не радъ, что заговорилъ.

А тотъ не унимается.

— Мнѣ на старости некуда дѣваться... выбить изъ колен, но вамъ, молодымъ... Смотрю на васъ, Пресвятая Богородица, и дивлюсь, какъ это люди въ хаосѣ живутъ, въ хаосѣ строчать и все въ хаосъ превращаютъ. Тьфу!

Въ концѣ концовъ съ Иваномъ Петровичемъ перестали разговаривать послѣ четырехъ часовъ.

— Лучше до утра оставимъ,—не разъ замѣчалъ начальникъ отдѣленія, если почему-либо требовалось участіе стараго столоначальника:—теперь пятый часъ, приливъ анархизма у Ивана Петровича.

Эта фраза пошла гулять по департаменту и обратилась въ поговорку.

Однако шила въ мѣшкѣ не утаишь.

Бываютъ несчастные дни. Придутъ, неизвѣстно откуда, тяжелые такіе, враждебные, и все, что бы вы ни предприняли, повлечетъ за собою неудачу.

Такой несчастный день выпалъ и на долю Ивана Петровича, но, что всего страннѣе,—при обстоятельствахъ, самыхъ благопріятныхъ для него.

Департаментъ устроилъ какъ-то чествованіе маститаго столоначальника по случаю его полувѣковой службы.

Были всѣ атрибуты юбилея: молебень, чтеніе адреса, подношеніе, нѣсколько телеграммъ и, наконецъ, угощеніе.

Какъ и подобаетъ важному событію, растроганный юбиляръ безпрекословно отдалъ себя во власть ненасытнымъ ораторамъ, которые склоняли его имя во всѣхъ падежахъ, награждали его всевозможными эпитетами и даже требовали, чтобы Смарагдъ ни подъ какимъ предлогомъ не смѣлъ оставлять своего славнаго поста, продолжая служить и второе пятидесятилѣтіе. Чиновникъ, почти всегда героически ожидающій новыхъ вакансій, на этотъ разъ, въ юбилейную минуту, великодушно отказался отъ нихъ изъ чувства любви и преданности къ виновнику торжества.

Даже Остатковъ не мечталъ о повышеніи на старшій окладъ.

Иванъ Петровичъ беззвучно шевелилъ поблѣднѣвшими губами, что-то шепталъ и прикладывалъ руку къ сердцу.

Директоръ, вице-директоръ и подчиненные по нисходящей ступени канцелярской лѣстницы, не говоря уже объ уставшемъ юбилярѣ, радостно перекочевали въ сосѣдній залъ, къ закусочному столу.

Такъ какъ уже давно пробило пять часовъ, всѣ чувствовали голодъ и потребность подкрѣпиться.

Одни деликатно касались то того, то другого блюда и отходили, нные набрасывались съ жадностью, неряшливо кидаясь изъ стороны въ сторону и тыча запачканной вилкой въ разныя тарелки; наконецъ были и такіе, которые съ педантичностью судебного слѣдователя изучали постепенно каждую вещь, стоявшую на столѣ, осторожно пробовали ее и передвигались къ слѣдующимъ яствамъ и напиткамъ.

О присутствіи юбиляра вдругъ словно забыли. Директора не отличали отъ мелкихъ служащихъ.

Была пора гастрономическаго равенства.

И вотъ среди жужжанія голосовъ, звона тарелокъ, стука вилокъ и ножей, хлопанья пробокъ, чоканья рюмокъ и стакановъ раздался дребезжащій, но отчетливый голосъ Ивана Петровича, повышенный тонъ котораго заставилъ вздрогнуть начальника отдѣленія.

Онъ вскинулъ глазами и замеръ отъ неожиданности, отъ испуга, отъ какого-то волненія, плохо поддающаго, объясненію.

Встрепенулся Берестовскій. Еще кто-то вспомнилъ объ «анархизмѣ» Ивана Петровича...

Въ виду присутствія директора, многихъ объялъ тотъ чиновничій трепеть, который мгновенно принижаетъ, сковываетъ мысль и заставляеть сердце сжиматься, какъ сохнущую губку. Директоръ, не ожидавшій застольной рѣчи со стороны «смирнѣйшаго» Смаграда, какъ онъ называлъ его, пересталъ ѣсть и поднялъ сѣдую голову, будто застрявшую въ туго накрахмаленномъ, высокоомъ воротникѣ.

По его сочнымъ губамъ, еще сохранившимъ слѣды жирной подливки, блуждала снисходительная усмѣшка.

И у Ивана Петровича играла та же усмѣшка, только скорѣй вызывающая, откровенная, не предвѣщающая ничего хорошаго.

— Я стоялъ и слушалъ поздравленія. Вы ораторствовали, а я молчалъ и думалъ: «Что они, Пресвятая Богородица, говорятъ?» Въ головѣ хаосъ и кругомъ хаосъ... А теперь, когда всѣ уѣлисъ за селедочку да балычки, мнѣ вздумалось самому встать и рѣчь держать, высказаться за пятьдесятъ лѣтъ, что я молчалъ... Авось и найдутся мыслишки... да...

— Ваше превосходительство,—наклонился къ директорскому уху и довольно громко пробасилъ начальникъ отдѣленія, знавшій слабость Ивана Петровича:—кажется, нашъ юбиляръ находится въ состояніи легкой возбудимости, и я полагаю бы, съ своей стороны...

Но директоръ нетерпѣливо повелъ плечомъ, точно его укусило что-то.

— Пьяные и дѣти изрекають истину,—послышался его отвѣтъ. Иванъ Петровичъ засмѣялся и махнулъ рукой.

— Херимонъ Федорычъ, здѣсь не докладъ у его превосходительства, что же вы, прости Господи, рта не дадите открыть?.. Нынче мой день.

Все сразу смолкло.

Лицо директора потеряло недавнюю улыбочивость.

Начальникъ отдѣленія безпокойно заерзалъ на стулѣ и сталъ глядѣть въ потолокъ, точно ожидая, что тотъ обрушится на голову Ивана Петровича.

Юбиляръ началъ горячиться.

— Мнѣ пріятно, что почтеннѣйшіе чиновники благосклонно слушаютъ такую мелкоту, какъ азъ многогрѣшный. За свое пятидесятилѣтнее *славное* служеніе, какъ кто-то выразился, я былъ около пятидесяти разъ обойденъ по службѣ, около пятидесяти разъ меня оплевывали и втапывали въ грязь за чужія ошибки, около пятидесяти разъ я былъ бѣльмомъ въ глазахъ желавшихъ попасть на мое мѣсто... И вдругъ слышу:—«Служите еще одно пятидесятилѣтіе...» Думаю: «оказія! что за притворство, Пресвятая Богородица! Слова въ простотѣ не скажутъ...» Я не умѣю красно говорить... Вы ужь... того... простите старика... Въ хаосѣ жилъ, въ хаосѣ служилъ и самъ сталъ, хе-хе, частью того же... хаоса. Да вы не сердайте!.. Зачѣмъ надулись? Ну, что жъ,—молчалъ, молчалъ, а теперь изливаюсь... Это бываетъ у нашего брата, у пьяницы. Накипѣло вотъ тутъ, охъ, какъ накипѣло!.. Но я отъ прямоты, а не для скандала,—ей-Богу, вѣрно! Можетъ того... я немножко зарапоровался, но, право, это отъ глубины души... и отъ глубины стакана, изъ котораго пилъ и пью... Отчего же хоть разочекъ въ пятьдесятъ-то лѣтъ и не сказать по-истинному, и не выпить! Это уже вы ахъ—оставьте! Ну, довольно! Что тамъ бѣяье грязное перемывать... Чище не будетъ. Итакъ, ваши превосходительства, ваши высокородія и ваши высоко—и просто благородія, ну-ка, давайте-ка, хлопнемъ по стопочкѣ за правду-матку, которая спитъ, и опрокинемъ еще рюмашку за то, чтобы сгинулъ хаосъ распроклятый, который козыремъ по-франтовски ходитъ да въ усь себѣ не дуетъ. Ур-р-ра!!!

Сѣлъ, засмѣялся, видя, что все какъ бы окаменѣли, а потомъ нахмурился и крикнулъ, уже не поднимаясь, сердитымъ, охрипшимъ голосомъ:

— Чего молчите, ребята, и не чокаетесь? Тостъ не по вкусу пришелся?.. Такое! Оскорблены? Тогда и я пить не стану съ вами... Вотъ вамъ!—и бросилъ полный стаканъ на полъ.

Брызнуло, разлилось красное вино по скатерти и на полу. Звукъ разбитаго стекла мгновенно произвелъ переворотъ въ настроеніи присутствующихъ.

Директоръ рѣзко отодвинулъ стулъ и поднялся.

Всѣ послѣдовали его примѣру.

— Время и по домамъ!—сдержанно сказали онъ, поворачиваясь спиной къ Ивану Петровичу:—нынѣшняго дня какъ бы и не бывало... вонь изъ памяти!—тутъ же уронилъ онъ и, расклапываясь и пожимая руки ближайшимъ сосѣдямъ, направился къ выходу.

Толпились у дверей, провожали и постепенно исчезали въ коридорѣ. А тамъ уже нодъ сурдинку обсуждался вопросъ о томъ, кто будетъ на мѣсто Ивана Петровича, «которому, разумѣется, придется подать въ отставку»...

— Неблагодарный какой!

— Да что вы отъ него ожидали? Пьяница и анархистъ.

— Хуже всего, что первое сближеніе съ канцеляріей, начатое его превосходительствомъ...

— Тс... идти!

И всѣ шарахнулись въ сторону, едва завидѣвъ появившуюся фигуру Ивана Петровича.

5.

Съ тѣхъ поръ, какъ Остатковъ задался мыслью разбогатѣть путемъ выигрыша въ карты либо случайныхъ находокъ цѣнныхъ вещей или денегъ, онъ на время подавилъ въ себѣ наклонности сибарита, сокративъ свой бюджетъ до крайняго предѣла, такъ какъ странная специальность, которую избралъ Ефимъ Львовичъ, заставляла его бывать повсюду, вращаться въ обществѣ и, слѣдовательно, вызывала неожиданные расходы на «представительство», какъ онъ въ шутку называлъ свои выступленія въ «свѣтъ».

Обѣдалъ онъ въ департаментскомъ буфетѣ; вмѣсто прежней мебелированной комнаты средняго разбора помѣстился въ клѣткѣ при молочной фермѣ, старательно скрывая адресъ отъ сослуживцевъ и знакомыхъ.

Здѣсь ему жилось особенно тяжело зимой.

Утромъ, когда открывалась лавка, Остатковъ проходилъ черезъ нее; по вечерамъ и ночью надо было итти во дворъ,—темнымъ грязнымъ закоулкомъ, предназначеннымъ для отбросовъ.

Задхлымъ запахомъ трущобъ и вертеповъ отдавало отъ этого двора, переполненнаго разною рухлядью и завалью.

Пробираясь боязливо возлѣ почернѣвшихъ стѣнъ стараго дома, ремонтируемаго лишь съ улицы и давно запущеннаго съ непоказной дворовой стороны, Ефимъ Львовичъ внутренно замиралъ, съеживался и ускорялъ шаги, стараясь не всматриваться въ глухую, всегда мертвую тишину спящаго задворка. Ему такъ и казалось всякій разъ, что вотъ-вотъ просунется изъ отдушны сырого подвала чья-то протянувшаяся рука, схватить за ногу и потянуть...

И порою безотчетный ужасъ росъ, охватывалъ его, душилъ.

Теряя способность владѣть собою, обливаясь холоднымъ потомъ, Остатковъ уже почти бѣгомъ огибалъ угловую часть громаднаго дома и, ошупью приближаясь къ двери, съ лихорадочной поспѣшностью трезвонилъ дребезжащимъ звонкомъ къ хозяевамъ фермы.

Если не скоро открывали, онъ принимался стучать въ окно, точно, дѣйствительно, каждая минута промедленія грозила ему смертельной опасностью.

Постоянно отворялъ самъ хозяинъ,—высокій сѣдой старикъ съ окладистой бородой.

— Извините,—обыкновенно говорилъ Ефимъ Львовичъ.

— Дѣло привычное,—степенно отвѣчалъ старикъ.

Но ворчливая хозяйка рѣдко относилась къ жильцу съ такимъ добродушіемъ.

— И куда шлятся!.. валандаются всю ночь,—бурчала она вполголоса изъ-за ситцевой занавѣски:—и не заслабнуть... Святые угодники!

Остатковъ никогда не огрызался, торопливо шелъ въ свою клѣтушку, а затѣмъ слышалъ, какъ старикъ останавливалъ жену:

— Куда да куда!.. Нечего кудакать-то,—не курица! Молодому—молодое... Непонарочну запоздалъ... Спи, баба.

Уляжется, наконецъ, Ефимъ Львовичъ и спать не можетъ: кровать плохая, съ поломаннымъ внизу переплетомъ, узкая; матрацъ—твердый, какъ деревянный; да и въ голову лѣзутъ все обрывки докучныхъ мыслей: и прошлаго-то ему жалко, и будущее въ туманѣ, и настоящее—что сѣр्या сумерки... Ни въ чемъ просвѣта нѣтъ.

«Опять проигралъ... Нужно приудержаться,—полоса такая... Не везетъ. Передъ самымъ носомъ купчина какой-то жемчуга нашель. И ему ни къ чему все это,—отдалъ капельдинеру... А я тутъ же гулялъ и хоть бы что, ничего не видѣлъ... Нѣтъ удачи,—нѣтъ и нѣтъ!..»

Изъ сосѣдней кухни доносился храпъ стариковъ.

Кто-то проѣхалъ. Потомъ опять гробовое, давящее молчанье.

«Здѣсь—какъ въ тюрьмѣ, какъ въ могилѣ... Нельзя такъ больше жить, не могу, не хочу!»

И такъ изъ ночи въ ночь, изо-дня въ день...

Съ улыбкой весеняго солнца его клѣтушка, выходящая окномъ на улицу, приняла болѣе утѣшительный видъ. Въ ней проявилось что-то похожее на жизнь. Косые вечерніе лучи играли въ ней по стѣнамъ веселыми бликами. Съ улицы врвался непокорной кипучей волной городской шумъ,—гомонъ снующей толпы, стукъ колесъ и копытъ, пискъ и ревъ автомобилей, позвякиванья трамваевъ, ржанье лошадей, крикъ торговковъ и продавцовъ, смѣхъ

и пѣсни ребятишекъ, звуки разбитыхъ шарманокъ и разудалый, залихватскій напѣвъ гармоникъ.

Вечерами, если Ефимъ Львовичъ сидѣлъ у себя дома, онъ отдыхалъ; но бѣлыя ночи, какъ и зимнія черныя, были одинаково унылы, наполняя душу тоской и тревогой.

Въ бѣлыя ночи даже сильнѣй просыпалась жажда чего-то лучшаго, стремленіе куда-то въ немеркнущую, загадочную даль.

Сердце, не знавшее любви, смутно ожидало, искало неизвѣданнаго счастья, но, не находя его, не видя возлѣ себя, боролось до послѣдней искры, которая еще тлѣлась чуть замѣтнымъ, блѣднѣющимъ огонькомъ.

6.

Наступилъ май со свѣтлыми, теплыми днями и яркой, красивой зеленью.

Въ департаментѣ многіе получили лѣтній отпускъ, въ томъ числѣ и Берестовскій, уѣхавшій на югъ, чтобы забыться и не видѣть Остаткова.

Послѣ ихъ размолвки на вечерѣ у Лелиныхъ ни тотъ, ни другой не разговаривали, молча, здоровались для вида, и сейчасъ же расходились. Повидимому, обоимъ было тяжело встрѣчаться.

— Фаустъ и Мефистофель не подѣлили чего-то... поссорились изъ-за какой-нибудь Маргариты,—посмѣивались въ канцеляріи.

— Фаустъ идетъ въ гору, а Мефистофелю что-то нелегко дается служба. Вотъ опять хотя бы окладъ Ивана Петровича—ушелъ мимо носа. Со стороны назначили. Поглядите, какъ Остатковъ высохъ, отошалъ, точно ходячая мумія, и взоръ какой безпокойный... словно высматриваетъ васъ, выслѣживаетъ...

— Опять *палачъ* идетъ... Наказанье!

«Палачомъ» назывался бородатый сторожъ, разносившій вновь поступающія бумаги, и назывался такъ за свой неуклюжій, большой ростъ, жесткій взглядъ, сверкающій изъ-подъ нависшихъ рыжихъ бровей, и, въ концѣ концовъ, за то, что его появленіе всегда ознаменовывалось увеличеніемъ работы.

— Пора бы и во-свосяи, а онъ съ новыми входящими! Съ ума спятили. И въ маѣ не щадятъ. Сегодня думаю махнуть на Стрѣлку. Теперь только и гулять. Масса катающихся. Шикарно! Освѣжитесь не мѣшаетъ, а то совѣмъ закись.

Остатковъ услышалъ этотъ разговоръ и тоже рѣшилъ отправиться на Елагинъ «поискать счастья».

«Гдѣ много людей, тамъ и мнѣ слѣдуетъ быть... и я человекъ... У людей деньги, и у меня должны быть деньги...»—съ такими размышленіями шелъ по Невскому, уже принявшему лѣтній видъ: пахло смолой, и торцовая мостовая частью была разобрана и загорожена рогатками.

Знакомый, смоляной, рѣзкій запахъ всегда подымалъ первы Ефима Львовича, бодрилъ его, почему-то напоминалъ «старое», когда онъ, молодой, свѣжій юноша-студентъ, еще полный надеждъ, увѣренный въ успѣхѣ, блуждалъ бѣлыми, майскими нотами по набережнымъ Невы, дышалъ такимъ же смолистымъ воздухомъ и строилъ разные несбыточные планы относительно будущаго. Что, какъ не обманчивыя тѣни, были всѣ пережитые годы,—годы нелѣпой, пустой, беспочвенной жизни? Что, какъ не такія же обманчивыя тѣни, были и всѣ будущіе дни, недѣли, мѣсяцы, можетъ быть, длинныя вереницы лѣтъ?..

Съ обычнымъ тяжелымъ раздумьемъ, которое, не давая выхода, лишь сильнѣе расшатывало нервы, бередило наболѣвшія раны,—Остатковъ машинально завернулъ къ Гостиному двору.

Тамъ, въ виду наступившаго дачнаго времени, кипѣло безпрерывное движеніе. Очевидно, дѣлались спѣшныя покупки.

Двери магазиновъ непрерывно открывались и раскрывались. Мелькали озабоченныя лица дачницъ. Больше было женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Мѣстами, особенно на перекресткахъ, трудно было пройти и приходилось тѣсниться, толкаться, выслушивать ядовитыя замѣчанія о невѣжливости и отшучиваться или отрываться, смотря по расположенію духа.

Какой-то хорошо упитанный офицеръ вышелъ изъ парфюмернаго магазина, держа въ обѣихъ рукахъ по нѣскольку свертковъ. Въ зубахъ у него торчала папироска. Онъ собирался пройти къ ожидавшей его пролеткѣ съ уснувшимъ извозчикомъ, какъ встрѣтился глазами съ задорно улыбающеюся дамой, со вкусомъ одѣтой, кокетливой, еще довольно молодой, и остановился, какъ вкопанный.

— Василіса Степановна!.. Вы?.. Какими судьбами? Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Откуда и куда?.. Развѣ вы живете въ Питерѣ? — осыпалъ онъ ее градомъ вопросовъ, отбрасывая папиросу и освобождая правую руку отъ покупокъ, чтобы поздороваться.

Его сочный, здоровый голосъ звучалъ такъ радостно и полное лицо сіяло такимъ некреннимъ восторгомъ, что проходившіе мимо невольно обращали вниманіе, и нѣкоторые изъ нихъ сами начинали улыбаться, точно довольные чужому счастью.

И дама была рада. Она казалась такой маленькой передъ офицеромъ и смотрѣла на него, слегка приподнимая голову.

— Вы—тотъ же, нисколько не измѣнились, милый, жизнерадостный, любезный Антонъ Антонычъ.

— И вы... будто мы вчера съ вами разстались, а вѣдь года два три, если не вру, ушло съ тѣхъ поръ... Развѣ чуточку похудѣли...

Они заговорились. Офицеръ убѣждалъ ее поѣхать вмѣстѣ обѣдать.

Въ пылу дружеской бесѣды онъ не замѣтилъ, какъ, доставая записную книжку, выронилъ изъ кармана рейтузъ въпятеро сложенный полулистъ писчей бумаги.

Часто, чтобы не забыть чего-нибудь экстреннаго, онъ именно такимъ образомъ складывалъ бумагу и клалъ въ карманъ для памяти.

Большею частью это бывала чистая бумага или съ какой-либо отмѣткой, что туда-то нужно зайти или то-то сдѣлать, купить. Сегодня въ этой бумагѣ у него сохранился вынгрышный билетъ перваго займа, только что выкупленный изъ банкирской конторы, гдѣ онъ обыкновенно бралъ ссуду, когда временно исчерпывались ресурсы. На бумагѣ значилось: «выкупить билетъ».

Антонъ Антоновичъ выкупилъ и въ эту же бумагу завернулъ его; потомъ, конечно, не забылъ бы о немъ, если бы не такая неожиданная встрѣча.

Она заставила выкинуть изъ головы рѣшительно всѣ заботы, дала совершенно другое направленіе мыслямъ, вызвала совѣмъ инныя сердечныя настроенія.

Остатковъ шелъ по зеркальной линіи гостинаго двора, глядя, по обыкновенію, подъ ноги сухимъ, выскивающимъ взглядомъ.

Публика все еще толпилась.

Вдругъ онъ видитъ мягко падающую бумагу, странно сложенную, слишкомъ толстую для записки и въ то же время тонкую для того, чтобы заподозрѣть спрятанную въ ней вещь.

«Поднять или не стоитъ дурака валять?»—молніей проносится въ головѣ:—«разумѣется, ничѣмъ нельзя пренебрегать... *Res pulchra cedit primo occurranti*»,—почему-то вспоминается ему текстъ изъ курса римскаго права, хотя и не подходящий къ данному случаю, такъ какъ онъ отлично сознаетъ, изъ чьего кармана выпалъ бумажный свертокъ, и Ефимъ Львовичъ, послѣ незамѣтнаго колебанія, ловко уронилъ носовой платокъ и вмѣстѣ съ нимъ поднялъ находку, но оступился съ непривычки и едва не упалъ, слегка задѣвъ офицера.

Тотъ обернулся.

— Виновать... Платокъ выронилъ,—пробормоталъ Остатковъ, чувствуя страшное, незнакомое волненіе, отъ котораго холодѣютъ руки и ноги, стягиваетъ затылокъ и языкъ прилипаешь къ гортани. У него даже во рту стало кисло.

Но офицеръ, повидимому, не придавалъ этому никакого значенія, только отодвинулся и, ничего не подозревая, продолжалъ убѣждать даму поѣхать обѣдать.

Остатковъ ускорилъ шагъ, едва преодолая сердцебіеніе, и нервно кусалъ рыжеватые концы темныхъ, жидкихъ усовъ, нѣсколько разъ оборачивался, пріостанавливался.

Офицеръ, наконецъ, распрощался съ Василисой Степановной

и усѣлся въ пролетку, снялъ фуражку, долго махалъ ею и кричалъ:

— До вечера! До вечера!..

И она дѣлала ему прощальные знаки, какъ бы стараясь утѣшить, что до вечера, молъ, недолго ждать.

Число прохожихъ поубавилось. До Остаткова никому не было дѣла, и онъ такъ же внезапно пришелъ въ себя, какъ сейчасъ передъ этимъ растерялся.

«Угораздило меня толкнуть его! Хорошо, если не замѣтилъ, а если вспомнить?»—и въ расширенныхъ зрачкахъ Ефима Львовича блеснула страхъ собачонки, ожидающей хозяйскаго пинка.

«Нѣтъ, кажется, все благополучно проѣхало... Тяжело,—охъ, какъ тяжело! Силъ не хватитъ на такую работу. Что тамъ? Можетъ, пустота, ничего... Напрасно мучился, кровь портилъ...»

Онъ сталъ ощупывать, не вынимая изъ кармана руки, но не умѣлъ опредѣлить и, горя нетерпѣнiемъ, нанялъ извозчика и поѣхалъ домой.

— Гони клячу, не жалѣй!

Когда ѣхалъ, оглядывался, не преслѣдуетъ ли кто-нибудь, и прошелъ черезъ ферму такой, точно его трепала лихорадка.

Хозяйки не было дома. Одинъ старикъ сидѣлъ за прилавкомъ, читая вечернiя телеграммы.

Большiя, круглыя очки въ мѣдной оправѣ, обернутыя ватой у переносья, дѣлали старческое, добродушное лицо скорѣе смѣшнымъ, чѣмъ строгимъ.

Онъ тотчасъ же снялъ ихъ и хотѣлъ заговорить, но Ефимъ Львовичъ не остановился, и старикъ долго глядѣлъ ему вслѣдъ, качая головой, затѣмъ всталъ, приблизился къ комнатѣ жильца и, умышленно громко застучавъ каблуками, попробовалъ, заперта ли дверь.

Была заперта.

— Баринъ, простоквашки бы скушали. Мы съ полнымъ нашимъ удовольствiемъ,—предложилъ онъ нерѣшительно, пользуясь отсутствiемъ жены:—барицъ, а баринъ! Ась? Чего-съ? Очень вы скучный... Неладно такъ,—неладно! Вы не сердчайте! Русскiй чело-вѣкъ любить простоту.

— Благодарствую. Не нужно,—отвѣчалъ Остатковъ и замолкъ, прислушиваясь къ удалявшимся шагамъ хозяина.

«Вотъ еще навязался благодѣтель!»

Ефимъ Львовичъ подергалъ дверь, пробуя, крѣпко ли заперта, опустил занавѣску на окно, чтобы съ улицы ничего не было видно, и долго испытывалъ собственное терпѣнiе, боясь разочарованья, страшась какой-то призрачной неожиданности, потомъ вынулъ скомканную бумажку, развернулъ и присѣлъ на кровать съ широко открытыми глазами, не зная—радоваться или пугаться.

— Билетъ!..—протянулъ онъ вполголоса:—не было ни гроша, да вдруг алтынъ. Штука!.. А старикъ съ простоквашей лѣзеть...— и странно улыбнулся тихой, растерянной улыбкой.

«А дальше что же? Дальше-то какъ же? Продать его надо, завтра же продать, пока не хватились. Богъ съ нимъ, съ билетомъ! Безпокойство одно!..»

Онъ взялъ билетъ, сложилъ, спряталъ въ боковой карманъ сюртука съ такой осторожностью, словно боялся, что тотъ разлетится въ мельчайшіе куски, затѣмъ привелъ себя въ порядокъ.

«Ефимъ, крѣпись, не сдавайся! Дурь изъ головы-то выбрось! Нюни развѣсиль... Нервы! Шалишь!.. Рѣшилъ на Стрѣлку и ступай на Стрѣлку. Эка важность—билетъ поднялъ! Плевое дѣло... Ну, и поднялъ, и опять что-нибудь поднимешь, если къ тебѣ счастье привалило».

Съ такими мыслями онъ вышелъ на улицу.

7.

Солнце было еще достаточно высоко, хотя уже вечерѣло.

Остатковъ завернулъ въ Лѣтній садъ, чтобы пройти къ пристани и сѣсть на пароходъ, идущій къ островамъ.

Его слѣпила яркая зелень травы и деревьевъ.

Если итти по главной аллеѣ и смотрѣть вверхъ, длинная полоска неба кажется голубой дорожкой между двумя рядами волнистыхъ вѣтвей, сплетающихся наподобіе зеленой изгороди.

И Остатковъ смотрѣлъ...

Отъ солнечнаго отблеска молодая листва принимала какіе-то свѣтлые, почти молочные оттѣнки. Голубая дорожка вела куда-то въ далеко синѣющую глубину.

«Туда бы умчаться и растаять, перестать существовать, раствориться въ эфиръ»...

Ефимъ Львовичъ, не отрываясь, глядѣлъ и шелъ усталой походкой, стараясь ни о чемъ не думать.

На пристани толпились жаждущіе прогулокъ, развлеченій, удовольствій.

Дождавшись очереди и пройдя черезъ турникетъ, онъ сѣлъ на носовой части парохода, жадно вдыхая свѣжій, рѣчной воздухъ.

Огненный шаръ солнца разбрасывалъ по небу горячія краски. Еще мигъ, и все запылало пожаромъ.

Дважды взвизгнулъ сигнальный свистокъ, сперва протяжно, затѣмъ коротко; Нева закипѣла, забурлила, и пароходъ съ шумомъ отчалилъ.

Остатковъ сидѣлъ вполоборота, слѣдя за убѣгающимъ берегомъ.

Сначала былъ спокойенъ, но чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе овладѣвала имъ тревога. Онъ чувствовалъ близость чего-то и не

понималъ, что такое можетъ его смущать. По кожѣ бѣгали мурашки. Сердце напряженно стучало, точно предупреждая о чемъ-то опасномъ...

Ефимъ Львовичъ всталъ тогда и направился въ закрытую кормовую часть, чтобы согрѣться.

Тамъ уже ничего не было подозрительнаго. Каждый пассажиръ занимался своей спутницей или предавался размышленіямъ.

Къ Крестовскому на пароходѣ, а затѣмъ на извозчикѣ до Стрѣлки, Остатковъ все же закончилъ поѣздку въ душевномъ равновѣсіи, заглушая всякія мысли о находкѣ.

Солнечный кругъ едва виднѣлся на горизонтѣ.

Много гуляющихъ, катающихся.

Большинство не обращало никакого вниманья на красивые, пурпурные отбѣнки зари. Всѣ почти сидѣли на скамьяхъ спиной ко взморью, разсматривая экипажи.

Вычурные наряды преобладали надъ изящными. Сказывался перевѣсъ улицы.

Павильонъ съ цвѣтами торговалъ плохо. Увядшія розы грустно поглядывали изъ вазъ на равнодушную публику. Зато на баржѣ, гдѣ пристроился дорогой ресторанъ-поплавокъ, замѣчалось нѣкоторое оживленіе. Въ открытыхъ окнахъ мелькали мундиры гвардейцевъ, дамскія шляпы и бритыя лица прислуживающихъ татаръ.

Откуда-то съ моря доносилась звонкая пѣсня,—широкая, хватающая за сердце, полная удалого разгула и страсти. Она казалась рѣзкимъ контрастомъ, но заставляла прислушиваться къ себѣ и властно уносила за собой, отрывая отъ чопорности и скуки.

Пѣсня внезапно оборвалась, словно скрываясь вмѣстѣ съ прощальными лучами солнца гдѣ-то за морской гладью.

Остатковъ, затаившій дыханье отъ удовольствія, чувствовалъ себя безконечно ничтожнымъ со своими мечтами и страхами, жалкимъ въ сравненіи съ тѣми, которые такъ могли пѣть, изливать душу въ такихъ могучихъ, стройныхъ звукахъ и увлекать другихъ, подчинять своей силѣ. Онъ круто отвернулся отъ взморья и уже сдѣлалъ шагъ впередъ по песку, какъ взоръ его упалъ на остановившуюся коляску въ англійской упряжи.

Изъ нея вышелъ тотъ самый офицеръ, что потерялъ выигрышный билетъ, и бережно высадилъ ту же даму, съ которой встрѣтился въ Гостиномъ дворѣ. Они шли прямо на Остаткова и весело болтали. Въ лицѣ офицера сквозила, впрочемъ, какая-то глубоко засѣвшая печаль; но онъ старался ея не показывать, прикрываясь любезностью.

Ефимъ Львовичъ не двигался, застывъ отъ ужаса, точно это не человѣкъ приближался къ нему, а какой-нибудь грозный звѣрь, не знающій пощады.

Вотъ офицеръ съ дамою уже почти поравнялись съ нимъ; офицеръ пристально смотритъ на него, будто пытаясь что-то воскресить въ памяти, хмурить брови.

Ему неприятно, что Остатковъ не сводитъ съ него глазъ, и самъ смотритъ, не отрываясь, съ непріязнью, съ недоброжелательствомъ.

— Какой отталкивающій субъектъ!.. Я его гдѣ-то видѣлъ,— срывается у него замѣчаніе:—какъ безцеремонно разглядываетъ насъ!.. Я, кажется, способенъ отвѣтить ему дерзостью.

Испуганные, съ одной стороны, и разгоряченные взгляды, съ другой,—продолжаютъ скрещиваться, какъ шпаги.

Маленькая блондинка уговариваетъ офицера и отводитъ на нѣсколько шаговъ.

Ефимъ Львовичъ слышитъ фразы, но все понимаетъ по-своему. Ему представляется, что офицеръ узналъ его и объ этомъ говоритъ дамѣ. Та убѣждаетъ его позвать полицейскаго стражника, гарцующаго на конѣ, чтобы задержать вора.

Минута колебанія, и Остатковъ, не помня себя, стремительно несется по узкой тропинкѣ вдоль берега, толкая прохожихъ, не извиняясь, вызывая всеобщее любопытство, порою даже негодованіе.

Какой-то любитель порядка громко бросаетъ ему вдогонку, размахивая тросточкой:

— Какъ съ цѣпи сорвался... а полиціи все равно... Никакой инициативы! И никому дѣла нѣтъ... Можетъ, преступникъ или сумасшедшій?

Мелькаютъ пруды; мелькаютъ деревья; промелькнулъ мостъ.

Паническій ужасъ ставитъ преграды каждую минуту, на каждомъ поворотѣ. Ноги подкашиваются. Потъ струится градомъ по измученному, блѣдному лицу. Мысли, какъ жужжащій рой, вызываютъ все новые и новые страхи, окружаютъ, запугиваютъ, порабащаютъ.

«Ну, вотъ и находка, а все-таки плохо... Если догонять,— пропаль... При мнѣ билетъ... Не догонять,—на квартиру придуть—все равно улики. Продать нельзя. Офицеришко, навѣрно, даль знать повсюду. Явлюсь къ мѣнялѣ и меня цапъ-царапъ... Пожалуйте, голубчикъ!.. Какъ бы не такъ! Не на такого попали... А онъ совсѣмъ не бѣдный: потерялъ билетъ и на Стрѣлку прикатилъ: Ему безразлично. Такъ нѣтъ же! Если не мнѣ, такъ и не тебѣ!..»

Онъ быстро открываетъ пальто, дрожащими, онѣмѣвшими пальцами поспѣшно разстегиваетъ сюртукъ, достаетъ изъ кармана тщательно свернутый билетъ и второпяхъ, словно остерегаясь самого себя, рветъ на куски и раскидываетъ по вѣтру, чтобъ и слѣда не было.

Онъ стоялъ подь деревомъ, вдали отъ нѣшеходной дорожки, и, вѣроятно, никто изъ ѣхавшихъ не обращалъ на него вниманья.

«Чистая работа... Теперь ловите! Гдѣ же вы, братцы? Хватайте! Арестуйте!»..

У театра, забытаго наглухо, что на Каменномъ, взялъ пролетку, еле взобрался, скорѣй упалъ, чѣмъ сѣлъ.

Извозчикъ встряхнулъ плечами и усмѣхнулся въ бороду, принимая за его пьянаго.

8.

Остатковъ не помнилъ, какъ пріѣхалъ домой, какъ очутился въ своей комнатѣ на постели. Онъ не раздѣвался, а такъ и повалился навзничь, пролежалъ долго безъ движенья, въ забытьѣ, можетъ быть, часъ, можетъ—нѣсколько часовъ. Вдругъ вспомнилъ и въ ужасѣ, съ трепетомъ отчаянья сталъ ощупывать карманъ сюртука, пальто, все еще не вставая... Затѣмъ медленно поднялся.

Въ комнатѣ было свѣтло. Бѣлая ночь незамѣтно смѣнилась бѣлымъ разсвѣтомъ.

«Ничего нѣтъ... Порвалъ... Ничего... Опять нищъ, опять голъ, какъ соколъ, и ни на что негоденъ. Умишка не хватило. Сохранить не сумѣлъ. Держалъ счастье за хвостъ и выпустилъ. Поддался дури, какъ школьникъ какой-нибудь, струсившій инспектора... Помню, въ гимназїи какъ-то попалъ въ учительскую; тамъ случайно никого не было. Я досталъ журналъ, поставилъ себѣ тройку по алгебрѣ, потомъ чего-то испугался и вычеркнулъ, а учитель такъ бы и не замѣтилъ. Къ чему все это? Глупости въ головѣ... Пропадай теперь, пропадай, пропадай! Туда тебѣ и дорога,—туда и дорога! Подлецъ я... Вспомнить о себѣ противно... Подлецъ...»

Мысли путались, разбивались одна о другую, какъ слѣные, столкнувшіеся враги.

Почему-то пришли на память юбилейныя слова Ивана Петровича: «въ хаосѣ жилъ, въ хаосѣ служилъ», столкновење съ Берестовскимъ изъ-за денегъ на вечерѣ у Делиныхъ и его отвѣдъ: «мы отнынѣ не товарищи... вы мнѣ—отвратительны», наконецъ всѣ послѣднія неудачи и униженья.

Тусклый, окаменѣвшій взглядъ нечаянно остановился на бритвѣ, лежавшей у складного зеркала.

Онъ взялъ ее въ руки, точно любуясь блескомъ отточенной стали, какъ-то нелѣпо искривилъ ротъ, пытаясь улыбнуться, нащупалъ рукой остріе, приложилъ къ гортани и вдругъ съ силой провелъ по ней, судорожно прижимая подбородокъ, точно боясь, чтобы не выпала бритва, и хватаясь за нее цѣпкими пальцами...

Брызнула кровь.

Онъ привсталъ, будто хотѣлъ пойти, захлебывался.

Прозрачныя, зыбкія, утреннія тѣни чуть касались земли.

Ихъ смѣнили кровавыя и увлекали его куда-то за собой, какъ наскочившій злой вихрь, закружились, завертѣлись въ дикой пляскѣ.

Бритва еще держалась въ разрѣзѣ шен, но сейчасъ же со стукомъ упала, а влѣдъ за ней и самъ Ефимъ Львовичъ осѣлъ на ноги и рухнулъ на полъ, съ шумомъ увлекая стулъ.

Въ кухнѣ встрепенулись.

Прибѣжали хозяева.

Дверь была не заперта.

Въ лужѣ крови еще хрипѣлъ Остатковъ.

Поднялась возня. Позвали дворника.

— Непутевый быть, чудило... Не лежала у меня душа къ нему... Смутьянь... Осрамилъ наше заведенье. Говорила тебѣ спервоначалу—откажи! Вотъ и дождался,—кричала старуха, бродя изъ угла въ уголъ и ломая руки.

Старикъ ничего не отвѣчалъ, только качалъ головой, видимо, жалѣя постояльца.

На улицѣ просыпалась жизнь.

Совпало такъ, что Берестовскій, еще находившійся въ отпуску, пріѣхалъ изъ деревни на нѣсколько дней по денежному дѣлу. Онъ, конечно, ничего не зналъ о самоубійствѣ Остаткова.

Вечерній номеръ газеты открылъ ему эту новость.

Враждебное чувство мгновенно уступило мѣсто жалости и раскаянью.

«Зачѣмъ тогда не помогъ ему?.. Можетъ, въ этой смерти есть частичка и моей вины?..»

Какъ бывшій «восточникъ», хотя и промѣнявшій дипломатическую карьеру на заурядную канцелярскую службу, онъ продолжалъ чтить въ душѣ завѣты старой школы.

Думая о трагическомъ концѣ товарища и о своей роли, которую онъ игралъ въ его жизни, Берестовскій невольно какъ-то перенесся къ прошлому, къ своей молодости, къ студенческимъ годамъ, и въ памяти отчетливо стали воскресать хорошія, забытыя слова. Порылся въ бумагахъ и нашелъ пожелтѣвшую тетрадь...

Остановился на одной страницѣ, гдѣ были приведены отрывки изъ «покаянной молитвы» манихейцевъ.

«Мы сдѣлались страшными врагами всему одушевленному и живому: двуногимъ, четвероногимъ, летающимъ, находящимся въ водѣ, по землѣ ползающимъ... Ко всѣмъ имъ, отъ мала до велика, кого мы запугивали, били, обижали, оскорбляли, убивали, клеймили ненавистью,—мы питали глухую вражду. Но теперь, о, Боже, молимся тебѣ: избавь насъ отъ этихъ грѣховъ.

«Боже, мы полны недостатковъ, мы—грѣшны и мыслями, и рѣчами и поступками: согрѣшаемъ смотря глазами, слушая ушами, болтая языкомъ, беря руками, попирая ногами мокрую и сухую землю, наступая на травы, ломая деревья...»

Всю ночь не могъ уснуть. Осаждали тревожныя думы.

Было душно, и въ открытое окно, выходящее на шумную улицу, влетали странные звуки: городъ-гигантъ, очевидно, не хотѣлъ за-быться сномъ и до утра бодрствовалъ и царилъ.

Ревѣли автомобили, раздавался пьяный смѣхъ, кто-то посылалъ кому-то дикія проклятья, звенѣла унылая пѣсня, доносилась откуда-то заглушенная музыка...

Но сквозь эту волну звуковъ чувствовалось еще что-то неуловимое...

Нервы Берестовскаго были напряжены до нельзя и ему чудилось, будто стонуть камни мостовой, облитые потомъ и кровью, чудилось, что ронщутъ и жалуются кирпичи громаднаго дома, въ которомъ столько человѣческихъ жизней оставило свой неизгладимый слѣдъ...

На другой день былъ на выносѣ Остаткова.

Жалкая клѣтушка, гдѣ жилъ локойный, поразила всѣхъ сослуживцевъ, и всѣ рѣшили, что «самоубійство явилось результатомъ разстроенныхъ дѣлъ».

Былъ найденъ подходящій этикетъ, и чиновники успокоились, относя и данный случай къ «бывшимъ примѣрамъ».

И никто не замѣчалъ, что тутъ же рядомъ стоитъ безмолвный и слѣпой ужасъ, порождаемый городомъ, отъ котораго некуда бѣжать и негдѣ спрятаться.

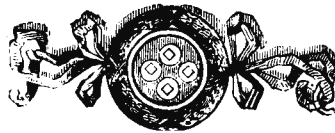
Шелъ поодаль за гробомъ подвыпившій Иванъ Петровичъ, хотя еще было утро, и кому-то заявлялъ ворчливымъ голосомъ, что всему виной—хаосъ.

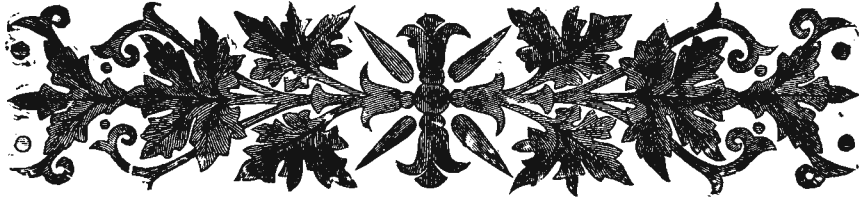
Съ каждымъ поворотомъ провожавшихъ становилось все меньше и меньше. Скрылся и Берестовскій.

Сиротливо покачивались дроги безъ балдахина, а жизнь кпнѣла и мчалась мимо...

Что ожидало впереди? Какое новое испытаніе готовилось человѣчеству?

В. Умановъ-Каплуновскій.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Л. О. ЛЬВОВА.

(1857—1865 гг.).

I.

Въ Ниццѣ.

Ницца въ зиму 1857—1858 гг.—Темные слухи о моей виллѣ и загадочный выстрѣлъ.— Мое назначеніе помощникомъ директора придворной пѣвческой капеллы съ откомандированіемъ состоять при ея величествѣ вдовствующей императрицѣ Александрѣ Оеодоровнѣ.—Кружокъ императрицы и ея образъ жизни въ Ниццѣ.—Музыкальные вечера при ея дворѣ.—Пѣвица Крувелли-Вижье.—Ботезини и случай съ его контрабасомъ на вечерѣ у императрицы.—Мои квартетные вечера съ участіемъ графа М. Ю. Вьельгорскаго, Эрнста, графа Сезалья и Сасерно.—Тамбурини.—Ботезини исполнили на контрабасѣ виолончельную партію въ квартетѣ.—Новый годъ (1859) на виллѣ императрицы.—Неудачный визитъ гостей императрицы на яхту камеръ-юнкера Мятлева.—Вопросъ императрицы при чтеніи русской повѣсти.—Успѣхъ нашего церковнаго пѣнія за границею.—Ветрѣчи и бесѣды съ Мейерберомъ.

ОГЛАСНО совѣту докторовъ, въ ноябрѣ 1857 года съ больною женою и всѣмъ моимъ семействомъ я отправился въ Ниццу. Тогда желѣзной дороги еще не было, и мы ѣхали въ огромномъ дормезѣ и только въ Кеннгсбергѣ пересѣли на желѣзную дорогу.

Послѣ остановокъ въ Берлинѣ, въ Ганноверѣ, гдѣ я долженъ былъ исполнить порученіе ея высочества великой княгини Александры Іосифовны къ королевѣ ганноверской, и, наконецъ, въ Парижѣ, въ Ниццу мы приѣхали за два дня до Новаго года.

Чудное солнышко, благотворный воздухъ, масса розъ и вѣтерокъ несказанно повліяли на мою больную: она какъ бы ожила. И не мудрено. Скорый этотъ перелетъ отъ слякоти и морозовъ въ благодатный край сильно дѣйствуетъ и на насъ, здоровыхъ, дышится иначе, вообще уморомъ мѣняется.

Остановились мы въ отелѣ «Place publique», гдѣ прожили нѣкоторое время, а такъ какъ я предвидѣлъ, что наше пребываніе въ Ниццѣ продолжится несравненно дольше предполагаемаго, я рѣшился выйти въ чистую отставку ¹⁾, чтобы не имѣть тревогъ и заботъ оставлять жену одну за границей.

Для Марьи Евгеніевны потребовалось помѣщеніе болѣе удобное, съ садомъ. Мы наняли—rue France—Villa Saissi, обзавелись хозяйствомъ, прислугою, зажили тихо и очень удобно. Домъ былъ трехъэтажный, мы заняли два, а третій оставался пустымъ.

Съ переѣздомъ на виллу до насъ стали доходить слухи, что домъ, нами занимаемый, не совсѣмъ будто бы спокойный, что по ночамъ въ немъ происходитъ что-то неладное и что поэтому и домъ оставался долгое время не занятымъ. Слухи эти настойчиво подтверждались прислугою и еще болѣе усилились, когда по городу разнеслась молва, что княжна Хованская, родственница Безобразовой (рожденной Сухозанетъ), спиритка и медиумъ, по вечерамъ у насъ проявляетъ весьма интересныя явленія.

Дѣйствительно, мы тоже стали замѣчать, что ночью въ третьемъ этажѣ происходитъ возня, шумъ, хохотъ и продолжается иногда часа два. Пересудамъ не было конца, и Марья Евгеніевна уже заговаривала о перемѣнѣ квартиры, но вслѣдствіе заключеннаго на весь сезонъ контракта и, главное, успокоенія доктора Фабрици ²⁾, къ которому жена имѣла большое довѣріе, мы остались на виллѣ.

Все леченіе Марьи Евгеніевны состояло въ томъ, чтобы она дышала благодатнымъ воздухомъ, гуляла и принимала прописанный докторомъ дынный сиропъ.

Въ одинъ вечеръ, послѣ продолжительной прогулки съ дѣтьми à la grotte de S-t André мы возвратились домой довольно поздно; жена была очень утомлена, и мы разошлись по нашимъ спальнямъ. Моя комната была рядомъ со спальней жены. Въ два часа ночи я услышалъ внезапный выстрѣлъ въ спальнѣ Марьи Евгеніевны! Предоставляю судить, до чего я испугался... вскочилъ и нашелъ жену едва говорящей отъ испуга, съ жестокимъ біеніемъ большого сердца... Въ спальней, кромѣ нея, никого не было... Дѣти, люди, всѣ вскочили, услышавъ выстрѣлъ. Въ домѣ пересмотрѣли, перешарили все и ничего не нашли... Ни жена, ни я, весьма понятно, заснуть уже не могли; всю ночь проговорили, но успокоить жену не удалось: біеніе сердца усиливалось, и я вынужденъ былъ послать за докторомъ. Къ утру я замѣтилъ, что изъ-подъ шифоньерки, которая стояла противъ кровати жены, вытекаетъ по полу цѣлый

¹⁾ Леонидъ Федоровичъ (Львовъ) до отставки былъ управляющимъ палатой государственныхъ имуществъ въ Петроградѣ.

²⁾ Участникъ возстанія въ Венеціи, заочно приговоренный къ повѣшенію австрійцами, рьяный сторонникъ Гарибальди, докторъ поселился въ Ниццѣ.

ручей... И что же я доискалъ? Бутылка съ сиропомъ находилась въ шифоньеркѣ, отъ броженія ее разорвало, да такъ, что стекло разбило въ мелкіе кусочки, а шифоньерку и полъ залило сиропомъ... Долго мы смѣялись надъ всею этою тревогой, а подъ конецъ дознались, что и шумъ въ третьемъ этажѣ производили три работника, пьянствовавшіе въ незапятныхъ комнатахъ.

Весь сезонъ мы прожили на виллѣ Saissi очень благополучно. Докторъ Фабрици, а болѣе воздухъ Ниццы во многомъ облегчили страданія жены.

Недолго я оставался безъ служебныхъ занятій. По высочайшему повелѣнію послѣдовало назначеніе мое помощникомъ директора придворной пѣвческой капеллы ¹⁾ съ откомандированіемъ состоять при вдовствующей императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, находившейся тогда въ Ниццѣ, и мнѣ было поручено завѣдывать маленькимъ хоромъ пѣвчихъ, находившихся при дворѣ ея величества.

Милостивая заботливость и вниманіе императрицы къ больной моей женѣ, доброе расположеніе всѣхъ состоявшихъ тогда при ея величествѣ лицъ во многомъ облегчали тяжелый недугъ страждущей.

Императрица проживала на Promenade des Anglais, на виллѣ графини Орестисъ (рожденной Чихачевой), въ домѣ съ весьма скромной обстановкой, окруженномъ прекраснымъ большимъ садомъ. Ни баловъ, ни большихъ вечеровъ не было, приглашались ко двору только приближенные и изрѣдка нѣкоторые изъ русскихъ пріѣзжихъ. Каждая двѣ недѣли у императрицы бывали музыкальные вечера, приглашались пріѣзжія знаменитости, и устройство этихъ музыкальныхъ вечеровъ возлагалось на меня.

Тогда состояли при императрицѣ: графиня Тизенгаузенъ, фрейлины Marie Фридрихсъ и баронесса Пиларъ-фонъ-Пильхау, графъ Матвѣй Юрьевичъ Віельгорскій, генераль-адъютантъ Степанъ Феодоровичъ Апракшинъ и лейбъ-медикъ тайный совѣтникъ Карель.

Обыкновенно, по вечерамъ, въ маленькомъ кружкѣ императрица занималась рукодѣліемъ, кто-нибудь изъ присутствовавшихъ читалъ вслухъ, въ одиннадцать часовъ всѣ расходились; ни угощеній, ни ужина не было—все ограничивалось чаемъ.

Вообще жизнь была весьма тихая и скромная, и тишина эта нѣсколько нарушалась съ пріѣздомъ въ Ниццу великихъ княгинь и князей. Тогда бывали на виллѣ Орестисъ и танцы, но государыня въ одиннадцать часовъ удалялась во внутренніе апартаменты, а танцы и ужинъ оканчивали вечеръ уже безъ нея.

Я забылъ упомянуть, что при первомъ пріѣздѣ въ Ниццу государыня императрица была встрѣчена отъ имени Наполеона III

¹⁾ Леонидъ Феодоровичъ былъ родной братъ извѣстнаго музыканта, автора гимна, Алексѣя Феодоровича Львова, директора придворной пѣвческой капеллы.

генераломъ Фруассаромъ, который состоялъ при ея особѣ во все время пребыванія въ Ниццѣ. Почетный караулъ несли двѣ роты зуавовъ подъ командой капитана Феврие.

Нельзя не подивиться, что послѣ Крымской кампаніи и всего послѣдующаго, послѣ всѣхъ продѣлокъ Наполеона эта добрѣйшая милая царица была не только милостива къ Фруассару, который, правда, былъ весьма любезный и образованный человѣкъ, но умѣла обласкать каждаго зуава, спрашивала всегда часовыхъ, всѣмъ ли они довольны, достаточно ли имъ выдаютъ сигаръ, кофе и проч.

На одномъ изъ придворныхъ музыкальныхъ вечеровъ участвовали знаменитая пѣвица Cruvelli (m-me Vigier) и не менѣ знаменитый Ботезини—артистъ-солистъ на контрабасѣ. M-lle Sophie Cruvelli была замѣчательная пѣвица, актриса и красавица. Для нея Верди написалъ оперу «Les Vepres Sicilennes», въ которой она имѣла огромный успѣхъ въ Парижѣ. Въ послѣдній ея дебютъ, въ антрактѣ, до окончанія оперы, она бѣжала съ графомъ Вижье, вышла за него замужъ и поселилась въ Ниццѣ. Отецъ графа, очень богатый человѣкъ, содержалъ ванны на рѣкѣ Сенѣ, что и дало поводъ французамъ каламбурить, «que les deux Vigiers ont fait fortune sur scène» (Seine). Ботезини—артистъ также замѣчательный. Его игра на контрабасѣ до того была пріятна и пѣвуча, что можно было ошибиться, не человѣческій ли голосъ, прелестный баритонъ поетъ. Большею частью онъ исполнялъ отрывки изъ извѣстныхъ оперъ. Приглашенныхъ на этотъ вечеръ было не болѣе двадцати пяти человѣкъ, въ томъ числѣ генераль Петръ Андреевичъ Вяземскій и пріѣхавшій наканунѣ изъ Фонтенебло генераль Бетанкуръ. Государыня себя чувствовала въ этотъ день прекрасно, была очень весела и слушала съ особеннымъ удовольствіемъ музыку въ гостиной. Исполненіе дѣйствительно было весьма успѣшное, и особенно графиня Вижье приводила всѣхъ въ восторгъ своимъ голосомъ.

Въ продолженіе вечера императрица пожелала изъявить свое удовольствіе Ботезини и подозвала его къ себѣ. Онъ подошелъ къ ней въ гостиной, придерживая одной рукой свой контрабасъ. Государыня милостиво разговаривала съ нимъ, какъ камеръ-лакей, разнося мороженое на большомъ серебряномъ подносѣ, неосторожно ударилъ угломъ о контрабасъ и пробилъ въ инструментѣ большую дыру. Императрица такъ и заохала:

— On a blessé le charmant monstre?.. Ah! Quel malheur!... Peut-on le reparer?...

Ботезини немного сконфузился, но, будучи щедро награжденъ, можетъ быть, былъ даже доволенъ этому приключенію. Вообще артисты-итальянцы народъ весьма неряшливый, и въ этомъ случаѣ Ботезини доказалъ всю свою неряшливость: онъ оставался съ мѣ-

сяцъ еще въ Ниццѣ, участвовалъ въ публичныхъ концертахъ и на вечерахъ, но починить свой инструментъ не позаботился—такъ и игралъ на контрабасѣ съ дырой.

Во время пребыванія моего въ Ниццѣ и у меня еженедѣльно устраивались квартетные вечера. Всегдашними участниками были графъ Матвѣй Юрьевичъ Вѣльгорскій, графъ Сезаль, Сасерно и извѣстный артистъ знаменитый скрипачъ Ernst. Къ нимъ присоединялись иногда прїѣзжіе артисты, и я наслаждался въ полномъ смыслѣ слова. Предупредительность и всѣ любезности артистовъ я не приписывалъ себѣ, а той репутаци, которой пользовался во всей Европѣ братъ Алексѣй Ѳедоровичъ. Не было артиста не только въ Ниццѣ, но и въ Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, который бы, узнавъ, что я — Львовъ, братъ извѣстнаго русскаго скрипача, не пожелалъ со мною познакомиться. Счастье это мнѣ способствовало всѣхъ слышать и со многими играть.

Между прочимъ, въ Ниццѣ проживалъ тогда извѣстный пѣвецъ Тамбурины, восхищавшій въ свое время весь Петроградъ. Онъ былъ до того любезенъ, что пѣлъ у меня на вечерѣ съ моею малолѣтней дочерью Ольгой дуэтъ изъ «Донъ-Жуана» «La ci darem la mano».

Въ одинъ вечеръ собрались мы играть квартеты, какъ неожиданно прїѣзжаетъ Ботезини и говорить, что, узнавъ, что у меня музыка, онъ рѣшился прїѣхать и привезъ съ собою свой инструментъ на случай, если я позволю ему принять участие. Какъ это ни любезно было съ его стороны, я очень сконфузился, такъ какъ утромъ распорядился отдать клавиорды въ починку и, слѣдовательно, не имѣлъ, на чемъ ему аккомпанировать. Ботезини подошелъ къ столу съ пульпетами и, увидавъ ноты, сказалъ:

— Mais vous étiez, s'il semble, disposé à faire le quintetto de Mendelson?... Et bien, si m-r comte Wielhorsky me cédera sa partie de violoncello, je la ferai avec plaisir!...

Играть въ квинтетѣ Мендельсона партію віолончели на контрабасѣ показалось намъ всѣмъ сумасбродствомъ. Начали. И что же? Ботезини исполнилъ эту партію съ такою отчетливостью и знаніемъ, что, если бы я этого самъ не слышалъ и не видѣлъ, никогда бы не повѣрилъ, чтобы это было возможно. Квинтетъ былъ исполненъ на диво. Всѣ выходки партіи віолончели онъ сыгралъ съ рѣдкою утонченностью солиста, а такъ такъ это произведеніе имѣетъ отгѣнокъ симфоническій, игра на контрабасѣ придавала квинтету (B-dur) особенную полноту, которая при віолончели быть не могла. Однимъ словомъ, Ботезини былъ превосходенъ и поразилъ насъ всѣхъ необычайнымъ талантомъ!..

Въ первый день нашего Новаго—1859—года на виллѣ Орестисъ собралось очень много русскихъ поздравить императрицу съ Но-

вымъ годомъ. Наканунѣ прѣхала великая княгиня Марія Николаевна съ великою княжною Марією Максимиліановной, великій князь Николай Николаевичъ Старшій, принцъ Прусскій, а къ утру изъ Лондона—принцъ Уэльскій прислалъ императрицѣ прелестный букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ, которые были такъ свѣжи, какъ будто только что были срѣзаны. Государыня принимала всѣхъ въ саду. Погода была превосходная. Всѣ дамы въ легкихъ туалетахъ. Нѣсколько судовъ нашего военного флота, имѣвшихъ стоянку въ Виллафранкѣ, построились противъ виллы Орестисъ и расцвѣтились разноцвѣтными флагами. Разнообразные мундиры свиты прѣзжихъ высокихъ особъ, все это блестяло и красовалось, и вилла представляла особенно праздничный видъ. Пріемъ продолжался до двухъ часовъ. Всѣ были приглашены къ гофмаршалскому столу къ шести часамъ, а послѣ обѣда предполагались танцы, для чего въ саду была выстроена палатка, разукрашенная гирляндами и цвѣтами.

Среди нашихъ судовъ находилась яхта, принадлежавшая камеръ-юнкеру Мятлеву, прѣхавшему тоже поздравить императрицу. По окончаніи царскаго пріема Мятлевъ пригласилъ многихъ дамъ къ себѣ на яхту. Погода была прелестная. Море—какъ зеркало. И барыни, въ томъ числѣ m-les Фридрихсъ и Пиларъ, съ особеннымъ удовольствіемъ согласились ѣхать съ расчетомъ, чтобы Мятлевъ ихъ доставилъ обратно къ пяти часамъ. Яхта стояла въ полуверстѣ отъ берега, и барыни, какъ были въ легкихъ платьяхъ, накинули на себя мантиліи и отправились въ катеръ на яхту. Послѣ угощенія моряка-любителя пришлось ѣхать обратно. Сѣли въ катеръ, но поднялся, откуда ни возмись, вѣтеръ, а съ нимъ качка. Прибой съ моря становился все сильнѣй и сильнѣй, и, не дожжая саженъ пятидесяти до берега, шквалъ былъ такъ силенъ, что катеръ опрокинулся, и дамы, по поясъ въ водѣ, должны были, яко по суху, добираться до виллы пѣшкомъ. Хотя погода была чудная, было тепло, какъ у насъ въ іюнѣ, но въ половинѣ января взять ванну въ морской водѣ не совѣмъ пріятно... Хорошо еще, что все обошлось благополучно и никто не поплатился здоровьемъ. Экскурсія эта имѣла лишь послѣдствіемъ строгое негодование императрицы.

Припоминается мнѣ также случай довольно интересный. Въ одинъ изъ вечеровъ графъ Вильгорскій читалъ императрицѣ вслухъ какую-то повѣсть по-русски. Въ повѣсти встрѣтилось слово «кровать». Государыня, отложивъ свою работу, обратилась къ графу съ вопросомъ.

— *Mais que veut dire «krovatte»?*

— *C'est un lit, Votre Majesté!*

— *Comment un lit?.. Un lit simple?*

— *Mais oui, madame, un lit ordinaire!*

— C'est étonnant!.. Joukovsky m'a toujours appris, qu'un lit veut dire — одръ ¹⁾.

Можно себѣ представить, какъ всё смѣялись!..

Маленькій хоръ пѣвчихъ, который состоялъ при дворѣ ея величества приводилъ въ восторгъ всёхъ иностранцевъ. По приказанію государыни императрицы были неоднократныя для иностранцевъ спѣвки. Наше церковное пѣніе до того имъ нравилось, что даже лютеранское общество въ Ниццѣ примѣнило нѣкоторые церковныя наши напѣвы къ ихъ псалмамъ, которые и исполнялись при лютеранскомъ богослуженіи. Еще въ сороковыхъ годахъ, по порученію короля прусскаго, многія духовныя сочиненія Бортиянскаго и Львова и между ними напѣвы «Со святыми упокой» и «Милость міра»... греческаго напѣва были примѣнены къ лютеранскимъ молитвамъ. Изданныя въ Берлинѣ директоромъ Домхора (Domchor) Нейгартомъ они исполняются съ особеннымъ тщаніемъ отягченнымъ хоромъ въ воскресныя богослуженія въ берлинскомъ дворцѣ.

Въ то время (1859 г.) въ Ниццѣ проживалъ Мейерберъ и былъ занятъ сочиненіемъ «Fackel-tanz» для предстоящаго праздника—свадьбы наслѣднаго принца прусскаго. Ежедневно въ два часа я съ нимъ гулялъ, и въ продолженіе нашей прогулки онъ очень любилъ рассказывать о всёхъ его успѣхахъ, объ оваціяхъ, ему оказанныхъ, и объ разныхъ приключеніяхъ, испытанныхъ имъ при постановкахъ ново-сочиненныхъ имъ оперъ! Если Мейерберъ—этотъ гений четвертаго акта «Гугенотовъ»—не былъ изъятъ отъ неимовѣрныхъ затрудненій, непріятностей и придирокъ, которыя неизбѣжно встрѣчаются отъ директоровъ театровъ и въ особенности отъ пѣвицъ при постановкѣ новыхъ оперъ, чего же должны ожидать прочіе авторы и композиторы?.. При постановкахъ Мейерберовскихъ оперъ въ парижской «Grand Opéra» извѣстная клака de monsieur David имѣла, какъ Мейерберъ самъ сознавался, огромное вліяніе на первый успѣхъ оперы. А при постановкѣ «Роберта» весь почти театръ былъ скупленъ самимъ композиторомъ и билеты разсланы по знакомымъ и пріятелямъ, такъ какъ только достигнувъ перваго успѣха, будущность оперы была обезпечена и застрахована...

Чтобы имѣть понятіе, какъ работалъ великій маэстро надъ созданіемъ своихъ произведеній, вотъ собственныя его слова, которыя онъ разъ на прощанье сказалъ мнѣ, укутавшись до ушей въ кашнэ, несмотря на то, что было очень тепло:

¹⁾ — А что значить «кровать»?

— Кровать (ложе для сна), ваше величество!

— Какъ кровать?.. Простая кровать?..

— Но, да, государыня, самая обыкновенная кровать!

— Это удивительно!.. Жуковскій всегда меня училъ, что кровать (un lit) значить — одръ.

— Vous pouvez aujourd'hui être content de Meyerber!.. J'ai écrit quatre mesures... et je crois, qu'elles sont bonnes!..

И не мудрено: онъ, работая, непрерывно себя провѣрялъ на маленькихъ клавикордахъ, приставленныхъ къ его письменному столу, передѣлывалъ, что написалъ, по десяти и болѣе разъ, добиваясь той оригинальности, которая поражаетъ въ его оркестровкѣ, Не даромъ Henry Heine сказалъ ¹⁾: «dans les orchestres de Meyerber on trouve des instruments inouis à souffle, des harpes éoliennes, non encore découvertes! Il se sert souvent des instruments les plus objects, les plus ignobles!..»

Между прочимъ, Мейерберъ мнѣ рассказывалъ довольно забавный случай, который передаю съ собственныхъ его словъ.

На музыкальномъ вечерѣ, при небольшомъ кружкѣ, у короля прусскаго въ Потсдамѣ въ 1851 году извѣстный теноръ Роже долженъ былъ пѣть арію изъ «Гугенотовъ». Мейерберъ уже сѣлъ за клавикорды, чтобы ему аккомпанировать, но Роже не могъ найти нотъ своей партіи, листокъ затерялся. Всѣ принялись искать, а король, замѣтивъ нотный листокъ на стулѣ, на которомъ сидѣли m-me Бееръ — мать Мейербера, — обратился къ ней со словами:

— Pardon, madame, c'est un erreur de votre part: ceci n'est pas écrit pour les instruments à vent... ²⁾.

И въ этотъ вечеръ Роже спѣлъ арію восхитительно, хотя болѣе успѣхъ выказалъ въ аріи изъ «Фаворитки». Вообще французскимъ пѣвцамъ и итальянцамъ музыка Доницетти болѣе еродни, чѣмъ мелодіи Мейербера, — нѣмецкая музыка имъ рѣдко удается.

Съ какой похвалой отзывался Мейерберъ о талантѣ брата Алексѣя Ѳедоровича! У меня были ушки на макушкѣ. Особенно онъ находилъ его «Stabat Mater» твореніемъ замѣчательнымъ, въ строго духовномъ стилѣ, подходящимъ къ твореніямъ Перголези.

Императрица зиму проводила въ Ниццѣ, въ апрѣлѣ выѣзжала въ Эмсъ или Соденъ, чтобы возвратиться въ Ниццу въ концѣ сентября. Пребываніе ея на югѣ Франціи надолго осталось въ памяти ниццарцевъ. Эта добрая милая царица, не говоря уже о милостивомъ ея вниманіи ко всѣмъ русскимъ, особенно къ страждущимъ, очень много помогала вообще бѣднѣйшимъ жителямъ Ниццы, которые всегда видѣли въ ней великую свою благотворительницу.

¹⁾ Paris, in 18°, 1855.

²⁾ Извините, сударыня, вы ошиблись: это не для духовыхъ инструментовъ.

II.

Въ Москвѣ.

Московская театральная школа и ея преобразование—1860—1863 г.г.—Учителя, ученики и воспитанницы школы.—Вниманіе ихъ величествъ къ московскимъ театрамъ.—Блестящіе сборы и барышничество театральными билетами.—Состояніе московскихъ императорскихъ театровъ за время моего директорства.—Нелады съ графомъ Адлербергомъ и моя отставка.

При поступленіи въ должность управляющаго московскими театрами въ 1860 году я засталъ театральное училище въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи. Это было не училище, а плохая танцевальная школа безъ знающаго и дѣльнаго преподавателя танцевъ. Воспитанницы не получали, въ сущности, никакого воспитанія, а все научное ихъ образованіе ограничивалось преподаваніемъ приходскимъ священникомъ начальной грамоты. Помѣщеніе школы ¹⁾ было до невозможности тѣсное, неопрятное, и хотя школа была въ завѣдываніи инспектора Обера, но нельзя не подивиться, что съ его образованіемъ она могла быть доведена до такого жалкаго состоянія. Дѣти, готовящіяся къ поступленію на сцену, дѣлились на два разряда—на воспитанницъ, живущихъ въ школѣ, и на учениковъ и ученицъ экстерновъ, приходящихъ въ классъ танцевъ. Если не обращалось должнаго вниманія на воспитанницъ, экстерны были положительно брошены на произволь. Училище требовало самаго радикальнаго и неотложнаго преобразованія. Но, чтобы приступить къ какимъ-либо реформамъ и измѣненіямъ существовавшаго тогда порядка, при равнодушіи министерства ко всему относящемуся до московскихъ театровъ, приходилось преодолевать очень, очень много затрудненій и препятствій. Но съ твердымъ желаніемъ имѣть при театрахъ надлежащую школу мнѣ удалось пересоздать ее и уже въ 1862 году она стала неузнаваемой. Не довольствуясь изученіемъ только танцевъ, слѣдовало придать болѣе серьезный характеръ занятіямъ дѣвицъ, необходимо было дать воспитанницамъ, живущимъ въ училищѣ, и воспитаніе, и образованіе для формироваія драматическихъ актрисъ, безъ чего актрисой быть немыслимо. Преподаваніе въ школѣ не могло ограничиваться знаніемъ четырехъ правилъ ариеметики, грамматики, легкаго чтенія и чистописанія. Для научнаго образованія были приглашены дѣльные преподаватели: между прочимъ П. Е. Басистовъ, человекъ съ большимъ умомъ, знаніемъ и замѣчательной логикой, Толстопятовъ по части исторіи вообще и драматическаго

¹⁾ Театральная школа помѣщалась на Б. Дмитровкѣ въ казенномъ домѣ, гдѣ нынѣ контора императорскихъ московскихъ театровъ, но до капитальной ея перестройки. Домъ бывшій кантонистовъ, на Неглинной, въ которомъ и въ настоящее время помѣщается императорское театральное училище, тогда отдѣлялся подъ училище. Авт.

искусства въ особенности, знаменитый артистъ И. В. Самаринъ собственно для сценическаго и драматическаго искусства и изъ Флоренціи былъ ангажированъ балетмейстеръ Блазисъ, преподаватель строгой школы, для классическаго изученія танцевъ, мимики и граціи, какъ бы изгнанной нынѣ со сцены, почему и балеты не имѣютъ прежней прелести и поэзіи. Для преподаванія пѣнія были приглашены г-жа Симоне (premier prix de conservatoire de Paris), которая подготовляла воспитанницъ для уроковъ г-жи Лабордъ—извѣстной европейской пѣвицы и преподавательницы. Главное же вниманіе было направлено на то, чтобы дать возможность дѣвицамъ, готовящимся поступить на сцену, проявить на практикѣ свои наклонности и лишь по испытаніи своихъ силъ на маломъ школьномъ театрѣ и на сценѣ Малаго театра въ свободное отъ занятій время, гдѣ пѣніе и танцы шли рука объ руку съ драмой и комедіей, развивать согласно способностямъ избранную специальность. Результаты реформированной школы были блестящи. По истеченіи перваго же года восемь воспитанницъ оказались съ выдающимися драматическими дарованіями. Особенно же отличились дебютантки г-жа Познякова (впослѣдствіи Г. Н. Оедотова) и Никулина. Первая изъ нихъ выказала замѣчательно тонкое пониманіе ролей и яркую способность вѣрно выражать самые разнообразныя оттѣнки душевныхъ движеній.

Не малая забота была, хотя по возможности, устроить экстерновъ, образованіе которыхъ ограничивалось только изученіемъ танцевъ и назначеніемъ въ балетные спектакли или выходными въ Малый театръ. Внѣ класса танцевъ дѣти оставались безъ всякаго надзора на произволъ ихъ собственныхъ наклонностей, что, конечно, имѣло вредное вліяніе на ихъ нравственное развитіе, и будущность дѣтей, ввѣренныхъ родителями театральному управленію, лежала прямо на отвѣтственности дирекціи. Численность ихъ доходила до 250 дѣтей; по достиженіи пятнадцати-шестнадцати-лѣтняго возраста ихъ зачисляли въ кордебалетъ съ ничтожнымъ содержаніемъ, и если кордебалетъ все-таки комплектовался экстернами, приманкой была пенсія за двадцать лѣтъ службы. Сознавая всю необходимость устроить ихъ положеніе, по недостаточности средствъ я вынужденъ былъ ограничиться, кромѣ танцевъ, обученіемъ ихъ лишь Закону Божію и начальнымъ наукамъ въ той мѣрѣ, насколько это поверхностное образованіе пригодилося бы каждому экстерну въ случаѣ, если бы онъ, по неспособности къ какой-либо отрасли искусства, оставилъ сценическое поприще. Надзоръ за ними я поручилъ особенному лицу, а именно артисту Колосову; желающіе себя испытать въ драматическомъ искусствѣ могли обращаться за совѣтами и наставленіями къ Самарину, тѣ же, которые имѣли призваніе быть музыкантами, обучались игрѣ на струнныхъ инструментахъ у двухъ артистовъ изъ оркестра. Для облегченія

родителей и поощренія экстернамъ, въ случаѣ ихъ участія на сценѣ, выдавалась небольшая поспектакльная плата. Въ результатѣ или успѣхѣ этихъ мѣропріятій мнѣ не удалось удостовѣриться за краткостью времени введенія реформы. По выходѣ же моемъ изъ театра никого не нашлось съ должной энергіей, чтобы взять экстерновъ подъ свое покровительство, и предпріятыя мною мѣры были отмѣнены.

Съ пріѣздомъ балетмейстера Блазиса, человѣка весьма знающаго, танцевальное искусство процвѣтало, и можно приписать его преподаванію, отличавшемуся строгой классической методой, успѣхи нѣкоторыхъ воспитанницъ театральной школы, какъ-то: Дюшенъ, Рябовой, Карпаковыхъ первой и второй и другихъ. На пробныхъ спектакляхъ Малаго театра въ концѣ драматическихъ представленій воспитанницы исполняли дивертисментъ изъ характерныхъ танцевъ. На одномъ изъ такихъ дивертисментовъ въ присутствіи государя императора Дюшенъ отличилась въ «качуча» и была осчастливлена вызовомъ въ ложу его величества. Къ сожалѣнію, всѣ эти подававшія надежды воспитанницы повыходили замужъ. Говорю къ сожалѣнію потому, что Дюшенъ, напимѣрь, совсѣмъ некрасивая дѣвушка, своею граціею и мимикой выказывала особенное дарованіе и могла стать дѣйствительно первенствующей танцовщицей. Замужество убиваетъ артистку. Домашнія заботы не позволяютъ ей предаваться своему искусству, почему я всегда ставилъ въ этомъ препятствія. Припоминается мнѣ, какъ однажды императрица въ театрѣ, восхваляя танцующихъ воспитанницъ, спросила меня:

— Et quel est le sort de ces demoiselles, ont elles des familles, se marient elles?

— Pendant que je suis directeur des théâtres, j'ose espérer, Votre Majesté, qu'elles ne se marieront pas. Si la famille les soutient et les protège, autant le mari, le ménage leur fait perdre la scène ¹⁾.

Въ пріѣзды царской фамиліи въ Москву государь не только посѣщалъ весьма часто спектакли, но неоднократно бывалъ и на репетиціяхъ въ Большомъ театрѣ. Однажды его величество пожаловалъ на репетицію оперы «Гугеноты», но она не могла заинтересовать его. Государь пожелалъ, чтобы вечеромъ вмѣсто «Гугенотовъ» былъ поставленъ, если возможно, балетъ «Орфа», желая, какъ онъ отозвался, показать его принцу, и милостиво прибавилъ:

— Я хочу похвастать своею танцовщицей Лебедевой ²⁾!

¹⁾ — Какова судьба этихъ дѣвушекъ, есть ли у нихъ семьи, выходятъ ли онѣ замужъ?

— Пока я директоромъ театровъ, я надѣюсь, ваше величество, что онѣ не выйдутъ замужъ. Если семья поддерживаетъ ихъ и оберегаетъ, то мужъ и супружеская жизнь заставляютъ бросать сцену.

²⁾ Лучшая танцовщица того времени.

«истор. вѣстн.», декабрь 1914 г., т. сxxxviii.

Конечно, спектакль былъ измѣненъ, и театръ, несмотря на перемѣну, оказался совершенно полнымъ. Балетъ былъ очень удаченъ. Государь, пожаловавъ на сцену въ антрактѣ, подошелъ къ Лебедевой и милостиво сталъ съ нею разговаривать; въ этотъ моментъ Лебедева стояла на трюмѣ, машинисты подъ поломъ хотѣли что-то исправить, неосторожно сдвинули трюмъ, Лебедева, вскрикнула, государь... ¹⁾).

Къ моему большому удовольствію, театры сильно посѣщались. Театроманія овладѣла и высшимъ обществомъ, и среднимъ классомъ. И если отличные сборы мнѣ доказывали, что публика была довольна, барышничество билетами, въ сильной степени развившееся, возбуждало общее негодованіе. Обвиняли меня въ бездѣйствіи, обвиняли кассировъ, обвиняли и полицію, но при всемъ желаніи отклонить это негодованіе публики, всѣ старанія театральнаго управленія и оберъ-полицеймейстера графа Крейца и полковника Огарева были тщетны,—мы не могли ни искоренить, ни приостановить, ни даже уменьшить эту промышленность. Съ утра до вечера эти торгаша толпились около театровъ и предлагали желающимъ билеты, конечно, за высшую цѣну. Театральная касса открывалась въ девять часовъ утра, продажа билетовъ производилась въ день назначеннаго спектакля (записываніе заранѣе билетовъ строго преслѣдовалось). Барышники съ ранняго утра дѣлали la queue у входа и тѣмъ предупреждали большинство публики и въ особенности высшее общество; отказывать имъ въ билетѣ или отгонять отъ кассы повода не было, а разъ купленъ билетъ въ кассѣ кѣмъ-либо, онъ дѣлается собственностью купившаго, и никто не въ правѣ ему запретить его перепродать. Въ отношеніи кассировъ всѣ строгости были приняты, полиція тщательно слѣдила и преслѣдовала барышниковъ, чтобы они не торговали вблизи театра, но всѣ общія старанія къ искоренію перепродажи ни къ чему не привели. Большой успѣхъ представленій и приливы публики удовлетворяли вполнѣ управленіе, сборы были отличные, да и самое негодованіе на барышничество, правду сказать, мнѣ немного льстило и доказывало, что публика не охладѣвала къ театрамъ, а наоборотъ, и если бы возможно было расширить театральныя помѣщенія,—барышничество и торговля билетами неминуемо бы сократились.

Въ особенности Малый театръ былъ постоянно переполненъ. И причина тому лежала въ рѣдкостномъ подборѣ талантовъ и замѣчательномъ ансамблѣ драматическихъ представленій, дававшихъ право нашему театру соперничать съ лучшими театрами Европы. Достаточно назвать имена Щелкина, Садовскаго, Самарина, Шум-

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ въ воспоминаніяхъ Л. О. Львова, написанныхъ начерно, оставленъ пробѣлъ.

скаго, Живокини, Полтавцева, Медвѣдовой, Васильевой, Колосовой, Акимовой, Косицкой, Шубертъ и юныхъ Поздняковой (Федотовой) и Никулиной, чтобы имѣть понятіе о той славной порѣ, въ которую довелось мнѣ управлять этимъ театромъ. Правда, въ послѣдній годъ моего директорства (1863 г.) знаменитому ансамблю создались серьезныя угрозы. М. С. Щепкинъ, по преклонности лѣтъ, уже рѣдко выступалъ на сценѣ ¹⁾. Трагикъ Полтавцевъ не могъ одинъ поддерживать тотъ трагическій репертуаръ, который составлялъ собственно его амплуа, а Самаринъ, слишкомъ двадцать лѣтъ занимавшій роли перваго любовника, уже самъ просился на другія роли. Нужно было подумать объ укомплектованіи, за увольненіемъ нѣкоторыхъ бесполезныхъ лицъ, новыми актерами. Дѣло было тѣмъ болѣе трудное, что московское театральное училище не имѣло воспитанниковъ. Поэтому для поддержанія русской драматической труппы въ будущемъ я находилъ весьма полезнымъ имѣть въ училищѣ воспитанниковъ, выбранныхъ изъ наиболѣе способныхъ къ драматическому искусству экстерновъ. Число такихъ воспитанниковъ не должно было быть болѣе десяти, чтобы не обременять дирекцію производствомъ имъ жалованья по выпускѣ ихъ изъ училища, причемъ дирекція не должна была брать обязанности давать мѣста по выпускѣ всѣмъ непременно (какъ это дѣлалось относительно дѣвицъ, выпускаемыхъ изъ театральной школы), а только достойнѣйшимъ изъ выбранныхъ десяти. До приведенія въ исполненіе этой мѣры единственными мѣстами, откуда могли быть ангажируемы новые актеры, служили спектакли любителей; отсюда и приглашенъ былъ подававшій большія надежды комикъ Федотовъ, и также провинціальныя сцены, куда я предлагалъ командировать компетентное лицо для присканія новаго *jeune premier*, въ которомъ московская труппа имѣла настоящую потребность. Кромѣ того, я находилъ полезнымъ отпускать молодыхъ артистовъ Малаго театра съ сохраненіемъ содержанія на провинціальныя сцены, гдѣ они могли бы, чаще выступая на сценѣ, скорѣе усовершенствоваться. Успѣхамъ Малаго театра вредили и размножившіеся бенефисы (восемнадцать въ 1862—1863 г.г.). Бенефисъ ставилъ часто артистовъ въ необходимость наскоро разучивать новыя роли и тѣмъ, препятствуя развитію дарованій, приносилъ существенный вредъ дирекціи, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ художественномъ отношеніи. Въ цѣляхъ сокращенія числа бенефисовъ я ихъ скупалъ. Такъ, въ послѣдній сезонъ были скуплены бенефисы Щепкина, Дмитревскаго, Степанова, Никифорова, Соколова и Рыкаловой. Интересъ къ драмѣ поддерживали въ 1862—1863 г.г. также пріѣзжіе гастролеры,

¹⁾ Въ послѣдній годъ директорства Л. О. Львова—въ 1863 году (11-го августа)—М. С. Щепкинъ скончался.

какъ Самойловъ изъ Петрограда и знаменитый африканскій трагикъ Айра-Ольриджъ, давшій четырнадцать представлений.

Московскій балетъ стоялъ на довольно высокой степени совершенства. Онъ былъ почти весь составленъ изъ артистовъ, получившихъ свое образование въ московскомъ театральномъ училищѣ, и отличался замѣчательными талантами. Любимицей публики была прекрасная танцовщица Лебедева; только что выпущенная тогда на сцену Собещанская сдѣлалась вскорѣ также украшеніемъ московскаго балета; большой похвалы заслуживали танцовщики: Соколовъ, Ермоловъ, Кузнецовъ и Рейнстаузенъ, особенно послѣдній въ мимическихъ роляхъ. Подавали большія надежды питомицы театральнаго училища: Дюшень, Карпаковы, Рябова, Савицкая и многія другія. Въ балетмейстерѣ Блазисѣ я нашелъ отличнаго профессора танцевъ, но, по преклонности лѣтъ, онъ былъ весьма медленъ въ постановкахъ балетовъ и очень утомлялъ участвовавшихъ огромнымъ числомъ репетицій, да и самыя балеты не имѣли той живости, свѣжести и занимательности, которыхъ требовалъ современный вкусъ. Большимъ, однако, успѣхомъ у публики пользовались поставленные имъ балеты: «Орфа» и «Два дня въ Венеціи». При мнѣ были уничтожены дивертисменты на Маломъ театрѣ, отягощавшіе балетныхъ артистовъ совершенно понапрасну и вводившіе дирекцію въ излишніе затрудненія и расходы—публика совершенно ими не интересовалась.

Итальянская опера, подъ управленіемъ Віанези, пользовалась самыми прочными симпатіями у московской публики. Режиссеръ Кароцци отличался весьма тщательными постановками оперъ. Между прочимъ, при мнѣ были поставлены впервые оперы: «Гвельфы и Гибеллины», «Отелло», «Баль-маскарадъ», «Марта», «Эрнани», «Фаворитка» и др.

Зато русская опера (подъ управленіемъ Штуцмана) была въ самомъ печальномъ положеніи. Можно сказать, что съ уходомъ примадонны Семеновы и баса Курова, совершенно при мнѣ спавшихъ съ голосовъ, русской оперы не существовало вовсе¹⁾. Бездарныя пѣвцы и пѣвицы только обременяли дирекцію получаемымъ содержаніемъ. Пришлось испросить разрѣшеніе министра укомплектовать труппу чехами и богемцами, хорошо знающими музыку и по языку своему близкими къ русскому. Я не дождался обновленія группы, хотя хорошо сознавалъ, что Москва не можетъ оставаться безъ русской оперы, какъ по замѣчающейся въ публикѣ потребности въ русскомъ пѣніи, такъ и потому, что безъ нея русскимъ молодымъ талантамъ рѣшительно не было бы никакой возможности развиваться, такъ какъ провинціальныя оперъ нигдѣ не имѣлось.

¹⁾ Въ 1862—1863 г.г. было дано всего 13 спектаклей русской оперы, а итальянской—75.

Если не считать русскую оперу, дававшую ежегодно дефицитъ, остальные спектакли на обонхъ московскихъ театрахъ за мое управленіе имѣли и художественный, и матеріальный успѣхъ. Общіе сборы съ театровъ въ 1860—1861 г.г. дали 263.123 р. 71 к., а въ 1861—1862 г.г.—382.150 р. 65 к. и въ 1862—1863 г.г.—368.743 р. 5 к.

Съ каждымъ прїѣздомъ государя императора въ театръ его высокое вниманіе и милостивое одобреніе, которымъ онъ меня награждалъ, мнѣ придавали новыя силы и энергію къ достиженію желаемого успѣха въ постановкахъ, что имѣло огромное вліяніе и на моихъ артистовъ.

Долженъ сказать, что всѣ состоящія при театрѣ лица, начиная отъ ламповщика, всѣми мѣрами старались мнѣ угодить, и общее ихъ усердіе выказывалось на успѣшности обстановокъ.

Однако, несмотря на всѣ успѣхи театрального управленія, на всѣ улучшенія сценической части, на довольство артистовъ и московскаго общества, отношенія мои къ министру императорскаго двора становились невыносимыми. Видя явное преслѣдованіе если не графа В. Ө. Адлерберга, такъ его подчиненныхъ, которые всячески возбуждали его сїятельство противъ меня, я вынужденнымъ нашелся положить конецъ такому положенію...

III.

Въ отставкѣ.

Жизнь въ Казани и въ моей деревнѣ Садиловѣ. — Письмо графа П. А. Шувалова о неизмѣнномъ ко мнѣ расположеніи его величества государя императора. — Поѣздка въ Петербургъ. — Визитъ къ министру двора. — Толки и слухи о причинѣ моей отставки. — Встрѣча въ антрактѣ на сценѣ Большого театра съ государемъ и милостивые его разспросы. — Отвѣтъ министра на заявленія графа Борха о назначеніи меня вице-директоромъ императорскихъ театровъ. — Возвращеніе въ деревню. — Какъ Казань встрѣчала и провожала государя императора.

Оставленіе мною театровъ и внезапная отставка много надѣлали шума и возбудили толковъ въ Москвѣ. Хотя съ годъ уже я предвидѣлъ этотъ непремѣнный исходъ моихъ отношеній къ министру, но публика, видя лишь всѣ оказываемыя мнѣ милости царя, достигнутыя сценическіе успѣхи, неутомимую мною дѣятельность, — не могла понять причины неожиданнаго оставленія мною театровъ. Сочувствіе общества и артистовъ въ испытанныхъ мною непрїятностяхъ явно мнѣ доказывало, насколько оно было расположено ко мнѣ, и, чтобы избѣжать всѣхъ нескончаемыхъ разспросовъ и соболѣзнованій и визитовъ всего общества, я поспѣшилъ оставить Москву, въ пять дней собрался со всѣмъ семействомъ и выѣхалъ къ себѣ въ Казань.

Зиму мы жили въ городѣ, а съ весною переѣхали въ деревню Садилово.

Деревенская жизнь и занятія по хозяйству имѣнія меня заняли, и я уже мирился съ этою жизнью, хотя совершенно не былъ къ ней подготовленъ, употребивъ съ молодыхъ лѣтъ всю дѣятельность мою службѣ. Новость занятій, цвѣты, стройка дома, чтобы помѣстить все семейство, домашняя музыка заставляли проводить время очень пріятно. Но при этомъ не могу не сознаться, что оставленіе службы на меня сильно подѣйствовало и я былъ не только разсерженъ всеѣмъ случившимся, но и огорченъ. Какъ, къ удивленію моему, неожиданно получаю официальное письмо отъ графа Петра Андреевича Шувалова, въ которомъ онъ меня увѣдомляетъ, что государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ меня извѣстить, что высочайшее его ко мнѣ расположеніе остается неизмѣннымъ и что его величеству было бы весьма пріятно, чтобы я вновь употребилъ мою испытанную дѣятельность на пользу государственной службы. Сообщение это мнѣ крайне польстило, но вмѣстѣ съ тѣмъ и удивило. Толкамъ, предположеніямъ, разспросамъ не было конца, какъ я узналъ, что извѣщеніе графа Шувалова было слѣдствіемъ письма моей старшей дочери Елизаветы Леонидовны Верещагиной къ графинѣ Шуваловой, въ которомъ, передавая всѣ подробности и причины моей отставки, просила ея заинтересовать графа Петра Андреевича моимъ настоящимъ тяжелымъ сомнѣніемъ, не повліяло ли нерасположеніе графа Адлерберга на милостивое вниманіе государя, которымъ онъ меня всегда награждалъ.

По полученіи официального извѣщенія графа Шувалова я отправился въ Петербургъ. Графъ меня чрезмѣрно обласкалъ, передалъ мнѣ на словахъ всѣ подробности его доклада государю обо мнѣ и тотъ милостивый отзывъ о службѣ и способностяхъ моихъ, съ которымъ его величеству благоугодно было отнестись, и при этомъ добавилъ, что государь, желая меня видѣть на служебной дѣятельности, желаетъ также, чтобы предварительно я помирился съ графомъ Адлербергомъ, намекая при этомъ, что имѣется предположеніе назначить меня вице-директоромъ императорскихъ театровъ и что поэтому мнѣ необходимо сойтись съ министромъ двора.

— Мириться съ министромъ? Да я и не ссорился и ссориться не могъ!

Я отвѣчалъ графу, что я весьма счастливъ буду исполнить приказанія его величества и усугублю мои старанія и усердіе быть ему угоднымъ, чтобы хоть нѣсколько заслужить высокое вниманіе его, но я недоумѣваю, что именно мнѣ слѣдуетъ предпринять для этого и какъ мнѣ поступить?

— Повторяю,—сказалъ графъ:—государю угодно, чтобы отношенія ваши къ графу Владимиру Федоровичу измѣнились и для этого поѣзжайте сегодня же къ нему *et tachez d'être aimable!*

— Да онъ меня не приметъ.

— Приметь!.. Но если бы не принялъ, оставьте ему письмо, напишите сейчасъ, я вамъ его продиктую!..

Графъ продиктовалъ мнѣ письмо съ извиненіями и съ изъявленіями моего отчаянія, что могъ совершенно неумышленно навлечь на себя его негодование; что если я увлекся успѣхами по управленію театрами, эти увлеченія были послѣдствіемъ лишь стремленія моего ему же угодить, что я былъ бы счастливъ доказать на новомъ поприщѣ моего служенія въ министерствѣ двора все мое стараніе и усердіе быть полезнымъ службѣ и проч., и проч.

Письмо я написалъ, конечно, очень неохотно, запечаталъ тутъ же у графа въ кабинетѣ и отправился къ графу Адлербергу. Швейцаръ, при моемъ появленіи, улыбнулся и объявилъ, что графъ не принимаетъ,—я этого ожидалъ и передалъ мое приготовленное письмо.

Мой пріѣздъ въ Петербургъ возбудилъ въ городѣ много толковъ, передавали на всѣ лады столкновеніе графа Адлерберга со мною; были личности очень высокопоставленныя, которыя въ угожденіе министру двора мнѣ приписывали не только безпорядки, но всевозможныя злоупотребленія и находили нетерпимымъ меня имѣть на службѣ. Другіе—и во главѣ великій князь Николай Николаевичъ и принцъ Ольденбургскій—сильно возмущались обращеніемъ графа Адлерберга и громко отстаивали меня, и я долженъ сказать, что послѣднихъ было болѣе. Всѣ эти толки и разговоры явно доказали, до чего реномэ московскихъ театровъ занимало общество.

Графиня С. И. Борхъ, возвратившись съ обѣда въ этотъ день у княгини Кочубей, мнѣ передала, что въ продолженіе всего обѣда только и было рѣчи о томъ, кто будетъ правъ въ этой исторіи, и на возраженіе одного изъ присутствующихъ, что графъ Адлербергъ никогда не согласится вновь принять меня на службу, графъ Шуваловъ во всеуслышаніе за столомъ сказалъ:

— Il n'est pas dit, qu' Adlerberg dira le dernier mot...

Хотя я вовсе не былъ расположенъ вечеромъ ѣхать въ театръ, но графъ Борхъ непремѣнно требовалъ отправиться съ нимъ въ Большой театръ, гдѣ давали балетъ, и вся царская фамилія находилась въ театрѣ. Въ антрактѣ графъ Борхъ повелъ меня на сцену, артисты меня окружили, какъ вошелъ государь. Будучи уже постороннимъ лицомъ на сценѣ, я поспѣшилъ удалиться за кулисы, но государь, увидавъ меня, подозвалъ, милостиво разспрашивалъ, когда я пріѣхалъ, доволенъ ли петербургскими талантами и особенно хвалилъ какую-то изъ танцовщицъ, а великій князь Николай Николаевичъ пожелалъ, чтобы на другой день утромъ я былъ у него для передачи ему всѣхъ подробностей моей отставки.

— *Où en sont tous vos démêlés avec le ministre,*—сказалъ онъ.

Графа Адлерберга я въ театрѣ не видалъ, но графъ Борхъ разговаривалъ съ нимъ въ ложѣ и, настаивая на томъ, чтобы я былъ назначенъ вице-директоромъ, получилъ въ отвѣтъ:

— *Jamais je ne le permettrai!.. lui ou moi!..*

На другой день я получилъ отъ министра формальный отвѣтъ на мое письмо, которымъ онъ меня увѣдомлялъ, что, по неимѣнію въ министерствѣ свободныхъ вакансій, онъ меня принять на службу не можетъ.

Не могу умолчать, что почтенный и добрый графъ Борхъ все свое стараніе прикладывалъ и всячески настаивалъ, чтобы я вновь поступилъ на службу, но всѣ его домогательства были тщетны, и я, пробывъ въ Петербургѣ двѣ недѣли, вынужденъ былъ возвратиться въ свое мирное Садилово и приняться за мои цвѣты, которые могли возбудить зависть развѣ только у сосѣдей-садовниковъ...

Нашъ жандармскій окружный генералъ Житковъ увѣдомилъ меня, что графъ Шуваловъ, сопровождая государя въ его путешествіи по Волгѣ, желаетъ со мною видѣться по пріѣздѣ въ Казань. За день до прибытія царя я пріѣхалъ въ Казань—и города не узналъ: онъ представлялъ особенно праздничный видъ. Всѣ всполошились, всѣ были на ногахъ, суетились, на улицахъ толпились крестьяне, татары, развѣшивали флаги, готовили иллюминацію, суетня, бѣготня были страшныя!.. Но, несмотря на всѣ старанія и хлопоты, едва ли когда встрѣча царя была гдѣ-либо столь неудачна, какъ у насъ въ Казани.

Наканунѣ пріѣзда государя предводитель дворянства Осокинъ пригласилъ все общество на приготовленный имъ пароходъ встрѣтить царя на Волгѣ, а голова города пригласилъ на свой пароходъ купечество съ женами, и оба парохода въ семь часовъ утра со всѣмъ обществомъ поплыли вверхъ по Волгѣ. Въ десяти верстахъ отъ города они встрѣтили пароходъ, подошли, дамы стали бросать букеты и цвѣты, кричать «ура», какъ съ парохода намъ отвѣчаютъ, что пароходъ государя уже за полчаса проплылъ, а это царская кухня! Можно себѣ представить разочарованіе—повернули назадъ, но уже нельзя было догнать царскій пароходъ, и на пристани, чтобы встрѣтить государя, кромѣ губернатора Скарятина и окружнаго генерала Глинки, никого не было, а полиція распорядилась отогнать и крестьянъ, и татаръ, и пустая пристань должна была произвести впечатлѣніе не весьма пріятное. Государь сѣлъ въ коляску и поѣхалъ прямо въ соборъ. Его встрѣтилъ настоятель протопопъ собора на паперти, съ крестомъ и святой водою. Государь приложился, а священникъ тутъ же повернулся, чтобы итти въ соборъ. Государь ему велѣдъ сказалъ:

— Подождите, батюшка, со мною сынъ!

Священникъ, сконфуженный, вернулся. Великій князь приложился къ кресту. Священникъ опять обернулся, чтобы итти.

— Да подождите же! Со мною и другой сынъ!

Священникъ совсѣмъ растерялся, и велѣдъ за нимъ государь вошелъ въ соборъ.

Изъ собора государь заѣхалъ во дворець, переодѣлся и отпра-вился на Арское поле, гдѣ были собраны войска Казанскаго округа. Ученіе было весьма неудачное. Государь былъ очень недоволенъ, разсылалъ Нарышкина (генерала свиты) и Тучкова (флигель-адъютанта) съ приказаніями, но приказы не исполнялись, и не разъ государь обращался къ старику Глинкѣ съ неудовольствіемъ.

Въ военномъ госпиталѣ ожидали, что государь, проѣздомъ на Арское поле заѣдетъ въ госпиталь, и начальство распорядилось, зная, что священникъ госпиталя человекъ весьма нетрезвый, пригласить для встрѣчи царя, на случай, если государю благоугодно будетъ зайти въ церковь, священника ближайшей приходской церкви св. мученицы Варвары, который, видя, что государь не заѣхалъ въ госпиталь, разсудилъ уйти. Но государь пріѣхалъ въ госпиталь по окончаніи смотра. Лѣстница была устлана краснымъ сукномъ, но сукно не было пристегнуто къ ступенямъ.

Государь, поднимаясь по лѣстницѣ, изъ осторожности долженъ былъ входить уже стороною и изволилъ отозваться:

— Въ мои годы уже не приходится считать костями ступеньки, да и неприлично устилать лѣстницу госпиталя интендантскимъ сукномъ!

Обойдя нѣкоторыя больничныя палаты, государь, разспрашивая очень милостиво больныхъ солдатъ и подойдя къ двери, у которой стоялъ у рукоятки сторожеъ, спросилъ:

— Что это?

— Церковь, ваше величество!

— Открой!

Двери распахнулись. А священникъ госпиталя, котораго начальство намѣчало удалить, пьяный, поднялъ рясу на плечи, спиною къ дверямъ, приплясывая, напѣвалъ:

«Спаси, Господи, люди твоя!»

Государь, не входя въ церковь, обернулся и закричалъ:

— Затвори!

И затѣмъ оставилъ госпиталь, не сказавъ ни слова кому-либо.

Обѣхавъ университетъ, женскій институтъ, татарскую учительскую школу и нѣкоторыя богоугодныя заведенія, государь вернулся во дворець къ пяти часамъ, а въ пять съ половиной былъ назначенъ обѣденный столъ, къ которому были приглашены всѣ начальствующія лица.

Отѣздъ царя назначенъ былъ въ девять часовъ вечера, но государь, не дождавшись конца обѣда, всталъ, за нимъ и всѣ встали. Переодѣвшись въ ближайшей комнатѣ, потребовалъ коляску ѣхать на пароходъ.

Было совершенно еще свѣтло, но усердные распорядители поспѣшили зажигать иллюминацію; флаги отъ сильнаго вѣтра подпалились, и вмѣстѣ съ ними подпалился домъ городской думы.

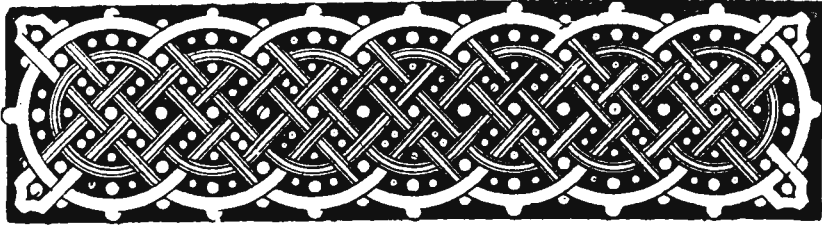
При самомъ выѣздѣ государя изъ воротъ Кремля первый домъ по Воскресенской улицѣ городской думы былъ объятъ пламенемъ; вся площадь была полна народомъ, пожарные заперудили всю улицу, крикъ, суета страшные, такъ что царь вынужденъ былъ встать въ экипажѣ и кричать, чтобы ему дали дорогу, чтобы проѣхать.

Пріѣхавъ на пристань, государь сѣлъ на пароходъ и немедленно приказалъ отойти отъ берега, бросить якорь и въ трехъ верстахъ отъ города ночевалъ на Волгѣ.

Такъ казанцы встрѣтили и проводили царя.

Л. О. Львовъ.

И. А. ГОНЧАРОВЪ О ВОСПИТАНІИ.

ВЪ НАЧАЛѢ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка И. А. Гончаровъ познакомился за границей съ одной русской семьею Б.

Въ семьѣ этой была дѣвочка-дочь, только что вышедшая изъ подростковъ и формировавшаяся въ дѣвушку. Гончаровъ звалъ ее «милой отроковицей», и смотрѣлъ на нее, какъ на полуробенка.

Это было какъ разъ то время, когда началъ печататься «Обрывъ». Въ гостиныхъ и салонахъ тогдашняго Петербурга много было толковъ и говора объ этомъ романѣ. «Отроковица» потребовала, чтобъ и ей позволили читать романъ Ивана Александровича, съ предыдущими произведеніями котораго она была знакома. Часть родни соглашалась съ этимъ требованіемъ, другая была противъ. Наконецъ въ эксперты по этому вопросу былъ привлеченъ самъ авторъ, къ которому отнесся отецъ «отроковицы». Вотъ что отвѣтилъ онъ на предложенный ему вопросъ.

«Я получилъ сію минуту вашу записку, многоуважаемый N. N.,— и спѣшу отвѣтомъ.

«Вы, конечно, въ шутку обратились ко мнѣ за педагогическимъ совѣтомъ относительно окончательнаго воспитанія вашей милой ***. Какой я педагогъ—старый холостякъ, да еще въ дѣлѣ воспитанія дѣвицы!

«Къ этому вопросу, вѣроятно, подала поводъ моя встрѣча съ *** (названа жена адресата), которая проговорила, что дастъ дочерп

читать романъ «Обрывъ». Я позволилъ себѣ только замѣтить, что для пятнадцатилѣтней дѣвушки рано читать романы (обыкновенно сильно дѣйствующіе на воображеніе, въ ущербъ прочимъ способностямъ) вообще, а этотъ романъ (впрочемъ, очень нравственный, — за это я стою) въ особенности.

«Замужняя женщина или созрѣвшая вполне дѣвушка поймутъ, конечно, не одну фабулу романа, но также значеніе и смыслъ, и если не извлекутъ пользы для себя, то и не почерпнутъ оттуда ничего вреднаго. Тогда какъ для ранняго возраста очевидны и понятны будутъ одни факты, а смыслъ будетъ темень. А для возраста вашей дочери преждевременны и эти факты и смыслъ ихъ.

«Только противъ этого я и хотѣлъ остеречь П. Я—ну,—которая не могла знать, что будетъ въ слѣдующихъ частяхъ романа, оттого и дала его дочери,—это мое право и долгъ автора, не желающаго никому вреда отъ своей книги.

«Больше едва ли въ чемъ-нибудь я могу быть вамъ полезенъ. Развѣ укажу вамъ еще на одно прекрасное дѣло, которое предприняли нѣкоторыя здѣшнія дамы: это открыть для женщинъ высшіе курсы чтенія, наподобіе университетскихъ, что, кажется, имъ уже разрѣшено.

«Когда ваша дочь достаточно подготовится, у ней есть надежда впереди довершить свое воспитаніе этимъ лучшимъ, рациональнымъ способомъ, если только мысль эта осуществится и найдетъ въ обществѣ поддержку.

«Я пришелъ бы самъ сказать вамъ это, но я теперь очень занятъ продолженіемъ печатанья своей книги и никуда не выхожу.

«Примите увѣренія въ моему искреннему почтеніи и преданности и передайте таковыя же вашему доброму семейству.

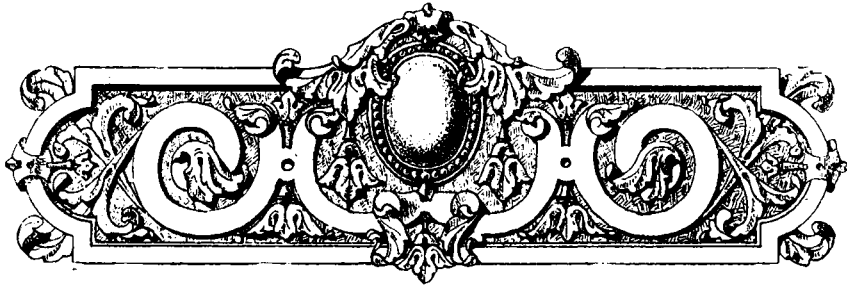
«И. Гончаровъ».

Хотя Гончаровъ былъ противъ напечатанія своей частной переписки, и не разъ мнѣ это высказывалъ, но мнѣ кажется, что настоящее письмо не принадлежитъ къ письмамъ частнаго характера, а имѣетъ общественное значеніе и характеризуетъ взгляды самого И. А.

Въ настоящее время письмо это находится въ коллекціи г. Жевержеева.

П. Гнѣдичъ.

КЪ РАЗВАЛУ ОТТОМАНСКОЙ ИМПЕРІИ.

(Изъ записной книжки константинопольскаго корреспондента).

ИПЛОМАТАМЪ языкъ данъ для того, чтобы молчать,—говорилъ Талейранъ,—а уши,—прибавилъ бы я,—чтобы не слышать. Дипломаты часто оказываются плохо осведомленными о томъ, что имъ надлежитъ знать. На глазахъ у европейскихъ пословъ и посланниковъ нѣмцы утвердили свое вліяніе въ Оттоманской имперіи, превративъ ее въ германскую провинцію. Германское засилье, политическое, военное и экономическое, началось въ Турціи не со вчерашняго дня. Его можно было наблюдать уже давно и простымъ смертнымъ; но господа дипломаты смотрѣли сквозь пальцы на систематическое виѣдреніе нѣмцевъ, опруссѣніе Турціи и многое проспали...

Еще въ бытность мою въ Константинополѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ переворота и провозглашенія конституціи, я не разъ имѣлъ возможность убѣждаться въ необычайной популярности нѣмецкаго «кайзера».

— Великъ Аллахъ въ небѣ, а на землѣ—падишахъ Вильгельмъ!—говорилъ мнѣ турокъ, показывая фонтанъ, красующійся на одной изъ площадей турецкой части столицы Турціи—въ Стамбулѣ. Это роскошное сооруженіе, окруженное помпейскою колонадой, явилось памятникомъ пребыванія Вильгельма въ Константинополѣ.

Когда я осматривалъ резиденцію Абдуль-Гамида Ильдизъ-Кіоскъ, куда раньше не подпускали никого на пушечный выстрѣлъ, мой чичероне, турецкій офицеръ, съ гордостью показалъ мнѣ небольшое зданіе:

— Это Мерассимъ-Кіоскъ: здѣсь жилъ императоръ Вильгельмъ, когда гостилъ у нашего падишаха...

Константинополь не видалъ такихъ торжествъ и иллюминацій, какъ устроенныя въ честь кайзера, визитъ котораго обошелся туркамъ довольно дорого.

Вильгельмъ сумѣлъ, какъ нельзя болѣе, использовать свою популярность въ Турціи, принявъ подъ свое высокое покровительство нахлынувшихъ туда нѣмецкихъ гешефтмахеровъ, получавшихъ, при его содѣйствіи, всевозможныя концессіи и выгодныя доходныя статьи и обиравшихъ, съ помощью турецкихъ пашей-взятчиковъ, населеніе страны. А тѣмъ временемъ—росли въ геометрической прогрессіи налоги, поборы и государственныя долги, вѣдавшіеся такъ называемой «*Dette Publique*», этимъ конкурснымъ управленіемъ по дѣламъ несостоятельной Оттоманской имперіи. Еще недавно, передъ нынѣшней войной, легковѣрные французскіе банкиры выдали Турціи 2,000.000 лиръ, значительная часть которыхъ пошла на покупку оружія противъ французовъ же и ихъ союзниковъ.

Умѣли нагрѣвать руки при Абдуль-Гамидѣ одни нѣмецкіе концессіонеры и поставщики.

По изложеніи Абдуль-Гамида нѣмцы отвернулись отъ него и стали пускать слухи, что въ его кассѣ найдены были русскія пятисотрублевыя кредитныя бумажки и что существовали несомнѣнныя доказательства готовившагося переѣзда султана на русской яхтѣ въ Россію для избавленія его отъ расправы младотурокъ. Въ дѣйствительности, при обыскѣ, произведенномъ въ султанскомъ дворцѣ, найдены были полученныя Абдуль-Гамидомъ отъ нѣмцевъ взятки, въ видѣ акцій построенной нѣмецкими концессіонерами Багдадекой желѣзной дороги. И это были не единственныя взятки, полученныя ех-султаномъ.

Послѣ Вильгельма, самымъ большимъ вліяніемъ пользовался въ Турціи германскій посоль.

На самомъ высокомъ мѣстѣ европейской части столицы—Перы, надъ Золотымъ Рогомъ и Босфоромъ, возвышается огромный домъ, обращенный лицомъ къ Азіи. Здѣсь помѣщается германское посольство, доминирующее въ Константинополѣ, какъ и само зданіе. Посломъ былъ въ то время, къ которому относятся мои воспоминанія, Маршалъ-фонъ-Биберштейнъ, а его правой рукою—генералъ фонъ-деръ-Гольцъ, муштровавшій турецкую армію для грядущей войны со славянами и, какъ показали послѣднія неудачныя для Турціи балканскія войны, не достигшій особенно блестящихъ результатовъ.

Какъ и нынѣшній турецкій диктаторъ, генераль Лимагъ-фонъ-Сандерсъ, Гольцъ велъ себя крайне вызывающе, и не разъ ему приходилось кататься изъ Константинополя въ Берлинъ, откуда, по настоянію Вильгельма, долженъ былъ возвращаться обратно въ столицу Турціи, къ огорченію Абдуль-Гамида.

Когда фортуна повернулась спиной къ Абдуль-Гамиду, Маршалъ-фонъ-Биберштейнъ сумѣлъ завязать хорошія отношенія съ новымъ правительствомъ и съ младотурками и расположить ихъ въ пользу Германіи. Той же политики держались и смѣлившіи его баронъ Вагенгеймъ и заступившіи мѣсто фонъ-деръ-Гольца—Сандерсъ.

Тирана Абдуль-Гамида смѣнилъ безвольный принцъ Решидъ, нынѣшній султанъ Магометъ V, находившіися долго въ заточеніи въ позолоченной клѣткѣ Долма-Бахче.

Когда вы приближаетесь по Босфору къ Константинополю, вамъ бросается въ глаза огромное зданіе, украшенное массой колоннъ съ мраморными барельефами и золотыхъ рѣшетокъ, ярко горящихъ на солнцѣ. Здѣсь и была тюрьма, гдѣ содержался опальный принцъ, окруженный плотною стѣною абдуль-гамидовскихъ шпионовъ. Были, однако, смѣльчаки, которые проникали черезъ желѣзные ворота и кордоны. То были младотурки, готовившіе будущій переворотъ и находившіися въ сношеніяхъ съ принцемъ Решидомъ, субсидировавшимъ издававшуюся въ Паризѣ младотурецкую газету «Мешевратъ». Съ покладистымъ Магометомъ V, расшатавшимъ свое здоровье въ тюремномъ одиночествѣ спиртными напитками, нѣмцамъ было еще легче стовориться, чѣмъ съ упрямымъ Абдуль-Гамидомъ. На помощь къ нимъ явился воспитанникъ нѣмецкой военной школы, злой геній Турціи, Энверъ-паша, стяжавшій себѣ впослѣдствіи дешевые лавры набѣгомъ на беззащитный Адрианополь и обогрившій свои руки въ крови убитаго имъ военнаго министра Низамъ-паши. При ближайшемъ содѣйствіи Энвера, соблазненнаго блескомъ нѣмецкаго золота, Михель прочно утвердился на берегахъ Босфора.

Въ германскомъ посольствѣ не только досконально знали все, что совершается и должно совершиться въ Турціи: тамъ вершались всѣ турецкія дѣла и дѣлишки, и, если вѣрить туркамъ, разбойничье нападеніе на русское черноморское побережье, предпринято было нѣмцами безъ согласія турецкаго правительства.

Знали ли дипломаты, сидѣвшіе въ Константинополѣ наканунѣ вспыхнувшей теперь войны съ Турціей, что послѣдняя скоро подниметъ свой мечъ на Россію? Было ли имъ извѣстно, что турецкіе крейсера покинули берега Босфора, чтобы, какъ тати въ пожди, подкрасться къ русскому побережью? Факты изъ далекаго и сравнительно недавняго прошлаго показываютъ, что, располагая цѣлой арміей секретарей, совѣтниковъ, драгомановъ, наемныхъ

и добровольныхъ сыщиковъ и шпионовъ, посольства часто плохо освѣдомлены, и событія застагаютъ ихъ врасплохъ. И не одна кровопролитная война была бы предупреждена при большей освѣдомленности гг. пословъ и посланниковъ.

Въ 1912 году, когда на Балканахъ уже бряцали оружіемъ, гг. дипломаты, ничтоже сумняшеся, дѣлали письменныя и устныя представленія въ Цетиньѣ, Бѣлградѣ и Софіи о неприкосновенности Турціи и сохраненіи пресловутаго status quo. А четырьмя годами раньше, почти наканунѣ турецкаго переворота, оказавшагося для Турціи чреватымъ многими важными послѣдствіями и явившагося, быть можетъ, исходнымъ пунктомъ нынѣшней войны, нѣкоторые европейскіе послы при Блистательной Портѣ оказались «въ нѣтяхъ». Они уѣхали въ свои Монрепо и на воды, въ полной увѣренности, что въ Турціи все обстоитъ благополучно.

Нашъ тогдашній посоль И. А. Зиновьевъ считался всегда большимъ знатокомъ ближне-восточныхъ дѣлъ, и А. В. Амфитеатовъ имѣлъ полное основаніе въ своей книгѣ «Страна раздора» подчеркнуть такое рѣдкое знакомство И. А. съ Востокомъ. Но и Зиновьевъ не предусмотрѣлъ, видно, назрѣвавшихъ въ Турціи крупныхъ событій и предъ самой революціей укатилъ преспокойно на воды въ Эмь.

Когда въ Петроградѣ получена была телеграмма о провозглашеніи въ Турціи конституціи, редакція одной столичной газеты предложила мнѣ отправиться туда въ качествѣ корреспондента. Я рѣшилъ записаться письмомъ къ И. А. Зиновьеву. И велико было мое удивленіе, когда, развернувъ случайно газету, я въ справочномъ отдѣлѣ, среди прибывшихъ въ Петроградъ, встрѣтилъ имя нашего посла въ турецкой столицѣ, покинувшаго свой постъ въ то самое время, когда зашатался престоль властелина, при которомъ онъ былъ аккредитованъ.

Я немедленно отправился въ гостиницу «Франція», гдѣ остановился И. А. Зиновьевъ. Оказалось, что посоль находится въ Петроградѣ проѣздомъ на воды. Мою просьбу снабдить меня письмомъ къ его замѣстителю въ Константинополь, А. И. Нелидову Зиновьевъ поспѣшилъ удовлетворить съ полной готовностью. Не обошлось дѣло, разумѣется, безъ бесѣды о разыгравшихся въ Турціи важныхъ событіяхъ. И. А. Зиновьевъ оказался словоохотливѣе, чѣмъ его коллеги, не балующіе обыкновенно своими откровеніями отечественныхъ корреспондентовъ.

— Я рѣшительно не вѣрю въ маргариновую турецкую конституцію,—заявилъ мнѣ посоль:—отъ нея скоро и слѣда не останется, и все пойдетъ по-старому. Не спасутъ Турцію и младотурки...

И. А. Зиновьевъ не ошибся въ своемъ прогнозѣ: младотурки, купивъ съ нѣмцами, и привели Турцію къ гибели. Но эта послѣд-

няя обошлась бы, быть можетъ, безъ лишнихъ жертвъ, если бы дипломаты были въ свое время лучше освѣдомлены о положеніи вещей.

Когда въ 1908 году главные города Македоніи переходили одинъ за другимъ во власть преданныхъ младотуркамъ войскъ, прохладившіеся на роскошныхъ виллахъ въ Босфорѣ посольскіе чины увѣряли, что изъ этого ничего ровно не выйдетъ.

— Все это пустяки!—говорили мнѣ юные дипломаты.

Одна вліятельная дипломатическая особа, сидѣвшая въ Турціи двадцать три года, выразилась на этотъ счетъ такъ:

— Это мутятъ все нѣсколько «жидомасоновъ»!..

Зато въ болгарскомъ посольствѣ въ Константинополѣ отлично знали и учили своевременно грядущій переворотъ.

— Мы знали о переворотѣ задолго до его совершенія,—говорили мнѣ въ болгарскомъ посольствѣ, не располагавшемъ арміей драгомановъ и секретарей. Самъ тогдашній болгарскій посланникъ г. Гешовъ получалъ, вѣроятно, меньше, чѣмъ самый скромный чинъ въ нашемъ посольствѣ.

Жившій вмѣстѣ со мною въ одной гостиницѣ П. Н. Милюковъ, только что прибывшій тогда въ Константинополь изъ поѣздки по Балканскому полуострову, подтвердилъ мнѣ, что за двѣ недѣли до переворота 1908 года въ Софіи уже знали о немъ.

Между болгарами и турками отношенія установились тогда какъ будто довольно дружественныя, какъ, впрочемъ, и теперь.

Въ ресторанѣ при гостиницѣ я не разъ наблюдалъ болгаръ, чокавшихся съ турками за турецкую свободу и полное возрожденіе Турціи. Не разъ устраивались общіе банкеты, на которыхъ прославлялись свобода и братство.

Не съ одними болгарами яшались тогда турки. Забыты были и кровавыя недоразумѣнія между ними и армянами въ 1895 году, когда десятки тысячъ человѣкъ были перерѣзаны и безпощадно истреблены, по повелѣнію Абдуль-Гамида.

Указъ султана, какъ мнѣ говорили, предъявленъ былъ султанскимъ первымъ секретаремъ, Сурреинномъ-пашой, въ англійскомъ посольствѣ, за что султанъ угостилъ его чашкой кофе со смертельнымъ ядомъ.

Воспрянувшіе духомъ съ провозглашеніемъ конституціи, легковѣрные армяне лобызались съ турками на галатской пристани, когда прибылъ возвращенный изъ ссылки патріархъ Измиральянъ. Устраивались тогда и примирительныя армяно-турецкія процессіи на могилы жертвъ армянской рѣзни.

— Не мы рѣзали армянъ, а наемные курды!—оправдывался турокъ, когда по блокноту въ моихъ рукахъ онъ узналъ во мнѣ корреспондента.

Не одинъ турецкій министръ, не исключая великаго визиря Кіамила-паши, съ которымъ мнѣ тогда довелось бесѣдовать,—а

турецкіе министры во дни турецкой свободы отличались большою доступностью,—изъяснялся мнѣ тогда въ своей любви къ Россіи и русскимъ. Кіамиль-паша, извѣстный своими симпатіями къ англичанамъ, къ которымъ не разъ садился въ бестъ, когда на него обрушивался гнѣвъ Абдуль-Гамида, по сложившейся традиціи, не могъ питать, какъ англоманъ, нѣжныя чувства къ Россіи. Но и онъ заявилъ мнѣ, что мечтаетъ о дружбѣ съ нами.

— Мы рассчитываемъ,—сказалъ мнѣ престарѣлый дипломатъ,—на содѣйствіе Россіи въ дѣлѣ укрѣпленія турецкой конституціи...

Какъ извѣстно, конституція эта не принесла счастья ни туркамъ, ни подвластнымъ имъ христіанамъ, и мнѣ невольно вспомнились тогда напутственные слова прозорливаго И. А. Зиновьева предъ моимъ отъѣздомъ изъ Петрограда въ Константинополь:

— Славянамъ нужна не укрѣпляющаяся и возрождающаяся Турція, а разлагающаяся...

Вполнѣ солидарнымъ съ Кіамиль-пашой во взглядахъ на отношенія къ Россіи оказался недавній турецкій посолъ въ Петроградѣ Турханъ-паша, котораго я засталъ въ Константинополѣ на его виллѣ на Босфорѣ въ ожиданіи назначенія въ Россію.

— Я съ особеннымъ удовольствіемъ,—объявилъ мнѣ Турханъ-паша въ присутствіи улема и турецкаго прокурора,—приму возлагаемую на меня миссію, ибо надѣюсь, что мнѣ удастся установить наилучшія отношенія между Турціей и Россіей, а это необходимо обѣимъ державамъ.

И народныя массы, по сигналу ли свыше, или подъ вліяніемъ «хурьета»—свободы, не только не проявляли тогда обычной ненависти къ гяурамъ, а даже советъмъ напротивъ.

На одной изъ пристаней—Башикдашъ—недалеко отъ султанскаго дворца, появилась на пароходѣ цѣлая процессія, состоявшая изъ двухъ-трехъ десятковъ ученицъ и учениковъ константинопольской европейской школы, возвращавшихся послѣ овацій, устроенныхъ султану. Дѣвушки были въ бѣлыхъ платьяхъ, и у всѣхъ въ рукахъ находились турецкіе флаги, а на рукавахъ и груди—красныя значки, эмблемы свободы. Такими красными эмблемами украшалъ себя и самъ «красный султанъ», когда выходилъ къ привѣтствовавшимъ его.

Школьный оркестръ, подъ дирижерствомъ аббата, исполнялъ на пароходѣ турецкій, греческій и болгарскій гимны и марсельезу.

— Яшасинъ падишахъ! (да здравствуетъ султанъ)—этими возгласами сопровождалось исполненіе гимновъ.

Когда бесѣдовавшій со мною молодой турокъ, состоявшій при турецкомъ посольствѣ за границею, шепнулъ аббату на ухо, что я изъ Россіи, пароходъ огласился звуками, плохо, впрочемъ, исполненнаго, русскаго національнаго гимна, встрѣченнаго сочувственными криками. Такое отношеніе къ Россіи было для меня тѣмъ

болѣе неожиданно, что проникнутые шовинизмомъ младотурки уже тогда мечтали о закиданіи своими фесками всѣхъ вражескихъ странъ. Всѣ прошлыя злочкиненія Турціи они приписывали русскимъ интригамъ и проискамъ на Балканахъ.

Шедшая тогда съ большимъ успѣхомъ въ театрѣ пьеса Кемаль-бея «Вотанъ» (отечество), сопровождавшаяся патріотическими возгласами, пропитана была явнымъ нерасположеніемъ къ Россіи.

На устахъ у всѣхъ были тогда имена творцовъ переворота Энверъ-бея и Ніази-бея, которымъ заочно устраивались шумныя оваціи. Однажды въ саду при театрѣ такой же оваціи удостоился даже непричастный къ перевороту братъ Ніази-бея, студентъ.

— Энверъ-бей и братъ, — заявилъ мнѣ возведенный въ герои молодой Ніази-бей, — не рѣшаются ѣхать сюда, чтобы не стать предметомъ слишкомъ большихъ овацій...

А правда заключалась въ томъ, что осторожный Кіамиль-паша, не ладившій съ младотурками, боялся выпада съ ихъ стороны по адресу Россіи и другихъ предполагавшихся враговъ Турціи.

Прошло сравнительно немного времени и, какъ и предсказывалъ И. А. Зиновьевъ, все пошло по-старому.

Событія показали, какъ глубоко заблуждались всѣ тѣ, кто вѣрилъ въ возрожденіе Турціи подъ вліяніемъ оказавшейся, дѣйствительно, маргаритовою конституціи.

То, что происходитъ на нашихъ глазахъ, еще раньше предвидѣлъ бывшій русскій посоль въ Турціи графъ Н. П. Игнатьевъ, съ интересными записками котораго читатели «Историческаго Вѣстника» имѣли возможность ознакомиться въ текущемъ году.

Графъ Игнатьевъ давно уже объявилъ Турцію безнадежно «большимъ человѣкомъ». Если бы наши дипломаты не ходили на помочахъ у своихъ свронецкихъ коллегъ и не вставляли палокъ въ колеса игнатьевской политики, ближне-восточный вопросъ давно сталъ бы достояніемъ исторіи. И современныя намъ поколѣнія не были бы свидѣтелями и участниками кровавой войны, въ которую вовлечены девять государствъ и будетъ вовлечено еще не одно государство. И недаромъ турки долго вспоминали со скрежетомъ зубнымъ имя «московъ-султана», Игнатьева, — въ отличіе отъ «визирь-султана», какъ они называли Абдуль-Азиса. Графу Игнатьеву турки, съ которыми мнѣ доводилось бесѣдовать, приписывали и внезапную смерть Абдуль-Азиса, и русско-турецкую и другія войны, и паденіе и ссылку творца первой турецкой конституціи Митхада-паши, голова котораго была прислана убійцами Абдуль-Гамиду въ роскошномъ японскомъ ларцѣ, согласно его требованію.

Преемники Игнатьева усиленно хлопотали о поддержаніи дружескихъ отношеній съ деморализованнымъ турецкимъ правительствомъ, особенно А. И. Нелидовъ. И. А. Зиновьевъ, напротивъ,

умѣлъ смѣло и независимо держать себя съ Абдуль-Гамидомъ и не гнулъ предъ нимъ шею. А для этого надо было имѣть много выдержки и такта, если принять во вниманіе, что и самъ Абдуль-Гамидъ былъ большой дипломатъ, какъ показало его свыше тридцатилѣтнее правленіе, въ теченіе котораго онъ водилъ за носъ всю европейскую дипломатію никогда не исполнявшимися обѣщаніями ввести реформы въ христіанскихъ вилайетахъ. Теперешній турецкій кризисъ снова выдвинулъ на авансцену фигуру низложеннаго султана.

Младотурки, когда имъ, послѣ іюльскаго переворота, предлагали сразу покончить съ деспотомъ-султаномъ, рѣшительно запротестовали:

— Абдуль-Гамидъ намъ еще пригодится своими дипломатическими способностями и умѣніемъ втирать очки европейскимъ дипломатамъ, собирающимся похоронить насъ заживо и подѣлать между собою наше наслѣдство...

Быть можетъ, и нижеслѣдующій эпизодъ, приключившійся со мною, свидѣтельствуетъ о томъ, что Зиновьевъ не очень расшаркивался предъ всецѣльнымъ Абдуль-Гамидомъ.

Доступность турецкихъ министровъ придала мнѣ смѣлость, и я послѣ посѣщенія высшаго духовнаго главы мусульманъ, наместника Магомета, шейхъ-уль-ислама, рѣшилъ попытаться добиться аудіенціи у самого султана, хотя зналъ, что къ нему было труднѣе проникнуть, чѣмъ въ Магометовъ рай. Но смѣлость города беретъ. Недолго думая, я отправился къ первому султанскому секретарю Джеватъ-пашѣ, принимавшему въ одномъ изъ флигелей Ильдизъ-Кіоска. Это тотъ самый Джеватъ-паша, которому пришлось доложить впослѣдствіи Абдуль-Гамиду объ его низложеніи.

Султанскій секретарь принялъ меня съ чисто восточной привѣтливостью и предложилъ доставить ему прошеніе на турецкомъ языкѣ съ изложеніемъ интересующихъ меня вопросовъ. Мнѣ указали грека, умѣвшаго писать по-турецки и составившаго мнѣ требуемое прошеніе.

Турецкая волокита болѣе или менѣе извѣстна, особенно, когда дѣло обходится безъ бакшиша. Черезъ двѣ недѣли Джеватъ-паша объявилъ мнѣ слѣдующую резолюцію:

— Его величество падишахъ чувствуетъ себя очень утомленнымъ отъ устраивающихся ему народомъ овацій и пріемовъ послѣ селямлика. Султанъ приметъ васъ черезъ двѣ-три недѣли, а пока на интересующіе васъ вопросы соизволилъ дать такой отвѣтъ: его величество вѣритъ, что съ паденіемъ стѣны, отдѣлявшей его до сихъ поръ отъ народа, Турція будетъ процвѣтать. Что касается другихъ вопросовъ, могущихъ интересовать русскаго корреспондента, его величество рекомендуетъ обратиться къ послу Зиновьеву,

который вчера, послѣ селямлика, имѣлъ аудіенцію и можетъ дать желаемыя свѣдѣнія...

Джеватъ-паша сталъ заочно расточать комплименты своему властелину, заявивъ, что онъ и его народъ составляютъ теперь одно цѣлое и что турецкая конституція останется неизблемой во вѣки вѣковъ. Тогда въ конституціонализмъ Абдуль-Гамида увѣровали всѣ турки, даже бывшій великій визирь албанецъ Феридъ-паша, съ которымъ я бесѣдовалъ наканунѣ контръ-революціи и который однажды за свой совѣтъ султану дать самыя скромныя реформы удостоился получить отъ падишаха собственноручную пощечину.

Мнѣ необходимо было вернуться на родину, за истеченіемъ срока моей командировки. Кромѣ того, въ канцеляріи султанскаго секретаря и въ бюро иностранныхъ корреспондентовъ меня напугали той китайскою церемоніей, которую мнѣ пришлось бы продѣлать во время аудіенціи. Мои константинопольскіе коллеги не только не завидовали мнѣ, но даже какъ будто пожалѣли.

— Вамъ придется, — сказали мнѣ: — изгибаться передъ султаномъ въ три погибели, стоять на почтительномъ отдаленіи, уходить отъ него задомъ, и вы не добьетесь ни слова, ибо падишахъ, хотя и знаетъ французскій языкъ, говоритъ только по-турецки.

Принявъ рѣшеніе не добиваться больше аудіенціи, я собирался побывать у вернушагося тогда въ Константинополь русскаго посла, который вынужденъ былъ отмѣнить свою поѣздку въ Эмсъ.

— Зиновьевъ золь на васъ, — сообщилъ мнѣ корреспондентъ петроградской газеты Н—въ. — Онъ мнѣ отказалъ въ бесѣдѣ, сославшись на то, что недоволенъ помѣщеніемъ въ газетѣ бесѣдой вашей съ нимъ въ Петроградѣ.

— А я все-таки къ нему пойду и добьюсь, чтобы онъ далъ мнѣ возможность выяснитъ, чѣмъ я навлекъ на себя его гнѣвъ, — отвѣтилъ я и отправилъ тотчасъ письмо въ Буюкъ-Дере на посольскую дачу, предупредивъ, что буду имѣть честь лично представиться на другой день.

Зиновьевъ принялъ меня безъ прежней привѣтливости. На вопросъ, почему онъ остался недоволенъ моимъ отчетомъ о нашей бесѣдѣ, составленнымъ на основаніи при немъ сдѣланнаго наброска, тутъ же прочитаннаго, И. А. отвѣтилъ:

— Газеты съ вашей статьею я не читалъ, ибо вы ее мнѣ не прислали. Новаго сообщать вамъ не могу, такъ какъ только что прибылъ сюда, а вы тутъ уже цѣлый мѣсяцъ и знаете больше меня. Мнѣ говорили, что вы бесѣдовали почти со всѣми турецкими министрами.

— Султанъ приказалъ Джеватъ-пашѣ объявить мнѣ, что вы дадите интересующія меня свѣдѣнія, въ виду вашей послѣдней бесѣды на аудіенціи, — замѣтилъ я.

— Султанъ не можетъ приказывать мнѣ давать корреспонденту желаемыя имъ свѣдѣнія,—рѣзко отвѣтилъ Зиновьевъ:—я служу интересамъ своего правительства, и султанскія распоряженія для меня не обязательны...

Послѣ такого отвѣта мнѣ ничего другого не оставалось, какъ извиниться за беспокойство и откланяться.

Я долго терялся въ догадкахъ о причинахъ только что описанной неудачи. Мнѣ говорили, что на напечатанную въ газетѣ бесѣду мою было обращено сугубое вниманіе, что ее признали неумѣстною, въ виду содержащихся въ ней откровеній посла насчетъ турецкой конституціи и судьбы самой Турціи. Увѣряли, что бывшему послу вмѣняли въ вину его отъѣздъ въ Эмсъ въ такое неудобное время наканунѣ происшедшихъ въ Турціи важныхъ событій. Слуховъ было много въ посольскихъ и другихъ сферахъ.

И. А. Зиновьевъ скоро покинулъ берега Босфора, свою роскошную посольскую виллу и красивую дачку, гдѣ его можно было часто видѣть. Если покойный А. И. Нелидовъ, какъ говорили мнѣ, плакалъ навзрыдъ во время устроенныхъ ему проводовъ, жалѣя о необходимости покинуть любимищу ему турецкую столицу, то и Зиновьевъ пожалѣлъ, вѣроятно, о своемъ отъѣздѣ изъ Константинополя.

Въ турецкой столицѣ дипломатамъ, вообще, недурно жилось. Окладъ они получали огромный. Говорили, что русскій посоль въ Константинополѣ получаетъ семьдесятъ пять тысячъ рублей въ годъ и столько же на представительство. Ему отводятся дворецъ-крѣпость и чудная дача на залитомъ солнцемъ Босфорѣ. Въ его распоряженіи роскошная яхта. Одинъ посоль часто отправлялъ свою яхту въ Одессу за деликатесами и икрой, каждый фунтъ которой обходился въ сотню рублей, если принять во вниманіе сожженный по пути въ Одессу и обратно уголь.

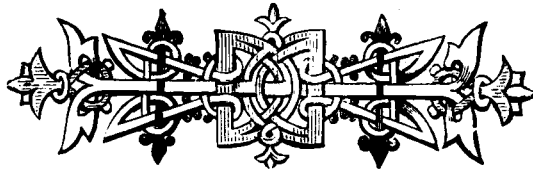
Быть можетъ, не одному Зиновьеву надо жалѣть объ его преждевременномъ уходѣ съ посольскаго поста въ Константинополѣ. Своимъ огромнымъ опытомъ и знаніемъ дальневосточныхъ дѣлъ онъ могъ бы еще сослужить большую службу родинѣ. Несомнѣнно, что съ зародившимся при немъ нѣмецкимъ вліяніемъ тактичный, независимый и многоопытный старый дипломатъ сумѣлъ бы бороться съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ другіе дипломаты на берегахъ Босфора. Его задача была бы облегчена нахожденіемъ во главѣ турецкаго правительства англомана Кіамиль-паши, не любившаго нѣмцевъ, а также и младотурокъ, къ которымъ такъ былъ расположенъ преемникъ Зиновьева—г. Чарыковъ...

Скоро нѣмцы прибрали къ своимъ рукамъ всю полноту власти, при содѣйствіи ихъ турецкихъ клеветовъ, подкупленныхъ нѣмецкимъ золотомъ. Нѣмецкая военная муштра и прусскіе инструкторы не спасли, однако, страну отъ разложенія и раз-

вала. Турецкая армія была и осталась такой же деморализованной, полуголодной ордою, какъ и при Абдуль-Гамидѣ, когда въ цейхгаузахъ числились номинально отсутствовавшія на дѣлѣ аммуниція и оружіе на много милліоновъ турецкихъ лиръ. Не лучше подкрѣпленный нынѣ двумя подбитыми англичанами нѣмецкими крейсерами флотъ съ его тихоходными, полуразрушенными судами, на которыхъ англійскій адмиралъ Гамбль обнаружилъ однажды, вмѣсто дальнобойныхъ орудій, огороды, засеянные капустой...

— Все останется по-старому,—сказалъ мнѣ И. А. Зиновьевъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—и, повидимому, не ошибся въ своемъ предсказаніи...

А. Е. Кауфманъ.

РОКОВОЙ ГОДЪ ¹⁾.

(Предсказанія войны).

VIII.

Таинственная завѣса войны.—Кнутъ Гамсунъ о славянахъ.—Филанжіеры о русскихъ законахъ.—Предсказаніе Крумбахера.—Герценъ о нѣмецкомъ нашествіи.—Сенкевичъ о страданіяхъ Бельгіи.—Пророчество, приписываемое Льву Толстому.—Романъ Макса Людвигъ «Побѣдитель».—Предвидѣніе Жюль Верна.—«Предчувствія» Уэльса.—«Роковой часъ Германской имперіи».—«Наше положеніе» Вандама.—Романъ отчаянія.—Мифы генераловъ Ноги и Ботьянова.—Рѣчь Скобелева.—Параллели 1870 и 1914 гг.—«La fin de l'Empire Allemand».—Майнцкое предсказаніе.—Рукопись монаха Іоанна.—Срѣтеніе Господне 1-го февраля.—Гороскопъ Вильгельма II.—Кайзеръ «во пророкахъ».—Пророчество Малахій XVI вѣка.—Ленорманъ о Турціи.—Предсказанія монаха Козьмы.—Заключеніе.

ВСѢ МЫСЛИ устремлены на западъ, гдѣ ежеминутно льется кровь защитниковъ отечества отъ страшнаго врага, неразборчиваго на средства. Каждое утро лихорадочно развертываешь газету и съ тревогой пробѣгаешь сообщенія съ театра войны. Затѣмъ черезъ каждые три часа, въ часъ дня, въ 4, 7 и 10 часовъ вечера, послѣшно хватаешь на улицѣ «экстренныя телеграммы» и въ нихъ стараешься проникнуть тайну нашего всероссійскаго жертвоприношенія, совершающагося въ долинахъ Нѣмана, Вислы, Варты и Сана. Но... мы, простые смертные, волею судьбы не удостоившіеся стоять сейчасъ на передовыхъ позиціяхъ подъ желѣзнымъ дождемъ, не принявшіе еще такъ называемаго огненнаго крещенія, пока должны находиться подалеже отъ этихъ мѣстъ, гдѣ пролилась святая кровь мучениковъ-воиновъ, «положившихъ души своя за други

¹⁾ Окончаніе. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXXVIII, стр. 527.

своя». Тайнственною завѣсою пока закрыто отъ насъ, что происходитъ въ настоящее время тамъ, за пенецищемъ Польши, ограбленной кичливыми варварами...

— Нѣтъ силъ находиться въ неизвѣстности,—пойду къ Ивану Ивановичу! Пусть онъ мнѣ опять покажетъ открывшуюся передъ нимъ перспективу дальнѣйшихъ событій, какъ ему подсказываютъ его собственное чутье и провидѣнїе и какъ говорятъ ему пророки, писанїя которыхъ онъ съ такою тщательностью собираетъ.

Я опять засталъ моего прїятеля окруженнымъ книгами и газетами.

— А не скажете ли мнѣ, Иванъ Ивановичъ, что говорятъ вдохновенные писатели о настоящей войнѣ? Они вѣдь тоже въ своемъ родѣ пророки?

— Есть у меня нѣсколько выписокъ изъ сообщенїй разныхъ литераторовъ, которые рисуютъ будущее положенїе вещей. Напримеръ, Кнутъ Гамсунъ въ своемъ описанїи Россїи («Въ сказочной странѣ») восторженно говоритъ о русскихъ: «Славяне—народъ будущаго, завоеватели міра послѣ германцевъ! Неудивительно, что у такого народа можетъ возникнуть такая литература, какъ русская, литература безграничная въ своемъ величїи и поразительная!» Нѣчто подобное писалъ еще въ исходѣ XVIII столѣтїя итальянскїй писатель Филанжіери: «Кажется, что владычество надъ Европою, бывшее попеременно удѣломъ Испанїи, Франціи, а потомъ Англїи, переходитъ теперь въ руки русскихъ. Мудрые законы доставляютъ имъ это первенство, и все европейцы должны будутъ нѣкогда принимать законы отъ этой благоразумной націи»¹⁾. Въ такомъ же духѣ высказался въ началѣ нашего вѣка мюнхенскїй профессоръ К. Крумбахеръ въ своей книгѣ «Культурная цѣнность славянства». Онъ говоритъ, что въ древнїе вѣка преобладали народы романскїе, въ среднїе и новыя—германскїе; самъ собою напрашивается выводъ, что въ слѣдующїе вѣка должны преобладать славяне. Герценъ также отказывался вѣрить, чтобы судьбы міра оставались надолго въ рукахъ нѣмцевъ. «Это невозможно,—говорилъ онъ:—это противно человѣческому смыслу, противно исторической эстетикѣ». Съ ожиданїемъ нашествїя германцевъ Герценъ спрашивалъ сорокъ лѣтъ тому назадъ: «Воскресить ли латинскую Европу дерущая труба послѣдняго военнаго суда, разбудить ли ее приближенїе ученыхъ варваровъ?» Указываютъ на вѣщее пророчество Генриха Сенкевича, написанное въ 1876 г. въ «Путевыхъ очеркахъ»: «... Спокойно, тихо и счастливо во всей Бельгїи, и можно справедливо сказать, что Христосъ ходитъ по

¹⁾ Filangieri «Scienza della legislatione», 1789.

всей странѣ. И, дѣйствительно, это безъ преувеличенія самая счастливая страна на всемъ свѣтѣ. По крайней мѣрѣ, она была такою до настоящаго времени. Но кто знаетъ, какъ долго это будетъ еще продолжаться? Быть можетъ, черезъ нѣсколько лѣтъ наступятъ времена, когда остроконечныя каски придутъ сюда со стороны Рейна, спокойные нынѣ жители услышатъ ржаніе коня Атиллы; по ночамъ грохотъ орудій вспугнетъ соловьевъ въ деревушкахъ, прекратятся прогулки Христа, а вмѣсто нынѣшнихъ пѣсенъ во время работы зазвучитъ другая, которая уже смутила покой столь же счастливаго Эльзаса: «Was ist des Deutschen Vaterland?»

— Иванъ Ивановичъ, скажите, пожалуйста, не предвидѣли ли настоящую войну нашъ прозорливый Левъ Николаевичъ Толстой?

— Въ одной финляндской газетѣ «Hufvudstadsbladet» напечатано письмо его къ своей дочери, писанное въ 1910 г. и доселѣ нигдѣ не опубликованное. Письмо по своему стилю не напоминаетъ намъ могучаго въ своей простотѣ языка знаменитаго русскаго писателя, а потому подлежитъ большому сомнѣнію. «Биржевыя Вѣдомости» съ этою оговоркою напечатали его 22-го августа 1914 г., въ № 14327. Я вамъ прочту изъ этого сомнительнаго письма небольшую выдержку: «Великій міровой пожаръ начнется въ 1912 году,—начнется въ юго-восточной Европѣ. Послѣ этого я вижу всю Европу въ пламени и потокахъ крови. Но въ 1915 году на сѣверѣ появится странная фигура—новый Наполеонъ,—и онъ бросится въ кровавую драму. Этотъ человѣкъ будетъ обладать слабыми познаніями въ военномъ искусствѣ,—это будетъ писатель и журналистъ; и подъ его властью останется большая часть Европы вплоть до 1925 года.

«Въ концѣ великой войны наступитъ новая политическая эра для Стараго Свѣта. Въ немъ образуется союзъ всѣхъ государствъ, напоминающій собою Соединенные Штаты. Отъ всѣхъ народностей останутся только четыре гиганта: англосаксы, романы, славяне и монголы. Съ 1925 года я вижу перемѣны въ религиозномъ отношеніи... Но тутъ появляется новый реформаторъ. Онъ освободитъ міръ отъ остатковъ монотеизма и положитъ краеугольный камень храму пантеизма... И я вижу зарю новой эры мира и этики. Человѣкъ, который долженъ исполнить великую миссію обновленія, будетъ принадлежать къ монгольской расѣ. Онъ уже живетъ на землѣ, но онъ еще не сознаетъ той великой миссіи, которая его ожидаетъ... Среди этого столѣтія я вижу великаго реформатора искусства и литературы, онъ выйдетъ изъ рядовъ романскаго племени и избавитъ свѣтъ отъ распрей. Я вижу уже, что ослѣпительный свѣтъ символизма затемнитъ факель торгашества...»

IX.

— Но, позвольте, пророки-писатели есть и среди самих нѣмцевъ. Нѣсколько мѣсяцевъ до настоящей войны въ Мюнхенѣ вышелъ романъ Макса Людвига «Побѣдитель». Онъ иносказательно рисуетъ положеніе Германіи и императора Вильгельма II въ настоящей войнѣ. Я вамъ прочту выдержки изъ этого нѣмецкаго романа, напечатанныя въ вечернемъ выпускѣ «Биржевыхъ Вѣдомостей» (№14357, 6-го сентября 1914 г.):

«Императоръ (Вильгельмъ II) объявилъ войну красному государству (Франціи). Нарушивъ нейтралитетъ маленькаго королевства (Бельгіи), что принесло ему гораздо больше хлопотъ, чѣмъ пользы, императоръ послѣ ожесточенныхъ боевъ съ красными очутился въ весьма затруднительномъ положеніи. Его полки далеко вторглись въ предѣлы непріятельской страны. Императоръ во всѣ концы свѣта разослалъ побѣдныя реляціи. Но призракъ крушенія всего его грандіознаго предпріятія неотступно стоитъ передъ нимъ. Его армія изнурилась въ мучительныхъ форсированныхъ переходахъ, солдаты и офицеры сражаются неохотно и жаждутъ тепла семейнаго очага. Непріятель одушевленъ героической готовностью цѣною жизни отстоять родную землю и родные очаги... Между тѣмъ въ столицѣ все громче и громче раздается ропотъ недовольства. Измученный долгой войной, народъ съ каждымъ днемъ укрѣпляется во мнѣніи, что война затѣяна императоромъ во имя его кровавыхъ фантазій. Жены, матери и дѣти несчастныхъ солдатъ, ушедшихъ на войну, оглашаютъ улицы отчаянными мольбами о мирѣ. Рейхстагъ, созданный для вотированія новаго огромнаго займа на военные нужды, присоединяетъ свой голосъ къ общему хору протеста противъ политики императора. Правительство закрываетъ рейхстагъ. Но ничто не можетъ уже предотвратить неумолимый приговоръ исторіи... Императоръ и правительство вооруженной силой подавляютъ народныя возмущенія. Въ арміи падаютъ всѣ устои дисциплины... Всѣ стихіи ополчились противъ императора. Но онъ не хочетъ смириться передъ народной волей и тянетъ войну, хотя умъ и сердце говорятъ ему, что онъ защищаетъ потерянное дѣло...».

X.

— Кстати вспомнимъ и французскаго романиста Жюль-Верна. Въ минувшемъ столѣтіи, когда онъ описалъ подводное плаваніе въ своемъ знаменитомъ романѣ «80,000 лье подъ водой», нѣкоторые журналы сдѣлали ему запросъ: когда, по его мнѣнію, будутъ применимы на практикѣ подводныя и воздушныя суда? Жюль-Вернъ въ № 42: журнала «Наггеѳс» отвѣтилъ такими пророческими словами: «Къ сожалѣнію, я долженъ утверждать, что близокъ день, который наступитъ раяѳе конца первой четверти новаго вѣка, когда

то, что я увидѣлъ въ области моей фантазіи, будетъ осуществлено и примѣнено на войнѣ. Англичане и нѣмцы первые вступятъ въ бой подь водою и надь землею, и не будетъ конца жертвамъ и жестокостямъ. Ламаншь увидитъ страшныя картины уничтоженія людей, и безстрашныя чудовища будутъ скользить подь водою и мчаться по воздуху на врага». Къ сожалѣнію, гениальный Жюль-Вернъ оказался правъ. Каждый день теперь въ воздухѣ рѣютъ дирижабли и аэропланы всевозможныхъ формъ и размѣровъ и всюду разносятъ смерть и разрушеніе. Еще, пожалуй, ужаснѣе скрытыя отъ человѣческихъ глазъ подводныя лодки, которыя, какъ таинственный «Наутилусъ», безопасно топятъ вражескія суда. Помянувъ француза Жюль-Верна, надо сказать и о знаменитомъ англійскомъ романистѣ Уэльсѣ, который въ октябрьской книжкѣ 1901 г. журнала «Fortnightly Review» помѣстилъ пророческую статью подь заглавіемъ «Предчувствія» (Anticipations). Въ ней онъ далъ цѣлый рядъ предсказаній будущаго до 2000 года. Интересно сейчасъ прочесть тѣ мѣста, гдѣ онъ говоритъ о современномъ столкновеніи народовъ:

«...Германія придется вступить въ единоборство съ Россіей, если она захочетъ распространиться на востокъ. При желаніи раскинуть свои сѣти на западъ она столкнется съ Франціей или Англійей, а возможно, что и съ обѣими этими державами, объединившимися въ цѣляхъ самозащиты. Я увѣренъ, что мы слишкомъ унизили военную силу Франціи за послѣднее время. Французы были побиты въ 1870 году, но это пораженіе дало націи лишь новыя силы, и несчастье выучило ее быть осмотрительнѣе и осторожнѣе. На морѣ Германія не замедлитъ убѣдиться, что силы ея далеко неравны по сравненію съ Англійей. Германская имперія или, другими словами, организованное выраженіе агрессивнаго германскаго духа, будетъ разбита или ослаблена послѣ серіи неизбѣжныхъ сухопутныхъ и морскихъ войнъ. Тогда она принуждена будетъ склонить свой заносчивый духъ къ ногамъ разумнаго средняго класса. Идеи имперіализма и германизма уступятъ мѣсто идеѣ европейскаго единенія, подобной основному принципу Швейцаріи. Величественная и могучая мечта европейской федераціи, которую Франція высказала міру въ малообработанномъ видѣ въ началѣ XIX вѣка, найдетъ, быть можетъ, свое осуществленіе на зарѣ XX вѣка. Всѣ народы, объединенные общей идеей, всѣ націи, проникнутыя духомъ мира, будутъ стремиться сообща къ прогрессу, къ истинѣ, къ правосудію, къ счастью!»

XI.

«Есть еще очень интересная книга оберъ-лейтенанта германской службы Фробениуса «Роковой часъ Германской имперіи», указывающая на скрытыя пружины нынѣшней войны ¹⁾. Она по-

¹⁾ См. рецензію о ней Гер. Ясинскаго въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», № 14399.

явилась въ Германіи передъ самой войной. Въ настоящее время имѣется переводъ ея на русскій языкъ (изд. М. В. Попова). Фробениусъ считаетъ Англію вдохновительницей другихъ державъ въ отношеніи враждебныхъ дѣйствій ихъ противъ Германской имперіи. Франція ненавидитъ Германію, но, будучи вдвое малочисленнѣе своей грозной сосѣдки, она не можетъ справиться съ нею безъ посторонней помощи. У Россіи, въ сущности, нѣтъ поводовъ враждовать съ Германіей. Австрія гораздо болѣе могла бы быть предметомъ наступательной политики Россіи. Только одна Англія должна быть признана главнымъ врагомъ Германіи. Такова точка зрѣнія Фробениуса. Надо замѣтить, что и нашъ русскій военный писатель? Вандамъ въ своей интересной книгѣ «Наше положеніе» указывалъ на подобную политику Англии, которая не потерпитъ соперничества на морѣ. И Вильгельмъ, провозгласивъ, что будущее Германіи на водахъ, этимъ самымъ объявилъ свое государство очень опаснымъ соперникомъ міровой торговли Англии и ея военной мощи на морѣ.

Иванъ Ивановичъ взялъ новую вырѣзку изъ «Вечерняго Времени».

— Въ Австріи за шесть лѣтъ до настоящей войны тоже явилась своя Кассандра въ образѣ австрійскаго офицера. Его книга довольно ярко предсказываетъ то положеніе Австро-Венгріи, въ которое она пришла теперь, послѣ трехъ мѣсяцевъ войны. Этотъ романъ отчаянія—«Quo vadis, Австрія?»—по постановленію правительства преданъ сожженію. Подражая Кассандрѣ, полный отчаянія авторъ говоритъ:

«Я вижу пламя на сѣверѣ, югѣ, востокѣ и западѣ.

«Тучи извергають противниковъ, бросающихся на спящую Австрію. И цѣль ихъ—древній городъ на Дунаѣ съ золотымъ соборомъ Стефана.

«И каждый беретъ себѣ часть добычи. Габсбурги же уходятъ съ плачемъ на чужбину. Таковъ конецъ гордаго Иліона».

— Объ Италіи предсказываетъ, что она ненадежный союзникъ. Ненавидя Россію, все-таки онъ долженъ признаться, что «...много воды еще утечетъ въ Невѣ ранѣе, чѣмъ священно-россійское государство исчерпаетъ до конца свои огромныя людскія средства и сможетъ ими цѣликомъ воспользоваться для арміи. Но когда наступитъ это время, Россія окажется въ состояніи наводнить Европу безчисленнымъ количествомъ батальоновъ. Почему знать, можетъ быть, очень скоро у насъ будетъ случай въ этомъ убѣдиться!»

— Онъ замѣчаетъ относительно Турціи, что господство младотурокъ повлекло бы за собою конецъ господства султановъ, сперва въ Европѣ, а затѣмъ и всюду тамъ, гдѣ вѣрятъ въ Магомета. Про Сербію же его пророчество вылилось въ такомъ признаніи:

«Недалеко то время, когда произойдутъ серьезныя событія. Сербы соединятся съ кроатами и осуществятъ свои мечты о величинѣ и самостоятельности. Исходъ этотъ неизбеженъ. Можетъ быть, сербы правы, предсказывая намъ судьбу Турціи, на которую мы такъ похожи».

ХІІ.

— Дорогой Иванъ Ивановичъ, я вижу, можно потонуть въ этомъ обиліи предсказаній!

— О, я далеко еще не все раскрылъ предъ вами. Напримѣръ, я не показывалъ вамъ предсказанія военныхъ людей о настоящей войнѣ. Умѣстно будетъ вспомнить японскаго генерала Ноги, извѣстнаго по осадѣ Портъ-Артура, который выразился такъ:

«Я думаю, что міръ будетъ свидѣтелемъ великихъ и ужасныхъ войнъ. Первая война будетъ происходить въ Европѣ, и ею будетъ разрѣшенъ франко-германскій споръ и англо-германское соперничество. Столкновение между Франціей и Германіей рѣшится на равнинахъ Бельгіи. Результатъ, по-моему, несомнѣненъ: французы разобьютъ нѣмцевъ на сушѣ, а англичане—на морѣ. Эта война будетъ послѣдней войной въ Европѣ. Цивилизованныя государства выйдутъ изъ этого кризиса настолько истощенными и напуганными, что для нихъ явится необходимымъ образованіе коалиціи, которая предотвращала бы какія бы то ни было дальнѣйшія войны. Вторая война будетъ между Японіей и Соединенными Штатами...»

— И нашъ русскій герой японской войны, генералъ М. И. Ботьяновъ, съ своей стороны, постоянно твердитъ въ интересныхъ статьяхъ «Петроградской Газеты»: «Что бы ни произошло на западномъ фронтѣ войны, кампанія Германіей и Австріей проиграна». Другой нашъ русскій герой турецкой войны, М. Д. Скобелевъ, еще въ 1882 г. произнесъ славянской депутаціи въ Парижѣ свою пророческую рѣчь въ такихъ выраженіяхъ: «...Мы не хозяева въ собственномъ домѣ. Да, чужеземецъ у насъ вездѣ. Рука его проглядываетъ во всемя... Мы игрушки его политики, жертвы его интригъ, рабы его силы... Его безчисленныя и роковыя вліянія до такой степени господствуютъ надъ нами, парализуютъ насъ, что если, какъ я надѣюсь, намъ удастся когда-нибудь отъ нихъ избавиться, то не иначе, какъ съ мечомъ въ рукахъ... И если вы пожелаете узнать отъ меня, кто этотъ чужеземецъ, этотъ пролазь, этотъ интриганъ, этотъ столь опасный врагъ русскихъ и славянъ, то я вамъ его назову: этотъ виновникъ «Drang nach Osten», вы его всѣ знаете—это нѣмецъ. Повторяю вамъ и прошу не забывать: нашъ врагъ нѣмецъ. Борьба между славянами и тевтонами неизбежна... Она даже близка... Это будетъ продолжительная, кровопролитная, страшная борьба; но что касается меня, то я убѣжденъ, что въ концѣ концовъ побѣдятъ славяне... Могу васъ увѣрить, что если попробуютъ тронуть

государства, признанныя европейскими договорами, хотя бы Сербію и Черногорію... О, тогда вы не одни будете драться!»

— Въ то же самое время, возвращаясь изъ Парижа домой, Скобелевъ задержался въ Варшавѣ и написалъ о полякахъ слѣдующее пророческое замѣчаніе: «Это народъ, сохранившій героическія традиціи... Поляки будутъ за насъ противъ нѣмцевъ, все равно, хотять ли они этого, или не хотять. Они не могутъ бороться съ антигерманскимъ инстинктомъ своей расы».

— Я прочелъ вамъ только часть знаменитой рѣчи Скобелева. Въ вступительныхъ словахъ къ ней онъ объясняетъ, почему Россія не всегда стоитъ на высотѣ своихъ патріотическихъ обязанностей. Одной изъ главныхъ причинъ этому служить, по его мнѣнію, то, что какъ внутри, такъ и извнѣ Россіи приходится вести борьбу съ чужеземными вліяніями. Мы только теперь можемъ оцѣнить, какъ правъ былъ тогда Михайлъ Дмитріевичъ! И вотъ что я вамъ скажу: прежде, чѣмъ побѣдить внѣшняго врага, надо побѣдить внутренняго.

— Пожалуй, съ вами, Иванъ Ивановичъ, можно согласиться, — замѣчаю я ему. — Невольно сейчасъ приходятъ на память слова, сказанныя m-те де-Тевъ относительно Россіи: «*Сколько произойдетъ внутренней и внешней борьбы, сколько измѣны! А спасеніе придетъ оттуда, откуда его меньше всего будутъ ждать*».

— Подождемъ! Хотя Вильгельмъ II все сдѣлалъ, чтобы походить на Вильгельма I въ 1870 г. Тогда Германія объявила войну Франціи 19 іюля, и теперь, въ 1914 году, Вильгельмъ II начинаетъ войну тоже 19 іюля. Въ 1870 г. начальникомъ штаба былъ Мольтке, и сейчасъ начальникомъ штаба тоже Мольтке, племянникъ перваго. Тогда командующимъ одной изъ армій былъ кронпринцъ—отецъ Вильгельма II. Теперь кронпринцъ—сынъ Вильгельма II—тоже командующій одной изъ армій. Черезъ 44 года повторилась война нѣмцевъ съ французами, повторились нѣкоторыя числа, названія, имена. Но повторится ли результатъ первой войны въ пользу Германіи,—это еще вопросъ?! Тогда нѣмцы составили большой союзъ изъ разныхъ государствъ и ринулись всею громадою на одинокихъ французовъ. Въ настоящее время обратно: составился грандіозный союзъ европейскихъ государствъ, и онъ сдавилъ желѣзнымъ кольцомъ одинокихъ нѣмцевъ.

XIII.

— Сейчасъ, когда началась уже война нѣмцевъ, пожалуй, не трудно предсказать и исходъ ея. Значительно цѣннѣе тѣ предсказанія, которыя были высказаны задолго до объявленія войны.

— Я могу вамъ указать на древнія предсказанія даже самихъ нѣмцевъ. Въ Парижѣ вышла книжка «*La fin de l'Empire Allemand*»;

въ ней собранъ интересный матеріалъ изъ предсказаній XIII столѣтія. Въ русской печати появились переводы этихъ предсказаній. Я вамъ процитирую по «Новому Времени» (№ 13859). Въ 1723 г., въ царствованіе отца Фридриха Великаго, короля Фридриха-Вильгельма I, въ нѣмецкихъ анналахъ того времени, выходившихъ подъ заглавіемъ «Gelehrtes Preussen», появились подъ заглавіемъ— «Frater Hermanus Redivivus»—необычайныя предсказанія нѣкоего монаха Германа, будто бы написанныя въ 1240 г. и нѣсколько столѣтій сохранявшіяся въ рукописи, что, впрочемъ, не помѣшало ихъ широкой извѣстности. Предсказанія эти написаны были въ ста латинскихъ гекзаметрахъ и обнимали всю исторію Пруссіи и Бранденбурга съ XIII столѣтія до невѣдомой дали будущаго. Монахъ Германъ предсказалъ и бурное правленіе Фридриха Великаго, и позорное состояніе Пруссіи при его недостойномъ преемникѣ, и долгіе годы тревогъ и смутъ начала XIX вѣка, и славу правленія Вильгельма I, который «самъ не подозрѣвалъ, какъ разрастется его могущество». Современное положеніе Германіи усматриваютъ въ слѣдующихъ стихахъ Германа:

«Наконецъ скипетръ въ рукахъ того, который будетъ послѣднимъ въ этомъ спискѣ королей. Израиль пробуетъ гнусное покушеніе, которое искупить можетъ одна смерть. Тогда пастырь обрѣтаетъ свое стадо, а Германія своихъ королей. Вполнѣ утѣшившаяся отъ своихъ долгихъ бѣдствій Марна сожметъ въ объятіяхъ своихъ освобожденныхъ отъ чужеземнаго ига дѣтей... Возсіяетъ въ презрѣннѣмъ блескѣ духовенство, и овцы не будутъ больше опасаться зубовъ хищнаго волка».

— Правду сказать,—замѣтилъ я Ивану Ивановичу,—немного темновато.

— Къ сожалѣнію, я не имѣю этого пророчества въ подлинникѣ. Въ прошлый вашъ приходъ ко мнѣ я вамъ читалъ, въ передѣлкѣ г-жи Строевой, страсбургское или майнцское ¹⁾ предсказаніе, впервые процитированное профессоромъ Штофеномъ въ его трудахъ, появившихся въ печати въ Страсбургѣ въ 1854 г. Сейчасъ я нашель переводъ его ближе къ подлиннику:

«...Смѣлѣй, вѣрныя души, у власти тьмы не будетъ времени исполнить всѣ свои замыслы.

«Вотъ уже приближается срокъ милостей. Одинъ національный принцъ среди васъ...

«Онъ изгонитъ врага Франціи и отъ побѣды къ побѣдѣ пойдетъ до самаго дня божественнаго правосудія.

«Горе тебѣ, народъ Сѣвера ²⁾, до седьмого поколѣнія запла-

¹⁾ См. «Истор. Вѣстн.», т. СXXXVIII, стр. 536. Къ сожалѣнію, на строкѣ четвертой снизу повторена опечатка; пропущенная газетю, откуда взято было это пророчество: вмѣсто *Кайнцкаго* надо читать *Майнцкаго*.

²⁾ На сѣверъ отъ Майнца—Пруссія.

тишься ты за твои злодѣйства. Горе тебѣ, народъ Востока ¹⁾, ты поднимешь волни страданій и прольешь невинную кровь. Никогда еще не видѣли такой арміи; никогда не слышали болѣе оглушительнаго шума.

«Трижды пройдетъ солнце надъ головами сражающихся, и они не увидятъ его сквозь тучи дыма.

«Наконецъ, главный одержитъ побѣду. Двое изъ его противниковъ будутъ истреблены. Остатки третьяго бѣгутъ по направленію Дальняго Востока.

«Вильгельмъ, второй съ этимъ именемъ, будетъ послѣднимъ королемъ Пруссіи. Не будетъ у него иныхъ наслѣдниковъ, кромѣ короля Польши, короля Ганновера и короля саксонскаго».

— Даже указано имя кайзера!—удивился я.

— Какъ видите. Намъ приходится вѣрить газетѣ или журналу, въ которыхъ читаемъ эти удивительныя предсказанія. Конечно, интереснѣе бы было взглянуть на подлинную рукопись или книгу того времени. Эти ссылки на древніе документы теперь часто попадаютъ. Напримѣръ, въ «Figaro» Г. Пеладанъ (Peladan) опубликовалъ содержаніе старинной латинской рукописи, составленной монахомъ Иоанномъ (Frère Johannès) въ 1600 году. Вотъ что онъ говоритъ про одного могущественнаго монарха:

«...У него будетъ лишь одна рука. Его арміи, сражающіяся подъ девизомъ «Богъ за насъ», покажутся людямъ исчадіемъ ада. Долго онъ будетъ дѣйствовать хитростью и вѣроломствомъ, и шпіоны его наводнятъ всю землю.

«...Онъ пройдетъ по Европѣ, какъ смерчъ, съ факеломъ смерти и разрушенія въ рукахъ и именемъ Христа на устахъ. Въ гербѣ его будетъ орелъ, такъ же, какъ и въ гербѣ его приспѣшника, другого злого императора, который умретъ отъ проклятія папы Бенедикта, избраннаго въ началѣ злого дѣла антихриста...

«...*Черный орелъ* придетъ изъ стороны Лютера, застигнетъ *нѣтуха* врасплохъ съ неожиданной стороны и наводнитъ страну до половины ея. *Бѣлый орелъ* явится съ сѣвера, налетитъ на страну чернаго орла и его приспѣшника и пройдетъ ее отъ края до края.

«Битвы этой войны явятся безпримѣрными по упорству и кровопролитію...».

— Простите, Иванъ Ивановичъ, трудно вѣрить, что какой-то неизвѣстный Иоаннъ могъ съ такою ясностью предсказывать современныя событія, чуть ли не за четыреста лѣтъ! Поразительно!

— Если вы этому удивляетесь, то позвольте указать вамъ еще болѣе чудесное свидѣтельство моего пріятели, Георгія Тихоновича Сѣверцева-Полилова. Въ № 241 «Солнца Россіи» онъ помѣстилъ занимательный разсказъ «Внѣ человѣческаго познанія». Въ немъ поми-

¹⁾ На востокѣ— Австрія.

нается старинная книга «Вертоградъ Струйный», напечатанная во Львовѣ. Между прочимъ, въ ней находится такое предсказаніе:

«Вотъ что сказано въ дневникѣ отошедшаго къ праотцамъ протоіерея Даніила, найденномъ недавно въ подвалѣ храма, въ коемъ онъ священствовалъ:

«Сколь превратна судьба не только людей, но и царствъ. Всю свою долгую жизнь наблюдалъ я Божьи планеты и дошелъ до нѣкоторой степени знанія. Многое сокровенное стало мнѣ открытымъ...

«Галиційская земля искони наслѣдіе Московской Руси. Червонная Русь, хотя и стоитъ сейчасъ подъ цесарскимъ скипетромъ, но придетъ время, когда она снова воссоединится съ своей кровной матерью—Россіей. Это будетъ еще не скоро, а все же точно непреклоннымъ теченіемъ звѣздъ устанавлено, и примѣты указаны. Годомъ воссоединенія обозначено то время, когда честный праздникъ Срѣтенія Господня вмѣсто 2-го числа февруарія будетъ праздноваться наканунѣ того дня, а Пасха Господня красная произойдетъ раньше ранняго. Пятьсотъ лѣтъ этого не происходило, и послѣ семь вѣковъ пройдутъ до новаго дня такого празднества. Что сіе вѣрно и Божьимъ знаменіемъ предопредѣлено, въ томъ обѣщаюсь я своимъ іерейскимъ словомъ и подписуюсь...»

— Ближайшая къ намъ Пасха, то есть въ будущемъ 1915 году, будетъ по книгѣ Пасхалій 22 марта. Это самая ранняя Пасха по Юліанскому счисленію. Въ этомъ же году, ради ранней Пасхи, а слѣдовательно и начала Великаго поста (понедѣльникъ первой седмицы поста приходится 2 февраля), праздникъ Срѣтенія Господня переносится со 2-го февраля на 1-е.

— Да, вѣдь если все это такъ,—воскликнулъ я:—то подобныя свидѣтельства надо выставить въ витринѣ въ храмѣ, чтобы воочию убѣдилась бы публика напечатаннымъ предсказаніемъ въ древнія времена и прославила бы Бога и Его вдохновенныхъ пророковъ!

— Да,—промычалъ въ отвѣтъ Иванъ Ивановичъ.—Но въ данномъ случаѣ протоіерей Даніиль ссылается на астрологию, на то, что ему подсказали звѣзды и планеты.

Иванъ Ивановичъ въ раздумьи походилъ немного по комнатѣ взадъ-впередъ и опять досталъ новую газету.

— Въ «Новомъ Времени» (№ 13878) помѣщена замѣтка Г. П. по по этому же вопросу. Онъ разбиралъ старые духовные журналы за пятидесятыя годы прошлаго столѣтія и наткнулся на слѣдующее:

«Изъ предвидѣній и изреченій отцовъ и пастырей церкви.

«Въ лѣто, егда богоносный старецъ Семіонъ восприметь на длани свои Предвѣчнаго Младенца, въ преддверіе честнаго праздника, Срѣтеніе Господне, а не въ самый оный праздникъ и вруце лѣто наикратче отъ дня Святой Пасхи отстоятъ будетъ, большія кровопролитныя войны обозначатся, сотрясеніе и паденіе нѣкихъ

царствъ случится, а затѣмъ миръ на землѣ на долгое время водворится.

«Сіе предвидѣніе повѣдалъ своимъ ученикамъ и ближнимъ честной авва Павелъ».

XIV.

— И въ наше время есть астрологи. Одинъ изъ нихъ, докторъ Франкъ Алленъ, президентъ американскаго астрологическаго общества, сообщилъ нью-іоркскому корреспонденту «Daily Telegraph» слѣдующіе выводы изъ разсмотрѣнія гороскопа Вильгельма II: «Династія Гогенцоллерновъ кончаетъ свое существованіе, и декабрь является конечнымъ мѣсяцемъ ея исторіи. Въ началѣ ноября должно произойти одно послѣднее благопріятное событіе въ жизни германскаго кайзера. Неблагопріятными днями для него являются 7-ое и 13-ое октября, а также періодъ между 31-мъ октября и 3-мъ ноября и между 10-мъ и 23-мъ ноября. Самый кризисъ наступитъ между 8-мъ и 31-мъ декабря новаго стиля. Кстати объ астрологіи, я вамъ укажу еще на гороскопъ Вильгельма II, составленный извѣстнымъ Лармье и опубликованный въ 1911 году въ «Echo de Merveilleux». Въ немъ сказано: «Родился въ Берлинѣ въ четвергъ 27-го января 1859 года. Соединеніе знаковъ Сатурна, Марса и Тельца указываютъ на паденіе династіи Гогенцоллерновъ въ 1913 или 1914 году... Если въ 1914 году вспыхнетъ война между Германіей и Россіей и Франціей, она будетъ побѣдоносной для союзниковъ».

Иванъ Ивановичъ показалъ мнѣ страницу «Новаго Времени» (№ 13873) и нѣсколько секундъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза, какъ бы любуясь моимъ изумленіемъ, а потомъ вдругъ со смѣхомъ воскликнулъ:

— Если хотите, самъ Вильгельмъ «во пророкахъ»!

— Какъ это?

— Любитель говорить длинныя рѣчи по всякому поводу, Вильгельмъ произнесъ 21-го ноября 1910 г. напыщенное слово о вредѣ алкоголя:

«... Ближайшая война на сушѣ и на морѣ потребуетъ здоровыхъ нервовъ. Побѣдитъ тотъ, кто будетъ меньше всѣхъ потреблять алкоголя. Отъ этого зависитъ будущее нашего флота и нашей арміи!»

«Насколько мы, русскіе, воздерживаемся въ настоящее время отъ спиртныхъ напитковъ, настолько нѣмцы поражаютъ на войнѣ всѣхъ корреспондентовъ своимъ безудержнымъ пьянствомъ. Ихъ достойный предводитель, кронпринцъ, время отъ времени проситъ доставлять въ армію спиртныхъ напитковъ въ возможно большемъ количествѣ. И нѣмецкіе промышленники и торговцы очень добросовѣстно выполняютъ желаніе кронпринца. Но... слово-то Вильгельма исполняется точно въ данномъ случаѣ: трезвящіеся русскіе бьютъ на всѣхъ пунктахъ пьянчужекъ-нѣмцевъ».

— Да, русскій народъ проявляетъ сейчасъ на войнѣ полное воздержаніе во всемъ, и это—залогъ успѣха нашей арміи.

— Ахъ, вотъ еще интересное предсказаніе, найденное аббатомъ Тибо. Оно написано монахомъ Малахіей на латинскомъ языкѣ и относится къ XVI вѣку. У меня есть вырѣзка изъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» 28-го ноября 1912 г., въ которой указано содержаніе пророчества Малахіи. Особенно тревожнымъ для Европы предвидѣлъ монахъ-пророкъ конецъ 1912 г. и 1913 г. Общеввропейская война, по его предсказанію, неизбежна. Война эта будетъ особенно упорной, и, по его выраженію, «лошади будутъ ходить въ крови по самую грудь». Франція окажется побѣдительницей, но ее охватить, въ самый разгаръ кампаніи, внутренняя смута въ Парижѣ, которая окончится разгромомъ столицы руками самихъ французовъ и, въ концѣ концовъ, восстановленіемъ монархіи, съ перенесеніемъ столицы въ Турень, въ старинный годъ Блуа. Могущество Англіи увеличится, но внутри государства произойдутъ серьезные раздоры, которые на долгое время лишатъ Великобританію использованія своего международнаго положенія. Германія будетъ побѣждена, и династія Гогенцоллерновъ перестанетъ находиться во главѣ Германской имперіи».

Нѣсколько смутны предсказанія Малахіи относительно Австро-Венгрии. Съ одной стороны, онъ пророчитъ усиленіе ея могущества, но съ другой,—онъ говоритъ, что она утратитъ свой «обычный обликъ». Что же касается Россіи, то, по его словамъ, послѣ краткаго періода нерѣшительности и, можетъ быть, нѣкоторыхъ смуть она станетъ всемогущей (omnipotens) и вершителницей міровыхъ судьбъ.

XV.

— Турція тоже ввязалась въ европейскую войну. Интересно, что предсказываютъ пророки о судьбѣ Ближневосточной Порты?

Иванъ Ивановичъ досталъ съ полки новую пачку вырѣзокъ изъ газетъ.

— Какъ!—воскликнулъ я:—вы уже успѣли собрать предсказанія и о судьбѣ Турціи?

— Эти вырѣзки собраны еще въ 1912 году, когда ополчились на нее балканскіе славяне. Въ первый половинѣ прошлаго вѣка въ Парижѣ жила знаменитая гадалка Марія-Анна Ленорманъ (1772—1843 гг.). Вотъ ея предсказанія относительно Турціи:

«Я вижу твой полумѣсяцъ потускнѣвшимъ, я вижу, какъ твой мечъ выпадетъ изъ слабыхъ рукъ выродившагося правителя. Городъ Константина, твой крестъ вновь будетъ воздвигнутъ на мѣстѣ полумѣсяца, а Коранъ будетъ замѣненъ Библіей».

Въ это же время она предсказала будущее Россіи:

«На сѣверѣ я вижу орла необычайной величины, распростершаго свои крылья. Какой-то ослѣпительный свѣтъ окружаетъ его

голову. Обширнѣйшее русское государство! твое будущее полно славы, и ты сможешь воскликнуть: «весь міръ мнѣ подчиняется!»

Новая Ленорманъ въ Парижѣ, современная намъ madame de Thèbes, въ августѣ 1912 года также предсказала судьбу Турціи:

«... Загорится всеобщій пожаръ, изъ котораго Европа выйдетъ совершенно измѣненной... Турки уйдутъ изъ Европы, и крестъ будетъ продолжать идти по пути побѣды надъ полумѣсяцемъ. Не тотъ крестъ, съ которымъ идутъ миссіонеры, а тотъ невидимый крестъ, незримо влияющій на всѣ европейскія цивилизаціи и покоряющій, завоевывающій весь міръ. Исламъ долженъ погибнуть силою вещей, и если турокъ не будетъ побитъ сегодня, онъ будетъ побитъ завтра, и пожалѣютъ о немъ лишь варвары, которымъ по сердцу, по душѣ приходится его варварская мораль!»

Два года тому назадъ вспомнили предсказанія монаха Козьмы, почитаемаго святымъ въ греческой церкви (родился въ 1778 г.). Онъ оставилъ рядъ интересныхъ предсказаній относительно будущности Балканскаго полуострова и всего человѣчества:

«Наступитъ день, когда люди будутъ общаться между собой помощью проволоки: живущіе въ Россіи будутъ разговаривать съ живущими въ Англіи, какъ бы находясь въ двухъ сосѣднихъ комнатахъ. Люди изобрѣтутъ колесницу болѣе быструю, чѣмъ заяцъ».

— Это такъ хорошо соотвѣтствуетъ нашему телеграфу, телефону и автомобилю.

«Юнійскіе острова будутъ освобождены ранѣе Эпира... настанетъ день, когда союзные христіанскіе короли подступятъ къ Константинополю. Кровь прольется тогда въ такомъ изобиліи, что ягненокъ сможетъ плавать по ней. Счастливы тотъ, кто доживетъ до этихъ событій! Турки раздѣлятся на три части: одни погибнутъ на войнѣ, другіе отступятъ въ Азію, третьи останутся въ Европѣ, принявъ христіанство».

— Астрологи Штоиферъ XV вѣка и Николай Нѣмчина XVI вѣка указываютъ, что при завоеваніи Царьграда люди будутъ летать, какъ мухи. Въ этомъ видятъ намекъ на современные аэропланы... Можно упомянуть еще древнія пророчества монаха Агаангела и Меѳодія Патарскаго. Но я не стану занимать ваше вниманіе чтеніемъ и разборомъ этихъ сказаній. Всѣ они сводятся къ одному рѣшенію восточнаго вопроса: турки будутъ выгнаны изъ Европы. Константинополь будутъ владѣть христіане. Какъ видите, всѣ пророки дружно говорятъ какъ о гибели Турціи, такъ и о пораженіи Германіи.

— Одно намъ очевидно сейчасъ: полное нравственное поражение озвѣрѣвшихъ нѣмцевъ.

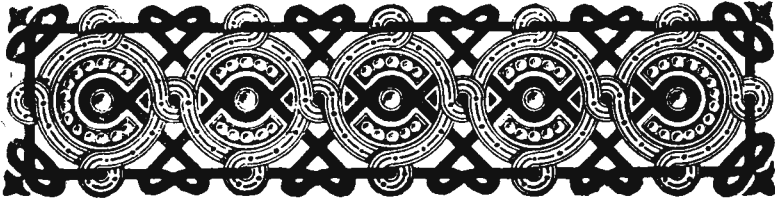
Прощаясь съ пріятелемъ, я пообѣщаль скоро опять прійти къ нему.

— Милости просимъ! А на дорожку позвольте я вамъ напомню свѣтлыя предсказанія госпожи де-Тэбъ:

«... Наступаетъ время, когда вдругъ сразу заработаетъ все, все земное и сама земля. Старая жизнь рушится, и людямъ, наконецъ, совершенно нежданно, представится случай проявить максимумъ напряженія своей воли, своей энергiи. Наступаетъ время героическое, время героевъ! Сколько будетъ проявлено благородныхъ порывовъ, великодушныхъ начинанiй! Мы почувствуемъ себя воскресшими. Личные интересы пропадутъ. Жизнь человѣческая потеряетъ цѣну. Бываютъ времена, когда въ народахъ все кипитъ, какъ въ кратерѣ вулкана. Жизнь, рождающая смерть, смѣняется смертью, рождающею жизнь. Это игра судьбы и силъ природы, смыслъ которой недоступенъ пониманiю ума человѣческаго. Мы почувствуемъ себя въ рукахъ Провидѣнiя. И счастливъ будетъ тотъ, кто въ своей вѣрѣ почерпнетъ достаточно силъ, чтобы стоять на должной высотѣ, кто сумѣетъ достойно послужить своему отечеству, народу, расѣ, вѣрѣ и отстоять правое дѣло!»

Ив. Ювачевъ.

НѢМЦЫ НА ЮГѢ.

(Вмѣсто предисловія).

БЫ НЕРѢДКО читали за послѣдніе года выдержки изъ различныхъ германскихъ изданій, въ которыхъ сначала довольно туманно, а затѣмъ уже и совершенно опредѣленно проводилась слѣдующая идея: Россія—это очень удобное мѣсто для обширныхъ германскихъ колоній въ будущемъ. Въ Германіи становится тѣсно для шестидесяти пяти милліоновъ все растущаго населенія а потому надо двинуться на Востокъ

Германскому правительству, очевидно, было не особенно трудно осуществить въ реальной формѣ эту идею; вѣдь «нѣмецъ» вошелъ въ нашу жизнь такъ плотно за весь петербургскій періодъ нашей исторіи, что появленіе у насъ нѣмцевъ въ любомъ количествѣ и на любомъ поприщѣ жизни равно никого не удивило бы.

Великая война начинаетъ вскрывать всю подоплеку этой исторіи нѣмецкаго переселенія въ Россію. И думается, что теперь наступилъ моментъ вскрыть этотъ вопросъ въ корнѣ, чтобы радикально избавиться наконецъ отъ нѣмецкаго засилья.

Какъ осуществить это дѣло? Конечно, эта великая борьба не по плечу ни отдѣльнымъ лицамъ, ни даже учрежденіямъ. Это дѣло государственно-народное. Здѣсь надо дѣйствовать «міромъ». Пусть каждый знающій по силѣ возможности принесетъ въ этотъ вопросъ, крупицу своей пользы тогда общими усилями, можетъ быть, и удастся намъ освободить русскую землю отъ этого «мирнаго» нѣмецкаго нашествія.

Настоящіе очерки, въ которыхъ авторъ передаетъ то, чему онъ былъ свидѣтелемъ по вопросу нѣмецкаго засилья на югѣ, являются именно той крупицей, о которой было сказано выше.

I.

Нѣмецкія заселенія.

Какъ извѣстно, нѣмцы заселяютъ въ Россіи преимущественно слѣдующія мѣстности: Прибалтійскій край, западную часть Привислинскаго края, бывшую С.-Петербуржскую, нынѣ Петроградскую губернію, Самарскую и Саратовскую губерніи на Волгѣ, часть Юго-Западнаго края и, наконецъ, за самое послѣднее время нѣмцы облюбовали нашъ плодородный югъ—Крымъ и Кавказское побережье.

Очень мало сравнительно нѣмцевъ въ Сибири, на нашемъ сѣверѣ, на Уралѣ, т. е. тамъ, гдѣ приходится жестоко бороться съ природой и гдѣ дѣйствительно требовалось бы извѣстное «культуртрегерство», которое, можетъ быть, и принесло бы свои плоды.

Но нѣмцы были для Россіи фиктивными «культуртрегерами». Они любятъ приходить и садиться на готовое, съ готовыми капиталами, которыми ихъ снабжалъ за чрезвычайно дешевый процентъ германскій имперскій банкъ.

Тамъ, гдѣ эти «культурные» пришлецы попадали въ обстановку, требующую серьезной и продолжительной борьбы съ нашими старинными врагами—бездорожьемъ, обширными пустопорожними пространствами и т. п.—тамъ нѣмцы хирѣли и пропадали.

Пишущему эти строки пришлось объѣхать по уѣздамъ, деревнямъ и селамъ шесть губерній нашего юга для изученія экономическихъ и бытовыхъ условій края и здѣсь воочию видѣть это нѣмецкое землевладѣніе на югѣ въ различныхъ фазисахъ.

Этими наблюденіями я и хочу теперь подѣлиться съ читателями.

Впервые пришлось наткнуться на обширныя нѣмецкія поселенія въ трехъ самыхъ большихъ плодородныхъ уѣздахъ Таврической губерніи—Мелитопольскомъ, Бердянскомъ и Днѣпровскомъ.

Здѣсь на сотни верстъ тянется великолѣпная глинисто-черноземная степь, годная подъ посѣвы пшеницы и культурныхъ злаковъ. Земли это были по преимуществу такъ называемыми казенно-оброчными статьями и числились даже лишь за номерами, безъ обозначенія названія.

Бывало спросишь:

— Гдѣ эти хутора?

— Статья № 140...

И долго ищешь эту «статью» среди безбрежного океана ковыльной степи, которую еще запорожские казаки называли «дикой степью»...

Бдешь долгими часами под ослепительнымъ свѣтомъ южнаго солнца и вдругъ видишь вдали на горизонтѣ причудливые замки, роскошные сады, сверкающія озера...

— Что это?

— Это миражъ...—спокойно отвѣтитъ привычный къ этимъ степямъ спутникъ.

А флегматичный ямщикъ-хохолъ подтвердить:

— Такъ что... марево это будетъ...

И, дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время видѣніе пропадаетъ, а взамѣнъ ему чудится другое.

Вотъ эти-то привольныя хлѣбородныя степи облюбовали нѣмецкіе пришлецы и здѣсь утвердились твердой стопой.

Пришлось выѣхать въ степь отъ станціи Рыково, проѣхать барскую усадьбу русскаго помѣщика, а затѣмъ уже окунуться всецѣло въ нѣмецкое царство. Бдешь долгими часами, видишь однообразной постройки прочныя хутора-усадьбы, кругомъ обработанныя поля и только и слышишь въ отвѣтъ отъ спутника:

— Нѣмецкая усадьба...

— Нѣмецкіе поселки...

— Нѣмецкіе хутора...

Живутъ обособленно, крѣпко и русскаго человѣка чуждаются.

Послѣ продолжительнаго пребыванія въ степи подъ палящимъ солнцемъ захотѣли заѣхать по дорогѣ передохнуть немного, подѣхали къ одной такой усадьбѣ-крѣпости.

Не пустили...

Выходитъ нѣмецъ-колонистъ и сурово на ломанномъ языкѣ говорить подъ хриплый лай сторожевыхъ собакъ:

— Никого нѣтъ дома... Не можемъ...

И крѣпко захлопнулъ массивную калитку у тяжелыхъ воротъ усадьбы-хутора.

— У нѣмца зимой снѣгу не допросишься,—философски сказалъ нашъ ямщикъ, погоняя усталыхъ лошадей:—нашли, къ кому заѣзжать, господа!

II.

Нѣмецкій форпостъ.

Въ этой мѣстности отъ станціи Рыково, какъ выяснилось, расположилось около сотни нѣмецкихъ имѣній большаго или меньшаго объема.

Среднее имѣніе содержитъ около пятисотъ десятинъ, нѣкоторыя доходятъ до тысячи пятисотъ десятинъ, а нѣкоторыя спускаются

до двухсотъ десятинъ. Но ниже этой послѣдней цифры усадьбы нѣтъ.

Всѣ эти имѣнія связаны между собой телефонами, центральная станція коихъ находится при желѣзнодорожной станціи Рыково.

Всюду прекрасныя шоссеиныя дороги. Во всѣхъ имѣніяхъ автомобили, даже въ небольшихъ сравнительно усадьбахъ. У многихъ существуютъ тяжеловозы-автобусы.

Пришлось видѣть цѣлую процессію изъ автомобилей; штукъ 70—80 ѣдетъ по направленію отъ Мелитополя.

— Это ѣздили хоронить какого-то важнаго нѣмца изъ своихъ,— пояснилъ мнѣ спутникъ-агрономъ.

А бывший тутъ же уѣздный полицейскій чинъ добавилъ:

— У этихъ нѣмцевъ все въ порядкѣ. Вотъ бывало въ 1905 году, когда были крестьянскіе погромы,—у нѣмцевъ ничего не тронули. По телефону другъ друга предупреждать и встрѣтять ружейными залпами. Ну, мужики и того—назадъ. А нашихъ русскихъ помѣщиковъ разгромили.

Никто изъ насъ тогда, конечно, серьезно не думалъ о близкой возможности войны съ Германіей и вообще о европейской войнѣ, но почему-то тогда мнѣ пришла въ голову мысль, которую я и высказалъ своимъ собесѣдникамъ:

— А вѣдь какая это удобная база для германской арміи, если когда-нибудь сюда придутъ нѣмцы... Вѣдь цѣлый округъ, совершенно оборудованный въ германскомъ духѣ, къ услугамъ этой арміи. Смѣло можно здѣсь расквартировать и прокормить цѣлый корпусъ германской арміи.

Мои собесѣдники разсмѣялись:

— Нѣмцы? Сюда!!! Вы шутите...

Конечно, я шутилъ, ибо былъ тогда лишь 1911 годъ и рѣшительно никто не желалъ у насъ даже думать о возможности такой войны. Это у насъ.

Совершенно не такъ относимся къ этому же вопросу въ Германіи. Только теперь, сопоставляя всѣ факты, которые удалось тогда собрать по этому вопросу на мѣстахъ,—прихожу къ этому непреложному убѣжденію.

Припоминается, тогда, заинтересованный этимъ вопросомъ лично (хотя прямая цѣль обслѣдованія и не касалась нѣмецкаго землевладѣнія), я въ разговорѣ съ мелитопольскимъ нотаріусомъ г. Х. узналъ слѣдующее:

— Нѣмцы у насъ заключаютъ громадныя сдѣлки на покупку земель,—спокойно объяснилъ мнѣ словоохотливый нотаріусъ:— вѣдь это для нихъ дѣло государственное...

— Какъ государственное?!

— Ну, конечно... Вѣдь переводы-то мы получаемъ прямо изъ имперскаго банка изъ Берлина. Мнѣ приходилось не мало такихъ

сдѣлокъ заключать, гдѣ полученіе денегъ обозначалось въ переводѣ на марки по курсу такого-то дня. И мои кліенты тутъ же объясняли, что субсидируетъ ихъ имперскій банкъ изъ двухъ процентовъ. Мы еще удивлялись, что дешево, а нѣмцы намъ объяснили: это изъ колониальнаго кредита.

Видите, какъ это все просто дѣлалось: имперскій банкъ, колониальный кредитъ и русскій нотаріусъ.

Встрѣчаю богатаго русскаго помѣщика, владѣющаго обширными имѣніями въ Крыму и на Кавказѣ, князя Г.

— Нѣмцы у насъ всѣ земли вдоль желѣзныхъ дорогъ скупаютъ... Сладу съ ними нѣтъ.

— Почему же вы не конкурируете съ нимъ?

Махнулъ рукой.

— Что вы! Они бѣшенныя деньги платятъ. Вѣдь имъ, можетъ быть, эти земли для какихъ-нибудь цѣлей нужны... А вѣдь намъ этого не нужно. Какъ же можно по тысячѣ рублей за десятину земли платить, а они платятъ!

И опять безконечные рассказы объ имперскомъ банкѣ, который даетъ деньги въ любомъ количествѣ, чуть не безъ процентовъ... для скупки русскихъ земель...

III.

Заботы прусскаго министерства.

Но что же, впрочемъ, обвинять въ недальновидности обыкновенныхъ россійскихъ обывателей-помѣщиковъ, нотаріусовъ, агрономовъ, если наши власти, стоящія у кормила государственнаго корабля, отличались въ тѣ же недавнія времена совершенно такой же близорукостью передъ нѣмецкими начинаніями.

Передо мной лежитъ сейчасъ любопытный документъ—это стенограмма рѣчи «генеральнаго директора таможеннаго и косвенныхъ налоговъ дѣйствительнаго тайнаго оберъ-финансоваго совѣтника Келлера изъ королевскаго прусскаго министерства въ Германіи».

Рѣчь эта была произнесена «герромъ» Келлеромъ въ гор. Валкахъ 16-го мая 1912 года передъ харьковскимъ губернаторомъ и чинами нашего вѣдомства землеустройства послѣ «научнаго путешествія» по нашему югу съ цѣлой компаніей прусскихъ чиновъ, ученыхъ и экскурсантовъ въ числѣ 104 человекъ.

Вотъ, между прочимъ, начало этой рѣчи въ стенографическомъ переводѣ, авторизованномъ самимъ герромъ Келлеромъ при участіи нашихъ властей для печати:

Германія, — сказалъ г. Келлеръ, — небольшая страна въ сравненіи съ большимъ своимъ восточнымъ сосѣдомъ, вслѣдствіе чего она не можетъ использовать всѣ выгоды, приносимыя почти милліон-

нымъ приростомъ на 65 милліоновъ жителей. Интересъ нашей страны уже давно обращенъ на внутреннюю колонизацію мало населенныхъ мѣстностей, поэтому въ настоящее время наши взгляды съ особеннымъ интересомъ обращены на русское государство. Насколько распространено въ образованныхъ слояхъ Германіи желаніе узнать и изучить лично нашего восточнаго соседа и завязать съ нимъ личныя сношенія, можете заключить изъ того, что 104 экскурсанта, участвующіе въ сегодняшнемъ празднествѣ, составляютъ незначительное количество всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ бы принять участіе въ этой поѣздкѣ, но долженъ былъ остаться за недостаткомъ мѣстъ».

Такова рѣчь прусскаго государственнаго дѣятеля, который пріѣзжалъ смотрѣть, насколько продуктивно былъ истраченъ капиталъ имперскаго банка въ вопросѣ русской колонизаціи.

Наши чиновники, вѣроятно, тогда любезно благодарили г. оберъ-финансоваго совѣтника «за честь посѣщенія» и никому, конечно, въ голову не пришло спросить его превосходительство:

«Почему вы такъ усиленно населяете русскую землю нѣмцами, пользуясь нашимъ безконечнымъ благодушіемъ? Вѣдь есть же у васъ колоніи и въ Азіи, и въ Африкѣ, и въ Австраліи, и въ Америкѣ? Ужъ не собираетесь ли вы завоевывать насъ одновременно и оружіемъ, и колонистами?»

Если бы тогда такъ отвѣтили его превосходительству—это, конечно, было бы сочтено за величайшую дерзость и безуміе.

А между тѣмъ это былъ бы единственный вѣрный отвѣтъ на рѣчь «герра» Келлера.

Теперь уже выяснилось съ несомнѣнностью, что планы на завоеваніе Россіи теоретически были разработаны въ Германіи лѣтъ за десять, если не болѣе, до роковаго дня 18-го іюля 1914 года.

И такъ какъ союзъ съ Турціей былъ задуманъ, видимо, еще со времени знаменитой поѣздки Вильгельма въ Константинополь, и въ дальнѣйшемъ вопросъ этотъ получилъ уже реальное осуществленіе, то и оккупація нашего юга была, повидимому, рѣшена тогда же.

А, слѣдовательно, всѣ мѣры, проводимыя съ извѣстной нѣмецкой систематичностью въ этомъ направленіи, были лишь логическимъ слѣдствіемъ первоначальнаго рѣшенія.

Германскіе планы завоеванія на театрѣ войны теперь не удались, но могли и удался. А будущее—неизвѣстно...

Думается, что не лишнее будетъ намъ теперь пересмотрѣть внимательнѣе тѣ нѣмецкіе базы и аванпосты, которые столь старательно заготовили наши теперешніе враги, а тогдашніе «друзья».

Вѣдь «громъ грянулъ»—не пора ли «перекреститься» и заняться очищеніемъ нашего благодатнаго юга отъ нѣмецкаго засилья на землѣ...

IV.

Нѣмцы и земельный ажіотажъ.

Самый усиленный приливъ нѣмцевъ на южныя наши земли совпалъ съ мѣропріятіями нашего правительства по части землеустройства, которое на югѣ проходило чрезвычайно успѣшно и вызвало одновременно громадный приливъ новыхъ людей и солидное повышение цѣнъ на земли. Въ русскомъ человѣкѣ проснулось его исконное чувство любви къ землѣ, и на югъ потянулись многіе, жившіе доселѣ въ городахъ.

Такъ какъ Германія очень зорко слѣдила за всѣми русскими дѣлами, естественно, это крупнѣйшее явленіе вызвало тамъ тревогу. Это тревога очень ясно выражена въ рѣчи «оберъ-финансоваго совѣтника Келлера»:

«... Въ настоящее время наши взгляды съ особеннымъ интересомъ обращены на русское государство, которое, въ свою очередь, въ настоящее время въ гораздо большемъ масштабѣ начинаетъ заниматься внутренней колонизаціей».

Сказано это было въ 1912 году, но расшифруйте эти слова по тому «ключу», который намъ данъ нѣмцами въ 1914 году, и вы сможете перефразировать слова «оберъ-финансоваго совѣтника Келлера» такъ:

«...Мы боимся, какъ бы русскіе не захватили всю хорошую пусто-порожнюю землю на югѣ. Что же останется для нашихъ нѣмцевъ? Пробужденіе любви къ землѣ русскаго народа представляется опаснымъ для нашихъ нѣмецкихъ плановъ. Надо принять мѣры...»

Вотъ что приблизительно думалъ г. Келлеръ, когда говорилъ свою рѣчь представителямъ русской власти.

И, дѣйствительно, вслѣдъ за словами послѣдовали и мѣропріятія—нѣмецкая колонизація на югъ была двинута широкимъ фронтомъ, имперскій банкъ щедро открылъ свои кассы желающимъ колонизовать русскій югъ нѣмцамъ. У насъ на югѣ это нѣмецкое мѣропріятіе отозвалось необычайнымъ внезапнымъ повышеніемъ цѣнъ на землю.

Въ 1912—1913 годахъ цѣны на земли «близь желѣзной дороги» возросли до 1.500 рублей десятина казенной мѣры т. е. цѣна возвысилась на 800 рублей за одинъ годъ. Извѣстно, что земля въ такой мѣрѣ никогда не повышается въ цѣнѣ, если только въ ней не найдено цѣнныхъ ископаемыхъ; повышеніе въ такой прогрессіи—это уже земельный ажіотажъ и созданъ онъ былъ исключительно нѣмцами при посредствѣ имперскаго банка.

На югѣ, впрочемъ, это знали хорошо всѣ заинтересованныя лица, но не придавали этому особаго значенія.

Вамъ даютъ за землю, которую вы оцѣниваете сами въ сто тысячъ,—полтораста. Думается, что едва ли вы будете въ мирное время доискиваться государственно-политическихъ причинъ этого явленія. Если вамъ нужно продать эту землю—вы продаете ее и найдете, что сдѣлали превосходное дѣло. Кому? Нѣмцу. Ну, что же? Вѣдь нѣмецъ же былъ «свой человѣкъ» вплоть до дня объявленія войны.

И такимъ образомъ продавались земли не только пустопорожня, но и давно насиженные гнѣзда. Но моихъ глазахъ коренной помѣщикъ Хорольскаго уѣзда Полтавской губерніи продалъ свое родовое имѣніе, лежащее недалеко отъ линіи желѣзной дороги, по 900 рублей кругомъ десятина.

На мой вопросъ: почему онъ разстается съ насиженнымъ дѣдовскимъ гнѣздомъ?

Помѣщикъ, типичный малороссъ, отвѣтилъ:

— Помилуйте. Вчетверо дороже дастъ. Какъ же не продать... Вѣдь я самъ прикупалъ лѣтъ пять назадъ здѣсь землю по 200 рублей. Взбѣсился, видно, нѣмецъ...

Я осматривалъ это имѣніе. И теперь припоминаю его ситуацію: весь участокъ окруженъ рѣкой въ обрывистыхъ берегахъ. Получается какъ бы естественный форпостъ, который потребуетъ очень мало искусственныхъ укрѣпленій.

Очевидно, нѣмецъ зналъ, что онъ покупаетъ, и за будущій форпостъ заплатилъ не особенно дорогую цѣну.

V.

Запорожье—нѣмецкое владѣніе.

Въ этой же поѣздкѣ пришлось побывать на Днѣпрѣ. Изъ города Александровка Екатеринославской губерніи на автомобилѣ выѣхали въ степи. Осмотрѣли нѣсколько хуторскихъ поселеній и собирались ѣхать осматривать еврейскія земледѣльческія колоніи въ Златополѣ.

Но въ степи застигло насъ обѣденное время, до колоній еще ѣзды версты 80, если не больше. Версты въ степяхъ не мѣренныя.

— Обѣдать заѣдемъ въ курортъ на Днѣпрѣ,—говоритъ мой спутникъ, знатокъ мѣстности.

Поѣхали въ курортъ на Днѣпрѣ. Красивѣйшее мѣсто.

Обѣдаемъ. Прислуживаетъ нѣмецкая прислуга.

— Откуда это?

— Да вѣдь курортъ-то нѣмецкій...

Единственный курортъ на всемъ Днѣпрѣ и тотъ нѣмецкій...

Послѣ обѣда вышли на высокій берегъ Днѣпра. На томъ берегу широко раскинулись бѣлые домики съ черепичными красными

крышами. Въ нѣкоторомъ отдаленіи среди зеленой гущи тополей красивая кирка.

— Это богатая нѣмецкая колонія Кичкась...

Въ разговорѣ узнаю, что здѣсь невдалекѣ находится знаменитая Запорожская Сѣчь—островъ Хортица.

Какъ не посмотрѣть! Беремъ у администраціи курорта за установленную плату моторную лодку. И быстро плывемъ по Днѣпру. На высокомъ берегу на выдающемся обрывѣ стоитъ громадная раскрашенная фигура Тараса Бульбы.

— Кто это соорудилъ?

— Администрація курорта. Это мѣсто прогулки курсовыхъ.

Чѣмъ ближе подплываемъ къ Запорожской Сѣчи, тѣмъ больше охватываютъ впечатлѣнія. Вдали показался длинный песчаный островъ, заросшій травой и кустарникомъ.

— Это островъ Хортица...

Такъ вотъ гдѣ было славное гнѣздо нашего казачества, колыбель тѣхъ чудо-богатырей, которые сослужили такую службу Россіи.

Вотъ здѣсь, вѣроятно, стояли казацкіе курени, здѣсь шло буйное веселье, сюда прибылъ Тарасъ Бульба съ своими сыновьями Остапомъ и Андреемъ, чтобы обучить ихъ военной потѣхѣ.

Въ головѣ проносилось созданіе Гоголя, единственное и незабываемое описаніе Запорожской Сѣчи.

— Кому принадлежитъ теперь островъ Хортица?

— Нѣмецкимъ колонистамъ Кичкаса... Да и вся земля кругомъ нѣмецкая на 75 верстѣ...

Еще тогда, въ тотъ моментъ, когда нѣмецъ былъ намъ «свой человѣкъ», при этихъ словахъ кольнуло въ сердце: и здѣсь опять нѣмецъ! Откуда онъ сюда попалъ?

Мой спутникъ, мѣстный человѣкъ, поспѣшилъ мнѣ объяснить:

— Это, видите ли, бывшія «овчарныя земли». Еще при Екатеринѣ Великой раздавали овцеводамъ. Вотъ нѣмцы и забрали.—И, вздохнувъ, добавилъ:—У насъ нѣмецъ вездѣ... Мы-то давно не удивляемся—привыкли. Все, что получше, нѣмецъ захватилъ. Денегъ у него много...

И дѣйствительно, «нѣмецъ былъ вездѣ». Это я испыталъ въ этой же поѣздкѣ. Заѣхали мы на глухіе хутора, до ночи ихъ осматривали и когда хотѣли ѣхать дальше, то оказалось, что автомобиль нашъ «заболѣлъ»...

— Машина слабая,—оправдывался шофферъ:—земская... Теперь придется на волахъ его везти...

Что же дѣлать? По маршруту намъ нужно было къ утру поспѣть за 120 верстѣ въ другой конецъ уѣзда. Ѣхать на обывательскихъ это значитъ опоздать ровно на сутки. А ждутъ сотни людей...

Представьте, изъ бѣды выручилъ опять-таки нѣмецъ.

Мой спутникъ, бывалый въ этой мѣстности человѣкъ, говоритъ:

— Погодите... Здѣсь недалеко живетъ богатый нѣмецъ, фабрикантъ. Съѣзжу къ нему, попрошу машину... Можетъ быть, дастъ. У него ихъ три...

Черезъ часъ мы катили на стосильномъ нѣмецкомъ «Пишпѣ» съ нѣмцемъ-шофферомъ, дѣлая по безмолвной стени по 80 верстъ въ часъ.

Нѣмецъ выручилъ...

VI.

«Образцовые нѣмцы».

У насъ вообще принято думать, что нѣмецъ—это «прирожденный культуртрегеръ» (сами нѣмцы въ этомъ глубоко убѣждены!), такъ думало и наше правительство, которое насаждало къ намъ нѣмцевъ, очевидно, съ такими культуртрегерскими цѣлями—такъ сказать, на предметъ нашего обученія.

Но когда ближе всматриваешься въ результаты этой нѣмецкой работы на мѣстахъ, особенно на югѣ, приходишь къ нѣсколькимъ инымъ выводамъ.

Мѣстами, дѣйствительно, нѣмцы живутъ у насъ на югѣ культурно и даже непомѣрно богатѣютъ, но это происходитъ лишь при очень благоприятныхъ внѣшнихъ условіяхъ: покупать громадныя участки плодородной земли, недалеко отъ желѣзной дороги, вложить въ землю солидныя средства при очень дешевыхъ процентахъ (два процента беретъ германскій имперскій банкъ)—тогда нѣмецъ богатѣетъ. Еще непременное условіе: поселеніе большими кучами, чтобы взаимно поддерживать другъ друга.

Думается, что при такихъ условіяхъ русскіе поселенцы также хорошо устроились бы, ибо до сихъ поръ имъ приходилось устраиваться совершенно безъ кредита (крестьянскій банкъ даетъ слишкомъ ограниченныя ссуды, а частный дисконтъ деретъ звѣрскій процентъ)—и все же укрѣпляются на землѣ и живутъ.

Когда нѣмецъ попадаетъ въ неудобныя условія или, правильнѣе сказать, затруднительныя, которыя требуютъ большого напряженія, чтобы побѣдить ихъ,—нѣмецъ, какъ я говорилъ выше, нерѣдко хирѣетъ и живетъ значительно хуже нашего крестьянина.

Живые примѣры этому я видѣлъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Вотъ первый примѣръ въ еврейскихъ колоніяхъ Александровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи. Здѣсь имѣется шесть еврейскихъ земледѣльческихъ колоній—любопытный опытъ императора Николая I, который хотѣлъ прикрѣпить евреевъ къ землѣ. Не надѣясь на земледѣльческія способности евреевъ, правительство тогда рѣшило посадить здѣсь же 60 «образцовыхъ нѣмцевъ» (такъ именно они названы были въ официальныхъ документахъ и со-

храняютъ это свое наименованіе доселѣ)—по 10 нѣмцевъ на каждую колонію.

Прошло 50—60 лѣтъ этого опыта. Еврейскія колоніи процвѣтають, а изъ 60 «образцовыхъ нѣмцевъ» осталось всего 7 семей. Да и у тѣхъ наше вѣдомство землеустройства рѣшило отобрать землю «за нерадивое къ ней отношеніе».

VII.

Нѣмецкое захирѣніе.

Меня этотъ вопросъ чрезвычайно заинтересовалъ, и я рѣшилъ тутъ же обследовать его на мѣстѣ.

Пошелъ къ нѣсколькимъ изъ уцѣлѣвшихъ «образцовыхъ нѣмцевъ». И вотъ непосредственныя впечатлѣнія: плохая изба, живутъ грязно, хозяйство въ полномъ забросѣ.

По-русски говорятъ плохо, хотя въ третьемъ поколѣніи живутъ на этой землѣ... Тускляя, неопредѣленныя личности, у которыхъ еще осталось одно сознаніе, что имъ нужно отсюда уходить въ Германію, ибо чувствуютъ они себя здѣсь чужими.

Въ общемъ—захирѣніе полное!

Когда, доискиваясь первопричины, я обратился къ «шульцу» (староста) этой еврейской колоніи Ново-Златополь, еврей-старикъ серьезно мнѣ отвѣтилъ:

— Евреи лучше знаютъ хозяйство и прилежниѣ нѣмцевъ на землѣ. Нѣмцы лѣнны и много пьютъ.

Я долженъ былъ повѣрить этимъ словамъ, ибо воочию видѣлъ, что эти «образцовые нѣмцы» живутъ значительно бѣднѣе и грязнѣе своихъ односельчанъ-евреевъ, которые тоже живутъ достаточно грязно.

Очевидно, нѣмцу для проявленія своихъ культуртрегерскихъ способностей нужна прежде всего «удобная среда». Но въ удобной средѣ нетрудно и для всякаго сдѣлаться культуртрегеромъ

Совершенно аналогичный случай имѣлъ мѣсто, по моимъ наблюденіямъ, въ Старобѣльскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи, гдѣ нѣмецкіе колонисты, поселившіеся въ гущѣ малороссійскаго населенія, на земляхъ, значительно удаленныхъ отъ желѣзнодорожной линіи, черезъ три года бросили свои земли, распродали ихъ вмѣстѣ съ усадьбами по дешевой цѣнѣ и ушли.

Еще наткнулся на характерный случай изъ нѣмецкаго землевладѣнія въ Константиноградскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи.

Здѣсь при мнѣ нѣмцы-колонисты распродавали землю съ тѣмъ, чтобы уѣхать въ Германію. Продавали хорошей цѣной, съ барышомъ, но земли все же бросали.

У одного такого колониста Ганса Куртиса мы остановились обѣдать и вели такой разговоръ:

«Истор. вѣстн.», декабрь 1914 г., т. сxxxviii.

— Почему уходите?

Гансъ Куртисъ отвѣчалъ на чистомъ русскомъ языкѣ:

— Соскучились по родинѣ. Да и выгодно: здѣсь продадимъ землю по 700 рублей десятина, а въ Силезіи куплю по 800 марокъ. Тамъ буду работать.

Выяснилось, что сюда пришелъ еще дѣдъ Ганса, отецъ при-былъ маленькимъ, а самъ Гансъ родился здѣсь и никогда своей Саксоніи не видѣлъ. Но написали родетвенники и его потянуло въ Саксонію.

Я удивился: почему такъ дешево земли въ Саксоніи?

Гансъ мнѣ отвѣтилъ:

— И тамъ разная бываетъ земля. Намъ предлагаютъ неудобную за 800 марокъ десятина. Мы ее удобримъ, а все же жить будемъ на родинѣ.

Припоминаю: удивился, до чего крѣпка у этого нѣмецкаго крестьянина любовь къ своей родинѣ,—вѣдь никогда не видалъ ея, а тянетъ туда.

И спросилъ его:

— А какъ же съ подданствомъ?

Гансъ отвѣтилъ гордо:

— Я германскій подданный... Отецъ же мой былъ русскимъ подданнымъ...

Понялъ: передо мной представитель германскаго двойного подданства, которому теперь выгодно бросить здѣсь землю и ѣхать въ свою Саксонію. А, можетъ быть, въ виду его призывного возраста (Гансу было лѣтъ 25—26 не болѣе) онъ нуженъ *тамъ* на своей родинѣ.

Но эти послѣднія соображенія приходятъ въ голову теперь, тогда же просто удивило, какъ легко человѣкъ бросаетъ насиженное отцомъ и дѣдомъ мѣсто, чтобы ѣхать въ не виданную, хотя и родную ему Саксонію.

VIII.

Германская гегемонія.

Но, конечно, нѣмецкое захирѣніе на російскихъ земляхъ встрѣчается значительно рѣже, чѣмъ нѣмецкое процвѣтаніе.

Тамъ, гдѣ нѣмцамъ удалось поселиться прочной компаніей при удобныхъ мѣстныхъ условіяхъ—они пускаютъ очень глубокіе корни и обставаются такъ, какъ будто живутъ они не въ Россіи, а въ своемъ любезномъ фатерландѣ.

Наглядный примѣръ тому тѣ же бердянскія и мелитопольскія нѣмецкія расселенія, равно какъ и колоніи ихъ въ Крыму и на Кавказѣ.

Здѣсь корни пушены основательно.

Вотъ что мнѣ пришлось наблюдать въ мелитопольскихъ поселеніяхъ близъ станціи Рыково, гдѣ удалось произвести болѣе глубокое обследованіе.

Въ мелитопольскомъ разселеніи, гдѣ нѣмцы засѣли большой группой, между ними образованъ «свой общій фондъ», уже независимо отъ имперскаго, который помогъ имъ здѣсь основаться. Теперь выступаетъ забота о дѣтяхъ и внукахъ, которымъ будетъ впоследствии тѣсно на этой землѣ и потому нужно, не нарушая системы единенія (при полномъ отчужденіи отъ русскаго мѣстнаго населенія) и для дѣтей, устроить имъ уже на свои средства такую же обеспеченную будущность, которую отцамъ устроилъ заботливый имперскій банкъ.

Здѣсь проводится цѣлая стройная система, видны слѣды того «организованнаго труда», о которомъ съ такой гордостью говорила недавно книга «Интеллигентная Германія — цивилизованному міру», авторомъ которой отъ лица «всей германской интеллигенціи» подписались «цвѣтъ ученаго міра Германіи», имена: Геккель, Вундтъ, Шмоллеръ, Гарнахъ, Луи Брентано, Листъ, Лабандъ, Лампрехтъ, Виндельбандъ, Эйкенъ, Оствальдъ, Науманъ, Гаунтманъ, Зудерманъ, Дефреггеръ, Вейнгартнеръ, Зигфридъ Вагнеръ и др.

Вотъ сущность этого германскаго откровенія «цивилизованному міру»:

«Уничтоженіе Германіи повлекло бы за собой гибель столь высокихъ культурныхъ цѣнностей, что одна важность ихъ сохраненія дѣлаетъ нашу побѣду необходимой. Если бы союзъ маіи величія, атавистическаго стремленія къ реваншу и вульгарнаго меркантильнаго духа долженъ былъ восторжествовать надъ Германіей, то подобная побѣда повела бы за собой въ жизни народовъ преобладаніе низшихъ инстинктовъ надъ высшими, животнаго надъ человѣкомъ и была бы регрессомъ нравственности, который явился бы предвѣстникомъ крушенія европейской цивилизаціи. На нашихъ плечахъ покоится будущая судьба европейской культуры. Когда мы добьемся побѣды, когда мы ясно докажемъ нашимъ противникамъ въ Парижѣ, Петербургѣ и Лондонѣ безполезность дальнѣйшаго сопротивленія, новое устройство Европы подъ германской гегемоніей будетъ основано на организованномъ трудѣ».

Изъ всего этого широковыщательнаго откровенія насъ по данному вопросу интересуетъ одинъ пунктъ:

«...новое устройство Европы подъ германской гегемоніей будетъ основано на организованномъ трудѣ»...

Это мѣсто относится прямо къ Россіи, которую нѣмцы признаютъ совершенно открыто «неорганизованной» до того, что сравниваютъ нашу страну съ «подстилкой для цивилизованныхъ народовъ».

Вѣдь не надѣются же нѣмцы, несмотря на свою безмѣрную само-

увѣренность, переходящую въ наглость, ввести свой «организованный трудъ» въ Англию или Францію.

Очевидно, здѣсь рѣчь идетъ преимущественно о Россіи.

Поэтому намъ очень интересно прослѣдить, какъ сами нѣмцы, поселившіеся у насъ, эти аванпосты будущей «германской гегемоніи», эту систему «организованнаго труда» проводятъ.

IX.

Нѣмецкая система.

Система эта такова: устроивши большое нѣмецкое поселеніе, нужно прежде всего внутренне сплотиться.

Сплоченіе это достигается многими продуманными путями: прежде всего браки заключаются исключительно въ своей средѣ, никого изъ «чужихъ» въ свои семьи не пускаютъ. На окружающихъ русскихъ установленъ опредѣленный взглядъ—это въ рабочихъ слояхъ какъ бы «рабочій скотъ», дешевый и послушный, въ коммерческихъ кругахъ—человѣкъ, съ котораго можно нажить, не пуская его, однако, за порогъ своего жилища.

Русскіе хлѣбные купцы рассказывали мнѣ, что дальше «конторы» они никогда не переступали нѣмецкихъ владѣній въ мелитопольскихъ усадьбахъ.

Даже въ сношеніяхъ съ мѣстной полицейской властью, которая по бытовымъ условіямъ нашей провинціи зачастую «вхожа въ домъ», нѣмцы соблюдаютъ извѣстную «политику»: подать вносятъ исправно: когда это требуется для нихъ, «угощаютъ», но въ домъ все же не пускаютъ.

Мѣстная полицейская власть тогда смотрѣла на нѣмцевъ «снисходительно», очевидно, по указаніямъ свыше, но все же говорила:

— У нихъ въ домахъ вездѣ портреты Вильгельма наружу, а на оборотѣ нашъ Государь. Когда нужно—перевернуть. Вотъ и вѣрно-подданные Россіи, а когда минуетъ надобность—опять вѣрноподанные Вильгельма.

Двойное подданство и двойное портреты.

У этихъ нѣмцевъ вездѣ свои школы и свои церкви, дѣтей воспитываютъ очень строго. Сыновья не имѣютъ права отлучиться куда-либо безъ позволенія родителей.

Одинъ характерный штрихъ: у всѣхъ этихъ нѣмецкихъ поселенцевъ имѣются автомобили—это какъ бы повинность, обязательная среди нихъ. Но нѣтъ ни одного посторонняго шоффера. Даже у самыхъ богатыхъ шоффера обязательно сыновья или родственники, живущіе въ домѣ.

Вѣдь не надо забывать, что въ современныхъ войнахъ автомобили и автобусы играютъ слишкомъ большую роль и очень важно имѣть

на мѣстѣ, кромѣ сотенъ и тысячъ готовыхъ машинъ, еще и все нужное количество своихъ готовыхъ механиковъ.

Это, конечно, глубоко продуманная система, которая можетъ принести богатые плоды въ случаѣ «удачнаго нашествія» германскихъ войскъ въ эту область.

Воспитывая такимъ старательнымъ образомъ свое молодое поколѣніе, отцы одновременно простираютъ свои заботы и глубже.

Нѣмцы домовиты и плодовиты. Не рѣдкость встрѣтить семью изъ 7—8 дѣтей, изъ коихъ половина мужчинъ. Надо заботиться о судьбѣ этихъ «лишнихъ на этомъ мѣстѣ» дѣтей.

И вотъ образуется общинный капиталъ для пріобрѣтенія новыхъ участковъ земли съ обязательнымъ условіемъ, чтобы туда переселились всѣ представители молодого поколѣнія даннаго поселенія.

Эту нѣмецкую тайну открылъ мнѣ одинъ нотаріусъ города Днѣпровска, къ которому обратилась съ этой просьбой группа мелитопольскихъ нѣмцевъ. Въ Мелитопольскомъ уѣздѣ уже не оказалось подходящей свободной земли—нѣмецкіе взоры обратились на сосѣдній обширный Днѣпровскій уѣздъ.

Сдѣлка и переселеніе состоялись уже на средства мѣстной мелитопольской нѣмецкой общины.

Х.

Выводы.

Заселеніе Россіи нѣмецкими выходцами есть явленіе историческое для насъ. Была длительная полоса, когда нѣмецкое заселеніе находили необходимымъ и даже государственно-важнымъ, но эта полоса оборвана теперь самими нѣмцами (мы сами едва ли оборвали бы эту полосу когда-либо)—не время ли отнестись къ этому явленію строго критически...

И прежде всего поставимъ вопросъ: какую намъ пользу принесли нѣмцы на землѣ? Чему они насъ научили, гдѣ улучшили культуру земледѣлія, гдѣ способствовали поднятію благосостоянія окружающаго русскаго населенія?

Если бы на этотъ вопросъ получился отвѣтъ положительный—съ явленіемъ нѣмецкаго заселенія можно еще было прежде мириться, хотя едва ли найдется еще одна здоровая духовно и физически страна, которая пожелала бы находиться въ такомъ экономическомъ и моральномъ плѣну, какъ мы находились долгое время у нѣмцевъ.

Но если отвѣтъ получится отрицательный, то родится невольный вопросъ: для чего же намъ было выносить все это?

Можетъ быть, у насъ слишкомъ много свободной земли въ Европейской Россіи? Едва ли. Надо знать цифры ежегоднаго переселенческаго движенія въ Сибирь нашего кореннаго крестьянства, чтобы понять, что лишней земли въ Европейской Россіи нѣтъ.

Значить, нѣмецкая колонизація отнимаетъ у насъ необходимую намъ самимъ землю, не давая взамятъ намъ ничего или почти ничего.

Чтобы рѣшить вопросъ о пользѣ нѣмецкаго заселенія для коренного населенія,—надо произвести, конечно, детальное обследованіе нѣмецкаго землевладѣнія по всей Россійской имперіи. Я не имѣю этихъ данныхъ въ рукахъ и потому долженъ ограничиться тѣми же данными обследованныхъ мѣстностей южнаго района.

На югѣ мнѣ не приходилось видѣть этого культурнаго вліянія,— наоборотъ, приходилось неоднократно наблюдать определенную отчужденность нѣмецкихъ поселенцевъ отъ коренного русскаго населенія.

Въ этой отчужденности немалую, конечно, роль играла та наглая самоувѣренность въ своемъ превосходствѣ, которая составляетъ одну изъ чертъ національнаго нѣмецкаго воспитанія.

Эти нѣмецкіе пришельцы принесли съ собой уже готовое презрѣніе ко всему русскому и увѣренность, что дѣйствительно «хорошимъ» можетъ быть только то, что сдѣлаютъ они—нѣмцы.

При такихъ условіяхъ думать о культурномъ взаимодействіи вообще едва ли можно.

Да на югѣ этого совершенно и не требуетъ само русское населеніе, ибо тамъ русская крестьянская культура, особенно въ такъ называемыхъ землеустроительныхъ участкахъ, стоитъ на такой высотѣ, которой свободно могутъ поучиться у насъ сами нѣмцы.

Значить, нѣмецкое заселеніе для нашего юга является определенно паразитическимъ. Нѣмцы-земледѣльцы (таковыхъ меньшинство) и нѣмцы-землевладѣльцы (каковыхъ большинство) на нашихъ южныхъ земляхъ являются паразитами на здоровомъ русскомъ тѣлѣ крестьянскаго земледѣльческаго населенія.

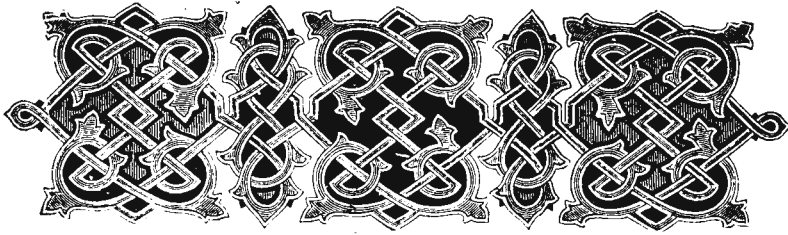
И чѣмъ скорѣе наше южное крестьянство избавится отъ этихъ пришлецовъ, для которыхъ доселѣ русскій законъ и власти были больше, чѣмъ родной матерью, тѣмъ будетъ лучше для насъ.

Вопросъ этотъ требуетъ скорѣйшаго обследованія и рѣшенія не обычнымъ нашимъ бюрократически-канцелярскимъ путемъ, а тѣмъ темпомъ, которымъ идетъ разрѣшеніе нѣмецкихъ дѣлъ у нашихъ союзниковъ—Франціи и Англіи.

Нѣмецкое земельное засилье у насъ—это Гордіевъ узелъ. Его нужно разрубить, ибо процессъ распутыванія грозитъ его еще болѣе запутать.

.

Н. Симбирскій.

А. А. ЛУГОВОЙ.

(Литературная характеристика).

I.

ОЛЬКО гениі всеобъемлющи,—среднія дарованія ограничены «мѣстнымъ дѣйствіемъ». Художникъ или писатель занимаетъ однихъ, ему созвучныхъ, и оставляетъ довольно холодными другихъ. Чтобы волновать читателя, дарованію нужно обладать какой-то шеестерней, которая задѣваетъ душу и приводитъ въ движеніе мысль. Таковъ талантъ. Дарованія могутъ приставить себя только къ тому, что имѣетъ соотвѣтственную грань.

Мнѣ достовѣрно извѣстно, что у недавно умершаго Алексѣя Алексѣевича Лугового былъ свой кружокъ почитателей, что они тяготѣли къ нему, писали ему письма, говорили ласковыя рѣчи, отъ которыхъ кружилась его голова. Словомъ, съ нимъ происходило то, что случается почти съ каждымъ выдвинувшимся писателемъ. Каюсь, я былъ внѣ этого кружка или круга. И трудно вообще не признать, что онъ былъ писателемъ, одиноко совершавшимъ свой путь, не возбуждавшимъ въ широкихъ слояхъ ни пламенной дружбы, ни раздраженной вражды, не ссорившимъ, не примирявшимъ,—просто спокойно рассказывавшимъ.

Приходилось читать почти все, что онъ писалъ, но меня онъ не зажигалъ, не захватывалъ, не интересовалъ ярко. По прочтеніи мысль не останавливалась надолго на прочитанномъ. Не запоми-

налась прочно фабула, типъ, мѣткое слово. Писателя, который нравится, хочется знать всего,—съ біографіей, съ прошлымъ, въ домашнемъ быту, въ пріятельскомъ анекдотѣ, уважительномъ или роняющемъ, въ привычкахъ, въ странностяхъ. Встрѣча съ нимъ, письмо отъ него каждый разъ маленькая радость. Можетъ быть, только въ самые ранніе дни знакомства я испыталъ на себѣ такое любопытство къ Луговому. Потомъ его не стало.

Было уваженіе къ его почтенному облику, къ писательскимъ и человѣческимъ устоямъ, къ высокой корректности, къ красивымъ жестамъ, о какихъ еще при жизни его говорили съ назиданіемъ. Но и къ нему, и къ его книгѣ былъ слабый интересъ. Почему? На этотъ вопросъ мало отвѣтить указаніемъ на то, что Луговой не былъ яркій талантъ. Задѣваетъ за душу иногда совсѣмъ небольшое дарованіе. Проходитъ свой часъ, и потомъ, при оглядкѣ, почти удивляешься, какъ оно могло задѣть! Отвѣтить на вопросъ, почему еще при жизни Луговой уходилъ въ тѣнь, значить опредѣлить особенности его творчества. Теперь, когда его нѣтъ, наступило время этого спокойнаго литературнаго сужденія, и правда его не обидить.

II.

Господствующей стихіей въ Луговомъ были умъ и разсудокъ, не сердце и страсть. Онъ отталкивался отъ умственныхъ темъ, отъ думы, отъ парадокса, въ который уже потомъ самъ вѣровалъ, а не отъ страстнаго порыва, не отъ увлеченія, не отъ внезапнаго осѣненія, какъ бываетъ съ истиннымъ художникомъ. Общительный, словоохотливый въ жизни, въ писательствѣ онъ былъ всегда серьезенъ, тяжело строилъ свой романъ, повѣсть, пьесу на тезисъ, приближаясь къ типу такъ называемыхъ людей-мозговиковъ. По характеру работы онъ былъ совершеннымъ антиподомъ, на примѣръ, молодому Чехову съ его свѣтлымъ, легкимъ до шаловливости творчествомъ, съ его умѣньемъ,—какъ вспоминали пріятели,—набрасывать прекрасныя строки между дѣломъ, между первымъ и вторымъ блюдомъ, въ четверть часа между прогулкой и ужиномъ. Боги и истинные поэты творятъ играя,—Луговой, метафорически говоря, не садился за трудъ иначе, какъ облекшись въ тогу, сознавъ всю отвѣтственность и необходимость «создать произведеніе». Наблюдался исторически, что у такихъ писателей отсутствуетъ черта юмора, и ея дѣйствительно вовсе не было въ книгахъ Лугового, хотя область легкой и добродушной шутки отнюдь не была чужда ему, какъ человѣку.

Продумавъ мысль, хотя бы о непреложности закона наслѣдственности и воспитанія («Тенета») или парадоксъ о ревности, какъ первобытномъ чувствѣ, которое должно умереть («Грани жизни»),—Луговой весь и фанатически уходилъ въ идею, ничуть не считаясь

съ тѣмъ, близка ли она его поколѣнію и моменту, и совершенно искренно удивляясь, почему его принимаютъ только съ вѣжливымъ вниманіемъ, безъ восторга и идолопоклонства.

Но фанатизмъ его былъ умственный, и проповѣдь той же любви безъ ревности, съ спокойнымъ прощеніемъ измѣняющей жены, съ признаніемъ ея дѣтей отъ третьяго,—могла только теоретически, не глубоко и тоже чисто умственно занимать теоретиковъ, которымъ нравится рѣшать капризные вопросы морали. Страстно можно проповѣдывать ревность, право мужа убить, право женщины измѣнять, но нельзя страстно проповѣдывать безстрастіе.

И у Лугового не было страсти въ проповѣди, огня въ языкѣ, а краски ложились въ коллективно выработанныхъ приемахъ и манерѣ старины, не знавшей яркаго мазка, терпѣливо выписывавшей детали и «зализывавшей» холстъ. Въ его фразѣ не было своеобразія, и не узнать Лугового по выхваченной страницѣ. А главное, у него не было хмеля, который, можетъ быть, иногда вредно, но сладко дурманить. Онъ былъ всегда трезвъ, и трезвость была первой заповѣдью его писательскаго катехизиса. Въ книгахъ ему всего дороже было мыслительство, хотя оно часто переходило въ резонерство. Его герои много разсуждаютъ, и ихъ проще запомнить по словамъ, чѣмъ по облику.

III.

Въ романахъ и повѣстяхъ Луговой рѣшалъ теоремы, уходилъ въ публицистику, можетъ быть, ясно сознавая, что нарушаетъ законы художественности. Онъ влагалъ въ уста своихъ лицъ объяснительные монологи въ полторы страницы («Нѣсколько поцѣлуевъ»). Отъ своего лица и отъ нихъ онъ цитировалъ стихи по-русски, по-нѣмецки, въ обстановкѣ поэтической ночи при лунѣ и въ атмосферѣ прозаической комнаты. Въ послѣдней части «Добей его», тамъ, гдѣ докторъ обдумываетъ самоубійство, повѣсть уже перестаетъ быть повѣстью и превращается въ нравственный трактатъ съ пространными выдержками изъ Шопенгауера. «Умеръ талантъ»—это замаскированная беллетристическою формою публицистика, діалогъ на социальномъ-общественномъ тему, изъ котораго любую пару страницъ можно напечатать, какъ самостоятельную передовицу.

Въ Луговомъ жила спокойная, завидная увѣренность, что вопросы, какіе онъ подымаетъ, для всѣхъ необычайно важны и всѣмъ нужны, что его трудъ должны прочесть и прочтутъ, не тяготясь скучнымъ и преодолевая скучное. Самъ, напимѣрь, очень интересовавшійся садоводствомъ и огородничествомъ, онъ вводилъ длинные разсужденія объ этихъ искусствахъ, можетъ быть, любопытныя для специалистовъ, но безусловно задерживавшія ходъ повѣсти для

огромнаго большинства («На новой дорогѣ»). Вѣра въ то, что всякое его слово такъ важно и нужно, шла до того, что во вступленіи къ одной повѣсти, для выясненія своей мысли, онъ прибѣгъ къ помощи... математики. Въ предисловіи къ повѣсти «Цѣль вашей жизни» на четырехъ страницахъ онъ говоритъ о тѣлѣ N, о двухъ силахъ АВ и CD, равнодѣйствующей EF и даетъ чертежи, которые должны утвердить его мысль. Это, кажется, первый случай такого займа художника у ученаго съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ русская литература!

IV.

Въ писательскомъ темпераментѣ Лугового чувствовался слабый мужской инстинктъ. Критикъ—не біографъ, и, разумѣется, его заключенія строятся только на книгахъ и ни на чемъ болѣе. Если до извѣстной степени справедливо че-то изреченіе, что всѣ художники, съ ихъ повышенною чувственностью и чувствительностью къ красотѣ,—эротоманы, то Луговой былъ вполне свободенъ отъ этого упрека. Онъ не раздѣлялъ той вѣры, что область романтики для писателя все, какъ это было для Пушкина, Тургенева, Мопассана, Чехова, есть для Куприна или Шницлера. Правда, среди другихъ онъ много разъ ставилъ проблемы любви и, въ частности, свободной любви. За нѣкоторыя главы «Тенеть» его упрекали даже въ порнографіи,—тогда было благочестивое, добродѣтельное время, далекое отъ недавняго повѣтрія разнузданности, и Тургенева еще отнимали отъ дѣвицъ, не достигшихъ совершеннолѣтія. Луговой живописалъ страсть, паденіе, донъ-жуановъ. Но куда склонялись его собственныя симпатіи? Въ «Граняхъ жизни» онъ неспровергалъ ревность. Въ «Нѣсколькихъ поцѣлуяхъ» онъ рисовалъ специалиста въ наукѣ страсти нѣжной, для котораго «любовь и любопытство» стали синонимами, и который, достигнувъ поцѣлуя отъ женщины, бѣжалъ отъ нея, не хуже героя тургеневской Аси.

Умственный характеръ творчества сказывался и на содержаніи и на формѣ его книгъ. Выше всего была мысль, тезисъ. Фабулу нужно было только пригнать къ нимъ. Въ большинствѣ повѣстей Лугового движеніе незначительно, интересъ и картинность сценъ,—то, что было первымъ для его брата В. А. Тихонова,—для него всегда на второмъ планѣ.

V.

По части эффектовъ его первая, принесшая ему большой успѣхъ повѣсть «Pollice verso» («Добей его!») занимаетъ совсѣмъ особое мѣсто. Здѣсь рѣзкіе контрасты, быстрые перелеты изъ Рима гладиаторовъ въ испанскій циркъ, къ бою быковъ, отсюда въ современный каменный городъ къ злобщей фигурѣ доктора-завистника, сознательно режиссирующаго смерть въ операціонной. Это почти не повторилось у Лугового. Но и здѣсь царитъ какая-то виѣшняя краси-

вость при основной холодности и спокойствіи. Въ самыхъ патетическихкихъ мѣстахъ нигдѣ слово Лугового не теряетъ своей узаконенной строгости. Ни малѣйшей растрепанности слова, выдающей безпокойное и трепетное движеніе сердца!

Это Римъ картинъ Семирадскаго, это Испанія живописнаго путешествія. «Police verso» заключается отвлеченными лирическими страницами о Сплетнѣ, дочери Славы, которая по замыслу должны гремѣть мрачнымъ и зловѣщимъ реквиемомъ надъ человѣкомъ, только что пустившимъ пулю въ лобъ. Но сравните эти страницы съ новыми образцами такой героической прозы, — Толстого, Лѣскова, Андреева, и вы увидите, какая разница между риторикой и настоящимъ словеснымъ пафосомъ. Яркое, дерзкое, звойное — было не въ натурѣ Лугового, необычайно уравновѣшенной и почтительной къ старымъ литературнымъ авторитетамъ.

Онъ не давалъ новыхъ положеній, — почти всегда онъ приходилъ вторымъ. Вотъ одно изъ самыхъ интимныхъ и искреннихъ его стихотвореній «Опять на Волгѣ». Это — его жизнь, его чувства, его ошибки и плачь по нимъ, — почему же сквозь этотъ плачь слышатся сокрушительныя, глухія рыданія другого поэта, котораго не надо называть и который такъ же изливалъ свою скорбь передъ русской рѣкой:

...Въ унижительной битвѣ до цѣли
Я не дошелъ — изнемогъ и упалъ,
Все, что добыто борьбой, потерялъ,
Пятна позора одни уцѣлѣли.
Поздно сознать я ошибку свою...
Ишій, больной, я теперь одиноко,
Чуждый богатымъ и бѣднымъ, стою.
Стали врагами друзья, и жестоко
Участь они осмѣяли мою.
Бѣдность меня не страшитъ, не жалѣю
Я тѣхъ друзей, что пришлось потерять...
.....
Волга, я здѣсь предъ тобой съ показаньемъ,
Исповѣдь сердца тебѣ приношу.
Я искупилъ заблужденъе страданьемъ.
И у тебя новыхъ силъ я прошу.
И передъ волей судьбы преклонился,
И и страдать и терпѣть научился,
Горькую долю свою полюбить,
Жертвовать я научился собою и т. д.

Такъ было въ стихахъ, такъ было и въ прозѣ.

VI.

Благоговѣнная почтительность Лугового къ старымъ завѣтамъ литературы нечувствительно отразилась на покорномъ пріятіи имъ не только старой, но даже старомодной формы. Онъ не боялся

быть банальнымъ, если чувствовалъ, что его пріемъ опирается на чей-то хорошій, старый авторитетъ. Было плохо не то, что онъ былъ идеалистомъ,—это было очень хорошо,—но то, что онъ проявлялъ этотъ идеализмъ въ формахъ слишкомъ привычныхъ и иногда просто наивныхъ.

Никакая ткань такъ быстро не треплется, какъ ткань знаменъ, никакія слова такъ скоро не изнашиваются, какъ слова возвышеннаго стиля. Чеховъ тоже звалъ не къ матеріализму, но онъ боялся принижających идею заграничныхъ формулъ, боялся высокихъ словъ, къ которымъ приложилъ свою руку обыватель. Изъ боязни фальши, онъ просто-напросто вычеркивалъ у себя слова изъ лексикона неумѣренныхъ идеалистовъ. Онъ такъ и поучалъ молодыхъ собратій въ своихъ письмахъ: «пожалуйста, никогда не употребляйте такихъ словъ, какъ идеаль» (изъ письма къ Авиловой).

Художникъ долженъ трогать, злить, примирять не формулами, а чѣмъ-то другимъ. Вотъ чего никогда не боялся Луговой. Не многіе изъ его героевъ не склоняютъ слово «идеаль». Нѣкоторая изысканность и краснота фразы старыхъ романистовъ пятидесятыхъ, даже сороковыхъ годовъ, была вполне въ его вкусѣ. Чеховъ не могъ бы безъ содроганія увидѣть въ своей книгѣ хоть одну изъ такихъ старообразныхъ фразъ Лугового, гдѣ чисто книжная образность нисколько не помогаетъ изобразительности художника. Но Луговой спокойно писалъ:

«Лепестки отцвѣвшей любви безропотно облетали, давая мѣсто новой распускающейся почкѣ».

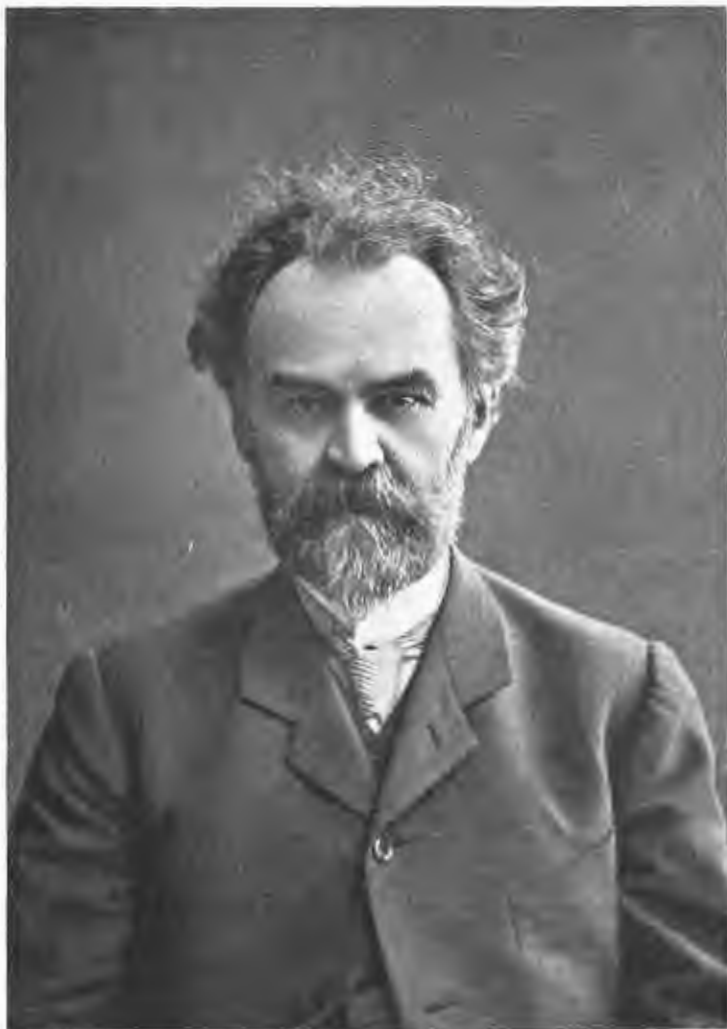
«Ночной воздухъ, какъ бы сторожа всеобщій покой, усыпиль въ своихъ объятіяхъ чудныя горы и долины».

«Темная ночь, утомленная ласками ушедшаго знойнаго дня ..»

«Луна осыпала влюбленныхъ снопами своихъ серебряныхъ лучей, какъ осыпаютъ иногда хмелемъ и пшеницей молодую чету».

Обетшалости такихъ словесныхъ украшеній не могло смягчать то, что Луговой, очевидно, самъ сознавая безправіе такого пріема въ новой литературѣ, дѣлалъ оговорки: «Что мнѣ за дѣло, что луна, говорить, обетшала, что мнѣ за дѣло, что кто-то, гдѣ-то смѣется надъ дифирамбами лунѣ» и т. д.. Отъ оговорки старый пріемъ не становился ни лучше, ни новѣе.

Въ своемъ писательствѣ, Луговой не исключалъ тѣхъ формъ, какія потеряли право гражданства послѣ прихода Чехова, послѣ его манифеста о новеллѣ сжатой, изящной, всегда психологической. Такъ большую часть написаннаго Луговой ставилъ себя въ рядъ писателей, которые не участвуютъ въ движеніи литературы и новымъ творествѣмъ.

Алексѣй Алексѣевичъ Тихоновъ-Луговой.

VII.

Писательскіе устои нашли вполне соответственное выраженіе въ человѣческомъ обликѣ Лугового. Онъ не былъ изъ тѣхъ, кому Гейне бросилъ упрекъ—«втихомолку они распивали вино, намъ же всѣмъ завѣщали пить воду». Писатель и человѣкъ, Луговой былъ нѣчто цѣльное и согласованное. Если нуженъ былъ примѣръ человѣка, дѣйствительно вѣрящаго въ свое литературное призваніе,

произносили имя Лугового. Онъ не писательствовалъ, а священствовалъ, не любилъ, а обожалъ свое званіе и былъ имъ гордъ. Рѣзко отличаясь отъ многихъ изъ собратій, онъ охотно и много говорилъ о своихъ сочиненіяхъ, называя ихъ не иначе, какъ «произведеніями» — словомъ высокаго стиля, которое вымираетъ, если не вовсе вымерло не только въ разговорной рѣчи, но и въ критическихъ статьяхъ, пока рѣчь идетъ не о великихъ созданіяхъ искусства.

Писательство было для него главнымъ въ жизни своей и чуждой, и онъ не считалъ нужнымъ скрывать, что такъ смотритъ на вещи. Литературный трудъ, рождавшій столько неудовлетворенности, на примѣръ, въ Чеховѣ, столько неувѣренности, на примѣръ, во Владимирѣ Тихоновѣ, никогда не знавшемъ, что онъ написалъ, сильное или слабое, — Луговому въ огромномъ большинствѣ случаевъ несъ полное удовлетвореніе. Онъ долго вынашивалъ вещь, оттачивалъ ее, любовно украшалъ эпиграфами изъ Ювенала или Квицилиана. Повышенное уваженіе къ своему труду сказалось уже въ томъ, что онъ началъ издавать свое «собраніе сочиненій» совсѣмъ молодымъ, какъ въ тѣ времена вовсе не было принято, и ввелъ сюда даже юношескія вещи.

Въ автобіографическихъ наброскахъ онъ почти съ удовлетвореніемъ говорилъ о томъ, какъ нѣкоторыя рукописи были ему возвращены изъ редакціи, гордо увѣренный въ томъ, что его читателю уже ясна вся чудовищность такихъ недоразумѣній. Вѣрившій въ свой ростъ онъ въ разговорѣ и перепискѣ дѣлалъ себѣ такія аттестаціи, которыя непривычному человѣку могли бы показаться сомнительными. «Со времени «*Pollice verso*» я съ каждымъ новымъ своимъ произведеніемъ иду все впередъ и впередъ» — это подлинная цитата изъ одного его письма. «Я не имѣлъ бы ничего противъ того, — писалъ онъ въ другомъ, — если бы мое имя упоминали и почаще въ печати, а то вѣдь критика уже успѣла намолчать обо мнѣ цѣлые томы, а я, безъ сомнѣнія, могу сказать, что мои произведенія заслуживаютъ совсѣмъ иного отношенія къ нимъ, — и притомъ это въ интересахъ читателей. Я ясно понимаю самыя запутанныя, сложныя явленія жизни и даю моими произведеніями ясное толкованіе ихъ. Ахъ, если бы хоть кто-нибудь разъяснилъ читателю весь скрытый символическій смыслъ моей пьесы «Безумная!» Или взгляните на послѣднія страницы «Умеръ талантъ». А въ то время буржуазно-мелко-самолюбивыя редакціи не замѣтили въ ней ничего, кромѣ оскорбленія ихъ самолюбія!».

Когда къ Луговому пришелъ дѣйствительно большой успѣхъ послѣ напечатанія «*Pollice verso*», ему даже показалось, что это выраженіе именно ему было обязано своей популярностью и упоминаніемъ въ статьяхъ и бесѣдахъ.

VIII.

Въ своихъ письмахъ онъ охотно выяснялъ сущность своихъ повѣстей и разсказовъ, не затруднялся писать много, цитируя критиковъ, русскихъ и иностранныхъ. Его нестерпимо уязвляло, когда его путали съ братомъ. Онъ объяснялъ, что выбралъ себѣ псевдонимъ «лишь потому, что не хотѣлъ, чтобы меня смѣшивали съ братомъ Владимиромъ, начавшимъ печататься нѣсколько ранѣе, чѣмъ я, и подъ собственной фамиліей. Но, къ великому моему сожалѣнію, еще и сейчасъ меня иногда путаютъ съ нимъ». Достаточно было кому-то въ печати сдѣлать неправильную догадку о происхожденіи его псевдонима, чтобы онъ опровергалъ ее. «Прилагательное отъ Луги будетъ Лужскій, а я впервые поселился въ Лугѣ только въ 1891 году. Псевдонимъ же мой взять отъ лугового берега Волги, на которомъ стоитъ Казань».

Можетъ быть, отчасти въ связи съ такимъ взглядомъ на значительность и серьезность всего имъ написаннаго, у Лугового были нѣкоторыя своеобразныя оцѣнки литературныхъ величинъ, довольно рѣзко расходившіяся съ общимъ мнѣніемъ. Такъ, онъ оставался при особомъ мнѣніи, и очень ограниченномъ, насчетъ Толстого. На одно обращеніе къ нему съ предложеніемъ высказаться о великомъ художникѣ онъ отвѣчалъ обоснованнымъ отказомъ: «Ни слова о Толстомъ. Я въ свое время получилъ отъ Г. К. Градовскаго приглашеніе принять участіе въ бюро съѣзда печати для чествованія Толстого, но отказался, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что я всегда относился къ проповѣдничеству Толстого отрицательно. Еще послѣ моей поѣздки къ голодающимъ въ Тульскую губернію въ 1891 году я написалъ статью противъ Толстого, которую Нотовичъ не пожелалъ напечатать. Выступать теперь противъ Толстого я считаю неумѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что его съ этимъ юбилеемъ опакостили разные «истинно-русскіе» и «преподобные» хулиганы. Поэтому ни за подписью, ни въ видѣ интервью я ничего не скажу о Толстомъ ко дню его восьмидесятилѣтія. А жизнь кругомъ интереснѣе Толстого».

Абсолютная убѣжденность въ цѣнности своего труда подвигала Лугового иногда на дѣйствія, лишеныя всякаго практическаго благоразумія. Такъ, по его словамъ, два года непрерывнаго труда онъ положилъ на написаніе въ стихахъ огромной трагедіи объ императорѣ мексиканскомъ Максимиліанѣ. Это было вовсе далеко отъ его поколѣнія, отъ переживаемаго момента, но судьба несчастнаго владетеля заинтересовала его, и онъ ушелъ въ свой трудъ съ тѣмъ завиднымъ рвеніемъ, какое отличало иногда великановъ искусства.

Надо прибавить къ этому, что въ цензурномъ смыслѣ здѣсь были

непреодолимая трудности, а по формѣ получалось что-то положительно, не имѣющее прецедента буквально во всей міровой литературѣ,—въ трагедіи было 30 дѣйствій (!) и до 140 лицъ (!), что дѣлало ее непріемлемой ни для какой сцены.

«Максимиліанъ»—проявленіе почти фанатизма, но иногда вѣра въ свое писательское призваніе двигала Лугового на безусловно красивые жесты. Вспомню случай, болѣе подробно освѣщенный мною въ другомъ мѣстѣ,—уходъ Лугового съ обеспеченнаго и почтеннаго мѣста редактора «Нивы». Это было положеніе, которое въ то время могло казаться желаннымъ для любого писателя. Луговой пробылъ въ этой роли не болѣе двухъ лѣтъ и нашелъ въ себѣ мужество промѣнить обеспеченность и честь редактора на независимую бѣдность. «Редакціонная работа мѣшала моей собственной дѣятельности писателя-беллетриста, требовавшей свободы отъ ежедневныхъ заботъ, и въ началѣ 1897 года я отказался отъ обязанностей редактора, сохранивъ съ «Нивой» лишь дружественную связь въ качествѣ сотрудника»,—такъ формулировалъ причины своего ухода онъ самъ.

IX.

Къ чести Лугового надо сказать, что въ этой вѣрѣ въ высоту званія и своего таланта было нѣчто большее, чѣмъ простая жажда популярности и внѣшняго признанія. Имѣя къ тому возможность, Луговой, напимѣръ, ни разу въ жизни не позволилъ себѣ занять позицію чествуемаго. Когда передъ наступленіемъ дня его двадцатипятилѣтняго юбилея въ литературныхъ кружкахъ и газетахъ заговорили на эту тему, онъ писалъ: «я отъ всякаго, даже интимнаго чествованія убѣгу. Я за всю жизнь не праздновалъ ни разу дня своего рожденія, не бывалъ именинникомъ, не буду и юбиляромъ»—и совершенно искренно просилъ «противодѣйствовать всякимъ предположеніямъ юбилея».

Такимъ же одухотвореніемъ надо объяснять и ту терпимость Лугового къ критикѣ, какая жила въ немъ при его безспорно повышенномъ самолюбіи. Не мигнувъ глазомъ, онъ могъ говорить своему собесѣднику, какъ говорилъ мнѣ однажды, что ему нисколько не удивительно, если его не понимаютъ,—до его идей общество дорастетъ по крайней мѣрѣ черезъ двадцать пять лѣтъ. И въ то же время онъ могъ не выказать раздраженія, прочитавъ неблагоприятную статью. Работающіе по критикѣ, если вспомнятъ, то только въ качествѣ рѣдкаго исключенія случаи, когда писатель знакомился съ ними по поводу ихъ неодобрительнаго отзыва. Но такъ было съ пишущимъ эти строки .

Въ повѣсти Лугового «Умеръ талантъ» много горькой правды о редакціяхъ и редакторахъ, но много чисто обывательскихъ претензій, много недоразумѣній, просто непонятныхъ въ человѣкѣ, кото-

рый самъ сидѣлъ на редакторскомъ стулѣ. Къ указанію и устраненію этихъ недоразумѣній сводилась моя статья, въ которой Луговой могъ найти мало для себя лестнаго. Тогда вообще былъ не совсѣмъ благопріятный для него моментъ. Редакціи отвѣчали упрёками на упрёки, шутники передѣлывали самое названіе повѣсти въ язвительное—«Умеръ талантъ Лугового». На одной изъ репетицій Александринскаго театра, среди небольшой группы постороннихъ, я увидѣлъ высокую, стройную фигуру автора повѣсти. Я поймалъ себя на чувствѣ опасенія, какъ бы кто-нибудь изъ литературныхъ людей по невѣдѣнію не сталъ насъ знакомить и не создалъ неловкости. Каково же было мое сначала смущеніе, потомъ пріятное удивленіе, когда Луговой самъ подѣлъ къ моему столику, назвалъ свое имя, сказалъ, что знаетъ меня, и что очень радъ поговорить съ человѣкомъ, который добросовѣстно не согласился съ его обвиненіями современной литературы.

— Вы меня не переубѣдили. Я и теперь думаю такъ, какъ думалъ, когда писалъ. Но и вы писали искренно. Ваши возраженія вызваны дѣломъ, а не враждой къ моей личности. Я буду отвѣчать всѣмъ напавшимъ на меня. Тамъ вы найдете отвѣтъ и вамъ. Но это, разумѣется, ничуть не мѣшаетъ намъ быть знакомыми.

И онъ попросилъ чаю къ моему столику, и мы просидѣли за нимъ и слѣдующій антрактъ. Свое знакомство онъ скрѣпилъ дружественнымъ письмомъ, гдѣ повторялъ то, что сказалъ устно. «Вы напрасно предполагали возможность обиды съ моей стороны. Напротивъ, рецензія произвела на меня самое пріятное впечатлѣніе своей искренностью и добросовѣстностью тона. И именно то, съ чѣмъ я въ ней не согласенъ, дать мнѣ возможность сказать самыя яркія и сильныя слова въ опроверженіе вашей точки зрѣнія. Личныя отношенія не должны играть никакой роли въ такихъ вопросахъ. Вчера вы слышали со сцены ироническое замѣчаніе Эврипида о томъ, что умъ оцѣнивается только по успѣху. Пора же, по прошествіи тысячелѣтій, найти для ума и таланта болѣе надежный критерій, чѣмъ уличный успѣхъ или личная пріязнь...»

Такого отношенія къ критикѣ поискать въ нынѣшней литературѣ!

Но въ моей же памяти сохранился другой случай, когда въ лицѣ Лугового я увидѣлъ едва ли не самый яркій примѣръ авторскаго раздраженія. Это было послѣ постановки на той же сценѣ его «Безумной», не имѣвшей успѣха и принесшей ему много горечи. Онъ разговорился со мной по поводу рецензіи, весело и непочтительно написанной молодымъ писателемъ Дымовымъ. Луговой еще весь былъ подъ властью не улегшейся обиды.

— Я умѣю, — сказалъ онъ мнѣ, — сдержанно принимать враждебную критику. Вы это знаете по собственному примѣру. Но чего я не прощаю—это тона. Послѣ своей рецензіи—Дымовъ для меня

«постор. вѣстн.», декабрь 1914 г., т. сxxxviii.

15

умеръ. Его нѣтъ! Для меня его не существуетъ! Онъ можетъ стать для другихъ писателемъ, быть интереснымъ. Для меня его нѣтъ! Я уже никогда не возьму въ руки ни его книги, ни его рецензій. Эти сто строкъ сказали мнѣ, что онъ для меня конченъ...

X.

Мученикъ писательства, Луговой оставался такимъ даже послѣ того, какъ на столѣ передъ нимъ оказывалась уже готовая рукопись. Плодъ его труда былъ для него цѣнностью выше всѣхъ цѣнностей, и отсюда начинались новыя безпокойства за его сохранность. Вотъ анекдотъ, рассказанный мнѣ покойнымъ М. Н. Альбовымъ, человѣкомъ, который былъ такъ далекъ отъ анекдотическаго сочинительства, какъ это только можно представить.

Къ послѣднему 10-лѣттю жизни у бобыля и сироты Альбова выработалась непреложная привычка, отчасти подсказанная докторами,—каждодневно совершать прогулку съ Пушкинской до Адмиралтейства и обратно. Въ опредѣленные часы дня регулярно можно было встрѣтить на извѣстной сторонѣ Невскаго его строгую, стройную, корректную фигуру, съ захваченнымъ на случай зонтикомъ.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ Альбовъ встрѣтилъ Лугового. Между добрыми знакомыми начался разговоръ и естественно—о наиболѣе имъ близкомъ предметѣ. Луговой лѣзетъ въ боковой карманъ, достаетъ рукопись, кажется, актъ того же «Максимиліана», и поясняетъ, что онъ всегда, уходя изъ дому, беретъ работу съ собою изъ боязни ее потерять. Альбову было незнакомо это чувство, и онъ выразилъ удивленіе.

— А что же дѣлаете вы, когда что-нибудь пишете и должны выйти изъ дома?—спросилъ Алексѣй Алексѣвичъ.

— Кладу на тетрадку какой-нибудь тяжелый предметъ и ухожу.

— Вы оставляете ее на столѣ!?

— Ну, конечно.

— Я не могу такъ относиться къ моей рукописи. А если пожаръ? А если кому-нибудь вздумается ее украсть?

Альбовъ не понималъ этого, Луговой не понималъ психологін Альбова.

— Въ такомъ случаѣ лучше, уходя, зарывать рукопись въ землю,—пошутилъ Альбовъ.

«Представьте мое удивленіе и смущеніе!—рассказывалъ Альбовъ:—когда я увидѣлъ, что Луговой совершенно серьезно принялъ эту шутку и сталъ обсуждать удобство и неудобство такого храненія. Я готовъ былъ провалиться сквозь землю. Я никогда въ лицо не смѣялся надъ человѣкомъ. Это—не въ моей натурѣ. Сказать теперь, что я пошутилъ,—значило его кровно обидѣть».

XI.

Какъ у большинства, литературная карьера Лугового слагалась крайне тяжело. Въ его біографіи нѣтъ недостатка и въ голодовкахъ, и въ полумилліонныхъ долгахъ, и въ обидахъ самолюбію возвращеніемъ рукописей, и въ великихъ недоразумѣніяхъ съ читателемъ или зрителемъ. Его біографія часто казалась ему мартирологомъ. Разъ онъ написалъ: «Почти каждый мой шагъ взятъ съ бою или пройденъ въ терніяхъ».

Какъ иногда тяжело устранялись его вещи и какими жестокими недоразумѣніями съ публикой осложнялись, можетъ повѣдать хотя бы исторія его романа «Тенета».

Романъ былъ начатъ въ «Артистѣ», потомъ снова въ «Началѣ» 1899 года. Но журналъ былъ прекращенъ, и «Тенета», отклоненныя «Русской Мыслью», въ третій разъ начали печататься съ первыхъ главъ большими фельетонами въ газетѣ «Сѣверный Курьеръ». При этомъ печатаніи произошло, однако, нѣчто совершенно неожиданное. Одинъ изъ фельетоновъ оканчивался какъ разъ на томъ мѣстѣ романа, гдѣ героиня отправляется ночью въ комнату своего лакея.

— Если бъ отъ меня, — рассказывалъ Луговой, — зависѣло распредѣленіе главъ по фельетонамъ, я бы на этомъ мѣстѣ не остановился, а далъ бы въ томъ же фельетонѣ и начало слѣдующей главы, потому что здѣсь былъ переломъ романа: кончилось «преступленіе», начиналось «наказаніе». Но редакція распорядилась иначе и оставила публику въ ожиданіи предполагаемаго описанія того, что могла дѣлать барыня ночью въ комнатѣ молодого лакея; а у меня ни въ рукописи, ни въ помыслахъ этой сцены не было. У читателей этотъ фельетонъ вызвалъ негодованіе, появились въ редакціи протестующія письма, анонимныя и подписанныя. Въ редакцію стали присылать обратно номеръ газеты съ помѣтками на фельетонѣ: «Какъ не стыдно печатать такую порнографію!» Въ нѣкоторыхъ номерахъ подъ фельетономъ вмѣсто «продолженіе слѣдуетъ» было подписано—«конецъ». На одномъ изъ писемъ была подпись «Группа молодежи». Редакція смутилась и пріостановила дальнѣйшее печатаніе романа. Редакторъ, князь Барятинскій, заговорилъ о необходимости передѣлать конецъ романа, но какъ и что передѣлать—онъ и самъ не зналъ. Я настаивалъ на печатаніи безъ всякихъ измѣненій, такъ какъ вся рукопись сдана была сразу въ законченномъ видѣ и находилась въ рукахъ редакціи до начала печатанія цѣлыхъ полгода, а считается съ мнѣніемъ авторовъ писемъ въ редакцію я не находилъ нужнымъ. Я уже обратился въ судъ чести при союзѣ писателей, но въ концѣ концовъ недоразумѣніе между мной и редакціей «Сѣвернаго Курьера» кончилось соглашеніемъ, благо-

даря посредничеству Л. Я. Гуревичъ. Мнѣ пришлось по этому соглашенію уступить редакціи «Сѣвернаго Курьера» всего строкъ 30 изъ рукописи (которыя въ отдѣльномъ изданіи всѣ восстановлены) и печатаніе романа было благополучно доведено въ газетѣ до конца. Но перерывъ въ печатаніи фельетоновъ за время моихъ пререканій съ редакціей длился почти полтора мѣсяца, въ теченіе которыхъ читатели могли рисовать себѣ всевозможныя картины пребыванія героини въ комнатѣ своего лакея.

XII.

Такова была борьба съ виѣшними преградами, но едва ли не значительнѣе ихъ для Лугового, при его возвышенномъ взглядѣ на отвѣтственность писательства, было преодоленіе внутреннихъ психологическихъ трудностей.

Можетъ быть, ихъ не существовало бы для другого автора, но Луговой къ печатному слову относился честно и боялся «соблазнить малыхъ сихъ». Вотъ чрезвычайно характерный случай, рассказанный самимъ Луговымъ въ одномъ изъ писемъ и весьма характерный въ этомъ отношеніи.

«Сознаніе такой отвѣтственности,—пишетъ А. А.,—я пережилъ, когда писалъ повѣсть «Взятка», напечатанную въ 1897 году въ «Вѣстникѣ Европы». Повѣсть была начата въ 1893 году и предназначалась первоначально для «Русской Мысли», откуда мнѣ передъ этимъ былъ данъ авансъ, съ обязательствомъ покрыть его въ ближайшіе же мѣсяцы. Я принялся за работу тотчасъ и очень скоро написалъ всю первую часть «Взятки» до того момента, когда въ получившемъ взятку должно было заговорить раскаяніе. И вся эта первая часть удовлетворяла меня, какъ автора, казалась мнѣ достаточно сильной, оригинальной и достаточно убѣдительною въ смыслѣ того, что «взять» можно, и что герой повѣсти, важный сановникъ, человекъ безукоризненной до того времени честности, былъ правъ, когда принялъ предложенную ему крупную взятку. Но такъ какъ въ мою задачу входила не апологія взяточничества, а только психологическій анализъ образа дѣйствій и мыслей человека, нравственно споткнувшагося и вновь духовно поднимавшагося, то во второй части повѣсти надо было разбить всѣ доводы первой. И вотъ, когда я подошелъ къ этой работѣ, я почувствовалъ, что все мои филиппики «противъ взятки» оказываются слабыми, что все это «общія мѣста», «прописи» и что «проповѣдь» честности, всѣмъ давно надобѣвшая, не разрушаетъ той яркой аргументаціи, которой я оправдалъ безнравственный образъ дѣйствій. Какъ художникъ, я чувствовалъ всю неудовлетворительность моей работы, я видѣлъ, что конецъ повѣсти значительно слабѣе начала. И я оставилъ ее

не оконченной, написалъ въ «Русскую Мысль», что не усилю сдать повѣсть къ сроку, и сейчасъ же принялся за другую. А «Взятка» осталась лежать не оконченной въ моемъ шкапу на цѣлыхъ четыре года. Я не разъ возвращался къ пей и не могъ найти для ея окончанія тѣхъ мыслей, которыя показались бы мнѣ равноцѣнными съ началомъ повѣсти. И только уже черезъ четыре года, послѣ того, какъ я написалъ свой большой романъ «Возвратъ», я окончилъ «Взятку» и былъ удовлетворенъ тѣмъ, что написалъ. Чтобы провѣрить свое впечатлѣнiе, я прочелъ повѣсть Вл. Соловьеву какъ признанному авторитету въ вопросахъ нравственной философи, и онъ, не сдѣлавъ мнѣ ни одного возраженія, призналъ положительную часть моей аргументаціи не ниже части отрицательной и взялъ у меня повѣсть, чтобы предложить ее въ «Вѣстникѣ Европы», гдѣ она и была напечатана.

XIII.

Постановка «Безумной» была большимъ ударомъ для Лугового, едва ли менѣе слабымъ, чѣмъ провалъ «Чайки» для Чехова. Разница была только въ томъ, что судьба дала Чехову блестящій реваншъ позднѣе, — Луговой остался безъ возмѣщенія.

Едва ли не съ этого момента начинается его опредѣленный закатъ, а въ его личномъ мiрѣ переломъ и начало угасанія. Нужно было видѣть, какая степень нервности проявлялась въ немъ въ день представленія и потомъ въ дни ближайшіе къ нему. Положительно ему чудился кругомъ какой-то нѣмой заговоръ, — исполнителей, критики, чуть ли не зрителей. «Мнѣ очень жаль, — писалъ онъ: — что васъ не было на первомъ представленіи «Безумной». Но, можетъ быть, и къ лучшему. Не знаю, удалось ли бы вамъ остаться при особомъ мнѣніи, а мнѣ было бы грустно увидать и васъ въ рядахъ тѣхъ хулителей моей пьесы, которые, точно загипнотизированные скверной игрой, точно сговорившись, придирались къ «простуженной душѣ», которую вопреки моему желанію умышленно подчеркнула актриса и не хотѣли понять пьесы, какъ не хотѣла этого и артистка. Игралось совсѣмъ не то, что я хотѣлъ. Вы прочли пьесу, сходите и посмотрите ее. Вы знаете, какъ я спокойно принимаю отрицательные отзывы о моихъ произведеніяхъ. Но меня просто съ точки зрѣнія литературной порядочности возмущаетъ такая наглая ложь, какая напечатана, на примѣръ, въ *** о провалѣ пьесы. Мнѣ смѣшно читать и слушать, когда говорятъ о моей сценической неопытности, не имѣя понятія о томъ, что я думаю и знаю по этой части, и почему я пишу такъ, а не этакъ. Слава Богу, что я еще не заслужилъ похвалъ Виктора Крылова!»

Оригинальнымъ авторомъ, но въ какомъ-то двойномъ освѣщеніи прошелъ Луговой по современной улицѣ литературы, — строгій и

серьезный,—черезчуръ серьезный, никогда ни улыбающійся, благочестивый среди торгашей во храмѣ, спокойный и самоувѣренный среди толкающихся локтями и суетящихся. Самъ онъ былъ вовсе чуждъ этой суетливости, никогда его голосъ не былъ слышенъ среди литературной перепалки, газетчики не заглядывали нескромно въ его кабинетъ и кухню, и за всю свою жизнь, кажется, онъ не напечаталъ ни одного напоминающаго о себѣ письма въ редакцію. Въ немъ было рвеніе къ литературѣ и иѣжная къ ней любовь, отличавшая стариковъ,— не его вина, если въ условіяхъ своей біографіи и русской жизни онъ далъ меньше, чѣмъ обѣщалъ.

А. Измайловъ.

ПРОЛОГЪ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ ¹⁾

(Архивные материалы).

ЛIII.

Разрывъ съ Японіей.

ВЪ ЮЛѢ 1903 года возобновлены были японскимъ правительствомъ возбужденныя еще въ 1902 году переговоры относительно распредѣленія сферъ вліянія между Японіей и Россіей въ Корее и Манчжуріи.

30-го іюля 1903 года японскимъ посланникомъ въ Петроградѣ, на основаніи инструкцій, полученныхъ имъ изъ Токио, переданъ былъ министру иностранныхъ дѣлъ японскій проектъ соглашенія. Проектъ этотъ сводился къ слѣдующему:

- 1) Взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Китайской и Корейской имперій и поддерживать въ этихъ странахъ принципъ равноправности всѣхъ націй въ торгово-промышленномъ отношеніи.
- 2) Обоюдное признаніе преобладающихъ интересовъ Японіи въ Корее и русскихъ специальныхъ, желѣзнодорожно-строительскихъ въ Манчжуріи и права Японіи принимать въ Корее, а Россіи въ Манчжуріи необходимыя мѣры для поддержанія выше

¹⁾ Окончаніе. «Истор. Вѣстн.», т. СXXXVIII, стр. 568.

опредѣленныхъ своихъ интересовъ, подчиняясь однако оговоренному въ пунктѣ первомъ настоящаго соглашения.

3) Обоюдное ручательство со стороны Россіи и Японіи не препятствовать развитію такихъ промышленныхъ и торговыхъ предприятий, соотвѣтственно: японскихъ—въ Корей и русскихъ—въ Манчжуріи, которыя не противорѣчатъ постановленію перваго пункта настоящаго соглашения.

Дополнительное обязательство со стороны Россіи не противодействовать возможному продолженію Китайской желѣзной дороги въ Южную Манчжурію и соединенію ея съ дорогами Восточно-Китайскою и Шанхай-гуань—Ню-чжуанскою.

4) Взаимное обязательство, на случай признанной необходимости отправки войскъ Японіею въ Корею или Россіею въ Манчжурію для защиты правъ, оговоренныхъ въ пунктѣ второмъ настоящаго соглашения, или для усмиренія возстанія или беспорядковъ, могущихъ вызвать международныя осложненія: численность посылаемыхъ войскъ не должна ни въ какомъ случаѣ превышать дѣйствительную потребность, и войска эти должны быть немедленно выведены обратно, какъ только задача, на нихъ возложенная, будетъ выполнена.

5) Признаніе со стороны Россіи исключительнаго права Японіи давать указанія и содѣйствовать проведенію реформъ и установленію хорошаго правленія въ Корей, включая и необходимую военную помощь.

6) Настоящее соглашеніе имѣетъ замѣнить всѣ предыдущія, состоявшіяся между Японіею и Россіею относительно Кореи.

Въ отвѣтъ на этотъ японскій проектъ въ нашихъ правительственныхъ сферахъ былъ выработанъ параллельный проектъ соглашения, для уразумѣнія значенія котораго и его разногласія съ проектомъ японскимъ мы приводимъ ихъ оба рядомъ.

Русскій проектъ гласилъ:

Въ виду того, что Японія связана договоромъ съ Англіею, Россія вынуждена строго придерживаться существующихъ трактатовъ и конвенцій. Весьма желательное для Россіи окончательное дружеское соглашеніе съ Японіею возможно не иначе, какъ если послѣдняя восстановитъ свою свободу дѣйствій, такъ какъ только тогда это соглашеніе можетъ быть основано на удовлетвореніи коренныхъ потребностей обѣихъ державъ.

(Предложенія Курино).

(Данный отвѣтъ).

Японскія предложенія.

Русскій отвѣтъ.

1. Взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Китайской и Корейской импе-

1. Взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Китайской и Корейской имперій.

рій и поддерживать въ этихъ странахъ принципъ равноправности всѣхъ націй въ торгово-промышленномъ отношеніи.

2. Обоюдное признаніе преобладающихъ интересовъ Японіи въ Корей и русскихъ специальныхъ, желѣзнодорожно-строительскихъ въ Манчжуріи и права Японіи принимать въ Корей, а Россіи въ Манчжуріи необходимыя мѣры для поддержанія выше опредѣленныхъ своихъ интересовъ, подчиняясь однако оговоренному въ пунктѣ первомъ настоящаго соглашенія.

3. Обоюдное ручательство, со стороны Россіи и Японіи, не препятствовать развитію такихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, соотвѣтственно: японскихъ въ Корей и русскихъ въ Манчжуріи, которыя не противорѣчатъ постановленію перваго пункта настоящаго соглашенія.

Дополнительное обязательство со стороны Россіи не противодѣйствовать возможному продолженію Корейской желѣзной дороги въ Южную Манчжурію и соединенію ея съ дорогами Восточною Китайскою и Шанхай-гуань—Ню-чжуанскою.

4. Взаимное обязательство, на случай признанной необходимости отправки войскъ, Японіею въ Корею или Россіею въ Манчжурію, для защиты правъ, оговоренныхъ въ пунктѣ второмъ настоящаго соглашенія, или для усмиренія возстанія или беспорядковъ, могущихъ вызвать международныя осложненія; численность посылаемыхъ

2. Обоюдное признаніе существующихъ аналогичныхъ интересовъ Японіи въ Корей и Россіи въ Манчжуріи.

3. Обоюдное ручательство, со стороны Россіи и Японіи, не препятствовать развитію такихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, которыя не противорѣчатъ постановленію перваго пункта настоящаго соглашенія.

войскъ не должна ни въ какомъ случаѣ превышать дѣйствительную потребность, и войска эти должны быть немедля выведены обратно, какъ только задача, на нихъ возложенная, будетъ выполнена.

5. Признаніе со стороны Россіи исключительнаго права Японіи давать указанія и содѣйствовать проведенію реформъ и установленію хорошаго правленія въ Кореѣ, включая и необходимую военную помощь.

6. Настоящее соглашеніе имѣетъ замѣнить все предыдущія, состоявшіяся между Японіею и Россіею, относительно Кореи.

4. Признаніе со стороны Россіи права Японіи давать указанія и совѣты къ проведенію реформъ и установленію хорошаго управления въ Кореѣ.

5. Настоящее соглашеніе есть подтвержденіе всеѣхъ предыдущихъ, состоявшихся между Японіею и Россіею.

По поводу японскаго проекта при его обсужденіи С. Ю. Витте высказалъ, что онъ признаетъ предложенія японцевъ въ общемъ приемлемыми, находя лишь невозможнымъ согласиться съ требованіемъ Японіи о предоставленіи ей права продлить корейскія желѣзнодорожныя линіи въ Южную Манчжурію до соединенія съ Китайскою Восточною жел. дор. и съ желѣзною дорогою Нючжуань—Шанхай-гуань, и что онъ не сомнѣвается въ томъ, что этотъ послѣдній вопросъ удастся уладить путемъ сношенія съ японскимъ правительствомъ. Для такой надежды у него были основанія, покоившіяся на его личныхъ сепаратныхъ переговорахъ съ Курино.

Чтобы прійти къ какому-нибудь окончательному рѣшенію по вопросу о направленіи нашей будущей политики въ Манчжуріи и Кореѣ и дабы резюмировать постановленія портъ-артурскихъ совѣщаній, которыя пуждались еще въ окончательномъ оформленіи и утвержденіи, 1-го августа 1903 года состоялось особое совѣщаніе изъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, финансовъ и военнаго. Приглашенный принять участіе въ совѣщаніи Безобразовъ не имѣлъ возможности присутствовать.

Совѣщаніе остановилось, прежде всего, на принципиальномъ вопросѣ: желательна ли, въ интересахъ Россіи, присоединеніе Манчжурской области или какой-либо ея части къ государственнымиъ русскимиъ владѣніямъ?

По этому вопросу совѣщаніе вполне согласилось съ мнѣніемъ, категорически высказаннымъ и въ Портъ-Артурѣ, что присоеди-

неніе къ Россіи не только всей Манчжуріи, но хотя бы одной сѣверной ея части крайне нежелательно и грозитъ намъ затрудненіями, граничащими съ бѣдствіемъ. Принимая во вниманіе, что такое мнѣніе вполне соответвуетъ взглядамъ, неоднократно высказывавшимся министерствами финансовъ, военнымъ и иностранныхъ дѣлъ, совѣщаніе признало этотъ вопросъ не подлежащимъ дальнѣйшему обсужденію, считая рѣшеніе его въ отрицательномъ смыслѣ окончательно установленнымъ.

Постановивъ, такимъ образомъ, окончательное рѣшеніе по первому вопросу, совѣщаніе приступило къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, какого положенія надлежитъ Россіи держаться по отношенію къ Манчжуріи, а именно: слѣдуетъ ли въ точности выполнить условія договора 26-го марта 1902 года, или представляется необходимымъ сдѣлать какія-либо отступленія отъ этого договора, и какія именно. Принимая во вниманіе измѣнившееся политическое положеніе, а равно представленныя генераломъ Куропаткинымъ соображенія стратегическаго характера, совѣщаніе не признало возможнымъ придерживаться нынѣ по отношенію къ Манчжуріи буквального смысла договора 26-го марта 1902 года. Рѣшено было, при очищеніи Манчжуріи отъ нашихъ войскъ, принять мѣры къ обезпеченію нашихъ интересовъ въ томъ смыслѣ, что войска должны быть сосредоточены въ полосѣ отчужденія подь желѣзную дорогу, города Хуньчуня не очищать, очищеніе же Манчжуріи производить по плану, выработанному на совѣщаніяхъ въ Портъ-Артурѣ. На выводѣ нашихъ войскъ именно въ полосу отчужденія и на оставленіи ихъ въ Хуньчунѣ настаивалъ военный министръ, тогда какъ министры финансовъ и иностранныхъ дѣлъ полагали желательнымъ эвакуировать войска въ Квантунскую область.

Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣщаніе признало необходимымъ, до выполненія, въ вышеуказанной мѣрѣ, постановленій договора 26-го марта, предъявить китайскому правительству требованія о гарантіяхъ.

Приступивъ затѣмъ къ подробному разсмотрѣнію перечня такихъ гарантій, выработанныхъ въ Портъ-Артурѣ, совѣщаніе признало, что, въ виду только что предрѣшенныхъ отступленій отъ постановленій договора 26-го марта и проектируемаго увеличенія войскъ въ Квантунской области, вслѣдствіе чего должно значительно укрѣпиться военно-политическое положеніе Россіи въ Манчжуріи, нѣкоторыя изъ гарантій теряютъ свое первоначальное важное значеніе, и въ предъявленіи ихъ не представляется настоятельной необходимости. Такимъ образомъ, совѣщаніе пришло къ заключенію, что необходимо предъявить въ самомъ ближайшемъ будущемъ лишь слѣдующія пять условій: 1) обязательство Китая не уступать иностранцамъ возвращаемой ему манчжур-

ской территоріи, 2) оставленіе военныхъ постовъ по Сунгари и правому берегу Амура ¹⁾, 3) сохраненіе такихъ же постовъ на трактѣ Цицикаръ—Благовѣщенскъ ²⁾, 4) исключеніе Сѣвернаго Китая изъ вѣдѣнія иностранцевъ, и 5) огражденіе торговыхъ интересовъ Китайской Восточной желѣзной дороги.

Разрѣшеніе вопроса о формѣ, въ которой должны были быть предъявлены эти требованія китайскому правительству, постановлено было предоставить усмотрѣнію нашего посланника въ Пекинѣ. При этомъ признавалось необходимымъ принять во вниманіе наше дѣйствительное положеніе въ Манчжуріи, а потому, въ случаѣ необходимости, признавалось возможнымъ оформить наши требованія, или, по крайней мѣрѣ, часть ихъ, въ смыслѣ заявленія китайскому правительству о состоявшемся нашемъ безповоротномъ рѣшеніи по тому или другому вопросу. Въмѣстѣ съ тѣмъ признано было необходимымъ предъявить наши требованія возможно скорѣе, до наступленія окончательнаго срока эвакуаціи Манчжуріи 26-го сентября 1903 года.

Въ обмѣнъ на предъявленныя нами Китаю требованія, признано было справедливымъ и съ нашей стороны дать китайцамъ опредѣленное обѣщаніе относительно очищенія различныхъ областей въ точно установленные сроки, со снятіемъ въ Манчжуріи военнаго положенія и передачею администраціи края китайскимъ властямъ. Если бы со стороны китайскаго правительства послѣдовали возраженія противъ измѣненія нами сроковъ эвакуаціи, то признавалось возможнымъ заявить китайцамъ, что они сами своимъ образомъ дѣйствій создали препятствіе къ точному выполненію нами договора 26-го марта 1902 года.

Покончивъ, такимъ образомъ, съ манчжурскимъ вопросомъ, совѣщаніе перешло къ обсужденію дѣлъ корейскихъ и связанныхъ съ ними отношеній нашихъ къ Японіи. Въ этомъ вопросѣ рѣшено было придерживаться постановленій портъ-артурскихъ совѣщаній, пришедшихъ къ заключенію о крайней желательности для насъ, по возможности, не связывать корейскаго вопроса съ манчжурскимъ и даже сдѣлать въ непродолжительномъ времени заявленіе японскому правительству, что дѣятельность Россіи въ Манчжуріи не имѣетъ никакого касательства къ Корей, что въ отношеніи послѣдней Россія искренно желаетъ сохранить въ силѣ всѣ существующіе договоры, и что, не имѣя никакихъ агрессивныхъ намѣреній, она попрежнему будетъ стремиться къ поддержанію независимости Кореи. Въ интересахъ мирнаго и прочнаго разрѣшенія манчжурскаго вопроса совѣщаніе признало безусловно необходимымъ воздерживаться отъ всякой активной по-

¹⁾ Внесенъ по настоянію А. Н. Куропаткина.

²⁾ Тоже.

литики въ Корей, могущей привести къ столкновению съ Японіей, война съ которой при настоящихъ условіяхъ была бы большимъ бѣдствіемъ для Россіи.

Въ связи съ такой постановкой корейскаго вопроса, ясно опредѣлился взглядъ совѣщанія на характеръ дѣятельности русскаго лѣсопромышленнаго товарищества. Совѣщаніе признало, съ точки зрѣнія военной, финансовой и политической, безусловно необходимымъ для государственныхъ интересовъ Россіи прекращеніе активной дѣятельности товарищества съ тою военно-политической окраскою, которая являлась до сего времени характерною чертою его дѣятельности. Признавая несомнѣнное промышленное значеніе за пріобрѣтенною товариществомъ лѣсною концессіей въ бассейнѣ рѣки Ялуцзяна, совѣщаніе находило, однако, необходимымъ, въ интересахъ мира, чтобы предпріятіе это было поставлено на чисто-коммерческую ноту. По мнѣнію совѣщанія, предпріятіе это должно быть передано совершенно частному обществу, которое преслѣдовало бы чисто-матеріальныя, коммерческія цѣли и не разсчитывало бы ни на какія субсидіи изъ государственныхъ суммъ.

Совѣщаніе это состоялось 1-го августа. Между тѣмъ 30-го іюля въ дѣлѣ направленія нашей политики на Дальнемъ Востокѣ произошла весьма рѣзкая перемѣна.

.

Состоялось учрежденіе должности намѣстника на Дальнемъ Востокѣ, съ сосредоточеніемъ въ его рукахъ верховной военно-административной власти во всѣхъ областяхъ, лежащихъ къ востоку отъ Байкала, и съ возложеніемъ на него же руководства дипломатическими сношеніями по дѣламъ вѣреннаго ему края съ Китаемъ, Японією и Кореею. Указъ 30-го іюля былъ составленъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Плеве, по соглашенію съ Безобразовымъ. При созданныхъ этимъ указомъ новыхъ условіяхъ, соображенія, высказанныя министрами иностранныхъ дѣлъ, финансовъ и военнымъ на совѣщаніи 1-го августа относительно направленія нашей политики на Дальнемъ Востокѣ, должны были получить чисто-академическій характеръ. Это и не замедлило оказаться на практикѣ: по журналу совѣщанія 1-го августа было запрошено мнѣніе намѣстника и затѣмъ нашему посланнику въ Пекинѣ было поручено предъявить китайскому правительству пять требованій:

1) чтобы китайское правительство не уступало иностранцамъ земли въ мѣстностяхъ, имѣющихъ быть очищенными русскими войсками;

2) чтобы русское правительство имѣло право содержать по рѣкѣ Сунгари военные посты и устроить станціи на трактѣ Цицикаръ—Благовѣщенскъ;

3) чтобы съ товаровъ, перевозимыхъ по Китайской Восточной жел. дор., не было устанавливаемо китайскимъ правительствомъ специальныхъ сборовъ;

4) чтобы по выводѣ русскихъ войскъ изъ Манчжуріи мѣстнымъ отдѣленіямъ Русско-Китайскаго банка была предоставлена вооруженная китайская охрана и

5) чтобы въ составѣ санитарной комиссіи въ Инкоу находился врачъ изъ русско-подданныхъ.

Однако надеждѣ, что китайцы согласятся на эти требованія, болѣе скромныя по сравненію съ проектированными въ Портъ-Артурѣ, не суждено было сбыться. По предъявленіи требованій нашимъ посланникомъ китайскому правительству, послѣднее отвѣтило отказомъ, напомнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ Лессару объ обязательствахъ, принятыхъ Россією на себя по сепаратному соглашенію, и замѣтивъ, что, когда эвакуація состоится согласно условіямъ этого соглашенія, Китай будетъ готовъ обсудить съ Россіей всякіе вопросы, которые послѣдняя признаетъ требующими разрѣшенія.

ІІV.

Моментъ учрежденія намѣстничества можно считать поворотнымъ пунктомъ въ дѣлѣ направленія политики нашей на Дальнемъ Востокѣ. Съ этого времени вступаютъ уже въ полную силу замыслы и планы адмирала Алексѣева и Безобразова, которые вполне открыто берутъ на себя руководящую роль въ дѣлѣ выработки различныхъ проектовъ, касающихся направленія дальнѣйшей дѣятельности нашей на Дальнемъ Востокѣ. Ближайшее участіе въ этой работѣ принялъ также и министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве, которому, повидимому, намѣчалась широкая и выдающаяся роль въ дальне-восточномъ дѣлѣ. Плеве раздѣлялъ многіе взгляды Безобразова и былъ сторонникомъ рѣзкой и прямолинейной политики на берегахъ Тихаго океана и въ Манчжуріи. Замѣтимъ, что періодъ времени съ начала августа по конецъ сентября 1903 года былъ богатъ появленіемъ въ свѣтъ различныхъ проектовъ, связанныхъ съ нашими дѣлами на Дальнемъ Востокѣ.

Задаваясь грандіозными стремленіями въ вопросахъ дальневосточной политики и зная, что осуществленіе подобныхъ проектовъ неизбежно связано съ громадными денежными затратами, инициаторы новаго курса сознавали, однако, что для осуществленія этихъ проектовъ нельзя пользоваться средствами русской казны, и потому прилагали старанія, чтобы выяснитъ возможность реализаціи необходимыхъ средствъ путемъ эксплуатаціи нашихъ владѣній на Дальнемъ Востокѣ, въ составъ которыхъ мысленно они причисляли уже Манчжурію и отчасти Сѣверную Корюю.

Обсуждать вопросы экономического характера представлялось для новыхъ дѣятелей чрезвычайно легкимъ и удобнымъ, такъ какъ налицо уже имѣлись два органа, функционировавшіе подъ руководствомъ министерства финансовъ и успѣвшіе пустить на мѣстѣ глубокіе корни, это именно—Китайская Восточная желѣзная дорога и Русско-Китайскій банкъ. На нихъ-то и пожелали прежде всего наложить руку инициаторы новой политики, предполагая придать этимъ предпріятіямъ свою оригинальную и въ достаточной мѣрѣ фантастическую организацію, которая должна была сразу обезпечить полный успѣхъ всѣмъ нашимъ экономическимъ начинаніямъ на Дальнемъ Востокѣ и направить струю золота въ нашъ казенный сундукъ. Глашатаемъ этихъ новыхъ идей въ Петроградѣ являлся Безобразовъ, который съ неимовѣрною быстротою создавалъ проекты, одинъ грандіознѣе и оригинальнѣе другого.

Согласно этимъ проектамъ, для верховнаго завѣдыванія нашими интересами на Дальнемъ Востокѣ предполагалось учредить особый комитетъ изъ министровъ. Намѣстникъ на Дальнемъ Востокѣ состоитъ членомъ этого особаго комитета и сносится съ нимъ непосредственно. У намѣстника образуется канцелярія изъ генераловъ и офицеровъ особыхъ порученій; у него же состоятъ четыре помощника: 1) по гражданской части, съ подчиненіемъ ему канцелярій дипломатической и административной, 2) по военной части, 3) по морской части и 4) по экономической части. Военные губернаторы забайкальскій, пріамурскій, приморскій и начальникъ Квантунской области подчиняются намѣстнику и входятъ къ послѣднему съ представленіями черезъ подлежащихъ помощниковъ, ихъ штабы и канцеляріи.

Такъ предполагалось организовать административную часть дѣла. Для завѣдыванія же частью экономической, на которую предполагалось обратить особенно серьезное вниманіе, проектировалось учрежденіе, подъ руководствомъ названнаго комитета, особаго «восточно-китайскаго промышленнаго товарищества», въ составѣ лицъ именитыхъ и выдающихся какъ по происхожденію, такъ и по имущественному цензу. Товарищи эти собираются въ общія собранія подъ предѣлательствомъ особо назначеннаго лица, состоящаго въ то же время членомъ помянутаго комитета, текуція же дѣла вѣдаются правленіемъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ товарищей. Въ сферу вліянія товарищества входитъ общее направленіе дѣятельностью Русско-Китайскаго банка, Китайской Восточной желѣзной дороги, а также другихъ могущихъ быть пріуроченными сюда предпріятій. Товарищество это, впрочемъ, не должно вмѣшиваться въ дѣла банка и дороги, а будетъ играть лишь декоративную роль въ видахъ привлеченія къ дѣлу оборудованія нашихъ предпріятій на Дальнемъ Востокѣ иностранныхъ капита-

ловъ. Безобразовъ почему-то твердо вѣрилъ, что такое товарищество, или «крупный синдикатъ», какъ онъ его называлъ, послужитъ большой притягательною силою для иностранныхъ капиталовъ, которые онъ рассчитывалъ привлечь къ дѣламъ нашимъ на Дальнемъ Востокѣ. Капиталы эти, по мнѣнію новыхъ дѣятелей, должны были широкимъ потокомъ направиться въ наши руки для оборудованія нашихъ начинаній на Дальнемъ Востокѣ; при этомъ, для привлеченія капиталовъ, по мнѣнію Безобразова и его единомышленниковъ, необходимо было лишь твердо объявить во всеобщее свѣдѣніе о нашихъ намѣреніяхъ касательно Манчжуріи, такъ какъ, по мнѣнію Безобразова, главною помѣхою въ дѣлѣ развитія нашихъ экономическихъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ является неопредѣленность нашей политики, вслѣдствіе чего иностранцы не знаютъ, чего мы собственно хотимъ и чего добиваемся. Чтобы выяснитъ положеніе, Безобразовъ предполагалъ сдѣлать заявленіе китайскому правительству, что мы требуемъ предоставленія обществу Китайской Восточной желѣзной дороги права эксплуатаціи всѣхъ горныхъ и лѣсныхъ богатствъ въ Манчжуріи, причѣмъ названное общество будетъ уже отъ себя предоставлять эти концессіи русскимъ и иностраннымъ компаніямъ. На удовлетвореніи этого требованія Безобразовъ признавалъ необходимымъ настаивать и, въ случаѣ необходимости, поддержать его даже военною силою. Никакихъ осложненій со стороны третьихъ державъ, такъ или иначе заинтересованныхъ въ судьбѣ Манчжуріи, Безобразовъ не опасался, а, напротивъ, полагалъ, что подобное категорическое заявленіе съ нашей стороны будетъ имѣть самыя благодѣтельныя послѣдствія,—и въ томъ смыслѣ, что сразу прекратитъ всякія недоумѣнія со стороны иностранцевъ относительно нашей политики и, несомнѣнно, привлечетъ къ намъ массу иностранныхъ капиталовъ.

Однако прежде, чѣмъ потекутъ къ намъ иностранныя деньги, являлась необходимость затратить весьма значительныя казенныя средства для представленія иностранцамъ дѣла въ должномъ видѣ.

Съ этого момента взгляды С. Ю. Витте настолько разошлись со взглядами остальныхъ членовъ совѣщанія, что онъ вынужденъ былъ покинуть постъ министра финансовъ, взамѣнъ какового онъ былъ назначенъ, какъ нѣкогда и Н. Х. Бунге, на почетный, но не активный постъ предсѣдателя комитета министровъ. Такимъ образомъ, враги министра финансовъ одержали верхъ надъ его миролюбивою политикою и все дѣло нашихъ переговоровъ съ Японіей быстро пошло по наклонной плоскости.

При осуществленіи этихъ проектовъ предполагалось, что уходя съ поста министра финансовъ С. Ю. Витте устранитъ всякія препятствія. Безобразовъ настойчиво и пространно излагалъ свои виды

передъ новымъ управляющимъ министерствомъ финансовъ Э. Д. Плеске, но и тутъ ему пришлось натолкнуться на разочарованія, такъ какъ Э. Д. Плеске совершенно откровенно заявилъ ему, что признаеть всѣ его проекты крайне фантастичными, и даль ясно понять Безобразову, чтобы онъ на поддержку со стороны министерства финансовъ, въ смыслѣ отпуска денегъ, не рассчитывалъ.

Между тѣмъ, отпущенный въ началѣ 1903 года кредитъ въ размѣрѣ двухъ милліоновъ рублей изсякъ, и разныя предпріятія, затѣянные въ Манчжуріи, начали терпѣть нужду въ деньгахъ, такъ какъ колоссальныя доходы отъ лѣсного дѣла, ожидавшіеся съ перваго же года въ размѣрѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей, заставляли себя ждать. Дѣло съ доставкою лѣса съ Ялуцзяна въ Портъ-Артуръ и Дальній, очевидно, не клеилось, и лѣсопромышленное товарищество не могло исполнить взятыхъ на себя обязательствъ по доставкѣ условленнаго количества лѣса въ эти порты. Плохо двигалось и другое предпріятіе, затѣянное Безобразовымъ въ Мукденѣ, именно устройство электрическаго освѣщенія. Ничего не было сдѣлано для оборудованія пріобрѣтенной Безобразовымъ въ началѣ 1903 года концессіи на часть фушунскаго каменноугольнаго мѣсторожденія. Точно также ничего не предпринялъ Безобразовъ и для осуществленія первоначально высказывавшейся имъ мысли о сліяніи этой концессіи съ сосѣдней, принадлежавшей манчжурскому горнопромышленному товариществу. Объясняется это тѣмъ, что Безобразовъ имѣлъ въ виду настоять на передачѣ концессіи товарищества проектировавшемуся имъ крупному обществу, имѣвшему объединить въ своихъ рукахъ завѣдываніе всѣми важнѣйшими промышленными концессіями въ Манчжуріи и Корей. Получившееся въ результатѣ неопредѣленное положеніе не могло, конечно, не отозваться въ неблагоприятномъ смыслѣ на организациі работъ въ концессіи товарищества. Полагая, что фушунское мѣсторожденіе, по богатству угольныхъ залежей, можетъ обезпечить топливомъ не только желѣзную дорогу, но и нашъ флотъ на Дальнемъ Востокѣ, министръ финансовъ С. Ю. Витте имѣлъ въ виду возможно скорѣе приступить къ энергичной эксплуатаціи концессіи манчжурскаго горнопромышленнаго товарищества въ этомъ мѣсторожденіи и поручилъ товариществу представить ему смѣту необходимыхъ на это расходовъ. Но когда порученіе это было исполнено товариществомъ, министръ финансовъ, въ виду плановъ Безобразова относительно фушунскихъ концессій, уже не имѣлъ возможности уполномочить товарищество на предполагавшуюся ранѣ постановку дѣла. Такимъ образомъ, фушунское мѣсторожденіе оставалось не оборудованнымъ вплоть до начала войны съ Японіей.

Вообще, всѣ предпріятія, затѣянные въ Манчжуріи и Сѣвер-

«Истор. вѣстн.», декабрь 1914 г., т. сxxxviii.

16

ной Кореѣ Безобразовымъ и его единомышленниками, нимало не оправдавъ возлагавшихся на нихъ надеждъ, въ смыслѣ полученія огромныхъ прибылей и утвержденія нашего вліянія въ этихъ странахъ, сослужили службу лишь въ томъ смыслѣ, что вооружили противъ насъ китайцевъ и еще болѣе усилили болѣзненную подозрительность японцевъ.

Пока Безобразовъ дѣйствовалъ въ Петроградѣ, разрабатывая проекты администрированія Манчжуріей, присоединеніе которой къ Россіи признавалось имъ уже предрѣшеннымъ, — на мѣстѣ тамошніе дѣятели, безусловно раздѣлявшіе взгляды Безобразова и его единомышленниковъ въ Петроградѣ, доказывали уже прямо своими поступками, что не можетъ быть и рѣчи объ эвакуаціи Манчжуріи. Какъ разъ къ этому времени относится вторичное занятіе Мукдена русскими войсками, послѣдовавшее вслѣдствіе неисполненія мукденскимъ цзянь-цзюнемъ нѣкоторыхъ требованій нашего военнаго комиссара, предъявленныхъ цзянь-цзюню въ видѣ ультиматума. Такой образъ дѣйствій со стороны нашихъ военныхъ властей въ Манчжуріи, несомнѣнно, долженъ былъ произвести самое угнетающее впечатлѣніе на китайское правительство, увидѣвшее въ этомъ шагѣ съ нашей стороны вполне определенное указаніе на отсутствіе у насъ намѣренія очистить отъ нашихъ войскъ хотя бы даже Южную Манчжурію. Такое же впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ шагъ и на Японію, откуда въ то же время зорко слѣдили за нашимъ образомъ дѣйствій въ Ялудзянѣ, гдѣ представители лѣсопромышленнаго товарищества вели себя съ не меньшею увѣренностью.

Не подлежитъ сомнѣнію, что такой образъ дѣйствій нашъ въ Манчжуріи и Сѣверной Кореѣ долженъ былъ значительно повліять на обостреніе отношеній къ намъ Японіи. Немаловажную роль и въ этомъ отношеніи сыграло также образованіе намѣстничества съ предоставленіемъ намѣстнику дипломатическихъ полномочій, въ смыслѣ руководства дѣйствіями представителей нашихъ въ Пекинѣ, Токио и Сеулѣ по всѣмъ дѣламъ, касающимся нашихъ дальне-восточныхъ окраинъ. Японцы увидѣли для себя тяжкое оскорбленіе въ томъ, что мы какъ бы приравниваемъ Японію къ Бухарѣ—не желаемъ даже вести съ нею непосредственныхъ переговоровъ, а поручаемъ это хотя и высокопоставленному, но все-таки подчиненному центральной власти административному лицу.

Изъ обзорѣнія хода переговоровъ, энергично возобновленныхъ Японіей въ концѣ 1903 года, можно вполне определенно заключить, что главною причиною неудачи ихъ и послѣдовавшаго затѣмъ разрыва является именно передовѣріе одной изъ прерогативъ центральной власти мѣстному административному органу.

Вслѣдствіе предоставленія намѣстнику такихъ дипломатическихъ переговоровъ явилась необходимость перенести мѣсто пе-

реговоровъ изъ Петрограда въ Токио, гдѣ нашъ дипломатическій представитель долженъ былъ дѣйствовать согласно указаніямъ намѣстника. Сдѣлано это было вопреки явно выраженному желанію японцевъ вести переговоры въ Петроградѣ. Требованіе наше о веденіи дѣла въ Токио было исполнено японцами крайне неохотно, явившись для нихъ лишь доказательствомъ желанія нашего затягивать дѣло, не приходя ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Привлеченіе, въ качествѣ руководящаго лица, къ веденію переговоровъ съ японцами адмирала Алексѣева, дѣйствовавшаго въ духѣ своихъ единомышленниковъ, Безобразова, адмирала Абазы и другихъ, было шагомъ безусловно роковымъ, такъ какъ адмиралъ Алексѣевъ и его единомышленники исходили изъ соображенія, что война съ Японіею представляется неизбѣжною, и что лучше рѣшиться на нее теперь же, нежели позже. Кромѣ того, лица эти отвергали возможность какихъ-либо уступокъ, утверждая, что малѣйшія уступки съ нашей стороны вызовутъ немедленно новыя требованія со стороны японцевъ. Это мнѣніе и легло въ основаніе нашего образа дѣйствій въ теченіе всѣхъ переговоровъ. Между тѣмъ во время этихъ переговоровъ японцы выказали весьма большую выдержку и терпѣніе, выражая готовность итти навстрѣчу нашимъ требованіямъ. Такъ, на примѣръ, японцы согласились не настаивать на немедленномъ осуществленіи права по устройству селтльментовъ въ Манчжуріи. Не возражали японцы также противъ устройства нейтральной полосы въ сѣверной Корей, представляя, однако, съ своей стороны справедливое требованіе объ устройствѣ подобной же полосы въ Манчжуріи.

Несмотря на далеко не вызывающій образъ дѣйствій со стороны Японіи и на то, что требованія японцевъ были признаны въ Петроградѣ руководящими министрами въ сущности пріемлемыми, переговоры не пришли къ благополучному исходу.

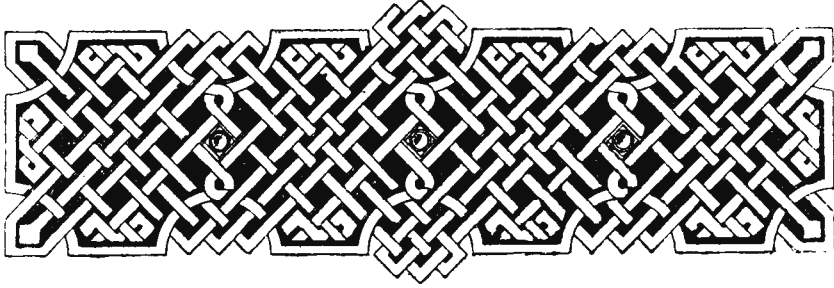
Мы не будемъ возстановлять нынѣ въ памяти читателей весь ходъ этихъ переговоровъ, гдѣ сказалась царившая тогда въ нашемъ дипломатическомъ вѣдомствѣ бюрократическая волокита. Въ свое время она нашла свою должную оцѣнку въ нашей періодической печати, была подробно изложена въ «Бѣлой книгѣ» и съ большими заимствованіями отсюда воспроизведена въ газетѣ «Влади востокъ» 1905 года, № 19

Не получая отъ насъ, несмотря на неоднократныя напоминанія, никакого отвѣта на свои окончательныя предложенія, японцы рѣшились, наконецъ, на разрывъ, который и послѣдовалъ 24-го января 1904 года.

Мы опускаем здѣсь историческій занавѣсъ, отдѣляющій нашъ «прологъ» отъ дальнѣйшихъ дѣйствій кровавой драмы, которую, быть можетъ, при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ мы представимъ со временемъ на судъ читателей. Архивный матеріалъ, который мы окрестили «Прологомъ русско-японской войны», нами исчерпанъ; для изображенія самой драмы придется обратиться къ инымъ источникамъ, которые въ нашей литературѣ еще далеко не собраны и не опубликованы. Наша архивная задача, безъ наличія въ ней авторскаго творческаго элемента, какъ мы о томъ предупреждали читателей въ нашемъ предисловіи, закончена, и, если знакомые съ эпохой русско-японской войны имѣютъ въ своемъ распоряженіи матеріалы, дополняющіе нами изложенное или даже ихъ опровергающіе, мы охотно дадимъ имъ со временемъ мѣсто на страницахъ нашего журнала. Пусть такимъ образомъ любопытный періодъ русской исторіи будетъ освѣщенъ всесторонне, и тогда будущій лѣтописецъ отечественной жизни получитъ возможность произнести свой судъ и надъ этимъ періодомъ, и надъ лицами, въ немъ игравшими выдающуюся роль. Это дѣло будущаго, и, какъ намъ кажется, не особенно близкаго.

Б. Глинскій.

АНАТОЛІЙСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

АНАТОЛІЙСКИМЪ побережьемъ называется турецкое побережье Чернаго моря, которое начинается недалеко отъ нашего Батума и кончается у Босфора. Такимъ образомъ, оно лежитъ противоположно нашему крымско-кавказскому побережью и граничитъ съ нашимъ Закавказьемъ, вслѣдствіе чего анатолийское побережье представляло всегда важное значеніе для Россіи.

Вопросъ объ анатолийскомъ побережьи выдвинулся за послѣднее время въ разрядъ главнѣйшихъ политическихъ для насъ вопросовъ въ Турціи въ связи съ проектомъ о постройкѣ Самсунь-Сивасской желѣзной дороги, каковую концессию настойчиво домогалась получить отъ турецкаго правительства Германія, и вслѣдствіе всей дѣятельности этой европейской державы въ Турціи и въ особенности въ Малой Азіи. Несмотря на такое важное политическое значеніе для Россіи турецкаго побережья Чернаго моря, оно почти неизвѣстно не только среди широкой у насъ публики, но даже среди лицъ, занимающихся и интересующихся вопросами Востока.

Между тѣмъ берега Анатолиі представляютъ собою большой интересъ для ознакомленія съ ними во всѣхъ отношеніяхъ. Для ученаго—въ виду сохранившихся тамъ памятниковъ древней Греціи, византійской эпохи и временъ генуэзцевъ, для широкой публики и въ частности для туристовъ—красотами своей природы и наблю-

даемой оригинальною жизнью Востока въ городахъ Анатолиі. Наконецъ, анатолійское побережье должно интересовать русскихъ людей еще тѣмъ, что тамъ, при Синопѣ, въ 1853 году адмиралъ Нахимовъ одержалъ знаменитую побѣду надъ турецкимъ флотомъ, и Синопъ сталъ вѣчнымъ памятникомъ русской славы на берегахъ Анатолиі.

Посвящая свой досугъ изученію вопросовъ Востока и заинтересовавшись вслѣдствіе изложенныхъ обстоятельствъ анатолійскимъ побережьемъ, я осенью 1913 года предпринялъ поѣздку по этому побережью, чтобы лично съ нимъ ознакомиться. Полученными мною свѣдѣніями и впечатлѣніями изъ этой поѣздки я считаю своимъ долгомъ подѣлиться въ печати съ русскимъ обществомъ въ виду указаннаго чрезвычайно важнаго значенія турецкаго побережья Чернаго моря для политическихъ интересовъ Россіи и большаго интереса, который представляетъ это побережье для ознакомленія съ нимъ вообще.

I.

Рейсы пароходовъ русскаго общества пароходства и торговли вдоль береговъ Анатолиі.—Красоты послѣднихъ.—Городъ Ризъ.—Трапезундъ и его политико-экономическое значеніе.—Бухта въ Трапезундѣ.—Проектъ сооруженія порта.—Описаніе города.

Турецкое побережье Чернаго моря начинается невдалекѣ, на югъ, отъ нашего Батума и тянется до самаго Босфора. Вдоль побережья отъ Батума до Константинополя и отъ Одессы до Батума совершаютъ еженедѣльные рейсы пароходы русскаго общества пароходства и торговли. Одну недѣлю идетъ пароходъ линіи болгарско-анатолійской, другую только анатолійской. Кромѣ того, имѣется линія кавказско-анатолійская, на которой пароходы р. о. п. и т. поддерживаютъ еженедѣльное сообщеніе между Сухумомъ и Орду съ заходомъ въ Батумъ и промежуточные порты Анатолиі. Но для желающихъ ознакомиться съ анатолійскимъ побережьемъ нуженъ пароходъ одной изъ двухъ первыхъ линій. Всего переѣздъ отъ Батума до Константинополя занимаетъ пять дней и расписаніе пароходовъ составлено такъ, что почти всѣ остановки парохода въ главнѣйшихъ приморскихъ городахъ Анатолиі разсчитаны на день. Дня же почти достаточно для ознакомленія съ городомъ и его достопримѣчательностями, такъ какъ турецкіе города на берегахъ Анатолиі небольшіе.

Совершающіе рейсы вдоль береговъ Анатолиі пароходы р. о. п. и т. предоставляютъ пассажирамъ хорошія каюты, столъ и самое любезное отношеніе команды. Мнѣ при совершеніи поѣздки по анатолійскому побережью пришлось видѣть, что многіе турки,

несмотря на шедшіе одновременно съ нашимъ пароходомъ два иностранныхъ, одинъ австрійскаго ллойда «Стамбуль» и другой турецкій «Онъ темузъ»¹⁾, сядились на нашъ пароходъ, хотя онъ по величинѣ значительно уступалъ названному двумъ «иностранцамъ»²⁾.

Также европейцы, какъ-то: французы и англичане, предпочли нашъ пароходъ турецкому и австрійскому.

Я счелъ своимъ долгомъ перво-наперво это отмѣтить въ виду сложившагося у нѣкоторыхъ русскихъ предубѣжденія противъ русскаго общества пароходства и торговли, что, говоря искренно, не только не патріотично, но даже несправедливо относительно названнаго общества. Однимъ словомъ, поѣздка по анатолійскому побережью и интересна, и удобна.

Я выѣхалъ изъ Батума ночью въ пятницу 20-го сентября, на пароходѣ русскаго общества пароходства и торговли «Принцесса Евгенія Ольденбургская», шедшемъ анатолійскимъ рейсомъ. Передъ этимъ днемъ на Черномъ морѣ нѣсколько дней подъ рядъ бушевалъ сильный штормъ, и въ день моего пріѣзда въ Батумъ штормъ еще продолжался. Я съ нѣкоторымъ волненіемъ смотрѣлъ еще изъ окна вагона, когда поѣздъ недалеко уже отъ Батума шелъ по полотну, проложенному совсѣмъ около берега моря, на бушевавшія волны. Послѣднія бывали иногда такъ велики, что при бѣшенномъ ударѣ о прибрежныя скалы и камни ихъ брызги долетали до оконъ вагоновъ. Волновался я не изъ-за того, что будетъ качка, такъ какъ при совершенныхъ еще ранѣе нѣсколькихъ морскихъ поѣздкахъ я убѣдился, что мой организмъ не подверженъ морской болѣзни, но меня безпокоило, что мое желаніе ознакомиться съ анатолійскимъ побережьемъ могло не осуществиться. Именно при сильномъ и продолжительномъ штормѣ мнѣ не пришлось бы нигдѣ высадиться на берегъ. Однако счастье благоприятствовало моей поѣздкѣ, такъ какъ, когда я проснулся утромъ у себя въ каютѣ, то съ удивленіемъ увидѣлъ, что пароходъ идетъ почти совершенно безъ качки. Когда же я вышелъ на палубу, былъ тихій и солнечный южный день, и по морю шла лишь небольшая мертвая зыбь, которая была отзвукомъ шторма, бушевавшаго наканунѣ и еще продолжавшагося у нашего черноморскаго побережья. Оказалось, вѣтеръ былъ сѣверо-западный и потому буря бушевала лишь на нашемъ—сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря, на южномъ же была, какъ говорится, «тишь да гладь—Божья благодать». И эта прекрасная погода сопровождала насъ до самаго Константинополя.

¹⁾ «Онъ темузъ»—10-го іюля—день государственнаго переворота въ Турціи; сверженіе Абдуль-Гамида и введеніе конституціи.

²⁾ У моряковъ принято называть встрѣчающійся въ морѣ или въ порту иностранный пароходъ кратко «иностранецъ».

Остановками парохода на побережьѣ являются слѣдующіе города: Ризэ, Трапезундъ, Керасундъ, Орду, Самсунъ, Синопъ и Инеболи.

Пароходъ все время идетъ невдалекѣ отъ береговъ Анатолиі, картина которыхъ очаровательна. Начиная отъ Батума и до Орду турецкое побережье Чернаго моря представляетъ собою гористые берега, покрытые богатѣйшею южною растительностью, а вдали виднѣется высокій горный хребетъ Малой Азіи, покрывающійся съ начала сентября бѣлоснѣжнымъ покровомъ. Перечисленные города побережья расположены въ живописнѣйшихъ бухтахъ, которыхъ и вообще имѣется много на побережьѣ. Первые четыре города особенно красивы по своему мѣстоположенію. Они окружены полукругами высокихъ горъ, покрытыхъ разнообразнѣйшею растительностью и прорѣзываемыхъ то здѣсь, то тамъ идущими вглубь страны живописнѣйшими ущельями. Мнѣ приходилось дважды проѣзжать крымско-кавказское побережье и, сравнивая съ нимъ анатолийское, можно съ увѣренностью сказать, что послѣднее по красотамъ природы значительно превосходитъ Крымъ и не уступить нашему кавказскому побережью. Это не только мое мнѣніе, но и командъ русскихъ пароходовъ, которымъ постоянно приходится совершать рейсы, то вдоль одного, то вдоль другого изъ бережій Чернаго моря.

Городокъ Ризэ, который является первой остановкой парохода на побережьѣ, расположенъ у подножія горы, или, вѣрнѣе, огромной скалы, которая стоитъ посреди полукруга горъ, продолжающихся вглубь страны. Какъ скалы, такъ и окружающія ее горы покрыты густою растительностью, вслѣдствіе чего видъ города Ризэ прямо-таки восхитителенъ. По сообщеннымъ мнѣ капитаномъ парохода свѣдѣніямъ въ Ризэ имѣется масса фруктовыхъ садовъ, и тамъ въ изобиліи растутъ даже апельсины. Объясняется это защищенностью этого мѣста высокими горами отъ холодныхъ вѣтровъ.

Какъ только нашъ пароходъ сталъ подходить ближе къ Ризэ, къ нему навстрѣчу устремилась цѣлая масса лодокъ. Лодочники несутся наперегонку другъ передъ другомъ къ пароходу, чтобы заполучить пассажировъ. Еще на ходу парохода они окружаютъ его, закидываютъ багры и особые крюки на веревкахъ на пароходъ, чтобы зацѣпиться за него, причемъ нерѣдко эти крюки, если окно вашей каюты открыто, попадаютъ въ него, такъ какъ за окно лодочникамъ удобнѣе зацѣпиться, и вотъ, окруженный прицѣпленными со всѣхъ сторонъ турецкими лодками, пароходъ приближается къ берегу и, подойдя настолько близко, насколько допускаетъ посадка, пароходъ «отдаетъ», какъ выражаются моряки, якорь. Лодочники же, турки и греки, уже давно на пароходѣ, на который они взобрались съ ловкостью обезьянъ по прицѣпленнымъ къ нему веревкамъ, и

бѣгаютъ, предлагая свои услуги пассажирамъ свезти на берегъ. Въ каждомъ портѣ на Востокъ вамъ приходится наблюдать эту забавную картину. Все это сопровождается страшной суетней и криками, бываетъ, что, когда лодочники лѣзутъ по своимъ веревкамъ на пароходъ, то кто-нибудь изъ нихъ срывается и падаетъ въ воду, но, принявъ морскую ванну, влѣзаетъ въ ближайшую лодку и снова лѣзетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, по веревкѣ на пароходъ. Наблюдая этихъ лодочниковъ, которые по-турецки называются каикджи, такъ и кажется, что будто весь вопросъ жизни каикджи зависитъ отъ того, получить ли онъ, или не получить сейчасъ пассажира.

Къ Ризѣ пароходъ нашъ подошелъ часовъ около восьми утра и, простоявъ всего около двухъ часовъ, отправился далѣе, почему,

Видъ гор. Ризѣ.

за краткостью времени, на берегъ я не сходилъ, а полюбовался этимъ восхитительнымъ городкомъ только издали, съ парохода.

Слѣдующей остановкой парохода былъ Трапезундъ, къ которому мы должны были прійти въ часъ дня по расписанію.

Трапезундъ и Самсунъ являются главнѣйшими турецкими городами на побережьѣ и наиболѣе важными пунктами съ точки зрѣнія политико-экономическихъ интересовъ Россіи.

Объ этомъ значеніи Трапезунда я скажу сейчасъ, такъ какъ къ нему мы уже прибыли, а относительно Самсуна ниже, когда къ нему прійдемъ.

Трапезундъ является тѣмъ главнѣйшимъ пунктомъ въ Азіатской Турціи, чрезъ который везутся иностранные товары въ Арменію и сѣверо-западную Персію и конкурируютъ тамъ съ нашими въ цѣнѣ

и качества. Послѣдній фактъ заинтересовалъ меня еще въ 1911 г., во время моей поѣздки въ сѣверо-западную Персію. Я удивлялся, какимъ образомъ иностранные товары, привозимые черезъ Трапезундъ въ Тавризмъ, могутъ конкурировать тамъ съ нашими въ цѣнѣ и качества. Дѣло въ томъ, что довести лишь до Трапезунда изъ Западной Европы, напримѣръ, отъ Гамбурга, товары требуется около двухъ недѣль времени, а отъ Трапезунда до Тавриза на перевозку товаровъ необходимо затратить минимумъ шесть недѣль караваннаго пути. Мнѣ кажется, что при такихъ условіяхъ нельзя ужъ объяснять конкуренцію на тавризскомъ базарѣ привозимыхъ черезъ Трапезундъ нѣмецкихъ и нѣкоторыхъ другихъ иностранныхъ товаровъ дешевкою ихъ выработки въ Германіи и другихъ странахъ Западной Европы, а также дешевизной перевозки. Какъ бы ни было дешево то и другое, вѣдь все-таки за двухмѣсячный путь перевозки нужно заплатить не гроши. По моему мнѣнію, эту возможность для иностранныхъ коммерсантовъ продавать прошедшіе указанный путь товары дешевле русскихъ можно объяснить лишь поощрительными преміями, которыя, повидимому, установлены въ Германіи для нѣмецкихъ товаровъ, вывозимыхъ на новые, отдаленные рынки, имѣющіе, помимо торговаго значенія, важное, съ точки зрѣнія германскаго правительства, политическое значеніе для Германіи. Экономическое же вліяніе является фундаментомъ политическаго, и установленная въ Германіи мѣра даетъ ей возможность направлять первое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и второе, въ намѣченные правительствомъ области.

Проникновеніе въ Арменію и сѣверо-западную Персію иностранцевъ, изъ которыхъ, какъ было отмѣчено, главнымъ образомъ стремятся туда нѣмцы, безусловно не можетъ быть признано для насъ желательнымъ, такъ какъ названныя области сопредѣльны съ нашимъ Закавказьемъ, и, такимъ образомъ, мы рискуемъ получить и съ этой стороны границы Россіи сосѣдями нѣмцевъ. Что Германія имѣетъ въ отношеніи этихъ областей извѣстные свои планы, подтверждается назначеніемъ германскимъ правительствомъ своихъ консульскихъ представителей въ Трапезундъ и въ Эрзерумъ и поддержкою дѣятельности нѣмца Шюемана въ Тавризмѣ, который былъ назначенъ Германіей за его энергичную дѣятельность по устройству въ Тавризмѣ нѣсколькихъ нѣмецкихъ фабрикъ, первыхъ въ сѣверо-западной Персіи, германскимъ консульскимъ тамъ агентомъ ¹⁾.

Вотъ въ виду того, что Трапезундъ представляетъ собою главные ворота на анатолійскомъ побережьи, чрезъ которыя проходятъ иностранцы во главѣ съ нѣмцами въ сосѣднія съ нашимъ Закавказьемъ

¹⁾ О Шюеманѣ и его фабрикахъ въ Тавризмѣ см. «Историческій Вѣстникъ», июнь—іюль 1912 г. «Поѣздка въ Тавризмъ».

Арменію и сѣверо-западную Персію, онъ имѣетъ важное значеніе для политико-экономическихъ интересовъ Россіи и потому меня давно интересовало его увидѣть. Мнѣ хотѣлось ознакомиться, что представляетъ собою трапезундская бухта, насколько она удобна для остановки пароходовъ и производства грузовыхъ операцій, какъ везутся товары вглубь страны, и вообще посмотрѣть названный городъ.

Часа черезъ два по отходѣ изъ Ризъ показался вдали Трапезундъ. Онъ виденъ съ очень далекаго разстоянія, такъ какъ расположенъ на концѣ полукруга, которымъ идетъ въ этомъ мѣстѣ анатолийское побережье. Кромѣ того, берегъ у Трапезунда имѣетъ значительный выступъ въ море, которымъ рѣзко дѣлится на восточную и западную части. Благодаря тому, что глубина моря около берега въ Трапезундѣ довольно значительна, пароходы подходятъ сравнительно очень близко къ послѣднему. Къ часу дня нашъ пароходъ пришелъ въ Трапезундъ и сталъ на якорь.

Трапезундская бухта является почти совершенно открытой, такъ какъ горы, окружающія ее съ востока и запада, мало вдаются въ море и невысоки. Поэтому въ сильный вѣтеръ тамъ образуется большая волна, при которой грузовыя операціи для парохода невозможны. Казалось бы очень удобнымъ устроить въ Трапезундѣ портъ, сдѣлавъ его въ томъ углѣ, который образуетъ упомянутый выступъ берега въ море. Однако сооруженіе порта въ Трапезундѣ оцѣнивается очень дорого, влѣдствіе глубины въ этомъ мѣстѣ морского дна. Въ Трапезундѣ мнѣ сообщили, что одна англійская компанія, занимающаяся специально постройкой портовъ, предлагала свои услуги турецкому правительству по устройству порта въ Трапезундѣ, оцѣнивая свой подрядъ въ двадцать милліоновъ франковъ. Понятно, турки, не имѣя денегъ въ своей казнѣ на болѣе насущныя потребности своего государства, не могутъ предпринять этой постройки и потому устройство порта въ Трапезундѣ является, повидимому, вопросомъ далекаго будущаго. Тѣмъ болѣе, что постройка порта неразрывно связана съ улучшеніемъ караваннаго пути, идущаго изъ Трапезунда вглубь страны на Эрзерумъ и далѣе.

Въ настоящее время товары изъ Трапезунда везутся вглубь страны на арбахъ, запряженныхъ волами. Арбы эти оригинальны тѣмъ, что два колеса ихъ представляютъ собою сплошные круги дерева. Мнѣ говорили, что эти колеса сдѣланы такими для большей крѣпости, которая необходима въ виду плохого состоянія указаннаго пути и вообще дорогъ въ Анатолиі. Везутся также товары на верблюдахъ.

Въ послѣднее время кѣмъ-то сдѣлана попытка къ оборудованію автомобильнаго сообщенія до Дживизлика, который находится въ разстояніи тридцати верстъ отъ Трапезунда. Ходитъ одинъ небольшой пассажирскій автомобиль, но изъ-за неисправности пути тер-

пить постоянныя поломки. Пройти же далѣе Дживизлика автомобиль совершенно не можетъ, такъ какъ дальше путь еще хуже.

Вообще, мнѣ кажется, расходы на устройство порта могутъ имѣть смыслъ только тогда, когда будетъ рѣшена постройка желѣзнодорожнаго пути отъ Трапезунда. Послѣднее же, кстати сказать, должно быть дѣломъ самой Россіи въ силу указаннаго значенія этого пути для нашихъ политико-экономическихъ интересовъ.

Осматривать городъ я поѣхалъ въ сопровожденіи агента русскаго общества пароходства и торговли Георгія Ахилловича Прасино, благодаря которому имѣлъ возможность довольно подробно ознакомиться съ Трапезундомъ и съ его достопримѣчательностями. Ко мнѣ присоединились еще два нашихъ офицера-топографа, ѣхавшіе вмѣстѣ со мною на пароходѣ до Константинополя, направляясь въ служебную командировку въ Бассору для работъ въ разграничительной комиссіи владѣній Турціи и Персіи, начиная съ юга, отъ Бассоры, до границъ Россіи, на сѣверѣ, образованной по инициативѣ Россіи и Англій. Вмѣстѣ съ ними я и осмотрѣлъ главнѣйшіе города на побережьѣ и пользовался любезно сообщаемыми мнѣ ихъ мнѣніями относительно топографіи той или другой мѣстности.

Сѣхавъ въ Трапезундѣ на берегъ и пройдя турецкую таможену, причемъ турки, видя насъ съ агентомъ русскаго общества пароходства и торговли, совершенно не смотрѣли приготовленные нами заграничныя паспорта, мы поднялись наверхъ, въ городъ, и пошли сначала въ агентство русскаго общества пароходства и торговли. Послѣднее помѣщается во второмъ этажѣ дома, занимающаго такое мѣстоположеніе, что изъ оконъ агентства открывается видъ на трапезундскую бухту и далеко въ море. Такія же помѣщенія имѣютъ всѣ остальные агентства русскаго общества пароходства и торговли, какъ на анатолійской линіи, такъ и на македоно-александрійской линіи, разнясь между собою только большей или меньшей близостью къ берегу. Этотъ выборъ помѣщеній для агентствъ является чрезвычайно удобнымъ, такъ какъ агентъ изъ окна постоянно видитъ бухту моря, тѣ суда, которыя въ ней находятся, и еще издалека тѣ, которыя въ нее направляются. Въ агентствахъ принято почти всѣхъ посѣтителей угощать кофе и папиросами.

Послѣ того, какъ Г. А. распредѣлилъ пришедшую съ пароходомъ почту и сдѣлалъ нѣкоторыя необходимыя по дѣламъ агентства служащимъ въ немъ указанія, онъ предоставилъ себя въ наше распоряженіе, и мы отправились съ нимъ къ нашему консулу въ Трапезундѣ Георгію Васильевичу Брандту, чтобы спросить его совѣта относительно осмотра офицерами въ формѣ города.

Россійское императорское консульство въ Трапезундѣ находится въ узкой и темной улицѣ и почти совсѣмъ въ сторонѣ отъ главныхъ улицъ города. Такое мѣстонахожденіе консульства

нельзя не признать совершенно не соответствующимъ достоинству Россіи и, кромѣ того, оно является неудобнымъ для пріѣзжающихъ въ Трапезундъ русскихъ, которымъ надо по тому или другому дѣлу пойти въ консульство.

Консуль насъ немедленно принялъ и не встрѣтилъ никакихъ препятствій къ осмотру моими спутниками-офицерами города, что затѣмъ высказывали и другіе наши консульскіе представители посѣщенныхъ нами приморскихъ городовъ Анатолиіи. Выпивъ также у консула по чашкѣ душистаго турецкаго кофе, мы направились на главныя торговыя улицы. Почти весь товаръ въ лавкахъ Трапезунда изъ Европы, главнымъ образомъ изъ Германіи и Австріи. Проходя по одной изъ улицъ, нашъ агентъ обратилъ наше вниманіе

Садъ военнаго госпиталя въ Трапезундѣ.

на турецкую тюрьму, которая находилась на этой улицѣ. Эта тюрьма устроена во дворѣ не то частнаго дома, не то какихъ-то казармъ, и представляла собою страшно грязное каменное зданіе съ окнами съ желѣзными рѣшетками. Арестанты другъ черезъ друга, пѣпляясь за рѣшетки, смотрѣли черезъ нихъ на Божій свѣтъ. Затѣмъ мы прошли еще нѣсколько главныхъ улицъ пѣшкомъ, смотря лавки и находящіеся въ нихъ товары, а также для ознакомленія съ городомъ и нѣкоторыми правительственными въ немъ учрежденіями. Такъ, мы видѣли дворецъ губернатора, военную школу, военный госпиталь, нѣсколько казармъ и другія зданія различныхъ мѣстныхъ учрежденій.

На улицахъ больше всего мы видѣли турокъ, затѣмъ грековъ и армянъ и довольно часто встрѣчались европейцы. Вообще насе-

леніе въ городахъ Анатоліи по количеству распредѣляется такъ: большую часть составляютъ турки, на второмъ мѣстѣ греки, на третьемъ армяне и самое меньшее количество представлено пока европейцами. Изъ этихъ народностей намъ, понятно, болѣе всего бросались въ глаза турки, одѣтые въ свои характерные наряды и турчанки въ чадрахъ.

На улицахъ приморскихъ городовъ Анатоліи вы видите первобытнѣйшіе способы передвиженія: на мулахъ, верблюдахъ, на быкахъ и буйволахъ, запряженныхъ въ описанныя выше, оригинальныя арбы. Но экипажи для публики представляютъ собою довольно приличныя парныя коляски. Вообще интересно отмѣтить, что даже въ восточныхъ городахъ вы нигдѣ не встрѣтите тѣхъ ужасныхъ извозчиковъ, которые существуютъ въ столицахъ Россіи, Москвѣ и Петроградѣ. Въ нѣкоторыхъ же посѣщенныхъ мною городахъ встрѣчались извозчики, которые были даже лучше другихъ нашихъ собственныхъ экипажей. Понятно, большее количество такихъ прекрасныхъ извозчицкихъ экипажей имѣется въ главныхъ центрахъ, какъ-то: въ Константинополѣ, въ Іерусалимѣ, въ Портъ-Саидѣ, въ Александріи и Каирѣ.

Послѣ того, какъ мы ознакомились съ городомъ, мы взяли двѣ коляски и поѣхали осматривать достопримѣчательности Трапезунда. Во всѣхъ городахъ анатолійскаго побережья имѣются интереснѣйшіе памятники отъ временъ древней Греціи, византійской эпохи и генуэзцевъ. Мы осмотрѣли сохранившіеся въ Трапезундѣ остатки стѣнъ, постройку которыхъ приписываютъ Митридату Великому (132—63 г. до Р. Х.), затѣмъ поѣхали за городъ посмотреть мечеть Іени-Джума, бывшую до взятія Трапезунда турками греческою церковью св. Софіи. Постройку этой церкви приписываютъ Алексію II Комнену, императору Трапезунда (XIV в.). Обращена же она въ мечеть султаномъ Магометомъ II (XV в.), который совершалъ въ день взятія города, пришедшійся на пятницу, въ этой церкви намазъ (молитву), поэтому мечеть и названа имъ Іени-Джума, что значитъ «побѣдилъ въ пятницу». Мечеть эта представляетъ прекрасно сохранившійся памятникъ архитектурнаго искусства Византіи. Мы сначала осмотрѣли ее внутри, а затѣмъ пошли смотреть ее вокругъ, снаружи. Осматривая мечеть снаружи, мы увидѣли, что турки заколачиваютъ зачѣмъ-то бревнами окна и двери мечети, оставляя лишь одинъ главный входъ. Когда мы обратились съ разспросами къ сопровождавшему насъ при осмотрѣ мечети служащему при ней муллѣ, послѣдній намъ отвѣтилъ такимъ образомъ: «здѣсь чума». Услышавъ такое объясненіе упомянутыхъ работъ, мы перепугались до нельзя, что находимся въ чумной мечети. Однако изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выяснилось, что власти Трапезунда рѣшили временно перевести арестантовъ изъ тюрьмы въ мечеть, такъ какъ въ упомянутой выше тюрьмѣ произошло одиннадцать слу-

чаевъ чумныхъ заболѣваній и потому надо было изолировать здоровыхъ арестантовъ, чтобы предотвратить распространіе заразы. Это разъясненіе насъ нѣсколько успокоило, но не совсѣмъ, такъ какъ вѣдь мы заходили также посмотрѣть тюрьму, хотя только со двора. Во всякомъ случаѣ мы успѣли уѣхать отъ мечети и вернулись въ городъ, гдѣ погуляли еще часа два.

При возвращеніи на пароходъ, проходя таможеню, я попросилъ нашего агента, нельзя ли осмотрѣть трапезундскую таможеню. Г. А. на его просьбу объ этомъ торокъ тотчасъ же получилъ отъ нихъ согласіе. При осмотрѣ находящихся въ таможенѣ товаровъ выяснился интересный и важный фактъ. Оказалось, что нѣкоторые иностранные товары привозятся въ трапезундскую таможеню лишь для перекупорки ихъ въ двѣнадцатифунтовые маловѣсныя почтовые посылки, посредствомъ которыхъ иностранные товары проходятъ безошлинно черезъ Россію въ Персію. Такъ какъ посылками отъ мѣста отправленія везти товаръ дороже, имѣя въ виду большой вѣсъ товара при укупоркѣ его двѣнадцатифунтовыми посылками, то иностранные коммерсанты везутъ свои товары въ Трапезундъ и въ таможенѣ перекупориваютъ ихъ въ маловѣсныя посылки, платя за это туркамъ ничтожную сумму. Изъ Трапезунда же посылки везутся на Батумъ и отсюда расходятся въ Персію. Эту комбинацію нельзя не признать чрезвычайно остроумной со стороны европейскихъ коммерсантовъ.

Когда мы заканчивали осмотръ таможни, уже начало темнѣть, и потому, выйдя изъ таможни, мы сѣли въ агентскую шлюпку и возвратились на пароходъ. Г. А. поѣхалъ вмѣстѣ съ нами, и я еще часа три бесѣдовалъ съ нимъ, до отхода парохода, о Трапезундѣ, о русской торговлѣ въ немъ и на всемъ побережьѣ.

Въ десять часовъ вечера, по расписанію, нашъ пароходъ отошелъ отъ Трапезунда и направился къ Керасунду, куда мы должны были прійти на слѣдующій день раннимъ утромъ. Южная ночь, тихая и теплая, была столь прекрасна, что не хотѣлось уходить съ палубы, и лишь необходимость на завтра рано встать заставила насъ разойтись по своимъ каютамъ.

II.

Керасундъ.—Турецкіе новобранцы.—Посѣщеніе православнаго храма.—Акрополь и видъ оттуда на Керасундъ.—Ознакомленіе съ торговлей въ городѣ.—Магазинъ русскихъ товаровъ.—Благопріятнѣйшія условія къ усиленію русскаго политико-экономическаго вліянія на атоліскомъ побережьѣ: русскія деньги, русскій языкъ, православное населеніе побережья.—Дѣятельность на побережьѣ иностранцевъ, главнымъ образомъ нѣмцевъ и австрійцевъ.—Незначительность русской торговли.—Необходимость ея усиленія.—Возможныя блестящія ея перспективы.—Орду.

Въ седьмомъ часу утра пароходъ «Принцесса Евгенія Ольденбургская» былъ уже невдалекѣ отъ Керасунда. Пароходный слуга, котораго я просилъ меня разбудить, такъ какъ, утомленный осмот-

ромъ Трапезунда. боялся, что самъ не проснусь, постучалъ въ дверь моей каюты и сказалъ: «Скоро подходимъ къ Керасунду». Я быстро одѣлся и пошелъ будить своихъ спутниковъ, офицеровъ-топографовъ, чтобы намъ, не теряя времени, какъ только пароходъ станетъ на якорь, ѣхать на берегъ осматривать городъ. Пока они вставали, я поднялся на палубу и былъ пораженъ, услышавъ звонъ церковныхъ колоколовъ. Сначала я подумалъ, что это мнѣ «только такъ слышалось», но оказалось, что это въ самомъ дѣлѣ былъ звонъ колоколовъ на колокольнѣ прекраснаго православнаго храма, находящагося въ Керасундѣ. Вообще всюду по анатолійскому побережью, какъ мнѣ сообщили и какъ мнѣ лично пришлось убѣдиться, имѣются православныя церкви, въ виду значительнаго греческаго населенія на берегахъ Анатоли. Когда вы проѣзжаете на пароходѣ и слышите далеко разносящіяся въ морѣ звуки церковныхъ колоколовъ, призывающіе къ обѣднѣ или ко всенощной православное населеніе побережья, то сердце ваше наполняется какимъ-то трогательнымъ умиленіемъ, вспомни ая, что вѣдь это вы слышите на чужбинѣ, въ предѣлахъ мусульманскаго государства.

Вскорѣ нашъ пароходъ сталъ на якорь въ керасундской бухтѣ, и мы втроемъ поѣхали на берегъ. Прежде, чѣмъ осматривать городъ, мы, какъ и въ Трапезундѣ, отправились къ нашему вице-консулу выяснитъ вопросъ о возможности осмотра города офицерами въ формѣ. Агентъ русскаго общества пароходства и торговли любезно далъ намъ проводника, мальчика-турка, который повелъ насъ къ дому вице-консула. На пути мы встрѣтили турецкихъ новобранцевъ, направлявшихъ на пришедшій одновременно съ нами турецкій пароходъ, и увидѣли при этомъ интереснѣйшую картину постановки медицинской части турками у своихъ новобранцевъ. Въ концѣ толпы новобранцевъ, все время что-то кричавшихъ и пѣвшихъ на своемъ языкѣ, здоровый новобранецъ несъ на своей спинѣ другого, больного, который сидѣлъ на прикрѣпленномъ къ спинѣ здороваго деревянномъ сидѣннѣ, сдѣланномъ точь-въ-точь, какъ тѣ приспособленія, на которыхъ у насъ носятъ при постройкѣ домовъ кирпичи. На этихъ козлахъ больной сидѣлъ, свѣсивши ноги и обхвативши руками шею своего носильщика. Мы много смѣялись этому оригинальному способу переноски больныхъ новобранцевъ у ту-рокъ.

Сзади же насъ образовалась толпа мальчишекъ и праздныхъ ту-рокъ, съ любопытствомъ разсматривавшихъ форму русскихъ офицеровъ. Вообще повсюду, гдѣ мы выходили на побережьѣ, видъ русскихъ офицеровъ въ формѣ производилъ на мѣстныхъ жителей сильное впечатлѣніе. Повидимому, турки полагали, что русскіе уже пріѣхали завладѣть побережьемъ, такъ какъ среди населенія анатолійскаго побережья сложилось убѣжденіе, къ сожалѣнію, нужно сказать, совершенно ничѣмъ съ нашей стороны не оправды-

вающееся, что турецкое побережье Чернаго моря должно въ ближайшемъ времени перейти въ собственность Россіи. Насколько это убѣжденіе сильно, видно изъ того факта, что за послѣднее время на побережьѣ значительно поднялась цѣнность земли, въ объясненіе чего жители береговъ Анатолиі приводятъ, что названное побережье въ скоромъ времени перейдетъ къ Россіи, навѣрное, русскіе кинутся покушать земельные участки на прекрасныхъ берегахъ Анатолиі, представляющихъ собою рядъ восхитительнѣйшихъ

Колонны бывшей церкви св. Софіи въ Трапезундѣ.

климатическихъ курортовъ. Воображаю, что подумали бы, въ виду приведеннаго сложившагося убѣжденія, турки, если бы съ нами сходили еще на берегъ ѣхавшіе десять бравыхъ казаковъ для конвоя въ упомянутой комиссіи. Образовавшаяся сзади насъ толпа очень раздражала одного изъ офицеровъ, и онъ нѣсколько разъ останавливался и, махая рукою на турокъ, показывалъ имъ наше желаніе, чтобы они отстали отъ насъ и разошлись. Но отъ этого, напротивъ, толпа образовывалась еще больше. Тогда я уговорилъ его успокоиться и идти впередъ, не обращая вниманія на слѣдовавшую

«истор. вѣстн.», декабрь 1914 г., т. сxxxviii.

17

за нами толпу. Когда мы прошли базаръ и главныя улицы и были недалеко уже отъ дома вице-консула, сопровождавшая насъ толпа мальчишекъ и праздныхъ турокъ отстала. Съ одной стороны, пожалуй, на это повліялъ страхъ, что мы пожалуемся вице-консулу и имъ, по его жалобѣ турецкимъ властямъ, можетъ попасть, съ другой стороны, и это, пожалуй, главное, помогло то, что я догадался отпустить нашего проводника и итти однимъ къ дому вице-консула. Дѣло въ томъ, что данный намъ агентомъ въ проводники мальчишкѣ-турокъ передалъ вскорѣ же насъ какому-то другому турку, парню лѣтъ шестнадцати-восемнадцати, и этотъ послѣдній, идя впереди насъ, все время возбужденно жестикулировалъ и кричалъ что-то всѣмъ встрѣчнымъ. Смущенный самъ тѣмъ вниманіемъ, которое мы къ себѣ привлекли, я, помня еще нѣсколько турецкій языкъ, который изучалъ на факультетѣ восточныхъ языковъ петроградскаго императорскаго университета, сталъ прислушиваться къ тому, что выкрикивалъ нашъ проводникъ. Оказалось, что онъ-то и былъ главнымъ виновникомъ оказываемаго намъ со стороны жителей Керасунда вниманія, такъ какъ этотъ парень, чтобы, по-видимому, показать ту честь, которую онъ заслужилъ, сопровождая насъ, кричалъ всѣмъ встрѣчнымъ: «русскихъ офицеровъ веду, дорогу имъ показываю». Когда я это разобралъ, то съ согласія своихъ спутниковъ отпустилъ столь болтливаго проводника, для чего далъ ему на чай, и онъ, какъ только получилъ деньги, моментально отъ насъ удралъ. Тотчасъ же разошлась и слѣдовавшая за нами толпа, и мы, разспрашивая встрѣчныхъ о дорогѣ, скоро же дошли до нашего вице-консульства. Вице-консула мы не застали дома, такъ какъ онъ былъ у обѣдни въ виду праздничнаго дня. Тогда мы отправились въ церковь, куда насъ любезно довелъ сынъ вице-консула. Когда мы вошли въ храмъ, онъ былъ полонъ молящимися. Кто-то изъ лицъ русской колоніи подошелъ къ намъ и провелъ насъ къ мѣстамъ, отведеннымъ для привилегированныхъ членовъ колоніи. Намъ подали свѣчи, такъ какъ всѣ молящіяся держали въ рукахъ свѣчи, и мы простояли конецъ обѣдни, который застали. Прекрасный храмъ, православная служба и звонъ колоколовъ никогда не изгладятся въ моей памяти изъ воспоминаній о Керасундѣ. Совершенно забылось, что мы въ Турціи, и было полное впечатлѣніе, что мы у себя въ Россіи.

По окончаніи службы мы представились нашему вице-консулу, который попросилъ насъ первымъ долгомъ зайти къ нему и сказать, что затѣмъ пойдетъ вмѣстѣ съ нами, чтобы показать намъ Керасундъ. Такая большая любезность очень насъ тронула, и мы прямо не знали, какъ и благодарить Николая Петровича Колларо, который и служить нашимъ нештатнымъ вице-консуломъ въ Керасундѣ.

Вообще, нужно отмѣтить, что мы всюду по побережью встрѣчали самое любезное къ себѣ отношеніе какъ со стороны агентовъ русскаго

общества пароходства и торговли, такъ и отъ нашихъ консульскихъ представителей. Когда мы проѣхали побережье, у насъ даже было желаніе выразить свою благодарность за столь отзывчивое отношеніе посредствомъ телеграммы въ петроградскихъ газетахъ. Но мои спутники-офицеры нашли нѣсколько неудобнымъ это сдѣлать, опасаясь, чтобы для нихъ не возникло непріятностей со стороны ихъ военнаго начальства за то, что они въ формѣ, проѣзжая Анатолію, сходили на берегъ. Поэтому, не имѣя возможности тогда выразить нашу благодарность и помня русскую пословицу: «лучше поздно, чѣмъ никогда», я хочу сказать хотя теперь о той глубокой благодарности, которую мы сохранили въ оказавшимъ намъ самое любезное отношеніе нашимъ консульскимъ представителямъ и агентамъ рус-

Видъ гор. Керасунда.

скаго общества пароходства и торговли въ посѣщенныхъ нами городахъ Анатоліи.

Сдѣлавъ визитъ Николаю Петровичу, мы отправились съ нимъ смотрѣть остатки древняго Акрополя въ Керасундѣ. Для этого надо подняться на порядочно высокую гору, возвышающуюся съ восточной стороны Керасунда. Когда мы взошли на самый верхъ, то предъ нами открылся видъ на весь городъ, лежащій у подножія горы, на керасундскую бухту и далеко въ море. Бухта въ Керасундѣ представляется значительно защищенной отъ вѣтровъ, благодаря гористости образующихъ ее береговъ. Невдалекѣ же къ западу отъ Керасунда, какъ сообщилъ мнѣ затѣмъ капитанъ парохода, имѣется прекрасная бухта, совершенно защищенная отъ вѣтровъ, гдѣ въ бурную погоду отстаиваются суда. Въ бухтѣ же, расположенной съ востока Керасунда, находится небольшой островокъ, лежащій въ самомъ центрѣ. Знакомясь съ описанной топографіей мѣстности, мои спутники-офицеры подтвердили высказанное мною мнѣніе относительно чрезвычайной выгоды мѣстоположенія Керасунда въ военномъ отношеніи. Устройство одного сильнаго форта на томъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли, т. е. въ Акрополѣ, и на противоположной

возвышенности сдѣлаеть какъ Керасундъ, такъ и расположенное по сторонамъ его побережье хорошо защищенными отъ непріятеля. Дѣйствительно, недаромъ въ древности мѣстомъ постройки Акрополя избрали упомянутую гору. Остатки крѣпости показываютъ, что это было очень солидное укрѣпленіе. Постройку Акрополя въ Керасундѣ относятъ къ I вѣку до Рождества Христова, т. е. приписываютъ, какъ и въ Трапезундѣ, Митридату Великому. Въ одной изъ стѣнъ Акрополя находится пещера, въ которой, по распространенному среди мѣстныхъ жителей преданію, какъ о томъ сообщили мнѣ Николай Петровичъ, жилъ пророкъ Ілія. Понятно, это преданіе является плодомъ чистѣйшей фантазіи жителей Керасунда, но очень можетъ быть, что въ этой пещерѣ и жилъ дѣйствительно когда-нибудь какой-либо изъ святыхъ. Я полюбопытствовалъ осмотрѣть пещеру внутри и увидѣлъ, что она представляетъ изъ себя каменное ложе для одного человѣка. Рядомъ съ Акрополемъ находится прекрасная лужайка съ тѣнистыми деревьями, которая, сказалъ намъ Николай Петровичъ, служитъ мѣстомъ пикниковъ для жителей Керасунда. Особенно же часто туда взбираются изъ Керасунда въ сильные лѣтніе жары, такъ какъ, благодаря высотѣ мѣста и густымъ деревьямъ, тамъ находятъ пріятную прохладу.

Осмотрѣвъ Акрополь, мы спустились внизъ и пошли немного за городъ, къ дорогѣ, которая идетъ вглубь страны, къ городу Кара-Иссару. Эта дорога представляетъ собою прекрасное шоссе, которое строятъ компанія французскихъ предпринимателей. Подрядчикомъ по постройкѣ этого шоссе, какъ сообщилъ намъ Николай Петровичъ, является одинъ изъ его сыновей. Затѣмъ мы вернулись въ городъ и пошли съ Николаемъ Петровичемъ въ главные магазины и на базаръ, такъ какъ поѣздка по анатолійскому побережью была предпринята мною не только изъ интереса увидѣть это важное въ политическомъ для насъ отношеніи турецкое побережье Чернаго моря, но и ознакомиться съ положеніемъ на этомъ побережьи иностранной торговли и нашей.

Въ какіе магазины въ Керасундѣ мы ни заходили, тамъ были исключительно товары европейскаго фабрично-заводскаго производства, именно нѣмецкаго и австрійскаго. То же самое и на базарѣ, исключая одной лавки, владѣлецъ которой торгуетъ спеціально лишь русскими товарами. Это было для меня пріятнымъ сюрпризомъ при наблюдавшемся мною печальномъ положеніи русской торговли на берегахъ Анатолиі. Николай Петровичъ сказалъ мнѣ, что онъ, насколько возможно, содѣйствуетъ этому торговцу и послѣдній пока считаетъ свою торговлю дѣломъ небезвыгоднымъ для себя. Такимъ образомъ приведенный фактъ показываетъ, что русскіе товары могутъ итти на побережьи. Подтверженіемъ высказаннаго мною мнѣнія могутъ служить также еще слѣдующіе факты. Такъ, галоши фирмы «Треугольникъ», благодаря энергіи

представителя фирмы, работающего на побережье, и умѣлой постановкѣ дѣла, вытѣснили на берегахъ Анатолиі галоши иностранныхъ фирмъ. (Галоши же наши стоятъ тамъ отъ 3 р. до 3 р. 50 к. пара, а иностранные 2 р.). Были распространены на побережье и наши спички, но теперь ихъ совсѣмъ вытѣсняють австрійскія. Причина въ томъ, что спичекъ фирмы «Березина», которыя туда идутъ, меньше находится числомъ въ коробкахъ, чѣмъ австрійскихъ. Кромѣ того, почти въ каждой нашей коробкѣ оказывается нѣсколько спичекъ недоброкачественныхъ, именно очень тонкихъ, такъ что нельзя зажечь, а это уже для всякаго покупателя неприятно. Могъ бы идти на побережье нашъ сахаръ, между тѣмъ тамъ распространень австрійскій, который продается по восемь копеекъ за

По побережью къ Керасунду.

фунтъ. Это та же цѣна, по которой идетъ и нашъ сахаръ въ Персію со скидкой акциза. Нашъ сахаръ лучше по качеству австрійскаго, и поэтому невольно возникаетъ вопросъ, почему же нѣтъ нашего сахара на берегахъ Анатолиі? На это мнѣ объяснили, что на нашъ сахаръ акцизъ скидывается лишь при вывозѣ не менѣе вагона сахара. Большинство же начинаетъ торговлю съ маленькаго, купить сразу вагонъ сахара не подѣ силу, оттого нашъ сахаръ и не распространень. Между тѣмъ, казалось бы, не все ли равно сложить акцизъ съ вагона, или съ нѣсколькихъ пудовъ сахара, такъ какъ при томъ и другомъ сумма складываемаго акциза, включительно до фунта сахара, является одинаковой. Вообще у меня сложилось убѣжденіе, что анатолийское побережье при энергіи нашихъ коммерсантовъ и содѣйствіи правительства можетъ стать богатымъ рынкомъ

для сбыта русскихъ товаровъ. Такъ какъ названное побережье, какъ было объяснено выше, имѣетъ особенный политическій интересъ для Россіи, то въ интересахъ русскаго правительства оказать всѣ возможные льготы и приложить всѣ усилія, чтобы русская торговля на берегахъ Анатолиі была преобладающею.

По моему мнѣнію, къ достиженію этого, казалось бы, могли оказать содѣйствіе слѣдующія мѣры со стороны правительства: установить самый минимальный желѣзнодорожный тарифъ за перевозку до нашихъ портовъ Чернаго моря русскихъ товаровъ, идущихъ въ Анатолию, наименьшій морской для нихъ фрахтъ, освобожденіе отъ всякихъ сборовъ: акциза, таможеннаго и др., назначить поощрительныя преміи за вывозку предметовъ русскаго фабрично-заводскаго производства и предоставить различныя другія льготы, какія только возможно, для экспортеровъ русскихъ товаровъ въ Анатолию. Кромѣ того, нужно заинтересовать нашихъ коммерсантовъ вопросомъ о торговлѣ въ Анатолиі, разъясняя имъ въ повременной печати и въ специальныхъ изданіяхъ, посвященныхъ торговымъ вопросамъ, тѣ благоприятныя условія, которыя имѣются на анатолийскомъ побережьи для сбыта русскихъ товаровъ, то есть, что среди населенія побережья распространень русскій языкъ и русскія деньги даже болѣе въ ходу, чѣмъ турецкія. Вѣдь едва ли многіе изъ нашихъ коммерсантовъ знаютъ про это, такъ какъ анатолийское побережье, какъ мною отмѣчалось въ введеніи, вообще мало извѣстно среди русской публики, несмотря на всю его къ намъ близость. Нашъ купецъ часто не идетъ торговать на Востокъ только лишь изъ-за того, что бѣится пуститься въ лежащую хотя и рядомъ чужую страну, которая кажется ему дикою и страшною, затѣмъ изъ-за боязни незнанія языка и другой монетной единицы. Но этихъ препятствій, какъ было указано, на анатолийскомъ побережьи нѣтъ. Могли мы все-таки достигнуть извѣстнаго успѣха въ торговлѣ съ Персїей, вывозъ въ которую изъ Россіи опредѣляется уже около ста милліоновъ въ годъ, а берега Анатолиі не дальше Персїи и даже ближе. Такъ, напримѣръ, чтобы доѣхать изъ Петрограда до Тавриза, ближайшаго къ намъ главнаго торговаго города Персїи, надо шесть дней, а до Анатолиі не болѣе четырехъ, считая по морю отъ Новороссійска.

Что же касается требованій въ отношеніи нашихъ коммерсантовъ для успѣха ихъ коммерческой борьбы съ иностранцами на берегахъ Анатолиі, то имъ нужно пойти на долгосрочный кредитъ для покупателей (не менѣе шести мѣсяцевъ), завести хорошіе каталоги и посылать опытныхъ комми-вояжеровъ, т. е. перенять тѣ мѣры для распространенія своей торговли, которыя употребляются иностранцами. Мое искреннее убѣжденіе, что при исполненіи всѣхъ указанныхъ условій русскіе товары смогутъ конкурировать съ иностранными на берегахъ Анатолиі, а нѣкоторые даже вы-

Православный храмъ въ Керасундѣ.

тѣсятъ такіе же иностранцы. Я не могъ не высказать обо всемъ этомъ въ настоящемъ очеркѣ, имѣя въ виду важное значеніе для Россіи турецкаго побережья Чернаго моря въ политико-экономическомъ отношеніи.

Теперь возвращаюсь къ прерванному мною разсказу о посѣщеніи нами Керасунда. Я остановился на посѣщеніи нами лавки на базарѣ въ Керасундѣ, торгующей русскими товарами. Осмотромъ магазиновъ и базара мы и закончили наше ознакомленіе съ Кера-

сундомъ. Это было уже около четырехъ-пяти часовъ дня, и мы поѣхали на пароходъ, такъ какъ онъ долженъ былъ уже скоро отойти. Къ нашему возвращенію на рейдъ, кромѣ «Принцессы Евгениі Ольденбургской», стояли еще четыре другихъ парохода: «Стамбуль» австрійскаго ллойда, «Онъ-Темузъ» турецкій, одинъ итальянскій и турецкая военная канонерка. Послѣдняя сопровождала насъ, начиная отъ Батума. По объясненію капитана, она слѣдила за контрабандистами на побережьѣ. Но не болѣе ли смущала турокъ, какъ мнѣ думается, поѣздка на нашемъ пароходѣ двухъ офицеровъ и десяти казаковъ, такъ какъ почему эта канонерка шла все слѣдомъ лишь за нашимъ пароходомъ. Съ нами вмѣстѣ на пароходъ поѣхалъ Николай Петровичъ, гдѣ мы съ нимъ и распростились, горячо поблагодаривъ за его любезнѣйшее къ намъ отношеніе.

Вскорѣ нашъ пароходъ снялся съ якоря, и мы направились къ Орду. Послѣдній городокъ лежитъ недалеко отъ Керасунда, часахъ въ двухъ-трехъ ѣзды на пароходѣ, и потому часовъ въ семь, около восьми, мы уже подходили къ нему. Такъ какъ пароходъ задержался съ грузовыми операціями въ Керасундѣ, то мы простояли у Орду совсѣмъ не долго, не болѣе полутора-двухъ часовъ, и потому я не могъ сойти на берегъ. Но Орду не представляетъ такого крупнаго пункта, какъ Керасундъ или Трапезундъ, и поэтому мы не особенно о томъ сожалѣли.

Мѣстоположеніе Орду очаровательно. Онъ лежитъ у подножія высокаго горнаго хребта, продолжающагося вглубь страны. Весь городъ въ зелени. Вообще, знакомясь съ городами анатолійскаго побережья, прямо-таки не знаешь сказать, какой изъ нихъ красивѣе: Ризе ли, Керасундъ, Орду или Инеболи. Приѣдешь въ одинъ—сейчасъ этотъ красивъ, приѣдешь въ другой—и этотъ красивъ.

Отъ Орду нашъ пароходъ направился къ Самсуну, къ которому мы должны были прійти на слѣдующій день, 23-го сентября, самымъ раннимъ утромъ, часовъ около четырехъ. Въ вечеръ нашего отхода изъ Орду я познакомился съ сѣвшимъ къ намъ на пароходъ въ Керасундѣ однимъ англичаниномъ, который говорилъ немного по-русски и объяснилъ мнѣ, что онъ инженеръ и ѣдетъ въ Константинополь съ разрабатываемыхъ недалеко отъ Керасунда одной англійской компаніей мѣдныхъ рудниковъ. Онъ мнѣ сказалъ, что онъ всегда ѣздитъ на русскомъ пароходѣ, такъ какъ очень любитъ русскихъ и предпочитаетъ русскій пароходъ иностраннымъ, понятно, исключая англійскихъ, также потому, что на нашихъ пароходахъ хорошій столъ и очень любезное отношеніе команды. Кстати сказать, на нашемъ пароходѣ ѣхало еще одно французское семейство, жена и мужъ, съ ребенкомъ лѣтъ трехъ, причеиъ французы ни слова не знали говорить по-русски. Они мнѣ рассказали, что поѣхали Кавказъ, крымско-кавказское побережье и ѣдутъ по анатолійскому, такъ просто, путешествуя для своего удовольствія. Они

также высказали мнѣ большое удовлетвореніе нашимъ пароходомъ. Это было очень пріятно слышать, когда отъ своихъ же про свое по большей части слышишь лишь худое, что является въ большинствѣ совершенно несправедливымъ.

III.

Самсунъ и его важное политическое значеніе.—Самсунъ-Сивасская желѣзнодорожная концессія.—Домогательства на нее Германіи и планъ пѣмцевъ укрѣпиться на Черномъ морѣ и имѣть сквозной желѣзнодорожный пѣмецкій путь отъ Средиземнаго моря (Александретта) къ Черному.—Бухта въ Самсунѣ.—Проектъ постройки порта.—Современный путь отъ Самсуна къ Сивасу.—Описаніе Самсуна.—Осмотръ табачной фабрики.—Визитъ къ вице-консулу.—Предметы вывоза съ береговъ Анатолиі.—Синопъ.—Инеболи.

Самсунъ, какъ я уже упоминалъ въ введеніи къ настоящему очерку и въ началѣ описанія Трапезунда, является наравнѣ съ послѣднимъ главнѣйшимъ турецкимъ городомъ на анатолийскомъ

Орду, красивѣйшій городъ на анатолийскомъ побережьи.

побережьи и важнѣйшимъ пунктомъ съ точки зрѣнія политическихъ интересовъ Россіи. Такое значеніе для насъ Самсуна создалъ главнымъ образомъ вопросъ о постройкѣ отъ этого города къ Сивасу, вглубь страны, желѣзной дороги. По заключенному въ 1900 году Россіей соглашенію съ турецкимъ правительствомъ послѣднее обязалось не давать никому изъ иностранныхъ государствъ концессій на постройку желѣзныхъ дорогъ въ Анатолиі безъ согласія русскаго правительства. Но Россія не выказывала никакихъ намѣреній строить желѣзныя дороги въ Анатолиі. Получилась та же картина, что и въ Персіи, въ которой до 1910 года никто не могъ строить желѣзныхъ дорогъ безъ предварительнаго согласія на то русскаго правительства, въ силу договора, заключеннаго о томъ нами съ персидскимъ правительствомъ. Мы же сами этотъ періодъ запрещенія совершенно не использовали въ отношеніи постройки

въ Персіи русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Но въ Анатолиі для нашей дипломатіи оказалось невозможнымъ сохранить то же положеніе, какъ въ Персіи, въ которой лишь съ окончаніемъ срока договора, въ 1910 году, явилась возможность постройки желѣзныхъ дорогъ. Германское правительство въ періодъ войны Турціи съ балканскими славянами стало настойчиво добиваться отъ турецкаго правительства предоставленія Германіи концессіи на постройку Самсунъ-Сивасской желѣзной дороги. Безусловно, Германіей имѣлось при этомъ въ виду соединеніе въ недалекомъ будущемъ этой желѣзнодорожной линіи съ линіей желѣзной дороги, строящейся ею отъ Александретты въглубь Малой Азіи, на сѣверъ. Такимъ образомъ, Германія имѣла бы сквозной желѣзнодорожный путь отъ Средиземнаго моря къ Черному и, какъ въ Александреттѣ она уже устроила свой военно-морской портъ, такъ не замедлила бы то же самое сдѣлать и въ Самсунѣ. Укрѣпленіе же Германіи на Черномъ морѣ, и такъ являющемся для Россіи, въ виду закрытія проливовъ, не моремъ, а озеромъ, могло сдѣлать въ концѣ концовъ изъ этого озера погибельное болото для крымско-кавказскихъ нашихъ владѣній. Однако бездѣятельность наша въ отношеніи постройки желѣзныхъ дорогъ въ Анатолиі и домогательства Германіи отъ Турціи о предоставленіи ей тамъ желѣзнодорожной концессіи ставили насъ въ довольно неловкое положеніе. Мы, сочувствовавшіе побѣдамъ балканскихъ государствъ надъ Турціей, ставились въ необходимость защищать послѣднюю отъ притязаній на ея владѣнія нѣмцевъ. Поэтому необходимо было такъ или иначе разрѣшить вопросъ о постройкѣ Самсунъ-Сивасской желѣзной дороги: или самимъ строить ее, или предоставить свое право на это другому государству. Тогда русскимъ правительствомъ, повидимому, было выражено согласіе на предоставленіе указанной концессіи Франціи, такъ какъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, постройку желѣзной дороги отъ Самсуна къ Сивасу взяли французы. Такимъ образомъ, намъ удалось пока отстранить опасность укрѣпленія Германіи на турецкомъ побережьи Чернаго моря, но, насколько это долговѣчно, очень сомнительно, такъ какъ едва ли нѣмцы откажутся отъ попытокъ получить въ свои руки тотъ или другой пунктъ на анатолійскомъ побережьи, чтобы, соединивъ его желѣзнодорожной линіей съ Александреттой, имѣть сквозной желѣзнодорожный путь отъ Средиземнаго моря къ Черному. Этимъ Германія должна бы была отказаться отъ безусловно имѣющагося у ней плана захвата всѣхъ азіатскихъ владѣній Турціи въ свои руки.

Если мы бросимъ взглядъ на карту Западной Азіи и сопоставимъ проектъ Германіи о постройкѣ ею Самсунъ-Сивасской желѣзной дороги съ другими полученными нѣмцами въ Азіатской Турціи желѣзнодорожными концессіями, какъ-то: на постройку Баг-

дадской желѣзной дороги, дороги отъ Александретты вглубь Малой Азіи, а также предположенную, повидимому, иѣмцами постройку желѣзнодорожной линіи къ Халекину, то для каждаго, взявшаго на себя трудъ перенестись иѣсколько въ будущее, станетъ яснымъ выработанный Германіей упомянутый планъ, при осуществленіи котораго она получитъ возможность угрожать Россіи, кромѣ западной нашей съ ней границы, еще съ тыла.

Вотъ въ виду вышеизложеннаго Самсунъ и является важнѣйшимъ для Россіи пунктомъ на анатолійскомъ побережьи въ по-

Самсунъ.

литическомъ отношеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ сообщеннаго еще больше вырисовывается значеніе вообще для насъ турецкаго побережья Чернаго моря ¹⁾.

¹⁾ Когда мною уже былъ законченъ настоящій очеркъ, въ печати появилось сообщеніе, что турецкимъ правительствомъ предоставлена Франціи постройка желѣзной дороги отъ Трапезунда на Эрзерумъ и вообще всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ Анатолиі. Главная линія, предположенная къ постройкѣ французами, начнется въ Боли (въ 90 верстахъ къ востоку отъ Босфора), пойдетъ на Гераклею, Кастамуни, Сивасъ и Самсунъ. Въ Боли эта линія сомкнется съ нѣмецкою Анатолийскою желѣзною дорогою. Далѣе направленіе упомянутой линіи предположено на Харпутъ, Аргану и Битлисъ. Отъ послѣдняго желѣзнодорожная вѣтвь пойдетъ на Эрзерумъ и оттуда, параллельно закавказской границѣ Россіи, на Трапезундъ. Смычка французской желѣзнодорожной сѣти съ германскою предположена въ Арганѣ, недалеко отъ Діарбекира, гдѣ линія Самсунъ—Сивасъ—Карпутъ—Битлисъ сомкнется съ Багдадскою желѣзною дорогою. Постройку французской желѣзнодорожной сѣти въ Малой Азіи предположено произвести въ продолженіе шести лѣтъ.

Такимъ образомъ Россія всецѣло передала Франціи свои права на постройку желѣзныхъ дорогъ въ Анатолиі, категорически отказавшись отъ осуществленія этого

Что же касается экономическихъ интересовъ Россіи въ Самсунѣ, то, мнѣ кажется, въ послѣднемъ намъ нѣсколько труднѣе будетъ конкурировать въ торговлѣ съ иностранцами. Въ Самсунѣ замѣчается уже меньшее тяготѣніе къ Россіи; главной монетной единицей тамъ служатъ турецкія деньги, а не русскія, и меньше жителей, говорящихъ по-русски. Наконецъ, въ Самсунѣ имѣется довольно большой кварталъ, населенный исключительно европейцами. Но, во всякомъ случаѣ, русскіе коммерсанты, благодаря большей близости береговъ Анатолиі къ русскимъ рынкамъ, имѣютъ въ этомъ отношеніи значительное преимущество предъ иностранцами.

Послѣ того, какъ мною уже довольно подробно было описано значеніе Самсуна, мнѣ кажется возможнымъ перейти теперь къ его описанію. Въ Самсунѣ пароходъ «Принцесса Евгенія Ольденбургская» пришелъ такъ рано утромъ, что можно сказать—еще почью, когда всѣ пассажиры еще спали. Я и мои спутники-офицеры встали около шести часовъ утра и дожидали только агента русскаго общества пароходства и торговли, который, какъ намъ сказалъ капитанъ, уже приѣзжалъ на пароходъ и долженъ былъ сейчасъ приѣхать вторично. Агенты русскаго общества всегда первыми приѣзжаютъ на пароходъ, и къ нимъ мы первоначально обращались за совѣтомъ по вопросу объ осмотрѣ офицерами въ формѣ города, причемъ агенты всегда любезно намъ оказывали содѣйствіе въ высадкѣ на берегъ, проводя насъ совершенно безпрепят-

своими силами и средствами. Принимая во вниманіе послѣднее, нельзя не признать совершенный актъ весьма удачнымъ выходомъ изъ создавагося для насъ тяжелаго положенія. Этимъ Россіей поставлена стремленіямъ Германіи къ непосредственному содѣйствію съ нами въ Малой Азіи преграда въ лицѣ Франціи. Послѣдняя же находится въ крѣпкомъ дружественномъ союзѣ съ Россіей и, кромѣ того, едва ли станетъ преслѣдовать когда-либо въ Анатолиі, помимо коммерческихъ выгодъ отъ эксплуатаціи своихъ дорогъ, какія-либо военныя цѣли. Понятно, было бы много лучше, если бы мы имѣли свои желѣзныя дороги въ Анатолиі, но что дѣлать, если у насъ, въ самой Россіи, еще нѣтъ многихъ необходимыхъ для населенія желѣзнодорожныхъ линій. Намъ оставалось выбирать, какъ говорится, «изъ двухъ золъ меньшее», т. е. или имѣть въ недалекомъ будущемъ непосредственнымъ своимъ содѣйствіемъ на турецкомъ побережьи Чернаго моря Германію, или отказаться отъ упомянутыхъ своихъ правъ и переуступить ихъ дружественной намъ Франціи. При этомъ интересно было бы знать, гарантирована ли Россіи заключеннымъ франко-турецкимъ соглашеніемъ невозможность когда-либо перехода французскихъ желѣзнодорожныхъ линій въ Анатолиі въ нѣмецкія руки и что исключительное право на таковыя дороги предоставлено Россіи?

Кромѣ того, по моему мнѣнію, намъ нужно было оставить за собою и самимъ осуществить постройку желѣзной дороги отъ Трапезунда на Эрзерумъ и далѣе къ границамъ Персіи, въ виду направленія этой желѣзнодорожной линіи на большомъ протяженіи въ непосредственной близости къ границамъ Россіи. Все-таки было бы спокойнѣе имѣть столь важную въ стратегическомъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ дорогу своею собственностью. (См. о франко-турецкомъ соглашеніи статьи въ «Новомъ Времени» 30-го марта 1914 г., № 13667—«Франко-турецкое соглашеніе» и 2-го апрѣля 1914 г., № 13670—«Подробности франко-турецкаго соглашенія».)

ственно через турецкую таможню и затѣмъ давая проводника къ нашему консульскому представителю. Но такъ какъ въ Самсунѣ мы сошли на берегъ очень рано, то мы не сразу отправились въ находящееся тамъ наше вице-консульство, опасаясь застать вице-консула еще не вставшимъ, и потому мы рѣшили побыть въ агентствѣ и ознакомиться съ самсунской бухтой. Последняя, по ея мѣстоположенію, показалась намъ, на первый взглядъ, самой открытой изъ всѣхъ видѣнныхъ нами бухтъ отъ Батума и потому мы сначала сочли ее самой неудобной бухтой на анатолийскомъ побережьи. Именно самсунская бухта представляетъ собою очень

Выгрузка товаровъ въ Самсунѣ.

большой полукругъ и цѣнь горъ расположена въ значительномъ разстояніи отъ моря, при чемъ эти горы совсѣмъ невысоки. Къ тому же бухта очень мелка и потому пароходы кидаютъ якорь на большомъ разстояніи отъ берега. Такимъ образомъ, самсунская бухта представляется совершенно открытой отъ вѣтровъ, во время которыхъ высадка пассажировъ и выгрузка товаровъ съ парохода крайне затруднительны и часто невозможны. Однако столь большія неудобства самсунской бухты являются только кажущимися, такъ какъ на самомъ дѣлѣ, какъ мнѣ потомъ сообщилъ капитанъ парохода «Принцесса Евгенія Ольденбургская», бухта въ Самсунѣ болѣе или менѣе удобна. «Дѣйствительно, вы не видите,— сказалъ мнѣ капитанъ,— около Самсуна высокихъ горъ, которыя

могли бы защищать бухту отъ вѣтровъ, но она защищена отъ нихъ; только тѣ горы, которыя служатъ ей защитой, далеко расположены на югъ, востокъ и западъ отъ Самсуна. Благодаря же тому, что бухта мелка, она представляетъ значительныя удобства для устройства въ ней порта». Последній, по имѣющемуся проекту, долженъ начинаться у западной косы самсунской бухты и захватить большую ея часть. Вопросъ о постройкѣ порта неразрывно связанъ съ постройкой желѣзной дороги къ Сивасу и такъ какъ послѣдняя является уже дѣломъ рѣшеннымъ, то и постройка порта дѣло ближайшаго будущаго. Сооруженіе въ Самсунѣ порта, въ виду предполагаемой большой его величины, обойдется по составленному уже, какъ мнѣ говорили въ Самсунѣ, проекту въ тридцать два милліона франковъ. Затѣмъ мнѣ въ Самсунѣ еще сообщили, что имѣется проектъ продолженія Самсунъ-Сивасской желѣзной дороги къ Эрзеруму. На ознакомленіе съ самсунской бухтой мы посвятили часа два, однако все еще было рано итти къ нашему вице-консулу. Тогда, не желая терять даромъ времени, мы, по совѣту агента и въ сопровожденіи любезно намъ предоставленнаго имъ одного изъ служащихъ агентства, отправились смотрѣть городъ. Но прежде, чѣмъ описывать городъ, я скажу нѣсколько словъ о характерѣ устройства турецкихъ городовъ на анатолийскомъ побережьѣ вообще.

Улицы въ городахъ побережья устроены безъ всякаго плана, кривыя и узкія, а дома хотя каменные, но своеобразной восточной архитектуры или, говоря вѣрнѣе, совершенно безъ послѣдней, если сравнивать эти дома съ нашими. Нижніе этажи въ большинствѣ турецкихъ домовъ являются нежилыми; въ нихъ находятся склады или магазины; а жилое помещеніе устроено во второмъ этажѣ. Однако въ турецкихъ городахъ мнѣ почти не приходилось видѣть такихъ улицъ и домовъ, какъ въ Персіи, гдѣ фасады домовъ обращены внутрь, во двory, а на улицу выходятъ лишь однѣ стѣны, такъ что улицы персидскихъ городовъ представляютъ сплошные каменные коридоры, только что безъ крышъ. Но почти въ каждомъ городѣ побережья есть хотя бы небольшой кварталъ европейскій, отличающійся домами прекрасной европейской постройки, которые по большей части всѣ особняки, и большей чистотой отъ остальнаго города. Таково устройство турецкихъ городовъ вообще.

Въ Самсунѣ европейскій кварталъ занимаетъ значительное пространство. Его бѣленькіе, чистенькіе каменные особняки, нѣкоторые выдающіеся по красотѣ своей архитектуры, возбуждали въ насъ къ ихъ неизвѣстнымъ намъ владѣльцамъ прямо-таки чувство зависти. При чудномъ солнечномъ утрѣ они были какъ игрушки. Этотъ кварталъ расположенъ въ сторонѣ, на югъ, отъ главной улицы города. Последняя же тянется, начинаясь по-

чти у берега моря, черезъ весь городъ. Главная улица Самсуна саженъ шесть ширины, обсажена по обѣимъ сторонамъ деревьями, и на ней находится большинство магазиновъ города. Идя по ней, мы увидѣли четырехколесныя, съ крытымъ верхомъ телѣги, на которыхъ пока совершается переѣздъ лицами, направляющимися въ Сивасъ. Была, какъ мнѣ сказали, попытка организовать автомобильное сообщеніе между Самсуномъ и Сивасомъ, но она не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ автомобили по существующей дорогѣ ходить не могутъ, въ виду невозможнаго ея состоянія. Между тѣмъ эта дорога носитъ названіе шоссе. Кстати, я себѣ здѣсь позволю добавить еще одно интересное свѣдѣніе о дѣятельности самихъ турокъ въ отношеніи постройки желѣзной дороги отъ Сам-

Видъ гор. Синопа.

суна къ Сивасу. Упоминавшееся выше соглашеніе русскаго правительства съ турецкимъ по вопросу о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Анатоліи не препятствуетъ самимъ туркамъ строить тамъ желѣзныя дороги. Въ настоящее время за турками и числится концессія на постройку Самсунъ-Сивасской желѣзной дороги. Но какъ ихъ постройка подвигается? Турки уже три года ведутъ работы всего лишь на протяженіи 33 километровъ, и до сихъ поръ, несмотря на незначительность разстоянія, ими ничего не сдѣлано. Оказывается, что строители-турки лишь для виду копошатся на дорогѣ и ждутъ не дождутся, когда какая-нибудь иностранная компанія возьметъ эту концессию, а тогда горе-строители, какъ можно ихъ назвать, получатъ съ компаніи, получившей концессию, вознагражденіе за произведенныя работы. Послѣ того, какъ

мы прошли почти до самаго конца главную улицу, мы оказались недалеко отъ находящейся въ Самсунѣ табачной фабрики «Режи», считающейся одной изъ самыхъ большихъ въ Турціи. Понятно, мы не могли удержаться отъ желанія сейчасъ же ее осмотрѣть, хотя уже было время итти въ наше вице-консульство. Разрѣшеніе на осмотръ намъ быстро получилъ привратникъ фабрики, который оказался хорошо говорящимъ по-русски, такъ какъ ранѣе жилъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи. Онъ же сопровождалъ насъ по фабрику, дѣлалъ объясненія и переводилъ намъ объясненія завѣдующихъ тѣмъ или другимъ отдѣленіемъ фабрики турокъ.

Производство табака и папиресъ происходитъ слѣдующимъ образомъ. На фабрику привозятся со всѣхъ деревень Самсунскаго санджака большіе тюки, наполненные табачными листьями. Въ первомъ отдѣленіи фабрики происходитъ отборка листьевъ отъ камней и другихъ твердыхъ предметовъ, которые попадаютъ между листьевъ при сборѣ ихъ на поляхъ. Что касается разборки по сортамъ, то уже при покупкѣ листьевъ извѣстно, какого это сорта табакъ. Поэтому въ переработку и идутъ сначала табачные листья одного сорта, потомъ другого или въ разныя машины, чтобы не смѣшивать сорта. Во второмъ отдѣленіи производится рѣзка листьевъ табака. Затѣмъ послѣдній идетъ въ третье отдѣленіе, гдѣ происходитъ закупорка табака въ маленькія пачки. Въ этомъ отдѣленіи работаютъ все мальчики, среди которыхъ, по виду, нѣтъ старше 14-ти лѣтъ, и вообще всѣ въ возрастѣ отъ 10-ти до 14-ти лѣтъ. Они работаютъ съ семи часовъ утра и до шести часовъ вечера, получая плату по пяти піастровъ съ тысячи пачекъ, что составляетъ на наши деньги сорокъ копеекъ. Опытные изъ этихъ маленькихъ рабочихъ приготавливаютъ до трехъ тысячъ пачекъ съ табакомъ и такимъ образомъ зарабатываютъ около 1 руб. 20 коп. въ день. Нельзя не отмѣтить здѣсь эту ужасную эксплоатацію труда малолѣтнихъ. Вы видите въ этомъ отдѣленіи около сотни мальчиковъ, которые отъ вдыхаемой ежедневно въ теченіе одиннадцати часовъ табачной пыли выглядятъ блѣдными и изможденными, вообще говоря уже не жильцами на этомъ свѣтѣ. Больно сжималось сердце у меня и у моихъ спутниковъ-офицеровъ при видѣ, какъ блѣдныя, худенькія ручонки съ невѣроятной быстротой дѣлали табачныя пачки и съ каждой изъ нихъ уносили отъ себя частицу ихъ молодой жизни. Пройдя въ находящееся рядомъ другое отдѣленіе, по счету четвертое, мы увидѣли машину, дѣлающую такія же самыя пачки съ табакомъ, какія дѣлали мальчики-работіе. Оказалось, что эта машина была пѣтроградскаго завода Айваза и на мой вопросъ, почему же не всѣ пачки выдѣлываются машинами, что избавило бы бѣдныхъ дѣтей отъ губельнаго для ихъ здоровья заработка, мнѣ сказали, что эта машина представляетъ собою еще совсѣмъ новое изобрѣтеніе и къ работамъ на ней на фабрику

еще не приспособились. Именно закупорка табака въ пачки происходит много медленнѣе, чѣмъ у маленькихъ рабочихъ, и, вторыхъ, часто рвется бумага пачекъ. Затѣмъ мы осмотрѣли отдѣленія, гдѣ дѣлались гильзы и гдѣ производилась набивка ихъ табакомъ, что все совершается машинами. Однимъ изъ послѣднихъ мы увидѣли сортировочное отдѣленіе, гдѣ производится специалистами разборка готового табака по сортамъ. Надо замѣтить, что культивируемый на анатолійскомъ побережьѣ табакъ считается по качеству вторымъ среди турецкихъ табаковъ. Лучшіе сорта готового табака отличаются свѣтло-желтымъ цвѣтомъ и большей пушистостью и рассыпчатостью. На табачной же фабрикѣ дѣлаются ящики для закупорки и отправки табака и папиросъ.

Табакъ изъ Самсуна идетъ главнымъ образомъ въ Австрію, Америку, Египетъ и Германію. Что касается Россіи, то, повидимому, въ скоромъ времени ввозъ къ намъ турецкаго табака значительно сократится въ виду все болѣе развивающагося у насъ въ Закавказьѣ табаководства, причеиъ нашъ табакъ почти не уступаетъ турецкому. Такъ, наприиърь, интересно отмѣтить, что извѣстныя египетскія папиросы, которыя продаются у насъ по 80 копеекъ десятокъ, приготавливаются по большей части изъ русскаго табака. По этому вопросу приводится слѣдующее объясненіе въ отчетѣ нашей ближне-восточной экспедиціи, организованной въ 1912 году министерствомъ торговли и промышленности. «Табачныхъ плантацій въ Египтѣ не существуетъ и если такъ называемые египетскіе табаки и папиросы приобрѣли себѣ всемирную славу, то только потому, что мѣстныя климатическія условія создаютъ весьма благоприятную почву для храненія и дальнѣйшаго броженія еще не совѣмъ готовыхъ иностранныхъ табаковъ. Большую роль въ этомъ отношеніи играетъ также искусство египетскихъ фабрикантовъ. Главными поставщиками табака въ Египтѣ являются: Турція, Греція, Россія и Сербія. Еще въ 1908 году ввозъ нашего табака не превышалъ по своей цѣнности двухъ тысячъ египетскихъ фунтовъ. Между тѣмъ въ 1911 году онъ достигъ уже 23 тысячъ египетскихъ фунтовъ. Явленіе это объясняется прекраснымъ качествомъ русскаго табака, идущаго на сдабриваніе не только греческаго, но и турецкаго, а также пониженіемъ на него по дѣйствующему торговому договору Россіи съ Египтомъ пошлины съ 22-хъ до 20-ти піастровъ за килограммъ, т. е. до размѣра, установленнаго для табака, привозимаго изъ прочихъ странъ. По заявленію мѣстныхъ импортеровъ, дальнѣйшій сбытъ нашего табака въ Египетъ представляется обезпеченнымъ. Русскій табакъ привозится въ Египетъ главнымъ образомъ изъ Новороссійска, Сухума, Сочи, Екатеринодара и Батума». Вообще, какъ мнѣ пришлось наблюдать, русскій табакъ пользуется хорошей репутацией на Востокѣ, а также въ Европѣ. Турки или арабы часто просятъ

«ИСТОП. ВѢСТН.», ДЕКАБРЬ 1914 Г., Т. СХХХVIII. 18

у русскихъ путешественниковъ нашихъ папиросъ, очень хвали ихъ. У насъ же, въ Россіи, цѣнятся папиросы турецкія и особенно египетскія. Удивительное вообще явленіе, которое особенно замѣчается у насъ, предпочитать свое, хотя и лучшее, чужому, часто, можетъ быть, и худшему.

Извиняясь, что я отвлекся немного въ сторону по вопросу о табакѣ, возвращаюсь къ прерванному на концѣ разсказу объ осмотрѣ табачной фабрики. Сортировочнымъ отдѣленіемъ мною со спутниками-офицерами былъ законченъ осмотръ фабрики. Мы направились къ выходу и, какъ полагается, рѣшили поблагодарить сопровождавшаго насъ при осмотрѣ упомянутаго выше привратника-магометанина, говорящаго по-русски. Но послѣдній, къ нашему удивленію, категорически отказался принять отъ насъ деньги «на чай», говоря, что онъ очень любитъ русскихъ, радъ случаю видѣть ихъ въ Самсунѣ и поговорить о Россіи съ только что оттуда приѣзжими. Мнѣ еле-еле удалось этого безкорыстнаго человѣка убѣдить принять отъ насъ въ такомъ случаѣ, какъ на память о Россіи и о нашемъ посѣщеніи съ нимъ фабрики, русскій рубль. Съ фабрики мы отправились въ наше вице-консульство.

Вице-консуломъ въ Самсунѣ при насъ состоялъ Алексѣй Сергѣевичъ Савиновъ. Послѣдній тотчасъ же насъ принялъ и оказалъ намъ удивительно сердечное гостепрѣимство. При этомъ А. С. только жалѣлъ, что мы не пришли раньше, такъ какъ оказалось, что онъ былъ давно вставши, имѣя въ виду ранній приходъ нашего парохода, съ чѣмъ въ консульствѣ связаны различныя официальныя дѣла: пріемка и отправка консульской почты и друг. Во всякомъ случаѣ мы все-таки просидѣли у А. С. часа два съ лишнимъ, причемъ въ пріятной и интересной бесѣдѣ съ нимъ и не замѣтили, какъ пролетѣло время, и лишь сожалѣли, что уже нужно было возвращаться на пароходъ. А. С. описалъ намъ жизнь въ Самсунѣ и что этотъ городъ собой представляетъ. Онъ отмѣтилъ важное значеніе Самсуна въ политическомъ отношеніи и быстро увеличивающееся вліяніе тамъ европейцевъ. Послѣднее ясно доказывается большимъ европейскимъ кварталомъ, о которомъ уже было мною сказано. Относительно историческихъ достопримѣчательностей А. С. сказалъ, что наибольшій интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ существовавшее въ древности около Самсуна царство амазонокъ, вопросъ о чемъ въ исторіи не разработанъ подробно. Часть своего досуга А. С. и посвящаетъ собиранію матеріаловъ по этому вопросу и его изученію. Развлеченіями же въ городѣ являются почти одни кинематографы. Вообще, нужно сказать, кинематографы имѣются во всѣхъ приморскихъ городахъ Анатоліи. На ряду съ европейскими домами и товарами на турецкомъ побережьѣ Чернаго моря они являются ярко бросающимся въ глаза показателемъ существованія европейской культуры.

Дѣйствительно, куда, куда теперь только не проникаетъ кинематографъ! Послѣдній имѣется даже въ Иерусалимѣ, что, безъ сомнѣнія, не можетъ не удивить многихъ. Мнѣ прямо-таки чѣмъ-то дикимъ казалось, когда, будучи въ Иерусалимѣ, я сидѣлъ тамъ въ кинематографѣ и смотрѣлъ картины подъ звуки еврейскаго оркестра, игравшаго кто въ лѣсъ, кто по дрова. Затѣмъ въ бесѣдѣ со мною А. С. спрашивалъ меня про Петроградъ и оказавшихся у насъ многихъ общихъ знакомыхъ.

Отъ нашего вице-консула мы отправились на пароходъ. Проходя по улицамъ Самсуна, мы увидѣли слѣдующую интересную картину, которую затѣмъ мнѣ пришлось видѣть почти во всѣхъ другихъ городахъ Востока, именно, какъ перевозятъ и хранятъ на Востокѣ мясо. По бокамъ лошака или осла висѣло по два большихъ ящика, затянутыхъ металлической сѣткою, мелкой, почти какъ тюль. Къ верху этихъ ящиковъ было подвѣшено на крючьяхъ по мясной тушѣ. Такимъ образомъ, сѣтка защищаетъ мясо отъ мухъ, а тѣмъ, что оно подвѣшено, отъ грязи при соприкосновеніи съ сѣткою. Такъ же иногда хранится мясо въ лавкахъ, и вообще къ этой главной пищѣ человѣка на Востокѣ относятся очень аккуратно. Послѣднее является назидательнымъ примѣромъ для насъ. Обратите вниманіе, какъ у насъ перевозятъ и хранятъ мясо. Везутъ мясо, сваленное кучами, на грязныхъ ломовыхъ телѣгахъ и едва-едва прикрытое какимъ-либо полотнищемъ, обыкновенно грязнымъ. Въ лавкахъ мясо виситъ совершенно не прикрытое. Поэтому, особенно лѣтомъ, на немъ образуются чуть ли не кучи пыли — и вы видите кишмя кишящихъ на мясѣ мухъ. Подходя къ набережной, мы накупили въ магазинахъ открытокъ съ видами Самсуна и затѣмъ пошли на пристань сѣсть въ лодку. На пристани мы посмотрѣли выгрузку товаровъ съ пароходовъ и ихъ перевозку въ магонахъ къ пристани. Магонами называются на мусульманскомъ Востокѣ большія лодки, въ которыхъ перевозятся товары, а маленькія лодки, для пассажировъ, называются фелюгами. Такъ какъ я еще не говорилъ о предметахъ вывоза съ береговъ Анатолиі, то здѣсь объ этомъ умѣстно будетъ теперь сказать.

Вывозными товарами съ турецкаго побережья Чернаго моря почти исключительно является сырье, именно слѣдующіе продукты: орѣхи, зерновой хлѣбъ, табакъ, шерсть, а изъ произведеній мѣстныхъ жителей—ковры. Безусловно, все это не покрываетъ собою цѣнности ввозимыхъ товаровъ, откуда же платежная способность у населенія объясняется главнымъ образомъ указаннымъ выше отхожимъ его заработкомъ въ Россіи. Изъ упомянутыхъ предметовъ вывоза съ береговъ Анатолиі, какъ видно, Россія не заинтересована ни въ одномъ изъ нихъ, такъ какъ мы сами во внѣшней своей торговлѣ являемся главнымъ образомъ поставщиками сырья.

Но это полное отсутствіе на анатолійскомъ побережьѣ мѣстной фабрично-заводской производительности дѣлаетъ его богатымъ рынкомъ для сбыта таковыхъ товаровъ другими странами.

Постоявъ нѣкоторое время на пристани и посмотрѣвъ привозъ и отправку товаровъ, мы сѣли въ фелюгу и возвратились на пароходъ, который около трехъ-четырехъ часовъ дня снялся съ якоря и направился къ Синопу. Въ послѣдній мы прибыли ночью и потому, къ великому нашему сожалѣнію, намъ не пришлось сойти на берегъ и осмотрѣть городъ. Въ Синопѣ находится интересный для осмотра памятникъ древности—замокъ Митридата. Съ борта парохода мы смотрѣли на освѣщаемую огнями стоявшихъ судовъ синопскую бухту и, вспоминая наше славное прошлое, съ горечью возвращались къ печальной дѣйствительности положенія русскаго дѣла на всѣхъ близкихъ намъ берегахъ Анатоліи, на которыхъ въ настоящее время орудуютъ нѣмцы и австрійцы. Пароходъ нашъ стоялъ недолго въ Синопѣ; только сдалъ и принялъ почту, выполнили самыя необходимыя грузовыя операціи и не болѣе какъ черезъ два часа вышелъ изъ родной синопской бухты въ море направившись къ послѣднему пункту своей остановки на побережьѣ Инеболи.

Въ Инеболи мы пришли во вторникъ, 24-го сентября, въ семь часовъ утра и простояли до полдня. На слѣдующій же день, утромъ, мы должны были уже быть въ Константинополь. Такимъ образомъ, поѣздка по анатолійскому побережью занимаетъ пять дней. Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось дольше останавливаться, какъ съ пароходомъ, для ознакомленія съ приморскими городами Анатоліи, такъ какъ у меня былъ впереди еще большой маршрутъ путешествія въ Иерусалимъ, Египетъ и Грецію, но, имѣя въ своемъ распоряженіи большее количество времени, я не преминулъ бы остановиться подольше въ прелестныхъ уголкахъ турецкой Ривьеры. Это можетъ вамъ оказать и пользу для здоровья, живя на берегу моря, покрытомъ зеленью садовъ и лѣсовъ, при совершенномъ почти отсутствіи маляріи, а также дастъ вамъ возможность болѣе полно ознакомиться съ турецкимъ побережьемъ Чернаго моря.

Приморскій городокъ Инеболи словно нарочно расположенъ такъ живописно, чтобы сохранить въ васъ до самой послѣдней остановки восторженное впечатлѣніе отъ природныхъ красотъ береговъ Анатоліи. Городокъ Инеболи построенъ между двухъ большихъ холмовъ, покрытыхъ богатою растительностью и образующихъ изъ зелени ущелье, идущее вглубь страны. Всѣ до одного домики Инеболи расположены въ густой зелени садовъ, что дѣлаетъ видъ города очаровательнымъ.

Въ Инеболи пароходъ нашъ погрузилъ быковъ. Я не могу не сказать при этомъ о существующихъ въ Турціи варварскихъ спо-

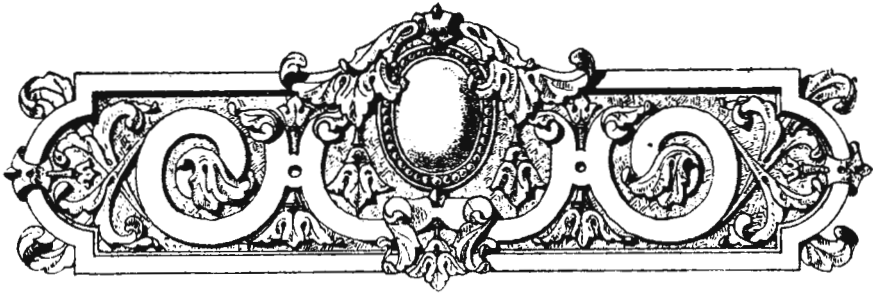
собахъ нагрузки четвероногого скота на пароходы. Такъ, быковъ при насъ грузили слѣдующимъ образомъ. Къ пароходу подходила магона, на послѣднюю спускалась доска, и веревка лебедки парохода, захватывая одного за другимъ быковъ за рога, втаскивала ихъ по доскѣ на спинѣ, на боку, вообще во всякихъ позахъ на пароходъ. На побережьяхъ же Сиріи и Палестины скотъ грузятъ еще болѣе варварскимъ способомъ. Въ подошедшую съ баранами, коровами или волами магону спускается канатъ лебедки, турки закручиваютъ за двѣ переднія ноги животнаго веревку, одѣваютъ ее на крюкъ лебедки, и по возгласу «вира», что означаетъ «готово», «дѣлай живѣй», животное опрокидывается, подымается за переднія ноги на воздухъ на трехсаженную высоту и такимъ же способомъ спускается въ трюмъ, гдѣ веревка развязывается съ ногъ несчастнаго животнаго и лебедка отправляется за слѣдующимъ. Барановъ же связываютъ сразу по три, по четыре штуки за одну ногу каждая и такъ грузятъ ихъ въ трюмъ. При такой варварской погрузкѣ волы ревуть, коровы жалобно мычатъ, а бараны блеютъ такъ, словно плачутъ дѣти. И это зрѣлище по погрузкѣ и выгрузкѣ животныхъ наблюдается до Порты-Саида. Но въ послѣднемъ подобное варварство англичанами не допускается, и животныхъ выгружаютъ, подводя подъ животы парусину. Описанное варварское обращеніе съ животными совершается какъ на русскихъ пароходахъ, такъ и на иностранныхъ. Поэтому единственная возможность прекращенія этого зависитъ отъ запрещенія турецкаго правительства, на необходимость чего послѣднему могли бы дать совѣтъ представители иностранныхъ державъ въ Константинополѣ.

Окончивъ описанныя грузовыя операціи, пароходъ «Принцесса Евгенія Ольденбургская» снялся съ якоря и отправился отъ Инеболи къ Константинополю. Пароходъ почти до вечера еще шелъ въ виду живописнѣйшихъ береговъ Анатолиі, а затѣмъ пошелъ по прямой линіи къ Босфору, открытымъ моремъ. Я съ сожалѣніемъ смотрѣлъ, какъ пароходъ все болѣе и болѣе удалялся отъ предестныхъ береговъ Анатолиі и увозилъ отъ нихъ на недѣлю, до прихода слѣдующаго нашего парохода, этотъ единственный солидный торговый престижъ Россіи, который поддерживается русскимъ обществомъ пароходства и торговли какъ на анатолійскомъ побережьи, такъ и на всемъ Ближнемъ Востокѣ. Вообще при ознакомленіи съ турецкимъ побережьемъ Чернаго моря составляетъ впечатлѣніе, что мы, русскіе, какъ бы намѣренно отталкиваемъ отъ себя то, что идетъ само къ намъ. На анатолійскомъ побережьи, повторяю, имѣются благопріятнѣйшія условія къ усиленію русскаго политико-экономическаго вліянія; оно расположено ближе всего къ Россіи, на побережьи преобладаютъ русскія деньги, распространень русскій языкъ, и даже имѣются право-

славные храмы, между тѣмъ, несмотря на все это, мы допускаемъ иностранцевъ и, что особенно обидно, нашихъ первыхъ всегда недоброжелателей, нѣмцевъ и австрійцевъ, захватывать все болѣе и болѣе преобладающее вліяніе на берегахъ Анатолиі въ политико-экономическомъ отношеніи. Имѣя въ виду важное политическое значеніе турецкаго побережья Чернаго моря, мы должны примѣнить всѣ мѣры и приложить всѣ усилія, чтобы на побережьѣ получилъ преобладаніе русскій флагъ и иностранныя державы, ведя свою дѣятельность на берегахъ Анатолиі, видѣли бы, что это побережье находится въ сферѣ исключительнаго вліянія Россіи и что за нами во всѣхъ отношеніяхъ преимущественное предъ всѣми на него право въ случаѣ, когда возникнетъ о томъ вопросъ.

Б. Гурьевъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИСТОРИКА.

Внутренняя война съ нѣмецкимъ засильемъ въ Россіи.—Государственная и обывательская точка зрѣнія на нее.—Ходатайство «русскихъ» депутатовъ за нѣмцевъ въ Тавридѣ.

РОШЛО всего четыре мѣсяца, какъ началась борьба Россіи съ Германіей, а между тѣмъ вліяніе ея на національное воспитаніе русскаго общества дало уже огромные результаты. Всегда инертное и въ нѣкоторыхъ своихъ слояхъ настроенное нѣсколько космополитически, русское общество только теперь, кажется, пробудилось отъ беззаботнаго отношенія къ національнымъ своимъ задачамъ, пришло къ сознанію о необходимости строгаго національнаго своего самоопредѣленія не только внѣ русскаго государства, но и внутри его. Вступивъ въ кровавую войну съ нѣмцами, отдавая для нея жизнь лучшихъ своихъ дѣтей, русскій народъ долженъ былъ по необходимости осмотрѣться и у себя дома, все ли у него въ порядкѣ въ этомъ отношеніи, и началъ открывать ту для многихъ давно ясную истину, что нѣмцы внутри Россіи постепенно и методично уже совершили цѣлый рядъ мирныхъ завоеваній, угрожающихъ не только русскому государству, но и русскому народу. Маниловскія мечтанія о братствѣ народовъ, о совмѣстной культурной работѣ русскихъ и нѣмцевъ на благо общаго ихъ отечества, Россіи, уступили мѣсто трезвому изученію фактовъ, касающихся русско-нѣмецкихъ отношеній въ самой Россіи въ государственномъ, экономическомъ и политическомъ

отношеніяхъ. Увы, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ новымъ лучомъ свѣта, факты эти оказываются все безотраднѣе для русской государственности, все оскорбительнѣе для русскаго самолюбія. Мы убѣждаемся въ томъ, что нѣмецкое засилье долгое время существовало и продолжаетъ существовать почти во всѣхъ сферахъ нашей государственной и общественной дѣятельности, и что совершающіяся теперь на Карпатахъ и на берегахъ Вислы кровавыя событія являются лишь логическимъ завершеніемъ *мирнаго* натиска нѣмцевъ на Россію, не встрѣчавшаго препятствій благодаря нашей собственной покладливости и беззаботности. Мы должны быть благодарны нѣмецкому кайзеру, что онъ своимъ двѣнадцатичасовымъ ультиматумомъ и воинственнымъ наскокомъ вывелъ насъ изъ области иллюзій и поставилъ вопросъ прямо и рѣшительно: хотимъ ли мы быть нѣмецкими рабами, или нѣтъ? Извѣстно, что «громъ не грянетъ— мужикъ не перекрестится». Мы не сомнѣваемся даже, что кайзеръ въ правѣ считать насъ предателями, когда на его вопросъ послѣдовалъ со стороны русскаго народа отрицательный отвѣтъ: столько лѣтъ покладливости, широкой уступчивости—и вдругъ война на жизнь и смерть! Разбираясь въ своихъ отношеніяхъ къ германизму и приготовляясь къ борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ внутри Россіи, русское общество и правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ, выдвинуло на первый планъ въ своей дѣятельности и рядъ культурныхъ начинаній, какъ орудіе борьбы съ нѣмцами, и уже одни эти начинанія являются сами по себѣ драгоцѣнными культурными приобрѣтеніями для Россіи, напр., борьба съ алкоголизмомъ и переустройство русскіхъ курортовъ и лечебныхъ станцій. Нѣмецкое нашествіе заставило насъ серьезнѣе отнестись къ внутреннимъ дѣламъ Россіи, сообщило правительственной и общественной инициативѣ энергію и смыслъ, о которыхъ еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы не смѣли и мечтать. Въ этой работѣ воодушевленное участіе принимаютъ всѣ русскіе люди безъ различія партій и толковъ. *Salus rei publicae* какъ въ лучшія времена Римской имперіи, стало и у насъ девизомъ общества и народа въ цѣломъ его составѣ.

Внутренняя борьба съ нѣмецкимъ засильемъ, безспорно, будетъ гораздо продолжительнѣе и глубже, чѣмъ борьба внѣшняя, а результаты ея, несомнѣнно, будутъ плодотворнѣе, каковы бы ни были успѣхи наши въ войнѣ съ Германіей. Надо надѣяться, что энергія общества не ослабнетъ въ этой борьбѣ ни съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій, ни отъ противодѣйствія темныхъ силъ въ самой Россіи, дружественныхъ нѣмцамъ. Силы эти притаились въ виду постріотическаго одушевленія, охватившаго Россію, но онѣ дѣйствуютъ и будутъ еще дѣйствовать тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ продолжительнѣе и упорнѣе будетъ самая борьба съ нѣмецкимъ засильемъ. Мы должны ожидать этого, потому что невозможно сразу излечиться отъ болѣзни, которая глубоко проникла въ нашъ государственный орга-

низмъ попустительствомъ цѣлаго ряда поколѣній. Тридцать лѣтъ тому назадъ Скобелевъ, хорошо знавшій положеніе дѣлъ въ Россіи помимо показной ихъ стороны, благодаря высокому положенію своему и важнымъ связямъ, такъ говорилъ по этому поводу въ Парижѣ сербскимъ студентамъ:

«Я обязанъ объясниться съ вами чистосердечно, что я и сдѣлаю, почему Россія не всегда стоитъ на высотѣ своихъ патріотическихъ обязанностей вообще, а славянской роли въ частности. Это потому, что какъ внутри, такъ и извнѣ ей приходится вести борьбу съ чужеземными вліяніями. Мы не хозяева въ собственномъ домѣ. Да, чужеземецъ у насъ вездѣ. Рука его проглядываетъ во всемя. Мы игрушки его политики, жертвы его интригъ, рабы его силы... Его безчисленныя и роковыя вліянія до такой степени господствуютъ надъ нами, парализуютъ насъ, что если, какъ я надѣюсь, намъ удастся когда-нибудь отъ нихъ избавиться, то не иначе, какъ съ мечомъ въ рукахъ... И если вы пожелаете узнать отъ меня, кто этотъ чужеземецъ, этотъ пролазь, этотъ интриганъ, этотъ столь опасный врагъ русскихъ и славянъ, то я вамъ его назову—это нѣмецъ...»

Скобелевъ ошибался только въ одномъ, что борьбу съ нѣмцами можно рѣшать только съ мечомъ въ рукѣ. Вопросы внутренняго распорядка, домашняго засилья потребуютъ для окончательнаго своего разрѣшенія долговременной и напряженной работы и, прежде всего, тщательнаго изученія ихъ, потому что, къ стыду нашему, мы не совсѣмъ хорошо знаемъ даже укрѣпленій, гдѣ прочно окопался нашъ врагъ, не можемъ точно опредѣлить источники его силы и значенія. Повторяемъ сказанное нами въ одной изъ предыдущихъ статей, что еще такъ недавно въ Россіи даже запрещалось печатать что-либо о фактахъ нѣмецкаго засилья. Мы могли знать единичные, частные случаи его, часто по собственному, грустному опыту, но они не давали достаточно матеріала для того, чтобы сдѣлать должныя обобщенія, сѣздать себѣ ясную картину создавашагося положенія, выяснить размѣры распространяющагося зла. Къ тому же, что проскальзывало въ печати, мы относились беззаботно, легкомысленно, памятуя поговорку: «Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ». Въ настоящее время, слава Богу, нѣмецкое засилье въ Россіи сдѣлалось предметомъ изученія специальныхъ обществъ, учреждающихся съ этою цѣлью въ Петроградѣ, въ Москвѣ и въ другихъ городахъ Россіи. Особенная страстность при этомъ изученіи, по мѣстнымъ условіямъ, проявляется въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ отъ нѣмцевъ, составляющихъ ничтожное меньшинство, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ страдаютъ латыши и эстонцы. Эти несчастныя племена только отъ Россіи ждутъ избавленія отъ нѣмецкаго ига и въ успѣшной борьбѣ ея съ Германіей видятъ залогъ свѣтлой для себя будущности. «Не только наши сыновья, братья и отцы будутъ героически сражаться въ рядахъ арміи,—заявилъ

Государственной Думѣ латышскій депутатъ Гольдманъ въ историческомъ засѣданіи 26-го іюля 1914 года, — но непріятель найдетъ и дома у насъ въ каждой хижинѣ, на каждомъ шагѣ, отъ мала до велика, своего злѣйшаго врага, которому, да, онъ можетъ отнять голову, но отъ котораго, даже умирающаго, онъ услышитъ только одно: «да здравствуетъ Россія!» Эту-то горячую, проникновенную рѣчь, прибавимъ мы для характеристики момента, запретили напечатать въ нѣкоторыхъ прибалтійскихъ городахъ русскія (!) власти въ угожденіе мѣстнымъ нѣмцамъ. ! Не меньшую ненависть, чѣмъ въ латышахъ и эстонцахъ, умѣли воспитать къ себѣ нѣмцы также въ полякахъ и литовцахъ, отъ Россіи ждущихъ осуществленія національныхъ своихъ идеаловъ.

Въ настоящее время, въ день кроваваго расчета славянства съ германизмомъ, намъ не разъ приходилось слышать и читать: «Оставьте ворошить старыя бумаги, забудьте о прежнихъ ошибкахъ и претерпѣнныхъ обидахъ, не питайте и не возбуждайте чувствъ озлобленія воспоминаніями о давно минувшихъ страданіяхъ, ибо не вражда, а любовь поможетъ намъ теперь устроить русско-нѣмецкія отношенія на справедливыхъ для обоихъ народовъ началахъ». Въ этихъ сладкихъ заявленіяхъ такъ и слышится рѣчь Крыловскаго волка на псарнѣ: «Друзья, устали мы обидѣны! А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ, но самъ за нихъ съ другими грызться радъ!» А мудрая Клію, муза исторіи, по самому своему назначенію, призываетъ своихъ поклонниковъ къ напоминовенію, а отнюдь не къ забвенію прошлаго, и счастливаго или горькаго, все равно, ибо только тщательное изученіе прошлаго можетъ уяснить намъ современныя событія и современное положеніе дѣлъ, а также указать пути, которыми можно ближе подойти къ цѣли, избѣгая прежнихъ ошибокъ: наше настоящее не есть ли то же прошлое, только въ сгущенномъ, суммированномъ видѣ? Одни и тѣ же факты, повторяясь на протяженіи цѣлаго столѣтія, развѣ не говорятъ намъ одно и то же о природѣ, сущности даннаго явленія и исключаютъ всякую возможность придать имъ случайный характеръ? Притомъ безстрастная Клію не проповѣдуетъ ни вражды, ни любви: чувства эти, всегда относительныя сами по себѣ, есть удѣлъ слабыхъ человѣческихъ существъ, а не божественной наставницы. Японцы, въ противоположность русскимъ, вспоминаютъ о Цусимѣ съ восхищеніемъ, а мы съ инымъ чувствомъ, конечно, говоримъ о Полтавѣ, чѣмъ шведы. И среди нѣмцевъ, конечно, существуетъ масса чудныхъ, хорошихъ людей, знакомствомъ съ которыми можно гордиться и ихъ общество, во многихъ случаяхъ, даже предпочитать обществу людей русскихъ, но эти отдѣльныя личности, гдѣ бы онѣ ни жили, въ Германіи или въ Россіи, разумѣются, не могутъ отождествляться съ народностью, которой явля-

ются представителями, съ ея національными интересами и идеалами, сложившимися исторически, на протяженіи вѣковъ, и составляющими историческій фактъ, длительное историческое явленіе. Гауптманы, Зудерманы, Оствальды и другіе нѣмецкіе писатели и ученые, восхваляющіе нынѣ дѣянія своего кайзера, могутъ быть антипатичны намъ лишь постольку, поскольку они являются отраженіемъ историческаго характера своей народности, враждебной не-нѣмцамъ, а отнюдь не какъ писатели, пользовавшіеся сочувствіемъ въ Россіи, а тѣмъ болѣе не какъ частныя лица. Вообще въ борьбѣ народовъ за свое существованіе отдѣльныя личности, личныя чувства и настроенія сводятся къ нулю. Какъ бы ни были порочны русскіе и, скажемъ, добродѣтельны нѣмцы, но это не заставитъ насъ превращаться въ нѣмцевъ или желать этого, а равно уступать имъ свою территорію, отказываться отъ своей культуры въ пользу нѣмецкой и т. д. Мы—результатъ тысячелѣтнаго прошлаго своего народа и, чѣмъ бы ни были теперь, хотимъ это національное прошлое передать въ неприкосновенности своимъ потомкамъ, не взирая на всѣ достоинства Карловъ Ивановичей и Фридриховъ Оттоновичей, задавшихъ дилеммой или онѣмечить, или стереть насъ въ будущемъ съ лица земли. На вѣсахъ божественной Клію ни достоинства, ни чувства отдѣльныхъ личностей при рѣшеніи міровыхъ вопросовъ не играютъ никакой роли. Для нея, вѣроятно, важнѣе всего рѣшеніе вопроса, кому принадлежитъ будущее въ культурной исторіи человѣчества—славянской ли душѣ съ ея чаяніями и идеалами, или германской. Ни русскимъ Маниловымъ, ни нѣмецкимъ кайзерамъ на приговоръ божественной музы повліять не удастся.

Теперь только выясняется предъ изумленнымъ русскимъ обществомъ истинный характеръ и гигантскіе размѣры мирныхъ завоеваній, сдѣланныхъ нѣмцами въ Россіи. Никакая самая побѣдоносная война не дала бы имъ тѣхъ выгодъ, того исключительнаго привилегированнаго положенія, которыми они пользовались въ Россіи по милости русскаго правительства въ теченіе ста пятидесяти лѣтъ. Въ особенности важна была для побѣдоноснаго *Drang nach Osten* колонизація западныхъ и южныхъ частей Россіи, въ предѣлахъ губерній Волынской, Херсонской и Таврической. Отчужденіе колонистовъ отъ кореннаго населенія, тѣсная связь ихъ съ *Vaterland* омъ, всячески огражденная русскимъ законодательствомъ, духовный и экономическій гнетъ нѣмецкихъ выходцевъ, оказываемый на мѣстныхъ крестьянъ, уже въ концѣ восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія изслѣдованы въ извѣстныхъ статьяхъ А. Велицына (А. П. Липранди), но не произвели никакого впечатлѣнія на подлежащія сферы, которыя по установившейся традиціи благосклонно относились къ нѣмецкому элементу. Уже въ то время болѣе одной четверти всей поверхности нашихъ южныхъ губерній

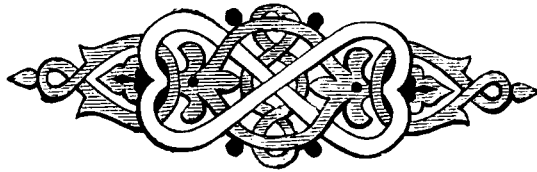
(свыше 4.600.000 десятинъ) находилось въ рукахъ нѣмцевъ. «Здѣсь, — говоритъ Велицынъ, — когда мы сами видѣли властное хозяйничанье нѣмца-колониста на нашей родной землѣ, когда мы сами слышали стонъ русскаго населенія, закабаленнаго экономически и находящагося подъ духовнымъ гнетомъ пришлыхъ иноплемениковъ, какъ могли бы мы спокойно писать про такой порядокъ вещей? Да и не только мы, но кто изъ живыхъ русскихъ людей могъ бы, не возмущаясь и съ научною объективностью, излагать въ стройной системѣ, какъ эксплуатируется его отечество, какъ терпитъ родной ему народъ?» Обиліе капиталовъ, принесенныхъ нѣмцами изъ Германіи, ссуды германскихъ банковъ, способствовали между прочимъ поднятію цѣнъ на земли въ этихъ губерніяхъ, и даже русскіе помѣщики и администрація, въ виду этого, сочли для себя выгоднымъ всячески поддерживать ввѣдреніе нѣмцевъ въ предѣлы ихъ губерній. Когда на Волыни число нѣмцевъ-колонистовъ дошло до угрожающей государственной безопасности цифры и въ 1895 году, подъ вліяніемъ печати, правительство рѣшилось наконецъ ограничить нѣмецкое землевладѣніе въ Volynenland'ѣ, русскіе помѣщики ходатайствовали объ отмѣнѣ ограничительныхъ мѣръ, и ихъ ходатайство было уважено. Между тѣмъ, значительная часть колонистовъ, владѣя землями въ Россіи, продолжали оставаться германскими подданными. Но что это могло значить въ то время, когда нѣкоторые изъ германскихъ подданныхъ даже командовали частями русской арміи въ самомъ Петроградѣ и въ гвардіи?

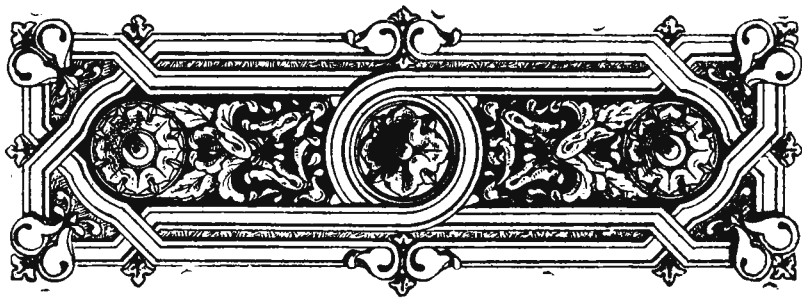
Къ вопросу о нѣмецкомъ землевладѣніи мы еще вернемся въ будущемъ, но не можемъ не отмѣтить здѣсь, до какой степени сами русскіе люди являются защитниками вредной для государства дѣятельности нѣмцевъ-колонистовъ, даже въ настоящее время. Исторія, вопреки установившемуся мнѣнію, повторяется — для тѣхъ, которыя ея не знаютъ или не хотятъ пользоваться ея уроками. Въ 1895 году за нѣмцевъ, какъ мы видѣли, ходатайствовали, ради высокихъ арендныхъ цѣнъ на ихъ имѣнія, русскіе волынскіе помѣщики; теперь, въ 1914 году, въ самый разгаръ войны Россіи съ Германіей, когда русскій народъ для освобожденія своего отъ нѣмецкаго ига жертвуетъ жизнію сотенъ тысячъ своихъ сыновъ и миллиардами денегъ, — за нихъ ходатайствуютъ крымскіе. Едва прослышавъ о намѣреніи правительства принять мѣры къ ограниченію нѣмецкаго землевладѣнія на югѣ Россіи, таврическое «дворянство» и «земство» уже отправили въ Петроградъ депутацію для защиты нѣмецкихъ землевладѣльцевъ. Русскіе члены этой депутаціи имѣютъ право на историческую извѣстность, и мы приводимъ ихъ имена: это — членъ Государственнаго Совѣта Рыковъ, члены Государственной Думы Винбергъ и Крымъ, губернскій предводитель дворянства Нестеровъ и предсѣдатель губернской земской управы Харченко. Депутаты посѣтили министровъ внутреннихъ дѣлъ,

юстиціи, финансовъ и главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ и заявили, что проведеніе въ жизнь предполагаемаго законопроекта грозитъ полнымъ разореніемъ не только нѣмцамъ-землевладѣльцамъ Таврической губерніи, но и русскимъ помѣщикамъ. Какой результатъ будетъ имѣть ходатайство этихъ «русскихъ помѣщиковъ»—еще неизвѣстно, но, разумѣется, интересы таврическихъ помѣщиковъ для г.г. министровъ покажутся не такъ ужъ важны, какъ интересы русскаго народа и государства во всемъ ихъ цѣломъ. Быть можетъ, для таврическихъ помѣщиковъ было бы еще важнѣе, если бы нѣмцы скупили всѣ ихъ земли по высокой оцѣнкѣ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы государственная власть согласилась на это. *Salus rei publicae—suprema lex!* Во всякомъ случаѣ, русскіе крестьяне, для которыхъ предположена крестьянскимъ банкомъ принудительная покупка земли у нѣмцевъ и которые играютъ теперь роль нѣмецкихъ батраковъ на землѣ, обильно политой русской кровью, нуждаются не въ меньшей степени въ попеченіи правительства, но о депутаціи отъ нихъ что-то не слышно. Противъ принудительной покупки таврическіе депутаты приводили слѣдующіе доводы, не лишены юмора (цитируемъ по сочувствующей имъ газетѣ «Рѣчь»): «Многія земли находятся во владѣніи лицъ иностраннаго происхожденія съ давнихъ временъ, и, кромѣ того, новый законъ касается многихъ лицъ, предки которыхъ или они сами оказали отечеству услуги и удостоены были разныхъ наградъ». Для г.г. депутатовъ не имѣетъ, однако, никакого значенія то обстоятельство, что новый законъ предполагается примѣнять лишь къ тѣмъ нѣмцамъ, которые приобрѣли землю послѣ 1870 года, когда Германія установила законъ, по которому нѣмцы, принявшіе русское подданство, отнюдь не лишаются правъ подданства германскаго и такимъ образомъ удостоиваются «разныхъ наградъ» съ обѣихъ сторонъ. Г.г. депутаты не упоминаютъ, что въ числѣ этихъ «разныхъ наградъ» является между прочимъ субсидія германскаго *Deutscher Bank*'а русскимъ нѣмцамъ для покупки русскихъ земель, а русскіе крестьяне Таврической губерніи, если будутъ покинуты, по ходатайству таврическихъ депутатовъ, крестьянскимъ банкомъ, останутся въ томъ же вѣчномъ батрачествѣ у нѣмцевъ, въ какомъ были прибалтійскіе латыши и эстонцы. Для г.г. депутатовъ перспектива совершеннаго онѣмченія южной Россіи въ недалекомъ будущемъ не кажется неприемлемой... Неужели и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, заповоленныхъ нѣмцами, найдутся такіе же «русскіе» депутаты, какъ Рыковъ, Нестеровъ и Харченко? Россія жертвуетъ кровью сотенъ тысячъ своихъ сыновъ и миллиардами денегъ, чтобы освободиться отъ нѣмецкаго ига, но Таврическая губернія должна быть на особомъ положеніи, потому что это выгодно Рыковымъ, Нестеровымъ и Харченкамъ и они могутъ, имѣя «разныя награды», добиваться вниманія

г.г. министровъ! Къ сожалѣнiю, мы не исключаемъ возможности появленiя такихъ «русскихъ депутатовъ» отовсюду, гдѣ живутъ и верховодятъ нѣмцы; изъ Одессы, Житомира, Херсона, Саратова, какъ появилась уже специально-нѣмецкая депутація изъ Прибалтiйскаго края, который давно уже названъ «страною нѣмецкихъ чудесъ». Имена этихъ «русскихъ депутатовъ», если они появятся на свѣтъ Божiй, мы своевременно занесемъ въ свой историческiй синодикъ.

Е. Шумигорскiй.

НОВОСТИ АРХЕОЛОГИИ.

Новая миссія археологическихъ учрежденийъ въ общей борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ.— Переѣздъ русскаго археологическаго института изъ Царьграда въ Одессу.—Протестъ археологовъ противъ разрушенія германцами памятниковъ художественной старины.— Выставка не состоявшагося XVI всероссійскаго археологическаго съѣзда во Псковѣ.— Археологическая дѣятельность императорской археологической комиссіи, русскаго комитета для изученія Средней и Восточной Азіи, императорскаго московскаго и Румянцовскаго музея, императорскаго россійскаго историческаго музея имени императора Александра III въ Москвѣ, херсонскаго городского музея древностей и новгородскаго церковно-археологическаго общества.

ЖЕДНЕВНАЯ пресса отмѣтила весьма отрадный фактъ въ жизни нашихъ археологическихъ учрежденийъ. Археологи привлекаются правительствомъ къ борьбѣ, хотя и мирной, съ нѣмецкимъ засильемъ, выразившимся, въ частности, въ присвоеніи древнимъ русскимъ городамъ и мѣстечкамъ нашего обширнаго отечества нѣмецкихъ названій.

Изъ разныхъ концовъ Россіи въ министерство внутреннихъ дѣлъ поступаютъ ходатайства общественныхъ учрежденийъ о переименованіи, въ виду войны Россіи съ Германіей, городскихъ поселеній, посадовъ и мѣстечекъ съ нѣмецкими названіями и присвоеніи имъ русскихъ наименованій.

Министръ внутреннихъ дѣлъ затребовалъ по этому вопросу отъ губернаторовъ ихъ предположенія, но разработанныя при участіи архивныхъ и археологическихъ учрежденийъ.

Поселеніямъ, которыя прежде носили русскія наименованія, по проекту министерства, должны быть возвращены ихъ древнія названія, но вопросъ этотъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, тщательно разрабатывается при уча-

сти мѣстныхъ ученыхъ учреждений, обществъ, ученыхъ архивныхъ комиссій и отдѣльныхъ лицъ, извѣстныхъ своими познаніями и трудами въ исторіи и археологіи вообще, и въ частности по исторіи и археологіи той мѣстности, въ которой находятся подлежащія переименованію поселенія. Заключенія упомянутыхъ учреждений и лицъ передаются затѣмъ на обсужденіе особо образуемыхъ губернаторами комиссій изъ представителей этихъ учреждений, городскихъ головъ и старостъ, а также лицъ, приглашенныхъ губернаторами. Комиссіи указываютъ названіе, которое желательно присвоить поселенію, и приводятъ къ тому убѣдительныя основанія. Придавая особое значеніе всесторонней и быстрой разработкѣ этого вопроса, министръ внутреннихъ дѣлъ проситъ губернаторовъ обратить на это особое вниманіе и представить въ возможно непродолжительномъ времени журналы комиссій со всѣми матеріалами, бывшими на ихъ разсмотрѣніи и списокъ подлежащихъ переименованію поселеній.

Война, властно измѣнившая весь укладъ русской жизни, затронула и прервала на время ученую дѣятельность русскаго археологическаго института въ Царьградѣ, перебравшагося съ объявленіемъ войны съ Турціей въ Одессу.

Византійскіе памятники, во главѣ съ святою Софіею Царьграда, остались беззащитными; надъ ними надвигается грозная черная опасность разрушенія новыми культурными варварами XX столѣтія, германцами, въ случаѣ отступленія ихъ изъ Царьграда.

Вопросъ о возможной защитѣ этихъ памятниковъ поднять былъ въ собраніи императорскаго петроградскаго археологическаго института, созданномъ для выработки протеста противъ варварскаго отношенія германцевъ къ художественнымъ памятникамъ старины, выразившагося въ разрушеніи Реймсскаго собора съ его знаменитымъ памятникомъ письменности, Реймскимъ евангелиемъ, единственною славяно-глаголическою рукописью ¹⁾, въ разрушеніи и разграбленіи хранилищъ древностей Брюсселя, Лувена и другихъ городовъ. Послѣ оживленныхъ и горячихъ преній собраніе, уклонившись отъ окончательнаго рѣшенія о формулѣ протеста, рѣшило ожидать собранія представителей другихъ ученыхъ историческихъ и археологическихъ учреждений и обществъ Петрограда, дабы выработать совместно съ ними общую формулу протеста. Представителемъ императорскаго археологическаго института въ это будущее собраніе члены института избрали своего директора профессора Н. В. Покровскаго. Относительно принятія мѣръ къ охранѣ византійскихъ памятниковъ Царьграда директору института поручено было, что онъ уже и исполнилъ, обратиться къ министру иностранныхъ дѣлъ съ просьбою о содѣйствіи министерства. Министръ отнесся къ этому начинанію очень сочувственно, сдѣлано сношеніе съ итальянскимъ правительствомъ, которымъ, въ свою очередь, несомнѣнно, будетъ дано порученіе итальянскому посольству въ Царьградѣ озаботиться, насколько это будетъ въ силахъ, охраной величественнаго памятника храма св. Софіи и другихъ памятниковъ византійскаго прошлаго.

¹⁾ Къ счастью, какъ сообщаютъ газеты, этотъ рѣдкій памятникъ, знаменитая франко-русская реликвія, не погибъ. Мѣсто храненія его нынѣ благоразумно держится въ тайнѣ.
Авт.

Институтъ не остался одинокимъ въ своей попыткѣ протеста ученаго міра противъ германскихъ звѣрствъ. Пресса отмѣтила въ ноябрѣ, что среди академическихъ и профессорскихъ круговъ Петрограда собираются подписи подъ протестомъ противъ неправомернаго и возмутительнаго способа веденія войны союзными Германіей и Австріей и что протестъ этотъ находитъ живой откликъ среди представителей науки безъ различія направленій. Инициаторы надѣются, что къ протесту примкнутъ и профессора университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ другихъ городахъ нашей родины.

Текущій грозный годъ принесъ археологамъ еще одно грустное разочарованіе.

Отмѣненъ предполагавшійся въ концѣ іюля XVI всероссійскій археологическій съѣздъ.

Тихій и мирный Псковъ съ широкимъ русскомъ гостепріимствомъ готовился принять членовъ съѣзда, давно жданныхъ дорогихъ гостей. Авторъ этихъ строкъ, не зная объ отмѣнѣ съѣзда, прибылъ во Псковъ съ большими трудностями какъ разъ къ назначенному времени и самъ наглядно убѣдился въ томъ, какъ много было сдѣлано для предстоящаго приѣма членовъ съѣзда мѣстными археологами и общественными дѣятелями.

Ожидалось прибытіе болѣе 400 депутатовъ ученыхъ учреждений, и для всѣхъ ихъ приготовлены были помѣщенія, чистыя, въ большинствѣ только что заботливо отремонтированныя. Подготовлены обширныя помѣщенія для засѣданій и выставки. Съѣздъ долженъ былъ быть интереснымъ и содержательнымъ. Заявленъ былъ цѣлый рядъ докладовъ. Самъ Псковъ для обзора представляетъ обширный наглядный церковно-и военно-археологическій матеріалъ. Городъ дышитъ стариной; гордо и несокрушимо стоятъ его грозныя башни и стѣны, не разъ въ теченіе промелькнувшихъ столѣтій противопоставлявшія свою мощь и русскую силу нѣмецкимъ полчищамъ. Изъ далекаго прошлаго сохранились во Псковѣ и древніе храмы и древнія художественныя росписи.

Но помимо того матеріала, который давалъ членамъ съѣзда для обзора самъ Псковъ, на предположенную при съѣздѣ выставку прибылъ цѣлый рядъ экспонатовъ. Заботливо и художественно, съ любовью, разставлялись эти экспонаты въ обширныхъ и свѣтлыхъ Поганкиныхъ палатахъ, отведенныхъ для выставки.

Среди большого зала центральное мѣсто заняли церковныя древности. По проекту одного изъ дѣятельныхъ работниковъ по устройству выставки Г. М. Казакова, на видномъ мѣстѣ красовалась точная копія звонницы Богоявленской церкви XV вѣка въ Запсковѣ. Звонница служила удобной витриною цѣлаго ряда экспонатовъ церковныхъ древностей. Среди послѣднихъ выдѣлялись: хоросъ XIV—XV вѣковъ изъ Троицкой церкви въ Опочкѣ, вериги изъ Елизаровскаго монастыря близъ Пскова, серебряный ковшъ изъ Торопца, миниатюры изъ кости, древняя восковая свѣча (изъ погоста Добрывитки). Какъ матеріалъ для изученія древней топографіи Пскова, на выставкѣ собраны были нѣсколько старинныхъ плановъ города, причемъ одинъ изъ нихъ (XVII в.) красуется въ рядкахъ псковскаго гостиного двора у магазина Жиглевича.

Интересны царскія врата изъ Порхова, образъ Тихвинской Божіей Матери изъ церкви св. Василия на горкѣ, гдѣ, по преданію, нѣкогда висѣлъ вѣче-

вой колоколь. Возлѣ находятся образа XVII—XVIII столѣтій, древняя плащаница, часть иконостаса Космо-Даміанской церкви. Большая часть присланных на съѣздъ иконъ—новгородскаго и псковскаго писемъ.

Встрѣчались на выставкѣ и произведенія древне-русской рѣзбы на деревѣ и золотого шитья (шитая хоругвь изъ Логозвичей). Много прислано было старинныхъ книгъ, плановъ архитектурныхъ сооружений. Отдѣлы историко-этнографическій и доисторическихъ древностей также частью уже были разложены и пополняли выставку. Но многое ко дню предполагавшагося открытія съѣзда 22-го іюля было уже сложено обратно въ ящики или такъ и не раскладывалось, ожидая возвращенія своимъ владѣльцамъ.

Въ остальныхъ помѣщеніяхъ палатъ, гдѣ помѣщается художественно-промышленная школа имени Н. Ф. ванъ-деръ-Флита, кипѣла жизнь, всюду видѣлась разбросанная солома, сновали сѣрыя фигуры солдатиковъ, временныхъ обитателей этого мирнаго, обычно посвященнаго старинѣ и искусству, мирнаго уголка.

Закрѣтъ былъ на время и прекрасный псковскій музей мѣстнаго археологическаго общества, находящійся тутъ же въ палатахъ.

Со вздохомъ сожалѣнія оставилъ авторъ этихъ строкъ на половину организовавшуюся уже и такъ неожиданно разоренную археологическую выставку, отъ души желая возможно скорѣйшаго ея осуществленія въ будущемъ.

И, проходя затѣмъ по Пскову, еще окутанный навѣянными выставкою образами богатаго историческаго прошлаго и своеобразной древней архитектуры, какъ-то странно было видѣть столь не соответствующія древнему городу формы недавно лишь построеннаго моста черезъ рѣку Великую въ какомъ-то китайскомъ смѣшанномъ стилѣ; возмущаетъ любителей родной старины и искусства и намѣреніе мѣстной городской думы построить зданіе думы въ стилѣ ампиръ.

Обозрѣвая новости археологической литературы и въ частности говоря о дѣятельности археологическихъ учрежденій, останавлиюсь на нѣкоторыхъ вновь вышедшихъ и разосланныхъ только что въ ученые учрежденія и общества отчетахъ этихъ учрежденій и обществъ.

Широко раскинувшаяся и успѣшно развивающаяся съ каждымъ годомъ, подъ просвѣщеннымъ руководствомъ глубокаго знатока и искренне и горячо преданнаго дѣлу археолога графа А. А. Бобринскаго, учено-административная дѣятельность императорской археологической комиссіи по разысканію, охранѣ и обслѣдованію памятниковъ нашей родной старины отражается и на отчетахъ комиссіи.

Послѣдній выпущенный въ свѣтъ отчетъ комиссіи¹⁾ представляетъ собою солидный томъ in folio, украшенъ многочисленными иллюстраціями и дѣлится по содержанію на три отдѣла.

Первый отдѣлъ, занимающій значительнѣйшую часть книги, излагаетъ важнѣйшую область въ дѣятельности комиссіи—производство археологическихъ изысканій.

¹⁾ Отчетъ императорской археологической комиссіи за 1909—1910 гг., съ 3 таблицами и 293 рисунками въ текстѣ. Стр. 1+2897. Петроградъ. 1913 г.

Раскопки, предпринятые комиссией в 1909—1910 гг., производились: а) в Херсонской губ.—в Ольвии и на о. Березани; подробное описание работ проф. В. В. Фармаковского по восстановлению нашей русской Помпей—древней Ольвии—занимает 105 страниц отчета, сь массой рисунковъ; б) в Таврической губ.—в Херсонесъ (Р. Х. Леперь); в) в Керчи (В. В. Шкорпилъ); г) кургана «Чмыревой могилы»; д) кургановъ при селеніи Днѣпровкѣ и е) в окрестностяхъ этого селенія (раскопки проф. Н. И. Веселовскаго); ж) в Донской области (Н. И. Веселовскій и А. А. Миллеръ); з) в Кубанской области (Н. И. Веселовскій); и) в Ставропольской и Черноморской губерніяхъ; к) в Петроградской губ. (А. А. Спицынъ и К. Д. Трофимовъ); л) в Новгородской губ. (А. А. Спицынъ, А. В. Тищенко и Б. В. Александровъ); м) в Псковской, Ковенской, Виленской, Люблинской и Подольской губ.; н) в Кіевской (графъ А. А. Бобринской, Д. В. Милѣевъ и П. П. Покрышкинъ); о) в Курской, Воронежской, Тамбовской, Саратовской и Оренбургской губерніяхъ.

Второй отдѣлъ отчета содержитъ данныя о случайныхъ находкахъ и пріобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ археологическою комиссией за отчетный періодъ въ Олонецкой, Вологодской, Новгородской, Петроградской, Псковской, Эстляндской и друг., всего въ 53 губ. и областяхъ, включая Кавказъ и Сибирь. Отдѣлъ этотъ, какъ и предыдущій, иллюстрированъ въ текстѣ изображеніями наиболее интересныхъ и выдающихся находокъ и пріобрѣтеній. Такъ, при описаніи находокъ: а) Кутаисской губ. изображена коллекція вещей изъ раскопокъ могильника близъ села Бори Шаропанскаго уѣзда; б) Пермской губ.—сассанидское блюдо, найденное близъ дер. Луковки Пермскаго уѣзда, сь рельефнымъ изображеніемъ сцены царскаго отдыха и другихъ.

Третій отдѣлъ отчета заключаетъ въ себѣ перечисленіе лицъ и ученыхъ учреждений, обращавшихся въ императорскую археологическую комиссію за разрѣшеніемъ производства археологическихъ раскопокъ на казенныхъ и общественныхъ земляхъ.

Отчетъ снабженъ таблицами распредѣленія древностей, добытыхъ изъ раскопокъ, какъ произведенныхъ на средства императорской археологической комиссіи, такъ и изъ раскопокъ учреждений и частныхъ лицъ, пользовавшихся открытыми листами комиссіи, и изъ случайныхъ находокъ и пріобрѣтеній. Таблицы указываютъ: мѣстность, гдѣ сдѣлана находка, кто именно производилъ раскопки и куда назначены добытыя вещи.

Тщательно составленные алфавитные указатели: а) правительственныхъ, ученыхъ и другихъ учреждений; б) личныхъ именъ; в) именъ географическихъ, топографическихъ и этнографическихъ, и г) предметный,—весьма облегчаютъ пользованіе отчетомъ.

Работаетъ въ области археологии и состоящій подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государя Императора русскій комитетъ для изученія Средней и Восточной Азии въ историческомъ, археологическомъ, лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Изъ послѣднихъ, выпущенныхъ въ свѣтъ печатныхъ протоколовъ комитета (за 29-е марта 1914 г.) видно, что на осуществленіе цѣлей комитета ассигнуется министерствомъ иностранныхъ дѣлъ еже-

годно десять тысячъ рублей. Комитетомъ приняты дѣятельныя мѣры къ охранѣ памятниковъ древности Китайскаго Туркестана, выработаны особой комиссіею проектъ обращенія къ мѣстнымъ комитетамъ, входящимъ въ составъ международнаго союза для изученія Средней и Восточной Азии, съ тѣмъ, чтобы проектъ этотъ представленъ былъ на обсужденіе будущаго съѣзда ориенталистовъ, а предварительно сообщенъ мѣстнымъ комитетамъ и другимъ ученымъ учреждениямъ и обществамъ, въ томъ числѣ японской академіи наукъ.

Въ томъ же засѣданіи одобренъ былъ и окончательно рѣшенъ осуществляемый теперь на практикѣ проектъ археологической экспедиціи въ Китайскій Туркестанъ секретаря императорской академіи наукъ, академика С. Ф. Ольденбурга. Главною цѣлью экспедиціи является исчерпывающее изслѣдованіе старѣйшихъ пещеръ Дунь-Хуана, въ дальнѣйшемъ изслѣдованіе Турфанскаго оазиса. На осуществленіе экспедиціи понадобилось 34,500 рублей. Продолжительность экспедиціи установлена примѣрно въ одинъ годъ.

Обращено комитетомъ вниманіе на археологическіе памятники Сѣверной Кореи и на желательность ихъ изученія, на собраніе орнаментовъ въ Алтаѣ и на раскопки въ Сибири, близъ Красноярска, и на дюнахъ, близъ с. Батеневского.

На осуществленіе послѣдняго предпріятія ассигновано комитетомъ 800 руб. Выполненіе его поручено извѣстному мѣстному археологу И. Т. Савенкову. Близъ Красноярска главною цѣлью раскопокъ является обслѣдованіе мѣстъ возлѣ сдѣланной Савенковымъ и единственной для Сибири находки остатковъ палеолитическаго человѣка (эпохи неполированныхъ каменныхъ орудій); близъ с. Батеневского ожидаютъ обслѣдованія обширныя дюны, хранящія въ себѣ остатки эпохи неолитической (полированныхъ орудій изъ камня).

Туркестанскому кружку любителей археологіи отпущено комитетомъ 400 р. на командировку капитана Пехоршева для нанесенія на карту деталей развалинъ въ треугольникѣ между Аму-Дарьей и Сурханомъ, на описаніе ихъ внѣшняго вида, на детальное описаніе и измѣреніе памятниковъ средневѣковаго Термеза и острова Араль-Пейгамберъ и на необходимыя фотографическія съемки.

Профессоромъ В. В. Бартольдъ обращено вниманіе комитета на желательность приступить къ систематическому обслѣдованію городища Афрасіабъ, близъ Самарканда, гдѣ при случайныхъ раскопкахъ открыты буддійскія или манихейскія фрески. Афрасіабъ былъ мѣстомъ домусульманскаго древняго Самарканда, сохранявшаго нѣкоторое значеніе и въ мусульманскій періодъ до монгольскаго нашествія 1220 г. По мнѣнію почтеннаго ориенталиста, въ Туркестанѣ нѣтъ городища такихъ размѣровъ и такой ранней эпохи и никакія археологическія работы не могли бы замѣнить изученія Афрасіаба. Образцомъ будущихъ работъ надъ обслѣдованіемъ Афрасіаба могли бы послужить раскопки Ани въ Карсской области акад. Н. Я. Марра. Афрасіабъ, какъ древній Самаркандъ, въ жизни Туркестана имѣлъ не меньше значенія, чѣмъ Ани въ жизни Кавказа. Комитетъ, по возможности, совмѣстно съ императорскою археологическою комиссіей рѣшилъ возбудить рядъ ходатайствъ: о выкупѣ въ казну городища, о перенесеніи находящагося на городищѣ мусульманскаго кладбища на другое мѣсто, объ измѣненіи направленія желѣзной

дороги из Самарканда в Пенджикент, об изъятии площади городища из пользования как частных лиц, так и общественных учреждений, кроме целей научного обследования, об охранѣ городища от хищнических и вообще не разрешенных в установленном порядкѣ раскопок и об обеспеченіи возможности правильных раскопок и хранения добытых при раскопках предметов.

Ассигновано 250 руб. на изученіе плиты значительных размѣров съ надписями орхонскаго типа, открытой в 1912 году в бассейнѣ р. Толы.

Императорскій московскій и Румянцовскій музеи выпустили в 1914 году отчет о своей дѣятельности за 1913 годъ ¹⁾. Годъ этотъ юбилейный в жизни музея, справлявшаго 3-го апрѣля 1913 года пятидесятилѣтіе своей полезной дѣятельности, какъ «одного изъ величайшихъ рассадниковъ знанія во благо истиннаго просвѣщенія». Лестная характеристика эта дана была музею во всемилостивѣйшей телеграммѣ Августѣйшаго его покровителя Государя Императора.

Въ археологическомъ отношеніи музей обогатился в отчетномъ году 27 предметами старины, переданными в отдѣленіе доисторическихъ, русскихъ и христіанскихъ древностей. В числѣ доисторическихъ древностей в музей поступили: наконечники копій, каменные топорики, часть конской сбруи, серебряныя бляхи, серебряная позолоченная пряжка отъ удиля, серебряная подставка, два куска листового серебра съ позолотой, двое желѣзныхъ удиля, три барабанчика отъ удиля, колечко и желѣзный обломокъ съ гвоздемъ и бронзовая лампа съ головами сатира и силена по бокамъ; в числѣ христіанскихъ древностей: крестъ и мѣдный образокъ XVIII столѣтія; в отдѣлѣ русскихъ древностей пожертвованы: складень темной мѣди XVII вѣка, такой же складень желтой мѣди и образокъ желтой мѣди XVIII или XIX столѣтій. Извѣстный этнографъ С. К. Кузнецовъ незадолго до смерти пожертвовалъ музею рядъ старинныхъ предметовъ церковнаго обихода: ковчегъ, дарохрани- тельницу, покровы на звѣздицу и на аналой XVIII—XIX вѣковъ. Приобрѣ- тены музеемъ покупкою оловянные церковные сосуды конца XVIII—начала XIX вѣка, мѣдный образокъ Благовѣщенія и наперсный крестъ в память Крымской кампаніи, съ инициалами императоровъ Николая I и Александра II, и съ надписью: «На Тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся во вѣки». В коллекцію иконъ поступили складень и три иконы XVII—XVIII столѣтій. Нумизматическій кабинетъ обогатился пятью экземплярами монетъ и медалей.

Изъ отдѣленія древностей в отчетномъ году перемѣщено в отдѣленіе изящныхъ искусствъ 37 византійскихъ и русскихъ иконъ для образованія особой группы памятниконъ, в надеждѣ выяснитъ при ихъ помощи нѣкоторыя особенности и черты искусства древне-русскаго допетровскаго.

Дѣятельность второй московской сокровищницы археологии и исторіи— императорскаго русскаго историческаго музея императора Александра III за 1913 г.—отмѣчается также в отчетѣ, вышедшемъ в свѣтъ в текущемъ году.

¹⁾ Отчетъ императорскаго московскаго и Румянцовскаго музея за 1913 г., представленный директоромъ музея г. министру народнаго просвѣщенія. Москва 1914 г.

Въ отчетномъ году музей обогатился архитектурными каменными фрагментами и другими предметами древности, найденными при спланировании Кремлевской соборной площади и при ремонтѣ большого московскаго Успенскаго собора. Въ числѣ особо цѣнныхъ даровъ отчетъ упоминаетъ о цѣнномъ пожертвованіи лица, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ. Пожертвованіе заключается въ полной обстановкѣ парадной гостиной, вмѣстѣ съ штофной обивкой стѣнъ этой гостиной тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія.

Въ коллекцію доисторическихъ древностей музея внесли свои дары: императорское московское археологическое общество, императорская археологическая коммисія, кубанскій войсковой этнографическій и историческій музей, приславшіи три каменныхъ бабы, музей Терской области—половинки каменныхъ формъ, служившихъ для отливки бронзовыхъ топоровъ. Каменные, серебряные и бронзовые предметы доисторической древности поступили и отъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, въ томъ числѣ отъ извѣстнаго археолога профессора московскаго археологическаго института В. А. Городцова. Приобрѣтены рядъ церковныхъ древностей и предметовъ домашняго быта. Изъ памятниковъ архитектуры интересна модель храма, по преданію представленная на конкурсѣ по сооруженію храма Христа Спасителя въ Москвѣ ярославцемъ-мастеромъ московскаго иконописца Епанечникова (первой четверти XVIII столѣтія).

Херсонскій городской музей древностей въ 1914 году выпустилъ отчетъ за 1912 годъ.

Для археологовъ лѣтопись музея отмѣчаетъ интересный фактъ. Первыми сотрудниками въ собираніи для музея коллекцій были дѣти, учащаяся молодежь, странствовавшая вмѣстѣ съ дѣятелями музея по пескамъ Днѣпровскаго уѣзда въ поискахъ древнихъ черепковъ и бронзовыхъ стрѣлокъ: Взрослые въ то время (музей существуетъ уже 23 года) полунасмѣшливо относились къ этому занятію; теперь—взрослые люди сами охотно берутъ на себя организацию дѣтскихъ археологическихъ экскурсій, приносятъ и присылаютъ въ музей находки.

«Въ прежнемъ помѣщеніи музея,—свидѣтельствуется далѣе составитель отчета ¹⁾),—гѣсныя залы его наполнялись жужжащимъ роємъ дѣтишекъ, жадно вѣматривавшихся въ невиданныя формы предметовъ старыхъ культуръ нашего края, а взрослые тогда какъ-то стѣснялись ходить въ музей, считая это, какъ видно, ребячествомъ. Теперь не то: добрую половину посѣтителей музея составляютъ именно взрослые мужчины и даже женщины,—обыкновенно простолюдины, съ видимымъ благоговѣніемъ рассматривающіе стройныя коллекціи предметовъ, извлеченныхъ изъ родной почвы».

Горячо радуя за сохраненіе памятниковъ старины, составитель отчета отъ имени дѣятелей музея призываетъ мѣстную молодежь помочь имъ и въ этомъ трудномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ.

¹⁾ Херсонскій городской музей древностей. Выпускъ 4-й. Лѣтопись музея за 1912 годъ. Съ иллюстраціями. Составилъ В. И. Горшкевичъ. Изданіе херсонскаго городского управленія. 1914 г. Стр. V+71.

Огромный интерес херсонского музея заключается въ пожертвованныхъ музею императорскою археологическою комиссіею коллекціяхъ находокъ Б. В. Фармаковского, производящаго раскопки съ 1901 года на мѣстѣ древней Ольвии (греческое поселеніе, основанное въ VII вѣкѣ до Р. Х., на правомъ берегу Бугскаго лимана). Коллекціи заключаютъ преимущественно античныя памятники. Кромѣ того, археологическою комиссіею присланы въ музей и античныя древности Пантикопеи (Керчь). Семь экскурсій, совершенныхъ въ отчетномъ году хранителемъ музея (авторомъ отчета), значительно обогатили археологическія пріобрѣтенія музея. Наблюденіе за древностями острова Березани, одного изъ первыхъ пунктовъ расселенія древнихъ грековъ на нашемъ Черноморскомъ побережьѣ, съ отчетнаго года поручено императорскою археологическою комиссіею ему же, хранителю музея В. И. Горшкевичу.

Среди изданій археологическихъ учрежденій 1914 года есть первая ласточка, первый томъ трудовъ возникшаго только въ 1913 году новгородскаго церковно-археологическаго общества ¹⁾.

Привѣтствуемъ появленіе этого труда, какъ и вообще зарожденіе новаго общества. Встрѣчаясь не разъ и на новгородскомъ съѣздѣ, и въ засѣданіяхъ археологическихъ обществъ съ инициаторомъ открытія новаго общества и его попечителемъ архіепископомъ новгородскимъ и старорусскимъ высокопреосвященнымъ Арсеніемъ и зная его любовь къ родной старинѣ и энергію, съ какой онъ берется за то или другое археологическое начинаніе, можно быть твердо увѣреннымъ въ успѣшной дѣятельности общества.

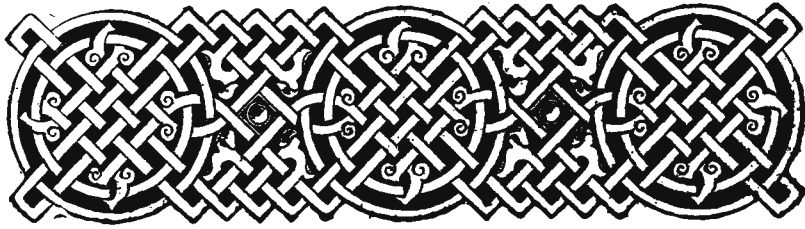
Первая ласточка, которою является первый томъ трудовъ юнаго общества, представляетъ уже хорошій серьезный археологическій матеріалъ, освѣщающій не только памятники церковной старины Новгорода, но затрагивающій и другіе вопросы христіанской археологіи, исторіи и искусства древней Руси. Такъ, въ трудахъ помѣщена статья владыки «Русское вліяніе на молдавскую иконографію въ XVII столѣтіи», статья академика А. И. Соболевскаго «Два слова о «корсунскихъ предметахъ», статьи профессоровъ Д. В. Айналова и А. И. Яцимирскаго и цѣлаго ряда другихъ лицъ.

Желаемъ отъ души дальнѣйшаго процвѣтанія новому обществу.

А. Мироновъ.

¹⁾ Новгородская Церковная Старина. Труды новгородскаго церковно-археологическаго общества. Томъ первый. Новгородъ. 1914 г. Стр. 111+198+52.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

У Троицы въ Академіи. 1814—1914 гг. Юбилейный сборникъ историческихъ матеріаловъ. Москва. 1914. Стр. XI+772. Цѣна 3 рубля.

ОСКОВСКОЙ императорской духовной академіи удалось сдѣлать то, что, къ сожалѣнію, не удалось петроградской. Столѣтній юбилей учрежденія отмѣченъ бывшими воспитанниками изданіемъ капитальнаго сборника историческихъ документовъ, статей, писемъ, воспоминаній, словомъ, всякихъ матеріаловъ, такъ или иначе рисующихъ академическій бытъ за минувшее столѣтіе и вождей духовной академіи «въ вертоградѣ Платона».

Не надо говорить о томъ, какой исключительный интересъ представить этотъ огромный томъ, почти въ восемьсотъ страницъ, для всѣхъ тѣхъ, кто связалъ свои юношескія или послѣдующія впечатлѣнія съ этимъ разсадникомъ богословской науки. Ни съ чѣмъ несравнимый благоговѣйный интересъ къ своей школѣ — законъ для человѣческаго сердца, и здѣсь радуется даже брошюрка въ нѣсколько страницъ.

Но настоящее изданіе выходитъ далеко за предѣлы спеціальнаго благожелательнаго любопытства. Это уже и нѣкоторый вкладъ въ исторію русскаго просвѣщенія, отнюдь не замыкающійся въ кругъ любителей. Носящая почти кастовый характеръ, наша богословская ученость обыкновенно замыкалась въ себѣ, естественно отмежевывалась въ сторону, и неудивительно, что и эта область, и выдающіеся въ ней люди во многомъ доселѣ являются загадкою для свѣтскаго общества. Можетъ быть, не одинъ изъ любознательныхъ свѣтскихъ читателей и хотѣлъ бы поближе узнать, что же такое на самомъ дѣлѣ представляли эти Горскіе-Платоновы, Голубинскіе, Гиляровы-Платоновы

и т. д., которые въ памяти своихъ многочисленныхъ учениковъ рисуются полубогами, мудрецами и неисчерпаемыми кладезями учености.

Но самыя книги ихъ, не говоря уже о лекціяхъ, трудно доступны. И свѣтскому читателю приходилось или на слово вѣрить въ ихъ научное величіе, или отмахиваться отъ невѣдомыхъ громкихъ именъ съ тою несправедливою пренебрежительностью, какую нерѣдко вынуждены переживать представители не одной богословской, но и иныхъ специальностей.

Вотъ на этотъ-то вопросъ многихъ и многихъ даетъ превосходный отвѣтъ академическій сборникъ, и за огромный трудъ редакторства его не одинъ читатель скажетъ спасибо протоіерею Н. Добронравову, затратившему на него, безъ всякаго сомнѣнія, бездну энергіи, ибо извѣстно, что значить оборудовать въ Россіи коллективный литературный трудъ,—иногда легче огромный томъ написать самому.

Академическій сборникъ не даетъ даже простой исторической статьи, какая прослѣдила бы хоть бѣгло столѣтнюю жизнь академіи и дала абрисы ея вождей и свѣтиль. Но на то для желающихъ есть спеціальныя изслѣдованія. Въ довольно пестромъ сочетаніи сборникъ даетъ выдержки изъ старыхъ студенческихъ писемъ, рисующихъ быть студентовъ въ разные періоды минувшаго вѣка, отдѣльныя характеристики ректоровъ и профессоровъ, знаменитаго Александра Васильевича Горскаго, Филарета Амфитеатрова, А. Ф. Лаврова, Дмитрія и Евгенія Голубинскихъ, Кудрявцевыхъ-Платоновыхъ, Ключевского, Корсунскаго и т. д., обильныя письма академической профессуры и письма къ нимъ—Бодянскаго, Буслаева, Толстого, Побѣдоносцева, Филарета, Гильфердинга, Погодина, Тихонравова, Сухомлинова, Срезневскаго, Деянова и другихъ, извлеченія изъ архивовъ, на примѣръ, ректора Горскаго, наконецъ, автобіографическія записки и воспоминанія учениковъ о бывшихъ учителяхъ.

Значительная часть матеріаловъ суха и научна, переписка иногда утомяетъ деталями и учеными разсужденіями. Незаинтересованный читатель спеціально будетъ не читать, а лишь перелистывать добрую половину огромной книги. Но зато изъ этихъ деталей подъ конецъ возникаетъ такая яркая, такой густой и сочной кистью выписанная картина красиваго научнаго подвижничества цѣлыхъ десятковъ людей, для которыхъ въ мірѣ не существовало ничего, кромѣ знанія, кромѣ любимыхъ стѣнъ своей *almae matris* и ея библіотеки, которые были умны и учены, какъ мудрецы, и наивны, какъ дѣти, во всѣхъ иныхъ практическихъ вопросахъ жизни,—что вы не досадуете на эти часы бѣглаго перелистыванія.

Если бы художникъ со средствами, на примѣръ, Лѣскова, и съ интересомъ къ сословію рѣшилъ использовать этотъ академическій архивъ,—онъ нашель бы здѣсь матеріалъ для превосходной, своеобразнѣйшей и колоритной повѣсти. Передъ читателемъ встаютъ такіе колоссы нашей церковной жизни, какъ Платонъ и Филаретъ московскіе, Филаретъ кievскій, философъ въ рясахъ Ѳеодоръ Голубинскій, Филаретъ Гумилевскій, много шумѣвшій и потомъ развѣнчанный Ѳеодоръ Бухаревъ, Субботинъ, Егоръ Амфитеатровъ, Делицынъ, Кудрявцевъ-Платоновъ, Лавровъ-Платоновъ, впоследствии архіепископъ Алексій, Голубинскіе, Корсунскій, не говоря уже о самомъ Горскомъ, академическомъ «па-

пашѣ», въ каковомъ названіи и профессоровъ и студентовъ сказала вся сила ласковаго преклоненія академіи передъ этимъ истиннымъ столпомъ знанія, перешедшимъ къ потомству буквально въ легендарныхъ тонахъ.

Изъ всей этой блестящей плеяды наиболѣе посчастливилось въ смыслѣ признанія еще при жизни, и даже у свѣтскаго общества,—Ключевскому, благодаря почти случайному факту соприкосновенія его съ высшей свѣтской школой.

Нынѣшнимъ поколѣніямъ, одинаково и свѣтскимъ и духовнымъ, книга «У Троицы въ Академіи» можетъ дать трогательный урокъ, что такое есть ученое подвижничество,—урокъ въ особенности драгоценный теперь, въ вѣкъ общаго измельчанія, карьерныхъ устремленій за докторскими и магистерскими степенями и кумовскихъ увѣнчаній ими людей иногда бездарныхъ, но умѣло карабкающихся по іерархическимъ лѣсенкамъ въ звѣздоносныя сферы.

Преклоненіе старыхъ людей науки, бывшихъ академическихъ мудрецовъ передъ святыней знанія и крахъ знанія современнаго—сами собою явствуютъ для того, кто хотя бы только перелистывалъ эту занимательную книгу. Но рѣшительное завершеніе этому чувству, сгущающемуся до великой тоски по временамъ минувшимъ, даетъ воистину великолѣпная и, можно сказать, обжигающая своею страстностью статья профессора Н. Н. Глубоковского, гордости нынѣшней богословской науки въ Россіи и тоже питомца «академіи у Троицы», котораго уже, къ сожалѣнію, не сумѣли удержать въ ея лонѣ тѣ вожди, что заняли мѣста Горекихъ. Статья Глубоковского «За тридцать лѣтъ», завершающая книгу, звучитъ похороннымъ реквиемомъ академіи, и надо отдать честь редактору этого неофициальнаго изданія, который не затруднился дать ей мѣсто, хотя она отнюдь не въ тонѣ юбилейныхъ панегириковъ и бьетъ не въ бровь, а въ глазъ современныхъ академическихъ Платоновъ и Аристотелей, добывающихъ послѣдніе остатки истиннаго знанія въ учрежденіяхъ вѣдомства православнаго исповѣданія.

Характерный для питомца старой академіи стонъ профессора и академика столько же характеренъ для всего его поколѣнія, сколько и для него самого, какъ истиннаго рыцаря науки, начертавшаго на своемъ щитѣ одно имя и остающагося ему вѣрнымъ даже до смерти.

О чемъ можно пожалѣть,—это объ отсутствіи художественной жилки у огромнаго большинства вкладчиковъ сборника. Вотъ гдѣ печально сказывается разница научной и художественной организацій. Точность, ясность и другія качества, почтенныя въ ученомъ, къ сожалѣнію, не въ силахъ нагнать выпуклость, рельефъ, мѣткость художественнаго письма. Такія своеобразныя, такія оригинальныя фигуры старой академіи, характерныя даже на простыхъ фотографическихъ снимкахъ,—проигрываютъ въ дѣловомъ и сухомъ описаніи. Въ этомъ смыслѣ счастливое исключеніе—М. Голубцова, воспоминанія которой о Ключевскомъ выдають въ авторѣ совершенно безспорное литературное дарованіе.

А. Изм.

А. Θ. Кони. Отцы и дѣти судебной реформы (къ пятидесятилѣтію судебныхъ уставовъ). 1864—20-го ноября—1914. Москва. 1914. Изданіе товарищества И. Д. Сытина. Стр. 317. Цѣна 6 р.

Только что истекшее пятидесятилѣтіе судебныхъ уставовъ императора Александра II вызвало къ жизни новый, прекрасный трудъ А. Θ. Кони. Магистръ судебный дѣятель, хорошо знавшій лично главныхъ дѣйствующихъ лицъ великой судебной, реформы, къ полувѣковому ея юбилею собралъ воедино свои воспоминанія и очерки, посвященные какъ отошедшимъ, такъ и здравствующимъ понинѣ своимъ сотоварищамъ по примѣненію въ жизни и истолкованію судебныхъ уставовъ и этимъ путемъ помогъ современному обществу запечатлѣть въ своей благодарной памяти имена тѣхъ, трудамъ, настойчивости и ясному горѣнію духа которыхъ мы обязаны преобразованиемъ юридическаго строя нашей родины.

Кто изъ образованныхъ людей въ Россіи не знаетъ, въ чемъ заключалась судебная реформа, осуществленная державною волею императора Александра II. Но кто помогаль ему въ этомъ святомъ дѣлѣ, кому приходилось на своихъ плечахъ выносить не только тяжесть лихорадочной работы по подготовкѣ законодательныхъ актовъ, опредѣлившихъ новый судопроизводственный порядокъ, но и трудности введенія ихъ въ дѣйствіе, объ этомъ извѣстно далеко не всякому. А между тѣмъ не только знать, но и чтить чистыя имена творцовъ судебной реформы представляется нравственнымъ долгомъ каждаго сознательнаго русскаго гражданина.

Своимъ мастерскимъ перомъ А. Θ. Кони воскресилъ образы тѣхъ людей, которые во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ безповоротно и не боясь не только внѣшнихъ, но и внутреннихъ жертвъ, пошли на службу новому судебному дѣлу, въ которомъ они видѣли залогъ развитія дорогой имъ родины и удовлетвореніе душевной потребности въ справедливости. Входя въ храмъ, гдѣ былъ алтарь той богини, которой они посвятили сознательно и довѣрчиво свою трудовую жизнь, не одинъ сложилъ у его вратъ перо писателя, кисть художника, инструменты опытнаго изслѣдователя. Избранницѣ ихъ пришлось вести жизнь не особенно спокойную: она услѣла сильно постарѣть, морщины покрыли ея лицо, и свѣтлый взглядъ ея подчасъ затуманивается. Но они остались вѣрны своему первому чувству».

Въ этихъ сжатыхъ, но мѣткихъ словахъ А. Θ. Кони чрезвычайно удачно намѣчаютъ двѣ черты, присущія большинству «отцовъ и дѣтей судебной реформы»: ихъ духовная многогранность, порождавшая богатства идейныхъ интересовъ, и непоколебимая стойкость, исполненная героическаго постоянства въ служеніи любимому дѣлу.

Напутствуя при вступленіи въ отправленіе служебныхъ обязанностей вновь назначенныхъ судебныхъ слѣдователей, вскорѣ по учрежденіи этого института, Д. А. Ровинскій, по словамъ А. Θ. Кони, заповѣдалъ имъ—«быть прежде всего людьми, а уже потомъ чиновниками»,—и молодые судебные дѣятели свято исполняли завѣтъ Ровинскаго. Они не замкнулись въ рутинное выполнение возложенныхъ на нихъ закономъ обязанностей, но до конца дней

своих сохраняли душу живую, которую широко открывали навстрѣчу всеѣмъ запросамъ и вѣяніямъ окружающей ихъ общественной жизни.

А. Ө. Кони въ своей книгѣ показываетъ, какъ мало «виць-мундирнаго чиновничества» было въ отцахъ и въ законныхъ дѣтяхъ судебной реформы, до какой степени разнообразны были ихъ духовные интересы. Передъ читателемъ проходятъ—и глубокий знатокъ народнаго быта Ровинскій, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ работниковъ по редактированію судебныхъ уставовъ, оставившій въ то же время яркій слѣдъ въ исторіи искусства, и горячій сторонникъ суда присяжныхъ Марковъ, совмѣщавшій въ себѣ тонкаго юриста, талантливаго художника и поэта, и правая рука Д. Н. Замятина, перваго министра юстиціи преобразованнаго судебного строя въ Россіи, почтенный Н. И. Стояновскій, бывшій горячимъ поклонникомъ Пушкина и оставившій трудъ о русскомъ ученomъ эстетѣ начала девятнадцатаго столѣтія А. Н. Оленинѣ и не признававшій компромиссовъ, страстный другъ новыхъ судебныхъ учрежденій С. И. Зарудный, въ часы досуга перелагавшій русскихъ поэтовъ на итальянскій языкъ, а на русскій переводившій Данте и Беккарія. Все это были люди неустаннаго труда, жившіе интенсивною умственною жизнью, которая счастливо предохранила ихъ отъ многихъ тяжелыхъ минутъ, когда ушли ихъ прежнія силы и стала властно вступать въ свои права разрушительная старческаая дряхлость.

Кромѣ перечисленныхъ лицъ, А. Ө. Кони блестяще характеризуетъ энергичнаго и чистаго сердцемъ В. А. Арцимовича, удачно прозваннаго современниками «Монбланомъ судебного вѣдомства», дѣятельнаго организатора Г. Н. Мотовилова, бывшаго предсѣдателемъ перваго по времени окружнаго суда въ Петроградѣ, стойкаго охранителя неприкосновенности не буквы, но духа судебныхъ уставовъ Д. Н. Набокова, Н. А. Буцковскаго, М. Е. Ковалевскаго, М. Ө. Губскаго, Бобрищева-Пушкина, Есиновича, Боровиковскаго, Шамшина, достойныхъ представителей русской адвокатуры Спасовича, князя Урусова, Плевако, Морошкина, Арсеньева, первыхъ мировыхъ судей, работавшихъ въ столицахъ и въ провинціи, и многихъ, многихъ другихъ, отдавшихъ свою долю силъ и способностей дѣлу преобразованія нашего процессуальнаго строя.

Книга г. Кони поистинѣ являетъ собою тотъ «благоухающій вѣнокъ, сплетенный любящей рукой», о которомъ говоритъ поэтъ. Та глубокая симпатія, съ которою говоритъ почтенный авторъ «Отцовъ и дѣтей судебной реформы» о характеризуемыхъ имъ дѣятеляхъ, невольно передается читателю, и въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть большого воспитательнаго значенія прекрасной книги г. Кони.

Она посвящена «молодымъ судебнымъ дѣтелямъ», и не даромъ. Въ наши дни въ средѣ юридической интеллигенціи, къ сожалѣнію, все болѣе и болѣе оскудѣваютъ идеалистическія настроенія и все осязательнѣе сказываются карьерные мотивы поведенія. Для тѣхъ, кого не совѣтъмъ заполонила практическая сторона повседневной жизни, въ высшей степени полезно омыться той «живой водою» духа, которая была обильно разлита въ прошломъ русскаго правосудія. И трудъ г. Кони, ярко выявляющій тѣ свѣтлыя начала, которыя были положены въ основу судебныхъ уставовъ императора Александра II,

долженъ стать настольною книгою для каждого мыслящаго юриста, и это, несомнѣнно, послужитъ только къ благу нашей юстиціи.

Издатели книги г. Кони сдѣлали все возможное для того, чтобы сообщить ей внѣшность, достойную ея содержанія. Это дѣйствительно художественное изданіе отпечатано на прекрасной бумагѣ красивымъ четкимъ шрифтомъ и украшено исполненными меццо-тинто многочисленными портретами и группами дѣятелей судебной реформы.

Отъ души желаемъ новому труду г. Кони самага широкаго распространенія въ нашей читающей публикѣ.

Сергѣй фонъ-Штейнъ.

Д. И. Багалѣй, заслуженный профессоръ. Русская исторія. Съ картами, планами и снимками съ памятниковъ древности и искусства. Томъ первый. Москва. 1914. Стр. VIII+513. Ц. 2 р.

Первый томъ интересной и обстоятельной работы заслуженнаго профессора Д. И. Багалѣя охватываетъ періодъ русской исторіи отъ начала ея и до эпохи великаго князя Іоанна III. Въ обширномъ «Введеніи» почтенный авторъ, выяснивъ общія историческія понятія и сообщивъ необходимыя методологическія свѣдѣнія, подробно повѣствуетъ о доисторическомъ бытѣ населенія будущей русской территоріи, опираясь всегда на послѣднія новости и открытія въ области археологіи. Особенно тщательно разсматриваетъ профессоръ Багалѣй эллинскій міръ на сѣверномъ побережьи Чернаго моря, много мѣста удѣляетъ онъ также скифо-сарматскимъ народамъ въ южно-русскихъ степяхъ и ихъ преемникамъ—аланамъ, готамъ, гуннамъ, болгарамъ, аварамъ. Послѣдующее изложеніе собственно русской исторіи раздѣлено авторомъ на три части. Первая охватываетъ собою исторію Руси въ кievскій періодъ, т. е. съ IX вѣка до половины XI вѣка; вторая посвящена исторіи Руси въ областной періодъ, съ половины XI до половины XIII столѣтія и, наконецъ, третья повѣствуетъ объ исторіи Руси въ удѣльный періодъ съ XIII до половины XV в.

Въ своей работѣ профессоръ Д. И. Багалѣй на первый планъ выдвигаетъ не политическую сторону, съ каковою точки зрѣнія и изучалась всего чаще русская исторія, а государственный, соціальный и экономическій строй Руси, ея культуру, матеріальную, нравственную и умственную. Авторъ и разсматриваетъ эту культуру въ ея эволюціонномъ развитіи съ ея важнѣйшими отгѣнками и посторонними на нее вліяніями, много вниманія обращаетъ онъ также и на «моментъ ея начала и пышнаго расцвѣта» въ древній періодъ русской исторіи, приче́мъ постоянно опирается на громаднй матеріаль русскихъ историческихъ древностей, а для опредѣленія культурнаго состоянія населенія нынѣшней русской территоріи въ доисторическія времена широко и умѣло пользуется данными и выводами доисторической археологіи, совершенно справедливо замѣчая, что пора уже ввести эту дисциплину въ научный обиходъ русской исторіи для ея, такъ сказать, вступительныхъ главъ. Кромѣ того, важнымъ отличіемъ разсматриваемой нами «Русской исторіи» про-

фессора Д. И. Багал'я отъ другихъ подобныхъ трудовъ является то, что почтенный авторъ большое значеніе придаетъ географическимъ и этнографическимъ элементамъ, обусловившимъ происхожденіе и развитіе русской національности, старается установить границы распространенія и измѣненія русской территоріи во всѣ эпохи существованія русскаго государства не только въ связи съ внѣшними завоеваніями, но и съ успѣхами мирной колонизаціи. Затѣмъ профессоръ Багал'й удѣляетъ также достаточно мѣста въ своемъ трудѣ и младшимъ вѣтвямъ русскаго народа—бѣлоруссамъ и малороссамъ, «ибо они составляютъ органическую часть цѣлаго, и великороссы только въ совокупности своей съ ними представляютъ русскій народъ. Препятствіемъ отнюдь не можетъ служить то обстоятельство, что эти двѣ народности на нѣсколько вѣковъ были оторваны отъ народности великорусской: напротивъ, это должно побудить насъ къ особенно внимательному изученію ихъ жизни за это время, ибо и подъ властью чужихъ государствъ (Литвы и Польши) онѣ боролись за основы своей русской народности и, выработавъ многія своеобразныя особенности своего быта и культуры, тѣмъ самымъ явились участниками общаго совокупнаго культурнаго творчества русскаго племени, а затѣмъ, послѣ возсоединенія продолжали уже совмѣстную ту же культурную работу». Съ большимъ одобреніемъ необходимо отмѣтить также, что въ изложеніи спорныхъ и сложныхъ вопросовъ русской исторіи, какъ, напримѣръ, о началѣ Русскаго государства или объ областномъ и удѣльномъ періодахъ русской исторіи, профессоръ Д. И. Багал'й постепенно выясняетъ генезисъ того или иного взгляда, проводитъ его по пути, по которому онъ шелъ до настоящаго момента, и затѣмъ обстоятельно и общепонятно излагаетъ мнѣнія по сему предмету различныхъ историческихъ школъ, направлений и ученыхъ,

«Русская Исторія» профессора Д. И. Багал'я является хорошимъ пособіемъ, справочникомъ и подспорьемъ не только для студентовъ, но и для преподавателей исторіи, особенно провинціальныхъ, которымъ трудно имѣть постоянный доступъ въ бібліотеки и которымъ эта книга принесетъ большую пользу въ подготовкѣ къ урокамъ и въ освѣщеніи въ своей памяти различныхъ сторонъ русской исторіи. Къ книгѣ приложены подробные указатели литературы по разсмотрѣннымъ эпохамъ, шесть картъ и много хорошо выполненныхъ иллюстрацій. Къ сожалѣнію, въ книгѣ громадное количество опечатокъ, частью оговоренныхъ, частью нѣтъ. Цѣну (два рубля за большой томъ въ 500 страницъ) нужно признать низкою, что еще болѣе послужитъ къ распространенію этой полезной и интересной книги.

М.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ 143. Дипломатическая переписка французскихъ представителей при дворѣ императрицы Екатерины II. Ч. III. 1769—1772. Спб. Стр. 643. Цѣна 3 руб.

Императорское русское историческое общество, начавъ съ 1912 года издавать дипломатическую переписку французскихъ представителей при дворѣ императрицы Екатерины II, въ весьма недавнее время выпустило въ свѣтъ третій

томъ этой переписки, заключающей въ себѣ донесенія въ министрамъ Франціи, завѣдывавшимъ дѣлами внѣшнихъ ея сношеній съ 1769 по 1772 гг. (герцогу Шуазелю, де-Лавриліэру и д'Эгильону) нѣкоего Сабатье де-Кабра, аккредитованнаго въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ Франціи при с.-петербургскомъ дворѣ. Сабатье, враждебно настроенный противъ Россіи и русскихъ, впрочемъ, пробылъ не долго, его нерасположеніе къ Россіи стало извѣстнымъ Екатеринѣ II, и за нимъ былъ учрежденъ бдительный надзоръ, приведшій къ тому, что послѣ оставленія герцогомъ Шуазелемъ своего поста въ концѣ 1770 года, графъ Н. И. Панинъ, завѣдывавшій дѣлами внѣшнихъ сношеній при императрицѣ, поручилъ нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Парижѣ устроить отозваніе Кабра изъ Петербурга. Въ виду склонности къ сближенію съ Россіею во Франціи не затруднились это устроить.

Донесенія Кабра изъ Петербурга хотя и пристрастны и односторонни, но читаются съ интересомъ, потому что содержатъ много всякаго рода подробностей, относящихся къ весьма важному періоду царствованія Екатерины II, именно когда шла война съ Турціей и завязывались мирные переговоры съ нею въ Фокшанахъ, когда являлась чума въ имперіи, приближалось паденіе при дворѣ князя Г. Г. Орлова и т. д. Кабръ часто выходитъ изъ предѣловъ исторической точности и пускается въ пророчества, которыя не сбываются. Къ этимъ донесеніямъ приложена также его особая записка о Россіи, составленная имъ по порученію герцога д'Эгильона въ 1772 году, которая, по справедливому замѣчанію изслѣдователя эпохи Екатерины II В. А. Бильбасова, «обратила на себя большое вниманіе, котораго она вовсе не заслуживаетъ». Въ подтвержденіе этихъ словъ познакомимъ читателей съ нѣкоторыми положеніями Кабра, выработанными имъ при самой суровой безпристрастности, по его словамъ (стр. 553). Онъ утверждаетъ, что нравственно невозможно, чтобы русскіе дошли до того, чтобы образовать то, что называется нація. Скупость, соединенная съ расточительностью, недобросовѣстность, рабская низость, тщеславіе, нахальство будутъ вѣчно появляться на этой неблагодарной почвѣ и т. д. Безмысленно воображать, что Россія можетъ быть вполне населена. Не считая пустынь Сибири, есть провинціи, которыя никогда не будутъ населены (стр. 559), причемъ не указывается, какія это провинціи и почему онѣ не могутъ быть населены. Искусства никогда не будутъ процвѣтать въ Россіи и никогда не достигнуть даже той степени развитія, до которой дошли въ Германіи. Торговля всегда будетъ въ дѣтствѣ, развѣ что измѣнять людей, ихъ привычки и правительство. Изъ всѣхъ людей (земного шара, конечно) русскій самый алчный и самый хищный. Флота у Россіи быть не можетъ, ибо не легко преодолѣть антипатію русскихъ къ морю, и русскіе офицера, столь достойные презрѣнія на сухомъ пути, не будутъ ни храбрѣе, ни просвѣщеннѣе на стихіи, къ которой имѣютъ отвращеніе. Число обывателей этой имперіи простирается до 18 миллионъ. «Я,—говоритъ Кабръ,—положительно утверждаю, что Россія не только не достигнетъ большаго числа обывателей, но увидитъ постепенное уменьшеніе числа ихъ». Это утвержденіе независимо отъ чумы, которая придаетъ тому еще большую очевидность. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы познать духомъ записки Кабра, который, какъ видно изъ стр. 622, приложилъ къ ней

таблицы о доходахъ Россіи съ двумя приложеніями, а также общую табель войскъ и распредѣленія оныхъ, но этихъ любопытныхъ приложеній не имѣется почему-то въ настоящемъ томѣ.

П. Майковъ.

Павловскій, И. Ф. Очеркъ дѣятельности малороссійскаго генераль-губернатора князя А. Б. Куракина. Полтава. 1914. Стр. 131. Цѣна 75 коп.

Настоящая книжка г. Павловскаго составлена изъ нѣсколькихъ статей и замѣтокъ автора, появившихся въ разныхъ изданіяхъ послѣднихъ лѣтъ на основаніи матеріаловъ, извлеченныхъ имъ изъ архива полтавскаго губернскаго правленія.

Въ ней сообщаются свѣдѣнія о дѣятельности князя Алексѣя Куракина, какъ малороссійскаго генераль-губернатора, за годы съ 1802—1808. Авторъ рисуетъ Куракина «талантливымъ, просвѣщеннымъ, съ широкимъ кругозоромъ администраторомъ, обладавшимъ большою инициативой и наблюдательностью» (стр. 121). Оказывается, что въ теченіе какихъ-либо шести лѣтъ управленія краемъ княземъ Куракинымъ было сдѣлано весьма многое. Такъ, имъ были открыты нѣсколько больницъ, богадѣлень и пріютовъ, аптека, устроены ботаническій садъ, смирительные и рабочіе дома, гимназія и разныя училища, сооружены рядъ зданій и памятникъ по случаю столѣтія Полтавской битвы, устроены городской садъ; благодаря его содѣйствію оживилась въ краѣ промышленность и торговля.

Любопытно отношеніе къ А. Б. Куракину малороссійскаго дворянства: первое время дворяне были очень довольны имъ, но какъ только они замѣтили, что мѣропріятія Куракина затрагиваютъ ихъ карманы, то отношенія довольно рѣзко измѣнились, и Куракинъ считалъ себя обиженнымъ, даже оскорбленнымъ недоувѣріемъ дворянства къ нему и ихъ происками. Впрочемъ, черезъ нѣсколько лѣтъ онъ, повидимому, снова сумѣлъ побѣдить нерасположеніе къ себѣ дворянства.

Таково содержаніе книжки г. Павловскаго. Оцѣнивая ее, слѣдуетъ пожалѣть, что авторъ какъ будто недостаточно хорошо знакомъ съ исторической литературой, отчего въ его любопытномъ очеркѣ встрѣчаются нѣкоторые досадные недочеты, которыхъ легко можно было бы избѣжать. Такъ, напримѣръ, въ его біографіи князя А. Б. Куракина сообщается, что онъ назначенъ камеръ-юнкеромъ въ 1779 году, тогда какъ изъ біографіи, помѣщенной въ «Русскомъ біографическомъ словарѣ» (стр. 568), извѣстно, что Куракинъ сталъ камеръ-юнкеромъ съ 1777 года. При Павлѣ Куракинъ назначенъ генераль-прокуроромъ не просто «съ декабря мѣсяца», а съ 4-го декабря 1796 года (Сенатск. Арх., т. первый, стр. 21). Авторъ приводитъ съ подробностями особый «обрядъ выборовъ» дворянскихъ въ Полтавской губерніи (стр. 30—34), считая его «очень интереснымъ», какъ будто какой-то новостью, и полагая, что этотъ обрядъ «составленъ былъ самимъ княземъ Куракинымъ, тогда какъ обрядъ выборовъ установленъ былъ еще при Екатеринѣ II, затѣмъ передѣланъ и сокращенъ въ канцеляріи генераль-прокурора въ 1797 году; этимъ послѣд-

нимъ сокращеннымъ обрядомъ и пользуется князь Куракинъ въ 1802 году (ср. «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1912 г., декабрь, стр. 341—348).

Какъ на достоинство книжки, слѣдуетъ указать на то, что въ ней авторъ широко воспользовался матеріалами архива полтавскаго губернскаго правленія и далъ цѣлый рядъ любопытныхъ свѣдѣній о самомъ князѣ А. Б. Куракинѣ и о томъ краѣ, гдѣ онъ былъ генераль-губернаторомъ. Слѣдуетъ пожелать, чтобы авторъ, уже извѣстный своими работами по исторіи мѣстнаго края, продолжалъ свою плодотворную дѣятельность въ томъ же направленіи.

М. К—овъ.

Книги польской коронной метрики XV столѣтія. Томъ I. Книга 10. 1447—1454 г.г. (Юридическіе памятники, издаваемые варшавскимъ главнымъ архивомъ древнихъ актовъ. Вып. 2). Варшава. 1914 г. Ц. 3 р.

Къ числу архивовъ, имѣющихъ первостепенное значеніе для изученія исторіи Польши, относится также и варшавскій главный архивъ древнихъ актовъ. Какъ Ѳ. Ф. Вержбовскій, теперешній начальникъ архива, такъ и его предшественникъ, нынѣ покойный профессоръ А. И. Павинскій, особенно много сдѣлали для приведенія въ порядокъ и изученія актовъ архива, а также для опубликованія ихъ. Несомнѣнно, что и инициатива изданія, заголовокъ котораго мною приведенъ выше, принадлежитъ профессору Вержбовскому, хотя самой публикаціей старѣйшей сохранившейся до нашего времени книги актовъ польской коронной метрики занялись его помощники—г.г. Мысловскій и Гранічный.

Какъ извѣстно, коронной метрикой называется собраніе грамотъ, выходившихъ изъ королевской польской канцеляріи. Обыкновенно одновременно съ выдачею грамоты какому-либо лицу или учрежденію дѣлались и копии для архива канцеляріи. По мѣрѣ накопленія этихъ копій ихъ потомъ для удобства переплетали. Такихъ переплетенныхъ фолиантовъ актовъ польской коронной метрики сохранилось въ варшавскомъ архивѣ 378. Содержаніе этихъ актовъ было самое разнообразное. Были здѣсь грамоты о назначеніи на разныя высшія государственныя должности, о возведеніи въ дворянское достоинство, о пожалованіи городамъ, монастырямъ и отдѣльнымъ лицамъ привилегій, объ учрежденіи цеховъ и установленіи ярмарокъ; были и грамоты дипломатическаго характера, а также касающіяся разныхъ финансовыхъ и экономическихъ мѣропріятій и королевскихъ имѣній. Изъ сказаннаго видно, какой разнообразный и важный историческій матеріалъ заключается въ коронной метрикѣ и какой интересъ она представляетъ для историка Польши.

Въ появившемся первомъ томѣ актовъ польской коронной метрики издана пока лишь древнѣйшая книга ея, относящаяся къ 1447—1454 годамъ царствованія короля Казимира Ягеллончика. Впрочемъ, въ ней оказалось также нѣсколько грамотъ изъ значительно болѣе ранней эпохи. Методъ, которымъ руководились издатели этой книги метрики, очень простъ и несложенъ: они ограничились точнымъ перепечатаніемъ ея. Правда, въ концѣ своего изданія они приложили предметный указатель, а также указатель лицъ и мѣстностей. Такъ

как акты въ метрикѣ расположены не въ строго хронологическомъ порядкѣ, то издатели предпослали имъ «Хронологическій указатель документовъ» съ соответственными ссылками на нумерацію ихъ въ печатномъ текстѣ, а также на страницы его. Кроме того, въ этомъ указателѣ сообщается кратко и содержаніе каждаго документа. Но, къ сожалѣнію, издатели не предпослали своей публикации вступительной статьи, какъ это принято теперь, въ которой резюмировалось бы содержаніе изданныхъ ими актовъ и которая показала бы, какое значеніе имѣютъ они и что даютъ новаго для науки. Въ своемъ «Введеніи» издатели ограничились только сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о фондѣ польской коронной метрики въ варшавскомъ архивѣ, объ исторіи его судьбы, а также о внѣшнемъ видѣ изданной ими рукописи. Нельзя согласиться и съ способомъ изданія самихъ актовъ. «Тексты актовъ,—говорятъ издатели,—воспроизведенъ со всею точностью, даже вмѣстѣ со всѣми описками и ошибками, свидѣтельствующими о слабомъ знаніи латинскаго языка нѣкоторыми писцами королевской канцеляріи». Не говоря уже о томъ, что сохраненіе орфографіи этихъ актовъ въ печатномъ видѣ совершенно излишне, но во всякомъ случаѣ ошибки и описки оригинала слѣдовало отмѣчать, такъ какъ у всякаго историка, пользующагося этимъ изданіемъ, неизбѣжно должно будетъ постоянно возникать сомнѣніе, имѣетъ ли онъ дѣло съ ошибкою оригинала, или съ опечаткою издателей, тѣмъ болѣе, что наличность такихъ опечатокъ имѣется даже и въ самомъ «Введеніи».

Н. Л.—чь.

Словарь литературныхъ типовъ. Редакція Н. Д. Носкова при сотрудничествѣ г.г. Поварнина и Саввина. Вып. 9 и 10. Гончаровъ. Спб. 1914. Стр. 368. Ц. 2 р.

Этотъ «Словарь», предыдущіе выпуски котораго были посвящены Тургеневу, Лермонтову, Гоголю, Аксакову, Грибоѣдову и Пушкину, не однажды уже назывался въ печати съ сочувствіемъ. Онъ находитъ себѣ примѣненіе и въ учебной и въ литературной средѣ.

Выдѣляя типы у того или другого автора «по возможности подлинными опредѣленіями» его самого, «Словарь» собираетъ матеріалъ, сподручный для разныхъ работъ.

И главныя, и вовсе незначительныя дѣйствующія лица литературныхъ произведеній попадаютъ здѣсь какъ-то сразу на одно полотно, образуя извѣстное социологическое цѣлое, связанное отображеніе человѣческаго житья-бытья. Въдъ гончаровская Русь, напримѣръ, должна восприниматься не только черезъ образы Обломова и Татьяны Марковны, Райскаго и Мароньки, а и всякими зарисовками автора вообще.

И набросками матери, которая внушаетъ своему сыну: «Помни, Евсей, не уйди тамъ въ басурманство, а не то проклянѣ».

Зачерчиваніями Егорьева: это «домашній чиновникъ, проживавшій у губернатора, чѣмъ-то въ родѣ лягавой собаки, бѣгавшій съ разными поносками и иногда *postillon d'amour*». И отмѣткой нарядно одѣтыхъ дѣвочекъ-княженъ, «никому не кланявшихся и боявшихся мужиковъ».

Въ 9—10 выпускахъ «Словаря» дана биографическая канва, приложена и автобиографія Гончарова. Имѣется и «Списокъ лицъ, именъ и предметовъ». Не грѣшно было бы въ немъ, называя Григорьева, Дружинина, Лермонтова,—кстати уже упомянуть, что это все юбиляры 1914 года.

И такіе отдѣлы внесены въ этотъ выпускъ: «Гончаровъ-путешественникъ», «Гончаровъ въ критикѣ». «Словарь литературныхъ типовъ» преслѣдуетъ свои особыя задачи. И странно тутъ требовать полноты въ подборѣ критическихъ сужденій о сочиненіяхъ Гончарова. Мы попрекнули бы г.г. составителей въ другомъ. У нихъ подчасъ трудно угадываются основанія для той или другой выдержки изъ критической статьи. Желательно не обиліе цитатъ, а избѣганіе въ нихъ случайной пестроты.

А. Наложовъ.

**Ю. Айхенвальдъ. Споръ о Бѣлинскомъ. Отвѣтъ критикамъ. Москва. 1914.
Стр. 100. Цѣна 75 коп.**

Г. Айхенвальдъ взялъ на себя неблагоприятную задачу разрушить исторически сложившееся значеніе Бѣлинскаго. Определить иначе его характеристику знаменитаго критика даже нельзя. Г. Айхенвальдъ, какъ извѣстно, не представитель научной исторіи литературы, а «субъективныхъ импрессій» въ области критики. Въ качествѣ такового онъ не имѣетъ никакой научной цѣнности, и вся его оцѣнка Бѣлинскаго, и какъ критика, и какъ личности, покоится поэтому не на исторически и психологически осмысленныхъ фактахъ, а на тѣхъ предпосылкахъ интуитивнаго характера, въ ложности которыхъ убѣждать его не стоило ни г. Бродскому, ни г. Сакулину, работающимъ на почвѣ историческаго изученія русской литературы.

Бѣлинскій защищенъ временемъ. Въ его статьяхъ, конечно, много противорѣчій, и онъ иногда самъ сознавалъ ихъ и даже стыдился (напримѣръ, извѣснаго отрицательнаго отзыва о Чацкомъ); многое Бѣлинскому не позволила понять та самая интуиція, на основаніи которой г. Айхенвальдъ чертитъ свои «силуэты», напримѣръ, устной литературы; кое-что въ Бѣлинскомъ дѣйствуетъ прямо-таки отталкивающе, напримѣръ, его грубые отзывы о православіи въ его письмѣ къ Гоголю,—но исторически Бѣлинскій цѣненъ для русскаго общества не тѣмъ, что онъ говорилъ въ то или другое время, а силою своего общаго вліянія на послѣдующія поколѣнія, которое вынесло имя критика черезъ многія десятилѣтія русской общественной жизни. Въ настоящее время Бѣлинскій только крупнѣйшій фактъ нашего прошлаго, но учиться намъ у него, безъ сомнѣнія, нечему. Объективное изслѣдованіе со временемъ выяснитъ психологическую сущность личности Бѣлинскаго, минуя затрепанное представленіе о «неистовомъ Виссаріонѣ», и укажетъ причины его неустойчивости и противорѣчій, но то же объективное изслѣдованіе еще болѣе углубитъ неопровержимую истину о громадномъ для русскаго общества историческомъ значеніи Бѣлинскаго. Что же касается Айхенвальда, то онъ «напрасно мраморъ гложеть: только время тратитъ въ томъ,—онъ вредитъ ему не можетъ ни зубами, ни перомъ».

Тѣмъ болѣе онъ не можетъ повредить литературной памяти Бѣлинскаго тѣми негодными средствами, съ которыми выступаетъ въ рецензируемой книгѣ. Г. Айхенвальдъ старается доказать, что не онъ одинъ отрицаетъ Бѣлинскаго, и для этого приводитъ мнѣнія Толстого, Достоевскаго, кн. П. А. Вяземскаго и Юрія Самарина. Объ авторитетности Л. Толстого говорить не приходится, онъ обладалъ еще болѣе смятеннымъ умомъ, чѣмъ Бѣлинскій, и, ставъ на «интуитивную» позицію, какъ извѣстно, по одной драмѣ разгромилъ всего Шекспира. Мнѣніе Достоевскаго цѣнится, но можно ли забыть ту буквально ненависть, которую Достоевскій питалъ къ Бѣлинскому по причинамъ религіознаго, а не литературнаго характера? Опасаясь, что два остальныхъ имени не будутъ имѣть доказательной силы, г. Айхенвальдъ награждаетъ князя Вяземскаго такими эпитетами: «писатель яркаго ума, талантливый, въ сужденіяхъ независимый и оригинальный», а Ю. Самарина называетъ «благороднымъ». Напрасно г. Айхенвальдъ прибѣгаетъ къ подобнымъ рекомендаціямъ. Консервативный князь Вяземскій не только къ Бѣлинскому относился отрицательно, но и ко всему поколѣнію 40—50 годовъ, которое такъ далеко ушло отъ того идеала литературной аристократіи, духъ котораго носился въ эпоху расцвѣта силъ Вяземскаго—въ двадцатые годы.

Многія доказательства г. Айхенвальда только кажущаяся убѣдительны. Такова его выписка изъ письма Бѣлинскаго къ Анненкову о Шевченкѣ, которое якобы показываетъ, что у автора, незадолго передъ тѣмъ написавшаго письмо къ Гоголю, исчезло «куда-то революціонное отношеніе къ русскому самодержавію» (28 стр.). Если самъ г. Айхенвальдъ не признаетъ его, страницей раньше, революціоннымъ, то и послѣдняя фраза не имѣетъ значенія. Въ приведенной же имъ цитатѣ о Шевченкѣ нѣтъ ни слова принципиальнаго свойства о самодержавіи, а только осужденіе дѣйствительно крайне несурзаго стихотворенія Шевченка «Сонъ», лишеннаго и художественнаго, и политическаго смысла.

Много мѣста удѣляетъ г. Айхенвальдъ отдѣльнымъ «эстетическимъ ошибкамъ» Бѣлинскаго. Но въ этой плоскости о чемъ можно спорить? Я не согласенъ съ отрицательною оцѣнкою Бѣлинскимъ «Ангела» Лермонтова, но что безъ «Узника» Лермонтовъ не Лермонтовъ, съ этимъ мало кто согласится. Не погрѣшилъ Бѣлинскій и противъ Татьяны. Орестъ Миллеръ отрицалъ даже Лизу Калитину, которая гораздо, конечно, выше пушкинской героини, дѣйствовавшей по распisanію сентиментальныхъ романовъ. А послѣднюю не очень цѣнилъ и глубокомысленный А. Григорьевъ.

Книга г. Айхенвальда слишкомъ растянута: въ пылу полемики авторъ совсѣмъ забылъ чувство мѣры, а иногда забываетъ и правила литературнаго тона: Н. Л. Бродскій, говоритъ онъ, пользуется «методомъ попугая». Это не хуже лукошка, съ которымъ Писаревъ сравнивалъ голову Антоновича.

В. Даниловъ.

«Сочиненія и письма П. Я. Чаадаева. Подъ редакціей М. Гершензона. Томъ II. Изданіе книгоиздательства «Путь». М. 1914. Стр. VIII+342 и 1 автографъ. Цѣна не обозначена.

Въ составъ второго тома сочиненій и писемъ П. Я. Чаадаева вошли варианты нѣкоторыхъ статей его, помѣщенныхъ въ томѣ первомъ, а также переводы на русскій языкъ тѣхъ статей его, основные тексты которыхъ на иностранныхъ языкахъ (главнымъ образомъ—на французскомъ) напечатаны въ томъ же первомъ томѣ.

Въ качествѣ вариантовъ даны: «Философическія письма къ г-жѣ *** Письмо первое», «Нѣчто изъ переписки NN», «Гр. А. Х. Бенкендорфу, 16-го августа 1833 г.», «М. Я. Чаадаеву», «Arologie d'un fou», «Шеллингу, 15-го апрѣля (1842 г.)», и «Кн. П. А. Вяземскому, 29-го апрѣля 1848 г.». Изъ нихъ только письмо къ М. Я. Чаадаеву и вариантъ «Апологии сумасшедшаго», извлеченный изъ Тургеневского архива, принадлежащаго императорской академіи наукъ, появляются въ свѣтъ впервые. Остальные перепечатаны изъ старыхъ журналовъ «Телескопа», «Русскаго Архива» и другихъ изданій.

Переводъ «Апологии сумасшедшаго», «Философическихъ писемъ» и еще пяти писемъ сдѣланъ редакторомъ изданія, М. О. Гершензономъ, переводъ остальныхъ произведеній и писемъ выполненъ Г. А. Рачинскимъ, специально для этого изданія.

Работа произведена тщательно, и остается только пожелать, чтобы другіе русскіе писатели, значенія болѣе существеннаго, нежели Чаадаевъ, удаивались подобныхъ же изданій.

Вл. Кн.

Б. В. Нейманъ. Вліяніе Пушкина въ творчествѣ Лермонтова. 1814—3-го октября—1914 г. Кіевъ. 1914. Стр. II+136. Ц. 75 к.

Книга Б. В. Неймана написана на одну изъ излюбленныхъ въ нашей историко-литературной практикѣ темъ—темѣ о вліяніи одного писателя на другого. Среди многочисленныхъ этюдовъ, посвященныхъ различнымъ «вліяніямъ», этюдъ г. Неймана производитъ впечатлѣніе работы, исполненной добросовѣстно и весьма детально.

Авторъ сначала далъ обзоръ литературы по вопросу о вліяніи Пушкина на Лермонтова (стр. 5—15), а затѣмъ подвергъ этотъ вопросъ тщательному пересмотру и анализу. По собственному его выраженію, онъ разсматриваетъ это вліяніе «последовательно, годъ за годомъ» и выслѣживаетъ его всюду—не только въ цѣлыхъ поэмахъ и стихотвореніяхъ, но и въ отдѣльныхъ образахъ, строфахъ, стихахъ, фразахъ, словахъ. На пространствѣ ста слишкомъ страницъ (16—136) авторъ приводитъ, путемъ параллельнаго сопоставленія текста лермонтовскихъ стихотвореній съ стихотвореніями Пушкина, множество примѣровъ вліянія великаго поэта на его младшаго современника. Итоги своихъ изысканій г. Нейманъ представилъ графически, въ видѣ таблицы, гдѣ въ хронологическомъ порядкѣ выписано все то, что вліяло, и все то, что подвергалось

влиянію, и такимъ образомъ какъ бы окончательно закрѣпилъ въ сознаніи своего читателя непреложность факта зависимости Лермонтова отъ Пушкина.

Взятая со стороны своей тщательности и детальности, работа г. Неймана производитъ пріятное впечатлѣніе и, конечно, полезна, потому что избавляетъ будущаго изслѣдователя творчества Лермонтова отъ необходимости сличать Лермонтова съ Пушкинымъ, чтобы установить извѣстную текстуальную зависимость перваго отъ втораго.

Но со стороны выводовъ трудъ г. Неймана вызываетъ нѣкоторыя возраженія. Г. Нейманъ слишкомъ однообразно и даже механически пользуется своимъ методомъ сравненія Лермонтова съ Пушкинымъ и въ концѣ концовъ не рѣшаетъ вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ и въ какомъ именно отношеніи повліялъ Пушкинъ на выработку литературной манеры Лермонтова и на сферу его настроеній, переживаній, на его постепенно слагавшееся міросозерцаніе. Поэтому то, что г. Нейманъ, подводя итоги своимъ изысканіямъ, называетъ «широкой картиной влияния Пушкина въ творествѣ Лермонтова» (стр. 132), сводится лишь къ установленію давно извѣстнаго факта, что въ юности Лермонтовъ передѣлывалъ Пушкина, а въ болѣе зрѣлые годы нѣсколько разъ погрѣшилъ реминисценціями на его мотивы и выраженія; что же касается «важнаго вопроса» (и тоже, кстати сказать, вопроса не новаго) о вліяніи «усмиренія» Пушкина на творчество Лермонтова послѣднихъ лѣтъ, то и этотъ вопросъ въ этюдѣ г. Неймана не получилъ достаточнаго освѣщенія.

Да и нужно ли такъ настойчиво искать этого вліянія, которое въ процессѣ развитія своеобразнаго творческаго генія Лермонтова играло далеко не первую роль? Въ раннемъ творествѣ Лермонтова переплетались самыя разнообразныя вліянія какъ русскихъ, такъ и многихъ иностранныхъ поэтовъ (ср. E. Duchesne, «M. I. Lermontov»), но онъ довольно быстро отъ нихъ освобождался или перерабатывалъ ихъ по-своему. Поэтому центръ тяжести въ изслѣдованіи Лермонтова лежитъ не столько въ анализѣ вліяній на его поэзію чужаго генія, сколько въ истолкованіи его своеобразной психической организаци и не менѣе своеобразнаго художественнаго творчества, существенное отличіе котораго отъ Пушкинскаго давно уже признано въ русской критикѣ. **И. З.**

Я. Л. Барсковъ. Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній. Спб 1914. Стр. 343. Ц. 5 р.

Историческій очеркъ дѣятельности педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній за первое пятидесятилѣтіе его существованія (1864—1914 года) составлень, по порученію директора музея генерала З. А. Макшеева, преподавателемъ исторіи на учрежденныхъ при музеѣ педагогическихъ курсахъ для подготовки преподавателей въ кадетскіе корпуса Я. Л. Барсковымъ.

Учрежденіемъ своимъ педагогическій музей обязанъ людямъ шестидесятыхъ годовъ, сознававшимъ необходимость «реформъ сверху», какъ въ интересахъ простаго народа, такъ и военнаго сословія.

Составитель «очерка» совершенно справедливо замѣчаетъ, что рекрутчина въ дореформенной Россіи была тѣмъ же крѣпостничествомъ: солдатъ, оторванный на четверть вѣка отъ родной семьи и отъ близкой ему съ дѣтства среды, обращался въ слѣпое безличное орудіе чужой воли. Военная служба считалась не столько почетнымъ и естественнымъ для каждаго подданнаго служеніемъ отечеству, сколько наказаніемъ за преступленія и развратную жизнь; отдача въ солдаты разрѣшалась обществамъ и помѣщикамъ въ видѣ окончательнаго средства избавиться отъ людей порочныхъ, въ отношеніи которыхъ другія мѣры исправленія оказывались уже недействительными. Поднять въ солдатѣ человѣческую личность, облегчить его тяжелую долю и просвѣтить офицера было мечтой военнаго министра Д. А. Милютина при выработкѣ устава о всеобщей воинской повинности.

Во имя этихъ цѣлей въ 1864 году былъ основанъ педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній при весьма неблагоприятныхъ, однако, условіяхъ. Многія вліятельныя лица относились къ нему несочувственно. Принципіальнымъ и упорнымъ противникомъ Д. А. Милютина былъ графъ Д. А. Толстой, съ 1865 года оберъ-прокуроръ свѣтѣйшаго синода, назначенный въ 1866 году и на постъ министра народнаго просвѣщенія. Выступая противъ военнаго министра, графъ Д. А. Толстой развивалъ, между прочимъ, ту мысль, что у насъ «юношество въ періодъ воспитанія руководствуется представленіемъ тѣхъ выгодъ, какія изученіе наукъ обѣщаетъ въ будущемъ, а безкорыстная жажда знанія пробуждается почти исключительно въ зрѣлыхъ лѣтахъ»; что «многіе молодые люди, которые не имѣютъ средствъ или способностей учиться, бросаютъ гимназію съ VI класса»—для нихъ, по мнѣнію графа Толстого, «всегда найдется мѣсто въ арміи». Наконецъ, предвидя «возможность переполненія офицерскаго персонала лицами мѣщанскаго и купческаго сословія», графъ Толстой опасался за политическую благонадежность арміи. Военный министръ не считалъ нужнымъ обсуждать «вопросъ о томъ, какому возрасту, юношескому или зрѣлому, болѣе свойственны корыстныя побужденія», и не ждалъ никакой опасности отъ офицеровъ «мѣщанскаго и купческаго сословія».

Онъ нашелъ энергичныхъ помощниковъ для осуществленія своихъ плановъ съ назначеніемъ Н. В. Исакова начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, а В. П. Коховскаго первымъ директоромъ педагогическаго музея. Съ тѣхъ поръ музей проявляетъ свою дѣятельность въ участіи на европейскихъ выставкахъ, въ устройствѣ публичныхъ чтеній и лекцій для народа и солдатъ, въ подготовительныхъ курсахъ для военныхъ преподавателей и т. д. Историческій очеркъ г. Барскова распадается на двѣ части.

Первая содержитъ шесть главъ: выставки, публичныя лекціи, чтенія для народа и солдатъ, гигиена, педагогика, педагогическіе курсы; это задачи, которыя постоянно выдвигались музеемъ почти въ той же послѣдовательности, въ какой расположены посвященные имъ статьи. Вторая часть охватываетъ дѣятельность музея по отдѣльнымъ предметамъ, которые входятъ въ программу средней школы; здѣсь же приведены краткія свѣдѣнія объ изданіяхъ музея, проекціонныхъ приборахъ, свѣтовыхъ картинахъ и библіотекѣ.

Объемистый труд снабженъ художественными портретами высочайшихъ особъ и лицъ, близко стоящихъ къ дѣятельности музея, а также снимками аудиторій Соляного Городка, въ которыхъ помѣщается музей.

А. Фаресовъ.

«На полѣ брани». Рассказы и эпизоды изъ первой половины нынѣшней войны.
Г. Т. Сѣверцева-Полилова. Петроградъ. 1914. 232. Ц. 1 р. 25 к.

Авторъ умѣло воспользовался многими выдающимися фактами современной войны, происшедшими какъ на русскомъ, точно такъ же и на западномъ фронтахъ, и изобразилъ ихъ въ беллетристической формѣ. Между прочимъ, много вниманія онъ обратилъ на главнаго виновника разгорѣвшагося европейскаго пожара, — императора Вильгельма.

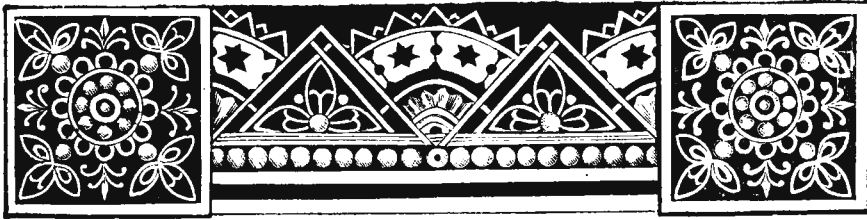
Во многихъ рассказахъ авторъ вывелъ его въ различныхъ положеніяхъ: и какъ ожидающаго возвращенія изъ Россіи президента Французской республики Пуанкаре, пытающаго встрѣтиться съ нимъ на яхтѣ въ Сѣверномъ морѣ («Передъ открытіемъ занавѣса»), и заносчиво мстительнаго съ герцогиней Люксембургской, которую онъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ («Обѣдъ у императора»); ярко очерченъ также кронпринцъ со всеми его дегенеративными наклонностями, кутежами и пренебрежительнымъ отношеніемъ къ чужой собственности («Современный пиръ Валтасара»). Прекрасно очерчены казаки-удальцы, эти дѣти войны, беззавѣтно бросающіеся на явную опасность и не дающіе спуска зазнавшимся тевтонамъ; въ рассказѣ «Турханчикъ» выведенъ казацкій конь, самъ плѣнившій австрійскаго лейтенанта и привезшій его къ своимъ. Оригиналенъ рассказъ «Канадскій доброволецъ», ярко подчеркивающий, что никакія проповѣди и убѣжденія противъ войны, какъ, на примѣръ, у духоборовъ, не могутъ противостать горячему чувству къ родинѣ и желанію броситься на ея защиту. Полонъ таинственности рассказъ «Внѣ человѣческаго познанія», гдѣ выведенъ старикъ-букинистъ, разыскавшій древнюю книгу, напечатанную болѣе полутора ста лѣтъ назадъ во Львовѣ и предсказывающую все нынѣшнія событія. Своеобразенъ рассказу «Амапу», гдѣ жестокой наклонности тевтоновъ противопоставлено женское состраданіе французки.

Все рассказы, по своей оригинальности, невольно заинтересовываютъ, написаны хорошимъ языкомъ и прочтутся со вниманіемъ.

Съ каждаго экземпляра проданной книжки 25 копеекъ авторъ жертвуетъ въ пользу разоренной Польши.

М.

Въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ поступили съ 15 октября
по 15 ноября для отзыва слѣдующія книги:

О. Покоилова. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. 1814—1841 гг. Жизнь. Личность. Творчество. Для старш. классовъ средн. учебн. зав. Со вступит. статьей проф. В. В. Сиповскаго. Изданіе Н. П. Карбасникова. Петроградъ. 1914. Стр. 167. Ц. 80 к.

Толковый и обстоятельный критико-біографическій очеркъ г-жи Покоиловой можетъ послужить хорошимъ пособіемъ для учащихся и полезнымъ чтеніемъ для лицъ, стремящихся къ самообразованію. Къ книгѣ приложены обзоръ матеріаловъ о біографіи и творчествѣ Лермонтова и хронологическіе указатели произведеній и писемъ поэта.

Сборникъ московскаго архива министерства юстиціи. Т. 6-й. Москва. 1914. Стр. IX+555. Ц. 3 р. 50 к.

К. О. Вейхельтъ, М. Н. Коваленскій, В. А. Петрушевскій и В. Я. Улановъ. Книга по русской исторіи для начальныхъ школъ и первыхъ классовъ средн. учебн. зав. Изданіе 2-ое, дополн. Т-ва «Н. П. Карбасниковъ». Спб. 1914. Стр. 280+IV. Ц. 70 к.

Настоящая книга содержитъ въ себѣ картинки бытовой культурной жизни русскаго народа и изложена въ живой и довольно красочной формѣ, вполне доступной для пониманія учащихся народныхъ. Также во многомъ

увеличиваетъ цѣнность этой полезной книги обиліе хорошихъ рисунковъ. Книга можетъ служить надежнымъ пособіемъ для народныхъ школъ.

Труды пермской губернской ученой архивной комиссіи (25 годъ ея существованія). Т. XI. Пермь. 1914. Стр. XIX+254+XVII. Ц. 1 р. 50 к.

Отчетъ императорскаго московскаго и Румянцовскаго музея за 1913 годъ, представленный директоромъ музея г. министру народнаго просвѣщенія. Москва. 1914. Стр. 94+125+221+XV+81+26. Ц. не обозначена.

Труды саратовской ученой архивной комиссіи. Вып. 31-й. Саратовъ. 1914. Стр. 300. Ц. 2 р.

Проф. П. Новалевскій. Кавказъ. Т. II. Исторія завоеванія Кавказа. Изданіе 3-е. Петроградъ. 1915. Стр. 270. Ц. 1 р. 50 к.

Труды рязанской ученой архивной комиссіи. Т. XXVI. Вып. I. Подъ ред. С. Д. Яхонтова. Рязань. 1914. Стр. 160. Ц. 1 р. 25 к.

П. Овидій Назонъ. Наука любитъ В. Алексѣевъ. Изданіе 2-е, исправл. и дополн. т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Петр. 1914. Стр. 220. Ц. 2 р.

Настоящая книга появилась впервые въ 1904 г. Во второмъ изданіи почтенный авторъ переработалъ заново и значительно дополнилъ «Введеніе», содержащее историко-литературный ана-

лизъ поэмы, а также и объяснительныя примѣчанія. Въ общемъ работа г. Алексѣева подверглась значительному улучшенію.

А. П. Арапова. Кто же? Первобытная феминистка. Петроградъ. 1914. Стр. 362. Ц. 2 р.

Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію, составляемое А. Л. Бемомъ, М. Г. Долобко, В. В. Дорошенко, Ю. И. Клецандай, С. С. Лисовскимъ, Вс. И. Срезневскимъ, М. Р. Фасмеромъ и А. А. Шахматовымъ подъ редакц. В. Н. Бенешевича. 1912. Вып. II (до января 1913 г.). 1) Языкознаніе. 2) Русская литература, исторія и древности. Петроградъ. 1914. Стр. 472. Ц. 1 р. 50 к.

Труды новгородскаго церковно-археологическаго общества. Т. I. Новгородъ. 1914. Стр. 198 - II. Ц. 2 р.

Отчетъ императорскаго россійскаго историческаго музея имени императора Александра III въ Москвѣ за 1913 годъ. Москва. 1914. Стр. 124. Ц. не обозначена.

Дѣйствія нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ. Т. XV. Вып. IV. Стр. 163. Вып. V. Стр. 148. Т. XVII. Вып. II. Стр. 120. Вып. III. Стр. 189. Ц. не обозначена.

Каталогъ русскаго отдѣла международной выставки печатнаго дѣла и графики въ Лейпцигѣ въ 1914 году. Стр. Петроградъ. 1914. Стр. 268. И. не обозначена.

Гр. Ф. де ла-Бартъ. Бесѣды по исторіи всеобщей литературы. Ч. I. Средніе вѣка и возрожденія. Изданіе 2-е, исправл. и дополн. Москва. 1914. Стр. XIV 349. Ц. 2 р.

И. Ф. Павловскій. Полтавцы. Иерархи, государственные и общественные дѣятели и благотворители. Опытъ краткаго биографическаго словаря Полтавской губ. съ половины XVIII в. Съ 182 портретами. Изданіе полтавской ученой архивной комиссіи. Полтава. 1914. Стр. XV 294. Ц. 1 р. 50 к.

Гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ семьи и школы въ педагогической литературѣ и школьной практикѣ у насъ и на Западѣ. Петроградъ. 1914. Стр. 171. Ц. 1 р.

Сочиненія Декарта. Переводъ Н. Н. Стрѣтенскаго съ предисловіемъ И. И. Ягодинскаго. Томъ I. Казань 1914.. Стр. XIV 244. Ц. 1 р. 50 к.

Землеустройство. Сборникъ законовъ и распоряженій. Изданіе департамента государственныхъ земельныхъ имуществъ. Петроградъ. 1914. Вып. I. Стр. 432. Вып. II. Стр. XI 803. Вып. III. Стр.

480. Вып. IV. Стр. 110. Вып. V. Стр. 479. Вып. VI. Стр. 152. Вып. VII. Стр. 316. Ц. не обозначена.

Военная энциклопедія. Изданіе товарищества И. Д. Сытина. Москва. 1914. Вып. XXXIII. Стр. 160. «Нитроглицеринъ-Орловы А. Ф. гр. и кн.»—Вып. XXXIV. Стр. 161—320. «Орловы: А. Ф., гр. и кн.»—Патронъ». Ц. не обозначена.

Полк. И. Е. Ивановъ. Впечатлѣнія раненаго въ русско-японскую войну. Изданіе I. А. Маевского. Москва. 1914. Стр. 148. Ц. 60 к.

А. И. Иванчинъ-Писаревъ. Изъ воспоминаній о «хожденіи въ народъ». Изданіе журнала «Завѣты». Петроградъ. 1914. Стр. 244. Ц. 1 р.

М. Горькій. Дѣтство. Собраніе сочин. Томъ XII. Изданіе «Жизнь и знаніе». Петроградъ. 1914. Стр. 340. Ц. 1 р. 50 к.

В. П. Авенариусъ. Историческая хрестоматія. Сборникъ историческихъ разсказовъ русскихъ писателей. Рисунки В. В. Спасскаго. Изданіе А. Д. Ступина. Москва. 1915. Стр. 609. Ц. 2 р. 25 к.

Автору пришла превосходная идея составить для нашего юношества вѣкъ-классную историческую хрестоматію, помѣстивъ въ нее отрывки изъ произведеній извѣстныхъ русскихъ историческихъ авторовъ. На страницахъ хрестоматіи найдутся «Тысяча лѣтъ назадъ» Д. Л. Мордовцева, и «Крещеніе Владимира святого» историка Соловьева, и «Новгородская былина про Садко, И. Сурикова, и «Пиръ и Судъ Грознаго» гр. А. Толстого, «Дмитрій Самозванецъ» Костомарова, «Сержантъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ» Кукольника, и отрывки изъ «Ледяного дома» Лажечникова, «Два Демидова» С. Н. Шубинскаго, и мног. другихъ авторовъ, заканчивая талантливымъ В. Непировичемъ-Данченко. Авторъ умѣло подобралъ все эти произведенія. Книга составила довольно большая, болѣе 600 страницъ и, несомнѣнно, сослужитъ большую службу въ дѣлѣ ознакомленія нашего юношества съ корифеями нашей исторической литературы.

Н. Г. Вучетичъ. Юрій Милославскій. Историческій романъ Загоскина въ сокращенномъ изложеніи. Москва. 1915. Стр. 200. Ц. 60 к. Рис. Спасскаго.

В. П. Авенариусъ. Александръ Васильевичъ Суворовъ. По повѣсти П. Р. Фурмана. Москва. 1915. Стр. 211. Ц. 60 к. Рис. Спасскаго.

То и другое произведеніе, въ пре-

красномъ изложеніи для юношества, причемъ много ненужнаго устарѣлаго матеріала отброшено, чрезвычайно выиграли. Нужно привѣтствовать подобнаго рода новшество пересказа забытыхъ или забываемыхъ уже читающей публикой писателей, въ особенности Фурмана. Г. Вучетичъ, а въ особенности, В. Авенариусъ чрезвычайно бережно обошлись съ оригиналами и, не затронувъ интересныхъ сюжетовъ самыхъ повѣстей, изложили ихъ хорошимъ русскимъ языкомъ. Фирма А. Д. Ступина издала всѣ эти книги съ присущимъ ей изяществомъ, на отличной бумагѣ и снабдила ихъ оригинальными рисунками извѣстнаго художника иллюстратора В. В. Спасскаго. Цѣна вполне общедоступна.

П. Масловъ. Общедоступный курсъ исторіи народнаго хозяйства отъ первобытныхъ временъ до XX столѣтія. Кни-

гоиздательство «Жизнь и Знаніе». Петроградъ. 1914. Стр. VIII 361. Ц. 2 р.

С. А. Новосельскій. Въ вопросу о пониженіи смертности и рождаемости въ Россіи. Петроградъ. 1914. Стр. 16. Ц. не обозначена.

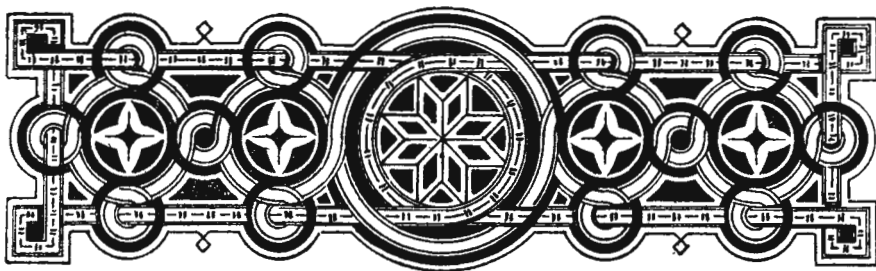
Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ. На полѣ брани. Эпизоды и рассказы изъ первой половины нынѣшней войны. Петроградъ. 1914. Стр. 232.

Труды восточно-сибирскаго отдѣла императорск. русск. географическаго общества. № 8. Иркутскъ. 1914. Стр. 410 + XV. Ц. 1 р. 50 к.

И. Я. Гротъ. Австро-Венгрія или Карпато-Дунайскія земли въ судьбахъ славянства и въ русскихъ историческихъ изученіяхъ. Петроградъ. 1914. Стр. VI + 118. Ц. 60 к.

«Знаніе для всѣхъ». №№ 7—10. Общедоступный ежемѣсячный журналъ для самообразованія. Изданіе П. П. Сойкина. Петроградъ. Ц. каждаго № 50 к.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

УССКО-НѢМЕЦКІЯ отношенія въ освѣщеніи русскаго и нѣмецкаго профессоровъ.— Читатели не забыли, вѣроятно, что нашей войнѣ съ Германіей предшествовалъ цѣлый рядъ вызывающихъ дѣйствій со стороны Германіи: посылка въ Турцію генерала Сандерса, арестъ нашихъ офицеровъ, обвиненныхъ не только въ шпіонствѣ, но даже въ простой кражѣ, наконецъ, газетная кампанія противъ Россіи, начатая «Кельнской Газетой». Русская печать не оставалась въ долгу и отвѣтила нѣмцамъ съ большимъ достоинствомъ. Видя, что запугать Россію не удастся, нѣмцы рѣшились поближе познакомиться съ настроеніемъ русскаго общественнаго мнѣнія. Съ этою цѣлю издатель извѣстнаго журнала «Preussische Jahrbücher», профессоръ Дельбрюкъ, притворившись изумленнымъ поднявшейся въ газетахъ полемикой, обратился къ своему знакомому, профессору петроградскаго историко-филологическаго института Митрофанову, прося разъяснить ему, почему де-русскіе такъ нападаютъ на нѣмцевъ и угрожаютъ имъ.

Профессоръ Митрофановъ исполнилъ просьбу своего берлинскаго коллеги и отвѣтилъ ему обстоятельнымъ письмомъ, которое было напечатано въ іюньской книжкѣ «Preussische Jahrbücher» и возбудило въ Германіи большую сенсацию. Сказавъ въ началѣ письма нѣсколько словъ о томъ, что онъ не имѣетъ никакого отношенія къ русскому министерству иностранныхъ дѣлъ и служитъ лишь резонаторомъ русскаго общественнаго мнѣнія, профессоръ Митрофановъ констатируетъ, что дѣйствительно между русскими и нѣмцами существуютъ натянутыя отношенія. Для выясненія причинъ этихъ натянутыхъ отношеній профессоръ даетъ прежде всего историческую справку.

«Начало этого явления,—говорит онъ,—надо искать еще въ XVIII вѣкѣ, когда Петръ Великій насильственно и безъ всякаго милосердія сталъ искоренять русскій укладъ и превращать русскихъ въ нѣмцевъ. Злоупотребленія при этой кровавой реформѣ находили себѣ оправданіе въ неслыханныхъ успѣхахъ его царствованія, но реформа, необходимая сама по себѣ, была все-таки не по душѣ русскимъ. Русскій народъ, разбѣянный по огромной площади, привыкъ къ своеобразной свободѣ. Правительство могло быть несовершенно, грубо, часто жестоко, но оно стояло вдали и давало себя чувствовать лишь толчками. Вся частная жизнь, обычный ходъ вещей шли своимъ путемъ, и въ своей душѣ, обычаяхъ, строеѣ мыслей древне-русскій человѣкъ чувствовалъ себя свободнымъ и самостоятельнымъ. Но вотъ появилось знаменитое полицейское государство XVIII столѣтія съ своими непонятными для народной массы бумажными уставами и безпрестаннымъ раздражающимъ вмѣшательствомъ въ жизнь каждаго человѣка. Давленіе правительственной машины количественно не уменьшилось, а качественно стало много хуже. Правительственныя формы были чужими для русскаго народа, чуждо звучали названія непонятныхъ правительственныхъ мѣстъ, чиновники облеклись въ чужеземное платье, канцелярскій языкъ сталъ чужимъ, въ канцеляріяхъ сидѣли иноземцы, но большей части нѣмцы.

«Нерасположеніе къ нимъ выросло въ ненависть въ царствованіе Анны Иоанновны. Недовѣрчиво настроенная къ русской аристократіи, желавшей ограничить ея абсолютную власть, она окружила себя нѣмцами. Всѣ эти «случайные» люди, въ родѣ Бирона, Миниха и *tutti quanti* смотрѣли на русскихъ, какъ на низшую породу, а на Россію, какъ на завоеванную страну, и хозяйничали въ ней самымъ недостойнымъ образомъ. Дѣло дошло до того, что русскимъ императоромъ сталъ брауншвейгскій принцъ, а Биронъ былъ сдѣланъ регентомъ.

«Реакція была сильна. Елизавета, которую такъ мучили при нѣмецкомъ дворѣ Анны, прогнала всѣхъ нѣмцевъ безъ различія. Волна общаго мщенія и гнѣва народнаго была такъ велика, что смела все нѣмецкое. Семилѣтняя война, во время которой въ Берлинѣ былъ русскій генераль-губернаторъ, дала исходъ оскорбленному національному чувству. Какъ глубоко коренилось это чувство, показываетъ судьба Петра III. Русскій императоръ, гордившійся тѣмъ, что онъ генераль прусской службы, и положившій всѣ русскія завоеванія Семилѣтней войны къ ногамъ Фридриха, сталъ невозможенъ на русскомъ престолѣ.

«Со времени Екатерины потянулся длинный рядъ годовъ, въ теченіе которыхъ нѣмецкому вліянію были положены узкіе предѣлы, и оно было замѣнено французскимъ. Для Россіи въ началѣ своей культурной жизни было невозможно остаться безъ вліянія какой-нибудь чужой цивилизаци. Было совершенно естественно, что французское вліяніе вытѣснило нѣмецкое. Нѣмцы продолжали еще пріѣзжать въ Россію, но это уже были ремесленники, аптекаря, купцы, въ лучшемъ случаѣ инженеры и врачи, словомъ, люди, которые были очень полезны, но ни въ коемъ случаѣ не могли равняться съ французами, какъ насадителями культуры. Такимъ образомъ, въ высшихъ классахъ образовалось мало-по-малу презрѣніе къ нѣмцамъ. Чрезвычайно характерно, что воспитанный человѣкъ долженъ былъ имѣть безукоризненный французскій и англійскій выговоръ, но считалось признакомъ хорошаго тона говорить по-нѣмецки съ ошибками. Къ этому присоединилось еще политиче-

ское безсиліе раздробленной Германіи и чувство превосходства русскаго оружія и русской дипломатіи.

«Только начиная съ тридцатых годовъ прошлаго вѣка, стало опять усиливаться культурное вліяніе нѣмецкаго народа. Небывалое развитіе нѣмецкой науки въ первыя десятилѣтія XIX вѣка получило въ Россіи свое признаніе. Молодые люди толпами ѣхали въ Германію, чтобы учиться въ тамошнихъ университетахъ. Университетскіе круги въ Россіи до сихъ поръ безспорно находятся подъ нѣмецкимъ вліяніемъ, и совершенно немисливо представить себѣ русскаго профессора, котораго не зналъ бы по-нѣмецки.

«Однако этотъ кругъ не великъ и никогда не имѣлъ руководящаго значенія. Высшіе же слои общества продолжали пребывать въ пренебреженіи къ нѣмецкому языку и обычаямъ, а низшіе въ инстинктивномъ, а потому и упорномъ отвращеніи къ нѣмцамъ. Это отвращеніе находило постоянно новую для себя пищу въ жестокомъ и презрительномъ отношеніи къ русскому солдату со стороны многочисленныхъ офицеровъ изъ балтійскихъ губерній и въ жестокомъ педантическомъ и грубомъ образѣ дѣйствій нѣмецкихъ управляющихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ они показали себя совершенно неспособными уживаться съ русскими крестьянами. Старая вражда была еще жива, подъ тепломъ тлѣлъ огонь и ждалъ только подходящаго времени, чтобы вспыхнуть яркимъ пламенемъ.

«Толчокъ къ этому дала не сѣверная Германія, а Австрія по случаю крымской войны. Всякій знаетъ, какъ Габсбургская монархія отнеслась тогда къ Россіи и какъ она «изумила неблагодарностью весь міръ». Нанесенная тогда Россіи рана зияетъ до сихъ поръ, а австрійская политика сдѣлалась въ Россіи синонимомъ недоброжелательныхъ «происковъ». Напротивъ, къ Пруссіи въ Россіи относились доброжелательно, по крайней мѣрѣ въ правительственныхъ кругахъ, и благожелательный нейтралитетъ Россіи въ 1870—71 г.г., обезпечивая восточную границу Пруссіи, сдѣлалъ возможными поразительные успѣхи нѣмцевъ на французскихъ поляхъ битвъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что всѣ симпатіи широкихъ образованныхъ круговъ столицы и провинці лежали на сторонѣ Франціи и что отнятіе у нея Эльзаса и Лотарингіи почувствовалось въ Россіи, какъ національное несчастіе.

«Очередь Пруссіи пришла въ 1878 г. вслѣдствіе ея поведенія на Берлинскомъ конгрессѣ. Возмущеніе противъ «честнаго маклера» было всеобщимъ, и правильно или неправильно, но создалось убѣжденіе, что именно Бисмаркъ больше всего виноватъ въ искаженіи Санъ-Стефанскаго мирнаго договора. Мысль о войнѣ съ Германіей стала очень популярна, и «бѣлый» генералъ Скобелевъ сдѣлался ея главнымъ посетелемъ. Но Бисмаркъ пошелъ дальше по проторенной дорожкѣ: тройственный союзъ обезпечилъ Германіи гегемонію на материкѣ. Въ видѣ противодѣйствія былъ заключенъ двойственный союзъ».

Покопчивъ съ исторической стороны вопроса, профессоръ Митрофановъ переходитъ къ экономической. Указавъ, что обладаніе проливами является для Россіи жизненной необходимостью, и отмѣтивъ вызывающее поведеніе за послѣдніе годы Австріи и Германіи, профессоръ, резюмируя все сказанное, писалъ: «Нѣмцы не хотятъ видѣть, что Россія въ 1914 году совсѣмъ не такова, какой она была въ 1904 году. Страна удивительно выросла матеріально и духовно, бюджетъ

ея достигъ четырехъ миллиардовъ рублей, населеніе увеличилось по крайней мѣрѣ до 160 милліоновъ армія насчитываетъ въ своихъ рядахъ полтора милліона хорошо вооруженныхъ и заботливо обученныхъ людей, земельная реформа Столыпина начинаетъ приносить плоды, и крестьянинъ избавился отъ угнетавшей его ранѣе нужды, промышленность дѣлаетъ такіе успѣхи, что не хватаетъ сырыхъ матеріаловъ. Ввозъ въ Россію оцѣнивается въ нѣсколько миллиардовъ марокъ, и Германія имѣла на русскомъ рынкѣ лучшей сбытъ. Раны, нанесенныя японской войной и революціей, зажили, и теперешняя Россія требуетъ уваженія къ ней и къ ея интересамъ. Послѣдній торговый трактатъ, заключенный подъ давленіемъ неудачной войны и внутренней смуты, оказался выгоднымъ только Германіи и нѣмецкому земледѣлію. Двѣнадцать лѣтъ Россія была данницею Германіи, и общественное мнѣніе уже заранѣе предупреждало правительство, чтобы оно не повторило прежней ошибки. Не слѣдуетъ забывать, что въ Россіи общественное мнѣніе за послѣднія десять лѣтъ играетъ совершенно другую роль, чѣмъ прежде. Теперь оно выросло въ реальную общественную силу. Въ сознаніи столь важныхъ интересовъ въ Россіи со всѣхъ сторонъ раздаются крики: *caveant consules!* Это не тактическій пріемъ, чтобы запугать Германію. Но если мы не встрѣтимъ разумнаго желанія пойти намъ навстрѣчу, тогда дѣло плохо. Мы вовсе не желаемъ нападать на Германію и убѣждены, что и Германія далека отъ агрессивныхъ замысловъ, но мы чувствуемъ, что со всѣхъ сторонъ въ Турціи, Швеціи, Австріи насъ тѣснитъ нѣмецкій натискъ, мы не встрѣчаемъ признанія нашего теперешняго положенія, съ нашей мощью не считаются, и мы рѣшились создать себѣ подобающее мѣсто».

Къ этому письму издатель «*Preussische Jahrbücher*» дѣлаетъ любопытное послѣсловіе. Онъ говоритъ, что послѣ письма профессора Митрофанова напрасно отрицать, какъ это сдѣлалъ въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ князь Мещерскій, наличность въ Россіи ненависти къ нѣмцамъ. «Если мы,—пишетъ Дельбрюкъ:—не позволимъ русскимъ вырвать у турокъ входъ въ Черное море и освободить югославянскіе народы, т. е. разрушить Австрійскую имперію, то русскіе собираются объявить намъ войну. Мы видимъ свою миссію въ томъ, чтобы охранять Европу и Азію отъ господства московитовъ».

Разыгравшійся со времени появленія этой статьи событія наглядно доказываютъ, что нѣмцы самозванно присвоили себѣ миссію, о которой говоритъ Дельбрюкъ, и ошиблись въ своемъ историческомъ призваніи и роли. Такихъ ошибокъ исторія не прощаетъ.

— В о л ь т е р ь в ь А н г л и и.—Самый темный и не выясненный вопросъ въ хорошо разработанной біографіи Вольтера—это періодъ его пребыванія въ Англіи, гдѣ онъ прожилъ почти два съ половиною года, по однимъ источникамъ—до ноября 1728 года, по другимъ—до марта 1729 года. Пребываніе Вольтера въ самомъ источникѣ цивилизаціи имѣетъ огромное историческое значеніе. То было соприкосновеніе двухъ высшихъ культуръ, столкновеніе двухъ разныхъ политическихъ строевъ. Разница между Англіей и Франціей не могла не отразиться на впечатлительномъ Вольтерѣ. Вотъ почему историки литературы упорно возвращаются время отъ времени къ этому періоду въ надеждѣ выяснитъ его подробно. Такую попытку дѣлаетъ Литтонъ Страчей въ октябрьской книжкѣ за текущій годъ шотландскаго журнала «*The Edinburgh Review*».

Обстоятельства, которыя заставили Вольтера удалиться въ Англію, заключались, какъ видно изъ официальныхъ данныхъ, въ слѣдующемъ. Къ началу 1726 года Вольтеръ достигъ уже въ Парижѣ значительной извѣстности. Онъ былъ общепризнаннымъ поэтомъ и драматургомъ и пользовался большимъ вліяніемъ у всемогущей при дворѣ *м-ше де-При*, схлопотавшей ему пенсію изъ королевской шкатулки. Его остроуміе, веселость и необыкновенная способность быть вездѣ пріятнымъ скоро сдѣлали его любимцемъ того узкаго, замкнутаго аристократическаго кружка, который въ то время господствовалъ надъ всей Европой. Юный сынъ нотаріуса, перемѣнивъ свое настоящее имя «Аруэ» на болѣе благозвучное «Вольтеръ», старался затереть слѣды своего плебейскаго происхожденія, вращался во дворцахъ герцоговъ и принцевъ, выражая горячую преданность ихъ женамъ, участвуя въ пирушкахъ ихъ сыновей. Положеніе его казалось превосходнымъ, какъ вдругъ разразилась катастрофа.

Однажды вечеромъ въ театрѣ «Оперы» Вольтеръ встрѣтился съ шевалье Роганъ-Шабо, человѣкомъ дерзкаго и буйнаго нрава.

— Послушайте, какъ ваша фамилія—Аруэ или Вольтеръ?—надменно обратился онъ къ Вольтеру.

— Какова бы ни была моя фамилія, я сумѣю оградить ее честь,—быстро отвѣчалъ Вольтеръ.

Роганъ что-то пробормоталъ и уѣхалъ изъ «Оперы», но инцидентъ этимъ не кончился. Вольтеръ далъ волю своему языку и поплатился за это. Въ тѣ времена съ большими сеньорами нужно было держать себя очень осторожно и не слишкомъ показывать умственное превосходство надъ ними. «Смотри, — сказали однажды одинъ изъ такихъ сеньоровъ извѣстному актеру того времени Данкуру—если ты сегодня за ужиномъ окажешься остроумнѣе меня, то я выплюю тебѣ сто палокъ».

Черезъ нѣсколько дней Роганъ и Вольтеръ снова встрѣтились въ театрѣ «Комедіи» въ уборной Адриенны Лекуверрь. Роганъ повторилъ свой вопросъ.

— Я уже далъ вамъ отвѣтъ,—промолвилъ Вольтеръ.

Взбѣшенный Роганъ бросился на него съ палкой, и только вмѣшательство актрисы спасло Вольтера отъ расправы. Прошло еще нѣсколько дней. Однажды Вольтеръ обѣдалъ у герцога де-Сюлли, съ сыномъ котораго онъ былъ на дружеской ногѣ. Ему доложили, что кто-то дожидается его на улицѣ, и, когда Вольтеръ вышелъ на крыльцо, на него бросились слуги Рогана и жестоко его избили. Избѣніемъ распоряжался самъ Роганъ, командовавшій изъ экипажа: «Не бейте его по головѣ! Она еще понадобится, чтобы смѣшить публику».

Вырвавшись изъ рукъ лакеевъ, Вольтеръ, избитый, растерзанный, вбѣжалъ прямо въ столовую герцога де-Сюлли и, задыхаясь отъ волненія и негодованія, разсказалъ все, что съ нимъ случилось. Но высокопоставленныя особы, съ которыми онъ обѣдалъ, отнеслись къ этому случаю совершенно равнодушно. Кастовое чувство взяло верхъ: для нихъ Вольтеръ былъ только поэтъ, веселый, остроумный человѣкъ, но промѣнять его на какого-нибудь Рогана никому изъ французской знати не пришло бы и въ голову.

— Бѣдный Вольтеръ, онъ вѣдь правъ,—сказала *м-ше де-При*, узнавъ объ этой исторіи, но сдѣлать ничего не могла: семья Рогановъ имѣла огромныя связи, и дѣйствовать противъ нихъ было опасно..

Вольтеръ въ обѣшенствѣ вызвалъ Рогана на дуэль. Но тутъ противъ него примѣнили законъ, воспрещавшій дуэли, и полиціи было приказано арестовать его при первыхъ же признакахъ того, что онъ готовится къ дуэли. 17-го апрѣля онъ былъ схваченъ полицией и, по приказу короля, заключенъ въ Бастилю.

Въ Бастиліи онъ, впрочемъ, содержался не долго. Онъ заявилъ о своемъ желаніи уѣхать изъ Франціи, и власти, для которыхъ былъ непріятенъ шумъ, поднявшійся вокругъ этого инцидента, охотно дали ему соответствующее разрѣшеніе съ тѣмъ, чтобы онъ могъ возвратиться только съ ихъ вѣдома.

Въ маѣ Вольтеръ былъ уже въ Кале, откуда переправился въ Англію. Гдѣ онъ былъ потомъ, не установлено. Извѣстно только, что въ октябрѣ онъ поселился въ лондонскомъ кварталѣ Уондсвортъ. Говорятъ, что лѣтомъ того же года онъ тайно ѣздилъ въ Парижъ въ надеждѣ вызвать на дуэль Рогана. Гдѣ онъ жилъ въ Англіи до октября—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ не въ Лондонѣ. Свѣдѣнія о пребываніи Вольтера въ Англіи чрезвычайно скудны. Въ письмахъ его встрѣчаются лишь отдѣльные намеки. Такъ, въ одномъ изъ нихъ Вольтеръ пишетъ: «Я пріѣхалъ въ Англію безъ гроша денегъ, умирая отъ лихорадки. Одинокій и всѣмъ чужой, я очутился въ городѣ, въ которомъ у меня не было ни души знакомыхъ. Леди и лордъ Болинброкъ были въ имѣніи. Къ нашему посланнику я не могъ итти въ столь жалкомъ состояніи. Въ этомъ бѣдственномъ положеніи судьба послала мнѣ англичанина, котораго я не зналъ и который принудилъ меня взять деньги, въ которыхъ я такъ нуждался. Другой англичанинъ, съ которымъ я мелькомъ видѣлся въ Парижѣ, увезъ меня къ себѣ въ деревню, гдѣ я велъ тихую и спокойную жизнь, не показываясь въ Лондонъ. Съ леди и лордомъ Болинброкъ я видѣлся потомъ очень часто, они предлагали мнѣ денегъ и свой домъ, но я отъ всего этого отказался, ибо это были лорды, и взялъ ихъ отъ Фокнера, потому что это былъ обыкновенный джентльменъ».

Дружба между Вольтеромъ и этимъ «обыкновеннымъ джентельменомъ» Фокнеромъ длилась много лѣтъ, но кто былъ этотъ Фокнеръ—неизвѣстно.

Въ Лондонѣ Вольтеръ жилъ на Billiter Square и велъ, повидимому, очень подвижной образъ жизни, переносясь то на похороны Исаака Ньютона въ Вестминстерское аббатство, то засѣдая у извѣстнаго писателя Конгрэва, то присутствуя на митингѣ квакеровъ. На одной изъ улицъ этотъ живой юркій французъ былъ окруженъ толпой, враждебно настроенной къ французамъ. Кто-то обозвалъ его французской собакой. Вольтеръ быстро вспрыгнулъ на тумбу и сказалъ горячую рѣчь, которая начиналась такой тирадой: «Храбрые англичане! Развѣ я недостаточно несчастливъ уже отъ одного того, что родился не среди васъ?» Толпа была быстро завоєвана.

Извѣстно еще два-три анекдота изъ лондонской жизни Вольтера, но это и все. О сношеніяхъ Вольтера съ тогдашними главарями англійской литературы Болинброккомъ, Попомъ, Свифтомъ мы почти ничего не знаемъ. Переписка его съ Болинброккомъ, которая могла бы пролить свѣтъ на дальнѣйшій ходъ умственного развитія Вольтера, къ сожалѣнію, исчезла цѣликомъ. Много лѣтъ спустя послѣ пребыванія Вольтера въ Англіи, а именно въ 1765 году, его посѣтилъ въ Фернѣ ирлѣндскій англійскій майоръ Брумъ, который занесъ въ свою записную книжку слѣдующія строки: «Обѣдалъ съ г. Вольтеромъ, который былъ чрезвычайно любезенъ».

Онъ очень старъ, одѣтъ въ халатъ изъ синяго сатина, на головѣ у него шапочка изъ синяго же сатина съ золотыми кистями. Все время онъ говорилъ по-англійски. Его домъ не очень красивъ, но весьма уютенъ и стоитъ на холмѣ, недалеко отъ горъ. Онъ высокаго роста, очень худой, съ необыкновенно-живыми и пронизывающими глазами. Онъ рассказывалъ мнѣ о своемъ знакомствѣ съ Попомъ, Свифтомъ, съ которыми онъ жилъ три мѣсяца у лорда Питерборо, и Геемъ, который прежде, чѣмъ ставить свои оперы на сцену, показывалъ ихъ ему. О Свифтѣ онъ говорилъ, что въ немъ было много смѣшного».

Едва ли въ XVIII столѣтіи найдется хоть одинъ человѣкъ, котораго бы такъ ненавидѣли, какъ Вольтера. Нѣтъ, слѣдовательно, ничего мудренаго въ томъ, что впоследствии о его пребываніи въ Англии распускались самые позорные слухи.

Такъ, одни писали, что «Вольтеръ велъ себя въ Англии непорядочно и что своимъ поведеніемъ, не согласующимся съ принципами нравственности, онъ нажилъ себѣ не мало враговъ». Другіе увѣряли, что ему пришлось тайно бѣжать изъ Англии, что онъ обманулъ лорда Питерборо, выманивъ у него значительную сумму денегъ. Извѣстный англійскій критикъ XVIII вѣка Джонсонъ былъ убѣжденъ, что Вольтеръ былъ шпиономъ Вальполя и продавалъ политическія тайны лорда Болинброка англійскому правительству.

Слухи эти возникли, очевидно, оттого, что знакомство Вольтера не ограничилось одними оппозиционными кругами. Изъ Парижа отъ англійскаго посланника Гораса Вальполя онъ привезъ рекомендательныя письма къ нѣсколькимъ выдающимся политическимъ дѣятелямъ. «Г. Вольтеръ выдающійся поэтъ, — писалъ Вальполь герцогу Ньюкэстльскому. — Онъ написалъ превосходную поэмю «Генрихъ IV», которую здѣсь нельзя было напечатать вслѣдствіе нѣсколькихъ смѣлыхъ стиховъ, касающихся политическихъ преслѣдованій». Такія письма сдѣлали свое дѣло и, Вольтеръ быстро приобрѣлъ нѣсколькихъ друзей при дворѣ. Когда въ Англии была объявлена подписка на «Генриаду», Болинброкъ подписался на двадцать экземпляровъ, а Свифтъ хлопоталъ о томъ, чтобы она распространилась въ возможно большемъ числѣ среди своихъ земляковъ-ирландцевъ. Поэма была посвящена авторомъ королевѣ Каролинѣ, отъ которой онъ получилъ за это 240 фунтовъ.

Литературная продуктивность Вольтера за время его пребыванія въ Англии была весьма значительная.

Кромѣ изданія «Генриады», которую онъ расширилъ и передѣлалъ, — одна изъ передѣлокъ заключалась въ томъ, что онъ удалилъ изъ поэмы имя Сюлли, — Вольтеръ издалъ еще два тома «Опытовъ» на англійскомъ языкѣ, передѣлалъ для французской сцены шекспировскаго «Юлія Цезаря» и собралъ большой запасъ матеріаловъ для исторіи шведскаго короля Карла XII.

Заработавъ на «Генриадѣ», имѣвшей шумный успѣхъ, болѣе десяти тысячъ франковъ, Вольтеръ рѣшилъ отправиться во Францію. Сначала онъ тайно пробрался въ одинъ изъ городовъ Нормандіи, по всей вѣроятности, въ Руанъ, гдѣ занялся окончаніемъ нѣсколькихъ начатыхъ уже произведеній. Въ апрѣлѣ 1792 году ему было разрѣшено пріѣхать въ Парижъ.

— Воспоминанія о Жоржъ-Зандъ ¹⁾.—Въ литературныхъ воспоминаніяхъ извѣстнаго французскаго критика Феликса Дюкэнэля находимъ цѣлый отрывокъ, посвященный Жоржъ-Зандъ.

«Я познакомился съ Жоржъ-Зандъ, — говоритъ авторъ воспоминаній:— когда она жила въ Парижѣ, въ улицѣ Фейльантинъ. Кварталъ этотъ—довольно тихій, пустынный и буржуазно скромный. Здѣсь она доживала свой вѣкъ почти безвыѣздно и лишь однажды переселилась было нѣсколько поближе къ Парижу въ улицѣ Гей-Люсакъ. Недалеко отъ нея на улицѣ Монпарнасъ жилъ и ея другъ и сверстникъ Сентъ-Бевъ.

«Однажды утромъ, набравшись храбрости, я направился въ улицу Фейльантинъ. Тогда я былъ очень молодъ и очень робѣлъ при мысли встрѣтиться лицомъ къ лицу съ авторомъ «Мопра», которымъ я просто зачитывался.

Мнѣ нужно было передать Жоржъ-Зандъ письмо одного изъ моихъ друзей, который просилъ у нея отвѣта. Раньше мнѣ не приходилось ее видѣть, и я зналъ ее только по портретамъ. Въ волненіи, я позвонилъ у ея крыльца. Дверь открыла служанка въ чепцѣ беришонки. Я поспѣшилъ изложить ей причину моего визита. Она молча ввела меня въ гостиную, прося обождать, пока она доложитъ обо мнѣ madame.

Въ ожиданіи хозяйки я сталъ осматривать салонъ. То былъ родъ рабочаго кабинета, буржуазно и скромно обставленнаго. Едва успѣлъ я обвести взглядомъ эту небольшую комнату, какъ передо мной предсталъ мой «идеаль».

Я былъ нѣсколько разочарованъ. «Идеаль» предсталъ подъ видомъ добродушной дамы, довольно полной, широкоплечей, съ четырехугольной таліей. До сихъ поръ передо мной стоитъ ея смуглое, загорѣлое отъ южнаго солнца лицо со множествомъ мелкихъ морщинокъ, образующихъ цѣлыя зигзаги. Широкій лобъ былъ окаймленъ черными густыми волосами, зачесанными за уши. Ея круглые, выпуклые глаза смотрѣли впередъ сосредоточенно, почти жестко. Я сразу догадался, что Жоржъ-Зандъ отличается инстинктивнымъ недоверіемъ къ людямъ, что нужно побѣдить ея враждебную робость, чтобы хотя нѣсколько сблизиться съ нею.

Когда первый ледъ былъ сломанъ, хозяйка принимала меня тепло и радушно, держась какъ-то по-товарищески. Взглядъ ея потерялъ свою жесткость и сталъ ласковымъ. Мѣнялся и самый голосъ: въ немъ пропала мужской тембръ. Разговоръ терялъ свой отрывочный характеръ, и мало-по-малу завязывалась дружеская бесѣда. Жоржъ-Зандъ обыкновенно говорила мало, задавая по большей части вопросы, но зато слушала очень внимательно.

Когда я вступилъ въ ея салонъ, меня приняли вѣжливо, я былъ еще «mon-sieur». Когда я прощался съ ней, меня уже называли «cher enfant».

Приколовъ большими булавками шляпу съ черными перьями, Жоржъ-Зандъ сказала мнѣ:

— Дайте мнѣ вашу руку и проводите меня до экипажа. Я хочу совершить путешествіе въ Парижъ.

¹⁾ «Le Temps», № 18717.

Замѣчательно, что Жоржъ-Зандъ всегда говорила по простонародному «je vas» вмѣсто «je vais». «Экипажемъ» для нея служилъ омнибусъ, довозившій ее до Итальянскаго бульвара, откуда собственно и начинался для нея Парижъ.

Жоржъ-Зандъ вела очень тихую, скромную, и разбѣренную буржуазную жизнь. Все у ней было въ полномъ порядкѣ, кромѣ финансовъ. Въ своей добротѣ она никогда не отказывала никому въ помощи, и потому въ ея бюджетѣ вѣчно оказывался дефицитъ. Искусство накапливать деньги было ей незнакомо, и, заработавъ огромныя деньги, она умерла въ бѣдности.

Жоржъ-Зандъ вставала утромъ очень поздно. Ложилась она также очень поздно, на разсвѣтѣ, работая часовъ съ одиннадцати утра до поздней ночи. Особымъ развлеченіемъ для нея былъ обѣдъ. Дома она обѣдала очень рѣдко, а обыкновенно у знакомыхъ, или въ извѣстномъ въ то время ресторанѣ Тагинскаго квартала Маньи. Здѣсь она чувствовала себя, какъ дома, и нерѣдко приглашала обѣдать съ собой цѣлую толпу постороннимъ. Ресторанъ Маньи отличался отъ другихъ своимъ семейнымъ характеромъ: столъ былъ настоящій домашній. Самъ хозяинъ, добродушный толстякъ, послѣ кухни больше всего интересовался литературой и писателями и считалъ вопросомъ чести принимать тогдашнихъ знаменитостей какъ можно лучше. Въ этомъ ресторанчикѣ перебивали, кромѣ Жоржъ-Зандъ, Сентъ-Бевъ, Теофиль Готье, приступавшій къ обѣду съ наслажденіемъ ангорской кошки, тихій и любезный Ренанъ, всегда умѣвшій завязать интересную ученую бесѣду, Александръ Дюма, къ которому Жоржъ-Зандъ питала чисто-материнское расположеніе, Польде-Сентъ-Викторъ, старавшійся скрыть свою природную застѣнчивость и робость подъ огромными усами, и множество другихъ, впоследствии приобрѣвшихъ большое имя.

Однимъ изъ самыхъ частыхъ посѣтителей этого литературнаго ресторана былъ польскій эмигрантъ Колевскій, промѣнявшій свою фамилію, которая казалась ему варварскою, на французскую: Charles Edmond. Этотъ Колевскій былъ секретаремъ принца Наполеона и пользовался его расположеніемъ. Онъ служилъ какъ бы соединительной чертой между Жоржъ-Зандъ и принцемъ, который иногда также заживалъ въ ресторанъ Маньи.

Про этотъ ресторанчикъ ходило немало анекдотовъ. Рассказывали, что однажды Сентъ-Бевъ сидѣлъ въ такъ называемомъ «большомъ зеленомъ салонѣ»—узкой и душной комнаткѣ, какъ вдругъ рядомъ послышался сильный шумъ. Слышны были какіе-то голоса, пѣсни, звонъ стакановъ. Сентъ-Бевъ, не любившій шума, отправился съ жалобой къ хозяину.

— Не сердитесь на нихъ, г. Сентъ-Бевъ,—сказалъ Маньи:—что дѣлать, молодежь! Это студенты даютъ обѣдъ въ честь одного изъ своихъ коллегъ, который только что получилъ званіе адвоката. Милѣйшій малый съ юга! Только фамилія у него какая-то чудная: Гамбетта!

Обѣды Жоржъ-Зандъ у этого Маньи сдѣлались предметомъ разныхъ легендъ. Она, дѣйствительности, обѣдала у него довольно часто и обыкновенно въ обществѣ пяти-шести знакомыхъ, для которыхъ держала какъ бы открытый столъ. На обѣдахъ этихъ присутствовали почти исключительно мужчины.

Лишь изрѣдка появлялись на нихъ невѣстка Жоржъ-Зандъ, madame Морись Зандъ, и ея дочь, бывшая замужемъ за скульпторомъ Клезингеромъ,—существо по виду очень кроткое, но на самомъ дѣлѣ неукротимое и взбалмошное, и артистка Маргарита Тюлье, съ которою писательница была очень дружна. За столомъ шла обыкновенно непринужденная остроумная бесѣда, особенно когда бывалъ Александръ Дюма, неистощимый въ шуткахъ и анекдотахъ.

Что касается Жоржъ-Зандъ, то по обыкновенію она говорила мало и лишь изрѣдка вмѣшивалась въ разговоръ. Обыкновенно она рассказывала что-нибудь изъ своей личной жизни, рассказывала, какъ она писала свои романы: у нея не было ни опредѣленнаго плана, ни опредѣленной фабулы, и все писалось по вдохновенію. Знакомства съ модными тогда людьми она избѣгала. Однажды Шарль Эдмонъ предложилъ познакомить ее съ поэтомъ Лэконгъ-Лилемъ. «Куда ужъ мнѣ.—съ притворнымъ ужасомъ возразила старая писательница:—вѣдь онъ пишетъ такіе хорошіе стихи».

Другой разъ она рассказывала, какъ къ ней пріѣзжалъ Жюль-Симонъ, бывший тогда министромъ общественныхъ работъ. Предполагалось поставить на сценѣ Одеона пьесу Жоржъ-Зандъ «Mademoiselle de la Quintine». Пьесу нашли почему-то неудобной, и Жюль-Симонъ, чтобы утѣшить старуху, пріѣзжалъ къ ней съ обѣщаніемъ выхлопотать для нея орденъ. Жоржъ-Зандъ, разумѣется, наотрѣзъ отъ этого отказалась. «Хороша бы я была съ лентой на животѣ!—говорила она.—Настоящая маркитантка!»

Изъ біографіи одной артистки. ¹⁾ Въ то самое время, когда французское дворянство сохраняло еще свои привилегіи и стародавніе обычаи, въ маленькомъ городкѣ Монъ-Дофинъ, расположенномъ у подножія Альпъ, случилось чисто дворянское происшествіе: одинъ офицеръ изъ дворян толкнулъ офицера изъ разночинцевъ; произошла дуэль, на которой побѣдителемъ оказался офицеръ-разночинецъ, нѣкій капитанъ Дегарсэнь. Происшествіе это было чревато самыми тяжелыми послѣдствіями для убійцы: поднялись со всѣхъ сторонъ разговоры, аристократія громко выражала свое сожалѣніе семьѣ убитаго, которая, въ свою очередь, напрягала всѣ свои связи при дворѣ, чтобы наказать дерзкаго разночинца по всей строгости суроваго военного устава. Капитану Дегарсэну посоветовали выйти изъ полка. Онъ такъ и сдѣлалъ и нѣкоторое время скрывался въ надеждѣ спастись отъ своихъ преслѣдователей, потомъ переселился въ Голландію и принялся въ Гарлемѣ выводить тюльпаны. Во Франціи у него остались жена и грудной ребенокъ. Когда Дегарсэну удалось обезпечить для себя средства къ существованію, жена и дочка пріѣхали къ нему въ Голландію. Семья уже рассчитывала остаться навсегда въ пріютившей ихъ странѣ, какъ вдругъ послѣ пятилѣтняго ихъ отсутствія съ родины стали приходиться неожиданныя вѣсти: Людовикъ XV умеръ, его мѣсто занимадъ очень слабый и нестрогий преемникъ, и государствомъ теперь управлялъ уже не онъ, а первый министръ Мальзербъ, либераль и философъ.

Мальзербъ когда-то зналъ капитана Дегарсэна, котораго очень уважалъ.

¹⁾ «Le Temps», № 18932.

Министру не преминули, конечно, рассказать печальную историю этого офицера, напомнили о его образцовой службѣ въ арміи. Дегарсэнь получилъ разрѣшеніе вернуться во Францію, гдѣ ему скоро дали чинъ полковника съ назначеніемъ полковымъ командиромъ того самаго полка, изъ котораго когда-то онъ долженъ былъ выйти. Въ назначенный для пріема день полкъ въ парадной формѣ выстраивается на площади городка. Одинъ изъ офицеровъ, какъ полагалось, по уставу, подаетъ рапортъ новому командиру полка. Дегарсэнь пристально вглядывается въ лицо офицера и къ ужасу своему узнаетъ въ немъ брата того самаго капитана, котораго онъ пять лѣтъ тому назадъ убилъ на дуэли. Дегарсэнь не въ силахъ справиться съ охватившимъ его волненіемъ, внезапно падаетъ на землю и умираетъ.

Вдова и дочь этого несчастнаго человѣка, оставшись безъ всякихъ средствъ, снова прибѣгаютъ къ покровительству Мальзербъ. Министръ вызываетъ ихъ въ Парижъ, выхлопатываетъ имъ небольшую пенсію и помѣщаетъ ихъ въ одномъ изъ зданій Ботаническаго сада, въ которомъ когда-то жилъ Бюффонъ. Здѣсь-то и выросла Луиза Дегарсэнь. Въ шестнадцать лѣтъ она уже умѣла играть на клавесинѣ и съ паѳосомъ декламировать Корнеля и Расина, словомъ, знала все, что требовалось тогдашнимъ воспитаніемъ.

Иногда mademoiselle Дегарсэнь гѣла въ мѣстной церкви, которую усердно посѣщала съ матерью, но большую часть времени проводила въ рукодѣльѣ въ тѣнистыхъ аллеяхъ Ботаническаго сада. Единственнымъ человѣкомъ, навѣщавшимъ ихъ изрѣдка, былъ нѣкто Жанъ-Мари, юноша лѣтъ семнадцати, сирота, воспитанный мѣстнымъ священникомъ, который и познакомилъ его съ семействомъ полковника Дегарсэна. Священникъ не скрывалъ, однако, отъ вдовы, что происхождение молодого человѣка для него не совсѣмъ ясно, что «виновникъ дней этого молодого человѣка», какъ тогда выражались, и его мать умерли, оставивъ священнику запечатанный пакетъ съ просьбой вскрыть его въ день свадьбы Жана-Мари. Если же онъ останется холостякомъ, то пакетъ долженъ быть уничтоженъ не распечатаннымъ.

Полковница Дегарсэнь была безъ предразсудковъ, отнеслась къ этому спокойно и не безъ удовольствія замѣчала, что между молодыми людьми зарождается взаимная симпатія. Кончилось тѣмъ, что Жанъ-Мари сдѣлалъ предложеніе, которое и было принято. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, стали приготовляться къ свадьбѣ и прежде всего назначили день, въ который должно было вскрыть таинственный пакетъ. На эту церемонію явились родственники, гости. Ставъ по срединѣ, аббатъ распечатываетъ конвертъ и начинаетъ громко читать содержавшійся въ немъ документъ. Авторъ его писалъ, что, будучи женатъ на почтенной женщинѣ, которую онъ всегда любилъ и уважалъ, онъ вынужденъ былъ однажды, живя вдали отъ нея, совершить невѣрность. Результатомъ этого было рожденіе Жана-Мари, о чемъ, какъ онъ надеется, его жена никогда не узнаетъ.

Здѣсь аббатъ перевернулъ страницу и перевелъ взглядъ на подпись. Вдругъ онъ поблѣднѣлъ, забормоталъ что-то невнятное и, наконецъ, замолкъ съ самымъ ошеломленнымъ видомъ. Внизу страницы стояла подпись: капитанъ Дегарсэнь.

Когда истина обнаружилась, несчастная невеста упала в обморокъ, вдова разразилась слезами, Жанъ-Мари въ ужасѣ убѣжалъ, а аббатъ долго не могъ прійти въ себя отъ мысли, что онъ чуть не повѣнчалъ брата съ сестрой.

Бѣдный Жанъ-Мари не выдержалъ потрясенія и вскорѣ умеръ. Луиза Дегарсэнь, проболѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ, оправилась, успокоилась и попрежнему гуляла съ матерью по аллеямъ Ботаническаго сада, который теперь назывался уже Королевскимъ садомъ. Однажды, во время прогулки, думая, что около нихъ никого нѣтъ, обѣ женщины стали декламировать стихи изъ трагедіи Дюси: «Эдипъ у Адметы». Ихъ декламація привлекла къ себѣ вниманіе какого-то молодого человѣка, который какъ разъ проходилъ мимо этого мѣста, скрытый кустарниками. Господину этому было всего двадцать лѣтъ, онъ былъ влюбленъ въ драматическое искусство и назывался Тальма. Онъ немедленно направился къ дамамъ, представился, завязалъ не безъ труда знакомство и въ концѣ концовъ уговорилъ Луизу Дегарсэнь поступить въ недавно открывшуюся королевскую школу декламаціи, которую самъ только что кончилъ.

Такимъ образомъ, подучившись съ годъ, mademoiselle Дегарсэнь въ маѣ 1788 года дебютировала на сценѣ «Comedie Française». Играла она роль Аталиды въ «Баязетѣ» и провела ее съ такимъ успѣхомъ, что на другой день послѣ спектакля она, какъ потомъ Байронъ, проснулась знаменитостью. Газеты осыпали ее похвалами и сравнивали съ гремящей въ то время Адриенной Лекувреръ. Дегарсэнь была очень дружна съ открывшимъ ее Тальмой, крестила его дѣтей и часто бывала въ его небольшомъ особнякѣ на улицѣ Шантрэнь, гдѣ въ то время собирался «весь Парижъ».

Но среди славы и богатства артистку ждала катастрофа. Она влюбилась въ нѣкоего Аллара, человѣка незначительнаго, но веселаго и галантнаго, и страшно ревновала его. Заставъ однажды Аллара въ обстановкѣ, не допускавшей сомнѣнія въ томъ, что онъ ей измѣнилъ, Дегарсэнь выхватила изъ складокъ своего платья кинжалъ и поразила себя имъ въ самое сердце.

Несчастный Алларъ совершенно растерялся: ему и въ голову не приходило, что какая-то любовная интрижка можетъ кончиться такой трагедіей. Убѣдившись, что Луиза еще жива, онъ уложилъ ее на свою постель и принялся нѣжно ухаживать за нею. Нѣсколько мѣсяцевъ ревнивая артистка была между жизнью и смертью. Наконецъ крѣпкій организмъ взялъ свое. Черезъ два года врачи объявили, что пациентка окончательно оправилась. Весною 1795 года она вновь появилась на сценѣ, но скоро взяла продолжительный отпускъ и поселилась возлѣ Со, въ деревенской глуши и уединеніи.

На свѣжемъ воздухѣ здоровье ея окончательно возстановилось, и она стала предпринимать отдаленныя прогулки. Особенно она любила заходить къ женѣ сторожа при паркѣ возлѣ Со. И вотъ однажды, въ ноябрѣ 1796 года, когда шуаны проявляли особо энергичную дѣятельность и подбিরались уже къ самымъ воротамъ Парижа, Луиза по обыкновенію часовъ въ шесть вечера зашла къ женѣ сторожа, чтобы выпить у нея чашку молока. Вдругъ шайка разбойниковъ окружаетъ домикъ сторожа. Они быстро перевязали всѣхъ его обитателей и Дегарсэнь и бросили всѣхъ въ погребъ. Разграбивъ домъ и перепившись, разбойники спустились въ погребъ и устроили судъ надъ своими плѣн-

никами. Разумѣется, всѣ они были приговорены къ смерти. Они уже зарядили пистолеты и вопросъ былъ только въ томъ, кого казнить перваго, какъ вдругъ Луизѣ удалось освободиться. Она бросается на колѣни передъ своими палачами и умоляетъ ихъ о пощаду. Она говорила съ такимъ жаромъ, что разбойниками овладѣло раскаяніе: одинъ за другимъ они вышли изъ дома. На другой день какой-то прохожій, пораженный безмолвіемъ, царившимъ въ домѣ, заглянулъ туда и освободилъ несчастныхъ узниковъ изъ погреба.

Отъ пережитаго ужаса mademoiselle Дегаренъ заболѣла умственнымъ разстройствомъ. Ее привезли въ Парижъ и помѣстили въ больницу. Публика, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, скоро забыла о ней, и даровитая артистка умерла двадцати восьми лѣтъ отъ роду.

— Новый взглядъ на Каліостро.—«Каліостро, который дѣлалъ чудеса, Каліостро, котораго я зналъ лично, этотъ Каліостро былъ святой»,—писалъ Лафатеръ Гёте, узнавъ о томъ, что инквизиція осудила на смерть этого «святого». Что на Каліостро возводили не мало клеветъ,—это извѣстно. Слухи, распускавшіеся агентами тайной полиціи Людовика XVI въ родѣ Тевено-де-Моранда, немало способствовали образованію легенды о Каліостро, которая, однако, не вполне отвѣчаетъ дѣйствительности. И, однако, эта легенда, которую пора опровергнуть, увлекла за собой большинство историковъ. Лишь новѣйшія изслѣдованія объ этой странной личности сорвали съ него личину необыкновеннаго волшебника, и въ литературѣ устанавливается взглядъ на Каліостро, какъ на мистика, человѣка, высоко интеллигентнаго, превосходнаго психолога и отличнаго врача. Года два тому назадъ французскій учебный Гавенъ издалъ цѣлый рядъ документовъ, до сихъ поръ еще неизвѣстныхъ, изученіе которыхъ приводитъ именно къ такому взгляду на популярнаго въ свое время героя.

Докторъ Гавенъ доказываетъ, что Каліостро въ дѣйствительности былъ своего рода пророкомъ, задавшимъ цѣлью возродить своихъ «братьевъ». Онъ былъ надѣленъ какими-то рѣдко встрѣчающимися въ человѣчествѣ силами, которыя позволяли ему угадывать будущее, и многіе изъ его опытовъ, къ которымъ прежде относились какъ къ шарлатанству и фокусничеству, теперь привлекаютъ къ себѣ пристальное вниманіе науки. Откуда происходилъ Каліостро,—вопросъ, такъ и оставшійся не выясненнымъ. Зато послѣдніе года его жизни (1777—1795) прослѣжены новымъ біографомъ этого мага и волшебника довольно тщательно.

Послѣ пребыванія въ Лондонѣ, въ Митавѣ, въ Петроградѣ, Каліостро поселился въ Страсбургѣ. Именно въ этомъ городѣ онъ получилъ свою мировую извѣстность. Поддержка кардинала Рогана, котораго онъ плѣнилъ съ первой встрѣчи, позволила ему расширить поле дѣятельности. Каліостро забрасываетъ свою лабораторію и углубляется въ изученіе медицины, которой онъ началъ усердно заниматься еще въ Курляндіи. Больные, которыхъ онъ лечитъ бесплатно и замѣчательно удачно, быстро разносятъ всюду его славу. Это возбуждаетъ противъ него профессиональныхъ врачей. Съ другой стороны, живаятъ ему немало враговъ и его свободная манера держаться, не признавая никакихъ свѣтскихъ условностей.

Вотъ почему въ августѣ 1783 года Каліостро безъ особаго сожалѣнія уѣхалъ изъ Страсбурга, направившись въ Неаполь, чтобы лечитъ тамъ своего бывшаго покровителя кавалера д'Аквино. Вскорѣ, однако, онъ вернулся во Францію и до января 1785 года жилъ въ Лионѣ. Здѣсь онъ, повидимому, основалъ масонскую «египетскую ложу» и усиленно распространялъ ученеіе иллюминатовъ, но ученеіе это, повидимому, здѣсь не пустило глубокихъ корней.

Между тѣмъ кардиналъ де-Роганъ впутался въ извѣстное дѣло объ ожерельѣ королевы. Каліостро въ это время былъ въ Парижѣ, гдѣ, благодаря своимъ тайнымъ, будто бы египетскимъ, знаніямъ скоро сдѣлался центромъ кружка ученыхъ и просто любопытныхъ людей. Онъ чувствовалъ себя настолько сильнымъ, что отвергъ даже заигрываніе съ нимъ графа д'Артуа, который пытался сдѣлать его орудіемъ своихъ интригъ. Но его благосостояніе и благополучіе сокрушилось совершенно неожиданно. 23-го августа 1785 года Каліостро былъ внезапно арестованъ и заключенъ въ Бастилію, какъ соучастникъ кардинала Рогана въ знаменитомъ мошенническомъ дѣлѣ объ ожерельѣ королевы. Его бумаги были захвачены и затеряны. Его жену бросили въ тюрьму. Девять мѣсяцевъ, которые онъ провелъ въ тюрьмѣ, сильно расшатали его здоровье. Оправданный судомъ, Каліостро тѣмъ не менѣе былъ высланъ изъ предѣловъ Франціи королевскимъ приказомъ и въ іюнѣ 1786 года переправился въ Англію. Но здѣсь въ Лондонѣ его уже поджидали агенты французскаго министра полиціи барона дю-Бретейля. Каліостро оказался неудобенъ для Франціи и его нужно было убрать во что бы то ни стало. Первая попытка къ этому не удалась. Каліостро раскрылъ всю интригу противъ него въ опубликованномъ имъ «Письмѣ къ французскому народу», за которымъ вскорѣ послѣдовало «Письмо къ англійскому народу». Чтобы парировать его удары, баронъ дю-Бретейль прибѣгъ къ помощи нѣкоего литератора-неудачника Тевеню-де-Моранда, издававшаго въ то время журналъ «*Comptier de l'Europe*». Тевеню сталъ выливать на Каліостро цѣлые ушаты грязи, рассказывая про него всякія небывлицы. Хотя Каліостро энергично отбивалъ всѣ его удары, тѣмъ не менѣе нападки Тевеню сдѣлали свое дѣло и создали Каліостро репутацію обманщика и шарлатана.

Съ этого момента далыгѣйшая жизнь Каліостро теряется во мракѣ. Извѣстно, что въ мартѣ 1787 года онъ уѣхалъ изъ Англіи. Незадолго до своего отъѣзда Каліостро гостилъ нѣкоторое время у нѣкоего Лаутербурга, художника, родомъ изъ Страсбурга, о которомъ упоминаетъ Дидро и съ которымъ потомъ у Каліостро были жестокія столкновенія. Жена Каліостро одна остается въ Англіи. Это было существо робкое и слабохарактерное, часто дѣйствовавшее подъ вліяніемъ другихъ. И вотъ въ самый день отъѣзда Каліостро изъ Англіи она открыто сознается нѣкому Рей-де-Морану, что ея мужъ обманщикъ и мошенникъ. Подъ чьимъ вліяніемъ было вырвано у нея такое признаніе, при какихъ обстоятельствахъ оно произошло, — вотъ вопросы, на которые пока отвѣта не имѣется.

Пріютившись въ Швейцаріи, Каліостро около полутора года прожилъ спокойно и въ идиллической обстановкѣ недалеко отъ Бріенна. Тутъ его окружали его друзья: мадамъ Бранкони, Лафатеръ и другіе. Кружная ссора съ

Лаутенбургомъ, который сопровождалъ Калиостро вмѣстѣ съ своей молодой женой, затѣмъ затѣянный противъ Калиостро какой-то процессъ, въ которомъ замѣшано имя Рей-де-Морана, заставили Калиостро покинуть свое убѣжище. Его ждали новыя неприятности, и онъ хорошо сознавалъ это. Но онъ уже охладѣлъ къ своей славѣ и потерялъ вкусъ къ борьбѣ. Въ маѣ 1789 года Калиостро является въ Римъ. Папское правительство, обезпокоенное событіями, которыя назрѣвали тогда во Франціи, отнеслось къ его появленію въ папской столицѣ весьма подозрительно. Но Калиостро какъ будто не замѣчаетъ этого и возобновляетъ свои сеансы, которые въ былое время вызывали такой шумъ въ Страсбургѣ и Парижѣ. На нихъ присутствуетъ не только весь цвѣтъ римской аристократіи, но и французскій посланникъ кардиналъ де-Берни. Съ теченіемъ времени на этихъ сеансахъ стали появляться даже монахи, и тогда инквизиція сочла себя вынужденной вмѣшаться.

Въ концѣ декабря 1789 года Калиостро былъ арестованъ и брошенъ въ тюрьму, находившуюся въ замкѣ Святого Ангела. Измученный пытками, онъ, наконецъ отдался въ руки палачей и подписывалъ все, что они ему подсовывали. Калиостро былъ приговоренъ къ смертной казни четвертованіемъ, но папа замѣнилъ ему это наказаніе пожизненнымъ заключеніемъ. Въ апрѣлѣ 1790 года Калиостро, революціонныя мечты котораго претворялись во Франціи въ дѣйствительность, былъ перевезенъ въ крѣпость Санъ-Лео, исполнявшую для папы роль Бастиліи. Въ маѣ 1795 года, при первыхъ успѣхахъ французскихъ войскъ въ Италіи, его, повидимому, убили въ его камерѣ. Арестованная вмѣстѣ съ нимъ его жена была освобождена и поступила въ монастырь. Что съ ней случилось, неизвѣстно.

Кто былъ Калиостро—обманщикъ, шарлатанъ, или просвѣщенный масонъ-революціонеръ, на этотъ вопросъ пока точнаго отвѣта еще не дано. Но работа Гавена во всякомъ случаѣ заставляетъ пересмотрѣть уже установившіяся шаблонныя воззрѣнія на Калиостро.

— Неудачный бракъ принцессы Орлеанской ¹⁾.— Принцесса Орлеанская, кузина Людовика XIV, официально носила титулъ «*mademoiselle*», но народъ удачно прозвалъ ее «*la grande mademoiselle*», за очень высокій ростъ и сильный характеръ. Въ молодости она была душою фронды и вложила въ возстаніе недюжинныя силы своего ума и воли; повидимому, она вполне довольствовалась славой и честолюбіемъ, по крайней мѣрѣ она дожила уже до сорока лѣтъ, ни разу не испытавъ ни малѣйшаго сердечнаго увлеченія, и совершенно не помышляла выйти замужъ, къ великому удовольствію своихъ близкихъ родныхъ-наслѣдниковъ: нужно сказать, что принцесса была колоссально богата и владѣла огромными помѣстьями.

И вотъ въ сорокъ лѣтъ она вдругъ почувствовала тоску, неудовлетворенность, пустоту и захотѣлось ей хоть разъ въ жизни испытать счастье—быть любимой и, въ свою очередь, подарить любовь тому, кто былъ бы достоинъ ея. Разумѣется, всякій принцъ крови съ радостью женился бы на кузинѣ короля, богатѣйшей наслѣдницѣ Франціи,—но капризный божокъ любви бросаетъ

¹⁾ Ségur. Vieux dossiers, petits papiers. Par. 1914.

свои стрѣлы, куда ему вздумается, и онъ приковалъ сердце принцессы къ графу де-Лозену. Когда она впервые обратила на него вниманіе, въ 1669 году, ему было тридцать шесть лѣтъ. Этотъ гасконскій дворянинъ былъ маленькаго роста, прекраснаго сложенія, у него были «самыя красивыя ноги на свѣтѣ», гибкая осанка и благородная походка, умная, тонкая и дерзкая физономія. Черты лица самыя неправильныя, насмѣшливый ротъ, острый и красный носъ, волосы точно мочалка, небрежность и даже неопрятность въ костюмѣ. Но все лицо освѣщалось острыми, пронзительными глазами съ безпрестанной смѣной выраженій, отъ самаго нѣжнаго до нестерпимо-дерзкаго.

Этотъ гасконецъ уже десять лѣтъ какъ былъ крупной фигурой при блестящемъ дворѣ Короля-Солнца и славу приобрѣлъ, главнымъ образомъ, громкими выходками и ссорами на романической подкладкѣ. Дважды у него дошло до столкновенія съ самимъ королемъ—изъ-за мадамъ де-Валентинуа и маркизы де-Монтеспанъ. Во второй разъ между соперниками разыгралась такая бурная сцена, что Людовикъ XIV выбросилъ свою трость за окно, чтобы, какъ онъ выразился, «не жалѣть потомъ о томъ, что онъ ударилъ дворянина». Въ обоихъ случаяхъ Лозенъ отдѣлался очень легко—нѣсколькими мѣсяцами Бастиліи. Затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, появлялся опять при дворѣ и даже пользовался еще большей милостью.

Удивительно, какъ Людовикъ XIV, по природѣ вообще злопамятный, прощалъ этому хитрому, неутомному и забавному гасконцу. Ему могли грозить тюрьма и ссылка, но онъ никогда не испыталъ немилости короля, самой страшной кары для придворнаго.

Итакъ, принцесса обратила свое милостивое вниманіе на графа де-Лозена. Со свойственной ей рѣшительностью она не стала откладывать сближенія. Да она же и понимала, что при ея высокому положеніи самый дерзкій придворный не рѣшился бы первый открыться ей въ своихъ чувствахъ. Очень скоро она нашла случай встрѣчаться съ графомъ въ С.-Жерменскомъ дворцѣ и явно стала искать его общества. Но хитрый и ловкій гасконецъ началъ плести вокругъ нея тонкую нить любовной интриги, и простодушное сердце ея окончательно запуталось. Сперва онъ притворился дурачкомъ, не поддавался ея заигрыванію, отвѣчалъ молчаніемъ на самыя прозрачныя намеки. «Mademoiselle» сама признается, «онъ никогда первый не подходилъ ко мнѣ, я всегда подзывала его къ себѣ». Въ разговорѣ онъ рисовался своими возвышенными взглядами на любовь, отсутствіемъ всякаго расчета. «Вѣрьте мнѣ,—сказалъ онъ ей однажды:—даже если бъ я могъ жениться на васъ, но услышалъ бы что-нибудь нелестное о вашей репутаціи, или мнѣ не нравилась бы ваша персона, я отказался бы отъ брака. Я предпочелъ бы жениться на вашей горничной, если бъ любилъ ее».

Ее до слезъ трогали такія разсужденія, и она все больше теряла голову.

Въ это время «madame», жена брата короля, внезапно умираетъ. Двѣнадцать часовъ спустя Людовикъ XIV, весьма проворный въ дѣлахъ, предлагаетъ «mademoiselle» отдать ей «вакантное мѣсто», выйти замужъ за его брата. Принцесса отказывается, и Лозенъ кротко упрекаетъ ее за это. «Вѣдь вы были бы первымъ лицомъ послѣ королевы, какой почетъ васъ ждалъ бы? Что же,

лучше, по-вашему, выйти замуж за слугу вашего кузена? «Правда, онъ тутъ же прибавляетъ: «Конечно, я дворянинъ, но мнѣ кажется, что для васъ этого недостаточно». Но она горячо возражаетъ ему: «У васъ есть все, чтобы быть первымъ вельможей въ королевствѣ, а богатство и отличія я вамъ дамъ». Но онъ продолжаетъ ее отговаривать отъ брака съ нимъ: и характеръ-то у него дурной, и о своей наружности онъ невысокаго мнѣнія. «Быть можетъ, въ моей особѣ есть что-нибудь отталкивающе»,—спрашиваетъ онъ ее.—«Точно вы не знаете, что вы слишкомъ много нравились въ жизни,—возражаетъ она и робко добавляетъ:—а я,—мнѣ кажется, у меня нѣтъ недостатковъ, если не считать некрасивыхъ зубовъ, но это ужъ семейный недостатокъ, а ради такой фамилии стоитъ поступиться нѣкоторыми недостатками». «Разумѣется», подтвердилъ онъ.

Короче, спустя восемь мѣсяцевъ такихъ взаимныхъ ухаживаній, «mademoiselle» наконецъ рѣшается просить позволенія короля на бракъ. Все обошлось какъ нельзя лучше. Людовикъ XIV проявилъ добродушіе и снисходительность. «Я вамъ не совѣтую и не запрещаю, но только прошу васъ еще подумать объ этомъ». Затѣмъ онъ посовѣтовалъ своей кузинѣ величайшую осторожность и соблюденіе строжайшей тайны. Они нѣжно расцѣловались, и «mademoiselle» ушла отъ него, сияющая отъ радости. Когда она передала Лозэнгу свой разговоръ съ королемъ, считая, что дѣло въ шляпѣ, онъ замѣтилъ ей: «Я опасюсь только васъ».

Спустя двѣ недѣли, 15-го декабря королевскій совѣтъ обсуждалъ вопросъ о бракѣ и, выслушавъ мнѣніе короля, далъ официальное согласіе. Герцогъ де-Монтозь, встрѣтивъ принцессу, сообщилъ ей это извѣстіе. «Послушайтесь меня,—прибавилъ онъ:—обвѣнчайтесь въ эту же ночь». Влюбленной невѣстѣ очень понравился такой совѣтъ, но Лозэнъ былъ другого мнѣнія на этотъ счетъ, его тщеславію уже рисовалась пышная церемонія вѣнчанія во Всемъ блескѣ и великолѣпіи.

На слѣдующій день при дворѣ только и было разговора, что о событіи. Въ общемъ, это былъ настоящій крикъ негодованія. Королева была взбѣшена. «Вы бы гораздо лучше сдѣлали, если бъ никогда не выходили замужъ и берегли ваши богатства для моего сына, графа д'Анжу». Другого слова поздравленія у нея не нашлось для «mademoiselle». Принцы крови, не выражаясь съ такой наивной жестокостью, были не менѣе потрясены, понимая, что знаменитое наслѣдство разлетится, какъ дымъ. Они называли ее «безсердечной» принцессой. Широкая же публика либо негодовала, либо насмѣхалась. Какъ, принцесса забывала свое высокое положеніе и требовала своей доли счастья! Эта великанша рядомъ съ гасконскимъ карликомъ! Изъ героини фронды принцесса сразу превратилась въ смѣшную старую дѣву. И всѣ обрушились на фантастическій проектъ брака. Въ четвергъ 18-го декабря король приказалъ попросить принцессу къ себѣ. Наканунъ уже былъ подписанъ контрактъ, по которому она осыпала милостями своего жениха, подаривъ ему «въ ожиданіи лучшаго» четыре герцогства, оцѣниваемые въ двадцать два милліона. Лозэнъ носилъ весь день титулъ герцога де-Монпасье. Свадьба была назначена на 20-ое, въ ночь на субботу (принцесса очень боялась пятницы). Приглашеніе короля

чрезвычайно встревожило принцессу. «Мое дѣло разстраивается», воскликнула она со страхомъ.

Первыя же слова короля не позволили ей оставаться въ сомнѣніи. Людовикъ XIV сослался на впечатлѣніе, которое извѣстіе о бракѣ вызвало всюду во Франціи и за границей, сдѣлавъ изъ него государственный вопросъ. «Почему вы допустили, чтобы пошли разговоры о нашемъ женихѣ? Почему вы не поторопились со свадьбой?» сказала онъ ей. «Mademoiselle» громко протестовала, не сдавалась. Сцена затянулась, минутами разговоръ былъ бурный, потомъ затихалъ. Съ обѣихъ сторонъ поплакали, много разъ поцѣловались, но «mademoiselle» про себя уже подумала то, что у нея вырвалось на слѣдующій день: «Ваше величество поступили со мною какъ обезьяна, которая поцѣлуями душитъ своихъ дѣтей до смерти».

Когда разговоръ съ королемъ кончился, горе смѣнилось гнѣвомъ. «Mademoiselle» вернулась къ себѣ вся растрепанная, грозя землѣ и небу, а по дорогѣ разбила всѣ стекла въ своей каретѣ. Лозэнъ умѣлъ лучше владѣть собой. Онъ проявилъ столько безкорыстія, строгой печали, почтительнаго смиренія, что всѣ восхищались имъ, и самъ король былъ ему признателенъ. Судите, каково же было всеобщее изумленіе, когда меньше, чѣмъ черезъ годъ, 25-го ноября 1671 года, Лозэнъ былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму, гдѣ онъ оставался цѣлыхъ десять лѣтъ.

До сихъ поръ неизвѣстно, за что Лозэна постигла такая жестокая кара. Лица освѣдомленные говорили, что у него вышло объясненіе съ маркизой де-Монтеспанъ по поводу своей не удавшейся женитьбы, и онъ потерялъ всякое самообладаніе въ припадкѣ бѣшеной злобы, находившей на него. Король узналъ объ этомъ и, весьма щепетильный ко всему, что касалось его фаворитки, рѣшилъ примѣрно наказать дерзкаго обидчика.

Какъ бы то ни было, Лозэну вернули свободу только черезъ десять лѣтъ. Заступницей его и тутъ оказалась принцесса «la grande mademoiselle». Людовикъ XIV ошибся, когда, отказывая кузинѣ въ согласіи на бракъ съ Лозэнномъ, выразился про нее: «У нея эта фантазія явилась въ три дня и пройдетъ черезъ три дня». Принцесса не забыла своего бывшего жениха и когда онъ томился долгіе годы въ тюрьмѣ. Ей удалось освободить его оттуда благодаря заступничеству той же могущественной маркизы де-Монтеспанъ. Въ одинъ прекрасный день фаворитка предложила принцессѣ освободить Лозэна, но при условіи, что ея сынъ герцогъ де-Мэнъ наслѣдуетъ богатства принцессы. Посредникомъ въ такомъ деликатномъ порученіи былъ фактотумъ принцессы, кавалеръ де-Баррайль, которому удалось довести дѣло до благополучнаго конца. Лозэнъ получилъ свободу и удалился сперва въ провинцію, но уже черезъ два года снова появился при дворѣ, въ С.-Жерменѣ, къ великой радости «mademoiselle», наконецъ-то свидѣвшейся съ избранникомъ своего сердца. Теперь она рѣшилась и на послѣдній шагъ и тайно обвѣнчалась съ графомъ де-Лозэнномъ. Наканунѣ вѣнчанія она обезпечила его тридцатью тысячами франками годового дохода. Онъ нашелъ подарокъ слишкомъ скромнымъ и не стѣснялся торговаться съ принцессой. Разумѣется, этотъ бракъ не обѣщаль счастья супругамъ: ему шельъ пятидесятый годъ, ей пятьдесятъ четвертый, оба были

несдержаны и вспыльчивы, онъ мотъ, она—бережлива, онъ любилъ галантныя похождения, она ревновала. Между ними происходили ужасныя сцены, смѣнявшіяся непрочнымъ примиреніемъ. Наконецъ дѣло дошло до побоевъ. «La grande mademoiselle» билъ ея маленькій супругъ. Она вымещала свой гнѣвъ на ни въ чемъ неповинномъ Баррайлѣ и, въ свою очередь, такъ колотила бѣднугу, что у него не было силъ больше выдержать.

«Удары, которыми меня осыпаетъ ваше высочество,—писалъ онъ ей:—силу руки которой я еще болѣзненно ощущаю на себѣ, убѣдили меня, что моя обязанность не подвергать себя больше такому обращенію со стороны вашего высочества».

Парочка прожила въ такомъ аду до 22-го апрѣля 1684 года. Въ этотъ день «mademoiselle», спокойная, съ улыбающимся лицомъ подошла къ Лозэну и прогнала своего супруга, какъ выгоняютъ лакея. Начались взаимныя упреки. Онъ крикнулъ ей: «Я былъ бы счастливъ, если бѣ никогда въ жизни не встрѣчалъ васъ». Она возразила. «Вы разорили меня. Вы подбирались къ моему состоянію». Затѣмъ они разстались и никогда больше не видались. Говорятъ, онъ написалъ ей однажды, но она сожгла его письмо, не читая. Такъ кончился пятнадцатилѣтній романъ, пятнадцать лѣтъ страсти съ одной стороны и надеждъ съ другой.

Но Лозэну снова улыбнулось счастье и послѣ разрыва съ принцессой. Людовикъ XIV вернулъ ему милость, сдѣлалъ его герцогомъ и произвелъ въ генераль-аншефы. Когда «la grande mademoiselle» умерла въ 1693 году,—разумеется, не вписавъ бывшаго мужа въ число наслѣдниковъ,—онъ носилъ трауръ и разыгрывалъ печальнаго вдовца. Это не помѣшало ему два года спустя жениться на пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ, которая, говорятъ, рассчитывала скоро избавиться отъ стараго мужа.

Но онъ обманулъ ея ожиданія, какъ раньше обманулъ надежды первой жены: онъ прожилъ еще тридцать одинъ годъ послѣ свадьбы. Это были тридцать одинъ годъ мученія для его жены. Вспыльчивый, расточительный и корыстолюбивый, вѣтранный и ревнивый, онъ соединялъ въ себѣ пороки молодости и недостатки старости. Въ семейной жизни онъ былъ невыносимъ, его чудачества послѣдніе годы могли всякаго вывести изъ себя. Но и тутъ ему повезло, у его второй супруги былъ кроткій, терпѣливый и вѣрный нравъ. Онъ умеръ на девяносто первомъ году и послѣднія слова, обращенныя къ женѣ, были, что онъ умираетъ безъ сожалѣнія, оставляя ее «настолько старой и некрасивой, что, навѣрно, она не найдетъ ему замѣстителя».

Вѣроятно, она вспомнила тогда слова Людовика XIV, сказанныя ея отцу, маршалу де-Лоржу, когда онъ доложилъ королю о бракѣ своей дочери. «Однако вы смѣлы, если рѣшаетесь ввести Лозэна въ вашу семью. Желаю вамъ не раскаяться въ этомъ впоследствии».

— Польскій король въ Эльзасѣ.—Какъ извѣстно, до полтавской побѣды Петра Великаго Польша была подъ сильнымъ вліяніемъ Швеціи. Карлъ XII заставилъ даже поляковъ избрать на престолъ преданнаго ему Станислава Лещинскаго. Но послѣ Полтавской битвы положеніе дѣлъ

круто изменилось. Лещинский, лишенный шведской поддержки, бѣжалъ во Францію и поселился въ эльзасскомъ городкѣ Висембургѣ.

Палатинъ Познани, потомъ король Польши, князь Цвейбрюкенскій вель здѣсь образъ жизни далеко не королевскій. Онъ жилъ со своей женою, Катериной Опалинской, старухой-матерью, Анной Яблоновской, и дочерью. При немъ находились графъ Тарло, секретарь баронъ Месецкъ, маршалъ дворца Биберъ, его личный секретарь, два духовника и нѣсколько офицеровъ, среди которыхъ выдѣлялась графиня Ленанжъ. Бывшій польскій король занималъ довольно обширный домъ Вебера, какіе строили себѣ въ ту пору зажиточные люди.

Его жена оплакивала свою горькую судьбу, но самъ Станиславъ Лещинскій вель жизнь довольнаго судьбою зажиточнаго буржуа. Онъ прогуливался по берегу рѣки съ трубкою въ зубахъ, смотрѣлъ на игру дѣтей и предавался своимъ мечтамъ. Изрѣдка онъ ѣздилъ на охоту.

При домѣ находились садъ и огородъ. Въ саду былъ разбитъ цвѣтникъ и билъ фонтанъ. Въ одномъ изъ уютныхъ уголковъ этого сада любила проводить время дочь Станислава, юная Марія, будущая французская королева.

Марія не отличалась красотой, но была хорошо сложена и обладала граціозной осанкой, живыми глазами и веселымъ выраженіемъ лица. Она обыкновенно просыпалась въ шесть часовъ и въ постели читала книги по религіи, географіи, исторіи. Около девяти часовъ Марія вставала, одѣвалась и шла къ матери. Вся семья выслушивала обѣдню, а затѣмъ завтракала. Король обѣдалъ одинъ. Остальное время посвящалось прогулкѣ, чтенію и рукодѣлію.

Станиславъ Лещинскій только и мечталъ, какъ бы выдать дочь замужъ. Сама Марія объ этомъ совсѣмъ не думала. Правда, однажды ея вниманіе привлекъ маркизъ Куртанво, впоследствии маршалъ Эстре, но герцогъ Орлеанскій воспротивился этому плану. Онъ сказалъ, что честь Франціи и коронованныхъ лицъ не можетъ допустить, чтобы дочь Станислава снизошла до простаго полковника.

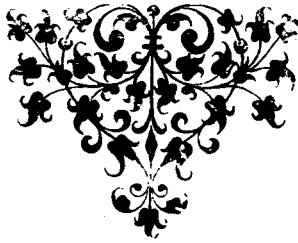
Отецъ продолжалъ подыскивать ей жениха и пробовалъ привлечь маркграфа баденскаго. Но тотъ уклонился. Графъ Шаролѣ поступилъ такъ же. Но вдругъ неожиданно онъ узнаеть, что хочетъ жениться на Маріи герцогъ Бурбонскій. Эту мысль ему вселила его фаворитка г-жа При, которая для осуществленія этого плана устроила цѣлую интригу.

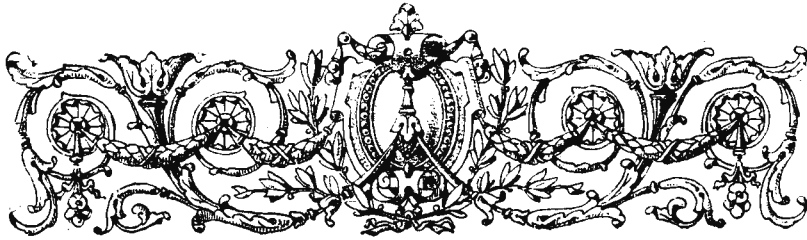
Станиславъ блаженствовалъ. Марія не возражала и безропотно готовилась къ роли герцогини Бурбонской. Но официальнаго предложенія все еще Лещинскіе не получали. Причиной этому была новая интрига. Они увидѣли портретъ Маріи, который нарисовалъ Гоберъ, членъ королевской академіи художествъ, и рѣшили, что она будетъ женою короля, такъ какъ ею можно будетъ легко командовать.

Когда Станиславъ узналъ объ этомъ, то совершенно опьянѣлъ отъ радости. «Дочь моя, преклонимъ колѣна и поблагодаримъ Бога!» восклицалъ онъ, входя въ комнату Марія думала, что Польша призываетъ ея отца, и

высказала ему свою догадку. Но Станиславъ отвѣтилъ ей: «Небо къ намъ гораздо благосклоннѣе. Вы королева Франціи».

Во Франціи всѣ возмущались и смѣялись, что король женится на простой польской паненкѣ. Лещинскій вѣдь былъ выборный король, а не наследственный, и, по мнѣнію французовъ, на него нельзя было смотрѣть, какъ на настоящаго короля. Но висембуржцы были въ восторгѣ. Городскія власти поздравляли Лещинскихъ; въ церквахъ служили благодарственные молебны, бѣдныхъ угощали виномъ и хлѣбомъ, вечеромъ сожгли фейерверкъ и устроили танцы. Черезъ нѣсколько дней Марія отправилась въ Страсбургъ, а оттуда въ Фонтенбло.

С М Ъ С Ъ.

БЩЕЕ СОБРАНИЕ академіи художествъ. 27-го октября въ затѣ совѣта императорской академіи художествъ состоялось собраніе членовъ академіи. Собраіію было доложено о томъ, что проценты съ капитала имени императора Александра III, на которые производится выдача пенсій и пособій художникамъ и ихъ вдовамъ и сиротамъ, значительно увеличились въ настоящее время. Въ 1912 году академикомъ А. К. Веггровымъ былъ пожертвованъ въ полную собственность академіи капиталъ въ 63,900 руб., съ котораго жертвователь оставилъ за собою право полученія процентовъ до конца жизни. Въ апрѣлѣ 1914 года жертвователь скончался, и теперь проценты съ этого капитала, присоединеннаго къ капиталу имени императора Александра III, идутъ уже въ распоряженіе академіи на выдачу пенсій и пособій нуждающимся художникамъ и ихъ семьямъ, общій размѣръ которыхъ въ текущемъ году увеличится на 1,000 руб., а съ 1915 года на 2,779 р. въ годъ. Затѣмъ былъ рассмотрѣнъ вопросъ о положеніи тѣхъ художниковъ, которые до войны находились въ качествѣ пенсіонеровъ академіи за границей и теперь принуждены были вернуться въ Россію, не использовавъ до конца своихъ правъ на заграничную поѣздку за счетъ академіи. Собраніе утвердило выдачу имъ пенсіонерскаго содержанія до конца года, дальнѣйшее же положеніе этихъ пенсіонеровъ, очутившихся въ Россіи, а не за границей, какъ того требуютъ академическія правила, будетъ рѣшено при обсужденіи смѣты на 1915 г. Въ заключеніе состоялся рядъ выборовъ. Изъ числа семи кандидатовъ на занятіе вакансій профессоровъ натурнаго класса и класса искусствъ въ высшемъ художественномъ училищѣ, освободившихся за смертью Яна Ціонглинскаго и П. Е. Мяс-

ѣдова, наибольшее число голосовъ получили—академикъ В. В. Вѣляевъ и А. В. Маковскій. Директоромъ казанскаго училища, вмѣсто отказавшагося Г. А. Медвѣдева, избранъ архитекторъ М. С. Григорьевъ.

Семидесятипятилѣтній юбилей школы общества поощренія художествъ. 31-го октября, въ четыре часа дня, въ маломъ залѣ общества поощренія художествъ состоялось, подъ предѣдательствомъ управляющаго учебнымъ отдѣломъ министерства торговли и промышленности А. Е. Лагоріо, торжественное соединенное засѣданіе комитета общества и педагогическаго совѣта рисовальной школы общества по случаю исполнившагося семидесятипятилѣтняго существованія школы. Присутствовали члены комитета, преподаватели школы во главѣ съ директоромъ школы академикомъ И. К. Рерихомъ, художники и др. Въ началѣ засѣданія былъ отслуженъ молебенъ. Затѣмъ А. Е. Лагоріо огласилъ слѣдующую высочайшую грамоту:

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА

Нашему Императорскому обществу поощренія художествъ.

Нынѣ исполнилось три четверти вѣка со дня основанія школы Императорскаго общества поощренія художествъ.

75 лѣтъ тому назадъ была открыта рисовальная школа, которая, по передачѣ ея въ 1857 году въ вѣдѣніе общества поощренія художествъ, попеченіемъ Августѣйшихъ предѣдателей общества и неустанными трудами ближайшихъ его руководителей, разрослась изъ небольшого учрежденія въ выдающееся учебно-художественное установленіе.

Развивая въ обширныхъ кругахъ населенія любовь къ искусству и поставивъ себѣ задачей примѣненіе искусства къ нуждамъ отечественной промышленности, школа общества стяжала себѣ широкую и прочную извѣстность.

Особенно обращаетъ на себя вниманіе дѣятельность школы за истекшее десятилѣтіе, когда былъ введенъ рядъ новыхъ, столь необходимыхъ для искусства предметовъ.

Въ справедливой заботѣ о развитіи отечественнаго иконописанія въ школѣ была учреждена иконописная мастерская, уже достигшая выдающагося успѣха, а также вновь открыта рукодѣльно-ткацкая и чеканная мастерская.

Равнымъ образомъ и существующіе въ школѣ мастерскія и классы не остались безъ весьма полезныхъ нововведеній, расширившихъ кругъ преподаваемыхъ въ школѣ предметовъ.

Всѣ эти преобразованія, при наличности достойныхъ руководителей и преподавателей, заслуженно возвысили школу Императорскаго общества поощренія художествъ, плодотворная дѣятельность которой заслуживаетъ полнаго одобренія.

Въ просвѣтительныхъ успѣхахъ основаннаго Прадѣдомъ Нашимъ учрежденія Мы усматриваемъ плоды неустанной работы школы Императорскаго общества поощренія художествъ и въ сей знаменательный день 75-лѣтія ея основанія изъявляемъ школѣ общества Наше благоволеніе за ея столь полез-

ную дѣятельность, пребывая въ увѣренности, что это учебно-художественное учрежденіе будетъ и впредь продолжать преуспѣвать и развиваться.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

«НИКОЛАЙ».

Дѣйствующая армія. 31-го октября 1914 года.

Далѣе были прочитаны привѣтственные телеграммы. Н. Е. Макаренко прочиталъ составленный имъ краткій историческій очеркъ школы. Выпускаемый по случаю семидесятипятилѣтія школы юбилейный знакъ будетъ выданъ всѣмъ преподавателямъ, а также учащимся, оканчивающимъ въ текущемъ году рисовальную школу. Вечеромъ состоялся товарищескій обѣдъ, на которомъ присутствовало свыше 50 человекъ.

Въ литературномъ фондѣ. Общее собраніе литературнаго фонда 26-го октября состоялось подъ предсѣдательствомъ С. А. Венгерова. Просьбъ о пособияхъ было выдано 230, изъ нихъ удовлетворено 213. Пособія назначены 25 писателямъ и писательницамъ или ихъ семьямъ въ размѣрѣ отъ 15 руб. до 100 руб. на сумму въ 1,245 руб. Продолжительныя пособия оказаны 13 лицамъ на сумму 721 руб. Ссуды оказаны 57 лицамъ, обратившимся 92 раза, на 5,370 р. Единовременныя пособия выданы 62 лицамъ на 1,944 руб. На похороны шести лицъ выдано 300 руб. Всего пособій оказано 181 лицамъ на сумму 9,630 р. Кромѣ того, выдана одна стипендія имени Соболевскаго въ 250 руб. Денжныя средства фонда, какъ видно изъ отчета казначея, находятся въ слѣдующемъ состояніи. На 1 ноября 1913 г. оставалось процентными бумагами 852,025 р. и деньгами 13,631 р. На 26-е октября 1914 г. въ остаткѣ процентными бумагами 880,025 р. и деньгами 11,700 р.

Въ кассѣ литераторовъ. Годовое общее собраніе членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ состоялось 26-го октября, подъ предсѣдательствомъ писательницы О. А. Шапирь. Активъ кассы на 1-е января 1914 года составилъ 307,985 руб., увеличившись противъ 1912 года на 15,075 руб. Къ началу новаго года сумма пенсій достигла 7,260 руб. Посмертныхъ выдачъ въ 1913 г. было 20. Общая сумма поразрядныхъ выдачъ составляетъ 25,256 р. Къ началу 1914 года въ кассѣ находилось 712 членовъ, причѣмъ 130 изъ нихъ состояли въ обѣихъ группахъ—основной и параллельной. За заслуги, оказанныя кассѣ членами ея Ф. С. Груздевымъ и Ѳ. Н. Чернышевымъ, собраніемъ постановлено въ правленіи повѣсить портреты означенныхъ лицъ. Въ заключеніе постановлено сдѣлать отсрочку обязательныхъ платежей членамъ кассы, призваннымъ на войну.

Среди археологовъ. Общее собраніе императорскаго русскаго археологическаго общества 25-го октября состоялось подъ августѣйшимъ предсѣдательствомъ его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича. На засѣданіи присутствовали: петроградскій городской голова графъ И. И. Толстой, помощникъ августѣйшаго предсѣдателя общества, вице-президентъ императорской академіи наукъ академикъ П. В. Никитинъ, академикъ Н. Я. Маррь, профессоръ М. И. Ростовцевъ, С. А. Жебелевъ, Д. В.

Айналовъ и друг. Передъ открытіемъ засѣданія графъ И. И. Толстой обратился къ его высочеству отъ имени всѣхъ членовъ общества съ выраженіемъ искренняго и глубокаго душевнаго соболѣзнованія и сочувствія по случаю постигшей его высочество тяжелой утраты, геройской кончины сына его князя Олега Константиновича. Открывая засѣданіе, августѣйшій предсѣдатель предложилъ почтить память скончавшихся истекшимъ лѣтомъ членовъ общества: Д. В. Милѣва, А. П. Барсукова, С. М. Середонина, В. В. Хвойко и Перро Жоржа. Произведенными затѣмъ выборами въ члены комиссіи по предстоящему въ этомъ году присужденію медалей общества за выдающіеся печатные труды по археологии избраны: предсѣдателемъ—Я. И. Смирновъ, членами—профессоръ С. А. Жебелевъ, профессоръ М. И. Ростовцевъ, академикъ Н. Я. Марръ и профессоръ Д. В. Айналовъ. Въ дѣйствительные члены общества избранъ французскій ученый, изслѣдователь Ирана, Робертъ Готъо, и въ члены-сотрудники—В. А. Шугаевскій. Собраніе закончилось докладомъ приватъ-доцента О. Ф. Вальдгауера, иллюстрированнымъ цѣлымъ рядомъ диапозитивовъ. Докладчикъ предложилъ новую гипотезу о происхожденіи и значеніи давно занимавшей вниманіе ученыхъ загадочной статуи, полулежащей женской фигуры, копія которой, имѣющаяся у насъ въ Эрмитажѣ, носить названіе «Молящая о защитѣ». По изслѣдованію докладчика, фигура изображаетъ богиню подземнаго міра Эриннію и принадлежитъ рѣзцу Каламида, относясь къ 458—447 годамъ дохристіанской эры.

Восьмисотлѣтіе со дня кончины Нестора лѣтописца. Въ Кіевѣ 27-го октября по случаю исполнившагося восьмисотлѣтія со дня смерти почивающаго въ ближнихъ пещерахъ лавры преподобнаго Нестора-лѣтописца митрополитомъ Флавіаномъ въ сослуженіи намѣстника лавры были отслужены литургія и молебень съ прочтеніемъ молитвы у гробницы святителя. Въ актовомъ залѣ университета въ присутствіи митрополита, профессоровъ и многочисленной публики состоялось торжественное засѣданіе историческаго общества Нестора-лѣтописца, посвященное памяти великаго историка. Профессоръ Малининъ въ пространной рѣчи охарактеризовалъ талантъ и литературную дѣятельность автора начальной лѣтописи, указавъ на значеніе ея въ исторіи русскаго просвѣщенія. Затѣмъ профессоръ Максимовичъ въ связи съ осуществленіемъ въ настоящее время завѣтной идеи Нестора—присоединенія Галиціи—прочелъ обширный докладъ объ историческихъ судьбахъ ея.

25-лѣтіе журнала «Природа и Люди». 1-го ноября исполнилось 25 лѣтъ со дня выхода основаннаго П. П. Сойкинымъ въ 1889 году популярно-научнаго и литературнаго журнала «Природа и Люди», изданія, составившаго себѣ за эту четверть вѣка обширный кругъ читателей и пользующагося прочной, хорошей извѣстностью. П. П. Сойкинъ, талантливый, горячо любящій свое дѣло и честно относящійся къ нему издатель, задумалъ и осуществилъ выпускъ своего журнала въ тотъ періодъ восьмидесятихъ годовъ, когда въ русской читательской средѣ замѣтно пробудилась заглохшая было съ конца семидесятихъ годовъ потребность въ популярно-научномъ чтеніи, разсчитанномъ на широкіе круги публики. Сотрудниками П. П. Сойкина по новому, своеобразному, ставшему особо отъ другихъ еженедѣльниковъ журналу явились братья Грузевы:

докторъ медицины С. С. Груздевъ (потомъ профессоръ харьковскаго университета), Викторъ Сергѣевичъ Груздевъ (профессоръ казанскаго университета) и Фавстъ Сергѣевичъ Груздевъ, популярный въ столичныхъ литературныхъ кругахъ дѣятель, нынѣ умершій. Были привлечены солидныя научныя силы: профессора: Глазенапа, Никольскій, Клейберъ, Петри, д-ръ А. В. Елисеѣвъ. Изданіе быстро приобрѣло много подписчиковъ, а въ настоящее время пользуется уже выдающимся успѣхомъ. Оно дало много цѣнныхъ приложений: «Земля и народы» Фр. Гельвальда, «Вселенная и человѣчество», «Человѣкъ и земля» Э. Реклю, «Жизнь животныхъ» Брэма и т. д. Приложеніями же давались сочиненія Немировича-Данченка, Каразина, Мордовцева, Диккенса, Марріэтта и т. д. Пользуются любовью публики приложения: «Чудеса природы», «Міръ приключеній», «Знаніе для всѣхъ». Въ настоящее время «Природа и Люди»—одно изъ самыхъ распространенныхъ еженедѣльныхъ изданій въ Россіи. Въ виду переживаемыхъ событій П. П. Сойкинъ и редакція журнала рѣшили употребить предназначенныя на празднованіе юбилея средства на открытіе и содержаніе особаго лазарета для нижнихъ чиновъ, раненыхъ въ бояхъ. Лазаретъ, помѣщающійся въ Графскомъ переулкѣ въ Петроградѣ, уже открытъ и дѣйствуетъ. Симпатичное изданіе «Природа и Люди» успѣшно идетъ своимъ, особымъ путемъ въ современной русской журналистикѣ.

75-лѣтіе дня рожденія И. Л. Горемыкина. 27-го октября по случаю 75-лѣтія со дня рожденія предсѣдателя совѣта министровъ статсъ-секретаря И. Л. Горемыкина, въ квартирѣ юбиляра состоялось чествованіе его подчиненными и членами совѣта министровъ. Въ 12 часовъ дня чины канцеляріи совѣта министровъ, начальники отдѣленій и лица, состоящія при И. Л. Горемыкинѣ, съ управляющимъ дѣлами совѣта министровъ В. Н. Ладыженскимъ и его двумя помощниками камергеромъ Никитинымъ и статскимъ совѣтникомъ Яхонтовымъ во главѣ, принесли юбиляру свои поздравленія и благословили его образомъ Іоанна Крестителя. Шталмейстеромъ Ладыженскимъ была произнесена прочувствованная рѣчь, въ которой онъ отмѣтилъ всѣ пожеланія подчиненныхъ И. Л. Горемыкина. Въ половинѣ перваго часа дня предсѣдателю совѣта министровъ приносили поздравленія чины верховнаго совѣта, состоящаго подъ высочайшимъ предсѣдательствомъ Государыни Императрицы Александры Феодоровны для оказанія помощи семействамъ воиновъ съ управляющимъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ фонъ-Витте во главѣ. Въ два часа дня было совершено молебствіе о здравіи юбиляра. На молебствіи, которое совпало съ освященіемъ дома предсѣдателя совѣта министровъ (Моховая, 34), присутствовали также главноуправляющій земледѣліемъ и землеустройствомъ статсъ-секретарь А. И. Кривошеинъ и министръ финансовъ П. Л. Баркъ. Въ теченіе дня предсѣдателя совѣта министровъ посѣтили и принесли поздравленія министры: морской—И. К. Григоровичъ, торговли и промышленности—С. И. Тимашевъ, внутреннихъ дѣлъ—Н. А. Маклаковъ, иностранныхъ дѣлъ—С. Д. Сазоновъ, французскій посоль г. Палеологъ, итальянскій посоль г. Карлоти, японскій посоль баронъ Мотоно, графъ В. Н. Кокцовъ, члены Государственнаго Совѣта: генераль-адъютантъ Алексѣевъ, Стишинскій; министръ императорскаго двора графъ Фредериксъ, М. М. Лазаревъ, генераль-адъютантъ

фонъ-Клейгельсъ, вице-предсѣдатель Государственнаго Совѣта дѣйствительный тайный совѣтникъ Голубевъ, графъ С. Ю. Витте, депутація отъ училища правовѣдѣнія, директоръ императорскаго лицея генераль Шильдеръ, предсѣдатель медицинскаго совѣта профессоръ Рейшъ, члены Государственной Думы Хвостовъ и Дымша, депутація отъ студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній и отъ бывшихъ студентовъ, депутація частныхъ лицъ изъ петроградскаго общества и многіе другіе. И. Л. Горемыкинымъ получено много привѣтственныхъ телеграммъ, въ томъ числѣ отъ генераль-адъютанта фонъ-Ренпенкампа, финляндскаго генераль-губернатора Зейна, римско-католическаго митрополита Ключинскаго, коменданта виленской крѣпости Калантарова, членовъ Государственнаго Совѣта, Государственной Думы, сенаторовъ, министра народнаго просвѣщенія Л. А. Кассо и много другихъ.

Засѣданіе комитета по оказанію помощи пострадавшимъ отъ военныхъ дѣйствій. 24-го октября въ Зимнемъ дворцѣ, въ 2 часа дня, подъ августѣйшимъ почетнымъ предсѣдательствомъ ея императорскаго высочества великой княжны Татіаны Николаевны, состоялось засѣданіе комитета ея высочества для оказанія временной помощи пострадавшимъ отъ военныхъ дѣйствій. Комитету было доложено предсѣдателемъ его въ должности гофмейстера А. Б. Нейдгартомъ о пожертвованіи въ 200.000 рублей, поступившемъ на нужды комитета отъ имени Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Предсѣдатель комитета отъ лица всѣхъ членовъ просилъ великую княжну повергнуть горячую благодарность комитета Ихъ Императорскимъ Величествамъ за поддержку и довѣріе. Засимъ былъ предложенъ краткій отчетъ о побѣздкѣ предсѣдателя комитета въ мѣстности, пострадавшія отъ военныхъ бѣдствій, утвержденъ личный составъ вновь открытыхъ мѣстныхъ отдѣленій комитета ея высочества въ городахъ Минскѣ, Вильнѣ и Холмѣ, постановлено приступить къ разработкѣ вопроса о возстановленіи разрушенныхъ жилищъ и снабженіи населенія лошадьми, признано необходимымъ командировать особыхъ уполномоченныхъ отъ комитета для обследованія побережья Крыма и Кавказа, пострадавшихъ отъ открытія военныхъ дѣйствій со стороны Турціи, и найдено своевременнымъ нынѣ же начать собраніе матеріаловъ относительно помощи, оказываемой повсемѣстно въ имперіи населенію, пострадавшему отъ военныхъ бѣдствій. Независимо отъ сего комитетомъ было отпущено 273.000 рублей различнымъ учрежденіямъ, вѣдающимъ дѣло призрѣнія бѣженцевъ.

Помогите родной Галичинѣ! Быстрое сосредоточеніе, а затѣмъ стремительное, «суворовское» наступленіе нашихъ доблестныхъ войскъ къ Днѣстру и Львову и побѣды при Гнилой Лигѣ спасли нашу Подолію и Волынь отъ ужасовъ войны и разоренія и перенесли театръ военныхъ дѣйствій въ Галичину, въ ту древнюю нашу Галичину, которая уже около 600 лѣтъ ждетъ своего освобожденія отъ иноземнаго ига и упорно отстаивала и сохранила свою русскую народность и свою родную вѣру. При самомъ началѣ мобилизаціи по всей Червонной Руси пошли аресты тысячъ и казни сотенъ священниковъ, интеллигентовъ и крестьянъ, однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ, кто проявилъ себя болѣе яркими поборниками русской народнои идеи. Враги русскаго народа захотѣли

воспользоваться военнымъ положеніемъ, чтобы грубой силою искоренить то русское сознаніе, съ которымъ они были безсильны бороться культурнымъ путемъ. До сихъ поръ выяснено, что въ занятой нами части Галичины арестовано около 10.000 русскихъ людей и казнено болѣе 1.000. Освобождено нами изъ галицкихъ тюремъ лишь около 2.000, остальные вывезены въ глубь Австро-Венгріи и неизвѣстно, какая ихъ постигла участь. Имущество же ихъ разграблено озлобленными австрійскими жандармами и солдатами, мадьярами и нѣмцами. Мы еще не имѣемъ точныхъ свѣдѣній изъ Угорской Руси и Лемковщины, но оттуда доходятъ зловѣщіе слухи, что отступающіе австрійцы вырѣзали цѣлыя деревни и что уцѣлѣвшіе жители скрываются по горамъ и лѣсамъ. Сколько осталось вдовъ и сиротъ, нынѣ потерявшихъ все изъ-за вѣрности своихъ отцовъ и мужей нашей общей матери Руси!.. И мы не можемъ ихъ оставить безъ своего сердечнаго участія и безъ помощи въ хлѣбѣ, одеждѣ и топливѣ. Вообще вся Галичина сильно пострадала, такъ какъ по ней лавиной прошли боемъ двѣ милліонныя арміи. Тѣ уѣзды, изъ которыхъ мы быстро и окончательно изгнали врага, сравнительно мало пострадали, но есть цѣлый рядъ другихъ уѣздовъ (Рава-Русскій, Перемышльскій, Городокскій, Самборскій, Дрогобычскій, Стрыйскій, Долинскій и др.), гдѣ шли многодневные упорные бои (въ Самборскомъ уѣздѣ непрерывный бой длился четыре недѣли), и тамъ разорены совершенно цѣлыя округа, деревни сравнены съ землею, хлѣбъ, скоть все уничтожено, и населеніе страшно бѣдствуетъ. А впереди холодная и голодная зима и неужели добрая и сострадательная Россія не слышитъ плача матерей и жалобнаго крика дѣтей? Она слышитъ и она отвѣтитъ... Для помощи населенію, безъ различія народности и вѣры, образованъ генераль-губернаторомъ Галичины главный благотворительный комитетъ, а также уѣздные комитеты, и посильная помощь уже оказывается мѣстами деньгами, мѣстами мукой и солью. Эту помощь назвалъ уже здѣшній народъ «Царской лаской», но въ великіе дни, переживаемые нынѣ Россіей, всѣ народы ея и всѣ слои общества доказали, что они стоятъ заодно со своимъ Царемъ, и мы уповаемъ, что въ дѣлѣ помощи нашимъ несчастнымъ братьямъ у Карпатъ русское общество пожелаетъ также принять живое и широкое участіе. Пожертвованія просимъ направлять во Львовъ на имя главнаго благотворительнаго комитета при генераль-губернаторѣ. Дабы облегчить пересылку мелкихъ денежныхъ суммъ, просимъ земскія и городскія управы принимать жертвованія и присылать таковыя во Львовъ вмѣстѣ со списками жертвователей. Просимъ всѣ газеты напечатать нѣсколько разъ это обращеніе. Главный благотворительный комитетъ во Львовѣ. 31-ое октября 1914 года.

НЕКРОЛОГИ.

БЕРДЯЕВЪ, С. А. Въ Кіевѣ, въ ночь съ 5-го на 6-е ноября въ лечебницѣ, послѣ тяжкой болѣзни скончался одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ журналистовъ Сергѣй Александровичъ Бердяевъ. Въ литературныхъ кругахъ покойный былъ хорошо извѣстенъ и до послѣднихъ дней своей жизни работалъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. С. А. родился въ срединѣ пятидесятихъ годовъ въ дворянской семьѣ, отецъ его былъ генералъ-лейтенантъ. Самъ С. А. въ концѣ семи десятихъ годовъ былъ юнкеромъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка. Литературную дѣятельность онъ началъ въ срединѣ семидесятихъ годовъ, помѣщая стихи и небольшія статьи во всѣхъ иллюстрированныхъ и юмористическихъ изданіяхъ подъ инициалами С. Б. и псевдонимами «С. Кіевскій» и «Аспидъ». Затѣмъ С. А. печатался въ газетахъ «Заря», «Приднѣпровскій Край», «Кіевлянинъ», «Новое Время», «Гражданинъ» и друг. Во время пребыванія въ Кіевѣ С. Я. Надсона С. Бердяевъ издалъ брошюрку «Надсоніада», въ которой было много личныхъ выпадовъ противъ популярнаго поэта. Въ 1886 году въ «Русскомъ Вѣстникѣ» появилась статья С. Бердяева, въ которой онъ пытался очернить Плещеева. Въ 1887 году и 1890 году С. А. выступилъ съ покаянными письмами, въ которыхъ свои замѣтки о Плещеевѣ называлъ «безсмысленной бранью», попавшей въ журналъ по недосмотру редакціи и написанной въ состояніи временнаго помраченія здраваго смысла. Въ дни свободъ С. Бердяевъ участвовалъ въ марксистскихъ изданіяхъ, но здѣсь его литературная дѣятельность была случайной и несерьезной. Стихомъ С. А. владѣлъ свободно, и его нѣсколько стихотвореній были помѣщены въ «Русской Мысли» и «Вѣстникѣ Европѣ». (Некрологъ его: «День», 1914, № 304).

† **Булыгинъ, П. П.** 19-го октября въ одной изъ московскихъ лечебницъ послѣ долгой болѣзни скончался Петръ Павловичъ Булыгинъ, извѣстный

беллетристъ и видный общественный дѣятель Владимирской губерніи. Какъ беллетристъ, покойный П. П. обратилъ на себя вниманіе въ концѣ 90-хъ годовъ, когда въ «Русскомъ Богатствѣ» появился его большой рассказъ «Расплата». Послѣ этого онъ продолжалъ довольно часто помѣщать свои очерки и рассказы въ «Русскомъ Богатствѣ», «Вѣстникъ Европы», «Русской Мысли», «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и др. Деревня и природа—вотъ главныя его темы. Ту и другую онъ хорошо понималъ и искренно любилъ, и эта любовь окрашивала его очерки своеобразнымъ лиризмомъ. (Некрологъ его: «День», 1914, № 288).

† **Вашковъ, С. И.** Скоропостижно скончавшійся въ ночь на 7-ое ноября С. И. Вашковъ былъ сыномъ небезызвѣстнаго поэта и фельетониста И. А. Вашкова. По окончаніи курса въ Строгановскомъ училищѣ по архитектурному классу С. И. прямо со школьной скамьи поступилъ въ художественный отдѣлъ фабрики Оловянишниковыхъ, гдѣ въ теченіе почти пятнадцати лѣтъ работалъ рука объ руку съ директоромъ фирмы В. И. Оловянишниковымъ, а послѣдніе годы занималъ мѣсто завѣдующаго художественнымъ отдѣломъ. Специальностью покойнаго было церковное искусство, и въ этой области С. И. достигъ высокаго совершенства. По его рисункамъ изготовлялись на фабрикѣ Оловянишникова всѣ заказы императорскаго двора, а кромѣ того, по желанію Государя Императора, которому С. И. представлялся, онъ завѣдывалъ лично постройкой дворцовой церкви въ Царскомъ Селѣ. С. И. работалъ также и на литературномъ поприщѣ, сотрудничая въ нѣкоторыхъ журналахъ и редактируя «Свѣтильникъ», посвященный церковному искусству. Какъ человекъ, С. И. Вашковъ пользовался искренней любовью не только своихъ товарищей и сослуживцевъ, но и всѣхъ начинающихъ художниковъ, которые всегда находили у него сердечный пріемъ и добрый совѣтъ. (Некрологъ его: «Голосъ Москвы», 1914, № 259).

† **Голубевъ, В. С.** 1). Паль смертью на полѣ брани предсѣдатель кievскаго патріотическаго общества молодежи «Двуглавый Орелъ», студентъ, прапорщикъ Владимиръ Степановичъ Голубевъ. За короткое время войны онъ получилъ два отличія. 5-го октября представленъ былъ къ Георгію, а 6-го уже убитъ. Покойный родился 28-го августа 1891 года, среднее образованіе получилъ въ кievской первой гимназіи, а затѣмъ поступилъ въ университетъ Святого Владимира по юридическому факультету. Рано, еще юношей, онъ выступает на арену общественной и политической дѣятельности. Будучи однимъ изъ главныхъ учредителей общества «Двухглавый Орелъ», издававшаго, съ нѣкоторыми перерывами, газету подъ тѣмъ же названіемъ, онъ былъ также дѣятельнымъ руководителемъ и сотрудникомъ этого праваго органа печати, появлявшагося въ Кіевѣ въ моментъ наибольшей національной опасности. Пылкій патріотъ-націоналистъ, покойный принималъ также большое участіе въ «разслѣдованіи» по извѣстному кievскому ритуальному дѣлу Бейлиса, а въ качествѣ свидѣтеля по тому же дѣлу далъ судебной власти не мало цѣнныхъ свѣдѣній. Въѣсть съ тѣмъ, ввиду внезапнаго перехода русской газеты «Кіевлянинъ» на сторону защиты Бейлиса, Голубевъ горячо хлопочеть объ основаніи болѣе устойчиваго

1) Сообщилъ Т. Игнагевъ.

русскаго ежедневнаго органа печати въ древней русской столицѣ на берегахъ Днѣпра; въ результатѣ его усилій—возникаетъ газета «Кіевъ», въ которой Голубевъ тоже сотрудничалъ. Участвуя въ бояхъ подъ Львовомъ, какъ сообщаетъ «Кіевлянинъ», В. С. 19-го августа былъ раненъ пулей въ голову, вслѣдствіе чего былъ вынужденъ оставить временно армию и возвратиться въ Кіевъ для леченія. Прибывъ 23-го августа въ Кіевъ, Голубевъ оставался тамъ не долго и уже 8-го сентября выѣхалъ обратно въ армию. 5-го октября, командуя небольшимъ отрядомъ въ восемь нижнихъ чиновъ, отправился на развѣдки въ районѣ Бѣлгорайскаго уѣзда Люблинской губерніи. Непріятель настигъ отрядъ въ лѣсу и окружилъ его, предложивъ русскимъ сдаться. В. С. Голубевъ, несмотря на малочисленность своихъ людей, повелъ ихъ въ атаку и пробился сквозь вражій кругъ. При этомъ, однако, всѣ участники развѣдки, въ томъ числѣ и самъ В. С., были болѣе или менѣе легко ранены. На слѣдующій день, 6-го октября, Голубевъ участвовалъ въ сраженіи при м. Рудникъ, вблизи Кржешова Бѣлгорайскаго уѣзда, и здѣсь былъ уже смертельно раненъ.

† **Истоминъ, В. Н.** 30-го октября скончался Владимиръ Константиновичъ, сынъ адмирала Константина Ивановича Истомина и племянникъ извѣстнаго доблестнаго защитника Севастополя адмирала Владимира Ивановича Истомина (ум. 1855 г.). В. К. родился въ 1847 году, въ Кронштадтѣ, гдѣ его отецъ тогда занималъ должность начальника штаба Балтійскаго флота, и тамъ же провелъ свои дѣтскіе годы. Принадлежавшій къ семьѣ моряковъ и въ ранніе годы страстно любившій море, даровитый и любознательный юноша, однако, поступилъ не въ морскую, а въ нажескій корпусъ: вмѣсто званія моряка ему пришлось съ 1865 года получить производство въ офицеры лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Однако В. К. недолго пробылъ на военной службѣ: весною 1868 года онъ уѣхалъ изъ Петрограда и затѣмъ поселился въ Москвѣ. Здѣсь сначала ему пришлось служить при московскомъ губернаторѣ В. С. Перфильевѣ, затѣмъ въ 1883 года занимать должность директора московскихъ сиротскихъ заведеній вѣдомства императрицы Маріи, потомъ, съ весны 1887 г., состоять правителемъ дѣлъ у московскаго генераль-губернатора кн. В. А. Долгорукова и, наконецъ, послѣ трехмѣсячнаго завѣдыванія редакціею «Правительственнаго Вѣстника» (съ декабря 1890 г. до конца февраля 1891 г.), обратно вернуться въ нашу древнюю столицу и снова занять административный постъ управляющаго канцеляріей новаго московскаго генераль-губернатора великаго князя Сергѣя Александровича, который его высоко цѣнилъ и которому В. К. былъ преданъ всей душой до своей кончины. Этотъ постъ покойный занималъ почти пятнадцать лѣтъ, до 1904 года, когда вышелъ въ отставку съ званіемъ гофмейстера высочайшаго двора. Одновременно съ нею постепенно шли и непрерывно развивались его литературныя занятія. Еще въ молодые годы, вращаясь въ кругу поэтовъ—А. Н. Апухтина, Ѳ. Н. Берга и затѣмъ писателей, какъ, напримѣръ, братья А. П. и Н. П. Барсуковы, онъ, талантливый отъ природы, среди досуга писалъ стихи, которые печатались въ журналахъ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Обзорѣніи» и «Дѣтскомъ Отдыхѣ», основанномъ имъ, а затѣмъ вышли отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: «Изъ пережитаго». (М. 1905 г., 44 стр.) и «Больница души» (М. 1906 г., 22 стр.).

Издавая «Дѣтскій Отдыхъ», одинъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ, В. К. сумѣлъ привлечь къ участию въ немъ много извѣстныхъ писателей. Достаточно упомянуть гр. Л. Н. Толстого, графиню Туръ, Ключникова, Аверкіева, Толмачеву и мн. др. Кроме того, также рано В. К. началъ слѣдовать своему извѣстному девизу: «И я не будущимъ, а прошлымъ оживленъ!» Слѣдуя такому искреннему признанію, онъ охотно отдавался воспоминаніямъ о минувшемъ и въ яркихъ чертахъ обрисовывалъ прошлыхъ русскихъ дѣятелей. Къ такимъ трудамъ его относились: «Значеніе подвига Весты» («Русскій Вѣстникъ» 1877 г., кн. 8), «Объ атаманѣ графѣ Платовѣ», съ которымъ онъ находился въ родствѣ вслѣдствіе своей женитьбы на внучкѣ графа («Русскій Архивъ» 1877 г.), «Наваринскій бой» (тамъ же), «Контръ-адмиралъ В. И. Истомина» («Русскій Архивъ» 1877 г.), «Михаилъ Петровичъ Лазаревъ» (1881 г., ч. II, стр. 347—361), «Адмиралъ И. С. Унковскій» (1887 г. и отдѣльно: М. 1910 г., 124 стр.), «Страничка изъ жизни православной церкви» («Русскій Архивъ» 1906 г., кн. 2) и «Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ», личные воспоминанія (Спб. 1908 г., 17 стр.). Въ заключеніе остается упомянуть о почти сорокалѣтнемъ участіи В. К. Истомина въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». В. К. былъ очень близокъ къ М. Н. Каткову и считался своимъ человѣкомъ въ его семьѣ. Начиная съ 1875 г., онъ, сочувствуя направленію «Моск. Вѣдомостей», помѣстилъ также рядъ своихъ замѣчательныхъ по настроенію и стилю «воспоминаній о прошломъ», изъ которыхъ можно назвать слѣдующія, особенно памятные намъ: «И. П. Барсуковъ» (1906 г., № 127), «М. П. Даниловъ» (1907 г., № 13), «В. А. Грингмутъ» (№ 229), «Филаретъ, митрополитъ московскій» (№ 266), «Старая Москва», о Тучковыхъ (1909 г., № 211), «Троицкое Слово» (1910 г., № 74), «Торжество правды» (№ 93) и «Памяти Екатерины Петровны Ермоловой» (1911 г., № 11). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1914 г., № 254).

† **Нисселовичъ, Л. Н.** Скончался въ Женевѣ бывший депутатъ-еврей въ третьей Государственной Думѣ Л. И. Нисселовичъ. Покойный родился въ гор. Баускѣ Курляндской губерніи и по окончаніи въ 1880 году петроградскаго университета поступилъ на службу въ министерство финансовъ. Имъ написанъ цѣлый рядъ работъ по вопросамъ банковаго законодательства, а также большой двухтомный трудъ «Исторія фабрично-заводскаго законодательства въ Россіи». Въ 1882 году покойный покинулъ службу въ министерствѣ финансовъ и записался въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. Впервые общественной дѣятельностью покойный началъ заниматься во время выборовъ въ первую Государственную Думу, когда онъ былъ избранъ выборщикомъ отъ своего роднаго города. Въ третью Государственную Думу Л. И. Нисселовичъ былъ избранъ соединеннымъ блокомъ латышскихъ, еврейскихъ и нѣмецкихъ партій. Въ Государственной Думѣ покойный проявлялъ весьма энергичную дѣятельность. (Некрологъ его: «День», 1914, № 299).

† **Полетаевъ, Н. А.**¹⁾ Въ ночь на 4-е октября скончался отъ крупознаго воспаленія легкихъ одинъ изъ старѣйшихъ петроградскихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Николай Александровичъ Полетаевъ. Родился онъ въ 1833 году въ

¹⁾ Сообщилъ В. А. Алексѣевъ.

Гишиневъ и учился въ гимназіяхъ томской, самарской и астраханской губернской, гдѣ въ 1849 году кончивъ курсъ. Поступивъ затѣмъ на медицинскій факультетъ казанскаго университета, покойный провелъ тамъ всего одинъ годъ, несмотря на свое влеченіе къ занятію медициной. Переѣхавъ въ 1852 г. въ Астрахань, покойный поступилъ преподавателемъ ариѳметики и бухгалтеріи въ армянское Агабабовское училище, гдѣ и пробылъ до 1853 года. Жажда высшаго образованія однакожь не покидала Н. А. Въ концѣ концовъ онъ бросилъ педагогическую дѣятельность, уѣхавъ въ 1855 году въ Москву и, получивъ мѣсто домашняго учителя, *одновременно посѣщавъ, въ качествѣ вольнослушателя, лекціи московскаго университета по юридическому факультету. Въ 1858 году Н. А. блестяще выдерживаетъ университетскій экзаменъ съ званіемъ кандидата правъ. Въ 1861 году покойный уѣзжаетъ за границу и въ семестръ 1861—2 гг. слушаетъ лекціи права въ кильскомъ университетѣ. Датскій кильскій университетъ славился подборомъ профессоровъ. Между ними былъ знаменитый юристъ Готлибъ Планкъ, котораго лекціи особенно привлекали Н. А. Планкъ замѣтилъ своего слушателя, тогда единственнаго русскаго студента въ Килѣ, и сталъ приглашать его къ себѣ на домъ. Покойный любилъ вспоминать объ этомъ эпизодѣ своей долгой жизни, причемъ рассказывалъ, что не разъ помогаль рѣшать задачи по математикѣ маленькому сыну Планка... По возвращеніи въ Россію Н. А. одно время служилъ секретаремъ извѣстнаго сахарозаводчика графа Бобринскаго въ Смѣлѣ, а затѣмъ въ 1862 г. поступилъ на государственную службу и былъ опредѣленъ младшимъ помощникомъ секретаря перваго департамента герольдіи правительствующаго сената, служилъ потомъ старшимъ помощникомъ секретаря, исправлялъ должность оберъ-секретаря и продолжалъ службу въ департаментѣ министерства юстиціи. Въ концѣ 1866 года онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ вѣчнаго титулярнаго совѣтника, а въ слѣдующемъ вступилъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ петроградской судебной палаты. Въ 1909 году Н. А., изъ-за болѣзненнаго состоянія и преклонныхъ лѣтъ, прекратилъ практику и переселился въ Гатчину. Какъ писатель, это не былъ сухой homo unius libri, а человѣкъ энциклопедическаго образованія. Чѣмъ только онъ не интересовался: и юридическими науками, какъ своею специальностью, и энтомологіей (съ 1874 года онъ былъ членомъ, а съ 1885 года по 1890 вице-президентомъ русскаго энтомологическаго общества), и оптикой, и музыкой (самъ онъ недурно игралъ на виолончели), и высшею математикой (незадолго до смерти онъ съ любовью занимался интегралами и дифференциалами), и Шекспиромъ. Печататься онъ началъ ровно полвѣка тому назадъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ», гдѣ появилась его первая литературная работа—«Граница наказуемости покушенія». Въ 1892 году вышелъ въ Петроградѣ отдѣльно большой трудъ покойнаго— «Объ основаніяхъ измѣненія по началамъ положительной философіи». Въ «Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права» за 1892—3 гг. напечатаны статьи покойнаго: «Искъ изъ незаконнаго обогащенія» и «Давность виндикаціи», въ «Журналѣ Юридическаго Общества» при петроградскомъ университетѣ за 1894—8 гг. появились, между прочимъ, слѣдующія работы Н. А.: «Отвѣтственность акціонера общества и его органовъ предъ отдѣльными акціонерами», «Предѣлы

встрѣчнаго иска», «Границы уголовной отвѣтственности душевно-больныхъ» и проч. Въ 1900 году написано покойнымъ изслѣдованіе «Шекспиръ и Геришгъ, или что такое борьба за право». Работы по энтомологіи помѣщались Н. А. въ «Трудахъ Русскаго энтомологическаго Общества» (томы 10, 12, 13, 17, 18), въ «*Notae Societatis Entomologicae Rossicae*» (v. 16 и 17) за 1877—80 гг. и въ иностранныхъ органахъ—«*Comptes rendus de l'Académie des sciences à Paris*» и въ лейпцигскомъ *Zoologischer Anzeiger Carus'a* (№ 185). Вообще же покойнымъ были напечатаны по энтомологіи слѣдующія статьи: 1) «Замѣтка о слюнныхъ железахъ одонатъ (также по-нѣмецки)», 2) «*Du développement des muscles d'ailes chez les odonates*», 3) «О крыловыхъ мускулахъ булавоусыхъ бабочекъ», 4) «Къ вопросу о значеніи жужжалецъ мухъ для полета», 5) «О движеніяхъ сердца десятиногихъ раковъ», 6) «О развитіи крыльевъ у фриганидъ» и 7) «О глазкахъ и ихъ зрительной способности у фриганидъ».

† **Уманецъ-Райская, И. П.** Въ Москвѣ въ Сокольнической больницѣ скончалась отъ крупознаго воспаленія легкихъ артистка императорскихъ театровъ И. П. Уманецъ-Райская. И. П. начала свою карьеру въ концѣ 70-хъ годовъ въ качествѣ хористки Александринскаго театра въ Петроградѣ. Лѣтомъ она выступала въ дачномъ театрѣ подъ Петроградомъ, гдѣ въ то время держалъ оперетту и комедію антрепренеръ Квадри. Затѣмъ она выступила въ провинціи, гдѣ имѣла крупный успѣхъ, а съ 1-го января 1882 г. была зачислена въ драматическую труппу московскихъ императорскихъ театровъ. На Малой сценѣ И. П. быстро выдвинулась. Она первая играла роль Вѣрочки въ «Воспитанницѣ» А. Н. Островскаго, которую ставилъ самъ авторъ. Островскій былъ восхищенъ Вѣрочкой—И. П., а затѣмъ очень хвалилъ ее за исполненіе роли Катерины въ «Грозѣ». Въ теченіе двадцати лѣтъ И. П. служила украшеніемъ Малой сцены. Получивъ въ 1902 году пенсію, И. П. ушла изъ Малаго театра и занялась преподавательскою дѣятельностью. Уроки драматическаго искусства И. П. давала до самыхъ послѣднихъ дней. Кромѣ того, она принимала большое участіе въ дѣлахъ общества имени А. Н. Островскаго, которому принесла много пользы своею работой. Вскорѣ выйдутъ въ свѣтъ воспоминанія, написанныя И. П., заключающія въ себѣ много интереснаго для исторіи русскаго театра. (Некрологъ ея: «Русское Слово», 1914 г., № 258).

† **Янжуль, И. И.** 22-го октября сенаторомъ В. П. Судейкинымъ изъ Швейцаріи была получена печальная вѣсть о кончинѣ академика и бывшаго московскаго профессора И. И. Янжула. Покойный лечился въ Висбаденѣ, гдѣ его застала война. Частичный параличъ ногъ не позволялъ ему предпринять обратно на родину дальнюю поѣздку черезъ Швецію, и онъ принужденъ былъ оставаться среди нѣмцевъ... А теперь судьбѣ угодно было, чтобы онъ окончилъ тамъ и свою жизнь. Покойный, какъ ученый, обладалъ громадною эрудиціей, но преимуществу въ области финансоваго права и въ частности въ области исторіи финансовъ въ Англіи. Этому предмету посвящена была его первая крупная работа «Опытъ изслѣдованія косвенныхъ налоговъ. Акцизы» (1874 г., магистерская диссертация), а также слѣдующія сочиненія: «Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ» 1880 г., «Англійская свободная торговля» 1882 г. Его учебникъ финансоваго права выдержалъ четыре изданія. Много

работъ покойнаго посвящено экономическимъ вопросамъ и въ особенности условіямъ жизни фабрично-заводскихъ рабочихъ, что связано съ его фабричнымъ инспекторствомъ (восьмидесятыя годы), и промышленнымъ синдикатамъ (девяностыя годы), что связано съ его поѣздкой въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Широкой публикѣ И. И. Янжуль былъ извѣстенъ какъ талантливый публицистъ и лекторъ публичныхъ лекцій на тему по преимуществу о просвѣтительной дѣятельности въ Англии. Изъ его публичныхъ лекцій и сборника статей «Очерки и изслѣдованія» русскій интеллигентъ впервые познакомился съ дѣятельностью «университетскихъ поселеній», съ «народными домами» и т. д. На публицистическія темы онъ писалъ много въ журналахъ («Отеч. Зап.», «Вѣстн. Евр.» и др.) и газетахъ («Русск. Вѣд.», «Голосъ» и др.). Второй сборникъ его публицистическихъ статей вышелъ подъ заглавіемъ «Между дѣломъ» (1904 г.). Покойный отличался рѣдкой трудоспособностью и широкимъ интересомъ ко всѣмъ отраслямъ знанія. Онъ внимательно слѣдилъ за экономической и научно-популярной литературой, тратя ежегодно большія суммы на выписку иностранныхъ книгъ и журналовъ, такъ что въ этомъ отношеніи представлялъ типъ широко образованнаго человѣка. Покойный былъ родомъ изъ Кіевской губерніи, но прожилъ большую часть жизни въ Москвѣ, сдѣлавшись заядлымъ москвичомъ. Петроградъ, куда онъ переселился въ 1898 году (будучи избранъ въ академики), онъ недолюбливалъ... Домъ И. И. Янжула издавна славился широкимъ, чисто-московскимъ хлѣбосольствомъ. Янжуловскія воскресенья были хорошо извѣстны всей учено-литературной Москвѣ... Небезызвѣстны были они и петроградцамъ, особенно въ первые годы по переѣздѣ Янжуловъ сюда изъ Москвы. Москвичи же, пріѣзжая въ Петроградъ, по привычкѣ, никогда не миновали побывать у нихъ въ воскресенье. При всей своей внѣшней рѣзкости сужденій, не всѣмъ пріятной способности говорить правду въ глаза и нѣкоторой ворчливости въ послѣдніе годы, покойный обладалъ, несомнѣнно, доброй душой, былъ всегда радъ всякому помочь въ трудныхъ обстоятельствахъ и дѣлалъ это безъ огласки, иногда даже безъ вѣдома пострадавшаго... Поэтому знавшіе его ближе легко прощали покойному его рѣзкости и искренно любили его. Его близкими друзьями были покойные А. И. Чупровъ, И. И. Ивановковъ и нынѣ здравствующіе М. М. Ковалевскій и А. Г. Небольсинъ. Но его самымъ близкимъ и вѣрнымъ другомъ была его супруга Е. Н. Янжуль—также небызвѣстная писательница. На ея тяжкую долю выпало горе похоронить этого рѣдкаго патріота своего отечества и крупнаго общественнаго дѣятеля 80—90-хъ годовъ—на чужбинѣ и при томъ при такихъ исключительно тяжелыхъ обстоятельствахъ... Покойному было 68 лѣтъ, дѣтей онъ не имѣлъ, но, любя ихъ, И. И. Янжуль пріютилъ у себя многолѣтнее семейство своего вѣрнаго многолѣтняго слуги. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1914, № 287).

ПОПРАВКИ И ЗАБѢТКИ.

По поводу записокъ лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова.

Въ послѣднее время, какъ я замѣтилъ, возникаютъ нерѣдко недоразумѣнія относительно подлинности имѣющихся въ печати мемуаровъ родного дѣда моего, покойнаго свитнаго лейбъ-хирурга въ Бозѣ почивающаго императора Александра I, тайнаго совѣтника Дмитрія Климентьевича Тарасова. Долженъ сказать, что, оставшись четырнадцатилѣтнимъ круглымъ сиротою, я былъ воспитанъ горячо любящей и любимой мною бабушкой (вдовой лейбъ-хирурга), съ которой прожилъ до самой ея кончины. Все оставшееся по кончинѣ дѣда унаслѣдовали мой покойный родитель и бабушка, а послѣ нихъ—я, какъ единственный прямой потомокъ.

Среди многихъ вещественныхъ воспоминаній у бабушки, а потомъ у меня, сохранились подлинныя рукописныя воспоминанія дѣда, въ четырехъ переплетенныхъ красно-кожаныхъ тетрадяхъ-томикахъ (въ стилѣ empire), заключенныхъ въ футляръ съ запирающеюся бронзовой задвижкой (со стороны корешковъ). Тетради эти находились у бабушки всегда въ шкапу, на выдвжныхъ полкахъ, а затѣмъ у меня въ бывшемъ рязанскомъ имѣннн, въ маленькомъ библиотечномъ шкапу. Интересныя воспоминанія эти неоднократно прочитывались мною вслухъ бабушкѣ и жившей съ нами ея сестрѣ (Л. П. Грамотиной), а также давались для прочтенія нѣкоторымъ хорошимъ знакомымъ, какъ: сенатору И. М. Гедеонову, сенатору Н. П. Семенову генералу В. А. Бельгарду, сенатору А. Н. Сомову и мн. друг. Будучи еще офицеромъ, я, желая ознакомиться съ содержаніемъ сдѣланныхъ Мих. Ив. Семевскимъ купюръ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, при участіи бабушки, сравнивалъ печатный текстъ съ рукописнымъ.

Дѣйствительно, сокращеній было обнаружено не мало, но всѣ они, по своему содержанію, имѣли исключительно фамилный характеръ и даже вскользь не касались историческихъ данныхъ. Сокращенія, припоминаю, были сдѣланы главнымъ образомъ въ первой и послѣдней частяхъ. Почеркъ покойнаго дѣда былъ весьма четкій (убористый), по размѣру—средній и мелкій, причемъ въ мемуарахъ преобладалъ второй. Въ имѣющихся у меня тринадцати письмахъ и двухъ запискахъ почеркъ наблюдается мелкій и отчетливый, что ясно подтверждаетъ правоту покойнаго М. И. Семевского, заявляющаго о томъ въ своемъ предисловіи къ воспоминаніямъ дѣда. Къ тому же, какъ я выше упомянулъ, имѣющіяся у меня подлинныя письма дѣда доказываютъ, что обычный почеркъ дѣда—мелкій, убористый. Что же касается самаго вида рукописи, которая была уступлена моимъ отцомъ М. И. Семевскому для напечатанія въ «Русской Старинѣ», послѣдній прямо печатно заявляетъ, что ему была представлена моимъ отцомъ одна объемистая тетрадь, въ триста девяносто (съ тѣмъ-то) страницъ, написанная мелкимъ убористымъ почеркомъ. Не вѣрять въ этомъ уважаемому М. И. Семевскому пѣтъ основанія, тѣмъ болѣе, что со стороны близкихъ никакихъ возраженій, по прочтеніи ими, не послѣдовало; кромѣ

этого, текстъ печатный воспоминаній и таковой рукописный, какъ я выше упомянуть (за исключеніемъ купюръ исключительно частнаго характера)—былъ вполне тождественъ печатному. Изъ этого вытекаетъ, что М. И. Семевскому была предъявлена моимъ отцомъ подлинная рукопись, а не какая-то копія, нарочито яко бы скопанованная, какъ нѣкоторые говорятъ и даже заявляютъ. Превращеніе одной рукописной объемистой тетради въ четыре объясняется просто: по возвращеніи рукописи редакторомъ, послѣдняя была, ради сохранности для потомства, разбита (почему-то) на четыре части и переплетена въ красноватые кожаные переплеты, заключенные въ запирающійся футляръ. Предполагать въ «подлинныхъ» запискахъ раскрытіе дѣйствительности легенды или даже намска на существованіе таковой—прямо нелѣпо, ибо дѣдъ, какъ умный и серьезнѣйшій человекъ, никогда не рѣшился бы своими мемуарами вызвать хотя бы малѣйшее сомнѣніе или догадку, даже и при правдивости легенды. Если бѣ существовали какія устныя преданія насчетъ послѣдней, то такковыя непременно сохранились бы въ семьѣ бабушки. Но бабушка была убѣжденная противница легенды и при упоминаніи имени почтеннаго томскаго старца горячо протестовала противъ предполагаемой тождественности личности старца съ императоромъ Александромъ I; въ подобныхъ случаяхъ старушка вела всегда своего собесѣдника въ свою образницу и благоговѣнно показывала извѣстную гравюру таганрогской катастрофы, на которой изображенъ въ числѣ свиты мой дѣдъ, рыдающій у стѣны близъ изголовья кровати царя; гравюру эту до того почитала старушка, что она была помѣщена рядомъ съ кіотомъ, причѣмъ мерцающій свѣтъ лампы падалъ на изображеніе.

Разъ любящая жена и «вѣрный другъ» (такъ называетъ дѣдъ въ письмахъ жену) не была посвящена дѣдомъ въ тайники его души,—неужели дѣдъ рѣшился бы разоблачить величайшую государственную тайну внѣ родной семьи, внѣ своего родного крова?! Этими словами я даю какъ бы отвѣтъ, между прочимъ, и уважаемому г. В. Г. (см. «Истор. Вѣстникъ» за сент. 1914 г.).

Подлинныя записки дѣда, къ великому моему прискорбію, погибли въ огнѣ во время моего отсутствія въ бывшемъ родовомъ материнскомъ имѣніи Рязанской губерніи, при сожженіи ненужныхъ бумагъ; предположеніе о возможности ихъ похищенія при продажѣ имѣнія и переходѣ послѣдняго къ новой владѣлицѣ не подтвердилось, ибо къ розыску тетрадей мною были приняты своевременно (и позднѣе) всѣ мѣры, но послѣднія ни къ чему не привели, несмотря на общее стараніе друзей и знакомыхъ.

Записки дѣда дышатъ такою же неподдѣльною искренностью и такимъ же возвышеннымъ, если не сказать болѣе, обожаніемъ имени въ Бозѣ почивающаго царя, какъ и знаменитое письмо императрицы Елизаветы Алексѣевны къ матери, маркграфинѣ баденской, и извѣстное письмо приближеннаго свитнаго гофъ-фурьера Даниила Бабкина къ сыну, обнародованное недавно на страницахъ «Историческаго Вѣстника» великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ.

Д. А. Тараховъ.

Наступило молчаніе. Черезъ нѣсколько минутъ Эльза уже спала: Магнусъ попрежнему бодрствовалъ. Онъ сидѣлъ на соломѣ, вперивъ взоръ въ одну точку.

Мало-по-малу узкое окно передъ нимъ стало свѣтлѣть. По стекламъ, покрытымъ слоемъ пыли и паутиной, началъ разливаться блѣдный свѣтъ, становившійся все ярче и ярче, пока не выступили изъ мрака темныя балки, которыхъ раньше нельзя было видѣть.

Вошелъ мѣсяцъ. Его лучи не трогали еще стекло, но въ небесахъ стало уже свѣтло. Отблески этого свѣта падали на полъ сарая и на безмолвнаго человѣка, неподвижно сидѣвшаго на своей соломѣ. Голова его опустилась на грудь, руки стиснули рукоятку шпата въ видѣ креста. Вдругъ блѣдный свѣтъ ударилъ прямо въ окно. Онъ какъ бы восплавилъ стекла, которыя жидкими блестящими каплями разлетѣлись по перекладинамъ. Но эти волны свѣта не вывели сидящаго на соломѣ человѣка изъ его безмолвія и не разгладили его насупленныхъ бровей. Мрачно смотрѣлъ онъ на землю, какъ будто не замѣчая серебрянаго свѣта.

Въ эту ночь онъ лишился многого. Изъ всѣхъ живыхъ существъ, которыхъ онъ любилъ, при немъ было одно—его сестра. Но не она олицетворяла въ его глазахъ идеаль челоуѣчества. А та, которую онъ считалъ совершенствомъ, измѣнила ему.

Онъ опустилъ голову и сталъ наблюдать за игрой свѣта. Онъ видѣлъ, какъ онъ медленно пробирался по полу къ Эльзѣ, неся вмѣстѣ съ собой темныя полосы отъ оконной рѣшетки. Онъ видѣлъ, какъ свѣтъ пробѣжалъ черезъ нее и тихо скользнулъ изъ сарая, сузившись въ небольшую полоску у амбразуры окна, и постепенно исчезъ въ сѣроватомъ разсвѣтѣ.

Холодный наступилъ для него день, такой же холодный, какъ двадцать четыре часа тому назадъ для лэди Изольды. Вздрогнувъ отъ холода, онъ всталъ и разбудилъ сестру. Она обвела кругомъ изумленными глазами, видимо, не понимая, гдѣ она. Но черезъ минуту она вспомнила все.

— Какъ ты блѣденъ!—воскликнула она, всматриваясь въ осунувшееся лицо брата.—Ты не спалъ?

— Нѣтъ,—коротко отвѣчалъ онъ.

Люди уже встали и сѣдлали лошадей. Черезъ полчаса всѣ уже были на улицѣ. День едва брезжилъ, и на днѣ ся еще лежали тѣни. Крыши темными пятнами выдѣлялись на сѣромъ, безцвѣтномъ небѣ. Кое-гдѣ послѣдніе лучи мѣсяца еще боролись съ наступающимъ днемъ.

Всѣ ѣхали молча, пока не достигли того мѣста, гдѣ они вчера свернули съ улицы, ведущей къ городскимъ воротамъ. Здѣсь Магнусъ приказалъ своему маленькому отряду остановиться и отправилъ одного изъ людей на перекрестокъ, гдѣ сходились обѣ улицы.

— Если увидишь, что къ воротамъ идетъ караулъ, сейчасъ же дай намъ знать,—сказаль онъ ему.

Ворота открывались рано, ибо опоздавшіе наканунѣ,—а ихъ было не мало,—торопились уѣхать какъ можно скорѣе. Магнусъ рассчитываль выѣхать въ первой такой партіи.

Пронеси Ты, Господи, черезъ эти ворота! У него было какое-то странное предчувствіе, хотя онъ и не придаваль своимъ чувствамъ значенія. Сидя въ сѣдлѣ, онъ хмурилъ брови, предвкушая послѣдствія неудачи.

Ждать пришлось не долго. Вдали послышалось щелканье копытъ, и показалась длинная вереница разныхъ фигуръ, которыя тянулись по темной улицѣ, словно привидѣнія. Раздался сигналъ. Они двинулись впередъ, имѣя передъ собой довольно большой отрядъ, женщинъ и вьючныхъ лошадей.

Достигнувъ воротъ, отрядъ остановился, и его командиръ сталъ о чемъ-то говорить съ начальникомъ стражи у воротъ. Разговоръ продолжался не долго. Начальникъ караула поклонился, войска двинулись впередъ и прошли черезъ ворота. Прошли и первые путники. Вдругъ одна вьючная лошадь чего-то испугалась. Произошло замѣшательство, и все шествіе остановилось. Магнусъ и его сестру притиснули къ толпѣ, и на одно мгновеніе все смѣшалось въ одну общую кучу.

Въ эту минуту мастеръ Швейнингенъ замѣтилъ Магнуса. Онъ крикнулъ что-то своимъ служителямъ, и черезъ минуту чья-то грубая рука схватила поводъ его лошади.

— Кто вы такой и куда ѣдете?

— Если ты будешь предлагать этотъ вопросъ каждому проѣзжему, то скоро охрипнешь,—спокойно отвѣчалъ Магнусъ, потихоньку вынимая шпагу изъ ноженъ.

— Отвѣчайте!—грубо настаиваль человѣкъ.

— Тебя слѣдовало бы научить, мой милый, какъ надо обращаться вѣжливо. Вижу, что тебѣ даны соответствующія указанія. Что касается моего имени, то оно ни для кого не секретъ. Я Магнусъ Штейнгъ, городской секретарь, и прошу пропустить меня безъ дальнѣйшихъ разспросовъ.

Но человѣкъ продолжалъ крѣпко держать лошадь.

— Мастеръ Швейнингенъ,—громко крикнулъ Магнусъ начальнику караула, который стоялъ у лѣстницы, ведущей въ кордегардію:—велите вашимъ людямъ отойти отъ меня. Вѣдь вы меня знаете.

— А, господинъ секретарь,—отвѣчалъ тотъ, сдѣлавъ видъ, что узналъ его только теперь.—Сегодня утромъ изъ совѣта получены особыя распоряженія насчетъ пропуска. Можетъ быть, вы будете любезны, сойти съ лошади и растолковать ихъ мнѣ: я ничего въ нихъ не понимаю.

Это было довольно невинная хитрость, хотя Швейнингену она казалась цѣлой стратегемой. Магнуса не легко было провести такимъ путемъ. Онъ уже замѣтилъ, что въ воротахъ мелькаютъ кое-гдѣ шлемы, хотя Швейнингенъ и воображалъ, что отъ превосходно укрылъ своихъ людей. Магнусъ быстро сообразилъ положеніе дѣлъ.

— Миѣ некогда, мастеръ Швейнингенъ.—На возвратномъ пути. Пусты лошадь

Но человѣкъ, схватившій ее за узду, не трогался съ мѣста.

— Прочь!—закричалъ секретарь.

Онъ быстро взмахнулъ шпагой и ударилъ ее человѣка планнями по головѣ. Тотъ безъ чувствъ упалъ на землю.

Стенувъ по кругу лошадь сестры и пришпоривъ свою, онъ полетѣлъ впередъ.

Въ одно мгновеніе его окружило человѣкъ десять, которые словно изъ земли выросли. Поднявшійся шумъ испугалъ лошадей, которыя шли впередъ, и онѣ загородили дорогу. Мастеръ Швейнингенъ, считая себя въ полной безопасности, теперь началъ спускаться съ своего обсерваціоннаго пункта.

Но онъ не зналъ, съ кѣмъ ему приходится имѣть дѣло. Не желая проливать кровь людей, которые только исполняли свою обязанность, Магнусъ, насколько было возможно, щадилъ ихъ. Но когда они сорвали и разорвали въ ключья его плащъ, онъ принялъ дѣло всерьезъ. Такъ же поступили и оба его охранителя. А когда люди бывшего отряда Бернарда сражались за свою жизнь, не было солдатъ, которые могли бы имъ противиться. Въ одну минуту четверо изъ нападавшихъ уже лежали на землѣ, и они быстро пробили бы себѣ путь.

Вдругъ мастеру Швейнингену пришла въ голову мысль, которая сдѣлала бы честь и не ему.

— Хватайте дѣвушку!—закричалъ онъ своимъ людямъ, которые уже готовы были отступить.

Это была самая остроумная идея, которая за послѣднее время приходила ему въ голову. Люди его быстро бросились исполнять данное приказаніе. Многие изъ нихъ, поспѣшнѣе отодвинувшись подальше и только воинственно потрясавшіе оружіемъ, теперь ринулись на Эльзу. Магнусъ кричалъ, чтобы она скорѣе ѣхала впередъ и проѣзжала бы ворота, не дожидаясь его, но, къ несчастью, ея лошадь заартачилась, и она не могла справиться съ нею.

Люди Швейнингена схватили ее подъ уздцы и старались схватить Эльзу съ сѣдла.

А въ это время мастеръ Швейнингенъ, считавшій за лучшее, какъ и подобало начальнику караула, не вмѣшиваться въ драку, сталъ трубить въ большой рогъ, давая знать, что ему нужны подкрѣпленія.

Звучно раздался рогъ въ утренней тишинѣ. Черезъ нѣсколько минутъ начальникъ караула будетъ имѣть возможность подавить силою всякое сопротивленіе. Магнусъ и его люди отлично понимали, что значить этотъ сигналъ. Они сдѣлали отчаянное усиліе освободить Эльзу, рубя направо и налево и не давая никому пощады. Въ нѣсколько минутъ образовалась настоящая свалка изъ лошадей, ругающихся людей, поблескивавшихъ мечей и пикъ, на острияхъ которыхъ, въ тѣни воротъ, какъ будто бѣгали синіе огоньки. Все это было похоже на какую-то битву демоновъ въ преддверіи ада, которая становилась еще ужаснѣе и страшнѣе благодаря золотистымъ лучамъ, которые спокойно и съ торжествомъ освѣщали верхушки крышъ и башенъ.

Тѣни особенно столпились въ самой глубинѣ воротъ. Дѣвушка съ бѣлымъ лицомъ отчаянно отбивалась отъ нѣсколькихъ нападавшихъ, которые въ этомъ мѣстѣ, благо здѣсь не было никакой опасности, дѣйствовали особенно смѣло.

Вдругъ всѣ смѣшались въ одну кучу. Въ темныхъ воротахъ внезапно появилось блестящее видѣніе. Неслыханной красоты дама на бѣломъ конѣ прокладывала себѣ путь въ самую середину свалки. Она великолѣпно владѣла лошадыо: однимъ большимъ прыжкомъ ея конь перелетѣлъ черезъ груды убитыхъ и валявшихся на землѣ людей. За нею съ тяжелымъ грохотомъ неся ея эскортъ. Бѣлая лошадь стала почти рядомъ съ Эльзой, искры, какъ молніи, летѣли у нея изъ-подъ копытъ. Быстро осадивъ коня, всадница почти посадила его на заднія ноги.

Нападавшіе въ страхѣ разбѣжались, глядя на ея грозно сверкавшіе изъ-подъ маски глаза. Только одинъ изъ нихъ продолжалъ держать за поводья лошадь Эльзы, да и то потому, что онъ былъ оглушенъ ударомъ и плохо соображалъ, что дѣлаетъ.

— Прочь, несчастный!—крикнула дама.

Свистнувъ въ воздухѣ, ея хлысть больно ударилъ его по рукѣ. Вскрикнувъ отъ боли, онъ выпустилъ поводья.

Схвативъ, въ свою очередь, лошадь Эльзы подъ уздцы, защищая ее своимъ тѣломъ, всадница направилась прямо къ командиру караула.

— Эта дѣвушка принадлежитъ мнѣ!—закричала она.—Какъ смѣете вы ее удерживать! Прикажите вашимъ людямъ сію минуту пропустить ее.

Все это она крикнула столь повелительно, что мастеръ Швейнингенъ, безъ сомнѣнія знавшій, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, не осмѣлился отвѣтить ей отказомъ. Сначала онъ было заколебался, но она настойчиво повторила:

— Пропустите сію минуту, если не хотите, чтобы вамъ пришлось плохо.

Мастеръ Швейнинггенъ не очень-то повѣрилъ ей заявленію относительно Эльзы. Но передъ нимъ была важная дама. На ея бумагахъ онъ самъ видѣлъ печать трехъ королей: императорскаго орла, лиліи Франціи и англійскихъ львовъ.

Онъ зналъ, что женщины, если у нихъ есть вліяніе и вѣсь, весьма опасны.

Онъ поклонился и уступилъ.

— Прошу извиненія. Мы не знали. Въ этой суматохѣ...

— Ёдемъ,—сказала лэди Изольда Эльзѣ.

Та искала глазами Магнуса.

— Ёдемъ, Эльза, ёдемъ,—торопила ее лэди.

Эльза едва ли слышала эти слова, заглушаемая звономъ оружія, но поняла ее по глазамъ. Она проѣхала ворота вмѣстѣ съ лэди, причемъ служители послѣдней охраняли ихъ обѣихъ съ обнаженными шпагами.

Проѣхавъ ворота, она приказала своимъ людямъ остановиться и держаться наготовѣ.

Едва выбрались они по ту сторону мрачнаго свода воротъ, какъ на улицѣ показалась темная масса солдатъ, спѣшившихъ по сигналу на помощь караулу. Черезъ нѣсколько минутъ они будутъ уже у самыхъ воротъ. Тѣмъ не менѣе и въ эти нѣсколько минутъ Магнусъ могъ бы пробиться сквозь рядъ копейщиковъ, преграждавшихъ ему дорогу и такимъ образомъ спасти себя. Но онъ этого не сдѣлалъ. Онъ зналъ, что его сестра теперь въ безопасности. Онъ не успѣлъ разглядѣть лэди Изольду. Онъ видѣлъ только даму, одѣтую въ темное платье, твердо державшую рукой въ бѣлой перчаткѣ своего коня. Изъ-за шума схватки онъ не могъ слышать ея голоса.

Странное чувство овладѣло имъ. Ему казалось, что онъ не достоинъ помощи этой дамы, что все его понятія о жизни и людяхъ—ошибочны. Ему казалось, что его жизнь потерпѣла какое-то крушеніе и теперь будетъ отнята у него. И онъ былъ радъ этому.

Онъ опустилъ свою шпагу и объявилъ, что онъ сдается. Оба его наемника не вѣрили своимъ ушамъ. Имъ удалось убить еще одного-двухъ изъ нападающихъ, но тѣ одолѣли ихъ своею численностью.

Зная, что ихъ повѣсятъ, они принялись осыпать Магнуса ругательствами, крича:

— Вы измѣнили намъ!

— Я измѣнилъ вамъ!—съ гнѣвомъ спросилъ Магнусъ.—Развѣ я не заплатилъ вамъ? Развѣ я не приобрѣлъ право отплатить къ дьяволу ваши подлые души? Кто первый нарушилъ клятву, которую мы дали другъ другу на развалинахъ пылающаго замка Монжове?

Они повѣсили голову и молчали.

Лэди Изольда ѣхала съ Эльзой среди зеленыхъ полей, по которымъ гулялъ утренній вѣтерокъ, и среди луговъ, покрытыхъ тыся-

чамп цвѣтовъ, надъ которыми въ небесахъ звонко заливался жаворонокъ.

Эльза ѣхала, какъ во снѣ. Только когда лэди Изольда свернула съ большой дороги на боковую тропинку, окаймленную фруктовыми деревьями, вѣтви которыхъ касались ихъ лица, она спросила:

— А онъ найдетъ насъ здѣсь?

— Не бойтесь. Мои слуги знаютъ дорогу.

Черезъ нѣсколько минутъ тропинка сдѣлала поворотъ и спустилась въ долину, которую пересѣкала чистый, прозрачный ручей. Возлѣ этого ручейка на полянѣ лэди Изольду ждали остальные ея слуги.

— Я ѣхала сюда, чтобы полюбоваться на весну,—сказала она Эльзѣ.

Всѣ сошли съ лошадей. Лэди сняла маску и промолвила:

— Теперь вы въ безопасности.

— О,—въ радостномъ изумленіи воскликнула Эльза:—стало быть, это я не во снѣ видѣла. Я узнаю вашъ голосъ. Магнусъ говорилъ, что я была больна, и я думала, что это былъ бредъ. О, какъ мнѣ благодарить васъ?

И, опустившись на колѣни, она хотѣла поцѣловать ей руку.

— Нѣтъ, вы не должны цѣловать мою руку.

— А гдѣ же Магнусъ? —вдругъ забеспокоилась дѣвушка. — Онъ остался цѣль?

— Не бойтесь, мои люди сражались при Азинкурѣ и знаютъ свое дѣло.

Въ это время вдали послышался стукъ копытъ.

— А вотъ и они ѣдутъ.

Вскорѣ у входа въ долину показался первый всадникъ, а за нимъ другіе. Предводитель отряда сошелъ съ лошади и направился къ лэди Изольдѣ. Остановившись передъ ней, онъ поклонился и ждалъ.

— Гдѣ человекъ, котораго я вамъ поручила?

— Милэди, онъ сдался.

Эльза, стоявшая около лэди Изольды, въ испугѣ подалась назадъ: она никогда не думала, чтобы это прелестное лицо могло исказиться такимъ гнѣвомъ.

— Что! Вы осмѣливаетесь явиться ко мнѣ съ такимъ извѣстіемъ? Развѣ вы забыли, что принадлежите къ моему клану Монторгейлю, гдѣ я имѣю право казнить васъ и могу васъ повѣсить теперь же на первомъ попавшемся деревѣ, повѣсить, какъ трусовъ?

Ея голосъ сдѣлался словно стальнымъ. Эльза дрожала. Даже солдаты вздрогнули подъ ея горящимъ взоромъ.

— Вы можете меня повѣсить, милэди, но я не трусь,—отвѣчалъ онъ почтительно, но твердо.—И мы бы посмѣялись надъ этими

бюргерами. Но лишь только мы разбросали ихъ, тотъ, о которомъ вы говорили, опустилъ шпагу и громко заявилъ, что онъ сдается. Почему онъ это сдѣлалъ, не знаю.

— Это вѣрно?—спросила лэди Изольда.

— Можно предать меня пыткамъ, а потомъ повѣсить, если это не такъ. Это могутъ подтвердить всѣ мои товарищи.

— Итакъ, это вѣрно,—проговорила она измѣнившимся голосомъ.—Почему онъ это сдѣлалъ?

— Не знаю, милэди. Мы всѣ были очень удивлены этимъ.

Съ минуту она была въ раздумьѣ.

— Хорошо, вы можете идти.

Потомъ она подошла къ Эльзѣ и сѣла около нея съ убитымъ лицомъ.

— Повторяю вамъ, не бойтесь за него. Но вы должны рассказать мнѣ, что случилось.

Увы! Бѣдная Эльза сама не знала этого. Она стояла между деревьями, прижимая руки ко лбу, и думала-думала. Но въ ея мозгу проносились лишь странныя разрозненные видѣнія. Мало-по-малу передъ ней предстало искаженное лицо и выкатившіеся глаза удрученнаго человѣка. И, упавъ на колѣни передъ лэди Изольдой и пряча свое лицо въ складкахъ ея платья, бѣдная дѣвушка съ плачемъ и рыданіемъ, стала рассказывать, что могла. Она говорила безсвязно, едва понимая, что говоритъ. Но слушавшая ее женщина понимала ее. И она гладила и старалась успокоить ее.

Вечеромъ лэди Изольда вернулась въ Констанцъ.

ГЛАВА XII.

Судъ.

— Вы совершили убійство! Даже если допустить, что все то, что вы рассказывали, правда, хотя вы, вѣроятно, обмануты дьяволомъ, то какое же вы имѣли право взять отправленіе правосудія въ свои руки? Вы могли только просить о немъ.

Такъ говорили со всѣхъ сторонъ Магнусу.

— Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій ржавѣли законы въ вашихъ рукахъ, пока наконецъ самое названіе законъ не стало насмѣшкой надъ человѣкомъ. Въ теченіе столѣтій вы устанавливали законы для сюзерена и вассала, для крестьянина и короля. Но онъ обрушивался на невинныхъ, а не на виновныхъ. Янъ Гуссъ явился сюда, полагаясь на короля и законъ, но вы уговорили короля нарушить законъ. Вотъ вашъ законъ!

Секретарь стоялъ передъ своими судьями. Передъ нимъ на возвышеніи сидѣлъ епископъ со своимъ дворомъ. Надъ нимъ на стѣнѣ

висѣло изображеніе Того, чьимъ именемъ они считали себя въ правѣ судить.

— Вы богохульствуете, — вскричалъ епископъ, крестясь.

— Богохульствую? А вы? Сколько вѣковъ вы пользовались именемъ Христа для вашихъ собственныхъ цѣлей? Давая одной рукой причастіе, вы другой выгребали денешки отъ бѣдняковъ, а иногда похищали и честь ихъ женъ и дочерей. Сколько вѣковъ вы разрушали душу человѣческую? И вотъ теперь остался ли хоть одинъ мужчина или женщина, которые заслуживали бы названія человѣкъ? Все слабо и эгоистично, все ищутъ Бога въ матеріи, а не въ полнотѣ его духа.

Епископъ поднялся въ ярости. На его груди сіялъ драгоценный крестъ, руки были унизаны перстнями—символами его власти. А надъ нимъ висѣлъ обнаженный Христосъ, лишенный всякаго земного величія, представляя странный контрастъ съ пышной обстановкой всего окружающаго.

— Вы, который возстаете противъ церкви, чему учите вы?— заговорилъ епископъ.—Если другіе совершили грѣха, то развѣ вы сами не дѣлали того же? Развѣ вы не совершили убійства?

Глаза секретаря засверкали.

— Я долженъ былъ судить и разить, если судьи отказались отъ этого. За мною право необходимости—*ἐπιταχθεῖς*.

Въ то время Аристотеля знали хорошо, и слово это часто употреблялось во время церковной смуты.

— Но и у Него было это право, — сказалъ какой-то монахъ въ клобукѣ, показывая на Христа:—однако Онъ не воспользовался этимъ правомъ.

Въ противоположность другимъ онъ говорилъ очень спокойно, и, казалось, споръ имѣлъ для него только ученое значеніе.

— Да, но Онъ же сказалъ: «Если кто соблазнитъ единого отъ малыхъ сихъ, то лучше, если жерновъ повиснетъ на шеѣ его и потонетъ въ пучинѣ морской». Что я могъ сдѣлать, чтобы защитить мою сестру и другихъ отъ дальнѣйшихъ насилій? Скажите!

Все молчали. Наконецъ епископъ заговорилъ опять:

— Если бы вы пришли ко мнѣ, я оказалъ бы вамъ правосудіе.

Смущеніе было на его лицѣ, и голосу недоставало убѣдительности.

— Правосудіе? Ну, едва ли. Вы оптрафовали бы его на нѣсколько флориновъ и отрѣшили бы его на нѣкоторое время отъ совершенія богослуженія. А потомъ онъ опять гулялъ бы на волѣ. Но если бъ вы даже сдѣлали и больше, то все равно вы не могли бы уже помочь мнѣ. Развѣ въ папской исповѣдальнѣ нельзя купить себѣ отпущеніе какихъ угодно грѣховъ?

Опять водворилось молчаніе. Епископъ молчалъ и смотрѣлъ на монаха около себя, какъ бы говоря ему: «теперь твоя очередь

отвѣчать». Но человѣкъ въ клубѣ не обращалъ вниманія на епископа и спокойно обратился опять къ Магнусу:

— Вамъ извѣстно, что мы имѣемъ право сжечь васъ.

Секретарь засмѣялся тѣмъ самымъ холоднымъ металлическимъ смѣхомъ, отъ котораго задрожалъ передъ смертью отецъ Марквардъ.

— Вы думаете, что я одинъ изъ вашихъ и испугаюсь васъ? Если бы я захотѣлъ, я давно бы былъ теперь въ одномъ изъ свободныхъ кантоновъ.

— Пытки не разъ заставляли людей перемѣнить мнѣнiе,—сказалъ опять монахъ.

— Попробуйте!

Монахъ поглядѣлъ на него строго, какъ бы желая испытать силу его убѣжденiй. Потомъ онъ повернулся къ епископу и что-то прошепталъ ему на ухо. Епископъ кивнулъ головой.

— Знаете ли вы,—заговорилъ онъ:—что вамъ предъявляется самое низкое изъ обвиненiй—обвиненiе въ кражѣ и грабежѣ. Можеть быть, вы и не заслуживаете коста, а попадете прямо на висѣлицу.

Секретарь поблѣднѣлъ.

— Что такое? Кто смѣетъ обвинять меня въ этомъ?

— Я,—холодно отвѣчалъ епископъ.—Въ городской кассѣ, которая была ввѣрена вамъ, оказалась большая растрата. Открыта она была совершенно случайно, ибо въ книгахъ она была очень ловко скрыта.

— Но кто же сказалъ, что это сдѣлалъ я?—закричалъ побагровѣвшiй Магнусъ.

— Кто же другой могъ это сдѣлать? Ключи были у васъ, и счета вели вы. Деньги вамъ нужны были для бѣгства и для того, чтобы заплатить двумъ наемникамъ. Всѣмъ извѣстно, что вы человѣкъ бѣдный—и вдругъ теперь у васъ деньги. Очевидно, вы и украли.

Магнусъ готовъ былъ броситься на говорившаго, но сдержался.

— Вы лжете!—яростно закричалъ онъ.—Я успѣлъ скопить себѣ немного денегъ на черный день. Кромѣ того, у меня были два драгоценныхъ кольца. Если бы дѣло было иначе, неужели я бы сдался? Еще ударъ шпагой, и я былъ бы за воротами, внѣ вашей власти!

— Можеть быть, вы заговорите иначе, когда взвѣсите на досугѣ ваше положенiе. Отведите его въ тюрьму,—приказалъ епископъ.

Онъ поднялся и вышелъ изъ комнаты. За нимъ послѣдовалъ и его дворъ. А Магнуса стража грубо втокнула въ другую дверь.

Мастеръ Виллибальдъ Марквардъ, секретарь епископа, сидѣлъ въ своей комнатѣ, весело освѣщенной солнцемъ. Комната выходила прямо въ епископскiй садъ, и черезъ окна оттуда доносился аро-

мать цвѣтовъ и деревьевъ. Вся комната была напоена ароматомъ и свѣтомъ. Въ ней стояла массивная дубовая мебель, окна были зеленого стекла, въ шкапу красовалась серебряная посуда, а въ углахъ, въ полутемнотѣ, на отдѣльныхъ столикахъ лежали кучи свитковъ. Все здѣсь говорило о зажиточности и комфортѣ. Видно было, что здѣсь жилъ человѣкъ, которому везло въ мирѣ.

Мастеръ Марквардъ былъ человѣкъ порядка. Онъ устроилъ свою жизнь по строгимъ правиламъ благоразумія и никогда не увлекался страстями, какъ его безразсудный братъ. Онъ никогда не дѣлалъ ничего опаснаго, ничего такого, что было бы ниже его достоинства. Онъ никогда не оскорблялъ никого, кто потомъ могъ отплатить ему. Что касается его совѣсти, то онъ давно отдѣлался отъ нея, найдя, что она сильно связываетъ человѣка и можетъ даже поставить въ опасное положеніе, чего Виллибальдъ Марквардъ боялся больше всего.

Руководясь такими благоразумными принципами, онъ процвѣталъ. Онъ родился на чердакѣ, выросъ въ грязи и нищетѣ, а теперь сидѣлъ на мягкомъ креслѣ въ великолѣпномъ епископскомъ дворцѣ, за столомъ изъ краснаго дерева, доставленнаго изъ Ливана.

Широкій потокъ солнечнаго свѣта падалъ прямо на него, согрѣвая его руки и играя огнемъ на золотистыхъ волосахъ сидѣвшей противъ него женщины.

— Какъ видите, онъ самъ испортилъ все дѣло,—говорилъ онъ, поглядывая на гостью.—Его дѣло было далеко не безнадежно. Я самъ поддерживалъ его, сколько могъ, ибо мой братъ, да упокой Господь его душу, дѣйствительно былъ не безъ грѣха. Хотя я и очень любилъ его, но вы изволили убѣдить меня, что голосъ крови долженъ замолкнуть передъ правосудіемъ.

Онъ бросилъ взглядъ на лежавшую передъ нимъ кучку золота.

— Къ несчастью, онъ оскорбилъ не только епископа, но и самую церковь. Что же теперь можно сдѣлать для него?

— Они собираются пытать его?—спросила дама какимъ-то страннымъ, безстрастнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, этого не бойтесь,—живо подхватилъ онъ.—Я пуцую въ ходъ все мое вліяніе, чтобы этого не было.

Замѣтивъ по презрительной складкѣ ея губъ, что она не вѣритъ, будто его вліяніе идетъ такъ далеко, онъ продолжалъ:

— Кромѣ того, какъ вамъ извѣстно, этимъ дѣломъ интересуется съ нѣкоторыхъ поръ делегатъ его святѣйшества. Онъ также противъ пытки. Поэтому, я думаю, можно быть спокойнымъ на этотъ счетъ.

Какая-то тѣнь прошла по лицу лэди.

— Кто этотъ делегатъ?—спросила она тѣмъ же безстрастнымъ тономъ.

Мастеръ Марквардъ уже раскаивался въ томъ, что сказалъ.

— Я не имѣю права вамъ этого говорить, — забормоталъ онъ. — Я связанъ клятвою хранить втайнѣ все, что происходитъ на судѣ, но въ виду важныхъ причинъ...

Онъ опять бросилъ взглядъ на кучку золота.

— Въ виду того, что вамъ нужно это знать для цѣлей правосудія, я полагаю, что я могу отступитъ отъ буквы закона и обратиться къ его духу. Но...

Лэди Изольда спокойно открыла шелковый кошелекъ, который держала въ рукахъ, и высыпала оттуда еще кучку золотыхъ монетъ. Мастеръ Марквардъ, какъ очарованный, слѣдилъ за движеніемъ ея пальцевъ. Но когда она отняла руку и закрыла кошелекъ, секретарь епископа снова смотрѣлъ на нее самымъ почтительнымъ образомъ. Она не дѣлала ничего, чтобы пощадить его щекотливость, и теперь глядѣла на него повелительно, требуя отвѣта.

Мастеръ Марквардъ сначала колебался, брать ли ему золото. Но, какъ человѣкъ практическій, онъ скоро рѣшилъ, что не стоитъ останавливаться изъ-за мелочей.

— Доводы ваши, милэди, убѣдительны, какъ всегда, — промолвилъ онъ съ легкой улыбкой. — Я думаю, что клятва соблюдать все втайнѣ дается ради обезпеченія правильности правосудія. А не зная имени делегата, вы не можете и предпринять соответствующіе шаги. Полагаю, что могу назвать вамъ делегата его святѣйшества — это кардиналъ Томазо Бранкаччо.

Опять какая-то тѣнь скользнула по лицу у лэди.

— Когда они думаютъ съечь его? — спросила она.

— День еще не назначенъ.

Лэди Изольда встала.

— Благодарю васъ, — холодно промолвила она.

Мастеръ Марквардъ посмотрѣлъ на ея высокую, изящную фигуру. Закутанная во все черное, она, казалось, наполняла комнату какимъ-то необычнымъ свѣтомъ. Онъ не забылъ бросить взглядъ и на ея кошелекъ и убѣдился, что онъ еще не совсѣмъ пустъ.

— Вамъ нужно знать еще одно обстоятельство, милэди, весьма серьезное. Но...

Она нетерпѣливо открыла кошелекъ и высыпала на столъ все, что тамъ было.

— Вотъ. Теперь говорите мнѣ все безъ утайки. Кошелекъ, какъ видите, пустъ. Говорите! Если вы что-нибудь утаите, то, клянусь Богомъ, вы потомъ раскаетесь.

Человѣкъ, сидѣвшій передъ нею, въ первый разъ видѣлъ ея гнѣвъ и въ первый разъ пожелалъ, чтобы она поменьше обращала на него вниманіе.

— Не гнѣвайтесь на вашего покорнаго слугу, милэди, — сказалъ онъ съ покорностью. — Повѣрьте, я колебался не потому, что хотѣлъ получить отъ васъ деньги. Прошу васъ, возьмите ихъ назадъ.

— Говорите,—промолвила она повелительно.

— Слушаю, милэди. При обычныхъ условіяхъ, судъ будетъ принужденъ осудить его на сожженіе, но,—тутъ онъ сталъ говорить шопотомъ:—пусть это останется между нами,—его святѣйше-ство, по врожденному своему милосердію, а также и по другимъ причинамъ не желалъ бы, чтобы это случилось наканунѣ его отъѣзда... На обвиняемаго взведено еще другое обвиненіе, въ томъ, что онъ обокралъ городскую казну. А это преступленіе наказуется повѣщеніемъ.

Впервые лэди Изольда, казалось, взволновалась.

— О, это неправда!—воскликнула она.

— Я этого не утверждаю, милэди. Но растрата налицо. Къ тому же и счета оказались подложными. Видѣли, какъ онъ разъ вошелъ въ свою комнату въ три часа ночи. Это было какъ разъ за день до его бѣгства. Наканунѣ въ казначейство была внесена большая сумма денегъ. Увѣряютъ, что онъ убилъ моего бѣднаго брата только для того, чтобы имѣть приличный предлогъ къ бѣгству. Бѣдный Генрихъ, правда, имѣлъ незавидную репутацію. Но дѣвушка эта не совсѣмъ въ своемъ умѣ и не можетъ быть свидѣтельницей. Къ тому же она исчезла.

— Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же было объявлять себя еретикомъ?

— Можетъ быть, ему казалось болѣе выгоднымъ представить дѣло въ этомъ свѣтѣ. Можетъ быть, онъ рассчитывалъ, что судъ отнесется къ нему особенно милостиво въ виду того, что, по общему убѣжденію, онъ сынъ короля. Можетъ быть, онъ скрылъ украденную сумму, чтобы потомъ воспользоваться ею, когда онъ будетъ на свободѣ. Я не утверждаю, что я этому всему вѣрю. Я только передаю, что говорятъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что имъ овладѣлъ сильный и упрямый демонъ. Пробовали даже отогнать отъ него этого бѣса, но до сихъ поръ безуспѣшно. Я не могу, конечно, предсказать, какъ поступитъ король,—продолжалъ онъ, помолчавъ съ минуту.— На его милосердіе рассчитываютъ очень многіе. Не знаю, сочтеть ли онъ возможнымъ вступить за мастера Штейна. По моему личному мнѣнію, они его повѣсятъ, удовлетворивъ такимъ образомъ человѣческую и божественную справедливость. Въ концѣ концовъ быть повѣшеннымъ все-таки лучше, чѣмъ сгорѣть заживо.

— Нѣтъ, нѣтъ! Это позоръ и этого не будетъ!—странно вскричала она.

Секретарь епископа опять съ удивленіемъ посмотрѣлъ на прекрасную даму, сверкавшую глазами.

— Онъ обрученъ съ дочерью бургомистра. Онъ, конечно, станетъ также хлопотать за него...

— О, нѣтъ, милэди. Открытаго обрученія не было, и теперь говорятъ, что его и вообще не было.

— И его невѣста тоже?

— Она-то рѣшительнѣе всѣхъ,—отвѣчала секретарь, слегка улыбаясь.

Странное выраженіе мелькнуло на лицѣ его собесѣдницы, не то облегченіе, не то досада.

— Это все, что вы можете сказать мнѣ?—спросила она.

— Да, милэди.

— Хорошо. Если случится что-нибудь новое, увѣдомьте меня.

— Слушаю,—отвѣчалъ онъ съ поклономъ.—Я къ вашимъ услугамъ. Если разрѣшите мнѣ дать вамъ совѣтъ, поговорите съ кардиналомъ Бранкаччо. Я слышалъ, что онъ получилъ отъ его святѣйшества обширныя полномочія въ этомъ дѣлѣ.

Лэди Изольда вздрогнула.

— Я подумаю объ этомъ,—холодно отвѣчала она.

Секретарь проводилъ ее до дверей. Когда она скрылась за ними, онъ посмотрѣлъ вокругъ себя съ сожалѣніемъ, какъ будто ему чего-то недоставало теперь. Потомъ его взоръ упалъ на золото, блестящее на столѣ. Онъ подошелъ и пересчиталъ его по обыкновенію самымъ внимательнымъ образомъ. Но прикосновеніе къ нему уже не доставляло ему былаго удовольствія, и, считая деньги, онъ вдругъ остановился, разсѣянно оглядѣлъ комнату и прошепталъ:

— Что за дуракъ этотъ мастеръ Штейнъ!

ГЛАВА XIII.

У вратъ собора.

Судь по дѣлу Магнуса Штейна велся въ большой тайнѣ, и много свѣдѣній доходило о немъ сквозь толстыя стѣны епископскаго дворца. И все же новости какимъ-то таинственнымъ путемъ расходились по городу.

Въ безоблачный день 15-го мая передъ соборомъ тѣснилась нестрая толпа народа: папа служилъ въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ въ Римъ. Хотя жителямъ Констанца онъ уже намозолилъ глаза, тѣмъ не менѣе толпа хотѣла видѣть его въ послѣдній разъ. Многие никогда въ жизни не увидятъ уже этого человѣка, стоящаго, какъ утверждалъ Иннокентій III, между Богомъ и людьми.

Папа прибылъ въ соборъ въ торжественной процессіи, съ колокольнымъ звономъ, пѣніемъ гимновъ, раздавая направо и налево индульгенціи.

Небо было голубое, воздухъ теплый и ароматный. Городъ разукрасился по праздничному: ковры, бархатныя матеріи и шелковыя

ткани, привезенныя съ Ливана, свѣшивались съ оконъ и балконовъ. Весело развѣвались флаги, и окна свѣтились на солнцѣ, словно брильянты! Настоящіе брильянты, рѣдкіе, драгоцѣнные, сіяли на облаченіяхъ прелатовъ и на шеѣ женъ и дочерей зажиточныхъ гражданъ. Пестрая и разноцвѣтная толпа, какъ волна, текла по сѣрымъ улицамъ, направляясь къ собору, гдѣ уже показывалась голова папской процессіи.

Съ веселой, оживленной толпой плелась какая-то женщина. Одѣта она была также пестро, иначе нельзя было въ этотъ день, но видъ у нея былъ грустный: впалыя щеки, блѣдное, увядшее лицо, все это выдавало ея подавленное душевное настроеніе.

— Его будутъ вѣшать, — сказала одна изъ дѣвушекъ, шедшихъ впереди нея.

— Нѣтъ, ему отрубятъ голову, — отвѣчала другая. — Онъ вѣдь принадлежитъ къ совѣту.

— А я тебѣ говорю, что его повѣсятъ, — твердила первая. — Это все равно, что онъ городской секретарь, но за воровство полагается висѣлица.

— Однако убійство отца Маркварда тоже что-нибудь да значить. Говорятъ, что онъ убилъ его потому, что тотъ ходилъ къ его матери.

— Ну, если это такъ, то ему пришлось бы убить слишкомъ много народу. Старуха, конечно, не святая, но могла бы держать себя и получше. Нѣтъ, увидишь, его повѣсятъ. Пройдемъ впередъ!

— Не будь такой жестокой, Мегильда, а то будутъ говорить, что ты недаромъ ненавидишь его.

— Почему это недаромъ?

— Говорятъ, что ты ухаживала за нимъ, какъ только могла, но онъ почему-то не обращалъ на тебя вниманія.

— Вотъ вранье! — закричала раздраженная дѣвушка. — Кто это сказалъ? Ухаживать за нимъ — за воромъ!

Женщина, шедшая сзади, слышала каждое ихъ слово: толпа запрудила улицу, и обѣ дѣвушки должны были остановиться впереди нея.

— Ты лжешь! — яростно вскричала она, хватая за плечо ту изъ нихъ, которая говорила. — Вы бѣгали за нимъ все, а теперь, когда надъ нимъ стряслась бѣда, клеветеете на него.

Дѣвушка съ гнѣвомъ обернулась и вслѣдъ затѣмъ испуганно воскликнула:

— Его мать!

— Да, его мать. Я была дурная мать и своей скверной жизнью довела его до позора. Да, я гналась за похвалами, мнѣ нужны были брильянты и шелки. Но не изъ-за нихъ впалъ онъ въ такой грѣхъ. Теперь уже мнѣ ничего этого не нужно.

Порывистымъ жестомъ она сорвала свой бархатный головной

уборъ и принялась топтать его ногами. Всѣ обернулись и съ удивленіемъ смотрѣли на эту сцену, но въ эту самую минуту зазвонили колокола, загбѣли клирики, и надъ моремъ головъ, опускаясь и понижаясь въ тактъ движенія несшихъ его людей, показался, словно корабль надъ волнующимся моремъ, золотой папскій балдахинъ.

«Дорогу грядущему во имя Господне!»

Народъ отхлынулъ назадъ, и долго еще волновалось это человеческое море, пока стража съ аллебардами не успокоила его. Медленно и величаво двигалась процессія къ вратамъ собора. Четыре имперскихъ графа несли папскій балдахинъ, по сторонамъ котораго шли король и курфюреты. Передъ нимъ несли св. дары. По мѣрѣ ихъ приближенія всѣ обнажали голову и становились на колѣни. На балдахинѣ сияли золотые ключи—эмблема папской власти.

Папа только что даровалъ всѣмъ отпущеніе грѣховъ. Очищенные отъ грѣха, всѣ могли теперь радостно войти въ соборъ и смѣло стать передъ лицомъ Господа.

Но тоскующей женщинѣ, которая, какъ и всѣ, стояла на колѣняхъ, это отпущеніе доставило не большое утѣшеніе. Она съ завистью смотрѣла на ласточекъ, посившихся надъ площадью: свободныя, онѣ не нуждаются ни въ какихъ отпущеніяхъ! Исповѣдь, отпущеніе грѣховъ, нѣсколько словъ молитвы, неужели всего этого довольно, чтобы искупить свою прошлую жизнь и получить прощенье отъ Господа?

Изъ дома Божія черезъ открытыя двери несло громкое, стройное пѣніе. Утѣшительны были эти звуки, но мать Матюса не рѣшалась войти въ соборъ.

Тѣ, которые стояли вѣдъ, не могли, конечно, видѣть папскаго служенія. Но передъ вратами собора началось свое служеніе. Изъ толпы выдѣлился какой-то монахъ и, обернувшись къ собравшимся, заговорилъ:

— Одному человѣку заблагоразсудилось предпринять паломничество ко святому кресту въ Римѣ. Прибывъ туда, онъ увидѣлъ, что домъ нѣкоего язычника Симона возвышался надъ церковью, хотя онъ былъ доведенъ только до крыши. Пока онъ удивлялся его высотѣ, къ нему подошелъ какой-то человѣкъ и сказалъ: «Не удивляйся, а сядь и залиши, что узнаешь. Домъ, который ты видишь, принадлежитъ Симону Волхву, и тѣнь отъ него закрываетъ церковь». И сѣлъ человѣкъ и записалъ.

Тутъ монахъ опять повернулся къ народу и закричалъ:

— Восплачемъ, братія, о той симоніи, которая царствуетъ у насъ вездѣ. О, Господи, по грѣхамъ нашимъ симонія процвѣтаетъ, церкви облагаются налогомъ, выборы служителей Божіихъ уничтожены, тайнства продаются и покупаются. Молимъ Тя, Господи, очисти церковь Твою и порази симонистовъ, аки Петръ поразилъ Симона Волхва.

Народъ встрепенулся: нѣкоторые бранились, другіе смѣялись.

«И пришелъ одинъ изъ семи ангеловъ, имѣющихъ семь чашъ, и, говоря со мной, сказалъ мнѣ: подойди, я покажу тебѣ судъ надъ великою блудницею, сидящею на водахъ многихъ. И повелъ меня въ духѣ въ пустыню, и я увидѣлъ жену, сидящую на звѣрѣ багряномъ, преисполненномъ именами богохульными, съ десятию головами и десятию рогами. И жена облечена была въ порфиру и багряницу, украшена золотомъ и драгоценнымъ камнями и жемчугомъ и держала золотую чашу въ рукѣ своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодѣйства ея. И на челѣ ея написано имя: тайна, Вавилонъ великій, мать блудницамъ и мерзостямъ земнымъ. Я видѣлъ, что жена упоена была кровью святыхъ и кровью свидѣтелей Иисусовыхъ».

— О, Господи,—продолжалъ монахъ, окончивъ свою цитату изъ Апокалипсиса:—кто же останется въ сѣни Твоей? Тотъ, на комъ нѣтъ пятна симоніи и кто блюдетъ справедливость Господню!

Поднялся ропотъ, но его голосъ покрывалъ шумъ.

— Отдайте то, что вы получили даромъ, и не носите ни золота, ни серебра въ кошелькахъ вашихъ. Но вездѣ заботятся о себѣ, а не о Господѣ Иисусѣ Христѣ.

Нѣсколько папскихъ тѣлохранителей расталкивали толпу, чтобы пробраться къ монаху и схватить его. Но прежде, чѣмъ они могли наложить на него руку, онъ безслѣдно исчезъ, и только откуда-то издали донесся его голосъ:

— Вы продали Господа, какъ Иуда Искаріотскій. И какъ не было прощенія ему, такъ не будетъ прощенія и вамъ...

Фрау Штейнъ задрожала. Она исповѣдалась и получила отпущеніе грѣховъ. Цѣлыхъ пять флориновъ истратила она на спасеніе своей души. Но что, если, какъ говорилъ монахъ, все только продавалось и не имѣло дѣйствительной силы?

Обѣдня кончилась. Опять раздался веселый перезвонъ колоколовъ, возвѣщавшихъ, что папа вышелъ изъ собора. За нимъ двигался живой потокъ, увлекаая за собой все, что стояло возлѣ собора.

Только исхудавшая, дико глядѣвшая женщина не хотѣла итти вмѣстѣ съ другими. Она оставалась у собора, изъ всѣхъ силъ отстаивая свое мѣсто. Вдругъ она схватила за руку красивую, богато одѣтую дѣвушку, стоявшую въ дверяхъ вмѣстѣ съ именитыми лицами города.

— Распускаютъ слухи, что онъ совершилъ кражу и воровство,—закричала Штейнъ:—и никто не опровергаетъ этого. Вы были его невѣстой! Такъ скажите же, что это неправда!

Фастрада вздрогнула и измѣнилась въ лицѣ.

— Что же я могу сказать?—пробормотала она.—Развѣ я принадлежу къ судьямъ? Развѣ я могу что-нибудь доказать? Безъ сомнѣнія, судъ постановитъ правильный приговоръ.

— Но вѣдь вы были его невѣстой!—пронзительно закричала Штейнъ.—Скажите же, что онъ не виновенъ! Это ваша обязанность, когда на него клеветаютъ!

Съ минуту всѣ молчали. Фастрада поблѣднѣла, какъ полотно.

— Я не была его невѣстой! Мы никогда не были обручены! Онъ мнѣ чужой, и я ему чужая! Дайте мнѣ пройти!

— Да,—закричала Штейнъ, заступая ей дорогу.—Его кольца у васъ больше нѣтъ на пальцѣ. Это правда. Но вѣдь вы знаете, что оно было у васъ до того самаго дня, когда на него обрушилось несчастье. Попробуйте сказать, что этого не было!

— Дайте мнѣ пройти!

И кое-какъ она выбралась на площадь, гдѣ ласточки, вившія гнѣзда между статуями святыхъ, съ рѣзкимъ крикомъ пронеслись у ней надъ головой. Вдругъ сзади нея послышался чей-то голосъ:

— Учитесь у нихъ! Онѣ никогда не покидаютъ другъ друга въ бѣдѣ и опасности. И хотя онѣ и не ходятъ въ церковь, но онѣ по-срамляютъ тѣхъ, кто туда ходитъ.

Полуразсерженная, полуиспуганная, Фастрада быстро обернулась. Сзади нея на ступенькахъ, съ которыхъ она только что сошла, стояла лэди Изольда въ темномъ одѣяніи. Она смотрѣла на нее съ упрекомъ. Фастрада хотѣла было отвѣчать на ея укоры, но, обернувшись, замѣтила, что окружающіе, очевидно, не на ея сторонѣ. Не говоря ни слова, она быстро пошла прочь, какъ тогда отъ портала церкви св. Павла, хотя теперь ярко свѣтило солнце и привидѣнія гнѣздились у нея въ душѣ.

Фрау Штейнъ долго смотрѣла ей вслѣдъ, пока она не затерялась. Потомъ перевела свои воспаленные глаза на лэди Изольду, продолжавшую стоять на ступенькахъ паперти. Повинуясь внезапному порыву, несчастная мать бросилась къ ней и, охвативъ ея колѣни, зарыдала.

— У васъ есть сердце—спасите его!

— Спасу, если можно,—серьезно отвѣчала лэди Изольда.—По крайней мѣрѣ отъ позора.

ГЛАВА XIV.

При дворѣ короля и папы.

Несмотря на это, блѣдная женщина съ горящими глазами черезъ полчаса была уже въ монастырѣ августинцевъ, гдѣ находилась резиденція короля, и, не желая ничего слушать, добивалась пропуска къ нему.

Покинувъ паперть, она, какъ испуганная, бѣжала по улицамъ, толкая всѣхъ направо и налево. Ее бранили, но она не обращала

вниманія и продолжала работать локтями, пока не достигла мѣста назначенія. Видъ стражи и императорскаго орла надъ воротами монастыря заставилъ ее остановиться. Она попробовала собрать свои мысли. Дрожащими пальцами она оправила платье.

Не зная, какъ проникнуть въ ворота, она стояла и смотрѣла на стражу. Король былъ довольно доступенъ, и женщины иногда позволяли себѣ съ нимъ большія вольности. Въ Страсбургѣ веселыя дѣвицы ходили къ нему прямо въ спальню, вытаскивали его оттуда въ одной рубашкѣ и заставляли танцевать съ ними на улицѣ. Но въ Констанцѣ приходилось держать себя иначе. Здѣсь король долженъ былъ показываться во всемъ блескѣ своего сана. Онъ рѣдко выходилъ безъ свиты, и у его дверей всегда стояла стража.

У фрау Штейнъ было нѣсколько плановъ проникнуть къ нему, но все они оказались неосуществимы. Не зная, что дѣлать, она подошла къ стражѣ. Но не успѣла она еще заговорить съ ними, какъ тѣ осыпали ее насмѣшками.

— Неудобное время вы выбрали, прекрасная особа,—захихикалъ одинъ.—Приходите вечеромъ, когда будетъ потемнѣе.

— Днемъ!—закричалъ другой съ дѣланнымъ негодованіемъ.—Какого же вы мнѣнія о его величествѣ? Вокругъ него столько святыхъ прелатовъ, которые караулятъ каждый его шагъ.

Фрау Штейнъ густо покраснѣла и готова была уже дать имъ сдачи, какъ вдругъ увидѣла личнаго друга короля Эбергарда Виндека, который какъ разъ подходилъ къ воротамъ. Она знала его давно. Бросившись къ нему, она схватила его за рукава, умоляя о помощи. Видя ея возбужденное состояніе и боясь какой-нибудь сумасбродной выходки съ ея стороны, Виндекъ взялъ ее съ собой. Пока они поднимались по прохладной лѣстницѣ, она успѣла рассказать ему всю исторію. Движимый жалостью и стараясь съ другой стороны выгородить себя изъ этого дѣла, Виндекъ оставилъ ее въ коридорѣ въ расчетъ, что король, выйдя изъ своихъ апартаментовъ, самъ встрѣтитъ ее и, такимъ образомъ, онъ, Виндекъ, окажется въ сторонѣ.

Такъ оно и случилось. Какъ только фрау Штейнъ увидѣла въ концѣ коридора огненную бороду короля, она бросилась впередъ и упала къ его ногамъ.

Сигизмундъ вздрогнулъ и нахмурился. Онъ не любилъ такихъ сценъ. Но она крѣпко обнимала его колѣни, и уйти отъ нея онъ не могъ. Виндекъ сдѣлалъ было видъ, что хочетъ отогнать ее, но отъ этого ея движенія стали еще сильнѣе и живѣе.

— Правосудія!—кричала она, изливъ передъ королемъ свою горе.—Правосудія для вашей собственной крови, для вашего сына! Годы, конечно, стерли память обо мнѣ, хотя вы и клялись, что никогда не забудете меня.

Король опять нахмурился.

— Я не забылъ васъ,—заговорилъ онъ довольно терпѣливо.— Когда нужно было, я посылалъ вамъ денегъ, хотя, къ несчастію, это бывало не такъ часто, какъ я бы этого хотѣлъ,—добавилъ онъ тѣмъ полушутливымъ, полудиническимъ тономъ, который дѣлалъ его столь популярнымъ въ извѣстныхъ слояхъ народа.—И для мальчика я дѣлалъ, что могъ. Онъ хотѣлъ стать монахомъ, и я заплатилъ за него вступной взносъ въ монастырь. Потомъ онъ нашелъ, что у него нѣтъ къ этому призванія,—не могу порицать его за это, и его столкновение съ аббатомъ было улажено. Потомъ онъ отличился въ качествѣ солдата. Вдругъ на него нашло раскаяніе, и онъ захотѣлъ быть писцомъ. Я опять доставилъ ему мѣсто, котораго онъ желалъ. Все время я помогалъ ему. Въ концѣ концовъ онъ убилъ монаха—бѣда, конечно, не велика, но онъ повернулъ все дѣло такъ глупо, что я не вижу, какъ я могу его спасти. Мнѣ рассказывали все это дѣло. Онъ оскорбилъ церковь и заявилъ, что желаетъ, чтобы его сожгли. Если человѣкъ хочетъ лѣзть на смерть, то пусть себѣ лѣзетъ: о вкусахъ не спорятъ. Теперь у папы нѣтъ времени жечь его, и его, вѣроятно, просто повѣсятъ. Что же я могу тутъ сдѣлать?—угрюмо закончилъ король.

— Спасите его! Неужели его, королевскаго сына, повѣсятъ, какъ какого-нибудь вора? И вамъ не стыдно будетъ за своего сына?

— Ну, все это обойдется тихо,—пробормоталъ король.— Не могу же я сориться изъ-за этого съ папою и церковью. Все-таки для него будетъ лучше, если его повѣсятъ.

— Для него это будетъ ужасно,—закричала фрау Штейнъ.

Она воспитала сына и жила съ нимъ столько лѣтъ, но только теперь, въ эти послѣдніе дни, его характеръ сталъ ей ясенъ.

— Онъ былъ такъ гордъ своею честностью! Онъ отъ этого съ ума сойдетъ.

— Не слѣдуетъ очень гордиться,—промолвилъ Сигизмундъ.—Я посмотрю,—прибавилъ онъ:—нельзя ли будетъ казнить его мечомъ.

— Онъ не долженъ умереть! Вы должны спасти его! Я порочная женщина, и все это случилось изъ-за меня. Онъ не долженъ пострадать за это. Вы должны спасти его, вѣдь это вашъ сынъ. Какъ вы оставляете своего сына, такъ и Богъ оставитъ васъ. Не встану съ колѣнъ, пока вы не дадите мнѣ обѣщаніе спасти его.

Ея пронзительные крики неслись по всему коридору, и король, ненавидѣвшій подобныя сцены, поспѣшилъ дать требуемое обѣщаніе. Онъ вѣдь не придавалъ особаго значенія тому, что говорилъ, согласно правилу: кто не умѣетъ притворяться, тотъ не достоинъ царствованія.

Несчастливая мать поглядѣла на него сначала съ недовѣріемъ, но потомъ ободрилась и оставила его въ покоѣ.

— Какъ она постарѣла,—промолвилъ ей вслѣдъ Сигизмундъ.— Трудно повѣрить, что когда-то она мнѣ правилаъ. Распоряди-

тесъ, чтобы она больше меня не беспокоила,—сказалъ онъ Виндеку.

Фрау Штейнъ тяжело спустилась съ лѣстницы. Ея ноги оконченѣли: она долго стояла на колѣняхъ, да и старость ужъ давала себя знать. Она чувствовала, что король ее обманываетъ: мало ли обѣщаній давалъ онъ ей прежде, и всѣ они остались не исполненными. Проходя по передней, она увидала себя въ огромномъ зеркалѣ, которое прислалъ королю въ даръ патріархъ антїохійскій, и она не узнала себя: такъ она постарѣла. Глаза ея потеряли былой блескъ, щеки ввалились, морщины покрыли всѣ лицо и исказили очертанія рта.

Если король не держалъ своего слова, когда она была молода, то почему онъ теперь сдержитъ его? Вспомнила она и объ охранной грамотѣ, которая была дана имъ Гуссу. Ей хотѣлось вернуться и добиться отъ него... она сама не знала чего. Но у ней не хватило силъ вернуться и, заплетая ногами, она продолжала идти къ выходу.

Словно во снѣ, прошла она мимо стражи, которая на этотъ разъ пропустила ее почтительно и уже не смѣла смѣяться надъ ней. Но она не замѣчала ее; не помнила она и того, какъ она очутилась на залитой солнцемъ площади. Въ одномъ ея углу въ сѣроватомъ полусвѣтѣ виднѣлись плаха и топоръ.

Дрожащими пальцами она вытащила изъ пазухи пидульгенцію, которую она вчера купила. Но теперь она показалась ей чѣмъ-то ненужнымъ. Какъ можетъ кусокъ бумаги отпускать такіе грѣхи, какіе она совершила. Но уже черезъ минуту она раскаялась. Боязливо оглянувшись, не выдалъ ли кто-нибудь ее, она посмотрѣла на небо, какъ бы умоляя не наказывать ее за такое богохульство.

А что въ самомъ дѣлѣ, если всѣ эти вещи имѣютъ силу? Вѣдь люди цѣлыми столѣтіями вѣрили въ нихъ?

Она нагнулась и старательно подобрала оставшіеся клочки бумаги, которые еще не успѣлъ унести вѣтеръ, и со страхомъ посмотрѣла на небо. Но оно было все такимъ же голубымъ, и громъ небесный не затрещалъ надъ ея головой.

Съ презрительной улыбкой она опять бросила клочки бумаги и пошла дальше, сама не зная куда. Голова ея горѣла.

Ей казалось, что всѣ глядятъ на нее искоса и говорятъ ей вслѣдъ: «Смотрите, вотъ идетъ мать вора. Это она своей распутной жизнью довела его до этого, и за это она будетъ горѣть въ аду».

Полуденное солнце сильно пекло ей голову. Боль въ вискахъ становилась сильнѣе, но она шла все скорѣе и скорѣе. Впереди ея шли какіе-то мужчина и женщина.

— Завтра его повѣсятъ,—сказалъ мужчина.

— И по дѣломъ,—отвѣчала его спутница.—Да и ей тоже.

Они не сказали, кому это «ей». Въ тѣ времена перѣдко ловили и вѣшали разбойниковъ, которыхъ сопровождали женщины. Но фрау Штейнъ, мучимая одной и той же мыслью, отнесла эти слова къ Магнусу и къ себѣ. Подъ прямымъ угломъ она быстро свернула въ сосѣднюю улицу, лишь бы не видѣть и не слышать ихъ дальнѣйшаго разговора. Потомъ она ринулась по улицамъ, добѣжала до площади, а оттуда до моста, который связываетъ Рейнъ у его истока изъ озера. Съ минуту она постояла у перилъ, глядя на бурлящій водоворотъ. И вдругъ среди ритмическаго шума воды въ ея ушахъ прозвучалъ голосъ монаха: «Вы продали Господа, какъ Иуда Искариотскій. И какъ ему не было прощенія, такъ не будетъ и вамъ».

Вѣдь и она продала Господа. За ничтожныя удовольствія міра сего она продала свою честь и совѣсть!

Съ тѣмъ же нетерпѣніемъ отчаянія, съ какимъ Иуда ринулся навстрѣчу своей судьбѣ, она закрыла глаза и бросилась въ рѣку.

— Итакъ, я могу рассчитывать на вашу помощь въ дѣлѣ этого Палиана.

— Да. Долженъ васъ предупредить, что его святѣйшество думаетъ дать этотъ санъ своему брату Лоренцо. Мнѣ объ этомъ сказали вчера. Королева неаполитанская желаетъ сдѣлать Джордано Колонну герцогомъ Амальфскимъ. Слѣдовательно...

— Я удовольствуюсь, если моему племяннику дадутъ Соріано. Итакъ, вы окажете мнѣ поддержку?

— Не беспокойтесь объ этомъ, если, конечно, вы поддержите притязанія моего брата на Перуджію.

— Съ удовольвіемъ. Правда, что за послѣдніе годы управленія вашего брата въ Браччо на него было немало жалобъ, но тогда онъ старался укрѣпить власть св. Петра въ спорномъ округѣ...

— Народъ всегда будетъ жаловаться. Но намъ нужно имѣть въ Перуджіи человѣка, который способенъ сохранить этотъ городъ за церковью.

Оба прелата расхаживали взадъ и впередъ по галереѣ, которая находилась передъ Camera Apostolica. Длинная обширная комната была наполнена шумомъ голосовъ, папа уѣзжалъ завтра, и всѣ, кто имѣлъ дѣла въ его канцеляріи, явились сюда. Толпа была самая нестрая: нобили, бюргеры, прелаты, священники, христіане, евреи, толковавшіе каждый о своемъ и по-своему. Хотя занятія канцеляріи были уже объявлены оконченными, но люди, давшіе взятку или заручившіеся обѣщаніемъ, продолжали прибывать. Дѣла тѣхъ, которые не были признаны достойными аудіенціи самого вице-камераріуса, были унесены мелкими чиновниками. Конечно, не всѣ просьбы удовлетворялись: то тамъ, то сямъ слышались ругательства и жалобы.

— Неблагодарную мы избрали профессію, — сказалъ одинъ священникъ другому, который вернулся къ нему весь красный и злой. — Если бы мы были королевскими актерами, то, безъ сомнѣнія, получали бы больше вознагражденія. Сынь Моссы Берра только что получили жирный приходъ въ Валенціи.

— Это вѣрно?

— Я узналъ объ этомъ въ тотъ же день, отъ слуги тайнаго камерарія его святѣйшества. Я и не рассчитывалъ на такой кусокъ, но думалъ, что намъ дадутъ приходы, которыхъ мы просимъ. Теперь приходится класть зубы на полку!

— Похоже, что такъ! — отвѣчалъ другой, сдерживая ругательство. — Но вы дали столько, сколько мы условились? — спросилъ онъ подозрительно. — Знаете, что однажды сказалъ делегатъ Тевтонскаго ордена? «Здѣсь всякой дружбѣ конецъ, если нѣтъ больше денегъ».

— Я роздалъ ихъ вѣдь правильно. Неужели вы думаете, что я стану подкупать самого папу?

Его собесѣдникъ издалъ восклицаніе, какъ бы сожалѣя о томъ, что это невозможно.

— У насъ для этого денегъ не хватитъ! — со вздохомъ промолвилъ онъ.

Чтобы подкупить Мартина V, нужна была большая сумма. Его страсть къ деньгамъ, усиливавшаяся съ каждымъ годомъ, была извѣстна вѣдь.

— Однако... — началъ было опять священникъ, но вдругъ остановился.

Вниманіе вѣхъ присутствовавшихъ было устремлено на дверь, ведущую въ апартаменты камерарія. Какому-то представительнаго вида человѣку, — по одеждѣ нельзя было сказать, было ли это духовное, или свѣтское лицо, — надоѣло ждать, и онъ началъ ругать привратника. Тотъ отвѣчалъ въ томъ же тонѣ. Проситель поднялъ голосъ, съ намѣреніемъ, вѣроятно, привлечь вниманіе тѣхъ, кто находился за дверьми. Это ему удалось. Дверь отворилась, и вышелъ какой-то высокій, смуглый человѣкъ, одѣтый въ темную шелковую рясу.

— Кто тутъ шумить? — спросилъ онъ, строго посматривая на тѣхъ, кто стоялъ поближе къ двери.

Его строгій, холодный голосъ заставилъ привратника съезжиться. Донъ Людовико д'Алеманъ, вице-камерарій и глава апостолической камеры, пока не былъ замѣщенъ постъ камерарія, отличался спокойными, изысканными манерами, но умѣлъ смирять непокорныхъ, когда было нужно.

Привратникъ поблѣднѣлъ и забормоталъ какія-то извиненія. Кричавшій человѣкъ разомъ замолчалъ и не промолвилъ ни слова.

— Въ другой разъ надо лучше охранять порядокъ,—рѣзко сказалъ вице-камерарій и пошелъ впередъ.

Дойдя до центра галерей, онъ повернулъ вправо и подошелъ къ ожидавшей его дамѣ.

— Прощу извинить меня, мадонна, за то, что я заставилъ васъ ждать,—сказалъ онъ, низко кланяясь.—Благоволите слѣдовать за мной.

И, поклонившись еще разъ, онъ проводилъ ее до двери, которую привратникъ распахнулъ настезь.

Кричавшему передъ тѣмъ человѣку это показалось обиднымъ: благопріятный случай опять ускользалъ отъ него. Наконецъ глосось опять къ нему вернулся.

— Я пришелъ раньше этой дамы!—рѣзко сказалъ онъ, выступая впередъ.

— Я знаю. Но, конечно, вы съ удовольствіемъ уступите вашу очередь дамѣ,—отвѣчалъ итальянецъ своимъ холоднымъ, ровнымъ голосомъ.

Проситель на минуту опѣшилъ.

— Мы являемся сюда на основаніи закона, а законъ не знаетъ никакихъ предпочтеній,—продолжалъ онъ.—Мнѣ уже мѣсяцъ тому назадъ обѣщали уладить мое дѣло. Его святѣйшество уѣзжаетъ завтра. Если мнѣ не удастся переговорить сегодня, то мнѣ не удастся это никогда, несмотря на обѣщанія и деньги, которыя я роздалъ. Вѣдь безъ нихъ меня не пропустили бы и сегодня.

Онъ говорилъ съ еле сдерживаемымъ негодованіемъ.

— Вы негодуете на приношенія, которыя вами сдѣланы св. Петру? А если вы подкупали мелкихъ чиновниковъ, то вы тѣмъ самымъ предрѣшили свое дѣло.

— Предрѣшилъ или нѣтъ, но аудіенція мнѣ обѣщана,—настаивалъ тотъ.

— Иногда обѣщанія даются въ предположеніи, что можно сдѣлать доброе дѣло. Но если этого нѣтъ, то нѣтъ основаній и исполнять такое обѣщаніе. Если судъ его святѣйшества взглянетъ на ваше дѣло съ этой точки зрѣнія, то развѣ вы будете его порицать?

— Буду!—закричалъ проситель, въ которомъ гнѣвъ пересилилъ благоразуміе.

Судя по его твердому акценту,—разговоръ велся по-латыни,—это былъ нѣмецъ или англичанинъ.

— Законъ остается закономъ, а обѣщаніе—обѣщаніемъ. Даже папскій судъ не можетъ измѣнить этого!

— Да, законъ остается закономъ. Но по одному и тому же закону человѣка можно оправдать или осудить. Нужно истолковать его правильно. То же и съ обѣщаніемъ. Развѣ вы можете ставить свое толкованіе рядомъ съ толкованіемъ его святѣйшества или апостолическаго двора?

Голосъ итальянца, нисколько не возвышаясь, сталъ рѣзкимъ, въ его глазахъ показалась угроза. Соборъ уже распуцень, папа собирается уѣзжать, и его придворные еще разъ почувствовали себя господами положенія.

Иностранецъ понялъ это. Онъ слышалъ въ словахъ камерарія угрозу ересью и поблѣднѣлъ. Прежде, чѣмъ онъ нашелся, что сказать, донъ Людовико изящнымъ движеніемъ руки пригласилъ даму во внутренніе апартаменты и повернулся спиной къ строптивому просителю.

— Нѣкоторые изъ этихъ сѣверянъ—настоящіе медвѣди,—промолвилъ онъ, когда дверь за нимъ затворилась.—Они, вѣроятно, и созданы для того, чтобы отгнать собой красоту, передъ которой преклонится всякій южанинъ,—добавилъ онъ съ поклономъ, вспоминая, что его просительница—также съ сѣвера.—Вести себя такимъ образомъ по отношенію къ дамѣ!—негодоваль онъ.—Къ тому же у васъ дѣло спѣшное, не то, что у него.

— Иначе я не просила бы васъ принять меня раньше его.

— Онъ можетъ подождать и годъ. У него земельное дѣло. Съ голоду онъ не умретъ. Его святѣйшество выйдетъ не раньше, какъ черезъ часъ,—перемѣнилъ онъ тему разговора.—Я пригласилъ васъ сюда на случай, если онъ выйдетъ раньше. Не угодно ли вамъ будетъ сѣсть и подождать.

И онъ подвелъ ее къ трельяжу, закрытому вьющимися растеніями, откуда она могла все видѣть и слышать, оставаясь сама невидимой.

— Вы позволите мнѣ заняться дѣлами? Присутствіе такой просительницы только изощритъ мой умъ.

— Вы всегда очень любезны, донъ Людовико.

— Не настолько, какъ хотѣлось бы. Сегодня у насъ очень хлопотливый день: его святѣйшество настаиваетъ на томъ, чтобы ѣхать завтра. Онъ не успокоится, пока не стряхнетъ съ своихъ ногъ прахъ Констанца. Онъ слышать не можетъ о соборѣ и о всемъ, что его напоминаетъ. Всѣ обычные занятія уже прекращены, и я заканчиваю теперь самыя спѣшныя. Итакъ, съ вашего позволенія...

И, сдѣлавъ поклонъ, онъ сѣлъ за свой столъ.

Лэди Изольда сидѣла за трельяжемъ, безмолвно созерцая все происходящее. Она видѣла, какъ вошелъ въ роскошномъ одѣяннн какой-то кардиналъ, видѣла въ широко распахнувшіяся передъ нимъ двери, какъ всѣ низко кланялись ему, а онъ едва достаивалъ отвѣтить на ихъ низкіе поклоны. Всѣ въ Констанцѣ ненавидѣли кардиналовъ за ихъ гордость. Она видѣла, какъ тотъ же самый человекъ, который вошелъ съ такимъ презрѣніемъ ко всѣмъ, жадно выпрашиваетъ себѣ пребенду, умоляя камераріуса не забыть доложить о немъ его святѣйшеству при удобномъ случаѣ. Въ это время обычай или скорѣе злоупотребленіе имѣть за собой нѣ-

сколько епархій былъ запрещенъ. Это было одно изъ гнуснѣйшихъ злоупотребленій, ибо за нѣкоторыми прелатами числилось до пятисотъ епархій. Папа настоялъ, впрочемъ, чтобы это запрещеніе не касалось прелатовъ, не располагающихъ достаточными средствами, чтобы жить сообразно ихъ положенію.

Далѣе лэди Изольда слышала просьбу тяжущихся, которые ходатайствовали о томъ, чтобы ихъ было перенесено изъ свѣтскаго въ папскій судъ, хотя дѣло и не было подвѣдомственно духовному суду. Это было также большимъ злоупотребленіемъ, такъ какъ ихъ двухъ тяжущихся тотъ, кто былъ богаче, при общеизвѣстной продажности куріи, всегда могъ осилить своего противника. Въ конкордатахъ, которые Мартинъ V заключилъ съ Англіей и Германіей, переносить дѣла въ папскій судъ безъ согласія на то обѣихъ сторонъ, запрещалось, но съ оговоркой, дававшей самый широкій просторъ: если только по свойству дѣла или положенію лица, котораго оно касается, не будетъ удобнѣе въ интересахъ правосудія рѣшить его въ куріи.

Она слышала, какъ одинъ прелатъ просилъ дать ему приходъ, который уже былъ обѣщанъ другому, слышала, какъ онъ предлагалъ гарантіи, что будетъ аккуратно выплачивать святѣйшему престолу доходы первыхъ годовъ. Его соперникъ не будетъ, по его словамъ, въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ, потому что онъ самъ небогатъ и къ тому же очень много раздастъ бѣднымъ.

Многіе просили о диспенсаціи, т. е. о предоставленіи имъ права проживать не въ своей резиденціи. Многіе, наслаждаясь пребендами, не исполняли лежавшихъ на нихъ обязанностей, отчасти потому, что были слишкомъ молоды для этого, отчасти потому, что не хотѣли этого сами. Папа обѣщалъ уничтожить и это злоупотребленіе, но не могъ этого сдѣлать въ виду примѣра, который онъ самъ недавно подавалъ.

Нѣкоторые являлись, чтобы замаять дѣлишки по проступкамъ, о которыхъ неудобно и говорить. И все это лэди Изольда принуждена была выслушивать. А передъ ней на столѣ лежалъ списокъ буллъ, предписывавшей инквизиторамъ поступать съ безпощадной строгостью съ тѣми, кто осмѣлится не повиноваться церкви, а въ особенности съ послѣдователями Гуссовой ереси, которая начала уже распространяться въ Богеміи.

Отчаяніе овладѣло ею. Все было добродѣтелью, если этого хотѣла церковь, и все становилось грѣхомъ, когда ей было такъ нужно. Все можно было устроить при помощи золота. Вопросъ былъ только въ размѣрѣ взятки. Она истратила много, чтобы найти доступъ сюда, и готова была отдать все, что у нея было. Но всего этого было мало, чтобы купить папу и его дворъ. А иначе здѣсь ничего нельзя было сдѣлать.

Отпустивъ послѣдняго просителя, камерарій всталъ изъ-за своего стола и, подойдя къ ней, сказалъ:

— Я распорядился, чтобы просителей больше не допускали сюда, пока его святѣйшество не выйдетъ къ нимъ. Такимъ образомъ вы можете поговорить съ нимъ безъ всякихъ помѣхъ.

И, какъ бы угадывая по выраженію ея лица волновавшія ея чувства, онъ прибавилъ:

— Вотъ вы теперь присутствовали цѣлый часъ при томъ, какъ идутъ дѣла при папскомъ дворѣ. Я знаю, что вы—острый наблюдатель. Скажите, какое же вы вынесли впечатлѣніе?

— Плоть и мамона управляютъ міромъ,—съ горечью отвѣчала она.

Камераріусъ не обидѣлся на ея слова. Только слабая улыбка скользнула по его красивому, умному лицу.

— Это вѣрно,—отвѣчала онъ спокойно.—Но такъ вездѣ. Всѣ обвиняютъ насъ въ томъ, что мы хуже всѣхъ. Но продажность царитъ вездѣ—и въ высшемъ судѣ князей, и у прелатовъ. Почему же канцелярія папскаго двора должна составлять исключеніе?

— Въ самомъ дѣлѣ, почему бы это?—иронически спросила она.

Онъ понялъ скрытый смыслъ ея вопроса и съ жаромъ продолжалъ:

— У насъ—самое лучшее извиненіе. Благодаря расколу и огромнымъ тратамъ, которыя сдѣлалъ Іоаннъ XXIII, или Балтазаръ Косса, если хотите его такъ называть, папскій дворъ очутился въ такомъ стѣсненномъ положеніи, что мы принуждены занимать деньги даже для того, чтобы покрыть расходы по коронованію тепершняго папы. Управленіе церковью и содержаніе папскихъ легатовъ стоитъ дорого. Къ тому же папскія владѣнія защищаются наемными войсками.

— Вѣроятно, его святѣйшеству очень непріятно...

— Будьте справедливы. Посмотрите на царскіе дворы епископовъ и прелатовъ. Развѣ можетъ папа жить въ апостольской простотѣ? Если бы онъ вздумалъ такъ жить, его никто не сталъ бы терпѣть. Всѣ хотятъ, чтобы у папы были власть и сила, ибо отъ него исходить ихъ собственная власть и сила, и всѣ они мечтаютъ, что когда-нибудь тіара будетъ возложена и на ихъ голову. Папа—глава церкви, которая не можетъ ошибаться. Если онъ не будетъ имѣть власти изречь свое великое проклятіе, то какъ могутъ они изрекать свои? Удалите изъ этого зданія хоть одинъ камень, и все оно станетъ разрушаться и падеть. Въ концѣ концовъ, кто сдѣлался бы палой? Первый попавшійся прелать, у котораго хватило бы силы и смѣлости возвыситься надъ другими.

— А какъ же Христось сказалъ: «кто хочетъ быть первымъ, тотъ пусть будетъ меньшимъ изъ всѣхъ».

Камераріі некоса взглянулъ на нее и едва замѣтно пожать плечами.

— Христосъ далъ много заповѣдей, которыя нельзя понимать буквально. Всѣ—не только духовенство, но и міряне, отъ короля до разбойника, всѣ хотятъ, чтобы церковь приспособлялась къ ихъ еуетности. Но, кажется, я слышу шаги его святѣйшества, вдругъ сказалъ онъ. Вы можете говорить съ нимъ свободно и безъ страха. Я отдалъ строгій приказъ никого не впускать сюда. Что касается меня, то я долженъ заняться своимъ дѣломъ. Если какое-нибудь слово и дойдетъ до меня, то я сейчасъ же забуду его.

Камераріі отошелъ къ своему столу. Въ дверяхъ появилась до-родная фигура папы.

Мартину V, происходившему изъ знатнаго рода Колонновъ, было около пятидесяти лѣтъ. На старинныхъ монетахъ и медаляхъ онъ изображенъ въ видѣ сильнаго, приземистаго человѣка, съ гладко-выбритымъ лицомъ и скудными волосами. У него былъ низкій лобъ, крючковатый носъ и толстыя губы, на которыхъ всегда играла дѣланная улыбка. Словомъ, это было незначительное лицо, ничѣмъ не отличавшееся отъ обычнаго типа римско-католическаго священника. Да онъ и не сдѣлалъ ничего такого, что заставило бы его сойти съ проторенной колеи. Онъ былъ въ первыхъ рядахъ тѣхъ, которые отправили на костеръ Яна Гусса и, вступивъ на апостолическій престолъ, не хуже своихъ предшественниковъ налегаль на инквизиторовъ.

Съ перваго взгляда онъ показался простымъ и прямодушнымъ, но вскорѣ обнаружилъ большую хитрость, которая помогала ему разъединять народы, сокрушать реформаторовъ и уклоняться отъ принятыхъ на себя обязательствъ. Неизвѣстно, былъ ли онъ щедръ, но извѣстно, что онъ очень любилъ деньги и подъ конецъ жизни сдѣлался страшнымъ скрягой. Рассказывали, что онъ подавалъ своимъ приближеннымъ сырую рыбу вмѣсто жареной, чтобы съэкономить на маслѣ, и тушилъ въ церкви свѣчи, которыя считалъ излишними.

Таковъ былъ человѣкъ, передъ которымъ пала ницъ леди Изольда.

— Святѣйшій отецъ! Прошу правосудія!—воскликнула она.— Я не прошу избавить его отъ костра, если по законамъ церкви онъ заслужилъ это. Я прошу только не казнить его, какъ вора. Онъ не заслужилъ этого, и я прошу только правосудія.

Глаза папы были устремлены на красавицу, лежавшую у его ногъ.

— Мнѣ говорили объ этомъ дѣлѣ,—промолвилъ онъ, помолчавъ.—Но почему ты просишь за него, дочь моя?

— Потому, что всѣ оставили и отвернулись отъ него. Не думайте обо мнѣ что-нибудь дурное, ибо онъ отвергъ меня и отнесся ко мнѣ, какъ къ праху ногъ своихъ.

— И ты все-таки ходатайствуешь за него.

— Да, ибо писано: молитесь за оскорбляющихъ васъ!—пылко вскричала она.

— Но вѣдь ты просишь не прощенія, а правосудія,—промолвилъ папа, опять внимательно посмотрѣвъ на нее.—Его голосъ сталъ какъ будто теплѣе.—Если дѣло обстоитъ такъ, какъ ты говоришь, то нужно только радоваться, что онъ будетъ признанъ виновнымъ въ меньшемъ преступленіи и такимъ образомъ избѣгнетъ позорнаго костра.

— Нѣтъ, нѣтъ! Онъ проситъ только правосудія, и, конечно, я получу его отъ васъ, котораго называютъ святѣйшимъ.

— Развѣ ты предпочитаешь, чтобы его сожгли, какъ еретика, чѣмъ повѣсили, какъ вора?

Она замѣтила разставленную для нея ловушку, но смѣло отвѣтила:

— Да, если только онъ заслужилъ.

— Развѣ ты не понимаешь, что ересь есть величайшій позоръ, смерть для души и тѣла?—спросилъ папа. Въ его голосѣ послышалось неудовольствіе.—Развѣ ты не знаешь, что если ты говоришь такимъ образомъ, то и твои чувства становятся подозрительными.

— Сожгите меня на одномъ кострѣ съ нимъ!

— Ты лишилась ума, дочь моя,—строго промолвилъ папа.—Но я прощаю тебя, ибо ты не владѣешь собой. Я уже назначилъ слѣдователя, чтобы разобрать это дѣло и рѣшить его по справедливости.

— Вы назначили дьявола, чтобы чинить законъ Господень!

Лэди Изольда быстро поднялась съ колѣнъ. Глаза ея горѣли.

— Если бы я захотѣла пойти къ нему, я бы знала, какъ добиться того, чего я желаю. Онъ только вѣдь этого и ждетъ. Онъ—и справедливостъ! Святѣйшій отецъ,—продолжала она, опять опускаясь на колѣни,—вспомните, что вы представляете Того, Кто выше страстей міра сего и соображеній церкви и государства.

Мартинъ V нахмурился и отодвинулся отъ нея.

— Я не ожидалъ, что ты явишься сюда для того, чтобы безчестить одного изъ членовъ священной коллегіи, къ которой еще такъ недавно принадлежалъ и я самъ,—сказалъ онъ строго.

— Безчестить? Развѣ можно обезчестить такого человѣка? Что можно сказать о человѣкѣ, который явился ко мнѣ, когда моихъ слугъ не было дома, и хотѣлъ силою заставить меня исполнить свои желанія? А когда это ему не удалось, собрался силою похитить меня на улицѣ? Какъ назвать такого человѣка! Скажите сами.

Лицо папы стало еще недовольнѣе.

— Это дьяволъ обманулъ тебя, дочь моя,—холодно отвѣчалъ онъ.—Не хочу предполагать, что ты лжешь сознательно. Твоя тщеславная красота заставляетъ тебя видѣть влюбленнаго въ каждомъ мужчинѣ. Какъ бы тамъ ни было, но ты должна относиться къ свя-

ценной коллегіи съ большимъ почтеніемъ; если бъ я зналъ, что ты будешь такъ говорить со мной, ты никогда не видѣла бы меня. Три года люди говорили про насъ самое худшее, и мы должны были переносить все это, ибо папская власть была все равно, что солнце во время затменія. Теперь затменіе прошло, и я впредь этого не допущу. Иди, дочь моя, и раскайся. Будь довольна и тѣмъ, что тебя не позовутъ къ отвѣту за твои необдуманныя слова.

И въ гнѣвѣ папа пошелъ дальше.

— Я показывалъ ему письмо кардинала, которое вы мнѣ дали, но оно принесло, пожалуй, больше вреда, чѣмъ пользы. Боюсь, что и вы говорили съ нимъ неблагоуразумно. Его святѣйшество очень ревниво смотритъ за тѣмъ, чтобы оказывали должное почтеніе ему и кардиналамъ. Но не бойтесь, — говорилъ камерарій, поднимая съ полу лэди Изольду, — его гнѣвъ скоро пройдетъ, и я постараюсь представить ему это дѣло въ надлежащемъ свѣтѣ.

— Благодарю васъ, донъ Людовико.

И она пошла къ двери, блѣдная, но спокойная. Камерарій проводилъ ее до самыхъ дверей гораздо почтительнѣе чѣмъ обыкновенныхъ просителей. Слѣдавъ послѣдній поклонъ, онъ вернулся къ себѣ въ комнату и сѣлъ за столъ.

— Никогда не повѣрилъ бы этому, если бъ не видѣлъ своими собственными глазами и не слышалъ своими собственными ушами.

И, вздохнувъ, онъ принялся писать свои бумаги.

ГЛАВА XV.

Наступленіе и конецъ ночи.

Стиснувъ руки, лэди Изольда стояла посреди своей комнаты, какъ мраморное изваяніе. Она была такъ же блѣдна, какъ въ тотъ день, когда герцогъ Орлеанскій встрѣтилъ ее послѣ похоронъ ея ребенка. На ней было черное шелковое платье, словно она готовилась къ другимъ похоронамъ.

Спускалась ночь, и мракъ медленно охватывалъ неподвижную фигуру, стоявшую среди затемнѣвшей комнаты.

Лэди Изольда вздрогнула, хотя въ комнатѣ еще было тепло отъ недавнихъ лучей солнца.

— Незачѣмъ больше молиться, — прошептала она. — Тутъ ничто не поможетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, помощи ждать было неоткуда. Кардиналъ камбрійскій уѣхалъ во Францію въ качествѣ папскаго легата. Если бы настроеніе папы измѣнилось, то ей дали бы знать объ этомъ. Кардинала Бранкаччо нельзя было подкупить, въ этомъ, конечно, случаѣ. Письмо, собственноручно имъ написанное, теперь уже потеряло силу. Нѣкоторое время оно давало ей возможность держать

его въ рукахъ, но съ тѣхъ поръ онъ нашель способъ сдѣлать его безвреднымъ, и событія сегодняшняго утра доказали это.

— Некому помочь, если я не исполню его желанія.—проговорила она глухимъ, безжизненнымъ голосомъ.—Хотя я и клялась, что я скорѣе готова на самое худшее, но что для меня жизнь? Она разрушена, и что ему до того, какъ я поступлю?

Ея настроніе измѣнилось, и голосъ опять зазвучаль твердо и строго.

— Правильно ли это? Вѣдь и передъ самой собой я обязана кое-чѣмъ.

Мало-по-малу нервный спазмъ прошелъ. Кровь опять прилила къ сердцу и теплой волной хлынула въ виски.

— Что же говорить!—изступленно воскликнула лэди Изольда. — Жертва должна быть полна!

Пальцы ея разжали другъ друга, руки упали, какъ будто это рѣшеніе лишило ихъ силы.

Она быстро накинула на себя плащъ и твердой поступью вышла изъ комнаты.

— Я ожидалъ васъ, мадонна, —сказаль кардиналь Бранкаччо женщинѣ, одѣтой во все черное, съ непроницаемымъ покрываломъ на лицѣ.

Передъ нимъ на столѣ лежало дѣло Магнуса Штейна.

— Черезъ часъ все будетъ устроено согласно вашему желанію, — прибавиль онъ и пошелъ ей навстрѣчу.

Между тѣмъ Магнусъ Штейнъ сидѣль въ епископской тюрьмѣ. Для него также настала ночь, раньше, чѣмъ для всѣхъ остальныхъ жителей Констанца. Пока легкій свѣтъ еще лежаль на улицахъ, на стѣнахъ его темницы замеръ и послѣдній слабый его отблескъ. Въ ней стало темно и холодно.

Темно и холодно стало и въ душѣ человѣка, который сидѣль на сѣромъ камнѣ, закрывъ лицо руками.

Онъ думаль о висѣлицѣ, которая ждала его на завтра.

Онъ уже видѣль насмѣшливую толпу, окружавшую эшафотъ, жадную до зрѣлищъ такого рода. Онъ уже слышаль громкія шутки черни, насмѣхавшейся надъ человѣкомъ, такъ часто говорившимъ о самоусовершенствованіи, а теперь умиравшимъ изобличеннымъ воровъ. И онъ ничего не могъ возразить имъ, ибо они могутъ проткнуть желѣзомъ языкъ его.

Никто не любиль его. Даже палачъ съ особеннымъ удовольствіемъ сообщилъ ему о томъ, что произошло. Единственный человѣкъ, которому онъ былъ дорогъ, не забудеть нанесеннаго ему оскорбленія. Тѣ, кто не обвиняеть его, будутъ молчать, а если у кого и вырвется робкое слово въ его защиту, то оно будетъ заглушено гнѣвнымъ ревомъ толпы.

Прижавъ руками сильно бьющіеся виски, онъ всталъ и лихорадочно, словно звѣрь въ клѣткѣ, принялся ходить по своей темницѣ.

Тихо выль вѣтеръ на сосѣднемъ съ темницей кладбищѣ, пробираясь въ темные, запущенные уголки черезъ забытыя могилы, разрушавшіеся статуи и покрытые ржавчиной, извѣденные временемъ кресты. Тѣ, которые лежали подъ ними, такъ надѣялись на память друзей, но теперь они забыты, и нѣтъ никого, кто рассказалъ бы исторію ихъ страданій и триумфовъ. Жизнь и смерть оказались одинаковой шуткой. Но мертвые были нѣмы и не могли жаловаться. И только вѣтеръ плакалъ о ихъ судьбѣ, поднимая землю подоломъ своего платья.

Гнѣвъ бушевалъ въ груди Магнуса Штейна. Онъ упрекалъ церковь за то, что она разрушила человѣческое счастье.

И вдругъ ему пришла въ голову жестокая мысль о томъ, что люди имѣютъ такую церковь, какой заслуживаютъ. Это заключеніе представилось ему со всей своей безпощадностью, и, несмотря на все свои усилія, онъ не могъ оторваться отъ него. Оставалось только отвергнуть эту церковь совсѣмъ.

Шпагу и кинжалъ отъ него отняли при задержаніи, но у него оставались еще руки. Онъ еще были достаточно сильны, чтобы разорвать на полоски его одежду и свить изъ нихъ веревку, которая можетъ выдержать его тѣло. И онъ измѣрилъ глазами разстояніе отъ пола до оконной рѣшетки.

Вдругъ онъ вздрогнулъ, словно его коснулась рука какого-нибудь привидѣнія. Онъ сталъ прислушиваться, думая, что это вѣтеръ бушуетъ снаружи. Нѣтъ, онъ явственно слышалъ чьи-то голоса и шаги.

Сначала онъ подумалъ, что это его обманываютъ его чувства: отъ приподнятаго нервнаго состоянія многое слышалось ему уже въ эту ночь. Но звонъ отпиремаго засова и появившаяся затѣмъ на полу полоска свѣта не оставляли никакого сомнѣнія. Дверь отворилась настежь, и на порогѣ появились два человѣка: одинъ чрезвычайно похожій по фигурѣ на кардинала Бранкаччо, другой— монахъ, лица котораго не было видно изъ-подъ плаща.

Неужели кардиналъ привелъ его съ собой для того, чтобы онъ исповѣдывался у него? Или они явились къ нему, чтобы предложить ему сохранить жизнь, если онъ отречется отъ своихъ мнѣній?

Вдругъ смѣлая мысль пришла ему въ голову: вѣдь ихъ только двое, а за ними свободный проходъ. Что если бъ онъ овладѣлъ ими? Онъ могъ бы тогда выйти незамѣтно въ плащѣ монаха.

Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, но, ослабѣвъ отъ лихорадки, долженъ было остановиться и схватиться за стѣну. Можетъ быть, онъ бы и нашелъ въ себѣ достаточно силы, чтобы овладѣть своими движеніями, но вдругъ у него явилось какое-то странное чувство, какъ

будто бы онъ не имѣлъ права вступать съ ними въ борьбу, словно здѣсь было нѣчто такое, что запрещало это.

— Не угодно ли вамъ выйти и идти за нами?—спросилъ кардиналь.—Здѣсь намъ не удобно говорить.

Его голосъ звучалъ какъ будто издали, хотя онъ стоялъ всего въ разстояніи одного шага.

Ошеломленный неожиданностью, Магнусъ двинулся за ними. Кардиналь шелъ впереди, молчаливый монахъ замыкалъ шествіе.

Сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ и поднявшись на лѣстницу, они остановились у какой-то лѣстницы. Однимъ изъ ключей, бывшихъ у него въ рукахъ, кардиналь отперъ дверь и открылъ ее. Передъ ними открылась комната, похожая на тюрьму, такая же пустая и неуютная, но, по крайней мѣрѣ, сухая и теплая. Войдя въ нее, кардиналь поставилъ на полъ свой фонарь и жестомъ пригласилъ Магнуса войти. За нимъ вошелъ и монахъ, притворивъ за собою дверь.

Кардиналь остановился посреди комнаты въ свѣтломъ кругѣ, который отбрасывалъ фонарь. Магнусъ стоялъ передъ нимъ. Монахъ оставался у двери.

— Мы привлекли къ слѣдствію другого секретаря,—началъ кардиналь дѣловымъ тономъ,—и онъ сознался, что это онъ совершилъ кражу, въ которой обвинили васъ. Онъ отвелъ все подозрѣніе на васъ, что было совершенно естественно. Кромѣ того, его дѣйствіями руководило, быть можетъ, личное чувство мести. Онъ утверждаетъ, что къ этому его побудило одно лицо, называть, которое я здѣсь не буду. Но судъ считаетъ, что это клевета,—добавилъ кардиналь съ улыбкой.—Впрочемъ, это не важно. Вѣдь противъ васъ возбуждено еще обвиненіе въ убійствѣ и ереси, которое вы подтвердили сами. Слѣдовательно, по закону мы должны сжечь васъ.

— Поступайте, какъ вы должны,—гордо отвѣчалъ Магнусъ.—Для этого-то я и нахожусь здѣсь.

Онъ снова овладѣлъ собой, и каждый нервъ повиновался теперь его волѣ.

— Что касается меня, то я съ удовольствіемъ исполнилъ бы вашу совѣтъ,—продолжалъ кардиналь холоднымъ, безразличнымъ тономъ.—Но святой отецъ, по неизреченному своему великодушію, противъ того. Есть и другія причины, по которымъ это нежелательно. Сказать по правдѣ, я не считаю ваши мнѣнія столь еретическими, какъ они показались другимъ членамъ суда. Это только протестъ мечтателя противъ дѣйствительнаго міра, въ которомъ онъ не жилъ и котораго онъ не понимаетъ. Это обычный крикъ всехъ реформаторовъ противъ человѣческой природы, слабый и безвредный, пока преслѣдованіе не дастъ ему нѣкоторой силы. Получивъ полномочіе отъ его святѣйшества, я поэтому приговорилъ васъ къ изгнанію изъ этого города и изъ предѣловъ имперіи и требую съ вашей стороны

только формальнаго обѣщанія, что вы сегодня же утромъ уѣдете изъ Констанца, не говоря ни съ кѣмъ и не показываясь въ какомъ-либо публичномъ мѣстѣ, и затѣмъ не возвратитесь въ имперію, пока вы живы. Ибо церковь не можетъ допустить, чтобы актъ ея милосердія былъ истолкованъ, какъ слѣдствіе ея слабости. Капитанъ Маклюръ снабдитъ васъ всею необходимыми для путешествія. О вашей непричастности къ кражѣ будетъ объявлено сегодня же. Вотъ я что хочу предложить вамъ. Если вы не примете этого предложенія, васъ завтра повѣсятъ, какъ вора. Другого выхода нѣтъ. Долженъ еще добавить, что, когда вы перейдете границы имперіи, вы вольны идти, куда вамъ угодно, и дѣлать, что вамъ заблагоразсудится. Если у васъ еще не пропала охота сгорѣть на кострѣ, то случай къ этому, безъ сомнѣнія, еще представится. Вотъ, напримѣръ, въ южныхъ горахъ еще существуютъ шайки потомковъ прежнихъ катаровъ, оставшихся въ живыхъ послѣ истребленія ихъ два вѣка тому назадъ. Во время раскола они набрались храбрости и, какъ намъ сообщаютъ, щуютъ теперь себѣ предводителя. Можетъ быть, это мѣсто придется вамъ по вкусу.

Кардиналь проговорить все это, ни на минуту не поднимая своего спокойнаго, размѣреннаго голоса. Тѣни, падавшія на его лицо отъ фонаря, лежали на немъ попрежнему. Хотя то, что онъ предлагалъ, было неожиданно и странно, но отъ оставался совершенно невозмутимымъ.

— И вы предлагаете мнѣ идти къ нимъ?—спросилъ Магнусъ.

— Да. Ибо ни вы, ни они не передѣлаютъ міръ и не могутъ подорвать могущество церкви. Оно покоится на слишкомъ широкомъ основаніи—на несовершенствѣ рода человѣческаго. А теперь—даете ли вы обѣщаніе, что исполните мои требованія? Вотъ, святой отецъ будетъ свидѣтелемъ.

Магнусъ взглянулъ на монаха, который неподвижно стоялъ на своемъ мѣстѣ, спрятавъ руку въ рукава и закрывъ лицо капюшономъ. Молчаливо и непроницаемо стоялъ онъ, какъ изваяніе.

Видя, что онъ не отвѣчаетъ, кардиналь заговорилъ опять.

— Вамъ нечего бояться, что васъ обманутъ. По-моему, вамъ необходимо принять мое предложеніе, ибо вы не можете разсчитывать что васъ поведутъ по улицамъ съ триумфомъ.

Магнусъ заколебался.

— Хорошо, я согласенъ,—сказалъ онъ.

— Отлично. Святой отецъ, будьте свидѣтелемъ,—торжественно провозгласилъ кардиналь.—А теперь идите за мной.

Онъ взялъ фонарь съ пола и пошелъ рядомъ съ безмолвнымъ монахомъ. Сначала они шли по коридору, прошли черезъ двѣ или три двери, спустились внизъ по лѣстницѣ и остановились наконецъ возлѣ низкой и узкой двери въ стѣнѣ, почти незамѣтной для незнающаго ее человѣка. Кардиналь отперъ эту дверь, и Магнусъ почув-

ствовалъ на своихъ щекахъ холодное дыханіе ночного воздуха. Снявъ съ своихъ плечъ плащъ, кардиналъ накинулъ его на Магнуса.

— Прикройтесь этимъ плащомъ,—произнесъ онъ.—Когда взойдетъ солнце, явитесь къ капитану Маклюру. А теперь идите.

Магнусъ словно во снѣ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Очутившись за дверью, онъ отглянулся назадъ, какъ бы желая убѣдиться, что все это не сонъ. Онъ увидѣлъ, какъ высокая фигура кардинала нагнулась, чтобы поднять фонарь. Онъ теперь былъ безъ плаща, и Магнусъ узналъ его хорошо. Надъ нимъ, нѣсколькими ступеньками выше, стоялъ темный безмолвный монахъ, который, словно тѣнь, слѣдовалъ за ними всюду. Вдругъ онъ повернулся и сталъ подниматься по лѣстницѣ. Взявшись рукой за ручку внутренней двери, онъ собирался уже отворить ее. Въ это время внезапный порывъ вѣтра откинулъ его рукавъ. Свѣтъ отъ фонаря падалъ прямо на него, и Магнусъ увидѣлъ длинные тонкіе пальцы, а изъ-подъ монашескаго одѣянія мелькнула стройная женская нога, обутая въ сандалію.

Ошеломленный этимъ зрѣлищемъ, Магнусъ нѣсколько секундъ стоялъ въ полномъ недоумѣніи. Вдругъ истина, словно молнія, прорѣзала его мозгъ. Какъ сумасшедшій, бросился онъ назадъ. Ему хотѣлось протестовать, взять назадъ свое согласіе, ибо онъ не хотѣлъ купить свою свободу такой цѣной. Тысячу разъ онъ предпочелъ бы быть повѣшеннымъ, какъ воръ..

Но обѣ фигуры на лѣстницѣ уже исчезли. Наружная дверь отъ вѣтра со стукомъ захлопнулась прямо передъ его носомъ. Напрасно онъ въ отчаяніи стучалъ по ней кулакомъ и что-то кричалъ: дверь была массивна, и тѣ, кто находился за ней, не отвѣчали ему. Онъ искровянилъ себѣ руки о заржавѣвшую ручку двери, но все было напрасно. Запоръ крѣпко держался на своемъ мѣстѣ, и стучать въ нее было все равно, что стучать въ домъ, въ которомъ все вымерло. Ни одного звука не было слышно изъ-за этихъ толстыхъ стѣнъ. Цѣна, которой была куплена его свобода, была уплачена, и нельзя было потребовать ее обратно. Но онъ не хотѣлъ мириться съ такимъ положеніемъ. Позоръ его былъ выше всякой мѣры. И онъ снова, обезумѣвъ, бросился на дверь, напрягая въ послѣднемъ отчаянномъ усиліи всѣ свои силы, и упалъ безъ чувствъ.

Довольно долго лежалъ онъ у подножія стѣны. Когда сознаніе вернулось къ нему, все оставалось попрежнему. Передъ нимъ была запертая дверь, суровыя, непроницаемыя стѣны, а за нимъ кладбище и могилы мертвецовъ. Было очень тихо. Только вѣтеръ тихо вздыхалъ надъ его головой и пѣлъ свою грустную пѣсню среди могильныхъ крестовъ.

Теперь только онъ ясно увидѣлъ ея душу...

Съ трудомъ поднявъ свою горѣвшую голову съ мокрой травы и взглянувъ на сѣрое, зловѣщее зданіе, гдѣ рѣшилась его судьба, онъ залился слезами.

Луна была уже высоко. Она была на ущербѣ и бросала слабые лучи, висѣвшіе на крышѣ и башенкахъ, словно шелковое покрывало. Постепенно этотъ свѣтъ спускался все ниже и ниже, задерживаясь на фризахъ и рѣзныхъ фигурахъ святыхъ. Медленно опускался онъ, пока не дотронулся до земли и не засверкалъ тысячами брильянтовъ на росистой травѣ.

Магнусъ вздрогнулъ.

Было уже поздно. Появились предвѣстники зари. Медленно поднималась она съ востока, чтобы смѣнить ночь, медленно, но неустойчиво.

Свѣтъ все усиливался. Башни и шпили уже ярко обрисовывались въ свѣтломъ эфирѣ. Насталъ наконецъ день.

Горячія слезы хлынули по щекамъ Магнуса.

Небо надъ крышами сіяло свѣтлой синевой. Готическія башенки, украшавшія зданіе, разомъ приобрѣли форму и цвѣтъ. Тѣни, словно лишнія одежды, упали на полъ. Нѣкоторое время онѣ подержались еще на могильныхъ крестахъ и вдругъ исчезли безслѣдно.

Сѣрѣя до сихъ поръ стѣны тюрьмы стали розовыми, какъ бы предваряя славу того грядущаго дня, который уже не умреть. По щекамъ Магнуса пронеслось свѣжее дыханіе утренняго вѣтерка, какъ бы предостерегая его, что пора итти. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ оставаться у двери, какъ бы ожидая, что она отворится.

Чу! Въ вышинѣ зазвучали голоса ласточекъ, привѣтствующихъ наступленіе дня. Сильныя своей любовью, онѣ весело идутъ навстрѣчу своимъ радостямъ, опасностямъ, страданіямъ, ибо и ихъ день не свободенъ отъ этого. Но онѣ не боятся этого, и ихъ маленькія сердца наполнены радостью, ибо Отецъ Небесный въ своей справедливости печется и о нихъ.

Взгляни! Вотъ домъ стоитъ какъ бы въ огнѣ. Лучи солнца сползаютъ съ крыши по стѣнамъ, словно расплавленное золото, и въ окнахъ отражается пламя загорѣвшагося востока. Выше и выше поднимались ласточки, воспѣвая славу Господню. И къ нимъ вдали присоединялись другіе голоса, словно эхо музыки сферъ, грядущихъ изъ мірового звѣзднаго пространства. И, проносясь надъ могильными плитами, голоса эти громко возглашали: «Нѣтъ смерти тамъ, гдѣ есть любовь. И любящіе во грѣхахъ не погибнуть. Ибо праведенъ Богъ, и надъ любящими будетъ иной судъ, чѣмъ надъ тѣми, кто не любилъ...»

Тихо скрипнула узкая дверь, черезъ которую ушелъ онъ отъ рабства. Изъ нея вышла женщина, закутанная во все черное. Голова ея была низко опущена. Тяжело шла она, какъ вдругъ рѣзкій звукъ заставилъ ее вздрогнуть и остановиться. Темная мужская фигура перегородила ей дорогу. Онъ бросился передъ ней

на колѣни и стала цѣловать подолъ ея платья, пряча голову въ складкахъ ея одѣянія.

Онъ хотѣлъ говорить, но не могъ. Съ его губъ вырывались какіе-то нечленораздѣльные звуки. Наконецъ рѣчь его стала болѣе внятной.

— Прости, прости!—кричалъ онъ прерывающимся голосомъ.

— Что вы хотите?—хрипло спросила она, стараясь освободиться отъ него.

— Развѣ ты не видишь, что я не могу говорить? Что я не могу поднять голову отъ стыда? О, зачѣмъ ты это сдѣлала!

— Что я сдѣлала?—спросила она тѣмъ же холоднымъ тономъ.— И зачѣмъ вы здѣсь?

Наконецъ онъ сталъ говорить болѣе связно.

— Когда ты открывала внутреннюю дверь, ты протянула руку, и рукавъ откинулся. Я узналъ твою руку, но въ это мгновеніе наружная дверь захлопнулась передо мной. Я въ отчаяніи стучалъ въ нее, но никто не откликнулся мнѣ. О, не хитри со мной!—воскликнулъ онъ, замѣтивъ ся отрицательный жестъ.—Я знаю все. И все это... ради меня... о, Боже мой! И ты опять впала въ грѣхъ, ты, отринувшая грѣхъ!

— Да, я согрѣшила. Но не вы... Я имѣю право быть тѣмъ, чѣмъ хочу.

Пораженный величіемъ и ужасомъ того, что она сдѣлала, онъ продолжалъ стоять передъ ней на колѣняхъ.

— Если вы все знаете,—продолжала она:—то развѣ вы не знаете того, что вы не должны медлить здѣсь?

— Послѣ того, что было, развѣ я могу уйти отсюда, жизнь моя? Скажи, развѣ я могу уйти отъ тебя?

Ея фигура замерла, какъ у человѣка, переживающаго мучительную боль.

— Я думала, что жертва полна,—прошептала она:—но вижу, что ошиблась. Любовь ко мнѣ! Теперь! Вы, который такъ осуждали всякую нечистоту! Вы, который недѣлю тому назадъ объявили мнѣ, что любите другую! Я не знала, что вы принадлежите къ числу тѣхъ, у которыхъ любовь мѣняется черезъ недѣлю...

— Бываютъ въ жизни человѣка дни, которые нужно считать за годы. Бываютъ и такія событія, которыя стираютъ границы пространства и времени.

— Но есть вещи, память о которыхъ сохраняется,—продолжала она съ горечью.—Развѣ вы забыли, что вы сказали мнѣ всего нѣсколько дней тому назадъ? Теперь я стала дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ вы меня назвали.

— Нѣтъ, нѣтъ!—страстно закричалъ онъ и поднялся съ колѣнъ.—Ты согрѣшила, но твой грѣхъ посрамилъ добродѣтель другихъ. Ты рискнула миромъ своей души, чтобы спасти душу

того, кто такъ жестоко оскорбилъ тебя. Пойти на все, чтобы спасти меня!

И онъ страстно бросился къ ея ногамъ и обнялъ ея колѣни.

— Прости меня!—вскричалъ онъ.—Прости!

— Я прощаю васъ, если только такая особа, какъ я, могу прощать. Теперь встаньте и дайте мнѣ пройти.

— Пройти!—вскричалъ онъ, не выпуская ея колѣнъ.—Понимаешь ли ты, что говоришь? Развѣ наши судьбы теперь не соединились?

— Нѣтъ, это невозможно

— Ты не простила меня?

— Я для васъ не товарищъ.

— Можетъ быть, я недостойнъ тебя, хотя всѣ эти годы я безсознательно, но страстно искалъ тебя въ образѣ другихъ, искалъ, какъ въ темную ночь человѣкъ ищетъ зари!..

— Зари! Вы бредите! Довольно. Позвольте мнѣ уйти съ миромъ.

Онъ поднялся съ колѣнъ и загородилъ ей дорогу.

— Послѣ всего того, что было, какъ можемъ мы разстаться?— просто спросилъ онъ.—Моя любовь сильна, хотя и родилась во мракѣ ночи. Съ тѣмъ же успѣхомъ стала бы ты останавливать восходъ солнца: черезъ минуту оно взойдетъ, и лучи его заиграютъ на твоемъ лицѣ. Всю жизнь мою я мечталъ о томъ, чтобы встрѣтить человѣка, который возлюбилъ бы меня, какъ ты возлюбила меня,— тихо и нѣжно продолжалъ онъ.—Мы оба впали въ грѣхъ, но не совершили низости. Въ заблужденіи мы искали истину, во мракѣ свѣтъ. Неужели мы, наконецъ, не увидѣли его? Господь справедливъ, и ты обряцешь новую непорочность, когда разогнанъ будетъ мракъ.

Впервые она вышла изъ своего оцѣпенѣнія.

— Будетъ ли?—съ отчаяніемъ вскричала она.—О, никогда не вернуть мнѣ моей чистоты и непорочности.

Чтобы не упасть, она прислонилась къ стѣнѣ и, схватившись руками за выступавшіе камни, судорожно зарыдала.

— Не прикасайтесь ко мнѣ!—воскликнула она сдавленнымъ голосомъ.—Молчите! Я не раскаиваюсь, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Но я для васъ не товарищъ. Теперь я знаю, что такое стыдъ и понесу его одна!—гордо добавила она, выпрямляясь.—Идите! Неужели я должна просить васъ напрасно?

— Да, дорогая моя. Связь, которая насъ теперь соединяетъ, нельзя разорвать словами. Какъ ты протянула мнѣ руку, чтобы спасти меня отъ отчаянія, такъ и я протягиваю тебѣ руку, когда тѣни прошлаго овладѣваютъ твоей душой. Твой грѣхъ—мой грѣхъ. Не сердись, если я прибѣгну къ силѣ, ибо ты научила меня держать на многое.

Сильнымъ движеніемъ онъ вдругъ обнялъ ее и поцѣловалъ. Она закрыла глаза, какъ будто этотъ поцѣлуй обжегъ ее и со страстью и отчаяніемъ отвѣтила ему тѣмъ же.

Вдругъ она вырвалась изъ его объятій и бросилась на колѣни передъ могилой, которая находилась возлѣ нея. Передъ ними было кладбище, еще покрытое мракомъ. Между блѣдными цвѣтами тихо высились темнѣвшіе кресты. Лучи солнца ударили ей прямо въ лицо, но видъ этихъ молчаливыхъ крестовъ отнималъ у нихъ всю ихъ прелесть. Сзади нихъ поднимался уже день, но непреодолимая сила, казалось, задерживаетъ его передъ этой священной оградой, за которой царствуютъ смерть и темнота. Только черезъ рѣшетчатые ворота на другомъ концѣ кладбища падали скудные золотые лучи, освѣщая стоявшія за оградой деревья въ цвѣту, выдѣлявшіяся на серебряномъ фонѣ озера.

Лэди Изольда съ тоской глядѣла на эти темныя забытыя могилы. Закрывъ лицо руками, она разразилась рыданіями—въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ ее.

— Идите,—промолвила она, рыдая.—Между нами стоитъ прошлое, котораго нельзя стереть.

— И не нужно стирать, дорогая моя! Оно уже побѣждено нами.

И какъ бы желая доказать, что онъ правъ, солнце медленно стало охватывать всю ея фигуру. Отъ нея оно пошло дальше, все болѣе и болѣе захватывая мрачное царство мертвыхъ. Но она не видѣла этого. Ея глаза были полны слезъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—повторяла она и вдругъ, поднявшись во весь свой ростъ, взглянула ему прямо въ глаза.

— Понимаете ли вы, что все во мнѣ будетъ напоминать вамъ, что когда-то я принадлежала ему? Смотрите!

И сильнымъ движеніемъ она откинула капюшонъ. Ея грудь волновалась, волосы отливали на солнцѣ золотистымъ свѣтомъ.

— Смотрите!—безжалостно продолжала она.—Смотрите внимательно. Все, что есть во мнѣ красиваго, все это принадлежало ему! Я сама думала, что прошлое можно вычеркнуть и забыть, но это оказалось невозможнымъ. И вы не можете убить его за это! Это была сдѣлка, постыдная сдѣлка, но сдѣлка! И вы не можете убить его!

Лицо его омрачилось.

— Да, я не могу этого сдѣлать,—мрачно прошепталъ онъ.

— Да, но вы хотѣли бы этого. Даже теперь ваша рука схватилась за поясъ, хотя на немъ и нѣтъ уже кинжала. И всякій разъ вы будете повторять, что хотѣли бы убить его.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ, тряхнувъ головой:—этого не будетъ. То говорить во мнѣ плоть, а не духъ. Мы согрѣшили и вмѣстѣ должны нести грѣхъ свой. Но будетъ и этому коонецъ.

И онъ посмотрѣлъ на освѣщенное мѣсто передъ собой, какъ бы набирая отъ него силы.

— Убийца обрѣтаетъ не миръ, а тоску. Онъ убиваетъ, но не покоряетъ. Пусть онъ остается живъ. Твоя любовь будетъ принадлежать мнѣ, а не ему.

— Хорошо произносить такія слова въ свѣтѣ утра,—тихо замѣтила она, наклонивъ голову.—Но когда наступитъ ночь... Идите!—рѣзко закричала она.—Идите. Я не должна уступать вамъ?

— Ты хочешь оставить меня одного? Безъ тебя ночь будетъ еще темнѣе. Если бъ не было тебя, я умеръ бы въ эту ночь съ проклятіемъ на устахъ.

— Я знала это,—прошептала она, задерживая дыханіе.

— Ты знала это—и хочешь оставить меня одного?

Ему наконецъ удалось тронуть ее.

— А что, если у меня будетъ ребенокъ отъ него?—спросила она, широко раскрывая глаза.—Вы не подумали объ этомъ?

— Это будетъ твой ребенокъ, дорогая моя,—съ безконечной нѣжностью отвѣчалъ онъ.—И мы сдѣлаемъ изъ него настоящаго человѣка.

Она взглянула на него.

— Невозможно, чтобы мужчина мирился съ этимъ...

— А ты развѣ колебалась бы взойти и со мной на костеръ?

Взявъ ее за руки, онъ повелъ ее среди могилъ, залитыхъ теперь веселымъ свѣтомъ солнца.

Преображенные, они стояли среди цвѣтовъ—эмблемы вѣчной жизни.

Какъ вошелъ, такъ и закатился этотъ день во славу. На западѣ небо пылало желтымъ пламенемъ. Только надъ горизонтомъ виднѣлись пушистыя облачка синевато-сѣраго цвѣта, словно обшивка золотого платья.

По дорогѣ, тянувшейся къ золотистому западу, прошелъ дождь. Самая пыль блестѣла вездѣ, куда только хватала глазъ. Вдали солнца поблескивало послѣдними лучами на копьяхъ всадниковъ, вырисовывавшихся темными силуэтами на оранжево-желтомъ горизонтѣ. Скоро въ яркомъ заревѣ заката ихъ уже не было видно. Надъ дорогой стояло густое облако пыли. Сегодня здѣсь проѣхалъ весь папскій дворъ. Задержался лишь пышный поѣздъ кардинала Бранкаччо, ожидавшій, пока подкуютъ его лошадей, потерявшую подкову.

Кардиналъ сошелъ съ лошади и стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ другихъ на небольшомъ, поросшемъ травой возвышеніи. Передъ его глазами разстилалась огромная волнистая равнина. Вправо отъ него катилъ свои быстрыя волны Рейнъ.

Задумчиво смотрѣлъ онъ вдаль, гдѣ уже замиралъ стукъ подковъ. Его лошадь уже подкована, и его свита дожидалась только

его знака, чтобы тронуться дальше. Но онъ оставался на прежнемъ мѣстѣ, и печально было лицо его. Землистое и усталое было это лицо, несмотря на падавшіе на него отблески вечерней зари. Онъ смотрѣлъ на дорогу, гдѣ недавно перегналъ его маленькій отрядъ. Онъ встрѣтился глазами съ его предводителемъ. Женщина, ѣхавшая рядомъ съ нимъ, бросила на него взглядъ холоднаго презрѣнія и отвернулась, какъ отвертываются отъ надоѣдливаго уличнаго нищаго.

— Онъ выигралъ, а я проигралъ,—шепталъ кардиналъ про себя, грустно смотря на дорогу.—Она принадлежитъ ему и никогда уже не будетъ моею. Я владѣлъ только тѣломъ, но не душою этой женщины: воспоминаніе не изъ пріятныхъ. Богачами уходятъ они отсюда, а я остаюсь бѣднякомъ. И не осталось у меня ничего, кромѣ недовольства собою и сознанія своего безсилія.

Кардиналъ вздохнулъ.

— Возрожденіе! Вотъ великое теперь слово! Но увы! Я уже старъ для него.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ имѣлъ усталый видъ и смотрѣлъ старикомъ, хотя лѣтъ ему было еще не много. Печально смотрѣлъ онъ на западъ, гдѣ послѣдніе лучи умирающаго дня серебрили быстрыя воды Рейна.

Завтра настанетъ другой день, и свѣтомъ его насладятся тѣ, кто жаждалъ его.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1914 г. ¹⁾.

А

А. Б. Рецензія его: 1) «Н. Еврешиновъ. Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. Изданіе Ильиничка. Спб. 1913», СХХХІV январь, 289, 290.—2) «В. Жирмундскій. Нѣмецкій романтизмъ и современная мистика. Спб. 1914», СХХХV, январь, 303, 304.—3) Н. П. Модестовъ. Бывшій префектъ гродненской гимназій, іеромонахъ доминиканскаго ордена, Кандидъ Зеленко въ Оренбургѣ. Труды оренбургской ученой архивной комиссіи. Выпускъ XXVII. Оренбургъ. 1913», СХХХV, февраль, 674.—4) «Н. А. Рубакинъ. Среди книгъ. Т. II. Спб. 1913. Книгоиздательство «Наука», СХХХVI, май, 708—710.

А. Б—ъ. Рецензія его: «S. Graham. Changing. Russia. London. 1913. John Lane.—R. Reynolds. My russian London Year. 1913. Mills», СХХХV, январь, 324—326.

А. Б—новъ. Рецензія его: «Е. Балобанова. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Воспоминанія псегитутки. Спб. 1913». Ея же. Изъ монахъ странствій и приключеній. I. Маръ-Ивонна. Съ иллюстраціями. Спб. 1913. II. Пиринен. Разказы дя-

дошки Бертрана. Съ двумя картинами. Спб. 1913». III. Шотландія. Изъ лѣтъ далекихъ. Съ тремя картинами. Спб. 1913», СХХХV, мартъ, 1111.

А. Изм. Рецензія его: «У Троицы въ академіи. 1814—1914 гг. Юбилейный сборникъ историческихъ матеріаловъ. Москва. 1914». СХХХVIII, декабрь, 1000—1002.

А. Л. Рецензія его: «Императорская публичная бібліотека за сто лѣтъ 1814—1914 гг. Спб. 1914».—«Палеографическіе снимки съ нѣкоторыхъ греческихъ, латинскихъ и славянскихъ рукописей императорской публичной бібліотеки. 14 таблицъ въ листъ. Спб. 1914», СХХХVI, май, 697, 698.

А. М—нъ. Рецензія его: 1) «Извѣстія общества изученія Олонечкой губерніи. 1913. № 1. Петрозаводскъ. 1913», СХХХV январь, 306, 307.—2) «Труды саратовской ученой архивной комиссіи. Выпускъ 30-й. 1913. Саратовъ. 1913», СХХХV, февраль, 672, 673.—3) «Эдуардъ Фуксъ. Иллюстрированная исторія правовъ. Томъ второй. Галантный вѣкъ. Переводъ съ нѣмецкаго В. М. Фриче.

¹⁾ Въ «Указатель» не включены личныя имена, упоминаемыя въ историческихъ романахъ беллетристическихъ статьяхъ и приложенияхъ.—Римскія цифры означаютъ томъ, арабскія—страницу.

Книгоиздательство «Современныя проблемы» М. 1913», СХХХV, февраль, 686—688.—4) «Историческая комиссия ученаго отдѣла О. Р. Т. З. Книга для чтенія по древней исторіи. Ч. I. Первобытная культура. Востокъ. Греція. Для III—IV классовъ средне-учебныхъ заведеній. Сборникъ статей съ 92 иллюстраціями въ текстѣ и 21 иллюстраціей на отдѣльныхъ листахъ. Подъ редакціей А. М. Васютинскаго, М. Н. Коваленскаго, В. Н. Перцова и К. В. Сивкова. М. 1913.—Ч. II. Римъ—республика. Съ 77 иллюстраціями въ текстѣ и 8 иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ. Подъ редакціей А. М. Васютинскаго, М. Н. Коваленскаго, В. Н. Перцова и К. В. Сивкова. М. 1913», СХХХVI, июнь, 1134, 1135.—5) «С. К. Эфронъ. (Литвинъ). Язычница. (Борьба іуданска съ язычествомъ). Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Кіевъ. 1913», СХХХVI, июнь, 1139.—6) «Русскій библиофиль, журналъ историко-литературный и библиографическій. Выходитъ восемь разъ въ годъ. Выпуски I—VIII 1913», СХХХVII, августъ, 689, 690.—7) «Библиотека мемуаровъ. Мое время. Записки Г. С. Виискаго. Редакція и вступительная статья П. Е. Щеголева. Издательство «Огни». Спб. 1914», СХХХVII, сентябрь, 1018, 1019.—8) «Историческая библиотека». Памятники русской литературы». А. П. Афанасьевъ. Народныя русскія легенды. Подъ редакціей П. П. Кочергина, съ приложеніемъ портрета и воспоминаній А. П. Афанасьева и двухъ статей А. Н. Шыпина. Издательство «Молодая Сила». Казань. 1914», СХХХVII, октябрь, 280, 281.—9) «Профессоръ И. А. Лининченко. Рѣчи и поминки. Сборникъ статей по исторіи русской литературы и біографическихъ воспоминаній. Одесса. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 644, 645.

А. С. Б. Рецензіи его: 1) «Полоцковитѣбская старина. Изданіе витебской ученой архивной комисіи. Выпускъ II Витебскъ. 1913», СХХХVI, июнь, 1132.—2) «О. Титговъ. Русскій царствующій домъ Романовыхъ въ его отношеніяхъ къ Кіево-Печерской лаврѣ. 1611—1911 гг. Съ приложеніями. Кіевъ. 1914», СХХХVII, сентябрь, 1013.

Абаза, адмиралъ, СХХХVII, августъ, 619, 623, сентябрь, 962, 963.

Абаза, А. А., финансистъ (по поводу Сибирской жел. дор.), СХХХV, январь, 184, 185.

Абдуль-Азизъ, турецкій султанъ, въ «Запискахъ» гр. Н. П. Игнатьева и въ примѣчаніяхъ къ нимъ, СХХХV,

январь, 72, 75, февраль, 454, 455, мартъ, 806—809, 812, 813, 816, 818, 833, 834; СХХХVI, апрѣль, 53—56.

Абдуль-Гамидъ, турецкій султанъ, въ замѣткѣ «Абдуль-Гамидъ и его дворець», СХХХV, январь, 359—361; СХХХVI, май, 439, 444; СХХХVII, июль, 56; СХХХVIII, ноябрь, 432, 433 (селямикъ); декабрь, 830, 836, 837, 878—887.

Абдуль-Керимъ-паша, турецкій полководецъ, СХХХVI, апрѣль, 56.

Абрамовъ, И. С. Рецензія о книгѣ его: «Подъ роднымъ солнцемъ. Экскурсіи по Россіи. Спб. 1914», СХХХV, январь, 349.

Абрикосовъ, А. А., СХХХVI, апрѣль, 136, 137.

Абрикосовъ, Н. А., СХХХVI, апрѣль, 136.

Авеланъ, адмиралъ, СХХХVII, июль, 258.

Авенариусъ, В. П. Его разсказъ: 1) «Завѣтное словечко. (Московская быль). СХХХVII, августъ, 429—448.—2) Рецензія Д. М. о книгѣ его: «На Парижъ! Дневникъ юноши, участника кампаніи 1813—1814 гг. Съ 12 картинками художника Н. Н. Болдырева. Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова. Спб. 1914», СХХХVI, май, 712.— Рецензіи о книгахъ его: 1) «Историческая хрестоматія. Сборникъ историческихъ разсказовъ русскихъ писателей. Рисунки В. В. Спасскаго. Изданіе А. Д. Ступина. Москва. 1915», СХХХVIII, декабрь, 1018.—2) «Александръ Васильевичъ Суворовъ. По повѣсти П. Р. Фурманъ. М. 1915. Рис. Спасскаго», декабрь, 1019.

Авсѣенко, В. Г., писатель, въ статьѣ А. П. Фаресова «Отживающіе идеалы и типы. (Памяти В. Г. Авсѣенка)», СХХХVII, июль, 145—169.

Агинъ, А. А., художникъ, въ рецензированной Г. книгѣ «К. Кузьминскій. Художникъ-иллюстраторъ А. А. Агинъ. Его жизнь и творчество. Москва. 1913», СХХХV, февраль, 685.

Адлербергъ, В. Ф., графъ, министръ двора, СХХХVII, декабрь, 869—872.

Адрианъ, патріархъ, въ рецензированной Н. Г. Высоцкимъ книгѣ Г. А. Скворцова: «Патріархъ Адрианъ. Его жизнь и труды въ связи съ состояніемъ русской церкви въ послѣднее десятилѣтіе XVII вѣка. Казань. 1913», СХХVII, июль, 321—323.

Азаревичъ, П. Д., земскій статистикъ. Некрологъ его: СХХХVI, май, 760, 761.

Айвазовскій, И. К., художникъ, СХХХVIII, ноябрь, 437—439.

- Айхенвальдъ.** Рецензія В. Данилова о книгѣ его: «Споръ о Бѣлинскомъ. Отвѣтъ критикамъ. Москва. 1914», СХХХVIII, декабрь, 1011, 1012.
- Анаимовъ, Н. Ѳ.** Его статья: «Городъ св. Николая», СХХХVIII, октябрь, 235—260.
- Анимовъ, Михаилъ Григорьевичъ,** предѣдатель государственнаго совѣта, статсъ-секретарь. Некрологъ его: СХХХVII, сентябрь, 1065, 1066.
- Аксакова, В. С.,** дочь писателя (ея дневникъ), СХХХVII, августъ, 548—551.
- Аксаковъ, П. С.,** писатель-славянофилъ, СХХХVI, июнь, 1143.
- Аксаковъ, С. Т.,** писатель, СХХХVII, сентябрь, 920—924, 931; СХХХVIII, октябрь, 224, 225.
- Аксеновъ, Семенъ,** авторъ устава «застрѣльщичьяго строя», СХХХVIII, декабрь, 768.
- Александра Павловна,** великая княжна, СХХХV, январь, 293.
- Александра Петровна,** великая княгиня, въ иночествѣ Анастасія, въ статьѣ Б. А. Браккера «Въ тихой обители», СХХХV, январь, 234—249.
- Александра Ѳеодоровна,** императрица супруга Николая I, СХХХVI, июнь, 910, 913, 914, 1108, 1181, 1119; СХХХVIII, декабрь, 857, 860, 861.
- Александра Ѳеодоровна,** императрица (предѣдательство ея величества въ заведеніи верховнаго совѣта по призрѣнію семей лицъ, призванныхъ на войну), СХХХVIII, ноябрь, 694, 695.
- Александровъ, А.** (переписка съ нимъ писателя К. Н. Леонтьева), СХХХVI, июнь, 1146, 1147.
- Александръ, сербскій королевичъ,** СХХХVII, сентябрь, 1060.
- Александръ Михайловичъ, великій князь,** СХХХVII, сентябрь, 1062, 1063; СХХХVIII, ноябрь, 556.
- Александръ I Павловичъ, императоръ:** 1) Въ статьѣ великаго князя Николая Михайловича: «Нѣкоторые новые материалы къ вопросу о концинѣ императора Александра I», СХХХV, мартъ, 866—885.—2) Въ статьѣ Е. С. Шумигорскаго: «Изъ записной книжки историка. (Двѣ легенды объ императорѣ Александрѣ I)», СХХХVI, апрѣль, 283—291; май, 677—689.—Въ статьѣ князя В. В. Барятинскаго: «Еще о царственомъ мистикѣ», СХХХVI, май, 578—584.—4) Въ статьѣ великаго князя Николая Михайловича: «Нѣкоторыя соображенія по поводу письма отъ 31-го декабря 1825 г. изъ Таганрога княгини Софьи Григорьевны Волконской императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ», СХХХVI, май, 667—676.—5) Въ статьѣ В. Г. «По поводу легенды, объ императорѣ Александрѣ I», СХХХVII, сентябрь, 858—870.—6) Въ статьѣ великаго князя Николая Михайловича «По тому же вопросу (Отвѣтъ г. В. Г.)», СХХХVII, сентябрь, 871—872. О немъ: 1) въ рецензированной В. А. Алексѣевымъ книгѣ: «Великій князь Николай Михайловичъ. Донесенія австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ Лебелътерна за 1816—1826 годы. Спб. 1913», СХХХV, январь, 283, 284.—2) въ рецензированной П. Майковымъ книгѣ: «Бесѣды и частная переписка между императоромъ Александромъ I и княземъ Адамомъ Чарторижскимъ, опубликованная княземъ Ладиславомъ Чарторижскимъ. 1801—1823. Переводъ съ французскаго С. Явленской. Книгоиздательство «Сфинксъ». Москва. 1913. Съ двумя портретами князя Адама Чарторижскаго, СХХХV, январь, 291, 292.—3) Въ рецензированной Маріею К.—вой книгѣ: «Мемуары князя Адама Чарторижскаго и его переписка съ императоромъ Александромъ I. Редакція и вступительная статья А. Кизеветтера. Переводъ съ французскаго А. Дмитриевой. Книгоиздательство К. Некрасова. Москва. 1912—1913 гг. Т. I.», СХХХV, мартъ, 1091—1095.—4) въ рецензированной П. Майковымъ книгѣ: «Un Tsar ideologue. Alexandre I (1777—1825). Ouvrage orné de 8 gravures. Par Pierre Rain. Paris. 1913. Librairie academique Perrin et Co. Царь идеологъ. Александръ I (1777—1825). Сочиненіе Петра Рэнъ. Парижъ. 1913. Въ книжкѣ торговлѣ Перренъ и Комп. Съ 8 гравюрами», СХХХVI, май, 698—700.—Въ замѣткѣ Д. А. Тарасова: «По поводу записокъ лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова», СХХХVII, декабрь, 1055, 1056. Упоминается: СХХХV, январь, 225, 226 (открытіе публичной библиотеки), февраль, 705—706 (по поводу легенды о Ѳеодорѣ Кузьмичѣ), 709 (характеристика его), 710, 711 (бунтъ въ Семеновскомъ полку); мартъ, 1077—1085 (взятіе Парижа); СХХХVI, май, 677—689; СХХХVII, июль, 118; августъ, 680, 681; въ замѣткѣ о вѣнскомъ конгрессѣ, августъ, 703, въ замѣткѣ «Возвращеніе m-me де-Сталь во Францію», августъ, 708; въ замѣткѣ «Секретный дневникъ Луизы Мартэнъ», августъ, 722; сентябрь, 1003, 1042; октябрь, 263, ноябрь, 619.
- Александръ II Николаевичъ, императоръ:** 1) Въ статьѣ А. П. Вологовской: «Изъ воспоминаній о дѣтствѣ императора Александра III», СХХХV, январь,

97—99, 102.—2) Въ рецензированной В. Жерне книгѣ: «Императорская главная квартира. Исторія государственной свиты. Царствование императора Александра II. Главный редакторъ генераль-отъ-кавалеріи Д. А. Скалонъ. Редакторъ и составитель полковникъ В. К. Шенкъ. Помощникъ редактора Н. Н. Мерлинъ. Спб. 1914. Приложенія. Спб. 1914», СХХХVI, май, 690—693.—3) Въ рецензированной С. фонъ-Штейномъ книгѣ А. О. Кони: «Отцы и дѣти судебной реформы (къ пятидесятилѣтію судебныхъ уставовъ). 1864—20-го ноября—1914. Москва. 1914. Изданіе товарищества И. Д. Сытина, СХХХVIII, декабрь, 1003—1005.— Упоминается: СХХХV, январь, 137—144 (въ театрѣ); 287 (пожертвованіе музею); февраль (о 1-мъ мартѣ 1881 г. въ Сибири), 706, 707, 747 (юбилей земства); мартъ, 805—819; (посвященіе гатчинскаго института), 925, 928, 929; СХХХVI, апрѣль, 77; май 446—448, июнь, 1120, 1126 (его молодость); 1129; СХХХVII, 1129; июль, 296, 302; сентябрь, (въ запискахъ Ю. А. Горбуновой), 1025; 1032, 1033; СХХХVIII, ноябрь, 553, (самоосужденіе за парижскій миръ), 629; декабрь, 865—874.

Александръ III Александровичъ, императоръ: 1) Въ статьѣ А. П. Бологовской «Изъ воспоминаній о дѣтствѣ императора Александра III», СХХХV, январь, 96—102.—2) Въ статьѣ герцога Г. Н. Лейхтенбергскаго «У гроба царя. (Страница изъ моихъ воспоминаній)», СХХХVI, апрѣль, 98—101.—3) Въ замѣткѣ «Воспоминаніе о заключеніи франко-русскаго союза», СХХХVII, сентябрь, 1035—1038. 4)—Упоминается: (по поводу Сибирской жел. дор.), СХХХV, январь, 182, 183; (по поводу 50-лѣтія земства), февраль, 747; СХХХVI, апрѣль, 329; май, 440; июнь, (сооруженіе храма), 1094; СХХХVII, августъ, 580; СХХХVIII, ноябрь (реформы въ Прибалтійскомъ краѣ), 590; (капиталь его имени въ академіи художествъ), декабрь, 1041.

Алексій (Алексѣй Васильевичъ Молчановъ), экзархъ Грузіи. Некрологъ его: СХХХVII, июнь, 362, 363.

Алексѣвъ, адмиралъ, въ статьѣ Б. Б. Глинскаго «Прологъ русско-японской войны». СХХХVI, апрѣль, 226, 227, 230, 232, 242; май, 600, 611; СХХХVII, июль, 257, 258; сентябрь, 960, 965, 966, 969, 975; СХХХVIII, ноябрь, 566, 585, декабрь, 947.

Алексѣвъ, В. А. Его статья: «А. П. Майковъ. (Изъ дневника)», СХХХV, февраль, 522—529. Его некрологъ: Н. А.

Поletaева, СХХХVIII, декабрь, 1051—1053.—Рецензіи его: 1) «Великій князь Николай Михайловичъ. Донесенія австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ Леббельтерна за 1816—1826 годы. Спб. 1913», СХХХV, январь, 283—284. — 2) «Александръ Ермоловъ.—Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. 1777—1861 гг. Біографическій очеркъ Спб.», СХХХV, мартъ 1086—1090. Замѣтка А. Ермолова по поводу этой рецензіи, СХХХVI, апрѣль, 369, 370.—3) «П. П. Симанскій. Суворовскій отдѣлъ бібліотеки П. П. Симанскаго. Спб. 1913», СХХХVII, июль, 334, 335. — Рецензіи о книгѣ его: 1) «Н. Овидій Пазонъ. Наука любить. Изданіе 2-е, исправл. и дополн. Т-ва А. С. Суворина—«Новое.Время». Спб. 1914», СХХХVIII, декабрь, 1017—1018.—2) о переведенной имъ трагедіи Софокла: «Эдипъ-царь. Изд. 3-е, т-ва А. С. Суворина—«Новое.Время». «Демеева бібліотека». Спб. 1914», СХХХVII, июль, 338.

Алексѣвъ, Г. Е., журналистъ. Некрологъ его: СХХХV, февраль, 755, 756.

Алексѣвъ, Г. П., оберъ-гофмейстеръ, археологъ. Некрологъ его: СХХХVI, май, 761.

Алексѣвъ, К. А., финансовый совѣтникъ корейскаго правительства, СХХХV, февраль, 637—641.

Алексѣй Александровичъ, великій князь, генераль-адмиралъ, СХХХV, февраль, 627; СХХХVIII, ноябрь, 437, 439, 440.

Алексѣй Михайловичъ, царь, (основаніе Симбирска), СХХХV, мартъ, 1152.

Алексѣй Петровичъ, царевичъ, въ статьѣ Т. А. Мартенянова «Комедія о царѣ Макенмилиангѣ», СХХХVI, май, 538—553.

Аллегри, художникъ-декораторъ, (постановка пьесы «Власть тьмы»), СХХХVII, сентябрь, 882.

Алленъ, Франкъ, американскій астрологъ (гороскопъ Вильгельма II), СХХХVIII, декабрь, 899.

Алимъ-кулъ, мулла, правитель кокандскаго ханства, СХХХVII, сентябрь, 942.

Алихановъ, (Али-ханъ-аварскій), ротмистръ (позже генералъ), въ статьѣ Н. В. Чарыкова «Мирное завоеваніе Мерва», СХХХVII, ноябрь, 488, 489, 493, 495—497, 515.

Альбертъ, М. О., директоръ невскаго судостроительнаго завода, лѣсной концессионеръ, СХХХVII, июль, 245.

Амалия, герцогиня саксенъ-веймарская, СХХХVII, сентябрь, 1042, 1043, 1044.

Амилахвари, И. Г., бакинскій гене-

раль-губернаторъ, СХХХV, февраль, 545, 554—556, 562, 564—566, 570, 571.

Андерсенъ, датскій писатель, въ замѣткѣ «Изъ биографіи Андерсена», СХХХХVI, май, 739—743.

Андрaши, Юлій, гр., австрійскій дипломатъ, въ «Запискахъ графа Н. П. Игнатьева и примѣчаніяхъ къ нимъ», СХХХV, февраль, 442—453, 458, 459; мартъ, 810, 814, 815, 821, 824—826, 833, 834; апрѣль: СХХХХVI, 50—53, 73, май, 434, 436, 461, 464, 465; июнь, 829—831, 852; СХХХХVII, июль, 54.

Андрей (Рублевъ), иконописецъ, СХХХХVII, июнь, 313.

Андріашевъ, А. М. Рецензія Rustic'a о его трудѣ: «Матеріалы по исторической географіи новгородской земли.—Шелонская пятина по писцовымъ книгамъ 1496—1576 гг. I. Списки селеній.—II. Карты погостовъ.—Альбомъ изъ 12 картъ—отдѣльное приложение къ книгѣ,—напечатанномъ въ «Чтеніяхъ въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1914 г. Книга 3-я. Двѣсти пятидесятая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. Москва. Синодальная типографія. 1914», СХХХХVIII, ноябрь 637—639.

Анжу, В. Его разсказъ изъ морской жизни: «Повеселились», СХХХХVI, май, 514—530.

Анненкова, Ольга Николаевна, пѣвица, потомъ монахиня (случай съ Рубинштейномъ), СХХХV, мартъ, 858.

Анненковъ, Н. В., писатель, СХХХХVII, сентябрь, 1029.

Антоній (Вадковскій), митрополитъ петербургскій (о его постриженіи), СХХХV, январь, 344, 345.

Антоній (Храповицкій), архимандритъ, бывшій архіепископъ, СХХХХVI, апрѣль, 134, 144.

Антошевскій, И. К., сотрудникъ императорскаго петербургскаго археологическаго института. Рецензія М. С. о составленной имъ книгѣ: «Державный орденъ Иоанна Иерусалимскаго, именуемый мальтійскимъ въ Россіи, составленной на основаніи официальныхъ и архивныхъ актовъ и документовъ». Спб. 1914», СХХХХVII, сентябрь, 1018.

Анучинъ, Д. Н. (присужденіе ему медали за научную дѣятельность по географіи), СХХХV, мартъ, 1153.

Анфиловъ, В. Его статья: «Маловѣдомая красота (Алтайскія замѣтки)», СХХХХVI, май, 657—666.

Анцеръ, католическій епископъ въ Китаѣ, СХХХV, мартъ, 1053.

Аппоньи, австро-венгерскій дипломатъ въ замѣткахъ: «1) «Столица и дворъ въ царствованіе Луи-Филиппа», СХХХХVI, июль, 1157—1161.—2) «Изъ дневника графа Анцоны», СХХХХVII, июль, 349—352.

Апрансинъ, графъ, адмиралъ, въ статьѣ А. П. Лебедева «200-лѣтіе Гаугутской побѣды», СХХХХVII, июль, 172—179.

Аранчевъ, А. А., графъ, СХХХV, мартъ, 1801, 1082; СХХХХVI, апрѣль, 283, 284, 288.

Арбузовъ, Н. К. Его статья: «Изъ воспоминаній о Царьградѣ. Евгеній Петровичъ Новиковъ—нашъ посолъ въ Константинополь. (1880—1882 гг.)», СХХХХVII декабрь, 801—837.

Арпьевъ, Н. О. Рецензія о книгѣ его: «Островъ Борнъ и его шведское населеніе. Спб. 1914», СХХХХVII, июль, 337.

Арсеній (Александръ Дмитріевичъ Брянцевъ), архіепископъ харьковскій и ахтырскій, духовный писатель. Некрологъ его: СХХХХVI, июль, 1176, 1177.

Арсеньевъ, В. С., тульскій археологъ, СХХХV, январь, 374; СХХХХVI, май, 759.

Арсеньевъ, С. Его статья: «Но Швеція и Норвегія. (Примѣрный маршрутъ)», СХХХХVII, июль, 272—295.

Артемъ, (Артемьевъ), А. Р., актеръ. Некрологъ его: СХХХХVII, июль, 363.

Артуровъ, Г. Рецензія Д. М. о книгѣ его: «На живѣи смерти. Портъ-артурскіе разсказы. Москва. 1913», СХХХV, февраль, 697, 698.

Архангельскій, А. С., заслуженный профессоръ. Рецензія Кн. о книгѣ его: «Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Литература московскаго государства (конца XV—XVII вѣковъ). Казань. 1913», СХХХV, январь, 296, 297.

д'Ассіе, Адольфъ, (его воспоминаніе о творцѣ позитивизма Огюстѣ Контѣ), СХХХХVII, июль, 342—344.

Ассимъ-паша, турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, СХХХХVIII, декабрь, 828—830, 832.

Аубла-Ахметъ, убухскій князь, пиратъ, СХХХХVIII, декабрь, 771.

Ахавъ, царь израильскій, СХХХХVI, июнь, 1139.

Аоанасьевъ, А. Н. Рецензія А. М.—на о книгѣ: «Историческая бібліотека. «Памятники русской литературы». А. Н. Аоанасьевъ. Народныя русскія легенды. Подъ редакц. Н. П. Коцержина, съ приложеніемъ портрета и воспоминаній А. Н. Аоанасьева и двухъ статей А. Н. Пыпина. Издательство «Молодая Сила». Казань, 1914», СХХХХVIII, октябрь, 280

281.

Б

Б. Рецензія его: «Евг. Кагаровъ. Культъ фетишей, растений и животныхъ въ древней Греціи. Спб. 1913», СХХХV, январь, 300, 301.

Б—я. Рецензія Б—я о книгѣ Льва Бертенсона: «Радиоактивность въ лечебныхъ водахъ и грязяхъ. Спб. Изд. К. Л. Риккера», СХХХVІІІ, ноябрь, 649.

Б. Г. Его статьи: 1) «А. И. Соколова. (Некрологъ)», СХХХV, мартъ, 954—959.—2) «О. К. Нотовичъ. (Некрологъ)», СХХХVІ, апрѣль, 216—221.—3) «Памяти А. П. Барсукова», СХХХVІ июнь, 1009—1018.—4) «Князь В. П. Мещерскій. (Некрологъ)», СХХХVІІ, августъ, 583—597.

Б. Г—въ. Рецензія его: «Груды состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ ея императорскаго высочества великой княгини Милицы Николаевны общества русскихъ ориенталистовъ. № 1. С. Д. Эльмановичъ. Законы Ману. Переводъ съ санскритскаго. Спб. 1913», СХХХV, февраль, 700—702.

Бабичевъ, Ф. А., астрономъ. Некрологъ его: СХХХVІІ, сентябрь, 1066.

Бабкинъ, Даниилъ, камеръ-фурьеръ, въ замѣткѣ великаго князя Николая Михайловича «Письмо камеръ-фурьера Бабкина къ сыну, писанное 23 ноября 1825 года изъ Таганрога», СХХХVІ, апрѣль, 280—282; май, 580, 581, 680; СХХХVІІ, сентябрь, 861.

Багалъй, Д. Н., заслуженный профессоръ. Рецензія М. о книгѣ его: «Русская исторія. Съ картами, планами и снимками древности и искусства. Томъ первый. Москва. 1914», СХХХVІІІ, декабрь, 1005—1006.

Багратионъ, княгиня, въ замѣткѣ: «Кое-что о вѣнскомъ конгрессѣ», СХХХVІІ, августъ, 703, 704.

Байронъ, англійскій поэтъ, (о т-ше де-Сталь), СХХХVІІ, августъ, 708; сентябрь, 990—999 (въ статьѣ П. М. Устиновича: «Прогулка въ Ньюстэдъ Аббей»).

Бакунины, сестры (ихъ письма), СХХХVІІ, августъ, 545.

Бакъ, Морисъ. По поводу его воспоминаній о Вильгельмѣ I, СХХХVІІІ, октябрь, 307—312.

Балабановъ, Марко, болгарскій делегатъ, СХХХVІ, май, 431, 432.

Балбанова, Е. Рецензія А. Б—нова о книгахъ ея: 1) «Пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Воспоминанія институтки. Спб., 1913».—2) «Изъ моихъ странствованій и приключеній. I. Маръ-Ивонна. Съ иллюстраціями. Спб. 1913. II. Пиринеи. Разказы дядюшки Бертрапа. Съ двумя

картинами. Спб. 1913. III. Шотландія. Изъ лѣтъ далекихъ. Съ тремя картинами. Спб., 1913», СХХХV, мартъ, 1111.

Balkanicus. Рецензія В. Мар—скаго о книгѣ его: «Сербы и болгары въ балканской войнѣ. Спб. 1913», СХХХV, январь, 311, 312.

Балашевъ, П. Н., егеймейстеръ, въ статьѣ Б. В. Глинскаго «Прологъ русско-японской войны», СХХХVІІ, июль, 262, 264, 265, 268, августъ, 598—600; СХХХVІІІ, октябрь, 229—231, 234, ноябрь, 584.

Балицій, Л. А., предсѣдатель студентовъ-академистовъ, СХХХVІ, май, 533.

Бальзанъ, французскій писатель, СХХХVІ, май, 743; июнь, 1159; въ замѣткѣ; «Изъ биографіи Бальзака», СХХХVІІ, августъ, 710—712.

Барановъ, купецъ, главный правитель российской американской компаніи, СХХХVІІ, сентябрь, 964.

Бардовскій, А. Ф., инспекторъ классовъ патристическаго института. Рецензія Н. Г. Р. о составленной имъ книгѣ: «Патристическій институтъ. Историческій очеркъ за сто лѣтъ. 1813—1913. Спб. 1914», СХХХVІІ, сентябрь, 1013—1015.

Барнавъ, членъ конституціоннаго собранія, въ замѣткѣ «Марія-Автаунетта, Барнавъ и Ферзенъ», СХХХV, мартъ, 1131—1134.

Барреть, Морисъ, членъ французской академіи (о Деруледѣ), СХХХV, мартъ, 1144.

Барсковъ, Я. Л. Рецензія А. Фаресова о книгѣ его: «Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній. Спб., 1914», СХХХVІІІ, декабрь, 1014—1016.

Барсовъ, Е., по поводу его воспоминаній о проф. В. О. Ключевскомъ), СХХХVІІІ, ноябрь, 659—660.

Барсовъ, П., инспекторъ петербургской гимназіи. Рецензія о составленной Н. Санчурекимъ при участіи его, А. Гофмана, М. Янко, П. Діомидова, I. Сѣдлатаго, Э. Кесслера и В. Марданова книгѣ: «Краткій очеркъ римскихъ древностей. Для гимназій, прогимназій и самообученія. 5-ое изданіе, исправленное и дополненное. Спб., 1914», СХХХV, мартъ, 1123.

Барсуковъ, А. П., писатель-историкъ, въ статьѣ Б. Г.: «Памяти А. П. Барсукова», СХХХVІ, июнь, 1009—1018.

Бартенева, Е. Г., урожд. Броневская, писательница и переводчица. Некрологъ ея: СХХХVІІІ, октябрь, 339, 340.

Барятинскій, В. В., князь. Его статья: «Еще о «царственномъ мистикѣ»,

СХХХVI, май, 578—584.—Упомин. май, 677—688; СХХХVII, сентябрь, 859.

Бахиревъ, Алек. Его: «Славянской гимнь». (Посвящается братьямъ-славянамъ), СХХХVII, сентябрь, I—II.

Башмаковъ, А. А. Его примѣчанія къ запискамъ графа Н. П. Игнатьева, СХХХV, январь, 49—75, февраль, 441—462, мартъ, 805—836; СХХХVI, апрѣль, 50—86, май, 430—468, июнь, 825—863; СХХХVII, июль, 54—93.

Башмаковъ, Александръ. Рецензія В. Марскаго о книгѣ его: «Черезъ Черногорію въ страну дикихъ Геговъ». Спб., 1913», СХХХV, январь, 312, 313.

Беггровъ, А. К., художникъ-маринистъ. Некрологъ его: СХХХVI, май, 761, 762 (пожертвование академіи художествъ), СХХХVIII, декабрь, 1042.

Безобразовъ, А. М., статсъ-секретарь, въ статьѣ В. Б. Галицкаго: «Прологъ русско-японской войны», СХХХVII, июль, 245, 248, 251—266, августъ, 599, 600, 603, 608, 626, 627, 634, сентябрь, 966, 971, 974, 983—986; СХХХVIII, октябрь, 228—230, ноябрь, 572—574, 580, 584, 585, декабрь, 944, 945, 946, 947.

Безпатовъ, Евгений. Рецензія Г. Полидова о книгѣ его: «Свѣтъ Тихій. Пьеса въ пяти актахъ. Москва, 1913», СХХХV, январь, 310.

Ванъ-Бейнингонъ, повковникъ (предсказаніе рокового года), СХХХVIII, ноябрь, 530.

де-Беле, авторъ рукописи о французской революціи, СХХХVII, сентябрь, 1050.

де-Беле, Антуанъ-Жозефъ, въ замѣткѣ «Одинъ изъ героевъ жакеріи», СХХХVII, сентябрь, 1050—1052.

Беллярминовъ, Л. Г., профессоръ-окулистъ (его юбилей), СХХХV, январь, 371.

Бемъ, Е. М., художница. Некрологъ ея: СХХХVII, сентябрь, 1066.

Бербенко, К. Д., болгарскій корреспондентъ «Новаго Времени». Некрологъ его: СХХХV, мартъ, 1159, 1160.

Бердяевъ, С. А., журналистъ. Некрологъ его: СХХХVIII, декабрь, 1048.

Берзекъ, убыскій князь-рыцарь, эмигрантъ, СХХХVIII, декабрь, 771; (отвѣтъ его сына революціонерамъ), 772.

Бернулли, Яковъ, ученый (чествованіе его трудовъ въ академіи наукъ), СХХХV, январь, 366.

Бертенсонъ, В. Б. Его статья: «За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній)», СХХХVIII, октябрь, 53—86, ноябрь, 425—444.—Рецензія А. Малейна о книгѣ его: «За тридцать лѣтъ. (Листки

изъ воспоминаній). Спб., 1914», СХХХV, мартъ, 1109, 1110.

Бертенсонъ, Левъ. Рецензія Б-я о книгѣ его: «Радиоактивность въ лечебныхъ водахъ и грязяхъ. Спб. Изд. К. Л. Риккера», СХХХVIII, ноябрь, 649.

Бертрамъ, Поль. Рецензія о переведенномъ А. Б. Михайловымъ историческомъ романѣ его: «Тѣнь власти. Спб. 1914. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время», СХХХVI, июнь, 1149.

Его историческій романъ въ переводѣ А. Б. Михайлова: «Пятая труба», СХХХVII, июль, 1—22, августъ, 23—54, сентябрь, 55—86; СХХХVIII, октябрь, 87—118, ноябрь, 119—150, декабрь, 151—190.

Бестужевъ-Марлинскій, А. А., писатель СХХХV, мартъ, 1096.

Бехтеревъ, В. М., академикъ, СХХХVII, сентябрь, 1055—1057, 1062.

Бецкій, П. И., филантропъ, СХХХVI, июль, 988, 990, 1000, 1001; СХСХХVII, ноябрь, 685, 686.

Бибиковъ, А. А., общественный дѣятель. Некрологъ его: СХХХVI, май, 762, 763.

Бибиковъ, Д. Г., министръ, СХХХVII, июнь, 911—913.

Бигіевъ, Муса, татарскій ученый, въ статьѣ Н. Р. Фодотова: «Мусульманскій Лютеръ», СХХХVII, августъ, 527—535.

Биконсфильдъ (Дизраэли), лордъ, англійскій министръ, СХХХVI, май, 447, 448, 461.

Биронъ-Нурляндская, княгиня, въ замѣткѣ «Берлинскій дворъ», СХХХVI, апрѣль, 349, 350.

Бирюковъ, Я. Рецензіи его: 2) «Овидій. Баллады-посланія. Переводъ со вступительными статьями и комментариемъ Ѳ. Зѣлинскаго. (Памятники мировой литературы). Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. Москва. 1913», СХХХV, январь, 323, 324.—2) «Поль Гиро. Историческія чтенія. Частная и общественная жизнь римлянъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей С. П. Моранскаго. Изданіе 2-е, исправленное, съ 107 рисунками въ текстѣ. Москва. 1913», СХХХV, мартъ, 1104—1105.—3) «Салическая правда. Русскій переводъ Lex salica. Н. П. Граціанскаго и А. Г. Муравьева. Съ введеніемъ Н. П. Граціанскаго. Казань, 1913», СХХХVI, апрѣль, 307.—4) Влахопуловъ, Б. А. Экономическая хрестоматія. Т. I. Античный міръ. Подъ редакціей и со вступительной статьѣй Е. Д. Сташевскаго, приватъ-доцента университета св. Владимира и кіевского коммерческаго института. Кіевъ, 1913», СХХХVI, май,

- 707.—5) «Дмитрієвъ, П. Національная школа. Спб. 1913», СХХХVІІІ, октябрь, 281, 282.
- Бисмаркъ**, Отто, германскій канцлеръ, СХХХV, февраль, 445, 452; въ замѣткѣ: «Воспоминанія о заключеніи франко-русскаго союза», СХХХVІІ, сентябрь, 1032, 1035; октябрь (о войнѣ съ Россіей), 289, (миѣніе о Россіи), 290, 291, (къ его характеристикѣ), 310, 311.
- Благосвѣтловъ**, Г. Е., журналистъ, редакторъ «Русскаго Слова», СХХХVІ, май 490—494, 509, 510, 513, июль, 888—896, 900—903.
- Блака**, графъ, приближенный Людовика XVIII, СХХХVІ, май, 745.
- Бларамбергъ**, И. П., археологъ, СХХХVІІІ, ноябрь, 547, 548.
- Боборыкинъ**, П. Д., писатель, СХХХVІІ августъ, 509.
- Богаризъ**, Стефанія, въ замѣткѣ «Стефанія Богаризъ, великая герцогиня Баденская», СХХХV, январь, 350—353.
- Богдановъ**, В. В. Рецензія М.—о, о книгѣ, съ его предисловіемъ: «В. М. Зензиновъ. Старинные русскіе люди у Холоднаго океана. Русское Устье Якутской области, Верхоянскаго уѣзда. Изданіе 2, исправленное и дополненное. Москва. 1914», СХХХVІІ, июль, 332—334.
- Богдановъ-Бѣльскій**, Н. П., академикъ, (его юбилей), СХХХVІ, апрѣль, 359.
- Богровъ**, (Аленскій), Мордко, адвокатъ, убійца Столыпина, въ статьѣ Л. Галя: «Убійство П. А. Столыпина», СХХХV, 964—972, 974—976, 979—997; СХХХVІ, апрѣль, 192, 200, 202—206, 208, 209, 212—215.
- Божовскій**, В. К., председательствующій московскимъ отдѣломъ императорскаго театральнаго общества, журналистъ. Некрологъ его: СХХХV, февраль, 756.
- Боккачіо**, Джіованни, итальянскій повелитель (его біографія), СХХХV, февраль, 733—737; СХХХVІ, май, 707, 708.
- Болдыревъ**, Н. Н., художникъ. Рецензія Д. М. о книгѣ В. П. Авенаріуса съ его 12 картинами: «На Парижъ! Дневникъ юности, участника кампаніи 1813—1814 гг. Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова. Спб. 1914», СХХХVІ, май, 712.
- Бологовская**, А. П. Ея статья: «Изъ воспоминаній о дѣтствѣ императора Александра III», СХХХV, мартъ, 96—102.
- Болотовъ**, А. П., исторіографъ, (открытие памятника ему), СХХХVІІ, июль, 358.
- Бомбелль**, графъ, австрійскій посланникъ, СХХХVІ, май, 745.
- Бона**, польская королева, СХХХVІІІ, октябрь, 253, 254.
- Боргманъ**, И. П., проф., физикъ, бывшій ректоръ петроградскаго университета, Некрологъ его: СХХХVІ, июль, 1177.
- Бородинъ**, М. Рецензія Д. М. о книгѣ его: «Даль зоветъ. Литературныя поминки по графѣ А. А. Голенищевъ-Кутузовѣ. Харьковъ. 1913», СХХХV, январь, 318, 319.
- Бородовскій**, В. А., старшій инспекторъ главной палаты мѣръ и вѣсовъ, приватъ доцентъ университета. Некрологъ его: СХХХV, мартъ, 1161.
- Бороздинъ**, А. Н., мировой судья, СХХХVІІІ, ноябрь, 429, 430.
- Боткинъ**, М. П., академикъ, исторической живописи. Некрологъ его: СХХХV, мартъ, 1160, 1161.
- Ботьяновъ**, И. И., генералъ, (о войнѣ), СХХХVІІІ, декабрь, 894.
- Бочкаревъ**, В. Н. Рецензія о книгѣ его: «Московское государство XV—XVII вѣковъ. По сказаніямъ современниковъ иностранцевъ. Спб. 1914. Книгоиздательства «Энергія», СХХХVІІ, июль, 323.
- Бочковъ**, Д. А. Замѣтки: его СХХХV, январь: 1) «Пятидесятилѣтній юбилей П. Я. Спрогиса», 372, 2) «Первые военно-библіотечные курсы», 373, 374.—Рецензія его: 1) «Подробной каталогъ изданій императорской археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, выпущенныхъ въ свѣтъ съ 1836 по 1912 годъ. Изданіе пятое. Спб. 1913», СХХХV, февраль, 673—2) «Записки съверо-западнаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества. Книжка 1. Вильна. 1910.—Книжка 2, Вильна. 1911.—Книжка 3. Вильна. 1912», СХХХV, мартъ, 1097—1098.—3) «Свѣтильникъ». Религіозное искусство въ прошломъ и настоящемъ. Ежемесячный журналъ. Редакторъ-издатель В. И. Оловянишниковъ. Москва. 1913». СХХХVІІ, июль, 335, 336.
- Бранкеръ**, Б. А. Его статья «Въ тихой обители», СХХХV, январь, 234—249.
- Бредихинъ**, академикъ-астрономъ, СХХХVІІ, августъ, 572.
- Бринеръ**, корейскій лѣсной концессионеръ, СХХХVІІ, июль, 245, 260, августъ, 623.
- Бродскій**, Н. Л. Рецензія В. Данилова о книгѣ его: «Поэты кружка Стапкевича. Петр. 1913, СХХХV, февраль, 676—678.
- Бруевичъ**, секретарь архіеписк. Смарагда Крыжановскаго, СХХХV, январь, 338.
- Бруно**, Джордано. Рецензія Л. Карсавина о переведенной Алексѣемъ Зо-

лотаревымъ, съ его примѣчаніями, книгѣ его: «Изгнаніе торжествующаго звѣря. 1914», СХХХVII, августъ, 684, 685.

Бруснянинъ, В. В. 1) Рецензія о книгѣ его: «Мужчина. Романъ. Разсказы. Они жили втроемъ. Колясочка. Отецъ. Изъ записокъ сквернаго человѣка. «Московское книгоизд.». Москва. 1914», СХХХVI, апрѣль, 327.—2) Рецензія В. В.—она о книгѣ его: «Доктора и пациенты. Типы врачей въ художественной литературѣ. Литературно-общественныя параллели. Спб.» СХХХVII, июль, 328, 329.

Брюлловъ, художникъ, СХХХV, мартъ, 1119, 1120 (Брюлловъ и Шевченко).

Брюль-Сербинъ, П. Я. Рецензія о книгѣ его: «Эрнеетъ Мука. Опытъ изслѣдованія сербо-лужицкаго народа въ Саксоніи и Пруссіи. Изданіе «Рус. Арх.». Москва. 1914», СХХХVIII, октябрь, 287.

Брюсовъ, Валерій, поэтъ. 1) Рецензія о книгахъ его: «Собраніе сочиненій. Т. II. Кн.—во «Сиринъ». Спб. 1914.—Собраніе сочиненій, т. XXI, Кн-во «Сиринъ». Спб. 1914», СХХХVI, май, 727—2) Рецензія Л. Л. о книгахъ его: «Полное собраніе сочиненій и переводовъ. Томъ XII. Алтарь побѣды. Повѣсть IV вѣка. (Книги I и II). Спб. 1913.—Томъ XIII. Алтарь побѣды. (Книга III и IV). Спб.» СХХХVIII, ноябрь, 651, 652.

Брянскій, и. д. московскаго городского головы, СХХХVII, сентябрь, XXVI, XXVII (рѣчи его о войнѣ).

Буае д.Аманъ, французскій историкъ, СХХХV, мартъ 1138.

Бузескулъ, В., проф. Рецензія о книгѣ его: «Античность и современность. Современные темы въ античной Греціи. Изд. 2, дополн. Спб. 1914», СХХХV, мартъ, 1123.

Булгаринъ, О. В., журналистъ и писатель: 1) въ замѣткѣ «Наслѣдіе О. В. Булгарина», СХХХV, январь, 372, 373; 2) въ статьѣ С. Шницера: «Въ гнѣздѣ Оаддея Булгарина», СХХХVIII, ноябрь, 598—602.

Буличъ, С. К., проф., директоръ высшихъ женскихъ курсовъ, въ замѣткѣ по поводу тридцатипятилѣтія ихъ, СХХХV, январь, 367, 368.

Булочкинъ, С. А., старшина московскаго купеческаго сословія, СХХХVII, сентябрь, XXVII, XXVIII.

Булыгинъ, П. П., беллетристъ и общественный дѣятель. Некрологъ его: СХХХVIII, декабрь, 1048, 1049.

Буоль, графъ, австрійскій дипломатъ, СХХХVII, августъ, 662.

Буреловичъ, поэтъ, СХХХV, февраль, 716.

Буренинъ, В. П., критикъ и поэтъ; (постановка на сценѣ его перевода «Ганцеле Гауптмана»), СХХХVII, августъ, 448—451; (о поэтѣ Минаевѣ, 477, 478, 480, 481, 487, 490, 499, 503, 504, 516.

Бутми, Г. В. Рецензія С. Л.—изъ о редакцірованной имъ книгѣ Н. А. Бутми: «Каббала, ереси и тайныя общества. Спб. 1914», СХХХVI, май, 703, 704.

Бутми, П. А. Рецензія С. Л.—изъ о книгѣ его: «Каббала, ереси и тайныя общества. Подъ редакціей. Г. В. Бутми. Спб. 1914», СХХХVI, май, 703, 704.

Быховскій, В. В. Рецензія о книгѣ его: «Личныя и имущественныя отношенія супруговъ между собою и къ дѣтямъ при раздѣльномъ жительствѣ по новому закону 12-го марта 1914 года. Изданіе «Правовѣдніе» М. 1914»; СХХХVI, июнь, 1149.

Бычковъ, И. А., собраніе императорскаго общества любителей древней письменности подъ его предѣдательствомъ, СХХХVI, май, 755, 756.

Бѣжецкій, А. П. Рецензія о книгѣ его: «Невѣдомое... Фантастическіе разсказы. Спб. 1914», СХХХV, февраль, 714.

Бѣлинскій, В. Г., писатель, критикъ, въ рецензированной В. Даниловымъ книгѣ Ю. Айхенвальда: «Споръ о Бѣлинскомъ. Отвѣтъ критикамъ. Москва. 1914» СХХХVIII, декабрь, 1011, 1012.

Бѣловъ, А. М. Его статьи: 1) «Иностранцы о Россіи», СХХХVI, июнь, 1107—1121; 2) «Иностранцы о Россіи»; СХХХVIII, ноябрь, 615—623.

Бѣлявскій, Ф. Рецензія А. Фаресова о книгѣ его: «Иудаизмъ и христіанство. Спб. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 645—647.

Бэнь, Нибзетъ, англійскій историкъ, въ статьѣ А. В. Михайлова: «Истинные виновники раздѣла Польши. (Историческая справка)», СХХХVII, сентябрь, V—VIII.

Бюцева, О. Е., фрейлина (инициатива адреса бельгійскимъ женщинамъ), СХХХVIII, ноябрь, 698.

В

В. Ар—тъ. Рецензія его: «З. Л. Снегиревъ. Архивное законодательство при Петрѣ Великомъ. Очеркъ по исторіи архивнаго дѣла въ Россіи. Москва. 1913», СХХVII, августъ, 678—680.

В. Б—онъ. Рецензія его: «В. В. Бруснянинъ. Доктора и пациенты. Типы врачей въ художественной литературѣ. Ли-

тературно - общественная параллели. Спб., СХХХVII, июль, 328, 329.

В. В. Б. Рецензія его: «П. П. Проходцевъ. Рязанская губернія въ 1812 году преимущественно съ бытовой стороны. Матеріалы для исторіи Отечественнѣй войны. Часть I. Изданіе рязанской губернской ученой архивной комиссіи», СХХХVI, июнь, 1127—1129.

В. Бр. Рецензія его: «Тэнъ, Пшолитъ. Путешествіе по Италіи. Томъ I. Неаполь и Римъ. Переводъ съ французскаго П. П. Перцева. Москва. 1913», СХХХV, февраль, 688—690.

В. В. Д. Рецензія его: «Матеріалы по исторіи Малороссіи. Письма къ П. П. Забѣлѣ и его вдовѣ (1687—1713 гг.). Подъ редакціей В. Л. Модзалевскаго. Черниговъ. 1913», СХХХV, мартъ, 1112.

В. Г. Его статья: «По поводу легенды объ императорѣ Александрѣ I», СХХVII, сентябрь, 858—870.—Ея пей: 1) замѣтка великаго князя Николая Михайловича: «По тому же вопросу (отвѣтъ г. В. Г.)», СХХХVII, сентябрь, 871, 872.—2) Замѣтка П. Тарасова: «По поводу статьи В. Г. и отвѣта Е. С. Шумигорскаго», СХХХVIII, ноябрь, 704.—3) Отвѣтъ въ замѣткѣ Д. А. Тарасова: «По поводу записокъ лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова», СХХХVIII, декабрь, 1055, 1056.

Вл. Д. Рецензія его: «Труды витекой ученой архивной комиссіи. 1913», СХХХV февраль, 702.

В. Д. А—ва. Ея статья: «О М. Ю. Лермонтовѣ», СХХХVII, сентябрь, 855—857.

В. Кн. Рецензія его: «Леонидъ Семеновъ. Лермонтовъ и Левъ Толстой. Къ столѣтію со дня рожденія Лермонтова. Москва. 1914», СХХХVII, июль, 325, 326.

Вл. Кн. Рецензія его: «Сочиненія и письма П. Я. Чаадаева. Подъ редакціей М. Гершензона. Томъ II. Изданіе книгоиздательства «Путь». Москва. 1914», съ однимъ автографомъ, СХХХVIII, декабрь, 1013.

В. М. Рецензія его: «Н. П. Остроумовъ. Исламовѣдѣніе. З. Коранъ. Религіозно-законодательный кодексъ мусульманъ. Часть первая. Ташкентъ. 1913», СХХХV, февраль, 691—693.

В. М. С—ва. Рецензія Н. Лнд. о книгѣ В. М. С—ва: «Первая экскурсія въ Италію съ маршрутомъ на 28 дней, записью практическихъ свѣдѣній и дорожнымъ словаремъ». Спб. 1914», СХХХVII, июль, 329, 330.

В. Мар—скій. Рецензія его: 1) «Проф. А. Л. Погодинъ. Лекціи по исторіи польской литературы. Часть I. Средніе вѣка и польско-латинскій гуманизмъ первой половины XVI вѣка. Харьковъ. 1913»,

СХХХV, январь, 302, 303.—2) «Balcaniens. Сербы и болгары въ балканской войнѣ. Спб. 1913», СХХХV, январь, 311, 312.—3) «Баншаковъ, Александръ. Черезъ Черногорію въ страну дикихъ Геговъ. Спб. 1913», СХХХV, январь, 312, 313.

Вик-Ториновичъ. Его: «Вождь». (Кровавая комедія недавнихъ дней). Пьеса въ пяти дѣйствіяхъ», СХХХVI, май, 1—32, июнь, 33—48; СХХХVII, июль, 49—74.—2) Рецензія Вит. Ткачука о книгѣ его: «Повѣсть пенужнаго челоуѣка (Мурадъ). Пьеса о смерти. Спб. 1914», СХХХVI, апрѣль, 312.

Вит. Тн—ъ. Рецензія его: «В. В. Даниловъ. Русскій языкъ въ высшемъ начальномъ училищѣ по положенію 25-го іюня 1912 г. Курсы методики русскаго языка для учителейскихъ институтовъ. Съ 13 рисунками. Изданіе «Сотрудникъ». Спб. 1914», СХХХV, мартъ, 1113.

В. Ш. Рецензія его: 1) «В. Ш. Шулгинъ. Приключеніе князя Воронцоваго. Изданіе in 4°, безъ обозначенія мѣста и времени печатанія», СХХХVI, май, 713.—2) «В. А. Евреиновъ. Крестьянское дѣло по положенію 19-го февраля 1861 г. Историческій очеркъ. 3 т. Спб. 1913», СХХХIII, октябрь, 277, 278.—3) «I. Фробениусъ. (Оберъ-лейтенантъ германской службѣ). Роковой часъ германской имперіи. Переводъ М. Паниша. Петр. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 632—634.

Вагнеръ, Рихардъ, нѣмецкій композиторъ, въ замѣткѣ «Предтечи Рихарда Вагнера», СХХХVII, июль, 344—347.

Ваддингтонъ, г-жа, жена англо-французскаго политическаго дѣятеля, въ замѣткѣ «Изъ воспоминаній жены дипломата», СХХХVII, августъ, 713—718.

Вальдерзз, графъ, германскій фельдмаршалъ, СХХХVI, апрѣль, 252.

Вальманъ, Н. Рецензія его: 1) «В. В. Розановъ. Среди художниковъ. Спб. 1914», СХХХV, февраль, 682—685.—2) «Юрій Николаевъ. Въ поискахъ за Божествомъ. Спб. 1913», СХХХVI, июнь, 1132—1134.

Ванновскій, П. С., военный министръ, СХХХV, февраль, 617—619.

Варлаамъ, митрополитъ ростовскій и ярославскій, СХХХVII, июль, 309.

Варнеке, Б. В., проф. Рецензія о книгѣ его: «Исторія русскаго театра. Изданіе второе, значительно дополненное. Изд. Н. Н. Сергіевскаго. Спб. 1914», СХХХVI, апрѣль, 304, 305.

Варяничинъ, А. М., военный инженеръ, писатель. Некрологъ его: СХХХVII, ноябрь, 699, 700.

- Василій Ивановичъ**, великій князь «всѣя Руси» (сатира на него), СХХХVI, май, 550.
- Валишевскій**, К. Рецензія М. Ключкова о книгѣ его: «Сынъ Великой Екатерины. императоръ Навель I, его жизнь, царствованіе и смерть. Изданіе т-ва А. С. Суворина «Новое Время». Спб. 1914». Съ иллюстраціями, СХХХVI, июнь, 1122—1126.
- Васильевъ**, Н. В. Рецензія о книгѣ его: «Трезвая Жизнь. Иллюстрированная противоалкогольная хрестоматія для школъ и народа. Спб. 1914», СХХХVII, августъ, 701.
- Васильчиковъ** (бунтъ въ Семеновскомъ полку), СХХХV, февраль, 710, 711.
- Васютинскій**, А. М. Рецензія А. М.—на объ изданной подъ редакціей его, М. Н. Коваленскаго, В. П. Перцова и К. В. Сивкова книгѣ: «Историческая коммисія ученаго отдѣла О. Р. Т. З. Книга для чтенія по древней исторіи. Ч. I. Первобытная культура. Востокъ. Греція. Для III—IV классовъ среднеучебныхъ заведеній. Сборникъ статей съ 92 иллюстраціями въ текстѣ и 21 иллюстраціей на отдѣльныхъ листахъ. Москва 1913.—Ч. II. Римъ—республика. Съ 77 иллюстраціями въ текстѣ и 8 иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ. Москва 1913», СХХХVI, июнь, 1134, 1135.
- Вашковъ**, С. И., художникъ и журналистъ. Некрологъ его: СХХХVIII, декабрь, 1049.
- Введенскій**, А. И., проф., въ замѣткѣ «Революція группы ученыхъ, профессоровъ и общественныхъ дѣятелей», СХХХVII, сентябрь, 1057, 1058.
- Вейденбаумъ**, В. Г. Его статья: «Гагры. (Изъ путевыхъ набросковъ)», СХХХV, мартъ, 1057—1076.
- Вейхельтъ**, К. О. Рецензія о книгѣ его, М. Н. Коваленскаго, В. А. Петрушевскаго и В. Я. Уланова: «Книга по русской исторіи для начальныхъ школъ и первыхъ классовъ среди. учебн. зав. Изданіе 2-е, дополи. Т—ва «Н. П. Карбасниковъ». Спб., 1914», СХХХVIII, декабрь, 1017.
- Вельгорская**, А. М. (сватовство Гоголя), СХХХVIII, октябрь, 197, 198.
- Вельшингеръ**, Апри, историкъ, СХХХV, январь, 355—359; СХХХVIII, ноябрь, 679.
- Венгеровъ**, ромекскій революціонеръ, СХХХV, февраль, 606.
- Венгеровъ**, С. А. Рецензія В. Данилова о книгѣ его: «Собраніе сочиненій С. А. Венгерова. Т. II. Писатель-гражданинъ. Гоголь. Кн—ство «Прометей». Н. Н. Михайлова. 1913», СХХХV, январь, 316—318.
- Венера**, языческая богиня, въ замѣткѣ «Находка Венеры Киренейской», СХХХVIII, ноябрь, 668—670.
- Веніаминъ**, епископъ, СХХХV, мартъ, 1151—1153.
- Веніаминъ**, иркутскій архіепископъ, по поводу переписки его и загадочнаго старца Оедора Кузьмича, СХХХV, февраль, 705—711.
- Вентцель**, (Бенедиктъ), Н. Н., въ замѣткѣ «25-лѣтіе литературной дѣятельности Н. Н. Вентцеля», СХХХVI, май, 748—754.
- Вергунъ**, Д. Н. Его статья: «Россія и славянство», СХХХVII, августъ, I—VII.—Упомин. СХХХVIII, октябрь, 333.
- Верещагинъ**, В. А. Рецензія Николая Энгельгардта о книгѣ его: «Памяти прошлаго. Статьи и замѣтки. Спб. 1914», июль, 330.
- Вержбовскій**, О. Ф., начальникъ варшавскаго главнаго архива, СХХХVIII, декабрь, 1009.
- Вернь**, Жюль, французскій романистъ, въ замѣткѣ: «Изъ воспоминаній о Жюль-Вернѣ», СХХХVI, апрѣль, 330—332; СХХХVIII, декабрь, 891, 892 (предсказаніе войны).
- Веселкова-Нильштетъ**, М. Г. Романъ ея: «На родной почвѣ», СХХХV, январь, 5—48; февраль, 385—440, мартъ, 769—804; СХХХVI, апрѣль, 5—49, май, 385—429, июнь, 769—824; СХХХVII, июль, 5—53, августъ, 369—413; сентябрь, 737—788; СХХХVIII, октябрь, 1—38, ноябрь, 353—399, декабрь, 705—765.
- Веселовскій**, В. Б. Рецензія В. Кузнецова о редактированной имъ и З. Г. Френкелемъ книгѣ: «Обилейный земскій сборникъ (1864—1914). Изданіе т-ва О. Н. Поповой. Спб. 1914», СХХХVI, май, 704—706.
- Вигель-Панчулидзевъ**, П. Его разсказъ: «День императора Николая перваго», СХХХVI, июнь, 904—914.
- Викторія**, англійская королева, (ея юбилей), СХХХVIII, ноябрь, 425—428.
- Викторъ-Эмануилъ II и III**, итальянскіе короли, въ замѣткѣ «Викторъ-Эмануилъ II и Викторъ-Эмануилъ III», СХХХVI, май, 736—739.
- Виландъ**, нѣмецкій поэтъ, СХХХVII, сентябрь, 1043—1044.
- Вильборгъ**, А. И. (Его юбилей въ области печатнаго дѣла), СХХХV, январь, 369, 370.
- Вильгельмъ I**, германскій императоръ, СХХVII, сентябрь, 1033; СХХХVIII (въ замѣткѣ: «Обращеніе Вильгельма I съ плѣнными»), октябрь, 307—312; ноябрь (предсказаніе ему судьбы Германіи), 534, 575.

Вильгельм II, германскій императоръ, СХХХVII, августъ, (объясненіе владѣть Москвой), III; сентябрь, 1035; СХХХVIII, въ статьѣ Ф. О. Троншера: «Вильгельм II въ собственномъ освѣщеніи», октябрь, 94—112; ноябрь, I (воззваніе къ солдатамъ), LIV (воззваніе къ полякамъ); 528; (варшавскій приказъ) 626; 653, 654; декабрь, 891—902 (предсказанія войны).

Вильсонъ, Н. И., сенаторъ, писатель. Некрологъ его: СХХХVII, июль, 363, 364.

Винбергъ, членъ Госуд. Думы, (его хлопоты за нѣмцевъ), СХХХVIII, декабрь, 988.

Винскій, Г. С. Рецензія А. М.—на о книгѣ: «Библиотека мемуаровъ. Мое время. Записки Г. С. Винскаго. Редакція и вступительная статья П. Е. Щеголева. Издательство «Огни». Спб. 1914», СХХХVII, сентябрь, 1018, 1019.

Виницкая-Будзіанскъ, Александра Александровна, писательница, въ статьѣ Б. Б. Глинскаго: «Памяти А. А. Виницкой», СХХХVI, май, 563—577.

Витбергъ, Ф. А., СХХХVIII, октябрь, 198, 204, 206, 207, 211.

Витмеръ, А. П., проф., писатель. Его статьи: 1) «Мой первый начальникъ Александръ Романовичъ Дренгельнъ. (Изъ «Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ»), СХХХV, мартъ, 886—912. — 2) «Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ». (Михаилъ Григорьевичъ Кучеровъ)», СХХХVII, сентябрь, 837—854. Его юбилей: СХХХVI июль, 359, 360.

Витракъ, французскій ученый изслѣдователь, СХХХV, мартъ, 1138.

Витте, С. Ю., графъ, бывш. министръ, въ статьѣ Б. Б. Глинскаго: «Прологъ русско-японской войны»: СХХХV, январь, 188, 189—200, 202; февраль, 617—619, 625, 627, 630, 631; мартъ, 1033; СХХХVI, апрѣль, 229, 231—234, 236, 254, 255—257; май, 602, 605—607, 641, 646; июнь, 1031, 1032, 1086; СХХХVII, июль, 238—242, 250; августъ, 610, 615, 634; СХХХVIII, октябрь, 227, 228; ноябрь, 585, 587; декабрь, 938, 944, 945.

Владимиръ, петроградскій митрополитъ, (слово на торжественномъ богослуженіи въ память 150-лѣтія Смольнаго института), СХХХVI, июль, 1172.

Владимировъ, виленскій «антикъ», СХХХVII, августъ, 698, 699.

Влахопуловъ, Б. А. Рецензія Я. Бирюкова о книгѣ его: «Экономическая хрестоматія. Т. I. Античный миръ. Подъ редакціей и со вступительной статьѣй Е. Д. Сташевскаго, приватъ-доцента университета св. Владимира и кievскаго коммер-

ческаго института. Кіевъ. 1913», СХХХV май, 707.

Воганъ, генералъ, военный, агентъ, СХХХVII, июль, 259, августъ, 628, 631—632.

Волкова (Вишнякова), А. И., (ея воспоминанія, дневникъ и статьи), СХХХVII, августъ, 551—555.

Волковъ, И. М. Рецензія С. Л.—на о книгѣ «Культурно-историческіе памятники древняго Востока. Подъ общей редакціей Б. А. Тураева. Выпускъ I. И. М. Волковъ. Законы вавилонскаго царя Хаммураби. Съ 8 рисунками и картой. Москва. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 647.

Волконскіе:

— М. П., кн. Рецензія Е. Шумигорскаго о книгѣ ея: «Записки княгини Маріи Николаевны Волконской. Переводъ съ французскаго оригинала А. Н. Кудрявцевой. Біографическій очеркъ и примѣчанія П. Е. Щоголева. Кн-во «Прометей», П. Н. Михайлова. 1914», СХХХV, февраль, 644—667;—СХХХVII, августъ, 542, 543.

— П. М., князь, въ рецензированной Г. Гарскимъ книгѣ: «Біографическій очеркъ генералъ-фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Петра Михайловича Волконскаго (1776—1852 гг.). Спб. 1914». Съ портретомъ и двумя снимками, СХХVII, августъ, 677, 678; Упомин.: СХХХV, мартъ, 871—883; СХХVI, май, 580;

— С. Г., князь, декабристъ, СХХХV, февраль, 664—666.

— С. Г., княгиня, въ статьѣ великаго князя Николая Михайловича «Нѣкоторыя соображенія по поводу письма, отъ 31-го декабря 1825 г. изъ Таганрога княгини Софіи Григорьевны Волконской императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ», СХХХVI, май, 667—676; СХХVII, сентябрь, 860.

Волховской, Ф. В., социалистъ-эмигрантъ, писатель. Некрологъ его: СХХХVIII, октябрь, 340, 341.

Волинскій, А. П., кабинетъ-министръ, СХХХVI, июнь, 978, 979.

Вольтеръ, французскій философъ, въ замѣткѣ «Вольтеръ въ Англии» СХХХVIII, декабрь, 1023—1026.—Упомян.: СХХХV, июнь, 996, 997; СХХХVIII, октябрь, 302.

Вонлярлярскій, В. М., дѣсной кошцессіонеръ, СХХХVII, июль, 245; сентябрь, 962, 963.

Воробьевъ, Н. И. Рецензія Павла Россіева объ изданной подъ общей редакціей книгѣ: «Труды съѣзда дѣятелей Черноморскаго побережья Кавказа.

Томъ второй. Петр. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 648, 649.

Вороновъ, полковникъ, инструкторъ китайскихъ войскъ, СХХХV, февраль, 624.

Вороновъ, А. С., (премѣнъ въ память его), СХХХV, январь, 374, 375.

Воронцовъ, М. С., графъ, поворосійскій и бессарабскій генераль-губернаторъ, СХХХVIII, ноябрь, 546, 547, 549, 553.

Воротинъ, А. (его книга «Принципы прибалтійской жизни»), СХХХVIII, ноябрь, 589, 590.

Врангель, Н., баронъ, (объ испанскихъ картинахъ «Эрмитажа»), СХХХV, мартъ, 118.

Врангель, Ф. Ф., баронъ, бывшій директоръ александровскаго лицея, (его германизмъ), СХХХVIII, ноябрь, 590.

Всеславъ, князь полоцкій, чародѣй, въ статьѣ Д. С. Леонардова «Полоцкій князь Всеславъ и его время», СХХХVI, июнь, 1132.

Вульпіусъ, Христина, въ замѣткѣ «Ете и Христина Вульпіусъ», СХХХVI, июнь, 1161—1164.

Вучетичъ, П. Г. Рецензія о книгѣ его: «Юрій Милославскій. Историческій романъ Загоскина въ сокращенномъ изложеніи. Москва. 1915», СХХХVIII, декабрь, 1018, 1019.

Вырубовъ, Г. Н., писатель, ученый. Некрологъ его: СХХХV, январь, 376, 377.

Высоцкій, Н. Г. Рецензія его: 1) «Г. А. Скворцовъ. Патріархъ Адрианъ. Его жизнь и труды въ связи съ состояніемъ русской церкви въ послѣднее десятилѣтіе XVII вѣка. Казань. 1913», СХХХVI июль, 321—323.—2) «Матеріалы изъ исторіи духоборческой секты. Москва. 1914», СХХХVI, июнь, 1148.

Вязовскій, И. Его статья: «Столица Сибири (Наброски)», СХХХV, февраль, 646—663.

Г

Г. Рецензія его: 1) «Л. Н. Шубергъ. Моя жизнь. Воспоминанія. Изданіе дирекціи императорскихъ театровъ. Спб. 1913», СХХХV, февраль, 681, 682. 2) «К. Кузминскій. Художникъ-иллюстраторъ А. А. Агнивъ. Его жизнь и творчество. Москва. 1913», СХХХV, февраль, 685.—3) «Кострома. Историческій очеркъ и описаніе памятниковъ старины В. и Г. Лукомскихъ. Изданіе общины св. Евгеніи Краснаго Креста. Спб. 1913», СХХХV, февраль, 703.—Къ ней замѣтка Г. Лукомскаго, СХХХVI, апрѣль, 383,

384; отвѣтъ на эту замѣтку, СХХХVI, апрѣль, 384.

Г.—ъ. Рецензія его: 1) «А. С. Суворинъ. Театральные очерки (1866—1876 гг.). Спб. 1914», СХХХV, мартъ, 1102—1104. 2) «Русскіе граверы и литографы. Дополненіе къ «Словарю русскихъ гравировъ» Ровинскаго и «Описаніе нѣсколькихъ гравюръ и литографій» Тевяшова. Составилъ Обольяниновъ. Съ приложеніемъ 43 снимковъ. Москва 1913» СХХХV, мартъ, 1108.

Г. Л. И. Его статья: «Памяти П. И. Семенова-Тянь-Шанскаго», СХХХVI, апрѣль, 155—166.

Гавриленко А. П., профес., инженеръ-техникъ. Некрологъ его: СХХХVI, июнь, 1177, 1178.

Гайяши японскій дипломатъ, СХХХV, май, 612, 613, 624; СХХХVII, июль, 266, 268; СХХХVIII, октябрь, 231, 233.

Гальпернъ, Я. М., тайный совѣтникъ, еврейскій общественный дѣятель, писатель. Некрологъ его: СХХХVI, апрѣль, 362, 363.

Гамсунъ, Кнутъ, скандинавскій, писатель, (о славянахъ), СХХХVIII, декабрь, 889.

Гамченко, С. М., (о сестротѣцкихъ курганахъ), СХХХV, январь, 295.

Ганская, Эвелина, польская графиня, жена Бальзака, СХХХVII, августъ, 711, 712.

Ганъ, А. О., нарвекій городской голова, (культуризація курорта), СХХХVI, июнь, 1089, 1094.

Ганъ, Л. Его статья: «Убіеніе П. А. Столыпина», СХХХV, мартъ, 960—997; СХХХVI, апрѣль, 192—215.

Ганъ, баронъ, сенаторъ, (кавказскій розыскъ о кн. Дадыни), СХХХVIII, ноябрь, 400—401.

Ганъ, китайскій канцлеръ, СХХХV, мартъ, 1047.

Гарденбергъ, прусскій канцлеръ, СХХХV, мартъ, 1084.

Гарскій, Б. Рецензія его: 1) «Князь Оедоръ Долгорукій. Долгорукіе, Долгоруковы и Долгорукіе-Аргутинскіе. Часть II. Матеріалы 460 фамиліи. Спб. 1913».—2) «Оедоръ Арсакидъ, князь Долгорукій. Извлеченіе изъ генеологін царственной персидской династіи s. 1. et a. Изданіе въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, не для продажи». —3) «Князь Оедоръ Долгорукой. Родословный сборникъ (съ гербомъ). Выпускъ I. Спб. 1913». Изданіе ограниченное (sic), СХХХV, мартъ, 1106—1108.

Гарскій, Г. Рецензія его: «Биографическій очеркъ генераль-фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Петра Михайловича

- Волконскаго (1776—1852 гг.). Спб. 1914». Съ портретомъ и двумя снимками. СХХХVII, августъ, 677, 678.
- Гаршинъ**, В. М., писатель, въ статьѣ В. Микулчичъ: «Всеволодъ Гаршинъ», СХХХV, январь, 121—134.
- Гарязинъ**, А. Л. Рецензія объ издаваемомъ имъ журналѣ: «Библиотека для всѣхъ». №№1—9. Спб. 1914», СХХХV, мартъ, 1125.
- Гаузеръ**, Каспаръ, таинственная личность, СХХХV, январь, 353.
- Гауптманъ**, Гербертъ, нѣмецкій драматургъ, (постановка на сценѣ его «Ганнеле»). СХХХVII, августъ, 449—451.
- Гафниеръ**, Вольф. Вени., норвежскій морской министр. Его воспоминанія о путешествіи принца Оскара-Фридриха (будущаго шведскаго короля Оскара II) въ Россію. СХХХV, январь, 259—282.
- Геденсъ**, генеральъ суперъ-интендентъ рижскій консисторіи, (его германизмъ), СХХХVIII, ноябрь, 596.
- Гейденъ**, контръ-адмираль, графъ, СХХХV, январь, 260—263.
- Гене**, А., (по поводу его «Виленскихъ воспоминаній»), СХХХVII, августъ, 698, 699.
- Гераклитовъ**, А. А. Рецензія о составленной имъ книгѣ: «Опись документовъ и дѣлъ историческаго архива. Вып. I. Дѣла Сенатскія. Саратовская губернская ученая архивная коммисія. Саратовъ 1914», СХХХVII, июль, 337.
- Герневичъ**, В. Е. Рецензія объ изданной подъ его редакціей книгѣ: «Экскурсія на Уралъ. Сборникъ статей учениковъ и преподавателей харьковскаго коммерческаго училища императора Александра III. Харьковъ 1914», СХХХVI, апрѣль, 329.
- Гендриновъ**, В. А., графъ, (въ «Прологъ русско-японской войны»), СХХХVII, сентябрь, 963.
- Георгъ V**, англійскій король (его характеристика), СХХХVIII, октябрь, 312—315.
- Георгъ**, греческій король, СХХХV, мартъ, 1128.
- Георгиевскій**, Г. П. (изданіе матеріаловъ Оленинскаго архива), СХХХVII, августъ, 690.
- Германъ**, монахъ (предсказаніе судьбы Пруссіи), СХХХVIII, декабрь, 896.
- Герценъ**, А. И., писатель. О немъ въ рецензіи о книгѣ: «Герценъ-публицистъ. Избранныя страници со вступительной статьѣй и объясненіями Л. С. Козловскаго». Книгоиздательство «Энергія». Спб. 1914». СХХХVI, апрѣль, 327, 328.
- Гершензонъ**, М. Рецензія Вл. Ки. объ изданной подъ его редакціей книгѣ: «Сочиненія и письма П. Я. Чаадаева. Томъ II. Изданіе книгоиздательства «Путь». М. 1914», съ однимъ автографомъ, СХХХVIII, декабрь, 1013.
- Герье**, В. Рецензія П. Б. о книгѣ его: «Западное монашество и папство. Москва. 1913», СХХХVII, июль, 324, 325.
- Гессе**, П. П., генераль-адъютантъ, (въ «Прологъ русско-японской войны»), СХХХVII, сентябрь, 963.
- Гете**, В., нѣмецкій поэтъ, въ замѣткѣ: «Гете и баронесса фонъ-Штейнъ», XXXVI, апрѣль, 332—338. (въ замѣткѣ: «Наполеонъ и Гете»), 347, 348; (въ замѣткѣ «Гете и Христина Вульпиусъ»), СХХХVI, июнь, 1161—1164; СХХХVII, сентябрь, 1043, 1045.
- Гефтингъ**, авторъ «Очерковъ психологій», СХХХVI, апрѣль, 137, 138.
- Гиббонъ**, англійскій историкъ, СХХХV, февраль, 728.
- Гизо**, французскій историкъ, СХХХVII июль, 302.
- Гильотэнъ**, докторъ, въ замѣткѣ «Исторія гильотинны», СХХХVI, май, 730, 732.
- Гильхэнъ**, М. Э., бессарабскій губернаторъ, СХХХV, февраль, 753.
- Гинкенъ**, Ант. Рецензія о книгахъ его: 1) «О чтеніи и книгахъ. Вып. I, очеркъ исторіи книгъ и книгохранилищъ. Спб. 1913», СХХХV, январь, 349; 2) «О чтеніи и книгахъ. Вып. III, Спб. 1914», СХХХVI, июнь, 1150.
- Гинсъ**, Г. Рецензіи его: 1) «Л. А. Канторовичъ. Конвенція между Россією и Германією для защиты литературныхъ и художественныхъ произведеній». Спб. 1913. Съ алфавитнымъ указателемъ», СХХХV, январь, 309, 310.—2) Л. Рума. Очерки и изслѣдованія. Вып. I. Изъ жизни и колонизаціи Муганской степи. Спб. 1913», СХХХV, февраль, 696, 697.—3) «Н. Н. Шульговскій. Теорія и практика поэтическаго творчества. Техническія начала стихосложенія. Спб. 1914. Изданіе т-ва Вольфъ», СХХХVI, апрѣль, 309, 310.
- Гинзбургъ**, баронъ. СХХХVII, августъ, 620.
- Гинцбургъ**. («Прологъ русско-японской войны»), СХХХVII, июль, 268.
- Гиро**, Поль. Рецензія Бирюкова о книгѣ его: «Историческія чтенія. Частная и общественная жизнь римлянъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей С. П. Моравскаго. Изданіе 2-е, исправленное, съ 107 рисунками въ текстѣ. Москва. 1913», СХХХV, мартъ, 1104, 1105.
- Гирсъ**, министръ иностранныхъ дѣлъ, СХХХVII, сентябрь, 1038.

Гирсъ, Н. К., дипломатъ, въ «Запискахъ» гр. Н. П. Игнатьева и примѣчаніяхъ къ нимъ, СХХХV, январь, 52.

Героглифовъ, издатель «Гудка». СХХХVII, июль, 198.

Гладстонъ, Вильямъ, англійскій государственный дѣятель, СХХХVI, май, 430.

Гливенко, И. И., приватъ-доцентъ императорскаго петербургскаго университета и преподаватель императорскаго женскаго педагогическаго института. Рецензія Влад. Княжнина о его книгѣ: «Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ (съ хрестоматіей) для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб.—Кіевъ. 1913», СХХХVI, апрѣль, 308, 309.

Глинскій, Б. Б. Его статьи: 1) «Прологъ русско-японской войны» (архивные матеріалы), СХХХV, январь, 179—220, февраль, 608—645, мартъ, 1017—1056; СХХХVI, апрѣль, 225—264; май, 599—656; июнь, 1029—1086, СХХХVII, июль, 238—271, августъ, 598—634, сентябрь, 959—986, СХХХVIII, октябрь, 227—234, ноябрь, 558—587, декабрь, 935—948.—2) «Памяти А. А. Винницкой», СХХХVI, май, 563—577. Упомин.—СХХХVII, сентябрь, 1059—1061; СХХХVIII, октябрь, 322, 328.

Глубоковскій, Н. Н., профессоръ. (Его статьи объ архіеп. Смарагдѣ Крыжловскомъ), СХХХV, январь, 336—338; СХХХVI, май, 721—723.—Его юбилей: СХХХVII, августъ, 726, 727.

Глухаревъ, Н. П. Рецензія о книгѣ его: «Матеріалы для исторіи города Боровска и его уѣзда. Т. I. Боровскъ. 1913», СХХХVI, апрѣль, 328.

Гнѣдичъ, И. И., директоръ императорской публичной бібліотеки, СХХХVII, августъ, 691.

Гнѣдичъ, П. П. Его замѣтка: «И. А. Гончаровъ о воспитаніи», СХХХVIII, декабрь, 875, 876.—Упомян. въ рецензіи Н о книгѣ: «Академикъ живописи Александръ Александровичъ Киселевъ (1838—1911 гг.). Альбомъ фотографическихъ снимковъ съ его картинъ. Исполнено К. А. Фишеромъ въ Москвѣ. Біографія Киселева. Подъ редакціей П. П. Гнѣдича. Воспоминанія профессора Н. Е. Рѣпина. 22 таблицы. М. 1914», СХХХVI, май, 711.—СХХХVII, сентябрь, 876, 878.

Говоруха-Отрокъ, Ю. Н. (Николаевъ), фельетонистъ, СХХХVI, апрѣль, 140, 142.

Гоголь: А. В., сестра писателя, въ статьѣ А. М. Черницкой: «Анна Васильевна Гоголь. Мое знакомство и переписка съ ней», СХХХVII, сентябрь, 903—440; СХХХVIII, октябрь, 189—226.

— Елизавета Васильевна, сестра писателя, СХХХVII; сентябрь, 928—930, 932, 937, 939.

— Марія Ивановна, мать писателя, СХХХVIII, октябрь, 212, 214, 215.

Гоголь, Н. В., писатель: 1) въ рецензированной В. Даниловымъ книгѣ: «Собраніе сочиненій С. А. Венгерова. Т. II. Писатель-гражданинъ. Гоголь. Кн-ство «Прометей». Н. Н. Михайлова. 1913», СХХХV, январь, 316—318.—2) въ статьѣ А. М. Черницкой: «Анна Васильевна Гоголь» (сестра писателя), СХХХVII, сентябрь, 903—940, СХХХVIII, октябрь, 190—226.—3) въ рецензіи: «Новый выпускъ открытыхъ писемъ: поэма Гоголя «Мртвья Дуни» въ иллюстраціяхъ художника П. П. Соколова. Снимки съ художественныхъ сокровищъ музея бар. Штигица. Изд. общины св. Евгенія Краснаго Креста», СХХХVIII, ноябрь, 662, 663.—4) Мнѣніе о немъ Благовѣтлова, СХХХVI, июнь, 899—901.

— С. В. сестра писателя, СХХХVIII, октябрь, 192.

Голенищевъ-Кутузовъ, А. А., графъ, поэтъ: 1) въ статьѣ И. Г.: «Памяти графа А. А. Голенищева-Кутузова», СХХХV, январь, 145—149.—2) Въ замѣткѣ И. С. Иванайнена: «Къ статьѣ г. И. Г.: «Послѣдній изъ станъ славной», СХХХV, мартъ, 1168.—3) Въ рецензированной Д. М. книгѣ: «М. Бородинскъ. Даль зоветь. Литературныя поминки по графѣ А. А. Голенищевъ-Кутузовѣ. Харьковъ. 1913», СХХХV, январь, 318, 319.—4) Рецензія И. Гурвича: «Сочиненія графа А. А. Голенищева-Кутузова. Томъ первый. Томъ второй. Томъ третій. Томъ четвертый. Сиб. 1914», Томъ I—IV. Спб. 1914», СХХХVI, июнь, 1135.

Головачевъ, Д. М., журналистъ, статистикъ и общественный дѣятель. Некрологъ его: СХХХVI, апрѣль, 363.

Головновъ, Г. А., поэтъ, въ очеркѣ В. В. Уманова-Калдуновскаго: «Поэтъ Григорій Головковъ», СХХХV, мартъ, 935—947.

Голубцова, Марія, по поводу ея воспоминаній о проф. В. О. Ключевскомъ, СХХХVIII, ноябрь, 656—659.

Гольцисонъ, М. А., свободный художникъ, артистъ и композиторъ. Некрологъ его: СХХХV, мартъ, 1161.

Гольдштейнъ, Д. А., журналистъ, славянофилъ, СХХХVIII, октябрь, 63, 64.

Гольяно, Марко, итальянецъ, въ замѣткѣ: «Предтечи Рихарда Вагнера», СХХХVII, июль, 345, 346.

Голви, Ральфъ, англійскій историкъ СХХХV, мартъ, 1138.

Голубевъ, В. С., журналистъ, председатель общества «Двуглавый Орелъ». Некрологъ его: СХХХVIII, декабрь, 1049, 1050.

Голубинскій, Е. Е., академикъ. Рецензія С. о книгѣ его: «О реформахъ въ бытъ русской церкви. Сборникъ статей. М. 1913», СХХХVII, июль, 319—321.

Гончаровъ, П. А., писатель: 1) въ замѣткѣ: «Французская біографія П. А. Гончарова», СХХХVII, июль, 354—356.— 2) Въ замѣткѣ П. Глѣдича: «П. А. Гончаровъ о воспитаніи», СХХХVIII, декабрь, 875, 876.— 3) Въ рецензированной А. Палимовымъ книгѣ: «Словарь литературныхъ типовъ. Редакція П. Д. Пскова при сотрудничествѣ гг. Поварина и Саввина. Вып. 9 и 10. Гончаровъ. Спб. 1914», СХХХVII, декабрь, 1010, 1011.— 4) Упомян. СХХХV, мартъ, 1115—1117; его переписка и распри съ Тургеневымъ, СХХХVI, май, 714, 715.

Горбуновы:

— Г. А., врачъ, журналистъ, бывший членъ государственной Думы. Некрологъ его: СХХХVIII, октябрь, 341.

— Ю. А., жена управляющаго Ливадіей, по поводу ея «Записокъ», СХХХVII, сентябрь, 1025—1028.

Гордѣевъ, П. А. профессоръ ветеринарнаго института. Некрологъ его: СХХХVII, июль, 364, 365.

Горемыкины: Л. И., супруга председателя совѣта министровъ (иниціатива адреса бельгийскимъ женщинамъ), СХХХVIII, ноябрь, 698.

— Н. Л., председатель совѣта министровъ: 1) СХХХVII, сентябрь, XV (рѣчь о войнѣ).— 2) Въ замѣткѣ «75-ти-лѣтіе дня рожденія Н. Л. Горемыкина», СХХХVIII, декабрь, 1045, 1046.

Горностаевъ, Ф. Ф. Рецензія Р. о книгѣ его: «Дворцы и церкви юга. Изд-ва «Образованіе». Культурная сокровища Россіи. Выпускъ VIII. Москва. 1914», СХХХVII, июль, 330—332.

Горовскій, Борисъ (Б. К. Подгурекій). Рецензія М.—ко о книгѣ его: «Забытые русскіе земли. Чукотскій полуостровъ и Камчатка. Путевые очерки. Изданіе Б. А. Суворина. Библиотека «Вечернего Времени». Спб. 1914», СХХХVII, июль, 332—334.

Городецкій. Рецензія Г. Зоргенфрея о переведенной имъ, подъ редакціей Д. Н. Королькова, книгѣ Фридриха Фребеля: Педаг. соч. Т. I. Изд. 2-е. Книгоиздательство К. И. Тихомирова. Москва, СХХХVI, июнь, 1139, 1140.

Городецкій, Бор. Рецензія его: «Г. Прозрителевъ. Военное прошлое нашихъ

калмыковъ. 1812—1912 гг. Ставропольскій калмыцкій полкъ и астраханскіе полки въ Отечественную войну 1812 г.— Труды ставропольской ученой архивной комисіи. Выпускъ третій. Ставрополь-Кавказскій. 1913», СХХХVII, сентябрь, 1015—1017.

Горчаковъ, А. М., князь, канцлеръ, министръ иностранныхъ дѣлъ, въ «Запискахъ» гр. Н. П. Игнатьева и примѣчаніяхъ къ нимъ: СХХХV, январь, 52, 59, 60, 63; мартъ, 820; СХХХVI, апрѣль, 51—53, 77, 81, 85; май, 433, 437, 439, 440, 445, 462, 465, 466; июнь, 828, 830, 832, 835, 838, 840, 843, 845, 848, 849, 852.

Горчаковъ, А. Н., главный инспекторъ желѣзныхъ дорогъ. Некрологъ его: СХХХV, февраль, 756.

Горчаковъ, М. Д. князь, командующій въ Восточной войнѣ, СХХХVII, августъ, 658, 660.

Горяиновъ, С. Рецензія М. К.—въ о книгѣ его: «Государственный архивъ. Разрядъ II «Дѣла, собственно до императорской фамиліи относящіяся». Изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ. Спб. 1913», СХХХV, январь, 292, 293.

Горяиновъ, С. М., авторъ книги «Босфоръ и Дарданеллы», СХХХV, февраль, 456, 457.

Горькій (Пѣшковъ), писатель, Максимъ (мѣтніе о немъ проф. В. О. Ключевского), СХХХVIII, ноябрь, 659, 660.

Готье, Ю. В., прив.-доц., СХХХV, февраль, 668.

Готфридъ Бульонскій, предводитель крестоносцевъ, СХХХVI, июнь, 1154.

Гофманъ, А. директоръ петербургской гимназіи. Рецензія о составленной Н. Санчурскимъ при участіи: его, М. Янко, П. Барсова, П. Дюмидова, I. Съдлатого, Э. Кесслера и В. Марданова книгѣ: «Краткій очеркъ римскихъ древностей. Для гимназій, прогимназій и самообученія. 5-е изданіе, исправленное и дополненное. Спб. 1914», СХХХV, мартъ, 1123.

Graham, S. Рецензія А. Б.—о книгѣ его: Channig. Russia. London. 1913». John Lane», СХХХV, январь, 324—326.

Градовскій, А. Д., профессоръ, въ статьѣ С. В. фонъ-Штейна: «Градовскій о войнѣ и націонализмѣ (къ двадцатипятилѣтію со дня кончины Ал. Дм. Градовскаго)», СХХХVIII, ноябрь, 537—543.

Грауэртъ, заступающій мѣсто городского головы во время казанской революціи, СХХХV, январь, 168, 169.

- Грацианскій, В. П.**, издатель «Древней и Новой Россіи», СХХХVI, июнь, 982, 985.
- Грацианскій, Н. П.**, преподаватель высшихъ женскихъ курсовъ, СХХХV, февраль, 669.—Рецензія Я. Бирюкова о переведенной А. Г. Муравьевымъ и имъ, съ его введеніемъ, книгѣ: «Салическая правда. Русскій переводъ lex Salica. Казань. 1913», СХХХVI, апрѣль, 307.
- Гриви, президентъ французской республики, СХХХVII, августъ, 713.**
- Гретманъ, А. X.** Рецензія Г. Зоргенфрея о переведенной имъ книгѣ Адольфа Дистервега: «Руководство для немецкихъ учителей». (Педагогическая библиотечка подъ редакціей Д. Н. Королькова. Книгоиздательство К. И. Тихомирова) Москва», СХХХVI, июнь, 1139, 1140.
- Грибовскій, В. М.** проф. Рецензіи его: 1) «Власть всероссійскаго императора. Очерки дѣйствующаго русскаго права. П. Е. Казанскаго, ординарнаго профессора и декана юридическаго факультета императорскаго новороссійскаго университета. Одесса. 1913», СХХХV, январь, 284—286.—2) «Проф. І. А. Покровскій. Исторія римскаго права». Спб. 1913», СХХХV, мартъ, 1105, 1106.—3) «Петръ Струве. Хозяйство и цѣна. Критическія изслѣдованія по теоріи и исторіи хозяйственной жизни. Часть первая. Хозяйство и общество. Цѣна-дѣйность. Москва. 1913», СХХХVI, апрѣль, 305, 306.—4) «Генриэтта Карграмъ. Кокташджуйская республика. Спб. 1914», СХХХVII, июль, 327, 328.
- Григорій, петербургскій митрополитъ, СХХХV, январь, 334, 335.**
- Григоровичъ, Д. В.**, писатель, СХХХV, февраль, 526; (Тургеневъ о немъ), СХХХVII, сентябрь, 1028.
- Григорьевъ, А. В.**, проф. военно-медицинской академіи (его юбилей), СХХХVI, апрѣль, 359.
- Грингсмутъ, секретарь «Московскихъ Вѣдомостей», СХХХVI, апрѣль, 140, 142, 148.**
- Грингмутъ, В. А.**, журналистъ, въ рецензіи о книгѣ: «Владимиръ Андреевичъ Грингмутъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности. М. 1913», СХХХVI, май, 727.
- Гриневъ, С. А.**, гвардейскій полковникъ, командиръ роты дворцовыхъ гренадеръ, военный писатель. Некрологъ его: СХХХVI, июнь, 1178, 1179.
- Грищенко, А.** Рецензія Я—ъ о книгѣ его: «О связяхъ русской живописи съ Византіей и Западомъ. XIII—XX вв. Мысли живописца. Съ 23 воспроизведе-
- ніями. Москва. 1913», СХХХV, мартъ, 1108, 1109.
- Гродековъ, Н. И.**, генераль-отъ-инфантеріи, членъ Государственнаго Совета. Некрологъ его: СХХХV, январь, 377, 378. Упомян. СХХХV, мартъ, 1021, СХХХVI, май, 600.
- Громовъ, иркутскій кафедральный протоіерей, СХХХVI, апрѣль, 319—320.**
- Гротъ, К. Я.** Рецензія о книгѣ его: «Платонъ Андреевичъ Кулаковскій. Очеркъ. Спб. 1914», СХХХVI, апрѣль, 328.
- Гротъ, Н. Я.**, СХХХVI, апрѣль, 134—140, 143—148.
- Грувель, Лоро,** въ замѣткѣ «Исторія одного покушенія», СХХХV, мартъ, 1146.
- Гуанъ-суй,** китайскій богдыханъ, СХХХV, мартъ, 1051.
- Гужъ-де, Олимпія,** въ замѣткѣ: «Родоначальники современнаго феминизма», СХХХVI, апрѣль, 338—340.
- Гуниади Яносъ, Гуніади Венгринъ,** въ замѣткѣ: «Какъ турки овладѣли Византіей», СХХХVIII, ноябрь, 667.
- Гунъ, князь,** предсѣдатель цзунъ-ли-Ямыня, СХХХV, февраль, 623, 629.
- Гурвичъ, П. И.** Его статья: «Забывшій писатель», СХХХVIII, октябрь, 152—178.
- Гурвичъ, И.** Рецензія его «Сочиненія графа А. Голенничева-Кутузова. Тома I—IV. Спб. 1914», СХХХVI, июнь, 1135.
- Гурьевъ, Б. М.** Его статья: «Анатолийское побережье», СХХХVIII, декабрь, 949—982.
- Гуссейнъ-Авни-паша,** турецкій государственный дѣятель, СХХХV, январь, 74; СХХХI, мартъ, 806.
- Густавъ III,** шведскій король (его убійство), СХХХVIII, октябрь, 304—307.
- Гуфляндъ, врачъ, СХХХVIII, октябрь, 192.**
- Гюго, Викторъ,** французскій писатель, СХХХVIII, октябрь, 224 (его драма «Эрпип»).
Д
- Д. М.** Рецензіи его: 1) «М. Бородинъ. Даль зоветь. Литературные поминки по графѣ А. А. Голенничевъ-Кутузовъ. Харьковъ. 1913», СХХХV, январь, 318, 339.—2) «И. А. Купчинскій. Изъ воспоминаній объ Александрѣ Николаевичѣ Островскомъ. Курскъ. 1913», СХХХV, февраль, 678, 679.—3) «Г. Артуровъ. На живнѣ смерти. Портъ-артурскіе рассказы. Мо-

скава. 1913», СХХХV, февраль, 697, 698.—4) «В. П. Авенариусъ. На Парижъ! Дневникъ юноши, участника кампаніи 1813—1814 гг. Съ 12 картинами художника Н. Н. Болдырева. Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова. Спб. 1914», СХХХVІ, май, 712.—5) «А. Е. Заринъ. Сѣверный богатырь. Историческая повѣсть. Изданіе Д. П. Ефимова. Москва. 1914», СХХХVІІ, сентябрь, 1024.—6) «На полѣ брани. Разказы и эпизоды изъ первой половины пылбшней войны Г. Т. Сѣверцева-Полилова. Петр.», СХХХVІІІ, декабрь, 1016.

Д. М—ко. Рецензіи его: 1) «Владимиръ Ивановичъ Даль въ Оренбургѣ. Историческій очеркъ, составленный членомъ оренбургской ученой архивной комисіи священникомъ Николаемъ Модестовымъ. Оренбургъ. 1913», СХХХV, январь, 322, 323.—2) «Ф. Е. Заринъ-Несвицкій. Тайна поповскаго сына. Историческая повѣсть. Съ иллюстраціями художника Н. В. Симакова. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1914», СХХХVІ, апрѣль, 313, 314.—3) «Е. А. Сабанъева. Воспоминанія о быломъ. Изъ семейной хроникки. 1770—1838. Предисловіе Д. А. Корсакова. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1914», СХХХVІ, июнь, 1130, 1131.—4) «Н. А. Лаппо-Данилевская. Княжна Мара. Романъ. Спб. 1914», СХХХVІІІ, октябрь, 284, 285.

Дадіани, А. Л., свѣтлѣйшій князь, полковой командиръ, СХХХVІІІ, окт., 40—45.

Дадьяни, А. Л., свѣтлѣйшій князь, полковникъ (его служебная катастрофа при Николаѣ I), СХХХVІІІ, ноябрь, 400—408.

Далматовъ, В. П., артистъ, СХХХVІ, апрѣль, 322—324.

Даль, В. И., въ рецензированной Д. М—ко книгѣ: «Владимиръ Ивановичъ Даль въ Оренбургѣ. Историческій очеркъ, составленный членомъ оренбургской ученой архивной комисіи священникомъ Николаемъ Модестовымъ. Оренбургъ. 1913», СХХХV, январь, 322, 323.

Дальвиъ-фонъ цу-Лихтенфельсъ, баронъ, гессенскій посланникъ, СХХХVІІ, августъ, 666—674.

Дама, Рожеръ, графъ, его записки, СХХХVІ, май, 716—721.

Даниловъ, В. В. Его статья: «Въ молдавскомъ монастырѣ», СХХХVІІІ, ноябрь, 603—614. Рецензіи его: 1) «Библиографическій указатель русской этнографической литературы о внѣшнемъ бытѣ народовъ Россіи. 1700—1910 годовъ. Составилъ Д. К. Зеленинъ. Спб. 1913», СХХХV, январь, 306.—2) «Собра-

ніе сочиненій С. А. Венгерова. Т. П. Писатель-гражданинъ. Гоголь. Кн-ство «Прометей». Н. П. Михайлова. 1913», СХХХV, январь, 316—318. 3) «Н. А. Бродскій,—Поэты кружка Станкевича. Спб.», СХХХV, февраль, 676—678.—4) «И. П. Замотинъ. Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія въ русской литературѣ. Т. П. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 1913», СХХХV, мартъ, 1095—1097.—5) «К. Р. Царь Иудейскій. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ. Спб. 1914», СХХХVІ, апрѣль, 302—304.—6) «С. В. Савченко. Русская народная сказка. (Исторія, собранія и изученія). Кіевъ. 1914», СХХХVІ, май, 701—703.—7) «В. Евгеньевъ. Писатели-борцы съ крѣпостной неволей. Очеркъ изъ исторіи русской художественной литературы XVIII и XIX вв. Спб. 1914», СХХХVІ, июнь, 1137, 1138.—8) «И. Замотинъ. М. Ю. Лермонтовъ. Мотивы идеальнаго строительства жизни. Варшава. 1914», СХХХVІІ, сентябрь, 1020—1022.—9) «В. П. Симакъ. Сборникъ деревенскихъ частушекъ Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской губерній. Съ приложеніемъ нотъ и подробнаго библиографическаго указателя литературы. Ярославль. 1913», СХХХVІІІ, октябрь, 278—280.—10) «Ю. Айхенвальдъ. Споръ о Вѣлискомъ. 'Отвѣтъ критикамъ. Москва. 1914», СХХХVІІІ, декабрь, 1011, 1012.—Рецензія Вит. Тк—а о книгѣ его: «Русскій языкъ въ высшемъ начальномъ училищѣ по положенію 25 іюня 1912 г. Куръ методики русскаго языка для учительскихъ институтовъ. Съ 13 рисунками. Изданіе «Сотрудника». Спб. 1914», СХХХV, мартъ, 1112.

Данилевскій, А. С. другъ Гоголя, СХХХVІІІ, октябрь, 206—208, 211, 222, 223.

Даніилъ, протоіерей, (прѣдсказаніе войны), СХХХVІІІ, декабрь, 898.

Дантесъ-Генкернъ, баронъ, убитый Пушкина, СХХХVІ, апрѣль, 318.

Дантонъ, Жоржъ-Жакъ, французскій революціонеръ, въ замѣткѣ «Судьба Дантона», СХХХVІ, июнь, 1162—1168.

Дегарснъ, mademoiselle, въ замѣткѣ «Изъ біографіи одной артистки», СХХХVІІІ, декабрь, 1029—1032.

Дельбрюкъ, профессоръ, нѣмецкій журналистъ, въ замѣткѣ: «Русско-нѣмецкія отношенія въ освѣщеніи русскаго и нѣмецкаго профессоровъ», СХХХVІІІ, декабрь, 1020—1023.

Демченко, В. Г., профессор киевского университета, юрист-писатель. Некрологъ его: СХХХХVI, июнь, 1179.

Державины:

— Г. Р., поэтъ, СХХХХVII, августъ, 696.

— Н. А. Его статья: «Король риныи. (Д. Д. Минаевъ и его литературная дѣятельность)», СХХХХVII, июль 182—216, августъ, 477—517.

Деруледъ, Поль, французскій поэтъ, въ замѣткѣхъ: «Поль Деруледъ, какъ воинъ и патриотъ», СХХХХV, мартъ, 1144—1145.

Джонстонъ, Ф., англичанинъ, авторъ статьи о религіозномъ движеніи въ Китаѣ, СХХХХV, февраль, 738—740.

Диллонъ, корреспондентъ «Таймса», СХХХХVI, апрѣль, 145.

Дилькъ, Чарльзъ, извѣстный англійскій политическій дѣятель (его воспоминанія о франко-прусской войнѣ), СХХХХV, февраль, 717—721.

Дистервегъ, Адольфъ. Рецензія Г. Зоргеридфея о переведенной А. О. Гретманомъ, подъ редакціей Д. Н. Королькова, книгѣ его: «Руководство для нѣмецкихъ учителей. Книгоиздательство К. И. Тихомирова. Москва», СХХХХVI, июнь, 1139, 1140.

Діацъ, Порфирій, б. мексиканскій президентъ, (его дневникъ о кончинѣ мексиканскаго императора Максимиліана). СХХХХVIII, октябрь, 315—318.

Діомидовъ, І. Петербургскій инспекторъ гимназій. Рецензія о составленной Н. Санчурскимъ при участіи: его, А. Гофмана, М. Янко, П. Барсова, І. Сѣдлачаго, Э. Кесслера и В. Марданова книгѣ: «Краткій очеркъ римскихъ дневностей. Для гимназій, прогимназій и самообученія. 5-е изданіе, исправленное и дополненное Спб., 1914», СХХХХV, мартъ, 1123.

Діонисій, иконописецъ, СХХХХVII, июль, 313.

Дмитріевы:

— А. Рецензія Маріи К—вой о переведенной ею, подъ редакціей А. Кнзеветера и съ его вступительною статьею, книгѣ: «Мемуары князя Адама Чарторійскаго и его переписка съ императоромъ Александромъ І. Книгоиздательство К. Некрасова. Москва. 1912—1913. Т. І. Т. II», СХХХХV, мартъ, 1091—1095.

— Н. Рецензія Я. Бирюкова о книгѣ его: «Национальная школа. Спб. 1913», СХХХХVIII, октябрь, 281, 282.

Доброклонскій, А. П., профессоръ, въ замѣткѣхъ: «Пятидесятилѣтіе новороссійскаго университета», СХХХХVII, августъ, 728.

Доброловскій, К. С. Замятка его: «По поводу некролога архіепископа Стефана», СХХХХVIII, октябрь, 352.

Доброумовъ, С. Рецензія о книгѣ его: «Допской монастырь въ Москвѣ. Москва, 1914», СХХХХVI, июнь, 1149.

Довнаръ-Запольскій, М. В., проф. Рецензія К—шова о составленномъ П. Д. Половскимъ, подъ его редакціей: «Историко-художественномъ атласѣ по русской исторіи съ объяснительнымъ текстомъ. Киевъ. 1913. Вып. I», СХХХХV, февраль, 703, 704. Упомян. тамъ же, 668.

Додоновъ, А. М., артистъ-пѣвецъ и учитель пѣнія. Некрологъ его: СХХХХVI, апрѣль, 364, 365.

Додэ, Леонъ. Рецензія Л. Н. о книгѣ его: «Передъ войной. Исследования и документы о пѣмецко-еврейскомъ шпионствѣ во Франціи со временъ дѣла Дрейфуса. Съ французскаго переведено. Н. М. Лаговымъ. Спб. 1913», СХХХХV, февраль, 694—696.

Додэ, Эрнестъ, французскій писатель, СХХХХV, мартъ, 1131, СХХХХVIII, октябрь, 304—307.

Долговъ, Н. П. Его статья: «О нравственномъ обликѣ В. В. Самойлова», СХХХХVIII, ноябрь, 519—526.

Долгорукіе:

— Анна, княжна, первая начальница Смольнаго института, СХХХХVI, июнь, 989.

— Н. А., князь фаворитъ Петра II, СХХХХVII, августъ, 537.

— Н. Б., княгиня. Рецензія И. С. Б. о книгѣ: «Своеручныя записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери генераль-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. Изданіе состоящаго подъ высочайшимъ покровительствомъ императорскаго общества любителей древней письменности Спб. 1913», СХХХХV, январь, 319, 320; (по поводу ея записокъ), СХХХХVI, августъ, 537.

— Д. П., князь (его письмо объ избраніи папы Льва XII), СХХХХVIII, октябрь, 293—295.

— Н. М., князь, писатель, СХХХХVI, июнь, 1004, 1005; (по поводу его записокъ), 1144—1146; СХХХХVII, августъ 689, 696—698, СХХХХVIII, ноябрь 660.

Долгорукіе, Долгоруковы, Долгорукіе-Аргутинскіе. О нихъ въ рецензированной Б. Горскимъ книгѣ: «Кн. Оедоръ Долгорукой. «Долгорукіе, Долгоруковы и Долгорукіе-Аргутинскіе ч. II. Матеріалы 460 фамиліи. Спб. 1913», СХХХХV, мартъ, 1106—1108.

Долгорукой, Оедоръ, князь (см. Аргутинскій-Долгорукой). Рецензія Б. Гар-

скаго о книгахъ его: 1) Долгорукіе, Долгоруковы-Аргутинскіе. Ч. II. Матеріалы 460 фамилій. Спб. 1913. — 2) Извлеченіе изъ генеалогіи царственной персидской династіи, в. I et a. Издано въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ «не для продажи». — 3) Родословный сборникъ (съ гербами). Выпускъ I. Спб. 1913», СХХХV, мартъ, 1106—1108.

Доливо-Добровольскій, директоръ гатчинскаго института, СХХХV, мартъ, 925, 930—933.

Дондуковъ-Изьдиновъ, Л. И., князь, курскій губернскій предводитель дворянства, инициаторъ основанія курскаго историко-археологическаго музея, СХХХVII, августъ, 725.

Донелли, Игнатій, англичанинъ, (поиски древней Атлантиды), СХХХVII, августъ, 712, 713.

Достоевскій, Ф. М., писатель, (прочество о Пушкинѣ), СХХХVI, июнь, 897—899.

Драгомировъ, М. И., (его острога), СХХХV, мартъ, 910.

Дрейфусъ, въ рецензированной Л. Н. книгѣ: «Леонъ Додэ. Передъ войной. изслѣдованія и документно нѣмецко-еврейскомъ шпионствѣ во Франціи со времени дѣла Дрейфуса. Съ французскаго переведено Н. М. Лаговымъ. Спб. 1913», СХХХV, февраль, 694—696.

Дрентельнъ, А. Р., шефъ жандармовъ, въ статьѣ А. Н. Витмера: «Мой первый начальникъ Александръ Романовичъ Дрентельнъ (Изъ «Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ»), СХХХV, мартъ, 886—912.

Дрожжинъ, С. Д., поэтъ-народникъ, (его юбилей), СХХХV, январь, 371.

Дружининъ, проф., прот. Рецензія Г. Зоргефрея о переведенной имъ, подъ редакціей Д. Н. Королькова книгѣ Джюванни Антонио Райнери: «Педагогика въ пяти книгахъ. Книгоиздательство. К. И. Тихомирова. Москва», СХХХVI, июнь, 1139, 1140.

Дружининъ, К. И., генералъ, военный писатель. Некрологъ его: СХХХVIII, октябрь, 341—344.

Дубасовъ, контръ-адмиралъ., СХХХV, февраль, 630.

Дуббельтъ, по поводу его записокъ, СХХХV, январь, 330.

Дувинъ, И. П. Его статья: «Селеніе Николаевское Бердянскаго уѣзда и посѣщеніе его покойнымъ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ въ 1863 году», СХХХVI, апрѣль, 265—268.

Дурново, П. Н., директоръ департамента полиціи, СХХХVI, апрѣль, 157.

Дэрби, графъ, англійскій министръ. СХХХVI, апрѣль, 85.

Дюкло, Мари, авторъ статьи о Шарлѣ де-Севинье, СХХХV, мартъ, 1140—1144.

Дюканэль, Феликсъ, французскій критикъ, СХХХVIII, декабрь, 1027.

Дюшенъ, Л. Рецензія П. Б. о книгѣ его: «Исторія древней церкви. Т. I и II. М. 1914», СХХХVI, апрѣль, 305.

Дьяченко, драматургъ, СХХХV, мартъ, 1103.

Е

Е. Ш. Рецензія его: «Сказаніе о русской землѣ съ древнѣйшихъ временъ до избранія на царство Михаила Феодоровича Романова. А. Нечюлодова. 4 части съ иллюстраціями. Спб. 1913», СХХХV, мартъ, 1090, 1091.

Евгенія, св., въ рецензіи: «Новый выпускъ открытыхъ писемъ: поэма Гоголя «Мертвая Душа» въ иллюстраціяхъ художника П. П. Соколова. Снимки съ худож. сокровищъ музея бар. Штиглица. Изд. общины св. Евгеніи Краснаго Креста», СХХХVIII, ноябрь, 662, 663.

Евгеньевъ, А. Е. Его статья: «Культура» и «битва народовъ». (Объ историческомъ элементѣ на лейпцигской выставкѣ «печати и графики», СХХХVIII, октябрь, 179—188.

Евгеньевъ, В. Рецензія В. Данилова о книгѣ его: «Писатели-борцы съ крѣпостной неволей. Очеркъ изъ исторіи русской художественной литературы XVIII и XIX вв. Спб. 1914», СХХХVI, июнь, 1137, 1138.

Евреинновъ, В. А. Рецензія В. Ш. о книгѣ его: «Крестыанское дѣло по положенію 19 февраля 1861 г. Историческій очеркъ. 3 т. Спб. 1913», СХХХVIII, октябрь, 277, 278.

Евреинновъ, Н. Рецензія А. Б. о книгѣ его: «Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. «Изданіе Ильинчика. Спб. 1913», СХХХV, январь, 289, 290.

Евстафьевъ, П. В., петербургскій педагогъ, составитель учебныхъ книгъ по словесности. Некрологъ его: СХХХVI, апрѣль, 365.

Егоровъ, А. Е. (Конспаровъ). Рецензія А. Фаресова о книгѣ его: «Страницы изъ прожитаго. Одесса. 1914. Тома I и II», СХХХV, мартъ, 1110.

Егорьевъ, В. К., журналистъ. Некрологъ его: СХХХVI, май, 763.

Екатерина I, императрица, (сатира на нее), СХХХVI, май, 542, 543.

Екатерина, виртембергская, принцесса супруга вестфальскаго короля Жерома Бонапарта, въ замѣткѣ: «Крестница Екатерины Великой», СХХХVII, сентябрь, 1040—1042.

Екатерина II, императрица, въ статьѣ З. Е. Мордвиновой: «Смольный институтъ въ эпоху императрицы Екатерины II» СХХХVI, июнь, 987—1008.—Ея собственноручное наставленіе великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ, СХХХV, январь, 293; (въ запискахъ гр. Рожера Дама), СХХХVI, май, 717, 720; въ замѣткѣ: «Пулоторастолѣтіе Смольнаго института», СХХХVI, июнь, 1172.—Въ статьѣ А. Б. Михайлова: «Истинные виновники раздѣла Польши. (Историческая справка)» СХХХVII, сентябрь, V—VIII.—Въ замѣткѣ: «Крестница Екатерины Великой», сентябрь, 1040—1042. Въ рецензированной П. Майковымъ книгѣ: «Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ 143. Дипломатическая переписка французскихъ представителей при дворѣ императрицы Екатерины II. Ч. III. 1769—1772. Спб.», СХХХVIII, декабрь, 1006—1008.

Елагинъ, цензоръ, (мѣніе его о Петрѣ и патриархѣ Никонѣ), СХХХVI, май, 497, 499.

Елизавета Алексѣевна, императрица, (СХХХV, мартъ, 866—868, 876, 881; (кончина ея) 883, 884. СХХХVI, сентябрь 861, 862.

Елизавета Петровна, императрица, СХХХVII, сентябрь, 1001.—Въ замѣткѣ: «Сто пятьдесятъ лѣтъ императорской петроградской академіи художествъ», СХХХVIII, ноябрь, 685.

Емельянова, О. В., писательница. Некрологъ ея: СХХХV, февраль, 756, 757.

Ермолина, М. Е., писательница, СХХХVI, июнь, 956, 957, 966.

Ермоловъ, Александръ. Рецензія В. А. Алексѣева о книгѣ его: «Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. 1777—1861 гг. Биографическій очеркъ. Спб., СХХХV, мартъ, 1086—1090. Къ этой рецензіи замѣтка А. Ермолова: «По поводу рецензіи В. А. Алексѣева», СХХХVI, апрѣль, 369, 370

Ермоловъ, А. П., полководецъ. Въ рецензированной В. А. Алексѣевымъ книгѣ: «Александръ Ермоловъ. — Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. 1777—1861 гг. Биографическій очеркъ. Спб.», СХХХV, мартъ, 1086—1090.

Есипова, А. Н., профессоръ петроградской консерваторіи. Некрологъ ея: СХХХVII, сентябрь, 1067.

Ефимовъ, Н. Рецензіи его: 1) «XL—L. Сборникъ статей въ честь Дмитрія Александровича Коссакова. Казань. 1912», СХХХV, февраль, 667—669.—2) «И. Кирилловъ. Третій Римъ. Очеркъ историческаго развитія идеи русскаго мессіанизма. М. 1914», СХХХVIII, октябрь, 274, 275.

Ефросинія Ярославна, княгиня, (по поводу памятника ей въ Путивлѣ), СХХХV, февраль, 753, 754; СХХХVII, августъ, 726.

Ж

Ж. Рецензія его: «Фантомъ. Г. Т. Сьерверденъ). По старинному «Заморскому пути». Путевыя замѣтки по Сѣверу, встрѣчи, итоги и впечатлѣнія. Спб. 1914», СХХХVIII, октябрь, 286, 287.

Ждановъ, А. М., членъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія, б. профессоръ астрономіи и ректоръ университета, писатель. Некрологъ его: СХХХVI, июнь, 1179, 1180.

Жераръ-Нюлотъ, лондонскій коммерсантъ, въ замѣткѣ: «Проключеніе провинціала въ Парижѣ», СХХХVII, сентябрь, 1038—1040.

Жерве, В. Рецензія о книгѣ его: «Императорская главная квартира. Исторія государственной свиты. Царствованіе императора Александра II. Главный редакторъ. Генераль-отъ кавалеріи Д. А. Скалопъ. Редакторъ и составитель полковникъ В. К. Шенкъ. Помощникъ редактора Н. Н. Мерлинъ. Спб. 1914. Приложенія. Спб., 1914», СХХХVI, май, 690—693.

Жеромъ Бонапартъ, братъ Наполеона, король вестфальскій, въ замѣткѣ «Крестница Екатерины Великой», СХХХVII, сентябрь, 1040—1042.

Живокіни, артистъ, СХХХV, мартъ, 1110.

Животовскій, Абр. (прологъ русско-японской войны), СХХХVII, июль, 264.

Жирмундскій, В. Рецензія А. Б. о книгѣ его: «Нѣмецкій романтизмъ и современная мистика. Спб. 1914», СХХХV, январь, 303, 304.

Жомини, А. Г., дипломатъ. СХХХV, январь, 52; мартъ, 807, СХХХVI, апрѣль, 51, 81, май, 461—463.

Жоржъ-Зандъ, французская писательница, въ замѣткѣ: «Воспоминаніе о Жоржъ-Зандѣ», СХХХVIII, декабрь, 1027—1029.

Жоффрень, Марія-Тереза, (маркиза Д'Эстампъ де-Фертъ-Эмбо), оригинальная французженка, въ замѣткѣ «Царница ордена Лангюрелю», СХХХVIII, ноябрь, 674—677.

Жофръ, французскій генералисимусъ, (телеграмма его славянской трапезѣ), СХХХVIII, октябрь, 327.

Жуковскій, В. А., поэтъ, авторъ національнаго гимна, въ статьѣ бар. К. К. Штакельберга «Русскій народный гимнъ»,

СХХХVII, июль, 117, 118; уюмни. СХХХVII, сентябрь, 921.

Жуковская, Е. И., писательница. Некрологъ ея: СХХХV, февраль, 757.

Жуковский, П. Рецензія о книгѣ его: «Исторія и слово. Возрожденіе прошлаго при языкованіи. Переяславъ полтавскій. 1914», СХХХVII, июль, 338.

Жулевъ, («Скорбный поэтъ»), СХХХVII августъ, 480.

Журавлевъ, Д. Ф. Рецензія Н. А. о переведенномъ имъ историч. романѣ Мэя Уинне: «Георихъ Наваррскій». Изданіе Тамары Подлиовой. Спб. 1914. СХХХVIII, ноябрь, 652.

З

Забѣла, П. П. и его вдова. О нихъ въ рецензированной В. В. Д. книгѣ: «Матеріалы по исторіи Малороссіи. Письма П. П. Забѣлѣ и его вдовѣ (1687—1713). Подъ редакціей В. А. Модзалевскаго. Черниговъ. 1913», СХХХV, мартъ, 1112.

Загоскинъ, М. Н., писатель, въ рецензіи о книгѣ Н. Г. Вучетича: «Юрій Милославскій. Историческій романъ Загоскина въ сокращенномъ изложеніи. Москва», СХХХVIII, декабрь, 1018, 1019. Уюмни. СХХХV, мартъ, 1096, 1097.

Заиончковскій, А. М., писатель, въ статьѣ Е. С. Шумигорскаго «Изъ записной книжки историка (Восточная война 1853—1856 г.г. и книга о лей А. М. Заиончковскаго)», СХХХVII, июль, 296—303. августъ, 656—666.

Залусскій, Юсифъ (судьба «Залусской библіотеки»), СХХХV, январь, 224.

Зальцманъ, П. А. (его брошюра «Курортъ Усть-Нарова» (Гунгербургъ), СХХХVI, июль, 1088.

Замотинъ, П., проф. Рецензіи его: 1) Николай Энгельгардтъ. Исторія русской литературы XIX столѣтія. Томъ I. 1800—1850 (критика, романъ, поэзія и драма). Изданіе 2-ое, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1913», СХХХV, февраль, 674—676.—2) «Проф. В. Н. Перетцъ. Изъ лекцій по методологіи исторіи русской литературы. Исторія изученій. Методы. Источники. Коректурное изданіе на правахъ рукописи. Кіевъ. 1914», СХХХVI, апрѣль, 300—302.—3) «Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. V. (Непереводческое изданіе, выходящее подъ редакціей Б. А. Лезина). Харьковъ. 1914», СХХХVIII, ноябрь 642—644) «Романтизмъ двадцатыхъ го-

довъ XIX стол. въ русской литературѣ. Т. II. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 1913», (СХХХV, мартъ, 1095—1097.—5) «М. Ю. Лермонтовъ. Мотивы идеальнаго строительства жизни. Варшава. 1914», СХХХVII, сентябрь, 1020—1022.

Заринъ, А. Е. Его статья: «В. А. Тихоновъ. (Некрологъ)», СХХХVI, июль, 1019—1028. — Рецензія Д. М. о книгѣ его: «Сѣверный богатырь. Историческая повѣсть. Изданіе Д. П. Ефимова. Москва. 1914», СХХХVII, сентябрь, 1024.

Заринъ-Несвицкій, Ф. Е. Его статья: «Пушкинскій домъ въ Царскомъ Селѣ», СХХХVI, апрѣль, 269—279. — Рецензія Д. М.—ко о книгѣ его: «Тайна поповскаго сына. Историческая повѣсть. Съ иллюстраціями художника И. В. Симанова. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1914», СХХХVI, апрѣль, 313, 314.

Зарина-Новикова, Е. П., романистка, въ статьѣ Ф. Н.: «Ек. Ив. Зарина-Новикова», СХХХVII, июль, 225—229.

Зарѣцкій, П. В. Рецензія о книгѣ съ его рисунками: «Шварцъ, докт. мед. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. Изданіе общины св. Евгеніи. Петр. 1915», СХХХVIII, октябрь, 298.

Заяцъ, Тимофей, сектантъ, по поводу его записокъ, СХХХV, январь, 330.

Звъревъ, П. А., СХХХVI, апрѣль, 143.

Зедергольмъ, К. К. (іеромонахъ Климентъ), СХХХV, январь, 335.

Зеленинъ, Д. К. Рецензія В. Данилова о составленной имъ книгѣ: «Библиографическій указатель русской этнографической литературы о вѣдншемъ бытѣ народовъ Россіи. 1700—1910 годовъ. Спб. 1913», СХХХV, январь, 306.

Зеленко (Зеліонко), Кандидъ, въ рецензіи А. Б.: «П. П. Модестовъ. Бывшій профектъ гродненской гимназіи, іеромонахъ домишканскаго ордена, Кандидъ Зеленко въ Оренбургѣ. Труды оренбургской ученой архивной комиссіи. Выпускъ XXVIII. Оренбургъ. 1913», СХХХV, февраль, 674.

Зензиновъ, В. М. Рецензія М.—о о книгѣ его: «Старшіе русскіе люди у Холоднаго океана. Русское Устье Якутской области, Верхоянскаго уѣзда. Съ предисловіемъ В. В. Богданова. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное, Москва. 1014», СХХХVII, июль, 332—334.

Зиновьевъ, П. А., русскій посолъ въ Константинополь, СХХХVIII, декабрь, 880—887.

Золотаревъ, Алексій. Рецензія Л. Карсавина о переведенной имъ, съ его примѣчаніями, книгѣ Джордано Бруно:

«Изгнание торжествующаго звѣря. 1914», СХХХVII, августъ, 684—685.

Зоргенфрей, Г. Рецензія его: «Педагогическая бібліотека подъ редакціей Д. Н. Королькова. Книгоиздательство К. И. Тихомирова. Москва. Адольфъ Дистервегъ. Руководство для пѣмецкихъ учителей. Перев. съ нѣм. А. О. Гретманъ. Джіованни Антонио Райнери. Педагогика въ пяти книгахъ. Перев. проф. прот. Дружинина. Фридрихъ Фребель. Педаг. соч. Т. 1. Перев. Городецкаго. Изданіе 2. Т. II. Перев. Н. Н. Соколова. Фенелонъ. О воспитаніи дѣвицъ. Перев. съ франц. Недачина. Изд. 2. М. М. Рубинштейнъ. Очеркъ педагог. психологіи въ связи съ общей педагогикой», СХХХVI, июнь, 1139. 1140.

Зубовъ, князь, фаворитъ Екатерины II (начинаетъ свою житейскую карьеру скрипачемъ), СХХХVII, августъ, 696.

Зыковъ, В. П., ученый зоологъ. Некрологъ его: СХХХV, февраль, 757, 758.

Зѣлинскій, О. Ф., проф. Рецензія Я. Бирюкова о переведенной имъ съ его вступительными статьями и комментаріями книгъ: «Овидій. Баллады-посланія. (Памятники міровой литературы. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. Москва. 1913», СХХХV, январь, 323, 324; мартъ, 1156, 1157 (чествованіе его).

И

И. А. Л. СХХХV, мартъ, 1120, (процессъ декабристовъ среди хохловъ).

И. Г. Его статья: «Памяти графа А. А. Голенищева-Кутузова», СХХХV, январь, 145—149. — Замѣтка П. С. Иванайнена къ статьѣ его: «Послѣдній изъ стаи славной» (№ 3, 1913, о гр. А. А. Голенищевѣ-Кутузовѣ), СХХХV, мартъ, 1168.

И. З. Рецензія его: «Б. В. Нейманъ. Вліяніе Пушкина въ творчествѣ Лермонтова. 1814—3-го октября—1914. Кіевъ. 1914», СХХХVIII, декабрь, 1013, 1014.

И. И. Замѣтка его: «По поводу статьи «Ревнитель просвѣщенія (памяти П. Г. Шеллапутина) (Историческій Вѣстникъ)», июль 1914 г., стр. 230—237», СХХХVIII, октябрь, 351, 352.

И. С. Б. Рецензія его: 1) Пятидесятилѣтіе Румянцевскаго музея въ Москвѣ. 1862—1912 г.г. Историческій очеркъ. Москва. 1913», СХХХV, январь, 286—289.—2) «Своеручныя записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери генераль-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. Изданіе состо-

щаго подъ высочайшимъ покровительствомъ императорскаго общества любителей древней письменности. Спб. 1913», СХХХV, январь, 319, 320.—3) «Отчетъ московскаго публичнаго и румянцовскаго музея за 1912 г. представленный министру народнаго просвѣщенія. Москва. 1913», СХХХV, февраль, 670—672.

Ивановъ, А. А., художникъ, (пожертвованіе государемъ его картины), СХХХV, январь, 287.

Ивановъ, Ив., профессоръ. Рецензія Вл. Ф. Штейна о книгѣ его: «И. С. Тургеневъ. Жизнь. Личность. Творчество. Нѣжинъ. 1914», СХХХV, январь, 297—300.

Иванайненъ, И. С., Замѣтка его къ статьѣ г. П. Г. «Послѣдній изъ стаи славной» (1913, № 3), о гр. А. А. Голенищевѣ-Кутузовѣ. СХХХV, мартъ, 1168.

Ивановъ, Зиновій, изъ крѣпостныхъ. СХХХVI, май, 724, 725.

Игнатьевъ, А. П., графъ, лѣсной концессионеръ, («Прологъ русско-японской войны»), СХХХVII, сентябрь, 963.

Игнатьевъ, Н. П., графъ. Его: «Записки, (съ примѣчаніями А. А. Башмакова)», СХХХV, январь, 49—75, февраль, 441—462, мартъ 805—836; СХХХVI, апрѣль, 50—85, май, 430—468, июнь, 825—863; СХХХVII, июль, 54—93.—(Записка о поѣздкѣ его по европейскимъ столицамъ), СХХХVIII, октябрь, 290, 291. Упомин. декабрь, 883.

Игнатьевъ, Т. Его: некрологъ В. С. Голубева, СХХХVIII, декабрь, 1049, 1050.

Игорь, князь новгородъ-сѣверскій, герой «Слово о полку Игоревѣ», по поводу открытія ему памятника въ Путивлѣ, СХХХV, февраль, 753, 754.

Извольскій, А. П., министръ иностранныхъ дѣлъ. СХХХV, февраль, 456.

Измайловъ, генераль, командовавшій рязанскимъ ополченіемъ съ Отечественную войну, СХХХVI, июнь, 1128.

Измайловъ, А. А. Его статьи: 1) «Новости исторіи. Обзорніе журналовъ», СХХХV, январь, 327—345, февраль, 705—731, мартъ, 1114—1121; СХХХVI, апрѣль, 316—324, май, 714—725, июнь, 1141—1147; СХХХVII, августъ, 691—699, сентябрь, 1025—1030; СХХХVIII, октябрь, 288—295, ноябрь, 653—660.—2) «Подъ фіолетовой мантией. (Эпизодъ изъ жизни бывш. эхзарха Грузіи архіеп. Пикона)», СХХХVI, май, 554—562; июнь, 915—926. 3) «А. А. Луговой. (Литературная характеристика)», СХХХVIII, декабрь, 919—934.

Израиль (Никулицкій), епископъ вологодскій, СХХХV, январь, 342—344.

Искуль, В. Я., баронъ. Рецензія о книгѣ его: «Полное собраніе сочиненій. Т. I. Названные братья. Романъ. Ревель. 1914», СХХХVI, май, 726—727.

Иловайскій, Д. И., проф., историкъ (преміи его имени), СХХХVI, апрѣль, 360, 361. Упомян. июнь, 970, 971.

Ильинскій, А. Н. Рецензія о переведенной имъ, подъ ред., съ предисл. и примѣч. проф. В. П. Сперанскаго, книгѣ Франческо Руффини: «Религіозная свобода. История идеи. Вып. I. Изданіе Н. П. Карбаеникова. Спб. 1914», СХХХVI, май, 728.

Ильяшевичъ, А., роменскій исправникъ во время революціи, СХХХV, мартъ. 998, 1008—1011.

Илляшевичъ, Л. Я., журналистъ. Некрологъ его: СХХХVII, августъ. 731, 732.

Имеретинскій, А. К., князь, генералъ-адъютантъ, СХХХVIII, ноябрь, 439, 440.

Иннокентій, іеромонахъ Добрушскаго монастыря (пницаторъ религіозной смуты), въ статьѣ В. В. Данилова: «Въ молдавскомъ монастырѣ», СХХХVIII, ноябрь 606—608.

Иностранцевъ, К. Л., (о теремѣ), СХХХV, январь, 294.

Ириной, (Нестеровичъ), архіепископъ иркутскій, (по поводу его помраченія), СХХХVI, апрѣль, 318—321.

Ито, маркизъ, японскій, дипломатъ, СХХХV, мартъ, 1039, 1040.

Исаевъ, Л. Рецензія о книгѣ его: «Кризисъ въ народномъ хозяйствѣ. Спб. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 650, 651.

Исаковъ, Н. В., первый директоръ московскаго публичнаго музея и Румянцевскаго музея, СХХХV, январь, 287.

Исаковъ, П. Забѣтка его: «Нѣсколько словъ по поводу статьи Е. С. Шумигорскаго «Взятіе Парижа и его историческое значеніе» («Истор. Вѣстн.»—мартъ), СХХХVI, апрѣль, 370—373. Отвѣтъ Е. Шумигорскаго на эту забѣтку, апрѣль, 374—382.

Исидоръ, митрополитъ петербургскій, ХХХV, февраль, 707, 708.

Искра, обличитель Мазепы (конкурсъ на составленіе историческаго очерка его подвига), СХХХVII, июль, 361.

Истоминъ, В. К., писатель и администраторъ. Некрологъ его: СХХХVIII, декабрь, 1050, 1051.

Ичасъ, М. М., членъ Государ. Думы, въ замѣткѣ: «Декларация литовцевъ», СХХХVII, октябрь, 329.

І

—ій. Рецензія его: «Столица усадьба». Журналъ красивой «жизни». Спб. 1914. №№ 1—15», СХХХVIII, октябрь, 285, 286.

Иезавель, израильская царица, СССХVI, июнь, 1139.

Іеронимъ, пробощъ, настоятель, іезуитскаго костела, формировавшей мятежныя польскія банды, СХХХVII, августъ, 416.

Іоакимъ, патріархъ, СХХХVII, июль, 309.

Іоаннъ, монахъ, (предсказаніе войны), СХХХVIII, декабрь, 897.

Іоаннъ (въ монастырѣ Іона), священникъ, основатель Пеково-печорскаго монастыря, СХХХVIII, августъ, 650.

Іоаннъ Кронштадтскій (Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ) протоіерей, СХХХVI, апрѣль, 146, 147.

Іонинъ, А. С., дипломатъ, СХХХV, январь, 72—74.

Іосифъ II, австрійскій императоръ, СХХХVI, июнь, 1129.

Іосифъ, король, братъ Наполеона I, въ замѣткѣ: «Занятіе русскими войсками Монмартра», СХХХVI, май, 735, 736.

Іустинъ, епископъ (его вольнодумство), СХХХV, январь, 333, 334.

К

К. Рецензія его: 1) «Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ юрисконсультскомъ университетѣ. Томъ XVIII. Юрьевъ. 1911. Томъ XIX. Юрьевъ. 1912», СХХХV, январь, 307—309.—

2) «Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1913. IV кн. 1914. I кн.», СХХХVI, май, 695—697.—

3) «Памятная книжка сенатскаго архива. Спб. 1913», СХХХVIII, октябрь, 287.

К. Р. Рецензія В. Данилова о книгѣ его: «Царь Іудейскій. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ. Спб. 1914», СХХХVI, апрѣль, 302—304.

Кн. Рецензія его: «А. С. Архангельскій, заслуженный профессоръ. Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Литература Московскаго государства (конца XV—XVII вѣковъ). Казань. 1913», СХХХV, январь, 296, 297.

К—шовъ. Рецензія его: 1) «Историко-культурный атласъ по русской исторіи съ объяснительнымъ текстомъ. Составленъ Н. Д. Полонской, подъ редакціей проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Кіевъ. 1913, вып. I, СХХХV, февраль, 703, 704.—2)

- «Стѣнная карта «Русскіе славяне и ихъ сосѣди въ IX—X в.в.». Для класснаго употребленія, приспособленная къ учебнику русской исторіи проф. С. Ѳ. Платонова, съ приложеніемъ атласа «Памятники искусства русскихъ славянъ и ихъ сосѣдей до XII вѣка, 28 таблицъ съ 228 рис. подъ редакціей съ объяснительнымъ текстомъ Н. Е. Макаренка. Спб. 1914. Изд. Я. Башмакова и К-а», СХХХVIII, ноябрь, 640, 641.
- Н. С.** Его статья: «Домъ науки имени Н. И. Макушина въ Томскѣ», СХХХVII, июль, 217—224.
- де-Набра**, Сабатье, повѣренный въ дѣлахъ Франціи при спб. дворѣ въ царствованіе Екатерины II, СХХХVIII, декабрь, 1007, 1008.
- Кавальери**, Эмпіліо, итальянскій композиторъ, предтеча Вагнера, СХХХVII, июль, 344, 345.
- Каверинъ**, П. П., въ рецензированной С. фонъ-Штейномъ книгѣ: «Ю. Н. Щербачевъ. «Пріятели Пушкина—Михаилъ Андреевичъ Щербининъ и Петръ Павловичъ Каверинъ. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей росіейскихъ при московскомъ университетѣ. Москва. 1913», СХХХVII, августъ, 686—689.
- Кагаровъ**, Евг. Рецензія Б. о книгѣ его: «Культь фетишей, растеній и животныхъ въ древней Греціи. Спб. 1913», СХХХV, январь, 300, 301.
- Каджаръ-ханъ**, туркменскій дѣятель, СХХХVIII, ноябрь, 496—498, 512.
- Кадминъ**, Н. Рецензія П. Б. о книгѣ его: «Философія убійства. Москва. 1913», СХХХV, январь, 326.
- Кадыновъ**, Ив. Пв., камеръ-фурьеръ, императрицы Маріи Александровны, СХХХVII, сентябрь, 1027—1028.
- Казанскій**, П. Е., ординарный профессоръ и деканъ юридическаго факультета императорскаго новоросіейскаго университета. Рецензія В. Грибовскаго и книгѣ его: «Власть всеросіейскаго императора. Очерки дѣйствующаго русскаго права. Одесса. 1913», СХХХV, январь, 284—286.
- Казанскій**, П. С., профессоръ духовной академіи, СХХХVI, апрѣль, 322.
- Казимиръ Ягеллончикъ**, польскій король, СХХХVIII, декабрь, 1009.
- Казоханинъ**, М. Его статья: «Самозванецъ Калугинъ», СХХХVI, апрѣль, 167—173.
- Калиостро**, магъ и волшебникъ, въ замѣткѣ: «Новый взглядъ на Калиостро». СХХХVIII, декабрь, 1032—1034.
- Калужнянскій**, Э., профессоръ, ученый славистъ. Некрологъ его: СХХХVII, августъ, 732, 733.
- Калугинъ**, бродяга, (Лже-царевичъ) Константинъ Павловичъ, въ статьѣ М. Казоханина «Самозванецъ Калугинъ, СХХХVI, апрѣль, 167—173.
- Кальмановичъ**, присяжн. повѣренный, въ статьѣ Л. Гапа «Убійство П. А. Столыпина», СХХХV, мартъ, 965, 967, 968; СХХХVI, апрѣль, 202.
- Канкринъ**, И. В., графъ. Рецензія о книгѣ его: «Отъ Гамбурга до Петрограда въ 13 дней. Петр. 1914», СХХХVIII, октябрь, 298.
- Канторовичъ**, Я. А. Рецензія Г. Гинса о книгѣ его: «Конвенція между Россією и Германією для защиты литературныхъ, и художественныхъ произведеній. Спб. 1913». Съ алфавитнымъ указателемъ. СХХХV, январь, 309, 310.
- Канъ-ю-вэй**, любимецъ богдыхана, СХХХV, мартъ, 1039, 1049, 1050.
- Каракашъ**, Н. И., профес., СХХХV, мартъ, 1158 (его юбилей).
- Карамзинъ**, Н. М., историкъ. Рецензія о сочиненіи его: «Залиска о дневней и новой Россіи. Изданіе графини М. Н. Толстой. Подъ ред. проф. В. В. Сиповскаго. Спб. 1914», СХХХVI, май, 728; (предложеніе государыни заняться исторіей), СХХХVII, августъ, 691, 692.
- Карграмъ**, Генріэтта. Рецензія В. Грибовскаго о книгѣ ея: «Юконтанджуйская республика. Спб. 1914», СХХХVII, июль, 327, 328.
- Карль**, князь румынскій, СХХХV, январь, 64.
- Карль II**, англійскій король, въ замѣткѣ «Къ исторіи короля Лира» (исправленіе пьесы), СХХХV, февраль, 723.
- Карль X**, французскій король, СХХХVI, июнь, 1108.
- Карль-Августъ**, герцогъ саксенъ-веймарскій, СХХХVII, сентябрь, 1043, 104.
- Карль-Альбертъ**, сардинскій король. (его правленіе и отреченіе), СХХХVI, апрѣль, 342—344.
- Карно**, президентъ французской республики, въ замѣткѣ «Воспомнаніе о заключеніи франко-русскаго союза», СХХХVII, сентябрь, 1037, 1038.
- Карповъ**, Е. П. Его статья: «А. С. Суворинъ и основаніе театра литературно-артистическаго кружка (Страницка изъ воспомнаній «Минувшее»), СХХХVII, августъ, 449—470, сентябрь, 873—902.
- Карсавинъ**, Л. Рецензія его: «Джордано Бруно. Изгнаніе торжествующаго звѣря. Переводъ и примѣчанія Алексея Золотарева. 1914», СХХХVIII, августъ, 684, 685.
- Каръвъ**, Н. И. Рецензія П. Б. о книгѣ его: «Революціонные комитеты париж-

скихъ секцій. Спб. 1913», СХХХV, январь, 301, 302 (редактирование исторического журнала) мартъ, 1119.

Насо, Л. А., министр народнаго просвѣщенія, СХХХV, февраль, 745—747.

Настальскій, П. Е., журналистъ. Некрологъ его: СХХХVII, сентябрь, 1067, 1068.

Натанскій, А. Л., проф., (его юбилей), СХХХV, январь, 368, 369).

Натенинъ, полковникъ, стихотворецъ во вкусъ Баркова, СХХХVII, августъ, 807.

Науфманъ, А. Е. Его статьи: 1) «Культурный праздникъ. (Къ столѣттю со дня открытiя императорской публичной библиотеки)», СХХХV, январь, 221—233.— 2) «Къ развалу Оттоманской имперiи. (Изъ записной книжки константинопольскаго корреспондента)», СХХХVIII, декабрь, 877—887.— 3) Его: некрологъ А. Л. Мордовцева, СХХХV, январь, 379, 380—4) Его же: некрологи: СХХХVIII, октябрь, Е. Г. Бартенева, 339, 340, К. П. Дружинина, 341—344.

Начини, Джулио, итальянскiй, композиторъ, предтеча Вагнера, СХХХVII, июль, 344, 345.

Нашкинъ, Н. С., петрашевецъ, въ статьѣ А. С. Панкратова «Послѣднiй петрашевецъ», СХХХVII, августъ, 556—566.

Нвашинъ-Самаринъ, П. Рецензiя Л. Л. о книгѣ его: «Княжая пѣснь. Историческая поэма въ 428 пѣсняхъ. Часть I. Спб. 1914», СХХХVIII, октябрь, 281.

Нвѣцинскiй, полковникъ, СХХХVII, сентябрь, 961.

Недровъ, Н. (его статьи о московскомъ митрополитѣ Филаретѣ), СХХХVII, августъ, 694—696.

Недровъ, С. И., преподаватель, писатель. Некрологъ его: СХХХVIII, октябрь, 344, 345.

Нелеръ, Генрихъ, служившiй въ императорской публичной библиотекѣ, (инициаторъ крымской археологiи), СХХХVIII, ноябрь, 545.

Неллеръ, нѣмецкiй оберъ-финансовый совѣтникъ (о колонизации Россiи), СХХХVIII, декабрь, 909.

Ненекъ, Жанъ, французскiй депутатъ, «одинъ изъ правыхъ конвента», СХХХV, мартъ, 1129, 1131.

Неплеръ, астрономъ, СХХХVII, августъ, 576, 578.

Нербедзъ, инженеръ, СХХХV, февраль, 633.

Нерзинъ, А. М., музыкальный дѣятель, основатель кружка любителей русской музыки. Некрологъ его: СХХХVIII, ноябрь, 700, 701.

Несслеръ, Э., преподаватель петербургской гимназiи. Рецензiя о составленной Н. Санчурскимъ при участiи его, А. Гофмана, М. Янко, П. Барсова, И. Дюмидова, I. Съдлатаго и В. Марданова книгѣ: «Краткiй очеркъ римскихъ древностей. Для гимназiй, прогимназiй и самообученiя. 5-ое изданiе, исправленное и дополненное. Спб., 1914», СХХХV, мартъ, 1123.

Нетрицъ, В. Д., СХХХV, мартъ, 1069, 1070.

Неттелеръ, баронъ, германскiй посолъ въ Китаѣ, (кара за убiйство его), СХХХV, апрѣль, 258, 259.

Низеветтеръ, А. Рецензiя Марiи К—ой объ изданной подъ его редакцiей и съ его вступительной статьей книгѣ: «Мемуары князя Адама Чарторижскаго и его переписка съ императоромъ Александромъ I. Переводъ съ французскаго А. Дмитриевой. Книгоиздательство К. Некрасова. Москва. 1912—1913. Т. I. Т. II», СХХХV, мартъ, 1091—1095. Упоми., февраль, 668.

Никодзе, М. А., грузинскiй журналистъ. Некрологъ его: СХХХV, мартъ, 1161, 1162.

Нимбаръ, Зина (случай съ Н. Г. Рубинштейномъ), СХХХVII, мартъ, 851—857.

Кирилловъ, П. Рецензiя Ник. Ефимова о книгѣ его: «Третiй Римъ. Очеркъ историческаго развитiя идеи русскаго мессiанизма. М. 1914», СХХХVIII, октябрь, 274, 275.

Кириановъ, М. М., одесситъ-археологъ, СХХХVIII, ноябрь, 550, 551.

Кирпичниковъ, А. И., проф., писатель, СХХХVIII, октябрь, 205.

Киселевъ, А. А., академикъ живописи, въ рецензию Н: «Академикъ живописи Александръ Александровичъ Киселевъ (1838—1911 г.). Альбомъ фотографическихъ снимковъ съ его картинъ. Исполнено К. А. Фишеромъ въ Москвѣ. Биографiя Киселева. Подъ редакцiей П. П. Гнѣдича. Воспоминанiя профессора И. Е. Рѣшина. 22 таблицы. М. 1914», СХХХVI, май, 711.

Кирхейзенъ, Ф. Рецензiя П. В. о книгѣ его: «Наполеонъ Первый. Томъ I. М. 1913», СХХХVI, апрѣль, 307, 308.

Киамиль-паша, турецкiй великiй визиръ, СХХХVIII, декабрь, 881—883.

Клапна, Георгiй, генералъ венгерской революцiи, СХХХVII, июль, 55, 56.

Клеменцъ, Д. А., журналистъ, этнографъ и антропологъ. Некрологъ его: СХХХV, февраль, 758.

Клеменцъ, Е. Н., писательница, этнографъ, археологъ и ботаникъ.

Некрологъ ея: СХХХV, февраль, 759, 760.

Клочковъ, М. В. проф. Рецензія его: 1) «Историческая панорама Санктпетербурга и его окрестностей», изданіе московскаго т-ва «Образованіе», ч. I, VI, VII и VIII. М. 1911—1913 г., СХХХVI, апрѣль, 294—296.— 2) Валншевскій, К. Сынъ Великой Екатерины. Императоръ Павелъ I, его жизнь, царствованіе и смерть. Изданіе т-ва А. С. Суворина «Новое Время». Спб., 1914 г. Съ иллюстраціями, СХХХVI, июль, 1122—1126. 3) Рецензія о книгѣ его: «Земскіе соборы. Историческій очеркъ. 2-е изданіе, испр. и дополн. Изданіе книжн. маг. П. В. Луковникова. Спб. 1914», СХХХVIII, октябрь, 297. Упомин. СХХХV, февраль, 668.

Ключевскій, В. О., профессоръ-историкъ (въ воспоминаніяхъ М. Голубцовой и Е. Барсова), СХХХVIII, ноябрь, 656—669.

Клюшниковъ, И. П., поэтъ, СХХХV, февраль, 677.

Кнорозовскій, И. М., музыкальный дѣятель, писатель. Некрологъ его: СХХХIII, октябрь, 345, 346.

Княжевичъ, Д. М., писатель и археологъ, почетный одесскаго учебнаго округа, СХХХVIII, ноябрь, 551, 552.

Княгининъ, В. П. Его статьи: «Два монастыря локосской земли. (Впечатлѣнія зимней поѣздки)», СХХХVII, августъ, 640—655.— Рецензія его: 1) «И. П. Гливиенко, приватъ-доцентъ императорскаго университета и преподаватель императорскаго женскаго педагогическаго института. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ (съ хрестоматіей) для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. Кіевъ 1913». СХХХVI, апрѣль, 308, 309.— 2) «И. С. Никитинъ. Полное собраніе сочиненій и писемъ. Томъ второй. Подъ редакціей А. Г. Фомина. Изд. «Просвѣщеніе». Спб. 1913», СХХХV, мартъ, 1098, 1099. Къ ней замѣтка А. Г. Фомина: «По поводу рецензіи г. Княгинина», СХХХVI, апрѣль, 382, 383. «Отвѣтъ г. Фомина», Княгинина, СХХХVI, июль, 1184.

Кобено, Д. Д., управлявшій казанскою губернію во время революціи, СХХХV, январь, 177.

Кобено, Д. О., директоръ императорской публичной библиотеки, на праздникъ столѣтія ея, СХХХV, февраль, 745, 746.

Новалевскій, В. А., членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, химикъ. Некрологъ его: СХХХV, мартъ, 1162, 1163.

Новалевскій, М. П. 1) Рецензія А. М.—на объ изданной подъ редакціей его. А. М. Васютинскаго, В. П. Перцова и К. К. Сивкова книгѣ: «Историческая коммисія ученаго отдѣла О. Р. Т. З. Книга для чтенія по древней исторіи. Ч. I. Первобытная культура. Востокъ, Греція. Для III—IV классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сборникъ статей съ 92 иллюстраціями въ текстѣ и 21 иллюстраціей на отдѣльныхъ листахъ. М. 1913.— Ч. II. Римъ-республика. Съ 77 иллюстраціями въ текстѣ и 8 иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ, М. 1913», СХХХVI, июль, 1134, 1135.— 2) Рецензія о книгѣ его, К. О. Вейхельта, В. А. Петрушевскаго и В. Я. Уладова: «Книга по русской исторіи для начальныхъ школъ и первыхъ классовъ срѣдн. учебн. зав. Изданіе 2-ое, дополн. т-ва «Н. П. Карбасниковъ». Спб. 1914», СХХХVIII, декабрь, 1017.

Нозельскій, О. Его рассказъ: «Гѣсные братья», СХХХVI, апрѣль, 86—97.

Нозловъ, П. К. Рецензія о книгѣ его: «Въ сердцѣ Азии. (Памяти М. Н. Пржевальскаго) «Знаніе для всѣхъ». Изд. П. П. Соѣкина. Спб. 1914», СХХХV, мартъ, 1122.

Нозловскій, Л. С. Рецензія о книгѣ съ его вступительной статей и объясненіями: «Герцезъ-публицистъ. Избранныя страници. Книгоиздательство «Энергія». Спб. 1914», СХХХVI, апрѣль, 327, 328.

Моковцевъ, В. П., статсъ-секретарь (по поводу убійства П. А. Столыпина), СХХХVI, апрѣль, 210.

Мокуевъ, П. Р., эитомологъ. Некрологъ его: СХХХVI, май, 763, 764.

Колларо, П. П., нештатный русскій вице-консулъ, СХХХVII, декабрь, 962—964.

Молодѣевъ, П. Х., камергеръ, бібліографъ. Некрологъ его: СХХХVII, июль, 365.

Моломининъ, А. П., СХХХVII, августъ, 450, 456, 459.

Молубовскій, Я. П., писатель. Его статья: «Изъ литературныхъ воспоминаній», СХХХVI, апрѣль, 134—149.

Молумбъ, Христофоръ, мореплаватель, въ замѣткѣ «Гдѣ находится подлинный прахъ Колумба», СХХХVII, сентябрь, 1045—1047.

Мольцовъ, А. В., поэтъ. Въ статьѣ А. И. Фирсова: «У могилъ двухъ поэтовъ», СХХХVII, августъ, 635—639.

Комаровъ, А. В., генераль. Въ статьѣ Н. В. Чарыкова: «Мирное завоеваніе Мерва. (Изъ воспоминаній о походѣ генерала А. В. Комарова въ 1885 г.)», СХХХVIII, ноябрь, 486—518.

- Кони, А. О.** Рецензія Сергѣя фонъ-Штейна о книгѣ его: «Отцы и дѣти судебной реформы (къ пятидесятилѣтію судебныхъ уставовъ)». 1864—20-го ноября 1914. Москва. 1914. Изданіе товарищества И. Д. Сытина», СХХХVIII, декабрь, 1003—1005. Упомянется: СХХХV, мартъ, 1114, 1115.
- Коноваловъ, В. В.**, издатель народныхъ книгъ. Некрологъ его: СХХХV, февраль, 760.
- Константи́нъ Константиновичъ**, великій князь, президентъ академіи наукъ (собраніе академіи подъ его предѣдательствомъ), СХХХV, февраль, 741, 943; (предѣдательство въ археологическомъ обществѣ), СХХХVIII, декабрь, 1043, 1044.
- Константи́нъ Николаевичъ**, великій князь, СХХХV, январь, 136; (сборъ на сооруженіе памятника ему), СХХХVII, августъ, 728, 729. (у императора Франца-Иосифа), СХХХVIII, октябрь, 289.
- Константи́нъ Павловичъ**, цесаревичъ. Въ статьѣ М. Казоханна «Самозванецъ Калугинъ», (Юже - Константи́нъ), СХХХVII, апрѣль, 167—173. (Его письма изъ похода), СХХХV, январь, 293; (его описаніе путешествія), СХХХV, февраль, 668. Упомянется: СХХХVI, июнь, 1109, 1110.
- Контъ**, Огюсть, французскій философъ, позитивистъ. Въ замѣткѣ «Огюсть Контъ въблизи», СХХХVII, июль, 342—344.
- Конфуцій**, китайскій мудрецъ, СХХХV, февраль, 733, 739.
- Корни́лій**, псково-печерскій игуменъ, (убить Грознымъ), СХХХVII, августъ, 650.
- Коринфскій, А. А.**, поэтъ, СХХХVII, июль, 208—213.
- Корели́нъ, М.** Рецензія П. Б. о его книгѣ: «Ранній итальянскій гуманизмъ. Изданіе 2-е. Спб. 1914. Томъ I. Историческій обзоръ. Томъ II. Франческо-Петрарка. Томъ III. Джованни Боккаччо», СХХХV, май, 707, 708.
- Корольковъ, Н. Д.** Рецензія Г. Зоргенфрея объ изданныхъ подъ его редакціей книгахъ: «Педагогическая библиотека. Книгоиздательство К. И. Тихомирова. Москва. Адольфъ Дистервергъ. Руководство для нѣмецкихъ учителей. Перев. съ нѣмецк. А. О. Гретманъ.— Джіовани Антонио Райнери. Педагогика въ пяти книгахъ. Перев. проф. прот. Дружинина. Фридрихъ Фребель. Педаг. соч. Т. I. Перев. Городецкаго. Изд. 2-е. Т. II. Перев. Н. Н. Соколова. Фенелонъ. О воспитаніи дѣвѣцъ. Перев. съ франц. Недачина. Изд. 2-е. М. М. Рубинштейнъ. Очерки педагогическ. психологін въ связи съ общей педагогикой». СХХХVI, июнь, 1139, 1140.
- Корженевскій, Н.** Его статья: «На перевалѣ Сарыкъ-моголь. (Изъ скитаній по горному Туркестану)», СХХХV, январь, 250—258.
- Коростелевъ, А. И.** Его статья: «Балты и войпа», СХХХVIII, ноябрь, 588—597.
- Корсаковъ, Д. А.** Его статья: «С. Н. Шубинскій и «Древняя и Новая Россія, СХХХVI, июнь, 977—986. О пемъ въ рецензированной Н. Ефимовымъ книгѣ «XL—L. Сборникъ статей въ честь Дмитрія Александровича Корсакова. Казань. 1912—1913», СХХХV, февраль, 667—669. Рецензія Д. М.—ко о книгѣ Е. А. Сабанѣевой, съ его предисловіемъ: «Воспоминанія о быломъ. Изъ семейной хроники. 1770—1838. Редакція и примѣчанія. Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1914», СХХХV, июнь, 1130, 1131.
- Кортней, В.**, англійскій писатель, биографъ Бальзака, СХХХVII, августъ, 710—712.
- Корфъ, М. А.**, баронъ, директоръ императорской публичной библиотеки, СХХХV, январь, 229, 230.
- Косинскій, Ю. Ф.**, профессоръ варшавскаго университета, врачъ. Некрологъ его: СХХХVI, апрѣль, 365, 366.
- Костомаровъ, Н. И.**, историкъ (письмо С. Н. Шубинскому), СХХХVI, июнь, 971, 972.
- Котляревскій, Н. А.** Его статья: «Соціализмъ». (Изъ дѣйствительной жизни)», СХХХVII, августъ, 471—476.
- Коттень, фонъ**, начальникъ петроградскаго охраннаго отдѣленія, СХХХV, мартъ, 964, 965, 968, 990.
- Кочергинъ, И. П.** Рецензія А. М.—на о книгѣ: «Историческая библиотека. «Памятники русской литературы». А. Н. Аванасевъ. Народныя русскія легенды. Подъ редакц. И. П. Кочергина, съ приложеніемъ портрета и воспоминаній А. Н. Аванасьева и двухъ статей А. Н. Пыпина. Издательство «Молодая Сила». Казань, 1914», СХХХVIII, октябрь, 280, 281.
- Кочубей**, обличитель Мазепы. (Его письма), СХХХV, мартъ, 112; (конкурсъ на составленіе историческаго очерка его подвига), СХХХVII, июль, 361.
- Кочубей, П. А.** (приобрѣтеніе минералогическимъ музеемъ его коллекціи), СХХХV, февраль, 742.
- Крамалей, М. М.**, журналистъ. Некрологъ его: СХХХVI, май, 764, 765.
- Красовъ, В. И.**, поэтъ-романтикъ, СХХХV, февраль, 677, 678.

- Красновъ, М.** Рецензія о книгѣ его: «Просвѣтителѣ Кавказа. (Труды ставропольской ученой архивной комиссіи). Ставрополь, 1914», СХХХVIII, октябрь, 296, 297.
- Крачковскій, І. Е.**, академикъ живописи. Некрологъ его: СХХХVI, июнь, 1180, 1181.
- Крестовскій, В. В.**, писатель, СХХХVI, май, 491—495, 498.
- Кривошеинъ, А. В.**, статсъ-секретарь. Въ замѣткѣ «Русскіе курорты». СХХХVIII, ноябрь, 695.
- Криница, П.** Рецензія его: «Атласъ Азиатской Россіи. 60 картъ—12 диаграммъ. «Азиатская Россія». Т. I. «Люди и природа за Ураломъ». Т. II. Земля и хозяйство». Спб. 1914, СХХХVII, августъ, 675—677.
- Кристинъ, французскій эмигрантъ**, СХХХV, мартъ, 1097.
- Крымзановскій, С. Е.**, госуд. секрет. (изданіе описи дѣлъ государственнаго совѣта), СХХХVII августъ, 680, 681.
- Крыловъ, В. А.**, писатель, театральн. дѣятель, СХХХVI, апрѣль, 322—324.
- Крыловъ, П. А.**, баснописецъ. (При открытіи публичной бібліотеки). СХХХV, январь, 226, при дворѣ императрицы Маріи Феодоровны, СХХХVII, августъ, 693, 694.
- Крымовъ, Вл.** Рецензія о книгѣ его: «Въ странѣ любви и землетрясеній, странн. рассказы и прочее. Спб. 1914», СХХХV, февраль, 716.
- Крымскій, проф.**, ориенталистъ, СХХХV, февраль, 692, 693.
- Крымъ, членъ Государств. думы**, (его хлопоты за пѣмцевъ), СХХХVIII, декабрь, 988.
- Кугель, А. Р.**, (предсѣдательство въ союзѣ драматическихъ музыкальныхъ писателей), СХХХVIII, октябрь, 332.
- Кудрявцева, А. Н.** Рецензія Е. Шумигорскаго о переведенной ею книгѣ: «Записки княгини Маріи Николаевны Волконской. Біографическій очеркъ и примѣчаніе П. Е. Щеголева. Книгоизд. «Прометей», Н. Н. Михайлова. 1914». СХХХV, февраль, 664—667.
- Кузьминскій, А. Н.**, сенаторъ, СХХХV, февраль, 554, 564, 572, 578.
- Кузьминскій, Н.** Рецензія Г. о книгѣ его: «Художникъ-иллюстраторъ А. А. Агинъ. Его жизнь и творчество. Москва. 1913», СХХХV, февраль, 685.
- Кузьминскій, П. Г.**, сербскій доброволецъ, впоследствии командиръ полка. Въ статьѣ А. М. Черяевой «Одинъ изъ стая славныхъ (П. Г. Кузьминскій)». СХХХVI, апрѣль, 222—223.
- Кузьминъ-Караваевъ, бакинскій революціонеръ**, СХХХV, февраль, 560, 561.
- Кузнецовъ, В.** Рецензія его: «Юбилейный земскій сборникъ (1864—1914 гг.) подъ редакціей Б. В. Веселовскаго и З. Г. Френкеля. Изданіе т-ва О. Н. Пошовой. Спб. 1914», СХХХVI, май, 704—706.
- Kouznietsov, Pierre. Рецензія Н. В. о книгѣ его: «La lutte des civilisations et des langues dans l'Asie centrale. Paris. 1912», СХХХV, январь, 305.
- Куинджи, А. И.**, художникъ. Въ рецензіи Р. «А. И. Куинджи. Біографіа-характеристика. Текстъ Невѣдомскаго. Спб.», СХХХVI, май, 711, 712.
- Кулаковскій, П. А.**, профес., писатель. Въ рецензіи о книгѣ К. Я. Грота: «Платонъ Андреевичъ Кулаковскій. Очеркъ. Спб. 1914», СХХХVI, апрѣль, 328. Некрологъ его: СХХХV, февраль, 760—762.
- Кулябно, Н. Н.**, начальникъ кievскаго охраннаго отдѣленія. Въ статьѣ Л. Гапа: «Убіеніе П. А. Столыпина», СХХХV, мартъ, 964, 970—973, 975—984, 988, 990—992; СХХХVI, апрѣль, 193—204, 206, 207, 209—215.
- Кулчинскій, И. А.** Рецензія Д. М. о книгѣ его: «Изъ воспоминаній объ Александрѣ Николаевичѣ Островскомъ. Курскъ. 1913», СХХХV, февраль, 678, 679.
- Куракинъ, князь**, «пензенскій откупщикъ», (обѣдъ и его пляска), СХХХVI, июнь, 1145.
- Куракинъ, А. Б.**, князь, въ рецензировавшей М. К—вымъ книгѣ И. Ф. Павловскаго: «Очеркъ дѣятельности малороссійскаго генералъ-губернатора князя А. Б. Куракина. Полтава. 1914», СХХХVIII, декабрь, 1008, 1009.
- Курдюмовъ, О. Д.** врачъ. Некрологъ его: СХХХVII, сентябрь, 1068.
- Курловъ, П. Г.**, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ статьѣ Л. Гапа: «Убіеніе П. А. Столыпина», СХХХV, мартъ, 961, 983, 984, 986; СХХХVI, апрѣль, 193, 194, 196, 198, 201, 215.
- Куропаткинъ, А. Н.**, военный министръ, въ статьѣ Б. Б. Глинскаго: «Прологъ русско-японской войны», СХХХV, февраль, 626, 627; СХХХVI, апрѣль, 228, 230, 243, 246, май, 604, 642, СХХХVII августъ, 614, 615, 626; сентябрь, 965, 966, 968, 970, 979, 983, 985; СХХХVIII, октябрь, 227—230; ноябрь, 553, 565, 566, 570, 571, 580, 584.
- Кутузовъ, М. И.**, князь. (Чихачовъ о немъ), СХХХVIII, ноябрь, 621.

Кучеровъ, М. Г., химикъ. Въ статьѣ А. Н. Витмера: «Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ» (Михаилъ Григорьевичъ Кучеровъ)», СХХХVII, сентябрь, 837—854.

Л

Л. Л. Рецензія его: 1) «Культурная сокровища Россіи. Выпускъ седьмой. Ю и З. Шамурины. Калуга. Тверь. Тула. Торжокъ. Изданіе т-ва «Образованіе». Съ 29 фототипно-гравюрами, СХХХVI, апрѣль, 314.—2) «А. А. Суворинъ—Алексѣй Порошинъ. Дуэльный кодексъ. Спб. Книгоиздательство «Новый Человѣкъ» (Эртелевъ пер., 6), СХХХVI, май, 710, 711.—3) «Адольфъ Михаэлисъ. Художественно-археологическія открытія за сто лѣтъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей профессора Вл. К. Мальмберга. Изданіе императорскаго московскаго археологическаго института имени императора Николая II. Москва. 1913», СХХХVII, июль, 323, 324.—4) «Н. Квашнинъ-Самаринъ. Княжья пѣснь. Историческая поэма въ 428 пѣсняхъ. Часть 1. Спб. 1914». СХХХVIII, октябрь, 281.—5) «Валерій Брюсовъ. Полное собраніе сочиненій и переводовъ. Томъ XII. Алтарь побѣды. Повѣсть IV вѣка (Книги I и II). Спб. 1913.—Томъ XIII. Алтарь побѣды. (Книга III и IV). Спб., СХХХVIII, ноябрь, 651, 652.

Л. Н. Рецензія его: 1) «Матеріалы военно-ученаго архива. Отечественная война 1812 года. Отдѣлъ первый. Переписка русскихъ правительственныхъ лицъ и учреждений. Боевыя дѣйствія 1812 года. Томы XIX и XX. Спб. 1912», СХХХV, январь, 289.—2) «Леонъ Додэ. Передъ войной. Исслѣдованія и документы о нѣмецко-еврейскомъ шпіонствѣ во Франціи со временъ дѣла Дрейфуса. Съ французскаго переведено Н. М. Лаговымъ. Спб. 1913», СХХХV, февраль, 694—696.—3) «Военная энциклопедія. Изданіе т-ва Сытина. Подутомы ХХVII и ХХVIII. Спб. 1914», СХХХVII, сентябрь, 1019, 1020.

Лабзина, А. Е. (ея воспоминанія), СХХХVII, августъ, 538—540.

Лавассеръ, Тереза. Въ замѣткѣ: «Отчего умеръ Жанъ-Жакъ - Руссо?», СХХХV, февраль, 729, 730.

Лавинскій, генераль-губернаторъ Восточной Сибири, (столкновеніе его съ архіепископомъ Иринеємъ), СХХХVI, апрѣль, 319—320.

Лаврентьевъ, Л. П., педагогъ, попечитель западно-сибирскаго учебнаго окру-

га. Некрологъ его: СХХХVIII, ноябрь, 701.

Лавровскій, А., протоіерей (неудачная проповѣдь), СХХХVI, апрѣль, 321.

Лавровъ, Д. (о ссыльномъ углическомъ колоколѣ), СХХХVII, сентябрь, 1030.

Лагарди, графъ (его «Картина вѣнскаго конгресса»), СХХХVII, августъ, 702.

Лаговъ, Н. М. Рецензія Л. Н. о переведенной имъ книгѣ Леона Додэ: «Передъ войной исслѣдованія и документы о нѣмецко-еврейскомъ шпіонствѣ во Франціи со временъ дѣла Дрейфуса. Спб. 1913», СХХХV, февраль, 694—696.

Лагорио, А. Е., (предсѣдательство на юбилейномъ засѣданіи школы общества поощренія художества), СХХХVII, декабрь, 1042, 1043.

Ланомъ, Роза. Въ замѣткѣ «Родоначальники современнаго феминизма», СХХХVI, апрѣль, 338—340.

Лалансъ, Августъ, французскій инженеръ, въ замѣткѣ «Воспоминанія французскаго инженера», СХХХV, мартъ, 1126, 1127.

Ламздорфъ, графъ, министр, иностранныхъ дѣлъ, СХХХVI, апрѣль, 225, 228, 231, 232; май, 613, 614, 637—640, 654, 655; СХХХVII, июль, 238—241, 243; августъ, 631, 632, 634.

Ланжеронъ, А. О., графъ, новороссійскій генераль-губернаторъ, (крымская археологія), СХХХVIII, ноябрь, 545, 564.

Лаппо-Данилевская, Н. А. Рецензія Д. М.—ко о книгѣ ея: «Княжна Мара. Романъ. Спб. 1914», СХХХVIII, октябрь, 284, 285.

Лафайетъ. Въ замѣткѣ: «Столица и дворъ въ царствованіе Луи-Филиппа», СХХХVI, июнь, 1160.

Лебедевы:

— танцовщица, СХХХVIII, декабрь, 865, 866.

— А. И. Его сатья: «200-лѣтіе Гангутской побѣды», СХХХVII, июль, 170—181.

— В. П., поэтъ (его юбилей), СХХХV, январь, 369.

Лебцельтернъ, Людвигъ, графъ, австрійскій дипломатъ. Въ рецензированной В. А. Алексѣевымъ книгѣ: «Великій князь Николай Михайловичъ. Донесенія австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ Лебцельтерна за 1816—1826 годы. Спб. 1913», СХХХV, январь, 283, 284.

Левшина, питомица Смольнаго института, любимица Екатерины II, СХХХVI, июнь, 996—999.

Левъ, XII, папа (о его избраніи), СХХХVIII, октябрь, 293—295.

Лезинъ, Б. А. Рецензія И. Замотина о выходящемъ подъ его редакціей періодическомъ изданіи «Вопросы теоріи и психологій творчества. Т. V. Харьковъ. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 642—644.

Лейхтенбергскій, Г. Н., герцогъ. Его статья: «У гроба царя. (Страница изъ мнѣхъ воспоминаній)», СХХХVI, апрѣль, 98—101; председательство въ обществѣ ревнителей исторіи, май, 757.

Ленинъ, В. Рецензія на составленный имъ, съ біографическ. рассказомъ А. Ульянова, сборникъ: «М. Ю. Лермонтовъ. Избранныя сочиненія для дѣтей школьнаго возраста. Изданіе т-ва Н. Д. Сытина. Москва. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 662.

Ленорманъ, предсказательница, СХХХVIII, декабрь, 900, 901.

Ленотръ, французскій историкъ, въ замѣткахъ: 1) «Приключенія провинціала въ Парижѣ», СХХХVII, сентябрь, 1038—1040.—2) «Война «старого столѣтія», СХХХXVIII, ноябрь, 670, 671.

Ленскій, П. Д., артистъ александринскаго театра, (постановка «Ганнеле»), СХХХVII, августъ, 448—451.

Лентовскій, артистъ и антрепренеръ, СХХХVI, мартъ, 859, 860.

Леонардовъ, Д. С., (по поводу его статьи «Полоцкій князь Всеславъ и его время»), СХХХVI, июнь, 1132.

Леонтій, (Лебединскій), московскій митрополитъ, по поводу его автобіографическихъ записокъ, СХХХV, январь, 330—335; СХХХV, февраль, 711—713;—СХХХVI, апрѣль, 321, 322; (ложная телеграмма о его смерти), СХХХVII, сентябрь, 1029, 1030.

Леонтьевъ, К. Н., писатель (переписка его съ И. Александровымъ), СХХХVI, июнь, 1146, 1147.

Леонтьевъ, М. (по поводу его воспоминаній), СХХХV, февраль, 708.

Лермонтовъ, М. Ю., поэтъ: 1) Въ статьѣ В. Д. А.—вой: «О М. Ю. Лермонтовѣ», СХХХVII, сентябрь, 855—857.—2) въ статьѣ С. В. фонъ-Штейна: «Война въ жизни и творчествѣ Лермонтова», СХХХVIII, октябрь, 135—151.—3) Въ замѣткѣ «Столѣтіе со дня рожденія М. Ю. Лермонтова», СХХХVIII, ноябрь, 691.—4) Въ рецензированной В. Кн. книгѣ Леонида Семенова: «Лермонтовъ и Левъ Толстой. Къ столѣтію со дня рожденія Лермонтова. Москва. 1914», СХХХVII, июль, 325, 326.—5) Въ рецензированной В. Даниловымъ книгѣ И. И. Замотина: «М. Ю. Лермонтовъ. Мотивы идеальнаго

строительства жизни. Варшава. 1914», СХХХVII, сентябрь, 1020—1022.—

6) Въ рецензированной И. З. книгѣ Б. В. Неймана: «Вліяніе Пушкина въ творчествѣ Лермонтова. 1814—3-го октября—1914 г. Кіевъ. 1914», СХХХVIII, декабрь, 1013, 1014.—7) Въ рецензированной книгѣ О. Покотиловой: «Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. 1814—1841 гг. Жизнь. Личность. Творчество. Для старшихъ классовъ средн.-учебн. завед. Со вступит. статей проф. В. В. Сиповскаго. Изданіе Н. П. Карбасникова. Петр. 1914», СХХХVIII, декабрь, 1017.—Рецензіи: 1) на его «Избранныя сочиненія для дѣтей школьнаго возраста. Составл. (сборникъ) В. Ленинымъ, съ біографич. рассказомъ А. Ульянова. Изданіе т-ва Н. Д. Сытина. Москва. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 662.—2) на книгу: «Дѣтство и юность М. Ю. Лермонтова и сборникъ его стихотвореній для дѣтей средняго возраста. Подъ редакціей Н. В. Тулунова. Изданіе т-ва Д. И. Сытина. Москва. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 662.

Лессаръ, П. М., дипломатъ, СХХХVII, августъ, 611, сентябрь, 968, 978, 979, 982; СХХХVIII, октябрь, 230, 233; ноябрь, 490, 491, 497; 654, 655.

Лессепъ, Бартелемъ, французскій дипломатъ. Рецензія П. Майкова о составленной, по его неизданной перепискѣ, Жаномъ дела-Туромъ книгѣ: «Le prémices de l'alliance franco-russe. Deux missions de Barthélemy de Lesseps à Saint-Petersbourg 1806—1807 d'après sa correspondance inédite. Paris. Librairie academique Perrin et Cie libraires-éditeurs. 1914». (Зачатки франко-русскаго союза. Двѣ миссіи Бартелема Лессепа въ Петербургѣ въ 1806—1807 гг. Составилъ по его неизданной перепискѣ г. Жанъ дела-Туръ. Парижъ. 1914», СХХХVIII, октябрь, 269—271.]

Ливень, княгиня, СХХХVI, июнь, 1160, 1161; въ дневникѣ графа Аппонья, СХХХVII, июль, 350, 351.

Ливень, Д. Х., княгиня, СХХХVII, июль, 302.

Лико, штабсъ-капитанъ (его подвигъ съ Архипомъ Осиповымъ), СХХХVIII, декабрь, 782.

Линевичъ, генераль, СХХХVI, апр., 231.

Линиченко, И. А., проф. Рецензія А. М.—на о книгѣ его: «Рѣчи и поминки. Сборникъ статей по исторіи русско-литературы и біографическихъ воспоминаній. Одесса. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 644, 645.

Линчи, хунхузъ, СХХХVII, июль, 263; СХХХVIII, октябрь, 229, 230.

- Де-Линь**, принцъ, австрійскій дипломатъ, СХХХVIII, октябрь, 301—304.
Lirondelle, André. Рецензія Сергѣя фонъ-Штейна о книгѣ его: «Le poète Alexis Tolstoy. L'homme et l'oeuvre. Paris. 1913», СХХХV, февраль, 679—681.
- Литтельтоннъ**, леди. (ея дневникъ и переписка), въ статьѣ А. М. Бѣлова «Иностранцы о Россіи», СХХХVIII, ноябрь, 615—623.
- Литтонъ Строчей**, англійскій историкъ, СХХХVIII, декабрь, 1023.
- Лихачевъ**, Н. П., проф., СХХVII, августъ, 689, 690.
- Ли-хунъ-чжанъ**, китайскій дипломатъ, СХХХV, февраль, 608, 620—622, 624; мартъ, 1026, 1036, 1043, 1047, 1048; СХХХVI, апрѣль, 228, 229, 233, 237, 247, 252, май, 617, 644.
- Лобно**, П. Л., СХХХV, мартъ, 904.
- Де-Лозанъ**, графъ, въ замѣткѣ «Неудачный бракъ принцессы Орлеанской», СХХХVIII, декабрь, 1035—1038.
- Ломоносовъ**, М. В., великій русскій ученый, СХХХV, январь, 308.
- Лорисъ-Меликовъ**, М. Т., графъ, министръ, къ воспоминаніямъ Л. Ф. Палтелъева, СХХХVIII, октябрь, 291—293.
- Лосенко**, художникъ, академикъ XVIII вѣка, СХХХV, мартъ, 118.
- Лосицкій**, Н. М. Статья его: «Казанская революція», СХХХV, январь, 165—178. ||
- Луазонъ**, французскій генералъ, СХХХVI, май, 733.
- Луговой**, А. А., писатель, въ статьѣ А. А. Измайлова: «А. А. Луговой. (Литературная характеристика)», СХХХVIII, декабрь, 919—934.
- Луи-Филиппъ**, французскій король, въ замѣткѣ «Столица и дворъ въ царствованіе Луи-Филиппа», СХХХVII, июнь, 1157—1161.
- Луиза**, принцесса гессенъ-дармштадтская, герцогиня саксенъ-веймарская, СХХХVII, сентябрь, 1043, 1044.
- Лукомскіе**, В. и Г. Рецензія Г. о книгѣ ихъ: «Кострома. Историческій очеркъ и описаніе памятниковъ старины В. и Г. Лукомскихъ. Изданіе общины св. Евгенія Краснаго Креста. Спб. 1913», СХХХV, февраль, 703. Къ ней: Замятка Г. Лукомскаго: «По поводу отзыва о книгѣ «Кострома», СХХХVI, апрѣль, 383, 384. Отзывъ Г. на эту замѣтку: СХХХVI, апрѣль, 384.
- Лукомскій**, В. К. Рецензія Б. Модзалевскаго о книгѣ его: «Родословіе дворянъ Митусовыхъ. Изданіе С. Н. Митусова. Спб. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 639, 640.
- Луццо**, Александра, начальница архива въ Мантуѣ, авторъ книжки объ отцѣ бомбистовъ Орсини, СХХХVIII, октябрь, 319—321.
- Львовъ**, А. О., авторъ музыки русскаго народнаго гимна, въ статьѣ бар. К. К. Штакельберга «Русскій народный гимнъ», СХХХVII, июль, 115, 118, 119, 121—123, 127—131.
- Львовъ**, Л. О., помощникъ директора придворной пѣвческой капеллы. Его статья: «Изъ воспоминаній Л. О. Львова. (1857—1865 гг.)», СХХХVIII, декабрь, 855—874.
- Лѣсковъ**, Н. С., писатель, СХХХVI, май, 721, 723; июнь, 972—976; (въ воспоминаніяхъ В. Б. Бертенсона), СХХХVIII, ноябрь, 442—444.
- Ландсдоунъ**, маркизъ, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, СХХХVI, май, 610, 612, 613, 615, 618—621, 623, 626, 645, 655.
- Любавскій**, М. К. Рецензія Rustic'a книгѣ: «Чтеніе въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей русскіихъ при московскомъ университетѣ». 1914. Книга 3-ья. Двѣсти пятидесята. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. Москва. Синодальная типографія, СХХХVIII, ноябрь, 637—639.
- Людвигъ**, Максъ, баварскій романистъ, (предсказаніе войны), СХХХVIII, декабрь, 891.
- Людвигъ**, баварскій король, СХХХV, мартъ, 1127 (его причуды).
- Людвигъ XIII**, французскій король, въ замѣткѣ «Скачки въ царствованіе Людовика XIV», августъ, 715—718.
- Людвигъ XIV**, французскій король, въ замѣткѣ: «Фейерверкъ въ старинной Франціи», СХХХVIII, октябрь, 318, 319; декабрь, 1034—1038.
- Людвигъ XV**, французскій король, въ замѣткѣ «Подлинный Людовикъ XV», СХХХVI, июнь, 1155—1157.
- Людвигъ XVI**, французскій король, въ замѣткѣ «Роль аббата Эджворта при казни Людовика XVI», СХХХVIII, ноябрь, 679—684.
- Людвигъ XVIII**, французскій король, въ замѣткѣ «Людовикъ XVIII въ Генгѣ во время ста дней», СХХХV, январь, 355—359.
- Людвигъ-Филиппъ**, французскій король, въ замѣткѣ «Исторія одного покушенія», СХХХV, мартъ, 1147,—1149. Упоминается: СХХХVI, июнь, 1109, 1110; СХХХVII, июль, 298, 302.
- Люксъ**, Адамъ, якобинецъ, въ замѣткѣ «Нѣмецкій якобинецъ передъ революціоннымъ трибуналомъ», СХХХVI, май, 741, 743.

Люинь, кардиналь, (шутка Людовика XV), СХХХVI, июнь, 1156.

Ляцкий, Е. А., (председательство въ литературномъ обществѣ), СХХХVI, май, 756.

М

М. Рецензіи его: 1) «В. Н. Бочкаревъ. Московское государство XV—XVIII вѣковъ. По сказаніямъ современниковъ-иностранцевъ. Спб. 1914», Книгоиздательство «Энергія», СХХХVII, июль, 323.—2) «Эдуардъ Фуксъ. Иллюстрированная исторія правовъ. Томъ III. Буржуазный вѣкъ. Переводъ В. М. Фриче. М. 1913», СХХХVII, августъ, 683, 684.—3) «Д. И. Багалъй, заслуженный профессоръ. Русская исторія. Съ картами, планами и снимками съ памятниковъ древности и искусства. Томъ первый. Москва. 1914», СХХХVIII, декабрь, 1005, 1006.

М—о. Рецензіи его: 1) «Къ жизни новой. Алексѣй Плетневъ. Собрание сочиненій. Томъ третій. Одесса. 1913», СХХХV, январь, 310, 311.—2) «В. Н. Сумцовъ. Арактеевцы на Уралъ. Экскурсіонный очеркъ. Съ 54 рисунками въ текстѣ и схематической картой Средняго Урала. Нижний-Новгородъ. 1913», СХХХVI, апрѣль, 314, 315.—3) «Борисъ Горовскій (Б. К. Подгурскій). Забытая русскія земли. Чукотскій полуостровъ и Камчатка. Путевыя очерки. Изданіе Б. А. Суворина. Библіотека «Вечерняго Времени». Спб. 1914» В. М. Зензиновъ. Старинные русскіе люди у Холоднаго океана. Русское Устье Якутской области, Верхоянскаго уѣзда. Съ предисловіемъ В. В. Богданова. Изданіе 2-е, исправл. и дополненное. Москва. 1914», СХХХVII, июль, 332—334.

М. А. С. Рецензія его «Библиографическая лѣтопись. Изданіе императорскаго общества любителей древней шьемности. Вып. I. Спб. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 649, 650.

М. Н—въ. Рецензіи его: 1) «Горинновъ, С. Государственный архивъ. Разрядъ II. «Дѣла собственно до императорской фамиліи относящіяся». Изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ». Спб. 1913», СХХХV, январь, 292, 293.—2) «Павловскій, И. Ф. Очеркъ дѣятельности малороссійскаго генералъ-губернатора князя А. Б. Куракина. Полтава. 1914», СХХХVIII, декабрь, 1008, 1009.

М. М. М. Рецензія его: «Воронежское старина. Выпускъ двѣнадцатый. Изданіе воронежскаго историко-археологическаго

комитета. Воронежъ. 1913», СХХХVIII, августъ, 682, 683.

Марія Н-ва. Рецензія ея: «Мемуары князя Адама Чарторижскаго и его переписка съ императоромъ Александромъ I. Редакція и вступительная статья А. Кизеветтера. Переводъ съ французскаго А. Дмитриевой. Книгоиздательство К. Некрасова. Москва. 1912—1913. Т. I. Т. II.», СХХХV, мартъ, 1091—1095.

М. С. Рецензія его: «Державный орденъ святого Іоанна Іерусалимскаго, именуемый Мальтійскимъ въ Россіи. Составилъ на основаніи официальныхъ и архивныхъ актовъ и документовъ И. К. Антошевскій, сотрудникъ императорскаго петербургскаго археологическаго института. Спб. 1914», СХХХVII, сентябрь, 1018.

Магометь II, турецкій султанъ, въ замѣтъ «Какъ турки овладѣли Византіей», СХХХVIII, ноябрь, 665—668.

Мадриговъ, А. С., подполковникъ, СХХХVII, июль, 262, 263; августъ, 600; сентябрь, 959, 960; СХХХVIII, октябрь, 229.

Мазепа, И. С., гетманъ, (его письма), СХХХV, мартъ, 1112; (конкурсъ на составленіе историческаго очерка подвига его обличителей Кочубея и Искры), СХХХVII, июль, 361.

Мазонъ, Андре, французскій биографъ И. А. Гончарова, СХХХVII, июль, 354—356.

Майковъ, А. Н., поэтъ, въ статьѣ В. А. Алексѣева: «А. Н. Майковъ. (Изъ дневника)», СХХХV, февраль, 522—529.

Майковъ, Л. Н., писатель, СХХХVI, июнь, 978—980.

Майковъ, П. М. Рецензіи его: 1) «Бесѣды и частная переписка между императоромъ Александромъ I и княземъ Адамомъ Чарторижскимъ, опубликованная княземъ Ладиславомъ Чарторижскимъ. 1801—1823. Переводъ съ французскаго С. Явленской. Книгоиздательство Сфинъ. Москва. 1913. Съ двумя портретами князя Адама Чарторижскаго», СХХХV, январь, 291, 292.—2) «Документы, относящіяся къ исторіи 1812 года. Первая часть 14-го выпуска «Сборника историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи». Съ высочайшаго соизволенія, подъ редакціей приватъ-доцента В. Смирнова. Спб. 1913», СХХХV, январь, 320—322.—3) «Государи изъ дома Романовыхъ 1613—1913 гг. Жизнеописанія царствовавшихъ государей и очеркъ изъ царствовавшей, подъ редакціей доктора рус-

- ской исторіи Н. Д. Чечулина. Москва. 1913. Изданіе товарищества И. Д. Сытина. Два тома съ 16-ю портретами державныхъ особъ и со множествомъ гравюръ въ текстѣ, въ изящномъ переплетѣ, СХХХVI, апрѣль, 299, 300.—4) «Un Tsar idéologue. Alexandre I (1777—1825). Ouvrage orné de 8 gravure. Par Pierr. Rain. Paris. 1913. Librairie académique Perrin et Co.» Царь идеологъ. Александръ I. (1777—1825 гг.). Сочиненіе Петра Рэнъ. Парижъ. 1913. Въ книжной торговлѣ Перренъ и Комп. Съ 8 гравюрами», СХХХVI, май, 698—700.—5) Московскій митрополитъ Платонъ (1757—1812 гг.). Составилъ магистръ богословія Н. П. Розановъ. Изданіе общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Спб. 1913. Съ портретами, СХХХVI, июнь, 1129, 1130.—6) «Memoires du roi Stanislas Auguste Poniatowsky. T. I. St.-Petersburg. 1914. (Воспоминанія короля Станислава-Августа Понятовскаго. Спб. 1914)», СХХХVII, июль, 314—317.—7) «Сборникъ дипломатическихъ документовъ. Переговоры отъ 10-го до 24-го июля 1914 г., предшествовавшіе войнѣ. Изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ. Спб. 1914», СХХХVII, сентябрь, 1007—1010.—8) «Архивъ братьевъ Тургеневыхъ. Выпускъ 3-й. Дневникъ Николая Ивановича Тургенева за 1811—1816 года. Томъ II. Подъ редакціей и съ примѣчаніями приватъ-доцента петроградскаго университета Е. И. Тарасова. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1913», СХХХVII, сентябрь, 1022—1024.—9) «Les prémices de l'alliance franco-russe. Deux missions de Barthelemy de Lesseps a Saint-Petersbourg 1806—1807 d'après sa correspondance inédite. Par commandant Jean de la Tour. Paris. Librairie académique Perrin et Cie libraires-éditeurs. 1914. (Зачатки франко-русскаго союза. Двѣ миссіи. Бартеlemi Лессепа въ Петербургъ въ 1806—1807 гг. Составилъ по его неизданной перепискѣ г. Жанъ-дела-Туръ. Парижъ. 1914)», СХХХVIII, октябрь, 269—271. 10) «Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ 143. Дипломатическая переписка французскихъ представителей при дворѣ императрицы Екатерины II. Ч. III. 1769—1772. Спб., СХХХVIII, декабрь, 1006—1008.
- Макаренко, Н. Е.** Рецензія К—шова объ изданной подъ его редакціей и съ его пояснительнымъ текстомъ книгѣ: «Стѣнная карта «Русскіе славяне и ихъ сосѣди въ IX—X вв.» для класснаго употребленія, приспособленная къ учебнику русскаго исторіи проф. С. Ф. Платонова, съ приложеніемъ атласа «Памятники искусства русскіхъ славянъ и ихъ сосѣдей до XII вѣка», 28 таблицъ съ 228 рисунк. Спб. 1914. Изд. Я. Башмакова. и К-о, СХХХVIII, ноябрь, 640, 641.
- Макдональдъ, Клодъ,** англійскій посланникъ, СХХХV, мартъ, 1029.
- Маккиавели,** авторъ политическаго трактата «Князь», какъ драматургъ, въ замѣткѣ «Изъ театральной старины», СХХХV, февраль, 732, 733.
- Маковеръ,** англійскій историкъ, въ замѣткѣ «Эпизодъ изъ исторіи англійскихъ нравовъ», СХХХVIII, ноябрь, 677, 679.
- Максимиліанъ,** мексиканскій императоръ, въ замѣткѣ «Трагическая кончина императора Максимиліана», СХХХVIII, октябрь, 315—318.
- Максимиліанъ,** римскій (германскій) императоръ (въ народной комедіи «Царь Максимиліанъ»), СХХХVI, май, 550, 551.
- Максимовъ, Н. Н.,** директоръ канцеляріи главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, СХХХV, февраль, 540, 541.
- Максимовъ, П. В.,** русскій дипломатъ, СХХХVIII, декабрь, 808, 810, 813, 817. 820, 821—824.
- Макушинъ, П. И.,** благотворитель въ статьѣ К. С. «Домъ науки имени П. И. Макушина въ Томскѣ», СХХХVII, июль, 217—224.
- Малахія, монахъ,** (предсказаніе войны), СХХХVIII, декабрь, 900.
- Малаховскій, В. А.** Его статья: «Нѣсколько страничекъ о прошломъ г. тчинскаго Николаевскаго сиротскаго института», СХХХV, мартъ, 924—934.
- Малинъ, А. И.,** проф. Рецензія его: «В. Б. Бергенсонъ. За 30 лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). Спб. 1914», СХХХV, мартъ, 1109, 1110. Упоминается: СХХХV, мартъ, 1123.
- Маликовъ, А. К.,** философъ-предшественникъ Л. Н. Толстого, СХХХVI, июнь, 965, 966.
- Маликель, М. С.,** инженеръ (пожертвованіе литературному фонду), СХХХV, февраль, 744.
- Мальбергъ, Вл. К.,** проф. Рецензія Л. Л. о переведенной подъ его редакціей книгѣ: «Адольфъ Михаэлисъ. Художественно-археологическія открытія за сто лѣтъ. Изданіе императорскаго московскаго археологическаго института имени императора Николая II. Москва. 1913», СХХХVII, июль, 323, 324.

- Мальгрень**, А. Рецензия его: «W. Neuman. Aus alter Zeit. Kunst und kultur-geschichtliche Miscellen aus Liv., Est.,— und Kurland», СХХХVII, августъ, 683.
- Мамантовъ**, В. Н., сенаторъ, дѣятель, съ области просвѣщенія, СХХХV, мартъ, 1157, 1158 (чествованіе его).
- Мантойфель**, баронъ, гробинскій предводитель дворянства (его германизмъ и терроризація имъ либавской полиціи), СХХХVIII, ноябрь, 592, 593.
- Мантовани**, Танкредъ, итальянецъ, (статья его о предтечахъ Рихарда Вагнера), СХХХVII, июль, 344—347.
- Ману**, мифологическій родоначальникъ арийцевъ, («Законы Ману»), СХХХV, февраль, 700—702.
- Мардановъ**, В., преподаватель петербургской гимназіи. Рецензія о составленной Н. Санчурекимъ при участіи его: А. Гофмана, М. Янко, П. Барсова, П. Дюмидова, I. Съдлатаго и Э. Кесслера книгъ: «Краткій очеркъ римскихъ древностей. Для гимназій, прогимназій и самообученія. 5-е изданіе, исправленное и дополненное. Спб. 1914», СХХХV, мартъ, 1123.
- Maricourt**, André, французскій писатель, въ замѣткѣ «Смерть герцогини Орлеанской», СХХХVIII, июль, 340—342.
- Марина** (Бардакова), М. М., писательница, (тридцатилѣтіе ея литературной дѣятельности), СХХХVI, май, 758, 759.
- Марія** (Лепшинская), французская королева, СХХХVIII, декабрь, 1039, 1040.
- Марія**, саксенъ-веймарская принцесса, дочь великой княгини Маріи Павловны, въ «Секретномъ дневникѣ» ея воспитательницы Луизы Мартэнъ, СХХХVII, августъ, 719—723.
- Марія Александровна**, императрица, (въ «Запискахъ Ю. А. Горбуновой, жены управляющаго Ливадіей»), СХХХVII, сентябрь, 1025—1028.
- Марія Павловна**, великая княгиня, въ «Секретномъ дневникѣ» воспитательницы ея дочери—Луизы Мартэнъ, СХХХVII, августъ, 719—723.
- Марія Θεодоровна**, императрица, супруга Александра III, СХХХVI, апрѣль, 99.
- Марія Θεодоровна**, императрица, супруга Павла I. О ней въ статьѣ великаго князя Николая Михайловича: «Нѣкоторыя соображенія по поводу письма, отъ 31-го декабря 1825 года изъ Тагарога княгини Софьи Григорьевны Волконской императрицѣ Маріи Θεодоровнѣ», СХХХVI, май, 667—676; Упоминается: тамъ же, 684; СХХХVII, сентябрь, 860, 862. Литературныя собранія у нея, СХХХVII, августъ, 691—694.
- Марія-Антуанетта**, французская королева: 1) въ замѣткѣ «Къ исторіи Триана», СХХХV, январь, 363, 365.— 2) Въ замѣткѣ: «Марія-Антуанетта, Барнавъ и Ферзенъ», СХХХV, мартъ, 1131—1137. Упомян.: СХХХVII, августъ, 718.
- Марія-Луиза**, австрійская принцесса, супруга императора Наполеона I, въ замѣткѣ «Вдова Наполеона», СХХХVII, сентябрь, 1047—1050.
- Марковъ**, Влад., курскій дворянинъ, публицистъ, СХХХVI, июнь, 962, 963.
- Марксъ**, А. Ф., издатель «Нивы», СХХХVIII, октябрь, 167, 168.
- Маркузе**, И. М., поэтъ, СХХХVI, май, 750, 751.
- Мартомьяновъ**, Т. А. Его статья: «Комедія о царѣ Максимилианѣ», СХХХVI, май, 538—553. Его: некрологъ Н. Е. Кастальскаго, СХХХVII, сентябрь, 1067, 1068.
- Мартино**, итальянскій посланникъ (столкновеніе Италіи съ Китаемъ), СХХХV, мартъ, 1046—1048.
- Мартыновъ**, К. А., художникъ, дѣятель педагогическаго міра. Некрологъ его: СХХХV, январь, 378, 379.
- Мартыновъ**, Н. Г., книгопродавецъ и библиографъ, (юбилей его), СХХХVII, июль, 358, 359.
- Мартэнъ**, Луиза, швейцарка, воспитательница принцессы Маріи Саксенъ-веймарской, въ замѣткѣ «Секретный дневникъ Луизы Мартэнъ», СХХХVII, августъ, 719—723.
- Масляненко**, Д. Рецензія его: «Письма А. П. Чехова. Подъ редакціей М. П. Чеховой. Томъ IV (1892—1896 гг.). Съ иллюстраціями. Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. 1914», СХХХV, мартъ, 1099—1102.
- Массена**, французскій маршалъ. СХХХVI, май, 734.
- Матюнинъ**, бывшій повѣренный въ дѣлахъ въ Корей, лѣсной концессионеръ. СХХХVII, июль, 245, 250, 260.
- Маціевскій**, I. I., замѣтка его (реабилитація генерала Маціевскаго) по поводу статьи Г. П. Федорова въ «Историч. Вѣстн.»—за декабрь 1913 г.
- Маціевскій**, генераль. Замѣтка о немъ. I. I. Маціевскаго, СХХХV, мартъ, 1167, 1168.
- Мейерберъ**, нѣмецкій композиторъ, СХХХVIII, декабрь, 861, 862.
- Мейснеръ**, А., поэтъ, СХХХVI, май, 751.

- Мелиховъ, В. А.** Рецензія о книгѣ его: «Культь императоровъ въ римской поэзіи золотого вѣка. Харьковъ. 1915», СХХХVIII, октябрь, 298.
- Меншиковъ, А. Д.**, князь, СХХХVII, июль, 176, 179.
- Меньшиковъ, М. О.**, писатель, СХХХVI, май, 533.
- Мерлинъ, Н. Н.** Рецензія В. Жерве о книгѣ. «Императорская главная квартира. Исторія государственной свиты. Царствование императора Александра II. Главный редакторъ генералъ-отъ-кавалеріи Д. А. Скалонъ. Редакторъ и составитель полковникъ В. К. Шенкъ. Помощникъ редактора Н. Н. Мерлинъ. Спб. 1914». Приложенія. Спб. 1914», СХХХVI, май, 640, 693.
- Меттернихъ, князь, австрійскій дипломатъ, СХХХV, январь, 283, 284; въ замѣткѣ «Кое-что о вѣнскомъ конгрессѣ», СХХХVII, августъ, 702, 703. Упоминается: СХХХVIII, октябрь, 263.**
- Мехмедъ-Рушди-паша, турецкій влиятель, СХХХV, июль, 56.**
- Мещерскій, князь, оберъ-прокуроръ синода, СХХХVI, апрѣль, 320.**
- Мещерскій, В. В.**, профес., СХХХV, мартъ, 1158 (его юбилей).
- Мещерскій, В. П.**, князь, писатель, въ статьѣ В. Г. «Князь В. П. Мещерскій, (Некрологъ), СХХХVII, августъ, 583—597.
- Меводій, (Михаилъ Матвѣевичъ Великановъ), епископъ, викарій вятской епархіи. Некрологъ его: СХХХV, мартъ, 1163.**
- Мидхадъ-паша, СХХХV, апрѣль, 53.**
- Микулина, Е. А.**, писательница. Некрологъ ея: СХХХVII, июль, 366.
- Микуличъ, В.** Ея статья: «Всеволодъ Гаршинъ», СХХХV, январь, 121—134. Рецензія о книгѣ ея: «Дуся. Разказы. Петр. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 662.
- Микѣшинъ, М. О.**, академикъ, СХХХVII, августъ, 479.
- Милица Николаевна, великая княгиня, въ рецензіи Б. Г-ва «Труды состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ ея императорскаго высочества великой княгини Милицы Николаевны общества русскихъ ориенталистовъ. № 1. С. Д. Эльмановичъ. Законы Ману. Переводъ съ санскритскаго. Спб. 1913», СХХХV, февраль, 700—702.**
- Миллеръ, О. Э.**, профессоръ-писатель, СХХХVI, июнь, 970.
- Миловидовъ, А. И.** Рецензія о книжкѣ его: «Пятидесятилѣтіе «Виленскаго Вѣстника» русской редакціи. (Историко-библиографическій очеркъ). Изданіе редакціи «Виленскаго Вѣстника». Вильна. 1914», СХХХVI, май, 728.
- Милютинъ, Д. А.**, графъ, СХХХV, мартъ, 1154—1156 (по поводу юбилея педагогич. музея военно-учебныхъ заведеній). Упоминается: СХХХVI, июнь, 836.
- Минаевъ, Д. Д.**, поэтъ, въ статьѣ Н. А. Державина: «Король рѣшмы» (Д. Д. Минаевъ и его литературная дѣятельность), СХХХVII, июль, 182—216, августъ, 477—517. Упоминается: СХХХVI, май, 491, 494, 500—502.
- Минь-Юнь-Хуанъ, корейскій посоль, СХХХV, февраль, 636, 637**
- Мироновъ, А. А.** Его статьи: 1) «Новости археологій», СХХХVII, июль, 304—313.—2) «Новости археологій», СХХХVIII, декабрь, 991—999.—Рецензія его: «Записки отдѣленія русской и славянской археологій императорскаго русскаго археологическаго общества. Томъ IX. Съ таблицами и рисунками въ текстѣ. Спб. 1913», СХХХV, январь, 293—296.
- Миротворцевъ, И. И.**, писатель, СХХХV, февраль, 669.
- Миръ, А.** (Александра Михайловна Моисеева), писательница. Некрологъ ея: СХХХV, январь, 380, 381.
- Митрофановъ, П. П.**, профессоръ въ замѣткѣ «Русско-нѣмецкія отношенія въ освѣщеніи русскаго и нѣмецкаго профессоровъ», СХХХVIII, декабрь, 1020—1023.
- Митрошенковъ, П. Л.**, (по поводу его статьи «Иезуиты въ восточной части Бѣлоруссіи съ 1579—1772 гг.», СХХХVI, июнь, 1132.
- Митусовы, дворяне, въ рецензированной Б. Модзалевскимъ книгѣ В. К. Лукомскаго «Родословіе дворянъ Митусовыхъ. Изданіе С. Н. Митусова. Спб. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 639, 640.**
- Михайловскій, Н. К.**, писатель, въ статьѣ кн. Б. А. Щетинина: «Н. К. Михайловскій и московское студенчество. (Изъ воспоминаній)», СХХХV, мартъ, 948—953; (о поэтѣ Минаевѣ), СХХХVII, июль, 207, 208.
- Михайловъ, А. Б.:** 1) Его переводъ историческаго романа Дж. Эйскофа: «Во дни Юліана отступника», СХХХV, январь, 1—32, февраль, 33—64, мартъ 65—96; СХХХVI, апрѣль, 97—143.—2) Его переводъ историческаго романа Поля Бертрама «Пятая труба», СХХХVII, июль, 1—22, августъ, 23—54, сентябрь, 55—86; СХХХVIII, октябрь, 87—118, ноябрь, 119—150, декабрь, 151—190.—3) Его статья: «Истинные виновники раздѣла Польши. (Историческая справ-

ка», СХХХVII, сентябрь, V—VIII.—
4) Рецензія о переведенном имъ историческомъ романѣ Поля Бертрама: «Тѣнь власти. Спб. 1914. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время», СХХХVI, июль, 1149.

Михаиль Николаевичъ, великій князь, (открытие ему памятника), СХХХVII, июль, 357, 358.

Михаиль Обреновичъ, (сынъ Милана), сербскій князь, СХХХV, январь, 57, 58.

Михаиль Павловичъ, великій князь, (бунтъ въ Семеновскомъ полку), СХХХV, февраль, 710, 711, мартъ, 1080; СХХХVII, июль, (по поводу народнаго гимна), 118, 119.

Михаиль Феодоровичъ, царь: 1) въ рецензированной Е. Ш. книгѣ: «Сказаніе о русской землѣ съ древнѣйшихъ временъ до избранія на царство Михаила Феодоровича Романова. А. Нечволодова. 4 части, съ иллюстраціями. Спб. 1913», СХХХV, мартъ, 1090.—2) Въ рецензированной Н. Г. Р. книгѣ «Профессоръ И. М. Покровскій. Русское духовенство, его патріотизмъ и дѣятельность въ защиту православія и законной національной царской власти въ смутное время и при избраніи на русскій царскій престолъ боярина Михаила Феодоровича Романова. Казань. 1913», СХХХVI, май, 700—701.—3) Его жалованная грамоты, СХХХVII, июль, 308, 309.—По поводу юбилея земства, СХХХV, февраль, 750.

Михальевичъ, ксендзъ, управляющій виленской католической епархіей, въ сообщеніи «Посѣщеніе его императорскимъ величествомъ государемъ императоромъ Островотной часовни въ Вильнѣ», СХХХVIII, ноябрь, 556, 557.

Михальчукъ, К. П., украинскій филологъ. Некрологъ его: СХХХVI, май, 765, 766.

Михаилисъ, Адольфъ. Рецензія Л. Л. о книгѣ его: «Художественно-археологическія открытія за сто лѣтъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей профессора Вл. К. Мальмберга. Изданіе императорскаго московскаго археологическаго института имени императора Николая II. Москва. 1913», СХХVII, июль, 323, 324.

Михаилисъ, Е. П., натуралистъ, археологъ и этнографъ. Некрологъ его: СХХХV, февраль, 762.

Модестовъ, Николай, священникъ, членъ оренбургской ученой архивной комиссіи. Рецензія Д. А. М.—о составленномъ имъ историческомъ очеркѣ: «Владимиръ Ивановичъ Даль въ Оренбургѣ. Оренбургъ. 1913», СХХХV, январь, 322, 323.

Модестовъ, Н. Н. Рецензія А. Б. о книгѣ его: «Бывшій префектъ гродненской гимназіи, іеромонахъ доминиканскаго ордена Кандидъ Зеленко въ Оренбургѣ. Труды оренбургской ученой архивной комиссіи. Выпускъ XXVIII. Оренбургъ. 1913», СХХХV, февраль, 674.

Модестовъ, С. С., протоіерей, ораторъ и писатель. Некрологъ его: СХХХV, мартъ, 1163, 1164.

Модестъ, епископъ нижегородск., СХХХV, февраль, 707.

Модзалевскій, Б. Л. Рецензія его: 1) «Великій князь Николай Михайловичъ. «Русскій провинціальный Некрополь». Томъ первый. Москва. 1914», СХХХVI, апрѣль, 292—294.—2) «Графъ Павелъ Шереметевъ. Владимиръ Петровичъ Шереметевъ. 1668—1737. Съ 18 фототипіями, 5 цинкографіями и двумя родословными таблицами. Москва. Два тома и двѣ родословныя таблицы въ картонажѣ», СХХХVII, июль, 317—319.—3) «В. К. Лукомскій. Родословіе дворянъ Митусовыхъ. Изданіе С. Н. Митусова. Спб. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 639, 640.—4) Рецензія Д. М.—ко объ изданной подъ его редакціей и съего примѣчаніями книгѣ Е. А. Сабанъевой: «Воспоминанія о быломъ. Изъ семейной хроники. 1770—1838 гг. Предисловіе Д. А. Корсакова. Спб. 1914», СХХХVI, июль, 1130, 1131.

Модзалевскій, В. Л. Рецензія В. В. Д. объ изданной подъ его редакціей книгѣ: «Матеріалы по исторіи Малороссіи. Письма къ И. П. Забѣлѣ и его вдовѣ (1687—1713 гг.). Черниговъ, 1913», СХХХV, мартъ, 1112.

Моисеева, Александра Михайловна. См. Миръ, А.

Молловъ, Р. Р., прокуроръ, во время роменской смуты, СХХХV, мартъ, 1066.

Мольеръ, французскій комическій писатель, СХХХVII, сентябрь, 1028 (И. С. Тургеневъ о немъ).

Монтебелло, графъ, французскій посланникъ, СХХХVII, сентябрь, 1037.

Монтегю, Виолета, англійская писательница, СХХХVIII, ноябрь, 679.

Монтескье, французскій писатель-философъ, (оригинальный отдыхъ отъ труда), СХХХVIII, ноябрь, 675.

Моравскій, С. П. Рецензія Я. Бирюкова о переведенной подъ его редакціей книгѣ: «Поль Гиро. Историческія чтенія. Частная и общественная жизнь римлянъ. Изданіе 2-е, исправленное, съ 107 рисунками въ текстѣ. Москва. 1913», СХХХV, мартъ, 1104, 1105.

Морганъ, Ричардъ, СХХХV, мартъ, 1026.

Мординова, З. Е. Ея статья: «Смоленский институт в эпоху императрицы Екатерины II. (1764—1796)», СХХХVI, июль, 987—1008.

Мордовцевъ, А. Л., братъ романста, общественный дѣятель. Некрологъ его: СХХХV, январь, 379, 380.

Моренгеймъ, русскій посланникъ въ Парижѣ. (Заключеніе франко-русскаго союза), СХХХVII, сентябрь, 1037.

Мори, аббатъ, въ замѣткѣ «Исторія гильотины», СХХХVI, май, 730, 731.

Моръ, Я. Г., директоръ царскосельской гимназій, составитель учебниковъ. Некрологъ его: СХХХV, февраль, 762, 763.

Мравина, Е. К., артистка. Некрологъ ея: СХХХVIII, ноябрь, 701, 702.

Муна, Эрнестъ, въ рецензированной книгѣ И. Я. Брюль-Сербина: «Эрнестъ Мука. Опытъ изслѣдованія сербо-лужицкаго народа въ Саксоніи и Пруссіи. Изданіе «Русскаго Архива». Москва. 1914», СХХХVIII, октябрь, 297.

Муравьевъ, графъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, СХХХV, февраль, 617—619, 621, 625, 627, 630, 633, 639; мартъ, 1032, 1034.

Муравьевъ, А. Г. Рецензія Я. Бирюкова о переведенной имъ и Н. П. Грацианскимъ, съ его введеніемъ, книгѣ: «Салическая правда. Русскій переводъ lex Salica. Казань. 1913», СХХХVI, апрѣль, 307.

Муравьевъ-Апостолъ, декабристъ, (его записки о бунтѣ въ Семеновскомъ полку), СХХХV, февраль, 709—711.

Мусоргскій, знаменитый композиторъ, въ замѣткѣ: «Мусоргскій съ точки зрѣнія французскаго критика», СХХХV, февраль, 737, 738.

Мѣщаниновъ, И. В. Его статья: «Памяти Ольги Леонтьевны Штáденъ», СХХХV, мартъ, 913—923.

Мязговскій, Е. А. Рецензія о книгѣ его: «Исторія черноморскаго флота. 1696—1912 гг. Изданіе комиссіи по заведыванію капиталомъ имени графа С. А. Строгонова. Спб. 1914», СХХХVII, июль, 338.

Мясниковъ, Флегонтъ. Рецензія о составленной имъ книгѣ: «Свѣтикъ». Первая послѣ буквара книга для чтенія. Спб. 1914. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Ч. I.—Ч. II», СХХХV, январь, 348.

Н

Н. Рецензія его: «Академикъ живописи Александръ Александровичъ Киселевъ (1838.—1991 гг.). Альбомъ фотографиче-

скихъ снимковъ съ его картинъ. Исполнено К. А. Фишеромъ въ Москвѣ. Биографія Киселева. Подъ редакціей П. П. Глѣбича. Воспоминанія профессора И. Е. Рѣпина. 22 таблицы. М. 1914», СХХХVI, май, 711.

Н. А. Рецензія его: «Мэй Уинне. Генрихъ Наваррскій. Историческій романъ. Перев. Д. Ф. Журавлева. Изданіе Тамары Поддоловой. Спб. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 652.

Н. В. Рецензія его: «La lutte des civilisations et des langues dans l'Asie centrale. Par Pierre Kauznetsov. Paris. 1912», СХХХV, январь, 305.

Н. Г. Р. Рецензи его :1) «Профессору И. М. Покровскій. Русское духовенство, его патриотизмъ и дѣятельность въ защиту православія и законной національной царской власти въ смутное время и при избраніи на русскій царскій престолъ боярина Михаила Теодоровича Романова. Казань. 1913», СХХХVI, май, 700, 701. —2) «Патриотическій институтъ. Историческій очеркъ за столѣтѣ. 1813—1913. Составилъ по порученію совѣта института инспекторъ классовъ А. О. Бардовскій. Петр. 1914», СХХХVII, сентябрь, 1013—1015. —3) Н. П. Черепнинъ. Императорское воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ. Историческій очеркъ. 1764—1914 гг. Томъ первый. Спб. 1914», СХХХVIII, октябрь, 271—274.

Н. Л.—чъ. Рецензія его: «Книги польской коронной метрики XV столѣтія. Томъ I. Книга 10. 1447—1454 гг. (Юридическіе памятники, издаваемые варшавскимъ главнымъ архивомъ древнихъ актовъ. Вып. 2). Варшава. 1914», СХХХVIII декабрь, 1009, 1010.

Н. Лид. Рецензія его: «Первая экскурсія въ Италію съ маршрутомъ на 28 дней; записью практическихъ свѣдѣній и дорожнымъ словаремъ. В. М. С.—ва. Спб. 1914», СХХХVIII, июль, 329, 330.

Набоковъ, В. Д., (предѣдательство въ литературномъ фондѣ), СХХХV, февраль, 744; СХХХVI, июль, 1171, 1172.

Навоннъ, де, Фердинандъ, авторъ эпизода о дворцѣ Фарнезе, СХХХV, февраль, 730—732.

Навроцкій, (Н. А. Вроцкій), А. А., писатель. Некрологъ его: СХХХVII, июль, 366, 367.

Назимовъ, виленскій генералъ-губернаторъ, СХХХV, мартъ, 1110.

Накашидзе, М. А., князь, бакинскій губернаторъ, въ статьѣ П. П. Шубинскаго: «Убитство князя М. А. Накашидзе. (Изъ воспоминаній очевидца),» СХХХV, февраль, 539—578.

Налимовъ, А. Рецензія его: «Словарь литературныхъ типовъ. Редакція Н. Д. Поскова при сотрудничествѣ гг. Поварнина и Саввина. Вып. 9 и 10. Гончаровъ. Спб. 1914», СХХХVIII, декабрь, 1010, 1011.

Наполеонъ I, французскій императоръ. О немъ. въ замѣткахъ: 1) «Два корсиканца», СХХХV, январь, 353—355.— 2) «Наполеонъ и Гете», СХХХVI, апрѣль, 347, 348; май.—3) «Женщины въ арміи Наполеона», 732—735.—4) «Занятіе русскими войсками Монмартра», 735, 736.—5) «Пребываніе Наполеона въ Потдедамъ», 743—745.—6) «Наполеонъ въ роли фальшивомонетчика», 745—747, июнь. «Скорбный путь Наполеона», 1168—1170; СХХХVII.—8) «Возвращеніе m-me де-Сталь во Францію», авг., 707—709.— 9) «Вдова Наполеона», сентябрь, 1047.—10) Въ рецензированной П. Б. книгѣ: «Ф. Кирхейзенъ. Наполеонъ первый. Т. I. Москва. 1913», СХХХVI, апрѣль, 307, 308. Упомян.: СХХХV, февраль, 728, (по поводу, взытія Париза), мартъ, 1078, 1083, СХХХVII, (возмущеніе крѣпостныхъ) августъ, 680, 681, сентябрь, 1040—1042, (миѣніе Гете о немъ) 1043.

Наполеонъ III, французскій императоръ: 1) въ замѣткѣ: «Воспоминанія о заключеніи франко-русскаго союза», СХХХVII, сентябрь, 1032, 1033.—2) СХХХVIII, октябрь: въ замѣткахъ: «Трагическая кончина императора Максимилиана», 315—318—3) «Покушеніе Орсини на Наполеона III», 319—321.— Упомян. СХХХVI, апрѣль, 316—318 (пребываніе въ Парижѣ великаго князя Николая Николаевича Старшаго); СХХХVII, июль, 299.

Невскій, А. Рецензія А. Фаресова о книгѣ его: «Ленскія событія и ихъ причыны. Спб. 1913», СХХХV, январь, 313—316.

Недачинъ. Рецензія Г. Зоргенфрея о переведенной имъ, подъ редакціей Д. Н. Королькова, книгѣ Фенелона: «О воспитаніи дѣвѣцъ. Книгоиздательство К. И. Тихомирова. Москва, СХХХVI, июнь, 1139, 1140.

Невѣдомскій. Рецензія К. о книгѣ съ его текстомъ: «А. И. Куниджи. Біографія—характеристика. Спб.», СХХХVI, май, 711, 712.

Недавѣцкій, В. И., журналистъ. Некрологъ его: СХХХV, мартъ, 1164.

Нейманъ, В. В. Рецензія И. З. о книгѣ его: «Вліяніе Пушкина въ творчествѣ Лермонтова. 1814—3-го октября—1914 г. Кіевъ. 1914», СХХХVIII, декабрь. 1013.

Нейпергъ, графъ. супругъ вдовы Наполеона I, СХХХVII, сентябрь, 1050.

Неккеръ, Сюзанна, жена французскаго финансиста, въ замѣткѣ «Madame Неккеръ и ея кружокъ», СХХХV, февраль, 728, 729.

Некрасовъ, Н. П., проф., писатель, членъ совѣта при министрѣ народн. просвѣщ. Некрологъ его: СХХХVI, июнь, 1181.

Нектарій, архимандритъ, позже епископъ Выборгскій, (неудачная проповѣдь), СХХХVI, апрѣль, 321.

Неледицкій-Мелецкій, Ю. А., придворный и поэтъ, СХХХVII, августъ, 691—694.

Нелидовы:

— А. И., дипломатъ, СХХХVI, май, 431; СХХХVII, июль, 57, 58.

— Д. А., дипломатъ, СХХХVIII, декабрь, 880.

— Е. М., фаворитка Павла I, СХХХVI, июнь, 1006—1008.

Немировскій, А. О., администраторъ и общественный дѣятель. Некрологъ его: СХХХVII, сентябрь, 1068, 1069.

Непокойчицкій, Арт. Ад., генералъ, СХХХVI, июнь, 825, 826.

Несторовъ, губернской предводитель дворянства, (его хлопоты за нѣмцевъ), СХХХVIII, декабрь, 988.

Несторъ-лѣтописецъ, преподобный, въ замѣткѣ «Восьмиосотлѣтіе со дня кончины Нестора-лѣтописца», СХХХVIII, декабрь, 1044, 1045.

Neumann, W. Рецензія А. Мальгрена о книгѣ его: «Aus alter Zeit. Kunst und kulturgeschichtliche Miscellen aus Liv., Est-und Kurland», СХХХVII, августъ, 683.

Нечаевъ, А. П. (юбилей его научно-литературной дѣятельности), СХХХV, январь, 369.

Нечволодовъ, А. Рецензія Е. Ш. о книгѣ его: «Сказаніе о русской землѣ съ древнѣйшихъ временъ до избранія на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. 4 части съ иллюстраціями. Спб. 1913», СХХХV, мартъ, 1090, 1091.

Никаноръ, архіепископъ, СХХХVI, апрѣль, 138.

Никаноръ, митрополитъ петербургскій, СХХХVI, апрѣль, 321.

Никитинъ, И. С., поэтъ, въ статьѣ А. И. Фирсова: 1) «У могилъ двухъ поэтовъ», СХХХVII, августъ, 635—639.—Рецензія Влад. Княжнина о книгѣ его:—«Полное собраніе сочиненій и писемъ. Томъ II. Подъ редакціей А. Г. Фомина. Изд. «Просвѣщенія». Спб. 1913», СХХХV, мартъ, 1098, 1099.

Никитинъ, П. В., академикъ, (предсѣдательство его въ академіи наукъ), СХХХV, январь, 366; СХХХVІ, апрѣль, 356.

Никодимъ (Николай Ивановичъ Баконъ), епископъ астраханскій и енотаевскій, ораторъ и писатель. Некрологъ его: СХХХVІ, апрѣль, 366.

Николаевы:

— Е. П., по поводу его доклада «Памяти героевъ Отечественной войны, участниковъ сраженій подъ Витебскомъ», СХХХVІ, июнь, 1132.

— Л. Я. Рецензія о книгѣ его: «Опытъ распредѣленія матеріала для выѣзднаго чтенія учениковъ V—VIII классовъ гимназій. Съ библиографическимъ указателемъ. Спб. 1914», СХХХV, февраль, 715.

— Юрій. Рецензія Н. Вальмана о книгѣ его: «Въ поискахъ за Божествомъ. Спб. 1913», СХХХVІ, июнь, 1132—1134.

Николай (Николай Александровичъ Нахимовъ), архіепископъ владимирскій и суздальскій. Некрологъ его: СХХХVІІ, августъ, 730.

Николай, князь черногорскій, въ «Запискахъ» гр. Н. П. Игнатьева и примѣчаніяхъ къ нимъ: СХХХV, январь, 74, СХХХVІ, июнь, 826, 827, 854.

Николай, святой и чудотворецъ, въ статьѣ Н. Ф. Акамова: «Городъ св. Николая», СХХХVІІІ, октябрь, 235—260.

Николай, архіепископъ, «апостолъ Японіи», СХХХV, январь, 338—341.

Николай Александровичъ, цесаревичъ, сынъ императора Александра II, въ статьѣ И. П. Дувина «Селеніе Николаевское Бердянскаго уѣзда и посѣщеніе его покойнымъ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ въ 1863 году», СХХХVІ, апрѣль, 265—268;—СХХХV, январь, 96—98.

Николай І Павловичъ, императоръ: 1) въ воспоминаніяхъ о путешествіи принца Оскара-Фридриха (будущаго шведскаго короля Оскара II) въ Россію, СХХХV, январь, 261—282.—2) въ статьѣ П. Вигеля-Панчулидзева: «День императора Николая Перваго. (Разсказъ)», СХХХVІ, июнь, 904—914.—3) въ статьѣ бар. К. К. Штакельберга: «Русскій народный гимнъ», СХХХVІІ, июль, 119, 120, 123.—4) въ статьѣ А. М. Бѣлова: «Иностранцы о Россіи. Глухіе годы у царствованія императора Николая I», СХХХVІ, июль, 1107—1121.—5) въ статьѣ А. М. Бѣлова: «Иностранцы о Россіи», СХХХVІІІ, ноябрь, 616, 622, 623.—6) въ замѣткѣ: «Иностранцы о Россіи. Кончина императора Николая Павловича.

Ивъ донесенія барона ванъ-деръ-Хоона его превосходительству г. посланнику великаго герцоства Гессенскаго, барону фонъ-Дальвигунцу-Лихтенфельсу», СХХХVІІ, августъ, 666—674.—7) въ статьѣ А. Ф. Рукевича: «Издъ воспоминаній стараго эриванца» (1832—1839 гг.), СХХХVІІІ, ноябрь, 400—408;—8) въ статьѣ Н. С. Павловскаго: «Юбилей Пулковской обсерваторіи», СХХХVІІ, августъ, 567, 574. Упомян. (дѣло архіеписк. Прицея), СХХХVІ, апрѣль, 319—321; СХХХVІІ, июль, 297—303, августъ, 656—664 (восточная) война, сентябрь, 866, СХХХVІІІ, октябрь, 263, ноябрь, 553, декабрь, 770.

Николай II Александровичъ, императоръ, СХХХVІІ, августъ: манифестъ о войнѣ съ Германіей, XXII, XXIII; назначеніе верховнаго главнокомандующаго, XXIV; всеподданнѣйшій адресъ сената, XXVI; сентябрь: слова его величества на приемѣ членовъ Госуд. Совѣта и Думы, XII; манифестъ о войнѣ съ Австріей, XVIII, XIX; рѣчь государя въ Москвѣ, XXVIII; переименованіе Петербурга въ Петроградъ, XII; СХХХVІІІ, ноябрь: манифестъ о войнѣ съ Турціей, LXIII, LXIV.—Въ сообщеніяхъ: «Посѣщеніе его императорскимъ величествомъ государемъ императоромъ Островотной часовни въ Вильнѣ», ноябрь, 556, 557; «Столѣтіе московской духовной академіи», ноябрь, 690.—Въ статьѣ Б. В. Глипкаго: «Прологъ русско-японской войны», СХХХV, январь, 187—202; февраль, 748—750—юбилей земства; 751, 752—на освященіи храма въ память 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ, 752, 753—на торжествѣ открытія памятника великому князю Николаю Николаевичу Старшему,—630, 631; СХХХVІ, апрѣль, 353—356—годовичное собраніе императорскаго русскаго историческаго общества подъ предсѣдательствомъ его величества; май, 758—присужденіе премій имени его величества; СХХVІІ, июль, 306, 307, 309, 310—на археологической выставкѣ; 367, 358—на открытіи памятника великому князю Михаилу Николаевичу; августъ, 580; витрина въ курскомъ музеѣ, посвященная событіямъ царствованія его величества, 725; сентябрь, 1058; высочайшая грамота императорскому обществу поощренія художествъ: СХХХVІІІ, декабрь, 1042, 1043.

Николай Михайловичъ, великій князь. Его статьи: 1) «Нѣкоторые новые матеріалы къ вопросу о кончинѣ императора Александра I», СХХХV, мартъ, 866—885.—2) «Письмо камеръ-фурьера Баб-

кина къ смѣну, написанное 23-го поября 1825 года пзъ Тагацрога», СХХХVI, апрѣль, 280—282.—3) «Нѣкоторыя соображенія по поводу письма, отъ 31-го декабря 1825 г. пзъ Тагацрога княгини Софьи Григорьевны Волконской императрицѣ Маріи Осодоровнѣ», СХХХVI, май, 667—676.—4) «По тому же вопросу («Отвѣтъ г. В. Г.»—на его статью «По поводу легенды объ императорѣ Александрѣ I», СХХХVII, сентябрь, 858—870)», СХХХVII, сентябрь, 871, 872.—Рецензіи: 1) В. А. Алексѣева о книгѣ его: «Донесенія австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ Лебциельтерна за 1816—1826 годы. Спб. 1913», СХХХV, январь, 283, 284.—2) В. Модзалевскаго о книгѣ его: «Русскій провинціальный Некрополь». Томъ первый. Москва. 1914», СХХХVI, апрѣль, 292—294.—Упом.: въ статьѣ кн. В. В. Барятинскаго: «Еще о «царственномъ мистикѣ», СХХХVI май, 578—584.—757; СХХХVII, сентябрь, 859, 860, 864.

Николай Николаевичъ, великій князь, верховный главнокомандующій, СХХХVI августъ, XXIV, сентябрь, XXIV (воззвание къ полякамъ), XXXI (воззвание къ русскому народу въ Австрій), XL, XLI (объявленіе о польскихъ соколахъ), XLIV (телеграмма государю о взятіи Львова); СХХХVIII, октябрь, XXXII; (пожалованіе его император. высоч. орденомъ св. Георгія 3-й степ.), СХХХVIII, ноябрь, I, II.—Въ замѣткѣ: «Постановленіе 131-й славянской трапезы», СХХХVII, сентябрь, 1059, 1060.

Николай Николаевичъ Старшій, великій князь, въ рецензированной М. Соколовскимъ книгѣ Д. А. Скалона: «Мои воспоминанія. 1877—1878 гг. Томъ второй. Спб. 1913», СХХХVI, май, 693—696; (открытіе памятника ему), СХХХV, февраль, 752, 753; СХХХVI, апрѣль, 316—318; (о пребываніи его въ Парижѣ); СХХVI, май, 447.

Никольскій, А. И., архивариусъ св. Синода, ученый архивистъ. Некрологъ его: СХХХVI, май, 766.

Никольскій, Б. В. Его статья: «Его высочество князь Олегъ Константиновичъ». (Некрологъ), СХХХVIII, ноябрь, VII—XVII.

Никольскій, Н. Рецензія П. Б. о книгѣ его: «Древній Вавилонъ. Москва. 1913», СХХХV, февраль, 702.

Никонъ, митрополитъ новгородскій, СХХХVII, іюль, 309.

Никонъ, архіепископъ, экзархъ Грузіи, въ статьѣ А. А. Измайлова: «Подъ філологовой мантіей. Полунощныя свистуны. (Эпизодъ изъ жизни бывшаго

экзарха Грузіи арх. Никона)», СХХХVI, май, 554—562; іюнь, 915—926.

Ниссоловичъ, Л. Н., адвокатъ, бывший депутатъ 3-ей Гоеуд. Думы, писатель. Некрологъ его: СХХХVIII, декабрь, 1051.

Новиковъ, Е. П., дипломатъ: 1) въ статьѣ П. К. Арбузова: «Изъ воспоминаній о Царѣ-градѣ. Евгений Петровичъ Новиковъ—нашъ посоль въ Константинополь. (1880—1882 гг.)», СХХХVIII, декабрь, 801—837.—2) въ «Запискахъ» графа П. П. Игнатъева и примѣчаніяхъ къ нимъ: СХХХV, январь, 54, 55, 74.

Ноги, японскій генераль, (предсказаніе войны), СХХХVIII, декабрь, 894.

Нолакъ, де, Пьеръ, историкъ дворцовъ Трианонъ, СХХХV, январь, 363—365.

Нордманъ-Сѣверова, П. Б., писательница. Некрологъ ея: СХХХVII, іюль, 367.

Носковъ, Н. Д. Рецензія А. Палимова объ изданной подъ его редакціей, при сотрудничествѣ гг. Поваршина и Саввина, книгѣ: «Словарь литературныхъ типовъ. Выш. 9 и 10. Гончаровъ. Спб. 1914», СХХХVIII, декабрь, 1010, 1011.

Нострадамусъ, первый издатель разукрашенныхъ альманаховъ, въ замѣткѣ: «Изъ прошлаго календарей и альманаховъ», СХХХV, февраль, 724.

Нотовичъ, О. К., журналистъ, редакторъ газ. «Новости». (Некрологъ его), СХХХVI, апрѣль, 216—221.

Нѣмчина, Николай, астрологъ, СХХХVIII, декабрь, 901.

Обольяниновъ. Рецензія Г—ъ о составленной имъ книгѣ: «Русскіе граверы и литографы. Дополненіе къ словарю русскихъ гравюръ и литографій» Тевяшова. Съ приложеніемъ 43 снимковъ. Москва. 1913», СХХХV, мартъ, 1108.

Овидій Назонъ, римскій поэтъ: 1) Рецензія Я. Бпрюкова о его сочиненіи: «Баллады—посланія. Переводъ съ вступительнымъ статьями и комментаріямъ О. Зѣлинскаго. (Памятники мировой литературы). Изданіе М. С. Сабашниковыхъ. Москва. 1913», СХХХV, январь, 323, 324.—2) въ рецензированной книгѣ: «П. Овидій Назонъ. Наука любить. В. Алексѣевъ. Изданіе 2-е, исправлен. и дополн. т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Петр. 1914», СХХХVIII, декабрь, 1017, 1018.

- Оглоблинъ, Н. Н.** Его статья: «Въ смутные дни» (Очерки и наброски), СХХХVI, апрѣль, 174—191, май, 585—598.—Въ замѣткѣ земскаго врача Д. Периуванскаго, СХХХVIII, ноябрь, 704.
- Огиенко, И. И.** Рецензія о книгѣ его: «Словарь неправильныхъ, трудныхъ и сомнительныхъ словъ, синонимовъ и выраженій въ русской рѣчи. Изд. 3-е, дополненное и переработанное. Кн-во И. И. Самоненко. Кіевъ. 1914», СХХХV, январь, 346, 347.
- Озаровскій, Юрій.** Рецензія Р. о книгѣ его: «Музыка живого слова. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1914», СХХХVI, апрѣль, 311.
- Озерова, артистка,** (въ «Ганнеле»), СХХХVII, августъ, 451.
- Окуличъ-Назаринъ, Н. Ѳ.,** псковскій археологъ, СХХХVII, августъ, 646, 648.
- Окрейцъ, С. С.** Его статья: «Исповѣдь повѣшеннаго. (Изъ записокъ революціонера)», СХХХV, февраль, 463—497.
- Олегъ Константиновичъ,** его высочество князь: СХХХVIII, ноябрь: 1) въ стихотвореніи Ив. Соколова: «Памяти князя Олега Константиновича», V.—2) въ некрологической статьѣ Б. В. Никольскаго: «Его высочество князь Олегъ Константиновичъ», VII—XVII.
- Оленинъ, А. Н.,** первый директоръ императорской публичной бібліотеки, СХХХV, январь, 221, 222, 225—230; (материалы его архива), СХХХVII, августъ, 691.
- Оловянишниковъ, В. И.** Рецензія Д. Бочкова о редактируемомъ и издаваемомъ имъ ежемѣсячномъ журналѣ: «Свѣтлыицкѣ». Религіозное искусство въ прошломъ и настоящемъ. Москва. 1913», СХХХVII, июль, 335, 336.
- Олсуфьевъ, Ал., гр.,** СХХХVI, апрѣль, 316—318.
- Ольбергъ, астрономъ,** СХХХVII, августъ, 576.
- Ольденбургскій, Александръ Петровичъ, принцъ,** СХХХV, мартъ, 1068, 1069, 1072, 1073.
- Ольденбургскій, Петръ Георгіевичъ, принцъ,** почетель гатчинскаго института, СХХХV, мартъ, 929.
- Ольденбургъ, Ѳ. Ѳ.,** педагогъ. Некрологъ его: СХХХVII, сентябрь, 1069.
- Онацій, Никол.,** членъ Госуд. Думы, трудовикъ, во время роменской революціи, СХХХV, мартъ, 1001.
- Ону, М. К.,** русскій дипломатъ, С СХХХVIII, декабрь, 803.
- Опочининъ, В. П.,** (стихотвореніе на юбилей П. Н. Вентцеля), СХХХVI, май, 749.
- Орбанъ, венгерецъ,** (лите туркамъ пушки), СХХХVIII, ноябрь, 665.
- Орлеанскіе:**
- Герцогъ, (о его бракѣ на русской великой княжнѣ), СХХХVII, июль, 350, 351.
- Луиза-Марія-Аделаида, герцогиня, въ замѣткѣ: «Смерть герцогини Орлеанской», СХХХVII, июль, 340—342.
- Принцесса, кузина Людовика XIV, въ замѣткѣ: «Неудачный бракъ принцессы Орлеанской», СХХХVIII, декабрь, 1034—1038.
- Орленевъ, П. Н.,** артистъ, СХХХVII, августъ, 468, 469.
- Орлова-Чесменская, Анна Алексѣевна, графиня,** другъ архимандрита Фотія, въ статьѣ Е. С. Шумигорскаго: «Христова невеста. (Историческій эскизъ)», СХХХV, мартъ, 837—848.
- Орловскій, В. Д.,** художникъ-пейзажистъ, профессоръ. Некрологъ его: СХХХVI, апрѣль, 367, 368.
- Орловъ, разбойникъ - артистъ,** СХХХVII, августъ, 544.
- Орловъ, артистъ,** (его дебютъ предъ государемъ), СХХХV, январь, 139—144.
- Орсини, Феличе, революціонеръ, «тець бомбистовъ»,** въ замѣткѣ: «Покупеніе Орсини на Наполеона III», СХХХVIII, октябрь, 319—321.
- Осиповъ, Архипъ, солдатъ-герой,** (его подвигъ), СХХХVIII, декабрь, 782.
- Оскаръ-Фридрихъ, принцъ, будущій шведскій король Оскаръ II,** (его путешествіе въ Россію), СХХХV, январь, 259—282.
- Османъ-паша,** СХХХVI, апрѣль, 55.
- Остенъ-Сакенъ, русскій генералъ,** (по поводу крымской войны), СХХХVIII, ноябрь, 670.
- Островскій, роменскій революціонеръ,** СХХХV, февраль, 600.
- Островскій, А. Н.,** драматургъ, въ рецензированной Д. М. книгѣ: «И. А. Купчискій. Изъ воспоминаній объ Александрѣ Николаевичѣ Островскомъ. Курскъ. 1913», СХХХV, февраль, 678, 679. Упомян. СХХХVI, май: (автографы его въ академіи): 756, конкурсъ его имени, 757; СХХХVII, июль, 361.
- Островскій, П. С.,** желѣзнодорожный и фанасовый дѣятель. Некрологъ его: СХХХV, январь, 381.
- Остроумовъ, Н. П.** Рецензія В. М. о книгѣ его: «Исламовѣдѣніе. 3. Коранъ. Религіозно-законодательный кодексъ мусульманъ. Часть первая. Ташкентъ. 1913», СХХХV, февраль, 691—693.

II

П. Б. Рецензія его: 1) «Н. Карѣвъ. Революціонные комитеты парижскихъ секцій. Спб. 1913», СХХХV, январь, 301, 302.—2) «Н. Кадминъ. Философія убійства. Москва. 1913», СХХХV, январь, 326.—3) «А. Сиротининъ. Россія и славяне. Спб. 1913», СХХХV, февраль, 690, 691.—4) «Н. Никольскій. Древній Вавилонъ. Москва. 1913», СХХХV, февраль, 702.—5) «Н. Чернявскій. Императоръ Оеодосій Великій и его царствование. Сергіевъ. Посадъ. 1913», СХХХV, мартъ, 1104.—6) «Л. Дюшенъ. Исторія древней церкви. Т. I и II. Москва. 1914», СХХХVI, апрѣль, 305.—7) «Ф. Кирхейзенъ. Наполеонъ Первый. Томъ I. Москва. 1913», СХХХVI, апрѣль, 307, 308.—8) «М. Корелинъ. «Ранній итальянскій гуманизмъ. Изд. 2-е. Спб. 1914. Томъ I. Историческій обзоръ. Томъ II. Франческо Петрарка. Томъ III. Джіованни Боккаччо», СХХХVI, май, 707, 708.—9) «М. Приселковъ. Очерки по церковно-политической исторіи кievской Руси X—XII вв. Спб. 1913», СХХХVI, июнь 1126, 1127.—10) «Д. Петрушевскій. Возстаніе Уота Тайлера. Москва. 1914», СХХХVI, июнь, 1135.—11) «В. Герье. Западное монашество и папство. Москва. 1913», СХХХVII, июль, 324, 325.

Р-s. Рецензія его: «Ю. и З. Шамуринъ. Москва въ ея старинѣ. Изданіе т-ва «Образованіе». Культурная сокровища Россіи. Выпускъ V. Москва. 1913. О. Ѳ. Горностаевъ. Дворцы и церкви юга. Изд. т-ва «Образованіе». Культурная сокровища Россіи. Выпускъ VIII. Москва. 1914», СХХХVII, июль, 330—332.

П. Я. Рецензія о составленной имъ книгѣ: «Русская Муза. Художественно-историческая хрестоматія. Изд. 3-е. Спб», СХХХV, январь, 348.

Павелъ Обнорскій, преподобный, (празднованіе 500-лѣтія Павла Обнорскаго монастыря), СХХХVII, июль, 358.

Павель I Петровичъ, императоръ, въ рецензированной М. Ключковымъ книгѣ К. Валинвскаго: «Сынъ великой Екатерины. Императоръ Павель I, его жизнь, царствование и смерть. Изданіе т-ва А. С. Суворина «Новое Время». Спб. 1914. Съ иллюстраціями», СХХХVI, июнь, 1122—1126.—Въ запискахъ графа Рожера Дама, СХХХVI, май, 720, 721; июнь, 1006—1008; (рыцарь шутовскаго ордена), СХХХVIII, ноябрь, 676.

Павловскій, П. Ф. Рецензія М. К.—ва о книгѣ его: «Очеркъ дѣятельности малороссійскаго генераль-губернатора князя

А. Б. Куракина. Полтава. 1914», СХХХVIII, декабрь, 1008, 1009.

Павловскій, Н. С. Его очеркъ «Пудковская обсерваторія», СХХХVII, августъ, 567—582.

Павловъ, русскій дипломатъ, СХХХV, февраль, 628; СХХХVII, июль, 268; августъ, 598, 610, 611; сентябрь, 966; СХХХVIII, октябрь, 231.

Панинъ, М. Рецензія В. Ш. о переведенной имъ книгѣ I. Фробеніуса (оберъ-лейтенанта германской службы): «Роковой часть германской имперіи. Спб. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 632—634.

Панкратовъ, А. С. Его статья: «Послѣдній Петрашевцъ», СХХХVII, августъ, 556—566.

Пантелѣевъ, Л. Ф. (вспоминанія о гр. Лорисъ Меликовѣ), СХХХVIII, октябрь, 291—293.

Панцовичъ, Н. П., начальница русскаго женскаго учебнаго заведенія въ Черногоріи. Некрологъ ея: СХХХVIII, ноябрь, 702.

Панчулидзевъ, С. А., (изданіе описи дѣлъ государственнаго совѣта), СХХХVII августъ, 680, 681.

Паперъ, Я. Л., литераторъ. Некрологъ его: СХХХVIII, ноябрь, 702.

Паренсовъ, П. Д., славистъ, боевой генераль и военный историкъ, СХХХVII, сентябрь, 1061. Некрологъ его: СХХХVIII октябрь, 346.

Парнелль, (О'Ши), вдова и биографъ некоронованнаго ирландскаго короля Парнелля, СХХХVII, июль, 352—354.

Парнелль, Чарльзъ-Стюартъ, политическій дѣятель, некоронованный ирландскій король, въ замѣткѣ «Биографія Парнелля», СХХХVII, июль, 352—354.

Паскевичъ, (князь Варшавскій), И. Ѳ., фельдмаршалъ, СХХХV, январь, 270; СХХХVI, августъ, 660.

Пашичъ, сербскій министръ-президентъ, СХХVII, августъ, XIV.

Пезаровіусъ, основатель «Русскаго Инвалида», филантропъ, СХХХV, мартъ, 1081.

Первовъ, П. Д. Рецензія о книгѣ его: «Очерки по методикѣ преподаванія латинскаго языка сравнительно съ русскимъ. Москва. 1914», СХХХVI, апрѣль, 328.

Перетцъ, В. Н., проф. Рецензія И. Замотина о книгѣ его: «Изъ лекцій по методологій исторіи русской литературы. Исторія наученія. Методы. Источники. Корекурное изданіе на правахъ рукописи. Кіевъ. 1914», СХХХVI, апрѣль, 300—302.

Перуанскій, Д., врачъ. Замѣтка его о присужденіи Н. Оглоблина за ослеше-

таніе васьильсурской земской больницы въ «Историческомъ Вѣстникѣ», СХХХVI, ноябрь, 704.

Перцовъ, П. П. Рецензія В. Бр. о переведенной имъ книгѣ: «Тэпъ, Шполтъ. Путешествіе по Італіи. Томъ I. Неаполь и Римъ. Москва. 1913», СХХХV, февраль, 688—690.

Перцовъ, В. П. Рецензія А. М.—на объ изданной подъ редакціей его, А. М. Васютинскаго, М. П. Коваленскаго и К. В. Сивкова книгѣ: «Историческая коммисія ученаго отдѣла О. Р. Т. З. Книга для чтенія по древней исторіи. Ч. I. Первобытная культура. Востокъ. Греція. Для III—IV классовъ средне-учебныхъ заведеній. Сборникъ статей съ 92 иллюстраціями въ текствѣ и 21 иллюстраціей на отдѣльныхъ листахъ. Москва. 1913.—Ч. II. Римъ-республика. Съ 77 иллюстраціями въ текствѣ и 8 иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ. Москва. 1913», СХХХVI, июнь, 1134, 1135.

Петлинь, Иванъ, сибирскій казакъ, въ рецензіи: «О. П. Покровскій. Путешествіе въ Монголію и Китай сибирскаго казака Ивана Петлина въ 1618 году. (Минное путешествіе атамановъ Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева въ 1567 г.). Спб. 1914», СХХХVIII, октябрь, 298.

Петровъ, А. В., писатель, СХХХVII, августъ, 689, 690.

Петрарка. Франческо, итальянскій писатель-гуманистъ, въ рецензированной П. Б. книгѣ М. Корелина: «Ранній итальянскій гуманизмъ. Изд. 2-е. Спб. 1914. Т. I. Историческій обзоръ. Т. II. Франческо Петрарка. Т. III. Джіованни Боккаччо, СХХХVI, май, 708, 708.

Петровъ, К. О., педагогъ, составитель учебныхъ книгъ. Некрологъ его: СХХХV, мартъ, 1164, 1165.

Петрушевскій, В. А. Рецензія о книгѣ его, К. О. Вейхельта, М. Н. Коваленскаго и В. Я. Уланова: «Книга по русской исторіи для начальныхъ школъ и первыхъ классовъ средн.-учебн. зав. Изданіе 2-е, дополни. т-ва «Н. П. Карбасниковъ». Петр. 1914», СХХХVIII, декабрь, 1017.

Петрушевскій, Д. Рецензія П. Б. о книгѣ его: «Возстаніе Уота Тайлера. Москва. 1914», СХХХVI, июнь, 1135.

Петръ Великій, императоръ: 1) въ статьѣ Т. А. Мартемьянова: «Комедія о царѣ Максимиліанѣ», СХХХVI, май, 538—553.—2) въ замѣткѣ: «Двухсотлѣтній юбилей петербургскаго арсенала», СХХХVI, июнь, 1173, 1174.—3) въ статьѣ А. И. Лебедева: «200-лѣтіе Гангутской побѣды», СХХХVII, июль, 172—180.—4) въ рецензированной В. Ар—тѣ книгѣ:

«В. Л. Снегиревъ. Архивное законодательство при Петрѣ Великомъ. Очеркъ по исторіи архивнаго дѣла въ Россіи. Москва. 1913», СХХХVII, августъ, 678—680.—(Премія его имени)—СХХХV, февраль, 754; (о его портретахъ)—СХХХVI, май, 724; июнь, 1089, 1096; (его участіе въ хиротоніи)—июнь, 1141, 1142. Упомин. СХХХVIII, декабрь, 1021.

Петръ III Теодоровичъ, императоръ, СХХХVII, сентябрь, 1001.

Петръ Отшельникъ, (крестовые походы), СХХХVI, июнь, 1151.

Печеринъ, пензенскій купецъ, откупщикъ, СХХХVI, июнь, 1145.

Пирлингъ, патеръ-историкъ. Замѣтка его: «По поводу статьи изъ записной книжки историка» Е. С. Шумгорскаго, СХХХVI, июнь, 1183, 1184. Упомин. СХХХVI, май, 688.

Писаревъ, Д. П., критикъ, въ статьѣ Н. Н. Фирсова «Въ редакціи журнала «Русское Слово», СХХХVI, май, 490, 491, 494, 504—508, 511, 512. Упомин. СХХХVI, июнь, 898, 899.

Питиримъ, архіепископъ, экзархъ Грузіи, (его архипастырское посланіе), СХХХVIII, октябрь, 330, 331.

Питтъ, Вильямъ, англійскій министръ, СХХХVII, августъ, 708.

Платоновъ, С. О., проф. Рецензія К—шова: «Стѣнная карта», «Русскіе славяне и ихъ сосѣди въ IX—X вв.», для класснаго употребленія, приспособленная къ учебнику русской исторіи проф. С. О. Платонова, съ приложеніемъ атласа «Памятники искусства русскихъ славянь и ихъ сосѣдей до XII вѣка», 28 таблицъ съ 228 рис. подъ редакціей и съ объяснительнымъ текстомъ Н. Е. Макаренко. Спб. 1914. Изд. Я. Башмакова и К^о, СХХХVIII, ноябрь, 640, 641.

Платонъ (Левшинъ), митрополитъ московскій. О немъ составленной Н. П. Розановымъ рецензированной П. Майковымъ книгѣ: «Московский митрополитъ Платонъ (1757—1812 гг.). Изданіе общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Спб. 1913. Съ портретами», СХХХVI, июнь, 1129, 1130.

Платонъ, архіепископъ костромской, СХХХVI, апрѣль, 322.

Платонъ, греческій философъ, въ замѣткѣ: «Гдѣ находилась древняя Атлантида», СХХХVII, августъ, 712.

Плево, В. К., стат.-секретарь, министръ (въ «Прологѣ русско-японской войны»), СХХХVII, сентябрь, 985.

Плеске, Э. Д., управл. минист. финан., СХХХVIII, декабрь, 945.

- Плетневы:**
- А. В., жена профессора, въ воспоминаніяхъ А. Ф. Конг, СХХХV, мартъ, 1114, 1115.
- Алексѣй. Рецензія М—о о книгѣ его: «Къ жизни новой. Собраніе сочиненій. Томъ третій. Одесса. 1913», СХХХV, январь, 310, 311.
- Побѣдоносцевъ, К. П.**, синодальный оберъ-прокуроръ. СХХХV, февраль, 532, 707, 708; СХХХVI, июнь, 827, 828; (виновникъ назначенія гр. Лорисъ-Меликова), СХХХVIII, октябрь, 292, 293.
- Поварнинъ.** Рецензія А. Налмова объ изданной подъ редакціей Н. Д. Носкова, при сотрудничествѣ его и Саввина книгѣ: «Словарь литературныхъ типовъ. Вып. 9 и 10. Гончаровъ. Спб. 1914», СХХХVIII, декабрь, 1010, 1011.
- Погодинъ, А. Л.**, проф. Рецензія В. Мар—скаго о книгѣ его: «Лекціи по исторіи польской литературы. Часть I. Средніе вѣка и польско-латинскій гуманизмъ первой половины XVI вѣка. Харьковъ. 1913», СХХХV, январь, 302, 303.
- Покотиловъ, дипломатъ,** СХХХVIII, сентябрь, 976, 977.
- Покотилова, О.** Рецензія о книгѣ ея, съ вступительной статьей проф. В. В. Сиповскаго: «Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. 1814—1841 гг. Жизнь. Личность. Творчество. Для старш. классовъ средн. учебн. зав. Изданіе Н. П. Карбасникова. Петр. 1914», СХХХVIII, декабрь, 1017.
- Покровский, Н. М.**, проф. Рецензія Н. Г. Р. о книгѣ его: «Русское духовенство, его патриотизмъ и дѣятельность въ защиту православія и законной національной царской власти въ смутное время и при избраніи на русскій царскій престолъ боярина Михаила Феодоровича Романова. Казань. 1913», СХХХVI, май, 700, 701.
- Покровский, Г. А.**, проф. Рецензія В. Грибовскаго о книгѣ его: «Исторія римскаго права. Спб. 1913», СХХХV, мартъ, 1105, 1106.
- Покровский, Ф. И.** Рецензія о книгѣ его: «Путешествіе въ Монголію и Китай сибирскаго казака Ивана Петлина въ 1618 году (Мнимое путешествіе атамановъ Ивана Петрова и Буриша Ялычева въ 1567 г.). Петр. 1914», СХХХVIII, октябрь, 298.
- Полетаевъ, Н. А.**, адвокатъ, писатель. Некрологъ его: СХХХVIII, декабрь, 1051—1053.
- Полетина, В. А.**, издатель газеты «Молва», СХХХVII, августъ, 505.
- Поливанова, Е. Я.**, журналистка. Некрологъ ея: СХХХV, февраль, 763.
- Полиловъ, Г.** Рецензія его: «Свѣтъ Тихій». Пьеса въ пяти актахъ Евгения Безятова. Москва. 1913», СХХХV, январь, 310.
- Половинкинъ, И. Н.**, магистрантъ славянскій филологъ, литераторъ. Некрологъ его: СХХХVII, сентябрь, 1069, 1070.
- Полонская, Н. Д.**, Рецензія К—шова о составленномъ ею, подъ редакціей проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, «Историко-культурномъ атласѣ по русской исторіи съ объяснительнымъ текстомъ. Кіевъ. 1913. Вып. I», СХХХV, февраль, 703, 704.
- де-Помпадуръ,** маркиза, фаворитка французскаго короля, СХХХVIII, ноябрь, 676.
- Понсонъ дю-Террайль,** французскій романистъ, въ замѣткѣ: «Къ біографіи Понсонъ дю-Террайля», СХХХV, февраль, 721, 722.
- Поповы:**
- В. П. Рецензія о книгѣ его: «Лѣтопись русскаго пчеловодства за тысячу лѣтъ (съ 912 по 1912 г.). Пенза. 1913», СХХХV, январь, 349.
- В. П., преподаватель, другъ Д. П. Писарева, СХХХVI, май, 503.
- Е. П., дочь купца-книгопродавца, (ея дневникъ), СХХХVII, августъ, 546—548.
- Л. В., художникъ. Некрологъ его: СХХХVI, июнь, 1182.
- М. М., дѣятель по жандармеріи части, (его записка), СХХХV, февраль, 667.
- Н. Г., проф., предѣдатель юбилейной комиссіи по организаціи столѣтня московской духовной семинаріи, СХХХVI июль, 360, 361.
- Р. С., журналистъ, сотрудникъ «Новаго Времени». Некрологъ его: СХХХV, январь, 382.
- Попруженко, М. Г.** Его статья: «Императорское одесское общество исторіи и древностей. (По поводу 75-лѣтня его существованія), СХХХVIII, ноябрь, 544—555.
- Пороховщниковъ, А. А.**, СХХХVI, май, 446.
- Португаловъ, М. В.** Рецензія А. Фаресова о книгѣ его: «Женщина въ русской художественной литературѣ XIX вѣка (1823—1876). Спб. 1914», СХХХVI, май, 706.
- Поталенко, П. Н.** Его рассказъ: «Дѣстокое дѣло», СХХХV, январь, 103—120.
- Потемкинъ, Г. А.**, князь, въ запискѣхъ графа Рожера Дама, СХХХVI, май, 718—720.

- Поццо-ди-Борго**, корсикаецъ, врагъ Наполеона, въ замѣткѣ «Два корреспондента», СХХХV, январь, 353—355.
- Пржевальскій**, Н. М., путешественникъ, въ рецензіи: «П. К. Козловъ. Въ сердцѣ Азии. (Памяти Н. М. Пржевальскаго). «Знаніе для всѣхъ». № 1. Изд. П. П. Софкина. Спб. 1914», СХХХV, мартъ, 1212.
- Принципъ**, Гаврииль, убійца, австрійскаго эрцгерцога Франца-Фердинанда, СХХХVІ, августъ, IX, XII.
- Приселковъ**, М. Рецензія П. Б. о книгѣ его: «Очерки по церковно-политической исторіи кievской Руси X—XII вв. Спб. 1913», СХХХVІ, июнь, 1126, 1127.
- Прозрителевъ**, Г. Рецензія Бор. Горюцкаго о сочиненіи его: «Военное прошлое нашихъ калмыковъ. 1812—1912 гг. Ставропольскій калмыцкій полкъ и астраханскіе полки въ Отечественную войну 1812 года.—Труды ставропольской ученой архивной комиссіи. Выпускъ третій. Ставрополь-Кавказскій. 1913», СХХХVІІ, сентябрь, 1015—1017.
- Прокошевъ**, П. А., профессоръ. Рецензія Выг. Ткачука о книгѣ его: «Didascalía Apostolorum и первая шесть книгъ «Апостольскихъ постановленій». Историко-критическое изслѣдованіе изъ области источниковъ церковнаго права. Приложение: Дидаскалія. Томскъ. 1913», СХХХV, февраль, 698—700.
- Проходцевъ**, И. И. Рецензія В. В. Б. о книгѣ его: «Рязанская губернія въ 1812 году преимущественно съ бытовой стороны. Матеріалы для исторіи Отечественной войны. Часть 1. Изданіе рязанской губернской ученой архивной комиссіи. Спб. 1913», СХХХVІ, июнь, 1127—1129.
- Прыжовъ**, И. Г. Рецензія А. Фаресова о книгѣ его: «Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа. Казань. 1914. Изданіе второе», СХХХVІІ, октябрь, 275—277.
- Пугачевъ**, Емелька, СХХХV, февраль, 672.
- Пуквиль**, Франсуа, въ замѣткѣ: «Приключенія одного ученаго француза», СХХХV, февраль, 725—728.
- Пунаръ-Бхава**, предсказатель, (предсказаніе войны), СХХХVІІІ, ноябрь, 533, 534.
- Пуришкевичъ**, Владиміръ. Рецензія о книгѣ его: «Матеріалы по вопросу о разложеніи современнаго русскаго университета. Изданіе союза русскаго народа имени Михаила Архангела. Спб. 1914», СХХХVІ, апрѣль, 326.
- Путининъ**, К. И. Его статья: «Жемчужина Финскаго побережья», СХХХVІ, июль, 1087—1106.
- Пыпинъ**, А. Н. Рецензія А. М.—на о книгѣ: «Историческая бібліотека. «Памятники русской литературы», А. Н. Аванасьева. Народная русскія легенды. Подъ редакц. И. П. Кочергина съ приложеніемъ портрета и воспоминаній А. Н. Аванасьева и двухъ статей А. Н. Пыпина. Издательство «Молодая сила». Казань. 1914», СХХХVІІІ, октябрь, 280, 281.
- Пушкинъ**, А. С., поэтъ: 1) въ стѣбѣ Ф. Е. Зарина-Несвицкаго «Пушкинскій домъ въ Царскомъ Селѣ», СХХХVІ, апрѣль, 269—279.—2) въ рецензированной С. фонъ-Штейномъ книгѣ: «Ю. Н. Щербачевъ. Пріятели Пушкина—Михаиль Андреевичъ Щербининъ и Петръ Павловичъ Каверинъ». Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей росейскихъ при московскомъ университетѣ. Москва. 1913», СХХХVІІ, августъ, 686—689.—3) въ рецензированной И. З. книгѣ Б. В. Неймана. «Вліяніе Пушкина въ творчествѣ Лермонтова. 1814—3-го октября—1914 г. Кіевъ. 1914», СХХХVІІІ, декабрь, 1013, 1014.—Упомян.: СХХХV, мартъ, 1117; СХХХVІ, июнь, 896—899; СХХХVІІ, сентябрь, 920, 990.

Р

- Р.** Рецензіи его: 1) «Б. В. Варнеке, проф. Исторія русскаго театра. Изданіе второе, значительно дополненное. Изд. Н. Н. Сергѣевскаго. Спб. 1914», СХХХVІ, апрѣль, 304, 305.—2) «Юрій Озаровскій. Музыка живого слова. Изд. Н. О. Поповой. Спб. 1914», СХХХVІ, апрѣль, 311.—3) А. И. Купидки. Біографія-характеристика. Тетерь Невѣдомскаго. Спб.», май, 711, 712.
- Радзивиллъ**, княгиня, (ея воспоминанія о берлинскомъ дворѣ), СХХХVІ, апрѣль, 348—351.
- Раевскій**, Н. Н., герой Отечественной войны, СХХХV, февраль, 665, 666.
- Райнери**, Джіованни Антоніо. Рецензія Г. Заргенфрея объ изданной подъ редакціей Д. Н. Корсакова, книгѣ его, переведенной проф. прот. Дружининимъ: «Педагогика въ пяти книгахъ. Книгоиздательство К. И. Тихомирова. Москва», СХХХVІ, июнь, 1139, 1140.
- Ральцевичъ**, В. А., Рецензія о книгѣ его Б. Н. Васильева: «Краткая новѣйшая исторія (1814—1914). Спб. 1914. Кн-во т-ва Просвѣщеніе», СХХХVІІ, августъ, 701.
- Распововъ**, В. Е., одесскій книгоиздатель. Некрологъ его: СХХХVІІ, сентябрь, 1070.

Рейс-Ахметъ, корсаръ, СХХХV, февраль, 725—727.

Ржевская, (Альмова), воспитанница Смольнаго института, (ея записки), СХХХVI, июнь, 994, 995, 977, 1003.

Ремизовъ, Алексѣй, писатель, въ рецензіи «Проф. А. В. Рыстенко. Забѣтки о сочиненіяхъ Алексѣя Ремизова. Одесса. 1913», СХХХV, февраль, 715.

Ренавъ, Эрнестъ, французскій писатель, въ замѣткѣ «Ренавъ о будущемъ Франціи, Германіи и славянства», СХХХVIII, октябрь, 299—301.

Ренненкампфъ, П. К., генералъ, СХХХVI, апрѣль, 240, 241.

Renolds, R. Рецензія А. Б.—а о книгѣ его: «My russian Jeag. London. 1913. Mills», СХХХV, январь, 324—326.

Ришпанъ, Жанъ, французскій писатель, въ замѣткѣ: «Жанъ Ришпанъ о Шекспирѣ», СХХХVIII, ноябрь, 671—674.

Робеспьеръ, Максимилианъ, французскій революціонеръ въ замѣткѣ: «Судьба Дантона», СХХХVI, июнь, 1166, 1168.

Ровигъ, (Савари), герцогъ, СХХХVI, май, 747.

Роганъ-де, кардиналь, СХХХVIII, декабрь, 1033.

Роганъ-Шабо, шевалье, (столкновеніе съ Вольтеромъ), СХХХVIII, декабрь, 1024, 1025.

Родзянко, М. В., предсѣдатель Государственной Думы, СХХХVII, сентябрь, XIX, (рѣчь о войнѣ); XV.

Родоконани, Е., по поводу его біографіи Боккачіо, СХХХV, февраль, 733.

Родонъ, артистъ, СХХХV, мартъ, 859, 860.

Розановъ, В. В. Рецензія Н. Вальмана о книгѣ его: «Среди художниковъ. Спб. 1914», СХХХV, февраль, 682—685.— Упомян. СХХХVI, май, 570.

Розановъ, Н. П., магистръ богословія. Рецензія П. Майкова о составленной имъ книжкѣ: «Московскій митрополитъ Платонъ (1757—1812 гг.). Изданіе общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Спб. 1913. Съ портретами», СХХХVI, июнь, 1129, 1130.

Розенбергъ, Вл. Рецензія о книгѣ его: «Лѣтопись русской печати. (1907—1914 гг.). Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. Москва. 1914», СХХХVI, май, 727—

Розенкопфъ, Э. М., беллетристъ. Некрологъ его: СХХХV, мартъ, 1165.

Розень, баронъ, русскій дипломатъ, СХХХVIII, июль, 242, 243, сентябрь, 961.

Розень, Г. В., баронъ, кавказскій дѣятель, въ статьѣ его А. Ф. Рукевича: «Изъ

воспоминаній стараго эриванца. (1832—1839 гг.)», СХХХVIII, ноябрь, 400—408.

Романовы, царствующій домъ: 1) въ рецензированной П. Майковымъ книгѣ: «Государи изъ дома Романовыхъ 1613—1913 г. Жизнеописаніе царствовавшихъ государей и очеркъ ихъ царствованій, подъ редакціей доктора русской исторіи Н. Д. Чечулина. Москва. 1913. Изданіе товарищества И. Д. Сытина. Два тома, съ 16 портретами державныхъ особъ и съ множествомъ гравюръ въ текстѣ въ изящномъ переплетѣ», СХХХVI, апрѣль, 299, 300.—2) въ рецензированной А. С. Б. книгѣ Э. Титова: «Русскій царствующій домъ Романовыхъ въ его отношеніяхъ къ Киево-Печерской лаврѣ. 1611—1911 гг. Съ приложеніями. Кіевъ. 1914», СХХХVII сентябрь, 1013.

Романовы:

— бояре, въ рецензіи А. М.—на: «Извѣстія общества изученія Олонецкой губерніи 1913, № 1. Петрозаводскъ. 1913», СХХХV, январь, 306, 307.

— Ксепія Ивановна, мать царя Михаила, СХХХV, январь, 306, 307.

Ромодановскіе, князья, (ихъ старинный домъ въ Курскѣ), СХХХVII, августъ, 724.

Ронинъ, П. Его статья: «Какъ я былъ сосѣдомъ царя» (Разсказъ коммерсанта), СХХХV, февраль, 530—538.

Ропшинъ, В. Рецензія А. Фаресова о книгѣ его: «То, чего не было. Романъ. Москва. 1914», СХХХVII, июнь, 326, 327.

Рославлевъ, публицистъ, СХХХVIII, ноябрь, 580.

Россіевъ, Павелъ. Рецензія его: «Труды съѣзда дѣятелей черноморскаго побережья Кавказа. Томъ второй. Подъ общей редакціей члена-дѣлопроизводителя съѣзда. Н. И. Воробьева. Спб. 1914 г. 2 листа чертежей», СХХХVIII, ноябрь, 648, 469.

Россовъ, Н. Д., земскій и общественный дѣятель. Некрологъ его: СХХХVII, августъ, 733, 734.

Рошешуаръ, русскій комендантъ Парижа, СХХХV, мартъ, 1080.

Рубанинъ, Н. А. Рецензіи: 1) «А. В. о книгѣ его: «Среди книгъ. Т. II. Спб. 1913. Книгоиздательство «Наука», СХХХVI, май, 708 — 710.—2) о книгѣ, съ его предисловіемъ: «Семень Ѧомичъ. Пѣсни радости и печали. Изданіе Суриковскаго литературно-музыкальнаго кружка въ Москвѣ. Москва. 1914», СХХХVII, июль, 338.

Рубинштейны:

— А. Г., композиторъ, СХХХV, мартъ, 857.

— М. М. Рецензія Г. Зоргенфрея объ изданной, подъ редакціей Д. Н. Королькова, книгѣ его: «Очеркъ педагогич. психологіи въ связи съ общей педагогикой».—Книгоиздательство К. И. Тихомирова. Москва, СХХХVI, июнь, 1139, 1140.

— П. Г., директоръ московской консерваторіи, СХХХV, мартъ, 849, 850, (карикатура на него) 852—854, 858.

Рудбекъ, ученый, (поиски древней Атлантиды), СХХХVII, августъ, 712.

Руевичъ, А. Ф. Записки его: «Изъ воспоминаній стараго эриванца (1832—1837 гг.)», СХХХVII, августъ, 414—428, сентябрь, 789—810; СХХХVIII, октябрь, 39—52, ноябрь, 400—415, декабрь, 766—791.

Руевичъ, Михаилъ. Сообщение имъ записокъ А. Ф. Руевича: «Изъ воспоминаній стараго эриванца (1832—1839 гг.)», СХХХVII, августъ, 414—428, сентябрь, 789—810; СХХХVIII, октябрь, 39—52, ноябрь, 400—415, декабрь, 766—791.

Рума, Л. Рецензія Г. Гинса о книгѣ его: «Очерки и изслѣдованія. Вып. 1. Изъ жизни и колонизаціи Муганской степи. Спб. 1913», СХХХV, февраль, 696, 697.

Румянцевъ, Н. П., графъ: 1) въ рецензированной Н. С. Б. книгѣ: «Пятидесятилѣтіе Румянцевскаго музея въ Москвѣ. 1862—1912 гг. Историческій очеркъ. Москва. 1913», СХХХV, январь, 286—289.—2) въ рецензированной Н. С. Б. книгѣ: «Отчетъ московскаго публичнаго и Румянцевскаго музея за 1912 г., представленный министру народнаго просвѣщенія. Москва. 1913», СХХХV, февраль, 670—672.—(Крымская археологія), СХХХVIII, ноябрь, 545, 546.

Руссо, Жанъ-Жакъ, французскій философъ, въ замѣткѣ: «Отчего умеръ Жанъ-Жакъ Руссо», СХХХV, февраль, 729, 730.

Rustic. Рецензіи его: 1) «Опись дѣлъ архива Государственнаго Совѣта. 1) Томъ восьмой. Дѣла Государственнаго Совѣта съ 1871 по 1876 годъ. Спб. 1913. 2) Томъ девятый. Дѣла Государственнаго Совѣта съ 1883 по 1888 годъ. Спб. 1913. 3) Томъ пятнадцатый. Дѣла секретнаго комитета и главныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу и объ устройствѣ сельскаго состоянія съ 1857 по 1882 годъ. Спб. 1911. 4) Томъ шестнадцатый. Дѣла Государственнаго Совѣта и государственной канцеляріи съ 1807 по 1910 годъ.

Спб. 1912. 5) Томъ двадцатый. Дѣла собственной его императорскаго величества канцеляріи по дѣламъ Царства Польскаго съ 1826 по 1835 годъ. Спб. 1911», СХХХVII, августъ, 680, 681.—2) «Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ 1914 г. Книга 3-я. Двѣсти пятидесятая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. Москва. Синодальная типографія», СХХХVIII, ноябрь, 637—639.

Руффини, Франческо. Рецензія о переведенной А. Н. Ильинскимъ, подъ ред., съ предисл. и примѣч. проф. В. П. Сперанскаго, книгѣ его: «Религіозная свобода. Исторія идеи. Вып. 1. Изданіе Н. И. Карбасникова, Спб. 1914», СХХХV, май, 728.

Рыбановъ, Н. Х., артистъ. СХХХV, январь, 135, 136.

Рыкалова, Н. В. артистка Малаго театра. Некрологъ ея: СХХХV, февраль, 763, 764.

Рыковъ, членъ Государственнаго Совѣта, (его хлопоты за нѣмцевъ), СХХХVIII, декабрь, 988.

Рыстено, А. В., проф. Рецензія о книгѣ его: «Замѣтки о сочиненіяхъ Алексѣя Ремизова. Одесса. 1913», СХХХV, февраль, 715.

Рѣдкинъ, А. П., писатель и составитель самоучителей языковъ. Некрологъ его: СХХХVI, июнь, 1182, 1183.

Рѣзцовъ, Н. А., бывшій петербургскій городской голова, технологъ, журналистъ. Некрологъ его: СХХХV, февраль, 764, 765.

Рѣпинъ, И. Е., художникъ-профессоръ Рецензія Н. объ изданной съ его воспоминаніемъ книгѣ: «Академикъ живописи Александръ Александровичъ Киселевъ (1838—1911 гг.). Альбомъ фотографическихъ снимковъ съ его картинъ. Исполнено К. А. Финтеромъ въ Москвѣ. Біографія Киселева. Подъ редакціей П. П. Гнѣдича. 22 табл. М. 1914», СХХХVI, май, 711.

Рэнъ, Петръ, французскій писатель. Рецензія П. Майкова о книгѣ его: Un Tsar idéologue. Alexandre I (1777—1825). Ouvrage orné de 8 gravure. Paris 1913. Librairie académique Perrin et Co.—Царь идеологъ-Александръ I (1777—1825). Сочиненіе Петра Рэнъ. Парижъ. 1913. Съ 8 гравюрами», СХХХVI, май, 698—700.

С

С. рецензіи его: 1) «Академикъ Е. Е. Голубинскій. О реформѣ въ бытѣ русской церкви. Сборникъ статей. М. 1913»,

СХХХVII, июль, 319—321.—2) «В. К. Харламповичъ. Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь. Томъ I. Казань. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 634—637.

С. Л—нь. Рецензія его: 1) «П. А. Бутми. Каббала, ереси и тайны общества. Подъ редакціей Г. В. Бутми. Слб. 1914», СХХХVI, май, 703, 704.—2) «Культурно-историческіе памятники древняго Востока. Подъ общей редакціей проф. Б. А. Тураева. Выпускъ I. П. М. Волковъ. Законы вавилонскаго царя Хаммураби. Съ рисунками и картой. Москва. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 647.

С. П—овъ. Статья его: «Старыхъ времѣнь быдѣ», СХХХV, февраль, 579—584.

Сабанѣва, Е. А. Рецензія Д. М.—ко о книгѣ ея: «Воспоминанія о быломъ. Изъ семейной хроники 1770—1838. Предисловіе Д. А. Крсакова. Редакція и прилѣжанія Б. Л. Модзалевскаго Слб. 1914», СХХХVI, июнь 1130, 1131.—По поводу ея воспоминаній, СХХХVII, августъ 540, 542.

Саблуновъ, переводчикъ Карапа, СХХХV, февраль, 692.

Савва, архіеп. тверской, СХХХV, февраль, 708.

Савиджъ, Ричардъ, англійскій поэтъ и драматургъ, въ замѣткѣ «Эпизодъ изъ исторіи англійскихъ нравовъ» СХХХVIII, ноябрь, 677—679.

Савинъ. Рецензія А. Наллимова объ изданной подъ редакціей Н. Д. Носкова, при сотрудничествѣ его и Поварнина, книгѣ: «Словарь литературныхъ типовъ. Вып. 9 и 10. Гончаровъ. Слб. 1914», СХХХVIII, декабрь, 1010, 1011.

Савиновъ, А. С., вице-консулъ. СХХХVIII, декабрь, 978, 979.

Савченко, С. В. Рецензія В. Данилова о книгѣ его: «Русская народная сказка (Исторія, собраніе и изученіе). Киевъ. 1914», СХХХVI, май, 701—703.

Садовскій, П. М., артистъ, СХХХV, мартъ, 1110.

Сайдъ, турецкій великій визиръ, СХХХVIII, дек-брь, 826, 827, 830.

Сазоновъ, С. Д., министръ иностранныхъ дѣлъ, СХХХVII, сентябрь, XV—XVIII (рѣчь въ Государственной Думѣ о войнѣ съ Австріей и Германіей).

Саненъ, русскій военный губернаторъ Парижа, СХХХV, мартъ, 680.

Салисбюри, маркизъ, англійскій дипломатъ. СХХХVI, апрѣль, 55; май, 459, 460, июль, 826, 833.

Салтыновъ, М. Е., (Щедригъ), шпатель-сатирикъ: 1) «въ замѣткѣ Памяти М. Е. Салтыкова», СХХХVI, июнь, 1174, 1175. 2) въ статьѣ П. А. Сербаринова: «М. Е.

Салтыковъ и современныя европейскія событія», СХХХVIII, ноябрь, 450—473.

Самойловъ, В. В., артистъ, въ статьѣ Н. Н. Долгова: «О нравственномъ обликѣ В. В. Самойлова», СХХХVIII, ноябрь, 519—526.

Самсонъ, французскій палачъ, СХХХVIII, ноябрь, 683.

Санціо, Рафаэль, художникъ, какъ декадентъ, СХХХV, февраль, 733.

Санчурскій, Н., б. окружный инспекторъ петербургскаго учебнаго округа. Рецензія о составленной имъ при участіи А. Гофмана и М. Янко---директоровъ петербургскихъ гимназій, П. Барсова, П. Дюмидова и І. Сѣдлатаго---инспекторовъ петербургскихъ гимназій Э. Кесслера и В. Мардацова, преподавателей петербургскихъ гимназій книгѣ: «Краткій очеркъ римскихъ древностей. Для гимназій, пр-гимназій и самообученія. 5-е изданіе исправленное и дополненное. Слб. 1914», СХХХV, мартъ, 1123.

Сараджевъ, А. П., изслѣдователь грузинской старины. Некрологъ его: СХХХVII, июль, 367.

Сатау, Э., англійскій посланникъ, СХХХVI, май, 612, 616, 617.

Святловскій, Е. В., общественный дѣятель и либретторъ. Некрологъ его: СХХХVII, сентябрь, 1070, 1071.

Святловская-Знаменская, Р. С., женщина-врачъ, СХХХVIII, октябрь, 65.

Святополкъ-Мирскій, П. Д., князь, бывший министръ внутреннихъ дѣлъ. Некрологъ его: СХХХVII, июль, 368.

Севинь, де, Шарль, баронъ, въ замѣткѣ «Сынъ маркизы де-Севинь», СХХХV, мартъ, 1140—1144.

Сегоръ, графъ, СХХХVI, май, 719, 720.

Сеймуръ, англійскій адмиралъ, СХХХV мартъ, 1055.

Селимъ, турецкій султанъ, въ замѣткѣ: «Приключеніе одного ученаго француза», СХХХV, февраль, 727.

Семевскій, М. И., издатель «Русской Старины», (рассказъ про императора Франца-Иосифа), СХХХVIII, октябрь, 289.

Семеновы:

— Л. Рецензія о книгѣ его: «О Хаджи Муратѣ» Е. Толстого. Харьковъ. 1914», СХХХVII, августъ, 700.

— Леонидъ. Рецензія В. Кн. о книгѣ его: «Лермонтовъ и Левъ Толстой. Къ столѣтію со дня рожденія Лермонтова. Москва. 1914», СХХХVII, июль, 325, 326.

— Н. В., дѣятель по рыболовству и рыбобоводству. Некрологъ его: СХХХVIII, октябрь, 346, 347.

— П. Н., отец П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго, СХХХVI, апрѣль, 157.

Семеновъ-Тянь-Шанскій, П. П., въ статьѣ Г. Л. И. «Памяти П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго», СХХХVI, апрѣль, 155—166.

Семенниковъ, В. Рецензія его: «Русскій біографическій словарь. Изданіе императорскаго русскаго историческаго общества. Томы: Гаагъ-Гербель и Нааке-Накенскій—Николай Николаевичъ Старшій. 1914», СХХХVII, сентябрь, 1011—1013.

Сеневичъ, Генрихъ, польскій писатель, (предсказаніе войны), СХХХVIII, декабрь, 889, 890.

Сентъ-Бевъ, французскій критикъ, СХХХVIII, декабрь, 1028.

Сербариновъ, П. А. Его статья: «М. Е. Салтыковъ и современныя европейскія событія», СХХХVIII, ноябрь, 450—473.

Серверъ-паша, предѣдатель турецкаго государственнаго совѣта, СХХХVIII, декабрь, 830.

Сергій Михайловичъ, великій князь, генераль-инспекторъ артиллеріи, въ замѣткѣ: «Двухсотлѣтній юбилей петербургскаго арсенала», СХХХVI, июнь, 1173, 1174.

Середонинъ, С. М., профессоръ русской исторіи, писатель. Некрологъ его: СХХХVII, сентябрь, 1071, 1072.

Сивковъ, К. В. Рецензія А. М.—на объ изданной подъ редакціей его, А. М. Васютинскаго, М. Н. Коваленскаго и В. Н. Перцова книгѣ: «Историческая коммисія ученаго отдѣла О. Р. Т. З. Книга для чтенія по древней исторіи. Ч. I. Первобытная культура. Востокъ. Греція. Для III—IV классовъ средне-учебныхъ заведеній. Сборникъ статей съ 92 иллюстраціями въ текстѣ и 21 иллюстраціей на отдѣльныхъ листахъ. М. 1913. Ч. II. Римъ—республика. Съ 77 иллюстраціями въ текстѣ и 8 иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ М. 1913», СХХХVI, июнь, 1134, 1135.

Сигизмундъ II Августъ, польскій король, (требованіе гор. Бари), СХХХVIII, октябрь, 254.

Симаковы:

— В. И. Рецензія В. Данилова о книгѣ его: «Сборникъ деревенскихъ частушекъ Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской губерній. Съ приложеніемъ нотъ и подробнаго бібліографическаго указателя литературы. Ярославль. 1913», СХХХVIII, октябрь, 278—280.

— П. В., художникъ. Рецензія Д. М.—ко о книгѣ Ф. Е. Зарина-Несвицкаго, съ его иллюстраціями: «Тайна поповскаго сына. Историческая повѣсть. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Слб. 1914», СХХХVI, апрѣль, 313, 314.

Симанскій, П. Н. Рецензія В. А. Алексѣева о книгѣ его: «Суворовскій отдѣлъ бібліотеки П. Н. Симанскаго. Слб. 1913», СХХХVII, июль, 334, 335.

Симбирскій, Н. Его статья: «Нѣмцы на югѣ», СХХХVIII, декабрь, 903—918.

Симборскій, генераль, (его причуды), СХХХVIII, ноябрь, 413—415.

Симеонъ, (Сергій Ивановичъ Покровский), епископъ самарскій и ставропольскій. Некрологъ его: СХХХV, январь, 382, 383.

Симонсонъ, англійскій историкъ искусства, (о крѣпостномъ художникѣ Ивановѣ), СХХХVI, май, 724, 725.

Сингалевичъ, С. П., писатель, СХХХV, февраль, 669.

Синцовъ, П. Ф., профессоръ геологій. Некрологъ его: СХХХVII, августъ, 734, 735.

Сиповскій, В. В., проф. Рецензіи: 1) объ изданномъ гр. М. Н. Толетюю подъ его редакціею сочиненіи Н. М. Карамзина: «Записка о древней и новой Россіи. Слб. 1914», СХХХVI, май, 728.—2) о книгѣ О. Покопиловой, съ его вступительной статьей: «Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. 1814—1841 гг. Жизнь.—Личность.—Творчество.—Для старш. классовъ средн. учебн. зав. Изданіе Н. П. Карбасникова. Петр. 1914», СХХХVIII, декабрь, 1017.

Сиротининъ, А. Рецензія П. Б. о книгѣ его: «Россія и славяне. Слб. 1913», СХХХV, февраль, 690, 691.

Сіяхъ-Пушъ, инициаторъ магдизма въ Средней Азійи, въ статьѣ Н. В. Чарыкова: «Мирное завоеваніе Мерва», СХХХVIII, ноябрь, 487, 488, 497, 509—514.

Скалонъ, Д. А. 1) Рецензія В. Жерве о составленной при его участіи книгѣ: «Императорская главная квартира. Исторія государевой свиты. Царствованіе императора Александра II. Главный редакторъ, генераль-отъ-кавалеріи Д. А. Скалонъ. Редакторъ и составитель полковникъ В. К. Шенкъ. Помощникъ редактора Н. Н. Мерлинъ. Слб. 1914. Приложенія. Слб. 1914», СХХХVI, май, 690—693. — 2) Рецензія М. Соколовскаго о книгѣ его: «Мои воспоминанія 1877—1878 гг. Томъ второй. Слб. 1913», май, 693—695.

Скарятинъ, Н. Я., казанскій губернаторъ, въ статьѣ С. П.—ова «Старыхъ временъ были», СХХХV, февраль, 579—584. Упомин. СХХХVIII, декабрь, 872, 873.

Скворцовы:

— А. П., бывший профессор новоналександровскаго института, экономист, писатель. Некрологъ его: СХХХV, февраль, 765.

— Г. А. Рецензія Н. Г. Высоцкаго о книгѣ его: «Патріархъ Адрианъ. Его жизнь и труды въ связи съ состояніемъ русской церкви въ послѣднее десятилѣтіе XVII вѣка. Казань 1913». СХХХVII, июль, 321—323.

— О. П., вдова редактора «Русскихъ Вѣдомостей», писательница. Некрологъ ея: СХХХV, февраль, 765.

Скидельскій, Моисей, (прологъ русско-японской войны). СХХХVII, июль, 264.

Скобелевъ, М. Д., «бѣлый генералъ». полководецъ: 1) въ статьѣ Е. Смирнова: «Къ характеристикѣ М. Д. Скобелева». СХХХVII, сентябрь, 957, 958.—2) въ замѣткѣ «Отъ Скобелевскаго комитета» сентябрь, 1063.—СХХХVIII, октябрь, 264 (слова прусскаго принца ему); (предсказаніе войны). СХХХVIII, декабрь, 894, 895.

Скоттъ, Чарльзъ, англійскій посланникъ, СХХХV, мартъ, 1032; СХХХVI, май, 610, 611, 613, 638, 639.

Скугаревскій, А. П., въ замѣткѣ «Резолюція 130-го славянскаго обѣда». СХХХVII, сентябрь, 1058, 1059.

Слобожанинъ, М. Рецензія А. Фаресова о книгѣ его: «Изъ исторіи и опыта земскихъ учреждений въ Россіи. Изданіе журнала («Жизнь для всѣхъ»). Спб. 1914». СХХХV, февраль, 693, 694.

Смарагдъ, (Брыжановскій), архіепископъ, (характеристика его, кощунственный акаосетъ ему), СХХХV, январь, 336—338; СХХХVI, май, 721—723.

Смирновъ, А. О., СХХХVIII, октябрь 207, 213—215, 218—224 (воспоминанія о Гоголѣ).

Смирновъ, В., приватъ-доцентъ. Рецензія П. Майкова объ изданной подь его редакцію книгѣ: «Документы, относящіяся къ исторіи 1812 года. Первая часть 14-го выпуска «Сборника историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Съ высочайшаго соизволенія. Спб. 1913». СХХХV, январь, 320—322.

Смирновъ, Е. Его статья: «Къ характеристикѣ М. Д. Скобелева». СХХХVII сентябрь, 957, 958.

Смординовъ, В. Г., (его воспоминанія о варшавскомъ архіепископѣ Леонтіи), СХХХVII, сентябрь, 1029, 1030.

Снегиревъ, В. Л. Рецензія В. Ар—тъ

о книгѣ его: «Архивное законодательство при Петрѣ Великомъ. Очеркъ по исторіи архивнаго дѣла въ Россіи. М. 1913». СХХХVII, августъ, 678—680.

Соколовъ, Н. Н., докладчикъ въ комисіи по изученію старой Москвы; СХХХVI, апрѣль, 356—359.

Сойкинъ, П. П., издатель книгъ и журналовъ, въ замѣткѣ: «25-лѣтіе журнала «Природа и Люди». СХХХVIII, декабрь, 1044—1045.

Соколовскіе:

— М. Рецензія его: «Д. А. Скалонъ. Мои воспоминанія. 1877—1878 гг. Томъ второй. Спб. 1913». СХХХVI, май, 693—695.

— Тира. Рецензія ея: «Масонское дѣйство. Историческій очеркъ о заговорѣ декабристовъ. Гр. С. Д. Толь, рожденная гр. Толстая. Съ иллюстраціями. Спб. 1914». СХХХVI, апрѣль, 276—299.

Соколовы:

— присяжный повѣренный, (его отношеніе къ ростовщичу Лжехристу), СХХХV, январь, 165.

— А. И. Ея статья: «Встрѣчи и знакомства», СХХХV, январь, 135—144, февраль, 498—511, мартъ, 849—865.—Некрологъ ея: мартъ, 954—959.

— В. Д., проф. (чествованіе его), СХХХV, январь, 370.

— П. Его стихотвореніе: «Славянскіе орлы». СХХХVIII, октябрь, V, VI.

— И. И. Стихотвореніе его: «Памяти князя Олега Константиновича». СХХХVIII, ноябрь, V.

— Н. М., цензоръ, писатель, СХХХVI, июнь, 953.

— Н. Н. Рецензія Г. Зоргенфрея о переведенной имъ, подь редакціей Д. Н. Королькова книгѣ Фридриха Фребеля: «Педаг. соч. Томъ II. Книгоиздательство К. П. Тихомирова. Москва», СХХХVI, июнь, 1139, 1140.

— П. И. Его очеркъ: «На кумысѣ», СХХХVII, июль, 94—114.

— П. П., художникъ, въ рецензіи: «Новый выпускъ открыт. писемъ: поэма Гоголя «Мертвые Души» въ иллюстраціяхъ художника П. П. Соколова. Снимки съ худож. сокровищъ музея бар. Штиглица. Изд. общины св. Евгени Краснаго Креста», СХХХVIII, ноябрь, 662, 663.

— С. Д., составитель словаря дѣятелей саратовскаго края, СХХХV, февраль, 673.

Сократава-Алабина, Т. Рецензія о книгѣ ея: «Франція въ XVI вѣкѣ. Популярно-историческій очеркъ изъ эпохи соціальной и релігіозной смуты во Фран-

- цій. Изд. «Сотрудникъ школы». М. 1914». СХХХVI, май, 726.
- Солдатенновъ**, К. Т., мененать и издатель, СХХХVI, апрѣль, 138.
- Соловьевъ**, В. С., философъ, СХХХVI, апрѣль, 139—142 (исторія съ его докладомъ); июнь, 1147 (споръ съ Т. Н. Толстымъ).
- Софокль**, греческій писатель. Рецензія о трагедіи его: «Эдипъ—царь. Переводъ В. А. Алексѣева. Изданіе 3-е т-ва А. С. Суворина—«Новое Время», «Дешевая бібліотека». Спб. 1914», СХХХVII, июль, 338.
- Спада**, А. Ф., одесскій археологъ, СХХХVIII, ноябрь, 549, 550.
- Спалайковичъ**, сербскій посланникъ, СХХХVII, августъ, XVI.
- Спаскій**, В. В., художникъ. Рецензіи о книгахъ съ его рисунками: СХХХVIII, декабрь: 1) Н. Г. Вучетича: «Юрій Милославскій. Историческій романъ Загоскина въ сокращенномъ изложеніи. Москва. 1915», 1018, 1019; 2) В. П. Авенариуса: «Александръ Васильевичъ Суворовъ. По повѣсти П. Р. Фурмана. Москва. 1915», 1019, 3) «Историческая хрестоматія. Сборникъ историческихъ разсказовъ русскихъ писателей. Изданіе А. Д. Ступина. Москва. 1915», 1018.
- Сперанскій**, В. П., проф. Рецензія о переведеной А. П. Ильинскимъ, подъ его ред., съ его предисл. и примѣч. книгъ Франческо Руффини: «Религіозная свобода. Исторія идеи. Вып. I. Изданіе Н. П. Карбаеникова, Спб. 1914», СХХХVI, май, 728.
- Спрогисъ**, П. Я., археологъ, (его юбилей), СХХХV, январь, 372.
- Сталь-де**, m-me, французская писательница: 1) въ замѣткѣ «Возвращеніе m-me де-Сталь во Францію», СХХХVII, августъ 707—710.—2) Въ замѣткѣ: «Г-жа Сталь въ Веймарѣ», СХХХVII, сентябрь, 1042—1045.
- Станиславъ Лещинскій**, польскій король, въ замѣткѣ: «Польскій король въ Эльзасѣ», СХХХVIII, декабрь, 1038—1040.
- Станиславъ - Августъ**, Понятовскій, польскій король. Рецензія П. Майкова о его: «Memoires du roi Stanislas Auguste Poniatowsky. Т. I. St. Petersburg. 1914. (Воспоминанія короля Станислава-Августа Понятовскаго. Спб. 1914)», СХХХVII, июль, 314—317.—Упомин. СХХХVII, сентябрь, V—VIII.
- Станкевичъ**, другъ поэта Кольцова, въ рецензированной В. Даниловымъ книгѣ: «Н. Я. Бродскій. Поэты кружка Станкевича. Спб.», СХХХV, февраль, 676—678.
- Стапферъ**, французскій мексепирологъ СХХХVIII, ноябрь, 673, 674.
- Стахѣвъ**, Д. П., въ статьѣ П. П. Гурвича «Забутый писатель», СХХХVIII, октябрь, 152—178.
- Сташевскій**, Е. Д. прив.-доц. Рецензія Я. Бирюкова объ изданной подъ его редакціей и съ его вступительной статьей книгѣ Б. А. Влахопулова: «Экономическая хрестоматія. Т. I. Античный міръ. Кіевъ. 1913», СХХХVI, май, 707.
- Стелла**, Марія, актриса, претендентка на королевское происхожденіе, въ замѣткѣ: «Неразрѣшенная исторіей загадка», СХХХV, мартъ, 1137, 1138.
- Стемпковскій**, П. А., археологъ, СХХХVIII, ноябрь, 547.
- Стефанъ**, (Николай Павловичъ Архангельскій), архіепископъ курскій и обонскій. Некрологъ его: СХХХVII, августъ, 730, 731.—Къ нему замѣтка К. С. Добролюбова: «По поводу некролога архіепископа Стефана», СХХХVIII, октябрь, 352.
- Стоплянскій**, П. Рецензія о книгѣ его: «Старый Петербургъ. Торговля художественными произведеніями въ XVIII вѣкѣ. Петр. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 662.
- Столыпинъ**, П. А., предѣдатель совѣта министровъ: 1) въ статьѣ Л. Гаца «Убийство П. А. Столыпина», СХХХV, мартъ, 960—997; апрѣль, 193—215.—2) въ статьѣ К. И. Федюшина: «Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ и студенты. (Отрывки изъ воспоминаній)», СХХХVI, май, 531—537.
- Стремоуховъ**, П. П., дипломатъ, СХХХV, январь, 72.
- Стрепетова**, П. А., артистка, СХХХVII, сентябрь, 883, 886, 897—899.
- Строгановы**:
- А. С., графъ, президентъ академіи художествъ, покровитель искусствъ, СХХХVIII, ноябрь, 686.
- С. А., гр., (изданіе комиссіи по заведенію капиталомъ имени гр. С. А. Строганова), СХХХVII, июнь, 338.
- Строева**, писательница, СХХХVIII, декабрь, 896, 897.
- Струве**:
- В. Я., первый директоръ пулковской обсерваторіи, СХХХVII, августъ, 568—570, 572, 574.
- Петръ. Рецензія В. Грибовскаго о книгѣ его: «Хозяйство и дѣла. Критическія изслѣдованія по теоріи и исторіи хозяйственной жизни. Часть первая. Хозяйство и общество. Цѣна—дѣньность. Москва. 1913», СХХХVI, апрѣль, 305, 306.

Струйская, актриса. СХХХV, мартъ, 1103.

Струйскій, помещикъ-стихоплетъ и типографъ, СХХХVІІ, августъ, 698.

Стэдъ, англійскій писатель, СХХХVІІІ, ноябрь, 654, 655.

Субботичъ, генералъ, СХХХVІ, апрѣль 242.

Суворины:

— А. А. Алексѣй Порошинъ. Рецензія Л. Л. о книгѣ его: «Дуэльный кодексъ. Спб. Книгоиздательство «Новый Человѣкъ» (Эртелевъ пер., 6), СХХХVІ, май, 710, 711; (о балтійскихъ impresaхъ), СХХХVІІІ, ноябрь, 594.

— Ап. А. Рецензія о книгѣ ея: «На автомобилѣ. Очеркъ. Спб. 1914», СХХХV мартъ, 1122, 1123.

— А. С. писатель, въ статьѣ Е. П. Карпова: «А. С. Суворинъ и основаніе театра литературно-артистическаго кружка. (Страничка изъ воспоминаній: «Минувшее»), СХХХVІІ, августъ, 449—470, сентябрь, 873—902.

Рецензія Г.—ъ о книгѣ его: «Театральные очерки (1866—1876 гг.). Спб. 1914», СХХХV, мартъ, 1102—1104. — Упом. СХХХVІ, май, 570, 751.

— Б. А. Рецензія объ изданной имъ книгѣ: «Спутникъ по Новгороду и Старой Руссѣ». Спб. 1914», СХХХVІІІ, октябрь, 296.

Суворовъ, А. В. генерал-исемусъ: 1) въ рецензированной В. А. Алексѣевымъ книгѣ: «П. П. Симанскій. Суворовскій отдѣлъ бібліотеки П. П. Симанскаго. Спб. 1913», СХХХVІІ, июль, 334, 335; 2) въ замѣткахъ гр. Рожера Дама, СХХХVІ, май, 717, 718.—3) Въ рецензированной книгѣ В. П. Авераріуса: «Александръ Васильевичъ Суворовъ. По повѣсти П. Р. Фурмана. Москва 1915». СХХХVІІІ, декабрь 1019.

Суворовъ, П. А. театральнй декораторъ, (постановка «Власти тьмы»), СХХХVІІ, сентябрь, 882.

Судьбининъ, И. И., артистъ. СХХХVІІ, сентябрь, 875, 885, 898.

Суйковскій, присяжн. повѣр. (протестъ галиційскихъ поляковъ), СХХХVІІІ, октябрь, 335, 336.

Суніась Парзіанъ, армянскій архіепископъ, писатель. Некрологъ его: СХХХVІІІ, ноябрь, 702, 703.

Сулъжиковъ, (Вик. Торшиновичъ) А. В. Его статья: «Смутное время въ Ромнахъ», СХХХV, февраль, 585—607, мартъ, 998—1016.—Упомин. февраль. 716.

Сумароковъ-Зльстонъ, генералъ-адъютантъ, СХХХVІ, апрѣль, 77.

Сумцовъ, В. Н. Рецензія М. о о книгѣ его: «Аракчеевцы на Уралѣ. Экскурсіонный очеркъ съ 54 рисунками въ текстѣ и схематической картой средняго Урала. Нижній-Новгородъ. 1913», СХХХVІ, апрѣль, 314, 315.

Суриковъ, П. Э., поэтъ (по поводу изданій Суриковскаго литературно-музыкальнаго кружка въ Москвѣ), СХХХVІІ, июль, 338.

Сыромятниковъ, (Сигма), С. Н., публицистъ, (прологъ русско-японской войны), СХХХVІІ, июль, 246.

Съверцевъ-Полиловъ, Г. Т. 1) Его статья «Гибель корабля «Фриш мпендуль». СХХХV, февраль. 512—521; 2) Его разсказъ: «На каюкахъ», СХХХVІ, май, 469—489, июль, 864—887.—Рецензія Д. М. о книгѣ его: «Разсказы и эпизоды изъ первой половинны нынѣшней войны. Петр.», СХХХVІІІ, декабрь. 1016.—Упомин. тамъ же 897, 898.

Сѣдлатый, І. инспекторъ петербургской гимназій. Рецензія о составленной П. Салчурскимъ при участіи его и друг. книгѣ: «Краткій очеркъ римскихъ древностей 5-е изданіе, исправленное и дополненное. Спб. 1914», СХХХV, мартъ. 1123.

Сѣдовъ, Г. Я. участникъ экспедиціи къ сѣверному полюсу. Некрологъ его: СХХХVІІІ, октябрь, 347, 348.

Сю, Евгений, французскій романистъ, (къ исторіи его романа «Тайны Парижа»), СХХХVІІ, сентябрь, 1038.

Сюй-тунъ, китайскій канцлеръ. СХХХV, мартъ, 1047.

Сюй-цзюнь-ченъ, китайскіе посланникъ, СХХХV, февраль, 608, 609, 628.

Т

Таганцева, П. Степ., женщина-педагогъ. Некрологъ ея: СХХХVІ, май, 767.

Тайлеръ, Уотъ, англійскій мятежникъ, въ рецензіи П. Б. «Д. Петрушевскій. Возстаніе Уота Тайлера. М. 1914», СХХХVІ, июнь, 1135.

Талейранъ, французскій дипломатъ. СХХХV, январь, 357, 359, СХХХVІІ, сентябрь, 1048.

Таннредъ, сицилійскій крестоносецъ, (ограбленіе мечети Омара), СХХХVІ, июнь, 1154.

Тарапыгинъ, О. А. Рецензія о составленной имъ книгѣ «Волга-матушка. Образовательное путешествіе по Волгѣ. Петр. 1914», СХХХVІІІ, ноябрь, 661.

Тарасовы:

— Д. А. Замятка его: «По поводу записок лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова», СХХХVIII, декабрь, 1055, 1056.

— Д. К., лейбъ-хирургъ, въ замяткѣ Д. А. Тарасова: «По поводу записокъ лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова», СХХХVIII, декабрь, 1055, 1056. — Упомин. СХХХVI, май, 682.

— Е. И., прив.-доц. Рецензія П. Майкова объ изданной подъ его редакціей и съ его примѣчаніемъ книгѣ: «Архивъ братьевъ Тургеневыхъ. Выпускъ 3-й. Дневникъ Николая Ивановича Тургенева за 1811—1816 годы. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1913». СХХХVII, сентябрь, 1022—1204.

— Н. Замятка его: «По поводу статьи В. Г. и отвѣта Е. С. Шумигорскаго», СХХХVIII, ноябрь, 704.

— И. Т., засл. проф. СХХХVIII, октябрь. Замятка его: «По поводу статьи Е. С. Шумигорскаго «Изъ записки княжескаго историка», 348, 349.—Отвѣтъ Е. С. Шумигорскаго на нее, 349—351.

Тарновская, В. П., вдова профессора-врача-гинеколога, общественная дѣятельница. Некрологъ ея: СХХХV, февраль, 765—766.

Тарскій, А. И., (Стойкинъ), бывшій артистъ театра А. С. Суворина. Некрологъ его: СХХХV, январь, 383.

Татіана Николаевна, великая княжна, (предѣдательство въ комитетѣ по оказаніи помощи пострадавшимъ отъ военныхъ дѣйствій), СХХХVIII, декабрь, 1046.

Тевяшовъ, въ рецензіи Г—ъ «Русскіе граверы и литографы. Дополненіе къ словарю русскихъ граверовъ» Ровинскаго и «Описанію нѣсколькихъ гравюръ и литографій» Тевяшова. Составилъ Обольянинъ. Съ приложеніемъ 43 снимковъ Москва, 1913». XXXV, мартъ, 1108.

Теофрастъ, греческій писатель (его «характеристики»), СХХХV, февраль, 523.

Теруанъ-де-Меринуръ, Анна, въ замяткѣ «Родоначальники современнаго феминизма», СХХХVI, апрѣль, 338—340.

Терещенковъ, жандармскій ротмистръ (ленскіе безпорядки), СХХХV, январь, 314, 315.

Тетерниковъ, О. К. (Оедоръ Сологубъ). Рецензія о редактируемомъ и издаваемомъ имъ журналѣ: «Дневники писателя» № 1. Мартъ. 1914», Спб. 1914», СХХХVI, май, 728.

Тинелли, Луиджи, итальянецъ, биографъ сардинскаго короля Карла-Альберта. СХХХVI, апрѣль, 343, 344.

Титовъ, О. Рецензія А. С. Б. о книгѣ его: «Русскій царствующій домъ Романовыхъ въ его отношеніяхъ къ Кіево-Печерской лаврѣ. 1611—1911 гг. Съ приложеніемъ. Кіевъ. 1914», СХХХVII, сентябрь, 1013.

Тихоновъ, В. А., писатель, въ статьѣ А. Е. Зарина: «В. А. Тихоновъ (Некрологъ)», СХХХVI, июнь, 1019—1028.

Ткачукъ, Вит. Рецензія его: 1) «П. А. Прокошевъ, профессоръ императорскаго томскаго университета. Didascalia Aristotelismi и первая шесть книгъ «Апостольскихъ постановленій». Историко-критическое изслѣдованіе изъ области источниковъ церковнаго права. Приложеніе: Didascalia. Томскъ. 1913», СХХХV, февраль, 698—700.—2) «Вик. Торшиновичъ. Повѣсть непугаго челоуѣка (Муратъ). Пѣсня о смерти. Спб. 1914», СХХХVI, апрѣль, 312.

Токаревъ, онъ же Гударинъ, Самуилъ Ивановичъ, крестьянинъ-сектантъ, въ статьѣ П. Л. Юдина: «Ижехристосъ-ростовникъ. (Изъ недавняго пропалаго поволжскаго сектанства)», СХХХV, январь, 150—164.

Тоннэ-де-ла, чудакъ-бретонецъ, время революціи, въ замяткѣ «Эмигрантъ-оригиналь», СХХХVII, июль, 347—349.

Толстой, А. К., поэтъ, въ рецензированной Сергѣемъ фонъ-Штейномъ книгѣ: «André Lirondeille. Le poète Alexis Tolstol L'homme et l'oeuvre. Paris 1913», СХХХV, февраль, 679, 680.

Толстой, А. П., оберъ-прокуроръ сирода, СХХХV, январь, 335.

Толстой, Л. П., графъ, писатель. Въ рецензированной В. Ки. книгѣ Леонида Семенова: «Лермонтовъ и Левъ Толстой. Къ столѣтію со дня рожденія Лермонтова. Москва, 1914», СХХХVII, июль, 325, 236.—СХХХVI, апрѣль, 145—147, июль, 965—968; (миѣніе о немъ К. Н. Леонтьева), июль, 1147; СХХХVII, сентябрь, (постановка «Власти тьмы»), 879—886, 890; (предсказаніе войны), СХХХVIII, декабрь, 890.

Толь, С. Д., графъ, рожденная Толстая. Рецензія Тиръ Соколовской о книгѣ: «Масонское дѣйство. Историческій очеркъ о заговорѣ декабристовъ. Гр. С. Д. Толь, рожденная графъ Толстая. Съ иллюстраціями. Спб. 1914», СХХХVI, апрѣль, 296—299.

Трахтенбергъ, В. О., драматургъ. Некрологъ его: СХХХVIII, октябрь, 348.

Треповъ, кievскій генералъ-губернаторъ, въ статьѣ Л. Гана «Убійство П. А. Столыпина», СХХХV, мартъ, 961, 962, 963, 976—978. СХХХVI, апрѣль, 210.

Трозинеръ, О. О. Его статья: «Виль-

гельмъ II въ собственномъ освѣщеніи», СХХХVIII, октябрь. 94—112.

Троицкій, М. М., глава русскихъ катедеръ-позитивистовъ, СХХХVI, апрѣль, 135.

Трубецкая, рожденная Витгенштейль, княгиня, жена орловскаго губернатора, СХХХVI, май, 722.

Трубецкой, князь, декабристъ. «диктаторъ», СХХХV, январь, 283.

Трусевичъ, сенаторъ (ревизія объ убійствѣ П. А. Столыпина), СХХХVI, апрѣль, 192—196, 198.

Туганъ-Барановская, Н. А., рожденная Клосовская, писательница. Некрологъ ея: СХХХVII, сентябрь, 1072.

Туренгольдъ, «правая рука государственнаго контролера», СХХХV, мартъ, 1110.

Тулуповъ, Н. В. Рецензія о составленной подъ его редакціей книгѣ: «Дѣтство и юность М. Ю. Лермонтова и сборникъ его стихотвореній для дѣтей средняго возраста. Изданіе т-ва Д. П. Сытина. Москва. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 662.

Тульчинскій, инженеръ (денскіе безпорядки), СХХХV, январь, 314.

Тулузскій, графъ (крестовые походы), СХХХVI, июнь, 1154.

Тураевъ, Б. А., проф. Рецензія С.Л.—на объ изданной подъ общей его редакціей книгѣ: «Культурно-историческіе памятники древняго Востока. Вып. I. П. М. Волковъ. Законы вавилонскаго царя Хаммураби. Съ 8 рисунками и картой. Москва. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 647.—Упомян. СХХХV, февраль, 669.

Тургеневы:

— П. С., въ рецензированной Вл. фонъ-Штейномъ книгѣ: «Профессоръ Ив. Ивановъ. И. С. Тургеневъ. — Жизнь. Личность. — Творчество. — Нѣжинъ. 1914», СХХХV, январь, 297—300.—По поводу его поэмы «Стено». СХХХV, январь, 330; мартъ, 1115, 1116 (распря его съ Гончаровымъ и стихи о ней); СХХХVI, май, 573—575 (бесѣда съ Винницкой); СХХХVII, сентябрь, 1028, 1029 (мнѣніе его о Мольерѣ).

— Н. И. Рецензія П. Майкова о книгѣ: «Архивъ братьевъ Тургеневыхъ. Выпускъ III. Дневникъ Николая Ивановича Тургенева» за 1811—1816 года. Томъ II. Подъ редакціей и съ примѣчаніями приватъ-доцента петербургскаго университета Е. И. Тарасова. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1913», СХХХVII, сентябрь, 1022—1024.

Туръ-де-ла, Жанъ. Рецензія П. Майкова о составленной имъ по незаданной перепискѣ Лессепа книгѣ: «Les premières de l'alliance franco-russe. Deux missions de Berthelemy de Lesseps à Saint-Petersbourg 1806—1807 d'après sa correspondance inédite. Paris. Librairie academique Perrin et Cie libraires-éditeurs. 1914» (Зачатки франко-русскаго союза. Двѣ миссіи Бартеlemi Лессепа въ Петербургъ въ 1806—1807 гг.) Парижъ. 1914», СХХХVIII, октябрь, 269—271.

Тушаръ, Морисъ, французскій писатель, авторъ статьи о композиторѣ Мусоргскомъ, СХХХV, февраль, 737, 738.

Тчэнь-хуангъ-тчангъ, членъ китайской академіи, пропагандистъ конфуціанизма, СХХХV, февраль, 739, 740.

Тыртовъ, П. П., управляющій морскимъ министерствомъ, СХХХV, февраль, 617—619, 627.

Тэбъ-де, французская гадалка (ея предсказаніе о войнѣ), СХХХVIII, ноябрь, 532; декабрь, 901, 902.

Тэнъ, Пшполитъ. Рецензія В. Бр. о книгѣ его: «Путешествіе по Италіи. Томъ I. Неаполь и Римъ. Переводъ съ французскаго П. П. Перцева. Москва. 1913», СХХХV, февраль, 688—690.

Тютчевъ, О. И., поэтъ (его пьесма къ жемѣ). СХХХVI, май, 715, 716.

У

Убри, русскій посолъ, СХХХVI, июнь, 830.

Уваровъ, графъ, въ замѣткѣ: «Присужденіе премій гр. Уварова», СХХХVIII, ноябрь, 690.

Уинне, Мэй. Рецензія Н. А. о его историческомъ романѣ въ переводѣ Д. Ф. Журавлевой: «Генрихъ Наваррскій. Изданіе Тамары Подлиловой. Спб. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 652.

Улановъ, В. Я. Рецензія о книгѣ его. К. О. Вейхельта, М. Н. Коваленскаго и В. А. Петрушевскаго: «Книга по русско-и исторіи для начальныхъ школъ и первыхъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Изданіе второе, дополненное, т-ва «Н. П. Карбасникова». Спб. 1914», СХХХVIII, декабрь, 1017.

Улуга-Бегъ, средне-азіатскій астрономъ, СХХХVII, августъ, 578.

Ульяновъ, А. Рецензія на составленный, съ его біограф. рассказомъ, В. Ленинымъ сборникъ: «М. Ю. Лермонтовъ. Избранныя сочиненія для дѣтей школьнаго возраста. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 662.

Уманецъ-Райская, П. П., артистка императорскихъ театровъ. Некрологъ ея: СХХХVІІІ, декабрь, 1053.

Умановъ-Наплуновскій, В. В. Его очерки: 1) «Поэтъ Григорій Головковъ», СХХХV, мартъ, 935—947.—2) «Ужасы города (Изъ повседневныхъ исторій)», СХХХVІ, июнь, 927—950; СХХХVІІ—июль, 132—144, августъ, 518—526; сентябрь, 822—836; СХХХVІІІ, октябрь 113—134, ноябрь, 474—485, декабрь, 838—854.

Уманскій, А. М., ученый лѣсоводъ, писатель. Некрологъ его: СХХХVІ, апрѣль, 368.

Унтервудъ, Томасъ, англичанинъ, авторъ дневника, СХХХVІ, апрѣль, 340—342.

Успенскій, издатель «Сынъ Отечества». СХХХVІІ, августъ, 506.

Устимовичъ, П. М. Его статья: «Прогулка въ Ньюстэдъ Аббей», СХХХVІІ, сентябрь, 987—999.

Ф

Ф. Рецензія его: «А. Псаевъ. Кризисы въ народномъ хозяйствѣ. Спб. 1914», СХХХVІІІ, ноябрь, 650, 651.

Ф. Н. Его статья: «Ек. Нв. Зарина-Новикова», СХХХVІІ, июль, 225—229.

Фантомъ (Г. Т. Сѣверцевъ). Рецензія Ж. о книгѣ его: «По старинному «Заморскому» пути. Путевыя замѣтки по сѣверу, встрѣчи, итоги и впечатлѣнія. Спб. 1914», СХХХVІІІ, октябрь, 286, 287.

Фаресовъ, А. И. Его статьи: 1) «Годовщина смерти С. Н. Шубинскаго», СХХХVІ, июнь, 951—976.—2) «Открывающіе идеалы и типы (Памяти В. Г. Авѣбенка)», СХХХVІІ, июль, 145—169.—3) Его замѣтка: «Пятидесятилѣтіе педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній», СХХХV, мартъ, 1154—1157.—Рецензія его: 1) «А. Невскій. Лѣтскія событія и ихъ причины. Спб. 1913», СХХХV, январь, 313, 316.—2) «М. Слобожанскій. Изъ исторіи и опыта земскихъ учрежденій въ Россіи. Изданіе журнала «Жизнь для всѣхъ». Спб. 1914», февраль, 693, 694.—3) «А. Е. Егоровъ (Консаровъ). Страницы изъ прожитого. Тома I и II. Одесса. 1914», мартъ, 1110.—4) «М. В. Португаловъ. Женщина въ русской художественной литературѣ XIX вѣка (1823—1876). Спб. 1914», СХХХVІ, май, 706.—5) «В. Ропшинъ. То, чего не было. Романъ. Москва. 1914», СХХХVІІ, июль, 326, 327.—6) «И. Г. Пржовъ. Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа. Казань. 1914.

Изданіе второе», СХХХVІІ, октябрь, 275—277.—7) «Ф. Бѣляевскій. Иудаизмъ и христіанство. Спб. 1914», СХХХVІІІ, ноябрь, 645—647.—8) «Я. I. Барсковъ. Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній. Спб. 1914», декабрь, 1014—1016.

Фармановскій, Б. Ф., проф., археологъ, СХХХVІІ, июль, 305, 306.

Фарнезе, Александръ, кардиналъ, строитель дворца Фарнезе въ Римѣ, въ замѣткѣ: «Изъ правовъ ранняго ренессанса», СХХХV, февраль, 731, 732.

Фарфоровскій, С. Рецензія о книгѣ его: «Фольклоръ калмыковъ въ связи съ ихъ современной культурой и бытомъ. Спб. 1913», СХХХVІ, июнь, 1148.

Федоровъ, Г. П. Его «Отвѣтъ А. Черняевой» на ея замѣтку въ № 13546 «Новаго Времени» по поводу его воспоминаній о М. Г. Черняевѣ, СХХХV, январь, 383, 384.—Замѣтка по поводу его воспоминаній о С. М. Духовскомъ, СХХХV, мартъ, 1166, 1167.—Замѣтка Г. I. Мацѣвскаго на статью его: «Моя служба въ Туркестанскомъ краѣ» («Истор. Вѣстн.», дек. 1913), СХХХV, мартъ, 1167, 1168.

Федюшинъ, К. И. Его отрывки изъ воспоминаній: «Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ и студенты», СХХХVІ, май, 531—537.

Фенелонъ. Рецензія Г. Зоргецфрея о переведенной Недачинимъ, подъ редакціей Д. Н. Королькова, книгѣ его: «О воспитаніи дѣтвицъ. Изданіе второе. Книгоиздательство К. Н. Тихомирова. Москва», СХХХVІ, июнь, 1139, 1140.

Фердинандъ, царь болгарскій, въ замѣткѣ: «Постановленіе 131-й славянской трапезы», СХХХVІІ, сентябрь, 1060, 1061.

Ферзенъ, Аксель, графъ, поклонникъ королевы Маріи-Антуанеты (его смерть), СХХХVІІІ, ноябрь, 617.—Въ замѣткѣ: «Марія-Антуанета, Барнавъ и Ферзенъ», СХХХV, мартъ, 1131, 1134—1137.

Филаретъ, кievскій митрополитъ (на экзаменѣ; объ архіепископѣ Иннокентіи херсонскомъ), СХХХV, январь, 332, 333.

Филаретъ (Дроздовъ), московскій митрополитъ (отношеніе его къ московской духовной семинаріи), СХХХVІІ, августъ, 694—696.

Филаретъ Никитичъ, патриархъ (его родословецъ), СХХХVІІ, июль, 309.

Филипповъ, Т. И., писатель, государственный дѣятель, СХХХVІ, июнь, 961.

Филиппъ II, король испанскій, СХХХVІІІ, октябрь, 254.

Фирсовъ, А. И. Его статья: «У мо-

гиль двухъ поэтовъ, СХХХVII, августъ, 635—639.

Фирсовъ, Н. П. Его статья: «Въ редакціи журнала «Русское Слово» (Изъ воспоминаній шестидесятника)», СХХХVI май, 490—513, июль, 888—903.

Фишеръ, К. А. Въ рецензіи X о книгѣ: «Академикъ живописи Александръ Александровичъ Киселевъ (1838—1911 гг.). Альбомъ фотографическихъ снимковъ съ его картинъ. Исполнено К. А. Фишеромъ въ Москвѣ. Біографія Киселева. Подъ редакціей П. П. Глбдича. Воспоминанія профессора Н. Е. Рѣпина. 22 таблицы. М. 1914», СХХХVI, май, 711.

Флоберъ, французскій писатель (о нѣмцахъ), СХХХVIII, ноябрь, 655. 656.

Флоріанъ-де, шевалье (Жанъ-Пьеръ Кларн), въ замѣткѣ «Санкюлотъ изъ бывшихъ дворянъ», СХХХVI, апрѣль, 344—347.

Фоминъ, А. Г. Рецензія Влад. Княжнина объ изданной подъ его редакціей книгѣ: «И. С. Никитичъ. Полное собраніе сочиненій и писемъ. Томъ второй. Изд. «Просвѣщенія». Спб. 1913», СХХХV мартъ, 1098, 1099. Къ ней замѣтка А. Г. Фомина: «По поводу рецензіи г. Княжнина», СХХХVI, апрѣль, 382, 383. На эту замѣтку «Отвѣтъ г. Фомину» Влад. Княжнина, СХХХVI, июль, 1184.

Фонвизинъ, С. Рецензія о книгѣ его: «Записки свободной женщины. Спб. 1914», СХХХV, январь, 347.

Фортуатовъ, Ф. Ф., академикъ, лингвистъ-философъ. Некрологъ его: СХХХVIII, ноябрь, 703.

Францъ-Іосифъ, австрійскій императоръ. СХХХV, февраль, 458, апрѣль, 77; СХХХVI, июль, 829, 1115, 1118; СХХХVII, августъ, 659, 661, 662; СХХХVIII, октябрь, 263, 264 (смертные приговоры венгерцамъ), 289.

Францъ-Фердинандъ, убитый австрійскій престолонаследникъ, СХХХVII, августъ, IX—XII.

Фребель, Фридрихъ. Рецензія Г. Зоргефрея о переведенной подъ редакціей Д. Н. Королькова, книгѣ его: «Педагог. соч. Т. I. Перев. Городецкаго. Изд. второе. Томъ. II. Перев. Н. Н. Соколова. Книгоиздательство К. И. Тихомирова. Москва», СХХХVI, июль, 1139, 1140.

Фрейсине, французскій военный министръ (его воспоминанія о заключеніи франко-русскаго союза), СХХХVII, сентябрь, 1030—1038.

Френкель, З. Г. Рецензія В. Кузнецова о редактированной имъ и Б. Б. Веселовскимъ книгѣ: «Юбилейный земскій сборникъ (1864—1914). Изданіе

т-ва О. Н. Поповой. Спб. 1914», СХХХVI, май, 704—706.

Фридерикъ IV, датскій король, СХХХVI, июль, 1141, 1142.

Фридрихъ II, прусскій король, въ замѣткѣ: «Берлинскій дворъ», СХХХVI апрѣль, 348, 349; май, 744, въ замѣткѣ: «Пребываніе Наполеона въ Потсдамѣ», СХХХVII, сентябрь, V—VIII (раздѣлъ Польша), 1001.

Фридрихъ-Вильгельмъ, прусскій король, СХХХVI, июль, 1120.

Фридрихъ-Карлъ, прусскій принцъ (его слова Скобелеву), СХХХVIII, октябрь, 264.

Фриче, В. (по поводу его статьи «Историческіе романы о германскомъ стремленіи»), СХХХVIII, ноябрь, 655.—Рецензія: 1) А. М.—на о переведенной имъ книгѣ: «Иллюстрированная исторія правовъ. Томъ II. Галантный вѣкъ. Книгоиздательство «Современныя проблемы». М. 1913», СХХХV, февраль, 686—688.— 2) М. о переведенной имъ книгѣ: «Эдуардъ Фуксъ. Иллюстрированная исторія правовъ. Т. III. Буржуазный вѣкъ. М. 1914», СХХХVII, августъ, 683, 684.

Фробениусъ, Г. (оберъ-лейтенантъ германской службы). Рецензія В. III. о переведенной М. Панинымъ книгѣ его: «Роковой часъ Германскій имперіи. Петр. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 632—634.— Упомин. декабрь, 893, 894.

Фробениусъ, Лео, нѣмецкій путешественникъ (поиски древней Атлантиды), СХХХVII, августъ, 713.

Фужеръ, банкиръ Карла V, СХХХV, мартъ, 1127.

Фуксъ, Эдуардъ. Рецензія М. о переведенной В. М. Фриче книгѣ его: «Иллюстрированная исторія правовъ. Т. III. Буржуазный вѣкъ. М. 1913», СХХХVII, августъ, 683, 684.—Рецензія А. М.—на о книгѣ: «Иллюстрированная исторія правовъ. Т. II. Галантный вѣкъ. Переводъ съ нѣмецкаго В. М. Фриче. Книгоиздательство «Современныя проблемы». М. 1913», СХХХV, февраль, 686—688.

Фурньеръ, Августъ (его тайныя донесенія о вѣнекомъ конгрессѣ), СХХХVII, августъ, 702.

Фурманъ, П. Р., писатель, въ рецензированной книгѣ В. П. Аверіусъ: «Александръ Васильевичъ Суверовъ. По повѣсти П. Р. Фурманъ». Рис. Спб. сскзго. Москва. 1915. СХХХVIII, декабрь, 1019.

Фуше, французскій министръ полиціи, СХХХVII, сентябрь, 1039—1040.

X

XI.—Г. Рецензія Н. Ефимова о книгѣ его: «Сборникъ статей въ честь Дмитрія

Александровича Корсакова. Казань. 1912», СХХХV, февраль, 667—669.

Хаджи-Муратъ, въ рецензїи о книгѣ: «Л. Семеновъ. О «Хаджи-Муратъ» Л. Толстого. Харьковъ. 1914», СХХХVII, августъ, 700.

Халиппа, П. К. Рецензія о книгѣ его: «Бессарабія до присоединенія къ Россіи. Кишиневъ. 1914», СХХХVI, май, 729.

Хаммураби, вавилонскій царь, въ рецензированной С. П. - вымъ книгѣ «Культурно-историческіе памятники древняго Востока. Подъ общей редакціей проф. Б. А. Тураева. Выпускъ I. И. М. Волковъ. Законы вавилонскаго царя Хаммураби. Съ 8 рисунками и картой. Москва. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 647.

Харламовъ, охранитель государства, СХХХV, мартъ, 905, 907, 908.

Харламовичъ, В. В., профессоръ. Рецензія о книгѣ его: «Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь. Томъ I. Казань. 1914», СХХХVIII, ноябрь, 634—637.—Упомиш. СХХХV, февраль, 668, 669.

Харузинъ, М. Н. По поводу его труда: «Балтійская конституція», СХХХVIII, ноябрь, 588, 589.

Харченко, предѣлатель губ. земской управы (его хлопоты за ильменъ), СХХХVIII, декабрь, 988.

Хатисова, М. С., романистка, общественная дѣятельница. Некрологъ ея: СХХХVI, апрѣль, 368.

Хвостовъ, Н. Б., поэтъ (стихотвореніе на юбилей П. П. Вентцеля), СХХХVI, май, 750.

Хитрово, М. А., русскій дипломатъ. СХХХVIII, декабрь, 815: его стихотвореніе «Стефаніада», 816, 817.

Хитрово, Н. По поводу его статьи о жандармеріи. СХХХVI, июнь, 1142—1144.

Холева, Н. О., адвокатъ-меломанъ, СХХХVII, августъ, 449, 452, 455—458, 469, 470, сентябрь, 878.

Хомутовъ, П. А., казанскій губернаторъ, въ статьѣ Н. М. Лосицкаго: «Казанская революція», СХХХV, январь, 168, 169, 177.

Хоопъ-ванъ-дербъ, баронъ. Его донесеніе о концїи императора Николая I. СХХХVII, августъ, 666—674.

Христофоровъ, А. X., революціонный дѣлатель, писатель. Некрологъ его: СХХХV, февраль, 766, 767.

Хромовъ, Сем. Феофилактовичъ, о старцѣ Оеодорѣ Кузьмичѣ, СХХХV, февраль, 706.

Ц

Цанновъ, Драганъ, болгарскій делегатъ, СХХХVII, май, 431.

Цвѣтковъ, П. И., бывш. профессоръ московской духовной академіи, писатель. Некрологъ его: СХХХV, мартъ, 1165.

Цвѣтковъ, П. К. Его трудъ «Исламизмъ СХХХV, февраль, 692.

Цеткинъ, А. I., журналистъ. Некрологъ его: СХХХVI, май, 767, 768.

Цзэнь, татарскій генераль. СХХХVI, май, 610, 611.

Ч

Чаадаевъ, П. Я., писатель. Рецензія Вл. Кл. о книгѣ: «Сочиненія и письма П. Я. Чаадаева. Подъ редакціей М. Гершензона. Томъ II. Изданіе книгоиздательства «Путь». М. 1914», съ однимъ автографомъ, СХХХVIII, декабрь, 1013.

Чаевъ, Ю. Его рассказъ: «Послушница (Изъ современной дѣятельности)», СХХХVII, сентябрь, 811—821.—Его статья: «Предсказаніе о разгромѣ Бельгїи» СХХХVIII, ноябрь, 445—449.

Чанъ-шунь, гирискій цзянь-цзюнь, СХХХVI, май, 601.

Чарторискіе, Адамъ и Эдиславъ, кн., Рецензія П. Майкова о книгѣ: «Бесѣды и частная переписка между императ. Александромъ I и княземъ Адамомъ Чарторискимъ, опубликованная княземъ Эдиславомъ Чарторискимъ. 1801—1823. Переводъ съ французскаго С. Явленской. Книгоиздательство «Сфинксъ». Москва. 1913. Съ двумя портретами князя Адама Чарторискаго», СХХХV, январь, 291, 292.

Чарыковъ, Н. В. Его статья: «Мирное завоеваніе Мерва. (Изъ воспоминаній о походѣ генерала А. В. Комарова въ 1885 г.)», СХХХVIII, ноябрь, 486—518.

Череванскій, В. П., сенаторъ, писатель. Некрологъ его: СХХХVII, августъ, 735, 736.

Черенковъ, Г. Е. Статья его: «Годъ по тюрьмамъ», СХХХVI, апрѣль, 102—133.

Черепнинъ, Н. П. Рецензія Н. Г. Р. о книгѣ его: «Императорское воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ. Историческій очеркъ. 1764—1914. Томъ первый. Спб. 1914», СХХХVIII, октябрь, 271—274.

Черницкая, А. М. Ея статья: «Анна Васильевна Гоголь. (Мое знакомство и переписка съ нею)», СХХХVII, сентябрь, 903—940; СХХХVIII, октябрь, 189—226.

Чернышевъ, князь, военный министр, акціонеръ пухинскаго шелководства, СХХХVIII, ноябрь, 400, 401.

Чернышевъ, О. Н., ученый геологъ. Некрологъ его: СХХХV, февраль, 767, 768.

Чернявскій, Н. Рецензія П. Б. о книгѣ его: «Императоръ Оеодосіи Великой и его царствованіе. Сергіевъ Посады. 1914», СХХХV, мартъ, 1104.

Черняева, А. М. Ея статья: «Одинъ изъ стаи славныхъ (П. Г. Кузьминскій)», СХХХVI, апрѣль, 222—224.

Черняевъ, М. Г., генералъ. Въ статьѣ М. Л. Юдина: «Памяти М. Г. Черняева», СХХХVII, сентябрь, 941—956. — СХХХVI, апрѣль, 55 (въ сербо-турецкой войнѣ).—Памятникъ въ гор. Ауліатъ въ память взятія его 4-го іюня 1864 г. отрядомъ полковника Черняева, СХХХVII, сентябрь, 947.—СХХХVIII, октябрь, 55, 58—63, 69, 72, 76, 77, 82—86.

Чеховы:

— Антошъ Павловичъ, писатель. Рецензія Д. Масляненко о книгѣ: «Письма А. П. Чехова. Подъ редакціей М. П. Чеховой. Томъ IV (1892—1896 гг.)». Съ иллюстраціями. Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. 1914», СХХХV, мартъ, 1099—1102.

— М. П. Рецензія Д. Масляненко объ изданной подъ ея редакціей книгѣ: «Письма А. П. Чехова. Томъ IV (1892—1896 гг.)». Съ иллюстраціями. Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. 1914», СХХХV, мартъ, 1099—1102.

Чечулинъ, Н. Д., докторъ русской исторіи. Рецензія П. Майкова объ изданной подъ его редакціей книгѣ: «Государя изъ дома Романовыхъ 1613—1913 гг. Жизнеописаніе и очеркъ ихъ царствованія. Москва. 1913» Изданіе товарищества П. Д. Сытина. Два тома. Съ 16 портретами державныхъ особъ и со множествомъ гравюръ въ текстѣ. въ изыщномъ переплетѣ», СХХХVI, апрѣль, 299, 300.

Чижъ, психіатръ (о Гоголѣ). СХХХVII, октябрь, 205.

Чичаговъ, адмиралъ (о Кутузовѣ). СХХХVIII, ноябрь, 621.

Чичаговъ, П. И., уфимскій житель. упоминаемый въ запискахъ Г. С. Воинскаго и въ воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова, СХХХVII, сентябрь, 1018, 1019.

Чуйко, В. В., писатель, СХХХVII, августъ, 510, 511.

III

Ш. В. Его статья: «Архіерейская ветрѣча. Быль. (Изъ воспоминаній о

преосвященномъ тобольскомъ Виталинѣ)», СХХХVI, апрѣль, 150—154.

Шаломытовъ, В. Н., сообщеніе имъ некролога А. М. Додонова, СХХХVI, апрѣль, 364, 365.

Шамаевъ, П. Я., ревнитель просвѣщенія, благотворитель, СХХХV, январь, 308.

Шаминъ, Н. А., московскій гласный, (справка его: «Гдѣ жили въ Москвѣ знаменитые люди»), СХХХVII, июль, 360.

Шамурины: Ю. и З. 1) Рецензія Л. Л. о книгѣ: «Культурныя сокровища Россіи. Выпускъ седьмой. Ю. и З. Шамурины. Калуга. Тверь. Тула. Торжокъ. Изданіе т-ва «Образованіе». Съ 29 фототипо-гравюрами», СХХХVI, апрѣль, 314.—2) Рецензія Р-с о книгѣ ихъ: «Москва въ ея старинѣ. Изданіе т-ва «Образованіе». Культурныя сокровища Россіи. Выпускъ V. Москва. 1913», СХХХVII, июль, 330—332.

Шахматовъ, А. А., академикъ, засѣданіе академіи подъ его предѣдательствомъ, СХХХVI, май, 755.

Шварцъ, докт. мед. Рецензія о книгѣ его: «Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. Съ рисункомъ Н. В. Зарѣцкаго. Изданіе общины св. Евгеніи. Петр. 1915», СХХХVIII, октябрь, 298.

Шварцъ, командиръ Семеновскаго полка (семеновскій бунтъ), СХХХV, февраль, 710, 711, мартъ, 1082.

Шевченко, Т. Г., поэтъ и художникъ, СХХХV, мартъ, 1119, 1120 (Шевченко и Брюлловъ).

Шекспиръ, Вильямъ, англійскій писатель: 1) въ замѣткѣ: «Къ исторіи короля Лира», СХХХV, февраль, 722, 723.—2) Въ замѣткѣ: «Жанъ Ришпенъ о Шекспирѣ», СХХХVIII, ноябрь, 671—674.

Шеллапутинъ, П. Г., въ статьѣ князя Б. А. Щетинина: «Ревнитель просвѣщенія. (Памяти П. Г. Шеллапутина)», СХХХVII, июль, 230—237.

Шенбургъ, князь, австрійскій посланникъ, СХХХVI, июнь, 1159.

Шенкъ, В. К. Рецензія В. Жерве о книгѣ: «Императорская главная квартира. Исторія государевой свиты. Царствованіе императора Александра II. Главный редакторъ генераль-отъ-кавалеріи Д. А. Скалонъ. Редакторъ и составитель полковникъ В. К. Шенкъ. Помощникъ редактора Н. Н. Мерлинъ. Спб. 1914».—Приложенія. Спб. 1914», СХХХVI, май, 690—693.

Шенрокъ, В. И., біографъ Гоголя, СХХХVIII, октябрь, 200, 205, 207, 209, 211, 213—220..

- Шереметевъ, В. П.** Въ рецензированной Б. Модзалевскимъ книгѣ гр. П. Шереметева: «Владимиръ Петровичъ Шереметевъ. 1668—1737. Съ 18 фототипіями, 5 цинкографіями и двумя родословными таблицами. Москва. Два тома и двѣ родословныя таблицы въ картонажѣ», СХХХVII, июль, 317—319.
- Шереметевъ, Павелъ, графъ.** Рецензія Б. Модзалевскаго о книгѣ его: «Владимиръ Петровичъ Шереметевъ. 1668—1737. Съ 18 фототипіями, 5 цинкографіями и двумя родословными таблицами. Москва. Два тома. И двѣ родословныя таблицы въ картонажѣ», СХХХVII, июль, 317—319.
- Шереметевъ, С. Д., графъ,** чествованіе его въ императорскомъ обществѣ любителей древней письменности, СХХХV, январь, 366, 367.
- Шершеневичъ, проф.,** во время казанской революціи, СХХХV, январь, 170.
- Шестаковъ, Н. Д.,** почетель казанскаго учебнаго округа, СХХХVI, июнь, 979.
- Шестаковъ, С. П., проф.,** СХХХV, февраль, 669.
- Шехтель, Ф. О., академикъ,** въ замѣткѣ: «Протестъ московскихъ архитекторовъ противъ германскаго вандализма», СХХХVIII, октябрь, 331, 332.
- Шиле, А. Г.,** писательница и переводчица, въ замѣткѣ: «Пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности А. Г. Шиле», СХХХVIII, ноябрь, 692, 693.
- Шиллеръ, гѣмекій поэтъ,** СХХХVII, сентябрь, 1043, 1044.
- Шиманъ, профессоръ, историкъ,** по поводу его труда о царствованіи императора Николая I, СХХХVI, июнь, 1107.
- Шлиппе, председатель московской губернской земской управы,** СХХХVII, сентябрь, XXVIII (рѣчь его по поводу войны).
- Шлюмберге, Гюставъ, ученый византинистъ,** въ замѣткѣ: «Первый крестовый походъ», СХХХVI, июнь, 1150—1154.
- Шокальскій, Ю. М., проф.,** Рецензія объ издавшихся подъ его редакцію картахъ: «Генеральная карта Южнаго театра военныхъ дѣйствій (Россія, Сербія, Черногорія, Австро-Венгрія, Италия, Греція, Болгарія, Румынія, Турція, Албанія и Швейцарія). Съ картой Малой Азии и Кавказа. Изданіе г-ва А. Ф. Марксъ. Петр. 1914», СХХХVIII, октябрь, 298.
- Шпицеръ, С.** Его статья: «Въ гнѣздѣ Ѳаддея Булгарина», СХХХVIII, ноябрь, 598—602.
- Штаденъ, О. Л.,** въ статьѣ Н. В. Мѣщанинова: «Памяти Ольги Леопольвовны Штаденъ», СХХХV, мартъ, 913—923.
- Штакельбергъ, русскій посланникъ,** въ замѣткѣ: «Кое-что о вѣнскомъ конгрессѣ», СХХХVII, августъ, 703.
- Штакельбергъ, К. К., баронъ.** Его статья: «Русскій народный гимнъ», СХХХVII, июль, 115—131.
- Штейнъ, Вл. Ив.** Рецензія его: «Профессоръ Ив. Ивановъ. И. С. Тургеневъ. — Жизнь. — Личность. — Творчество. Нѣжинъ. 1914», СХХХV, январь, 297—300.
- Штейнъ-фонъ, С. В.** Его статьи: «Война въ жизни и творчествѣ Лермонтова», СХХХVIII, октябрь, 135—151. — 2) «Градовскіи о войнѣ и национализмъ. (Къ двадцатипятилѣтію со дня кончины Ал. Дм. Градовскаго)», ноябрь, 537—543. — Рецензія его: 1) «André Lirondele. Le poète Alexis Tolstol. L'homme et l'oeuvre. Paris. 1913», СХХV, февраль, 679—681. — 2) Ю. П. Щербачевъ. Пріятели Пушкина—Михаилъ Андреевичъ Щербининъ и Петръ Павловичъ Каверинъ. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей русскіихъ при московскомъ университетѣ. Москва. 1913», СХХХVII, августъ, 686—689. — 3) «*Quo vadis, Австрія?*». Романъ отчаянія. Переводъ съ нѣмецкаго. Петр. 1914. Изданіе В. А. Березовскаго», СХХХVIII, октябрь, 282—284. — 4) «А. Ѳ. Кош. Отцы и дѣти судебной реформы (къ пятидесятилѣтію судебныхъ уставовъ). 1864—20-го ноября—1914. Москва. 1914. Изданіе товарищества П. Д. Сытина», декабрь, 1003—1004.
- Штейнъ, фонъ, Шарлота, баронесса,** въ замѣткѣ: «Гете и баронесса фонъ-Штейнъ», СХХХVI, апрѣль, 332—338.
- Штоффренгенъ, лейбъ-медикъ,** СХХХV, мартъ, 869—871.
- Шубертъ, Л. И.** Рецензія Г. о книгѣ его: «Моя жизнь. Воспоминанія. Изданіе дирекціи императорскихъ театровъ. Спб. 1913», СХХХV, февраль, 681, 682.
- Шубинскій, П. П., генералъ, писатель.** Его статья: «Убіеніе князя М. А. Накашидзе. (Изъ воспоминаній очевидца)», СХХХV, февраль, 539—578. Некрологъ его: СХХХVI, апрѣль, 368, 369.
- Шубинскій, С. П., редакт.** «Историческаго Вѣстника»: 1) въ статьѣ Б. Б. Глинскаго: «Памяти А. А. Вшицкой», СХХХVI, май, 563—567, 572, 573, 575. — СХХХVI, июль, 2) въ статьѣ А. П. Фаресова: «Головщина смерти С. П. Шубинскаго», 951—976. — 3) въ статьѣ Д. А. Корсакова: «С. Н. Шубинскій и «Древняя и Новая Россія», 977—986.
- Шуваловъ, графъ, шефъ жандармовъ.** (жандармскій экзаменъ), СХХХVI, июнь, 1143, 1144.
- Шуваловъ, гр., дипломатъ,** въ «Запис-

ках» Н. Н. Игнатъева и примѣчанія къ нимъ, СХХХVI, июнь, 858, май, 963, июль, 858, СХХХVII, июль, 57.

Шуваловъ, Н. П., графъ, инициаторъ основанія академіи художествъ, СХХХVII, ноябрь, 685.

Шуваловъ, П. А., графъ, СХХХVIII, декабрь, 869—871.

Шульгинъ, В. В. Рецензія В. Ш. о книгѣ его: «Приключенія князя Воронцакаго». Изданіе in 4^о, безъ обозначенія мѣста и времени печатанія, СХХХVI, май, 713.

Шульгинъ, Н. З., сенаторъ (слѣдствіе объ убійствѣ П. А. Столыпина), СХХХVI, апрѣль, 198—215.

Шульговскій, Н. П. Рецензія Г. Гинса о книгѣ его: «Теорія и практика поэтическаго творчества. Техническія начала стихосложенія. Спб. 1914. Изданіе т-ва Вольфъ, СХХХVI, апрѣль, 309, 310.

Шумигорскій, Е. С. Его: 1) историч. разсказъ: «Старая фрейлина», СХХХV, январь, 76—95.—2) Историческій эскизъ: «Христовъ невѣста», мартъ, 837—848.—Его статьи: 1) «Изъ записной книжки историка. Взятіе Парижа и его значеніе въ русской исторіи», СХХХV, мартъ, 1077—1085. (Къ этой статьѣ замѣтка П. Исакова: «Нѣсколько словъ по поводу статьи С. Е. Шумигорскаго: «Взятіе Парижа и его историческое значеніе», СХХХVI, апрѣль, 370—374. «Отвѣтъ П. Н. Исакову» Е. С. Шумигорскаго, апрѣль, 374—382.—2) «Изъ записной книжки историка. (Двѣ легенды объ императорѣ Александрѣ I)», апрѣль, 283—291, май, 677—689. (Къ майской части статьи замѣтка заслуж. проф. П. Т. Тарасова: «По поводу статьи Е. С. Шумигорскаго», СХХХVIII, октябрь, 348, 349, «Отвѣтъ П. Т. Тарасову» Е. С. Шумигорскаго, октябрь, 349—351. Къ нему замѣтка П. Тарасова: «По поводу статьи В. Г. (сентябрь) и отвѣта Е. С. Шумигорскаго», ноябрь, 704. Къ майской же части статьи г. Шумигорскаго замѣтка Пирлинга: «По поводу статьи «Изъ записной книжки историка», СХХХVI, июль, 1183, 1184 3) «Изъ записной книжки историка. (Восточная война 1853—1856 гг. и книга о ней А. М. Заючковаго)», СХХХVII, июль, 296—303.—4) «Изъ записной книжки историка. (Восточная война 1853—1856 гг. и книга А. М. Заючковаго.—Борьба славянства съ германизмомъ: война Австріи съ Сербіей), августъ, 656—666.—5) «Изъ записной книжки историка (Россія и нѣмцы.—Россія и славянство)», сентябрь, 1000—1006.—6) «Изъ записной книжки историка. (Россія и Австро-Венгерія.—Война и «нейтральная

держава: Румынія и Болгарія СХХХVIII, октябрь, 261—268.—7) «Изъ записной книжки историка. (Конечная цѣль великой борьбы съ германизмомъ.—Міровая роль Россіи и ея національные интересы), ноябрь, 624—631.—8) «Изъ записной книжки историка. Внутренняя война съ нѣмецкимъ засильемъ въ Россіи.—Государственная и обывательская точка зрѣнія на нее.—Ходатайство «русскихъ» депутатовъ за нѣмцевъ въ Тавридѣ», декабрь, 982—990.—Рецензія его: «Записки княгини Маріи Николаевны Волконской. Переводъ съ французскаго оригинала А. Н. Кудрявцевой. Биографическій очеркъ и примѣчанія. П. Е. Щеголева. Кн-во «Прометей», П. П. Михайлова. 1914», СХХХV, февраль, 664—667.—О немъ въ статьѣ кн. В. В. Барятинскаго: «Еще о царствennomъ мистикѣ», СХХХVI, май, 578—583.—Упомян. СХХХVII, сентябрь, 859, 862, СХХХVIII, октябрь, 289, 290.

Щ

Щавинскій, о портретахъ Петра I, СХХХVI, май, 724.

Щеголовъ-Леонтьевъ, П. Л., писатель, СХХХVI, май, 538, 552.

Щеголовъ, П. Е. Рецензія: 1) Е. Шумигорскаго о переведенной А. Н. Кудрявцевою, съ его биографическимъ очеркомъ и примѣчаніями, книгѣ: «Записки княгини Маріи Николаевны Волконской. Кн-во «Прометей», П. П. Михайлова. 1914», СХХХV, февраль, 664—667. 2) А. М.—на обѣзданіи, подъ его редакціей и съ его вступительной статьёй, книгѣ: «Библиотека мемуаровъ. Мое время. Записки Г. С. Висскаго. Издательство «Огни». Спб. 1914», СХХХVIII, сентябрь, 1018, 1019.

Щепкина, Е. Ея статья: «Воспоминанія и дневники русскихъ женщинъ», СХХХVII, августъ, 536—555.

Щепкинъ, М. С., артистъ, СХХХV, мартъ, 1110, СХХХVIII, декабрь, 867.

Щербачевъ, дипломатъ, писатель. СХХХVIII, декабрь, 809.

Щербачевъ, Ю. Н. Рецензія Сергѣя фонъ-Штейна о книгѣ его: «Пріятели Пушкина—Михаилъ Андреевичъ Щербининъ и Петръ Павловичъ Каверинъ. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей росіискихъ при московскомъ университетѣ. Москва. 1913», СХХХVII, августъ, 686—689.

Щербининъ, М. А. Въ рецензированной С. фонъ-Штейномъ книгѣ: «Ю. П. Щербачевъ. Пріятели Пушкина—Ми-

халтъ Андреевичъ Щербининъ и Петръ Павловичъ Каверинъ. Изданіе императорскаго общества исторій и древностейъ російскихъ при московскомъ университетѣ. Москва. 1913», СХХХVII, августъ, 686—689.

Щетининъ, Б. А., князь. Его статьи: 1) «Н. К. Михайловскій и московское студенчество. (Изъ воспоминаній)», СХХХV, мартъ, 948—953.—2) «Ревнитель просвѣщенія (Памяти П. Г. Шеллапутнина)», СХХХVII, июль, 230—237. Къ ней замѣтка И. П. «По поводу статьи: «Ревнитель просвѣщенія (памяти П. Г. Шеллапутнина)», СХХХVIII, октябрь, 351. 352.

Э

Эбрейль, Жакъ-Антуанъ, шевалье (его воспоминанія о сентябрьскихъ революціонныхъ убійствахъ въ 1792 г.). СХХХVII, августъ, 704—707.

Эвальдъ, А. В., писатель. СХХХVII, августъ, 479, 483, 484.

Эджвортъ, аббатъ, въ замѣткѣ: «Роль аббата Эджворта при казни Людовика ка XV», СХХХVIII, ноябрь, 679—684.

Эйри, директоръ гринвичской обсерваторіи (о Пулковѣ). СХХХVII, августъ, 572.

Эйснофъ, Дж. Его историческій романъ, въ переводѣ А. Б. Михайлова: «Во дни Юліана-Отступника», СХХХV, январь, 1—32, февраль, 33—64, мартъ 65—96; СХХХVI, апрѣль, 97—143.

Эллиотъ, английскій посоль, СХХХVI, апрѣль, 55, май, 458.

Эльмановичъ, С. Д. Рецензія Б. Г.—ва о книгѣ: «Труды состоящаго подъ покровительствомъ ея императорскаго высочества великой княгини Милицы Николаевны общества русскихъ ориенталистовъ. № 1. С. Д. Эльмановичъ. Законы Ману.—Переводъ съ санскритскаго. Спб. 1913». СХХХV, февраль, 700—702.

Энверъ-бей, турецкій революціонеръ. СХХХVIII, декабрь, 883.

Энгельгардтъ, Н. А. Рецензія проф. П. Замотина о книгѣ его: «Исторія русской литературы XIX столѣтія. Томъ первый 1800—1850 гг. (критика, романъ, поэзія и драма). Изданіе второе, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1913», СХХХV, февраль, 674—676.—Рецензія его: «В. А. Верещагинъ. Памяти прошлаго. Статьи и замѣтки. Спб. 1914», СХХХVII, июль, 330.

Эрнстъ, С., о художникѣ Лосенко. СХХХVI, мартъ, 1118.

Эсадзе, Б. С., подполковникъ, писатель. Некрологъ его: СХХХV, мартъ, 1166.

Эфронъ, С. К. (Литвинъ). Рецензія А. М.—на о книгѣ его: «Язычница (Борьба идеализма съ язычествомъ). Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Кіевъ. 1913». СХХХVI, июнь, 1139.

Эюбъ-ханъ, афганскій принцъ, СХХХVIII, ноябрь, 510, 511.

Ю

Юань-ши-кай, китайскій генераль-губернаторъ, СХХХV, мартъ, 1042, 1050.

Ювачевъ, И. П. Статья его: «Роковой годъ (Предсказаніе войны)», СХХХVIII, ноябрь, 527—536; декабрь, 888—902.

Юговичъ, инженеръ. СХХХV, февраль, 633; СХХХVI, апрѣль, 238, 245.

Юдинъ, М. Л. Его статья: «Памяти М. Г. Чернышева». СХХХVII, сентябрь, 941—956.

Юдинъ, П. Л. Его статья: «Ижехристосъ-ростовщикъ. (Изъ недавняго прошлаго поволжскаго сектанства)», СХХХV, январь, 150—164.

Юшко, Влад. Рецензія о книгѣ его: «Отецъ Анастолій. Очеркъ. Одесса. 1914». СХХХVII, августъ, 700.

Я

Я—ъ. Рецензія его: «А. Гриценко. О связяхъ русской живописи съ Византіей и Западомъ. XIII—XX вв. Мысли живописца. Съ 23 воспроизведеніями. Москва. 1913». СХХХV, мартъ, 1108, 1109.

Явленская, С. Рецензія П. Майкова о переведенной ею книгѣ: «Бесѣды и частная переписка между императоромъ Александромъ I и княземъ Адамомъ Чарторижскимъ, опубликованная княземъ Ладиславомъ Чарторижскимъ. 1801—1823. Книгоиздательство «Сфинксъ». Москва. 1913. Съ двумя портретами князя Адама Чарторижскаго», СХХХV, январь, 291, 292.

Яворская, Л. Б., артистка, СХХХVII, сентябрь, 894, 900—901.

Ягдовскій, К. П., Рецензія о книгѣ его: «Въ страгѣ полудночнаго солнца. Воспоминанія о мурманской экспедиціи. Съ рис. о картами. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Петр. 1914», СХХХVIII, октябрь, 298.

Яковлева-Ланская, Н. В., писательница. Некрологъ ея: СХХХVI, июнь, 1183.

Ямагата, японскій маршалъ, СХХХVIII, ноябрь, 568.

- Янгуль, П. П.**, академикъ, писатель. Некрологъ его: СХХХVIII, декабрь, 1053, 1054.
- Янко, М.**, директ. петербург. гимн. Рецензія о составленной Н. Санчурекимъ при участіи его и друг. книгъ: «Краткій очеркъ римскихъ древностей. Для гимназій, прогимназій и самообученія. 5-ое изданіе, исправленное и дополненное. Спб. 1914». СХХХV, мартъ, 1123.
- Янчукъ, Н. Л.** (трудъ о дашковскомъ музеѣ), СХХХV, январь 288, 289.
- Ясинскій-Бѣлинскій, І. І.** Его статья: «Тѣни прошлаго (I. Коллекціонеръ. II. Полуиоцникъ. III. Чудакъ Вертюченко)», СХХХVIII, октябрь, 87—93, ноябрь, 416—426, декабрь, 792—800.— Упомян. СХХХVI, май, 749.
- ☪
- Ведоръ Нузьмичъ**, старецъ (по поводу загадочной смерти императора Алексан-
- дра I), СХХХV, февраль, 705—706; СХХХVI, апрѣль, 283, 284, май, 584 камеръ-казакъ Овчаровъ), 677—689; СХХХVII, сентябрь, 869.
- Ведотовъ, П. Д.** Его статья: «Мусульманскій Лютеръ», СХХХVII, августъ, 527—535.
- Ведотовъ**, артистъ московскаго Малаго театра, создатель перваго народнаго театра, СХХХV, январь, 135—144.
- Веодосій Великій**, императоръ, въ рецензіи П. Б.: «Червяскій, Н. Императоръ Веодосій Великій и его царствованіе. Сергіевъ Посадъ, 1913», СХХХV, мартъ, 1104.
- Веодосій Углицкій**, святой (его письма), СХХХV, мартъ, 1112.
- Воминъ, Семень**. Рецензія о книгѣ его: «Иѣсни радости и печали. Съ предисловіемъ Н. А. Рубакина. Изданіе Суриковского литературно-музыкальнаго кружка въ Москвѣ. Москва, 1914». СХХХVII, июнь, 338.

УКАЗАТЕЛЬ
РИСУНКОВЪ,
ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ
„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“
1914 г.

I. Портреты.

- Авѣенко**, Василій Григорьевичъ, писатель, СХХХVН, июль, 153.
Александра Петровна, великая княгиня, въ шочествѣ Анастасія. СХХХV, январь, 237.
— Во время болѣзни. *ibid.* 239.
Александръ, сербскій престолонаслѣдникъ, СХХХVН, августъ, XIII.
Альбертъ, король, бельгійскій, СХХХVН, сентябрь, XXI.
Амилахвари, П. Г. князь, СХХХV, февраль, 553.
Апрансинъ, графъ, генераль-адмиралъ, СХХХVН, июль. На отдѣльномъ листѣ.
Баклундъ, О. А., академикъ, нынѣшній директоръ Пулковской обсерваторіи, СХХХVН, августъ, 575.
Барсуновъ, Александръ Платоновичъ, авторъ «Рода Шереметевыхъ», СХХХVI, июль, 1913.
Безобразовъ, А. М., статсъ-секретарь, въ группѣ участниковъ корейской экспедиціи, СХХХVН, июль, 253.
Бигіевъ, Муса (мусульманскій Лютеръ). СХХХVН, августъ, 529.
Богровъ, Д. Г., убійца предѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина. СХХХV, мартъ, 985.
Быюкенецъ, Джонъ, сэръ, англійскій посоль при Русскомъ Дворѣ. СХХХVН, декабрь, XLIX.
Виницкая, Александра Александровна, писательница. СХХХVI, май, 569.
Воронцовъ-Дашновъ, И. И. графъ. Намѣстникъ Егъ Императорскъ го Величества на Кавказѣ и главнокомандующій войсками кавказскъ го военнаго округа. СХХХVН, декабрь, XVII.
Вукотичъ, Янко. командующій черногорскою арміею генералъ. СХХХVН, декабрь, XXXIII.
Георгъ V, король Великобританіи, СХХХVН, сентябрь, XVII.
Гоголь, Анна Васильевна, сестра писателя Н. В. Гоголя, СХХХVН, октябрь, 193.
Головковъ, Григорій Алексѣевичъ, поэтъ. СХХХV, мартъ, 937.
Грей, Эдуардъ, сэръ, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, СХХХVН, ноябрь, XLIX.
Григоровичъ, Пвалъ Константиновичъ морской министръ, адмиралъ. СХХХVН, октябрь, XVII.
Данило, черногорскій престолонаслѣдникъ, СХХХVН, августъ, XVII.
Делькассъ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, СХХХVН, ноябрь, XLI.
Дмитріевъ, Радко, генералъ, СХХХVН, ноябрь, XXXIII.
Жилинскій, Я. Г., генераль-лейтенантъ, командующій войсками варшавскаго военнаго округа, СХХХVН, сентябрь, XXXIII.

- Жофрѣ**, генераль, генералиссимусъ французскихъ войскъ, СХХХVІІІ, октябрь, ХХХІІІ.
- Зарина - Новинова**, Екатерина, Ивановна, романистка - бытописательница, СХХХVІІ, июль, 227.
- Ивановъ**, П. І., генераль-отъ-артиллеріи, командующій войсками кіевскаго военного округа, СХХХVІІ, сентябрь, ХІІ.
- Игнатьевъ**, Николай Павловичъ, графъ СХХХV, январь. На отдѣльномъ листѣ.
- Іошихито**, императоръ Японіи, СХХХVІІІ, октябрь, ІХ.
- Кашкинъ**, Н. С., петрашевецъ, судебный дѣятель, СХХХVІІ, августъ, 561.
- Красовъ**, Н. Д., артистъ, въ пьесѣ «Ганнеле», СХХХVІІ, августъ, 457.
- Китченеръ**, лордъ, главнокомандующій англійской арміей, СХХХVІІІ, октябрь, ХХХVІІ.
- Кучеровъ**, Михаилъ Григорьевичъ, химикъ, СХХХVІІ, сентябрь, 841.
- Луговой**, А. А. (Тихоновъ), писатель, СХХХVІІІ, декабрь, 925.
- Макушинъ**, Петръ Ивановичъ, основатель «Дома науки» въ Томскѣ. СХХХVІІ, июль, 221.
- Мещерскій**, В. П., князь, писатель. СХХХVІІ, августъ, 569.
- Минаевъ**, Дмитрій Дмитриевичъ, поэтъ, СХХХVІІ, июль, 191.
— Въ гробу, СХХХVІІ, августъ, 681.
- Михайловъ**, М. А., артистъ, въ роли Акима изъ пьесы «Власти тьмы», СХХХVІІ, сентябрь, 877.
- Михневичъ**, Николай Петровичъ, начальникъ главнаго штаба, генераль отъ-шпаферіи, СХХХVІІІ, октябрь, ХХІ.
- Накашидзе**, Михаилъ Александровичъ, князь. СХХХV, февраль. На отдѣльномъ листѣ.
- Никитинъ**, П. В., генераль-отъ-артиллеріи, командующій войсками одесскаго военного округа, СХХХVІІ, сентябрь, ХХХVІІ.
- Николай Александровичъ**, Его Императорское Величество, Государь Императоръ, Самодержецъ Всероссийскій. СХХХVІІ, августъ. На отдѣльномъ листѣ.
- Николай**, король черногорскій. СХХХVІІ, августъ, XV.
- Николай Николаевичъ**, его императорское высочество великій князь, верховный главнокомандующій русскими военными силами. СХХХVІІ, августъ, ХХІ.
— СХХХVІІ, сентябрь. На отдѣльномъ листѣ.
- Новиковъ**, Н. И., посоль въ Константинополь. СХХХVІІІ, дек. На отд. листѣ.
- Нотовичъ**, Осипъ Константиновичъ, журналистъ, СХХХVІ, апрѣль, 217.
- Олегъ Константиновичъ**, его высочество, князь, СХХХVІІІ, ноябрь: ХІ.
— На отдѣльномъ листѣ.
- Ольденбургскій**, Александръ Петровичъ, его высочество принцъ, СХХХV, мартъ.
— На отдѣльномъ листѣ. СХХХVІІІ, ноябрь, ХХІ.
- Островскій**, А. Н., драматургъ, на первой афинѣ Малаго театра, СХХХVІІ, сентябрь, 887.
- Палеологъ**, Морисъ, французскій посланникъ при Русскомъ Дворѣ. СХХХVІІІ, декабрь, ХІІ.
- Петръ І**, король сербскій, СХХХVІІ, августъ. ХІ.
- Писаревъ**, Д. И, критикъ. СХХХVІ, май. На отдѣльномъ листѣ.
- Пуаннаръ**, Раймондъ, президентъ Французской республики, СХХХVІІ, сентябрь, ХІІІ.
- Ренненкампфъ**, П. К., генераль-отъ-кавалеріи, СХХХVІІ, сентябрь, ХХІХ.
- Робертъ**, лордъ, командующій англійской арміей, СХХХVІ, ноябрь ХХV.
- Сазоновъ**, С. Д., министръ иностранныхъ дѣлъ, СХХХVІІІ, октябрь, ХІІІ.
- Сальвини**, итальянскій трагикъ, въ группѣ участниковъ Малаго театра, СХХХVІІ, сентябрь, 893.
- Семеновъ-Тянь-Шанскій**, Петръ Петровичъ. СХХХVІ, апр. На отдѣльномъ листѣ.
- Сергій Михайловичъ**, великій князь, августѣйшій генераль-инспекторъ артиллеріи. СХХХVІІІ, декабрь, ІХ.
- Стахъевъ**, Д. И., писатель. СХХХVІІІ, октябрь, 161.
- Столыпинъ**, Петръ Аркадьевичъ, председатель совѣта министровъ.
— На торжествахъ въ Кіевѣ, СХХХV, мартъ, 969.
— Въ гробу, СХХХVІ, апрѣль, 211.
- Струве**, В. Я., первый директоръ пулковской обсерваторіи, СХХХVІІ, августъ, 569.

- Суворинъ**, А. С., писатель, въ группѣ участниковъ Малаго театра, СХХХVII, сентябрь, 893.
- Судьбининъ**, артистъ, въ роли Никиты изъ пьесы «Власть тьмы», СХХХVII, сентябрь, 881.
- Сухомлиновъ**, Владимиръ Александровичъ, военный министр, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи, СХХХVII, сентябрь, XXV.
- Тихоновъ**, Владимиръ Алексѣевичъ, писатель, СХХХVI, июнь, 1021.
- Черняевъ**, М. Г., генераль, (съ автографомъ), СХХХVIII, октябрь. На отдѣльномъ листѣ.
- Шелапутинъ**, Павелъ Григорьевичъ, московскій ревнитель просвѣщенія, СХХХVII, июль, 233.
- Штаденъ**, Ольга Леонтьевна. СХХХV, мартъ, 917.
- Шубинскій**, Сергій Николаевичъ, редакторъ «Историческаго Вѣстника». СХХХVI, июнь. На отдѣльномъ листѣ.
- Шуваевъ**, Д. С. главный интендантъ, генераль-отъ-инфантеріи. СХХХVIII, декабрь, XXV.
- Зссень, фонъ** Н. О., адмираль, СХХХVIII, октябрь, XXV.
- Янушкевичъ**, Н. Н., генераль, начальникъ штаба дѣйствующей арміи, СХХХVII, октябрь, XXXIX.

II. Виды мѣстностей, городовъ, зданій и памятниковъ.

- Алтай.** СХХХVI, май.
- Телецкое озеро, 658.
 - Рѣка Чулишманъ, 659.
 - Ущелье Чулишманъ, 661.
 - Чуйскіе Альпы, 661.
 - Чуйскіе бѣлки (граница Сибири и Монголіи), 662.
 - Монголь съ сыномъ оруженосцемъ, 663.
 - Зайсанъ родоначальникъ теленитовъ, 665.
- Анатолійское побережье.** СХХХVIII, декабрь.
- Видъ города Риза, 953.
 - Садъ военного госпиталя въ Трапезундѣ, 957.
 - Колонны бывшей церкви св. Софіи въ Трапезундѣ, 961.
 - Видъ города Керасунда, 963.
 - По побережью къ Керасунду, 995.
 - Православный храмъ въ Керасундѣ, 967.
 - Орду, красивѣйшій городъ на анатолійскомъ побережьи, 969.
 - Самсунъ, 971.
 - Выгрузка товаровъ въ Стамбулѣ, 973.
 - Видъ города Синопа, 975.
- Аулиеатъ**, городъ.
- Памятникъ въ городѣ Аулиеатѣ въ память взятія его 4-го іюня 1864 года отрядомъ полковника Черняева, СХХХVII, сентябрь, 947.
- Бари**, въ Италіи, городъ св. Николая. СХХХVIII, октябрь.
- Старинный планъ Бари, 237.
 - Базилика св. Николая съ западной стороны, 239.
 - Главный входъ въ базилику св. Николая. По сторонамъ колонны на львахъ. Надъ дверью—икона св. Николая, закрыта щитомъ съ итальянскимъ гербомъ, 241.
 - Базилика св. Николая съ южной стороны. Справа видны окна «крипты», 243.
 - Крпята базилики св. Николая. Справа за рѣшеткой—колонна, перенесенная по преданію, чудеснымъ образомъ изъ мирлікійскаго храма, 243.
 - Алтарь, подъ которымъ покоятся мощи св. Николая, 245.
 - Нижняя часть алтаря, подъ которымъ покоятся мощи св. Николая. По срединѣ—дверцы, дающіе доступъ подъ алтарь, 245.
 - Древняя икона св. Николая въ базиликѣ, 247.
 - Внутренній видъ базилики св. Николая, 249.
 - Византійская икона съ базиликѣ св. Николая, 251.
 - Памятникъ королевѣ Бонѣ въ храмѣ св. Николая. По срединѣ—епископскій тронъ епископа Иліи, 253.
 - Видъ замка и новаго порта, 255.

Воронежъ, городъ.

— Памятникъ поэту Н. С. Никитину. СXXXVII, августъ, 637.

Гагры, СXXXV, мартъ.

- Видъ на Гагры съ запада, 1059.
- Дворецъ его высочества принца А. П. Ольденбургскаго, 1061.
- Приморская аллея паркъ, 1064.
- Временная гостиница, 1065.
- Видъ на Гагры съ востока, 1067.
- Шоссе на Сочи, 1071.

Гангутская побѣда. (Къ 200-лѣтнюю ея). СXXXVII, июль.

- Планъ сраженія при Ганге-Уддѣ. На отдѣльномъ листѣ.
- Экспликація плана сраженія, 193.
- Типы современныхъ судовъ, 177.

Гунгербургъ, курортъ на финскомъ побережьѣ, и **Нарва**. СXXXVI, июнь.

- Православная церковь, св. кн. Владимира, 1089.
- Башня въ городѣ Нарвѣ, 1091.
- Пристань и бастионъ въ городѣ Нарвѣ, 1093.
- Нарвекій водопадъ, 1095.
- Новый курганъ, 1097.
- Курзалъ, 1101.
- Морской пляжъ, 1103.

Добрушскій Свято-Николаевскій монастырь въ Бессарабiи. СXXXVIII, ноябрь.

- Видъ добрушскаго монастыря съ юго-западной стороны, 605.
- Зимній храмъ и кококольня добрушскаго монастыря, 607.
- Храмъ въ скиту добрушскаго монастыря, 609.
- Келіи въ скиту добрушскаго монастыря, 611.

Иркутскъ. СXXXV, февраль.

- Понтонный мостъ. Въѣздъ въ городъ, 647.
- Кафедральный соборъ, 649.
- Большая улица, 649.
- Судебный установленія, 651.
- Домъ генераль-губернатора, 653.
- Городской театръ, 657.
- Музей, 657.
- Памятникъ Александру III, 659.
- Общественное собраніе, 661.

Кіевъ.

- Кіевскій городской театръ, въ которомъ былъ убитъ Н. А. Столыпинъ, СXXXV, мартъ, 977.
- Планъ кіевского городского театра, СXXXVI, апрѣль, 197.

Мервъ, СXXXVIII, ноябрь.

- Крѣпость Мервъ. Южный фасъ, 489.
- Крѣпость Мервъ. Западный фасъ, 497.
- Туркестанскіе рабочіе, строящіе русское укрѣпленіе, 505.
- Развалины Султанъ-Санджаръ, 513.

Нарва. См. Гунгербургъ.

Николаевское, селеніе Бердянскаго уѣзда.

- Часовня-памятникъ, въ селеніи Николаевскомъ, СXXXVI, апрѣль, 267.

Ньюстэдъ аббей (Англія), СXXXVII, сентябрь.

- Аббатство. Главный фасадъ. Приѣзная, 989.
- Гостиная, 991.
- Большая столовая, 991.
- Спальня Байрона, 993.
- Доска въ память Байрона, вдѣланная въ стѣну церкви въ Hacknall его сестрой Августой Лей, 995.
- Могила Байрона, 996.
- Памятникъ на могилѣ ньюфаундлендской собаки «Boatswain» въ паркѣ, 997.

- Покровский женскій монастырь въ Кіевѣ.** СXXXV, январь.
 — «Святыхъ» ворота, 235.
 — Могила великой княгини Александры Петровны, 241.
 — Кабинетъ великой княгини въ пар дныхъ покояхъ, 243.
 — Соборы: Никольскій и Покровскій, 244.
 — Хирургическая больница имени императора Николая II съ церковью во имя св. Агапита врача, 245.
 — Собственный кабинетъ великой княгини Александры Петровны въ хирургической больницѣ.
- Псковскій край.** СXXXVII, августъ.
 — Церковь Успенія въ Псково-Печерскомъ монастырѣ, 643.
 — Псково-Печерскій монастырь съ главною церковью Успенія, 645.
 — Бывшій Святогорскій монастырь, нынѣ архіерейское домоуправленіе. На правой сторонѣ церковь Рождества Пресвятой Богородицы XIII—XIV стол., 649.
- Пулковская обсерваторія.** СXXXVII, августъ.
 — Общій видъ главнаго зданія пулковской обсерваторіи съ юга, 573.
 — Балня 30-дюймоваго большого рефрактора пулковской обсерваторіи и зданіе астрофизической лабораторіи, 577.
- Пушкинскій домъ въ Царскомъ Селѣ.** СXXXVI, апрѣль.
 — Фасадъ, видъ съ угла Кузьминской и Колпинской, 273.
 — Видъ дома съ Колпинской улицы, 275.
 — Видъ дома съ Кузьминской улицы, 277.
- Симбирскъ, городъ.**
 — Минаевская улица въ Симбирскѣ, СXXXVII, июль, 211.
 — Могила Д. Д. Минаева въ Симбирскѣ, СXXXVII, августъ, 489.
- Скандинавія, СXXXVII, июль.**
 — Шхеры, 273.
 — Стокгольмская пристань, 275.
 — Видъ Стокгольма, 277.
 — Водопадъ Трольгетта, 279.
 — Водопадъ Трольгетта, 281.
 — Корабль, викинговъ, 285.
 — Озеро между Dalen и Odda, 289.
 — Въ окрестностяхъ Стокгольма, 291.
- Томскъ, городъ.**
 — Домъ науки имени П. И. Макушина въ Томскѣ, СXXXVII, июль, 219.
- Туркестанъ горный.** Перевалъ Сарыкъ-Моголь, СXXXV, январь.
 — Ущелье рѣки Кичикъ-Алай, 251.
 — Урочище Ой-кайнъ, 253.
 — Видъ съ устья рѣки Сарыкъ-моголь на Алтайскій хребетъ, 254.
 — Гребень перевала Сарыкъ-моголь (14.000 футовъ надъ уровнемъ моря). Вѣчные снѣга, 255.
- Чикментъ, городъ, СXXXVI, сентябрь.**
 — Памятникъ въ городѣ Чикментѣ въ честь воиновъ, павшихъ при взятіи крѣпости 22-го сентября 1864 года, сооруженъ въ 1889 году, 949.
 — Памятникъ въ одной верстѣ, отъ города Чикмента на мѣстѣ русской батареи, сдѣлявшей по крѣпости въ 1864 году; внутри похоронены 9 русскихъ солдатъ, 953.

III. Разные рисунки.

- Первая афиша Малаго театра, СXXXVII, сентябрь, 887—889.**
Группа участниковъ Малаго театра. Въ центрѣ знаменитый итальянскій трагикъ Сальвини, сбоку А. С. Суворинъ. СXXXVII, сентябрь, 893.
Группа участниковъ корейской экспедиціи. — А. М. Безобразовъ. На знамени обозначено: Южная Манчжурія, СXXXVII, июль, 253.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Дон.

Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижеупомянутыя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ НОЯБРЬ 1914 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 11-й.

Богословіе.

ВВЕДЕНСКІЙ, А. Борьба съ сектантствомъ. Одесса. 1915. Ц. 2 р.

ЖИЛОВЪ, Г. Что говорятъ знаменитые люди и Библия? Ц. 45 к.

ИМЯСЛАВІЕ. Богословскіе матеріалы къ догматическому спору объ имени Божіемъ по документамъ имяславцевъ. Ц. 1 р. 25 к.

МОЯ МЫСЛЬ ВО ХРИСТЪ. О дѣятельности Божества. Ц. 1 р.

ПРАВОСЛАВНАЯ церковь о почитаніи имени Божьяго и о молитвѣ Исусеовой. Ц. 60 к.

СПЕКТОРСКІЙ, Е. Происхождение протестантскаго рационализма. Варшава. 1914. Ц. 40 к.

СУХАНОВЪ, В. О дарѣ языковъ въ древней церкви. Черниговъ. 1914. Ц. 30 к.

Философія, психологія, логика.

ВИНОГРАДОВЪ, С. Исканіе истины. Ц. 15 к.

ГУРЛЯНДИ, А. Германъ Когенъ и его философское обоснованіе еврейства. Критическій очеркъ. Ц. 85 к.

ЗЕЛЕНСКАЯ, А. Общая психологія. Ц. 1 р. 40 к.

ЗЪНЬКОВСКІЙ, В. Проблема психической причинности. Кіевъ. 1914. Ц. 2 р. 50 к.

ЛАНДЫШЕВЪ, Е. Вопросы духа и жизни. Ц. 50 к.

ЛОДЫЖЕНСКІЙ, М. Мистическая трилогия. Т. III. Темная сила. Ц. 2 р.

МИНЦЛОВЪ, С. Странное... О вліяніи имени на судьбу человѣка. 1914. Ц. 50 к.

ЭРНЪ, В. Розмини и его теорія знанія, изслѣдованіе по исторіи итальянской философіи XIX столѣтія. М. 1914. Ц. 1 р. 80 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

АРАБАЖИНЪ, К. Поэтъ міровой скорби. Ц. 50 к.

БОРОЗДИНЪ, А. Собраніе сочиненій. Т. II. А. С. Пушкинъ. Ц. 90 к.

ВЕНГЕРОВЪ, С. Источники словаря русскихъ писателей. Т. III. Карамышевъ—Ломоносовъ. Ц. 3 р. 50 к.

ВОЛНЫ ВѢЧНОСТИ въ русской художественной литературѣ. Кіевъ. 1914. Ц. 2 р. 25 к.

ВЪНОКЪ М. Ю. Лермонтову. Юбилейный сборникъ. М. 1914. Ц. 2 р. 25 к.

КАЗАРИНЪ, Г. Сборникъ француз-

- кихъ пословицъ и поговорокъ. В. Г. Ц. 70 к.
- М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ. Краткое изложене поэзіи и біографія. Подъ ред. Л. Окнова. Рига. 1914. Ц. 15 к.
- МАРЦИНОВСКІЙ, В. Утренники. Театральные рефераты о пьесахъ: «Дѣти Ваюшины», «Анна Каренина», «Идиотъ» и «Quo vadis». Ц. 20 к.
- МИШЕЕВЪ, Н. Очерки по исторіи всеобщей литературы. Ч. I. Греція и Римъ. Ц. 90 к.
- ПЪТУХОВЪ, Е. М. Ю. Лермонтовъ. Рига. 1914. Ц. 20 к.
- ШАХЪ-ПАРОНИАНЦЪ, Л. Графъ Л. Толстой, какъ военный писатель, по его «Севастопольскимъ разсказамъ». Ц. 25 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- АРАПОВА, А. Кто же? Первобытная феминистка. Ц. 2 р.
- БРЕШКО-БРЕНКОВСКІЙ, Н. Придурайскіе варвары. Ц. 1 р. 25 к.
- БРУСЯНИНЪ, В. Трагедія Михайловскаго замка. Романъ изъ эпохи царствованія Павла I. Т. I. Тоска по власти. Ц. 2 р.
- БЪЛЯЕВЪ, Ю. Открытки съ войны. Первая серия. Ц. 50 к.
- ГАМЕЛУСЪ, Н. Осада Льежа. Впечатлѣнія очевидца. Ц. 50 к.
- ГОРЬКІЙ, М. Дѣтство. Ц. 1 р. 50 к.
- ДМИТРИЕВЪ, А. Пѣсни невольника. Стихи. М. 1915. Ц. 50 к.
- КРАСНОВЪ, П. Въ житейскомъ морѣ. Романъ. Ц. 2 р.
- КРЫЖАНОВСКАЯ, В. (Рочестеръ). Свѣточі Чехіи. Историч. романъ. Ц. 2 р.
- Блаженны нищіе духомъ. Романъ. Ц. 1 р. 80 к.
- МАРИШЪ, М. При дворѣ Габсбурговъ. Ц. 1 р. 25 к.
- ЛИПАТОВА, М. Бѣлыя розы. Драма съ 4 д. Ц. 75 к.
- ЛЮДВИГЪ, М. Подъ сѣнью одноглаваго орла. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
- МЕРОВИЧЪ, I. Стихи. Пѣсни о солнцѣ. Ц. 45 к.
- МИКУЛИЧЪ, В. Дуся. Разсказы. Ц. 1 р.
- НАГРОДСКАЯ, Е. Бѣлая колоннада. Ц. 1 р.
- НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, В. Профили и ангажи. Ц. 1 р. 50 к.
- НОВАЛИСЪ, Гейнрихъ фонъ-Офтердингенъ. Романъ. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- ОВИДИЙ НАЗОНЪ, П. Наука любить. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. 1914. Ц. 2 р.
- СБОРНИКЪ «Двойной горизонтъ». Книга первая. Ц. 85 к.
- СМІРНОВЪ, А. На войнѣ. Записки строевого офицера. Ц. 30 к.
- СТРЕМИНЪ, М. Звонарь Реймскаго собора. Лирики-драматическая поэма. Ц. 30 к.
- СВЕРЦЕВЪ-ПОЛИЛОВЪ, Г. Которая? Романъ. Ц. 1 р. 20 к.

Исторія, біографія и археологія.

- АНДРІЯШЕВЪ, А. Матеріалы по исторической географіи Новгородской земли. Шелонская пятнина по писцовымъ книгамъ: Т. I. Списки селеній. М. 1914. Ц. съ атл. 3 р.
- АСОВЪ, Н. Синоптический списокъ монарховъ. Съ древнѣйшихъ временъ до нашего времени. Ц. 25 к.
- БАЗИЛЕВИЧЪ, В. Изъ исторіи московско-крымскихъ отношеній дъ первой половины XVII вѣка. Кіевъ. 1914. Ц. 25 к.
- БЪЛАВЕНЕЦЪ, П. Великая побѣда Славянъ надъ пѣмцами при Грюнвальдѣ. Ц. 20 к.
- ВѢСТНИКЪ общества ревнителей исторіи. В. I. Ц. 3 р. 50 к.
- ДЭВИСЪ, Г. Средневѣковая Европа. Ц. 75 к.
- ЕФИМОВА, Е. Крѣпостные и вольные города въ старой Франціи. М. 1914. Ц. 45 к.
- ЗЪЛИНСКІЙ, Ф. Исторія античной культуры. Ч. I. М. 1915. Ц. 60 к.
- «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ». Журналъ № 11. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- КОВАЛЕВСКІЙ, П. Кавказъ. Т. II. Исторія завоеванія Кавказа. Ц. 1 р. 50 к.
- КРЫЛЬЦОВЪ, И. Очерки изъ исторіи верхняго Поволожья, отъ Ярославля до Н.-Новгорода въ древнемъ и московскомъ періодахъ. Казань. 1914. Ц. 80 к.
- ЛАВИССЪ, Э. и А. РАМБО. Эпоха крестовыхъ походовъ. Ч. I и II. Ц. за обѣ части 4 р.
- НОВИЦКІЙ, В. Выборное и большое дворянство XVI—XVII вѣковъ. Кіевъ. 1915. Ц. 1 р.
- НЪСКОЛЬКО словъ О. А. Новиковой, рожд. Кирѣевой. 1914. Ц. 10 к.
- ПИЧЕТА, В. Историческій очеркъ славянства. Ц. 80 к.
- ДЕ-РЕМЮЗА, Мемуары. Т. II. М. Ц. 1 р. 25 к.
- РОТЪ, К. Исторія христианскихъ государствъ Балканскаго полуострова. II. 50 к.
- СИЛЬВА, К. Мемуары. Подъ роднымъ кровомъ. Ц. 1 р. 50 к.
- СОКОЛОВСКАЯ, Т. Въ масонскихъ ложахъ. (1817—1822 г.г.). Ц. 1 р. 50 к.
- СОМОВЪ, Л. Опытъ систематическаго изложенія матеріала. Уставныхъ грамотъ, опредѣляющихъ порядокъ мѣстнаго правительственнаго управления въ Московскомъ государствѣ. Кіевъ. 1914. Ц. 80 к.
- «СТАРИНА и НОВИЗНА». Историческій сборникъ. Кн. XVII. Ц. 2 р.
- СТАШЕВСКІЙ, Е. Къ исторіи Смоленской войны. Сборъ подводъ съ гор. Москвы въ 1632 г. Кіевъ. 1914. Ц. 75 к.
- ТОКАРЕВЪ, П. Краткая исторія латышскаго народа. Рига. 1914. Ц. 1 р. 35 к.
- ШЕФЕРЪ, Д. Исторія колоній. Ц. 50 к.
- ШИШКИНА, О. Князь Скопинъ-Шуйскій, или Россія въ началѣ XVII столѣтія. Ц. 1 р. 50 к.
- ЮБИЛЕЙНЫЙ сборникъ статей. Изд. студенч. этногр. истор. кружка. Кіевъ. 1914. Ц. 2 р.
- ЯНИЦКІЙ, Н. Сѣверо-русская часовня въ концѣ XVII вѣка. Кіевъ. 1914. Ц. 25 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- БОГДАНОВЪ, Б. Матеріалы по изученію кооперации Сѣвернаго края. Маслодѣльная артели въ Вологодской губерніи. Вологда. 1915. Ц. 2 р. 50 к.
- БУКОВСКІЙ, В. Сводъ гражданскихъ узаконеній губерній прибалтійскихъ. Т. I. Рига. 1914. Ц. 4 р.
- БЪЛГОРОДСКІЙ, А. Галиція—исконное достояніе Россіи. М. 1914. Ц. 15 к.
- «ВОЙНА, хроника и отклики». № 1 и 2. 1914. Ц. по 50 к.
- ВОРОНОВА, Е. Душа русскаго солдата. Сборникъ. Ц. 10 к.
- ГЛУБОКОВЪ, Г. Чтеніе царскимъ войнамъ—чудо-богатырямъ. Высокомѣрный народъ. Нѣмцы. Ц. 10 к.
- ГРЕВСЪ, К. Тайны германскаго главнаго штаба. Ц. 1 р. 25 к.
- ДОВРИНЪ, С. Гражданско-правовое положеніе въ Россіи подданныхъ воюющихъ съ нею державъ. Ц. 40 к.
- ЗАВИТНЕВИЧЪ, В. Русскіе славянофилы и ихъ значеніе въ дѣлѣ усиленія идей народности и самобытности. Кіевъ. 1915. Ц. 35 к.
- ИВАНОВЪ, Б. Res manscipii et nec manscipii. Очеркъ по исторіи римскаго права. Казань. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- ИЗАРЪ, Г. Современная Бельгія. Ц. 1 р. 25 к.
- КЛАДО, Н. Очерки мировой войны. Очеркъ I и II. Ц. 75 к.
- Мировая война. Поводъ къ войнѣ и ходъ дипломатическихъ переговоровъ, приведшихъ къ разрыву. Ц. 75 к.
- КОЗЛОВЪ, Н. Межевое законодательство. Ц. 90 к.
- КООПЕРАЦИЯ на всероссійской выставкѣ 1913 г. въ Кіевѣ. Ц. 4 р.
- ЛЕВИТСКІЙ, В. Исторія политической экономіи въ связи съ исторіей хозяйственнаго быта. Харьковъ. 1914. Ц. 2 р. 80 к.
- ЛЯВОРЪ, Ж. Конецъ Германской имперіи. Ц. 75 к.
- МАНУЙЛОВЪ, А. Политическая экономія. Курсъ лекцій. Вып. I. М. 1914. Ц. 1 р. 25 к.
- МАСЛОВЪ, П. Общеизвестный курсъ исторіи народнаго хозяйства отъ первобытныхъ временъ до XX столѣтія. Ц. 2 р.
- МИРБО, О. Сверхъ-императоръ (Вильгельмъ II) и его маленькіе сосѣди. Ц. 90 к.
- ШИЛЕНКО, А. Очерки по систематикѣ частнаго международнаго права. Ц. 3 р. 50 к.
- ПИСАРЕВЪ, Н. Къ вопросу о причинахъ и задачахъ современной войны. Казань, 1914. Ц. 30 к.
- ПЛЕХАНЪ, П. Уставъ о гербовомъ сборѣ. Ц. 2 р. 50 к.
- ПОКРОВСКІЙ, I. Исторія римскаго права. Ц. 3 р. 50 к.
- РАУТЕНБУРГЪ. Тройственный союзъ, къ оружію! Ц. 1 р. 50 к.
- РОЗАНОВЪ, В. Война 1914 года и русское возрожденіе. Ц. 1 р.
- РОТЕНБЕРГЪ, Л. Уставъ гражданскаго судопроизводства, измененный и дополненный закономъ о преобразованіи мѣстнаго суда и другими позднѣйшими узакон. и разъясненіями. Екатеринбургъ. 1915. Ц. 3 р. 50 к.
- РЪКСАНОВЪ, С. Германія въ зенитѣ войны. Ц. 30 к.
- СВЯТОПОЛКЪ-МИРСКІЙ, Д. Къ настоящему политическому моменту. I. Что должна намъ дать война? II. Польскій вопросъ. Ц. 20 к.
- СИКОРСКІЙ, И. Современная всесвѣтлая война 1914 года. Причины войны и устраненіе ихъ. Кіевъ. 1914. Ц. 20 к.
- СЪРАЯ КНИГА. Вельгійская дипломатическая переписка, относящаяся до войны 1914 года. Ц. 50 к.
- ТРУДЫ съѣзда по общественному призраію. Т. I и II. 1914. Ц. за обѣ тома 3 р.
- ТЮТЧЕВЪ, А. Покупка, продажа и аренда земель: казенныхъ, частновладѣльческихъ, крестьянскихъ—надѣльныхъ, казачьихъ, башкирскихъ и проч. Ц. 1 р. 25 к.
- ЦЫПКИНЪ, И. Уставъ строительный. 1915. Ц. 3 р. 50 к.
- ШВЕЙКОВСКІЙ, П. Уставъ дисциплинарный. Ц. 1 р.
- ШЕФТЕЛЬ, Я. Право морской войны. Положеніе о морскихъ призахъ съ разъясненіями. Ц. 1 р. 25 к.
- ЩЕГЛОВИТОВЪ, С. Учрежденіе судебныхъ установленій, уставъ гражданскаго судопроизводства и уставъ уголовного судопроизводства. Изд. 2-е. 1914. Ц. 6 р.

Искусство.

- ВОЛКОНСКІЙ, С. Отклики театра. Ц. 1 р. 50 к.
- ДАЛМАТОВЪ, К. Узоры стародавнихъ украинскихъ вышивокъ. Ц. 4 р.
- ЛЕВИНСОНЪ, А. Мастера балета. Очерки исторіи и теоріи танца. Ц. 4 р.
- «МОСКОВСКІЙ архитектурный міръ». Ежегодникъ современнаго зодчества и декоративнаго искусства. Вып. III. 1914. Ц. 5 р.
- СТАРКЪ, Э. Колыбель русскаго искусства (императорская академія художествъ). Съ 38 рис. Ц. 50 к.

Естествознаніе и математика.

- ГРЕГОРИ, Д. Образованіе земли. Ц. 50 к.
- КАССУТО, Л. Общая коллоидная химія. Ц. 2 р. 50 к.
- КИСТЯКОВСКІЙ, В., проф. Электрохимія. Ч. II (первый выпускъ). 1914. Ц. 75 к.
- НАВАТОВЪ, А. Морской акваріумъ въ комнатѣ, его устройство и уходъ за нимъ. Съ 144 рис. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к.
- САВИЧЪ, С. Теорія функций комплекснаго переменнаго. Ц. 2 р. 25 к.
- СИНОЗЕРСКІЙ, М. Систематическій ходъ качественного химическаго анализа. М. 1914. Ц. 65 к.
- ФИЛИППСЪ, П. Видимыя и невидимыя излученія. Ц. 50 к.
- ХВОЛЬСОНЪ, О. Сохраненіе и разсѣяніе энергии. Ц. 25 к.
- ЦЕПФЪ, К. Основы химіи. Кіевъ. 1915. Ц. 1 р. 75 к.
- ШМЕЙЛЬ, О. Животныя. Основы ученія о жизни и строеніи животныхъ. Ц. 1 р. 85 к.
- ШУСТЕРЪ, А. Прогрессъ физики. Ц. 1 р. 50 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- ВЕЛИКАЯ РОССІЯ. Т. III. Тундры. Б. М. Житкова. Северо-лѣсная область. С. Покровскаго. М. 1914. Ц. 3 р.
- ВОРОНОВЪ, А. У славянъ въ Австріи. Впечатлѣнія и замѣтки. Ц. 60 к.
- ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ КАРТЫ губерній, пограничныхъ съ Германіей и Австріей: Вольнская, Подольская, Бессарабская, Ковенская, Галицкая, Радомская, Петроковская, Сувальская, Люблинская, Плоцкая, Ломжинская, Варшавская и Кѣлецкая. Ц. 20 к., въ папкѣ 25 к.
- ЗАРУБЕЖНАЯ РУСЬ, I. Угорская Русь. II. М. А. Качковскій. Ц. 20 к.

Языковѣдніе.

- РУДНЕВЪ, А. Хори-бурятскій говоръ. Опытъ изслѣдованія, тексты, переводы и примѣчанія. В. I, II и III. Ц. за три выпуска 3 р.

Сельское хозяйство и домоводство.

- БЪДУНКОВИЧЪ, Г. Рациональное кормленіе и откормъ птицъ. Ц. 20 к.
- ВАСИЛЬЕВЪ, И. Главнѣйшія насѣкомыя, вредящія люцернѣ. Ч. II. Люцерновый слоникъ. Ц. 10 к.
- ДОПЕЛЬМАЙРЪ, В. Примѣненіе минеральнаго искусственнаго удобренія въ Ямбургскомъ уѣздѣ. Ц. 50 к.
- КАЗАЧЕКЪ, Б. Крестьянская молотилка. Выборъ и уходъ. М. 1914. Ц. 12 к.
- КРЮКОВЪ, Н. Храненіе продуктовъ птицеводства и торговля ими. Ц. 40 к.
- ОРЛОВА, А. Атласъ по птицеводству. Ц. 3 р. 50 к.
- ПЕНИНГТОНЪ, М. Практическое наставленіе къ приготовленію мороженыхъ и сушеныхъ яицъ. Ц. 10 к.
- ПОРЧИНСКІЙ, I. Паразиты, саранчи, прусика и вредныхъ видовъ кобылокъ изъ міра насѣкомыхъ. Ц. 25 к.
- СКВОРЦОВЪ, А. Хозяйственные районы Европейской Россіи. В. I. Ц. съ атл. 2 р.
- ТИХОМИРОВЪ, А. Основы практическаго шелководства. М. 1914. Ц. 3 р.
- ТРУДЫ третьяго сѣзда садоводовъ и садоплательцевъ Мпенскаго уѣзда 23-го—24-го августа. 1913 г. Орель. 1914. Ц. 70 к.
- ШРЕЙНЕРЪ, Я. Слонии и яблонный долгоносикъ, вредящіи плодовымъ садамъ. Ц. 20 к.
- ШТРЕККЕРЪ, В. Луговые злаки. Ц. въ перепл. 75 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- САКОВИЧЪ, В. Правила и формы смѣтнаго, кассоваго и ревизіоннаго порядка. Изд. 6-е. Ц. 5 р.
- СЛАВИНСКІЙ, А. Простая и двойная бухгалтерія для строителей. Ц. 60 к.
- УВАРОВЪ, И. Кассовое и товарное дѣло. Справочная книга для кредитныхъ учреждений, торгово-промышленныхъ предприятий, членовъ биржевыхъ артелей и другихъ учреждений. Ц. 2 р.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- АБРАМОВЪ, Н. Какъ испытывать материалы. Новочеркасск. 1914. Ц. 25 к.
- АРЦИШЪ, В. Паровая механика и паровозы. Ц. 2 р.
- БАРТЕЛЬ, Ф. Торфъ, какъ источникъ движущей силы, и его примѣненіе въ промышленности и сельскомъ хозяйствѣ. Ц. 2 р.
- БАРТОЛЬДЪ, В. Къ исторіи орошенія Турнестана. Ц. 1 р.
- БАРТЪ, Ф. Выборъ двигателя. Ц. 30 к.
- БОРОДИНЪ, Н. Искусственное охлажденіе и его примѣненіе къ храненію и перевозкѣ скоропортящихся продуктовъ. Ц. 2 р.
- БЪЛЯЕВЪ, Н. и ГУДЦОВЪ, Н. О предѣлѣ упругости стали. Ц. 1 р.
- ВАДИВАСОВЪ, Ф. Общедоступный спутникъ товаря. Ц. 3 р.
- ГЕРМЕРЪ, Г. Вліяніе высокихъ температуръ на прочность растворовъ, кладки и бетона. Ц. съ атласомъ 3 р.
- ГРАФИЧЕСКІЯ таблицы для расчета каналовъ. Подъ ред. инж. В. Васильева. Материалы къ проекту орошенія долины рѣки Чу въ Семирѣченской области. В. I. Ц. 1 р.
- ДЕМЕНТЬЕВЪ, К. Химическая технология и свойства простыхъ веществъ природы. Ц. 3 р.
- ДУРИЛИНЪ, П. Очистительныя сооруженія для сточныхъ водъ въ Германіи въ связи съ благоустройствомъ городовъ. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.
- КИРПИЧЕВЪ, В. Основанія графической статистики. Изд. 3-е, исправл. и дополн. Ц. въ перепл. 2 р. 75 к.
- КОРЗУНЪ, Н. Номограммы для расчета желѣзо-бетонныхъ конструкций. В. II. Ц. 1 р. 50 к.
- КУЗНЕЦОВЪ, Н. Курсъ автомобилизма. Изд. 5-е. Ц. 5 р.
- ОПШОКОВЪ, Е. Указатель литературы о торфѣ, какъ топливѣ. Ц. 30 к.
- ОРЛОВСКІЙ, П. Какъ устроитъ моторъ (бензиновый автомобиль) и какъ обращаться съ нимъ? Ц. 60 к.
- РЕДДИКЪ, ДЖ. Устройство небольшихъ холодильниковъ. Ц. 10 к.
- РЯЗАНЦЕВЪ, А. Прикладная механика. Ч. I. Паровые котлы. Ц. 1 р. 85 к.
- ФАРМАКОВСКІЙ, В. Машиновѣдніе. Машины-двигатели и силовыя станціи. Кіевъ. 1915. Ц. 3 р. 20 к.

ФРОЛОВЪ. Р. Общедоступный курсъ электротехники. Ч. I. Магнетизмъ и электричество. Ц. I р. 75 к.

ШИШМАРЕВА, В. Курсы кройки. Руководство къ изученію кройки дамскихъ, дѣтскихъ, верхнихъ платьевъ, бѣлья и

прочихъ нарядовъ. Ц. съ атласомъ 3 р. 50 к.

ШКОЛА современного электротехника. Т. IX. Системы распределения электрическаго тока. Ц. I р. 50 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія

АБРАМОВЪ, С. Анатомія, физиологія и гигиена человѣка. Краткое руководство для сестеръ милосердія. Кіевъ. 1915. Ц. 70 к.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ, В. Курсы популярной гигиены, въ связи съ анатоміей и физиологіей человѣка. Ц. I р. 50 к.

БАРАДУЛИНЪ, Г. Практическое руководство по урологіи. Ч. I. Способы изслѣдованія мочеполовыхъ органовъ. М. 1914. Ц. 2 р. 50 к.

ГОФФЪ, А. Уходъ за больными. Краткое руководство для сестеръ милосердія и помощи врачей. Кіевъ. 1914. Ц. 50 к.

ДЕ-ХАРТЪ, А. Журналъ дѣловаго человѣка. I. Обь алкоголикахъ. О неврастеникахъ. Обь истеріи. М. 1914. Ц. I р.

ДУХОВСКОЙ, С. Школьные искривленія спины. (Сколіозы). М. 1914. Ц. 80 к.

ЖУКЪ, Н. Лекціи по общей описательной анатоміи. Кіевъ. 1914. Ц. I р. 50 к.

ИСАЕВЪ, С. Внутреннія болѣзни и лечение ихъ. Кіевъ. 1915. Ц. 80 к.

КАНЕЛЬ, В. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ и при внезапныхъ заболѣваніяхъ. Ц. 80 к.

КОВАЛЕВСКИЙ, П. Руководство къ уходу за душевными больными, для сестеръ милосердія и фельдшерицъ. Съ рис. 1915. Ц. 35 к.

МІСХNER, P. Основы внутренней медицины. Ц. I р.

МЕДИЦИНСКАЯ ХИМІЯ. Изд. 6-е. Составлена по новѣйшимъ даннымъ. Кіевъ. 1914. Ц. I р. 50 к.

РУДОЛЬФИ, А. Туберкулезъ или бугорчатка. Нижній-Новгородъ. 1914. Ц. 30 к.

ТИМОФЕЕВСКИЙ, П. Устройство и оборудованіе лечебныхъ заведеній и санитарныхъ транспортовъ въ военное время. Ц. 2 р. 50 к.

ТИХОВЪ, П. Краткая хирургія. Кіевъ. 1914. Ц. 80 к.

ШЕНШЛЕВСКИЙ, Е. Основы и средства расовой гигиены. (Гигиена размноженія). Юрьевъ. 1914. Ц. 75 к.

ШМИДТЪ и ФРИДГЕЙМЪ. Вадемукумъ по діагностикѣ и терапіи. Ц. I р. 50 к.

ЯЦУТА, К. Краткія свѣдѣнія изъ анатоміи и физиологіи для сестеръ милосердія военного времени. Ц. I р.

Военное и морское дѣло.

ДЕ-ОПИКЪ, Е. Крѣпости и современная война. Кіевъ. 1914. Ц. 75 к.

ЖЕРВЕ, Б. Германия и ея морская сила. Ц. I р. 25 к.

КОХАНОВЪ, Н. Борьба за современную крѣпость. Тактико-фортификаціонное изслѣдованіе. Ц. 2 р. 75 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

АРЖАНОВЪ, С. Краткій учебникъ анатоміи и физиологіи растений. Ц. 60 к.

БЕМЪ, Д., ВОЛКОВЪ, А. Сборникъ упражненій и задачъ по элементарному курсу алгебры. Ч. II. М. 1915. Ц. I р. 15 к.

БОЛСУНОВЪ, Г. Введеніе въ космографію. Для изучающихъ начала астрономіи. Съ 3 портр., 23 черт. въ текстѣ. Ц. 25 к.

— Космографія. (Начала астрономіи). Ц. I р. 50 к.

— Начала астрофизики. Пособіе для изучающихъ космографію. Ц. 50 к.

БЪЛЕЦКИЙ, Л. и ДОРОШКЕВИЧЪ, А. Тетрадь для замѣтокъ о домашнемъ чтеніи. Кіевъ. 1914. Ц. 12 к.

ВЕСЕЛОВСКИЙ, Ю. и УДАНОВЪ, В. Родная исторія въ стихотвореніяхъ. М. 1914. Ц. 50 к.

ЖИТОМІРСКИЙ, К. Какъ же учить грамотѣ? М. 1914. Ц. 50 к.

ИНДРИКСОНЪ, Ф. Учебникъ физики. Ч. II. Лучистая энергія. Ученіе о движеніи и силахъ. Магнитная и электрическая энергіи. Изд. 2-е. Ц. I р. 75 к.

КАВРАЙСКИЙ, В. Графическое рѣшеніе астрономическихъ задачъ. Ц. I р. 50 к.

ЛЯМИНЪ, А. Математическіе досуги. Ц. 60 к.

МЕДВѢДКОВЪ, А. Педагогика для самообразованія, школы и семьи. Ц. I р. 35 к.

ПАВЛОВИЧЪ, С. Простѣйшія работы по изготовленію коллекцій въ школѣ и дома. Ц. I р. 30 к.

ПЕСОЧИНСКИЙ, К. Краткія свѣдѣнія по римскимъ древностямъ и краткія историческія свѣдѣнія по римскимъ авторамъ. Ц. I р.

ПИНКЕВИЧЪ-АРЖАНОВЪ, С. Учебникъ естествознанія. Ч. II. Ботаника. Ц. I р. 75 к.

ПОРТУГАЛОВЪ, А. Геометрія для экстерновъ. Ц. I р. 50 к.

ОГЕНКО, И. Орфографическій словарь. Кіевъ. 1914. Ц. 10 к.

СОЛОВЬЕВЪ, А. Сборникъ образцовъ русской литературы, для выразительнаго чтенія. Казань. 1914. Ц. 15 к.

ТАБЛИЦА-пособіе при прохожденіи курса словесности. Эпосъ, лирика, драма. Виды поэтическихъ произведеній. Кіевъ. 1914. Ц. 12 к.

ТАРАПЫГИНЪ, Ф. Родные завѣты. Хрестоматія. Ч. VI. Для класнаго чтенія въ народныхъ училищахъ. Ц. 60 к.

ФАРФОРОВСКИЙ, С. Новыя программы по исторіи. Ц. 50 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- ГОТОРНЪ, П. Книга чудесъ. Ц. 1 р. 50 к.
 ДИККЕНСЪ, Ч. Юныя жизни. Рассказы для дѣтей. Ц. 1 р. 50 к.
 ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Избранныя сочиненія. Выборъ и предисловіе В. И. Ладвыженскаго. Ц. 25 к.
 МИРТОВЪ, А. Литературное утро въ школѣ. Поэтическая сборникъ. Ц. 50 к.
 МОРАВСКАЯ, М. Цвѣты въ подвалѣ. Рассказы для дѣтей. Ц. 1 р.
 ОГАРКОВА, В. Къ свѣту. Для старшаго возраста. М. 1914. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

Спортъ, охота и игры.

- ДЮШЕРОНЪ, Г. Библиографія спорта и физическаго развитія. Ц. 2 р.
 ПРИБЪ, А. Руководство къ изученію шахматной игры, составленное по Чигорину, Шифферсу и друг. Вып. V. Ц. 1 р. 50 к.
 ПРОШЕКЪ, Человѣкъ. Комнатная гимнастика по новому методу. Ц. 75 к.

Справочныя книги.

- ВИКТОРОВЪ, С. Военно-историческій словарь. Настоящій справочникъ современной войны. Ц. 10 к.
 ВИСКОВСКІЙ, К. Желѣзныя дороги Европейской Россіи. Ц. 75 к., наклейки. 1 р.
 ИМЕННОЙ списокъ раненыхъ и больныхъ офицерскихъ и нижнихъ чиновъ, помещенныхъ въ лечебныхъ заведеніяхъ. По свидѣніямъ справочнаго отдѣла Краснаго Креста. № 1 и 2. Ц. по 5 к.
 КАЛЕНДАРЬ для юристовъ на 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.
 КАРМАННАЯ энциклопедія войны 1914 года. Ц. 1 р.
 НАСТОЛЬНАЯ справочная книга и календарь на 1915 годъ «Домовладѣлецъ». Ц. 1 р. 50 к.
 ОБЩЕДОСТУПНАЯ наука для всѣхъ. Энциклопедическій сборникъ. Вышелъ августъ. 1914. Подписная цѣна безъ доставки 4 р. 50 к., съ доставкой и пересылкой 5 р.
 ПУТЕВОДИТЕЛЬ по Россіи «Фрумъ». Зимнее движеніе. Ц. 85 к.
 ШАНСОВИЧЪ, М. Весь Кавказъ. Промышленность, торговля и сельское хозяйство Сѣвернаго Кавказа и Закавказья. Ц. въ перепл. 6 р.
 ШУКИНЪ, М. Окружныя программы и правила для лицъ, экзамен. на первый классный чинъ, на аптекар. учен., на учителя, нач., сельск. и уѣздн. учителя. Ц. 40 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Цѣна за два тома, объемомъ болѣе 100 печатныхъ листовъ, съ 252 хромолитографіями, фототипіями, гравюрами, цинкографіями и автографами, двадцать пять рублей. Въ переплетѣ 30 рублей. Пересылка по разстоянію.

При каждом № „НИВЫ“ подписчики **52 книги.**
получать по одной книгѣ, всего въ годъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1915 ГОДЪ

(46-й годъ изданія)
на еженедѣльный иллюстриро-
ванный
ЖУРНАЛЪ
со многими приложениями

НИВА

Гг. подписчики „НИВЫ“ получать въ теченіе одного 1915 года:

52 №№ еженедѣльн. художеств.-литер. журн. „НИВА“: повѣсти и рассказы, критич. и популярно-научн. очерки, биографіи, военные и политическіе очерки и обзорья, рис. въ краскахъ, снимки съ картинъ, рисунки, портреты и иллюстраціи съ театра военныхъ дѣйствій.

52 книги, отпечатанныя убористымъ четкимъ шрифтомъ, въ составъ которыхъ войдутъ:

12 книгъ ежемѣсячнаго журнала „ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ“: повѣсти, рассказы, популярно-научн. и критич. статьи современныхъ авторовъ съ иллюстраціями и отдѣлы библиографіи, смѣси, шахматъ и шашекъ, задачъ и игръ.

40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“ **40** книгъ,

которыя подписчики получаютъ въ теченіе одного 1915 года, содержатъ:

первую серію—18 книгъ больш. формата
ПОЛНАГО СОБР. СОЧИН. **Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА.**

Цѣна существ. изданій 15 руб. безъ перес.

ПОЛНОЕ СОБР. СОЧИН. **И. А. БУНИНА.**
въ 12 книгахъ

Цѣна существ. изданія 15 руб. безъ перес.

НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ (окончаніе повѣсти „ЯМА“) въ 2-хъ книгахъ **А. И. КУПРИНА.**

Будетъ стоить приблизительно 1 р 50 коп. безъ перес.

ПОЛНОЕ СОБР. СОЧИН. **М. МЕТЕРЛИНКА.**
въ 8 книгахъ

Цѣна существ. изданія болѣе 8 руб. безъ перес.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА средне-европейскаго и южнаго театра военныхъ дѣйствій
подъ ред. проф. Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО.

Въ 6 красокъ. Размѣръ 108×130 сант., въ масштабѣ 50 верстъ въ дюймѣ.

12 №№ „НОВЪЙШИХЪ МОДЪ“. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ.

12 листовъ: до 300 рукодѣльныхъ и вышивальныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ

1 „ОТРИВНОЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1915 годъ, отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложениями на годъ:

въ Петро-) безъ доставки — 6 р. 50 н.
градѣ) съ доставкой — 7 р. 50 н.
Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Гечисвой — 7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книж. магаз. „Образованіе“ — 7 р. 50 н.

Съ пересылкою во
всѣ мѣста Россіи — **8** р.
За границу — 12 р.

Допускается разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 сроча.

Для гг. служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ, при коллективной подпискѣ за поручительствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ, допускается **разсрочка платежа** на самыхъ льготныхъ условіяхъ.

Желающимъ получить, кромѣ „Нивы“ 1915 г., еще **собр. соч. А. И. Куприна** (21 кн.), прилож. къ „Нивѣ“ въ 1912 г., **доплачиваютъ 4 р. 50 н.** съ перес. въ Европ. Россіи.

ИЛЛУСТРИРОВАННОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ высылается **БЕЗПЛАТНО** по первому требованію.

Адресъ: Петроградъ, въ Контору журнала „НИВА“, ул. Гоголя, № 22.

Открыта подписка на 1914—1915 годъ НА НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СТУДЕНЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ **ВЕШНІЯ ВОДЫ.**

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ—съ 1-го сентября книжка до **300** страницъ разнообразнѣйшаго содержания—съ оригинальными рисунками, иллюстраціями въ текстъ, стильными виньетками, карикатурами.

Задача журнала: отражать на своихъ страницахъ **жизнь, думы и творчество Русскаго студенчества.** Въ своемъ служеніи идеаламъ **правды и любви,** объединять идейно мыслящую молодежь. Помогать студенчеству легче дышать, красивѣе жить,—искреннѣе плакать, искреннѣе смѣяться.

Вешнія воды—не коммерческое предпріятіе. Это журналъ студентовъ и для студентовъ,—для всѣхъ, кто учится, кто хочетъ жить и мыслить...

Въ началѣ **нагдаго** учебнаго года **ВЕШНІЯ ВОДЫ** вносятъ въ иѣскольکو высшихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній небольшой суммы—отчисленія отъ вырученнаго за годъ капитала на взносъ платы за право ученія бѣднѣйшихъ студентовъ и курятокъ.

Кромѣ того, извѣстный процентъ отчисляется раненымъ, пострадавшимъ на войнѣ въ 1914—1915 году, и осиротѣвшимъ семьямъ, потерявшимъ своего кормильца.

Съ сентябрьской книги журнала начались печатаніемъ: романъ **курсистки А. Чемодановой**—„Изъ тихаго омуга“, научное изслѣдованіе **студента Вяч. Игнатьевича**—„Гармонія мирового хаоса“; литературныя замѣтки **Мих. Спасовскаго**—„О современномъ писательствѣ“.

Журналъ **Вешнія Воды** раздѣленъ на семь отдѣловъ. Въ первомъ помѣщаютъ я переловпы, ведется Дневникъ Отечественной войны 1914 года съ подробными картами военныхъ дѣйствій и Студенческой справочникъ. Во второмъ—беллетристика: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія,—баллады, легенды, пѣлю трагій, рисунки, стильныя виньетки. Въ третьемъ—публицистическія и научно-философскія статьи, рефераты, очерки. Въ четвертомъ—„Музыкальная шкатулка“ (музыка, пѣніе, театр), въ пятомъ—„Живыя искорки“ (здоровый юморъ, карикатуры, шаржи), въ шестомъ—Анкеты и въ седьмомъ—„Шахматы“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой и пересылкой на 1 годъ (9 мѣс.)—4 руб., на 1/2 года (5 мѣс.)—2 р. 50 к., За границу—10 руб. Для священниковъ, школьныхъ учителей и учительницъ и учащихся высшихъ и среднихъ, мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній при годовой подпискѣ допускается **разрочка** по рублю въ первые четыре мѣсяца.

Журналъ поставленъ широко. Печатается на плотной бѣлой бумагѣ.

ПРИГЛАШАЮТСЯ МОЛОДЫЕ СОТРУДНИКИ.

Вешнія Воды—единственный въ Россіи большой **Русскій студенческой** научно-литературно-художественный журналъ. Продается во **всѣхъ** книжныхъ магазинахъ. Въ отдѣльной продажѣ цѣна №—50 коп. (съ перес.—80 коп., можно почтовыми марками). **ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ!** На дняхъ выходитъ въ свѣтъ декабрьская (IV-ая) книга журнала.

Подписка и объявленія принимаются въ Глав. Конт. и редакціи журн. «Вешнія Воды»: Петроградъ, 7-я Рождественская ул., д. 4, кв. 13. Тел. 67-74.

Редакторъ-Издатель **Мих. Спасовскій.**

Издатели: **студентъ Вяч. Игнатьевичъ**

и **курсистка А. Спасовская.**

Подписка на журналъ „Вешнія Воды“ продолжается въ теченіе **ВСЕГО** года.

Подписной годъ съ 1-го сентября.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ
вѣ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—, „Новое Время“

КНИГА

Б. Б. ГЛИНСКАГО:

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ (1861-1881 гг.)

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ портретами и иллюстраціями. Цѣна за обѣ части 5 р. 50 к.

Въ этой книгѣ изложены историческія событія въ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ и вплоть до мученической кончины Императора Александра II. Въ первой части авторъ слѣдитъ за нарожденіемъ оппозиціи внутренней политикѣ правительства и по преимуществу сосредоточиваетъ свое вниманіе на борьбѣ либеральныхъ общественныхъ элементовъ съ консервативными тенденціями правящихъ сферъ. Событія революціоннаго порядка отмѣчаются, какъ явленія единичныя, безъ поддержки ихъ значительнымъ количествомъ соучастниковъ. Во второй части передъ читателями развертывается дѣятельность «землевольческихъ» и «народовольческихъ» группъ, и на сцену выступаютъ фанатизированные террористы, жертвою преслѣдованія со стороны которыхъ является Царь-Освободитель. Обѣ части книги обильно иллюстрированы портретами русскихъ государственныхъ, общественныхъ и революціонныхъ дѣятелей второй половины XIX вѣка.

ТОГО ЖЕ АВТОРА продается книга:

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ

(1612-1861 гг.).

Историческіе очерки

СЪ ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Ц на 3 р. 50 коп.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

НОВАЯ КНИГА

Борьба за Вѣру

ИСТОРИКО-БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ

И

ОБЗОРЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ПО

СТАРООБРЯДЧЕСТВУ И СЕКТАНТСТВУ

ВЪ ЕГО ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОМЪ РАЗВИТИИ

съ приложеніемъ статей закона и Высочайшихъ указовъ

В. И. Ясевичъ-Бородаевская

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕНЪ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, ЧЛЕНЪ-СОТРУДНИКЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕНЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА.

съ (4-мя фотографическими таблицами).

Цѣна 4 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ

въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени»:

Петербургъ, Невскій пр., 40, домъ Армянской церкви. Тел. 459-26, 2) Вознесенскій пр., д. 36. Тел. 559—02. 3) Пет. ст., Большой пр. д. 69-А. Тел. 77—61, **Москва**, Неглинный проѣздъ, уголъ Кузнецкаго Моста, д. Шориной. **Харьковъ**. 1) Екатеринославская ул., д. Иванова, 2) Николаевская пл. д., 4, Азовско-Донскаго Банка. **Одесса**, Дерibasовская, д. 33, уголъ Преображенской. **Саратовъ**, Московская, д. Пассаажъ. **Ростовъ на Дону**, Садовая, д. 96.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“
(Спб., Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ-на-Дону)
ПРОДАЕТСЯ
СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ
СОДЕРЖАНІЯ
„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

за 25 лѣтъ (1880—1904 гг.)

СОСТАВИЛЪ
Б. М. ГОРОДЕЦКІЙ

Книга заключаетъ въ себѣ 47 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Въ ней переименованы 9525 статей и 2993 рисунка; кромѣ того, приложены два алфавита: 1) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указатель статей, и 2) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указатель рисунковъ. Книга отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Цѣна 5 руб.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ поступила въ продажу новая книга

И. Богдановъ.

**КРАТКІЙ КУРСЪ
ВЪ ВОПРОСАХЪ
И ОТВѢТАХЪ**

—
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

исправленное
и
дополненное

Допущенъ Ученными Комитетами:
Министерства Народнаго Просвѣщенія и Министерства Торговли и промышленности «въ качествѣ учебнаго пособия въ промышленныхъ и профессиональныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ курсъ коихъ входитъ изученіе печатнаго дѣла».

НАБОРНО-ТИПОГРАФСКОЕ ДѢЛО

—
Цѣна въ переплетѣ 1 руб.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Петроградъ, Энгельсъ, 13.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя **Бориса Борисовича Глинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городскій) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

Тарифъ на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 20 р.

